This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

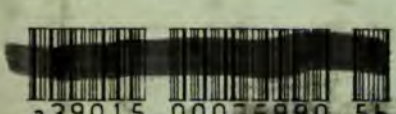
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

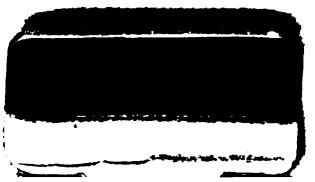
О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`


a39015 00036890 5b

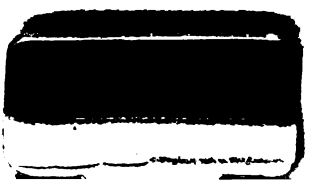
731-IV

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
1817



731-IV

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
1817



СУДЕБНЫЯ РѢЧИ

Кони, Анатолий Федорович

А. Ѳ. КОНИ

СУДЕБНЫЯ РѢЧИ

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ, ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ

Общія черты судебной этики.
Свидѣтели на судѣ.
Обвинительныя рѣчи.
Руководящія напутствія присяжнымъ
Кассаціонныя заключенія.
Кассаціонные доклады.
По пересмотру Судебныхъ Уставовъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13
1905

PN
4171
.K82
1905

0245671-172

ПАМЯТИ

БОРИСА НИКОЛАЕВИЧА

ЧИЧЕРИНА.

Настоящая книга посвящена памяти покойнаго *Бориса Николаевича Чичерина.*

Здѣсь не мѣсто обрисовывать обширную общественную и научную дѣятельность его, изображать всѣ возвышенныя свойства его личности. Такой трудъ еще впереди — и сулитъ тому, кто его предприметъ, часы плодотворной работы и глубокаго нравственнаго наслажденія. Пусть покуда послужатъ объясненіемъ чувствъ, вызвавшихъ это посвященіе, немногія строки, набросанныя мною при первомъ извѣстіи о смерти Б. Н. Чичерина, послѣдовавшей 3 февраля 1904 года.

«Тихо угасла жизнь, до конца, не смотря ни на что, горѣвшая яркимъ пламенемъ истинной любви къ родинѣ и къ наукѣ, исполненная, въ неустанномъ дѣлѣ и въ горячемъ словѣ, непоколебимаго уваженія къ достоинству человѣческой личности. Можно съ увѣренностью сказать, что кончина Чичерина поразитъ скорбью всѣхъ широко-просвѣщенныхъ людей на Руси. Нечего и говорить о чувствѣ сердечной печали, долженствующей овладѣть тѣми, кто зналъ его лично, кто заглянулъ въ его частную жизнь, столь гармонически слитую съ началами правды и высокой нравственности, проповѣдь которыхъ составляла предметъ его заботъ какъ ученаго и гражданина. Есть люди, рѣдкіе люди, составляющіе «delicium et decus generis humani»... Съ ними можно не видѣться годы, довольствуясь лишь отрывочными о нихъ вѣстями, но надо знать, что они—*есть*, надо имѣть утѣшеніе сознавать, что гдѣ-нибудь,

иногда отдѣленный большимъ пространствомъ, живетъ человѣкъ, самое существованіе котораго имѣетъ въ себѣ нѣчто успокоительное, какъ *примѣръ* и ободряющее, какъ *призывъ*. Такимъ былъ—для знавшихъ его—усопшій Чичеринъ.

Особенно горестно поразитъ вѣсть о его смерти студентовъ Московскаго университета шестидесятыхъ годовъ, имѣвшихъ счастье его слушать. Въ ихъ воспоминаніи возникнетъ переполненная аудиторія, жадно внимавшая увлекательному слову молодого профессора, явившагося во всеоружіи огромныхъ и разносторонніхъ—въ глубину и ширину—знаній и съ научной точки зрѣнія освѣщавшаго всѣ бытовые и государственные вопросы, поставленные на очередь возрождавшеюся Россіею. Въ пятидесятыхъ годахъ—въ общемъ безцвѣтный—юридическій факультетъ старѣйшаго русскаго университета оживлялся лишь талантливостью Никиты Крылова и, отраженнымъ свѣтомъ, озарялся лекціями незабвеннаго профессора словеснаго факультета. Этотъ профессоръ—былъ Грановскій, чья память была всегда жива и свята въ душѣ Чичерина. Не начинающимъ доцентомъ, озабоченнымъ скорѣйшимъ изготовленіемъ диссертаціи, а серьезнымъ ученымъ, имѣвшимъ за плечами такіе обширные и цѣнные труды, какъ «Областныя учрежденія въ Россіи XVII вѣка», «Опыты по исторіи русскаго права» и полные интереса «Очерки Англіи и Франціи»,—взошелъ послѣдній на кафедру. Словами о Грановскомъ закончилъ онъ свою вступительную лекцію 28 октября 1861 года. «Вамъ не дано было,—сказалъ онъ собравшимся,—слышать изящную и благородную рѣчь Грановскаго, испытать его могущественное дѣйствіе на юные умы, которые влеклись къ нему со страстною любовью. Это даръ, который дается немногимъ. Тайна этой силы заключалась не въ пошломъ исканіи мимолетной популярности, не въ лести страстямъ и заблужденіямъ, не въ громкомъ провозглашеніи идей, плѣнительныхъ для молодого воображенія, а въ самомъ благородствѣ природы человѣка, въ его пламенной любви къ истинѣ и къ добру, въ томъ возвышенномъ настроеніи духа, которое побуждало его съ вершины науки, съ высоты человѣческихъ идей, сочувствовать всему

человѣческому, и мягко и любовно, служа воплощеніемъ всѣхъ лучшихъ стремленій человѣка, относиться ко всѣмъ явленіямъ жизни, въ которыхъ выражалось искренее чувство или благородная мысль».

Этому образу, столь ярко начертанному, остался Чичеринъ непреклонно вѣренъ на своемъ жизненномъ пути. И про него можно сказать то же самое, что онъ, въ благоговѣйномъ воспоминаніи объ учителѣ, говорилъ своимъ слушателямъ. И его прежде всего одушевляла любовь къ истинѣ. Эта любовь выражалась и въ его сильномъ, сжатомъ и вполнѣ опредѣленномъ языкѣ, который не давалъ поводовъ ни къ какимъ двойственнымъ толкованіямъ, исключалъ всякое «reservatio mentalis». Она сказывалась и въ небреженіи его къ дешево достающейся, построенной на хрупкомъ основаніи, популярности и въ готовности его, по внутреннему побужденію, идти иногда «противъ теченія», откуда бы оно ни шло. Безтрепетно и въ выраженіяхъ, знаменующихъ внутреннюю свободу духа, высказывалъ онъ свои взгляды на кафедрѣ и въ печати, — въ обширныхъ научныхъ трудахъ и въ брошюрахъ, за злободневностью содержанія которыхъ чувствовался призывъ къ служенію вѣчнымъ началамъ права и справедливости. То же дѣлалъ онъ въ неподлежавшихъ печати запискахъ, когда, считая себя нравственно обязаннымъ сказать строго продуманное, а иногда и выстраданное слово мудраго совѣта или предупрежденія, онъ спѣшилъ отозваться на тотъ или другой обострившійся вопросъ внутренней жизни—ut caveant consules!..

Не признавая обычной у насъ и странной поговорки *«господинъ своему слову»*, онъ былъ всегда и во всемъ *«рабомъ своего слова»*, простирая этотъ взглядъ и на свои убѣжденія, плодъ безкорыстной думы и долгаго наблюденія. Поэтому, въ современномъ обществѣ, гдѣ еще такъ недавно громко и развязно проповѣдовалась полезность измѣны убѣжденіямъ «примѣнительно къ обстоятельствамъ» и гдѣ существуетъ умышленное забвеніе коренного различія между неколебимостью *убѣжденій* и создаваемою житейскимъ опытомъ измѣнчивостью *мнѣнія* объ условіяхъ наилуч-

шаго и цѣлесообразнаго проведенія убѣжденія въ жизнь,—Чичеринъ непріятно поражалъ многихъ своею прямолинейностью и неуступчивостью. Благородный слуга своихъ убѣжденій, онъ не поступался ими ни въ какомъ случаѣ, не допуская ни колебаній, ни «приспособленій». Достаточно указать на уходъ его изъ «Русскаго Вѣстника» въ разгарѣ славы и вліянія этого журнала въ концѣ пятидесятыхъ годовъ—или на оставленіе имъ въ 1868 г., съ болью отъ незажившей до смерти раны, дорогого ему университета, во имя вопроса, касавшагося достоинства профессорской коллегіи... Эта неуступчивость не мѣшала ему, однако, уважать тѣхъ противниковъ, въ возраженіяхъ которыхъ ему слышалась искренность и отсутствіе своекорыстныхъ цѣлей; она дѣлала споръ съ нимъ всегда серьезнымъ, поучительнымъ и полнымъ интереса,—а внутренній жаръ, проникавшій его блестящую, богатую содержаніемъ, рѣчь, вмѣстѣ съ лучистымъ взглядомъ его прекрасныхъ, добрыхъ глазъ, заставлялъ выносить изъ бесѣды съ нимъ духовное наслажденіе.

Замкнувшійся, послѣ внезапно и безпричинно прерванной городской общественной дѣятельности своей въ Москвѣ, въ свое деревенское уединеніе, прерываемое лишь земской службой,—постигнутый рядомъ тяжелыхъ семейныхъ потерь и сознававшій въ глубинѣ души, любившей родину всѣми силами, невозможность быть ей полезнымъ живымъ, широкимъ и осязательнымъ приложеніемъ своего труда и энергіи, Чичеринъ не отдался «нѣмому бездѣйствію печали». Въ рядѣ послѣдовательныхъ трудовъ, онъ началъ свое служеніе правовому и нравственному самосознанію общества, давая въ чудесномъ, доведенномъ до мастерской простоты и удобопонятности, изложеніи результаты своихъ многолѣтнихъ размышленій—надъ народнымъ представительствомъ, надъ взаимными отношеніями государства и собственности, науки и религіи, бюрократіи и земства,—надъ позитивизмомъ, философіей права и развитіемъ политическихъ теорій.

Уже будучи семидесятилѣтнимъ старикомъ, онъ издалъ свой «курсъ государственной науки»,—третій томъ котораго (политика)

представляетъ цѣлые ряды возвышенныхъ страницъ, съ которыхъ льется горячая и убѣжденная проповѣдь человѣчности, правосудія и безусловной справедливости, переплетенная съ завѣтами исторической предусмотрительности и житейской мудрости. Наконецъ, передъ самой кончиною, на 76-мъ году жизни, онъ, несмотря на тяжелый недугъ, парализовавшій его подвижную натуру, выпустилъ вторымъ изданіемъ первый томъ своей превосходной пяти томной «исторіи политическихъ ученій», пересмотрѣнный и исправленный.

Всегда вѣрный себѣ и лучшимъ преданіямъ своей молодости, Чичеринъ, безъ лести и преклоненія предъ смѣняющимися поколѣніями и настроеніями, неизмѣнно и заботливо любилъ учащуюся молодежь и къ ней обращалъ въ своихъ сочиненіяхъ вѣское слово. Студентамъ Московскаго университета посвятилъ онъ «Исторію политическихъ ученій»; русскому юношеству—«молодымъ силамъ, готовящимся принести свою дань историческимъ судьбамъ отечества»—посвятилъ онъ свой многолѣтній трудъ «Собственность и государство»,—«много лѣтъ своей жизни положивъ на служеніе умственнымъ интересамъ молодого поколѣнія». Всякій, кто знакомъ съ его работами, не можетъ не признать, что нравственное развитіе этого юношества и охраненіе въ душѣ его духа правды—были всегдашнею цѣлью ученой и публицистической дѣятельности Чичерина. Ставя идеаломъ общежитія единеніе общественной и личной свободы, на почвѣ уваженія къ человѣческой личности, къ закону и къ культурнымъ задачамъ государства, онъ настойчиво предостерегалъ своихъ слушателей и читателей противъ мимолетныхъ увлеченій и слишкомъ-поспѣшныхъ выводовъ, но въ тоже время, въ своихъ «Современныхъ вопросахъ» (1862 года), считалъ несчастными тѣхъ, въ комъ житейская пошлость заглушила стремленіе къ идеалу и кто не сохранилъ уваженія къ благороднымъ мечтамъ своей юности. Онъ обращалъ къ нимъ слова поэта: «Sagen Sie ihm, dass er für die Träume seiner Jugend—soll Achtung tragen, wenn er Mann sein wird!» Характеризуя свою дѣятельность, въ ея многоразличныхъ духовныхъ проявленіяхъ, по-

ойный Чичеринъ могъ бы сказать про себя словами Кастеляра «dans toutes mes leçons je me suis efforcé d'inspirer le culte de la liberté, sans laquelle la vie humaine ne vaut pas grande chose; le culte de la vertu, sans laquelle il n'y a pas de liberté féconde et saine—et le culte de Dieu, sans qui ni la vertu, ni la liberté n'ont de force vitale».

Горячій поклонникъ, заступникъ и исполнитель великихъ реформъ Александра II, жадно желавшій ихъ дальнѣйшаго спокойнаго развитія, онъ до конца своихъ дней сохранилъ вѣру въ духовныя силы и въ свѣтлое будущее русскаго народа, ту вѣру, на которой были построены эти реформы. До послѣднихъ двухъ годовъ, принесшихъ съ собой тяжелый недугъ, разумно устроенная и полная умственныхъ и художественныхъ интересовъ жизнь Чичерина текла среди свѣтлыхъ воспоминаній прошлаго и вблизи дорогихъ могилъ, окруженная нѣжною заботливостью супруги. Благодаря этому, душевныя силы его не уменьшались и покрытая бѣлоснѣжною сѣдиною голова работала по прежнему много и плодотворно, а сердце сохраняло въ себѣ, вмѣстѣ съ жаркою отзывчивостью на все живое, чистое и высокое, способность участливо понимать человѣческое горе и приходить къ постигнутымъ бѣдою на помощь...

Въ лицѣ его ушелъ человѣкъ, такъ много и часто, особливо въ первые годы своей дѣятельности, возбуждавшій возраженія противъ неправильно понимаемаго консерватизма своихъ взглядовъ—и такъ единодушно склонившій къ себѣ, къ концу дней своихъ, глубокое уваженіе и симпатію всѣхъ, кому дорога нравственная красота въ людяхъ. Эта неувядающая красота будетъ свѣтиться изъ его трудовъ,—она заблеститъ въ воспоминаніяхъ о немъ,—ее, съ благодарнымъ чувствомъ, отмѣтитъ будущій историкъ русскаго общественнаго развитія.

«Правосудіе людей состоитъ въ томъ, чтобы воздавать каждому *должное*,—правосудіе Творца въ томъ, чтобы требовать у каждаго отчета въ томъ, что ему было *дано*». Такъ говоритъ въ своемъ «Савойскомъ викаріи» Руссо. Людское правосудіе наступаетъ для

усопшаго неутомимаго дѣятеля на нивѣ правды, знанія и человѣчности и будетъ развиваться вмѣстѣ съ развитіемъ свободной русской мысли,—а правосудіе Божіе онъ можетъ встрѣтить съ радостнымъ спокойствіемъ... Ему отчетъ въ томъ, что было *дано*,—не страшенъ...».

Когда, въ 1888 году, вышло первое изданіе «Судебныхъ рѣчей», я поспѣшилъ послать книгу своему наставнику, какъ нѣкотораго рода отчетъ объ исполненіи, въ области судебной дѣятельности, завѣтовъ, слышанныхъ отъ него съ кафедры. Чичеринъ отвѣчалъ мнѣ исполненнымъ грустнаго настроенія письмомъ, отъ 20 Мая 1888 года. «Сердечно благодарю Васъ за книгу,—писалъ онъ—я веду такую уединенную жизнь и такъ отсталъ отъ всѣхъ, что всегда пріятно удивленъ, что есть еще люди, которые меня не забыли. Еще пріятнѣе видѣть, что въ настоящее время въ Россіи есть хоть какая нибудь часть, которая не находится въ застоѣ. Поэтому, среди всеобщаго упадка, умственнаго, нравственнаго и матеріальнаго, такое явленіе какъ сборникъ рѣчей, проникнутыхъ однимъ направленіемъ, производитъ освѣжающее впечатлѣніе. Недаромъ значитъ прошли всѣ реформы и какіе бы на нихъ ни сыпались удары, онѣ оставили по себѣ слѣдъ, который не изгладится. Это поддерживаетъ бодрость и надежду на будущихъ дѣятелей. А намъ старикамъ въ настоящемъ дѣлать болѣе нечего. Явленія современности, и внутренней и внѣшней, до такой степени противны моимъ взглядамъ, что я совсѣмъ отъ нихъ отвернулся и обратился къ изученію природы, которая представляетъ законы вѣчные и неизмѣнные. Тутъ есть чему поучиться и можно на этомъ успокоиться предъ смертью»...

Въ это время Чичеринъ дѣйствительно отдался настойчивому и пытливому изученію естественныхъ наукъ и математики. Вскорѣ работы его въ области изслѣдованія химическихъ законовъ, составляющія совершенно самостоятельный трудъ, будучи напечатаны, обратили на себя справедливое вниманіе спеціалистовъ. Но отзывчивость къ общественнымъ вопросамъ и любовь къ той наукѣ, которой онъ посвятилъ свои лучшіе годы, не могли охладѣть въ его

душѣ. Его дальнѣйшіе, проникнутые плодотворной жизненностью, ученые труды доказали, что къ сердцу его, вплоть до гробовой доски согрѣтому идеею служенія общему благу, было полное основаніе примѣнить слова поэта: «*и этотъ* жаръ ужъ не остынетъ— и съ смертью лишь его покинетъ».

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Настоящее *четвертое* изданіе книги «*Судебныя рѣчи*» во многомъ разнится отъ предшествовавшихъ. Взамѣнъ нѣкоторыхъ сокращеній,—обусловленныхъ измѣненіями въ уголовно-судебномъ законодательствѣ,—въ немъ сдѣланы обширныя добавленія, причемъ подъ терминъ *судебныя рѣчи* подведены *кассаціонные доклады*, а также публичныя чтенія и заявленія, касающіяся *устройства и дѣятельности суда*. Въ него введены, за немногими исключеніями, обвинительныя рѣчи и кассаціонныя заключенія, содержавшіяся въ книгѣ «*За послѣдніе годы*», и впервые помѣщено заключеніе Товарища Прокурора, данное въ Съѣздѣ Мировыхъ Судей, которое казалось умѣстнымъ привести, въ виду особой практической важности дѣятельности въ мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ лицъ прокурорскаго надзора, выступающихъ въ роли не стороны, а юрисконсульта. При слушаніи дѣлъ въ Уголовномъ Кассаціонномъ Департаментѣ Сената (ст. 916², 918, 925¹ и 933 уст. угол. суд.) докладъ и изготовленіе резолюцій и рѣшеній въ окончательной формѣ представляютъ неразрывный трудъ сенатора докладчика. Поэтому вмѣстѣ съ *кассаціонными заключеніями* помѣщены и *кассаціонные доклады* по нѣкоторымъ дѣламъ, въ коихъ большинствомъ присутствовавшихъ были раздѣлены мои соображенія, нашедшія себѣ выраженіе въ написанныхъ мною рѣшеніяхъ и резолюціяхъ. Лаконическій, заключенный въ общепринятыя условныя формы, языкъ этихъ докладовъ конечно оставляетъ желать многаго, но сущность вопросовъ, разрѣшенныхъ при

этомъ, не лишенъ интереса и для юристовъ, и для изслѣдователей общественно-бытовыхъ явленій нашей жизни.

Большая часть этихъ докладовъ относится къ дѣламъ о *ересяхъ и расколахъ*. Дѣла эти были разсмотрѣны въ то, еще очень недавнее, время, когда возвышенныя соображенія, изложенныя въ Высочайше утвержденномъ 17 апрѣля нынѣшняго года особомъ журналѣ Комитета Министровъ были бы многими, авторитетно и рѣшительно, признаны за идущія въ разрѣзъ съ духомъ нашего законодательства. Это законодательство въ теченіе двухъ столѣтій ограждало положеніе господствующей церкви рядомъ стѣснительныхъ, суровыхъ и не всегда притомъ ясныхъ предписаній, дававшихъ поводъ къ произвольному и распространительному толкованію. Признавъ, что основные законы наши проникнуты широкою религіозною терпимостью и что принудительное оставленіе на лонѣ господствующей церкви тѣхъ, кто ей чуждъ сердцемъ и совѣстью имѣетъ неизмѣримое значеніе по глубинѣ затрогиваемыхъ имъ сторонъ духовной жизни человѣка, Комитетъ Министровъ высказался за широкое осуществленіе общихъ началъ вѣротерпимости съ точки зрѣнія началъ мира и христіанской любви и съ точки зрѣнія государственной. Изъ особаго журнала Комитета Министровъ звучитъ надъ русской землей благовѣстъ признанія святѣйшихъ потребностей и правъ человѣческаго духа. Можно сказать, что этотъ актъ, по существу своему и первоначальному очертанію, достоинъ стать въ тѣсномъ ряду съ незабвеннымъ Положеніемъ 19 февраля 1861 года объ освобожденіи крестьянъ и съ Судебными Уставами 1864 года. Имъ раскрѣпощена совѣсть подданныхъ русской державы — и стѣсненія, обидныя прозвища и воздѣйствія *меча свѣтскаго* и домогательства носителей *меча духовнаго*, которыми полна была жизнь «*несогласно мыслящихъ*», нынѣ, по справедливому и милосердному слову законодателя, должны «спадать ветхой чешуей».

Нѣтъ сомнѣнія, что и задача суда при этомъ значительно упростится и облагородится. «Благожелательная терпимость», рекомендуемая Комитетомъ Министровъ, не будетъ болѣе создавать для судей тяжелыхъ нравственныхъ условій дѣятельности. Подъ ея вліяніемъ исчезнетъ и соблазнъ услужливо входить въ виды и взгляды ревнителей неблагожелательной нетерпимости. При го-

сподствѣ прежняго направленія «нелицемѣрному Сената правосудію» (С. З. томъ I ч. 2 ст. 3) приходилось нерѣдко разъяснять судебнымъ учрежденіямъ истинный смыслъ юридическихъ понятій, связанныхъ съ отступленіемъ отъ вѣры, съ совращеніемъ и т. п. и отмѣчать судопроизводственныя нарушенія, вызванныя настроеніемъ, создаваемымъ наличностью преслѣдованій за проявленіе свободы совѣсти. Приводимые въ настоящей книгѣ кассаціонные доклады указываютъ именно на такую дѣятельность Сената. Большая часть ихъ, касающаяся точнаго опредѣленія понятія и необходимыхъ признаковъ *совращенія*, а также соблюденія правилъ устава угол. суд. относительно экспертизы, постановки вопросовъ и т. п.—не утратила своего значенія и до сихъ поръ. Смыслъ и своевременное значеніе меньшей части явствуетъ изъ приводимыхъ ниже справокъ.

Возникновеніе *уніатскихъ дѣлъ* относится къ семидесятымъ годамъ прошлаго столѣтія. Онѣ возникли въ трехъ уѣздахъ Сѣдлецкой губерніи—Радинскомъ, Бѣльскомъ и Сокольскомъ, во время бытности мѣстнымъ губернаторомъ С. С. Громеки, автора надѣлавшей въ свое время шума своимъ либеральнымъ содержаніемъ статьи «О полиціи внѣ полиціи». Въ 1873—1874 вдругъ обнаружилось среди мѣстныхъ крестьянъ настойчивое движеніе въ пользу православія и гминные войты стали представлять по начальству массу приговоровъ о желаніи обитателей гминъ оставить унію. Такимъ образомъ создалось въ 1875 году официальное возсоединеніе уніатовъ Сѣдлецкой губерніи съ господствующею церковью, сопровождаемое особою торжественностью и соотвѣтственными важности дѣла наградами. Но вскорѣ этотъ актъ историческаго значенія оказался миражемъ. Нынѣ Комитетомъ Министровъ установлено, что въ нѣкоторыхъ приходахъ населеніе почти поголовно стало уклонятся отъ посѣщенія православныхъ храмовъ и отъ выполненія православныхъ обрядовъ и хотя рядомъ строгихъ административныхъ мѣръ, съ примѣненіемъ иногда даже военной силы, упорное сопротивленіе было сломлено, но въ дѣйствительности оно перешло лишь въ скрытое состояніе, при чемъ упорствующіе уже прямо начали тяготѣть къ католицизму.

Насильственное удержаніе послѣднихъ въ православной вѣрѣ вызвало въ ихъ средѣ волненія и затруднительность установленія гражданскихъ отношеній. Такимъ образомъ неожиданная *эволюція* въ дѣятельности автора «полиціи внѣ полиціи» привела къ не менѣе неожиданной *революціи* въ вѣроисповѣдной жизни мѣстнаго населенія. Уже чрезъ годъ послѣ торжественнаго объявленія о возсоединеніи уніатовъ, населеніе четвертой части бывшихъ уніатскихъ приходовъ въ Сѣдлецкой губерніи, въ количествѣ около 120 тысячъ человѣкъ, совершенно отказалось отъ исполненія обрядовъ православной вѣры, а въ остальныхъ приходахъ стало явно отъ ихъ исполненія уклоняться. Это выражалось, главнымъ образомъ, некрещеніемъ дѣтей и погребеніемъ умершихъ безъ церковнаго обряда и вызывало административныя взысканія, на основаніи особыхъ правилъ 1864 года, въ видѣ денежныхъ штрафовъ въ 10 р. за погребеніе и въ 1 р. за не окрещеніе ребенка, причемъ послѣдній штрафъ возобновлялся чрезъ каждые 8 дней упорства родителей, а когда онъ достигалъ значительнаго размѣра, то приступалось къ понудительному взысканію его и къ аресту несостоятельныхъ къ уплатѣ, наиболѣе упорствующіе изъ которыхъ были высылаемы внутрь имперіи. Такія понудительныя взысканія, при чемъ мѣстные факторы покупали за безцѣнокъ рабочій скотъ и имущество упорствующихъ,—коимъ нерѣдко самимъ воспрещалось продавать свое имущество, а излишекъ вырученной противъ размѣра взысканій суммы очень часто оставлялся въ рукахъ гминнаго войта «на уплату *будущихъ* взысканій»,—вызывали безпорядки и сопротивленія, сопровождавшіеся сценами обоюднаго насилія и ведшіе къ возбужденію противъ оказавшихъ сопротивленіе уголовныхъ обвиненій по 264, 270—273 ст. Уложенія, нерѣдко грозившихъ имъ годами каторги. Подобныхъ дѣлъ накопилось къ лѣту 1877 года большее количество, при чемъ число содержавшихся подъ стражею за Судебными Слѣдователями и по распоряженію мѣстныхъ административныхъ властей въ Сѣдлецкой губерніи доходило до пятисотъ. Дѣла эти не дошли однако до судебнаго разсмотрѣнія, такъ какъ вслѣдствіе доклада Министра Юстиціи графа Палена, всѣ судебные по нимъ преслѣдованія были, по Высочайшему повелѣнію, прекращены.

Затѣмъ наступилъ періодъ такъ называемыхъ *краковскихъ браковъ*. Упорствующіе, не признающіе бракосочетанія въ пра-

вославномъ храмѣ, стали вѣнчаться, при вступленіи въ супружество, тайно, у странствующихъ католическихъ священниковъ, которые вписывали ихъ въ особый бланкъ, снабженный подписями краковскихъ духовныхъ властей. По донесеніямъ благочинныхъ, доставлявшихъ списки вступившихъ въ краковскіе браки, мѣстное епархіальное начальство стало признавать такіе браки недѣйствительными и предъявлять гражданскому начальству требованіе о разлученіи супруговъ, иногда имѣвшихъ уже дѣтей, отъ дальнѣйшаго сожительства, а послѣднее стало отбирать отъ крестьянъ, считающихъ себя состоящими въ бракѣ по католическому обряду, подписки объ обязательствѣ разлучиться и прекратить совмѣстное супружеское сожитіе. Упорствующіе отказывались отъ дачи подписки—или давъ её, не выполняли. Тогда противъ нихъ возбуждалось въ гминномъ судѣ преслѣдованіе по 29 ст. Устава о наказаніяхъ, за неисполненіе законныхъ требованій полиціи,—и они присуждались каждый (т.-е. считавшіе себя мужемъ и женою) къ высшей мѣрѣ наказанія, т. е. 50 р. штрафа, съ замѣною арестомъ *на два мѣсяца* и съ предоставленіемъ гминной власти разъединить ихъ отъ незаконнаго сожительства. Многочисленныя жалобы обвиненныхъ всѣ безъ исключенія оставлялись мѣстнымъ Мировымъ Съѣздомъ безъ послѣдствій и путемъ совершенно однообразнаго приговора, куда лишь вписывались имена подсудимыхъ и въ которомъ дѣяніе ихъ признавалось «нарушеніемъ порядка управленія», имъ указывалось, что они могли бы быть освобождены отъ преслѣдованія по 29 ст. У. о Нак. лишь въ томъ случаѣ, если бы они разошлись, въ исполненіе требованія полиціи, какъ *состоящіе*, по ихъ мнѣнію, *въ бракѣ*, а *затѣмъ уже вступали во внѣбрачное сожитіе.*

Правительствующій Сенатъ, разсмотрѣвъ въ 1888 г. кассаціонныя жалобы осужденныхъ по ряду подобныхъ дѣлъ, призналъ, согласно съ моимъ заключеніемъ, совершенно неправильнымъ толкованіе епархіальнымъ начальствомъ и Съѣздомъ ст. 38 ч. I., X тома, которая имѣетъ отношеніе лишь къ бракамъ, заключеннымъ по обрядамъ православной вѣры и при томъ въ условіяхъ недѣйствительности, указанныхъ въ ст. 37 ч. I т. X. Къ этимъ условіямъ брачныя сопряженія православныхъ по обрядамъ другого христіанскаго вѣроисповѣданія *не относятся*, почему и требованіе отъ

гражданской власти разлученія супруговъ и примѣненія 29 ст. Уст. о нак. не представляются основанными на законѣ, тѣмъ болѣе, что подвергнутіе лицъ, состоящихъ въ недѣйствительномъ бракѣ, церковному покаянію за блудное сожительство принадлежитъ къ предметамъ вѣдомства суда духовнаго, а въ Варшавскомъ Судебномъ Округѣ, на осн. 1322 ст. у. у. с., суда окружнаго. На ряду съ дѣлами о краковскихъ бракахъ, возбуждались въ Сѣдлецкой губерніи дѣла противъ упорствующихъ по 30 ст. Уст. о нак. за нарушеніе православныхъ праздниковъ полевыми работами (ст. 30 караетъ ослушаніе полиціи), по 43 ст. того же устава за праздничную работу близь дороги, ведущей въ церковь (ст. 43 караетъ безстыдныя и соединенныя съ соблазномъ дѣйствія) и по 29 ст. за несоблюденіе отобранныхъ полиціей подписокъ «святить православные праздники» или «не посѣщать католическаго храма для молитвы».

Отмѣна Сенатомъ приговоровъ по *краковскимъ бракамъ* казалось положила предѣлъ подобнымъ преслѣдованіямъ. Но въ дѣйствительности оказалось не то. У вступавшихъ въ такіе браки рождались дѣти, конечно не записываемыя въ метрическія книги православныхъ приходовъ. И вотъ снова былъ поднятъ, повидимому временно заглохшій, вопросъ о преслѣдованіи *упорствующихъ* родителей за неокрещеніе дѣтей по православному обряду. Основаніемъ для ихъ преслѣдованія по 29 ст. Уст. о нак. послужила утвержденная бывшимъ совѣтомъ управленія Царства Польскаго 10 ноября 1861 года инструкція о составленіи, веденіи и содержаніи гминными управленіями книгъ народонаселенія. Отъ бывшихъ уніатовъ въ случаѣ рожденія у нихъ дѣтей стали требовать, на осн. статьи 32 инструкціи для пріобщенія къ такимъ книгамъ—метрическія свидѣтельства дѣтей, обязывая ихъ подписками о представленіи таковыхъ въ опредѣленный срокъ, для чего самая подписка была даже напечатана. И здѣсь повторилось тоже, что и съ подписками о разлученіи супруговъ: подписка или не исполнялась, или вовсе не давалась—и это влекло за собою преслѣдованіе по 29 ст. Къ марту 1890 г. по тремъ вышеназваннымъ уѣздамъ Сѣдлецкой губерніи накопилось свыше 100 подобнаго рода дѣлъ, не считая возбужденныхъ по Люблинской губерніи, гдѣ тоже проживаютъ обращенные въ православіе уніаты.

Когда часть такихъ дѣлъ дошла весною 1890 года до Правительствующаго Сената въ порядкѣ кассаціонномъ, то сенатомъ было разъяснено, что недоставленіе частными лицами метрическихъ свидѣтельствъ для провѣрки правильности книгъ народонаселенія не составляетъ ни преступленія, ни проступка, караемаго уголовнымъ закономъ, такъ какъ такое доставленіе никому закономъ въ обязанность не вмѣнено, а въ примѣчаніяхъ къ ряду статей инструкціи 1861 года въ точности указанъ порядокъ, который долженъ быть соблюдаемъ должностными лицами, ведущими книги, въ случаѣ отсутствія или недостатка метрикъ о рожденіи, бракѣ и смерти мѣстнаго обывателя.

Напечатанный въ отдѣлѣ *кассаціонныхъ докладовъ* настоящей книги докладъ по дѣлу бывшихъ уніатовъ *Тарасюка, Семчука* и др. осужденныхъ по 29 ст. Устава о наказ. за неисполненіе требованія по отбыванію ночного караула при Тереспольской православной церкви составляетъ, сколько мнѣ извѣстно, одинъ изъ послѣднихъ отголосковъ разсмотрѣнія дѣлъ объ «упорствующихъ» въ судебномъ порядкѣ. Дальнѣйшія мѣры противъ упорствующихъ и *колеблющихся*, какъ стали именовать часть бывшихъ уніатовъ, принимались уже въ административномъ порядкѣ. Нынѣ, послѣ проникнутыхъ вѣротерпимостью соображеній Комитета Министровъ о допустимости отдѣленія отъ православія лицъ, не признающихъ себя, по убѣжденію, принадлежащими къ господствующей церкви и при установленіи Комитетомъ факта безусловной преданности *упорствующихъ* Престолу и Отечеству, не смотря на принимаемыя по отношенію къ нимъ мѣры строгости,—имъ обѣщана свобода славить Бога такъ, какъ велитъ имъ ихъ совѣсть. Остается желать, чтобы выраженная Комитетомъ надежда на истинно просвѣтительную дѣятельность въ духѣ православія церковныхъ учрежденій въ мѣстностяхъ, населенныхъ уніатами, оправдалась и такимъ образомъ подъ всеисцѣляющимъ покровомъ забвенія стерлись бы характерныя и тягостныя черты возникновенія и движенія уніатскихъ дѣлъ.

Помѣщенный въ отдѣлѣ *кассаціонныхъ докладовъ*—докладъ по дѣлу *Головко, Демченко* и др. обвиняемыхъ по 29 ст. Устава

о Нак. относится къ дѣламъ о *штундистахъ*, доходившимъ до Сената въ значительномъ числѣ, особливо до рѣшенія, послѣдовавшаго 18 января 1900 года. Раціоналистическое направленіе въ развитіи нашего сектантства,—вызванное, по удостовѣренію особаго журнала Комитета Министровъ, самостоятельнымъ чтеніемъ и изученіемъ Св. Писанія, односторонне толкуемаго въ смыслѣ отрицанія святости церковной іерархіи и обрядовъ, не имѣющихъ прямого основанія въ Св. Писаніи,—имѣло своимъ послѣдствіемъ образованіе, преимущественно на югѣ Россіи, «общинъ евангелическихъ христіанъ», объединяемыхъ подъ общимъ названіемъ штундизма. Начатая съ 1878 года борьба противъ штунды духовнымъ оружіемъ вскорѣ перешла въ область свѣтскихъ мѣропріятій и въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ генералъ-губернаторомъ юго-западнаго края было издано распоряженіе о воспрещеніи, на основаніи законоположеній объ охранѣ, штундистамъ общественныхъ молитвенныхъ собраній, разрѣшенныхъ сектантамъ закономъ 3 мая 1883 года. Общій вопросъ о толкованіи этого разрѣшенія по отношенію къ сектѣ, самая принадлежность къ которой закономъ не преслѣдуется (ст. 203 Улож. о Нак.) восходилъ на разсмотрѣніе общаго собранія Перваго и Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената въ 1892 году. Распоряженіе генералъ-губернатора было признано несогласнымъ съ точнымъ смысломъ, какъ положенія объ охранѣ, такъ и закона 1883 г. Возбужденный затѣмъ въ 1894 году Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, вопросъ этотъ разсматривался Комитетомъ Министровъ, признавшимъ необходимымъ, согласно представленнымъ ему свѣдѣніямъ, *объявить* секту штундистовъ одною изъ наиболѣе опасныхъ и вредныхъ въ церковномъ и общественномъ отношеніи, съ запрещеніемъ ея послѣдователямъ общественныхъ молитвенныхъ собраній.

Съ этого времени дѣла о штундистахъ стали возникать въ очень большомъ числѣ, причемъ, какъ нынѣ удостовѣрено особымъ журналомъ Комитета Министровъ, въ жизнь мѣстнаго населенія была внесена значительная рознь, а иногда и открытая вражда между односельчанами, а въ мѣстномъ духовенствѣ, привлеченномъ къ несоотвѣтствующей его сану и призванію дѣятельности, было вызвано *чрезмѣрное стремленіе* къ охраненію силы и значенія закона 1894 года. И дѣйствительно, изъ доходившихъ до Сената дѣлъ оказалось, что во

множествѣ случаевъ стали, напримѣръ, считаться *общественнымъ богомоленіемъ:* частная молитва штундистовъ у себя, на дому, въ присутствіи близкихъ лицъ; собраніе нѣсколькихъ родственниковъ штундиста въ его домѣ для погребенія его умершей дочери, безъ всякаго, притомъ, внѣшняго оказательства ереси (ст. 59 т. XIV); простое чтеніе вслухъ священнаго писанія и пѣніе псалмовъ или присутствіе трехъ гостей въ семьѣ штундиста для бесѣды «съ братомъ о Господѣ о словѣ Божьемъ». При такомъ широкомъ толкованіи понятія объ общественномъ богомоленіи, свѣдущіе люди, вызываемые мировыми судебными учрежденіями, а иногда и лица прокурорскаго надзора, руководясь спеціальными инструкціями, стали отождествлять сектантовъ, считающихъ себя баптистами, заимствовавшими свое вѣроученіе отъ признанныхъ закономъ терпимыми нѣмецкихъ баптистовъ (сводъ законовъ т. XI, ч. 1 ст. 903), отколовшихся отъ строгаго лютеранства,—со штундистами, подводя ихъ подъ совершенно произвольнымъ названіемъ «*штундо-баптистовъ*» подъ дѣйствіе положенія Комитета Министровъ 1894 года. Не смотря на то, что въ этомъ положеніи говорилось исключительно о штундистахъ, на основаніи такихъ экспертизъ, вопреки 65 ст. основныхъ законовъ, воспрещающихъ распространительное толкованіе закона, состоялся рядъ обвинительныхъ приговоровъ. Между тѣмъ, вѣроученіе «называемыхъ баптистами», какъ это указано въ прекрасной книгѣ безвременно угасшаго благороднѣйшаго судебнаго дѣятеля А. М. Бобрищева-Пушкина «Судъ и раскольники сектанты», не имѣетъ ничего общаго съ доложенными Комитету Министровъ въ 1894 году свѣдѣніями о несомнѣнныхъ признакахъ *государственной опасности* ученія штундистовъ. Свѣдѣнія эти гласили, что штундизмъ нетолько отвергаетъ *всѣ* церковные обряды и таинства, но не признаетъ никакихъ властей, возстаетъ противъ присяги и военной службы и т. д. Но, напримѣръ, вѣроученіе баптистовъ Ростовскаго на Дону округа,—какъ то было выяснено по дѣлу Бураковыхъ, осужденныхъ въ качествѣ «штундо-баптистовъ» за молитвенныя собранія по 29 ст. Уст. о Нак.—признавая божественнымъ учрежденіемъ бракъ и крещеніе, предписывая чтить праздники Господни и царскіе дни и творить молитву за Царя, царскій домъ, начальство и отечество, спеціально къ гражданскому порядку относитъ слѣдующія положенія: «вѣримъ, что правительство устано-

влено Богомъ и облечено властью для защиты добрыхъ и наказанія злыхъ; признаемъ обязанность оказывать безусловное повиновеніе всѣмъ его законамъ и тихою безмятежною жизнью во всякомъ благочестіи облегчать ему его трудную задачу; признаемъ обязанность, по повелѣнію Божію, молиться за властей и правительство; вѣримъ, что оно и въ Новомъ Завѣтѣ не напрасно носитъ мечъ, но имѣетъ право и обязанность наказывать преступниковъ и употреблять мечъ противъ враговъ отечества, а потому обязываемся, когда потребуетъ насъ къ тому начальство, нести повинности военной и гражданской службы и принимать на себя правительственныя должности».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, *свѣдущими людьми* о вѣроученіи обвиняемыхъ въ «штундо-баптизмѣ» стали, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, признаваться нисшіе полицейскіе чины, а вещественными доказательствами преступнаго образа вѣрованій: синодальное изданіе Новаго Завѣта, брошюры, печатанныя Свято-Троицкою Лаврою и наконецъ, какъ значилось въ одномъ изъ полицейскихъ протоколовъ, «книга, именуемая Евангеліе»... (дѣла 1897—99 гг. Бураковыхъ, Рѣдичкиныхъ, Савчука, Оберемка, Бухарова, Чекарды и др.).

Состоявшееся по печатаемому въ этой книгѣ докладу моему по дѣлу *Головко и Демченко* рѣшеніе Правительствующаго Сената 18-го января 1900 г. указало судебнымъ мѣстамъ путь правосудной дѣятельности и положило предѣлъ крайне широкому и произвольному толкованію положенія 1894 года, несогласному съ его явнымъ смысломъ. Рѣшеніе это вызвало противъ себя не малыя и повторныя нареканія. Но соображенія того же Комитета Министровъ, въ особомъ журналѣ 1905 года, по вопросу о штундизмѣ—служатъ ему лучшимъ оправданіемъ.

Кассаціонные доклады по дѣламъ *Шухова, Борцова и Кореневыхъ*, обвиняемыхъ въ *совращеніи въ расколъ*, представляютъ синтезъ тѣхъ требованій, которыя были, въ рядѣ дѣлъ, установлены Сенатомъ для точнаго выясненія понятія о *совращеніи*. Въ этомъ отношеніи толкованія духовнаго начальства, раздѣляемыя иногда и судами, шли далеко за предѣлы истиннаго и соотвѣтственнаго

смыслу закона понятія о совращеніи. Простое уговариваніе, не сопровождаемое никакимъ нравственнымъ давленіемъ или принужденіемъ, и даже не имѣвшее своимъ послѣдствіемъ отпаденія отъ православія,—нерѣдко считалось совращеніемъ, причемъ лжеученіе, основы котораго излагалъ такой совратитель, опредѣлялось общимъ названіемъ, не только ничего не говорящимъ о существѣ ереси, но нерѣдко и содержащимъ въ себѣ противурѣчивые между собою термины. Такъ, напримѣръ, говорилось о совращеніи въ «Пашковскую ересь» безъ всякихъ указаній на то, въ чемъ состоитъ ея лжеученіе,—или консисторія требовала, какъ видно изъ приводимаго доклада, преслѣдованія обвиняемыхъ за совращеніе въ *молоканскую* ересь, судебная же власть возбуждала дѣло о совращеніи въ *штунду,* а на судѣ ставился вопросъ уже о *штундо-баптизмѣ,* на неправильность каковаго названія указано выше. Подъ совращеніе подводилось воспитаніе малолѣтнихъ дѣтей въ вѣрѣ родителей, принадлежащихъ, по убѣжденію совѣсти, къ старообрядчеству, — склоненіе раскольникомъ православной на вступленіе съ нимъ въ бракъ,—совершеніе инославнымъ священникомъ или сектантомъ обрядовъ своего вѣроученія надъ лицомъ, добровольно и сознательно о томъ просящемъ. На ряду съ необозначеніемъ дѣйствій, въ которыхъ выразилась достигнутая затѣмъ цѣль совращенія, иногда не указывались опредѣленно имена совращенныхъ, а говорилось просто о «многихъ».

Распространительное приложеніе законовъ о совращеніи особенно рѣзко сказалось на такъ называемыхъ *пасторскихъ дѣлахъ.* По нимъ, не смотря на ясный смыслъ ст. 193 Улож. о Нак., облагающей небольшимъ наказаніемъ завѣдомое допущеніе православныхъ священно-служителями иновѣрныхъ христіанскихъ исповѣданій къ исповѣди, причащенію (и, слѣдовательно, связанной съ ними у лютеранъ—конфирмаціи, о чемъ и было прямо сказано въ официальномъ нѣмецкомъ переводѣ уложенія) или елеосвященію, былъ возбужденъ рядъ преслѣдованій по 187 ст., карающей, за совращеніе, ссылкою на житье Западную Сибирь съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ состоянія. Въ 1887—88 гг. состоялись соотвѣтствующіе приговоры Рижскаго суда, отмѣненные Сенатомъ въ 1888 году, согласно съ моимъ заключеніемъ по дѣлу Гримма, которое, къ сожалѣнію, не было своевременно напечатано и не могло по этому войти въ настоящій сборникъ.

Не менѣе, чѣмъ широкое толкованіе совращенія, отражалась на постановкѣ вопросовъ о виновности—этомъ центрѣ тяжести каждаго уголовнаго дѣла—*экспертиза* поставленная въ особыя, иногда крайне нежелательныя условія. На страстность нѣкоторыхъ ея излюбленныхъ представителей и стремленіе ихъ незаконно и авторитетно повліять, пользуясь попустительствомъ суда, на разрѣшеніе вопроса о виновности—указываетъ кассаціонный докладъ по дѣлу *Шарипова и другихъ*, въ которомъ взоръ, дорожащій правильнымъ отправленіемъ правосудія, отдыхаетъ лишь на скромной личности помощника секретаря Окружного Суда. Для характеристики научной и жизненной цѣнности нѣкоторыхъ экспертизъ, данныхъ въ глухихъ уголкахъ Россіи, достаточно указать напр. на заявленіе свѣдущаго лица о томъ, что *по внѣшнему виду* задержанныхъ въ 1895 году въ Бузулукскомъ уѣздѣ 20 «мормоновъ» видно, что у нихъ существуетъ свальный грѣхъ, приписываемый хлыстовству.

Признавъ необходимымъ установить въ законѣ различіе между старообрядческими согласіями, сектантствомъ и *изувѣрскими ученіями*, Комитетъ Министровъ указалъ, что самая принадлежность къ послѣднимъ подлежитъ нынѣ наказанію въ уголовномъ порядкѣ. По этому, хотя ст. 203 Улож. о Нак. строго карающая принадлежащихъ къ сектамъ, соединеннымъ съ изувѣрскимъ посягательствомъ на свою или чужую жизнь или съ противунравственными, гнусными дѣйствіями, и замѣнена въ новомъ Уложеніи—статьями 84 (ч. 3, 4 и 5) и 85, карающими лишь совращеніе въ такую секту, но самые существенные признаки послѣдней останутся въ силѣ и на будущее время. Необходимо однако, чтобы статья примѣнялась по точному своему смыслу и чтобы существенные признаки вѣроученія такихъ сектантовъ опредѣлялись не на основаніи отвлеченныхъ умозаключеній экспертовъ, *поставляемыхъ тою же властью*, которая доселѣ возбуждаетъ и самое *преслѣдованіе*, а на основаніи прочно установленныхъ обстоятельствъ каждаго даннаго дѣла. Необходимо также, чтобы изъ доказательствъ не устранялись, съ услужливою поспѣшностью, тѣ, ко-

торыми опровергаются, или обращаются въ сомнительные признаки такого именно изувѣрнаго и безнравственнаго сектантства. Прошлая судебная практика не была свободна отъ этихъ недостатковъ. Типическимъ, въ этомъ отношеніи, дѣломъ было производившееся въ 1894 году въ Калужскомъ Окружномъ Судѣ дѣло о 20 «хлыстахъ», присужденныхъ по 203 ст. къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ Закавказье. Обвинительнымъ актомъ было удостовѣрено, что *главный признакъ* этой ереси (установленный между прочимъ и въ изслѣдованіяхъ и художественныхъ произведеніяхъ такого знатока раскола, какъ Мельниковъ-Печорскій)—свальный грѣхъ—слѣдствіемъ *не подтвердился*. Въ вопросахъ, предложенныхъ присяжнымъ засѣдателямъ, противъ Тарусскихъ сектантовъ было поставлено обвиненіе въ *отрицаніи* брака вообще, въ *проповѣди* безбрачія и свободныхъ половыхъ отношеній и въ физическомъ умерщвленіи плоти, путемъ устройства радѣній, влекущихъ за собою физическое и умственное разстройство организма,—причемъ, напримѣръ, доказательствомъ принадлежности 69-ти лѣтняго Николаева къ хлыстовской ереси приведено и то, что онъ посѣщалъ *лѣтъ десять спустя послѣ отмѣны крѣпостного права* (т. е. въ началѣ семидесятыхъ годовъ, за двадцать пять лѣтъ до разбора дѣла) мѣстное радѣніе. Не менѣе своеобразенъ по этому дѣлу былъ и самый допросъ экспертовъ отъ духовнаго вѣдомства, которыхъ членъ Суда и товарищъ Прокурора спрашивали, указывая на подсудимыхъ,—останутся ли *они* хлыстами при распаденіи «корабля?»—и если *ихъ* удалить, то ослабнетъ ли хлыстовская ересь въ Тарусскомъ уѣздѣ? Правительствующій Сенатъ раздѣлилъ мое заключеніе объ отсутствіи въ дѣлѣ указаній на *дѣйствія* обвиняемыхъ, составляющія признаки принадлежности къ изувѣрной сектѣ, указанные въ 203 ст. Улож. о Наказ., справедливо усомнившись во вредномъ воздѣйствіи радѣній на подсудимыхъ, средній возрастъ коихъ достигалъ до 55 лѣтъ. Быть можетъ двухлѣтнее содержаніе подъ стражей подѣйствовало на нихъ даже болѣе вредно. Слушаніе этого дѣла, (какъ и нѣкоторыхъ другихъ большихъ дѣлъ такого же рода) происходило въ уѣздномъ городѣ, среди враждебно настроеннаго противъ сектантовъ населенія, что признано Сенатомъ не вполнѣ соотвѣтствующимъ интересамъ правосудія.

Едва ли такимъ интересамъ соотвѣтствуетъ и ограниченіе въ представленіи *оправдательныхъ доказательствъ,* допущенное, напримѣръ, Тамбовскимъ Окружнымъ Судомъ по дѣлу *Антипа Колесникова,* осужденнаго въ 1898 году по 203 ст. Улож.—Колесниковъ, 65 лѣтъ, обвиняемый въ принадлежности къ сектѣ, соединенной съ противунравственными и гнусными дѣйствіями, просилъ вызвать Бориса Николаевича Чичерина, какъ лицо, близко и давно его знающее и могущее сдѣлать ему нравственную оцѣнку, но судъ отказалъ въ этомъ, находя, что исходящая отъ Чичерина характеристика обвиняемаго и притомъ безотносительно къ предмету обвиненія *не можетъ имѣть какого-либо значенія.* Такимъ образомъ—оказалось, что исходящія отъ всѣми чтимаго ученаго и человѣка свѣдѣнія о *нравственности* подсудимаго, обвиняемаго въ *безнравственныхъ* дѣйствіяхъ не относятся къ дѣлу, между тѣмъ какъ уголовнымъ кассаціоннымъ Департаментомъ было въ 1888 (рѣш. № 6) и 1890 гг. (рѣш. № 7) разъяснено, что свидѣтели, выставляемые въ опроверженіе указаній на безнравственность подсудимаго или предосудительность его занятій и поведенія не могутъ быть признаваемы не имѣющими отношенія къ дѣлу, а слѣдовательно—и значенія для него.

Неразборчивое и крайне широкое примѣненіе *29 ст. Устава о наказаніяхъ* съ забвеніемъ о главномъ и необходимомъ условіи такового—законности основанія предъявленныхъ и неисполненныхъ требованій — свойственно было не исключительно раскольничьимъ дѣламъ. Оно проявлялось и во множествѣ другихъ дѣлъ, въ которыхъ столкновеніе административнаго усмотрѣнія и судебной закономѣрности вызывало разъясненія и руководящія рѣшенія Сената. Въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія всѣ дѣла по 29 ст. были сосредоточены въ одномъ отдѣленіи уголовнаго кассаціоннаго Департамента и въ разнообразнѣйшихъ рѣшеніяхъ его настойчиво проводилась необходимость наличности твердо установленныхъ условій для примѣненія этой статьи. По значенію своему для насущныхъ нуждъ повседневной жизни, эти рѣшенія имѣли судебно-педагогическій характеръ и по отношенію къ насе-

ленію, и по отношенію къ органамъ власти. Къ сожалѣнію учрежденіе Земскихъ Начальниковъ, постепенно распространялось по лицу земли русской и передавая примѣненіе 29 статьи изъ рукъ Мировыхъ Судей въ другія — менѣе свѣдущія, но болѣе исполнительные руки—значительно съузило область воздѣйствія разъясненій Сената. Какъ типическіе обращики такого рода разъясненій въ настоящемъ сборникѣ приведены два кассаціонныхъ доклада по дѣламъ Юрьево-Верроскаго Мирового Съѣзда.

Излишне говорить, какое важное мѣсто занимаетъ въ ходѣ нашего уголовнаго процесса съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей руководящее напутствіе предсѣдателя и какое существенное значеніе имѣютъ допускаемыя при произнесеніи его отступленія отъ указаній закона. Разработкѣ необходимыхъ условій правильности руководящаго напутствія посвящены *кассаціонныя заключенія* по дѣламъ Саратовско-Симбирскаго банка и Махровскаго-Кетхудова. *Кассаціонный докладъ* по дѣлу купца *Филиппова*—служитъ дополнительною и печальною иллюстраціею къ указываемымъ въ этихъ заключеніяхъ нарушеніямъ.

Освобожденіе отъ дачи показаній лицъ, связанныхъ профессіональною тайной, составляетъ одинъ изъ серьезныхъ вопросовъ судебной этики. Онъ опредѣлительно разрѣшенъ нашимъ уставомъ уголовнаго судопроизводства по отношенію къ допросу объ открытомъ на исповѣди и о признаніи, сдѣланномъ подсудимымъ своему защитнику. Постановленія 2 п. ст. 704 этого устава однако многихъ не удовлетворяютъ и притомъ въ двоякомъ смыслѣ. Въ послѣдніе годы между процессуалистами стала проводиться нѣкоторыми учеными юристами мысль о томъ, что надо отмѣнить право священника не подвергаться допросу о томъ, что ему открыто на исповѣди, поставивъ впереди религіозныхъ требованій цѣли и интересы уголовнаго правосудія. Отвѣтомъ на такія предположенія, отъ осуществленія которыхъ даже формальное правосудіе выиграло бы немного,

а нравственное значеніе исповѣди потеряло бы почти все—служитъ мое кассаціонное заключеніе по дѣлу объ убійствѣ псаломщика Кедрова. Этотъ же вопросъ былъ возбуждаемъ и въ Коммиссіи по пересмотру Судебныхъ Уставовъ, при чемъ защитниками отмѣны постановленій статьи 704 о тайнѣ исповѣди—сначала довольно многочисленными — предлагались, въ видѣ вынужденной уступки, не запрещая предлагать священнику вопросы объ открытомъ ему на исповѣди, *предоставить* ему *не отвѣчать* на такіе вопросы. Несомнѣнно, что такое предоставленіе не отвѣчать—явилось бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, предоставленіемъ иному развязному по части совѣсти обвинителю возможности сказать присяжнымъ: «я преклоняюсь предъ величіемъ души представшаго предъ нами, въ качествѣ свидѣтеля, священника, не пожелавшаго нарушить тайны исповѣди и отказавшагося отвѣчать на вопросъ о повѣданномъ ему при покаяніи въ грѣхѣ,—но съ другой стороны, я жалѣю, что это величіе души воспрепятствовало ему сказать одно, только одно слово—*нѣтъ*, которое вполнѣ разсѣяло бы обвиненіе и на которое я и возражать бы не посмѣлъ. Но онъ не сказалъ этого слова... Не значитъ ли это, что онъ не можетъ его сказать?» и т. д. Къ счастью для нашего судопроизводства, при окончательномъ обсужденіи, вопросъ объ упраздненіи предъ судомъ тайны исповѣди былъ разрѣшенъ отрицательно...

Съ другой стороны въ юридической литературѣ было высказано желаніе расширить ст. 704 у. у. с. освобожденіемъ отъ допроса представителей различныхъ профессіональныхъ тайнъ—дипломатической, военной, кредитной, нотаріальной, почтово-телеграфной и т. д. Здѣсь не мѣсто разбирать доводы въ пользу такого расширенія, на практикѣ впрочемъ фактически осуществляемаго, но нельзя не коснуться очень важнаго и спорнаго вопроса о такъ называемой *врачебной тайнѣ*, по которому законодательству придется, рано или поздно, подъ вліяніемъ запросовъ жизни, высказаться болѣе опредѣленно и категорически, чѣмъ теперь.

Врачебная дѣятельность въ различныхъ своихъ проявленіяхъ не только даетъ возможность узнавать обстоятельства, составляющія личную или семейную тайну, но даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ обусловливается раскрытіемъ послѣдней. Оглашеніе такой тайны, въ виду условій общежитія, общественной нравственности,

господствующихъ предразсудковъ и т. п., можетъ сопровождаться тяжелыми послѣдствіями для тѣхъ, кто считаетъ необходимымъ условіемъ своего спокойствія ея соблюденіе. Почти всѣ уголовныя уложенія Западной Европы установляютъ отвѣтственность для врачей, хирурговъ, помощниковъ ихъ, аптекарей, повивальныхъ бабокъ и другихъ членовъ медицинскаго персонала за оглашеніе или открытіе третьимъ лицамъ ввѣренной имъ или узнанной ими, по обязанностямъ ихъ званія, тайны, когда законъ или требованіе судебной власти не даетъ имъ на то права. Въ Россіи до настоящаго времени нѣтъ спеціальныхъ постановленій о врачебной тайнѣ. Въ Уложеніяхъ о наказаніяхъ 1845 и 1857 гг говорилось о виновномъ, распространяющемъ, не въ видѣ клеветы, но, однако, съ намѣреніемъ оскорбить честь кого-либо или повредить ему, такое свѣдѣніе, которое было ему сообщено по званію его или особой къ нему довѣренности, съ обѣщаніемъ хранить его въ тайнѣ. Но съ изданіемъ Устава о наказаніяхъ, дѣйствуетъ 137 ст. этого устава, предусматривающая, въ крайне неопредѣленной редакціи, разглашеніе, исключительно съ оскорбительнымъ намѣреніемъ, свѣдѣній, сообщенныхъ втайнѣ. Поэтому нарушеніе врачебной тайны въ рядѣ случаевъ, гдѣ отсутствуетъ такое намѣреніе, можно подводить подъ это карательное опредѣленіе лишь по аналогіи и притомъ съ большими натяжками, опираясь на даваемое врачами при окончаніи курса такъ называемое факультетское обѣщаніе: «помогая страждущимъ, свято хранить ввѣряемыя семейныя тайны и не употреблять во зло оказаннаго довѣрія». Разсматривая это обѣщаніе ближе, надо признать, что оно налагаетъ на врача не юридическую, а только нравственную обязанность и что оно очень не полно. Такъ, въ факультетскомъ обѣщаніи говорится о *ввѣренной семейной тайнѣ*. А если къ врачу является одинокій человѣкъ? А если тайна не будетъ ввѣрена, но открыта врачемъ? Въ обѣщаніи говорится о томъ, чтобы не употреблять во зло довѣрія. А если врачъ употребилъ довѣріе не во-зло; если онъ огласилъ тайну не съ преступной цѣлью, не желая вредить, но просто по болтливости или даже съ добрымъ намѣреніемъ? Поэтому, факультетское обѣщаніе не удовлетворяетъ главнымъ требованіямъ отъ закона: *точности* и *опредѣленности* — и далеко не предусматриваетъ всѣхъ случаевъ возникновенія и обнаруженія тайны.

Въ сущности, оно даже и не устанавливаетъ никакой особой профессіальной тайны, такъ какъ не употреблять во зло довѣрія и не нарушать ввѣряемыхъ семейныхъ тайнъ—есть обязанность не врача, какъ такового, а всякаго порядочнаго человѣка. Это обѣщаніе, кромѣ того, стоитъ какъ-то особнякомъ, не будучи согласовано съ однородными профессіональными положеніями. Такъ, не существуетъ никакого обѣщанія сохраненія тайны для фармацевтовъ и аптекарей, а между тѣмъ, несомнѣнно, что очень часто разсказать—какой врачъ и какое лѣкарство прописываетъ извѣстному больному, значитъ, дать своего рода улику для достовѣрной догадки о болѣзни, а огласить совокупность такихъ лѣкарствъ, значитъ почти всегда доказать существованіе той или другой изъ обыкновенно скрываемыхъ болѣзней. Точно также не даютъ никакого обѣщанія акушерки и повивальныя бабки и хотя ст. 173 Устава врачебнаго требуетъ «наблюдать молчаливость по прибытіи къ родильницѣ, особливо въ случаяхъ, нетерпящихъ оглашенія»; но развѣ только прибытіемъ къ родильницѣ исчерпываются многочисленные случаи, когда храненіе тайны акушеркою равносильно храненію ея врачемъ!

Проектъ новаго Уложенія, грозя арестомъ или пенею лицу, обязанному по своему званію хранить въ тайнѣ довѣренное ему свѣдѣніе и виновному въ *умышленномъ* оглашеніи его безъ достойныхъ уваженія причинъ, если оглашенное свѣдѣніе могло опозорить лицо, къ которому оно относилось,—предусматриваетъ нарушеніе и врачебной тайны, хотя введеніе въ текстъ статьи понятія объ опозореніи и неупоминаніе о неосторожномъ оглашеніи оставляетъ безнаказанными случаи, гдѣ свѣдѣнія, явно опозоривающія, разглашены путемъ неосмотрительной болтовни; не принято во вниманіе и то, что свѣдѣнія напр. о душевной или нервной болѣзни, половомъ безсиліи или неспособности къ зачатію, не представляя собою ничего опозоривающаго, могутъ, однако, быть направлены прямо во вредъ лицу, къ которому они относятся.

Вмѣстѣ съ тѣмъ не опредѣлено, какія именно занятія и профессіи обязываютъ хранить тайну и не указаны тѣ случаи, когда должна существовать обязанность открывать тайну. На ряду съ знаніемъ и занятіями, необходимо было бы еще указать и на должность. Полицейскіе чины, слѣдователи, прокуроры и т. п.

лица могутъ быть свидѣтелями тайнъ и не должны быть освобождены отъ сохраненія ихъ. Сюда же слѣдуетъ отнести въ нѣкоторыхъ случаяхъ и педагоговъ, въ особенности тѣхъ, которые занимаются исправленіемъ порочныхъ дѣтей. Огласка нѣкоторыхъ порочныхъ привычекъ юноши можетъ ставить его въ будущемъ въ ложное положеніе и бросать неблагопріятный ретроспективный взглядъ на семью, откуда онъ вышелъ. Точно также нужно бы внести оба условія, при которыхъ тайна не подлежитъ оглашенію. А именно: она можетъ быть *ввѣрена* и можетъ быть *узнана*, какъ о томъ говорится во второй части формулы Гиппократа, т. е. «Aegrorum arcana—audita, intellecta». Затѣмъ надо имѣть въ виду, что оглашеніе тайны можетъ угрожать не только отдѣльному лицу, ее ввѣрившему, но и цѣлой семьѣ, интересы которой иногда могутъ пострадать больше самого непосредственно заинтересованнаго въ тайнѣ. Оглашеніе тайны съ согласія ввѣрившаго ее лица не должно подлежать наказанію, хотя, по французской судебной практикѣ, тайна, сообщенная профессіональному лицу, ни въ какомъ случаѣ не подлежитъ оглашенію, даже при разрѣшеніи сообщившаго. Въ какой степени французская практика неумолима въ охраненіи тайны всегда и вездѣ, несмотря ни на какія условія, видно, между прочимъ, изъ исторіи доктора *Ватле*. Художникъ *Бастіенъ Лепажъ* страдалъ довольно долго раковидною опухолью и пользовавшій его врачъ *Ватле* послалъ его съ цѣлью поправленія здоровья въ Алжиръ. Тамъ онъ, однако, не поправился, вернулся въ Парижъ и вскорѣ умеръ. Тогда появились въ газетахъ обвиненія противъ д-ра *Ватле* втомъ, что онъ будтобы послалъ своего паціента въ Алжиръ лишь для того, чтобы отъ него избавиться. Въ виду этого *Ватле* помѣстилъ въ «Matin» исторію болѣзни *Бастіена Лепажа*. Тогда прокуроръ по собственной иниціативѣ возбудилъ противъ *Ватле* обвиненіе за обнародованіе тайны; дѣло прошло всѣ инстанціи и кассаціонный судъ, въ 1885 г., утвердилъ обвинительный приговоръ, признавъ, что никакія побужденія не могутъ оправдать оглашенія свѣдѣній врача даже о болѣзни лица уже умершаго.

Наряду съ постановленіями, имѣющими отношеніе къ соблюденію врачебной тайны, законъ указываетъ случаи, въ которыхъ врачи обязаны раскрывать имѣющіяся у нихъ свѣдѣнія о боль-

ныхъ. Такъ, на основаніи ст. 856 и 857 ст. Улож. о нак. и 936—951 ст. Устава врачебнаго, о всякомъ случаѣ повальной или прилипчивой болѣзни должно быть врачемъ доводимо до свѣдѣнія начальства; по 757 ст. Устава врач. врачи обязаны отмѣчать поступки аптекарей и фармацевтовъ, наносящіе вредъ больному, причемъ послѣдніе привлекаются къ отвѣтственности, согласно 892—900 ст. Уст. врач.; на основаніи 560 ст. Улож. о нак. и 1739 ст. Устава суд. медицины врачи обязаны доводить до свѣдѣнія власти о всякомъ случаѣ обнаруженія насильственной смерти, т. е., слѣдовательно, объ одной изъ печальнѣйшихъ семейныхъ тайнъ—о самоубійствѣ. Повивальныя бабки, въ свою очередь, обязаны (ст. 878—880 Улож. о нак.) доносить о всѣхъ преждевременныхъ родахъ, предположенныхъ выкидышахъ и о случаяхъ рожденія уродовъ и младенцевъ чудовищнаго вида.

Наконецъ, по смыслу статей уст. угол. судопр. о допросѣ свидѣтелей и въ виду законодательныхъ соображеній относительно 704 ст. Уст. угол. суд.,—врачъ, являясь свидѣтелемъ по требованію судебной власти, не имѣетъ права, согласно принятой присягѣ, умалчивать ни о чемъ ему извѣстномъ; прибѣгать къ молчанію онъ, наравнѣ со всѣми свидѣтелями вообще, можетъ лишь при предложеніи ему вопросовъ, уличающихъ его самого въ преступныхъ дѣяніяхъ (ст. 722 Уст. уг. суд.). При столкновеніи обязанности соблюдать врачебную тайну съ обязанностью способствовать суду въ раскрытіи истины законъ отдаетъ преимущество послѣдней обязанности. *Свидѣтель* заслоняетъ предъ судомъ *врача*.

Въ вопросѣ объ *объемѣ* и *предѣлахъ* врачебной тайны не существуетъ единства взглядовъ. Литература и судебная практика представляютъ три главныхъ направленія. Одно изъ нихъ требуетъ *безусловной* тайны. Таковы французскій кассаціонный судъ и большинство французскихъ и бельгійскихъ врачей, напр. *Бруарделъ*, *Лакассань*, *Вервает*ъ и др. Другое направленіе—допускающее раскрытіе врачебной тайны въ цѣляхъ огражденія неповинныхъ лицъ, при заразительныхъ болѣзняхъ, или для разработки научныхъ вопросовъ—имѣетъ на своей сторонѣ германскую судебную практику и нѣкоторыхъ юристовъ и врачей напр. *Либмана*, француза *Ренуа* и др. Третье направленіе, среднее, требуетъ меницинскаго освидѣтельствованія лицъ, вступающихъ

въ бракъ, подобно освидѣтельствованію для исполненія воинской повинности и для заключенія договора о застрахованіи жизни. Представителями его, въ интересахъ будущихъ поколѣній и въ виду вреднаго вліянія наслѣдственности, являются законодательства нѣкоторыхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и ученые врачи *Эмиль Мори*, профессоръ *Хегарт*, докторъ *Казалисъ* и др. Особенное значеніе по отношенію къ опредѣленію, когда врачъ можетъ считать себя нравственно и юридически свободнымъ отъ сохраненія обнаруженной имъ или сообщенной ему тайны паціента—имѣютъ случаи душевныхъ болѣзней и сифилиса, наравнѣ, въ виду открытій *Нейссера*, съ венерическими болѣзнями. Начавшаяся душевная болѣзнь въ неизлѣчимой формѣ можетъ грозить не только матеріальному положенію людей, входящихъ, не вѣдая ничего, въ договоры, съ солидарною отвѣтственностью другъ за друга, но и имѣть гибельное значеніе для семьи, особливо тамъ, гдѣ церковныя правила не допускаютъ развода по сумасшествію одного изъ супруговъ.

Еще болѣе неисчислимы и такъ сказать безграничны послѣдствія скрываемаго отъ близкихъ и окружающихъ полового и внѣ-полового зараженія. Здѣсь тайна имѣетъ широкое примѣненіе, такъ какъ обязанность доносить о каждомъ случаѣ повальной или прилипчивой болѣзни не можетъ быть относима къ сифилису. Уставъ врачебный, перечисляя такія болѣзни и относя къ нимъ, между прочимъ, ревматическую лихорадку, злыя корчи, горячку съ полосами, цынгу и проч., ничего не говоритъ о сифилисѣ и лишь въ видѣ исключенія указываетъ въ 935 ст. на то, что, кромѣ повальныхъ болѣзней у государственныхъ крестьянъ, подлежитъ особому раченію и любострастная болѣзнь. Вмѣстѣ съ тѣмъ, законъ, установляя въ статьѣ 944 Устава врачебн. особыя учрежденія для надзора за проституціею съ цѣлью пресѣченія венерическихъ болѣзней, и подвергая особой карѣ по 854 и 855 ст. Улож. и по 103 ст. мирового устава умышленныхъ и неосторожныхъ распространителей губительной болѣзни, признаетъ эту болѣзнь не внезапно налетающимъ бѣдствіемъ, каковы повальныя болѣзни, а внѣдрившимся и постояннымъ зломъ, борьба съ которымъ должна состоять уже не въ раскрытіи врачебной тайны, а въ организаціи спеціально санитарнаго надзора, который по-

ручается врачебно-полицейскимъ комитетамъ и долженъ осуществляться на фабрикахъ, заводахъ и въ школахъ и т. д. Есть, впрочемъ, статья 158 т. XIV Устава о предупрежденіи и пресѣч. прест., которая, повидимому, идетъ въ разрѣзъ съ соблюденіемъ, въ большинствѣ случаевъ сифилиса, тайны. Но только повидимому. Устарѣлая редакція ея, говорящая объ учиненіи заразившимся и поступившимъ на излѣченіе въ больницу допроса о томъ, виноваты ли въ ихъ болѣзни женщины, могущія оказаться «подлыми, бродящими и подозрительными дѣвками», и несопровождаемая никакою карательною санкціею ни для умалчивающаго больного, ни для недопрашивающаго врача — не имѣетъ практическаго значенія и примѣненія. Поэтому, можно признать, что законъ *не обязываетъ* врача разскрывать тайну сифилитическихъ заболѣваній, кромѣ случаевъ допроса судебною властью. Слѣдовательно, отъ такта, человѣколюбія, проницательности и житейскаго опыта врача зависитъ въ каждомъ данномъ случаѣ сифилитическаго заболѣванія опредѣленіе размѣровъ примѣненія и способа осуществленія врачебной тайны. Врачебная этика должна опредѣлять и объемъ врачебной тайны.

Если законъ уголовный караетъ умышленныхъ и даже неосторожныхъ распространителей этого рода болѣзней, то врачъ, руководясь тактомъ, житейскимъ опытомъ и своими прямыми обязанностями, въ случаяхъ очевидной возможности, а иногда и готовности со стороны зараженнаго *сознательно* сообщить свой недугъ окружающимъ, можетъ съ полнымъ основаніемъ не считать себя связаннымъ врачебною тайной. Здѣсь на вѣсы кладется съ одной стороны удобство и личное положеніе отдѣльнаго лица, могущаго руководиться эгоистическими побужденіями, или легкомысліемъ, или просто непониманіемъ важности своего недуга, а съ другой — благо и здоровье ряда лицъ въ настоящемъ, да и въ будущемъ. Если обращеніе къ чести, совѣсти, уму больного безсильны удержать его отъ тѣхъ или другихъ, пагубныхъ для окружающихъ, отношеній и врачъ точно объ этомъ освѣдомленъ — поставленіе окружающихъ въ извѣстность о печальной истинѣ можетъ являться обязанностью врача во имя человѣколюбія, особливо, если онъ дастъ себѣ трудъ внушить этимъ окружающимъ необходимость снисходительнаго отношенія къ больному.

Съ юридической точки зрѣнія есть граница, за которою молчаніе сифилидолога можетъ быть имъ нарушено безъ всякаго опасенія преслѣдованія за нарушеніе тайны и даже во исполненіе прямого предписанія закона. Это случаи, предусмотрѣнные въ 854 и 855 статьяхъ Улож. о нак., говорящихъ объ умышленномъ учиненіи знающимъ, что онъ боленъ заразительною болѣзнью, чего-либо *немину́емо* долженствующаго сообщить эту болѣзнь другому—и о женщинахъ, знающихъ, что онѣ имѣютъ заразительную или иную вредную болѣзнь и, скрывъ ее, поступающихъ въ кормилицы или няньки. Здѣсь не можетъ быть рѣчи о *недонесеніи*—такъ какъ, во 1-хъ, недонесеніе исчезло изъ ряда кодексовъ, обречено на исчезновеніе и у насъ, и во 2-хъ—практически немыслимы случаи заявленій врачу кормилицею или кѣмъ-либо другимъ, что онѣ, зная, что у нихъ сифилисъ, умышленно сообщили его другому или поставили дѣтей въ ужасающую опасность. Но здѣсь дѣло идетъ о *попустительствѣ* на преступленіе. Попустителемъ признается по нашему еще дѣйствующему уложенію тотъ, кто, имѣя власть или *возможность* предупредить преступленіе, съ намѣреніемъ или, по крайней мѣрѣ *завѣдомо*, допуститъ содѣяніе онаго. Если къ врачу сифилидологу явятся, напр., родители дѣвушки и спросятъ о томъ, лѣчился ли у него женихъ, или чѣмъ именно онъ боленъ и можно ли ему жениться, врачъ имѣетъ основаніе, опираясь на врачебную тайну, отказать въ отвѣтѣ, указавъ на возможность полученія этихъ свѣдѣній отъ самаго ищущаго руки, который можетъ представить свидѣтельство врача и тѣмъ разсѣять справедливыя опасенія родителей за судьбу дочери и ея потомства, или можетъ, наконецъ, явиться съ однимъ изъ вопрошающихъ и подвергнуться освидѣтельствованію. Заключенію брака должно предшествовать довѣріе, и обращеніе къ самому жениху должно предшествовать обращенію къ врачу. Недаромъ нѣкоторые французскіе авторы предлагаютъ установленіе особыхъ certificats de mariage съ отмѣткою: «bon pour le mariage».

Но иначе ставится дѣло, когда врачъ получаетъ вполнѣ точное свѣдѣніе, что на извѣстной, вполнѣ опредѣленной по фамиліи и мѣсту жительства, дѣвушкѣ женится искатель приданаго или карьеры, безнравственный и легкомысленный себялюбецъ, который уже обращался къ нему, былъ найденъ страдающимъ опасною для

другихъ формою сифилиса и былъ предупрежденъ объ этомъ,—и относительно котораго у родителей невѣсты не возникаетъ, однако, никакихъ сомнѣній. Врачъ, конечно, долженъ исчерпать всѣ средства нравственнаго воздѣйствія на жениха,—повліять на него убѣжденіями, нарисовать ему картину бѣдствій, которыя онъ посѣетъ, и т. д. Но если все это не подѣйствуетъ, если чувственные инстинкты или матеріальный соблазнъ такъ влекутъ жениха, что онъ не хочетъ отсрочить свой бракъ до выздоровленія, то изъ-подъ оболочки врача можетъ и даже долженъ выступить гражданинъ, который не только не можетъ равнодушно относиться къ сознательному зараженію неповинныхъ лицъ и отравленію здоровья цѣлаго поколѣнія, но не долженъ быть попустителемъ преступленія, предусмотрѣннаго въ 854 ст. улож., т. е. умышленнаго учиненія зараженнымъ такихъ дѣйствій, которыя неминуемо должны сообщить его заразу другому. И если, исчерпавъ все, онъ внушитъ, въ той или другой формѣ, семейству невѣсты сомнѣніе въ здоровьи жениха,—это будетъ человѣколюбивый поступокъ, въ которомъ никакой здравомыслящій судъ не можетъ усмотрѣть преступнаго нарушенія врачебной тайны.

То же самое и въ случаѣ, когда няня или кормилица совершаютъ дѣяніе, предусмотрѣнное въ 855 статьѣ уложен., и не слушаютъ внушеній врача о необходимости оставить мѣсто при дѣтяхъ и полѣчиться. За исключеніемъ этихъ двухъ случаевъ, едва ли можетъ представиться настоятельная надобность въ раскрытіи тайны, особливо тогда, когда открытіе ея, напримѣръ, одному изъ супруговъ, можетъ вызвать семейныя драмы, предѣловъ и глубины которыхъ нельзя впередъ даже и предусмотрѣть. Врачъ исполнитъ свой долгъ, указавъ заболѣвшему супругу важность его недуга и необходимость оградить другихъ отъ него. Онъ имѣетъ основаніе считать, что этого достаточно, чтобы защитить незараженнаго супруга. Если послѣдній уже зараженъ и самъ обращается къ врачу, то сокрытіе отъ него самого, чѣмъ онъ боленъ, выходитъ уже за предѣлы *вѣренной* ему тайны и вѣроятно, даже невозможно въ цѣляхъ излѣченія.

Врачебная тайна сифилидолога можетъ имѣть нѣкоторыя особенности и по условіямъ врачебной практики. Такъ, *во-первыхъ,* не будетъ нарушеніемъ тайны сообщеніе ея, въ интересѣ науки

или съ цѣлью совѣщанія, врачемъ врачу, при чемъ не всегда можно скрыть личность ввѣрившаго тайну, такъ какъ, сообщенная врачу, она не перестаетъ быть тайною для постороннихъ, которымъ послѣдній все-таки не уполномоченъ ее открывать. *Во-вторыхъ*, есть случаи, гдѣ самый способъ подачи помощи дѣлаетъ затруднительнымъ и почти невозможнымъ соблюденіе тайны, напримѣръ, при осуществленіи фабрично-санитарнаго надзора и лѣченія, въ воинскихъ присутствіяхъ и др. *Въ-третихъ*, извѣстный возрастъ, при которомъ паціентъ можетъ не имѣть, выражаясь словами уголовнаго закона, полнаго разумѣнія своихъ поступковъ или, вообще, разумѣнія ихъ—долженъ освободить врача отъ умолчанія о его болѣзни предъ родными и домашними, на попеченіи которыхъ онъ находится, причемъ житейскій опытъ и авторитетъ врача должны вызвать надлежащія указанія роднымъ, что всякій гнѣвъ или упреки должны уступить мѣсто состраданію къ несчастью и заботѣ о больномъ.

Предѣлы храненія врачебной тайны должны простираться до смерти больного, кромѣ, конечно, тѣхъ случаевъ, когда оглашеніе тайны можетъ повредить его потомству или нарушить семейное спокойствіе послѣдняго. Безусловное воспрещеніе посмертнаго обнародованія можетъ, по отношенію къ общественнымъ дѣятелямъ, имя которыхъ иногда принадлежитъ исторіи, идти въ разрѣзъ съ законнымъ желаніемъ современниковъ и потомства знать причины ихъ смерти и разрѣшить сомнѣнія, возбуждаемыя противорѣчивыми толками. Съ этой точки зрѣнія опубликованіе исторіи болѣзни императора *Фридриха III* и *Гамбетты* не является нарушеніемъ врачебной тайны со стороны пользовавшихъ ихъ врачей. Не является такимъ нарушеніемъ и описаніе недуговъ *Н. А. Некрасова* и *М. Е. Салтыкова*, напечатанное докторомъ *Бѣлоголовымъ*.

Кассаціонный докладъ по дѣлу присяжнаго повѣреннаго Казецкаго, указываетъ еще на одинъ видъ профессіональной тайны, построенной на 149 статьѣ Военно-дисциплинарнаго устава. Допущеніе такой тайны по отношенію къ суду, вопреки 704 и 92 ст. у. у. с. могло бы служить крайне нежелательнымъ прецедентомъ для установленія различнаго рода сословныхъ секретовъ, лишающихъ судъ возможности постановлять правосудное

рѣшеніе и даже вызывающихъ своего рода отказъ въ правосудіи.

Однимъ изъ коренныхъ началъ судебной реформы 1864 г. является *публичность*. Безъ нея, безъ этой существенной и основной принадлежности суда, приказная правда старыхъ порядковъ скоро вступила бы въ свои права и въ новомъ помѣщеніи, внося туда свою гниль и плѣсень. Не даромъ первой провозвѣстницей идущаго обновленія въ старомъ судѣ явилась гласность производства, разгонявшая, по правиламъ 11 октября 1865 года, густые и вредные туманы канцелярской тайны. Введенная уставами публичность честно служила государству и правосудію, устраняя описанное составителями Судебныхъ Уставовъ положеніе, при которомъ «оправданный выходитъ изъ суда менѣе оправданнымъ, а обвиняемый менѣе изобличеннымъ», и раскрывая предъ обществомъ и правительствомъ скрытыя язвы общественнаго организма или служебныхъ злоупотребленій. Но рамки спеціальныхъ преступленій, указанныхъ ст. 620 уст. угол. суд., не всегда удовлетворяли насущной необходимости оградить общественную нравственность и даже самые интересы правосудія отъ публичной разработки и оглашенія отдѣльныхъ обстоятельствъ и цѣлыхъ эпизодовъ по дѣламъ, не упомянутымъ въ ст. 620. Юридическое Общество при Петербургскомъ университетѣ съ серьезнымъ вниманіемъ отнеслось къ этому явленію и выслушало, еще въ 1882 году, представленный мною обширный докладъ, исходившій изъ глубокаго уваженія къ свѣтлому началу публичности, но вмѣстѣ съ тѣмъ напоминавшій обществу слова Спасителя «нельзя соблазну не придти въ міръ, но горе тѣмъ, чрезъ кого онъ приходитъ» и предлагавшій расширеніе правъ суда по защитѣ воображенія и воспріимчивости слушателей отъ соблазнительныхъ или грязныхъ картинъ человѣческаго паденія. Соображенія этого доклада нашли свое подтвержденіе, а, быть можетъ, и отголосокъ въ *той части* закона 1887 года, которая касается соотношенія между публичностью и *требованіями общественной нравственности*. Но, къ сожалѣнію, законъ этотъ пошелъ гораздо дальше, чѣмъ слѣдуетъ, по пути сокращенія публичности и внесъ въ это дѣло значительный просторъ для усмотрѣнія, могущаго руководиться и неумѣстными опасеніями, и

услужливой заботливостью и, наконецъ, просьбами участвующихъ лицъ или ихъ вліятельныхъ покровителей. Послѣ изданія закона 1887 г. и въ особенности въ послѣднее пятилѣтіе до 1905 года случаи закрытія дверей судебныхъ засѣданій по постановленіямъ судовъ и по распоряженіямъ изъ Петербурга очень участились. Явленія послѣдняго времени показываютъ, что едва ли принятіе такихъ мѣръ во многомъ содѣйствовало успокоенію общественнаго броженія, но что оно способствовало развитію общественной подозрительности, въ томъ едва ли можетъ быть сомнѣніе. Достаточно припомнить, по этому поводу, прекрасныя слова К. П. Побѣдоносцева (Русскій Вѣстникъ 1857 г.) «Достиженіе согласія мысли со словомъ и дѣйствіемъ составляетъ главную цѣль во внутреннемъ развитіи человѣка. Таково же должно быть и стремленіе совѣсти общественной—правосудія. Если цѣль его дѣйствительно состоитъ въ охраненіи правды, въ исправленіи и обличеніи неправды, въ соблюденіи закона, то оно не можетъ, не должно опасаться свѣта и всѣ дѣйствія его должны совершаться открыто потому, что обличеніе неправды во тьмѣ не есть обличеніе, объявленіе правды въ тайнѣ—не есть объявленіе...» Бывали со времени изданія закона случаи закрытія дверей, когда отысканіе законныхъ или даже просто логическихъ къ тому поводовъ—составляетъ трудно разрѣшимую загадку. Въ этомъ отношеніи достаточно напр. указать на напечатанное въ настоящемъ сборникѣ кассаціонное заключеніе по дѣлу Д. С. С. Алабина, обвиняемаго въ превышеніи власти при раздачѣ хлѣба голодающимъ, судебное засѣданіе по которому на мѣстѣ велось при закрытыхъ дверяхъ.

Такимъ образомъ въ 1887 году гласность судебныхъ засѣданій была введена въ весьма тѣсныя рамки, но затѣмъ уже все, что не было возможности втиснуть въ эти рамки, должно бы дѣлаться, согласно закону, изображенному въ приложеніи къ Судебнымъ Уставамъ, достояніемъ общества путемъ печати. Но въ дѣйствительности, при широкомъ и неосновательномъ на ея точномъ смыслѣ толкованіи, примѣненіи 140 ст. устава цензурнаго, говорящей о воспрещеніи—по соображеніямъ *высшаго правительства*—касаться въ печати, во избѣжаніе опасности и вреда *для государства*, вопросовъ *государственной важности*,—уже и безъ того весьма ограниченная судебная гласность стала подвергаться произвольнымъ

урѣзкамъ. Подъ вліяніемъ соображеній очевидно мѣстнаго и личнаго характера, а не общегосударственнаго, примѣненіе статьи 140 стало накладывать «печать молчанія» и на отчеты по самымъ разнообразнымъ гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, разсмотрѣннымъ въ *публичныхъ* судебныхъ засѣданіяхъ. Яркимъ примѣромъ такого примѣненія статьи 140 даже по отношенію къ дѣламъ, разбирающимся въ высшемъ судѣ Имперіи, служитъ дѣло полиціймейстера, преданнаго суду по обвиненію въ превышеніи власти, имѣвшемъ важныя послѣдствія, выразившемся въ принужденіи трехъ дѣвушекъ купеческаго и мѣщанскаго сословія, угрозою выдать имъ «желтый билетъ», подчиниться гинекологическому освидѣтельствованію, причемъ несчастныя должны были, въ обществѣ проститутокъ, подвергнуться оскорбительному осмотру и всѣ три оказались цѣломудренными. Когда, послѣ большихъ преканій и затрудненій, дѣло дошло до Сената, гдѣ оно должно было слушаться при открытыхъ дверяхъ, послѣдовало распоряженіе, на основаніи статьи 140, *о запрещеніи печатать отчетъ* объ этомъ процессѣ и такимъ образомъ спасительный урокъ необходимости осторожнаго обращенія полицейской власти съ честью женщины данъ былъ лишь той крайне немногочисленной публикѣ, которую вмѣщаетъ небольшая зала апелляціонныхъ засѣданій Сената, а общество ничего не узнало по столь близко касающемуся его вопросу. Статья 1038[1] Уложенія о наказаніяхъ и п. 2 статьи 305 новаго уголовнаго Уложенія говорятъ о наказуемомъ нарушеніи правилъ о печатаніи судебныхъ отчетовъ. Но это нарушеніе можетъ выразиться двояко: или въ напечатаніи того, чего, согласно Судебнымъ Уставамъ, печатать нельзя, или же въ лишеніемъ законнаго основанія преграждеіи гласнаго обсужденія публично разсмотрѣннаго дѣла. Втораго рода нарушеніе и совершалось подъ флагомъ статьи 140. Запрещая печатаніе отчетовъ и лишая тѣмъ невиннаго возможности быть *оправданнымъ всенародно*, а не келейно, эта статья, въ такомъ ея примѣненіи, даетъ лишь пищу злословію и злораднымъ догадкамъ и напоминаетъ стихъ Горація: «vexat censura columbas—dat venia corvis».

На ряду съ такими явленіями, но вполнѣ независимо отъ нихъ, въ средѣ юристовъ-практиковъ, нѣсколько забывчивыхъ относительно завѣтовъ Судебныхъ Уставовъ, стала высказываться мысль

о томъ, что *основнымъ началомъ* судопроизводства являются устность, непосредственность и внутреннее убѣжденіе, а публичность и гласность процесса суть лишь *условія* отправленія правосудія. Поэтому нарушеніе публичности, какъ одного изъ условій, можетъ влечь за собою какое-нибудь дисциплинарное взысканіе съ судей, но отнюдь не отмѣну рѣшенія, состоявшагося во тьмѣ безгласности, «въ мѣстѣ пустѣ, мѣстѣ безлюднѣ»... Кассаціонный докладъ по *дѣлу Гликина* представляетъ отвѣтъ на такія соображенія.

Новый отдѣлъ настоящаго изданія «Судебныхъ рѣчей» составляютъ рѣчи и особыя мнѣнія *«по пересмотру Судебныхъ Уставовъ»*. Къ этому же отдѣлу, въ сущности, должно быть отнесено и заключеніе, данное въ распорядительномъ засѣданіи уголовнаго Кассаціоннаго Департамента по вопросу объ отмѣнѣ *оправдательныхъ* приговоровъ присяжныхъ засѣдателей по 818 ст. у. у. с., возникновеніе котораго составляетъ одинъ изъ характерныхъ эпизодовъ исторіи нашего суда присяжныхъ.

Введеніе у насъ суда присяжныхъ было рѣшительнымъ шагомъ со стороны составителей судебныхъ уставовъ. Ни организація до-реформенныхъ судебныхъ мѣстъ въ Россіи, ни исторія русскихъ судебныхъ учрежденій не представляли готовыхъ формъ для этого суда,—не давали ему точки опоры ни въ прошломъ уголовнаго судопроизводства, ни въ историческихъ воспоминаніяхъ. Существовавшіе въ эпоху судебниковъ *судебные мужи* и *цѣловальники* не могутъ считаться прототипомъ русскихъ присяжныхъ засѣдателей. Они не были судьями въ настоящемъ смыслѣ слова. Между ними и судьею была проведена граница. Судья — воевода, намѣстникъ, тіунъ — творилъ судъ, т. е. разбиралъ дѣло и постановлялъ приговоръ, а судные мужи и цѣловальники «сидѣли» съ нимъ, чтобы «беречи правду, по крестному цѣлованію, безъ всякой хитрости». Беречь правду—значило наблюдать, чтобы судъ творился, согласно установившемуся обычаю, чтобы все, что записывается въ судный списокъ, происходило въ дѣйствительности. Свидѣтели всего происходящаго на судѣ—они удостовѣряли своею подписью, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и показаніемъ, достовѣрность содержанія суднаго списка и получали съ него копію. Такимъ образомъ цѣловальники входили въ составъ лицъ, которыя содѣй-

ствовали правильному производству суда, но ихъ функціи были ограничены и по существу дѣла они не высказывались. Притомъ цѣловальники существовали не повсемѣстно, не при всѣхъ судахъ. Съ первой половины XVII столѣтія общины, которыя въ XVI столѣтіи горячо испрашиваютъ себѣ право имѣть своихъ цѣловальниковъ при судѣ воеводъ и намѣстниковъ, перестаютъ заботиться объ этомъ правѣ,—цѣловальники утрачиваютъ свой первоначальный характеръ и къ половинѣ XVII вѣка совершенно исчезаютъ.

Не въ этомъ исчезнувшемъ и позабытомъ учрежденіи могли найти составители уставовъ основы для устройства суда присяжныхъ. Современный судъ не нуждается болѣе въ присутствіи выборныхъ исключительно для надзора за правильностью дѣйствій, за исполненіемъ обрядовъ. Наука и практика выработали болѣе простыя и опредѣленныя средства гарантировать участвующихъ въ дѣлѣ, и цѣловальники XVI вѣка представляли не многимъ бо́льшій матеріалъ для организаціи суда присяжныхъ, чѣмъ *понятые* и *добросовѣстные* отжившихъ судебныхъ порядковъ Дѣло шло о передачѣ самаго суда, самаго произнесенія приговора въ другія руки, не о призывѣ въ судъ представителей общества для присутствія, въ качествѣ наблюдателей и достовѣрныхъ свидѣтелей происходящаго, а объ обязанности ихъ являться выразителями общественной совѣсти въ произносимомъ ими рѣшеніи. Сословная организація старыхъ судовъ представляла участіе выборнаго элемента въ самомъ разрѣшеніи дѣла. Сословные засѣдатели при постановленіи приговора подавали голоса наравнѣ съ выборнымъ предсѣдателемъ и кореннымъ товарищемъ предсѣдателя. Есть мнѣніе, что они были своего рода присяжными засѣдателями. Нѣкоторые юристы-практики, дѣйствовавшіе при старыхъ судахъ, утверждали, что сословные засѣдатели и даже сенаторы въ старыхъ Департаментахъ Сената являлись только судьями фактической стороны дѣла—и, разрѣшая вопросъ о виновности, предоставляли представителямъ кореннаго элемента, т. е. канцеляріи, разработку вопроса о наказаніи. Съ этимъ нѣтъ возможности согласиться. Между сословными засѣдателями и присяжными—цѣлая пропасть. Они существенно разнятся не только по своему происхожденію, по условіямъ своего появленія въ судѣ—но и

по объему своей дѣятельности. Одни представители сословій, другіе представители общества во всей его совокупности, — одни пассивные дѣятели суда, дѣйствующаго на основаніи теоріи формальныхъ доказательствъ, — другіе активные судьи по совѣсти, не стѣсняемые формальными предписаніями закона, не вдвинутые въ узкія рамки предустановленныхъ доказательствъ. Устанавливая органическую связь и преемство между засѣдателями стараго суда и присяжными, забывали одно — теорію формальныхъ доказательствъ. Эта теорія одна изъ первыхъ пала подъ ударами надвигавшейся реформы. Отмѣна ея—основное начало новаго судопроизводства. Гласность и устность суда, самостоятельность судей—все это было бы сдѣлано на половину, все это не достигало бы своей цѣли — если бы осталась теорія формальныхъ доказательствъ. Она опутывала бы судей и связывала ихъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ живое существо дѣла не укладывается въ заранѣе отмѣренныя и взвѣшенныя формы, гдѣ механическая, внѣшняя оцѣнка доказательствъ идетъ въ разрѣзъ съ ихъ содержаніемъ и дѣйствительною силою. Сословные засѣдатели дѣйствительно могли разрѣшать только вопросъ о виновности,— предоставляя предсѣдателю или секретарю позаботиться о «приличныхъ дѣлу законахъ» по вопросу о наказаніи. Но развѣ, разрѣшая вопросъ о виновности, они были свободны? Развѣ не стояла предъ ними цѣлая система обязательныхъ правилъ, въ которыхъ было опредѣлительно указано, *что* они имѣютъ право считать доказательствомъ и *какой* итогъ должны они подводить тѣмъ или другимъ даннымъ дѣла? Развѣ они могли, проникнувшись твердымъ убѣжденіемъ, сказать «виновенъ» и знать, что ихъ приговоръ не распадется при формальной провѣркѣ и не замѣнится «оставленіемъ въ подозрѣніи», которое никого не удовлетворяло и ничего не разрѣшало?

Присяжные засѣдатели рѣшаютъ дѣла по внутреннему убѣжденію, которое складывается свободно и независимо, согласно съ тѣмъ, что они видятъ и слышатъ на судѣ. Отъ нихъ не ожидается и не можетъ быть требуема мотивировка ихъ рѣшенія, которое слагается подъ вліяніемъ внутренней переработки той массы разнородныхъ впечатлѣній, которыя производитъ на нихъ разбирательство дѣла. Довѣріе или недовѣріе къ тѣмъ или другимъ до-

казательствамъ—есть дѣло ихъ совѣсти. Не въ такомъ положеніи находился засѣдатель стараго суда. Законъ требовалъ отъ него признанія виновности лишь при *совершенныхъ* доказательствахъ. Когда онъ обращался къ главному доказательству—къ показаніямъ свидѣтелей, ему говорилось, что эти показанія не имѣютъ силы, буде не даны подъ присягою и притомъ двумя свидѣтелями, кромѣ случая когда это мать или отецъ, показывающіе противъ своихъ дѣтей... Когда онъ встрѣчался съ искреннимъ и правдивымъ показаніемъ, ему говорилось, что оно не идетъ въ счетъ, такъ какъ свидѣтель въ качествѣ «явнаго прелюбодѣя», или «портившаго тайно межевые знаки»,—не можетъ принимать присяги... Когда онъ обращался къ различнымъ показаніямъ, даннымъ подъ присягою, законъ рекомендовалъ ему давать предпочтеніе знатному предъ незнатнымъ, духовному предъ свѣтскимъ, мужчинѣ предъ женщиною, ученому предъ неученымъ... Если, наконецъ, сословный засѣдатель находилъ, что, несмотря на отсутствіе «совершенныхъ» доказательствъ, есть масса уликъ, которыя приводятъ его къ несомнѣнному убѣжденію въ виновности подсудимаго, совершившаго мрачное дѣло и ловко спрятавшаго особенно выдающіеся концы въ воду,—и заявлялъ, что надо постановить обвинительный приговоръ, то секретарь имѣлъ право представить ему «съ должною благопристойностью» о томъ, что его разсужденія несогласны съ законами. Секретарь могъ въ подобномъ случаѣ указать сословному засѣдателю на необходимость оставленія подсудимаго только въ подозрѣніи или на возможность дать ему для «очищенія подозрѣнія» присягу, въ которой, между тѣмъ, отказывалось, по тому же дѣлу, иностранцу, «поведеніе котораго неизвѣстно»...

Поэтому не въ исторіи русскаго права и не въ старомъ судѣ пришлось составителямъ судебныхъ уставовъ искать опоры для своей рѣшимости ввести судъ присяжныхъ. Имъ пришлось обратиться къ нравственнымъ свойствамъ русскаго народа,—опереться на вѣру въ его способности и въ духовныя силы своей страны.

Это требовало большой смѣлости и глубины убѣжденія. Во кругъ составителей судебныхъ уставовъ раздавались голоса, предрекавшіе этому суду полную неудачу,—указывавшіе, что необдуманно и неосторожно призывать творить судъ людей, гражданское развитіе которыхъ было такъ долго задержано и которые при-

выкли лишь къ крѣпостному труду или къ всепоглощающимъ заботамъ о насущныхъ потребностяхъ. Опасенія эти исходили не отъ однихъ противниковъ реформы. Сомнѣніе въ пригодности этого суда для Россіи высказывалось людьми, желавшими новому суду вообще преуспѣянія и видѣвшими въ немъ одно изъ средствъ дальнѣйшаго развитія гражданственности. Такъ напримѣръ сенаторъ Карніолинъ-Пинскій, суровый и прямолинейный юристъ, родившійся въ 1794 году, недовѣрчиво относился къ этой сторонѣ судебной реформы, когда она еще была «im werden». Онъ писалъ въ замѣчаніяхъ на уставъ уголовнаго судопроизводства: «присяжныхъ, присяжныхъ и присяжныхъ!» вотъ крики, съ нѣкотораго времени летящіе со всѣхъ сторонъ нашего дорогого отечества. Во всѣхъ этихъ крикахъ мало смысла, хотя много увлеченія и еще больше подражанія. Закричалъ одинъ, какъ не заревѣть другому?! Разсудительные люди не кричатъ,—они увѣрены, что все доброе и полезное насъ не минуетъ; а блестящаго, но сомнительнаго—хотя-бы и не бывало и т. д.». Между ними вставилъ свое вѣское и талантливое слово В. Д. Спасовичъ, публичныя лекціи котораго «о судебно-уголовныхъ доказательствахъ», читанныя въ 1860 году, оканчивались заявленіемъ о невозможности суда присяжныхъ для Россіи. Тамъ, говорилъ онъ, гдѣ народъ до того *нравственно простъ*, что часто не разумѣетъ преступности большинства преступленій,—гдѣ онъ до того *политически простъ*, что считаетъ судъ страшилищемъ, а осужденныхъ несчастными,—гдѣ мѣсто *уваженія* предъ закономъ занимаетъ *страхъ* предъ начальствомъ и самый законъ разсматривается, какъ начальственный приказъ — тамъ не можетъ быть и рѣчи о судѣ присяжныхъ.—Тревожныя предсказанія и сомнѣнія не поколебали однако составителей уставовъ. Ихъ не устрашило сострадательное отношеніе простого русскаго человѣка къ *осужденному*, къ «несчастному», и они смѣло положились на здравый смыслъ и нравственную чуткость народа. Въ этомъ довѣріи къ своему народу, въ уваженіи къ его уму и воспріимчивости—великая заслуга составителей судебныхъ уставовъ. Она не забудется исторіею и даетъ этимъ составителямъ право стоять на ряду съ дѣятелями великаго дѣла освобожденія крестьянъ.

Судъ присяжныхъ слишкомъ глубоко затрогиваетъ многія стороны общественной жизни и государственнаго устройства. Поэтому

онъ не разъ вызывалъ нападенія на свою дѣятельность и переживалъ періоды—сначала глухого недовольства со стороны отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ общественныхъ группъ, а потомъ и открытой, рѣзкой критики и сомнѣній въ его цѣлесообразности и даже разумности. Для живого учрежденія впрочемъ борьба неизбѣжна. Ею покупается настоящая прочность.

Изъ главнѣйшихъ странъ западной Европы одна лишь Англія не представляетъ *такихъ* нападеній на судъ присяжныхъ. Тамъ онъ сложился исторически, постепенно, выработался путемъ обычая и опыта — и составилъ неразрывную принадлежность всего общественнаго строя. Нападенія на его существо почти немыслимы въ англійскомъ обществѣ,—онѣ были бы равносильны отрицанію всей правовой исторіи страны. Даже и въ тревожное время конца XVIII столѣтія,—когда нѣкоторые приговоры присяжныхъ могли раздражать и пугать тѣхъ, кто боялся вліянія революціонныхъ событій, происходившихъ во Франціи—нельзя найти въ Англіи слѣдовъ сомнѣнія въ судѣ присяжныхъ, какъ въ учрежденіи. Бывали нареканія и даже проявленія негодованія на *извѣстныхъ* присяжныхъ, по *извѣстному* дѣлу,—но лишь только это.

Во Франціи бывали періоды сильныхъ и горячихъ нападеній на судъ присяжныхъ. При обсужденіи code d'instruction criminelle было сдѣлано не мало указаній на разные недостатки этого суда, проявившіеся въ предшествовавшіе годы подъ вліяніемъ разгара политическихъ страстей, — было весьма эксплуатировано впервые всплывшее на поверхность дѣло невинно осужденнаго Лезюрка и самъ Наполеонъ упорно и настойчиво ратовалъ противъ суда присяжныхъ. Но законодатели тогдашней Франціи съумѣли придать настоящую цѣну временнымъ уклоненіямъ молодого учрежденія въ бурную эпоху переворота — и отнеся его ошибки и недостатки съ полною справедливостью не къ нему самому, а къ этой эпохѣ—удержали судъ присяжныхъ во французскомъ судоустройствѣ. Общество сознало, что между этимъ судомъ и возвращеніемъ къ судебнымъ порядкамъ стараго режима самою исторіею вырыта цѣлая пропасть—и нападенія на институтъ присяжныхъ замѣнились нареканіями на ихъ практическую дѣятельность, которая выражалась въ слишкомъ малой уголовной репрессіи. Упреки суду присяжныхъ за слишкомъ большой процентъ оправдательныхъ приговоровъ особенно сильно стали

раздаваться послѣ 1830 года и побудили законодательную власть, тщательно и безъ предубѣжденія противъ присяжныхъ, присмотрѣться къ причинѣ этого явленія. Причина нашлась въ томъ затрудненіи, въ которое ставились присяжные невозможностью смягчать иногда крайне суровое наказаніе, когда они видѣли, что подсудимый, по своимъ личнымъ свойствамъ или обстоятельствамъ дѣла, не заслуживалъ такой безпощадности. Колеблясь между безусловнымъ обвиненіемъ и оправданіемъ, находя первое жестокимъ, а второе несправедливымъ—присяжные, во многихъ случаяхъ, не мирились съ знаменитымъ изреченіемъ «dura lex—sed lex!» и предпочитая несправедливость жестокости,—выносили оправдательный приговоръ. Въ 1836 году имъ дано было право признавать въ дѣяніи подсудимаго circonstances attenuantes—и число неосновательныхъ приговоровъ значительно уменьшилось. Съ этимъ уменьшеніемъ на время замолкли и нападенія на судъ присяжныхъ и онъ окончательно установился во Франціи. Но если законодательная власть продолжаетъ относиться къ нему съ довѣріемъ и до нынѣ, то нельзя того же сказать про французскую журналистику и юридическую литературу. Подъ вліяніемъ процессовъ, не удовлетворившихъ, въ томъ или другомъ смыслѣ, обострившіяся политическія страсти—и подчиняясь воздѣйствію итальянской уголовно—антропологической школы—французская пресса представляетъ не мало сочиненій, нападающихъ на судъ присяжныхъ въ его практикѣ и отрицающихъ его въ теоріи. Достаточно въ этомъ отношеніи назвать рядъ статей Крюппи и упомянуть имя оригинальнаго мыслителя-психолога Тарда. Быть можетъ, что въ новѣйшіе законодательные проекты улучшеній по судебной части во Франціи нѣкоторыя поправки къ подробностямъ организаціи присяжныхъ вносятся не безъ соображеній съ указаніями Крюппи и его союзниковъ, но существо суда присяжныхъ остается—и конечно останется—неизмѣннымъ. Тоже можно сказать и про Италію.

Германія впервые приняла судъ присяжныхъ, какъ нововведеніе, слѣдовавшее за наполеоновскими орлами. Освободительно-національное движеніе заставило этотъ судъ отступить назадъ и заперло его исключительно въ рейнскихъ провинціяхъ, но 1848 г. снова вызвалъ его къ жизни въ Германіи. И въ ней онъ не миновалъ нападеній. Только онѣ шли другимъ путемъ, чѣмъ во Фран-

ціи. Представители науки раздѣлились на два лагеря—и противники суда присяжныхъ, съ Гіе-Глунекомъ во главѣ, стали упорно доказывать, что судъ этотъ не представляетъ достаточныхъ гарантій для правильнаго отправленія правосудія. Къ нимъ присоединились впослѣдствіи извѣстный криминалистъ Биндингъ и выдающійся юристъ Игерингъ («Zweck im Recht»). Первый доказывалъ, что судъ присяжныхъ не выдерживаетъ критики какъ учрежденіе юридическое,—второй, со свойственной ему оригинальностью взгляда, утверждалъ, что судъ присяжныхъ есть только одна изъ стадій, изъ переходныхъ формъ судебной организаціи. Форма эта полезна, быть можетъ даже необходима, для установленія правильныхъ отношеній власти и гражданъ, послѣ переворотовъ, для постановленія новыхъ общественныхъ учрежденій подъ охрану общественной совѣсти. Но разъ это достигнуто и учрежденія упрочились, вошли въ свою колею,—дѣятельность суда присяжныхъ должна прекратиться, потому, что она имѣетъ задачи политическія, а не юридическія. «Der Mohr hat seine Schuldigkeit gethan», говоритъ Игерингъ словами Шиллера «der Mohr kann gehen!...» Наконецъ на XXII съѣздѣ германскихъ юристовъ въ Аугсбургѣ и знаменитый Гнейстъ присоединился къ противникамъ присяжныхъ, доказывая, что на послѣднихъ вліяютъ обстоятельства и соображенія, почерпнутыя не исключительно изъ судебнаго слѣдствія, а изъ жизни внѣ стѣнъ суда, какъ будто, по отношенію къ житейской сторонѣ дѣла, коронные судьи уже безусловно такіе, по выраженію Пушкина, «духомъ хладные скопцы», что ихъ умъ и чувство не переходятъ никогда за предѣлы обвинительнаго акта,—какъ будто и самъ законъ не открываетъ послѣднимъ поля въ правѣ давать снисхожденіе и ходатайствовать о милости монарха. Вмѣстѣ съ тѣмъ Гнейстъ заявилъ, что наставленіе предсѣдателя, такъ называемое Rechtsbelehrung, только путаетъ и сбиваетъ съ толку присяжныхъ. Съ другой стороны война за объединеніе Германіи въ 1870—71 г.г. расширила поле практической борьбы противъ суда присяжныхъ въ Германіи. Реакція противъ всего французскаго—вызвала къ жизни судъ шеффеновъ. Послѣдніе явились какъ результатъ стремленія нѣмцевъ отрѣшиться отъ иностранныхъ учрежденій въ правѣ и создать или же найти въ прошломъ что нибудь свое. Романскіе народы—говорилось въ семидесятыхъ годахъ—

не имѣютъ нынѣ національныхъ судебныхъ учрежденій, ибо то немногое, что у нихъ было по этой части, давно смыто волнами революціи, заставившей принять иноземное устройство, — лишь Англія имѣетъ свои собственныя учрежденія, — пора и Германіи имѣть таковыя же. Въ объяснительной запискѣ по начертанію новыхъ законовъ судоустройства въ 1873 г. говорилось: «германскій народъ, не уступающій нынѣ ни одному народу міра по своей силѣ и могуществу, не можетъ больше подражать, это не соотвѣтствовало бы его величію». Поэтому въ учрежденіяхъ Карла Великаго найденъ былъ институтъ шеффеновъ (scabini), которымъ онъ замѣнилъ рахинбурговъ древнихъ франковъ. Но взято было лишь названіе и судья изъ руководителя шеффеновъ обратился въ ихъ соучастника, слившагося съ ними, какъ выразился саксонскій министръ Шварце, называвшій себя «отцомъ шеффеновъ», химически. Однако, судъ присяжныхъ для важнѣйшихъ дѣлъ былъ удержанъ и въ дѣйствительности самъ отецъ шеффеновъ, по отношенію къ которому одинъ изъ ученыхъ противниковъ этого суда напомнилъ, не безъ ядовитой ироніи, слова Гейне о томъ, что «никогда нельзя быть достаточно осмотрительнымъ въ *выборѣ родителей*»,—самъ Шварце не проявилъ особеннаго довѣрія къ своему дѣтищу. Хотя въ основаніе судебной пирамиды и поставленъ былъ этотъ судъ, но § 354 устава уголовнаго судопроизводства и § 72 учрежденія судебныхъ установленій германской имперіи сильно ограничили безусловное довѣріе къ нему, установивъ широкое право апелляціи на приговоры этого суда въ уголовную камеру Окружного Суда (Strafskammer des Landgerichts), т. е. суда коронаго. Такимъ образомъ все свелось, въ окончательномъ результатѣ, къ работѣ уголовной камеры и хотя шеффены вообще не вызываютъ противъ себя нареканій, но повидимому дѣятельность ихъ довольно пассивна и они охотно предоставляютъ коронному судьѣ ту работу мышленія, которую законъ хотѣлъ распредѣлить на троихъ. Недаромъ, съ добродушнымъ германскимъ юморомъ, къ нимъ примѣняютъ иногда названія—«Beischläfer» и «Jasager».

Въ теченіе послѣдняго десятилѣтія въ Германіи однако участились законопроекты, вырабатываемые различными юридическими комиссіями, и направленные, прямо или косвенно, противъ объема и коренныхъ условій дѣятельности суда присяжныхъ. Съ одной сто-

роны предлагается чрезвычайное расширеніе апелляціи и расширеніе компетенціи коронныхъ судовъ на счетъ компетенціи присяжныхъ,—съ другой, въ новѣйшее время, существуютъ предположенія о полной замѣнѣ присяжныхъ многосложнымъ устройствомъ разнообразныхъ коллегій шеффеновъ. Съ этимъ связано чрезвычайное ограниченіе кассаціоннаго производства и отмѣна многихъ, *такъ называемыхъ* (Sogenannte) гарантій, которыми пользуется обвиняемый на судѣ присяжныхъ. Исполненіемъ этихъ вожделѣній весь центръ тяжести германскаго уголовнаго судоустройства былъ бы перенесенъ въ сущности на коронный судъ, а лекарствомъ противъ поврежденій, вызываемыхъ упраздненіемъ гарантій правъ личности и правильнаго отправленія правосудія явилось бы помѣщеніе живого человѣка предъ судомъ на задній и отдаленный планъ. Но главное и общее начало обновленнаго суда во второй половинѣ XIX столѣтія состоитъ именно въ постановкѣ живого человѣка на первомъ планѣ судебнаго разбирательства и въ признаніи его самого однимъ изъ главныхъ «обстоятельствъ дѣла», подлежащаго сужденію. Изъ этого жизненнаго начала, созданнаго долгимъ опытомъ предшествовавшихъ лѣтъ, вытекаютъ: непосредственность разбирательства, широкое пользованіе средствами оправданія и довѣріе къ приговору суда, постановленному подъ живымъ впечатлѣніемъ. Безусловнымъ слѣдствіемъ этого являются: значительное сокращеніе заочныхъ разбирательствъ, устность, широкая возможность возобновленія дѣлъ и рядъ гарантій, обезпечивающихъ общественный порядокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ограждающихъ личность подсудимаго отъ поспѣшныхъ мѣръ и выводовъ. Но стоитъ отодвинуть назадъ этого живого человѣка, заслонивъ его бумагою, стоитъ замѣнить живое отношеніе между судомъ и подсудимымъ логическимъ процессомъ надъ трафаретными, лишенными индивидуальности, документами, чтобы въ судоустройствѣ вмѣсто *судебнаго организма* выступила *судебная машина*, которая не станетъ, подобно организму, отвергать все, несвойственное своему назначенію, но будетъ болѣе или менѣе усердно перемалывать свой матеріалъ, не давая удовлетворенія чувству справедливости и не достигая доступной человѣческому пониманію внутренней правды дѣла. Приговоры такой машины, сколько бы труда въ нихъ ни было вложено, не будутъ имѣть нравственнаго вліянія на общественную жизнь и ея

проявленія. «Le grain moulu en farine, говоритъ глубокій мыслитель Аміель, ne saurait plus ni germer, ni lever...» Оттѣнокъ именно такой машинообразности лежитъ на многихъ германскихъ проектахъ.

У насъ первоначально судъ присяжныхъ не вызывалъ противъ себя нареканій, напротивъ онъ, казалось, оправдалъ тревожныя надежды, возлагавшіяся на него, да и на весь новый судебный строй и развѣялъ связанныя со введеніемъ его на Руси сомнѣнія. Въ первыхъ шагахъ новыхъ судовъ была сторона, которая не только интересовала, но и немного тревожила всѣхъ, кому было дорого правильное осуществленіе судебныхъ уставовъ на практикѣ. Кромѣ чувства долга, трудолюбія и добросовѣстности, отъ людей, призываемыхъ помогать отправленію правосудія, а иногда даже играть въ немъ рѣшительную роль, требовались еще особыя способности съ одной стороны и извѣстное, стоявшее въ виду недавнихъ общественныхъ условій подъ вопросительнымъ знакомъ, развитіе гражданскаго чувства и пониманія съ другой стороны. Какъ пойдутъ судебныя пренія? Появятся ли люди способные къ сдержанному жару словесной борьбы, къ тому, чтобы «словомъ твердо править», и вообще даже къ тому, чтобы владѣть этимъ словомъ? Еще болѣе тревожные вопросы возникали относительно присяжныхъ. Ихъ желали—ихъ ждали... Это вѣрно, хотя и рѣзко, изобразилъ Карніолинъ-Пинскій. Въ нихъ хотѣлось вѣрить заранѣе. Присяжный засѣдатель былъ дорогъ всякому, съ сочувствіемъ думавшему о новомъ судѣ. Подобно Татьянѣ въ письмѣ къ Онѣгину, русское развитое общество того времени могло сказать этому еще не появившемуся на сцену присяжному: «незримый—ты мнѣ былъ ужъ милъ»... Но невольное сомнѣніе закрадывалось въ душу. Этотъ незримый и невѣдомый, теоретическій присяжный долженъ былъ облечься въ огромномъ большинствѣ случаевъ въ реальный образъ простолюдина, всего пять лѣтъ назадъ освобожденнаго отъ крѣпостной зависимости,—въ образъ того мужика, котораго незадолго предъ тѣмъ Тургеневъ, устами одного изъ своихъ громкихъ героевъ, назвалъ «таинственнымъ незнакомцемъ»...

Теперь, чрезъ 39 лѣтъ, можно сказать, что этотъ таинственный незнакомецъ оправдалъ оказанное ему довѣріе и не посрамилъ ни здраваго смысла, ни нравственнаго чувства русскаго народа. Безпристрастная исторія нашего суда присяжныхъ покажетъ

современемъ, въ какія тяжкія, неблагопріятныя условія былъ онъ у насъ поставленъ, какъ долгіе годы онъ оставался безъ призора и ухода, какъ его недостатки не исправлялись любовно и рачительно, а предоставлялись злорадно или близоруко дальнѣйшему саморазвитію. Будущій историкъ этого суда долженъ будетъ признать, что по отношенію къ этому суду у насъ велась своеобразная бухгалтерія, при чемъ на страницѣ кредита умышленно ничего не писалось, а на страницѣ дебета вписывался каждый промахъ крупнымъ, каллиграфическимъ почеркомъ. Онъ признаетъ, этотъ историкъ, что между большинствомъ приговоровъ, которые ставились въ вину присяжнымъ, были такіе, съ которыми трудно согласиться, но не было почти ни одного, котораго, зная данное дѣло, нельзя было бы понять и объяснить себѣ...

Но въ концѣ шестидесятыхъ, когда этотъ долговременный опытъ съ судомъ присяжныхъ еще не былъ произведенъ, суровыя нареканія на него стали появляться все чаще и чаще въ печати, именовавшей себя консервативною, въ плохо освѣдомленныхъ, а иногда и прямо невѣжественныхъ общественныхъ кругахъ—и во вліятельныхъ сферахъ бюрократіи, въ строѣ въ которой новыя судебныя учрежденія являлись тѣмъ, что римское право называетъ «insula in flumine nata». Обыкновенно онѣ возникали слѣдующимъ образомъ.

Въ томъ или другомъ судѣ назначалось къ слушанію такъ называемое «громкое» дѣло. Задолго до его разбирательства оглашались главнѣйшія подробности преступленія и комментировались самымъ различнымъ образомъ;—оно начинало интересовать, а иногда даже и волновать общественное мнѣніе,—на основаніи отрывочныхъ свѣдѣній предсказывался съ большою увѣренностью тотъ приговоръ, который долженъ быть произнесенъ, и исходъ процесса рисовался большинству въ видѣ несомнѣннаго и опредѣлительнаго вывода о виновности подсудимаго или, въ очень рѣдкихъ случаяхъ, о его невиновности. Но когда наступалъ давно жданный день приговора—присяжные выносили рѣшеніе, идущее въ разрѣзъ съ общими ожиданіями. Тогда поднималась цѣлая буря упрековъ и нареканій. Присяжные оказывались тупыми, неразвитыми, лишенными нравственнаго чутья, запуганными людьми, неспособными къ критикѣ, безсильно утопающими въ потокахъ судебнаго краснорѣчія.

Являлись намеки на ихъ тенденціозность и даже подкупность. Судъ присяжныхъ признавали учрежденіемъ вреднымъ, а правосудіе навсегда погибшимъ на Руси. Потомъ, мало-по-малу, негодованіе стихало, начинали раздаваться болѣе спокойные голоса—и вскорѣ дѣло, вызвавшее иногда столько шуму, сдавалось въ архивъ общественной жизни.

По большинству «громкихъ» дѣлъ, противъ самыхъ горячихъ нападеній могли быть спокойно выставлены доводы о томъ, что нельзя судить объ исходѣ, который долженъ получить процессъ, по газетнымъ отчетамъ и одностороннимъ, написаннымъ подъ вліяніемъ «злобы дня», корреспонденціямъ. На основаніи этихъ свѣдѣній и «судовъ и пересудовъ» людей, слышавшихъ о дѣлѣ «что-то» посреди пустой салонной болтовни—можно получить лишь мимолетное впечатлѣніе и построить на немъ непрочное мнѣніе, отъ котораго, безъ особаго труда, можно впослѣдствіи и отступить. Но присяжные произносятъ не *мнѣніе, а приговоръ*, который, по большей части, безповоротно и окончательно рѣшаетъ судьбу подсудимаго. Для нихъ важно не то, что *говорятъ* о дѣлѣ, а то, что будетъ *сказано* предъ ними, въ той залѣ суда, входя въ которую они торжественно клянутся судить на основаніи того, что увидятъ и услышатъ въ ней—*въ ней одной*. Предъ ними съ торжественною медлительностью развивается процессъ и проходитъ, во всѣхъ подробностяхъ, житейская драма, вылившаяся въ суровыя формы уголовнаго преступленія,—они иногда въ теченіе многихъ дней видятъ предъ собою живыхъ людей и испытываютъ на себѣ неуловимыя на бумагѣ впечатлѣнія, производимыя личностью, манерою, голосомъ, способомъ выраженія свидѣтелей, подсудимаго и потерпѣвшаго—и тою неосязаемою правдивостью или ложью, которая слышится въ показаніяхъ и объясненіяхъ, независимо отъ ихъ содержанія. Присяжныхъ спрашиваютъ не о томъ, *совершилъ ли* подсудимый преступное дѣяніе, а *виновенъ ли* онъ въ томъ что совершилъ его;—не фактъ, а внутренняя его сторона и личность подсудимаго, въ немъ выразившаяся, подлежатъ ихъ сужденію. Своимъ вопросомъ о виновности судъ установляетъ особый промежутокъ между фактомъ и виною—и требуетъ, чтобы присяжные, основываясь исключительно на «убѣжденіи своей совѣсти» и памятуя свою великую нравственную отвѣтственность,

наполнили этотъ промежутокъ соображеніями, въ силу которыхъ подсудимый оказывается человѣкомъ виновнымъ или невиновнымъ. Въ первомъ случаѣ своимъ приговоромъ присяжные признаютъ, что подсудимый могъ властно и твердо бороться съ возможностью совершенія преступленія и вырваться изъ-подъ ига причинъ и побужденій, приведшихъ его на скамью подсудимыхъ, имѣя для этого на столько же нравственной силы, насколько ея чувствуютъ въ себѣ сами присяжные. Въ тоже время законъ открываетъ предъ ними широкій горизонтъ милосердія, давая имъ право признавать подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія «по обстоятельствамъ дѣла». Изъ всѣхъ «обстоятельствъ дѣла» самое важное, безъ сомнѣнія: личность подсудимаго, съ его добрыми и дурными свойствами, съ его бѣдствіями, нравственными страданіями и матеріальными испытаніями. Но гдѣ возникаетъ вопросъ о перенесенномъ страданіи, тамъ рядомъ съ нимъ является и вопросъ объ искупленіи вины. Зачерпнутые изъ глубины общества и уходящіе снова, послѣ дѣла, въ эту глубину, ничего не ищущіе и, по большей части, остающіеся безвѣстными, обязанные хранить тайну своихъ совѣщаній, прясяжные не имѣютъ соблазна рисоваться своимъ рѣшеніемъ и выставлять себя защитниками той или другой теоріи. Осуждать ихъ за приговоръ, сомнѣваясь въ его справедливости, можетъ лишь тотъ, кто, вмѣстѣ съ присяжными, самъ изучилъ и изслѣдовалъ обстоятельства дѣла и предъ лицомъ подсудимаго, свобода и честь котораго зависятъ отъ одного его слова, вопрошалъ свою совѣсть и въ ней, а не въ голосѣ страстнаго негодованія, нашелъ отвѣтъ, идущій въ разрѣзъ съ приговоромъ.

Спорадическій характеръ нападеній на судъ присяжныхъ продолжался впрочемъ недолго. Уже въ началѣ семидесятыхъ годовъ сталъ въ офиціальныхъ сферахъ подыматься вопросъ о существенномъ, по отношенію къ нему, членовредительствѣ, а въ 1875 г. былъ спѣшно изготовленъ въ Министерствѣ Юстиціи проектъ изъятія изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ ряда дѣлъ. Онъ встрѣтилъ, однако, возраженія со стороны такихъ министровъ, какъ Милютинъ и князь Горчаковъ,—и явное несочувствіе нѣкоторыхъ изъ дѣятелей Министерства Юстиціи. Но когда, въ 1878 году, не всѣми ожиданный, хотя и легко объяснимый настроеніемъ общества, оправ-

дательный исходъ громкаго петербургскаго процесса съ присяжными, далъ поводъ начать кричать «Hannibal ante portas!»—спорадическія указанія на «прискорбные случаи оправданія» смѣнились систематическимъ преслѣдованіемъ «органическаго проявленія неправосудія присяжныхъ». Во главѣ противниковъ суда присяжныхъ сталъ вліятельный проконсулъ московской печати. Онъ круто перешелъ изъ убѣжденныхъ защитниковъ новыхъ судебныхъ учрежденій въ станъ ихъ хулителей со всею силой своего публицистическаго дарованія,—и со страстностью, свойственною отступникамъ отъ прежнихъ вѣрованій, дрожащими отъ гнѣвнаго волненія руками, наклеилъ на трудовую дѣятельность русскихъ присяжныхъ зловѣщій для ихъ будущей судьбы ярлыкъ—«судъ улицы!». Съ этихъ поръ начался въ нѣкоторыхъ органахъ печати почти непрерывный походъ противъ суда присяжныхъ и наступилъ періодъ сокращеній и ограниченій компетенціи этого суда въ пользу неудачнаго во всѣхъ отношеніяхъ суда съ сословными представителями. Правда, вмѣстѣ съ тѣмъ законодательство медлительно и какъ бы неохотно, отрывочными мѣрами, стало исправлять нѣкоторыя условія, препятствовавшія правильной дѣятельности присяжныхъ. Были улучшены составъ и дѣятельность коммиссій по составленію списковъ присяжныхъ, сокращены тенденціозные отводы, устранена излишняя обрядность судебныхъ засѣданій и введено участіе присяжныхъ въ постановкѣ вопросовъ. Затѣмъ, повидимому, стало наступать время, когда на судъ присяжныхъ становилось возможнымъ взглянуть какъ на нѣчто прочное и когда крики его противниковъ затихнутъ, обратившись въ случайное ворчаніе по поводу отдѣльныхъ дѣлъ.

Но въ первой половинѣ девяностыхъ годовъ вновь на горизонтѣ этого суда,—на почвѣ предвзятаго къ нему недовѣрія,—стали собираться грозовыя тучи. Чтобы разрядить накопившееся электричество безъ опасности для самого существованія этого суда, Министръ Юстиціи Н. А. Манасеинъ задумалъ распространить 818 ст. у. у. с. и на оправдательные его приговоры, дававшіе наибольшей поводъ къ нареканіямъ. Движимый добрымъ намѣреніемъ оградить судъ присяжныхъ, онъ упустилъ однако изъ виду, что огражденный *такимъ образомъ* этотъ судъ, въ основныхъ своихъ чертахъ, пересталъ бы все таки существовать, составивъ во многихъ слу-

чаяхъ лишь излишнее обремененіе для суда короннаго. Помѣщенное въ настоящемъ изданіи заключеніе мое по этому предмету представляетъ подробное изложеніе возраженій противъ такого,—къ сожалѣнію для нѣкоторыхъ соблазнительнаго,—извращенія значенія внутренняго убѣжденія присяжныхъ о нравственной невозможности приложить къ подсудимому предъявленное обвиненіе.

Обсужденіе необходимыхъ мѣръ, вызываемыхъ начатымъ весною 1894 года *пересмотромъ* Судебныхъ Уставовъ, имѣло въ концѣ 1894 года результатомъ рядъ совѣщаній Старшихъ Предсѣдателей и Прокуроровъ Судебныхъ Палатъ. Одно изъ нихъ было посвящено вопросу о судѣ присяжныхъ. Печатаемыя здѣсь рѣчи, сказанныя мною въ качествѣ предсѣдателя этого совѣщанія, знакомятъ съ положеніемъ вопроса въ половинѣ девяностыхъ годовъ и съ мнѣніемъ высшихъ судебныхъ дѣятелей о достоинствахъ этой формы суда. Казалось бы, что въ этомъ совѣщаніи было сказано послѣднее и рѣшительное слово о непререкаемомъ правѣ этого суда на существованіе. Но не прошло и полугода, какъ снова раздались голоса укора этому суду и признанія его негоднымъ для цѣлей правосудія или подлежащимъ такому исправленію, которое равнялось уничтоженію цѣлостнаго и нелицемѣрнаго его характера. Эти голоса раздались не извнѣ, а изъ самого судебнаго стана, придавъ новую энергію осаждающимъ, нашедшимъ себѣ совершенно неожиданныхъ союзниковъ, вооруженныхъ боевымъ матеріаломъ и знаніемъ техники, которой всегда сильно недоставало гонителямъ «суда улицы». Вѣрный и любящій паладинъ Судебныхъ Уставовъ, покойный Г. А. Джаншіевъ далъ горячую отповѣдь новоявленнымъ противникамъ дорогаго ему учрежденія въ книжкѣ «Судъ надъ судомъ присяжныхъ», а Петербургское юридическое Общество, въ особомъ засѣданіи, подвергло ихъ нападенія всесторонней и суровой критикѣ. Когда, затѣмъ, *пересмотръ* Судебныхъ Уставовъ дошелъ и до присяжныхъ—этотъ судъ уцѣлѣлъ. Будемъ надѣяться, что это было для него послѣднимъ испытаніемъ—и что по мѣрѣ водворенія въ отечествѣ нашемъ правового порядка, любовно улучшаемый и цѣнимый, онъ будетъ расширять область своего вѣдѣнія и нравственнаго вліянія.

Въ томъ же отдѣлѣ книги помѣщены и *особыя мнѣнія*, поданныя мною въ коммиссію по пересмотру Судебныхъ Уставовъ. Учрежденіе въ 1894 г. при Министерствѣ Юстиціи *Коммиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части* — обрадовало всѣхъ истинныхъ друзей новыхъ судебныхъ установленій, образованныхъ по Уставамъ 1864 года. Уставы эти давно нуждались не въ поспѣшныхъ пристройкахъ, надстройкахъ и перестройкахъ, а въ рачительномъ и вдумчивомъ трудѣ законодателя. Послѣднему предстояло, какъ хорошему хозяину, предпринять осторожный и прочный ремонтъ зданія для того, чтобы возстановить его въ той чистотѣ и согласованности частей, въ которыхъ его задумалъ и возвелъ любящею рукою первоначальный строитель. Конечно при этомъ не могло обойтись безъ улучшеній, но непремѣнно въ предѣлахъ *того же рода и вида*. Вмѣсто деревянныхъ рамъ слѣдовало поставить желѣзныя, обыкновенную крышу сдѣлать оцинкованною, колодезь замѣнить водопроводомъ,—и вообще, прежде всего, озаботиться противупожарнымъ устройствомъ зданія. Но ремонтъ этотъ долженъ былъ не измѣнять общихъ устоевъ, заложенныхъ въ фундаментъ и совершиться съ соблюденіемъ величайшаго уваженія и вниманія къ трудамъ и завѣтамъ предшественниковъ, направленнымъ къ осуществленію началъ истиннаго правосудія и возвышающей ихъ человѣчности. Безъ *такого* ремонта, если не считать нѣкоторыхъ частичныхъ мѣръ, предпринятыхъ Д. Н. Набоковымъ, — Судебные Уставы просуществовали, до 1894 года, тридцать лѣтъ—и несомнѣнно, что въ нихъ кое что покривилось, осѣло и дало трещины. Благодушное пренебреженіе указаніями на слабыя ихъ стороны, указаніями страстными и преувеличенными, становилось недостойнымъ той цѣли, которой призваны служить эти уставы. Имъ нечего было бояться критики—и серьезная критика не можетъ имъ повредить, ибо никогда не коснется ихъ основныхъ началъ уже потому, что не можетъ же она опираться на другія начала, осужденныя юридическимъ развитіемъ и исторіею страны. Она можетъ только указывать на неправильныя формы, въ которыя вылились эти начала. Но на этой почвѣ, при условіи безпристрастнаго разбора всѣхъ существующихъ данныхъ, споръ и изслѣдованіе могли быть только полезны. Судебные Уставы выработаны не для пустого пространства. Жизнь ихъ вызвала,—къ жизни

они и примѣняются. Считать ихъ какою-то окаменѣлостью, застывшею въ своей неподвижности,—считать ихъ за нѣчто непогрѣшимое и стоящее на мѣстѣ, когда жизнь уходитъ впередъ — невозможно.

Періодъ нареканій противъ уставовъ выработалъ уже въ первое десятилѣтіе ихъ существованія два крайнихъ типа:—къ одному принадлежали люди, готовые съ недобрымъ чувствомъ и крайнею близорукостью перекроить ихъ вдоль и поперекъ, не отличая и не умѣя отличать въ нихъ существенное отъ внѣшняго и не сознавая, что часто такъ называемое «измѣненіе» равносильно уничтоженію; къ другому надо отнести *ортодоксовъ*, полагавшихъ что они дѣйствительно охраняютъ дорогія имъ учрежденія, защищая каждую запятую въ уставахъ, становясь на охрану чуть не ихъ опечатокъ и упорно отворачиваясь отъ реальныхъ проявленій ихъ примѣненія, не желая ни слышать о нихъ, ни вглядываться въ нихъ. Если представители перваго типа были вредны по практическимъ результатамъ, которыми сопровождались опыты надъ измѣненіемъ Судебныхъ Уставовъ, за то представители второго, несмотря на симпатичность своихъ побужденій, были болѣе чѣмъ плохіе защитники этихъ же уставовъ. Высокомѣрное отношеніе къ тому, чѣмъ можетъ быть иногда силенъ противникъ и нежеланіе сознать и изучить свои, легко исправимыя, слабыя стороны—всегда и во всякой борьбѣ оказывало вредныя услуги. Нельзя было отрицать, что по прошествіи первыхъ лѣтъ судебныя учрежденія наши стали не совсѣмъ тѣмъ, что ожидалось отъ нихъ при введеніи уставовъ. Кое-что въ нихъ слишкомъ скоро обветшало, а иное приняло совсѣмъ нежелательныя формы. Личный составъ ихъ былъ уже не тотъ, исполненный энергіи и горделивой вѣры въ свое дѣло, составъ шестидесятыхъ годовъ. Кое-гдѣ въ новые мѣха просочилось старое вино,—многіе устали, утратили свѣжесть взглядовъ,—органическая связь между отдѣльными учрежденіями ослабѣла, рутина понемногу стала усаживаться на мѣстѣ живого дѣла и образъ *судебнаго дѣятеля* началъ мало-по-малу затемняться образомъ *судейскаго чиновника*. Съ этими явленіями было необходимо считаться.....

Съ другой стороны съ теченіемъ времени оказалась, что обстановка, въ которой должны дѣйствовать новые суды, часто не сог-

ласуется съ началами, которыя они должны примѣнять,—что существуютъ тяжкія и неправомѣрныя условія дѣятельности, непредусмотрѣнныя составителями уставовъ, но отражающіяся на ней весьма рельефно,—что многое намѣчено въ слишкомъ общихъ чертахъ, а иногда проведено черезчуръ теоретично и рѣзко, вопреки обнаружившимся впослѣдствіи сторонамъ жизни,—что, наконецъ мѣстнымъ и временнымъ обстоятельствамъ придана слишкомъ большая свобода воздѣйствія на практическое примѣненіе Судебныхъ Уставовъ. Обнаруженіе небольшихъ недостатковъ и недосмотровъ было вполнѣ естественно въ громадномъ зданіи, созданномъ судебною реформою. Самая незначительность ихъ блестящимъ образомъ доказывала, какъ хороша, какъ прочна вся работа въ цѣломъ...

Поэтому задача Коммиссіи—предварительная разработка вопросовъ, вызываемыхъ пересмотромъ Судебныхъ Уставовъ, основанная на непоколебимой традиціи и на точно провѣренномъ опытѣ—была одновременно и высокою, и насущною. Глубоко продуманными работами въ этомъ смыслѣ она могла приготовить цѣнный матеріалъ для законодателя. Различно и своеобразно текутъ запросы, назрѣвшія потребности и чаянія жизни, пока не впадутъ въ многоводную рѣку законодательства. Одни падая съ высоты идеала, дробясь, пѣнясь и разбиваясь о камни житейской прозы, то разбрасываясь на мелкіе и быстрые ручейки, то снова сливаясь вмѣстѣ, быстро и съ ропотомъ несутся впередъ; другіе, повинуясь непреложному закону исторіи, спокойно, но неотвратимо текутъ по наклонной плоскости; третьи, переполняя стоячія воды своекорыстной обособленности, тянутся затхлыми и медлительными струйками къ той же рѣкѣ. И всѣхъ она принимаетъ въ себя и, претворивъ въ себѣ, катитъ свои воды, прокладывая себѣ русло. Въ эту рѣку предстояло Коммисіи влиться своими трудами, построенными на трезвомъ пониманіи общесгвенныхъ потребностей и освѣщенными свѣтомъ науки и любви къ родинѣ, получившей Судебные Уставы какъ цѣнный и свѣтлый даръ. Ея работа, въ чемъ она касалась основной конструкціи организаціи органовъ правосудія, должна была опредѣлить, гдѣ, на пути теченія рѣки, встрѣчается каменистый и вѣковой кряжъ народной жизни и строго отличить отъ послѣдняго песчаныя мели и илистые наносы, которые надо размыть и смыть, а не обходить, затопляя плодородныя нивы.

Открытая и закрытая съ особою торжественностью,—о которой, вѣроятно, и не мечталось *составителямъ* Судебныхъ Уставовъ—съ блестящими рѣчами и молебствіями, Комиссія, подъ руководствомъ энергичнаго и выдающагося по способностямъ предсѣдателя, проработала около пяти лѣтъ и имѣла свыше 500 засѣданій, для участія въ которыхъ были призываемы и назначены многіе выдающіеся юристы и судебные практики. Результатомъ ея занятій было собраніе интереснѣйшихъ практическихъ матеріаловъ и рядъ обширныхъ томовъ по *пересмотру Уставовъ*, составляющихъ замѣчательный трудъ дѣлопроизводства, къ которому были привлечены лучшія и даровитѣйшія силы Министерства. Между подробными объяснительными записками встрѣчаются имѣющія большую юридическую цѣнность по приводимымъ въ нихъ научнымъ свѣдѣніямъ и богатымъ даннымъ изъ иностранной юридической литературы и законодательствъ. Здѣсь не мѣсто разбирать подробно—внесла ли Коммиссія въ свои предположенія и заключенія по части *ремонта* Судебныхъ Уставовъ нѣчто *капитальное* или же ограничилась нѣкоторыми частичными улучшеніями, но несомнѣнно, что такія улучшенія ею намѣчены, особливо въ уставѣ гражданскаго судопроизводства, проектъ котораго, по отзыву спеціалистовъ, представляетъ значительный шагъ впередъ. Но, къ сожалѣнію, она, вопреки утвержденію своего предсѣдателя, не ограничилась устремленіемъ своихъ творческихъ силъ «на всѣ слабыя мѣста, куда надлежитъ направить *ремонтныя работы*», а предприняла *коренную перестройку* уставовъ и, постепенно увлекаясь этой неблагодарною задачей, едва ли достигла ставимой ей въ заслугу цѣли, «соединить въ устройствѣ правосудія *незыблемость* великихъ основныхъ началъ съ практической *гибкостью* ихъ дѣйствія». Можно даже опасаться, что скептически настроенные умы, ознакомившись съ проектомъ уставовъ въ окончательной его редакціи, выработанной Коммиссіею найдутъ, что въ новомъ судоустройствѣ, вдвинутомъ какъ клинъ въ многострадальныя страницы Судебныхъ Уставовъ, этой практической гибкости отведено далеко не одинаковое мѣсто съ великими основными началами—и что самое брачное ихъ сопряженіе грозитъ на практикѣ скорымъ и неминуемымъ разводомъ.

Можно ли дѣйствительно считать только «ремонтною работою» хотя бы тѣ новшества, которыми знаменуется предположенная «ре-

форма судебной реформы» и по отношенію къ которымъ пришлось закрѣплять свое несогласіе печатаемыми здѣсь особыми мнѣніями? Въ какомъ смыслѣ могло бы состояться благотворное обновленіе Судебныхъ Уставовъ отъ производства вмѣсто *предварительныхъ* слѣдствій по большинству уголовныхъ дѣлъ—особыхъ *слѣдственныхъ дознаній*, съ передачею ихъ въ руки среднихъ и даже нисшихъ органовъ полиціи?—или отъ учрежденія участковыхъ (по неудачному и вредному для населенія типу сибирскихъ единоличныхъ) судей, имѣющихъ сложныя обязанности и подсудность и лишенныхъ главныхъ условій правильной судейской дѣятельности—независимости и самостоятельности, выражающихся въ несмѣняемости?—или отъ сведенія судьи къ положенію чиновника вообще, съ разнесеніемъ его правъ и преимуществъ по статьямъ Устава о службѣ гражданской и съ отнятіемъ у него тѣхъ особенныхъ условій явки къ должности, которыя вызываются высотою его обязанностей и которыми онъ доселѣ отличается отъ почтово-телеграфнаго или акцизнаго чиновника? Будетъ ли гарантировано правосудіе установленіемъ красиво звучащихъ *объединенія* суда и *приближенія* его къ народу, обращающихся на практикѣ въ *раздвоеніе* и въ отсутствіе главнаго органа судебнаго производства—*судьи*,—ибо земскій начальникъ, творящій разбирательство и налагающій кары, все таки не можетъ быть названъ судьею по своему вполнѣ зависимому отъ административнаго начальства положенію? или передачею кассаціонныхъ функцій по дѣламъ участковой подсудности Судебнымъ Палатамъ, чѣмъ окончательно умаляется значеніе *единства практики* Сената, и безъ того кореннымъ образомъ подорванное образованіемъ наряду съ высшимъ судилищемъ, «нелицемѣрному правосудію» котораго исторически привыкъ довѣрять народъ, множества Губернскихъ присутствій, получившихъ способность къ широкому размноженію по лицу русской земли и свои собственные взгляды на вѣсъ и силу кассаціонныхъ поводовъ?

Составители Судебныхъ Уставовъ водружали основныя начала организаціи правосудія какъ незыблемыя, твердыя мачты и съ гордой радостью за родину подымали на нихъ флагъ самостоятельнаго, скораго и равнаго для всѣхъ суда. Они мало думали о *гибкости* этихъ началъ и отрицали необходимость приспособляемости къ случайнымъ требованіямъ жизни, подчасъ идущимъ изъ совер-

шенно противуположнаго этимъ началамъ источника. Въ довѣріи къ этимъ началамъ и въ забвеніи силы обстоятельствъ была, быть можетъ, ихъ практическая ошибка, но въ этомъ было и достоинство ихъ работы, не утратившее своего значенія и до сихъ поръ. Когда они воздвигали свое зданіе, скороспѣлые и невѣжественные порицатели стали находить, что въ новый храмъ правосудія внесены чуждые прежнему культу изображенія иновѣрныхъ божествъ. Да! это такъ... Эти божества назывались—равноправностью, уваженіемъ къ человѣческому достоинству, гласностью, открытою защитою, несмѣняемостью судей, единствомъ высшаго надзора и подчиненія, твердымъ отдѣленіемъ судебной власти отъ администраціи и т. п. Такъ было и въ римскомъ Пантеонѣ. И его гармоническія и стройныя стѣны принимали въ свои нѣдра изображенія, свойственныя чуждымъ суровому Риму культамъ, — и къ этимъ стѣнамъ, искажая ихъ классическую красоту, пристраивались впослѣдствіи рѣжущія глазъ башенки... Но ихъ потомъ сняли — и чудный куполъ, съ яркимъ круглымъ отверстіемъ въ синее небо, попрежнему наполняетъ душу вошедшаго благодарнымъ восхищеніемъ предъ строителемъ храма. То же будетъ и со зданіемъ Судебныхъ Уставовъ, пока основныя ихъ начала будутъ неприкосновенны. Къ несчастію внутри зданія, за время его существованія, кое что передвинуто и сломано, а внѣ его многое пристроено, — но оно все еще хранитъ въ себѣ глубокую мысль строителя — и сквозь его куполъ, сведенный надъ его основами, все еще свѣтитъ голубое небо высокихъ идеаловъ.

Поэтому истинная задача *пересмотра* Судебныхъ Уставовъ должна быть непремѣнно связана съ возвращеніемъ къ старому, лишь укрѣпленному и освѣженному, такъ, чтобы немногимъ изъ оставшихся судебныхъ дѣятелей перваго призыва «въ новизнѣ его—старина ихъ слышалась». Однако Коммиссія пошла, послѣ первыхъ вѣрныхъ шаговъ, другою дорогою, обходя вопросы о томъ, *что* изъ *старыхъ* Уставовъ слѣдовало бы воскресить, прежде чѣмъ думать о нововведеніяхъ. Упраздненіе или, по крайней мѣрѣ, значительное ограниченіе судебныхъ функцій земскихъ начальниковъ, на что въ первые годы существованія Коммиссіи изъявляло согласіе и само Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, было въ ней авторитетно и категорически устранено отъ обсужденія. Отвергнуто было даже

и скромное предложеніе сохранить за вновь учрежденными единоличными судьями дорогое по воспоминаніямъ названіе *Мировыхъ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ устранилась и возможность возстановленія выборныхъ Мировыхъ Судей. Вслѣдствіе этого пришлось ограничиться пересмотромъ того, что *осталось* отъ Судебныхъ Уставовъ, послѣ того какъ изъ нихъ была вынута значительная составная часть—мировая юстиція. Но и въ этой области многое предположенное было шагомъ назадъ не къ первоначальнымъ Уставамъ, а за нихъ, *по ту ихъ сторону,* и даже, какъ напримѣръ въ предположеніяхъ по слѣдственной части, за Наказъ судебнымъ слѣдователямъ 1860 года, т. е. въ дореформенное прошлое.

Тѣмъ, кто пережилъ судебную реформу, чья молодость была согрѣта ея лучами, было нерѣдко больно и грустно слышать и видѣть, какъ нѣкоторые старые судебные дѣятели, вскормленные подъ сѣнью Судебныхъ Уставовъ и *имъ* обязанные своимъ высокимъ судейскимъ званіемъ, съ легкимъ и забывчивымъ сердцемъ спѣшили отречься отъ того, что составляло нравственную красоту этихъ Уставовъ и ихъ заслугу предъ русскимъ народомъ. Но компромиссы рѣдко достигаютъ цѣли, будучи иногда, въ поспѣшномъ усердіи, выдвигаемы даже за ея предѣлы. Отдѣльныя вѣдомства, на заключеніе коихъ поступили пересмотрѣнные Уставы далеко не раздѣлили мнѣнія нѣкоторыхъ изъ участниковъ пересмотра о томъ, что въ новомъ видѣ эти Уставы соотвѣтствуютъ «видамъ правительства». Министерство Внутреннихъ Дѣлъ отнеслось съ сомнѣніемъ къ желательности пріобрѣсти данайскій даръ въ видѣ слѣдственныхъ дознаній, а Министерство Финансовъ, въ обширномъ и чрезвычайно обстоятельномъ мнѣніи, обратилось съ разрушительною критикою ко многимъ предположеніямъ Коммиссіи. Пересмотрѣнные вновь, уже не въ Коммиссіи, а въ Министерствѣ Юстиціи, и въ значительной степени умаленные въ своихъ радикальныхъ предположеніяхъ о преобразованіямъ по судоустройству и уголовному судопроизводству, Судебные Уставы находятся нынѣ въ разсмотрѣніи Государственнаго Совѣта. Пожелаемъ имъ выдти изъ этого или какого-либо другаго разсмотрѣнія какъ можно болѣе приближающимися не по формѣ только, но по духу и содержанію, къ своему незабвенному первоначальному образцу!..

Еще нѣсколько словъ—*о введеніи*. Статья о *свидѣтеляхъ на судѣ* представляетъ собою содержаніе доклада, сдѣланнаго осенью 1904 года въ Петербургскомъ Юридическомъ Обществѣ. Докладъ этотъ былъ вызванъ сообщеніемъ О. Б. Гольдовскаго объ опытахъ Штерна и Врешнера по изслѣдованію степени и свойствъ памяти, отражающихся въ разсказахъ, воспоминаніяхъ или свидѣтельскихъ показаніяхъ. Несомнѣнно, что всякаго рода объективные опыты въ области психологіи свидѣтельскихъ показаній въ высокой степени полезны уже по одному тому, что пробуждаютъ интересъ къ такому важному элементу всякаго воспоминанія, какъ память и вниманіе. Но ограничиваться этими опытами и идти за ними, такъ сказать на буксирѣ, въ судебномъ дѣлѣ, значило бы умалять необходимость самодѣятельности судьи. А въ ней и въ «святомъ безпокойствѣ» объ исполненіи своихъ обязанностей во всю мѣру своего судейскаго долга и своихъ силъ—залогъ правосудія и нравственнаго бодрствованія судьи, ограждающаго его отъ впаденія въ рутину и безразличіе. Поэтому я попробовалъ пойти другой дорогою, чѣмъ представители экспериментальной психологіи, и старался извлечь изъ моего долгаго судебнаго опыта нѣкоторыя общія черты и положенія, могущія помочь въ оцѣнкѣ свидѣтельскихъ показаній путемъ наблюдательности, а не механическаго опыта и мертвыхъ вычисленій. Очень было бы желательно увидѣть продолженіе этой попытки еще въ другихъ рукахъ. Быть можетъ накопившійся такимъ образомъ матеріалъ дастъ когда нибудь возможность создать болѣе или менѣе типическія характеристики главнѣйшихъ разновидностей между свидѣтелями и тѣмъ подготовить начинающаго судью къ его дѣятельности.

«*Общія черты судебной этики*» составляютъ предметъ публичнаго чтенія въ Психологическомъ Обществѣ при Московскомъ Университетѣ въ декабрѣ 1901 года. Онѣ же вошли, въ значительной части, во вступительную лекцію въ курсъ уголовнаго судопроизводства, читаемый мною, съ 1900 года, въ Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ. Изученіе и преподаваніе этическихъ началъ въ дѣлѣ уголовнаго правосудія представляется мнѣ имѣющимъ серьезное значеніе. Это значеніе постоянно увеличивается въ виду нѣкоторыхъ практическихъ явленій судебной жизни, подчасъ знаменующихъ собою забвеніе тѣхъ нравственныхъ началъ,

которыми проникнуты процессуальные институты, путемъ долгой эволюціи освободившіеся отъ формальныхъ требованій и отъ бездушнаго ихъ выполненія. Намѣреніе мое прочесть осенью 1902 года рядъ публичныхъ лекцій «о нравственныхъ началахъ въ уголовномъ процессѣ» не осуществилось, но я не теряю надежды приготовить для печати подробное изслѣдованіе по судебной этикѣ, помѣстивъ въ него результаты «ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ», вынесенные мною изъ почти сорокалѣтней дѣятельности на судебномъ поприщѣ. Заранѣе радостно привѣтствую и того, кто съ любовью и съ вѣрою въ успѣхъ, предприметъ бесѣды съ молодымъ поколѣніемъ о *нравственныхъ началахъ*, столь неразрывно связанныхъ съ истиннымъ правосудіемъ.

А. Кони.

Докторъ уголовнаго права, почетный членъ—Академіи наукъ, Военно-Медицинской Академіи, Московскаго Психологическаго Общества и Юридическихъ Обществъ—Московскаго, Петербурскаго, Кіевскаго, Казанскаго, Харьковскаго, Томскаго, Курскаго и Кавказскаго.

Іюнь 1905 г.

ВВЕДЕНІЕ.

НРАВСТВЕННЫЯ НАЧАЛА ВЪ УГОЛОВНОМЪ ПРОЦЕССѢ.

(Общія черты судебной этики).

Настоящій очеркъ, въ сущности касается вопроса педагогическаго, т. е. вопроса о томъ, — не слѣдуетъ ли, при современномъ состояніи уголовнаго процесса, расширить его академическое преподаваніе въ сторону подробнаго изслѣдованія и установленія нравственныхъ началъ, которымъ должно принадлежать видное и законное вліяніе въ дѣлѣ отправленія уголовнаго правосудія.

Нѣтъ сомнѣнія, что историко-догматическая сторона въ преподаваніи уголовнаго процесса вездѣ должна занимать подобающее ей по праву мѣсто, но думается, что настало время наряду съ исторіей и догмою освѣтить и тѣ разнородные вопросы, возникающіе въ каждой стадіи процесса, которые подлежатъ разрѣшенію согласно существеннымъ требованіямъ нравственнаго закона—этого non scripta, sed nata lex. Ими у насъ до сихъ поръ почти никто систематически не занимался, а между тѣмъ нравственнымъ началамъ, какъ мнѣ кажется, принадлежитъ въ будущемъ первенствующая роль въ изслѣдованіи условій и обстановки уголовнаго процесса. Формы судопроизводства теперь повсюду болѣе или менѣе прочно установились. Точно также опредѣлился и взглядъ на цѣнность, пригодность и цѣлесообразность различныхъ судебныхъ учрежденій. Законодательство, подъ вліяніемъ временныхъ ослѣпленій, можетъ конечно отступать назадъ и возвращаться къ устарѣлымъ и отжившимъ учрежденіямъ, но на коренныя начала правосудія — гласность, устность, непосредственность и свободную оцѣнку доказательствъ—оно серьезно посягнуть не рѣшится. *Эти*

пріобрѣтенія человѣчества куплены слишкомъ дорогою цѣною многовѣковыхъ страданій и заблужденій, чтобы съ ними можно было легко и надолго разстаться. Вмѣстѣ съ тѣмъ едва ли скоро человѣчество придумаетъ форму суда, могущую съ прочнымъ успѣхомъ замѣнить судъ присяжныхъ,—или найдетъ возможнымъ обходиться безъ состязательнаго начала. Поэтому, — по всѣмъ вѣроятіямъ,—въ будущемъ предстоитъ лишь частичное улучшеніе нѣкоторыхъ отдѣловъ уголовнаго процесса и утонченіе техники производства уголовнаго изслѣдованія. Но рядомъ съ этимъ изощреніемъ техники должно пойти—будемъ на это надѣяться—развитіе истиннаго и широкаго человѣколюбія на судѣ, равно далекаго и отъ механической нивеллировки отдѣльныхъ индивидуальностей, и отъ черствости пріемовъ, и отъ чуждой истинной добротѣ дряблости воли въ защитѣ общественнаго правопорядка. Тогда главное вниманіе, съ полнымъ основаніемъ, обратится на изученіе нравственныхъ началъ уголовнаго процесса — и центръ тяжести ученія о судопроизводствѣ перенесется съ *хода процесса* на *этическую и общественно-правовую* дѣятельность судьи во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ.

Задача уголовнаго суда состоитъ въ изслѣдованіи преступнаго дѣянія и въ справедливомъ приложеніи къ человѣку, признанному виновнымъ, карательнаго закона. Но судъ не механизмъ и не отвлеченіе отъ жизни, а живой и воспріимчивый организмъ, приходящій въ самое непосредственное и богатое разнообразными послѣдствіями соприкосновеніе съ явленіями общежитія. Онъ осуществляется судьею — въ общеніи съ другими сотрудниками или единолично. На различныхъ ступеняхъ уголовнаго процесса — изслѣдуя преступное дѣло и связывая съ нимъ личность содѣятеля,— оцѣнивая его вину и прилагая къ ней мѣрило уголовной кары,— наблюдая, чтобы эта оцѣнка была совершаема по правиламъ, установленнымъ для гарантіи какъ общества, такъ и подсудимаго — судья призванъ прилагать всѣ силы ума и совѣсти, знанія и опыта, чтобы постигнуть житейскую и юридическую правду дѣла. Облекая эту правду въ опредѣленныя формы, онъ долженъ способствовать, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, возстановленію поколебленнаго правопорядка. Какъ бы хороши ни были правила дѣятельности, онѣ могутъ потерять свою силу и значеніе въ неопытныхъ, грубыхъ или недобросовѣстныхъ рукахъ. Чѣмъ больше оттѣнковъ въ своемъ практическомъ примѣненіи допускаютъ эти правила, чѣмъ глубже касаются онѣ личности и участи человѣка, чѣмъ болѣе важнымъ интересамъ общественной жизни онѣ служатъ, тѣмъ серьезнѣе представляется вопросъ — въ чьи руки отдается приложеніе этихъ правилъ и при какихъ условіяхъ. Не даромъ народ-

ная житейская мудрость создала поговорку: «не суда бойся, бойся судьи!» Извѣстный французскій криминалистъ Ортоланъ указываетъ на то, что честный гражданинъ еще можетъ не подпасть подъ дѣйствіе дурныхъ уголовныхъ законовъ, но онъ лишенъ средствъ избѣжать дурного отправленія правосудія, при которомъ самый обдуманный и справедливый уголовный законъ обращается въ ничто.

Вотъ почему центромъ тяжести организаціи уголовнаго правосудія долженъ быть признанъ *судья* съ тѣми неизбѣжными условіями, въ которыя его ставитъ разумное законодательство, и съ тѣми типическими чертами, которыми его снабжаетъ общественное правовое и нравственное чувство. Постановка званія судьи, предѣлы свободы его самодѣятельности, обязательныя правила его дѣйствій и нравственныя требованія, предъявляемыя къ нему, даютъ ясную картину состоянія уголовнаго правосудія въ извѣстное время и въ извѣстномъ мѣстѣ. Отношеніе общественнаго мнѣнія къ судьямъ рисуетъ, въ общихъ чертахъ, и характеръ производимаго ими суда. Знаменитая фраза, которую Бомарше вкладываетъ въ уста своего героя: «я вѣрю въ вашу справедливость, *хотя* вы и представитель правосудія» съ яркостью указываетъ, въ какихъ подкупныхъ и трусливыхъ рукахъ было производство суда въ современной ему Испаніи, а крикъ отчаянія, вырвавшійся у Де-Сѣза: «я ищу судей—и нахожу лишь обвинителей» характеризуетъ чуждыя правосудію чувства, овладѣвшія конвентомъ во время суда надъ «Людовикомъ Капетомъ».

Такимъ образомъ изученіе судопроизводства, съ точки зрѣнія судейской дѣятельности, должно распадаться на изученіе а) необходимыхъ *свойствъ* этой дѣятельности, выражающейся, главнымъ образомъ, въ постановленіи приговора, заключающаго въ себѣ выводъ о виновности на основаніи внутренняго убѣжденія судьи, толкованіе закона въ приложеніи къ данному случаю и опредѣленіе мѣры наказанія; б) необходимыхъ *условій* этой дѣятельности, и в) *поведенія* судьи по отношенію къ лицамъ, съ которыми онъ приходитъ въ соприкосновеніе вслѣдствіе своей дѣятельности.

Въ первомъ отношеніи прежде всего особеннаго вниманія заслуживаетъ та роль, которую должно играть въ выработкѣ приговора внутреннее убѣжденіе судьи. Ближайшее знакомство съ типомъ судьи въ его историческомъ развитіи показываетъ, что, имѣя задачею быть живымъ выразителемъ правосудія, судья не всегда однако принималъ одинаковое участіе въ изслѣдованіи истины, и роль, которая отводилась ею *внутреннему убѣжденію*, какъ основанію приговора, не была однородна въ разные историческіе періоды. Народный судъ геліастовъ, подъ предсѣдательствомъ архонта,

въ древней Греціи,—присяжные судьи (judices jurati) подъ руководствомъ претора въ Римѣ до IV вѣка по Р. Х. и франко-германскій судъ *лучшихъ людей*, созываемый вождемъ мархіи — являются представителями чисто обвинительнаго начала и рѣшаютъ судебный споръ лишь по тѣмъ доказательствамъ, которыя представлены истцомъ-обвинителемъ и отвѣтчикомъ-обвиняемымъ. Къ доказательствамъ греческаго и римскаго процессовъ—задержанію съ поличнымъ, собственному признанію и показаніямъ свидѣтелей — эпоха leges barbarorum присоединяетъ свои, выдвигая на первый планъ очистительную присягу подсудимаго и поручителей за него изъ свободнаго сословія, съ замѣною ея ордаліей, т.-е. испытаніемъ огнемъ, водою и желѣзомъ. Феодальная система передаетъ судъ въ руки сеньора, патримоніальнаго владѣльца, по уполномочію котораго его замѣститель (во Франціи—*бальи*) судитъ обвиняемаго при сотрудничествѣ опредѣленнаго числа равныхъ послѣднему по званію людей. Процессъ остается тѣмъ же, но въ числѣ доказательствъ преобладаетъ судебный поединокъ, получающій особенное развитіе въ XI и XII столѣтіяхъ и почти совершенно упраздняющій свидѣтельскія показанія. Такъ совершается постепенный переходъ отъ *свободы внутренняго убѣжденія*—при ограниченномъ кругѣ доказательствъ — древняго народнаго судьи къ внѣшней задачѣ судьи феодальнаго, которая характеризуется отсутствіемъ или вѣрнѣе *ненадобностью внутренняго убѣжденія* въ виновности или невиновности подсудимаго. Вмѣсто суда человѣческаго этотъ вопросъ рѣшаетъ судъ Божій, выражающійся въ наличности или отсутствіи несомнѣнныхъ признаковъ виновности, состоящихъ въ слѣдахъ ожоговъ, въ побѣдѣ противника во время «поля» и т. д. Судья, опредѣляя на чьей сторонѣ истина, не изслѣдуетъ вины и не основываетъ своего приговора на сопоставленіи и взвѣшиваніи внутренней силы доказательствъ: поличное, ордалія, поединокъ и даже собственное сознаніе такой работы по тогдашнему взгляду вовсе не требуютъ. Сплоченіе государствъ въ одно цѣлое и торжество монархическаго единства надъ феодальною раздробленностью—объединяетъ и судъ, сосредоточивая его въ рукахъ спеціальныхъ судей, назначаемыхъ отъ короны. Ихъ роль измѣняется. Подобно служителямъ церкви, имѣвшимъ свой особый, инквизиціонный процессъ, коронные судьи начинаютъ разыскивать доказательства преступленія и доискиваться виновности подсудимаго. Подъ вліяніемъ церкви, которая все болѣе и болѣе сливается съ государствомъ, устраняются кровавыя доказательства. Исчезаютъ всякіе слѣды ордалій, не назначается болѣе судебныхъ поединковъ. Но связанное съ проповѣдью мира и человѣколюбія вліяніе церкви на свѣтскій судъ привело къ об-

ратному результату, усвоивъ этому суду пріемы и обстановку своихъ изслѣдованій. Очищенная церковью отъ воззрѣній феодальнаго времени, система доказательствъ сосредоточилась на показаніяхъ и прежде и главнѣе всего на собственномъ сознаніи и оговорѣ. Это сознаніе надо добыть во что бы то ни стало, — не убѣжденіемъ, такъ страхомъ, не страхомъ, такъ мукою. Средствомъ для этого является пытка. Употреблявшаяся въ античномъ мірѣ и въ феодальную эпоху очень рѣдко и лишь относительно рабовъ и несвободныхъ, пытка становится универсальнымъ средствомъ для выясненія истины. Судья *допытывается* правды и считаетъ за нее то, что слышитъ изъ запекшихся отъ крика и страданій устъ обвиняемаго, которому жмутъ тисками голени и пальцы на рукахъ, выворачиваютъ суставы, жгутъ бока и подошвы, въ котораго вливаютъ неимовѣрное количество воды. Этого нельзя дѣлать всенародно—и судъ уходитъ въ подземелье, въ застѣнокъ. Тамъ заноситъ онъ въ свои мертвыя и безцвѣтныя записи — признанія, данныя съ судорожными рыданіями или прерывающимся, умирающимъ шопотомъ. Отсюда — отсутствіе, очевидно безполезной, защиты, безгласность, письменность и канцелярская тайна. Очевидно, что и тутъ внутреннему убѣжденію судьи очень мало мѣста. Если только онъ убѣжденъ, что пытка есть спасительное средство для полученія истины—а въ этомъ горячо убѣждены, въ лицѣ выдающихся юристовъ, всѣ судьи того времени—то рѣшаетъ дѣло не его совѣсть, а физическая выносливость подсудимаго. Это время можно назвать временемъ *предвзятости внутренняго убѣжденія*. Человѣчество однако движется впередъ и къ концу своего свыше трехвѣкового господства пытка сначала регулируется и сокращается и, наконецъ исчезаетъ съ мрачныхъ процессуальныхъ страницъ. Развивавшаяся рядомъ съ нею система формальныхъ, предустановленныхъ доказательствъ — замѣняетъ ее и господствуетъ повсюду болѣе или менѣе неограниченно до введенія суда присяжныхъ. Эта система даетъ въ руки судьѣ готовый рецептъ, гдѣ установлены заранѣе виды и дозы доказательныхъ средствъ, необходимыхъ для излѣченія подсудимаго отъ недуга, называемаго преступленіемъ. Задача судьи сводится къ механическому сложенію и вычитанію доказательствъ, вѣсъ и взаимная сила которыхъ заранѣе опредѣлены, при чемъ даже и для сомнѣнія есть опредѣленныя, формальныя правила. Хотя, при господствѣ розыскного, слѣдственнаго процесса, судебная власть сама собираетъ доказательства, но, собравъ ихъ, она не даетъ судьѣ права свободно сопоставлять и сравнивать ихъ, руководясь внутреннимъ убѣжденіемъ, а указываетъ ему для этого готовое непреложное мѣрило. Время господства системы формальныхъ доказательствъ можетъ

быть названо временемъ *связанности внутренняго убѣжденія судьи.*

Новое время даетъ, наконецъ, надлежащую свободу убѣжденію судьи, возвращая его въ положеніе античнаго судьи, но обставляя его личность и дѣятельность условіями и требованіями, которыя обезпечиваютъ, по мѣрѣ возможности, правильность отправленія правосудія. Розыскъ доказательствъ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова производитъ судья, вооруженный опытомъ и знаніемъ,—и свою работу передаетъ другимъ судьямъ, которые уже ее оцѣниваютъ, присутствуя при совокупной работѣ сторонъ по разработкѣ этихъ доказательствъ. При этомъ слѣдственно-обвинительномъ производствѣ выводъ о виновности является результатомъ сложной внутренней работы судьи, не стѣсненнаго въ опредѣленіи силы доказательствъ ничѣмъ, кромѣ указаній разума и голоса совѣсти. При томъ, по важнѣйшимъ дѣламъ, судебная власть зоветъ къ себѣ въ помощь общество, въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей,— и говоритъ этимъ обществу: «я сдѣлала все, что могла, чтобы выяснить злое дѣло человѣка, ставимаго мною на твой судъ, — теперь скажи свое слово самообороны или укажи мнѣ, что, ограждая тебя, я ошибалась въ его виновности».

Повсемѣстное отсутствіе требованій отъ присяжныхъ мотивировки ихъ рѣшенія—есть самое яркое признаніе свободы судейскаго убѣжденія. Но, ставя высоко эту свободу, какъ необходимое условіе истиннаго правосудія, надо не смѣшивать ее съ произволомъ, съ усмотрѣніемъ судьи, лишеннымъ разумнаго основанія и не опирающимся на логическій выводъ изъ обстоятельствъ дѣла. Свобода внутренняго убѣжденія состоитъ *по отношенію къ каждому доказательству* въ томъ, что доказательство это можетъ быть принято судьею за удостовѣреніе существованія того или другого обстоятельства лишь тогда, когда, разсмотрѣвъ его, обдумавъ и взвѣсивъ, судья находитъ его по источнику и содержанію невозбуждающимъ сомнѣнія и достойнымъ вѣры;—*по отношенію ко всѣмъ доказательствамъ вмѣстѣ*—въ томъ, что сопоставленіе, противупоставленіе и провѣрка однѣхъ доказательствъ другими совершается не по заранѣе начертанной программѣ, а путемъ разумной критической работы, ищущей доступной человѣку степени правды, и одной правды, какъ бы, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, ни было тяжело подчинить свое личное чувство послѣдовательному выводу сознанія.

Судья — органъ государства. Оно смотритъ на него, какъ на средство ближе и правильнѣе исполнить свою задачу охраненія закона. Напряженіе душевныхъ силъ судьи для отысканія истины въ дѣлѣ есть исполненіе порученія государства, которое, уповая

на спокойное безпристрастіе его тяжелаго подчасъ труда, ввѣряетъ ему частицу своей власти. Поэтому оно ждетъ отъ судьи обдуманнаго приговора, а не мимолетнаго мнѣнія, внушеннаго порывомъ чувства или предвзятымъ взглядомъ. Для правосудія является бѣдствіемъ, когда въ приговорахъ stat pro ratione voluntas. Поэтому судья, рѣшая дѣло, никогда не имѣетъ ни права, ни нравственнаго основанія говорить: «sic volo, sic jubeo!»—*я такъ хочу.* Онъ долженъ говорить, подобно Лютеру: — «ich kann nicht anders!»—*я не могу иначе,*—не могу потому, что и логика вещей, и внутреннее чувство, и житейская правда, и смыслъ закона—твердо и неуклонно подсказываютъ мнѣ мое рѣшеніе, и противъ всякаго другого заговоритъ моя совѣсть, какъ судьи и человѣка. Постановляя свой приговоръ, судья можетъ ошибаться; но если онъ хочетъ быть дѣйствительно судьею, а не представителемъ произвола въ ту или другую сторону, онъ долженъ основывать свое рѣшеніе на томъ, что въ данное время ему представляется *логически неизбѣжнымъ и нравственно-обязательнымъ.* Тотъ же Лютеръ объясняетъ, что «грѣхъ противъ Духа Святаго» состоитъ въ «дьявольскомъ упорствѣ», съ которымъ человѣкъ, разъ разубѣдившись въ чемъ либо, *не хочетъ* быть разубѣжденнымъ. «Я узналъ этотъ грѣхъ,—прибавляетъ онъ съ ироніей,—лишь когда сталъ ученымъ докторомъ»...

Одно внутреннее убѣжденіе, не стѣсненное обязательными правилами или формальными указаніями, не можетъ однако обезпечить справедливости рѣшеній. Въ самомъ судьѣ и во внѣшнихъ обстоятельствахъ могутъ лежать причины къ тому, чтобы судья не умѣлъ или не могъ примѣнить къ дѣлу всю полноту внутренняго своего убѣжденія или дать ему правильный исходъ. Человѣку свойственны увлеченія, создающія односторонній взглядъ на вещи, въ его дѣятельности возможны ошибки, недосмотры и невѣрное пониманіе предметовъ сложныхъ или необычныхъ. Наконецъ, судья можетъ страдать недостаткомъ, столь часто встрѣчающимся у насъ и названнымъ Кавелинымъ «лѣнью ума». Эта лѣнь ума, отказывающагося проникать въ глубь вещей и пробивать себѣ дорогу среди кажущихся видимостей и поверхностныхъ противорѣчій особенно нежелательна въ виду того, что въ дѣлѣ суда достовѣрность вырабатывается изъ правдоподобности и добывается послѣдовательнымъ устраненіемъ возникающихъ сомнѣній. Благодѣтельный и разумный обычай, обратившійся почти въ неписанный законъ, предписываетъ всякое сомнѣніе толковать въ пользу подсудимаго. Но какое это сомнѣніе? Конечно, не мимолетное, непровѣренное и соблазнительное по легко достигаемому при посредствѣ его рѣшенію, являющееся не плодомъ вялой работы лѣниваго ума и сон-

ной совѣсти, а остающееся послѣ долгой, внимательной и всесторонней оцѣнки каждаго доказательства въ отдѣльности и всѣхъ ихъ въ совокупности, въ связи съ личностью и житейскою обстановкою обвиняемаго. Съ сомнѣніемъ надо бороться — и побѣдить его или быть имъ побѣжденнымъ, такъ, чтобы въ концѣ концовъ не колеблясь и не смущаясь сказать рѣшительное слово — «виновенъ» или «нѣтъ»... Итальянскій процессъ, установляя парламентскій, а не судебный способъ подачи голосовъ присяжными засѣдателями, въ силу котораго послѣднимъ предоставляется воздерживаться отъ подачи голоса, опуская въ урну бѣлыя бумажки—потворствуетъ, ко вреду для правосудія, такой бездѣятельности ума и совѣсти, создавая почву для той *инертности духа*, которая, вмѣстѣ съ жаднымъ исканіемъ подчиненія авторитету и съ рабствомъ предъ своею чувственною природою, составляетъ, по ученію Фихте, одинъ изъ главнѣйшихъ пороковъ человѣчества.

Но опасности, грозящія выработкѣ правильнаго приговора, могутъ исходить не только изъ личныхъ свойствъ судьи,—онѣ могутъ лежать *внѣ* судьи, вліяя пагубнымъ для правосудія образомъ на спокойствіе рѣшенія и его независимость отъ постороннихъ личныхъ соображеній. Приказаніе, идущее отъ имущихъ власть и возможность *удалить судью* отъ его дѣла или вовсе лишить его привычной дѣятельности и настойчивыя, вліятельныя просьбы и внушенія, способны создать въ судьѣ постоянную тревогу за свое положеніе вообще, опасеніе послѣдствій своего *предстоящаго* рѣшенія и страхъ по поводу *уже состоявшагося*. Къ судьѣ слѣдуетъ предъявлять высокія требованія не только въ смыслѣ знанія и умѣнія, но и въ смыслѣ характера, но требовать отъ него героизма невозможно. Отсюда необходимость оградить его отъ условій, дающихъ основаніе къ развитію въ немъ малодушія и вынужденной угодливости. Отсюда *несмѣняемость* судьи, дающая честному, строго исполняющему свои обязанности человѣку безупречнаго поведенія возможность спокойно и безтрепетно осуществлять свою судейскую дѣятельность. Положеніе, при которомъ судья можетъ совершенно не помышлять о *своемъ* завтрашнемъ днѣ, а думать лишь о завтрашнемъ днѣ судимаго имъ *обвиняемаго*, положеніе характеризуемое знаменитыми словами «la Cour rend des arrets et pas des services» — есть одно изъ лучшихъ ручательствъ правильности приговоровъ.

Есть однако другой видъ давленія на судью, отъ котораго его должна ограждать не одна несмѣняемость, но и другія, нравственныя условія исполненія долга. Это давленіе окружающей среды, выражающееся весьма многообразно, чувствительно и вмѣстѣ неуловимо, создающее около судьи, въ его общественной жизни ту

атмосферу, которая стремится властно повліять на исходъ его работы по тому или другому отдѣльному дѣлу или ряду дѣлъ. Подъ видомъ «общественнаго мнѣнія» судьѣ указывается иногда лишь на голосъ «общественной страсти», слѣдовать которому въ судебномъ дѣлѣ всегда опасно и нерѣдко недостойно. Судья долженъ стоять выше этого въ выполненіи своей высокой задачи, основанной не на временныхъ и преходящихъ впечатлѣніяхъ, а на вѣчныхъ и неизмѣнныхъ началахъ правосудія. Забывая мудрый совѣтъ глубокаго мыслителя и юриста Бентама, указывающаго, что, исполняя свой долгъ, судья долженъ иногда идти противъ вожделѣній толпы, говоря себѣ: «populus me sibilat, at ego mihi plaudo!», — судья, боясь общаго неудовольствія, утраты популярности и трудной аналитической работы ума, можетъ пожелать во мнѣніи пестраго и волнующагося большинства найти легкій и успѣшный исходъ для своей заглушенной на время совѣсти и умыть себѣ руки. Такіе судьи бывали и имена нѣкоторыхъ пріобрѣли себѣ безсмертіе. Въ одной старой и чудной книгѣ, пережившей вѣка, разсказанъ процессъ, произведенный *такимъ* судьею и подъ вліяніемъ *такихъ* указаній. Это было 1872 года назадъ. Судью звали Понтій Пилатъ.

Иногда, не вдумавшись глубоко въ смыслъ судебной дѣятельности присяжныхъ засѣдателей, въ нихъ хотятъ видѣть представителей общественнаго мнѣнія по данному дѣлу. Это совершенно ошибочно. Было бы очень печально, если бы присяжные приносили въ судъ это уже заранѣе сложившееся мнѣніе,—мнѣніе, которое чрезвычайно подвижно, склонно увлекаться, бываетъ безсознательно игрушкою въ рукахъ своихъ развратителей или ловкихъ агитаторовъ, сегодня превозноситъ то, что еще вчера топтало въ грязь—и будучи часто справедливымъ въ своихъ *вкусахъ,* иногда бываетъ жестоко несправедливо въ поверхностной оцѣнкѣ фактовъ и побужденій. Не даромъ законъ предостерегаетъ присяжныхъ отъ мнѣній, сложившихся внѣ стѣнъ суда и вноситъ это предостереженіе даже въ текстъ ихъ присяги. Тѣ, кто раздѣлялъ трудныя судейскія обязанности съ присяжными, знаютъ, что послѣдніе служатъ не представителями мимолетнаго мнѣнія плохо освѣдомленной массы, а являются выразителями *общественной совѣсти,* велѣнія которой коренятся въ глубинѣ правового міросозерцанія народа и въ каждомъ данномъ случаѣ примѣняются къ оцѣнкѣ *совокупности всѣхъ обстоятельствъ* дѣла.

Но кромѣ давленія на *имѣющій состояться* приговоръ возможны тягостные упреки судьѣ, отчужденіе отъ него отдѣльныхъ личностей и даже мщеніе ему по *поводу* постановленнаго имъ или при его участіи приговора. Это въ особенности примѣнимо по отно-

шенію къ присяжнымъ засѣдателямъ, почерпнутымъ изъ общественнаго моря и снова въ него возвращающимся. Вотъ почему законъ, ограждая свободу убѣжденія присяжныхъ, установляетъ строгія правила о тайнѣ ихъ совѣщаній. Уголовный приговоръ обыкновенно выражаетъ собою мнѣніе большинства, которому должно подчиняться меньшинство, не утрачивая самостоятельности своего взгляда и оставляя его слѣдъ въ особыхъ мнѣніяхъ,—но судебные обычаи и приличія требуютъ, чтобы судья, оставшійся въ меньшинствѣ, не разглашалъ безъ нужды своего несогласія съ состоявшимся рѣшеніемъ, давая тѣмъ пищу страстямъ и праздному любопытству.

Такъ называемыя «судебныя ошибки» далеко не всегда бываютъ слѣдствіемъ безсознательнаго заблужденія или несчастнаго стеченія обстоятельствъ. Исторія знаетъ помимо явно пристрастныхъ, жестокихъ и бездоказательныхъ приговоровъ, постановленныхъ въ угоду разсчитанному мщенію или политическимъ страстямъ,—приговоровъ, горящихъ на ея страницахъ, какъ несмываемое кровавое пятно на рукѣ леди Макбетъ,—еще и такіе, гдѣ въ оцѣнкѣ доказательствъ невольно чувствуется вліяніе на судей предвзятыхъ мнѣній окружающей среды. Такіе приговоры, представляя, по прекрасному выраженію канцлера Дагессо, «общественное бѣдствіе»—многіе годы тревожатъ совѣсть смѣняющихся поколѣній и взываютъ къ ихъ правосудію, въ то время, когда по приговорамъ перваго рода исторія — этотъ testis temporum, vita memoriae, lux veritatis—давно уже постановила свое оправдательное рѣшеніе несчастнымъ подсудимымъ.

Вернемся отъ этихъ *условій* дѣятельности судьи къ *свойствамъ* его приговора. Несомнѣнно, что не одна оцѣнка доказательствъ и выводъ изъ нея предлежатъ судьѣ. Не менѣе важную задачу составляетъ *подведеніе установленной судьею виновности подъ опредѣленіе карательнаго закона* и приложеніе *справедливой* мѣры наказанія. Правильному примѣненію и толкованію закона судьею грозятъ въ жизни обыкновенно двѣ крайности: или судья выходитъ изъ предѣловъ своей дѣятельности и стремится стать законодателемъ, замѣняя въ своемъ толкованіи *существующій* законъ *желательнымъ*, или же онъ опирается на одну лишь букву закона, забывая про его духъ и про мотивы, его вызвавшіе. Но работа законодателя, исполняемая судьею, всегда поспѣшна, односторонняя и произвольна. Конкретный случай слишкомъ дѣйствуетъ на чувство и въ то же время обыкновенно представляетъ очень скудный матеріалъ для безличныхъ обобщеній, на которыя однако опирается работа составителя закона. Законодательная дѣятельность, въ своей вдумчивой и медлительной, по самому своему су-

ществу, работѣ, уподобляется старости, о которой поэтъ сказалъ, что она «ходитъ осторожно и подозрительно глядитъ». Пестрыя явленія и новыя потребности мимобѣгущей жизни обгоняютъ законъ съ его тяжелою поступью. Судьѣ легко и извинительно увлечься представленіемъ о томъ *новомъ*, которому слѣдовало бы быть на мѣстѣ существующаго *стараго*,—и въ рамки настоящаго постараться втиснуть предполагаемыя велѣнія желаннаго будущаго. Этотъ пріемъ приложенія закона съ точки зрѣнія de lege ferenda, вмѣсто de lege lata, однако грозитъ правосудію опасностью крайней неустойчивости и случайности, такъ какъ каждый судья будетъ склоненъ невольно внести въ толкованіе закона свои личные вкусы, симпатіи и антипатіи—и равномѣрность приложенія закона замѣнять произволомъ и неравномѣрностью усмотрѣнія.

Съ другой стороны, автоматическое примѣненіе закона по его буквальному смыслу, при чемъ судья не утруждаетъ себя проникновеніемъ въ его внутренній смыслъ, обличающій намѣреніе законодателя, и находитъ бездушное успокоеніе въ словахъ—dura lex, sed lex—недостойно судьи, хотя, во многихъ практическихъ случаяхъ, можетъ оказаться для него не только удобнымъ, но даже и выгоднымъ. Для пониманія и толкованія закона необходима самодѣятельность судьи и вдумчивая работа. Матеріальное уголовное право, установляя примѣненіе наказанія по аналогіи, вмѣняетъ судьѣ въ обязанность оцѣнивать преступленія по ихъ важности и роду, т.-е. входить въ разборъ того, *почему* и *для чего* обложилъ законъ тотъ или другой родъ преступныхъ дѣяній извѣстнымъ наказаніемъ. Судебные уставы—въ ст. 9 и 10 Уст. Гражд. Судопр. и 12 и 13 Уст. Угол. Суд. требуютъ, чтобы разрѣшеніе дѣла ни въ какомъ случаѣ не останавливалось подъ предлогомъ неполноты, неясности или противорѣчія законовъ, предписывая судебнымъ установленіямъ основывать свое рѣшеніе на общемъ смыслѣ послѣднихъ. А этотъ общій смыслъ постигается лишь сопоставленіемъ законовъ между собою, изученіемъ системы ихъ распредѣленія и историко-бытовыхъ источниковъ ихъ происхожденія. Сколько здѣсь серьезной работы для судьи,—какой сложный матеріалъ для его мышленія!

Въ этомъ же *общемъ смыслѣ* долженъ искать судья разъясняющія указанія при примѣненіи закона вообще. Языкъ закона скупъ и лакониченъ—и краткія его опредѣленія требуютъ подчасъ вдумчиваго толкованія, которое невозможно безъ проникновенія въ мысль законодателя. Эта сторона дѣятельности судьи, особливо касаціонной его дѣятельности, представляетъ особую важность. Она образуетъ живую связь между уголовнымъ закономъ и практическими проявленіями нарушенія ограждаемыхъ имъ интере-

совъ,—она даетъ драгоцѣнный матеріалъ для назрѣвшихъ законодательныхъ работъ,—она указываетъ и на незаполненные пробѣлы въ существующихъ карательныхъ опредѣленіяхъ и на то, въ какомъ направленіи и смыслѣ ихъ слѣдуетъ заполнить. Поэтому ни въ какой другой стадіи судейской дѣятельности, какъ въ этой, въ стадіи толкованія и примѣненія закона, не представляется случая проявиться той разумной человѣчности, которая составляетъ одинъ изъ элементовъ истинной справедливости. Можно съ полнымъ основаніемъ сказать, что не область вывода о виновности изъ обстоятельствъ дѣла, а именно область примѣненія закона есть та, въ которой наиболѣе осязательно и нравственно-ободрительно можетъ проявляться самостоятельность судьи и независимость его отъ нагнетающихъ его совѣсть вліяній.

Наша кассаціонная практика представляетъ рядъ примѣровъ толкованія мотивовъ закона и вкладыванія въ его сжатую форму обширнаго жизненнаго содержанія. Достаточно указать на толкованіе понятій о совращеніи въ расколъ, о служебномъ подлогѣ, о посягательствѣ на честь и цѣломудріе женщинъ, о клеветѣ и опозореніи въ печати и т. п. Такъ, напримѣръ, уложеніе о наказаніяхъ говоритъ о взысканіи за клевету, не опредѣляя содержанія этого понятія, и Сенату пришлось, прежде всего, разъяснить, что подъ клеветою разумѣется завѣдомо ложное обвиненіе кого-либо въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести. Жизнь показала однако, что такія обвиненія, нерѣдко грозящія самыми тяжкими послѣдствіями неповинному и составляющія «поджогъ его чести», размѣровъ и предѣловъ котораго не можетъ предусмотрѣть и ограничить даже и самъ клеветникъ, очень часто распространяются съ безсовѣстнымъ легкомысліемъ, съ преступною довѣрчивостью ко всякому случаю, дающему пищу злорадному любопытству. Пришлось пойти дальше и разъяснить, что подъ клеветою должно быть понимаемо не только *завѣдомо ложное*, но и *не завѣдомо истинное* обвиненіе въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести. Но жизнь, въ своемъ вѣчномъ движеніи, поставила вскорѣ другой вопросъ. Было распространено съ умысломъ не завѣдомо вѣрное извѣстіе о полученіи образованнымъ и воспитаннымъ случайнымъ посѣтителемъ ресторана пощечинъ и о послѣдовавшемъ затѣмъ выталкиваніи его вонъ. Оскорбитель защищался тѣмъ, что, дѣлая сообщеніе непровѣреннаго и лживаго слуха, онъ не обвинялъ обиженнаго въ какомъ-либо *дѣйствіи*, противномъ правиламъ чести, такъ какъ полученіе пощечины не есть дѣйствіе получившаго ее, и, слѣдовательно, здѣсь не можетъ быть основаній для обвиненія въ клеветѣ. Пришлось снова пойти дальше—и явилось разъясненіе нашего кассаціоннаго суда о томъ, что и тутъ наличность клеветы, такъ какъ

было разглашено ложное обстоятельство о такомъ обращеніи съ жалобщикомъ, которое ложится тяжкимъ пятномъ на личное достоинство подвергшагося такому обращенію, приводя къ неизбѣжному выводу, что это поруганіе его чести вызвано его собственными дѣйствіями, при которыхъ онъ самъ своею честью не стѣснялся и ею не дорожилъ.

Дѣйствующее уложеніе составлено тогда, когда не только наша, но, повидимому, и западная жизнь еще не знали одного изъ отвратительнѣйшихъ преступленій, чрезвычайно распространившихся въ послѣднее время. Это такъ-называемый шантажъ, т.-е. вымогательство денегъ и иныхъ услугъ подъ угрозою сообщенія кому-либо или во всеобщее свѣдѣніе обстоятельствъ, могущихъ разрушительно повліять на честь, имущество или семейное спокойствіе подвергающагося вымогательству. Нельзя оставлять безнаказаннымъ шипѣніе змѣи, заползающей, ради гнуснаго прибытка, въ чужую частную жизнь — и Сенатъ, въ рядѣ рѣшеній, подвелъ шантажъ подъ покушеніе на мошенничество. Признавая, что самоубійство можетъ иногда быть слѣдствіемъ жестокаго обращенія, уголовный законъ, въ ст. 1476 уложенія, караетъ родителей, опекуновъ и другихъ облеченныхъ властью лицъ за побужденіе, жестокимъ злоупотребленіемъ этою властью, подчиненныхъ имъ лицъ къ посягательству на свою собственную жизнь. Въ крестьянскомъ семействѣ повѣсилась сноха, доведенная до отчаянія притѣсненіями свекра и свекрови. По закону—послѣднія лица, не будучи родителями, въ то же время не облечены никакою властью надъ женою сына. Но не такъ въ дѣйствительной жизни— и Сенатъ отвергъ жалобу осужденныхъ по 1476 ст. уложенія, признавъ, что по установившемуся въ сельскомъ быту обычаю глава семейства, живущаго нераздѣльно, имѣетъ надъ всѣми принадлежащими къ семьѣ власть не только домохозяина, но и родителя и, въ случаяхъ злоупотребленія ею, подходитъ подъ карательное опредѣленіе закона.

Къ важнѣйшимъ обязанностямъ судьи относится и *избраніе рода и мѣры наказанія*. Законодатель, руководясь нравственными и общественными идеалами, потребностями государства и цѣлями общежитія, изъ ряда сходныхъ житейскихъ явленій выводитъ одно типическое понятіе, которое и называетъ преступленіемъ, облагая опредѣленнымъ въ своихъ крайнихъ границахъ наказаніемъ. Судья это типическое понятіе прилагаетъ къ отдѣльнымъ случаямъ жизни, облеченнымъ въ плоть и кровь. Поэтому ему нужна наблюдательность, умѣнье оцѣнивать подробности и способность прислушиваться не только къ голосу разума, но и къ представительству сердца. Наказаніе есть не только правовое, но и быто-

вое явленіе и его нельзя прилагать механически ко всякому однородному преступленію одинаково. Карая нарушителя закона, судъ имѣетъ дѣло не съ однообразною формулою отношенія дѣятеля къ дѣянію, а обсуждаетъ такъ называемое «преступное состояніе», представляющее собою въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ своего рода кругъ, въ центрѣ котораго стоитъ обвиняемый, отъ котораго къ окружности идутъ радіусы, выражающіе, болѣе или менѣе, всѣ стороны его личности и житейскаго положенія—психологическую, антропологическую, общественную, экономическую, бытовую, этнографическую и патологическую. Для правильной оцѣнки этого состоянія не можетъ быть общаго, равно примѣнимаго мѣрила, и механически прилагаемое наказаніе безъ соображенія движущихъ силъ, приведшихъ къ преступленію, было бы, въ огромномъ числѣ случаевъ, великою несправедливостью. Поэтому всѣ лучшія современныя уголовныя законодательства, а въ томъ числѣ нашъ уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями и наше новое уголовнаго уложеніе, стремятся, по возможности, освободить судью отъ внѣшнихъ путъ и дать ему широкій просторъ въ избраніи наказанія, довѣряя, въ этомъ случаѣ, его житейской опытности и его судейской совѣсти. Въ послѣдніе годы, по этому вопросу то тутъ, то тамъ—у насъ, въ Пруссіи, въ Италіи—замѣчается нѣкоторая реакція противъ этой свободы, предоставляемой судьѣ. Въ ней хотятъ нѣкоторые видѣть лишь поле для легальнаго произвола, могущаго часто идти въ разрѣзъ съ истинными намѣреніями законодателя. Но даже и тамъ, гдѣ законъ ставитъ строгія и тѣсныя правила въ выборѣ наказанія, онъ предоставляетъ судьѣ право признавать смягчающія обстоятельства, существенно вліяющія на мѣру и на степень наказанія, не говоря уже о томъ, что наше дѣйствующее уложеніе во многихъ случаяхъ разрѣшаетъ судьѣ выбрать одно изъ двухъ и даже трехъ альтернативныхъ наказаній, весьма различныхъ по значенію и по тяжести при своемъ практическомъ осуществленіи.

Довѣріе къ судьѣ—есть необходимое условіе его дѣятельности. Онъ не стоитъ къ уголовному законодателю въ положеніи приказчика, со стороны котораго можно опасаться растраты хозяйскаго добра. Онъ живой и самостоятельный выразитель цѣлей законодателя въ приложеніи ихъ къ явленіямъ повседневной жизни. Между указаніями его совѣсти и произволомъ есть огромная разница. То, что называется «судейскою совѣстью», есть сила, поддерживающая судью и вносящая особый, возвышенный смыслъ въ творимое имъ дѣло. Условія ея проявленія прекрасно изображены въ присягѣ судей и присяжныхъ засѣдателей. Съ ея голосомъ надо считаться, подъ угрозою глубокаго душевнаго разлада съ

собою... Съ непосредственнымъ приложеніемъ ея голоса къ рѣшенію каждаго дѣла связаны и трудныя, и сладкія минуты. Послѣднія бываютъ тогда, когда на закатѣ своей трудовой жизни, вспоминая отдѣльные эпизоды своей дѣятельности, судья имѣетъ возможность сказать себѣ, что ни голосъ страсти, ни постороннія вліянія, ни личныя соображенія, ни шумъ, и гулъ общественнаго возбужденія—ничто не заглушало въ немъ сокровеннаго голоса, не измѣняло его *искренняго* убѣжденія и не свело его съ намѣченнаго судейскимъ долгомъ пути дѣйствительнаго правосудія.

Особенно важна въ нравственномъ отношеніи область изученія *поведенія судьи*, ибо исполненіе судьею своего служебнаго долга—охраненіе независимости своихъ рѣшеній и стремленіе вложить въ нихъ всю доступную ему справедливость—не исчерпываютъ еще всей полноты его задачи.

Современный процессъ ставитъ судью лицомъ къ лицу съ живымъ человѣкомъ. Гласность и устность внесли въ судебное производство начало непосредственнаго воспріятія матеріала для сужденія. Онѣ расшевелили и разметали по сторонамъ тотъ ворохъ бумагъ, докладовъ, протоколовъ, проектовъ, резолюцій и т. п., подъ которымъ былъ прежде погребенъ живой человѣкъ, становившійся лишь нумеромъ дѣла. Онъ всталъ изъ-подъ этого нагроможденія письменной работы, стиравшей его личныя краски, и предсталъ предъ судьею вмѣстѣ со своими фактическими обличителями и заступниками—свидѣтелями. Отсюда возникъ новый элементъ судейской дѣятельности—поведеніе судьи по отношенію къ людямъ, съ которыми онъ призванъ имѣть дѣло. Это поведеніе не есть простая совокупность поступковъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ въ порядкѣ времени,—это есть систематическій и послѣдовательный рядъ дѣяній, связанныхъ между собою однимъ и тѣмъ же побужденіемъ и одною и тою же цѣлью. Иными словами—это есть сознательный образъ дѣйствій, одинаково примѣнимый ко всѣмъ разнообразнымъ случаямъ судебной и судебно-бытовой жизни, предусмотрѣть и предустановить которые заранѣе невозможно. Поэтому положительный законъ, говорящій объ отправленіи уголовнаго правосудія, не въ силахъ начертать образъ дѣйствій судьи во всѣхъ его проявленіяхъ. Да это и не входитъ въ его задачу. Онъ можетъ и долженъ говорить лишь о порядкѣ, внѣшнемъ характерѣ и содержаніи отдѣльныхъ судебныхъ обрядовъ и процедуръ, распоряженій и постановленій. Онъ намѣчаетъ *служебныя* обязанности органовъ правосудія по отношенію къ изслѣдованію преступленія и къ соблюденію законныхъ условій, при которыхъ совершается постепенный переходъ нарушителя общественнаго правопорядка изъ заподозрѣннаго въ обвиняемаго,

изъ обвиняемаго въ подсудимаго и изъ подсудимаго въ осужденнаго. Въ дѣятельности судьи, однако, должны сливаться правовыя и нравственныя требованія. Правила для внѣшнихъ дѣяній, въ своемъ практическомъ осуществленіи, неминуемо отражаютъ на себѣ и внутренній строй души того, кто ихъ осуществляетъ, ибо въ каждомъ судебномъ дѣйствіи, наряду съ вопросомъ, *что* слѣдуетъ произвести, возникаетъ не менѣе важный вопросъ о томъ, *какъ* это произвести. Чтобы не быть простымъ орудіемъ внѣшнихъ правилъ, дѣйствующимъ съ безучастною регулярностью часового механизма, судья долженъ вносить въ творимое имъ дѣло свою душу и, наряду съ предписаніями положительнаго закона, руководиться безусловными и вѣчными требованіями человѣческаго духа.

Такія требованія указаны Кантомъ, этимъ Петромъ Великимъ новой философіи, раскаты мощной мысли котораго слышатся до сихъ поръ во всѣхъ позднѣйшихъ ученіяхъ о проявленіяхъ человѣческаго духа,—Кантомъ, котораго въ засѣданіи петербургскаго Философскаго Общества профессоръ Котляревскій остроумно назвалъ «узловою станціею новѣйшей философіи». Практическій разумъ, т.-е. обращенный не на внѣшній міръ, а на изученіе побужденій человѣческой воли, открываетъ, согласно возвышенному и глубокому ученію Канта, въ душѣ нашей *нравственный законъ*, безусловный, независимый отъ внѣшнихъ требованій, но подчиненный внутренней необходимости. Не личное счастіе лежитъ въ основѣ его указаній, не отдаленныя цѣли мірового развитія и не успѣхъ въ борьбѣ за существованіе, приносящіе въ жертву отдѣльную личность, а *счастье ближняго* и *собственное нравственное совершенство*. Стремленіе къ тому и другому составляетъ нравственный долгъ человѣка, которому надлежитъ поступать такъ, чтобы правила его дѣйствій могли стать принципами дѣйствій другихъ людей, т.-е. могли бы быть возведены во всеобщій обязательный для всѣхъ законъ. Осуществленіе безусловныхъ требованій нравственнаго долга выражается, прежде всего, въ уваженіи къ человѣческому достоинству и въ любви къ человѣку, какъ къ носителю нравственнаго закона, того закона, сознаніе котораго, вмѣстѣ съ видомъ звѣзднаго неба наполняло душу великаго мыслителя восторгомъ и вѣрою въ безсмертіе души. Отсюда вытекаетъ справедливое отношеніе къ человѣку, выражающееся въ сознательномъ и безпристрастномъ поставленіи себя на его мѣсто въ каждомъ данномъ случаѣ и въ воздержаніи отъ того, чтобы дѣлать разумное существо не цѣлью, а *средствомъ* для достиженія постороннихъ и своихъ личныхъ цѣлей. Въ осуществленіи справедливости въ связи съ *дѣятельною* любовью, нравственный долгъ сли-

вается съ руководящимъ началомъ христіанства, предписывающаго возлюбить ближняго, какъ самого себя. Вотъ почему, наряду со служебнымъ долгомъ судебнаго дѣятеля, выростаетъ его нравственный долгъ. Онъ предписываетъ никогда не забывать, что объектомъ дѣйствій этого дѣятеля является прежде всего *человѣкъ*, имѣющій никѣмъ и ничѣмъ неотъемлемыя права на уваженіе къ своему человѣческому достоинству. Всякое поруганіе послѣдняго есть, неизбѣжно, поруганіе и своей собственной души, въ ея высочайшемъ проявленіи—совѣсти. Оно не проходитъ даромъ—и рано или поздно оживаетъ въ тяжкихъ, гнетущихъ сознаніе, образахъ, отогнать которые уже нельзя позднимъ или даже и совершенно невозможнымъ исправленіемъ своего прежняго отступленія отъ возопившаго впослѣдствіи въ душѣ нравственнаго закона. Правосудіе не можетъ быть отрѣшено отъ справедливости, а послѣдняя состоитъ вовсе не въ одномъ правомѣрномъ примѣненіи къ доказанному дѣянію карательныхъ опредѣленій закона. Судебный дѣятель всѣмъ своимъ образомъ дѣйствій относительно людей, къ дѣяніямъ которыхъ онъ призванъ приложить свои умъ, трудъ и власть, долженъ стремиться къ осуществленію нравственнаго закона. Забвеніе про живого человѣка, про брата во Христѣ, про товарища въ общемъ міровомъ существованіи, способнаго на чувство страданія,—вмѣняетъ въ ничто и умъ, и талантъ судебнаго дѣятеля, и *внѣшнюю*, предполагаемую полезность его работы! Какъ бы ни было различно его общественное положеніе сравнительно съ положеніемъ тѣхъ, кого онъ призываетъ предъ свой судъ, какъ бы ни считалъ онъ себя безупречнымъ не только въ формальномъ, но и въ нравственномъ отношеніи, въ его душѣ должно, какъ живое напоминаніе о связи со всѣмъ окружающимъ міромъ, звучать прекрасное выраженіе браминовъ: «tat twam asi!»—*это тоже ты*,—ты въ паденіи, ты въ несчастіи, ты въ невѣжествѣ, нищетѣ и заблужденіи, ты въ рукахъ страсти!

Вотъ почему необходимо, при изученіи уголовнаго процесса, обращать вниманіе на то, какъ и въ чемъ выражается въ немъ указываемая Гегелемъ *объективная нравственность*, Sittlichkeit и должна проявляться *нравственность субъективная*—Moralitaet. Такимъ путемъ можно выяснить, какъ надлежитъ поступать, чтобы шаги *судебнаго дѣятеля* по пути къ цѣлямъ правосудія не противорѣчили нравственному долгу *человѣка*. Предѣлы и задачи настоящаго очерка не допускаютъ приведенія умозрительныхъ доказательствъ происхожденія нравственности и послѣдовательнаго вывода ея основаній изъ тѣхъ или другихъ коренныхъ положеній. Едва ли однако можно спорить противъ того, что нравственность, какъ рядъ непринудительныхъ, но тѣмъ не менѣе подчасъ весьма

властныхъ требованій, вытекающихъ изъ общежитія, существуетъ, при чемъ эти требованія въ различныя историческія эпохи мѣняются въ формѣ своего осуществленія и во взглядѣ на свой источникъ. То обстоятельство, что Кантъ и Гегель, Гербертъ Спенсеръ и Гефдингъ, Соловьевъ и Гюйо существенно разнорѣчатъ въ своемъ ученіи о *происхожденіи* нравственности, почти сходясь въ ученіи о ея *содержаніи*, доказываетъ, что она не есть что-либо придуманное и отвлеченное, а дѣйствительно существующее, дающее себя чувствовать на каждомъ шагу, и тѣсно переплетенное со множествомъ явленій нашей личной и общественной жизни.

Само процессуальное право признаетъ законность вторженія въ область своего примѣненія требованій нравственности и старается, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ эти требованія можно осуществить прямыми предписаніями, дать имъ необходимое выраженіе. Такъ, напримѣръ, оно признаетъ, что ради цѣлей земного правосудія нельзя ослаблять или нарушать священныя узы, связывающія людей между собою и съ Верховнымъ Судьею ихъ поступковъ. Поэтому, въ силу ст. 705 уст. угол. судопр., супругъ подсудимаго, родственники по прямой линіи, восходящей и нисходящей, родные его братья и сестры могутъ устранить себя отъ дачи показаній по дѣлу о немъ. Законъ щадитъ тѣ чувства, которыя, даже при сознаніи свидѣтелемъ виновности подсудимаго или наличности изобличающихъ его фактовъ, заставляли бы нерѣдко сердце дающаго показаніе обливаться слезами и кровью или искать облегченія своего тяжкаго положенія во лжи. Въ человѣчномъ взглядѣ закона на таинственный голосъ крови или супружеской привязанности заключается даже какъ бы признаніе допустимости лжи, которая, въ извѣстныхъ случаяхъ, болѣе близка къ внутренней правдѣ жизни, чѣмъ объективная и холодная истина. Вслѣдствіе этого даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда близкіе кровные родственники и супруги не устраняютъ себя отъ свидѣтельства, т.-е. въ сущности, когда они хотятъ *помочь* своимъ показаніемъ подсудимому, законъ, снисходя къ понятной и возможной съ ихъ стороны неправдѣ, оберегаетъ ихъ отъ клятвопреступленія, предписывая допрашивать ихъ безъ присяги, а въ случаѣ доказанной лживости такого показанія, подвергаетъ, на основаніи 944 ст. Улож., виновнаго, желавшаго спасти прикосновеннаго къ дѣлу близкаго родственника или супруга—лишь кратковременному аресту.

Точно также вовсе не допускаются къ свидѣтельству, согласно ст. 93 и 704 Уст. угол. суд., священники по отношенію къ признанію, сдѣланному на исповѣди, и защитники—по отношенію къ признанію, сдѣланному имъ подсудимыми во время производства о нихъ дѣлъ. Законъ строго поддерживаетъ церковное правило,

обнародованное у насъ въ 1775 году: «да блюдетъ пресвитеръ исповѣданнаго грѣха никому да не откроетъ, ниже да не намѣтитъ въ генеральныхъ словахъ или другихъ какихъ примѣтахъ, но точію, какъ *вещь запечатлѣнную* держитъ у себѣ, вѣчному предавъ молчанію». Онъ признаетъ, что священникъ, вѣщающій кающемуся: «се Христосъ невидимо стоитъ, пріемля исповѣданіе твое, не устрашися, ниже убойся и да не скроеши что отъ мене, но не обинуяся рцы вся, да пріемлеши оставленіе отъ Господа, отъ Него же точію свидѣтель есмь, да свидѣтельствую *предъ нимъ* вся, елика рѣчеши ми» и затѣмъ отпустившій ему грѣхи, не можетъ уже являться обличителемъ предъ судомъ земнымъ. Здѣсь *возможность* раскрытія преступнаго дѣла и установленія вины приносится въ жертву *необходимости* сохранить высокое и просвѣтляющее значеніе исповѣди. И законъ тысячу разъ правъ, не допуская искаженія таинства покаянія обращеніемъ его во временное и случайное орудіе изслѣдованія преступленія! Правъ онъ и въ томъ, что проводитъ свое запрещеніе допрашивать священника о тайнѣ исповѣди послѣдовательно и неуклонно, не соблазняясь возможностью лукаво *предоставить* ему лишь отказываться отвѣчать на такой допросъ. Нравственныя требованія—этотъ категорическій императивъ Канта—должны быть ставимы твердо и безусловно, не оставляя выхода ни для психическаго насилія, ни для малодушія. Проникнутъ нравственнымъ элементомъ законъ и въ томъ случаѣ, когда воспрещаетъ спрашивать о сознаніи подсудимаго своему бывшему защитнику, хотя бы первому изъ нихъ уже и не могла грозить уголовная кара. Между защитникомъ и тѣмъ, кто въ тревогѣ и тоскѣ отъ грозно надвинувшагося обвиненія обращается къ нему въ надеждѣ на помощь—устанавливается тѣсная связь довѣрія и искренности. Защитнику открываются тайники души, ему стараются разъяснить свою виновность или объяснить свое паденіе и свой, скрываемый отъ другихъ, позоръ такими подробностями личной жизни и семейнаго быта, по отношенію къ которымъ *слѣпая* Ѳемида должна быть и *глухою*. Къ такимъ же юридико-нравственнымъ правиламъ судопроизводства должно быть отнесено, напримѣръ, и право подсудимаго молчать на судѣ, при чемъ, согласно 685 ст. Уст. у. суд., «молчаніе подсудимаго не должно быть принимаемо за признаніе имъ своей вины». Законъ не требуетъ отъ подсудимаго непремѣннаго отвѣта на всѣ вопросы суда, не грозитъ ему обращеніемъ его молчанія въ оружіе противъ него, ибо нравственному чувству составителей судебныхъ уставовъ претила мысль пользоваться для судебныхъ цѣлей замѣшательствомъ, неумѣніемъ или несообразительностью поставленнаго въ безвыходное и психически подавленное положеніе человѣка.

Есть, однако, много случаевъ и положеній, ускользающихъ отъ внѣшней регламентаціи закона. Для нихъ не могутъ быть установлены какія-либо обязательныя нормы, законность и возможность которыхъ Гегель признаетъ, напримѣръ, въ области Sittlichkeit. Здѣсь все основывается на началахъ, почерпнутыхъ изъ области Moralitaet, на нравственной чуткости судьи, на его житейской опытности, на настойчивомъ душевномъ саморазвитіи и на искреннемъ стремленіи не только *казаться,* но и *быть* справедливымъ.

Въ частности, въ видѣ примѣровъ, можно указать рядъ случаевъ, въ которыхъ начала справедливости должны быть вносимы и въ способы къ ея осуществленію. Такъ, сюда относится правильное обращеніе съ подсудимымъ и со свидѣтелями и облегченіе ихъ подчасъ очень тяжелаго или затруднительнаго положенія на судѣ. Судья не долженъ забывать, что *подсудимый* почти никогда не находится въ спокойномъ состояніи. Естественное волненіе послѣ долгихъ, тяжелыхъ недѣль и мѣсяцевъ ожиданія, иногда въ полномъ одиночествѣ тюремнаго заключенія, страхъ предъ приговоромъ, стыдъ за себя или близкихъ и раздражающее чувство выставленности «напоказъ» предъ холодно-любопытными взорами публики, все это дѣйствуетъ подавляющимъ или болѣзненно возбуждающимъ образомъ на сидящаго на скамьѣ подсудимыхъ. Начальственный, отрывистый тонъ можетъ еще больше запугать или взволновать его. Спокойное къ нему отношеніе,—вниманіе къ его объясненіямъ,—полное отсутствіе иронiи или насмѣшки, которыми такъ грѣшатъ французскіе президенты суда,—а иногда и слово одобренія—входятъ въ нравственную обязанность судьи, который долженъ умѣть, безъ фарисейской гордыни, представить себя въ положеніи судимаго человѣка и сказать себѣ: «Tat twam asi!» Не меньшаго вниманія заслуживаетъ и положеніе *потерпѣвшаго,* иногда оскорбленнаго въ своихъ лучшихъ чувствахъ и своихъ законныхъ правахъ. Стоитъ только представить себѣ положеніе обезчещенной дѣвушки, которая не можетъ прекратить разъ уже начатого—и по большей части не ею самою—дѣла и должна выдержать подробный перекрестный допросъ, отвѣчая на разспросы о всѣхъ судебно-медицинскихъ подробностяхъ учиненнаго надъ нею поруганія. А положеніе ея родителей? а душевное состояніе труженикoвъ, ставшихъ внезапно нищими благодаря «самовоспособленію» какого-нибудь банковскаго расхитителя? а отчаяніе и боль, и понятное раздраженіе жены, обреченной насильственною смертью мужа на одиночество и безпомощность? и т. п. Въ практикѣ Петербургскаго Окружнаго Суда былъ случай, когда въ качествѣ потерпѣвшей предстала предъ судомъ вдова достойнаго человѣка, павшаго отъ руки ея брата, защищая честь и будущность ввѣрен-

ной его попеченію дѣвушки. Предъ несчастной женщиной, съ тремя малолѣтними сиротами на рукахъ, была поставлена жестокая дилемма—или отказаться отъ показаній по 705 ст. Уст. угол. суд. и предоставить подсудимому позорить доброе имя убитаго, приписывая ему самому гнусныя намѣренія, или подвергнуться проклятію отца, которымъ послѣдній грозилъ ей, если она скажетъ хоть слово противъ брата... *Мать* побѣдила въ ней *дочь* — она дала показаніе, представъ грозною обличительницею брата и лишившись чувствъ съ послѣднимъ словомъ своего объясненія. Мы *можемъ* себѣ представить ея состояніе, — предсѣдательствующій судья *долженъ* его себѣ представить, и формальное, безучастное его отношеніе къ такой потерпѣвшей,—не противорѣча его законнымъ обязанностямъ,—съ точки зрѣнія нравственнаго долга являлось бы безчеловѣчнымъ. Наконецъ, и незатронутые лично дѣломъ *свидѣтели* требуютъ уваженія къ своей личности. Они несутъ случайную повинность, всегда болѣе или менѣе тягостную; большинство изъ нихъ теряется въ необычной, торжественной обстановкѣ суда; стороны—обвинитель и защитникъ—сконны иногда къ безцеремонному отношенію къ свидѣтелю, къ предложенію ему ненужныхъ, щекотливыхъ и обидныхъ не по формѣ, а по своему косвенному смыслу вопросовъ. Одни свидѣтели, подъ вліяніемъ этого, раздражаются и, чувствуя, что ихъ ловятъ на словахъ, становятся грубы и принимаютъ вызывающій тонъ,—большинство же теряется и нравственно страдаютъ. Нужно зорко слѣдить за настроеніемъ свидѣтелей; нужно мысленно становиться на ихъ мѣсто, умѣя вернуть спокойствіе и самообладаніе однимъ, поддержать бодрость въ другихъ. Нужно, наконецъ, терпѣливо и съ мягкою настойчивостью умѣть ограничить словоохотливость свидѣтеля и направить его къ тому, чтобы онъ излагалъ свои свѣдѣнія объ извѣстномъ ему и точныя впечатлѣнія отъ видѣннаго и слышаннаго, а не разсказывалъ суду, какъ это дѣлаютъ у насъ иногда и развитые люди, безсвязно и съ излишними пустыми подробностями *ходъ своего мышленія*. Предсѣдатель нравственно обязанъ давать свидѣтелю чувствовать, что онъ, свидѣтель, не одинокъ, не отданъ на жертву и что у него есть бдительный защитникъ и охранитель.

Сюда, затѣмъ, относятся уваженіе къ наукѣ и ея представителямъ на судѣ, чуждое рабскому преклоненію предъ авторитетомъ, но чуждое также и самомнѣнію, внушаемому вѣрою въ такъ называемый «здравый смыслъ»; — уваженіе къ законной свободѣ слова и къ дару слова, не допускающее ни употребленія этого слова на служеніе безнравственнымъ теоріямъ, ни стѣсненія его ненужными перерывами и остановками, по большей части свидѣтельствующими лишь о начальственной бездарности и способности

къ трепету. Сюда же относится,—въ виду различныхъ и многообразныхъ непріятныхъ и способныхъ вызвать раздраженіе впечатлѣній, сопряженныхъ съ веденіемъ дѣла на судѣ, — воспитаніе судьею своей воли, «умѣнье властвовать собой» и стремленіе слѣдовать совѣту нашего великаго поэта, сказавшаго «блаженъ, кто словомъ твердо правитъ—и держитъ мысль на привязи свою»...

Можно также настойчиво желать, чтобы въ выполненіе формъ и обрядовъ, которыми сопровождается отправленіе правосудія, вносился *вкусъ*, чувство *мѣры* и *такта*, ибо судъ есть не только судилище, но и школа. Здѣсь *этическія* требованія сливаются съ *эстетическими*, оправдывая свою внутреннюю связь, подмѣченную нѣкоторыми мыслителями.

Особенно обширнымъ является вліяніе нравственныхъ соображеній въ такомъ важномъ и сложномъ дѣлѣ, какъ оцѣнка доказательствъ по ихъ *источнику, содержанію* и *психологическимъ свойствамъ*,—какъ выясненіе себѣ, позволительно ли, независимо отъ формальнаго разрѣшенія закона, съ нравственной точки зрѣнія пользоваться тѣмъ или другимъ доказательствомъ вообще или взятымъ въ конкретномъ его видѣ? Достаточно, въ этомъ отношеніи, указать на необходимость тщательнаго анализа видовъ сознанія въ виновности, столь однообразнаго по своей формѣ и столь различнаго по побужденіямъ, къ нему приводящимъ. Какая разница между явкой съ повинною вслѣдствіе тяжелыхъ угрызеній совѣсти, въ искреннемъ порывѣ изстрадавшейся души, и признаніемъ въ меньшемъ преступленіи, чтобы сбить съ пути изслѣдователя или выторговать себѣ уменьшеніе наказанія!—между признаніемъ, губительная сила котораго распространяется и на того, кому хочется отомстить, кого хочется нравственно похоронить, и восторженнымъ желаніемъ «пріять страданіе» хотя бы и за вымышленную вину, свойственномъ нѣкоторымъ мрачнымъ религіознымъ энтузіастамъ! Нравственный долгъ судьи—не идти слѣпо по пути «собственнаго сознанія», хотя бы нашъ старый законъ въ XV томѣ свода и считалъ его «лучшимъ доказательствомъ всего свѣта» и хотя бы оно подтверждалось внѣшними обстоятельствами дѣла,—а свободно, вдумчиво и тревожно изслѣдовать, въ чемъ кроется истинный источникъ этого доказательства. Возьмемъ другой примѣръ. Между доказательствами, преимущественно въ дѣлахъ о преступленіяхъ противъ личности, иногда фигурируютъ дневники, чаще всего—подсудимыхъ, рѣдко потерпѣвшихъ отъ преступленія. Слѣдуетъ ли вообще и если слѣдуетъ, то можно ли безгранично пользоваться дневникомъ, какъ доказательствомъ? Законъ положительный отвѣчаетъ на это утвердительно. По уставу угол. суд. если дневникъ, въ качествѣ письменнаго доказательства, пріобщенъ къ дѣлу и упо-

мянутъ въ протоколѣ слѣдователя, его можно читать на основаніи 687 ст. по требованію сторонъ. Но иначе обстоитъ дѣло со стороны нравственной. Дневникъ очень опасное, въ смыслѣ постиженія правды, доказательство. Кромѣ весьма рѣдкихъ случаевъ, когда дневникъ бываетъ отраженіемъ спокойныхъ наблюденій надъ жизнью со стороны зрѣлаго и много пережившаго человѣка и когда онъ болѣе походитъ на мемуары, онъ пишется въ ранней молодости, которой свойственно увлеченіе и невольное преувеличеніе своихъ ощущеній и впечатлѣній. Предчувствіе житейской борьбы и броженіе новыхъ чувствъ налагаютъ оттѣнокъ грусти и скоропреходящаго отчаянія на размышленія, передаваемыя бумагѣ. Почти каждый молодой человѣкъ, одаренный живою воспріимчивостью, проходитъ свой личный періодъ Sturm und Drang, періодъ того, что Достоевскій называлъ «бунтомъ души» и все, что возбуждаетъ въ немъ подозрѣніе, или причиняетъ боль, или вызываетъ гнѣвъ — выливается въ горячихъ, негодующихъ строкахъ, содержащихъ декларацію непримиримаго негодованія или безповоротнаго презрѣнія, объясняемаго тѣмъ, что въ юные годы разрѣшеніе самыхъ сложныхъ вопросовъ кажется «такъ возможно, такъ близко...» Притомъ—и всякій, кто велъ дневникъ, не станетъ отрицать этого—на содержаніи дневника отражается, почти безсознательно, представленіе о какомъ-то отдаленномъ, будущемъ читателѣ, который когда-нибудь возьметъ дневникъ въ руки и скажетъ: «какой это былъ хорошій человѣкъ,—какія у него были благородныя мысли и побужденія» или же, «какъ бичевалъ онъ себя за свои недостатки, какое честное недовольство собою умѣлъ онъ питать въ себѣ!» Поэтому человѣкъ, безусловно правдивый въ передачѣ фактовъ и событій, часто въ дневникѣ обманываетъ себя самъ въ передачѣ своихъ чувствъ и мнѣній. Дозволительно ли, однако, пользоваться этимъ иногда во вредъ правосудію и обыкновенно во вредъ подсудимому и противъ него? Можно ли мнѣнія и чувства, почерпнутыя изъ дневника, выдавать за нѣчто опредѣленное, строго провѣренное, и дѣлать изъ нихъ орудіе обвиненія, когда знаешь, что, въ большинствѣ случаевъ мрачное или гнѣвное, исполненное «горечи и злости» настроеніе, оставившее слѣдъ въ дневникѣ, должно пройти или даже прошло,—что жизнь взяла свое и все «образовалось»? Вотъ почему въ дневникѣ слѣдуетъ пользоваться лишь фактическими указаніями, отбросивъ всю личную сторону. Эти указанія могутъ быть иногда очень важны и полезны, доказывая, напримѣръ, присутствіе автора дневника въ извѣстномъ мѣстѣ и въ данное время или, наоборотъ, устанавливая его инобытность (alibi). Ими и надо ограничиваться. Нравственное чувство должно удерживать отъ любознательнаго прислушиванія къ сокровеннымъ зву-

камъ души—и притомъ къ звукамъ невѣрнымъ и взятымъ октавою выше...

Наконецъ, нельзя не указать нравственной необходимости *цѣльности* въ характерѣ дѣйствій судебнаго дѣятеля во всѣхъ фазисахъ и на всѣхъ ступеняхъ его работы и даже въ частной его жизни, ибо «стрѣла тогда лишь бьетъ высоко, когда здорова тетива»;—необходимости *стойкости* его въ законной борьбѣ во имя правосудія и за правосудіе, и недопустимости въ судебномъ дѣятелѣ рисовки, самолюбованія, односторонняго увлеченія своими талантами, съ принесеніемъ *человѣка* въ жертву *картинѣ* и т. п.

Такимъ образомъ складывается рядъ *этическихъ правилъ*, образовывающихъ необходимую нравственную сторону въ дѣятельности судьи и его ближнихъ помощниковъ. Поэтому слѣдуетъ изучать не только судебную технику и судебную практику, но и *судебную этику*, какъ ученіе о приложеніи общихъ понятій о нравственности къ той или другой отрасли спеціальной судебной дѣятельности. Этическія правила существуютъ и въ другихъ отрасляхъ права—и въ другихъ учрежденіяхъ и областяхъ общественной жизни. Значительная часть дѣятельности *законодателя* должна быть построена на цѣляхъ и требованіяхъ морали; этическими потребностями объясняется современное вмѣшательство государства въ область народнаго хозяйства и промышленности путемъ законовъ о страхованіи рабочихъ, о трудѣ малолѣтнихъ, о рабочемъ днѣ и т. д.; съ нравственной точки зрѣнія оцѣниваются въ финансовомъ правѣ нѣкоторые виды займовъ и налоговъ и рекомендуются парализующія ихъ вредное вліяніе мѣры. Нужно ли говорить объ обширномъ проявленіи нравственнаго элемента въ постановленіяхъ объ организаціи тюремнаго дѣла и общественнаго благоустройства и безопасности? Особенно богата затѣмъ этическими вопросами область медицины. Здѣсь можно, съ полнымъ правомъ, говорить объ отдѣльной и важной отрасли знанія, необходимаго для врача—о *врачебной этикѣ*. Достаточно указать лишь на такіе вопросы какъ о врачебной тайнѣ, о явкѣ къ больному, о предѣлахъ сохраненія секрета научно-врачебныхъ открытій и т. д., чтобы увидѣть всю важность этой отрасли профессіональной этики. Наконецъ, и область свободнаго творчества—искусство, литература и сцена, не совершенно изъяты отъ вліянія этическихъ требованій,—ибо и здѣсь возможно сознательное обращеніе творчества на служеніе порочнымъ и низкимъ инстинктамъ и въ средство удовлетворенія больному или свирѣпому любопытству.

Состязательное начало въ процессѣ выдвигаетъ, какъ необходимыхъ помощниковъ судьи въ изслѣдованіи истины,—*обвинителя* и *защитника*. Ихъ совокупными усиліями освѣщаются

разныя, противоположныя стороны дѣла и облегчается оцѣнка его подробностей. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ представителемъ обвиненія является *прокуроръ*. Вводя въ Россіи заимствованный съ Запада институтъ государственныхъ обвинителей, составители судебныхъ уставовъ стояли предъ трудною задачею. Надо было создать должностное лицо, несущее новыя, необычныя обязанности и дѣйствующее не въ тиши «присутствія», а въ обстановкѣ публичнаго столкновенія и обмѣна убѣжденныхъ взглядовъ,—и дѣйствующаго притомъ невѣдомымъ дотолѣ оружіемъ — живымъ словомъ. Гдѣ было взять пригодныхъ для этого людей? Не будутъ ли они слѣпыми подражателями западнымъ образцамъ, не перенесутъ ли они на русскую почву страстныхъ и трескучихъ пріемовъ французскихъ обвинителей, столь часто обращающихъ свое участіе въ судебныхъ преніяхъ въ запальчивую травлю подсудимаго? Въ судебномъ строѣ стараго устройства была прекрасная должность губернскаго прокурора. Наслѣдіе Петровскихъ временъ и одно изъ лучшихъ украшеній Екатерининскихъ учрежденій—должность эта, при всей своей полезности, — къ сожалѣнію не достаточно сознанной при поспѣшномъ ея упраздненіи, — не представляла однако элементовъ для выработки обвинительныхъ пріемовъ. «Блюститель закона» и «Царское око», — охранитель интересовъ казны и свободы дѣйствій частныхъ лицъ въ случаяхъ учрежденія опекъ съ ограниченіемъ ихъ правъ,—ходатай за арестантовъ и наблюдатель за содержаніемъ ихъ «безъ употребленій орудій, закономъ воспрещенныхъ», внимательный «читатель» опредѣленій всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, возбудитель «безгласныхъ» дѣлъ, находившійся въ прямыхъ сношеніяхъ съ министромъ юстиціи,—губернскій прокуроръ, по существу своихъ правъ и обязанностей, былъ представителемъ центральной правительственной власти, вдвинутымъ въ среду мѣстнаго управленія. Но во всей его многообразной дѣятельности не было почвы для судебнаго состязанія, въ которомъ взаимно создаются и разрушаются аргументы и установляются новыя и не всегда ожиданныя точки зрѣнія не только на законъ, но и на личность подсудимаго, взятую не отвлеченно, а выхваченную изъ жизни со всѣми своими корнями и вѣтвями. Не было ни школы, ни подготовки для прокуроровъ-обвинителей, но былъ за то на лицо вѣчный припѣвъ противъ осуществленія реформъ, призванныхъ оживить и облагородить нашъ общественный строй: «нѣтъ людей!». Жизнь, однако, блистательно опровергла эти зловѣщія опасенія, способныя оправдать всякія неудачи и подорвать всякія начинанія. Люди нашлись. Быстро и съ запасомъ неожиданныхъ силъ появились у насъ въ первые же мѣсяцы послѣ преобразованія судовъ, въ лицѣ прокуроровъ и защит-

никовъ, судебные ораторы, не только глубоко понявшіе свою новую роль, но и умѣвшіе владѣть словомъ и вносившіе въ это умѣнье иногда и истинный талантъ. И не слѣпыми подражателями французскому образцу явились они. Они самостоятельно пошли своей дорогой, еще разъ доказавъ способность духовной природы русскаго человѣка. Если, быть можетъ, еще рано говорить о вполнѣ выработанномъ типѣ русскаго прокурора, то, во всякомъ случаѣ, нельзя не признать, что общій характеръ и пріемы русской обвинительной рѣчи имѣютъ очень мало общаго съ тѣмъ, что, подъ вліяніемъ страстности національнаго темперамента, односторонняго отношенія къ подсудимому и освященныхъ годами привычекъ, излагаютъ на судѣ, въ большинствѣ, французскіе прокуроры. Основныя черты слагающагося русскаго типа обвинителя суть,—за исключеніемъ рѣдкихъ, но печальныхъ уклоненій въ область бездушной реторики,—спокойствіе, отсутствіе личнаго озлобленія противъ подсудимаго, опрятность пріемовъ обвиненія, чуждая и возбужденію страстей, и искаженію данныхъ дѣла, и, наконецъ, что весьма важно, полное отсутствіе лицедѣйства въ голосѣ, въ жестѣ и въ способѣ держать себя на судѣ. Къ этому надо прибавить простоту языка, свободную, въ большинствѣ случаевъ, отъ вычурности или громкихъ и «жалкихъ» словъ. Лучшіе изъ нашихъ судебныхъ ораторовъ поняли, что въ стремленіи къ истинѣ всегда самыя глубокія мысли сливаются съ простѣйшимъ словомъ. Слово — одно изъ величайшихъ орудій человѣка. Безсильное само по себѣ—оно становится могучимъ и неотразимымъ, сказанное умѣло, искренно и вовремя. Оно способно увлекать за собою самого говорящаго и ослѣплять его и окружающихъ своимъ блескомъ. Поэтому нравственный долгъ судебнаго оратора—обращаться осторожно и умѣренно съ этимъ оружіемъ и дѣлать свое слово лишь слугою глубокаго убѣжденія, не поддаваясь соблазну красивой формы или *видимой* логичности своихъ построеній и не заботясь о способахъ увлечь кого-либо своею рѣчью. Онъ долженъ не забывать совѣта Фауста Вагнеру: «говори съ убѣжденіемъ, слова и вліяніе на слушателей придутъ сами собою».

Судебные уставы, создавая прокурора-обвинителя и указавъ ему его задачу, начертали и нравственныя требованія, которыя облегчаютъ и возвышаютъ его задачу, отнимая у исполненія ея формальную черствость и бездушную исполнительность. Они вмѣняютъ въ обязанность прокурору отказываться отъ обвиненія въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ найдетъ оправданія подсудимаго уважительными и заявлять о томъ суду по совѣсти, внося, такимъ образомъ, въ дѣятельность *стороны* элементъ безпристрастія, которое должно быть свойственно судьѣ. Обрисовывая, насколько это

возможно въ законѣ, пріемы обвиненія, судебные уставы даютъ прокурору возвышенныя наставленія, указывая ему, что въ рѣчи своей онъ не долженъ ни представлять дѣла въ одностороннемъ видѣ, извлекая изъ него только обстоятельства, уличающія подсудимаго, ни преувеличивать значенія доказательствъ и уликъ, или важности преступленія. Такимъ образомъ, въ силу этихъ этическихъ требованій, прокуроръ приглашается сказать свое слово и въ опроверженіе обстоятельствъ, *казавшихся* сложившимися противъ подсудимаго, при чемъ въ оцѣнкѣ и взвѣшиваніи доказательствъ онъ вовсе не стѣсненъ цѣлями обвиненія. Иными словами, онъ—*говорящій публично судья*. На обязанности его лежитъ сгруппировать и провѣрить все изобличающее подсудимаго, и если подведенный имъ итогъ, съ необходимымъ и обязательнымъ учетомъ всего, говорящаго въ пользу обвиняемаго, создастъ въ немъ убѣжденіе въ виновности послѣдняго, заявить о томъ суду. Сдѣлать это надо въ связномъ и послѣдовательномъ изложеніи, со спокойнымъ достоинствомъ исполняемаго грустнаго долга, безъ пафоса, негодованія и преслѣдованія какой-либо иной цѣли, кромѣ правосудія, которое достигается не непремѣннымъ *согласіемъ* суда съ доводами обвинителя, а непремѣннымъ *выслушаніемъ* ихъ.

Отсюда видно, какое обширное примѣненіе должны находить себѣ въ прокурорской дѣятельности начала судебной этики. Подробное ознакомленіе съ пріемами обвиненія, съ положеніемъ прокурора на судѣ и съ отношеніемъ его къ свидѣтелямъ, къ присяжнымъ, къ подсудимому и его защитнику, показываетъ, какъ тѣсно связано отправленіе прокурорскихъ обязанностей съ тѣми нравственными правилами отношенія къ человѣку, о которыхъ уже говорилось. На государствѣ лежитъ задача охраненія общества, между прочимъ, преслѣдованіемъ нарушителей закона. Практическое служеніе этой важной задачѣ выпадаетъ въ судебномъ состязаніи на долю прокурора-обвинителя и, исполняя свой тяжелый долгъ, онъ служитъ обществу. Но это служеніе только тогда будетъ полезно, когда въ него будетъ внесена строгая нравственная дисциплина и когда интересы общества и человѣческое достоинство личности будутъ ограждаться съ одинаковою чуткостью и усердіемъ. Знаменитый московскій митрополитъ Филаретъ въ своей рѣчи «о назиданіи ссыльныхъ» говоритъ, что относиться къ преступнику надо «съ христіанскою любовью, съ простотою и снисхожденіемъ и остерегаться всего, что унижаетъ или оскорбляетъ. Низко преступленіе, а человѣкъ достоинъ сожалѣнія». Но если таково должно быть отношеніе къ *осужденному* преступнику, составляющее одну изъ прекрасныхъ нравственныхъ чертъ русскаго народа,—то нѣтъ никакого основанія иначе относиться къ

подсудимому. А это должно неминуемо отражаться на формахъ и пріемахъ обвинительной рѣчи, нисколько не ослабляя ея правовой и фактической доказательности. Строгое соблюденіе этическихъ началъ въ состязательной дѣятельности русскаго прокурора необходимо еще и потому, что желательный обликъ *говорящаго судьи* еще у насъ не вполнѣ установленъ. Онъ, какъ показываетъ судебная практика, подвергается иногда весьма печальному искаженію. Обвинители увлекаются, не всегда ясно понимаютъ свои задачи. Бываютъ, къ счастію рѣдкіе, случаи, когда для обвинителя, подъ вліяніемъ постороннихъ правосудію личныхъ расчетовъ, обвиняемый человѣкъ, вопреки предписанію нравственнаго закона, становится *средствомъ*. Молодому поколѣнію русскихъ юристовъ-практиковъ предлежитъ благодарная и высокая задача личнымъ примѣромъ закрѣпить и упрочить типъ говорящаго судьи и тѣмъ способствовать выработкѣ прекрасной *національной* особенности нашего судебнаго быта.

Еще большее значеніе имѣютъ этическіе устои дѣятельности для *адвокатуры* по уголовнымъ дѣламъ, ибо уголовная защита представляетъ больше поводовъ для предъявленія требованій, почерпнутыхъ изъ области нравственной, чѣмъ дѣятельность обвинительная, въ виду сложныхъ и многоразличныхъ отношеній защитника къ своему кліенту-подсудимому и къ обществу. Цѣлый рядъ общихъ и частныхъ вопросовъ возникаетъ при изученіи осуществленія и обстановки уголовной защиты и каждый изъ нихъ вызываетъ на практикѣ разнообразныя, нерѣдко діаметрально-противоположныя рѣшенія.

Защита есть *общественное служеніе*, говорятъ одни. Уголовный защитникъ долженъ быть vir bonus, dicendi peritus, вооруженный знаніемъ и глубокой честностью, умѣренный въ пріемахъ, безкорыстный въ матеріальномъ отношеніи, независимый въ убѣжденіяхъ, стойкій въ своей солидарности съ товарищами. Онъ долженъ являться лишь правозаступникомъ и дѣйствовать только на судѣ или на предварительномъ слѣдствіи, тамъ, гдѣ это допускается. Онъ не слуга своего кліента и не пособникъ ему въ стремленіи уйти отъ заслуженной кары правосудія. Онъ другъ, онъ совѣтникъ человѣка, который, по его искреннему убѣжденію, невиновенъ *вовсе*, или *вовсе не такъ* и *не въ томъ* виновенъ, какъ и въ чемъ его обвиняютъ. Не будучи слугою кліента — онъ, однако, въ своемъ общественномъ служеніи, слуга государства, и можетъ быть *назначенъ* на защиту такого обвиняемаго, въ помощь которому по собственному желанію онъ бы не пришелъ. И въ этомъ случаѣ его роль почтенна, ибо нѣтъ такого падшаго и преступнаго человѣка, въ которомъ безвозвратно былъ

бы затемненъ человѣческій образъ и по отношенію къ которому не было бы мѣста слову снисхожденія. Говоря, при наличности доказаннаго преступленія, о снисхожденіи—защитникъ исполняетъ свою обязанность—свою завидную обязанность—вызывать наряду со строгимъ голосомъ правосудія, карающаго преступное дѣло, кроткіе звуки милости къ человѣку, иногда глубоко несчастному.

Уголовный защитникъ — говорятъ другіе — есть производитель труда, составляющаго извѣстную цѣнность, оплачиваемую эквивалентомъ въ зависимости отъ тяжести работы и способности работника. Какъ для врача, въ его практической дѣятельности, не можетъ быть дурныхъ и хорошихъ людей, заслуженныхъ и незаслуженныхъ болѣзней, а есть лишь больные и страданія, которыя надо облегчить,—такъ и для защитника нѣтъ чистыхъ и грязныхъ, правыхъ и неправыхъ дѣлъ, а есть лишь даваемый обвиненіемъ поводъ противопоставить доводамъ прокурора всю силу и тонкость своей діалектики, служа ближайшимъ интересамъ кліента и не заглядывая на далекій горизонтъ общественнаго блага.

Отсюда видно, насколько умѣстно и желательно изученіе возникающихъ въ адвокатурѣ вопросовъ и отношеній съ точки зрѣнія требованій основныхъ началъ нравственности. Особенно это важно у насъ, гдѣ еще уголовная защита не вылилась въ окончательно сложившіяся формы. Учрежденіе присяжной адвокатуры, пришедшей на смѣну старинныхъ ходатаевъ, крючкотворцевъ и челобитчиковъ «съ задняго крыльца»—было встрѣчено горячимъ общественнымъ сочувствіемъ. Привлекая къ себѣ выдающіяся силы, эта адвокатура стала сильнымъ конкурентомъ магистратуры на почвѣ личнаго состава. Но къ сожалѣнію, она не поставлена въ благопріятныя для своего развитія условія. Это постепенно отразилось и на взглядѣ значительной части общества на уголовнаго защитника, при чемъ, по вольному или невольному заблужденію, въ глазахъ хулителей слились воедино и присяжные повѣренные, и частные ходатаи и, наконецъ, совершенно постороннія адвокатурѣ лица, имѣющія право быть представителями обвиняемыхъ въ уголовномъ судѣ безъ всякаго нравственнаго или образовательнаго ценза.

Но, независимо отъ неправильности такого сліянія, не надо забывать, что несовершенство человѣческихъ учрежденій даетъ основаніе и для проявленій несовершенства человѣческой природы,—а *возможное* совершенство достигается не поспѣшными и огульными обвиненіями, а безпристрастною и спокойною работою улучшенія. Историкъ первыхъ тридцати семи лѣтъ дѣятельности русской адвокатуры поступилъ бы несправедливо и близоруко, если бы забылъ

тѣ достойныя глубокаго уваженія имена, которыя оставили и оставятъ свой нравственный слѣдъ въ рядахъ присяжной адвокатуры, и не отмѣтилъ той постоянной и вполнѣ безкорыстной работы, которую нерѣдко съ большимъ напряженіемъ силъ, приходилось и приходится нести членамъ этой адвокатуры, защищая подсудимыхъ, по назначенію отъ суда, въ огромномъ числѣ дѣлъ. Значительные шаги въ выработкѣ этическихъ началъ и правилъ адвокатской дѣятельности уже сдѣланы совокупными трудами видныхъ ея представителей, но благотворная работа эта еще не окончена. Надо идти къ приведенію нравственнаго чувства лучшей части общества въ гармонію съ задачами и пріемами уголовной защиты. Эта гармонія нарушается и можетъ обращаться въ справедливую тревогу, при видѣ, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ и къ счастью рѣдкихъ случаяхъ, того, какъ защита *преступника* обращается въ оправданіе *преступленія*, при чемъ потерпѣвшаго и виновнаго, искусно извращая нравственную перспективу дѣла, заставляютъ помѣняться ролями, — или какъ широко оплаченная ораторская помощь отдается въ пользованіе притѣснителю слабыхъ, развратителю невинныхъ или расхитителю чужихъ трудовыхъ сбереженій. Есть основанія для такой тревоги и въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствительные интересы обвиняемаго и огражденіе присяжныхъ засѣдателей отъ могущихъ отразиться на достоинствѣ ихъ приговора увлеченій, приносятся въ жертву эгоистическому желанію возбудить шумное вниманіе къ *своему* имени—и человѣка, а иногда и цѣлое учрежденіе дѣлается попытка обратить въ *средство* для личныхъ цѣлей, осуждаемое нравственнымъ закономъ.

Въ области судебнаго состязанія проведеніе въ судебную жизнь этическихъ началъ тѣсно связано съ разработкой того, что нравственно дозволительно или недозволительно въ *судебныхъ преніяхъ*. Вотъ почему можно и даже должно говорить объ этической подкладкѣ судебнаго краснорѣчія, для истинной цѣнности котораго недостаточно одного знанія обстоятельствъ дѣла, знанія родного слова и умѣнья владѣть имъ и слѣдованія формальнымъ указаніямъ или ограниченіямъ оберегающаго честь и добрыя нравы закона. Всѣ главные пріемы судоговоренія слѣдовало бы подвергнуть своего рода критическому пересмотру съ точки зрѣнія *нравственной дозволительности* ихъ. Мѣриломъ этой дозволительности могло бы служить то соображеніе, что цѣль не можетъ оправдывать средства и что высокія цѣли правосуднаго огражденія общества и вмѣстѣ защиты личности отъ несправедливаго обвиненія должны быть достигаемы только нравственными способами и пріемами. Кромѣ того, дѣятели судебнаго состязанія не должны забы-

вать, что судъ, въ извѣстномъ отношеніи, есть школа для народа, изъ которой, помимо уваженія къ закону, должны выноситься уроки служенія правдѣ и уваженія къ человѣческому достоинству. Въ огромномъ числѣ серьезныхъ дѣлъ общество, въ лицѣ своихъ представителей, присяжныхъ засѣдателей, не только участвуетъ въ рѣшеніи вопроса о винѣ и невинности подсудимаго, но и получаетъ назидательныя указанія. Важное педагогическое значеніе суда присяжныхъ должно состоять именно въ томъ, чтобы эти люди, оторванные на время отъ своихъ обыденныхъ и часто совершенно безцвѣтныхъ занятій и соединенные у одного общаго, глубокаго по значенію и по налагаемой имъ нравственной отвѣтственности, дѣла уносили съ собою, растекаясь по своимъ уголкамъ, не только возвышающее сознаніе исполненнаго долга общественнаго служенія, но и облагораживающее воспоминаніе о правильномъ отношеніи къ людямъ и достойномъ обращеніи съ ними.

Судъ присяжныхъ, какъ форма суда заслуживаетъ особаго изученія именно съ точки зрѣнія нравственныхъ началъ, въ него вложенныхъ, и при посредствѣ его осуществляемыхъ. Объемъ распространенія суда присяжныхъ то суживается, то расширяется, и можно сказать, что въ одной лишь Англіи на него смотрятъ какъ на нѣчто безповоротное и органически слившееся со всѣмъ строемъ общественной жизни. Но именно такое боевое положеніе этой формы суда и указываетъ, какъ глубоко и чувствительно соприкасается она съ жизнью, служа одновременно и однимъ изъ ея регуляторовъ и правдивымъ ея отраженіемъ. Упраздненіе суда присяжныхъ по важнѣйшимъ дѣламъ и передача его функцій коронным судьямъ, удовлетворяя трусливымъ пожеланіямъ внѣшняго и формальнаго единообразія — обыкновенно отодвигаетъ судъ отъ жизни и создаетъ для него «заповѣдную область», отъ которой часто вѣетъ холодомъ и затхлостью рутины. Поэтому, несмотря на національную реакцію противъ учрежденій, перенесенныхъ въ Германію изъ Франціи, даже возсоздатели суда шефферовъ не рѣшились совсѣмъ упразнить судъ присяжныхъ и лишь въ тѣсномъ сосѣдствѣ съ нимъ, по сторонамъ коронаго судьи посадили выборныхъ на долгій срокъ засѣдателей, очень скоро стяжавшихъ себѣ славу — Jasager'овъ и Beichläfer'овъ. И надо признать, что ни историко-политическія возраженія Іеринга и Биндинга, ни метафизическія выходки Шопенгауэра и техническая критика Крюпни — не въ состояніи поколебать основаній суда присяжныхъ. Поспѣшные и основанные на непровѣренныхъ данныхъ выводы о неправильности приговоровъ присяжныхъ со стороны людей, не бывшихъ свидѣтелями хода процесса, не пережившихъ его лично, а судящихъ лишь по обрывкамъ печатныхъ извѣстій—составляютъ

обычное явленіе у насъ. Притомъ этотъ судъ долгіе годы поставленъ былъ въ самыя невыгодныя условія, оставаясь безъ призора и ухода, при чемъ недостатки его, столь естественные въ новомъ дѣлѣ, не исправлялись любовно и рачительно, а «каждое лыко ставилось въ строку». Еще недавно у насъ надъ нимъ было произведено особое судебное разбирательство, при чемъ въ горячихъ и пристрастныхъ обвинителяхъ не было недостатка. И все-таки, подавляющимъ большинствомъ, пришлось вынести ему оправдательный приговоръ, выразивъ надежду, что этотъ жизненный, облагораживающій народную нравственность и служащій проводникомъ народнаго правосознанія судъ долженъ укрѣпиться въ нашей жизни, а не отойти въ область преданій. Эту же надежду хочется выразить и по отношенію къ молодымъ юристамъ, которымъ придется входить въ оцѣнку этого суда. Пусть помнятъ они, что какъ всякое человѣческое учрежденіе, онъ имѣетъ свои несовершенства. Но ихъ надо исправлять безъ гнѣва, ослѣпленія и горделиваго самомнѣнія, строго отличая недостатки учрежденія отъ промаховъ и упущеній отдѣльныхъ личностей, и вопрошая себя — все ли, что нужно, сдѣлано для правильнаго осуществленія этого суда со стороны судьи имъ руководящаго и со стороны законодателя, его устрояющаго? На людяхъ, призванныхъ служить дѣлу суда и управленія, лежитъ нравственная обязанность предъ родиной и предъ русскимъ народомъ охранить этотъ судъ отъ порчи и способствовать его укорененію въ русской жизни.

Таковы, въ самыхъ общихъ чертахъ, задачи изученія судебной этики. Думается, что необходимость преподаванія основныхъ ея положеній чувствуется очень многими изъ тѣхъ, кто вступилъ въ практическую жизнь на зарѣ великихъ реформъ Царя-Освободителя и кто имѣлъ незабываемое счастіе участвовать въ первыхъ годахъ дѣятельности нашего новаго суда. Послѣдующія поколѣнія не испытали уже того возвышеннаго духовнаго настроенія и строгости *къ себѣ*, съ которымъ тогдашніе піонеры и нынѣшніе ветераны судебнаго дѣла брались за святое дѣло отправленія правосудія. Идеалы постепенно начали затемняться и нравственныя задачи отходить на задній планъ. *Служеніе* правосудію понемногу начинаетъ обращаться въ *службу* по судебному вѣдомству, которая отличается отъ многихъ другихъ лишь своею тяжестью и сравнительно слабымъ матеріальнымъ вознагражденіемъ. Надо вновь разъяснить эти идеалы, надо поставить на первое мѣсто нравственныя требованія и задачи. Это дѣло университетскаго преподаванія. Университетъ—эта alma mater своихъ питомцевъ, долженъ напитать ихъ здоровымъ, чистымъ и укрѣпляющимъ молокомъ общихъ руководящихъ началъ. Въ прак-

тической жизни, среди злободневныхъ вопросовъ техники и практики, объ этихъ началахъ придется имъ услышать уже рѣдко. Отыскивать ихъ и раздумывать о нихъ въ лихорадочной суетѣ дѣловой жизни уже поздно. Съ ними, какъ съ прочнымъ вооруженіемъ, какъ съ вѣрнымъ компасомъ, надо войти въ жизнь. Когда человѣка обступятъ столь обычные низменные соблазны и стимулы дѣйствій: нажива, карьера, самодовольство удовлетвореннаго самолюбія и тоска неудовлетвореннаго тщеславія и т. п., когда на каждомъ шагу станутъ грозить мели, подводные камни и манить заводи со стоячею водою, тогда не будетъ уже времени, да пожалуй и охоты запасаться такимъ стѣснительнымъ компасомъ. Не даромъ говоритъ творецъ «Мертвыхъ душъ»: «забирайте съ собою, выходя въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое, ожесточающее мужество,—забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ: не подымете потомъ!»

Вотъ почему желательно, чтобы въ курсъ уголовнаго судопроизводства входилъ отдѣлъ судебной этики, составляя живое и богатое по своему содержанію дополненіе къ исторіи и догмѣ процесса. И если иной, уже давно зрѣлый судебный дѣятель, въ минуту колебанія предъ тѣмъ, какого образа дѣйствій надо держаться въ томъ или другомъ вопросѣ, вспомнитъ нравственныя указанія, слышанныя имъ съ каѳедры—и устыдясь ржавчины незамѣтно подкравшейся рутины, воспрянетъ духомъ—преподаваніе судебной этики найдетъ себѣ житейское оправданіе...

СВИДѢТЕЛИ НА СУДѢ.

(Замѣтки и воспоминанія судьи).

I.

Наше время называютъ временемъ «переоцѣнки всѣхъ цѣнностей». Привѣтствуя ее, какъ зарю новой жизни, свободной отъ вѣковой условности и вызываемой ею лжи, многіе думаютъ, что присутствуютъ при окончательномъ погребеніи отжившихъ, по ихъ мнѣнію, идей, началъ и ученій. Едва ли, однако, эта поспѣшность въ празднованіи побѣды не преждевременна. Многое изъ того, что признается окончательно устарѣвшимъ, пустило глубокіе корни, между которыми есть еще крѣпкіе и здоровые. Нерѣдко то, что выдается за рѣшительный переворотъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается лишь новымъ путемъ къ улучшенію сложившагося и существующаго. При томъ эта переоцѣнка не есть какое-либо небывалое явленіе, начало котораго почему-то приписывается концу прошлаго столѣтія. Она такъ же стара, какъ само человѣчество — и исторія цивилизаціи въ широкомъ ея смыслѣ полна проявленіями такой переоцѣнки иногда въ огромномъ масштабѣ. Достаточно указать на христіанство, выдвинувшее идею *личности* человѣка и тѣмъ разложившее строй античнаго міра,—на Лютера, провозгласившаго начало свободнаго пониманія и толкованія Священнаго Писанія, — на великую французскую революцію, сразу переоцѣнившую все наслоеніе феодальныхъ порядковъ...

Не только въ общественной, но и въ личной жизни большинства людей, мыслящихъ и чувствующихъ, не отдаваясь исключительно во власть животныхъ потребностей и вождѣленій, переоцѣнка цѣнностей явленіе естественное и почти неизбѣжное. Когда

жизнь склоняется къ закату и ея суетныя стороны представляются особенно рельефно—приходится многое переоцѣнить—и въ себѣ, и въ другихъ. Благо тому, кто выходитъ изъ этой внутренней работы, не утративъ вѣры въ людей и не краснѣя за себя! Но и въ разгарѣ жизни—nel mezzo del camin—когда, повидимому, въ личномъ существованіи все опредѣлилось ясно и «образовалось»—внезапно наступаетъ необходимость переоцѣнки. Иногда кажется, что время несбывающихся надеждъ и мечтаній, время роковыхъ страстей и упорной борьбы за существованіе минуло навсегда и неширокій путь личной удовлетворенности тянется подъ сѣрымъ небомъ, сливаясь вдали съ ничего не обѣщающею, но ничѣмъ и не обманывающею, сѣрою далью. И вдругъ, изъ какого-нибудь забытаго или небрежно обойденнаго уголка жизни подымается вопросъ, грозящій все измѣнить и властно заставляющій произвести перестройку всего зданія душевной жизни человѣка.

Совершается «переоцѣнка» и въ различныхъ областяхъ знанія. Она составляетъ естественный результатъ движенія впередъ человѣческой мысли и ея пытливости. Ее нельзя не привѣтствовать, съ нею необходимо считаться. Но въ понятномъ и нерѣдко благотворномъ стремленіи къ такой переоцѣнкѣ надо отличать торопливую готовность къ смѣлымъ выводамъ и неразборчивымъ обобщеніямъ отъ дѣйствительно назрѣвшей потребности;—надо отдѣлять цѣнныя пріобрѣтенія строгаго и цѣлесообразнаго труда отъ увлеченія самымъ процессомъ работъ по «переоцѣнкѣ», причемъ случается, что скудные или непригодные плоды этихъ работъ далеко не соотвѣтствуютъ потраченнымъ на нихъ силамъ. За послѣднее столѣтіе медицинскія науки представляютъ нѣсколько примѣровъ поспѣшной переоцѣнки, гдѣ частичное цѣнное наблюденіе или полезное открытіе восторженно клалось «во главу угла» громко провозглашаемаго «переворота», въ которомъ потомъ приходилось усомниться и постепенно вернуться къ тому, что было объявлено навсегда обезцѣненнымъ.

Не миновали переоцѣнки и явленія правовой области. Стоитъ указать на новѣйшее движеніе въ наукѣ о государствѣ, на труды Менгера и Дюгюи, на отрицательное отношеніе къ основамъ парламентаризма и т. п. Съ особой энергіей предпринята переоцѣнка карательной дѣятельности государства и ея основаній. Почти вся совокупность трудовъ старой, такъ называемой классической, школы уголовнаго права объявлена въ рядѣ ученыхъ изслѣдованій по «пенологіи» и «криминологіи» и въ засѣданіяхъ конгрессовъ по уголовной антропологіи—безплоднымъ собраніемъ чуждыхъ жизни теоретическихъ положеній и черствыхъ вымысловъ односторонне направленнаго ума. Изощряясь въ наименованіяхъ и подраздѣле-

ніяхъ и втискивая человѣческую природу въ ихъ мертвыя рамки, классическая школа опутала жизнь своимъ ученіемъ о злой волѣ и ея проявленіяхъ. Надо бросить всѣ эти устарѣлыя и вредныя схемы, — говорятъ намъ,—и вмѣсто преступнаго *дѣйствія* обратить главное вниманіе на преступное *состояніе,* изучая преступный *типъ,* признаки котораго съ любовью разработаны и указаны итальянскими антропологами-криминалистами и ихъ французскими послѣдователями.

Шекспиръ, въ глубинѣ своего поэтическаго прозрѣнія, понялъ существованіе такого типа, въ образованіи котораго наслѣдственность и атавизмъ играютъ такую огромную роль. Онъ далъ въ Калибанѣ («Буря») яркій образъ «человѣко-звѣря». Но Калибаны существуютъ не только на безвѣстномъ островѣ подъ твердою властью Просперо. Ими населено, въ значительной степени, все современное общество, неудачно и близоруко замѣнившее силу мудреца и пѣніе чистаго Аріеля—статьями уголовнаго уложенія и приговорами уголовнаго суда. Для оцѣнки виновности этихъ существъ, ярко отражающихъ въ себѣ преступный типъ, съ его Морелевскими ушами, Гутчинсоновскими зубами, сѣдлообразнымъ нёбомъ, маленькою головою, особою нервною возбудимостью и нечувствительностью къ внѣшнимъ страданіямъ, съ его привычкою грызть ногти и съ наклонностью къ татуировкѣ, съ оригинальнымъ почеркомъ и ослабленными подошвенными рефлексами и т. д.—нужна переоцѣнка какъ понятія о вмѣненіи преступленій, такъ и процессуальныхъ цѣлей и пріемовъ. Очевидно, что суду юристовъ, съ его теоретическими хитросплетеніями и операціями in anima vili, и суду присяжныхъ, совершенно чуждыхъ всякому понятію объ антропологіи,—нѣтъ уже мѣста въ дѣлѣ общественной самозащиты. Ихъ долженъ замѣнить судъ врачей-спеціалистовъ, для котораго, по самому его существу, не нужны гласность, защита, обжалованіе возможность помилованія. Это все шаткія условія *исканія* истины въ дѣлѣ, а не положительнаго и твердаго *знанія* о ней, даваемаго наукой. Послѣднее движется, открывая горизонты разуму, не волнуя совѣсть и спокойно взвѣшивая дѣйствительность въ ея реальномъ проявленіи, а не мнимомъ пониманіи, не вѣдая ни ненависти, ни жалости, ни любви. Гдѣ другіе сомнѣваются — оно увѣрено. Къ чему же здѣсь пафосъ адвоката, критика общественнаго мнѣнія, прощеніе того, что не прощено самою природой? Для такого научнаго суда преступленіе есть лишь *поводъ* заняться опредѣленіемъ опасности преступника для общества. Выяснивъ достовѣрную, антропологически—доказанную *возможность* совершенія имъ въ будущемъ дѣяній, изъ категоріи тѣхъ, за которое онъ судится, судъ назначитъ ему затѣмъ срочное или пожизненное заключеніе или,

въ случаяхъ особой вредоносности, вовсе «устранитъ» его изъ жизни. Вторгаться въ изслѣдованіе внутренняго міра и душевнаго склада такихъ подсудимыхъ совершенно излишне. Съ представителями «преступнаго типа» слѣдуетъ бороться какъ съ хищными звѣрями, какъ съ бактеріями въ общественномъ организмѣ, пресѣкая въ ихъ лицѣ опасную прогенитуру и тѣмъ, по выраженію одного изъ новѣйшихъ криминологовъ, «очищая породу и облагороживая сердца».

Такъ, начавшись съ заботы о живомъ человѣкѣ, задавленномъ безжизненными уголовными формулами, эта переоцѣнка, путемъ далеко не провѣренныхъ положеній и крайнихъ обобщеній, дошла до низведенія карательной дѣятельности государства къ охотѣ на человѣка съ примѣненіемъ научныхъ пріемовъ антропометріи. Логическіе результаты такой переоцѣнки, ставящей, вслѣдствіе возможности вырожденія нѣкоторыхъ виновныхъ, и всѣхъ остальныхъ въ положеніе стихійной силы, идутъ въ разрѣзъ съ нравственными задачами государства и съ человѣческимъ достоинствомъ.

Примѣръ такой же поспѣшной переоцѣнки представляютъ вторгшіяся въ область ученія о вмѣненіи смутныя и расплывчатыя понятія о *неврастеніи* и *психопатіи*. Исходя изъ недостаточности старыхъ и такъ сказать казенныхъ понятій о сумасшествіи и безуміи, давно опереженныхъ жизнью, мы впали въ другую крайность. Практическіе юристы въ Россіи были, въ два послѣднихъ десятилѣтія прошлаго вѣка, свидѣтелями почти систематическаго объясненія естественныхъ страстей человѣка, какъ проявленій *болѣзни воли,* при чемъ лишь безплотные небожители или, наоборотъ, грубо прозябающія и чуждыя всякихъ сильныхъ душевныхъ движеній существа могли оказаться свободными отъ почетнаго званія «неврастеника» или «психопата». Негодованіе, гнѣвъ и ревность, состраданіе къ животнымъ и жалость къ людямъ, наклонность къ сомнѣніямъ и стремленіе къ опрятности въ своихъ рѣзкихъ проявленіяхъ стали признаваться несомнѣнными признаками болѣзненнаго истощенія нервовъ и носить громкія названія разныхъ «фобій». Понятіе о психопатіи, какъ *болѣзни характера,* далеко вышло за предѣлы того, что англійскіе врачи называли «moral insanity», и разлилось, въ своемъ практическомъ примѣненіи, такимъ безбрежнымъ потокомъ, что самимъ психіатрамъ пришлось работать надъ тѣмъ, чтобы направить его въ русло ясно очерченныхъ душевныхъ недуговъ и регулировать его разливъ.

Въ послѣднее время въ области уголовной антропологіи предприняты настойчивыя попытки еще одной переоцѣнки, поспѣшной, произвольной и вовсе не основанной на требованіяхъ нормальной жизни. Онѣ направлены на проявленіе такъ называемаго «ура-

низма» и выражаются въ отрицаніи необходимости общественнаго осужденія уранизма и примѣненія карательной дѣятельности государства въ нѣкоторыхъ особо рѣзкихъ его случаяхъ вообще. Не по днямъ, а по часамъ растетъ литература, требующая, съ поднятымъ забраломъ, оправданія противныхъ природѣ похотей и внушаемыхъ ими безнравственныхъ дѣйствій. Дѣйствія эти, согласно новому ученію, не могутъ быть вмѣняемы, будучи законными проявленіями естественныхъ свойствъ человѣческой природы, не знающей того исключительнаго раздѣленія на два пола, которое доселѣ признавалось законодательствомъ за аксіому. Для тѣхъ же, кому не по вкусу *такое* основаніе переоцѣнки, предлагается услужливая теорія половой психопатіи, замѣняющей то, что прежде отсталость и невѣжество привыкли называть распущенностью и развратомъ. На послѣднемъ уголовно-антропологическомъ конгрессѣ въ Амстердамѣ профессоръ Аллетрино, убѣжденный и горячій защитникъ предоставленія уранизму «непостыднаго и мирнаго житія», поставилъ вопросъ ребромъ. Дозволительно, однако, думать, что завершеніе такой переоцѣнки человѣческихъ отношеній наступитъ еще не скоро и что еще не близко время, когда скрывавшійся втайнѣ порокъ, перешагнувъ чрезъ народное понятіе о *грѣхѣ* и чрезъ чувство *стыда*, съ гордо поднятымъ челомъ опрокинетъ послѣднюю преграду свободѣ своихъ вождѣленій—*страхъ* общественнаго осужденія...

Еще ближе, чѣмъ уголовное право и судоустройство, еще, если можно такъ выразиться, острѣе соприкасается съ жизнью и ея вѣчно новыми запросами *уголовный процессъ*. Поэтому въ немъ «переоцѣнка» неминуемо совершалась чаще, хотя, быть можетъ, въ меньшемъ объемѣ и не столь кореннымъ образомъ. Эта переоцѣнка всегда направлялась на критику и измѣненіе необходимыхъ пріемовъ дѣйствія судьи и вытекающихъ изъ нихъ условій его дѣятельности. Подъ вліяніемъ ея совершился переходъ отъ *свободы внутренняго убѣжденія* древняго народнаго судьи къ внѣшней задачѣ судьи феодальнаго, характеризуемой отсутствіемъ и *ненадобностью внутренняго убѣжденія*, такъ какъ рѣшеніе вопроса о винѣ и невиновности было отдано на «судъ Божій», указывающій виновнаго посредствомъ результата *ордаліи* или *поля*... Затѣмъ, очищенная вліяніемъ церкви отъ воззрѣній феодальнаго времени, система доказательствъ свелась къ показаніямъ—и прежде всего къ собственному сознанію и оговору. Для полученія собственнаго сознанія, этого «лучшаго доказательства всего свѣта» стала примѣняться пытка—и дѣло рѣшалось не совѣстью судьи, а физическою выносливостью подвергаемаго пыткѣ. Но съ движеніемъ человѣчества впередъ главную цѣну пріобрѣтаютъ фор-

мальныя, предустановленныя доказательства. Система этихъ доказательствъ, сводящая задачу судьи къ механическому сложенію и вычитанію доказательствъ, вѣсъ и взаимная сила которыхъ заранѣе опредѣлены — знаменуетъ собою періодъ *связанности внутренняго убѣжденія* судьи. Но вотъ наступаетъ новая переоцѣнка правъ и размѣровъ судейскаго убѣжденія и оно принимаетъ свой современный объемъ, распространяясь на всѣ роды доказательствъ и свободно взвѣшивая внутреннее достоинство каждаго изъ нихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ вырабатывается судебною практикою и законодательствомъ рядъ правилъ, обезпечивающихъ полученіе доказательствъ въ возможно чистомъ видѣ, безъ постороннихъ примѣсей, коренящихся въ физической или нравственной природѣ ихъ источника. Вещественныя доказательства—плоды, орудія и слѣды преступленія—охраняются отъ порчи, тщательно описываются, фотографируются, соблюдаются по возможности въ такомъ видѣ, въ которомъ онѣ наиболѣе соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Особенное вниманіе обращается на чистоту источника главнаго изъ доказательствъ, которое прямо или косвенно (въ качествѣ улики) по большей части имѣетъ рѣшающее значеніе для выработки судейскаго убѣжденія, выражающагося въ приговорѣ. Это доказательство—*свидѣтельское показаніе.*

Какъ всякое доказательство—оно должно быть добыто въ такомъ видѣ и въ такой обстановкѣ, которые устраняли бы мысль о его поддѣлкѣ или о полученіи его вымогательствомъ. О насиліи личномъ со стороны органовъ правосудія при гласномъ разбирательствѣ въ новомъ судѣ почти не можетъ быть и рѣчи, кромѣ исключительныхъ случаевъ вопіющаго злоупотребленія властью, но возможно насиліе или воздѣйствіе нравственное, составляющее особый видъ психическаго принужденія. Какъ всякое такое принужденіе оно можетъ состоять въ возбужденіи страха, надеждъ или желаній получить выгоду и выражаться въ угрозахъ, обольщеніяхъ и обѣщаніяхъ. Къ нимъ можетъ быть присоединено душевное томленіе или искусственно вызываемыя усталость и сознаніе безпомощности. Законъ, категорически воспрещающій домогаться сознанія обвиняемаго путемъ психическаго вымогательства (ст. 405 У. У. С.) долженъ всецѣло примѣняться и къ свидѣтелямъ. Допросъ ихъ долженъ производиться умѣло, съ соблюденіемъ строго опредѣленныхъ пріемовъ и безъ всякой тѣни стремленія добиться того или другого результата показанія. Отсюда воспрещеніе прочтенія передъ судомъ показаній, данныхъ при полицейскомъ розыскѣ или негласномъ разспросѣ и занесенныхъ въ акты дознанія.

Законъ сознаетъ, однако, что отсутствіе злоупотребленій со стороны *допрашивающихъ* свидѣтеля недостаточно. Въ *самомъ*

свидѣтелѣ могутъ заключаться элементы, отклоняющіе его показаніе отъ истины, замутняющіе и искажающіе его строго фактическій источникъ. Отсюда стремленіе очистить показанія свидѣтелей отъ вліянія дружбы, вражды и страха, отъ обстоятельствъ постороннихъ и слуховъ, неизвѣстно откуда исходящихъ (ст. 717 и 718 У. У. С.)—и устраненіе отъ свидѣтельства душевно-больныхъ и тѣхъ, кто при дачѣ показанія можетъ стать въ тягостное и неразрѣшимое противорѣчіе со своимъ служебнымъ или общественнымъ долгомъ (священники по отношенію къ открытому на исповѣди, — защитники по отношенію къ признанію, сдѣланному имъ довѣрителями). Отсюда предоставленіе отказа отъ показанія близкимъ родственникамъ подсудимаго—и, во всякомъ случаѣ, допросъ ихъ безъ присяги; отсюда, наконецъ, обставленная карательными гарантіями присяга свидѣтелей передъ дачею показаній (а въ Германіи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, послѣ дачи ихъ) въ торжественной обстановкѣ, способствующей сосредоточенію вниманія на томъ, о чемъ придется говорить, при чемъ законъ тщательно профильтровываетъ свидѣтелей по ихъ личнымъ отношеніямъ и по пониманію ими святости совершаемаго обряда, оставляя *по сю сторону присяги* цѣлый рядъ лицъ, въ достовѣрности показаній которыхъ можно усомниться или высказано сомнѣніе одною изъ сторонъ. Только пройдя это, такъ сказать, предохранительное испытаніе для соблюденія внѣшней достовѣрности, показаніе свидѣтеля предъявляется суду. Но и здѣсь, съ одной стороны, свидѣтель вновь ограждается отъ тревоги и смущенія разрѣшеніемъ ему не отвѣчать на вопросы, клонящіеся къ его собственному обвиненію, а съ другой—показаніе его относительно полноты и точности содержанія подвергается тщательной провѣркѣ, а во многихъ случаяхъ и выработкѣ путемъ выясненія встрѣченныхъ въ немъ противорѣчій съ прежнимъ показаніемъ и, въ особенности, путемъ *перекрестнаго допроса.*

Данное *въ этихъ условіяхъ,* полученное и обработанное *такимъ образомъ,* свидѣтельское показаніе поступаетъ въ матеріалъ, подлежащій судейскому разсмотрѣнію и оцѣнкѣ. Надъ нимъ начинается работа логическихъ сопоставленій и выводовъ, психологическаго анализа, юридическаго навыка и житейскаго опыта, и оно укладывается, какъ кусочекъ мозаики, какъ составная частица въ картину виновности или невиновности подсудимаго. Несомнѣнно, что критическій анализъ судьи долженъ быть направленъ на всѣ стороны этого показанія, опредѣляя, въ послѣдовательномъ порядкѣ, его относимость къ дѣлу, какъ доказательства, его пригодность для того или другого вывода, его полноту, правдоподобность, искренность и, наконецъ, достовѣрность.

Но и послѣ всей этой провѣрочной работы въ показаніи свидѣтеля, даваемомъ при существующихъ условіяхъ, остается свойство, дѣлающее его подчасъ, несмотря ни на что и вопреки всему, въ значительной степени недостовѣрнымъ. Самое добросовѣстное показаніе, данное съ горячимъ желаніемъ показать одну правду и при томъ всю правду—основывается на усиліи памяти, рисующей и передающей то, на что было обращено, въ свое время, свидѣтелемъ свое вниманіе. Но вниманіе есть орудіе для воспріятія весьма не совершенное, а память съ теченіемъ времени искажаетъ запечатлѣнные вниманіемъ образы и даетъ имъ иногда совершенно выцвѣсть. Вниманіе обращается не на все то, что слѣдовало бы, въ будущемъ, помнить свидѣтелю, а память по большей части слабо удерживаетъ и то, на что было обращено неполное и недостаточное вниманіе. Эта своего рода «усушка и утечка» памяти вызываетъ ее на безсознательное возстановленіе образующихся пробѣловъ — и такимъ образомъ, мало-по-малу, въ передачу видѣннаго и слышаннаго прокрадываются вымыселъ и самообманъ. Такимъ образомъ, внутри почти каждаго свидѣтельскаго показанія есть своего рода язва, отравляющая понемногу весь организмъ показанія, не только противъ воли, но и безъ сознанія самого свидѣтеля. Вотъ съ какимъ матеріаломъ приходится судьѣ имѣть дѣло...

Большая часть серьезныхъ обвиненій построена на косвенныхъ уликахъ, т.-е. на доказанныхъ обстоятельствахъ того, что еще надо доказать. Но можно ли считать *доказаннымъ* такое обстоятельство, повѣствованіе о которомъ испорчено и въ источникѣ (вниманіе) и въ дальнѣйшемъ своемъ движеніи (память)? Согласно ли съ правосудіемъ принимать такое показаніе, полагаясь только на внѣшнія процессуальныя гарантіи и на добрыя намѣренія свидѣтеля послужить выясненію истины? Не слѣдуетъ ли подвергнуть тщательной повѣркѣ и степень развитія вниманія свидѣтеля и выносливость его памяти?—и лишь узнавъ, съ *какими* вниманіемъ и памятью мы имѣемъ дѣло, вдуматься въ сущность и въ подробности даваемаго этимъ свидѣтелемъ показанія, отъ котораго иногда всецѣло зависитъ справедливость приговора и судьба подсудимаго...

Таковы вопросы, лежащіе въ основаніи предлагаемой въ послѣднее время представителями *экспериментальной психологіи* переоцѣнки стоимости свидѣтельскихъ показаній.

II.

Экспериментальная психологія наука новая и въ высшей степени интересная. Если и считать ея отдаленнымъ началомъ берлинскую рѣчь Гербарта «о возможности и необходимости примѣненія въ психологіи математики», произнесенную въ 1822 году, то, во всякомъ случаѣ, серьезнаго и дружнаго развитія она достигла лишь въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія. Молодости свойственна увѣренность въ своихъ силахъ и нерѣдко непосильная широта задачъ. Отъ этихъ завидныхъ свойствъ не свободна и экспериментальная психологія, считающая, что труднѣйшіе изъ вопросовъ права, науки о воспитаніи и ученія о душевныхъ болѣзняхъ, не говоря уже о психологіи въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, могутъ быть разрѣшены при помощи указываемыхъ ею пріемовъ и способовъ. Но «старость ходитъ осторожно—и подозрительно глядитъ». Эта старость, т.-е. вѣковое изученіе явленій жизни въ связи съ задачами философскаго мышленія, не спѣшитъ присоединиться къ побѣднымъ кликамъ новой науки. Она сомнѣвается, чтобы сложные процессы душевной жизни могли быть выяснены опытами въ физіологическихъ лабораторіяхъ и чтобы уже настало время для вывода на прочныхъ основаніяхъ общихъ научныхъ законовъ даже для простѣйшихъ явленій этой жизни.

Тѣмъ не менѣе, нельзя не быть благодарнымъ представителямъ экспериментальной психологіи за поднятый ими вопросъ о новой оцѣнкѣ свидѣтельскихъ показаній. Благодаря отзывчивому отношенію казанскаго и петербургскаго юридическихъ обществъ къ новымъ теченіямъ въ правовой и процессуальной сферѣ, послѣдніе труды въ этомъ направленіи были разъяснены весьма подробно и надо надѣяться, что вопросъ о психологіи свидѣтельскихъ показаній не заглохнетъ среди юристовъ, а будетъ подвергнутъ, въ совмѣстномъ трудѣ съ опытными психологами, дальнѣйшей разработкѣ. Настоящія замѣтки имѣютъ цѣлью представить нѣкоторый разборъ основаній той переоцѣнки, на необходимость которой указываютъ труды и опыты профессоровъ: Листа, Штерна («Zur Psychologie des Aussage»), Врешнера (тоже) и докладъ на гиссенскомъ конгрессѣ экспериментальной психологіи г-жи Борстъ («О вычисленіи ошибокъ въ психологіи показаній»).

Неточность свидѣтельскихъ показаній вслѣдствіе ослабленія памяти или недостаточности вниманія, или того и другого вмѣстѣ, давно уже была предметомъ указаній англійскихъ юристовъ, занимавшихся изученіемъ теоріи уликъ и доказательствъ. Бестъ, Уильзъ и, въ особенности, Бентамъ не разъ обращались къ ана-

лизу этого явленія. Послѣдній посвятилъ ему особую главу своего трактата «о судебныхъ доказательствахъ». Онъ находилъ, что неточность показаній вызывается ослабленіемъ памяти, вслѣдствіе отсутствія живости въ воспріятіи сознаніемъ своего отношенія къ факту и подъ вліяніемъ времени, замѣняющаго, незамѣтно для свидѣтеля, подлинное воспоминаніе кажущимся, при чемъ ложное обстоятельство замѣняетъ настоящее впечатлѣніе. Онъ указывалъ также на то, что огромное значеніе для уклоненія показаній отъ истины имѣютъ работа воображенія и несоотвѣтствіе (неточность, неумѣлость) способа изложенія. Поэтому уже и Бентамъ требовалъ математическихъ пріемовъ въ оцѣнкѣ и классификаціи показаній, восклицая: «неужели правосудіе требуетъ менѣе точности, нежели химія?!» Но, въ дальнѣйшемъ своемъ стремленіи установить строгій и непоколебимый масштабъ для опредѣленія цѣнности доказательствъ и вытекающаго изъ нихъ внутренняго убѣжденія, онъ дошелъ до такой непріемлемой крайности, какъ изобрѣтеніе особой скàлы, имѣющей положительную и отрицательную стороны, раздѣленныя на десять градусовъ, обозначающихъ *степени* подтвержденія и отрицанія одного и того же обстоятельства, при чемъ степень увѣренности свидѣтеля въ томъ, о чемъ онъ показываетъ, должна обозначаться имъ самимъ посредствомъ указанія на градусъ этой оригинальной Бентамовской лѣстницы...

Экспериментальная психологія употребляетъ многоразличные способы для выясненія вопросовъ, касающихся объема, продолжительности и точности памяти. Существуютъ методы изслѣдованія памяти путемъ возбужденія ея къ *сравненію*, къ *описанію*, къ *распознаванію* и къ *воспроизведенію*. Въ примѣненіи къ людямъ,—раздѣляемымъ по отношенію къ свойствамъ своего вниманія на такихъ, у которыхъ болѣе развито *слуховое* вниманіе или *зрительное* вниманіе,—эти методы даютъ очень интересные результаты, доказывающіе связь душевныхъ процессовъ съ дѣятельностью нервной системы и мозга. Въ расширеніи этой области нашихъ знаній несомнѣнная заслуга экспериментальной психологіи.

Нѣкоторыя новѣйшія работы (напр. Гольдовскаго) въ этомъ отношеніи представляютъ широкую картину практическаго примѣненія психологическаго опыта къ явленіямъ, тѣсно связаннымъ съ отправленіемъ правосудія. Таковы, напримѣръ, выводы о постепенномъ замедленіи потери впечатлѣній, наростающей не пропорціонально времени; о способности женщинъ меньше *забывать*, но больше *ошибаться*; о соотношеніи пропусковъ въ показаніяхъ къ *прибавкамъ* и къ *превращеніямъ* (искаженіямъ); о вліяніи «наводящихъ» вопросовъ суда. Они очень цѣнны, и даже весьма поучительны для каждаго добросовѣстнаго и вдумчиваго судьи. Но едва ли всѣ

эти подробныя изслѣдованія и интересные сами по себѣ опыты должны измѣнить что-либо въ ходѣ и устройствѣ современнаго, уголовнаго по преимуществу, процесса. Такое сомнѣніе возникаетъ и съ точки зрѣнія судопроизводства, и съ точки зрѣнія судоустройства.

Въ *первомъ отношеніи* прежде всего рождается вопросъ: одно ли и то же показаніе свидѣтеля на судѣ и отчетъ человѣка, разсматривавшаго въ теченіе $^3/_4$ минуты показанную ему согласно пріему экспериментальной психологіи картинку съ изображеніемъ спокойно-безцвѣтной сцены изъ ежедневной жизни? Одно ли и то же — вглядѣться съ безразличнымъ чувствомъ и искусственно направленнымъ вниманіемъ въ изображеніе того, какъ художникъ переѣзжаетъ на новую квартиру или мирная бюргерская семья завтракаетъ, выѣхавъ «in's Grüne», и затѣмъ отдаться «злобѣ дня», забывъ и про картину, и про опыты Штерна — или быть свидѣтелемъ обстоятельства, связаннаго съ необычнымъ дѣяніемъ, нарушающимъ мирное теченіе жизни и при томъ не на сценѣ, а въ окружающей дѣйствительности и быть призваннымъ вспомнить о немъ, зная о возможныхъ послѣдствіяхъ своихъ словъ при дознаніи, у слѣдователя и на судѣ, идя въ который всякій невольно провѣряетъ себя? Преступленіе измѣняетъ *статику* сложившейся жизни: оно перемѣщаетъ или истребляетъ предметы обладанія, прекращаетъ или искажаетъ то или другое существованіе, разрушаетъ на время укладъ опредѣленныхъ общественныхъ отношеній и т. д. По большей части для установленія этого существуетъ объективные, фактическіе признаки, не нуждающіеся въ дальнѣйшихъ доказательствахъ свидѣтельскими показаніями. Но въ преступленіи есть и *динамика:*—дѣйствія обвиняемаго, занятое имъ положеніе, его дѣятельность *до* и *по* совершеніи того, что нарушило статику. Здѣсь свидѣтели играютъ, по большей части, огромную роль и ихъ прикосновенность къ обстоятельствамъ, въ которыхъ выразилась динамика преступленія, вызываетъ особую *сосредоточенность вниманія*, запечатлѣвающую въ памяти образы и звуки съ особою яркостью. Этого не въ силахъ достичь никакая картина, если она не изображаетъ чего-либо потрясающаго и оставляющаго глубокій слѣдъ въ душѣ, въ родѣ «Петра и Алексѣя»—Ге, «Княжны Таракановой»—Флавицкаго или «Ивана Грознаго»—Рѣпина. Да и тутъ—отсутствіе личнаго отношенія къ изображенному и сознаніе, что это, какъ говорятъ дѣти, «не завсамдѣлѣ», должны быстро ослаблять интензивность впечатлѣнія и стирать мелкія подробности видѣннаго.

Но показываніе картинокъ—только первый шагъ на пути изученія способовъ избѣжанія неточныхъ показаній—говорятъ намъ. Въ

будущемъ должно возобладать сознаніе, что воспоминаніе есть не только способность представленія, но и актъ воли—и тогда, для устраненія ошибокъ не только въ устахъ свидѣтелей, но и на страницахъ мемуаровъ и историческихъ воспоминаній, создастся нравственная мнемотехника и въ школахъ будетъ введено «преподаваніе о воспоминаніи». Однако уже и теперь желательно, чтобы относительно особо важныхъ свидѣтелей допускалась психологическая провѣрка степени достовѣрности ихъ показаній особымъ экспертомъ, лучше всего юристомъ-психологомъ, который можетъ дать этимъ показаніямъ необходимый коэффиціентъ поправокъ. Но что такое *особо важный свидѣтель*? Очевидно тотъ, кто можетъ дать показаніе объ особо важныхъ, по своему уличающему или оправдывающему значенію, обстоятельствахъ. Такія обстоятельства, въ видѣ прямыхъ доказательствъ, встрѣчаются, однако, сравнительно рѣдко и устанавливаются обыкновенно совершенно объективнымъ способомъ. Гораздо важнѣе улики. Но какъ выбрать между уликами,—«qui sont des faits placés autour de quelque autre fait», какъ говоритъ Боннье, — могущими лишь въ своей совокупности и извѣстномъ сочетаніи перестать быть «ein Nebenumstand» и установить извѣстный фактъ, имѣющій прямое отношеніе къ составу преступленія? Какъ отдѣлить особо важныя отъ менѣе важныхъ? Судебная практика представляетъ множество случаевъ, гдѣ повидимому пустое и незначительное обстоятельство сразу склоняло вѣсы въ ту или другую сторону потому, что оно, иногда совершенно непредвидѣнно, замыкало собою цѣпь оправдательныхъ или обвинительныхъ соображеній, слагавшихся среди сомнѣній и колебаній. Кто можетъ, затѣмъ, опредѣлить, что тотъ или другой свидѣтель долженъ быть подвергнутъ психологической экспертизѣ? *Судъ*, во время засѣданія, когда выяснится важность обстоятельства, о которомъ даетъ или имѣетъ дать показаніе свидѣтель? Но тогда вся предшествующая работа суда и присяжныхъ засѣдателей должна быть прервана и, по условіямъ мѣста и времени, начата снова лишь по окончаніи экспертизы, которая по рецептамъ Штерна и Врешнера должна длиться по крайней мѣрѣ около мѣсяца. Не будутъ ли въ данномъ случаѣ «les lenteurs salutaires de justice» отягощеніемъ участи подсудимаго, или не надо ли и ему, независимо отъ состава суда, предоставить право требовать такой экспертизы или, наоборотъ, просить судъ ея не дѣлать? *Слѣдователь?* Но при правильномъ производствѣ слѣдствія и надлежащей организаціи слѣдственныхъ силъ, допросъ свидѣтелей долженъ наступать невдолгѣ послѣ совершенія преступленія, когда память ихъ меньше нуждается въ изслѣдованіи, чѣмъ на судѣ, гдѣ въ сущности *впервые* разработывается вопросъ уже не

объ основательности данныхъ для производства уголовнаго изслѣдованія, а о *достовѣрности* собранныхъ уликъ и доказательствъ. Да и гдѣ взять многочисленнымъ слѣдователямъ такое количество экспертовъ-психологовъ? и не будетъ ли возможность такой экспертизы оправданіемъ малой заботливости объ отысканіи, дѣлаемомъ теперь, *другихъ данныхъ* для провѣрки и испытанія удѣльнаго вѣса свидѣтельскаго показанія? И, вообще, при невозможности часто прибѣгать къ такой экспертизѣ — не обратится ли она въ принадлежность лишь особо важныхъ, нашумѣвшихъ дѣлъ? Но для истиннаго правосудія не должно быть особо важныхъ дѣлъ; всѣ дѣла предъ судомъ одинаково равны и важны, ибо въ каждомъ одна и та же задача, одни и тѣ же общественные интересы и вліяніе на судьбу подсудимаго. Вся разница лишь въ количествѣ труда и силъ, потребныхъ для ихъ разсмотрѣнія. Смотрѣть иначе—и создавать привиллегированныя дѣла—значитъ допускать гибельное вторженіе политическихъ соображеній въ безпристрастное отправленіе правосудія. Наконецъ, — дѣйствительно ли такъ многозначительна подобная экспертиза, создающая, къ слову сказать, для нѣкоторыхъ доказательствъ своего рода предустановленность *ad hoc*, при чемъ, въ сущности, показанія свидѣтеля, пройдя чрезъ психологическую редакцію и цензуру эксперта, утратятъ свою непосредственность? Психологическое изслѣдованіе *лжи* будетъ, вѣроятно, безсильно, ибо сознательный лжецъ не представитъ никакихъ пробѣловъ памяти относительно того, что онъ измыслилъ въ медленной работѣ низменныхъ побужденій или въ назрѣвшемъ желаніи спасти близкаго или дорогаго человѣка. Очныя ставки свидѣтелей между собою лучше всего это доказываютъ. *Лжецъ* всегда твердо стоитъ на своемъ, а *правдивецъ* подъ конецъ начинаетъ обыкновенно путаться и колебаться, смущенный возникшими сомнѣніями въ правдѣ своихъ словъ. Поэтому едва ли суду придется часто присуствовать при психологическомъ удостовѣреніи *перевиранья* свидѣтелемъ своей первоначальной лжи— и задача экспертизы сведется лишь къ указанію на возможность, по условіямъ памяти свидѣтеля, неточности показанія, добросовѣстно имъ считаемаго правдивымъ. Но для этого есть болѣе доступныя, простыя и свойственныя самой природѣ судейской самодѣятельности средства.

Во *второмъ отношеніи* — съ точки зрѣнія *судоустройства* — признаніе допустимости и даже существенной необходимости экспертизы вниманія и памяти связано, выражаясь офиціальнымъ языкомъ, съ «колебаніемъ основъ», какъ суда вообще, такъ и суда присяжныхъ въ частности. Свидѣтельскія показанія даютъ матеріалъ для внутренняго убѣжденія судьи. Когда ихъ много—судья

не только долженъ воспринять ихъ съ должнымъ вниманіемъ, но и отпечатлѣть въ своей памяти на довольно долгій срокъ, въ теченіе котораго ему предстоитъ облечь сложившееся у него убѣжденіе въ резолюцію и затѣмъ мотивировать эту резолюцію ссылкою на доказательства и оцѣнкою ихъ. Работа судьи въ этомъ смыслѣ уменьшается, когда онъ дѣйствуетъ съ присяжными, но за то предсѣдательствующій судья обязанъ въ своемъ руководящемъ напутствіи изложить существенныя обстоятельства дѣла, устранивъ неправильныя толкованія сторонъ, и преподать общія юридическія основанія къ сужденію о силѣ доказательствъ, представленныхъ по дѣлу сторонами. При этомъ, ему, конечно, приходится касаться свидѣтельскихъ показаній и рѣчей сторонъ, являясь, такъ сказать, свидѣтелемъ этихъ показаній и этихъ рѣчей. Это обязанность нелегкая, требующая особаго напряженія вниманія и памяти. Про то знаетъ всякій, кто велъ большія, длящіяся иногда двѣ и три недѣли, дѣла съ участіемъ присяжныхъ. Что-же сказать про такія дѣла, какъ, напр., дѣло о злоупотребленіяхъ въ Таганрогской таможнѣ, длившееся 36 дней и по которому на рѣшеніе присяжныхъ было поставлено болѣе 1,000 вопросовъ,— или дѣло Тичборна въ Лондонѣ, продолжавшееся девять мѣсяцевъ, при чемъ заключительное слово предсѣдателя одно заняло шесть недѣль! Кромѣ того, согласно смыслу ст. 246 Германскаго Устава Угол. Судопр. и ст. 729 нашего,— предсѣдатель обязанъ удаленному на время изъ залы засѣданія подсудимому объяснить «съ точностью существенное содержаніе» того, что высказано или произошло въ его отсутствіе. Иными словами—онъ долженъ передать ему сущность заявленій сторонъ и содержаніе свидѣтельскихъ показаній, т.-е. самъ выступить въ роли свидѣтеля происходившаго въ его присутствіи. Но если показанію свидѣтеля можно довѣрять, только провѣривъ степень его вниманія и силу его памяти, то почему же оставлять безъ провѣрки эти же самыя свойства у судей, память которыхъ обречена удерживать въ себѣ правдивый образъ неизмѣримо большаго количества обстоятельствъ. Если разсказъ свидѣтеля о слышанномъ и видѣнномъ можетъ, незавѣдомо для него, передавать то и другое въ искаженномъ или невѣрномъ видѣ, то насколько же большихъ гарантій требуетъ *разсказъ судей* о томъ, что имъ пришлось выслушать, излагаемый въ формѣ исторической и аналитической части приговора? Не придется ли неизбѣжно спросить — *et quis custodit custodes ipsos?*

Если, однако, можно сказать, что у судей есть служебный опытъ и навыкъ, что ихъ умъ изощренъ къ воспріятію впечатлѣній ежедневно развертывающейся предъ ними житейской драмы и что,

поэтому, образы, вытекающіе изъ показаній свидѣтелей и объясненій подсудимаго и сторонъ, могутъ врѣзываться въ ихъ память прочными и вѣрными чертами, то этого нельзя сказать про присяжныхъ засѣдателей. Они, почерпнутые ковшомъ изъ моря житейскаго, стоятъ по отношенію къ происходящему предъ ними по большей части не болѣе вооруженные со стороны памяти, чѣмъ и простые свидѣтели—и если присяга, съ одной стороны, и побуждаетъ ихъ къ особому вниманію, то, съ другой стороны, утомленіе, нервная напряженность, забота о дѣлахъ и семьѣ, отъ которыхъ они отрѣзаны,—не могутъ не ослаблять этого вниманія, а продолжительныя засѣданія должны дѣйствовать на нихъ еще болѣе подавляющимъ образомъ, чѣмъ на судей. Поэтому тамъ, гдѣ экспериментальная психологія съ требованіемъ указываемыхъ ею опытовъ настойчиво и авторитетно выступаетъ на замѣну совокупной работы здраваго разсудка присяжныхъ, знанія ими жизни и простого совѣстливаго отношенія къ своимъ обязанностямъ — тамъ можно сказать суду присяжныхъ, что его пѣсенка спѣта. Да и вообще, не послѣдовательнѣе было бы въ такомъ случаѣ преобразовать судъ согласно мечтаніямъ криминальной психологіи, замѣнивъ и профессіональныхъ, и выборныхъ общественныхъ судей смѣшанною коллегіею изъ врачей, психіатровъ, антропологовъ и психологовъ, предоставивъ тѣмъ, кто нынѣ носитъ незаслуженное имя судей, лишь формулировку мнѣнія этой коллегіи.

Нѣчто подобное предлагаетъ уже нѣсколько лѣтъ Вѣнскій профессоръ Бенедиктъ, согласно мнѣнію котораго государству приходится имѣть дѣло съ тремя родами преступниковъ: прирожденными (агенератами), неправильно развившимися лично или подъ вліяніемъ среды (дегенератами) и случайными (эгенератами), при чемъ суду надъ тѣми изъ нихъ, которые оказываются неисправимыми, т. е. агенератами и надъ большею частью дегенератовъ долженъ быть приданъ характеръ особой коллегіи изъ врачей лишь съ примѣсью судейскаго элемента. Эта коллегія, предусмотрительно составленная изъ двухъ инстанцій, съ періодическимъ пересмотромъ всѣхъ ея приговоровъ, должна каждый разъ разрѣшать формулу: $X=M+N+N^1+E+O$, причемъ M обозначаетъ совокупныя условія и свойства организма подсудимаго, N—его прирожденныя свойства, N^1—его пріобрѣтенныя наклонности, E—внѣшнія на него вліянія, его среду и обстановку и O—случайныя вліянія и возбужденія. Этотъ же судъ учреждаетъ и своеобразную «усиленную опеку» надъ лицами, еще не совершившими преступныхъ дѣяній, но однако же, по своимъ наклонностямъ, способными ихъ совершить.

Думается однако, что судъ присяжныхъ, пережившій повсюду «месть враговъ и клевету друзей», переживетъ и новую, грозящую

ему, теоретическую опасность и останется еще надолго не только органомъ, но и школою общественнаго правосудія...

Нельзя, однако, огульно отрицать всѣ поправки въ уголовномъ процессѣ, предлагаемыя съ цѣлью внести болѣе близкое и глубокое изученіе самаго важнаго обстоятельства въ каждомъ уголовномъ дѣлѣ, т.-е. *самого обвиняемаго*. Чѣмъ шире въ этомъ отношеніи будетъ изслѣдованіе душевныхъ свойствъ и умственнаго состоянія человѣка, тѣмъ лучше. Правосудіе ничего отъ этого не проиграетъ, а общественная совѣсть только выиграетъ. Таково, напримѣръ *медико-психологическое* изученіе обвиняемаго, которому посвященъ трудъ профессора Л. Е. Владимірова: «Психологическое изслѣдованіе въ уголовномъ судѣ». Доказывая, что цѣлямъ уголовнаго правосудія удовлетворяетъ не художественное или философски-психологическое изслѣдованіе, а лишь медико-психологическое, авторъ предлагаетъ подвергать послѣднему каждаго обвиняемаго въ дѣяніи, влекущемъ тюремное заключеніе и болѣе строгія наказанія. Это изслѣдованіе дастъ возможность своевременно подмѣтить признаки душевной болѣзни или уменьшенной вмѣняемости и откроетъ объективныя данныя для ознакомленія съ душевнымъ міромъ обвиняемаго, личность котораго подлежитъ обсужденію всецѣло, а не по одному, вырванному изъ его жизни, поступку. Съ другой стороны нельзя не раздѣлить высказываемаго нѣкоторыми взгляда, что судебные дѣятели по предварительному изслѣдованію преступленій и разсмотрѣнію уголовныхъ дѣлъ на судѣ должны имѣть твердую почву сознательнаго отношенія къ доказательствамъ, среди которыхъ главнѣйшее, а въ большинствѣ случаевъ и исключительное, мѣсто занимаютъ показанія свидѣтелей, для чего въ кругъ преподаванія на юридическомъ факультетѣ должны быть введены психологія и психопатологія. Осуществленіе этого взгляда на практикѣ желательно уже по одному тому, что чѣмъ разностороннѣе образованъ судья, тѣмъ менѣе предстоитъ ему опасность впасть въ рутину и самодовольно успокоиться на аккуратности механическаго отправленія службы безъ всякаго признака «святаго безпокойства» о правдѣ въ порученномъ ему дѣлѣ. Собственно говоря, психопатологія должна входить въ курсъ судебной медицины, какъ составная его часть; что же касается особаго курса психологіи, то именно въ немъ было бы на мѣстѣ примѣненіе и изученіе экспериментальной психологіи, какъ доказывающей наглядно, между прочимъ, и аберраціи памяти. Пусть вооруженный этими знаніями и руководящими указаніями науки входитъ молодой юристъ въ жизнь и обращается, въ свое время, къ судебной дѣятельности! Если онъ любитъ свое дѣло, если онъ приступаетъ къ исполненію обязанностей судьи съ созна-

ніемъ ихъ возвышеннаго значенія и своей нравственной отвѣтственности—sursum corda—онъ усилитъ свои теоретическія познанія вдумчивою наблюдательностью и выработаетъ въ себѣ навыкъ въ распознаваніи свойствъ свидѣтелей и умѣнье дѣлиться своимъ опытомъ въ словѣ и на дѣлѣ съ присяжными засѣдателями.

III.

Среди *общихъ свойствъ* свидѣтелей, которыя отражаются не только на воспріятіи ими впечатлѣній, но, по справедливому замѣчанію Бентама, и на способѣ передачи послѣднихъ, видное мѣсто занимаетъ, *во-первыхъ—темпераментъ* свидѣтеля. Сочиненіе Фулье «О темпераментѣ и характерѣ» снова выдвинуло впередъ ученіе о темпераментахъ, и дало физіологическую основу блестящей характеристикѣ сдѣланной Кантомъ, который различалъ два темперамента *чувства* (сангвинический и меланхолическій) и два темперамента *дѣятельности* (холерическій и флегматическій). Для опытнаго глаза, для житейской наблюдательности—эти различные темпераменты и вызываемыя ими настроенія обнаруживаются очень скоро во всемъ: въ жестѣ, тонѣ голоса, манерѣ говорить, способѣ держать себя на судѣ. А зная типическое настроеніе, свойственное тому и другому темпераменту, представляется возможнымъ представить себѣ и отношеніе свидѣтеля къ обстоятельствамъ, имъ описываемымъ, и понять, *почему* и *какія* именно стороны въ этихъ обстоятельствахъ должны были привлечь его вниманіе и остаться въ его памяти, когда многое другое изъ нея улетучилось.

Во-вторыхъ, въ оцѣнкѣ показанія играетъ большую роль *полъ* свидѣтеля. И при психологическихъ опытахъ Штерна и Врешнера замѣчена разница между степенью вниманія и памяти у мужчинъ и женщинъ. Достаточно обратиться къ серьезному труду Гевлокъ Эллисса «О вторичныхъ половыхъ признакахъ у человѣка», къ интересному и содержательному изслѣдованію Астафьева «Психическій міръ женщины», къ изслѣдованіямъ Ломброзо и Бартельса, и къ богатой литературѣ о самоубійствахъ, чтобы видѣть, что чувствительность къ боли, обоняніе, слухъ и въ значительной степени зрѣніе у мужчинъ выше, чѣмъ у женщинъ, и что, наоборотъ, любовь къ жизни, выносливость, вкусъ и вазомоторная возбудимость у женщинъ выше. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по справедливому замѣчанію Астафьева, у женщинъ гораздо сильнѣе, чѣмъ у мужчинъ развита потребность видѣть *конечные результаты* своихъ дѣяній и гораздо менѣе развита способность къ *сомнѣнію*, причемъ доказательства ихъ увѣренности въ томъ или другомъ болѣе

оцѣниваются чувствомъ, чѣмъ анализомъ. Отсюда преобладаніе впечатлительности передъ сознательною работою вниманія, соотвѣтственно ускоренному ритму душевной жизни женщины. Наконецъ, интересными опытами Макъ Дугалля установленно, что мужчинамъ *время* кажется длиннѣе дѣйствительнаго на 35%, женщинамъ же на 111%, а время играетъ такую важную роль въ показаніяхъ. Въ каждомъ изъ этихъ свойствъ содержатся и основанія къ оцѣнкѣ достовѣрности показанія свидѣтелей, а также и потерпѣвшихъ отъ преступленія, которые часто подлежатъ допросу въ качествѣ свидѣтелей.

Въ-третьихъ—возрастъ свидѣтеля вліяетъ на его показаніе, особливо если оно не касается чего либо выдающагося. Вниманіе дѣтей распространяется на ограниченный кругъ предметовъ, но дѣтская память удерживаетъ иногда нѣкоторыя подробности съ большимъ упорствомъ. Дѣтскія воспоминанія обыкновенно обратно пропорціональны—какъ и слѣдуетъ—протекшему времени, т. е. ближайшіе факты помнятся дѣтьми сильнѣе отдаленныхъ. На оборотъ память стариковъ слабѣетъ относительно ближайшихъ обстоятельствъ и отчетливо сохраняетъ воспоминанія отдаленныхъ лѣтъ юности и даже дѣтства. Многіе старики съ большимъ трудомъ могутъ припомнить, гдѣ они были, кого и гдѣ видѣли наканунѣ или нѣсколько дней назадъ и отчетливо, съ подробностью, способны разсказать о томъ, что имъ пришлось видѣть или пережить десятки лѣтъ назадъ.

Въ-четвертыхъ большой осторожности при оцѣнкѣ показанія требуетъ *поведеніе свидѣтеля* на судѣ, отражающееся на способѣ передачи имъ своихъ воспоминаній. Замѣшательство его еще не доказываетъ желанія скрыть истину или боязни быть изобличеннымъ во лжи,—улыбка и даже смѣхъ при дачѣ показанія о вовсе не вызывающихъ веселости обстоятельствахъ еще не служатъ признакомъ легкомысленнаго отношенія его къ своей обязанности свидѣтельствовать правду,—наконецъ, нелѣпыя заключенія, выводимыя свидѣтелемъ изъ разсказанныхъ имъ фактовъ, еще не указываютъ на недостовѣрность этихъ фактовъ. Свидѣтель можетъ страдать *навязчивыми состояніями* безъ *навязчивыхъ идей*. Онъ можетъ быть не въ состояніи удержаться отъ непроизвольной и неумѣстной улыбки, отъ судорожнаго смѣха (risus sardonicus), отъ боязни покраснѣть, подъ вліяніемъ которой кровь бросается ему въ лицо и уши. Эти состоянія подробно описаны академикомъ В. М. Бехтеревымъ. Надо въ этихъ случаяхъ слушать, *что* говоритъ свидѣтель, совершенно исключая изъ оцѣнки сказаннаго то, *чѣмъ оно сопровождалось*. Свидѣтель можетъ быть глупъ отъ природы, а, по справедливому мнѣнію покойнаго Токарскаго, глупость отличается отъ ума лишь количественно, а не качественно—и глу-

пецъ прежде всего является *свободнымъ отъ сомнѣній*. Но глупость надо отличать отъ *своеобразности*, которая тоже можетъ отразиться на показаніи.

Въ-пятыхъ, наконецъ, нѣкоторые *физическіе недостатки*, дѣлая показаніе свидѣтеля одностороннимъ, въ то же время, такъ сказать, обостряютъ его достовѣрность въ извѣстномъ отношеніи. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что у слѣпыхъ чрезвычайно тонко развивается слухъ и осязаніе. Поэтому все, что воспринято ими этимъ путемъ, пріобрѣтаетъ характеръ особой достовѣрности. Извѣстный окулистъ въ Лозаннѣ Дюфуръ даже настаиваетъ на необходимости имѣть въ числѣ служащихъ на быстроходныхъ океанскихъ пароходахъ одного или двухъ слѣпорожденныхъ, которые, въ виду крайняго развитія своего слуха, могутъ, среди тумана или ночью, слышать приближенія другого судна на громадномъ разстояніи. То же можно сказать и о болѣе рѣдкихъ показаніяхъ слѣпыхъ, основанныхъ на чувствѣ осязанія, если только оно не обращается болѣзненно въ *поліэстезію* (преувеличеніе числа ощущаемыхъ предметовъ) или *макроэстезію* (преувеличеніе ихъ объема). Кромѣ того изслѣдованія ослѣпшаго окулиста Жаваля и Оршанскаго указываютъ на существованіе у слѣпыхъ особаго чувства, своеобразнаго и очень тонко развитаго,—*чувства препятствій*, развивающагося независимо отъ осязанія и помимо его, вслѣдствіе повышенной чувствительности головной кожи. Когда это чувство будетъ вполнѣ установлено, ему придется отводить видное мѣсто по отношенію къ *топографической* части показаній слѣпыхъ.

Обращаясь отъ этихъ общихъ положеній къ тѣмъ *особенностямъ вниманія*, въ которыхъ выражается разность личныхъ свойствъ и духовнаго склада людей, можно отмѣтить, въ общихъ чертахъ, нѣсколько характерныхъ видовъ вниманія, знакомыхъ, конечно, всякому наблюдательному судьѣ.

Отражаясь въ разсказѣ о видѣнномъ и слышанномъ, вниманіе прежде всего можетъ быть раздѣлено на *сосредоточенное* и *разсѣянное*. Вниманіе перваго рода, въ свою очередь, представляется или сведеннымъ почти исключительно къ собственной личности созерцателя или разсказчика, или же, наоборотъ, отрѣшеннымъ отъ этой личности, которая въ ихъ передачѣ отходитъ на задній планъ. Есть люди, которые, о чемъ бы они ни думали, ни говорили, дѣлаютъ центромъ своихъ мыслей и представленій самихъ себя и проявляютъ это въ своемъ изложеніи. Для нихъ—сознательно или невольно—*все* имѣетъ значеніе лишь постольку, поскольку и въ чемъ оно *ихъ* касается. Ничто изъ окружающаго міра явленій не разсматривается ими иначе, какъ сквозь призму собственнаго *я*. Отъ этого маловажные сами по себѣ факты пріобрѣтаютъ въ гла-

захъ такихъ людей иногда чрезвычайное значеніе, а событія первостепенной важности представляются имъ лишь отрывочными строчками—«изъ хроники происшествій». При этомъ житейскій размѣръ обстоятельства, на которое устремлено такое вниманіе, играетъ совершенно второстепенную роль. Важно лишь то, какое отношеніе имѣло оно къ личности повѣствователя. Поэтому обладатель такого вниманія нерѣдко съ бо̀льшею подробностью и вкусомъ будетъ говорить о вздорѣ, дѣйствительно только его касающемся и лишь для него интереснома,—будь то вопросы сна, удобства костюма, домашнихъ привычекъ, тѣсноты обуви, сваренія желудка и т. п.—чѣмъ о событіяхъ общественной важности или историческаго значенія, которыхъ ему пришлось быть свидѣтелемъ. Изъ разсказа его всегда ускользнетъ все общее, родовое, широкое въ томъ, о чемъ онъ можетъ свидѣтельствовать—и останется, твердо запечатлѣнное въ памяти, лишь то, что задѣло его непосредственно. Въ *эготической* памяти свидѣтеля, питаемой подобнымъ, если можно такъ выразиться, *центростремительнымъ* вниманіемъ, напрасно искать болѣе или менѣе подробной, или хотя бы только ясной картины происшедшаго, или синтеза слышаннаго и видѣннаго. Но за то она можетъ сохранить иногда цѣнныя, характеристическія для личности самого свидѣтеля мелочи. Когда такихъ свидѣтелей нѣсколько—судьѣ приходится складывать свое представленіе о томъ или другомъ обстоятельствѣ изъ ихъ показаній, постепенно приходя къ уясненію себѣ всего случившагося. При этомъ необходимо бываетъ мысленно отдѣлить картину того, что въ дѣйствительности произошло на житейской сценѣ отъ эготической словоохотливости свидѣтелей. Надо замѣтить, что разсказчики съ *эготической* памятью не любятъ выводовъ и обобщеній и, въ крайнемъ случаѣ, намѣтивъ ихъ слегка, спѣшатъ перейти къ *себѣ*, къ тому, что *они сами* пережили или ощутили. «Да! ужасное несчастіе,—скажетъ, напримѣръ, такой повѣствователь,—представьте себѣ, только что хотѣлъ *я* войти, какъ вижу... ну, натурально, *я* испугался, думаю, какъ бы *со мною*... да вспомнилъ, что вѣдь *я*... тогда *я* сталъ въ сторонкѣ, полагая, что, быть можетъ, здѣсь *мнѣ* безопаснѣе—и все *меня* такъ поразило, что, при *моей* впечатлительности, *мнѣ* стало—и т. д., и т. д.». У Анри Монье есть типическое хотя, быть можетъ, нѣсколько каррикатурное, изображеніе такого свидѣтеля, повѣствующаго о желѣзнодорожномъ крушеніи, сопровождавшемся человѣческими жертвами. Въ двухъ-трехъ общихъ выраженіяхъ упомянувъ о самомъ несчастіи, спасшійся пассажиръ подробно распространяется о томъ, какъ при этомъ онъ долго и тщетно разыскивалъ погибшій зонтикъ, прекрасный и новый зонтикъ, только что купленный въ Парижѣ и по удивительно

дешевой цѣнѣ. Еще недавно, въ отчетахъ газетъ о чрезвычайно трагическомъ событіи былъ приводимъ разсказъ очевидца, въ которомъ повѣствованіе о томъ, какъ онъ уронивъ перчатку, долженъ былъ сойти съ извощика, поднять ее и надѣть — занимало не меньшее, если не большее мѣсто, чѣмъ описаніе взрыва, котораго онъ былъ свидѣтелемъ. Несчастіе, поразившее сразу рядъ людей, обыкновенно даетъ много такихъ свидѣтелей. Все сводится у нихъ къ описанію борьбы личнаго чувства самосохраненія съ внезапно надвинувшеюся опасностью—и этому описанію посвящается *все* показаніе, съ забвеніемъ о многомъ, чего, *несомнѣнно,* нельзя было не видѣть или слышать. Таковы были почти всѣ показанія, данныя на слѣдствіяхъ о крушеніи Императорскаго поѣзда въ Боркахъ 17 октября 1888 г. и о крушеніи парохода «Владиміръ» въ августѣ 1894 г. на пути изъ Севастополя въ Одессу. У насъ, на Руси, подъ вліяніемъ переживанія скорбныхъ представленій о судахъ, по которымъ можно было «затаскать человѣка», очень часто показанію придаетъ эготическій характеръ и пугливое отношеніе свидѣтеля къ происходившему предъ нимъ, сводящееся къ желанію избѣжать *возможности* видѣть и слышать то, о чемъ можетъ прійтись потомъ на судѣ показывать. Передача обстоятельствъ, по отношенію къ которымъ разсказчикъ старался *избѣжать* положенія свидѣтеля, обращается незамѣтно для разсказчика, въ передачу того, что онъ дѣлалъ и думалъ, а не того, что дѣлали и говорили «*они*» или что случилось предъ нимъ.

Прямую противоположность вниманію *центростремительному* представляетъ вниманіе, которое, употребляя тѣ же термины изъ области физики, можно бы назвать *центробѣжнымъ*. Оно стремится вникнуть въ значеніе явленія и, скользнувъ по его подробностямъ и мелочамъ, уяснить себѣ сразу смыслъ, важность и силу того или другого событія. Человѣкъ, которому свойственно такое вниманіе, очень часто совершенно не думаетъ объ отношеніи тѣхъ или другихъ обстоятельствъ лично къ самому себѣ. Онъ легко и свободно переходитъ изъ положенія наблюдателя въ положеніе мыслителя по поводу созерцаемаго или услышаннаго. Точно и вѣрно, иногда съ полнѣйшею объективностью, опредѣливъ общія черты событія, сами собою слагающіяся въ извѣстный выводъ, такой свидѣтель, однако, затрудняется точно указать время происшествія, мѣсто, гдѣ онъ самъ находился, свои собственныя движенія и даже слова. И этого нельзя приписывать простой разсѣянности или недостаточной внимательности свидѣтеля въ его обыкновенной, ежедневной жизни. Такіе свидѣтели вовсе не люди «не отъ міра сего». Гдѣ *все* просто и привычно,—вниманіе ихъ равномѣрно направлено на это *все,*—но гдѣ событіе выходитъ изъ ряда обычныхъ явленій

жизни, гдѣ оно ярко по своей неожиданности или богато своими возможными послѣдствіями, тамъ живая работа мысли и чувства свидѣтеля выступаетъ на первый планъ. Она упраздняетъ въ немъ на время способность сосредоточиваться на мелочахъ—и въ памяти его *общее* подавляетъ *частное,—характеръ* событія стираетъ его *подробности.* Опытный судья — по тону, по способу изложенія всегда узнаетъ такого свидѣтеля, для котораго «*я*» ступевывается предъ «*они*» или «*оно*». Онъ никогда не усомнится въ правдивости показанія только потому, что свидѣтель, умѣя вообще разсказать подробности скуднаго впечатлѣнія дня, затрудняется припомнить многое *лично о себѣ* по отношенію ко дню, полному подавляющихъ своею силою впечатлѣній. «Этотъ человѣкъ лжетъ,— скажетъ поверхностный и поспѣшный наблюдатель,—онъ съ точностью опредѣляетъ, въ которомъ часу дня и гдѣ именно онъ нанялъ извозчика, чтобы ѣхать съ визитомъ къ знакомымъ, и не можетъ опредѣлительно припомнить, отъ кого именно вечеромъ въ тотъ же день, въ которомъ часу и въ какой комнатѣ онъ услышалъ о самоубійствѣ сына или о трагической смерти жены...»— «Онъ говоритъ правду,—скажетъ опытный судья,—и эта правда тѣмъ вѣроятнѣе, чѣмъ больше различія между безразличнымъ фактомъ и потрясающимъ событіемъ, между обычнымъ спокойствіемъ послѣ перваго и ошеломляющимъ вихремъ второго...»

Вниманіемъ *разсѣяннымъ* можно назвать такое, которое не способно сосредоточиваться на одномъ предметѣ, а, направляясь на него, задѣваетъ по дорогѣ рядъ побочныхъ обстоятельствъ. Смотря по свойствамъ наблюдающаго и передающаго свои впечатлѣнія, оно тоже можетъ быть или центробѣжнымъ, или центростремительнымъ. При этомъ мысль и наблюденія никогда не движутся по прямой дорогѣ, а заходятъ въ переулки и закоулки, цѣпляясь за второстепенныя данныя, иногда вовсе не имѣющія отношенія къ предмету, на который первоначально было направлено вниманіе. Въ частной жизни и въ особенности въ дѣловыхъ сношеніяхъ нужно не мало терпѣнія и терпимости къ разсказчику, чтобы слѣдить за ломанною линіею повѣствованія, постоянно отклоняющагося въ сторону и, спокойно выслушивая массу ненужностей, сохранять нить Аріадны въ лабиринтѣ словесныхъ отступленій и экскурсій по сторонамъ. Судьѣ, сверхъ терпѣнія и самообладанія, необходимы въ такихъ случаяхъ, извѣстные навыкъ и искусство, чтобы направлять на надлежащій путь показаніе свидѣтеля, не смущая послѣдняго и не заметая и безъ того неясную тропинку разсказа. Сюда относятся разсказчики и свидѣтели, любящіе начинать «ab ovo», передавать разныя біографическія подробности и вообще отдаваться въ безотчетную и безграничную

власть своихъ воспоминаній, причемъ accidentalia, essentialia и eventualia смѣшиваются въ ходѣ ихъ мышленія въ одну общую, безформенную массу. Типъ такихъ разсказчиковъ слишкомъ извѣстенъ и, къ сожалѣнію, распространенъ, чтобы нужно было выяснять его примѣрами. Но нельзя не указать на одну характерную въ нашей русской жизни особенность. Это—любовь къ генеалогическимъ справкамъ и семейственнымъ эпизодамъ, одинаково тягостная и со стороны слушателя, въ видѣ вопросовъ, и со стороны разсказчика, въ видѣ ненужныхъ подробностей. Взволнованный какимъ-нибудь выходящимъ изъ ряда событіемъ, разсказчикъ, передавая о немъ сжато и цѣлостно по содержанію, вынужденъ бываетъ назвать для точности тѣ или другія имена. Горе ему! если въ составѣ внимающихъ ему есть слушатель съ разсѣяннымъ вниманіемъ... Самое существенное мѣсто повѣствованія, рисующее глубокій внутренній смыслъ событія или его значеніе, какъ общественнаго явленія, такой слушатель, среди общаго напряженнаго вниманія, способенъ прервать вопросами: «это какой NN? тотъ, что женатъ на М. М.?» или: «это вѣдь тотъ NN, который, кажется, служилъ въ кирасирскомъ полку?» или: «а знаете, я вѣдь съ этимъ NN ѣхалъ однажды на пароходѣ. Это вѣдь онъ женился на племянницѣ М. М., который управлялъ Казенной Палатой?—гдѣ только—не помню... ахъ, да! въ Пензѣ или... нѣтъ, въ Тамбовѣ... Нѣтъ, нѣтъ!.. вспомнилъ!—именно въ Пензѣ... а братъ его...» и т. д. Человѣкъ съ такимъ разсѣяннымъ и направленнымъ на мелкія, незначущія подробности вниманіемъ, сдѣлавшись самъ повѣствователемъ, очень часто совершенно не отдастъ себѣ отчета, въ чемъ сущность его разсказа и гдѣ лежитъ центръ тяжести послѣдняго. Обыкновенно умственно ограниченный, узко исполнительный въ служебномъ или свѣтскомъ обиходѣ, но, вмѣстѣ, чрезвычайно довольный собою, такой разсказчикъ присоединяетъ къ уклоненіямъ въ сторону брачныхъ и родственныхъ связей и отношеній еще особую пунктуальность названій и топографическихъ подробностей. Для него, напримѣръ, не существуетъ просто фамилій или названій городовъ, а есть чины, имена, отчества и фамиліи, нѣтъ Петербурга, Нижняго, «Исакія», Сунода, «конки», а есть *Санктъ*-Петербургъ, *Нижній*-Новгородъ, храмъ Исаакія Далматскаго, Святѣйшій Правительствующій Сунодъ, желѣзно-конная дорога и т. д. Свидѣтели такого рода могутъ съ перваго взгляда поразить полнотою и, такъ сказать, обточенностью своего показанія. Но полнота эта обыкновенно оказывается мнимою. Добросовѣстное усвоеніе себѣ частностей, этихъ «выпушекъ и петличекъ» свидѣтельскаго показанія, разсѣеваетъ вниманіе по отношенію къ главному и единственно нужному. Въ старые годы, какъ видно изъ

нѣкоторыхъ мемуаровъ, воспитанникамъ закрытыхъ казенныхъ учебныхъ заведеній, подавались пирожки, въ которыхъ подъ тонкою оболочкою пухлаго тѣста почти не оказывалось начинки. «Пирожки съ ничѣмъ» прозвали ихъ. Такими «пирожками съ ничѣмъ» являются нерѣдко очень подробныя и вполнѣ корректныя показанія свидѣтелей, изощрившихся въ упражненіи разсѣянной памяти. Опытный судья всегда предпочтетъ имъ неполное въ частяхъ, съ пробѣлами и «запамятованіями», показаніе свидѣтеля, чувствующаго живо и въ виду разноцѣнности впечатлѣній различно на нихъ и реагирующаго.

Затѣмъ вниманіе можетъ сосредоточиваться или *на процессѣ* дѣйствій, явленій и собственныхъ мыслей или же на *конечномъ* ихъ результатѣ,—такъ сказать, на итогѣ ихъ. Это чрезвычайно ярко выражается обыкновенно въ способѣ изложенія. Одни не могутъ передавать видѣннаго и слышаннаго безъ подробнаго изложенія всего въ порядкѣ послѣдовательной постепенности; другіе же, наоборотъ, спѣшатъ скорѣе сказать главное. При допросѣ первыхъ—ихъ зачастую приходится приглашать сократить свой разсказъ; при допросѣ вторыхъ—ихъ приходится возвращать отъ итога разсказа къ подробностямъ мѣста, времени, обстановки и т. д. Дѣлать это надо осторожно, особенно въ первомъ случаѣ, такъ какъ наклонность къ процессуальному разсказу обыкновенно обусловливается еще и особыми свойствами или, правильнѣе, привычками вниманія, которое цѣпко держится за послѣдовательность и преемство впечатлѣній и, облекаясь въ воспоминаніе, затуманивается, какъ только въ эту послѣдовательность вносится извнѣ какой-либо перерывъ. Эти особенности разсказчика обыкновенно выражаются и въ томъ, *какъ* онъ умѣетъ *слушать*. На-ряду съ людьми, способными цѣнить логическую и психологическую нить повѣствованія, отдѣльныя связанныя между собою части котораго создаютъ постепенно настроеніе, достигающее своего апогея въ заключеніи, въ освѣщающемъ и осмысливающемъ все фактъ, картинѣ или лирическомъ порывѣ,—существуютъ слушатели нетерпѣливые, жаждущіе скорѣйшей «развязки» и предупреждающіе ее *догадками во всеуслышаніе* или досадными вопросами... Есть читатели, преимущественно между женщинами, которые начинаютъ чтеніе повѣсти или романа съ послѣдней главы, желая прежде всего узнать, чѣмъ и какъ все окончилось. Есть слушатели и разсказчики, подобные такимъ читателямъ.

Наконецъ, есть два рода вниманія по отношенію къ способности души отзываться на внѣшнія впечатлѣнія. *Одни* объективно и съ большимъ самообладаніемъ, такъ сказать, регистрируютъ то, что видятъ или слышатъ и лишь тогда, когда внѣшнее воздѣй-

ствіе на ихъ слухъ или зрѣніе прекратилось, начинаютъ внутреннюю, душевную переработку этого. Поэтому все, воспринятое ими, представляется ихъ памяти ясно и не страдаетъ пробѣлами и пропусками, объясняемыми перерывами вниманія. Это тѣ, которые, по образному выраженію великаго поэта, «научившись властвовать собой», умѣютъ «держать мысль свою на привязи» и «усыплять или давить въ сердцѣ своемъ мгновенно прошипѣвшую змѣю». Иначе дѣйствуютъ и чувствуютъ себя *другіе,* отдающіеся во власть своимъ душевнымъ движеніямъ. Эти движенія сразу и повелительно завладѣваютъ ими и поражаютъ иногда прежде всего вниманіе. Тутъ не можетъ быть рѣчи о забывчивости или недостаткѣ послѣдняго. Оно просто парализовано, его не существуетъ вовсе. Таковы люди, по выраженію того же Пушкина, «оглушенные шумомъ внутренней тревоги». Этотъ шумъ подавляетъ всякую способность не только вдумываться въ окружающее, но даже замѣчать его. Евгеній въ «Мѣдномъ всадникѣ», Раскольниковъ въ «Преступленіи и наказаніи»—блестящіе представители такого «оглушеннаго» вниманія. Въ этомъ положеніи часто находятся потерпѣвшіе отъ преступленія, допрашиваемые въ качествѣ свидѣтелей,—находится и подсудимый, когда онъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже искренно желалъ бы быть добросовѣстнымъ свидѣтелемъ въ дѣлѣ о своемъ преступленіи, о своемъ несчастіи... Чѣмъ неожиданнѣе впечатлѣніе, вызывающее сильное душевное движеніе, тѣмъ больше парализуется вниманіе и тѣмъ быстрѣе *внутренняя* буря окутываетъ своимъ мракомъ *внѣшнія* обстоятельства. Почти ни одинъ подсудимый, совершившій преступленіе подъ вліяніемъ сильной эмоціи, не можетъ разсказать подробности *рѣшительнаго момента* своего дѣянія—и въ то же время можетъ быть способенъ передать быстро смѣнявшіяся и перекрещивавшіяся въ его душѣ мысли, образы и чувства передъ тѣмъ, какъ онъ ударилъ, оскорбилъ, спустилъ курокъ, вонзилъ ножъ. Геніальное изображеніе этого душеннаго состоянія, въ которомъ цѣлесообразность и извѣстная разумность дѣйствій совершенно не соотвѣтствуютъ помраченному сознанію и притупленному вниманію, даетъ Толстой въ своемъ Позднышевѣ. Можно съ увѣренностью сказать, что каждый старый криминалистъ-практикъ, пробѣгая мысленно рядъ выслушанныхъ имъ сознаній подсудимыхъ, обвинявшихся въ преступленіяхъ, совершенныхъ въ страстномъ порывѣ и крайнемъ раздраженіи, признаетъ, что разсказъ Позднышева объ убійствѣ имъ жены типиченъ и поразителенъ, какъ доказательство силы интуиціи великаго художника и мыслителя.

Часто тамъ, гдѣ играетъ роль сильная душевная воспріимчивость, гдѣ на сцену властно выступаетъ такъ-называемая *вспыль-*

чивость (которую не надо смѣшивать однако съ *запальчивостью*, свойственною состоянію не внезапному, а наростающему и, подобно чувству ревности, питающему само себя), *потерпѣвшій* въ началѣ столкновенія становится *преступникомъ* въ концѣ его. Если однако онъ устоялъ противъ напора гнѣва и не поддался мстительному движенію, его вниманіе все-таки обыкновенно дѣйствуетъ только до извѣстнаго момента, осуществляясь затѣмъ только отдѣльными, не связанными между собою проблесками. Когда сказано оскорбительное слово, сдѣлано угрожающее движеніе, принято вызывающее положеніе, бросающія искру въ давно копившееся негодованіе, въ затаенную ненависть, въ прочно сложившееся презрѣніе (которое Луи Бланъ очень мѣтко характеризуетъ, говоря, что «le mepris—c'est la haine en répos»), тогда взоръ и слухъ «вспылившаго» обращаются *внутрь*—и утрачиваютъ вниманіе ко *внѣшнему*. Этимъ объясняется то, что нерѣдко, напримѣръ, оскорбленіе не тотчасъ же «выводитъ изъ себя» возмущеннаго до крайности обиженнаго, а лишь послѣ нѣкоторой паузы, во время которой обидчикъ уже спокойно обратился къ другой бесѣдѣ или занятіямъ. Но это затишье—предъ бурей... Внезапно наступаетъ протестъ противъ словъ, дѣйствій, личности обидчика въ самой рѣзкой формѣ. Было бы ошибочно думать, что въ этотъ перерывъ тотъ, который промолчалъ первоначально и лишь чрезъ извѣстный промежутокъ времени проявилъ свое возмущеніе крикомъ, воплемъ, изступленіемъ, ударами—могъ наблюдать и сосредоточивать на чемъ-либо свое вниманіе... Нѣтъ! онъ ничего не видѣлъ и не слышалъ, а былъ охваченъ вихремъ внутреннихъ вопросовъ: «да какъ *онъ* смѣетъ!? да что же это такое? да неужели *я* это перенесу?» и т. д. Но даже и успѣвъ овладѣть собою, рѣшившись пропустить все слышанное «мимо ушей» или напустить на себя умышленное непониманіе изъ уваженія къ той или другой обстановкѣ или въ упованіи на будущее отмщеніе, которое еще надо обдумать («la vendetta é una meta chê e bisogna mangiare a freddo»—говорятъ итальянцы), потерпѣвшій все-таки тратитъ столько силъ на внутреннюю борьбу съ закипѣвшими въ немъ чувствами, что *на время* его вниманіе совершенно подавлено. Отсюда—отвѣты невпопадъ и разныя неловкости внезапно оскорбленнаго, свидѣтелемъ которыхъ каждому приходилось бывать въ жизни. Берите изъ показаній такого потерпѣвшаго то, что сохранила его память *до* наступленія въ душѣ его «шума внутренней тревоги» и не смущайтесь въ оцѣнкѣ правдивости его словъ тѣмъ, что затѣмъ вниманіе ему измѣнило. Свидѣтелемъ можетъ быть не одинъ потерпѣвшій, но и постороннее столкновенію или несчастному стеченію обстоятельствъ лицо. Если оно одарено впечатлительностью, если оно «нервно»

и не «вегетируетъ» только, но умѣетъ чувствовать и страдать, а слѣдовательно и сострадать, то видъ нарушенія душевнаго равновѣсія въ другихъ, иногда въ близкихъ и дорогихъ людяхъ, дѣйствуетъ на него удручающе. Волненіе этихъ людей, становясь заразительнымъ, ослабляетъ вниманіе свидѣтеля или дѣлаетъ его очень одностороннимъ. Кто не испытывалъ въ жизни такихъ положеній, когда хочется «провалиться сквозь землю» за *другого* и собственная растерянность является результатомъ неожиданнаго душевнаго смущенія другого человѣка? Въ этихъ случаяхъ человѣку съ чуткимъ сердцемъ, страдая за другого, инстинктивно *не хочется* быть внимательнымъ...

Къ числу причинъ, заслоняющихъ въ памяти или устраняющихъ изъ области вниманія отдѣльныя, связанныя между собою, части событія, о которомъ приходится свидѣтельствовать, надо отнести и сильные приливы чувства, вызванные сложнымъ процессомъ внутренняго переживанія скорби, утраты, разочарованія и т. п. Вспоминая неуловимыя постороннему взору черты отношеній къ дорогому существу, вызывая изъ невозвратнаго прошлаго милый образъ въ его тончайшихъ проявленіяхъ или переживая оказанную кому либо и когда либо несправедливость или черствость—человѣкъ иногда въ самомъ, *повидимому*, безразличномъ мѣстѣ своего разсказа долженъ остановиться... Слезы подступаютъ къ горлу, тоска острая и безвыходная, лишь на время уснувшая, впивается въ сердце, а какое-нибудь слово или звукъ, влекущій за собою рядъ воспоминаній, такъ приковываетъ къ себѣ вниманіе, что все послѣдующее погружается въ тѣнь и разсказъ обрывается вслѣдствіе нравственной и физической (слезы, дрожь голоса, судороги личныхъ мускуловъ) невозможности его продолжать. Вѣроятно, есть не мало судей, которые видѣли предъ собою—и не разъ—подобныхъ свидѣтелей. Тургеневъ писалъ о крестьянкѣ, потерявшей единственнаго сына. Передавая о томъ, какъ онъ хворалъ и мучился, бѣдная мать говорила спокойно и владѣла собою, но каждый разъ, когда она доходила до разсказа о томъ, какъ, взявъ отъ нея корочку хлѣба, умирающій ребенокъ сказалъ ей: «мамка! ты бы сольцы...»—какое-то невысказываемое воспоминаніе всецѣло овладѣвало ею, она вдругъ заливалась слезами, начинала рыдать и уже не могла продолжать разсказа, а только безнадежно махала рукой. Въ такомъ же положеніи, помню я, была жена одного достойнаго человѣка, убитаго на глазахъ ея и трехъ маленькихъ дѣтей ея же братомъ за то, что онъ вступился за честь обольщаемой убійцею дѣвушки. И при слѣдствіи, и на судѣ, при повторныхъ показаніяхъ, она, твердо и съ достоинствомъ защищая честь своего мужа противъ клеветническихъ оправданій брата, сравнительно спокойно разска-

зывала про самое событіе, но лишь доходила до словъ мужа: «стрѣляй, если смѣешь!» сказанныхъ покойнымъ въ отвѣтъ убійцѣ на его угрозу стрѣлять, какъ лицо ея искажалось и внезапныя горькія слезы мѣшали ей продолжать, несмотря на усиліе овладѣть собою и снова захватить нить своихъ скорбныхъ воспоминаній.

IV.

Если таковы, въ главныхъ чертахъ, свойства вниманія вообще, которыя надо принимать въ разсчетъ не только при оцѣнкѣ свидѣтельскихъ показаній, но и при самомъ производствѣ допроса, то на ряду съ ними возможно указать на нѣкоторыя особенности вниманія, такъ сказать, *исключительныя* или *личныя*, т.-е. въ частности присущія тому или другому свидѣтелю уже не in genere, но in specie.

Сюда, напримѣръ, относится особенная склонность нѣкоторыхъ людей обращать исключительное и даже болѣзненное вниманіе на какую-нибудь отдѣльную часть тѣла человѣка и, въ особенности, на его *уродливость*. Затѣмъ нѣкоторыхъ во всей физіономіи человѣка прежде всего привлекаютъ къ себѣ глаза, другихъ—походка, третьихъ — цвѣтъ волосъ. Есть люди, одаренные memoire auditive, которые не въ силахъ удержать въ памяти чье-либо лицо—и въ то же время съ чрезвычайною ясностью, во всякое время способны представить себѣ голосъ того же самаго человѣка со всѣми его оттѣнками, вибраціей и характернымъ произношеніемъ. Свидѣтель, который обращаетъ вниманіе на глаза, описавъ ихъ цвѣтъ, разрѣзъ и выраженіе, станетъ въ тупикъ или отвѣтитъ очень неопредѣленно, если его спросить о ростѣ или цвѣтѣ волосъ обладателя этихъ самыхъ глазъ. Вспоминая объ Инесѣ, Пушкинскій Донъ-Жуанъ говоритъ: «...Мало было въ ней истинно прекраснаго;—глаза, одни глаза, да взглядъ... а голосъ у нея былъ тихъ и слабъ, какъ у больной...» Почти всѣ видѣвшіе Императора Николая I, разсказывая о немъ, прежде всего отмѣчаютъ стальной цвѣтъ его глазъ и трудно переносимое выраженіе его пристальнаго взгляда, ограничиваясь вмѣстѣ съ тѣмъ общими мѣстами о классической правильности его лица. Немногіе, еще недавно остававшіеся въ живыхъ, современники Ѳедора Петровича Гааза, описывая довольно разнообразно и даже противорѣчиво его наружность, твердо и съ любящею подробностью останавливались на его голубыхъ глазахъ... Почти такъ же какъ глаза приковываетъ къ себѣ вниманіе *походка*. Чтеніе историческихъ мемуаровъ убѣждаетъ въ этомъ. Изъ внѣшнихъ признаковъ выдающихся дѣятелей чаще всего отмѣ-

чается ихъ походка. Стоитъ для этого просмотрѣть различныя воспоминанія о Наполеонѣ. Графиня Антонина Блудова, съ нѣжнымъ уваженіемъ вспоминая о великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ и рисуя свои первыя и послѣднія свиданія съ нею, очевидно незамѣтно для себя въ двадцати строкахъ останавливается три раза на стремительной походкѣ этой замѣчательной женщины... Уродливости:— горбъ, хромота, косоглазіе, кривоглазіе, болѣзненные наросты на лицѣ, шестипалость, провалившійся носъ и т. п. — на многихъ производятъ какое-то гипнотизирующее впечатлѣніе. Взоръ ихъ невольно, вопреки желанію, обращается постоянно къ этому прирожденному или пріобрѣтенному недостатку, почти не будучи въ силахъ отъ него оторваться. Инстинктивное чувство эстетики и стремленіе къ гармоніи и симметріи, свойственныя человѣку, обостряютъ протестующее вниманіе. И здѣсь прочія свойства и черты наблюдаемаго человѣка отходятъ на задній планъ и стушевываются. Свидѣтель, отлично изучившій тѣлосложеніе горбуна или вглядѣвшійся съ пристальнымъ вниманіемъ въ движенія человѣка съ искалѣченными, скрюченными или неравными ногами, совершенно добросовѣстно не будетъ въ силахъ припомнить объ одеждѣ, цвѣтѣ волосъ или глазъ тѣхъ же самыхъ людей...

Къ случаямъ подобной *связанности* вниманія приходится отнести и тѣ, когда чувство ужаса или отвращенія заставляетъ избѣгать взгляда на предметъ, возбуждающій такое чувство. Есть люди, не могущіе заставить себя глядѣть на трупъ вообще, а на обезображенный, съ зіяющими ранами, выпавшими внутренностями и т. п., тѣмъ болѣе. Вниманіе ихъ обращено на все, что находится вокругъ и около наводящаго ужасъ предмета, и упорно отвращается отъ самаго этого предмета. Это, конечно, отражается и въ ихъ показаніяхъ. И наоборотъ, на нѣкоторыхъ такіе именно предметы имѣютъ то гипнотизирующее вліяніе, о которомъ говорилось выше. Несмотря на чувство ужаса или отвращенія, даже прямо *вопреки* ему, иной человѣкъ не можетъ отвести глазъ отъ картины, отъ которой, по народному выраженію, «тошнитъ на сердцѣ». Взоръ постоянно обращается къ тягостному и отталкивающему зрѣлищу и невольно, съ пытливостью и необыкновенною изощренностью, впитываетъ въ память подробности, возмущающія душу и вызывающія чувство мурашекъ въ спинѣ и нервную дрожь въ конечностяхъ. Въ современной жизни мѣстомъ проявленія такого гипноза часто служатъ кабинеты восковыхъ фигуръ. На многихъ эти фигуры, съ зеленовато-мертвеннымъ оттѣнкомъ ихъ лицъ, неподвижными глазами и безжизненными, деревянными ногами, производятъ непріятное впечатлѣніе. Это впечатлѣніе доходитъ до крайнихъ предѣловъ, когда такія фигуры служатъ для изображе-

нія мучительства различныхъ пытокъ или сценъ совершенія кровавыхъ преступленій. Музей Grevin въ Парижѣ, подносящій своимъ посѣтителямъ послѣднія новинки изъ міра отчаянія, крови и проклятій или такъ называемыя «Folterkammer» нѣмецкихъ восковыхъ кабинетовъ всегда могутъ насчитать между зрителями этихъ вредныхъ и безнравственныхъ зрѣлищъ,—пріучающихъ толпу къ спокойному созерцанію жестокости,—людей, которыхъ «къ этимъ грустнымъ берегамъ влечетъ невѣдомая сила». Приходилось встрѣчать нервныхъ людей, которые предпочли бы остаться ночью въ одной компатѣ съ нѣсколькими трупами, напримѣръ въ анатомическомъ театрѣ или «препаровочной», чѣмъ провести часъ наединѣ съ нѣсколькими восковыми фигурами. И тѣмъ не менѣе, они почти никогда не могли удержаться отъ искушенія зайти въ кабинетъ восковыхъ фигуръ. Они вступаютъ туда съ «холодкомъ» подъ сердцемъ и удовлетворивъ, не взирая на душевное возмущеніе, своему любопытству удручающими образами во всѣхъ подробностяхъ, потомъ страдаютъ отъ вынесеннаго впечатлѣнія и долго тщетно стараются затушевать въ своей памяти вопіющія картины... Такое же вліяніе имѣютъ иногда и тѣ произведенія живописи, въ которыхъ этическое и эстетическое чутье не подсказало художнику, что есть въ изображеніи дѣйствительности или возможности черта, переходить за которую не слѣдуетъ, ибо за нею изображеніе уже становится поступкомъ и притомъ поступкомъ безжалостнымъ и даже вреднымъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ на художественныхъ выставкахъ въ Берлинѣ и Мюнхенѣ были двѣ картины. Одна представляла *пытку водою*, при чемъ безумные отъ страданія, выпученные глаза и отвратительно вздутый животъ женщины, въ которую вливаютъ, зажимая ей носъ, чтобы заставить глотать, *второе ведро* воды,—были изображены съ ужасающей реальностью. На другой, носившей названіе «Искушеніе святого Антонія», мѣсто традиціонныхъ бѣсовъ и обнаженныхъ женщинъ занимали мертвецы всѣхъ степеней разложенія, пожиравшіе другъ друга и пившіе изъ спиленной верхней части своего черепа, обращенной въ чашу, лежавшій въ ней собственный мозгъ. Предъ обѣими картинами всегда стояла толпа, нѣкоторые возвращались къ нимъ по нѣскольку разъ, и въ то время, когда изъ ихъ устъ раздавались невольные возгласы отвращенія и ужаса, глаза ихъ жадно впивались во всѣ подробности и прочно гравировали ихъ въ памяти.

Едва ли нужно говорить, что примѣнимое къ зрѣнію примѣнимо въ данномъ случаѣ и къ слуху *непосредственно*—въ видѣ разсказа и *посредственно*—въ видѣ чтенія. Пробѣгая глазами за строками автора, читатель его *слушаетъ* и усвоиваетъ себѣ *рисуемыя* имъ картины. И здѣсь поражающія изображеніемъ утон-

ченной жестокости описанія, мучительно привлекая къ себѣ вниманіе, не могутъ не оставлять въ памяти борозды гораздо болѣе глубокой, чѣмъ все остальное. Тутъ дѣло не въ глубинѣ идеи, не въ яркости и жизненности образа, не въ смыслѣ того или другого трагическаго положенія, а исключительно въ почти физически бьющемъ по нервамъ изображеніи техники злобы и безчеловѣчія. Послѣдній романъ Октава Мирбо «Le jardin des supplices» является разительнымъ примѣромъ такого произведенія, съ любовью рисующаго двѣ стороны одной и той же медали: чувственность и жестокость. Можно навѣрное сказать, что прочитавшій этотъ романъ легко позабудетъ его фабулу и ея послѣдовательное развитіе, мѣсто и время дѣйствія, но никогда не вытравитъ изъ своей памяти картины изощренныхъ, чудовищныхъ мученій, предъ которыми адскія муки, такъ пугавшія благочестивыхъ грѣшниковъ, являются дѣтскою забавой.

Примѣняя эти замѣчанія къ свидѣтельскимъ показаніямъ, приходится признать, что *гиперэстезія* (обостренность) вниманія, привлеченнаго картинами, внушающими ужасъ и отвращеніе, вызываетъ роковымъ образомъ *анэстезію* (притупленность) вниманія къ другимъ побочнымъ и въ особенности послѣдующимъ впечатлѣніямъ. Это, конечно, отражается и на неравномѣрномъ вѣсѣ и полнотѣ отдѣльныхъ частей показанія. Но видѣть въ этомъ неправдивость свидѣтеля или намѣренныя съ его стороны умолчанія—нѣтъ основанія. Такимъ образомъ очень часто о выходящемъ изъ ряда событіи или рѣзкой коллизіи, о трагическомъ положеніи или мрачномъ происшествіи создаются нѣсколько показаній разныхъ лицъ, одинаково внѣшнимъ образомъ стоявшихъ по отношенію къ нимъ и показывающихъ каждый неполно, а всѣ вмѣстѣ, въ своей совокупности, дающихъ совершенно полную и соотвѣтствующую дѣйствительности картину. Одинъ разскажетъ всѣ мелочи обстановки, среди которой найденъ убитый, но не сумѣетъ опредѣлить, лежалъ ли трупъ ничкомъ или навзничь, былъ ли одѣтъ или раздѣтъ и т. д., а другой подробно опишетъ выраженіе лица у трупа, положеніе конечностей, пѣну на губахъ, закрытые или открытые глаза, направленіе ранъ, количество и расположеніе кровавыхъ пятенъ на бѣльѣ и одеждѣ — и не сможетъ сказать, сколько оконъ было въ комнатѣ, были ли часы на стѣнѣ и портьеры на дверяхъ и т. д. Одинъ и тотъ же предметъ отталкивалъ отъ себя вниманіе перваго свидѣтеля—приковывалъ вниманіе второго...

Есть случаи, когда поражающая свидѣтеля картина слагается изъ нѣсколькихъ непосредственно слѣдующихъ другъ за другомъ и наводящихъ ужасъ моментовъ. Здѣсь зачастую *послѣдующій*

ужасъ притупляетъ вниманіе къ *предшествующему* и вызываетъ по отношенію къ первому разнорѣчія. Яркій примѣръ этого мы видимъ въ разсказахъ *очевидцевъ* (или со словъ ихъ) объ убійствѣ въ Москвѣ, въ 1812 г., въ день вступленія французовъ, купеческаго сына Верещагина, коимъ осквернилъ свою память графъ Ростопчинъ. Описаніе этого событія у Л. Н. Толстого въ «Войнѣ и мирѣ» составляетъ одну изъ геніальнѣйшихъ страницъ современной литературы. Но, провѣряя это описаніе по показаніямъ свидѣтелей, приходится замѣтить, что сцена указанія толпѣ на «измѣнника, погубившаго Москву», и затѣмъ расправа послѣдней съ нимъ — всѣми разсказываются совершенно одинаково, а предшествовавшее ей приказаніе *рубить* Верещагина передается совершенно различно. Въ разсказѣ М. А. Дмитріева — Ростопчинъ даетъ знакъ рукой *казаку* и тотъ ударяетъ несчастнаго саблей; въ разсказѣ Обрѣзкова—адъютантъ Ростопчина приказываетъ *драгунамъ* рубить, но тѣ не скоро повинуются и приказаніе повторяется; по запискамъ Бестужева-Рюмина — ординарецъ Бердяевъ, слѣдуя приказу графа, ударяетъ Верещагина въ лицо; по воспоминаніямъ Павловой (слышавшей отъ очевидца)—Ростопчинъ, со словами: «вотъ измѣнникъ», самъ толкнулъ Верещагина въ толпу и чернь тотчасъ же бросилась его душить и терзать. Такимъ образомъ, изступленіе озвѣрѣвшаго народа столь поразило очевидцевъ, что изъ ихъ памяти изгладилось точное воспоминаніе о томъ, что ранѣе должно было привлечь къ себѣ ихъ вниманіе.

Къ индивидуальнымъ особенностямъ отдѣльныхъ свидѣтелей, вліяющимъ на содержаніе ихъ показаній, кромѣ физическихъ недостатковъ—тугого слуха, близорукости, дальтонизма, амбіопліи и т. п. относятся *пробѣлы* памяти, пополнить которые невозможно самымъ напряженнымъ вниманіемъ. Сильная въ общемъ память не только можетъ быть развита односторонне и представлять собой проявленіе *слухового, зрительнаго* или *моторнаго* типа, но даже и соединяя въ себѣ всѣ эти элементы и являясь памятью такъ называемаго *смѣшаннаго* типа, давать на своей прочной и цѣльной ткани необъяснимые разрывы относительно спеціальнаго рода предметовъ. Въ эти, если можно такъ выразиться, *дыры памяти* проваливаются чаще всего собственныя имена и числа, но нерѣдко то же самое дѣлается и съ цѣлымъ внѣшнимъ образомъ человѣка, съ его физіономіей. Напрасно обладатель такой сильной, но *дырявой* памяти будетъ напрягать все свое вниманіе, чтобы запомнить число, запечатлѣть у себя въ умѣ чью-либо фамилію или упорно вглядѣться въ чье-либо лицо, анализируя его отдѣльныя черты и стараясь отдать себѣ ясный отчетъ въ каждой изъ нихъ въ отдѣльности и во всей ихъ совокупности... Допрошенный

въ качествѣ свидѣтеля, выступая защитникомъ или обвинителемъ, говоря руководящія напутствія присяжнымъ засѣдателямъ, дѣлая докладъ — онъ почти неизбѣжно забудетъ и числа и имена, если только не будетъ имѣть предъ глазами бумажки, гдѣ они записаны, а въ житейскомъ обиходѣ постоянно будетъ въ безсильномъ недоумѣніи предъ необходимостью соединить ту или другую личность съ опредѣленнымъ именемъ. И тутъ память коварнымъ образомъ двояко отказывается служить: то, удерживая имя, утрачиваетъ представленіе о соединенной съ нимъ личности, то, ясно рисуя извѣстный образъ, теряетъ безслѣдно присвоенное ему прозваніе. Кромѣ этихъ случаевъ, такъ сказать *внутренней афазіи* памяти, у нѣкоторыхъ людей одновременно стираются въ памяти и личность и имя, а въ то же время съ чрезвычайною отчетливостью остаются дѣйствія, слова, тонъ и звукъ рѣчи, связанные съ этимъ именемъ и личностью. Показанія свидѣтелей съ такою дырявою памятью съ перваго взгляда могутъ казаться странными и даже не внушать къ себѣ довѣрія, такъ какъ, не зная этихъ свойствъ памяти нѣкоторыхъ людей, бываетъ трудно отрѣшиться отъ недоумѣнія — какимъ образомъ человѣкъ, передавая, напримѣръ, въ мельчайшихъ подробностяхъ чей-либо разсказъ со всѣми оттѣнками, складомъ и даже интонаціями рѣчи, не можетъ назвать имени и фамиліи говорившаго или же поставленный съ нимъ «съ очей на очи» не можетъ сказать, кто это такой?... А между тѣмъ свидѣтель глубоко правдивъ и въ подробностяхъ своей передачи, и въ своихъ ссылкахъ на «non mi ricordo!»

Былъ судебный дѣятель, занимавшій много лѣтъ должность прокурора и предсѣдателя Окружного Суда одной изъ столицъ, способный, по признанію всѣхъ знавшихъ его, къ самому тщательному и проницательному вниманію, одинаково пригодному и для анализа и для синтеза, одаренный очень сильною смѣшанною памятью и, тѣмъ не менѣе, совершенно «безпамятный» на имена и на лица. Ему необходимо было много разъ подрядъ видѣть какое-нибудь лицо, чтобы узнать его при встрѣчѣ, при чемъ малѣйшее измѣненіе — отросшая борода, надѣтая шляпа, очки, другой костюмъ,—дѣлали этого встрѣчнаго новымъ и незнакомымъ лицомъ. Точно то же повторялось и съ именемъ и фамиліей. А между тѣмъ обширныя обвинительныя рѣчи и руководящія напутствія присяжнымъ по самымъ сложнымъ дѣламъ произносились имъ безъ письменныхъ замѣтокъ, которыя лишь въ самыхъ крайнихъ случаяхъ замѣнялись полоской бумажки съ разными условными знаками. Обязанный, въ качествѣ предсѣдателя Суда, объяснять удаленному изъ залы засѣданія по какому-либо поводу подсудимому, *что* происходило въ его отсутствіе, этотъ предсѣдатель, стремясь предо-

ставить, согласно требованію Судебныхъ Уставовъ, подсудимому всѣ средства оправданія, излагалъ предъ послѣднимъ на память *все содержаніе* прочитанныхъ въ его отсутствіе протоколовъ и документовъ и повторялъ, почти слово въ слово, показанія свидѣтелей. И въ то же время ему не разъ приходилось бывать въ неловкомъ положеніи вслѣдствіе своей забывчивости на собственныя имена въ такіе моменты процесса, когда справляться со спискомъ свидѣтелей было стѣснительно и даже невозможно. Однажды, начавъ обвинительную рѣчь по обширному дѣлу о подлогѣ нотаріальнаго завѣщанія, длившемуся нѣсколько дней, онъ никакъ не могъ, несмотря на всѣ усилія памяти, припомнить фамилію весьма важнаго *изъ впервые вызванныхъ* на судъ, по просьбѣ защиты, свидѣтелей, безъ ссылки на показанія котораго невозможно было обойтись. Къ счастью, у этого свидѣтеля была медаль на шеѣ. Ссылаясь на этотъ признакъ въ самыхъ осторожныхъ и уважительныхъ выраженіяхъ, прокуроръ нѣсколько разъ возвращался къ разбору показанія свидѣтеля, правдивости котораго онъ придавалъ полную вѣру. Во время перерыва засѣданія, послѣ рѣчей защиты, свидѣтель этотъ обратился къ нему съ выраженіемъ крайней обиды. «Я, милостивый государь,—говорилъ онъ,— имѣю чинъ, имя, отчество и фамилію; я былъ на государственной службѣ; я не «свидѣтель съ медалью на шеѣ»; я этого такъ не оставлю!» На извиненія прокурора со ссылкой на свою «дырявую» память и на невозможность справляться въ разгарѣ рѣчи съ дѣловыми отмѣтками,—«свидѣтель съ медалью», иронически смѣясь, сказалъ: «ну, ужъ этому-то я никогда не повѣрю; я прослушалъ всю вашу рѣчь и видѣлъ, какая у васъ чертовская память,—вы чуть не два часа цѣлыя показанія на память говорили, а предъ вами не листочка!—только мою фамилію изволили забыть!—вы меня оскорбили нарочно и я желаю удовлетворенія...» Возгласъ судебнаго пристава о томъ, что «судъ идетъ!», прервалъ этотъ разговоръ. «Я къ вашимъ услугамъ, если вы считаете себя оскорбленнымъ,—сказалъ, спѣша на свое мѣсто, прокуроръ,—и во всякомъ случаѣ сейчасъ же, начиная возраженія защитѣ, публично извинюсь предъ вами и, объяснивъ, что вы считаете для себя обиднымъ имѣть медаль на шеѣ, назову ваше званіе, имя, отчество и фамилію..»—«То-есть, какъ же это!? Нѣтъ, ужъ лучше оставьте по-старому и пожалуйста не извиняйтесь,—еще хуже пожалуй выйдетъ,—нѣтъ, ужъ пожалуйста, прошу васъ...» Недоразумѣніе, вызванное пробѣломъ памяти, окончилось благополучно...

Весьма важную роль въ свидѣтельскихъ показаніяхъ играютъ *бытовыя* и *племенныя* особенности свидѣтеля, *языкъ* той среды, къ которой онъ принадлежитъ и, наконецъ, его обычныя *занятія*.

Въ первомъ отношеніи показанія, вполнѣ правдивыя и точныя, данныя по одному и тому же обстоятельству двумя свидѣтелями разнаго племени, могутъ существенно различаться по формѣ, по краскамъ, по сопровождающимъ ихъ жестамъ, по живости передачи. Стоитъ представить себѣ разсказъ хотя бы, напримѣръ, объ убійствѣ въ «запальчивости и раздраженіи», случайными свидѣтелями котораго сдѣлались житель «финскихъ хладныхъ скалъ» и уроженецъ «пламенной Колхиды». Фактически разсказъ, пройдя сквозь перекрестный допросъ, въ обоихъ случаяхъ будетъ тождественъ, но какая разница въ передачѣ этой фактической стороны, въ отношеніи къ ней свидѣтеля, какіе оттѣнки въ рисункѣ! На медлительное созерцаніе сѣверянина наибольшее впечатлѣніе произведетъ смыслъ дѣйствія обвиняемаго, которое и будетъ охарактеризовано кратко и точно («ударилъ ножемъ, кинжаломъ...»); живая натура южанина скажется въ образномъ описаніи дѣйствія («выхватилъ ножъ, кинжалъ и вонзилъ его въ грудь...»). Въ разсказѣ привыкшаго къ порядку нѣмца-колониста или мирнаго обывателя срединной Россіи невольно прозвучитъ осужденіе кровавой расправѣ,—въ показаніи еврея послышится нервная впечатлительность предъ такимъ дѣломъ; у горца или у любящаго подраться обитателя земель старыхъ «сѣверноруссскихъ народоправствъ» можно будетъ уловить ноту нѣкотораго сочувствія «молодцу», который не далъ спуску...

Точно такъ же сказываются и бытовыя особенности, родъ жизни и занятій. Каждый, кому приходилось имѣть дѣло со свидѣтелями въ Великороссіи и Малороссіи, конечно, подмѣтилъ разность въ формѣ, свободѣ и живости показаній свидѣтелей, принадлежащихъ къ этимъ двумъ вѣтвямъ русскаго племени. Великоросъ разскажетъ все или почти все самъ; малоросса по большей части приходится спрашивать, такъ сказать добывая изъ него показаніе. Показанія великоросса обыкновенно *описательнаго* свойства,—въ медлительномъ и неохотномъ показаніи малоросса зато гораздо чаще блестятъ тонкія и остроумныя *опредѣленія*. Разсказъ простой великорусской женщины, «бабы», обыкновенно безцвѣтнѣе мужского, въ немъ слышится иногда запуганность и подчиненность; разсказъ хохлушки, «жинки», всегда ярче, полнѣе и рѣшительнѣе разсказа мужчины. Это особенно бросается въ глаза въ тѣхъ случаяхъ, когда объ однѣхъ и тѣхъ же обстоятельствахъ даютъ показанія мужъ и жена. Здѣсь бытовая разница семейныхъ отношеній и характеръ взаимной подчиненности супруговъ сказываются наглядно. Нужно ли говорить, что горожанинъ и пахарь, что фабричный работникъ и кустарь, матросъ и чиновникъ, поваръ и пастухъ, разсказывая объ одномъ и томъ же, непремѣнно остановятся въ сво-

ихъ воспоминаніяхъ на тѣхъ особенностяхъ событія, которыя имѣли какое-либо отношеніе къ ихъ занятіямъ и роду жизни, а для другихъ прошли, вовсе не вызывая никакого обострения вниманія.

Способъ выраженій свидѣтелей, *ихъ стиль*, своеобразіе въ пониманіи ими тѣхъ или другихъ словъ могутъ быть источникомъ недоразумѣній и неправильной оцѣнки правдивости ихъ показаній. Для судьи необходимо знать мѣстныя выраженія. Это важно для избѣжанія опасныхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ заблужденій и ошибокъ. Важно оно и для сохраненія изобразительности и жизненнаго колорита въ самомъ содержаніи показанія, тѣмъ болѣе, что это необходимо для суда, рѣшающаго дѣло по внутреннему убѣжденію и, слѣдовательно, часто руководящагося общимъ впечатлѣніемъ отъ разсказа свидѣтелей. Поэтому свидѣтельскія показанія, передаваемыя переводчикомъ (и иногда, какъ, напримѣръ, на Кавказѣ—не однимъ, а двумя и даже тремя) нерѣдко не менѣе грозятъ истинѣ своею обезцвѣченностью и тусклымъ характеромъ, чѣмъ и показанія лживыя. Для суда важно не только то, *что* показываетъ свидѣтель, но и *какъ* онъ показываетъ, важно не то, что видѣлъ или слышалъ какой-то отвлеченный человѣкъ, а нужно свидѣтельство опредѣленной личности, съ присущими ей свойствами и своеобразностью. Предъ судомъ предстоитъ не мертвый фотографическій механизмъ, а живой и воспріимчивый человѣческій организмъ. Языкъ есть наиболѣе яркое и вмѣстѣ стойкое проявленіе личности. Le stile c'est l'homme, говорятъ французы,—c'est l'âme—можно бы во многихъ случаяхъ не безъ основанія прибавить къ этому. Вотъ почему особенности рѣчи, бытовыя названія и самая манера свидѣтеля выражаться, должны останавливать на себѣ вдумчивое вниманіе судьи.

Сколько комическихъ, могшихъ, однако, стать и трагическими, сценъ приходилось видѣть при введеніи судебной реформы въ областяхъ Харьковской и Казанской судебныхъ палатъ! Тогда уроженцы столицъ, явившіеся въ роляхъ судей и сторонъ, не понимали, напримѣръ, мѣстнаго значенія словъ: «турнуть», «околѣть» (озябнуть), «пропасть» (околѣть), «отмѣниться» (отличиться), «постовать» (говѣть), «наджабить» (вдавить) и т. д.,—тогда малороссійскую дѣвушку торжественно допрашивали о томъ, были ли у нея «женихи»,—или, въ Пермскомъ краѣ, недоумѣвали, зачѣмъ свидѣтельница говоритъ, что у нея «пропала дочка», когда дѣло идетъ объ убитой свиньѣ, или удивлялись, что свидѣтель «убѣжалъ» въ Сарапуль или Казань, когда онъ могъ бы спокойно *уѣхать* на пароходѣ, или же грозили отвѣтственностью за лжеприсягу свидѣтелю, который на вопросъ о томъ, какая была по-

года въ день кражи, упорно стоялъ на томъ, что «ни якой погоды не було»...

Въ языкѣ свидѣтеля очень часто выражается и глубина его *способности мышленія*. Какъ часто за внѣшнею словоохотливостью скрывается скудость соображенія и отсутствіе ясности въ представленіяхъ и, наоборотъ, въ сдержанномъ, краткомъ словѣ чувствуется честное къ нему отношеніе и сознаніе его возможныхъ послѣдствій. Слова «Фауста»: «wo Begriffe fehlen, da stellt ein Wort zur rechten Zeit sich ein» примѣнимы и къ свидѣтельству на судѣ. Люди внѣшняго лоска и полуобразованія особенно склонны къ пустому многословію, — простой человѣкъ, хлебнувшій городской культуры, любитъ выражаться витіевато и употреблять слова въ странныхъ и неожиданныхъ сочетаніяхъ,—но свидѣтель изъ простонародья говоритъ обыкновенно образнымъ и сильнымъ въ своей оригинальности языкомъ. На-ряду, напримѣръ, съ выраженіями полуобразованныхъ свидѣтелей о «нанесеніи раны въ запальчивости и разгорячніи нервныхъ членовъ», о «страданіи падучею болѣзнью въ совокупности крѣпкихъ напитковъ», о «невозможности для мѣры опьяненія никакого Реомюра» и о «доведеніи человѣка до краеугольныхъ лишеній и уже несомнѣнныхъ послѣдствій», приходилось слышать въ свидѣтельствахъ простыхъ русскихъ людей такія образныя выраженія и поговорки, какъ: «они уже и дальше ѣхать собирались, анъ тутъ и мы—вотъ они!», «нашего не остается всего ничего», «только и осталось, что лечь на брюхо, да спиной прикрыться», «святымъ-то кулакомъ, да по окаянной шеѣ», «все пропилъ! мать ему купила теперь сюртукъ и брюки—ну, вотъ онъ и опять въ пружинахъ», «да ему вѣдь вѣрить нельзя — онъ человѣкъ воздушный!» и т. д. Иногда въ такихъ выраженіяхъ содержится синтезъ всего, что остановило на себѣ вниманіе свидѣтеля, направленное не на одно воспріятіе и воспроизведеніе внѣшнихъ образовъ и звуковъ, но на ихъ осмысленную переработку, въ видѣ нравственнаго вывода, выражаемаго прелестнымъ по своей своеобразности афоризмомъ.

V.

Судебный навыкъ показываетъ, что по отношенію къ ряду свидѣтелей всегда приходится дѣлать нѣкоторую редукцію показаній вслѣдствіе области безсознательной лжи, въ которую они вступаютъ, искренно вѣря въ дѣйствительность того, что говорятъ. Такъ, напримѣръ, потерпѣвшіе отъ преступленія всегда и при томъ нерѣдко вполнѣ добросовѣстно склонны *преувеличивать* обстоятельства или дѣйствія, въ которыхъ выразилось нарушеніе ихъ

имущественныхъ или личныхъ правъ. Особливо это часто встрѣчается въ показаніяхъ потерпѣвшихъ—пострадавшихъ, то-есть такихъ, которые были такъ сказать *очевидцами* содѣяннаго надъ ними преступленія. Пословица «у страха глаза велики» вполнѣ примѣнима въ подобныхъ случаяхъ. Внезапно *возникшая* опасность невольно заставляетъ преувеличивать размѣры и формы, въ которыхъ она выразилась; опасность *прошедшая* рисуется взволнованному сознанію большею, чѣмъ она была, отчасти подъ вліяніемъ ощущенія, что она уже прошла. Извѣстно, что на людей впечатлительныхъ, ставшихъ въ положеніе, по ихъ мнѣнію, безразличное или безопасное, дѣйствуетъ затѣмъ самымъ удручающимъ образомъ неожиданно прояснившееся пониманіе опасности или горестныхъ послѣдствій, которыя *могли бы произойти* и сердце ихъ сжимается отъ *ретроспективнаго ужаса* не менѣе сильно, чѣмъ если бы онъ предстоялъ. Слова Байрона о «сердцѣ, *не могущемъ вынести* того, что оно *уже вынесло*», какъ нельзя лучше изображаютъ такое состояніе. Отсюда сильныя выраженія въ описаніи ощущеній и впечатлѣній, отсюда преувеличенія въ опредѣленіи размѣра, быстроты, силы и т. п. Простая палка оказывается дубиной, угроза пальцемъ—подъемомъ кулака, возвышенный голосъ—крикомъ, первый шагъ впередъ—нападеніемъ, всхлипываніе—рыданіемъ, и слова—«ужасно», «яростно», «оглушительно», «невыносимо»—пересыпаютъ описаніе того, что произошло или могло произойти съ потерпѣвшимъ. Сопоставленіе этой, по большей части неумышленной лжи пострадавшаго съ умышленной ложью подсудимаго, стремящагося обѣлить себя на фактической почвѣ или смягчить свою вину, вноситъ иногда юмористическій элементъ въ отправленіе правосудія. Въ остроумной нѣмецкой книжкѣ «Handbuch für lustige und traurige Juristen» изображено въ рисункахъ дѣло о нападеніи собаки на прохожаго такимъ, какимъ оно представлялось по разсказамъ потерпѣвшаго и обвиняемаго—хозяина собаки—и какимъ оно было на самомъ дѣлѣ. Громадный песъ, упершись могучими лапами въ грудь потерпѣвшаго, разѣваетъ предъ самымъ лицомъ его огромную пасть; маленькая собачка дергаетъ того же самаго человѣка за край брюкъ и, наконецъ, средней величины собака хватаетъ его за полу пальто. Въ Петербургскомъ окружномъ судѣ разбиралось, нѣсколько лѣтъ назадъ, дѣло о профессіональной воровкѣ куръ, судившейся въ седьмой или восьмой разъ. Зайдя на дворъ большого дома въ отдаленной части столицы, она приманила пѣтуха и, накинувъ, по словамъ сидѣвшей у окна въ четвертомъ этажѣ потерпѣвшей, на него мѣшокъ, быстро удалилась, но была задержана хозяйкою похищенной птицы и городовымъ уже въ то время, какъ продавала пѣтуха довольно далеко

отъ мѣста кражи. На судѣ она утверждала, что зашла во дворъ «за пуждою» и лишь уйдя замѣтила, что какой-то «ласковый пѣтушокъ» упорно слѣдуетъ за нею, почему и взяла его на руки, боясь, какъ бы его не раздавили при переходахъ черезъ улицы. Потерпѣвшая съ негодованіемъ отвергла это объясненіе, заявляя, что у нея «пѣтушище характерный» и ни за кѣмъ бы, какъ собака, не пошелъ. Обѣ такъ и остались при своемъ. Присяжные нашли, что пѣтухъ былъ «характерный».

Къ той же области безсознательной лжи относится у людей, мыслящихъ преимущественно образами (а таковыхъ большинство), совершенно искреннее *представленіе* себѣ настроенія тѣхъ лицъ, о которыхъ они говорятъ,—настроенія, выраженнаго въ кажущемся жестѣ, тонѣ голоса, выраженіи лица. Думая, что другой думаетъ то-то или такъ-то, человѣку свойственно отправляться въ своей оцѣнкѣ всего, что этотъ другой дѣлаетъ, отъ увѣренности въ томъ, что имъ руководитъ именно такая, а не другая мысль, что имъ владѣетъ именно такое, а не другое настроеніе. Въ обыденной жизни подобное представленіе вызываетъ собою и извѣстную реакцію на *предполагаемыя* мысли другого—и отсюда является сложная и очень часто совершенно произвольная по своему источнику формула дѣйствій: «*я* думаю, что *онъ* думаетъ, что *я* думаю..., а потому *надо* поступить *такъ*, а не иначе». Отсюда разные эпитеты и прилагательныя, далеко не всегда оправдываемые дѣйствительностью и коренящіеся исключительно въ представленіи, въ самовнушеніи говорящаго. Отсюда «презрительная» улыбка или пожатіе плечами, «насмѣшливый» взглядъ, «вызывающій» тонъ, «ироническое» выраженіе лица и т. п., усматриваемые тамъ, гдѣ ихъ въ сущности вовсе не было. При нѣкоторой живости темперамента свидѣтель нерѣдко даже наглядно изображаетъ того, о комъ онъ говоритъ и кажущееся ему добросовѣстно выдаетъ за дѣйствительность. Особенно это примѣняется при изображеніи тона выслушанныхъ свидѣтелемъ словъ. Существуетъ разсказъ объ отцѣ, жалующемся на непочтительность сына. Приводя повышеннымъ голосомъ и повелительною скороговоркою слова письма послѣдняго: «пожалуйста, пришли мнѣ еще сто рублей», отецъ говоритъ: «ну, напиши онъ мнѣ...» и мягко растягивая слова, продолжаетъ:—«пожалуйста, пришли мнѣ еще сто рублей—я бы ничего не сказалъ, а то вдругъ...» и голосъ повышается снова, хотя слова остаются тѣми же. Нельзя не признать что этотъ разсказъ житейски вѣренъ.

Наконецъ, сюда же надо отнести разсказы о несомнѣнныхъ фактахъ, облеченные въ несомнѣнно фантастическую форму, не замѣчаемую однако разсказчикомъ. Таковы, напримѣръ, разсказы

простыхъ людей о словахъ иностранцевъ, не знающихъ ни слова по-русски, сопровождавшихъ тѣ или другія ихъ дѣйствительно совершенныя дѣйствія. Извѣстно, что наши солдаты и матросы въ чужихъ краяхъ и въ періоды перемирій на поляхъ битвъ разговариваютъ съ иностранцами, вполнѣ ихъ по своему понимая. Во «Фрегатѣ Паллада»—Гончарова, въ «Севастопольскихъ письмахъ»—Толстого и въ воспоминаніяхъ Берга объ осадѣ Севастополя есть яркіе и дышащіе правдою примѣры такихъ бесѣдъ. Характерно въ этомъ отношеніи показаніе свидѣтеля, данное въ нашемъ военно-полевомъ судѣ въ Китаѣ, въ 1900 году, по дѣлу объ убійствѣ ефрейтора въ мѣстности, гдѣ *никто изъ жителей не говорилъ по-русски.* «Иду я,— показывалъ солдатикъ,— и встрѣчаю какого-то *китая* (китайца) и говорю ему: китай, а китай! не видалъ ли нашего ефрейтора? — Какъ же, отвѣчаетъ, видѣлъ: вонъ, тамъ лежитъ въ канавѣ—и рукой этакъ указываетъ... смотрю—и впрямь ефрейторъ лежитъ въ канавѣ»...

Отъ показаній, данныхъ неточно или отклоняющихся отъ дѣйствительности подъ вліяніемъ настроенія или увлеченія, надо отличать *несомнѣнно ложныя по самому своему существу показанія.* Здѣсь не существуетъ, однако, общаго мѣрила и по происхожденію своему такія показанія весьма различны. Изъ нихъ, прежде всего, необходимо выдѣлить тѣ, которыя даются подъ вліяніемъ *гипнотическихъ внушеній.* Эти внушенія, остроумно названныя докторомъ Льежуа «интеллектуальною вивисекціею», разлагаютъ внутренній міръ человѣка и вызывая въ немъ цѣлый рядъ физіологическихъ и душевныхъ явленій, оказываютъ самое рѣшительное и при томъ двоякое воздѣйствіе на память, то обостряя ее до крайности, то затемняя почти до совершенной потери. Такимъ образомъ, заставивъ загипнотизированнаго забыть обстоятельства, сопровождавшія внушеніе, можно вызвать въ немъ совершенное забвеніе того, что онъ узналъ о томъ или другомъ обстоятельствѣ или, наоборотъ, путемъ «ретроактивныхъ галлюцинацій» (терминъ Бернгейма) создать въ немъ твердую увѣренность въ томъ, что ему пришлось быть въ дѣйствительности свидѣтелемъ вовсе не существующихъ обстоятельствъ. Рядомъ съ такими показаніями идутъ показанія, даваемыя подъ вліяніемъ *самовнушенія.* Таковы, очень часто, показанія дѣтей. Крайняя впечатлительность и живость воображенія при отсутствіи надлежащей критики по отношенію къ себѣ и къ окружающей обстановкѣ дѣлаютъ многихъ изъ нихъ, подъ вліяніемъ наплыва новыхъ ощущеній и идей, жертвами самовнушенія. Припявъ свою фантазію за дѣйствительность, незамѣтно переходя отъ «такъ *можетъ* быть» къ «такъ *должно* было быть» и затѣмъ къ «*такъ было!*» они упорно настаиваютъ на томъ, что

кажется имъ совершившимся въ присутствіи ихъ фактомъ. Возможность самовнушенія дѣтей, представляющая не мало историческихъ примѣровъ, является чрезвычайною опасностью для правосудія—и здѣсь вполнѣ умѣстна психологическая экспертиза, подкрѣпляющая самый тщательный и необходимый анализъ показанія со стороны судей.

Затѣмъ идетъ ложь въ показаніяхъ подъ вліяніемъ *патологическихъ состояній*, выражающихся въ болѣзненныхъ иллюзіяхъ, различныхъ галлюцинаціяхъ и навязчивыхъ идеяхъ. Послѣднія часто переходятъ въ болѣзненный, навязчивый страхъ, имѣющій иногда профессіональный характеръ или связанный съ необходимостью дѣйствій, долженствующихъ вызывать благоговѣніе. Таковъ, напр. отмѣчаемый Бехтеревымъ «страхъ великаго выхода» во время литургіи. Въ чудной повѣсти Тургенева «Разсказъ отца Алексѣя» картина возникновенія и развитія навязчиваго страха изображена удивительными чертами. Сюда же относятся разстройства въ сферѣ чувственныхъ воспріятій, изслѣдованныя Бехтеревымъ, какъ психанэстезіи и исперэстезіи въ области общаго чувства, причемъ болѣзненныя явленія вызываются представленіемъ, связаннымъ иногда съ какимъ либо словомъ, напр.—*кровь*. И здѣсь совмѣстная вдумчивая работа судей и сторонъ, съ вызовомъ необходимыхъ свидѣтелей жизни и поведенія свидѣтеля, а также наблюдавшаго его врача — поможетъ отдѣлить бредъ на яву свидѣтеля отъ дѣйствительности.

Наконецъ, есть область вполнѣ сознательной и, если можно такъ выразиться, *здоровой* лжи, существенно отличающейся отъ *заблужденія* подъ вліяніемъ притупленія вниманія и ослабленія памяти. Въ послѣднее время явилось нѣсколько подробныхъ этико-психологическихъ очерковъ лжи, какъ движущей силы въ извращеніи правды; между прочимъ особой разновидности неправды, остроумно именуемой «мечтательною ложью», посвященъ интересный очеркъ Холчева; общія черты «психологіи лжи» намѣчены Камилломъ Мелитаномъ и профессоромъ Дюпрà—и, наконецъ, бытовые типы «русскихъ лгуновъ» даровито и образно очерчены нынѣ къ сожалѣнію забываемымъ высоко даровитымъ А. Ѳ. Писемскимъ. Размѣры настоящей замѣтки не позволяютъ касаться этой категоріи показаній, въ которыхъ, по мѣткому выраженію Ивана Аксакова, «ложь лжетъ истиной». Нельзя, однако, не указать, что этого рода ложь бываетъ *самостоятельная* или *навязанная*, при чемъ въ первой можно различать ложь *безпочвенную* и ложь *обстоятельственную*. Во лжи безпочвенной сочиняются иногда не существовавшія обстоятельства (сюда относится и *мечтательная ложь*) и весь умъ свидѣтеля направленъ лишь на то, чтобы при-

дать своему разсказу внѣшнюю правдоподобность, внутреннюю послѣдовательность и согласованность частей. Чѣмъ болѣе такой свидѣтель, по старинному выраженію, «воюетъ тайнымъ коварствомъ на истину во образѣ правды», тѣмъ осторожнѣе и глубже ведетъ онъ тѣ «мины подъ фортецію правды», о которыхъ говоритъ Зерцало. Только совокупность взаимно подкрѣпляющихъ свою достовѣрность противупоказаній и самый тщательный перекрестный допросъ, доходящій до всѣхъ мелочей показанія, могутъ разоблачить настоящую цѣну такого ложнаго показанія. Психологической экспертизѣ здѣсь не найдется никакого дѣла. Въ *обстоятельственной* лжи — вниманіе, направленное не на внутреннюю работу хитросплетенія, а на внѣшнія, дѣйствительно существующія обстоятельства, играетъ большую роль, твердо напечатлѣвая въ памяти тѣ именно подробности, которыя *подлежатъ искаженію* или *скрытію* въ обдуманномъ и предусмотрительномъ разсказѣ о якобы видѣнномъ и слышанномъ. И здѣсь, въ изслѣдованіи силы и продолжительности нарочно *поддѣланной* памяти, опытами экспериментальной психологіи едва ли можно многаго достичь. Наконецъ, ложь *навязанная*, т.-е. придуманная и выношенная не самимъ свидѣтелемъ, а вложенная въ его уста для постороннихъ ему цѣлей, такъ сказать сообщенная ему ad referendum, почти всегда представляетъ уязвимыя стороны. По большей части эти стороны кроются въ томъ, что свидѣтель есть носитель, но не изобрѣтатель лжи и что искусный допросъ можетъ застать его врасплохъ. Иногда очень добросовѣстно исполняя данное ему недобросовѣстное порученіе, такой свидѣтель теряется при непредусмотрѣнныхъ заранѣе вопросахъ, путается и раскрываетъ игру своихъ внушителей. Поэтому перекрестный допросъ есть лучшее средство для оцѣнки такихъ показаній.

Автору этихъ строкъ пришлось участвовать въ процессѣ по обвиненію «достовѣрныхъ лжесвидѣтелей» въ одномъ бракоразводномъ дѣлѣ. Они были выставлены мужемъ противъ жены, почтенной и уже пожилой женщины, несоглашавшейся принять вину на себя—и удостовѣрили, что были очевидцами той омерзительной картины, наличность которой требуется для развода по прелюбодѣянію одного изъ супруговъ. Привлеченные къ слѣдствію, они очень искусно перекладывали отвѣтственность другъ на друга, образуя цѣпь *введенныхъ въ заблужденіе* людей, замыкавшуюся *настоящимъ обманщикомъ*, указавшимъ одному изъ нихъ въ театрѣ женщину, застигнутую имп потомъ на прелюбодѣяніи, ложно названную имъ именемъ жертвы ихъ невольнаго и безсознательнаго клятвопреступленія. Но онъ—этотъ злой духъ всего дѣла—оказался уже умершимъ. Чтобы окончательно оправдаться, обви-

няемые указали на мелкаго чиновника, подтвердившаго на судѣ, что онъ слышалъ, какъ умершій, въ театрѣ, показывалъ одному изъ нихъ сидѣвшую въ ложѣ даму, называя ее по фамиліи невинно опозоренной женщины. Показаніе было дано опредѣленно и съ горячностью человѣка будто бы сознающаго, что, свидѣтельствуя истину, онъ спасаетъ людей отъ гибели. Но пришибленная судьбою наружность свидѣтеля, его засаленный вицъ-мундиръ, обтрепанные панталоны, отсутствіе видимыхъ признаковъ бѣлья и нервное перебиранье старой форменной фуражки дрожащими, повидимому не отъ одного волненія, руками, невольно вызвали рядъ вопросовъ.— Что давали въ театрѣ?— Оперу. Какую—итальянскую или русскую? — Итальянскую. Гдѣ происходилъ слышанный разговоръ?—Въ проходѣ у третьяго ряда креселъ. А вы сами часто бываете въ оперѣ? — Да. А въ какомъ ряду сидите—далеко или близко? — Какъ придется,—такъ, во второмъ или третьемъ. Вы абонированы?—Что-съ? Ну, сколько платите за мѣсто? (тогда пѣла Патти и мѣста доставались по очень дорогой цѣнѣ).— Когда рубль а когда и полтора. А сколько получаете по службѣ канцелярскимъ чиновникомъ?—23 рубля. А въ какомъ театрѣ это было (итальянскія оперы давались въ Петербургѣ исключительно въ Большомъ театрѣ, гдѣ нынѣ зданіе Консерваторіи) Большомъ или Маріинскомъ? — Въ *Мариновскомъ*... Свидѣтель сѣлъ на мѣсто, бросая безпокойные взгляды на скамью подсудимыхъ, а прокуроръ не безъ основанія посовѣтовалъ присяжнымъ обойти его показанія, «такъ какъ свидѣтель имѣетъ слишкомъ необыкновенныя качества, чтобы пользоваться его показаніемъ при обсужденіи обыкновеннаго дѣла; онъ обладаетъ удивительнымъ свойствомъ дальнозоркости и для него до такой степени не существуетъ непроницаемости, что изъ 2-го или 3-го ряда креселъ Маріинскаго театра онъ видитъ, кто сидитъ во 2-мъ ярусѣ Большого...»

Въ заключеніе остается указать еще на одинъ видъ сознательной лжи въ свидѣтельскихъ показаніяхъ, лжи беззастѣнчивой и не рѣдко наглой, нисколько не скрывающейся и не заботящейся о томъ, чтобы быть принятою за правду. Есть свидѣтели, для которыхъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, явка предъ судъ представляетъ своеобразное удовольствіе, давая возможность произвести эффектъ «pour épater le bourgeois», какъ говорятъ французы, или же получить *авансъ* за свое достовѣрное показаніе, не принявъ на себя никакого обязательства за качество его правдоподобности.

Пишущій эти строки припоминаетъ изъ своей практики нѣсколькихъ свидѣтелей такого рода. Одинъ, въ дѣлѣ о шантажномъ вымогательствѣ согласія на разводъ, далъ столь невѣроятное по своимъ подробностямъ показаніе, что предсѣдатель счелъ необхо-

димымъ получить точныя свѣдѣнія объ его профессіи и спросилъ его — чѣмъ онъ занимается? Свидѣтель на минуту смѣшался, но на настойчиво повторенный вопросъ, спокойно отвѣтилъ, покручивая усики и поглядывая на свои лакированныя ботинки — «я занимаюсь тѣмъ, что собираюсь уѣхать изъ Петербурга...» Другой свидѣтель, по громкому дѣлу о подлогѣ миліоннаго завѣщанія Бѣляева, могъ быть названъ типичнѣйшимъ представителемъ сознательной и бьющей въ глаза лжи. Содержась подъ стражею, онъ самъ просилъ вызвать себя въ судъ, имѣя показать нѣчто чрезвычайно важное. Введенный въ залу, онъ усѣлся подъ предлогомъ боли въ ногѣ и съ любопытствомъ разглядывая присутствующихъ, смѣясь глазами и дѣлая театральные жесты, началъ явно лживый разсказъ, опровергаемый почти на каждомъ словѣ фактами и цыфрами. Очевидно стараясь разсмѣшить публику и самому потѣшиться, онъ на всѣ обычные вопросы отвѣчалъ въ иронически-почтительномъ тонѣ, называя предсѣдателя «господиномъ президентомъ». Онъ удивленно спрашивалъ, почему послѣдняго интересуетъ вопросъ о его *вѣроисповѣданіи,* любезно прибавляя «православный! православный — pour vous etre agreable...», — объяснилъ, что нигдѣ не *проживаетъ,* ибо «герметически закупоренъ» въ мѣстѣ своего заключенія и заявилъ, что судился дважды — одинъ разъ въ Ковенской уголовной палатѣ въ качествѣ таможеннаго чиновника «за содѣйствіе къ водворенію контрабанды», при чемъ оставленъ въ «спльнѣйшемъ подозрѣніи», а въ другой — въ Версальскомъ военномъ судѣ за участіе въ возстаніи коммуны, при чемъ приговоренъ «къ растрѣлу». «Но приговоръ,—прибавилъ онъ — какъ *быть можетъ* господа присутствующіе изволятъ замѣтить—не приведенъ въ исполненіе». Въ показаніи своемъ онъ настойчиво утверждалъ, что былъ въ *два часа* дня, 4 апрѣля 1866 года на Дворцовой площади, привѣтствуя, вмѣстѣ съ собравшимся народомъ, невредимаго послѣ выстрѣла Коракозова, Государя. На замѣчаніе прокурора, что покушеніе было совершено въ *четвертомъ* часу и вѣсть о немъ ранѣе четырехъ часовъ не могла облетѣть столицу, этотъ свидѣтель, хитро прищуривъ глаза и обращаясь къ предсѣдателю, сказалъ: «мнѣ кажется, господинъ президентъ, что для патріотическихъ чувствъ не должно существовать условій *мѣста* и *времени!*»

Очевидно, что при изслѣдованіи и изученіи *такихъ* показаній, психологическому анализу нечего дѣлать съ ихъ существомъ. Ему мѣсто лишь въ отысканіи причинъ и побужденій, влекущихъ свидѣтеля къ его самодовлѣющей лжи...

ОБВИНИТЕЛЬНЫЯ РѢЧИ.

I.

По дѣлу объ утопленіи крестьянки Емельяновой ея мужемъ.

6-го ноября 1872 года въ С.-Петербургскомъ Столичномъ Съѣздѣ Мировыхъ Судей состоялся приговоръ, которымъ служащій номернымъ при баняхъ купца Соловьева, на Маломъ проспектѣ Петербургской стороны, крестьянинъ Егоръ *Емельяновъ* былъ присужденъ, за нанесеніе побоевъ студенту Смиренскому, къ аресту на семь дней.—Приговоръ этотъ былъ обращенъ къ исполненію 13-го ноября.—14-го ноября, въ 10 часовъ вечера, Емельяновъ явился, вслѣдствіе сдѣланныхъ наканунѣ настоящій полиціи, въ управленіе 2 уч. Петербургской части и въ одиннадцать часовъ заключенъ подъ стражу при полицейскомъ домѣ этой части. Придя въ участокъ, онъ объяснилъ на вопросы околодочнаго надзирателя Григорьева, что его проводила жена, которая осталась въ коридорѣ участковаго помѣщенія. При этомъ другой околодочный, Фурыгинъ, замѣтилъ, что Емельяновъ былъ противъ обыкновенія красенъ.

На разсвѣтѣ 15-го ноября, на днѣ рѣчки Ждановки, протекающей невдалекѣ отъ бань, гдѣ жилъ и служилъ Емельяновъ, въ предѣлахъ мѣстности, занимаемой такъ называемымъ Кадетскимъ паркомъ, усмотрѣнъ трупъ неизвѣстной женщины, одежда которой всплывала на поверхность воды. Мѣстные жители признали въ ней жену Емельянова, Лукерью Фролову, а по осмотру и вскрытію тѣла ея оказалось, что смерть ея,—женщины лѣтъ двадцати отъ роду и крѣпкаго, здороваго тѣлосложенія,—послѣдовала отъ задушенія вслѣдствіе утопленія. Въ смерти Фроловой усмотрѣно было самоубійство, могшее послѣдовать, согласно объясненіямъ Емельянова, отъ грусти при предстоявшей ей семидневной разлукѣ съ недавно женившимся мужемъ, и тѣло Лукерьи было предано землѣ, при чемъ для присутствованія при ея похоронахъ Емельяновъ былъ отпущенъ изъ-подъ стражи.

18-го ноября мѣстной полиціи было сообщено, что между прислугою, проживающей около бань Соловьева, въ домѣ Орловскаго, вдовы Юрьевой, идетъ «говоръ» объ утопленницѣ. Изъ произведенныхъ полиціею, вслѣдствіе этого, разспросовъ оказалось, что крестьянка Аграфена Сурина, живущая у Юрьевой, знаетъ, что Лукерья Фролова не утопилась, а была утоплена своимъ мужемъ вечеромъ 14-го ноября.

При начатомъ затѣмъ слѣдствіи обнаружилось, что Емельяновъ, служа у купца Соловьева въ баняхъ, вступилъ въ связь съ проживавшею въ услуженіи у Юрьевой Аграфеной Суриною. Связь эта, несмотря на то, что, по словамъ Суриной, Емельяновъ обходился съ нею «дерзко» и «какъ палачъ»—продолжалась два года и была извѣстна всѣмъ окружающимъ. Какъ сосѣди — Емельяновъ и Сурина имѣли возможность часто встрѣчаться. Емельяновъ,—по словамъ приказчика бань Соловьева,—человѣкъ своенравный и, будучи «больно озорнымъ», съ другими молодцами при баняхъ жилъ не въ ладу, но ничего никогда не пилъ и служилъ хорошо. Въ концѣ августа Егоръ Емельяновъ, неожиданно для Суриной, предложилъ вступить съ собой въ бракъ крестьянкѣ Лукерьѣ Фроловой, женщинѣ тихой, скромной и неразговорчивой, сосѣдкѣ Суриной, проживавшей въ томъ же домѣ, у артельщика Одинцова. Фролова согласилась послѣ увѣреній Емельянова, что онъ броситъ связь съ Суриною, при чемъ онъ, въ разговорѣ съ сестрою Лукерьи, призывалъ на себя проклятіе, если вновь сойдется съ Аграфеною. 5-го сентября было ихъ обрученіе, о которомъ узнала и Аграфена. Предъ вѣнчаніемъ, 6-го сентября, она явилась къ священнику церкви Николы Мокраго и заявила ему, что, бывъ два года въ связи съ Егоромъ Емельяновымъ, она имѣетъ препятствія ко вступленію его въ бракъ съ другою. Священникъ пріостановился совершеніемъ бракосочетанія впредь до примиренія Аграфены съ Емельяновымъ, каковое и состоялось на условіи, что онъ уплатитъ ей 50 р. с., которые были имъ взяты заимообразно у приказчика Сазонова. На другой день послѣ брака Сазоновъ спросилъ Емельянова про новобрачную: «какова? стоила ли пятидесяти рублей?», на что тотъ отвѣчалъ: «да, стоила!»—По мнѣнію сестры Лукерьи, Марьи Фроловой, и по наблюденіямъ ея надъ бѣльемъ новобрачной и надъ ея предшествовавшимъ поведеніемъ, покойная Лукерья вступила въ супружество съ Емельяновымъ, сохранивъ свою дѣвическую чистоту. Первое время новобрачные жили согласно и не ссорясь; служа у Одинцова, Лукерья по вечерамъ уходила къ мужу въ бани, а чрезъ мѣсяцъ послѣ брака совершенно туда переселилась. Но уже чрезъ недѣлю послѣ свадьбы, встрѣтясь съ Аграфеною, Емельяновъ сталъ со слезами говорить ей, что жена ему не нравится, такъ какъ онъ «бралъ дѣвку, а вышла баба». Затѣмъ онъ сталъ уговаривать ее возобновить съ нимъ прежнюю жизнь. «Чего пристаешь ко мнѣ, Егоръ», отвѣчала ему Аграфена,—«я вашего закона нарушать не хочу». Но Емельяновъ, встрѣчаясь съ нею, постоянно продолжалъ просить ее возобновить прежнія отношенія, то угрожая ей, то обѣщаясь впослѣдствіи на ней жениться. Наконецъ, она уступила его желанію и, 8-го ноября вечеромъ, сойдясь съ Емельяновымъ у Мытнаго перевоза, отправилась съ нимъ въ номеръ Зоологической гостинницы, гдѣ прежнія отношенія ихъ были возобновлены. Находясь вмѣстѣ съ Аграфеною въ номерѣ, Емельяновъ очень раскаивался, что измѣнилъ ей, женившись на Лукерьѣ. На другой день, объявляя Аграфенѣ, что ему предстоитъ сѣсть подъ арестъ на семь дней, онъ сказалъ ей, что безъ того не сядетъ, *что Лукерьи у него болѣе не будетъ*. Съ этого же времени и отношенія Емельянова къ женѣ измѣнились. Лукерья стала жаловаться сестрѣ своей, что Егоръ грубо съ нею обращается, говоритъ и отвѣчаетъ на вопросы, по ея словамъ, «дерзко». Она подозрѣвала, что связь мужа съ Аграфеною Суриною возобновилась и поэтому довольно часто ссорилась съ нею и бранилась. Емельяновъ продолжалъ водиться съ Суриною, вызывалъ ее на свиданія по вечерамъ, когда жена уже спала, разговаривалъ съ нею на улицѣ и даже цѣловался при двухъ публичныхъ женщинахъ, которыхъ онъ приводилъ гостямъ въ номера. 14-го ноября Лукерья снова жаловалась сестрѣ на дурное обращеніе мужа, разсказывая, что онъ сталъ драться и въ ночь наканунѣ даже сказалъ ей: «тебѣ бы въ Ждановку», на что она отвѣчала: «какъ хочешь, Егоръ, но сама на себя я рукъ не наложу». По поводу предстоявшаго ареста мужа, Лукерья не грустила

и отнеслась къ этому обстоятельству равнодушно. Вечеромъ 14-го числа увидя Аграфену шедшею за молокомъ, Емельяновъ сказалъ ей, что идучи подъ арестъ, онъ зайдетъ къ ней, подъ предлогомъ прощанья съ сестрою жены, съ тѣмъ, чтобы она шла его провожать. При этомъ онъ прибавилъ, что жена также идетъ его провожать и что пойдетъ по набережной Ждановки. «Зачѣмъ по набережной?» спросила Аграфена. Емельяновъ не отвѣчалъ. Среди вечера въ бани пришла мать Емельянова и застала его играющимъ въ карты. Лукерья была тутъ же. На головѣ ея былъ надѣтъ бѣлый шерстяной платокъ, подаренный свекровью. Узнавъ, что сынъ долженъ идти подъ арестъ, мать Емельянова встревожилась и стала просить его дозволить проводить до участка. Сынъ не согласился и она ушла домой. Но дома ей «не сидѣлось» и она опять пошла въ бани Соловьева и вновь просилась у сына проводить его. Онъ отказалъ и, проводивъ мать до Большого проспекта, вернулся назадъ въ бани. Въ десятомъ часу Емельяновъ собрался въ участокъ и приказалъ женѣ идти себя провожать. Она исполнила это требованіе видимо неохотно и только послѣ того, какъ онъ раза три окликнулъ ее: «идешь что-ли?» она молча пошла за нимъ. Въ десятомъ же часу Емельяновъ постучалъ въ окно кухни г-жи Юрьевой, гдѣ Аграфена сидѣла съ кухаркою Анною Николаевою и шила платье и сказалъ: «Выходи!» Потомъ онъ повторилъ свой зовъ и Аграфена одѣлась и ушла. На другой день новая кухарка, Дарья Гаврилова, служившая у Юрьевой и знавшая Сурину приходя нѣсколько разъ въ прачешную, гдѣ послѣдняя стирала бѣлье, замѣтила, что она была какъ-то взволнована, точно помѣшанная. Аграфена не разъ спрашивала:—не видала ли она, Дарья, Лукерью и, затѣмъ, наконецъ, спросила: не видала ли она, чтобы провезли утопленницу? Вечеромъ въ кухню пришла прежняя кухарка Анна Николаева и объявила, что Лукерью нашли въ Ждановкѣ и провезли въ часть. Всѣ были изумлены. Аграфена встрѣтила это извѣстіе хладнокровно и молча. На другой день, за обѣдомъ, Дарья потихоньку внезапно спросила Аграфену: «неужели она съ Егоромъ утопили Лукерью?» Аграфена долго запиралась, но потомъ, сказавъ: «да! Егоръ тискалъ ее, а я поодаль стояла и вдругъ услышала, что Лукерья кричитъ...» созналась Дарьѣ въ томъ, что Лукерью утопилъ Егоръ Емельяновъ, о чемъ она хотѣла объявить черезъ недѣлю.

Аграфена Сурина, на разспросы судебнаго слѣдователя и въ судебномъ засѣданіи, подтверждая признаніе, сдѣланное ею Дарьѣ, показала, что вызвавъ ее изъ дому, Егоръ Емельяновъ вышелъ изъ воротъ первый и тотчасъ перебѣжалъ на набережную Ждановки. Она, Аграфена, пошла по другой сторонѣ, вдоль домовъ, и замѣтила, что Егоръ идетъ съ Лукерьею, у которой на головѣ былъ повязанъ бѣлый платокъ. Пройдя нѣсколько домовъ, Аграфена почувствовала страхъ и остановилась у дома Этингера, не рѣшаясь слѣдовать за Егоромъ, и вдругъ услышала крикъ Лукерьи, которая просила пустить ее. Подбѣжавъ на крикъ, она увидѣла, что Егоръ барахтается на откосѣ набережной съ Лукерьею, схвативъ ее за горло. Испугавшись, Аграфена схватилась за обоихъ, но Егоръ крикнулъ ей, чтобы она не мѣшала, пригрозивъ, что и ей то же самое будетъ. Держа жену за горло, Егоръ спрашивалъ ее:—кому продала она свою честь? на что Лукерья отвѣчала, что никому не продавала. Стиснувъ женѣ горло, онъ повалилъ ее и потащилъ къ водѣ, приказавъ свидѣтельницѣ поднять свою шапку. Дотащивъ Лукерью до низу, онъ сунулъ ее головою въ воду и сталъ руками придерживать голову подъ водою. Аграфена бросилась бѣжать, но онъ догналъ ее, взялъ шапку и, нанявъ за сорокъ копѣекъ извощика до участка, подвезъ свою спутницу до Большого проспекта.

Егоръ Емельяновъ не сознался во взводимомъ на него обвиненіи и объяснилъ, что Аграфена говоритъ ложь, вымышленную ею вслѣдствіе ненависти къ нему за то, что онъ не женился на ней. Онъ отрицалъ

также, что былъ въ связи съ нею послѣ брака съ Лукерьею и видѣлся въ Зоологической гостинницѣ 8-го ноября. Въ этотъ день, по его словамъ, онъ просидѣлъ до 4-хъ часовъ, «слушая судъ» въ Мировомъ Съѣздѣ, куда приходилъ, чтобы подать апелляцію, а въ шесть часовъ уже былъ дома. Жена проводила его до участка, и къ Аграфенѣ Суриной онъ, идучи подъ арестъ, не заходилъ.

Служитель Зоологической гостинницы Иванъ показалъ, что 8-го ноября Аграфена, между 5 и 6 часами вечера, приходила къ нимъ въ гостинницу съ мужчиною, одѣтымъ по-русски, въ лицо котораго онъ, Иванъ, не вглядѣлся. Дарья Гаврилова подтвердила это обстоятельство еще тѣмъ, что 8-го ноября, въ 2 часа дня, Аграфена, уходя со двора, сказала, что «идетъ съ Егоромъ». Вернулась она часовъ въ шесть.

По осмотру мѣстности происшествія найдено, что отъ угла Малаго проспекта до дома Этингера, у котораго Аграфена Сурина, по ея словамъ, услыхала крикъ Лукерьи, 80 шаговъ,— отъ дома Этингера до мѣста борьбы Егора съ женою, указаннаго Суриною, 220 шаговъ. Между этимъ мѣстомъ и набережною Ждановки находится, такъ называемый, Кадетскій паркъ. Глубина воды 1½ арш.,—дно видно ясно. Фонарей въ этомъ мѣстѣ нѣтъ. Ближайшіе находятся противъ Малаго проспекта.

Вскрытіемъ трупа Лукерьи, произведеннымъ вторично, обнаружено, что у нея на внутренней поверхности лѣваго плеча и лѣваго бедра находится:—на плечѣ 4 кровоподтека, а на бедрѣ—3, величиною ½ дюйма въ діаметрѣ. Кромѣ того, она оказалась беременною, при чемъ изъ состоянія матки и описанія плода, сдѣланнаго первоначально вскрывшимъ трупъ медикомъ, врачи заключили, что беременность Лукерьи продолжалась около двухъ лунныхъ мѣсяцевъ (56 дней).

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, крестьянинъ Егоръ Емельяновъ былъ преданъ суду по обвиненію въ томъ, что, задумавъ лишить жизни жену свою, привелъ это намѣреніе въ исполненіе на берегу рѣчки Ждановки, для чего, схвативъ жену свою за горло и поваливъ на землю, стащилъ ее къ водѣ и утопилъ, т. е. совершилъ преступленіе, предусмотрѣнное 1451 ст. Улож. о нак.

Дѣло это разбиралось въ Петербургскомъ Окружномъ Судѣ 12-го декабря 1872 года съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Защищалъ подсудимаго присяжный повѣренный *Спасовичъ*.

Приговоромъ присяжныхъ, подсудимый признанъ виновнымъ въ убійствѣ жены съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ.

Гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели! Вашему разсмотрѣнію подлежатъ самыя разнообразныя по своей внутренней обстановкѣ дѣла; между ними часто встрѣчаются дѣла, гдѣ свидѣтельскія показанія дышатъ такимъ здравымъ смысломъ, проникнуты такою искренностью и правдивостью и нерѣдко отличаются такою образностью, что задача судебной власти становится очень легка. Остается сгруппировать всѣ эти свидѣтельскія показанія и тогда онѣ сами собою составятъ картину, которая въ вашемъ умѣ создастъ извѣстное опредѣленное представленіе о дѣлѣ. Но бываютъ дѣла другого рода, гдѣ свидѣтельскія показанія имѣютъ совершенно иной характеръ, гдѣ онѣ сбивчивы, неясны, туманны, гдѣ свидѣтели о многомъ умалчиваютъ, многое боятся сказать, являя передъ вами примѣръ уклон-

чиваго недоговариванья и далеко не полной искренности. Я не ошибусь, сказавъ, что настоящее дѣло принадлежитъ къ послѣднему разряду, но не ошибусь, также, прибавивъ, что это не должно останавливать васъ, судей, въ строго безпристрастномъ и особенно внимательномъ отношеніи къ каждой подробности въ немъ. Если въ немъ много наносныхъ элементовъ, если оно нѣсколько затемнено неискренностью и отсутствіемъ полной ясности въ показаніяхъ свидѣтелей, если въ немъ представляются нѣкоторыя противорѣчія, то тѣмъ выше задача обнаружить истину, тѣмъ болѣе усилій ума, совѣсти и вниманія слѣдуетъ употребить для узнанія правды. Задача становится труднѣе, но не дѣлается неразрѣшимою.

Я не стану напоминать вамъ обстоятельства настоящаго дѣла; они слишкомъ несложны для того, чтобы повторять ихъ въ подробности. Мы знаемъ, что молодой баньщикъ женился, поколотилъ студента и былъ посаженъ подъ арестъ. На другой день послѣ этого нашли его жену въ рѣчкѣ Ждановкѣ. Проницательный помощникъ пристава усмотрѣлъ въ смерти ея самоубійство съ горя по мужѣ,— и тѣло было предано землѣ, а дѣло волѣ Божьей. Этимъ, казалось бы, все и должно было кончиться, но въ околоткѣ пошелъ говоръ объ утопленницѣ. Говоръ этотъ группировался около Аграфены Суриной, она была его узломъ, такъ какъ она, будто бы, проговорилась, что Лукерья не утопилась, а утоплена мужемъ. Поэтому показаніе ея имѣетъ главное и существенное въ дѣлѣ значеніе. Я готовъ сказать, что оно имѣетъ, къ сожалѣнію, такое значеніе, потому что было бы странно скрывать отъ себя и недостойно умалчивать передъ вами, что личность ея не производитъ симпатичнаго впечатлѣнія, и что даже, взятая внѣ обстоятельствъ этого дѣла, сама по себѣ, она едва ли привлекла бы къ себѣ наше сочувствіе. Но я думаю, что это свойство ея личности нисколько не измѣняетъ существа ея показанія. Если мы на время забудемъ о томъ, *какъ* она показываетъ, не договаривая, умалчивая, труся, или скороговоркою, въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ высказывая то, что она считаетъ необходимымъ разсказать, то мы найдемъ, что изъ показанія ея можно извлечь нѣчто существенное, въ чемъ должна заключаться своя доля истины. Притомъ, показаніе ея имѣетъ особое значеніе въ дѣлѣ: имъ завершаются всѣ предшествовавшія гибели Лукерьи событія, имъ объясняются и всѣ послѣдующія,—оно есть, наконецъ, единственное показаніе очевидца. Прежде всего возникаетъ вопросъ: достовѣрно ли оно? Если мы будемъ опредѣлять достовѣрность показанія тѣмъ, *какъ* человѣкъ говоритъ, *какъ* онъ держитъ себя на судѣ, то очень часто примемъ показанія вполнѣ достовѣрныя за ложныя и наоборотъ, примемъ оболочку показанія за его сущность, за его сердцевину. Поэтому, надо оцѣнивать показаніе по его внутреннему достоинству. Если оно дано непринужденно, безъ посторонняго давленія, если оно дано безъ всякаго стремленія къ нанесенію вреда другому, и если затѣмъ оно подкрѣпляется обстоятельствами дѣла и бытовою житейскою обстановкою тѣхъ лицъ, о которыхъ идетъ

рѣчь, то оно должно быть признано показаніемъ справедливымъ. Могутъ быть невѣрны детали, архитектурныя украшенія,—мы ихъ отбросимъ,—но, тѣмъ не менѣе останется основная масса, тотъ камень, фундаментъ, на которомъ зиждутся эти ненужныя, неправильныя подробности.

Существуетъ ли первое условіе въ показаніи Аграфены Суриной? Вы знаете, что она сама первая проговорилась, по первому толчку, данному Дарьею Гавриловою, когда та спросила: «не ты ли это съ Егоромъ утопила Лукерью?» Самое поведеніе ея при отвѣтѣ Дарьѣ Гавриловой и подтвержденіе этого отвѣта при слѣдствіи исключаетъ возможность чего либо насильственнаго или вынужденнаго. Она сдѣлалась,—волею или неволею, объ этомъ судить трудно,—свидѣтельницею важнаго и мрачнаго событія, она раздѣлила вмѣстѣ съ Егоромъ ужасную тайну, но какъ женщина нервная, впечатлительная, живая, оставшись одна, она стала мучиться, какъ всѣ люди, у которыхъ на душѣ тяготѣетъ какая нибудь тайна, что нибудь тяжелое, чего нельзя высказать. Она должна была терзаться неизвѣстностью, колебаться между мыслью, что Лукерья, можетъ быть, осталась жива—и гнетущимъ сознаніемъ, что она умерщвлена,—и поэтому-то она стремилась къ тому, чтобы узнать, что сдѣлалось съ Лукерьей. Когда все вокругъ было спокойно, никто еще не зналъ объ утопленіи, она волнуется какъ душевно-больная,—работая въ прачешной, спрашиваетъ поминутно, не пришла ли Лукерья, не видали ли утопленницы. Безсознательно почти, подъ тяжкимъ гнетомъ давящей мысли, она сама себя выдаетъ. Затѣмъ, когда пришло извѣстіе объ утопленницѣ, когда участь, постигшая Лукерью, опредѣлилась, когда стало ясно, что она не придетъ никого изобличать,—бремя на время свалилось съ сердца и Аграфена успокоилась. Затѣмъ опять тяжкое воспоминаніе и голосъ совѣсти начинаютъ ей рисовать картину, которой она была свидѣтельницею, и на первый вопросъ Дарьи Гавриловой она почти съ гордостью высказываетъ все, что знаетъ. Итакъ, относительно того, что показаніе Суриной дано безъ принужденія, не можетъ быть сомнѣнія.

Обращаюсь ко второму условію: можетъ ли показаніе это имѣть своею исключительною цѣлью коварное желаніе набросить преступную тѣнь на Егора, погубить его? Такая цѣль можетъ быть только объяснена страшною ненавистью, желаніемъ погубить, во что бы то ни стало, подсудимаго,—но въ какихъ же обстоятельствахъ дѣла найдемъ мы эту ненависть? Говорятъ, что она была на него зла за то, что онъ женился на другой; это совершенно понятно, но она взяла за это съ него деньги; положимъ, что, даже и взявъ деньги, она была недовольна имъ, но между неудовольствіемъ и смертельною ненавистью цѣлая пропасть. Всѣ послѣдующія браку обстоятельства были таковы, что онъ, напротивъ, долженъ былъ сдѣлаться ей особенно дорогъ и милъ. Правда, онъ промѣнялъ ее, съ которую жилъ два года, на дѣвушку, съ которой передъ тѣмъ встрѣчался лишь нѣсколько разъ, и это должно было задѣть ея самолюбіе,—но чрезъ

недѣлю или, во всякомъ случаѣ, очень скоро послѣ свадьбы, онъ опять у ней, жалуется ей на жену, говоритъ, что снова любитъ ее, тоскуетъ по ней. Да вѣдь это для женщины, которая продолжаетъ любить,—а свидѣтели показали, что она очень любила его и переносила его крутое обращеніе два года—величайшая побѣда!—Человѣкъ, который ее кинулъ, приходитъ съ повинною головою, какъ блудный сынъ, проситъ ея любви, говоритъ, что та, другая, не стоитъ его привязанности, что она, Аграфена, дороже, краше, милѣе и лучше для него... Это могло только усилить прежнюю любовь, но не обращать ее въ ненависть. Зачѣмъ ей желать погубить Егора въ такую минуту, когда жены нѣтъ, когда препятствіе къ долгой связи и даже къ браку устранено? Напротивъ, теперь-то ей и любить его, когда онъ всецѣло ей принадлежитъ, когда ей не надо нарушать «ихъ законъ», а между тѣмъ, она обвиняетъ его, повторяетъ это обвиненіе здѣсь на судѣ. Итакъ, съ этой точки зрѣнія, показаніе это не можетъ быть заподозрѣно.

Затѣмъ, соотвѣтствуетъ ли оно сколько нибудь обстоятельствамъ дѣла, подтверждается ли бытовою обстановкою дѣйствующихъ лицъ? Если да, то какъ бы Аграфена Сурина ни была несимпатична, мы можемъ ей повѣрить, потому что другія, совершенно постороннія лица, оскорбленныя ея прежнимъ поведеніемъ, не свидѣтельствуя въ пользу ея личности, свидѣтельствуютъ, однако, въ пользу правдивости ея настоящаго показанія. Прежде всего свидѣтельница, драгоцѣнная по простотѣ и грубой искренности своего показанія,—сестра покойной Лукерьи. Она рисуетъ подробно отношенія Емельянова къ женѣ и говоритъ, что когда Емельяновъ посватался, она совѣтовала сестрѣ не выходить за него замужъ, но онъ поклялся, что броситъ любовницу, и она, убѣдившись этою клятвою, посовѣтовала сестрѣ идти за Емельянова. Первое время они живутъ счастливо, мирно и тихо, но затѣмъ начинается связь Емельянова съ Суриной. Подсудимый отрицаетъ существованіе этой связи, но объ ней говоритъ цѣлый рядъ свидѣтелей. Мы слышали показаніе двухъ дѣвицъ, ходившихъ къ гостямъ по приглашенію Егора, которыя видѣли, какъ онъ, въ половинѣ ноября, цѣловался на улицѣ, и не таясь, съ Аграфеною. Мы знаемъ изъ тѣхъ же показаній, что Аграфена бѣгала къ Егору, что онъ часто, ежедневно по нѣскольку разъ, встрѣчался съ нею. Правда, главное фактическое подтвержденіе, съ указаніемъ на мѣсто, гдѣ связь эта была закрѣплена, принадлежитъ Суриной, но и оно подкрѣпляется посторонними обстоятельствами, а именно—показаніями служащаго въ Зоологической гостинницѣ мальчика и Дарьи Гавриловой. Обвиняемый говоритъ, что онъ въ этотъ день до 6 часовъ сидѣлъ въ Мировомъ Съѣздѣ, слушая судъ и собираясь подать апелляцію. Не говоря уже о томъ, что, пройдя по двумъ инстанціямъ, онъ долженъ былъ слышать отъ предсѣдателя Мирового Съѣзда обязательное по закону заявленіе, что апелляціи на приговоръ Съѣзда не бываетъ,—этотъ человѣкъ, относительно котораго приговоръ Съѣзда былъ несправедливъ, не только по его мнѣнію, но

даже по словамъ его хозяина, который говоритъ, что Егоръ не виноватъ, «да судъ такъ разсудилъ»,—этотъ человѣкъ идетъ любопытствовать въ этотъ самый судъ и просиживаетъ тамъ полъ дня. Дѣйствительно, онъ не былъ полъ дня дома, но онъ былъ не въ Съѣздѣ, а въ Зоологической гостинницѣ. На это указывалъ мальчикъ Ивановъ. Онъ видѣлъ въ Михайловъ день Сурину въ номерахъ около 5 часовъ. Это подтверждаетъ и Гаврилова, которой 8-го ноября Сурина сказала, что идетъ съ Егоромъ, а затѣмъ вернулась въ 6 часовъ. Итакъ, частица показанія Суриной подтверждается. Такимъ образомъ очевидно, что прежнія дружескія, добрыя отношенія между Лукерьею и ея мужемъ поколебались. Ихъ мѣсто заняли другія, тревожныя. Такія отношенія не могутъ, однако, долго длиться; — онѣ должны измѣниться въ ту или другую сторону. На нихъ должна была постоянно вліять страсть и прежняя привязанность, которыя пробудились въ Егорѣ съ такою силою и такъ скоро. Въ подобныхъ случаяхъ можетъ быть два исхода: или разсудокъ, совѣсть и долгъ побѣдятъ страсть и подавятъ ее въ грѣшномъ тѣлѣ, и тогда счастіе упрочено, прежнія отношенія возобновлены и укрѣплены или, напротивъ, разсудокъ подчинится страсти, заглохнетъ голосъ совѣсти и страсть, увлекая человѣка, овладѣетъ имъ совсѣмъ; тогда явится стремленіе не только нарушить, но навсегда уничтожить прежнія тягостныя, стѣсняющія отношенія. Таковъ общій исходъ всѣхъ дѣйствій человѣческихъ, совершаемыхъ подъ вліяніемъ страсти; на срединѣ страсть никогда не останавливается; она или замираетъ, погасаетъ, подавляется или, развиваясь чѣмъ далѣе, тѣмъ быстрѣе, доходитъ до крайнихъ предѣловъ. Для того чтобы опредѣлить, по какому направленію должна была идти страсть, овладѣвшая Емельяновымъ, достаточно вглядѣться въ характеръ дѣйствующихъ лицъ. Я не стану говорить о томъ, какимъ подсудимый представляется намъ на судѣ; оцѣнка поведенія его на судѣ не должна быть, по моему мнѣнію, предметомъ нашихъ обсужденій. Но мы можемъ прослѣдить его прошедшую жизнь по тѣмъ показаніямъ и свѣдѣніямъ, которыя здѣсь даны и получены.

Лѣтъ 16-ти онъ пріѣзжаетъ въ Петербургъ и становится банщикомъ при номерныхъ, такъ называемыхъ «семейныхъ» баняхъ. Извѣстно, какого рода эта обязанность; здѣсь, на судѣ, онъ самъ и двѣ дѣвушки изъ дома терпимости объяснили, въ чемъ состоитъ одна изъ главныхъ функцій этой обязанности. Ею-то, между прочимъ, Егоръ занимается съ 16-ти лѣтъ. У него происходитъ передъ глазами постоянный, систематическій развратъ. Онъ видитъ постоянно беззастѣнчивое проявленіе грубой чувственности. Рядомъ съ этимъ является добываніе денегъ не дѣйствительною, настоящею работою, а «на водкою». Средства къ жизни добываются не тяжелымъ и честнымъ трудомъ, а тѣмъ, что онъ угождаетъ посѣтителямъ, которые, довольные проведеннымъ временемъ съ приведенною женщиною, быть можетъ иногда и не считая хорошенько, даютъ ему деньги на водку. Вотъ какова его должность съ точки зрѣнія

труда! Посмотримъ на нее съ точки зрѣнія долга и совѣсти. Можетъ ли она развить въ человѣкѣ самообладаніе, создать преграды, внутреннія и нравственныя, порывамъ страсти? Нѣтъ,—его постоянно окружаютъ картины самаго беззастѣнчиваго проявленія половой страсти, а вліяніе жизни безъ серьезнаго труда, среди далеко не нравственной обстановки для человѣка, не укрѣпившагося въ другой, лучшей сферѣ, конечно, не явится особо задерживающимъ въ ту минуту, когда имъ овладѣетъ чувственное желаніе обладанія... Взглянемъ на личный характеръ подсудимаго, какъ онъ намъ былъ описанъ. Это хактеръ твердый, рѣшительный, смѣлый. Съ товарищами живетъ Егоръ не въ ладу, нѣтъ дня, чтобы не ссорился, человѣкъ «озорной», неспокойный, никому спускать не любитъ. Студента, который, подойдя къ банѣ, сталъ нарушать чистоту, онъ поколотилъ больно—и поколотилъ притомъ не своего брата мужика, а студента, «барина»,—стало быть, человѣкъ не очень останавливающійся въ своихъ порывахъ. Въ домашнемъ быту это человѣкъ не особенно нѣжный, не позволяющій матери плакать, когда его ведутъ подъ арестъ, обращающійся съ своею любовницею «какъ палачъ». Рядъ показаній рисуетъ, какъ онъ обращается вообще съ тѣми, кто ему подчиненъ по праву или обычаю: «идешь ли?» прикрикиваетъ онъ на жену, зовя ее съ собою; «гей, выходи», стучитъ въ окно, «выходи», властно кричитъ онъ Аграфенѣ. Это человѣкъ, привыкшій властвовать и повелѣвать тѣми, кто ему покоряется, чуждающійся товарищей, самолюбивый, непьющій, точный и аккуратный. Итакъ, это характеръ сосредоточенный, сильный и твердый, но развившійся въ дурной обстановкѣ, которая ему никакихъ сдерживающихъ нравственныхъ началъ дать не могла.

Посмотримъ теперь на его жену. О ней также характеристичныя показанія: эта женщина невысокаго роста, толстая, бѣлокурая, флегматическая, молчаливая и терпѣливая: «всякія тиранства отъ моей жены, капризной женщины, переносила, никогда слова не сказала», говоритъ о ней свидѣтель Одинцовъ. «Слова отъ нея трудно добиться», прибавилъ онъ. Итакъ, это вотъ какая личность: тихая, покорная, вялая и скучная—главное—скучная. Затѣмъ выступаетъ Аграфена Сурина. Вы ее видѣли и слышали: вы можете относиться къ ней не съ симпатіей, но вы не откажете ей въ одномъ: она бойка и даже здѣсь за словомъ въ карманъ не лѣзетъ, не можетъ удержать улыбки, споря съ подсудимымъ,— она, очевидно, очень живого, веселаго характера, энергическая, своего не уступитъ даромъ,—у нея черные глаза, румяныя щеки, черные волосы. Это совсѣмъ другой типъ, другой темпераментъ.

Вотъ такія-то три лица сводятся судьбою вмѣстѣ. Конечно, и природа, и обстановка указываютъ, что Егоръ долженъ скорѣе сойтись съ Аграфеною; сильный всегда влечется къ сильному, энергическая натура сторонится отъ всего вялаго и слишкомъ тихаго. Егоръ женится, однако, на Лукерьѣ. Чѣмъ она понравилась ему? Вѣроятно, свѣжестью, чистотою, невинностью. Въ этихъ ея свойствахъ нельзя

сомнѣваться. Егоръ самъ не отрицаетъ, что она вышла за него, сохранивъ дѣвическою чистоту. Для него эти ея свойства, эта ея неприкосновенность должны были представлять большой соблазнъ, сильную приманку, потому что онъ жилъ послѣдніе годы въ такой сферѣ, гдѣ дѣвической чистоты вовсе не полагается; для него обладаніе молодою, невинною женою должно было быть привлекательнымъ. Оно имѣло прелесть новизны, оно такъ рѣзко и такъ хорошо противорѣчило общему складу окружающей его жизни. Не забудемъ, что это не простой крестьянинъ, грубоватый, но прямодушный,— это крестьянинъ, который съ 16 лѣтъ въ Петербургѣ, въ номерныхъ баняхъ, который, однимъ словомъ, «хлѣбнулъ» Петербурга. И вотъ онъ вступаетъ въ бракъ съ Лукерьею, которая, вѣроятно, иначе ему не могла принадлежать; но первые порывы страсти прошли, онъ охлаждается, а затѣмъ начинается обычная жизнь, жена его приходитъ къ ночи, тихая, покорная, молчаливая... Развѣ это ему нужно, съ его живымъ характеромъ, съ его страстною натурою, испытавшею житье съ Аграфеною? И ему, особенно при его обстановкѣ, приходилось видывать виды, и ему, можетъ быть, желательна нѣкоторая завлекательность въ женѣ, молодой задоръ, юркость, бойкость. Ему, по характеру его, нужна жена живая, веселая, а Лукерья совершенная противоположность этому. Охлажденіе понятно, естественно. А тутъ Аграфена снуетъ, бѣгаетъ по коридору, поминутно суется на глаза, подсмѣивается и не прочь его снова завлечь. Она зоветъ, манитъ, туманитъ, раздражаетъ, и когда онъ снова ею увлеченъ, когда она снова позволяетъ обнять себя, поцѣловать; въ рѣшительную минуту, когда онъ хочетъ обладать ею,—она говоритъ: «нѣтъ, Егоръ, я вашего закона нарушать не хочу», т. е. каждую минуту напоминаетъ о сдѣланной имъ ошибкѣ, коритъ его тѣмъ, что онъ женился, не думая что дѣлаетъ, не разсчитавъ послѣдствій, сглупивъ... Онъ знаетъ при этомъ, что она отъ него ни въ чемъ болѣе не зависитъ, что она можетъ выйти замужъ и пропасть для него навсегда. Понятно, что ему остается или махнуть на нее рукою и вернуться къ скучной и молчаливой женѣ, или отдаться Аграфенѣ. Но какъ отдаться? Вмѣстѣ, одновременно съ женою? Это невозможно. Во-первыхъ, это въ матеріальномъ отношеніи дорого будетъ стоить, потому что вѣдь придется и матеріальнымъ образомъ иногда выразить любовь къ Суриной; во-вторыхъ жена его стѣсняетъ; онъ человѣкъ самолюбивый, гордый, привыкшій дѣйствовать самостоятельно, свободно, а тутъ надо ходить тайкомъ по номерамъ, лгать, скрываться отъ жены или слушать брань ея съ Аграфеною и съ собою — и такъ навѣки! Конечно, изъ этого надо найти исходъ. И если страсть сильна, а голосъ совѣсти слабъ, то исходъ можетъ быть самый рѣшительный. И вотъ является первая мысль о томъ, что отъ жены надо избавиться.

Мысль эта является въ ту минуту, когда Аграфена вновь стала принадлежать ему, когда онъ снова вкусилъ отъ сладости старой любви и когда Аграфена отдалась ему, сказавъ, что это, какъ го-

ворится въ такихъ случаяхъ, «въ первый и въ послѣдній разъ». О появленіи этой мысли говоритъ Аграфена Сурина: «не сяду подъ арестъ безъ того, чтобы Лукерьи не было», сказалъ ей Емельяновъ. Мы бы могли не совсѣмъ повѣрить ей, но слова ея подтверждаются другимъ безпристрастнымъ и добросовѣстнымъ свидѣтелемъ, сестрою Лукерьи, которая говоритъ, что наканунѣ смерти, черезъ недѣлю послѣ свиданія Егора съ Суриною, Лукерья передавала ей слова мужа: «тебѣ бы въ Ждановку». Въ какомъ смыслѣ было это сказано—понятно, такъ какъ она отвѣчала ему: «какъ хочешь, Егоръ, но я сама на себя рукъ накладывать не стану». Видно мысль, на которую указываетъ Аграфена, въ теченіе недѣли пробѣжала цѣлый путь и уже облеклась въ опредѣленную и ясную форму, «тебѣ бы въ Ждановку». Почему же именно въ Ждановку? Вглядитесь въ обстановку Егора и отношенія его къ женѣ. Надо отъ нея избавиться. Какъ, что для этого сдѣлать? Убить... Но какъ убить? Зарѣзать ее—будетъ кровь, ножъ, явные слѣды, — вѣдь они видятся только въ банѣ, куда она приходитъ ночевать. Отравить? Но какъ достать яду, какъ скрыть слѣды преступленія и т. д. Самое лучшее и, пожалуй, единственное средство — утопить. Но когда? А когда она пойдетъ провожать его въ участокъ,—это время самое удобное, потому, что при обнаруженіи убійства, онъ окажется подъ арестомъ, и даже какъ нѣжный супругъ и несчастный вдовецъ, пойдетъ потомъ хоронить утопившуюся или утонувшую жену. Такое предположеніе вполнѣ подкрѣпляется разсказомъ Суриной. Скажутъ, что Сурина показываетъ о самомъ убійствѣ темно, туманно, путается, сбивается. Все это такъ, но у того, кто даже какъ посторонній зритель бываетъ свидѣтелемъ убійства, часто трясутся руки и колотится сердце отъ зрѣлища ужасной картины; когда же зритель не совсѣмъ посторонній, когда онъ даже очень близокъ къ убійцѣ, когда убійство происходитъ въ пустынномъ мѣстѣ, осеннею и сырою ночью, тогда немудрено, что Аграфена не совсѣмъ можетъ собрать свои мысли и не вполнѣ разглядѣла, что именно и какъ именно дѣлалъ Егоръ. Но сущность ея показаній все-таки сводится къ одному, т. е. къ тому, что она видѣла Егора топившимъ жену; въ этомъ она тверда и впечатлѣніе это передаетъ съ силою и настойчивостью. Она говоритъ, что испугавшись, бросилась бѣжать, затѣмъ онъ догналъ ее, а жены не было; — значитъ, думала она, онъ-таки утопилъ ее; спросила о женѣ,—Егоръ не отвѣчалъ. Показаніе ея затѣмъ вполнѣ подтверждается во всемъ, что касается ея ухода изъ дома вечеромъ 14 ноября. Подсудимый говоритъ, что онъ не приходилъ за ней, но Анна Николаева удостовѣряетъ противоположное и говоритъ, что Аграфена, ушедшая съ Егоромъ, вернулась черезъ 20 минутъ. По показанію Аграфены, она какъ разъ прошла и пробѣжала такое пространство, для котораго нужно было, по разчету, употребить около 20 минутъ времени.

Намъ могутъ возразить противъ показанія Суриной, что смерть Лукерьи могла произойти отъ самоубійства, или же сама Сурина

могла убить ее. Обратимся къ разбору этихъ, могущихъ быть, возраженій. Прежде всего намъ скажутъ, что борьбы не было, потому что платье утопленницы не разорвано, не запачкано, что сапоги у подсудимаго, который долженъ былъ войти въ воду, не были мокры и т. д. Вглядитесь въ эти два пункта возраженій и вы увидите, что они вовсе не такъ существенны, какъ кажутся съ перваго взгляда. Начнемъ съ грязи и борьбы. Вы слышали показаніе одного свидѣтеля, что грязь была жидкая, что была слякоть; вы знаете, что мѣсто, гдѣ совершено убійство, весьма крутое, скатъ въ 9 шаговъ, подъ угломъ 45°. Понятно, что начавъ бороться съ кѣмъ нибудь на откосѣ, можно было съѣхать по грязи въ нѣсколько секундъ до низу и если затѣмъ человѣкъ, котораго сталкиваютъ, запачканнаго грязью, въ текущую воду, остается въ ней цѣлую ночь, то нѣтъ ничего удивительнаго, что на платьѣ, пропитанномъ насквозь водою, слякоть расплывается и слѣдовъ ея не останется: природа сама выстираетъ платье утопленницы. Скажутъ, что нѣтъ слѣдовъ борьбы. Я не стану утверждать, чтобы она была, хотя разорванная пола кацавейки наводитъ, однако, на мысль, что нельзя отрицать ея существованія. Затѣмъ скажутъ: *сапоги!* Да, сапоги эти, повидимому, очень опасны для обвиненія, но только повидимому. Припомните часы: когда Егоръ вышелъ изъ дома, это было $^3/_4$ десятаго, а пришелъ онъ въ участокъ 10 минутъ 11-го, т. е. чрезъ 25 минутъ по выходѣ изъ дома и минутъ чрезъ 10 послѣ того, что было имъ совершенно, по словамъ Суриной. Но въ часть, гдѣ собственно содержатся арестанты и гдѣ его осматривали, онъ пришелъ въ 11 часовъ, черезъ часъ послѣ того дѣла, въ совершеніи котораго онъ обвиняется. Въ теченіе этого времени онъ много ходилъ, былъ въ теплой комнатѣ и затѣмъ уже его обыскиваютъ. Когда его обыскивали, вы могли заключить изъ показанія свидѣтелей; одинъ изъ полицейскихъ объяснилъ, что на него не обратили вниманія, потому что онъ приведенъ на 7 дней,—другой сказалъ сначала, что всего его обыскивалъ, и потомъ объяснилъ, что сапоги подсудимый снялъ самъ, а онъ осмотрѣлъ только карманы. Очевидно, что въ этотъ промежутокъ времени онъ могъ успѣть обсохнуть, а если и оставалась сырость на платьѣ и сапогахъ, то она не отличалась отъ той, которая могла образоваться отъ слякости и дождя. Да, наконецъ, если вы представите себѣ обстановку убійства такъ, какъ описываетъ Сурина, вы убѣдитесь что ему не было надобности входить въ воду по колѣни. Завязывается борьба на откосѣ, подсудимый пихаетъ жену, они скатываются въ минуту по жидкой грязи, затѣмъ онъ схватываетъ ее за плечи и, нагнувъ ея голову, суетъ въ воду. Человѣкъ можетъ задохнуться въ теченіе двухъ-трехъ минутъ, особенно если не давать ему ни на секунду вынырнуть, если придержать голову подъ водой. При такой обстановкѣ, которую описываетъ Сурина, всякая женщина въ положеніи Лукерьи будетъ поражена внезапнымъ нападеніемъ,—въ сильныхъ рукахъ разъяреннаго мужа не соберется съ силами,чтобы сопротивляться, особенно если принять въ соображеніе положеніе убійцы,

который держалъ ее одною рукою за руку, на которой и остались синяки отъ пальцевъ, а другою нагибалъ ей голову къ водѣ. Чѣмъ ей сопротивляться, чѣмъ ей удержаться отъ утопленія. У нея свободна одна лишь рука,—но передъ нею вода, за которую ухватиться, о которую опереться нельзя. Платье Егора могло быть при этомъ сыро, забрызгано водою, запачкано и грязью немного, но при поверхностномъ осмотрѣ, который ему дѣлали, это могло остаться незамѣченнымъ. Насколько это вѣроятно, вы можете судить по показаніямъ свидѣтелей; одинъ говоритъ, что онъ засаженъ въ часть въ сапогахъ, другой говоритъ босикомъ; одинъ показываетъ, что онъ былъ въ сюртукѣ, другой говоритъ—въ чуйкѣ и т. д. Наконецъ, извѣстно, что ему позволили самому явиться подъ арестъ, что онъ былъ свой человѣкъ въ участкѣ,—станутъ ли такого человѣка обыскивать и осматривать подробно?

Посмотримъ, насколько возможно предположеніе о самоубійствѣ. Думаю, что намъ не станутъ говорить о самоубійствѣ съ горя, что мужа посадили на 7 день подъ арестъ. Надо быть дѣтски-легковѣрнымъ, чтобы повѣрить подобному мотиву. Мы знаемъ, что Лукерья приняла извѣстіе объ арестѣ мужа спокойно, хладнокровно, да и приходить въ такое отчаяніе, чтобы топиться въ виду 7-дневной разлуки, было бы рѣдкимъ, чтобы не сказать—невозможнымъ примѣромъ супружеской привязанности. Итакъ, была другая причина, но какая же? Быть можетъ, жестокое обращеніе мужа, — но мы, однако, не видимъ такого обращенія: всѣ говорятъ, что они жили мирно, явныхъ ссоръ не происходило. Правда, она разъ, наканунѣ смерти, жаловалась, что мужъ сталъ грубо отвѣчать, лѣзъ съ кулаками и даже совѣтовалъ ей «въ Ждановку». Но, живя въ Россіи, мы знаемъ, каково въ простомъ классѣ жестокое обращеніе съ женою. Оно выражается гораздо грубѣе и рѣзче,—въ немъ мужъ, считая себя въ своемъ неотъемлемомъ правѣ, старается не только причинить боль, но и нашумѣть, сорвать сердце. Здѣсь такого жестокаго обращенія не было и быть не могло. Оно, по большей части, есть слѣдствіе грубаго возмущенія какою нибудь стороною въ личности жены, которую нужно, по мнѣнію мужа, исправить, наказуя и истязуя. Здѣсь было другое чувство, болѣе сильное и всегда болѣе страшное по своимъ результатамъ. Это была глубокая, затаенная ненависть. Наконецъ, мы знаемъ, что никто такъ не склоненъ жаловаться и плакаться на жестокое обращеніе, какъ женщина, и Лукерья точно также не удержалась бы, чтобы не разсказывать хоть близкимъ, хоть сестрѣ, что нѣтъ житья съ мужемъ, какъ разсказала о немъ наканунѣ смерти. Итакъ, нѣтъ повода къ самоубійству. Посмотримъ на выполненіе этого самоубійства. Она никому не намекаетъ даже о своемъ намѣреніи, напротивъ, говоритъ наканунѣ противоположное, а именно: что рукъ на себя не наложитъ; затѣмъ она беретъ у сестры—у бѣдной женщины—кофту: для чего же? — чтобы въ ней утопиться; наконецъ, мѣстомъ утопленія она выбираетъ Ждановку, гдѣ воды всего на аршинъ. Какъ же тутъ уто-

питься? Вѣдь надо согнуться, нужно чѣмъ нибудь придержаться за дно, чтобы не всплыть на поверхность... Но чувство самосохраненія непремѣнно скажется,—молодая жизнь возстала бы противъ своего преждевременнаго прекращенія, и Лукерья сама выскочила бы изъ воды. Извѣстно, что во многихъ случаяхъ самоубійцы потому только гибнутъ подъ водою, что или не умѣютъ плавать, или же несвоевременно придетъ помощь, которую они обыкновенно сами призываютъ. Всякій, кто знакомъ съ обстановкою самоубійства, знаетъ, что утопленіе, а также бросаніе съ высоты,—два преимущественно *женскихъ* способа самоубійства,—совершаются такъ, что самоубійца старается ринуться, броситься какъ бы съ тѣмъ, чтобы поскорѣй, сразу, безъ возможности колебанія и возврата, прервать связь съ окружающимъ міромъ. Въ воду «бросаются», а не ищутъ такого мѣста, гдѣ бы надо было «входить» въ воду, почти какъ по ступенькамъ. Топясь въ Ждановкѣ, Лукерья должна была войти въ воду, нагнуться, даже сѣсть и не допустить себя встать, пока не отлетитъ отъ нея жизнь. Но это положеніе немыслимое! И зачѣмъ оно, когда въ десяти шагахъ течетъ Нева, которая не часто отдаетъ жизни тѣхъ, кто пойдетъ искать утѣшенія въ ея глубокихъ и холодныхъ струяхъ. Наконецъ, самое время для самоубійства выбирается такое, когда сама судьба послала ей семидневную отсрочку, когда она можетъ вздохнуть и пожить на свободѣ безъ мужа, около сестры. Итакъ, это не самоубійство.

Но, быть можетъ, это убійство, совершенное Аграфеной Суриной, какъ намекаетъ на это подсудимый? Я старался доказать, что не Аграфенѣ Суриной, а мужу Лукерьи можно было желать убить ее, и притомъ, если мы остановимся на показаніи обвиняемаго, то мы должны брать его цѣликомъ, особенно въ отношеніи Суриной. Онъ здѣсь настойчиво требовалъ отъ свидѣтелей подтвержденія того, что Лукерья плакалась отъ угрозъ Суриной удавить ее или утюгомъ хватить. Свидѣтели этого не подтвердили, но если все-таки вѣрить обвиняемому, то надо признать, что Лукерья окончательно лишилась разсудка, чтобы идти ночью на глухой берегъ Ждановки съ такою женщиною, которая ей врагъ, которая грозила убить ее! Скажутъ, что Сурина могла напасть на нее, когда она возвращалась, проводивъ мужа. Но факты, неумолимые факты докажутъ намъ противное. Егоръ ушелъ изъ бань въ $^3/_4$ десятаго, пришелъ въ участокъ въ 10 минутъ одиннадцатаго, слѣдовательно, пробылъ въ дорогѣ 25 минутъ. Одновременно съ уходомъ изъ дому, онъ вызвалъ Аграфену, какъ говоритъ Николаева. Слѣдовательно, Сурина могла напасть на Лукерью только по истеченіи этихъ 25 минутъ. Но та же Николаева говорила, что Аграфена Сурина вернулась домой черезъ *двадцать* минутъ послѣ ухода. Наконецъ, могла ли Сурина одинъ-на-одинъ сладить съ Лукерьею, какъ могъ сладить съ нею ея мужъ и повелитель? Вотъ тутъ-то были бы слѣды той борьбы, которой такъ тщетно искала защита на платьѣ покойной. Итакъ, предположеніе о Суриной, какъ убійцѣ Лукерьи, рушится, и мы приходимъ къ тому,

что показаніе Суриной въ существѣ своемъ вѣрно. Затѣмъ остаются неразъясненными два обстоятельства: во-первыхъ, зачѣмъ обвиняемый вызывалъ Аграфену, когда шелъ убивать жену, и во-вторыхъ зачѣмъ онъ говорилъ, по показанію Суриной, что «бралъ дѣвку, а вышла баба»—и упрекалъ въ томъ жену, въ послѣдніе моменты ея жизни? Не лжетъ ли Сурина? Но, гг. присяжные, не одними внѣшними обстоятельствами, которыя рѣжутъ глаза, опредѣляется характеръ дѣйствій человѣка; при извѣстныхъ случаяхъ, надо посмотрѣть и на тѣ душевныя проявленія, которыя свойственны большинству людей при извѣстной обстановкѣ. Зачѣмъ онъ бросилъ тѣнь на честь своей жены въ глазахъ Аграфены? Да потому, что, несмотря на нѣкоторую свою испорченность, онъ живетъ въ своеобразномъ мірѣ, гдѣ при разныхъ, подчасъ грубыхъ и не вполнѣ нравственныхъ явленіяхъ, существуетъ извѣстный, опредѣленный, простой и строгій нравственный кодексъ. Вліяніе кодекса этого выразилось въ словахъ Аграфены: «я вашаго закона нарушать не хочу!» Подсудимый—человѣкъ самолюбивый, гордый и властный; придти просто просить у Аграфены прощенія и молить о старой любви—значило бы прямо сказать, что онъ жену не любитъ потому, что женился «сдуру», не спросясь броду;—Аграфена стала бы смѣяться. Надо было имѣть возможность сказать Аграфенѣ, что она можетъ нарушить законъ, потому что этого закона *нѣтъ,* потому что жена внесла безчестье въ домъ и опозорила *законъ сама*. Не тоскующимъ и сдѣлавшимъ ошибку, непоправимую на всю жизнь, долженъ онъ былъ придти къ Аграфенѣ, а человѣкомъ оскорбленнымъ, презирающимъ жену, не смогшую до свадьбы «себя соблюсти». Въ такихъ условіяхъ Аграфена стала бы его, быть можетъ, жалѣть, но онъ не былъ бы смѣшонъ въ ея глазахъ. И притомъ—это общечеловѣческое свойство, печальное, но вѣрное, — когда человѣкъ безпричинно ненавидитъ другого, несправедливъ къ нему, то онъ силится найти въ немъ хоть какую нибудь, хотя вымышленную вину, чтобы оправдаться въ постороннихъ глазахъ, чтобы даже въ глазахъ самого ненавидимаго быть какъ бы въ своемъ правѣ. Вотъ почему лгалъ Егоръ о женѣ Аграфенѣ и въ рѣшительную минуту при нихъ обѣихъ повторялъ эту ложь, въ видѣ вопроса женѣ о томъ, кому продала она свою честь? хотя теперь и утверждаетъ, что жена была цѣломудренна.

Зачѣмъ онъ вызвалъ Аграфену, идя на убійство?—Вы ознакомились съ Аграфеною Суриною и, вѣроятно, согласитесь, что эта женщина способна вносить смуту и раздоръ въ душевный міръ человѣка, ею увлеченнаго. Отъ нея нечего ждать, что она успокоитъ его, станетъ говорить какъ добрая, любящая женщина. Напротивъ, она скорѣй всего, въ отвѣтъ на увѣренія въ прочности вновь возникшей привязанности, станетъ дразнить, скажетъ: «какъ же, повѣрь тебѣ,—хотѣлъ вѣдь на мнѣ жениться—два года водилъ, да и женился на другой». Понятно, что въ человѣкѣ самолюбивомъ, молодомъ, страстномъ, желающемъ пріобрѣсти Аграфену, должно было явиться желаніе доказать, что у него твердо намѣреніе обладать ею,

что онъ готовъ даже уничтожить жену-разлучницу, да не на словахъ, которымъ Аграфена не вѣритъ и надъ которыми смѣется, но на дѣлѣ. Притомъ, она уже разъ испытала его невѣрность, она можетъ выйти замужъ, не вѣкъ же находиться подъ его гнетомъ; надо ее закрѣпить надолго, навсегда, подѣлившись съ нею страшною тайною. Тогда всегда будетъ возможность сказать: «смотри, Аграфена! я скажу все, — мнѣ будетъ скверно, да и тебѣ, чай, не сладко придется. Вмѣстѣ погибать пойдемъ, вѣдь изъ-за тебя же Лукерьи душу загубилъ...»

Вотъ для чего надо было вызвать Аграфену, удаливъ, во что бы то ни стало, плаксивую мать, которая дважды вызывалась идти его провожать. Затѣмъ могли быть и практическія соображенія: зайдя за ней, онъ могъ потомъ, въ случаѣ обнаруженія какихъ нибудь слѣдовъ убійства, сказать: я сидѣлъ въ участкѣ, а въ участокъ шелъ съ Грушей, что же—развѣ при ней я совершилъ убійство? Спросите ее! Она будетъ молчать, конечно—и тѣмъ дѣло кончится. Но въ этомъ разсчетѣ онъ ошибся. Онъ не сообразилъ, какое впечатлѣніе можетъ произвести на Сурину то, что ей придется видѣть,— онъ позабылъ, что на молчаніе такой воспріимчивой женщины, какъ Сурина, положиться нельзя... Вотъ тѣ соображенія, которыя я считалъ нужнымъ вамъ представить. Мнѣ кажется, что всѣ онѣ сводятся къ тому, что обвиненіе противъ подсудимаго имѣетъ достаточныя основанія. Поэтому я обвиняю его въ томъ, что, возненавидѣвъ свою жену и вступивъ въ связь съ другою женщиною, онъ завелъ жену ночью на рѣчку Ждановку и тамъ утопилъ.

Кончая обвиненіе, я не могу не повторить, что такое дѣло, какъ настоящее, для разрѣшенія своего потребуетъ большихъ усилій ума и совѣсти. Но я увѣренъ, что вы не отступите передъ трудностью задачи, какъ не отступила передъ ней обвинительная власть, хотя, быть можетъ, разрѣшите ее иначе. Я нахожу, что подсудимый Емельяновъ совершилъ дѣло ужасное,—нахожу, что, постановивъ жестокій и несправедливый приговоръ надъ своею бѣдною и ни въ чемъ неповинною женою, онъ со всею строгостью привелъ его въ исполненіе. Если вы, гг. присяжные, вынесете изъ дѣла такое же убѣжденіе, какъ и я, если мои доводы подтвердятъ въ васъ это убѣжденіе, то я думаю, что не далѣе, какъ черезъ нѣсколько часовъ, подсудимый услышитъ изъ вашихъ устъ приговоръ, конечно, менѣе строгій, но, безъ сомнѣнія, болѣе справедливый, чѣмъ тотъ, который онъ самъ произнесъ надъ своею женою.

II.

По дѣлу о расхищеніи имущества умершаго Николая Солодовникова.

25-го августа 1870 года, приставомъ Лѣсного участка пригородной полиціи составленъ протоколъ о томъ, что, въ часъ дня, садовникъ при находящейся въ Лѣсномъ Институтѣ дачѣ вильманстрандскаго первостатейнаго купца Николая Солодовникова, крестьянинъ Алимпіевъ, заявилъ, что въ ночь съ 24-го на 25-е августа умеръ проживающій на той дачѣ хозяинъ ея. 29-го августа и 1-го сентября, судебными приставами составлены были описи оставшагося послѣ смерти Солодовникова имущества, изъ которыхъ видно, что, кромѣ дачи, дома въ Петербургѣ и разнаго домашняго имущества, найдено 28 руб., три векселя, съ бланковыми надписями купца Савина въ 50,000 рублей, двѣ записки, выданныя купцомъ Авчинниковымъ, на 20,000 рублей, и росписка Василія Любавина на 7,000 рублей. Произведеннымъ дознаніемъ было обнаружено, что Солодовниковъ, послѣ смерти своего родного брата—скопца—Михаила Солодовникова, получилъ нѣсколько милліоновъ рублей, и такъ какъ этихъ денегъ у него послѣ его смерти не оказалось, то подозрѣніе въ похищеніи значительной части ихъ пало, между прочимъ, на служившаго у Солодовникова сначала лакеемъ, а потомъ управляющимъ, ржевскаго купца, Якова Сусленникова, ночевавшаго въ ночь смерти Солодовникова на его дачѣ. При слѣдствіи, находившійся при смерти Солодовникова, лакей Колосовъ, показалъ, что придя, 25-го августа въ 6-мъ часу утра, по обыкновенію, въ спальню Солодовникова, онъ нашелъ его мертвымъ, о чемъ и заявилъ спавшему въ верхнемъ этажѣ Сусленникову, который приказалъ никому объ этомъ не говорить и затѣмъ, быстро одѣвшись, отправился въ спальню Солодовникова и, какъ видѣлъ Колосовъ изъ буфета, подошелъ къ комоду, стоявшему направо отъ дверей, отперъ находившимися тамъ ключами верхній ящикъ, вынулъ оттуда книгу, сунулъ ее подъ пиджакъ и, застегнувъ его, отправился къ себѣ наверхъ, сказавъ, при этомъ, проходя черезъ залу, что пойдетъ выпить порошокъ, такъ какъ его трясетъ лихорадка; вскорѣ онъ возвратился опять въ спальню, подошелъ къ комоду, вынулъ изъ ящика шкатулку краснаго дерева, отперъ ее какимъ-то ключомъ и сталъ разсматривать находившуюся тамъ сложенную бумагу; изъ верхняго ящика комода Сусленниковъ взялъ ключи отъ городской кладовой, картонку съ мелкой серебряною монетою, золотую табакерку и, затѣмъ, снова приказавъ не сообщать поли-

ціи и никому не говорить о смерти Солодовникова, уѣхалъ въ городъ, откуда вернулся вмѣстѣ съ Любавинымъ, въ первомъ часу дня. По словамъ домашняго доктора Солодовникова, Франца Гессе, 25-го августа, въ 9½ часовъ утра, пріѣхалъ къ нему на квартиру Сусленниковъ и, объявивъ о смерти Солодовникова, сказалъ, что ему дали знать объ этомъ въ городѣ; когда Гессе пріѣхалъ на дачу, то проходя мимо буфета, встрѣтился съ пробѣжавшимъ въ верхній этажъ Сусленниковымъ, который рукою что-то поддерживалъ подъ пиджакомъ. Будучи около шести лѣтъ близко знакомъ съ Солодовниковымъ, Гессе знаетъ, что онъ говорилъ о Сусленниковѣ неодобрительно, когда, въ 1866 году, Сусленниковъ поступилъ къ Солодовникову; что онъ, Гессе, слышалъ, что послѣдній отзывался о подсудимомъ такъ: «человѣкъ исполнительный и знающій дѣло, но его нужно держать въ рукахъ, а то онъ готовъ на все». Во время посѣщенія Гессе Солодовникова, 21-го августа, онъ засталъ его въ возбужденномъ состояніи и жалующимся на неблагодарность Сусленникова, котораго онъ называлъ при этомъ анаѳемой и разбойникомъ, и говорилъ, что Сусленниковъ какъ пришелъ къ нему безъ штановъ, такъ и уйдетъ бѣднымъ, какъ крыса. Показаніями другихъ лицъ подтвердилось, что Солодовниковъ долженъ былъ имѣть при себѣ во время смерти значительный капиталъ. 15-го марта 1871 года былъ опечатанъ въ квартирѣ Сусленникова желѣзный ящикъ, а 17-го марта произведенъ былъ у него обыскъ, при чемъ въ ящикѣ найдено, между прочимъ, векселей отъ разныхъ лицъ на сумму около 40,000 рублей, выданныхъ позже 25-го августа дня смерти Солодовникова, счетовъ на проданные 5% билеты на сумму около 35,000 руб., 5% билетовъ на сумму около 7,000 р. и наличныхъ денегъ 950 р. Будучи привлеченъ къ дѣлу, Сусленниковъ о своихъ денежныхъ средствахъ давалъ разнорѣчивыя показанія и совершенно отрицалъ свои дѣйствія утромъ 25-го августа. Путемъ дознанія обнаружено, что подсудимый продалъ и частью промѣнялъ, въ декабрѣ и январѣ, въ магазинѣ ювелира Иванова перстень цѣною въ 1,600 р. и 42⅜ карата мелкихъ брилліантовъ, на сумму 2,203 р. 50 к. По предъявленію этого перстня женѣ маіора Липранди, доктору Гессе и мѣщанину Василію Солодовникову, они признали, что онъ принадлежалъ умершему Солодовникову; а относительно проданныхъ подсудимымъ мелкихъ брилліантовъ, обнаружено, что вошедшая въ опись и сданная на храніе подсудимому икона св. Николая Чудотворца съ находившимися въ вѣнцѣ камнями, по удостовѣренію племянника умершаго, стоила 15,000 руб.; между тѣмъ, ювелиръ Ивановъ по разсмотрѣніи этой иконы нашелъ, что настоящіе бриліанты или розы вставлены только въ имени Николая Чудотворца и что стоимость ихъ вмѣстѣ съ изумрудами не превышаетъ 500 руб. Спрошенный, въ качествѣ свѣдующаго лица, придворный ювелиръ Гау, далъ заключеніе, что въ большомъ вѣнцѣ и въ мѣстахъ, гдѣ помѣщены стразы, въ крестахъ и ободкѣ вѣнца, находились другіе камни, вѣроятно бриліанты, затѣмъ вынутые и перемѣненные на простые стразы, и что по величинѣ бриліантовъ ихъ должно быть отъ 40 до 45 каратовъ. Въ отношеніи этихъ обстоятельствъ, подсудимый давалъ разнообразныя показанія: на допросѣ 15-го марта онъ показалъ, что бриліантоваго перстня у Солодовникова никогда не видалъ; на допросѣ 15-го апрѣля, послѣ показанія ювелира Иванова, показалъ, что кольцо это, дѣйствительно, продано Иванову, но что оно принесено ему Колосовымъ, съ просьбою продать, и онъ, подсудимый, оставилъ кольцо у себя, заплативъ за него 50 р., въ намѣреніи отдать его племяннику Солодовникова, но, затѣмъ, въ декабрѣ продалъ его. Въ отношеніи продажи мелкихъ бриліантовъ, подсудимый 15-го апрѣля объяснялъ, что ихъ далъ ему капельмейстеръ императорскихъ театровъ Лядовъ, который оказался умершимъ 1-го апрѣля 1873 года. Затѣмъ, 21-го апрѣля, относительно тѣхъ же бриліантовъ Сусленниковъ заявилъ, что Солодовниковъ, чувствуя приближеніе смерти, поручилъ ему вынуть изъ большого вѣнца образа св. Николая Чудотворца бриліанты, вслѣд-

ствіе чего онъ, подсудимый, отправился къ проживающему въ Итальянской улицѣ ювелиру и, вынувъ бриліанты, удержалъ ихъ у себя, имѣя въ виду отдать ихъ Солодовникову по переѣздѣ въ городъ. Спрошенный по этой ссылкѣ, ювелиръ Линдгольмъ призналъ, что дѣйствительно вынималъ изъ образа св. Николая Чудотворца болѣе 400 штукъ бриліантовъ и замѣнялъ ихъ простыми стразами, но что образъ тотъ былъ принесенъ къ нему для этой цѣли Сусленниковымъ, примѣрно, въ ноябрѣ,—образъ былъ очень высокой отдѣлки, стоимостью тысячъ въ 12-ть.

Опредѣленіемъ С.-Петербургской Судебной Палаты Сусленниковъ былъ преданъ суду по обвиненію въ кражѣ имущества Солодовникова на сумму свыше 300 р. с.

Судебное засѣданіе по этому дѣлу происходило 20-го декабря 1871 г. подъ предсѣдательствомъ тов. предсѣдателя князя *Кейкуатова*. Подсудимаго защищалъ присяжный повѣренный *Унковскій*.

Въ засѣданіи докторъ Гессе, между прочимъ, показалъ, что онъ лѣчилъ покойнаго Солодовникова и постоянно бывалъ у него два раза въ недѣлю; у покойнаго была водянка и онъ умеръ отъ этой болѣзни; онъ говорилъ свидѣтелю, что у него такъ много денегъ, что ему даже совѣстно брать выигрыши, падавшіе на принадлежащіе ему билеты внутренняго займа. Въ половинѣ 9-го утра 25-го августа прошлаго года, къ свидѣтелю явился подсудимый Сусленниковъ и заявилъ, что Николай Назаровичъ (Солодовниковъ) скончался. Поѣхавъ, вслѣдствіе заявленія Сусленникова, на дачу, онъ проходя въ спальню покойнаго, встрѣтилъ Сусленникова и купца Любавина; Сусленниковъ что-то пронесъ подъ полой пиджака. Когда обмывали трупъ, то переносившіе его дворники уронили его и покойный стукнулся головой объ полъ,—тогда одинъ изъ нихъ поглядѣлъ на лицо покойнаго и съ насмѣшкой сказалъ: «Что? теперь не видишь! а лѣтомъ, небось, все замѣчалъ и ругался». Въ послѣднее время покойный былъ чрезвычайно тяжелаго характера и скупъ до скаредности, — напримѣръ, графина квасу должно было доставать непремѣнно на два дня.

Подсудимый объяснилъ, что утромъ, 25-го августа, когда лакей Колосовъ сказалъ ему, что Солодовниковъ умеръ, онъ, войдя въ спальню, удостовѣрился, что Солодовниковъ скончался. Покойный лежалъ на боку въ постели; подсудимый повернулъ его вверхъ лицомъ и сложилъ ему руки на груди и затѣмъ, уѣзжая въ городъ, приказалъ прислугѣ дать знать полиціи. Съ Солодовниковымъ онъ былъ знакомъ съ 1845 года и находился съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Въ 1848 году у подсудимаго умерла жена, а въ 1851 году покойный Солодовниковъ предложилъ ему жениться на близкой своей знакомой, очень красивой молодой дѣвушкѣ, и давалъ въ приданое 25,000 руб.; но подсудимый, по понятнымъ причинамъ, не согласился. На это Солодовниковъ разсердился, и они съ нимъ разошлись; не видались, затѣмъ, 16-ть лѣтъ, но въ 1867 году встрѣтились на Невскомъ и Солодовниковъ первый заговорилъ, приглашая его жить къ себѣ. Подсудимый не соглашался и сказалъ, что если Солодовниковъ дастъ ему какое нибудь дѣло, то онъ готовъ къ его услугамъ, но жить такъ, въ качествѣ компаніона, онъ не желаетъ. Черезъ нѣсколько времени онъ получилъ отъ Солодовникова письмо, въ которомъ онъ звалъ его къ себѣ и предлагалъ управлять имѣніемъ. Подсудимый явился и они условились. Покойный сказалъ подсудимому, что онъ слѣдилъ за нимъ во все время ихъ разлуки, что онъ былъ очень обиженъ отказомъ его отъ женитьбы на предложенной ему невѣстѣ и былъ очень радъ, когда во время этой разлуки увидѣлъ, что дѣла подсудимаго разстроились. Покойный, въ первые мѣсяцы службы у него подсудимаго, давалъ ему только по семи рублей въ мѣсяцъ, при готовой квартирѣ въ городѣ; подсудимый сталъ часто ѣздить на дачу къ покойному и, по его просьбѣ, натиралъ его разными мазями, потому что у подсудимаго были мягкія руки. Покойный въ это время поступалъ съ нимъ весьма тираннически, желая его испытать,

какъ онъ самъ ему впослѣдствіи объяснилъ. Въ 1868 году, кухарка покойнаго подала на него жалобу мировому судьѣ за оскорбленіе ея словами. Когда была получена повѣстка, Солодовниковъ очень испугался, тѣмъ болѣе, что ему сказали, что онъ можетъ подвергнуться тюремному заключенію; онъ далъ подсудимому 10,000 р. и сказалъ, чтобъ онъ покончилъ это дѣло. Сусленниковъ являлся къ мировому судьѣ, который, признавъ жалобу кухарки недоказанною, въ искѣ ей отказалъ (она просила за безчестье 100 р.); вернувшись къ Солодовникову, онъ объяснилъ, что дѣло кончено; покойный очень обрадовался и, въ благодарность, о деньгахъ, ни въ это время, ни послѣ никогда не упоминалъ, такъ что подсудимый оставилъ ихъ у себя. Покойный Солодовниковъ, какъ подсудимый далѣе объяснилъ, былъ чрезвычайно тяжелаго характера и угодить на него было чрезвычайно трудно, такъ что въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ у него перемѣнилось до 40 человѣкъ прислуги; знакомыхъ у него было очень мало, а именно только докторъ, Куликовъ и купецъ Любавинъ, которые у него часто бывали, но онъ не былъ искренно расположенъ къ нимъ и говорилъ подсудимому, что къ доктору онъ привыкъ и другого ни за что не возьметъ; съ Куликовымъ же и Любавинымъ поддерживалъ знакомство только потому, чтобъ было бы съ кѣмъ поговорить, но ничуть не вѣритъ въ ихъ расположеніе къ нему, а, напротивъ, убѣжденъ, что они выказываютъ къ нему свое расположеніе и любовь единственно изъ корыстныхъ видовъ. Вообще, покойный никого не любилъ, кромѣ подсудимаго, всегда встрѣчалъ его съ радостью, бесѣдовалъ съ нимъ самымъ интимнымъ образомъ, не пилъ и не ѣлъ безъ него и оказывалъ ему самое полное неограниченное довѣріе. Далѣе, подсудимый объяснилъ, что покойный былъ скопецъ, и когда производилось дѣло о Плотицынѣ, разъ призвалъ его къ себѣ, поручилъ ему съѣздить въ Москву, отдать тамъ пакетъ, вѣроятно, съ деньгами, человѣку, который явится къ нему и назоветъ свою фамилію, и при этомъ самъ положилъ Сусленникову въ карманъ брюкъ запечатанный двумя печатями довольно толстый пакетъ и зашилъ карманъ. Въ Москвѣ, дѣйствительно, къ нему явился невысокаго роста старичокъ, совершенно такой наружности, какъ его описывалъ покойный, назвалъ свою фамилію, и подсудимый, распоровъ карманъ, передалъ старичку пакетъ; при этомъ онъ никакого разговора со старичкомъ не имѣлъ.—Въ подтвержденіе справедливости мнѣнія покойнаго объ отношеніяхъ къ нему доктора Гессе, подсудимый указалъ на то, что докторъ лютеранинъ, а между тѣмъ просилъ покойнаго крестить у него дѣтей, несмотря на то, что покойный считался православнымъ, потому что былъ оскопленъ, когда ему было еще 14 лѣтъ, старшимъ братомъ. Наканунѣ своей смерти, Солодовниковъ, изъявляя свою горячую благодарность подсудимому за его услуги, расположеніе и дружбу, далъ ему въ награду 15,000 р. и сказалъ, что онъ остается долженъ еще 10,000 р.; тогда подсудимый сказалъ ему, что онъ эти деньги уже получилъ и объяснилъ ему, что данные ему 10,000 р. на окончаніе дѣла у мирового судьи онъ оставилъ у себя. Покойный упалъ на колѣни и сказалъ: «Благодарю тебя, Господи! спасибо тебѣ, Яша, я теперь совершенно спокоенъ». Въ показаніяхъ своихъ относительно поведенія утромъ 25-го августа и, затѣмъ, образа и кольца, подсудимый давалъ на судѣ сбивчивыя и противорѣчивыя объясненія. Между прочимъ, относительно образа св. Николая Чудотворца, онъ объяснилъ, что на содержаніе дома и дачи, оставшихся послѣ Солодовникова, онъ расходовалъ свои деньги и употребилъ болѣе 3,000 р. Когда пріѣхалъ къ нему наслѣдникъ Солодовникова племянникъ покойнаго, Василій Солодовниковъ (также умершій), и просилъ у него денегъ, пока онъ будетъ введенъ во владѣніе наслѣдствомъ, подсудимый не могъ дать; тогда Василій Саввичъ вспомнилъ, что есть образъ, украшенный бриліантами, предложилъ подсудимому вынуть бриліанты и замѣнить ихъ стразами, такъ какъ онъ полагалъ пожертвовать этотъ образъ на Валаамъ, и для монаховъ будетъ все равно, будутъ-ли бриліанты или

стразы. Подсудимый, исполняя это желаніе наслѣдника, дѣйствительно, вынулъ бриліанты и замѣнилъ ихъ стразами, бриліанты продалъ и деньги употребилъ на содержаніе дома и дачи.

Изъ показанія бывшаго режиссера русской труппы Куликова, между прочимъ, оказалось, что покойный получилъ отъ своего брата 5 или 6 милліоновъ руб. ассигнаціями, что, затѣмъ, онъ жилъ очень открыто, принималъ у себя артистовъ, производилъ торговлю саломъ, но потомъ все бросилъ и жилъ очень уединенно; покойный показывалъ свидѣтелю мозоли на пальцахъ, говоря, что натеръ ихъ, отрѣзывая купоны.

На судебномъ слѣдствіи, между прочимъ, выяснилось, что покойный имѣлъ деньги на текущемъ счету въ банкирской конторѣ В. Любавина, на которую послѣ смерти Солодовникова найдена росписка въ 7 тысячъ рублей, что подсудимый, 25-го августа, извѣстилъ Любавина о смерти Солодовникова; Любавинъ пріѣхалъ на дачу, въ Лѣсной, и вмѣстѣ съ подсудимымъ, когда еще не являлась полиція и не пріѣзжалъ докторъ Гессе, они что-то дѣлали въ спальнѣ покойнаго.

В. Любавинъ, спрошенный въ качествѣ свидѣтеля, давалъ на судѣ уклончивые отвѣты и, между прочимъ, объяснилъ, что у Солодовникова не могло быть много денегъ, такъ какъ изъ полученнаго отъ брата наслѣдства до 5 милліоновъ рублей на ассигнаціи онъ подарилъ двумъ приказчикамъ умершаго брата 1 милліонъ рублей; на салѣ потерялъ до милліона,—за торговымъ домомъ Петра Подсосова сыновей пропало у него до 500 тысячъ руб.; наконецъ, онъ выстроилъ церковь на Валаамѣ и, сверхъ того, въ первое время жилъ очень открыто и тратилъ много денегъ; у него, свидѣтеля, было на текущемъ счету отъ покойнаго всего тысячъ 30 руб., и онъ выдалъ ему въ маѣ всѣ деньги. Хотя покойный былъ самъ оскопленъ, но со скопцами не видался и всегда бранилъ брата за свое оскопленіе. Докторъ Гессе пріѣзжалъ къ свидѣтелю и спрашивалъ, не оставилъ ли покойный духовнаго завѣщанія и не отказалъ ли сколько нибудь въ пользу своего крестника. На вопросъ, зачѣмъ свидѣтель ходилъ въ комнату подсудимаго, находящуюся на верху на дачѣ Солодовникова, когда они пріѣхали туда и оставались одни около покойнаго, свидѣтель сказалъ, что ходилъ курить папироску, такъ какъ считалъ неприличнымъ курить вблизи покойника, тѣмъ болѣе, что ожидали священниковъ. По этому поводу свидѣтель Гессе, на очной ставкѣ съ Любавинымъ, показалъ, что въ спальнѣ Солодовникова стоялъ ящикъ сигаръ, которыя покойный обыкновенно покупалъ для него, доктора; — Сусленниковъ предложилъ ему взять изъ ящика сигару, но Любавинъ, самъ куря въ это время сигару, замѣтилъ, что это мужицкія сигары, вынулъ свой портсигаръ и предложилъ ему свою.

Лакей Солодовникова Колосовъ подтвердилъ, что видѣлъ, какъ подсудимый вошелъ въ спальню покойнаго и выбиралъ изъ ящика комода какія-то бумаги и потомъ ушелъ наверхъ, гдѣ былъ въ то время Любавинъ. Послѣдній предлагалъ свидѣтелю у себя во всякое время мѣсто, но когда, вернувшись изъ деревни, онъ явился къ нему, то получилъ отказъ. На вопросы подсудимаго, не говорилъ ли свидѣтель прачкѣ, что у него пропала жилетка, въ карманѣ которой было столько, что съ него было бы совершенно достаточно, Колосовъ объяснилъ, что у него, дѣйствительно, пропала жилетка, въ которой было 70 руб. денегъ, накопленныхъ имъ на службѣ у покойнаго.—Дворники и садовникъ удостовѣрили, что подсудимый, уѣзжая въ городъ, не велѣлъ имъ ходить за полиціей и приказалъ никому не говорить о смерти Солодовникова.

Въ дополненіе судебнаго слѣдствія, были прочитаны разнообразные документы, счета, свидѣтельства и нѣсколько выдержекъ изъ обширнаго дневника, веденнаго покойнымъ.

Рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей, Сусленниковъ былъ признанъ виновнымъ по предъявленному противъ него обвиненію.

Гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели! Въ Лѣсномъ, подъ самымъ Петербургомъ, умеръ одинокій скопецъ, котораго считали—и не безъ основанія—человѣкомъ очень богатымъ. Послѣ его смерти найдено нѣсколько векселей и расписокъ на 77,000 р. и 28 р. наличности. Такъ какъ ни векселямъ, ни распискамъ не наступилъ еще срокъ, то оказалось, что этотъ богачъ проживалъ, въ буквальномъ смыслѣ, послѣднюю копѣйку и рисковалъ остаться совершенно безъ необходимыхъ для ежедневныхъ расходовъ средствъ, если бы... не поспѣшилъ умереть во-время. Обвинительная власть не можетъ, однако, примириться со столь неожиданнымъ обнищаніемъ. Она полагаетъ, что это обнищаніе дѣйствительно совершилось, но не при жизни покойнаго, а послѣ его смерти, въ ущербъ его наслѣдникамъ—и совершилось очень быстро и очень ловко. Она простираетъ свое любопытствующее недовѣріе такъ далеко, что рѣшается считать виновникомъ этого превращенія солидныхъ средствъ въ 28 рублей—человѣка, который, по его собственнымъ словамъ, будучи другомъ умершаго —«никогда не сходилъ съ пути чести и добра».

Для того, чтобы представить вамъ тѣ соображенія, которыя приводятъ къ такому заключенію, необходимо, независимо отъ разбора дѣйствій подсудимаго, вглянуть на личность покойнаго, на его отношеніе къ окружающей средѣ. Быть можетъ, мы найдемъ въ той и другомъ точку опоры, чтобы судить о томъ, какую роль и въ какихъ размѣрахъ игралъ при немъ подсудимый, —чтобы узнать, насколько эта роль дѣлаетъ подсудимаго неуязвимымъ для несправедливыхъ, по его мнѣнію, подозрѣній. Обыкновенно отсутствіе потерпѣвшаго—оставляетъ большой пробѣлъ въ дѣлѣ, который нечѣмъ наполнить. Но настоящее дѣло представляетъ счастливое исключеніе. Благодаря ряду показаній близко стоявшихъ къ покойному лицъ, благодаря его громадному дневнику, веденному съ чрезвычайною подробностью изо дня въ день въ теченіе 20 лѣтъ, благодаря, наконецъ, слѣдственному дѣлу Особой Комиссіи 1824 года—его образъ возстаетъ предъ нами какъ живой—и со страницъ тщательно переплетенныхъ томовъ дневника говоритъ о себѣ и о своихъ сношеніяхъ съ людьми такъ, какъ, вѣроятно покойный не сталъ бы говорить предъ нами, если бы явился сюда лично.—Я позволяю себѣ, поэтому, остановиться на личности покойнаго и постараюсь почерпнуть изъ дѣла лишь такія ея черты, о которыхъ, въ виду ихъ очевидной и чувствуемой несомнѣнности—у насъ споровъ съ защитою быть не можетъ. Мой уважаемый противникъ съ полнымъ безпристрастіемъ добывалъ вмѣстѣ со мною, на судебномъ слѣдствіи, свѣдѣнія объ умершемъ—и, вѣроятно, сойдется со мною въ представленіи о томъ, что такое былъ этотъ умершій. А затѣмъ мы пойдемъ каждый своею дорогою, а вы уже рѣшите,—кто пошелъ вѣрнымъ путемъ, а кто забрелъ, куда не слѣдовало.

Судьба одиноко скончавшагося первостатейнаго вильманстрандскаго купца Николая Назаровича Солодовникова была, гг. присяжные, судьба трагическая. Ея трагизмъ начался отроческими сто-

нами и воплями физической боли—и продолжался, какъ послѣдствіе того, что вызвало эти стоны и вопли, всю жизнь Солодовникова. Этотъ трагизмъ неслышно вплетался въ его отношенія ко всему окружающему, присоединяя къ тѣлесному увѣчью чувство постоянной скорби, недовѣрія къ людямъ и стыда... Сиротство застало молодого Солодовникова въ нѣмецкомъ училищѣ св. Петра, куда онъ поступилъ, какъ видно изъ его учебнаго аттестата, съ хорошею домашнею подготовкою и знаніемъ языковъ. Изъ среднихъ классовъ училища онъ былъ взятъ братомъ,—взятъ и—оскопленъ. Старый и вліятельный скопецъ-милліонеръ хотѣлъ спасти его душу, убивъ разъ навсегда его плоть. Мы знаемъ изъ слѣдственнаго дѣла, что оскопленіе Солодовникова совершилось послѣ одного изъ «радѣній»,—и когда облитый кровью и обезображенный мальчикъ былъ отведенъ въ отдаленную комнату, гдѣ его стали потомъ «залечивать» домашними средствами, собравшіеся у Михаила Солодовникова запѣли свои «распѣвы», конечно, радуясь, что стая «бѣлыхъ голубей» увеличилась еще однимъ голубкомъ, молодую жизнь котораго они только что заклевали... Когда мальчикъ оправился, онъ очутился въ полной власти брата, борьба съ которымъ была невозможна: ему было всего 14 лѣтъ. Потянулась подначальная, унылая жизнь, воспоминанія о которой попадаются нерѣдко въ дневникахъ. Но когда онъ пришелъ въ возрастъ, познакомился съ жизнью и понялъ, что насильственно и безчеловѣчно лишенъ многихъ ея радостей,—отвращеніе и ненависть къ брату и окружавшимъ его скопцамъ проснулись въ немъ—и онъ, безъ средствъ, тайкомъ убѣжалъ изъ дому и не хотѣлъ вернуться, несмотря ни на угрозы, ни на ласковыя зазыванія. Братъ негодовалъ, пробовалъ вернуть бѣглеца черезъ полицію и заставить жить у себя,—хотѣлъ лишить его наслѣдства, но внезапно скончался .. Николай Солодовниковъ сдѣлался обладателемъ большого состоянія. Размѣры его въ точности неизвѣстны. Свидѣтели опредѣляютъ его въ суммѣ отъ 3 до 6 милліоновъ ассигнаціями;—Любавинъ, который близко зналъ денежныя дѣла покойнаго и въ интересахъ котораго, какъ друга подсудимаго—не преувеличивать состоянія Солодовникова, а также биржевой маклеръ Безцѣнный, знавшій покойнаго съ малолѣтства, говорятъ о 5 милліонахъ. На этой суммѣ, полагаю, можно и остановиться. Она не вся состояла изъ денегъ. Въ нее, по разсказамъ Солодовникова своему племяннику, входили—домъ на Конногвардейскомъ бульварѣ, проданный впослѣдствіи кн. Кобучею за 260 т. руб., два корабля, товары.

Николай Солодовниковъ былъ оскопленъ, но не былъ скопцомъ по понятіямъ и привычкамъ. Онъ былъ чуждъ угрюмому скопидомству своихъ собратій по увѣчью и ихъ ограниченному взгляду на «мірскую прелесть». Въ немъ, первоначально, были признаки такъ называемой широкой русской натуры, въ немъ развивались художественные вкусы. Вступивъ властителемъ въ жилище стараго скопца, онъ удалилъ изъ него всѣхъ приспѣшниковъ своего брата, щедро

наградивъ двухъ его приказчиковъ—Тименькова и Фролова, которымъ подарилъ милліонъ. Затѣмъ пошла жизнь въ довольствѣ и нѣсколько шумная. Явились дорогія лошади, изящная обстановка. Солодовниковъ пристрастился къ театру, къ музыкѣ—и сталъ стремиться къ дружескимъ отношеніямъ съ артистами, собирая ихъ у себя, помогая имъ въ нуждѣ. Его высокая, тучная фигура, съ моложавымъ, безбородымъ, обрюзгшимъ лицомъ—мы имѣемъ въ дѣлѣ его фотографическій портретъ—стала обычною принадлежностью первыхъ рядовъ креселъ въ бенефисы—и веселый хохотъ, пѣсни и шутки стали, далеко за полночь, оглашать непривычныя стѣны стараго скопческаго «корабля»... Онъ скоро прекратилъ активную торговую дѣятельность и, потерявъ на салѣ около милліона ассигнаціями, ликвидировалъ свои дѣла. У него все-таки осталось довольно—и недаромъ онъ въ пятидесятыхъ годахъ показывалъ Куликову мозоли на пальцахъ отъ стрижки купоновъ, а въ половинѣ шестидесятыхъ, уже послѣ потери за торговымъ домомъ Подсосова сыновей до 500 т. р., заявлялъ доктору Гессе, что *стыдится* получать выигрыши по билетамъ внутреннихъ 5% займовъ. Быть можетъ, въ этомъ была извѣстная доля преувеличенія, но, во всякомъ случаѣ, документально удостовѣрено, что послѣ постройки церкви на Валаамѣ, стоившей, какъ сообщаетъ настоятель обители, до 50 т. р., у Солодовникова было однихъ 5% банковыхъ билетовъ на 169 т. р., не считая ни наличныхъ денегъ, хранившихся на текущемъ счету у Любавина въ размѣрѣ до 30 т., ни билетовъ внутренняго займа, которыхъ должно было быть не мало, чтобы его могли смущать падавшіе на нихъ выигрыши. Поэтому, рискуя значительно уменьшить размѣръ его состоянія, мы можемъ, безъ всякой боязни преувеличить, признать, что въ половинѣ 60-хъ годовъ у Солодовникова не могло быть менѣе 200—250 т. р. капитала, не считая дачи, городского дома и вещей, между которыми была, напримѣръ, икона, стоимостью до 15 т. р. Едва ли онъ могъ проживать и половину доходовъ, получаемыхъ съ этого капитила. Дѣло въ томъ, что съ начала 60-хъ годовъ, Солодовниковъ былъ уже не тотъ, какимъ зналъ его театральный міръ Петербурга. Хлѣбосольный меценатъ, таровatый театралъ и помощникъ въ нуждѣ, засѣдатель Надворнаго Суда, отдававшій свое жалованье бѣднымъ чиновникамъ и на улучшеніе пищи арестантамъ—къ этому времени, мало-по-малу, обратился въ замкнутаго въ себѣ, нелюдимаго и подозрительнаго скупца. Дневникъ, идущій съ начала пятидесятыхъ годовъ, веденный съ точностью торговой книги, даетъ возможность прослѣдить, какъ постепенно совершилась эта перемѣна. Съ первыхъ же его страницъ мы видимъ, что роль покровителя искусствъ и друга артистовъ перестаетъ удовлетворять Солодовникова. Ему надоѣлъ этотъ вѣчный шумъ и эта дружба, изъ-за которой проглядываетъ эксплуатація. Отъ базара житейской суеты его мечты обращаются къ тихой семейной жизни. Въ нихъ сказывается жажда любящаго сердца. «Молитва одинокаго—читаемъ мы въ дневникѣ—просьба и требованіе, молитва семьянина—

благодарность!»—«Добрый взглядъ отъ доброй женской души,—говорится въ другомъ мѣстѣ,—это получше, чѣмъ хорошо сыграть свою роль,—да только оно рѣдко». Но печальное сознаніе своего непоправимаго физическаго убожества стоитъ рядомъ съ этими мечтами и умерщвляетъ ихъ въ зародышѣ. Хотя Сусленниковъ и повѣтствуетъ здѣсь весьма неправдоподобно о предложеніи Солодовникова женится на близкой ему женщинѣ,—хотя въ дневникѣ и встрѣчаются два имени съ прибавленіемъ загадочныхъ эпитетовъ и ласкательныхъ названій, но, повидимому, Солодовниковъ становился лишь жертвою корыстолюбиваго кокетства и расплачивался за свои «безкрылыя желанья» дорогими подарками и безвозвратными ссудами. Съ 1854 года въ дневникѣ все чаще и чаще встрѣчаются злобныя выходки противъ людей, которые «только и норовятъ поживиться, такъ и глядятъ тебѣ въ карманъ—лгунишки безстыдные». «Приходилъ сегодня поздравить и узнать о здоровьи,—пишетъ онъ объ одномъ изъ недавнихъ пріятелей,—знаю я, какое тебѣ здоровье нужно, хитрая рожа: нельзя ли опять взять? Помучилъ его,—предложилъ чаю, а въ разговорѣ будто ничего не понимаю...» Онъ, очевидно, ищетъ, чѣмъ бы наполнить пустоту и унылость своей жизни; пристращается къ лошадямъ, ѣздить на бѣга—и черезъ годъ распродаетъ всю свою конюшню; заводитъ дорогихъ и рѣдкихъ голубей, строитъ имъ голубятню, восторгается ихъ шумящимъ полетомъ—и сразу прекращаетъ эту забаву, этотъ наслѣдственный отголосокъ привычекъ молодыхъ купеческихъ парней... Нужно найти берегъ, къ которому можно бы пристать,—нужно въ чемъ нибудь найти себѣ прочную, независящую отъ людей, отраду... И вотъ, по страницамъ дневника можно прослѣдить, какъ загорается и постепенно разгорается у Солодовникова религіозное чувство. Руководимый, повидимому, Куликовымъ, онъ начинаетъ тщательно исполнять обряды церкви,—читаетъ житія святыхъ, восхищается святою простотою жизни старца Саровской пустыни Серафима, дѣлаетъ выписки изъ «подражаній Христу»—и начинаетъ странствовать по монастырямъ. Особенно его привлекаетъ далекій Валаамъ. Тамъ—величавая природа, въ связи со строгимъ монастырскимъ уставомъ обители, руководимой дѣятельнымъ игуменомъ Дамаскинымъ, такъ успокоиваютъ и смиряютъ его душу, что онъ рѣшается прожить при монастырѣ цѣлый годъ и строитъ на выдающемся въ озеро утесѣ церковь. И въ дневникѣ за это время отчетъ о пестрыхъ и болѣзненныхъ впечатлѣніяхъ городской жизни смѣняется примирительными и умиленными страницами. Но случилось, однако, одно обстоятельство, которое измѣнило все душевное настроеніе Солодовникова. Онъ собирался на короткій срокъ въ Петербургъ и зашелъ помолиться въ *свою* церковь, гдѣ, по словамъ дневника, «залюбовался отдѣлкою, отъ души и съ умиленіемъ молился—и въ церкви, и на паперти, благодаря Бога за всѣ оказанныя ему милости, такъ что пошелъ домой совершенно довольный и счастливый...» Дома его встрѣтилъ отецъ Дамаскинъ и, послѣ пожеланія счастливаго пути и скорѣйшаго возвращенія,

далъ ему прочесть бумагу, гдѣ излагались предположенія, что можно сдѣлать и устроить въ монастырѣ, если онъ, Солодовниковъ, пожертвуетъ еще милліонъ. Игуменъ Дамаскинъ, человѣкъ замѣчательный по своей энергіи и строгой жизни, возродившій обитель и упрочившій ея славу, вѣроятно, принялъ рѣшимость Солодовникова жить при обители за безповоротный разрывъ съ міромъ—и потому желалъ средства его положить въ основу новыхъ церковныхъ и хозяйственныхъ улучшеній. Но предложеніе это, въ связи съ какимъ-то неловкимъ и обиднымъ намекомъ на скопчество Солодовникова, попало на больное мѣсто и вдругъ, сразу, пробудило въ немъ всю его утихшую на время недовѣрчивость и подозрительность. Онъ «чуть не выронилъ бумагу изъ рукъ, но пересилилъ себя и былъ, на этотъ разъ, іезуитомъ». Уѣхавъ затѣмъ изъ монастыря *навсегда*, онъ записываетъ въ дневникъ на пароходѣ: «Хорошо было мое положеніе! Ну, денекъ! долго буду его помнить, да едва ли можно и забыть... Такъ вы мною гнушаетесь,—я проклятый скопецъ—и допускали меня не ради грѣшной души моей, а вотъ онъ—милліонъ вамъ мой нуженъ!» Все спокойствіе духа покинуло его и, вмѣсто молитвенныхъ воззваній, дневникъ въ теченіе нѣсколькихъ дней наполняется выраженіями негодованія и даже бранью. Разрывъ былъ полный. Онъ подтверждается сообщеніемъ игумена Дамаскина судебному слѣдователю уже послѣ смерти Солодовникова. «Вскорѣ по освященіи церкви,—пишетъ настоятель,—Солодовниковъ пересталъ посѣщать монастырь, и хотя монастырь, исполненный къ нему чувствомъ признательности, нѣсколько разъ впослѣдствіи и обращался къ нему съ письменными привѣтствіями, но Солодовниковъ никогда не отвѣчалъ и не принималъ никого изъ монастырскихъ братій». Этотъ несчастный эпизодъ глубоко повліялъ на Солодовникова: по пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ ведетъ очень замкнутую жизнь, значительную часть года проводитъ на дачѣ, огороженной высокимъ глухимъ заборомъ, и прервавъ почти всѣ знакомства, доживаетъ свой вѣкъ въ полномъ одиночествѣ, ворча на прислугу, сокращая расходы до невозможности и пугая дѣтей, забиравшихся въ садъ съ дозволенія садовника, своимъ мрачнымъ видомъ и крикомъ... Дневникъ обращается въ скучную запись однообразныхъ проявленій ежедневной безцвѣтной жизни; скупость и даже скаредность сквозятъ на каждой страницѣ и совсѣмъ вытѣсняютъ прежніе проблески проницательнаго ума и искренняго чувства.

Охладѣвъ къ прежнимъ стремленіямъ, Солодовниковъ заперся ото всѣхъ, кромѣ Куликова и Гессе, и нужны бывали ихъ настоянія, чтобы этотъ человѣкъ, начавшій дрожать надъ каждою копейкою и державшій единственное родное лицо—племянника, вдали отъ себя и въ черномъ тѣлѣ—хоть немного улучшилъ бы свою ежедневную пищу, къ которой полагалось бутылка квасу—на два дня. Сторонясь ото всѣхъ, тщательно оберегая маленькій желѣзный сундучекъ, запертый въ комодѣ—Солодовниковъ умеръ такъ же неожиданно, какъ и его братъ. Горькая судьба его, постепенно разбившая все,

чѣмъ онъ думалъ скрасить свою изуродованную жизнь, и поселившая, на старости, мракъ и холодъ въ его когда-то доброй и довѣрчивой душѣ—и послѣ смерти его не смягчилась надъ нимъ! Онъ долго пролежалъ въ томъ же положеніи, въ какомъ умеръ, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ—и лишь когда окончено было опустошеніе, предпринятое вокругъ него, подсудимый перевернулъ его на спину и сложилъ ему застывшія руки крестомъ. Не было надъ нимъ ни слезъ, ни горькаго молчанія родной души. Не воцарилась вокругъ него торжественная тишина, таинственно внушаемая смертью... Вокругъ него курили, дымя не его «мужицкими», а «барскими» сигарами г-на Любавина и когда, благодаря невниманію дворниковъ, обмывавшихъ трупъ, онъ ударился головой объ полъ, ему было съ насмѣшкою сказано: «что? теперь не видишь, а лѣтомъ все замѣчалъ и ругался»...

Я упомянулъ объ опустошеніи, которое совершалось вокругъ мертваго Солодовникова. Мнѣ представляется несомнѣннымъ, что оно произошло. Тѣ средства, которыя имѣлъ Солодовниковъ въ срединѣ 60-хъ годовъ и которыя причиняли его рукамъ мозоли, а его душѣ стыдъ по отношенію къ выигрышамъ—могли только возрасти, но никакъ не изсякнуть. Стоитъ припомнить образъ его жизни въ послѣдніе годы, его скупость, его скаредность, по выраженію одного изъ свидѣтелей. Всякій скупецъ страдаетъ своего рода ослѣпленіемъ. Онъ мѣряетъ однимъ масштабомъ и свое золото, и свои дни. Ему обыкновенно кажется, что по мѣрѣ того, какъ растетъ это золото, растетъ и количество дней, отсчитанныхъ судьбою. То же было, какъ видно, и съ Солодовниковымъ. Онъ сберегалъ, оберегалъ и копилъ деньги, отказывая себѣ даже въ хорошей пищѣ и въ свѣжемъ квасѣ. Въ его замкнутой жизни и не могло быть никакихъ особыхъ затратъ. Поэтому его капиталъ, во всякомъ случаѣ, не могъ уменьшиться. Это очевидно и не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ. Между тѣмъ, этого капитала не оказалось ни на лицо, ни на храненіи при производствѣ описей судебныхъ приставовъ, начатыхъ чрезъ четыре дня послѣ смерти обладателя, имущество котораго было опечатано полиціею лишь чрезъ десять часовъ послѣ обнаруженія его кончины. Отчего такъ поздно,—вопреки закону и обычаю? Оттого, что полиціи дано было знать не тотчасъ, а лишь черезъ 8 часовъ по смерти, такъ какъ находившійся при умершемъ Сусленниковъ запретилъ садовнику, дворникамъ и слугѣ это дѣлать раньше, внушивъ имъ вообще молчать о случившемся.

Кто же этотъ Сусленниковъ, который лишь съѣздивъ въ городъ и привезя пріятеля, разрѣшаетъ увѣдомить полицію? Я другъ покойнаго,—заявляетъ онъ самъ о себѣ,—и другъ стародавній, съ 1843 г. Безъ меня, говоритъ онъ, Солодовниковъ не могъ ни ѣсть, ни пить,—меня одного любилъ онъ, никого не любившій,—меня встрѣчалъ съ радостью, мнѣ довѣрялъ вполнѣ и безусловно. Хотѣлось бы вѣрить этому: хорошая и прочная дружба въ наше время—вещь рѣдкая! Но званіе друга какъ-то противорѣчитъ поведенію

Сусленникова тотчасъ послѣ того, какъ многолѣтнія добрыя отношенія порваны смертью. Брошенное на произволъ прислуги тѣло, суетливая бѣготня по дому и вся обстановка обмыванія какъ-то не вяжутся съ естественнымъ огорченіемъ вѣрнаго и любимаго друга, который, имѣя, по собственнымъ словамъ, мягкія руки, ежедневно натиралъ разными мазями то самое тѣло, надъ которымъ, въ присутствіи этого друга и курившихъ посѣтителей, глумились стукнувшіе его головою объ полъ дворники... А гдѣ есть противорѣчіе, тамъ законное мѣсто сомнѣнію. Подъ вліяніемъ этого сомнѣнія вспоминается намъ многое, выслушанное здѣсь, на судѣ.

Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, указанія на необходимыя свойства дружбы въ отношеніяхъ Солодовникова къ Сусленникову, гдѣ уваженіе, довѣріе, забота о другѣ?—Солодовниковъ, по словамъ подсудимаго, будто бы предлагалъ ему за деньги жениться на своей «содержанкѣ», считалъ его—въ разговорѣ съ Куликовымъ и Гессе—человѣкомъ готовымъ на все и способнымъ его задушить и, выражая нежеланіе оставлять его у себя ночевать, примѣнялъ къ нему названія, изъ которыхъ «разбойникъ» еще было не худшимъ. Таково *уваженіе* къ нему Солодовникова. Посмотримъ на заботу о немъ, на любовь къ нему. Самъ Сусленниковъ заявляетъ здѣсь, что покойный другъ его обращался съ нимъ тираннически, радовался разстройству его дѣлъ и держалъ его на семи рубляхъ въ мѣсяцъ жалованья, возлагая на него самыя разнообразныя порученія. Доктору Гессе послѣдній, ругая подсудимаго, говорилъ, что собирается прогнать его и что отпуститъ его «безъ штановъ, какъ крысу»... Покойный былъ боленъ долго, могъ и долженъ былъ, хотя бы по временамъ, ожидать смерти, а между тѣмъ мы не находимъ ни малѣйшаго слѣда завѣщательныхъ распоряженій въ пользу осиротѣлаго друга... Такова *забота* о Сусленниковѣ.

Взглянемъ на довѣріе. Хотя то, что мы знаемъ о степени уваженія Солодовникова къ подсудимому, могло бы служить и для оцѣнки степени довѣрія къ нему, но нельзя, однако, обойти фактовъ, указываемыхъ имъ здѣсь. Итакъ, прежде всего—поѣздка въ Москву для врученія таинственному старцу таинственнаго пакета съ деньгами, зашитаго собственноручно Солодовниковымъ въ карманъ Сусленникова. По разсказу подсудимаго, это произошло во время производства, въ Моршанскомъ уѣздѣ, дѣла объ извѣстномъ скопцѣ Плотицынѣ, такъ что приходится заключить, что или Солодовниковъ боялся своего привлеченія къ скопческому дѣлу, или же оказывалъ тамбовскимъ скопцамъ, находившимся, вслѣдствіе ареста ихъ главы и покровителя, въ удрученномъ положеніи, матеріальную помощь. Но ни того, ни другого быть не могло. Изъ слѣдственнаго дѣла видно, что показанія Солодовникова о насильственномъ оскопленіи его въ отрочествѣ братомъ—вполнѣ подтвердились, и что не только всякое производство о немъ было прекращено, но что Императоръ Николай, въ справедливомъ участіи въ судьбѣ несчастнаго, повелѣлъ не чинить ему никакихъ препятствій въ пользованіи тѣми

правами, которыхъ завѣдомые скопцы, по закону, лишены. И вы знаете, что въ началѣ 50-хъ годовъ Солодовниковъ служилъ въ выборной должности засѣдателя Надворнаго Суда. Слѣдовательно, ему лично нечего было бояться, когда надъ виновниками его увѣчья, надъ скопцами разразилась судейская буря. По этой же самой причинѣ, не имѣя съ ними ничего общаго, онъ не могъ и принимать какого либо матеріальнаго участія въ ихъ судьбѣ—и когда же? въ послѣдніе годы своей болѣе чѣмъ разсчетливой жизни... Весь этотъ разсказъ несомнѣнно вымышленъ.

Затѣмъ намъ могутъ указать, что довѣріе выразилось въ порученіяхъ окончить дѣло у мирового судьи и продать бриліанты изъ иконы св. Николая Чудотворца. Но довѣріе по дѣлу съ обиженною кухаркою было вынужденное: не дворника же или садовника посылать въ засѣданіе?—да и это довѣріе было, если вѣрить словамъ самого Сусленникова, имъ обмануто. Онъ утаилъ, что кухарка просила всего 100 рублей «безчестья» и что ей въ искѣ отказано, а ограничился глухимъ указаніемъ, что «покончилъ» дѣло, оставивъ Солодовникова въ увѣренности, что на это окончаніе дѣла пошли данныя ему 10 т. руб. сер. Онъ здѣсь говоритъ, что Солодовниковъ ихъ молчаливо далъ ему въ награду, не спросивъ объ условіяхъ примиренія. Но этому противорѣчитъ его же собственный разсказъ о томъ, что, узнавъ, наканунѣ смерти, объ удержанныхъ Сусленниковымъ деньгахъ, Солодовниковъ радостно и на колѣняхъ благодарилъ Бога, не допустившаго его умереть должникомъ своего друга. И если мы повѣримъ трогательной картинѣ, изображающей умиравшаго отъ водяной въ груди и въ *ногахъ*, стоящимъ на *колѣняхъ*, то тѣмъ самымъ мы признаемъ, что онъ считалъ 10 т. р. ушедшими на окончаніе дѣла, а не въ карманъ Сусленникова, т. е. что онъ былъ обманутъ. А если не повѣримъ этой картинѣ, то, въ интересахъ самого подсудимаго лучше всего *это* доказательство довѣрія оставить безъ разсмотрѣнія.

Что же касается драгоцѣнной иконы, изъ которой были вынуты бриліанты, то разсказъ о порученіи Солодовникова вынуть ихъ и продать, при чемъ скупой, «тираническій» старикъ даже и не спросилъ о результатѣ своего порученія– разлетается какъ дымъ въ виду позднѣйшаго разсказа того же Сусленникова о томъ же порученіи, сдѣланномъ уже наслѣдникомъ умершаго, Василіемъ Солодовниковымъ, три мѣсяца спустя. Оба разсказа противорѣчатъ одинъ другому и служатъ очень зыбкимъ основаніемъ къ заключенію о довѣріи. Одно изъ нихъ вытекаетъ, однако, несомнѣнно, если только не отвергнуть оба, какъ лживые,—это то, что въ каждомъ изъ этихъ случаевъ подсудимый не отдалъ вырученныхъ денегъ довѣрителямъ и послѣ смерти каждаго окончательно присвоилъ ихъ себѣ.

Итакъ, вотъ въ какомъ видѣ представляется дружба Солодовникова съ подсудимымъ. Ея размѣръ и свойства даютъ возможность оцѣнить истинное достоинство повѣствованій Сусленникова объ источникѣ его обогащенія. Мы знаемъ, что до смерти Солодовникова онъ

былъ въ весьма незавидномъ матеріальномъ положеніи. Комната въ Петербургѣ и 7 руб. жалованья въ мѣсяцъ, съ обязанностью ѣздить на дачу—вотъ все, что имѣлъ онъ. Не даромъ Солодовниковъ грозился, что онъ уйдетъ отъ него, какъ и пришелъ, «безъ штановъ»... Когда началось дѣло о расхищеніи имущества, слѣдственная власть долго медлила привлеченіемъ Сусленникова. Эта медленность, могшая имѣть, повидимому, неблагопріятныя для правосудія послѣдствія, оказалась, однако, весьма полезною. Сусленниковъ, успокоившись за свою судьбу, никѣмъ не тревожимый, увѣренный, что дѣло будетъ предано «волѣ Божіей», ободрился, встрепенулся и началъ свои обороты, такъ что когда произвели у него, черезъ семь мѣсяцевъ по смерти Солодовникова, обыскъ, то онъ оказался богатымъ человѣкомъ.

Вы слышали, что у него нашли на 40 т. р. векселей, счеты, указывающіе на обладаніе 5% банковыми билетами на 35 т. р., а въ наличности 950 р. и на 7 т. тѣхъ же 5% билетовъ. Векселя выданы ему и обороты съ 5% билетами произведены уже послѣ смерти Солодовникова. Онъ заявляетъ намъ, что состояніе это составилось изъ 10 т. р., утаенныхъ въ 1868 г. при окончаніи дѣла съ обиженною кухаркою и изъ 15 т. р., данныхъ Солодовниковымъ наканунѣ смерти въ благодарность за службу и дружбу. Къ этимъ деньгамъ, согласно его послѣднимъ объясненіямъ, надо прибавить еще около 3,800 р., вырученныхъ за кольцо покойнаго и за бриліанты съ образа. Итого 28,800 р. Посмотримъ на это объясненіе сначала съ *цифровой* стороны. Сусленниковъ до смерти Солодовникова ничего не имѣлъ, кромѣ десяти тысячъ. Черезъ семь мѣсяцевъ послѣ этой смерти, у него около 83 тысячъ. Откуда же взялось свыше 54 т. р.? Этого онъ объяснить не можетъ. Предположимъ, что часть этой суммы, даже половина ея отдана подъ векселя—все-таки откуда же взялись лишнихъ 27 тыс.? Притомъ, значительная часть векселей писана ранѣе, чѣмъ счеты на продажу 5% билетовъ, а съ начала слѣдствія и перваго допроса обвиняемаго еще въ качествѣ свидѣтеля прошло семь мѣсяцевъ, и въ это время, на всякій случай, наличность можно было помѣстить въ вѣрныя руки безопасно и для посторонняго взора—безслѣдно. Наконецъ, были же въ этотъ промежутокъ и расходы. По словамъ подсудимаго, онъ истратилъ на содержаніе дачи и дома 3,000 р. и съ осени прошлаго года повелъ, по показанію свидѣтеля Мосолова, жизнь на широкую ногу, сталъ ѣздить въ Москву въ спальномъ вагонѣ перваго класса и т. д. Такимъ образомъ, цифры плохо вяжутся съ разсказомъ о щедрости Солодовникова: онѣ ее далеко превышаютъ...

Посмотримъ на *способъ* происхожденія этихъ средствъ, согласно тому же разсказу. Вы уже знаете, господа присяжные, покойнаго Солодовникова и, конечно, такъ же какъ и я, сомнѣваетесь въ такой несогласной съ его характеромъ щедрости. Въ самомъ дѣлѣ, какъ мало похожа на покойнаго подобная щедрость! Считать и усчитывать каждую копейку, во всемъ себѣ отказывать—и *забыть* про

десять тысячъ, мучаясь въ то же время при мысли, что можно наградить друга лишь 15, а не 25 тысячами, какъ бы слѣдовало; жить для себя, думать исключительно о себѣ — и оставлять на расходы по смерти всего 28 р.; всю жизнь быть аккуратнымъ и дѣловитымъ, а вмѣсто завѣщанія съ торжественнымъ признаніемъ услугъ ближайшаго человѣка — сунуть ему деньги тайкомъ, безъ свидѣтелей этой щедрости... это все совершенно неправдоподобно! И притомъ, развѣ Солодовниковъ могъ знать, что въ ту же ночь умретъ внезапно, одинъ, безпомощно, чтобы лишить себя всей денежной наличности, которую имѣетъ? И почему же Сусленниковъ не поспѣшилъ разсказать о своемъ счастіи окружающимъ, какъ предупредительно разсказывалъ о томъ впослѣдствіи Мосолову и другимъ, мало знакомымъ лицамъ. Наконецъ, выходитъ, что покойный отдалъ Сусленникову всю свою наличность, а отдалъ онъ, будто бы, 15 т. р. Но другъ и совѣтникъ подсудимаго Любавинъ настойчиво заявлялъ здѣсь, что Солодовниковъ получилъ свои 30 тысячъ, бывшія на текущемъ счету, еще въ маѣ. Съ мая Солодовниковъ никуда не выѣзжалъ, видѣлся лишь съ докторомъ, котораго, по словамъ подсудимаго не любилъ и которому ничего не оставилъ. Въ августѣ онъ умеръ. Ужели онъ прожилъ въ три съ половиною мѣсяца 15 т. р.? Ужели онъ, жизнь котораго мы знаемъ, проживалъ до 50 т. въ годъ?

Затѣмъ послѣднее замѣчаніе по этому вопросу. Сусленниковъ облагодѣтельствованъ, его служба оцѣнена, но благодѣтель, поблагодаривъ «Яшу» за то, что тотъ утаилъ 10 т. и тѣмъ «успокоилъ» его послѣднія минуты,—замолкъ навѣки... Чего же суетится такъ этотъ облагодѣтельствованный, бросаетъ покойнаго безъ призора, рыщетъ по городу и ведетъ себя самъ и позволяетъ другимъ вести себя около усопшаго безъ всякаго уваженія къ мѣсту и событію? Что такое таскаетъ онъ подъ полою, сторонясь отъ доктора Гессе? Что такое засовываетъ онъ себѣ подъ пиджакъ, не замѣчая слѣдящаго за нимъ изъ другой комнаты Колосова? Почему онъ бѣгаетъ изъ спальни умершаго къ себѣ наверхъ? Чего онъ ищетъ въ комодѣ и ящикахъ, отпирая ихъ разными ключами? Гдѣ, — если не скорбь друга, то благодарность только что одареннаго; гдѣ, — если не благодарность, то простое приличіе поведенія самаго развитаго изъ домочадцевъ покойнаго!? Онъ отрицаетъ свои похожденія въ утро обнаруженія смерти Солодовникова, но передъ нами точныя, ясныя и совершенно опредѣленныя показанія Колосова, дворниковъ и садовника, которому, посланному впослѣдствіи извѣстить полицію, онъ подарилъ искусственную челюсть умершаго, проданную за 25 р. Показанія эти подкрѣпляются словами Гессе и пустотою въ денежныхъ хранилищахъ Солодовникова. Гдѣ записныя и расходныя книги хозяина, который «все замѣчалъ и за все бранился», веденныя, подобно дневнику, изъ года въ годъ, въ величайшемъ порядкѣ? Онѣ исчезли безслѣдно, а вмѣсто нихъ явилась какая-то росписка Любавина на 7 тысячъ, противъ которой онъ «не хотѣлъ спорить», несмотря на то, что текущій счетъ Солодовникова былъ исчерпанъ

еще въ маѣ. Поэтому я вѣрю показаніямъ этихъ свидѣтелей, вѣрю и тому, что подсудимый жаловался Колосову, что его трясетъ лихорадка... Это была, вѣроятно, лихорадка стяжанія.

Но — скажутъ намъ — вы забываете, что Сусленниковъ явился къ доктору Гессе и заявилъ, что ему дали знать въ городъ о смерти Солодовникова. Это я имѣю въ виду, но имѣю въ виду и то, что онъ зналъ, что Гессе дежурный по больницѣ и отлучиться не можетъ, о чемъ самъ, наканунѣ, бывши на дачѣ, заявилъ Сусленникову и больному. Поэтому пріѣздъ Гессе на дачу, гдѣ уже снова былъ подсудимый, привезшій и Любавина, былъ неожиданностью; этому пріѣзду надо, конечно, приписывать снятіе запрещенія увѣдомлять полицію и посылку туда садовника Алимпіева.

Подсудимый, думается мнѣ, самъ сознавалъ, что отсутствія правдоподобнаго объясненія происхожденія его капитала и отрицанія раскрытыхъ слѣдствіемъ фактовъ—мало. Поэтому онъ расширяетъ свои оборонительныя работы и дѣлаетъ вылазки противъ свидѣтелей. Надо доказать, что похищать было нечего, ибо средства Солодовникова ушли на какое-то таинственное назначеніе—и вотъ является повѣствованіе о загадочномъ московскомъ старцѣ. Но мы уже видѣли, что этотъ разсказъ есть плохо обдуманный вымыселъ. Надо доказать, что свидѣтелямъ вѣрить нельзя — и является разсказъ о кражѣ кольца покойнаго Колосовымъ, о пропавшей у него жилеткѣ, въ карманѣ которой было «достаточно»,— дѣлаются намеки на небезкорыстное отношеніе Куликова и Гессе къ своему куму. Но если перстень былъ дѣйствительно украденъ Колосовымъ, то зачѣмъ же Сусленниковъ далъ за него 50 р. и самъ его перепродалъ за 1,600 р., а не отобралъ просто, да еще пригрозивъ, не отдалъ наслѣднику? Простое объясненіе Колосова разбиваетъ и исторію о зашитыхъ въ жилеткѣ капиталахъ. Въ ней было 70 р., накопленныхъ отъ жалованья. О потерѣ ихъ онъ и плакался прачкѣ. Если онъ такой нечистый на руку человѣкъ, то зачѣмъ же Любавинъ, по просьбѣ Сусленникова предлагалъ ему у себя во всякое время мѣсто? Правда, Любавинъ потомъ не далъ мѣста, но это произошло послѣ показанія Колосова, у слѣдователя, при чемъ онъ обнаружилъ не всегда удобную привычку любопытствовать и болтать о результатахъ своего любопытства. Признавая вполнѣ понятнымъ ожиданіе, что богатый и одинокій старикъ оставилъ что нибудь своимъ крестникамъ и не видя въ этомъ ожиданіи никакого подрыва правдивости показаній Куликова и Гессе, обращаюсь, наконецъ, къ иконѣ св. Николая Чудотворца. Проданные Иванову бриліанты подарилъ капельмейстеръ Лядовъ, говорилъ сначала Сусленниковъ, 15 апрѣля. За что? — Надо спросить Лядова... Но Лядовъ умеръ 1 апрѣля. Ссылка на мертваго рѣдко бываетъ успѣшна и никогда не возбуждаетъ полнаго довѣрія. А тутъ еще оказывается, что ювелиру Иванову продано около $42^1/_2$ каратовъ, а по экспертизѣ Гау — изъ иконы вынуты именно отъ 40 до 45 каратовъ. Тогда дается другое объясненіе. Бриліанты

вынуты по приказанію Солодовникова, предъ его смертью, но не отданы, въ ожиданіи переѣзда въ городъ. Но оказывается, что бриліанты замѣнены стразами почему-то не всѣ, и что это сдѣлано въ ноябрѣ. А Солодовниковъ умеръ—въ августѣ. И вотъ является третье объясненіе: бриліанты просилъ вынуть наслѣдникъ, Василій Солодовниковъ, нуждавшійся въ деньгахъ до ввода во владѣніе наслѣдствомъ и полагавшій, что монахамъ на Валаамѣ, куда предназначался образъ, все равно—будутъ ли въ немъ бриліанты или стразы. Подсудимый не могъ дать денегъ—и продалъ бриліанты, но денегъ не отдалъ. Почему не могъ дать наслѣднику денегъ?—вѣдь онъ только что получилъ отъ покойника 15 т. и долгъ былъ бы обезпеченъ охраненнымъ имуществомъ, домомъ, дачею... Почему, наконецъ, не отдалъ вырученныхъ денегъ? И это объясненіе, сшитое бѣлыми нитками, является здѣсь лишь впервые—и, главное, опирается на мертваго, ибо Василій Солодовниковъ тоже умеръ... Вообще, что за странное отношеніе у подсудимаго ко ввѣряемымъ ему деньгамъ! Онъ все ждетъ удобнаго случая, чтобы отдать ихъ—и все никакъ не соберется, покуда смерть, наступающая или наступившая, не избавитъ его отъ этой горестной обязанности. И 10 тысячъ, предназначавшіяся, будто бы, кухаркѣ,—и вырученное изъ хищническихъ рукъ кольцо—и деньги за бриліанты—все это не отдано своевременно тому, кому слѣдовало по праву...

Однако, довольно. Дѣло это, по моему мнѣнію, должно быть ясно вамъ, г-да присяжные, и его незачѣмъ далѣе разъяснять. Я обвиняю Сусленникова въ томъ, что, воспользовавшись смертью Солодовникова, онъ похитилъ, на сколько могъ, его имущество,—на большую сумму, во всякомъ случаѣ, во много разъ превышающую 300 р., о которыхъ говоритъ карательный законъ.

Подсудимый говоритъ, что однимъ изъ основаній любви къ нему Солодовникова было то, что у него мягкія руки, удобныя и пріятныя для растиранія. Быть можетъ, вашъ приговоръ докажетъ, что у него руки не только мягкія, но и длинныя...

III.

По дѣлу о подлогѣ расписки въ 35,000 руб. сер. отъ имени княгини Щербатовой.

2-го марта 1880 г. титулярный совѣтникъ Петръ Торчаловскій подалъ въ С.-Петербургскій Окружный Судъ прошеніе о взысканіи съ княгини Анны Григорьевой Щербатовой 35,000 руб. по домашнему обязательству. Представленное Торчаловскимъ при прошеніи домашнее обязательство заключалось въ томъ, что княгиня Щербатова, поставляла себѣ долгомъ вознаградить титулярнаго совѣтника Петра Петровича Торчаловскаго за усердную службу по управленію ея дѣлами и за уваженіе, которое онъ ей, какъ посаженый сынъ ея, постоянно оказывалъ, обязуется заплатить ему, Торчаловскому, во всякое время, когда онъ того пожелаетъ, 35,000 руб. Обязательство составлено 8-го января 1870 г., и за подписью княгини Анны Щербатовой слѣдовала въ немъ подпись дворника дома ея Павла Аверьянова, какъ свидѣтеля.

Въ заявленіи, поданномъ 26-го марта въ С.-Петербургскій Окружный Судъ по поводу прошенія Торчаловскаго, княгиня Анна Григорьева Щербатова объяснила, что она никогда и никому никакихъ расписокъ не выдавала и тѣмъ болѣе не могла выдать расписки Торчаловскому, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ удаленъ былъ ею отъ управленія ея имѣніемъ въ Черниговской губерніи за неблаговидные поступки, а впослѣдствіи хотя и былъ принятъ въ управляющіе ея домомъ въ С.-Петербургѣ, но вторично удаленъ за злоупотребленія. Признавая какъ самую расписку, такъ и подпись на оной, если таковая имѣется, подложною, княгиня Щербатова просила судъ перенести дѣло для разслѣдованія въ порядкѣ уголовномъ.

Обвиняемый Торчаловскій, не признавая себя виновнымъ въ подлогѣ подписи княгини Щербатовой или въ склоненіи ея къ подписанію обязательства посредствомъ обмана, объяснилъ, что зналъ покойную княгиню Щербатову еще съ 1849 года, когда она была посаженою его матерью. Съ 1859 года онъ управлялъ ея имѣніемъ въ Черниговской губерніи, но не получая отъ княгини вознагражденія за труды свои, долженъ былъ оставить управленіе ея дѣлами. Въ 1869 году онъ познакомился съ покойнымъ мужемъ ея, княземъ Щербатовымъ, содержавшимся тогда въ домѣ неисправныхъ должниковъ, и по дѣламъ его снова вошелъ въ сношенія съ княгинею Щербатовою, которая пригласила его къ управленію ея домомъ. Не получая отъ княгини, такъ же какъ и въ прежнее время, никакого вознагражденія за труды и ожидая этого вознагражденія только въ будущемъ,

онъ рѣшился наконецъ просить княгиню Щербатову чѣмъ либо вознаградить его. Княгиня Щербатова велѣла ему приготовить обязательство. Когда же онъ принесъ ей черновое обязательство, въ которомъ выговорилъ себѣ 50,000 руб., то княгиня велѣла убавить цифру до 35,000 руб. Написавъ черновую расписку въ назначенной ею суммѣ, онъ снова пришелъ къ княгинѣ; она велѣла ему переписать расписку у себя же въ спальнѣ, но однакожъ и въ этотъ разъ не подписала. Когда онъ въ третій разъ пошелъ къ княгинѣ съ заготовленною распискою, то встрѣтилъ во дворѣ дворника Павла Аверьянова, который шелъ также къ ней за полученіемъ жалованья. Войдя вмѣстѣ съ нимъ въ помѣщеніе княгини, дворникъ остался у дверей спальни, а онъ, Торчаловскій, подалъ расписку къ подписанію. Княгиня прочла расписку, велѣла дворнику подать себѣ чернильницу и подписала. Затѣмъ онъ, Торчаловскій, просилъ ее дозволить дворнику подписаться на распискѣ въ качествѣ свидѣтеля и, получивъ на это разрѣшеніе, прочелъ расписку дворнику въ присутствіи княгини, а потомъ вышелъ въ столовую. Дворникъ, получивъ отъ княгини свое жалованье, вышелъ вслѣдъ за нимъ въ столовую и подписался на распискѣ, въ столовой же въ это время была ключница княгини Марія Карловна Константинова. Въ такомъ положеніи были отношенія его, Торчаловскаго, къ княгинѣ Щербатовой до вступленія въ ея домъ госпожи Минихъ и баронессы Энгельгардтъ. Со вступленіемъ этихъ двухъ женщинъ въ домъ княгини Щербатовой, вниманіе ея къ нему начало ослабѣвать и онъ поставленъ былъ въ необходимость выносить отъ нихъ различныя оскорбленія. Вслѣдствіе этого онъ оставилъ управленіе дѣлами княгини Щербатовой и обратился къ ней черезъ нотаріуса съ просьбою кончить съ нимъ разсчеты, но не получивъ отъ нея ожидаемаго отвѣта, вынужденъ былъ черезъ повѣреннаго своего Полетаева представить обязательство княгини Щербатовой въ судъ ко взысканію. Тогда повѣренный Щербатовой, Бартошевичъ, по личной къ нему враждѣ, настроилъ ее заявить о подлогѣ въ документѣ.

Обвиняемый крестьянинъ Павелъ Аверьяновъ, не признавая себя виновнымъ въ лжесвидѣтельствѣ, показалъ, что въ продолженіе двухъ лѣтъ проживалъ въ домѣ княгини Щербатовой дворникомъ и подтвердилъ вполнѣ, во всемъ относящемся до него, показаніе Торчаловскаго, съ тою лишь разницею, что чернильницу подавалъ княгинѣ Щербатовой не онъ, а самъ Торчаловскій.

Присяжный стряпчій Мечиславъ Бартошевичъ показалъ, что въ февралѣ мѣсяцѣ 1870 г. Торчаловскій обращался къ нему съ просьбою пособить ему во взысканіи съ княгини Щербатовой 35,000 рублей. Будучи повѣреннымъ по дѣламъ княгини Щербатовой, онъ, Бартошевичъ, отказалъ Торчаловскому и передалъ объ этомъ при свиданіи княгинѣ Щербатовой. Она сказала ему, что никогда и никакихъ никому расписокъ не выдавала и при этомъ удивлялась тому, какимъ образомъ дворникъ могъ быть свидѣтелемъ на какомъ либо ея документѣ, такъ какъ онъ никогда не входилъ въ ея комнаты. Вмѣстѣ съ тѣмъ она объяснила, что странно было бы думать, чтобы она могла подарить Торчаловскому 35,000 руб. въ благодарность за то, что онъ много разъ ее обманывалъ. На вопросъ его, Бартошевича, не подписала ли она такой расписки вмѣсто другой бумаги, княгиня Щербатова сказала ему, что Торчаловскій нѣсколько разъ подавалъ ей къ подписи бумаги по управленію домомъ. Петръ Михайловичъ Майковъ, столичный мировой судья, показалъ, что о распискѣ Щербатовой въ 35,000 руб. узналъ первоначально отъ письмоводителя своего Залѣскаго; затѣмъ, по приглашенію Бартошевича, самъ былъ у княгини Щербатовой. Она была очень изумлена поступкомъ Торчаловскаго и удостовѣряла, что никакихъ денежныхъ обязательствъ никогда ему не выдавала. Письмоводитель Майкова, Матвѣй Залѣскій, объяснилъ, что Торчаловскій при свиданіи съ нимъ въ канцеляріи мирового судьи хвалился тѣмъ, что обманулъ княгиню Щербатову, давъ ей подписать расписку подъ видомъ

другой бумаги. Показаніе это подтвердилъ Илья Попыревъ, служившій вмѣстѣ съ Залѣскимъ въ канцеляріи мирового судьи. С.-Петербургскій купецъ Иванъ Бондыревъ, завѣдывавшій до Торчаловскаго домомъ княгини Щербатовой, показалъ, что обвиняемый Павелъ Аверьяновъ при немъ еще служилъ дворникомъ въ домѣ Щербатовой. Въ 1870 году Павелъ Аверьяновъ приходилъ къ нему, Бондыреву, просить мѣста и между прочимъ разсказывалъ, что Торчаловскій обѣщалъ ему 500 рублей за свидѣтельское показаніе по поводу настоящаго дѣла, что у него уже есть расписка на эту сумму отъ Торчаловскаго. Присяжный повѣренный Полетаевъ заявилъ, что, получивъ отъ Торчаловскаго приглашеніе принять ходатайство по взысканію съ княгини 35,000 руб., онъ объявилъ ему, по обозрѣніи расписки, что такъ какъ документъ домашній и на большую сумму, то, по всей вѣроятности, на судѣ заявленъ будетъ споръ о подлогѣ. Тогда Торчаловскій доставилъ разные документы съ подписями Щербатовой, и по сличеніи подписей онъ, Полетаевъ, пришелъ къ убѣжденію, что подпись княгини Щербатовой на распискѣ подлинная. Какъ на свидѣтелей, бывшихъ при выдачѣ обязательства, Торчаловскій указывалъ ему, Полетаеву, на Аверьянова и Константинову, при чемъ передалъ даже ему письмо, полученное отъ Аверьянова. Въ письмѣ этомъ, представленномъ къ слѣдствію, Павелъ Аверьяновъ пишетъ, между прочимъ, Торчаловскому слѣдующее: «а что касается до исполненія моей обязанности, то каждый часъ готовъ къ вашимъ услугамъ, только извольте отписать». Отобранная къ слѣдствію отъ обвиняемаго Павла Аверьянова расписка, выданная ему 20-го мая 1870 года Торчаловскимъ, заключается въ томъ, что Торчаловскій обязался заплатить Аверьянову 700 рублей изъ 35,000 рублей, слѣдующихъ ему по денежному обязательству покойной княгини Щербатовой.

Въ связи съ этою распискою и письмомъ Аверьянова, характеръ отношеній Торчаловскаго къ Аверьянову выясняется еще запискою, которая отобрана была полицейскимъ служителемъ Шкеневымъ отъ Торчаловскаго при сопровожденіи его подъ арестъ и представлена смотрителю полицейскаго дома. Записка эта заключалась въ слѣдующемъ: «Милая Соня, я арестованъ и отправленъ въ Рождественскую часть. Съѣзди къ Павлу и скажи, чтобъ онъ показалъ о распискѣ въ 700 рублей за поѣздку изъ деревни, прочее же такъ, какъ было. Онъ живетъ у Николы, угольный домъ. Скажи Павлу, чтобы онъ твердо стоялъ, что показалъ. Сегодня побывай у Павла».

Вдова чиновника Марія Константинова спрошенная на слѣдствіи, показала, что проживала у покойной княгини Щербатовой въ продолженіе 8 лѣтъ. Со словъ княгини Щербатовой ей извѣстно, что Торчаловскій управлялъ въ прежнее время имѣніемъ княгини, но удаленъ былъ за обманъ и съ тѣхъ поръ въ домъ къ ней не появлялся. Въ 1869 году онъ обратился съ письмомъ къ княгинѣ, а вслѣдъ за письмомъ явился лично, просилъ у княгини прощенія за прошлое и вскорѣ послѣ того допущенъ былъ къ управленію домомъ. Никакой расписки княгиня Щербатова Торчаловскому не выдавала и намѣренія выдавать таковую не имѣла, такъ какъ вознаграждать его ей было не за что. Нѣсколько разъ покойная княгиня Щербатова говорила ей, что писаннаго разбирать не можетъ, а если при подписи вглядывается въ бумагу, то для того только, чтобы думали, что она умѣетъ читать и что обмануть ее нельзя. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1870 года она, Константинова, вынуждена была по болѣзни оставить домъ княгини Щербатовой и поступить въ Маріинскую больницу. Торчаловскій очень часто навѣщалъ ее и уговаривалъ переѣхать къ нимъ. Въ маѣ мѣсяцѣ она къ нимъ переѣхала, и на другой же день Торчаловскій просилъ ее переписать составленное имъ отъ имени ея письмо, въ которомъ заключалось удостовѣреніе о томъ, что княгиня Щербатова выдала ему расписку въ 35,000 рублей. При этомъ Торчаловскій увѣрялъ ее, что письмо это нужно только для обстановки дѣла, что ее никуда по этому письму не по-

требуютъ. Находясь въ болѣзненномъ состояніи, не имѣя ни средствъ, ни пріюта, она переписала и подписала письмо. Оправившись отъ болѣзни, она требовала письмо обратно, но Торчаловскій отказалъ ей въ этомъ.

Спрошенная, по заявленію Торчаловскаго, дочь чиновника Анна Коханѣева показала, что въ 1870 году, по совѣту жены Торчаловскаго, она обращалась къ княгинѣ Щербатовой съ просьбой о пособіи, но Щербатова, отказавъ ей въ просьбѣ, отозвалась о Торчаловскомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Негодяй, мерзавецъ! Я не съ тѣмъ подписала, чтобы онъ подалъ при моей жизни, но послѣ смерти моей». Спрошенные по поводу этого показанія бывшій повѣренный княгини Щербатовой Бартошевичъ и проживавшія у Щербатовой, въ 1870 году, баронесса Марія Энгельгардтъ и Елисавета Минихъ показали, что онѣ никогда не встрѣчали Коханѣевой въ домѣ Щербатовой.

Эксперты, производившіе сличеніе подписи княгини Щербатовой на распискѣ, представленной Торчаловскимъ ко взысканію, нашли, что подпись на распискѣ имѣетъ сходство съ ея несомнѣнными подписями.

Вслѣдствіе вышеизложенныхъ обстоятельствъ, титулярный совѣтникъ Торчаловскій и крестьянинъ Павелъ Аверьяновъ были преданы суду по обвиненію: Торчаловскій—въ томъ, что, воспользовавшись неумѣніемъ княгини Щербатовой читать писанное, далъ ей подписать, вмѣсто относящейся къ управленію домомъ бумаги, составленное имъ въ свою пользу отъ имени ея денежное обязательство, и это подложное обязательство представилъ затѣмъ въ судъ ко взысканію, и Аверьяновъ—въ томъ, что, зная о такомъ происхожденіи этого обязательства, удостовѣрилъ дѣйствительность его своею подписью въ качествѣ свидѣтеля-очевидца.

Засѣданіе Петербургскаго Окружнаго Суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей по этому дѣлу происходило 19-го октября 1871 г. подъ предсѣдательствомъ Товарища Предсѣдателя *Якоби*. Защищали: Торчаловскаго прис. пов. *Потехинъ*, Аверьянова—прис. пов. *Ордынъ*.

На судебномъ слѣдствіи, между прочимъ, свидѣтель *Бартошевичъ* показалъ, что жилъ въ домѣ княгини, часто бывалъ у нея, занимался веденіемъ ея дѣлъ, и домашній бытъ и характеръ ея были ему хорошо извѣстны. Между ними происходили частыя ссоры вслѣдствіе того, что княгиня Щербатова, какъ женщина малообразованная, позволяла себѣ въ отношеніи его разныя неумѣстныя выходки; случалось, что онъ не бывалъ у нея по 2—3 мѣсяца. Онъ слышалъ, что княгиня была самаго простого происхожденія. 13-ти лѣтъ она бѣжала изъ Москвы и, какъ хорошенькая дѣвочка, понравилась встрѣтившемуся ей въ дорогѣ малороссійскому помѣщику Иваненко, который взялъ ее къ себѣ и впослѣдствіи женился на ней. Образованія она не получила никакого и до самой смерти не умѣла читать написаннаго, такъ что при подписаніи какихъ нибудь бумагъ постоянно давала ихъ прочитывать кому-нибудь изъ окружающихъ; писать она умѣла только: «А. Г. Барышникова», такъ что, по выходѣ за Щербатова, ей очень трудно было привыкнуть подписываться своею новою фамиліею. Княгиню постоянно окружали приживалки, съ которыми она часто ссорилась, прогоняла ихъ и замѣняла новыми: только одна Константинова жила 8 лѣтъ. Скупость ея доходила до смѣшного и даже до гадости; изъ боязни быть обсчитанной, она сама покупала молока на 2—3 копейки. Приживалокъ своихъ она ничѣмъ не награждала и даже не платила ему, Бартошевичу, за веденіе дѣлъ; только за взысканіе 169,000 р. она дала ему квартиру въ своемъ домѣ, стоющую 3,000 р. въ годъ. Щербатову довольно часто посѣщали и родные, и знакомые ея, вслѣдствіе того, что она распустила слухъ о своемъ громадномъ состояніи, дѣлала же она это съ цѣлью выйти замужъ за князя. При выходѣ ея замужъ за Щербатова, ей было 77 лѣтъ, а ему 28. Ее не хотѣли сначала вѣнчать по

непредставленію ею метрическаго свидѣтельства, но она попла на исповѣдь, показала, что ей 45 лѣтъ, и послѣ этого была обвѣнчана съ Щербатовымъ. Бартошевичъ былъ шафером у княгини и везъ ее изъ церкви, такъ какъ мужъ не хотѣлъ съ нею ѣхать. Князь женился на Барышниковой потому, что имѣлъ очень много долговъ и предполагалъ у нея огромное состояніе, но долги его, простиравшіеся до 300,000, оказались превышающими состояніе жены. Вскорѣ послѣ свадьбы Щербатову начали осаждать кредиторы. Она сначала ассигновала на уплату долговъ мужа 5,000, потомъ 10, 30, наконецъ, 80,000, но затѣмъ, видя, что князь продолжаетъ дѣлать долги, а средствъ ея на уплату ихъ не хватаетъ, она прекратила удовлетвореніе его кредиторовъ. У нея оставалось еще тысячъ на 30—40 бриліантовъ, но ей было трудно съ ними разстаться. Въ январѣ 1869 года она пригласила къ себѣ докторовъ на консиліумъ и тѣ объявили, что у нея «семь» болѣзней и что она можетъ прожить только до вскрытія рѣки. Дѣйствительно, въ мартѣ мѣсяцѣ она почувствовала себя чрезвычайно трудно, а въ апрѣлѣ умерла. Передъ смертью и во время самой смерти ее окружали баронесса Энгельгардтъ, дѣвицы Минихъ и Власова и кухарка. Коханѣевой Бартошевичъ никогда не видалъ у Щербатовой. Отношенія княгини къ Торчаловскому были слѣдующія: въ 1849 г. она, женивъ его на своей крестницѣ, была его посаженою матерью и помѣстила его у себя, отдавъ ему комнату за кухнею. Вскорѣ послѣ этого онъ былъ удаленъ за то, что не хотѣлъ, по приказанію княгини, сходить въ конюшню поторопить запряжку лошадей. Послѣ этого, въ виду его крайняго безвыходнаго положенія, она послала его управляющимъ въ Черниговскую губернію, гдѣ онъ пробылъ съ полгода и удаленъ былъ отъ должности вслѣдствіе того, что родные стали писать ей, будто бы Торчаловскій продавалъ лѣсъ и вообще разстраивалъ ея дѣла. Въ 1869 году Торчаловскій явился къ ней снова въ качествѣ повѣреннаго ея мужа, сталъ ходить къ ней чаще и убѣдилъ ее поручить ему управленіе ея домомъ, на что она рѣшилась на томъ основаніи, что, будучи на глазахъ у нея, онъ не въ состояніи будетъ ее обманывать. Въ бытность Торчаловскаго управляющимъ домомъ, она часто жаловалась, что онъ мошенничаетъ, но это же самое она говорила и про всѣхъ, такъ какъ относилась вообще ко всѣмъ очень недовѣрчиво.

Письмоводитель мирового судьи 29-го участка *Залѣсскій* показалъ, что Торчаловскій, придя къ нему однажды въ камеру, на вопросъ его: «не обманула ли его княгиня?» вынулъ изъ кармана довѣренность на имя Полетаева, которому онъ поручалъ взыскать съ Щербатовой 35,000 по распискѣ. При этомъ Торчаловскій разсказалъ ему, что, поставивъ за дверьми свидѣтелей, которые бы видѣли, какъ княгиня будетъ подписывать, онъ подалъ ей подписать эту расписку въ 35,000, вмѣсто довѣренности, сказавъ, что по старой довѣренности ему не выдаютъ болѣе исполнительныхъ листовъ. Сообщивъ ему это, подсудимый просилъ никому не говорить и обѣщалъ подѣлиться съ нимъ по полученіи денегъ. Торчаловскій говорилъ съ нимъ на ты, но дружбы между ними никакой не было. а знакомъ съ нимъ такъ же, какъ и со всѣми повѣренными, часто бывающими въ камерѣ мирового судьи. Передавая о своей продѣлкѣ съ Щербатовой, подсудимый былъ совершенно трезвъ. Это произошло, кажется, 3-го марта, причемъ Торчаловскій показывалъ довѣренность, которую онъ несъ Полетаеву и которая, по словамъ его, была въ этотъ же день засвидѣтельствована у нотаріуса- Обо всемъ этомъ Залѣсскій на слѣдующій день разсказалъ мировому судьѣ, который спросилъ еще Попырева, также присутствовавшаго при разсказѣ Торчаловскаго, и на другой день написалъ объ этомъ товарищу прокурора.

Марія Константинова, служившая ключницею у Щербатовой, при перекрестномъ допросѣ объяснила, что въ продолженіи 8-ми лѣтъ была первымъ лицомъ у княгини, которая, если случалось давать кому рубль, то непре-

мѣнно ей разсказывала, да и не ей одной, а всѣмъ, кому приходилось. Покойная до того была разсчетлива, что когда давала 15 к. на 2 фунта муки и ей не тотчасъ же отдавали грошъ сдачи, то она непремѣнно спрашивала свидѣтельницу: «Маруська, а ты мнѣ грошъ-то не отдала сдачи; поди, принеси». Въ февралѣ мѣсяцѣ 1870 года, сильно заболѣвъ, свидѣтельница была увезена въ больницу, гдѣ пробыла до мая. Жалованья отъ княгини она никакого не получала; кое-когда та дарила ей на платьице, но всегда обѣщала не оставить ее послѣ смерти и записать на нее 5,000 р.; не исполнила же потому, что передъ смертью княгини ей сказали, что свидѣтельница умерла въ больницѣ. Торчаловскій долго не ходилъ къ княгинѣ изъ-за того, что, управляя ея имѣніемъ, построилъ безъ разрѣшенія ея домъ изъ ея лѣса и продалъ какія-то трубы. Потомъ, вдругъ, однажды княгиня получила отъ него письмо, гдѣ онъ называлъ себя повѣреннымъ по дѣламъ князя и спрашивалъ, когда можетъ явиться. Княгиня ничего ему не отвѣчала и велѣла даже бросить письмо, но Торчаловскій, спустя нѣсколько времени, явился самъ и объяснилъ княгинѣ, что нужно 35,000, чтобы потушить всѣ долги князя. Послѣ этого княгиня, недовольная своимъ управляющимъ Бондыревымъ, отдавшимъ безъ ея позволенія квартиру, согласилась взять Торчаловскаго управлять своимъ домомъ и дала ему квартиру. Во время его управленія, покойная княгиня часто говорила ей: «Маруська, у меня жильцовъ полный домъ, а денегъ нѣтъ». Кромѣ того, она жаловалась, что Торчаловскій вглядывается, когда она пишетъ, какъ будто хочетъ копировать, и боялась, что онъ замышляетъ что-нибудь недоброе. Грамотѣ покойная знала худо; если держала въ рукахъ бумаги, такъ только для «проформы», а читала еще хуже. Во время нахожденія свидѣтельницы въ больницѣ, къ ней пріѣзжала жена Торчаловскаго, привезла ей шубу и перевезла ее къ себѣ на Петербургскую сторону; она была еще такъ слаба, что ее вели подъ руки, такъ какъ сама она не въ состояніи была идти. На другой день послѣ переѣзда ея къ Торчаловскимъ, она увидѣла у нихъ дворника Аверьянова, усѣвшагося противъ нея у стола, что ее сильно оскорбило и встревожило, такъ какъ Аверьяновъ постоянно прежде стоялъ передъ нею на вытяжку. Послѣ ухода дворника, Торчаловскій отзывался о немъ, какъ объ очень умномъ человѣкѣ, говоря, что не мужикомъ бы ему слѣдовало быть, и тутъ же далъ ей переписать письмо, составленное Торчаловскимъ и писанное, будто бы, ею изъ больницы. Не будучи въ состояніи по болѣзни уйти отъ Торчаловскихъ и живя у нихъ изъ милости, она должна была исполнить требованіе Торчаловскаго. По выздоровленіи, она просила отдать ей письмо, но подсудимый не хотѣлъ объ этомъ и слышать, говоря, что денежки его, что 35 тыс. онъ навѣрно получитъ, и что если она посмѣетъ заявить о томъ, что онъ заставилъ ее написать письмо, то все обрушится на ея голову. Письмо помѣчено 17-мъ марта, а въ это время она была въ больницѣ и никакъ не въ состояніи была писать; писала она письмо съ черновой, составленной Торчаловскимъ, а если не понимала которыхъ словъ, то онъ ей самъ диктовалъ; что именно говорилось въ письмѣ, она не помнитъ, такъ какъ была въ то время сильно встревожена, но знаетъ, что тамъ упоминалось о 35 тыс. Если княгинѣ случалось что-нибудь подписывать, то она давала прежде прочитать находившейся при ней постоянно дѣвицѣ Власовой, которая прислуживала княгинѣ, мела полъ, подавала зубы чистить. По выходѣ за князя Щербатова, покойная продолжала подписываться старою фамиліею, и когда ей замѣчали это, то она говорила, что надо еще приготовиться писать новую и мѣсяца три училась у Власовой подписываться княгинею Щербатовой. Съ Торчаловскимъ она часто ссорилась, называла его въ глаза и за глаза мошенникомъ, раскаивалась, что взяла его опять въ домъ, да еще и благословляла его. Князь пріѣзжалъ къ княгинѣ изъ Долгового Отдѣленія нѣсколько разъ, но потомъ княгиня разгнѣвалась на него за то, что она купила ему шубу, а онъ ее

куда-то дѣвалъ. Какимъ образомъ они потомъ помирились—ей неизвѣстно, такъ какъ она была въ то время въ больницѣ. Аверьяновъ служилъ очень честно, княгиня любила его и довѣряла ему; когда разсердится на Торчаловскаго, то поручала Аверьянову собирать деньги и говорила: «Павелъ, ты честный человѣкъ, я тебѣ больше вѣрю, чѣмъ этому мошеннику, ты меня не обманешь». Въ день свадьбы у княгини пропала подвѣска изъ серьги, въ каретѣ или въ другомъ мѣстѣ—неизвѣстно; дворникъ нашелъ и отдалъ ей одинъ бриліантъ, чѣмъ она осталась очень довольна. Дворникъ постоянно приходилъ въ комнаты, и когда княгиня была нездорова, то даже и въ спальню; вообще она была нецеремонна. Свидѣтельница видѣла часто, что княгиня давала дворнику подписывать разныя бумаги. Жалованья онъ получалъ 9—10 руб. и самъ отъ себя нанималъ себѣ помощника. Княгиня была очень труслива и изъ боязни, что ее ограбятъ, ложилась обыкновенно спать не раньше 5-го часа утра.

Подсудимый Аверьяновъ, не признавая себя виновнымъ, объяснилъ, что, придя къ княгинѣ за жалованьемъ, онъ вошелъ въ квартиру вмѣстѣ съ Торчаловскимъ, котораго просилъ похлопотать, чтобы княгиня не задержала выдачи жалованья, такъ какъ ему деньги были очень нужны. Торчаловскій прошелъ въ спальню княгини, а онъ остался въ зеркальной комнатѣ; Торчаловскій разговаривалъ о чемъ-то съ княгиней, потомъ подалъ подписать ей бумагу, которую она подписала и отдала ему. Торчаловскій спросилъ ее: «можетъ ли Павелъ быть свидѣтелемъ въ этой распискѣ», на что она сказала: «Павелъ, подпишись». Тогда Торчаловскій вышелъ въ зеркальную комнату и, стоя у портьеры, прочиталъ ему расписку, въ которой говорилось о вознагражденіи Торчаловскаго княгинею 35,000. Ихъ отдѣляла отъ княгини одна завѣса, дверей не было. Торчаловскій читалъ довольно громко, но слышала ли его чтеніе княгиня, онъ не знаетъ. Потомъ Торчаловскій ушелъ въ столовую, а подсудимый пошелъ въ спальню княгини, гдѣ получилъ жалованье и расписался въ книгѣ. На это пошло 1/4 часа времени, послѣ чего онъ пошелъ въ столовую и тамъ расписался въ распискѣ, поданной ему Торчаловскимъ.

На судебномъ слѣдствіи были, между прочимъ, прочитаны два письма Торчаловскаго къ княгинѣ Щербатовой слѣдующаго содержанія:

Ваше сіятельство,

Милостивая государыня

Анна Григорьевна.

Какъ ни странно покажется Вамъ читать эти строки, но иногда эти самыя странности доказываютъ, что во всемъ дѣйствуетъ высшая воля судьбы, которая, испытавъ человѣка превратностями, приводитъ его къ извѣстной цѣли. Скажу о себѣ: могъ ли я, тотъ неопытный мальчикъ, котораго Вы знали назадъ тому 20 лѣтъ, перенести всевозможныя испытанія и перемѣны жизни и установиться на прочныхъ началахъ до того, что не хвастая, могу гордиться въ своей сферѣ и быть полезнымъ даже въ сферѣ высшей. Благодаря Бога, это такъ; но къ дѣлу. Причина, побудившая меня писать къ вашему сіятельству, та, что князю Александру Сергѣевичу угодно было избрать меня своимъ повѣреннымъ. Надѣясь въ будущемъ оправдать его выборъ, я считаю долгомъ: во-1-хъ, просить ваше сіятельство перемѣнить обо мнѣ ваше мнѣніе, если оно сложилось не въ мою пользу; при этомъ, впрочемъ, я долженъ сказать вамъ, что моего прошедшаго нѣтъ, а есть только настоящее, добраго же мнѣнія вашего о себѣ я прошу какъ для пользы собственно вашей, такъ и для пользы князя.

Ваше сіятельство,

Милая, добрая мамаша.

Позвольте мнѣ назвать васъ симъ священнымъ именемъ, котораго я никому не произносилъ уже болѣе 20 лѣтъ. Не думайте, чтобы я подыски-

вался выразить въ настоящее время это имя въ надеждѣ на будущее, которое, какъ ваше, такъ и мое, въ рукахъ Божіихъ: нѣтъ! Двукратное ласковое ваше со мною обращеніе отняло у меня и волю, и способность огорчать васъ чѣмъ бы то ни было. Забвеніе моего прошлаго, въ которомъ я много виноватъ передъ вами, поставило меня въ то положеніе, что я самъ, не имѣя никого въ свѣтѣ и искренно сочувствуя вамъ, удивляюсь вашей твердости духа и той вѣрной оцѣнкѣ людей, которая достается въ удѣлъ очень и очень немногимъ.

Рѣшеніемъ присяжныхъ Торчаловскій признанъ виновнымъ, согласно съ предъявленнымъ къ нему обвиненіемъ, а Аверьяновъ оправданъ.

Гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели! Дѣло, подлежащее вашему обсужденію, и по свойству преступленія, и по его сложности выходитъ изъ ряда дѣлъ обыкновенныхъ. Преступленія, принадлежащія къ разряду многообразныхъ подлоговъ, отличаются отъ большинства другихъ преступленій, между прочимъ, одною рѣзкою характеристическою чертою: въ большей части преступленій обвиняемые становятся болѣе или менѣе въ явно враждебныя отношенія къ лицу потерпѣвшему и дѣйствуютъ поэтому, не всегда имѣя возможность тщательно обдумать всѣ эти поступки, все предусмотрѣть, что нужно устранить, и обставить свои дѣйствія такъ, чтобы потомъ, въ случаѣ преслѣдованія, предстать повидимому чистыми и по возможности неуязвимыми;—напротивъ, преступленіе подлога совершается всегда путемъ длиннаго ряда приготовительныхъ дѣйствій и почти всегда такимъ образомъ, что виновный имѣетъ возможность обдумать каждый свой шагъ, предусмотрѣть его послѣдствія и разсчитать всѣ шансы успѣха. Кромѣ того, это послѣднее преступленіе не совершается никогда подъ вліяніемъ кратковременнаго увлеченія, подъ давленіемъ случайно и нежданно сложившихся обстоятельствъ, но осуществляется спокойно и, такъ сказать, разумно. Существенный признакъ этого преступленія составляетъ обманъ, въ который вводятся лица, противъ которыхъ направленъ подлогъ. Поэтому очень часто безсознательнымъ помощникомъ, пособникомъ, средствомъ для совершенія подлога является тотъ, противъ кого онъ совершается, является лицо слишкомъ довѣрчивое, мало осторожное. Иногда такое лицо, своею неосмотрительностью, помогаетъ обвиняемому, само прикладывая руку къ своему разоренію, какъ это было и въ настоящемъ случаѣ. Вотъ почему подобнаго рода преступленіе представляетъ для изслѣдованія подчасъ большія трудности и онѣ увеличиваются еще и тѣмъ, что подлогъ совершается большею частію въ обстановкѣ, исключающей всякую возможность добыть свидѣтелей самаго содѣянія тѣхъ дѣйствій, въ которыхъ выразилась преступная мысль обвиняемаго. Поэтому въ такихъ дѣлахъ, быть можетъ, болѣе, чѣмъ въ какихъ либо другихъ, необходимо вглядѣться въ житейскую обстановку участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, посмотрѣть на ихъ взаимныя отношенія, разобрать и оцѣнить ихъ. Прежде чѣмъ

приступить къ разбору уликъ, слѣдуетъ постараться вывести изъ оцѣнки этихъ отношеній возможность или невозможность совершенія тѣхъ дѣяній и происхожденія тѣхъ обстоятельствъ, которыя подали поводъ къ возникновенію вопроса о преступленіи. Поэтому и въ настоящемъ случаѣ я прежде всего обращаюсь къ бытовой сторонѣ даннаго дѣла. Краткій очеркъ личности и обстановки, какъ княгини Щербатовой, такъ и подсудимыхъ, долженъ отвѣтить на вопросъ о томъ, дѣйствительно ли могъ быть совершенъ въ настоящемъ случаѣ подлогъ.

Первый вопросъ, возникающій при разсмотрѣніи дѣла съ этой точки зрѣнія, есть вопросъ о томъ, *существовали ли между княгинею Щербатовою и подсудимымъ Торчаловскимъ такія отношенія, которыя давали бы основаніе къ сдѣлкѣ, по поводу которой возбужденъ вопросъ о подлогѣ, вынуждающій насъ разбирать настоящее дѣло?* Возможно ли, по существовавшимъ между княгиней Щербатовой и Торчаловскимъ отношеніямъ, чтобъ она дала Торчаловскому документъ, по которому обѣщалась заплатить ему 35,000 р. по первому требованію, за его почтительность въ качествѣ посаженаго сына и за его особенное усердіе въ управленіи ея дѣлами? При разрѣшеніи этого вопроса неизбѣжно приходится обратиться къ личности покойной княгини Щербатовой. Мы имѣли передъ собой группу разнообразнѣйшихъ свидѣтелей. Они въ рѣзкихъ и выпуклыхъ чертахъ изобразили всю домашнюю обстановку и самую личность княгини Щербатовой. Каждое изъ этихъ показаній, начиная съ правдоподобныхъ до грубости показаній мирового судьи и кончая наивно-достовѣрнымъ показаніемъ Константиновой, каждое прибавляетъ новую черту, новое освѣщеніе къ личности княгини Щербатовой и, благодаря этимъ показаніямъ, эта личность, такъ сказать, встаетъ изъ гроба и оживаетъ предъ нами во всей своей непривлекательной оригинальности. Княгиня Щербатова—женщина простого званія, бывшая за тремя мужьями, повышавшаяся чрезъ замужество по общественной лѣстницѣ и дошедшая до титула княгини, чуждая какого либо воспитанія,—послѣдній годъ жизни проживала въ своемъ обширномъ домѣ по Захарьевской улицѣ въ Петербургѣ. Ей шелъ восьмой десятокъ, такъ какъ она вышла замужъ еще въ 1812 году. Она не знала грамотѣ, ничего не могла читать и умѣла только подписывать свое имя, такъ что съ принятіемъ титула княгини, по показанію свидѣтельницы Константиновой, приживалкѣ Настасьѣ Николаевнѣ стоило не малыхъ трудовъ выучить ее подписываться своимъ новымъ званіемъ и фамиліею. Имѣя молодого и цвѣтущаго мужа, носящаго громкій титулъ и почти безвыходно пребывающаго въ Долговомъ Отдѣленіи, княгиня обладаетъ довольно большимъ состояніемъ, но не пользуется ни однимъ изъ удобствъ, даваемыхъ большими средствами; она проживаетъ въ средѣ приживалокъ, компаньонокъ и разныхъ приближенныхъ старушекъ, которыя льстятъ ей, пользуются крохами, падающими съ ея скуднаго стола, и терпѣливо облѣпили ее со всѣхъ сторонъ въ надеждѣ на будущія блага. Княгиня подвер-

жена, по словамъ Бартошевича, «семи болѣзнямъ», но любитъ наряжаться,—хвастается и величается своими бриліантами, какъ ребенокъ игрушками, постоянно преувеличивая ихъ стоимость. Но въ то же время, облеченная въ свои наряды и бриліанты, она требуетъ грошей отъ своей довѣренной «Маруськи», и сама покупаетъ молоко, которое хранитъ у себя въ спальнѣ, боясь, чтобы ее не обсчитала ключница. Соединеніе мелкой скаредности и скупости, доходящей, какъ выразился одинъ свидѣтель, «*до гадости*», съ желаніемъ молодиться, съ суетнымъ тщеславіемъ и съ отсутствіемъ всякихъ семейныхъ отношеній къ купленному мужу, возвращенному обратно въ Долговое Отдѣленіе по минованіи надобности—вотъ выдающіяся черты характера княгини Щербатовой. Мы знаемъ много примѣровъ ея скупости; свидѣтели постарались обрисовать эту сторону ея натуры. Благодаря имъ, мы узнали, между прочимъ, что если она рѣшалась казаться почему либо доброю и кому нибудь помогала пустяками, то эта помощь разросталась въ ея разсказахъ до огромныхъ размѣровъ и немедленно оглашалась по всему дому. Невольно возникаетъ вопросъ: возможно ли, чтобы такая женщина рѣшилась подарить 35,000 рублей подсудимому Торчаловскому? Полагаю, что на этотъ вопросъ приходится отвѣчать только отрицательно. Это невозможно ни по главнымъ чертамъ ея характера, ни по тѣмъ общимъ свойствамъ, которыя присущи большинству людей. Умѣнье оказывать милосердіе, творить добро украдкою и дѣлать благодѣянія такъ, чтобы правая рука не знала, что дѣлаетъ лѣвая, однимъ словомъ—способность оказывать помощь ближнему безъ особыхъ разговоровъ о своемъ дѣлѣ и не взимая, такъ сказать, процентовъ въ видѣ чужой признательности—удѣлъ далеко не многихъ натуръ и требуетъ тонкаго духовнаго развитія. Такіе люди, конечно, попадаются въ жизни, но въ большинствѣ случаевъ бываетъ не такъ и, къ сожалѣнію, очень часто благодѣянія носятъ въ себѣ неизбѣжную горечь оглашенія и самовосхваленій благодѣтеля, а подчасъ—и его попрековъ. И княгиня Щербатова, насколько мы съ ней познакомились, не должна была быть свободна отъ этого свойства. Возможно ли, чтобы она, повѣствовавшая на весь домъ о каждомъ рублѣ, кому либо данномъ, хваставшая каждой мелкой жертвой, собиравшая жадною рукою мѣдные гроши, возможно ли, чтобы она пожертвовала 35,000 рублей или выдала расписку въ эту сумму, зная, что у ней могутъ затѣмъ потребовать эти деньги каждую минуту? Стала ли бы объ этомъ молчать и скрывать свою щедрую подачку—она, которая окончательно прогнала мужа отъ себя за то, что онъ продалъ подаренную ею шубу и, держа его въ Долговомъ Отдѣленіи, дозволяла описывать свое имущество по иску въ 5,000 рублей, между тѣмъ какъ у ней были обширныя средства для уплаты? Ужели такая женщина подаритъ 35,000 руб., не говоря объ этомъ никому ни одного слова, не требуя затѣмъ отъ получившаго подарокъ никакихъ знаковъ особаго, исключительнаго уваженія, не указывая на все сдѣланное окружающимъ, которые, глядя на княжую щедрость, стали бы еще

болѣе почтительны, еще болѣе покорны и сладкорѣчивы, въ надеждѣ и сами получить соотвѣтствующую награду за свою службу? Даже Константиновой, этой вѣрной слугѣ, которой она постоянно говаривала, что не забудетъ ее, она ничего, однако, не оставила, а между тѣмъ Торчаловскому, услугами котораго была недовольна, подарила 35,000 рублей. Этого, очевидно, не могло быть. Княгиня Щербатова была бы въ этомъ случаѣ не вѣрна самой себѣ. А она была человѣкъ въ своемъ родѣ цѣльный и послѣдовательный.

Перехожу къ Торчаловскому. Торчаловскій впервые является около княгини Щербатовой, тогда еще Барышниковой, въ 1849 г. Незначительный чиновникъ, онъ пользуется покровительствомъ богатой генеральши, проситъ ее быть его посаженой матерью и затѣмъ получаетъ у ней въ квартирѣ каморку около кухни и пищу съ ея стола. Но генеральша или генералъ, для насъ это, въ настоящемъ случаѣ, безразлично, не даютъ своего покровительства даромъ, и вслѣдствіе этого, однажды, Торчаловскій посылается поторопить запряганье лошадей,—его чиновная гордость оскорбляется, онъ не идетъ и его прогоняютъ. Нѣсколько лѣтъ о Торчаловскомъ не слышно, но затѣмъ, въ 1859 году, онъ является уже управляющимъ имѣніемъ княгини Щербатовой въ Черниговской губерніи. Какимъ образомъ это сдѣлалось—намъ неизвѣстно, но, судя по тому, что̀ мы слышали на судебномъ слѣдствіи о личности Торчаловскаго, нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ снова вкрался въ милость княгини. Онъ обрисованъ различными свидѣтелями такъ, что его нельзя не признать человѣкомъ умнымъ, житейски опытнымъ и ловкимъ, прежде всего ловкимъ. Такимъ очертилъ его и мировой судья Майковъ. Обладая такими свойствами, Торчаловскій успѣваетъ снова помириться съ генеральшею Барышниковою. Онъ управляетъ ея имѣніемъ, однако, недолго—съ 12-го ноября 1859 г. до 25-го мая 1860 года, всего около полугода. Чрезъ полгода будущая княгиня Щербатова опять его прогоняетъ и, по словамъ свидѣтелей, «ругательски его ругаетъ» за то, что онъ поступилъ съ ней дурно и не оправдалъ ея довѣрія. При этомъ разсказывается о какомъ-то домѣ, построенномъ изъ ея лѣса. Торчаловскій заявляетъ, что все это неправда, такъ какъ онъ служилъ хорошо, при чемъ лучшимъ доказательствомъ его ревности къ хозяйству покойной княгини можетъ служить представленный имъ къ дѣлу документъ, состоящій изъ одобрительнаго свидѣтельства, выданнаго ему крестьянами черниговскаго имѣнія Щербатовой и мѣстнымъ церковнымъ причтомъ. Но, вглядываясь въ этотъ документъ, приходится признать, что представленіе его Торчаловскимъ отчасти подтверждаетъ тотъ отзывъ княгини Щербатовой, о которомъ сейчасъ было упомянуто. Во-первыхъ, документъ этотъ выданъ Торчаловскому слишкомъ черезъ $1^1/_2$ года послѣ того, какъ онъ оставилъ службу у княгини, тогда, когда онъ уже служилъ въ Петербургѣ въ Департаментѣ Герольдіи, и выданъ ему по его письменной просьбѣ. Для чего ему понадобилось подобное свидѣтельство? Если оно выдано ему для поступленія на государ-

ственную службу, для того, чтобы показать себя съ хорошей стороны въ глазахъ будущаго начальства, то для этого едва ли достаточно подобнаго удостовѣренія, которое обличаетъ только хозяйственныя способности Торчаловскаго. Но надо полагать, что этихъ качествъ вовсе не требовалось отъ него для прохожденія государственной службы по вѣдомству Герольдіи, тѣмъ болѣе, что въ ней онъ оставался и впослѣдствіи, несмотря даже на возбужденіе противъ него обвиненія въ подлогѣ. Если ему нужно было зарекомендовать себя во мнѣніи частныхъ лицъ, то, въ такомъ случаѣ не проще ли было бы достать подобный документъ прямо отъ хозяина, у котораго онъ служилъ, достать одобрительный аттестатъ отъ княгини Щербатовой, а не отъ крестьянъ или мѣстнаго причта? Что такое въ самомъ дѣлѣ это свидѣтельство? Въ немъ крестьяне говорятъ, что такой-то всегда свои обязанности исполнялъ рачительно и *приводилъ ихъ къ повиновенію средствами, указанными въ законѣ.* Это было въ 1861 году, во время переходное, когда крестьянъ болѣе всего, конечно, интересовало устройство своего собственнаго быта. Что же значитъ, что такой-то исполнялъ свои обязанности рачительно и приводилъ крестьянъ къ повиненію? Не значитъ ли это, что онъ не дѣлалъ явныхъ злоупотребленій, которыя даже чуждыми барскому хозяйству людьми были бы замѣчены, и не употреблялъ такого свойства принудительныхъ мѣръ, которыя даже при существованіи крѣпостного права были запрещены... Въ свидѣтельствѣ причта удостовѣряется, что Торчаловскій ни въ чемъ предосудительномъ не былъ замѣченъ, но и это свидѣтельство, при томъ положеніи главнаго управляющаго, которое имѣлъ Торчаловскій въ помѣщичьемъ селѣ, при томъ приниженномъ и зависимомъ положеніи, въ которомъ обыкновенно находится сельскій причтъ не только относительно своихъ помѣщиковъ, но и ихъ управляющихъ—такое свидѣтельство, говорю я, не имѣетъ никакого серьезнаго значенія. Да и къ чему всѣ эти свидѣтельства отъ крестьянъ, отъ причта, когда нужно только *одно* свидѣтельство отъ княгини Щербатовой? Но такого свидѣтельства у Торчаловскаго нѣтъ и быть не могло потому, что княгиня Щербатова не выдала бы такого удостовѣренія о добропорядочности человѣку, котораго бранила всѣмъ окружающимъ, и я полагаю, что всѣ эти поздніе похвальные листы отъ крестьянъ и причта явились именно въ виду жалобъ княгини, вслѣдствіе желанія Торчаловскаго имѣть противъ ея укоровъ нѣкоторые документы, которыми на первый взглядъ удостовѣрялось бы, что онъ вовсе не такой дурной человѣкъ, какъ она объ немъ разсказываетъ. Какъ бы то ни было, но послѣ 1859 года Торчаловскій удаляется и является снова лишь въ 1869 году. Княгиня Щербатова устарѣла, ея «мотъ», какъ она называла своего мужа, сидитъ въ Долговомъ Отдѣленіи, напрасно подсылая къ своей супругѣ заступниковъ, ходатайствамъ которыхъ она не придаетъ никакой цѣны. Но вотъ отъ него является къ княгинѣ Торчаловскій, который предпосылаетъ себѣ письмо. Мы слышали здѣсь это письмо: въ немъ Торчаловскій

просить забыть прошедшее, котораго болѣе не существуетъ, говоритъ, что онъ исправился и *«можетъ гордиться въ своей сферѣ и даже быть полезнымъ въ сферѣ высшей»*. Это письмо, содержащее, между прочимъ, въ себѣ подтвержденіе нелестныхъ отзывовъ о немъ княгини, производитъ, однако, свое дѣйствіе. Скромное сознаніе своей вины, указаніе на Провидѣніе и покорный тонъ письма трогаютъ ея любящее униженную покорность сердце. Онъ является, его принимаютъ... Второе письмо, которое было прочитано здѣсь, носитъ тотъ же характеръ. Въ этомъ письмѣ княгиня, къ которой Торчаловскій въ первомъ письмѣ обращался офиціально, становится для него *«милой, доброй мамашей»*, принимаетъ *то священное имя, котораго онъ не произносилъ уже 20 лѣтъ*. Торчаловскій отказывается отъ дѣлъ князя; онъ обезоруженъ добротою княгини, преклоняется передъ ея умомъ и удивляется той вѣрной оцѣнкѣ людей, которую она умѣетъ дѣлать. Онъ весь, всецѣло, готовъ служить ей, насколько хватитъ силъ. Такими медоточивыми рѣчами Торчаловскій окончательно возвращаетъ себѣ расположеніе княгини. Оно, впрочемъ, весьма понятно — и Торчаловскій вѣрно разсчиталъ. Княгиня, благодаря ему, выростаетъ въ собственныхъ глазахъ. Она — полуграмотная, неразвитая женщина — является замѣчательно умною, даже болѣе, является глубоко мудрою, которой нельзя не удивляться. Лесть — орудіе могучее противъ людей и потоньше Щербатовой — и Торчаловскій, благодаря этому орудію, снова допущенъ къ дѣламъ княгини. Но однако, на время пріобрѣтенное расположеніе не сопровождается довѣріемъ подозрительной старухи: здѣсь былъ данъ цѣлый рядъ свидѣтельскихъ показаній, которыя удостовѣряютъ, что княгиня болѣе довѣряла дворнику Аверьянову, чѣмъ Торчаловскому. Вскорѣ послѣ водворенія Торчаловскаго, она уже ворчливо заявляла Бартошевичу, что у ней полонъ домъ жильцовъ, а денегъ нѣтъ. А затѣмъ начинаются и проявленіе полнаго недовѣрія, и тѣ рѣзкія выраженія, тѣ бранные эпитеты, которые, по словамъ свидѣтелей, выставленныхъ самимъ же Торчаловскимъ, княгиня употребляла, говоря о немъ,—та самая княгиня, которая, по письменному признанію его, умѣла дѣлать такую вѣрную оцѣнку людямъ.

Таковы два главныхъ дѣйствующихъ лица въ этомъ дѣлѣ. Гдѣ же указаніе на то, что между нимъ существовали такія отношенія, которыя давали бы возможность предполагать, что одно изъ этихъ лицъ могло подарить другому 35,000 рублей? Такихъ отношеній между ними, очевидно, не могло существовать и не существовало. Но посмотримъ затѣмъ, не было ли какихъ нибудь побочныхъ, постороннихъ причинъ, которыя могли бы сами по себѣ вызвать подобную сдѣлку между княгиней и подсудимымъ. Въ сдѣлкѣ значится, что 35,000 княгиня даетъ за почтительность къ ней Торчаловскаго, въ качествѣ ея посаженаго сына, и за хорошее управленіе ея дѣлами. Но почтительность, въ качествѣ посаженаго сына, есть качество очень неопредѣленнаго свойства. Надо полагать, что князь Щербатовъ былъ гораздо почтительнѣе къ своей престарѣлой, богатой

законной женѣ, но она и его не пускала къ себѣ и оставляла безъ гроша сидѣть въ знаменитомъ домѣ Тарасова; притомъ, почтительность Торчаловскаго ни въ чемъ особенно не выразилась, а если въ письмахъ его содержится изрядная доля льстивыхъ выраженій относительно княгини Щербатовой, то, вмѣстѣ съ этимъ, цѣлымъ рядомъ свидѣтелей объяснено, что ея выраженія о Торчаловскомъ далеко не были ласковы и не обличали, чтобы его почтительность ее особенно трогала. Если эти 35,000 даны Торчаловскому за его хорошее управленіе имѣніемъ княгини, то ничѣмъ не доказано, что онъ управлялъ такимъ образомъ, а напротивъ, ничѣмъ не можетъ быть опровергнуто, что, по ея настойчивымъ и неоднократнымъ отзывамъ, онъ управлялъ очень дурно имѣніемъ въ Черниговской губерніи и домомъ въ Петербургѣ. При этомъ, за управленіе домомъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ получалъ жалованье, на что указываютъ двѣ расписки въ дѣлѣ. Онѣ выданы за время съ 4-го августа по 4-е ноября. Можетъ быть, скажутъ, что за дальнѣйшее время нѣтъ расписокъ. Это правда. Но вотъ что по этому поводу можно сказать: если нѣтъ за дальнѣйшее время расписокъ, то за первое время есть двѣ расписки на одну и ту же сумму, которая ему слѣдовала съ 4-го августа по 4-е сентября. Намъ скажутъ, что это явилось вслѣдствіе безалаберности княгини, которая, утративъ одну росписку, потребовала написанія другой, а затѣмъ утраченная записка нашлась. Пусть будетъ такъ, но въ такомъ случаѣ намъ дано объясненіе и того, почему нѣтъ дальнѣйшихъ расписокъ. Итакъ, Торчаловскій далеко не блестящимъ образомъ управлялъ у княгини Щербатовой, вызывая постоянно ея неудовольствіе, — получалъ жалованье, слѣдовательно служилъ не безвозмездно, да и служилъ-то всего-на-всего у княгини въ теченіе 20-ти лѣтъ только одинъ годъ; полгода въ Черниговской губерніи и полгода въ Петербургѣ. Возможно ли, чтобы за это княгиня Щербатова дала ему 35,000 рублей?! Такъ ли она вознаграждала за услуги? Извѣстно, напримѣръ, изъ дѣла, что за княгиню Щербатову, бывшую въ то время вдовою генерала Барышникова, сватался, поддерживаемый сильнымъ покровительствомъ, баронъ Энгельгардтъ, къ которому княгиня была весьма расположена и дочь котораго очень любила, постоянно держала при себѣ и считала своимъ другомъ. Между тѣмъ, г-жа Энгельгардтъ, послѣ всѣхъ сдѣланныхъ ею княгинѣ дружескихъ услугъ, послѣ долгихъ годовъ «дружбы» съ тяжелой и требовательной старой женщиной, получила лишь по завѣщанію 25,000 рублей. Это былъ самый большой даръ княгини и притомъ даръ, который г-жа Энгельгардтъ могла получить только послѣ смерти дарительницы. Всѣ другія приближенныя лица, приживалки и компаньонки, которымъ, конечно, не мало пришлось поработать на княгиню и поиспытать ея капризовъ, получили сущіе пустяки. А онѣ, конечно, послужили побольше Торчаловскаго...

Обратимся къ другой сторонѣ дѣла: *къ формѣ самой расписки и къ дѣйствіямъ подсудимаго Торчаловскаго относительно этой расписки.* Расписка эта въ 35,000 руб., а между тѣмъ написана на про-

стой бумагѣ, слѣдовательно является домашнимъ документомъ, т. е. такимъ документомъ, что, когда Торчаловскій приноситъ его присяжному повѣренному Полетаеву, то послѣдній тотчасъ же заявляетъ ему, что по этому документу будетъ споръ о подлогѣ, потому что условіе домашнее и на большую сумму. Этого, конечно, не могъ не знать Торчаловскій, который самъ принадлежитъ къ числу мелкихъ ходатаевъ. Между тѣмъ, онъ придалъ документу форму чрезвычайно неопредѣленную, шаткую, некрѣпкую. Отчего же Торчаловскій, зная нравъ княгини, зная, что она часто ссорилась съ людьми ей близкими изъ-за ничтожныхъ денегъ, подлежавшихъ уплатѣ,—отчего онъ не составилъ болѣе твердаго документа, почему не взялъ, напримѣръ, заемное письмо или сохранную росписку, а ограничился такимъ простымъ документомъ? Зачѣмъ не оградилъ онъ себя по возможности отъ будущихъ споровъ и пререканій самою твердостью и формальностью документа? Перейдемъ къ способу составленія расписки. Торчаловскій объясняетъ, что все дѣло сначала шло хорошо, что, выдавши ему расписку на 35,000 руб., княгиня хотя и могла ожидать каждый день требованія уплаты, но тѣмъ не менѣе оставалась совершенно спокойною и держала Торчаловскаго у себя. Но это продолжалось лишь до тѣхъ поръ, покуда Бартошевичъ, Минихъ и Энгельгардтъ, его исконные враги, не соединились вмѣстѣ и не выжили его изъ дому посредствомъ разныхъ оскорбленій. Но если для Торчаловскаго, который, по его словамъ, сумѣлъ пріобрѣсти наибольшее количество довѣрія и расположенія княгини, эти люди были заклятыми врагами, то не гораздо ли лучше было ихъ же и заставить быть свидѣтелями и расписаться на документѣ. Такимъ образомъ онъ заставилъ бы этихъ людей не опровергать расписку, а явиться въ судъ свидѣтелями, утверждающими правильность расписки. Заставивъ своихъ враговъ приложить руку къ документу, онъ зажалъ бы имъ въ то же время ротъ и совершенно себя обезопасилъ. Это такъ соотвѣтствовало бы и требованіямъ осторожности и естественному желанію выказать врагу свое надъ нимъ превосходство и торжество! Но онъ ничего этого не сдѣлалъ; онъ оставилъ своихъ враговъ въ сторонѣ и выбралъ свидѣтелемъ другое лицо—дворника. Мы слышали, *какъ* дворникъ Аверьяновъ объяснялъ свое участіе въ этомъ дѣлѣ. Свидѣтельница Константинова говоритъ, что когда она была перевезена изъ больницы въ домъ Торчаловскаго, то ее больше всего поразило, даже испугало и ос орбило то, что дворникъ этотъ держитъ себя съ Торчаловскимъ за панибрата, даже сидитъ рядомъ съ нимъ и съ нею, а Тарчаловскій по его уходѣ говоритъ: «умный мужикъ Павелъ, ему не въ дворникахъ бы быть». Эти слова служатъ лучшей характеристикой Аверьянова. Изъ всѣхъ его дѣйствій, изъ той роли, которую онъ игралъ на слѣдствіи, изъ того положенія, которое онъ занялъ въ этомъ дѣлѣ, несомнѣнно слѣдуетъ, что онъ дѣйствительно человѣкъ умный. Онъ строго обдумалъ свой образъ дѣйствій и даетъ здѣсь такія объясненія, которыя, нисколько не объясняя обстоятельствъ дѣла относительно Торчалов-

скаго и даже нисколько его не оправдывая, самого Аверьянова совершенно ставятъ въ тѣни, въ сторонѣ. Онъ говоритъ, что подписаніе расписки происходило слѣдующимъ образомъ: Торчаловскій принесъ расписку къ княгинѣ, но читалъ ли онъ ей эту расписку, Аверьяновъ не знаетъ, потому что былъ въ другой комнатѣ и не слышалъ, а затѣмъ былъ позванъ въ комнату княгини и тамъ Торчаловскій просилъ княгиню позволить дворнику подписать расписку,—княгиня сказала: «подпиши, Павелъ». Послѣ этого Торчаловскій вышелъ въ слѣдующую комнату и прочелъ ему изъ числа нѣсколькихъ бумагъ, бывшихъ у него въ рукахъ, одну, которая и была той распиской, о которой идетъ рѣчь въ настоящемъ дѣлѣ, и затѣмъ,ославъ его снова къ княгинѣ, Торчаловскій ушелъ въ столовую и когда черезъ четверть часа туда пришелъ Аверьяновъ, тогдато и совершилось подписаніе имъ росписки. Изъ этого объясненія выходитъ, что собственно Аверьяновъ не можетъ удостовѣрить, ту ли дѣйствительно расписку онъ подписалъ, относительно которой ему говорила княгиня, такъ какъ онъ не знаетъ, что именно читалъ ей Торчаловскій. Она была въ числѣ другихъ документовъ, слѣдовательно княгинѣ могли быть прочитаны и другія расписки, напримѣръ, въ полученіи денегъ отъ жильцовъ. Такимъ образомъ, въ показаніи Аверьянова есть указаніе, что Торчаловскій могъ воспользоваться его простотою и дать ему подписать расписку, которая не была прочитана княгинѣ, а прочитана лишь ему, Аверьянову. Съ объясненіями Аверьянова, этого «умнаго Павла, которому бы не дворникомъ быть», поневолѣ согласенъ и Торчаловскій. Но такое объясненіе несправедливо. Если принять это толкованіе способа выдачи расписки, то оказывается, что Торчаловскій приводитъ и заставляетъ расписаться на распискѣ такого свидѣтеля, который, вполнѣ подтверждая фактическую сторону дѣла, въ томъ видѣ, какъ онъ разсказалъ о ней предъ нами, вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ возможность къ разнымъ предположеніямъ и непріятнымъ для Торчаловскаго толкованіямъ, нисколько не объясняя самой сущности дѣла. Но развѣ можно довольствоваться такимъ свидѣтелемъ, развѣ можно дѣйствовать такъ неосторожно? Вѣдь Торчаловскій юристъ, ходатай, отчего же онъ не прочелъ расписку княгинѣ при Аверьяновѣ, съ удареніемъ на цифру денегъ, которыя давала ему княгиня; неужели можно допустить, чтобы княгиня дакъ просто, безъ всякой торжественности, съ ея стороны весьма естественной въ этомъ случаѣ, подписала документъ и даже удержалась отъ того, чтобы не похвастаться передъ Павломъ и не сказать ему: «вотъ смотри, Павелъ, какъ я награждаю людей, мнѣ преданныхъ!» Ничего этого нѣтъ и расписка выдается какъ бы на ничтожную сумму, на нѣсколько рублей. Свидѣтель ставится въ такое положеніе, что можетъ въ сущности удостовѣрить, что подписалъ бумагу, которую ему подсунулъ Торчаловскій. А княгиня, подымающая шумъ изъ-за грошей, неустанно стерегущая молоко, спокойно и лаконически говоритъ: «подпиши, Павелъ», даже не объяснивъ, что нужно подписать! Развѣ

это все въ порядкѣ вещей? Затѣмъ начинаются дальнѣйшія похожденія Торчаловскаго съ распискою. У него враги въ домѣ княгини, они сживаютъ его со свѣту, и что же?—получивъ расписку, онъ обратился именно къ одному изъ этихъ своихъ враговъ—къ повѣренному княгини Бартошевичу и предложилъ ему 20% или 7,000 рублей за то, чтобы онъ помогъ ему въ этомъ дѣлѣ, просилъ даже и не *взыскать*, а просто *помочь*. Развѣ такъ сталъ бы дѣлать человѣкъ, совершенно увѣренный въ своей правотѣ? Зачѣмъ онъ обратился къ своему врагу Бартошевичу, за что онъ предлагалъ такое огромное вознагражденіе? Мнѣ кажется, что это можно объяснить единственно тѣмъ, что онъ нуждался въ обезоруженіи своего главнаго и опаснаго противника. Онъ зналъ, что княгинѣ осталось недолго жить, что около нея стоялъ одинъ знающій дѣло и вѣрный ей человѣкъ. Это былъ Бартошевичъ. Торчаловскому нужно было его обезоружить, сдѣлать участникомъ своихъ интересовъ, склонить на свою сторону. А этого можно достичь только сдѣлавъ Бартошевича своимъ повѣреннымъ. Вотъ почему онъ и обратился прежде всего къ нему. Таковы были дѣйствія подсудимаго. Я полагаю, что на всѣ вопросы, вытекающіе изъ житейской обстановки дѣла и поставленные мною въ началѣ рѣчи, получается отвѣтъ отрицательный. Отношеній, допускающихъ такой значительный даръ со стороны княгини, между нею и Торчаловскимъ не существовало; форма расписки не соотвѣтствуетъ значительности поставленной въ ней суммы; способъ ея составленія, а также и остальныя дѣйствія Торчаловскаго не соотвѣствуютъ тому, что слѣдовало бы ожидать при существованіи дѣйствительнаго документа на 35,000 рублей. Въ виду этого, мнѣ кажется, невозможно и признать существованіе тѣхъ фактовъ, тѣхъ обстоятельствъ, на которые указываетъ подсудимый; слѣдовательно то, что противорѣчитъ этимъ фактамъ, что отрицаетъ ихъ, является правильнымъ и справедливымъ. Поэтому есть основаніе утверждать, что расписка подложна и составлена преступною рукою.

Но обязанность обвинителя не ограничивается одною отрицательною стороною дѣла, необходимо указать, *какъ* было совершено преступленіе, прослѣдить тотъ путь, какимъ совершилось оно и, къ отрицательной сторонѣ дѣла, къ разбору объясненій подсудимаго, прибавить положительную, состоящую въ рядѣ уликъ и доказательствъ преступности его дѣйствій. Къ этой сторонѣ дѣла я и приступаю.

Если сравнить дѣйствія человѣка, поступающаго законно и правильно, съ увѣренностью въ своей правотѣ, съ дѣйствіями человѣка преступнаго, то въ нихъ всегда можно подмѣтить рѣзкія отличительныя черты, яркія особенности. Человѣкъ, сознающій правоту своихъ дѣйствій, не будетъ говорить о нихъ украдкою, не станетъ дѣйствовать, по возможности, безъ свидѣтелей, не будетъ стараться затѣмъ подговорить ихъ «на всякій случай», не станетъ скрывать слѣдовъ того, что совершилъ, и запасаться такими данными, которыя должны липнить вѣры всѣхъ, кто можетъ усомниться въ правильности его дѣйствій.

Совершенно въ обратномъ направленіи будетъ дѣйствовать тотъ, кто сознаетъ, что поступаетъ нечисто и дурно. У него явятся и подставные свидѣтели, и сокрытіе слѣдовъ. Иногда на помощь правосудію придетъ и другое, довольно не рѣдко встрѣчающіееся въ преступленіяхъ свойство: виновный проболтается, проговорится и самъ поможетъ такимъ образомъ разъяснить дѣло. Желаніе похвастать, неумѣніе во-время промолчать—слишкомъ общія и частыя явленія въ жизни человѣка. Иногда виновный даетъ противъ себя оружіе, проговаривается подъ вліяніемъ отягощенной совѣсти, которая настойчиво требуетъ хоть косвеннаго признанія. Но чаще это бываетъ когда онъ совершитъ какое-нибудь ловкое дѣйствіе и видитъ въ томъ силу и торжество своего ума. Онъ знаетъ, что въ извѣстной средѣ, при извѣстномъ нравственномъ уровнѣ, его ловкія дѣла встрѣтятъ сочувствіе—и ему трудно удержаться отъ желанія похвастаться новымъ «дѣльцемъ», показать, какъ онъ умѣлъ обойти, провести всѣхъ. Съ подобнаго обстоятельства приходится начинать изслѣдованіе уликъ и по настоящему дѣлу. Оно случилось въ камерѣ мирового судьи Майкова. Подсудимый Торчаловскій опровергаетъ это обстоятельство, и нѣкоторая сбивчивость показаній свидѣтелей Залѣскаго и Пупырева даетъ, повидимому, возможность защитѣ подозрѣвать правдивость этихъ показаній. Но я думаю, что это подозрѣніе не будетъ основательно. Свидѣтель Залѣскій показалъ здѣсь, что подсудимый Торчаловскій приходилъ къ нему — когда, не помнитъ — получить исполнительный листъ и, на вопросъ о томъ, не обманула ли его княгиня Щербатова, подсудимый вполголоса объяснилъ, что нѣтъ, не она, а онъ ее обманулъ, и при этомъ разсказалъ, какъ удалось ему взять расписку, какъ онъ пріобрѣлъ подставного свидѣтеля. Онъ разсказалъ, что вошелъ въ кабинетъ княгини и, пользуясь тѣмъ, что княгиня не умѣла читать, подъ видомъ довѣренности поднесъ расписку въ 35,000 рублей, которую княгиня и подписала. Такимъ образомъ подсудимый самъ помогъ разъяснить способъ совершенія расписки.

Во время судебнаго слѣдствія возбуждался вопросъ о днѣ, когда происходилъ у Торчаловскаго съ письмоводителемъ разговоръ въ камерѣ мирового судьи. Повидимому, защиту затрудняло то, что мировой судья говоритъ, что написалъ письмо свое чрезъ день или два послѣ разсказа Залѣскаго о «штукахъ» Торчаловскаго. По помѣткѣ на письмѣ видно, что оно написано 4-го марта. Между тѣмъ, изъ того же разсказа Залѣскаго оказывается, что Торчаловскій показывалъ ему довѣренность на имя Полетаева. Довѣренность эта выдана 28-го февраля, послѣ того какъ 24-го февраля Торчаловскій сдѣлалъ у нотаріуса Левестама заявленіе княгинѣ Щербатовой объ окончательномъ съ нимъ разсчетѣ къ 1-му марта, подъ условіемъ недѣйствительности всѣхъ его дальнѣйшихъ претензій. 3-го марта уже былъ предъявленъ Полетаевымъ искъ по распискѣ. Такимъ образомъ оказывается, что Торчаловскій могъ показывать довѣренность и говорить Залѣскому о своей продѣлкѣ съ княгинею только

до 28-го февраля, что отчасти противорѣчитъ разсказу Залѣскаго о томъ, что онъ немедленно сообщилъ о слышанномъ мировому судьѣ, который и написалъ товарищу прокурора. Но это противорѣчіе неважное. Самъ Залѣскій говоритъ, что хорошенько не помнитъ числа, но знаетъ, что это было въ февралѣ. Мы не можемъ требовать ни отъ письмоводителя Залѣскаго, ни отъ мирового судьи совершенной точности въ ихъ показаніяхъ о числахъ: среди массы дѣлъ, которыя у нихъ бываютъ, весьма естественно забыть нѣкоторыя мелкія обстоятельства, и лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то, что мировой судья совершенно забылъ даже такой сравнительно крупный фактъ, какъ признаніе имъ обвиненія княгинею Щербатовой Бондырева недобросовѣстнымъ и наложеніе за это штрафа на жалобщицу. Притомъ, для дѣла важно не то, чтобы числа сходились одно съ другимъ съ математическою точностью, а важно то, что дѣло началось съ письма мирового судьи, а письмо онъ могъ послать, конечно, не иначе, какъ вслѣдствіе разсказа Залѣскаго, потому что судья могъ узнать о дѣйствіяхъ Торчаловскаго только отъ Залѣскаго, который, въ свою очередь, также не могъ узнать объ этомъ ни откуда больше, какъ изъ разсказа самого Торчаловскаго. Это было, вѣроятно, послѣ того, какъ сдѣлано было нотаріальное заявленіе Левестаму и подсудимый съ готовою довѣренностью въ карманѣ явился къ Залѣскому. Это было, очевидно, между 24-мъ и 28-мъ февраля, быть можетъ, утромъ, 28-го. 1-го или 2-го марта Залѣскій разсказалъ обо всемъ мировому судьѣ, который и написалъ товарищу прокурора. Приходъ Торчаловскаго къ Залѣскому вполнѣ понятенъ. Обезпечивъ себя нотаріальнымъ заявленіемъ, готовясь въ началѣ марта предъявить совершенно неожиданно княгинѣ Щербатовой искъ, онъ могъ возымѣть желаніе зайти къ пріятелю, съ которымъ обдѣлывалъ разныя дѣла по своимъ «хожденіямъ у мирового судьи» и покровительствомъ котораго относительно сроковъ и очередей въ дѣлахъ пользовался. Этотъ покровитель мелкихъ ходатаевъ, ихъ совѣтникъ и помощникъ считался Торчаловскимъ за добраго пріятеля и пользовался, какъ видно изъ дѣла, его полнѣйшимъ довѣріемъ. Дѣльцо обдѣлано ловко — отчего не прихвастнуть другу, отчего не похвалиться своею ловкостью; дѣльцо тонкое и рискованное—разсказавъ о немъ вполголоса, можно, пожалуй, и совѣтъ добрый услышать, тѣмъ болѣе, что хотя оно и «на чеку», какъ говорится, но еще въ ходъ не пущено—довѣренность на имя Полетаева еще въ карманѣ. Вотъ какъ можетъ, вотъ какъ долженъ быть объясненъ разговоръ Торчаловскаго съ Залѣскимъ—разговоръ, подслушанный Пупыревымъ.

Обращаясь къ тому, что̀ хотѣлъ сдѣлать Торчаловскій съ распискою, полученною имъ отъ княгини Щербатовой, я допускаю слѣдующее предположеніе, которое, какъ мнѣ кажется, единственно и возможное въ настоящемъ дѣлѣ. Торчаловскій кончалъ свои занятія у Щербатовой, княгиня удаляла его и онъ долженъ былъ предвидѣть, что рано или поздно дѣло неминуемо кончится этимъ. Поэтому надо было извлечь наибольшую выгоду изъ служенія при полугра-

мотной старухѣ. Еще съ декабря 1869 года, съ каждымъ днемъ, здоровье княгини дѣлается хуже и хуже, происходитъ нѣсколько консиліумовъ и наконецъ доктора предполагаютъ, что больная проживетъ только до вскрытія Невы, т. е. до половины апрѣля. Почему же не воспользоваться выгодами своего положенія, чтобы потомъ имѣть возможность изъ имущества княгини получить львиную часть? И вотъ составляется расписка, подсовывается къ подписи княгинѣ и является свидѣтелемъ дворникъ. Приближается мартъ мѣсяцъ, Нева скоро вскроется, здоровье княгини дѣлается съ каждымъ днемъ все хуже и хуже, она слабѣетъ и съ первыми льдинами уплываетъ въ другой міръ. Между тѣмъ, порядокъ производства гражданскихъ дѣлъ въ Окружномъ Судѣ подсудимому извѣстенъ: онъ знаетъ, что какъ бы быстро ни производилось дѣло въ судѣ, все-таки пройдетъ около 3-хъ недѣль,—какъ было и въ настоящемъ случаѣ,—прежде чѣмъ вопросъ о возбужденіи спора о подлогѣ возникнетъ у того лица, которое можетъ заявить этотъ споръ. Поэтому княгиня узнаетъ объ искѣ, предъявленномъ въ началѣ марта, лишь въ концѣ мѣсяца, когда она одною ногою уже будетъ стоять въ гробу и когда ни ей, ни окружающимъ ее будетъ не до споровъ о подлогѣ. Въ виду этого, Торчаловскій 3-го марта предъявляетъ искъ; лишь 26-го былъ предъявленъ споръ о подлогѣ. Искъ такимъ образомъ былъ предъявленъ при жизни княгини, и наслѣдники ея лишились права заподозрѣвать дѣйствительность документа, потому что при жизни княгини о немъ не было «ни слуху, ни духу». Торчаловскому хотѣлось прежде всего обезпечить себя со стороны Бартошевича, но это не удалось; между тѣмъ, о распискѣ уже стало извѣстно, и тогда, дѣлать нечего, онъ предъявилъ расписку ко взысканію. Это было въ началѣ марта, а передъ тѣмъ онъ дѣлалъ заявленіе нотаріусу о томъ, что проситъ княгиню покончить съ нимъ къ 1-му марта всѣ сдѣлки и затѣмъ всякія претензіи считать съ его стороны недѣйствительными. Это заявленіе доставляется княгинѣ, которая отвѣчаетъ, что никакихъ претензій на нее у Торчаловского нѣтъ. Этимъ Торчаловскій обезпечилъ себя противъ дальнѣйшихъ споровъ княгини или ея наслѣдниковъ. Онъ могъ всегда сказать, что просилъ княгиню заблаговременно окончить счеты, и только благодаря ея упорству вынужденъ былъ обратиться къ суду. Ему надо было выждать время, пока княгиня доживаетъ свои послѣдніе дни. Онъ зналъ, что лишь только ея старческое тѣло будетъ трупомъ, со всѣхъ сторонъ, какъ стая воронов, слетится толпа наслѣдниковъ, прихлебателей и всякаго рода близкихъ друзей покойницы; каждый будетъ стараться получить какой-нибудь кусочекъ изъ имущества княгини, и тогда среди этого всеобщаго спора, въ разгарѣ всей этой суматохи у смернаго одра княгини некому будетъ заняться предъявленной ко взысканію распиской, предъявлять споръ о подлогѣ, вести тяжбу и пр. Притомъ, если бы кто-нибудь и захотѣлъ возражать противъ этого иска, то есть свидѣтель, который всегда отличался честностью и который удостовѣритъ дѣйствительность расписки, и затѣмъ есть еще весьма

возможная свидѣтельница, на случай надобности, которую также можно прибрать къ рукамъ; эта женщина бѣдная, болѣзненная, за которой можно поухаживать, которую можно приголубить; извѣстно, что при болѣзненномъ состояніи, въ безпомощномъ старческомъ возрастѣ, всякая ласка цѣнится высоко, да притомъ она не хорошо и пойметъ, пожалуй, что отъ нея потребуется, слѣдовательно не рѣшится отказать своему благодѣтелю. Съ этими двумя свидѣтельствами, имѣя въ запасѣ заявленіе нотаріусу, Торчаловскій можетъ съ успѣхомъ разсчитывать, что онъ выиграетъ дѣло, тѣмъ болѣе, что сами «касперты», какъ выразилась Константинова, называя такъ экспертовъ, скажутъ, что подпись на распискѣ подлинная.

Обращаясь къ участію въ дѣлѣ Аверьянова, я думаю—насколько могъ познакомиться съ личностью подсудимаго изъ дѣла—что онъ не безъ борьбы согласился участвовать въ подписаніи расписки. Не даромъ же и, конечно, не сразу ему, простому дворнику, было предложено 500 рублей, а затѣмъ явилась расписка въ 700 рублей. Въ показаніяхъ Бондырева существуетъ маленькое разочарованіе: сначала говоритъ онъ о роспискѣ въ 500 рублей, а когда затѣмъ была взята эта расписка, то она оказалась въ 700 рублей. Бондыревъ добросовѣстно удостовѣрилъ это обстоятельство, но не могъ объяснить его. Я думаю, что обстоятельство это объясняется очень просто. По ходу дѣла, условіе съ Аверьяновымъ должно быть совершено до предъявленія иска, т. е. до 3-го марта, потому что надо было заранѣе пріобрѣсти его свидѣтельство. Эта расписка была на 500 рублей серебромъ и ее-то видѣлъ Бондыревъ, которому тоже несовсѣмъ осторожно проболтался Аверьяновъ. Когда объ этомъ узналъ Торчаловскій, то-онъ увидѣлъ, что необходимо свидѣтеля этого поставить въ противорѣчіе съ самимъ собою.—Отсюда желаніе выдать другую расписку Аверьянову, отличную отъ той, которую видѣлъ Бондыревъ. Кромѣ того и самъ Аверьяновъ, видя, что дѣло затягивается, что его начинаютъ «таскать» къ судебному слѣдователю по дѣлу о распискѣ княгини, что онъ проживается—видя все это, могъ потребовать бо́льшаго вознагражденія, могъ пригразить... Ему выдается расписка въ 700 рублей отъ 20-го мая, которая поражаетъ громадною цифрою вознагражденія дворнику «за пріѣздъ изъ деревни».

Какіе бы убытки ни понесъ Аверьяновъ въ своемъ деревенскомъ хозяйствѣ отъ вызова къ судебному слѣдователю, во всякомъ случаѣ, они не могли достигнуть до такой суммы, тѣмъ болѣе, что когда онъ жилъ въ городѣ, то его годовой заработокъ равнялся, какъ извѣстно, 108 рублямъ. Да и странно, что Торчаловскій взялся вознаграждать отъ себя лицо, которое, по требованію судебнаго слѣдователя, *обязано* было явиться къ допросу. Да и могло это быть иначе. Если Торчаловскій предполагалъ, что Аверьяновъ будетъ вызванъ какъ обвиняемый въ соучастіи въ подлогѣ, то онъ не могъ не знать, что расписка въ рукахъ Аверьянова, и притомъ на большую сумму, еще увеличитъ подозрѣніе. Если же онъ думалъ, что

Аверьяновъ явится просто какъ свидѣтель въ дѣлѣ, то допросъ его могъ быть произведенъ слѣдователемъ даже и на мѣстѣ его жительства. Вообще, и самый образъ дѣйствій Аверьянова съ распискою подтверждаетъ мое мнѣніе о томъ, что этому человѣку трудно было рѣшиться до конца исполнить роль, возложенную на него Торчаловскимъ; побывавъ у Бондырева и увидѣвъ, что дѣло неладно, онъ уѣхалъ въ деревню, а явившись оттуда, постоянно оставался на заднемъ планѣ и очевидно не дорожилъ распискою, пріобрѣтенною неправеднымъ образомъ. Не даромъ же она валялась въ грязномъ бѣльѣ, на днѣ незапертаго сундука, въ домѣ Цукато. Затѣмъ здѣсь говорилось еще о письмѣ Аверьянова. Я не стою на томъ, чтобы слово «пишите» не было въ дѣйствительномъ своемъ смыслѣ словомъ «отпишите»; во всякомъ случаѣ, разница здѣсь будетъ весьма тонкая, грамматическая, но не измѣняющая смысла письма. Аверьяновъ обѣщалъ исполнить свою обязанность, явиться, въ случаѣ, надобности, къ слѣдователю, и показать, будто бы, всю правду. Но зачѣмъ же Аверьянову писать объ этомъ Торчаловскому и даже получить за это большія деньги? вѣдь и безъ того судебный слѣдователь могъ вызвать его по повѣсткѣ, когда будетъ нужно, и онъ обязанъ былъ явиться; объ этомъ зналъ Аверьяновъ, потому что, какъ старшій дворникъ большого дома, онъ не могъ не знать безусловной обязанности являться по повѣсткамъ слѣдователей и мировыхъ судей, которыя, конечно, не разъ бывали въ его рукахъ. Поэтому и расписка, и письмо Аверьянова—все это улики противъ нихъ.

Перехожу къ свидѣтельницѣ Константиновой. Думаю, что вы, господа присяжные засѣдатели, раздѣляете мое довѣріе къ показаніямъ этой свидѣтельницы; вы, какъ и я, признаете, что въ наивномъ, нѣсколько комичномъ разсказѣ ея содержится много душевной теплоты и правдивости. Повторять это показаніе излишне: оно слишкомъ памятно по своей оригинальности. Можно только указать на нѣкоторыя части этого показанія. Свидѣтельница говоритъ, что она была больна и затѣмъ была взята изъ больницы Торчаловскимъ, къ нему въ домъ, и что когда она была еще слаба, онъ заставилъ ее подписать извѣстное письмо, съ выраженіемъ удивленія, что онъ, Торчаловскій, подвергается незаслуженнымъ подозрѣніямъ. Письмо помѣчено 17-мъ марта. Что она была въ это время очень слаба, такъ что не могла писать длинное письмо, это видно изъ офиціальнаго документа, а именно изъ скорбнаго листа, въ которомъ говорится, что она доставлена въ больницу въ половинѣ февраля, «вынесена на рукахъ», какъ она говоритъ сама, въ состояніи сильной чахотки. Только послѣ 11-го марта замѣчено въ ея состояніи нѣкоторое улучшеніе, и лишь 5-го мая выписана она изъ больницы по собственному желанію. Затѣмъ, больная и слабая, она привезена къ Торчаловскому, который за ней ухаживаетъ, и домъ котораго былъ единственнымъ ея пристанищемъ въ это время, такъ какъ на вопросъ, къ кому бы она пошла, выйдя изъ больницы, если бы ее не взялъ Торчаловскій, она отвѣчала стереотипною фразою, что «свѣтъ не безъ добрыхъ людей».

Облагодѣтельствованная такимъ образомъ, завернутая въ шубу г-жи Торчаловской, окруженная попеченіями подсудимаго, больная старушка могла считать себя настолько обязанной Торчаловскому и притомъ настолько неясно понимала, чего отъ нея требуютъ, что весьма естественно могла исполнить его просьбу. Ея словамъ о способѣ писанія письма можно вполнѣ вѣрить, и они подтверждаются двумя обстоятельствами: во-первыхъ, письмо написано на такомъ же листѣ бумаги, такого же формата, съ такимъ же гербомъ на углу листа, на которомъ написана и расписка княгини Щербатовой, и расписка, выданная Торчаловскимъ Аверьянову. Это даетъ возможность предполагать, что бумаги происходили изъ одного источника. Затѣмъ, во-вторыхъ, Торчаловскій просилъ обратить вниманіе на безграмотность письма Константиновой и отсутствіе въ немъ соблюденія правилъ орѳографіи, чѣмъ, по его мнѣнію, вполнѣ опровергается ея объясненіе. Но это письмо вовсе не безграмотно; оно написано со смысломъ и толкомъ. Притомъ, никто и не думаетъ утверждать, что Торчаловскій самъ писалъ его. Нѣтъ! Константинова опредѣлительно говоритъ, что Торчаловскій диктовалъ ей это письмо. Поэтому *орѳографія* въ немъ принадлежитъ Константиновой, а *содержаніе*—Торчаловскому. Это послѣднее обстоятельство видно уже изъ того, что письмо начинается дѣловымъ юридическимъ языкомъ. Я думаю, что, посмотрѣвши на Константинову, всякій признаетъ, что такого рода обороты рѣчи подобная женщина не станетъ употреблять. Письмо начинается словами: «Я слышала, что противъ васъ предъявленъ искъ по документу и т. д.» Эта фраза такъ и отзывается тѣмъ языкомъ, которымъ пишутся исковыя прошенія. Затѣмъ здѣсь старались поколебать заявленія Константиновой тѣмъ, что она несвоевременно заявила о всѣхъ обстоятельствахъ дѣла на предварительномъ слѣдствіи. Но она заявила объ этомъ немедленно опекунамъ надъ имѣніемъ княгини Щербатовой, заявила князю Сергѣю Щербатову и г. Мысловскому. У слѣдователя же ея заявленіе явилось запоздавшимъ потому, что судебный слѣдователь могъ вызвать ее только черезъ четыре мѣсяца, послѣ ея розысканія. Надо замѣтить, что письмо, будто бы писанное ею, вызываетъ еще слѣдующія соображенія: 17-го марта княгиня была еще жива; изъ ея дома была вынесена Константинова и къ ней одной, послѣ восьми лѣтъ совмѣстнаго житья, должна она была вернуться. Почему же эта Константинова, которая теперь, забытая и оставленная княгинею, такъ настойчиво защищаетъ на судѣ интересы и память покойной,—почему же она тогда, когда княгиня была для нея «все», вдругъ такъ ополчилась за интересы чуждаго ей Торчаловскаго, зная, что этимъ отрѣзываетъ себѣ возможность возврата въ домъ княгини Щербатовой? Все это не въ порядкѣ вещей, потому что не было въ дѣйствительности, а измышлено Торчаловскимъ. Затѣмъ остается еще третья ссылка подсудимаго Торчаловскаго, который видя, что свидѣтельница Константинова не оправдываетъ его ожиданій, ссылается еще на свидѣтельницу Коханѣеву, которая упорно стояла на своемъ показаніи, утверждая что, приходя къ княгинѣ съ просьбою

о помощи, она слышала, что княгиня называла Торчаловскаго негодяемъ и мерзавцемъ за то, что онъ расписку предъявилъ при ея жизни, а не послѣ смерти, какъ она того хотѣла. Я полагаю что этотъ разсказъ Коханѣевой представляется крайне неправдоподобнымъ. Ее никто изъ близкихъ княгини не видалъ въ домѣ, никогда и нигдѣ съ нею не встрѣчался. Кромѣ того, если бы княгиня дѣйствительно говорила приписываемыя ей слова, то выдача Торчаловскому расписки, по которой уплата должна быть совершена немедленно по предъявленіи, представляется крайнею нелѣпостью и, имѣя это въ виду, княгиня, конечно, скорѣй всего отказала бы Торчаловскому 35,000 рублей по завѣщанію, не отдавая себя, такимъ образомъ, въ руки человѣка, котораго она характеризовала, по словамъ Коханѣевой, въ такихъ краткихъ, но сильныхъ выраженіяхъ. Такимъ образомъ Коханѣева является свидѣтельницею далеко не достовѣрною, хотя нельзя не признать, что, въ виду сдѣланнаго ею заявленія объ отзывѣ княгини Щербатовой, указаніе со стороны Торчаловскаго на подобную свидѣтельницу требуетъ не малаго самоотверженія. Наконецъ, для полноты характеристики слѣдуетъ упомянуть еще о сокрытіи слѣдовъ преступленія. Когда подсудимый былъ арестованъ и когда ему нужно было спѣться, согласиться съ Аверьяновымъ, когда онъ находилъ необходимымъ напомнить ему о томъ, *что* онъ долженъ показывать, онъ написалъ записку, которая была здѣсь предъявлена. Содержаніе этой записки достаточно ясно и не нуждается ни въ какихъ объясненія. Это обстоятельное наставленіе Аверьянову о томъ, что говорить при слѣдствіи, чтобы спастись самому и вмѣстѣ съ тѣмъ спасти и Торчаловскаго. Вотъ тѣ данныя, которыя представляются къ обвиненію подсудимыхъ.

Дѣлая общій сводъ этихъ данныхъ, я нахожу, что подсудимый Торчаловскій, задумавъ воспользоваться своимъ пребываніемъ у княгини Щербатовой и ея довѣріемъ и зная, что она не умѣетъ грамотѣ, подсунулъ ей росписку въ 35,000 подъ видомъ довѣренности, а затѣмъ, обставивъ себя заявленіемъ у нотаріуса и однимъ изъ свидѣтелей, предъявилъ эту расписку ко взысканію. Неумѣренная болтливость его въ камерѣ мирового судьи сдѣлала то, что одновременно съ начатіемъ гражданскаго дѣла, обвинительная власть привлекла Торчаловскаго къ уголовному суду; тогда онъ рѣшился обезопасить себя и заручился свидѣтельницею Константиновой и, на всякій случай, еще одною свидѣтельницею—Коханѣевой. Главнымъ подспорьемъ для Торчаловскаго явились, конечно, показаніе и подпись Аверьянова.

Остается сказать нѣсколько словъ о распредѣленіи ролей между подсудимыми. Нѣтъ сомнѣнія, Аверьяновъ играетъ въ этомъ дѣлѣ роль второстепенную; онъ является орудіемъ другого болѣе сильнаго и хитраго лица, потому что въ такомъ спорномъ дѣлѣ какъ подлогъ очень часто необходимо раздѣленіе труда, необходимо, кромѣ лица, управляющаго всѣмъ, такъ сказать, одухотворяющаго преступленіе, и лицо пассивное, которое помогаетъ, которое дѣйствуетъ по указа-

ніямъ главнаго распорядителя преступнаго дѣла. Совершивъ свое дѣло — подложное засвидѣтельствованіе документа — Аверьяновъ самъ, повидимому, вполнѣ сознавалъ, что дѣло это нечистое, дурное, и всѣ его дѣйствія по этому предмету представляются крайне осторожными, такъ сказать, недѣятельными. Даже здѣсь не старается онъ оправдаться и не отрицаетъ обстоятельствъ, благодаря которымъ онъ сидитъ на скамьѣ подсудимыхъ. Онъ только старается дать иное объясненіе своимъ дѣйствіямъ, и хотя объясненія его участія въ подпискѣ документа представляются нелишенными нѣкоторой правдоподобности, но объясненія эти, тѣмъ не менѣе, противорѣчатъ тому, что обнаружено по дѣлу относительно расписокъ, полученныхъ имъ отъ Торчаловскаго, и всѣхъ дальнѣйшихъ между ними сношеній. Нельзя, однако, отрицать, что его прежняя дѣятельность представляется честною и безупречною, и это предыдущее честное поведеніе представляется настолько смягчающимъ обстоятельствомъ, особенно въ виду долговременнаго содержанія его подъ стражею, что если вы признаете его виновнымъ, то, вѣроятно, не откажете ему въ снисхожденіи. Я обвиняю Аверьянова въ томъ, что онъ засвидѣтельствовалъ подложный документъ; Торчаловскаго обвиняю въ томъ, что онъ совершилъ подлогъ; т. е. такое дѣйствіе, которое законъ относитъ къ однимъ изъ самыхъ опасныхъ и злонамѣренныхъ обмановъ, совершилъ одинъ изъ видовъ того обмана, который съ нѣкоторыми видоизмѣненіями предусмотрѣнъ въ 1693 ст. Улож. о наказ., говорящей о поднесеніи къ подписанію слѣпому другой, а не той, которую онъ желалъ подписать, бумаги. Я примѣняю эту статью потому, что княгиня Щербатова, не умѣвшая читать писаннаго, безграмотная, конечно, ничѣмъ не отличалась отъ слѣпой, такъ какъ не отличается въ глазахъ безграмотнаго человѣка своимъ содержаніемъ листъ бѣлой бумаги отъ листа бумаги, исписанной невѣдомыми ему знаками. Обвиненіе мое кончено; оно было нѣсколько длинно, но и обстоятельства дѣла слишкомъ сложны. Заключая его, я не могу не припомнить, что передъ нами читалось письмо Торчаловскаго къ княгинѣ Щербатовой, въ которомъ онъ говоритъ, что можетъ «гордиться въ своей сферѣ и можетъ быть полезенъ въ сферѣ высшей». Я полагаю, что вашъ приговоръ, гг. присяжные засѣдатели, покажетъ, что такое высокое мнѣніе подсудимаго о самомъ себѣ было, по меньшей мѣрѣ, преждевременно и неосновательно.

IV.

По дѣлу о лжеприсягѣ въ бракоразводномъ дѣлѣ супруговъ З—ныхъ.

При производствѣ возникшаго въ 1871 г. въ с.-петербургской духовной консисторіи бракоразводнаго дѣла по просьбѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника *З—на* о расторженіи брака его съ женою вслѣдствіе прелюбодѣянія послѣдней,—повѣренный З—на, коллежскій секретарь Генрихъ *Хороманскій* сослался, между прочимъ, на дворянъ Владислава *Залевскаго* и Александра *Гроховскаго* какъ на лицъ, могущихъ удостовѣрить дѣйствительность прелюбодѣянія жены З—на. Спрошенные, по распоряженію консисторіи, Залевскій и Гроховскій подъ присягою показали, что въ февралѣ 1870 г., встрѣтясь случайно на Офицерской улицѣ, они зашли закусить въ находящуюся на Никольской улицѣ гостинницу «Роза», но такъ какъ всѣ общія комнаты въ ней были заняты, то они отправились въ противоположную сторону гостинницы, гдѣ помѣщаются особые номера. Войдя въ коридоръ ведущій въ номера, они нашли первую дверь запертою; отворивъ затѣмъ дверь слѣдующей комнаты, которая была не заперта, они увидѣли при свѣтѣ горѣвшей на столѣ свѣчки на кровати обнаженную женщину съ мужчиною; въ женщинѣ этой Залевскій узналъ жену З—на, которую прежде видѣлъ въ театрѣ, о чемъ и сообщилъ тотчасъ же Гроховскому, а впослѣдствіи своему знакомому, чиновнику Корзуну. Между тѣмъ, прежде чѣмъ былъ данъ въ консисторіи очный сводъ означеннымъ свидѣтелямъ съ Александрою З—ю, вдова канцелярскаго служителя Кузьмина заявила, сначала въ канцеляріи оберъ-полиціймейстера, а затѣмъ въ сыскомъ отдѣленіи, о подкупѣ Генрихомъ Хороманскимъ свидѣтелей къ ложному показанію. Заявленіе это, а также поданное впослѣдствіи Александрою З—ою прокурору Окружнаго Суда прошеніе послужили поводомъ къ возбужденію противъ Залевскаго, Гроховскаго и Генриха Хороманскаго слѣдствія, при которомъ были собраны и обнаружены слѣдующія данныя: 1) При производствѣ полиціею дознанія по заявленію З—ой, Гроховскій, еще прежде дачи, по требованію консисторіи, присяжнаго показанія, объяснилъ въ канцеляріи оберъ-полиціймейстера, что онъ З—ой вовсе не знаетъ и нигдѣ ни съ кѣмъ ее не видѣлъ; въ мартѣ же мѣсяцѣ 1871 года братъ повѣреннаго, Александръ Хороманскій, предложилъ ему быть свидѣтелемъ по дѣлу З—на, обѣщая дать ему всѣ нужныя объясненія по этому дѣлу на бумагѣ, которую онъ и обязался представить, какъ только получитъ ее отъ Хороманскаго, въ канцелярію оберъ-полиціймейстера, а Залевскій объяснилъ,

что Александръ Хороманскій говорилъ и ему, что онъ будетъ выставленъ свидѣтелемъ по дѣлу З—на, жену котораго онъ, Залевскій, видѣлъ въ театрѣ, но ничего не можетъ припомнить, въ чемъ бы могъ быть свидѣтелемъ по этому дѣлу. Въ разъясненіе противорѣчія этихъ отзывовъ съ данными въ консисторіи показаніями, Гроховскій и Залевскій объяснили, что первоначально въ канцеляріи оберъ-полиціймейстера умолчали объ извѣстномъ имъ фактѣ по дѣлу З—на, чтобы избѣгнуть непріятныхъ послѣдствій и не желая вмѣшиваться въ семейное дѣло, не будучи притомъ еще твердо увѣрены, что видѣнная ими въ гостинницѣ «Роза» женщина была именно З—на; узнали же они объ этомъ со словъ Залевскаго, который освѣдомился о томъ же со словъ какого-то знакомаго, указавшаго ему въ театрѣ. 2) При предъявленіи З—ой Залевскому и Гроховскому, они не признали въ ней ту женщину, о которой свидѣтельствовали подъ присягою, объясняя, что это была совершенно другая, вовсе не походящая на З—ну. Въ виду противорѣчія такого признанія съ показаніемъ Залевскаго подъ присягою, что въ видѣнной имъ съ Гроховскимъ въ гостинницѣ «Роза» женщинѣ онъ тотчасъ же узналъ жену З—на, которую зналъ прежде, онъ заявилъ, что далъ такое объясненіе вслѣдствіе ошибки своего знакомаго, указавшаго ему въ театрѣ вмѣсто З—ой вѣроятно, другую женщину. При первоначальномъ допросѣ 7-го декабря 1871 года Залевскій показалъ, однако, что не помнитъ, кто былъ этотъ знакомый и только впослѣдствіи, 20-го марта 1872 г., заявилъ судебному слѣдователю, что это былъ чиновникъ медицинскаго департамента Карповичъ, прося о допросѣ его. Между тѣмъ оказалось, что означенный Карповичъ еще 4-го января 1872 года умеръ. 3) Служитель гостинницы «Роза» Красавинъ показалъ, что дверь, ведущая въ отдѣленіе, гдѣ находятся номера, постоянно бываетъ заперта и для того, чтобы войти въ это отдѣленіе, нужно непремѣнно позвонить, послѣ чего служитель, отворивъ дверь, если требуется номеръ, отправляется въ буфетъ за ключами и затѣмъ уже ведетъ посѣтителя въ свободный номеръ, такъ что безъ служителя войти въ номеръ никакимъ образомъ нельзя; и 4) вдова канцелярскаго служителя Кузьмина въ показаніяхъ, данныхъ какъ въ консисторіи такъ и при слѣдствіи, удостовѣрила, что Генрихъ Хороманскій, когда она, зимою 1870 года, была у него съ Анною Маркеловою разсказывалъ, что имъ скоро будетъ заведено въ консисторіи бракоразводное дѣло З—на съ женою и что по этому дѣлу, если жена З—на не согласится добровольно разойтись съ мужемъ, то у него есть свидѣтели, которые имъ подкуплены и покажутъ, что видѣли З—ну въ гостинницѣ съ мужчиною въ неприличномъ положеніи, при чемъ называлъ фамиліи подкупленныхъ свидѣтелей, именно: Залевскаго, Корзуна и еще какого-то третьяго. Спустя нѣкоторое время послѣ этого случая, Анна Маркелова, возвратясь отъ Хороманскаго, передала ей, при Василіѣ Мелиховѣ, что Хороманскій уговаривалъ и ее, Маркелову, показать что нибудь ложно противъ З—ой, обѣщая за это дать ей 200 руб., на что она и согласилась, но затѣмъ, по уговору Мелихова, отказалась отъ своего намѣренія. О такихъ дѣйствіяхъ Хороманскаго она, Кузьмина, по совѣту того же Мелихова, заявила З—ой, а впослѣдствіи и въ канцеляріи с.-петербургскаго оберъ-полиціймейстера. Узнавъ объ этомъ, Хороманскій, въ августѣ 1871 года, уговаривалъ ее заявить о томъ, что первое ея заявленіе недѣйствительно и дано по глупости, обѣщая за это большія деньги, на что она согласилась, не желая дать поводъ Хороманскому думать, что она дѣйствуетъ противъ него; когда же послѣ того она пришла къ Маркеловой, жившей тогда вмѣстѣ съ Хороманскимъ, то Маркелова, попросивъ ее обождать, вышла, но затѣмъ скоро вернулась и передала ей 10 руб., говоря, что это отъ З—на, который, по ея словамъ, обѣщалъ еще дать, если только она откажется отъ своего показанія у оберъ-полиціймейстера. Деньги эти Кузьмина представила въ сыскное отдѣленіе с.-петербургской полиціи, заявивъ тамъ, какимъ образомъ онѣ получены ею.

На основаніи всего этого Владиславъ Залевскій, Александръ Гроховскій и Генрихъ Хороманскій были преданы суду по обвиненію—первые двое въ томъ, что по производившемуся въ духовной консисторіи бракоразводному дѣлу З—на, съ умысломъ, ложно, подъ присягою, показали, что, въ 1870 г., видѣли въ номерѣ гостинницы «Роза» З—ну, а послѣдній въ томъ, что подговорилъ Залевскаго и Гроховскаго къ этому ложному показанію, что составляетъ преступленіе, предустотрѣнное 236 и 942 ст. Улож. о наказ.

Дѣло разсматривалось въ Петербургскомъ Окружномъ Судѣ 14-го мая 1873 года, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя *Батурина*. Защищали присяжные повѣренные *Унковскій* и *Аршеневскій*; повѣреннымъ гражданской истицы былъ присяжный повѣренный *Герардъ*

Обвиненіе было предъявлено лишь противъ двухъ подсудимыхъ, такъ какъ Генрихъ Хороманскій оказался одержимымъ разстройствомъ умственныхъ способностей, удостовѣреннымъ освидѣтельствованіемъ въ Окружномъ Судѣ, въ порядкѣ, указанномъ ст. 353—356 Уст. угол. суд.

Въ засѣданіи потерпѣвшая З—на показала, что, проживая въ Москвѣ, въ ноябрѣ 1870 года получила отъ своей знакомой письмо съ предложеніемъ отъ имени мужа развода, но уклонилась отъ отвѣта на него; затѣмъ она получила письмо уже непосредственно отъ мужа. Въ немъ онъ предлагалъ ей принять вину на себя и получить за это 12 т. р. с., изъ коихъ 6 т. р. въ видѣ заемнаго письма, при чемъ прибавлялъ, что онъ требуетъ весьма легкой жертвы, такъ какъ за прелюбодѣяніе, принятое на себя, ей придется отсидѣть въ монастырѣ всего одинъ-два мѣсяца. Возмущенная этимъ предложеніемъ, она отвѣтила отказомъ, указавъ мужу, что жертва, которую онъ считаетъ легкою—очень тяжела для честной и неповинной женщины. По отсылкѣ этого отвѣта, въ Москву явился Хороманскій и сталъ грозить З—ной, что при несогласіи ея на разводъ, съ принятіемъ вины на себя, обойдутся и безъ этого согласія, ибо уже приготовлены свидѣтели, которые покажутъ все, что нужно. З—на прогнала Хороманскаго, сказавъ, что будетъ защищаться и, приглашенная мужемъ для объясненія въ Петербургъ, узнавъ, что въ консисторіи уже даны показанія о ней, обратилась къ прокурору. Выходя замужъ и будучи дочерью очень состоятельнаго въ свое время человѣка, она принесла мужу большое приданое и домъ, приносившій 12 т. р. въ годъ дохода; когда домъ былъ отобранъ, по Высочайшему повѣленію, въ казну—мужъ сталъ отдаляться отъ нея, сходился съ другими женщинами и наконецъ совершенно бросилъ, давая сначала на содержаніе ея по 75 р. въ мѣсяцъ, но затѣмъ прекратилъ и эту выдачу, несмотря даже на вліяніе своего высшаго начальства, которое принимало участіе въ несчастной судьбѣ ея.

Подсудимые упорно отрицали свою виновность, ссылались другъ на друга и всѣ вмѣстѣ на чиновника Иваницкаго, который можетъ засвидѣтельствовать, что Залевскому указалъ на З—ну, назвавъ ее, Карповичъ, введшій такимъ образомъ ихъ всѣхъ въ заблужденіе относительно имени женщины, застигнутой ими въ гостинницѣ «Роза».

Канцелярскій чиновникъ Иваницкій подтвердилъ, что при немъ неизвѣстный ему господинъ указывалъ въ театрѣ Залевскому на даму, говоря, что это дочь знаменитаго по своему хищенію лица. На перекрестномъ допросѣ свидѣтель совсѣмъ сбился, противорѣчилъ самъ себѣ, давалъ явно несообразные съ дѣйствительностью отвѣты, и наконецъ, въ противность увѣреніямъ подсудимыхъ объяснилъ, что дѣло было не въ Большомъ, а въ Маріинскомъ театрѣ.

Въ засѣданіи были также прочитаны показанія Корзуна и З—на. Изъ перваго видно, что Корзунъ былъ знакомъ съ подсудимыми и однажды

Залевскій въ разговорѣ сообщилъ, что онъ съ Гроховскимъ видѣлъ случайно въ какой-то гостинницѣ женщину въ прелюбодѣяніи съ мужчиной, и что въ ней онъ узналъ жену З—на. Въ концѣ 1870 или въ началѣ 1871 г., онъ встрѣтился случайно съ З—мъ, котораго дотолѣ не зналъ. З—нъ въ разговорѣ спросилъ, женатъ свидѣтель или нѣтъ и, получивъ отрицательный отвѣтъ, посовѣтовалъ не жениться, при чемъ разсказалъ, что жена съ нимъ не живетъ болѣе 11 лѣтъ. Тогда свидѣтель сказалъ ему, чтобы онъ подумалъ о своихъ семейныхъ отношеніяхъ, потому что въ городѣ ходятъ довольно непріятные слухи, и заявилъ о слышанномъ отъ подсудимыхъ.

Въ показаніи З—на значится, что онъ первый разъ познакомился съ Корзуномъ по случаю пріисканія билетовъ въ театръ; въ послѣдующія свиданія Корзунъ передалъ о томъ, что слышалъ отъ Залевскаго и Гроховскаго. Переданное Корзуномъ З—нъ принялъ къ свѣдѣнію и началъ въ консисторіи бракоразводное дѣло.

Было также прочитано нѣсколько писемъ отъ З—на къ Екатеринѣ К—ой, съ которой, какъ оказалось, онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ прежде знакомства съ одною изъ свидѣтельницъ по дѣлу. Въ одномъ изъ нихъ онъ извѣщаетъ, что хлопочетъ о разводѣ К—ой съ мужемъ, и что это дѣло идетъ хорошо, что судьба послала ему ее и что онъ соединенъ съ нею тѣломъ и благословеніемъ судьбы, что, по окончаніи дѣла о ея разводѣ, онъ устроитъ разводъ съ своею женою и затѣмъ уже онъ соединится съ нею, К—ою, навсегда. Въ другомъ письмѣ, посылая К—ой 40 р., З—нъ извѣщаетъ, что онъ только что получилъ жалованье и спѣшитъ высылкою денегъ и упрекаетъ К—ую, говоря, что не видитъ съ ея стороны никакой нѣжности, совѣтуетъ ей прогнать всѣхъ ея женіховъ къ чорту, такъ какъ «у тебя есть одинъ женихъ, именно я»!

Приговоромъ присяжныхъ оба подсудимые были признаны виновными въ ложномъ подъ присягою показаніи, но заслуживающими снисхожденія.

Гг. судьи! Гг. присяжные засѣдатели! Вамъ предстоитъ разсмотрѣть дѣло, выходящее изъ ряда вонъ какъ по трудности своего возникновенія, такъ и по нѣкоторымъ своимъ особенностямъ. Подобнаго рода дѣла рѣдко доходятъ до суда. Преступленіе, о которомъ идетъ рѣчь, обставляется обыкновенно такъ, что становится очень трудно уловимымъ. Поэтому въ томъ, что подобное дѣло дошло до суда, уже надо признать нѣкоторую предварительную побѣду правосудія. Кромѣ того, при производствѣ подобнаго дѣла, въ большей части случаевъ, свидѣтели наносятъ въ него такую массу грязи, что трудно отличить настоящія обстоятельства его отъ тѣхъ, которыми они загрязнено и искажено.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ З—нъ, будучи въ разлукѣ съ женой и находя, что она не исполняетъ своихъ супружескихъ обязанностей и, будучи его женою по закону, давно уже не даритъ его тѣмъ счастьемъ, на которое онъ имѣлъ право разсчитывать, вступая въ бракъ, — рѣшился развестись съ нею. Онъ пріѣхалъ для этого въ Петербургъ, нашелъ здѣсь людей, которые согласились оказать ему юридическую помощь въ начатіи дѣла въ консисторіи

и нравственную помощь для его веденія. Онъ нашелъ людей, которые съ благородной откровенностью показали все, что могли, въ защиту чести г. З—на. Благодаря имъ, семейная честь его была близка къ возстановленію и дѣло шло естественнымъ и спокойнымъ ходомъ. Вдругъ положеніе его измѣнилось. Сначала къ дѣлу стала присматриваться власть прокурорская, затѣмъ его взяла въ руки власть судебная и,—наконецъ оно перешло изъ мирныхъ стѣнъ консисторіи въ стѣны суда. При этомъ стало оказываться, что скорѣе всего рѣчь идетъ о возстановленіи чести уже не г. З—на, а г-жи З—ной и что господа свидѣтели свидѣтельствовали такъ, что при предварительномъ слѣдствіи ихъ пришлось даже отвлечь на нѣкоторое время отъ ихъ мирныхъ занятій и лишить свободы. Свидѣтели поняли свое новое положеніе. Они заявляютъ передъ вами, что весь настоящій процессъ есть плодъ недоразумѣнія, плодъ гибельной для нихъ ошибки. Они надѣются на ваше оправданіе. Этого взгляда ихъ не раздѣляетъ обвинительная власть и полагаетъ, что предъ вами находятся люди, къ которымъ весьма примѣнимо мѣткое названіе «*самыхъ достовѣрныхъ лжесвидѣтелей*». Для разрѣшенія вопроса о томъ, насколько справедливъ такой взглядъ, я обращусь къ ихъ показаніямъ.

Для того, чтобы опредѣлить, что извѣстное лицо говоритъ на судѣ ложь, необходимо прежде всего разсмотрѣть его показаніе по существу, посмотрѣть на обстановку, въ которой оно дано и, главнымъ образомъ, на то, какимъ порядкомъ оно создавалось. Посмотримъ на общее показаніе подсудимыхъ по существу.

Прежде всего я полагаю, что оно ложно по мѣсту, котораго касается. Я не стану напоминать вамъ той грязной картины, которую нарисовали въ своихъ показаніяхъ подсудимые, а напомню только, что, по показанію ихъ, они застали въ гостинницѣ «Роза» въ блудномъ дѣйствіи съ мужчиной женщину, которую одинъ изъ нихъ призналъ за г-жу З—ну. Дѣло происходило въ особыхъ номерахъ. Назначеніе этихъ номеровъ понятно, да къ тому же его обстоятельно выяснилъ свидѣтель Красавинъ, который служитъ въ нихъ коридорнымъ. По его показанію, они служатъ преимущественно для гостей, которые приходятъ «парою», которые хотятъ быть прежде всего въ уединеніи, въ безопасности отъ постороннихъ взоровъ. Устройство гостинницы вполнѣ соотвѣтствуетъ ея двоякому назначенію. Тѣ, которые хотятъ удовлетворить своему аппетиту, идутъ въ общія комнаты. Но тѣ, которые приходятъ съ другой цѣлью, переходятъ площадку, на которой встрѣчаются съ запертой дверью. Оно и понятно, что дверь заперта: нельзя, чтобы всякій ходилъ по коридору, въ расположенныхъ вдоль котораго номерахъ люди ищутъ уединенія. Затѣмъ каждая дверь номера тоже заперта. Опять и это понятно: нельзя входить, когда тамъ могутъ быть посторонніе—и прислуга твердо наблюдаетъ это правило. Она ходитъ каждый разъ за ключемъ въ буфетъ, затѣмъ отпираетъ дверь номера и вставляетъ ключъ изнутри въ дверной замокъ. Такимъ образомъ, даже со

стороны прислуги, менѣе заинтересованный въ личномъ спокойствіи посѣтителей, чѣмъ они сами, существуетъ краснорѣчивое указаніе на осторожность: она оставляетъ ключъ съ внутренней стороны номера и этимъ какъ бы говоритъ: «запирайтесь!» Другого хода нѣтъ въ номера, другимъ путемъ не пройти въ коридоръ, такъ какъ сообщеніе снизу существуетъ только черезъ дворъ. И вотъ въ такое-то мѣсто, при такой обстановкѣ, въ одинъ прекрасный вечеръ являются Залевскій и Гроховскій. По ихъ словамъ, они не находятъ въ общей комнатѣ мѣста. Но вѣдь они пришли только закусить; это доказывается тѣмъ, что они все-таки вернулись къ буфету, выпили тамъ водки и закусили. При буфетѣ же мѣсто для закуски всегда бы нашлось и безъ напрасныхъ путешествій въ номера. Если же они шли не закусить, а основательно поужинать, то зачѣмъ же, выйдя изъ гостинницы «Роза», столь переполненной народомъ, они не пошли въ многочисленные окрестъ лежащіе рестораны, кофейныя и кондитерскія? Но, тѣмъ не менѣе, и вопреки показанію буфетчика, они не находятъ, какъ видно изъ ихъ объясненій, мѣстечка даже и у буфета. Тогда они свободно проходятъ въ коридоръ, и одинъ изъ нихъ отворяетъ дверь номера. Здѣсь существуетъ въ показаніяхъ подсудимыхъ разнорѣчіе: одинъ изъ нихъ, Гроховскій, въ показаніи, даннымъ въ консисторіи, говоритъ что видѣлъ свѣтъ изъ-подъ двери, другой же, Залевскій, говоритъ, что никакого свѣта не видѣлъ. Я думаю, что ни то, ни другое обстоятельства не служатъ въ пользу подсудимыхъ. Если они видѣли изъ-подъ двери свѣтъ, то должны были понять, что незачѣмъ быть свѣту въ пустыхъ номерахъ, слѣдовательно тамъ кто нибудь есть и потому идти туда нельзя. Если же они не видѣли свѣта, то понятно, что какъ только дверь была отворена на полъ-дюйма, они должны были увидѣть свѣтъ и тотчасъ ее запереть, не входя. Но ничего этого не случилось. Несмотря на увидѣнный ими свѣтъ, они вошли въ номеръ и пробыли въ немъ настолько долго, что могли внимательно осмотрѣть обстановку комнаты: они разсмотрѣли и кровать, и женщину, и нагорѣвшую свѣчу и даже одиночное драпри, хотя свидѣтель Красавинъ показалъ здѣсь, что въ номерахъ гостинницы «Роза» одиночныхъ драпри нѣтъ. Затѣмъ, увидѣвши, что они неумѣстные гости, они уходятъ изъ номера и возвращаются къ буфету. Кого же они видѣли? Они говорятъ, что видѣли г-жу З—ну. Вглядитесь, господа, въ обстановку этой встрѣчи. Въ трактирѣ, въ номерахъ, въ положеніи крайне свободномъ, они видятъ, по ихъ мнѣнію, личность, которую рѣшаются потомъ назвать по фамиліи, г-жу З—ну. Но ту даму, которую Залевскій принялъ въ гостинницѣ «Роза» за г-жу З—ну, онъ видѣлъ передъ этимъ въ ложѣ Большого театра съ семействомъ,—онъ зналъ, что она дочь извѣстнаго П—го, въ свое время очень богатаго человѣка, получившая хорошее воспитаніе и образованіе свѣтская женщина. Какъ же не пришло обоимъ подсудимымъ въ голову въ тоже время и прежде чѣмъ сообщить о видѣнномъ, сначала въ видѣ анекдотовъ и шутокъ, а затѣмъ уже и не

въ шутку въ присутственномъ мѣстѣ,—какъ же не пришло имъ въ голову, что тутъ должна быть грубая ошибка, что это не З—на, что ни общественное положеніе, ни воспитаніе не позволяютъ ей искать уединенія въ незапертомъ номерѣ гостинницы «Роза»? Какъ не подумали они, что, живя въ Петербургѣ одна, она всегда можетъ найти себѣ болѣе удобное помѣщеніе, чѣмъ «Роза», что она едва ли, придя въ номера, рѣшилась бы такъ беззастѣнчиво и открыто предаваться разврату при «открытыхъ дверяхъ»? Въ самомъ дѣлѣ— и дверь коридора открыта, и дверь номера не заперта, и драпри раскрыто, и платье снято, такъ что никому не возбраняется придти и полюбопытствовать. Какъ же не пришло имъ въ голову, что если женщина *такъ* дѣйствуетъ, то значитъ она потеряла всякій стыдъ, всякіе проблески хорошаго воспитанія? Нѣтъ, — они признаютъ вполнѣ естественнымъ, что это *могла* быть З—на, и потому утверждаютъ, что это *была* она. У нихъ не возникаетъ и тѣни сомнѣнія! Напротивъ, они, знающіе, конечно, что такое клевета и какъ она называется, сообщаютъ о видѣнномъ людямъ, съ которыми видятся весьма рѣдко, притомъ не обязывая ихъ молчать. Наконецъ, посмотрите на практическую, бытовую сторону дѣла. Возможно ли, чтобъ подобные случаи происходили въ подобной гостинницѣ? Вѣдь одинъ такой случай, разсказанный тѣми, кто пострадалъ,—разсказанный тѣмъ, кто воспользовался имъ изъ любопытства, достаточенъ для того, чтобы подорвать въ извѣстномъ кругу посѣтителей, такъ сказать, авторитетъ гостинницы. Вѣдь въ нее будутъ остерегаться ходить, если станетъ извѣстно, что тамъ нельзя оставаться въ уединеніи, а слѣдовательно иногда и въ безопасности, — что тамъ по коридору и по номерамъ всякій ходитъ совершенно свободно и притомъ безъ особой надобности. Подсудимые говорятъ впрочемъ, что имъ была надобность въ номерѣ. Они хотѣли его взять, чтобы закусить. Но за номеръ нужно платить особыя деньги, гостинница довольно извѣстная, номера должны быть дороги, между тѣмъ какъ тутъ же неподалеку есть множество всякаго рода закусочныхъ заведеній, гдѣ трата за номеръ окажется лишнею. Подсудимые заявляютъ, впрочемъ, что они люди со средствами. Я сомнѣваюсь въ этомъ, потому что соціальное положеніе ихъ намъ достаточно извѣстно. Г. Залевскій—не окончившій курсъ технологъ, занимающейся приготовленіемъ къ окончанію курса, а другой, Г. Гроховскій, играетъ въ разныхъ мѣстахъ на фортепіано,—тоже профессія, не дающая особыхъ средствъ къ жизни. Поэтому, едва ли они станутъ кидать деньги зря, безъ всякой нужды. Вообще надо замѣтить, что участвующія въ настоящемъ дѣлѣ лица не имѣютъ опредѣленныхъ занятій. Это характерическая черта и ее не дурно запомнить. Г. Маркеловъ, напримѣръ, занимается тѣмъ, что три года пріискиваетъ мѣсто, г. же Хороманскій заявилъ, что онъ *занимается* тѣмъ, что *скоро собирается уѣхать изъ Петербурга*...

Таково показаніе подсудимыхъ по существу. Я полагаю, что они не могли видѣть того, о чемъ они повѣтствовали въ консисторіи, и

съ недовѣрчивымъ удивленіемъ слышу, какъ они опредѣляютъ, сложеніе, цвѣтъ глазъ, цвѣтъ волосъ и болѣзненное выраженіе лица той женщины, которая играла такую важную роль въ разсказанномъ ими г. Корзуну анекдотѣ. Показаніе ихъ неправоподобно и сшито бѣлыми нитками. Оно ложно—это показаніе!

Посмотримъ теперь вообще на обстановку показанія, на то что ему предшествовало и послѣдовало. Для этого приходится коснуться г. З—на и его отношеній къ женѣ. Вы знаете изъ показаній его и Корзуна, что мысль о разводѣ явилась у З—на уже давно, и что на осуществленіе ея натолкнулъ его Корзунъ, разсказавъ ему о женѣ то, что онъ зналъ отъ Залевскаго. Есть, однако, основанія думать, что въ дѣйствительности было не такъ. Вы слышали нѣкоторыя свидѣтельскія показанія и письма, и изъ нихъ можно вывести заключеніе, что г. З—нъ давно разлюбилъ жену и, давно бросивъ ее почти на произволъ судьбы и полюбивъ, повидимому, другую, искалъ развода. Но жена не соглашалась на разводъ. Она не легко поддавалась на просьбы мужа. Она, принесшая мужу огромное приданое, имѣла смѣлость требовать, чтобы онъ далъ ей средства, имѣла желаніе быть обезпеченною и на старости лѣтъ имѣть кусокъ хлѣба. Эти неумѣренныя желанія мѣшали разводу. И вотъ, въ такомъ неопредѣленномъ положеніи дѣла г. З—нъ пріѣзжаетъ въ Петербургъ. Если вѣрить его показаніямъ, то онъ встрѣчается съ Корзуномъ. Онъ знакомъ съ нимъ года три, съ тѣхъ поръ какъ встрѣтился съ нимъ въ кондитерской и покупалъ у него билеты въ театръ. З—нъ говоритъ, что онъ пуще всего боится огласки, что ему, какъ лицу, по своему воспитанію, образованію, происхожденію и положенію принадлежащему къ такъ называемому высшему сословію, было невозможно допустить какую либо огласку. Но что же мы видимъ? Встрѣтивъ Корзуна, онъ немедленно вступаетъ съ нимъ въ интимный разговоръ, а черезъ нѣсколько минутъ даже открываетъ предъ нимъ свою душу, показываетъ всѣ ея сокровенныя больныя мѣста, разсказываетъ о своей несчастной жизни, въ свою очередь выслушиваетъ разсказъ отъ г. Корзуна, о прелюбодѣяніи своей жены и пользуется этимъ разсказомъ. Хотя все это представляется страннымъ, но, тѣмъ не менѣе, допустимъ, что это такъ было, что г. З—нъ дѣйствительно узналъ отъ Корзуна, что есть свидѣтели, которые могутъ доказать, что жена его совершила прелюбодѣяніе. Услыхавъ такой разсказъ онъ могъ сказать себѣ, что теперь несомнѣнный фактъ у него на лицо. Имѣя этотъ фактъ, онъ, конечно, воспользуется имъ, онъ станетъ настойчиво требовать отъ своей жены развода, онъ поставитъ ее въ безвыходное положеніе. Огласки уже нечего бояться. Она произошла, когда есть такіе постороніе свидѣтели какъ Залевскій и Гроховскій. Притомъ, г. З—нъ, конечно, знаетъ, что невозможно развестись иначе, какъ имѣя свидѣтелей прелюбодѣянія, такъ какъ по закону разводъ не допускается по одному сознанію принимающаго на себя вину супруга. Но теперь у него есть прекрасное оружіе и естественно ожидать, что онъ станетъ на-

стойчиво требовать развода съ женщиной, которая, нося его титулъ и имя, такъ позоритъ ихъ своимъ поведеніемъ. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, онъ такъ не дѣйствуетъ. Вы слышали содержаніе его писемъ къ женѣ, въ декабрѣ 1870 года. Развѣ такъ будетъ писать оскорбленный и подкрѣпленный двумя свидѣтелями супругъ? Развѣ онъ станетъ почти ухаживать за женою, ласково обращаясь къ ней, *просить* ее *дать ему* разводъ, а не требовать, ни разу не упомянуть, хотя бы для красоты слога, о поруганной своей чести и, въ довершеніе всего, предлагать такія выгодныя условія, какъ подарокъ въ 12,000 рублей, которые будутъ будто бы, приносить 1,200 рублей въ годъ, и наконецъ, обѣщать полное спокойствіе и обезпеченіе во все время веденія процесса о разводѣ? Развѣ станетъ писать такія письма дѣйствительно оскорбленный супругъ, который при этомъ давно уже думаетъ о разводѣ? Я думаю, нѣтъ. Даже показывая женѣ обратную сторону медали, какъ онъ самъ выражался въ одномъ изъ писемъ, г. З—нъ чрезвычайно мягкими красками рисуетъ женѣ ожидающія ее послѣдствія. Все устроится хорошо, онъ употребитъ всѣ зависящія мѣры, она не должна ничего опасаться, — запрещеніе вступать въ бракъ почти не соблюдается, эпитимія почти не налагается,—все это серьезнаго, по его увѣреніямъ, значенія не имѣетъ. При этомъ онъ нисколько не высказываетъ, чтобы считалъ виноватою ее лично, а только проситъ согласиться испытать на себѣ обратную сторону медали. Вы слышали отвѣтъ г-жи З—ной на это письмо. Отвѣтъ очень остроуменъ. Она говоритъ, что если всѣ послѣдствія развода, вся обратная сторона медали—ничего не значатъ, то пусть онъ испытаетъ ихъ на себѣ; что если сознаться въ прелюбодѣяніи—ничего, то пусть онъ сознается самъ, можетъ быть, ему мужчинѣ, это будетъ еще легче, чѣмъ ей, женщинѣ. «Вы трактуете объ имуществѣ, которое останется послѣ вашей смерти. пишетъ она мужу,—но зачѣмъ же говорить о смерти, думая о такомъ житейскомъ дѣлѣ, какъ разводъ; вы говорите, что мой воспитанникъ не будетъ обезпеченъ,—да я и не просила о его обезпеченіи,—но я ваша жена и мы оба должны заботиться о сынѣ, а онъ одинаково получитъ наслѣдство какъ отъ меня, такъ и отъ васъ, въ чьихъ бы рукахъ оно ни было». Вы видите, гг. присяжные, какъ говорятъ и пишутъ въ этомъ дѣлѣ супруги З—ны. Такъ ли говорятъ люди, изъ которыхъ одинъ оскорбленъ, а другой виновенъ, такъ ли объясняются — обманутый мужъ и невѣрная жена? Конечно, не такъ. Поэтому мы можемъ признать, что встрѣча съ Корзуномъ въ томъ видѣ, какъ она разсказана З—мъ, никогда не была въ дѣйствительности.

Въ дополненіе къ этому выводу, я укажу вамъ на довольно интересныя числа. Александръ Хороманскій, повѣренный З—на, заявилъ здѣсь, что онъ, при знакомствѣ съ нимъ, въ одно изъ первыхъ свиданій, узналъ, что онъ хочетъ начать дѣло о разводѣ, и что у него есть свидѣтели, которые видѣли прелюбодѣяніе жены. Безъ сомнѣнія, З—нъ говорилъ Хороманскому о прелюбодѣяніи жены,

при первомъ свиданіи, потому что иначе незачѣмъ имъ было видѣться, не для чего была помощь Хороманскаго. З—нъ зналъ, что одного согласія и сознанія жены недостаточно, что нужно что нибудь существенное, а этимъ существеннымъ, конечно, представлялись свидѣтели. Только имѣя въ виду свидѣтелей, онъ могъ обратиться къ Хороманскому; только имѣя ихъ въ рукахъ, Хороманскій могъ начать дѣло. Вы слышали изъ показанія Хороманскаго, что онъ познакомился съ своимъ довѣрителемъ за 15 мѣсяцевъ до 14-го января 1872 года, т. е., слѣдовательно, въ половинѣ октября 1870 года. Здѣсь на судѣ Хороманскій говоритъ, что это было въ концѣ ноября или въ началѣ декабря. Но это показаніе, эта поздняя перемѣна времени знакомства лишены значенія, потому что онъ же самъ весьма откровенно заявилъ здѣсь, что, вмѣстѣ со слѣдователемъ опредѣляя время знакомства, для точности высчитывалъ мѣсяцы и затѣмъ уже подписалъ показаніе; ариѳметическую же ошибку здѣсь допустить трудно. Итакъ, начало ихъ знакомства—половина октября и первый разговоръ о свидѣтеляхъ никакъ не позже конца октября. Но откуда могъ знать З—нъ о свидѣтеляхъ? Отъ Корзуна. Съ Корзуномъ онъ встрѣчался—они оба согласно показываютъ—въ концѣ декабря. Но какъ онъ могъ говорить въ октябрѣ о свидѣтеляхъ, о которыхъ узналъ только въ декабрѣ? Это новое доказательство неправдоподобности и вымышленности показаній З—на о разговорѣ съ Корзуномъ. Изъ всего указаннаго мною, кажется, ясно вытекаетъ, лишь одно—что оба эти лица, условливаясь начать и вести бракоразводное дѣло, знали, что свидѣтели *будутъ*. Они и *были*.

Затѣмъ обращаюсь къ порядку, которымъ создались показанія гг. Залевскаго и Гроховскаго. Онъ весьма оригиналенъ. Первый, кто сообщаетъ обо всемъ З—ну—это Корзунъ. Корзунъ съ горькимъ чувствомъ разсказываетъ о слышанномъ, старается оградить честь незнакомаго ему человѣка и, какъ истинно добрый человѣкъ, принимая въ немъ участіе, считаетъ себя вынужденнымъ разсказать о томъ, что ему извѣстно про его жену. Онъ оговаривается, впрочемъ, что самъ ничего не видѣлъ, но слышалъ это отъ достовѣрнаго человѣка—отъ Гроховскаго. Беремъ г. Гроховскаго. Да!—г. Гроховскій видѣлъ происходившее въ номерѣ гостинницы, онъ присутствовалъ при циничесой сценѣ, видѣлъ женщину, которая явно и безсовѣстно прелюбодѣйствовала. Онъ самъ ее не зналъ, но ему говорилъ, что это З—на, достовѣрный человѣкъ, Залевскій, который ее знаетъ. Возьмемъ Залевскаго. Залевскій тоже возмущенъ видѣнной картиной и подъ присягой подтвердилъ, что онъ знаетъ, что это была г-жа З—на. Онъ убѣжденъ въ этомъ. Онъ знаетъ даже ея родословную. Она дочь знаменитаго въ своемъ родѣ П-го и ее-то съ любопытствомъ разсматривалъ онъ въ театрѣ. Въ томъ театрѣ былъ человѣкъ, который достовѣрно зналъ, что это именно г-жа З—на. Онъ-то и показалъ на нее Залевскому. Это былъ Карповичъ. Позовемъ г. Карповича... Но его мы уже не позовемъ, такъ какъ оказывается, что онъ *умеръ прежде*, чѣмъ на него сослался г. Залев-

скій. И вотъ, такимъ образомъ, является рядъ свидѣтелей, изъ которыхъ каждый говоритъ вещи почти неопровержимыя и никто не несетъ прямой обязанности за сказанное. Они составляютъ неразрывную цѣпь между собою, которая начинается съ Корзуна и, повидимому, терялась бы въ пространствѣ, если бы г. Карповичъ не умеръ. Каждый свидѣтель соприкасался со своимъ сосѣдомъ по этой цѣпи лишь малою частицею своего показанія, но въ этой же частицѣ онъ снимаетъ съ себя бремя отвѣтственности и перекладываетъ его на сосѣда. Это перекладываніе, думается мнѣ, могло идти очень далеко. Но г. Карповичъ умеръ: «мертвые срама не имутъ», и на немъ можно было остановиться. Можно было, какъ оказывается, и еще найти одно лицо, которое поддержитъ фонды подсудимыхъ. Такимъ лицомъ является г. Иваницкій. Но вы слышали г. Иваницкаго, вы его видѣли, и я думаю, что незачѣмъ разбирать его показанія. Скажу только, что этотъ свидѣтель имѣетъ слишкомъ необыкновенныя качества для того, чтобы пользоваться ими при обсужденіи обыкновеннаго дѣла. Онъ обладаетъ удивительнымъ свойствомъ дальнозоркости и для него до такой степени не существуетъ непроницаемости, что изъ второго ряда креселъ *Маріинскаго* театра онъ видитъ, кто сидитъ во 2-мъ ярусѣ *Большого* театра. Мнѣ жаль, что подсудимые оторвали отъ занятій этого канцелярскаго чиновника, получающаго 23 р. жалованья въ мѣсяцъ—и ходящаго слушать Патти въ «Мариновскій» театръ, гдѣ онъ платитъ за кресло 2-го ряда «когда рубль, а когда и два». Его показаніе мало подвигаетъ насъ впередъ. Обратимся опять къ числовымъ даннымъ. Дѣло началось собственно съ призыва обвиняемыхъ въ канцелярію оберъ-полиціймейстера въ половинѣ мая 1871 года. Но какое спокойствіе, какая увѣренность въ своей невинности сопровождаетъ гг. Залевскаго и Гроховскаго чрезъ все дѣло! Они не заботятся о своей защитѣ, они считаютъ излишнимъ утруждать себя мыслью, что въ показаніи ихъ могла быть ошибка. Они не думаютъ обратиться къ первоначальному источнику своихъ показаній. Если Карповичъ, который тогда былъ еще живъ, и Иваницкій могли такъ правдиво подтвердить ихъ показаніе, то зачѣмъ же они не сослались на нихъ въ самомъ началѣ дѣла? Ихъ спрашиваютъ въ полиціи 15-го мая, ихъ спрашиваютъ въ консисторіи въ началѣ іюля подъ присягою и тѣмъ даютъ имъ основательный поводъ размыслить о томъ, какъ, если дѣло пойдетъ дальше, объяснить свои показанія,—поводъ порыться въ своей памяти, чтобы найти, кто именно былъ тотъ, который явился первымъ звеномъ цѣпи ихъ показаній. Однако, они не припоминаютъ, они, повидимому, даже не желаютъ припомнить. Наконецъ, 16-го августа 1871 года начинается слѣдствіе, дѣло принимаетъ очень серьезный характеръ. Это уже не консисторія, — тутъ виденъ въ далекой перспективѣ Окружный Судъ и присяжные засѣдатели. Нужно, очень нужно подумать о своей безопасности! Но и здѣсь гг. Залевскій и Гроховскій не разрѣшаютъ дѣла краткимъ, но достовѣрнымъ указаніемъ на первоначальнаго свидѣтеля, который могъ ихъ ввести въ заблужденіе.

Залевскій говоритъ *«о знакомыхъ»*, о томъ, что ему *«говорили»*, *«показывали»*, *«разсказывали»*, что это сидитъ въ ложѣ г-жа З—на. Ихъ заключаютъ подъ стражу 7-го декабря,—они лишены свободы, дѣло принимаетъ, очевидно, чрезвычайно опасный характеръ, на нихъ лежитъ очень серьезное обвиненіе. Что же, заботится ли Залевскій указать на то лицо, которое показывало ему въ театрѣ г-жу З-ну? Побуждаетъ ли Гроховскій своего товарища спасти его и себя? Нисколько! 29-го декабря имъ дѣлаютъ очный сводъ съ г-жей З—ной, они не признаютъ въ ней видѣнную ими въ гостинницѣ «Роза» женщину, и тогда ихъ выпускаютъ на свободу. Наконецъ, только 20-го марта, въ день заключенія слѣдствія, гг. Карповичъ и Иваницкій являются на сцену. Говорятъ, что позднее раскаяніе безполезно. Позволительно думать, что позднее оправданіе, приводимое въ такихъ обстоятельствахъ, какъ настоящія, болѣе чѣмъ безполезно. Оно можетъ быть даже вредно, ибо бываетъ сопряжено съ пользованіемъ такими услугами, какъ показаніе г. Иваницкаго. Стоитъ обратить вниманіе и на нравственную связь этихъ свидѣтелей между собою. Какіе это въ сущности добрые и предупредительные люди! Какъ они охотно не отказываютъ въ помощи г. З—ну! Какъ каждый изъ нихъ принимаетъ живое и серьезное участіе въ судьбѣ бракоразводнаго дѣла, отвлекаясь отъ обычныхъ занятій, подвергаясь преслѣдованіямъ! И ужели это все дѣлается безвозмездно. Ужели это дѣлается такъ, просто, по участію? Нѣтъ ли здѣсь выгоды, нѣтъ ли въ этомъ дѣлѣ присутствія сильнаго рычага—рычага денежнаго? Недаромъ же г. Хороманскій, пріѣзжая къ г-жѣ З—ной въ Москву и требуя согласія на разводъ, говорилъ, что иначе и свидѣтели найдутся, прибавляя, что съ деньгами можно все сдѣлать.

Я думаю, что, насколько позволяютъ время и ваша усталость, я достаточно указалъ на отрицательную сторону дѣла, на искусственность связи въ показаніяхъ подсудимыхъ и, наконецъ, на вымышленность поводовъ къ начатію дѣла со стороны г. З—на. Обращаюсь къ положительной сторонѣ дѣла, къ указанію, *какъ*, по мнѣнію обвинительной власти, создалось это дѣло.

Г. З—нъ уже давно не любитъ свою жену, давно съ нею разлучился, и въ Вильнѣ, въ Великихъ Лукахъ, завелъ новую семью, членомъ которой была личность, замѣнявшая ему жену. Онъ, повидимому, былъ привязанъ къ этой личности сильно, онъ писалъ къ ней исполненныя нѣжнѣйшей ласки письма, въ которыхъ высказывалъ надежду на разводъ съ женою и выражалъ увѣренность въ успѣхѣ. Въ одномъ изъ писемъ, исполненномъ привязанности къ ней, къ той Катѣ, которая должна пріѣхать и разогнать его тоску, есть нѣсколько сухихъ и холодныхъ словъ, въ которыхъ сообщается о томъ, что жена очень сильно и опасно больна. Эти слова находятся въ такомъ разладѣ съ радостнымъ тономъ всего письма, что ихъ можно считать тоже за радостное извѣстіе. Итакъ, мысль о разводѣ явилась и созрѣла уже давно. Разводъ необходимъ и крайне желателенъ. Съ этою созрѣвшей мыслью г. З—нъ является въ Петер-

бургъ. Вести дѣло самому—онъ считаетъ неудобнымъ,—надо найти ходатая. Ходатай есть, онъ объявляетъ о себѣ въ газетахъ какъ объ «адвокатѣ по семейнымъ и бракоразводнымъ дѣламъ». Г. З—нъ и обращается къ ходатаю, а черезъ этого ходатая знакомиться и съ его братомъ, который, въ свою очередь, знакомитъ его съ своею родственницей, которой г. З—нъ сразу начинаетъ помогать деньгами и писать письма на французскомъ языкѣ. Такимъ образомъ, онъ входитъ въ сношеніе съ кружкомъ этихъ лицъ и ему поручаетъ устройство своей судьбы. Прежде всего необходимо приготовить г-жу З—ну къ мысли о разводѣ съ принятіемъ на себя виновности. Поэтому сначала посылаются къ ней искательныя и широко обѣщающія письма, а затѣмъ ѣдетъ въ Москву Александръ Хороманскій. З—на остается непреклонна. Ни обѣщанія, ни угрозы не дѣйствуютъ на нее. Она хочетъ видѣть мужа, не желаетъ позорить себя признаніемъ своей виновности и прогоняетъ ходатая. Тогда приходится и безъ нея обойтись. Обойтись можно, и это доказываетъ настоящее дѣло. Свидѣтели найдены,—дѣло можно начинать и, играя присягою, довести до благополучнаго конца. Но дѣло нужно вести въ Москвѣ, по мѣсту жительства отвѣтчицы, а это неудачно, потому что туда пришлось бы переносить всю организацію, которая образовалась здѣсь. Поэтому надо измѣнить подсудность дѣла, надо вызвать отвѣтчицу въ С.-Петербургъ, поселить ее здѣсь. И вотъ, подъ предлогомъ соглашенія, подъ предлогомъ переговоровъ, которые могутъ привести къ цѣли, г-жа З—на вызывается въ Петербургъ и ей посылаются для этого деньги. Хотя послѣ ея категорическаго отказа принять на себя вину и заявленія, что она только хочетъ видѣть мужа,—чего онъ, повидимому, не особенно добивался,—всѣ сношенія съ нею надо бы считать прерванными, мужъ посылаетъ ей денегъ и даетъ средства пріѣхать въ Петербургъ. Къ чему этотъ пріѣздъ, къ чему ненужная трата 300 рублей, когда для переговоровъ можно бы за 50 рублей опять послать въ Москву Хороманскаго? Я позволю себѣ утверждать, что иначе трудно смотрѣть на пріѣздъ г-жи З—ной, на посылку за нею, какъ на искусственное привлеченіе ея въ Петербургъ для начатія здѣсь дѣла. Когда подсудность Петербургу устроена, начинается подпольная работа и подготовляются показанія свидѣтелей, которымъ г. Хороманскій, по его собственнымъ словамъ, «дѣлалъ визиты». Но въ то время, когда все дѣло, какъ говорится, «на чеку», дѣвица Маркелова съ дѣтскою болтливостью объявляетъ, что ей обѣщаютъ 200 р. за ложное показаніе. Среди слушателей находится Мелиховъ, молодой морякъ. Онъ оказывается весьма порядочнымъ человѣкомъ. Я думаю, что въ настоящемъ дѣлѣ онъ единственный свидѣтель, до котораго это дѣло не коснулось своею грязной стороной. На него можно указать, какъ на своего рода оазисъ среди нравственной пустыни свидѣтельскихъ показаній. Онъ слышитъ, что подкупаютъ свидѣтелей, возмущается и требуетъ, чтобы Кузьмина пошла и сказала объ этомъ З—ной. Кузьмина идетъ и разсказываетъ, и вслѣдствіе этого измѣняется ходъ

всего дѣла. Правда, всѣ свидѣтели старались здѣсь представить Кузьмину въ такомъ видѣ, который едва ли привлекателенъ, и я не говорю, чтобы ей можно было особенно симпатизировать.Но если отбросить все, относящееся къ ея частной жизни, то оказывается, что она по дѣлу повинна лишь въ томъ, что ждала денегъ отъ г-жи З—ной за помощь въ раскрытіи интриги, которая велась противъ нея. Я готовъ согласиться, что она дѣйствительно могла ждать и ждала денегъ. Но что же изъ этого? Она тревожилась, она безпокоилась, ее таскали въ полиціи, по судамъ, въ консисторію. Она считала себя имѣющею право на «благодарность». Наконецъ, и нельзя требовать особаго безкорыстія со стороны дамы, которая была компаньонкой г-жи Маркеловой для поѣздокъ въ Орфеумъ и тому подобныя мѣста. Но это свойство не измѣняетъ силы ея показанія потому, что все послѣдующее его подкрѣпляетъ. Когда заявленіе сдѣлано, г-жа З—на начинаетъ защищаться и вызываетъ въ канцелярію оберъ-полиціймейстера гг. Залевскаго и Гроховскаго. Они видятъ, что дѣло плохо: канцелярія оберъ-полиціймейстера вообще для неимѣющихъ опредѣленныхъ занятій, а лишь занимающихся пріисканіемъ ихъ, должна казаться мѣстомъ довольно непріятнымъ. Они даютъ показаніе, въ которомъ заранѣе отрекаются отъ показанія, которое будетъ дано въ консисторіи. Особенно краснорѣчиво показываетъ г. Гроховскій. Онъ просто не знаетъ, зачѣмъ приходилъ къ нему г. Хораманскій, который не объяснилъ даже «докладно», чего онъ хочетъ, такъ что онъ, Гроховскій подъ давленіемъ совѣсти, которая его «наказуетъ», заранѣе говоритъ, что ни чего не знаетъ о З—ной, а если что и узнаетъ отъ Хораманскаго, то тотчасъ же сообщитъ въ канцелярію оберъ-полиціймейстера. Но когда дѣло дошло до допроса подъ присягой, то и Залевскій и Гроховскій дали извѣстное намъ показаніе. Какъ могли они рѣшиться на это? Почему они дали его, отрекшись предварительно?

Господа присяжные, эти подсудимые были орудіемъ въ рукахъ опытнаго дѣльца. Этотъ дѣлецъ былъ Генрихъ Хораманскій. Онъ не подлежитъ нашему суду, онъ лишился разсудка, но изъ всего дѣла видно, что онъ былъ душою его, душою заговора противъ З—ой. Онъ, конечно, зналъ, что неформальныя показанія, данныя не передъ судомъ, а въ административной канцеляріи, для суда, строго заключеннаго въ формы, какова консисторія, не имѣютъ никакого значенія. Это былъ опытный дѣлецъ по бракоразводнымъ дѣламъ. Въ дѣлѣ есть отношеніе консисторіи, въ которомъ указывается, что онъ велъ съ успѣхомъ три бракоразводныхъ дѣла. Такого дѣльца не могли устрашить клочки бумаги, гдѣ написаны неформальныя слова свидѣтелей. Въ его глазахъ эти клочки безвредны, потому что въ глазахъ консисторіи, которая строитъ все на присяжныхъ показаніяхъ, они ничтожны. Это, конечно, было ясно и наглядно объяснено свидѣтелямъ. Конфузъ, вызванный въ нихъ канцеляріею оберъ-полиціймейстера, прошелъ—убѣжденія же Хораманскаго и тотъ рычагъ, о которомъ я говорилъ выше, остались. У нихъ оказалась

полная свобода показать все, что необходимо. Такъ они и сдѣлали и притомъ подъ присягой. Дѣло было исправлено отчасти послѣ ущерба, нанесеннаго болтливостью Маркеловой и порядочностью Мелихова. Правда, въ немъ осталась одна свидѣтельница, которую трудно направить на полезный путь—это Кузьмина. Но что трудно, то не невозможно. Прежняя ссора забыта и за Кузьминою начинается ухаживаніе, высказывается желаніе съ нею помириться; ей назначаютъ свиданія то въ «Hôtel du Nord», то въ гостинницѣ «Рига». Кузьмина, повидимому, поддается и ей дается 10 рублей Маркеловою въ задатокъ отъ г. З—на за то, чтобы она отказалась въ консисторіи отъ того, что заявила въ канцеляріи оберъ-полиціймейстера. Этотъ фактъ дачи 10 рублей не подлежитъ сомнѣнію. Что 10 рублей были даны, это подтверждаетъ сама Маркелова, которая говоритъ, что отдала *долгъ*. Это подтвердилъ и Маркеловъ, который сказалъ, что эти деньги его сестра дала *въ долгъ* Кузьминой; наконецъ, что они были даны—это доказываетъ и протоколъ, составленный сыскной полиціей, съ приложенными къ нему 10 рублей, которые Кузьмина принесла въ полицію. Дача этихъ десяти рублей составляетъ неопровержимый фактъ и можно даже повѣрить характеристическому показанію Кузьминой о томъ, какъ эти 10 рублей попали въ руки Хороманскаго въ видѣ 50 рублей, вышли изъ нихъ въ видѣ 15 рублей, а побывавъ въ рукахъ Маркеловой, обратились въ настоящіе 10 рублей. Деньги эти Кузьмина взять взяла, но передала ихъ полиціи. Вскорѣ началось слѣдствіе. Результатъ его—будетъ ваше рѣшеніе, гг. присяжные засѣдатели. Отъ васъ зависитъ разрѣшить—права ли была обвинительная власть, доводя это дѣло до вашего суда, или же правы подсудимые, думающіе, что во всемъ виноватъ умершій Карповичъ, да въ особенности г-жа З—на, тѣмъ, что она дочь II—го и этимъ привлекаетъ на себя вниманіе.

Вглядываясь въ настоящее дѣло, я нахожу, что оно представляетъ собою очень умно веденную и коварную интригу мужа, желающаго отдѣлаться отъ жены во что бы то ни стало, какими бы то ни было средствами, при чемъ призываются на помощь всевозможныя темныя и сомнительныя личности и, какъ застрѣльщики, высылаются впередъ ложные свидѣтели. Дѣйствуя ловко, обдуманно и съ надлежащею помощью, эти господа цѣлой цѣпью показаній опутываютъ г-жу З—ну и заранѣе торжествуютъ побѣду, забывая, что эта побѣда для порядочной, съ пробивающеюся сѣдиною 40-лѣтней женщины будетъ равняться клейму глубокаго позора, не смываемаго во всю ея послѣдующую, одинокую и, быть можетъ, нищенскую жизнь! Я думаю, однако, что вашъ приговоръ можетъ показать, что надежда на эту побѣду была весьма обманчивая. Въ настоящемъ дѣлѣ нравственно виновныхъ лицъ больше, чѣмъ виновныхъ юридически, но, къ сожалѣнію, я могу говорить только о винѣ, подходящей подъ положительныя указанія карательнаго закона. Я обвиняю гг. Залевскаго и Гроховскаго въ томъ, что они дали обдуманно ложное показаніе въ консисторіи, клонившееся къ растор-

женію брака З—ныхъ, вопреки желанію одной изъ сторонъ. Мнѣ нечего распространяться о важности этого преступленія. Если измѣрять важность преступленія его опасностью, то это преступленіе занимаетъ одно изъ первенствующихъ мѣстъ. Подобнаго рода лжесвидѣтели, измышляя то, чего нѣтъ, разсказывая факты искаженнымъ образомъ, клевеща и говоря ложь, пользуются самымъ неотразимымъ и страшнымъ орудіемъ—словомъ. Не рискуя, подобно вору, каждую минуту своею безопасностью, никогда не дѣйствуя подъ вліяніемъ увлеченія или страсти, что бываетъ зачастую и въ убійствѣ, они дѣйствуютъ всегда неожиданно для другихъ и очень обдуманно и безопасно для себя. Они являются со своими отточенными и напитанными ядомъ показаніями предъ судъ, и горе тѣмъ, въ чью семейную или частную жизнь они заползутъ со своею ложью! Они по большей части неуловимы, потому что всегда хорошо обставили себя и приготовили себѣ выходы. Они и не затруднены исполненіемъ своего дѣла. Имъ нужно лишь умѣнье связно говорить, отсутствіе способности краснѣть и присутствіе способности заставить замолчать свою совѣсть въ ту минуту, когда ихъ лживыя уста прикоснутся къ Вѣчной Книгѣ, въ которой написаны слова святой истины. Подобные дѣятели опасны въ обществѣ, и чѣмъ ихъ больше, тѣмъ они становятся опаснѣе, потому что составляютъ компаніи и товарищества взаимнаго вспомоществованія. Поэтому обществу приличнѣе всего защищаться отъ нихъ своими собственными средствами. Однимъ изъ лучшихъ такихъ средствъ—долженъ быть вашъ судъ, господа присяжные засѣдатели...

V.

По дѣлу о Станиславѣ и Эмилѣ Янсенахъ, обвиняемыхъ во ввозѣ въ Россію фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, и Германіи Акаръ, обвиняемой въ выпускѣ въ обращеніе такихъ билетовъ.

3-го марта 1869 года с.-петербургскою сыскною полиціею въ Милліонной улицѣ задержаны были: с.-петербургскій 1-й гильдіи купецъ Станиславъ Янсенъ и его сынъ.

При задержаніи ихъ, у Эмиля Янсена найденъ небольшой деревянный ящикъ и въ немъ 360 фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ 50-ти рублеваго достоинства. Поводомъ къ задержанію Станислава и Эмиля Янсеновъ послужило заявленіе С.-Петербургскому Оберъ-Полиціймейстеру кабинетъ-курьера французскаго посольства Обри, что онъ привезъ изъ Парижа, на имя Эмиля Янсена, ящичекъ съ фальшивыми кредитными билетами 50-ти рублеваго достоинства.

Въ деревянномъ ящикѣ, по вскрытіи его, найдены два тючка: первый былъ упакованъ сначала въ холстъ, затѣмъ въ бѣлую бумагу, опечатанную 5-ю печатями, и въ немъ въ изрѣзанной бумагѣ найдено 245 фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ 50-ти рублеваго достоинства, выпуска 1864 и 1865 годовъ; другой былъ уложенъ сначала въ розоваго цвѣта бумагу, тоже за 5-ю печатями, а потомъ въ коленкоръ и въ немъ 115 фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ того же достоинства и одной поддѣлки. 3-го же марта, въ половинѣ перваго часа дня, судебный слѣдователь сдѣлалъ обыскъ въ квартирѣ Янсена, при чемъ въ спальнѣ, въ одномъ изъ ящиковъ комода, въ портмонэ найденъ кредитный билетъ 50-ти рублеваго достоинства 1864 г. за № 91701; въ кабинетѣ Эмиля Янсена—печать съ изображеніемъ трехъ лилій и съ графскою короною. Печать эта оказалась совершенно тожественною съ тою, которою были запечатаны пакеты съ 50-ти рублевыми кредитными билетами, привезенными Янсену курьеромъ Обри.

Кабинетъ-курьеръ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, Евгеній-Людвигъ Обри, при слѣдствіи, подъ присягою показалъ, что 1-го марта (новаго стиля), за 8 дней до его отъѣзда въ Петербургъ по дѣламъ службы, пришелъ къ нему нѣкто Ріу и просилъ передать шурину его, купцу Янсену, въ Петербургѣ, деревянный ящикъ, покрытый черной клеенкой, по

словамъ Ріу, съ образчиками модныхъ вещей; при этомъ Ріу спрашивалъ его о вознагражденіи, но онъ объ этомъ предметѣ счелъ болѣе удобнымъ переговорить съ самимъ Янсеномъ. На клеенкѣ была приклеена карточка съ адресомъ: «посылка Ріу, Эмилю Янсену, 14, по Екатерининскому каналу». Такъ какъ, по словамъ Ріу, посылка была съ малоцѣнными вещами, то онъ, Обри, бросилъ ее въ свой дорожный мѣшокъ, вслѣдствіе чего клеенка на ящикѣ разорвалась, какъ онъ замѣтилъ уже въ Петербургѣ. Снявъ совсѣмъ клеенку и замѣтивъ слишкомъ тщательно закупоренный деревянный ящикъ, Обри усумнился въ словахъ Ріу и рѣшился убѣдиться—какой именно товаръ привезъ онъ для Янсена. По вскрытіи ящика и хранившихся въ немъ двухъ пакетовъ, онъ нашелъ въ обоихъ 50-ти рублевые русскіе билеты. Въ тотъ же день, а именно 28-го февраля (стараго стиля), онъ сообщилъ о своемъ открытіи пріятелю своему Газе, а на другой день (1-го марта) обо всемъ заявилъ С-Петербургскому Оберъ-Полиціймейстеру. 2-го марта, по его запискѣ, посланной къ Янсену, явилась г-жа Янсенъ и желала получить посылку, при чемъ предъявила собственноручную его, Обри, записку къ Янсену. Обри сказалъ г-жѣ Янсенъ, что пакетъ еще въ посольствѣ съ его вещами, и намекнулъ ей, что въ посольствѣ могутъ распечатать пакетъ, и ему показалось, что г-жа Янсенъ смѣшалась, но онъ, изъ опасенія, что совсѣмъ не придутъ за посылкою, перемѣнилъ разговоръ и объявилъ, что посылку онъ выдастъ тому, на чье имя она адресована. При свиданіи съ Обри, г-жа Янсенъ увѣряла его, что лицо, которому слѣдуетъ эта посылка, не поскупится на благодарность и съ удовольствіемъ заплатитъ за услугу 20—25 руб. и даже сто. 3-го марта, въ половинѣ 10-го часа утра, къ нему пришли Станиславъ Янсенъ и его сынъ; по врученіи имъ посылки, Янсенъ спросилъ: «сколько же мы должны вамъ?» Обри назначилъ нарочно высокую цѣну –20 руб., при чемъ отецъ Янсенъ возразилъ, что дорого, но сынъ сказалъ: «ничего, ничего; онъ заплатитъ». Въ полученіи посылки росписался Эмиль Янсенъ, деньги же заплатилъ отецъ. Когда была у Обри г-жа Янсенъ и затѣмъ на другой день –Станиславъ и Эмиль Янсенъ, въ то время у него находился пріятель его Газе.

Датскій подданный Георгъ Газе, вполнѣ подтвердилъ показаніе Обри-присовокупивъ, что Обри 50-ти рублевые кредитные билеты принялъ сначала за настоящіе и намѣревался отдать прямо пакетъ по принадлежности, взявъ съ Янсена порядочное вознагражденіе за провозъ его, и заявилъ полиціи, по совѣту его, Газе, что отецъ и сынъ Янсены, прощаясь съ Обри, особеннымъ образомъ заискивали въ немъ, несмотря на рѣзкое съ нимъ обращеніе самого Обри.

Станиславъ Янсенъ, 57 лѣтъ, объяснилъ, что онъ въ 1831 году эмигрировалъ во Францію, а въ 1858 году возвратился въ Россію; послѣ возвращенія въ Россію, онъ два раза ѣздилъ въ Парижъ по своимъ коммерческимъ дѣламъ, именно въ 1860 и 1868 годахъ; въ первый разъ пробылъ въ Парижѣ около 2-хъ мѣсяцевъ, во второй—около шести недѣль. Въ Россію пріѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ сынъ его Эмиль, но въ 1863 или 1864 году снова уѣхалъ въ Парижъ и пріѣхалъ въ Петербургъ только мѣсяцъ тому назадъ, по случаю болѣзни своей матери. Относительно полученія чрезъ курьера Обри посылки Станиславъ Янсенъ показалъ согласно съ Обри-Что было въ ящикѣ, онъ, Станиславъ Янсенъ, не зналъ; сынъ говорилъ ему, что хотя посылка и адресована на его имя, но она принадлежитъ третьему лицу; кому же именно—сынъ не объяснялъ. За посылку онъ заплатилъ Обри 20 руб., вслѣдствіе увѣреній сына, что за посылку можно получить 50 и даже 100 руб. Найденный у него при обыскѣ кредитный 50-ти рублевый билетъ 1864 г. за № 91701 полученъ женою его отъ неизвѣстнаго покупателя, когда именно – не знаетъ, и какъ сомнительный, спрятанъ въ комодѣ до справки о его дѣйствительности. Сомнительнымъ билетъ показался ему потому только, что онъ выпуска 1864 года, а 50-ти

рублевые билеты этого года рѣдко кто принимаетъ. Печать съ короною и тремя лиліями принадлежатъ сыну его Эмилю и привезена имъ изъ-за границы. О переводѣ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ онъ ничего не знаетъ.—Эмиль Янсенъ, 30 лѣтъ, объяснилъ, что пріѣхалъ изъ Парижа въ Петербургъ около мѣсяца тому назадъ, по случаю болѣзни своей матери; получивъ извѣстіе о болѣзни своей матери отъ отца, онъ въ тотъ же день вечеромъ выѣхалъ изъ Парижа. Въ день отъѣзда онъ встрѣтился съ однимъ господиномъ, извѣстнымъ ему подъ именемъ Леона Верникѐ, бронзовыхъ дѣлъ мастеромъ, знакомымъ ему только по встрѣчамъ въ разныхъ кафе. Этотъ Верникѐ, узнавши, что онъ, Эмиль Янсенъ, ѣдетъ въ Петербургъ, сталъ просить его захватить съ собою, для передачи какому-то Куликову, маленькій ящикъ; при этомъ Верникѐ просилъ его подождать до слѣдующаго дня, говоря, что посылка еще не готова и онъ едва ли успѣетъ приготовить ее къ вечеру того дня. На отсрочку Эмиль Янсенъ не согласился и далъ Верникѐ адресъ дяди своего Леона Ріу на тотъ случай, что если бы Верникѐ не засталъ его съ своею посылкою въ Парижѣ, то передалъ бы ее Ріу, а послѣдній переслалъ бы въ Петербургъ: При встрѣчѣ съ Верникѐ, онъ, Эмиль Янсенъ, такъ торопился, что позабылъ спросить: какія вещи посылаетъ съ нимъ Верникѐ Куликову, а самъ Верникѐ не сказалъ. Во время этого же свиданія Верникѐ вручилъ ему, для передачи тому же Куликову, печать дома Бурбоновъ съ тремя лиліями, ту самую, которую нашли у него въ кабинетѣ во время обыска. Не дождавшись Верникѐ съ посылкою, онъ просилъ дядю своего Ріу переслать къ нему посылку въ Петербургъ. Относительно полученія посылки отъ Обри, Эмиль Янсенъ показалъ совершенно согласно съ своимъ отцомъ, объяснивъ, что совѣтовалъ отцу не торговаться съ Обри и заплатить за посылку 20 руб., на основаніи словъ Куликова, который, за десять дней до полученія посылки, приходилъ къ нему справляться: не получена ли посылка отъ Леона Верникѐ и говорилъ, что посылка ему очень нужна, и что онъ готовъ дать за нее даже 100 рублей. По выходѣ отъ Обри, онъ ящикъ несъ подъ мышкою. Полиція сначала заарестовала отца его, а онъ самъ подошелъ къ полиціи; если бы же онъ зналъ, что заключается въ ящикѣ, то легко могъ бы уйти и бросить ящикъ въ канаву, которая была недалеко. Имени и адреса Куликова онъ не знаетъ, но въ лицо признать можетъ. Мелина Янсенъ (жена Станислава Янсена) относительно найденнаго въ ихъ квартирѣ 50-ти рублеваго кредитнаго билета 1864 года, за № 91701, показала согласно съ мужемъ своимъ.

Экспедиція Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, по освидѣтельствованіи 50-ти рублевыхъ кредитныхъ билетовъ, какъ полученныхъ Янсеномъ чрезъ Обри въ количествѣ 360 штукъ, такъ и билета за № 91701, найденаго въ квартирѣ Янсена, нашла, что всѣ 361 билетъ фальшивые.

Въ опроверженіе показаній Станислава и Эмиля Янсеновъ и въ подтвержденіе того, что ящикъ съ фальшивыми кредитными билетами 50-ти рублеваго достоинства, привезенный курьеромъ Обри, предназначался самимъ Янсенамъ, а не Куликову, что изъ Парижа онъ отправленъ Леономъ Ріу по порученію Эмиля Янсена, а не какого-то Леона Верникѐ, и что билеты тѣ ввезены въ Россію съ цѣлью пустить ихъ въ обращеніе, дальнѣйшимъ предварительнымъ слѣдствіемъ обнаружены слѣдующія данныя;

1) Вслѣдствіе сообщенія С.-Петербургскаго Оберъ-Полиціймейстера къ префекту парижской полиціи о заарестованіи Янсеновъ съ фальшивыми кредитными билетами, начато въ Парижѣ слѣдствіе, и Леонъ Ріу, дядя Эмиля Янсена, сначала показалъ полицейскому комиссару Дюшейлару, что отправленный имъ черезъ курьера Обри пакетъ къ Эмилю Янсену онъ получилъ отъ неизвѣстнаго ему человѣка, который просилъ его доставить пакетъ Янсену младшему; но потомъ, въ письмѣ своемъ къ Дюшейлару Ріу объяснилъ, что при первомъ допросѣ онъ утаилъ часть правды, опасаясь обременить участь своего племянника, но, размысливъ, рѣшился

показать истину и разсказалъ слѣдующее: въ день отправленія своего въ Петербургъ, Эмиль Янсенъ передалъ ему пакетъ, прося отдать его при самомъ отъѣздѣ; на вопросъ Ріу: «Что заключается въ пакетѣ», Янсенъ отвѣчалъ: «что вѣроятно парижскіе товары, что онъ стоитъ около 30 франковъ и боится сырости», какъ сказали ему, Янсену, передавая пакетъ. При прощаніи Ріу позабылъ о пакетѣ и вспомнилъ объ немъ уже по отъѣздѣ Янсена. Пакетъ былъ плотно обшитъ въ толстое полотно. Вспомнивши слова племянника, что пакетъ боится сырости, Ріу уложилъ его въ деревянный ящикъ и покрылъ сверху клеенкою. Изъ Россіи онъ получилъ одновременно отъ племянника депешу и письмо; въ послѣднемъ онъ просилъ справиться объ отъѣзжающихъ курьерахъ. Узнавъ въ министерствѣ, что ѣдетъ Гилью, Ріу написалъ объ этомъ Янсену, но въ отвѣтъ получилъ отъ него, что его обманули, что ѣдетъ Обри, и при этомъ Янсенъ сообщилъ ему адресъ послѣдняго.

2) Изъ акта обыска у Эмиля Янсена видно, что найденные въ деревянномъ ящичкѣ два пакета съ фальшивыми 50-ти рублевыми билетами были за пятью печатями; по сличеніи печати, найденной въ кабинетѣ у Эмиля Янсена, съ оттисками печатей на пакетахъ, эксперты пришли къ несомнѣнному заключенію, что пакеты запечатаны были печатью, найденною у Эмиля Янсена.

3) Изъ переписки Эмиля Янсена съ Леономъ Ріу въ февралѣ 1869 г. видно, что посылка имѣла большое значеніе для перваго, что кромѣ него ее ожидали съ большимъ нетерпѣніемъ и другія лица, которыя обращались къ Янсену съ оскорбительными требованіями. Въ отвѣтныхъ письмахъ Ріу говоритъ еще о какихъ-то гравюрахъ, что съ ними немного подѣлаешь, потому что въ Парижѣ онѣ продаются очень худо; проситъ поискать древнихъ гравюръ, а не новыхъ, для иллюстраціи разныхъ книгъ; говоритъ, что ему указали на руководство для гравюръ, но не сказали ни его имени, ни имени его издателя. Изъ переписки Эмиля Янсена, за февраль 1869 года, обратило на себя вниманіе письмо Эина къ Эмилю Янсену, отъ 26-го февраля 1869 года, гдѣ говорится, что онъ наканунѣ два часа чистилъ ихъ тюрнъ (turne), она блеститъ, какъ су съ чеканнаго двора что онъ наполнилъ сорокъ двѣ пачки; что онъ началъ несносную, хотя доходную работу, состоящую въ копированіи списка, о которомъ Эмиль Янсенъ знаетъ.

4) Въ квартирѣ Янсена, во время обыска 3-го марта, найденъ былъ фальшивый кредитный 50-ти рублевый билетъ 1864 года, за № 91701. Хотя Станиславъ Янсенъ и жена его показали, что билетъ тотъ полученъ послѣднею отъ неизвѣстнаго покупателя при распродажѣ товаровъ, которая началась передъ Рождествомъ 1868 года, но показанія эти представляются крайне сомнительными, въ виду сообщенія Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, что билетъ этотъ одной поддѣлки съ тѣми, которые захвачены въ ящикѣ при Эмилѣ Янсенѣ. Затѣмъ изъ дѣла видно, что фальшивые 50-ти рублевые кредитные билеты 19-го разряда поддѣлки появились въ обращеніи въ концѣ августа 1868 года; въ обращеніи по разнымъ городамъ Россіи такихъ билетовъ обнаружено 647, т. е. на сумму 32,350 рублей.

5) Почти одновременно съ арестомъ Станислава и Эмиля Янсеновъ въ Петербургѣ, именно 20-го марта (1-го апрѣля), въ Варшавѣ открыто фальшивыхъ 50-ти рублевыхъ кредитныхъ билетовъ слишкомъ на 100,000 руб. у сына содержателя гостинницы, Якуба Шенвица. Билеты, открытые въ Варшавѣ,—одной поддѣлки съ открытыми въ Петербургѣ. Кромѣ этихъ данныхъ обнаруживавшихъ непосредственное участіе Станислава и Эмиля Янсеновъ въ привозѣ изъ-за границы въ Россію 50-ти рублевыхъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ было выяснено, что переводъ фальшивыхъ денегъ уже давно составлялъ одно изъ занятій Станислава Янсена.

Такъ, во 1-хъ, с.-петербургскій мѣщанинъ Людвигъ Германъ Гарди по-

казалъ, что въ 1865 году онъ вступилъ въ дѣло съ Станиславомъ Янсеномъ и вскорѣ, перебирая банки съ румянами, онъ въ одномъ изъ ящиковъ нашелъ таковую банку, плотно завернутою въ 50-ти рублевую бумажку; Янсенъ объяснилъ ему, что онъ такимъ образомъ пряталъ отъ жены деньги. Въ тотъ же день Гарди нашелъ другой такой же билетъ, обернутый около другой баночки съ румянами. Дня черезъ два или три послѣ того, перебирая бумаги въ конторкѣ Янсена, онъ нашелъ большую пачку 50-ту рублевыхъ билетовъ выпуска 1856 года, въ синей бумагѣ. Янсенъ, лишь только замѣтилъ изъ другой комнаты, что онъ, Гарди, трогалъ бумаги въ конторкѣ, сейчасъ пришелъ и сталъ съ замѣтнымъ безпокойствомъ искать чего-то, спрашивалъ Гарди о сверткѣ въ синей бумагѣ, и когда онъ указалъ ему на свертокъ, Янсенъ унесъ его въ другую комнату. Чрезъ нѣсколько времени Гарди нашелъ еще въ шкафу, стоявшемъ въ кабинетѣ Янсена, одну бумажку того же достоинства и выпуска, которую и взялъ къ себѣ. Затѣмъ Янсенъ самъ передалъ бывшему приказчику Гарди, Александру Бадеру, 50-ти рублевый фальшивый кредитный билетъ, прося его сбыть тотъ билетъ; но Гарди совѣтовалъ Бадеру сохранить билетъ. Ревельскій мѣщанинъ Александръ Бадеръ подтвердилъ ссылку на него Гарди.

Во 2-хъ, въ рапортѣ сообщеній начальника парижской тайной полиціи Клода содержатся свѣденія о мѣстѣ жительства Янсена въ Петербургѣ, его отношеніяхъ къ модисткѣ Акаръ, его коммерческихъ оборотахъ и знакомствахъ и, наконецъ, указываются пути, которыми доходили къ Янсену фальшивые кредитные билеты. Въ немъ, въ формѣ предположенія, говорится, что Янсенъ въ сношеніяхъ съ англійскими курьерами, и одинъ изъ нихъ посредникомъ между Янсеномъ и поддѣлывателемъ ассигнацій; что фальшивыя деньги Янсенъ пряталъ гдѣ-то подъ паркетомъ въ своемъ домѣ, что онъ никогда не имѣетъ при себѣ болѣе одного билета и никогда не выдавалъ болѣе одного за-разъ; что пребываніе его въ Парижѣ имѣетъ предметомъ какое либо порученіе касательно тѣхъ же самыхъ фальшивыхъ денегъ, и наконецъ указывается на Гарди, бывшаго товарища Янсена, который могъ бы сообщить драгоцѣнныя по этому дѣлу свѣдѣнія и способствовать къ открытію всего.

Въ 3-хъ, 14 октября 1868 года, судебный слѣдователь Сумскаго Окружнаго Суда, Путивльскаго уѣзда, сообщилъ С.-Петербургскому Оберъ-Полиціймейстеру, что имъ производится слѣдствіе о сбытѣ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ 10-ти рублеваго достоинства; что, по сдѣланному имъ обыску, найдены между оставшимися вещами сбытчика, французскаго подданнаго Августа Жуэ, 92 такихъ билета и два письма отъ торгующаго въ С.-Петербургѣ аптекарскими матеріалами, на Екатерининскомъ каналѣ, Янсена, изъ которыхъ видимо можно заключить, что эти деньги прислалъ къ Жуэ Янсенъ въ такомъ-то ящикѣ; что изъ тѣхъ же писемъ видно, что Янсенъ выѣхалъ въ Парижъ за чѣмъ-то, для какого-то выгоднаго предпріятія.

Въ 4-хъ, по собственному показанію Станислава Янсена, къ нему два раза попадалъ 50-ти-рублевый фальшивый кредитный билетъ: первый онъ поручилъ Александру Бадеру для удостовѣренія въ его дѣйствительности и что сталось съ этимъ билетомъ—неизвѣстно, такъ какъ Бадеръ не возвратилъ его Янсену; второй найденъ при обыскѣ 3-го марта. Что это не одинъ и тотъ же билетъ, видно изъ того, что первый былъ у Янсена еще въ 1865 или 1866 году, а второй полученъ только въ концѣ 1868 года или даже въ началѣ 1869. И наконецъ, одинъ изъ курьеровъ французскаго посольства, Гани, показалъ, что въ январѣ 1869 г. онъ былъ свидѣтелемъ какъ въ Петербургѣ, въ Гостиномъ дворѣ, отъ Станислава Янсена не приняли 10-ти-рублеваго билета, потому что билетъ этотъ былъ фальшивый.

Въ 5-хъ, при осмотрѣ бумагъ и переписки Станислава Янсена, 10-го апрѣля найдена карточка для стереоскопа съ нѣмецкою надписью и съ

обозначеніемъ на верху «фиг. 17-я». На запросъ судебнаго слѣдователя о значеніи карточки, Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ отвѣтила: изъ надписи на карточкѣ видно, что она учитъ, какъ должно располагать подъ стереоскопомъ бумажные денежные знаки для распознаванія ихъ подлинности, по способу, предложенному нѣмецкимъ ученымъ Дове въ 1859 году. Способъ этотъ основывается на томъ, что при разсмотрѣніи въ стереоскопъ двухъ оттисковъ, расположенныхъ, какъ на вышеозначенной карточкѣ, одинъ подлѣ другого, совпаденіе линій рисунка и шрифта этихъ оттисковъ можетъ произойти только въ томъ случаѣ, когда между ними нѣтъ ни малѣйшей разницы, т. е. если они отпечатаны съ одной и той же доски. Предполагая, что поддѣлывателю невозможно воспроизвести копируемаго подлинника съ математическою точностью во всѣхъ частяхъ, существующая разница, незамѣтная простому глазу, должна ясно выказаться при сравненіи настоящаго и фальшиваго билетовъ въ стереоскопѣ.

Въ 6-хъ, изъ показаній курьеровъ французскаго посольства Гани и Жилу видно, что черезъ посредство перваго изъ нихъ, лѣтъ семь назадъ, Янсену передано было письмо или посылка отъ его жены, послѣ чего онъ доставлялъ такія письма или посылки Янсену 5 или 6 разъ; содержаніе ихъ ему было неизвѣстно, но жена Янсена говорила ему, что то были счеты; они были запечатаны и имѣли видъ и размѣръ 10-ти рублевыхъ билетовъ; толщина ихъ была весьма незначительна; за доставку ихъ Янсенъ ничего не платилъ. Къ курьеру Жилу жена Янсена, лѣтъ пять назадъ, тоже обращалась съ просьбою доставить мужу ея въ С.-Петербургъ подобную же посылку; но онъ возвратилъ ей посылку, потому что, вопреки его наказу, она была принесена къ нему запечатанною.

Въ 7-хъ, наконецъ, въ перепискѣ, взятой у Станислава и Эмиля Янсеновъ, встрѣчаются такія письма, которыя останавливаютъ на себѣ вниманіе своею таинственностью, недомолвками, или же косвенными указаніями на поддѣлку и переводъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ. Такъ, между ними есть одно къ Станиславу Янсену, отъ 8-го іюля 1860 года, изъ Парижа: «Въ ящикѣ, который будетъ тебѣ врученъ курьеромъ, ты найдешь мое главное письмо вмѣстѣ съ поступившими до настоящаго времени отзывами. Но такъ какъ курьеръ, вмѣсто того, чтобы уѣхать перваго, уѣзжаетъ сегодняшняго дня, то я имѣю случай написать тебѣ еще нѣсколько словъ и просить о передачѣ Іосифу прилагаемой при семъ расписочки. Быть можетъ, это побудитъ лѣнтяя къ ускоренію нашей редакціи... Извѣсти меня, остаются ли всегда безъ измѣненія твои условія о платежѣ ему 15 руб. съ килогр.... Вѣроятно ты меня извѣстишь письмомъ о своей поѣздкѣ въ Парижъ, хотя я разсчитываю, что ты остановишься въ Вильнѣ и Варшавѣ... вмѣсто курьера на этотъ разъ ѣдетъ съ депешами въ Петербургъ какой-то attachè d'ambassade, и сомнительно, будетъ ли отправленъ ящикъ. Мнѣ приказано адресовать этотъ ящикъ на имя Lenoir. Впрочемъ, надѣюсь на будущее время лучше исполнять свои обязанности». Письмо это подписано «Старый».

С.-Петербургская сыскная полиціи сообщила судебному слѣдователю, что Станиславъ Янсенъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ модисткою, французскою подданною Германіею Акаръ; что послѣдняя, послѣ ареста Янсена, распродавъ свое имущество, спѣшитъ выѣхать за границу и уже получила на то надлежащее разрѣшеніе. При обыскѣ въ квартирѣ Акаръ ничего подозрительнаго не найдено, но затѣмъ дальнѣйшимъ слѣдствіемъ обнаружено, что изъ магазина Акаръ довольно часто выпускаемы были 10-ти рублевые фальшивые кредитные билеты. Это особенно установлено показаніями: а) Іоанны-Луизы Дозье, показавшей, что она жила у Акаръ съ августа 1862 года по апрѣль 1868 года; въ теченіе этого времени ей часто приходилось видѣть, какъ купцы, съ которыми разсчитывались за забранный товаръ, по субботамъ, возвращали 10-ти рублевые кредитные

билеты, утверждая, что билеты фальшивые. Акаръ большею частію об мѣнивала возвращенные ей билеты безпрекословно. Сама Дозье при разсчетѣ съ Акаръ получила одну фальшивую 10-ти рублевую бумажку; б) швейцарскаго гражданина Леопольда Десиметьеръ, показавшаго, что съ 1868 года, онъ содержалъ булочную въ домѣ Клея, гдѣ помѣщался и магазинъ Акаръ; отъ Акаръ часто приходили мѣнять кредитные билеты, и въ числѣ ихъ попадались такіе, которые ему возвращали подъ предлогомъ, что они фальшивые. Обративъ на это вниманіе, онъ въ январѣ 1869 года попросилъ дѣвушку изъ магазина Акаръ, принесшую ему размѣнять 10-ти рублевый кредитный билетъ, записать номеръ билета въ его книгу. Когда черезъ нѣсколько дней онъ хотѣлъ отдать билетъ тотъ въ уплату, у него не приняли его, и сестра его, Жозефина, обмѣняла билетъ въ магазинѣ Акаръ на новый; в) французской подданной Элодіи Шевильяръ, два раза жившей у Акаръ, показавшей то же, что Дозье; г) французской подданной Маргариты Наво, проживавшей у Акаръ съ ноября 1867 года до конца февраля 1868 года, которая тоже получила въ январѣ 1868 года отъ Акаръ 10-ти рублевый фальшивый кредитный билетъ для размѣна его; но Наво, не успѣвъ въ томъ, возвратила билетъ Акаръ; и д) артельщика Кондратія Филиппова, тоже получившаго отъ Акаръ 10-ти рублевыя сомнительныя бумажки въ 1867 или 1868 годахъ.

Вслѣдствіе этого Янсены и Акаръ были преданы суду по обвиненію: Станиславъ Янсенъ и сынъ его, французскій подданный Эмиль Янсенъ, въ томъ, что, по предварительному уговору между собою, въ началѣ марта 1869 года, завѣдомо ввезли они въ Петербургъ, чрезъ посредство кабинетъ-курьера французскаго посольства Обри, 360 фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ 50-ти рублеваго достоинства, заграничной механической поддѣлки т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 573-й ст. Улож. о наказ., и французская подданная Германа Акаръ—въ томъ, что выпускала въ обращеніе фальшивые государственные билеты 10-ти рублеваго достоинства, зная лицъ, занимающихся ихъ переводомъ, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ въ 576-й ст. Улож. о наказ.

Засѣданіе по этому дѣлу происходило въ Петербургскомъ Окружномъ Судѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, 25 и 26 апрѣля 1870 года, подъ предсѣдательствомъ Товарища Предсѣдателя *Сабурова*. Защищали—Эмиля Янсена — прис. повѣренный *Спасовичъ*, Станислава Янсена — прис. повѣренный *Буймистровъ*, Акаръ—прис. повѣренный *Языковъ*.

На судебномъ слѣдствіи подсудимые себя виновными не признали. При этомъ Эмиль Янсенъ настаивалъ на томъ, что Верникѣ требовалъ передачи посылки какому-то Куликову, но не далъ его адреса, говоря, что онъ самъ придетъ за посылкою. По пріѣздѣ Эмиля Янсена въ Петербургъ, къ нему явился незнакомецъ, назвавшійся Куликовымъ и очень разсердился, узнавъ, что ящикъ не доставленъ, а можетъ быть присланъ лишь впослѣдствіи, черезъ курьера. Передать ему печать, по порученію Верникѣ, подсудимый забылъ.—Станиславъ Янсенъ объяснилъ, что Гарди, изобличавшій его, былъ имъ облагодѣтельствованъ, но принятый изъ состраданія въ компаньоны, велъ себя дурно, пьянствовалъ и забиралъ массу денегъ въ долгъ безъ отдачи. Въ подтвержденіе этого онъ сослался на письмо своей жены.

Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ префектомъ парижской полиціи, оказалось, что по самымъ тщательнымъ розыскамъ Верникѣ въ Парижѣ не найденъ. Защитою Станислава Янсена указано было, между прочимъ, на удостовѣреніе парижскаго мэра о хорошемъ поведеніи подсудимаго во время пребыванія его въ Парижѣ и на письмо саксонскаго посланника въ Парижѣ, барона Зебека, который, замѣняя во время Крымской войны русскаго резидента во Франціи, ходатайствовалъ о разрѣшеніи Янсену вер-

нуться въ Россію и писалъ ему: «я аплодирую вамъ! свѣдѣнія о васъ прекрасныя». Самъ Станиславъ Янсенъ представилъ 78 свидѣтельствъ, служащихъ доказательствомъ его разносторонней торгово-промышленной и ученой дѣятельности и честности его въ разсчетахъ съ довѣрителями.

Изъ сообщеній Особенной Канцеляріи по Кредитной части оказалось, что какъ билеты 50-ти рублеваго достоинства, такъ и билеты 10-ти рублеваго достоинства, поддѣлки 17-го рода, были распространены въ Россіи на 32,560 руб., при чемъ приложенъ списокъ городовъ, по которымъ они были распространены отъ Петербурга на югъ до Харькова, на востокъ до Вологды, на западъ до Варшавы. Во всѣхъ почти городахъ найдено по двѣ или по три такого рода бумажки, которыя обнаружены при размѣнѣ.

Рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей всѣ подсудимые признаны виновными по предъявленному противъ нихъ обвиненію.

Гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели! Позднее время, въ которое начинаются судебныя пренія, утомительное судебное засѣданіе и, наконецъ, то вниманіе, съ которымъ вы слушали настоящее дѣло, обязываютъ меня и даютъ мнѣ возможность быть краткимъ, даютъ возможность указать лишь на главныя стороны дѣла, основаніемъ которыхъ послужатъ только тѣ данныя, которыя вы слышали и оцѣнили на судебномъ слѣдствіи. Я не буду касаться многихъ побочныхъ обстоятельствъ и мелочей, полагая, что онѣ всѣ оставили въ васъ надлежащее впечатлѣніе, которое, конечно, повліяетъ и на ваше убѣжденіе. Когда возникаетъ серьезное обвиненіе, когда на скамьѣ подсудимыхъ сидятъ не совсѣмъ обыкновенные люди, когда они принадлежатъ не къ тому слою общества, который поставляетъ наибольшее число преступниковъ, — если не качествомъ, такъ количествомъ, — то естественно является желаніе познакомиться съ личностью подсудимыхъ, узнать свойства и характеръ самаго преступленія. Быть можетъ, въ ихъ личности, быть можетъ въ свойствѣ самаго преступленія можно почерпнуть тѣ взгляды, которыми необходимо руководствоваться при обсужденіи дѣла,—быть можетъ, изъ нихъ можно усмотрѣть и то необходимое и правильное освѣщеніе фактовъ, которое вытекаетъ изъ отношенія подсудимыхъ къ этимъ фактамъ.

Предъ вами трое подсудимыхъ. Одинъ изъ нихъ старикъ, уже оканчивающій свою жизнь, другой — молодой человѣкъ, третья — женщина среднихъ лѣтъ. Всѣ они принадлежатъ къ классу если не зажиточному, то во всякомъ случаѣ, достаточному. Одинъ изъ нихъ имѣетъ довольно прочное и солидное торговое заведеніе; онъ открылъ и поддерживаетъ въ Петербургѣ торговый домъ,—у него обширные обороты,—онъ занимается самою разнообразною дѣятельностью: онъ и комиссіонеръ, и предприниматель, и прожектеръ, и членъ многихъ, по его словамъ, ученыхъ обществъ,—наконецъ—человѣкъ развитой и образованный, потому что получилъ во Франціи даже право

читать публичныя лекціи;—онъ нѣкогда занимался медициной, но затѣмъ оставилъ ее и пустился въ торговые обороты, посвящая этимъ оборотамъ всю свою дѣятельность и всѣ свои способности для того, чтобы довести эти обороты до возможно большаго объема. Поэтому у него положеніе въ коммерческомъ мірѣ довольно хорошее и прочное. Вы слышали здѣсь, что онъ производитъ большія уплаты и находится по дѣламъ въ связи съ главнѣйшими торговыми домами. Другая личность—его сынъ. Онъ стенографъ, говорятъ намъ. Чтобы онъ былъ хорошій стенографъ, объ этомъ судить трудно. Мы знаемъ изъ его собственныхъ словъ, что онъ не можетъ прочесть стенографической надписи на карточкѣ, отзываясь, что забылъ стенографію въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Но тѣмъ не менѣе, онъ еще можетъ выучиться своему дѣлу, и если у него нѣтъ прочнаго положенія въ обществѣ, то зато у него есть семейство, любящая мать, занимающійся обширною торговлею отецъ, молодость, силы, надежды на будущее и слѣдовательно, наилучшія условія, чтобы заработывать хлѣбъ честнымъ образомъ. Наконецъ, третья — модистка высшаго полета, имѣющая заведеніе въ лучшемъ мѣстѣ Петербурга и посѣщаемая особами, принадлежащими къ высшему кругу общества. Таковы подсудимые. Они обвиняются въ важномъ и тяжкомъ преступленіи. Есть ли это преступленіе слѣдствіе порыва, страсти, увлеченія, которыя возможны при всякомъ общественномъ положеніи, при всякой степени развитія, которыя совершаются безъ оглядки назадъ, безъ заглядыванья впередъ? Нѣтъ,—это преступленіе обдуманное и требующее для выполненія много времени. Чтобы рѣшиться на такое преступленіе, нужно подвергнуться извѣстному риску, который можетъ окончиться скамьею подсудимыхъ, какъ это случилось въ настоящемъ дѣлѣ. Чтобы рискнуть на такое дѣло, нужно имѣть въ виду большія цѣли, достиженіе важнаго результата и, притомъ, конечно, матеріальнаго, денежнаго. Только въ виду этого результата можно пойти, имѣя уже опредѣленное общественное положеніе, на преступленіе. Но если важенъ результатъ, если заманчивы цѣли, если рѣшимость связана съ большимъ рискомъ, если можно видѣть впереди скамью подсудимыхъ и сопряженную съ нею потерю добраго имени и прочія невеселыя послѣдствія, то естественно, что при совершеніи этого преступленія нужно употребить особую энергію, особую осмотрительность, обдумать каждое дѣйствіе, постараться обставить все такъ хитро и ловко, чтобы не попасться,—постараться особенно, чтобы концы были спрятаны въ воду. Итакъ, вотъ свойства подобнаго преступленія. Преступленіе это есть распространеніе фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ. Я полагаю, что излишне говорить о его значеніи. Оно представляется съ перваго взгляда, повидимому, не нарушающимъ прямо ничьихъ правъ; въ этомъ одинъ изъ главныхъ процессуальныхъ его недостатковъ. Предъ вами нѣтъ потерпѣвшихъ лицъ: никто не плачется о своемъ несчастіи, никто не говоритъ о преступленіи подсудимаго съ тѣмъ жаромъ, съ какимъ обыкновенно говорятъ пострадавшіе. Но это происходитъ оттого, что

потерпѣвшимъ лицомъ представляется цѣлое общество, оттого, что въ то время когда обвиняемый сидитъ на скамьѣ подсудимыхъ, въ разныхъ мѣстахъ. можетъ быть, плачутся бѣдняки, у которыхъ послѣдній кусокъ хлѣба отнятъ фальшивыми бумажками. Этихъ потерпѣвшихъ бываетъ много, очень много. Во имя этихъ немногихъ, во имя тѣхъ, которые не знаютъ даже, кто ихъ обидѣлъ и отнялъ ихъ трудовыя крохи, вы, гг. присяжные засѣдатели, должны приложить къ дѣлу особое вниманіе, и—если нужно—то и особую строгость. Замѣчу еще, что дѣла подобнаго рода возникаютъ довольно часто, но на судъ попадаютъ рѣдко, и причина тому—обдуманность и хитрость исполненія. Только случай, счастливый случай — если можно такъ выразиться — представляетъ судебной власти возможность открыть виновниковъ этого рода темныхъ дѣлъ и коснуться тонко сплетенной сѣти поддѣлывателей и переводителей фальшивыхъ бумажекъ. Такой случай былъ въ настоящемъ дѣлѣ, и съ него лучше всего начать изложеніе обвиненія.

Вы знаете, въ чемъ состоялъ этотъ случай. Къ курьеру французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, Обри, явился неизвѣстный человѣкъ, назвавшійся Леономъ Ріу. Онъ принесъ ему посылку и просилъ отвезти ее въ Петербургъ. Обри рѣшился взять эту посылку. Какъ курьеръ, онъ нерѣдко это исполнялъ и понятно, почему исполнялъ. Онъ не подвергается таможенному досмотру, везетъ безпошлинно всю кладь, а между тѣмъ, бываютъ драгоцѣнныя вещи, которыя можно переслать и вѣрно, и дешево, и не безвыгодно для курьеровъ. Вы слышали показаніе Газе, который говоритъ, что Обри не хотѣлъ согласиться, но что начальникъ его приказалъ взять посылку. Можетъ быть это и такъ. Изъ дѣла видно, что Ріу дѣйствовалъ особенно настоятельно, что онъ покланялся и начальнику Обри, чтобы посылка была отправлена. Во всякомъ случаѣ—въ виду ли выгоднаго обѣщанія или просто, чтобы отвязаться отъ навязчиваго просителя, но Обри везетъ ее въ Петербургъ вмѣстѣ съ депешами Тюильрійскаго кабинета. Что же такое въ посылкѣ? Это, какъ говорилъ курьеру Ріу и какъ значится въ безграмотномъ переводѣ, артикулы, т. е. образцы товаровъ. Посылка пустая по цѣнѣ, она стоитъ 30 франковъ, ее можно бросить куда нибудь,—и она бросается въ сакъ-вояжъ, гдѣ клеенка, которою она обшита, распарывается. Въ Петербургѣ у Обри является желаніе посмотрѣть содержимое посылки, и не защищенныя больше оболочкою, въ ней оказываются фальшивыя бумажки. Объ этомъ заявлено,—и вотъ, благодаря нѣсколько необычной любознательности французскаго курьера, русскіе кредитные билеты попадаютъ на столъ вещественныхъ доказательствъ нашего суда. Вы знаете, что Янсены были затѣмъ арестованы. Обстоятельства этого ареста вамъ болѣе или менѣе извѣстны. Я не считаю нужнымъ ихъ повторять, но напомню только вкратцѣ, что къ Обри сначала явилась г-жа Янсенъ, но ей Обри не отдалъ привезенной посылки; она просила его отдать, сначала съ видимымъ равнодушіемъ, потомъ настойчиво и тревожно, обѣщала

ему 100 франковъ, была до крайности любезна и ласкательна... но и 100 франковъ не склонили Обри отдать посылку; онъ не поѣхалъ въ театръ, куда его звала г-жа Янсенъ, и не согласился на ея предложеніе заѣхать къ ней пообѣдать. Это послѣднее предложеніе было весьма обдуманно, потому что, если бы ѣхать въ чужой домъ обѣдать, то, конечно, надо было изъ простой любезности захватить и посылку, адресованную въ этотъ домъ. На другой день явились оба Янсена, отецъ и сынъ. Они получили посылку; отецъ предложилъ сыну расписаться и выдалъ деньги и по требованію Обри, немножко поспоривъ о размѣрѣ вознагражденія. Затѣмъ они вышли. Но едва только они вышли, какъ старика окружило двое или трое людей. Оказалось, что это чины сыскной полиціи, и отецъ былъ задержанъ. Вы слышали показаніе Э. Янсена, который говоритъ, что ихъ раздѣлило проходившее по улицѣ войско, и онъ, видя какъ къ отцу подошелъ кто-то, перешелъ съ ящикомъ подъ мышкой черезъ улицу, чтобы узнать, что случилось съ отцомъ, но также былъ задержанъ. Э. Янсенъ говоритъ, что если бы онъ зналъ, что въ ящикѣ, то могъ бы бѣжать, могъ бы бросить ящикъ въ канаву, но я полагаю, что объясненіе это не заслуживаетъ уваженія. Бѣжать онъ не могъ, потому что, не перейдя черезъ улицу, онъ не зналъ еще, что отца остановила полиція, а не какое либо неопасное частное лицо, а потомъ бѣжать было уже нельзя, его сейчасъ бы схватили; въ воду бросить—тоже некуда, вѣдь дѣло было въ началѣ марта, и вода въ канавѣ была покрыта льдомъ; остается отдаться полиціи. Очевидно, что пришлось попасть въ засаду; очевидно, прошла пора физическаго сокрытія слѣдовъ преступленія, а осталась лишь возможность скрыться отъ преслѣдованія путемъ умственнаго напряженія, т. е. посредствомъ разнаго рода хитросплетенныхъ и тонкихъ оправданій. Такимъ образомъ—они арестованы съ фальшивыми бумажками; признаки преступленія очевидны; арестованныя у Эмиля Янсена бумажки привезены изъ Парижа. Понятно, что способовъ объясненія можетъ быть только два: или онѣ получены завѣдомо, или нечаянно, по незнанію, и въ такомъ случаѣ Эмиль Янсенъ играетъ роль несчастной жертвы, попавшейся въ руки интригановъ, которые его погубили для своихъ цѣлей. И вотъ, дѣйствительно, такое объясненіе является въ устахъ Янсена. Онъ разсказываетъ, что въ Парижѣ къ нему пришелъ нѣкто Верникѣ, бронзовыхъ дѣлъ комиссіонеръ, съ которымъ онъ встрѣчался въ кафе и мало его зналъ. Верникѣ, узнавъ, что Янсенъ ѣдетъ въ Петербургъ, просилъ его, взявъ съ собою посылку, передать по принадлежности. Забывъ посылку, Янсенъ обратился къ своему дядѣ Ріу, который прислалъ ее чрезъ курьера. Ріу это подтвердилъ, но потомъ, по разсчету, или же, быть можетъ, желая показать правду, говорилъ иное. Я не придаю значенія его показаніямъ, потому что оба считаю ложными, но, во всякомъ случаѣ, какъ на болѣе правдивое, указываю на второе показаніе Ріу. Онъ говоритъ во второмъ показаніи, что племянникъ собирался ѣхать, получивъ извѣстіе о болѣзни матери, и торопился; что при хлопотахъ о паспортѣ какой-то ящикъ

стѣснялъ его, и онъ далъ ящикъ дядѣ, чтобы тотъ отдалъ при отъѣздѣ; дядя забылъ это сдѣлать, потомъ получилъ телеграмму отъ племянника и вслѣдъ затѣмъ письмо, въ которомъ Эмиль Янсенъ просилъ дядю ящикъ отправить черезъ французскаго курьера, что и было сдѣлано. На этомъ Ріу умолкаетъ и продолжаетъ уже Янсенъ. Ящикъ былъ отправленъ въ Петербургъ, гдѣ долженъ былъ быть полученъ какимъ-то миѳическимъ лицомъ, какимъ-то Куликовымъ, который, по словамъ Эмиля Янсена, явился къ нему за 10 дней до полученія посылки, до пріѣзда Обри, и очень сердился, что посылка еще не привезена, настойчиво требовалъ, чтобы она была ему прислана, и затѣмъ обѣщамъ снова явиться, но не являлся. Думаю, что внимательное разсмотрѣніе такого разсказа приводитъ къ убѣжденію, что онъ съ начала до конца невѣренъ и выдуманъ Янсеномъ въ свое оправданіе.

Прежде всего, въ этомъ разсказѣ встрѣчаются на первомъ планѣ дѣйствія переводителей фальшивыхъ бумагъ. Эмиль Янсенъ попалъ въ руки двухъ лицъ: Верникѐ—который черезъ его дядю отправилъ бумажки, и Куликова, который ихъ долженъ былъ получить. Посмотримъ, какъ дѣйствуютъ эти лица. Верникѐ приносилъ къ Янсену посылку для отправленія, а вѣдь Янсенъ обыкновенный человѣкъ, ѣдетъ обыкновеннымъ путемъ въ Петербургъ. Этого Верникѐ не можетъ не знать. Но багажъ обыкновенныхъ путешественниковъ осматривается въ таможняхъ и, вѣроятно, и у Эмиля Янсена тоже осмотрятъ, могутъ у него найти фальшивыя бумажки, и онѣ пропадутъ. Но фальшивыя бумажки, какъ бы плохо онѣ ни были сдѣланы,—а настоящія сдѣланы хорошо,—представляютъ извѣстную цѣнность, онѣ стоятъ, въ смыслѣ труда, дорого и поддѣлка ихъ сопряжена съ большимъ рискомъ, поэтому отдавать ихъ незнакомому человѣку, зная, что онѣ при таможенномъ обыскѣ могутъ весьма легко пропасть, по меньшей мѣрѣ—неосторожно, и обличаетъ неуваженіе къ своему труду въ такихъ ловкихъ людяхъ, какъ фальшивые монетчики, которые, конечно, работаютъ не изъ простой любви къ искусству. Итакъ, вотъ первая странность со стороны Верникѐ. Затѣмъ Верникѐ все-таки оставляетъ эти бумажки у Эмиля Янсена. Понятно, что, оставляя ихъ, онъ долженъ бы былъ извѣстить немедля своихъ сообщниковъ о томъ, гдѣ онѣ находятся. Но онъ этого не дѣлаетъ сейчасъ же, потому что Эмиль Янсенъ пріѣхалъ въ Петербургъ 21-го января, а Куликовъ явился гораздо позже. Это объясняется отчасти разсказомъ Ріу. Вы слышали, что посылка передана Ріу, который отправилъ ее въ ящикѣ. По мнѣнію Рію и Эмиля Янсена—въ этой коробкѣ французскіе товары на сумму въ 30 франковъ. Вы знаете, что Обри, французскій курьеръ, уѣхалъ изъ Парижа, какъ онъ показываетъ, около 8-го марта. Затѣмъ, за семь дней до его отъѣзда, къ нему Ріу принесъ коробочку съ бумажками, слѣдовательно, это было около 1-го марта по французскому стилю, т. е. это было, во всякомъ случаѣ, не ранѣе 16-го февраля по русскому стилю. Куликовъ же явился за 10 дней до пріѣзда Обри въ Петербургъ: пріѣздъ

этотъ произошелъ 1-го марта нашего стиля, слѣдовательно, Куликовъ явился 18-го февраля. Такимъ образомъ, онъ явился черезъ два дня послѣ того, какъ Обри получилъ бумажки. Предположимъ, что Верникѐ телеграфировалъ своему сообщнику, но онъ могъ телеграфировать только послѣ того, какъ Обри согласился везти пакетъ. Въ такомъ случаѣ Куликовъ явился черезчуръ скоро, немыслимо скоро. Ему телеграфировали 16-го февраля, что Обри взялся везти бумажки, а 18-го онъ уже является за ихъ полученіемъ, да еще сердится, что Обри не доѣхалъ изъ Парижа въ одни сутки! Но предположимъ, что телеграммы не было послано, а было послано письмо, въ которомъ Верникѐ извѣщалъ, что бумажки сданы Обри и прибудутъ къ Янсену. Письмо это могло быть отправлено въ день врученія бумажекъ, слѣдовательно, 16-го февраля. Письмо изъ Парижа получается на четвертый день, слѣдовательно, могло быть въ Петербургѣ только 20-го февраля, между тѣмъ, Куликовъ является 18-го. Какимъ же образомъ онъ могъ придти ранѣе полученія письма? Такимъ образомъ, въ дѣйствіяхъ Куликова представляется явная несообразность. По числамъ мы видимъ, что если онъ получилъ телеграмму, то явился слишкомъ рано, если же получилъ письмо, то долженъ бы явиться гораздо позже;—между тѣмъ, онъ является въ срокъ, слишкомъ ранній для телеграммы и невозможный для письма. Затѣмъ, Куликовъ знаетъ, что ему отправлены фальшивыя бумажки; онъ заботится о посылкѣ, сердится, что бумажки въ свое время не прибыли, а между тѣмъ не оставляетъ Янсену своего адреса, не приходитъ, въ теченіе 12 дней, не приходитъ и до настоящаго времени. Гдѣ же этотъ переводитель или пріемщикъ, куда онъ дѣвался? Оставилъ онъ бумажки на произволъ судьбы? забылъ о нихъ? Но это невозможно: вѣдь бумажки представляютъ капиталъ въ 18 тысячъ! Вѣдь не случайный же онъ человѣкъ въ этомъ, хотя и опасномъ, но выгодномъ предпріятіи, если ему прямо были адресованы бумажки!

Потомъ этому же Куликову поручено передать печать дома Бурбоновъ. Это тоже довольно странное явленіе. Зачѣмъ какому-то Куликову печать дома Бурбоновъ? И зачѣмъ не укротилъ гнѣвъ Куликова Эмиль Янсенъ хотя бы отдачею печати? Вы видите, что оба—и отправитель, и получатель посылки—дѣйствуютъ странно: оба поручаютъ ее лицу, имъ совершенно неизвѣстному; оба сначала употребляютъ большія хлопоты, чтобы отправить и получить ее, сердятся, шумятъ и затѣмъ внезапно умолкаютъ, мало того—оба изчезаютъ, и притомъ безслѣдно. О Куликовѣ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, о Верникѐ также. Изъ справки французской адресной экспедиціи видно, что никакого Верникѐ никогда не жило въ той мѣстности, на которую указалъ Эмиль Янсенъ. Есть указаніе на какого-то португальскаго выходца, но онъ уже уѣхалъ изъ Парижа, когда шло дѣло объ отправкѣ посылки; этотъ же Верникѐ былъ, по словамъ Янсена, не португалецъ и имѣлъ опредѣленныя занятія и постоянное мѣстожительство.

Посмотримъ теперь на дѣйствія самого Эмиля Янсена и Ріу.

Вѣдь ящикъ, который долженъ былъ быть отправленъ въ Петербургъ, заключалъ въ себѣ весьма недорогія вещи: образчики товаровъ, оцѣненные въ 30 франковъ. Ихъ нужно перевезти въ Петербургъ. Очевидно, ихъ поручаютъ перевезти не по почтѣ потому, что не желаютъ заплатить нѣсколько франковъ почтовыхъ расходовъ, а между тѣмъ какія изъ-за этого хлопоты! Эмиль Янсенъ оставляетъ пакетъ въ Парижѣ у дяди и говоритъ, что поручилъ отдать его себѣ въ минуту самаго отъѣзда, т. е. тогда, когда берутъ съ собою самыя нужныя вещи, которыя надо всегда имѣть подъ рукою, а не въ багажномъ вагонѣ. А тутъ чужая, малоцѣнная посылка, съ которою придется возиться всю дорогу, бояться утраты ея, рисковать забыть и т. д. Но пусть будетъ такъ! Дядя позабылъ ее отдать на станціи желѣзной дороги—и Эмиль Янсенъ уѣхалъ безъ драгоцѣннаго ящика съ образчиками товаровъ на 30 франковъ. Но что за важность, если онъ забылъ пустую посылку, оцѣненную недорого и порученную ему мало знакомымъ человѣкомъ? Вѣдь ее можно прислать по почтѣ и, въ наказаніе за забывчивость, заплатить за это нѣсколько франковъ. Но мы видимъ, что изъ-за пустой посылки, начинаются большія затраты, посылаются телеграммы, которыя стоятъ по 4 рубля, между тѣмъ какъ посылка по почтѣ стоила бы не болѣе 4 франковъ, начинается писаніе писемъ, являются хлопоты и бѣготня. Изъ письма Эмиля Янсена къ Ріу видно, что онъ долженъ отыскивать адресъ курьера, ходить въ министерство, клаиняться и умолять начальника Обри... Наконецъ Ріу долженъ обѣщать вознагражденіе курьеру, торгуясь, по словамъ письма Эмиля, но немного. И эти-то затраты и хлопоты происходятъ изъ-за образчиковъ въ 30 франковъ! Правдоподобно ли это? Защита здѣсь приводила письмо Ріу къ Эмилю Янсену, въ которомъ онъ разсказываетъ о своихъ хлопотахъ и пишетъ, что первыя хлопоты были неудачны. Защита обращаетъ особенное вниманіе на то, что письмо приходитъ изъ Парижа 12-го февраля, т. е. до отправки письма Эмиля Янсена къ Ріу, въ которомъ онъ проситъ хлопотать въ министерствѣ, проситъ исполнить порученіе относительно отправки посылки. Но что же это доказываетъ? Доказываетъ только, что нужно было хлопотать въ министерствѣ даже до полученія письма Эмиля. Откуда же зналъ объ этомъ Ріу? Изъ телеграммы, которая была ему прислана, какъ видно изъ его письма къ Эмилю. Онъ отвѣчаетъ на эту телеграмму, что въ министерствѣ ничего нельзя устроить. Затѣмъ, 14-го февраля, ему посылается письмо съ болѣе подробными указаніями. Можетъ быть, намъ скажутъ, что это вызывалось обѣщаніемъ Куликова, который, разсердившись, что бумажекъ нѣтъ, выразилъ обѣщаніе заплатить много, лишь бы посылка была скорѣе на мѣстѣ. Но Эмиль Янсенъ показалъ, что Куликовъ приходилъ за десять дней до прибытія посылки черезъ Обри, т. е., какъ мы уже доказали, ни въ какомъ случаѣ не позже 18—20-го февраля. Между тѣмъ, письмо Эмиля Янсена, въ которомъ онъ требуетъ, чтобы Ріу такъ сильно хлопоталъ, помѣчено 14-го февраля, т. е. до прихода еще Куликова,

когда, слѣдовательно, никто не могъ обѣщать вознагражденія и самъ Эмиль зналъ только, согласно своему разсказу, что ему былъ порученъ маленькій ящикъ съ образчиками товаровъ. Такими представляются дѣйствія Ріу и Эмиля Янсена. Дѣйствія эти весьма странны. Они указываютъ, вмѣстѣ съ отсутствіемъ Куликова, на то, что Эмиль Янсенъ не могъ не знать, что находится въ ящикѣ, который отправляется къ нему. Почему онъ пересылается черезъ Обри—это весьма понятно: Обри не будутъ осматривать, онъ можетъ провезти бумажки безопасно; но ни по почтѣ, ни самому везти ихъ нельзя. Единственное средство препроводить бумажки—это или запрятать ихъ въ какой нибудь товаръ, напримѣръ, въ карандаши, какъ это дѣлается иногда, что довольно хлопотливо и трудно, или отправить ихъ съ такимъ лицомъ, которое не будетъ осматривать. Но такое лицо можно найти только среди дипломатическихъ агентовъ, курьеровъ посольства. И вотъ обращаются къ Обри. Являются хлопоты, телеграммы, деньги, и наконецъ бумажки прибываютъ въ Петербургъ. Здѣсь ихъ ждетъ Эмиль Янсенъ. Онъ посылаетъ за ними свою мать. Но женщинѣ ихъ не отдаютъ. Тогда онъ является со своимъ отцомъ.

Здѣсь мнѣ предстоитъ перейти къ опредѣленію отношеній отца къ сыну и участія его въ настоящемъ дѣлѣ.

Прежде всего возникаетъ вопросъ о томъ, могъ ли знать отецъ Эмиля Янсена о томъ, что такое получилъ сынъ. Я думаю, что онъ долженъ былъ и могъ это знать. Для этого существуетъ уже одно первоначальное указаніе. По прибытіи посылки въ Петербургъ, къ Обри явилась жена Янсена и предлагала ему 100 франковъ. Но жена Янсена показала здѣсь, что она въ матеріальномъ отношеніи была въ полной зависимости отъ мужа: у нея нѣтъ своихъ средствъ, и она не можетъ истратить безъ разрѣшенія мужа, даже такой небольшой суммы какъ 25 франковъ. Однако, она предлагаетъ вчетверо больше, — значитъ, увѣрена, что мужъ одобритъ ея расходъ. На другой день является ея супругъ. Онъ дѣйствуетъ очень осторожно, торгуется, недоволенъ высокой цѣной, которую запрашиваетъ Обри, и, наконецъ, приказываетъ сыну расписаться, несмотря на то, что Обри предлагаетъ сдѣлать это ему,—однимъ словомъ старается остаться въ тѣни и обезопасить себѣ выходъ. И дѣйствительно, если прослѣдить всю дѣятельность Станислава Янсена, если посмотрѣть на его положеніе въ дѣлѣ, нельзя не замѣтить, что это человѣкъ, который никогда очевиднымъ, явнымъ, рѣзкимъ виновникомъ какого либо преступленія явиться не можетъ: онъ слишкомъ опытенъ, слишкомъ много пережилъ, слишкомъ много испыталъ профессій, чтобы такъ легко попасться въ подобномъ дѣлѣ, какъ его сынъ, который сумѣлъ устроить все нужное для привоза бумажекъ, но лишь попался, тотчасъ же сталъ давать опасныя для себя показанія. Посмотримъ на тѣ предварительныя данныя, которыя мы имѣемъ для сужденія о Янсенѣ-отцѣ въ 1831 г. Онъ былъ эмигрантомъ и вернулся въ Россію въ 1858 г., когда ему было это позволено, благодаря заступничеству саксонскаго посланника въ Парижѣ;—съ этого

времени онъ началъ заниматься торговлей, сначала одинъ, потомъ съ Гарди, сталъ писать проекты и бросаться въ самую разностороннюю дѣятельность. Такая дѣятельность не совершенно ясна; въ ней есть много туманныхъ пятенъ. Вы знаете про письмо какого-то «Стараго», гдѣ говорится объ условіи съ курьерами французскаго посольства—«по 15 рублей съ килограмма». Какія же это посылки? Вѣдь Янсенъ ведетъ обширную торговлю, все, что нужно ему получить, онъ можетъ получить чрезъ таможню. Онъ ведетъ, наконецъ, настолько важную торговлю, что не можетъ нуждаться въ нѣсколькихъ франкахъ и сберегать ихъ посредствомъ посылки чрезъ курьеровъ. Очевидно, онъ долженъ перевозить черезъ курьеровъ такія вещи, которыя трудно и даже опасно перевезти иначе. Вы знаете, что жена его живетъ въ Парижѣ и не разъ пересылала черезъ курьеровъ какіе-то пакеты. Почему же ихъ было не послать съ товаромъ? Она завѣдывала его комиссіями, пересылала товары большими грузами, для чего же еще пересылать черезъ курьеровъ, бѣгать въ министерство и тамъ хлопотать? Затѣмъ, слѣдя далѣе за дѣятельностью Янсена-старика, мы знаемъ, что въ 1875 г., въ концѣ его, онъ вступаетъ съ Гарди въ компанію. Вы слышали показаніе Гарди. На Гарди дѣйствительно лежатъ какія-то темныя пятнышки. Я не стану ихъ отрицать въ виду отзывовъ, которые прочла защита. Правда, что отзывы, безъ подтвержденія ихъ фактами, ничего не доказываютъ, но положимъ, что они болѣе или менѣе справедливы,—предположимъ, что люди не станутъ отзываться о комъ либо такъ враждебно безъ всякихъ поводовъ съ его стороны. Положимъ, онъ былъ нѣсколько нечистъ въ своей дѣятельности, но въ какой дѣятельности? Онъ что-то такое нечистое сдѣлалъ 20 лѣтъ тому назадъ. Но вѣдь и болѣе важныя преступленія покрываются давностью, а тѣмъ болѣе проступки и увлеченія, совершенныя въ молодости. Поэтому я думаю, что пятнышки эти можно бы уже и смыть... Допустимъ, однако, въ угоду защитѣ, что Гарди самый порочный человѣкъ, но все же я полагаю, что ему нельзя вовсе не вѣрить; нѣтъ такого заподозрѣннаго человѣка, которому нельзя бы было сказать: «ты лживый человѣкъ и не вѣренъ въ словахъ, но могутъ же быть случаи, гдѣ и ты говоришь правду, и эти случаи будутъ тѣ, когда сказанное тобою подтвердится другими побочными обстоятельствами, которыя, подкрѣпивъ твои слова, придадутъ имъ непривычную нравственную силу». Обращаясь къ Гарди, мы видимъ, что такія побочныя обстоятельства существуютъ: это, во-первыхъ, показаніе Бадера, которое подтверждаетъ показаніе Гарди и, во-вторыхъ, заявленія Гарди властямъ. Вы знаете, что имъ найдены были бумажки, спрятанныя у Янсена; убѣдясь, что онѣ фальшивыя, онъ подавалъ рядъ заявленій въ особое отдѣленіе канцеляріи министерства финансовъ, въ 3-е отдѣленіе и къ Оберъ-Полиціймейстеру. У него былъ опытный адвокатъ, какъ это видно изъ самой формы бумагъ, самому же ему было нѣкогда заниматься и онъ разсказалъ адвокату, что компаніонъ его по торговлѣ имѣетъ фальшивыя бумажки. Зая-

вленія эти, какъ неподкрѣпленныя надлежащими неопровержимыми доказательствами, представить которыхъ онъ и не могъ, остались втунѣ. Вы слышали здѣсь его показаніе. Онъ находилъ у Янсена неоднократно фальшивые билеты и однажды даже нашелъ цѣлую пачку фальшивыхъ бумажекъ. Янсенъ по этому поводу далъ прежде странное объясненіе. Онъ говоритъ, что, обертывая бумажки около банокъ съ помадой и румянами, онъ пряталъ деньги отъ жены. Здѣсь возбужденъ былъ вопросъ о томъ, какъ же можно держать деньги, хотя бы и фальшивыя, въ незапертыхъ помѣщеніяхъ, тамъ, гдѣ находился еще слуга Михайловъ, который былъ здѣсь допрошенъ. Я полагаю, что возбужденіемъ такого вопроса ничего не доказывается. Шкафъ, говорятъ, не запирался; но вѣдь въ квартирѣ могли быть только два лица, могущія ходить въ магазинъ: Гарди и Янсенъ. Къ Гарди Янсенъ могъ относиться съ довѣріемъ, да ему и не надо было ходить въ шкафъ, такъ какъ въ немъ хранились разныя ненужныя ему вещи. Вы слышали, что Гарди завѣдывалъ лишь фабричною частью и что только случайный пріѣздъ знатной невѣсты заставилъ его отыскать среди банокъ съ румянами бумажку. Затѣмъ, что касается до Михайлова, то онъ жилъ въ особой комнатѣ, на кухнѣ, и когда господа уходили, то магазинъ запирали, запираніе же лавки дѣйствительнѣе запиранія шкафовъ. Одна изъ бумажекъ, взятыхъ Гарди у Янсена, представлена къ дѣлу. Она безспорно фальшивая. Вы слышали объ этомъ удостовѣреніе Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, вы слышали также показаніе Бадера, который говоритъ, что ему бумажка была дана для размѣна, но никто ея не мѣнялъ, какъ фальшивую. и она осталась. Конечно могутъ сказать, что человѣку, занимающемуся торговлей, среди большого количества бумажекъ могли попадаться фальшивыя бумажки. Но онъ ихъ могъ бы отдать назадъ или разорвать какъ негодныя. или, наконецъ, снести въ банкъ. Однако, нѣтъ: онъ хранилъ ихъ вокругъ разныхъ баночекъ съ румянами, тщательно завернутыми. Затѣмъ вы знаете, что въ Путивлѣ жилъ нѣкто Жуэ, который дѣлалъ шпалы для желѣзной дороги и между рабочими пустилъ въ обращеніе не мало фальшивыхъ десятирублевыхъ билетовъ. Когда эти билеты были обнаружены, то былъ произведенъ у Жуэ обыскъ, при чемъ найдены 92 десятирублевыя фальшивыя бумажки. Жуэ бѣжалъ, и преступленіе осталось безнаказаннымъ, а бумажки изъ его запаса распространились въ большомъ количествѣ въ Россіи, какъ видно изъ сообщенія Кредитной Канцеляріи. Жуэ переписывался съ Янсеномъ, онъ находился съ нимъ въ особыхъ дружескихъ отношеніяхъ, жилъ у него, Янсенъ провожалъ его при отъѣздѣ и хлопоталъ для него о мѣстѣ на желѣзной дорогѣ. У Жуэ найдены письма къ нему Янсена. Янсенъ утверждаетъ, что въ этихъ письмахъ говорится о присылкѣ какого-то спринцованія и, въ подтвержденіе этого, даже представляетъ почтовую повѣстку. Но она ничего не доказываетъ. Не говоря уже о томъ, что посылка полуфунта спринцованія, какъ говоритъ Янсенъ, за 900 верстъ въ такое, мѣсто, гдѣ

есть аптека, представляется крайне неправдоподобнымъ, — гораздо легче было послать рецептъ; надо замѣтить, что изъ расписки почтовой конторы вовсе не видно, чтобы Янсенъ отправлялъ спринцованіе. Изъ протокола судебнаго слѣдователя видно, что, при обыскѣ Жуэ, у него найдено письмо Янсена, гдѣ говорится о цѣломъ рядѣ спринцовокъ. Зачѣмъ же онѣ ему посылались? Къ чему укладчику шпалъ масса спринцовокъ? Невольно думается, что спринцовки лишь условный терминъ, тѣмъ болѣе, что эта странная, не совсѣмъ понятная пересылка требовала даже личныхъ свиданій Жуэ и Янсена, какъ это видно изъ письма послѣдняго, прочитаннаго здѣсь. И какая оригинальная судьба этихъ Янсеновъ! И случайный парижскій пріятель молодого Эмиля, и старый другъ стараго Станислава—одинъ на парижскомъ бульварѣ, другой въ Игоревскомъ древнемъ городѣ—оказываются весьма прикосновенными къ фальшивымъ бумажкамъ одного и того же рода поддѣлки! Таковы данныя, которыя мы имѣемъ относительно прошлаго Янсена-отца.

Затѣмъ мнѣ предстоитъ очертить отношенія Янсена къ сыну по настоящему дѣлу. Не спорю, что для того, чтобы доказывать прямо и разительно виновность С. Янсена, нужны бы письменныя доказательства, которыхъ, однако, лицо, подобное С. Янсену, никогда въ дѣлѣ не оставитъ, но полагаю, что виновность его доказывается прежде всего тѣмъ, что безъ него его сынъ и не могъ бы устроить доставку бумажекъ. Для того, чтобы привезти фальшивыя бумажки въ Петербургъ, для того, чтобы сбыть ихъ съ выгодой, нужно знать, что въ Петербургѣ есть сбытчикъ, нужно знать, что въ Петербургѣ найдутся лица, которыя купятъ ихъ, лица вѣрныя, на которыхъ можно надѣяться, которыя явятся по первому призыву. Откуда же Э. Янсенъ могъ знать объ этихъ лицахъ, проживая въ Парижѣ и давнымъ-давно оставивъ Петербургъ? Онъ не могъ, однакоже, явиться съ бумажками, не зная, куда же ихъ сбыть и кому. Трудно предположить, чтобы французъ, незнающій говорить по-русски, новый человѣкъ въ Петербургѣ, пріѣхавшій по случаю болѣзни матери, нашелъ случай отыскать людей, которые взялись бы сбывать бумажки, или сталъ бы распространять ихъ самъ по рукамъ,—по одной, по двѣ. Это требуетъ долговременнаго пребыванія и, при незнаніи русскихъ обычаевъ и языка, было бы опасно. Итакъ, онъ долженъ знать, куда ихъ сбыть. Но кто же его знакомые? Мы ихъ видѣли на судѣ. Это добрые малые, хорошіе пріятели, которые ходятъ съ нимъ въ театръ, обѣдаютъ, охотятся, но фальшивыхъ бумажекъ, очевидно, не распространяютъ. Для успѣха и безопасности его предпріятія необходимъ хорошо знакомый съ сбытчиками человѣкъ, знающій петербургскіе обычаи и притомъ человѣкъ вѣрный, близкій,—въ томъ возростѣ, который «ходитъ осторожно и осмотрительно глядитъ». Кто же является такимъ лицомъ? Его отецъ Станиславъ, который могъ указать сыну на возможность пересылки посредствомъ курьера французскаго посольства, такъ какъ не разъ посылалъ чрезъ подобныхъ лицъ посылки,—Станиславъ—кампаніонъ Гарди, у кото-

раго послѣдній нашелъ бумажки вокругъ баночекъ съ румянами, другъ Жуэ, такъ много распространявшаго бумажекъ въ путивльскомъ округѣ и получавшаго такія странныя посылки. Таковы данныя противъ Янсена. Я говорю здѣсь только объ общихъ, самыхъ главныхъ основаніяхъ къ обвиненію и избѣгаю приводить цѣлый рядъ мелкихъ подробностей, которыя оставляютъ, однако, общее впечатлѣніе и убѣжденіе въ виновности. Вы видите уже изъ тѣхъ данныхъ, которыя я привелъ, что между Э. и С. Янсенами не могло не существовать связи. Если вы признаете, что Э. Янсенъ дѣйствительно устроилъ ввозъ бумажекъ, если вы вспомните разсказъ его о Ріу, Верникѣ и Куликовѣ,—объ этомъ не извѣстномъ русскомъ человѣкѣ, которому понадобилась печать дома Бурбоновъ,—если вы припомните, что этою печатью, которую онъ взялъ съ собою, а не отослалъ вмѣстѣ съ ящикомъ, были запечатаны фальшивыя бумажки, если вы, повторяю, вспомните все это, то вы едва ли можете не признать, что онъ не могъ сдѣлать этого иначе, какъ при посредствѣ своего отца, такъ какъ въ Петербургѣ онъ совершенно чужой, незнакомый. Вамъ, можетъ быть, скажутъ, что поведеніе отца его у Обри показываетъ, что Янсенъ дѣйствовалъ съ сознаніемъ своей невинности. Съ *видомъ* невинности, но не съ *сознаніемъ* ея, скажу я... Когда Янсены явились къ Обри, пакетъ оказался распечатаннымъ, и у нихъ, конечно, возникло подозрѣніе, что Обри знаетъ о содержаніи посылки. Но они имѣли основаніе предполагать, что Обри посмотрѣлъ только на обертку, что снималась только клеенка, такъ какъ онъ могъ думать, что коробка, въ ней заключенная, сломалась, они знали наконецъ, что пакетъ запечатанъ и что едва ли кто рѣшится сорвать чужую печать. Но если бы даже и допустить, что Обри узналъ, что въ ящикѣ содержатся бумажки, то, какъ иностранецъ, онъ могъ не знать, какого происхожденія эти бумажки. Да, наконецъ, какое ему до всего этого дѣло? Развѣ онъ пойдетъ заявлять русской полиціи, будетъ возится съ нею, зная, что его будутъ таскать и допрашивать? Да и какое дѣло ему даже и до того, что это фальшивыя бумажки? Ему лучше оставаться съ Янсеномъ въ добрыхъ отношеніяхъ и получать отъ него вознагражденіе. Даже если и предположить, что Обри догадался, въ чемъ дѣло, то и въ такомъ случаѣ надо сохранить наружное спокойствіе, не бѣжать, не отказываться отъ посылки, иначе Обри, пожалуй, подыметъ крикъ, а надпись на посылкѣ: «отъ Ріу—Янсену»—послужитъ тяжкою уликою противъ Янсеновъ. Лучше доиграть свою роль до конца, лучше взять спокойно посылку, расплатиться, поторговавшись для виду, распрощаться и уйти. Таковы дѣйствія обоихъ Янсеновъ. Подсудимые составляютъ два небольшихъ, но вѣскихъ звена въ массѣ поддѣлывателей и переводителей фальшивыхъ бумажекъ. Что эти лица являются таковыми—на это указываютъ вамъ и тѣ цифры, которыя я приводилъ. Я ихъ вамъ напомню. Вспомните, что при обыскѣ у Станислава Янсена найдена бумажка за № 91701; вспомните, что фальшивыя бумажки найденныя при арестованіи у Эмиля Янсена,

были за №№ 91700, 91702 и 91704 и т. д. Эти бумажки, какъ увѣдомилъ банкъ, принадлежатъ къ одному и тому же роду поддѣлки къ одному и тому же выпуску, именно къ 19 роду поддѣлки. Затѣмъ вы знаете, что въ Варшавѣ, не ранѣе арестованія Янсеновъ, какъ заявила защита, а позже—20-го марта, открыта поддѣлка бумажекъ на огромную сумму—на 100,000 рублей. Бумажки эти оказались той же фабрикаціи, и между ними являются пробѣлы, именно онѣ идутъ черезъ номеръ, такимъ образомъ, что одинъ номеръ у Э. Янсена, а другой въ Варшавѣ. Я приведу цифры: 23544 въ Варшавѣ, а 23545 у Э. Янсена, 23546 въ Варшавѣ, а 23547 у Янсена, 23552 у него же, 23553 въ Варшавѣ. Какой же выводъ изъ этого? Намъ скажутъ, что единственно тотъ, что бумажки выходили изъ одного мѣста поддѣлки. Да, но самое раздѣленіе ихъ на двѣ группы не показываетъ ли, что онѣ были раздѣлены такъ для того, чтобы не подать никакого подозрѣнія въ подлинности ихъ. Такъ обыкновенно дѣлаютъ распространители бумажекъ. Наконецъ, бумажка, которая найдена у С. Янсена, очевидно поступила къ нему до привоза бумажекъ къ Э. Янсену. Откуда же она взялась? Она оказывается одной поддѣлки съ тѣми, которыя найдены у Э. Янсена. И вотъ, является вполнѣ основательное, какъ мнѣ кажется, предположеніе: заграницей существуетъ поддѣлка русскихъ бумажекъ; нужно выпускать ихъ серіями въ Россію; для того, чтобы распространеніе не подавало особаго подозрѣнія непрерывностью номеровъ и для большого удобства въ счетѣ ихъ—онѣ раздѣляются на двѣ группы: направо и налѣво. Такимъ образомъ образуются двѣ пачки—одна отправляется въ Варшаву, другая—въ Петербургъ. Для Петербурга находится Э. Янсенъ, который берется устроить провозъ чрезъ французскаго курьера, благо у его отца есть связи съ курьерами. Но для того, чтобы отвести, надо имѣть лицо, которое возьметъ бумажки, будучи увѣрено, что ихъ можно сбыть съ барышемъ, а для этого надо отвезти бумажку и показать ее: «годятся ли-де такія? И вотъ такая-то пробная, образцовая бумажка, за № 91701, найдена у С. Янсена. Она ему предъявлена сыномъ, разсмотрѣна и имъ одобрена. Затѣмъ является телеграма, переписка, порученіе выслать бумажки, и остальныя бумажки являются къ Э. Янсену, который такъ усердно и назойливо хлопочетъ о провозѣ 30-ти франковыхъ образчиковъ. Къ счастью, Обри слишкомъ любопытенъ, а сыскная полиція достаточно бдительна,- и бумажки вмѣстѣ съ Янсеномъ представлены теперь на вашъ судъ, гг. присяжные. Вотъ доводы относительно обвиненій Янсеновъ... Перехожу къ обвиняемой Германсъ Акаръ.

Хотя главнымъ дѣятелемъ физическимъ въ настоящемъ дѣлѣ является, повидимому, Эмиль Янсенъ, хотя противъ него существуетъ большая часть не подлежащихъ сомнѣнію уликъ, я долженъ замѣтить, что главнымъ дѣятелемъ, душою всего этого преступнаго дѣла является, по мнѣнію моему, Станиславъ Янсенъ, и онъ своею дѣятельностью оттѣняетъ и обрисовываетъ дѣятельность Германсъ Акаръ. Она обвиняется въ томъ, что распространяла фальшивыя бумажки.

Но для этого ей нужно было ихъ получить отъ кого нибудь, нужно было войти въ сношеніе съ лицами, которыя нашли бы удобнымъ распространять чрезъ нее бумажки, нуженъ былъ наконецъ случай для ихъ распространенія. Вы слышали изъ опредѣленія Судебной Палаты, что обвиненіе ея основано на свидѣтельскихъ показаніяхъ. Начиная свидѣтелями, Палата приходитъ къ общему выводу о виновности Акаръ. Я попробую дѣйствовать наоборотъ и разсмотрѣть сначала тѣ предположенія, которыя вытекаютъ изъ свѣдѣній о личности Янсена и о его отношеніяхъ къ Акаръ.

Вы знаете, что между Янсеномъ и Акаръ существовала большая дружба, старинная пріязнь, переходящая почти въ родственныя отношенія, которая допускаетъ постоянное пребываніе Янсена у Акаръ, допускаетъ возможность обѣдать и завтракать у нея, завѣдывать ея кассою, вести разсчеты, почти жить у нея, такъ что даже ключъ отъ магазина, по закрытіи его, Гарди долженъ былъ посылать къ Акаръ. Изъ того, что я говорилъ уже о С. Янсенѣ, я вывожу, что у С. Янсена была возможность—въ видѣ промысла сбывать и распространять фальшивыя бумажки, получаемыя съ мѣста производства. Но распространять ихъ посредствомъ раздачи мелкимъ промышленникамъ не всегда вѣрно и по большей части опасно; передать же ихъ въ руки распространителей въ большихъ размѣрахъ—не всегда выгодно. Лучше всего пустить бумажки въ чьи либо торговые обороты. Но въ чьи? Въ свои—неудобно, въ чужія—опасно; лучше всего въ чужіе, но которые были бы подобны своимъ. Итакъ, нужно ихъ передать въ руки такого лица, которое близко, вѣрно и не выдастъ. Это лицо, къ которому Янсенъ относится съ полнымъ довѣріемъ, этотъ старый вѣрный другъ—Акаръ, богатая модистка, имѣющая заведеніе въ лучшемъ мѣстѣ города. Вы видѣли здѣсь ея мастерицъ, ихъ блестящій костюмъ, изысканныя манеры. Вы знаете, что каковъ магазинъ, таковы должны быть и заказчицы. Если мастерицы одѣваются великолѣпно, если модное заведеніе помѣщается на лучшей улицѣ, то, очевидно, заказы должны быть въ широкихъ размѣрахъ и по количеству, и по платежу. Такіе заказы не въ рубляхъ, а въ сотняхъ, могутъ дѣлаться лишь лицами богатыми, которыя покупаютъ много и расплачиваются сразу большими суммами. Вотъ этимъ-то лицамъ подъ шумокъ, среди любезностей и веселой французской болтовни, лучше всего и сбывать фальшивыя бумажки. Имъ можно дать сдачи нѣсколько 10-ти рублевыхъ бумажекъ. Великосвѣтская барыня, купившая на большую сумму, не станетъ, пожалуй, ихъ и считать, а тѣмъ болѣе разсматривать, а положитъ, скомкавъ небрежно, въ кошелекъ. По пріѣздѣ домой окажется, быть можетъ, что есть въ немъ бумажки фальшивыя, но она посѣтила столько магазиновъ, испытала столько встрѣчъ, что ей неизвѣстно, гдѣ она ихъ получила, да и стоитъ ли хлопотать, «унижаться» изъ-за какой нибудь 10-ти рублевой бумажки, рискуя, можетъ быть, встрѣтить наглое отрицаніе и удивленіе!? Такъ сегодня, такъ и завтра. Вы знаете, какія покупки дѣлаютъ свѣтскія дамы высшаго полета,

вы знаете, напримѣръ, о закупкахъ невѣсты польскаго графа, которая купила сразу на 245 руб. разной косметической мелочи, что и послужило къ открытію фальшивыхъ бумажекъ около банокъ съ румянами. Но кто покупаетъ на 245 р. помады и духовъ, румянъ и бѣлилъ, тотъ, очевидно, не очень цѣнитъ деньги. При такихъ-то покупкахъ всего удобнѣе распространять фальшивыя бумажки. Итакъ, *удобство* распространенія фальшивыхъ бумажекъ существуетъ. Затѣмъ существуетъ и возможность пріурочить Акаръ къ преступленію. Янсенъ завѣдуетъ ея кассою. Чрезъ расходную кассу и потекутъ фальшивыя бумажки. Весь вопросъ въ томъ: знала ли она, что распространяетъ фальшивыя бумажки? Она не могла не знать этого. Если бы въ кассу попадали часто фальшивыя бумажки, безъ вѣдома Акаръ, то лица, являющіяся за платежами, своими разговорами и протестами по поводу ихъ фальшивости смутили бы хозяйку, и Акаръ стала бы безпокоиться, негодовать, отыскивать причины появленія бумажекъ, заподозрѣвать завѣдующаго кассою, т. е. Янсена, и дѣло могло бы принять дурной оборотъ. Поэтому лучше откровенно сказать ей, представить всю безопасность этого дѣла и своимъ нравственнымъ вліяніемъ побудить ее распространять бумажки. Вѣрный другъ не выдастъ, а вмѣстѣ они сумѣютъ вести наступательную войну противъ покупателей и получателей и принимать оборонительныя мѣры, когда это, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, окажется нужнымъ. Здѣсь вы слышали показанія свидѣтелей, которые, кажется, достаточно указываютъ на то, что Акаръ распространяла бумажки. Дозье, Десиметьеръ, его сестра, Наво, Шевильяръ, Алексѣевъ, Кондратьевъ, Филипповъ единогласно утверждаютъ, что Акаръ очень часто выдавала фальшивыя бумажки, но безпрекословно принимала и обмѣнивала, когда ихъ ей возвращали. Защита выставила рядъ свидѣтелей, которые говорятъ, что имъ никогда фальшивыхъ бумажекъ не давали. Но преступленіе всегда совершается относительно опредѣленныхъ лицъ, а не всѣхъ приходящихъ въ соприкосновеніе съ виновнымъ. На одного обокраденнаго, побитаго, обманутаго—приходится всегда нѣсколько людей, которыхъ обвиняемый не затронулъ своими дѣйствіями. Ихъ присутствіе разрѣжаетъ ту атмосферу преступности, въ которой происходитъ дѣятельность обвиняемаго, но ихъ показанія доказываютъ лишь отрицательные факты—доказываютъ лишь, что они, благодаря случаю, обстановкѣ или личнымъ видамъ обвиняемаго, избѣгли возможности быть его жертвами. Разсмотримъ притомъ показанія свидѣтелей защиты и обвиненія. Они раздѣляются на двѣ группы. Одни служатъ у Акаръ и, очевидно, боятся выдать свою госпожу, говоря, что они никогда не видѣли фальшивыхъ бумажекъ и не слыхали объ этомъ, и даже отрицаютъ такія обстоятельства, которыхъ не отрицаетъ и сама Акаръ, напримѣръ—полученіе бумажекъ отъ Лѣсникова и отъ Десиметьеръ. Акаръ признаетъ, что ей была возвращена бумажка отъ Лѣсникова, признаетъ также и то, что бумажка была возвращена и отъ Десиметьеръ, свидѣтели же первой категоріи говорятъ,

что этого ничего не было. Вы слышали здѣсь показанія Десиметьеръ и его сестры, совершенно точныя, ясныя. Бумажка, принесенная Ревеккою Катцъ, была ею самою отмѣчена, и только благодаря этому дня черезъ два была возвращена Акаръ для обмѣна на настоящую. Ревекка же говоритъ, что ничего подобнаго не было, что когда оказалось, что бумажку принять нельзя, то она тотчасъ же унесла ее назадъ, а на вопросъ—для чего приносила она бумажку — указываетъ на то, что въ магазинѣ не было сдачи. Но невозможно предположить, чтобы въ такомъ громадномъ магазинѣ не было сдачи съ десятирублевой бумажки, какъ въ какой нибудь табачной лавочкѣ— и притомъ на Михайловской улицѣ, гдѣ кругомъ масса мѣняльныхъ конторъ. Затѣмъ слѣдуетъ другая группа свидѣтелей. Всѣ они говорятъ, что въ магазинъ часто возвращали фальшивые билеты; они поступали преимущественно по субботамъ. Здѣсь постоянно возникалъ вопросъ о томъ, могли ли мастерицы видѣть мелкихъ поставщиковъ галантерейнаго товара, приходившихъ за деньгами, такъ какъ онѣ находились наверху, касса же внизу, и сверху ничего нельзя было видѣть. Да, быть можетъ, все это такъ, но что же изъ этого слѣдуетъ? Вѣдь онѣ всѣ вмѣстѣ обѣдали въ 7-мъ часу, въ то время, когда мелкія торговыя заведенія въ субботу всѣ уже по большей части закрыты и, слѣдовательно, въ это-то время купцы и являлись обмѣнивать фальшивыя бумажки. Да, наконецъ, — развѣ всѣ эти изящныя мастерицы цѣлый день сидѣли согнувшись въ своей душной рабочей комнатѣ? Акаръ, вѣроятно, профессоръ своего дѣла: онѣ должны были у нея просить разныхъ выкроекъ, спрашивать указаній, объясненій, слѣдовательно, онѣ могли постоянно къ ней являться, сбѣгать сверху внизъ и присутствовать при разсчетахъ съ покупателями. Мы имѣемъ показаніе Маргариты Дозье. Оно вполнѣ правдиво. Свидѣтельницѣ этой, послѣ того, какъ, поссорившись съ Акаръ, она должна была отойти по настойчивому требованію послѣдней,—слѣдовало получить 13 руб., въ числѣ которыхъ ей была дана 10-ти рублевая фальшивая бумажка; она отнесла ее назадъ, но Акаръ у нея ее не приняла. Противъ этого были выставлены двѣ свидѣтельницы; онѣ очень неопредѣленно говорятъ о двухъ 5-ти рублевыхъ бумажкахъ, но ни одна изъ нихъ не объясняетъ какого рисунка были эти бумажки, стараго или новаго, ни одна изъ нихъ не можетъ сказать, что говорилось по поводу этихъ бумажекъ, ни одна изъ нихъ не утверждаетъ даже, чтобы присутствовала при вручѣніи ихъ Дозье. Сама подсудимая заявила подъ конецъ, что дѣйствительно ею были даны двѣ 5-ти рублевыхъ бумажки, но вы слышали, что сначала она говорила о двухъ 10-ти рублевыхъ бумажкахъ. Притомъ, какой поводъ Дозье взводить напраслину на свою соотечественницу? Хотя она и отошла отъ Акаръ, но, повидимому, совершенно довольна своимъ положеніемъ. Вы слышали ея показаніе, полное добродушной ироніи—вы видѣли, какъ богато и красиво она одѣта. Очевидно, что давняя ссора съ хозяйкою отошла для нея въ область прощенія и забвенія, и здѣсь она говоритъ то, что было

дѣйствительно, даже и не зная, что ея 10-ти рублевая бумажка есть только кусочекъ мозаики въ одной общей картинѣ. Другимъ свидѣтелемъ является приказчикъ Лѣсникова, который показалъ, что приносилъ назадъ фальшивую 10-ти рублевую бумажку и требовалъ взять ее назадъ, что и исполнила Акаръ. Но намъ могутъ сказать: какое же это распространеніе, когда бумажки берутся назадъ? Да, это единичныя бумажки, распространяемыя между ремесленниками и мелкими торговыми людьми—въ видѣ пробы, на удачу... Люди эти дорожатъ каждой копѣйкой; они начнутъ шумѣть по поводу своего добра, а когда такой человѣкъ зашумитъ, то онъ не скоро перестанетъ, и потому приходится иногда великодушно взять бумажку назадъ, пожаловавшись при этомъ на экономическое положеніе Россіи, гдѣ такая пропасть фальшивыхъ бумажекъ. Приводятъ здѣсь кассовую книжку, но что же она доказываетъ? Это только простая книжка, не отличающаяся отъ книжекъ мелочныхъ лавочниковъ, чуждая всякихъ бухгалтерскихъ пріемовъ; въ ней своя рука—владыка, а потому вечеромъ, когда сводились счеты, легко было свести концы съ концами; книжка не имѣетъ ничего яснаго и точнаго, полна перемарокъ и перечеркиваній. Наконецъ, вы знаете, что кассой долгое время завѣдывалъ самъ С. Янсенъ. Припомните частое пребываніе его у Акаръ, припомните, что отъ нея выходятъ все 10-ти рублевыя бумажки, припомните, что онѣ выходятъ одновременно съ тѣмъ, когда Янсенъ бывалъ такъ часто у Акаръ и въ то время, когда и въ Путивлѣ распространялись 10-ти рублевыя бумажки. Отъ кого же исходятъ эти бумажки, распространяющіяся и въ Путивлѣ, и въ Петербургѣ, и между свѣтскими барынями, и между несчастными работниками желѣзной дороги? Почему именно у Янсена такіе друзья, какъ Акаръ и Жуэ, отъ которыхъ исходятъ бумажки одинаковаго достоинства и поддѣлки? Почему именно въ то время, какъ кассою г-жи Акаръ завѣдываетъ другъ г-на Жуэ, отъ нея исходятъ фальшивыя бумажки, которыя она такъ спокойно и безпрекословно принимаетъ? Почему именно та изъ ея мастерицъ, которую она выгоняетъ, получаетъ 10-ти рублевую фальшивую бумажку? Вотъ вопросы, на которые можетъ быть одинъ отвѣтъ: — потому что Акаръ виновна, потому что она распространяетъ бумажки сознательно.

Вотъ, гг. присяжные засѣдатели, тѣ данныя, которыя я имѣлъ вамъ передать. Сожалѣю, что не могу вамъ изложить всего подробнѣе. Въ настоящую минуту нѣтъ времени на это, всѣ очень устали, а васъ еще ждутъ три защитительныя рѣчи. Если, однако, защита будетъ касаться подробностей, которыя я обходилъ, я поговорю и о нихъ,—но не теперь... Я долженъ бы былъ въ началѣ своей рѣчи сказать, что я не могу представить относительно двухъ подсудимыхъ, Станислава Янсена и Акаръ, прямыхъ доказательствъ. Защита, вѣроятно, будетъ поэтому говорить, что обвиненіе мною не доказано, что всякое сомнѣніе должно служить въ пользу подсудимаго. Я на это скажу, что если требовать для обвиненія въ распро-

страненіи фальшивыхъ ассигнацій поимки человѣка съ бумажками въ рукахъ, который затѣмъ во всемъ сознается, тогда, пожалуй, и судить не нужно, тогда возможно дѣйствовать однѣми карательными мѣрами. Затѣмъ мнѣ могутъ сказать, что сомнѣніе служитъ въ пользу подсудимаго. Да, это счастливое и хорошее правило! Но, спрашивается, какое сомнѣніе? Сомнѣніе, которое возникаетъ послѣ оцѣнки всѣхъ многочисленныхъ и разнообразныхъ доказательствъ, которое вытекаетъ изъ оцѣнки нравственной личности подсудимаго. Если изъ всей этой оцѣнки долгой и точной, внимательной и серьезной, все-таки вытекаетъ такое сомнѣніе, что оно не даетъ возможности заключить о виновности подсудимаго, тогда это сомнѣніе спасительно и должно влечь оправданіе. Но если сомнѣніе является только оттого, что не употреблено всѣхъ усилій ума и вниманія, совѣсти и воли, чтобы, сгруппировавъ всѣ впечатлѣнія, вывести одинъ общій выводъ, тогда это сомнѣніе фальшивое,—тогда это плодъ умственной разслабленности, которую нужно побороть. Надъ сомнѣніемъ нужно поработать, его нужно или совсѣмъ побѣдить, или совсѣмъ ему покориться, но сдѣлать это во всякомъ случаѣ серьезно, взвѣсивъ и оцѣнивъ данныя для обвиненія. Мнѣ оставалось бы лишь сказать о важности преступленія. Я говорилъ, однако, уже объ этомъ. Упомяну только, что отъ него много потерпѣвшихъ, и что во имя этихъ потерпѣвшихъ нужно строго относиться къ дѣянію, совершенному подсудимыми. Россія въ послѣднее время сдѣлалась обширнымъ полемъ, на которомъ ведется систематическая война противъ общества и государства посредствомъ кредитной поддѣлки всевозможныхъ системъ. Противъ каждаго изъ русскихъ людей, противъ всего нашего отечественнаго рынка, противъ нашего кредита и противъ цѣлаго общества — ввозомъ фальшивыхъ бумажекъ ведется война;—отъ преступленія здѣсь страдаетъ и отдѣльная личность, и цѣлое общество. Эта война не можетъ быть, однако, терпима, нужно по возможности стараться прекратить ее. Поддѣлыватели и распространители фальшивыхъ билетовъ вносятъ въ эту войну искусство, умъ, энергію, изобрѣтательность и всевозможныя средства нечистыя и безчестныя, но обдуманныя и ловкія. У насъ есть противъ этого одно средство,— чистое, торжественное и хорошее. Это средство — судъ. Только судомъ можно сократить, въ сферѣ государственной и общественной безопасности, подобнаго рода преступленія и не давать имъ развиться. Гг. присяжные засѣдатели — вашъ приговоръ является такимъ средствомъ. Онъ является сильнымъ оружіемъ въ борьбѣ общества съ поддѣлывателями и распространителями. Если вы придете къ тому выводу, къ которому пришло обвиненіе, если вы взвѣсите всѣ обстоятельства дѣла внимательно то, можетъ быть, вашъ приговоръ покажетъ, что это средство сильно, что это оружіе для борьбы не заржавѣло, и что оно строго и безпристрастно караетъ виновныхъ въ такихъ противъ общества преступленіяхъ, каково настоящее.

Я прошу нѣсколько минутъ вниманія. Постараюсь быть кратокъ. Существенными мѣстами защиты вообще я считаю объясненія о личностяхъ переводителей, о которыхъ говорилъ Эмиль Янсенъ,—указанія на отсутствіе капиталовъ у Янсеновъ и замѣчанія, которыми защита хочетъ доказать, что Янсены, придя къ Обри, дѣйствовали какъ ни въ чемъ неповинные люди. Но прежде чѣмъ приступить къ разбору этихъ доводовъ, я долженъ сдѣлать маленькое отступленіе, въ виду заявленій защитника Станислава Янсена. Онъ нападаетъ на обвинительный актъ и съ особой энергіей старается поставить на видъ то, что онъ называетъ «невниманіемъ и неразборчивостью въ составленіи обвинительнаго акта». Но я думаю, что это совершенно напрасная затрата силъ. Вы судите, господа присяжные, на основаніи того, что вы видите и слышите здѣсь на судѣ, и живое впечатлѣніе происходящаго предъ вашими глазами, вѣроятно, отодвигаетъ обвинительный актъ на задній планъ. Предъ вами раздается живое слово и на него-то желательно слышать возраженія, вмѣсто опроверженія такихъ мѣстъ обвинительнаго акта, на которыя вовсе не указывалось во время судебныхъ преній. Перейдемъ, поэтому, прямо къ возраженіямъ на обвинительную рѣчь. Защита, разбивая обвиненіе, особенно долго останавливается на письмѣ «Стараго», но обвиненіе ему вовсе не придаетъ особеннаго значенія:— я не просилъ даже и о прочтеніи этого письма и тѣмъ лишалъ себя права на него ссылаться. Правда, мнѣ помогъ одинъ изъ защитниковъ, который счелъ нужнымъ обратить ваше вниманіе на это письмо. Оно, по мнѣнію обвиненія, указываетъ на давнія сношенія Янсена съ курьерами, подписано подозрительнымъ именемъ «Старый», которое намекаетъ на какія-то особыя интимныя отношенія между Янсеномъ и авторомъ письма. Но обвинитель забываетъ, говоритъ защитникъ Станислава Янсена, что писать или произносить по-французски длинныя польскія фамиліи, оканчивающіяся на «скій», почти невозможно, чему служитъ указаніемъ даже одинъ изъ извѣстныхъ водевилей Скриба. Я готовъ согласиться, что французскія буквы плохо складываются при писаніи польской фамиліи, но все-таки,— прочитавъ письмо, прежде чѣмъ говорить о немъ,—не могу не заявить, что ссылка на французскій водевиль мало помогаетъ дѣлу и для обвиненія не опасна по очень простой причинѣ: *письмо написано по-польски*. Полякъ навѣрно не затруднился бы написать свою фамилію на родномъ языкѣ, какія бы «трудныя» буквы въ нее ни входили. Перехожу къ болѣе существеннымъ доводамъ защиты. Намъ говорятъ, что Верникѣ существуетъ и что надо вѣрить показанію Эмиля;—если бы онъ зналъ, что ему даютъ бумажки и хотѣлъ бы ихъ провезти, онъ могъ бы положить ихъ въ карманъ; — посылка, согласно его новѣйшему разсказу, должна была быть отдана Ріу, потому что не была еще готова. Но гдѣ же этотъ Верникѣ? По самому тщательному розыску онъ не найденъ, да и дѣйствія его какія-то странно-неосновательныя, чтобы не сказать болѣе. Онъ имѣетъ бумажки на большую сумму, плодъ долгихъ трудовъ поддѣлывателей—

и пристаетъ съ ними къ первому попавшемуся въ кафе человѣку, съ которымъ почти вовсе незнакомъ. Но вѣдь если Эмиля и не обыщутъ на таможнѣ, то онъ самъ можетъ посмотрѣть, что такое онъ везетъ, и присвоить бумажки себѣ, или выбросить, или отдать полиціи! Однако, и этотъ рискованный комиссіонеръ не можетъ ждать и поручаетъ обратиться къ Ріу. Но Ріу человѣкъ осѣдлый; онъ служитъ въ Парижѣ, занимаетъ мѣсто химика горной школы, онъ самъ не поѣдетъ въ Россію, слѣдовательно, онъ пошлетъ посылку Эмилю. Но на почтѣ ее вскроютъ—непремѣнно... Защита скажетъ, быть можетъ, что Вернекé зналъ, что Ріу отправитъ чрезъ курьера посольства. Нѣтъ, онъ этого знать не могъ! Онъ долженъ былъ явиться къ Ріу тотчасъ по отъѣздѣ Эмиля. Эмиль уѣхалъ 21-го января, а о курьерахъ впервые говорится (по словамъ самого же Ріу) лишь между 10-мъ и 12-мъ февраля, въ телеграммѣ, присланной Эмилемъ изъ Петербурга. Очевидно, что несуществующій Верникѐ дѣйствуетъ безумно-опрометчиво. Да и можно ли предположить, чтобы поддѣлыватели такихъ превосходно сработанныхъ ассигнацій, выпускаемыхъ на огромную сумму (въ Варшавѣ арестовано бумажекъ на 100 тыс., въ Петербургѣ на 18 и по Россіи на 32,500, итого на 150 слишкомъ тысячъ),—можно ли предположить, чтобы они не имѣли никакого устройства, никакой опредѣленности въ своихъ оборотахъ, не имѣли вѣрныхъ людей, опытныхъ сбытчиковъ, чтобы они сновали, бѣгали и отдавали свои бумажки первому встрѣчному и тому, на кого онъ укажетъ? Это просто немыслимо!—Эмиль могъ бы провезти двѣ пачки бумажекъ въ карманахъ, если бы хотѣлъ, говорятъ намъ.—Но вспомните №№ билетовъ, незнаніе Эмилемъ русскаго языка и обычаевъ и его отношенія къ отцу, и вы увидите, что онъ не могъ везти съ собою билетовъ. Почему? Потому, что ихъ ему бы и не дали, такъ какъ онъ ѣхалъ «вновѣ». Ему вручили только образчикъ—№ 19, 701. «Покажи, молъ, въ Петербургѣ—и если окажется хорошъ и условія сбыта удобны, то напиши, чрезъ кого и когда пересылать». Съ этимъ-то билетомъ и явился Эмиль къ отцу, тотъ одобрилъ—и посылка явилась послѣ телеграммы и письма къ Ріу. Янсена-отца выставляютъ застарѣлымъ сбытчикомъ бумажекъ, говоритъ защита,—но гдѣ же нажитые имъ капиталы? Да ихъ не должно быть, этихъ капиталовъ! Янсенъ жилъ хорошо и въ довольствѣ, расплачивался, начиная съ 1860 года, съ довольно значительными парижскими долгами и велъ обширную торговлю. Онъ не былъ, такъ сказать, банкиромъ для фальшивыхъ бумажекъ,—онъ былъ для нихъ мѣнялой, факторомъ и потому могъ получать хорошую прибыль, но не наживать сразу огромныхъ капиталовъ. Правда, два раза представлялся случай забрать большую сумму въ руки, но оба раза помѣшало неумѣстное любопытство постороннихъ. Разъ полюбопытствовалъ Гарди—и пришлось сжечь цѣлую пачку 50-ти рублевыхъ билетовъ—другой разъ полюбопытствовалъ Обри—и пришлось предстать предъ вами, господа присяжные засѣдатели. Наконецъ, по мнѣнію защиты, поведеніе Янсеновъ у Обри указываетъ на сознаніе ими своей не-

виновности. Если бы было иначе—они могли бы не приходить, а придя — уйти немедленно, не торговаться, торопиться и поскорѣй сбыть ящикъ. Но едва ли это такъ. Прежде всего, Янсены, не знали, что Обри распаковалъ ящикъ, тѣмъ болѣе, что онъ сказалъ м-мъ Янсенъ, что ящикъ еще въ посольствѣ. Поэтому Янсены смѣло могли придти къ Обри. Придя, они увидали, что ящикъ былъ открываемъ. Что же дѣлать? У нихъ должны были явиться три неизбѣжныхъ предположенія. *Первое*—что Обри не смотрѣлъ бумажекъ, не распечатывалъ пакетовъ. Остается отдать ему деньги и уйти. *Второе*—что Обри знаетъ о содержаніи пакетовъ, но не сообщилъ полиціи. Остается тоже взять пакеты по-добру, по-здорову, и уходить, обласкавъ Обри и давъ ему денегъ. Если уйти просто—онъ можетъ поднять крикъ, показать обличительный адресъ на клеенкѣ, и дѣло пропадетъ. *Третье* — что Обри заявилъ полиціи и каждую минуту она можетъ явиться. Главная улика, кромѣ ящичка—пребываніе въ квартирѣ Обри. Поэтому надо покориться судьбѣ и постараться въ то же время уничтожить эту улику. Для этого надо совершенно спокойно взять ящикъ, и торговаться для виду и затѣмъ, не торопясь, уйти, и если по выходѣ на улицу полиція не явится тотчасъ, оплошаетъ—то дѣйствительно забросить ящикъ куда нибудь, и такимъ образоаъ спрятать концы въ воду. Но полиція не оплошала... Итакъ, дѣйствія Янсеновъ въ квартирѣ Обри нисколько не служатъ къ ихъ оправданію. Защита говоритъ, что они не могли такъ неосторожно ставить на карту свою безопасность, я же думаю, что они до прихода къ Обри ничѣмъ не рисковали, а придя, дѣйствительно увидѣли, что поставили свою безопасность и не на карту, а на фальшивую бумажку, но ретироваться было и поздно, и даже невозможно. Можно еще указать на дѣйствія Эмиля съ печатью. Какую изъ «версій», по выраженію его защитника, ни принять, разсказъ оказывается вымышленнымъ. Если посылка Верникé не была готова при отъѣздѣ Эмиля то какъ же она оказалась запечатанною тою печатью, которую онъ привезъ? Значитъ она была готова. Затѣмъ, если она не была еще готова, то почему же Эмиль не предложилъ вложить и печать въ посылку, вмѣсто того, чтобы везти ее въ Россію отдѣльно?

Перехожу къ защитѣ г-жи Акаръ. Намъ указываютъ на то, что интимныхъ, какъ выразился г. защитникъ, отношеній между подсудимою и Сталиславомъ Янсеномъ не существовало, и горячо старается опровергнуть возможность ихъ существованія. На это я считаю нужнымъ замѣтить, что обвиненіе не можетъ разсчитывать, по каждому данному дѣлу, на сочувствіе защиты, но имѣетъ право ожидать, чтобы къ словамъ его относились со вниманіемъ, вытекающимъ изъ уваженія къ взаимному труду, который долженъ имѣть одну общую цѣль. Если такъ отнесется къ обвиненію защита, то она должна будетъ сознаться, что кромѣ указаній на старинное знакомство и пріязнь—никакихъ другихъ заявленій обвиненіемъ дѣлаемо не было, тѣмъ болѣе, что для выясненія дѣла вовсе и не нужна интимность отношеній между Янсеномъ и Акаръ. Довольно, если

Янсенъ стоялъ въ положеніи пользующагося полнымъ довѣріемъ друга и завѣдывалъ кассою Акаръ. Дѣлать изъ слова дружба произвольные выводы, конечно, можно, но едва ли защита г-жи Акаръ оказываетъ ей хорошую услугу подобными выводами... Повторять доводовъ противъ Акаръ я не стану, равно какъ и вновь приводить показанія свидѣтелей. Общій образъ г-жи Акаръ, уже вѣроятно, сложился у васъ, господа присяжные засѣдатели, и мы едва ли измѣнимъ его нашими спорами, наложеніемъ на него темныхъ красокъ или освѣщеніемъ его искусственнымъ свѣтомъ. Замѣчу только, что присутствіе Акаръ въ Россіи вовсе не доказываетъ спокойнаго сознанія ею своей невиновности, такъ какъ уѣхать за-границу она не могла, по той простой причинѣ, что тотчасъ послѣ упавшаго на нее подозрѣнія была задержана подъ домашнимъ арестомъ. Отъ обвинительной власти требуютъ, чтобы она привела сюда созданныхъ ея воображеніемъ свидѣтелей—великосвѣтскихъ дамъ. Это невозможно, да и не нужно, потому что ссылка на нихъ сдѣлана какъ на могшихъ потерпѣть отъ преступленія. Я уже объяснялъ свойство дѣлъ о поддѣлкѣ бумажекъ, состоящее въ отсутствіи явно потерпѣвшихъ лицъ на судѣ. У насъ могли бы требовать и привода тѣхъ рабочихъ которые работали на желѣзной дорогѣ, гдѣ Жуэ укладывалъ шпалы и распространялъ фальшивыя бумажки. Но вы, вѣроятно, не потребуете этого привода для того, чтобы рѣшить дѣло. Фальшивыя ассигнаціи похожи на сказочный клубокъ змѣй. Бросилъ его кто либо въ одномъ мѣстѣ, а поползли змѣйки повсюду. Одна заползетъ въ карманъ вернувшагося съ базара крестьянина и вытащитъ оттуда послѣднія трудовыя копейки,—другая отниметъ 50 руб. изъ суммы, назначенной на покупку рекрутской квитанціи и заставитъ пойти обиженнаго неизвѣстною, но преступною рукою, парня въ солдаты,—третья вырветъ 10 р. изъ послѣднихъ 13 р., полученныхъ молодою и красивою швеею иностранкою, выгнанною на улицы чуждаго и полнаго соблазна города и т. д., и т. д. — ужели мы должны прослѣдить путь каждой такой змѣйки и иначе не можемъ обвинить тѣхъ, кто ихъ распустилъ? Едва ли это такъ, и вашъ приговоръ, быть можетъ, покажетъ противное. Здѣсь заявлялось, что подсудимые явились въ Россію съ полнымъ довѣріемъ къ русскому гостепріимству. Оно имъ и было оказано. Станиславъ Янсенъ прочно устроился въ Россіи; Акаръ основала магазинъ, куда обильно потекли русскіе рубли; Эмиля встрѣтили въ Петербургѣ театры и охоты. Но одного гостепріимства мало! Когда намъ льстятъ, то хвалятъ наше русское гостепріимство;—когда насъ бранятъ—а когда насъ не бранятъ?—про насъ говорятъ, что единственную хорошую нашу сторону—гостепріимство—мы раздѣляемъ съ племенами, стоящими на низкой степени культуры. Поэтому надо имѣть что нибудь за собою, кромѣ благодушнаго свойства. Надо дать мѣсто и справедливости, которая выражается въ правосудіи. Оно иногда бываетъ сурово и кончается подчасъ насильственнымъ гостепріимствомъ. Этого правосудія ждетъ отъ васъ обвинительная власть.

VI.

По дѣлу объ убійствѣ Статскаго Совѣтника Рыжова.

29-го января 1872 года, въ пятомъ часу вечера, прапорщикъ Николай Лазаревъ, проходя по Спасской улицѣ, увидѣлъ вышедшаго изъ дома Дмитревскаго человѣка, чрезвычайно блѣднаго, который хватался за голову и, окруженный нѣсколькими смѣявшимися извозчиками, говорилъ: «я долженъ о себѣ объявить». Замѣтивъ Лазарева, человѣкъ этотъ подбѣжалъ къ нему и, хватая его за руки, говорилъ: «арестуйте меня, я убилъ его!» На распросы Лазарева о томъ, гдѣ онъ живетъ, онъ отвѣчалъ, махнувъ рукою: «тамъ»; говорилъ несвязно про палку, пистолетъ, обиду сестры, прибавляя къ этому: «зачѣмъ было меня приглашать» и заявляя, что убилъ зятя, просилъ не оставлять его, отказываясь идти домой. Лазаревъ, принимавшій его по внѣшнему виду за человѣка, нуждающагося въ врачебной помощи, сдалъ его городовому и уговорилъ отправиться на извозчикѣ въ участокъ. Человѣкъ этотъ оказался отставнымъ поручикомъ Порфиріемъ Шляхтинымъ. Онъ объяснилъ, что убилъ изъ пистолета своего зятя, статскаго совѣтника Алексѣя Ивановича Рыжова, проживавшаго по Спасской улицѣ. По осмотру его, при немъ, въ карманѣ брюкъ, найденъ заряженный шести-камерный револьверъ, съ закопченымъ концомъ ствола и двумя разряженными камерами, на капсюляхъ коихъ уцѣлѣли разбитые пистоны.

По прибытіи полиціи и судебнаго слѣдователя въ квартиру Рыжова, найденъ въ первой, по входѣ изъ передней, комнатѣ—столовой, у длиннаго, покрытаго бѣлою скатертью стола, въ мягкомъ креслѣ, въ полусидячемъ положеніи, мертвый Рыжовъ. На лѣвой сторонѣ переносья Рыжова—человѣка 45 лѣтъ, средняго роста и здороваго сложенія—оказалась огнестрѣльная рана, сдѣланная пулею, проникшею глубоко внутрь черепа. Въ трехъ шагахъ отъ порога передней, въ полу, найдено вдавленіе отъ другой пули, которая рикошетомъ ударилась отъ пола въ стѣну и, оставивъ слѣдъ на обояхъ, сплюснулась и упала на полъ.

Смерть Рыжова, по заключенію врача, произошла отъ безусловно-смертельнаго поврежденія существа мозга и его оболочекъ, а также разрушенія лобной и носовой костей, причиненнаго найденною въ мозгу коническою пулею.

Статскій совѣтникъ Алексѣй Ивановичъ Рыжовъ, служившій въ Юридической Комиссіи Царства Польскаго и затѣмъ состоявшій по Министерству Государственныхъ Имуществъ, былъ по отзывамъ знавшихъ его близко

лицъ—учительницы его дѣтей, вдовы Гора, и академика Безобразова—человѣкъ характера слабаго, уступчиваго и весьма добраго, отличавшійся крайнимъ благородствомъ, безграничнымъ безкорыстіемъ, доходившимъ даже до неблагоразумія, всегда готовый жертвовать собою и своими интересами въ пользу другихъ, съ увлеченіемъ вступаться за другихъ и тѣмъ иногда навлекалъ на себя упреки. Женившись на сестрѣ Шляхтина, онъ ѣздилъ по дѣламъ жены въ имѣніе ея отца, въ Екатеринославскую губернію, и привезъ оттуда Порфирія Шляхтина, проживавшаго при отцѣ безъ опредѣленныхъ занятій. Шляхтинъ привезъ съ собою сына, котораго помѣстилъ на первое время у Рыжовыхъ, а самъ поселился по сосѣдству, но бывалъ у нихъ ежедневно, часто оставался обѣдать и вообще былъ съ ними въ наилучшихъ отношеніяхъ. Въ домѣ Рыжовыхъ проживала въ качествѣ бонны дѣвица Елизавета Дмитріева, которая была поручена г-жѣ Рыжовой своими родителями. Недѣли за двѣ до смерти Рыжова, Дмитріева объявила г-жѣ Рыжовой, что намѣрена уѣхать къ брату въ Гродно, а за нѣсколько дней до убійства обнаружилось, что она состоитъ въ связи со Шляхтинымъ и собирается переѣхать къ нему жить. На упреки огорченной этимъ Рыжовой и требованія, чтобы она ѣхала къ отцу въ Нижній-Новгородъ, Дмитріева отвѣчала, что поѣдетъ туда, куда захочетъ, и ушла изъ дому, передавъ ключи по хозяйству старшей дочери Рыжовой и взявъ свой паспортъ. Въ тотъ же день Шляхтинъ сообщилъ о своей связи Рыжовымъ. Они доказывали ему обязанность жениться на Дмитріевой и, по словамъ Рыжовой, онъ просилъ у сестры на колѣняхъ прощенія. 28-го января Рыжовъ получилъ письмо отъ Шляхтина, въ которомъ послѣдній говоря, что не желаетъ слушать отъ сестры новой брани и поэтому не зайдетъ проститься, прибавлялъ, что не забудетъ оскорбленія, которое нанесла ему Рыжова, пользуясь правомъ сестры и женщины. Письмо это съ надписью Рыжова, что «подобная чушь не стоитъ отвѣта» и что только Шляхтинъ могъ, поступивъ такъ въ домѣ сестры, еще лѣзть съ новыми оскорбленіями и съ совѣтомъ быть осторожнѣе—было возвращено Шляхтину. Въ тотъ же вечеръ къ Рыжовымъ пришелъ братъ Дмитріевой за вещами сестры и засталъ обоихъ Рыжовыхъ очень взволнованными. Они бранили Шляхтина и упрекали Дмитріеву за то, что она ушла къ человѣку вѣтренному. При немъ же было принесено новое письмо Шляхтина, которое Рыжовъ разорвалъ не читая и встревожась еще пуще, приказалъ не принимать Шляхтина. Студентъ Дмитріевъ, придя къ сестрѣ, разсказалъ ей о происходившемъ у Рыжовыхъ и передалъ, что г-жа Рыжова говорила ему о желаніи своемъ писать своему отцу и просить не принимать Дмитріеву, когда Шляхтинъ пріѣдетъ съ нею къ нему въ деревню, и о томъ, что матери Дмитріевой она уже написала о поведеніи дочери. Дмитріева сообщила всѣ эти свѣдѣнія Шляхтину, вернувшемуся вечеромъ изъ театра, и онъ написалъ объяснительныя письма своему отцу и отцу Дмитріевой, а на другой день утромъ отправился къ Рыжову. Онъ не засталъ его дома, и на слова горничной Васильевой, отворявшей ему двери, о томъ, что барина нѣтъ дома, сказалъ: «а! меня не хотятъ принимать; скажи, что: я его найду!» Вернувшись домой, Шляхтинъ обиженнымъ тономъ разсказывалъ, что его не приняли. Затѣмъ, въ тотъ же день, 29-го января, въ 3 часа, г-жею Рыжовою было получено по городской почтѣ письмо отъ брата, по показаніямъ ея и учительницы Гора, слѣдующаго содержанія «Марья Степановна! до меня дошли слухи, что вы вмѣшиваетесь въ мои дѣла. Скажи Алексѣю Ивановичу, что если онъ захочетъ поссорить меня съ отцомъ, то я не пощажу ни его, ни себя!» На это Рыжовъ послалъ съ кухаркою Харитоновою отвѣтъ, въ которомъ просилъ Шляхтина «оставить его въ покоѣ». Письмо это не было принято Шляхтинымъ, который вслѣдъ за уходомъ Марѳы послалъ своего слугу Долбню сказать Рыжову, что тотъ можетъ объясниться на словахъ. Рыжовъ выразилъ согласіе и Шляхтинъ съ тѣмъ же посланнымъ прислалъ сказать, что будетъ у Рыжова въ 5½

часовъ. Но не дождавшись этого срока, онъ пришелъ къ Рыжову вслѣдъ за уходомъ своего слуги и, поздоровавшись съ сестрою, прошелъ въ кабинетъ ея мужа. Сестра послѣдовала за нимъ. Завидя его, Рыжовъ всталъ съ дивана и сказалъ: «что вы съ нами дѣлаете? оставьте насъ въ покоѣ». На это Шляхтинъ отвѣчалъ: «въ покоѣ, подлецъ, мерзавецъ, я тебѣ докажу», и, плюнувъ Рыжову въ лицо, схватилъ его за бороду. Затѣмъ, согласно показанію свидѣтельницъ, Шляхтинъ одною рукою замахнулся на Рыжова, а другою вынулъ пистолетъ и кричалъ: «я убью тебя». Увидѣвъ это, Рыжова вытолкала его за плечи изъ кабинета въ столовую и заперла дверь на ключъ. Шляхтинъ, оставшись за дверьми, продолжалъ ругаться, и тогда Рыжовъ сказалъ женѣ: «ты слышишь, какъ онъ бранится?!—нѣтъ, я не могу» и, схвативъ въ углу палку, вырвался отъ жены и бросился по коридору въ столовую чрезъ другія двери кабинета. На порогѣ изъ передней въ столовую, гдѣ находились трое дѣтей, встрѣтилъ его Шляхтинъ и навелъ на него пистолетъ. Рыжовъ, махая руками и палкою, закричалъ: «вонъ изъ моего дома, негодяй!»——«Буду стрѣлять!» воскликнулъ Шляхтинъ.—«Стрѣляй, подлецъ,—если смѣешь!» отвѣчалъ Рыжовъ. Жена его схватила брата за руку—послѣдовалъ выстрѣлъ и пуля попала въ полъ. «Буду стрѣлять», повторилъ Шляхтинъ. Рыжовъ отступилъ, раздался второй выстрѣлъ и онъ упалъ, выронивъ изъ рукъ палку, лицомъ внизъ. Шляхтинъ надѣлъ шубу и шапку и вышелъ. Сбѣжавшаяся прислуга и г-жа Гора стали лить Рыжову на голову воду, но онъ былъ уже мертвъ.

Привлеченный въ качествѣ обвиняемаго, Шляхтинъ объяснилъ, что, уходя къ Рыжову, онъ взялъ съ собою заряженный револьверъ, который большею частью имѣлъ при себѣ для предохраненія себя отъ ночныхъ грабежей. На этотъ разъ онъ взялъ его безъ цѣли убивать Рыжова, а для того, чтобы предохранить себя отъ оскорбленій, если бы таковыя были ему дѣлаемы, и для того, чтобы попугать Рыжова. Войдя въ кабинетъ Рыжова, онъ спросилъ, когда тотъ перестанетъ вмѣшиваться въ его дѣла, на что первый отвѣчалъ, что съ подлецами не объясняется. Тогда, чтобы напугать его, Шляхтинъ вынулъ пистолетъ и сказалъ, что если онъ не перестанетъ дѣлать ему непріятности, то онъ съ нимъ раздѣлается. Затѣмъ онъ былъ удаленъ изъ кабинета зятя сестрою и, очутившись въ передней, уже собирался уйти, какъ вдругъ его настигъ Рыжовъ и, оттолкнувъ удерживавшую его жену, нанесъ ему ударъ палкою по плечу. Въ одинъ моментъ онъ, Шляхтинъ, выхватилъ револьверъ и выстрѣлилъ—не помнитъ сколько разъ,—но, замѣтивъ, что Рыжовъ упалъ, надѣлъ шубу и вышелъ съ мыслью ѣхать къ генералу Трепову.

Вечеромъ въ день убійства Шляхтинъ былъ освидѣтельствованъ полицейскимъ врачомъ, и на лѣвомъ плечѣ его, куда, по его словамъ, былъ нанесенъ ударъ, никакихъ слѣдовъ или знаковъ ушиба не оказалось. Это отсутствіе знаковъ Шляхтинъ объяснилъ тѣмъ, что палка только скользнула по его плечу.

Дмитріева и слуга Долбня подтвердили, что Шляхтинъ имѣлъ привычку носить съ собою заряженный револьверъ, который обыкновенно лежалъ у него на письменномъ столѣ. Дмитріева кромѣ того объяснила, что, уходя въ послѣдній разъ къ Рыжовымъ, Шляхтинъ былъ взволнованъ и говорилъ, что объявитъ, что они не имѣютъ права ее удерживать и спроситъ, въ чемъ состояло письмо, которое онъ, не читая, возвратилъ имъ въ тотъ день обратно.

Академикъ Безобразовъ, заявляя, что былъ у Дмитріевой чрезъ нѣсколько часовъ послѣ убіенія Рыжова и разспрашивалъ ее о причинахъ случившагося несчастія, объяснилъ, что Дмитріева очень досадовала на покойнаго Рыжова за то, что онъ вмѣшалъ въ ея отношенія къ Шляхтину ея брата, студента Дмитріева. По словамъ ея, Шляхтинъ пошелъ сказать Рыжову «подлеца».

При дальнѣйшихъ объясненіяхъ своихъ, Шляхтинъ показалъ, что при-

чиною непріятностей его съ Рыковымъ, возникшихъ за недѣлю до убійства, были денежные разсчеты послѣдняго съ его отцомъ, по поводу которыхъ онъ, Шляхтинъ, счелъ своимъ долгомъ вмѣшаться. Первое послѣ этихъ непріятностей письмо его къ Рыкову, возвращенное послѣднимъ, заключалось словами: «если послѣдуетъ какая-либо непріятность мнѣ отъ сестры или отъ васъ, то вы и за нее, и за себя отвѣтите; но знайте, что въ дѣлахъ чести не обращаются къ суду». Эти заключительныя слова оказались въ предъявленномъ къ слѣдствію письмѣ оторванными. Затѣмъ Шляхтинъ показалъ, что Рыковъ, сказавъ: «я съ подлецами не объясняюсь», всталъ съ дивана и взялъ стоявшую въ углу палку съ тяжелымъ набалдашникомъ. Только тогда онъ, Шляхтинъ, вынулъ пистолетъ и сказалъ: «берегитесь, не подходите!» Но за бороду Рыкова не бралъ и въ лицо ему не плевалъ. Затѣмъ, воспользовавшись замѣшательствомъ, онъ вышелъ изъ кабинета, захлопнулъ за собою дверь и, не говоря ни слова, прошелъ въ переднюю. Когда онъ былъ настигнутъ Рыковымъ, то на слова его: «буду стрѣлять», Рыковъ замахнулся палкою и сказалъ: «стрѣляй, если можешь, подлецъ!» Онъ выстрѣлилъ и снова повторилъ угрозу стрѣлять, потому что видѣлъ передъ собою бранящагося и разъяреннаго человѣка. Но когда палка коснулась его плеча, онъ, какъ ему кажется, выстрѣлилъ опять.

Кормилица шестинедѣльнаго младенца Рыкова, крестьянка Прокофьева, вошедшая вмѣстѣ съ ребенкомъ въ столовую послѣ перваго выстрѣла, показала, что видѣла, какъ Шляхтинъ стоялъ въ дверяхъ передней, а Рыковъ кричалъ: «поди вонъ!», но не ударялъ Шляхтина палкою, а напротивъ, махая ею, отступалъ.

Въ виду этихъ обстоятельствъ, отставной поручикъ Шляхтинъ былъ преданъ суду по обвиненію въ убійствѣ Рыкова безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія, но умышленно, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1 ч. ст. 1455 Улож.

Судебное засѣданіе по этому дѣлу происходило въ С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, 8-го марта 1872 г., подъ предсѣдательствомъ Товарища Предсѣдателя, *князя Кейкуатова*. Защищалъ подсудимаго присяжный повѣренный *Потѣхинъ*.

На судѣ подсудимый, съ которымъ при открытіи засѣданія сдѣлался сильный нервный припадокъ, не отрицая своей виновности въ лишеніи жизни Рыкова, объяснилъ, что въ началѣ съ Дмитріевой у него были отношенія, которыя они замаскировывали, но были люди, которые слѣдили за ними и передали о нихъ Рыкову. Рыковъ долго настаивалъ и требовалъ отъ него признанія. Онъ уклонялся отъ отвѣта; но затѣмъ, когда видѣлъ настоятельныя требованія и необходимость сознаться, сказалъ, что если Рыковъ дастъ честное слово никому объ этомъ не говорить, то онъ признается. Рыковъ клялся передъ образомъ, что никому не скажетъ; но немедленно послѣ объясненія, Рыковъ вышелъ въ залу, гдѣ сидѣла сестра Шляхтина, и разсказалъ ей о его отношеніяхъ къ Дмитріевой сестра начала его бранить, но онъ старался оправдать себя предъ ней и говорилъ, что не можетъ поступить нечестно съ дѣвушкой. На первый день разговоръ ограничился только этимъ. На другой день онъ пришелъ къ Рыковымъ объясниться по этой исторіи; сестра стала бранить его въ болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ, которыя поддерживалъ и Рыковъ, добавивъ: «съ вами нужно поступить иначе»; тогда Шляхтинъ ушелъ съ намѣреніемъ болѣе не видѣться съ Рыковыми и вслѣдствіе этого написалъ Рыкову письмо, что намѣренъ уѣхать и проститься къ нимъ не зайдетъ во избѣжаніе новой брани. Затѣмъ послѣдовало другое письмо, возвращенное съ припиской Рыкова; потомъ онъ получилъ отъ нихъ еще письмо, которое возвратилъ не читая, не желая получать новыхъ оскорбленій. Затѣмъ онъ послалъ человѣка сказать Рыкову, что если онъ желаетъ объясниться, то пришлетъ кого-нибудь изъ знакомыхъ. Рыковъ прислалъ сказать,

что Шляхтинъ долженъ придти самъ, если желаетъ объясниться съ нимъ. Придя, въ залѣ Шляхтинъ засталъ сестру; поздоровавшись съ нею, онъ отправился въ кабинетъ, гдѣ встрѣтилъ Рыжова и сказалъ: «вы желали со мною объясниться, я пришелъ»; онъ тогда отвѣтилъ, что съ подлецами не объясняются и, начавъ его бранить еще больше, взялъ стоявшую въ углу палку и кинулся на него: онъ сказалъ ему: «берегитесь подходить ко мнѣ», и вынулъ пистолетъ, съ намѣреніемъ напугать его, думая, что достаточно показать человѣку револьверъ, чтобы онъ пересталъ оскорблять. Шляхтинъ не отрицаетъ, что тогда и съ его стороны была брань. Въ это время вмѣшалась сестра; онъ воспользовался этимъ вмѣшательствомъ, одумался, началъ уходить отъ Рыжова и былъ уже у двери передней, какъ тотъ настигъ его съ бранью и онъ увидѣлъ опять эту палку... Имъ овладѣло какое-то тревожное чувство, неестественное, котораго онъ до тѣхъ поръ не испытывалъ; онъ говорилъ, что будетъ стрѣлять и предупреждалъ, но еще не рѣшался стрѣлять, потому что рѣшиться на это страшно... но Рыжовъ все-таки подходилъ. Онъ былъ ужасенъ, съ искаженнымъ лицомъ, остервенившійся—онъ шелъ съ палкою... и Шляхтинъ выстрѣлилъ... Онъ не помнитъ, почему произошло два выстрѣла, и положительно не понимаетъ, какъ это случилось... Затѣмъ онъ выбѣжалъ на улицу, гдѣ и встрѣтился съ офицеромъ, которому объяснилъ, что намѣренъ о себѣ объявить.

Въ дальнѣйшихъ своихъ объясненіяхъ подсудимый постоянно проводилъ тотъ взглядъ, что онъ долженъ былъ обороняться отъ Рыжова, и то ему грозила опасность быть не только оскорбленнымъ, но и избитымъ палкою съ тяжелымъ свинцовымъ набалдашникомъ, такъ что онъ вынужденъ былъ выстрѣлить, чтобы оградить свою честь и тѣлесную неприкосновенность,

По допросѣ Шляхтина, была прочитана переписка его съ Рыжовымъ. Первое письмо на имя жены: «Марья Степановна. До меня дошли слухи, что вы вмѣшиваетесь въ мои дѣла. Скажите Алексѣю Ивановичу, что если онъ задумалъ поссорить меня съ отцомъ, то я клянусь всѣмъ святымъ, что я ни его, ни себя щадить не буду; я его сумѣю найти и не бывши у васъ. П. Ш.».—Второе, на имя Рыжова: «Не желая слушать отъ сестры новой брани, я къ вамъ проститься не зайду; оскорбленіе, которое она сдѣлала, пользуясь правомъ женщины и сестры, я не забуду. Затѣмъ я васъ предупреждаю, что если послѣдуетъ какая-нибудь непріятность отъ сестры или отъ васъ, то и за нее и за себя отвѣтите». На этомъ письмѣ сдѣлана надпись рукою Рыжова: «Подобная чушь не стоитъ отвѣта, только вы могли поступить такъ въ домѣ вашей сестры и послѣ того смѣете лѣзть съ новыми оскорбленіями; совѣтую быть вамъ поосторожнѣе». И третье письмо Рыжова къ подсудимому отъ 29 января 1872 года: «Прошу васъ оставить меня въ покоѣ. Вашихъ писемъ я не читаю и вообще стараюсь выбросить изъ головы прекрасныя воспоминанія о васъ; въ случаѣ надобности, не вы станете отыскивать меня, а я найду васъ. Не совѣтую добиваться этого. Къ отцу вашему писать о васъ и о такомъ предметѣ, какъ ваши дѣйствія за послѣднее время, я не намѣренъ; но если вы позволите себѣ попытку бросить разладъ между Степ. Мих. и нами, то я пріѣду въ Кременчугъ и, понятно, заставлю васъ пожалѣть о трудѣ, на который вы меня вынудите. Всѣ безсмысленные и неприличные поступки ваши по отношенію къ намъ вызываютъ съ нашей стороны только сожалѣніе о васъ, въ виду того тяжкаго наказанія, которое по вашей же винѣ готовитъ вамъ судьба въ ближайшемъ будущемъ. Прошу васъ забыть о нашемъ существованіи до тѣхъ поръ, пока не сознаете всѣхъ вашихъ винъ и не будете настигнуты судьбой, т. е. логическимъ послѣдствіемъ вашихъ пагубныхъ для самихъ же васъ дѣйствій. Я начинаю раздражаться и потому совѣтую вамъ умолкнуть и не продолжать дѣйствій, которыя, въ концѣ-концовъ, могутъ и не пройти безнаказанно. Съ нашей стороны была одна

вина—та, что мы, несмотря на все, принимали въ васъ участіе. Отнынѣ вы для насъ не существуете; остается только жалѣть, что судьба свела насъ съ вами. Полная свобода вашимъ дѣйствіямъ! По разсказу жены (болѣе вѣрному, чѣмъ вашъ), вы, вмѣстѣ съ особо взятыми у ней 25 рублями, должны мнѣ 115; потому едва ли вы можете еще имѣть ко мнѣ какую нибудь претензію».

Рыжова, вдова убитаго, сначала не могла давать показанія вслѣдствіе сильнаго истерическаго припадка, когда она увидала своего брата, но по подачѣ врачебной помощи, она чрезвычайно тихимъ, прерывающимся отъ волненія голосомъ объяснила, что причина, побудившая ея брата убить мужа, ей до сихъ поръ неизвѣстна, и что единственное, чѣмъ она можетъ объяснить поступокъ брата—это желаніе погубить ее, лишивъ всего, что было дорого въ жизни. Какъ съ мужемъ, такъ и съ нею, братъ ея былъ всегда въ самыхъ дружескихъ, самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ и только послѣ того, какъ она разоблачила всю ложь его передъ Дмитріевой, сказавъ, ей, что мать его ребенка жива и находится въ деревнѣ, онъ возымѣлъ противъ нея неудовольствіе, которое еще больше усилилось, когда письмо, написанное ею къ матери Дмитріевой, этою послѣднею было переслано Дмитріевой. Письмо это было получено Дмитріевою въ пятницу, а въ субботу произошло убійство, которое свидѣтельница приписываетъ неудовольствію, вызванному въ Шляхтинѣ тѣмъ, что родителямъ Дмитріевой сдѣлалось извѣстно поведеніе дочери. Когда связь подсудимаго съ Дмитріевой сдѣлалась извѣстна, то, на упреки со стороны свидѣтельницы, онъ сначала просилъ у нея прощенія и дружескаго совѣта, но что его потомъ побудило на убійство мужа—она не можетъ себѣ вполнѣ объяснить. Относительно обстоятельствъ, предшествовавшихъ убійству Рыжова, свидѣтельница подтвердила то, что показала при слѣдствіи, добавивъ, что въ то время, когда Шляхтинъ грозилъ убить Рыжова, въ комнатѣ находились всѣ дѣти, которыя умоляли его пощадить ихъ отца, но всѣ ихъ слезы и мольбы остались безуспѣшны; сдѣлавъ разъ неудачный выстрѣлъ, пролетѣвшій надъ головою свидѣтельницы, онъ черезъ нѣсколько мгновеній выстрѣлилъ снова, и Рыжовъ упалъ мертвый; послѣ этого подсудимый сталъ хладнокровно надѣвать шубу и калоши, спокойно смотря на раздирающую сцену отчаянія ея и дѣтей. Рыжовъ дѣйствительно размахивалъ палкою въ то время, когда подсудимый осыпалъ его ругательствами, которыя были такого свойства, что свидѣтельница не рѣшилась повторить ихъ на судѣ; но онъ ни разу не ударилъ его, это она навѣрное знаетъ. Вообще, покойный былъ чрезвычайно добраго, мягкаго характера. Сынъ подсудимаго,—матъ котораго, выданная Шляхтинымъ за купца и разведенная затѣмъ съ мужемъ, жила въ деревнѣ у отца свидѣтельницы,—жилъ у Рыжовыхъ, но былъ взятъ Шляхтинымъ вслѣдствіе того, что ему казалось, будто г-жа Гора строго съ нимъ обходится, отучая его отъ дурныхъ привычекъ. Ребенку былъ въ то время третій годъ. Шляхтинъ любилъ сына, и когда тотъ былъ боленъ, то приходилъ въ отчаяніе, думая, что онъ не поправится. Свидѣтельница не замѣчала въ Шляхтинѣ никакихъ нервныхъ припадковъ, ни особенной задумчивости или вспыльчивости, и только однажды слышала, что онъ избилъ какую-то женщину, которая вслѣдствіе этого чуть не умерла. Покойный обѣщался достать Шляхтину мѣсто и нѣсколько разъ предлагалъ ему съѣздить въ министерство государственныхъ имуществъ, но тотъ почему-то не захотѣлъ ѣхать и потому не получилъ мѣста. Узнавъ о связи Шляхтина съ Дмитріевой, покойный уговаривалъ его жениться на ней, а свидѣтельница совѣтовала ему разойтись съ нею, говоря, что онъ погубитъ и себя, и ее, такъ какъ знала, что братъ ея не женится на Дмитріевой и скоро броситъ ее, а та не захочетъ допустить его до этого и будетъ требовать, чтобы онъ не оставлялъ ея? Послѣ того, какъ Дмитріева уѣхала къ Шляхтину, за вещами ея приходилъ братъ ея, которому свидѣтельница сообщила о письмѣ, посланномъ

родителямъ Дмитріевой, съ извѣщеніемъ о ея поведеніи.—По поводу этого показанія, *подсудимый* возразилъ, что можетъ поклясться образомъ, которымъ его благословила мать, что показаніе его сестры несправедливо въ томъ отношеніи, что онъ не плевалъ въ лицо Рыжову и не хваталъ его за бороду.

Свидѣтельница Гора показала, что когда Шляхтинъ объявилъ о своихъ отношеніяхъ къ Дмитріевой, то Рыжова стала его бранить, и свидѣтельница слышала, какъ она сомнѣвалась въ справедливости разсказа брата, на что тотъ сказалъ ей: «Увѣряю тебя, что это было обоюдное увлеченіе». Тогда Рыжова сказала ему: «Если это было такъ, то ты, какъ честный человѣкъ, обязанъ жениться на ней». Въ это время раздался голосъ Рыжова: «Да, да, Порфирій Степановичъ, вамъ слѣдовало бы сдѣлать это, чтобъ загладить свою вину», на что Шляхтинъ отвѣчалъ, что никогда не женится на Дмитріевой, что онъ ей этого не обѣщалъ, да и она сама того не требуетъ. О томъ, какъ произошло происшествіе, свидѣтельница дала показаніе, совершенно согласное съ показаніемъ Рыжовой, также подтвердивъ то обстоятельство, что послѣ второго выстрѣла, которымъ Рыжовъ былъ убитъ, Шляхтинъ надѣлъ шубу, калоши и вышелъ. Покойный Рыжовъ характера былъ чрезвычайно податливаго, добраго. Свидѣтельница изъ жалости смотрѣла за маленькимъ сыномъ Шляхтина, такъ какъ Рыжова была въ то время больна, а прислуга и Дмитріева вовсе не заботились о ребенкѣ, и у него часто некому было перемѣнить бѣлье.

Академикъ Безобразовъ, товарищъ Рыжова, съ которымъ онъ воспитывался въ дворянскомъ пансіонѣ въ Москвѣ, показалъ, что онъ былъ въ домѣ Рыжовыхъ черезъ 3—4 часа послѣ убійства. Онъ очень любилъ покойнаго, былъ страшно пораженъ его смертью и потому желалъ разъяснить этотъ ужасный случай. Онъ былъ на квартирѣ Шляхтина, видѣлъ Дмитріеву и говорилъ съ ней. Она была въ сильномъ волненіи, говорила, что между Рыжовымъ и Шляхтинымъ были неудовольствія, но въ чемъ они состояли—свидѣтель положительно не могъ понять. Изъ словъ Дмитріевой онъ только понялъ, что Шляхтинъ говорилъ, что онъ пойдетъ сказать «подлеца» Рыжову, но не знаетъ, относилось ли это ко дню убійства. О личности Рыжова свидѣтель показалъ, что это былъ честнѣйшій, благороднѣйшій человѣкъ, чрезвычайно горячій и вспыльчивый, но вмѣстѣ съ тѣмъ добрый, мягкій, неспособный дѣлать умышленное зло. У него были большія непріятности по службѣ, но онъ никогда никого не укорялъ, ни на кого не жаловался, никому не завидовалъ, но во всѣхъ своихъ неудачахъ обвинялъ одного себя. Домашнюю жизнь Рыжова свидѣтель знаетъ только фактически, но всегда считалъ его высоко-нравственнымъ человѣкомъ. Исполненіе своихъ нравственныхъ обязанностей Рыжовъ ставилъ выше всего и исполнялъ ихъ, какъ бы онѣ ни были тяжелы. Такъ, онъ принялъ на себя воспитаніе дѣтей, прижитыхъ имъ въ незаконной связи съ одной женщиной, съ которой онъ обвѣнчался за нѣсколько часовъ до ея смерти. Рѣдко можно встрѣтить отца, который бы такъ заботливо, съ такой любовью занимался воспитаніемъ дѣтей, какъ покойный Рыжовъ. Невозможно допустить, чтобъ Рыжовъ принималъ презрительный тонъ съ низшими. Правда, онъ былъ горячъ и часто позволялъ себѣ рѣзко выражаться, но по большей части о лицахъ, стоящихъ выше его. Кромѣ того, онъ очень легко увлекался оригинальными идеями, учеными людьми, писателями, но также легко и разочаровывался. Онъ былъ родомъ малороссъ, Полтавской губерніи, и горячность и раздражительность его легко объясняются самымъ его происхожденіемъ.

Свидѣтель Лохвицкій показалъ, что онъ узналъ Рыжова давно, до 1863 г., когда тотъ поѣхалъ въ Царство Польское. Это былъ человѣкъ чрезвычайно самолюбивый, даже въ походкѣ его было что-то особенное, такъ что однажды за-границей, въ гостинницѣ, свидѣтель, не называя по фамиліи, розыскалъ его по одному внѣшнему описанію. Человѣкъ онъ былъ

смѣлый, честный, радушный, но производившій нѣсколько тяжелое впечатлѣніе. Относительно того, способенъ ли былъ Рыжовъ къ увлеченіямъ отвлеченными идеями, свидѣтель показалъ, что онъ зналъ Рыжова съ того времени, когда онъ служилъ при министерствѣ государственныхъ имуществъ, и тутъ онъ особенно идеями не увлекался, а искалъ только командировокъ. Женщинами же онъ положительно могъ увлекаться, такъ какъ, насколько извѣстно свидѣтелю, это былъ человѣкъ очень сладострастный.

Докторъ Гейдеке, лѣчившій сына Шляхтина въ декабрѣ 1871 года, показалъ, что Шляхтинъ былъ крайне озабоченъ болѣзнью сына, цѣлыя три недѣли ухаживалъ за нимъ самъ, не спалъ ночи, и все это должно было сильно повліять на его нервую систему и сдѣлать его еще болѣе раздражительнымъ, воспріимчивымъ и способнымъ на поступокъ, несвойственный ему въ нормальномъ состояніи. Когда Шляхтинъ пріѣхалъ пригласить свидѣтеля къ больному сыну, то былъ до такой степени взволнованъ, что долго не могъ объяснить, что ему надо, и говорилъ очень несвязно.

Вызванные защитою свидѣтели: *Нижегородскій, Ржанскій* и *Михайловскій* показали, что какъ мать подсудимаго, такъ и онъ самъ, страдали сильнымъ нервнымъ разстройствомъ; съ подсудимымъ случались нервные пароксизмы, продолжавшіеся часа два и болѣе, еще болѣе усилившіеся со времени болѣзни его ребенка; во время этихъ припадковъ, съ нимъ дѣлалось трясеніе въ рукахъ и ногахъ. Храбрости въ немъ не было замѣтно, напротивъ, скорѣе мнительность и трусливость, заставлявшая его вездѣ носить съ собою револьверъ. Свидѣтель Михайловскій добавилъ при этомъ, что подсудимый былъ очень самолюбивъ и чрезвычайно воспріимчивъ ко всевозможнымъ непріятностямъ; постоянное ношеніе при себѣ револьвера подсудимый объяснилъ свидѣтелю тѣмъ, что онъ не можетъ себѣ представить другого разсчета, въ случаѣ, еслибъ честь его была оскорблена.

Экспертъ докторъ-психіатръ *Дюковъ*, объяснилъ, что, разсмотрѣвъ пріобщенные къ дѣлу рецепты, онъ пришелъ къ тому убѣжденію, что подсудимый страдаетъ малокровіемъ и вообще слабостью нервовъ. Что касается слабости нервовъ, то если типомъ взять случившійся въ судѣ сегодняшній припадокъ, то онъ относится къ истерическимъ, во время которыхъ сознаніе не теряется. Болѣзнь эта у подсудимаго наслѣдственная, такъ какъ и мать его, и сестра матери страдали ею. Страдаетъ этой болѣзнью онъ уже лѣтъ шесть и пользовался отъ нея у многихъ докторовъ. По разсказу о его жизни, видно, что онъ былъ неумѣренъ въ половыхъ отношеніяхъ, и эта неумѣренность могла послужить къ большому развитію его страданій. Припадки происходили часто вслѣдствіе внѣшняго раздраженія, но иногда они случались и безъ всякой внѣшней причины; продолжительности ихъ самъ подсудимый точно не опредѣлялъ, говорилъ только, что иногда они продолжаются часъ, иногда полчаса; часто ли они были—тоже не опредѣлено. Самый припадокъ состоитъ въ чувствѣ холода, дрожи, общей слабости, сильномъ біеніи сердца, одышкѣ и наклонности къ дремотѣ. Нельзя сказать, чтобъ умственныя способности въ это время были вполнѣ нормальны, но, во всякомъ случаѣ, въ безсознательное состояніе онъ не приходитъ. Вообще признаковъ помѣшательства въ прежней жизни Шляхтина не нашлось. Относительно факта убійства, г. Дюковъ заявилъ, что до сихъ поръ не можетъ составить себѣ яснаго понятія о томъ, какъ совершилось такое важное преступленіе отъ такой сравнительно ничтожной причины; но взявъ во вниманіе нервное состояніе и раздражительность Шляхтина и нахожденіе револьвера у него въ карманѣ, легко можно объяснить, что подъ вліяніемъ раздраженія, онъ могъ поступить насильственнымъ образомъ. На вопросы защитника, г. Дюковъ сказалъ, что нервный субъектъ вообще сильнѣе воспринимаетъ, и что онъ будетъ скорѣе трусливъ, нежели

храбръ, что аффекта у подсудимаго нельзя отвергать, но что во время убійства онъ дѣйствовалъ въ полномъ сознаніи, потому что прямо говорилъ: «буду стрѣлять», такъ что тутъ была сознательность. У подсудимаго не было постоянно подавляющаго аффекта, хотя болѣзнь сына и могла дурно повліять на него, такъ какъ онъ нѣсколько ночей не спалъ. На вопросъ защитника, можно ли отвергать возможность случайнаго выстрѣла, г. Дюковъ далъ отрицальный отвѣтъ, который онъ основываетъ, во-первыхъ, на сознаніи самого подсудимаго, сказавшаго, что онъ взялъ пистолетъ, чтобъ попугать Рыжова, а во-вторыхъ, на томъ, что онъ заранѣе предупреждалъ о выстрѣлѣ, хотя и нельзя положительно утверждать, что спусканіе курка не обусловливалось трясеніемъ въ рукахъ и произошло помимо воли самого подсудимаго; также нельзя утверждать и противнаго. Въ заключеніе, г. Дюковъ выразилъ мнѣніе, что если бы не было вида палки, то, быть можетъ, не было бы и выстрѣла.

Докторъ-психіатръ *Чеховъ*, вызванный тоже въ качествѣ эксперта относительно общаго состоянія здоровья подсудимаго согласился съ замѣчаніями своего товарища по экспертизѣ. Такое нервное состояніе, въ особенности если оно наслѣдственное, какъ въ данномъ случаѣ, иногда предрасполагаетъ къ помѣшательству, но все-таки для опредѣленія припадковъ помѣшательства нужны извѣстныя явленія, которыхъ въ данномъ случаѣ не встрѣчается. Г. Чеховъ точно также подтвердилъ слова доктора Дюкова, что не будь палки, то не послѣдовало бы выстрѣла при чемъ тутъ совершенно безразлично, получилъ ли подсудимый ударъ или только предвидѣлъ возможность нанесенія удара.

По требованію защиты, согласно содержанію защитительной рѣчи присяжнымъ засѣдателямъ былъ поставленъ на разрѣшеніе вопросъ о томъ -не находился ли подсудимый Шляхтинъ, стрѣляя въ Рыжова, въ состояніи необходимой обороны?

Рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей Шляхтинъ признанъ виновнымъ по предъявленному противъ него *въ обвинительной рѣчи* обвиненію, но за служивающимъ снисхожденія.

Гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели! Около мѣсяца тому назадъ, въ Спасской улицѣ, въ домѣ Дмитревскаго, произошло большое несчастіе. Семейство, единственною поддержкою котораго былъ Алексѣй Ивановичъ Рыжовъ, состоявшее изъ жены его и четырехъ дѣтей, внезапно и неожиданно осиротѣло: глава этого семейства былъ лишенъ жизни. Онъ лишился жизни не окруженный попеченіями и участіемъ родныхъ, не благословляя своихъ дѣтей, а сопровождаемый ихъ отчаянными криками и падая отъ руки близкаго и обязаннаго ему человѣка. Этотъ близкій и обязанный ему человѣкъ находится въ настоящее время предъ вами и отъ васъ зависитъ рѣшить его судьбу.

Существенныя обстоятельства настоящаго дѣла такъ сами по себѣ несложны, такъ, мнѣ кажется, очевидны, что указывать на нихъ подробно и разбирать ихъ вновь передъ вами представляется излишнимъ или, лучше сказать, представлялось бы излишнимъ, если бы къ нимъ не приросли нѣкоторыя побочныя обстоятельства и благодаря имъ не возбудились нѣкоторыя вопросы, которыя требуютъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія всѣхъ данныхъ дѣла. Когда преступленіе совершено, то только въ первыя минуты событія, въ которыхъ

оно выразилось, остаются въ своемъ первоначальномъ незатемненномъ видѣ, а затѣмъ со стороны преслѣдователей усилія освѣтить и раскрыть его преступный смыслъ, со стороны обвиняемаго стремленіе обставить его всевозможными данными и доводами въ свою пользу существенно усложняютъ дѣло иногда даже затрудняютъ его разборъ. Такимъ путемъ, по каждому дѣлу возникаютъ около настоящихъ, первичныхъ его обстоятельствъ побочныя обстоятельства, такъ сказать, наслоенія, которыми иногда заслоняются простыя и ясныя его очертанія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, на обвинительной власти лежитъ только очищеніе дѣла отъ этихъ посторонихъ, наносныхъ обстоятельствъ, снятіе этой посторонней, лишней коры и, по снятіи ея, дѣло оказывается простымъ и несложнымъ. Снятіемъ этой коры я и займусь въ настоящее время. На судебномъ слѣдствіи, во-первыхъ, подсудимаго стараются представить человѣкомъ, дѣйствовавшимъ ненормально, не владѣвшимъ всѣми своими умственными способностями и потому безотвѣтственнымъ; затѣмъ, во-вторыхъ, показанія главныхъ свидѣтелей, которые единственно и могутъ быть названы свидѣтелями въ этомъ дѣлѣ,—стараются нравственно пошатнуть передъ вами и, наконецъ, въ-третьихъ, личность покойнаго Рыжова—личность, о которой обвиненіе самаго высокаго мнѣнія—стараются низвести съ того высокаго нравственнаго уровня, на которомъ она, казалось бы, должна стоять. Всѣ эти категоріи опроверженій,—заслоняющихъ истинный образъ дѣла и участвующихъ въ немъ лицъ,—представленныя впервые во время судебнаго слѣдствія, будутъ, вѣроятно развиты передъ вами еще болѣе подробно, и защита постарается искусною рукою подрѣзать корни обвиненія и пересадить все дѣло на почву защитительныхъ соображеній. Насколько это ей удастся—я не знаю; но я, со своей стороны, постараюсь разсмотрѣть прочность вырабатываемыхъ ею данныхъ. Обращаюсь—*къ показаніямъ свидѣтелей*. Изъ нихъ въ сущности только три относятся къ убійству Рыжова, а именно: показанія его вдовы, Маріи Степановны Рыжовой, воспитательницы дѣтей его г-жи Гора и кормилицы Прокофьевой; всѣ же остальныя показанія не относятся прямо къ этому событію.

Первое показаніе дала передъ нами женщина совершенно растерзанная и убитая горемъ, вся цѣликомъ поглощенная несчастіемъ, ее постигшимъ; другое показаніе идетъ со стороны женщины, которая довольно безучастно относится къ происшедшему и, наконецъ, кормилица разсказывала о томъ, что она видѣла и слышала и какъ она это «по простотѣ своей» поняла. Я думаю, что нѣтъ возможности усомниться въ правдивости показанія вдовы Рыжовой. Правда, отчасти въ тонѣ ея голоса, отчасти въ манерѣ говорить проявлялась здѣсь нѣкоторая трагичность, въ ея тонѣ слышалось нѣкоторое стремленіе выставить особенно рельефно, обрисовать самыми мрачными красками то несчастіе, которое разразилось надъ нею. Но, гг. присяжные засѣдатели, войдя въ положеніе этой женщины, вы поймете, что иначе, при нервной и впечатлительной ея организаціи, и

быть не можетъ. Положеніе ея поистинѣ ужасно: она лишилась мужа, котораго горячо любила, лишилась въ немъ единственнаго заступника, единственной поддержки—и лишилась отъ руки своего брата. Являясь сюда, она должна — или признать, что ея братъ былъ правъ, и тѣмъ показать, что мужъ ея сдѣлалъ что нибудь очень дурное, выходящее изъ ряду вонъ, для того, чтобы вынудить его на убійство, или же сказать все какъ было, а это можетъ быть гибельно для брата. Ей предоставляется ея жестокою судьбою на выборъ— или молчаливое согласіе на опозоренье памяти покойнаго, любимаго, неповиннаго мужа,—чѣмъ, быть можетъ, будетъ куплено спасеніе брата, или же горестное и тяжкое служеніе правдѣ, которое, не возвращая ей мужа, должно подвести брата подъ справедливую кару. Для нея нѣтъ выхода изъ этого. Я думаю, что характеру болѣе сильному, силамъ менѣе потрясеннымъ, чѣмъ ея характеръ и ея силы, трудно бороться съ подобнымъ положеніемъ, и что въ голосѣ всякаго лица, поставленнаго въ такое положеніе, помимо его воли безсознательно, зазвучитъ трагическая нота. Мы знаемъ изъ дѣла, что у Рыжовой и у Шляхтина есть родные, живъ отецъ,—но знаемъ ли мы ту борьбу, тѣ колебанія, тѣ муки, которыя должна была пережить злополучная женщина, прежде чѣмъ рѣшиться придти сюда обличительницею брата, — сына своего отца; придти во имя чести отца своихъ дѣтей и придти, повидимому, какъ дозволительно заключить изъ вырвавшихъ у нея невольно словъ,—вопреки ожиданіямъ и требованіямъ своей семьи?! Знаемъ ли мы это? Трагичность жеста и возвышенность тона законны тамъ, гдѣ надъ человѣкомъ разыгрывается настоящая трагедія... Указывая на глубину оскорбленнаго чувства, онѣ не идутъ въ разрѣзъ съ житейскою правдою. Рыжова здѣсь, по словамъ брата, не пощадила его. Я думаю, что она сказала истину. Показаніе ея точное и ясное, отличающееся тѣми мелочными подробностями, которыя вообще свойственны разсказамъ людей, настигнутыхъ несчастіемъ, къ которому они, растравляя себя, постоянно возвращаются, вспоминая всѣ его печальныя подробности, — и часто въ то же время не отдавая себѣ яснаго отчета о всемъ его объемѣ—еще болѣе пріобрѣтаетъ вѣроятія съ той минуты, какъ подтверждается и провѣряется другими показаніями. Эти другія показанія суть показанія Гора и Прокофьевой. Показаніе Гора тоже стараются подорвать. Во-первыхъ, здѣсь были сдѣланы, при ея допросѣ, намеки на то, что она могла все свое показаніе почерпнуть изъ разсказовъ Рыжовой, что разсказы эти послужили канвой и матеріаломъ ея показаній, и что она дала его, такъ сказать, по молчаливому соглашенію съ Рыжовой. Какъ основаніе для этого—могло бы быть приведено то, что она живетъ у Рыжовой, или даетъ тамъ постоянно уроки, и затѣмъ то, что она сердита на Шляхтина. Но разсмотримъ оба эти основанія. Она даетъ уроки у Рыжовой и потому могла согласиться съ ней показывать одинаково. Но мы знаемъ, что показаніе ея совершенно согласно съ тѣмъ, которое было ею дано на предварительномъ слѣдствіи. Здѣсь

она слово въ слово повторила то, что сказала у слѣдователя и что внесено въ обвинительный актъ, а тамъ она показывала впервые въ вечеръ самаго убійства. Я полагаю, что никто не рѣшится сказать, чтобы черезъ два часа послѣ убійства, когда еще пролитая кровь не засохла совершенно на полу и стѣнахъ квартиры, Рыжова могла найти достаточно силы для того, чтобы въ бесѣдѣ съ гувернанткою разсчитывать на будущее судебное слѣдствіе и, такъ сказать, производить репетицію своихъ будущихъ показаній. Слѣдовательно, показаніе Гора, подтвержденное ею притомъ здѣсь всецѣло, было дано внѣ вліянія Рыжовой. Но она въ дурныхъ отношеніяхъ съ Шляхтинымъ, скажутъ намъ, быть можетъ. Я этого не отрицаю. Она даже не хотѣла здѣсь говорить о какомъ-то письмѣ, полученномъ ею отъ Шляхтина, которое было для нея оскорбительно. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Ужъ если она женщина, способная дать изъ-за личнаго неудовольствія ложное показаніе, которое погубитъ неповиннаго человѣка, то, конечно, ей свойственны и другіе, присущіе подобнымъ людямъ, недостатки; конечно, ей свойственна и корысть, которая, по объясненіямъ Шляхтина, и должна была служить поводомъ къ ея злобѣ на него. Но вы знаете, что этого повода не было. Она изъ милости няньчила ребенка Шляхтина и, ничего не получая, она работала даромъ, а когда онъ разсердился на ея обращеніе съ сыномъ и взялъ его, то въ сущности, онъ избавилъ ее только отъ труда, который ничѣмъ не вознаграждался. Поэтому о неудовольствіи изъ-за денежныхъ разсчетовъ не можетъ быть и рѣчи. Но могло быть помимо разсчета оскорбленное самолюбіе, уязвленное до желанія мщенія. И для такого предположенія нѣтъ никакихъ основаній. Она занимала положеніе воспитательницы въ семействахъ средняго круга, а всякій знаетъ, какъ горька у насъ подчасъ доля гувернантки, и какъ приходится ей привыкать ко всякаго рода уколамъ самолюбія, начиная съ тонкихъ «шпилекъ» и кончая явно-грубымъ, презрительнымъ обращеніемъ. Такимъ образомъ, изъятіе ребенка изъ-подъ надзора Гора,—ребенка ей притомъ никогда и не порученнаго,—ничего для нея оскорбительнаго не представляло, въ виду профессіи Гора, въ ея душѣ не хватило бы мѣста для ненависти, если бы она могла до ненависти обижаться дѣйствіями, подобными тому, что сдѣлалъ Шляхтинъ. Передъ нами старались выставить Гора дурною воспитательницею. Не знаю, насколько это справедливо. Можетъ быть, она дѣйствительно не знаетъ современныхъ пріемовъ педагогіи; можетъ быть, она недостаточно вѣритъ въ пользу мягкаго обращенія съ дѣтьми и считаетъ лучшею мѣрою исправленія тѣлесное наказаніе. Все это можетъ быть такъ, и все это, конечно, должно быть принимаемо въ соображеніе при оцѣнкѣ вопроса, годится ли она въ воспитательницы. Но какое отношеніе это имѣетъ къ правдивости ея показанія? Какое значеніе можетъ имѣть то, что она нѣсколько грубо обращалась съ сыномъ Шляхтина, для того, чтобы опредѣлить, видѣла ли она и слышала ли то, что она показала? Конечно, никакого. Не рѣшится же она умышленно губить

человѣка своимъ показаніемъ, да еще рискуя быть уличенною, только за то, что онъ отнялъ у нея возможность лишній разъ высѣчь ребенка за «неаккуратность». Наконецъ, показаніе третьей свидѣтельницы—правдивое, благодушное,—въ сущности закрѣпляетъ все то, что говорили двѣ предыдущія свидѣтельницы—Гора и Рыжова. И кормилица Прокофьева говоритъ о двухъ выстрѣлахъ, изъ которыхъ одинъ она слышала изъ-за дверей, когда стояла за ними притаившись, боясь, что и ее застрѣлятъ, а при второмъ—сама присутствовала. Эта же свидѣтельница удостовѣряетъ, что Рыжовъ не наносилъ ударовъ Шляхтину, и ей нельзя не вѣрить. Въ ея простотѣ, въ наивности, съ которою она разсказывала о страшномъ несчатіи, случившемся въ домѣ, съ простонародною пѣвучестью въ голосѣ и украшеніями въ рѣчи, стараясь указать прежде всего на ту опасность, которой она сама подвергалась—во всемъ этомъ звучитъ правдивость.

Обращаюсь къ *личности Рыжова*. Судя по допросу нѣкоторыхъ свидѣтелей, намъ, очевидно, будутъ говорить, что Рыжовъ вовсе не былъ такимъ хорошимъ человѣкомъ, какимъ онъ выставленъ въ обвинительномъ актѣ и какимъ старались его выставить жена и академикъ Безобразовъ. Но, гг. присяжные засѣдатели, если вы отнесетесь внимательно къ тому, что слышали отъ нѣкоторыхъ свидѣтелей, если вдумаетесь въ сущность ихъ показаній относительно покойнаго Рыжова, то увидите, что показанія ихъ нисколько не колеблятъ того чистаго, нравственно-красиваго образа, который начертанъ въ обвинительномъ актѣ. Этотъ человѣкъ остается тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности по удостовѣренію тѣхъ, которые знали его близко. Правда, передъ вами было дано чрезвычайно характеристическое показаніе доктора правъ Лохвицкаго, который, хваля вообще покойнаго, въ концѣ, однако, прошелся по сдѣланному имъ портрету кистью, погруженною въ довольно мутныя краски, рисующія Рыжова съ непривлекательной и отчасти даже грязной стороны. Но я думаю, что если вглядѣться даже и въ этотъ портретъ поближе, то эти краски сотрутся и исчезнутъ. Въ сущности, г. Лохвицкій сказалъ, что Рыжовъ былъ человѣкъ очень пристрастный къ женщинамъ, но онъ не указалъ намъ, когда это съ нимъ было; не сказалъ, чтобы Рыжовъ теперь, когда былъ человѣкомъ осѣвшимся, семейнымъ, оставался по прежнему подъ вліяніемъ своего влеченія къ женскому полу. Наконецъ, есть ли это влеченіе, въ сущности, по отношенію къ нравственнымъ правиламъ человѣка, такая черта, которая лишала бы его права на уваженіе, заставляла бы предполагать его неспособнымъ на благородные и нравственные поступки? Я полагаю—нѣтъ. Минутныя увлеченія могутъ не помѣшать человѣку остаться честнымъ, стойкимъ и строгимъ во взглядѣ на свои обязанности. Затѣмъ, г. Лохвицкій указалъ, что въ служебной дѣятельности покойный искалъ съ охотою командировокъ. Признаюсь, это замѣчаніе вытекаетъ, очевидно, не изъ близкаго знакомства свидѣтеля съ дѣятельностью чиновниковъ особыхъ порученій министер-

ства государственныхъ имуществъ. Дѣятельность ихъ проходитъ, по большей части, въ командировкахъ, да и вообще дѣятельность этого министерства имѣетъ въ себѣ столько сельско-хозяйственныхъ сторонъ, что польза дѣла требуетъ постоянныхъ разъѣздовъ и ревизій опытныхъ и свѣдующихъ лицъ. Если Рыжовъ сознавалъ, что, зная свое дѣло можетъ приносить пользу и былъ не прочь отъ командировокъ, то почему не объяснить этого желаніемъ энергическаго и живого дѣятеля приносить пользу, а не сидѣть за канцелярскою работою по жизненнымъ и практическимъ вопросамъ? Съ командировками было связано нѣсколько бо̀льшее содержаніе, и странно было бы упрекать человѣка бѣднаго, обремененнаго большимъ семействомъ за то, что ему пріятны занятія, которыя его наибольше вознаграждаютъ за трудъ, полезность котораго признаетъ и Лохвицкій. Итакъ, тутъ нѣтъ никакой дурной черты. Отбросивъ, такимъ образомъ, эту часть показанія Лохвицкаго, мы находимъ въ Рыжовѣ человѣка глубоко честнаго и справедливаго, строгаго какъ къ себѣ, такъ и къ другимъ (потому что онъ строгъ къ себѣ), любящаго правду, вмѣшивающагося за нее въ чужія дѣла, иногда съ самопожертвованіемъ, доходящимъ даже до неблагоразумія. Но, гг. присяжные засѣдатели, можно ли это ставить въ вину человѣку, можно ли въ этомъ не видѣть достоинства? Это «неблагоразуміе» есть великое качество въ нашъ черствый, себялюбивый вѣкъ. Правда, вамъ говорятъ, что онъ былъ человѣкъ рѣзкій, грубый. Да, онъ былъ грубъ, смѣло выражая свое мнѣніе; онъ рѣзко высказывалъ порицаніе, когда образъ дѣйствій человѣка ему не нравился, не стѣсняясь тѣмъ, не стоитъ ли этотъ человѣкъ выше его на общественной лѣстницѣ и какъ вы слышали изъ показанія академика Безобразова, ему больше приходилось говорить рѣзкости о людяхъ, выше его стоявшихъ по общественному положенію. Эта правдивость, грубая, быть можетъ, непріятная для окружающихъ его лицъ, имѣла все-таки своимъ источникомъ горячее чувство. Это чувство одушевляло его въ исполненіи своихъ обязанностей и дѣлало его «алчущимъ и жаждующимъ правды», а такихъ людей нужно цѣнить и прощать имъ ту грубую форму, въ которую они облекаютъ свои честныя и чистыя мысли. И вотъ, этотъ человѣкъ, вспыльчивый по характеру,—я не стану этого отрицать,—настойчивый въ своихъ мнѣніяхъ, упорный въ своихъ привязанностяхъ, въ тоже время живо принимающій къ сердцу всякія измѣненія въ людяхъ, которымъ вѣрилъ, прямо и рѣзко говорящій всѣмъ правду, вмѣшивающійся въ чужія дѣла тамъ, гдѣ находитъ это полезнымъ и необходимымъ для другихъ, иногда навязывающій чуть ли не насильно свое мнѣніе,—этотъ человѣкъ остается такимъ же, какимъ начертанъ свидѣтелемъ Безобразовымъ, и послѣ показаній всѣхъ остальныхъ свидѣтелей. Правда, здѣсь говорилось еще нѣчто, что̀ должно было породить нѣкоторое сомнѣніе—говорилось объ его отношеніяхъ къ свидѣтельницѣ Дмитріевой. Но я не стану повторять этого ея разсказа, вы сами оцѣните всю его несостоятельность. Человѣкъ *ухаживалъ* потому, что въ то время, когда

дѣвушка идетъ на гибель, когда бросаетъ домъ, гдѣ ее пріютили, говоритъ ей «останьтесь, я постараюсь, чтобы молва не распространилась, я охраню васъ отъ нападеній, отъ злыхъ насмѣшекъ». Этотъ человѣкъ, только благодаря этому, по ея словамъ, за ней волочится! Человѣкъ этотъ разъ пришелъ къ ней въ спальню и, стоя на порогѣ, позвалъ ее къ женѣ—онъ за нею волочится! Я думаю, что скорѣе можно признать, что услужливое воображеніе свидѣтельницы вызываетъ въ ней желаніе думать, что за нею волочился Рыжовъ, что ей самой хочется вѣрить въ это и въ такомъ смыслѣ истолковывать поступки покойнаго.

Обращаюсь *къ душевному состоянію Шляхтина.* Вѣроятно, намъ будутъ говорить, что Шляхтинъ, послѣ убійства Рыжова, имѣлъ видъ потерянный, говорилъ несообразныя вещи, едва стоялъ на ногахъ, былъ блѣденъ, весь трясся, хотѣлъ ѣхать къ генералу Трепову, приходилъ въ отчаяніе отъ сдѣланнаго имъ поступка, путался въ словахъ и вообще производилъ впечатлѣніе больного. Вы слышали здѣсь показанія экспертовъ. Я не могу прибавить ни слова къ ихъ точному, строго-научному выводу, высказанному съ полнымъ убѣжденіемъ и съ сознаніемъ его важности. Изъ словъ ихъ оказывается, что Шляхтинъ не человѣкъ, не владѣющій здравымъ смысломъ, а человѣкъ нервный, раздражительный, болѣзненный отъ неправильной жизни,—что онъ, отъ не всегда, можетъ быть, пріятно слагавшихся обстоятельствъ сдѣлался человѣкомъ впечатлительнымъ, на котораго всякое препятствіе дѣйствуетъ раздражающимъ образомъ, вызывая сильное нервное разстройство и заставляя горячиться тамъ, гдѣ человѣкъ нормальный, обыкновенный, этого дѣлать не будетъ. Я говорю: человѣкъ *обыкновенный*, человѣкъ *нормальный!* Но гдѣ этотъ человѣкъ?! Я думаю, что всѣ мы, жители большихъ городовъ, люди послѣдняго времени, получившіе слишкомъ раннее умственное развитіе и недостаточное развитіе физическое, всѣ мы люди болѣзненные, у всѣхъ насъ нервы не въ порядкѣ, у всѣхъ они натянуты, какъ струны и звучатъ сильнѣе, нежели у жителей деревни, близкихъ къ природѣ. Но все это не можетъ служить поводомъ къ тому, чтобы мы во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ ссылались на нервы, какъ на причину ненормальности нашихъ дѣйствій, чтобы въ нихъ искали оправданія въ нашихъ капризахъ, убѣжища въ нашихъ преступленіяхъ. Это развитіе нервозности, которая дѣлаетъ насъ болѣе раздражительными, чѣмъ людей простыхъ, живущихъ въ другихъ условіяхъ жизни, въ то же время дѣлаетъ насъ и болѣе воспріимчивыми и даетъ намъ возможность тоньше и отчетливѣе понимать всѣ оттѣнки человѣческихъ дѣйствій и тѣмъ самымъ строже къ себѣ относиться. Утонченный и истощенный житель города, принадлежащій къ такъ называемому образованному обществу—всегда гораздо больше аналитикъ и скептикъ, чѣмъ здоровый житель деревни... Но гдѣ анализъ и сомнѣніе—тамъ и охлажденіе порывовъ, и наблюденье за собою, и копанье въ самомъ себѣ, а, слѣдовательно, и нѣкоторая препона необузданной игрѣ нервовъ. Поэтому, нервозность, которую мы

замѣчали въ подсудимомъ Шляхтинѣ, не можетъ служить къ оправданію его преступленія. Она служитъ лишь объясненіемъ, почему такъ быстро совершилось преступленіе, почему съ такой необыкновенной силой въ немъ развилось негодованіе на Рыжова, почему ему, можетъ быть, было труднѣе бороться съ собою, нежели человѣку, менѣе нервозному, но нисколько его не оправдываетъ,—не оправдываетъ уже потому, что этого не признали эксперты. Но если бы даже эксперты не дали такого рѣшительнаго мнѣнія, если бы они отвѣчали уклончиво, то и тогда я старался бы доказать, что ни житейскій опытъ, ни здравый смыслъ не допускаютъ такого умственнаго разстройства, отъ котораго лѣчатся лавро-вишневыми каплями. Намъ, можетъ быть, укажутъ на подавленный видъ Шляхтина послѣ того, какъ онъ совершилъ преступленіе. Да, но что же изъ этого? Я думаю, что этотъ несчастный видъ можетъ служить основаніемъ только къ тому, чтобы видѣть въ Шляхтинѣ человѣка, еще не погибшаго нравственно, а лишь только падшаго. Понятно, что именно потому, что онъ человѣкъ здоровый, а только нервны его раздражены, онъ, совершивъ кровавое дѣло, послѣ первой минуты утоленнаго гнѣва, послѣ пролитой крови почувствовалъ весь ужасъ сдѣланнаго преступленія; онъ понялъ,—и какъ нервный человѣкъ понялъ, можетъ быть, сильнѣе, чѣмъ человѣкъ со здоровыми нервами,—*что* онъ сдѣлалъ, какимъ ужаснымъ поступкомъ отдѣлилъ себя отъ всего окружающаго общества, въ какое отчаянное положеніе ввергнулъ сестру и ея сиротъ, и тогда, понятно, началась реакція: онъ почувствовалъ упадокъ силъ, потомъ ему захотѣлось покаяться, отдать себя поскорѣй въ руки правосудія, такъ какъ съ этой минуты, какъ сказалъ величайшій германскій философъ, онъ получилъ *право требовать себѣ наказанія*. Эта потерянность его, блѣдность, несвязная рѣчь указываютъ лишь на то, что онъ человѣкъ настолько же преступный, насколько и несчастный. И это можетъ, по справедливости, служить основаніемъ къ смягченію его вины и наказанія. Вотъ главныя соображенія, которыя я считалъ заранѣе нужнымъ представить вамъ по поводу будущихъ возраженій обвиненію. Затѣмъ я перехожу къ самому преступленію подсудимаго.

Что же за преступленіе совершено Шляхтинымъ и чѣмъ можно объяснить его? Вы знаете, что̀ за личность былъ покойный Рыжовъ, вы можете себѣ отчасти составить представленіе и о томъ, что̀ за личность Шляхтинъ. Неслужащій дворянинъ, проживающій безъ дѣла въ деревнѣ отца, неимѣющій никакого опредѣленнаго общественнаго положенія, но уже обзаведшійся семействомъ, человѣкъ нервный, болѣзненный, до крайности самолюбивый, и тѣмъ болѣе самолюбивый, чѣмъ незначительнѣй и неопредѣленнѣй его положеніе въ общественной жизни. Этотъ человѣкъ встрѣчается съ Рыжовымъ. Рыжову онъ понравился, онъ сталъ звать его къ себѣ въ Петербургъ. Рыжовъ, какъ всякій живой и дѣятельный человѣкъ, сталъ рисовать предъ нимъ заманчивыя картины,—картины дѣятельности, возможности приносить пользу. Картины были заманчивы,—Рыжовъ умѣлъ говорить

горячо и убѣдительно—и Шляхтинъ отправляется съ нимъ. Намъ говорятъ, что Рыжовъ увлекъ его обѣщаніемъ дать мѣсто въ $2^1/_2$ или 3 тысячи. Но я полагаю, что Шляхтинъ невѣрно понимаетъ обѣщаніе Рыжова, если оно дѣйствительно давалось. Рыжовъ вовсе не былъ такъ поставленъ, чтобы обѣщать столь обезпеченныя мѣста, и, конечно, не былъ настолько неблагоразуменъ, чтобы связывать себя такимъ обѣщаніемъ. Онъ могъ только указать на возможность занять подобное мѣсто и, конечно, при трудѣ со стороны Шляхтина, при указаніяхъ и покровительствѣ Рыжова, подсудимый могъ бы получить современемъ такое мѣсто. И вотъ, такіе два человѣка, совершенно противоположные по своему развитію и привычкамъ, одинъ—ничего не дѣлающій всю жизнь, другой трудящійся, дѣятельный; одинъ—весьма легко относящійся къ обязанностямъ, другой же—со всей строгостью, сурово и рѣзко,—эти люди сошлись на время, въ виду разныхъ цѣлей, при чемъ одному хотѣлось нравственно спасти другого, вызвать его къ жизни, дать ему дѣятельность, другому—занять извѣстное мѣсто въ обществѣ. Въ Петербургѣ Шляхтинъ былъ принятъ, какъ родной у Рыжовыхъ, приходилъ къ нимъ какъ близкій человѣкъ—и мы слышали, что Рыжовъ неустанно хлопоталъ за него и даже являлся представителемъ его въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Чѣмъ же Шляхтинъ отплатилъ за это Рыжову? Онъ вступилъ въ связь съ дѣвушкой, которая жила у него въ домѣ, бывъ поручена Рыжовой ея родителями,—съ дѣвушкою, по отношенію къ которой сестра подсудимаго имѣла обязанности, выходящія изъ предѣловъ обязанностей простой хозяйки. Вы видѣли, какая впечатлительная женщина Рыжова: недаромъ она сестра Шляхтина. Поступокъ брата долженъ былъ ее оскорбить, какъ женщину и какъ хозяйку дома, и напугать ее, какъ сестру. Ей было вмѣстѣ съ тѣмъ жаль Дмитріеву, которая шла на вѣрную погибель. Это мнѣніе, конечно, раздѣлялъ и ея мужъ. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ Дмитріевой готовилось впереди? Вы знаете изъ данныхъ здѣсь показаній, что та, которая имѣла отъ Шляхтина ребенка, развелась съ мужемъ и живетъ у него въ деревнѣ. Туда же хотѣлъ везти онъ и Дмитріеву. Что же ее ожидало? Бракъ? Нѣтъ. Ее ожидало тяжелое положеніе дѣвушки, сдѣлавшейся барскою наложницей, въ глухой степной усадьбѣ, гдѣ притомъ живетъ прежняя «барская барыня». Что̀ ей могло предстоять затѣмъ? Она могла надоѣсть Шляхтину и, можетъ быть, была бы заброшена въ безпомощномъ положеніи отставной барской любовницы или выдана гдѣ нибудь въ глуши, на «скорую руку», замужъ за покладистаго и неразборчиваго человѣка, и была бы, вѣроятно, еще несчастливѣе. Всего этого не могла не сознавать Рыжова, хорошо зная жизнь. Съ другой стороны, она понимала, что женщина съ характеромъ, дѣвушка съ сильной волей, отдавшая себя человѣку, пожертвовавшая для него всѣмъ, не дешево разстанется съ любовью этого человѣка, и когда онъ разлюбитъ ее и покинетъ, то она будетъ требовать, чтобы онъ, связавшій себя съ нею на словахъ навсегда, не оставлялъ ее, чтобы помнилъ,

какую она принесла ему жертву. Она, своими требованіями и упре, ками, своими жалобами и угрозами, своими непрошенными ласками своей постылою любовью, начнетъ отравлять его жизнь, сдѣлаетъ ее нестерпимою. И этого Рыжова, зная жизнь, не могла не представлять себѣ. Поэтому она одновременно жалѣла и брата и Дмитріеву. Вотъ чѣмъ объясняются слова Рыжовой брату: «она тебя погубитъ», вмѣстѣ съ совѣтомъ, съ требованіемъ—или жениться, или оставить Дмитріеву. Шляхтинъ не хотѣлъ сдѣлать ни того, ни другого. Наконецъ, Рыжова, какъ хозяйка дома, видѣла, что для дѣвушки, вступившей въ ея семью почти на правахъ члена,—которая пользовалась ея покровительствомъ и была довѣрена ей родителями—для этой дѣвушки было создано положеніе постыдное—и гдѣ же?—въ домѣ ея, Рыжовой!—и кѣмъ же?—ея братомъ! Все это, вмѣстѣ взятое, конечно, должно было вызвать со стороны Рыжовой цѣлый рядъ упрековъ, рѣзкихъ, жестокихъ упрековъ, какіе обыкновенно умѣютъ дѣлать только женщины. Мы слышали, что Шляхтинъ просилъ у нея прощенія, мы знаемъ далѣе изъ показанія г-жи Гора, что покойный А. И. Рыжовъ тоже присоединилъ свой осуждающій голосъ къ упрекамъ жены и требовалъ, чтобы Шляхтинъ женился. Но Шляхтинъ этого не хотѣлъ. Въ этомъ отношеніи у него вообще оригинальный взглядъ на честь. На требованіе сестры разорвать связь и, не увлекая Дмитріеву за собою въ деревню, оставить ее постарому у нихъ, подъ условіемъ забвенія и сокрытія всего случившагося, онъ отвѣчалъ, что этого не сдѣлаетъ, ибо не способенъ на такой *безчестный* поступокъ, а жениться не желаетъ. Первое время Шляхтинъ, повидимому, сознавалъ свою виновность передъ сестрой и этой дѣвушкой, и если бы дѣло оставалось въ томъ же положеніи, то оно кончилось бы, можетъ быть, лишь продолжительною размолвкою, но явились два обстоятельства, которыя не могли не измѣнить отношенія Рыжовыхъ съ Шляхтинымъ на болѣе худшія. Съ одной стороны, Дмитріева нисколько не щадила самолюбія Шляхтина и передавала ему всѣ сплетни обо всемъ, что происходило и говорилось у Рыжовыхъ, получая эти свѣдѣнія черезъ своего брата,—а съ другой стороны, Рыжова имѣла неосмотрительность при братѣ Дмитріевой сказать, что она отправила письма своему отцу и родителямъ Дмитріевой, въ которыхъ разсказала обо всемъ. Положеніе Шляхтина становилось крайне тревожнымъ и сложнымъ. Показанія свидѣтелей указываютъ, какъ онъ вообще легкомысленно относился къ женщинамъ. По поводу начавшейся шутя связи съ Дмитріевой онъ говорилъ, что не въ такихъ передѣлкахъ бывалъ, но выходилъ цѣлъ. А тутъ онъ увидѣлъ, что отношенія завязываются крѣпко, что въ дѣло вмѣшались другіе, и сама Дмитріева узнала, что у него есть въ деревнѣ женщина, съ которою онъ имѣлъ связь, и что это можетъ заставить ее одуматься, отказаться отъ поѣздки и потребовать серьезныхъ объясненій. Такія осложненія должны были, конечно, увеличить тяжесть его положенія. Таковы внѣшнія причины его раздраженія. Эти люди вмѣшиваются въ его

дѣло, мѣшаютъ ему; онъ завелъ связь, которая ему пріятна и льститъ его самолюбію, обѣщаетъ ему, можетъ быть, нѣсколько мѣсяцевъ, недѣль удовольствія и вдругъ въ это призрачное, временное счастіе вливается ядъ попрековъ, указаній на долгъ и препятствій! Тутъ являются и родители, которые возьмутъ увлеченную дѣвушку, и возможность съ ея стороны упрековъ въ обманѣ и, главнымъ образомъ, непрошенная, навязанная мысль о необходимости жениться. Его должно было возмущать, что въ немъ сомнѣваются, что его учатъ и, наполняя его существованіе тревожными мыслями, вмѣсто пріятной жизни изо дня въ день—рисуютъ опредѣленную, прозаическую картину брака. Развѣ онъ не хозяинъ своихъ дѣйствій, не господинъ своей судьбы?

Внутреннія причины, побудившія Шляхтина къ убійству, должны были быть еще сильнѣе. Вы имѣли возможность ознакомиться съ личностью Шляхтина, вы могли убѣдиться, что это былъ человѣкъ въ высшей степени самолюбивый, чрезвычайно щепетильный. Каждая мелочь, косой взглядъ, вскользь высказанное мнѣніе—оскорбляло и раздражало его, становило на дыбы всю его гордость. Самолюбіе мелкое, щепетильное, заставляющее человѣка оскорбляться при малѣйшей шероховатости въ отношеніяхъ съ нимъ, есть самолюбіе людей, не признающихъ за собою дѣйствительной цѣны, которые видятъ во внѣшнихъ, иногда совершенно пустыхъ отношеніяхъ къ нимъ, желаніе повредить ихъ шаткому достоинству, которые не чувствуютъ достоинства своего настолько глубоко, чтобъ сознавать, что повредить ему вздорнымъ словомъ, минутною вспышкою—нельзя. И вотъ такой человѣкъ встрѣчается съ честною, правдивою, строгою и рѣзкою личностью, онъ слышитъ осужденіе отъ человѣка, котораго встрѣтилъ не случайно, котораго зналъ не одинъ день, который принималъ въ немъ участіе—и этотъ-то человѣкъ ему высказываетъ строго и серьезно свое неудовольствіе, произноситъ жестокое слово осужденія. Это, конечно, не могло не раздражить его. Мы знаемъ далѣе изъ его собственнаго показанія, что первоначальное стремленіе его, послѣ обнаруженія отношеній его къ Дмитріевой, было возстановить себя во мнѣніи окружающихъ его лицъ. Вы слышали изъ показанія его, даннаго здѣсь утромъ, что онъ имѣлъ намѣреніе поднять себя въ глазахъ сестры. Но если у него было это намѣреніе по отношенію къ сестрѣ, къ которой онъ относится нѣсколько пренебрежительно, то еще болѣе должно у него было быть желаніе возстановить себя въ глазахъ чужого человѣка, нравственнаго преимущества котораго онъ не могъ не чувствовать. Какъ извѣстно, тяжесть чужого дурного мнѣнія тѣмъ сильнѣе, чѣмъ достойнѣе и уважаемѣе то лицо, отъ котораго исходитъ это мнѣніе, чѣмъ выше стоитъ оно въ нашихъ глазахъ. То же самое было и здѣсь. Вотъ второй рядъ причинъ, такъ сказать, внутреннихъ: оскорбленная гордость, желаніе возстановить себя въ глазахъ Рыжова, желаніе услышать, что дѣйствія его правильны, благородны, что онъ не совершилъ ничего дурного, что тутъ ни въ чемъ не замѣшаны

дѣла чести; съ другой стороны, негодованіе, что въ дѣла его вмѣшиваются, что ему не даютъ устроиться такъ, какъ бы онъ желалъ, раздраженіе, раздуваемое Дмитріевой—все это вмѣстѣ должно было довести подсудимаго до крайне ожесточеннаго и озлобленнаго состоянія. Мы знаемъ, что еще 28-го января Шляхтинъ прислалъ Рыжову письмо, въ которомъ говорилъ ему, что найдетъ его, что никогда не проститъ сестрѣ тѣхъ оскорбленій, которыя она нанесла ему, пользуясь правами сестры и женщины. Письмо это было возвращено обратно съ замѣткой Рыжова, который, въ полномъ сознаніи своей правоты, удивляется, какъ Шляхтинъ рѣшается писать подобныя вещи, поступивъ такимъ образомъ въ домѣ сестры. На другой день посылается другое письмо, послѣдовавшее послѣ разсказа Дмитріевой о томъ, что г-жей Рыжовой написано письмо къ ея родителямъ. Оно, это письмо, не могло быть возвращено изъ Нижняго какъ это предполагаетъ Рыжова, да это и не важно; важно то, что студентъ Дмитріевъ 28-го числа, вечеромъ, сообщилъ сестрѣ о томъ, что слышалъ отъ Рыжовой о написанномъ ею письмѣ къ ихъ родителямъ. Что это было сообщенно безъ всякой предосторожности, что всѣ слова раздраженной Рыжовой были приняты на вѣру Дмитріевымъ и переданы въ той самой, нѣсколько рѣзкой формѣ, въ которой они были, вѣроятно, высказаны, въ этомъ вы могли убѣдиться уже потому, что студентъ Дмитріевъ безъ всякой критики относится къ тому, что говоритъ. Вы слышали показаніе Миргородскаго о томъ, что у Шляхтина были нервные припадки и что объ этомъ знаетъ онъ преимущественно отъ Дмитріева; Дмитріевъ же по этому поводу заявилъ, что онъ знаетъ о нервномъ состояніи Шляхтина, во-первыхъ и главнымъ образомъ, отъ Миргородскаго, а во-вторыхъ потому, что однажды видѣлъ самъ, какъ у Шляхтина тряслись ноги. Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ источниковъ для сужденія о нервности Шляхтина и для сужденія о вдумчивости Дмитріева въ свои слова! Дмитріевъ долженъ былъ разсказать все, что онъ слышалъ, нисколько не умалчивая, нисколько не щадя самолюбія своей сестры, нисколько не оберегая ее, а она, въ свою очередь, передала все слышанное ею Шляхтину. Вернувшись домой изъ театра, Шляхтинъ получаетъ извѣстіе о томъ, что въ дѣла его постоянно и настойчиво вмѣшиваются; онъ раздражается еще болѣе и утромъ идетъ къ Рыжову. Его не принимаютъ. Тогда онъ пишетъ письмо,—послѣднее, которое вы слышали, гдѣ говоритъ, что не пощадитъ ни себя, ни Рыжова, если только тотъ позволитъ себѣ нанести ему оскорбленіе. Затѣмъ, послѣ того какъ Рыжовъ прислалъ отвѣтное письмо, онъ, не принявъ этого письма, говоритъ, что Рыжовъ можетъ объясниться съ нимъ съ глазу на глазъ. Рыжовъ приглашаетъ его, и онъ идетъ часомъ раньше, чѣмъ назначено. Это желаніе видѣться съ Рыжовымъ, мнѣ кажется, можетъ быть объяснено довольно естественно и вѣроятно: ему нужно было объясниться, и непремѣнно лично съ Рыжовымъ, во что бы то ни стало; ему нужно было окончательно выйти изъ своего тяжелаго и двусмысленнаго положенія,

или разорвавъ навсегда и окончательно отношенія съ Рыжовымъ, или, помирясь съ нимъ, услышавъ отъ него, что онъ, Шляхтинъ, не безчестный человѣкъ. Онъ, конечно, надѣялся на послѣднее. Онъ отправляется, взявъ съ собою револьверъ. Онъ говоритъ, что имѣлъ привычку постоянно носить съ собою револьверъ, потому, что какъ вы слышали изъ показанія свидѣтеля Милославскаго, онъ объяснялъ ему еще въ Харьковѣ, что не знаетъ, что могло бы съ нимъ случиться, еслибъ кто нибудь его обидѣлъ. Вотъ съ такимъ-то револьверомъ, носимымъ на случай, если кто нибудь его обидитъ, онъ отправляется къ Рыжовымъ. Мы знаемъ, что произошло затѣмъ. Я настаиваю въ этомъ случаѣ на показаніи г-жъ Гора и Рыжовой. Войдя къ Рыжову, увидя этого человѣка, такъ много испортившаго ему желчи, Шляхтинъ—нервный, впечатлительный, всегда раздражительный, отдался весь порыву того гнѣва, который въ немъ долго накоплялся и, вѣроятно, кипѣлъ всю ночь послѣ разсказа Дмитріевой. Онъ забылъ, зачѣмъ пришелъ; онъ видитъ только ненавистнаго въ эту минуту человѣка, который смѣетъ гордиться своею правотою, смѣетъ не уважать его, Шляхтина, смѣетъ рѣзко говорить о немъ... Онъ хватаетъ его за бороду, плюетъ въ лицо и грозитъ пистолетомъ. Затѣмъ жена выталкиваетъ его изъ кабинета; но и здѣсь, оставшись одинъ, онъ чувствуетъ, что не все высказалъ, не излилъ всего своего гнѣва, и начинаетъ браниться—браниться рѣзко, непристойно, дико, вѣроятно, самыми грубыми, площадными словами, на что намекала г-жа Рыжова. Тогда, въ свою очередь, Рыжовъ, человѣкъ, который долженъ былъ быть ошеломленъ всѣмъ происшедшимъ, начинаетъ, несмотря на мольбы жены, отдаваться гнѣву и, взявъ въ руки палку, выбѣгаетъ, чтобъ выгнать Шляхтина. Но извѣстно всякому, кто имѣетъ несчастье быть вспыльчивымъ, кто когда либо «выходилъ изъ себя», что люди подобнаго рода еще болѣе раздражаются отъ своихъ собственныхъ словъ; чѣмъ болѣе они кричатъ, тѣмъ болѣе усиливается раздраженіе, чѣмъ болѣе они бранятся, тѣмъ болѣе они чувствуютъ необходимость продолжать брань до тѣхъ поръ, пока не выскажутъ всего, что давитъ ихъ сердце, что мутитъ ихъ зрѣніе. То же должно было быть и здѣсь: присутствіе Рыжова, возможность браниться съ нимъ виовь, должны были развить раздраженіе Шляхтина до послѣдней степени,—а между тѣмъ Рыжовъ махаетъ палкой, можетъ ударить, оскорбить... Одна мысль, что этотъ человѣкъ вмѣшивается въ его дѣла, что онъ имѣетъ какое-то право класть на него клеймо нравственнаго осужденія, что онъ имѣетъ возможность осуждать его, третировать какъ виноватаго, постановлять о немъ приговоръ—это одно должно было увлечь все существо Шляхтина—и тогда-то у него должно было явиться желаніе отмстить этому человѣку, уничтожить его, устранить этого непрошеннаго судью, который съ палкою въ рукахъ кричитъ: «вонъ, негодяй, изъ моего дома!»—и который даже не вѣритъ, не хочетъ вѣрить, что въ него можетъ посмѣть стрѣлять «подлецъ»! Вы знаете, что внутренняя борьба въ Шляхтинѣ была непродолжительна; онъ

самъ сегодня утромъ разсказывалъ намъ, что сказалъ Рыжову «буду стрѣлять, но остановился, потому что выстрѣлить «было бы ужасно»; но тѣмъ не менѣе, это не остановило его, и гнѣвъ поборолъ голосъ совѣсти и разсудка. Но ударъ былъ отклоненъ женою Рыжова. Тогда, весь отдавшись своему слѣпому гнѣву, сказавъ опять: «буду стрѣлять», Шляхтинъ выстрѣлилъ еще разъ и убилъ Рыжова. Вы знаете, что за этимъ послѣдовало. Здѣсь возбуждается вопросъ о томъ, надѣлъ ли Шляхтинъ калоши, или не надѣлъ; мнѣ кажется, это все равно: важно то, что онъ не устремился на помощь къ упавшему Рыжову, не закричалъ отъ ужаса, не бросился къ сестрѣ, которая была также убита имъ нравственно, какъ физически былъ убитъ мужъ ея, не сталъ кричать о помощи, въ отчаяніи отъ того, что сдѣлалъ—не желая, не имѣя въ виду. Напротивъ, весь въ туманѣ, навѣянномъ гнѣвомъ, онъ съ неуходившимся еще сердцемъ выбѣжалъ на улицу и только тамъ оцѣнилъ, что совершилъ.

Вотъ вся сущность дѣла. Опуская нѣкоторыя мелкія подробности, такъ какъ, вѣроятно, онѣ сохранились у васъ въ памяти, я обращусь къ тому, чтобы опредѣлить, что за преступленіе сдѣлалъ Шляхтинъ. Нашъ законъ предусматриваетъ нѣсколько видовъ убійства; однимъ изъ наименѣе тяжкихъ считается тотъ видъ, когда человѣкъ совершаетъ убійство въ состояніи крайняго раздраженія, въ запальчивости, когда онъ весь отдается вліянію своего гнѣва и подъ вліяніемъ его рѣшается на убійство. Я полагаю, что въ настоящемъ случаѣ вы, господа присяжные засѣдатели, найдете, что именно существовало такого рода преступленіе. Я не могу доказывать, что Шляхтинъ пришелъ съ пистолетомъ именно для того, чтобы убить Рыжова; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не могу отрицать, что онъ убивалъ Рыжова сознательно, что онъ понималъ, что дѣлалъ, что въ немъ происходила кратковременная борьба: сначала совѣсть его возстала противъ того, что онъ хотѣлъ сдѣлать, въ головѣ промелькнуло слово «ужасно», потомъ все померкло и преступленіе было совершено; онъ утолилъ мгновенную жажду мести надъ человѣкомъ, который былъ ему ненавистенъ, тягостенъ въ послѣднее время. Что же это такое? Соединеніе нервнаго состоянія, котораго я не имѣю права отрицать, такъ какъ оно было признано экспертами, съ крайнимъ гнѣвомъ,—который можно и должно было побороть, съ которымъ человѣкъ можетъ и долженъ сражаться и одолѣвать его,—но гнѣвомъ тѣмъ не менѣе очень сильнымъ, составляющимъ характеристическій признакъ убійства въ запальчивости и раздраженіи. Вамъ, вѣроятно, придется выслушать много указаній на то, что преступленіе совершено не такъ, какъ я предполагаю; но вы, конечно, сами оцѣните, какъ все было въ дѣйствительности. Я впрочемъ, полагаю, что въ дѣлахъ, подобныхъ настоящему, трудно усомниться въ виновности; во всякомъ случаѣ, въ дѣлѣ нѣтъ данныхъ, дающихъ возможность отрицать сознательное дѣяніе.

Говорить вамъ, гг. призяжные засѣдатели, о томъ, что ва

приговоръ имѣетъ не только значеніе основанія для наказанія подсудимаго за совершенный имъ поступокъ — казалось бы излишне. Всякій судебный приговоръ прежде всего долженъ удовлетворять нравственному чувству людей, и въ томъ числѣ и самого подсудимаго. Тамъ, гдѣ дѣйствительно совершено преступленіе, приговоръ обвинительный, несмотря на свою тяжесть, завершаетъ собою для подсудимаго и для пострадавшихъ житейскую драму, сглаживая чувства личной злобы и негодованія и успокоивая смущенную общественную среду спокойнымъ, хотя и суровымъ словомъ правосудія. Вотъ почему я кончаю свое обвиненіе тѣмъ, что обращаюсь мыслью къ будущему. Я предвижу то время, когда несчастныя, осиротѣлыя дѣти Рыжова подростутъ, когда ихъ безвременное сиротство скажется на нихъ особенно тяжело, когда не будетъ отца, который бы могъ руководить и воспитывать ихъ, а будетъ лишь слабая, больная и убитая горемъ мать; тогда они пожелаютъ подробно узнать, что сталось съ ихъ отцомъ, и имъ скажутъ, что онъ палъ отъ руки человѣка, которому дѣлалъ только добро,—что онъ палъ, защищая честь и счастіе чужой дочери. Когда они это узнаютъ, то ихъ оскорбленное слышаннымъ чувство невольно вызоветъ негодованіе по отношенію къ тому, кто такъ жестоко, такъ безсердечно съ ними поступилъ. Но я надѣюсь, что окружающіе будутъ имѣть возможность сказать имъ: «дѣти, въ жизни много зла, но бываетъ и справедливость,—и человѣкъ, который причинилъ вамъ столько несчастій, уже искупилъ свою вину...»

VII.

По дѣлу объ оскопленіи купеческаго сына Горшкова.

При производствѣ въ 1872 году слѣдствія о распространеніи скопческой секты въ С.-Петербургѣ, привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго с.-петербургскій купецъ *Горшковъ*, который при освидѣтельствованіи оказался неоскопленнымъ и ни въ принадлежности къ скопчеству, ни въ распространеніи его не сознался. По дѣлу были, однако, собраны данныя, послужившія основаніемъ для преданія его суду именно за эти два преступленія. Такъ, при обыскѣ, сдѣланномъ судебнымъ слѣдователемъ Реутскимъ въ с. Кадникахъ, Макарьевскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, у скопца штабсъ-капитана Степана Невѣрова отысканъ фотографическій портретъ извѣстнаго скопческаго учителя Шилова, относительно пріобрѣтенія котораго Невѣровымъ дано весьма неопредѣленное объясненіе, что онъ купилъ его въ Петербургѣ въ 1850 или 1860 году въ какой-то фотографіи, потому что портретъ ему понравился. Между тѣмъ оказалось, что портретъ этотъ былъ сдѣланъ въ 1868 году въ С.-Петербургѣ, въ фотографіи Штейнберга, содержимой въ то время художникомъ Кутилинымъ, въ количествѣ шести экземпляровъ, по заказу купца Григорія Горшкова, приходившаго въ фотографію для этой цѣли съ скопцомъ Артамономъ Семеновымъ, который заказывалъ въ той же фотографіи снимки съ портрета основателя скопческой секты Селиванова. Первоначально Горшковъ отрицалъ дѣйствительность заказа имъ портретовъ Шилова, но затѣмъ, когда художникъ Кутилинъ и его жена признали въ Горшковѣ лицо, дѣлавшее заказъ, и былъ прочтенъ протоколъ осмотра книгъ фотографіи, гдѣ заказъ отмѣченъ, онъ призналъ дѣйствительность этого обстоятельства, объяснивъ, что заказывалъ портреты по порученію пріѣзжаго изъ Выборга скопца Михаила Леонова, который далъ ему писанный масляными красками на мѣди портретъ, сказавъ, что это его родственникъ. Объясненіе это, однако, было признано невѣроятнымъ, такъ какъ, при скрытности, которою облекаютъ свои дѣйствія скопцы во всемъ, что касается ихъ ученія, немыслимо допустить самую возможность со стороны скопца заказа портрета чтимаго имъ основателя секты черезъ посредство совершенно посторонняго, чуждаго скопчеству человѣка; притомъ указаніе Горшкова на купца Леонова было сдѣлано уже послѣ смерти послѣдняго. Между тѣмъ, изъ показанія Кутилиныхъ оказалось, что Горшковъ очень хорошо понималъ значеніе заказываемыхъ имъ портретовъ, такъ какъ просилъ при заказѣ никому ихъ не показывать, а когда по изготовленіи они были присланы въ его

лавку, то онъ не принялъ ихъ, говоря, что ничего не заказывалъ, и требуя, чтобы сама хозяйка пріѣхала къ нему, если имѣетъ дѣло; по доставленіи же Кутилиною лично портретовъ, онъ сдѣлалъ ей выговоръ за «неосторожность». Разсмотрѣвъ портреты въ лавкѣ, Горшковъ и другіе, бывшіе у него въ это время, скопцы, говорили: «это нашъ». При обыскѣ у того же Невѣрова отысканы были два письма, писанныя къ нему Горшковымъ. Въ первомъ изъ нихъ Горшковъ, между прочимъ, извѣщаетъ Невѣрова, что «лѣтомъ путешествовалъ до Константинополя и Бухареста, проѣхалъ Молдавіей, Валахіей, посмотрѣлъ на жизнь *тѣхъ людей на случай, не пришлось бы кому и тамъ пожить*». Во второмъ, упоминая также о поѣздкѣ лѣтомъ до Кіева, Одессы и далѣе, сообщаетъ, что «здѣшнія дѣла покуда еще по-старому, а московскія изъ рукъ вонъ плохи, чѣмъ будутъ кончены—неизвѣстно, а хорошаго и ожидать нельзя, судя по тому, какъ у насъ въ Царскомъ Селѣ осудили 65 чухонцевъ въ Сибирь, и старыхъ и малыхъ. Поэтому времячко для всѣхъ стало трудное, не знаю, скоро ли оно кончится». Относительно значенія этихъ писемъ Невѣровъ отозвался, что не помнитъ, кѣмъ они писаны и къ чему относятся упоминаемыя въ нихъ свѣдѣнія, а Горшковъ объяснилъ, что писалъ къ Невѣрову, только по поводу передачи имъ, передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, трехъ серій для обмѣна на новыя. Между тѣмъ, именно въ періодъ, къ которому относились эти письма—въ московскомъ судебномъ округѣ возникло обширное дѣло о скопцахъ Кудрявыхъ и другихъ, обвинявшихся въ распространеніи скопческой ереси, которое разсматривалось въ судѣ въ концѣ 1871 года, а Петербургскимъ Окружнымъ Судомъ въ томъ же году рѣшены въ Царскомъ Селѣ и другихъ уѣздахъ дѣла о 58-ми скопцахъ изъ чухонъ, обвиненныхъ въ оскопленіи себя и другихъ. Въ письмѣ, полученномъ 20-го января 1872 года Министромъ Юстиціи, между прочимъ, было указано, что Горшковъ оскопилъ своего сына Василья и нѣсколькихъ человѣкъ. При слѣдствіи оказалось, что 19-ти лѣтній сынъ Горшкова дѣйствительно оскопленъ и проживалъ подъ надзоромъ полиціи въ полюстровскомъ участкѣ пригородной полиціи, на квартирѣ у крестьянина Поснова, а затѣмъ, при возбужденіи дѣла, скрылся неизвѣстно куда и по самымъ тщательнымъ розыскамъ не былъ отысканъ.—За оскопленіе онъ судился въ Курской Палатѣ Уголовнаго суда и рѣшеніемъ, состоявшимся въ мартѣ 1867 года, отъ суда освобожденъ, какъ уличившій оскопителя, отставного рядового Ѳедора Маслова, въ совершеніи надъ нимъ этого дѣянія въ 1864 году, т. е. когда ему было не болѣе 11-ти лѣтъ. По объясненію Василія Горшкова, онъ вмѣстѣ съ матерью ѣздилъ на богомолье въ Курскъ, но, провожая въ Коренную пустынь образъ Божіей Матери и потерявъ въ толпѣ мать, пошелъ на рѣку купаться и встрѣтился съ неизвѣстнымъ человѣкомъ, который обѣщалъ ему помочь отыскать квартиру и далъ ему пряниковъ; съѣвъ пряниковъ, Василій Горшковъ уснулъ, а проснувшись, почувствовалъ, что у него вырѣзаны шулята, послѣ чего, несмотря на то, что Григорій Горшковъ не могъ не знать объ этомъ происшествіи, объ оскопленіи его сына было заявлено полиціи только чрезъ два года, когда въ Курской губерніи появился отставной рядовой Ѳедоръ Масловъ, добровольно сознавшійся въ оскопленіи множества лицъ. По этому поводу Григорій Горшковъ показалъ, что онъ узналъ отъ сына объ оскопленіи его только уже послѣ того, какъ тотъ судился въ Курскѣ и предъявилъ ему копію приговора о своей судимости. Между тѣмъ, племянникъ Горшкова Васильевъ объяснилъ, что Василій Горшковъ, постоянно и неотлучно проживавшій съ отцомъ, говорилъ ему, что оскопленъ съ вѣдома отца. Заявленіе Горшкова, что сынъ его Василій съ 14-ти лѣтняго возраста сталъ баловаться, лѣниво учился въ школѣ, не старался заниматься торговлею, отлучался безъ его вѣдома изъ Петербурга и чѣмъ жилъ въ послѣднее время — ему неизвѣстно, было вполнѣ при слѣдствіи опровергнуто показаніями семи свидѣтелей.

Поэтому купецъ Григорій Горшковъ былъ преданъ суду по обвиненію въ томъ, что, принадлежа къ скопческой сектѣ, хотя не будучи самъ оскопленъ, и совративъ въ нее 1864—1866 гг. малолѣтняго сына своего Василія, принялъ участіе въ оскопленіи послѣдняго, что составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное 201 ст. Улож. о наказ.

Засѣданіе по этому дѣлу происходило 19-го іюня 1873 года въ С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ, подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя *Батурина*. Защищалъ подсудимаго присяжный повѣренный князь *Кейкуатовъ*.

На судебномъ слѣдствіи жена подсудимаго Горшкова, между прочимъ, дала подробное объясненіе о томъ, какъ она съ сыномъ Василіемъ отправилась на богомолье въ Курскъ, откуда за крестнымъ ходомъ пошла съ нимъ въ Коренную пустынь; по дорогѣ сынъ ея потерялся въ толпѣ и она не могла его отыскать; придя въ Коренную, свидѣтельница никому не заявила о пропажѣ своего сына, а когда вернулась въ Курскъ, то нашла его на базарѣ; въ Курскѣ сначала свидѣтельница заявляла въ полиціи о пропажѣ сына и ей сказали, что если черезъ 3 дня сынъ не явится, то чтобы она подала явочное прошеніе. Когда она нашла сына и пришла въ свою квартиру, онъ говорилъ ей, что какой-то старикъ его испортилъ, такъ что онъ не можетъ никуда ѣхать; вслѣдствіе этого свидѣтельница оставалась въ Курскѣ недѣли двѣ и сына ея лѣчила Петрова, ѣздившая вмѣстѣ съ нею на богомолье. Что за болѣзнь была у сына, свидѣтельница не знаетъ и даже не осматривала своего сына, съ цѣлью убѣдиться, въ чемъ состояла его болѣзнь, знаетъ только изъ его словъ, что онъ оскопленъ, но что такое оскопленіе ей неизвѣстно. По пріѣздѣ въ Петербургъ, свидѣтельница долгое время не говорила своему мужу о несчастіи сына потому, что боялась, не сталъ бы онъ ее бранить, уже черезъ годъ, въ то время, когда она отправила своего сына съ какою-то женщиною отыскивать его оскопителя, мужъ сталъ спрашивать свидѣтельницу, куда дѣвался сынъ, и въ это время она должна была разсказать все дѣло. Гдѣ находится въ настоящее время ея сынъ, которому теперь 20 лѣтъ, и живъ ли онъ—свидѣтельница не знаетъ. Относительно возраста Василія Горшкова подсудимый показалъ, что не помнитъ, когда онъ родился, но что ему должно быть 24 года. Между тѣмъ, изъ паспорта, находящагося въ дѣлѣ и выданнаго въ 1871 году, видно, что Василію Горшкову 19 лѣтъ.

Свидѣтель Семеновъ показалъ, что съ подсудимымъ онъ въ фотографіи Штейнберга не былъ и при немъ подсудимый никакихъ портретовъ въ фотографіи не заказывалъ. Лично свидѣтель снимка съ портрета Селиванова не заказывалъ; и хотя онъ и скопецъ, но не знаетъ, что это былъ за человѣкъ. Относительно того, что по осмотру книгъ фотографа Кутилина въ нихъ значится, что свидѣтелемъ было заказано 4 большого формата снимка съ портрета, —Семеновъ заявилъ, что это, вѣроятно, ошибка и что онъ, кромѣ своихъ карточекъ, ничего другого не заказывалъ.

Подсудимый объяснилъ, что дѣйствительно онъ заказывалъ у фотографа Кутилина снимки съ портрета какого-то лица, которое явившійся съ нимъ въ фотографію купецъ Леоновъ выдавалъ за своего родственника. Невѣрова подсудимый знаетъ, какъ скопца, съ которымъ онъ никакихъ особыхъ отношеній не имѣлъ. Относительно словъ письма: «здѣшнія дѣла покуда хороши, а московскія изъ рукъ вонъ плохи»; подсудимый показалъ, что писалъ объ этомъ Невѣрову по поводу дѣла Кудриныхъ въ Москвѣ и тѣхъ 65-ти чухонцевъ, которыхъ судили въ Царскомъ; писалъ же объ этомъ потому, что Невѣрова, какъ скопца, это должно было интересовать. Что касается проѣзда чрезъ Молдавію и Валахію, то подсудимый заявилъ, что онъ поѣхалъ въ Іерусалимъ на поклоненіе святымъ мѣстамъ, но на Черномъ морѣ его захватила буря и онъ долженъ былъ воротиться въ,

Одессу; проѣхалъ же Молдавіей и Валахіей потому, что хотѣлъ посмотрѣть, какъ живутъ европейскіе народы.

На судѣ было прочитано показаніе Невѣрова, въ которомъ онъ относительно найденнаго у него портрета Шилова говоритъ, что купилъ его въ Петербургѣ въ какой-то фотографіи за три рубля и купилъ потому, что онъ ему понравился. Относительно писемъ, найденныхъ у него и оказавшихся впослѣдствіи писанными подсудимымъ Горшковымъ, свидѣтель отозвался запамятованіемъ, отъ кого они получены.

Рѣшеніемъ присяжныхъ подсудимый *оправданъ*.

Гг. судья гг. присяжные засѣдатели! Вашему суду преданъ подсудимый Григорій Горшковъ по обвиненію въ томъ, что, самъ не будучи скопцомъ въ физическомъ отношеніи, т. е. не будучи лишенъ своихъ дѣтородныхъ органовъ, но принадлежа духовнымъ образомъ къ сектѣ скопцовъ, вовлекъ въ эту секту своего сына и былъ не безучастенъ въ его оскопленіи. Не скрою отъ васъ, что, приступая къ исполненію лежащей на мнѣ обязанности поддерживать это обвиненіе, я чувствую всю трудность предстоящей мнѣ задачи. Трудность эта состоитъ не въ томъ, чтобы я сомнѣвался въ вашей справедливости, безпристрастіи, вниманіи и наконецъ сознаніи, что чѣмъ опаснѣе и неуловимѣе преступленіе, тѣмъ болѣе бдительно общество должно стоять противъ него на стражѣ. Нѣтъ! трудность эта вызывается тѣмъ впечатлѣніемъ, которое производятъ вообще дѣла подобнаго рода, дѣла скопческія. Во всѣхъ скопческихъ дѣлахъ всегда господствуетъ одинъ общій элементъ—элементъ скрытности. Ничто здѣсь не высказывается вполнѣ, обо многомъ умалчивается или не договаривается,—благодаря недомолвкамъ, концы легко прячутся въ воду, и правосудію прихотся распутывать ихъ съ большимъ трудомъ, борясь со множествомъ препятствій и имѣя предъ собой свидѣтелей, которые не лгутъ прямо, но никогда не говорятъ прямо и правды. Это свойство скопческихъ дѣлъ существуетъ и въ настоящемъ случаѣ. Если бы пришлось характеризовать бо̀льшую часть показаній, данныхъ предъ вами, то можно смѣло надписать на нихъ только одни слова: «не знаю», «не помню». Всѣ ничего не знаютъ, всѣ ничего не помнятъ, начиная отъ г-жи Горшковой, которая не помнитъ, смотрѣла ли она, отъ чего страдаетъ и погибаетъ 11-ти лѣтній мальчикъ—ея сынъ, и кончая Горшковымъ, который не знаетъ, сколько его сыну лѣтъ и когда онъ родился. Вездѣ «не помню», вездѣ «не знаю».... Но эта трудность не помѣшаетъ намъ, отбросивъ всю массу ненужнаго матеріала, остановиться на трехъ существенныхъ вопросахъ и, разрѣшивъ ихъ въ томъ или другомъ смыслѣ, или оправдать, или обвинить Горшкова. Я думаю, что его надо обвинить, такъ какъ отвѣты на эти вопросы должны быть въ пользу обвиненія. Вопросы эти слѣдующіе: 1) могъ ли Горшковъ не знать

объ оскопленіи своего сына,—могло ли совершиться такое оскопленіе совершенно безъ его вѣдома, и справедливъ ли разсказъ сына Горшкова, что его оскопилъ солдатъ Масловъ? 2) Существуетъ ли между Григоріемъ Горшковымъ и скопчествомъ извѣстнаго рода нравственная связь, — или Григорій Горшковъ съ тѣмъ же естественнымъ чувствомъ брезгливости отворачивается отъ этой секты, съ какимъ, по словамъ его жены, онъ отворачивался даже отъ своего сына? и 3) если между Григоріемъ Горшковымъ и скопчествомъ есть нравственная связь и если безъ его вѣдома не могло совершиться оскопленіе его сына, то не было ли тутъ его содѣйствія или участія, не онъ ли вовлекъ сына въ скопчество и способствовалъ оскопленію его?

Прежде, однако, чѣмъ разрѣшить эти вопросы, я считаю нужнымъ указать на двѣ особенности настоящаго дѣла и въ краткихъ словахъ изложить предъ вами сущность скопчества. Первая особенность та, что предъ вами человѣкъ не оскопленный, и потому естественно въ васъ можетъ возникнуть сомнѣніе,—какимъ же образомъ не принадлежащій къ скопчеству физически можетъ явиться его распространителемъ? Другая особенность этого дѣла та, что предъ нами нѣтъ потерпѣвшаго отъ преступленія. Быть можетъ, если бы предъ нами былъ молодой Горшковъ, многое было бы въ этомъ дѣлѣ для насъ ясно. Поэтому—и для выясненія значенія этихъ особенностей необходимо прежде всего взглянуть поближе на скопчество.

Я не сомнѣваюсь, что вы знаете въ общихъ чертахъ, что̀ такое скопчество. У всѣхъ изъ насъ сложилось о немъ понятіе, какъ о такомъ ученіи, слѣдствіемъ котораго бываетъ нравственное и физическое искалѣченіе человѣка, доведеніе его до того физическаго и моральнаго убожества, въ какомъ вы видѣли здѣсь нѣкоторыхъ свидѣтелей. Но нужно обратиться къ сущности этого ученія. Скопчество развилось исключительно въ Россіи. Какъ прочно организованная секта, оно существуетъ только у насъ. Бываютъ отдѣльные случаи оскопленія и въ Европѣ, но они являются или какъ способъ, безжалостный и жестокій, создать особыя голосовыя средства у того, кого подвергаютъ въ малолѣтствѣ этой преступной операціи, или какъ восточный обычай евнушества, тѣсно связаннаго съ восточнымъ рабствомъ. Какъ ученіе, скопчество существуетъ только въ Россіи. Въ нашемъ отечествѣ, при господствѣ, православной вѣры, существуетъ, однако, цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ сектъ или ученій. Одни изъ нихъ отличаются только обрядовой стороной отъ строго-православнаго исповѣданія, а въ существѣ правильно относятся къ ученію церкви и евангелію. Но нѣкоторыя изъ ученій, несомнѣнно уклонясь отъ правилъ церкви и искажая истинный смыслъ евангельскаго ученія, доходятъ до совершенно дикаго отрицанія существенныхъ и основныхъ законовъ природы. Такого ученія держится преимущественно скопчество. Это—даже не исключительно религіозное, а противуобщественное—ученіе возникло впервые и стало проповѣдываться въ концѣ прошлаго столѣтія Алексан-

дромъ Шиловымъ, который подвергся наказанію и погребенъ въ Шлиссельбургѣ, гдѣ могила его считается скопцами священнымъ мѣстомъ. Какъ систематическое ученіе, какъ секта, правильно организованная и построенная на извѣстныхъ прочныхъ началахъ, скопчество явилось только въ царствованіе императора Александра I, когда проживалъ, преимущественно въ Петербургѣ, скопецъ Кондратій Селивановъ, человѣкъ неграмотный, но умный, хитрый и обладавшій весьма важнымъ свойствомъ для всякаго проповѣдника новаго ученія—настойчивостью и умѣньемъ подчинять себѣ окружающихъ людей. Исходя изъ ложно понимаемыхъ имъ текстовъ евангелія о соблазняющемъ окѣ и о томъ, какіе бываютъ скопцы,—толкуя ихъ не въ связи съ остальными мѣстами евангелія и извращая ихъ слишкомъ узкимъ матеріальнымъ толкованіемъ, онъ училъ, что человѣчеству было указано ученіемъ Спасителя не нравственное совершенство духа, а грубое искалѣченіе тѣла, какъ средство борьбы съ грѣхомъ,—что Спаситель освѣтилъ путь исправленія человѣчества именно такимъ образомъ.—Онъ училъ, что этотъ надлежащій путь исправленія состоитъ не въ воспріятіи высокаго ученія евангелія, которое заключается прежде всего въ любви къ ближнему, а въ стремленіи уйти отъ этого ближняго, удалиться и бѣжать отъ красоты, отъ «лѣпости» и бѣжать притомъ не нравственно, не стараясь бороться, а бѣжать малодушно, физически, посредствомъ изувѣченія самого себя. Далѣе, Селивановъ находилъ, что всѣ несчастія въ жизни происходятъ отъ половыхъ побужденій и что ихъ нужно пресѣчь въ самомъ ихъ корнѣ. Для этого онъ требовалъ отъ своихъ послѣдователей, чтобы они вели постническую жизнь, не пили вина, не ѣли мяса, старались удаляться отъ всякаго соблазна, отъ всякой «лѣпости» и, постепенно проходя всѣ степени скопческой іерархіи, садились бы сначала «на сѣраго коня» и принимали «малую печать», т. е. лишились бы ядеръ, а впослѣдствіи пріобрѣтали «большую печать», т. е. лишались бы вообще дѣторождныхъ органовъ. Принявъ «большую печать», послѣдователи Селиванова становились «убѣленными», грѣхъ не могъ ихъ болѣе коснуться, въ нихъ замирала всякая мысль о немъ, и они дѣлались «бѣлыми голубями» или «бѣлыми овцами». Это ученіе, несмотря на всѣ свои противуестественныя правила и задачи,—нашло послѣдователей. Простота рекомендуемаго имъ способа борьбы съ грѣхомъ и вѣчнымъ осужденіемъ,—борьбы, не требующей постоянныхъ усилій и напряженія душевныхъ силъ, а лишь *одной* физической жертвы—имѣла особую привлекательность для робкаго ума неразвитыхъ людей. А ученіе Селиванова было направлено на неразвитую массу, которая не можетъ правильно толковать св. писаніе, слѣдуя только его буквѣ, а не духу. Изъ этой массы скопчество вербовало большую часть своихъ приверженцевъ. Въ настоящее время послѣдователи Селиванова сплочены въ прочную массу, они слѣдуютъ вполнѣ наставленіямъ своего учителя, для нихъ этотъ учитель составляетъ верховнаго главу, намѣстника Бога, «Искупителя». Для нихъ онъ

почти замѣняетъ Христа, для нихъ ликъ Божественнаго Страдальца, проповѣдывавшаго живую, всепрощающую любовь къ своему ближнему, отошелъ на задній планъ. Христосъ не вполнѣ исполнилъ свою задачу, говорятъ они; Селивановъ—вотъ настоящій Христосъ, онъ не только царь небесный и искупитель, но—и на этомъ отразилось стремленіе русскаго народа въ концѣ прошлаго вѣка создавать самозванцевъ—онъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ Петръ III, который скрывался отъ преслѣдованій подъ именемъ Селиванова. Какъ императоръ Петръ III и какъ батюшка-искупитель, онъ соединялъ въ себѣ высшую духовную и свѣтскую власть. Правда, Селивановъ былъ преслѣдуемъ, послѣдователи его гонимы, но придетъ время, когда онъ вернется на землю къ своимъ «дѣтушкамъ» и водворитъ скопческое царство на Руси. Къ Селиванову сводится вся исторія скопчества, съ него она начинается и въ его жизни черпаетъ свой главный матеріалъ. У скопцóвъ нѣтъ священныхъ книгъ, а все передается на словахъ. Отъ Селиванова, отъ его имени, отъ его страданій, подобно лучамъ, расходится рядъ стихотворныхъ легендъ, такъ называемыхъ «распѣвовъ», въ которыхъ Петербургъ прославляется какъ Сіонъ, какъ «святой пресвѣтелъ градъ», Селивановъ—какъ мученикъ, пострадавшій за вѣру, и которые поются на сходбищахъ скопцовъ, называемыхъ радѣніями. Въ чемъ состоятъ эти радѣнія—это долго описывать въ подробности. Главнымъ образомъ, они заключаются въ томъ, что эти люди, такъ ложно понимающіе жизнь и ея требованія, сходятся вмѣстѣ, одѣваются въ длинные халаты, зажигаютъ свѣчи и, подъ пѣніе распѣвовъ, въ которыхъ воспѣваются «страды» Селиванова, начинаютъ быстро вертѣться въ óдиночку, сходиться накрестъ, двигаться плечо съ плечомъ, кружиться рядами и приходить, наконецъ, въ сильнѣйшій экстазъ. Вертясь все быстрѣе и быстрѣе, они впадаютъ въ полубессознательное состояніе, потъ льетъ съ нихъ ручьями, развѣвающаяся одежда иногда даже тушитъ свѣчи и тогда, посреди всеобщей усталости и полнаго душевнаго опьяненія, кто нибудь одинъ изъ сильно возбужденныхъ радѣющихъ начинаетъ изрекать безсмысленную связь словъ, съ механическимъ подборомъ риѳмъ, что̀ и составляетъ пророчество. Это состояніе опьяненія сами скопцы описываютъ очень характеристично: «то-то пивушко,—говорятъ они про радѣніе,—человѣкъ и не тѣлесными устами пьетъ, а пьянъ живетъ».

Внутреннему содержанію скопчества—странному и дикому—соотвѣтствуетъ обрядовая сторона, выражающаяся и въ радѣніяхъ, и въ извѣстнаго рода обычаяхъ и символахъ, составляющихъ неразлучную принадлежность замкнутаго скопческаго житья. Ему соотвѣтствуетъ, къ сожалѣнію, въ большей и высшей степени и вся личная жизнь скопца. Извѣстно, что природа не прощаетъ нарушенія своихъ законовъ и давно уже высказана та истина, что человѣкъ, главнымъ образомъ, потому несчастливъ, что забываетъ про законы природы. Это выраженіе всего болѣе примѣнимо къ скопцамъ. Вслѣдъ за оскопленіемъ начинается измѣненіе оскопленныхъ

въ физическомъ отношеніи: они хирѣютъ, въ нихъ перестаетъ обращаться съ прежней живостью кровь, лицо дѣлается блѣднымъ и опухлымъ, въ движеніяхъ видны безсиліе и усталость, является отсутствіе аппетита, прекращается всякая растительность на бородѣ и усахъ,—однимъ словомъ, является совокупность тѣхъ признаковъ, которыми, по общему народному убѣжденію, характеризуется личность скопца. Поэтому мнѣ незачѣмъ описывать типъ скопца,—онъ слишкомъ извѣстенъ, онъ слишкомъ опредѣленный типъ, чтобы нуждался еще въ какомъ либо описаніи. Произведенныя въ послѣднее время изслѣдованія надъ физическимъ состояніемъ скопцовъ,—преимущественно нашимъ извѣстнымъ ученымъ Пеликаномъ,—показали, что даже самыя кости скопца измѣняются подъ вліяніемъ оскопленія, совершеннаго въ раннихъ лѣтахъ, что онѣ пріобрѣтаютъ размѣръ гораздо ближе подходящій къ костямъ женщинъ. Вообще, приближаясь по своему виду къ женщинѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, скопцы утрачиваютъ и всѣ хорошія свойства мужчины. Такимъ образомъ, въ нихъ исчезаетъ мужество, прямодушіе, энергія, но при этомъ они не пріобрѣтаютъ и хорошихъ женскихъ свойствъ: въ нихъ нѣтъ ни мягкости характера, ни нѣжности, ни горячей любви, а все замѣняется сухостью въ обращеніи, крайней черствостью, отчужденіемъ отъ людей, сознаніемъ, что всѣ остальные люди имъ чужіе, что всѣ они стоятъ не на надлежащей дорогѣ,—сознаніемъ, что они отдѣлены отъ всѣхъ людей непроницаемой стѣной и что только въ помыслахъ объ искупителѣ Селивановѣ они могутъ находить утѣху. Среди «труждающихся и обремененныхъ», наполняющихъ общество, въ которомъ живутъ скопцы, они стараются пріурочивать себя къ такому дѣлу, при которомъ безъ особаго труда получаютъ возможность забирать въ руки людей нуждающихся и—копить деньги,—одну изъ немногихъ утѣхъ, оставшихся имъ въ жизни. Занятіе ихъ преимущественно мѣняльная торговля и биржевыя операціи. Вы, конечно, знаете, что занятіе мѣняльной торговлей принадлежитъ, въ глазахъ народа, къ одному изъ присущихъ скопцамъ признаковъ. Жизнь ихъ—скучная, мрачная, сухая, черствая, безъ любви и ея радостей,—проходитъ въ занятіяхъ преимущественно мѣняльной торговлею и въ радѣніяхъ. Но иногда однообразіе этой жизни и, къ сожалѣнію, довольно часто, нарушается явленіями радостными, свѣтлыми. Это пріемъ новыхъ членовъ въ секту.

Ни одна секта, какъ это замѣчено изслѣдователями нравственной стороны скопчества,—и въ этомъ они сходятся съ учеными изслѣдователями физической стороны скопчества,—ни одна секта не отличается такимъ страстнымъ стремленіемъ къ вербованію себѣ адептовъ, ни въ одной сектѣ не существуетъ такой радости, такого стремленія пожертвовать всѣмъ, чѣмъ можно, чтобы только пріобрѣсти лишняго человѣка и отнять его у дѣйствительной жизни. Для этого скопцы не останавливаются ни предъ чѣмъ: обѣщанія, ласки, подкупъ взрослыхъ, угрозы и насилія надъ малолѣтними и въ широкомъ смыслѣ пользованіе невѣжествомъ, неграмотностью, бѣдностью

народа—все это пускается въ ходъ и служитъ для того, чтобы завербовать себѣ новыхъ товарищей по увѣчью. Эта-то сторона скопчества и представляется самою главною и опасною. До сихъ поръ не опредѣлено, да трудно и опредѣлить, что̀ руководитъ скопцами въ этомъ отношеніи. Едва ли можно думать, что одно только желаніе пріобщить другихъ къ предполагаемому «скопческому» вѣчному блаженству заставляетъ ихъ пріобрѣтать сообщниковъ. Я думаю, и этого же мнѣнія держатся многіе изслѣдователи скопчества, что здѣсь кроется болѣзненное желаніе видѣть около себя побольше такихъ людей, какъ они сами, съ которыми бы можно было раздѣлить тягости своего существованія, раздѣлить это отсутствіе всякихъ радостей, эту безцвѣтность жизни. Въ такихъ случаяхъ, какъ я сказалъ, скопцы выказываютъ замѣчательную дѣятельность и обыкновенно выдѣляютъ изъ себя извѣстную группу людей, которые преимущественно занимаются подобнаго рода дѣлами. Для того, чтобы явиться распространителемъ скопчества, чтобы привлекать въ скопческую ересь возможно большее количество людей изъ міра, нельзя быть скопцомъ вполнѣ: отъ скопца всякій будетъ сторониться. Скопецъ не можетъ, по самому существу своему, по своей отчужденности отъ міра, представить такъ живо, такъ заманчиво всѣ прелести скопчества, сопоставивъ ихъ съ огорченіями, причиняемыми житейскою «лѣпотою», не можетъ указать такъ ясно на тотъ вредъ, на ту опасность, которую представляетъ женщина. Для этого нуженъ человѣкъ, который самъ стаивалъ бы въ такомъ опасномъ положеніи,—такой человѣкъ съ бо̀льшей энергіей будетъ обращать въ скопчество, такой совратитель подвергнется меньшей опасности, если онъ будетъ открытъ, потому что въ явно принадлежащемъ къ сектѣ всегда естественнѣе и предполагать, что онъ хочетъ распространять секту. Но когда онъ является неоскопленнымъ, тогда власть невольно призадумается,—явится мысль, что если человѣкъ самъ не вкусилъ скопчества, то зачѣмъ онъ будетъ совращать другихъ въ эту ересь? Наконецъ, попадаютъ въ эту организацію по большей части люди бѣдные. Пріобщаясь къ скопчеству и получая на руки деньги — эти люди могутъ быть весьма полезными распространителями печальнаго ученія. Они неоскоплены, энергіи у нихъ поэтому много,—они бѣдны—и потому деньги могутъ послужить хорошимъ орудіемъ для обращенія ихъ въ рабство, во имя и во славу «батюшки-искупителя». Мнѣ могутъ сказать, что это только предположенія. Къ сожалѣнію, это не предположенія. Я думаю, что самъ защитникъ не откажется подтвердить, что на эту сторону указываютъ всѣ изслѣдователи скопчества. Наконецъ, лучше всего указываетъ на это самая жизнь. Мы знаемъ, что скопчество располагаетъ не только агентами, которые далеко не всѣ бываютъ оскоплены,—но мы знаемъ, что даже глава современнаго скопчества, который по вліянію равняется почти съ Селивановымъ, который былъ его преемникомъ въ этомъ отношеніи, извѣстный моршанскій купецъ Плотицынъ, скопившій милліоны, державшій въ своей власти цѣлый уѣздъ, глубокій и систематическій

распространитель скопчества,—при освидѣтельствованіи оказался неоскопленнымъ. При обсужденіи скопческихъ дѣлъ всегда нужно имѣть въ виду, что въ средѣ скопчества бываютъ лица, которыя, вполнѣ раздѣляя это ученіе, страха ради іудейскаго или по тѣлесной слабости, не рѣшаются оскопиться, но дѣлаются только ревностными и хорошими проводниками скопчества, и они-то и представляются наиболѣе опасными членами этой секты.

Я кончилъ тотъ необходимый, краткій очеркъ, который хотѣлъ вамъ представить. Онъ, конечно, не полонъ, но основныя черты его, смѣю думать,—вѣрны. Мнѣ однако думается, что необходимо обратиться еще къ одной мысли, которая можетъ быть, будетъ высказана въ вашей средѣ, г-да присяжные, при всестороннемъ обсужденіи настоящаго дѣла. Могутъ сказать, что преслѣдованіе сектъ, подобныхъ скопческой, является нарушеніемъ свободы совѣсти, что у человѣка, какъ бы онъ ни былъ связанъ съ государствомъ, какъ бы тѣсно ни соприкасался съ обществомъ, въ которомъ живетъ, должна быть извѣстная область душевной свободы, въ которую никто не имѣетъ права заглядывать и не долженъ вторгаться,—область, вступая въ которую, общество и государство должны складывать оружіе и являться, въ крайнемъ случаѣ, только наблюдателями. Могутъ сказать, что человѣкъ воленъ бороться съ грѣховными побужденіями тѣми средствами, которыя ему кажутся наилучшими, лишь бы они не затрогивали интересовъ другихъ людей. Но, гг. присяжные засѣдатели, если бы дѣло шло о преслѣдованіи тѣхъ 58 чухонъ, о которыхъ говорилось въ прочитанныхъ здѣсь письмахъ Горшкова,—тѣхъ, которыхъ неразуміе, невѣжество, нищета, бѣдность, скудость природы и тяжкія семейныя условія толкнули въ скопчество, которые сами не вѣдали, что́ творятъ, давая себя оскопить,—то эти соображенія могли бы имѣть мѣсто, какъ призывъ къ особому снисхожденію къ жертвамъ фанатическаго заблужденія. Если бы дѣло шло о зрѣломъ человѣкѣ, который сознательно и свободно, обдуманно и спокойно, по чувству искренней вѣры, оскопилъ себя—можно бы говорить объ этой неприкосновенной области и спорить относительно ея границъ. Но тамъ, гдѣ дѣло идетъ о ***распространеніи*** скопчества, о сознательномъ вовлеченіи въ эту секту слабыхъ людей, придавленныхъ судьбою или не обладающихъ здравымъ разумѣніемъ, тамъ слово «свобода совѣсти» является только громкимъ словомъ, которымъ можно злоупотреблять безъ всякой пользы для разъясненія дѣла. Притомъ, скопчество вовсе не является исключительно религіознымъ ученіемъ, противнымъ православію. На это уже достаточно указываетъ то, что оно одинаково распространяется не только между православными, но и между лютеранами—финнами. Оно является, по способамъ своего распространенія, по средѣ, въ которой оно вербуетъ своихъ вольныхъ и невольныхъ приверженцевъ,—ученіемъ противообщественнымъ. Намъ извѣстно, что христіанство у скощовъ на заднемъ планѣ,—напротивъ того, отчужденіе отъ ближняго, отпаденіе отъ общества, отрицаніе семьи, которая есть

основаніе общества—вотъ что стоитъ на первомъ планѣ. Это ученіе скорѣе всего направлено противъ общества, а не противъ религіи.

Посмотрите, среди кого распространяется скопчество, на кого оно старается дѣйствовать. Опять я сошлюсь на этихъ 58 чухонъ, дѣло о которыхъ разбиралось въ Петербургскомъ Окружномъ Судѣ два года назадъ. Вы знаете ту унылую, суровую и скудную природу, среди которой живутъ эти люди: кочковатыя болота, кривыя березы, мхи, жалкій климатъ—все это при экономической придавленности и неразвитости, при вопіющей нерѣдко бѣдности—ложится на нихъ тяжелымъ бременемъ, дѣлаетъ ихъ жизнь горькою. И вотъ тутъ, гдѣ религіозное развитіе слабо, гдѣ семья скорѣе тягость, чѣмъ утѣшеніе, является скопчество. Но развѣ оно рисуетъ имъ лучшую жизнь и счастіе? Нѣтъ, нисколько. Да этого и не нужно! Зачѣмъ говорить о будущемъ, какимъ его представляетъ Селивановъ, а не прямо указать на тѣ средства, которыя можно получить, если перейти въ скопчество, на возможность получить лошадь, корову, на возможность женѣ одѣться, дѣтямъ не голодать. И вотъ, совращеніе совершено. Затѣмъ посмотрите на другую среду, въ которой распространяется скопчество. Это—дѣти, существа, которыя зависимы, неразвиты, нерѣдко ничего не понимаютъ. Они стоятъ въ полной зависимости отъ родительской власти, особенно при тѣхъ условіяхъ, въ которыя поставлена родительская власть въ низшемъ слоѣ населенія. Можно зачастую совершенно безопасно и невозбранно насиловать ихъ, вовлекая въ скопчество и губя ихъ еще не сложившуюся жизнь. Вотъ почему я полагаю, что не въ самоскопленіи, не въ принадлежности къ скопчеству, не въ этой жалкой приверженности къ скаканію и пѣнію риѳмованнаго набора словъ состоитъ зло скопчества, а въ его силѣ распространенія, въ стремленіи его вербовать... Это и не мой только личный взглядъ. Наше высшее судебное учрежденіе, Кассаціонный Сенатъ, обратилъ вниманіе на скопческую секту и вотъ какъ онъ о ней говоритъ: «государство не можетъ допускать организаціи обществъ, употребляющихъ для достиженія своей цѣли средства, противныя нравственности и общественному порядку, хотя бы такія общества и прикрывались религіозными побужденіями; въ скопческой же ереси ясно преобладаетъ противуобщественный элементъ, а элементъ религіозный представляетъ совершенное извращеніе не только православія, но христіанской вѣры вообще». Въ виду этихъ словъ высшаго судебнаго учрежденія, въ виду тѣхъ условій скопчества, на которыя я указалъ, мнѣ кажется, что возраженіе, будто распространенію скопчества не надо полагать твердыхъ предѣловъ, не имѣетъ—правильнаго, основанія. Обращаюсь собственно къ существу настоящаго дѣла.

Первый вопросъ по существу дѣла заключается въ томъ, *могъ ли Горшковъ не знать, что его сынъ оскопленъ?* Можно ли было это сдѣлать безъ его вѣдома и справедливъ ли разсказъ его сына? Полагаю, что разсказъ этотъ совершенно несправедливъ. Разберемъ, въ чемъ онъ состоитъ,—кстати разберемъ и разсказъ матери. «Пошли

на богомолье, отсталъ, подошелъ неизвѣстный солдатъ, предложилъ пряникъ, я съѣлъ пряникъ, упалъ безъ чувствъ, проснулся—отрѣзаны ядра; пошелъ въ Курскъ, встрѣтилъ на рынкѣ мать; пріѣхавъ въ Петербургъ, отцу ничего не говорилъ, чрезъ два года поѣхалъ въ Курскъ, тамъ судился и, пріѣхавъ, привезъ отцу копію приговора». Вотъ сущность его разсказа. Но стоитъ немножко вдуматься въ операцію оскопленія, чтобы понять, что этотъ разсказъ неправдоподобенъ. Не говоря о томъ, что то, что разсказываетъ молодой Горшковъ Курской Уголовной Палатѣ, невѣроятно съ физической стороны, оно невѣроятно и съ нравственной стороны. Оскопить такимъ образомъ человѣка вдругъ, ни съ того, ни съ сего — это невозможно. Оскопить человѣка для того только, чтобы оскопить, значитъ совершить дѣяніе безъ смысла и цѣли, даже со скопческой точки зрѣнія. Скопцы стремятся къ тому, чтобы пріобрѣсть людей, которые сознательно принадлежали бы къ скопчеству или, по крайней мѣрѣ, выросли бы въ немъ. Поэтому, оскопленію чуждою рукою взрослаго человѣка всегда предшествуетъ извѣстное внутреннее соглашеніе,—всегда тотъ, кто оскопленъ, еще до оскопленія духовно сливался съ скопчествомъ,—но онъ былъ слабъ, онъ былъ нерѣшителенъ относительно «принятія печати» и въ этомъ ему помогла посторонняя рука. Если же это дѣти, то, безъ сомнѣнія, рядъ внушеній, приказаній и принужденій предшествуетъ этому акту—безсмысленному и безчеловѣчному. Оскопить несчастнаго ребенка, накормивъ его какимъ-то пряникомъ, и затѣмъ потерять его изъ виду—развѣ не все равно, что отрѣзать человѣку носъ или отрубить руку во время сна? Вѣдь это будетъ только увѣчье, которое само по себѣ не имѣетъ ничего общаго съ ученіемъ скопчества. Посмотрите на эту операцію съ физической стороны. Каждому лицу мужского пола извѣстно, какъ чувствительны половые органы, какъ мало-мальски сильный толчокъ въ нихъ причиняетъ жестокія боли, а болѣе сильный можетъ вызвать смерть. Всякое насиліе надъ этими органами должно причинять тяжкія страданія, всякій разрѣзъ, произведенный грубо и торопливо, долженъ произвести сильную потерю крови, привести человѣка въ ужасное нервное состояніе, долженъ почти совершенно парализировать его движенія. Сначала человѣкъ оскопленный не только не будетъ мочь идти, но долгое время будетъ на одномъ мѣстѣ истекать кровью и только чрезъ значительный промежутокъ времени будетъ имѣть возможность кое-какъ двигаться. Между тѣмъ, мы видимъ тутъ ребенка, мальчика, который на утро послѣ оскопленія всталъ и явился въ Курскъ. Онъ выздоровѣлъ такъ скоро, что чрезъ двѣ недѣли, а мать даже говорила—чрезъ одну недѣлю, его везутъ въ Петербургъ, и притомъ не по желѣзной дорогѣ, а со всѣми неудобствами былого времени, въ тарантасѣ или на перекладной до Москвы. По прибытіи его въ Петербургъ тамъ тоже никто не замѣчаетъ его страданій, никто не видитъ, что съ нимъ сдѣлалось. Но припомните анатомическое строеніе половыхъ органовъ: сколько въ нихъ кровеносныхъ сосудовъ, какъ чувствительны эти органы. Если

ужъ обыкновенная рана нерѣдко вызываетъ сильныя страданія, сопровождается большимъ истощеніемъ вслѣдствіе потери крови и заживаетъ медленно, то рана, нанесенная въ такую часть тѣла, гдѣ скопляются кровеносныя сосуды, скоро, на другой день не заживетъ и не закроется. Поэтому и съ физической стороны заявленіе Горшкова несправедливо.

Заявленіе матери его еще менѣе правдиво. Эта мать, узнавъ изъ словъ сына, что его «испортили», не полюбопытствовала даже узнать, что̀ именно съ нимъ сдѣлалось, не занялась его лѣченіемъ, не разспросила его, а просто сказала какой-то неизвѣстной Пелагеѣ Ивановой, которая чѣмъ-то и примачивала Василію больное мѣсто. Но отчего же по пріѣздѣ въ Петербургъ она не заявила объ этомъ мужу? Отчего она не заявила никому на мѣстѣ? Вѣдь въ ней должно было прежде всего заговорить материнское чувство... Вѣдь тутъ на первомъ планѣ вредъ, болѣзнь, горе, причиненное сыну. Тутъ произошло липеніе на всю жизнь одной изъ существенныхъ способностей, и она, женщина въ лѣтахъ, не могла этого не понимать. Она должна была быть лично огорчена и убита всѣмъ, сдѣланнымъ съ ея сыномъ. То, что̀ произошло съ нимъ, въ самой вялой и апатичной матери, – если только она мать дѣйствительно,—должно было возбудить негодованіе, слезы... Она должна была идти въ полицію, жаловаться, заявить, тѣмъ болѣе, что все случилось тутъ же, около, на мѣстѣ. Допустимъ, наконецъ, что она, какъ женщина, подъ вліяніемъ горя, потерялась, не нашлась, что̀ сдѣлать. Но у нея есть мужъ, человѣкъ дѣловой, энергическій; онъ бывшій управляющій богатаго помѣщика, который имѣетъ связи, онъ пойдетъ къ нему, попроситъ помощи, содѣйствія, заступничества, подниметъ на ноги полицію, и тогда розыщутъ лихого человѣка, тогда за сына отомстятъ. Однако, она молчитъ передъ мужемъ. Она, по ея словамъ, боялась, что онъ забранитъ ее. За что же забранитъ? За то, что неизвѣстный человѣкъ оскопилъ ея сына, котораго оттѣснила отъ нея толпа на крестномъ ходу. Есть ли тутъ сколько нибудь здраваго смысла? Поэтому разсказъ Горшковой лживъ. Но такой разсказъ встрѣчается очень часто. Я нарочно здѣсь спрашивалъ одного изъ скопцовъ о томъ, какъ его оскопили, и онъ намъ разсказалъ такую же исторію, которая повторяется всѣми: это старая исторія, но въ устахъ скопцовъ она всегда остается новою. «Солдатъ шелъ... далъ напиться... упалъ... заснулъ... отрѣзалъ... не помню какъ... проснулся... пошелъ домой... никому не заявилъ... боялся...» Разсказъ этотъ не такъ простъ, какъ кажется съ перваго раза, онъ является результатомъ опредѣленной системы дѣйствій и отражается въ цѣломъ рядѣ судебныхъ приговоровъ старыхъ судовъ, что доказываетъ напр., и дѣло Маслова, на которое я ссылался. Скопцы не могутъ страдать *всѣ* за участіе въ оскопленіи того или другого лица, имъ необходимо сплотиться и держаться крѣпче другъ за друга, для этого нужно принести одну, общую за всѣхъ, жертву, выставить кого нибудь одного изъ своихъ, и въ этомъ отношеніи у нихъ существуетъ осо-

бая система дѣйствій. Всякій изслѣдователь скопчества, всякій юристъ, знакомый съ дѣлами старыхъ временъ, скажетъ вамъ, господа присяжные, что по временамъ въ той или другой мѣстности Россіи, преимущественно въ Орловской или Курской губерніяхъ, появлялись люди, которые, заявляли, что они оскоплены, показывали на извѣстное лицо, которое иногда даже являлось вмѣстѣ съ ними и принимало на себя вину совершенія надъ ними оскопленія. По большей части это бывалъ какой нибудь отставной солдатъ, дотолѣ питавшійся подаяніемъ. Лицо это сажали въ острогъ, и тогда-то начинали слетаться со всѣхъ концовъ «бѣлые голуби», заявляя, что они были оскоплены, что ихъ оскопилъ при такихъ-то обстоятельствахъ какой-то неизвѣстный солдатъ. Обстоятельства эти всегда были одни и тѣ же. «Шелъ... напоилъ... оскопилъ ..» и т. д. Имъ показывали содержавшагося въ острогѣ и онъ чистосердечно, иногда со слезами, сознавался, что дѣйствительно онъ оскопилъ всѣхъ этихъ лицъ. Скопцы эти прибывали цѣлыми массами, такъ что наконецъ цѣлое стадо этихъ «бѣлыхъ овецъ» собиралось вокругъ этого злого волка, который ихъ изувѣчилъ... Его ссылали въ Сибирь, а ихъ, какъ невинно оскопленныхъ, оправдывали. Эту систему можно съ очевидностью прослѣдить по дѣлу Маслова. Оно началось въ 1865 г. 16 марта 1865 года къ судебному слѣдователю города Курска явились три лица и заявили, что они оскоплены солдатомъ Масловымъ; вмѣстѣ съ ними явился и самый солдатъ Масловъ и сказалъ, что дѣйствительно онъ оскопилъ этихъ лицъ. Если вы будете перелистывать это огромное, лежащее нынѣ предъ вами, старое дѣло, то увидите постоянное повтореніе одного и того же протокола: явился такой-то, заявилъ, «что оскопленъ Масловымъ, Масловъ сознался въ томъ, что дѣйствительно оскопилъ это лицо», затѣмъ новоявившагося свидѣтельствовали, нашли малую печать,—отдали на поруки и т. д. Потомъ явился другой, третій, и всего набралось—114 человѣкъ!! Ихъ всѣхъ въ промежутокъ года съ небольшимъ успѣлъ оскопить, по собственному признанію, Масловъ... Такимъ образомъ, набравъ на себя грѣхи 114 скопцовъ, онъ отправился въ Сибирь,—не пострадавъ сильнѣе отъ этого принятія на себя не одного, а цѣлой сотни оскопленій потому, что наказаніе за оскопленіе полагается одно и то же, не взирая на число оскопленныхъ. Всѣ заявившія лица сдѣлались свободными отъ суда и получили въ томъ удостовѣреніе. Въ числѣ этихъ лицъ былъ Василій Горшковъ. Людей въ родѣ Маслова было въ послѣдніе годы нѣсколько. Предъ Масловымъ былъ въ томъ же Курскѣ Черновъ или Черныхъ, на котораго, какъ на оскопителя, сегодня передъ вами сослался одинъ изъ свидѣтелей скопцовъ. Онъ повинился, по вышеприведенному способу, въ 106 оскопленіяхъ;—Маслова смѣнилъ нынѣ въ курскомъ острогѣ новый великодушный охранитель скопчества—Ковыневъ. Такимъ образомъ, разсказъ Василія Горшкова представляется совершенно соотвѣтствующимъ этой системѣ.

Тѣхъ ссылокъ, которыя я сдѣлалъ на дѣло Маслова, достаточно

для того, чтобы признать, что разсказъ Василія Горшкова и матери его несправедливъ. Тогда остается одинъ выводъ: онъ оскопленъ не Масловымъ и оскопленъ не при матери, въ Курскѣ. Но если такъ, то гдѣ же онъ оскопленъ? Ему было 11 лѣтъ,—онъ только разъ отлучался съ матерью въ Коренную пустынь, а все время жилъ въ Петербургѣ, при отцѣ. Нельзя же допустить, чтобы 11-ти-лѣтній мальчикъ отлучался одинъ на долгое время изъ Петербурга. Вы слышали изъ обвинительнаго акта, что по словамъ Горшкова, онъ первоначально узналъ объ оскопленіи сына тогда лишь, когда сынъ предъявилъ ему приговоръ Палаты, т. е. въ 1866 году. Здѣсь на судѣ онъ измѣнилъ это показаніе и говоритъ, что онъ узналъ объ этомъ отъ жены, когда сынъ ушелъ съ Пелагеею искать «того человѣка». Это измѣненіе совершенно понятно, потому что иначе ему пришлось бы утверждать, что сынъ его, 13-ти-лѣтній ребенокъ, безъ вѣдома отца ѣздилъ одинъ въ Курскую Уголовную Палату для выслушанія приговора и дачи показанія. Но слишкомъ несообразно съ здравымъ смысломъ допустить, чтобы 13-ти-лѣтній ребенокъ одинъ поѣхалъ въ Курскъ выхлопатывать себѣ обвинительный или оправдательный приговоръ. Василій Горшковъ все время до полученія приговора и потомъ года три жилъ въ Петербургѣ, и жилъ при отцѣ. Это мы знаемъ изъ дѣла и изъ свидѣтельскихъ показаній. Но если онъ не оскопленъ въ Курскѣ, то онъ нигдѣ не могъ быть оскопленъ кромѣ Петербурга.

Если допустить, что его оскопили въ Курскѣ, то невольно приходится спросить себя,—какъ могло укрыться отъ отца, что онъ оскопленъ, что онъ, особенно первое время по пріѣздѣ изъ Курска, страдаетъ? Какъ онъ могъ скрыть это отъ отца, съ которымъ жилъ, отъ тѣхъ дѣтей, съ которыми бѣгалъ, какъ могъ онъ скрыть это въ банѣ, въ которую являлся съ отцомъ? Это невозможно. Онъ не могъ бы скрыть слѣды заживавшей раны, не могъ бы скрыть ту неровную походку, которая присуща скопцамъ. Мы должны предположить отсутствіе у отца его всякой наблюдательности, всякаго вниманія къ сыну, всякаго отцовскаго чувства, когда онъ не замѣчаетъ, что у малолѣтняго сына, при наступленіи зрѣлости, голосъ не становится мужественнымъ, а дребезжитъ и дѣлается скопчески-пискливъ, когда онъ не замѣчаетъ, что вмѣсто того, чтобы, возрастая, румянѣть и цвѣсти, сынъ дѣлается хилымъ, вялымъ и худѣетъ, что глаза его не блестятъ, походка шатка и неровна и, наконецъ, что у сына нѣтъ ни дѣтской веселости, ни шалостей, ни юношескаго задора. Всего этого отецъ не могъ не замѣтить, а если онъ не могъ этого не замѣтить, то онъ и не могъ не знать, что сынъ его оскопленъ. Если же мы допустимъ, что онъ не могъ этого не знать и признаемъ, что сынъ былъ оскопленъ не въ Курскѣ, то слѣдуетъ признать, что совершить оскопленіе 11-ти-лѣтняго сына богатаго и энергическаго человѣка въ Петербургѣ невозможно безъ вѣдома этого человѣка. Какъ можно, безъ вѣдома отца, нравственно оторвать ребенка отъ семьи и внѣдрить въ него скопческія мысли,—какъ можно

оскопить его,—незамѣтно, неслышно для отца? Таковъ отвѣтъ на первый вопросъ. Притомъ, мы знаемъ изъ показаній Васильева, данныхъ здѣсь на судѣ, вдали отъ маіора Ремера, котораго онъ будто бы такъ боялся прежде, и вблизи отъ присяги, которой онъ такъ боится теперь,—что малолѣтній Горшковъ проговаривался, что онъ оскопленъ, и говорилъ что-то такое о распѣвцахъ и о радѣніяхъ. Но если онъ зналъ о радѣніяхъ, то, значитъ, онъ ихъ и посѣщалъ. Но могъ ли 12—13-ти-лѣтній ребенокъ посѣщать радѣнія, которыя бываютъ ночью,—безъ вѣдома отца, потихоньку, самовольно? Могъ ли отецъ не знать о томъ, что сынъ испыталъ, что такое радѣніе?!

Второй вопросъ состоитъ въ томъ: *чуждъ ли Григорій Горшковъ скопческой секты?* Дѣйствительно ли онъ относится къ ней съ тѣмъ отвращеніемъ, съ какимъ, по словамъ жены, относился къ своему сыну, узнавъ, что его оскопили... Я думаю, что если мы посмотримъ хорошенько на дѣло, то найдемъ въ немъ нѣсколько такихъ краснорѣчивыхъ фактовъ, изъ которыхъ съ ясностью увидимъ, что этотъ Горшковъ, который чуждается скопчества и гнушается родного сына, является ревностнымъ комиссіонеромъ скопцовъ, внимательнымъ корреспондентомъ ихъ, что онъ имъ сочувствуетъ и принимаетъ ихъ судьбы близко къ сердцу, однимъ словомъ—лицомъ, которое въ своей дѣятельности близко подходитъ къ скопцамъ. Вы знаете исторію скопчества. Здѣсь находится портретъ Александра Шилова, который считается предтечей «искупителя» Селиванова. Портретъ этотъ есть святыня скопчества, скопцы его чтутъ какъ образъ, какъ предметъ священный, и такъ какъ у нихъ стараются отбирать подобные портреты, то полученіе его для своего дома для скопца составляетъ извѣстнаго рода цѣнное пріобрѣтеніе. И вотъ, мы видимъ, что заказывать такой портретъ является Григорій Горшковъ. Хотя сначала Горшковъ отрицалъ это обстоятельство, но потомъ, когда ему были предъявлены заказныя книги, когда Кутилины уличили его въ глаза, то онъ сознался, что заказывалъ такой портретъ. Такой же точно портретъ со штемпелемъ Штейнберга найденъ въ Казанской губерніи, въ Кадникахъ, у штурманскаго штабсъ-капитана Невѣрова. Вы слышали здѣсь протоколъ допроса Невѣрова. Я думаю, что изъ этого допроса рисуется личность скопца отъ головы до ногъ. Тутъ все скопческое: и его исторія, которая состоитъ въ томъ, что на него постоянно и повсюду доносили, что онъ скопилъ мальчиковъ,—и въ томъ, что онъ самъ донесъ на умершую уже мать свою, обвиняя ее въ своемъ оскопленіи,—и та обстановка, которая его окружаетъ. Эта обстановка очень характеристична: тутъ и сухіе крендельки, тщательно сберегаемые, которые нѣкоторыми изслѣдователями скопчества считаются скопческимъ причастіемъ, тутъ и сухая земля, будто бы для протиранія очковъ, тоже внимательно хранимая, тутъ и всевозможныя скопческія картины и книжки, и «распѣвцы», и выписки изъ исторіи скопчества въ 8 томѣ исторіи раскола Варадинова, тутъ, наконецъ, портретъ Петра III, котораго скопцы отождествляютъ съ Селивановымъ... Посреди этой обстановки

70-ти-лѣтній скопецъ. У этого лица находятъ портретъ Шилова, который, по его словамъ, онъ купилъ въ Петербургѣ въ 1850 году, а можетъ быть и въ 1860 году, въ какой-то фотографіи за 3 руб. сер., потому что этотъ портретъ ему понравился. Изъ собственнаго его показанія видно, въ какой обстановкѣ онъ живетъ, какъ скупо обставилъ онъ себя, какъ бережетъ онъ разорванный, замасленный кошель, въ который, «неизвѣстно откуда», попала вата и узда. Мы знаемъ, что онъ, 70-ти-лѣтній болѣзненный старикъ, еще ищетъ въ Казани работы по постройкѣ баржъ... Неужели такой человѣкъ броситъ 3 р. за портретъ неизвѣстнаго лица? Да и чѣмъ же ему понравился этотъ портретъ? Вѣдь Кутилинъ очень оригинально говоритъ, что онъ взялъ со Скворцова дороже, потому что портретъ былъ *очень отвратителенъ!* Вы видѣли портретъ—и признаете, что особой привлекательности онъ не представляетъ. Зачѣмъ же, наконецъ, онъ пошелъ въ фотографію къ художнику Штейнбергу? Почему онъ знаетъ, что въ этой фотографіи есть такой портретъ? И зачѣмъ Штейнбергъ будетъ держать для продажи подобные портреты? Много ли такихъ Невѣровыхъ, которымъ можетъ нравиться такая отвратительная, по мнѣнію Кутилина, картина? Скорѣй всего онъ долженъ былъ купить такой портретъ потому, что зналъ, чей онъ. Но Кутилины говорятъ, что у нихъ Невѣровъ не бывалъ, и что не Невѣровъ взялъ портретъ, а Горшковъ. Итакъ, между Невѣровымъ и Горшковымъ образуется связь посредствомъ портрета «предтечи» Шилова. Горшковъ, а не кто либо иной, могъ доставить Невѣрову этотъ портретъ. Такимъ образомъ, Горшковъ посылаетъ святыню, чтимую скопцами, «вѣдомому» скопцу Невѣрову, и падаетъ этому скопческому старцу «земно въ ноги со всею семьею своею», въ то время, когда сынъ его долженъ жить вдали отъ дома, въ отчужденіи отъ семьи, потому что Горшковъ гнушается имъ, презирая скопцовъ... Это первое... Далѣе—Горшковъ старается оправдаться, указывая на то, что хотя онъ и заказывалъ портретъ, но заказывалъ его въ качествѣ снимка, въ качествѣ копіи съ портрета родственника одного изъ знакомыхъ своихъ Леонова, и по его порученію. Но это объясненіе неудачно. Онъ ссылается на человѣка, который умеръ за годъ передъ этимъ. Ссылка на мертваго свидѣтеля всегда есть мертвая ссылка. И затѣмъ, на кого же онъ ссылается? Кто же этотъ Леоновъ?—Тоже скопецъ. Не странно ли, что человѣку, который не имѣетъ ничего общаго съ скопчествомъ, даются такія важныя порученія, исполненіе которыхъ имѣетъ для скопцовъ особое значеніе, потому что портретопочитаніе развито въ ихъ сектѣ очень сильно. Не странно ли, что скопецъ Леоновъ заказываетъ чрезъ Горшкова портретъ своего родственника и портретъ этотъ находится у скопца Невѣрова, который состоитъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Горшковымъ? Почему скопцы собираются въ лавку къ Горшкову и, смотря на портретъ, говорятъ: «да, это онъ»! Почему у него сходится это общество и устраивается эта временная выставка священной картины? Вѣдь онъ ничего общаго съ скопцами не имѣетъ. Онъ

говоритъ, что его сталкивали съ ними торговыя дѣла. Да, но когда человѣкъ сталкивается съ другими — ему ненавистными — людьми вслѣдствіе торговой дѣятельности, то онъ ею только и ограничивается. Вѣдь не торговыя дѣла заставляютъ Горшкова посылать портреты и не по торговымъ дѣламъ онъ ѣздилъ въ Константинополь и переписывался съ Невѣровымъ. Да и какія торговыя дѣла могъ имѣть онъ съ бѣднымъ отставнымъ штурманомъ, проживающимъ въ Кадникахъ? Итакъ, Горшковъ окруженъ скопцами, онъ является исполнителемъ ихъ порученій, не простыхъ, какъ, напр., покупка сахару или отсылка 10 рублей, а такихъ порученій, какъ воспроизведеніе и отсылка скопческой святыни. Что Горшковъ зналъ, что это дѣйствіе даже не совершенно безопасно, это намъ также извѣстно. Онъ сдѣлалъ выговоръ г-жѣ Кутилиной, когда она пріѣхала къ нему получать деньги, замѣтивъ ей, что нельзя посылать такую важную вещь съ кѣмъ либо а когда этотъ человѣкъ принесъ ему наканунѣ портретъ, то онъ сказалъ, что ничего не заказывалъ и что если г-жа Кутилина имѣетъ до него какое нибудь дѣло, то пускай сама пріѣдетъ къ нему.

Такимъ образомъ, Горшковъ является исполнителемъ опасныхъ, повидимому, порученій скопцовъ и, слѣдовательно, самъ подвергается изъ-за нихъ опасности, — изъ-за нихъ — изъ-за губителей своего сына! Посмотрите на его письма. Они чрезвычайно характеристичны, вездѣ въ нихъ проглядываетъ рабское отношеніе къ «почтенному старцу» Невѣрову; въ нихъ Горшковъ не просто сообщаетъ новости, а доноситъ о положеніи дѣлъ. Какъ истинный послѣдователь скопчества, онъ говоритъ въ нихъ далеко отсутствующему скопческому старцу, что «предстоитъ перемѣна погоды и очень скоро, потому что въ Москвѣ дѣла худы, а у насъ пока спокойно, но Богъ знаетъ, что будетъ дальше; вотъ въ Царскомъ Селѣ 65 чухонъ осудили старыхъ и малыхъ,—добра ожидать нечего».—Наконецъ онъ сообщилъ, куда онъ ѣздилъ: «ѣздилъ въ Одессу, Кіевъ и дальше, побывалъ и въ Константинополѣ, чтобы посмотрѣть на *тѣхъ людей,* на тотъ конецъ, если кому изъ нашихъ придется тамъ жить». Кто же это *тѣ люди?* Мы знаемъ, что въ Молдавіи и Валахіи есть колоніи русскихъ скопцовъ,—что еще въ прошломъ году въ газетахъ писалось о томъ, какое негодованіе возбуждало въ румынскомъ народѣ распространеніе скопчества въ его средѣ. Время поѣздки и краткость его ничего не значатъ. Чтобы посмотрѣть, *какъ живутъ*, не нужно изучать всѣ подробности. Если кто нибудь изъ близкихъ живетъ въ другой странѣ, то не для чего узнавать всѣ подробности его быта, а достаточно воспользоваться иногда проѣздомъ, задать при краткомъ свиданіи вопросъ: «что, братія, какъ живется, хорошо ли, легко ли, свободно ли?» И если братія единомысленна, то и краткій отвѣтъ съ ея стороны будетъ удовлетворителенъ. Что хорошо для *тѣхъ людей* въ Румыніи, то будетъ хорошо для тѣхъ же людей, которые, въ случаѣ надобности, прибудутъ изъ Россіи. Итакъ, гг. присяжные засѣдатели, вотъ каковъ Горшковъ въ отношеніяхъ своихъ

къ скопчеству. Затѣмъ слѣдуютъ нѣкоторые побочные признаки принадлежности къ сектѣ, мелкіе, почти неуловимые, какъ, напр., неупотребленіе мясной пищи во всемъ домѣ Горшкова, о чемъ единогласно говорили свидѣтели, какъ вы слышали изъ ихъ показаній, прочтенныхъ предъ вами. Если вы взглянете на этотъ домъ—безлюдный и мрачный—гдѣ никогда не ѣдятъ мяса, гдѣ служатъ сестры скопцовъ, гдѣ прозябаютъ придавленная страхомъ и трепетомъ жена и оскопленный сынъ—и въ пользу хозяина котораго являются свидѣтельствовать съ своимъ вѣчнымъ «не помню» и «не знаю» свидѣтели, всѣ служащіе у него,—то, быть можетъ, вы признаете существованіе скопческаго оттѣнка и на внутреннемъ бытѣ Горшкова.

Отвѣтъ на второй вопросъ, мнѣ кажется, можетъ быть только одинъ. Горшковъ тѣсно связанъ со скопчествомъ, онъ сочувствуетъ ему, боязливо слѣдитъ за его судьбою и находится въ тѣсныхъ, живыхъ и прочныхъ сношеніяхъ со скопцами. Вѣрный исполнитель ихъ важныхъ порученій, онъ служитъ въ своихъ письмахъ для отсутствующихъ скопцовъ точнымъ барометромъ, который показываетъ, когда на скопческомъ небѣ «облачно» и когда предстоитъ «перемѣна погоды». Комиссіонеръ, корреспондентъ и другъ скопцовъ,—мѣняла по занятіямъ,—онъ въ то же время отецъ сына, оскопленнаго въ малолѣтствѣ...

Теперь остается разрѣшить третій вопросъ. Если этотъ человѣкъ таковъ, какимъ онъ представляется по его дѣйствіямъ, то *могло ли оскопленіе его сына произойти безъ его вѣдома и содѣйствія?* Если разсказъ сына объ оскопленіи, какъ я старался доказать, ложенъ, то подсудимый зналъ, *какъ* былъ оскопленъ его сынъ. Если бы онъ не былъ скопецъ въ душѣ, то онъ навсегда бы, съ негодованіемъ, отвернулся отъ окружавшихъ его скопцовъ. Если въ одинъ прекрасный день малолѣтній сынъ Горшкова, постоянно проживавшій при отцѣ въ Петербургѣ, оказывается оскопленнымъ; если разсказъ его объ оскопленіи неправдоподобенъ; если отецъ его не ропщетъ, не жалуется,—не негодуетъ на то, что его сынъ навѣки «испорченъ»; если онъ поддерживаетъ тѣсную связь съ лицами, изъ среды которыхъ вышли губители его сына; если, нимало не заботясь о судьбѣ исчезнувшаго сына, онъ такъ интересуется *тѣми людьми* и скорбитъ о предстоящихъ скопчеству опасностяхъ,—то мы можемъ сказать, что этотъ человѣкъ пожертвовалъ своимъ сыномъ для скопческаго дѣла. Для этого, для такого содѣйствія скопчеству, вовсе не нужно самому приложить ножъ къ тѣлу сына—это было бы слишкомъ ужасно,—достаточно, пользуясь своимъ отеческимъ положеніемъ—обѣщаніями, ласкою, угрозами, гнѣвомъ подѣйствовать на слабую, неопытную натуру мальчика, подчинить его безсознательную волю своей волѣ и предать его скопцамъ, готоваго и нравственно-убѣжденнаго для принятія малой печати, ни значенія, ни послѣдствій которой онъ не могъ понимать! Такимъ образомъ, я думаю, что одного этого свода соображеній было бы достаточно для признанія Горшкова виновнымъ въ совращеніи сына своего въ скопчество и въ содѣйствіи его оскоп-

ленію. Но есть еще другое обстоятельство, подтверждающее то же обвиненіе. Сынъ Горшкова исчезъ, и гдѣ онъ находится—неизвѣстно, исчезъ безслѣдно, быстро. Но когда же онъ исчезъ? Вскорѣ послѣ его оскопленія, послѣ лѣченія? Нѣтъ, онъ жилъ послѣ этого съ отцомъ и ежедневно бывалъ въ его лавкѣ восемь лѣтъ, не думая исчезать. Онъ исчезъ въ то время, когда въ началѣ марта прошлаго года у судебнаго слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ,—по сообщеніямъ, которыя были получены имъ изъ разныхъ мѣстъ, началось дѣло о скопцахъ. Дѣло это принимало широкіе размѣры, и Горшковъ не могъ не сознавать, что и ему можетъ грозить опасность; его имя еще не упоминалось, но вотъ-вотъ оно упомянется. Между тѣмъ, извѣстный изслѣдователь скопчества,—слѣдователь Реутскій, разъѣзжалъ по всей Россіи, сосредоточивая воедино скопческія дѣла и, бывъ у Невѣрова, производилъ у него обыскъ. При тѣхъ постоянныхъ сношеніяхъ, въ которыхъ находятся скопцы между собою, Горшковъ, конечно, зналъ объ этомъ, зналъ о портретѣ Шилова,—могъ предвидѣть, что его спросятъ,—возьмутся за его оскопленнаго сына и въ немъ, пожалуй, найдутъ грознаго обличителя отца... И вотъ сынъ его начинаетъ, съ начала слѣдствія, отлучаться подолгу изъ дому, не ночуя и гдѣ-то скитаясь, а наконецъ тогда, когда Горшкова 8 апрѣля призываютъ къ допросу, когда его привлекаютъ къ дѣлу,—сынъ его исчезаетъ. Но отчего же онъ исчезаетъ? Развѣ онъ боится за себя, что и его привлекутъ? Вѣдь онъ оправданъ, его оскопилъ Масловъ, онъ несчастный, а не виновный человѣкъ. Слѣдовательно, за себя ему бояться нечего и не себя онъ спасаетъ своимъ бѣгствомъ, своимъ исчезновеніемъ изъ Петербурга и, вѣроятно, изъ Россіи. Онъ былъ спасаемъ, можетъ быть, противъ воли. Кому интересъ въ его исчезновеніи? Интересъ его отцу, потому что когда не будетъ этого человѣка, тогда можно во многомъ не сознаваться; когда не будетъ того, который въ отчаяніи могъ сказать на судѣ своему отцу: «да, благодаря тебѣ меня оскопили, ты увлекъ меня такими-то обѣщаніями, такими-то угрозами» и т. д.;—когда на судѣ будутъ только однѣ безкровныя, блѣдныя фигуры явныхъ и тайныхъ скопцовъ и скопчихъ; когда они будутъ только говорить «не знаю», «не помню», тогда Горшкову будетъ легче оправдываться, чѣмъ при сынѣ, котораго скопческій видъ тяжкимъ укоромъ ляжетъ на немъ. Поэтому исчезновеніе—безслѣдное, неожиданное и совпадающее съ начатіемъ дѣла о Горшковѣ, является новою противъ него уликою.

На основаніи всего, что я изложилъ предъ вами, гг. присяжные засѣдатели, я обвиняю Горшкова въ томъ, что онъ совратилъ своего сына въ скопчество и содѣйствовалъ его оскопленію.

Въ заключеніе мнѣ остается сказать только нѣсколько словъ. Говорить о важности преступленія распространенія скопчества мнѣ нечего. Всякое вредное заблужденіе важно; когда же это вредное заблужденіе распространяется человѣкомъ, у котораго въ рукахъ относительно дѣтей власть родительская, а относительно прочихъ сла-

быхъ духомъ, несчастныхъ, голодныхъ и неразвитыхъ людей, которые его окружаютъ,—власть денежная, то оно становится не только важнымъ, но и опаснымъ. Защищая своихъ слабыхъ сочленовъ, общество должно ставить такому заблужденію препоны. Говорить о нравственной сторонѣ настоящаго дѣла тоже едва ли нужно. Я думаю, гг. присяжные засѣдатели, что вы, люди практической жизни, легко себѣ представите, что долженъ чувствовать тотъ человѣкъ, у котораго въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ отнята надежда на жизнь сообразно съ законами природы. Вы поймете, какъ тяжела судьба человѣка, который искалѣченъ и нравственно, и физически и притомъ помимо яснаго и свободнаго желанія,—для котораго нѣтъ уже возврата назадъ, нѣтъ возможности исправить нанесенный ему вредъ и который можетъ только оплакивать свое несчастье. Я полагаю, что вамъ станетъ ясно, какое злое дѣло совершилъ Григорій Горшковъ надъ своимъ сыномъ.

Онъ исказилъ его природу, онъ отторгнулъ сына отъ людей, онъ вложилъ въ его сердце скопческое отвращеніе отъ всего живого. Онъ лишилъ сына семьи и ея чистыхъ радостей, — онъ отнялъ у него то, чѣмъ, однако, считалъ себя въ правѣ самъ обладать: отнялъ счастіе быть отцомъ. Разбивъ его будущность и обезобразивъ тѣло— онъ пустилъ его на одинокое и безвѣстное скитаніе...

Человѣкъ, который все это сдѣлалъ, предъ вами, гг. присяжные засѣдатели, и вамъ предстоитъ рѣшить его судьбу...

VIII.

По дѣлу объ убійствѣ Филиппа Штрамъ.

1871 года 11-го сентября, въ 2 часа пополудни, полиціи дано было знать, что въ домѣ Ханкиной, по Средней Подъяческой улицѣ, на чердакѣ, принадлежащемъ квартирѣ № 4, вновь переѣхавшими въ эту квартиру жильцами усмотрѣнъ сундукъ, заложенный кусками гипса, запертый висячимъ замкомъ и издававшій сильный гнилостный запахъ.

По прибытіи въ домъ Ханкиной судебныхъ властей и полиціи оказалось что квартира № 4 находится во дворѣ, во второмъ, верхнемъ этажѣ, и состоитъ изъ трехъ комнатъ, кухни и коридора, раздѣленныхъ между собою тонкими досчатыми стѣнками. Квартира имѣетъ одинъ ходъ: черезъ кухню. Въ комнатѣ направо отъ кухни имѣется ходъ на чердакъ, принадлежащій исключительно къ этой квартирѣ и другого выхода не имѣющій. На чердакѣ найденъ деревянный сундукъ, а въ немъ сильно сгнившій трупъ неизвѣстнаго пожилого мужчины. Трупъ лежалъ на лѣвомъ боку, съ согнутыми въ колѣнкахъ и прижатыми къ передней части туловища ногами. Голова и туловище были обернуты простынею, шея крѣпко стянута ремнемъ; другой ремень, привязанный къ первому, обхватывая ноги, притягивалъ ихъ вверхъ. Трупъ былъ одѣтъ въ сгнившую и лопнувшую по швамъ одежду въ видѣ камзола, а на днѣ сундука лежалъ старый грязный сюртукъ. Близъ сундука найдена наволочка отъ перины съ кровяными пятнами. При врачебномъ осмотрѣ и вскрытіи, на головѣ трупа оказались три порубленныя раны, проникавшія сквозь черепныя кости. Одна изъ этихъ ранъ находилась на правой темянной кости, другая параллельно первой, на правой щекѣ, а третья шла отъ праваго уха вверхъ къ лобной кости. На тыльной поверхности кисти правой руки трупа находилась также порубленная рана, сопровождавшаяся раздробленіемъ трехъ костей. По заключенію судебнаго врача, смерть произошла отъ безусловно смертельныхъ ранъ на головѣ, и со времени убійства прошло отъ 3 до 6 недѣль. По соображеніи свойства поврежденій, найденныхъ на трупѣ, врачъ заключилъ, что всѣ раны, какъ на головѣ, такъ и на рукѣ трупа, нанесены однимъ и тѣмъ же орудіемъ, именно топоромъ, что на трупѣ не оказывается признаковъ сопротивленія, и что, наконецъ, шея была затянута ремнемъ уже послѣ смерти.

Подозрѣніе въ убійствѣ пало при самомъ началѣ слѣдствія на жену ревельскаго уроженца Елизавету Штрамъ и сына ея, мѣщанина Александра-Филиппа Штрамъ. Семейство это, пользовавшееся дурною репутаціею,

занимало квартиру № 4 до 18 августа 1871 года, при чемъ съ 7-го августа въ квартирѣ не было постороннихъ жильцовъ. При осмотрѣ трупа, дворникъ Ефимъ Ивановъ призналъ въ убитомъ—старика, часто посѣщавшаго Штрамъ, но съ начала августа болѣе не появлявшагося. По собраннымъ въ полиціи свѣдѣніямъ оказалось, что 10 августа все имущество Штрамъ было продано по исполнительному листу мирового судьи, а въ ночь съ 12-го на 13-е августа Александръ Штрамъ и личный почетный гражданинъ Эммануилъ Скрыжаковъ были задержаны полиціею съ книгою чековъ Общества Взаимнаго Кредита и девятью векселями на имя ревельскаго уроженца Филиппа Штрамъ. При слѣдствіи фортепіанный мастеръ Іоаннъ Тобіасъ удостовѣрилъ, что отобранные отъ Александра Штрамъ, при задержаніи его, векселя и книга чековъ принадлежатъ двоюродному его брату, ревельскому уроженцу, учителю Филиппу Штрамъ, и что онъ положительно признаетъ въ убитомъ Филиппа Штрамъ, объясняя при этомъ, что покойный былъ человѣкомъ состоятельнымъ, но скупымъ и что, пріѣзжая повременамъ въ Петербургъ, всегда останавливался въ квартирѣ жены родного брата своего Елизаветы Штрамъ. Проживавшая въ квартирѣ Штрамъ, въ началѣ 1871 года, прусская подданная Наркусъ признала принадлежащими Елизаветѣ и Александру Штрамъ, какъ сундукъ, въ которомъ найдено тѣло Филиппа Штрамъ, такъ и оказавшіяся при трупѣ простыню и наволочку отъ тюфяка. Розысканный полиціею, Эммануилъ Скрыжаковъ первоначально показалъ, что провелъ въ квартирѣ Штрамъ двѣ ночи, съ 8-го на 9-е и съ 9-го на 10-е августа, при чемъ видѣлъ у Александра Штрамъ и матери его книгу чековъ и векселя, принадлежавшіе, будто бы, отцу Штрамъ и былъ свидѣтелемъ попытокъ Елизаветы и Александра Штрамъ сбыть означенную книжку и что, находясь въ пріязненныхъ отношеніяхъ съ Александромъ, онъ далъ ему свой новый сюртукъ, а отъ него взялъ старый. Далѣе слѣдствіемъ было обнаружено, что векселя и книгу чековъ видѣли у Александра Штрамъ передъ задержаніемъ его, 12-го августа, финляндская уроженка Таленъ, дочери ея Александра и Амалія, Кобальскій, телеграфистъ Леонардовъ и бывшій студентъ Львовъ. Эти свидѣтели показали: Таленъ,—что Александръ Штрамъ неоднократно говорилъ, что будетъ богатъ, что у него есть богатый дядя, отъ котораго онъ получилъ наслѣдство; Леонардовъ,—что Александръ Штрамъ и Скрыжаковъ 10-е, 11-е и 12-е августа провели вмѣстѣ, въ его квартирѣ пьянствовали, показывали книжку чековъ и неоднократно уходили будто бы для того, чтобы заложить означенную книжку; Львовъ,—что во время сбыта книги чековъ Скрыжаковымъ и Штрамъ, первый изъ нихъ разсказывалъ, будто бы въ шутку, что Александръ Штрамъ совѣтовался съ нимъ, какимъ образомъ убить своего богатаго дядю; по обнаруженіи же убійства, Скрыжаковъ предупреждалъ свидѣтеля не болтать ничего о послѣднемъ разговорѣ, говоря, что иначе и его, Львова, притянутъ къ дѣлу. Кромѣ того, Львовъ, Леонардовъ, завѣдывавшій домомъ Ханкиной Венедиктовъ, дворникъ Ивановъ, переплетчикъ Кунтау и контролеръ по чекамъ Общества Взаимнаго Кредита Емельяновъ указывали на обстоятельства, свидѣтельствующія объ участіи въ дѣлѣ Елизаветы Штрамъ: 8-го августа Елизавета Штрамъ показывала книжку чековъ, говоря, что получитъ по ней деньги и заплатитъ долгъ за квартиру, а въ началѣ августа явилась въ Общество взаимнаго Кредита для полученія денегъ по книжкѣ чековъ Филиппа Штрамъ, но въ выдачѣ денегъ ей было отказано; во время сбыта упомянутой книги чековъ Александромъ Штрамъ, Елизавета Штрамъ до трехъ разъ ходила для свиданія съ нимъ на Смоленское кладбище.

Вслѣдствіе этого Елизавета и Александръ Штрамъ были розысканы въ Ревелѣ и доставлены въ С.-Петербургъ. При первоначальномъ допросѣ Александръ Штрамъ, сознаваясь въ убійствѣ, показалъ, что убилъ Филиппа Штрамъ на чердакѣ, въ отсутствіе матери, посредствомъ удара

гипсовымъ камнемъ, но когда разсказъ этотъ былъ опровергнутъ произведеннымъ на чердакѣ осмотромъ, Штрамъ изъявилъ желаніе открыть всю правду и объяснилъ, что убійство было задумано еще въ іюнѣ 1871 г. вслѣдствіе наущеній Скрыжакова, который неоднократно совѣтовалъ убить дядю Филиппа, съ цѣлью воспользоваться его имуществомъ, и увѣрялъ, что убійство никогда не откроется, такъ какъ дядя не имѣетъ паспорта, а онъ, Скрыжаковъ, отрубитъ убитому голову, руки и ноги и разнесетъ по сторонамъ. Вечеромъ 7-го августа Александръ Штрамъ окончательно рѣшился. На утро, когда Филиппъ лежалъ на постели въ третьей комнатѣ, а Елизавета Штрамъ стояла у окна въ той же комнатѣ и въ квартирѣ болѣе никого не было, онъ взялъ въ кухнѣ топоръ, незамѣтно подошелъ къ дядѣ и убилъ нѣсколькими ударами топора по головѣ, затѣмъ мать вышла въ другую комнату, а онъ взялъ у убитаго 17 коп. деньгами, книгу чековую и векселя, уложилъ тѣло въ сундукъ и вкатилъ сундукъ на чердакъ. Затѣмъ онъ сознался и въ томъ, что пытался вмѣстѣ съ матерью и Скрыжаковымъ сбыть книгу чековъ убитаго и векселя, чтобы получить по нимъ деньги. По объясненію его, послѣ убійства мать купила ему, вмѣсто окрававленныхъ, другіе панталоны, сюртукомъ же, жилетомъ и сапогами онъ обмѣнялся съ Скрыжаковымъ.—Елизавета Штрамъ и Эммануилъ Скрыжаковъ ни въ чемъ не сознались, объясняя, что объ убійствѣ ничего не знали и сбывали книгу чековъ и векселя Филиппа Штрамъ, не зная о способѣ, коимъ таковые добыты.

Всѣ они были преданы суду по обвиненію въ томъ, что послѣ предварительнаго между собою соглашенія на убійство Филиппа Штрамъ, съ цѣлью завладѣнія его имущест омъ, Александръ Штрамъ, въ присутствіи матери своей, Елизаветы Штрамъ, привелъ этотъ общій ихъ всѣхъ умыселъ въ исполненіе, а послѣ совершенія убійства всѣ трое скрывали слѣды преступленія и старались сбыть добытыя преступленіемъ вещи, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 13, 1451 и 4 п. 1453 ст. Улож. о наказ.

Засѣданіе по этому дѣлу происходило 23-го октября 1871 года въ С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Предсѣдательствовалъ Товарищъ Прдсѣдателя *Якоби*. Защищали Александра Штрамъ—прис. повѣренный *Борщовъ*, Елизавету Штрамъ—прис. повѣренный *Поццо* и Скрыжакова—прис. повѣренный *Евреиновъ*.

На судебномъ слѣдствіи Александръ Штрамъ вернулся къ своему первому показанію, отрицая всякую прикосновенность къ убійству и къ укрывательству его своей матери и Скрыжакова.

Елизавета Штрамъ объяснила, что она дѣйствительно показывала чеки, данные ей сыномъ, и носила ихъ въ Общество Взаимнаго Кредита, но сынъ говорилъ, что нашелъ ихъ забытыми на чердакѣ въ бумагахъ дяди. Не получивъ денегъ по чекамъ, она въ тотъ же день возвратила ихъ сыну; сынъ назначилъ ей придти изъ банка на островъ и сказалъ какой-то номеръ дома, но тамъ она его не нашла, а встѣтила на улицѣ. Чеки она хотѣла заложить, съ цѣлью получить рублей 10—15 для уплаты за квартиру.

Подсудимый Скрыжаковъ, отрицая какой либо подговоръ съ своей стороны къ убійству дяди Штрамъ, объяснилъ, что Штрамъ говорилъ, будто чеки принадлежатъ его отцу, и послѣ отказа въ банкѣ въ выдачѣ по нимъ денегъ, ему совѣтовали попросить отца, жившаго въ Ревелѣ, прислать по телеграфу свою подпись, на что телеграфистъ Леонардовъ сказалъ имъ, что этого нельзя сдѣлать. Нахожденіе въ рукахъ Штрамъ векселей нисколько не удивляло подсудимаго, такъ какъ подобные векселя онъ видалъ у него и раньше; векселя тѣ были просрочены.

Свидѣтель Бремеръ, переплетный мастеръ, показалъ, что въ 1864 г., по пріѣздѣ изъ Ревеля, Штрамъ отдала къ нему въ ученье своего сына,

который оставался у него нѣсколько лѣтъ по контракту и потомъ мѣсяцевъ 8 жилъ подмастерьемъ. Мальчикъ онъ былъ старательный, скромный и любимый всѣмъ семействомъ свидѣтеля; характера онъ былъ мягкаго, даже къ животнымъ относился съ большимъ состраданіемъ. Когда у свидѣтеля умерла дочь, то Штрамъ, будучи уже 17-ти-лѣтнимъ юношею, выказалъ большую робость, боялся пройти мимо покойницы, такъ что надъ нимъ даже смѣялись. Сдѣлавшись подмастерьемъ, Штрамъ получалъ въ день 1 р. 15 к. и былъ очень хорошимъ работникомъ мѣсяцевъ восемь; но потомъ сталъ вдругъ небрежнѣе къ своему дѣлу и даже по нѣсколько дней не приходилъ, вслѣдствіе чего ему и было отказано. Свидѣтель слышалъ, что причиною этой перемѣны въ Штрамъ было знакомство его съ какою-то женщиной.

Остальные свидѣтели удостовѣрили фактъ предъявленія чековъ Елизаветою Штрамъ управляющему домомъ и въ Обществѣ Взаимнаго Кредита.

Приговоромъ присяжныхъ засѣдателей подсудимые признаны виновными: Александръ Штрамъ въ предумышленномъ убійствѣ а Елизавета Штрамъ и Скрыжаковъ — въ укрывательствѣ, согласно предъявленному противъ нихъ въ *обвинительной рѣчи* обвиненію, причемъ Елизавета Штрамъ признана заслуживающею снисхожденія.

Гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели! По дѣлу, которое подлежитъ нашему разсмотрѣнію, казалось бы, не нужно употреблять большихъ трудовъ для опредѣленія свойствъ и степени виновности главнаго подсудимаго, потому что онъ передъ вами сознался. Но такая легкость обсужденія настоящаго дѣла представляется лишь съ перваго взгляда, и основываться на одномъ лишь сознаніи подсудимаго для опредѣленія истинныхъ размѣровъ его виновности было бы, по меньшей мѣрѣ, неосторожно. Свидѣтельство подсудимаго является всегда небезпристрастнымъ. Онъ можетъ быть подвигнутъ тѣми или другими событіями своей жизни къ тому, чтобъ представить обстоятельства дѣла не въ настоящемъ свѣтѣ. Онъ имѣетъ обыкновенно совершенно постороннія цѣли отъ тѣхъ, которыми задается судъ. Онъ можетъ стараться своимъ сознаніемъ отстранить подозрѣніе и, слѣдовательно, наказаніе отъ другихъ, близкихъ ему лицъ; онъ можетъ, въ великодушномъ порывѣ, принять на себя чужую вину; онъ можетъ многое утаивать, многое извращать и вообще вступать въ нѣкоторый торгъ съ правосудіемъ, отдавая ему то, чего не отдать нельзя, и извращая то и умалчивая о томъ, о чемъ можно умолчать и что можно извратить. Поэтому идти за подсудимымъ по тому пути, на который онъ ведетъ насъ своимъ сознаніемъ, было бы большою неосторожностью, даже въ виду собственныхъ интересовъ подсудимаго. Гораздо болѣе правильнымъ представляется другой путь. На немъ мы забываемъ на время о показаніяхъ подсудимаго и считаемъ, что ихъ какъ бы не существуетъ. На первый планъ выдвигаются тогда обстоятельства дѣла, добытыя независимо отъ разъясненій обвиняемаго. Мы ихъ сопоставляемъ, взвѣшиваемъ, разсматриваемъ съ точки

зрѣнія жизненной правды—и рядомъ предположеній приходимъ къ выводу, *что* должно было произойти на самомъ дѣлѣ. Затѣмъ уже мы сравниваемъ этотъ выводъ съ сознаніемъ подсудимаго и провѣряемъ одинъ другимъ. Тамъ,—гдѣ и нашъ выводъ, сдѣланный изъ обстоятельствъ дѣла, и сознаніе подсудимаго сойдутся,—мы можемъ съ довѣріемъ отнестись къ нему;—гдѣ они расходятся, тамъ есть поводъ очень и очень призадуматься, ибо или выводъ неправиленъ и произволенъ, или сознаніе неправдиво. И когда выводъ сдѣланъ спокойно и безпристрастно изъ несомнѣнныхъ данныхъ дѣла,—тогда, очевидно, сознаніе, съ нимъ несогласное, подлежитъ большому сомнѣнію. По этому пути я думаю слѣдовать и въ настоящее время. Когда совершается преступленіе, то первый вопросъ, возникающій для изслѣдователей этого преступленія—вопросъ о мѣстѣ совершенія его, затѣмъ идутъ вопросы о томъ, какъ совершено преступленіе, когда, кѣмъ и при какихъ условіяхъ. Я полагаю, что для полученія отвѣтовъ на эти общіе вопросы при изслѣдованіи настоящаго дѣла намъ придется коснуться нѣкоторыхъ сторонъ житейской обстановки подсудимыхъ и ихъ быта, изъ которыхъ постепенно выяснится ихъ виновность. Первый вопросъ о *мѣстѣ,* гдѣ совершено преступленіе. Мы знаемъ, что это за мѣсто: это одна изъ маленькихъ квартиръ въ одной изъ многолюдныхъ улицъ ремесленной и населенной части города. Квартира нанимается бѣдной женщиной, обыкновенно называемой въ просторѣчіи съемщицей, и отдается всякаго рода жильцамъ. Проживаютъ тутъ, какъ мы слышали, въ этихъ трехъ маленькихъ комнатахъ, имѣющихъ въ длину всего десять шаговъ, съ тоненькой стѣной, изъ-за которой все слышно, съ лѣстницей на небольшой чердакъ и съ кухней, которая вмѣстѣ составляетъ и прихожую, и комнату для отдачи жильцамъ,—проживаютъ въ этихъ конуркахъ студенты, сапожные подмастерья, дѣвицы, «живущія отъ себя» и, наконецъ, сами хозяева. Въ такой-то квартирѣ въ началѣ сентября нынѣшняго года, на чердакѣ, найденъ былъ запертый сундукъ, издававшій смрадный запахъ, а въ сундукѣ трупъ человѣка. *Кто* этотъ человѣкъ—намъ сказали здѣсь свидѣтели—дворникъ, Тобіасъ и другіе,—и мы можемъ возстановить мысленно личность покойнаго. Портной подмастерье, затѣмъ студентъ университета, не кончившій курса, затѣмъ домашній учитель, женатый, но не имѣвшій дѣтей и вскорѣ овдовѣвшій, человѣкъ уже довольно зрѣлыхъ, даже преклонныхъ лѣтъ,—Филиппъ Штрамъ, оставивъ свою учительскую дѣятельность, преимущественно живалъ въ Петербургѣ и велъ жизнь скрытную. Родныхъ у него въ Петербургѣ было немного: Тобіасъ, у котораго онъ бывалъ очень рѣдко, и то семейство Штрамъ, которое явилось на судъ въ лицѣ своихъ главныхъ представителей. Показанія свидѣтелей характеризуютъ намъ этого старика въ истоптанныхъ сапогахъ, не носящаго бѣлья, а вмѣсто него какой-то шерстяной камзолъ, а поверхъ него старый, истертый сюртукъ, въ которомъ заключалось все его достояніе: его деньги, чеки, билеты, векселя. Онъ скупъ и жаденъ; проживая у

Штрамовъ, ѣстъ и пьетъ, но ничѣмъ не помогаетъ своимъ бѣднымъ родственникамъ, которые въ свою очередь обходятся съ нимъ не особенно уважительно, потому что онъ ихъ стѣсняетъ. Спитъ онъ нерѣдко на чердакѣ и спитъ на голыхъ доскахъ. Человѣкъ этотъ, очевидно, всю свою жизнь положилъ на скопленіе небольшого капитала, все время проводитъ, орудуя имъ, отдавая деньги подъ проценты и, храня документы постоянно при себѣ, оберегаетъ ихъ отъ чужого взора, озираясь по сторонамъ и боясь, какъ бы кто нибудь не замѣтилъ, что у него есть деньги. Этому старику, съ такимъ обыденнымъ прошлымъ и скуднымъ настоящимъ, вѣроятно, предстояли долгіе, безцвѣтно-скаредные дни: такіе, ушедшіе въ себя, эгоисты обыкновенно очень долго живутъ. Но дни эти были внезапно прекращены насильственнымъ образомъ. Когда его нашли въ сундукѣ, то на головѣ его оказались такія поврежденія, которыя указывали на то, что онъ убитъ. Тутъ возникаетъ второй вопросъ—*какъ убитъ?* Изъ медицинскаго акта извѣстно, что первая изъ ранъ начиналась отъ нижняго края праваго уха и шла къ наружной поверхности глаза; другая шла нѣсколько сзади уха, къ темянной кости, а третья—между нижнимъ краемъ уха и второю раной, такъ что раны образовали между собою треугольникъ, который въ видѣ лоскутка сгнившаго мяса отвалился при вынутіи трупа изъ сундука. Затѣмъ, на тыльной поверхности руки найдена рана, которою пересѣчены три пальца и которая идетъ вдоль къ рукѣ. Покойный оказался одѣтымъ въ одномъ камзолѣ. По заключенію врача, раны нанесены топоромъ. Положеніе этихъ ранъ показываетъ, что онѣ нанесены не спереди, потому что тогда, при естественномъ направленіи удара справа налѣво или слѣва направо, онѣ начинались бы сверху и имѣли бы совершенно противоположное направленіе, чѣмъ то, въ которомъ найдены. Онѣ шли бы крестообразно съ тѣми ранами, которыя нанесены. Онѣ нанесены, очевидно, сзади и нѣсколько съ боку, такъ что наносившій стоялъ съ правой стороны, нанесены топоромъ и, очевидно, такимъ образомъ, что тотъ, кому онѣ наносились, не успѣлъ замѣтить, что надъ нимъ поднимается топоръ и потому не защищался обѣими руками, не боролся, а сдѣлалъ только инстиктивно движеніе правой рукой, которую поднесъ къ тому мѣсту, гдѣ нанесена главная рана, и получилъ второй ударъ, который перерубилъ ему пальцы. Никакихъ другихъ знаковъ сопротивленія на тѣлѣ не найдено. Такимъ образомъ, удары нанесены человѣку, не ожидавшему ихъ или спавшему, лежавшему на лѣвой сторонѣ,—и убійцѣ было удобно, по его положенію, ставъ сзади, въ головахъ, нанести ихъ. Ясно, что онѣ не были нанесены на чердакѣ, такъ какъ раны должны были вызвать обильное кровоизліяніе, а чердакъ оказался чистъ, на его полу не найдено ни одного пятна крови; но за то около сундука найдена наволочка съ тюфяка, одна сторона которой нѣсколько распорота, одинъ конецъ оторванъ, а къ другому привязана веревка, которою, въ узлѣ, связывающемъ наволочку, захвачено нѣсколько волосъ. Что это за наволочка? Для чего она здѣсь? На наволочкѣ

этой найдены пятна крови. Быть можетъ, на ней лежалъ убитый; но что значитъ веревка? Что значатъ захваченные волосы? Очевидно, что въ ней тащили трупъ, наскоро замотавъ веревкой, при чемъ ею захватили волосы. Но если убійство было совершено на чердакѣ, то куда тащить, да и надо ли тащить трупъ на разстояніи двухъ, трехъ шаговъ? Конечно, нѣтъ. Итакъ, уже по одному тому, что нѣтъ крови и найдена эта наволочка—покойный Штрамъ убитъ не на чердакѣ. Быть можетъ, онъ убитъ внѣ квартиры? Но это невозможно, потому что ходъ на чердакъ только изъ квартиры, потому что убить его внѣ дома и внести его въ квартиру было бы небезопасно и притомъ противорѣчило бы всѣмъ естественнымъ пріемамъ, свойственнымъ всякому убійцѣ, который, конечно не станетъ безъ особой нужды приносить къ себѣ и прятать у себя убитаго. Чрезъ слуховое окно внести его на чердакъ было тоже нельзя, не говоря уже о безцѣльности этого, но и потому, что оно было очень узко. Слѣдовательно, Штрамъ убитъ въ самой квартирѣ. Затѣмъ возникаетъ вопросъ—*когда убитъ?* Днемъ или ночью? Что онъ убитъ въ лежачемъ положеніи, на это указываютъ и раны, и то, что онъ найденъ въ одномъ камзолѣ. Еслибъ убійство произошло въ то время, когда онъ былъ уже совершенно одѣтъ, въ сюртукѣ, то, конечно, убійцы прежде всего обшарили бы карманы и не стали бы стаскивать жалкаго, гнилого сюртука. Поэтому онъ на чердакѣ оказался бы въ этомъ сюртукѣ. По тому же, что онъ не одѣтъ, слѣдуетъ предполагать, что онъ спалъ. Но противъ этого представляется сильное возраженіе: если онъ спалъ, то убійство совершено ночью, а изъ показаній дворника видно, что съ противоположной стороны двора, въ окна Штрамъ, при свѣтѣ извнутри, можно было видѣть все, что тамъ дѣлается. Убивать же ночью можно было только зажегши свѣчу, потому что убійство сопровождалось связываніемъ трупа, втаскиваніемъ его на чердакъ и укладываніемъ въ сундукъ; всѣ эти операціи въ темнотѣ производить нельзя, такъ какъ еще болѣе размажется кровь и еще медленнѣе совершится то дѣло, окончаніемъ котораго надо поспѣшить. Кромѣ того совершать убійство въ темнотѣ нельзя еще потому, что никогда ударъ не можетъ быть нанесенъ такъ вѣрно, какъ при свѣтѣ: убиваемый можетъ вскочить и тогда явится борьба, сопротивленіе, крикъ, переполохъ... Поэтому надо дѣйствовать въ такое время, когда можно уже не пользоваться свѣтомъ свѣчей, т. е. рано поутру, когда всего удобнѣе и возможнѣе совершить преступленіе и поскорѣй припрятать трупъ, который надо убрать пока не насталъ день, а съ нимъ дневная суета и возможность прихода посѣтителей. Противъ убійства ночью—говоритъ тьма и невозможность зажечь огонь и тѣмъ привлечь вниманіе дворниковъ; противъ убійства днемъ говоритъ дневной свѣтъ и дневное движеніе. Остается—полусвѣтъ, когда уже можно видѣть и нельзя еще опасаться чьего либо прихода. Остается утро, раннее утро ранней осени. Наконецъ еще вопросъ, наиболѣе важный; *кѣмъ* убитъ и *для* чего? Прежде всего—для чего? Мы знаемъ, что за личность

Штрамъ. Это человѣкъ, весь погруженный въ свои мелочные разсчеты. Такіе люди обыкновенно держатъ себя тише воды, ниже травы. Корысть и болѣзненная привычка копить безплодныя средства заглушаютъ въ нихъ по большей части всѣ остальныя чувства, даже простое и естественное стремленіе къ чистотѣ, какъ это было, напримѣръ, и со Штрамъ, который даже не носилъ бѣлья. Этимъ людямъ нествойственны ни особенная самостоятельность, ни какое либо чувство собственнаго достоинства; это люди тихіе, смирные, рѣже всего подающіе поводъ къ ссорамъ. Поэтому на чью либо ссору съ Филиппомъ Штрамъ мы не имѣемъ никакого указанія. Да и ссорамъ, которыя оканчиваются убійствомъ, обыкновенно предшествуетъ цѣлый рядъ другихъ насильственныхъ дѣйствій и ругательствъ и, какъ слѣдствіе этого — крикъ, шумъ и гамъ, на что нѣтъ въ настоящемъ случаѣ никакихъ даже отдаленныхъ намековъ. Мстить Филиппу Штрамъ тоже никому не было надобности. Этотъ человѣкъ, по своимъ свойствамъ, не могъ ни съ кѣмъ соперничать, никому не могъ становиться на пути. Остается только третій поводъ убійства, который всего яснѣе вытекаетъ изъ того, что сюртукъ покойнаго находится подъ трупомъ пустой,—а то, что въ послѣднее время составляло, повидимому, весь смыслъ существованія Штрамъ, безъ чего онъ самъ былъ немыслимъ, отсутствуетъ: нѣтъ чековъ, нѣтъ денегъ. Очевидно, убійство совершено изъ корысти. Для совершенія такого убійства надо было знать, что у покойнаго были деньги. Это знали, конечно, тѣ лица, которымъ онъ давалъ деньги въ долгъ. Однако, онъ давалъ ихъ внѣ дома. Кто же въ домѣ могъ это знать? Конечно, не дѣвица Френцель, не тѣ студенты, которые прожили всего нѣсколько дней и которымъ не было никакого дѣла до мрачнаго человѣка, сидѣвшаго обыкновенно на чердакѣ или въ задней комнатѣ. Могли знать только домашніе, близкіе Штрамъ...

Посмотримъ же на это семейство.

Прежде всего остановимся на личности Александра Штрамъ—характеристической и весьма интересной. Показаніями свидѣтелей, начиная отъ отечески-добродушнаго и сочувственнаго къ подсудимому показанія свидѣтеля Бремеръ и кончая рѣзкимъ и краткимъ отзывомъ о неблаговидномъ его поведеніи свидѣтеля Толстолѣса,—личность Александра Штрамъ обрисовывается со всѣхъ сторонъ. Мы видимъ его молодымъ юношей, находящимся въ ученьи, добрымъ, отличнымъ и способнымъ работникомъ, нѣсколько робкимъ, боящимся пройти мимо комнаты, гдѣ лежитъ покойница; онъ нѣженъ и сострадателенъ, правдивъ и работящъ. Затѣмъ онъ кончаетъ свою дѣятельность у Бремеръ и уходитъ отъ него; ему приходится столкнуться лицомъ къ лицу со своею семьею,—съ матерью, съемщицею квартиры, гдѣ живетъ иногда Богъ знаетъ какой народъ, собравшійся отовсюду и со всякими цѣлями. Въ столкновеніяхъ съ этою не особенно хорошею средою заглушаются, сглаживаются нѣкоторыя нравственныя начала, нѣкоторыя хорошія, честныя привычки, принесенныя отъ стараго, честнаго Бремера. Къ нравственному безпорядку

жизни присоединяются бѣдность, доходящая нерѣдко до крайности, до вьюшекъ, вынимаемыхъ хозяевами, требующими денегъ за квартиру, и холодъ въ комнатѣ, такъ какъ дрова дороги, а денегъ на покупку нѣтъ... А тутъ еще мать, постоянно ворчащая, упрекающая за неимѣніе работы, и постоянно пьяная сестра. Обстановка крайне невеселая, безотрадная. Отъ обстановки этой нужно куда нибудь уйти, надо найти другую, болѣе веселую компанію. И вотъ компанія эта является. Мы видѣли ее, она выставила передъ нами цѣлый рядъ своихъ представителей. Здѣсь являлся и бывшій студентъ, принимающій подъ свое покровительство двухъ, по его словамъ, «развитыхъ молодыхъ людей» и дающій имъ аудіенціи въ кабакахъ до тѣхъ поръ, пока «не изсякнутъ источники», какъ онъ самъ выражается. Предъ нами находится и Скрыжаковъ, человѣкъ, имѣвшій какую-то темную исторію со старикомъ и который, когда пріятель его Штрамъ задумываетъ дурное дѣло, идетъ рекомендовать его цѣловальнику, чтобы тотъ далъ въ долгъ водки «для куражу»; далѣе встрѣчается еще болѣе темная по своимъ занятіямъ личность, Русинскій, настаивающій, чтобы Александръ Штрамъ обзавелся любовницею, какъ обязательною принадлежностью всякаго сочлена этой компаніи. Сначала, пока еще есть заработокъ, Штрамъ франтитъ, одѣвается чисто и держится нѣсколько вдали отъ этой компаніи, но она затягиваетъ его понемногу, приманивая женщинами и виномъ. Между тѣмъ, хозяинъ отказываетъ, да и работать не хочется,—компанія друзей всѣ тѣснѣе окружаетъ свою жертву, а постоянныя свиданія съ ея представителями, конечно, не могутъ не оказать своего вліянія на молодого человѣка. Подруга его сердца одѣвается изящно, фигурируетъ на балахъ у Марцинкевича; нужно стоять на одной доскѣ съ нею, нужно хорошо одѣваться; на это нужны средства, а гдѣ ихъ взять? Онъ видитъ, что Львовъ не работаетъ, Скрыжаковъ и Русинскій также не работаютъ, а всѣ они живутъ весело и беззаботно. Попросить у матери? Но она скажетъ—иди работать! и попрекнетъ лѣнью и праздностью... Да и кромѣ того, дома голодно и холодно, перебиванье со дня на день и присутствіе безпробудно пьяной сестры. Все это, взятое вмѣстѣ, естественно должно пробудить желаніе добыть средства и измѣнить свою обстановку. Но какъ измѣнить, когда *хочется* прохлаждаться съ друзьями и подругами и *не хочется* идти работать?! И вотъ тутъ-то, въ пьяной компаніи, сначала отдаленно, быть можетъ, даже подъ вліяніемъ разсказа о какомъ нибудь процессѣ, является мысль, что есть богатый дядя,—чего онъ живетъ «ни себѣ, ни другимъ», кабы умеръ... Ужъ не убить ли? И—вѣроятно подъ вліяніемъ этого рокового внутренняго вопроса—высказывается предположеніе, какъ именно убить: разрѣзать на куски и разбросать. Конечно, это высказывается въ видѣ шутки... Но шутка эта опасная—и разъ брошенная мысль, попавъ на дурную почву, растетъ все болѣе и болѣе. А между тѣмъ, нищета усиливается, средствъ все нѣтъ, и вотъ, наконецъ, наступаетъ однажды такой день, такой моментъ, когда убить дядю представляется всего удобнѣе, когда

при дядѣ есть деньги и когда въ квартирѣ нѣтъ жильцовъ, слѣдовательно—нѣтъ постороннихъ лицъ. Таковы тѣ данныя, которыя заставляютъ окольными путями, какъ выражается одинъ свидѣтель, подойти къ заключенію о виновности подсудимаго Штрамъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ отвѣту на послѣдній вопросъ: *кто совершилъ настоящее убійство?* Но могутъ сказать, что такимъ образомъ приходится остановиться все-таки на однихъ предположеніяхъ: положимъ у подсудимаго могла быть мысль объ убійствѣ, могла явиться удобная для осуществованія этой мысли обстановка, въ которой, повидимому, и совершено преступленіе,—но отъ этого еще далеко до совершенія убійства именно имъ!

Дайте факты, дайте опредѣленныя, ясныя данныя! Данныя эти есть:—это чеки, съ которыми арестованъ подсудимый; фактъ этотъ связываетъ всѣ приведенныя предположенія крѣпкою связью. Съ чеками этими подсудимый арестованъ за безписьменность и препровожденъ въ Ревель, оттуда присланъ обратно сюда, по требованію полиціи, и здѣсь допрошенъ. Онъ даетъ три показанія. Съ этими показаніями повторилось общее явленіе, свойственное всѣмъ дѣламъ, гдѣ собственное сознаніе является подъ вліяніемъ косвенныхъ уликъ. Сначала заподозрѣнный сознается совсѣмъ неправильно; потомъ, когда улики группируются вокругъ него, когда сила ихъ растетъ съ каждымъ днемъ, съ каждымъ шагомъ слѣдователя,—обвиняемый подавляется этими уликами, ему кажется, что путь отступленія для него отрѣзанъ и онъ даетъ показаніе наиболѣе правдивое; но проходитъ нѣсколько времени, онъ начинаетъ обдумывать все сказанное имъ, видитъ, что дѣло не такъ страшно какимъ показалось сначала, что противъ нѣкоторыхъ уликъ можно придумать опроверженіе, и тогда у него является третье сознаніе,—сознаніе дѣланное, въ которомъ онъ признается лишь въ томъ, въ чемъ нельзя не признаться.

Опытъ, даваемый уголовною практикою, приводитъ къ тому, что въ большей части преступленій, въ которыхъ виновность преступника строится на косвенныхъ доказательствахъ, на совокупности уликъ—и лишь отчасти подкрѣпляется его собственнымъ сознаніемъ, это сознаніе нѣсколько разъ мѣняетъ свой объемъ и свою окраску. *Подозрѣваемый* сознается лишь въ одномъ, въ неизбѣжномъ, надѣясь уйти отъ *суда;—обвиняемый* сознается полнѣе, потому что надежда уйти отъ суда меркнетъ въ его глазахъ;—*подсудимый,* пройдя школу размышленія, а иногда и совѣтовъ товарищей по несчастію,—снова выбрасываетъ изъ своего признанія все то, что можно выбросить, все къ чему не приросли твердо улики,—ибо у него снова блеститъ надежда уйти уже не отъ суда, но отъ наказанія...

Вотъ такое *второе* сознаніе въ данномъ случаѣ явилось послѣ того, какъ было опровергнуто то, что говорилъ подсудимый объ убійствѣ на чердакѣ, гипсовымъ камнемъ. Подъ вліяніемъ обнаруженныхъ уликъ, онъ далъ второе показаніе, гдѣ объяснилъ, что убилъ дядю въ комнатѣ, въ то время, когда мать стояла у окна, что съ нею сдѣлался обморокъ при видѣ убійства и что затѣмъ онъ ста-

рался скрыть слѣды преступленія и воспользоваться его плодами, спрятавъ убитаго дядю въ сундукъ и перетащивъ его на чердакъ, и затѣмъ стараясь сбыть чеки. Здѣсь на судѣ является уже *третье* сознаніе: посудимый видитъ, что ему нельзя не сознаться, что улики, собранныя противъ него, слишкомъ сильны, но подъ вліяніемъ, быть можетъ благороднаго въ своемъ источникѣ, чувства, онъ хочетъ выгородить близкихъ къ нему людей, и прежде всего свою мать. По словамъ его, она не только не присутствовала при убійствѣ, но даже не знала о немъ и узнала впервые только тогда, когда ихъ перевозили изъ Ревеля, при чемъ сказала сыну, что хочетъ страдать вмѣстѣ съ нимъ. Въ этомъ показаніи надо отдѣлить истину отъ того, что является ложнымъ. Истинно все то, что подтверждается тѣми объективными, внѣшними данными, о которыхъ я говорилъ въ началѣ рѣчи и которыя существуютъ независимо отъ собственныхъ объясненій обвиняемыхъ. Первая часть показанія подсудимаго, относящаяся къ совершенію убійства, дѣйствительно справедлива, но противъ второй его части можно очень многое возразить. Во-первыхъ, разсказъ его о томъ, что мать желала принять на себя страданія вмѣстѣ съ нимъ, опровергается совершенно противоположными дѣйствіями матери. Если бы мать желала пострадать съ сыномъ, то, конечно, она не старалась бы опровергать сознаніе, сдѣланное сыномъ въ томъ, въ чемъ оно касается ея,—однако она не только этого не дѣлаетъ, но, возражая упорно и горячо сыну, ни въ чемъ не сознается. Во-вторыхъ, самъ собою представляется вопросъ: могъ ли подсудимый одинъ совершить подобнаго рода преступленіе такъ, чтобы оно не было, хотя бы на первое время, безплоднымъ. Я полагаю, что онъ одинъ, собственными силами могъ совершить то дѣйствіе, которымъ была пресѣчена жизнь Штрама. Филиппъ Штрамъ былъ старикъ,—судя по осмотру—хилый и невысокій, такъ что могъ помѣститься въ маленькомъ сундукѣ, и человѣку здоровому, молодому справиться съ нимъ было бы легко, а тѣмъ болѣе при неожиданности нападенія. Но, вслѣдъ за убійствомъ, надо было искусно скрыть слѣды совершеннаго. Прежде всего оказалось нужнымъ положить трупъ въ сундукъ, для чего стянуть его ремнемъ и притомъ скорѣе, потому что, согласно прочитанному мнѣнію врачей, если бы трупъ оставался часа два не связаннымъ, то онъ окоченѣлъ бы и тогда связать его одинъ человѣкъ уже былъ бы не въ силахъ, а между тѣмъ онъ связанъ, сложенъ, и это, какъ я уже доказывалъ, сдѣлано вслѣдъ за убійствомъ. Затѣмъ, надо, всунувъ въ сундукъ трупъ, запереть сундукъ и перетащить на чердакъ, поправивъ при этомъ петлю у крышки, такъ какъ изъ показанія Наркусъ видно, что петля была сломана. Наконецъ, слѣдовало вымыть кровь, снять наволочку съ большого тюфяка и сжечь паклю, солому и всякую труху, которою набитъ былъ тюфякъ, словомъ—привести все въ надлежащій видъ, успѣть вынуть чеки, посмотрѣть, что пріобрѣтено, и со спокойнымъ видомъ, нѣсколько оправившись, встрѣтить тѣхъ, кто можетъ придти. Но для всего этого требуется много времени. Подсудимый—человѣкъ мо-

лодой, у котораго, несомнѣнно, еще не заглохли человѣческія чувства; показанія свидѣтеля Бремера именно указываютъ на эту сторону его характера. Хотя онъ и слушалъ это показаніе съ усмѣшкой, но я не придаю этому никакого значенія; эта усмѣшка — наслѣдіе грязнаго кружка, гдѣ вращался подсудимый, но не выраженіе его душевнаго настроенія. Въ его лѣта—ему думается, конечно, что въ этомъ выражается извѣстная молодцоватость; мнѣ, молъ «все ни по чемъ», а въ то же время, быть можетъ, сердце его и дрожитъ, когда добрый старикъ и предъ скамьею подсудимыхъ говоритъ свое теплое о немъ слово. Поэтому я думаю, что для Александра Штрамъ преступленіе являлось дѣломъ совершенно необычнымъ; онъ долженъ былъ быть самъ не свой, и всякая работа, которая обыкновенно дѣлается въ 10 минутъ, должна была требовать, по крайней мѣрѣ, 20 минутъ, потому что у него все должно было вываливаться изъ трепещущихъ рукъ и отъ торопливости, и отъ невольнаго ужаса. Могъ ли поэтому онъ одинъ сдѣлать все необходимое для сокрытія преступленія? Конечно, нѣтъ. Онъ не могъ позвать себѣ въ помощники кого нибудь изъ постороннихъ; на это рѣшится не всякій, да къ тому же я нахожу, что преступленіе было совершено хотя и предумышленно, но безъ опредѣленія заранѣе времени, когда его свершить. Подсудимый давно рѣшился что нибудь сдѣлать надъ дядей, чтобъ пріобрѣсти деньги; мысль эта давно зародилась въ его головѣ; но прошло, быть можетъ, много времени прежде, чѣмъ представился удобный случай. Онъ представился 8-го августа: жильцовъ нѣтъ, а сестра ушла на рынокъ и ушла одна, потому что хожденіе вдвоемъ за покупкою скудной провизіи ничѣмъ не объясняется. Онъ остается одинъ съ матерью. Я убѣжденъ, что мать не знала ничего о предполагаемомъ убійствѣ, и что для нея оно должно было быть ужасающей неожиданностью,—но могло ли это удержать сына, когда случай представляется такой удобный? Что мать тутъ—это ничего не значитъ; онъ могъ быть увѣренъ, что мать будетъ испугана, ужаснется его поступка; онъ могъ не разсчитывать на обморокъ, но это обстоятельство скоропроходящее; затѣмъ ужасъ, произведенный пролитой кровью ея дальняго родственника, съ которымъ у нея ничего общаго не было, который только объѣдалъ ихъ и ничего не давалъ, ужасъ этотъ пройдетъ и явится жалость къ сыну, страхъ за его судьбу, за тѣ послѣдствія, которымъ онъ можетъ подвергнуться. Это та непреодолимая сила, которая заставитъ ее скрывать слѣды преступленія изъ страха за того, о комъ она и здѣсь, на судѣ, болѣе всего плачетъ, —сила, которая заставитъ ее со страхомъ и трепетомъ за него подтирать кровь, запихивать паклю въ печку, снимать наволочку въ то время, какъ сынъ будетъ связывать трупъ и потащитъ сундукъ на чердакъ. Подсудимый могъ быть увѣренъ, что мать ему не помѣшаетъ, что она не выдастъ, что присутствіе ея представляется совершенно безопаснымъ. Онъ понималъ, онъ не могъ не понимать, что какъ только совершится убійство, въ ней, послѣ первой минуты ужаса и, быть можетъ, отвращенія къ пролитію крови,

прежде и громче всего заговоритъ другое, всепрощающее чувство— чувство матери, и оно станетъ на его защиту, и оно придетъ ему на помощь. Совершая убійство, онъ долженъ былъ понимать, что мать его косвеннымъ образомъ ему поможетъ и сдѣлается укрывательницею преступленія. Онъ не могъ при этомъ предполагать, что трупъ навсегда останется на чердакѣ; онъ знаетъ, что его нужно будетъ раздробить на части и, быть можетъ, по рецепту Русинскаго и по шуткѣ Скрыжакова, надо будетъ вынести по кускамъ и разбросать въ разныхъ мѣстахъ города. Но развѣ это можно сдѣлать, когда въ квартирѣ никто не будетъ знать, что трупъ лежитъ на чердакѣ, что его нужно скрыть? Вѣчно пьяную сестру можно удалить,— это личность безвредная; но мать необходимо, рано или поздно, познакомить съ дѣломъ, надо поставить ее въ такое положеніе, чтобы она не хватилась сундука, чтобы ей не пришлось неожиданно увидѣть, что одна изъ принадлежностей ея скуднаго имущества исчезла, и замѣтить пропажу тюфяка и простыни, необходимыхъ для жильцовъ, когда таковые найдутся. Для этого необходимо, чтобъ она *все знала,* а это, между прочимъ, достигается совершеніемъ при ней преступленія, тѣмъ болѣе, что она можетъ помочь скрытію слѣдовъ его. Затѣмъ, далѣе, ей въ самый день убійства вручается книжка чековъ; она знаетъ, что дядя скупъ и, видя у сына книжку, принадлежащую Филиппу Штрамъ, не можетъ не догадаться, какимъ образомъ она взята. Быть можетъ, подарилъ дядя? Нѣтъ, это не соотвѣтствуетъ его наклонностямъ. Забылъ? Также, конечно, нѣтъ, потому что это значило бы, что онъ забылъ самого себя, забылъ то, безъ чего онъ самъ немыслимъ. Остается одно: книга взята насиліемъ; но такъ какъ книга эта составляетъ часть самого дяди, то ее можно было взять только съ нимъ самимъ, только съ его жизнью, слѣдовательно— онъ убитъ. Затѣмъ Александръ Штрамъ отдаетъ книжку чековъ матери. Но въ Обществѣ Взаимнаго Кредита по ней ничего не выдаютъ,—значитъ книжка добыта какъ-то неправильно,—да и откуда такая книжка у сына, у котораго ни гроша еще вчера не было?— и зачѣмъ по поводу этой книжки надо рыскать по всему городу и назначать свиданія на Смоленскомъ полѣ? Все это не могло не возбуждать сомнѣній въ Елизаветѣ Штрамъ; она должна была не только чуять, но и ясно видѣть, что книжка добыта преступленіемъ. А слѣды этого преступленія отъ нея скрыть было невозможно. Полагаю, что послѣ всего изложеннаго мною, трудно отнестись съ полнымъ довѣріемъ къ показанію Александра Штрамъ.

Картина убійства, происшедшаго въ домѣ Ханкиной, представляется на основаніи всего, что мы здѣсь выслушали и провѣрили, въ слѣдующемъ видѣ: старикъ Штрамъ былъ убитъ утромъ, когда лежалъ еще въ постели; Ида Штрамъ ушла на рынокъ, а мать оставалась дома и стояла у окна; подсудимый взялъ топоръ и нанесъ удары по головѣ дядѣ; услыша предсмертные стоны, увидя кровь, Елизавета Штрамъ лишилась сознанія. Дядя вскорѣ умеръ, а она понемногу пришла въ чувство. Она видитъ, что сынъ возится

съ трупомъ, а кругомъ такъ все и вопіетъ о совершенномъ дѣлѣ. И вотъ она начинаетъ затирать слѣды, помогаетъ стаскивать наволочку съ тюфяка и сжигаетъ то, что въ ней находилось. Подсудимый завязываетъ трупъ на-скоро въ наволочку, захватывая при этомъ волосы убитаго, и тащитъ его по комнатѣ. Это было необходимо сдѣлать, потому что тащить сундукъ съ трупомъ чрезъ комнаты на чердакъ было невозможно одному, для этого потребовалась бы огромная сила; его можно было бы только передвигать вверхъ по ступенькамъ, но тогда и на нихъ, и на лѣстницѣ явилась бы кровь, а излишнихъ слѣдовъ крови избѣгаетъ инстинктивно всякій убійца. Поэтому, послѣ трупа на чердакъ вкатывается пустой сундукъ; въ него кладется связанный трупъ; сюртукъ, лежавшій, вѣроятно, около Штрама, бросается туда же; исправленный на скорую руку сундукъ запирается. Мать между тѣмъ вымыла полы, такъ что когда возвращается сестра, то ничего не замѣчаетъ. Что же нужно сдѣлать затѣмъ? Прежде всего надо остаться на квартирѣ, съ которой гонятъ; мировой судья выдалъ исполнительный листъ на продажу имущества: надо скорѣе получить деньги по чекамъ. Книжка вручается Елизаветѣ Штрамъ, которая идетъ къ хозяину, показываетъ ее и говоритъ, что получитъ скоро по ней деньги, но, тѣмъ не менѣе, отъ квартиры ей отказываютъ. А между тѣмъ Александръ Штрамъ тотчасъ розыскиваетъ Скрыжакова въ кабакѣ и затѣмъ съ чеками заходитъ къ Талейнъ, обѣщая кофе матери и новыя ботинки франтоватой дочери. Затѣмъ два дня продолжаются розыски лица, которое взяло бы подъ залогъ эту книжку, но совершенно безуспѣшно; а между тѣмъ, наступаетъ 10-е число—день, назначенный для описи имущества, которое и выносится на дворъ. Квартира запирается, и старуха Штрамъ съ сыномъ и дочерью остается безъ пристанища. Иду Штрамъ ничто не связываетъ съ квартирой, и она со спокойною совѣстью отправляется въ Ревель; но Александръ Штрамъ и старуха знаютъ, что въ квартирѣ заперто нѣчто, что можетъ ихъ погубить! Является необходимость скорѣе бѣжать, а для этого раздобыть, во что бы то ни стало, деньги. Александръ Штрамъ вмѣстѣ съ Скрыжковымъ идетъ къ Львову, потомъ къ Леонардову и совѣщаются, какъ сбыть книжку чековъ. Наконецъ, онъ рѣшается идти самъ въ Общество Взаимнаго Кредита, для чего обмѣнивается сюртукомъ и сапогами съ Скрыжаковымъ. Когда это не удается, онъ привлекаетъ къ хлопотамъ свою мать. У матери нѣтъ пристанища, она ночуетъ у знакомой и проводитъ все время въ хлопотахъ съ книжкой сына, являясь, между прочимъ, и тоже безуспѣшно, въ Общество Взаимнаго Кредита. Она говоритъ, что получила книжку на Васильевскомъ островѣ, куда отправилась потому, что сынъ прислалъ письмо, гдѣ говоритъ, что его можно найти въ такомъ-то № дома. Объясненіе это, очевидно, неправдоподобно; какимъ образомъ она могла найти сына въ домѣ, гдѣ онъ не былъ жильцомъ, а гостемъ у неизвѣстныхъ ей лицъ? Полученіе книжки объясняется

проще: мать знала, что сынъ долженъ быть на Островѣ, потому что послѣдніе дни онъ водился съ Скрыжаковымъ, который тамъ проживалъ, посѣщая кабаки и трактиры въ окрестностяхъ своего жилища. Здѣсь Елизавета Штрамъ дѣйствительно встрѣтила его и получила книгу чековъ. Труды ея съ этою книгой не увѣнчались успѣхомъ; попытки сына были тоже безуспѣшны, и онъ остался состоять при Скрыжаковѣ, съ которымъ и былъ арестованъ.

Обращаюсь къ виновности Скрыжакова. Онъ отрицаетъ всякое участіе свое въ настоящемъ дѣлѣ. Впрочемъ, въ послѣднемъ своемъ показаніи здѣсь, въ самомъ концѣ судебнаго слѣдствія, онъ указалъ на такой фактъ, который давалъ бы нѣкоторое право обвинять его, согласно съ обвинительнымъ актомъ, въ подстрекательствѣ. Онъ указалъ на то обстоятельство, что водилъ Штрама въ кабакъ, прося дать ему въ долгъ водки, когда тотъ сказалъ, что убилъ бы дядю, да храбрости нѣтъ. Это заявленіе его явилось столь неожиданно, столь противорѣчитъ всей системѣ его защиты, что я полагаю, что онъ и тогда, и теперь самъ не понималъ хорошенько, что дѣлаетъ и вообще дѣйствовалъ въ высшей степени легкомысленно. Но отъ шутки — дурной и опасной—до подстрекательства еще цѣлая пропасть. Ее надо чѣмъ нибудь наполнить. У меня для этого матеріала нѣтъ. Я нахожу поэтому, что Скрыжаковъ могъ принять слова Штрама за шутку и, продолжая ее, свести его въ питейный домъ. Вслѣдствіе этого я не обвиняю его въ подстрекательствѣ именно на убійство Филиппа Штрамъ. Вся его дружба съ Александромъ Штрамъ была, сама по себѣ, непрестаннымъ подстрекательствомъ ко всему дурному, что нашептываютъ въ уши слабаго человѣка вино и развратъ. Но уголовный законъ не знаетъ такого неуловимаго подстрекательства и не караетъ за него. Зато есть основаніе видѣть въ немъ укрывателя. Онъ зналъ отлично А. Штрама, своего друга, товарища и собутыльника,—зналъ, что онъ почти нищій, что ему нечего ѣсть, что онъ ходитъ въ истертомъ и прорванномъ сюртукѣ. Вдругъ у этого Штрама являются чеки и векселя отъ имени дяди Штрама, и притомъ векселя не просроченные, а дѣйствительные. У него прежде всего должно было зародиться сомнѣніе, что тутъ что-то неладно; зная стараго скупца Штрама, котораго, конечно, не разъ ругательски ругалъ племянникъ въ пьяной компаніи за скупость, онъ долженъ былъ припомнить то, что говорилъ ему Александръ Штрамъ два мѣсяца назадъ—и, вѣроятно, подъ пьяную руку говаривалъ не разъ,—и долженъ былъ естественно спросить себя, нѣтъ ли тутъ убійства? Онъ очень хорошо припомнилъ тогдашнія намѣренія Штрама и пріурочивалъ ихъ къ книжкѣ чековъ: на это указываютъ слова его Львову. Потомъ является перемѣна платья. Скрыжаковъ говорилъ, что Штрамъ перемѣнилъ платье, чтобы идти въ банкъ; но если онъ не боялся возбудить подозрѣніе, являясь къ незнакомому Леонардову въ рваномъ платьѣ и съ чеками, то отчего же онъ не рѣшался идти въ этомъ же платьѣ въ Общество Взаим-

наго Кредита? Причина была, очевидно, не эта. Относительно сюртука слѣдуетъ припомнить тотъ фактъ, что Скрыжаковъ былъ допрошенъ 12-го сентября, и оказалось, что тотъ сюртукъ, которымъ онъ обмѣнялся съ Штрамомъ, находится у него. Слѣдователь отправился къ нему для выемки. Но Скрыжаковъ былъ допрошенъ какъ свидѣтель, слѣдовательно, удерживать его было нельзя. Онъ, конечно, былъ дома раньше слѣдователя, который еще допрашивалъ Степанова,—и когда слѣдователь, черезъ нѣсколько часовъ, явился къ матери Скрыжакова, она предъявила ему сырой сюртукъ своего сына. Сырость произошла, будто бы, оттого, что онъ наканунѣ работалъ на биржѣ. Но представляется слишкомъ неправоподобнымъ, чтобъ сюртукъ могъ оставаться сырымъ цѣлыя сутки, и не послѣ дождя, а просто послѣ работы на биржѣ. Вотъ что заставляетъ думать, что на одеждѣ Штрама были подозрительныя пятна и этихъ пятенъ Скрыжаковъ не могъ не видѣть и не спросить о ихъ происхожденіи. Въ связи съ этимъ находится и то, что были явныя пятна крови и на штанахъ Штрама, которыя онъ перемѣнилъ лишь послѣ указаній Талейнъ, заставивъ свою мать изъ послѣднихъ грошей купить себѣ новые. Въ этихъ запятнанныхъ кровью штанахъ Штрамъ видѣлся, въ день убійства, вскорѣ послѣ него, со Скрыжаковымъ, который не могъ не замѣтить пятенъ—и не связать ихъ съ чеками и съ намѣреніями Штрамъ относительно дяди,—одною внутреннею связью. Наконецъ, близкія отношенія Штрамъ къ Скрыжакову послѣ убійства, ночеваніе вмѣстѣ на квартирѣ Штрамъ и даже пребываніе ихъ на чердакѣ, гдѣ найдена бумажка, несомнѣнно принадлежащая Скрыжакову, наконецъ, отказъ еврея Кобальскаго отъ векселей и чековъ—должны были показать Скрыжакову, въ чемъ тутъ дѣло. Онъ,—искушенный уже жизнью, ловкій и «на всѣ руки», какъ говорятъ о немъ свидѣтели,—не могъ не понимать, что, способствуя продажѣ или залогу чековъ, онъ укрываетъ слѣды преступленія, стараясь помочь воспользоваться плодами его.

Излишне говорить о томъ, что виновность подсудимыхъ, несмотря на то, что двое изъ нихъ обвиняются въ одинаковомъ преступленіи, весьма различна. Дѣло Александра Штрамъ представляется, помимо своего кроваваго характера, еще и грубымъ и коварнымъ нарушеніемъ довѣрія. Убійство соннаго человѣка для похищенія его средствъ, чтобы самому въ полномъ расцвѣтѣ силъ вести бездѣльную жизнь, — убійство, не сопровождаемое никакими проявленіями раскаянія и гнѣздившееся въ мысляхъ подсудимаго издавна,—не можетъ найти себѣ ни извиненія, ни объясненія въ житейской обстановкѣ Александра Штрамъ. Точно также и въ обстановкѣ Скрыжакова трудно усмотрѣть такія смягчающія обстоятельства, которыя позволили бы видѣть въ его похожденіяхъ со Штрамъ, послѣ убійства, что либо иное, кромѣ чуждаго всякихъ колебаній содѣйствія къ пользованію тѣмъ, что такъ ужасно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ легко досталось товарищу по кутежу—и по

преступленію. Но иначе надо, по мнѣнію моему, отнестись къ Елизаветѣ Шрамъ. Невольная свидѣтельница злодѣянія своего сына,— забитая нуждою и жизнью, она сдѣлалась укрывательницею его дѣйствій потому, что не могда найти въ себѣ силы изобличать его... Трепещущія, безсильныя руки матери вынуждены были скрывать слѣды преступленія сына потому, что сердце матери, по праву, данному ему природою, укрывало самого преступника. Поэтому вы, господа присяжные, поступите не только милостиво, но и справедливо, если скажете, что она заслуживаетъ снисхожденія.

IX.

По дѣлу о подлогѣ завѣщанія отъ имени купца Козьмы Бѣляева.

---

24 сентября 1858 года, въ С.-Петербургѣ, на углу Знаменской и Спасской улицъ, въ домѣ № 34, умеръ фридрихсгамскій первостатейный купецъ Козьма Васильевъ Бѣляевъ.

Изъ многочисленныхъ свѣдѣній о личности его оказалось, что Козьма Бѣляевъ, завѣдуя дѣлами племянниковъ своей жены, Александра и Ивана Константиновичей Мясниковыхъ, а также ихъ сестеръ, участвовалъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ дѣлъ на правахъ компаньона и, кромѣ того, владѣя значительнымъ капиталомъ, имѣлъ свои собственныя разнообразныя коммерческія предпріятія, занимаясь откупами, рыбными ловлями, лѣсной торговлею и другою подобною дѣятельностью. Незадолго до смерти Бѣляева, опредѣленіемъ Сената отъ 12-го апрѣля 1858 года, за нимъ были утверждены, въ арендное содержаніе на 12 лѣтъ, рыболовные промыслы въ Астраханской губерніи, изъ платежа въ казну 72,000 р. ежегодно.

Эти рыбные промыслы, перешедшіе послѣ смерти Бѣляева къ братьямъ Александру и Ивану Мясниковымъ, были уступлены ими коллежскому секретарю Трощинскому за 899,000 рублей.

Спрошенныя о состояніи Бѣляева лица, знавшія покойнаго и имѣвшія съ нимъ разныя дѣла: биржевые маклера Максимъ Гротенъ и Аксель Гизико, потомственные почетные граждане Николай Перозіо и Германъ Молво—показали, что въ 1858 году Бѣляевъ намѣревался купить, въ компаніи съ купцами Жадимеровскимъ и Клеменцомъ, у заводчика Берда принадлежащіе послѣднему извѣстные въ С.-Петербургѣ заводы и Гутуевскій островъ за 2.300,000 р., при чемъ, какъ видно изъ подробнаго проекта условія, на долю Бѣляева приходилось уплатить изъ покупной суммы болѣе 1½ милліона. Въ томъ же 1858 году Бѣляевъ входилъ въ переговоры о покупкѣ литейнаго завода герцога Лейхтенбергскаго, обязываясь внести за одного себя 200,000 р., принимать участіе въ учрежденіи въ С.-Петербургѣ новаго газоваго общества, при чемъ передалъ Молво на расходы по этому дѣлу около 5,000 р. и обязался внести за себя залогу 400,000 р., но за смертію не успѣлъ этого сдѣлать. Вообще изъ показаній Молво и Перозіо оказалось, что Бѣляевъ, между знавшими его лицами, слылъ за человѣка богатаго, милліонера.

На другой день послѣ смерти Козьмы Бѣляева, т. е. 25-го сентября 1858 г., старшій помощникъ мѣстнаго надзирателя Рошковскій прибылъ

въ квартиру покойнаго для приведенія въ извѣстность охраненія оставшагося послѣ него имущества и изъ составленнаго по этому случаю акта видно, что послѣ Бѣляева нашлись наличными деньгами 350 руб., старой серебряной монеты 25 штукъ и разнаго рода бумаги, которыя, впредь до составленія имъ описи, были опечатаны полицейскою печатью. О томъ, что послѣ Бѣляева осталось духовное завѣщаніе, въ актѣ не упоминается и опись имущества, какъ видно изъ дѣла, составлена не была.

Составлявшій и писавшій этотъ актъ, бывшій помощникъ надзирателя коллежскій ассесоръ Францъ Рошковскій, при слѣдствіи показалъ, что опечатанія и описи имущества по смерти Бѣляева онъ не производилъ и полагаетъ, что этотъ актъ написанъ имъ по порученію надзирателя въ конторѣ квартала и не въ присутствіи подписавшихъ актъ свидѣтелей, такъ какъ если бы онъ дѣйствительно составлялъ этотъ актъ въ квартирѣ Бѣляева, то увѣренъ, что запомнилъ бы обстановку и расположеніе комнатъ.

Бывшій надзиратель 4 квартала Литейной части, надворный совѣтникъ Павелъ Соколовъ, показалъ, что онъ не помнитъ, чтобы поручалъ Рошковскому, въ конторѣ квартала, составлять актъ объ опечатаніи имущества Бѣляева; самъ онъ, Соколовъ, для опечатанія имущества въ квартирѣ Бѣляева не былъ и, сколько припоминаетъ, въ то время былъ боленъ, такъ что въ январѣ 1859 года вышелъ въ отставку.

6-го ноября 1858 года вдова Козьмы Бѣляева, умершаго бездѣтнымъ, Екатерина Васильева Бѣляева, уроженная дворянка Попова, представила въ 1-й Департаментъ С.-Петербургской Гражданской Палаты, для засвидѣтельствованія, домашнее духовное завѣщаніе отъ 10-го мая 1858 года, писанное коллежскимъ ассесоромъ Макаромъ Афиногеновымъ Целебровскимъ, подписанное завѣщателемъ только двумя словами «Козьма Бѣляевъ» и свидѣтелями: протоіереемъ Василіемъ Яковлевымъ Сицилинскимъ и медикомъ, коллежскимъ ассесоромъ Ѳедоромъ Ивановымъ Отто.

По этому завѣщанію, написанному на одной страницѣ листа бумаги обыкновеннаго формата, покойный Бѣляевъ все движимое и недвижимое имѣніе, въ чемъ бы оно ни состояло и гдѣ бы оно ни оказалось, денежный капиталъ, какой будетъ на лицо, въ дѣлахъ и оборотахъ или въ долгахъ на другихъ, и всѣ его коммерческія предпріятія съ казною и частными лицами, предоставилъ въ неприкосновенную собственность своей жены, Екатерины Васильевой Бѣляевой, обязавъ ее сдѣлать выдачи: родной сестрѣ покойнаго, вдовѣ Аннѣ Васильевой Ремянниковой—4,000 руб., вдовѣ Аннѣ Никифоровой Арефьевой—2,000 руб. и конторщику Бѣляева Николаю Дмитріеву Шмелеву—3,000 руб.

По засвидѣтельствованіи завѣщанія, 16-го ноября 1858 года, Гражданскою Палатою, Екатерина Васильева Бѣляева, по условію, совершенному нотаріальнымъ порядкомъ, 22-го декабря того же года, все доставшееся ей наслѣдство, вмѣстѣ съ двумя принадлежащими ей винокуренными заводами—комаровскимъ, въ Рязанской губерніи, и чураевскимъ, въ Вятской губерніи, и тихвинскою лѣсною дачею, уступила поручику Александру и коллежскому регистратору Ивану Константиновымъ Мясниковымъ за 392,653 руб. съ тѣмъ, что въ уплату этой суммы она приметъ сохранную расписку, выданную ея покойнымъ мужемъ 21-го мая 1858 года Александру и Ивану Мясниковымъ на 272,663 руб. 30 к. и затѣмъ Мясниковы обязались выплатить ей 120,000 руб. ежегодно по 12,000 руб. Въ условіи упомянуты тѣ торговыя предпріятія, принадлежащія ея покойному мужу, право на которыя она передала Мясниковымъ, при чемъ она обязалась на уступленныя имъ недвижимыя имѣнія выдать закономъ установленныя купчія крѣпости и предоставила имъ въ собственность всѣ иски по обязательствамъ съ умершаго несостоятельнаго должника Николая Мясникова, какъ выданныя на имя покойнаго ея мужа, такъ и скупленныя разными лицами, по его порученію.

12-го сентября 1859 года, племянникъ Козьмы Бѣляева, сынъ его родной сестры Надежды Васильевой, казанскій мѣщанинъ Иванъ Мартьяновъ, узнавъ о смерти дяди и прибывъ въ С.-Петербургъ, подалъ бывшему с.-петербургскому военному генералъ-губернатору прошеніе, въ которомъ, излагая обстоятельства, сопровождавшія смерть Бѣляева и появленіе духовнаго завѣщанія отъ 10-го мая 1858 года, а также послѣдовавшее расхищеніе имущества Бѣляева, заявилъ, что означенное завѣщаніе и сохранная росписка, выданная будто бы Бѣляевымъ на 272,653 руб. составлены подложно.

Прошеніе Мартьянова было передано на разсмотрѣніе 2-го Департамента С.-Петербургской управы благочинія, опредѣленіемъ котораго ходатайство его объ изслѣдованіи дѣла было оставлено безъ послѣдствій съ предоставленіемъ ему права обратиться съ заявленіемъ спора о подлогѣ завѣщанія въ Гражданскую Палату.

Вскорѣ по объявленіи Мартьянову сего опредѣленія, онъ, 18-го декабря 1859 года, поступилъ въ Обуховскую больницу, гдѣ того же числа и умеръ отъ холеры.

Послѣ смерти Мартьянова, мать его, сарапульская мѣщанка Надежда Васильева Мартьянова, въ 1861 году предъявила въ С.-Петербургскую Гражданскую Палату споръ противъ завѣщанія Бѣляева, но также до окончанія дѣла умерла въ томъ же 1861 году, оставивъ духовное завѣщаніе, по которому право иска о недѣйствительности духовнаго завѣщанія Бѣляева предоставила мѣщанину Ивану Алексѣеву и женѣ его Аннѣ Николаевнѣ Ижболдинымъ и купчихѣ Зоѣ Николаевнѣ Пѣшехоновой.

По прошеніямъ наслѣдниковъ Мартьяновой, въ С.-Петербургской Гражданской Палатѣ до 1868 года производилось дѣло по спору противъ духовнаго завѣщанія Козьмы Бѣляева. До окончанія дѣла въ гражданскомъ порядкѣ, Иванъ и Анна Ижболдины, 2-го іюля 1868 года, подали прокурору С.-Петербургскаго Окружного Суда жалобу, прося возбужденія уголовнаго преслѣдованія противъ братьевъ—капитана Александра и коллежскаго ассесора Ивана Мясниковыхъ, и мѣщанина Амфилогія Александрова Караганова, по обвиненію ихъ въ составленіи подложнаго духовнаго завѣщанія отъ имени Козьмы Бѣляева. Произведеннымъ по этой жалобѣ предварительнымъ слѣдствіемъ обнаружено, что царскосельскій купецъ Иванъ Алексѣевъ Ижболдинъ, во время смерти Козьмы Бѣляева находился въ городѣ Сарапулѣ; прибывъ въ Петербургъ въ 1859 году, или даже позже, съ довѣренностію мѣщанки Мартьяновой для отысканія слѣдовавшаго ей, по смерти Бѣляева, наслѣдства и для оспариванія духовнаго завѣщанія, онъ обратился къ своему хорошему знакомому, бывшему управляющему дѣлами Мясниковыхъ, Ѳедору Карлову Кемпе, который и объяснилъ ему, что духовное завѣщаніе Бѣляева фальшиво, что подписано за Бѣляева въ конторѣ Мясниковыхъ конторщикомъ мѣщаниномъ Амфилогіемъ Карагановымъ и что Александръ Мясниковъ просилъ Кемпе подписаться на завѣщаніи свидѣтелемъ, но онъ отъ подписи отказался подъ тѣмъ предлогомъ, что въ день составленія завѣщанія, 10-го мая 1858 года, не былъ въ С.-Петербургѣ. Кемпе говорилъ ему, что Караганов учился подписываться отъ имени Бѣляева. Кромѣ того, Кемпе говорилъ, что однажды, послѣ смерти Бѣляева, Иванъ Мясниковъ принесъ въ контору сохранную расписку отъ имени Бѣляева на простой бумагѣ, на сумму 300,000 руб. Кемпе, посмотрѣвъ расписку, замѣтилъ Мясникову, что слѣдовало бы написать ее на гербовой бумагѣ. На другой день Иванъ Мясниковъ показалъ Кемпе сохранную расписку на ту же сумму и на гербовой бумагѣ. Почетный гражданинъ Александръ Ѳедоровъ Красильниковъ разсказывалъ, что Александръ Мясниковъ просилъ его подписаться свидѣтелемъ на завѣщаніи Бѣляева и что завѣщаніе подписалъ за Бѣляева двоюродный братъ Красильникова, Амфилогій Караганов. Управляющій дѣлами Мясниковыхъ, Александръ Ѳедоровъ Матвѣевъ, го-

ворилъ при немъ, что завѣщаніе подписано отъ имени Бѣляева Амфилогіемъ Карагановымъ и что Караганов учился дѣлать подписи Бѣляева. Имѣя подобныя свѣдѣнія о подлогѣ завѣщанія Бѣляева, Ижболдинъ, однажды, въ присутствіи свидѣтелей, уличалъ Караганова въ томъ, что онъ подписалъ духовное завѣщаніе за Бѣляева и сдѣлалъ фальшивые бланки Бѣляева на двухъ банковыхъ билетахъ, и Караганов противъ этого ничего не возражалъ. Кромѣ вышеизложеннаго, Ижболдинъ слышалъ о фальшивомъ завѣщаніи еще отъ купца Ѳедора Красильникова и конторщика Мясникова Дьяконова.

По полученіи этихъ свѣдѣній, Ижболдинъ обращался къ вдовѣ Бѣляева, Екатеринѣ Васильевой, съ предложеніемъ мировой, но она отослала его къ Александру Мясникову, сказавъ, что ее самое племянники обобрали. Купецъ Иванъ Чонинъ разсказывалъ, что на похоронахъ Бѣляева Екатерина Васильева Бѣляева и Целебровскій, переписчикъ духовнаго завѣщанія, говорили, что покойный Бѣляевъ завѣщанія не оставилъ.

Жена купца Анна Васильева Ижболдина показала, что о подложномъ духовномъ завѣщаніи отъ имени Бѣляева она лично слышала отъ чиновника Матвѣева, камердинера Бѣляева Василія Китаева и отъ столярнаго мастера Штеммера, которые передавали ей, что Екатерина Васильева Бѣляева, на похоронномъ обѣдѣ, при всѣхъ говорила, что покойный мужъ ея завѣщанія не оставилъ.

Отставной коллежскій секретарь Николай Семеновъ Германъ, бывшій повѣренный Ижболдиныхъ, показалъ, что однажды зимою, въ 1864 или 1865 году, онъ зашелъ въ трактиръ вмѣстѣ съ Амфилогіемъ Карагановымъ. Караганов, сознаваясь, что подписался на завѣщаніи за Бѣляева, объяснилъ, что Александръ Мясниковъ заставилъ его написать на одной бумагѣ «Козьма Бѣляевъ», говоря, что это такъ нужно, и что онъ, Караганов, исполнилъ это требованіе, не читавъ бумаги и не зная, что онъ подписываетъ духовное завѣщаніе.

Кронштадтскій мѣщанинъ Василій Михайловъ Китаевъ, бывшій камердинеръ покойнаго Бѣляева, показалъ, что послѣ смерти Бѣляева духовное завѣщаніе не было найдено и всѣ думали, что его нѣтъ, о чемъ онъ слышалъ также отъ управляющаго Мясниковыхъ Ѳедора Кемпе. Докторъ Отто тотчасъ послѣ похоронъ Бѣляева, на вопросъ его, Китаева, о завѣщаніи отвѣтилъ, что онъ подписывалъ много бумагъ, но духовнаго завѣщанія не подписывалъ. Сестра Бѣляева, Анна Васильева Ремянникова, также говорила ему, что Бѣляевъ завѣщанія не оставилъ, и онъ видѣлъ, какъ Ремянникова, въ день смерти Бѣляева, просила Александра Мясникова, кланяясь ему въ ноги, не оставить ее безъ вниманія, на что Мясниковъ отвѣтилъ, чтобы она не безпокоилась, что онъ все устроитъ. Чрезъ нѣсколько времени разнесся слухъ, что завѣщаніе открыто и что его привезъ къ Бѣляевой Александръ Мясниковъ. Въ день смерти Бѣляева, послѣдовавшей утромъ, около 11 часовъ, въ квартиру его приходилъ квартальный надзиратель съ помощникомъ, но Александръ Мясниковъ, выйдя въ переднюю, сказалъ надзирателю, что сегодня нельзя, потому что Екатерина Васильевна очень разстроена, а что можно опечатать на другой день. Дѣйствительно, на другой день были запечатаны въ кабинетѣ: пустая конторка и шкафы, этажерка съ бѣльемъ, шкафъ съ платьемъ, картины и жирандоли, но двери кабинета не были опечатаны. Тотчасъ послѣ смерти Бѣляева, Китаевъ, по требованію Александра Мясникова, вынулъ изъ-подъ подушки ключи покойнаго и передалъ ихъ Мясникову, который отперъ всѣ шкафы въ кабинетѣ, и онъ, Китаевъ, видѣлъ, какъ Мясниковъ вынималъ бриліанты и золотыя вещи и переносилъ ихъ къ барынѣ въ спальню; въ это же время Александръ и Иванъ Мясниковы дали чиновнику Матвѣеву, изъ кабинета Бѣляева, портфель, но съ чѣмъ— не знаетъ. Въ 9 часовъ вечера Александръ Мясниковъ увезъ къ себѣ въ домъ всѣ дѣловыя бумаги, находящіяся въ кабинетѣ покойнаго. Бумаги,

въ числѣ которыхъ находились книги, были частію связаны веревками въ связки, частію были завязаны въ простыни. Находился ли при этомъ Иванъ Мясниковъ, онъ не помнитъ. Бѣляевъ прекратилъ свои занятія только за день до смерти и умеръ скоропостижно. Протоіерей Сицилинскій бывалъ только для службы, но въ гости не приходилъ. Целебровскій ходилъ иногда къ Бѣляеву съ дѣлами, но недѣли за двѣ до смерти покойный пересталъ его принимать. Въ день смерти Бѣляева, вдова его сказала Целебровскому, что онъ ей не нуженъ, но потомъ, спустя около 9 дней, принимала его раза 3 или 4, и въ то же время къ ней каждый день приходилъ Амфилогій Карагановъ.

Показанія Василія Китаева объ увозѣ Александромъ и Иваномъ Мясниковыми изъ кабинета Козьмы Бѣляева бумагъ и книгъ были подтверждены показаніями находившихся въ то время въ услуженіи у Бѣляева мѣщанъ: Александра Петрова, Михаила Афонасьева, Прокофія Зиновьева и горничной Бѣляевой—Елены Афонасьевой.

Вдова поручика Антонина Павлова Махаева объяснила, что за недѣлю до смерти Козьмы Бѣляева, она почти постоянно была въ его домѣ и затѣмъ послѣ его смерти оставалась еще дней десять. Въ день смерти Бѣляева, вечеромъ, часу въ десятомъ, она видѣла, какъ Александръ Мясниковъ выносилъ изъ кабинета узлы съ вещами покойнаго, а Екатерина Бѣляева при этомъ переносила изъ кабинета въ свою спальню разныя бездѣлушки. При этомъ она совѣтовала Бѣляевой не довѣряться Мясниковымъ и не подписывать бумагъ не читая ихъ, и говорила, что слѣдовало бы опечатать имущество, какъ это обыкновенно дѣлается, на что Бѣляева ей отвѣчала, что она вполнѣ довѣряетъ своимъ племянникамъ. Былъ ли въ это время Иванъ Мясниковъ -- она не помнитъ, но больше всего распоряжался Александръ Мясниковъ, который всѣ узлы приказывалъ нести въ свою карету, что повторялось раза три или четыре въ теченіе часа времени. Въ числѣ увезенныхъ Мясниковымъ бумагъ было и залоговое свидѣтельство на имѣніе ея, Махаевой, которое хранилось у Бѣляевой. Это свидѣтельство она получила обратно отъ Александра Мясникова. Недѣли черезъ двѣ послѣ смерти Бѣляева, Екатерина Васильевна сказала ей: «напрасно я тогда васъ не послушалась; я раскаиваюсь въ томъ, что подписала бумагу», но про какую бумагу говорила Бѣляева, она не помнитъ. О духовномъ завѣщаніи она, Махаева ничего не слыхала и о появленіи его она узнала спустя мѣсяца два послѣ смерти Бѣляева. Какъ велико было состояніе Козьмы Бѣляева, она не знаетъ, но что онъ былъ очень богатъ, то извѣстно было всѣмъ, кто его зналъ.

Мѣщанка Анна Васильева Ремянникова, родная сестра Козьмы Бѣляева, жившая вмѣстѣ съ нимъ, показала, что о духовномъ завѣщаніи она узнала въ первый разъ по прошествіи 40 дней послѣ смерти ея брата, именно въ то время, когда вдова покойнаго выдала ей слѣдуемыя по завѣщанію 4,000 руб. До этого времени она о завѣщаніи ни отъ кого не слыхала. Въ день смерти Бѣляева, когда обмывали тѣло покойнаго, она видѣла, что выносили изъ кабинета бумаги, но кто выносилъ, не помнитъ. Целебровскій былъ адвокатомъ, но у Бѣляева не бывалъ и она въ домѣ его никогда не видала. Бѣляевъ писалъ много и всегда самъ.

Вдова Екатерина Васильева Бѣляева объяснила, что покойный мужъ ея за нѣсколько дней до смерти передалъ ей наединѣ сложенную бумагу, сказавъ: «возьми эту бумагу». Бумагу она отнесла къ себѣ въ спальню и тамъ, развернувъ, увидѣла, что это духовное завѣщаніе, но не могла его дочитать, потому что была совершенно убита горемъ, и спрятала ее; только около 40-го дня послѣ смерти мужа прочла бумагу и выдала довѣренность Александру Мясникову, чтобы засвидѣтельствовать это завѣщаніе. Послѣ смерти мужа, кажется, еще до засвидѣтельствованія духовнаго завѣщанія и до истеченія шести недѣль, племянники ея, Александръ и Иванъ Мясниковы, предложили ей расписаться поручительницею на со-

хранной распискѣ ея мужа въ 272,000 руб. Вся ли расписка была писана ея мужемъ, или только имъ подписана, не помнитъ. Впослѣдствіи, кажется въ декабрѣ 1858 года, желая раздѣлаться съ Мясниковыми по распискѣ и не желая заниматься дѣлами, она передала имъ по контракту все имущество, доставшееся ей по завѣщанію мужа, количество котораго, по ихъ общимъ разсчетамъ, простиралось до 392,000 р., и она продала все за эту сумму, такъ какъ это была ея воля. По какому случаю Мясниковы отдавали мужу на сохраненіе большую сумму денегъ, ей неизвѣстно, и объ этой сохранной распискѣ мужъ ея, при жизни, ничего ей не говорилъ. Послѣ подписанія ею договора съ Мясниковыми, 22-го декабря 1858 года, сохранная расписка была уничтожена, но кѣмъ именно—не помнитъ. Въ день смерти ея мужа, Мясниковы взяли изъ ея кабинета только свои дѣла и бумаги, которыя лежали тамъ отдѣльно. На допросѣ же въ 1871 году, Екатерина Бѣляева, подтверждая изложенное показаніе, въ разъясненіе его присовокупила, что на данную ей мужемъ бумагу она только взглянула, но вовсе не начинала читать ея, и потому, что въ ней было написано, она въ то время не знала и только увидѣла, что это духовное завѣщаніе. Куда именно спрятала она эту бумагу—не помнитъ, но полагаетъ, что всего вѣроятнѣе она положила ее туда же, гдѣ лежали ея счеты и другія бумаги, т. е. въ спальню, на окно. Также она не можетъ утверждать, что дѣла и бумаги Мясниковыхъ лежали отдѣльно въ кабинетѣ ея мужа и не помнитъ, давала ли она позволеніе Мясниковымъ, въ день смерти мужа, взять ихъ бумаги изъ кабинета и обращались ли они къ ней за позволеніемъ, такъ какъ она въ этотъ день была очень разстроена и съ нею дѣлались обмороки. По предъявленіи Бѣляевой духовнаго завѣщанія ея мужа, она на допросѣ въ 1871 году объяснила, что то ли это завѣщаніе, которое ей было вручено ея мужемъ, она положительно утверждать не можетъ, ибо какъ при полученіи отъ мужа, такъ и при передачѣ завѣщанія Александру Мясникову, для засвидѣтельствованія, она завѣщанія не читала и въ него не всматривалась. Что мужъ ея не имѣлъ большихъ дѣлъ и капиталовъ, доказательствомъ того служитъ, что, за уплатою Мясниковымъ по распискѣ 272,000 р., она не только ничего не получила, но еще должна была изъ своего собственнаго имущества приплатить часть для погашенія долговъ покойнаго. Дѣлъ и капиталовъ мужа она при жизни его не знала; уступила же Мясниковымъ всѣ его предпріятія и свои два собственные завода: чураковскій и комаровскій и лѣсную дачу въ Тихвинскомъ уѣздѣ за 392,000 рублей, полагаясь на слова Мясниковыхъ, что уступаемое имъ болѣе не стоитъ, такъ какъ она имъ вѣрила, какъ своимъ собственнымъ дѣтямд.

При обыскѣ, произведенномъ 20 февраля 1871 года въ домѣ Екатерины Бѣляевой, между прочимъ найдены слѣдующія бумаги:

а) черновое вѣрющее письмо отъ имени Бѣляевой отъ сентября 1858 г., на имя Александра Мясникова. Въ этомъ письмѣ Бѣляева, не упоминая о духовномъ завѣщаніи, уполномочиваетъ Мясникова замѣнять мужа и ее во всѣхъ дѣлахъ и случаяхъ касающихся покойнаго мужа ея и наслѣдства послѣ него;

б) черновое письмо на имя Ивана и Александра Мясниковыхъ, въ которомъ Бѣляева укоряетъ ихъ въ томъ, что они поступили съ нею несправедливо и, упоминая, что ими взяты всѣ безъ исключенія документы, оставшіеся послѣ ея мужа, угрожаетъ Мясниковымъ подать просьбу Государю, съ намѣреніемъ возобновить передъ Нимъ все произошедшее;

в) черновое письмо въ трехъ экземплярахъ одинаковаго содержанія на имя Александра и Ивана Мясниковыхъ, въ которомъ Бѣляева упрекаетъ Мясниковыхъ, что «они за поступки съ нею отдадутъ отчетъ Богу» и далѣе пишетъ, что «теперь спала съ ея глазъ завѣса, скрывавшая нечистыя дѣла воспользовавшихся тогдашнимъ ея горемъ»; упоминаетъ, что «она не можетъ совершить купчей крѣпости, такъ какъ имъ, кажется,

слишкомъ хорошо извѣстно, что они сами, собственными своими руками, всѣ находившіяся въ конторкѣ покойнаго ея мужа бумаги забрали себѣ домой». Снова угрожая Мясниковымъ подать Государю прошеніе съ изложеніемъ подробностей отъ начала смерти ея мужа, она выражается: «вы пріобрѣли отъ меня рѣшительно все, а заплатили невѣдомой для меня какой-то сохранной распиской»;

г) разсчетъ, писанный рукою Екатерины Бѣляевой, въ которомъ перечисляются, съ означеніемъ цѣны, уступленныя ею Мясниковымъ имѣнія и коммерческія предпріятія, съ присовокупленіемъ счета тѣхъ суммъ, которыя ей слѣдуетъ получить. Изъ этого разсчета оказывается, что Бѣляевой слѣдовало получить всего болѣе 700,000 рублей. На оборотѣ этого же листа находится черновая расписка Александра и Ивана Мясниковыхъ отъ января 1859 года въ томъ, что они обязуются уплатить Бѣляевой 20,000 рублей, по окончаніи винокуреній на чураковскомъ и комаровскомъ винокуренныхъ заводахъ и за участіе ея мужа въ откупахъ въ Ставропольской губерніи 20,000 рублей, а всего 40,000 рублей.

Екатерина Бѣляева, по поводу найденныхъ у ней при обыскѣ бумагъ, объяснила, что кѣмъ записаны черновыя письма на имя братьевъ Мясниковыхъ, ей неизвѣстно: такихъ писемъ она сама не писала и писать никому не поручала, и какимъ образомъ у ней оказались эти письма, она объяснить не можетъ. Относительно разсчета, писаннаго ея рукою, Бѣляева объяснила, что когда и съ какой цѣлію она писала этотъ разсчетъ — не помнитъ и объяснить по сему предмету ничего не можетъ. Черновая расписка въ 40,000 р. и довѣренность ея на имя Александра Мясникова — кѣмъ писаны, не знаетъ, а предполагаетъ, что, можетъ быть, Шмелевымъ, бывшимъ конторщикомъ ея мужа.

Потомственный почетный гражданинъ Александръ Красильниковъ, бывшій компаньонъ Бѣляева по откупамъ, показалъ, что въ день похоронъ Козьмы Бѣляева, пріятель покойнаго, надворный совѣтникъ Степанъ Воронинъ, затѣмъ умершій, говорилъ съ удивленіемъ, что Бѣляевъ, такой аккуратный человѣкъ, не оставилъ духовнаго завѣщанія, и что онъ спрашивалъ объ этомъ вдову покойнаго и она также сказала, что завѣщанія нѣтъ. Конторщикъ Бѣляева, Шмелевъ, женатый на его воспитанницѣ, также говорилъ Красильникову, что Бѣляевъ завѣщанія не оставилъ. Послѣ похоронъ, дня черезъ три или четыре, онъ, Красильниковъ, зашелъ къ Екатеринѣ Бѣляевой, чтобы поговорить съ нею по общимъ дѣламъ съ ея мужемъ. При этомъ Бѣляева говорила, что хотя Козьма Васильевичъ и предполагалъ составить духовное завѣщаніе, но духовнаго завѣщанія, однакоже, нѣтъ. Это самое она повторила и при вторичномъ свиданіи.

Чиновникъ Александръ Матвѣевъ разсказывалъ Красильникову, что въ день смерти Бѣляева, за нимъ прислалъ Александръ Мясниковъ и далъ ему, Матвѣеву, изъ дома Бѣляева большой пакетъ съ банковыми билетами, съ тѣмъ, чтобы онъ, Матвѣевъ, отнесъ пакетъ въ домъ Мясникова и положилъ въ его спальнѣ подъ подушку. По предъявленіи Красильникову, при слѣдствіи, духовнаго завѣщанія, отъ 10 мая 1858 г., онъ отозвался, что подпись на оном: «Козьма Бѣляевъ»—непохожа на настоящую подпись Бѣляева. Покойный всегда подписывался: «Фридрихсгамскій первостатейный купецъ Козьма Васильевъ Бѣляевъ», и писалъ такъ своеобразно, что трудно было подписаться подъ его руку. На завѣщаніи слово «Козьма» очень похоже на почеркъ Караганова, слово же «Бѣляевъ» написано лучше и очень похоже на тѣ подписи, которыя ему показывалъ Карагановъ на листѣ. Бѣляевъ подписывая бумаги, имѣлъ обыкновеніе за подписью, на той же линіи, поодаль, ставить точку. Вообще Бѣляевъ имѣлъ обыкновеніе всѣ бумаги, даже отзывы въ кварталъ, писать собственноручно отъ начала до конца, и бумаги сочинялъ всегда самъ, потому что былъ хорошимъ юристомъ. Вслѣдствіе этого, Красильниковъ полагаетъ, что Бѣляевъ не поручилъ бы Целебровскому написать духов-

ное завѣщаніе и притомъ написалъ бы его не такъ, какъ завѣщаніе отъ 10 мая 1858 года. Бѣляевъ былъ человѣкъ аккуратный и въ завѣщаніи распорядился бы своими дѣлами какъ слѣдуетъ. Бѣляевъ, какъ ему извѣстно, велъ собственноручно три книги: меморіалъ, кассовую книгу и главную книгу, а въ конторахъ у него велись отдѣльныя книги по двойной бухгалтеріи, по каждому предпріятію отдѣльно. Кромѣ того, у Бѣляева постоянно лежалъ листъ бумаги, на которомъ онъ все записывалъ на память.

Изъ дѣла видно, что надворный совѣтникъ Матвѣевъ, подтвердившій ссылку Красильникова, былъ допрошенъ судебнымъ слѣдователемъ 8 іюля 1868 года. При дальнѣйшемъ производствѣ слѣдствія, въ виду новыхъ обстоятельствъ дѣла, требовавшихъ разъясненій, Матвѣевъ не могъ быть допрошенъ, за смертію его, послѣдовавшей въ Маріинской больницѣ, куда онъ былъ доставленъ 25 августа 1868 года, и умеръ въ теченіе сутокъ.

Столярный мастеръ Ѳедоръ Ивановъ Штеммеръ, управляющій мебельнымъ магазиномъ Бѣляева, показалъ, что, послѣ похороннаго обѣда, Екатерина Васильева Бѣляева, при немъ, родственникѣ его Кемпе, купцѣ Каменскомъ, Целебровскомъ и Воронинѣ нѣсколько разъ говорила, что завѣщанія нѣтъ, и уже впослѣдствіи, недѣль черезъ 5 или 6, онъ узналъ отъ конторщика Бѣляева, Николая Шмелева, что завѣщаніе нашлось и что до этого Шмелевъ все время говорилъ, что завѣщанія нѣтъ. На другой или на третій день послѣ смерти Бѣляева, онъ, Штеммеръ, пріѣхавъ къ его дому, встрѣтилъ у подъѣзда Александра Мясникова, который перевозилъ къ себѣ, въ двухъ или трехъ каретахъ, какія-то бумаги. Шмелевъ сказалъ ему, что Мясниковъ перевозилъ къ себѣ дѣла изъ кабинета. Въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ онъ нѣсколько разъ слышалъ отъ Матвѣева, что завѣщаніе Бѣляева фальшиво, и что подписано оно Карагановымъ, при соучастіи Целебровскаго. Также Матвѣевъ разсказывалъ, что въ день смерти Бѣляева, Александръ Мясниковъ вручилъ ему портфель съ секретными документами и золотую монету въ мѣшечкахъ, которую онъ считалъ вмѣстѣ съ Мясниковымъ и которой оказалось болѣе трехъ сотъ тысячъ. По предъявленіи Штеммеру духовнаго завѣщанія, онъ объявилъ, что подпись Бѣляева находитъ сдѣланною не его рукою.

Мѣщанинъ Петръ Николаевъ Клюевъ, бывшій писецъ въ конторѣ Бѣляева, показалъ, что о существованіи духовнаго завѣщанія онъ узналъ черезъ нѣсколько недѣль послѣ смерти Бѣляева, хотя все это время и слышалъ отъ Шмелева, что завѣщаніе ищутъ. На четвертый день послѣ смерти Бѣляева, Шмелевъ передалъ ему, что Екатерина Васильевна Бѣляева высказывала жалобу, что Мясниковы ее ограбили и что изъ кабинета Бѣляева вывезли различныя бумаги, при чемъ высказала предположеніе, что между этими бумагами было и духовное завѣщаніе. При этомъ Шмелевъ, какъ бы про себя, сказалъ, что Мясниковы затѣваютъ какое-то ужасное дѣло, а дня черезъ два сказалъ, что это именно подлогъ завѣщанія. Когда же Шмелевъ узналъ, что и ему отказано въ завѣщаніи, то сталъ уклоняться отъ разговоровъ и пересталъ говорить о завѣщаніи.

Коллежскій ассесоръ Константинъ Игнатьевъ Шимановскій показалъ, что повѣренный Бѣляевой, Чевакинскій, говорилъ ему, что слышалъ отъ самой Бѣляевой, что Мясниковы, послѣ смерти ея мужа, ночью обобрали его кабинетъ и вывезли изъ него книги, дѣла, деньги, однимъ словомъ—все, что въ немъ находилось, и затѣмъ, когда въ присутствіи полиціи были перебраны по листамъ оставшіяся бумаги, то въ нихъ ничего похожаго на завѣщаніе Бѣляева не нашлось. Потомъ, недѣли черезъ двѣ, Александръ Мясниковъ пріѣхалъ въ домъ Бѣляевой, прошелъ въ кабинетъ и оттуда вынесъ духовное завѣщаніе Бѣляева, найденное имъ, будто бы, въ опечатанномъ ящикѣ стола, и завѣщаніе это съ восторгомъ передалъ Бѣляевой. Чевакинскій говорилъ, что это завѣщаніе фальшивое, въ чемъ онъ убѣдился сличеніемъ почерка и тѣмъ, что оно подписано только словами

«Козьма Бѣляевъ», тогда какъ покойный всегда писалъ бумаги самъ, по 40 писемъ въ день; что во время написанія завѣщанія Бѣляевъ вовсе не былъ боленъ и ѣздилъ на какіе-то торги въ Сенатъ; что Мясниковы предъявили Бѣляевой какую-то фальшивую сохранную расписку, писанную заднимъ числомъ, которую показали ей только надали и принудили Бѣляеву подписать какой-то контрактъ о передачѣ Мясниковымъ всего имущества Бѣляева, и что если завѣщаніе будетъ представлено къ дѣлу, то Мясниковы пойдутъ въ Сибирь. При этомъ Чевакинскій говорилъ, что онъ можетъ избавить Мясниковыхъ отъ бѣды тѣмъ, что возьметъ завѣщаніе отъ Бѣляевой къ себѣ, и если Мясниковы согласятся, то онъ убѣдитъ Бѣляеву сжечь завѣщаніе, а самъ объявитъ, что оно потеряно, и что тогда невозможно будетъ узнать о его фальшивости, но что за всѣ эти дѣйствія онъ дешево съ Мясниковыхъ не возьметъ. Въ январѣ 1868 года Чевакинскій, при встрѣчѣ съ нимъ, объявилъ, что онъ, Шимановскій, выставленъ свидѣтелемъ по дѣлу о духовномъ завѣщаніи Бѣляева и просилъ его быть съ нимъ за одно, говоря, что дѣло это грязное, и что онъ уже измѣнилъ свое мнѣніе.

Крестьянинъ Иванъ Дьяконовъ показалъ, что съ 1846 года по 1852 онъ служилъ у Бѣляева управляющимъ и ревизоромъ по откупамъ, а въ 1858 г. поступилъ на службу въ контору Мясниковыхъ. Бѣляевъ дѣловыя бумаги всегда писалъ самъ, и хотя у него бывало по 30 управляющихъ, но онъ съ ними переписывался всегда лично. Иногда случалось отъ Бѣляева получать бумаги, писанныя не его собственною рукою, а только имъ подписанныя. Бѣляевъ подписывалъ предписанія большею частію полнымъ титуломъ «первостатейный фридрихсгамскій купецъ Козьма Бѣляевъ», простыя же письма подписывалъ просто «К. Бѣляевъ». Письма поважнѣе всегда писалъ собственноручно. По предъявленіи Дьяконову духовнаго завѣщанія отъ 10 мая, онъ отозвался, что подпись кажется похожею на почеркъ Бѣляева, хотя, повидимому, сдѣлана больною рукою и стальнымъ перомъ, тогда какъ по почерку Бѣляева и ровному его письму онъ полагаетъ, что Бѣляевъ всегда писалъ гусинымъ перомъ. Въ апрѣлѣ или маѣ 1858 года Бѣляевъ былъ здоровъ и въ іюнѣ, какъ онъ слышалъ, ѣздилъ на торги въ Сенатъ.

Крестьянинъ Андрей Кунаковскій показалъ, что въ ноябрѣ 1870 года, въ Задонскомъ уѣздѣ, мѣщанинъ Амфилогій Карагановъ, проживавшій въ арендуемомъ Мясниковымъ винокуренномъ заводѣ, въ качествѣ ревизора, между прочимъ говорилъ, что «я своему хозяину Мясникову пользу принесъ, милліонъ рублей у купца отбилъ, всѣ деньги обобралъ. Обдѣлали такъ, что не оставили ему и на извозчика на тотъ свѣтъ проѣхать. За это изъ всѣхъ денегъ Мясниковъ далъ мнѣ только 2,000 руб.». Это показаніе Кунаковскаго подтвердилъ безсрочно отпускной рядовой Илья Никитинъ Киселевъ, бывшій въ это время на постояломъ дворѣ, съ присовокупленіемъ, что Карагановъ говорилъ, что онъ «отъ фридрихсгамскаго купца, лысаго, беззубаго старика, служившаго лакеемъ у Мясникова и неправильно нажившаго отъ него деньги и каменный домъ, отобралъ все хозяину своему, Мясникову, и за то, что отбилъ милліонъ рублей для Мясникова, получилъ отъ него только 2,000 р.».

Купецъ Петръ Герасимовъ Жуковъ, управляющій винокуреннымъ заводомъ Мясникова въ селѣ Подгорномъ, показалъ, что Амфилогій Карагановъ, въ продолженіе двухъ лѣтъ до его арестованія по дѣлу, числился на заводѣ какъ бы ревизоромъ и все это время велъ себя болѣе чѣмъ странно, позволяя себѣ такіе поступки, которые давали полное право думать, что онъ находится въ ненормальномъ состояніи. Карагановъ часто билъ стекла въ конторѣ и прочихъ службахъ, нерѣдко позволялъ себѣ, по ночамъ и между жилыми строеніями, стрѣлять изъ ружья; во время праздниковъ устраивалъ съ мужиками борьбу и, въ случаѣ неудачи, билъ въ кабакѣ посуду и тому подобное. Вообще, всѣ поступки Караганова

были хорошо извѣстны главному управляющему Мясниковыхъ, Кошелькову, живущему также въ селѣ Подгорномъ.

Изъ найденныхъ при обыскѣ у купца Кошелькова, въ значительномъ числѣ, писемъ разныхъ лицъ, служащихъ на заводахъ и складахъ Мясниковыхъ, видно, что эти лица неоднократно доносили Кошелькову о неблаговидныхъ поступкахъ Караганова и вообще о его дурномъ поведеніи.

Мѣщанинъ Алексѣй Бѣляевъ, состоящій для разныхъ порученій на Подгорномъ винокуренномъ заводѣ и кассиръ завода, Крестьянинъ Степанъ Ашкиринъ, подтвердили, что Караганов года полтора числился на заводѣ въ должности главнаго ревизора, почти ничѣмъ не занимался и командировокъ ему никакихъ не давали; Мясниковъ держалъ Караганова, выдавая по 1,000 р. въ годъ, съ добавленіемъ ежемѣсячнаго отпуска водки. Вслѣдствіе праздности, Караганов предавался пьянству, часто производилъ буйство и все это оставалось безнаказаннымъ.

Жена царскосельскаго мѣщанина Наталья Караганова показала, что Александра Мясникова она знала лѣтъ 15 и была съ нимъ въ связи года четыре. Въ день смерти купца Бѣляева, Александръ Мясниковъ былъ у ней утромъ въ ея квартирѣ, по Баскову переулку, и лишь только его лакей доложилъ ему, что Бѣляевъ сильно заболѣлъ, Мясниковъ ушелъ отъ нея, сказавъ, что придетъ къ ней вечеромъ. Часовъ въ 8 или 9 вечера, Мясниковъ принесъ къ ней довольно большой пакетъ разныхъ бумагъ, между которыми было много бумагъ, сколько припоминаетъ, зеленаго цвѣта. Всѣ эти бумаги Мясниковъ спряталъ въ ящикѣ ея туалета и ключъ взялъ съ собой. На другой день послѣ похоронъ Бѣляева, Мясниковъ взялъ къ себѣ оставленныя у нея въ туалетѣ бумаги. Нѣсколько дней спустя, какъ-то вечеромъ, Мясниковъ привезъ къ ней узелъ въ желтомъ фуляровомъ платкѣ и просилъ его спрятать. Предполагая, что это грязное бѣлье изъ бани, она бросила его подъ кровать. Дня черезъ два Мясниковъ спросилъ ее, куда она положила его деньги? На вопросъ же ея—какія деньги? онъ отвѣтилъ, что тѣ, которыя были въ данномъ ей узлѣ и, узнавъ отъ нея, что она бросила узелъ подъ кровать, сказалъ ей: какъ можно быть такою неосторожною, вѣдь въ немъ 150,000 руб. Послѣ этого, доставъ изъ-подъ кровати узелъ, онъ развязалъ его и сталъ считать оказавшіеся въ немъ кредитные билеты, перевязанные веревочками въ отдѣльные пакеты. Денегъ оказалось очень много, но было ли тамъ 150,000 руб., она не знаетъ. Пересчитавъ деньги и взявъ ихъ съ собою, Мясниковъ тотчасъ же уѣхалъ, выразивъ при этомъ удивленіе ея честности. Въ этотъ же промежутокъ времени она какъ-то разъ видѣла, что къ подъѣзду квартиры Мясникова подъѣхали ломовые извозчики съ сундуками большого размѣра и понесли ихъ къ Мясникову. Когда она спрашивала потомъ Мясникова объ этихъ сундукахъ, онъ ей отвѣтилъ, что въ нихъ привезли его дѣла, бывшія у покойнаго Бѣляева. Послѣ ея свадьбы съ приказчикомъ Мясникова, Карагановымъ, она тотчасъ уѣхала, по настоянію мужа, въ Козьмодемьянскъ, гдѣ жилъ его отецъ. Наканунѣ свадьбы она получила отъ Александра Мясникова 10,000 р., которые тотчасъ послѣ свадьбы отдала своему мужу. Мясниковъ уговаривалъ ее выйти замужъ за Караганова, какъ она полагаетъ, потому, что хотѣлъ отъ нея избавиться, видимо не желая, чтобы она жила въ С.-Петербургѣ. Избавиться отъ нея онъ желалъ потому, что въ послѣднее время они постоянно ссорились, и во время ссоръ она часто упрекала Мясникова, что онъ, вмѣстѣ съ докторомъ Отто, отравилъ Бѣляева и составилъ отъ имени Бѣляева духовное завѣщаніе. На всѣ ея упреки съ этой стороны, Мясниковъ обыкновенно смѣялся, но смѣхъ его былъ ненатуральный. О томъ, что Мясниковъ составилъ подложное завѣщаніе, она въ первый разъ слышала отъ доктора Отто, который ее лѣчилъ и однажды разсказалъ, что въ городѣ разнесся слухъ, что будто бы онъ, Отто, отравилъ Бѣляева, а Мясниковъ составилъ подложное завѣщаніе. О составленіи Мясниковымъ завѣщанія

она также слышала отъ чиновника Матвѣева. Первое время послѣ свадьбы она жила съ мужемъ у его отца. Мужъ ея въ продолженіе года ничѣмъ не занимался и какое было у него состояніе, она не знаетъ, хотя первые три года онъ жилъ прилично и постоянно имѣлъ, повидимому, деньги. Сначала онъ завелъ свою хлѣбную торговлю въ Казани, а потомъ винную торговлю; но въ этихъ предпріятіяхъ онъ потерпѣлъ неудачи и, кажется, потерялъ какъ свой капиталъ, такъ и полученныя ею отъ Мясникова 10,000 р. Сколько извѣстно изъ словъ мужа, Мясниковъ далъ ему до свадьбы только двѣ тысячи рублей, между тѣмъ какъ обѣщалъ давать ему ежегодно изъ кириловскихъ паевъ по двѣ съ половиною тысячи въ годъ, но этого не исполнилъ. Хотя ей мужъ и не говорилъ, за что Мясниковъ обѣщалъ ему кириловскіе паи, но она часто попрекала его тѣмъ, что эти паи обѣщаны за услугу, оказанную имъ въ темныхъ дѣлахъ Мясникова. Вообще, мужъ ея о своихъ дѣлахъ ей ничего не говорилъ, а совѣтовался наединѣ съ своимъ отцомъ; а ее онъ какъ будто боялся и видимо подозрѣвалъ какъ ее, такъ и другихъ въ томъ, что его хотятъ отравить или убить. Такъ, онъ ходилъ постоянно съ револьверомъ въ карманѣ; велѣлъ однажды доктору анализировать пудру, найденную имъ у ея горничной, предполагая, что это отрава, и вообще, остерегался всѣхъ и каждаго. Доктора Отто она знала съ 1857 года. Въ то время онъ былъ человѣкъ очень бѣдный. Послѣ же смерти Бѣляева она слышала въ Казани, что онъ вдругъ сильно разбогатѣлъ, въ чемъ убѣдилась и лично, увидѣвъ его потомъ въ Петербургѣ. Живя въ Казани, она часто слышала разговоръ о завѣщаніи Бѣляева между мужемъ и его отцомъ, при чемъ ея мужъ при ней сознавалъ себя виновнымъ и говорилъ бывало: «Ахъ, Боже мой, что я сдѣлалъ», но прямо онъ не высказывался.

Вдова штабсъ-ротмистра Ульяна Дементьева вполнѣ подтвердила показаніе Караганової о привозѣ къ ней Мясниковымъ, на другой день похоронъ Бѣляева, узла съ 150,000 р., и присовокупила, что Караганова съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхала изъ Казани и до послѣдняго времени, много разъ получала деньги отъ Александра Мясникова, но сколько именно—не знаетъ, но никогда не получала менѣе 100 рублей. Въ разговорѣ съ нею, по поводу этихъ полученій, Караганова говорила, что Мясниковъ даетъ ей деньги за то, что она хранитъ его тайну о фальшивой духовной Бѣляева, но подробностей не говорила. Однажды Караганова при ней послала Мясникову письмо, писанное подъ диктовку ея знакомымъ Ивановымъ, въ которомъ выразилась такъ: «Я къ вамъ не милостыни хожу просить, а вы вспомните на счетъ духовной». Отвѣта на это письмо, сколько ей извѣстно, получено не было, но чрезъ нѣкоторое время Караганова дала ей 25 р., сказавъ, что это изъ денегъ Мясникова.

Мѣщанинъ Александръ Карагановъ показалъ, что въ 1862 году онъ слышалъ отъ Ивана Ижболдина и Александра Красильникова, что духовное завѣщаніе Бѣляева подложно, и что участникомъ въ подлогѣ подозрѣваютъ его сына Амфилогія Караганова. Вслѣдствіе этихъ слуховъ и замѣтя нѣкоторую перемѣну въ своемъ сынѣ, видя его иногда задумчивымъ, разсѣяннымъ и думая, что его что-то тревожитъ, онъ спрашивалъ сына нѣсколько разъ, не виновенъ ли онъ въ составленіи духовнаго завѣщанія Бѣляева, но Амфилогій никогда на это опредѣленно не отвѣчалъ, даже просилъ его не говорить съ нимъ объ этомъ, высказывая, что, отвѣтивъ на его вопросъ правду, онъ боится его огорчить, и только однажды, очень неохотно и съ волненіемъ сказалъ, что онъ подписалъ бланкъ отъ имени Бѣляева, который его просили подписать, но кто просилъ, для чего и, вообще, подробностей не высказалъ и просилъ его объ этомъ не спрашивать.

С.-Петербургскій мѣщанинъ Амфилогій Карагановъ объяснилъ, что, въ день смерти купца Бѣляева, Александръ Константиновичъ Мясниковъ, придя къ нему, или позвавъ его къ себѣ,—съ точностію не упомнитъ,—

заявилъ сперва о смерти Бѣляева и затѣмъ, выразивъ сожалѣніе о томъ, что не успѣлъ покончить съ Бѣляевымъ разсчетовъ и взять свой капиталъ, упросилъ его, не объясняя для какой цѣли, подписать имя и фамилію Бѣляева на листѣ бумаги большого формата. Не предполагая въ требуемомъ отъ него дѣйствіи ничего вредосудительнаго, онъ исполнилъ желаніе Мясникова, при чемъ старался, по возможности, поддѣлать свой почеркъ подъ почеркъ руки Бѣляева. Такъ какъ сначала поддѣлаться подъ почеркъ Бѣляева ему не удалось, то онъ испортилъ нѣсколько листовъ и, наконецъ, найдя послѣднюю пробу, то-есть подпись Бѣляева, довольно сходною съ настоящею его подписью, онъ отдалъ тотъ бланкъ Александру Мясникову. По предъявленіи слѣдователемъ Караганову духовнаго завѣщанія отъ 10-го мая 1858 года, Карагановъ объяснилъ, что текстъ на предъявленномъ ему завѣщаніи писанъ, повидимому, рукою Целебровскаго; подпись же на этомъ завѣщаніи «Козьма Бѣляевъ» весьма возможно, что сдѣлана имъ, но навѣрное этого сказать не можетъ. Предполагаетъ же, что эта подпись сдѣлана имъ потому, что когда онъ отдалъ Мясникову подложный бланкъ, то подпись Бѣляева на бланкѣ пришлась какъ разъ въ томъ же мѣстѣ, какъ на предъявленномъ ему завѣщаніи, сколько упомнитъ, подложный бланкъ Бѣляева онъ сдѣлалъ у себя въ комнатѣ стальнымъ перомъ. Какъ скоро послѣ смерти Бѣляева появилось духовное завѣщаніе, онъ не помнитъ, но приблизительно можетъ сказать, что черезъ нѣсколько дней, о чемъ онъ узналъ изъ разговоровъ служащихъ у Бѣляева или у Мясникова. За услугу, оказанную имъ Мясникову въ подписаніи бланка отъ имени Бѣляева, онъ ничего не получилъ. Послѣ смерти Бѣляева онъ оставался служить у Мясниковыхъ въ продолженіе 10 мѣсяцевъ, а потомъ, лѣтомъ 1859 года, отошелъ отъ нихъ и уѣхалъ въ Казанскую губернію, гдѣ открылъ свою собственную торговлю хлѣбомъ, отчасти на свои денежныя средства, отчасти же на кредитъ отъ разныхъ лицъ и отчасти на деньги жены. Оставляя у Мясниковыхъ службу, онъ получилъ въ награду 10 паевъ въ кириловскомъ откупѣ, каковые паи стоили двѣ тысячи рублей. Затѣмъ, поступивъ въ 1865 г. вторично на службу къ Мясниковымъ, онъ продолжалъ ее до послѣдняго времени, получая по должности главнаго ревизора 1,000 р. въ годъ. О сохранной распискѣ, выданной Бѣляевымъ Александру и Ивану Мясниковымъ на 272,000 р., онъ въ первый разъ слышитъ и никогда ни отъ кого не слыхалъ, чтобы Бѣляевъ бралъ деньги у Мясникова на сохраненіе.

Отставной ротмистръ Александръ Мясниковъ, занимавшій до 1871 года должность адъютанта начальника III отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, не признавая себя виновнымъ въ составленіи подложнаго духовнаго завѣщанія отъ имени купца Козьмы Бѣляева, на допросѣ, въ 1868 году, объяснилъ, что Мясниковы еще не дошли до того, чтобы дѣлать подлоги для полученія 272,000 р. Бѣляевъ былъ не болѣе, какъ ихъ управляющій и опекунъ надъ малолѣтнимъ ихъ племянникомъ. Подписываться на завѣщаніи и сохранной распискѣ ни Кемпе, ни Шевелева, ни Красильникова онъ не просилъ. Бѣляевъ при жизни своей нѣсколько разъ говорилъ, что все оставитъ женѣ своей. Послѣ смерти Бѣляева онъ, съ дозволенія Екатерины Васильевой Бѣляевой, поспѣшилъ взять изъ кабинета покойнаго свои бумаги и книги, которыя ему были очень нужны, потому что у него дѣла были по всей Россіи, и онъ еще мало былъ знакомъ съ ними. Кабинетъ покойнаго былъ опечатанъ на другой день смерти. О существованіи завѣщанія онъ узналъ отъ Бѣляевой послѣ смерти ея мужа и увидѣлъ его тогда, когда она отдала ему завѣщаніе для представленія въ Гражданскую Палату. Бѣляева подписалась поручительницею на сохранной распискѣ уже послѣ смерти ея мужа, кажется, до подписанія условія о передачѣ имъ дѣлъ покойнаго Бѣляева; но одинъ ли онъ, или вмѣстѣ съ братомъ Иваномъ просили подписаться Бѣляеву поручительницею на распискѣ — не помнитъ; сдѣлано же это было

для того, чтобы имъ быть болѣе обезпеченными. Когда онъ получилъ отъ Бѣляева послѣдній отчетъ—не помнитъ; полный разсчетъ съ Бѣляевымъ былъ у него передъ выдачею ему сохранной расписки. Была ли эта расписка вся писана Бѣляевымъ или только имъ подписана—не помнитъ; выдана же она была Бѣляевымъ по ихъ разсчетамъ, и сумма ея была переведена на золото и на серебро. Для окончанія дѣла о завѣщаніи миромъ съ Мартьяновымъ, на мѣсто его родины онъ никого не посылалъ. При допросѣ въ 1871 году Александръ Мясниковъ объяснилъ, что къ служившему у него конторщикомъ, Амфилогію Караганову, онъ въ день смерти Бѣляева не обращался съ просьбою поддѣлать на листѣ бумаги бланкъ Козьмы Бѣляева. Почему Караганов на него ложно показываетъ, ему неизвѣстно; но просить его о бланкѣ отъ имени Бѣляева, для составленія духовнаго завѣщанія, онъ не могъ по двумъ причинамъ; во-первыхъ, составлять завѣщанія отъ имени Бѣляева въ пользу его жены, для него не было никакой цѣли, ибо все имущество Бѣляева, какъ видно изъ собственноручно писаннаго имъ баланса въ сентябрѣ 1857 года, простиралось, за вычетомъ долга, всего на 65,000 р. и даже менѣе, а во-вторыхъ, онъ никогда не рѣшился бы просить своего конторщика поддѣлать чужой бланкъ, потому что могъ рисковать, что имъ же будетъ поддѣланъ бланкъ и отъ его имени и такимъ образомъ онъ лишится всего состоянія. Съ Натальею Карагановой онъ находился въ связи года два или три. Перевозилъ ли онъ къ ней послѣ смерти Бѣляева большой пакетъ съ бумагами и узелъ съ 150,000 р.—не помнитъ. Бумаги, взятыя имъ изъ кабинета Бѣляева послѣ его смерти, были разобраны имъ, его братомъ Иваномъ и, кажется, Целебровскимъ. Съ Обольяниновой, т. е. съ женою Караганова, онъ никакихъ разговоровъ о духовномъ завѣщаніи Бѣляева никогда не имѣлъ. Давалъ ли онъ Обольяниновой, по случаю ея свадьбы, деньги, и сколько именно, хорошо не помнитъ. Послѣ выхода замужъ, Караганова неоднократно просила у него денежной помощи, и онъ ей помогалъ небольшими суммами, но опасаться Карагановой ему не было ни малѣйшей причины, такъ какъ она ничего противъ него показать не можетъ.

Отставной надворный совѣтникъ Иванъ Константиновъ Мясниковъ, занимавшій до 1871 года должность почетнаго смотрителя с.-петербургскаго Вознесенскаго училища, не признавая себя виновнымъ въ составленіи подложнаго завѣщанія отъ имени Бѣляева, объяснилъ, что въ составленіи завѣщанія въ пользу Бѣляевой ему не было никакого интереса; сохранная расписка Бѣляева въ 272,000 р., при совершеніи договора 22-го декабря 1858 г., была передана Бѣляевой и ею уничтожена. Въ 1858 году онъ уѣзжалъ въ Астрахань принимать рыбные промыслы; въ это время здоровье Бѣляева было плохо, а между тѣмъ онъ былъ долженъ ему и его брату Александру по счетамъ 272,000 р. Боясь, что Бѣляевъ скоро умретъ, онъ, Иванъ Мясниковъ, просилъ его выдать сохранную расписку, о чемъ, уѣзжая предупреждалъ и Бѣляеву, говоря, что у нихъ есть отъ ея мужа сохранная расписка. Послѣ смерти Бѣляева, Александръ Мясниковъ, съ дозволенія жены покойнаго, отобралъ въ кабинетѣ Бѣляева бумаги по ихъ дѣламъ и перевезъ къ себѣ въ контору. Бѣляевъ своихъ собственныхъ дѣлъ имѣлъ мало, а больше имѣлъ паи въ ихъ дѣлахъ. По возвращеніи изъ Астрахани, онъ нѣсколько разъ просилъ Бѣляеву напомнить мужу о сохранной распискѣ, чѣмъ она была недовольна. О существованіи духовнаго завѣщанія онъ узналъ послѣ смерти Бѣляева, но какъ скоро и при какихъ обстоятельствахъ, не помнитъ, такъ какъ онъ и на это не обращалъ никакого вниманія. При совершеніи съ Бѣляевою маклерскаго условія, сохранная расписка была отдана Бѣляевой и ею уничтожена. Относительно стоимости рыбныхъ промысловъ, онъ, не видясь съ братомъ и не имѣя подъ рукою свѣдѣній, точно объяснить не можетъ. Знаетъ, что на третью часть Бѣляева было имъ внесено 8,000 р. залога. По переходѣ этихъ промысловъ отъ Бѣляевой, по сдѣлкѣ 22-го декабря 1858 г., въ соб-

ственность его и брата, промыслы были уступлены ими Трощинскому, но чрезъ сколько времени и за какую сумму—не помнитъ. Какіе откупа, въ какихъ городахъ и сколько паевъ имѣлъ Бѣляевъ въ 1857—1859 гг., онъ не помнитъ, и свѣдѣнія объ этомъ должны быть у его брата. Мебельный магазинъ, доставшійся имъ отъ Бѣляевой, былъ ими проданъ за 27,000 руб. или около того. Сколько стоили прочія коммерческія предпріятія Бѣляева, перешедшія въ ихъ собственность, по договору 22-го декабря 1858 г., онъ съ точностью не знаетъ.

При сличеніи, 18-го марта 1871 г., почерка подписи «Козьма Бѣляевъ», на духовномъ завѣщаніи 10-го мая 1858 года, съ несомнѣнными подписями Бѣляева, эксперты, въ числѣ пяти человѣкъ, объявили, что оспариваемая подпись на духовномъ завѣщаніи: «Козьма Бѣляевъ»—сходства съ его несомнѣннымъ почеркомъ не имѣетъ, какъ по характеру, такъ и по стилю буквъ, равно какъ по связи ихъ. Кромѣ того, росчеркъ въ подписяхъ Бѣляева совершенно свободный; на духовномъ же завѣщаніи этотъ росчеркъ не представляетъ и подобія несомнѣннаго росчерка, а выраженъ дурно скопированною чертою. Вообще подпись на духовномъ завѣщаніи: «Козьма Бѣляевъ» представляетъ весьма плохое подраженіе несомнѣннымъ подписямъ Бѣляева. Почеркъ самаго текста духовнаго завѣщанія одинъ и тотъ же, но первая половина текста писана сжато, а вторая разгонисто, и послѣднія двѣ строчки снова сжаты такъ, что можно придти къ заключенію, что текстъ завѣщанія пригонялся къ подписи. Цвѣтъ чернилъ, коими писанъ текстъ завѣщанія, подпись отъ имени Бѣляева и подписи свидѣтелей Сицилинскаго и Отто, различенъ въ каждомъ изъ четырехъ почерковъ. По сличеніи подписи «Козьма Бѣляевъ» на духовномъ завѣщаніи съ почеркомъ обвиняемаго мѣщанина Амфилогія Караганова и съ сдѣланными имъ пробными подписями словъ: «Козьма Бѣляевъ», эксперты объявили, что подпись на духовномъ завѣщаніи съ несомнѣннымъ обыкновеннымъ почеркомъ Караганова на первый взглядъ сходства не имѣетъ; сходство это замѣчается только въ пробныхъ подписяхъ. Самъ по себѣ, почеркъ Караганова въ разное время представляется различнымъ и замѣчается, что Карагановъ можетъ измѣнить его по своему желанію. Въ обыкновенномъ почеркѣ Караганова, въ манерѣ письма нѣкоторыхъ отдѣльныхъ буквъ, напримѣръ *р, л, к, я,* замѣчается сходство съ манерою изображенія ихъ Бѣляевымъ, такъ что по изученіи почерка Караганова, эксперты полагаютъ, что онъ поддѣлался подъ руку Бѣляева; но нельзя положительно утверждать или отрицать, что подпись на завѣщаніи «Козьма Бѣляевъ» сдѣлана именно Карагановымъ, потому что подпись на завѣщаніи писана не смѣлою рукою, а нарисована.

Переписчикъ духовнаго завѣщанія Козьмы Бѣляева, коллежскій ассесоръ Макаръ Целебровскій и подписавшіе завѣщаніе въ качествѣ свидѣтелей протоіерей Василій Сицилинскій и медикъ Федоръ Отто умерли. Целебровскій въ лечебницѣ душевныхъ болѣзней, куда онъ поступилъ 25-го апрѣля 1860 года, умеръ 21-го мая того же года; Сицилинскій умеръ 23-го апрѣля 1867 года, и Отто, заболѣвъ холерою 13-го іюля 1866 года, умеръ на другой день.

Во время производства въ С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ, въ гражданскомъ порядкѣ, дѣла по спору, предъявленному противъ дѣйствительности завѣщанія Козьмы Бѣляева, капитанъ Александръ Мясниковъ, согласно требованію суда, основанному на ходатайствѣ истцовъ, 5-го февраля 1870 года представилъ суду: 1) подлинный дневникъ, веденный Бѣляевымъ, гдѣ въ ст. 70-й отъ 21-го мая значится: «расписка Александру и Ивану Константиновичамъ Мясниковымъ въ 272,000 рублей», и 2) клочокъ бумаги, на которомъ карандашомъ рукою Бѣляева написано слѣдующее: «2. Ей же, женѣ моей, передаю я, по кончинѣ моей, всѣ права мои и по обязательствамъ и контрактамъ съ казною и частными людьми, и безъ оныхъ, а равно полученіе съ должниковъ моихъ по актамъ, распискамъ и

по другимъ разсчетамъ денегъ и уплату состоящихъ на мнѣ одолженій, если таковыя окажутся».

Во время производства предварительнаго слѣдствія, при обыскѣ, произведенномъ 11-го февраля 1871 года въ квартирѣ Александра Мясникова, въ числѣ разныхъ бумагъ и книгъ, поименованныхъ въ составленномъ о семъ протоколѣ, былъ найденъ клочокъ бумаги съ слѣдующими словами, написанными карандашомъ, по объясненію Мясникова, рукою покойнаго Козьмы Бѣляева: «что сіе завѣщаніе составлено дѣйствительно фр. перв. куп. К. В. Бѣл.».

Вслѣдствіе всего изложеннаго, Александръ Мясниковъ, 39 лѣтъ, Иванъ Мясниковъ, 38 лѣтъ, и Амфилогій Караганов, 38 лѣтъ, преданы были суду по обвиненію въ томъ, что въ концѣ сентября или въ началѣ октября 1858 года, по предварительному между собою уговору, подложно составили домашнее духовное завѣщаніе, отъ 10 мая 1858 года, отъ имени Козьмы Бѣляева, т. е. совершили преступленіе, предусмотрѣнное 1691 ст. Улож. о нак.

Дѣло слушалось въ С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, 17—23 февраля 1872 г. Защищали: Александра Мясникова—прис. повѣр. *Арсеньевъ*, Ивана Мясникова—прис. пов. *Языковъ*, Караганова—прис. пов. *Дентъ*, повѣреннымъ гражданскихъ истцовъ былъ докторъ правъ *Лохвицкій*.

На судебномъ слѣдствіи Мясниковы себя виновными не признали, но Караганов, говоря тихимъ голосомъ и сильно жестикулируя, объяснилъ, что «вслѣдствіе неоднократныхъ несчастныхъ случаевъ, пожаровъ и другихъ, онъ потерялъ много здраваго смысла, много здоровья, а главное—много здраваго смысла... и что онъ виноватъ, подписалъ». Затѣмъ, постоянно останавливаясь, разговаривая съ самимъ собою, сбиваясь и задумываясь, онъ высказалъ, согласно со стенографическимъ отчетомъ, слѣдующее: «я постараюсь разсказать, какъ скончался Бѣляевъ, онъ, значитъ, какъ померъ... Я слышалъ, что онъ былъ передъ тѣмъ боленъ и мнѣ неизвѣстно, составилъ онъ духовное завѣщаніе или нѣтъ. А вотъ та бумага, которую мнѣ показалъ слѣдователь,—такъ я, значитъ, долженъ начать съ того, о чемъ спрашивалъ слѣдователь. Служилъ я-съ конторщикомъ, или просто, исполнялъ въ одно и то же время и прочія дѣла, и порученія: купить разную провизію, или тамъ прочее, что нужно было, или же исполнялъ всякія порученія, тоже по такимъ дѣламъ ихъ не мало бываетъ... Такъ или, кажется, такъ было: ко мнѣ ли пришли, или меня потребовали туда. Я, кажется, пошелъ было къ Бѣляеву, но не дошелъ къ нему. Меня кто-то встрѣтилъ и говорилъ, чтобы я пошелъ домой. Я былъ молодъ; мнѣ 26 лѣтъ было. Извините, я это сдѣлалъ, меня просилъ о томъ самъ Александръ Мясниковъ, говорилъ, что все должно пойти въ руки другихъ, что всѣ дѣла пойдутъ плохо, они потеряютъ много... Онъ говорилъ, что Бѣляевъ не оставилъ никакого завѣщанія, а я былъ такъ глупъ и такъ слабъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ убитъ несчастіями и запуганъ, что сдѣлалъ. Несчастій въ моей жизни было много. Многія, собственно, по моей глупости, а потомъ пожары—и братъ пропалъ у меня, такъ что все это... Подписи Бѣляева я не учился дѣлать, но, кажется, пробовалъ, вѣроятно... не помню, какой листъ подписалъ, ей-Богу забылъ; припомнить трудно, не помню, какъ подписывалъ, только имя и отечество Бѣляева, или и званіе его, или только имя и фамилію, и куда я поставилъ подпись: въ началѣ страницы или въ концѣ ея? это совершенно забылъ. Вѣдь бываютъ же такія обстоятельства въ жизни, что человѣкъ совершенно не знаетъ ничего. Все можно забыть... Послѣ смерти Бѣляева они мнѣ дали паи. Послѣ смерти Бѣляева я скоро отошелъ отъ Мясниковыхъ,—это было въ іюнѣ или въ іюлѣ 1859 года, не помню въ точности».

На сводъ предсѣдателемъ его словъ въ томъ смыслѣ, что онъ, Карагановъ, помнитъ лишь, что, послѣ смерти Бѣляева, А. Мясниковъ просилъ его поддѣлать подпись Бѣляева и что ему это нужно было для того, чтобы состояніе Бѣляева не перешло къ прямымъ наслѣдникамъ... Карагановъ отвѣчалъ: «да, да, просилъ или приказывалъ—этого не помню, это ужъ давно было. Смерть Бѣляева на меня такъ подѣйствовала; Бѣляевъ всѣмъ правилъ, все на немъ держалось».

По окончаніи допроса Караганова судомъ было постановлено о прочтеніи письма Караганова къ его отцу отъ 14 декабря 1870 г. и приложенной къ нему бумаги. Въ письмѣ Карагановъ проситъ отца сохранить эту бумагу, такъ какъ она впослѣдствіи можетъ быть полезна. Бумага же эта содержала духовное завѣщаніе Караганова. Онъ въ немъ завѣщаетъ своей матери, на случай смерти, свое платье и различныя хозяйственныя принадлежности и говоритъ, что онъ съ самаго дѣтства былъ вѣренъ своимъ хозяевамъ, ревностно исполнялъ долгъ службы, взятокъ не бралъ, ничьего здоровья никакими ядами не портилъ, къ разнымъ низкимъ средствамъ не прибѣгалъ, а старался дѣйствовать прямо и открыто, не торговалъ женщинами, ни родными, ни чужими, никого не обижалъ напрасно, въ прочихъ же грѣхахъ и проступкахъ своихъ, вынужденныхъ обстоятельствами жизни и извѣстныхъ отцу, приноситъ истинное раскаяніе.

Экспертъ, вызванный судомъ, докторъ *Дюковъ*, объяснилъ, что къ нему былъ представленъ, для освидѣтельствованія умственнаго состоянія, подсудимый Амфилогій Карагановъ. Разспросивъ его о прошлой жизни, о всѣхъ тѣхъ обстоятельствахъ, которыя могли бы давать поводъ думать о разстройствѣ его умственныхъ способностей, прочитавъ тѣ части дѣла, которыя относятся къ Караганову, для того чтобы получить объ немъ понятіе, Дюковъ пришелъ къ тому убѣжденію, что Карагановъ находится въ состояніи разстройства нервовъ. Онъ спросилъ объ Караганові мнѣніе врача, у котораго тотъ находился нѣсколько времени подъ наблюденіемъ, и докторъ Баталинъ сообщилъ, что онъ въ Караганові не замѣтилъ особыхъ явленій, которыя могли бы указать на разстройство умственныхъ способностей. Докторъ Баталинъ замѣтилъ, однако, что Карагановъ на разнаго рода вопросы давалъ не всегда опредѣленныя объясненія, нѣкоторые вопросы перепутывалъ, и относительно другихъ ссылался какъ бы на запамятованіе. Но это обстоятельство нельзя причислить къ такимъ важнымъ явленіямъ, которыя могли бы давать поводъ къ заключенію о разстройствѣ его умственныхъ способностей. Слушая его показанія и отвѣты, которые имъ даны были на вопросы предсѣдателя, нельзя не видѣть, что способъ дачи показаній у него нѣсколько странный и заключается въ томъ, что онъ нѣкоторые вопросы не дослушиваетъ, что даетъ отвѣты медленно, не всегда опредѣленно, что нѣкоторые изъ его отвѣтовъ не относятся прямо къ вопросу, ему заданному, или что къ прямому отвѣту онъ примѣшиваетъ вещи, не имѣющія отношенія къ дѣлу; что, затѣмъ, онъ какъ бы старается дополнить свои отвѣты нѣкоторыми движеніями рукъ. Всѣ эти странности можно объяснить такъ, что онъ или мало развитъ, или невнимателенъ, или плохо слышитъ или, что хорошо слышитъ и внимателенъ,—но не хочетъ отвѣчать. Но, во всякомъ случаѣ, всѣ эти странности не могутъ послужить основаніемъ къ предположенію о разстройствѣ умственныхъ его способностей. Вліяніе спирта вообще на память можетъ быть довольно значительное; но, примѣняясь къ Караганову, оказывается, что онъ натура крѣпкая, что хотя у него, кажется, и были припадки бѣлой горячки, но припадки эти были незначительные; онъ нѣсколько разъ, какъ видно изъ дѣла, покушался на самоубійство, бросился однажды въ мельничное колесо; все это указываетъ на то, что у него была бѣлая горячка, но что, тѣмъ не менѣе, натура его такъ крѣпка, что можетъ вынести вліяніе спирта, безъ особенно дурныхъ послѣдствій. Съ другой стороны, въ немъ подмѣчается распорядительность относительно вещей, которыя онъ

долженъ помнить, и т. д. Что касается до запамятованія имъ многихъ обстоятельствъ, то это скорѣе всего можетъ быть объяснено тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ велъ жизнь праздную, серьезнымъ дѣломъ не занимался—и при этомъ выпивалъ; кромѣ того онъ много путешествовалъ. Все это въ немъ могло создать разсѣянность, невнимательность и нѣкоторую запутанность въ воспоминаніяхъ. Имѣя подъ своимъ наблюденіемъ болѣе 2,000 сумасшедшихъ, докторъ Дюковъ ни въ одномъ субъектѣ не замѣтилъ того, что замѣтилъ въ немъ. Сумасшествіе есть опредѣленная картина, которая составляется изъ извѣстныхъ группъ припадковъ. Такимъ образомъ, извѣстная опредѣленная группа припадковъ составляетъ извѣстнаго рода умопомѣшательство. То, что можно замѣтить у Караганова, не представляетъ ни одной группы явленій, которая бы могла указать на то, что онъ страдаетъ какою либо формой помѣшательства. Замѣтно, что онъ какъ-то стѣсняется, женируется, боится. По замѣчанію доктора Баталина, Карагановъ относительно него сначала держался такъ же, но потомъ, когда съ нимъ сошелся, и когда они оставались вдвоемъ, то Карагановъ совершенно измѣнялся, разговаривалъ, держался съ нимъ за панибрата, игралъ на скрипкѣ и проч. Но только что къ нему относятся критически, только что его хотятъ разспросить, онъ тотчасъ становится скучнымъ, отвѣчаетъ разсѣянно и проч.

Полицейскій врачъ *Баталинъ* показалъ, что Карагановъ находился подъ его наблюденіемъ, и съ самаго начала не было никакихъ поводовъ къ заключенію объ умственномъ его разстройствѣ, потому что когда съ нимъ врачъ оставался наединѣ, то онъ постоянно отвѣчалъ на вопросы положительно и точно. Впослѣдствіи Баталинъ и Карагановъ мало-по-малу познакомились и были въ хорошихъ отношеніяхъ, такъ что онъ всегда, когда Баталинъ приходилъ къ нему, съ нимъ смѣялся, весело разговаривалъ и игралъ на скрипкѣ. Но когда докторъ приглашалъ съ собою другое лицо, то Карагановъ измѣнялся, поднималъ глаза кверху, повторялъ вопросы нѣсколько разъ, отвѣчалъ, какъ-то неточно. На вопросъ, почему онъ это дѣлаетъ, онъ отвѣчалъ что, онъ чувствуетъ себя не такъ здоровымъ и указывалъ на то, что въ прежнее время довольно много и часто выпивалъ и что, кромѣ того, сильно груститъ, потому что содержится въ части. При дальнѣйшихъ наблюденіяхъ оказалось, что всѣ отправленія Караганова правильны, спитъ онъ ночью хорошо, никогда не просыпается, ведетъ себя тихо, не буянитъ, только изрѣдка проситъ выпить. Хотя онъ дѣлалъ иногда такіе поступки, на основаніи которыхъ можно было подозрѣвать, что онъ былъ пьянъ, но не представлялось никакихъ основаній заключать объ умственномъ его разстройствѣ. Тѣмъ не менѣе, Баталинъ для отстраненія всякихъ сомнѣній, написалъ на свидѣтельствѣ, что считаетъ нужнымъ подвергнуть Караганова наблюденію врача-спеціалиста. Поэтому за нимъ наблюдали доктора Дюковъ и Шульце—оба спеціалисты, и оба эти доктора пришли къ заключенію, что онъ умственно не разстроенъ.

При допросѣ многочисленныхъ свидѣтелей, показывавшихъ о безобразныхъ поступкахъ и пьянствѣ Караганова на Задонскомъ заводѣ Мясниковыхъ и о томъ, что ему давалось жалованье въ 1,200 р. въ годъ за полнѣйшее бездѣйствіе,—Карагановъ часто ихъ прерывалъ, вскакивалъ, спорилъ съ ними о совершенно побочныхъ обстоятельствахъ, потомъ умолкалъ на цѣлые дни или повторялъ по временамъ: «виноватъ, подписалъ, мой грѣхъ». На второй день засѣданія, экспертамъ по сличенію почерковъ, въ числѣ 15 человѣкъ, предложены, между прочимъ, были три вопроса: 1) имѣетъ ли подпись «Козьма Бѣляевъ» на завѣщаніи сходство съ несомнѣнными подписями Бѣляева на другихъ бумагахъ? 2) замѣчается ли сходство между подписями Караганова и подписью «Козьма Бѣляевъ» на завѣщаніи и 3) писанъ ли текстъ духовнаго завѣщанія во всѣхъ частяхъ одинаковымъ, по растяжимости, почеркомъ и одинаковыми съ подписями чернилами? Послѣ шестичасового совѣщанія эксперты пришли къ едино-

гласному выводу, что, по внимательномъ разсмотрѣніи подписи на завѣщаніи, очень похожей на подпись Бѣляева, оказывается, что она внушаетъ сильное сомнѣніе, такъ какъ почеркъ Бѣляева на духовномъ завѣщаніи, при сравненіи съ несомнѣнными его подписями, оказывается крупнѣе, грубѣе и самая подпись сдѣлана нетвердою несвободною рукою;—буквы въ отдѣльности писаны съ перерывомъ, какъ бы срисованныя, а буква ъ по своей формѣ отличается вполнѣ отъ той же буквы во всѣхъ несомнѣнныхъ подписяхъ Бѣляева. Что касается до сходства между почеркомъ Караганова и подписью на завѣщаніи, то ея нѣтъ, но по роду надписей, сдѣланныхъ имъ при предварительномъ слѣдствіи, есть основаніе допустить, что онъ могъ сдѣлать эту подпись подъ руку Бѣляева. Наконецъ, относительно способа письма текста завѣщанія эксперты нашли, что первыя 17 строкъ писаны сжато, затѣмъ до слова «Целебровскій» разгонисто, а остальное снова сжато, но уже не такъ, какъ вначалѣ. Въ общемъ эксперты нашли, что хотя въ подписи каждая черточка написана отдѣльно и притомъ несмѣлою, а какъ бы дрожащею рукою, но въ общемъ поддѣлка все-таки должна быть признана очень искусною.

Допрошенные въ судебномъ засѣданіи свидѣтели подтвердили, по большей части, свои прежнія показанія. Допросъ вдовы Бѣляевой продолжался болѣе четырехъ часовъ, при чемъ, поддерживая свое наиболѣе благопріятное для обвиняемыхъ показаніе, она настойчиво заявляла, что не считаетъ себя обиженною Мясниковыми и не имѣетъ никакого повода сомнѣваться, чтобы мужъ, нѣжно ее любившій, могъ не оставить завѣщанія въ ея пользу. Сдѣлку свою съ Мясниковыми она находила правильною съ ихъ стороны и для себя безобидною, такъ какъ она сама управлять заводами не могла и сдѣлалась бы, вѣроятно, жертвою обмановъ со стороны арендаторовъ и приказчиковъ. Послѣ ея показанія были прочитаны документы изъ обширнаго дѣла по опекѣ надъ малолѣтнимъ Шишкинымъ, изъ которыхъ видно, что съ 1864 года между Бѣляевою и Мясниковыми происходили раздоры, доходившіе до разбирательства С.-Петербургскаго губернскаго предводителя дворянства. Были также прочитаны относящіяся къ этому періоду письма Бѣляевой къ Мясниковымъ съ угрозами довести до Высочайшаго свѣдѣнія «все, начиная со дня смерти ея мужа».

Изъ вновь вызванныхъ свидѣтелей особенно оригинальное и неожиданное показаніе далъ провинціальный секретарь Шевелевъ, доставленный, въ виду его заявленія о желаніи дать чрезвычайно важное показаніе по дѣлу, изъ Петропавловской крѣпости, гдѣ онъ содержался по обвиненію въ политическомъ преступленіи. Объявивъ, что онъ судился въ Ковенской Уголовной Палатѣ за преступленіе должности и въ Версальскомъ военномъ судѣ за участіе въ возстаніи Парижской коммуны—онъ показалъ, что въ 1866 г. Ижболдинъ, путемъ обѣщанія денежныхъ средствъ для побѣга за границу во время производства графомъ Муравьевымъ дѣла о преступномъ покушеніи Каракозова, вынудилъ его, подъ диктовку Сысоева, написать письмо, въ которомъ онъ, какъ очевидецъ, разсказывалъ о подлогѣ завѣщанія Бѣляева Мясниковыми чрезъ посредство Караганова. Сознавая, что это письмо несправедливо по отношенію къ его бывшимъ хозяевамъ — онъ былъ ихъ приказчикомъ по откупному дѣлу, отошелъ вслѣдствіе взведеннаго на него обвиненія въ присвоеніи и растратѣ—Шевелевъ писалъ его лишь потому, что «цѣль оправдываетъ средства». Затѣмъ, выданный французскимъ правительствомъ и не получивъ, кромѣ того, обѣщанныхъ Ижболдинымъ въ распискѣ на имя жены его, Шевелева, денегъ, онъ рѣшился раскрыть всю правду. Показаніе свое Шевелевъ давалъ въ шуточномъ тонѣ, вызывая не разъ напоминаніе со стороны предсѣдателя, котораго онъ называлъ «мой президентъ» и просилъ вызвать себя еще разъ, ибо онъ «герметически закупоренъ». На вопросъ о судимости онъ, между прочимъ, заявилъ, что приговоренъ въ Версали «къ разстрѣлу, но приговоръ, какъ, быть можетъ, присутствующіе изволятъ

усмотрѣть, не приведенъ въ исполненіе». При очныхъ ставкахъ съ Ижболдинымъ и Сысоевымъ, которые безусловно отрицали справедливость его показанія, онъ упорно стоялъ на своемъ, объясняя, что писалъ письмо на квартирѣ Ижболдина, куда могъ придти, ибо, содержась по подозрѣнію въ прикосновенности къ политическому дѣлу въ Спасской части, былъ свободно отпускаемъ одинъ гулять по городу.

Другой новый свидѣтель, отставной полковникъ Ивановъ, вызванный Мясниковыми въ свою защиту, давая свое показаніе и энергически обвиняя нѣкоторыхъ свидѣтелей, доказывавшихъ подложность завѣщанія, очень горячился и, во время перекрестнаго допроса, зашатался, упалъ и тотчасъ же умеръ. Четвертый день засѣданія былъ всецѣло посвященъ подробнымъ объясненіямъ сторонъ о состояніи Бѣляева, при чемъ ими дѣлались обширныя ссылки на многочисленные документы, пріобщенные къ дѣлу, и приводились выводы изъ нихъ. Наконецъ былъ прочитанъ рядъ телеграммъ и писемъ, относящихся до пребыванія Караганова въ Задонскомъ уѣздѣ, на заводѣ Мясниковыхъ. Такъ, между прочимъ, были прочитаны телеграммы Мясникова и Кошелькова другъ къ другу и къ Караганову, изъ которыхъ видно, что въ 1866 и 1868 гг. послѣдняго всѣми мѣрами удерживали на заводѣ, отклоняя отъ свиданія съ родными, извѣщая въ то же время о здоровьѣ его отца. 28 октября 1868 г. Кошельковъ телеграфируетъ Мясникову: «Высказано все. Нужно быть спокойнымъ въ преданности Караганова. Ростовъ»; 29 октября 1868 г. Мясниковъ телеграфируетъ Кошелькову изъ Петербурга: «Просьбу Караганова исполню. Козьмодемьянскъ. Но теперь рано, пусть обождетъ немного». Въ письмѣ Цыпина къ управляющему складами въ Новочеркасскѣ, Кошелькову, въ 1869 г., между прочимъ, говорится: «Караганову обращается постоянно съ требованіями о выдачѣ ему денегъ, на что не имѣя ни отъ кого разрѣшенія, я и завѣдующій складами Корягинъ не могли вполнѣ исполнять его настоятельныхъ требованій, чѣмъ и навлекли на себя непріятныя отношенія и угрозы; но видя веденные имъ съ вами переговоры, хотя не зная оклада и текущаго съ нимъ разсчета, все таки были вынуждены выдать ему разновременно въ декабрѣ по настоящее число—45 р. А какъ нынѣ, полученной отъ васъ депешей, вы поручаете Караганову остаться въ Ростовѣ, наблюдать отправку спирта, то различныя требованія его могутъ значительно усилиться, и съ нимъ ладить будетъ трудно. Г. Караганову въ Ростовѣ пользуется весьма незавиднымъ положеніемъ и, при постоянномъ разгулѣ, въ наблюденіи за дѣломъ отправки едва ли принесетъ какую либо пользу». 17-го апрѣля 1869 г., Гудковъ телеграфируетъ изъ Воронежа Кошелькову, что Караганову прибылъ въ Воронежъ 17 апрѣля, въ первомъ часу. 27-го мая тотъ же Гудковъ пишетъ: «Амфилогій Александровичъ уѣхалъ по желѣзной дорогѣ куда—доложить не могу. *Денегъ потребовалъ такимъ образомъ, что я не рѣшился отказать*, избѣгая непріятностей и шуму».

Было также прочитано письмо отъ 4 февраля 1860 г., написанное Караганомъ своему брату Аполлону, который, какъ видно изъ дѣла, пропалъ безъ вѣсти въ Астрахани, въ которомъ заключаются нѣкоторыя указанія для характеристики взглядовъ Караганова на жизнь и его тогдашнія правила.

«Въ дѣлахъ... веди себя умненько, осторожно и старайся не ударить лицомъ въ грязь. О начальствѣ мнѣнія никакого не высказывай. Мнѣнія эти: камни, которыми будутъ въ тебя бросать. Держи камень за пазухой, бесѣдуя со врагомъ. Въ письмахъ будь остороженъ и скрытенъ. Помни пословицу: «бумажки лоскутокъ далеко поведетъ»... Отъ угощеній съ товарищами отказывайся, говоря: «охотно бы, съ удовольствіемъ, въ другой разъ, а теперь никакъ нельзя». Отговорки свои сочиняй съ толкомъ и осторожно, чтобы кого нибудь не обидѣть. Вина не пей: въ немъ корень всякихъ неудовольствій. Языкъ держи за зубами, со всѣми будь вѣжливъ и услужливъ» и т. д.

Присяжнымъ засѣдателямъ было постановлено на разрѣшеніе шесть вопросовъ, изъ коихъ *первый*—о подложности завѣщанія Козьмы Бѣляева отъ 10 мая 1858 г., *второй, третій* и *пятый* — о виновности подсудимыхъ въ этомъ подлогѣ, *четвертый*—о виновности Ивана Мясникова въ попустительствѣ этого подлога и *шестой*—объ состояніи умственныхъ способностей Караганова при совершеніи подлога.

Рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей завѣщаніе признано *неподложнымъ*. По протесту прокурора Окружного Суда Уголовный Кассаціонный Департаментъ отмѣнилъ это рѣшеніе и передалъ дѣло для новаго разбирательства въ Московскій Окружной Судъ, гдѣ послѣдовалъ снова такой же приговоръ.

Гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели! Вамъ предстоитъ произнести приговоръ по дѣлу, которое, по своей трудности, сложности и важности, превышаетъ всѣ дѣла, разбиравшіяся до сихъ поръ въ стѣнахъ этого суда. Трудности эти состоятъ, прежде всего, въ томъ, что преступленіе, о которомъ идетъ рѣчь, совершено уже давно, очень давно—15 лѣтъ тому назадъ. Затѣмъ, предъ вами, вопреки тому, что бываетъ въ большей части преступленій, не является потерпѣвшаго лица, а между тѣмъ его помощь необходима правосудію въ дѣлѣ, въ которомъ существуютъ разсчеты коммерческіе, такъ какъ оно одно можетъ объяснить ихъ обстоятельно и полно. Наконецъ, все дѣло, въ самомъ ходѣ своемъ, представляется до того необычнымъ, до того неправильнымъ, что уже это одно способно затемнить въ немъ многое и многое. Тутъ соединилось все: и давность совершенія преступленія, и неумѣлость мелкихъ ходатаевъ, которые, ведя дѣло съ начала, искажали и путали его и,—наконецъ, самое главное и непреодолимое препятствіе,—смерть, которая въ теченіе десяти лѣтъ, прошедшихъ до начатія слѣдствія, похитила послѣдовательно цѣлый рядъ весьма важныхъ свидѣтелей.

Вы уже знаете въ общихъ чертахъ и ходъ дѣла, и тѣ обстоятельства, которыми сопровождалось его возникновеніе. Въ 1858 г. въ Петербургѣ умеръ первостатейный фридрихсгамскій купецъ Козьма Бѣляевъ, слывшій за человѣка очень богатаго. Онъ оставилъ послѣ себя духовное завѣщаніе. Этимъ духовнымъ завѣщаніемъ онъ отказывалъ все имущество свое въ пользу вдовы; вдова представила завѣщаніе въ Гражданскую Палату и была утверждена въ правахъ наслѣдства. Но затѣмъ, черезъ годъ, возникло сомнѣніе въ подлинности завѣщанія.

Одинъ изъ наслѣдниковъ покойнаго Бѣляева, мѣщанинъ Мартьяновъ, прибылъ изъ Сарапуля въ Петербургъ и началъ вести дѣло, но вскорѣ умеръ. За дѣло взялась тогда его мать, которая точно также умерла въ непродолжительномъ времени, и движеніе дѣла такимъ образомъ остановилось. Черезъ годъ явился въ Петербургъ мѣщанинъ Ижболдинъ, наслѣдникъ Мартьяновой, и снова принялся

за дѣло, которое затѣмъ и потянулось очень медленно. Проволочка старыхъ судовъ сказалась на немъ весьма ярко и лишь послѣ долгихъ колебаній, только въ 1868 году, почти чрезъ десять лѣтъ со смерти Бѣляева, возбуждено было впервые слѣдствіе. Но въ какомъ положеніи застало это слѣдствіе самое гражданское дѣло? Ни свидѣтелей, подписавшихся на завѣщаніи, ни переписчика Целебровскаго, ни ближайшихъ къ Бѣляеву людей—Кемпе и Каменскаго—не было уже въ живыхъ. Въ такомъ положеніи дѣло перешло къ слѣдователю и окончилось ничѣмъ, оставивъ послѣ себя, уже какъ уголовное слѣдствіе, однако, одну заслугу, состоящую въ томъ, что имъ была прервана давность, которою могло покрыться преступленіе. Только впослѣдствіи случай далъ возможность возбудить уголовное дѣло вновь,—и вотъ, въ настоящее время оно подлежитъ вашему разсмотрѣнію. Вамъ, гг. присяжные, предстоитъ пристально вглядѣться въ отдаленное прошлое, сквозь заслоняющую его массу томовъ и документовъ, находящихся передъ вами, сквозь цѣлый ворохъ именъ и чиселъ; вамъ придется всмотрѣться въ ту даль, на которой написано: «1858 годъ»; вамъ надлежитъ безпристрастнымъ взглядомъ оцѣнить обстановку, окружавшую возникновеніе завѣщанія Бѣляева, и затѣмъ произнести вашъ приговоръ. Неустанное вниманіе, съ которымъ вы относились къ дѣлу въ теченіе всѣхъ пяти дней производства судебнаго слѣдствія, служитъ ручательствомъ, что вы будете помнить и уже усвоили себѣ его сложныя обстоятельства. Вѣроятно, у васъ составилось уже извѣстное убѣжденіе, сложившееся подъ вліяніемъ всѣхъ впечатлѣній, почерпнутыхъ здѣсь, на судѣ. Поэтому намъ—сторонамъ въ дѣлѣ—едва ли нужно усиленно убѣждать васъ въ виновности или невиновности подсудимыхъ и настойчиво излагать передъ вами наши противуположныя мнѣнія. Я нахожу болѣе умѣстнымъ развить передъ вами ходъ соображеній, которыми руководствовалась обвинительная власть, приводя обвиняемыхъ передъ васъ и нынѣ ихъ обвиняя. Прежде чѣмъ приводить эти соображенія, я не могу скрыть, что на дѣлѣ этомъ, какъ на какомъ нибудь нездоровомъ организмѣ, являются, такъ сказать, болѣзненныя, ненормальныя новообразованія, которыя какъ обвиненію, такъ и защитѣ одинаково мѣшаютъ разсматривать дѣло въ его надлежащей простотѣ. Обстоятельства, въ коихъ выразились они, могутъ быть направлены преимущественно противъ обвиненія, а потому, прежде всего, я считаю нужнымъ раздѣлаться съ ними, извлечь ихъ изъ дѣла и затѣмъ, расчистивъ насколько возможно свой путь, двинуться впередъ въ изложеніи обвинительныхъ доводовъ.

Первое изъ этихъ постороннихъ обстоятельствъ заключается въ томъ, что по этому дѣлу, помимо судебной власти и на ряду съ этой властью, которая сначала бездѣйствовала,—является оживленная дѣятельность частныхъ лицъ; на ряду съ мѣрами, предпринятыми для изслѣдованія дѣла офиціальнымъ путемъ, существуетъ цѣлый рядъ дѣйствій Ижболдина и его повѣренныхъ, которыя едва ли служатъ на пользу дѣлу. Для характеристики этихъ дѣйствій до-

статочно припомнить дѣйствительно характеристическое, оригинальное показаніе свидѣтеля Ижболдина, который является вмѣстѣ съ тѣмъ и гражданскимъ истцомъ. Свидѣтель этотъ показалъ, что онъ, сарапульскій мѣщанинъ, бывшій прежде въ Петербургѣ на весьма короткое время и прибывшій сюда снова уже послѣ того, какъ прошелъ слухъ о завѣщаніи. Въ Петербургъ онъ прибылъ человѣкомъ новымъ, робкимъ провинціаломъ. Когда онъ прибылъ сюда, на нашемъ общественномъ горизонтѣ еще не сіяло солнце судебныхъ уставовъ, а во тьмѣ судебныхъ канцелярій царствовали еще старинные порядки, и тайна дѣлопроизводства давала нерѣдко возможность разнымъ мелкимъ ходатаямъ, темнымъ и неизвѣстнымъ личностямъ, направлять дѣла въ своихъ собственныхъ, личныхъ интересахъ иногда въ явный ущербъ правосудія. Ижболдинъ разсчитывалъ получить большое наслѣдство, но самъ хорошо не понималъ, въ какомъ положеніи находится его дѣло, какъ не понимаетъ этого даже и теперь, явившись на судъ и не озаботясь выяснить многихъ, весьма важныхъ и для него лично, и для дѣла, обстоятельствъ. На этого человѣка набросилась цѣлая ватага мелкихъ ходатаевъ. Онъ долго перечислялъ имена неизвѣстныхъ мелкихъ ходатаевъ, во главѣ которыхъ стоитъ отставной чиновникъ Германъ, завершивъ перечисленіе это указаніемъ на какого-то еврея, котораго онъ даже и имени не знаетъ. Эти повѣренные, почуявшіе богатаго наслѣдника, принялись его обдѣлывать, взяли его въ свои нечистоплотныя руки и стали его стричь, въ надеждѣ получить впослѣдствіи за труды свои золотое руно, котораго хватитъ на всѣхъ. Эти новые аргонавты испортили дѣло въ самомъ началѣ; они стали дѣйствовать помимо судебной власти, и притомъ крайне неловко, и вслѣдствіе ихъ неумѣлыхъ дѣйствій явились передъ вами показанія цѣлой массы свидѣтелей, которые, ничего не объясняя, бросаютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, на все нѣкоторый довольно непривлекательный колоритъ.

Изъ этой массы ненужныхъ свидѣтелей прежде всего особенно рѣзко выдается свидѣтель Шевелевъ. Онъ разсказывалъ передъ нами, что изготовилъ письмо, въ которомъ ложно обвинялъ Мясниковыхъ въ составленіи фальшиваго завѣщанія отъ имени Бѣляева, ибо, находясь въ Спасской части привлеченнымъ по дѣлу Каракозова и будучи въ положеніи безвыходномъ, онъ рѣшился переписать письмо это за деньги, данныя ему для бѣгства за границу. Онъ отрицалъ правильность объясненій, помѣщенныхъ въ его письмѣ, и разсказалъ въ подробности, какъ составилось его письменное лжесвидѣтельство. Съ перваго взгляда показаніе это имѣетъ, повидимому, довольно важное значеніе, тѣмъ болѣе, что дано въ чрезвычайно послѣдовательномъ и красивомъ, изящномъ даже, разсказѣ, выдѣлявшемъ показаніе Шевелева изъ показаній всѣхъ остальныхъ свидѣтелей. Но если вглядѣться попристальнѣе въ это показаніе, если посмотрѣть на личность самого Шевелева, то станетъ яснымъ, что въ показаніи его, такъ же какъ и въ показаніяхъ другихъ свидѣтелей, относящихся къ этой категоріи, нѣтъ никакихъ указаній, чтобы Иж-

болдинъ *подкупалъ* ложныхъ свидѣтелей, хотя нельзя отрицать, что въ нихъ встрѣчаются указанія на платежъ Ижболдинымъ денегъ свидѣтелямъ за согласіе показывать то, что они знаютъ, и для того, чтобы они не боялись явиться для этого, иногда очень издалека, въ судъ. Шевелевъ разсказалъ намъ свою исторію, и по ней мы имѣемъ возможность познакомиться съ его личностью. Это мелкій откупной приказчикъ, служащій потомъ въ конторѣ Мясниковыхъ,—женихъ невѣсты, которой, съ цѣлью весьма понятной, онъ предъявляетъ облигаціи, ему не принадлежащія, за что и преслѣдуется Мясниковыми, какъ за присвоеніе ихъ собственности,—потомъ мелкій таможенный чиновникъ, оставленный по приговору Ковенской Уголовной Палаты въ «сильнѣйшемъ», по его словамъ, подозрѣніи въ пособничествѣ къ водворенію контрабанды,—затѣмъ привлеченный къ дѣлу Каракозова, но, очевидно, настолько мало виновный по нему, что, несмотря на вызванныя имъ строгія мѣры, содержится въ части и гуляетъ цѣлые дни на свободѣ,—бѣглецъ за границу, живущій въ Пештѣ и издающій брошюры, будто бы извѣстныя всей Европѣ,—наконецъ, доблестный защитникъ Парижа, членъ коммуны и правдивый свидѣтель по настоящему дѣлу!.. Очевидно, тутъ являются такіе переходы и крайности, которые трудно совмѣстить: человѣкъ борется за самыя крайнія идеи, идущія въ разрѣзъ съ общественнымъ строемъ, для торжества этихъ идей жертвуетъ жизнью на баррикадахъ Парижа, даже раненъ при этомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, считаетъ возможнымъ, подъ предлогомъ, что для него цѣль оправдываетъ средства, написать ложное письмо, чтобъ получить за это «небольшія» деньги, при чемъ выраженіе «цѣль оправдываетъ средства» онъ понимаетъ самымъ своеобразнымъ образомъ. Это не та общая, широкая цѣль, для которой, по извѣстному безнравственному правилу, всякое средство, будто бы, можетъ быть пригоднымъ, а цѣль низкая, лично ему принадлежащая и не имѣющая ничего общаго съ благомъ другихъ. Цѣль, на которой написано «150 рублей»—такая цѣль оправдывала для него средство, могущее погубить человѣка, доставивъ Шевелеву возможность получить, какъ онъ здѣсь выразился: «презрѣнный металлъ». Очевидно, что этотъ «провинціальный секретарь», служившій по откупамъ въ Россіи и по коммунѣ во Франціи, не очень разборчивъ на средства и не очень далеко ходитъ, выбирая свои цѣли.

Что же онъ показалъ? Онъ говорилъ, что былъ призванъ Ижболдинымъ и, подъ диктовку Сысоева или, лучше сказать, съ письма, написаннаго Сысоевымъ, переписалъ свое письмо, потому что былъ тогда въ безвыходномъ положеніи. Ему оставалось или повѣситься, или бѣжать, говоритъ онъ, и такимъ образомъ дѣлаетъ намекъ на то, что онъ былъ такимъ опаснымъ политическимъ преступникомъ, что ему не предстояло другого исхода, какъ смерть отъ своей руки или отъ руки правосудія. Но вы видѣли, господа присяжные, что этотъ опасный преступникъ, во время ареста своего въ части, отпускался гулять на свободѣ, бывалъ въ трактирахъ и въ гостяхъ.

Это ли опасный политическій преступникъ? Это ли человѣкъ, которому, для спасенія своей жизни, не остается иныхъ средствъ, какъ написать письмо съ лживыми обвиненіями? Притомъ, происхожденіе его письма объясняется имъ совершенно неправдоподобно. Онъ говоритъ, что никому не говорилъ ничего о завѣщаніи Бѣляева, а совершенно неожиданно былъ призванъ къ Ижболдину и тамъ, —выбирая между смертью или побѣгомъ за границу,—написалъ лживыя измышленія Сысоева о дѣйствіяхъ Мясниковыхъ. За это Ижболдины дали ему средства бѣжать за границу. Но прежде всего спрашивается—если онъ молчалъ и не похвалялся изобличить Мясниковыхъ—то откуда же могъ Ижболдинъ, никогда его прежде не знавшій, освѣдомиться, что въ Спасской части сидитъ такой драгоцѣнный для него свидѣтель? Затѣмъ—могъ ли запуганный и робкій сарапульскій мѣщанинъ, котораго мы видѣли и слышали здѣсь, рѣшиться покупать подъ незначущимъ—настолько незначущимъ, что оно даже не внесено и въ обвинительный актъ—письмомъ подпись Шевелева цѣною способствованія побѣгу важнаго государственнаго преступника? Какъ ни довѣрчивъ, какъ ни простодушенъ Ижболдинъ, но самый инстинктъ самосохраненія долженъ былъ подсказать ему въ ту тревожную годину необходимость не только не искать знакомства съ Шевелевымъ и не укрывать его, но даже прервать знакомство съ нимъ, если бы оно раньше существовало... Изъ показаній доктора Красильникова, вызваннаго въ засѣданіе неожиданно, по постановленію суда, на основаніи моего предложенія, видно, что Шевелевъ дѣйствительно разсказывалъ многое объ этомъ дѣлѣ, о чемъ и было сообщено Красильниковымъ своему знакомому Ижболдину. Ижболдинъ безъ всякой критики отнесся къ разсказамъ Шевелева, особенно послѣ того, какъ Шевелевъ подтвердилъ свое письмо во всѣхъ подробностяхъ присяжному стряпчему Сысоеву, человѣку чуждому настоящему дѣлу—и подтвердилъ притомъ съ такими драматическими добавленіями и такъ картинно, что, по выраженію Сысоева, казался болѣе чѣмъ очевидцемъ въ происшествіяхъ, о которыхъ разсказывалъ. Для насъ безразлично, было ли письмо Шевелева къ Ижболдину правдиво: быть можетъ, въ немъ и есть кое-какія указанія, похожія на истину, но по существу своему оно представляетъ ложь пополамъ съ правдою и явилось какъ средство къ тому, чтобы выманить 150 рублей. Такое письмо всегда можетъ быть отрицаемо самимъ авторомъ, особенно, если онъ станетъ имѣть въ виду ту же цѣль какъ и при его написаніи. Я не хочу этимъ сказать, что Шевелевъ ждетъ себѣ какой нибудь награды отъ противной стороны, но думаю, что въ 1866 году, видя и зная, что возникаетъ дѣло Ижболдина противъ Мясниковыхъ, не находясь болѣе у Мясниковыхъ, преслѣдуемый ими за присвоеніе себѣ облигацій, онъ находилъ для себя удобнымъ и возможнымъ наговорить разныхъ вещей Ижболдину про Мясниковыхъ, согласиться изложить ихъ письменно по просьбѣ Ижболдина и получить за то деньги. Онъ, конечно, смѣялся надъ простотою Ижболдина такъ же, какъ будетъ

смѣяться надъ нами, если мы примемъ на вѣру его показаніе, данное здѣсь. Теперь Шевелевъ уже не имѣетъ отношеній къ Мясниковымъ; ихъ преслѣдованіе противъ него прекратилось; жизнь его была такъ полна весьма пестрыхъ событій, что прошедшее изгладилось изъ его сердца. И вотъ ему предстоитъ показаніе на судѣ. Что же ему дѣлать? Подтвердить, признать самое письмо? Но, во-первыхъ, письмо это само по себѣ дѣло некрасивое, а во вторыхъ, это значитъ сыграть роль простого свидѣтеля—и больше ничего: въ этомъ не будетъ никакой оригинальности, ничего достойнаго громкаго прошедшаго Шевелева. Притомъ, если Мясниковыхъ обвиняютъ, то, вѣроятно, въ дѣлѣ и кромѣ его письма есть данныя; если же этихъ данныхъ нѣтъ, то, на основаніи одного этого письма, ихъ несомнѣнно никогда не осудятъ, а оправдаютъ. Поэтому лучше отрицать письмо, и тогда, въ случаѣ оправданія, впослѣдствіи, когда, быть можетъ, придется обратиться къ нимъ, среди тяжелыхъ обстоятельствъ бурной жизни, можно будетъ сказать: «я показывалъ за васъ, я далъ показаніе, которое васъ оправдывало, не забудьте же меня». Вотъ на что могъ разсчитывать Шевелевъ, рисуя себя нынѣ лживымъ доносчикомъ въ 1867 году. Главный же источникъ его настоящаго показанія, по моему мнѣнію, тотъ, что онъ прежде всего желаетъ рисоваться: въ его движеніяхъ, голосѣ, манерахъ, въ походкѣ—развѣ не видится и не звучитъ постоянно это желаніе? Не ясно ли, что это дѣятельное участіе въ коммунѣ, изданіе брошюръ, извѣстныхъ всей Европѣ—не болѣе какъ фраза, какъ желаніе драпироваться въ мантію политическаго преступника, что все это въ значительной степени хвастовство и принятая на себя личина? Хорошъ, въ самомъ дѣлѣ, заговорщикъ, политическій дѣятель, котораго даже суровый и непреклонный графъ Муравьевъ считалъ возможнымъ содержать въ части и отпускать гулять одного по городу! Если мы отбросимъ эту миѳическую сторону его разсказовъ, если взглянемъ ближе на этого политическаго дѣятеля, то увидимъ, что, несмотря на острый умъ и сценическое искусство, съ которымъ онъ разыгрываетъ свою роль здѣсь, на судѣ, въ его замысловатомъ и красивомъ разсказѣ, приправленномъ шуточками, изрѣдка прорываются ноты, придающія ему характеръ необузданнаго вымысла въ родѣ знаменитаго разсказа «о похищеніи губернаторской дочки». И если мы, спокойно и не увлекаясь солидно-величавымъ видомъ и тономъ Шевелева, разберемъ его показаніе и откинемъ изъ него всѣ прикрасы, то останется только то, что онъ за деньги написалъ Ижболдину о томъ, что ему, по его словамъ, было извѣстно по дѣлу Мясниковыхъ, и написалъ при этомъ, по его дальнѣйшимъ словамъ, неправду. Что же это за явленіе? Да явленіе, въ сущности, очень обыкновенное. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ лишь частный обвинитель въ процессѣ, такое явленіе должно встрѣчаться безпрерывно. Я думаю, что въ Англіи и въ Америкѣ большая часть доказательствъ и свидѣтелей въ процессахъ, въ которыхъ не заинтересовано правительство, пріобрѣтается сторонами такихъ именно об-

разомъ. Это не значитъ, однако, чтобъ свидѣтелей подкупали на лживыя показанія: покупается собственно ихъ трудъ, ихъ время, т. е. то время, которое проводится ими на судѣ: платится имъ за то, чтобъ они не уклонялись идти въ судъ для дачи показаній о томъ, что они знаютъ полезнаго для той или другой стороны. То же самое было и здѣсь.

Затѣмъ, есть другой свидѣтель — Исаевъ. Его показаніе было прочитано и, быть можетъ, забыто уже вами. Но, въ интересахъ истины, считаю нужнымъ напомнить его. Къ Исаеву обращался Германъ, прося написать письмо, и онъ написалъ, по его показанію, совершенно неправильно: будто бы къ нему пріѣзжалъ какой-то офицеръ и подговаривалъ показывать противъ Мясниковыхъ. По поводу этого показанія я замѣчу только одно: Исаевъ говорилъ, что зналъ Германа давно, что это былъ пьяный человѣкъ, ходилъ постоянно по кабакамъ и припутывалъ къ дѣлу Мясниковыхъ всѣхъ кабатчиковъ. Изъ дѣла видно, что Исаевъ былъ слѣдственнымъ приставомъ и только послѣ введенія судебной реформы былъ оставленъ за штатомъ. Такого рода слѣдственный приставъ есть судебный слѣдователь по прежнимъ порядкамъ; онъ долженъ знать законы. Что же это за слѣдователь, который пишетъ Герману такого рода письмо? Развѣ онъ не знаетъ, какой отвѣтственности подвергается онъ за это? И что это, наконецъ, за отношенія между Германомъ и Исаевымъ, позволяющія придти къ нему пьяному человѣку, врущему всякій вздоръ кабатчикамъ, и предлагать написать ложный доносъ, для представленія по начальству? Я не думаю, чтобы Исаевъ могъ это сдѣлать такъ, какъ онъ это разсказываетъ. Остается предположить, что и онъ поступилъ и поступаетъ нынѣ такъ же, какъ Шевелевъ.

Наконецъ, есть еще свидѣтель, въ показаніяхъ котораго звучитъ, какъ будто, какая-то неправда: это Китаевъ, старый слуга Бѣляева, подробно и обстоятельно говорившій здѣсь о своемъ господинѣ. Свидѣтель Петровъ показалъ здѣсь впервые, несмотря на неоднократные допросы у свидѣтеля, совершенно неожиданно и крайне отрывочно, что онъ былъ какъ-то у Китаева, былъ тамъ и Ижболдинъ, и хотя Петрова не уговаривали показывать на Мясниковыхъ, но Китаевъ ему сказалъ: «вотъ одно слово—и тысяча рублей». Когда же онъ не согласился «ломать души», Ижболдинъ полѣзъ было въ драку, но Петровъ ему отрѣзалъ: «смотри, у меня самого кулаки здоровые!» Когда именно это было и о какомъ «словѣ» говорилъ Китаевъ, Петровъ не помнитъ и не знаетъ. Очевидно, его показаніе содержитъ въ себѣ воспоминаніе о разсказахъ пьяныхъ людей, въ которыхъ, конечно среди всякой безсвязной болтовни, упоминалось и о дѣлѣ Бѣляева, о которомъ тогда говорилось повсюду...

Не скрою, однако, что эти три свидѣтеля могли бросить нѣкоторую тѣнь на правдивость нѣкоторыхъ свидѣтельскихъ показаній. Поэтому и для того, чтобы намъ не смущаться этимъ соображеніемъ, я выкину изъ дѣла показанія почти всѣхъ свидѣтелей, взявъ

только необходимыхъ, относительно которыхъ нѣтъ и не можетъ быть никакихъ подозрѣній. Шевелева, Китаева, Петрова, наконецъ, Исаева и Красильникова можно оставить за штатомъ, подобно тому какъ былъ оставленъ за штатомъ самъ Исаевъ. Можно, кстати, оставить и цѣлую массу другихъ лицъ,—въ томъ числѣ свидѣтелей, которые показывали о томъ, что Отто прекрасный человѣкъ, а Сицилинскій почти святой. Я ничего не имѣю возразить противъ этого и нахожу, что они оба были достойнѣйшіе и честнѣйшіе, главное—добрѣйшіе люди. Со стороны Отто, свидѣтели, такъ много хвалившіе его, могутъ находить только одинъ дурной поступокъ: подписавшись свидѣтелемъ на завѣщаніи Бѣляева, онъ тѣмъ самымъ вынудилъ ихъ оторваться отъ дѣла и просидѣть въ судѣ четыре дня, для того чтобы сказать, что онъ хорошій человѣкъ. Да кто же утверждалъ противное! Точно также о Сицилинскомъ вѣрю, что онъ человѣкъ святой, дожившій до глубокой старости, не совершивъ дурного поступка, чрезвычайно добрый и благодѣтельный, къ подчиненнымъ не строгій, радѣвшій о благолѣпіи храма. Итакъ, самая большая масса свидѣтелей устраняется. Да и вообще въ нихъ нѣтъ особой нужды. Обыкновенно въ преступленіяхъ самымъ лучшимъ средствомъ изслѣдованія служатъ живые свидѣтели, но настоящее дѣло необычно во всемъ, необычно и въ этомъ отношеніи; въ немъ лучшимъ средствомъ изслѣдованія служатъ свидѣтели мертвые, бумажные: самое завѣщаніе, нѣкоторые документы, разнообразная экспертиза. Если изъ документовъ мы будемъ имѣть возможность вывести данныя, что преступленіе совершилось, и если нѣкоторые изъ свидѣтелей это скрѣпятъ своими словами, то, пожалуй, можно признать, что они говорятъ правду; не скрѣпятъ—можно ихъ отбросить.

Предметъ дѣла, о которомъ идетъ рѣчь—подлогъ завѣщанія. Первый вопросъ, возникающій при изслѣдованіи такого дѣла: *подложно ли самое завѣщаніе?* Второй вопросъ—*какимъ образомъ создалось подложное завѣщаніе?* и третій—*кто виновенъ въ этомъ преступленіи?* Сообразно съ этими вопросами я раздроблю свое обвиненіе на три части.

Приступаю къ первой. *Подложно ли завѣщаніе?* Когда приходится разрѣшать вопросъ о томъ, подложно ли чье либо завѣщаніе, то естественно должно обратиться къ личности завѣщателя. О Бѣляевѣ мы имѣемъ много разнообразныхъ свѣдѣній. Онъ съ малолѣтства служилъ у старика Мясникова, богатаго откупщика,—былъ у него сначала мальчикомъ, потомъ приказчикомъ, потомъ велъ его дѣла и наконецъ сдѣлался самъ капиталистомъ. Изъ массы свидѣтельскихъ показаній и документовъ, находящихся въ дѣлѣ, которые, конечно, не будутъ оспорены, видно, что въ 1839 его выписалъ Мясниковъ изъ Яранска, и затѣмъ онъ сдѣлался ближайшимъ повѣреннымъ своего бывшаго хозяина и участвовалъ съ нимъ въ 1840 г. въ откупахъ. Онъ былъ близкій къ нему человѣкъ не только фактически, но и по родству, такъ какъ женился на его родственницѣ. Правда, изъ показанія Бенардаки можно усмотрѣть, что Мясниковъ обращался

съ покойнымъ Бѣляевымъ нѣсколько, какъ будто, пренебрежительно. «Кузьма, сдѣлай то-то, Кузьма, сходи туда!» говаривалъ онъ ему. Крестьянинъ Кунаковскій, жившій съ Карагановымъ на заводѣ, сказалъ, что Карагановъ хвалился, что «лысаго, беззубаго лакея Мясникова отдѣлалъ, отбилъ у него все состояніе своимъ господамъ, такъ что не оставилъ ему на извозчика на тотъ свѣтъ проѣхать». Вѣроятно, скажутъ намъ, было же основаніе, по которому Карагановъ считалъ возможнымъ называть его слугою. Да! Бѣляевъ дѣйствительно былъ слуга Мясникова, но какого рода слуга? Это былъ слуга того драгоцѣннаго типа, который существуетъ или существовалъ, по крайней мѣрѣ, долго на Руси, но который начинаетъ исчезать. Сначала мальчикъ, потомъ приказчикъ, постоянно участвовавшій въ дѣлахъ хозяина, сроднившійся съ нимъ, потомъ входящій такъ въ его интересы, что трудно опредѣлить, гдѣ начинается одинъ и гдѣ кончается другой; близкій, довѣренный человѣкъ, опекунъ, пѣстунъ его дѣтей, оберегающій ихъ интересы, заботящійся о всякой мелочи для этихъ дѣтей, завѣдывающій ихъ дѣлами, называющій одного изъ нихъ Сашею, другого Ваничкой, первый извѣстившій Ваню о смерти его дѣда, и первый, закрывшій этому дѣду глаза—вотъ какого рода этотъ слуга! Да! слуга, — слуга въ томъ смыслѣ, что вѣрою и правдою служилъ своему хозяину, слуга—старый другъ и резонеръ, неподкупный и настойчивый, вѣрный вассалъ своего господина и съ вѣрноподданическою преданностію охраняющій интересы его потомковъ. Мы знаемъ, что подобныя личности, какъ Бѣляевъ, появлялись часто въ купеческомъ быту, къ чести этого быта. Въ то время, когда дѣти разбогатѣвшихъ трудомъ купцовъ лѣзли въ «господа», поступали въ военную или гражданскую службу, старались сдѣлаться дворянами—рядомъ съ ихъ отцами являлись люди, которые продолжали ихъ дѣло. Въ это время, когда дѣти, постепенно разоряясь, изъ богатыхъ купцовъ становились обѣднѣвшими, возникали состоянія лицъ, прежде служившихъ приказчиками ихъ отцамъ—лицъ, которыя остались вѣрными своему званію и тѣмъ интересамъ, которымъ служили съ малолѣтства и они, и ихъ хозяева. Такимъ именно лицомъ долженъ былъ, какъ видно изъ всего дѣла, быть Бѣляевъ. Въ 1855 году умеръ И. Ф. Мясниковъ, оставивъ очень большое состояніе. Бѣляевъ остался полнымъ распорядителемъ его имѣнія, явился опекуномъ его дѣтей. Сколько у него самого въ то время было состоянія—мы не знаемъ; знаемъ, однако, что еще въ 1850 году онъ участвовалъ въ трехъ откупахъ: пензенскомъ, бугурусланскомъ, верхнеуральскомъ и въ каждомъ имѣлъ по 10-ти паевъ. Что эти откупа были большіе — видно изъ того, что въ нихъ участвовали такія громкія откупныя имена, какъ Воронинъ, Бенардаки, Кокоревъ и Каншинъ. Затѣмъ, въ 1851—1855 годахъ, Бѣляевъ былъ участникомъ въ откупахъ по Харьковской губерніи, и только въ 1855 году передалъ свои 14 паевъ другому лицу, вслѣдствіе того, что между нимъ и другимъ изъ сооткупщиковъ, Семыкинымъ, возникли недоразумѣнія. Такимъ образомъ, смерть И. Ф. Мясникова застала его

человѣкомъ, имѣвшимъ хорошія средства. Свидѣтель Тепловъ здѣсь признавалъ, что Бѣляевъ имѣлъ 400,000 руб., хотя по словамъ того же свидѣтеля, онъ и не былъ большимъ капиталистомъ, сравнительно съ И. Ф. Мясниковымъ. Затѣмъ Бѣляевъ постоянно расширялъ свои предпріятія и продолжалъ свои дѣла. Мы не имѣемъ возможности слѣдить за тѣмъ, какія были негласныя операціи Бѣляева по откупамъ. Полагаю, что, пытаясь сдѣлать это, мы станемъ на почву тѣмъ болѣе опасную, что мы не найдемъ на ней никакого прочнаго устоя. Защита, однако, становилась во время судебнаго слѣдствія на эту почву и говорила, что Бѣляевъ имѣлъ самую ничтожную часть въ откупахъ, такъ какъ негласно они почти цѣликомъ принадлежали Мясниковымъ. Нельзя, однако, принять этотъ выводъ, какъ окончательный. Здѣсь было заявлено, напр., что участіе Бѣляева въ откупахъ херсонскомъ и николаевскомъ составляло только $^1/_5$ двадцати пяти паевъ, которые хотя офиціально принадлежали Бѣляеву, но въ сущности составляли собственность Мясниковыхъ. Это заявленіе основано на томъ, что въ записной книжкѣ Бѣляева находятся указанія на выдачи, изъ этихъ откуповъ, доходовъ Мясниковымъ, а также въ разсчетахъ есть указанія, что онъ считалъ себя обязаннымъ отсчитываться по этимъ откупамъ передъ Мясниковыми. Не спорю, можетъ быть такъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ укажу на то, что, по тѣмъ же отчетамъ, онъ получалъ доходы съ золотыхъ пріисковъ, въ которыхъ офиціально не участвовалъ, получалъ съ Земли Войска Донского, гдѣ откупъ держалъ Мясниковъ. Если допустить, что Мясниковы участвовали неофиціально въ его откупахъ, то онъ точно также участвовалъ неофиціально въ ихъ откупныхъ дѣлахъ. Въ какой мѣрѣ участіе это существовало съ обѣихъ сторонъ—трудно опредѣлить и потому намъ остается обратиться къ офиціальнымъ даннымъ о состояніи Бѣляева, такъ какъ эти данныя не могутъ быть уже опровергаемы никакими ссылками на частныя цифры, почерпнутыя изъ дневниковъ и какихъ нибудь отрывочныхъ клочковъ бумаги. Изъ сообщенія оберъ-прокурора 1-го Департамента Сената видно, что Бѣляевъ, при наступленіи 1858 года, является откупщикомъ по Олонецкой губерніи, при чемъ въ самой малой части участвуетъ Красильниковъ. Затѣмъ онъ держитъ откупъ въ Сольвычегодскѣ и Устюгѣ и, наконецъ, въ 1858 г. имъ взята Ставропольская губернія. Съ первыхъ четырехъ откуповъ онъ долженъ былъ получать, какъ мною на судебномъ слѣдствіи вычислено, до 100,000 руб. годового дохода. Я вывелъ эту цифру изъ того, что откупъ въ Устюгѣ, одинъ изъ маленькихъ, переданъ имъ купцу Топчіеву въ 1858 г., за четыре мѣсяца до конца откупа въ 1859 г., т. е. съ 1-го сентября 1858 г. по январь 1859 г., при чемъ Топчіевъ, принявъ всѣ расходы по платежу акциза на себя, заплатилъ Бѣляеву 20,000 руб.; слѣдовательно эти 20,000 составляли доходъ за 4 мѣсяца и самый откупъ приносилъ, по меньшей мѣрѣ, 50,000 руб. Не думаю, чтобы соображеніе о томъ, что въ послѣдніе мѣсяцы года каждый откупщикъ увеличивалъ плату за вино, имѣло вліяніе на измѣненіе этой цифры.

Затѣмъ онъ участвовалъ офиціально въ 25-ти паяхъ въ херсонско-николаевскомъ откупѣ. Залогу имъ было внесено 112,500 руб., и намъ извѣстно изъ отчетовъ по этому откупу, что за первую половину 1857 года онъ получилъ прибыли 19,550 руб., слѣдовательно, въ годъ онъ долженъ былъ получить около 40,000 руб. дохода. Намъ говорятъ, что Бѣляевъ былъ только номинальный откупщикъ и участвовалъ только въ пяти паяхъ, остальные же 20 паевъ негласно принадлежали Мясниковымъ. Пусть такъ, но изъ отчета Бѣляева Мясниковымъ, съ 1-го сентября 1857 г. по 14-е мая 1858 года, показаны поступившими въ пользу Бѣляева съ Мясниковыхъ, по откупамъ въ Войскѣ Донскомъ, 37 тысячъ руб. сер. Этимъ негласнымъ участіемъ въ Мясниковскихъ откупахъ онъ, конечно, отчасти, уравновѣшивалъ ихъ участіе въ своихъ откупахъ. Поэтому допустимъ, по Херсону, цифру дохода для Бѣляева въ 40 тысячъ—она будетъ, во всякомъ случаѣ, меньше дохода въ 8 тысячъ съ прибавленіемъ къ нему донской прибыли. Затѣмъ слѣдуетъ олонецкій откупъ съ залогомъ въ 54 тысячи и оборотнымъ капиталомъ въ 70 тысячъ. Этотъ откупъ почти цѣликомъ принадлежалъ Бѣляеву, такъ какъ негласное участіе Красильникова было самое незначительное. Что же могъ приносить такой откупъ цѣлой губерніи? Конечно, какъ видно изъ предварительныхъ разсчетовъ Бѣляева, при самомъ неблагопріятномъ результатѣ, не менѣе 50 тысячъ рублей сер.. Наконецъ, былъ полный откупъ въ Сольвычегодскѣ, съ залогомъ въ 2,400 и съ платежемъ 31 тысячи руб. акцизнаго вноса. Кромѣ того, 1858-й годъ застаетъ Бѣляева въ разгарѣ дѣятельности по разнымъ другимъ предпріятіямъ. Такъ онъ хотѣлъ пріобрѣсти заводъ Берда съ Гутуевскимъ островомъ за 2.300,000 руб., въ компаніи съ Жадимировскимъ и Клеменцомъ. Мы читали здѣсь объ этомъ собственноручный проектъ Бѣляева. Тамъ есть 14-й пунктъ, по которому онъ намѣревается участвовать въ этой покупкѣ въ $^2/_3$, а всѣ остальные участники въ $^1/_3$ долѣ; кромѣ того, онъ обязывается немедленно внести задатку 500 тысячъ руб. сер. и остальные 1.800,000 въ теченіе года. Признаюсь, что дѣйствительно эта сумма, даже при большихъ оборотахъ Бѣляева, нѣсколько велика и дѣйствительно трудно предположить, чтобы онъ сразу, по одному предпріятію, могъ внести 500 тысячъ задатка; я готовъ допустить, что въ этомъ предпріятіи участвовали негласно, конфиденціально, отчасти и Мясниковы, стоявшіе за именемъ Бѣляева. Во всякомъ случаѣ, живое и непосредственное участіе Бѣляева въ этомъ предпріятіи не подлежитъ сомнѣнію. Онъ же, Бѣляевъ, является и однимъ изъ учредителей общества столичнаго освѣщенія; онъ желалъ, какъ видно изъ показанія Молво, взять много акцій на себя, хотѣлъ внести задатку около 400 тысячъ руб. сер. сразу, и по этому предпріятію выдалъ Молво впередъ 5 тысячъ. Наконецъ, въ 1858 г. онъ вступилъ еще въ два предпріятія: одно—ставропольскій откупъ, по которому внесено 106 тысячъ руб. залога, въ числѣ которыхъ 51,000 именными билетами коммерческаго банка. Это былъ громадный откупъ на 2.205,000 руб. акцизной платы. Про-

читаннымъ вчера прошеніемъ Бѣляева въ Сенатъ, онъ отказался отъ откупа по Ставропольской губерніи, передавая его Мясникову и Бенардаки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, просилъ выдать другіе залоги, имъ представленные, по принадлежности, а свой собственный залогъ, 71,000 руб., оставлялъ безъ истребованія. Онъ не просилъ перечислить его на себя и, слѣдовательно, предоставилъ имъ пользоваться, по ставропольскому откупу, Мясниковымъ. Затѣмъ, въ апрѣлѣ 1858 г., онъ заключилъ съ казною договоръ о взятіи въ арендное содержаніе Самосдѣльско-Образцовскихъ рыбныхъ промысловъ въ Каспійскомъ морѣ, въ Астраханской губерніи. Этотъ договоръ содержитъ въ себѣ слѣдующія указанія на состояніе Бѣляева: Образцово-Самосдѣльскія рыбныя ловли были отдаваемы казною съ торговъ, при чемъ сумма, предложенная однимъ изъ послѣднихъ торговавшихся, Коняевымъ, составляла 71.500 руб. въ годъ арендной платы. На торгахъ участвовали лица съ громкими коммерческими именами: Ненюковъ, Воронинъ, Бенардаки и нѣкоторые другіе... На этихъ торгахъ верхъ одержалъ Бѣляевъ; онъ предложилъ 74,000 руб. годовой арендной платы и рыбныя ловли остались за нимъ. Говорить, согласно съ защитою, что онѣ потомъ приносили убытокъ, я не могу, не имѣя въ дѣлѣ на это прямыхъ указаній, но готовъ согласиться, что убытки могли быть, такъ какъ въ нѣкоторыхъ отчетахъ за первое время значится, что площадь водъ, отведенныхъ подъ ловли, оказалась менѣе, чѣмъ предполагалось при торгахъ. Изъ этого возникла цѣлая переписка комиссіи рыбныхъ ловель. Комиссія и впослѣдствіи Сенатъ признали, что количество воды, отведенной подъ рыбную ловлю, не было менѣе того, которое слѣдовало отвести. Положимъ, что ловли могли приносить первое время убытокъ; во всякомъ случаѣ, достаточно, что Бѣляевъ долженъ былъ внести залогъ, и внесъ принадлежащій ему капиталъ въ 74,000 руб.; кромѣ залога, онъ долженъ былъ раздать отступного 124,000 руб., между прочимъ, одному Бенардаки, какъ видно изъ записной книги, 80,000 руб. Затѣмъ, вступивъ во владѣніе ловлями, онъ, очевидно, хотѣлъ, чтобы онѣ были въ общемъ его владѣніи съ Мясниковыми, ибо имъ было подано объявленіе въ Комиссію рыбныхъ ловель, что онъ принимаетъ обоихъ Мясниковыхъ, на равныхъ правахъ, для участія въ содержаніи ловель. Въ дневникѣ есть указаніе, что онъ внесъ въ складочный капиталъ въ 50,000—16,666 руб. на свою долю. Это указываетъ, что онъ дѣйствительно хотѣлъ участвовать только въ $^1/_3$ части, но только хотѣлъ, официально же ничего по этому сдѣлано не было, такъ какъ въ донесеніи въ Комиссію рыбныхъ ловель Бѣляевъ объясняетъ, что договоръ о принятіи имъ для участія въ этомъ дѣлѣ Мясниковыхъ будетъ имъ представленъ вслѣдъ за симъ. Договоръ былъ необходимъ, безъ него никакая сдѣлка не могла считаться существующею. На это указываетъ § 27 кондицій на аренду ловель, кондицій, вошедшихъ въ договоръ, заключенный между казною и Бѣляевымъ. Въ этомъ § значится, что Бѣляеву дозволяется принимать участниковъ въ содержаніи ловель, но съ тѣмъ, чтобы дого-

воръ объ участіи былъ представленъ Комиссіи. Такого договора между Бѣляевымъ и Мясниковыми не было, однако, заключено и на него нѣтъ никакихъ указаній. Бѣляевъ умеръ, не успѣвъ составить договора. Эти ловли, по словамъ защиты, могли быть убыточны, но мы знаемъ, что Мясниковы въ 1861 г. пріобрѣли отъ Трощинскаго имѣніе Кагарлыкъ, Кіевской губерніи, за 1.300,000 руб., заплативъ въ число этой суммы ловлями, которыя они цѣнили въ 889 тыс. На это есть указаніе въ дѣлѣ о ловляхъ. Но еще до продажи права на ловли Трощинскому, возникъ вопросъ о ихъ стоимости по поводу спора Комиссіи ловель съ Мясниковыми, такъ какъ они не заплатили, не имѣя, можетъ быть, въ это время достаточно наличныхъ средствъ, арендной платы за двѣ послѣднія трети 1860 г. Эти двѣ трети составляли 48 тыс. руб. Этотъ невзносъ арендной платы послужилъ поводомъ къ тому, что Комиссія рыбныхъ ловель сочла условіе, заключенное казною съ Бѣляевымъ, перешедшее затѣмъ къ Мясниковымъ, нарушеннымъ, такъ какъ въ немъ значится, что арендная плата должна быть вносима за $^1/_3$ года впередъ. Комиссія вошла съ представленіемъ о наложеніи запрещенія на имѣніе Мясниковыхъ, въ обезпеченіе правильности поступленія доходовъ казны, въ теченіе слѣдующаго десятилѣтія. Это представленіе было уважено, и на все имѣніе Мясниковыхъ было наложено запрещеніе, въ размѣрѣ 604 тыс. Такъ цѣнила казна въ то время рыбныя ловли или тѣ доходы, которые слѣдовало получать отъ нихъ Мясниковымъ. Вотъ тѣ предпріятія, которыми Бѣляевъ намѣренъ былъ заняться въ теченіе 1858 и 1859 г. Но 1858 годъ засталъ его, кромѣ того, въ слѣдующихъ коммерческихъ оборотахъ и дѣлахъ: у него была лѣсная торговля,—сколько приносила она, мы не знаемъ, но извѣстно, однако, что ко дню смерти Бѣляева по этой лѣсной торговлѣ заготовлено было 290,000 деревъ, а по разсчету, сдѣланному Карагановымъ для Мясникова, эта торговля дала Бѣляеву въ 1859 г. 5,000 дохода. Затѣмъ былъ магазинъ. Неизвѣстно, сколько онъ приносилъ дохода, но цѣнность его можетъ быть опредѣлена. Въ день смерти Бѣляева онъ стоилъ 32,000 руб.; въ мартѣ мѣсяцѣ 1858 г., когда онъ перешелъ во владѣніе Мясниковыхъ, цѣнность его простиралась до 30,000 руб. Потомъ, Бѣляевъ имѣлъ золотопромывательную машину. Какого рода участіе Бѣляева было въ этомъ предпріятіи, я затрудняюсь опредѣлить; я могу только сказать, что онъ заплатилъ при устройствѣ ея, за право участія въ пользованіи ею, 8,000 руб. Наконецъ Бѣляевъ управлялъ заводами своей жены, и всѣ доходы поступали къ нему. Заводовъ было два: чураковскій и комаровскій, и мельница, при которой находился принадлежавшій Бѣляеву кожевенный заводъ. Относительно чураковскаго завода мы знаемъ, что доходъ съ него, въ теченіе года, въ 1857- -1858 году, былъ 21,900 руб.,затѣмъ самый капиталъ завода съ залогомъ составлялъ 102,500 руб. Что касается до комаровскаго завода, то онъ давалъ въ теченіе года 42,500 руб., а имущество этого завода цѣнилось въ 61,900 руб. и залога 41,000 руб., т. е. слишкомъ 102,000. Если даже предположить, что оба завода

стоили 200,000, то вотъ еще имущество, находившееся въ рукахъ Бѣляева, которымъ онъ завѣдывалъ безотчетно и изъ которыхъ извлекалъ 60,000 дохода.

Сводя все сказанное вмѣстѣ, дѣлая самыя невыгодныя для доходовъ и имущества Бѣляева предположенія и разсчеты, мы приходимъ къ выводу, что Бѣляевъ имѣлъ все-таки, по крайней мѣрѣ, отъ 150,000 до 200,000 руб. годового дохода. Если даже допустить ограниченіе въ доходахъ по откупамъ, на которые защита указывала, если допустить, что участіе Бѣляева было въ нѣкоторыхъ откупахъ ничтожно и очень незначительно въ золотыхъ пріискахъ, то и тогда окажется, что доходы его ни въ какомъ случаѣ не могли быть менѣе 150,000 въ годъ. При такомъ доходѣ можно опредѣлить, приблизительно, дѣйствительный капиталъ Бѣляева. Я не стану указывать точной цифры капитала, да и не могу въ настоящее время съ точностью опредѣлить его; я не стану доказывать, подобно гражданскимъ истцамъ, что тутъ были несмѣтные милліоны, равнымъ образомъ не стану и утверждать, что состоянія никакого не было, ибо 20,000, приводимыя защитою, не составляютъ состоянія. Состояніе Бѣляева было, конечно, весьма круглое, скопленное большимъ трудомъ, возраставшее медленно, при посредствѣ удачнаго помѣщенія его въ разныя предпріятія. Оно простиралось до 600,000 или 700,000 руб. и при осторожномъ и выгодномъ размѣщеніи и эксплуатаціи приносило доходу до 150,000. Заключеніе это я вывожу изъ слѣдующихъ фактовъ: сама Бѣляева говоритъ въ найденной у нея запискѣ, что у мужа ея было 700,000 руб. капитала; затѣмъ, изъ разсчета, сдѣланнаго имуществу Бѣляева имъ самимъ, на клочкѣ бумаги, къ 16-му сентября 1875 г., выходитъ, что оно простиралось до 400,000, въ томъ числѣ наличныхъ денегъ 120,000, но при этомъ не упомянутъ капиталъ, который находился въ залогахъ по откупамъ, и составлялъ: по ставропольскому откупу 50,000 и до 40,000 по откупамъ олонецкому и вологодскому. Затѣмъ, при перечисленіи капитала, къ нему не причисляется тотъ, который вложенъ былъ на нѣкоторыя негласныя предпріятія, напримѣръ, паи въ херсонскомъ откупѣ и въ золотыхъ пріискахъ, между тѣмъ какъ съ того и другого предпріятія получались, какъ мы знаемъ, значительные доходы. Это видно изъ отчета 14 мая 1858 г., гдѣ значатся 36,000 за войско донское и около 30,000 за золотые пріиски, слѣдующіе на долю Бѣляева за время съ 1-го сентября. Итакъ, я полагаю, что можно взять среднюю цифру между 600,000 и 700,000 и опредѣлить капиталъ Бѣляева въ суммѣ не менѣе 650,000 руб. Да, впрочемъ, точный размѣръ суммы капитала для насъ и не важенъ. Вопросъ объ этомъ будетъ подлежать суду, который въ порядкѣ гражданскомъ опредѣлитъ, сколько именно приходилось на долю Бѣляевой, и что должны были получить его наслѣдники. Намъ важно знать только то, что у Бѣляева былъ довольно большой капиталъ по настоящему времени, когда уже болѣе нѣтъ тѣхъ громадныхъ, баснословныхъ капиталовъ, которые скоплялись прежде въ однѣхъ рукахъ, благодаря

откупамъ. Такого рода капиталъ, какъ 650,000 руб., приносящій, при выгодномъ помѣщеніи его, 150,000 руб., возьмемъ даже доходъ въ 120,000 и даже 100,000 рублей, не могъ считаться маленькимъ, а такимъ капиталомъ Бѣляевъ положительно владѣлъ.

Чтобы уже не возвращаться болѣе къ вопросу о средствахъ Бѣляева, я коснусь теперь же и другой стороны вопроса. Въ подтвержденіе состоянія Бѣляева мы имѣемъ два рода документовъ: одни офиціальные, сообщенные оберъ-прокуроромъ Сената, другіе, не имѣющіе характера документовъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Документы второго рода состоятъ въ дневникѣ Бѣляева, исходящей книгѣ, гдѣ разными чернилами, а иногда карандашемъ, записаны разные расходы: выдача отступныхъ денегъ, покупка формы и обмундировка А. Мясникову, выдача жалованья и т. д., нѣкоторые расходы, по воспоминаніямъ Бѣляева, какъ напримѣръ: «выдано тому-то въ Москвѣ 3 руб., *давно уже*». Очевидно, эта записная книжка не имѣетъ никакого документальнаго характера, поэтому и смотрѣть на нее можно весьма разнообразно и, главное, весьма произвольно. Наиболѣе яснымъ характеромъ между этими документами отличается сводъ капиталовъ и доходовъ, написанный рукою Бѣляева. По этому разсчету, Бѣляевъ по дѣламъ Мясниковыхъ получилъ къ 1-му сентября 1857 г. дохода 2.273,775 руб. Изъ этой суммы было израсходовано 622,098 руб., отдано Мясниковымъ 601,931 руб., въ дѣлахъ осталось 786,122 руб., а за Бѣляевымъ осталось 263,631 руб. Далѣе, его же рукою писанъ краткій отчетъ съ 1-го сентября по 14-е мая 1858 г., принятый Мясниковыми, въ которомъ значится, что ему слѣдовало уплатить къ 1-му сентября 150,000 руб., къ этому поступило 105,000 руб., итого къ 14-му мая 255,000 руб. Затѣмъ идетъ расходъ суммъ «со счета моего», при чемъ выведено рукою Бѣляева слѣдующее: слѣдуетъ списать 278,000 руб., такъ что за Мясниковыми осталось 22,000 руб. Если сравнить первый и второй отчеты, то между ними окажется непримиримая разница и пробѣлъ, заключающійся въ томъ, что въ концѣ перваго отчета сказано, что къ 1-му сентября Бѣляевъ долженъ заплатить 263,000 руб., а въ началѣ второго значится, что за нимъ 10,000 р. Очевидно, что тутъ вычтены изъ 263,000 руб. расходы, которые намъ неизвѣстны. Но я допускаю, что здѣсь произошла ошибка, и буду брать первый, невыгодный для покойнаго, большой отчетъ Бѣляева, гдѣ значится за нимъ 263,631 руб., затѣмъ поступило къ нему въ періодъ времени отъ 1-го сентября по 14-е мая 105,808 руб., итого 369,439 руб., которые онъ долженъ былъ заплатить. Истрачено изъ нихъ 278,061 руб., итого, слѣдовательно, за Бѣляевымъ къ 14-му мая остается 91,377 руб. Вотъ выводъ изъ перваго разсчета и на немъ мы остановимся. Онъ указываетъ, въ какомъ положеніи были долговыя дѣла Бѣляева къ 14-му мая. Затѣмъ, въ концѣ разсчетной книги написано, что расходы и капиталы по рыбнымъ ловлямъ уравнены общимъ вкладомъ поровну. Передъ этимъ указано на то, что 7-го и 8-го чиселъ выдано 124,000 отступныхъ. Отчетъ доведенъ до 14-го мая, слѣдовательно, въ немъ должно было быть упо-

мянуто, что деньги, причитающіяся на долю Мясниковыхъ, возвращены ими Бѣляеву; но таковой суммы въ отчетѣ нѣтъ. Если они участвовали въ дѣлѣ на равныхъ правахъ, то расходъ по отступному въ 82,660 руб., причитавшійся на долю Мясниковыхъ и не внесенный въ отчетъ, долженъ быть снесенъ со счета Бѣляева къ 14-му мая. Итакъ, къ 15-му мая Бѣляевъ долженъ былъ Мясниковымъ 91,377 руб., за исключеніемъ 82,660 руб. т. е. 8,717 руб. сер. Но, кромѣ того, онъ передалъ имъ ставропольскій откупъ, оставивъ тамъ свой залогъ въ 50,000 руб., да залогу имъ однимъ внесено по рыбнымъ ловлямъ 24,000 руб., изъ которыхъ 16,000 слѣдовало ему возвратить. Изъ всѣхъ этихъ разсчетовъ выходитъ, что Мясниковы оставались должны Бѣляеву 66,000, будучи его кредиторами лишь на 8,717 руб., и поэтому, если даже не принимать въ разсчетъ залоговъ, они ни въ какомъ случаѣ 272 тыс. долгу на немъ имѣть не могли.

Вотъ, господа присяжные, тѣ выводы, которые было возможно сдѣлать изъ тѣхъ многочисленныхъ и сложныхъ документовъ, которые мы предъявляли вамъ вчера. Обращаюсь снова къ *личности Бѣляева*. Свидѣтели объяснили намъ, да и въ дѣлѣ есть указанія на то, что Бѣляевъ былъ человѣкъ въ высшей степени аккуратный, который, самъ будучи человѣкомъ богатымъ и имѣя конторщиковъ, велъ исходящія книги и писалъ почти всѣ бумаги собственноручно, даже до объявленій въ кварталъ. Въ числѣ вещественныхъ доказательствъ есть пачки писемъ, объявленій, доношеній, писанныхъ собственною его рукою. Занимался онъ, какъ вы слышали отъ Китаева, цѣлые дни, оставляя работу только для обѣда, затѣмъ отдыхалъ часъ и снова принимался за дѣло. Трудомъ составивши себѣ состояніе, въ этомъ трудѣ видѣлъ онъ и задачу своей жизни. Затѣмъ, мы знаемъ, что это былъ человѣкъ добрый, богомольный, дѣлавшій богатые вклады въ монастыри и на церкви, на что указываетъ, между прочимъ, записанный въ дневникъ, незадолго до смерти, расходъ на Евангеліе въ 1,000 руб., купленное пополамъ съ Мясниковыми для пожертвованія въ церковь. Привычку писать самому всѣ бумаги свои онъ распространялъ до того, что подписывая бумаги, писанныя не имъ самимъ, всегда подписывался своимъ полнымъ титуломъ, и хотя есть въ дѣлѣ нѣсколько документовъ, на которыя будетъ ссылаться защита, гдѣ онъ подписывался просто «К. Бѣляевъ», но это такіе документы, гдѣ въ началѣ званіе его уже обозначено. Редакція ихъ такого рода: «въ такую-то опеку, фридрихсгамскаго первостатейнаго купца Козьмы, Васильева сына, Бѣляева» и т. п. Каждый такой документъ написанъ собственноручно: понятно, что два раза обозначать свое званіе ему было не для чего. Но въ документахъ, написанныхъ не по такой формѣ или не его рукою, вездѣ находится его полная подпись. Наконецъ, по отношенію къ семейнымъ дѣламъ, изъ дѣла извѣстно, что Бѣляевъ очень любилъ свою жену; между ними существовала нѣжная привязанность, какъ видно изъ письма его на дачу, передъ смертью, исполненнаго самыхъ нѣжныхъ выраженій; онъ постоянно говорилъ,

что желалъ обезпечить жену и неоднократно говорилъ, что онъ это сдѣлаетъ. Сдѣлалъ ли онъ это въ дѣйствительности—мы увидимъ далѣе. Что это не было до весны 1858 г.—это намъ несомнѣнно и ясно доказала выставленная самими обвиняемыми свидѣтельница Иванова: она разсказала, что Бѣляевъ при ней говорилъ, что вотъ, молъ, умерла жена Громова и не оставила духовнаго завѣщанія, что онъ, Бѣляевъ, такъ не поступитъ, что у него и жены его сдѣлано такъ, что онъ оставитъ завѣщаніе на ея имя, а она, жена его, оставитъ завѣщаніе на его имя. Когда это говорилось? Послѣ смерти Громовой. Когда умерла Громова? Громова умерла, говоритъ свидѣтельница, когда я была въ дѣвушкахъ, а это было въ 1857 году. Между тѣмъ, завѣщаніе, о которомъ идетъ рѣчь, написано лишь *10-го Мая 1858 г.* Вотъ такой-то человѣкъ, аккуратный, имѣющій весьма большія дѣла и обороты, участвующій во многихъ предпріятіяхъ, тѣсно связанный узами родства и воспоминаніемъ о службѣ у своего прежняго благодѣтеля съ Мясниковыми, наконецъ, привыкшій къ нимъ какъ къ своимъ дѣтямъ—этотъ человѣкъ сталъ чувствовать себя дурно весною 1858 г. Онъ не оставилъ заботы о Мясниковыхъ до самой смерти, донесъ до конца свою привязанность, созданную годами, хотя послѣднее время она и омрачилась нѣкотораго рода неудовольствіями, впрочемъ, несущественными, съ однимъ изъ братьевъ Мясниковыхъ. Это стародавняя привязанность была причиною того, что дѣла Мясниковыхъ и Бѣляева были такъ неразрывно, такъ тѣсно связаны, что распутать ихъ безъ знанія ихъ подробностей и безъ взаимнаго довѣрія было бы весьма трудно. Поэтому весьма естественно было со стороны Бѣляева желать не оставить жену свою безъ завѣщанія. Его не смѣли обидѣть, имъ дорожили, его уважали, но со вдовой Мясниковымъ придется разсчитываться при иныхъ условіяхъ и, казалось бы, уже поэтому завѣщаніе составить необходимо. Дѣйствительно, оно и составлено,— вы его видѣли, вы читали его здѣсь. Оно подписано просто «К. Бѣляевъ». Весьма почтенные, повидимому, люди засвидѣтельствовали его и, слѣдовательно, весь вопросъ исчерпывается и мы собрались сюда и трудимся напрасно. Но, однако, несмотря на то, что завѣщанію *слѣдовало бы быть* и что оно *есть*, являются сомнѣнія, то ли это завѣщаніе, которому надлежало быть? Завѣщаніе составлено правильно въ смыслѣ требованій закона гражданскаго, но сомнѣніе, вытекающее изъ задачъ уголовнаго закона, идетъ гораздо далѣе: оно разсматриваетъ документъ не только съ его формальной стороны, не только по существу содержащихся въ немъ завѣщательныхъ распоряженій, но оно изучаетъ всю обстановку, при которой документъ произошелъ на свѣтъ, и изслѣдуетъ тѣ обстоятельства, которыя способствовали его происхожденію и, вглядываясь, такъ сказать, въ рожденіе завѣщанія, иногда можетъ придти къ заключенію, что документъ, совершенно правильный въ смыслѣ наличности гражданскихъ формальностей, есть документъ незаконнорожденный.

Такимъ отсутствіемъ законности своего рожденія отличается и

завѣщаніе Бѣляева, которое я признаю подложнымъ. Къ доказательству этой подложности я приступаю. Здѣсь возникаютъ прежде всего слѣдующіе главные вопросы: какъ и когда завѣщаніе открыто; каково его содержаніе; кѣмъ оно подписано и при какой обстановкѣ и каковы тѣ обстоятельства, которыми сопровождалось открытіе завѣщанія? Итакъ первый вопросъ: когда и какъ найдено завѣщаніе Козьмы Бѣляева? Мы знаемъ отчасти обстоятельства его нахожденія; намъ ихъ разсказывала г-жа Бѣляева? Я не стану повторять подробностей ея допроса, тѣмъ болѣе, что онъ тянулся очень долго, и вы, вѣроятно, вполнѣ удержали его въ памяти, равно какъ и то, что на вопросы мои г-жа Бѣляева отвѣчала съ нескрываемымъ неудовольствіемъ, а на вопросы тѣхъ лицъ, которыхъ она считала особенно вредными для себя, т. е. на вопросы повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ, она отвѣчала крайне лаконически, «да» и «нѣтъ», и притомъ чаще «нѣтъ», чѣмъ «да» и съ очевиднымъ раздраженіемъ. Въ виду этого отсутствія хладнокровія, въ виду того, что она отзывалась запамятованіемъ очень многихъ существенныхъ обстоятельствъ,—не помнила, напримѣръ, когда ей была вручена сохранная расписка,—забыла, что И. Мясниковъ уѣхалъ въ маѣ 1858 г. на Кавказъ, и говорила, что онъ бывалъ у ея мужа въ это время каждодневно—и въ то же время помнила такія мелочи, какъ то, что запонки ея мужа остались въ цѣлости—въ виду этого страннаго свойства ея памяти, удерживающей мелочи и безсильной удержать крупные факты, я считаю необходимымъ обратиться къ тѣмъ ея показаніямъ, которыя были здѣсь прочтены. Этихъ показаній ею было дано четыре: два при предварительномъ слѣдствіи въ 1868 году и два въ 1870 году. Въ 1868 году она была свидѣтельницею, въ 1870 —обвиняемою. Она заявила здѣсь, какъ она была напугана привлеченіемъ ея къ дѣлу въ качествѣ обвиняемой. Я совершенно вѣрю ей и потому не хочу ссылаться на эти ея показанія; но когда она была свидѣльницею въ дѣлѣ, она не могла быть испуганною, и на эти-то показанія я считаю себя въ правѣ ссылаться. Между прочимъ, я считаю нужнымъ сказать, что причину, побудившую ее къ разнымъ, по ея словамъ, неправильнымъ показаніямъ у слѣдователя, я не могу себѣ уяснить хорошенько. Она показала здѣсь, что ее ужасно волновало и безпокоило то, что цѣлый день съ параднаго крыльца звонили, тревожа ее, а когда она спрашивала, кто приходилъ, то получала отъ прислуги отвѣтъ, что полицейскіе или сыскные чиновники приходили узнавать, что дѣлается въ домѣ. Мнѣ кажется, что это одно изъ многочисленныхъ, къ сожалѣнію, обстоятельствъ, о которыхъ г-жа Бѣляева помнитъ какъ-то странно, какъ-то до очевидности несогласно съ дѣйствительностью. Сыскная полиція дѣйствовала въ этомъ дѣлѣ,—по свойствамъ его это было необходимо,—но дѣйствовала очень искусно, и нѣтъ возможности допустить, чтобы агенты петербургской сыскной полиціи, первой въ своемъ родѣ въ Россіи, настолько уже не понимали своихъ обязанностей, чтобы приходить звонить съ парад-

наго крыльца и спрашивать, что дѣлается въ домѣ, хозяйка котораго прикосновенна къ уголовному дѣлу. Но каковы бы ни были причины ея волненія, я буду основываться на показаніи ея, данномъ въ качествѣ свидѣтельницы, такъ какъ тогда еще никакой тревоги не существовало, да память, надо думать, была свѣжѣе. Изъ этого показанія можно вывести слѣдующее: незадолго до смерти, мужъ ея призываетъ ее къ себѣ въ кабинетъ и вручаетъ ей сложенную бумагу, сказавъ; «возьми, спрячь!» Удрученная горемъ, она ушла къ себѣ въ комнату; тамъ, развернувъ бумагу, увидѣла, что это было завѣщаніе, и положила въ столъ. Сначала она не помнила, куда положила, но потомъ, на сороковой день, вспомнила, что бумага у нея въ столѣ, и ее оттуда вынула. Какая же это была бумага? спрашиваемъ мы.—Духовное завѣщаніе.—Почему? — Да потому, что я его читала. — Въ чемъ оно состояло? — Когда я раскрыла, я пробѣжала начало и конецъ.—Что же тамъ написано?—Отказано все въ мою пользу. Въ завѣщаніи же, которое вамъ предъявлялось, гг. присяжные, вы, вѣроятно, замѣтили, что отказъ находится посрединѣ, а не въ началѣ и не въ концѣ. Что же вы смотрѣли? спрашиваемъ далѣе. — Да подписи смотрѣла. — Вслѣдствіе чего подписи?—Любопытно было посмотрѣть.—Ну а въ завѣщаніи не было ли еще какихъ нибудь выдачъ?—Я не помню, я только взглянула на него и изъ общаго смысла поняла, что все оставлено мнѣ.—Что же затѣмъ:—говорилъ ли вамъ покойный о завѣщаніи, не говорили ли вы сами кому нибудь?—Нѣтъ.—Когда вы вспомнили о завѣщаніи?—На 40-й день.—Вотъ это-то обстоятельство, т. е. передачу завѣщанія, мы и разберемъ сначала. Лѣтомъ 1858 года Бѣляевъ жилъ въ Петербургѣ; у него были торги въ Сенатѣ, гдѣ онъ бывалъ еще въ началѣ августа, но онъ уже страдалъ, ему было тяжело ѣздить въ Ораніенбаумъ, гдѣ жила на дачѣ его жена. Спрашивается, для чего это онъ вручаетъ женѣ сложенный листъ съ завѣщаніемъ и говоритъ лаконически: «возьми и спрячь»? Развѣ онъ находилъ, что, хранясь у него въ несгораемомъ шкапу, въ собственномъ домѣ, духовная не будетъ въ такой сохранности? Но предположимъ, что онъ это находилъ; въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же онъ не сказалъ прямо, что духовное завѣщаніе, и тѣмъ не указалъ на важность бумаги? Если Бѣляева, по ея словамъ, была удручена горемъ до того, что вовсе забыла про существованіе завѣщанія, то Бѣляевъ, видя, какъ на нее дѣйствуетъ его недугъ, не могъ же, конечно, предполагать, что она сейчасъ начнетъ любопытствовать, кто подписался на завѣщаніи. А между тѣмъ—ей,—убитой горемъ женщинѣ,—онъ даетъ бумагу, не объяснивъ, что это такое. Если онъ считалъ нужнымъ передать эту бумагу для храненія, то какъ было не запечатать ее въ конвертъ за своею печатью? Наконецъ, собственно для чего онъ даетъ завѣщаніе въ руки своей женѣ? Для того, чтобы выразить ей свою послѣднюю волю? Но, гг. присяжные, вы слышали изъ писемъ, что онъ былъ человѣкъ нѣжный, ласковый, онъ даже Мясниковыхъ называлъ уменьшительными име-

нами. Неужели же этотъ человѣкъ, видя свою жену убитую горемъ, станетъ еще болѣе растравлять ея сердце тѣмъ, что будетъ вручать ей завѣщаніе? Вы знаете, какая щекотливая вещь завѣщаніе, какое значеніе придается составленію завѣщанія, особенно въ купеческомъ быту. Но если онъ вручалъ его не для объявленія своей воли, а лишь для сохраненія, то развѣ не могъ онъ сохранить его иначе. Есть извѣстныя присутственныя мѣста, гдѣ завѣщаніе могло храниться внѣ всякой опасности подмѣна, утраты или похищенія. Отчего, наконецъ, не составить завѣщанія крѣпостнымъ порядкомъ, разъ еще имѣешь силы заниматься откупными операціями? Намъ скажутъ, можетъ быть, что Бѣляевъ не хотѣлъ объявлять своего капитала, не хотѣлъ, составляя завѣщаніе крѣпостнымъ порядкомъ, объявить, въ какомъ положеніи его дѣла. Но, гг. присяжные, вы помните, что по содержанію завѣщанія не видно вовсе, въ чемъ состояли его предпріятія и капиталы. Положимъ, однако, что онъ дѣйствительно не хотѣлъ прибѣгать къ какой либо офиціальности, не хотѣлъ сохранять завѣщанія у себя и находилъ нужнымъ передать его на сохраненіе женѣ; въ такомъ случаѣ, почему же онъ хранилъ его у себя цѣлое лѣто, когда жена жила на дачѣ, когда онъ чувствовалъ себя очень больнымъ и могъ думать о внезапной смерти? Почему онъ не боялся держать завѣщаніе въ то время у себя и сталъ бояться тогда, когда жена его переѣхала съ дачи, когда онъ зналъ, что около него близкое, любимое существо, которое охранитъ его обиталище отъ того поруганія надъ недавнею кончиною, которому подвергаетъ одинокаго богатаго человѣка толпа болѣе или менѣе чуждыхъ и корыстныхъ лицъ, сбѣжавшихся разыскивать его наслѣдство? Затѣмъ дальнѣйшій разсказъ Бѣляевой... Она приноситъ завѣщаніе къ себѣ въ комнату, развертываетъ его и смотритъ съ любопытствомъ на подписи свидѣтелей. Странное любопытство! По чему она не поинтересовалась узнать, какъ мужъ ея раздѣлался съ окружающими лицами? Это гораздо важнѣе; вѣдь у него были родственники, ждавшіе, что имъ будетъ что либо отказано; но ей любопытно было смотрѣть только на подписи, значитъ, ей ничего не говорили свидѣтели, значитъ, Бѣляевъ просилъ ихъ сохранить въ тайнѣ то, что они подписались на завѣщаніи. Для чего онъ могъ это сдѣлать? Для того, чтобы не огорчать бѣдную любящую жену призракомъ близкой своей смерти. Но въ такомъ случаѣ, для чего же онъ самъ ей вручалъ это завѣщаніе? Для того чтобы сохранить его? Но развѣ *такъ* сохраняютъ завѣщаніе? Затѣмъ мы видимъ что предъ фамиліею каждаго свидѣтеля идетъ длинный, установленный закономъ періодъ, удостовѣряющій, что «завѣщаніе подписано свидѣтелемъ по личной просьбѣ завѣщателя, который при этомъ находился въ здравомъ умѣ и твердой памяти», вслѣдствіе чего подписи свидѣтелей составляютъ ровно половину текста всего завѣщанія. Бѣляева, по ея словамъ, видѣла, что на завѣщаніи, вслѣдъ за именемъ Бѣляева, было написано: «Сицилинскій и Отто», но, во-первыхъ, это не такъ и фамиліи раздѣлены семью строками,—

и во-вторыхъ, какимъ же образомъ среди указанныхъ обязательныхъ выраженій она усмотрѣла только двѣ фамиліи и не запомнила, что предшествуетъ цѣлая официальная фраза каждой изъ нихъ? Наконецъ, посмотримъ на ея отношеніе къ завѣщанію. Она не имѣетъ никакихъ опредѣленныхъ средствъ, такъ какъ все имущество ея находилось въ рукахъ мужа, безотчетно имъ управлялось. Она видитъ, что мужъ умеръ, и ея положеніе можетъ стать еще болѣе неопредѣленнымъ и очень тяжелымъ. Какъ не поинтересоваться узнать, что онъ именно ей оставляетъ, какъ не задуматься надъ своею будущею матеріальною обстановкою, если не сейчасъ по смерти мужа, то чрезъ недѣлю, чрезъ двѣ? Однако она ничего этого не дѣлаетъ. Предположимъ, что тягость утраты мужа была для нея такъ сильна, что она не могла заниматься дѣлами, что ей было не до того, что она забыла даже о такомъ важномъ документѣ, какъ завѣщаніе. Но вспомните ея домашнюю обстановку послѣ смерти мужа: дѣтей нѣтъ, но существуетъ цѣлая дворня, есть разные приказчики и управляющіе, которые долго жили у Бѣляева и изъ которыхъ каждый считаетъ себя въ правѣ надѣяться на полученіе послѣ него извѣстной суммы, есть, наконецъ, сестра покойнаго, Ремянникова, вся судьба которой зависитъ отъ того, что забыта или не забыта она въ духовой,—Ремянникова, которая умоляетъ Мясникова на колѣняхъ не оставить ее и до того взволнована неизвѣстностью, что даже заболѣваетъ. Развѣ Бѣляева, такъ любившая мужа, такъ охранявшая его память, не понимала, что надо успокоить окружающихъ, смягчить ихъ ропотъ, прекратить ихъ недоумѣніе? Развѣ, ухаживая за больною золовкою, она не понимала, что своимъ молчаніемъ она только длитъ ея болѣзнь, только подтверждаетъ ея страхъ остаться нищею, только вызываетъ упреки памяти покойнаго. Вся дворня, всѣ домашніе смотрятъ ей пытливо и тревожно въ глаза, бѣдная Ремянникова лежитъ больная, а она молчитъ? Какъ не возстановить доброй памяти о мужѣ, какъ не сказать: «не плачьте, не скорбите, вы не забыты, вамъ оставлено, я помню, завѣщаніе есть!» Вѣдь это было бы лучшимъ лѣкарствомъ для Ремянниковой! Но ничего этого не дѣлается. Когда же найдено завѣщаніе? Въ 40-й день—какъ говоритъ Бѣляева; до тѣхъ поръ Бѣляева о немъ не помнитъ, потому что не занимается никакими дѣлами—согласенъ,—но что значитъ, однако, найденная у нея при обыскѣ довѣренность на имя Мясникова на полное управленіе ея имѣніемъ, помѣченная сентябремъ? Сороковой день былъ въ половинѣ ноября, а довѣренность помѣчена сентябремъ, слѣдовательно выдана вскорѣ послѣ смерти ея мужа, въ то время, когда ей было такъ тяжело, когда спутника ея жизни только что унесли изъ осиротѣлаго дома навсегда. Изъ довѣренности видно, что она считала, однако, возможнымъ немедленно послѣ этого говорить о дѣлахъ съ Мясниковыми и даже составлять довѣренность на управленіе всѣмъ имѣніемъ ея мужа. Да и почему она знаетъ, что все состояніе ея, что она можетъ имъ распоряжаться? Значитъ, выдавая довѣренность, она вспомнила о завѣщаніи, вспомнила еще

въ сентябрѣ. Но если вспомнила, то отчего не посмотрѣла? Отчего не огласила? Эта довѣренность доказываетъ, что разсказъ Бѣляевой о томъ, что она забыла про существованіе завѣщанія—вымышленъ; эта довѣренность доказываетъ, что, составляя ее, Бѣляева знала, что право на имущество мужа—и притомъ во всей его полнотѣ—должно принадлежать ей. Она говоритъ, что не знала, даже при выдачѣ довѣренности, что завѣщаніе *есть*; я готовъ согласиться съ нею, но прибавлю, что она въ такомъ случаѣ знала, что завѣщаніе *будетъ*.

Перехожу далѣе къ роли, которую должно было играть завѣщаніе въ глазахъ самого Бѣляева, если предположить на время, что онъ былъ его составителемъ. Вы знаете характеръ дѣлъ Бѣляева и Мясниковыхъ, вы слышали изъ показаній обвиняемыхъ, что ими въ день смерти Бѣляева были взяты изъ кабинета его счеты, книги и бумаги, потому что тутъ были и ихъ счеты, и имъ хотѣлось знать, въ какомъ положеніи ихъ дѣла, тѣсно и неразрывно связанныя съ его дѣлами. Бѣляеву они, конечно, были лучше чѣмъ кому либо извѣстны и онъ одинъ умѣлъ и могъ бы ихъ распутать надлежащимъ образомъ. Но онъ оставляетъ завѣщаніе, въ которомъ даже не упоминаетъ о томъ, какія именно предпріятія и дѣла составляютъ его личное имущество. Онъ какъ будто не понимаетъ, что послѣ смерти его Мясниковы явятся прежде всего за отчетами по ихъ имуществу и бѣдная вдова не будетъ знать, что объяснить, на какіе документы сослаться, такъ какъ она ничего не вѣдаетъ о дѣлахъ мужа и не имѣетъ къ нимъ никакого руководящаго ключа? Быть можетъ онъ надѣялся, что Мясниковы поступятъ съ нею добросовѣстно и не обидятъ ее, но при такомъ спутанномъ состояніи разсчетовъ можно было съ вѣроятностію разсчитывать и на фактическую, вполнѣ добросовѣстную ошибку. Мясниковы могли по заблужденію, по неясности въ счетахъ и записяхъ, присвоить себѣ такого рода капиталы, которые имъ не принадлежали. Да и едва ли Бѣляевъ могъ разсчитывать, что въ отношеніи развертки имущества жена его не будетъ нисколько обижена. Ужъ если Мясниковы его, своего воспитателя, стараго слугу своего дѣда, въ извѣстномъ письмѣ, поздравляя съ днемъ ангела, все-таки упрекаютъ въ томъ, что будто онъ частію растратилъ ихъ деньги, частію присвоилъ ихъ себѣ, то они, конечно, не особенно поцеремонятся со вдовою его, требуя отъ нея полнаго разсчета. Но Бѣляева говоритъ, что дѣла мужа были небольшія, что капиталъ былъ маленькій и что ей въ собственность по завѣщанію осталось очень и очень немного. Допустимъ, что это было такъ и въ дѣйствительности, и станемъ на время на почву ея показаній. Мясниковыми была ей предъявлена росписка Бѣляева въ 272,000 руб., которую она и признала за выданную мужемъ. Но Бѣляевъ, зная небольшіе размѣры завѣщаемаго состоянія, долженъ былъ понимать, что если жена его будетъ утверждена въ правахъ наслѣдства, то росписка эта послужитъ основаніемъ къ такому иску со стороны Мясниковыхъ, который поглотитъ не только завѣщан-

ное имущество, но и часть состоянія самой Бѣляевой! Какъ же онъ, зная, что личные капиталы его скудны и что все остальное принадлежитъ женѣ,—какъ же онъ, любя свою жену, называя ее своимъ «сердечнымъ другомъ», оставляетъ въ ея пользу такое наслѣдство, по которому, если она его приметъ, она не только ничего не получитъ, но съ нея будетъ еще взыскана значительная сумма? И сумма эта взыскана, такъ какъ извѣстно, что Бѣляева передала Мясниковымъ все—и свое имущество, и оставшееся послѣ мужа, за 392,000 руб., взявъ съ нихъ условіе въ платежѣ 120,000 руб. и расписку въ 272,000 руб. Между тѣмъ, лично принадлежавшіе ей заводы стоили гораздо болѣе 120 тыс. Не могъ же не понимать Бѣляевъ, что такого рода завѣщаніемъ онъ грабитъ свою жену, лишаетъ ее собственнаго ея имущества. Правда, она могла не принять имущества по завѣщанію, отказаться отъ него,—на то ея добрая воля,—закона нѣтъ, который бы обязывалъ ее наслѣдовать непремѣнно,—но тогда мужъ долженъ былъ предупредить ее, сказать, что такіе-то и такіе-то долги лежатъ на его имуществѣ, что они превышаютъ его состояніе. Но онъ этого не дѣлаетъ, онъ говоритъ убитой горемъ женщинѣ: «спрячь эту бумагу», не объясняя, что́ это за бумага и какъ великъ его капиталъ, и за это, когда обнаруживаются размѣры этого капитала, у нея отнимаютъ ея собственное, кровное достояніе. Мы смѣло можемъ утверждать, что такой поступокъ вовсе не соотвѣтствуетъ характеру Бѣляева, онъ не только не объясняется любовью къ женѣ, но, противорѣча этой любви, является скорѣе обдуманною и хитрою интригою противъ ея состоянія.

Обращаюсь къ *содержанію* завѣщанія. Оно было прочитано здѣсь, и въ немъ, прежде всего, обращаетъ на себя вниманія то, что многія его несущественныя части изложены чрезвычайно подробно и даже красивымъ слогомъ, но затѣмъ все остальное, вся душа завѣщанія,—написано крайне сжато, туманно. Такъ начало завѣщанія слѣдующее: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, Единосущной и Живоначальной Троицы. Аминь». Бѣляевъ писалъ много дѣловыхъ бумагъ, конечно видывалъ и завѣщанія и зналъ, что достаточно написать что нибудь одно: или «во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь», или «во имя Св. Троицы»; вмѣстѣ же эти слова никогда не употребляются, особенно въ завѣщаніи, которое составляется больнымъ человѣкомъ, на скорую руку. Очевидно, что завѣщаніе въ началѣ писано широкою кистью, что выраженій не жалѣли, такъ какъ затѣмъ идетъ цѣлый періодъ о тѣхъ причинахъ, по которымъ составляется завѣщаніе. Тутъ и подробно описанное чувство особенной слабости здоровья и разсужденіе о томъ, какъ и когда Богу угодно будетъ отозвать его, Бѣляева, отъ жизни. Въ сущности все это совершенно излишне. Потомъ въ краткомъ завѣщаніи дважды повторено, что—такова покойнаго Бѣляева послѣдняя воля. Самое же существо завѣщанія очень кратко и очень неопредѣленно. Такимъ образомъ, человѣкъ, который велъ множество дѣлъ, писалъ массу дѣловыхъ бумагъ, въ такой важной бумагѣ,

какъ завѣщаніе, распространяется о предметахъ несущественныхъ и въ то же время объ имуществѣ говоритъ съ краткостью непонятною. Посмотримъ на самый *языкъ;* Бѣляевъ владѣетъ языкомъ хорошо: мы слышали здѣсь характеристическое письмо его къ какому-то Алоизію Матвѣевичу, очевидно, лицу весьма высокопоставленному, котораго онъ весьма благодаритъ за то содѣйствіе, которое тотъ оказалъ опекѣ Мясниковыхъ, и объясняетъ, что билеты, представленные Мясниковыми на сумму 10,000 руб., они оставляютъ въ пользу Евангелической школы. Письмо это написано очень умно, съ большимъ достоинствомъ и тактомъ; письмо это, указывающее на подарокъ, сдѣланный въ пользу извѣстнаго учрежденія за содѣйствіе тѣхъ лицъ, интересы которыхъ связаны съ этимъ учрежденіемъ, написано такъ ловко, осторожно, деликатно, что очевидно человѣкъ, писавшій его, привычный и умный, знающій цѣну и значеніе каждаго слова. И однако, этотъ человѣкъ, писавшій собственноручно сложныя бумаги въ Сенатъ, употребляетъ такое выраженіе «всю мою недвижимую и движимую собственность, все имущество мое оставляю женѣ моей въ полную собственность» и тотчасъ же далѣе называетъ это «даромъ». Далѣе оказывается выраженіе: «друга моего прошу», но развѣ такой дѣловой человѣкъ, какъ Бѣляевъ, можетъ допустить подобную неопредѣленность въ выраженіяхъ? Можно догадаться, что онъ проситъ жену, но удостовѣрить этого положительно, по точнымъ словамъ завѣщанія, нельзя. И это-то пишетъ Бѣляевъ, который, по словамъ Ивановой, даже за частнымъ обѣдомъ выражался такъ офиціально, что «она, жена моя, оставила все состояніе свое мнѣ, а я ей, женѣ моей». Завѣщаніе *переписано* Целебровскимъ. Почему имъ? Почему оно не писано самимъ Бѣляевымъ? Тутъ можно допустить только одно предположеніе—что Бѣляевъ былъ такъ слабъ, чувствовалъ себя такъ дурно, что не могъ писать бумагъ и послалъ за Целебровскимъ, съ тѣмъ, чтобы тотъ немедленно переписалъ завѣщаніе. Но гдѣ же указаніе на такое состояніе Бѣляева? Выписывалъ ли онъ жену изъ Ораніенбаума? являлась ли она къ нему, чтобъ, въ минуты крайней тѣлесной слабости, окружить его своими попеченіями? Нѣтъ, ни разу въ маѣ 1858 г. онъ такъ дурно себя не чувствовалъ. Онъ страдалъ, бывалъ слабъ, но скоро поправлялся. Быть можетъ ему вообще было тяжело писать самому. Мы имѣемъ, однако, отъ 20 іюня 1858 года собственноручное длинное прошеніе его въ Сенатъ. Подобную бумагу легче всего было отдать переписать, между тѣмъ она написана и перебѣлена имъ самимъ. Наконецъ, мы имѣемъ дневникъ и исходящую тетрадь, доведенные до 14-го сентября, гдѣ, очень уже не за долгое время до смерти, всего за 10 дней, онъ отмѣчалъ малѣйшіе расходы свои и по дѣламъ Мясниковыхъ. Но если человѣкъ записываетъ собственноручно расходы, если онъ пишетъ прошеніе въ Сенатъ съ перечисленіемъ залоговъ, почти на листѣ кругомъ,—неужели онъ не чувствовалъ въ себѣ достаточно силы, чтобы самому написать завѣщаніе, которое должно навсегда обезпечить и

оградить его любимую жену?! Намъ скажутъ, что онъ могъ это сдѣлать, но не находилъ этого нужнымъ; въ такомъ случаѣ, это былъ бы человѣкъ крайне недѣловой, а извѣстно, что Бѣляевъ былъ не таковъ. Онъ не могъ не знать, что по завѣщанію, написанному отъ начала до конца рукою завѣщателя, споръ о подлогѣ очень труденъ, почти невозможенъ, тогда какъ если оно только подписано, то опроверженіе его, сомнѣніе въ подлинности подписи всегда возможно, что и доказывается исторіею дѣлъ о подлогѣ завѣщаній. Онъ долженъ знать, что есть наслѣдники—Мартьянова и сынъ ея, человѣкъ безпутный, растратившій 30,000 на заводѣ Бѣляева. Эти люди, эти законные наслѣдники, услыхавъ о смерти его, тотчасъ же слетятся въ Петербургъ, а такъ какъ это было время старыхъ порядковъ судопроизводства, когда разъ начатое дѣло тянулось цѣлые годы, то, безъ сомнѣнія, мелкіе ходатаи, тѣ новѣйшіе аргонавты, о которыхъ я говорилъ, научатъ ихъ завести споръ о подлогѣ завѣщанія и бѣдную Бѣляеву будутъ таскать по судамъ. Не лучше ли, не безопаснѣе ли, не благоразумнѣе ли было переписать самому? Допустимъ на минуту предположеніе—что Бѣляевъ завѣщанія этого не писалъ самъ вслѣдствіе того, что чувствовалъ себя крайне нездоровымъ и не могъ писать вообще. Но тогда является слѣдующій вопросъ: завѣщаніе подписано тремя лицами и переписано четвертымъ; всѣ они писали различными чернилами, что показываетъ, что писали они не одновременно; надо, слѣдовательно, допустить, что Бѣляевъ далъ Целебровскому переписать завѣщаніе въ тяжелую минуту, когда чувствовалъ сильныя страданія. Онъ призвалъ Целебровскаго и продиктовалъ ему свою послѣднюю волю (хотя надобно замѣтить, что у него были другія, болѣе близкія лица, напримѣръ, Шмелевъ, которыя были всегда подъ рукою). Продиктовавъ завѣщаніе, онъ оставилъ его у себя, не подписывая немедленно и не призывая немедленно свидѣтелей, а подписалъ впослѣдствіи, такъ же, какъ и предъявилъ завѣщаніе свидѣтелямъ. Но если онъ подписывалъ послѣ, то нужно доказать, что все время послѣ того, какъ завѣщаніе было составлено, онъ находился въ такомъ состояніи, что не могъ писать самъ ничего, а могъ только подписывать свою фамилію. А между тѣмъ извѣстно, что онъ не только писалъ самъ, но даже ѣздилъ на торги. Притомъ, если ему не трудно было диктовать, то, понятно, не трудно было подписывать и свой полный титулъ, по обыкновенію, котораго онъ такъ строго держался. Можетъ быть, однако, и другое предположеніе. Чувствуя себя очень дурно, Бѣляевъ призвалъ Целебровскаго и свидѣтелей одновременно, хотя это и опровергается различіемъ въ цвѣтѣ чернилъ. Въ числѣ свидѣтелей былъ и докторъ Отто. Если Бѣляевъ не могъ подписать полнаго званія, значитъ онъ былъ страшно слабъ, его одолѣлъ жестокій припадокъ, руки его тряслись. Развѣ докторъ Отто не могъ отклонить его отъ всякихъ занятій въ эти тяжелыя минуты, развѣ не могъ успокоить его, увѣривъ, что онъ останется живымъ, что это только припадокъ, что онъ можетъ подписать за-

вѣщаніе послѣ, когда почувствуетъ себя лучше? А это совершилось скоро, такъ какъ затѣмъ Бѣляевъ пишетъ длинныя письма, ѣздитъ на торги и въ концѣ августа 1858 года еще настолько здоровъ, что ходитъ по комнатамъ. Развѣ онъ не могъ много разъ уничтожить это завѣщеніе и написать вновь все собственноручно? Не могъ развѣ сдѣлать это въ здоровыя минуты?

Посмотримъ, наконецъ, на самихъ *свидѣтелей*. Бѣляевъ оставляетъ все имущество своей женѣ, не назначая душеприказчика и не обозначая имущества. Кто же подписывается на завѣщаніи? Люди, знакомые съ его торговыми дѣлами? Нѣтъ! Сицилинскій, старикъ, выживающій изъ ума, и докторъ Отто, некоммерческій человѣкъ, тогда какъ у Бѣляева были такіе старые знакомые, какъ, напримѣръ, Бенардаки, Каншинъ. Почему онъ не поставилъ состоянія жены своей подъ защиту этихъ громкихъ откупныхъ именъ? Почему онъ не пригласилъ подписаться на завѣщаніи этихъ лицъ, знающихъ дѣла, имѣющихъ вѣсъ на биржѣ и значеніе въ обществѣ, людей, которые могли бы оградить его жену отъ всякихъ дальнѣйшихъ имущественныхъ нападеній? Ничего подобнаго не сдѣлано! Эти друзья остаются въ сторонѣ, а призываются люди, которые случились подъ рукой. Скажутъ, завѣщаніе составилось на скорую руку. Предположимъ, что такъ; но завѣщаніе составилось 10-го мая, 21-го написана сохранная на 272 тыс. руб. сер., росписка, которая очевидно, измѣняла положеніе дѣла, измѣняла вопросъ о состояніи Бѣляева. По выдачѣ этой росписки, развѣ ему не должно было придти въ голову, что нужно перемѣнить завѣщаніе, что нужно написать новое? Посмотримъ поближе на этотъ документъ. Во-первыхъ, имѣетъ ли онъ общій характеръ всѣхъ завѣщаній зажиточныхъ лицъ купеческаго сословія? Былъ ли въ немъ отказъ на церковь? Бѣляевъ былъ человѣкъ добрый; вспомнилъ ли онъ, умирая, своихъ родныхъ, одѣлилъ ли онъ ихъ? Нѣтъ. Одной Ремянниковой только оставлена маленькая сумма. А этотъ двоюродный братъ, ходившій безъ сапогъ, а Мартьянова, которая не имѣла денегъ на покупку лѣкарства и не могла выходить на воздухъ, потому что у нея не было теплой одежды, а на дворѣ было «студено»? Все это Бѣляевъ, конечно, зналъ. Какъ же у него,—у несомнѣнно добраго человѣка—не возникло, въ послѣднія минуты, желанія хотя чѣмъ нибудь надѣлить ихъ, избавить ихъ отъ нищеты,—у него, раздававшаго широкою рукою деньги своимъ конторщикамъ и прислугѣ? Между тѣмъ, этого нѣтъ. Нѣтъ отказа на поминовеніе, нѣтъ никакихъ жертвъ въ монастыри и церкви, нѣтъ благотворительныхъ дѣлъ, которыя характеризуютъ почти всякое завѣщаніе въ томъ слоѣ купеческаго быта, къ которому принадлежалъ покойный. Затѣмъ я не могу не указать еще на одну особенность этого завѣщанія, именно на то, что на ряду съ нимъ идутъ найденные у Бѣляева обрывки почтовой бумаги, на которыхъ рукой Бѣляева написано—на одномъ: «сіе духовное завѣщаніе составлено Фр. К. В. Бѣл.», на другомъ—«ей же, женѣ моей» и т. д. Очевидно, что эти клочки относятся къ завѣщанію. Одинъ есть проектъ

свидѣтельской подписи, другой же—одного изъ пунктовъ предположеннаго завѣщанія. Неужели тотъ, который собственноручно составлялъ черновой проектъ завѣщанія, не могъ переписать подлиннаго документа? Эти клочки указываютъ, что Бѣляевъ дѣйствительно хотѣлъ оставить имущество своей женѣ, но не оставилъ. Почему же? Для разрѣшенія этого вопроса я обращусь къ вашей житейской опытности, къ вашему знанію практической жизни. Вы знаете, какого рода суевѣрные предразсудки существуютъ вообще у многихъ богатыхъ людей, которые умираютъ безъ завѣщанія потому, что выраженіе послѣдней воли признается какъ бы предвѣстіемъ смерти, потому что человѣкъ, составившій завѣщаніе, считаетъ уже матеріальные разсчеты съ жизнью оконченными и думаетъ, что на немъ лежитъ уже печать скораго истлѣнія. Вы знаете, конечно, что этотъ предразсудокъ сильно распространенъ, особенно въ купеческомъ быту... Вотъ почему мы видимъ Бѣляева, дѣлающаго проекты завѣщанія, приготовленія къ нему на клочкахъ бумаги и не рѣшающагося написать полное завѣщаніе. Онъ часто страдалъ, но ему затѣмъ становилось легче, а послѣднее время приглашенъ былъ докторъ Тильманъ, опытный врачъ, который ему, замѣтно для всѣхъ окружающихъ, помогъ. Онъ могъ думать, что здоровье его поправится, что онъ успѣетъ написать завтра, послѣзавтра, но *завтра* нагрянула смерть—и завѣщанія нѣтъ. Мнѣ скажутъ, что завѣщаніе подписано свидѣтелями, что они его видѣли. Повидимому, здѣсь установилось у нѣкоторыхъ участвовавшихъ лицъ и, быть можетъ, у васъ, гг. присяжные засѣдатели, неправильное пониманіе того, что хочетъ сказать обвинительный актъ — указаніемъ на то, что свидѣтели подписали завѣщаніе послѣ смерти. Повидимому предполагаютъ, что обвиненіе считаетъ этихъ свидѣтелей глубоко безчестными людьми, которые согласились съ Мясниковыми помочь имъ ограбить, путемъ фальшиваго завѣщанія, несчастную и довѣрчивую вдову. Напротивъ, я признаю, что Сицилинскій и Отто были прекрасные люди. Но что же изъ этого? Сицилинскій былъ на краю могилы, забывчивъ и дряхлъ, а Отто—домашній врачъ, старый другъ дома. Они слышали, что о завѣщаніи Бѣляевъ говорилъ не разъ, говорилъ, что все имущество оставитъ своей женѣ. У нихъ составилось нравственное убѣжденіе въ томъ, что имущество должно было перейти Бѣляевой; затѣмъ къ одному являются и говорятъ: «посмотрите, завѣщаніе нашлось, но покойный не успѣлъ пригласить свидѣтелей, вы видите его подпись, вы знаете, что все имущество должно слѣдовать вдовѣ, что такова всегда была воля умершаго, вы помните, какъ любилъ ее покойный. Неужели вы не захотите охранить тишину и благолѣпіе этого дома? Неужели вы допустите, что придутъ какіе-то невѣдомые наслѣдники, будутъ тягаться, говорить, что завѣщаніе даже никогда не было написано—а вотъ оно тутъ передъ вами—и будутъ бѣдную женщину таскать по судамъ? Неужели вы откажетесь оказать такую услугу памяти покойнаго?» И вотъ человѣкъ, не понимающій хорошенько, что онъ дѣлаетъ вполнѣ

неправильную, незаконную вещь,—увѣренный, что завѣщаніе должно было остаться, добрый и привязанный къ памяти покойнаго, даетъ свою подпись. Разъ явилась подпись священника, надо еще подпись одного свидѣтеля. Къ кому же лучше обратиться, какъ не къ старому другу дома, постоянному доктору Бѣляевыхъ, у котораго даже личный интересъ связанъ съ сохраненіемъ имущества за Бѣляевой? Тотъ, быть можетъ, спроситъ священника, нѣсколько колеблясь исполнить просимое: «батюшка, вы это завѣщаніе подписали?» «Да, подписалъ», отвѣтитъ тотъ и тѣмъ разсѣетъ сомнѣніе доктора, потому что онъ, Сицилинскій, человѣкъ добрый, по словамъ его вдовы даже «святой». Притомъ, проситъ удостовѣрить завѣщаніе развѣ Бѣляева, которая заинтересована въ немъ? Нѣтъ, нисколько! Просятъ Мясниковы. *Они* хотятъ оградить интересы бѣдной женщины, которая убита горемъ и въ отношеніи имущества находится въ затруднительномъ положеніи. Потомъ, быть можетъ, эти свидѣтели и узнаютъ, что завѣщаніе фальшиво,—но, подписавъ его, они сдѣлались участниками въ его составленіи, и сознаться въ томъ, что завѣщаніе подписано послѣ смерти, когда оно считается подложнымъ, уже невозможно, потому что это значитъ сознаться въ содѣйствіи преступленію, хотя бы и не вполнѣ сознательномъ,—и на уста ихъ невольнымъ образомъ налагается печать молчанія. Таково единственно возможное толкованіе, не опорочивающее безъ нужды памяти свидѣтелей и съ житейской стороны совершенно естественное. Нѣтъ основанія предполагать, чтобы Сицилинскій былъ подкупленъ для дачи своей подписи,—нѣтъ такого основанія и по отношенію къ Отто; но затѣмъ, когда эти люди подписались, имъ могли оказываться разныя одолженія, чтобы этимъ еще болѣе закрѣплять ихъ молчаніе и загладить ихъ вовлеченіе въ темное дѣло. Иногда эти одолженія дѣлались широкою рукою. Сынъ Сицилинскаго, женатый на сестрѣ одного изъ показывавшихъ здѣсь свидѣтелей, ходилъ къ Мясниковымъ въ карманъ, какъ въ свой собственный. Были ли имъ выдаваемы документы Мясникову—мы не знаемъ, но знаемъ, что онъ имѣлъ привычку никогда не платить долги, что должно было быть извѣстно Мясникову; мало того, что онъ ходилъ «взять у Мясникова»,—его сестра и мужъ его сестры точно также обращались къ Мясниковымъ и получали вспомоществованія. Мнѣ скажутъ, что все это предположенія, что я не привожу прямыхъ доказательствъ, что мои соображенія почерпаются изъ обстановки окружающей жизни, а не изъ фактовъ дѣла. Это, быть можетъ, и будетъ справедливо, но не надо забывать, что въ цѣлой массѣ дѣлъ,—во всѣхъ наиболѣе серьезныхъ и обдуманныхъ преступленіяхъ—прямыя доказательства отсутствуютъ, а есть лишь косвенныя данныя, которыя могутъ быть скрѣплены между собою лишь извѣстными соображеніями. Эти соображенія именно оттуда и должны быть взяты, откуда я ихъ беру; только жизнь съ ея разнообразными явленіями, только бытовая обстановка можетъ и должна служить тою палитрою, съ которой слѣдуетъ черпать краски для обрисованія

условій возникновенія извѣстнаго преступленія. Никакія теоретическія, отвлеченныя соображенія для этого не пригодны.

Но если это все одни предположенія, то мы можемъ указать и на нѣкоторыя другія, болѣе твердыя данныя, именно на экспертизу. Это уже нѣчто болѣе прочное. Мы видѣли спеціалистовъ своего дѣла въ огромномъ числѣ. Чуть ли не весь Петербургъ былъ лишенъ на нѣсколько дней каллиграфіи и, конечно, эти 16 учителей чистописанія и граверовъ должны дать болѣе или менѣе точныя данныя для сужденія о подлинности завѣщанія. Намъ говорили, что въ экспертизѣ по настоящему дѣлу—противорѣчія. Эксперты по этому дѣлу распались на четыре группы: первая изъ нихъ въ 1868 г. признала, что подпись на завѣщаніи, повидимому, Бѣляева, и нѣтъ основанія въ ней сомнѣваться вообще, кромѣ, однако, буквы ѣ; вторая группа нашла подпись цѣликомъ сомнительною; третья группа, въ гражданскомъ судѣ, признала, что нѣтъ основанія утверждать, чтобъ это не была подпись Бѣляева; четвертая группа, на слѣдствіи 1870 года, положительно утверждала, что это не подпись Бѣляева, что она дурно скопирована, что это плохое подражаніе его дѣйствительной подписи. Здѣсь всѣ эксперты сведены вмѣстѣ, и я думаю, что шансы обвиненія и защиты были равны, такъ какъ мною было вызвано 9 экспертовъ, защитою 8, но на судъ одинъ изъ моихъ не явился, и остались 8 и 8, т. е. равное число голосовъ. Къ какому же выводу пришли они при взаимной окончательной провѣркѣ своихъ мнѣній? Они признали, что подпись Бѣляева является при первомъ взглядѣ похожею на настоящую, т. е. имѣетъ свойства, которыя необходимы для того, чтобы человѣкъ, разсматривающій ее простыми глазами, мелькомъ, призналъ ее дѣйствительною, но, при внимательномъ разсмотрѣніи, буквы оказываются поставленными рѣже и написанными не такъ, какъ писалъ обыкновенно Бѣляевъ и, наконецъ, при дальнѣйшемъ изслѣдованіи самая подпись является лишь искуснымъ подражаніемъ. При оцѣнкѣ этой подписи, эксперты находятъ тѣ же признаки, на которые указывали прежніе эксперты, дававшіе заключеніе противъ подложности завѣщанія, а именно, что буква ѣ написана не снизу вверхъ, какъ писалъ ее Бѣляевъ, а сверху внизъ, и что подпись сдѣлана дрожащею рукою. То же самое говорили и первые эксперты, но прибавляли, что такъ какъ Карагановъ имѣетъ почеркъ твердый, то нельзя думать, чтобъ онъ могъ написать дрожащею рукою. Думаю, что это заявленіе не заслуживаетъ никакого уваженія. Еслибъ они сказали противное, т. е., что Карагановъ писалъ дрожащею рукою, а подпись сдѣлана твердою, тогда я понялъ бы это; но что человѣкъ, у котораго почеркъ твердый можетъ написать дрожащей рукой—это не подлежитъ сомнѣнію, и все зависитъ въ этомъ отношеніи отъ того, что̀ вы признаете въ данномъ случаѣ: если вы найдете, что эта подпись Бѣляева, то этимъ самымъ признаете, что здѣсь дрожала больная рука; если же вы согласитесь со мною, что это не его подпись, то очевидно дрожала рука—преступная. Такимъ образомъ, эксперты прямо

признали, что почеркъ въ подписи на завѣщаніи не есть почеркъ Бѣляева, что это только искусное подражаніе, что онъ самъ такой подписи не могъ сдѣлать. Кто же сдѣлалъ ее? Экспертамъ предъявлялись записки одного изъ лицъ, находящихся здѣсь предъ вами— и они сказали: «да, это лицо способно писать такимъ образомъ; да, это лицо имѣетъ такой почеркъ, который можно сдѣлать весьма похожимъ на почеркъ Бѣляева, это лицо могло подписаться подъ его руку». Это лицо Карагановъ. Къ нему-то мы теперь и обратимся.

Второй вопросъ по дѣлу: *если завѣщаніе подложно, то какимъ путемъ оно составилось?* Путь этотъ начинается Карагановымъ и кончается Мясниковыми.

Поэтому, прежде всего, слѣдуетъ обратиться къ самой личности Караганова. Карагановъ, по моему мнѣнію, въ меньшемъ видѣ — тотъ же Бѣляевъ. Та же преданность своимъ хозяевамъ, вѣрность ихъ интересамъ, то же стремленіе управлять ихъ дѣлами, сохраняя выгоду всѣми мѣрами, стремленіе всегда и во всемъ видѣть ихъ честными и правыми... Повторяю — это тотъ же Бѣляевъ, но въ маломъ размѣрѣ и безъ его ума, безъ его ловкости, житейскія обстоятельства котораго притомъ сложились иначе. Еще мальчикомъ онъ поступилъ къ Мясниковымъ, служилъ довольно долго конторщикомъ и получалъ, наконецъ, жалованья до 600 руб. въ годъ, при квартирѣ въ домѣ хозяевъ. При такой обстановкѣ застаетъ его день смерти Бѣляева. Она поразила его паническимъ страхомъ: «такой богатый человѣкъ,—говорилъ онъ всѣмъ и каждому, совершенно потерявшись и не зная, за что взяться,—и такъ внезапно скончался! Вѣдь онъ всему дѣлу былъ воротило, всѣмъ заправлялъ,— какъ быть безъ него!?» Долго ли продолжался этотъ испугъ предъ невѣдомымъ будущимъ, намъ неизвѣстно, но вскорѣ, однако, Карагановъ предлагаетъ свидѣтелямъ паи по откупамъ, говоритъ, что у него есть небольшой капиталъ, даетъ въ займы тысячу и полторы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, положеніе его, повидимому, улучшается. Онъ является къ знакомымъ очень хорошо одѣтымъ, живетъ лучше и, наконецъ, въ немъ, въ этомъ необезпеченномъ приказчикѣ, жившемъ изо дня въ день, является желаніе устроиться семейнымъ образомъ. Онъ и устроился; свадьба его нѣсколько оригинальна: онъ женился на пѣвицѣ, бывшей въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ А. Мясниковымъ. Онъ, мелкій приказчикъ Мясникова, сдѣлался мужемъ женщины, которая была въ близкихъ отношеніяхъ къ его хозяину, которая стояла гораздо выше его въ отношеніи образованія и развитія—на женщинѣ, къ которой онъ являлся въ переднюю съ мелкими порученіями и за приказаніями отъ того, кто ею обладалъ, кто сиживалъ въ первыхъ рядахъ креселъ, когда она пѣла. Онъ, вчерашній приказчикъ, сдѣлался мужемъ изящной хористки, которая еще не такъ давно была близка къ властелину его матеріальнаго положенія! Свадьба происходитъ тихо, безъ всякой торжественности. Затѣмъ, немедленно послѣ свадьбы, Карагановъ съ женою уѣзжаютъ изъ Петербурга. Что вызвало эту поѣздку—намъ неиз-

вѣстно. Онъ былъ привычный человѣкъ, служившій у Мясниковыхъ при петербургской конторѣ, но они почему-то рѣшились отпустить его въ Казань, куда онъ увезъ довольно большія средства. Я могу сослаться на то, что въ показаніи Караганова говорится о 10,000 р., которыя онъ получилъ отъ Мясникова, при чемъ онъ не выясняетъ, лично ли онъ получилъ ихъ, или въ приданое за женою. Изъ тѣхъ записокъ, которыя были отобраны отъ старика Караганова, мы имѣемъ возможность заключить о его средствахъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ свадьбы, послѣ того какъ Карагановъ-сынъ потерпѣлъ убытки и разореніе отъ пожаровъ и другихъ несчастныхъ случаевъ, послѣ того какъ хлѣбная и винная торговля ему не удались, онъ оставилъ записку, въ которой просилъ продать принадлежащіе ему мѣха, шубы, серебро, брилліанты, всего на 30,000 руб. Очевидно, что это были остатки прежняго его семейнаго величія. Что затѣмъ дѣлаетъ Карагановъ—намъ мало извѣстно, но въ 1865 г. онъ обращается съ письмомъ къ Мясникову, въ которомъ проситъ принять его вновь на службу. Мясниковъ не даетъ сначала рѣшительнаго отвѣта, однако, въ 1866 г. Карагановъ уже былъ у него на службѣ. Защитникъ представилъ цѣлый рядъ писемъ Караганова, чрезвычайно характеристичныхъ. Эти письма чрезвычайно почтительны, преисполнены выраженій преданности и всѣ писаны Александру Мясникову. Въ нихъ Карагановъ очень подробно разсказываетъ о ходѣ торговыхъ операцій и не только описываетъ настоящее положеніе дѣла, но собираетъ статистическія свѣдѣнія о видахъ на будущее и старается опредѣлить то направленіе дѣлъ, которое они должны, въ виду разныхъ данныхъ, принять. Свидѣтель Бѣляевъ говоритъ, что Карагановъ велъ себя въ Ставрополѣ сначала очень хорошо, служилъ честно, но вдругъ съ нимъ сдѣлалась какая-то перемѣна. Первый признакъ этой перемѣны замѣчается въ немъ въ октябрѣ 1868 г. Онъ былъ приказчикомъ Мясниковыхъ, такъ сказать, небольшимъ агентомъ въ ихъ обширной администраціи, агентомъ зависимымъ, имѣвшимъ опредѣленныя обязанности. И вдругъ этотъ подчиненный агентъ начинаетъ вести себя несоотвѣтственно своему положенію. 10-го августа онъ выѣзжаетъ изъ Ставрополя и ѣдетъ неизвѣстно куда. Кошельковъ—его ближайшій начальникъ—телеграфируетъ главному управляющему въ Ростовъ, въ Новочеркасскъ, чтобы дали знать, тамъ ли Карагановъ, наконецъ сносится съ Воронежемъ, мало того, телеграфируетъ въ Петербургъ А. Мясникову о томъ, что Карагановъ выѣхалъ неизвѣстно куда. Скажутъ, быть можетъ, что это была поѣздка въ Козьмодемьянскъ для свиданія съ отцомъ, о которой онъ просилъ прежде, но мы знаемъ его покорность хозяину, знаемъ, что въ теченіе двухъ лѣтъ Мясниковъ постоянно отказывалъ ему въ этой просьбѣ. Встревоженные его поведеніемъ, начинаютъ слѣдить за каждымъ его шагомъ. Вы имѣли передъ собою цѣлый рядъ телеграммъ, въ которыхъ выражено ясно желаніе имѣть постоянно свѣдѣнія о мѣстѣ нахожденія Караганова. Телеграммы адресуются отъ Кошелькова ко всѣмъ управляющимъ

отдѣльными складами. Наконецъ, для успокоенія Караганова дѣлаются по телеграфу справки, конечно, на счетъ конторы, о такихъ дѣлахъ, которыя вовсе дѣлъ Мясниковыхъ не касаются, какъ, напримѣръ, о здоровьѣ отца Караганова, о времени его предполагаемаго выѣзда изъ Козьмодемьянска. Какъ же ведетъ себя Карагановъ, столь тщательно оберегаемый и получающій 1,200 р. жалованья? Мы имѣемъ весьма характеристичныя письма Цыпина и Гудкова. Изъ нихъ видно, что въ концѣ 1868 г. и въ началѣ 1869 г. онъ ничего не дѣлаетъ, хотя и считается ревизоромъ; вся его обязанность заключается только въ томъ, чтобы придти за жалованьемъ и взять спиртъ, какъ будто для пробы, который онъ и не возвращаетъ болѣе. Онъ пьетъ горькую чашу. Есть указаніе, что онъ напивался до того, что лѣзъ искать брата въ мельничномъ колесѣ, что въ нарядѣ, болѣе чѣмъ легкомъ, ходилъ по улицамъ, такъ что семейные люди вынуждены были затворять ставни, что онъ буйствовалъ, стрѣлялъ въ соломенныя крыши, ходилъ пьяный въ театръ, гдѣ отдавалъ за билетъ палку, а не деньги,—и въ трактиръ, гдѣ билъ посуду и окна, говоря, что ему душно. Знаетъ ли, однако, Мясниковъ о такомъ безобразномъ поведеніи своего приказчика? Да, знаетъ, потому что знаетъ о немъ Кошельковъ, который не могъ не донести объ этомъ, и еще до августа 1869 г. писалъ Мясникову, что Карагановъ ведетъ себя такъ неудовлетворительно, что онъ «за дѣла его, хозяина, съ нимъ *поговорилъ*». Для чего же онъ держитъ при заводѣ человѣка, ничего не дѣлающаго или, лучше сказать, Богъ знаетъ что дѣлающаго и получающаго свыше тысячи рублей жалованья? Для чего узнаютъ о здоровьѣ его отца, слѣдятъ за нимъ изъ Ставрополя и Петербурга, желаютъ непремѣнно знать, куда онъ именно поѣхалъ, и не разрѣшаютъ ѣхать къ отцу? Для чего его удерживаютъ при заводѣ, когда онъ даже для Кошелькова становится невыносимымъ? Быть можетъ, его держатъ изъ милости? Онъ давно служилъ, старый слуга, почему же не дать ему пристанища—это не разоритъ. Но онъ, прежде всего, не старый, выбившійся изъ силъ слуга,—и ему, притомъ, дается не одно пристанище, а гораздо болѣе, да и такъ ли ведетъ себя Карагановъ, какъ человѣкъ, который обязанъ своему хозяину пріютомъ? Развѣ такъ человѣкъ можетъ настойчиво требовать впередъ жалованья, требовать такимъ образомъ, что, по словамъ Гудкова, во избѣжаніе худшаго, онъ долженъ былъ удовлетворить его? Можетъ ли человѣкъ благодѣтельствуемый позволять себѣ такіе поступки, какіе позволялъ себѣ Карагановъ? Онъ зналъ же, что всякому благодѣянію есть мѣра, что его могутъ прогнать. Наконецъ, можно ли предполагать, чтобы благодѣянія Мясниковыхъ, у которыхъ были обширныя занятія и дѣла, которые сами были большими господами—простирались даже до такихъ мелочей, какъ выкупъ Мясниковымъ изъ ломбарда вещей для Караганова? Карагановъ постоянно писалъ Мясникову, извѣщая его о томъ, куда онъ ѣдетъ, но не прося разрѣшенія и совершенно не желая знать мѣстное начальство, и обращался за

выдачей денегъ непосредственно къ нему. Человѣкъ благодѣтельствуемый не рѣшится писать такимъ образомъ. Остается, слѣдовательно, неизбѣжный выводъ: Карагановъ—безполезный, но *опасный* человѣкъ. Почему же онъ опасенъ? Мы знаемъ, какимъ образомъ поступалъ Карагановъ въ 1866—68 гг., мы имѣемъ возможность прослѣдить его душевное состояніе. Въ письмахъ 1868 года онъ выражаетъ просто желаніе повидаться поскорѣе съ отцомъ, но затѣмъ эти письма начинаютъ принимать болѣе мрачный характеръ и, наконецъ, отъ 14-го декабря 1870 г., мы находимъ письмо, въ которомъ онъ изъявляетъ свою послѣднюю волю отцу, говоря, чтобы онъ сохранилъ эту духовную, такъ какъ впослѣдствіи она оправдаетъ ихъ обоихъ. Но что значитъ эта послѣдняя воля? Это не есть завѣщаніе, это не есть отказъ имущества, такъ какъ у него уже ничего не было. Это—крикъ больной души, желаніе покаяться, разсказать кому нибудь близкому, дорогому то, что тяготитъ душу, но высказать не прямо, а намеками на то, что въ немъ происходитъ. Карагановъ пишетъ, что онъ не портилъ ничьего здоровья, что онъ никому не продавалъ женщинъ, что онъ соблюдалъ хозяйскій интересъ правильно, свято, а если совершилъ какія нибудь преступленія, то по молодости, неопытности и своимъ служебнымъ обязанностямъ. Что за намеки именно на то, что онъ никогда не торговалъ женщинами, не продавалъ ихъ? Почему онъ не говоритъ, что никогда не воровалъ, не поджигалъ, не дѣлалъ фальшивой монеты? Почему онъ говоритъ, что хозяйскіе интересы соблюдалъ—и вскользь прибавляетъ, что если совершилъ преступленіе, то по службѣ, слѣдовательно, соблюдая хозяйскіе интересы? Затѣмъ мы имѣемъ еще одно свѣдѣніе о Карагановѣ, которое вы слышали изъ обвинительнаго акта, а именно, что Карагановъ былъ крайне подозрителенъ, что онъ постоянно боялся чего-то, спалъ съ револьверомъ и, однажды, заставилъ горничную съѣсть коробку пудры, подозрѣвая, что это отрава. Если мы сведемъ все это вмѣстѣ, если представимъ себѣ Караганова сначала бодрымъ, свѣжимъ, имѣющимъ цѣлую жизнь впереди, женившимся и взявшимъ за женою довольно большое приданое, имѣвшимъ свои собственныя торговыя дѣла и, наконецъ, управляющимъ Мясниковыхъ въ Ставрополѣ,—и затѣмъ представимъ себѣ того же Караганова мрачнаго, разсѣяннаго, дѣлающаго скандалы, дерущагося на кулачкахъ съ мужиками, не платящаго долговъ, требующаго жалованья и не оказывающаго никакого почтенія къ представителямъ хозяевъ, находящагося постоянно подъ гнетомъ какой-то одной мысли, пьющаго мертвую чашу и пользующагося при этомъ особеннымъ привилегированнымъ положеніемъ; представимъ, наконецъ, Караганова, котораго преслѣдуетъ постоянная боязнь, Караганова, пишущаго свою послѣднюю волю, въ которой слышится вопль наболѣвшей души и разбитаго сердца; если мы представимъ себѣ все это, то мы увидимъ, что есть страшная разница между Карагановымъ первымъ и Карагановымъ вторымъ. Когда же произошла эта перемѣна, этотъ переломъ? Мы знаемъ, что

это случилось послѣ допроса въ Ставрополѣ, 20-го августа 1868 г. Онъ былъ допрошенъ о духовномъ завѣщаніи Бѣляева. Его спрашивали, «не онъ ли подписалъ духовное завѣщаніе?» Онъ отвѣчалъ, что нѣтъ. Но почему же допросъ этотъ такъ на него подѣйствовалъ, почему онъ такъ упалъ духомъ? Потому что онъ увидѣлъ, что то́, что́ смутно, въ отдаленіи, повременамъ его смущало, вдругъ ожило, возникло съ новой силой, стало предъ очами и вѣщаетъ недоброе. Онъ упалъ духомъ, затосковалъ, сталъ мрачнымъ, потерялъ почву подъ ногами и махнулъ на все рукою. Вотъ это-то поведеніе Караганова и вызвало два ряда дѣйствій относительно его. Съ одной стороны, такой человѣкъ не могъ оставаться на виду многолюднаго общества и не могъ быть около близкихъ людей, которые могли узнать отъ него истину, которымъ онъ могъ бы проболтаться. Поэтому его пріурочиваютъ къ одному мѣсту, запираютъ въ ограниченные предѣлы и отдавая его на жертву бездѣйствію, даютъ ему возможность топить свою тоску, свою думу, свой умъ въ водкѣ и спиртѣ. Съ другой стороны, надо было знать, что такое дѣлаетъ Карагановъ, какъ онъ себя держитъ. И вотъ о немъ ведется постоянная переписка. Требованія Караганова исполняются въ точности и съ быстротою; для него дѣлается все: ему даютъ жалованье и полную свободу, ничего отъ него не требуя, лишь бы онъ жилъ на заводѣ и пилъ, сколько душѣ угодно,—и онъ пьетъ. Но вотъ, однажды, въ пьяномъ видѣ, онъ проговаривается проѣзжему купцу, разсказываетъ, что онъ лысаго, беззубаго старика, лакея Мясниковыхъ, такъ обчистилъ, что милліонъ отъ него отбилъ своимъ хозяевамъ и старику ни гроша не оставилъ—не съ чѣмъ было на тотъ свѣтъ проѣхать. Изъ нѣкоторыхъ заявленій защиты надо думать, что она будетъ стараться доказать вамъ, что проѣзжій купецъ и его приказчикъ были агенты сыскной полиціи, пріѣхавшіе съ цѣлью разузнать отъ Караганова о настоящемъ дѣлѣ. Я не знаю, такъ ли это было на самомъ дѣлѣ, не стану отрицать возможности этого, но скажу, что если это были агенты полиціи, то ихъ ловкости должно приписать удачу открытія перваго повода къ возбужденію дѣла. Такъ или иначе, но до свѣдѣнія судебной власти дошло, что Карагановъ проговорился. Намъ, быть можетъ, скажутъ, что его подпоили, но мы имѣемъ свѣдѣнія, что онъ пилъ мертвую чашу задолго до этого, что еще въ 1869 году онъ уже дѣлалъ вещи, совершенно ни съ чѣмъ несообразныя. Затѣмъ Карагановъ, конечно, уже совершенно трезвый, допрошенный судебнымъ слѣдователемъ, повторилъ то, что было сказано въ бытность его на заводѣ. Сущность этого показанія онъ повторилъ здѣсь. Онъ говорилъ, что ему стыдно, что онъ сдѣлалъ нехоршее, постыдное дѣло, какъ онъ выразился, и если бы онъ не сдѣлалъ, то не *имѣлъ бы чести* находиться здѣсь; въ присутствіи Мясниковыхъ ему неловко, больно. Онъ урывками, постепенно, послѣ долгихъ допросовъ, начинаетъ разсказывать, что́ онъ сдѣлалъ. А сдѣлалъ онъ вотъ что: онъ подписалъ принесенный ему листъ бумаги подписью «Козьма Бѣляевъ». Сначала онъ

говорилъ, что подписалъ одинъ разъ, но когда его стали разспрашивать, не писалъ ли онъ прежде, не пробовалъ ли до этого, онъ сознался, что пробовалъ, писалъ нѣсколько разъ и наконецъ подписалъ. Что же это за бумага, для чего послужила она? «Не знаю — говоритъ онъ—мнѣ неизвѣстно; а казенный интересъ я соблюдалъ всегда и хозяевамъ былъ вѣренъ». Вотъ сущность его показанія. Въ немъ, въ краткихъ чертахъ, ясно выразилось, что онъ, по предложенію Мясникова, подписалъ листъ бумаги, и что учился дѣлать подпись: а затѣмъ, въ цѣломъ рядѣ варіацій на эту тему, постоянно звучитъ одно и то же, именно, что онъ сохранялъ хозяйскій интересъ, что онъ имъ большія выгоды предоставилъ, что онъ несчастный человѣкъ, былъ молодъ, неопытенъ, и прочее. Но, гг. присяжные, посмотрите на Караганова перваго, такого, какимъ вы знаете его изъ дѣла, сравните его съ тѣмъ, который даетъ передъ вами показанія. Изъ всѣхъ его объясненій ясно, что этотъ человѣкъ преданъ хозяевамъ, любитъ ихъ; недаромъ онъ сказалъ, что хозяева были Мясниковы, а Бѣляевъ только воротило. Онъ до сихъ поръ считаетъ его за лысаго лакея Мясниковыхъ и до сихъ поръ считаетъ Мясниковыхъ въ правѣ поступить такъ, какъ они поступили. Онъ видитъ въ нихъ идеалъ хозяевъ, и здѣсь, отдавая себя на жертву, говоря совершенно ясно, что онъ подписалъ завѣщаніе, цѣлымъ рядомъ отступленій старается доказать, что онъ былъ вообще человѣкъ честный, старается не говорить ничего о Мясниковыхъ, не рѣшается упомянуть объ ихъ дальнѣйшемъ участіи въ преступленіи. Это показаніе Караганова достаточно объясняетъ, почему, несмотря на то, что онъ былъ безполезенъ, несмотря на то, что онъ пилъ постоянно, его призрѣваютъ на задонскомъ заводѣ. Онъ былъ безполезенъ, но опасенъ, онъ могъ проболтаться. Мнѣ скажутъ, что онъ могъ проболтаться и прежде, а между тѣмъ его отпустили. Прежде Карагановъ былъ молодой человѣкъ, только что связавшій свою судьбу съ женщиною, которую онъ любилъ; у него было состояніе, цѣлая будущность впереди, — понятно, что тогда ему говорить что нибудь о своемъ поступкѣ было опасно для него же самого; даже дѣло еще тогда не возникало, т. е. дѣло было гражданское. Но когда въ 1868 году возникло дѣло уголовное и онъ былъ допрошенъ, онъ уже былъ не тотъ. Будущаго у него не было, и тогда оказалось нужнымъ держать его въ одномъ мѣстѣ, запереть его въ заколдованный кругъ, никуда не выпускать и поскорѣе поставить въ такое положеніе, чтобы показаніе его не имѣло никакого значенія. Пусть онъ пьетъ, пусть развивается его пагубная страсть,—онъ крѣпокъ тѣломъ, много вынесетъ физически, слѣдовательно ни на чьей душѣ не будетъ лежать его физическая смерть, а между тѣмъ, его разумъ померкнетъ, его умъ ослабнетъ—и когда его сознаніе потонетъ въ водкѣ, когда онъ потеряетъ образъ Божій, можно будетъ возбудить сомнѣніе въ нормальности его умственнаго состоянія. — Онъ падаетъ нравственно, онъ гибнетъ, его надо удержать строгостью,

отдать его отцу, и онъ можетъ быть спасенъ. Нѣтъ!.. не пускать его къ отцу! Пусть гибнетъ, пусть падаетъ! Чѣмъ ниже онъ упадетъ, чѣмъ менѣе будетъ разницы между нимъ и скотомъ, тѣмъ менѣе будетъ онъ заслуживать довѣрія, тѣмъ болѣе будетъ онъ безопасенъ. Вотъ почему Карагановъ *долженъ былъ* оставаться на заводѣ во что бы то ни стало. Мнѣ скажутъ: «а письма, написанныя къ Мясникову?» Вѣдь если онъ зналъ, что совершилъ преступленіе по желанію Мясникова, такъ онъ могъ обращаться съ нимъ небрежно, безъ уваженія, а, между тѣмъ, какъ почтительно онъ пишетъ. Да что же изъ этого, что онъ зналъ, что по желанію Мясникова совершилъ преступленіе? Вѣдь съ минуты совершенія преступленія онъ связалъ себя тѣсною, преступною связью съ Мясниковыми; выдавая ихъ, онъ выдавалъ себя; онъ поставленъ въ магическій кругъ, очерченный ихъ общимъ преступленіемъ, но внутри круга все осталось по старому и отношенія не измѣнились: онъ былъ, попрежнему, подчиненный, приказчикъ, обязанный писать почтительныя письма, съ тою только разницею, что прежде онъ былъ честный приказчикъ честнаго хозяина, а теперь сталъ преступнымъ приказчикомъ преступнаго хозяина. Наконецъ, мы знаемъ, какимъ обыкновенно тономъ пишутся письма въ коммерческихъ сношеніяхъ; мы знаемъ, что вѣжливость въ нихъ часто внѣшняя, формальная: мы знаемъ, что человѣкъ, выше поставленный — Ив. Мясниковъ — письмо къ Бѣляеву, гдѣ онъ упрекаетъ его въ растратѣ денегъ, начинаетъ словами: «милый дяденька!» и кончаетъ увѣреніями въ преданности и просьбою не сердиться. Очевидно, что такой стиль письма ничего не доказываетъ въ пользу добрыхъ, ненатянутыхъ отношеній. Поведеніе Караганова въ связи съ его прежнимъ пьянствомъ побудило обвинительную власть произвести изслѣдованіе объ его умственномъ состояніи въ то время, когда онъ давалъ свои объясненія. Мы не хотѣли предстать передъ вами съ сознаніемъ, даннымъ человѣкомъ умалишеннымъ; мы хотѣли знать, что «трезвость» этого сознанія подкрѣпляется цѣлымъ рядомъ изслѣдованій и экспертизной; мы хотѣли предстать передъ вами, въ этомъ отношеніи, съ полною увѣренностью въ томъ, что сознаніе дано правильно. Вы слышали обстоятельную, твердую, строго-научную экспертизу доктора Дюкова. Что же онъ сказалъ? «Этотъ человѣкъ притворяется — объяснилъ онъ — потому что я и докторъ Баталинъ наблюдали его и нашли, что въ его дѣйствіяхъ нѣтъ ничего похожаго на сумасшествіе: сумасшедшій всегда вѣренъ самому себѣ, между тѣмъ какъ Карагановъ вполнѣ свободно управляетъ собою и бываетъ веселъ, разговорчивъ, внимателенъ и даже играетъ на скрипкѣ, лишь только остается наединѣ съ докторомъ Баталинымъ». Защита спрашивала: «если будетъ доказано, что Карагановъ не притворяется, что онъ дѣйствительно такъ разсѣянъ, что не понимаетъ того, что говорятъ — что это будетъ тогда?—«Тогда это состояніе ненормальное», отвѣтилъ г. Дюковъ. Но на мой вопросъ: «не находитъ ли онъ третьяго исхода, не видитъ ли онъ

въ этомъ постоянномъ повтореніи одного и того же о казенномъ интересѣ, о пожарахъ и несчастіяхъ, — отчасти забывчивости, а отчасти и желанія оправдать себя въ глазахъ суда?» — докторъ Дюковъ отвѣтилъ: «этотъ третій выводъ тоже вполнѣ возможенъ». На немъ я и останавливаюсь. Говоря предъ вами о своемъ житьѣ-бытьѣ, подъ вліяніемъ тяжелыхъ воспоминаній, Карагановъ кратко говоритъ о преступленіи, но затѣмъ, весь отдаваясь желанію предстать предъ вами не окончательно дурнымъ человѣкомъ и объяснить свой поступокъ, онъ постоянно приходитъ къ тому, что сдѣлалъ это дѣло по неопытности, по молодости, а человѣкъ вообще былъ честный, оберегалъ хозяевъ. Пускай утверждаютъ, что теперь Карагановъ сумасшедшій, это не можетъ поколебать дѣйствительности его показанія. Важно не то даже, лишенъ ли онъ ума въ настоящее время, а важно то, что давая свои показанія на предварительномъ слѣдствіи, онъ былъ въ здравомъ умѣ, о чемъ мы слышали письменное и устное заявленіе экспертовъ; важно то, что когда, на предварительномъ слѣдствіи, ему было предъявлено завѣщаніе, онъ показалъ, гдѣ была подпись, объяснивъ, что сдѣлалъ только подпись и больше ничего. И дѣйствительно, когда мы начинаемъ разсматривать завѣщаніе, то видимъ, что сначала оно написано разгонисто, потомъ сжато и опять разгонисто. Это доказываетъ, что текстъ подгонялся къ подписи. Наконецъ, если намъ станутъ говорить, что Карагановъ безуменъ въ настоящее время, то что же изъ этого? Кто допустилъ его сдѣлаться такимъ, кто заключилъ этого человѣка на бездѣйствующій заводъ въ задонскихъ степяхъ, кто не давалъ ему работы, а давалъ водку въ изобиліи, кто лишилъ его свободныхъ свиданій съ родными, кто оставилъ его одного на жертву угрызеніямъ совѣсти, на жертву воспоминаніямъ о проданномъ семейномъ счастіи, кто лишилъ его возможности говорить съ отцомъ, который одинъ былъ ему близокъ, кто заставилъ этого человѣка и здѣсь собирать послѣднія силы своего разбитаго сердца, чтобъ, погибая самому, защищать своихъ хозяевъ, кто виноватъ въ такомъ его душевномъ разстройствѣ, если оно дѣйствительно существуетъ, кто не оградилъ, не спасъ его отъ губительной страсти, когда къ тому имѣлись всѣ способы и средства! Если онъ находится здѣсь передъ вами безумный, то это только живое и наглядное свидѣтельство того, въ чемъ онъ сознался. Онъ самъ своею личностью — очевидное и вопіющее доказательство подложности завѣщанія и не столько по тому, что онъ говоритъ, сколько по тому, въ какомъ положеніи онъ находится. И чѣмъ ближе это живое доказательство къ духовной смерти, тѣмъ громче и краснорѣчивѣе говоритъ оно о сдѣланномъ преступленіи! И чѣмъ больше силится онъ собрать свои скудныя душевныя силы, чтобы свидѣтельствовать о преданности хозяевамъ, тѣмъ виднѣе, какъ злоупотребили этою преданностью, тѣмъ понятнѣе, отчего у Козьмы Бѣляева дрожала рука, когда онъ, будто бы, подписывалъ свое завѣщаніе!

Перехожу къ третьему вопросу.

Опредѣливъ путь, какимъ составилось завѣщаніе, нужно будетъ еще опредѣлить, кто виновенъ въ составленіи завѣщанія духомъ, какъ виновенъ въ этомъ Карагановъ тѣломъ.

Изъ всего высказаннаго мною можно вывести заключеніе, что завѣщаніе подложно. *Кто совершилъ, т. е. задумалъ и осуществилъ это преступленіе?* Есть старинное правило, что преступленіе совершается обыкновенно тѣми, для кого оно представляется наиболѣе выгоднымъ. Кому же могла быть выгода въ составленіи этого духовнаго завѣщанія?

Прежде всего, конечно, Бѣляевой. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что ей было выгодно имѣть завѣщаніе въ свою пользу: я уже говорилъ о томъ, что, по самому умѣренному разсчету, у Бѣляева, послѣ его смерти, осталось на 400,000 руб. личнаго имущества; кромѣ того, Бѣляева до того времени играла роль богатой женщины, владѣтельницы заводовъ, обладающей извѣстнымъ капиталомъ, гордой капиталистки, съ которой какой нибудь Красильниковъ не смѣлъ даже и говорить. Ей, понятно, хотѣлось имѣть завѣщаніе въ свою пользу, чтобы избавить себя отъ необходимости сойти съ первенствующаго мѣста и уступить его родственникамъ своего мужа. Мы знаемъ нѣсколько сторонъ характера этой женщины, довольно ярко рисующихъ ее: мы знаемъ, что она не удостоивала родственницы своего мужа откровенностью по тому вопросу, разъясненіе котораго избавило бы ее отъ удрученія и болѣзни, и не удостоивала Красильникова разговоромъ, несмотря на то, что онъ обращался къ ней по дѣлу. Мы знаемъ также изъ показаній Махаевой, что Бѣляева держала себя неприступно и надменно. И вдругъ она, взирающая на окружающихъ съ высоты своей денежной гордыни, она—глава, хозяйка въ домѣ, должна сойти на второй планъ, уступить свое мѣсто, стушеваться, потерять окружающій ее штатъ и, вообще, умалиться въ своемъ величіи! Развѣ это легко, развѣ это не есть такая рана тщеславію, которую трудно перенести? Вотъ почему Бѣляева должна была желать, чтобы завѣщаніе это было составлено въ ея пользу.

Но могла ли сама она это сдѣлать? Конечно, нѣтъ. Какою вы видѣли женщину эту здѣсь, такою же, вѣроятно, была она и 14 лѣтъ тому назадъ. Вы видѣли, что она лицо, способное являться орудіемъ въ чужихъ рукахъ, но безъ всякой иниціативы, — безъ яснаго сознанія своихъ цѣлей и средствъ. Она не умѣла даже говорить здѣсь такъ, чтобы не путаться и не сбиваться; она не умѣла приготовиться къ объясненіямъ; она не умѣла избѣжать тѣхъ явныхъ противорѣчій и недомолвокъ, которыми такъ богато ея показаніе. А приготовиться было время,—было много времени!

Очевидно, не она измыслила фальшивое завѣщаніе, да и это вовсе, по народному выраженію, «не женскаго ума дѣло». Итакъ, кто же другой могъ совершить это преступленіе? Бѣляевъ умираетъ въ сентябрѣ, 25-го. Въ день его смерти пріѣзжаетъ Ал. Мясниковъ — и вывозитъ въ узлахъ книги и дѣла своего дяди. Между этими книгами и дѣлами были и деньги. Достаточно припомнить узелъ съ

223 серіями на 150,000 руб., привезенный Александромъ Мясниковымъ къ будущей женѣ Караганова и брошенный ею, по незнанію—и къ великому изумленію Мясникова предъ ея честностью—подъ кровать. Было забрано все, безъ разбору, подъ предлогомъ, отобрать свои дѣла и бумаги, какъ будто, въ виду того, что мы знаемъ о дѣлахъ Бѣляева и Мясниковыхъ, это такъ легко было сдѣлать, при отсутствіи личныхъ указаній покойнаго. При вывозѣ бумагъ захватываются и деньги, которыя несомнѣнно составляли собственность Бѣляева—и даже бумаги третьихъ, совсѣмъ чужихъ лицъ, какъ, напримѣръ, закладная Махаевой. Выгрузка имущества производилась цѣлый вечеръ, и его переправляютъ въ домъ Мясниковыхъ—черезъ улицу противъ дома Бѣляева.

Въ день смерти Бѣляева, полиція, которая должна была охранять его имущество, несомнѣнно отсутствуетъ, но существуетъ актъ, указывающій, что она какъ бы припомнила о своихъ обязанностяхъ на слѣдующій день. Именно отъ 26 сентября былъ составленъ старшимъ помощникомъ квартальнаго надзирателя Рошковскимъ актъ описи имущества умершаго.

Въ актѣ этомъ значилось, что имуществу Бѣляева произведенъ осмотръ и оно опечатано, при чемъ найдено на 350 руб. золота и нѣсколько старыхъ серебряныхъ монетъ. Затѣмъ, однако, подписавшій этотъ актъ чиновникъ полиціи показалъ, что актъ писался имъ въ конторѣ, подъ диктовку квартальнаго надзирателя, и что на мѣстѣ осмотра онъ не былъ, не было при этомъ также и понятыхъ, подписавшихъ актъ. Квартальный же надзиратель объяснилъ, что никакого акта онъ не диктовалъ и самъ вовсе не былъ въ домѣ Бѣляева. Итакъ, актъ этотъ составленъ неизвѣстно кѣмъ и по чьему порученію въ конторѣ квартала и содержитъ въ себѣ вымышленныя данныя. Ясно, что настоящей описи произведено не было и полиція не явилась своевременно въ домъ покойнаго, хотя, какъ видно изъ показаній прислуги, впослѣдствіи были какія-то печати кѣмъ-то наложены на пустые шкапы и жирандоли. Затѣмъ, 6-го ноября предъявляется въ гражданскую палату, для засвидѣтельствованія, завѣщаніе. Засвидѣтельствовано оно 16-го ноября, а 22-го декабря между Мясниковыми и Бѣляевой заключается договоръ или условіе, по которому Бѣляева отдаетъ Мясниковымъ все принадлежащее ей имущество, какъ доставшееся по завѣщанію, такъ и свое собственное, взамѣнъ сохранной расписки въ 272,000 руб., выданной мужемъ ея Мясниковымъ, и 120,000 руб., которые они обѣщали выплачивать по 12,000 руб. въ годъ, въ теченіе 10-ти лѣтъ.

Сдѣлка эта несомнѣнно выгодна для Мясниковыхъ. Это, мнѣ кажется, не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ. Не говоря уже о томъ, что Бѣляева уступила имъ все состояніе мужа, которое впослѣдствіи сама опредѣляла въ разсчетахъ, найденныхъ у нея при обыскѣ, въ 700,000 руб.,—она отдала имъ и свои заводы,—да они сами взяли среди бумагъ умершаго сколько успѣли и могли и, во всякомъ случаѣ, не менѣе тѣхъ 150,000 рублей, которые хранились подъ кро-

ватью у Обольяниновой и служили ей потомъ поводомъ къ вымогательству денегъ отъ Мясниковыхъ. При состояніи ихъ — уплата 12,000 руб. въ годъ въ теченіи 10 лѣтъ не представляла бы никакихъ затрудненій, даже если бы и производилась аккуратно, а извѣстно, что Бѣляева должна была, извѣрившись въ «божбу своихъ крестниковъ», жаловаться неоднократно на неплатежъ ими условленной суммы. Такимъ образомъ, вся выгода отъ существованія завѣщанія Бѣляева оказалась исключительно на сторонѣ Мясниковыхъ. Благодаря ему—они получили возможность отобрать отъ «милой крестной мамаши» и «дорогой тетушки» почти все ея достояніе. Поэтому, даже съ точки зрѣнія простой наглядной выгоды,—имъ было полезно и желательно появленіе завѣщанія. Но есть и другая точка зрѣнія, съ которой завѣщаніе было необходимо для цѣлей гораздо болѣе широкихъ. Взглянемъ на дѣло съ этой стороны. Бѣляевъ умеръ въ 1858 году; передъ вами былъ его дневникъ и счеты, изъ которыхъ вы могли усмотрѣть, что дѣла Бѣляева и Мясниковыхъ были тѣсно переплетены между собою. Какъ Мясниковы имѣли участіе въ дѣлахъ Бѣляева, такъ точно и Бѣляевъ, съ своей стороны, негласно участвовалъ въ предпріятіяхъ и дѣлахъ покойнаго Ивана Ѳедоровича Мясникова. Одинъ изъ нихъ участвовалъ въ предпріятіяхъ своимъ основнымъ капиталомъ, другой отчасти капиталомъ, отчасти своимъ умѣніемъ дѣлать обороты и выгодно помѣщать средства. Капиталы эти, соединенные вмѣстѣ, скопленные общимъ трудомъ, составляли такую силу, которая заставляла говорить о чрезвычайномъ богатствѣ Мясниковыхъ. Но между Мясниковыми и Бѣляевымъ не были заключены какія-либо условія, по которымъ, въ данную минуту, можно было немедленно отдѣлить капиталъ одного отъ капитала другого. Доказательство этому, между прочимъ, въ томъ, что когда Мясниковы были приглашены Бѣляевымъ участвовать въ паяхъ на рыбныя ловли, онъ обратился въ комиссію рыбныхъ промысловъ съ заявленіемъ, что принимаетъ Александра и Ивана Мясниковыхъ къ участію въ Самосдѣльско-Образцовской рыбной ловлѣ на равныхъ правахъ, и что контрактъ между ними будетъ доставленъ,—и никакого контракта не доставилъ. Между тѣмъ, Мясниковы несомнѣнно были его пайщиками въ этомъ дѣлѣ. Даже «отступное» на торгахъ было между ними раздѣлено поровну. Однако, несмотря на это, права Мясниковыхъ ничѣмъ не были ограждены. Что могли они сказать въ случаѣ предъявленія наслѣдниками Бѣляева претензій къ Самосдѣльско-Образцовскому рыбному дѣлу? Мы участвуемъ въ предпріятіи въ $^2/_8$. Изъ чего это видно? спросили бы ихъ наслѣдники. Бѣляевъ заявилъ объ этомъ въ комиссію. Но имъ отвѣтили бы, что на основаніи 27 § кондицій, необходимо, чтобы между пайщиками былъ заключенъ договоръ, а его нѣтъ въ наличности. Мясниковы сказали бы тогда, что все основывалось на взаимномъ довѣріи. «Да, вы могли довѣрять другъ другу, а мы вамъ не довѣряемъ, отвѣтили бы наслѣдники,—докажите ваши права формально, а пока признайте, что мы его наслѣдники во всемъ пред-

пріятіи». То же самое могло повториться и относительно другихъ дѣлъ Бѣляева. Бѣляевъ имѣлъ откупъ въ Херсонѣ и Николаевѣ. Я готовъ согласиться, что изъ 25 паевъ онъ владѣлъ 1/5 частію, остальные 20 паевъ принадлежали Мясниковымъ, но въ объявленіи, поданномъ въ Сенатъ, всѣ двадцать пять паевъ объявлены принадлежащими Бѣляеву. И когда явились бы наслѣдники и стали требовать себѣ эти паи, что могли бы представить Мясниковы въ доказательство своихъ правъ? Разсчетныя книги Бѣляева, гдѣ записывались разныя суммы, или его истрепанный дневникъ? Но коммерція требуетъ книгъ шнуровыхъ, книгъ бухгалтерскихъ, веденныхъ въ строго опредѣленномъ порядкѣ, а ихъ не было. Какое доказательство при торговыхъ разсчетахъ могъ представлять, напримѣръ, дневникъ Бѣляева, въ которомъ находятся такія записи какъ, напримѣръ: «4,000 взято у Ванюши 4-го августа; 2-го сентября выдано задаточныхъ денегъ за Устюгъ 4,000, а 14-го сентября опять выдано Ванѣ на расходъ 4,000». Дневникомъ ничего нельзя было бы доказать, кромѣ развѣ только того, что наслѣдникамъ прилично было бы прислушиваться къ требованіямъ Мясниковыхъ, сознавая нравственно, что и ихъ деньги были у Бѣляева, но въ дѣлахъ коммерческихъ такія нравственныя соображенія стоятъ на послѣднемъ планѣ; на первый же планъ выступаютъ документы. А документовъ нѣтъ, и дѣла Мясниковыхъ и Бѣляева такъ спутаны вмѣстѣ и перемѣшаны, что трудно различить, гдѣ кончаются одни и начинаются другія. Между тѣмъ, Бѣляевъ умеръ въ то время, когда они намѣревались пуститься еще въ большія предпріятія и, между прочимъ, купить громадный, знаменитый заводъ Берда. Въ § 14 проекта договора сказано, что Бѣляевъ намѣренъ участвовать въ 2/3 предпріятія (а эти 2/3 составляли 1.800,000); едва ли у Бѣляева была свободною, при другихъ его дѣлахъ, такая громадная сумма; слѣдовательно, онъ участвовалъ въ предпріятіи вмѣстѣ съ Мясниковыми, но ихъ участіе, повидимому, опять предполагалось негласное. Итакъ, смерть взяла Бѣляева, когда обширныя предпріятія еще задумывались, когда откупа были разбросаны по всей Россіи, при чемъ въ однихъ Мясниковы участвовали негласно, въ другихъ гласно. Мы слышали здѣсь характеристическое показаніе свидѣтеля Ненюкова, который, когда его спросили, почему онъ думаетъ, что Бѣляевъ не имѣлъ большихъ средствъ, отвѣчалъ, что Бѣляевъ слишкомъ раскидывался въ дѣлахъ. Что это значитъ? То, что въ коммерціи требуется извѣстная спеціализація и сосредоточеніе занятій, и что въ торговомъ мірѣ не особенно благопріятно смотрятъ на человѣка, который сразу пускается въ различныя отрасли промышленности и разнородныя предпріятія, требующія громадныхъ суммъ. Но въ рукахъ Бѣляева были не одни его собственныя средства, превышавшія полмилліона, у него были и средства внуковъ его наставника и хозяина—старика Мясникова. Бѣляевъ и его компаніоны дѣйствовали повидимому независимо другъ отъ друга, но въ сущности каждый изъ нихъ участвовалъ въ части дѣлъ и оборотовъ

другого. Смерть Бѣляева послѣдовала въ 1858 г., когда были уже введены и вводились многія реформы; такъ, тогда начиналась крестьянская реформа и впервые были приняты мѣры къ уничтоженію откупа, который доживалъ свои послѣдніе дни. Министерствомъ финансовъ, въ особой комиссіи, были выработаны новыя временныя правила, при посредствѣ которыхъ откупная операція должна была завершиться. Это были послѣдніе годы существованія учрежденія, благодаря которому создавались громадные капиталы, которое одно служило главнымъ источникомъ громадныхъ состояній Бенардаки, Кокорева и другихъ откупщиковъ. Понятно, что всѣ откупщики старались удержать за собою участіе въ откупахъ, чтобы въ послѣднее золотое для нихъ время добыть какъ можно больше, выжать изъ откуповъ все, что только можно. Это-то легкое, ускользавшее и уничтожавшееся, вѣроятно навсегда, добываніе средствъ заставляло Мясниковыхъ и Бѣляева стараться удержать за собою откупа на послѣднее время, и они дѣйствительно остались за ними на 1857—1858 годъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ наступила пора акціонерныхъ предпріятій; акціонерныя общества создавались одно за другимъ; наплывъ публики и ея рвеніе для пріобрѣтенія акцій новыхъ предпріятій вынуждали нерѣдко вмѣшательство полиціи, и даже люди почтенные, солидные въ торговомъ отношеніи, совершенно теряли голову съ этими акціями и пускались въ еще болѣе азартную игру, чѣмъ впослѣдствіи была биржевая, желѣзнодорожная игра. Словомъ, наступало то время заманчивыхъ надеждъ, когда предъ всякими коммерческими предпріятіями раскрывались широкіе горизонты. Надо было для того, чтобы во время воспользоваться этимъ положеніемъ дѣлъ, сосредоточить въ своихъ рукахъ какъ можно больше капиталовъ, удержаться въ обширныхъ предпріятіяхъ и затѣмъ играть крупную роль. А тутъ, какъ нарочно, оказывается, что завѣщанія нѣтъ; ничто въ ихъ общемъ имуществѣ съ Бѣляевымъ не разграничено, не распредѣлено,—непремѣнно возникнутъ споры, процессы, и когда же? Когда всякій часъ дорогъ, всякій рубль цѣненъ. Тутъ появятся неизвѣстныя лица, какіе-то мѣщане изъ Сарапуля, которые, во-первыхъ, отберутъ три четверти состоянія у Бѣляевой и, во-вторыхъ, заставятъ Мясниковыхъ отказаться отъ участія во многихъ откупахъ, лишатъ ихъ возможности имѣть на будущее время лишніе капиталы, а главное, вынудятъ ихъ войти въ безконечное число процессовъ, которые будутъ тянуться годы, такъ какъ о гласныхъ судахъ еще и помину не было. Побужденіе устранить всѣ споры, забравъ все въ руки, являлось само собою. И вотъ созрѣла мысль, что завѣщаніе было бы для этого самымъ удобнымъ средствомъ. Но сдѣлать его въ свою пользу неудобно, такъ какъ, уже помимо возможности подозрѣній, тогда придется для соблюденія правдоподобности назначить большія выдачи вдовѣ и другимъ лицамъ, а между тѣмъ каждая копѣйка дорога, ибо извѣстно изъ дѣла, что въ концѣ августа Мясниковы не могли выплатить 36,000 руб., и Бѣляевъ писалъ имъ, что если они не вышлютъ этихъ денегъ, то на честное имя

Мясниковыхъ въ коммерческомъ отношеніи ляжетъ черное пятно, Поэтому остается сдѣлать его на имя вдовы Бѣляева. Но сдѣлать безъ вѣдома ея неудобно и даже опасно, ибо придется сочинять, къ ея удивленію, цѣлую сказку о томъ, какъ завѣщаніе попало имъ въ руки,—да и отъ завѣщанія *ими найденнаго,* въ глазахъ подозрительныхъ людей, недалеко и до завѣщанія *ими подданнаго.* Поэтому надо явиться къ ней и сказать, что вотъ все имущество остается въ пользу родственниковъ ея мужа, а они, ея племянники, не хотятъ, чтобъ ее обижали, и что поэтому, такъ какъ покойный всегда желалъ оставить все ей, самое лучшее, что она можетъ сдѣлать—это положиться на нихъ и... завѣщаніе будетъ готово. Правда, Бѣляевой могло показаться подозрительнымъ, что они такъ о ней хлопочутъ, но Мясниковы взяли всѣ бумаги изъ кабинета Бѣляева, слѣдовательно, могли сказать, что въ дѣлахъ и бумагахъ, взятыхъ, ими, нашелся документъ, по которому надо получить и имъ, а именно сохранная росписка въ 272,000 рублей серебромъ. Я уже подробно доказывалъ, что сохранная росписка въ 272,000 руб., была давно погашена, будучи выдана, по разсчетамъ Бѣляева съ Мясниковыми, въ теченіе 1857 и 1858 годовъ затѣмъ, чтобы регулировать счеты предъ отъѣздомъ И. К. Мясникова въ Астрахань, при чемъ рядомъ съ нею росли другіе разсчеты, по которымъ, какъ я удостовѣрялъ вчера документами, уже Мясниковы становились мало-по-малу должниками Бѣляева, такъ что росписка погасилась и была, по всѣмъ вѣроятіемъ, возвращена Бѣляеву, который ее сберегъ, по своей аккуратности, какъ одинъ изъ оправдательныхъ документовъ для будущаго отчета. Эта росписка являлась отличнымъ средствомъ для того, чтобы заставить Бѣляеву принять завѣщаніе. Ей могли сказать: «у насъ есть росписка, да, Богъ знаетъ, можетъ быть еще съ наслѣдниками придется вести процессъ, а вы слышали разговоры о ней, знаете, что она была выдана; поручитесь по ней, а когда будетъ завѣщаніе, заплатите намъ, и дѣло будетъ окончено къ общему удовольствію; вы получите капиталъ, мы—принадлежащій намъ долгъ, а вся невѣдомая ни вамъ, ни намъ компанія сарапульскихъ родственниковъ, которыхъ покойный и знать не хотѣлъ, останется ни съ чѣмъ». И вотъ, еще до представленія Александромъ Мясниковымъ духовнаго завѣщанія въ Палату, Бѣляева дѣлаетъ надпись на роспискѣ. Знала ли она въ точности, какъ велико состояніе ея мужа? Нѣтъ — потому что, давая довѣренность Мясниковымъ, вскорѣ послѣ смерти мужа, на управленіе всѣмъ имѣніемъ, она отдала въ управленіе имущество, размѣры котораго ей были неизвѣстны и по которому всѣ книги и документы уже не находились въ ея рукахъ. Когда же завѣщаніе утверждено, тогда отступать поздно, тогда ей сказано, что имущество всего на 392,000 руб., что цифра эта точная, что больше этого нѣтъ ничего. Что могла отвѣтить на это Бѣляева? Развѣ то, что она не заплатитъ, потому что завѣщаніе подложное, но она сама согласилась на это и сдѣлала все зависящее, чтобы ввести правосудіе въ обманъ; признаніе завѣщанія

подложнымъ равносильно сознанію своей вины въ уголовномъ преступленіи. Такимъ образомъ, сама собою, въ силу неизбѣжности, совершается сдѣлка о передачѣ всего имѣнія, какъ самой Бѣляевой, такъ и ея мужа, за сохранную росписку и за 120,000 руб., ибо Бѣляева, согласившись на завѣщаніе и сыгравъ комедію его нахожденія на 40-ой день, отрѣзала себѣ путь къ отступленію и не могла, не губя и не роняя себя, обличить дѣйствія Мясниковыхъ. Я забылъ еще сказать, какъ я смотрю на участіе Целебровскаго въ перепискѣ завѣщанія. Онъ несомнѣнно переписалъ завѣщаніе послѣ смерти Бѣляева, но онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ подвергнуться отвѣтственности и былъ болѣе всѣхъ гарантированъ. При разности чернилъ въ подписяхъ и въ текстѣ, онъ могъ всегда сказать: «Бѣляевъ просилъ меня переписать завѣщаніе, и я исполнилъ его просьбу, но завѣщанія онъ въ то время не подписалъ, оставилъ его у себя, и что сталось съ нимъ потомъ — не знаю. Можетъ быть, оно и было подписано кѣмъ нибудь послѣ его смерти». И противъ такого объясненія трудно было бы что нибудь возразить, ибо свидѣтелями того, какъ подгонялся текстъ къ подписи, были конечно, одни лишь обвиняемые. Не дѣлалось же это всенародно. Притомъ, молчаніе Целебровскаго можно было пріобрѣсти. Онъ служилъ у Бѣляева за весьма небольшое жалованье, употребляясь для выполненія разныхъ щекотливыхъ порученій по откупнымъ дѣламъ, а черезъ полтора года послѣ смерти Бѣляева, въ то время, когда онъ самъ умиралъ въ сумасшедшемъ домѣ, у него оказалось 20,000 капитала.

Такимъ образомъ, вотъ тотъ путь, которымъ, по моему мнѣнію, составилось завѣщаніе. Могутъ сказать, что это одни только предположенія. Да, но однако основанныя въ экспертизѣ, на показаніяхъ Караганова и на тѣхъ данныхъ, которыя почерпнуты изъ житейской обстановки и отношеній подсудимыхъ. Могутъ сказать: если Мясниковы преступники, то гдѣ же свойственное преступнику стремленіе скрывать слѣды совершеннаго имъ, стараться устроить такъ, чтобы не возникло вопроса о преслѣдованіи?

Дѣйствія, клонящіяся къ сокрытію слѣдовъ преступленія, существовали и со стороны Мясниковыхъ. Мы знаемъ, что они предпринимали неоднократныя попытки къ прекращенію дѣла миромъ, переходя отъ пустыхъ суммъ къ весьма большимъ и увеличивая свою тароватость по мѣрѣ усиленія опасности уголовнаго преслѣдованія, и что эти попытки усилились при возникновеніи дѣла въ 1868 и 1870 годахъ. Такъ, еще въ 1860 году, Гонинъ посылался въ Сарапуль къ Мартьяновой съ предложеніемъ примиренія за двадцать или двадцать пять тысячъ, что подтверждено Дѣдюхинымъ и священникомъ Домрачовымъ. Затѣмъ, въ 1864 году, А. Мясниковъ предлагалъ Ижболдину четыре или пять тысячъ, увеличивая эту сумму постепенно до 40 тысячъ, а когда возникло слѣдствіе, то призывалъ въ мѣсто своего служенія, въ III Отдѣленіе, свидѣтеля Борзаковскаго и опять настойчиво предлагалъ покончить дѣло съ Ижболдинымъ,

при чемъ повѣренный его, нѣкто Коптевъ, называлъ и сумму, предлагаемую за примиреніе—100, даже 150 тысячъ.

Въ дѣлѣ есть, наконецъ, еще одинъ свидѣтель противъ нихъ—свидѣтель, который старается теперь всѣми средствами скрыть слѣды совершеннаго ими преступленія. Это—Бѣляева. Противъ воли, косвенно, уклончиво,—но она свидѣтельствовала противъ Мясниковыхъ. Въ 1864 году возникло дѣло объ опекѣ Шишкина. Шишкинъ, четырнадцати-лѣтній мальчикъ, нѣжно любимый внукъ Бѣляевой, состоялъ подъ опекою у нея, Ивана Мясникова и Отто, и въ домѣ Бѣляевой жилъ. Мясниковъ и Отто потребовали отъ дворянской опеки устраненія Бѣляевой. Чѣмъ это было вызвано—судить трудно; изъ производства видно, что Бѣляева объясняла предводителю дворянства, что не хочетъ лично возить Шишкина къ Мясниковымъ, ибо дала честное слово, что до исполненія ими ихъ клятвы о выдачѣ ей 120,000 руб. сразу, нога ея у нихъ въ домѣ не будетъ. Очевидно, однако, что это было сдѣлано по желанію Мясникова, такъ какъ Отто считалъ нужнымъ извиняться въ томъ предъ Бѣляевою, написавъ ей письмо, гдѣ говоритъ, что сдѣлалъ это, чтобы избѣжать какихъ-то извѣстныхъ ей, очень непріятныхъ для него слуховъ. Это, вмѣстѣ съ неплатежемъ Бѣляевой денегъ, чрезвычайно раздражило ее. А тутъ подоспѣлъ еще уходъ Шишкина тайно изъ ея дома къ дядямъ. Я излагалъ передъ вами, господа присяжные, подробно ту переписку, которая предшествовала этому уходу и которою онъ сопровождался. Сначала письмо Шишкина въ опеку о томъ, что онъ желаетъ исполнить священную волю отца и остаться у бабушки, такъ какъ дяди его не знаютъ и не любятъ; потомъ письмо его къ Бѣляевой изъ дома дядей, съ указаніемъ на то, что такъ какъ она его возстановляла противъ нихъ, а они его любятъ и даютъ ему «настоящее» направленіе, то онъ не можетъ вернуться къ ней; а въ промежуткѣ между этими письмами письмо Бѣляевой къ предводителю дворянства, съ присовокупленіемъ найденныхъ ею въ комнатѣ ушедшаго отъ нея внука записокъ, въ которыхъ неизвѣстный руководитель совѣтуетъ мальчику сказать своей бабушкѣ, что онъ бросаетъ ея «собачій домъ», что она «каналья, которая хочетъ его обокрасть», что она мужичка, и т. д., и, наконецъ, письмо нѣкоего Риццони, почтеннаго наставника юношества, который, сознаваясь, что по просьбѣ Мясникова подговаривалъ Шишкина уйти отъ Бѣляевой и для этого писалъ ему эти записки про бабушку, жалуется, что Мясниковъ, по уходѣ Шишкина отъ Бѣляевой, не исполнилъ своего обѣщанія «особенно поблагодарить» его. Эти письма характеризуютъ ту недостойную игру, жертвой которой былъ мальчикъ, едва вступившій въ отроческіе годы. Для насъ всѣ эти письма съ наглядностью объясняютъ, почему въ 1865 и даже въ 1866 годахъ Бѣляева очень дурно отзывалась о Мясниковыхъ,—почему она считала возможнымъ говорить, что они ее обманули, ограбили, что они воспользовались ея довѣріемъ и ее «оплели». Эти слова ея повторялъ повсюду ея повѣренный Чевакинскій, который въ 1865 году

писалъ Ижболдину жалобу на Мясниковыхъ въ Комиссію прошеній и, предлагая свои услуги для ихъ преслѣдованія, просилъ только у Ижболдина записи о томъ, что тотъ не станетъ преслѣдовать Бѣляеву, а въ 1868 году, послѣ того, какъ Бѣляева примирилась съ Мясниковыми, сдѣлался ихъ ходатаемъ и просилъ Герасимова не показывать у слѣдователя то, что онъ отъ него, Чевакинскаго, слышалъ про завѣщаніе. Участіе Чевакинскаго въ попыткахъ сдѣлокъ съ Ижболдинымъ для возбужденія дѣла о подлогѣ завѣщанія—не подлежитъ сомнѣнію. Онъ научалъ, собиралъ матеріалы, ободрялъ, подстрекалъ робкаго сарапульскаго мѣщанина,—онъ предлагалъ свое безкорыстное руководство,—но желалъ, однако, всегда оставаться въ тѣни, въ сторонѣ, держа у себя въ рукахъ лишь пружинки дѣйствій Ижболдина. На это ясно указываютъ показанія Герасимова и Шимановскаго. Но онъ былъ повѣреннымъ Бѣляевой, и безъ ея согласія въ такомъ рискованномъ—и для него далеко не безразличномъ дѣлѣ—дѣйствовать не могъ. Поэтому, въ его умѣлыхъ рукахъ, Бѣляева косвеннымъ образомъ являлась обвинительницею Мясниковыхъ, но обвинительницею осторожною, у которой всегда было приготовлено, на всякій случай, отступленіе. Ко времени ссоры Бѣляевой съ Мясниковыми относится желаніе ея, даже не жалѣя себя, подъ вліяніемъ гнѣва и оскорбленій, раскрыть все по этому дѣлу, на что указываютъ письма ея къ Мясниковымъ, найденныя въ ея бумагахъ, гдѣ она грозитъ открыть все «со дня смерти ея мужа», и представить это на судъ Государя. Натянутыя и даже враждебныя отношенія продолжались между ними до 1868 года. Но въ этомъ году состоялось, при посредствѣ денежныхъ обязательствъ, примиреніе Бѣляевой съ Мясниковыми, а вслѣдъ затѣмъ возникло слѣдствіе. Общая опасность тѣсно соединила Бѣляеву съ Мясниковыми, и вчерашніе враги стали сегодняшними друзьями.

Такимъ образомъ, господа присяжные, обвиненіе мое окончено. Я старался, не увлекаясь, спокойно и сжато изложить предъ вами существенныя обстоятельства этого сложнаго дѣла и тѣ данныя, которыя почерпнуты мною изъ письменныхъ документовъ. Если я упустилъ что либо, то дополнитъ это ваша память, въ которой отпечатлѣлись, безъ сомнѣнія, всѣ черты, всѣ оттѣнки этого дѣла. Мнѣ остается распредѣлить отвѣтственность между подсудимыми.

Я обвиняю Александра Мясникова въ томъ, что онъ задумалъ составить подложное завѣщаніе отъ имени Бѣляева и привелъ это намѣреніе въ исполненіе. Ни въ общественномъ его положеніи, ни въ его богатствѣ, ни въ его образованіи не нахожу я никакихъ обстоятельствъ, по которымъ можно бы говорить о снисходительномъ отношеніи къ его поступку: онъ виновенъ—и только виновенъ. Обращаясь къ Ивану Мясникову, я по совѣсти долженъ заявить, что въ дѣлѣ нѣтъ указаній на его непосредственное участіе въ преступленіи. Это не значитъ, однако, чтобы онъ не участвовалъ въ немъ косвенно. Нѣтъ сомнѣнія, что Александръ Мясниковъ не могъ бы рѣшится составить подложное завѣщаніе, не имѣя на

то предварительнаго, быть можетъ, молчаливаго согласія со стороны брата,- -онъ не могъ бы дѣйствовать съ сохранной распиской, не зная, что скажетъ на это братъ, онъ не могъ составить завѣщанія, не бывъ напередъ увѣренъ въ томъ, что братъ его безпрекословно приметъ завѣщанное имущество, что при этомъ между ними не выйдетъ недоразумѣній. Ему надлежало быть увѣреннымъ, что Иванъ Мясниковъ будетъ смотрѣть сквозь пальцы въ то время, когда онъ станетъ дѣйствовать. Иванъ Мясниковъ зналъ хорошо, какое преступленіе подготовляется, и не остановилъ брата, не предупредилъ своимъ вліяніемъ содѣяніе преступленія, не напугалъ своими угрозами. Лица, которыя такъ дѣйствуютъ, по закону считаются менѣе виновными, чѣмъ тѣ, которыя совершили преступленія непосредственно, — онѣ считаются попустителями преступленія, но виновность ихъ имѣетъ значеніе уже потому, что очень часто преступленія не совершились бы, если бы люди честные и могущіе имѣть вліяніе приходили на помощь колеблющимся и удерживали ихъ на опасномъ пути, а не смотрѣли, сложа руки, на то, какъ подготовляется нечистое и злое дѣло. Поэтому я обвиняю Ивана Мясникова въ попустительствѣ. Караганова я обвиняю въ томъ, что онъ, послѣ подготовительныхъ занятій, подписалъ бумагу чужимъ именемъ, зная, что это дѣлается для духовнаго завѣщанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, не могу не замѣтить, что Карагановъ былъ орудіемъ въ рукахъ другихъ, умственно и матеріально болѣе чѣмъ онъ сильныхъ, лицъ, что онъ находился подъ давленіемъ своей привязанности къ хозяевамъ, и что жизнь его разбита навсегда и непоправимо. Я прошу васъ поэтому признать его заслуживающимъ полнаго снисхожденія; равнымъ образомъ, думаю я, что не будетъ несправедливымъ признать заслуживающимъ снисхожденія и Ив. Мясникова. Взглянувъ на него, близкаго къ гробу и разбитаго параличемъ, вы, господа присяжные, поймете, подъ вліяніемъ какого чувства я указываю вамъ на возможность этого признанія. Излишне говорить вамъ, что приговоръ вашъ будетъ имѣть большое значеніе. Дѣло это тянется *четырнадцать* лѣтъ и возбудило цѣлую массу толковъ. Общественное мнѣніе клонилось по отношенію къ нему то въ одну, то въ другую сторону, и судомъ общественнаго мнѣнія дѣло это было нѣсколько разъ, и самымъ противоположнымъ образомъ, разрѣшаемо. Мясниковыхъ признавали то закоренѣлыми преступниками, то жертвами судебнаго ослѣпленія. Но судъ общественнаго мнѣнія не есть судъ правильный, не есть судъ свободный отъ увлеченій; общественное мнѣніе бываетъ часто слѣпо, оно увлекается, бываетъ пристрастно и—или жестоко не по винѣ, или милостиво не по заслугамъ. Поэтому приговоры общественнаго мнѣнія, по этому дѣлу, не могутъ и не должны имѣть значенія для васъ. Есть другой, высшій судъ,—судъ общественной совѣсти. Это—вашъ судъ, господа присяжные.

Мы переносимъ теперь дѣло Мясниковыхъ изъ суда общественнаго мнѣнія на судъ общественной совѣсти, которая не позволитъ вамъ не признать виновности подсудимыхъ, если они дѣйствительно

виноваты, и не допуститъ васъ уклониться отъ оправданія ихъ, если вы найдете ихъ невиновными. Произнося вашъ приговоръ, вы или снимете съ нихъ то ярмо подозрѣній и слуховъ, которое надъ ними тяготѣетъ издавна—или скрѣпите его вашимъ спокойнымъ и рѣшительнымъ словомъ. Если вы произнесете приговоръ обвинительный, если согласитесь съ доводами обвинительной власти и проникнетесь ея убѣжденіемъ, то изъ него будетъ видно, что передъ судомъ по судебнымъ уставамъ нѣтъ богатыхъ и бѣдныхъ, нѣтъ сильныхъ и слабыхъ, а всѣ равны, всѣ одинаково отвѣтственны. Вы докажете тогда, насколько справедливо можно примѣнить къ людямъ, которымъ приходится стоять передъ вами, слова, что «нѣсть эллинъ и іудей»...

X.

По дѣлу объ акушерѣ Колосовѣ и дворянинѣ Ярошевичѣ, обвиняемыхъ въ участіи въ поддѣлкѣ акцій Тамбовско-козловской желѣзной дороги, а послѣдній, кромѣ того, въ приготовленіи къ отравленію.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1871 года, лѣкарь-акушеръ Василій Колосовъ заявилъ III Отдѣленію собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, что онъ незадолго передъ тѣмъ имѣлъ ссору съ нѣсколькими лицами принадлежащими къ такому разряду людей, которые, изъ желанія отомстить ему, не остановятся ни передъ какими средствами, хотя бы даже и передъ убійствомъ. По словамъ Колосова, двое изъ лицъ, съ которыми у него была ссора, а именно: библіотекарь Медико-Хирургической Академіи коллежскій совѣтникъ докторъ Никитинъ и дворянинъ Александръ Ярошевичъ, состояли въ сношеніяхъ съ отцомъ послѣдняго, бывшимъ штабсъ-капитаномъ Феликсомъ Ярошевичемъ, который въ 1867 году былъ приговоренъ С.-Петербургскимъ Окружнымъ Судомъ за подлоги и кражи къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ на житье въ Сибирь, но до исполненія приговора успѣлъ бѣжать изъ подъ стражи за-границу. Сношенія эти, какъ заявилъ Колосовъ, имѣли предметомъ своимъ заготовку въ большихъ размѣрахъ за границей русскихъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ и акцій, тайный привозъ ихъ и сбытъ въ предѣлахъ Россіи. Въ видахъ провѣрки этого заявленія, за образомъ жизни, поведеніемъ и сношеніями означенныхъ лицъ учрежденъ былъ негласный надзоръ. Сопряженными съ этимъ надзоромъ развѣдываніями, на первыхъ же порахъ, обнаружено, что Феликсъ Ярошевичъ, бѣжавшій въ 1867 году, проживалъ въ Брюсселѣ подъ именемъ Феликса Сивича, съ турецкимъ паспортомъ, и что сынъ его Александръ Ярошевичъ и Никитинъ состояли съ нимъ въ перепискѣ, содержаніе которой не оставляло никакого сомнѣнія въ томъ, что сообщеніе Колосова о преступномъ предпріятіи, организованномъ этими лицами, не лишено основанія. Въ декабрѣ мѣсяцѣ Колосова предупредили, что противъ него затѣвается что-то недоброе, едва ли не собираются его отравить; это представлялось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что со стороны Никитина и Ярошевича сдѣланы были попытки къ примиренію съ Колосовымъ, которыя сильно противорѣчили враждебному ихъ настроенію относительно послѣдняго. Колосовъ помирился съ Никитинымъ и Ярошевичемъ, начав-

шими вслѣдъ за этимъ уговаривать его ѣхать съ Ярошевичемъ за границу для привоза оттуда поддѣльныхъ акцій, часть которыхъ по словамъ Колосова, хранилась уже у Никитина. Между тѣмъ, въ то же самое время, въ письмѣ Никитина къ Феликсу Сивичу въ Брюссель, отъ 24 декабря 1871 г., подробно объяснялось, что примиреніе Александра Ярошевича съ Колосовымъ не имѣетъ никакой другой цѣли, какъ только увезти его изъ Петербурга за границу и тамъ «прописать ему ижицу, тѣмъ или другимъ способомъ (что лучше и какъ удобнѣе)». Для «ижицы» Олесь (Александръ) имѣлъ при себѣ освѣжающій рецептъ, которымъ онъ долженъ былъ «освѣжить» Колосова при первомъ удобномъ случаѣ. 5 января 1872 года Колосовъ отправился съ Александромъ Ярошевичемъ за границу по Варшавской желѣзной дорогѣ, но на станціи въ Динабургѣ, по сдѣланному заранѣе распоряженію, Ярошевичъ былъ арестованъ. Между прочими вещами, при немъ найдены были двѣ одинаковыя баночки съ бѣлымъ порошкомъ, оказавшимся, по изслѣдованіи, уксуснокислымъ морфіемъ. Вслѣдъ затѣмъ, 6 января, по распоряженію судебной власти, произведены были въ Петербургѣ одновременно обыски у библіотекаря Медико-Хирургической Академіи Никитина, въ помѣщеніи, занимаемомъ имъ въ зданіи академіи и въ кватирѣ матери Александра Ярошевича, Коссильды Ярошевичъ. Въ кладовой квартиры Никитина въ одномъ изъ ящиковъ стоявшаго тамъ комода, между прочимъ, найдена была связка, въ которой оказалось 253 акціи Тамбовско-козловской желѣзной дороги, въ 100 р. каждая. Акціи эти были завернуты въ два листа сѣрой бумаги, на одномъ изъ которыхъ сдѣлана надпись карандашемъ: «акціи Колосова», подъ нею «253 штуки». На лѣвой половинѣ этого листа чернилами написано: «253 акціи (отъ Вас. Петров. выдано 12,000 руб. и еще 3,000—15 тысячъ, 28 сентября 1871 года)». Въ записной книжкѣ у Никитина, на вырванномъ листкѣ найдена слѣдующая отмѣтка, сдѣланная рукою Никитина: «дано Василію Петровичу Колосову пятнадцать тысячъ руб. подъ залогъ 253 акцій Тамбовско-козловской желѣзной дороги до новаго года изъ 8% годовыхъ, считая съ 28-го сентября 1871 г.». Акціи эти, какъ впослѣдствіи удостовѣрила тщательно произведенная экспертиза въ присутствіи правленія Общества Тамбовско-козловской желѣзной дороги, всѣ оказались фальшивыми или, какъ выразились эксперты, «онѣ печатались съ другихъ формъ сравнительно съ дѣйствительными акціями, представленными для сличенія». То же признали и г. Шумахеръ, въ типографіи котораго, въ Петербургѣ, печатались дѣйствительныя акціи этой дороги. Обыскъ въ квартирѣ Ярошевича обнаружилъ также не мало данныхъ, бросающихъ свѣтъ на это дѣло. Такъ, изъ писемъ Феликса Ярошевича изъ-за границы къ старшему сыну Александру, отобранныхъ при обыскѣ, обнаружено, что въ Брюсселѣ дѣйствительно была устроена Феликсомъ Ярошевичемъ, съ упомянутой преступной цѣлью, типографія, на устройство и содержаніе которой получались Ярошевичемъ средства изъ Россіи, частью отъ Александра Ярошевича, а частью отъ Никитина и самого Колосова, о которыхъ въ письмахъ Феликса Ярошевича часто упоминается, какъ о лицахъ, очевидно, заинтересованныхъ въ его предпріятіи. Различныя замѣтки Александра Ярошевича, разбросанныя въ приходо-расходныхъ и памятныхъ книжкахъ его, пріобщенныхъ къ дѣлу, также указывали на то, что въ теченіи 1869—1871 гг. между Александромъ Ярошевичемъ и его семействомъ, съ одной стороны и Колосовымъ—съ другой, существовали весьма тѣсныя и близкія отношенія, какъ нравственныя, такъ и имущественныя, и что въ денежной поддержкѣ предпріятія, устроеннаго Феликсомъ Ярошевичемъ въ Брюсселѣ, участвовалъ не одинъ Александръ Ярошевичъ, но и Колосовъ, и притомъ значительными суммами. Никитинъ и Ярошевичъ виновными себя не признали ни въ участіи въ поддѣлкѣ акцій, ни въ приготовленіи къ отравленію Колосова, а относительно результата обысковъ дали уклончивыя объясненія. Допрошенный въ качествѣ свидѣтеля Колосовъ показалъ, что по-

знакомился въ 1869 году съ семействомъ Ярошевичей, которое было въ крайне бѣдственномъ положеніи, вслѣдствіе чего онъ ему благодѣтельствовалъ, а въ 1800 году открывъ ссудную котору, помѣстилъ въ ней приказчикомъ Александра Ярошевича. Контора эта была закрыта въ 1870 г., такъ какъ Ярошевичъ плохо велъ дѣла. Въ 1871 году Колосовъ, во время поѣздки за границу, былъ въ Брюсселѣ и посѣщалъ Феликса Ярошевича, видѣлъ у него типографскія принадлежности, но о дѣятельности и работахъ его типографіи ничего не зналъ. Въ октябрѣ 1871 года, замѣтивъ, что Ярошевичъ, не имѣвшій никакого состоянія, ведетъ слишкомъ расточительную жизнь, Колосовъ заподозрилъ, что онъ или растратилъ его конторскія деньги, или занимается темными дѣлами, и предположенія эти сообщилъ въ семействѣ Ивановыхъ, въ которомъ Ярошевичъ былъ хорошо принятъ и ухаживалъ за одною изъ дѣвицъ. Изъ-за этого вышла ссора между Колосовымъ, съ одной стороны, и Ивановыми и Ярошевичемъ—съ другой, въ которую вмѣшался и Никитинъ. Изъ-за этой ссоры знакомство Колосова съ Ивановыми прекратилось, а когда онъ спрашивалъ у Никитина разъясненія всей этой исторіи и причину его вмѣшательства, Никитинъ сказалъ, что онъ потому такъ вступался за Ярошевича, что распусканіе неблагопріятныхъ слуховъ о немъ можетъ сильно повредить не только Ярошевичу но и ему, Никитину, такъ какъ у нихъ есть, будто бы, на милліонъ фальшивыхъ бумагъ, и если это откроется, то они тогда пропали. Однажды въ декабрѣ Никитинъ даже показалъ Колосову пачку акцій при Александрѣ Ярошевичѣ, при чемъ Колосовъ, въ видѣ испытанія достоинства бумаги, одну изъ нихъ перегнулъ, а другую смялъ. Вслѣдствіе этого Никитинъ просилъ Колосова молчать обо всемъ, что онъ узналъ, за что обѣщалъ заплатить 100,000 руб., въ противномъ же случаѣ грозилъ убійствомъ. Объ этомъ Колосовъ тотчасъ же заявилъ въ III Отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Составленный Никитинымъ и Ярошевичемъ планъ отравленія Колосова послѣдній объясняетъ тѣмъ, что отъ него хотѣли избавиться, какъ отъ человѣка, который имъ не сочувствовалъ и легко могъ ихъ выдать правительству. Съ Феликсомъ Ярошевичемъ онъ, Колосовъ, въ перепискѣ никогда не состоялъ и денегъ ему никогда не высылалъ. 8 февраля, на допросѣ у судебнаго слѣдователя, Александръ Ярошевичъ вполнѣ сознался какъ въ участіи въ поддѣлкѣ акцій Тамбовско-козловской желѣзной дороги, производившейся въ Брюсселѣ, такъ и въ приготовленіи къ отравленію Колосова, при чемъ категорически оговорилъ послѣдняго въ непосредственномъ участіи въ первомъ изъ этихъ преступленій. Произведенный вслѣдъ затѣмъ обыскъ въ квартирѣ Колосова доставилъ обширный матеріалъ для его обвиненія. Его записныя и разсчетныя памятныя книжки и книжка чековъ оказались наполненными такого рода отмѣтками, сдѣланными рукою самого Колосова, которыя весьма опредѣленно указывали, во-первыхъ, на то, что онъ состоялъ постоянно въ весьма дѣятельной перепискѣ съ Феликсомъ Ярошевичемъ и, во-вторыхъ, высылалъ ему неоднократно весьма крупныя денежныя суммы. Такъ какъ главнымъ дѣятелемъ этого преступленія былъ Феликсъ Ярошевичъ, то при самомъ началѣ слѣдствія въ Петербургѣ, судебный слѣдователь вошелъ въ сношенія съ бельгійскимъ правительствомъ, съ цѣлью производства необходимыхъ разслѣдованій въ г. Брюсселѣ. Хотя требуемое разслѣдованіе судебною властью въ Брюсселѣ тотчасъ же было предпринято, но уже не застало Феликса Ярошевича въ Брюсселѣ—онъ бѣжалъ и долго послѣ того скитался по разнымъ мѣстамъ Европы, скрываясь подъ различными именами. Тѣмъ не менѣе, въ трехъ квартирахъ, въ которыхъ въ разное время проживалъ Ярошевичъ въ Брюсселѣ, были произведены обыски, которые самымъ очевиднымъ и несомнѣннымъ образомъ доказали, что акціи Тамбовско-козловской желѣзной дороги, отобранныя у Никитина въ Петербургѣ, были поддѣланы Феликсомъ Ярошевичемъ въ Брюсселѣ. Въ квартирахъ rue de

Russie № 4 и rue Mercelis № 43 найдены были типографскія машины, инструменты, бумага, штемпеля и другія типографскія и литографскія принадлежности, характеристическая особенность которыхъ заключалась въ томъ, что онѣ приспособлены были къ производству именно фальшивыхъ акцій Тамбовско-коаловской желѣзной дороги. Всѣ найденные предметы, относящіеся къ типографскому производству, были подвергнуты весьма подробной и тщательной экспертизѣ, при посредствѣ которой всѣ типографскія принадлежности, разрозненныя и частью испорченныя, были собраны, машины возстановлены по возможности, мѣдныя пластинки съ разными на нихъ изображеніями и узорами, буквы, штемпеля и разные оттиски, а также бумага и типографскія чернила употреблены соотвѣтственно своему назначенію и результатомъ этого опыта было воспроизведеніе тѣми самыми средствами, которыми располагалъ Феликсъ Ярошевичъ, акцій Тамбовско-козловской желѣзной дороги. Не могла быть воспроизведена только первая страница акціи; что же касается до второй и третьей страницъ и относительно разныхъ знаковъ на четвертой, то отпечатки этихъ частей акцій получились точные до малѣйшихъ подробностей. Кромѣ того, между различными бумагами найденъ былъ списокъ номеровъ, оказавшихся тѣми самыми, которые выставлены были на акціяхъ, отобранныхъ у Никитина въ Петербургѣ. Всѣ эти открытія послужили основаніемъ для обвинительной власти въ Брюсселѣ къ возбужденію, въ январѣ 1872 года, уголовнаго преслѣдованія противъ Феликса Ярошевича, сына его Болеслава и племянницы Александры Кошанской, по обвиненію ихъ въ поддѣлкѣ акцій русскихъ обществъ желѣзныхъ дорогъ. Какъ Феликсъ, такъ и сынъ его Болеславъ сознались въ поддѣлкѣ акцій Тамбовско-козловской желѣзной дороги, оговоривъ при этомъ самымъ категорическимъ образомъ Колосова въ томъ, что преступное предпріятіе это предпринято было по иниціативѣ послѣдняго, безъ дѣятельнаго содѣйствія, а главное безъ денежной поддержки котораго самое предпріятіе и не могло бы состояться. Дѣло это разсматривалось судомъ присяжныхъ въ Брюсселѣ въ іюнѣ 1873 года, приговоромъ котораго всѣ трое обвиняемыхъ признаны виновными въ поддѣлкѣ акцій и купоновъ Тамбовско-козловской желѣзной дороги и приговорены, кромѣ штрафа: Феликсъ Ярошевичъ—къ десятилѣтнему заключенію въ смирительномъ домѣ, а Болеславъ Ярошевичъ и Александра Кошанская—къ тюремному заключенію на два съ половиною года.

По предварительному слѣдствію, произведенному въ Петербургѣ относительно А. Ярошевича, Никитина и Колосова, въ главныхъ чертахъ выяснилось слѣдующее: Въ 1865—1867 гг. въ Петербургѣ привлечена была шайка злоумышленниковъ, занимавшихся систематическимъ похищеніемъ денежныхъ суммъ изъ почтъ-пакетовъ спб. почтамта посредствомъ различнаго рода преступленій. Въ числѣ обвиняемыхъ по этому дѣлу находился и отставной штабсъ-капитанъ Феликсъ Ярошевичъ, который былъ приговоренъ, за участіе въ означенныхъ преступленіяхъ, къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ Сибирь, но до исполненія этого приговора ему удалось бѣжать изъ-подъ стражи за границу, оставивъ въ Россіи свое семейство, состоящее изъ жены Коссильды, сыновей Болеслава и Александра и дочери Леонилы. Проживая въ Петербургѣ, до своего осужденія, Феликсъ Ярошевичъ занимался ходатайствомъ по дѣламъ. Между знакомыми, бывшими съ нимъ въ особенно хорошихъ отношеніяхъ, былъ и библіотекарь медико-хирургической академіи Никитинъ, который съ семействомъ Ярошевича имѣлъ денежныя дѣла и былъ близокъ не только съ этимъ семействомъ, но и со всѣмъ кружкомъ, съ которымъ Ярошевичъ, по своей дѣятельности, былъ тѣсно связанъ и многіе члены котораго участвовали въ упомянутыхъ преступленіяхъ. Въ 1866 г. познакомился съ семействомъ Ярошевичей незадолго передъ тѣмъ пріѣхавшій въ Петербургъ лѣкарь-акушеръ Колосовъ, противъ котораго

въ 1860 г. возбуждены были уголовныя преслѣдованія за составленіе безыменнаго и ложнаго доноса о томъ, что въ квартирѣ валдайскаго городничаго поддѣдываются фальшивые кредитные билеты, и по обвиненію его, вмѣстѣ съ другими лицами, въ составленіи фальшиваго духовнаго завѣщанія отъ имени помѣщицы Павловой, по которому перешло къ Колосову недвижимое имѣніе послѣдней. Вскорѣ послѣ пріѣзда въ Петербургъ, Колосовъ поселился въ квартирѣ жены Ярошевича, послѣ уже побѣга мужа ея Феликса за границу. Съ этого времени начинаются денежныя отношенія между Колосовымъ и Ярошевичами. Сначала они занимались отдачею денегъ подъ залогъ пенсіонныхъ книжекъ, на незначительныя суммы, но съ 1869 года открыли гласную кассу ссудъ на имя Колосова, съ основнымъ капиталомъ въ 5,000 рублей. Подробное разсмотрѣніе приходо-расходныхъ книгъ, веденныхъ Александромъ Ярошевичемъ, убѣждаетъ въ томъ, что Ярошевичи имѣли капиталъ, простиравшійся послѣ побѣга Феликса Ярошевича за границу, до 15,000 руб., и что часть этого капитала въ 1869 и 1870 гг. была передана Колосову для общихъ коммерческихъ предпріятій упомянутой кассы ссудъ и операцій съ биржевыми бумагами. Въ своихъ замѣткахъ Александръ Ярошевичъ вездѣ дѣлаетъ разсчеты съ Колосовымъ, такъ что беретъ общую выручку изъ коммерческихъ предпріятій, вычитаетъ изъ нея затраченный капиталъ, а чистую прибыль дѣлитъ пополамъ, считая одну половину, причитающуюся на его долю, при чемъ постоянно вычитаетъ 10 проц. отцу. Изъ книжекъ чековъ на имя Колосова, отобранныхъ у него при обыскѣ, усматриваются весьма частыя, иногда на весьма значительныя суммы, выдачи Александру Ярошевичу. 2-го мая 1869 г. Колосовъ, вмѣстѣ съ А. Ярошевичемъ, отправился за границу, гдѣ пробылъ ровно мѣсяцъ. Колосовъ объяснялъ, что поѣздку эту онъ предпринялъ со спеціальною цѣлью обзора тюремъ, которыя его вообще очень интересовали. Между тѣмъ, Александръ Ярошевичъ показалъ, что ужъ въ эту поѣздку между Колосовымъ и Феликсомъ Ярошевичемъ была рѣчь объ устройствѣ типографіи въ Брюсселѣ на общія средства для поддѣлки на первый разъ свидѣтельствъ на полученіе акцій Тамбовско-козловской желѣзной дороги. Что главною цѣлью этой поѣздки былъ Брюссель и свиданіе съ Феликсомъ Ярошевичемъ, доказывается тѣмъ, что въ Брюсселѣ Колосовъ и Александръ Ярошевичъ были два раза и въ теченіе непродолжительнаго пребыванія своего заграницею (мѣсяцъ); они, какъ видно изъ дневника Колосова, 20 дней пробыли въ Брюсселѣ, откуда ѣздили на 4 дня въ Парижъ съ Феликсомъ Ярошевичемъ, котораго Колосовъ возилъ на свой счетъ. Такимъ образомъ, изъ 30 дней они болѣе 20 дней посвятили Брюсселю и Феликсу Ярошевичу и только 10 дней на дорогу туда и обратно. Въ 1870 году касса ссудъ Колосова и Ярошевича была ими закрыта вслѣдствіе невыгодности предпріятія, но отношенія ихъ, какъ нравственныя, такъ и имущественныя, нисколько не измѣнились къ худшему, а напротивъ того, скорѣе улучшились. Приходо-расходная книжка Александра Ярошевича какъ нельзя лучше доказываетъ, что общія денежныя дѣла у него съ Колосовыми были въ самомъ разгарѣ въ 1870 г. Феликсъ Ярошевичъ, какъ видно изъ брюссельскаго производства, при существованіи типографіи, избѣгалъ содѣйствія постороннихъ лицъ. Единственнымъ помощникомъ его въ то время былъ второй сынъ его Болеславъ, но въ декабрѣ 1870 г. къ нему пріѣхала изъ Петербурга племянница Александра Кошанская, въ теченіе 20 лѣтъ постоянно жившая въ его семействѣ и связанная съ нимъ весьма близкими отношеніями. Въ бумагахъ Александра Ярошевича найдена, между прочимъ, замѣтка, сдѣланная его рукою, изъ которой видно, что деньги, потраченныя на поѣздку за границу Александры Кошанской, были отнесены на общій счетъ съ Колосовымъ. Къ концу 1870 г. начинается сближеніе Колосова съ Никитинымъ, при посредствѣ Александра Ярошевича. Съ октября мѣсяца въ книжкахъ чековъ Колосова начинаютъ появляться неоднократно чеки на

имя Никитина, притомъ иногда на значительныя суммы, доходившія до 1,000 р. У Никитина Колосовъ и Ярошевичъ познакомились съ молодою дѣвушкою Ольгой Ивановой, знакомство съ которой имѣло большое значеніе въ исторіи развитія этого дѣла. Александръ Ярошевичъ, съ первыхъ же дней знакомства, влюбился въ эту дѣвушку, и сначала она платила ему взаимностью, но это продолжалось недолго. Въ январѣ 1871 года состоялась новая поѣздка Колосова и Ярошевича за границу. Колосовъ увѣрялъ, что единственною цѣлью этой поѣздки было поправленіе его здоровья, разстроеннаго незадолго передъ тѣмъ перенесенною имъ болѣзнію, но Александръ и Феликсъ Ярошевичи иначе объясняютъ эту поѣздку. Въ это время, по словамъ послѣднихъ, часть акцій была уже готова (около 1,000 штукъ), и Александръ Ярошевичъ и Колосовъ имѣли въ виду обозрѣть эти издѣлія и изслѣдовать ихъ достоинство, тѣмъ болѣе, что Феликсъ Ярошевичъ былъ еще неопытенъ въ типографскомъ искусствѣ и самъ сомнѣвался въ удовлетворительности поддѣлки. До какой степени отношенія Колосова и Никитина къ этому времени стали близки, видно изъ того, что Колосовъ, съ согласія Никитина, взялъ съ собою за границу, на свой счетъ, жену послѣдняго, Вѣру Александровну, въ качествѣ переводчицы, а такъ какъ ей неловко было ѣхать одной, то съ ними отправилась и дѣвица Ольга Иванова также не на свой счетъ. Во второй половинѣ января составившееся такимъ образомъ общество отправилось изъ Петербурга, и путешествіе это продолжалось ровно три мѣсяца. Путешественники доѣхали вмѣстѣ до Венеціи, гдѣ жила въ то время больная сестра Александра Ярошевича съ теткою своею Госцимской. Отсюда Колосовъ съ дамами отправился въ Неаполь, а Ярошевичъ поѣхалъ къ отцу въ Брюссель. Здѣсь онъ лично удостовѣрился въ неудовлетворительности приготовленныхъ акцій и въ необходимости нѣсколько исправить пріобрѣтенныя машины, а нѣкоторыя даже совсѣмъ перемѣнить, какъ негодныя. По словамъ Ярошевичей, они не рѣшились ничего предпринять окончательно безъ Колосова, вслѣдствіе чего между ними завязалась переписка, имѣвшая цѣлью вызвать Колосова въ Брюссель. Дѣйствительно, въ журналѣ, веденномъ Колосовымъ за границею, предъ самымъ пріѣздомъ уже въ Брюссель, находится нѣсколько отмѣтокъ о томъ, что въ Брюссель Ярошевичу имъ посылались письма, одновременно съ которыми отправлялись письма и къ Никитину въ Петербургъ. Въ концѣ марта Колосовъ пріѣхалъ съ дамами въ Брюссель, но черезъ два или три дня уѣхалъ въ Лондонъ, откуда снова возвратился въ Брюссель 6-го апрѣля, гдѣ въ этотъ разъ онъ пробылъ до 15-го апрѣля.

Во время этого двукратнаго пребыванія въ Брюсселѣ, продолжавшагося всего около 10 дней, Колосовъ каждый день посѣщалъ Ф. Ярошевича, часто у него обѣдалъ, но не вводилъ въ общество Ярошевича пріѣхавшихъ съ нимъ дамъ и, по показаніямъ послѣднихъ, тщательно скрывалъ отъ нихъ все, что касалось его отношеній со стариковъ Ярошевичемъ и дѣятельности послѣдняго. Къ этому времени, между прочимъ, относится ссора между Колосовымъ и Ф. Ярошевичемъ, ссора, которая возникла изъ-за того, что Колосовъ, оставшись очень недоволенъ неудовлетворительнымъ достоинствомъ поддѣльныхъ акцій, упрекалъ Ф. Ярошевича за безполезную затрату денегъ; по объясненію же А. Ярошевича— она вышла изъ-за дѣлежа предстоящей прибыли отъ преступнаго предпріятія, большую часть которой Колосовъ хотѣлъ присвоить себѣ. Болеславъ Ярошевичъ, также присутствующій при этой ссорѣ, показалъ, что отецъ настаивалъ на раздѣленіи всей прибыли на три равныя части— между нимъ, братомъ Александромъ и Колосовымъ, противъ чего послѣдній возставалъ, соглашаясь уступить отцу за трудъ только 10,000 руб. Ссора эта не имѣла, однако, серьезныхъ послѣдствій, и Колосовъ съ Ярошевичемъ скоро помирились. Результатомъ бывшихъ между ними совѣщаній, по словамъ Ярошевичей, было рѣшеніе продолжать поддѣлку акцій, сдѣ

лавъ соотвѣтствующія усовершенствованія, для чего пріобрѣсти нѣкоторыя новыя машины и исправить старыя. Для этого Колосовъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, долженъ былъ выслать денегъ. Колосовъ съ Ивановой и Никитиной выѣхали изъ Брюсселя 16-го (27-го) апрѣля; до Кельна ихъ сопровождалъ А. Ярошевичъ, вернувшійся оттуда къ отцу въ Брюссель. По показаніямъ многочисленныхъ свидѣтелей, допрошенныхъ въ Брюсселѣ и имѣвшихъ отношенія къ типографіи Ярошевича, А. Ярошевичъ, во время своего пребыванія у отца въ 1871 году, дѣятельно помогалъ ему въ производствѣ акцій. Одни видѣли, какъ онъ номеровалъ акціи, другіе—какъ прикладывалъ къ акціямъ печати и штемпеля, третьи удостовѣряютъ, что онъ приходилъ къ нимъ вмѣстѣ съ отцомъ заказывать разнаго рода машины и принадлежности, необходимыя для поддѣлки, интересовался этимъ производствомъ не менѣе, если еще не болѣе своего отца. Черезъ двѣ недѣли послѣ отъѣзда Колосова изъ Брюсселя, онъ снова начинаетъ посылать деньги Ф. Сивичу переводомъ черезъ международный коммерческій и другіе банки и конторы, что подтверждается разсчетными книжками чековъ Колосова, выданныхъ отъ разныхъ конторъ и банковъ. Всего въ Брюссель было выслано Ф. Ярошевичу Колосовымъ, А. Ярошевичемъ и Никитинымъ, въ періодъ съ мая 1870 г. по октябрь 1871 г., 9,000 р. Въ журналѣ Колосова идутъ многочисленныя отмѣтки объ отсылкѣ писемъ въ Брюссель. Въ письмахъ этихъ, между прочимъ, по словамъ Ярошевичей Колосовъ сообщалъ, что Никитинъ также соглашается принять участіе въ ихъ предпріятіи и беретъ на себя храненіе фальшивыхъ акцій въ Петербургѣ. Съ этого времени начинается непосредственное участіе Никитина въ преступленіи, которое вскорѣ выразилось весьма опредѣленно. Между тѣмъ, 9-го мая получена была Феликсомъ Сивичемъ отъ Колосова изъ Петербурга слѣдующая телеграмма: «Братья Г. Тома выѣхали въ Брюссель. Ожидайте моего письма. Пьетро (подпись)». Братьями Г. Тома условлено было называть полицейскихъ агентовъ, какъ это объяснили Ярошевичи. Тотчасъ же по полученіи этой телеграммы, Ф. Ярошевичъ кое-какъ запаковалъ въ ящикъ все, а самъ съ сыномъ Александромъ и Кошанской бѣжалъ въ Люттихъ, оставивъ присматривать на квартирѣ сына Болеслава. Черезъ два или три дня они возвратились въ Брюссель, но долго еще не показывались на прежней своей квартирѣ, куда перебрались лишь когда получили отъ Колосова письмо, успокоившее ихъ въ томъ, что на нихъ еще нѣтъ никакого подозрѣнія и что телеграмма послана была по недоразумѣнію. Колосовъ положительно отказался отъ этой телеграммы и, ссылаясь на экспертизу, которая признала, что подлинная телеграмма имѣетъ нѣкоторое сходство съ почеркомъ Никитина,—доказывалъ, что она была послана послѣднимъ, имѣвшимъ въ виду предупредить Ярошевичей о выѣздѣ за границу его, Колосова, казавшагося, будто бы, имъ уже тогда человѣкомъ подозрительнымъ. Въ концѣ мая Александръ Ярошевичъ возратился въ Петербургъ и привезъ съ собою 253 фальшивыхъ акцій Тамбовско-козловской желѣзной дороги, приготовленныя искуснѣе прежнихъ, насколько позволили произведенныя въ типографіи улучшенія. А. Ярошевичъ и отецъ его отрицали это обстоятельство, утверждая, что акціи эти были привезены Колосовымъ при возвращеніи изъ-за границы съ Ивановой и Никитиною, но Болеславъ Ярошевичъ показалъ, что акціи эти были сдѣланы уже послѣ отъѣзда Колосова изъ Брюсселя. Колосовъ, возвращаясь открыто, былъ подвергнутъ на границѣ таможенному досмотру, и провезти акціи незамѣтно было невозможно. А. Ярошевичъ былъ за границей безъ паспорта, что подтверждено какъ имъ самимъ, такъ и справкою изъ иностраннаго отдѣленія канцеляріи спб. оберъ-полиціймейстера, и на возвратномъ пути перешелъ границу, минуя таможню, пользуясь тѣмъ, что на границѣ расположено имѣніе тетки его, Госцимской, какъ это онъ дѣлалъ и прежде. Такимъ путемъ гораздо удобнѣе и безопаснѣе было провезти незамѣтно акціи въ Россію. Вскорѣ по возвраще-

ніи А. Ярошевича въ Петербургъ, акціи Тамбовско-козловской желѣзной дороги появляются у Никитина въ квартирѣ, о чемъ удостовѣряютъ жена его, сестра жены его Лидія Ашебреннеръ и помощникъ библіотекаря Брашъ, которые около этого времени видѣли найденную у него впослѣдствіи связку съ акціями, при чемъ изъ словъ Никитина они заключили, что эти акціи, заложенныя ему Колосовымъ за 12,000 руб. То же утверждалъ и Никитинъ, измѣняя только сумму залога (15,000 руб.) и прибавляя, что онъ не зналъ о подложности акцій. А. Ярошевичъ этотъ разъ недолго пробылъ въ Петербургѣ. 18-го іюня встрѣчаются уже отмѣтки въ журналѣ Колосова, что онъ уѣхалъ снова въ Брюссель. Самъ онъ объяснилъ, что цѣлью поѣздки этой было доставленіе отцу значительной суммы денегъ, изъ которой половина принадлежала Колосову. Это дѣйствительно подтверждается книжкою остатковъ чековъ Колосова. Изъ того же журнала Колосова видно, что съ конца іюня до первой половины октября, т. е. въ то время, какъ Ф. Ярошевичъ, при содѣйствіи сына Александра, постоянно находившагося въ Брюсселѣ, выдѣлывалъ 8,000 акцій, составлявшихъ цѣль предпріятія, въ это самое время происходила усиленная переписка между ними и Колосовымъ. Послѣдній писалъ въ Брюссель иногда даже ежедневно. Одно изъ писемъ Колосова къ А. Ярошевичу написано чрезвычайно осторожно; въ немъ встрѣчаются обозначенія лицъ условными именами, такъ напр., Никитинъ называется «мужемъ О.». Въ письмѣ этомъ обращаетъ вниманіе начало онаго: «Отъ васъ давно нѣтъ не только писемъ, но даже и срочныхъ увѣдомленій. Что бы это значило?» Конецъ письма таковъ: «мнѣ кажется, во всякомъ случаѣ, слѣдовало бы разъ въ недѣлю писать хоть только о томъ, что вы живы и здоровы». По возвращеніи въ этотъ разъ изъ-за границы А. Ярошевича, между нимъ и Колосовымъ возникло недоразумѣніе изъ-за Ольги Ивановой, на которой первый хотѣлъ жениться, превратившееся вскорѣ во враждебныя отношенія, которыя еще болѣе ухудшились, когда Ольга Иванова стала жаловаться Ярошевичу на оскорбленія и униженія, которымъ она подвергалась со стороны Колосова. 15 ноября въ квартирѣ Колосова произошло крупное объясненіе по поводу возникшихъ недоразумѣній между отцомъ и сыномъ Ивановыми, А. Ярошевичемъ и Никитинымъ съ одной стороны, и Колосовымъ съ другой, окончившееся тѣмъ, что первые наговорили Колосову много непріятностей. Никитинъ даже хотѣлъ ударить, а Ивановы объявили, чтобы Колосовъ не смѣлъ больше показываться къ нимъ въ домъ. Въ конецъ испорченныя отношенія съ Ярошевичами и Никитинымъ поставили самого Колосова въ неловкое и опасное положеніе по отношенію къ поддѣлкѣ фальшивыхъ акцій, въ случаѣ обнаруженія преступленія. Этимъ объясняется заявленіе Колосова о поддѣлкѣ акцій правительству, повлекшее за собою возбужденіе дѣла. Какъ только до Брюсселя дошло извѣстіе о происшедшей ссорѣ, Ф. Ярошевичъ, по его показанію, въ одну ночь сжегъ 8,000 приготовленныхъ акцій. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ написалъ письмо А. Ярошевичу, въ коемъ объясняетъ пагубное значеніе, которое имѣетъ для всѣхъ нихъ эта ссора, и указываетъ на послѣдствія ея — доносъ со стороны Колосова. Опасеніе быть обнаруженными заставило А. Ярошевича и Никитина попытаться возстановить хорошія отношенія съ Колосовымъ, съ цѣлью обезопасить себя отъ послѣдняго. Зная хорошо Колосова, его характеръ, его прошлое и настоящее, они, по словамъ Ярошевича, не сомнѣвались въ томъ, что примиреніе не оградитъ ихъ отъ мстительности Колосова, а потому пришли къ убѣжденію, что единственный для нихъ вѣрный путь къ спасенію — есть уничтоженіе Колосова тѣмъ или другимъ способомъ. Этому плану особенно сильно сочувствовалъ А. Ярошевичъ, который, помимо чувства самосохраненія, какъ влюбленный человѣкъ, не могъ простить Колосову того, что онъ оскорблялъ и унижалъ любимую имъ дѣвушку, какъ ему объ этомъ передавала Ольга Иванова, не прекратившая, однако, своего знакомства съ Колосовымъ. Изъ всѣхъ способовъ, которыми можно было

уничтожить Колосова, Ярошевичъ и Никитинъ остановились на отравленіи. Ярошевичъ сообщилъ этотъ планъ Ольгѣ Ивановой, а та, въ свою очередь, Колосову. Послѣдній сталъ еще осторожнѣе и зорче слѣдить за двумя своими врагами, которые цѣлый мѣсяцъ, по увѣренію Никитина въ упомянутомъ письмѣ къ Ф. Ярошевичу, напрасно «ломали себѣ голову, чтобы привести свой планъ въ исполненіе въ Петербургѣ». Потерявъ надежду достигнуть этого въ Петербургѣ, они нѣсколько измѣнили свой планъ. Они стали уговаривать Колосова ѣхать съ Ярошевичемъ за границу для доставленія въ Россію заготовленныхъ въ Брюсселѣ акцій. Колосовъ согласился на эту поѣздку для того, чтобы лучше выдать своихъ бывшихъ сообщниковъ. 5-го января вечеромъ они выѣхали изъ Петербурга, но поѣздка ихъ окончилась арестомъ Ярошевича въ Динабургѣ.

На основаніи вышеизложеннаго, лѣкарь-акушеръ Василій Колосовъ и дворянинъ Александръ Ярошевичъ были преданы суду по обвиненію въ томъ, что въ 1870 г., въ сообществѣ съ отцомъ послѣдняго, бѣжавшимъ изъ Россіи послѣ осужденія за разныя преступленія, Феликсомъ Ярошевичемъ, устроили въ городѣ Брюсселѣ на общія денежныя средства типографію, съ спеціальной цѣлью поддѣлки различныхъ цѣнныхъ русскихъ бумагъ, въ которой, въ теченіе 1870—1871 годовъ, дѣйствительно были поддѣланы акціи Общества Тамбовско-козловской желѣзной дороги, часть которыхъ, а именно 253 акціи въ 100 руб. каждая, была привезена въ Петербургъ для выпуска въ обращеніе, что составляетъ преступленіе предусмотрѣнное 1194 ст. Улож. о наказ. Кромѣ того, А. Ярошевичъ былъ преданъ суду также и за то, что въ концѣ 1871 года, въ сообществѣ съ Никитинымъ, вслѣдствіе враждебныхъ столкновеній съ Колосовымъ, изъ опасенія мести со стороны послѣдняго, задумавъ лишить его жизни, участвовалъ въ составленіи плана отравленія его, для осуществленія котораго пріобрѣлъ ядъ, подъ разными предлогами уговорилъ Колосова ѣхать за границу вмѣстѣ съ нимъ, чтобы во время этого путешествія, при первомъ удобномъ случаѣ, отравить Колосова имѣвшимся при немъ ядомъ, наконецъ отправился съ нимъ для этой цѣли за границу, но не осуществилъ своего преступнаго намѣренія по обстоятельствамъ, отъ него не зависѣвшимъ, что предусмотрѣно 2 ч. 1457 ст. Улож. о наказ. Никитинъ, впавшій въ умственное разстройство, суду преданъ не былъ.

Дѣло это слушалось въ С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, 14—16-го февраля 1874 года, подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя *Батурина*. Защищали: Колосова:—присяжный повѣренный *Языковъ*, Ярошевича—присяжные повѣренные *Утинъ* и *Потѣхинъ*.

На судебномъ слѣдствіи *Колосовъ* виновнымъ себя не призналъ, а *Ярошевичъ* сознался во взводимыхъ на него обвиненіяхъ, при чемъ объяснилъ что, познакомившись съ его матерью, Колосовъ навѣщалъ его отца, судимаго по дѣлу письмоносцевъ, въ тюрьмѣ и помогъ ему бѣжать за границу. Въ 1869 г. Колосовъ возилъ подсудимаго въ Москву и первый познакомилъ его тогда еще 17-лѣтняго мальчика, съ публичными домами. Въ это же время Колосовъ убѣдилъ мать Ярошевича открыть вмѣстѣ съ нимъ гласную кассу ссудъ и поручилъ главное завѣдываніе ею подсудимому, которому посовѣтовалъ бросить совсѣмъ ученіе, обѣщая сдѣлать его за это современемъ банкиромъ. Дѣла гласной кассы шли плохо; вслѣдствіе этого Колосовъ занялся покупкой и продажей процентныхъ бумагъ и перебралъ на эту операцію весь капиталъ матери подсудимаго. Въ концѣ 1869 г. гласная касса была закрыта, а въ началѣ 1870 г. Колосовъ объявилъ, что состоя въ сношеніяхъ съ отцомъ подсудимаго, думаетъ заняться поддѣлкою, но будетъ поддѣлывать не фальшивыя ассигнаціи, а, что гораздо выгоднѣе—акціи Тамбовско-козловской желѣзной дороги. Въ іюлѣ мѣсяцѣ Колосовъ показалъ подсудимому письмо отъ его отца, въ которомъ онъ требовалъ 6,000 фр. на открытіе типографіи; 3,000—отъ Колосова и 3,000— отъ матери подсудимаго.

Такъ какъ всѣ деньги были у Колосова, то онъ купилъ 6,000 франковъ у мѣнялы, и въ концѣ іюля 1870 г. они отправили эти деньги по почтѣ. Въ августѣ подсудимый свезъ брата къ отцу, по его требованію, и оттуда возвратился безъ паспорта, черезъ имѣніе тетки своей, Госцимской. Отецъ извѣщалъ постоянно Колосова о ходѣ начатаго дѣла; типографія была куплена въ концѣ сентября, и затѣмъ Феликсъ Ярошевичъ прислалъ письмо, въ которомъ просилъ Колосова пріѣхать осмотрѣть работы. Колосовъ рѣшился ѣхать подъ видомъ лѣченія отъ болѣзни и, чтобъ еще лучше скрыть цѣль своей поѣздки, хотѣлъ взять на себя порученіе относительно проживающихъ въ Женевѣ и Лондонѣ эмигрантовъ и пригласить съ собою какую нибудь женщину, такъ какъ человѣка, который ѣдетъ съ женщиной, по его словамъ, никогда не сочтутъ способнымъ на преступное дѣло. Около этого времени подсудимый познакомился у Никитиныхъ съ Ольгою Ивановой, которая сразу произвела на него сильное впечатлѣніе; Колосовъ, заинтересованный его разсказомъ объ этой дѣвушкѣ, тоже познакомился съ нею. Когда зашла рѣчь о поѣздкѣ за границу и о томъ, чтобъ взять какую нибудь женщину, то Колосовъ, по просьбѣ подсудимаго, согласился взять съ собою Ольгу Иванову, съ тѣмъ, чтобъ расходы на ея поѣздку были ихъ общіе, а такъ какъ одной Ивановой было ѣхать неудобно, то Колосовъ уговорилъ жену Никитина ѣхать вмѣстѣ съ ними; онъ имѣлъ при этомъ въ виду во время путешествія разузнать у нея подробности о прошломъ ея мужа и о его характерѣ Поѣздка состоялась въ половинѣ января. Подсудимый ѣхалъ подъ видомъ приказчика Колосова. Во время путешествія, Ольга Иванова постоянно была любезна съ подсудимымъ, а на Колосова не обращала почти никакого вниманія. Но въ Венеціи имъ пришлось разстаться: Колосовъ поѣхалъ съ дамами въ Неаполь, а подсудимаго отправилъ въ Брюссель, несмотря на его просьбы взять и его съ собой въ Неаполь. Въ Брюсселѣ подсудимый проводилъ всѣ дни въ типографіи и, отъ нечего дѣлать, подавалъ бумагу и исполнялъ тамъ разныя другія порученія. Колосовъ писалъ ему, что ничего не можетъ сказать навѣрное объ отношеніяхъ Ивановой къ нему; сама же Иванова, несмотря на обѣщаніе писать, прислала только разъ клочекъ бумаги, на которомъ было написано: «Ольга Иванова». По пріѣздѣ Колосова съ дамами въ Брюссель, отношенія подсудимаго и Ольги Ивановой сдѣлались чрезвычайно странными. Иванова относилась къ нему очень холодно и объяснила, что имѣетъ какія-то свѣдѣнія о томъ, что онъ распускаетъ о ней дурные слухи. Колосовъ нашелъ, что акціи сдѣланы не достаточно хорошо, но все-таки просилъ ихъ окончить и, вернувшись изъ Лондона, хотѣлъ взять съ собою около 750 акцій, раздѣливъ ихъ на три пачки, съ тѣмъ, чтобы Иванова и Никитина взяли по пачкѣ, но онѣ отказались. Когда зашелъ разговоръ о дѣлежѣ прибыли, то Колосовъ, основываясь на томъ, что иниціатива дѣла принадлежала ему, что на немъ лежитъ провозъ акцій, сохраненіе и распространеніе ихъ, требовалъ 90%, предоставляя отцу подсудимаго 10%. Тотъ на это не согласился; они долго спорили, но наконецъ помирились. Колосовъ уѣхалъ съ дамами въ Петербургъ, а подсудимаго оставилъ за границей, несмотря на его просьбы взять его съ собою. Чрезъ шесть недѣль отецъ его получилъ отъ Колосова телеграмму, извѣщавшую о скоромъ прибытіи братьевъ господина Тома, вслѣдствіе которой всѣ акціи были уничтожены. Воспользовавшись этою телеграммой, подсудимый упросилъ отца позволить ему ѣхать въ Петербургъ, чтобъ узнать, въ чемъ дѣло. По пріѣздѣ его въ Петербургъ, Колосовъ показалъ ему номеръ газеты, въ которой говорилось о томъ, что на французско-бельгійской границѣ была открыта шайка поддѣлывателей фальшивыхъ ассигнацій. Тутъ же онъ разсказалъ подсудимому, что далъ акціи на храненіе Никитину. Иванова продолжала относиться къ подсудимому холодно, и Колосовъ объяснилъ ему, что Иванова, какъ дѣвушка бѣдная, но честная, дорожитъ своей репутаціей и боится, чтобъ про нее не стали ходить дурные слухи, вслѣдствіе

ея короткости съ подсудимымъ. Онъ совѣтовалъ ему прямо сдѣлать ей предложеніе, обнадеживая тѣмъ, что матеріальное положеніе его будетъ обезпечено. Подсудимый, подъ диктовку Колосова, написалъ Ивановой письмо, въ которомъ дѣлалъ ей предложеніе, и дня черезъ три получилъ отвѣтъ, въ которомъ она изъявила свое согласіе. Подсудимый не зналъ, какъ и благодарить Колосова за это благодѣяніе. Въ это время отецъ прислалъ письмо, въ которомъ требовалъ денегъ. Колосовъ сказалъ, что онъ долженъ свезти деньги, и онъ не возражалъ изъ благодарности за то, что Колосовъ устроилъ его дѣло съ Ивановой. Получивъ деньги отъ Колосова, подсудимый уѣхалъ за границу, гдѣ закупилъ машины, необходимыя для улучшенія производства. Машины были доставлены только въ концѣ августа; въ сентябрѣ Колосовъ прислалъ по телеграфу еще 1600 руб. Съ Колосовымъ они имѣли постоянныя сношенія; было условлено, что они будутъ извѣщать его, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ день о томъ, все ли обстоитъ благополучно. Подсудимый страшно скучалъ за границей, постоянно думая объ Ольгѣ Ивановой и, наконецъ, видя, что бумаги еще не скоро будутъ готовы, въ половинѣ октября 1871 года возвратился въ Петербургъ. Колосовъ принялъ его очень любезно, хотя говорилъ, что не слѣдовало пріѣзжать, пока всѣ акціи не будутъ окончены. Никитинъ сообщилъ подсудимому, что ходятъ слухи, будто Ольга Иванова живетъ съ Колосовымъ; онъ не повѣрилъ и разсердился, что онъ передаетъ ему подобныя вещи о совершенно честной дѣвушкѣ. Сама Ольга Иванова своимъ поведеніемъ разсѣяла всѣ сомнѣнія подсудимаго: она относилась къ нему очень дружески, а надъ Колосовымъ постоянно смѣялась. Разъ она сказала подсудимому, что Колосовъ устраиваетъ у себя вечеръ, приглашаетъ только ее и сестеръ и проситъ ихъ придти однѣхъ, безъ отца и брата. Подсудимый посовѣтовалъ ей не ходить, она обѣщала, но дня черезъ два призналась, что была, и что гости Колосова очень много позволяли себѣ относительно ея. Во всемъ этомъ она обвиняла Колосова и тутъ же сказала подсудимому, что у него есть тайный врагъ, который ему очень вредитъ. Нѣсколько дней послѣ того былъ маскарадъ, въ которомъ были Колосовъ, Ольга Иванова, сестра ея Катерина и подсудимый. Ольга Иванова ходила съ нимъ, когда къ ней подошла сестра и сказала, что Колосовъ зоветъ ихъ ужинать. Ольга Иванова поѣхала, а на другой день со слезами просила у подсудимаго прощенія, говоря, что поѣхала только потому, что сестра не хотѣла ѣхать одна. Тутъ же она сообщила подсудимому, что Колосовъ постоянно вооружаетъ ее противъ него. По возвращеніи изъ-за границы, подсудимый не бывалъ въ домѣ у Ивановыхъ, потому что Колосовъ сказалъ ему, что отецъ Ивановой страшно противъ него вооруженъ, что нужно подождать, пока его подготовятъ. Узнавъ отъ Ольги Ивановой, что Колосовъ самъ же возстановляетъ всѣхъ противъ него, подсудимый пригласилъ къ себѣ студента Иванова и, узнавъ отъ него, что Колосовъ дѣйствительно распускаетъ про него дурные слухи, предложилъ Иванову и Никитину пойти вмѣстѣ съ собою къ Колосову, чтобы сдѣлать ему очную ставку. У Колосова сидѣлъ въ это время отецъ Иванова; Колосовъ сначала смутился, увидѣвъ подсудимаго вмѣстѣ съ Никитинымъ и студентомъ Ивановымъ, и не хотѣлъ допустить ихъ до старика Иванова, говоря, что тотъ вдругъ заболѣлъ. Но студентъ Ивановъ прошелъ въ ту комнату, гдѣ сидѣлъ Ивановъ, и засталъ его совершенно здоровымъ, за стаканомъ чаю. Тогда подсудимый предложилъ Колосову повторить то, что онъ говорилъ про него Ивановымъ. Колосовъ сначала смутился, потомъ сталъ предлагать такія объясненія, которыя убѣдили всѣхъ, что онъ говорилъ ложь. Никитинъ обозвалъ его лжецомъ, мерзавцемъ и чуть не бросился на него съ палкой. Подсудимый и все остальное общество собрались уходить, но Колосовъ сталъ всѣхъ просить остаться и выпить чаю, какъ будто ничего не произошло. Такое чудовищное, по выраженію подсудимаго, отсутствіе чувства собственнаго достоинства сдѣлало его противнымъ для Ярошевича,

и когда на другой день Колосовъ, пріѣхавъ къ нему, бросился къ нему на шею и сталъ просить прощенія, онъ оттолкнулъ его и сказалъ, что между ними все кончено. Подсудимый сталъ посѣщать Ивановыхъ и былъ совершенно счастливъ, будучи съ любимой дѣвушкой. Но Колосовъ сталъ посылать Ивановымъ анонимныя письма, въ которыхъ чернилъ его и сказалъ Ивановой, что онъ былъ замѣшанъ по дѣлу Кибарта и Завадзской. Подсудимый предложилъ Ивановой освѣдомиться съ Судебной Палатѣ, правда ли это? и тамъ ей сказали, что онъ не былъ не только обвиняемымъ, но даже свидѣтелемъ по этому дѣлу не былъ. Тогда Ольга Иванова сказала, что Колосову слѣдуетъ такъ или иначе отомстить, что она дастъ ему пощечину, а подсудимый пусть раздѣлывается какъ знаетъ. Черезъ нѣсколько дней она сказала ему, что Колосовъ выдаетъ ее за свою содержанку. Онъ предложилъ застрѣлить его, но Ольга Иванова сказала: «Если ты меня любишь, ты не будешь рисковать собой». Послѣ этого у нихъ нѣсколько разъ происходили разговоры о томъ, какъ устранить Колосова, и 1-го декабря онъ окончательно рѣшился отравить его. Подсудимый разсказалъ объ этомъ Никитину, который одобрилъ это рѣшеніе. Разставшись съ Ольгой Ивановой утромъ 1-го декабря, подсудимый условился уйти съ нею вмѣстѣ въ театръ, а оттуда въ маскарадъ. Она пришла на условленное мѣсто свиданія только въ $7^1/_2$ часовъ, и на вопросъ его, гдѣ она была такъ долго, отвѣчала: «у Колосова». Онъ принялъ это за шутку съ ея стороны, но она объяснила ему, что не была собственно у Колосова, но встрѣтила его на улицѣ, и онъ ей разсказалъ, что подсудимый разорилъ его контору. Пріѣхавъ въ маскарадъ, они тамъ встрѣтили Колосова; подсудимый громко назвалъ его мерзавцемъ, но Ольга Иванова схватила его за руку и сказала что онъ съума сходитъ. Чѣмъ болѣе раздумывалъ подсудимый объ отравленіи Колосова, тѣмъ страшнѣе ему становилось, и онъ готовъ былъ уже отказаться отъ принятаго рѣшенія, но Никитинъ сказалъ ему, что теперь уже поздно, и что онъ, по всей вѣроятности, просто испугался, да и Ольга Иванова сказала: «Еще ничего нѣтъ, а ты уже на попятный дворъ». Подсудимому стало стыдно, но онъ все-таки ничего не предпринималъ. Между тѣмъ, у Никитина созрѣлъ новый планъ провоза акцій, для котораго нужно было ѣхать за границу. Колосова уговорили ѣхать вмѣстѣ съ подсудимымъ, которому Никитинъ далъ передъ отъѣздомъ двѣ баночки съ морфіемъ. Подсудимый хотѣлъ было высыпать содержимое этихъ баночекъ и изъ одной дѣйствительно высыпалъ, но потомъ спохватился, что Иванова можетъ спросить его на желѣзной дорогѣ, гдѣ ядъ, и потому пересыпалъ половину порошка изъ одной баночки въ другую и положилъ одну баночку въ чемоданъ, другую къ себѣ въ карманъ. 5-го января они выѣхали, и въ Динабургѣ ихъ арестовали, прежде чѣмъ онъ успѣлъ привести свое намѣреніе въ исполненіе.

Свидѣтельница *Никитина* и помощникъ библіотекаря Медицинской Академіи *Брашъ* объяснили, что Никитинъ показывалъ имъ акціи Тамбовско-козловской дороги и говорилъ, что далъ подъ нихъ Колосову 12,000 руб. При этомъ первая изъ нихъ показала, что Колосовъ предлагалъ при ней Ольгѣ Ивановой «увлечь» Нечаева и обѣщалъ за это бриліантовыя серьги,—а въ Брюсселѣ по цѣлымъ днямъ не бывалъ дома, ссылаясь на постоянные свои визиты къ князю Орлову, русскому посланнику.

Колосовъ давалъ обширныя и, по большей части, совершенно не относящіяся къ дѣлу объясненія. На вопросы о Феликсѣ Ярошевичѣ, онъ отвѣчалъ, что его не знаетъ и что былъ въ Брюсселѣ проѣздомъ въ Лондонъ, гдѣ устраивался страшный заговоръ, въ случаѣ открытія котораго его ждали «честь, слава и счастіе». Никитину и Ольгу Иванову онъ взялъ съ собою потому, что онѣ знали языки, необходимые ему, чтобъ «прослѣдить эмиграцію» и разоблачить образъ дѣйствій «предсѣдателя интернаціоналки», Карла Маркса. Относительно акцій Колосовъ показалъ, что узналъ о нихъ впервые послѣ ссоры съ нимъ Никитина и Ярошевича

когда Никитинъ, съ цѣлѣю примиренія, открылъ ему о существованіи подѣлки и предлагалъ 100 тыс. руб. сер. за «поправленіе репутаціи» Ярошевича. Часть объясненій Колосова, относительно значенія условнаго выраженія «*фарегатись*», постоянно попадающагося у него подъ разными числами въ памятной книжкѣ за время путешествія по Италіи и въ Бельгію,—дана имъ при закрытыхъ дверяхъ присутствія.

Ольга Иванова, давая весьма уклончивое показаніе, объяснила, на перекрестномъ допросѣ, что дѣйствительно изъявляла готовность «согласить поѣхать» Нечаева и получить за то серьги отъ Колосова, но это не удалось, такъ какъ онѣ его нигдѣ не встрѣтили, да и она, и Никитина никакого языка, кромѣ французскаго, не знали, почему въ Лондонѣ не знали, что дѣлать, и не выходили на улицу. Подтверждая въ главныхъ чертахъ показаніе Ярошевича, Ольга Иванова признала, что онъ показывалъ ей ядъ на желѣзной дорогѣ, но что тутъ она его не отговаривала, ибо уже сдѣлала это разъ и видѣла, что это безуспѣшно. Будучи невѣстою Ярошевича, она скрывала отъ него свои близкія отношенія съ Колосовымъ и передавала ему о всѣхъ оскорбительныхъ отзывахъ послѣдняго, жалуясь на его дерзкое обращеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ передавала и Колосову о выходкахъ противъ него Ярошевича и предупредила его о томъ, что ея женихъ и Никитинъ собираются его отравить. На вопросы—зачѣмъ она дѣйствовала такимъ образомъ и кого же изъ двухъ она въ дѣйствительности любила?—Ольга Иванова отвѣчала молчаніемъ. При допросѣ ея было прочитано письмо Ярошевича, тайно ей переданное изъ тюрьмы, гдѣ онъ содержался. Письмо начинается словами: «Оленька, голубчикъ; вотъ уже мѣсяцъ моего заключенія,—только одинъ мѣсяцъ, а какая пропасть раздѣляетъ насъ. Сколько нужно усилій, труда и времени, чтобъ возвратиться къ минувшему...» Далѣе въ письмѣ говорится, что мысль объ услугахъ друга, т. е. Колосова, глубоко запала въ его душу, что ему припоминается памятное 1-е декабря, далѣе идутъ воспоминанія о взаимныхъ отношеніяхъ между авторомъ письма и Ольгою и потомъ говорится, что онъ ко всему приготовился, составилъ планъ дѣйствій и поэтому почти спокойно ожидаетъ будущаго, и что если она останется прежней Олей, то все уладится хорошо, и они уѣдутъ заграницу. Наконецъ, во второй половинѣ письма излагается планъ показанія, которое она должна дать на судѣ. Затѣмъ прочитано содержаніе отвѣтнаго письма Ивановой Ярошевичу, въ которомъ она отвергаетъ его предложеніе съ негодованіемъ и, между прочимъ, говоритъ, что никогда «не рѣшится на такой криминальный поступокъ», т. е. лжесвидѣтельство, проситъ «забыть о ея существованіи»... и прибавляетъ, что «современный судъ такъ справедливъ и милостивъ, что скорѣе оправдаетъ виновнаго, нежели осудитъ невиннаго».

Это письмо, по показанію свидѣтельницы, было ей продиктовано Колосовымъ и по его желанію было послано при запискѣ на имя Прокурора Окружнаго Суда, съ просьбою передать Ярошевичу, при чемъ она понимала, что письмо это можетъ имѣть пагубное вліяніе на судьбу Ярошевича. На вопросы защиты Ярошевича о томъ, чѣмъ первоначально увлекъ ее Колосовъ, Ольга Иванова отвѣчала, что онъ ей понравился своими разсказами о томъ, какъ онъ много перенесъ и пострадалъ въ жизни.

Кромѣ допроса ряда свидѣтелей объ образѣ жизни Колосова, о семейныхъ обстоятельствахъ и отношеніяхъ Ярошевичей,—было прочтено подробное показаніе *Никитина*, въ которомъ онъ утверждаетъ, что сдѣлался жертвою обмана со стороны Колосова, выманившаго у него 12,000 руб. подъ залогъ поддѣльныхъ акцій.

Экспертъ-профессоръ *Сорокинъ* далъ заключеніе, что здоровый человѣкъ можетъ принять безъ послѣдствій до 30 гранъ морфія; что бывали случаи, что человѣкъ принималъ до 50 гранъ и послѣ нѣкоторыхъ припадковъ выздоравливалъ; что морфій, какъ вещество отравляющее, не употребляется, но что онъ можетъ служить усыпляющимъ средствомъ и имъ

можно довести человѣка до глубокой потери сознанія. При этомъ онъ заявилъ, что бывали, однако, случаи, когда люди преклоннаго возраста отравлялись и гораздо меньшимъ количествомъ морфія.

Наконецъ, были прочитаны:

1) *Письмо Колосова къ матери Ярошевича*, отъ 18-го ноября 1871 года, въ которомъ говорится, что сынъ ея Александръ составилъ какой-то глупый заговоръ противъ Колосова; что, несмотря на довольно строгое приказаніе, не явился къ нему для объясненія и позволилъ себѣ прислать непочтительную записку о причинахъ неявки; что такая странность наводитъ на мысль, не задумалъ ли онъ поживиться конторскими его, Колосова, деньгами, не растратилъ ли ихъ и уже «не съ вашего ли позволенья». Далѣе упоминается о томъ, что Колосовъ вытащилъ всю семью изъ грязи, когда мужъ сидѣлъ въ тюрьмѣ за кражу и мошенничество; что Александръ не отдалъ отчета по конторѣ, въ которой вся семья состояла приказчиками. Въ постскриптумѣ Колосовъ говоритъ, что слышалъ, что Александръ задумалъ жениться, но что гимназистовъ 3-го класса законъ не допускаетъ вѣнчать, что, кромѣ того, онъ состоитъ подъ надзоромъ по дѣлу Завадзской за выпускъ фальшивыхъ кредитныхъ бумажекъ, и наконецъ совѣтуетъ матери посѣчь немного Олеся, прибавляя: «въ этомъ очищеніи я могу вамъ помочь, если желаете».

2) *Письмо Колосова къ Иванову*, въ которомъ Колосовъ проситъ напечатать прилагаемое вышеприведенное письмо и послать по почтѣ матери Ярошевича, при чемъ предлагаетъ прочесть это письмо «для назиданія вашего сына» и еще для отстраненія ихъ семьи отъ опасности. Въ заключеніи сказано: «въ письмѣ къ матери Ярошевича настоящая истина выражена только въ видѣ листочковъ, а ягодки впереди».

3) *Письмо* (перехваченное) *Никитина изъ тюремнаго замка къ женѣ:* «я положительно никогда не сознаюсь ни на слѣдствіи, ни на судѣ. На судъ я не попаду, ибо до суда умру, но умру не ради общества, а ради самого себя, жены и родныхъ. Да, я умру еще неосужденнымъ и такимъ образомъ сохраню для жены всѣ деньги арестованныя; онѣ всѣ пропадутъ иначе; ихъ отдадутъ обществу за акціи. Деньги могутъ быть цѣлы только тогда, когда меня оправдаютъ, а послѣдняго быть не можетъ; я буду непремѣнно обвиненъ и дожидаюсь только переговоровъ съ Вѣрочкой (женою). Тогда всему конецъ. Я не могу, я не хочу, я не долженъ жить. Быть ссыльнымъ или каторжникомъ—это почти все равно; разница небольшая. Это вопросъ рѣшенный, меня никто не разубѣдитъ, дѣло ясно, думать и надѣяться не на что и чѣмъ скорѣе будетъ, тѣмъ лучше. Я и оправданный то не перенесу, если бы оно и было возможно. Все равно—мошенникъ на цѣлый свѣтъ, помилованный присяжными засѣдателями. Помните дѣло Карицкаго въ Рязани? Меня могутъ спасти, если я буду имѣть паспортъ и уѣду въ Галицію, гдѣ русскій языкъ, или пошляюсь по Россіи въ отдаленныхъ мѣстностяхъ съ какимъ-нибудь русскимъ паспортомъ. Смотритель говоритъ, что паспортовъ за полуштофъ на Сѣнной сколько угодно. Но это не прежде окончанія слѣдствія. Я часто объ этомъ думаю. Но вы всѣ — бабы нерасторопныя и около васъ нѣтъ дѣльца, а то бы я давно былъ далеко. Худо только то, что побѣгъ лишитъ опять таки всѣхъ арестованныхъ денегъ, а безъ денегъ куда сунешься... Нѣтъ, лучше не слушаться, а прямо умереть и умереть неосужденнымъ, а только находящимся подъ стражею. По божески и по логикѣ, я долженъ былъ сдохнуть 6 января, при обыскѣ, но тогда не удалось—хорошо караулили! Какія-то надежды, глупости утѣшаютъ всѣхъ насъ. Авось прикажутъ прекратить слѣдствіе. Тогда я останусь жить. Родные всѣ опозорены и уничтожены мною навѣки. Если я поскорѣе умру, то всѣ и всякій скажетъ, что ты жена не преступника, а только подсудимаго, котораго могли и оправдать, который могъ быть невиненъ и проч. Еще повторяю, что если бы ты, Вѣрочка, сказала мнѣ о всей своей исповѣди тотчасъ же по пріѣздѣ, и К. и Я. давно

бы не знали, гдѣ я живу—и не было бы и не могло быть этого страшнаго дѣла. Вѣдь я сейчасъ выгоню всѣхъ и прекращаю всякія отношенія съ тѣми людьми, которымъ ты исповѣдуешься, напр., Ф. Т. С. и проч. и проч. Этимъ я вовсе не хочу сказать, что ты во всемъ виновата. Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ. Но элементарныя, непосредственныя причины несчастья—это вѣчная неоткровенность со мною. Ну, что будетъ, если К. каждое твое признаніе, каждую мысль, каждое слово перековеркаетъ по своему и дастъ всей исповѣди твоей отчаянное толкованіе? Какъ ты явишься на судъ? А если я околѣю заблаговременно, то этого ничего не будетъ, честь твоя спасена. Напрасно ты толковала о портфелѣ. Это ничего не доказываетъ: тамъ могло быть все, все, все, только не акціи... Голова моя очень дурна. Я теряю силы, смыслъ и разумъ. Равнодушіе, апатія, тоска, отчаяніе и ужасъ ни на одну минуту не оставляютъ меня. Напрягаю всѣ силы и волю и пишу это письмо съ тѣмъ, чтобы всѣ не зѣвали и дѣйствовали неустанно, но чтобы я зналъ все, что́ вы дѣлаете, иначе будетъ такая же ерунда, какъ и ваши показанія объ акціяхъ. Кто что показывалъ на слѣдствіи, я все знаю, ибо мнѣ все предъявляется слѣдователемъ».

4) *Письмо Никитина къ Феликсу Ярошевичу* въ концѣ ноября. «Тороплюсь сообщить вамъ весьма важное извѣстіе, состоящее въ томъ, что нашъ пріятель совершенно помирился съ Олесемъ. Дѣло это чрезвычайно трудное, сложное, требовавшее много такта, умѣнья и сообразительности и все это къ величайшей радости мнѣ удалось вполнѣ. Почти цѣлый мѣсяцъ я трудился надъ этимъ дѣломъ, извиваясь и изгибаясь на *всѣ* стороны и, о счастіе! они оба уже берутъ паспорты и на дняхъ ѣдутъ къ вамъ. Вы понимаете, что другъ нашъ *не долженъ* возвратиться! (я объ этомъ подробно писалъ вамъ въ Парижъ). Надобно вамъ замѣтить, что всѣ клеветы и пакости имъ *нарочно* и *злостно* были сочинены; свадьбы и всякой чертовщины вовсе никогда *никто* не желалъ и не думалъ. Все это есть отчаянное шельмованіе бѣднаго Олеся въ глазахъ всѣхъ родныхъ, когда этого злодѣя толкали въ шею изъ дома общихъ добрыхъ знакомыхъ. Вѣроятно, вамъ Олесь писалъ подробно объ этомъ. Мнѣ остается еще подтвердить, что Олесь тутъ не причемъ и пострадалъ благодаря тому, что мерзавецъ нашъ хотѣлъ употребить дѣвицъ для своихъ омерзительныхъ цѣлей, *подведя* ихъ, какъ камелій, своимъ пріятелямъ, отъ которыхъ ожидалъ великихъ для себя милостей. Но дѣло теперь въ томъ, чтобъ эта ихъ поѣздка послужила залогомъ общаго счастія и благополучія нашего и всякаго живого существа, имѣющаго несчастіе прикасаться къ этой гадинѣ. Чтобы не забыть: Олесь имѣетъ съ собою *освѣжительный рецептъ* для *ижицы*. Дай Богъ, чтобы нашъ другъ не увидалъ васъ, т. е., чтобы онъ *освѣжился* до пріѣзда къ вамъ. А если, паче всякаго чаянія, онъ доѣдетъ къ вамъ не освѣжившись, то вы разведете слѣдующую политику: надо вамъ замѣтить, что никто изъ насъ ни единаго слова не говорилъ о товарѣ, т. е. цѣлъ ли онъ или нѣтъ; ѣдутъ они оба для того, чтобы посмотрѣть товаръ и, если можно, то привезти его съ собой; а такъ какъ товаръ, по словамъ Олеся, давно уничтоженъ, то надо, чтобы вы умѣли нарисовать картину ужаса, объявшаго васъ при первомъ извѣстіи о томъ, что между ними произошла война на жизнь и смерть. Приготовьтесь по этому пункту *энергически доказать*, что вы иначе и не могли сдѣлать; вы могли думать, что каждую минуту явится *дядя Томъ* и схапаетъ васъ живьемъ и пр. Впрочемъ, молъ, это такіе пустяки, что опять все будетъ готово черезъ недѣлю или двѣ. А вы, молъ, ступайте съ Олесемъ этимъ временемъ въ Парижъ, побывайте въ Мабиляхъ и пр., а я къ возвращенію вашему оттуда уже приготовлю товаръ (все, молъ, это дѣло 2-хъ недѣль); это очень важный пунктъ, и если вы успѣете въ этомъ, то онъ будетъ спокоенъ, веселъ, счастливъ и доволенъ. Если такимъ образомъ Олесь не успѣетъ до Брюсселя освѣжить своимъ рецептомъ, то сдѣлаетъ въ Парижѣ или гдѣ лучше и удобнѣе. Все дѣло въ томъ, чтобы онъ въ дѣлѣ о товарѣ

не видѣлъ и не подозрѣвалъ никакой двусмысленности или фальши. Упомяните, что объ уничтоженіи товара *вы ничего никогда не говорили Олесю*, что вы были поражены убійственнымъ извѣстіемъ объ его женитьбѣ, войнѣ взаимной и пр., что вы только молили, просили его одуматься, не губить женитьбою ни себя, ни семью, а что вопросъ о товарѣ *совершенно* оставался *для Олеся неизвѣстнымъ*. Иначе дьяволъ потеряетъ довѣріе къ Олесю и *ижица* затруднится. Вы, молъ, оба отъ меня далеко и я каждую минуту ждалъ, что я, сынъ и вся семья погибли, вѣдь, молъ, я знаю, какимъ всемогуществомъ вы обладаете. Это очень ему понравится и покажетъ ему, что ни я, ни Олесь ничего не говорили вамъ о совершенномъ его паденіи тамъ, гдѣ онъ, якобы, такъ высоко стоялъ и пугалъ всѣхъ насъ. Онъ *никогда, нигдѣ* не имѣлъ никакого вліянія и значенія и вездѣ смотрѣли тамъ на него, какъ на дурака, на сумасшедшаго и пошлеца. Всѣ эти ходули и фокусы разоблачились давно, благодаря взаимной вспышкѣ послѣдняго времени. Послѣдняя къ вамъ просьба: если Олесь, паче чаянія, нигдѣ и никакимъ образомъ не пропишетъ ему ижицу, то нельзя ли вамъ это сдѣлать *прямымъ, открытымъ образомъ*. Это имѣетъ важнѣйшее значеніе, т. е. именно тамъ, въ чужой сторонѣ, гдѣ чужой языкъ и новые, неизвѣстные для него порядки. Письменные документы надо всѣ отобрать, дабы всѣхъ окружающихъ поставить въ совершенную невозможность знать, кто этотъ господинъ. Здѣсь же освѣжить его нѣтъ *никакой* возможности; мы объ этомъ ломали голову цѣлый мѣсяцъ. Самое примиреніе теперешнее не имѣетъ *никакой другой цѣли*, какъ только увезти его отсюда за границу и тамъ прописать ему ижицу тѣмъ или другимъ способомъ (что лучше и какъ будетъ удобнѣе). Вотъ почему я и просилъ васъ въ прошломъ письмѣ дать ваше мнѣніе, а такъ какъ теперь, въ виду ихъ скораго отъѣзда, уже вашъ совѣтъ ко мнѣ не дойдетъ, то дѣйствуйте, если вы придумали что нибудь для этой цѣли. Обратите особенное вниманіе на *наличность, естественность* и *силу доводовъ* по тому обстоятельству, что вы поставлены были въ *крайнюю* необходимость *сейчасъ* же, по полученіи перваго извѣстія о ссорѣ, все уничтожить. Будьте просты, милы и любезны, поблагодарите его за его совѣты и способы помѣшать Олесю жениться и пр., и пр. Однимъ словомъ, ни единымъ словомъ и намекомъ не дайте ему понять, что вы его презираете. Все это, конечно, въ такомъ только случаѣ, если Олесь не пропишетъ ему ижицы еще до Брюсселя. Въ случаѣ чего не телеграфируйте, а увѣдомьте письмомъ, ибо депеши всѣ мои прочтутъ, а письма только одинъ я. Всѣ телеграммы читаютъ мои домашніе, а письма всегда одинъ я».

5) *Письмо Феликса Ярошевича къ Никитину*, въ концѣ ноября 1871 г. «Сегодня первый разъ получилъ письмо съ объясненіемъ, довольно подробнымъ, употребленія лѣкарства, о его дѣйствіи и о послѣдующихъ пріемахъ. Почему не раньше? Зачѣмъ изъ этого было дѣлать какія-то загадки; откуда взялась странная претензія, чтобы я вѣрилъ въ безошибочную премудрость чью либо, когда въ то же время пишутъ, что моимъ совѣтамъ будутъ слѣдовать, если я докажу ихъ пользу? Странно! Въ непогрѣшимость самаго непогрѣшимаго святѣйшаго папы я не вѣрю. Доказать пользу моихъ совѣтовъ очень легко... Прежде онъ постарается выбрать до послѣдней копѣйки все, что ему будетъ слѣдовать на его долю по компаніи и когда уже все будетъ кончено, когда не будетъ надежды получать новыхъ барышей, тогда отмститъ. Это вѣрнѣе буллы папской. Весною лучше, потому что можно сдать въ другія руки всѣ хлопоты за *больнымъ*. А при хорошихъ, хотя бы двухъ рекомендательныхъ письмахъ о подвигахъ больного, о его дружбѣ съ дядею Томомъ, при чемъ хотя бы додать два или три факта, какъ по его рекомендаціи такой-то и такой-то уѣхали въ гости, можно быть увѣреннымъ, что въ Женевѣ и даже въ Лондонѣ его примутъ съ распростертыми объятіями; излѣченіе болѣзни вѣрное и совершенно безопасное. Я самъ боленъ; исключая неизлечимой болѣзни желудка, у меня болитъ грудь; иногда бываетъ легче, а иногда болитъ очень поря-

дочно, почему я имѣю непреодолимое отвращеніе къ уходу за больнымъ. А въ случаѣ, чего Боже сохрани, смерти, то хлопоты похоронъ и проч. меня совсѣмъ уложатъ въ постель; поэтому-то я желаю отложить до весны. Только къ тому времени съѣзжаются туда больные и только въ то время ихъ удобно пользовать. Мнѣ писали, что одинъ мой хорошій пріятель желаетъ навѣстить меня; мнѣ кажется, что пригласить его прежде въ одинъ городъ, а послѣ въ другой,—не будетъ хорошо. Не лучше ли оказать къ нему полное довѣріе, пригласить прямо его сюда, показать, что осталось и что уничтожено, и заняться пополненіемъ недостающаго. Какъ бы хорошо было, если бы онъ желалъ разгоститься постарому. Не могу вспомнить безъ внутренняго удовольствія, какъ въ былыя времена этотъ милый другъ приходилъ къ намъ попросту, какъ въ собственный домъ, шелъ прямо безъ церемоніи въ шкапъ, вытаскивалъ оттуда кусокъ мяса и съѣдалъ въ свое здравіе. Вспоминаю это время былое—вернется ли оно, какъ вы думаете? Спросите, пожалуйста у доктора о слѣдующемъ обстоятельствѣ: здѣсь есть больной, который очень меня интересуетъ, онъ страдаетъ удушьемъ, но лѣчиться не хочетъ и имѣетъ отвращеніе къ лѣкарствамъ, хотя бы самымъ невиннымъ. Есть ли такого рода лѣкарство, чтобы не теряло цѣлебнаго дѣйствія, если, напр., его положить въ начинку пирога? Не потеряетъ ли оно своей силы отъ жара, когда будетъ печься въ пирогѣ вмѣстѣ съ мясомъ; или лучше класть въ жаркое, когда оно будетъ готово? Это важный вопросъ. Завтра вышлю письмо, которое прочтите вмѣстѣ съ Петр., посовѣтуйтесь и разберите всѣ обстоятельства, здѣсь описанныя, и рѣшите, какъ поступить. Вникните въ каждый предметъ, обсудите хорошенько и пишите, что дѣлать. На это письмо отвѣчать не нужно».

Рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей—*Колосовъ* признанъ *виновнымъ* въ организаціи, въ сообществѣ съ другими лицами, поддѣлки Тамбовско-козловскихъ акцій и въ доставленіи части ихъ въ Россію съ цѣлью ихъ сбыта; *Ярошевичъ* признанъ *виновнымъ* въ доставленіи денежныхъ средствъ для поддѣлки и вовлеченнымъ въ это преступленіе совершеннолѣтнимъ лицомъ, при чемъ присяжные нашли, что онъ заслуживаетъ снисхожденія. По обвиненію въ приготовленіи къ отравленію—онъ *оправданъ*.

Гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели! Вамъ предстоитъ произнести приговоръ по дѣлу весьма сложному и, во многихъ отношеніяхъ, весьма интересному. Оно интересно по свойству преступленія, по обстановкѣ, при которой оно совершено, и по личностямъ самихъ подсудимыхъ. Вамъ, господа присяжные засѣдатели, въ теченіе вашей довольно продолжительной сессіи, приходилось встрѣчаться преимущественно съ подсудимыми обыкновеннаго типа. По большой части это были обвиняемые въ обыденныхъ преступленіяхъ,—преимущественно въ кражѣ. Бѣдность, неразвитость, отсутствіе безвредныхъ развлеченій и иногда крайне печальная нравственная и бытовая обстановка — являлись причинами, привлекавшими ихъ на скамью подсудимыхъ. Совершивъ преступленіе, нарушивъ законъ, они заслуживали, по большей части наказанія, но тѣмъ не менѣе нельзя не пожалѣть, что они были поставлены судьбою въ положеніе, которое благопріятствовало совершенію преступленія. Но ничего подобнаго въ настоящемъ дѣлѣ мы не видимъ. Передъ нами другіе подсудимые. Передъ нами люди, которые, во всякомъ случаѣ, имѣютъ

нѣкоторую претензію считаться лицами развитыми, которые имѣютъ средства къ существованію довольно опредѣленныя, а одинъ изъ нихъ даже сравнительно весьма большія. Эти лица могли бы совершенно иначе сложить свою жизнь, чѣмъ они ее сложили,—могли бы отдать ее такой дѣятельности, которая не привлекаетъ въ концѣ концовъ на скамью подсудимыхъ. Я думаю, что напряженное вниманіе, съ которымъ вы относились къ судебному слѣдствію, избавляетъ меня отъ необходимости указывать вамъ на многія мелочныя подробности дѣла. Поэтому я буду касаться только выдающихся его сторонъ, будучи убѣжденъ, что остальное дополнятъ ваша память и совѣсть. Вы точно также не упустите изъ виду и того, что дѣло это приподнимаетъ кусочекъ завѣсы надъ дѣяніями, совершаемыми во мракѣ и рѣдко всплывающими на свѣтъ Божій, надъ дѣйствіями, которыя совершенно напрасно старается пріурочить одинъ изъ подсудимыхъ къ цѣлямъ общаго блага и спокойствія. Вы вглядитесь въ эти дѣянія пытливымъ взоромъ и въ приговорѣ вашемъ оцѣните ихъ нравственное достоинство. Я начну съ исторіи возникновенія настоящаго дѣла. Въ концѣ ноября или началѣ декабря 1871 г. полиціи дано было знать акушеромъ Василіемъ Петровичемъ Колосовымъ, что его приготовляются отравить, при чемъ онъ просилъ принять противъ этого мѣры. Еще прежде того онъ являлся къ Начальнику Секретнаго Отдѣленія, генералу Колышкину, и заявлялъ ему о какомъ-то обнаруженномъ имъ въ Петербургѣ политическомъ преступленіи. Онъ пришелъ къ нему взволнованный, крайне раздраженный, безсвязно говорилъ, что его хотѣли побить, что положеніе его очень непріятное, что существуетъ политическое преступленіе и проч. Чрезъ нѣсколько времени онъ заявилъ, что существуетъ уже не политическое преступленіе, но что его хотятъ отравить, какъ человѣка, знающаго о другомъ общемъ преступленіи... По его указаніямъ былъ установленъ надзоръ за нѣкоторыми лицами, и дѣйствительно, въ концѣ декабря было обнаружено такое обстоятельство, которое ясно указывало на созрѣвшую мысль убійства посредствомъ отравленія. Это было письмо Никитина, которое вчера вамъ было прочитано. Въ немъ говорилось о прохладительныхъ средствахъ, о прописаніи ижицы и т. д. Когда затѣмъ, въ январѣ 1872 г., Колосовъ и Ярошевичъ поѣхали за границу, они были задержаны въ Динабургѣ и у одного изъ нихъ найденъ ядъ. Ярошевичъ былъ привезенъ въ Петербургъ, и дѣло передано судебной власти. Затѣмъ былъ произведенъ обыскъ у Никитина, при чемъ найдены 253 акціи Тамбовско-козловской желѣзной дороги, измятыя и перегнутыя, согласно предварительнымъ указаніямъ Колосова. Таково было первоначальное положеніе дѣла въ половинѣ января. Распредѣленіе ролей было слѣдующее: съ одной стороны явился Никитинъ, который съ ужасомъ заявлялъ, что онъ жертва какой-то интриги, ему непонятной, но, по его выраженію, «адской», и объяснялъ, что акціи получены отъ Колосова, о чемъ была сдѣлана и надпись на бумагѣ, въ которую онѣ были завернуты; съ другой стороны былъ

Ярошевичъ, который ни въ чемъ не сознавался и упорно ото всего отпирался, ведя свою борьбу съ замѣчательнымъ умѣніемъ и выдержкою. Наконецъ, ждалъ защиты человѣкъ, потерпѣвшій отъ преступленія, на жизнь котораго самымъ коварнымъ образомъ покушались и который былъ едва-едва спасенъ. Эта жертва преступнаго замысла—былъ Колосовъ. Въ такомъ положеніи дѣло стояло почти мѣсяцъ. Въ немъ, въ сущности, былъ установленъ только одинъ фактъ, что акціи *поддѣльныя*. Почему онѣ признавались поддѣльными—повторять излишне. Вы слышали здѣсь третьяго дня показаніе полковника Жеванова и видѣли, какъ самыя акціи, такъ и фотографіи съ инструментовъ и машинъ, посредствомъ которыхъ онѣ приготовлялись. Такое положеніе дѣла не могло, однако, продолжаться долго. Необходимъ былъ какой нибудь случай, который заставилъ бы задержанныхъ сдѣлаться болѣе откровенными и каждаго поставилъ бы на принадлежащее ему по праву и по заслугамъ мѣсто. Этотъ случай явился на помощь правосудію. Онъ выразился въ письмахъ, явившихся сразу съ трехъ сторонъ. Г. Колышкину было написано четыре письма Феликсомъ Ярошевичемъ изъ-за границы,—отрывки изъ нихъ были вамъ прочтены. Въ то же время у Никитина было взято, при внезапномъ обыскѣ въ тюрьмѣ, написанное на клочкахъ бумаги письмо къ женѣ и, наконецъ, одновременно съ этимъ, прокуроръ окружного суда получилъ письмо отъ Ольги Ивановой съ приложеніемъ письма на имя Александра Ярошевича. Въ письмахъ Феликса Ярошевича онъ сознавался, что поддѣлывалъ акціи, просилъ только снисхожденія для своего семейства и указывалъ на участіе въ этомъ дѣлѣ Колосова. Затѣмъ, въ письмѣ, написанномъ Никитинымъ, которое, по нашему мнѣнію, представляетъ непрерывный стонъ отчаянія, стыда и гнѣва на сознанное безсиліе,—онъ указываетъ неоднократными намеками на то, что Колосовъ долженъ быть привлеченъ къ дѣлу, въ которое втянулъ другихъ. Но самое рѣшительное вліяніе на дальнѣйшій ходъ слѣдствія произвело письмо Ольги Ивановой. Въ этомъ письмѣ она упрекала Ярошевича за то, что онъ въ тайно переданной запискѣ уговаривалъ ее дать ложное показаніе. Она отказывается исполнить его просьбу, она негодуетъ, прерываетъ съ нимъ всякія сношенія и спѣшитъ подѣлиться своимъ негодованіемъ съ прокуроромъ. Когда это письмо было предъявленно Ярошевичу, онъ заявилъ, что во всемъ желаетъ сознаться. Очевидно, что оно поразило его глубоко и неотразимо. Сознаніе послѣдовало черезъ два дня послѣ этого. Онъ подробно разсказалъ обстоятельства дѣла и оговорилъ Колосова. Тогда прокурорскій надзоръ привлекъ къ дѣлу и «жертву преступленія», и Колосовъ изъ потерпѣвшаго обратился въ обвиняемаго. Такимъ образомъ роли измѣнились и явилось трое обвиняемыхъ. Изъ этихъ трехъ лицъ одно въ настоящее время находится въ предсмертномъ состояніи. Это—Никитинъ. Жизнь его, богатая треволненіями, угасаетъ, и онъ скоро предстанетъ предъ другого Судію... Но двое другихъ находятся теперь предъ нами, и вамъ, господа присяжные, предстоитъ рѣшить,

какую роль игралъ каждый изъ нихъ въ дѣлѣ, и преимущественно какую игралъ Колосовъ, такъ какъ Ярошевичъ во многомъ довольно откровенно сознался. Вамъ предстоитъ рѣшить, что за личность Колосовъ: есть ли это дѣйствительно горячій патріотъ, неуклонно шедшій по пути къ славѣ, человѣкъ, который старался оградить Россію отъ опасности и защищалъ русское государство, какъ онъ выразился, «*отъ шатких*» людей,—человѣкъ чрезвычайно добрый и благотворительный, вытаскивающій за свой счетъ и страхъ изъ грязи людей и имѣющій значительныя общественныя и служебныя связи,—или это простой, обыкновенный смертный, очень желчный, весьма недобросовѣстный, который навязывался со своими услугами по соглядатайству и котораго изъ простой вѣжливости не выталкивали вонъ, неосторожно дозволяя ему думать, что онъ оказываетъ безкорыстныя услуги, подъ покровомъ которыхъ онъ обдѣлывалъ собственныя нечистыя дѣла. Обвиненіе полагаетъ, что онъ человѣкъ второго рода, а не перваго. Это я и постараюсь доказать, а вы рѣшите окончательно.

Подсудимые обвиняются въ поддѣлкѣ акцій. Поддѣлка акцій есть преступленіе весьма сложное, она не можетъ быть совершена однимъ лицомъ, для нея необходимо участіе нѣсколькихъ лицъ, необходима взаимная помощь, взаимная поддержка, провѣрка и контроль. Затѣмъ, такое преступленіе не можетъ совершиться въ узкихъ предѣлахъ одного мѣста: необходимо развозить, сбывать поддѣльныя бумаги, чтобы получить отъ нихъ барыши. Поэтому участвующіе въ преступленіи лица могутъ быть раскиданы на большомъ пространствѣ, между ними въ этомъ случаѣ должно быть распредѣленіе работы по общему согласію, должна быть переписка, должны оказаться связанные между собою слѣды ихъ дѣйствій. Наконецъ, люди, которые рѣшаются на такое преступленіе—люди опытные и знающіе жизнь; у нихъ все заранѣе бываетъ предусмотрѣно и, главнымъ образомъ, придумано—на случай неудачи—болѣе или менѣе правдоподобное объясненіе своихъ дѣйствій; чтобы соединиться на такое преступленіе, люди не могутъ придти безъ своего рода «аттестата зрѣлости», прямо съ улицы: это не то, что украсть со взломомъ. Наконецъ, для организаціи такого союза нужно имѣть извѣстную, удобную бытовую обстановку. Если при изслѣдованіи такого преступленія мы находимъ, что бытовая обстановка обвиняемыхъ такова, что имъ было удобно его совершить; если поддѣлка несомнѣнна, и мы находимъ между заподозрѣнными слѣды таинственной корреспонденціи и остатки дѣловыхъ сношеній; если объясненія участниковъ неудовлетворительны и противорѣчивы, то есть основаніе говорить, что эти люди виновны. Я полагаю, что всѣ эти данныя въ настоящемъ дѣлѣ существуютъ.

Прежде всего начну съ личностей, которыя принимали участіе въ этой поддѣлкѣ. Вы знаете, что въ 1867 году въ Петербургѣ разбиралось дѣло письмоносцевъ. Это было воровство, организованное въ широкихъ размѣрахъ, къ которому было пріобщено много лицъ,

въ центрѣ коихъ стоялъ Феликсъ Ярошевичъ. Это человѣкъ бывалый; онъ, какъ вы слышали, былъ управляющимъ въ нѣсколькихъ имѣніяхъ, въ Петербургѣ устраивалъ общество земельнаго удобренія, занимался разными аферами, былъ частнымъ ходатаемъ по дѣламъ, и, наконецъ, пастыремъ весьма ловкихъ воровъ и весьма плохихъ письмоносцевъ. Будучи осужденъ по дѣлу письмоносцевъ и содержась подъ стражею, онъ бѣжалъ и очутился за границею. Мы имѣемъ цѣлый рядъ его писемъ и вообще разныя указанія для характеристики его личности. Письма его, вамъ прочитанныя, указываютъ на то, что у него весьма наблюдательный, живой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, тонкій умъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ—это человѣкъ холодный и черствый, потому что только такой человѣкъ способенъ хладнокровно и язвительно подшучивать надъ будущею судьбою «милаго друга» и «больного», котораго онъ собирается отправить на тотъ свѣтъ, «прописавъ ему ижицу»; только такой человѣкъ можетъ сознательно и систематически втянуть двоихъ юношей, своихъ сыновей, въ опасное и преступное дѣло. Очутившись въ Константинополѣ послѣ бѣгства, безъ знакомыхъ и безъ опредѣленныхъ средствъ къ существованію, онъ не упалъ духомъ; изъ писемъ его видно, что уже тамъ онъ начинаетъ различныя предпріятія и уже тогда задумываетъ онъ что-то, тщательно маскируя свои замыслы. Онъ пишетъ въ первомъ письмѣ изъ за границы, что очень желаетъ служить Россіи, хотя такая услуга ему кажется мечтою. «Какъ могу я, восклицаетъ онъ, оказать услугу такому громадному, могущественному государству!?» Вы знаете, гг. присяжные засѣдатели, *во что* выродилось это желаніе оказать услугу нашему «громадному и могущественному» отечеству. Вообще, Феликсъ не разборчивъ на средства. Узнавъ, что Олесь, сынъ его, арестованъ, онъ предлагаетъ взамѣнъ его помилованія устроить переплетную и типографію для своихъ соотечественниковъ поляковъ-эмигрантовъ и ручается, что будетъ ихъ выслѣживать съ знаніемъ дѣла до тонкости и, пользуясь своимъ положеніемъ, выдавать ихъ тайны, ихъ замыслы, а при случаѣ—и ихъ самихъ. Онъ никогда не сидитъ сложа руки и постоянно занимается за границею составленіемъ проектовъ особаго устройства пушекъ, колодцевъ и разныхъ горнозаводскихъ машинъ. Все это указываетъ на человѣка энергическаго, духомъ не падающаго, дѣятельнаго. Таковъ отецъ подсудимаго Ярошевича. Этотъ человѣкъ оставилъ въ Петербургѣ семейство, состоящее изъ малолѣтняго въ то время сына Болеслава, сына Александра, дочери и жены. Онъ оставилъ имъ небольшое состояніе. Это не подлежитъ сомнѣнію и, помимо сознанія А. Ярошевича, доказывается и тѣмъ, что ни въ одномъ изъ писемъ Феликса нѣтъ указанія на то, чтобы онъ безпокоился о томъ, чѣмъ существуетъ его семья, нѣтъ указанія на то, чтобы онъ горевалъ, что оставилъ семью безъ куска хлѣба, нѣтъ вопроса—чѣмъ живетъ покинутое семейство? Онъ стоялъ въ центрѣ весьма большого, правильно организованнаго предпріятія письмоносцевъ. Плоды этого преступленія, вмѣстѣ съ остатками прежнихъ средствъ, и составили ка-

питалъ семьи Ярошевичей. Средства эти расходовались чрезвычайно осторожно и скупо. Конечно, иначе было нельзя поступать, такъ какъ главный ихъ пріобрѣтатель, кормилецъ семьи, былъ за границей; онъ первое время ничего не заработывалъ, а еще самого его необходимо было содержать. Вотъ чѣмъ объясняется та скудная обстановка, въ которой, повидимому, жило семейство Ярошевича. Александръ Ярошевичъ познакомился съ Колосовымъ въ то время, когда, послѣ бѣгства отца за границу, семья осталась хоть съ средствами, но не столь большими, чтобы не имѣть прямого разсчета не платить по векселямъ отца, чтобы не желать выйти безъ убытка изъ разныхъ исковыхъ непріятностей. Жена Ярошевича, не знающая по-русски, часто бывала въ затруднительномъ положеніи, и подростающія дѣти оставались безъ руководителя. Очевидно, семья нуждалась въ другѣ, въ руководителѣ, въ мужчинѣ, и онъ дѣйствительно явился въ лицѣ Василія Петровича Колосова. Мы знаемъ нѣчто изъ прошлой жизни этого человѣка.

Онъ кончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, былъ уѣзднымъ врачомъ въ Валдаѣ, потомъ въ Крестцахъ. Врачомъ онъ былъ недолго, такъ какъ на него пало обвиненіе въ подлогѣ и онъ былъ приговоренъ Уголовною Палатою и просидѣлъ четыре года въ крестецкомъ острогѣ, до разсмотрѣнія дѣла Сенатомъ, который оставилъ его «въ подозрѣніи». Онъ, вѣроятно, не ладилъ со своими сослуживцами, потому что обвинялся еще и въ составленіи ложнаго доноса на валдайскаго исправника, котораго онъ называлъ дѣлателемъ фальшивыхъ ассигнацій. Вырвавшись изъ Крестцовъ, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ начинаетъ понемногу заниматься акушерствомъ и знакомится съ семействомъ Ярошевичей, скоро дѣлается другомъ ихъ дома, вытягиваетъ ихъ *изъ грязи*... Въ чемъ, однако, состояло это вытаскиванье, Колосовъ не объяснилъ намъ. Повидимому, оно заключалось въ томъ, что онъ пріобщилъ къ своимъ средствамъ капиталъ Ярошевичей и явился руководителемъ Олеся въ его первыхъ шагахъ на житейскомъ поприщѣ. Онъ сдѣлался другомъ Олеся въ его первые юношескіе и даже отроческіе годы, когда всѣ впечатлѣнія особенно живы и остаются навсегда въ душѣ. Мы знаемъ, *какъ* Колосовъ воспользовался своимъ положеніемъ и какое развитіе далъ своему питомцу. Мы здѣсь слышали весьма характеристическое заявленіе самого Олеся о томъ, что впервые онъ былъ «*представленъ*» въ публичный домъ Колосовымъ, и что онъ же пріурочилъ его къ занятіямъ по пенсіоннымъ книжкамъ и по кассѣ ссудъ, а какое это было занятіе—понятно. Достаточно лишь указать на то, что, по показанію Колышкина, Секретному Отдѣленію спеціально было поручено слѣдить за лицами, выдававшими ссуды подъ пенсіонныя книжки, такъ что по этому поводу былъ привлекаемъ къ спросу и Ярошевичъ. Очевидно, что такое занятіе—занятіе не чистое, а темное и, по своимъ пріемамъ, предосудительное. Когда операція по ссудамъ подъ пенсіонныя книжки оказалась слишкомъ мало доходною, была устроена гласная касса

ссудъ. Это было въ 1868 году. Вы помните, гг. присяжные засѣдатели, то время, когда у насъ въ Петербургѣ особенно много расплодилось подобныхъ гласныхъ и негласныхъ кассъ. Почти на всѣхъ главныхъ улицахъ, на углахъ большихъ домовъ, какъ хищныя птицы, усѣлись вывѣски «гласная касса ссудъ». Какъ мягко дѣйствовали подсудимые въ своей гласной кассѣ ссудъ,—какъ брали они впередъ по 10 проц. въ мѣсяцъ съ процентами на проценты, — мы знаемъ изъ показанія Ярошевича. Правда, Колосовъ утверждаетъ, что это была не ростовщическая контора, а напротивъ—благотворительное учрежденіе, нѣчто въ родѣ парижскаго Mont de Piété, которымъ онъ хотѣлъ благодѣтельствовать бѣдному люду. Но такъ красиво и громко только ему угодно называть свое учрежденіе, а въ дѣлѣ есть печатныя объявленія объ открытіи самой обыкновенной «гласной кассы ссудъ», съ капиталомъ въ 5000 р. Насколько въ дѣйствительности благодѣтельствовалъ Колосовъ окружающему его бѣдному люду, можно себѣ представить. Извѣстны и его любовь къ человѣчеству, и его щедрость. Недаромъ же онъ былъ обвиненъ въ Новгородѣ въ неподаніи медицинской помощи задавленному ребенку. И, конечно, явное указаніе на его щедрость содержится въ томъ, что онъ записываетъ въ дневникъ «на память» о всякомъ несъѣденномъ любимою дѣвушкою кускѣ, прибавляя: «а деньги заплачены» и подбираетъ сослужившій и разорванный купонъ, сравнивая разорвавшую его — съ содержанкою. Въ благотворительныхъ учрежденіяхъ Колосова прошли первые годы юности Ярошевича. Здѣсь онъ привыкъ видѣть бѣдность лицомъ къ лицу и привыкъ сочувствовать этой бѣдности посредствомъ выдачи ссудъ за большіе проценты. Затѣмъ, послѣ ряда операцій по гласной кассѣ ссудъ, совершилась первая поѣздка Ярошевича, вмѣстѣ съ Колосовымъ, за границу. Они отправились 2 мая 1868 года и путешествіе ихъ продолжалось мѣсяцъ, при чемъ они пробыли въ Брюсселѣ, по показанію Ярошевича, двадцать, а по показанію Колосова—пятнадцать дней. Колосовъ говорилъ, что онъ ѣздилъ изучать Mont de Piété; до этого онъ заявлялъ, что поѣхалъ изучать тюрьмы и, наконецъ, теперь онъ объясняетъ, что ѣздилъ вообще поразвлечься. Я полагаю, что ни одно изъ этихъ объясненій неудовлетворительно. Первое потому, что такія учрежденія существуютъ и въ Россіи, и его собственное Mont de Piété уже дѣйствовало болѣе года съ успѣхомъ, достигая благотворительныхъ для своего учредителя результатовъ. Что касается до посѣщенія тюремъ, то я думаю, что человѣкъ, который просидѣлъ въ тюрьмѣ 4 года, едва ли возымѣетъ охоту посѣщать другія тюрьмы, особенно такія, въ которыхъ ему, вѣроятно, сидѣть не придется. Наконецъ, относительно «вообще развлеченія» вы знаете, что Колосовъ выѣзжалъ за границу первый разъ, а извѣстно, какъ большинство русскихъ людей ѣздитъ за границу *развлекаться*: ихъ путь лежитъ прежде всего на Парижъ. Между тѣмъ, Колосовъ отправляется сначала въ Брюссель, который въ сторонѣ отъ прямой линіи желѣзной дороги на Парижъ,—и живетъ

въ этомъ городѣ, въ этой блѣдной и скучной копіи Парижа,—двѣ, три недѣли. Ярошевичъ говоритъ, что Колосовъ хотѣлъ видѣться въ Брюсселѣ съ его отцомъ, что въ то время между ними завязались первые переговоры о будущемъ «дѣлѣ». Хотя Колосовъ отрицаетъ всякое знакомство съ Ф. Ярошевичемъ, но мы знаемъ, что они были знакомы, да и можно ли предположить, чтобы, при близости Олеся къ Колосову, послѣдній хоть разъ не зашелъ къ отцу своего друга,—чтобы онъ не видался и не бесѣдовалъ съ этимъ хитрымъ и предпріимчивымъ старикомъ. Съ пребыванія ихъ въ Брюсселѣ начинаются первыя указанія на предпріятіе поддѣлки акцій. Въ этомъ отношеніи у насъ предъ глазами оговоръ А. Ярошевича и документы, которые были прочитаны. Но оговору подсудимыхъ вѣрить, гг. присяжные засѣдатели, не всегда слѣдуетъ, потому что это оружіе обоюдо-острое,—и притомъ, оговоръ очень часто является подъ вліяніемъ различныхъ соображеній, совершенно чуждыхъ истинѣ и дѣлу правосудія. Въ виду этого, и къ настоящему оговору слѣдуетъ относиться очень осторожно. Но когда, кромѣ такого оговора, *внѣ его,* существуетъ рядъ обстоятельствъ, его подтверждающихъ, тогда можно повѣрить и ему. Кромѣ оговора, у насъ есть письма участниковъ дѣла, откровенныя, искреннія во всемъ, что касается поддѣлки, такъ какъ они не предназначались для посторонняго взора, и въ концѣ одного изъ нихъ есть даже внушительная приписка, что «каминъ есть лучшее хранилище писемъ». Это письма Никитина къ Феликсу Ярошевичу и наоборотъ. Въ одномъ изъ писемъ Ф. Ярошевича, присланномъ уже послѣ арестованія Никитина, между прочимъ, есть такія выраженія: «Вы думаете, что Колосовъ не станетъ мстить. Нѣтъ, онъ не таковскій; онъ станетъ мстить, но сначала выберетъ изъ предпріятія все то, что ему слѣдуетъ на его долю, а затѣмъ отомститъ. Онъ не настолько глупъ, чтобы этого не сдѣлать, и притомъ онъ золъ». Въ одномъ изъ писемъ Никитина говорится: «вы скажите д-ру (Колосову), что, при первомъ извѣстіи о ссорѣ, вы, боясь, что нагрянетъ *дядя Томъ,* тотчасъ же уничтожили «товаръ». Но это, молъ, ничего. Вы, молъ, ступайте въ Парижъ, погуляйте тамъ въ Мабиляхъ и пр., а черезъ двѣ недѣли будетъ все готово. Главное,—что слухи о ссорѣ васъ напугали и товаръ потому былъ уничтоженъ. Покажите ему полное довѣріе». Изъ этого письма ясно, что и Никитинъ и Ф. Ярошевичъ нисколько не сомнѣвались, что Колосовъ зналъ о *товарѣ,* и что судьба товара его интересовала. Иначе какое основаніе было бы Ярошевичу утверждать Колосову, что при первомъ извѣстіи о ссорѣ съ нимъ сына, онъ уничтожилъ акціи. Если Колосовъ былъ чуждъ дѣлу акцій, то какія опасныя послѣдствія могла влечь для Феликса ссора сына съ Колосовымъ? Ну поссорились, поругались, даже подрались,—что же изъ этого? Непріятный скандалъ—и только. Гдѣ же роковая опасность? Разсмотримъ объясненія самого Колосова о томъ, какимъ образомъ онъ узналъ о поддѣлкѣ акцій. Колосовъ говоритъ, что когда онъ поссорился съ Никитинымъ и Олесемъ и они, обругавъ его, чуть не побили и, на

приглашеніе выкупать чайку, удалились съ бранью, тогда онъ пошелъ къ Никитину, чтобы разъяснить обстоятельства этой ссоры. Тутъ, по словамъ Колосова, Никитинъ объяснилъ ему, что его наговоръ на Ярошевича ставитъ его въ опасное положеніе, что полиція можетъ слѣдить за нимъ, репутація его, Ярошевича, испортится и тогда откроется ихъ предпріятіе. Какое? Поддѣлка акцій. Поэтому Никитинъ, только что собиравшійся бить Колосова, предложилъ ему посмотрѣть эти акціи и просилъ не оставить ихъ своимъ покровительствомъ въ этомъ дѣлѣ, обѣщая за это 100,000 руб. Разберите это объясненіе и вы увидите, что оно сшито бѣлыми нитками и не заслуживаетъ никакого уваженія. Во-первыхъ, кто сообщилъ объ этихъ акціяхъ? Никитинъ? Но наговоры Колосова касались только Олеся. При чемъ же тутъ былъ Никитинъ и зачѣмъ ему было сознаваться вдругъ, неожиданно, съ первыхъ словъ? Вѣдь Никитинъ былъ человѣкъ, стоявшій внѣ всякихъ подозрѣній, человѣкъ привилегированный по своему ученому положенію и застрахованный своимъ званіемъ ученаго библіотекаря ученаго учрежденія отъ наговоровъ Колосова. Никитинъ, говоритъ Колосовъ, боялся его какъ агента тайной полиціи, но зачѣмъ же онъ, въ такомъ случаѣ, бросается на него, на опаснаго агента,—съ палкой? Зачѣмъ онъ этому агенту, у котораго, быть можетъ, уже зрѣетъ доносъ на Никитина, вдругъ, забывъ всякую осторожность, раскрываетъ душу и кошелекъ, показывая на днѣ его 100,000 руб? Зачѣмъ онъ, боясь указаній на неблагонадежность Ярошевича, самоотверженно даетъ богатый и обильный матеріалъ для доноса самаго опредѣленнаго, и притомъ—для доноса на себя? Гдѣ тутъ смыслъ, гдѣ логика, гдѣ естественное чувство самосохраненія? Вотъ лучшее доказательство неправдоподобности объясненій Колосова.

Первый вопросъ, который возникаетъ относительно участія Колосова въ дѣлѣ поддѣлки акцій — могъ ли онъ имѣть побужденіе участвовать въ немъ, было ли такое опасное предпріятіе ему удобно и заманчиво? Мы знаемъ, что онъ человѣкъ безъ всякой служебной карьеры; крестецкій острогъ и ложный доносъ на валдайскаго исправника многое ему испортили въ этомъ отношеніи. Ему нужно поправиться. Но поправиться на служебномъ поприщѣ едва ли можно, да если бы и занять какое нибудь мѣсто, то—при всякомъ неудовольствіи начальника—его новгородское прошлое ложилось бы тяжкою гирею на чашу вѣсовъ служебнаго довѣрія и благоволенія. Что же дѣлать? Поправиться въ другомъ отношеніи, сдѣлаться капиталистомъ, крупнымъ биржевымъ дѣятелемъ, занять въ этомъ отношеніи видное мѣсто въ обществѣ, гдѣ по мнѣнію Колосова, «всѣ воруютъ»—тѣмъ болѣе, что, по его взгляду, богатство, само по себѣ, какъ бы то ни произошло на свѣтъ, должно внушать уваженіе къ человѣку. Итакъ, надо увеличить свои средства и обратить ихъ изъ «средствъ» въ «капиталъ». Притомъ извѣстно, какими операціями онъ занимался въ послѣднее время: ростовщическими ссудами, игрою на биржѣ и т. д. Это такая дѣятельность, которая не можетъ не

развивать алчности къ деньгамъ и постоянно возрастающаго желанія пріобрѣсти побольше. Но игра на биржѣ бываетъ рискованна, а операціи со ссудами слишкомъ мелки; ужъ если рисковать, такъ на пріобрѣтеніе средствъ въ широкихъ размѣрахъ и сразу. Конечно, такое пріобрѣтеніе могъ бы дать обширный спускъ по номинальной или биржевой цѣнѣ дешево стоющихъ въ поддѣлкѣ бумагъ. Надо только найти подходящихъ людей. Въ этомъ отношеніи интересно посмотрѣть, кѣмъ былъ окруженъ Колосовъ заграницею. Около него находится Олесь, юноша рѣшительный, но еще живущій чужимъ опытомъ, безконечно преданный, вѣрующій въ Колосова, «*какъ въ Бога*», и находящійся въ полномъ его распоряженіи. Потомъ существуетъ заграницей такой человѣкъ, который предпріимчивъ, дѣятеленъ, энергиченъ, но тоскуетъ безъ работы, находится совсѣмъ безъ практическаго, приносящаго видимые плоды, дѣла, это—Феликсъ. Такая личная обстановка чрезвычайно удобна для поддѣлки фальшивыхъ бумагъ. Можно воспользоваться этими лицами, ихъ двусмысленнымъ положеніемъ и родственною связью: одного можно сдѣлать руководителемъ заграничной фабрики, а другого лицомъ посредствующимъ между фабрикою и Россіею. Оба они въ рукахъ: старикъ у него въ подчиненіи потому, что Колосовъ даетъ ему работу, что семья далеко, и судьба ея всегда въ рукахъ Колосова; юноша еще въ большемъ подчиненіи: онъ молодъ и довѣрчивъ, любитъ Колосова, воспитался въ его школѣ и вѣритъ въ него, какъ въ Бога. Притомъ, Колосовъ именуетъ себя агентомъ тайной полиціи, и этимъ всегда можетъ пугать своихъ помощниковъ, да и все ихъ состояніе довѣрчиво отдано въ его руки, помѣщено въ его операціи. Подобныя соображенія, которыя вытекаютъ изъ ихъ взаимной житейской обстановки, могли навести Колосова на мысль заняться поддѣлкою акцій. Феликсъ Ярошевичъ будетъ дѣйствовать въ Брюсселѣ—работать, Олесь будетъ провозить, будетъ рисковать, а Колосовъ будетъ направлять ихъ дѣятельность и получать хорошій барышъ. Поэтому мнѣ думается, что обстановка этихъ лицъ, письма Ярошевича и Никитина, неправдоподобность объясненій самого Колосова о томъ, какимъ образомъ сознались ему эти лица—все это указываетъ на то, что оговоръ А. Ярошевича имѣетъ въ себѣ много правдоподобнаго. Если мы провѣримъ показаніе Ярошевича и дѣйствія Колосова по документамъ, то найдемъ, кромѣ того, что оговоръ подтверждается цѣлымъ рядомъ письменныхъ данныхъ, которыя идутъ параллельно съ дѣйствіями Колосова.

Зачѣмъ же въ дѣйствительности Колосовъ ѣздилъ въ Брюссель? Эта поѣздка, по моему мнѣнію, объясняется тѣмъ, что онъ хотя и былъ нѣсколько знакомъ съ Феликсомъ, но, въ виду предположеннаго дѣла, ему, конечно, нужно было изучить поближе, что это за личность, присмотрѣться къ нему, убѣдиться, можно ли ему довѣрить сложное дѣло и способенъ ли онъ во всѣхъ отношеніяхъ выполнить задуманное предпріятіе. Вотъ почему Колосовъ такъ долго оставался въ Брюсселѣ. Когда Колосовъ и Ярошевичъ вернулись

въ іюнѣ въ Петербургъ, у нихъ еще существовали операціи съ кассою ссудъ. По пріѣздѣ они принимаютъ мѣры, чтобы ликвидировать это дѣло, которое и было окончательно прекращено въ 1870 году. Нужно было развязать себѣ руки для будущаго и осмотрѣться вокругъ. Мы знаемъ, что въ это время они ѣздили къ г. Дедѣвкину, маленькому помѣщику Новгородской губ., который вчера не могъ намъ удовлетворительно объяснить, зачѣмъ именно являлись къ нему эти «петербургскіе» господа. Въ первый разъ они пріѣзжали, будто бы, потому, что услыхали о смерти г. Дедѣвкина, а во второй разъ явились безъ всякаго повода, «по пути» проѣздомъ изъ г. Москвы—въ Крестцы, хотя Крестцы на сотню верстъ отстоятъ отъ прямой дороги въ Петербургъ. Но извѣстно, что они въ это время въ Москвѣ вовсе не были. Г-нъ Дедѣвкинъ не могъ даже запомнить, въ какое время дня они были, ночевали ли, кормили ли лошадей и т. д. Очевидно, что для самого г. Дедѣвкина это посѣщеніе представляется загадочнымъ и страннымъ. Ярошевичъ объяснилъ намъ, что въ имѣніи Дедѣвкина они разсчитывали хранить акціи. Присмотрѣвшись вчера, на допросѣ, къ хозяину имѣнія, я полагаю, что Колосовъ весьма основательно нашелъ, что такое храненіе едва ли будетъ удобно:—не такого склада нуженъ для этого человѣкъ. Тогда-то явилась необходимость найти другое лицо, на умъ и ловкость котораго можно разсчитывать и которому можно, съ облегченною душою, передать бремя храненія акцій. Тогда-то на горизонтѣ дѣла сталъ обрисовываться образъ сдержаннаго и умнаго Никитина. Одновременно съ этимъ приготовлялась вторая поѣздка Ярошевича заграницу. Она состоялась 3-го іюля 1870 года, а 18-го мая мы встрѣчаемся съ первымъ документомъ, имѣющимъ непосредственное отношеніе къ обвиненію. Именно 18-го мая, чрезъ международный банкъ и контору Брюгмана сдѣланъ переводъ на имя Феликса Сивича (Ярошевича) 500 рублей. Этому переводу соотвѣтствуетъ подъ 18 мая, въ книжкѣ чековъ Колосова, чекъ съ оторванною нижнею частью на 500 рублей. Олесь объясняетъ, что эти деньги были отправлены отцу по его требованію на первоначальное обзаведеніе. Это правдоподобнѣе словъ Колосова, что деньги даны Олесю изъ его собственныхъ средствъ. Деньги посланы Феликсу въ Брюссель. Если бы это были деньги Олеся, то зачѣмъ ему препровождать ихъ, возясь съ конторами, когда онъ самъ чрезъ нѣсколько дней ѣдетъ заграницу къ отцу? Поэтому чекъ въ 500 руб. и выдача этой суммы Брюгманомъ Сивичу связываютъ Колосова съ Феликсомъ довольно прочно. Олесь вернулся въ началѣ іюля, а подъ 21 іюля въ книжкѣ чековъ Колосова значится 2,146 руб. Ананьеву и въ дѣлѣ есть счетъ Ананьева Колосову, что онъ продалъ ему 21-го іюля 300 двадцати-франковыхъ золотыхъ монетъ за 2,146 руб. Въ тотъ же день почтамтъ отправилъ Сивичу 300 такихъ монетъ. Въ книжкѣ Ярошевича записано «отцу на открытіе 6,000 франковъ—всего 2,146 руб.—слѣдуетъ получить съ Колосова половину—1,073 руб.» и потомъ замѣчено: «24 ноября получено». Соотвѣтственно этому, по книгѣ чековъ Колосова №№ 29 и 30 отъ 24

ноября, на сумму 1,350 руб., выданы чеки «на покупки». Очевидно, что золото было куплено Колосовымъ на средства Ярошевича, бывшія на текущемъ счету Колосова, и при окончательномъ разсчетѣ онъ внесъ за эту «покупку» причитающуюся половину, вмѣстѣ съ другими мелочными выдачами, слѣдовавшими по разсчету Ярошевичу къ 24 ноября. Такимъ образомъ, Феликсъ Сивичъ получилъ отъ сына и отъ Колосова сообща 6,000 франковъ въ концѣ іюля 1870 года. Олесь говоритъ, что отецъ его требовалъ эти деньги на открытіе типографіи. Единственное объясненіе, которое можетъ дать Колосовъ, это то, что онъ покупалъ эти деньги по порученію Олеся. Онъ старается постоянно выставить Олеся какъ своего приказчика, какъ человѣка, находящагося у него въ услуженіи. Въ письмѣ къ матери его онъ говоритъ: «вашъ сынъ позволилъ себѣ не явиться, когда я приказалъ, и осмѣливается говорить со мной неуважительно». Могъ ли, однако, такой подчиненный, «вытащенный изъ грязи», поручать Колосову исполнять для себя то или другое, ходить по мѣняльнымъ лавкамъ и т. п.? Это съ точки зрѣнія самого Колосова—немыслимо. Слѣдовательно, деньги были куплены Колосовымъ потому, что въ отсылкѣ ихъ онъ самъ дѣятельно и сознательно участвовалъ. Эта посылка денегъ Феликсу соотвѣтствуетъ, по словамъ Олеся, началію дѣйствій типографіи. Дѣйствительно, изъ бельгійскаго производства мы знаемъ, что типографія открылась въ сентябрѣ 1870 года, а 19 ноября того же года мы имѣемъ опять чекъ Колосова въ 1,000 руб. съ отмѣткою въ книгѣ текущаго счета «19 ноября, 1,000 руб. F». Въ тотъ же день Сивичу отъ Ярошевича, чрезъ банкира Брюгмана, переведено 1,000 руб. Колосовъ говоритъ, что не помнитъ, кто этотъ F., но потомъ онъ указываетъ на какого-то Фелинскаго, часто бывавшаго у Скотницкой, прабабки Олеся. Но Коссильда Ярошевичъ и Стронская никогда не слыхали ни о какомъ Фелинскомъ, да притомъ Скотницкая умерла въ 1869 году, а чекъ выданъ въ концѣ 1870 г., старика же Ярошевича зовутъ, какъ намъ извѣстно, Феликсъ. Я считаю этого Фелинскаго личностью вымышленною, такъ же, какъ вымышлено Колосовымъ дѣятельное и энергическое участіе въ банковыхъ операціяхъ не знающей по-русски Коссильды и неграмотной «ясновидящей» Стронской, глубокую неразвитость которой вы, господа присяжные, конечно, уже оцѣнили, посмотрѣвъ на нее здѣсь, на судѣ.

Такимъ образомъ, послѣ второй поѣздки Олеся заграницу въ іюнѣ 1870 года, между Колосовымъ и Феликсомъ существовали несомнѣнныя денежныя сношенія, совпадавшія съ открытіемъ типографіи. Зачѣмъ же была предпринята эта поѣздка? Я объясняю ее себѣ тѣмъ, что Феликсу для работъ нуженъ былъ вѣрный и близкій помощникъ. Такимъ явился младшій братъ Олеся, Болеславъ, работавшій потомъ у отца и осужденный вмѣстѣ съ нимъ бельгійскими присяжными. Но нужны были отцу и образцы для работъ. Въ это время весною 1870 года, временныя свидѣтельства Тамбовско-козловской желѣзной дороги были замѣнены акціями. Посылать такую

акцію по почтѣ неудобно и подозрительно. Вотъ зачѣмъ нужно было поѣхать Олесю заграницу, увозя съ собою и брата Болеслава и подлинную акцію Тамбовско-козловской дороги, которая такъ хорошо была потомъ воспроизведена его братомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что послѣ полученія 6,000 франковъ и открытія типографіи, дѣятельность Феликса и Болеслава увеличилась; оба они, отецъ и сынъ, были поглощены работой. Тогда-то явилась необходимость, чтобы кто нибудь близкій завѣдывалъ ихъ домомъ и хозяйствомъ, давая имъ возможность всецѣло отдаваться работѣ. Феликсъ потребовалъ помощницу, которая и явилась къ нему въ лицѣ Кошанской, которая давно была близка съ семействомъ Ярошевичей, будучи притомъ ихъ дальнею родственницей. Она отправилась въ декабрѣ 1870 г. заграницу, зная куда и по какой причинѣ ее вызываютъ. Приговоръ брюссельскаго суда, осудившій и Кошанскую, указываетъ на это. На чей счетъ поѣхала Кошанская? Въ записной книжкѣ Олеся есть подробный счетъ этой поѣздки, которая стоила 200 франковъ или 91 талеръ. Подъ этимъ разсчетомъ содержится указаніе, что расходъ произведенъ на общій счетъ съ Колосовымъ. Если можно, хотя и безуспѣшно, пытаться объяснить, что Колосовъ посылалъ деньги за границу Ф. Ярошевичу по просьбѣ сына, то какъ объяснить, что онъ послалъ на свой счетъ Кошанскую? Ему не было никакого дѣла, по его словамъ, до Ф. Ярошевича и онъ даже не зналъ его. А въ то же время онъ участвуетъ въ общихъ расходахъ на такой важный предметъ, какъ отправка хозяйки для человѣка, который, должно быть, всецѣло преданъ серьезной работѣ и которому поэтому нужно имѣть около себя вѣрнаго и преданнаго человѣка и быть свободнымъ отъ мелочныхъ заботъ своего житья-бытья. Потомъ въ началѣ 1871 г., состоялась вторая поѣздка А. Ярошевича вмѣстѣ съ Колосовымъ за границу. Эта поѣздка, очевидно, находится въ связи съ ролью, которую начало играть въ этомъ дѣлѣ семейство Никитина. Колосовъ призналъ неудобнымъ имѣть складъ въ имѣніи Дедѣвкина; значитъ нужно было найти другое лицо въ качествѣ хранителя. Конечно, нужно было искать его въ близко окружающихъ семью Ярошевича и Колосова людяхъ. Кто же былъ одинаково близокъ и къ нему, и къ Ярошевичамъ, съ кѣмъ онъ чаще могъ встрѣчаться, кто могъ принимать къ сердцу ихъ общіе, неразрывные интересы? Колосовъ сталъ приглядываться къ Никитину. Но прежде чѣмъ, принять его въ участники, нужно узнать поближе и поглубже, что онъ за человѣкъ. Для этого необходимо потѣснѣе познакомиться съ кѣмъ нибудь изъ самыхъ близкихъ къ нему людей. И вотъ является приглашеніе г-жѣ Никитиной ѣхать заграницу, а такъ какъ ей одной ѣхать неловко, то приглашается сопутствовать Ольга Иванова. Едва ли нужно припоминать изъ судебнаго слѣдствія тѣ данныя, которыя указываютъ, что Никитина ѣхала на счетъ Колосова, а за Ольгу Иванову онъ взыскалъ потомъ съ отуманеннаго любовью Олеся 750 руб. Онъ самъ этого прямо не отрицаетъ. Относительно цѣли этой поѣздки Колосовъ, по своему обыкновенію, даетъ нѣсколько различныхъ объ-

ясненій. Цѣль ея была—поправленіе здоровья, прогулка съ «развлеченіемъ» и, наконецъ, исполненіе порученія «прослѣдить русскую эмиграцію». Относительно поправленія здоровья надо замѣтить, что трехмѣсячнымъ скаканьемъ изъ города въ городъ по желѣзнымъ дорогамъ здоровья не поправляютъ, а скорѣе разстраиваютъ. Относительно развлеченій, какъ мы слышали здѣсь, главнѣйшія воспоминанія Колосова сводятся къ расходамъ на обѣды въ «скверненькомъ трактирчикѣ» и т. п. Очевидно, что главную роль въ его объясненіяхъ играетъ порученіе «прослѣдить эмиграцію». Колосовъ старался и до сихъ поръ старается придать себѣ характеръ лица, которому была поручена важная политическая миссія. Когда ему задавались вопросы о томъ, самъ ли онъ предложилъ свои услуги или его просили, онъ отвѣчалъ уклончиво и неопредѣленно, говоря: «Я пришелъ, объявилъ, что ѣду за границу, мнѣ поручили и т. д.». Господа присяжные, вы уже достаточно знакомы съ личностью Колосова и она, вѣроятно награвировалась въ вашей памяти навсегда. Я не буду подробно очерчивать ее предъ вами; вы уже третій день, шагъ за шагомъ, изучаете этого человѣка и вы, вѣроятно, согласитесь со мною, что онъ обладаетъ большою практическою опытностью и нѣкоторымъ житейскимъ тактомъ, что въ немъ есть способность дѣйствовать по опредѣленной системѣ, есть и находчивость. Но, господа, ловкость и смѣтливость еще не дѣлаютъ человѣка умѣлымъ и умнымъ; мелкая хитрость и обыденный опытъ составляютъ, по словамъ поэта, «умъ глупцовъ». Въ Колосовѣ нѣтъ того необходимаго умственнаго развитія, только обладая которымъ и можно бы состязаться съ лицами, дѣятельность которыхъ онъ хотѣлъ прослѣдить и разоблачить. Вы слышали его отчетъ о томъ, какъ онъ смотритъ на русскихъ политическихъ дѣятелей за границею. Онъ раздѣляетъ ихъ на двѣ категоріи: на людей неблагонадежныхъ или, какъ онъ любитъ выражаться «шаткихъ», и на мошенниковъ. Все, что совершаютъ первые—суть политическія преступленія, а что совершаютъ вторые—«соціальныя». Я полагаю, что такая характеристика нашей эмиграціи и вообще заграничныхъ революціонеровъ слишкомъ поверхностна. Среди нихъ, безъ сомнѣнія, есть люди, обладающіе, несмотря на свои крайніе взгляды, умомъ и развитіемъ, и умѣющіе вліять на окружающихъ. Вспомните, кого онъ хотѣлъ между прочимъ, «изслѣдовать»? Маркса. Вѣроятно нѣкоторымъ изъ васъ извѣстно, что Марксъ есть одинъ изъ главныхъ руководителей, одинъ изъ самыхъ видныхъ вождей международнаго революціоннаго союза, извѣстнаго подъ именемъ «интернаціонали», что онъ стоитъ во главѣ людей, которые стремятся къ тому, чтобы радикально и самыми крайними средствами пересоздать не только государственный, но и общественный бытъ. Человѣкъ, который умѣлъ поставить себя во главѣ такого союза—очевидно, человѣкъ умѣющій распознавать людей и, играя мыслями и страстями, вліять на другихъ, человѣкъ образованный, съ огромною волею и энергіею, который не даромъ занимаетъ властительное положеніе въ средѣ «шат-

кихъ» людей. Этого-то чѣловѣка отправился прослѣживать... Колосовъ! Какія средства у него были для этого? Былъ ли онъ знакомъ съ сочиненіями Маркса, съ его книгою о капиталѣ? Зналъ ли языки? Нѣтъ. Скажутъ: у него были дамы. Но онѣ знали только, и то, вѣроятно, съ грѣхомъ пополамъ, на институтскій ладъ, французскій языкъ. Вообще, знакомъ ли онъ съ современнымъ положеніемъ революціонной пропаганды? Нѣтъ. Онъ даже не умѣетъ отличить мошенниковъ отъ политическихъ агитаторовъ, а преступленія противъ чужой собственности считаетъ «соціальными». Его умѣнье обходиться съ людьми? Но мы слышали отъ свидѣтелей, что его умѣнье состояло, главнымъ образомъ, въ томъ, что, при малѣйшемъ проявленіи самостоятельности, онъ грозилъ, безъ всякаго на то права, «петропавловскою крѣпостью». Но такая угроза примѣнима къ женщинамъ, въ родѣ его спутницъ, да къ незнающимъ жизни отрокамъ, и всего менѣе могла дѣйствовать на лицъ, живущихъ въ государствахъ, не выдающихъ политическихъ преступниковъ. Во всемъ его путешествіи мы не встрѣчаемъ, по части знакомства съ политическими агитаторами, ничего, кромѣ кое-какихъ ссылокъ на Серебряникова и болѣе или менѣе продолжительнаго знакомства съ знаменитымъ Шевелевымъ, котораго онъ самъ считаетъ болѣе соціальнымъ, чѣмъ политическимъ преступникомъ. И въ Петербургъ-то онъ возвращался, везя, по его словамъ, въ портфелѣ «коммуну, которая хуже парижской» и «планъ бѣгства изъ Сибири»—два документа, весьма сомнительнаго, даже по своему названію, происхожденія. По всему этому я полагаю, что поддѣлыватель акцій напрасно присвоиваетъ себѣ какое либо политическое порученіе. Оно ему не по плечу. Я не думаю, чтобы такого человѣка, какъ Колосовъ, могло отправить какое либо вѣдомство заграницу съ какимъ либо порученіемъ уже по тому одному, что всякій неумѣлый и не по разуму усердный агентъ своими промахами усиливаетъ враждебную сторону, раскрывая передъ нею всю свою игру и тѣ свѣдѣнія, которыми его, по необходимости, пришлось снабдить. Съ этой точки зрѣнія Колосовъ являлся бы дѣятелемъ безполезнымъ и даже вреднымъ для дѣла, которому брался служить. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ, по его словамъ, такимъ дѣятелемъ, онъ писалъ письма въ Петербургъ, заявлялъ о своей дѣятельности за границею и даже обѣщалъ привезти и Нечаева. Какъ же это объяснить? Полагаю, что объясненіе просто. Хотя Колосовъ и обвиняется въ томъ, что онъ «соціальный» дѣятель, но онъ не имѣлъ никакого соціальнаго положенія, а въ каждомъ человѣкѣ болѣе или менѣе гнѣздится честолюбіе, и Колосову, безъ сомнѣнія, хотѣлось вновь пріобрѣсти довѣріе, снова показаться полезнымъ, по его мнѣнію, человѣкомъ. Онъ желалъ «славы»—онъ самъ это сказалъ вчера, тѣмъ болѣе, что по его недостойнымъ предположеніямъ, такая слава помогла бы ему освободиться отъ высказаннаго Сенатомъ «подозрѣнія» по дѣлу о подлогѣ завѣщанія. Онъ желалъ явиться охранителемъ русскаго царства отъ шаткихъ и преступныхъ людей. Роль очень заманчивая и казавшаяся ему особенно

выгодною. И вотъ, ѣдучи за границу по собственнымъ своимъ дѣламъ, онъ долженъ былъ поставить вопросъ такъ: ему необходимо и, во всякомъ случаѣ, полезно играть роль, которая оградила бы его отъ подозрѣній въ дѣйствительной его дѣятельности; ему слѣдуетъ воспользоваться этою поѣздкою и для того, чтобы заручиться воображаемымъ покровительствомъ и заступничествомъ по новоду своихъ будущихъ заслугъ. Съ этою цѣлью онъ является къ начальствующимъ лицамъ, имена которыхъ онъ, по его словамъ, позабылъ, съ предложеніемъ своихъ услугъ. Можно себѣ представить положеніе этихъ лицъ относительно Колосова. Дѣятельность, на которую предлагалъ себя Колосовъ—тяжелая; она требуетъ навыка, такта, большой ловкости, особаго склада ума и особыхъ душевныхъ свойствъ. Найти людей, совмѣщающихъ въ себѣ всѣ условія, необходимыя для такой дѣятельности, довольно трудно, тѣмъ болѣе, что подобная дѣятельность не всегда сопряжена и съ личною безопасностью. Вспомните, господа, лукавый совѣтъ Феликса—послать «больного» въ Лондонъ, «къ друзьямъ», которые примутъ его «съ распростертыми объятіями, зная о его дружбѣ съ дядею Томомъ». Но вотъ является человѣкъ, который охотно и съ особымъ удовольствіемъ принимаетъ на себя такую дѣятельность, который лѣзетъ, клянется, проситъ, навязывается съ своими услугами. Что же тутъ дѣлать? Во-первыхъ, отъ него нужно отвязаться, а во-вторыхъ, почему же и не воспользоваться его предложеніемъ? Это волонтеръ весьма неожиданный, онъ ни къ чему не обязываетъ, а при своей безкорыстной дѣятельности можетъ быть, пожалуй, и полезенъ—ему дозволяется корреспондировать. И вотъ начинается рядъ его писемъ, остающихся безъ отвѣта. Но, корреспондируя и, конечно, играя, въ глазахъ получателей писемъ роль вольнопрактикующаго доносчика, онъ старается вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать фактъ своей односторонней корреспонденціи извѣстнымъ своимъ спутницамъ и придать себѣ особую важность. Такая роль находилась въ тѣсной связи съ его предпріятіемъ. Очевидно, зачѣмъ онъ все это дѣлалъ. Человѣкъ, который заграницею игралъ роль спасителя отечества, который Феликсу и другимъ своимъ сообщникамъ могъ всегда пригрозить своими сношеніями съ Петербургомъ, а въ случаѣ какихъ нибудь недоразумѣній сказать: вы знаете, какая у меня миссія; если мнѣ поручено уже Нечаева привезти въ С.-Петербургъ, то переправить въ надлежащія руки подложныя акціи мнѣ ничего не будетъ стоить; я стою внѣ подозрѣній, потому что самъ всѣхъ подозрѣваю, я не боюсь доносовъ, потому что таковые исходятъ отъ меня. Какъ онъ исполнялъ свою миссію—говорить много нечего.

Въ Лондонѣ, этомъ международномъ очагѣ крайняго политическаго движенія, онъ пробылъ всего дней пять; онъ очевидно, не имѣлъ даже никакого понятія о томъ, какъ распредѣляется эмиграція за границей. Онъ даже въ Вѣнѣ, столицѣ строго-монархической Австріи, съ особымъ вниманіемъ искалъ политическихъ эмигрантовъ. Въ Вѣнѣ онъ старается пріурочить Ольгу Иванову къ своей дѣя

тельности и предлагаетъ ей содѣйствовать ему въ выслѣживаніи эмиграціи и въ завлеченіи Нечаева—за бриліантовыя серьги... Иванова согласилась и, слѣдовательно, увѣровала въ его миссію. Также конечно, увѣровала въ нее и Никитина, которая тоже согласилась выслѣживать «шаткихъ людей». Съ подспорьемъ этихъ двухъ женщинъ, Колосовъ явился въ ореолѣ политическаго агента самой чистой воды. Онъ могъ обѣщать, руководить, а при случаѣ — и это главное, грозить, а вдали ему могла улыбаться какая нибудь случайная удача относительно эмигрантовъ... Относительно пребыванія Колосова въ Брюсселѣ, А. Ярошевичъ показалъ, что въ эту поѣздку въ Брюссель Колосовъ видѣлъ первые образцы акцій, а по нимъ могъ судить о достоинствѣ поддѣлки. Дѣйствительно, во время этой поѣздки онъ провелъ около 10 дней въ Брюсселѣ. Что онъ дѣлалъ? Онъ говоритъ, что все время былъ съ дамами. Но Ольга Иванова и Никитина говорятъ, что онъ почти ни одного дня не обѣдалъ вмѣстѣ съ ними, а куда-то постоянно отлучался и говорилъ, что ходитъ къ Ярошевичу или къ князю Орлову, русскому посланнику въ Бельгіи. Но нѣтъ сомнѣнія, что къ обязанностямъ нашихъ дипломатическихъ представителей заграницею не относятся сношенія съ личностями, подобно Колосову принявшими на себя по личной охотѣ задачу «прослѣживать эмиграцію» и не имѣющими никакого секретнаго порученія официальнаго характера. Если и допустить, что онъ могъ быть у князя Орлова, то развѣ только одинъ разъ, чтобы заявить ему о своемъ желаніи слѣдить за эмигрантами и при этомъ, конечно, узнать, что посольству до него нѣтъ никакого дѣла. Итакъ, стало быть, Колосовъ бывалъ только у Ярошевича, гдѣ онъ и обѣдалъ. Онъ самъ соглашается, что разъ «взялъ кусокъ» со стола, за которымъ сидѣли: Олесь, какой-то старикъ, котораго онъ называлъ своимъ отцомъ, кинжалистъ Онтаржевскій, вѣшатель Маевскій и другіе. Спутницамъ своимъ, какъ онѣ показывали, онъ говорилъ, что между нимъ и Ярошевичемъ при этомъ произошла ссора. Вы знаете, по какому поводу она возникла. Ф. Ярошевичъ требовалъ половину или $^1/_3$ изъ барышей, а Колосовъ предлагалъ только 10%. Объ этой ссорѣ показала даже Никитина, которая вообще была сдержана въ своихъ словахъ. Предложеніе со стороны Колосова этихъ 10% объясняется тѣмъ, что въ разсчетныя книжки А. Ярошевича съ Колосовымъ, у нихъ постоянно вносилось 10% отцу съ барышей по разнымъ предпріятіямъ, по кассѣ ссудъ и т. п. Выдавъ деньги Колосову для общихъ оборотовъ, А. Ярошевичъ выговорилъ 10% въ пользу своего отца. Колосову, очевидно, хотѣлось оставить этотъ обычай и въ дѣлѣ сбыта поддѣланныхъ акцій. Но Ф. Ярошевичъ человѣкъ опытный; онъ хорошо зналъ цѣну своего труда и значеніе своего риска и не согласился на такое сравнительно ничтожное вознагражденіе, и между ними произошла въ Брюсселѣ ссора.

15-го апрѣля Колосовъ съ дамами уѣзжаетъ изъ Брюсселя въ Петербургъ, а Олесь остается въ Брюсселѣ. Онъ говоритъ, что Колосовъ запрещалъ ему возвращаться въ Петербургъ. Колосовъ ста-

рался показать, что все это время Олесь былъ его приказчикомъ, такъ какъ дѣла по кассѣ продолжались. Олесь жилъ въ Брюсселѣ до половины мая, потомъ пріѣхалъ въ Петербургъ, а въ іюнѣ опять уѣхалъ за границу, гдѣ и пробылъ до октября. Извѣстно также, что Колосовъ посылалъ ему въ это время деньги: есть чеки, написанные на имя Ярошевича, и переводы денегъ на его же имя за границу. Колосовъ можетъ сказать, что послалъ эти деньги изъ общихъ прибылей по кассѣ. Но за что же? Развѣ за то, что Олесь, отвѣтственный и подчиненный приказчикъ, ничего не дѣлаетъ въ это время. Такимъ образомъ, вопросъ долженъ быть поставленъ такъ: или Колосовъ дѣйствительно не дозволялъ Ярошевичу возвращаться, или же почему-то допускалъ, чтобы этотъ приказчикъ, «осмѣливающійся не явиться, когда ему приказано, и позволяющій себѣ неуважительно съ нимъ говорить», позволялъ себѣ жить за границею полъ года, ничего не дѣлая и, притомъ, не кончивъ счетовъ по кассѣ? Если мы провѣримъ чеки, то окажется слѣдующее: Колосовъ вмѣстѣ съ дамами пріѣзжаетъ послѣ 15 апрѣля въ Петербургъ, а 26 апрѣля является чекъ на имя Сивича, т. е. Феликса Ярошевича—въ 1,000 руб., записанный въ книжкѣ чековъ Колосова. Осенью, 16-го сентября, мы имѣемъ другой переводъ чрезъ Брюгмана въ 1,000 франковъ на имя Феликса Сивича въ Брюсселѣ. Наконецъ, послѣдній чекъ относится къ 27-му сентября въ 500 руб. на имя Сивича. Куда же посылались эти деньги, кому и на что? Колосовъ не можетъ сказать, что они посылались по просьбѣ Олеся, его отцу, потому что самъ Олесь былъ въ то время заграницей и получалъ бы свои деньги прямо на свое имя. Поэтому нужно принять объясненіе А. Ярошевича, что эти суммы переводились для дѣла по типографіи. Мы знаемъ изъ его показанія, что акціи были готовы весною 1871 г. и Колосовъ одобрилъ ихъ. И дѣйствительно, ихъ нельзя было не одобрить, потому что, какъ вы слышали, даже одинъ изъ директоровъ Тамбовско-козловской желѣзной дороги, полковникъ Жевановъ, находилъ, что ихъ очень трудно отличить отъ настоящихъ. Акціи нужно было доставить. Я полагаю, что Колосовъ не провозилъ акцій, найденныхъ впослѣдствіи у Никитина, съ собою; да этого и не нужно было. Я уже говорилъ, что распредѣленіе ролей было таково, что весь личный рискъ долженъ былъ выпадать на долю Олеся. Колосовъ могъ взять одну акцію, чтобы показать ее здѣсь кому нибудь изъ людей, въ этомъ дѣлѣ опытныхъ. Когда она будетъ признана удовлетворительною, тогда можно послать деньги на дальнѣйшее напечатаніе (чекъ 26-го апрѣля) и разрѣшить А. Ярошевичу прибыть съ готовыми акціями въ Петербургъ. Мы знаемъ, какъ А. Ярошевичъ перебрался за границу. Онъ и въ этотъ разъ, не имѣя паспорта, прошелъ чрезъ имѣніе Госцимской, которое расположено на границѣ Пруссіи и Россіи, и въ которомъ есть прудъ, находящійся на самой границѣ, такъ что тамъ весьма удобный путь миновать таможню и пограничную стражу. Колосовъ самъ говорилъ вамъ, что Олесь занимался, при ихъ отъѣздѣ за границу, «шаткимъ

дѣломъ», отправляясь за границу «прямымъ путемъ». Наконецъ, въ дѣлѣ есть письмо отъ самой г-жи Госцимской Олесю, весьма таинственнаго содержанія; въ немъ говорится о какомъ-то подаркѣ въ 300 рублей, который поровну слѣдуетъ, какъ ей, такъ и сыну ея Владиславу. Итакъ, указаніе на подарокъ въ 300 руб. г-жѣ Госцимской со стороны Олеся, несмотря на то, что она въ ссорѣ съ его отцомъ, и возможность перехода черезъ границу въ ея имѣніи безъ паспорта, неоднократно осуществляемая Олесемъ, котораго, конечно, не могла бы выдать родная тетка полиціи, даютъ полное основаніе предполагать, что, переходя въ маѣ границу *безъ* паспорта — онъ перешелъ ее *съ* акціями. Я не могу поэтому вѣрить разсказамъ о зеленомъ портфелѣ Колосова и придавать серьезное значеніе улики противъ него въ провозѣ акцій, его блѣдности и тому, что имѣлъ въ рукахъ какой-то портфель. Акціи провезъ или, вѣрнѣе, пронесъ Ярошевичъ въ концѣ мая.

Потомъ является вопросъ: куда дѣвать ихъ, гдѣ ихъ хранить? Судя по заявленіямъ Колосова, онъ хочетъ доказать, что провозъ и храненіе акцій былъ личнымъ дѣломъ Феликса и Александра Ярошевичей. Но между отцомъ и сыномъ лежала цѣлая пропасть лѣтъ и опытности: Ф. Ярошевичъ человѣкъ энергическій, опытный, бывалый; сынъ его, Александръ, человѣкъ пассивный, который только подъ вліяніемъ сильной страсти или увлеченія дерзаетъ на самостоятельный поступокъ. Могъ ли рѣшиться отецъ облагодѣтельствовать «могущественную» Россію своими акціями при содѣйствіи своего сына, еще юноши, мальчика безъ опредѣленнаго положенія? Конечно, нѣтъ. Ф. Ярошевичъ долженъ былъ обратиться къ лицу болѣе опытному, болѣе въ лѣтахъ и стоящему притомъ близко къ его семьѣ. Кто же это лицо, какъ не Колосовъ? Онъ руководилъ уже нѣсколько лѣтъ Олесемъ, онъ знакомъ съ разными Ананьевыми, съ денежными оборотами и съ биржею — гдѣ, если бы туда пришелъ «*уволенный гимназистъ III класса*» и предложилъ купить акціи на большую сумму, его сейчасъ замѣтили бы, заподозрили, задержали... Но, съ своей стороны, Колосовъ былъ остороженъ. Чтобъ связать себя съ этимъ дѣломъ, ему необходимо было распредѣлить роли наиболѣе для себя выгодно: одинъ будетъ изготовлять, другой переносить, третій хранить, а четвертый распространять. Такимъ образомъ, занятія каждаго будутъ совершенно отдѣльны. Всѣ будутъ связаны между собою и каждый, въ случаѣ бѣды, можетъ отвѣтствовать только самъ за себя. Тотъ, кто продастъ поддѣльныя акціи, зная о томъ, что онѣ поддѣльныя, но не умѣя указать продавцовъ (мало ли ихъ?), будетъ судимъ только за мошенничество и т. д. Я говорилъ уже, что Колосовъ остановился на Никитинѣ какъ на хранителѣ. Никитина, по весьма понятному чувству, говорила здѣсь, что она не разсказывала за границею о мужѣ Колосову. Но вы слышали отъ Колосова, что онъ знаетъ такія вещи о Никитинѣ, которыя онъ могъ узнать не иначе, какъ только отъ человѣка самаго ему близкаго. Наконецъ, изъ письма самого Никитина, ко-

торое было взято при обыскѣ, видно, что если бы онъ узналъ объ *откровенной исповѣди* своей жены Колосову, то К. и Я. (т. е. Колосовъ и Ярошевичъ) никогда уже не узнали бы о его существованіи. Очевидно, что г-жа Никитина разсказала Колосову о всѣхъ подробностяхъ своей семейной жизни. Она могла также при этомъ разсказать, что мужъ, будучи библіотекаремъ медико-хирургической академіи, ведетъ жизнь очень скромную, человѣкъ сдержанный, знающій себѣ цѣну, умѣющій сообразовать свои поступки съ окружающею его обстановкою и, вмѣстѣ съ тѣмъ, человѣкъ, который не прочь нажиться сразу и крупно, но, однако, осторожно. Такой именно человѣкъ и нуженъ былъ Колосову. Какъ они сошлись и на чемъ—это неизвѣстно. Но выборъ былъ сдѣланъ и выборъ хорошій, потому что избранный отдался дѣлу серьезно и понимая его возможныя послѣдствія. Я могу это утверждать, потому что не даромъ Никитинъ, самый развитой изъ участниковъ этого дѣла, въ письмѣ своемъ говоритъ, обозрѣвъ поле предстоящей битвы съ правосудіемъ: «Я не могу жить, я умру, я долженъ умереть. Я не могу быть оправданъ». Онъ понимаетъ, что зашелъ такъ далеко, что ему выхода нѣтъ. Теперь посмотрите на обстановку Никитина. Онъ библіотекарь медико-хирургической академіи. Онъ цѣлый день сидитъ въ библіотекѣ среди ученыхъ книгъ и фоліантовъ, погруженный въ созерцаніе каталога. Кто заподозритъ его въ храненіи акцій, его, этого тихаго, обязательнаго, ученаго и скромнаго человѣка, украшеннаго орденомъ (что съ точки зрѣнія Колосова, должно было внушать къ нему особое довѣріе) доктора. Станетъ ли онъ заниматься сбытомъ фальшивыхъ акцій? Это вовсе не его дѣло. Сверхъ того, и его официальное положеніе внушаетъ полное къ нему довѣріе; оно гарантируетъ его отъ подозрѣній; потомъ онъ самъ имѣетъ до 20,000 руб. капитала, получаетъ хорошее жалованье, казенную квартиру. Станетъ ли онъ рисковать, пойдетъ ли онъ на преступное дѣло? А библіотека такое славное мѣсто для храненія! Въ ея 18,000 томовъ многое можно спрятать... Привезенныя Ярошевичемъ акціи были представлены Колосову, а потомъ оказались въ квартирѣ Никитина. Когда онѣ туда попали? Мы знаемъ, что акціи не были у Никитина до отъѣзда его жены въ Москву. Она уѣхала въ іюнѣ, а по возвращеніи ея въ сентябрѣ акціи уже находились въ ея комодѣ. Слѣдовательно, онѣ были переданы въ періодъ отъ іюня до сентября. Есть основаніе предположить, что онѣ переданы въ половинѣ августа. На это есть нѣкоторыя указанія въ спискѣ Колосова. Конечно, можно предположить, что онѣ могли попасть къ Никитину и раньше, но, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно то, что онѣ были принесены ему Колосовымъ. Объ этомъ говорятъ всѣ свидѣтели, близкіе къ Никитину и библіотекѣ, и самъ Никитинъ нисколько не скрывалъ, что получилъ акціи отъ Колосова. Въ этомъ былъ его прямой и дальновидный разсчетъ. Хранить акціи въ тайнѣ неудобно: семейные могутъ узнать, пойдутъ разговоры. Оно даже и не безопасно. Лучше съ самаго начала не скры-

вать отъ близкихъ полученія акцій, разсказывая, что Колосовъ принесъ акціи въ залогъ, взялъ подъ нихъ деньги; можно даже сдѣлать подпись произвольную, вымышленную, что акціи приняты въ залогъ отъ Колосова тогда-то. Потомъ, если что, несмотря на изящную и прекрасную поддѣлку, откроется, то всегда можно воскликнуть : «Боже мой, какое несчастіе! Бѣдный Василій Петровичъ былъ нагло обманутъ кѣмъ нибудь изъ «шаткихъ людей»: ему, подъ видомъ настоящихъ акцій, продали поддѣльныя, и онъ ихъ отдалъ въ залогъ! Ну, да мы свои люди, сочтемся безобидно, а правительство, вѣроятно раскроетъ обманщиковъ» и т .д. Для этого надо говорить женѣ: «смотри, не отдавай Колосову акціи: за нихъ отданы деньги», нужно позвать помощника библіотекаря Браша и сказать ему, похлопывая по акціямъ, «вотъ батюшка, капиталъ-то, 12,000 за него Колосову отдано». Одно только забылъ Никитинъ, что всѣ свидѣтели видѣли у него Колосова и слышали объ акціяхъ въ іюнѣ и іюлѣ, а подпись на бумагѣ говоритъ, что акціи принесены 28-го сентября. Есть еще одно обстоятельство характеристичное—это телеграмма «о братьяхъ Тома». Что названіе «дядя Томъ» было условлено, видно изъ того, что оно повторяется и въ письмахъ между Феликсомъ и Никитинымъ. Телеграмма была отправлена 9-го мая и въ тотъ же день была получена въ Брюсселѣ. По почерку видно, что черновая была написана Никитинымъ. Колосовъ говоритъ, что онъ ничего не знаетъ объ этой телеграммѣ. Но мы кое-что о ней знаемъ. Содержаніе ея понятно. Газеты сообщили объ открытіи поддѣлки русскихъ бумажекъ на франко-бельгійской границѣ и въ то же время въ Петербургѣ пронесся тревожный для друзей слухъ о предстоящей поѣздкѣ за границу полицейскихъ агентовъ—*братьевъ дяди Тома*. Нужно было предупредить объ этомъ. Въ книжкѣ Колосова есть слѣдующая отмѣтка: «5-го мая вечеромъ, писалъ О. въ Брюссель объ отмѣнѣ торговли табакомъ». По словамъ Колосова, говорится объ одесскомъ табакѣ, но это объясненіе ничѣмъ не подтверждается. 8-го мая въ той же книжкѣ записано: «вечеромъ т.» (т. е. телеграмма). Въ книжкѣ мелочныхъ расходовъ Колосова (но не безвозвратныхъ, которые записывались въ другой книжкѣ) 9-го мая значится «телегр. 2 руб. 13 коп.». Изъ росписки телеграфа видно, что телеграмма въ Брюссель о братьяхъ дяди Тома стоила именно 2 руб. 13 коп. Затѣмъ въ ней говорится: «ждите письмо». Но если телеграмма посылается съ тѣмъ, чтобы ждать письмо, которое будетъ отправлено вслѣдъ за нею и все разъяснитъ, то она не имѣетъ смысла. Очевидно, что она относится къ письму, отправленному прежде, за нѣсколько дней. Тревожные слухи повторились, и тогда послѣдовала телеграмма. Это прежде отправленное письмо—мы его находимъ въ указаніи о писаніи къ О. объ отмѣнѣ торговли табакомъ. Вы припомните, что въ письмахъ Никитина совѣтуется разсказать Колосову «объ уничтоженіи *товара*». Товаръ это было условленное названіе акцій, торговля –очевидно, обозначала ихъ изготовленіе. Колосовъ говоритъ, что телеграмма отправлена со стан-

ціи № VIII въ зданіи Окружного суда, а онъ жилъ въ Коломенской части. Но онъ каждый день бывалъ у Никитина, въ зданіи академіи на Выборгской сторонѣ, а идти оттуда въ Коломну нельзя иначе, какъ мимо Окружного суда. Итакъ, телеграмма написана Никитинымъ, подписана условнымъ именемъ Колосова—Пьетро и отправлена на его счетъ въ Брюссель. Участіе въ ея составленіи было, очевидно, понимаемо Колосовымъ, какъ знакъ довѣрія Никитину, какъ «вводъ его во владѣніе» относительно предпріятія, осуществляемаго въ Брюсселѣ. Вотъ все, что я хотѣлъ сказать относительно оговора А. Ярошевича. Я полагаю, что онъ подтверждается цѣлымъ рядомъ обстоятельствъ: обстановкой, взаимнымъ положеніемъ лицъ и массою переписки и, наконецъ, тѣмъ, что объясненія Колосова не вызываютъ къ себѣ ни малѣйшаго довѣрія.

Перехожу къ происхожденію заявленія Колосова о поддѣлкѣ акцій. Вы помните изъ показанія Колышкина, что пришедшій къ нему Колосовъ былъ внѣ себѣ, взволнованъ, раздраженъ и заявлялъ, что его хотѣли побить, оскорбили и т. д., и что существуетъ въ Петербургѣ какое-то политическое преступленіе, на слѣдъ котораго онъ напалъ и пострадалъ. Понятно, что Колышкинъ долженъ былъ поставить вопросъ категорическій: Какое преступленіе? Въ чемъ оно состоитъ? Кто его участники? Но такого преступленія въ дѣйствительности въ виду Колосова, не было; что было ему дѣлать? Сочинить политическое преступленіе съ признаками правдоподобія трудно и даже невозможно, а между тѣмъ надо же что нибудь указать, кого нибудь изобличить, иначе весь авторитетъ потеряется, утратится предполагаемая вѣра въ способности Колосова, а съ другой стороны, нужно отплатить, насолить Никитину и особенно Ярошевичу. Они ругали его и относились къ нему съ неуваженіемъ; очевидно, авторитетъ Колосова въ ихъ глазахъ погибъ. Никитинъ хотѣлъ даже бить... Но когда бьютъ и ругаютъ, то могутъ, пожалуй, и выдать: вѣдь принесенныя Колосовымъ акціи у Никитина. Такой исходъ надо предупредить во что бы то ни стало. Тогда-то должна была наступить въ Колосовѣ большая борьба, приходилось или отказаться отъ заявленія о политическомъ преступленіи, или же, скрѣпя сердце, открыть о поддѣлкѣ акцій. Онъ достигалъ этимъ двухъ цѣлей: губилъ «друзей» и рѣшительнымъ образомъ становился изъ поддѣлывателя открывателемъ и преслѣдователемъ преступленія. Онъ терялъ только 5,750 руб., положенныхъ имъ въ дѣло, но развѣ слава, къ которой онъ, по своему, стремился, спокойствіе и безопасность не стоютъ 5,750 руб., особенно когда остается еще около 60,000 руб. капитала? Изслѣдуя оговоръ Ярошевича, мы дошли до того времени, когда Олесь возвратился въ третій разъ изъ-за границы, въ октябрѣ 1871 года. Въ Петербургѣ, кромѣ семьи его матери, была другая семья, куда его влекло. Въ этой семьѣ была дѣвушка, которая нравилась одновременно и А. Ярошевичу, и Колосову, и на этой-то почвѣ они столкнулись. Между ними начинается взаимное раздраженіе. Ярошевичъ не щадилъ Колосова въ своихъ разсказахъ, но

еще менѣе щадилъ Колосовъ Ярошевича. Раздраженіе это вскорѣ дошло до того, что А. Ярошевичъ не могъ выносить Колосова. Надо замѣтить, что во всѣхъ подобнаго рода преступленіяхъ, гдѣ есть нѣсколько участниковъ, сходящихся на общемъ преступномъ дѣлѣ, они, конечно, не могутъ имѣть особаго уваженія другъ къ другу. Ихъ связываютъ другія чувства: жадность, страсть къ наживѣ, чувство общей опасности. Но первый признакъ, всегда присущій ихъ отношеніямъ—это отсутствіе уваженія, отсутствіе довѣрія. Если всматриваться въ каждое подобное дѣло, то можно всегда прослѣдить эту нить недовѣрія отъ самаго начала. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Недовѣріе началось еще съ начала 1871 г. Уже тогда Никитинъ приходилъ къ Ивановымъ и, между прочимъ, говорилъ: «да, Колосовъ огонь, воду и мѣдныя трубы прошелъ». Ярошевичъ говорилъ о Колосовѣ также весьма нехорошо и не разъ въ той же семьѣ Ивановыхъ. Наконецъ, Колосовъ не только всячески чернилъ Ярошевича, не довѣряя ему до очевидности и считая мать пособницею сына въ растратахъ, въ которыхъ его обвинялъ, но, привозя Олеся впервые къ Дедѣвкину, заявлялъ, кивая ему вслѣдъ, что онъ «ловкій мошенникъ, съ нимъ нужно быть осторожнымъ». При столкновеніяхъ на почвѣ общей любви и взаимнаго презрѣнія, подобныхъ бывшимъ у Колосова и Ярошевича въ домѣ Ивановыхъ—необходимо было одному уйти, вмѣстѣ имъ быть было немыслимо. Но ихъ положеніе въ домѣ Ивановыхъ было не одинаково. Ярошевича принимали какъ юношу, покровительственно и пренебрежительно, но на него смотрѣли, какъ на что-то, *состоящее* при Колосовѣ, при человѣкѣ ему ненавистномъ. Наоборотъ, человѣку этому отецъ семьи вполнѣ довѣряетъ и относится къ нему съ уваженіемъ, намъ непонятнымъ, дѣвицы бываютъ у него въ гостяхъ; въ то же время туда ходятъ какіе-то господа, которые нагло ухаживаютъ за ними, тогда какъ онъ, Ярошевичъ, совершенно отстраненъ отъ этого общества. Весьма естественно, что въ немъ должно было развиться чувство зависти и даже ревности къ Колосову, а тамъ, пожалуй, и злобы. И это чувство было очень ловко эксплуатировано. Я, кажется, достаточно указалъ на то, что первоначальное распредѣленіе дѣйствующихъ лицъ было таково, что душою всего былъ Колосовъ оба Ярошевича, отецъ и сынъ, были въ его рукахъ. Но когда въ дѣло вступилъ Никитинъ, человѣкъ самостоятельный,—повидимому болѣе умный и разсудительный, нежели Колосовъ, онъ неохотно, конечно, сталъ играть второстепенную роль. Изъ письма Никитина виденъ характеръ его дѣйствій вообще; онъ не любитъ дѣйствовать сразу, вдругъ, а идетъ къ своей цѣли постепенно, медленно, но вѣрно, хлопоча, «извиваясь и изгибаясь». Онъ видѣлъ, онъ зналъ, что между Олесемъ и Колосовымъ существуетъ скрытая вражда. Онъ, ученый библіотекарь—зналъ, конечно, старую латинскую поговорку: divide et impera—раздѣляй и повелѣвай. Для того, чтобы играть первую роль, чтобы стать первенствующимъ лицомъ, держащимъ и Колосова и Олеся въ рукахъ, надобно попробовать вос-

пользоваться ихъ скрытымъ раздраженіемъ, возстановить ихъ еще больше другъ противъ друга, произвести вспышку и тогда явиться миротворителемъ и единственнымъ, связующимъ ихъ, въ видахъ безопасности и общей выгоды, человѣкомъ. И вотъ Никитинъ сообщаетъ Олесю отлично разсчитанный разсказъ, что въ квартирѣ у Колосова были оскорблены дѣвицы Ивановы, что къ нимъ относились, какъ къ потеряннымъ женщинамъ. Ярошевичъ зналъ, что въ числѣ ихъ находилась и та, которую онъ горячо и страстно любитъ со всѣмъ пыломъ и ослѣпленіемъ перваго чувства. Понятно, онъ тотчасъ же сталъ на дыбы. Дѣло дошло до студента Иванова и кончилось объясненіемъ въ квартирѣ Колосова. Когда они пришли, Колосовъ понялъ причину прихода, онъ увидалъ, что дѣло неладно, хотѣлъ какъ нибудь отдѣлаться отъ неожиданныхъ гостей. Ему пришлось выслушать весьма много прискорбныхъ вещей; его самого причислили къ разряду «соціальныхъ дѣятелей», замахивались даже палкою. Онъ, однако, остался вѣренъ себѣ. Лица, которыя занимаются такими дѣлами, какъ Колосовъ, обыкновенно храбры только изъ-за угла, въ письмахъ, на бумагѣ. Такъ поступилъ въ данномъ случаѣ и Колосовъ: онъ сталъ приглашать гостей остаться выкушать чайку, а когда они ушли, тотчасъ же побѣжалъ съ жалобами и донесеніемъ о существованіи шайки политическихъ преступниковъ. На другой день онъ сталъ дѣлать видъ, что старается помириться, являлся къ Ярошевичу, бросался ему на шею, цѣловалъ его предательскимъ поцѣлуемъ, а потомъ пошелъ къ Никитину, чтобъ «разъяснить обстоятельства ссоры», какъ будто они не были ясны и осязательны сами по себѣ. Никитинъ дѣйствовалъ, какъ человѣкъ опытный и умный. Онъ произвелъ вспышку, возстановилъ одного противъ другого — цѣль достигнута. Можно на время успокоить враговъ; желчь въ нихъ накопится опять сама собою, какъ электричество, и та же опытная рука Никитина вновь разрядитъ его въ случаѣ нужды. Онъ ласково принимаетъ Колосова и старается успокоить его. Примиреніе состоялось, и Андрей Ивановъ уже черезъ нѣсколько дней, къ удивленію своему, видитъ въ библіотекѣ Колосова и Ярошевича въ дружбѣ и согласіи. Повидимому, все устроилось хорошо, но было забыто одно важное обстоятельство: среди Никитина и Колосова, людей глубоко испорченныхъ, опытныхъ въ дѣлахъ нечистыхъ, людей черствыхъ и безсердечныхъ, замѣшался человѣкъ, хотя тоже порочный, но еще молодой, еще не совсѣмъ погибшій, у котораго есть сердце, въ которомъ еще живутъ кое-какія понятія о чести и въ которомъ тревожно и болѣзненно наростаетъ первая любовь. Они забыли объ А. Ярошевичѣ. Возбудивъ такого человѣка, его возмущенное сердце нельзя было закрыть по произволу, какъ паровой клапанъ, и дальнѣйшія столкновенія, съ забвеніемъ условій общей безопасности, были неминуемы. Только искренностью могъ бы Колосовъ опять привязать къ себѣ Олеся. Что же дѣлаетъ онъ? Онъ начинаетъ писать анонимныя письма въ семью Ивановыхъ, пишетъ къ отцу Ярошевича весьма

оскорбительное для отца и для сына письмо. Въ немъ онъ трогаетъ самую чувствительную струну отца: говоритъ, что сынъ называетъ его воромъ. Пишетъ письма къ дядѣ Ярошевича и къ его матери. Письмо къ ней онъ отсылаетъ черезъ семейство Ивановыхъ, предоставляя имъ прочесть его. Въ немъ онъ говоритъ о Ярошевичѣ, который считался почти женихомъ любимой имъ дѣвушки, что его нужно «посѣчь» и придлагаетъ для этого свое участіе. Письмо было въ рукахъ весьма неразборчивой на знакомство семьи невѣсты. Конечно, это было разсчитано на то, чтобы окончательно уронить Ярошевича. Но въ лѣта и въ положеніи Олеся, предложеніе «посѣчь»--не забывается и не прощается.

Рядомъ съ этимъ является болѣе чѣмъ странный образъ дѣйствій со стороны Ольги Ивановой. Здѣсь я долженъ съ крайне тяжелымъ чувствомъ коснуться нѣкоторыхъ эпизодовъ этого дѣла, съ которыми, къ сожалѣнію, неразрывно связано обвиненіе Ярошевича въ отравленіи. Въ этомъ дѣлѣ играла роковую роль Ольга Иванова. Мы знаемъ это семейство по его представителямъ; знаемъ, что у нихъ нѣтъ матери, что всѣ дочери воспитывались въ институтѣ—закрытомъ заведеніи. Извѣстны свойства подобнаго воспитанія въ закрытыхъ стѣнахъ: отчужденіе отъ общества, полное непониманіе того, что дѣлается за этими стѣнами и потомъ вдругъ, сразу—прямой переходъ къ практической жизни. Около Ивановыхъ не было той, которая, чуя сердцемъ недоброе, охраняла бы ихъ и остерегала отъ ложныхъ шаговъ на непривычномъ поприщѣ,—не было матери, лучшей охраны и руководителя для дѣвушки, вступающей въ жизнь. Былъ слабый отецъ. Мы видѣли его здѣсь въ судѣ, и мнѣ кажется, что, несмотря на его сѣдины, отношеніе его къ житейской и семейной обстановкѣ дочерей едва ли не слѣдуетъ, съ полнымъ правомъ, назвать печально-легкомысленнымъ. Отецъ, у котораго дочери-невѣсты, радушно принимаетъ въ свой домъ Колосова и Ярошевича, какъ дорогихъ гостей. Зналъ ли онъ, что это за личности? Онъ сказалъ, что о Колосовѣ онъ зналъ, что онъ ростовщикъ, а о Ярошевичѣ совсѣмъ ничего не зналъ, кромѣ того, что онъ что-то такое при Колосовѣ. Ему, однако, было извѣстно, что Ярошевичъ ухаживаетъ за его дочерью и хочетъ на ней жениться и, слѣдовательно, можетъ сдѣлаться его зятемъ. Кто же этотъ будущій членъ семьи? Онъ человѣкъ *«капитальный»*, сказалъ г. Ивановъ; потому что... его сестра живетъ заграницей, а самъ онъ одѣвается чисто. Вотъ единственное право Ярошевича на входъ въ порядочное семейство! При какихъ разговорахъ приходится присутствовать Ольгѣ Ивановой и, быть можетъ, ея еще болѣе молодымъ сестрамъ? Какъ проводятъ онѣ время? Онѣ или дома принимаютъ Ярошевича и Колосова, который пользуется полнымъ довѣріемъ отца, или бываютъ у него, у одинокаго человѣка—въ гостяхъ, гдѣ его гости позволяютъ себѣ держать себя съ ними свободно, развязно, даже оскорбительно. Вмѣсто естественныхъ между молодежью живыхъ и веселыхъ бѣсѣдъ—Ольгѣ Ивановой приходится выслушивать разсказы Колосова

о вымышленныхъ доблестяхъ въ области его предательства и объ особомъ почтеніи, которое онѣ должны къ нему вызывать. И никто не возражаетъ, всѣ молчатъ, и только одинъ голосъ Олеся раздается, робко протестуя — голосъ вопіющаго въ пустынѣ... Колосовъ особенно сошелся съ Ольгою Ивановою. Онъ, повидимому, имѣетъ свойство весьма сильно подчинять себѣ людей, конечно, людей, неразвитыхъ, слабыхъ, молодыхъ. А. Ярошевичъ вѣрилъ въ него, «какъ въ Бога»; Ольга Иванова совершенно отдалась въ его руки, и онъ, какъ маріонеткою, игралъ ею. Чѣмъ онъ этого достигалъ—постичь трудно. Только изъ намековъ Ольги Ивановой можно предполагать, что онъ, сталкиваясь съ молодежью, игралъ роль человѣка, угнетеннаго судьбой. Онъ зналъ, что молодой душѣ всегда свойственно состраданіе, и своими разсказами умѣлъ искусно затрогивать чувствительныя струны въ молодыхъ сердцахъ; этимъ онъ, вѣроятно, привлекъ и Ольгу Иванову, возбудивъ въ ней чувство состраданія къ человѣку, «много испытавшему въ жизни». Быть можетъ, при нашей распущенной довѣрчивости и отсутствіи нравственной брезгливости, «выдавая себя за пострадавшаго за правду», Колосовъ имѣлъ не менѣе удачи, не менѣе внушалъ къ себѣ довѣрія, чѣмъ и знаменитый герой знаменитѣйшей русской повѣсти. Завоевавъ привязанность Ивановой, онъ совершенно подчинилъ ее себѣ; она забыла для него и нѣжную прелесть стыда, и осторожность, и Олеся, который ее любилъ и который самой ей нравился. А Колосовъ забылъ, что онъ женатъ и имѣетъ четверыхъ дѣтей, и что Ольга Иванова была ввѣрена его чести и благородству. Когда А. Ярошевичъ вернулся въ 1871 году въ Петербургъ, въ немъ прежняя привязанность къ Ольгѣ Ивановой развилась еще сильнѣй. Онъ не встрѣчалъ отпора или холодности и въ Ивановой. Нельзя не признать, что ея дѣйствія были крайне легкомысленны. Если же сопоставить ея дѣйствія съ дѣйствіями Колосова, то дѣйствія послѣдняго являются глубоко преступными по отношенію къ молодой дѣвушкѣ, которою онъ руководилъ, какъ нѣкогда руководилъ Ярошевичемъ. Ольга Иванова дозволяетъ Олесю считать себя своею невѣстою и въ то же время продолжаетъ быть болѣе чѣмъ дружною съ Колосовымъ, она выслушиваетъ откровенныя признанія Олеся, что Колосовъ ему невыносимъ и, въ то же время, бываетъ у Колосова, который отъ нея узнаетъ все, что говоритъ и дѣлаетъ Ярошевичъ. Она ходитъ съ Ярошевичемъ въ маскарадѣ, но ѣздитъ ужинать съ Колосовымъ, который смѣется вмѣстѣ съ нею надъ «леденцомъ»—Ярошевичемъ, а на другой день разсказываетъ Олесю, что Колосовъ ей ненавистенъ, что онъ ее оскорбляетъ. Вы слышали, гг. присяжные, подробный разсказъ Ярошевича о томъ, какъ она разсказывала ему, что Колосовъ ее унизилъ и скверно съ нею обращался. Понятно, какъ отражается на человѣкѣ влюбленномъ всякое оскорбленіе, наносимое любимой имъ дѣвушкѣ. Тутъ же оскорбленіе было нанесено еще человѣкомъ, который и Олеся совѣтовалъ «посѣчь», слѣдовательно, было вдвойнѣ больнѣе. Въ моментъ крайняго

раздраженія Ярошевича противъ Колосова, Ольга Иванова говоритъ ему послѣ всѣхъ своихъ жалобъ: «раздѣлывайтесь съ нимъ, какъ знаете, а я дамъ ему пощечину». Но какъ раздѣлаться? Побои и брань противъ этого человѣка не помогаютъ:—свиданіе 15-го ноября и бывшее притомъ объясненіе это доказали. Надо не раздѣлаться, а *отдѣлаться.* И вотъ въ головѣ Ярошевича впервые мелькаетъ мысль уничтожить Колосова—этого человѣка, который стоитъ ему поперекъ дороги, который держитъ его въ своемъ подчиненіи, который имѣетъ въ рукахъ всѣ нити, которыми можетъ связать его и его отца, обративъ нити въ кандалы,—который порочитъ и унижаетъ его и, наконецъ, жестоко оскорбляетъ любимую имъ дѣвушку. Олесь говоритъ здѣсь, что, получивъ благословеніе Никитина, сообщилъ о своей мысли Ивановой, и она поощрила его. Но я не хочу этому вѣрить, я не хочу допускать мысли, чтобъ она могла сознательно поощрять въ немъ такое ужасное намѣреніе. Я думаю скорѣе, что она просто отнеслась къ его словамъ поверхностно и легкомысленно. Иванова сказала о предположеніи Ярошевича Колосову и потомъ, вѣроятно, не хотѣла болѣе и думать о немъ. Она умыла руки, она знала, что Колосовъ приметъ мѣры, и потому спокойно выслушивала откровенія Ярошевича и «индиферентно», какъ она здѣсь объяснила, отнеслась къ предложенію его показать ей ядъ, когда онъ ѣхалъ вмѣстѣ съ Колосовымъ на вѣрную судебную гибель съ уликами на лицо. Она не остановила его, не крикнула ему: «Не ѣзди, я все сказала; ты будешь арестованъ, Колосовъ предупрежденъ»... Чѣмъ, какъ не вліяніемъ Колосова, который наложилъ на ея душу свою нечистую руку и вырывалъ оттуда одно за другимъ всѣ хорошія чувства, можно объяснить такое поразительное отсутствіе состраданія къ Ярошевичу, который изъ-за нея же ѣхалъ прописывать «ижицу» Колосову? Нѣтъ сомнѣнія, что Колосовъ оцѣнилъ извѣстіе о замышляемомъ отравленіи и хорошо воспользовался имъ. Отравленіе безспорное и, въ то же время, въ виду предупрежденія Ивановой, не грозящее опасностью, могло возвышать его въ глазахъ тѣхъ, чьего расположенія онъ добивался, кому навязывался со своими услугами. Они будутъ видѣть, что онъ не только добровольно и безкорыстно «прослѣживаетъ эмиграцію», но даже слѣдитъ за соціальными людьми и въ Россіи, подвергая опасности свою жизнь, готовый «въ нѣкоторомъ родѣ проливать кровь свою за отечество!» Такимъ образомъ онъ еще болѣе можетъ упрочить свое положеніе, завоюетъ себѣ еще болѣе довѣрія... Приготовленіе къ отравленію было драгоцѣннымъ событіемъ для Колосова и онъ постарался извлечь изъ него всю возможную пользу... Съ такой же точки зрѣнія относился къ этому предположенію и Никитинъ. И ему оно было съ руки. Обстоятельства дѣла даютъ возможность вѣрить Ярошевичу, что онъ имѣлъ въ виду уничтожить Колосова не потому, что опасался его доносовъ о поддѣлкѣ—онъ объ этомъ и не думалъ въ это время. Ему нужно было отомстить за оскорбленія, упразднить Колосова, какъ конкурента и врага въ домѣ Ивановыхъ.

Но иначе долженъ былъ относиться къ дѣлу Никитинъ. Въ показаніи Ярошевича есть одно мѣсто, весьма характеристичное. Конечно, отъ васъ будетъ зависѣть повѣрить его показанію, или нѣтъ, но я думаю, что обстоятельства дѣла, подробно разбираемыя передъ вами, сами собою создаютъ извѣстнаго рода образъ каждаго участника дѣла. Объясненія Ярошевича очень подходятъ подъ такой образъ Никитина. Когда онъ задумалъ отравить Колосова, то пришелъ къ Никитину и сказалъ, что копошится въ его душѣ. Ничего не отвѣтилъ Никитинъ, а зашагалъ по комнатѣ, ходилъ долго взадъ и впередъ молча и задумчиво—и наконецъ, остановившись передъ Ярошевичемъ, поднялъ голову и сказалъ: «да, когда змѣя заползетъ въ нашу среду, то ее нужно задушить, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше». Это показаніе какъ живого рисуетъ этого сдержаннаго человѣка! Онъ все оцѣняетъ умомъ, сердце и совѣсть стоятъ у него назади, въ большомъ отдаленіи. Поэтому, когда Олесь сказалъ объ отравленіи, онъ не возмутился, не заспорилъ, а замолчалъ. Онъ походилъ, подумалъ, взвѣсилъ все и оцѣнилъ про себя и, спокойно разсуждая, нашелъ, что—да! желательно, полезно и — слѣдовательно, *надо* отравить... Дѣло было рѣшено. Этими словами онъ произнесъ приговоръ Колосову. Тѣ же выраженія, которыми онъ отвѣчалъ Олесю, мы встрѣчаемъ въ его письмѣ, отъ 24-го декабря, къ Феликсу. И тамъ онъ называетъ Колосова «гадиною, которая втерлась въ среду нашу», и т. д. Предложеніе объ отравленіи было хорошимъ выходомъ въ глазахъ Никитина, тѣмъ болѣе, что главную роль принималъ на себя Олесь. Колосовъ — человѣкъ, внушающій подозрѣніе; онъ постоянно говоритъ о сношеніяхъ съ разными лицами, которыя, быть можетъ, ему довѣряютъ; это человѣкъ опасный, Олесь влюбленъ и раздраженъ, не ручается за себя, управлять имъ трудно, можетъ произойти какая нибудь слишкомъ рѣзкая ссора. Колосовъ донесетъ. Тогда *все*, а можетъ быть и *всѣ* пропали. Если его устранить, можно бы занять въ дѣлѣ первое мѣсто и брать себѣ половинную часть. А устранить легко: Олесь ждетъ только позволенія. Вотъ почему я вѣрю показанію Ярошевича, подтвержденному и письмами, что онъ получилъ «прохладительное лѣкарство» отъ Никитина. Что касается этого прохладительнаго средства, то для дѣла не особенно важно, можно ли было имъ отравить до смерти Колосова или нѣтъ. Еслибъ было доказано, что это сахаръ, или какое нибудь другое, совершенно безвредное вещество, тогда не было бы и вопроса объ отравленіи. Но это былъ ядъ, хотя и «шаткій», но, все-таки, ядъ. Ярошевичъ говорилъ, что онъ часть порошка высыпалъ, но это нисколько не измѣнило дѣло, потому что его оставалось еще достаточное количество. Экспертъ показалъ здѣсь, что слишкомъ большой пріемъ морфія не можетъ отравить человѣка, такъ какъ морфій будетъ извергнутъ рвотою. Эксперту приходилось, однако, наблюдать отравленія старухъ 5 гранами морфія. Положимъ, Колосовъ не старуха, но у Олеся было не 5, а 14 гранъ яду. Притомъ припомните письмо Никитина: у Олеся есть «прохлади-

тельное средство», которымъ онъ тѣмъ или другимъ способомъ пропишетъ другу «ижицу». Еслибъ это ему не удалось до Брюсселя, то можно и *прямымъ способомъ* прописать ижицу, гдѣ нибудь въ Парижѣ, напримѣръ, въ чужой сторонѣ, гдѣ чужой языкъ и новые, неизвѣстные ему порядки, «отобравъ только непремѣнно вслѣдъ за этимъ письменные документы». Вмѣстѣ съ тѣмъ мы знаемъ, что морфій, не всегда убивая навѣрняка, отлично усыпляетъ, дѣлая человѣка почти мертвымъ, отнимая у него всякое сознаніе и волю. Съ нимъ можно дѣлать все, что угодно, и «прямой способъ», рекомендуемый Никитинымъ, тутъ будетъ весьма кстати. «Больной» заснетъ крѣпко и почти непробудно, а руки или подушка посодѣйствуютъ тому, чтобъ сладкій сонъ не былъ нарушенъ прозаическимъ пробужденіемъ. Опьяненный, задурманенный морфіемъ, «больной» не станетъ кричать или барахтаться и полиція чужой страны даже не будетъ знать, кто этотъ скоропостижно умершій человѣкъ безъ всякихъ бумагъ. Вотъ тѣ основанія, по которымъ я полагаю, что здѣсь были приготовленія къ убійству Колосова при посредствѣ яда.

Дальнѣйшій ходъ дѣла я прослѣжу лишь въ нѣсколькихъ словахъ. Иванова своими дѣйствіями много содѣйствовала раскрытію истинной его обстановки. Сидя въ тюрьмѣ, Ярошевичъ тайно переписывался съ невѣстою. Вы слышали его письмо къ ней. Оно исполнено живого и неподдѣльнаго чувства человѣка, горячо и искренно любящаго. Въ то же самое время получительница подобныхъ писемъ бывала постоянно у Колосова и, даря ему свою любовь, сообщала ему все объ Олесѣ, а онъ, въ свою очередь, какъ вы слышали изъ черновыхъ его писемъ, сообщалъ кому слѣдуетъ аккуратно о всѣхъ дѣйствіяхъ Ивановой, о словахъ и намѣреніяхъ, высказанныхъ въ письмахъ «леденца»... Въ это же время онъ продиктовалъ ей отвѣтное письмо къ Ярошевичу, съ упреками за то, что Ярошевичъ подстрекаетъ ее рѣшиться на «криминальный» поступокъ. Происхожденіе этого письма легко объяснимо. Колосовъ долженъ былъ бояться, что Ярошевичъ, сидя въ тюрьмѣ, надумается и разскажетъ истину, и что нѣкоторые свидѣтели, напримѣръ, Ольга Иванова и Никитина, могутъ своими показаніями бросить на него тѣнь. Ихъ-то, впрочемъ, можно настроить и уговорить, но особенно важно заранѣе лишить показанія Ярошевича всякаго довѣрія въ глазахъ судебной власти,—нужно указать, что обвиняемый лжетъ и другихъ учитъ тому же,—что онъ подговаривалъ свидѣтельницъ давать ложное показаніе. Какъ же это сдѣлать? Прямо заявить неудобно: будетъ похоже на сплетню, да и бездоказательно и, притомъ, требуетъ личнаго участія. Надо послать письмо чрезъ прокурора, который, разумѣется, долженъ будетъ передать письмо судебному слѣдователю для соображеній при допросѣ Ярошевича. Такимъ образомъ, Колосовъ заранѣе обезопаситъ себя со стороны Ярошевича. Дѣйствіе этого письма, однако, было неожиданное. Ярошевичъ, убитый имъ, оскорбленный и преданный любимою дѣвушкою, сознался во всемъ и довольно прочно оговорилъ Колосова.

Таковы обстоятельства дѣла. Колосовъ и Ярошевичъ обвиняются въ дѣятельномъ участіи въ поддѣлкѣ акцій и ввозѣ ихъ для распространенія въ Россію. Ярошевичъ сверхъ того, обвиняется еще и въ приготовленіи къ отравленію. Законъ не наказываетъ приготовленія къ общимъ преступленіямъ вообще, но когда человѣкъ готовится убить другого, приготовляетъ ядъ, покупаетъ оружіе, то онъ имѣетъ тысячу случаевъ остановиться, отбросить свой преступный замыселъ, ужаснуться его. Если онъ этого не дѣлаетъ, а продолжаетъ осуществлять свое приготовленіе, то замыселъ созрѣлъ и глубоко запалъ въ его душу. Къ подобному упорству злобы и ненависти законъ не можетъ относиться безразлично. Такой человѣкъ крайне опасенъ для тѣхъ, кто ему не нравится, такой человѣкъ вреденъ для общества. И законъ наказываетъ за приготовленіе къ убійству. Такое дѣяніе совершилъ въ настоящемъ случаѣ Ярошевичъ. Онъ положилъ на вѣсы, съ одной стороны—жизнь ближняго, а съ другой — свое самолюбіе. Онъ не отступилъ предъ мыслью отдѣлаться отъ ненавистнаго человѣка коварнымъ и предательскимъ образомъ. Онъ долженъ потерпѣть за это и посредствомъ суроваго урока быть обращенъ на другую, болѣе честную дорогу. Юридическая отвѣтственность—бо̀льшая лежитъ на Ярошевичѣ, меньшая—на Колосовѣ. Но иначе распредѣляется ихъ нравственная отвѣтственность.

Ярошевичъ—человѣкъ нравственно-испорченный, неразборчивый на средства и имѣвшій преступныя цѣли, несмотря но то, что могъ бы жить честнымъ человѣкомъ... Но мнѣ кажется, что онъ еще не окончательно погибъ нравственно, у него еще цѣлая жизнь впереди, и настоящее дѣло можетъ и должно отрезвить его... Я думаю, что нравственная отвѣтственность другого подсудимаго—Колосова, гораздо больше. Онъ — душа дѣйствій и побужденій Ярошевича и онъ виновенъ и за себя, и за Ярошевича. Вспомните, какимъ юнымъ онъ взялъ Олеся въ свои руки и какъ воспиталъ его. Кто толкнулъ его, еще отрока, въ развратъ? Колосовъ. Какіе примѣры видѣлъ этотъ юноша, оставленный на произволъ судьбы преступнымъ отцомъ, какія впечатлѣнія онъ получалъ въ школѣ Колосова? Кто, наконецъ, его раздражалъ и уязвлялъ въ самое больное мѣсто, какъ не Колосовъ? Кто своими дѣйствіями довелъ его до такого ослѣпленнаго, озлобленнаго состоянія, что онъ не остановился даже передъ мыслью объ отравленіи, какъ не Колосовъ? Колосовъ его вовлекъ въ преступленіе, Колосовъ его погубилъ. Но на душѣ того же Колосова лежитъ другая жертва, за которую онъ также нравственно отвѣтственъ. Не онъ ли игралъ, какъ игрушкою, Ольгою Ивановою, подчинивъ ее себѣ и овладѣвъ ею для своихъ нечистыхъ цѣлей? Не онъ ли заставилъ ее играть двусмысленную и двуличную роль; не онъ ли создалъ ей тяжелое положеніе на судѣ, не онъ ли приготовилъ ей въ будущемъ постыдныя и горькія воспоминанія? Я полагаю, что онъ заслуживаетъ строгой кары.

Отъ васъ, господа присяжные, зависитъ судьба подсудимыхъ. Вы можете оправдать ихъ или обвинить, но, стараясь предугадать вашъ приговоръ, я полагаю, что оправдательнаго приговора имъ услышать не придется. Личности, подобныя Колосову, вредны не только какъ люди, совершающіе извѣстное, караемое закономъ преступленіе,—они еще болѣе вредны, какъ вносящіе всюду, куда они проникаютъ, во все, къ чему они прикасаются, нравственную заразу. Такіе люди, въ видахъ огражденія общества, должны быть устранены изъ него. Вотъ почему я думаю, что услышавши вашъ обвинительный приговоръ и о себѣ, и о Колосовѣ, Ярошевичъ, который вѣрилъ, что его руководитель счастливо прошелъ «огонь, воду и мѣдныя трубы», поймете, что кромѣ огня, воды и мѣдныхъ трубъ, есть еще нѣчто, чрезъ что гораздо труднѣе пройти — это судъ.

XI.

По дѣлу объ убійствѣ Іеромонаха Иллаpіона.

11-го января 1873 года, во 2-мъ часу пополудни, сторожъ при корпусѣ Александро-Невской лавры, безсрочно-отпускной рядовой Яковъ Петровъ, удивленный тѣмъ, что дверь въ келію іеромонаха Иллаpіона съ 8-ми часовъ вечера, когда онъ, по обыкновенію, приходилъ съ ужиномъ, заперта и что несмотря на стукъ и звонъ въ колокольчикъ, изъ келіи не получалось никакого отвѣта, посмотрѣлъ въ скважину замка и чрезъ отверстіе увидѣлъ на полу въ первой комнатѣ нижнюю часть туловища отца Иллаpіона. Предполагая, что съ отцомъ Иллаpіономъ сдѣлалось дурно или что онъ заболѣлъ, Яковъ Петровъ тотчасъ же далъ знать о случившемся іеродіакону Нектарію и іеромонаху Митрофану, по приходѣ которыхъ была отперта, при помощи слесаря, дверь въ келію и на полу, на коврѣ, усмотрѣнъ лежащимъ на спинѣ мертвый іеромонахъ Иллаpіонъ, въ обыкновенной одеждѣ, весь окровавленный. Вся обстановка кельи представляла слѣды убійства и ограбленія. Судебнымъ слѣдователемъ, немедленно прибывшимъ на мѣсто происшествія, найдены въ первой комнатѣ, раздѣленной перегородкою на двѣ части, на полу большія лужи крови; на окнѣ, гдѣ лежалъ сахаръ, а также на всѣхъ находившихся вблизи предметахъ усмотрѣны брызги крови. У самаго окна на полу, возлѣ чайнаго столика, на которомъ стоялъ самоваръ и заваренный въ чайникѣ чай, лежали: погнутый кухонный ножъ, съ остро наточеннымъ лезвіемъ, весь окровавленный, и толстая желѣзная полоса, длиною 9 вершковъ, безъ признаковъ крови; на входной двери, на внутренней ея сторонѣ, усмотрѣны большія кровяныя пятна, какъ будто за дверь хватались руками, около двери на полу лежалъ перочинный ножъ, съ открытымъ лезвіемъ, весь окровавленный. Во второй комнатѣ, тоже раздѣленной перегородкою, въ первомъ ея отдѣленіи, представлявшемъ собою гостиную, усмотрѣны на полу около комода кровяныя капли; ящики комода и шкатулка, которая хранилась въ одномъ изъ этихъ ящиковъ, оказались взломанными и всѣ вещи въ нихъ оказались въ большомъ безпорядкѣ, со слѣдами крови; на самомъ комодѣ лежалъ листъ газетной бумаги, запачканный кровью и сложенный такимъ образомъ, что будто бы въ немъ было завернуто что-то плоское; во второмъ отдѣленіи, гдѣ помѣщалась спальня, на кровати оказался подсвѣчникъ, на донышкѣ котораго замѣтны значительные слѣды разлившейся, запекшейся крови; близъ постели валялась ночная рубаха покойнаго, вся запачканная кровью, какъ будто объ нее утирали мокрыя руки.

При судебно-медицинскомъ осмотрѣ и вскрытіи трупа, на немъ усмотрѣны слѣдующія поврежденія: на шеѣ четыре колюще-рѣжущія, весьма

глубокія раны; такая же рана на правомъ плечѣ, близъ соединенія ключицы съ лопаткою, и на ладоняхъ обѣихъ рукъ большіе порѣзы съ лоскутами кожи. По мнѣнію врача, смерть произошла отъ безусловно смертельныхъ поврежденій шеи, соединенныхъ съ раненіемъ дыхательнаго горла и яремной вены.

Показаніями лицъ, проживающихъ въ Лаврѣ, выяснено, что отецъ Иларіонъ велъ жизнь строгую, одинокую и, кромѣ мальчиковъ пѣвчихъ, никого къ себѣ не принималъ, что послѣдній разъ его видѣлъ сторожъ Яковъ Петровъ въ 6 часовъ вечера, 10-го января, въ то время, когда приносилъ къ нему дрова и воду, и что въ тотъ же вечеръ, 10-го января, между 6-ю и 8-ю часами, всѣ лица, проживающія въ одномъ коридорѣ съ отцомъ Иларіономъ, а именно: архимандриты Никодимъ и Афанасій и рясофорный монахъ Григорій, находились у всенощной въ Крестовой церкви.

Эти свѣдѣнія, а равно и результаты осмотра келіи, привели къ выводу, что,—во 1-хъ, убійство совершено вечеромъ 10-го января, между 6-ю и 8-ю часами; во 2-хъ, убійца хорошо знакомъ со всѣми порядками Лавры, и, въ 3-хъ, у него должны быть порѣзаны руки.

Изъ дальнѣйшихъ распросовъ, произведенныхъ въ ночь съ 11-го на 12-е января, было выяснено, что наканунѣ убійства, а именно 9-го января, въ Александро-Невскую Лавру приходилъ крестьянинъ Иванъ Михайловъ, который прежде около года служилъ въ Лаврѣ, въ томъ самомъ коридорѣ, гдѣ помѣщалась келія Иларіона, и уволенъ оттуда 1-го сентября 1872 года за непослушаніе и частыя отлучки. Ночь съ 9-го на 10-е января, т. е. со вторника на среду, Михайловъ, по показанію сторожей, провелъ у нихъ въ сторожкѣ и былъ замѣтно скученъ и мраченъ. Въ среду утромъ онъ ушелъ отъ нихъ, сказавъ, что идетъ на Николаевскую желѣзную дорогу подать прошеніе о принятіи его вновь на службу, такъ какъ отъ должности стрѣлочника на станціи Окуловкѣ онъ былъ уволенъ 25-го декабря. Въ вокзалѣ Михайловъ встрѣтилъ знакомаго ему писца Михаила Лаврова и съ нимъ вмѣстѣ отправился писать прошеніе, которое вслѣдъ затѣмъ, около 3-хъ часовъ дня, подалъ бухгалтеру на желѣзной дорогѣ Эдуарду Барро, но тотчасъ же получилъ отказъ. Такъ какъ по показанію Лаврова, Михайловъ собирался въ тотъ же вечеръ, съ $10^1/_2$ часовымъ поѣздомъ, уѣхать на Окуловскую станцію, гдѣ при трактирномъ заведеніи, находился въ услуженіи его меньшой братъ Ѳедоръ, то немедленно былъ командированъ туда чиновникъ сыскной полиціи Назаровъ, который, вечеромъ 12-го января, при содѣйствіи станового пристава, разыскалъ Ивана Михайлова на постояломъ дворѣ крестьянки Суворовой спрятавшимся въ дрова. Тамъ же, спрятавшимся на чердакѣ, найденъ и меньшой братъ его Ѳедоръ Михайловъ. При нихъ обоихъ оказалось много разныхъ вещей и денегъ, какъ-то: двѣ золотыя вещи, нѣсколько старыхъ серебряныхъ монетъ, 9 французскихъ 20-ти франковыхъ золотыхъ монетъ, 4 полуимперіала, два билета второго внутренняго займа съ выигрышами, одинъ 5% банковый билетъ въ 500 руб. и проч. По доставленіи Михайловыхъ въ Петербургъ и по предъявленіи отобраннаго у нихъ имущества въ Александро-Невской Лаврѣ, многія вещи, а равно и платье, оказавшееся на Иванѣ Михайловѣ, были признаны за принадлежащія покойному Иларіону. При освидѣтельствованіи Ивана Михайлова чрезъ врача, на рукахъ его оказались довольно значительные укусы, находившіеся въ періодѣ заживленія.

На допросѣ у судебнаго слѣдователя Иванъ Михайловъ сознался въ убійствѣ іеромонаха Иларіона, съ цѣлью ограбленія, и подробности этого дѣла передалъ въ слѣдующемъ видѣ: получивъ отъ Барро отказъ въ мѣстѣ, онъ, Михайловъ, нѣкоторое время *путался* по Петербургу,—заходилъ въ трактиръ у Александро-Невской Лавры, а часу въ 7-мъ, въ началѣ, пошелъ въ Лавру, имѣя намѣреніе пробыть тамъ до отхода вечерняго поѣзда. По приходѣ его въ Лавру, ему вдругъ пришла въ голову мысль зайти

къ отцу Иларіону, у котораго онъ со времени оставленія Лавры не былъ ни разу. Дверь въ келью онъ нашелъ незапертою, а только припертою и, сказавъ: «Боже нашъ, помилуй насъ», вошелъ туда. Отецъ Иларіонъ, выйдя изъ гостинной съ кускомъ сахару и не сказавъ ничего въ отвѣтъ ему, Михайлову,—направился за перегородку и оттуда нѣкоторое время съ нимъ разговаривалъ. Затѣмъ, когда Иларіонъ стоялъ у окна и кололъ сахаръ, ему, Михайлову, внезапно пришла мысль убить его и украсть деньги. О томъ, что у Иларіона были деньги, ему, Михайлову, было извѣстно, такъ какъ въ Лаврѣ кружечный сборъ весьма великъ. Стоя съ правой стороны Иларіона, онъ напалъ на него сзади,—схватилъ съ чайнаго стола перочинный ножъ и имъ два или три раза кольнулъ его въ шею. Затѣмъ у нихъ началась борьба: оба они упали на полъ, ползкомъ перетащились въ переднюю комнату, и тутъ отецъ Иларіонъ, успѣвшій схватить съ окна кухонный ножъ, сталъ колоть и кусать его, Михайлова. Подробностей борьбы онъ, Михайловъ, объяснить не можетъ, но только помнитъ, какъ онъ улучилъ минуту запереть наружную дверь на задвижку и какъ затѣмъ онъ вырвалъ у Иларіона ножъ и пырнулъ его послѣдній разъ въ шею. Послѣ этого отецъ Иларіонъ окончательно упалъ посрединѣ комнаты, а онъ, Михайловъ, считая его мертвымъ, принялся отворять ящики комода и выбирать оттуда деньги и вещи. Подсвѣчникъ, которымъ онъ себѣ свѣтилъ, онъ оставилъ на кровати, а рубашку, о которую вытиралъ вымытыя руки, бросилъ около кровати. Окончивъ кражу, онъ снялъ съ себя рубаху и штаны,—все это сжегъ въ топившейся тогда печи, и затѣмъ, надѣвъ на себя штаны и жилетъ покойнаго, ушелъ изъ келіи, притворивъ, но не заперевъ на ключъ входныя двери. Вышелъ онъ изъ Лавры черезъ длинные коридоры совершенно свободно, никѣмъ незамѣченный и, придя на станцію Николаевской желѣзной дороги, отправился въ Окуловку. Брату своему объ убійствѣ ничего не говорилъ и на вопросы его, откуда взялись вещи, отвѣчалъ: «это не твое дѣло».

Объясненіе это, собранными по дѣлу данными, указывающими на предумышленіе Михайлова, въ той его части, которая относится ко внезапному побужденію къ убійству, не подтвердилось.

Вслѣдствіе этого Иванъ Михайловъ, 18 лѣтъ, былъ преданъ суду по обвиненію въ томъ, что, вечеромъ 10-го января 1873 года, задумалъ заранѣе лишить жизни іеромонаха Александро-Невской Лавры Иларіона, съ цѣлью воспользоваться его имуществомъ, проникъ въ его келью, умертвилъ его ножемъ и затѣмъ похитилъ, найденное въ запертыхъ хранилищахъ, цѣнное имущество,—что составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное 1453 ст. Улож. о наказ.

Засѣданіе по этому дѣлу происходило 10 февраля 1873 года, въ Петербургскомъ Окружномъ Судѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя *Батурина:* защищалъ присяжный повѣренный *Самарскій-Быховецъ.*

Рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей Михайловъ признанъ *виновнымъ* въ умышленномъ убійствѣ съ цѣлью грабежа.

Гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели! 10-го января нынѣшняго года отецъ Иларіонъ, іеромонахъ Александро-Невской лавры, былъ найденъ въ своей кельѣ окончившимъ жизнь насильственнымъ образомъ отъ чужой руки. Ровно черезъ мѣсяцъ, сегодня, 10-го февраля, передъ вами находится на скамьѣ подсудимыхъ человѣкъ, ко-

торый приноситъ повинную голову въ совершеніи этого убійства. Казалось бы, что съ этой минуты задача ваша становится очень проста и несложна: остается примѣнить къ подсудимому то наказаніе, которое онъ заслужилъ по закону. Но такой взглядъ, по моему мнѣнію, не соотвѣтствовалъ бы ни важности вашей обязанности, ни достоинству правосудія. Вы, представители суда въ настоящемъ дѣлѣ, не можете быть орудіемъ ни въ чьихъ рукахъ; не можете поэтому быть имъ и въ рукахъ подсудимаго и рѣшить дѣло согласно однимъ только его показаніямъ, идя по тому пути, по которому онъ васъ желаетъ вести. Вы не должны безусловно довѣрять его показанію, — хотя бы оно даже было собственнымъ сознаніемъ, сознаніемъ чистымъ, какъ заявляетъ здѣсь подсудимый,—безъ строгой повѣрки этого показанія. Сознанія бываютъ различныхъ видовъ, и изъ числа этихъ различныхъ видовъ мы знаемъ только одинъ, къ которому можно отнестись совершенно спокойно и съ полнымъ довѣріемъ. Это такое сознаніе, когда слѣды преступленія тщательно скрыты, когда личность совершившаго преступленіе не оставила послѣ себя никакихъ указаній и когда виновный самъ, по собственному побужденію, вслѣдствіе угрызеній совѣсти, является къ суду, заявляетъ о томъ, что онъ сдѣлалъ, и требуетъ, проситъ себѣ наказанія, чтобъ помириться съ самимъ собою. Подобнаго сознанія въ настоящемъ дѣлѣ нѣтъ, а есть сознаніе другого рода, которое подходитъ къ разряду сознаній, вынужденныхъ самою обстановкою дѣла и тѣми обстоятельствами, при которыхъ оно дано. Въ самомъ дѣлѣ, вглядѣвшись въ дѣло, вы увидите, что сознаніе подсудимаго далеко не чисто, что въ немъ есть нѣкоторыя примѣси, и что во всякомъ случаѣ онъ говоритъ неполную правду, заявляя на судѣ, что показываетъ одну истину, какъ передъ Богомъ и передъ начальствомъ, такъ и передъ нами. Для этого необходимо разсмотрѣть вкратцѣ обстановку дѣла и, прежде всего, взглянуть на личность потерпѣвшаго отъ преступленія. Въ показаніяхъ монаховъ, проживающихъ въ Лаврѣ, она охарактеризована довольно ясно: человѣкъ старый, сосредоточенный, суровый, жившій постоянно одиноко, умѣвшій въ многолюдномъ монастырѣ создать себѣ совершенную пустыню; видающійся въ 10 лѣтъ разъ съ людьми, которые живутъ на одномъ коридорѣ съ нимъ, позволяющій себѣ, въ видѣ развлеченія, покормить булками маленькихъ пѣвчихъ и лишающій самого себя даже и этой малости, словомъ, человѣкъ угрюмый, замкнутый съ себѣ, идеальный, если можно такъ выразиться, монахъ. Этотъ одинокій человѣкъ, постоянно запертый въ своей кельѣ, ни съ кѣмъ не сходившійся, не подаетъ никакихъ признаковъ жизни въ теченіе цѣлаго вечера, ночи и половины слѣдующаго дня, не возбуждая ничьего безпокойства, что указываетъ, какъ вообще малъ надзоръ за тѣмъ, что происходитъ въ коридорѣ. Но, наконецъ, все-таки безпокойство возбуждается—смотрятъ въ щелку, видятъ ноги, думаютъ, что съ нимъ дурно, посылаютъ за докторомъ, отворяютъ дверь и находятъ, что онъ мертвъ, убитъ; тогда является

полиція, слѣдователь, и начинается слѣдствіе. Подробный актъ осмотра указываетъ на всѣ подробности изслѣдованія, и я считаю излишнимъ напоминать ихъ Укажу только тѣ вопросы, которые прежде всего возникли у лицъ, изслѣдовавшихъ это дѣло, и вы увидите, какъ полно и краснорѣчиво отвѣчала на эти вопросы самая обстановка найденнаго. Прежде всего, *что это такое?* Убійство, очевидно. *Съ какою цѣлью?* Разломанная шкатулка, раскрытые комоды, разбросанная одежда—все это прямо говоритъ о совершеніи преступленія съ цѣлью грабежа. *Въ какое время?* Отцу Илларіону послѣ вечерни, слѣдовательно, въ 5 часовъ вечера, въ 6-мъ, были принесены дрова и вода для самовара; затѣмъ у него найденъ самоваръ почти полный водою, въ чайникѣ, налитомъ до-верху, заваренъ чай, чашка суха; видно, что вернувшись отъ вечерни, онъ заварилъ чай и не успѣлъ напиться. Итакъ, приблизительное время совершенія убійства—около 6-ти часовъ вечера. Затѣмъ, обстановка убійства также довольно ясна: убійство совершено колющимъ орудіемъ, нанесенъ рядъ очень сильныхъ ранъ, вызвавшихъ обильное истеченіе крови, повлекшее смерть—и, какъ удостовѣряетъ осмотръ ранъ, нанесены онѣ человѣкомъ, подошедшимъ сзади. Видны даже переходы, которые имѣла борьба между убійцею и покойнымъ; кровь особенно скопилась въ двухъ мѣстахъ: въ одномъ мѣстѣ ее довольно много, и тутъ же находится колотый сахаръ, ножъ, которымъ кололи, и самоваръ,—очевидно, что тутъ мѣсто нанесенія перваго удара. Затѣмъ масса крови около двери и отпечатки окровавленныхъ рукъ на самой двери и на ручкѣ замка. Очевидно, что кто-то хотѣлъ уйти въ эту дверь. Но уйти всего необходимѣе было покойному отцу Илларіону; итакъ, онъ дошелъ или доползъ до двери, и здѣсь ему нанесены вторые удары; борьба была очень сильная; у покойнаго выдернута почти вся его весьма длинная борода, клочья которой валялись по всей комнатѣ; онъ оборонялся, потому что окровавленный ножъ, которымъ наносились раны, найденъ согнутымъ перпендикулярно къ своей ручкѣ; самыя кисти рукъ покойнаго изрѣзаны; очевидно, что онъ хватался за ножъ, которымъ наносились удары, и хотѣлъ его вырвать. Наконецъ, изъ обстановки видно даже, что дѣлалъ подсудимый послѣ убійства, видно, что онъ сталъ рыться въ комодѣ, выдвинулъ всѣ ящики, взялъ сапожный тупой ножъ и сталъ имъ взламывать шкатулку; вы знаете изъ акта осмотра, что на чашкѣ мѣднаго подсвѣчника оказалась налитою кровь, что, наконецъ, рубашка, о которую убійца вытиралъ руки, имѣетъ двоякаго рода пятна: блѣдно-розовыя и посреди̇нѣ ихъ ярко-красныя пятна крови. Это показывало, что убійца мылъ руки, и что онъ долженъ былъ быть раненъ; свѣжая кровь натекла на подсвѣчникъ и оставила слѣды посреди̇нѣ каждаго розоваго пятна и на ручкѣ ножа, которымъ производился взломъ. Эти данныя привели къ тому, что убійца раненъ, что убійство совершено въ такое время, когда никого въ коридорѣ не было и совершено человѣкомъ, подошедшимъ сзади, слѣдовательно, человѣ-

комъ своимъ, котораго не опасались. Соображаясь съ этими данными, сыскная полиція начала производить розыски. Между прочимъ, узнали, что наканунѣ убійства въ монастырѣ ночевалъ Иванъ Михайловъ, человѣкъ, пріѣзжавшій просить о мѣстѣ, не получившій его и уѣхавшій назадъ. Послали за нимъ на станцію Окуловку. Когда агентъ сыскной полиціи явился на станцію, то нашелъ подсудимаго «гулящимъ», нетрезвымъ и прячущимся; на немъ оказались панталоны и жилетъ покойнаго отца Илларіона, а въ карманѣ панталонъ золотыя монеты и въ томъ числѣ двадцати-франковыя; у брата его найдены часы покойнаго; а у него самого другіе, также принадлежавшіе отцу Илларіону. Онъ путается, онъ испуганъ, у него ранена рука. Его берутъ. Что онъ можетъ сказать, какое дать объясненіе? Ему остается только одно—сознаніе. Сказать, что вещи получилъ отъ кого нибудь другого—надо указать отъ кого; сказать, что не былъ въ Лаврѣ—нужно указать мѣсто, гдѣ былъ. Ни человѣка, ни мѣста онъ указать не можетъ. Упорно молчать—но кругомъ такъ все сложилось, что молчать нельзя! Остается сознаться—и онъ сознается. Поэтому я и называю сознаніе его вынужденнымъ обстоятельствами дѣла,—оно было неизбѣжно; но разъ оно вынуждено, мы не можемъ вполнѣ довѣрять ему, мы должны отнестись критически къ главнымъ его частямъ, именно къ тому, что касается преступнаго намѣренія. Вы слышали, подсудимый говоритъ, что мысль убить отца Илларіона пришла ему внезапно, вдругъ, что грѣхъ его попуталъ, что самъ онъ не знаетъ, зачѣмъ шелъ, но шелъ безъ всякаго намѣренія убить отца Илларіона, словомъ, онъ старается доказать передъ вами, что входя къ отцу Илларіону съ словами: «Боже нашъ, помилуй насъ», онъ вовсе не зналъ, что черезъ нѣсколько минутъ долженъ выйти изъ этой кельи убійцею. Я думаю, однако, что это не такъ, что мысль объ убійствѣ явилась вовсе не внезапно, что онъ имѣлъ возможность въ теченіе нѣкотораго времени оцѣнить и взвѣсить ее, или изгнать ее изъ своей головы, или удержать—и избралъ послѣднее. Я думаю, что указаніемъ на присутствіе заранѣе обдуманнаго намѣренія служатъ какъ данныя дѣла, такъ и нѣкоторыя нравственныя соображенія.

Во-первыхъ, посмотрите на отношеніе подсудимаго къ о. Илларіону. Онъ говоритъ, что шелъ къ о. Илларіону, самъ не знаетъ зачѣмъ. Но допустить такое толкованіе, неосновательное и неправдоподобное, рѣшительно невозможно. Можно допустить другое—что онъ шелъ къ нему, какъ къ знакомому, у котораго когда-то служилъ коридорнымъ. Отчего же ему, въ самомъ дѣлѣ, и не навѣстить о. Илларіона? Но вы знаете характеръ іеромонаха Илларіона. Онъ былъ такой человѣкъ, который не любилъ, чтобы къ нему ходили, человѣкъ, который держалъ себя вдали отъ всѣхъ, а тѣмъ болѣе, конечно, отъ коридорнаго. Съ какой стати коридорный, который уже не служитъ и случайно остался въ Петербургѣ только потому, что поѣздъ, на которомъ онъ хотѣлъ уѣхать, ушелъ раньше, чѣмъ онъ могъ собраться, пойдетъ къ о. Илларіону, о которомъ онъ

и не думалъ, проживая два съ половиною дня въ Лаврѣ? Почему изъ всѣхъ петербургскихъ знакомыхъ онъ избираетъ о. Илларіона? Отчего онъ не идетъ, напримѣръ, къ Лаврову, съ которымъ былъ хорошо знакомъ и который писалъ ему докладную записку? Отчего онъ не идетъ къ іеромонаху Нектарію, который разсказываетъ, что считалъ его хорошимъ человѣкомъ, нерѣдко паивалъ его чаемъ, рекомендовалъ его на желѣзную дорогу и вообще до сихъ поръ относится къ нему болѣе благосклонно, чѣмъ прочіе? Ужъ если идти въ монастырь для того, чтобы посѣтить кого нибудь, то скорѣе всего ему слѣдовало бы посѣтить о. Нектарія. Наконецъ, онъ могъ посѣтить тѣхъ сторожей, жившихъ у воротъ, у которыхъ онъ ночевалъ двѣ ночи. Напротивъ, онъ идетъ тайкомъ, минуя сторожку и никуда не заходя, прямо въ келью покойнаго. Для чего же онъ туда идетъ? Какое отношеніе можетъ имѣть къ нему о. Илларіонъ, этотъ замкнутый человѣкъ, не интересующійся даже тѣмъ, что дѣлаютъ болѣе близкія ему, окружающія его лица? Никакого. Затѣмъ посмотрите, какъ выбрано время, когда совершается преступленіе. Выбрано именно то время, когда по монастырскимъ обычаямъ, въ коридорѣ никого не было. Въ коридорѣ было всего шесть келій: одну занималъ монахъ Григорій, въ двухъ другихъ жили два пріѣзжіе архимандрита, двѣ были въ этотъ день пустыя, а въ одной жилъ о. Илларіонъ. По монастырскимъ правиламъ, пріѣзжіе архимандриты должны быть на службѣ въ Крестовой церкви у митрополита. Объ этомъ, конечно, знаютъ всѣ служители. Поэтому зналъ объ этихъ порядкахъ и подсудимый Иванъ Михайловъ. Кромѣ того, онъ могъ объ этомъ еще разъ слышать отъ тѣхъ, у кого ночевалъ. И вотъ, въ то время, когда въ коридорѣ никого изъ этихъ лицъ не было, когда отошла вечерня и когда началась всенощная, къ которой не долженъ былъ идти только о. Илларіонъ, потому что онъ былъ очередной для служенія панихидъ, когда онъ остался одинъ и нѣтъ въ коридорѣ ни архимандритовъ, ни рясофорнаго монаха о. Григорія, который тоже долженъ быть у всенощной,—тогда-то и приходитъ въ келью Илларіона подсудимый. Отчего же, если онъ желалъ повидаться съ о. Илларіономъ, не отправился онъ къ нему тотчасъ же, какъ ушелъ съ желѣзной дороги? Отчего онъ не пошелъ къ нему въ 4 часа, когда ушелъ съ вокзала? Отчего онъ пошелъ именно въ 6 часовъ, когда въ коридорѣ никого нѣтъ и быть не можетъ? Я думаю—оттого, что ему нужно было застать о. Илларіона одного. Затѣмъ посмотрите еще на одну сторону дѣла—на сторону внутреннюю. Подсудимый говоритъ, что онъ совершилъ преступленіе вдругъ, что мысль объ убійствѣ пришла ему внезапно, только тогда, когда онъ вошелъ въ келью. По его словамъ, онъ взялъ о. Илларіона, человѣка здороваго и высокаго роста, за воротъ. Тотъ его оттолкнулъ. Тогда подсудимый взялъ «ножичекъ», какъ онъ выразился весьма нѣжно, и сталъ его колоть! Но мы знаемъ изъ мнѣнія врача, что это было не такъ, что раны нанесены человѣкомъ, подошедшимъ сзади, человѣкомъ, который подкрался, подобрался коварно. Слѣдо-

вательно, онъ не бралъ о. Илларіона за воротъ, ибо если бы онъ схватилъ его за воротъ и ударилъ, то тотъ не сталъ бы поворачиваться спиной и давать возможность наносить удары сзади, но сталъ бы лицомъ къ лицу съ нападающимъ и началъ бы съ нимъ бороться, какъ это онъ сдѣлалъ впослѣдствіи. Затѣмъ, посмотрите съ нравственной стороны, на послѣдующія дѣйствія подсудимаго. Онъ убилъ внезапно, убилъ самъ не зная какъ и для чего, его «грѣхъ попуталъ», но, тѣмъ не менѣе, онъ пролилъ потоки крови по всей квартирѣ, истерзалъ старика, вырвалъ у него по клочьямъ, въ долгой и озлобленной борьбѣ, всю бороду и, наконецъ, порѣшилъ съ нимъ. Онъ хотѣлъ затѣмъ украсть что нибудь. Онъ это и сдѣлалъ. Но убійца, который внезапно совершаетъ убійство, не сталъ бы дѣйствовать такъ спокойно и обдуманно, какъ дѣйствовалъ Михайловъ. Послѣ убійства, столь неожиданно совершеннаго, когда убійца опомнится отъ разгара борьбы, онъ поспѣшитъ убѣжать, что нибудь захвативъ поскорѣй, потому что все, совершенное имъ, должно предстать предъ нимъ во всемъ своемъ безобразіи. Имъ долженъ овладѣть ужасъ, онъ схватитъ что попало подъ руку и удалится скорѣй отъ страшнаго мѣста, гдѣ онъ внезапно и почти противъ воли сталъ преступникомъ. Видимъ ли мы что нибудь подобное у подсудимаго? Нѣтъ, онъ очень спокойно перерываетъ всѣ вещи покойнаго, настолько спокойно, что даже взвѣшиваетъ, гдѣ искать и и гдѣ не искать. По акту осмотра найденъ былъ отворенный ящикъ комода съ бѣльемъ, на которомъ есть капельки крови. Этого ящика онъ не трогаетъ, такъ какъ все бѣлье въ немъ въ порядкѣ, безъ сомнѣнія потому, что подсудимый разсудилъ, что въ бѣльѣ не можетъ быть денегъ. Зато онъ открылъ и перерылъ другіе, перебралъ всѣ вещи, оставивъ многія и взявъ только часы и деньги, оставивъ даже больше десяти рублей мѣдныхъ денегъ, которыя могли его стѣснять. Когда о. Илларіонъ лежитъ рядомъ — умирающій, истекающій кровью, подсудимый снимаетъ съ себя всю одежду, сжигаетъ ее въ печкѣ, надѣваетъ одежду своей жертвы, затѣмъ уноситъ свѣчку и ставитъ ее въ спальню, отгороженную перегородкой отъ гостиной, въ которой, такимъ образомъ, становится ничего не видно снаружи, умываетъ руки и тогда уже уходитъ, заперевъ дверь на ключъ,—такъ какъ она оказалась запертою, а ключъ унесеннымъ. Такимъ образомъ, онъ обдуманно разсуждаетъ, оцѣнивая всѣ послѣдствія своихъ дѣйствій. Онъ соображаетъ, что если оставить дверь незапертою, то вскорѣ послѣ 8 часовъ могутъ придти съ ужиномъ и съ хлѣбомъ, и тогда увидятъ мертваго,—подымется безпокойство, начнутъ искать, могутъ увидѣть подсудимаго въ окрестностяхъ монастыря, могутъ задержать его, и т. д. Поэтому нужно преградить путь скорому изслѣдованію, нужно запереть дверь: придутъ, постучатъ и, конечно, оставятъ до утра, а тогда онъ будетъ уже въ Окуловкѣ. Вотъ какъ разсуждалъ или долженъ былъ разсуждать подсудимый, что вытекаетъ даже изъ его показанія. Такимъ образомъ, обстановка его дѣйствій вовсе не указываетъ на

внезапность умысла, а не предумышленность убійства, гдѣ все было извѣстно, все обдумано и взвѣшено заранѣе, хотя и незадолго до убійства,—и гдѣ послѣдующія дѣйствія были предприняты спокойно, съ полной увѣренностью въ себѣ.

Но говоря, что здѣсь было предумышленное убійство, я обязанъ указать, какимъ образомъ создался, по моему мнѣнію, обдуманный заранѣе умыселъ убить отца Илларіона. Подсудимый служилъ стрѣлочникомъ въ Окуловкѣ, службу свою онъ тамъ оставилъ, остался безъ работы и затѣмъ поѣхалъ въ Петербургъ, сказавъ домашнимъ, что ѣдетъ искать мѣста. Какое же мѣсто онъ можетъ себѣ найти? Конечно, скорѣе всего на желѣзной дорогѣ, гдѣ онъ уже служилъ. Но онъ плохо разсчитываетъ на полученіе его послѣ оставленія перваго, и потому даже не торопится; спустя лишь два съ половиной дня послѣ своего пріѣзда идетъ онъ на желѣзную дорогу. Все это время проводитъ онъ у своихъ прежнихъ знакомыхъ, у сторожей въ Лаврѣ. Здѣсь онъ снова припоминаетъ подробности монастырскаго житья, снова видитъ всѣ монастырскіе порядки, опять предъ нимъ темный коридоръ, дурно освѣщенный, въ которомъ всѣ живутъ, какъ въ пустынѣ, опять этотъ богатый монахъ о. Илларіонъ, опять сторожа, которые никогда въ коридоръ не заходятъ, за которыми нужно каждый разъ сходить внизъ, чтобы вызвать ихъ наверхъ... А мѣста не предвидится, денегъ мало и скоро вовсе не будетъ, дѣваться некуда, возвращаться же назадъ безъ мѣста не стоитъ, стыдно даже. Конечно, отъ мысли объ убійствѣ было еще далеко. Въ Лавру приходитъ его пріятель Лавровъ. Зачѣмъ? — Получилъ письмо отъ послушника о. Сергія, что они уѣзжаютъ въ среду въ $2^1/_2$ часа. Слѣдовательно, коридоръ еще больше опустѣетъ и освободится отъ части пріѣзжихъ. Такимъ образомъ, онъ узнаетъ, что въ среду вечеромъ, послѣ трехъ часовъ, въ коридорѣ останутся только о. Илларіонъ, Григорій, да два пріѣзжіе архимандрита. На другой день онъ отправляется на желѣзную дорогу съ прошеніемъ, передаетъ его свидѣтелю Барро. Барро ему отказалъ, какъ и слѣдовало ожидать; между тѣмъ, поѣздъ уходитъ, остается подождать слѣдующаго и уѣхать домой. Тутъ возникаетъ опять въ умѣ обстановка монастыря: архимандритъ Сергій уѣхалъ, послушники при немъ тоже, о. Григорій и два архимандрита пойдутъ въ шесть часовъ въ Крестовую церковь и тогда останется одинъ о. Илларіонъ. О. Илларіонъ богатъ, старъ... А коридоръ пустъ. Вотъ когда должна была явиться первая мысль объ убійствѣ. Вотъ когда подсудимый рѣшился придти, по его словамъ, *безъ всякой надобности,* къ о. Илларіону. Подъ вліяніемъ такой мысли онъ и старался никому не показываться. Онъ говоритъ, не представляя однако никакихъ доказательствъ, что время до убійства провелъ въ трактирѣ, находящемся недалеко отъ Александро-Невской Лавры. Я не думаю, чтобы это было такъ. Я припомню здѣсь слова іеромонаха Ювеналія, который показалъ, что чердакъ находящійся въ концѣ коридора и изъ котораго можно видѣть, кто уходитъ изъ коридора внизъ по лѣстницѣ

и кто приходитъ, незадолго до убійства былъ запертъ, а послѣ убійства оказался отпертымъ. Не указываетъ ли это на то, что подсудимый былъ на этомъ чердакѣ, что было удобно сдѣлать тѣмъ болѣе, что чердакъ никѣмъ не посѣщался и о немъ даже не всѣ знали, какъ заявилъ объ этомъ свидѣтель Яковъ Петровъ. А съ чердака удобно было видѣть, когда всѣ уйдутъ, когда о. Григорій и пріѣзжіе архимандриты пойдутъ ко всенощной и когда, слѣдовательно, о. Иларіонъ останется одинъ въ своей кельѣ. Затѣмъ шла рѣчь о желѣзной балясинѣ. Какого она происхожденія—это трудно сказать; откуда она явилась въ комнатѣ о. Иларіона—мы не имѣемъ опредѣленныхъ указаній. Но мы знаемъ одно, что ее не было до убійства. Объ этомъ показываютъ всѣ свидѣтели единогласно. Конечно, если бы она была въ хозяйствѣ о. Иларіона, то объ этомъ бы показала Панкратьева, которая мыла въ кельѣ полы два раза въ недѣлю и которая, конечно, видѣла бы эту балясину. Откуда же она явилась? Я полагаю, что можно не безъ основанія предположить, что она была принесена обвиняемымъ съ собой. Идя съ желѣзной дороги, когда у него явилась мысль объ убійствѣ, онъ могъ ее купить въ первой попавшейся лавкѣ со старымъ желѣзомъ, которыхъ такъ много по пути отъ Николаевской желѣзной дороги въ Лавру. Подсудимый пришелъ въ келью, когда о. Иларіонъ остался совсѣмъ одинъ, безъ сосѣдей; тотъ встрѣтилъ его сурово и на слова его «Боже, помилуй насъ!» не сказалъ ему даже обычнаго привѣтствія, а пошелъ колоть сахаръ около самовара, гдѣ лежали хлѣбъ и ножъ, всѣмъ свидѣтелямъ извѣстный. Наступило удобное время для нападенія на о. Иларіона. Но этотъ ножъ гораздо лучшее орудіе для причиненія смерти, чѣмъ балясина—и она оставлена. Подсудимый говоритъ, что онъ началъ наносить раны перочиннымъ ножомъ. Можетъ быть какая нибудь и была нанесена перочиннымъ ножомъ, но затѣмъ онѣ наносились уже большимъ ножомъ. Онъ говоритъ, что самъ защищался противъ этого ножа, что онъ вырывалъ его. Это не такъ, потому что раны, которыя образовались отъ вырыванія ножа на рукахъ, находились у о. Иларіона, а не у подсудимаго. Слѣдовательно о. Иларіонъ вырывалъ ножъ, а не защищался имъ. Вы слышали описаніе этихъ ранъ. Ни одна изъ нихъ не мельче $1^1/_2$ и 2-хъ дюймовъ глубины. Такія раны должны произойти отъ большого ножа, и конечно, находящійся предъ вами острый, большой ножъ является тѣмъ ножомъ, которымъ были нанесены эти раны: не даромъ онъ залитъ кровью и такъ сильно согнутъ. Такія широкія раны, изъ которыхъ одна совершенно перерѣзываетъ все горло, неудобно нанести маленькимъ ножомъ съ узкимъ и короткимъ лезвіемъ.

Вотъ какимъ образомъ создался умыселъ подсудимаго и вотъ какимъ образомъ онъ привелъ его въ исполненіе. Поэтому я думаю, что вы, быть можетъ, отнесетесь къ его сознанію съ сомнѣніемъ и признаете, что это сознаніе неполно, что подсудимый не совсѣмъ такъ сдѣлался преступникомъ, какъ это онъ объясняетъ. Я пола-

гаю, что когда вы представите себѣ этого подсудимаго безъ средствъ и безъ мѣста, идущаго безъ всякой цѣли съ желѣзной дороги, гдѣ онъ получилъ отказъ, къ нелюдимому и чуждому ему о. Илларіону, затѣмъ совершающаго тамъ убійство и спокойно перемѣняющаго бѣлье, вытирающаго руки и выбирающаго имущество о. Илларіона въ то время, когда рядомъ съ нимъ тотъ умираетъ, израненый и истерзанный; когда вы представите себѣ этого человѣка, разсчитанно запирающаго дверь, уходящаго и наконецъ гуляющаго и пьянствующаго въ Окуловкѣ, то, я думаю—вы признаете, что у такого человѣка мысль о преступленіи явилась не внезапно, что почва для него была приготовлена, что мысль объ убійствѣ выросла и созрѣла за нѣсколько часовъ прежде, чѣмъ самое убійство было совершено.

Я обвиняю подсудимаго Михайлова въ томъ, что онъ совершилъ преступленіе съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ. Подсудимый хочетъ доказать, что оно совершено внезапно, безъ предумышленія. Кто изъ насъ правъ—рѣшитъ вашъ приговоръ. Законъ считаетъ оба эти преступленія весьма тяжкими Но не о строгости кары думаетъ въ настоящее время обвинительная власть. Есть одно соображеніе, которое, какъ мнѣ кажется, въ настоящемъ дѣлѣ слѣдуетъ принять во вниманіе. Подсудимый молодъ, ему 18 лѣтъ, вся жизнь еще предъ нимъ. Онъ началъ ее очень печальнымъ дѣломъ, началъ преступною сдѣлкою съ своей совѣстью. Но, надо думать, что онъ не погибъ окончательно, и конечно можетъ исправиться, можетъ иначе начать относиться къ задачамъ жизни и къ самому себѣ. Для этого исправленія строгій и правдивый приговоръ суда долженъ быть первымъ шагомъ. Со сдѣлкой съ совѣстью—ему не удалось. Теперь онъ находится предъ вами и, повидимому, хочетъ вступить въ сдѣлку съ правосудіемъ: признаваясь въ убійствѣ, въ виду неотразимыхъ фактовъ, онъ сознается, однако, не во всемъ, онъ выторговываетъ себѣ внезапность умысла. Не думаю, чтобы на него хорошо подѣйствовало нравственно, если эта вторая сдѣлка удастся. Вотъ почему я думаю, что она ему можетъ и не удаться.

XII.

По дѣлу объ убійствѣ Коллежскаго Ассесора Чихачева.

26-го ноября 1873 года, въ 5 часовъ пополудни, отставной штабсъ-капитанъ N., пріѣхавъ вмѣстѣ съ своей женою, къ отставному коллежскому ассесору Чихачеву, жившему въ это время въ С.-Петербургѣ, на Захарьевской улицѣ, въ домѣ Поповой, и будучи имъ принятъ, послѣ короткаго объясненія съ Чихачевымъ, ударилъ его по лицу. Вслѣдствіе этого между Чихачевымъ и супругами NN. возникла борьба. Во время этой борьбы N. нанесъ Чихачеву нѣсколько ранъ бывшимъ при немъ ножомъ, въ томъ числѣ двѣ смертельныя въ грудь; а жена его въ то время, когда прибѣжавшій на шумъ въ квартиру Чихачева, въ числѣ другихъ лицъ, дворникъ дома, крестьянинъ Воронинъ отводилъ ее силой отъ боровшихся, выстрѣлила два раза въ Чихачева изъ бывшаго при ней осмиствольнаго револьвера, но оба раза промахнулась. Чихачевъ отъ нанесенныхъ ему ранъ умеръ. При предварительномъ слѣдствіи выяснилось, что обвиняемая, проживая въ 1867 году въ семействѣ своего брата, въ имѣніи послѣдняго, вступила въ близкія отношенія съ посѣщавшимъ домъ Чихачевыхъ, человѣкомъ женатымъ, но, вслѣдствіе семейныхъ несогласій, не жившимъ въ то время съ женою. Отношенія эти были прерваны послѣ пріѣзда къ Чихачеву жены за нѣсколько мѣсяцевъ до выхода обвиняемой замужъ за N. Выходя въ маѣ 1868 г. замужъ, она скрыла отъ мужа означенныя отношенія свои къ Чихачеву, отъ котораго требовала сохраненія ихъ въ тайнѣ и который, съ цѣлью устранить всякую мысль о возможности этихъ отношеній, по ея желанію, былъ у нея на свадьбѣ посаженымъ отцомъ. Въ продолженіи шести лѣтъ послѣ этого NN. жили согласно. Обвиняемый, по его указанію, имѣлъ на счетъ жены нѣкоторыя сомнѣнія, но тѣмъ не менѣе не допускалъ мысли, чтобы жена его до брака могла быть съ кѣмъ-либо въ связи. Въ іюнѣ 1873 г. обвиняемая узнала отъ жены своего брата, что жена Чихачева отзывается о ней, какъ о женщинѣ безнравственной и безчестной. Предполагая поэтому, что Чихачевъ передалъ своей женѣ ея тайну, и страшась вслѣдствіе этого, что свѣдѣнія объ ея отношеніяхъ къ Чихачеву могутъ дойти до мужа помимо нея, она рѣшилась предупредить это личнымъ сообщеніемъ мужу о связи своей съ Чихачевымъ, представивъ ему эту связь въ такомъ разсказѣ, который возможно менѣе компрометировалъ бы ее въ глазахъ мужа. Поэтому она сказала мужу, что

отдалась Чихачеву вслѣдствіе его обольщеній и насилія, и что имѣла съ Чихачевымъ связь всего только однажды. Не вѣря вполнѣ своей женѣ, взволнованный чувствомъ мести къ Чихачеву, N. сталъ требовать отъ жены, чтобы она объяснилась съ Чихачевымъ въ его присутствіи. Въ концѣ іюля, узнавъ, что Чихачевъ находится въ селѣ Ашевѣ у помѣщика Николая Черешкевича, онъ поѣхалъ вмѣстѣ съ женою въ село Ашево. Остановившись на постояломъ дворѣ и посѣтивъ Чихачева, онъ отъ имени жены своей пригласилъ Чихачева къ себѣ. Когда Чихачевъ вошелъ въ комнату, обвиняемый заперъ дверь на ключъ, а жена его, объявивъ Чихачеву, что она о своихъ отношеніяхъ къ нему открыла мужу, стала припоминать подробности этихъ отношеній и въ заключеніе потребовала отъ Чихачева подтвержденія своихъ словъ. Чихачевъ, недоумѣвая, что все это значитъ, подъ вліяніемъ мысли, что N. объ отношеніяхъ его къ своей женѣ узналъ отъ постороннихъ лицъ, а не отъ жены, которая вслѣдствіе этого несогласно съ истиной разсказала ему о событіи, и въ то же время, не желая объясненіемъ событія въ истинномъ его свѣтѣ компрометировать обвиняемую, на требованіе ея сказалъ, что онъ считаетъ себя виновнымъ. Тогда N., обозвавъ Чихачева подлецомъ, объявилъ ему, что поступокъ его будетъ ему отомщенъ; а жена его, припомнивъ Чихачеву его обѣщаніе пожертвовать для нее жизнью, заявила Чихачеву, что для него наступила минута осуществить это обѣщаніе на дѣлѣ и потребовала, чтобы онъ лишилъ себя жизни, на что предоставила ему пять минутъ срока для размышленія. При этихъ объясненіяхъ, какъ видно изъ показаній свидѣтелей Черешкевича и подполковника Раабена, которымъ Чихачевъ при жизни разсказывалъ объ этомъ событіи, на столѣ лежали кинжалъ и пистолетъ. Дальнѣйшія объясненія были, однако, прерваны приходомъ Черешкевича, который постучался въ дверь. Пользуясь этимъ, Чихачевъ далъ слово непремѣнно возвратиться для окончательныхъ объясненій въ 5 часовъ пополудни и ушелъ съ Черешкевичемъ домой, совершенно разстроенный. По прошествіи 5-го часа, не дождавшись Чихачева, N. отправился къ нему самъ, но, не будучи принятъ подъ предлогомъ болѣзни Чихачева, возвратился домой, а въ 8 часовъ вечера, придя вновь къ Чихачеву, послалъ къ нему записку, въ которой писалъ, что болѣзни Чихачева, препятствующей будто бы ему продолжать объясненія, онъ не вѣритъ и требовалъ, чтобы Чихачевъ къ нему вышелъ. Но, получивъ отказъ, N поручилъ Черешкевичу передать Чихачеву, что онъ будетъ ожидать его у себя въ своемъ имѣніи Андрюшино до 8-го августа. Не дождавшись Чихачева до этого числа, N. 11-го августа пріѣхалъ вновь съ женою въ село Ашево. Чихачевъ, собиравшійся въ этотъ день выѣхать изъ Ашева въ Петербургъ вмѣстѣ съ знакомымъ своимъ фонъ-Витте, увидѣвъ пріѣхавшихъ на улицѣ, тотчасъ же, не дожидаясь Витте, и не собравъ своихъ вещей, уѣхалъ изъ Ашева на лошадяхъ Витте, стоявшихъ въ это время запряженными. Вслѣдъ за симъ, N. явился къ Черешкевичу, но не найдя Чихачева, возвратился домой и черезъ ¼ часа вновь пришелъ къ Черешкевичу вмѣстѣ съ женою. Не вѣря въ отъѣздъ Чихачева, оба они, какъ показываетъ свидѣтель фонъ-Витте, въ раздраженномъ состояніи искали его по всему дому, при чемъ послѣдняя говорила, что не успокоится до тѣхъ поръ, пока не убьетъ Чихачева. Наконецъ, удостовѣрившись въ его отъѣздѣ, N. поручилъ Черешкевичу передать Чихачеву его вызовъ на дуэль, а самъ вслѣдъ затѣмъ вмѣстѣ съ женою поѣхалъ догонять Чихачева. Доѣхавъ до Новоржева, они узнали, что Чихачевъ проѣхалъ дальше. Они погнались за нимъ, но на слѣдующей станціи, потерявъ надежду догнать Чихачева, возвратились въ свое имѣніе. По прибытіи въ Петербургъ, Чихачевъ, чтобы избавиться отъ преслѣдованій, распустилъ слухъ, что онъ выѣхалъ заграницу. Въ сентябрѣ обвиняемые пріѣхали въ Петербургъ, справились здѣсь о Чихачевѣ и, получивъ свѣдѣніе, что онъ былъ въ Петербургѣ, но выѣхалъ, отправились за границу, гдѣ пробыли до половины октября,

когда возвратились въ свое имѣніе. Послѣ этого со 2-го числа ноября мѣсяца N., какъ это видно изъ найденныхъ при обыскѣ записокъ, сдѣлался жестокъ съ своею женою. Онъ сталъ бить ее по лицу, таскать за волосы, наносить удары чубукомъ, говорить ей въ глаза самыя оскорбительныя вещи. Она уходила изъ дому и въ отчаяніи ложилась въ снѣгъ, чтобы простудиться и заболѣть. Въ томъ же ноябрѣ мѣсяцѣ она написала Чихачеву пространное письмо, наполненное укорами и бранью, и дошедшее по назначенію. На это письмо Чихачевъ заготовилъ отвѣтъ, но не отправилъ его. Затѣмъ 26-го ноября N., вслѣдствіе вызова его Судебною Палатою въ качествѣ свидѣтеля, пріѣхалъ въ 11 часу утра съ женою въ Петербургъ. Остановившись въ гостинницѣ, онъ тотчасъ справился въ адресномъ столѣ о Чихачевѣ и получилъ свѣдѣніе, что Чихачевъ жилъ на Захарьевской улицѣ въ домѣ Поповой, но 29-го октября выбылъ въ Москву. Несмотря на такую справку, супруги NN. въ 5-мъ часу пополудни поѣхали въ домъ Попова. Отправляясь сюда, N. имѣлъ въ своемъ карманѣ ножъ, а жена захватила тайно отъ мужа заряженный револьверъ мужа, который онъ имѣлъ при себѣ въ дорогѣ. Въ домѣ Попова дворникъ сообщилъ имъ, что Чихачевъ находится въ Петербургѣ и указалъ его квартиру. Войдя вслѣдствіе этого къ Чихачеву, они заявили ему, что пріѣхали къ нему для объясненій, на что Чихачевъ, передавая письмо, написанное имъ въ отвѣтъ на вышеупомянутое письмо жены, сказалъ, что онъ готовъ имѣть объясненіе, но лишь по прочтеніи его письма. Взявъ это письмо и положивъ въ карманъ, N. настаивалъ на немедленномъ объясненіи и потребовалъ отъ Чихачева отвѣта на сдѣланный ему вызовъ. Затѣмъ произошло убійство Чихачева.

Поэтому были преданы суду: отставной штабсъ-капитанъ N., по обвиненію въ томъ, что въ запальчивости и раздраженіи, но не случайно, а съ намѣреніемъ убить коллежскаго асессора Петра Чихачева, нанесъ ему ножомъ нѣсколько ранъ, отъ которыхъ онъ умеръ, и жена его по обвиненію въ томъ, что въ запальчивости и раздраженіи, съ намѣреніемъ убить Чихачева, выстрѣлила въ него два раза изъ револьвера, но выстрѣлы эти по причинамъ, отъ воли ея независѣвшимъ, въ Чихачева не попали.

Засѣданіе по этому дѣлу происходило 2-го и 3-го марта 1874 года, въ С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей подъ предсѣдательствомъ Товарища Предсѣдателя *Батурина;* защищали—подсудимаго—присяжный повѣренный *Спасовичъ*, подсудимую—присяжный повѣренный *Герардъ.*

На судебномъ слѣдствіи подсудимый призналъ себя виновнымъ въ томъ, что нанесъ ударъ ножомъ, отъ котораго послѣдовала смерть, но только случайно и безъ всякаго намѣренія причинить смерть, такъ какъ, нанося удары, онъ не видѣлъ даже лица Чихачева, при чемъ не было никакого намѣренія на убійство; подсудимая объяснила, что вовсе не хотѣла стрѣлять въ Чихачева, и если выстрѣлила въ него, то совершенно безсознательно.

Свидѣтель полковникъ *фонъ-Раабенъ* между прочимъ показалъ, что Чихачевъ сообщилъ ему, что когда онъ служилъ мировымъ судьей въ Новоржевѣ, онъ познакомился съ подсудимою, которая была молодою дѣвушкою, въ домѣ ея родственниковъ. Въ это время жена его уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ находилась за границей. Супруги Чихачевы жили между собою нехорошо, жена была крайне холодна къ мужу, старалась уѣзжать отъ него на продолжительное время, несмотря на всѣ уговоры Чихачева, который очень любилъ ее. Познакомившись съ подсудимой въ домѣ, въ которомъ онъ бывалъ довольно часто, Чихачевъ, мало-по-малу, незамѣтно для себя, началъ увлекаться, встрѣчая съ ея стороны тоже вниманіе и расположеніе, такъ что мало-по-малу они стали сближаться все болѣе и болѣе. Но такъ какъ ему приходилось видѣться съ нею въ при-

сутствіи другихъ, то, несмотря на увеличившуюся короткость, они не имѣли иногда возможности говорить другъ съ другомъ безъ постороннихъ свидѣтелей. Вслѣдствіе этого, однажды, когда прервали ихъ интимный разговоръ, подсудимая обратилась къ Чихачеву и сказала: «намъ не даютъ поговорить здѣсь; заходите сегодня послѣ ужина, когда мы всѣ разойдемся, прямо въ мою комнату». Чихачевъ былъ немножко озадаченъ этимъ предложеніемъ, но однако согласился, полагая, что разговоромъ и ограничится ихъ свиданіе. Послѣ ужина онъ отправился къ ней и сказалъ, что дѣлаетъ очень большую неосторожность, что присутствіе посторонняго человѣка въ комнатѣ дѣвушки, ночью, можетъ въ высшей степени ее компрометировать и что репутація ея можетъ отъ этого пострадать. Она отвѣтила ему, что не видитъ въ этомъ ничего дурного, и затѣмъ пригласила его сѣсть, чтобы поболтать. Но несмотря на это, онъ все таки началъ убѣждать ее въ неосторожности и затѣмъ, пробывъ нѣкоторое время, ушелъ отъ нея. На слѣдующій день, при встрѣчѣ, она опять пригласила его къ себѣ; подобнаго рода вызовъ заставилъ его сильно колебаться, но однако, когда пришло время, онъ рѣшился отправиться къ ней, и съ этого времени, какъ разсказывалъ Чихачевъ, между ними начались короткія отношенія, которыя продолжались въ теченіе 1½, 2, а можетъ быть и болѣе мѣсяцевъ. Послѣ того какъ Чихачевъ замѣтилъ свою склонность къ обвиняемой, у него начала являться мысль, что это можетъ кончиться слишкомъ близкими отношеніями; онъ все-таки любилъ свою жену и написалъ ей письмо въ такомъ смыслѣ, что она дѣлаетъ большую ошибку, оставляя его одного, убѣдительно просилъ ее возвратиться къ нему, и между прочимъ замѣчалъ, что если она будетъ продолжать такимъ образомъ, то онъ увлечется кѣмъ нибудь другимъ. На это письмо онъ получилъ нерѣшительный и уклончивый отвѣтъ. По прошествіи мѣсяца или 1½ возвратилась его жена и попрежнему продолжала относиться къ нему чрезвычайно холодно. Но когда однажды ему пришлось быть вмѣстѣ съ женою въ обществѣ и встрѣтиться съ обвиняемою, то жена его, какъ говорилъ Чихачевъ, какимъ-то инстинктомъ замѣтила, что между ними существуютъ короткія отношенія. По возвращеніи домой, жена сдѣлала ему страшную сцену ревности и начала требовать, чтобы онъ сознался, какія были между ними отношенія. Конечно, онъ старался всѣми способами успокоить ее. Но это была женщина изъ тѣхъ, которыя не принимаютъ никакихъ убѣжденій, и потому стояла на своемъ; каждый день она продолжала дѣлать ему страшныя сцены ревности. По возвращеніи ея, Чихачевъ временно прервалъ отношенія съ обвиняемою. Любя жену попрежнему, онъ разсчитывалъ, что можетъ быть ему удастся сойтись съ нею окончательно и наслаждаться тою спокойною семейною жизнью, которой онъ всегда добивался. Но вслѣдствіе постоянныхъ сценъ, которыя ему дѣлала жена онъ, наконецъ, началъ избѣгать оставаться съ нею, сталъ уходить изъ дому, искать развлеченій внѣ его и опять посѣщать обвиняемую. Затѣмъ обвиняемая уѣхала и вскорѣ онъ узналъ, что съ нею познакомился г. N. и собирается на ней жениться. Затѣмъ онъ получилъ приглашеніе отъ обвиняемой быть у нихъ на свадьбѣ посаженымъ отцомъ. Подобная роль ему чрезвычайно не понравилась и онъ выразилъ желаніе уклониться отъ нея. Но она начала настойчивымъ образомъ упрашивать его и представляла такое соображеніе, что если онъ согласится принять на себя эту роль, то этимъ самымъ окончательно отклонитъ всякое подозрѣніе, если оно существуетъ у кого либо изъ окружающихъ ихъ лицъ, объ ихъ прежнихъ отношеніяхъ. Послѣ этой свадьбы въ теченіе 1½ или 2 лѣтъ онъ продолжалъ служить; къ этому времени относится его окончательный разрывъ съ женой, такъ что онъ остался одинъ. Въ теченіе этого времени онъ встрѣтился съ обвиняемою раза два или три. Въ первый разъ онъ встрѣтилъ ее на улицѣ, когда онъ и она шли въ гости въ одинъ и тотъ же домъ. Въ эту встрѣчу, она, пользуясь тѣмъ, что на улицѣ

никого не было, обратилась къ нему съ просьбою о томъ, чтобы онъ попрежнему продолжалъ скрывать бывшія между ними отношенія и просила его объ этомъ убѣдительнымъ образомъ, объясняя, что если объ этомъ узнаетъ ея мужъ, то дѣло кончится для нея очень дурно. Онъ сказалъ, что будетъ такъ же скроменъ, какъ и прежде, и что не имѣетъ повода разсказывать объ этомъ. Послѣ этого разговора они разстались. При другой встрѣчѣ разговоръ между ними былъ также незначительный. Наконецъ, во время третьей встрѣчи въ обществѣ, онъ не имѣлъ возможности поговорить наединѣ и обмѣнялся съ нею только двумя словами. Послѣ этого, разставшись съ женою и тяготясь тѣмъ мѣстомъ, гдѣ онъ имѣлъ столько непріятностей, Чихачевъ рѣшился оставить службу, тѣмъ болѣе, что его мать, жившая въ Петербургѣ, была очень больна и онъ хотѣлъ провести съ нею послѣднее время и, кромѣ того, онъ былъ человѣкъ совершенно обезпеченный. Вслѣдствіе этого онъ отправился въ Петербургъ, пробылъ тамъ съ матерью до ея смерти; затѣмъ поперемѣнно жилъ то въ Петербургѣ, то за границей, пользуясь свободою и занимаясь, въ качествѣ любителя, живописью. Въ 1873 году онъ пріѣхалъ въ Новоржевъ, ничего не подозрѣвая и въ надеждѣ устроить ссудо-сберегательное товарищество. Онъ остановился у Черешкевича—одного изъ своихъ старинныхъ пріятелей. На третій день по пріѣздѣ, утромъ, къ нему пришелъ обвиняемый и послѣ совершенно дружелюбнаго разговора спросилъ, не хочетъ ли Чихачевъ повидаться съ его женою? Чихачевъ изъявилъ желаніе и они отправились. Дорогой разговоръ шелъ обыкновенный: обвиняемый спрашивалъ, какъ лучше помѣстить капиталъ и т. д. Разговаривая такимъ образомъ, они подошли къ какой-то избушкѣ невзрачнаго вида—нѣчто въ родѣ кабака. Это немного озадачило Чихачева, такъ какъ онъ зналъ, что подсудимые всегда останавливались у своего родственника—станового пристава и, во всякомъ случаѣ, если не у него, то въ гостинницѣ. Тѣмъ не менѣе, Чихачевъ былъ далекъ отъ серьезныхъ подозрѣній и они вошли въ комнату, которая была перегорожена. Подсудимый пригласилъ его въ слѣдующую комнату, куда они вошли. Онъ увидѣлъ его жену, стоявшую посреди комнаты, обратился къ ней съ обыкновеннымъ привѣтствіемъ, но по ея позѣ и по тому, что она не отвѣчала на его привѣтствіе, онъ увидѣлъ, что тутъ происходитъ что-то необыкновенное. Въ это время мужъ заперъ дверь. Это поведеніе супруговъ и вся обстановка заставили Чихачева осмотрѣться. Прежде всего ему бросились въ глаза лежащіе на столѣ кинжалъ или ножъ и пистолетъ. Покойный Чихачевъ былъ въ высшей степени нервный, нерѣшительный, робкій, мягкій. Такая встрѣча его крайне поразила, и ему пришло въ голову, что вѣроятно подсудимому что нибудь извѣстно. При этомъ, какъ онъ объяснялъ, онъ сильно опасался за подсудимую, такъ какъ зналъ, что мужъ ея такой человѣкъ, который если бы узналъ всю эту исторію, то могъ сдѣлать женѣ большія непріятности. Поэтому Чихачевъ рѣшился выждать, что ему скажутъ. Подсудимая начала обвинительную рѣчь, въ которой разсказала всѣ мельчайшія подробности ея отношеній къ Чихачеву, но въ такомъ видѣ, что онѣ имѣли совсѣмъ другой характеръ, нежели были въ дѣйствительности. Разсказъ этотъ выставлялъ ее жертвою Чихачева, а онъ рисовался самыми мрачными красками; она говорила, что онъ воспользовался ея неопытностью и употребилъ надъ нею насиліе. Во время этого разсказа мужъ оставался тутъ же въ комнатѣ и слушалъ рѣчь жены, какъ бы въ качествѣ судьи. Она окончила свою рѣчь такъ: «Вы помните г. Чихачевъ, что нѣкогда вы обѣщали мнѣ пожертвовать вашею жизнью. Въ настоящее время я нуждаюсь въ ней и поэтому требую, чтобы вы лишили себя жизни». Конечно, подобное требованіе озадачило его и при всей растерянности, онъ не могъ удержаться отъ улыбки, потому что такое требованіе было черезчуръ эксцентрично. Подсудимый, замѣтивъ улыбку, грозно крикнулъ Чихачеву: «Вы еще улыбаетесь» и, обращаясь къ женѣ, сказалъ: «Посмотри, онъ еще

смѣется». Чихачевъ старался замять такое впечатлѣніе улыбки, но подсудимый заявилъ: «Вы непремѣнно должны лишить себя жизни, и если добровольно не согласитесь, то будете убиты». Къ этому жена его прибавила: «Я дала слово, что если вы сами себя не убьете, то убить васъ». Послѣ этого подсудимый обратился къ женѣ и спросилъ: «готово ли у тебя?» Она сказала: «готово». Чихачевъ увидѣлъ себя въ положеніи крайне затруднительномъ и, чтобы выиграть нѣсколько времени, сказалъ, что невозможно тотчасъ же рѣшиться на сдѣланное ему предложеніе и просилъ дать срокъ на размышленіе. Ему дали пять минутъ сроку. На вопросъ, почему Чихачевъ не протестовалъ въ то время, когда обвиняли его, и почему не представилъ дѣла въ настоящемъ его свѣтѣ, онъ сказалъ, что не сдѣлалъ этого единственно потому, что жалѣлъ подсудимую, зная раздражительность и мстительность ея мужа. Онъ искалъ только способа выйти изъ своего неловкаго положенія. Къ счастью для него, въ это время послышались въ сосѣдней комнатѣ шаги и голосъ Церешкевича, который взялся за ручку двери, чтобы отворить, но дверь оказалась запертою. Затѣмъ подсудимый сказалъ: «Сюда нельзя входить». Это обстоятельство въ соединеніи съ тѣмъ, что комната была заперта, что подсудимый говорилъ раздраженнымъ голосомъ, навело Церешкевича на мысль, нѣтъ ли тутъ чего нибудь серьезнаго. Вслѣдствіе этого онъ рѣшился не уходить и отвѣтилъ: «Хорошо, я подожду», и сѣлъ на стулъ. Благодаря этому обстоятельству Чихачевъ почувствовалъ нѣкоторое облегченіе. Послѣ этого подсудимые стали говорить съ Чихачевымъ по-французски. Чихачевъ сказалъ, что 5-ти минутнаго срока недостаточно, что ему нужно хорошо подумать, сдѣлать распоряженія и т. п. Подсудимые, зная, что въ сосѣдней комнатѣ сидитъ человѣкъ, близкій Чихачеву, не рѣшились на какую нибудь крайнюю мѣру и согласились дать отсрочку до 5 часовъ вечера съ тѣмъ, чтобы Чихачевъ въ это время далъ имъ свой отвѣтъ. Такимъ образомъ они его выпустили. Онъ вышелъ оттуда совершенно растерянный и взволнованный. Церешкевичъ взялъ его подъ руку и спросилъ, пригласить ли подсудимыхъ къ обѣду. Онъ отвѣтилъ: «какъ хочешь, какъ хочешь». Видя его сильно разстроеннымъ, Церешкевичъ поспѣшилъ его вывести и освѣдомился о причинѣ его разстройства. Чихачевъ разсказалъ ему всю происшедшую сцену и спросилъ его совѣта, какъ ему быть. Церешкевичъ сказалъ, что такое требованіе конечно слѣдуетъ отклонить. Вечеромъ въ квартиру Церешкевича явился подсудимый и спросилъ, нельзя ли ему видѣть Чихачева. Церешкевичъ сказалъ, что Чихачевъ чувствуетъ себя нехорошо и не можетъ принять. Подсудимый выразилъ удивленіе и написалъ записку, въ которой требовалъ отъ Чихачева отвѣта. Послѣдній просилъ Церешкевича передать, что онъ такъ заболѣлъ, что не можетъ даже прочесть записку. Тогда подсудимый написалъ другое письмо и просилъ его передать Чихачеву. Въ письмѣ этомъ онъ говорилъ, что будетъ ожидать отвѣта отъ Чихачева черезъ двѣ недѣли лично у себя въ деревнѣ, безъ всякихъ постороннихъ свидѣтелей. Дѣйствительно, вслѣдъ за этимъ подсудимые уѣхали изъ Новоржева. Чихачевъ придумывалъ различныя мѣры, какъ ему поступить въ данномъ случаѣ, но такъ какъ была дана отсрочка, то не желая оставить дѣла, для котораго онъ пріѣхалъ, Чихачевъ занялся самымъ дѣятельнымъ образомъ, чтобы успѣть устроить дѣло до окончанія срока, не давъ никакого отвѣта на требованія подсудимыхъ. Но, къ несчастію, онъ не успѣлъ во время окончить; срокъ кончался и онъ въ теченіе двухъ дней съ минуты на минуту ожидалъ появленія подсудимыхъ. Наконецъ, онъ собрался уѣхать. Наканунѣ было сдѣлано распоряженіе, чтобы лошади были готовы. Чихачевъ долженъ былъ ѣхать съ фонъ-Витте, который зналъ объ исторіи. На другой день утромъ, когда Чихачевъ укладывалъ свой чемоданъ, фонъ-Витте пріѣзжаетъ на собственныхъ лошадяхъ, вбѣгаетъ въ комнату и говоритъ Чихачеву: «садитесь сейчасъ же, скорѣе, на моихъ лошадей и уѣзжайте, потому что они

пріѣхали, они здѣсь!» Чихачевъ выразилъ недовѣріе, но прежде чѣмъ онъ опомнился, на него надѣли фуражку и пальто, посадили въ экипажъ и кучеру приказали ѣхать на слѣдующую станцію. Спустя 10 минутъ послѣ отъѣзда Чихачева, явился подсудимый. Ему отвѣчали, что Чихачева нѣтъ, что онъ уѣхалъ. Онъ не повѣрилъ этому и сказалъ, что ему извѣстно, что еще вчера вечеромъ Чихачевъ былъ здѣсь. Но Черешкевичъ сказалъ, что его нѣтъ. Подсудимый ушелъ и вскорѣ возвратился уже съ женою и сталъ требовать свиданія съ Чихачевымъ. Тогда Черешкевичъ сказалъ, что они могутъ сами убѣдиться въ томъ, что Чихачева нѣтъ. Они обыскали квартиру по всѣмъ угламъ. Не найдя Чихачева, они были чрезвычайно раздражены, при чемъ она кричала даже такія вещи: «я его убью, потому что онъ воспользовался моей невинностью и соблазнилъ меня!» Убѣдившись, что Чихачева нѣтъ, они ушли, а Черешкевичъ и фонъ-Витте взяли лошадей и отправились до слѣдующей станціи, гдѣ они догнали Чихачева, который поѣхалъ съ фонъ-Витте, а Черешкевичъ вернулся домой. Послѣдній встрѣтилъ подсудимыхъ на дорогѣ: они гнались за Чихачевымъ, но онъ успѣлъ уѣхать отъ погони и возвратился въ Петербургъ, гдѣ и разсказалъ происшедшую съ нимъ исторію.

По прошествіи нѣсколькихъ дней послѣ пріѣзда, Чихачевъ сталъ нѣсколько успокоиваться, тѣмъ болѣе, что отъ Черешкевича получено было письмо, которымъ онъ увѣдомлялъ, что подсудимые, потерявъ надежду догнать Чихачева, возвратились обратно. Потомъ Черешкевичъ снова увѣдомилъ, что они уѣзжаютъ за границу. Тогда Чихачевъ рѣшился, распространивъ слухъ, что онъ самъ уѣзжаетъ за границу, скрыть свои слѣды, между тѣмъ поселился у свидѣтеля, когда онъ былъ въ лагеряхъ, въ Красномъ Селѣ, гдѣ и пробылъ недѣли двѣ. До ноября никакого событія не произошло. Въ этотъ промежутокъ времени было лишь получено письмо отъ подсудимой, на которое Чихачевъ рѣшился написать отвѣтъ, объяснивъ свой взглядъ на дѣло и потребовавъ оставить преслѣдованіе. Отвѣтъ этотъ онъ составлялъ въ теченіе нѣсколькихъ вечеровъ. Письмо еще не было окончено, какъ отъ Черешкевича было получено извѣстіе, что подсудимый долженъ быть въ Петербургѣ въ качествѣ свидѣтеля по дѣлу мирового судьи Клингенберга. Получивъ письмо, Чихачевъ обратился за совѣтомъ ко многимъ изъ своихъ родственниковъ, при чемъ выражалъ сильное опасеніе—не было бы покушенія на его жизнь. Никто не могъ допустить и мысли, чтобы дѣло могло имѣть такой трагическій конецъ. Ему совѣтовали обратиться къ полицейской власти, но онъ не рѣшился на это, говоря, что, можетъ быть, ничего и не будетъ. Тогда свидѣтель предложилъ ему другое средство. Зная, что онъ человѣкъ крайне нервный, неспособный объясняться хладнокровно, онъ просилъ позволить объясниться ему. Но и на это онъ не согласился, сказавъ, что подсудимый такой человѣкъ, «который позволитъ себѣ сдѣлать и вамъ дерзость, а можетъ быть что нибудь еще и хуже, при томъ же, если онъ узнаетъ, что я вамъ разсказалъ всю исторію, то еще болѣе будетъ преслѣдовать». Въ концѣ концовъ было рѣшено, что онъ будетъ объясняться не иначе, какъ въ присутствіи свидѣтеля, и было условлено, что если будетъ со стороны подсудимаго какое нибудь сомнительное движеніе, то свидѣтель долженъ былъ его схватить, а Чихачевъ позвать людей. При этомъ рѣшено было принять подсудимаго въ 6 часовъ потому, что въ это время свидѣтель всегда былъ дома. Такимъ образомъ все было приготовлено, но дѣло устроилось совершенно иначе. 26-го ноября онъ возвратился домой часу въ 4-мъ, и такъ какъ былъ усталый, то, придя на половину Чихачева, противъ обыкновенія легъ до обѣда отдохнуть. Услыша во снѣ, что его кто-то будитъ, свидѣтель увидѣлъ Чихачева, который сказалъ вполголоса: «вставайте, они пріѣхали». Свидѣтель вскочилъ съ постели и сталъ надѣвать жилетъ и сюртукъ. Но въ это время въ сосѣдней комнатѣ раздались ихъ шаги. Чихачевъ вышелъ къ нимъ, притворивъ за собою дверь. Тотчасъ же послышался горячій разговоръ, продолжав-

шійся не болѣе минуты, такъ что свидѣтель едва успѣлъ надѣть жилетъ, и вслѣдъ затѣмъ онъ услышалъ страшный шумъ. Разговоръ былъ слѣдующій. Подсудимая сказала Чихачеву: «я пришла требовать отъ васъ отвѣта на мое письмо». Отвѣтъ этотъ наканунѣ былъ окончательно составленъ и Чихачевъ, передавая ей письмо, сказалъ: «вотъ отвѣтъ на ваше письмо. Въ немъ вы увидите все, что я намѣренъ былъ сообщить вамъ; затѣмъ я не имѣю желанія вести какіе-либо переговоры и прошу васъ оставить меня. Если же вамъ понадобятся какія либо дополнительныя объясненія, то относительно полученія ихъ отъ меня условимся». Письмо это, кажется, взялъ подсудимый, и обратился къ Чихачеву съ какою-то фразою, изъ которой можно было разслышать только слово «дуэль». Чихачевъ отвѣтилъ: «послѣ вашего поступка со мною я не признаю за вами права требовать отъ меня вызова съ вами на дуэль». Вслѣдъ за этими словами произошелъ страшный шумъ. Чихачева и подсудимаго свидѣтель засталъ лицомъ къ лицу въ схваткѣ, руки поднимались и опускались. Не предполагая, что у подсудимаго въ рукахъ оружіе, свидѣтель бросился къ нему, схватилъ за лѣвую руку и началъ тащить его отъ Чихачева. Къ несчастію, Чихачевъ совершенно растерялся и, когда свидѣтель тащилъ подсудимаго, онъ продолжалъ его преслѣдовать и безсознательно наносить ему удары. Такимъ образомъ, протащивъ подсудимаго половину комнаты, свидѣтель опрокинулъ его на диванъ и наконецъ обхватилъ обѣими руками. До этого времени онъ не подозрѣвалъ, что у него въ рукѣ ножъ, а тутъ, когда лишилъ его возможности двигаться, то увидѣлъ въ правой рукѣ ножъ. Когда онъ держалъ его на диванѣ, возлѣ котораго у столика стоялъ Чихачевъ, вдругъ раздался выстрѣлъ. Чихачевъ, видя, что подсудимый у него въ рукахъ, сказалъ: «ну, все кончено, теперь ихъ нужно въ полицію». Но въ это время онъ самъ увидѣлъ кровь на себѣ и проговорилъ: «я раненъ, раненъ». Услышавъ выстрѣлъ и сознавая затруднительность своего положенія, свидѣтель нѣсколько приподнялъ подсудимаго и повернулся къ его женѣ. Она стояла посреди комнаты, дворникъ схватилъ ее сзади за руки и потащилъ. Въ это время раздался новый выстрѣлъ. Дворникъ увлекъ ее на лѣстницу, а свидѣтель втащилъ подсудимаго въ переднюю и заперъ дверь, такъ что онъ остался въ передней одинъ съ ножомъ. Затѣмъ на черной лѣстницѣ онъ увидѣлъ подсудимую, окруженную людьми. Она переговаривалась съ мужемъ, бывшимъ за дверью въ передней. Она спрашивала, не случилось ли съ нимъ чего нибудь? Свидѣтель чрезвычайно взволнованный, замѣтилъ, что теперь не до нѣжностей, тѣмъ болѣе, что по его убѣжденію настоящій ея врагъ былъ ея мужъ, который руководилъ всѣми ея поступками и котораго она была слѣпымъ орудіемъ. Въ это время кто-то сказалъ, что Чихачевъ сильно раненъ. Она обратилась къ мужу и сказала черезъ дверь: «слышишь, Колинька, я его убила», но онъ отвѣтилъ: «такъ помни же, что я тебѣ говорилъ». Затѣмъ явилась полиція и судебный слѣдователь. На вопросъ о личности Чихачева свидѣтель отвѣтилъ, что можетъ сказать, что это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые своею непонятною, непостижимою добротою могутъ даже раздражать человѣка—до такой степени онъ былъ мягокъ. Вообще это былъ человѣкъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже слабый, чрезвычайно впечатлительный и въ высшей степени нервный, но въ то же время замѣчательно честный и правдивый, который во многихъ случаяхъ своей жизни не только на словахъ, но и дѣйствительно на дѣлѣ доказалъ явно свою человѣчность и доброту. Онъ не имѣлъ особенной надобности служить и если служилъ, то изъ принципа, изъ желанія принести посильную пользу обществу, и пользовался безусловнымъ уваженіемъ за свою дѣятельность. Нѣсколько лѣтъ назадъ онъ устроилъ на свой счетъ сельскую школу, въ которой до 70 учениковъ. Каждый годъ онъ жертвовалъ сумму, необходимую на содержаніе училища и на уплату учителю жалованья. Кромѣ того, онъ постоянно посылалъ въ школу учебныя пособія и переписывался съ своими

учениками, которые въ письмахъ къ нему выражали ему полную благодарность. Въ духовномъ завѣщаніи Чихачевъ отказалъ 10,000 руб. въ распоряженіе земства съ тѣмъ, чтобы оно на вѣчныя времена содержало изъ % съ этого капитала устроенную имъ, Чихачевымъ, школу. Онъ былъ женатъ, но разъѣхался съ женою и, несмотря на то, что въ семейной жизни онъ, кромѣ неудачъ и несчастія, ничего не видѣлъ отъ жены, тѣмъ не менѣе, когда она отъ него уѣхала, онъ старался дать ей способы пріобрѣсти честное положеніе. Онъ предлагалъ даже собственныя средства на веденіе бракоразводнаго дѣла и только требовалъ, чтобы иниціатива начатія дѣла была со стороны жены. Свидѣтелю приходилось неоднократно слышать отъ него, что если бы жена его почему либо принуждена была разойтись съ близкимъ ей человѣкомъ и была бы имъ покинута, то онъ принялъ бы ее опять въ свой домъ. Въ духовномъ завѣщаніи, въ виду того, что это можетъ случиться, желая дать ей какія либо средства къ жизни, онъ отказалъ ей 5,000 руб. Свидѣтель признавалъ его за человѣка въ высшей степени, даже до странности, деликатнаго въ сношеніяхъ съ женщинами.

Свидѣтель *Воронинъ* (дворникъ) показалъ, что онъ былъ въ кухнѣ, находившейся напротивъ квартиры Чихачева, услышалъ крикъ и бросился туда. Вбѣжавъ въ комнату, онъ увидѣлъ около дивана Чихачева и противъ него какого-то господина, который «совалъ» ему въ грудь. Онъ подбѣжалъ къ нимъ сзади хотѣлъ схватить этого господина, но тотчасъ же почувствовалъ боль въ рукѣ. Оказалось, что господинъ совалъ въ грудь Чихачева ножомъ, который попалъ между пальцевъ руки свидѣтеля и порѣзалъ ихъ. Тутъ выскочилъ фонъ-Раабенъ, схватилъ господина, а свидѣтелю приказалъ держать барыню. Потомъ послышался выстрѣлъ; онъ схватилъ барыню и потянулъ, но тутъ раздался второй выстрѣлъ, и тогда свидѣтель не поцеремонился съ барыней, повалилъ ее и вытащилъ на лѣстницу. Когда онъ держалъ господина, то барыня ругала Чихачева: «подлецъ, мерзавецъ, скотина», Стоя на лѣстницѣ, барыня спрашивала господина: «Коля, гдѣ у тебя ножъ?» Тотъ отвѣчалъ, что бросилъ его въ форточку. Потомъ свидѣтель сказалъ, что Чихачевъ раненъ и чуть живъ. На это господинъ сказалъ: «ну, и Богъ съ нимъ!»

Свидѣтель *Поповъ*, племянникъ Чихачева, отозвавшійся о дядѣ въ самыхъ симпатизирующихъ выраженіяхъ, объяснилъ, въ дополненіе къ подтвержденному имъ вполнѣ показанію фонъ-Раабена, что подсудимый послѣ катастрофы былъ совершенно спокоенъ, курилъ папиросы и пилъ предложенный ему чай; сначала, по приходѣ полиціи, онъ ругалъ Чихачева мерзавцемъ, но потомъ попросилъ передать ему свое сожалѣніе о случившемся.

Свидѣтельница *Попова* показала, что братъ ея, Чихачевъ, передавалъ ей объ исторіи въ Ашевѣ совершенно согласно съ тѣмъ, что говорилъ фонъ-Раабену: она не считала его способнымъ быть виновнымъ въ насиліи относительно подсудимой, такъ какъ къ женщинамъ онъ вообще относился сдержанно и застѣнчиво.

По показанію *Черешкевича*—подсудимый былъ человѣкъ раздражительный, мстительный и неуживчивый,—бранилъ всѣхъ и все и ни съ кѣмъ не ладилъ; Чихачевъ былъ честный и добрый человѣкъ, совершенно неспособный на насиліе;—онъ отказался дать подсудимой въ Ашевѣ подписку, что былъ съ нею въ близкихъ отношеніяхъ противъ ея воли и нехотѣлъ, несмотря на разспросы, повторять тѣ интимныя подробности, которыя при немъ и при мужѣ разсказывала она при объясненіяхъ, окончившихся требованіемъ самоубійства.

Свидѣтельница N.,—жена брата подсудимой, объяснила, что, по выходѣ изъ института, послѣдняя была такъ наивна, что часто предлагала вопросы, свойственныя малымъ дѣтямъ, почему, считая ее совершенно неопытною въ жизни, свидѣтельница совѣтовала ей быть осторожнѣе съ мужчинами, рисуя возможность всякихъ несчастій и потери репутаціи.

Подсудимая держала себя очень скромно,—была весела и спокойна, ни на что не жаловалась.

Цѣлый рядъ свидѣтелей —княгиня *Хованская*, г-жа *Философова*, *Полянскій*, *Левенталь*, *Дурново*, *Неклюдовъ*, генералъ *Стенбокъ-Ферморъ* и *Львовъ*— въ общихъ чертахъ подтвердили разсказъ фонъ-Раабена о происшествіи въ Ашевѣ, указавъ и на разныя видоизмѣненія описанія обстоятельствъ этого происшествія, образовавшіяся вслѣдствіе уѣздной молвы. Всѣ они объяснили, что Чихачевъ былъ добрый и благородный человѣкъ, склонный къ ухаживанію за женщинами и несчастный въ семейной жизни,—хлопотавшій о школахъ и ссудо-сберегательныхъ товариществахъ. Подсудимый, въ этихъ же показаніяхъ, былъ обрисованъ, какъ безусловно честный, но нѣсколько безпорядочный человѣкъ, раздражительный и гордый,—выражавшійся очень рѣзко обо всѣхъ, обзывая большинство людей, съ которыми приходилъ въ соприкосновеніе, «сволочью» и «идіотами», — очень нелюбимый въ уѣздѣ, но уважаемый за свою энергическую общественную дѣятельность. Онъ очень любилъ собирать оружіе.

По выслушаніи свидѣтелей, *подсудимый*, волнуясь и по временамъ останавливаясь, далъ подробное показаніе, въ которомъ, между прочимъ, объяснилъ, что жена его была самая прекрасная, любящая и преданная супруга и раздѣляла всѣ его понятія. Потомъ она сдѣлала ему признаніе. Попытки къ этому признанію у нея были и прежде, но онъ не настаивалъ. Онъ объясняетъ это признаніе желаніемъ очистить совѣсть. Онъ жилъ съ женою такъ, что никакихъ секретовъ между нимъ и женою не было. То, что она ему разсказала, его ужасно поразило, потому что она всегда представлялась ему невинною и чистою. По ея натурѣ, по всей обстановкѣ, онъ вѣритъ вполнѣ, что все вышло по ея неопытности, незнанію, противъ ея воли и желанія. Жена разсказала ему, что Чихачевъ часто у нихъ бывалъ, ухаживалъ за нею, былъ очень любезенъ, жаловался на свою горькую судьбу и возбудилъ въ ней состраданіе. Когда произошла связь, Чихачевъ высказывалъ ей свое сожалѣніе объ этомъ, раскаивался въ своемъ поступкѣ и просилъ, чтобы это осталось въ полнѣйшей тайнѣ между ними. При этомъ говорилъ, что соблюденіе тайны необходимо для ея же собственной пользы, потому что иначе пойдетъ молва и для нея могутъ быть весьма непріятныя послѣдствія. Все это заставило ее молчать. Когда она сдѣлалась невѣстою подсудимаго, Чихачевъ встрѣтилъ ее случайно, напомнилъ ей обѣщаніе взять посаженымъ отцомъ, при чемъ онъ сказалъ, что этимъ она покажетъ, что дѣйствительно чистосердечно его простила. По выслушаніи разсказа жены, у подсудимаго, помимо его воли, возникли сомнѣнія, относительно многихъ обстоятельствъ. Сначала онъ полагалъ, что все такъ и было, какъ она разсказывала: онъ зналъ, что она была въ высшей степени неопытна и наивна. Но потомъ онъ сталъ выражать невольно различныя сомнѣнія. Вообще, онъ не умѣлъ сначала справиться со всѣмъ этимъ. Желая разъяснить свои сомнѣнія, онъ потребовалъ объясненій жены съ Чихачевымъ въ присутствіи своемъ. По мнѣнію подсудимаго, Чихачевъ былъ человѣкъ честный, мягкій, добрый, но онъ легко поддавался вліянію другихъ людей. Подсудимый, какъ и его жена, думали, что Чихачевъ никому не станетъ разсказывать о ихъ объясненіи. Они хотѣли вызвать его на дуэль и желали, чтобы это оставалось для всѣхъ тайной. Поводъ къ дуэли можно было придумать иной. Вслѣдствіе этого въ Ашевѣ они выбрали уединенную квартиру. Подсудимый пошелъ къ Чихачеву, который встрѣтилъ его объятіями и поцѣлуями, оставившими въ немъ весьма тяжелое впечатлѣніе. Когда жена стала разсказывать, то просила Чихачева поправлять ее, если онъ замѣтитъ, что она что нибудь пропустила. Онъ обѣщалъ. Онъ прямо не утверждалъ и не отрицалъ всего того, что говорила жена. Когда было упомянуто слово насиліе онъ сказалъ, что не признаетъ такое дѣйствіе насиліемъ. Тогда, въ раздраженномъ состояніи, жена ему напомнила его обѣщаніе и клятву пожертвовать для

нея жизнію. Тутъ же въ раздраженіи подсудимый употребилъ нѣкоторыя бранныя слова, обращенныя къ Чихачеву. Объясненіе это кончилось приходомъ Церешкевича. Жена его дѣйствительно предложила Чихачеву лишить себя жизни и дала 5 минутъ сроку на размышленіе. Подсудимый смѣялся надъ выходкой жены и надъ затруднительнымъ положеніемъ Чихачева. Указывала ли она при этомъ на пистолетъ и ножъ—подсудимый не знаетъ и утвердительно не можетъ сказать, было ли это оружіе въ карманѣ или на столѣ. Уходя, Чихачевъ далъ честное слово, и подсудимый вѣритъ, что это слово было дано искренно и съ желаніемъ его сдержать, что онъ придетъ въ 5 часовъ окончить объясненіе. При этомъ жена подсудимаго сказала Чихачеву: «смотрите, не говорите никому». Чихачевъ не явился въ 5 часовъ и подсудимый уѣхалъ къ себѣ въ деревню; прошло двѣ недѣли, но Чихачевъ все не являлся. Такъ какъ все это дѣло чрезвычайно безпокоило подсудимаго, то онъ съ женою отправился опять въ Ашево къ Чихачеву. Придя къ Церешкевичу, онъ узналъ, что Чихачевъ уже уѣхалъ и, убѣдившись въ этомъ, онъ просилъ Церешкевича передать Чихачеву вызовъ на дуэль. Еще въ то время, когда жена призналась ему, онъ хотѣлъ вызвать Чихачева на дуэль, но прежде желалъ объясниться; а объясненія не были окончены. Церешкевичъ передалъ Чихачеву вызовъ. Чихачевъ черезъ Церешкевича же отвѣчалъ, что послѣ того, что было въ Ашевѣ, онъ не можетъ принять вызова. Подсудимый понялъ этотъ отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что Чихачевъ считалъ себя оскорбленнымъ тѣми бранными словами, которыя сказалъ ему подсудимый въ кабачкѣ. Поэтому онъ сказалъ, что это есть не причина уклоненія отъ дуэли, а наоборотъ. Послѣ этого подсудимаго еще болѣе раздражило то, что Чихачевъ невѣрно разсказывалъ сцену въ кабачкѣ. Потомъ онъ взялъ отпускъ и уѣхалъ за границу посмотрѣть вѣнскую выставку и побывать въ другихъ мѣстахъ, чтобы нѣсколько развлечься. За границей и здѣсь, всѣ 6 мѣсяцевъ подсудимый былъ въ страшно возбужденномъ состояніи, спалъ часа по четыре въ сутки, но ревности въ немъ не было, потому что онъ вѣрилъ женѣ, что все было случайно. Онъ вѣрилъ, что послѣ того, какъ она сдѣлалась его женою, она любила его... Трудно опредѣлить тѣ чувства, которыя его волновали. Онъ не могъ справиться съ своими сомнѣніями. Они возрастали больше и больше. Хотѣлось знать поведеніе Чихачева. Подсудимый старался заглушить свои чувства, былъ въ Вѣнѣ, осматривалъ все... чувствовалъ физическое утомленіе... потомъ къ нему снова вернулось прежнее нервное состояніе и онъ написалъ Чихачеву письмо, которое вчернѣ находится при дѣлѣ. Съ Чихачевымъ онъ былъ въ самыхъ отличныхъ отношеніяхъ въ то время, когда вмѣстѣ служили. Дѣйствительно, у подсудимаго характеръ рѣзкій, раздражительный, но это было въ отношеніи общественныхъ дѣлъ. Со стороны же Чихачева онъ пользовался уваженіемъ. Пріѣхавъ въ Новоржевъ изъ-за границы, онъ узналъ, что ходитъ молва о всей этой исторіи; ему казалось, что всѣ знаютъ это дѣло. Положеніе его сдѣлалось еще хуже... Дошло до того, что подсудимый совершенно не могъ владѣть собою и сталъ дѣлать сцены женѣ. Когда 26-го числа имъ сказали, что Чихачевъ дома, онъ зналъ что будетъ рѣшительное объясненіе. Онъ желалъ вызвать Чихачева на дуэль, но предварительно просить разъяснить сомнѣнія. Зная свой горячій характеръ, подсудимый, идя по лѣстницѣ, отдалъ револьверъ женѣ. Онъ зналъ, что на другой день нужно было быть въ Судебной Палатѣ. Если бы былъ умыселъ убить Чихачева, то онъ отложилъ бы это до другого раза. Къ нимъ вышелъ Чихачевъ. Жена сказала, что желаетъ переговорить съ нимъ. Онъ подалъ ей письмо и сказалъ, что это отвѣтъ на ея письмо. Подсудимый взялъ письмо и положилъ въ карманъ. Чихачевъ сказалъ, что готовъ дать объясненіе, но послѣ того, какъ будетъ прочитано письмо. Подсудимый отвѣтилъ, что прочтетъ его здѣсь. Чихачевъ возразилъ, что не хочетъ, чтобы они оставались въ квартирѣ. Будучи радъ, что нашелъ его и зная, что онъ скрывался, подсуди-

мый не повѣрилъ его обѣщанію дать объясненіе и выразилъ это ему. Чихачевъ сказалъ возвышеннымъ голосомъ и держа себя вызывающе, что проситъ выйти. Тогда подсудимый сказалъ ему, что вызываетъ его на дуэль. Онъ отвѣтилъ, что не хочетъ стрѣляться послѣ того предложенія, которое ему было сдѣлано въ Ашевѣ. Сказавъ, что это все равно, подсудимый повторилъ свой вызовъ. Тотъ отказался. Тогда подсудимый далъ ему пощечину, отъ которой онъ опрокинулся къ двери, но быстро поднялся и бросился на него съ криками и бранью: «дворника сюда, вязать ихъ веревками!» Одновременно съ этимъ отворилась дверь изъ другой комнаты, вбѣжалъ офицеръ и вмѣстѣ съ Чихачевымъ бросился на подсудимаго, а Чихачевъ началъ его бить. Онъ въ это время тоже, кажется, отражалъ удары, но ножа тогда у него въ рукахъ не было. Его потащили къ дивану. У него осталось только то впечатлѣніе, что вынимать ножъ было неловко; ему было тяжело, потому что держали за лѣвую руку... Вынувши ножъ, онъ одной рукой держалъ его за лезвіе, другой за черенокъ. Когда онъ наносилъ удары ножомъ, онъ не могъ видѣть лица Чихачева, потому что тотъ обѣими руками наносилъ ему удары по лицу, и притомъ очень учащенные... потомъ послѣдовали два выстрѣла... жену увели, а его оставили въ передней одного. Въ то время у него было такъ мало сознанія, что когда онъ остался одинъ, то прежде всего началъ читать письмо, которое Чихачевъ отдалъ женѣ, и оторвался отъ этого чтенія только тогда, когда жена съ лѣстницы назвала его и сказала, что Чихачевъ опасно раненъ. Это его очень огорчило и онъ просилъ передать Чихачеву, что проситъ у него прощенія, что это случилось нечаянно, противъ воли. Оторвавшись отъ чтенія письма, онъ первый разъ увидѣлъ свой ножъ и положилъ его на столъ, а такъ какъ къ нему боялись войти, то онъ бросилъ ножъ въ форточку и сказалъ объ этомъ. Вообще, признавая себя виновнымъ въ нанесеніи ранъ, подсудимый отрицалъ умыселъ въ своихъ дѣяніяхъ.

Подсудимая показала, что созналась мужу, потому, что «это лежало у нея на совѣсти» и она, кромѣ того, отчасти опасалась, чтобы слухи объ ея отношеніяхъ къ Чихачеву не дошли до мужа окольнымъ путемъ, чрезъ жену послѣдняго. Она не знала, что у мужа былъ ножъ и думала, что убила Чихачева своими выстрѣлами, которые сдѣлала безсознательно, думая защитить мужа, котораго били и который кричалъ.

Во время судебнаго слѣдствія были прочитаны два акта осмотра поврежденій у Чихачева, изъ коихъ видно, что ему нанесено было 6 ранъ; изъ нихъ двѣ болѣе значительныя, каждая въ 3 дюйма величины, нанесены въ грудь острымъ рѣжущимъ оружіемъ: одно—на лѣвой сторонѣ груди, по направленію сверху внизъ, а другая—на правой сторонѣ груди—въ прямомъ направленіи. Эти двѣ раны въ грудь признаны врачами безусловно смертельными и составляющими единственную причину смерти Чихачева.

Далѣе были прочитаны слѣдующія письма:

1) *Письмо подсудимаго къ Чихачеву изъ Берлина:* «Нѣтъ ничего возмутительнѣе, когда личность пошлая и ничтожная во всѣхъ отношеніяхъ... прозябаетъ, не сознавая своихъ гадостей. Въ васъ нѣтъ даже ничего цѣльнаго, все мелко. Вы глуповаты, пошлы и падки на деньги. Одно только прилагательное относится къ вамъ не въ уменьшительной степени: вы трусъ. Чѣмъ больше я вдумываюсь во всѣ извѣстныя мнѣ фазы вашего существованія, тѣмъ все гаже и гаже представляется мнѣ ваша личность—ни одного смягчающаго обстоятельства! Вы пошлый человѣкъ. Жалѣть можно только орла, которому подрѣзали крылья, но не такого человѣка, какъ васъ. У васъ нѣтъ ума, такъ что вамъ нельзя и сойти съ ума. Я гнался за вами, чтобы вызвать на дуэль и чтобы поступить съ вами, какъ съ отказывающимся отъ дуэли по трусости, т. е., чтобы побить васъ палкою. Вы истолковали мое намѣреніе вашему другу Черешкевичу, что будто бы васъ хотятъ убить. Какъ у васъ хватило смысла предположить это? У васъ требовали объясненій, а вы разсудили за лучшее бѣгать!»

2) *Письмо подсудимой къ Чихачеву:* «Кажется, терпѣнію моему есть тоже границы! Не понимаю, какъ вы смѣли меня повергнуть въ такую гнусную клевету, заявивъ, будто бы я говорила вашему другу, что я обезчещена вами! Вы знаете, что это гнусная ложь. Если бы у васъ была хоть капля чести, то вы должны были опровергнуть это, а вы оставили несчастную женщину оклеветанною предъ мужемъ и обществомъ. Вы предпочли лучше бѣжать, разсказавъ еще, что будто бы я предлагала вамъ ядъ, кинжалъ и пистолетъ. Какъ сильно развито у васъ воображеніе! Какой позоръ претерпѣла я, когда должна была въ присутствіи васъ и мужа повторять все слышанное! Вы же, честнѣйшій и благороднѣйшій, стали еще болѣе оскорблять меня. Развѣ при вашемъ входѣ мы накинулись, чтобы убить васъ? Нѣтъ, я просила только разъяснить васъ все сказанное мужу. На какомъ основаніи ваша жена говорила всѣмъ, что я безчестная и гадкая? Слыша подобные отзывы и не привыкшая скрывать отъ мужа ничего, я сказала вамъ, что честь женщины возстановляется смертью—это вашъ собственный принципъ—но не дѣлала никакихъ предложеній, а вы убѣжали, какъ подстрѣленный заяцъ, можетъ быть отъ трусости, и въ 5 часовъ сдѣлались уже больны. Вы просто воришка, а не воръ,—у вора все таки свое самолюбіе и храбрость,—потому что вкрались въ домъ, притворились жалкимъ, возбудили въ дѣвушкѣ жалость къ себѣ. А какъ благородно вы отплатили за участіе! Вы клятвопреступникъ, потому что не исполнили своей клятвы по своему малодушію и безхарактерности. Вы не подумали даже о чести женщины, о необходимости ее оградить. Въ оправданіе своей трусости вы разсказывали, что васъ хотятъ убить. Если бы вы не прикинулись тогда жалкимъ, то скандала не было бы. Видно, что вы такъ струсили, что не сообразили, до такой степени распространяемая вами чушь нелѣпа. Неужели вы могли подумать, что изъ-за такого труса, какъ вы, люди стали бы подвергаться тюрьмѣ и ссылкѣ въ Сибирь!? Я требую удовлетворенія моей чести. Скажите вашему другу, чтобы онъ не смѣлъ распространять такой лжи, такъ какъ я ничего подобнаго не могла сказать. Я обращаюсь къ вашему другу, какъ къ военному, у котораго понятіе о чести все-таки болѣе развито, потому что я желаю разъяснить, что всегда была честною, а изъ всѣхъ вашихъ словъ видно, какъ безсовѣстно оклеветалъ меня вашъ другъ. Я только ясно вижу, что вы дѣйствительно говорили ему что-нибудь подобное, потому что въ письмѣ приведены ваши фразы слово въ слово. Онъ пишетъ, между прочимъ, что вы очень храбры, хотя тутъ же говоритъ, что вы такъ испугались, что бѣжите въ Константинополь, и смѣлъ прибавить: «странно, 5 лѣтъ молчали, а теперь подняли исторію». Я проклинаю васъ за все зло, которое вы мнѣ сдѣлали. Я выходила замужъ для того, чтобы доставить мужу тихую, спокойную жизнь, а что же оказывается?! Вся грудь такъ и переворачивается отъ ужасающей мерзости! Кто же какъ не вы же отняли мое семейное счастье? Если ваша совѣсть совсѣмъ заглохла, то моя тѣнь постоянно будетъ преслѣдовать васъ, какъ клятвопреступника и убійцу. Я ненавижу, я презираю васъ! Какъ вы смѣли думать, что за вами гонятся, чтобы убить васъ. Вы такой жалкій человѣкъ, что благородные люди не станутъ марать руки. Я просто хотѣла удовлетворить свою злобу и побить васъ очень больно, а пока посылаю пощечину, отъ которой щека ваша распухнетъ, вы это вполнѣ заслужили, какъ трусъ и подлецъ. Вы вѣдь такъ безхарактерны, что на васъ имѣютъ вліяніе всѣ. Стоитъ только кому нибудь сказать вамъ: «мнѣ все извѣстно, я все знаю», при чемъ васъ и пожалѣютъ, а вы сейчасъ же станете изливаться, а тѣ только этаго и хотятъ. Но, повторяю, не смѣйте поддаваться на эту удочку. Вы даже врете все изъ самолюбія, какъ это свойственно вашей натурѣ. Я думаю, что вашъ другъ нарочно написалъ моему мужу извѣстную фразу, чтобы дать понять, что онъ, какъ единственный вашъ другъ, посвященъ вами во всѣ подробности. Но мой мужъ пока подождетъ его трогать, а вы должны мнѣ

написать, всѣмъ ли вашъ пріятель распространилъ эту ложь или перепуталъ все слышанное отъ васъ, желая представить васъ непорочнымъ агнцемъ, въ чемъ вы можете быть искренно разувѣрены, потому что оба вы, подлецы, оклеветали честную и благородную женщину. Вотъ гдѣ видна ваша честность! Не правда ли, какъ это благородно?! Вы такъ много заслужили наказаній, что я не могу даже подобрать вамъ настоящее. Я какъ-то слышала, что вы отъ трусости совершенно помѣшаны, и потому самое лучшее, если вы послѣдуете примѣру вашего родственника. Ничѣмъ вы не загладите вашего безчестнаго поступка. Вы опозорили и убили меня нравственно и физически. Для вашей натуры не можетъ быть понятно, какъ сильно дѣйствуетъ на честныхъ людей клевета. Я требую, чтобы вы возвратили мои письма обратно и чтобы вы мнѣ написали чистую правду. Не налгали ли вы еще чего нибудь хотя бы въ пьяномъ кружкѣ для краснаго словца? Теперь вездѣ стали ходить ложные слухи, гнусныя сплетни. Я желаю знать, изъ какихъ источниковъ они распространяются. По полученіи этого письма, пришлите мнѣ «отвѣтъ» вмѣстѣ съ вашимъ настоящимъ адресомъ».

3) *Отвѣтъ Чихачева на это письмо*: «Недавно мнѣ было передано ваше письмо. На первой же строкѣ его заключаются ни на чемъ не основанныя требованія. Вы пишете, какъ я могъ повѣрить клеветѣ моего друга и проч. Прежде всего, кто далъ вамъ право обращаться съ такимъ повелительнымъ тономъ? Подумали ли, что вы пишете? Сообразили ли вы, что я не былъ при тѣхъ сценахъ, которыя произошли послѣ моего отъѣзда? Поэтому я не могу ни подтверждать, ни отрицать того, чего не знаю. Притомъ, я не имѣю права приказывать Ц., какъ человѣку самостоятельному и настолько честному, что онъ неспособенъ распускать гнусную клевету и искажать совершившійся фактъ. Въ вашемъ письмѣ находится рядъ ругательствъ, въ которыхъ вы очень изощрились. Но нѣтъ ничего легче, какъ произносить ругательства, да еще заимствованныя отъ другихъ. Они ничего не доказываютъ, никого не оскорбляютъ, а только унижаютъ тѣхъ, которые прибѣгаютъ къ такимъ унизительнымъ средствамъ. Ваше письмо наполнено такими противорѣчивыми одинъ другому фактами, что его слѣдовало бы оставить безъ отвѣта. Но я рѣшился отвѣчать потому, что то пассивное положеніе, которое я принялъ въ отношеніи васъ, вмѣсто того, чтобы быть понятымъ вами, служитъ вамъ надолго пищей для вашихъ ругательствъ. Въ началѣ письма вы такъ пишете: «вы безчестный трусъ, вы оставили несчастную женщину, оклеветанную предъ мужемъ и обществомъ». Слово «безчестный трусъ» вы обратили ко мнѣ на томъ основаніи, что во время вашего перваго пріѣзда и объясненія я молчалъ и былъ очень смущенъ, и если ничего не высказалъ, то съ тѣмъ, чтобы оградить васъ отъ обвиненія и взвалить все на себя. Мое смущеніе и образъ дѣйствія вы называете безчестной трусостью. Но, не приписывая себѣ воинственныхъ наклонностей, я долженъ объяснить, что меня приводила въ смущеніе не та обстановка, въ которой вы меня приняли, а неожиданность той сцены. Я не хотѣлъ увеличивать вашего горя и потому избѣгалъ объясненій, такъ какъ каждое изъ нихъ могло быть очень невыгодно для васъ. Я испытывалъ мучительное чувство, узнавъ, что тайна, которую я скрывалъ, открыта, до сихъ поръ не понимаю, кѣмъ. Все это такъ было тяжело, что я не обратилъ вниманія на ругательство вашего мужа. Въ то время мнѣ не представлялось никакого исхода, какъ принять предложеніе, которое дѣлается въ этихъ случаяхъ. Вы не можете отрицать того, что, выслушавъ все безъ возраженія, я спросилъ, чего отъ меня требуютъ, и думалъ, что получу достойный отвѣтъ. Но вмѣсто того услышалъ вещи, которыя никогда не могли мнѣ придти на умъ. Вы предложили мнѣ лишить себя жизни. Какъ ни тяжело было у меня на душѣ, но мнѣ показалось это смѣшнымъ. Вашъ мужъ угрожалъ, что я буду убитъ. Не отрицайте и не искажайте этихъ фактовъ. Какъ назвать чело-

вѣка, который хочетъ отстранить отъ себя опасность, считая себя оскорбленнымъ, и предоставляетъ женѣ своей сдѣлать противнику подобное предложеніе? Вы помните, что дали мнѣ 5 минутъ на размышленіе и согласились продлить это время до 5 часовъ, съ условіемъ сохранить тайну объ угрозѣ. Какъ все было хорошо придумано! Вамъ не предстояло ни отвѣтственности, ни опасности. Но какъ ни хитро было это придумано, однако, все показываетъ, что вы были слишкомъ омрачены эгоизмомъ. Послѣ всего случившагося могла ли быть рѣчь о свиданіи? Предположеніе, что послѣ того я приду къ вамъ, могъ сдѣлать человѣкъ только въ несовершенно здравомъ разсудкѣ. Во всѣхъ вашихъ дѣйствіяхъ я видѣлъ своихъ враговъ, по долгу чести я продолжалъ, однако, хранить все въ тайнѣ. Я ускорилъ свой отъѣздъ и назначилъ его на 11-е чис ло. Желая избѣжать объясненій съ вами, я поспѣшилъ уѣхать, но случившееся послѣ моего отъѣзда, превзошло все, чего я могъ ожидать. Происшедшій скандалъ вслѣдствіе вашихъ поисковъ и погоня сдѣлались всѣмъ извѣстными и темою для разговора и, разумѣется, многое было преувеличено и искажено. Послѣ этого я имѣлъ полное право объяснить, какія вы дѣлали мнѣ предложенія и угрозы. Несмотря на то, ни въ народѣ, ни въ обществѣ ничего не знали. Ходили только смутные слухи по случаю вашего пріѣзда, помѣщенія вашего въ трущобѣ и другихъ непонятныхъ обстоятельствъ. Но что было только догадкою, то обратилось въ молву послѣ вашихъ необдуманныхъ поступковъ. Вы были сами причиною огласки. Вся тяжесть падаетъ на васъ, а еще болѣе на вашего мужа, заставившаго васъ играть такую роль. До сихъ поръ я избѣгалъ и васъ, и объясненій съ вами, но письмо вынуждаетъ меня отвѣчать. Прежде чѣмъ кончить, я долженъ сказать, что послѣ случившагося вы не въ правѣ предъявлять ко мнѣ требованій. Я самъ знаю, какъ поступить, и письмо ваше оставлю при себѣ. Не могу пройти молчаніемъ того мѣста письма, гдѣ вы выражаете желаніе, чтобы я прикинулся сумасшедшимъ. Но это цѣлесообразнѣе сдѣлать тѣмъ, которые своими дѣйствіями причинили огласку. Слухъ вашъ о томъ, что я сумасшедшій, и вашъ намекъ на моего родственника сдѣланы некстати; оставьте это въ покоѣ. Я не могу не остановиться еще на слѣдующемъ. Такъ, напримѣръ, вы говорите: «вы просто воришка; вкрались въ домъ, возбудили въ неопытной дѣвушкѣ жалость къ себѣ». Какая правда! Только позвольте вамъ замѣтить, что въ домъ вкрадываться, чтобы возбудить жалость въ неопытной дѣвушкѣ, мнѣ не было никакой надобности, потому что я часто бывалъ въ этомъ домѣ, прежде чѣмъ узналъ о существованіи этой неопытной дѣвушки. Отчего вы меня называете воришкой—я не знаю, такъ какъ я никогда ничего не бралъ, чего мнѣ добровольно не давали. Вы говорите, что не привыкли скрывать отъ мужа ничего. Однако, сколько лѣтъ вы отъ него скрывали. Если вы считали себя высоконравственной женщиной, то отчего вы не сообщили мужу до замужества? Вы могли тогда же совершенно честно сказать ему объ этомъ. Поэтому вашъ мужъ не имѣетъ теперь права обращаться съ требованіями! Всѣ понятія въ вашемъ письмѣ такъ перепутаны, что я спрашиваю васъ: что вы разумѣете подъ словами клевета и правда? Никто этого не объяснитъ. Одно только ясно въ вашемъ письмѣ—это напускная злоба, всплывшая точно по щучьему велѣнію, послѣ многихъ лѣтъ спокойствія, и бредъ разстроеннаго воображенія. Слушайте: въ отношеніи васъ я все сдѣлалъ, сохранилъ тайну и до начала поднятія вами исторіи никто не смѣлъ сказать про васъ ни одного слова. Всѣ ваши предположенія не имѣютъ основанія. Вы поступили со мной безсовѣстно, взваливъ все на меня. Съ этого времени я имѣю причину считать васъ врагомъ. Несмотря на это, я васъ щадилъ для того, чтобы не поставить меня въ положеніе вашего обвинителя. Вы, истолковавъ обратно мои поступки, назвали меня безчестнымъ трусомъ и т. п. Въ словесныхъ объясненіяхъ надъ вами могла тяготѣть всецѣло воля вашего мужа. За это же письмо отвѣтственность падаетъ на васъ. Поэтому

во мнѣ уничтожилось всякое сочувствіе къ вашему положенію. Съ этого времени у меня не существуетъ никакихъ обязательствъ въ отношеніи къ вамъ. Я смотрю на васъ, какъ на злѣйшаго врага. Избѣгать васъ мнѣ нѣтъ причины, точно такъ же какъ нѣтъ надобности съ вами встрѣчаться. Если же со стороны васъ будетъ покушеніе, то мною будутъ приняты рѣшительныя мѣры».

Затѣмъ были сдѣланы ссылки на *письма Черешкевича къ Чихачеву*, изъ которыхъ одно относится къ началу августа, другое—къ концу августа, третье—къ половинѣ ноября. Во всѣхъ этихъ письмахъ Черешкевичъ сообщаетъ Чихачеву о тѣхъ свѣдѣніяхъ и слухахъ, которые ходятъ въ уѣздѣ. Въ одномъ изъ нихъ онъ разсказываетъ, какъ распространяются сплетни въ уѣздѣ, какъ постепенно прибавляются къ разсказу о пистолетѣ и кинжалѣ стаканъ съ ядомъ и петля, увѣдомляетъ, что подсудимые ѣхали за нимъ въ погоню и, наконецъ, что они вызваны въ Петербургъ на 26-е ноября, по дѣлу Клингенберга.

Были прочитаны также отрывки изъ *дневника подсудимой*: «Ахъ! Сколько разъ я упрекаю себя за сорвавшіяся слова! Зачѣмъ я ему говорила. Лучше бы унести было это съ собой въ могилу. Тогда было бы хотя то же, что и теперь, но все-таки лучше. Не мучилась бы я такъ, да и онъ бы не мучился такъ. Что же мнѣ дѣлать, если я плохо понимаю, къ чему и изъ-за чего онъ такъ волнуется. Все можно было бы устроить тише и лучше, а эта горячность не приведетъ къ хорошему. Я дала ему клятву, что исполню все. Но, давая ее, развѣ я понимала—что? Конечно, я должна погибнуть и неизбѣжно погибнуть. Но я на все согласна, лишь бы сдѣлать его счастливымъ. Но врядъ ли это принесетъ ему счастье. Я все-таки пользовалась пять лѣтъ хорошею жизнью и значитъ дѣйствительно его люблю, если всѣ униженія и оскорбленія мгновенно забываю за его ласки, а онъ, бѣдняжка, не имѣетъ покоя, и въ этомъ я виновата. Я съ радостью сдѣлаю ему все, чтобы дать счастье. Грустно то, что онъ своимъ обращеніемъ довелъ меня до такого ужаснаго къ нему страха. Дѣйствительно, очень часто я его просто боюсь, скрываюсь, стараюсь, какъ бы подальше уйти отъ его глазъ. Ахъ, много, много вынесла я за свою легкомысленность»... «Сегодня цѣлый день одна. Стыдно признаться, а вздохнула свободно. Я гуляла и все думала, все думала, какъ тяжела была бы разлука съ нимъ. Погубила я себя и его, моего мужа. Какая у него возвышенная, глубокая душа! Сколько хорошаго я перенимаю отъ него. Какъ милосердъ ко мнѣ Создатель! Я вижу, что Господь, можетъ быть, сжалился надо мной и послалъ въ мужья именно его. Господь видѣлъ, что меня можно спасти»... «День прошелъ такъ же, какъ вчера. Я его не ждала, сидѣла съ дѣвушкой, собиралась спать и не слыхала ни колокольчика, ни лая собакъ. Вдругъ, кто-то страшно закричалъ! Мы такъ испугались, что вмѣсто того, чтобы отворять дверь, кинулись убирать работу. Въ дверь застучали такъ, какъ будто хотѣли выломать. Пошли отпирать безъ свѣчи и потому довольно долго не могли отпереть дверь. Онъ обругалъ, а такъ какъ и я была тутъ, то приняла на свой счетъ, тѣмъ болѣе, что прежде, при другихъ, онъ не обращался ко мнѣ иначе, какъ съ ласкательными словами. Вмѣсто того, чтобы поздороваться съ нимъ, я вся затряслась. Ночью я не сомкнула глазъ, и ушла отъ него, вышла на улицу и легла на снѣгъ. Я пролежала тамъ 3 часа, надѣясь, что простужусь и буду кашлять. Когда я пришла, онъ сказалъ, что вызванъ на 27-е въ Петербургъ. Потомъ мы еще поговорили и помирились»... «14 ноября. Началъ съ того, что потребовалъ письмо, которое я писала, и началъ его поправлять»...

Рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей подсудимый признанъ *виновнымъ* въ нанесеніи съ намѣреніемъ смертельныхъ ранъ, въ запальчивости и раздраженіи, но безъ умысла на убійство; подсудимая *оправдана*.

Гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели! 26-го ноября прошлаго года, въ Захарьевской улицѣ совершилось происшествіе, кончившееся убійствомъ. Убитъ былъ почетный мировой судья Чихачевъ. Дѣло это надѣлало много шуму какъ въ Петербургѣ, такъ и въ той мѣстности, гдѣ дѣйствовали и постоянно проживали Чихачевъ и обвиняемые. Оно вызвало самые разнообразные толки, самыя крайнія и смѣлыя предположенія.—Въ нихъ,—то обвиняемые рисовались чрезвычайно мрачными, отталкивающими чертами, то Чихачевъ унижался и топтался въ грязь, какъ человѣкъ, недостойный даже простого сожалѣнія. Но молва, основанная на догадкахъ и праздныхъ толкахъ, должна кончиться сегодня, въ день, когда опредѣлится настоящее положеніе участвующихъ въ дѣлѣ лицъ и когда ихъ дѣйствія выяснятся въ надлежащемъ своемъ свѣтѣ. Судебное слѣдствіе развило передъ вами всѣ существенныя обстоятельства дѣла,—въ нашихъ судебныхъ преніяхъ мы постараемся разъяснить предъ вами ихъ значеніе и характеръ, и затѣмъ вы постановите безпристрастный приговоръ, который долженъ имѣть большое значеніе. Онъ укажетъ, возможно ли безнаказанно распоряжаться чужою жизнью подъ вліяніемъ гнѣва и ненависти и можетъ ли каждый самъ дѣлаться судьею въ своемъ дѣлѣ и приводить въ исполненіе свои, выработанные страстью и озлобленіемъ, приговоры...

Подсудимые обвиняются въ томъ, что они, въ запальчивости и раздраженіи,—одинъ убилъ Чихачева, а другая покушалась убить его. Такъ поставлено обвиненіе высшею обвинительною инстанціею—Судебною Палатою. При такомъ убѣжденіи остается обвинительная власть и въ настоящую минуту. Преступленіе, въ которомъ обвиняются подсудимые, законъ рѣзко отдѣляетъ отъ тѣхъ, въ которыхъ убійство было задумано задолго, заранѣе подготовлено и затѣмъ хладнокровно совершено. Убійство въ запальчивости и раздраженіи бываетъ обыкновенно послѣдствіемъ внезапно прорвавшагося наружу гнѣва, увлеченія, ненависти. Эти страстныя чувства выражаются въ стремленіи уничтожить ненавистнаго человѣка, стоящаго предъ глазами. Понятно, что главными и существенными свойствами этого преступленія должно считать, во 1-хъ, запальчивость или раздраженіе, какъ внѣшнее выраженіе гнѣва или ненависти и, во 2-хъ, намѣреніе убить, желаніе лишить жизни. Поэтому для того, чтобы въ каждомъ данномъ случаѣ доказать, что убійство совершено въ запальчивости и раздраженіи, необходимо доказать, что гнѣвъ и ненависть дѣйствительно существовали, что послѣдняя постепенно развивалась и созрѣвала, дойдя, наконецъ, до такой степени, что стремленіе утолить ее заглушило въ человѣкѣ всѣ остальныя соображенія. Необходимо прослѣдить ея развитіе до того момента, когда она обратилась въ гнѣвную вспышку, кончившуюся убійствомъ, и затѣмъ разъяснить, насколько въ этой вспышкѣ проявилось желаніе виновнаго именно убить, уничтожить противника. Сообразно съ этимъ я и буду строить мое обвиненіе. Прежде всего является вопросъ о

ненависти, о гнѣвѣ и объ условіяхъ, которыя ихъ вызвали. Для того, чтобы судить объ этомъ, надо обратиться къ житейской обстановкѣ участвующихъ лицъ. Эта житейская обстановка есть лучшій матеріалъ для вѣрнаго сужденія о дѣлѣ; краски, которыя накладываетъ сама жизнь, всегда вѣрны и не стираются никогда...

Обращаясь къ этой обстановкѣ, мы встрѣчаемся прежде всего съ личностью подсудимаго. Данныя судебнаго слѣдствія достаточно ее характеризуютъ. Подсудимый былъ земскій дѣятель, энергическій, трудолюбивый, пользовавшійся довѣріемъ, и поэтому выбираемый на отвѣтственныя должности. Это былъ вообще человѣкъ, въ честности котораго никто не сомнѣвался. Вы слышали, что вопросъ о недостаткѣ 3-хъ тысячъ, который почему-то былъ возбужденъ на судебномъ слѣдствіи, объясняется безпорядкомъ въ веденіи книгъ, въ которомъ виновенъ не подсудимый, и никто изъ свидѣтелей не рѣшился, хотя бы отдаленнымъ намекомъ, связывать это обстоятельство съ его недобросовѣстностью. Но одной честности и трудолюбія мало, чтобы внушать къ себѣ симпатію. И мы знаемъ, что подсудимый симпатіи къ себѣ не внушалъ. Онъ стоялъ въ уѣздѣ совершенно одиноко. Противъ него нерѣдко собирались партіи; ему приходилось терпѣть нападенія и бороться. Его не любили за его «злой» языкъ, за его рѣзкость, за его образъ дѣйствій—крутой, властный, ничѣмъ не смягчаемый. Это былъ человѣкъ, державшій себя по отношенію къ окружающимъ такъ, что сочувствія ему у нихъ искать было нечего. Онъ самъ здѣсь призналъ себя «рѣзкимъ». Онъ слишкомъ часто и скоро приходилъ въ негодованіе, слишкомъ несдержанно выражалъ это чувство. Письма, имѣющіяся въ дѣлѣ, представляютъ многія подтвержденія этимъ сторонамъ его характера. Для него весь уѣздъ населенъ *«идіотами»* или *«сволочью»*. Онъ одинъ умный человѣкъ, стоящій неизмѣримо выше всѣхъ, одинъ способный понимать всякое дѣло и хорошо вести его. При такомъ крайнемъ самолюбіи, при пренебрежительномъ обращеніи съ людьми, при обыкновеніи смотрѣть на нихъ свысока, отказывать имъ въ уваженіи по малѣйшему поводу, *презирать* тѣхъ, кого *не уважаешь*, и не щадить ихъ въ своихъ отзывахъ и мнѣніяхъ,—онъ, понятно, не могъ пользоваться особенно добрымъ личнымъ расположеніемъ уѣзднаго населенія, и представители этого населенія, сознавая его нравственную безупречность, тѣмъ не менѣе, повидимому, терпѣли его лишь какъ необходимое зло. Этотъ человѣкъ женился на дѣвушкѣ молодой, недавно вышедшей изъ института. Свидѣтельскія показанія рисуютъ намъ ее, какъ дѣвушку довольно наивную, подпавшую съ выходомъ замужъ вполнѣ подъ власть и вліяніе мужа. Это дѣйствительно высказывается во всемъ. Даже изъ показанія самого обвиняемаго видно, что она постоянно дѣйствовала по его волѣ,—какъ «самая преданная и самая вѣрная жена», вполнѣ согласная со всѣми его мнѣніями. Въ ея дѣйствіяхъ по дѣлу видно очень мало самостоятельной мысли, самостоятельной рѣшимости. Наконецъ, ея письма и ея дневникъ показываютъ, что она принадлежитъ къ тѣмъ,

нерѣдкимъ преимущественно среди женщинъ, личностямъ, которыя умѣютъ плакать, тосковать, страдать, раскаиваться въ томъ, что сдѣлано—и въ особенности въ томъ, что сказано,—но не умѣютъ, а иногда даже и не хотятъ сами рѣшить, что же дѣлать? — какъ найти выходъ изъ ложнаго и тяжелаго положенія? Имъ нужны чужая воля, чужой примѣръ... Изъ ея письма видно, что даже выраженія ея, ея стиль, ея пріемы, являются совершенно тѣмъ же, какія употребляетъ ея мужъ. Я припомню здѣсь одно характеристическое выраженіе подсудимаго. Онъ раза два здѣсь заявлялъ, что хотѣлъ объясниться съ Чихачевымъ «*честно—благородно*». Въ письмѣ подсудимой къ Чихачеву встрѣчаются нѣсколько разъ это какъ-то странно звучащее выраженіе «*честно—благородно*». Его же повторила она и здѣсь на судѣ, говоря, что хотѣла доказать Чихачеву, что она была всегда «*честна—благородна*». Очевидно, она заимствуетъ отъ мужа все, отъ образа мыслей и дѣйствій до способа выражаться и, къ сожалѣнію, браниться... Понятно, впрочемъ, что человѣкъ болѣзненно-самолюбивый, желчный, раздражительный, считающій себя выше всѣхъ окружающихъ, и не сталъ бы выносить около себя женщины самостоятельной; только съ женщиной мягкаго, уступчиво-воспріимчиваго, такъ называемаго *пассивнаго* характера такой человѣкъ и можетъ быть счастливъ. Мы имѣемъ указанія на то, что жизнь подсудимыхъ въ теченіи первыхъ шести лѣтъ была спокойна и счастлива, по крайней мѣрѣ, до катастрофы, о которой идетъ дѣло, нѣтъ указанія на то, чтобы они жили не дружно, чтобы ихъ не связывала искренняя любовь. Что обвиняемый любилъ свою жену сильно, это ясно и изъ тѣхъ неразумныхъ, преступныхъ дѣйствій, которыя привели его на скамью подсудимыхъ. Свою любовь къ нему она доказала тѣмъ, что связала свою судьбу съ нимъ до самой скамьи подсудимыхъ. Въ эту мирную семейную жизнь, однако, стали прокрадываться сомнѣнія. Въ довольно отдаленномъ прошломъ, семь лѣтъ назадъ, на жизнь обвиняемой легло пятно, оставившее неизгладимое и тяжелое воспоминаніе. Тогда она была еще молодою дѣвушкою, недавно вышедшею изъ института, и гостила у своихъ родственниковъ. Туда ѣздилъ человѣкъ несчастный въ семейной жизни, который горевалъ о своей разбитой жизни и плакался на свою судьбу, только въ этомъ семействѣ находя себѣ утѣшеніе. Понятно, что въ молодой дѣвушкѣ должно было развиться чувство состраданія къ нему. Это чувство, эта довѣрчивость къ несчастію и нѣжность къ обиженному судьбою есть одно изъ лучшихъ, изъ завидныхъ качествъ молодости. Понятно также, что и Чихачевъ, искавшій теплаго, сердечнаго участія, потянулся, какъ растеніе къ солнцу, къ той, въ комъ это участіе выражалось въ наиболѣе привлекательной и горячей формѣ,—и сталъ искать преимущественно около обвиняемой душевнаго отдыха. Всякій, вспоминая свою молодость, конечно, признаетъ, что ничто такъ не заманчиво въ эти годы, какъ сознавать, такъ или иначе, приносимую пользу, сознавать, что существуешь не даромъ, что кому-то помогаешь и кого-то

облегчаешь, возвышаясь такимъ образомъ нравственно въ собственныхъ глазахъ. И тотъ, къ кому приходитъ молодость на помощь, кого она утѣшаетъ, становится для нея особенно дорогъ и ничуть не тягостенъ. Здѣсь легко развивается великодушная дружба, а затѣмъ нерѣдко и другое, болѣе сильное, чувство... То же произошло и въ настоящемъ случаѣ. Чувство дружбы и состраданія привело обвиняемую къ связи съ Чихачевымъ. Излишне приподнимать завѣсу съ ихъ отношеній, такъ какъ я думаю, для васъ ясно, что это были обыкновенныя близкія отношенія, которымъ не предшествовало ни насилія, ни обмана, ни обольщенія. Если и было здѣсь обольщеніе, то оно состояло въ обстановкѣ, въ которой сошлись Чихачевъ и обвиняемая,—въ семейственныхъ скорбяхъ одного и въ наивномъ, но заманчивомъ стремленіи другой заставить его позабыть эти скорби. Если и былъ здѣсь обманъ, то лишь относительно силы и значенія ощущенія, овладѣвшаго ими, вслѣдствіе неумѣнія отличить сильное, прочное и глубокое чувство отъ мгновенной вспышки страсти. Что здѣсь не было ни насилія, ни обольщенія, видно изъ того, что обвиняемая созналась, къ сожалѣнію быть можетъ слишкомъ поздно, что она обманывала своего мужа, разсказывая ему, какъ, будто бы, было дѣло, и скрывая отъ него неприкрашенную истину. Кромѣ того, обстоятельства дѣла вызываютъ нѣкоторыя соображенія, убѣждающія, что она не могла имѣть къ Чихачеву иныхъ отношеній, кромѣ совершенно добровольныхъ съ ея стороны. Стоитъ только представить себѣ ея положеніе. Она молодая, малоопытная дѣвушка, гостящая у родныхъ. Съ нею зачастую ведутся разговоры—вы слышали показаніе ея родственницы, у которой она жила,—о томъ, какія опасности предстоятъ дѣвушкѣ въ жизни, какъ неосторожность для нея бываетъ пагубна, какъ нужно быть осмотрительной въ отношеніяхъ къ мужчинамъ, какіе гибельные для чести результаты можетъ влечь увлеченіе и т. д., и т. д. И вдругъ человѣкъ насилуетъ ее, употребляетъ во зло ея неопытность, ея довѣрчивость, оскорбляетъ и подавляетъ ее своею физическою грубою силою. Если бы это было такъ въ дѣйствительности, она не могла бы не ужаснуться какъ самаго своего поруганія, такъ и могущихъ произойти изъ этого печальныхъ послѣдствій, почти неизбѣжныхъ по естественному ходу вещей. Чтобы она, въ виду такихъ послѣдствій, была хладнокровна, спокойна, чтобы она не плакала, не волновалась, не жаловалась, не искала у близкихъ совѣта, утѣшенія, помощи—это почти невозможно. Намъ извѣстно затѣмъ многое о характерѣ и, лучше сказать, о безхарактерности Чихачева. Это былъ человѣкъ слабый, безъ воли и энергіи, любитель красоты, поклонникъ искусства и женщинъ. Это былъ, судя по общимъ отзывамъ, человѣкъ безусловно добрый и мягкій, снисходительный и робкій, деликатный и далеко не храбрый. Это былъ очевидно одинъ изъ тѣхъ людей, которые по слабости воли умѣютъ всего *желать* и ничего не умѣютъ *хотѣть*. Можно ли допустить, чтобы такой человѣкъ, не скрывая того, что онъ женатъ, сталъ

обдуманно и разсчитанно обольщать дѣвушку, которая его такъ трогательно сожалѣетъ, и врываться въ ея спальню, чтобы восторжествовать надъ нею дикимъ порывомъ физической силы? Тамъ, гдѣ существуетъ изнасилованіе—тамъ безразсудная наглость, тамъ отсутствіе всякаго чувства, и одна жестокая, злая чувственность, одна животная страсть. Но развѣ для удовлетворенія даже *такой* страсти, обыкновенно неразборчивой относительно предмета своихъ вожделѣній, могло быть необходимо и неизбѣжно *нападать*, человѣку робкому, доброму и слабому, въ чужомъ домѣ на невинную и порядочную дѣвушку? Одно только и можно допустить, что Чихачевъ пошатнулся нравственно и, не устоявъ, былъ увлеченъ вмѣстѣ съ обвиняемой общимъ потокомъ страсти, овладѣвшей одновременно обоими ими... Связь ихъ длилась недолго. Къ Чихачеву пріѣхала жена. Да и вѣроятно, въ немъ проснулось благоразуміе, заговорило чувство долга и онъ овладѣлъ собою настолько, что рѣшился не продолжать такихъ отношеній, не имѣвшихъ, къ счастію, своимъ послѣдствіемъ ничего, кромѣ тяжелыхъ воспоминаній... Онъ сталъ простымъ знакомымъ и, по своей безхарактерности и нѣкоторой нравственной распущенности, даже допустилъ себя сдѣлаться впослѣдствіи посаженымъ отцомъ обвиняемой. Бракъ не вызвалъ со стороны подсудимаго никакихъ подозрѣній. Онъ слишкомъ вѣрилъ въ свою жену. Онъ самъ заявилъ, что только иногда и то лишь мелькомъ, въ весьма туманныхъ выраженіяхъ, касался онъ какихъ-то «физическихъ», какъ онъ выразился, сомнѣній... Но ему и въ голову не приходило подозрѣвать ее. У нея, однако, старое, печальное воспоминаніе осталось. Выходя замужъ, она, конечно, какъ это по большей части бываетъ, искала и выхода изъ окружающей обстановки, и жизни съ любимымъ человѣкомъ. Очень еще молодая и не одаренная рѣшительностью, она могла не имѣть въ себѣ достаточной силы, могла не имѣть довольно значительнаго личнаго мужества, чтобы сказать мужу всю правду. И стыдъ, и страхъ могли ей сковывать языкъ. Это было нехорошо, это было неправдиво, но это было такъ естественно, такъ понятно, такъ простительно... Дѣло обошлось благополучно. Но когда у нихъ началась согласная, чистая и честная семейная жизнь, когда подсудимая изъ роли кратковременной утѣшительницы Чихачева перешла къ роли сознательной и любящей помощницы своего мужа, то у нея не могло не явиться внутреннихъ упрековъ за прошлое, за свой обманъ. У такихъ впечатлительныхъ натуръ, какою, повидимому, была она, такіе упреки растутъ съ каждымъ днемъ, и чѣмъ меньше они находятъ себѣ исхода, тѣмъ глубже колятъ смущенную совѣсть. Обвиняемая, несмотря на свою сравнительную безличность, не могла не сознавать своего значенія для мужа. Человѣкъ, нелюбимый обществомъ, которое онъ самъ презираетъ, человѣкъ, противъ котораго постоянно интригуютъ ничѣмъ не брезгающіе противники, отвѣчая на его рѣзкости такъ, какъ отвѣчалъ, напримѣръ, Церешкевичъ, упрекавшій его въ «физическомъ и нравственномъ безобразіи»,—

такой человѣкъ долженъ находить счастье только въ семейной жизни, искать утѣшенія только у домашняго очага, гдѣ его любятъ, гдѣ ему знаютъ цѣну, гдѣ его слушаютъ... Туда долженъ онъ приносить извнѣ свое горе и тамъ ревниво хранить свои радости. Она не могла не сознавать, что, въ виду разношерстныхъ противниковъ и враговъ ея мужа, она единственное существо, съ которымъ онъ можетъ быть вполнѣ и безъ оглядки откровененъ и около котораго онъ исключительно находитъ необходимый покой. Она не могла не сознавать этого своего значенія. И вотъ, когда съ одной стороны онъ любитъ горячо и вѣритъ вполнѣ, у нея въ душѣ постоянно копошится воспоминаніе, что она обманула этого довѣрчиваго человѣка, что она его провела, что она не стоитъ его довѣрія. Это должно было ее мучить. Я вполнѣ вѣрю ея объясненіямъ въ этомъ отношеніи, я радуюсь, что со скамьи подсудимыхъ раздаются объясненія, которыя даютъ право вспомнить о хорошихъ свойствахъ человѣческой природы. Отчего не повѣрить, что голосъ совѣсти зазвучалъ въ обвиняемой наконецъ очень сильно, такъ сильно, что она нуждалась только въ толчкѣ, чтобы признаться. Притомъ въ виду постоянной, неизмѣнной любви мужа, у нея могло явиться предположеніе, что онъ отнесется спокойно къ ея признанію, что онъ проститъ ей, что онъ дастъ ей облегчить свою наболѣвшую душу и забудетъ объ ея лжи, давно искупленной и искренностью ея чувства, и вѣрностью ея своему долгу. Съ другой стороны, у нея должна была существовать постоянно возраставшая боязнь—неизбѣжный спутникъ всякой тайны—боязнь, что все откроется помимо нея. Вы слышали, какъ относилась къ ней г-жа Чихачева, и знаете, что она съ подозрительнымъ чувствомъ обманутой супруги предполагала существованіе связи. Ревнивая женщина, не давая мужу, по его словамъ, никакого проблеска счастія, требовала отъ него безусловной любви и затѣмъ ревновала его ко всѣмъ. Вслѣдствіе какого-то инстинкта, какъ выразился свидѣтель фонъ-Раабенъ, она возымѣла подозрѣніе на обвиняемую и, не взлюбивъ ее, стала дѣлать сцены мужу и, по свойственной многимъ привычкѣ, приходя жаловаться на свои семейныя дѣла, конечно, не всегда таила свои подозрѣнія отъ посторонихъ. То, что ее обвиняетъ Чихачева, и то, что она состояла въ связи съ нимъ, должно было связаться въ головѣ обвиняемой въ одинъ фактъ, и она могла думать, что ее потому подозрѣваютъ, что Чихачевъ проболтался женѣ. Она могла бояться, что все будетъ открыто мужу какимъ нибудь окольнымъ путемъ. Тогда прощай все—и его уваженіе, и его любовь, и надежда на прощеніе, потому что тогда для нея не будетъ даже того смягчающаго обстоятельства въ глазахъ мужа, которое состояло бы въ сознаніи своей вины... Вотъ разнообразныя причины, которыя могли побудить ее сознаться. Она это и сдѣлала 22 іюня прошлаго года. Но человѣкъ, гг. присяжные, исполненъ противорѣчій, и рядомъ съ порывами благородныхъ и высокихъ чувствъ, рядомъ съ великодушіемъ, желаніемъ раскаянія и жаждой правды гнѣздятся нерѣдко разныя мелкія по-

бужденія, ложный стыдъ, желаніе оградить себя отъ опасности, желаніе выторговать что нибудь у судьбы или даже у самого себя, однимъ словомъ—разныя сдѣлки съ самимъ собою... Бываютъ случаи, когда человѣкъ отдается порыву правдивости и сознаетъ свою вину. Но если вглядѣться въ это сознаніе, то окажется, что по большей части человѣкъ не можетъ удержаться, чтобы не сказать о себѣ или не вынудить другихъ сказать: «да, виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія». И затѣмъ нерѣдко все дѣло представляется въ такомъ видѣ, что кающійся только и заслуживаетъ снисхожденія, а виновными оказываются посторонніе, другіе... То же, полагаю, было и съ подсудимою. Она созналась, что виновна, но не вооружилась достаточною правдивостью и добросовѣстностью, чтобы сказать мужу *всю* истину. Она сочинила цѣлое повѣствованіе, въ которомъ играла роль жертвы и опрометчиво, въ своей *полуоткровенности*, разсказала мужу такія вещи, которыя не могли не задѣть его самымъ больнымъ образомъ. Она необдуманно подняла въ его душѣ бурю, которую уже не могла утишить и которая увлекла и ее самое, вырвавъ съ корнемъ изъ той спокойной обстановки, въ которой она до тѣхъ поръ находилась. Можно представить себѣ положеніе человѣка самолюбиваго до крайности, какимъ былъ обвиняемый, послѣ того какъ онъ выслушалъ признаніе жены. Вся предыдущая его семейная жизнь явилась въ его глазахъ отравленною. Къ каждому воспоминанію о прошлыхъ счастливыхъ минутахъ, о каждой ласкѣ жены должна была съ этой минуты примѣшиваться мысль о лжи, объ обманѣ; къ каждому порыву нѣжности примѣшиваться воспоминаніе, что эта же нѣжность могла принадлежать и другому, и чѣмъ дальше шелъ обвиняемый въ своихъ воспоминаніяхъ, чѣмъ ближе подходилъ онъ къ первымъ днямъ брака, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе должны были развиваться эти жгучія мысли и въ концѣ концовъ всѣ сходиться на чувствѣ негодованія противъ Чихачева. Но кромѣ того понятно, что когда онъ узналъ отъ жены, что она шесть лѣтъ молчала, шесть лѣтъ скрывала такое важное обстоятельство, то въ немъ поколебалось прежнее его довѣріе къ ней, а съ нимъ пошатнулось и уваженіе. Это уничтоженіе довѣрія должно было вызвать мысль о томъ, что она, и признавшись, еще скрываетъ кое-что, что чего-то не договариваетъ. Подсудимый—человѣкъ жизни, человѣкъ практичный—не могъ не понимать, что въ ея разсказѣ объ изнасилованіи есть много невѣрнаго, много неправдоподобнаго. И въ немъ должно было проснуться тяжкое сомнѣніе о любви жены къ Чихачеву, о добровольной связи съ нимъ, могло даже явиться предположеніе, не продолжалась ли эта связь и послѣ брака,—вѣдь они встрѣчались, могли видѣться... Кто обманулъ до брака и обманулъ искусно,—тотъ послѣ брака можетъ сдѣлать это еще лучше. Такіе выводы, такія мысли могли волновать обвиняемаго и тяжелымъ гнетомъ ложиться на его встревоженную душу. Онъ весь отдался сомнѣніямъ и сталъ самъ растравлять свою рану, требуя отъ жены объясненія различныхъ частностей ея связи

съ Чихачевымъ, заставляя ее въ сотый разъ повторять всѣ мельчайшія и не совсѣмъ даже чистыя подробности. Онъ самъ объяснялъ намъ здѣсь, какъ овладѣло имъ сомнѣніе, какъ—то вѣря, то не вѣря женѣ—онъ съ болѣзненнымъ любопытствомъ разспрашивалъ ее «обо всемъ»... Но всего этого ему казалось мало, недостаточно. Тогда должна была у него возникнуть мысль о поѣздкѣ въ Ашево, чтобы заставить Чихачева сознаться, что онъ дѣйствительно изнасиловалъ, что онъ «взялъ то, чего ему не давали», и заставить жену разсказать все на очной ставкѣ съ нимъ. Перейдя отъ искренности къ враждебному недовѣрію, начавъ видѣть въ женѣ не друга, а обманщицу, колеблясь и видя въ ней то жертву, то предателя, обвиняемый требовалъ отъ жены доказательствъ правдивости ея разсказа. Онъ говорилъ здѣсь, что хотѣлъ разъяснить имъ, т. е. Чихачеву и женѣ, что между ними не было любви и нѣтъ ея,—иными словами, ему нужно было во-очію убѣдиться, что жена не любитъ Чихачева, что она его презираетъ, ненавидитъ... Только ясное выраженіе такихъ чувствъ удовлетворило бы его уязвленное сердце и уменьшило бы его сомнѣнія. Конечно, что обо всемъ этомъ въ деревенскомъ уединеніи, миръ котораго былъ такъ неожиданно нарушенъ, говорилось много и долго, настойчиво и требовательно. И тогда-то, постепенно, между обоими супругами должно было родиться и развиться предположеніе о томъ, что лучшимъ доказательствомъ совершеннаго отчужденія ея отъ Чихачева можетъ послужить предложеніе ему лишить себя жизни. Тамъ, гдѣ дѣлается подобное предложеніе, тамъ нѣтъ ни любви, ни памяти объ ней, а одна прочно сложившаяся ненависть, которая даже и человѣку, подобному обвиняемому, могла бы показаться на первыхъ порахъ достаточнымъ доказательствомъ правдивости словъ жены.

Я не стану повторять исторію, которая разыгралась въ Ашевѣ. Ея фактическая обстановка не подлежитъ сомнѣнію. Здѣсь достаточно описаны и этотъ грязный кабакъ, и комната, перегороженная тесовою перегородкою пополамъ, и запертая дверь въ перегородкѣ, и предшествующія посѣщенію Чихачева дружелюбныя объясненія съ нимъ обвиняемаго и, наконецъ, выходъ Чихачева изъ этой конуры—блѣднаго, испуганнаго, растерянnаго, почти больного. Для васъ важно то, что происходило при этомъ объясненіи. Въ общихъ чертахъ всѣ показанія свидѣтелей и предсмертное показаніе Чихачева сходятся на томъ, что послѣ длиннаго и подробнѣйшаго разсказа обвиняемой о своихъ къ нему отношеніяхъ, при чемъ мужъ былъ зрителемъ и слушателемъ,—ему внезапно было сказано: «вы клялись пожертвовать для меня вашею жизнью,—она мнѣ теперь нужна, отдайте ее мнѣ». Я не придаю значенія той части разсказа, гдѣ говорится, что на столѣ лежали револьверъ и кинжалъ или ножъ. Они могли лежать потому, что были дорожными вещами, взятыми въ путь, и положенными на столъ случайно. Во всякомъ случаѣ, трудно предположить въ обвиняемыхъ совершенно безсмысленное желаніе, чтобы Чихачевъ, тутъ же, при нихъ, порѣ-

шилъ съ собой. Это всякаго навело бы на мысль, что Чихачевъ коварно убитъ ими. Но не подлежитъ сомнѣнію самое предложеніе лишить себя жизни. Сами обвиняемые не отрицаютъ его, придавая ему только характеръ шутки. Но въ такомъ случаѣ и убійство 26-го ноября тоже можетъ быть объяснено шуткою, только неосторожною. Подсудимый говоритъ, что отнесся къ этому предложенію своей жены Чихачеву спокойно, даже со смѣхомъ, какъ къ вещи совершенно несбыточной и невозможной. Но я не думаю, чтобы это было такъ, и, въ виду того, что̀ послѣдовало затѣмъ, я полагаю, что для обвиняемаго было весьма интересно, чѣмъ это кончится и какъ отнесется Чихачевъ къ сдѣланному ему приглашенію. Если бы предложеніе о самоубійствѣ было принято, то это указывало бы лучше всякихъ очныхъ ставокъ, что Чихачевъ считаетъ себя глубоко и безусловно виновнымъ. А если онъ считаетъ себя виновнымъ до такой степени, что, по просьбѣ чуждой ему въ данную минуту женщины, добровольно сходитъ съ лица земли, то она сказала правду и одну только правду. И если она нашла въ себѣ настолько жестокой смѣлости, чтобы потребовать самоубійства, то значитъ дѣйствительно она была опозорена имъ и между изнасилованіемъ и предложеніемъ самоубійства не лежитъ ничего, кромѣ постоянной и глубокой, вырвавшейся наконецъ наружу, ненависти и полнѣйшаго презрѣнія; значитъ она его никогда не любила, значитъ она нравственно была чиста предъ мужемъ и вѣрна ему. Тогда можно ее и простить за ея невольный проступокъ... Подсудимый говорилъ намъ здѣсь, что черезъ все это дѣло проходитъ, по его мнѣнію, одна нить, связывающая всѣ его поступки,—сомнѣніе. Онъ вѣчно сомнѣвался, вѣчно недовѣрялъ, постоянно находясь въ борьбѣ съ самимъ собою. Я думаю, что это отчасти справедливо для перваго времени—отъ признанія жены до поѣздки въ Ашево. Но дальнѣйшія событія указываютъ на нѣчто другое; черезъ все дѣло проходитъ другая нить, приводящая къ выводу, что если подсудимый—человѣкъ дѣятельный и честный, то, съ другой стороны, это человѣкъ злобный и себялюбивый, въ которомъ мало сердца, которому недоступно чувство настоящей любви, неразлучной съ снисхожденіемъ, съ прощеніемъ, съ извиненіемъ слабостей, ошибокъ и даже проступковъ близкихъ этому сердцу людей. Можетъ ли говорить о дѣйствительной любви человѣкъ, который заставляетъ свою молодую жену въ грязной харчевнѣ разсказывать своему бывшему, давнымъ-давно оставленному и мимолетному любовнику всѣ мелкія и щекотливыя подробности ихъ отношеній и, горя стыдомъ, напоминать ему вещи, которыя давно слѣдовало выбросить изъ памяти,—рискуя притомъ всякую минуту выслушать: «вы лжете, вы клевещете; дѣло было не такъ; вы отдались мнѣ добровольно». Человѣкъ, который способенъ проволочить свою жену черезъ всѣ обстоятельства настоящаго уголовнаго дѣла, подвергать ее терзаніямъ своихъ допросовъ и поруганіямъ уѣздной молвы, бранить и бить—и притомъ не за то, что она виновна, а только потому, что онъ *сомнѣ-*

вается,—такой человѣкъ связываетъ свои дѣйствія не только нитью «сомнѣнія», но обнаруживаетъ глубоко раздраженное себялюбіе, подъ властью котораго, въ своихъ злобныхъ и желчныхъ порывахъ, онъ безпощадно и безсердечно относится ко всему, что его окружаетъ, ко всему, съ чѣмъ онъ сталкивается... Въ этомъ суть дѣла, на этомъ основываются всѣ поступки подсудимаго. Когда было сдѣлано предложеніе самоубійства, онъ не счелъ нужнымъ разъяснить Чихачеву «шуточное» значеніе этого предложенія — лучшее доказательство, что онъ самъ считалъ его серьезнымъ. Не даромъ же впослѣдствіи въ письмѣ, написанномъ подъ диктовку мужа, подсудимая говоритъ Чихачеву, что «честь женщины смывается только кровью», и совѣтуетъ ему послѣдовать примѣру его застрѣлившагося брата. Чихачевъ былъ пораженъ и совершенно разстроенъ. Намъ достаточно рисовали здѣсь его характеръ, чтобы понять состояніе его духа въ это время. Онъ былъ привязанъ къ жизни; хотѣлъ жить самъ и, дѣлая вокругъ себя посильное добро, старался давать жить и другимъ; онъ любилъ красоту, ухаживалъ за женщинами, занимался живописью—былъ немножко сибаритъ, немножко художникъ, немножко ловеласъ и, въ довершеніе всего—мягкій, податливый, нерѣшительный человѣкъ. На такого человѣка предложеніе лишить себя жизни должно было подѣйствовать чрезвычайно сильно, поразить его, какъ обухомъ по лбу, и нельзя, поэтому, было требовать, чтобы онъ таилъ все про себя, не дѣлясь ни съ кѣмъ своимъ страхомъ, своимъ изумленіемъ, не сказавъ ни слова даже самому близкому въ это время къ нему лицу. Нельзя было ожидать, что онъ не приметъ мѣръ, чтобы, по мѣрѣ силъ, освободиться отъ подсудимаго, приказавъ не принимать его. Это и было сдѣлано. Подсудимый удалился къ себѣ въ деревню со всѣми своими сомнѣніями и прожилъ тамъ двѣ недѣли. Конечно, онъ не могъ разсчитывать, что его пріѣздъ въ Ашево и всѣ его послѣдствія могутъ остаться никому неизвѣстными и пройдутъ незамѣченными. Достаточно припомнить разсказъ Черешкевича и представить себѣ обстановку села, куда пріѣзжаетъ мировой судья и, остановившись съ женою въ какой-то трущобѣ, ведетъ запершись какіе-то переговоры съ блѣднымъ и испуганнымъ Чихачевымъ, чтобы понять, какіе толки должны были пойти уже поэтому одному въ окрестности. Спустя двѣ недѣли, подсудимый снова является въ Ашево къ Чихачеву уже съ намѣреніемъ предложить ему поединокъ. Хотя Чихачевъ разъяснилъ, повидимому, его сомнѣнія положительнымъ отрицаніемъ изнасилованія и отказомъ отъ самоубійства, но оскорбленное самолюбіе—этотъ главный рычагъ всѣхъ поступковъ обвиняемаго, все-таки продолжало вопіять и къ нему примѣшивалось еще чувство ревности хотя и заднимъ числомъ. Все это должно было держать его, отдавшагося своему несчастію съ неразумною страстностью, въ возбужденномъ состояніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не могъ не сознавать, что поѣздка его въ Ашево кончилась весьма странно и даже нелѣпо. Предложеніе не принято, а театральная обстановка осталась.

Исторія эта разгласится и къ представленію о немъ, какъ о человѣкѣ крутомъ, желчномъ, неуживчивомъ, присоединится сказаніе о томъ, какую онъ игралъ смѣшную и жалкую роль въ Ашевѣ. Понятно, что вслѣдствіе этого сознанія ему не могло казаться все покончеппымъ посредствомъ трагикомическаго ашевскаго свиданія, а нужно было вывести дѣло изъ смѣшного положенія и придать ему болѣе опредѣленный характеръ. Тогда могла естественно явиться мысль вызвать Чихачева на дуэль, мысль принести дань общественному предразсудку, очень старому, но не дряхлѣющему и не сходящему со сцены. Защитникъ подсудимаго въ одной изъ своихъ блестящихъ рѣчей сравнилъ дуэль съ войной. Если бы войны совсѣмъ прекратились, если бы наступили годы «жирнаго мира»—онъ сказалъ бы «finis Europae!» какъ сказалъ бы то же по отношенію къ обществу, въ которомъ понятіе о чести стало бы столь безцвѣтно, такъ заглохло бы, что въ защиту его человѣкъ хотя изрѣдка не рисковалъ бы своимъ лучшимъ достояніемъ—жизнью. Я въ значительной степени съ нимъ согласенъ. Хотя государство не можетъ не преслѣдовать и не карать дуэли, видя въ ней преступленіе противъ личной безопасности,—хотя дуэль не слита органически съ правильною жизнію и правильнымъ развитіемъ общества, а имѣетъ въ каждомъ данномъ случаѣ горячечный характеръ,—но нѣтъ сомнѣнія, что это явленіе, вошедшее въ плоть и кровь европейскаго общества и причины котораго не устранимы уголовными карами. Иногда, послѣ годовъ затишья, вдругъ происходитъ рядъ дуэлей въ разныхъ слояхъ,—и это лучшее указаніе на то, что болѣзнь не излѣчена, что она таится въ организмѣ и время отъ времени прорывается наружу. Нужно много самообладанія, много нравственной стойкости, чтобы въ крайнихъ случаяхъ не поддаться этой болѣзни, не дать собою овладѣть этому «предразсудку». Но такой стойкости въ подсудимомъ не было,—его характеръ былъ иной, и понятно, почему, лихорадочно ища выхода изъ своего страннаго положенія, негодуя на своего «посаженаго отца» и ревнуя его,—онъ сдѣлалъ вызовъ. Чихачевъ, однако, не выслушалъ этого вызова лично. Онъ остался вѣренъ своему робкому, нервному характеру. Онъ былъ еще слишкомъ подъ вліяніемъ удручающей обстановки перваго пріѣзда подсудимыхъ въ Ашево,—онъ весь поддался страху преслѣдованія и растерялся до того, что на него, какъ на пьянаго, надѣли шапку и пальто, посадили его въ коляску и увезли. Но еще непослѣдовательнѣй велъ себя подсудимый, держа себя съ полнымъ отсутствіемъ какого либо достоинства. Онъ не хотѣлъ дождаться, пока Чихачеву будетъ переданъ его вызовъ, онъ вполнѣ удовлетворился отвѣтомъ Черешкевича и снова далъ волю своему гнѣву. Совершенно забывъ всякую сдержанность и приличіе, и онъ, и его жена производятъ въ чужомъ домѣ шумный обыскъ, громко и непристойно ругая Чихачева и такимъ образомъ приподнимаютъ еще болѣе завѣсу надъ тѣмъ, что должно бы быть для всѣхъ постороннихъ тайною. Они сами своимъ поведеніемъ развязываютъ языкъ Черешкевичу и даютъ

поводъ къ ряду невыгодныхъ для нихъ толковъ и пересудовъ. Чихачева никакъ нельзя упрекать въ томъ, что онъ «не хранилъ свято» тайну своихъ отношеній къ подсудимой. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ показаніе фонъ-Раабена о томъ, что когда была получена телеграмма отъ Черешкевича, гдѣ говорилось, что «они» гонятся за Чихачевымъ, то всѣ семейные разумѣли подъ словомъ «они» жену Чихачева и близкое къ ней лицо. Никто изъ нихъ не подумалъ на подсудимыхъ. Значитъ, Чихачевъ даже своимъ друзьямъ, своимъ близкимъ никогда не говорилъ о странныхъ требованіяхъ, о преслѣдованіяхъ подсудимыхъ и о томъ, *что* выставляется причиною этихъ бѣдствій. Итакъ, подсудимые своими обысками, своею гоньбою за Чихачевымъ, всѣмъ шумомъ и суматохою, которую они надѣлали,—сами разоблачили свою исторію, сами дали богатый матеріалъ для досужаго любопытства и разсказовъ. Подсудимый былъ для Ашева «особа»—и, конечно, возбуждалъ своими дѣйствіями общее вниманіе. Пріѣхалъ мировой судья съ женою, таинственно заперся втроемъ, потомъ не былъ принятъ, немного спустя опять пріѣхалъ и опять съ женою, а другой мировой судья въ то же время, въ чужихъ шапкѣ и экипажѣ бѣжалъ,—производили обыскъ, ругались, гнались, преслѣдовали... какая обширная канва для всевозможныхъ разсказовъ! для вымысловъ и догадокъ! Надо прибавить къ этому еще то, что самъ обвиняемый нисколько не обязывалъ Черешкевича молчать, что встрѣтившись съ нимъ въ Новоржевѣ, онъ сказалъ: «передайте Чихачеву, что я вызываю его на дуэль», и когда Черешкевичъ отвѣтилъ, что Чихачевъ вѣроятно не станетъ драться послѣ сдѣланнаго ему предложенія, то обвиняемый замѣтилъ: «да, это было *тогда*, а теперь я предлагаю дуэль», подтверждая этимъ, что было предложено самоубійство. И если сопоставить все сказанное мною о дѣйствіяхъ обвиняемыхъ съ обстановкою, въ которой они дѣйствовали, то станетъ, какъ я думаю, понятно, что подсудимый, зайдя такъ далеко, не могъ уже удовлетвориться покупкою дуэльныхъ шпагъ и непринятымъ вызовомъ на дуэль...

Гг. присяжные засѣдатели, вѣроятно многимъ изъ васъ извѣстны условія жизни въ уѣздѣ и вообще уѣздная обстановка. Извѣстно, какой сонъ, какое вялое спокойствіе царитъ въ уголкахъ такъ называемой провинціи,—какъ мало, въ большинствѣ случаевъ, занято мѣстное населеніе интересами общественными и живыми вопросами, которые волнуютъ и занимаютъ жителей столицъ и большихъ городовъ,—и, наоборотъ, какую особую цѣну имѣютъ въ глуши уѣзда такія новости, которыя связаны съ опредѣленнымъ лицомъ, такъ сказать, осязаемымъ, всѣмъ лично извѣстнымъ... Въ особенности возбуждаютъ интересъ новости о лицѣ, занимающемъ какое либо общественное положеніе, какой нибудь видный въ уѣздѣ постъ. Понятенъ интересъ, съ которымъ мѣстное общество слѣдило за похожденіями такого человѣка, какъ подсудимый, бывшій мировой посредникъ, предсѣдатель земской управы, мировой судья,—а тѣмъ болѣе за поступками, дѣйствительно выходившими изъ ряда обыкновен-

ныхъ. Слухъ, пошедшій послѣ рѣзкихъ и неблагоразумныхъ дѣйствій подсудимаго, долженъ былъ оживить и возбудить все мѣстное общество, скудное новостями, богатое любопытствомъ. Ашѐвская исторія съ ея подробностями — самоубійствомъ, вызовомъ и погоней,—была камнемъ, брошеннымъ въ стоячую воду, отъ котораго все заколыхалось и пошли расходиться все далѣе и далѣе круги, волнуя болотную тишь да гладь. Лучшія доказательства того, какъ разростались разсказы и сплетни о подсудимыхъ и Чихачевѣ, находятся въ письмахъ Черешкевича,—по нимъ можно прослѣдить, какъ молва къ простому предложенію самоубійства постепенно присоединила револьверъ, потомъ кинжалъ, затѣмъ стаканъ яду, наконецъ петлю, такъ что Богъ знаетъ, до какихъ способовъ самоубійства добралась бы эта молва, если бы событія не дали ей другого матеріала... Притомъ, вспомните личный характеръ и положеніе подсудимаго въ уѣздѣ. Человѣкъ всѣхъ ругалъ и корилъ и, вдругъ, у него у самаго оказывается больное мѣсто, да еще какое больное! Онъ—который на всѣхъ смотрѣлъ презрительно—у себя дома поставленъ въ фальшивое положеніе обманутаго мужа; онъ—считавшій всѣхъ идіотами—самъ дѣйствуетъ совершенно безразсудно; онъ—этотъ самолюбивый гордецъ,—униженъ, осмѣянъ, обманутъ... Какой богатый матеріалъ для недоброжелателей, которые, конечно, должны были за него ухватиться, захлебываясь отъ радости, ухватиться и разглашать его, выпуская «чихачевскую исторію» въ разныхъ изданіяхъ и съ новыми варіантами, въ родѣ стакана яду, петли, и т. д. Уйти отъ этихъ сплетенъ и слуховъ было не только трудно, но просто невозможно. Подсудимый—мировой судья; ему по должности приходилось принимать ежедневно пріѣзжавшихъ по дѣламъ, объясняться съ ними,—и всѣ слухи и пересуды, имъ же самимъ вызванные, должны были вторгаться къ нему въ видѣ намековъ, косвенныхъ взглядовъ, непрошеннаго оскорбительнаго участія, лживо-сочувственныхъ вопросовъ, и т. п. И такъ каждый день! И болѣе мягкій человѣкъ раздражился бы при мысли, что въ его семейный міръ внесенъ разладъ, который всякій считаетъ себя въ правѣ замѣтить,—что его частная жизнь сдѣлалась добычею любопытныхъ глазъ и праздныхъ языковъ. Понятно, какъ это дѣйствовало на обвиняемаго при его желчности и раздражительности, при томъ безграничномъ самолюбіи, которое выказывалъ онъ не разъ. Понятно, что онъ могъ до крайности негодовать на виновника всего этого, и, забывая въ своемъ ослѣпленіи про себя, про свой образъ дѣйствій, начать ненавидѣть Чихачева всѣми силами души. Онъ уѣхалъ заграницу... Я не стану утверждать, что онъ это сдѣлалъ съ тѣмъ, чтобы догнать Чихачева: на это нѣтъ указаній въ дѣлѣ. Вѣроятно, онъ это сдѣлалъ съ тѣмъ, чтобы хоть немного забыться и вырваться изъ той среды и атмосферы, гдѣ ему тяжко дышалось и жилось послѣ всего, что онъ надѣлалъ. Но это ему не удалось. Иные люди и новая природа не облегчили, не развлекли его. Онъ унесъ съ собою и за границу свои тревоги и свою домашнюю, ѣд-

кую печаль. Онъ проводилъ безсонныя ночи и посвященные безцѣльной бѣготнѣ дни за границей, какъ самъ это объяснилъ здѣсь. Но кромѣ того, у насъ есть одинъ фактъ, который указываетъ на его душевное состояніе, а именно письмо, которое онъ писалъ къ Чихачеву изъ Берлина, изъ перваго города, гдѣ впечатлѣнія новой жизни должны были обступить его,—письмо, въ которомъ говорится: «нѣтъ ничего возмутительнѣе, когда личность, пошлая и ничтожная во всѣхъ отношеніяхъ, прозябаетъ, не сознавая своей гадости. Въ васъ нѣтъ ничего цѣльнаго. Вы глуповаты, пошленьки, мерзеньки... Одно только прилагательное примѣнимо къ вамъ не въ уменьшительной степени: вы трусъ! Чѣмъ больше вдумываюсь въ вашу личность, тѣмъ все гаже и гаже она мнѣ становится. Ни одного смягчающаго обстоятельства!»

Вы видите, гг. присяжные, какъ быстро развивалась ненависть подсудимаго къ Чихачеву, какъ изъ человѣка, который, по своимъ собственнымъ словамъ, былъ почти спокойнымъ зрителемъ очной ставки жены своей съ Чихачевымъ, изъ человѣка, который затѣмъ предлагалъ способъ серьезно рѣшить дѣло поединкомъ, онъ обращается въ простого ругателя, стараясь излить накопившуюся злобу хоть на бумагѣ, и пишетъ письмо, если можно такъ выразиться, съ пѣною у рта. По возвращеніи подсудимыхъ изъ-за границы, уѣздъ принялъ ихъ въ свои объятія и ихъ, конечно, встрѣтило все прежнее—и обстановка, и разсказы, еще болѣе разросшіеся въ ихъ отсутствіе, которое объясняли погонею за Чихачевымъ. Они уединились у себя и снова показываются на свѣтъ лишь 26-го ноября, въ день убійства. Но у насъ есть хорошій матеріалъ, чтобы судить о томъ, что они дѣлали въ это время. Это дневникъ подсудимой. Въ немъ, какъ и во всякомъ дневникѣ, надо отличать двѣ стороны: личную и фактическую. Всѣмъ личнымъ разсужденіямъ дневниковъ довѣрять слѣдуетъ весьма осторожно. Человѣкъ, противъ воли, ведя дневникъ, всегда почти рисуется предъ кѣмъ-то третьимъ, предъ какимъ-то будущимъ читателемъ, даже каясь въ прегрѣшеніяхъ и пылая негодованіемъ противъ самого себя. Поэтому, мнѣ кажется, что въ дневникѣ вообще трудно найти правдивое изображеніе личности и ея внутренняго міра; наконецъ, эта часть составляетъ такую сокровенную принадлежность каждаго, что ея приличнѣе вовсе и не касаться. Но факты, выставленные въ дневникѣ, событія, указанныя въ немъ, принадлежатъ изслѣдователю и заслуживаютъ, въ значительной степени, вѣры. Изъ дневника обвиняемой мы узнаемъ, что, вернувшись въ Андрюшино, мужъ ея окончательно предается своему гнѣву;—Чихачева нѣтъ, сорвать злобу не на комъ, отомстить некому,—и вотъ эта злоба и месть обрушиваются на жену. Она начинаетъ горькими страданіями и униженіями искупать ту неосторожность, о которой сама теперь сожалѣетъ, упрекая себя въ томъ, что созналась мужу. Подсудимый всю почти первую половину ноября обращался съ женою, какъ самый неразвитый, ослѣпленный и безсердечный человѣкъ,—смѣняя это обращеніе, по какому-то осо-

бому настроенію, ласками и нѣжностью... Онъ не только заставляетъ ее вновь и вновь разсказывать всѣ мелкія подробности своихъ отношеній къ Чихачеву, не только мучитъ ее по временамъ своимъ молчаніемъ по цѣлымъ днямъ, не только называетъ въ глаза разными неприличными именами, но замахивается на нее стуломъ, бьетъ ее чубукомъ и наноситъ удары кулакомъ, отъ которыхъ лицо ея заливается кровью. Онъ подвергаетъ ее медленному мученію выпытыванія признаній, такъ сказать, поджариваетъ на медленномъ нравственномъ огнѣ,—и при одномъ имени Чихачева, около котораго, однако, вращаются всѣ пытливые разспросы, приходитъ въ ярость. Очевидно, что этотъ человѣкъ отдался всецѣло своему страшному гнѣву. Отсутствіе снисходительности и терпимости, ему свойственное, такъ дало восторжествовать этому чувству, что оно заглушило всѣ проблески другихъ благородныхъ чувствъ: не видно и слѣда состраданія къ женѣ, жалости и уваженія къ женщинѣ... Онъ или молчитъ, или бушуетъ одинъ въ домѣ. Ничто его не интересуетъ, онъ весь отдался своему недостойному, животному гнѣву, который самъ себя питаетъ... Жена его плакалась,—по институтской привычкѣ изливалась въ дневникѣ, уличала себя въ томъ, что считаетъ «днями блаженства» дни, когда его нѣтъ дома и, убѣгая ночью съ постели, ложилась на снѣгъ, въ надеждѣ захворать и умереть... Нѣтъ сомнѣнія, однако, что не жена была главнымъ предметомъ его злобы. Она просто попадалась подъ руку. Это былъ Чихачевъ, заводчикъ всему, въ его глазахъ, злу, заставившій жену стать въ такое положеніе, которое вызвало впослѣдствіи съ ея стороны сознаніе, а со стороны подсудимаго необходимость разъяснить это сознаніе, надѣлавъ при этомъ рядъ несообразностей, которыя подали поводъ къ различнымъ сплетнямъ, и т. д. Вотъ противъ кого долженъ былъ питать главнымъ образомъ злобу подсудимый. Вотъ чьего имени онъ не могъ слышать, не сопровождая его бранью и побоями той, которая являлась предъ нимъ живымъ напоминаніемъ о ненавистномъ человѣкѣ. Но человѣкъ, подобный подсудимому въ этотъ періодъ его жизни, не можетъ относиться къ своему недругу съ какимъ нибудь получувствомъ; онъ долженъ его ненавидѣть глубоко и страшно, а ненависть неразлучна съ желаніемъ устранить, уничтожить ненавистный предметъ, лишить его возможности физически и нравственно давить и возмущать своимъ присутствіемъ. И чѣмъ недоступнѣе этотъ предметъ, тѣмъ онъ ненавистнѣе! А Чихачевъ былъ почти недоступенъ для подсудимаго; онъ скрывался и только, на общее несчастіе, постоянно вставалъ передъ нимъ въ его воспоминаніяхъ. Я думаю, что въ припадкахъ гнѣва, во время которыхъ послѣдній истязалъ жену, у него не могло не быть желанія нанести вредъ еще большій и неизгладимый Чихачеву, настолько болѣе сильный, настолько, по его мнѣнію, Чихачевъ являлся сравнительно съ женою болѣе преступнымъ. Мы видимъ намеки на это въ письмѣ подсудимой къ Чихачеву. Оно писано ею самою, но проникнуто мыслями и выраженіями мужа, который его исправлялъ и редактиро-

валъ. Изъ него видно, до какого озлобленія дошелъ онъ самъ,—дошла и жена его. Они «не хотятъ пачкать рукъ въ жалкой и презрѣнной крови Чихачева», имъ нужно «удовлетворить свою злобу», нужно «избить очень больно»,—Чихачеву посылается пощечина, въ надеждѣ сдѣлать то же и на дѣлѣ,—его называютъ «идіотомъ и безсознательнымъ подлецомъ», ругаясь надъ его родственнымъ чувствомъ, ему совѣтуютъ послѣдовать примѣру брата—застрѣлиться на охотѣ и т. д. Такое письмо, написанное женою подъ диктовку мужа, указываетъ на нескрываемую ненависть, на злобу, которая кипитъ и льется черезъ край, такъ что слова «честь женщины возстановляется только смертью» звучатъ въ немъ вовсе не простою угрозою. Притомъ, тамъ гдѣ можно написать такія вещи издалека, тамъ гораздо худшее можно сдѣлать вблизи, лицомъ къ лицу.

Но такое состояніе не можетъ длиться долго,—необходимъ исходъ, какой бы то ни былъ. Подсудимый очевидно жаждалъ встрѣчи съ Чихачевымъ... Дуэль отдавала бы ему хоть на нѣсколько минутъ Чихачева въ руки,—дуэль застилала бы собою глупую исторію въ Ашевѣ и показывала бы, что съ нимъ шутить нельзя... Съ этимъ предложеніемъ онъ и является къ Чихачеву. Мы знаемъ, какъ оно было сдѣлано,—подсудимый согласенъ въ этомъ съ Церешкевичемъ, фонъ-Раабеномъ и Поповымъ... Имѣлъ ли Чихачевъ основаніе отказываться отъ дуэли, имѣлъ ли подсудимый право негодовать на этотъ отказъ и считать себя затѣмъ въ правѣ на все противъ Чихачева? Если человѣкъ оскорбленный можетъ, согласно существующему обычаю, вызвать другого на дуэль, то онъ во всякомъ случаѣ долженъ удовольствоваться тѣмъ, что сдѣлалъ вызовъ и потребовалъ удовлетворенія. Онъ принесъ свою дань предразсудку и показалъ, что его нельзя безнаказанно оскорблять. Если противникъ отказывается отъ дуэли, онъ заслуживаетъ, быть можетъ, въ глазахъ вызвавшаго громкаго названія труса, жалкаго и мелкаго человѣка, который имѣетъ дерзость оскорблять и не имѣетъ смѣлости расплачиваться за свои оскорбленія. Но этимъ и должно все окончиться. Тамъ же, гдѣ человѣку, отказавшемуся отъ дуэли, настойчиво и неотступно предлагаютъ ее, гдѣ его преслѣдуютъ и, несмотря на доводы, что онъ не считаетъ себя обязаннымъ принимать вызовъ, всячески принуждаютъ идти драться, тамъ будетъ уже не дуэль, а нѣчто худшее. Тамъ его заставляютъ или самого выйти подъ пулю, слѣдовательно, подготовляютъ ему убійство, или заставляютъ противъ воли посягнуть на жизнь другого, т. е. сдѣлаться убійцею. Во всякомъ случаѣ совершается преступленіе или противъ него, или его самого заставляютъ совершить преступленіе. Я думаю, что всякій, кто не считаетъ себя обязаннымъ принять вызовъ, имѣетъ нравственное право отказаться, принявъ и всѣ общественныя послѣдствія такого отказа, а тотъ, кто станетъ, послѣ отказа, насильно, угрозами и запугиваніемъ, тащить его къ барьеру, тотъ станетъ въ положеніе нападающаго. Чихачевъ не захотѣлъ драться. Это его личное дѣло, не подлежащее нашему суду. Онъ могъ имѣть

свои основанія, общественныя, личныя... могъ думать, что уже поквитался съ подсудимымъ. Наконецъ—и это главное—онъ не считалъ себя виноватымъ. Этому отказу предшествовалъ, однако, цѣлый рядъ писемъ, полученныхъ Чихачевымъ отъ Церешкевича. Нельзя не пожалѣть о той роли, которую игралъ въ этомъ случаѣ г. Церешкевичъ. Увлекаемый чувствомъ дружбы, онъ хотѣлъ охранить своего друга отъ несчастія, а между тѣмъ близорукимъ образомъ волновалъ и только пугалъ его, поселяя въ немъ излишнія опасенія своими подробными отчетами о томъ, что дѣлается и говорится въ уѣздѣ. Письма эти постоянно держали Чихачева въ страхѣ. Мы знаемъ, что произошло 26-го ноября. Пріѣхавъ сюда, подсудимый прежде всего отправился въ адресный столъ и взялъ справку о Чихачевѣ, который отмѣченъ былъ поѣхавшимъ въ Москву. Желая узнать, когда онъ вернется, и вообще разузнать о немъ, подсудимый, какъ всегда неразлучный съ женою, вдругъ узнаетъ, что Чихачевъ здѣсь и живетъ у своей сестры. Идя по лѣстницѣ къ сестрѣ Чихачева, обвиняемые, конечно, были подъ давленіемъ всего пережитаго ими и всѣхъ мыслей, волновавшихъ ихъ... Лишь только перемолвили они нѣсколько словъ съ Чихачевымъ, ему была вновь настойчиво предложена дуэль, и когда онъ отъ нея отказался, произошелъ тотъ фактъ, который мы признаемъ убійствомъ въ запальчивости и раздраженіи.

Мнѣ приходится перейти ко второй части обвиненія и разобрать, существовало ли дѣйствительно намѣреніе совершить такое преступленіе, выразился ли въ дѣйствіяхъ обвиняемыхъ въ данномъ случаѣ умыселъ убить Чихачева. Я старался подробно выяснить дѣло и то, что должно было происходить съ подсудимымъ до самаго пріѣзда его на квартиру Чихачева. Ненависть его къ Чихачеву должна была дойти до крайняго предѣла. Недоставало только толчка, чтобы эта ненависть, прорвавшись гнѣвной бурей, проявила себя какимъ нибудь насильственнымъ, кровавымъ дѣйствіемъ. Этотъ толчекъ былъ данъ отказомъ Чихачева отъ дуэли; вслѣдъ за нимъ произошло насиліе со стороны подсудимаго, состоявшее въ убійствѣ. Обращаясь къ доводамъ о томъ, что онъ имѣлъ намѣреніе убить Чихачева, возстановимъ то, что произошло въ квартирѣ Чихачева. Изъ показаній свидѣтелей картина происшествія представляется довольно ярко. Когда подсудимый съ своею женою быстро и смѣло вошли въ квартиру Чихачева, послѣдній вышелъ къ нимъ на встрѣчу, оставивъ въ сосѣдней комнатѣ фонъ-Раабена и Попова. Эти лица услышали разговоръ о письмѣ; за разговоромъ послѣдовало какое-то предложеніе на которое послѣдовалъ рѣшительный отказъ отъ дуэли со стороны Чихачева; затѣмъ наступилъ моментъ молчанія, смѣненный движеніемъ, шумомъ, возней. Произошелъ, какъ характеристически выразился здѣсь дворникъ Ильинъ, «бунтъ». Этотъ бунтъ услышали и другія лица. Первое лицо, которое явилось усмирять бунтъ, былъ дворникъ Ильинъ. Вы помните его оживленное показаніе, хотя краткое, но очень ясное. Онъ засталъ подсудимаго стоящимъ передъ Чи-

хачевымъ, который былъ прижатъ къ дивану, и наносящимъ ему удары. Когда онъ бросился къ нимъ, чтобы оттолкнуть нападающаго отъ Чихачева, и когда хотѣлъ схватить его руки, то почувствовалъ, что ему что-то поранило пальцы. Тогда онъ увидѣлъ въ рукѣ подсудимаго ножъ и закричалъ объ этомъ. Выбѣжали Поповъ и фонъ-Раабенъ. Послѣдній бросился на подсудимаго и сталъ его оттаскивать отъ Чихачева, а Поповъ крикнулъ дворнику, чтобы онъ держалъ обвиняемую. Когда фонъ-Раабенъ оттаскивалъ подсудимаго, держа его за одну руку, онъ въ то время дѣйствовалъ другою рукою, отталкивая отъ себя Чихачева, который былъ въ самозабвеніи и, наступая ка него, безсознательно, очевидно потерявшись, наносилъ удары. Наконецъ фонъ-Раабену удалось свалить подсудимаго на диванъ и обхватить; Чихачевъ, стоявшій тутъ же, сказалъ нѣсколько успокоившись: «Ну, слава Богу, все кончено, теперь надо за полиціей!» Дѣйствительно, для него *все было кончено*: у него оказались тяжкія и глубокія раны, отъ которыхъ онъ на другой день и скончался, протестуя до послѣдней минуты противъ обвиненія, взведеннаго на него подсудимою... Для опредѣленія, было ли въ этомъ нанесеніи ранъ желаніе совершить убійство, надо обратить вниманіе на орудіе, которымъ нанесена смерть; разсмотрѣть, когда именно орудіе это было пущено въ ходъ, какимъ образомъ имъ дѣйствовали, какъ обвиняемые вели себя потомъ, и вообще вглядѣться въ характеръ ихъ дѣйствій. Орудіемъ преступленія былъ ножъ хорошо отточенный, довольно массивный, который, по показаніямъ самого обвиняемаго, былъ съ довольно тугою пружиною. Обвиняемый говоритъ, что когда онъ былъ сваленъ на диванъ, то тамъ онъ вынулъ ножъ, обѣими руками раскрылъ его и затѣмъ не помнитъ, какъ нанесъ удары.

Но, гг. присяжные, я думаю, что вы не повѣрите этому разсказу. Вы слышали показаніе дворника. Онъ первый вошелъ въ комнату, бросился на борющихся и получилъ раны ножемъ по пальцамъ. Что это было до появленія фонъ-Раабена, видно изъ того, что когда фонъ-Раабенъ оттаскивалъ подсудимаго отъ Чихачева, дворникъ держалъ уже обвиняемую на другомъ концѣ комнаты. Въ это время кровь шла у него изъ руки и испачкала кофту и рукавъ обвиняемой, слѣдовательно, онъ былъ раненъ до этого, т. е. до того, какъ Раабенъ, схвативъ подсудимаго за руки, приказалъ ему держать обвиняемую. Она стрѣляла, находясь въ рукахъ дворника, уже въ то время, когда мужъ ея былъ пригнутъ къ дивану Раабеномъ, а Чихачевъ стоялъ подлѣ. Слѣдовательно, дворникъ могъ получить раны въ руку только до участія въ дѣлѣ фонъ-Раабена. Затѣмъ, изъ показанія фонъ-Раабена видно, что онъ обхватилъ подсудимаго и держалъ его крѣпко, когда они были на диванѣ. Если даже предположить на минуту, что подсудимый могъ вынуть изъ кармана и открыть ножъ въ это время, то кому же достались бы его удары, если онъ, какъ говоритъ, наносилъ ихъ безсознательно, какъ не тому, кто лежалъ на немъ, и раны были бы нанесены не по ру-

камъ, которые его обхватывали, и не въ грудь противника, потому что онъ плотно прилегалъ ею къ подсудимому, а только въ спину или въ бокъ. Этимъ противникомъ, противъ котораго могъ защищаться подсудимый, былъ фонъ-Раабенъ. Между тѣмъ фонъ-Раабенъ, какъ вамъ извѣстно, остался невредимъ, исключая незначительной царапины на рукѣ, а раны нанесены были Чихачеву, который стоялъ въ сторонѣ, около дивана. Какимъ образомъ человѣкъ, обхваченный и крѣпко прижатый къ дивану, наносилъ удары не тому, кто его держитъ, а другому, стоящему около дивана? Наконецъ, если и предположить, что подсудимый въ это время нанесъ Чихачеву удары, то куда же они могли быть нанесены? Очевидно, въ ту часть тѣла, которая была на одной линіи съ лежащимъ на диванѣ, т. е. въ нижнюю часть живота, или въ верхнюю часть ногъ, въ бедра, а между тѣмъ, раны нанесены въ верхнюю часть груди. Подсудимый говоритъ, что сталъ наносить удары ножемъ лицамъ, которыя его держали, самъ себя не помня и силясь обороняться. Но если обороняться, то значитъ сознавать, что́ и зачѣмъ дѣлаешь. Отъ чего же и отъ кого обороняться? Отъ лицъ, которыя его держатъ, чтобы прекратить драку и передать его полиціи, такъ какъ Чихачевъ его уже не трогалъ. Но набуйствовать и нашумѣть въ чужой квартирѣ и защищаться съ ножомъ въ рукахъ отъ грозящаго прихода полиціи—это такое странное объясненіе, которое не заслуживаетъ довѣрія. Для такой защиты ножъ былъ не нуженъ. Затѣмъ, если бы онъ дѣйствительно защищался, то раны и были бы нанесены тѣмъ, которые его держали, а не Чихачеву, который стоялъ въ сторонѣ. Припомните, какъ имъ вообще объясняется употребленіе въ дѣло ножа. Онъ помнитъ все: какъ вынулъ ножъ, какъ раскрылъ его обѣими руками и даже какъ держалъ его лезвіемъ внизъ и т. д., а затѣмъ совершенно забываетъ, какъ и кому наносилъ удары. Но обѣ части его объясненія стоятъ въ противорѣчіи, которое ему и было замѣчено однимъ изъ членовъ суда. Или онъ помнилъ все, или ничего не помнилъ... Если повѣрить объясненію, что онъ не дѣйствовалъ ножомъ, покуда не былъ на диванѣ, то можно ли допустить, чтобы ему дали время не только достать и раскрыть ножъ, но еще и нанести четыре раны, и притомъ, по странному стеченію обстоятельствъ, именно тому, кого онъ не выноситъ и ненавидитъ. Всѣ эти объясненія подсудимаго неправдоподобны и надо ихъ отбросить. Они противорѣчатъ истиннымъ обстоятельствамъ дѣла. Когда же онъ наносилъ удары и когда открылъ ножъ? Этого не могло быть въ то время, когда фонъ-Раабенъ оттаскивалъ его за одну руку и когда другая была свободна, такъ какъ онъ самъ признаетъ, что одною рукою нельзя было открыть тугой, снабженный пружиною ножъ. Слѣдовательно, онъ былъ вынутъ и открытъ еще до того, какъ фонъ-Раабенъ схватилъ его за руку и сталъ тащить отъ Чихачева. Чихачевъ, идучи на подсудимаго въ это время, въ самозабвеніи ударялъ его руками, махая ими—и на нихъ оказались слѣды рѣжущаго оружія: на ладони одной руки порѣзъ, на соеди-

неніи кисти лѣвой руки съ предплечіемъ еще порѣзъ и около локтя другой руки два порѣза. Очевидно, что въ это время въ рукахъ его уже былъ раскрытый ножъ. Слѣдовательно, главныя раны были нанесены до того времени, когда фонъ-Раабенъ сталъ разнимать дерущихся. Мы знаемъ, что фонъ-Раабенъ и Поповъ слышали изъ сосѣдней комнаты вопросы и отвѣты, затѣмъ какъ говоритъ фонъ-Раабенъ, наступилъ моментъ молчанія. Потомъ раздался шумъ отъ паденія и началась возня и крики,—и когда они выбѣжали, борьба была уже въ разгарѣ. Такъ и должно было случиться. Возмущенный отказомъ Чихачева отъ дуэли, получивъ тотъ нравственный толчекъ, о которомъ я уже говорилъ, подсудимый отдался весь своему гнѣву и почувствовалъ въ себѣ приливъ крайняго бѣшенства. Извѣстно, что въ такія минуты дыханіе спирается въ стѣсненной груди, голосъ изсякаетъ, чтобы замѣниться затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ мгновеній зловѣщей тишины, безсмысленными, дикими звуками, которые всѣ разомъ силятся вырваться изъ горла, облегчая болѣзненно сжатое сердце... Въ жестокомъ гнѣвѣ наступаетъ обыкновенно нѣсколько секундъ молчанія, характеризующаго моментъ, въ который разумъ быстро исчезаетъ, уступая мѣсто животной злобѣ—и, наконецъ, ярость разражается—ударами, криками, пролитіемъ крови... То же, безъ сомнѣнія, было и здѣсь. Моментъ молчанія, подмѣченный свидѣтелями, обличаетъ именно этотъ переходъ отъ гнѣва сдержаннаго къ гнѣву, не знающему никакихъ преградъ. Мы знаемъ, что подсудимый ударилъ кулакомъ въ лицо Чихачева. Чихачевъ упалъ. Въ эту минуту былъ самый удобный моментъ выхватить и раскрыть ножъ, и пока Чихачевъ подымался съ полу, приготовиться встрѣтить его ударами ножа. И дѣйствительно, посмотрите на расположеніе ранъ. Обѣ онѣ находятся въ груди, одна посрединѣ, другая нѣсколько выше и ближе къ боку. Одна представляетъ рѣзаную рану и, проникая въ грудь, идетъ сверху внизъ; другая нанесена спереди назадъ и представляетъ колотую рану. Если допустить, что подсудимый нанесъ удары въ другое время, а не тогда, когда Чихачевъ поднимался послѣ паденія, то никакъ не могли образоваться такія раны. Онѣ были бы обѣ колотыя, если предположить, что онъ нанесъ ихъ въ то время, когда фонъ-Раабенъ оттаскивалъ его за лѣвую руку, и во всякомъ случаѣ были нанесены снизу вверхъ, ибо Чихачевъ былъ выше его ростомъ. Чтобы нанести рѣзаную рану сверху внизъ, подсудимому нужно было сдѣлаться ростомъ выше Чихачева. А такое положеніе могло бы быть только, когда онъ стоялъ, а Чихачевъ приподнимался послѣ удара кулакомъ. Вторая рана колотая и ниже рѣзаной—нанесена, очевидно, когда Чихачевъ, вставъ во весь ростъ, бросился на подсудимаго, чтобы защищаться. Опредѣливъ по возможности, *когда* были нанесены раны, надо посмотрѣть и на *мѣста*, куда онѣ нанесены. Человѣкъ, въ безсознательномъ состояніи защищающійся отъ нападенія, сталъ бы наносить раны куда попало. Но здѣсь удары были нанесены вѣрною, твердою рукою въ одно преимущественно мѣсто и проникали

глубоко. Онѣ нанесены почти рядомъ въ грудь, около сердца. Наносившій не могъ не понимать, что по мѣсту, куда онъ направляетъ удары, онъ наноситъ смертельныя раны. Подсудимый не былъ въ безсознательномъ состояніи. Гдѣ *сознательно* открываютъ ножъ, тамъ не дѣйствуютъ имъ тотчасъ же *безсознательно*. Выхвативъ ножъ противъ человѣка, котораго онъ первый же ударилъ и съ такой силой, что сшибъ съ ногъ,—не значитъ защищаться, а значитъ—желать нанести ему серьезный вредъ, большое зло. Но зло, наносимое ударами длиннаго и отточеннаго ножа въ грудь—есть смерть... Защита, можетъ быть, будетъ утверждать, что тутъ была простая драка и раны нанесены въ пылу обоюдной свалки. Но драки происходятъ обыкновенно такъ: сойдутся люди безъ всякой предварительной ненависти, выпьютъ, поспорятъ по пустому и всегда неожиданному поводу и... подерутся, норовя ударить въ лицо, «съѣздить» въ зубы, схватить за волосы, за бороду, «оттаскать» противника... Если причинится кому нибудь при этомъ смерть, то это несчастная случайность, неожиданная, никѣмъ не желанная. Но тамъ, гдѣ передъ убійствомъ такъ долго накипала ненависть, гдѣ она постоянно возрастала, тамъ убійство совершено не въ дракѣ, которая не предполагаетъ предварительной долгой, заглушаемой и, наконецъ, прорвавшейся наружу злобы. Кромѣ того посмотрите на поведеніе подсудимыхъ. Убившій другого въ дракѣ и узнавшій, что вмѣсто того, чтобы «побить», онъ «убилъ», придетъ въ ужасъ, падетъ духомъ, не будетъ знать что́ дѣлать, особливо если онъ сколько нибудь развитой человѣкъ. Но что дѣлаетъ подсудимый? Запертый въ комнатѣ, онъ закуриваетъ папироску, чувствуетъ аппетитъ, проситъ чаю, спрашиваетъ: умеръ ли Чихачевъ и, отвѣчая на вопросъ своей жены, что онъ, а не она его убила, беретъ на себя заслугу этого дѣла, а когда ему говорятъ, что Чихачевъ умеръ, провожаетъ его спокойными словами: «ну, и Богъ съ нимъ!» Когда человѣкъ убиваетъ въ дракѣ, онъ бываетъ пораженъ, озадаченъ, самъ убитъ случившемся, а когда человѣкъ убиваетъ другого, вслѣдствіе глубокой къ нему ненависти, и когда пролитая кровь завершаетъ эту ненависть, онъ бываетъ спокоенъ, онъ притихаетъ, чувствуетъ нѣкоторое удовлетвореніе, какъ это обыкновенно бываетъ послѣ всякаго страстнаго душевнаго движенія. Такое удовлетвореніе своей ненависти и гнѣва почуствовалъ и подсудимый. Его папироска, его аппетитъ, его «не ты, а я его убилъ», и его «ну, и Богъ съ нимъ»—указываютъ на это. Притомъ, если бы онъ хотѣлъ только драться, то какая же была бы цѣль этой драки? Онъ пришелъ для того, чтобы вызвать Чихачева на дуэль, т. е. или своею жизнію пожертвовать, или убить его. Это ему не удалось. Чего же можетъ онъ желать затѣмъ? Поколотить противника, подбить ему глаза, разбить зубы и за это быть отправленнымъ въ полицію, судиться у мирового судьи и, быть можетъ, быть *прощеннымъ* тѣмъ же Чихачевымъ?! Но развѣ такого человѣка, какимъ мы знаемъ подсудимаго могъ удовлетворить этотъ пошлый исходъ? Развѣ это довольно было

бы для его израненнаго сердца и омраченной ненавистью души, для его раздраженнаго самолюбія? Тогда вѣдь онъ еще болѣе будетъ смѣшонъ въ уѣздныхъ глазахъ. Тогда создастся цѣлая легенда о мировомъ судьѣ, судимомъ мировымъ судьею за побои, нанесенные мировому же судьѣ. Нѣтъ, здѣсь не было драки! А не было драки, такъ было желаніе убить. Это выводъ, по моему мнѣнію, неизбѣжный. Но, быть можетъ, скажутъ, что Чихачевъ тоже нападалъ на подсудимаго, наносилъ ему удары. Можно ли, однако, требовать, чтобы онъ оставался спокойнымъ и не трогалъ человѣка, свалившаго его и бьющаго ножемъ въ грудь? Можно ли это требовать, въ особенности когда этотъ человѣкъ почти насильственно пришелъ въ квартиру Чихачева, и когда послѣдній видѣлъ предъ собою давняго преслѣдователя и смертельнаго врага? И если Чихачевъ умираетъ отъ ударовъ, нанесенныхъ ножемъ въ такое мѣсто, гдѣ смерть почти неизбѣжна,—нанесенныхъ человѣкомъ, который давно кипѣлъ противъ него гнѣвомъ и преслѣдовалъ его, добиваясь своей или его смерти—и встрѣтилъ окончательный отказъ въ удовлетвореніи этого желанія, мы имѣемъ право сказать, что человѣкъ этотъ хотѣлъ убить своего врага, сказать, что подсудимый убилъ его въ запальчивости и раздраженіи. Онъ весь отдался своему гнѣву. «Ты не хочешь мнѣ дать удовлетворенія, какъ человѣкъ общества—я на тебя нападу, какъ на звѣря, безпощадно и съ оружіемъ въ рукахъ; ты не хочешь видѣть дуло пистолета—я тебѣ дамъ отвѣдать ножа; ты волей или неволей испортилъ мнѣ мою жизнь—я у тебя отниму твою!» И онъ убилъ Чихачева...

Остается сказать о подсудимой. Ея участіе въ этомъ дѣлѣ является преступнымъ. Мы видѣли, что она постоянно ходила за мужемъ на буксирѣ и, дѣйствуя подъ его руководствомъ, не оттрезвляя и не останавливая его, охотно присоединялась къ его озлобленію. И для нея Чихачевъ являлся такимъ же ненавистнымъ роковымъ человѣкомъ, какъ и для мужа; онъ казался и ей причиною всего зла; ему писала она, что жаждетъ его крови, забывая, что не онъ, а она сама вмѣстѣ съ мужемъ причина всѣхъ уѣздныхъ исторій и сплетенъ... Принеся мужу повинную, признавъ себя предъ нимъ обманщицею, она не могла уже заявлять претензій на самостоятельность и, смотря на все изъ-подъ его руки, стала раздѣлять его ненависть и злобу. Бросаясь въ снѣгъ, плача и перенося побои, она конечно, искала, подобно мужу, выхода и думала, что все можетъ, согласно его мнѣнію, разрѣшиться и успокоиться дуэлью. Въ надеждѣ на то, что состоится что нибудь окончательно, что устроится съ ненавистнымъ человѣкомъ поединокъ, она является съ мужемъ къ Чихачеву. Тотъ снова отказывается. Слѣдовательно, опять пойдутъ сомнѣнія, опять нравственная пытка, долгіе разспросы, необходимость выворачивать свою душу и шевелить постыдныя подробности прошлаго: это невозможно, невыносимо!.. И вотъ и въ ней должно было развиться крайнее раздраженіе и, увлеченная шумомъ борьбы, видя предъ собою виновника своихъ золъ, она дважды стрѣ-

ляетъ въ Чихачева съ тѣмъ, чтобы его убить. Она хотѣла его убить. Вспомните ея письмо, вспомните безчеловѣчное предложеніе, которое она рѣшилась сдѣлать Чихачеву въ Ашевѣ,—вспомните ея желаніе знать: ей ли принадлежитъ право считать себя убійцею Чихачева, обратите наконецъ вниманіе на то, что нельзя безсознательно дважды стрѣлять изъ револьвера, курокъ котораго надо каждый разъ взводить. Вы можете къ ней отнестись снисходительно: не она убила Чихачева, а выстрадала очень много,—но вы не должны забывать, что, вслѣдствіе ея двукратнаго обмана, возникли у ея мужа сомнѣнія, разрѣшившіяся убійствомъ Чихачева... Я обвиняю подсудимыхъ, согласно съ опредѣленіемъ Судебной Палаты, въ томъ, что одна покушалась на убійство Чихачева, а другой убилъ его въ запальчивости и раздраженіи. Отъ васъ, гг. присяжные засѣдатели, зависитъ рѣшить ихъ участь. Пробѣгая мысленно все это дѣло, къ невеселымъ мыслямъ прихожу я. Оно сводится къ смерти человѣка, безусловно добраго, который въ нашемъ обществѣ, небогатомъ безкорыстными дѣятелями и сознательно честными людьми, приносилъ свою значительную долю пользы, содѣйствуя народному образованію, устроивъ училище, помогая учрежденію ссудо-сберегательныхъ товариществъ и выводя бѣдняковъ изъ мрака къ свѣту... За слабость характера, за давнопрошедшее увлеченіе онъ заплатилъ цѣною жизни. Его далеко не безполезную жизнь прекратилъ не человѣкъ неразвитой, грубый, который не вѣдаетъ, что̀ творитъ во гнѣвѣ своемъ, но человѣкъ образованный, развитой, могущій правильно оцѣнивать свои поступки,—человѣкъ, который былъ судьею и преподавалъ другимъ уроки уваженія къ личности и закону, уроки обузданія своихъ порывовъ. Мнѣ думается, что съ вашей стороны, по отношенію къ нему, долженъ послѣдовать строгій приговоръ, который укажетъ, что на защитѣ человѣческой жизни стоитъ судъ, который не прощаетъ никому самоуправнаго распоряженія существованіемъ другого. Подсудимому, стоявшему на видной ступени въ обществѣ, умѣвшему быть полезнымъ дѣятелемъ и слугою общественныхъ интересовъ, много было дано. Но кому много дано, съ того много и спросится, и я думаю, что вашъ приговоръ докажетъ, что съ него спрашивается много...

XIII.

По дѣлу о подлогѣ завѣщанія капитана гвардіи Сѣдкова.

19-го іюня 1874 года, вдова капитана гвардіи Софья Константиновна Сѣдкова предъявила, чрезъ повѣреннаго, въ С.-Петербургскій Окружной Судъ къ утвержденію домашнее духовное завѣщаніе покойнаго своего мужа, предоставляющее въ ея полную собственность все безъ исключенія движимое имущество завѣщателя, въ чемъ бы таковое не заключалось. Духовное завѣщаніе, какъ въ немъ значится, писано 31-го мая 1874 года со словъ завѣщателя фехтмейстерскимъ помощникомъ Тенисомъ, подписано, по личной просьбѣ и за слабостью руки завѣщателя, губернскимъ секретаремъ Медвѣдевымъ при свидѣтеляхъ: поручикѣ Петлинѣ, отставномъ надворномъ совѣтникѣ Бороздинѣ и отставномъ подпоручикѣ Киткинѣ, которые своею подписью удостовѣрили какъ то, что завѣщатель былъ въ твердой памяти и здравомъ умѣ, такъ и то, что за слабостью руки и по личной его просьбѣ на завѣщаніи вмѣсто его расписался губернскій секретарь Медвѣдевъ. Вмѣстѣ съ духовнымъ завѣщаніемъ въ судъ представлено было отъ вдовы Сѣдковой и свидѣтельство Введенской церкви о послѣдовавшей 1-го іюня того же года смерти мужа Сѣдковой. 5-го іюля братъ покойнаго Сѣдкова, коллежскій секретарь А. Е. Сѣдковъ, заявилъ суду о подложности представленнаго повѣреннымъ вдовы Сѣдковой завѣщанія. Дознаніемъ полиціи обнаружено, что наканунѣ смерти Сѣдкова при немъ никого изъ постороннихъ лицъ, кромѣ жены его и служанки Бѣляевой, не было; что Сѣдковъ умеръ въ 8 часовъ утра, а Медвѣдевъ и другія подписавшіяся на завѣщаніи лица были въ тотъ день у Сѣдковой только вечеромъ. Спрошенная на предварительномъ слѣдствіи Бѣляева показала, что Сѣдковъ умеръ въ креслахъ въ 8 часовъ утра и былъ затѣмъ перенесенъ ею при помощи Сѣдковой на постель. Хотя несомнѣнно было, что онъ уже умеръ, но Сѣдкова положила ему на голову холодный компрессъ. Затѣмъ съ утра до вечера Сѣдкова рылась въ сундукахъ и ящикахъ, отбирала разныя золотыя и серебряныя вещи, пересматривала бумаги и часть ихъ отложила въ небольшой окованный желѣзомъ зеленый сундучокъ. Подъ-вечеръ Сѣдкова пересматривала какія-то узенькія книжечки и говорила, что хорошо будетъ, если въ банкѣ не узнаютъ ея руку. Вечеромъ Сѣдкова поѣхала изъ дому, но вскорѣ вернулась, сказавъ, что забыла какую-то бумагу; затѣмъ наскоро что-то написала и снова уѣхала. По возвращеніи ея домой,

пріѣхали Медвѣдевъ, писарь Тенисъ и нотаріусъ Лысенковъ съ секретаремъ, но Лысенковъ съ секретаремъ вскорѣ уѣхалъ и возвратился уже одинъ. Сѣдкова посылала за Петлинымъ, который пришелъ съ какимъ-то военнымъ. Тенисъ писалъ въ залѣ, говорили всѣ шопотомъ и разошлись уже къ утру. На другой день снова былъ у Сѣдковой нотаріусъ Лысенковъ, Медвѣдевъ, а кромѣ того Бороздинъ и Киткинъ. Въ этотъ же день пріѣзжала подруга Сѣдковой, Макарова, и увезла къ собой сундучокъ съ бумагами. Врачъ Измайловскаго полка Флитнеръ, пользовавшій Сѣдкова, показалъ, что онъ страдалъ хроническимъ воспаленіемъ легкихъ, что въ послѣдній разъ онъ, Флитнеръ, былъ у Сѣдковыхъ въ 10 часовъ вечера, 31 мая. Встрѣтивъ его въ передней, Сѣдкова объявила ему, что мужъ ея умеръ, и повела его черезъ кухню въ комнату покойнаго; въ залѣ было въ то время много народу. Сѣдкова была очень встревожена и разсказывала, что, опасаясь остаться безъ завѣщанія, она ѣздила за нотаріусомъ и свидѣтелями, но, возвратясь домой, нашла мужа уже безъ дыханія. Далѣе, въ безсвязныхъ словахъ, она говорила, что она несчастная женщина, остается безъ всего, причемъ просила его, Флитнера, не говорить, когда ея мужъ умеръ, и написать, что онъ умеръ позже. Затѣмъ, Флитнеръ присовокупилъ, что опредѣлить часъ смерти Сѣдкова было трудно,—но возможно, что онъ умеръ утромъ, какъ показываетъ горничная. Спрошенный на предварительномъ слѣдствіи, докторъ медицины Зенкевичъ показалъ, что Сѣдкова обратилась къ нему 1-го іюня 1874 года, вечеромъ, съ просьбою выдать свидѣтельство о смерти мужа, такъ какъ пользовавшій его врачъ отказалъ ей въ томъ по неимѣнію времени за выѣздомъ въ лагерь. Сѣдкова говорила, что мужъ ея умеръ того же числа утромъ. Найдя тѣло Сѣдкова уже охладѣвшимъ, онъ, Зенкевичъ, выдалъ свидѣтельство. Штабсъ-капитанъ Лисевичъ показалъ, что въ маѣ мѣсяцѣ, вечеромъ, когда онъ былъ у Петлина, послѣдній просилъ его пойти къ одному изъ жильцовъ дома быть свидѣтелемъ завѣщанія. Тамъ Петлинъ познакомилъ его съ Сѣдковою и затѣмъ они сѣли въ залѣ ожидать нотаріуса, который пріѣхалъ въ 10-мъ часу. Сѣдкова сказала нотаріусу, что мужъ ея уснулъ и будить его нельзя. Затѣмъ она предложила нотаріусу написать завѣщаніе съ чернового. Письмоводитель нотаріуса написалъ завѣщаніе и сталъ ожидать, когда можно будетъ войти къ больному. Наконецъ нотаріусъ и Сѣдкова вошли, но пробыли недолго, и нотаріусъ, выйдя, сказалъ: «Что-то подозрительно, пошлите за докторомъ». Послали за докторомъ, который, пріѣхавъ, объявилъ, что больной умеръ. Затѣмъ онъ, Лисевичъ, раскланялся и ушелъ. Далѣе слѣдствіемъ обнаружено, что изъ банкирской конторы «Жадимеровскій, Баймаковъ и К°» 1-го и 4-го іюня 1874 года выдано вдовѣ Сѣдкова съ текущаго счета ея покойнаго мужа болѣе 30,000 рублей по тремъ чекамъ отъ 31-го мая за подписью «М. Сѣдковъ». По сличенію почерковъ, эксперты нашли, что подписи на этихъ чекахъ писаны рукою вдовы Сѣдковой. Между письмами и бумагами, частью найденными у Сѣдковой по обыску, частью ею самою представленными, оказались: 1) писанный карандашомъ счетъ, въ которомъ отмѣчено: Медвѣдеву—12 руб., Петлину—10 руб., Лысенкову—500 руб., Бороздину—500 руб., Киткину—20 руб.; 2) Записка Бороздина, въ которой онъ проситъ у Сѣдковой одолжить ему 15 рублей, и другая его записка по тому же поводу, въ которой, настаивая на присылкѣ ему денегъ, онъ присовокупляетъ: «отказывая, вы меня станете дразнить, а я, право, ничего дурного вамъ не дѣлалъ»; 3) Записка Петлина: «Милостивая государыня, Софья Константиновна! Простите за совѣтъ, лучше дайте просимое. Б.»; 4) Расписка Киткина въ полученіи 200 рублей отъ Сѣдковой; 5) Его же записка, въ которой онъ проситъ у Сѣдковой одолжить 100 или 200 руб., 6) Записка безъ подписи: «Я согласенъ подписать въ такомъ случаѣ, если мнѣ будетъ возвращенъ вексель и 300 руб., а въ противномъ случаѣ это остается мнѣ извѣстнымъ»; 7) Записка Петлина, въ которой онъ проситъ у Сѣдковой 100 руб., присово-

купляя: «Если вы ихъ дадите—сожалѣть не будете»; 8) Его же записка слѣдующаго содержанія: «Быть можетъ, и я не люблю входить, Софья Константиновна, въ объясненія съ прислугою, но этого требуетъ вамъ извѣстно какое дѣло, а Арина можетъ попортить мнѣ. А потому вы, я думаю, взойдете противъ вашей любви въ объясненіе съ нею».

Обвиняемые: Сѣдкова, Лысенковъ, Петлинъ, Киткинъ, Бороздинъ, Медвѣдевъ и Тенисъ, не признавая себя виновными въ подложномъ составленіи духовнаго завѣщанія, на первоначальномъ допросѣ утверждали, что оно составлено было по волѣ покойнаго Сѣдкова въ томъ именно порядкѣ, какъ это въ самомъ актѣ означено. Сѣдкова отвергала также обвиненіе въ подлогѣ по чекамъ, объясняя, что они подписаны ея мужемъ. Но вскорѣ послѣ перваго допроса, обвиняемый Киткинъ явился къ судебному слѣдователю съ повинною, объяснивъ, что получилъ отъ Сѣдковой письмо, въ которомъ она просила его немедленно пріѣхать по очень важному дѣлу. Когда онъ пришелъ къ Сѣдковой, она представила ему Лысенкова и Петлина и просила подписаться на завѣщаніи, такъ какъ не доставало третьяго свидѣтеля. Петлинъ говорилъ при этомъ, что они сами писали и подписали завѣщаніе по просьбѣ покойнаго Сѣдкова. Лысенковъ говорилъ, что, какъ нотаріусъ, онъ ничего незаконнаго не сдѣлаетъ: что если онъ не подпишетъ, то подпишетъ другой, и что бояться тутъ нечего. Хотя Сѣдкова вмѣстѣ съ тѣмъ напоминала ему о векселѣ, но онъ, Киткинъ, не согласившись подписаться, ушелъ. Сообразивъ, однако, что по находящемуся въ рукахъ Сѣдковой векселю его могутъ посадить въ долговое отдѣленіе, онъ написалъ изъ царскосельскаго вокзала, что согласенъ подписать, если возвратятъ ему вексель и дадутъ вдобавокъ 300 руб. Сѣдкова прислала за нимъ въ вокзалъ, онъ подписалъ завѣщаніе и получилъ свой вексель и 200 р. Вслѣдъ за Киткинымъ созналась и Сѣдкова, объявивъ, что о желаніи ея покойнаго мужа составить въ ея пользу духовное завѣщаніе извѣстно было его близкому пріятелю, капитану Ямщикову. Зная объ этомъ желаніи мужа, она просила, однако, повѣреннаго написать проектъ завѣщанія, показывала этотъ проектъ мужу и, по указаніямъ его, переправила. 31-го мая, въ 9 часовъ вечера, она поѣхала, по просьбѣ мужа, къ нотаріусу Лысенкову и просила его пріѣхать, передавъ ему проектъ завѣщанія. Отъ Лысенкова она заѣхала за Медвѣдевымъ и, пріѣхавъ домой, увидѣла, что мужъ едва дышетъ. Соглашаясь составить нотаріальное духовное завѣщаніе, Лысенковъ говорилъ, что это будетъ стоить 10,000 или 12,000 р., но когда она сказала Лысенкову, что денегъ у нея нѣтъ, что она можетъ заплатить только на другой день, то Лысенковъ просилъ послать за докторомъ. До пріѣзда врача она думала еще, что мужъ очнется, но врачъ нашелъ, что онъ уже умеръ. Лысенковъ объявилъ тогда, что свидѣтели уже не согласятся подписать, что онъ отвезетъ конторщика и пріѣдетъ одинъ, при чемъ просилъ ее задержать Медвѣдева и Петлина. Возвратясь затѣмъ одинъ, Лысенковъ объявилъ, что можно составить домашнее духовное завѣщаніе, которое стоить будетъ 6,000 руб., при чемъ онъ берется достать свидѣтелей, что и сдѣлалъ. Когда началось слѣдствіе, она просила Лысенкова показать, что онъ не только видѣлъ ея мужа въ живыхъ, но и говорилъ съ нимъ. Лысенковъ отвѣтилъ, что это будетъ стоить много денегъ. Она тогда выдала по его требованію 5,000 руб. ему лично и 3,000 на свидѣтелей. Обвиняемый Лысенковъ, передопрошенный по поводу показаній Киткина и Сѣдковой, сознался, что завѣщаніе написано было уже послѣ смерти Сѣдкова и объяснилъ, что вдова Сѣдкова умоляла его помочь ей. Сѣдкова выдала ему, Лысенкову, 500 руб. на расходы по утвержденію завѣщанія, но больше отъ нея онъ ни гроша не получалъ. Петлинъ, признавая, что завѣщаніе подписано было имъ уже послѣ смерти Сѣдкова, объяснилъ, что сдѣлалъ это по просьбѣ Сѣдковой и Лысенкова; денегъ отъ Сѣдковой никакихъ не получалъ и сколько получили другіе—не знаетъ. Бороздинъ показалъ, что зналъ Сѣдкова по случаю займа у

него денегъ подъ вексель, жену же его лично не зналъ; съ 1873 года онъ имѣлъ несчастіе содержаться въ долговомъ отдѣленіи и терпѣлъ съ семействомъ крайнюю нищету; нотаріусъ Лысенковъ постоянно помогалъ ему деньгами и работою, и когда Лысенковъ нуждался въ свидѣтеляхъ при совершеніи актовъ, то Бороздинъ являлся и давалъ въ этихъ случаяхъ свою подпись. 1-го іюня Лысенковъ пригласилъ его къ себѣ въ контору и просилъ его подписать завѣщаніе Сѣдкова. Лысенковъ объяснилъ при этомъ, что завѣщаніе это продиктовано было самимъ Сѣдковымъ, и что Сѣдкова умоляла его, Лысенкова, помочь ей совершить завѣщаніе, вслѣдствіе чего онъ взялся пріискать свидѣтелей. Имѣя къ Лысенкову полное довѣріе, какъ къ человѣку и какъ къ лицу офиціальному—нотаріусу, онъ, Бороздинъ, подписалъ завѣщаніе. Только впослѣдствіи онъ узналъ, что оно составлено было уже послѣ смерти Сѣдкова. Послѣ засѣданія въ судѣ, Сѣдкова выдала ему вексель въ 500 руб., такъ какъ наличныхъ денегъ она не имѣла и сама до такой степени нуждалась, что однажды отказала ему въ 15 рубляхъ. Обвиняемые въ объясненіяхъ своихъ, между прочимъ, указали, что покойный Сѣдковъ получилъ за женою въ приданое около 30,000 руб. Сѣдкова, по поводу имущественныхъ отношеній къ своему мужу объяснила, что получила отъ бабушки своей приданаго 5,000 руб. наличными деньгами, вексель на Демидова въ 5,000 руб. и, кромѣ того, имѣла бриліантовъ и серебра на 3,000 р.

Представляя къ слѣдствію на 57,000 руб. векселей, принадлежавшихъ покойному Сѣдкову, обвиняемая объяснила, что, кромѣ того, въ Окружной Судъ и въ управу благочинія предъявлено ею векселей на 50,000 р. По исполнительнымъ листамъ, хранящимся частью у нея, частью у судебныхъ приставовъ, къ полученію подлежало до 42,000 руб. Затѣмъ, въ конторѣ Баймакова съ текущаго счета получено ею до 33,000 руб., такъ что стоимость всего имущества ея покойнаго мужа простиралась до 180,000 руб. Спрошенный затѣмъ, вслѣдствіе показанія обвиняемой, капитанъ Ямщиковъ не подтвердилъ того, чтобы покойный Сѣдковъ когда либо говорилъ ему о желаніи составить завѣщаніе или о намѣреніи оставить имущество своей женѣ. Слѣдствіемъ, между прочимъ, обнаружено, что Лысенковъ заплатилъ въ теченіе лѣта 1874 г., съ мая мѣсяца по августъ, болѣе 11,000 руб. разнымъ лицамъ по векселямъ и внесъ въ Общество Взаимнаго Кредита на текущій счетъ, съ 6-го іюня по августъ, болѣе 6,000 руб. По поводу этого обстоятельства Лысенковъ объяснилъ, что онъ получилъ 17-го мая 1874 г. отъ отца своего на уплату долговъ 10,000 руб., вслѣдствіе чего и выдалъ вексель въ этой суммѣ сестрамъ своимъ.

На основаніи всего вышеизложеннаго, Сѣдкова, Лысенковъ, Петлинъ, Медвѣдевъ, Киткинъ, Бороздинъ и Тенисъ были преданы суду по обвиненію въ томъ, что 1-го іюня 1874 года, по предварительному между собою соглашенію, составили подложное домашнее духовное завѣщаніе; Сѣдкова, кромѣ того, и въ томъ, что подписала три чека отъ имени покойнаго своего мужа Сѣдкова и по такимъ, подложно составленнымъ, чекамъ получила принадлежащіе ему 31,000 руб. изъ конторы «Жадимеровскій, Баймаковъ и К°», что въ отношеніи Сѣдковой составляетъ предусмотрѣнныя ст. 1691 и 1692 Уложен., въ отношеніи же прочихъ преступленіе, предусмотрѣнное 1691 ст. Улож.

Судебное засѣданіе по этому дѣлу происходило въ С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, 27-го и 28-го марта 1875 г., подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя ***Якоби***; защищали: Лысенкова—прис. пов. ***Лохвицкій***, Киткина и Бороздина—прис. пов. ***Спасовичъ***, Петлина—прис. пов. ***Боровиковскій***, Тениса и Медвѣдева—прис. пов. ***Вайцеховскій***, Сѣдкову—прис. пов. ***Языковъ***.

На судебномъ слѣдствіи подсудимая Сѣдкова, между прочимъ, объяснила, что ея мужъ, вернувшись изъ Бессарабіи въ 1874 году, выдалъ ей

довѣренность на полученіе денегъ по всѣмъ его дѣламъ, въ виду того, что все его состояніе принадлежало ей. Чувствуя, что здоровье его слабѣетъ, онъ послалъ ее къ адвокату Петровскому съ тѣмъ, чтобы тотъ составилъ проектъ завѣщанія, но, не желая придавать этому дѣлу огласки, онъ просилъ написать завѣщаніе отъ имени какого нибудь вымышленнаго лица. Въ проектѣ этомъ были сдѣланы прибавленія и исправленія рукою подсудимой. 31-го мая покойный просилъ немедленно послать за нотаріусомъ, который завѣдывалъ его дѣлами, говоря, что чувствуетъ себя очень слабымъ. Подсудимая тотчасъ написала Лысенкову записку и сама отвезла. Покойный очень довѣрялъ Лысенкову, котораго зналъ лѣтъ 12. Заѣхавъ за Медвѣдевымъ, она вернулась домой и нашла мужа спящимъ; вслѣдъ затѣмъ прибылъ Лысенковъ съ конторщикомъ. Войдя въ комнату, гдѣ лежалъ больной, Лысенковъ сказалъ, что онъ очень плохъ, едва ли въ состояніи будетъ писать, и предложилъ ей свою помощь съ тѣмъ, чтобы она дала ему 12 тысячъ, такъ какъ ей достается большое состояніе. Вечеромъ пріѣхалъ докторъ Флитнеръ, заставшій Сѣдкова при смерти, а часу въ 12-мъ ночи послали за докторомъ Заславскимъ, который объявилъ, что мужъ ея скончался. Лысенковъ сначала сказалъ, что завѣщаніе нельзя уже составить, такъ какъ свидѣтели подписаться не согласятся, а затѣмъ предложилъ устроить такъ, что Сѣдкова подпишется за мужа въ другой комнатѣ, и свидѣтели не будутъ знать, что Сѣдкова нѣтъ въ живыхъ и не откажутся подписать завѣщаніе. Войдя въ другую комнату, гдѣ сидѣли Петлинъ и Медвѣдевъ, онъ сказалъ имъ, что, зная волю покойнаго составить завѣщаніе въ пользу жены, они, вѣроятно, не откажутся быть свидѣтелями на завѣщаніи. Медвѣдевъ поѣхалъ за Тенисомъ, который написалъ завѣщаніе подъ диктовку Лысенкова, и затѣмъ оно было подписано Петлинымъ и Медвѣдевымъ. Лысенковъ взялъ завѣщаніе съ собою, обѣщалъ привезти свидѣтеля Бороздина и требовалъ за хлопоты 6,000 руб. Узнавъ, что у подсудимой нѣтъ въ рукахъ денегъ, онъ предложилъ ей получить по чекамъ, расписавшись на нихъ за ея мужа, что она и исполнила. Разныя драгоцѣнныя вещи были ею собраны и отданы на храненіе Макаровой, во избѣжаніе описи ихъ. Лысенковъ привезъ завѣщаніе, подписанное Бороздинымъ, и вмѣсто условленныхъ 6,000 руб., получилъ 7,000 руб., на томъ основаніи, что Бороздинъ взялъ съ него очень дорого. Киткину подсудимая сама предложила подписаться свидѣтелемъ, на что онъ согласился съ тѣмъ условіемъ, что она дастъ ему 200 руб. и уничтожитъ вексель въ тысячу рублей; Медвѣдеву за подписаніе завѣщанія она ничего не заплатила, Тенису же дала 5 руб. и по утвержденіи завѣщанія 50 руб., а Медвѣдеву 70 руб., но не за это дѣло, а за исполненіе имъ разныхъ порученій. Кромѣ 7,000 руб., она дала Лысенкову 3,000 руб. на судебныя пошлины. Вскорѣ послѣ того Лысенковъ пріѣхалъ съ Бороздинымъ и сообщилъ ей, что Бороздинъ хочетъ сдѣлать заявленіе прокурору, которое ее погубитъ; подсудимая дала Бороздину тутъ же тысячу рублей, которую онъ, вѣроятно, раздѣлилъ съ Лысенковымъ. Въ день засѣданія по утвержденію завѣщанія, Бороздинъ не явился и потребовалъ отъ нея за явку въ судъ 500 руб. деньгами и вексель въ 500 руб. Подсудимая исполнила и это его требованіе. Киткину она дала еще 200 или 150 руб., а Петлину 500 руб. Расходы эти она производила изъ суммы, полученной по чекамъ; кромѣ того, у нея было наличными деньгами 2,500 руб. полученныхъ ея мужемъ отъ своего повѣреннаго, и еще тысячи четыре, вырученныя за продажу облигацій. Совершая эти подлоги, подсудимая вовсе и не думала о ихъ преступности. Послѣ того, какъ имущество было опечатано, подсудимая послала свою племянницу за сундучкомъ, хранившимся у Макаровой, но Макарова не отдала его, а пригласила ее пріѣхать. Подсудимая отправилась къ Макаровой, жившей въ меблированныхъ комнатахъ, и просила отдать сундучокъ; Макарова пригласила ее въ комнату сосѣда своего Карпова, гдѣ Карповъ предложилъ ей подарить Макаровой вексель ея брата

въ 5,000 руб., въ противномъ же случаѣ грозилъ донести о подлогѣ завѣщанія и представить сундучокъ. Не имѣя при себѣ этого документа, подсудимая не могла исполнить просьбу Макаровой и выдала ей обязательство отсрочить взысканіе съ брата ея на два года. Лысенкову подсудимая дала еще 5,000 руб. за то, чтобы онъ показывалъ, что видѣлъ мужа ея живымъ и разговаривалъ съ нимъ, и еще 3,000 руб., на случай надобности для свидѣтелей. Въ это время она узнала, что существуетъ вексель въ 5,000 руб., выданный будто бы ею Петлину, но такъ какъ подобнаго векселя она никогда не выдавала, то и публиковала въ газетахъ, что такого векселя нѣтъ. Бѣляева пугала ее доносомъ и требовала денегъ, но подсудимая прогнала ее; черезъ два дня она получила сообщеніе помощника пристава Станкевича о томъ, что онъ желаетъ переговорить съ Сѣдковой раньше, чѣмъ получитъ ходъ ея дѣло. Она отправилась въ Московскую часть, гдѣ Станкевичъ сталъ распрашивать ее о полученіи по чекамъ и о томъ, жила ли у нея Бѣляева. Затѣмъ Тенисъ и Медвѣдевъ разсказали ей, что Петлинъ при нихъ писалъ доносъ на нее. Подсудимая считала себя наслѣдницею мужа потому, что у него ничего не было до женитьбы. Ему *предложили* жениться, и онъ согласился, не зная вовсе ея, собственно изъ разсчета; ей было тогда 16 лѣтъ, капиталъ ея простирался до 25,000 руб., и на эти деньги покойный дѣлалъ обороты, которые значительно увеличили его состояніе. До свадьбы же онъ очень нуждался и жилъ въ одной комнаткѣ.

Подсудимый *Петлинъ* показалъ, между прочимъ, что онъ подписалъ завѣщаніе, довѣряя Лысенкову, какъ нотаріусу. Интереса при этомъ въ виду онъ никакого не имѣлъ и денегъ отъ Сѣдковой на это не получалъ, а получилъ разъ 200 руб., изъ которыхъ раздавалъ разнымъ лицамъ, какъ, напримѣръ, горничной Бѣляевой. Бѣляева явилась къ нему и сообщила, что она знаетъ о подложности завѣщанія и что оно написано послѣ смерти. Онъ повелъ ее въ участокъ, гдѣ со словъ Бѣляевой написалъ заявленіе о подлогѣ, которое и было ею подано въ участокъ. Подтверждая существованіе векселя въ 5,000 руб., засвидѣтельствованнаго у Гордзялковскаго, подсудимый заявилъ, что вексель этотъ полученъ имъ отъ Сѣдковой не по настоящему дѣлу, но отказался объяснить подробности его появленія.

Подсудимый *Бороздинъ* показалъ, что 1-го іюня Лысенковъ, выразивъ желаніе поговорить съ нимъ наединѣ, показалъ ему два документа: черновое завѣщаніе и записку, писанныя рукою Сѣдкова, объяснивъ ему при этомъ, что вдова передала ему домашнее завѣщаніе, подписанное двумя свидѣтелями, и просила пріискать двухъ свидѣтелей. Сочувствуя положенію Сѣдковой, оставшейся безъ всякихъ средствъ, благодаря несоблюденію формальности, Лысенковъ предложилъ подсудимому дать свою подпись, говоря при этомъ, что другой свидѣтель, Киткинъ, уже далъ свое согласіе. Подсудимый, въ виду этихъ обстоятельствъ, не поколебался оказать одолженіе Сѣдковой, имущественныя отношенія которой къ мужу были ему извѣстны; въ этотъ моментъ онъ дѣйствовалъ только изъ участія, совершенно безкорыстно. Слѣдствіемъ этихъ отношеній былъ вексель въ 500 руб., данный ему Сѣдковою, но вексель былъ срокомъ на два года и цѣнности никакой не представлялъ. Какъ служившій по судебному вѣдомству, подсудимый не отрицалъ, что онъ совершилъ преступленіе, но объяснилъ это тѣмъ, что хотѣлъ помочь Сѣдковой получить принадлежащія ей деньги, не нанося никому ущерба, тѣмъ болѣе, что все состояніе Сѣдкова, занимавшагося отдачею денегъ въ ростъ, какъ ему извѣстно, принадлежало женѣ его, которая принесла въ приданое 20,000 руб. и въ продолженіе замужества постоянно добавляла этотъ капиталъ, такъ что въ моментъ смерти капиталъ могъ простираться до 50,000 или 60,000 руб. Самъ Сѣдковъ, давая деньги, нѣсколько разъ говорилъ: «будьте аккуратны—вѣдь это деньги не мои, а женины».

Подсудимый *Лысенковъ* объяснилъ, что 31-го мая 1874 года, въ 9 час. вечера, къ нему пріѣхала жена Сѣдкова, котораго онъ зналъ года два

какъ дѣятельнаго петербургскаго ростовщика, и вручила конвертъ, заключавшій въ себѣ записку Сѣдкова: «Пріѣзжайте немедленно», и черновое завѣщаніе. По настоянію Сѣдковой, говорившей, что мужу остается жить нѣсколько часовъ, подсудимый, вмѣстѣ съ конторщикомъ, поѣхалъ въ квартиру Сѣдковыхъ, гдѣ нашелъ Медвѣдева; затѣмъ явились Петлинъ и Лисевичъ. Сѣдкова сказала, что мужъ только что заснулъ, и просила не безпокоить его. Зная, какъ трудно умирающему дожидаться процедуры совершенія акта завѣщанія и имѣя въ виду черновое завѣщаніе, подписанное больнымъ, подсудимый, не желая тревожить Сѣдкова, своею рукою написалъ проектъ, слово въ слово схожій съ черновымъ, и передалъ писцу для переписки. Оставалось только подписать завѣщаніе Сѣдкову, но его жена все повторяла, что больной спитъ. Подсудимый, потерявъ терпѣніе, предложилъ разбудить Сѣдкова, и съ этою цѣлью пошелъ къ больному, который лежалъ мертвенно-блѣдный и не откликался на зовъ. Прибывшій затѣмъ докторъ объявилъ, что Сѣдковъ умеръ. Подсудимый уѣхалъ вмѣстѣ съ конторщикомъ. Черезъ нѣсколько дней пріѣзжаетъ Сѣдкова и говоритъ: «вотъ завѣщаніе, добытое не совсѣмъ законнымъ путемъ; поберегите его, я чуть его не потеряла. Свидѣтели сдѣлали мнѣ одолженіе изъ состраданія ко мнѣ». Подсудимый объяснялъ ей всю строгость преслѣдованія за подобные поступки, но Сѣдкова не слушала его, просила только поберечь завѣщаніе, что онъ и исполнилъ. Подсудимый, по просьбѣ Сѣдковой, рекомендовалъ ей повѣреннаго, для передачи которому получилъ отъ нея 500 рублей. Больше никакихъ денегъ онъ отъ Сѣдковой не получалъ. На вопросъ предсѣдателя, чѣмъ объясняетъ онъ оговоръ Сѣдковой, подсудимый объяснилъ, что, недѣли черезъ полторы послѣ смерти Сѣдкова, онъ получилъ письмо слѣдующаго содержанія: «Если бы васъ желалъ кто-нибудь очень и очень видѣть, такъ что слѣдуетъ для этого сдѣлать? Отвѣчайте въ почтамтъ до востребованія, подъ буквами В. Л.». Теряясь въ догадкахъ, подсудимый далъ отвѣтъ, что кто желаетъ видѣть его, то можетъ пріѣхать къ нему въ 5 час. Тогда онъ получилъ второе письмо, въ которомъ его просили выбрать другое мѣсто свиданія, такъ какъ назначенное имъ неудобно, и упрекали его въ недогадливости. Стараясь узнать, кто такъ мистифицируетъ его, подсудимый показывалъ письмо своимъ знакомымъ, и одинъ изъ нихъ, Шелешпанскій, бывшій повѣренный Сѣдкова, выразилъ предположеніе, что это письмо Сѣдковой. Тогда подсудимый послалъ такого рода письмо: «Если буквы ваши С. С., то я буду у васъ въ 10 час. вечера», на что получилъ отвѣтъ: «Я вамъ писала уже, что буквы не тѣ; впрочемъ, я бываю всегда дома, а завтра въ особенности». Съ этого времени между нимъ и Сѣдковою начались близкія отношенія; но когда свидѣтели завѣщанія стали постоянно обращаться къ Сѣдковой черезъ его посредство, то онъ прервалъ свои отношенія и пересталъ къ ней являться. Въ это самое время за Сѣдковою сталъ ухаживать Дестремъ, которому надо было заручиться ея доброжелательствомъ, такъ какъ у покойнаго Сѣдкова были подложные его векселя. Въ это время Дестремъ получилъ грязное письмо, касавшееся Сѣдковой; затѣмъ напечатано было въ газетахъ, что Сѣдкова скупаетъ векселя Дестрема, и къ ней стала являться масса лицъ, предлагавшихъ ей купить эти векселя; наконецъ поступилъ доносъ на Дестрема. Авторомъ всѣхъ этихъ продѣлокъ Дестремъ считалъ совершенно неправильно подсудимаго и, въ виду этого, подсудимый полагаетъ, что Сѣдкова дѣйствовала изъ мести.

Подс. *Тенисъ* показалъ, что 31-го мая пріѣхалъ къ нему Медвѣдевъ и звалъ его ѣхать съ нимъ, обѣщая дать ему возможность заработать 2 или 3 рубля. Будучи въ очень стѣсненномъ положеніи, онъ обрадовался случаю заработать сколько-нибудь и отправился съ Медвѣдевымъ. Пріѣхавъ къ Сѣдковымъ, онъ отворилъ дверь въ комнату, гдѣ лежалъ больной, увидѣлъ его лежащимъ на боку съ подвязанною щекою, и на вопросъ, обращенный къ Медвѣдеву, получилъ отвѣтъ, что Сѣдковъ

умеръ. Лысенковъ предложилъ ему сѣсть и писать подъ его диктовку духовное завѣщаніе, что онъ и исполнилъ, а затѣмъ подписалъ свою фамилію. Сѣдкова заплатила сперва за это 5 руб., послѣ чего онъ, очень довольный такою платою, ушелъ, не подозрѣвая ничего дурного, такъ какъ ему вовсе неизвѣстно было, что завѣщаніе должно было писаться со словъ самого Сѣдкова.

Подс. *Медвѣдевъ* показалъ, между прочимъ, что Лысенковъ сказалъ, что онъ, какъ нотаріусъ, имѣетъ полное право написать духовную, и что подсудимому тутъ бояться нечего. Жалѣя Сѣдкову, онъ рѣшился исполнить просьбу Лысенкова и подписался за Сѣдкова. Денегъ при этомъ онъ никакихъ не получалъ, а впослѣдствіи Сѣдкова давала ему на похоронные расходы и въ благодарность за хлопоты.

Бороздинъ на дальнѣйшихъ допросахъ объяснилъ, что, будучи знакомъ съ Сѣдковою, онъ выразилъ Лысенкову желаніе познакомиться съ тѣми личностями, которыя принимали участіе въ этомъ дѣлѣ. Сѣдкова успокоила его, что ни съ чьей стороны она опасности не ожидаетъ, что мать Сѣдкова очень расположена къ ней, а братъ хорошій, добродушный человѣкъ, который не станетъ тревожить ее. Вскорѣ, однако, разнесся слухъ, что братъ Сѣдкова намѣренъ возбудить споръ о подлогѣ. Подсудимый, опасаясь, что дѣло можетъ принять дурной оборотъ, предлагалъ Сѣдковой покончить миромъ, но она отвѣтила, что примиреніе невозможно въ виду враждебнаго отношенія къ ней брата и золовки. Это побудило подсудимаго не идти на первое засѣданіе суда, онъ хотѣлъ посмотрѣть, что изъ этого выйдетъ, всѣ ли свидѣтели подтвердятъ свои подписи. Узнавъ, что свидѣтели подтвердили свои подписи, подсудимый былъ въ неловкомъ положеніи въ отношеніи ихъ: ему приходилось или донести на нихъ, или самому послѣдовать ихъ примѣру. Онъ избралъ послѣднее, такъ какъ не желалъ дѣлать зло людямъ, которыхъ онъ считалъ невинными въ этомъ дѣлѣ.

Свидѣтель *Сѣдковъ* показалъ, что покойнаго брата своего видѣлъ въ 1873 г., за годъ до смерти. Въ это время покойный былъ уже боленъ, говорилъ о смерти, о намѣреніи покончить дѣла и о невозможности оставаться въ Петербургѣ. Разговоровъ о завѣщаніи никакихъ не было. Въ послѣднее свиданіе покойный Сѣдковъ жаловался на жену, съ которою жилъ несогласно, говоря, что она думаетъ только объ удовольствіяхъ, о нарядахъ и не ухаживаетъ за нимъ во время болѣзни. Свидѣтель собирался ѣхать въ Петербургъ, когда получилъ извѣстіе о смерти брата, вслѣдствіе чего поспѣшилъ отъѣздомъ. Письмо было получено 18-го или 19-го іюня. Сѣдкова при встрѣчѣ съ нимъ была испугана, сконфужена, и первое восклицаніе ея было, что она ждала его не раньше, какъ послѣ 1-го іюля. Она сообщила ему, что есть духовное завѣщаніе, составленное законнымъ образомъ, по которому она назначена наслѣдницей всего имущества съ обязательствомъ содержать племянницу. На вопросъ свидѣтеля о деньгахъ матери, подсудимая сказала, что въ духовной о нихъ ничего не упоминается, но что если мать докажетъ принадлежность ей этихъ денегъ, то тогда она отдастъ ихъ. Собирая свѣдѣнія о завѣщаніи, свидѣтель былъ у хозяйки дома, гдѣ жили Сѣдковы, Щуровой, которая сказала, что это дѣло темное, что свидѣтели, собравшись, состряпали духовную. Интересуясь узнать, при какихъ обстоятельствахъ произошла смерть брата, свидѣтель спрашивалъ вдову его, какой докторъ лѣчилъ брата послѣднее время, на что она не хотѣла дать опредѣленнаго отвѣта. Тогда онъ отправился въ аптеку, гдѣ ему дали адресъ Флитнера, изъ разсказовъ котораго онъ заключилъ, что братъ умеръ не 1-го іюня, а 31-го мая. Покойный былъ человѣкъ очень скромный, аккуратный; съ 1866 года онъ началъ заниматься денежными оборотами. Капиталъ матери, находившійся у Сѣдкова, состоялъ изъ 100 руб. деньгами и двухъ билетовъ, которыми онъ пользовался для дѣлъ своихъ.

По поводу этого показанія, *Сѣдкова* добавила, что мужъ ея ничего не имѣлъ до женитьбы, что онъ женился на ней единственно изъ разсчета, такъ какъ раньше вовсе не былъ знакомъ съ нею. Будучи въ полку, до свадьбы, Сѣдковъ давалъ офицерамъ взаймы по мелочамъ по 2, по 3 руб., иногда подъ залогъ эполетъ. Покойный былъ исключенъ изъ полка по приговору общества офицеровъ, которые не одобряли его денежные обороты. Подсудимая потому не писала долго брату о смерти мужа, что раньше извѣстила объ этомъ мать покойнаго.

Подс. *Медвѣдевъ* удостовѣрилъ, что Сѣдковъ жилъ у него въ комнаткѣ за 7 руб., жилъ небогато, давалъ небольшіе деньги офицерамъ; послѣ свадьбы онъ сталъ давать больше, подъ проценты. До женитьбы къ нему пріѣзжала сваха, говорившая о какой-то невѣстѣ съ 10,000 руб. приданаго, за что Сѣдковъ обѣщалъ ей дать 500 руб.

Свид. *Бѣляева,* бывшая горничная Сѣдковыхъ, 19 лѣтъ, показала, что покойный баринъ умеръ въ 8 часовъ утра, въ субботу, сидя въ креслѣ. При помощи свидѣтельницы, барыня перенесла его на кровать и положила ему на голову холодный компрессъ. О смерти его она судила по тому, что онъ былъ холодный, дыханія не обозначалось даже по приставленіи зеркала, глаза были открыты; закрылъ ихъ тотъ, кто мылъ покойника. Барыня послѣ того рылась въ бумагахъ, писала въ какихъ-то книжкахъ; написавъ, уѣхала, потомъ вернулась и снова уѣхала. Сѣдковы жили дурно, очень часто ссорились. Въ день смерти барина и наканунѣ она за обѣдомъ не ходила; барыня эти дни дома не обѣдала. Отойдя отъ мѣста, свидѣтельница была у Петлина, который возилъ ее къ какому-то офицеру, гдѣ ее спрашивали, что она можетъ показать по настоящему дѣлу. Она не хотѣла дѣлать доноса, но Петлинъ самъ написалъ заявленіе и самъ ходилъ въ участокъ. Съ Петлинымъ она ни въ какихъ отношеніяхъ не состояла, была у него послѣ смерти Сѣдкова, потому что онъ присылалъ за нею. Петлинъ возилъ ее на свиданіе съ Бороздинымъ, который спрашивалъ, а что она скажетъ въ судѣ, такъ какъ они почему-то думали, что ее будутъ вызывать въ судъ. Никакихъ денегъ она съ Сѣдковой не требовала и ничѣмъ не угрожала ей. Лысенковъ сталъ часто бывать у барыни послѣ смерти мужа ея.

Подс. *Сѣдкова* возразила, что если бы дѣйствительно мужъ ея умеръ въ креслѣ, то не было бы физической возможности перенести его на кровать при содѣйствіи одной Бѣляевой съ мужемъ просто сдѣлался одинъ изъ часто повторявшихся обмороковъ, и онѣ подвели его къ кровати. Бѣляева сама говорила племянницѣ ея, Балагуръ, что баринъ умеръ ночью; въ этотъ день она брала обѣдъ и сама готовила для Сѣдкова сырое мясо. Бѣляева просила у нея тысячу рублей, грозя въ противномъ случаѣ сдѣлать доносъ, за который ей заплатитъ братъ покойнаго.

Подс. *Лысенковъ* заявилъ, что Бѣляева была у него два раза; первый разъ она просила передать барынѣ, чтобы та дала ей 300 руб.; въ другой разъ сказала: «барыня не дала мнѣ 300 руб., а теперь Сѣдковъ обѣщаетъ дать 3,000 руб.».

Докторъ *Флитнеръ* показалъ, что былъ у Сѣдковыхъ послѣдній разъ 31-го мая, около 10-ти часовъ вечера. У Сѣдкова была чахотка въ послѣднемъ періодѣ. Сѣдкова сообщила ему, что мужъ умеръ, но все-таки просила войти къ нему. Покойникъ лежалъ въ постелѣ, на спинѣ, и былъ покрытъ съ головою одѣяломъ; свидѣтель не осматривалъ его, такъ какъ для него не оставалось никакого сомнѣнія, что Сѣдковъ умеръ. Сѣдкова не могла передать ему предсмертныхъ припадковъ мужа, говоря, что она мало была около больного, за которымъ ходила дѣвушка; времени смерти она также не опредѣлила, а просто сказала, что умеръ онъ недавно. Сѣдкова жаловалась, что она осталась безъ всего, и просила его написать въ свидѣтельствѣ, что мужъ только сейчасъ умеръ, но онъ не призналъ этого возможнымъ и вообще отказался дать тотчасъ свидѣтельство о

смерти, такъ какъ собирался въ лагерь. Предсмертная агонія въ чахоткѣ выражается рѣзкими припадками, но иногда бываетъ довольно тихая; вообще же сопровождается сильнымъ хрипѣніемъ въ груди.

Докторъ *Заславскій* показалъ, что, будучи приглашенъ къ Сѣдковымъ въ первомъ часу ночи на первое іюня, онъ нашелъ Сѣдкова въ состояніи неполнаго трупнаго окоченѣнія; покойный лежалъ на кровати, покрытый одѣяломъ, но, кажется съ открытою головою. Окоченѣніе наступаетъ въ различный промежутокъ времени, что зависитъ отъ условій, при которыхъ находится тѣло, и отъ характера болѣзни; вообще же оно наступаетъ не скоро послѣ смерти, не ранѣе 2, 3 часовъ; температура при окоченѣніи нѣсколько повышается, а при разложеніи становится значительно выше. Смерть въ чахоткѣ можетъ послѣдовать во снѣ, и тогда она сопровождается почти незамѣтною агоніею.

Присяжн. пов. *Роболовскій* показалъ, что познакомился съ покойнымъ Сѣдковымъ въ 1866 году. Въ слѣдующемъ году Сѣдковъ разсказывалъ, что присваталъ невѣсту, за которой беретъ приданое и этимъ надѣется поправить свои обстоятельства. Онъ жаловался постоянно на то, что нуждается въ средствахъ, такъ какъ содержанія, которое онъ получаетъ, ему недоставало.

Свид. *Клевезаль* разсказывалъ о знакомствѣ своемъ съ Сѣдковой. Онъ зналъ ее еще ребенкомъ, на его глазахъ она поступила въ институтъ, гдѣ оставалась до смерти матери. Затѣмъ она была взята изъ института своею бабушкою. Вскорѣ между ними вышли маленькія недоразумѣнія, потому что молодая дѣвушка хотѣла имѣть удовольствія, развлеченія, но бабушка была противъ этого; къ тому же, неизбѣжные совѣты, нравоученія—все это поставило ихъ въ такія отношенія, что у бабушки явилось желаніе пристроить свою внучку; но какимъ образомъ послѣдовало знакомство съ покойнымъ Сѣдковымъ—свидѣтелю неизвѣстно. Зная, что Сѣдковъ былъ безъ всякихъ средствъ, жилъ однимъ жалованьемъ и у него были разные мелкіе разсчеты въ полку, которые не нравились обществу офицеровъ—его впослѣдствіи попросили удалиться изъ полка—свидѣтель, узнавъ о его сватовствѣ, пошелъ съ нимъ на открытую и сказалъ: «вы вѣроятно разсчитываете на средства, но вы ошибаетесь, потому что тамъ никакого капитала нѣтъ». На это Сѣдковъ сказалъ, что онъ былъ въ Бессарабіи, видѣлъ тамъ много дѣвицъ, но ни одна изъ нихъ не производила на него такого впечатлѣнія, какъ эта. Бракъ совершился. Впослѣдствіи бабушка г-жи Сѣдковой передавала, что ей нужны были деньги передъ свадьбой и она просила Сѣдкова ссудить ей 1,000 руб. Онъ дѣйствительно привезъ эти деньги и сказалъ, что можетъ разложить уплату на два срока, но просилъ обезпеченія. Она сказала, что у нея есть средства, и показала имѣвшійся у нея на значительную сумму вексель. Сѣдковъ сказалъ, что онъ возьметъ это въ видѣ обезпеченія, и попросилъ ее поставить на оборотѣ этого векселя свой бланкъ. Она спросила, какой бланкъ, на что Сѣдковъ отвѣчалъ: «напишите вашу фамилію», что она и сдѣлала. Затѣмъ, когда она имѣла возможность уплатить 1,000 руб. и передала объ этомъ Сѣдкову, то онъ заявилъ, что «вы мнѣ не должны ничего». Сѣдкова свидѣтель зналъ очень близко и можетъ сказать, что онъ былъ далекъ отъ сердечнаго увлеченія.

Свид. *Ямщиковъ* заявилъ, что былъ близко знакомъ съ семействомъ Сѣдковыхъ, но не слыхалъ отъ покойнаго желанія оставить послѣ смерти свое имущество въ пользу жены. Сѣдковъ и до женитьбы имѣлъ деньги и давалъ небольшими суммами въ долгъ изъ $2^1/_2$% въ мѣсяцъ. Свидѣтелю случалось брать у покойнаго не болѣе 100 руб. въ одинъ разъ. Со всѣхъ ли былъ взимаемъ одинаковый процентъ за ссуду—онъ не знаетъ.

Свид. *Погребовъ* отозвался съ весьма хорошей стороны о подсудимомъ Лысенковѣ. Свидѣтелю извѣстно, что отецъ Лысенкова далъ ему на уплату долговъ 10,000 руб.

Свид. *Банковутъ* показалъ что Сѣдковъ былъ очень богатый человѣкъ и даваль деньги въ долгъ изъ 10% въ мѣсяцъ. До женитьбы Сѣдкова свидѣтель не былъ знакомъ съ нимъ.

Свид. *полковникъ Загорскій* объяснилъ, что купилъ у Лысенкова векселя графа Н. за 5,000 руб., такъ какъ, собираясь ѣхать въ Хиву, продалъ имѣніе и желалъ повыгоднѣе пристроить вырученныя за продажу деньги. Вообще же скупка векселей не была его спеціальностью. По предъявленіи векселей этихъ ко взысканію, онъ былъ приглашенъ къ Колышкину, гдѣ встрѣтилъ отца графа Н. и узналъ, что подъ эти векселя сынъ его получилъ только 2,700 руб. По словамъ графа, Лысенковъ обокралъ его сына на 40,000 руб. Тогда свидѣтель обратилъ свой искъ къ Лысенкову, имущество котораго и было опечатано. Лысенковъ убѣдительно просилъ его отсрочить взысканіе, заплатилъ 1,500 руб. и написалъ отъ имени свидѣтеля заявленіе въ полицію, что онъ получилъ полное удовлетвореніе по векселю и проситъ прекратить взысканіе. Тогда свидѣтель, съ своей стороны, подалъ заявленіе, что имъ получено только 1,500 руб. На векселяхъ былъ бланкъ Лысенкова и Циліакса.

Свид. *Флорова.* показала, что знала Сѣдкова до женитьбы и, по разсказамъ всѣхъ его знакомыхъ, считала его за человѣка безъ средствъ. Послѣ свадьбы Сѣдковъ сталъ жить какъ человѣкъ богатый; онъ говорилъ, что получилъ за женою 10,000 руб. Бывая у Сѣдковыхъ въ 1869 г. по обязанности акушерки, она слышала отъ него, что на новорожденнаго сына его кѣмъ-то положено 10,000 руб. Недѣли за двѣ или за три до смерти, Сѣдковъ говорилъ ей, что далъ по всѣмъ дѣламъ довѣренность своей женѣ и, на замѣчаніе свидѣтельницы, что Сѣдковой, какъ неопытной молодой женщинѣ, это должно быть трудно, отвѣчалъ: «все равно, пусть привыкаетъ вѣдь ей же все достанется».

Свид. *Балашуръ*, племянница Сѣдкова, 16 лѣтъ, показала, что на другой день послѣ смерти дяди, 1-го іюня, тетка прислала за нею въ институтъ горничную Бѣляеву, которая дорогою сказала, что дядя умеръ ночью. Бѣляева приходила къ Сѣдковой и просила у нея тысячу рублей, говоря, что братъ покойнаго даетъ ей тысячу, чтобы она показала противъ Сѣдковой, на что тетка предложила Бѣляевой взять паспортъ и идти вонъ. Свидѣтельница ѣздила въ судъ въ день утвержденія завѣщанія и видѣла, какъ до начала засѣданія тетка ея передала запечатанный конвертъ, въ которомъ, по словамъ ея, было 500 руб. и вексель. По окончаніи засѣданія, Бороздинъ распечаталъ конвертъ и пересчиталъ 5 сторублевыхъ бумажекъ.

Свид. *Киселевскій* показалъ, что въ 1872 году Сѣдковъ говорилъ ему, что не можетъ прекратить дѣла, потому что не считаетъ себя достаточно обезпеченнымъ, и на вопросъ, почему онъ живетъ такъ бѣдно, отвѣтилъ, что не можетъ располагать большими средствами, такъ какъ не дожилъ до той цифры, которую желалъ бы имѣть, чтобы обезпечить жену и себя.

Свидѣтели *Грейшертъ и Григорьева* показали, что знали Бороздина за человѣка очень хорошаго, но не имѣвшаго опредѣленныхъ занятій, вслѣдствіе чего денежныя обстоятельства его были самыя плохія. Онъ часто нуждался, занималъ по 2, по 3 рубля и закладывалъ самыя необходимыя вещи.

Свид. *Даниловъ* показалъ, что Тенисъ, бывшій помощникомъ его въ фехтовальной школѣ, разсказывалъ всѣмъ съ радостью 1-го іюня, что онъ наканунѣ переписывалъ духовное завѣщаніе, за что получилъ очень хорошую плату, а именно 5 руб. Тенисъ живетъ скромно съ матерью, женою и сестрами, получаетъ жалованья 15 руб. и даетъ частные уроки въ гимназіи.

При окончаніи судебнаго слѣдствія *Сѣдкова* сказала нѣсколько словъ по поводу своего замужества. Родители ея были очень богатые люди, но отецъ игралъ въ карты и проигралъ все состояніе; ее отдали въ инсти-

тутъ, затѣмъ взяли, такъ какъ не было никакихъ средствъ,—осталась одна маленькая деревня. Ей приходилось встрѣчать разные упреки и непріятности и это ее довело до того, что жизнь стала невыносима; тогда къ общему неудовольствію окружающихъ, она переѣхала на отдѣльную квартиру и, быть можетъ, вела себя не совсѣмъ безукоризненно. Впослѣдствіи бабушка пожелала взять ее къ себѣ и хотѣла, чтобъ она вышла замужъ. Вслѣдствіе этого была приглашена нѣкая Марья Ѳедоровна, которая устроила свадьбу съ Сѣдковымъ. Она заявила ему обо всѣхъ обстоятельствахъ. Сѣдковъ согласился жениться, выговоривъ себѣ извѣстную сумму. Это было въ маѣ мѣсяцѣ. Когда подсудимую познакомили съ Сѣдковымъ, онъ показался ей очень добрымъ чѣловѣкомъ, обходился съ нею мягко и говорилъ, что будетъ обращаться хорошо: ей было только 16 лѣтъ; она повѣрила; но вышедши замужъ убѣдилась, что онъ женился только на средствахъ. Жизнь стала невыносима, потому что у него было побочное семейство, были дѣти. Приходилось слишкомъ много терпѣть; первое время она хотѣла броситься въ воду; впослѣдствіи одумалась и жила довольно согласно съ мужемъ, т. е. согласно насколько было возможно. Затѣмъ мужъ сказалъ, что она можетъ помогать ему въ дѣлахъ, т. е. участвовать въ переговорахъ съ разными лицами. У нихъ бывало очень много молодежи, они играли въ карты и платили векселями... Наконецъ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, ей до того стало невыносимо, что она бросилась въ Фонтанку, что нѣсколько подѣйствовало на мужа и онъ сталъ мягче обращаться. Родные его не бранили ее, но говорили, что она не ухаживаетъ за мужемъ. Въ 1874 г. мужъ былъ въ Бессарабіи для поправленія здоровья; онъ вообще довѣрялъ ей въ денежномъ отношеніи, а когда вернулся, то поручилъ ей управлять всѣми дѣлами, единственно съ тою цѣлью, что намѣренъ былъ все оставить ей.

Сверхъ того, на судебномъ слѣдствіи допрошенъ рядъ свидѣтелей, заявившихъ, что Лысенкова они считали за порядочнаго человѣка, но сильно запутавшагося въ дѣлахъ;—что Бороздинъ, имѣя большое семейство, очень нуждался въ средствахъ, находясь иногда въ крайней бѣдности, и что Сѣдкова, въ послѣдній годъ его жизни и послѣ его смерти, стала тоже давать деньги въ ростъ подъ значительные проценты.

По желанію Сѣдковой, прочтены большія выдержки изъ ея дневника въ первые годы ея замужества,—вырѣзки изъ газетъ, гдѣ описывалось покушеніе на самоубійство посредствомъ утопленія въ Фонтанкѣ—и переписка ея мужа съ матерью по поводу практической и денежной стороны его брака.

Рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей завѣщаніе и чеки были признаны *подложными*; по обвиненію въ подлогѣ завѣщанія признаны *виновными*—Лысенковъ, Петлинъ, Киткинъ и Бороздинъ, причемъ первые двое заслуживающими снисхожденія, а послѣдніе двое вынужденными крайностію. Медвѣдевъ, Тенисъ и Сѣдкова (послѣдняя по обоимъ обвиненіямъ)—*оправданы*.

Гг. судьи и гг. присяжные засѣдатели. Дѣло, по которому вамъ предстоитъ произнести приговоръ, отличается нѣкоторыми характеристическими особенностями. Оно—плодъ жизни большого города съ громаднымъ и разнообразнымъ населеніемъ, оно—созданіе Петербурга, гдѣ выработался извѣстный разрядъ людей, которые, отличаясь приличными манерами и внѣшнею порядочностью, всегда заключаютъ въ своей средѣ господъ, постоянно готовыхъ даже на неблаговидную, но легкую и неутомительную наживу. Къ этому слою

принадлежатъ не только подсудимые, но принадлежалъ и покойный Сѣдковъ—этотъ опытный и заслуженный ростовщикъ, котораго мы отчасти можемъ воскресить передъ собою по оставшимся о немъ воспоминаніямъ,—и даже нѣкоторые свидѣтели. Всѣ они не голодные и холодные, въ обыденномъ смыслѣ слова, люди,—всѣ они не лишены средствъ и способовъ честнымъ трудомъ защищаться отъ скамьи подсудимыхъ. Одинъ изъ нихъ—извѣстный петербургскій нотаріусъ съ конторою на одномъ изъ самыхъ бойкихъ, въ отношеніи сдѣлокъ, мѣстъ города, кончившій курсъ, въ военно-юридической академіи. Другой—юристъ по образованію и по дѣятельности, ибо служилъ по судебному вѣдомству. Третій—молодой петербургскій чиновникъ. Четвертый—офицеръ, принадлежавшій къ почтенному и достаточному семейству. И всѣхъ ихъ свела на скамьѣ подсудимыхъ корысть къ чужимъ незаработаннымъ деньгамъ. Нѣкоторые намъ, конечно, памятные свидѣтели тоже явились здѣсь отголосками той среды, гдѣ люди промышляютъ капиталомъ, который великодушно распредѣляется по карманамъ нуждающихся и возвращается въ родныя руки, возрастая въ краткій срокъ вдвое и втрое. Мы не будемъ вспоминать всѣхъ ихъ показаній и вообще оставимъ изъ свидѣтелей лишь самыхъ достовѣрныхъ и необходимыхъ. Обратимся прежде всего къ выясненію главнаго нравственнаго вопроса въ этомъ дѣлѣ, вопроса, касающагося сущности завѣщанія. Соотвѣтствуетъ ли оно желаніямъ покойнаго Сѣдкова? Согласно ли оно съ его видами и чувствами? Вытекаетъ ли оно изъ отношеній между нимъ и женою, и пришла ли жена съ своимъ подлогомъ на помощь рѣшенію, которое только *не успѣла* привести въ исполненіе остывшая рука ея любящаго и окруженнаго ея попеченіями мужа?

Что за человѣкъ былъ Сѣдковъ? У насъ есть данныя о немъ и въ письмахъ, и въ показаніяхъ свидѣтелей, его близко знавшихъ. Скромненькій офицеръ, съ капитальцемъ въ 400 руб., онъ пускалъ его втихомолку въ ростъ, не брезгая ничѣмъ,—ни платьемъ товарища, ни эполетами кутнувшаго юноши. Собирая съ міра по ниткѣ, онъ распространялъ свои операціи и за предѣлы полка и заползъ было въ Константиновскій корпусъ, но оттуда его попросили, однако, удалиться, погрозивъ разными непріятностями. Тогда онъ захотѣлъ расширить не территорію, но размѣръ своихъ операцій. Для этого нуженъ былъ бо́льшій капиталъ. Для капитала былъ совершенъ бракъ,—не по любви, конечно, и безъ всякихъ нравственныхъ условій и колебаній. Медвѣдевъ разсказалъ здѣсь, какъ «пріѣзжала сваха,—говорила, что десять тысячъ,—а ей, свахѣ, чтобъ пять сотенныхъ...» Сама Сѣдкова заявляетъ, что ее *предложили* Сѣдкову. Онъ не оскорбился предложеніемъ,—по зрѣломъ размышленіи самъ сдѣлалъ таковое же и получилъ капиталъ, не роясь въ подробностяхъ исторіи своей невѣсты и не отыскивая въ ней указаній на миръ и согласіе предстоящей жизни. Отъ него не скрывали той «легкомысленной жизни», о которой говорила здѣсь Сѣдкова, но давали вмѣстѣ съ тѣмъ деньги. Онъ также не считалъ нужнымъ скрывать своихъ свойствъ

и сразу показалъ бабкѣ г-жи Сѣдковой, съ кѣмъ онѣ имѣютъ дѣло. Вы слышали интересное показаніе Клевезаля и Демидова. За Сѣдковой было 5,000 руб. и бриліантовъ тысячи на три. Но надо было сдѣлать приданое. Ермолаева заняла для этого у Сѣдкова 1,000 руб. Будущій зять, давая деньги, взялъ въ обезпеченіе вексель Демидова въ 5,000 руб. и попросилъ Ермолаеву—«для вѣрности» написать на немъ свою фамилію. Когда приданое было получено въ видѣ мебели, бѣлья и платья, старушка принесла и занятую тысячу рублей. Но Сѣдковъ поступилъ съ нею великодушно. Онъ не взялъ денегъ. Онъ предпочелъ оставить у себя вексель въ 5,000 руб., на которомъ, къ удивленію Ермолаевой, оказалась ея бланковая подпись. Правда, это стоило ему предложенія гг. офицеровъ Измайловскаго полка избавить ихъ отъ своего присутствія,—но деньги по векселю онъ взыскалъ сполна и такимъ образомъ пріобрѣлъ за женою 13,000 руб. Тогда-то развилась широко его дѣятельность съ векселями, протестами и взысканіями, со скромными процентами по 10 въ мѣсяцъ... Но жизнь не вышла изъ кромныхъ рамокъ. Въ обыкновенной квартирѣ человѣка средняго состоянія была одна прислуга; обѣдъ не всегда готовился дома, а приносился отъ кухмистера. Развлеченій не допускалось никакихъ. Но Сѣдковъ не былъ узкимъ скупцомъ, который забылъ жизнь и ея приманки для сладкаго шелеста вексельной и кредитной бумаги. Онъ рѣшился подавить себя на время, обрѣзать свои потребности, замкнуться въ своихъ разсчетныхъ книгахъ лишь до поры, до времени,—чтобъ развернуться потомъ и позабыть годы лишеній. Не даромъ писалъ онъ свой разсчетъ занятій, называя его *планомъ жизни* и опредѣляя съ точностью на много лѣтъ впередъ, когда и что онъ сдѣлаетъ, когда выдѣлитъ изъ складочнаго капитала оборотный, когда образуетъ запасный, начнетъ ликвидировать дѣла и послѣ «дѣятельности въ такомъ разгарѣ», въ 1879 году будетъ имѣть возможность осуществить написанное подъ 1880 годомъ слово *отдыхъ*... Таковы были его планы, такова его дѣятельность, поглощавшая всю его жизнь. Они ручаются за то, что это былъ холодный и черствый человѣкъ.

Такой-то человѣкъ женился на Сѣдковой. Она разсказала здѣсь, что была взята изъ института 15-ти лѣтъ,—покинула затѣмъ бабушку и жила одна, не стѣсняясь нравственными требованіями общественной жизни. И эта жизнь съ нею тоже не стѣснялась, открывая ея, почти еще дѣтскимъ, глазамъ свои темныя, но завлекательныя стороны. Она принесла въ домъ мужа скудное полуобразованіе, состоящее лишь въ умѣньѣ лепетать по-французски, любовь къ развлеченіемъ и удовольствіямъ, незнакомство съ трудомъ и привычку не отказывать себѣ въ расходахъ. При этомъ она, вѣроятно, принесла не особенно сильное уваженіе къ своему *купленному* мужу. Дома ее встрѣтили счеты, записныя книги, учетъ въ расходахъ и мелочная, подчасъ унизительная, разсчетливость ростовщичьяго скопидомства. Отсюда споры, ссоры, попреки мотовствомъ и расхищеніемъ имущества, сцены за потерянные горничною три рубля и цѣлый рядъ стѣсненій сво-

боды. Отсюда раздраженіе противъ мужа, жалобы на него, попреки ему. По институтской манерѣ, Сѣдкова принялась за дневникъ и ему повѣряла свои скорби, которыхъ не понималъ ея мужъ, видѣвшій въ ней хотя и неизбѣжную, но отяготительную и разорительную прибавку къ полученному капиталу. Защита, конечно, познакомитъ васъ, гг. присяжные, съ этимъ дневникомъ. Вы отнесетесь къ нему, безъ сомнѣнія, надлежащимъ образомъ и припомните, что въ такого рода документахъ человѣкъ всегда, невольно и незамѣтно для себя, рисуется и драматизируетъ и передъ собою, и передъ какими-то ему безвѣстными будущими читателями. Тѣмъ же направленіемъ проникнутъ и этотъ дневникъ съ его маленькою ревностью и длиннымъ, многосложнымъ и черезчуръ торжественнымъ прощаніемъ съ мужемъ передъ происшествіемъ, состоявшимъ въ томъ, что среди бѣла дня, близъ Чернышева моста, въ виду городового, Сѣдкова бросилась въ мутную воду Фонтанки съ портомойнаго плота... Послѣ этого «покушенія на самоубійство», отношенія между супругами нѣсколько измѣнились. Шумъ ли этого происшествія или усилившаяся болѣзнь Сѣдкова были тому причиной,—неизвѣстно, но только писаніе дневника съ жалобами прекращается и черезъ два года мы видимъ Сѣдкову, вошедшею отчасти во взгляды мужа и начавшую черствѣть подъ вліяніемъ вѣчныхъ заботъ о векселяхъ, отсрочкахъ и вычисленіи процентовъ. Она начинаетъ исполнять при мужѣ иногда обязанности дарового чтеца, а въ послѣднія недѣли его жизни является и даровымъ разсыльнымъ, которому поручалось иногда даже полученіе денегъ. И она, въ свою очередь, вкушаетъ отъ сладости лихвы и прелести роста и, потихоньку отъ мужа, боясь отвѣта передъ нимъ, выдаетъ деньги подъ векселя. Вы знаете исторію съ векселемъ Киткина, векселемъ «венеціанскимъ», написаннымъ на живомъ мясѣ. Вы слышали и о другомъ подобномъ же векселѣ. Но до послѣдняго издыханія Сѣдковъ не довѣрялъ женѣ, онъ жаловался на нее, роптalъ на ея мотовство, сердился на ея легкомысліе, указывалъ на ея холодность и безучастіе къ нему. Вы слышали Ямщикова, Алексѣя Сѣдкова и Ѳедорова. Вы помните показанія Бѣляевой, что уже въ послѣдніе дни жизни, Сѣдковъ еще ссорился и бранился съ женою «и за деньги, и за поведеніе». Между ними и не могло быть ничего общаго, ничего связующаго. Дитя ихъ, на любви къ которому могли бы сойтись и легкомысленное сердце одной, и черствое сердце другого—вскорѣ умерло. Въ прошломъ не было любви, въ настоящемъ—ни уваженія, ни сходства цѣлей, наклонностей и характеровъ. Поэтому мы встрѣчаемъ въ дневникѣ Сѣдковой знаменательное указаніе, что въ первые годы брака и мужъ ея велъ свой собственный, секретный отъ нея, дневникъ. Но, господа, семья, гдѣ мужъ и жена,—«едино тѣло и единъ духъ», по выраженію церкви, ведутъ два параллельныхъ дневника и, скрываясь другъ отъ друга, повѣряютъ бумагѣ свое взаимное недовольство,—семья эта есть поле битвы, на которомъ расположены два враждебные стана. И Сѣдковъ не скрывалъ своего недовѣрія къ женѣ. Онъ требовалъ отъ нея от-

чета во всѣхъ ея издержкахъ и тщательно отдѣлялъ ихъ отъ «*общихъ расходовъ*» на столъ и другія хозяйственныя потребности; онъ отвелъ ея деньгамъ особую рубрику въ книгѣ съ многозначительною надписью «*чужія*»;—онъ запирался отъ нея въ кабинетѣ, занимаясь счетами, онъ хранилъ отъ нея зорко разныя цѣнности въ сундукахъ, которые она бросилась перерывать послѣ его смерти;—онъ выдавалъ ей утромъ скудныя деньги на обѣдъ и къ вечеру требовалъ письменнаго отчета въ ихъ употребленіи. И даже въ тотъ день, когда смерть уже простирала надъ нимъ свое черное крыло, онъ еще записалъ дрожащею рукою 1 руб. с. на обѣдъ. Но отчета въ израсходованіи этихъ денегъ ему не пришлось читать, потому что на другой день глаза его были закрыты безучастною рукою слуги, чужого человѣка, такъ какъ неутѣшная вдова была занята въ это время укладываніемъ зеленаго сундучка.

Таковы мужъ и жена. Могли ли люди, прожившіе совмѣстно такимъ образомъ, разсчитывать, что любовь одного изъ нихъ будетъ сопровождать другого и за гробомъ, отдавая ему все накопленное трудами многихъ лѣтъ? Могла ли Сѣдкова серьезно думать, что мужъ умретъ съ мыслью объ ея обезпеченіи, что онъ не найдетъ, если не около, такъ вдали отъ себя, болѣе ея достойнаго въ его глазахъ быть его наслѣдникомъ,—что въ немъ не проснутся иныя, болѣе сильныя, дѣйствительныя привязанности? Мы знаемъ, что отношенія Сѣдковыхъ между собою не давали никакого основанія къ такимъ предположеніямъ. Онъ былъ чужой человѣкъ своей женѣ,—чужимъ и умеръ. Но у него были родные. Въ Бессарабіи жилъ его братъ съ семьею. Они, повидимому, оказывали расположеніе покойному Сѣдкову. И онъ былъ къ нимъ расположенъ. Въ дѣлѣ есть его письма къ брату и его женѣ. Въ одномъ онъ восхищается ихъ согласною жизнью, ихъ взаимною любовью и довѣріемъ, ихъ благоустроеннымъ хозяйствомъ, благодаритъ ихъ за гостепріимство, говоритъ, что провелъ съ ними самые отрадные дни жизни и даже умиляется до того, что съ восторгомъ вспоминаетъ о пѣніи псалмовъ и духовныхъ кантатъ, которое онъ слышалъ въ домѣ брата. Въ другомъ письмѣ, изъ Кіева, онъ съ горячностью извиняется передъ братомъ, что не успѣлъ поздравить его съ именинами жены, которая его такъ обласкала, такъ радушно приняла... Очевидно, что этими людьми въ душѣ ростовщика, оглянувшагося передъ смертью на окружающія чуждыя лица, были затронуты такія струны, которыя должны были звучать въ немъ долго. Эти люди, умилявшіе покойнаго Сѣдкова—его братъ и жена брата—были и прямыми его законными наслѣдниками. Въ ихъ пользу даже не надо было составлять и духовнаго завѣщанія: самъ законъ принимаетъ на себя защиту ихъ правъ. Поэтому если предполагать, что Сѣдковъ могъ дѣйствовать въ силу привязанности, то онъ, конечно, пожелалъ бы скорѣе всего оставить свое имущество брату. Его не должно было смущать опасеніе, что жена останется не при чемъ. Онъ зналъ, что ей достанется вдовья часть. Имущество было все движимое, слѣдовательно,

ея доля должна составлять, по закону, четвертую часть. Имущества осталось на большую сумму. Что бы ни говорили о его размѣрѣ— вы не забудете, гг. присяжные, что по смерти мужа Сѣдкова получила ворохъ векселей, 31 тысячу по чекамъ, всѣ наличныя деньги, бывшія въ домѣ, и драгоцѣнности, уложенныя ею въ зеленый сундучокъ. Четвертая часть всего этого, конечно была бы не меньше полученныхъ за Сѣдковою 8,000 руб. и пріобрѣтенныхъ, благодаря ея выходу въ замужество, 5,000 руб. Слѣдовательно, она получила бы свое.

Но, быть можетъ, скажутъ, что Сѣдковъ могъ имѣть поводъ оставить ей все, какъ нажитое на ея деньги, что онъ считалъ ее нравственною владѣтельницею всего своего имущества. Для чего же тогда упреки за расточительность, попреки за мотовство, доводящіе до Фонтанки? Да и потомъ, въ созданіи капитала Сѣдкова участвовали не однѣ деньги, взятыя имъ за женою. Мы знаемъ, что, вступая въ бракъ, онъ уже былъ въ состояніи давать взаймы по тысячѣ рублей. Притомъ, развѣ Сѣдковой обязанъ мужъ приращеніемъ тѣхъ денегъ, которыя ее сопровождали? Развѣ она помогала ему въ его занятіяхъ, развѣ она была жена-помощница, вѣрный другъ и добрая хозяйка? Развѣ она сочувствовала занятіямъ мужа,— уважала его самого, облегчала его заботы? Нѣтъ! Съ его точки зрѣнія на жизнь, она отравляла ему эту жизнь своимъ легкомысліемъ и чрезмѣрными расходами. Въ то время, когда онъ бесѣдовалъ съ должниками, видѣлъ ихъ кислыя улыбки при разсчетѣ процентовъ, а отъ иныхъ, слишкомъ уже прижатыхъ имъ къ стѣнѣ, выслушивалъ невольныя рѣзкія замѣчанія,—жена его покупала себѣ шубки и духи; когда онъ копилъ—копѣйку за копѣйкой— деньги, которыя приносились ему съ презрѣніемъ къ его занятіямъ, съ негодованіемъ къ его черствости,—когда, сталкиваясь съ должниками, которые смотрѣли на него какъ на прирожденнаго и безпощаднаго врага, онъ подавалъ ко взысканію, описывалъ и продавалъ ихъ имущество, вынося на себѣ ихъ слезы и ихъ отвращеніе,—жена его франтила и предавалась удовольствіямъ. Мы скажемъ, что она хорошо дѣлала, что мало участвовала въ этихъ дѣлахъ своего мужа, но то ли могъ и долженъ былъ говорить онъ? Могъ ли онъ считать ее вѣрнымъ и дѣятельнымъ союзникомъ въ приращеніи капитала? Онъ одинъ несъ черную работу, онъ одинъ имѣлъ право на все, что было имъ нажито послѣ свадьбы на деньги, купленныя цѣною унизительнаго договора. Пусть укажутъ затѣмъ тѣ факты, тѣ слова и поступки, въ которыхъ выражалось его желаніе оставить все женѣ. Этихъ фактовъ нѣтъ! Показаніе Фроловой разбивается показаніемъ близкаго къ Сѣдкову человѣка—Ямщикова, на котораго съ самаго начала ссылалась и сама подсудимая. Сѣдковъ писалъ до самой смерти, записывалъ мелочные расходы и вписывалъ въ книгу свои условія съ должниками, но завѣщанія не писалъ, однако. Онъ имѣлъ знакомыхъ Ѳедорова, Ямщикова, даже Лысенкова самого, къ нему ѣздилъ докторъ—и ничѣмъ не

намекнулъ онъ имъ на желаніе оставить завѣщаніе. Оказывается, что онъ и не думалъ объ оставленіи завѣщанія. Какъ многіе чахоточные, онъ не вѣрилъ въ скорую смерть, и жизнь его потухла среди уложенныхъ чемодановъ для путешествія на югъ и среди предположеній о разгарѣ дѣятельности въ 1879 г. Поэтому о завѣщаніи не могло быть и рѣчи. Кромѣ того, если въ иныя минуты ему и приходила мысль о смерти, то глаза его встрѣчали чуждую и нелюбимую жену, а вмѣстѣ съ тѣмъ шевелилось воспоминаніе о Бессарабіи, о семьѣ брата. Ужъ если дѣлать, за неимѣніемъ фактовъ, предположеніе о желаніи его оставить все женѣ, то вѣрнѣе будетъ предположить, что онъ не хотѣлъ утруждать себя завѣщательными распоряженіями, а все предоставлялъ закону, который распредѣлитъ самъ его наслѣдіе между братомъ и женою. Намъ скажутъ, можетъ быть, основываясь на словахъ Сѣдковой, что мужъ хотѣлъ наградить въ ней привязанность и покорность. Но мы знаемъ, какова была привязанность г-жи Сѣдковой къ мужу. Сошлются, быть можетъ, на то, что въ умиравшемъ Сѣдковѣ заговорила совѣсть, встрепенулись религіозныя чувства, которыя потребовали отдачи всего накопленнаго неправымъ трудомъ наивному созданію, для нравственнаго развитія котораго онъ ничего не сдѣлалъ—по крайней мѣрѣ, ничего хорошаго. Но намъ извѣстно, что прежняя Сѣдкова имѣетъ мало общаго съ тою Сѣдковою, которую мы видимъ здѣсь и которая, дѣйствуя съ знаніемъ и дѣла, и жизни, никому не дастъ себя въ обиду. Она испортилась въ рукахъ мужа, но въ глазахъ его такая порча была, безъ сомнѣнія, улучшеніемъ, въ которомъ ему себя винить было нечего. Про совѣстливость его извѣстно изъ поступка съ Ермолаевой. О религіозномъ настроеніи его мы знаемъ мало. Повидимому, оно не было глубоко. Въ письмахъ къ брату есть цитата изъ священнаго писанія о необходимости милосердія, да въ бумагахъ сохранилась тетрадь съ нарисованнымъ на ней крестомъ и съ надписью: «*Путь къ истинной жизни: смиреніе, правда, чистота*». Въ этой тетради, на оборотѣ заголовка, описана съ большими подробностями одна изъ тѣхъ болѣзней, отъ которыхъ лѣчатся меркуріемъ... Такимъ образомъ, ни въ отношеніяхъ Сѣдкова къ женѣ, ни въ свойствахъ ея привязанности къ нему, ни въ данныхъ дѣла, нѣтъ никакого указанія на то, чтобъ онъ желалъ отдать ей *все* свое имущество и составить завѣщаніе въ ея пользу. Проектъ, составленный ходатаемъ Петровскимъ, ничего не доказываетъ. Сѣдкова явилась къ нему подъ чужимъ именемъ и просила составить проектъ завѣщанія между вымышленными лицами. Она говоритъ, что мужъ, имѣя дѣла, не хотѣлъ дѣлать огласки этому предпріятію. Но это объясненіе сшито бѣлыми нитками. Сѣдковъ былъ человѣкъ дѣловой. Онъ зналъ и самъ, какъ писать завѣщаніе, особенно такое несложное, гдѣ въ общихъ словахъ *все* имущество оставляется одному лицу, гдѣ не нужно никакихъ спеціальныхъ пунктовъ о раздѣлѣ, о благопріобрѣтенномъ и родовомъ имуществѣ и т. д. У него, конечно, былъ всегда

подъ руками X-й томъ Свода Законовъ и онъ умѣлъ владѣть имъ. А тамъ написано все, что надо. Поэтому посылать къ постороннему человѣку было не нужно. И фамилію скрывать тоже нечего. Еслибъ въ завѣщаніи было еще перечисленіе всего имущества Сѣдкова, то онъ могъ, пожалуй, желать скрыть его размѣры. Но и этого не было. Все имущество огуломъ, безъ всякихъ подробностей, оставлялось, одному лицу.

Итакъ, *завѣщанія въ пользу жены не было*, да и быть не могло. Между тѣмъ, оно явилось. Сѣдковой было отдано все. Забыты были родные, забыта дѣвочка Ольга Балагу́ръ, другую сестру которой воспитывалъ, однако, несравненно болѣе бѣдный Алексѣй Сѣдковъ. Она просто была поручена попеченіямъ г-жи Сѣдковой, которая и начала эти попеченія тѣмъ, что взяла Ольгу изъ института и помѣстила ее у себя въ обстановкѣ, показавшейся невыносимою даже денщику Виноградову своею вѣчною смѣною гостей и ихъ позднимъ сидѣніемъ. Съ формальной стороны, это завѣщаніе было, однако, правильно, и г-жа Сѣдкова напрасно почему-то испугалась пріѣзда брата покойнаго, въ концѣ іюня, за нѣсколько дней до утвержденія завѣщанія. Оно было утверждено. Но возникло предположеніе о подлогѣ,—разрослось, вызвало слѣдствіе, и подсудимые сознались въ томъ, что завѣщаніе дѣйствительно подложно. Повидимому, задача суда очень легка. Остается примѣнить наказаніе, сообразно со степенью участія каждаго, и пожалѣть о двухъ дняхъ, посвященныхъ разбору такого простого дѣла. Но оно не такъ просто, какъ кажется. Идя по пути, на который ведутъ насъ подсудимые своимъ сознаніемъ, мы придемъ къ тому, что найдемъ только двухъ виновныхъ: Тениса и Медвѣдева. Они, дѣйствительно, сознаются въ преступленіи. Ихъ показаніямъ можно вѣрить вполнѣ. Подсудимый Медвѣдевъ своимъ искреннимъ и добродушно-правдивымъ тономъ даже внушаетъ гораздо бо́льшее довѣріе, чѣмъ многіе свидѣтели, *акробатическія* показанія которыхъ вы, конечно, помните. Эти двое не торгуются съ правосудіемъ, а смиренно склоняютъ передъ нимъ свою повинную голову. Они всю жизнь дѣйствовали самымъ безвреднымъ образомъ рапирою. Ихъ привели, дали имъ въ непривычную руку перо, сказали: пиши!—и оба подписали—одинъ, какъ самъ выражается, «любя», а другой, прижатый судьбою, загнанный человѣкъ, семьянинъ съ 2 руб. жалованья въ мѣсяцъ, за вычетомъ долговъ, въ виду соблазнительной перспективы получить 5 рублей.

Но другіе подсудимые въ *преступленіи* не сознаются. Они перекладываютъ свою вину другъ на друга. Сѣдкова растерялась, была убита горемъ и не она, а Лысенковъ *составилъ завѣщаніе*,—онъ, слѣдовательно, и виновенъ. Но Лысенковъ, въ свою очередь, виновенъ лишь въ томъ, что *пожалѣлъ* бѣдную вдову и не сдѣлалъ на нее доноса. Петлинъ виновенъ въ томъ, что *довѣрялъ* Лысенкову, Киткинъ въ томъ, что *убѣдился* подписью Петлина, Бороздинъ въ томъ, что былъ *благодаренъ* Лысенкову и увѣровалъ въ подписи Петлина и Киткина. Иными словами—всѣ виновны въ мягкости сердца, раз-

битаго горестною утратою, въ отвращеніи къ доносу, въ состраданіи къ безпомощному вдовьему положенію, въ довѣріи къ людямъ, въ благодарности къ нимъ. Они покорно ждутъ того приговора, который ихъ осудитъ за такія свойства. И если мы отнесемся съ полнымъ довѣріемъ къ ихъ объясненіямъ, то, повторяю, виновными окажутся только Тенисъ и Медвѣдевъ, да еще, быть можетъ, покойный Сѣдковъ, который оставилъ такой сладкій кусокъ, что въ немъ увязли всѣ, слетѣвшіеся имъ попользоваться.

Но, гг. присяжные, ваша задача въ дѣлѣ не такова. Каждое преступленіе, совершенное нѣсколькими лицами по предварительному соглашенію, представляетъ цѣлый живой организмъ, имѣющій и руки, и сердце, и голову. Вамъ предстоитъ опредѣлить, кто въ этомъ дѣлѣ игралъ роль послушныхъ рукъ, кто представлялъ алчное сердце и все замыслившую и разсчитавшую голову. Для этого возвратимся къ исторіи возникновенія завѣщанія. Первый вопросъ—*когда умеръ Сѣдковъ?* Бѣляева говоритъ, что въ 8 часовъ утра, Сѣдкова—что въ 12 часовъ вечера 31-го мая. Я готовъ не вѣрить Бѣляевой, хотя думаю, что недостатки ея показанія вызывались понятнымъ вліяніемъ торжественной и страшной для простой женщины обстановки суда. Но нельзя вѣрить и Сѣдковой. Если утромъ съ мужемъ сдѣлался только обморокъ, то онъ долженъ былъ поразить ее своею продолжительностью. Онъ долженъ былъ напомнить о входящей въ двери смерти. Но гдѣ же естественная въ такомъ случаѣ посылка за священникомъ, за докторомъ, гдѣ испугъ, безпокойство, тревога? Сѣдковъ не приходилъ въ себя до обѣда. Обѣдъ не готовился и не покупался въ этотъ день, но и послѣ обѣда обморокъ не исчезалъ. У насъ нѣтъ никакихъ указаній на это. Сама Сѣдкова не говоритъ, чтобы мужъ пришелъ въ себя съ той минуты, какъ его снесли или свели на кровать. Вечеромъ она выѣхала, потомъ вернулась, потомъ опять выѣхала. Она ѣздила за нотаріусомъ и за Медвѣдевымъ. Но еслибъ мужъ уже не былъ мертвъ, развѣ она рѣшилась бы оставить его на попеченіи кухарки, съ которой она, по собственнымъ словамъ, даже никогда не говорила; развѣ, выѣхавъ изъ дому, она не бросилась бы не къ нотаріусу, а къ доктору. Она говоритъ, что застала мужа кончающимся, то же говоритъ и Лысенковъ, но докторъ Флитнеръ въ своемъ прекрасномъ показаніи объяснилъ подробно, что засталъ Сѣдкова на спинѣ, съ головою, покрытою байковымъ одѣяломъ, въ положеніи несомнѣнно умершаго человѣка. Онъ нашелъ всѣ признаки смерти и ни одного признака изъ той обстановки, которая обыкновенно окружаетъ умирающаго, которая носится въ воздухѣ, которая такъ типична по своему шопоту, плачу, тревогѣ и суетѣ, что ее незачѣмъ описывать. Сѣдкова сказала ему, что мужъ умеръ, дала тройное вознагражденіе и просила дать свидѣтельство и не говорить, что онъ умеръ раньше. Несомнѣнно, что Сѣдковъ уже былъ мертвъ и мертвъ давно. Она говоритъ, что мужъ велѣлъ «гнать» Флитнера, но вѣдь, по ея словамъ, онъ былъ въ обморокѣ и, слѣдовательно, видѣть Флитнера не могъ; а обморокъ такъ до-

логъ, такъ страненъ! А докторъ такъ нуженъ, хотя бы и пріѣхавшій случайно, хотя бы и не во вкусѣ больного, но все-таки могущій помочь! Между тѣмъ, Флитнера проводятъ черезъ кухню, не допускаютъ до больного и выпроваживаютъ поскорѣй. Въ 12 часовъ былъ Заславскій. Онъ нашелъ Сѣдкова лежащимъ на лѣвомъ боку лицомъ къ стѣнѣ. Окоченѣніе началось. Для этого должно было пройти не менѣе трехъ часовъ со времени смерти. Вотъ еще доказательство, что Флитнеръ видѣлъ уже мертваго. Если принять высказанное уже здѣсь предположеніе, что онъ умеръ въ обморокѣ, то какъ объяснить то, что, не приходя въ себя, онъ, однако, покрылся одѣяломъ съ головою, поворачивался на другой бокъ и все это въ то время, когда члены его окоченѣли подъ холоднымъ дыханіемъ смерти. Очевидно, онъ умеръ еще до вечера, днемъ, прежде поѣздки жены къ Лысенкову. Эта поѣздка объясняется затѣмъ легко Сѣдковъ умеръ. Завѣщанія нѣтъ, проектъ не послужилъ ни къ чему. О законной вдовьей части Сѣдкова могла и не знать. Итакъ, она останется безъ средствъ? Что же дѣлать? Конечно, ѣхать къ знакомому, знающему человѣку за помощью, за совѣтомъ. Этотъ человѣкъ— Лысенковъ. Но сказать ему, что мужъ умеръ, у него — неудобно; могутъ услышать, въ конторѣ всегда толпится народъ. Лучше пригласить его къ себѣ и тутъ сказать правду. Лысенковъ соглашается пріѣхать, не зная о смерти Сѣдкова. Это видно изъ того, что онъ взялъ съ собою писца Лбова, котораго потомъ пришлось удалить. По дорогѣ, конечно, по совѣту Лысенкова, Сѣдкова заѣхала за Медвѣдевымъ, какъ за свидѣтелемъ. Когда они пріѣхали, нотаріусъ потребовалъ еще свидѣтелей. Явились Петлинъ и его знакомый Лисевичъ. Стали писать нотаріальное завѣщаніе, въ ожиданіи, пока уснувшій, по словамъ Сѣдковой, больной проснется и придетъ «въ здравый умъ и твердую память». Затѣмъ Сѣдкова позвала Лысенкова въ комнату мужа. Здѣсь-то и разъяснилось все. Лысенковъ говоритъ, что Сѣдковъ былъ живъ, но мы знаемъ, что въ это время, около пріѣзда Флитнера, онъ былъ уже несомнѣнно мертвъ и, вѣроятно, только мѣшалъ своимъ видомъ спокойствію совѣщаній, такъ что его накрыли съ головою. Здѣсь Сѣдкова должна была сказать все Лысенкову и просить совѣта и помощи. Она говоритъ, что Лысенковъ запросилъ громадную сумму въ 12,000 рублей. Насколько это справедливо—рѣшить трудно. Лысенковъ зналъ, что подвергаетъ себя громадной отвѣтственности за совершеніе подложнаго нотаріальнаго акта, онъ зналъ, что скрѣпивъ актъ, онъ явится и первымъ обвиняемымъ, по старой поговоркѣ: «гдѣ рука, тамъ и голова». Поэтому требованіе такого вознагражденія понятно. Но еще понятнѣе боязнь отвѣтственности, которая, по моему мнѣнію, могла заставить Лысенкова отказаться вовсе отъ совершенія *нотаріальнаго* завѣщанія. Хотя послѣднее толкованіе и выгоднѣе для Лысенкова, но я не высоко цѣню и эту боязнь отвѣтственности. Это не широкая боязнь дурного и преступнаго дѣла,—это узкій личный страхъ, не помѣшавшій ему не побояться отвѣтственности тѣхъ, кого онъ завлекъ въ

это дѣло и посадилъ здѣсь передъ вами. Во всякомъ случаѣ, какое бы толкованіе ни принять — не сошлись ли въ цѣнѣ, или страхъ отвѣтственности подѣйствовалъ—несомнѣнно, что Лысенковъ, войдя къ Сѣдкову, увидѣлъ, что тотъ уже мертвъ и что его обязанности кончены; оставалось удалить свидѣтелей. Но сдѣлать это просто и прямо, объявивъ, что Сѣдковъ умеръ, неловко. Могутъ возникнуть сомнѣнія, неудовольствія. Поэтому лучше пусть это будетъ неожиданною вѣстью для всѣхъ. И вотъ Лысенковъ говоритъ: «что-то подозрительно, пошлите за докторомъ». Докторъ объявляетъ, что Сѣдковъ мертвъ, вдова плачетъ, Лисевичъ и Петлинъ уходятъ, а Лбова увозитъ Лысенковъ. Вы видѣли и слышали Лбова. Этотъ человѣкъ нѣмъ какъ рыба и совершенно непроницаемъ, но онъ служитъ у Лысенкова и ему владѣть какою либо тайною своего принципала не приходится. Черезъ нѣкоторое время Лысенковъ возвращается назадъ. Здѣсь мы встрѣчаемся съ рѣзкимъ противорѣчіемъ въ показаніяхъ Лысенкова и прочихъ подсудимыхъ. «Я не возвращался», говоритъ онъ. «Онъ вернулся, содѣйствовалъ, совѣтовалъ, ободрялъ, диктовалъ», говорятъ Сѣдкова, Петлинъ, Тенисъ и Медвѣдевъ. Двое послѣднихъ такъ просто и откровенно во всемъ сознаются, что нѣтъ основанія имъ не вѣрить. Они не имѣютъ и основанія лгать. Какая имъ выгода отъ привлеченія Лысенкова къ дѣлу? Вѣдь они не ссылаются на его вліяніе на нихъ, на его авторитетъ. Ихъ виновность сложилась особо. Тениса привезъ полусоннаго Медвѣдевъ, и онъ машинально написалъ то, что ему было продиктовано, не разбирая хорошенько смысла диктуемаго. Медвѣдевъ подписался самъ, сознательно, по добротѣ душевной и «въ память дружбы съ покойнымъ». Для него не было нужно уговоровъ нотаріуса. Поэтому ихъ показаніе заслуживаетъ вѣры. Привлеченіе Лысенкова не ослабляетъ ихъ вины, безполезно для нихъ,—а оговаривая его напрасно, они брали бы тяжелый и безцѣльный грѣхъ на душу. Итакъ, имъ можно вѣрить. Можно вѣрить и Сѣдковой. Нельзя же думать, чтобъ она сама «своимъ умомъ» смастерила всю сложную махинацію поддѣлки завѣщанія, чтобъ она знала кому, что и какъ писать и подписывать. Вѣдь на ея проектѣ подписей свидѣтелей и рукоприкладчика въ ихъ узаконенной формѣ, обозначено не было. Да и могла ли она найтись въ дѣлѣ, въ которомъ и знающій человѣкъ, нотаріусъ, умылъ руки? Конечно, нѣтъ. Ей нуженъ совѣтникъ, нуженъ юристъ, человѣкъ формъ и обрядовъ. Кто же могъ быть такимъ лицомъ около нея? Петлинъ? Но мы познакомились достаточно съ Петлинымъ. Онъ, какъ видно по разнымъ даннымъ дѣла, способенъ совершить дѣяніе въ родѣ того, за которое онъ судится, и потомъ собирать жатву съ этого дѣянія угрозами и вымогательствами, но едва ли въ немъ можно видѣть подстрекателя и руководителя въ исполненіи сложнаго и требующаго ловкости замысла. Да и кромѣ того, онъ не зналъ Киткина и Бороздина. Откуда же могъ надѣяться онъ на нихъ? Итакъ, не Петлинъ. Такъ Бороздинъ? Но онъ не былъ знакомъ съ Сѣдковой. Даже еслибъ

онъ пришелъ и по дѣлу, то ему сказали бы, что Сѣдковъ умеръ, и онъ не сталъ бы безпокоить своимъ посѣщеніемъ. Лысенковъ уѣхалъ въ 12 часовъ и Бороздина не видѣлъ, а завѣщаніе было несомнѣнно составлено въ эту ночь. Когда же могъ явиться Бороздинъ? Послѣ полуночи? Это невозможно для незнакомаго человѣка. Итакъ, не Бороздинъ. Не Киткинъ потому, что тотъ подписалъ на слѣдующій день. И если мы исключимъ Лысенкова, то подстрекателями на составленіе завѣщанія, совѣтниками и руководителями въ составленіи завѣщанія явятся Тенисъ и Медвѣдевъ. Но взгляните на нихъ, гг. присяжные засѣдатели, и вы повѣрите ихъ показаніямъ. Лысенковъ былъ *необходимъ* въ такомъ дѣлѣ и, конечно, присутствовалъ почти всю ночь у Сѣдковой не изъ одного праздная любопытства. Онъ вернулся, чтобы оказать дѣйствительное участіе въ составленіи завѣщанія, и подъ его руководствомъ оно пошло быстро. Послали за Киткинымъ, послали Медвѣдева за Тенисомъ,—призвали снова Петлина, и къ раннему іюньскому утру завѣщаніе было готово. Тенисъ ушелъ съ 5-ю рублями, которыми потомъ хвастался передъ товарищами, удивляясь добрымъ людямъ, которые за листокъ письма дали такую громадную для него сумму. На другой день подписали Киткинъ и Бороздинъ, а Сѣдкова, выбравъ разныя бумаги и вещи поцѣннѣй и уложивъ ихъ въ зеленый сундучокъ, отдала его своей пріятельницѣ Макаровой. Деньщикъ Виноградовъ, обмывъ покойнаго съ гробовщикомъ, самъ уложилъ сундучокъ въ ногахъ «генеральской дочери». Затѣмъ были написаны чеки заднимъ числомъ, и Сѣдкова, увѣренная въ дальнѣйшей ненарушимости своихъ правъ, получила по нимъ въ конторѣ Баймакова деньги.

Всякое дѣло, совершенное нѣсколькими лицами, всегда представляетъ въ своемъ дальнѣйшемъ ходѣ разныя непредвидѣнныя обстоятельства, зависящія и отъ случая, и отъ характера участниковъ. Если это дѣло—преступленіе, то и обстоятельства эти не всегда красивы и всегда не безопасны для тѣхъ, въ чью пользу главнымъ образомъ совершено преступленіе. Такъ было и тутъ. Въ то время, когда Сѣдкова считала себя уже полною обладательницею имущества мужа и писала письмо его матери, въ которомъ говорила о «неусыпныхъ попеченіяхъ», которыми она его окружала (ночь составленія завѣщанія она дѣйствительно провела безъ сна), участники завѣщанія стали заявлять свои требованія. Прежде всего, впрочемъ, ей пришлось выкупить изъ «дружескихъ рукъ» свой зеленый сундучокъ, оставивъ взамѣнъ его нотаріальную отсрочку и услышавъ, если вѣрить ея показанію, въ первый разъ грозное и непредвидѣнное слово—доносъ... Я не стану касаться этого происшествія. Вы сами слышали свидѣтелей Макарову и Карпова и оцѣните ихъ показанія. Обращу ваше вниманіе только на то, что обѣ стороны сознавали, что сундучокъ заключаетъ цѣнности немаловажныя для Сѣдковой, такъ какъ разговоръ объ обмѣнѣ сундучка на отсрочку длился, по словамъ Сѣдковой, три часа въ комнатѣ незнакомаго ей

человѣка, при чемъ за затворенною или, по ея словамъ, даже запертою на ключъ дверью, тщетно ожидала ее Ольга Балагуръ, уже разъ пріѣзжавшая за сундучкомъ. Затѣмъ начались требованія и вымогательства денегъ. О полученныхъ суммахъ я вамъ скажу въ своемъ мѣстѣ, но думаю, что вообще въ этомъ отношеніи можно полагаться на объясненіе Сѣдковой. Первая выдача—500 р. Лысенкову и 500 Бороздину записана ею на лоскуткѣ, который, очевидно, не предназначенъ для оглашенія. Тутъ же записаны и гвозди, перчатки, шляпка, извозчикъ, такъ что счетъ имѣетъ характеръ достовѣрный. Сѣдкова говоритъ, что всѣ выдачи шли черезъ Лысенкова, кромѣ 500 рублей, о которыхъ сейчасъ сказано. Но какая цѣль можетъ ее заставлять пріурочивать имя Лысенкова къ этимъ деньгамъ? Дѣйствуя подъ вліяніемъ ихъ, Лысенковъ давалъ ей корыстные совѣты, цѣли которыхъ она не могла не понимать, сознавая, что услуги, за которыя платятся такія деньги — услуги преступныя. И между тѣмъ, она завляетъ, что воспользовалась именно такими услугами, не ссылаясь ни на безкорыстные и нотому заслуживавшіе довѣрія совѣты Лысенкова, ни на его къ себѣ состраданіе и расположеніе. Вглядываясь въ дѣйствія отдѣльныхъ лицъ по этому дѣлу, мы найдемъ подтвержденіе ея объясненій о деньгахъ, которыя то за услуги, то за недонесеніе, то за компрометированную честь, то, наконецъ, за молчаніе свидѣтелей брались съ нея самымъ безцеремоннымъ образомъ. Когда она почувствовала имущество въ своихъ рукахъ—ей стали грозить тѣмъ, что къ утвержденію завѣщанія не явятся безъ особой платы; когда оно было утверждено, съ нея взяли три тысячи на расходы и ее стали пугать страшными словами—«протоколъ» и «прокуроръ»,—когда началось слѣдствіе, заставили заплатить за мнимое спасеніе отъ скамьи подсудимыхъ 8,000 руб. Скамья подсудимыхъ все-таки осталась, а около 20,000 руб. денегъ, пріобрѣтенныхъ преступленіемъ, пристало къ рукамъ принимавшихъ въ Сѣдковой участіе людей, оставивъ ей немного наличныхъ средствъ и много векселей, цѣнность которыхъ еще весьма загадочна.

Обращаясь затѣмъ къ отдѣльнымъ подсудимымъ, я нахожу, что на первомъ планѣ стоитъ *Лысенковъ*. Онъ говоритъ, что Сѣдкова клевещетъ на него, что она привлекла его на судъ своимъ оговоромъ по совѣту Дестрема, который за ней ухаживаетъ. Всѣ отношенія его къ Сѣдковой ограничивались тѣмъ, что онъ согласился найти ей повѣреннаго для утвержденія завѣщанія и, уступивъ анонимнымъ письмамъ ея, вступилъ съ нею въ близкую дружбу. Полученіе отъ нея денегъ онъ отвергаетъ съ негодованіемъ. Но, господа,—кто вѣренъ въ маломъ, тотъ и во многомъ вѣренъ. А Лысенковъ невѣренъ въ маломъ! Онъ, вопреки очевидности, вопреки показаніямъ, искренность которыхъ нельзя заподозрить, отрицаетъ свое возвращеніе къ Сѣдковой послѣ отъѣзда съ Лбовымъ. Онъ говоритъ явную неправду въ этомъ отношеніи. Можно ли думать, что онъ говоритъ правду въ другомъ отношеніи? Можно ли вѣрить тому мотиву оговора со стороны Сѣдковой, который онъ приводилъ? Месть, но за

что? Желаніе отдѣлаться отъ нелюбимаго человѣка—но гдѣ на это указаніе? Ужели это нужно Дестрему, который вышелъ на свободу въ этомъ же судѣ только десять дней назадъ, а лишился ея гораздо раньше Сѣдковой. И для чего же это? Чтобъ сохранить свое мѣсто въ сердцѣ Сѣдковой. Но можно ли опасаться Лысенкова какъ соперника въ этомъ сердцѣ, когда Сѣдкова способна его предать напрасно позору уголовнаго суда? Способность на это должна бы исключать всякую ревность со стороны Дестрема,—исключать всякій оговоръ. И гдѣ въ характерѣ Сѣдковой черты такой свирѣпой злости, такого коварства, такой безсердечности? Мы ихъ не видимъ и не можемъ принять романтическаго объясненія Лысенкова о мотивахъ оговора. Лысенковъ горячо отрицаетъ корысть въ своихъ дѣйствіяхъ и сводитъ ихъ къ состраданію и сочувствію положенію вдовы. Но это сочувствіе весьма сомнительнаго свойства. Еслибъ онъ сочувствовалъ Сѣдковой такъ, какъ долженъ сочувствовать честный человѣкъ, занимающій офиціальное, вызывающее на довѣріе, положеніе, то онъ не взялся бы способствовать утвержденію завѣщанія. Онъ долженъ былъ сказать ей: «Что вы дѣлаете! одумайтесь! Вѣдь это преступленіе, вы можете погибнуть, а съ вами и тѣ, кто васъ этому научилъ. Заглушите въ себѣ голосъ жадности къ деньгамъ мужа, удовольствуйтесь вашею вдовьею частью. Вы ее получите, эту вдовью часть, по закону, котораго вы вѣрно не знаете. Вотъ онъ, вотъ его смыслъ, его значеніе. Одумайтесь! бросьте нехорошее дѣло». Онъ долженъ былъ, видя въ ея рукахъ фальшивое духовное завѣщаніе, отговорить ее, напугать, упрашивать. Это была его обязанность, какъ нотаріуса, какъ порядочнаго человѣка. Отъ него требовался не доносъ, а участіе и твердо, горячо сказанное слово совѣта, отъ него требовались объясненія съ Бороздинымъ, котораго онъ зналъ и которому онъ могъ пригрозить за его подпись на завѣщаніи. Но ничего этого не сдѣлано. Онъ получилъ завѣщаніе, поручилъ Титову его утвержденіе и взялъ на это 500 рублей. Въ этомъ, по его мнѣнію, состояла дружеская услуга Сѣдковой. Но изъ словъ Титова мы знаемъ, что онъ получилъ за труды и на расходы только 315 руб., остальные 185 руб. остались у Лысенкова. И это была услуга и сочувствіе? И въ этомъ ли выражалось его безкорыстное и неохотное участіе въ дѣлѣ укрѣпленія за бѣдною вдовою состоянія ея мужа? Лысенковъ отрицаетъ и то, что онъ нуждался въ деньгахъ, и то, что онъ способенъ былъ получать деньги за свои услуги. Но онъ нуждался, гг. присяжные, онъ, привыкшій къ жизни широкой и нестѣсненной средствами, бывшій гусаръ и блестящій нотаріусъ, онъ, конечно, съ трудомъ разстался бы съ привычками роскоши и дорогого комфорта. Вы знаете, во что можетъ обойтись въ Петербургѣ жизнь молодому, полному силъ и жизни человѣку, который не пожелаетъ особенно стѣснять себя и приметъ дружески и предупредительно протянутую руку помощи разныхъ ростовщиковъ. А у Лысенкова своего ничего не было. Нотаріальный залогъ былъ данъ ему отцомъ, который, быть можетъ, видѣлъ въ новомъ

занятіи сына избавленіе его отъ послѣдствій прежней праздной жизни. Но эта жизнь не отставала, она протягивала свои руки за сыномъ и въ нотаріатъ и давала себя чувствовать на каждомъ шагу. Къ 18-му мая прошлаго года въ мѣстномъ участкѣ скопилось на 10,000 руб. взысканій съ Лысенкова; вся его мебель и вещи были описаны и «Полицейскія Вѣдомости» уже возвѣстили объ ихъ продажѣ. Въ эту критическую минуту явился на помощь отецъ и далъ 10,000 руб. подъ вексель, однако, на имя дочери. Продажа миновала, кредиторы были на время удовлетворены, но не всѣ, далеко не всѣ. Загорскій получилъ вмѣсто 4,000 руб. 1,500 руб., Перетцъ—половину, другіе кредиторы, здѣсь выслушанные, тоже получили половинное удовлетвореніе. Опасность новой описи и продажи была не уничтожена, а только отсрочена. А между тѣмъ, кредиторы подходили новыми рядами, расходы на контору были большіе, жизнь надо было вести и она велась съ прежнимъ блескомъ и видимымъ довольствомъ, при заложенныхъ шубахъ и отсроченныхъ исполнительныхъ листахъ. Въ этомъ отношеніи характеристична книжка чековъ Общества Взаимнаго Кредита и счетъ того же Общества. Съ 6-го іюня по 24 августа внесено и взято около 11,350 руб.; изъ взятыхъ суммъ, какъ видно по корешкамъ чековъ, уплачено на пошлины по купчимъ Фохтса и Пилкина около 5,000 руб., около 800 руб. заплачено за квартиру, 875 руб. взято безъ указанія предмета уплаты—слѣдовательно, на свои расходы, а все остальное отдано разнымъ лицамъ въ уплату по векселямъ. Изъ словъ самого Лысенкова вы знаете, что къ деньгамъ, взятымъ на купчую Пилкина съ текущаго счета, онъ долженъ былъ прибавить своихъ 800 руб. Слѣдовательно, и изъ взятыхъ на себя 875—800 рублей пошли на уплату долга, и только 75 рублей изъ 12-ти почти тысячъ остались нотаріусу для него лично. Но такое состояніе счетовъ ясно показываетъ, какъ стѣсненъ человѣкъ, какъ тяжело ему приходится, какъ желательны, какъ важны, какъ неизбѣжно нужны ему деньги! Итакъ, Лысенковъ нуждался, а 185 руб., присвоенные имъ, даже если вѣрить вполнѣ его показанію, изъ денегъ довѣрчивой вдовы, указываютъ, насколько въ немъ можно предполагать отсутствіе желанія попользоваться при удобномъ случаѣ и безъ особаго труда идущими въ руку деньгами. Но человѣкъ такого пошиба не можетъ удовольствоваться 185 руб., если можно получить больше. Эта сумма—капля въ морѣ долговъ и претензій. Чтобъ осушить и успокоить его, необходимы иныя, бо́льшія средства. Для того, чтобъ удержаться отъ добычи ихъ способами недозволенными, эксплоатаціей легковѣрія однихъ, стѣсненнаго положенія другихъ—необходимъ довольно твердый нравственный закалъ. Съ этой точки зрѣнія, мы имѣемъ свидѣтельство о Лысенковѣ отъ трехъ лицъ, знавшихъ его не какъ нотаріуса только. Одно—почтеннаго представителя нашего города Погребова. Обвиненіе питаетъ столь глубокое и искреннее уваженіе къ этому свидѣтелю, что вполнѣ и безусловно повѣрило бы ему, еслибъ онъ явился сюда заявить, что Лысенковъ *не сдѣлалъ* подлога. Это поколебало бы всѣ нравственныя

основы обвиненія противъ Лысенкова. Но г. Погребовъ этого сдѣлать не можетъ и его доброе, любящее показаніе сводится лишь къ тому, что Лысенковъ велъ себя прилично и хорошо и не просилъ никогда денегъ у своего дяди. Въ послѣднемъ и нельзя сомнѣваться, познакомясь съ личностью Лысенкова по дѣлу. Просить—значитъ унижать свое достоинство... обязываться, это можно сдѣлать только въ такой крайности, когда всѣ правильные и неправильные источники полученія средствъ будутъ исчерпаны. Двое другихъ свидѣтелей—Шелешпанскій и Циліакусъ. Мнѣ почему-то не думается, чтобъ уклончивое, обоюдоострое, не досказанное показаніе Шелешпанскаго во многомъ помогало Лысенкову; что же касается до Циліакуса, то его показаніе связано съ свидѣтелемъ Загорскимъ, который, обижаясь и гнѣвно относясь къ вопросамъ, разсказалъ вамъ о какомъ-то векселѣ, данномъ юнымъ аристократомъ на 6,000 руб., взамѣнъ $2^1/_2$, и писанномъ на имена Циліакуса и Лысенкова. Не станемъ, впрочемъ, касаться исторіи этого, во всякомъ случаѣ, страннаго векселя, для регулированія уплаты по которому понадобилось даже вмѣшательство канцеляріи градоначальника... Едва ли, вообще, эти показанія указываютъ на особую нравственную твердость Лысенкова. Для этой твердости большимъ испытаніемъ должно было быть положеніе Сѣдковой, которой нуженъ руководитель и отъ которой можно получить хорошія деньги. Повторяю—Лысенковъ не могъ же въ самомъ дѣлѣ быть праздднымъ свидѣтелемъ того, что дѣлалось ночью 1-го іюня въ квартирѣ Сѣдкова. Онъ получилъ за свое содѣйствіе 6,000 руб., говоритъ Сѣдкова, да 1,000 руб. на Бороздина, не считая 8,000 руб., полученныхъ по возбужденіи слѣдствія и 2,500—3,000 на расходы по счету издержекъ на завѣщаніе. У ней не могло быть этихъ денегъ, этихъ 18,000, скажутъ намъ. Отчего же не могло? Она получила съ текущаго счета въ началѣ іюня 31,000 руб., затѣмъ въ теченіе лѣта внесла обратно 23,000 руб. и при началѣ слѣдствія успѣла съ большою ловкостью взять все, что оставалось—19,000 руб., слѣдовательно, лѣтомъ же она взяла изъ 23,000 руб. еще 4,000 руб. Такимъ образомъ, у ней было въ теченіе іюня, іюля и августа 12,000 руб. Но въ домѣ, кромѣ того, оставались деньги—2,500 руб. отъ Потѣхина, да другія суммы, быть можетъ, даже выигрышные билеты въ количествѣ 20,000 руб., о которыхъ она здѣсь говорила. Не забудьте, что былъ сундучокъ, тщательно наполненный и увезенный. Конечно, не «дневники» и не «путь къ истинной жизни» были въ немъ, а цѣнности. Поэтому она могла имѣть нужныя для гг. составителей деньги, тѣмъ болѣе, что 8,000 руб. были ею даны уже послѣ начала слѣдствія, когда она получила и остальные 19,000 р. Первая выдача въ 6,000 руб. была произведена, по словамъ Сѣдковой, 1-го іюня. Такъ, 6-го іюня въ приходѣ счета Общества Взаимнаго Кретита, веденнаго по взносамъ Лысенкова, значится 5,600 руб. Эти деньги выручены за продажу бумагъ Юнкеру, возражаетъ Лысенковъ. Вотъ и два его счета на 5,800 руб. Но изъ какихъ денегъ пріобрѣтены эти бумаги? Изъ денегъ, данныхъ отцомъ. Но вѣдь отецъ

отдалъ дочернія деньги 17-го мая только для спасенія сына отъ настойчивыхъ кредиторовъ, а не для покупки бумагъ, немедленной продажи ихъ и внесенія на текущій счетъ. Развѣ для этого бралъ Лысенковъ достояніе сестеръ? Развѣ можно было вносить 5,600 рублей на текущій счетъ, когда почти на двойную сумму есть неудовлетворенные кредиторы и шуба въ закладѣ... И потомъ, что это за счеты? Одинъ написанъ на имя Лысенкова, другой на имя «господина...» Гдѣ доказательства, что это были бумаги, дѣйствительно принадлежавшія Лысенкову, а не взятыя имъ на комиссію? Вѣдь онъ не ограничивался одною строгонотаріальною дѣятельностію, а занимался и другими операціями. Исторія съ векселемъ графа Нессельроде это показываетъ. Можно ли думать, что бросивъ часть денегъ, полученныхъ отъ отца, на утоленіе кредиторовъ, Лысенковъ не отдалъ бы остальныхъ денегъ сестрамъ, которыхъ онѣ достояніе, а сталъ бы заниматься покупкою бумагъ, когда у него за спиною взысканія и описи? Во всякомъ случаѣ, чѣмъ же жилъ все лѣто Лысенковъ? Гдѣ указанія на тѣ суммы, которыя ему были необходимы, чтобъ вести широкую жизнь, чтобъ содержать свою контору, которая стоила очень дорого? Его расходы превышали доходы по конторѣ,—иначе не было бы долговъ. Онъ говоритъ, что не все вносилъ на текущій счетъ—можетъ быть,—но тогда это *не опроверженіе* словъ Сѣдковой; если же вносилъ все,—то гдѣ доказательства законности пріобрѣтенія 5,600 руб., внесенныхъ 6-го іюня, *послѣ* составленія духовнаго завѣщанія, несмотря на то, что деньги эти были, по его указанію, получены имъ уже 28-го или 30-го мая. Такимъ образомъ, оправданія Лысенкова распадаются. Онъ запутался въ дѣлахъ, кидался на разные способы пріобрѣтенія, былъ стѣсненъ кредиторами, не предвидѣлъ средствъ прожить лѣто и, наконецъ, злая судьба послала ему Сѣдкову. Совершить ей нотаріальное завѣщаніе было опасно,—онъ сковалъ бы себя неразрывно съ ея преступленіемъ. Гораздо безопаснѣе домашнее. Онъ, пользуясь своимъ авторитетомъ и знаніемъ дѣла, можетъ безъ труда его сдѣлать. Рукоприкладчикъ и переписчикъ съ виду люди добрые и простые. Послѣднему продиктуется завѣщаніе. Свидѣтели тоже найдутся,—подходящихъ людей, слабыхъ на деньги и прижатыхъ обстоятельствами всегда можно найти,—они даже ежедневно подъ рукою. Надо только, чтобъ они понимали, *что* дѣлаютъ, и тогда они другъ друга укрѣпятъ до конца утвержденія и будутъ охранять послѣ него, зная, что неосторожность, неловкость одного повлечетъ за собою отвѣтственность всѣхъ. Они будутъ наблюдать другъ за другомъ. Важно только сцѣпить ихъ какъ звенья въ одну преступную цѣпь. Для этого личнаго участія руководителя не нужно, нуженъ только авторитетъ, апломбъ, а не руки. Слѣда участія не остается и даже когда они, паче чаянія, попадутся и станутъ ссылаться, то можно будетъ сказать—«это люди, которые тонутъ и хватаются за меня, думая, что моя невиновность,—которая очевидна, ибо гдѣ же матеріальные слѣды моего участія?—спасетъ и ихъ. Они клевещутъ на

меня, чтобъ купить себѣ свободу. Гдѣ моя подпись? Развѣ *я* удостовѣрялъ, что Сѣдковъ просилъ подписаться, развѣ *я* подписался за него?»—Но все-таки даже такого, такъ сказать, духовнаго участія, нельзя принять даромъ, изъ одного расположенія. Опасность все-таки существуетъ. Отсюда понятно требованіе 6,000 руб. и еще 8,000, когда опасность дѣйствительно наступила, когда началось слѣдствіе. Еслибъ Лысенковъ не участвовалъ въ дѣлѣ, то онъ не продолжалъ бы своихъ отношеній съ тѣми, кто въ немъ участвовалъ. Онъ не удалялся отъ Сѣдковой, зная, что она можетъ попасть не нынче, завтра на скамью подсудимыхъ, онъ не разорвалъ съ Бороздинымъ, который въ его глазахъ долженъ былъ стать человѣкомъ непригоднымъ для серьезныхъ и чисто дѣловыхъ отношеній. Напротивъ, онъ ѣздитъ къ Сѣдковой, пишетъ ей письма, ведетъ дружбу съ Бороздинымъ, оказывается на вокзалѣ царскосельской желѣзной дороги, когда нужно уломать Киткина, хранитъ у себя завѣщаніе и предварительный проектъ, даетъ письменные совѣты Петлину, совершаетъ отсрочку Макаровой для полученія сундучка. Онъ не спускается до сношеній съ Ариною Бѣляевою, но къ нему обращаются всѣ участники дѣла, черезъ него сначала просятъ они денегъ у Сѣдковой, отъ него получаютъ свой пароль и лозунгъ, покуда одинъ изъ нихъ, Киткинъ, не выдержавъ, по молодости лѣтъ, не разсказываетъ слѣдователю «все какъ было». Онъ обдумываетъ, распоряжается, диктуетъ; онъ же требуетъ отъ Сѣдковой заслуженныхъ денегъ и, соболѣзнуя о «корыстолюбіи и склонности къ доносамъ» Бороздина, беретъ для него 1,000 руб. и совѣтуетъ уплатить ему за молчаніе другую; онъ, наконецъ, предъявляетъ счетъ пошлинамъ свыше 2,000 руб., тѣмъ пошлинамъ, которыя исчислены въ опредѣленіи суда въ 29 рублей! Правда, свидѣтели не дѣти и понимали, что дѣлали, но нельзя, однако, отрицать, что присутствіе нотаріуса дѣйствуетъ успокаивающимъ образомъ, что Бороздинъ, никогда не знавшій Сѣдковой, никакъ не появился бы на завѣщаніи ея мужа, еслибъ между ними не былъ посредникомъ Лысенковъ; что завѣщаніе, сочиненное самою Сѣдковою или Тенисомъ, никогда не было бы столь безупречно съ формальной стороны, что бы быть утверждено судомъ, несмотря на споръ о подлогѣ, если бы по нему не прошла опытная въ нотаріальныхъ дѣлахъ рука.

Перехожу къ Бороздину. Виновность его очевидна изъ его подписи. Онъ, человѣкъ опытный и по лѣтамъ, и по службѣ, не могъ не знать, что утверждать на завѣщаніи то, чего онъ не видѣлъ, преступно, потому что нѣсколько такихъ подписей могутъ содѣйствовать неправому пріобрѣтенію имущества. Онъ зналъ что то, что онъ пишетъ, есть ложь, ложь офиціальная и требуемая отъ него съ опредѣленною цѣлью. Въ его лѣта не относятся къ подобнымъ вещамъ легкомысленно. Онъ объясняетъ свой поступокъ благодарностью къ Лысенкову. Но за что эта благодарность? Онъ велъ свои дѣла, имѣлъ довѣренности и порученія, былъ человѣкомъ развитымъ и юридически образованнымъ. Быть можетъ, Лысенковъ и поручалъ

ему исполнять какія нибудь письменныя или судебныя работы, быть можетъ даже, онъ состоялъ при конторѣ Лысенкова, на тотъ случай, когда бываютъ необходимы свидѣтели самоличности, чѣмъ нибудь въ родѣ «благороднаго свидѣтеля», но, въ такомъ случаѣ, вознагражденіе, которое онъ получалъ отъ Лысенкова, получалось имъ не даромъ, а за дѣйствительный трудъ, совершаемый съ знаніемъ дѣла и съ необходимою представительностью. Тутъ былъ обмѣнъ услугъ, продажа труда, и, слѣдовательно, объ особой благодарности не могло быть и рѣчи. А для того, чтобъ совершить изъ благодарности не только лживый поступокъ, но даже и преступленіе — необходимо, чтобъ благодарный былъ облагодѣтельствованъ такъ, что ему не жаль затѣмъ ни чести, ни совѣсти, лишь бы видѣлъ благодѣтель его признательность. Но гдѣ признаки такихъ отношеній между Лысенковымъ и подсудимымъ? Ихъ нѣтъ. Поэтому онъ сдѣлалъ подложное свидѣтельство изъ другихъ поводовъ. Но эти другіе поводы, по логикѣ вещей, могутъ быть только корыстными. Онъ привыкъ, повидимому, жить съ извѣстными удобствами человѣка, принадлежащаго къ обществу. Онъ занималъ лѣтомъ, по выходѣ изъ долгового отдѣленія, квартиру, за которую платилъ 120 руб. въ мѣсяцъ, въ то самое время, какъ закладывалъ иногда свое платье и часы. У него большая семья—шесть человѣкъ дѣтей. Привычки къ внѣшней представительности должны быть удовлетворяемы, семью надо содержать, а занятій постоянныхъ нѣтъ. Пребывать въ пріемной у нотаріуса, ожидая зова въ качествѣ свидѣтеля—унизительно, невесело, да и не особенно прибыльно. А деньги нужны, тѣмъ болѣе нужны, что, какъ вы слышали отъ свидѣтеля Багговута, былъ вексель, который необходимо было выкупить во избѣжаніе непріятностей. Онъ и былъ выкупленъ или инымъ образомъ погашенъ. Тутъ-то кстати явилось предложеніе Лысенкова дать подпись на завѣщаніи Сѣдкова. Подсудимый объясняетъ, что онъ только разъ и просилъ денегъ отъ Сѣдковой, 10 или 15 руб., да и тѣхъ она не дала. Но трудно предположить, чтобъ онъ, совершивъ ясное для него по своимъ послѣдствіямъ дѣло, ограничился только такою скромною просьбою. Притомъ, мы имѣемъ два конца въ цѣпи его требованій. У насъ есть записочка Сѣдковой отъ 1-го іюня, гдѣ написано, что ему дано 500 рублей и Лысенкову 500 рублей. Сѣдкова объясняетъ, что думала, что такъ деньги эти, тысяча рублей, будутъ между ними раздѣлены. Записку же она писала, конечно, не въ ожиданіи слѣдствія. Эта начало выдачъ. А конецъ—въ окружномъ судѣ. Сѣдкова говоритъ, что подсудимый отказался явиться въ судъ для утвержденія завѣщанія, и онъ самъ это подтверждаетъ. Толкуютъ только причины этого они разно. Онъ, по его словамъ, хотѣлъ посмотрѣть, какъ пройдетъ завѣщаніе на судѣ, чтобъ подтвердить свою подпись въ судѣ уже внѣ опасности споровъ противъ подлинности завѣщанія. 5-го іюля былъ заявленъ Алексѣемъ Сѣдковымъ споръ о подлогѣ. Чего же больше? Оставалось отступиться отъ этого темнаго дѣла, въ которомъ чувство благодарности могло привести на

скамью подсудимыхъ. Но нѣтъ! Онъ 19-го іюля является въ судъ и своимъ торжественнымъ удостовѣреніемъ придаетъ окончательную силу завѣщанію. Очевидно, онъ ждалъ чего-то другаго. Это другое, по словамъ Сѣдковой, были деньги. Изъ показанія Ольги Балагуръ мы знаемъ, что онъ ихъ получилъ. Она видѣла, какъ онъ пересчитывалъ сотенныя бумажки въ конвертѣ и получилъ вмѣстѣ съ ними вексель и свои оставленные въ закладъ Сѣдковой аттестаты. Балагуръ прямо говоритъ, что присутствовала при этомъ мелочномъ и исполненномъ взаимнаго недовѣрія торгѣ свидѣтельскою совѣстью. Подтверждается ея показаніе векселемъ на имя Карганова въ 500 руб. Онъ не отрицаетъ его полученія, но говоритъ, что вексель этотъ ничего не стоилъ, ибо былъ данъ на два года. Но зачѣмъ тогда было его брать и развѣ нельзя его дисконтировать? Подсудимый понималъ важность своего показанія и рѣшился выжать изъ Сѣдковой все, что можно. Въ то время, когда другіе свидѣтели послушно шли свидѣтельствовать въ судъ, онъ уперся и получилъ деньги. Въ серединѣ между этими полученіями, послѣ совершенія завѣщанія и при утвержденіи его въ судѣ, есть, по показанію Сѣдковой, еще одно—за недоносъ о подлогѣ. Она говоритъ, что подсудимый явился къ ней послѣ предупрежденія ея Лысенковымъ и читалъ какой-то протоколъ, который грозился отправить или отнести къ прокурору. Стали торговаться. Сошлись на 1,000 руб. Вы можете ей вѣрить или нѣтъ, но мнѣ кажется, что слѣдуетъ помнить письмо Петлина: «примите благой совѣтъ, дайте Б. просимое», а также ночное странствованіе Петлина съ Ариною Бѣляевою къ памятнику Екатерины, будто бы затѣмъ, чтобъ дать подсудимому возможность узнать, дѣйствительно ли завѣщаніе было написано послѣ смерти Сѣдкова, какъ будто этого нельзя было спросить у Сѣдковой и у самого Петлина. До утвержденія завѣщанія, подсудимый ничѣмъ бы не рисковалъ; не являясь въ судъ, онъ всегда могъ бы сослаться на то, что былъ введенъ въ заблужденіе. Послѣ утвержденія доносъ уже немыслимъ, это будетъ самообвиненіе. Поэтому самое удобное время для угрозы доносомъ между писаніемъ завѣщанія и разсмотрѣніемъ его въ судѣ. Что касается до скромной просьбы о присылки 10—15 руб., то размѣръ ея объясняется, по моему мнѣнію, тѣмъ, что все, что можно было получить съ Сѣдковой, было уже получено, и что она писалась въ то время, когда, послѣ засѣданія суда, нельзя уже было угрожать и упорствовать. Этимъ объясняется и категорическій отказъ Сѣдковой и вызванная раздраженіемъ приписка подсудимаго: «отказывая—вы меня станете дразнить, а я, право, вамъ добра желаю»...

И подсудимый Петлинъ не можетъ отговариваться незнаніемъ того, что онъ дѣлалъ,—давленіемъ на него авторитета закона въ лицѣ нотаріуса и вліяніемъ «плачущей женщины». Онъ—человѣкъ, испытавшій жизнь, и въ бояхъ бывавшій, и домами управлявшій. Его зовутъ къ совершенно незнакомымъ людямъ, и держатъ цѣлый вечеръ вмѣстѣ съ товарищемъ, затѣмъ увольняютъ за смертью хозяина, а потомъ опять посылаютъ и предлагаютъ подписать оче-

видную, явную ложь,—предлагаютъ прописать, въ выраженіяхъ, не допускающихъ сомнѣній, будто бы онъ видѣлъ и слышалъ то, чего не было... Все это дѣлается съ незнакомымъ человѣкомъ, котораго потомъ тревожатъ и явкою въ судъ, и опять заставляютъ лгать. Но развѣ возможно это въ дѣйствительности? Развѣ человѣкъ, не заинтересованный въ поддѣлкѣ завѣщанія, а дѣйствительно чужой, не сказалъ бы самому себѣ, что между «авторитетомъ закона» и лжесвидѣтельствомъ—отношенія самыя враждебныя, которыхъ никакой нотаріусъ измѣнить не можетъ, не сказалъ бы окружающимъ: «позвольте, однако, вы меня, продержавъ весь вечеръ, уговариваете подписать завѣщаніе потому, будто бы, что этого желалъ покойный. Но я его не зналъ, я васъ не знаю, я не могу вамъ вѣрить, да и за кого, наконецъ, вы меня-то принимаете съ вашими предложеніями?»... Ничуть не бывало: онъ прямо подписываетъ и затѣмъ уже становится совѣтникомъ Сѣдковой, входитъ въ ея интересы, пишетъ ей письма, совѣтуетъ бесѣдовать интимно съ прислугою, и дѣло, къ которому отнесся съ такимъ довѣріемъ, уже называетъ «извѣстнымъ вамъ *милымъ* дѣломъ». Это ли положеніе человѣка, случайно и по военному прямодушію попавшаго въ *милое* дѣло? Да и случайно ли попалъ онъ въ свидѣтели? Онъ жилъ на одной лѣстницѣ съ Сѣдковыми и былъ знакомъ «съ дѣвицею Аришею», какъ ее описывалъ Виноградовъ. Свойства этого знакомства понятны, и не для обмѣна же мыслей оно было заведено. Арина могла быть связующимъ звеномъ между Сѣдковою и Петлинымъ, нравственную крѣпость котораго барыня, конечно, могла понять изъ неизбѣжной болтовни служанки. А людей она видѣла столько, что могла научиться ихъ разбирать по довольно тонкимъ чертамъ. Этимъ предварительнымъ заочнымъ знакомствомъ объясняется приглашеніе Петлина. Дѣйствовалъ ли онъ безкорыстно—указываютъ 200 руб., полученные имъ въ день утвержденія завѣщанія, и записка съ просьбою о 100 рубляхъ съ прибавленіемъ: «дадите—жалѣть не будете». Свои послѣдующія отношенія къ Сѣдковой онъ объясняетъ тѣмъ, что былъ подъ давленіемъ Арины. Но вы ее видѣли, гг. присяжные засѣдатели. Это личность, быть можетъ, готовая урвать ушко изъ общей добычи, но, во всякомъ случаѣ, безъ собственнаго почина. И ужели Петлинъ могъ быть въ ея рукахъ послушнымъ орудіемъ? Ужели она его, какъ малое дитя, безъ воли и желанія съ его стороны, водила ночью къ памятнику Екатерины для заговоровъ съ «сосвидѣтелемъ»,—водила къ помощнику пристава Станкевичу, заставляла писать письма о миломъ дѣлѣ и диктовать своей женѣ доносъ противъ себя самого? Это не въ порядкѣ вещей. А между тѣмъ, все это было. Кто же былъ въ этомъ старшій, кто дѣйствовалъ, кто распоряжался? Вы не затруднитесь сказать, что это былъ Петлинъ, и что Арина, со своими свѣдѣніями кое о чемъ, была послушнымъ и прибыльнымъ орудіемъ въ его рукахъ. Чрезъ нее онъ могъ дѣйствовать угрозами и постояннымъ томленіемъ на Сѣдкову,—чрезъ нее, живя въ одномъ домѣ, имѣть постоянный надзоръ

за ея барынею. Тамъ, гдѣ Бороздинъ дѣйствовалъ одинъ, онъ могъ дѣйствовать черезъ Арину; когда угроза доносомъ прокурору удалась такъ хорошо, присылается и Бѣляева съ требованіемъ денегъ. Но характеръ у Сѣдковой неровный, да и измучили ее, должно быть, очень—она вспылила и выгнала Арину вонъ. Тогда вопросъ о доносѣ сталъ иначе. Онъ былъ написанъ. Припомните, однако, что онъ пишется подъ диктовку Петлина его женою, въ присутствіи Тениса и Медвѣдева. Они пойдутъ и скажутъ Сѣдковой. Она испугается и пришлетъ деньги, а не испугается ихъ разсказа, такъ испугается записки Станкевича, который ей пишетъ: «ко мнѣ поступилъ доносъ на васъ, но прежде, чѣмъ дать ему ходъ, я хотѣлъ бы поговорить съ вами». Дѣйствія Станкевича не подлежатъ нашему обсужденію, но есть основаніе предполагать, что онъ не отнесся серьезно къ доносу Арины, приходившей съ Петлинымъ, потому что не послалъ его въ сыскную полицію или не приступилъ самъ къ дознанію, а доложилъ о немъ приставу только послѣ жалобы Сѣдковой на вызовъ ея въ участокъ. Быть можетъ, Петлинъ, который былъ знакомъ въ участкѣ, убѣдилъ его въ неосновательности доноса, который и самъ по себѣ, никѣмъ не подписанный, содержалъ лишь голословное заявленіе о подлогѣ чековъ и о вывозѣ имущества, ни словомъ не упоминая о подлогѣ завѣщанія. Станкевичъ счелъ только за нужное вызвать Сѣдкову, чтобъ спросить у нея, гдѣ живетъ Арина, хотя, какъ кажется, это удобнѣе было сдѣлать по справочнымъ листкамъ и свѣдѣніямъ адреснаго стола. Очевидно, что доносъ безымянный и неосновательный, даже съ точки зрѣнія мѣстнаго полицейскаго чиновника, не долженъ былъ получить дальнѣйшаго движенія и весь желательный результатъ его для заинтересованныхъ лицъ состоялъ лишь въ полученіи Сѣдковою повѣстки изъ полиціи. Повѣстка, однако, произвела совершенно неожиданное для нихъ дѣйствіе. Сѣдкова пошла жаловаться. Вымогательство, ловко задуманное Петлинымъ, который, соорудивъ доносъ, стоялъ все таки отъ него въ сторонѣ,—не удалось, но зато предварительное слѣдствіе, возникшее изъ этого случая, какъ мнѣ кажется, удалось вполнѣ. Корыстныя цѣли Петлина очевидны. Его записка: «дайте Б. просимое», явно указываетъ, что онъ былъ заинтересованъ въ томъ, чтобъ получить свой гонораръ. Онъ отрицаетъ всякія сношенія съ Сѣдковой. Но какъ объяснить исторію съ векселемъ въ 5,000 руб., который онъ разорвалъ послѣ того, какъ онъ былъ ею объявленъ подложнымъ. Еслибъ онъ былъ полученъ за дѣйствительныя услуги, какъ деньги, а не составлялъ орудія или плода новаго вымогательства, разсчитаннаго противъ Сѣдковой, то онъ не разстался бы съ нимъ такъ легко. Вѣдь это все-таки была цѣнность въ нѣсколько тысячъ. Таковы дѣйствія Петлина, подлежащія вашей оцѣнкѣ.

Киткинъ, послѣ двухъ допросовъ, довольно откровенно разсказалъ все слѣдователю. Его сознаніе, какъ электрическій толчокъ, сообщилось неизбѣжно и неотвратимо и всѣмъ другимъ членамъ

преступнаго кружка. Сознались, по своему, и они. Киткину есть поэтому основаніе вѣрить. Но оправдывать его нельзя. Онъ отлично понималъ, что дѣлалъ,—недаромъ онъ такъ часто напоминаетъ Сѣдковой, что ему «все остается извѣстнымъ». Когда онъ былъ привлеченъ къ подпискѣ, онъ стоялъ въ положеніи человѣка, находящагося отчасти въ рукахъ Сѣдковой. У нея былъ противъ него весьма зловредный вексель. Впереди непривѣтно виднѣлось долговое отдѣленіе. Но онъ колебался, совѣсть въ немъ говорила. Въ эти минуты онъ заслуживаетъ сочувствія. Но колебанія были недолги. Онъ сообразилъ выгоды своего новаго положенія и принялъ предложеніе Сѣдковой. Вырвавъ изъ ея рукъ ненавистный вексель, онъ сразу обмѣнялся съ нею ролями и перешелъ въ наступательное положеніе. Онъ грозитъ Сѣдковой, еще не подписавъ даже завѣщанія. «Знайте, что мнѣ все остается извѣстнымъ», пишетъ онъ. «Если вы захотите иначе устроить это дѣло, то вѣдь мнѣ все извѣстно», пишетъ онъ въ другой разъ и прибавляетъ «маленькую просьбу: прислать сто или двѣсти рублей». Очевидно, что съ самаго начала онъ понималъ, что сдѣлалъ, и старался извлечь изъ этого возможную выгоду. Таковъ Киткинъ въ этомъ дѣлѣ.

Задача моя окончена. Мелкія подробности, опущенныя мною, возстановитъ ваша совокупная память. Дѣло это очень неприглядное и всѣ его участники, за исключеніемъ двухъ, заслуживаютъ строгаго осужденія. Ни въ ихъ развитіи, ни въ ихъ обстановкѣ, ни въ ихъ силахъ и знаніяхъ нѣтъ уважительныхъ данныхъ для ихъ оправданія. Сѣдкова не наивное дитя, не вѣдавшая, что творила. Она не разъ обнаружила большую находчивость и знаніе житейскихъ дѣлъ. Ея поступокъ съ векселемъ Киткина весьма характеристиченъ. Она трезво смотритъ на людей, умѣетъ за нихъ при случаѣ взяться. Съ момента смерти мужа она явилась лицомъ, отдавшимся вполнѣ жаждѣ завладѣть тѣмъ, что, по закону, принадлежало не ей одной. Желанье было, не было умѣнья приняться за дѣло. Слово осужденія одно можетъ заставить ее одуматься и начать иначе оцѣнивать свои поступки. Оно будетъ тяжело, но будетъ справедливо. Бороздинъ тоже заслуживаетъ осужденія. Его образованіе и прошлая служба обязываютъ его искать себѣ занятій болѣе достойныхъ порядочнаго человѣка, чѣмъ тѣ, за которыя онъ попалъ на скамью подсудимыхъ. Россія не такъ богата образованными и свѣдущими людьми, чтобъ имъ, въ случаѣ бѣдствій матеріальныхъ, не оставалось иного выхода, кромѣ преступленія. Ссылка его на семью, на дѣтей—есть косвенное указаніе на необходимость оправданія. Но такая ссылка законна въ несчастномъ поденщикѣ, въ рабочемъ, которому и жизнь, и развитіе создали самый узкій, безвыходный кругъ скудно оплачиваемой и необезпеченной дѣятельности. Но при общественномъ положеніи подсудимаго его несчастныя дѣти только могли заставить его строже относиться къ своимъ дѣйствіямъ. Необходимость дать дѣтямъ чистое имя должна придавать силы для борьбы съ соблазномъ и устранять оправданія себя ссылкою на дѣтей, какъ

на невольныхъ и молчаливыхъ подстрекателей къ сдѣлкамъ съ совѣстью. Наконецъ, обвиняемый больше кого либо изъ подсудимыхъ долженъ былъ сознавать вредъ настоящаго преступленія, колеблющаго законы, особенно нуждающіеся въ охраненіи со стороны общества, потому что ими ограждается воля человѣка, который уже не встанетъ изъ гроба на защиту своихъ правъ... Онъ забылъ то, что самъ еще недавно былъ призванъ къ охраненію законовъ. Всякое положеніе налагаетъ извѣстныя обязанности. Кто былъ судьею, кто осуждалъ и наказывалъ самъ, кто отправлялъ правосудіе, тотъ обязанъ особенно строго относиться къ себѣ, хотя бы онъ и оставилъ свое званіе. Онъ долженъ высоко ставить и охранять его достоинство и беречь память о немъ. Бывшій судебный дѣятель, который дѣлаетъ подлоги, — учитель, который развращаетъ нравственность дѣтей,—священникъ, который кощунствуетъ—несравненно виновнѣе, чѣмъ тѣ, кто совершаетъ дурное дѣло, выйдя изъ безличныхъ рядовъ толпы. Вотъ почему—отводя, по человѣчеству, справедливое мѣсто семейнымъ матеріальнымъ затрудненіямъ подсудимаго, вы, господа присяжные, однако едва ли перейдете за границу признанія его лишь заслуживающимъ снисхожденія. Не менѣе виновенъ и Лысенковъ. У него даже нѣтъ оправданій предшествующаго подсудимаго. Ему были открыты пути честно выйти изъ стѣсненнаго положенія, вокругъ него были близкіе люди, готовые помочь... Онъ дѣйствовалъ въ настоящемъ дѣлѣ, какъ искуситель. Имъ вовлечены, имъ связаны всѣ въ этомъ дѣлѣ. Не явись онъ со своею опытностью и съ желаніемъ поживиться на счетъ покойнаго Сѣдкова,—жена послѣдняго такъ и осталась бы при желаніи, но безъ способовъ совершить завѣщаніе. Онъ нарушилъ и свои гражданскія обязанности, и свои нравственныя обязанности, забывая, что законъ, ввѣряя ему званіе нотаріуса, довѣрялъ ему и приглашалъ другихъ къ этому довѣрію. Есть дѣятельности, гдѣ трудно отличить частнаго человѣка отъ должностного, и въ глазахъ большинства нотаріусъ, составляющій домашній подлогъ, все-таки подрываетъ довѣріе къ учрежденію, къ которому онъ принадлежитъ...

Виновность Петлина и Киткина очевидна. Вы отнесетесь къ ней съ справедливымъ порицаніемъ. Очевидна и противузаконность дѣяній Тениса и Медвѣдева. Но, гг. присяжные, въ дѣйствіяхъ Тениса столько машинальнаго, столько добродушнаго и незлобиваго въ поступкахъ Медвѣдева,—такъ мало гражданскаго развитія можно требовать отъ этихъ лицъ, всю жизнь проведшихъ въ сраженіяхъ на рапирахъ, такъ мало корысти въ ихъ дѣйствіяхъ, что, по моему мнѣнію, они заслуживаютъ полнѣйшаго снисхожденія. И если вы дадите имъ снисхожденіе полное, такое полное, чтобы въ глазахъ суда, имѣющаго право ходатайства о помилованіи, оно почти исключало отвѣтственность, то вы не поступите вопреки справедливости.

XIV.

По дѣлу о нанесеніи Губернскимъ Секретаремъ Дорошенко мѣщанину Северину побоевъ, вызвавшихъ смерть послѣдняго.

30-го января 1868 года, къ товарищу прокурора Харьковскаго Окружного Суда Морошкину, явилась вдова харьковскаго мѣщанина Анна Северинова и заявила, что покойный мужъ ея, фаэтонный извозчикъ, Гавріилъ Северинъ, умеръ въ прошломъ 1867 году, на Покровъ, отъ побоевъ, нанесенныхъ ему за двѣ недѣли предъ этимъ управляющимъ Григоровскою экономіею Дорошенко. Причиною нанесенія побоевъ было, по объясненію Севериновой, требованіе мужемъ ея денегъ за провозъ Дорошенко и простой, вслѣдствіе чего Дорошенко сталъ бить Северина кулакомъ по переносью и вискамъ; свидѣтелями этого были служащіе у Дорошенко и содержатель шинковъ Склаво. По выходѣ окровавленнаго Северина въ переднюю, прислуга вынесла ему деньги и выпроводила, по приказанію Дорошенко. изъ деревни, самъ же Дорошенко не допустилъ Склаво ѣхать въ городъ вмѣстѣ съ Северинымъ. Пріѣхавъ въ 4 часа ночи, онъ разсказалъ о случившемся хозяину дома и сосѣдямъ, затѣмъ вскорѣ слегъ и до смерти не вставалъ.— По кончинѣ его, трупъ его вскрытъ докторомъ Щелкуновымъ, но, по словамъ нѣсколькихъ лицъ, не вполнѣ, такъ что черепъ не былъ вскрываемъ. Заявляя о всемъ этомъ, Северинова просила о производствѣ слѣдствія и объ истребованіи отъ Дорошенко денежнаго пособія на содержаніе ея, двухъ дѣтей и третьяго, коимъ она была беременна. При производствѣ предварительнаго слѣдствія, Анна Северинова, дополняя и подтверждая свое заявленіе, объяснила, что мужъ ея былъ нанятъ Дорошенко въ Григоровку съ Николаевской площади за 1 руб. сер., съ условіемъ за простой часовъ заплатить по таксѣ; въ Харьковѣ Северинъ простоялъ три часа у дома, куда Дорошенко заѣзжалъ на именины;—по пріѣздѣ же въ Григоровку, Дорошенко выслалъ 1 руб. 40 коп., и на замѣчаніе его, что этого мало, въ виду трехъ-часового простоя, закричалъ: «какіе три часа—ты простоялъ со мною 2 часа!», а услышавъ на это замѣчаніе, что и за 2 часа все-таки слѣдуетъ 80 коп. сер., принялся бить Северина. Вернувшись домой съ окровавленнымъ переносьемъ и висками, въ испачканной кровью поддевкѣ и шапкѣ, Северинъ, держа въ рукахъ 1 руб. 40 коп. сер., разсказалъ о случившемся съ нимъ. Затѣмъ, не ложась спать, онъ отправился въ уѣздное

полицейское управленіе и къ уѣздному врачу и потомъ снова ходилъ хлопотать о своей обидѣ. Придя домой передъ вечеромъ, онъ слегъ въ постель, и сталъ жаловаться на головокруженіе, не могъ вставать, а если вставалъ и переходилъ чѣрезъ комнату, то съ нимъ дѣлалось дурно,—ничего не пилъ и не ѣлъ, кромѣ чаю и воды, причемъ жаловался на горечь во рту. Во время болѣзни, онъ предчувствовалъ смерть;—въ пятницу, за день до Покрова Пресвятыя Богородицы, онъ пріобщался Святыхъ Тайнъ; затѣмъ вздумалъ было выйти къ лошадямъ, но жена была принуждена ввести его въ комнату обратно. Ночью онъ сталъ бредить, утромъ въ субботу прощался съ женою, говоря, «прощай! за мною пріѣхали»! Затѣмъ не могъ болѣе ничего говорить, а только тихо плакалъ; ночью впалъ опять въ бредъ,—бредилъ, что его бьютъ въ Григоровкѣ, а подъ утро умеръ. Покойный пользовался хорошимъ здоровьемъ; никогда ни на что не жаловался и не пьянствовалъ; во время болѣзни его врачъ не былъ приглашаемъ, по недостатку средствъ у Севериныхъ. О смерти мужа Севериновой кто-то далъ знать полиціи и явился врачъ Щелкуновъ съ полицейскимъ чиновникомъ; произвели вскрытіе, причемъ, по словамъ свидѣтелей, вскрыли только одну грудь умершаго и затѣмъ врачъ объявилъ, что Севиринъ умеръ «отъ водки»; на что ему возражали Анна Северинова и свидѣтели, знавшіе покойнаго. Изъ доставленной къ дѣлу переписи оказалось, что 18-го сентября 1867 г. въ харьковское уѣздное полицейское управленіе дѣйствительно была занесена жалоба Гаврилы Северина о побояхъ, нанесенныхъ ему Дорошенко; по этой жалобѣ назначено было дознаніе, произведенное помощникомъ исправника, изъ котораго видно, что по объясненіямъ Дорошенко, Буймистрова, Стефанова и Ковалевскаго, Северинъ говорилъ Дорошенко дерзости и лѣзъ въ залу, за что и былъ имъ оттолкнутъ въ лакейскую. Изъ данныхъ при слѣдствіи показаній лицъ, знавшихъ Северина и бывшихъ при вскрытіи его трупа, оказалось, что Гаврилъ Северинъ былъ человѣкъ смирный и хорошій, служившій прежде долго у разныхъ хозяевъ извозчикомъ, а потомъ заведшій свое собственное хозяйство; онъ пользовался полнѣйшимъ здоровьемъ, никогда не бывалъ боленъ, пилъ очень мало и пьянымъ его никогда не видали. Вернувшись изъ Григоровки, куда онъ уѣхалъ веселый и здоровый, часа въ 1 ночи, онъ разсказалъ своему домовому хозяину—Стешенко, который видѣлъ у него поцарапанные носъ и виски и окровавленное лицо, что его побилъ Дорошенко, сказывая при этомъ: «пошелъ вонъ. дуракъ! Я и не такихъ училъ какъ ты»! Отъ предложеннаго Стешенко угощенія онъ отказался, говоря: «теперь я уже выпилъ и закусилъ,—намекая этимъ на перенесенные побои,—не хочу! Я никогда въ жизни такъ битъ не былъ—видно мнѣ уже не вставать». На другой день онъ жаловался на боль лица, имѣлъ нездоровый видъ, помутившіеся глаза и едва ходилъ, говоря, что хочетъ нанять работника, потому что самъ сильно страдаетъ и едва ли «вычухается». Затѣмъ онъ слегъ, проболѣлъ до Покрова, ничего не ѣлъ; пилъ только чай и воду и, наконецъ, скончался. Вскорѣ послѣ кончины, явились полицейскій чиновникъ и врачъ Щелкуновъ и, пригласивъ понятыхъ несмотря на нежеланіе Анны Севериновой, принялись за вскрытіе трупа покойнаго. При вынутіи его изъ гроба и обнаженіи, понятые замѣтили на обѣихъ рукахъ его синяки. Врачъ Щелкуновъ, разрѣзавъ грудь и вынувъ внутренности, сказалъ, обращаясь къ понятымъ: «покойникъ умеръ отъ водки,—водочку любилъ»! а когда нѣкоторые изъ нихъ заявили, что онъ былъ человѣкъ трезвый, то врачъ закричалъ на нихъ, что они ничего не понимаютъ. Послѣ этого понятые пріумолкли, но всѣ съ точностію замѣтили, что голова Гаврилы Северина вскрыта не была, такъ что нѣкоторые стали на это роптать, говоря: «ужъ рѣзать—такъ всего рѣзать». Относительно разъѣздовъ Дорошенко съ Гаврилою Северинымъ и послѣдовавшаго затѣмъ—при слѣдствіи спрошенъ купецъ Веприцкій, у котораго на именинахъ былъ Дорошенко 17-го сентября 1867 года, и лица, бывшія

какъ оказалось по дознанію и взаимнымъ показаніямъ ихъ, въ квартирѣ Дорошенко во время происшествія. Изъ нихъ купецъ Веприцкій показалъ, что Дорошенко, будучи на именинахъ жены его 17-го сентября 1867 г., часу въ двѣнадцатомъ, просилъ послать за извозчикомъ, съ которымъ, по приводѣ его, было уговорено заплатить за провозъ до Григоровки 1 руб. и за простой за каждый часъ по 20 к. Послѣ ужина, извозчикъ отвезъ одного ихъ общаго знакомаго домой, а часу въ третьемъ съ нимъ выѣхалъ и Дорошенко, будучи «какъ обыкновенно послѣ именинаго ужина, на-веселѣ». Іонический негоціантъ Михаилъ Склаво показалъ, что онъ присутствовалъ при пріѣздѣ Дорошенко съ извозчикомъ въ Григоровку и при разсчетѣ ихъ между собою и объяснилъ, что Дорошенко, пріѣхавъ часа въ два ночи, подошелъ къ столу въ залѣ, за которымъ сидѣлъ онъ, Склаво, вмѣстѣ съ другими лицами и, велѣвъ предъ этимъ вносить привезенныя имъ закупки, вынулъ рубль и два серебряныхъ двугривенныхъ и вышелъ въ переднюю, для расплаты съ привезшимъ его извозчикомъ. Сидя въ залѣ, Склаво не видѣлъ, что происходило въ передней, но слышалъ, что извозчикъ претендовалъ и требовалъ еще 20 коп. Въ требованіяхъ его не было ничего дерзкаго, но на нихъ послышался голосъ Дорошенко: «какъ ты смѣешь разсуждать»!? а затѣмъ звуки побоевъ, наносимыхъ рукою, и голосъ извозчика: «за что вы бьете?!» Удары продолжались съ минуту и Склаво, возвыся голосъ, сказалъ: «не смѣйте бить человѣка, который этого не заслуживаетъ»! а потомъ пошелъ прекратить это дѣло, но былъ встрѣченъ Дорошенко, возвращавшимся въ залу и сказавшимъ «не смѣйте вмѣшиваться въ мое дѣло! я хозяинъ въ домѣ» Извозчикъ въ это время находился въ передней, согнувшись на полу,—что онъ дѣлалъ, Склаво не разсмотрѣлъ и, сочтя себя оскорбленнымъ, вышелъ вскорѣ на дворъ и сказалъ извозчику, находившемуся у фаэтона: «обожди! я съ тобою ѣду». Затѣмъ Склаво вернулся въ комнату за пальто, но въ темной передней щелкнулъ замокъ, кто-то пробѣжалъ, и Дорошенко, сказавъ: «теперь можете ѣхать»! приказалъ выпроводить извозчика изъ Григоровки. Слова Склаво подтверждены Анною Севериновой, которая заявила, что такъ же передавалъ ей о случившемся и покойный мужъ ея, говоря: «тамъ былъ человѣкъ изъ Харькова,—если онъ души не поломаетъ, то скажетъ все, что со мною было»... Отставной поручикъ Ковалевскій подъ присягою показалъ, что, съ августа 1867 г, онъ находился на службѣ въ имѣніи барона Пиллера, Григоровкѣ, въ качествѣ старшаго смотрителя лѣсовъ. Въ половинѣ сентября, управляющій Григоровкою—Дорошенко вернулся изъ Харькова съ биржевымъ извозчикомъ поздно и нѣсколько выпивши. Послѣ того, какъ Ковалевскій, по желанію Дорошенко, внесъ привезенное имъ вино въ комнату, произошелъ разговоръ между Дорошенко и извозчикомъ относительно слѣдуемыхъ послѣднему денегъ. Дорошенко давалъ 1 руб. 40 коп., а извозчикъ просилъ за простой трехъ часовъ у Астраханской гостинницы. На просьбы извозчика, Дорошенко сказалъ: «пошелъ вонъ» и ударилъ его правою рукою, на которой былъ стальной перстень съ именною печатью, въ лицо такъ сильно, что онъ упалъ съ порога дверей, ведущихъ изъ передней въ зало, на буфетный шкапъ, стоявшій въ передней. Извозчикъ упалъ, какъ показалось свидѣтелю, на шкапъ бокомъ. На слова Склаво, что извозчика бить не-за-что, Дорошенко, отвѣчалъ, что «бьетъ всѣхъ извозчиковъ безъ различія» и приказалъ засвѣтить въ передней свѣчу, при свѣтѣ которой была подобрана разсыпанная извозчикомъ мелочь, и затѣмъ онъ былъ Ковалевскимъ, по приказанію Дорошенко, выпровоженъ со двора. Въ передней на полу и на свиткѣ извозчика, а также на лицѣ его, Ковалевскій замѣтилъ кровь. Кучеръ Григоровской экономіи, мѣщанинъ Буймистровъ, показалъ, что Дорошенко, вернувшись въ третьемъ часу ночи изъ Харькова въ Григоровку, вышелъ къ извозчику, стоявшему на порогѣ дверей изъ передней въ залу и отдалъ ему 1 руб. 40 коп. мелочью: «Что вы даете? этого мало! вскричалъ извозчикъ, а Дорошенко, разсердившись

сказалъ: «сколько же тебѣ надо»?! схватилъ его за плечи и «выпихнулъ» въ переднюю, при чемъ извозчикъ пошатнулся и разсыпалъ деньги. Удара, нанесеннаго ему въ лицо, свидѣтель не видѣлъ и полагаетъ, что это могло произойти отъ того, что извозчикъ стоялъ къ нему спиною, въ шести шагахъ впереди. Показаніе Склаво о томъ, что Дорошенко его не выпускалъ, заперевъ дверь на ключъ, свидѣтель подтвердилъ. Относительно дѣйствій Дорошенко послѣ происшествія съ извозчикомъ, Ковалевскій,заявляя, что пониманіе святости и значенія принятой присяги не допускаетъ его скрывать истину, объяснилъ, что при сдачѣ Дорошенко, въ январѣ или февралѣ мѣсяцѣ 1868 года, своей должности управляющему Гринвальду, онъ отрекомендовалъ его, Ковалевскаго, лучшимъ образомъ и, позвавъ затѣмъ въ кабинетъ, подарилъ сѣрыя драповыя брюки и просилъ оправдать его, въ случаѣ отобранія отъ Ковалевскаго какого-либо показанія по дѣлу о побитіи извозчика, что ему и было обѣщано. Затѣмъ, уже во время производства слѣдствія, передъ Пасхою, Дорошенко пріѣзжалъ къ Екатеринѣ Шевченковой, у которой жилъ Ковалевскій, и при ней просилъ его показать такъ, какъ онъ, Дорошенко, пожелаетъ. Обвиняемый, отставной губернскій секретарь Владиміръ Дорошенко, показалъ, что часу въ 11-мъ вечера, 17-го сентября 1867 г., будучи у купца Веприцкаго, онъ просилъ договорить ему извозчика довести его до Григоровки. Въ половинѣ двѣнадцатаго часа онъ былъ вызванъ въ переднюю, гдѣ хозяинъ, показывая на приведеннаго извозчика, сказалъ, что договорилъ его до Григоровки за 1 руб. и за простой за каждый часъ по 20 коп. сер. Послѣ ужина, извозчикъ, по просьбѣ хозяина и съ дозволенія его, Дорошенко, развезъ нѣкоторыхъ гостей по домамъ, а въ исходѣ третьяго часа Дорошенко поѣхалъ съ нимъ въ Григоровку. Здѣсь, подойдя къ порогу неосвѣщенной передней, отъ отдалъ извозчику 1 руб. 40 коп., но тотъ остался недоволенъ и, грубо требуя прибавки, «сунулся» въ гостиную и втолкнулъ его туда довольно сильно. Послѣ этого, подозрѣвая, что извозчикъ хочетъ сдѣлать ему какую-либо непріятность, онъ отпихнулъ его въ переднюю, при чемъ тотъ разсыпалъ деньги. Затѣмъ Дорошенко вошелъ въ кабинетъ и что потомъ происходило въ гостиной, не знаетъ. При предъявленіи ему показаній Ковалевскаго, онъ назвалъ ихъ ложью и объяснилъ, что Ковалевскій враждуетъ на него за отзывъ о немъ Гринвальду, какъ о человѣкѣ пьяномъ. Показаніе Дорошенко подтвердилъ, съ нѣкоторыми добавленіями, конторщикъ Григоровской экономіи Стефановичъ, показавшій, что когда пріѣхалъ Дорошенко, то извозчикъ, не оставаясь въ передней, прямо вошелъ въ залъ и, получивъ деньги, сталъ требовать еще 40 коп., при чемъ въ требованіяхъ его выражались дерзости, хотя подлинныхъ его словъ свидѣтель не помнитъ. Затѣмъ Стефановичъ, измѣняя нѣсколько свое показаніе, объяснилъ, что, требуя деньги, извозчикъ вошелъ сначала въ неосвѣщенную переднюю, а потомъ въ залъ. Дорошенко, показывая ему часы, не отдавалъ денегъ. Въ это время Дорошенко стоялъ у дверей залы, а извозчикъ въ передней ломился въ дверь зала, которая была притворена. Дорошенко не успѣлъ отойти отъ двери, какъ ее внезапно отворилъ извозчикъ и толкнулъ его, при чемъ, онъ, извозчикъ, махалъ руками и требовалъ деньги и, махая руками, задѣлъ Дорошенко, который его оттолкнулъ, но куда и какъ, свидѣтель не видѣлъ. Извозчикъ попятился и разронялъ деньги. Склаво выражалъ намѣреніе ѣхать въ Харьковъ, но остался у Дорошенко по своему желанію. Дорошенко носилъ кольца только на лѣвой рукѣ. Подтверждая показаніе Стефановича о ношеніи кольца на лѣвой рукѣ, Дорошенко сослался на жену свою и свидѣтеля Георгія Стефановича, живущаго съ нимъ вмѣстѣ—и лица эти ссылку на нихъ подтвердили. Противъ показаній Дорошенко и Стефановича — вдова Северина, Анна Северинова объяснила, что мужъ ея не могъ договариваться по 20 коп. за простой въ часъ, когда по таксѣ полагается за каждый часъ ѣзды или простоя въ фаэтонѣ 40 коп. сер. При этомъ она объясняла, что деньги которыя дер-

жалъ ея мужъ въ рукахъ, по возвращеніи домой, были въ крови, что подтвердилъ и свидѣтель Стешенко; когда мужъ ея умеръ, то она ходила къ исправнику, который послалъ ее въ Григоровку съ письмомъ къ Дорошенко за вознагражденіемъ, однако она не пошла, а хотѣла подать жалобу Губернатору, но была удержана отъ этого исправникомъ, по совѣту котораго ходила вновь въ уѣздный судъ, гдѣ ей сказали, чтобы она сходила къ Дорошенко, и что «если его милость будетъ, то онъ можетъ заплатитъ». Наконецъ, ей посовѣтовали сходить къ какому-то господину (товарищу прокурора), который и записалъ ея заявленіе. Свидѣтель Буймистровъ заявилъ положительно, что Северинъ никакихъ грубостей Дорошенко не говорилъ и въ комнату, гдѣ онъ былъ, не входилъ. Относительно освидѣтельствованія Северина и вскрытія его трупа обнаружено, что 18 сентября 1867 года Северинъ былъ освидѣтельствованъ харьковскимъ уѣзднымъ врачомъ Мѣсняевымъ, который нашелъ, что ему отъ роду *30 лѣтъ*, тѣлосложенія онъ *крѣпкаго*, на переносьѣ и надъ лѣвою бровью ссшиблена кожица и покрыта на носу струпомъ; на лѣвой ноздрѣ боевое пятно съ припухлостію, подтекомъ крови и ушибомъ носовыхъ хрящей; глазныя оболочки красны отъ налитія сосудовъ ихъ кровью, но самое зрѣніе не повреждено. При освидѣтельствованіи, Северинъ жаловался на сильную боль головы и носа и шумъ въ ушахъ. Уѣздный врачъ, находя, что поврежденія эти не составляютъ увѣчья и могутъ быть излечимы при употребленіи приличныхъ средствъ, отнесъ ихъ къ поврежденіямъ легкимъ.

1-го октября полицейскимъ управленіемъ, вслѣдствіе заявленія Севериновой о смерти мужа, какъ видно изъ дѣла «*о скоропостижно* умершемъ мѣщанинѣ Северинѣ», было сдѣлано распоряженіе о вскрытіи его трупа, которое было произведено 2-го октября харьковскимъ городовымъ полицейскимъ врачомъ Щелкуновымъ. По вскрытіи и освидѣтельствованіи оказалось, что покойному около *60 лѣтъ*,—тѣлосложенія онъ *слабаго*, волосы на головѣ *русые съ сѣдиною*,—на рукахъ слѣды горчичниковъ, наружныхъ поврежденій нѣтъ. *Различныя части мозга, мозговыя оболочки и сосуды были наполнены кровью, а существо мозга при разрѣзѣ представляло много кровяныхъ точекъ.* Одно легкое содержало бугорки и каверну, сердце съ истощенными стѣнками, въ желудкѣ была пищевая смѣсь, издававшая водочный запахъ, желудокъ и кишки представляли явленія катарра. Сообразивъ найденныя въ трупѣ Северина явленія, городовой врачъ заключилъ, что смерть Северина послѣдовала отъ *порока сердца* и удостовѣрилъ, что весь осмотръ имъ сдѣланъ по правиламъ медицины, по долгу службы и присяги. При производствѣ слѣдствія, по заявленію Севериновой, былъ вскрытъ гробъ ея мужа и, по удостовѣреніи тождественности Гаврилы Северина съ находившимся въ гробу трупомъ, было приступлено ко вторичному его вскрытію и освидѣтельствованію. При этомъ найдено, что покойный имѣлъ *около 27 лѣтъ*, свѣтлорусые и курчавые *безъ проспѣди волосы* и былъ *умѣреннаго* тѣлосложенія. Вскрытыми при первоначальномъ вскрытіи оказались только грудь и животъ, *но голова вскрыта не была.* Носовая кость Северина *надломлена и расколота*, но рѣшетчатая пластинка ея цѣла. Мозгъ и его оболочки *никакихъ кровоизліяній не представляютъ*, слѣдовъ отложенія фибрина также нѣтъ. Въ остаткахъ праваго легкаго найдены отложившіеся чахоточные бугорки, сердце оказалось въ видѣ разрѣзанныхъ кусковъ.

Сообразивъ результаты вторичнаго вскрытія, судебный врачъ нашелъ, что вслѣдствіе сильнаго разложенія внутренностей Гаврилы Северина, точное опредѣленіе причинъ его смерти невозможно,—возможно лишь сказать, что Северинъ при жизни страдалъ бугорчаткою легкихъ и имѣлъ, надломъ носовой кости. Относительно надлома судебный врачъ заключилъ что онъ, вѣроятно, былъ произведенъ живымъ и активнымъ орудіемъ, напримѣръ кулакомъ, а не мертвою, пассивною массою, напр. при паденіи. Поврежденіе это, въ виду отсутствія признаковъ вызваннаго имъ сотря-

сенія мозга, должно быть отнесено къ легкимъ. Что касается до болѣзненныхъ припадковъ, бывшихъ у Северина, то они указываютъ на горячечное состояніе, которое могло произойти или отъ развившагося хроническаго страданія легкихъ, или же отъ душевнаго потрясенія, соединеннаго съ ослабляющими и истощающими вліяніями: сильнымъ огорченіемъ, безсонницею и кровотеченіемъ, которымъ подвергся Северинъ. Поэтому, по мнѣнію судебнаго врача, существуетъ возможность предполагать причинную связь между поврежденіемъ, найденнымъ у Северина, и развитіемъ болѣзни, отъ которой онъ умеръ.

Въ виду свидѣтельскихъ показаній о кровяныхъ слѣдахъ на лицѣ, платьѣ, шапкѣ и деньгахъ Северина, показаній объ испытанномъ имъ огорченіи, заставившемъ его, несмотря на болѣзнь и неимѣніе средствъ, хлопотать о защитѣ своихъ правъ судебнымъ порядкомъ — означенное предположеніе представлялось вполнѣ вѣроятнымъ.

Поэтому отставной губернскій секретарь Владиміръ Дорошенко, 36 лѣтъ отъ роду, былъ преданъ суду по обвиненію въ томъ, что 17 сентября 1867 г. нанесъ, не по неосторожности, а съ намѣреніемъ, однако, безъ умысла на убійство, побои харьковскому мѣщанину Гаврилѣ Северину, вызвавшіе смерть послѣдняго, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1464 ст. Улож. о наказ.

Судебное засѣданіе по этому дѣлу происходило въ Харьковскомъ Окружномъ Судѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, 26 и 27 ноября 1868 г., подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя суда *Э. Я. Фукса;* защищалъ *А. Л. Боровиковскій.*

На судебномъ слѣдствіи подсудимый себя виновнымъ не призналъ. При допросѣ городового врача Щелкунова — онъ призналъ первый актъ осмотра и вскрытія тѣла покойнаго Северина несогласнымъ съ истиною, но объяснялъ это тѣмъ, что, составляя протоколъ вскрытія на память, дома, — перепуталъ листки, гдѣ записывалъ результаты различныхъ вскрытій.

Рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей Дорошенко признанъ *виновнымъ* по предъявленному къ нему обвиненію.

Гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели! Мнѣ предстоитъ произнести предъ вами обвинительную рѣчь, которая должна составлять развитіе основаній и соображеній, изложенныхъ въ обвинительномъ актѣ. Этотъ актъ, прослушанный вчера, былъ составленъ мною во многихъ отношеніяхъ предположительно потому, что обстановка настоящаго дѣла, порядокъ его возникновенія, его ходъ и нѣкоторыя особенныя свойства вызвали то, что многія обстоятельства, прямо относящіяся къ обвиненію, обусловливающія его, не могли быть выяснены съ надлежащею полнотою на предварительномъ слѣдствіи. Приходилось, на основаніи отрывочныхъ свѣдѣній, дѣлать предположенія и догадки. Нынѣ, на судѣ, онѣ подтвердились, и потому въ рѣчи своей я могу идти по слѣдамъ обвинительнаго акта. Но, приступая къ обвиненію, нельзя не обратить вниманія на особенныя свойства этого дѣла, тѣмъ болѣе, что они вліяютъ на характеръ пріемовъ, необходимыхъ для изслѣдованія истины въ данномъ случаѣ.

Предметъ дѣла—нанесеніе побоевъ, отъ которыхъ, рядомъ послѣдовательныхъ явленій, произошла смерть. Иными словами, предметъ дѣла—дѣйствія, являющіяся послѣдствіемъ желанія проявить свою личную грубую силу, послѣдствіемъ нарушенія своихъ обязанностей по отношенію къ чужой личной безопасности. Грубость нравовъ и малое пониманіе важности и строгости закона, охраняющаго личное достоинство всѣхъ и каждаго—вотъ условія, при которыхъ наносятся обыкновенно такого рода побои въ той средѣ, гдѣ они наиболѣе часто встрѣчаются, въ средѣ простого народа. Но въ настоящемъ случаѣ обвиняемымъ является лицо болѣе развитое, стоящее выше подсудимыхъ, обыкновенно встрѣчаемыхъ въ судѣ. Въ дѣйствіяхъ его не можетъ уже сказаться непониманіе закона, а скорѣй должно являться полное неуваженіе къ этому закону. Подсудимый человѣкъ образованный, знакомый съ судебною практикою, сознающій, конечно, важность падающаго на него обвиненія и потому онъ, безъ сомнѣнія, гораздо болѣе искусенъ въ выборѣ и распредѣленіи средствъ защиты, чѣмъ обыкновенные подсудимые: Поэтому каждый доводъ его въ свою защиту, является ли онъ въ видѣ показаній свидѣтеля или объясненій самого подсудимаго, долженъ быть строго провѣренъ и внимательно взвѣшенъ. Такова *первая* особенность настоящаго дѣла.

Вторая особенность дѣла—шаткое направленіе, полученное имъ при первоначальномъ возникновеніи,—направленіе, которое характеризуетъ отжившій нынѣ судебно-полицейскій порядокъ. Мы не имѣемъ права входить въ подробный разборъ и оцѣнку этого направленія дѣла, такъ какъ это не относится къ обвиненію подсудимаго, но не можемъ не замѣтить, что, по отношенію къ настоящему разбирательству, первоначальный ходъ дѣла представляется причиною того, что многое, необходимое для разъясненія истины, осталось не разъясненнымъ и заставляющимъ прибѣгать къ предположеніямъ и догадкамъ. Отсюда трудность обсужденія, въ основаніе котораго кладутся—вскрытіе трупа, произведенное послѣ четырехмѣсячнаго гніенія, и показанія свидѣтелей, данныя впервые почти черезъ годъ послѣ происшествія. Мы знаемъ, что это дѣло началось заявленіемъ Северина о нанесенныхъ ему въ Григоровкѣ тяжкихъ побояхъ. Вмѣсто немедленнаго подробнаго освидѣтельствованія слѣдовъ побоевъ былъ сдѣланъ имъ поверхностный осмотръ—и произведено «легкое» дознаніе, вмѣсто передачи дѣла судебному слѣдователю. Дознаніе это было прочитано здѣсь. Оно прописано въ актѣ осмотра врача. По нему оказалось, что Северинъ грубилъ Дорошенко и былъ имъ оттолкнутъ, но побоевъ ему никто не наносилъ, какъ удостовѣрили свидѣтели Ковалевскій, Стефановичъ и Шевченкова, все лица близкія къ подсудимому въ качествѣ служащихъ у него или получающихъ отъ него работу. При этомъ, къ сожалѣнію, не былъ спрошенъ одинъ свидѣтель—Склаво, показанія котораго могли имѣть большое значеніе, Склаво—единственный человѣкъ изъ бывшихъ свидѣтелями происшествія—независимый отъ Дорошенко. По окончаніи дознанія, за-

ключающаго въ себѣ такой существенный пробѣлъ, дѣло остановилось, — а между тѣмъ, черезъ 12 дней послѣ нанесенія побоевъ, Северинъ умираетъ. По полученіи извѣстія о его смерти, найдено нужнымъ вскрыть его трупъ, но кто первый призналъ это нужнымъ, до сихъ поръ осталось не разъясненнымъ. Между тѣмъ, это разъясненіе представляется и нынѣ необходимымъ въ виду провѣрки правильности показанія Севериновой и возможности отдѣлить въ ея разсказѣ истину отъ вымысла, буде таковой существуетъ. Здѣсь свидѣтелями—исправникомъ Танковымъ и врачомъ Щелкуновымъ—было упомянуто объ отношеніи перваго къ послѣднему о вскрытіи трупа Северина, но изъ этого отношенія нельзя вывести заключенія, кто же считалъ нужнымъ производство вскрытія—сама ли Северинова, или же распоряженіе шло помимо ея воли? Въ отношеніи этомъ прописано лишь, «*что врачъ увѣдомляется, что явилась Северинова и заявила, что ея мужъ умеръ и что его слѣдуетъ вскрыть*».— Отъ кого исходитъ это послѣднее «что»,—отъ писавшаго или отъ Севериновой, — не удалось разъяснить и на судебномъ слѣдствіи. Свидѣтель Танковъ показалъ, что о вскрытіи просила сама Северинова, потомъ объяснилъ, что, считая это дѣло важнымъ, самъ распорядился о вскрытіи, а потомъ вновь объяснилъ, что вскрытіе Северина было произведено «согласно съ заявленіемъ» Севериновой. Но эти объсненія не могутъ, однако, служить къ разъясненію дѣла. Если Северинова просила о вскрытіи трупа, то ей, очевидно, нѣтъ надобности настаивать здѣсь на томъ, что она, напротивъ, просила всячески не вскрывать мужа. Просьба жены о вскрытіи мужа вовсе не въ нравахъ русскаго народа: извѣстно, какъ боится простой народъ всякаго «потрошенія». Притомъ же, показаніе Севериновой подтверждено свидѣтелями Бардаковымъ и приставомъ Гондаровскимъ, по словамъ которыхъ она умоляла не вскрывать мужа, отказываясь даже отъ всякаго иска къ Дорошенко. Но если она не просила о вскрытіи, то оно, очевидно, сдѣлано по распоряженію исправника Танкова, который самъ заявилъ, что считалъ это дѣло серьезнымъ и важнымъ. Такимъ образомъ является полное основаніе думать, что вскрытіе было произведено подъ вліяніемъ мысли, что если Северинъ и не умеръ прямо отъ побоевъ, то, во всякомъ случаѣ, они могли имѣть связь съ его смертью. Слѣдовательно, смерть Северина не признавалась естественною, вслѣдствіе приключившейся, при обыкновенномъ ходѣ вещей, болѣзни. Въ послѣднемъ случаѣ не должно бы быть вскрытія. Признавать смерть Северина за скоропостижную—тоже не было основаній, ибо онъ былъ боленъ 12 дней и вскрывать его, какъ скоропостижно-умершаго, не надлежало. По окончаніи вскрытія, дѣло вновь принимаетъ видъ маловажнаго и прекращается подъ болѣе чѣмъ страннымъ заглавіемъ: «*дѣла о скоропостижно умершемъ*». Такимъ образомъ, здѣсь, очевидно, произошло какое-то ускользающее отъ объясненія недоразумѣніе, отразившееся какъ на ходѣ дѣла, такъ и на невозможности представить нынѣ вамъ, гг. присяжные засѣдатели, многія данныя къ обви-

ненію подсудимаго, данныя, не собранныя своевременно. Наглядною причиною такого положенія дѣла былъ, повидимому, актъ вскрытія трупа Северина, который, въ свою очередь, составляетъ также и одну изъ главныхъ причинъ, почему обвиненію въ настоящемъ дѣлѣ предстоитъ особая трудность въ доказываніи причинной связи между смертью Северина и нанесенными ему побоями.

Переходя къ этому акту, нельзя не остановиться по пути на дальнѣйшемъ ходѣ дѣла, окончившагося преданіемъ подсудимаго суду. Здѣсь, на судѣ, Северинова подробно разсказывала свои похожденія послѣ смерти мужа, указывала на надежды, возлагавшіяся ею на Дорошенко, который, по ея мнѣнію, долженъ былъ обезпечить участь ея дѣтей,—на опасенія, внушаемыя ей окружающими о «погибели дѣла», и на препятствія, встрѣтившіяся ей къ тому, чтобы добиться правды. Показаніямъ ея, женщины, лишившейся мужа и потому неспособной хладнокровно относиться къ дѣлу, трудно безусловно довѣрять и, быть можетъ, ей, удрученной и напуганной случившимся съ нею несчастіемъ, могли представляться препятствія въ такихъ размѣрахъ, которыхъ въ дѣйствительности не существовало, и обычно-равнодушное отношеніе различныхъ лицъ къ ея горю казаться дѣйствіями, направленными противъ нея, бѣдной и одинокой. Такъ, вчера на судѣ, она много и долго толковала о какой-то запискѣ исправника Танкова къ Дорошенко, въ которой предлагалось ему уплатить ей требуемую ею сумму и которая была впослѣдствіи у нея Танковымъ отнята. Содержаніе записки поэтому осталось неразъясненнымъ, но, во всякомъ случаѣ, будемъ думать, это не была записка о дачѣ Севериновой денегъ для примиренія съ нею, такъ какъ г. исправникъ, какъ лицо должностное, не могъ не знать, что дѣла, подобныя дѣлу о Северинѣ, примиреніемъ прекращаемы быть не могутъ. По объясненіямъ самого Танкова, это была записка, охранявшая Северинову въ Григоровкѣ отъ заарестованія за неимѣніе при себѣ паспорта, хотя нельзя не признать, что такая записка представляется вполнѣ излишнею, въ виду того, что вмѣсто записки г. исправникъ могъ снабдить Северинову совѣтомъ взять паспортъ—и въ виду, затѣмъ, законовъ о паспортахъ, по коимъ дозволяется лицамъ низшихъ сословій кратковременная отлучка на 30 верстъ разстоянія отъ города—безъ паспорта, а Григоровка отстоитъ отъ Харькова всего на пять верстъ. По совѣту разныхъ лицъ, Северинова обратилась къ товарищу прокурора Морошкину, и дѣло о побояхъ, нанесенныхъ Северину, было возбуждено прокурорскимъ надзоромъ. Здѣсь пришлось прежде всего встрѣтиться съ актомъ осмотра трупа, составленнымъ врачомъ Щелкуновымъ, такъ какъ имъ, этимъ актомъ, могло быть объяснено многое въ смерти Северина, трупъ котораго уже предался разложенію. Но, къ сожалѣнію, актъ этотъ не только не помогъ разъясненію дѣла, но даже оказался составленнымъ вопреки всѣмъ правиламъ судебной медицины и съ нарушеніемъ прямыхъ предписаній закона и элементарныхъ обязанностей врача. Судебный врачъ долженъ идти объ руку съ судебною властью,

долженъ помогать задачѣ правосудія и способствовать раскрытію истины въ дѣлѣ. Онъ является полнымъ хозяиномъ и распорядителемъ вскрытія, производитъ его по всѣмъ правиламъ, предписаннымъ закономъ и установленнымъ наукою, и удостовѣряетъ, наконецъ, что все имъ сдѣлано по долгу службы и присяги, и по указаніямъ науки. Протоколъ такихъ дѣйствій врача есть могучее и надежное орудіе къ уясненію истины въ дѣлѣ. Но въ настоящемъ дѣлѣ правосудіе не встрѣтило себѣ помощника въ судебномъ врачѣ. Онъ выполнилъ вполнѣ только послѣднюю часть своихъ обязанностей: удостовѣрилъ, что осмотръ произведенъ имъ правильно, и удостовѣрилъ вполнѣ неправильно!—Вы слышали, гг. присяжные, показаніе самого врача Щелкунова, который вынужденъ былъ признать, что вскрытіе произведено имъ съ ошибками, съ упущеніями. Съ этимъ сознаніемъ нельзя не согласиться вполнѣ. Голова Северина *вовсе не была вскрыта*, а между тѣмъ, въ ней, какъ записано въ актѣ,—найдены многосложныя и характеристическія явленія,—кровоизліянія, кровяныя точки въ мозгу и т. п. Мочевой пузырь тоже вскрытъ не былъ. Осталась вскрытою одна лишь грудная полость и часть брюшной. Правильно ли онѣ были вскрыты? Правильно,—удостовѣряетъ врачъ Щелкуновъ. Однако, посмотримъ, — такъ ли это? Желудокъ былъ осмотрѣнъ фельдшеромъ,—онъ нюхалъ его содержимое и нашелъ, что оно пахнетъ водкой, издавая спиртуозный запахъ напитка, котораго, однако, Северинъ не употреблялъ во все время болѣзни, длившейся 12 дней. Слѣдовательно, осмотръ желудка произведенъ не тѣмъ лицомъ, которое на основаніи 1744 ст. Уст. суд. медиц., есть первое лицо при вскрытіи. Поэтому эта часть осмотра произведена такъ, что ему довѣрять нельзя. Въ грудной полости остаются сердце и легкія. Вскрытіе сердца необходимо производить съ соблюденіемъ особыхъ пріемовъ, которые начинаются съ продольнаго, сверху внизъ, разрѣзанія сердечной сумки, при чемъ отдѣленіе сердца производится, согласно 1804 ст. Уст. суд. медиц., съ надлежащимъ двойнымъ перевязываніемъ большихъ кровяныхъ сосудовъ. Изъ протокола вторичнаго вскрытія видно, что сердце было изрѣзано въ мелкіе куски, а на вопросъ мой, было ли соблюдено требованіе 1804 ст. Уст. суд. медиц., врачъ Щелкуновъ, со смѣлостью, которую, конечно, придавало ему сознаніе въ себѣ спеціалиста-медика предъ лицомъ прокурора—не спеціалиста, отвѣчалъ, что перевязываніе сосудовъ не производится *на трупѣ*. Но ст. 1804 помѣщена въ главѣ «о судебномъ осмотрѣ мертвыхъ тѣлъ», да и, кромѣ того, я позволю себѣ утверждать, что перевязываніе большихъ кровяныхъ сосудовъ сердца, если бы оно и было возможно при жизни, можетъ только всякій живой организмъ обратить въ трупъ. Итакъ, вскрытіе сердца произведено тоже неправильно. Остаются легкія... но можно ли довѣрять ихъ вскрытію и результатамъ его при томъ, что̀ мы знаемъ уже о вскрытіи другихъ частей трупа Северина? Можно ли полагаться на это вскрытіе, когда вопреки ст. 1745 Уст. суд. медиц., и законные свидѣтели вскрытія, которые должны удостовѣрить правильность его и преду-

преждать безпорядки и упущенія, могущіе навлечь сомнѣніе въ правильности его, одни—не обратили даже вниманія на то, вскрыта ли была голова, этотъ существеннѣйшій предметъ, подлежащій вскрытію, полагаясь во всемъ на врача и подписывая машинально протоколъ, другіе же,—какъ видно изъ показаній Бардакова и Стешенко, въ отвѣтъ на изъявленіе ими сомнѣній о смерти Северина «отъ водки», получили приказаніе «молчать!», а одинъ изъ понятыхъ, шубникъ Ивановъ, находившій, что «ужъ коли рѣзать, такъ всего рѣзать», чуть не попалъ за это подъ арестъ. Можно ли, спрашивается наконецъ, вѣрить осмотру, протоколъ котораго составлялся на дому, на память, ибо врачъ, будто бы, утерялъ замѣтки и ссылается на то, что только что оправился предъ этимъ отъ *бѣлой горячки*, а потому и надѣлалъ ошибокъ? Свойство и характеръ этихъ ошибокъ г. Щелкунова будутъ вскорѣ изслѣдованы въ стѣнахъ другого суда,—но теперь нельзя не заявить, что онѣ, эти ошибки, имѣли очень прискорбное вліяніе на затрудненіе раскрытія истины въ настоящемъ дѣлѣ. Врачъ Щелкуновъ имѣлъ дѣло со свѣжимъ трупомъ только что умершаго человѣка, съ организмомъ, который только что пересталъ жить и, такъ сказать, еще краснорѣчиво могъ свидѣтельствовать о тѣхъ болѣзненныхъ явленіяхъ и измѣненіяхъ, которыя претерпѣлъ при жизни. Мы видѣли, что сдѣлалъ Щелкуновъ изъ того матеріала, который ему представлялся... Когда, черезъ четыре мѣсяца, трупъ Северина попалъ въ руки достойныхъ представителей науки, когда къ изслѣдованію его были примѣнены всѣ предписанія закона и правила искусства, тогда трупъ этотъ уже представлялъ полуистлѣвшую, разложившуюся, гніющую, покрытую плѣсенью и червями массу. Остались цѣлыми лишь кости. Выводъ о причинахъ смерти сдѣлался труденъ и основывался уже на немногихъ признакахъ. Такова вторая особенность настоящаго дѣла, особенность, состоящая въ томъ, что первоначальная шаткость въ направленіи дѣла и неправильное вскрытіе лишили обвинительную власть возможности основываться на твердыхъ судебно-медицинскихъ данныхъ къ обвиненію подсудимаго, данныхъ, добытыхъ, такъ сказать, по горячимъ слѣдамъ и по только что охладѣвшему трупу.

Третья особенность настоящаго дѣла состоитъ въ томъ, что, въ виду шаткости первоначальныхъ данныхъ, имѣющихся въ дѣлѣ, здѣсь на судѣ пришлось допросить большое количество свидѣтелей, отличающихся самыми разнообразными свойствами. Я не считаю умѣстнымъ входить въ оцѣнку нравственнаго достоинства тѣхъ или другихъ показаній по отношенію къ личностямъ, ихъ дававшимъ,—я ограничусь лишь перечисленіемъ свидѣтелей, дававшихъ здѣсь свои показанія. Первою была спрошена Северинова, откровенно и просто, нѣсколько непослѣдовательно, но крайне подробно разсказавшая все, что знаетъ о дѣлѣ. Ея показаніе дышетъ иногда нѣкоторою аффектаціею, нѣкоторою излишнею картинностью, но это вполнѣ понятно. Показаніе это дается не хладнокровнымъ зрителемъ происходившаго, не постороннимъ наблюдателемъ, а женщиною, по-

терявшею мужа и оставшеюся съ тремя дѣтьми на рукахъ, въ виду грозящей нужды и въ совершенномъ сиротствѣ. Полнаго хладнокровія въ разсказѣ отъ нея и требовать нельзя. Но она въ то же время не старается искажать истину: стоитъ припомнить ея показаніе о ступенькахъ крыльца въ ихъ домѣ. Количество ихъ играло важную роль на судебномъ слѣдствіи въ виду вопроса объ одышкѣ у Северина, одышкѣ, составляющей одинъ изъ признаковъ чахотки—и Северинова, зная, что ея словъ нельзя уже теперь, сейчасъ, провѣрить—все-таки утверждала, что крыльцо невысоко, хотя ей ничто не мѣшало надбавить ступеней 20 и тѣмъ повернуть вопросъ объ одышкѣ въ свою пользу,—вопросъ, значеніе котораго ей, какъ видно изъ ея показанія, вполнѣ понятно. Показанія другихъ свидѣтелей—Стешенко и Бардакова—тоже заслуживаютъ довѣрія,—показаніе послѣдняго преисполнено искренности и простоты. Видимо сочувствуя несчастію Севериновой, онъ, однако, не забываетъ сказать, что Северинъ пріѣзжалъ къ нему верхомъ, а это обстоятельство, надо сознаться, служитъ во вредъ обвиненію. Просто и безхитростно разсказывая, что знаетъ, Бардаковъ отвѣчаетъ на вопросы о предположеніяхъ его о причинахъ смерти Северина: «Этого я не знаю! Что видѣлъ—то и говорю, а чего не видѣлъ, о томъ и говорить не буду». Затѣмъ были спрошены свидѣтель Стефановичъ, живущій вмѣстѣ съ Дорошенко, жена Дорошенко и свидѣтельница Екатерина Шевченкова. О показаніяхъ первыхъ двухъ свидѣтелей особаго ничего нельзя сказать,—можно только припомнить ту энергію, съ которою они оба утверждали, что подсудимый никогда не носилъ и не могъ носить кольца на правой рукѣ—энергію, къ сожалѣнію, потраченную даромъ, такъ какъ здѣсь же, предъ всѣми нами, кольцо въ рукахъ профессора Грубе входило легко и свободно на палецъ *правой* руки подсудимаго. Шевченкова—свидѣтельница довольно оригинальная: ей всего 22 года, она молода, живетъ трудомъ, слѣдовательно, трудовые дни ея едва ли такъ богаты впечатлѣніями, чтобы заставлять забывать явленія повседневной жизни,—а между тѣмъ, свидѣтельница отличается удивительною безпамятливостью, не помнитъ, когда она была у Дорошенко въ Григоровкѣ, въ которомъ часу ушла оттуда, — не слышала даже, былъ ли тамъ шумъ или ссора, потому что она, молодая дѣвушка, просидѣла цѣлый вечеръ и половину ночи одна, въ пустой комнатѣ, не выходя въ другую комнату къ другимъ свидѣтелямъ, ея знакомымъ. Впрочемъ, она, быть можетъ, и выходила, да и это позабыла, такъ какъ другіе свидѣтели уличали ее въ томъ, что она не только была съ ними въ другой комнатѣ, но даже играла въ карты и пила пиво. Чрезвычайно забывчивая свидѣтельница: она даже и до сихъ поръ, постоянно работая на семейство Дорошенко, не слышала *ничего* о происшествіи, подавшемъ поводъ къ настоящему разбирательству. Былъ здѣсь спрошенъ и свидѣтель Стефановичъ, бывшій при Дорошенко конторщикомъ Григоровской экономіи. Онъ далъ четыре показанія или, лучше сказать, его показаніе состоитъ изъ четырехъ

частей, одна другой противорѣчащихъ. Сначала, по его показанію, извозчикъ «грозитъ», потомъ только «говоритъ дерзости», потомъ только «грубо говоритъ». Онъ входитъ сначала въ комнату и говоритъ дерзости, потомъ уходитъ и, стоя въ неосвѣщенной передней, требуетъ прибавки, при чемъ Дорошенко показываетъ часы, а онъ ломится въ двери передней, *которыя затворены*,—наконецъ дверь отворяется и извозчикъ толкаетъ Дорошенко ея ручкою, а Дорошенко его выталкиваетъ вонъ,—то есть, прибавляетъ потомъ свидѣтель, отворивъ дверь, извозчикъ махаетъ руками и толкаетъ Дорошенко, который тогда уже выталкиваетъ его вонъ и т. д., все въ этомъ родѣ. Однимъ словомъ въ показаніи свидѣтеля самымъ очевиднымъ и неискуснымъ образомъ смѣшаны понятія объ угрозахъ и дерзостяхъ,—о грубомъ обращеніи и о требованіи слѣдующаго по уговору,—о рукѣ и ручкѣ двери, при чемъ извозчикъ то ударяетъ подсудимаго рукою, то дверью, «ломится» въ притворенную дверь, которую никто не держитъ, и не довѣряетъ часамъ, которые Дорошенко показываетъ ему сквозь запертыя двери... Защитникъ, во время судебнаго слѣдствія, на указаніе этихъ противорѣчій замѣтилъ, какъ бы съ упрекомъ, что вѣдь свидѣтель вызванъ самою обвинительною властью. Что же изъ этого? Не думаетъ ли защитникъ укорять обвинительную власть за то, что она, въ интересахъ истины, вызываетъ на судъ и свидѣтелей, выставленныхъ подсудимымъ въ свою защиту? Представители обвинительной власти, по существу своихъ обязанностей, не заинтересованы лично въ томъ или другомъ исходѣ дѣла и поэтому безъ боязни исхода могутъ содѣйствовать обвиняемому въ собираніи средствъ къ своему оправданію, буде только таковое возможно. Затѣмъ, здѣсь было прочитано показаніе Склаво и показаніе «лѣсного пана», поручика Ковалевскаго. Подсудимымъ былъ возбужденъ вопросъ о томъ, что при слѣдствіи права его были нарушены тѣмъ, что ему не дано было очной ставки съ Ковалевскимъ. Но подсудимый, заявившій, что занимается хожденіемъ по дѣламъ, долженъ знать судебные уставы и, слѣдовательно, знать 292 ст. устава угол. судопроизводства, по которой, если окажется нужнымъ допросить свидѣтеля, живущаго внѣ участка, гдѣ слѣдствіе возникло, то снятіе допроса возлагается на мѣстнаго судебнаго слѣдователя, при чемъ показанія отбираются по допроснымъ пунктамъ. Онъ долженъ также знать, что присутствіе обвиняемаго при допросѣ не всегда требуется уставомъ, и что необходимо только предъявленіе всѣхъ показаній обвиняемому при заключенія слѣдствія. Показаніе Ковалевскаго было предъявлено подсудимому, и онъ выставилъ противъ него трехъ свидѣтелей о кольцѣ, которые и были здѣсь допрошены: слѣдовательно, права его ни въ чемъ нарушены не были. Показаніе это дано подъ присягою, святость и значеніе которой свидѣтель ясно сознавалъ, ибо сознался даже въ томъ ложномъ объясненіи, которое далъ при дознаніи, сознался, ничѣмъ къ тому не вынуждаемый и движимый только голосомъ совѣсти. Показаніе Ковалевскаго должно было особенно поразить подсудимаго. Это былъ

человѣкъ, какъ видно изъ его показанія, про котораго подсудимый могъ думать, что «пріобрѣлъ» его въ свою пользу — и что же? Этотъ человѣкъ платитъ ему черною неблагодарностію, забывъ и данныя обѣщанія, и рекомендацію новому управляющему, и полученныя въ подарокъ сѣрыя драповыя брюки! На предварительномъ слѣдствіи Дорошенко возражалъ на это показаніе лишь относительно кольца, хотя вчера эксперты и подтвердили блистательномъ образомъ, что Ковалевскій, говоря о кольцѣ, былъ правъ,—но здѣсь онъ выставляетъ новое опроверженіе этого показанія. Ковалевскій, говоритъ онъ, укралъ у меня пальто—но я его не хотѣлъ преслѣдовать и потому (почему же потому?) онъ показываетъ теперь на меня по злобѣ и ложно. Это неправдоподобное и ничѣмъ не подтвержденное заявленіе сдѣлано здѣсь впервые. На слѣдствіи, когда показаніе Ковалевскаго было предъявлено подсудимому въ первый разъ и должно было особенно поразить его и вызвать въ немъ взрывъ негодованія, если только оно могло имѣть мѣсто—о такомъ заявленіи и помину не было. Появленіе этого заявленія здѣсь намъ вполнѣ понятно,—это одно изъ средствъ, которыми защищается подсудимый, одна изъ тѣхъ особенностей, на которыя было указано въ началѣ обвинительной рѣчи. Мы не станемъ строго судить подсудимаго за подобные пріемы защиты: нѣкоторая неразборчивость въ средствахъ защиты со стороны человѣка, сидящаго на скамьѣ подсудимыхъ, болѣе или менѣе понятна. Слѣдуетъ, однако, быть увѣреннымъ, что защитникъ подсудимаго не поддержитъ такихъ пріемовъ своего кліента. А цѣль этихъ пріемовъ вполнѣ ясна. При предварительномъ слѣдствіи еще не было извѣстно, явится-ли самъ Ковалевскій на судъ,—теперь оказывается, что онъ не явился, слѣдовательно, что бы про него ни говорили, возражать не будетъ, а потому можно и взвести на него бездоказательное обвиненіе въ кражѣ. Положительныхъ данныхъ никто не потребуетъ,—судьи, быть можетъ, даже, и не повѣрятъ разсказу, но все-таки нѣкоторая тѣнь на показаніе опаснаго свидѣтеля наброшена, все-таки мысль объ украденномъ пальто закинута въ голову судей и, быть можетъ, незамѣтно для нихъ самихъ, повліяетъ на ихъ рѣшеніе. Сдѣлать смѣшнымъ противника въ дѣлѣ пустомъ, сдѣлать его лицомъ подозрительнымъ въ дѣлѣ серьезномъ—это старая и жалкая, но къ сожалѣнію, довольно вѣрная и испытанная уловка... Я полагаю однако, что разсчетъ, подобный настоящему, не всегда бываетъ удаченъ, и что показанію Ковалевскаго будетъ дана полная вѣра. Остается указать на показаніе свидѣтеля священника Соколовскаго, которое, по моему мнѣнію, не можетъ имѣть большого значенія въ дѣлѣ. Это хвалебный отзывъ о Дорошенко, какъ о человѣкѣ смирномъ, который не любилъ драться. Но подсудимый вовсе не обвиняется въ наклонности драться, а лишь въ нанесеніи *однажды* побоевъ Северину. Притомъ свидѣтель показалъ, что онъ не часто видался съ Дорошенко, откуда возникаетъ вопросъ: да знаетъ ли онъ хорошо привычки, и жизнь Дорошенко, который далеко не все время проводилъ въ Григоровкѣ и который

не могъ быть особенно близокъ съ Соколовскимъ? Кому не извѣстно положеніе сельскаго священника на Руси, кто не знаетъ тѣхъ, не всегда согласныхъ съ достоинствомъ его сана отношеній, въ которыхъ онъ находится къ помѣщикамъ и большимъ арендаторамъ (а Дорошенко былъ полномочнымъ управляющимъ Григоровкой), отъ коихъ онъ вынужденъ, при своей скудной обстановкѣ, ожидать пожертвованій и вспомоществованій? Не таковы эти отношенія, чтобы способствовать изученію характера и привычекъ мѣстнаго властелина! Для полноты свидѣтельскихъ показаній можно еще указать на показаніе кучера Буймистрова. Показаніе это служитъ лучшимъ мѣриломъ точности объясненій людей, бывшихъ подчиненными Дорошенко,—въ дѣлѣ, гдѣ ихъ хозяинъ игралъ такую небезопасную для него роль. Намъ скажутъ, что Буймистровъ и другіе, при опросѣ во время слѣдствія, уже не служили у Дорошенко. Съ этимъ мы согласны. Но они служили при дознаніи. Данныя при дознаніи показанія—краткія и категорически-оправдательныя—стѣсняли и не могли не стѣснять ихъ въ дальнѣйшихъ показаніяхъ при слѣдствіи. Притомъ—это все русскіе люди,—люди уступчивые, снисходительные. Дорошенко, какъ видно, обходился съ ними ласково, быть можетъ, дарилъ имъ что нибудь,—а «русскій человѣкъ добро помнитъ», и вотъ явилась въ ихъ показаніяхъ мягкость выраженій и нѣкоторая уклончивость. Лучше всего это видно изъ показанія Буймистрова. При дознаніи, на краткій и опредѣленный вопросъ: «избилъ ли баринъ его Северина?» онъ отвѣчалъ: «я этого не видѣлъ» и съ тѣмъ былъ отпущенъ, но при слѣдствіи, объяснивъ, что его болѣе не спрашивали ни о чемъ, показалъ, что былъ свидѣтелемъ спора подсудимаго съ Северинымъ, видѣлъ какъ первый толкнулъ Северина и тотъ пошатнулся, «поточился»;—былъ ли нанесенъ ему ударъ въ лицо—онъ не видѣлъ и объясняетъ это тѣмъ, что стоя сзади Дорошенко, въ шести шагахъ, въ темной передней, *могъ* не видѣть нанесенія удара. Показаніе такимъ образомъ пріобрѣло совсѣмъ другой характеръ; свидѣтель, показавшій столь категорически при дознаніи, вслѣдствіе полнаго отсутствія разспросовъ,—не желая обвинять подсудимаго, не отрицаетъ, однако, при слѣдствіи возможности нанесенія ударовъ Северину, а только утверждаетъ, что находился въ положеніи, въ которомъ *могъ не видѣть* нанесенія ударовъ. Не проглядываетъ ли и тутъ желаніе—по мѣрѣ возможности «не ломать души», желаніе, на осуществленіе котораго Склавою такъ надѣялся, умирая, Северинъ. Такова третья особенность настоящаго дѣла:—сложность, разнообразный внутренній характеръ и мотивы свидѣтельскихъ показаній.

Приступаю къ развитію обвиненія. Подсудимый обвиняется въ томъ, что онъ нанесъ фаэтонному извозчику Северину удары, отъ которыхъ послѣдовала смерть. Нанесеніе такихъ ударовъ или побоевъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, есть проступокъ, близко граничащій съ простымъ оскорбленіемъ дѣйствіемъ, которое преслѣдуется по Уставу о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Правда, пре-

ступленіе это довольно далеко отъ убійства и законъ смотритъ на него вовсе не такъ сурово, какъ на убійство, но однако считаетъ нужнымъ относиться строже къ побоямъ, вызвавшимъ смерть, чѣмъ къ простымъ побоямъ. Хотя въ данномъ случаѣ и не было желанія причинить смерть этими побоями, но, тѣмъ не менѣе, эти побои сами по себѣ очень важны, вызвавъ смерть. Поэтому, обвиненію нужно, во-первыхъ, доказать, были ли нанесены побои и, во-вторыхъ—произошла ли отъ нихъ смерть, т. е. были ли они причиною смерти? Обращаясь къ первому вопросу, необходимо признать, что нанесеніе побоевъ представляется вполнѣ доказаннымъ. Покойный Северинъ, 17 сентября прошлаго года, вечеромъ выѣхалъ съ фаэтономъ на биржу; затѣмъ его позвали въ квартиру Веприцкаго, у котораго въ то время находился подсудимый Дорошенко; оттуда онъ развозилъ нѣкоторыхъ гостей и, возвратившись опять въ квартиру Веприцкаго, былъ совершенно здоровъ и могъ совершить такую довольно дальнюю поѣздку, какова поѣздка съ подсудимымъ въ Григоровку. До того времени какъ поѣхать въ Григоровку, будучи нанятымъ Дорошенко, онъ вообще всегда пользовался здоровьемъ и на нанесеніе побоевъ никому не жаловался. Нанявшись везти Дорошенко, онъ ѣдетъ въ Григоровку и оттуда возвращается домой окровавленный, говоря, что его «убили». Очевидно, что побои нанесены въ теченіе времени, прошедшаго съ отъѣзда его отъ Веприцкаго съ Дорошенко до возвращенія его изъ Григоровки домой. Можно бы предполагать, что побои эти могли быть нанесены кѣмъ либо другимъ на дорогѣ, когда онъ возвращался домой, но для этого нѣтъ никакихъ данныхъ, на это нѣтъ никакого намека, на это даже не указываетъ и сама защита и, наконецъ, такое предположеніе опровергается всѣми свѣдѣніями, которыя имѣются въ дѣлѣ. Правда, Северинова здѣсь заявила, что ея мужъ, пріѣхавши домой окровавленный, говорилъ, что его побили «разбойники», но, очеидно, этому выраженію придавать никакого особаго значенія нельзя, такъ какъ видно, что покойный вообще любилъ выражаться иносказательно. Такъ, отказываясь отъ закуски и говоря о побояхъ, онъ замѣчаетъ, что «уже выпилъ и закусилъ», поэтому и слова его, что онъ побитъ разбойниками, имѣть прямого значенія не могутъ, ибо подъ именемъ разбойниковъ, онъ, очевидно, имѣлъ въ виду то лицо, которое побило его въ Григоровкѣ. Итакъ, побои нанесены—подсудимымъ. Это подтверждается свидѣтельскими показаніями трехъ лицъ: показаніемъ Склаво, которое было прочтено здѣсь, показаніями Ковалевскаго и кучера Буймистрова. Склаво и Ковалевскій вообще подробно передаютъ обстоятельства этого дѣла. Склаво разсказываетъ, что извозчикъ остановился на порогѣ передней и сталъ требовать прибавки денегъ. Насколько законно требованіе этой прибавки, я разбирать здѣсь не буду и входить въ подробное разсмотрѣніе этого обстоятельства совершенно излишне потому, что было ли это требованіе законно или незаконно, для дѣла это не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ все-таки оно не давало права подсудимому

драться. Какъ видно изъ показаній нѣкоторыхъ свидѣтелей, требованіе это было законно, ибо относительно требованія прибавки у свидѣтелей и подсудимаго существуетъ недоразумѣніе. Свидѣтель Стефановичъ показалъ здѣсь, что извозчикъ требовалъ 20 коп., а на предварительномъ слѣдствіи онъ же показалъ, что извозчикъ требовалъ 40 коп., тотъ же самый свидѣтель показалъ, что Дорошенко уплатилъ ему только рубль 20 коп., между тѣмъ самъ подсудимый утверждаетъ, что онъ отдалъ извозчику рубль 40 коп. Такимъ образомъ, вопросъ этотъ остается неразъясненнымъ, хотя и разъясненіе его не имѣетъ никакого значенія, тѣмъ болѣе, что во всякомъ случаѣ для Северина явилась возможность требовать прибавки, такъ какъ свидѣтель Веприцкій показалъ здѣсь, что онъ не можетъ сказать, платили ли извозчику тѣ гости, которыхъ онъ отвозилъ отъ него. Извозчикъ Северинъ просилъ прибавки денегъ, подсудимый говоритъ ему, что онъ прибавки ему не дастъ, и въ то время, когда извозчикъ началъ доказывать справедливость своего требованія, подсудимый, говоря: «какъ ты смѣешь разсуждать!?» началъ, какъ это видно изъ показаній Склаво, бить его по лицу. Изъ объясненій того же Склаво оказывается, что въ словахъ извозчика никакой дерзости не было; Ковалевскій и Буймистровъ въ свою очередь тоже утверждаютъ, что дерзостей со стороны Северина не было никакихъ. Итакъ, извозчикъ изъ Григоровки выѣхалъ побитымъ. Свидѣтель Склаво, бывшій въ это время у подсудимаго Дорошенко, слышавшій удары, продолжавшіеся минуту, и голосъ обиженнаго извозчика, обращался къ подсудимому и, чтобы прекратить эти удары, говорилъ ему: «не смѣйте бить человѣка, который не заслуживаетъ», на что подсудимый отвѣчалъ: «я хозяинъ дома, а вы не смѣете распоряжаться!» Склаво, желая помочь извозчику и, быть можетъ, возмущенный всѣмъ видѣннымъ, хотѣлъ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ. Извозчикъ недаромъ разсчитывалъ на него, когда, пріѣхавши домой, говорилъ, что если этотъ человѣкъ не поломаетъ души, то онъ покажетъ правду. Но передъ тѣмъ, какъ Склаво хочетъ выйти вслѣдъ за извозчикомъ, въ темной передней щелкаетъ замокъ и подсудимый его не выпускаетъ, а даетъ приказаніе выпроводить извозчика изъ Григоровки и лишь только черезъ полчаса, когда извозчикъ уже уѣхалъ, Склаво могъ выйти изъ комнаты. Это показаніе Склаво подтверждается показаніемъ Ковалевскаго и Буймистрова.

Затѣмъ возникаетъ вопросъ: какъ, какимъ образомъ и куда были нанесены удары Северину? Для этого есть показанія только что упомянутыхъ свидѣтелей, изъ которыхъ одинъ слышалъ, что побои, судя по ихъ звуку, наносились рукою по лицу,—другой видѣлъ, какъ подсудимый толкнулъ извозчика такъ, что тотъ «поточился» и разронялъ деньги, а третій присутствовалъ при самомъ нанесеніи Северину подсудимымъ, со словами «пошелъ вонъ», ударовъ рукою со стальнымъ перстнемъ въ лицо. Кромѣ этихъ показаній о томъ, что извозчикъ пошатнулся послѣ удара, упалъ и согнулся на полу, что скорѣй всего могло произойти отъ удара въ лицо, удара столь

обыкновеннаго при кулачной расправѣ,—изъ показаній всѣхъ свидѣтелей, видѣвшихъ Северина послѣ происшествія, оказывается, что у него было разбито лицо, и разбито, какъ уже мною сказано, въ Григоровкѣ. Показаніямъ о нанесеніи побоевъ противорѣчитъ показаніе Василія Стефановича, по словамъ котораго извозчикъ, оттолкнутый подсудимымъ, отскочилъ въ переднюю, а вовсе не пошатнулся и не падалъ. Но, не говоря уже о неправдоподобности показанія Стефановича о показываніи часовъ, о томъ, что извозчикъ «ломился» въ едва притворенную дверь, и даже не говоря о противорѣчіи этого показанія съ объясненіями самаго подсудимаго,—нельзя не замѣтить, что свидѣтель Стефановичъ, несмотря на всѣ старанія при перекрестномъ донросѣ, не могъ ни удовлетворительно объяснить сбивчивости своего показанія, ни разъяснить, что онъ понимаетъ подъ словомъ «отскочить»—придаетъ ли онъ этому слову общеупотребительное значеніе прыжка назадъ или разумѣетъ что либо другое. Здѣсь возникалъ вопросъ о кольцѣ. Признаюсь, указанія Склаво и Ковалевскаго на ношеніе подсудимымъ кольца на правой рукѣ, кольца весьма солиднаго и тяжелаго, я считалъ довольно слабою уликою для обвиненія, въ виду настойчивыхъ увѣреній подсудимаго, что онъ никогда на правой рукѣ кольца на четвертомъ пальцѣ не носилъ. Эти увѣренія, подкрѣпленныя показаніями домашнихъ, продолжались и здѣсь на судѣ съ прежнею настойчивостью,—самъ подсудимый даже примѣрялъ предъ нами свое кольцо на правую руку и оно, очевидно для всѣхъ, несмотря на *видимыя* усилія подсудимаго, не входило ни на одинъ изъ большихъ пальцевъ правой руки. Приходилось сознаться, что одна изъ уликъ, и въ виду заключенія экспертовъ при вторичномъ вскрытіи—улика довольно важная—пропадала. Оставалось прибѣгнуть къ послѣднему, почти безнадежному послѣ всего предшествовавшаго, средству—просить гг. экспертовъ разсмотрѣть—нѣтъ ли на правой рукѣ обычныхъ слѣдовъ отъ долговременнаго ношенія кольца, нѣтъ ли полоски, ободка на пальцѣ... Эксперты, съ свойственнымъ имъ вниманіемъ, разсмотрѣли правую руку обвиняемаго, неповинную въ ношеніи кольца—и нашли не только ободокъ, не только слѣды ношенія кольца, нашли даже, чего, полагаю, никто уже не могъ ожидать послѣ происходившаго предъ этимъ—нашли,что и самое кольцо, не входившее на палецъ въ рукахъ подсудимаго, довольно легко и безъ особыхъ усилій, при небольшомъ поворачиваніи, входило на четвертый палецъ правой руки подсудимаго. Вы помните, гг. присяжные, этотъ опытъ и я полагаю, что и на васъ, какъ на всѣхъ, онъ произвелъ впечатлѣніе неожиданности и нѣкотораго удивленія. Удивленія этого нельзя не раздѣлить. Остается думать, что или подсудимый Дорошенко забылъ, что еще въ прошломъ году носилъ на правой рукѣ это злосчастное кольцо, или же, что онъ, приготовляя доводы въ свою защиту, нѣсколько неосмотрительно избиралъ пріемы и способы этой защиты, забывая, что если извѣта о кражѣ неблагодарнаго Ковалевскаго и нельзя провѣрить тотчасъ, то вопросъ о

кольцѣ подлежитъ за то провѣркѣ водчію, провѣркѣ, которая неминуемо должна повести къ оцѣнкѣ искренности оправданій подсудимаго и къ нѣкоторымъ неблагопріятнымъ для него выводамъ относительно свойствъ тѣхъ способовъ, которыми онъ думаетъ защищаться здѣсь на судѣ, гдѣ все происходитъ гласно. Итакъ, побои были Северину нанесены въ лицо рукою, на которой былъ тяжелый чугунный перстень.

Остается рѣшить, чѣмъ вызваны были эти побои и насколько при нанесеніи ихъ Дорошенко дѣйствовалъ сознательно, понимая, что онъ дѣлаетъ? Подсудимый объясняетъ, что былъ раздраженъ и разсерженъ грубостями и дерзкимъ обращеніемъ извозчика. Но свидѣтели Склаво, Ковалевскій и Буймистровъ единогласно утверждаютъ, что въ требованіяхъ извозчика не было ничего дерзкаго, и онъ грубостей никакихъ не говорилъ, а тѣмъ болѣе не размахивалъ руками и не задѣвалъ подсудимаго. Онъ, быть можетъ, только громко говорилъ, но это еще не причина къ раздраженію. Отсутствіе раздраженія доказывается и тѣмъ, что другія лица, находившіяся на мѣстѣ происшествія, не видали поводовъ къ раздраженію, и одно изъ нихъ даже сдѣлало замѣчаніе Дорошенко въ защиту Северина. Притомъ, это былъ не единичный случай, не случай, въ которомъ человѣкъ тихій и смирный былъ выведенъ изъ себя и на время забылъ и благоразуміе, и осторожность. Побои, нанесенные Северину, не были припадкомъ вспыльчивости, въ которой человѣкъ не помнитъ себя, но затѣмъ тотчасъ же остываетъ. Это было, повидимому, дѣломъ довольно обыкновеннымъ для подсудимаго. «Не смѣете распоряжаться въ моемъ домѣ, здѣсь я хозяинъ!» кричитъ онъ въ отвѣтъ на замѣчаніе Склаво о томъ, что извозчика бить не за что и затѣмъ объясняетъ, что «*бьетъ всѣхъ извозчиковъ безъ различія*». Защита старалась выяснить здѣсь своими вопросами свидѣтелямъ—хорошо ли обращался подсудимый съ женою? Я хорошенько не понимаю, къ чему служатъ эти вопросы. Что же доказывается хорошимъ обращеніемъ съ женою? Дорошенко не обвиняется въ отсутствіи семейныхъ добродѣтелей и хорошее обращеніе съ женою нисколько не доказываетъ, чтобы онъ не былъ способенъ дурно и самоуправно обращаться съ другими лицами, а особенно съ извозчиками, которыхъ онъ «бьетъ всѣхъ безъ различія». Притомъ, если бы и было доказано, что подсудимый дѣйствовалъ въ пылу раздраженія болѣе или менѣе основательнаго, то и это не можетъ служить къ его оправданію, а лишь, по закону, къ смягченію его вины. Перехожу къ вопросу о томъ, дѣйствовалъ ли подсудимый сознательно? Вопросъ этотъ долженъ быть рѣшенъ утвердительно. Подсудимый не только не былъ пьянъ до безчувствія, до отсутствія сознанія своихъ поступковъ, но онъ не былъ даже просто въ состояніи опьяненія. Онъ былъ лишь только на-веселѣ, т. е. въ томъ состояніи, когда человѣкъ можетъ себѣ отдавать полный отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. «Г. Дорошенко уѣхалъ отъ меня слегка на-веселѣ, какъ обыкновенно послѣ именинаго ужина», говоритъ свидѣтель Веприцкій. Г. Дорошенко пріі-

ѣхалъ въ Григоровку не пьяный», говоритъ Стефановичъ, а только «*подъ фантазіей*». Изъ показаній свидѣтелей ясно, что подсудимый дѣйствовалъ съ полнымъ сознаніемъ и своихъ обычаевъ, и своихъ правъ. Онъ понималъ также и значеніе того, что дѣлалъ, понималъ, что нанесеніе имъ извозчику побоевъ не есть дѣйствіе законное—и вотъ почему, когда Склаво собирается ѣхать съ Севериным и выходитъ въ переднюю, въ темной передней щелкаетъ ключъ, кто-то пробѣгаетъ и слышится голосъ Дорошенко: «теперь можете ѣхать!» Склаво такимъ образомъ насильно удержанъ, а Ковалевскому дано приказаніе поскорѣе выпроводить извозчика изъ Григоровки. Ковалевскій въ точности и покорно выполняетъ это порученіе, какъ покорно вносилъ за Дорошенко въ комнату привезенное имъ вино и какъ покорно обѣщалъ впослѣдствіи скрывать истину, если возникнетъ дѣло о побояхъ. Только послѣдняго порученія онъ во всей точности не исполнилъ: пришлось показывать подъ присягой и совѣсть взяла верхъ надъ благодарностью за рекомендацію и подарокъ. Такимъ образомъ, Дорошенко сознавалъ свои дѣйствія и старался предотвратить ихъ послѣдствія, конечно, послѣдствія только по отношенію *къ себѣ*. Я полагаю, кончая первую часть обвиненія, что едва ли можетъ возникнуть сомнѣніе въ томъ, что побои были дѣйствительно нанесены Северину подсудимымъ сознательно и съ намѣреніемъ, т. е. съ цѣлью причинить именно какую-либо тѣлесную боль Северину, безъ всякаго, впрочемъ, умысла на убійство, на причиненіе ему смерти. Однако, смерть причинилась...

Приступаю ко второй части обвиненія, къ доказыванію, что смерть Северина послѣдовала отъ побоевъ, нанесенныхъ ему подсудимымъ. Основаніемъ къ разрѣшенію этого вопроса служитъ главнѣйшимъ образомъ актъ судебно-медицинскаго вскрытія, произведеннаго вторично, такъ какъ первый актъ вскрытія, составленный врачомъ Щелкуновымъ, составленъ незаконно; онъ подложенъ и долженъ быть вычеркнутъ, выброшенъ изъ числа какихъ бы то ни было доказательствъ въ дѣлѣ. Затѣмъ, важное значеніе въ дѣлѣ имѣютъ объясненія гг. экспертовъ, разъясняющихъ судебно-медицинскіе вопросы въ дѣлѣ. Судебная медицина—важное подспорье для разрѣшенія многихъ уголовныхъ дѣлъ,—не есть еще наука вполнѣ развившаяся. Многія части ея вовсе еще не разработаны или разработаны очень мало. Сами дѣятели этой науки сознаются, что главная задача ихъ состоитъ пока еще въ собираніи примѣровъ и воздерживаются отъ общихъ выводовъ и твердыхъ положеній, признавая, что для этихъ выводовъ еще не все приготовлено и что многія настоящія *положенія* нерѣдко недалеко отстоятъ отъ простыхъ *предположеній*. Судебная медицина стоитъ въ тѣсной связи съ общею медициною, т. е. со всѣми остальными медицинскими познаніями, а медицина вообще допускаетъ не мало предположеній и догадокъ. Факты, добытые наукою, составляютъ ея драгоцѣнное достояніе и непреложныя истины, но выводы изъ этихъ фактовъ въ ихъ взаимной связи, толкованіе этихъ выводовъ, пониманіе ихъ могутъ быть весьма различны и не-

рѣдко совершенно противоположны одинъ другому. Это не лишаетъ выводы эти своей цѣны и достоинства, — это только лишаетъ ихъ безусловной непреложности и указываетъ на возможность смотрѣть съ разныхъ точекъ зрѣнія на предметъ. Недаромъ старая латинская поговорка, сопоставляя имена двухъ великихъ врачей древности, говоритъ, что «Гипократъ твердитъ одно, а Галліенъ совсѣмъ другое». Но если медицина, обладая извѣстнымъ количествомъ твердыхъ правилъ и положеній, представляетъ въ то же время обширное поле для предположеній и догадокъ, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы этимъ предположеніямъ нельзя было довѣрять, чтобы въ виду того, что приходится встрѣчаться иногда съ нѣсколькими предположеніями, можно было отказываться отъ разрѣшенія представляющихся вопросовъ и умывать руки. Можно ли въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствія обвиняемаго и многое множество бытовыхъ причинъ соединились такъ, что затруднили отысканіе очевидной истины и добытіе опредѣленныхъ, осязательныхъ результатовъ и заставили прибѣгать къ предположеніямъ,—можно ли, повторяю, отказываться отъ изслѣдованія истины? Необходимость довольствоваться предположеніями, если только въ основаніе ихъ положены данныя дѣйствительно существующія, не должна останавливать правосудіе въ отысканіи истины, такъ какъ предположенія, исходящія отъ людей, близко и хорошо знакомыхъ съ наукою суть добросовѣстные выводы, къ которымъ они приходятъ, идя разными путями, смотря съ разныхъ точекъ зрѣнія и въ концѣ концовъ иногда приходя къ одинаковому результату. Какое ихъ предположеніе вполнѣ согласно съ истиною— сказать трудно, да и невозможно, да и не нужно; но для опредѣленія, по мѣрѣ силъ человѣческаго разумѣнія, какое изъ предположеній *ближе всего* подходитъ къ истинѣ, есть могучее и вѣрное средство. Средство—это здравый смыслъ. Онъ не останавливается на однихъ выводахъ науки, онъ вслушивается во всю совокупность свидѣтельскихъ показаній, всматривается во всю житейскую обстановку дѣла,—посредствомъ нея, посредствомъ указаній практическаго опыта провѣряетъ онъ разнообразные и многосторонніе выводы науки и приходитъ наконецъ къ заключенію, къ заключенію, по возможности, вѣрному... Вотъ почему обвиненіе считаетъ весьма хорошимъ явленіемъ то, что эксперты въ настоящемъ дѣлѣ высказали три различныхъ мнѣнія. Это указываетъ, что они обсудили предметъ со всѣхъ сторонъ и дали большой матеріалъ для обсужденія суду, который долженъ постановить приговоръ, мысленно прослѣдивъ все слышанное и видѣнное здѣсь и оцѣнивъ свидѣтельскія показанія относительно болѣзненныхъ явленій у Северина, въ связи съ объясненіями экспертовъ и съ указаніями практической жизни. Но прежде чѣмъ приступить къ оцѣнкѣ показаній экспертовъ, необходимо припомнить, что при вторичномъ вскрытіи доказано, что носовая кость у Северина переломлена. Основываясь на найденномъ, судебные врачи, производившіе вскрытіе, признали, что, судя по видѣнному ими и слышанному о ходѣ болѣзни Северина, надо придти къ убѣжденію, что смерть

его послѣдовала вслѣдствіе горячечнаго состоянія, которое было обусловлено потерею крови, безсонницею и душевнымъ волненіемъ. Причинную связь между поврежденіемъ носа у Северина и смертью его врачи не отрицали, но заявили, что не могутъ ея безусловно признавать, а только предполагаютъ. Это свидѣтельство врачей и послужило исходною точкою для заключеній, данныхъ здѣсь на судѣ почтенными представителями медицинской науки, профессорами университета Питра, Грубе и Лямблемъ. Я внимательно слѣдилъ вчера за этими заключеніями, старался уловить всѣ ихъ оттѣнки и особенности и, какъ полагаю, могу ихъ здѣсь повторить передъ вами, господа присяжные засѣдатели, въ главнѣйшихъ и существеннѣйшихъ чертахъ. Такъ, на предложенные вопросы, г. Питра отвѣчалъ, что вообще смерть послѣдовала съ припадками горячки, но причины, вслѣдствіе которыхъ произошла горячка, вскрытіемъ, не обнаружены. Профессоръ Лямбль нашелъ, что колотыя раны и раненія отъ удара, ушиба, размозженія отличаются тѣмъ неблагопріятнымъ обстоятельствомъ, что онѣ сопровождаются обыкновенно сотрясеніемъ. Сила, производящая это сотрясеніе, недостаточна для того, чтобы прекратить жизнь или отправленіе важныхъ органовъ, но вполнѣ достаточна для того, чтобы произвести такой безпорядокъ, такое нарушеніе нормальнаго состава нервныхъ центровъ, отъ котораго они не легко оправляются и послѣдствія котораго, въ иныхъ случаяхъ, могутъ окончиться печальнымъ исходомъ. Всѣ опытные хирурги знаютъ, что сложныя поврежденія носа иногда влекутъ за собою важныя заболѣванія мозговыхъ оболочекъ, а именно—острое воспаленіе мягкой оболочки. Проводникомъ подобнаго заболѣванія могутъ быть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, кровеносные сосуды; въ другихъ случаяхъ можетъ быть воспаленіе надкостной плевы; но главною причиною такого воспаленія считается *сотрясеніе*. Перелома горизонтальной пластинки рѣшетчатой кости при этомъ можетъ и не быть; по опытамъ оказалось, что при ударѣ тяжелымъ молоткомъ, нанесенномъ прямо на носъ, при самомъ обширномъ и глубокомъ размозженіи носовыхъ косточекъ и почти всего лабиринта, рѣшетчатая пластинка можетъ оказаться неповрежденной. Обращаясь къ *признакамъ болѣзни* Северина, профессоръ Лямбль нашелъ, что, при исчисленіи ихъ, поневолѣ подумаешь прежде всего объ остромъ пораженіи мозговыхъ оболочекъ. Конечно, горячечное состояніе со всѣми отдѣльными признаками, какъ они приводятся здѣсь,—головною болью, слабостью, жаромъ, отсутствіемъ аппетита, жаждою, головокруженіемъ, шумомъ въ ушахъ, мутностью зрѣнія, бредомъ,—все это бываетъ еще и при другихъ болѣзняхъ, какъ-то при тифѣ, скарлатинѣ, оспѣ и кори. Но тотъ порядокъ или, лучше сказать, безпорядокъ болѣзненныхъ признаковъ, какой былъ замѣченъ у Северина, та шаткость и незначительная рѣзкость явленій при которыхъ онъ, еще незадолго до кончины, могъ прощаться и говорить о приближающейся смерти,—это все не соотвѣтствуетъ обыкновенной горячкѣ, отъ которой взрослый человѣкъ обыкновенно и не умираетъ на 12-й день. Такъ, напр., тифъ обыкновенно не начинается

съ побоевъ или ушибовъ, а съ предвѣстниковъ, т. е. неопредѣленныхъ явленій, обнаруживающихся въ теченіе нѣсколькихъ дней, съ общаго нерасположенія, нѣкоторой вялости,—человѣкъ при этомъ не въ духѣ, у него легкая наливная краснота глазъ или же легкій насморкъ, а потомъ уже настаетъ ознобъ и жаръ. Если же человѣкъ среднихъ лѣтъ умираетъ въ тифозной горячкѣ на 12-й день, что рѣдко бываетъ, тогда онъ послѣдніе дни навѣрно находится въ полномъ безпамятствѣ и глубокомъ, такъ называемомъ, *коматозномъ* состояніи, а такихъ признаковъ при жизни Северина не замѣчено. Острыя травматическія воспаленія мозговыхъ оболочекъ убиваютъ человѣка, среднимъ числомъ, на 2-й недѣлѣ; при остромъ воспаленіи мозговыхъ оболочекъ бредъ у человѣка среднихъ лѣтъ наступаетъ приблизительно подъ конецъ жизни, до появленія параличныхъ явленій. Северинъ былъ до 17-го сентября здоровъ, повальныхъ горячекъ въ то время не было, онъ не находился въ такой зловредной атмосферѣ, въ которой окружающій воздухъ могъ бы подѣйствовать заразительнымъ образомъ на его здоровье, а заболѣлъ онъ вслѣдъ за травматическимъ поврежденіемъ, послѣ котораго появились преимущественно головные припадки. Поэтому, проф. Лямбль затрудняется допустить у него существованіе какого либо другого горячечнаго состоянія, кромѣ упомянутаго остраго воспаленія мягкой мозговой оболочки. Такимъ образомъ, онъ пришелъ къ заключенію, что связь между наружнымъ поврежденіемъ и горячечнымъ заболѣваніемъ Северина не оказывается сомнительною, именно по причинѣ невозможности подвести случай подъ какую нибудь другую болѣзнь.

Профессоръ Грубе, прежде чѣмъ отвѣчать на заданные ему вопросы, разобралъ два слѣдующихъ вопроса: 1) можетъ ли такого объема переломъ носовыхъ костей повлечь за собою смерть? и 2) могли ли измѣненія, найденныя въ трупѣ при вскрытіи и описанныя въ протоколахъ, остаться безъ видимыхъ проявленій при жизни, до ушиба? Въ отвѣтъ на первый вопросъ экспертъ привелъ статистическіе выводы изъ многочисленныхъ наблюденій хирурговъ. Экспертъ отрицаетъ возможность смертельнаго исхода послѣ столь незначительныхъ переломовъ носовыхъ костей, какъ въ данномъ случаѣ, если они не сопровождаются другими, опасными для жизни, осложненіями. Въ ряду послѣднихъ первое мѣсто занимаютъ обильныя кровотеченія. Даже болѣе объемистые переломы, съ раздробленіемъ не только носовыхъ, но и носовыхъ отростковъ челюстныхъ костей, въ огромномъ большинствѣ случаевъ оканчиваются выздоровленіемъ. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что кровотеченія, постоянно сопровождающія переломы носовыхъ костей, всегда оказываютъ большее или меньшее вліяніе, смотря по количеству потерянной крови. Второй вопросъ рѣшенъ экспертомъ отрицательно: измѣненія, найденныя въ легкихъ при вскрытіи, не могли остаться безъ болѣзненныхъ проявленій при жизни. Изъ дѣла же и показаній свидѣтелей видно, что извозчикъ Северинъ былъ крѣпкаго тѣлосложенія, до нанесенныхъ ему побоевъ всегда пользовался отличнымъ здоровьемъ и ни-

какихъ проявленій грудного страданія не представлялъ. Непосредственнымъ слѣдствіемъ побоевъ было значительное кровотеченіе. Поэтому экспертъ объясняетъ причину смерти Северина слѣдующимъ образомъ: у совершенно здороваго человѣка воспослѣдовалъ ушибъ съ переломами носовыхъ костей, сопровождаемый сильнымъ душевнымъ потрясеніемъ и быстро развившимся малокровіемъ, вслѣдствіе обильнаго кровотеченія. Эти двѣ причины, по мнѣнію профессора Грубе, были совершенно достаточны, чтобы вызвать *скоротечную просовидную бугорчатку легкихъ,* которая, по обыкновенію, повлекла за собою смерть. Припадки болѣзни вполнѣ соотвѣтствуютъ такому объясненію. Въ заключеніе экспертъ привелъ извѣстный научный фактъ, что не только послѣ случайныхъ раненій, но также послѣ различныхъ хирургическихъ операцій, сопровождаемыхъ кровотеченіями и нравственнымъ потрясеніемъ больныхъ, нерѣдко наблюдалась эта форма легочной бугорчатки.

Обращаясь къ разсмотрѣнію мнѣній экспертовъ, я нахожу, что всѣ три мнѣнія, при своей строгой научности и одинаковости фактовъ, подлежавшихъ разбору экспертовъ, одинаково служатъ для поддержанія обвиненія и подкрѣпленія мысли о причинной связи между побоями и смертью Северина, при чемъ однимъ изъ наиболѣе соотвѣтствующихъ обвиненію является мнѣніе профессора Питра. Оно даетъ возможность правильной оцѣнки всего остального, относящагося до болѣзни и смерти Северина. Являясь судебнымъ врачомъ въ строгомъ смыслѣ слова, профессоръ Питра ставитъ самыя рѣзко-очерченныя границы для своей экспертизы. Факты и анатомическія данныя—вотъ его матеріалъ, все остальное одни предположенія, а судебный врачъ долженъ ихъ избѣгать. Доказано лишь то, что открыто судебнымъ вскрытіемъ, до чего проникъ анатомическій ножъ, что разсмотрѣно въ микроскопъ,—все, чего этимъ путемъ не добыто—не доказано. Можетъ ли основываться судебный врачъ (я не говорю просто врачъ, прибавляетъ экспертъ, но судебный врачъ), спрашиваетъ экспертъ, на предположеніяхъ, а не на анатомическихъ данныхъ? Его задача ограничена. По тому, что найдено при вскрытіи, онъ долженъ сказать, что̀ именно найдено и почему найдено, безъ всякаго предположенія о причинахъ найденныхъ явленій, если только онѣ сами громко не свидѣтельствуютъ о себѣ. Можно только сказать, утверждаетъ экспертъ, что смерть Северина послѣдовала отъ горячечнаго состоянія, но чѣмъ вызвано это состояніе—сказать рѣшительно нельзя. Оно могло быть вызвано развитіемъ чахотки, проявившейся вдругъ, при концѣ жизни Северина,—оно могло явиться вслѣдствіе сотрясенія мозга и его воспаленія, т. е. вслѣдствіе удара,—оно могло явиться и отъ какихъ нибудь другихъ причинъ, но все это лишь предположенія, очень, быть можетъ, вѣроятныя, но все-таки предположенія, дѣлать которыя судебному медику несвойственно. Мы не считаемъ умѣстнымъ въ свою очередь разбирать, насколько широкимъ представляется подобный взглядъ на задачу судебнаго медика, но съ глубокимъ уваженіемъ

относимся къ выполненію поставленной себѣ задачи г. экспертомъ. Какой же выводъ изъ его заключенія? Какъ судебный врачъ, экспертъ не считаетъ себя въ правѣ дѣлать какіе либо выводы, кромѣ тѣхъ, которые не вытекаютъ прямо изъ анатомическихъ данныхъ. Но вѣдь, съ другой стороны, не можетъ же все разъясненіе дѣла покоиться на мертвыхъ, глухихъ и молчаливыхъ анатомическихъ данныхъ? Конечно, нѣтъ. Изъ этихъ данныхъ могутъ быть, по соображеніи ихъ съ обстоятельствами дѣла, сдѣланы различные научные и практическіе выводы. Выводы эти будутъ предположеніями болѣе или менѣе вѣроятными, но дѣлать ихъ, по мнѣнію профессора Питры, задача обыкновенныхъ медиковъ, а не судебнаго медика, кругозоръ котораго ограниченъ довольно тѣсными рамками, которыя называются анатомическими данными. Судъ выслушаетъ эти предположенія, примѣнитъ ихъ къ жизни и выведетъ свое заключеніе. Такимъ образомъ, экспертъ Питра, разъяснивъ, что судебно-медицинскимъ путемъ онъ дошелъ до того, что у Северина было горячечное состояніе, вызвавшее его смерть, сходитъ со сцены, оставляя намъ свободное и обширное поле предположеній и ставя насъ лицомъ къ лицу съ двумя экспертами-врачами, не судебными медиками, и съ цѣлымъ рядомъ свидѣтельскихъ показаній, выхваченныхъ изъ жизни. Другіе эксперты пошли разными путями и пришли къ одному результату, на которомъ построено обвиненіе, къ выводу, что смерть Северину причинена подсудимымъ. Вы слышали, господа присяжные, показанія экспертовъ-профессоровъ Лямбля и Грубе. Оба они нашли, тщательно провѣривъ все добытое здѣсь на судѣ и блистательно развивъ свои выводы, что Северинъ умеръ отъ потрясенія организма, — *вызваннаго ударомъ и сотрясеніемъ мозга,* говоритъ одинъ изъ нихъ, — *вызваннаго рядомъ ослабляющихъ вліяній и душевнымъ огорченіемъ,* говоритъ другой. Оба эксперта пошли путями, намѣченными въ видѣ предположеній профессоромъ Питра и въ его заключеніи, и въ подписанномъ имъ актѣ вторичнаго освидѣтельствованія трупа Северина. Этихъ предположеній было два: смерть отъ чахотки и отъ воспаленія мозговыхъ оболочекъ. Профессоръ Грубе доказывалъ, что смерть могла произойти отъ скоротечной просовидной чахотки, вызванной потерею крови и душевнымъ огорченіемъ, причиненными — и то, и другое — дѣйствіями Дорошенко. Профессоръ Лямбль, съ своей точки зрѣнія, доказывалъ, что смерть могла произойти отъ воспаленія мозга, вызваннаго ударомъ, причиненнымъ Северину подсудимымъ. Оба эксперта основывались во всемъ на тѣхъ анатомическихъ данныхъ, которыя имѣлись въ виду эксперта Питры. Были, при вскрытіи, найдены бугорки. «Бугорки эти, въ томъ видѣ какъ они найдены, не могли вызвать смерти, съ ними можно прожить до 75 лѣтъ», говоритъ г. Лямбль;—«бугорки эти, въ томъ видѣ какъ они найдены, не могли существовать до нанесенія удара Северину, а явились вслѣдствіе этого удара», говоритъ г. Грубе. Такимъ образомъ, расходясь во взглядѣ на происхожденіе бугорковъ, «мысля розно», въ этомъ отношеніи, эксперты оба съ совершеннымъ един-

ствомъ сходятся въ одномъ выводѣ, что смерть Северина вызвана *дѣяніемъ подсудимаго*. Этотъ выводъ очень важенъ. Чѣмъ больше путей къ отысканію истины, тѣмъ лучше; нужды нѣтъ, что отыскатели идутъ разными путями и дѣйствуютъ разными способами — важно то, что они приходятъ къ одному и тому же выводу.

Таковъ выводъ гг. экспертовъ. Къ какому же выводу приводятъ обыкновенно житейскія соображенія? подкрѣпляютъ ли они выводы науки? Можно смѣло сказать: вполнѣ подкрѣпляютъ. До 17-го сентября прошлаго года Северинъ былъ совершенно здоровъ. Стоитъ припомнить показаніе всѣхъ свидѣтелей, знавшихъ его. Это былъ честный и смирный человѣкъ, хорошій семьянинъ и усердный работникъ. Сколотивъ себѣ деньги для покупки фаэтона, онъ женился, прожилъ съ женою въ согласіи пять лѣтъ и прижилъ двоихъ дѣтей при жизни. Всегда, по показаніямъ свидѣтелей, веселый, здоровый и румяный, онъ вовсе не пилъ водки и велъ жизнь вообще умѣренную, отлично, «богатырски» спалъ, сномъ человѣка трудового, никогда не страдалъ безсонницею или ночными потами, никогда не кашлялъ, развѣ послѣ горячаго чаю выбѣжитъ зимою на крыльцо или на дворъ. 17-го сентября онъ уѣзжаетъ въ Григоровку здоровый, а возвращается побитый, съ разбитымъ переносьемъ и окровавленнымъ платьемъ и лицомъ. Онъ глубоко оскорбленъ полученными имъ побоями, отказывается отъ предложенія закусить, такъ какъ еще въ Григоровкѣ «выпилъ и закусилъ» и чуть-свѣтъ отправился къ доктору и жаловаться. Онъ, человѣкъ, не знавшій еще новаго суда или, лучше сказать, узнающій его уже послѣ смерти, рѣшается вести дѣло о нанесенныхъ ему оскорбленіяхъ тѣмъ судомъ, котораго такъ боялись прежде простые люди; жена его закладываетъ шубу, чтобы изъ послѣдняго внести 3 руб., необходимые для бумаги, на которой будетъ написано свидѣтельство врача. Видно, оскорбленіе не на шутку задѣло Северина. Онъ идетъ разсказывать о немъ Бардакову и, наконецъ, вернувшись домой, долженъ слечь. Еще докторъ усмотрѣлъ у него налитіе глазъ кровью, при чемъ нашелъ нужнымъ замѣтить, что *зрѣніе, однако, не повреждено,* — значитъ глаза таки порядочно были налиты кровью. У него боль головы и переносья, шумъ въ ушахъ и слабость. У Бардакова онъ еле стоитъ, еле смотритъ своими, «водою налитыми», по показанію свидѣтеля, глазами. Нужны бы «приличныя средства», о которыхъ говорилъ докторъ, но эти средства не прописаны, потому что «объ нихъ не просили», да и купить ихъ не на что. Дома съ нимъ дѣлается все хуже и хуже. Онъ не ѣстъ ничего и ничего не пьетъ, не можетъ пройтись по комнатѣ, жалуется на головную боль, не спитъ. Да и до сна ли?! Хозяйство стало, денегъ нѣтъ, едва ли «вычухается», смерть близка,—а тутъ все, накопленное долгимъ трудомъ, придетъ въ разореніе,—придется нанимать работника, платить ему 6 руб. въ мѣсяцъ,—жена остается одна, безъ поддержки,—вдову-то легко всякому обидѣть, — да еще съ дѣтьми, да еще беременную, гдѣ тутъ

спать!—Вотъ что должно было приходить неминуемо и вполнѣ естественно въ голову больному и усиливать его огорченіе.

Между тѣмъ, Северину становится хуже и хуже; временами сказывается у него любовь къ тому скромному труду, который ему предназначила судьба,—онъ выходитъ на крыльцо взглянуть на своихъ кормильцевъ—лошадей, посмотрѣть овесъ, но уже назадъ взойти не можетъ, силы его покидаютъ. Начинается бредъ, въ которомъ воображеніе, рисуя недавнюю обиду, не можетъ оторваться отъ обыденной, извозчичьей обстановки: ему чудится, что его бьютъ *кнутами* въ Григоровкѣ, онъ прощается съ женою, плача и говоря, что «*за нимъ пріѣхали*!» Наконецъ онъ умираетъ въ безсознательномъ состояніи. Неужели же во всемъ ходѣ этой болѣзни, мысль наша не обращается постоянно въ Григоровку, не вспоминаетъ о нанесенныхъ тамъ Северину побояхъ? Можно ли, не грѣша противъ очевидности, допустить, что побои, послѣ которыхъ тотчасъ захворалъ Северинъ, «сами по себѣ», а болѣзнь и смерть тоже «сами по себѣ»?! Развѣ не видна, не чувствуется связь смерти съ побоями? И гдѣ же указанія на иныя причины смерти?.. Намъ скажутъ—чахотка. Но гдѣ ея признаки? А они должны быть ясны, если только она началась до нанесенія побоевъ. Вы слышали, гг. присяжные, экспертовъ. Возьмемъ еще одного въ помощь,—знаменитаго эксперта по части грудныхъ болѣзней, профессора Нимейера. Какіе признаки чахотки указываетъ онъ въ своемъ «трактатѣ о легочной чахоткѣ»? Эти признаки: безсонница, ночные поты, кашель съ кровью, одышка, золотуха на дѣтяхъ, рожденныхъ или зачатыхъ во время болѣзни одного изъ родителей. Гдѣ эти признаки у Северина? Смѣло можно сказать, выслушавъ свидѣтелей, что признаковъ этихъ нѣтъ... Вы слышали, что дѣти Северина цвѣтутъ здоровьемъ и никогда ни золотухою, ни англійскою болѣзнью больны не бывали. Итакъ, Северинъ умеръ не отъ чахотки; онъ умеръ отъ многихъ причинъ, стоящихъ между собою въ связи и сводимыхъ къ одной главной, къ удару, нанесенному ему Дорошенко. Этотъ ударъ вызвалъ, во-первыхъ, кровотеченіе, и кровотеченіе обильное, такъ какъ поврежденія носа всегда влекутъ за собою большія потери крови, что объяснено здѣсь экспертомъ Грубе. Что крови вышло много—это видно изъ того, что она полилась у Северина еще въ Григоровкѣ, какъ видно изъ показанія Склаво:—онъ уѣхалъ изъ Григоровки въ 2 часа ночи, а пріѣхалъ домой въ четыре и кровь, по показанію свидѣтелей, еще сочилась изъ поврежденнаго мѣста,—слѣдовательно, она шла слишкомъ 2 часа. Во-вторыхъ, ударъ вызвалъ поврежденіе костей носа и, конечно, поврежденіе всѣхъ окружающихъ мѣстъ на головѣ;—въ третьихъ, ударъ этотъ былъ причиною крайняго ослабленія Северина, такъ какъ отъ потери крови неминуемо долженъ былъ произойти упадокъ силъ, располагающій къ дальнѣйшему развитію всякой болѣзни; въ-четвертыхъ, онъ вызвалъ, вслѣдствіе истощенія силъ, припадки скоротечной чахотки и, въ-пятыхъ, вызвалъ сильное душевное потрясеніе. Въ послѣднемъ

сомнѣваться нельзя: послѣднія минуты Северина указываютъ на это потрясеніе,—возможность же его нельзя отрицать у Северина, какъ по той обстановкѣ, въ которой ему были нанесены побои, такъ и по тѣмъ послѣдствіямъ, которыми они грозили участи этого бѣднаго рабочаго человѣка, будущности его жены и дѣтей. Я не полагаю, чтобы мнѣ рѣшились возразить, что Северинъ, будучи извозчикомъ, не могъ имѣть достаточно развитого чувства чести для того, чтобы оскорбиться побоями. Для этого вовсе не нужно утонченнаго развитія чувства чести, и притомъ здѣсь чувство нанесеннаго оскорбленія, вѣроятно, играло не главную роль, а на первомъ планѣ долженъ былъ стоять страхъ и огорченіе за послѣдствія, которыя Северинъ ясно предвидѣлъ, говоря, что «ему не вычухаться»... Наконецъ, можно съ полной увѣренностью сказать, что, къ чести русскаго простого народа, въ немъ встрѣчаются, и весьма даже нерѣдко, личности, которыя, несмотря на грубоватую внѣшность и «черную» работу, имѣютъ настолько развитое чувство справедливости, что могутъ весьма оскорбляться и огорчаться грубымъ и незаслуженнымъ поруганіемъ надъ собою или надъ другими. Всѣ указанныя причины произвели въ Северинѣ горячечное состояніе, кончившееся его смертью. Она послѣдовала отъ побоевъ, нанесенныхъ Дорошенко. Объ этомъ говорятъ два эксперта-профессора, твердятъ всѣ свидѣтели, на это указываютъ естественный ходъ вещей и голосъ здраваго смысла. Намъ, быть можетъ, скажутъ, что смерть не была прямымъ послѣдствіемъ побоевъ, а была вызвана развитіемъ указанныхъ нами причинъ, тогда какъ если бы своевременно были устранены эти причины, то и смерть могла бы не послѣдовать. Напримѣръ, если бы своевременно было унято кровотеченіе, если бы подана была надлежащая медицинская помощь и приняты «приличныя средства», если бы Северинъ не ѣздилъ верхомъ къ Бардакову и на тряскомъ «ванькѣ» къ исправнику и т. д. Но вліяніе извѣстныхъ причинъ на тотъ или другой исходъ дѣла должно обсуждаться въ связи со всею средою и обстановкою дѣла. Самыя серьезныя поврежденія могутъ быть излѣчены знаменитыми врачами,—но слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы поврежденія эти, если они были нанесены гдѣ нибудь въ глуши, гдѣ не только нѣтъ знаменитыхъ, но и вовсе никакихъ врачей, и если они вызвали смерть, могли бы не считаться причиною смерти? Нужно только, чтобы не было какой нибудь совершенно посторонней причины смерти, но вполнѣ достаточно, если смерть произошла отъ извѣстной причины, отъ того или другого вызваннаго ею страданія, которое особенно сильно развилось вслѣдствіе неблагопріятной обстановки. Северинъ сдѣлалъ возможное: лѣчился домашними средствами, не имѣя денегъ для приглашенія врача, ставилъ себѣ горчичники, переставалъ выѣзжать на работу и т. д., однимъ словомъ—сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать для своего выздоровленія человѣкъ въ его званіи и съ его обстановкою, его ли вина, что Григоровка далеко, и что, покуда пришлось пріѣхать домой, утрачено было много крови? Его ли вина,

что у него не было средствъ пригласить врача, и что ѣздить онъ долженъ былъ къ врачу и къ Бардакову не въ каретѣ на лежачихъ рессорахъ, а верхомъ и на тряскомъ «ванькѣ»? Онъ дѣйствовалъ согласно съ условіями своего быта и съ обстоятельствами. Да, наконецъ, я полагаю, что большая часть этихъ побочныхъ причинъ не могла имѣть никакого вліянія на смертельный исходъ болѣзни Северина, такъ какъ по положительному и категорическому заявленію экспертовъ, причиной—главною и единственною—смерти Северина были нанесенные ему побои. Другой вопросъ, который можетъ быть возбужденъ—о томъ, не могутъ ли такія причины, вызываемыя неудобствами обстановки, вызывать отрицательный отвѣтъ о существованіи причинной связи между побоями и смертью?—разрѣшается не только указаніями закона, который нигдѣ не говоритъ о томъ, что побои должны быть непосредственною, прямою причиною смерти, а требуетъ только, чтобы послѣдствіемъ побоевъ была смерть, чтобы между побоями и смертью существовалъ рядъ разнообразныхъ причинъ, которыя всѣ, въ «началѣ началъ», исходятъ изъ побоевъ и, въ «концѣ концовъ», приводятъ къ смерти,—но и установившеюся у насъ судебною практикою. Вашимъ предшественникамъ на скамьѣ засѣдателей, г-да присяжные, пришлось разрѣшить въ этомъ самомъ судѣ рядъ дѣлъ, гдѣ также возбуждался вопросъ о томъ, послѣдовала ли смерть вслѣдствіе насильственныхъ дѣйствій подсудимаго и указывалось на побочныя обстоятельства, которыя могли ускорить смерть,—и во всѣхъ этихъ дѣлахъ предмѣстники ваши, выслушавъ заключенія экспертовъ-врачей, признавали, что смерть была послѣдствіемъ дѣйствій обвиняемаго. Вы слышали изъ объясненій профессора Лямбля, что таковы, напримѣръ были дѣла—Сидоренко-Кравца, обвинявшагося въ нанесеніи чубукомъ удара въ глазъ рядовому Губанову, дѣло Ивана Калиты, нанесшаго смертельные удары въ голову Павлу Калитѣ, дѣло Тарана, убившаго мѣщанку Павеличенкову и др. Губанова везли ночью, въ морозъ, по тряской дорогѣ, съ начинавшимся воспаленіемъ мозга, за нѣсколько верстъ, и это безъ сомнѣнія, должно было усилить развитіе воспаленія,—но эксперты признали, что смерть была причинена рукою человѣка, воткнувшаго Губанову въ глазъ чубукъ. Калита, послѣ нанесенныхъ ему побоевъ, ѣздилъ лѣчиться къ знахаркѣ въ дальнюю волость, пилъ воду и даже покушался пировать на крестинахъ, но, болѣя постоянно, черезъ 10 дней умеръ, и смерть была признана происшедшею отъ побоевъ, нанесенныхъ ему. Заключая вторую часть моего обвиненія, мнѣ остается заявить, что, по моему убѣжденію, если доказано, что Северину нанесены подсудимымъ побои, то не менѣе того доказано, что ими вызвана смерть.

Обращаюсь, наконецъ, къ заключенію моего обвиненія, къ опредѣленію, въ какомъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ уголовнымъ закономъ, обвиняется подсудимый Дорошенко. Подсудимый обвиняется въ нанесеніе Северину съ намѣреніемъ побоевъ, отъ которыхъ послѣдо-

вала смерть послѣдняго. Это преступное дѣяніе указано въ 1464 ст. Улож. о нак. и возбуждало нерѣдко различныя пренія и вызывало разнообразныя толкованія. Въ виду возможности такихъ преній и въ настоящемъ дѣлѣ, я считаю нужнымъ заранѣе заявить, что статья эта положительно разъяснена высшимъ законодательнымъ учрежденіемъ въ Россіи, Государственнымъ Совѣтомъ, и въ смыслѣ этого разъясненія толкуется и Кассаціоннымъ Сенатомъ. Государственный Совѣтъ, разсмотрѣвъ дѣло помѣщицы княгини Трубецкой, нанесшей побои палкою больному, страдавшему удушьемъ старику, который черезъ три дня затѣмъ умеръ, хотя послѣ наказанія всталъ и ушелъ, и хотя смерть послѣдовала, согласно мнѣнію врача, отъ неразрѣшившагося воспаленія въ легкомъ, къ которому онъ имѣлъ уже расположеніе вслѣдствіе давно бывшаго паденія съ крыши и прироста легкаго къ ребрамъ,—призналъ, что къ дѣянію Трубецкой должна быть примѣнена 1464 статья, которая, по мнѣнію Государственнаго Совѣта, говоритъ о такихъ побояхъ, которые, *по всей вѣроятности, не могли подвергнуть жизнь опасности и только по стеченію особенныхъ обстоятельствъ причинили смерть,*—что̀ иногда можетъ произойти и отъ одного удара, нанесеннаго въ нѣжную или больную часть тѣла.

Очевидно, что и примѣръ, на которомъ основано это рѣшеніе, и самое рѣшеніе какъ нельзя болѣе подходятъ подъ дѣяніе, въ совершеніи котораго обвиняется подсудимый. Онъ нанесъ Северину побои въ опасную часть головы,—въ переносье, гдѣ мозгъ отдѣляется отъ полости носа довольно тонкими костями,—онъ нанесъ эти побои безъ всякаго желанія причинить смерть Северину, но съ опредѣленнымъ и яснымъ намѣреніемъ побить его;—побои не были особенно тяжелыми и, по всей вѣроятности, не могли подвергнуть жизнь Северина немедленной опасности, но вызвали, однако, различныя болѣзненныя явленія. Эти болѣзненныя явленія, эти *особенныя обстоятельства* стеклись такъ, что вызвали смерть Северина. Въ дѣяніи подсудимаго законъ не видитъ убійства, онъ относится къ нему гораздо снисходительнѣй, но не можетъ, однако, не считать серьезнымъ преступленіемъ дѣянія, которымъ, въ нарушеніе закона и права, отнимаются у общества граждане, а у семьи работники и кормильцы.

Обвиненіе мое кончено. Я представилъ вамъ, господа присяжные, все, что могъ и что считалъ необходимымъ для разъясненія обстоятельствъ, на которыхъ основывается обвиненіе въ настоящемъ дѣлѣ. Пробѣгая мысленно все мною сказанное, соображая вновь всѣ сложныя обстоятельства дѣла, его ходъ здѣсь на судѣ и всю его обстановку—я выношу полнѣйшее убѣжденіе въ виновности подсудимаго Дорошенко. Раздѣляете ли вы мое убѣжденіе—покажетъ вашъ приговоръ. Но каковъ бы ни былъ этотъ приговоръ, осудитъ ли онъ подсудимаго или торжественно признаетъ его невиннымъ, у обвинительной власти останется все-таки сознаніе, что она, насколько

было въ ея силахъ, выполнила свою задачу, возбудивъ настоящее безгласное и погребенное въ полицейскомъ архивѣ дѣло, доведя его до возможной ясности и представивъ на ваше обсужденіе. Подсудимый обвиняется въ томъ, что дѣйствуя незаконно, нанесъ обществу ущербъ, лишивъ жизни одного изъ его членовъ. Вамъ, представителямъ всѣхъ слоевъ этого общества, всего лучше и справедливѣй произнести рѣшительное и окончательное слово о виновности подсудимаго предъ закономъ, стоящимъ на стражѣ общественной и личной безопасности...

XV.

По дѣлу объ убійствѣ отставного рядового Бѣлова.

22-го іюня 1870 года, въ четвертомъ часу утра, въ селѣ Теньках̀ъ, Свіяжскаго уѣзда, Казанской губерніи, крестьянинъ Андрей Арсеновъ, проходя проулкомъ между яблочныхъ садовъ, увидѣлъ, среди дороги, трупъ отставного солдата Степана Бѣлова, о чемъ тотчасъ же объявилъ волостному правленію. Волостной старшина, отправившись вмѣстѣ съ сельскимъ старостою и понятыми на мѣсто, нашелъ тамъ отставного солдата Степана Бѣлова, лежащаго мертвымъ, лицомъ внизъ, безъ шапки, въ полубумажной рубахѣ, изорванной на спинѣ, въ синепестрядинныхъ портахъ и въ кожаныхъ сапогахъ. Спина и лѣвый високъ Бѣлова были запачканы кровью, но знаковъ остраго орудія на тѣлѣ его не было найдено.

Подозрѣніе въ лишеніи Бѣлова жизни пало на жену покойнаго, Арину Бѣлову, и проживавшаго у нихъ въ домѣ отставного унтеръ-офицера Матвѣя Каляшина, находившагося съ Ариною Бѣловой въ связи,—на томъ основаніи, что, во-первыхъ, покойнаго Бѣлова, въ сумеркахъ, наканунѣ того, какъ онъ былъ найденъ мертвымъ, видѣли вошедшимъ къ себѣ на дворъ и болѣе не выходившимъ, во-вторыхъ—потому, что на одеждѣ и тѣлѣ покойнаго Бѣлова найдены были слѣды того, что трупъ его былъ откуда-то перетащенъ на то мѣсто, гдѣ его нашли, и по направленію къ его дому усмотрѣны слѣды тащеннаго человѣка и, наконецъ,—въ третьихъ,—потому, что Матвѣй Каляшинъ, при разспросахъ, сперва объяснилъ, что ночь убійства провелъ у солдатки Казвѣровой, а потомъ по настоянію жены покойнаго Бѣлова, Арины,—признался, что ночевалъ означенную ночь въ домѣ Бѣлова. По судебно-врачебному осмотру и вскрытію трупа Бѣлова, произведенному 27-го іюня, найдено слѣдующее: верхнее лѣвое вѣко имѣло сине-багровый цвѣтъ и при разрѣзѣ обнаружило кровоподтекъ; на носу ссадина кожи, при чемъ замѣчено бывшее изъ носу кровоизліяніе; языкъ оказался опухшимъ,—на концѣ его усмотрѣнъ отпечатокъ зубовъ; на правой сторонѣ груди три ссадины кожи, на предплечіи лѣвой руки синебагровое пятно, соединенное съ кровоподтекомъ, и на обѣихъ рукахъ, повыше кистей, ссадины кожи, въ клѣтчаткѣ, около двухъ послѣднихъ поясничныхъ позвонковъ, найдено съ чайную ложку темной сгустившейся крови. По мнѣнію врача, знаки наружнаго насилія, найденные на спинѣ и на груди Степана Бѣлова, произведены по смерти и весьма вѣроятно, при перетаскиваніи трупа; знаки же насилія на лбу, на верхнемъ лѣвомъ вѣкѣ, на предплечіи лѣвой руки и противъ поясничныхъ позвонковъ произведены при жизни, при чемъ кровяной сгустокъ въ клѣтчаткѣ, около пояс-

ничныхъ позвонковъ, могъ произойти отъ нажатія тупымъ тѣломъ, напр. колѣномъ ноги. По внутреннему осмотру трупа Бѣлова найдено, что слизистая оболочка его гортани и дыхательнаго горла имѣла сине-красноватый цвѣтъ, яремныя вены содержали много темной крови; легкія равнымъ образомъ имѣли сине-красный цвѣтъ и при разрѣзѣ отдѣляли очень много темной крови; въ развѣтвленіяхъ дыхательнаго горла находилась мѣстами пѣнистая кровь; подъ легкими, въ грудной полости, было около стакана темной жидкой крови; сердце, не заключая въ себѣ органическихъ пороковъ, было очень растянуто кровью, которую въ небольшомъ количествѣ содержали въ себѣ и выходящіе изъ сердца сосуды. При изслѣдованіи желудка, найдено сильное воспалительное состояніе его и частію такое же состояніе тонкихъ кишекъ, почему желудокъ и часть тонкихъ кишекъ, при вскрытіи, были вынуты, перевязаны и положены въ особый сосудъ, для отправленія во врачебное отдѣленіе для химическаго изслѣдованія. На основаніи найденнаго въ организмѣ покойнаго Бѣлова, и принимая во вниманіе кровоистеченіе изъ носа, состояніе языка, цвѣтъ слизистой оболочки гортани съ присутствіемъ кровянистой жидкости въ развѣтвленіяхъ дыхательнаго горла, наконецъ, состояніе легкихъ и сердца,—врачъ заключилъ, что смерть Бѣлова была насильственная, происшедшая отъ удушенія, произведеннаго насильственнымъ прекращеніемъ дыханія, отъ задержанія рта и носа рукою или другимъ чѣмъ. Воспалительное же состояніе желудка и тонкихъ кишекъ могло произойти, по мнѣнію врача, какъ отъ неумѣреннаго употребленія вина, такъ и отъ принятія какого либо остраго ядовитаго вещества. Окончательный выводъ врача былъ тотъ, что смерть Бѣлова произошла отъ удушенія, если еще при этомъ не было и отравленія.

По осмотру жилища покойнаго Бѣлова и обыскамъ, въ немъ на разныхъ предметахъ найдены слѣды крови, а именно на портках, принадлежащихъ, по объясненію дочери Бѣловыхъ, Варвары, Матвѣю Каляшину,—найдены въ нѣсколькихъ мѣстахъ большія и малыя пятна пожелтѣвшей крови; на порогѣ напогребницы, у выхода, оказались значительныя кровавыя пятна и слѣдъ растертой крови, а также кровавыя брызги и на крайней къ выходной сторонѣ доскѣ двери напогребницы; въ той же напогребницѣ, на односпальномъ войлокѣ, найдено нѣсколько кровавыхъ пятенъ; въ сѣняхъ избы Бѣлова, около наръ, найдены неопредѣленнаго цвѣта пятна, какъ будто подскобленныя и замытыя; въ избѣ, на залавкѣ, найдена глиняная плошка, содержавшая въ себѣ позеленѣвшую жидкость съ навалившимися въ нее мухами.

По судебно-химическому и микроскопическому изслѣдованію, произведенному фармацевтомъ врачебнаго отдѣленія Казанскаго губернскаго правленія въ присутствіи помощника медицинскаго инспектора,—надъ внутренностями Бѣлова, жидкостью въ упомянутой глиняной плошкѣ и всѣми указанными пятнами на разныхъ предметахъ въ его жилищѣ, оказалось, что во внутренностяхъ Бѣлова и въ веществѣ въ чашкѣ находится мышьякъ и что всѣ перечисленныя выше пятна на разныхъ предметахъ дѣйствительно кровяныя.

Разсмотрѣвъ судебно-врачебное свидѣтельство о вскрытіи трупа Бѣлова, врачебное отдѣленіе выводъ врача о причинѣ смерти Бѣлова нашло правильнымъ и, на основаніи данныхъ химическаго изслѣдованія, сдѣлало заключеніе, что смерть Бѣлова произошла отъ отравленія и была ускорена удушеніемъ.

По осмотру слѣдователемъ одежды, въ которой Степанъ Бѣловъ былъ найденъ мертвымъ, рубаха Бѣлова оказалась на спинѣ разорванною, а спереди и на рукахъ покрытою грязью; на задней части портовъ Бѣлова усмотрѣны, по направленію обѣихъ ногъ, зеленоватыя полосы отъ травы. Волостной старшина Павелъ Кисляковъ, дѣлавшій осмотръ трупа Бѣлова на утро послѣ убійства, на допросѣ объяснилъ, что грязь, находившаяся

на одеждѣ Бѣлова, представлялась въ то время, какъ онъ ее осматривалъ, — приглаженною и сравнявшеюся видимо отъ тащенія Бѣлова по землѣ, въ пользу чего говорило еще и то, что на подошвахъ сапогъ Бѣлова ни мокроты отъ бывшей въ ночь росы, ни пыли, ни грязи, онъ, старшина, не видѣлъ. Относительно усмотрѣнныхъ по землѣ слѣдовъ отъ трупа Бѣлова къ дому послѣдняго, тотъ же старшина, обозрѣвавшій эти слѣды на утро, послѣ убійства, показалъ, что около самаго трупа Бѣлова ни на землѣ, довольно, впрочемъ, жесткой и не пыльной, ни на травѣ, слѣдовъ тащеннаго человѣка и тащившихъ его людей не было видно, но что затѣмъ, пройдя проулокъ, въ которомъ было найдено тѣло, и повернувъ въ другой проулокъ, изъ котораго есть ходъ въ садъ крестьянина Прохорычева, сосѣда Бѣловыхъ,—по жесткой травѣ, покрывающей почву проулка,—замѣченъ былъ слѣдъ ходившихъ въ ночь убійства людей. Слѣдъ обозначался полосою, шириною въ аршинъ и длиною въ 15 саженъ, не имѣвшею капель росы, которая между тѣмъ покрывала всю остальную траву въ проулкѣ. Самая трава по слѣду примята не была, да и не могла, по мнѣнію старшины, примяться по своей короткости, жесткости и густотѣ. При этомъ старшина добавилъ, что по проулку, по которому шелъ слѣдъ, на лошадяхъ не ѣздятъ и на немъ, кромѣ тропы для пѣшеходовъ, вездѣ растетъ трава. При дальнѣйшемъ слѣдованіи по неорошенному слѣду, оказалось что слѣдъ этотъ поворачивалъ изъ проулка прямо къ прясли сада крестьянина Прохорычева. Когда, по указанію слѣда, старшина съ понятыми перелѣзъ черезъ прясло, то въ саду Прохорычева, на окружающей узкую тропу густой и высокой травѣ, былъ усмотрѣнъ слѣдъ тащеннаго человѣка, обозначавшійся полосою въ 5 четвертей ширины довольно плотно пригнутой къ землѣ высокой травы, не имѣвшей капель росы. Слѣдъ этотъ шелъ отъ верха сада къ самому прислу, къ тому мѣсту, гдѣ старшина съ понятыми перелѣзъ черезъ прясло. Проходя черезъ садъ Прохорычева, слѣдъ велъ къ его току, пролегалъ одинаково широкою полосою чрезъ токъ, обозначаясь свороченною соломою, а затѣмъ поворачивалъ налѣво къ овинной ямѣ; у края ямы, не спускаясь въ нее, сворачивалъ налѣво, шелъ прямо по высокой травѣ и, не доходя до воротъ, ведущихъ во дворъ Прохорычева, — пошелъ налѣво, къ прислу, отдѣляющему садъ Прохорычева отъ огорода Бѣлова. Здѣсь, на прутьяхъ прясла, усмотрѣна была приставшая къ нимъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ скошенная трава, лежавшая кучею возлѣ прясла. Изъ этого обстоятельства старшина и понятые вывели то предположеніе, что въ томъ мѣстѣ черезъ прясло было перенесено тѣло Бѣлова изъ его двора, для чего прутья были вынуты изъ прясла, брошены въ кучу скошенной травы и опять поставлены на мѣсто, при чемъ часть скошенной травы къ нимъ и пристала. Наконецъ, во дворѣ Бѣлова было усмотрѣно, что въ одномъ мѣстѣ, недалеко отъ заднихъ воротъ, подъ повѣтью, грязь была, видимо, приглажена и вдавлена тащеннымъ по ней тѣломъ.

Арина Бѣлова, не сознаваясь въ убійствѣ своего мужа, показала, что наканунѣ того, какъ онъ былъ найденъ мертвымъ, въ сумерки, незадолго до пригона скотины, онъ возвратился хмельнымъ изъ питейнаго дома, сѣлъ возлѣ нея на заваленкѣ хаты и началъ было дремать. Видя что онъ хочетъ спать, Арина провела его во дворъ, гдѣ онъ около крыльца и легъ, а она опять вышла за ворота; вскорѣ затѣмъ пришла изъ стада скотина и она, Арина, стала ее убирать. Между тѣмъ мужъ ея захотѣлъ курить, и такъ какъ табакъ его имѣлъ дурной запахъ, то она, какъ всегда, посовѣтовала ему выдти курить на огородъ, куда онъ и пошелъ, а она пошла на улицу, гдѣ и оставалась, пока совсѣмъ не стемнѣло. Затѣмъ она съ дочерью Варварою поужинала и обѣ легли спать, она въ избѣ, а дочь въ клѣти. Мужъ не возвращался. Не успѣла она заснуть, какъ пришелъ Каляшинъ и отправился спать къ нимъ въ напогребницу. Мужа во всю ночь не было и она уже его не видала до тѣхъ поръ, пока его не нашли мертвымъ

Съ Каляшинымъ она хотя и была когда-то въ любовной связи, но когда Каляшинъ у нея квартировалъ, то она съ нимъ связи не имѣла. Съ квартиры ея Каляшинъ сошелъ еще на Пасху и, по возвращеніи ея мужа изъ службы въ Казани домой, Каляшинъ только иногда, по знакомству, ночевалъ у нихъ. Относительно найденныхъ у ней въ домѣ портовъ съ кровавыми пятнами, Арина показала что это порты ея покойнаго мужа. Отчего произошли кровавыя пятна на этихъ портахъ, въ разныхъ мѣстахъ въ избѣ и на погребницѣ,—она не знаетъ, а равно отчего произошелъ слѣдъ тащеннаго человѣка въ саду ихъ сосѣда, по направленію къ ихъ двору. О глиняной плошкѣ съ мышьякомъ Арина показала, что найденную въ чашкѣ жидкость приготовилъ ея мужъ для истребленія мухъ; откуда же онъ ту жидкость досталъ, она не знаетъ. При этомъ Арина возбудила подозрѣніе въ убійствѣ своего мужа противъ своихъ односельцевъ Курманаева и Арсенова, на томъ основаніи, что они, будто бы, въ послѣдніе дни передъ смертію ея мужа, пьянствовали съ нимъ, и изъ нихъ Курманаевъ, будто бы, допытывался отъ ея мужа какихъ-то пожитковъ. Къ тому же Арина добавила, что о такомъ поведеніи этихъ крестьянъ, въ особенности Курманаева, относительно ея мужа, она, наканунѣ смерти послѣдняго, заявляла сельскому старостѣ.

Между тѣмъ, подозрѣніе, взведенное Ариною на Курманаева и Арсенова, ничѣмъ на слѣдствіи не подтвердилось; спрошенный же для провѣрки показанія Арины, сельскій староста показалъ, что Арина, за два дня до смерти ея мужа, говорила ему, старостѣ, только о томъ, что мужъ ея пьетъ и что она боится «какъ бы не было у нихъ какого дѣла», но съ кѣмъ мужъ ея пилъ, она не говорила и ни на Курманаева, ни на Арсенова не указывала.

Дочь Арины Бѣловой, Варвара, при допросѣ показала, что, во-первыхъ, Каляшинъ жилъ у нихъ въ домѣ до послѣдняго дня и съ квартиры на Пасху не сходилъ; во-вторыхъ, что порты съ кровавыми пятнами принадлежатъ не ея отцу, а Каляшину и, наконецъ, что снадобье въ глиняной плошкѣ, противъ мухъ, приготовила ея мать, а не отецъ. Относительно прихода ея отца, наканунѣ его смерти, домой, Варвара показала, что видѣла только, сидя на улицѣ, какъ ея отецъ, передъ «стаднею порою», пришелъ къ своему дому и сѣлъ на завалинкѣ, а мать увела его во дворъ; затѣмъ, вгоняя во дворъ скотину, она, Варвара, видѣла отца стоящимъ среди двора, и послѣ того, просидѣвъ на улицѣ до ночи, отца уже не видѣла; придя домой, легла спать въ клѣти и слышала только, какъ Каляшинъ вернулся домой и пошелъ спать въ напогребницу; затѣмъ она, Варвара, уснула и что происходило ночью — не слышала.

Возвращеніе Степана Бѣлова домой, въ сумерки, наканунѣ смерти, видѣли и свидѣтельницы Малова и Лукояникова.

Обвиняемый Матвѣй Каляшинъ, въ противность объясненіямъ Арины Бѣловой, показалъ, что уже три года стоитъ у нея постоянно на квартирѣ, въ которой жилъ и до самаго арестованія. Живя у Арины, онъ постоянно былъ съ нею въ любовной связи. Мужъ Арины, покойный Степанъ Бѣловъ, служившій въ Казани, о связи ихъ зналъ и съ нимъ, Каляшинымъ, не ссорился. Когда Степанъ Бѣловъ, передъ минувшимъ праздникомъ Троицы, вернулся домой, то Каляшинъ, хотя и остался жить у Бѣловыхъ, но связи своей съ Ариною уже при ея мужѣ не продолжалъ. На ночь передъ убійствомъ, придя къ Бѣловымъ, онъ Степана Бѣлова не видалъ и, отправившись въ напогребницу, заснулъ и ночью ничего не слыхалъ; на другой же день утромъ былъ неизвѣстно почему арестованъ. О портахъ съ кровавыми пятнами Каляшинъ показалъ, что они принадлежатъ убитому Бѣлову; о снадобьѣ въ глиняной плошкѣ Каляшинъ объяснилъ, что оно появилось въ домѣ Бѣловыхъ уже по приходѣ Степана Бѣлова изъ Казани, но кто его приготовилъ, — Бѣловъ или его жена, — ему неизвѣстно.

Волостной старшина Кисляковъ, разспрашивавшій Каляшина тотчасъ

по арестованіи, показалъ, что на вопросъ его, старшины, о томъ, гдѣ Каляшинъ провелъ ночь убійства, послѣдній первоначально отвѣтилъ, что ночевалъ у сосѣдки Авдотьи Казвѣровой; Арина же Бѣлова, услыхавши этотъ отвѣтъ отъ Каляшина, сказала:«зачѣмъ такъ отвѣчать», и велѣла ему показывать, что онъ ночевалъ у нихъ, Бѣловыхъ, въ домѣ. Тогда Каляшинъ такъ и показалъ; это разнорѣчіе въ показаніи Каляшина подтвердилъ на слѣдствіи и помощникъ волостного писаря Пѣснинъ, бывшій при первоначальномъ допросѣ Каляшина.

Кромѣ того, при производствѣ дознанія становымъ приставомъ, Каляшинъ объяснилъ, что рубаха, бывшая на немъ при разспросахъ пристава (24 іюня), была надѣта имъ наканунѣ убійства; на слѣдствіи же, бывшій подъ арестомъ при волости, при арестованіи Каляшина, крестьянинъ Ѳедоръ Ульянцевъ показалъ, что въ день арестованія Каляшинъ перемѣнилъ бывшую на немъ рубаху и отдалъ ее мыть своей женѣ, приносившей ему въ арестантскую хлѣба. Это обстоятельство подтвердила и жена Каляшина, объяснивъ, что переданное ей мужемъ бѣлье она отнесла сестрѣ Бѣловой, Ненилѣ Дорофеевой. Ненила Дорофеева показала, что, принявъ отъ жены Каляшина принесенное ею бѣлье, она, не разсматривая того бѣлья, сложивъ его на лавку въ домѣ Бѣловыхъ, ушла изъ дому, и гдѣ потомъ замѣшалось это бѣлье—ей неизвѣстно.

На повальномъ обыскѣ Арина Бѣлова и Матвѣй Каляшинъ въ поведеніи не одобрены.

Поэтому, отставной унтеръ-офицеръ Каляшинъ и вдова рядового Бѣлова преданы были суду по обвиненію въ томъ, что, по предварительному между собою соглашенію, въ ночь съ 21-го на 22-е іюня 1870 года отравили мышьякомъ отставного рядового Степана Бѣлова и, для ускоренія его смерти, задушили его, т. е. совершили преступленіе, предусмотрѣнное для Арины Бѣловой 1451 ст. Улож. о наказ., а для Матвѣя Каляшина—1453 ст. того же Уложенія.

Судебное засѣданіе по этому дѣлу происходило 19-го декабря 1870 г. въ Казанскомъ Окружномъ Судѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя суда *Лазарева*. Защищали: присяжный повѣренный *Бѣловъ* и дѣйствительный студентъ *Симанцевъ*. Подсудимые признаны *виновными* по предъявленному противъ нихъ обвиненію, но *заслуживающими снисхожденія*.

Гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели! Мнѣ предстоитъ явиться представителемъ обвинительной власти въ подлежащемъ вашему сужденію дѣлѣ. Дѣло это имѣетъ двоякое значеніе, общее и особенное. Общее его значеніе — изслѣдованіе истины въ событіи смерти Бѣлова, особенное значеніе—ознакомленіе васъ, гг. присяжные засѣдатели, а чрезъ васъ и всего общества, представителями котораго вы впервые, какъ судьи, являетесь, съ новымъ судомъ во всѣхъ его жизненныхъ, практическихъ проявленіяхъ. Поэтому считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ и о задачѣ обвинительной власти въ настоящемъ процессѣ. Общественная жизнь, въ своемъ разнообразіи, среди многоразличныхъ положеній и отношеній, въ которыхъ находятся люди, представляетъ отношенія неправильныя, темныя, дурныя, — представляетъ дѣйствія, направленныя и противъ цѣлаго общества, и противъ отдѣльныхъ его членовъ. Эти отноше-

нія, эти дѣйствія, эти уклоненія отъ закона — суть преступленія. Для того, чтобы предупредить ихъ появленіе, отвратить ихъ будущій вредъ—между прочимъ, организована полиція. Но какъ бы хорошо устроена она ни была, задуманныя преступленія все-таки иногда будутъ ускользать отъ ея вниманія и совершаться. Тогда придется наказывать виновныхъ, воздавать имъ должное, взвѣсивъ и измѣривъ ихъ дѣла. Для этого существуетъ судъ, для этого призываетесь сюда вы, гг. присяжные засѣдатели... Но для того, чтобы обсужденіе преступленія было возможно для васъ, чтобы оно дошло до васъ, надо возбудить о содѣянномъ преступленіи дѣло, надо изслѣдовать всѣ его мельчайшія подробности, направить разслѣдованіе на всѣ обстоятельства дѣла и, доведя его до васъ, сопоставить эти обстоятельства, сгруппировать ихъ, пояснить одно другимъ и изъ всего этого сдѣлать выводъ о виновности извѣстнаго лица. Для того чтобы преслѣдовать преступное дѣяніе со времени его обнаруженія, чтобы выяснить предъ вами всѣ темныя стороны дѣла—существуетъ особое учрежденіе—прокурорскій надзоръ, имѣющій на судѣ особую власть—обвинительную. Не обвиняя во что бы то ни стало, не стремясь непремѣнно добиться отъ васъ тяжелаго приговора,—обвинитель шагъ за шагомъ идетъ по пути, пройденному преступленіемъ, повѣряетъ вамъ свои наблюденія и выводы и, придя къ убѣжденію въ виновности подсудимаго, обязывается высказать вамъ это убѣжденіе. Если защита найдетъ свѣтлыя стороны въ дѣлѣ, которыя инымъ, болѣе отраднымъ, свѣтомъ озарятъ его обстоятельства и заставятъ васъ не повѣрить виновности подсудимыхъ или сильно усомниться въ ней,—то вы ихъ должны оправдать, а у обвиненія останется сознаніе, что оно сдѣлало все, что было нужно для выполненія своей трудной и подчасъ тяжелой задачи. Но если факты, молчаливые, но многозначительные факты, не будутъ опровергнуты, если вы непочувствуете въ своемъ сердцѣ невинности подсудимыхъ, если въ вашемъ умѣ не возникнетъ серьезныхъ сомнѣній въ ихъ виновности, то вы, спокойно исполняя свою высокую задачу быть защитниками общества и судьями,—согласитесь съ обвиненіемъ и произнесете обвинительный приговоръ.

Итакъ, пойдемте рука объ руку на изслѣдованіе обстоятельствъ дѣла. Вы знаете уже, что весною настоящаго года въ село Теньки, Свіяжскаго уѣзда, пришелъ изъ Казани со службы отставной солдатъ Степанъ Бѣловъ. Ушелъ онъ изъ Теньковъ давно, оставивъ тамъ свою жену. Вернувшись, онъ нашелъ, что въ домѣ его живетъ постоялецъ—Каляшинъ. Появленіе Каляшина очень понятно,—отношенія его къ Бѣловой весьма обыденны въ крестьянскомъ быту. Бѣловъ служилъ въ Казани, въ пожарной командѣ, домой приходилъ рѣдко и, конечно, ничѣмъ не помогалъ женѣ; ей приходилось быть одной, безъ помощи, безъ близкаго человѣка, утѣшителя и помощника. И вотъ такой человѣкъ явился:—онъ сталъ сообща съ Ариною Бѣловой вести хозяйство, поселился въ ея «сиротскомъ домѣ» и сталъ ей близкимъ человѣкомъ, настолько близкимъ, что и

здѣсь, на скамьѣ подсудимыхъ, онъ не разлучается съ нею. Этого-то человѣка засталъ у себя Бѣловъ. Шестнадцать лѣтъ тому назадъ взятый отъ сохи, онъ отвыкъ отъ хозяйства и немного пользы принесъ «сиротскому» житью своей жены, хотя, по ея словамъ, «за коровою ходить могъ». Тѣ свѣдѣнія, которыя мы получили здѣсь о покойномъ Бѣловѣ, представляютъ его охотникомъ выпить, человѣкомъ котораго народъ мѣтко называетъ «кабачнымъ завсегдатаемъ». 21-го іюня его находятъ мертвымъ, довольно далеко отъ своего дома, въ переулкѣ, очевидно, откуда-то притащеннаго. Самый близкій къ нему человѣкъ—жена—высказываетъ подозрѣніе на крестьянъ Арсенова и Курманаева, которые пили послѣдніе дни съ мужемъ въ кабакѣ. Но это подозрѣніе ничѣмъ не подтверждается, а между тѣмъ, по мнѣнію врача, утвержденному врачебною управою, оказывается, что Бѣловъ отравленъ. Но отравленіе есть такое преступленіе, которое чаще всего совершается своими, близкими—и вотъ подозрѣніе обращается на Арину Бѣлову и ея «жителя» Каляшина; производятся обыски и осмотры, улики растутъ, подозрѣніе скрѣпляется болѣе и болѣе, и нынѣ, въ концѣ концовъ, Бѣлова и Каляшинъ являются здѣсь, чтобы выслушать вашъ приговоръ. Они преданы суду за умышленное убійство Бѣлова, состоявшее въ отравленіи и задушеніи, и мнѣ предстояло бы доказывать, что есть данныя, которыя указываютъ на то, что убійство совершено именно подсудимыми, но вслѣдствіе показаній и объясненій вызванныхъ на судъ экспертовъ задача моя отчасти усложняется. Поэтому начну нѣсколько издалека.

Первый вопросъ, возникающій въ настоящемъ дѣлѣ — это вопросъ, былъ ли убитъ Бѣловъ, т. е. былъ ли онъ лишенъ жизни чужою, насильственною рукою? Вамъ извѣстно, какъ былъ найденъ Бѣловъ. Онъ лежалъ въ переулкѣ села Теньковъ, въ прорванной рубашкѣ, въ отверстіе которой была просунута его голова, въ двухъ портахъ, изъ которыхъ верхніе были запачканы травяною зеленью, въ сапогахъ, совершенно сухихъ и чистыхъ. На лицѣ, надъ лѣвымъ глазомъ, на скулѣ, на правомъ вѣкѣ у него слѣды ушибовъ или ударовъ, сдѣланныхъ, какъ объяснилъ здѣсь врачъ,—при жизни; въ клѣтчаткѣ, около двухъ послѣднихъ поясничныхъ позвонковъ, найдено у него изліяніе крови—какъ бы отъ давленія круглымъ твердымъ тѣломъ, какъ говоритъ тотъ же врачъ. Ротъ расцарапанъ, на рукахъ ссадины, какъ бы отъ веревокъ, которыми были связаны кисти рукъ,—языкъ опухъ и конецъ его ущемленъ зубами,—лицо багровое, на спинѣ пятна грязи на выпуклыхъ мѣстахъ. Человѣкъ можетъ умереть или естественною смертью, или отъ своей, или отъ посторонней руки. Умеръ ли Бѣловъ естественною смертью? Полагаю, что одно описаніе трупа Бѣлова достаточно опровергаетъ это предположеніе. Не такъ умираютъ естественною смертью, и какъ бы велики ни были страданія, предшествовавшія ей—слѣды ихъ на трупѣ будутъ иные, чѣмъ на трупѣ Бѣлова. Если бы онъ умеръ дома—то его тѣлу незачѣмъ находиться въ глухомъ переулкѣ; если

же онъ умеръ скоропостижно, внезапно, то гдѣ указанія его прихода на мѣсто смерти? Сапоги его сухи и чисты, а спина запачкана травою и грязью,—руки носятъ слѣды веревокъ... Итакъ, онъ умеръ неестественною смертью. Онъ самъ убилъ себя, самъ поднялъ на себя руки, могутъ отвѣчать намъ. Правда, на тѣлѣ Бѣлова слѣды насилія рукъ—но это не его руки. Гдѣ поводы къ самоубійству? Гдѣ признаки у Бѣлова того отчаянія и безнадежной тоски, которыя могли побудить его лишить себя жизни,—его,—спокойно выносившаго пожарную службу и высиживавшаго въ острогѣ? Связь жены съ Каляшинымъ не могла быть такою побудительною причиною. Изъ объясненій подсудимой видно, что мужъ, служа въ Казани, зналъ о ихъ связи и относился къ этому довольно равнодушно. Придя домой и увидѣвъ эту связь «воочію», онъ зналъ, что по исконному обычаю и по праву, онъ снова становится мужемъ и главою жены, имѣющимъ надъ нею власть. Былое, старое, очевидно, было позабыто, лишь бы вновь не повторялось, и сама Бѣлова, говоря, что не продолжала отношеній съ Каляшинымъ со времени прихода мужа домой, ни слова не упоминаетъ объ упрекахъ и укорахъ мужа за прошлое. Да этихъ укоровъ и быть не могло, потому что связь Арины Бѣловой было явленіемъ слишкомъ частымъ въ быту простыхъ русскихъ людей, уходящихъ на службу или заработки. И Бѣловъ не тосковалъ, не волновался, не негодовалъ, а сидѣлъ въ кабакѣ съ «теплыми ребятами» и угощался на ихъ счетъ, не гнушаясь выпить и на счетъ Каляшина, когда тотъ ему «подносилъ». Да и самый способъ совершенія самоубійства не таковъ. Чтобы прервать тяжелую, ненавистную жизнь, самоубійца не станетъ мучить и тиранить себя, зажимать себѣ ротъ, подбивать глаза, надавливать внутренности, вязать себѣ руки и кусать языкъ, а покончитъ сразу, однимъ ударомъ, однимъ отчаяннымъ усиліемъ. Итакъ, здѣсь не самоубійство.

Но если не самоубійство, то убійство. Прежде чѣмъ говорить, однако, *кѣмъ* оно совершено, посмотримъ—*какъ* оно совершено. Въ этомъ намъ поможетъ наука, которая приходитъ съ своимъ опытомъ и указаніями на помощь къ правосудію. Пусть въ нѣкоторыхъ случаяхъ предъ судомъ имѣется только трупъ убитаго,—если, какъ было, полагаю, и въ настоящемъ случаѣ, преступная рука зажимаетъ навѣки уста живому человѣку,—то судебный врачъ, при пособіи своихъ свѣдѣній и пріемовъ, можетъ заставить многое разсказать самый трупъ. Въ настоящемъ дѣлѣ, уѣздный врачъ, производившій вскрытіе трупа Бѣлова, нашелъ, что онъ былъ задушенъ посредствомъ закрытія носа и рта чужою рукою,—врачъ предположилъ по воспалительному состоянію внутренностей еще и отравленіе. Это мнѣніе было провѣрено высшимъ мѣстнымъ медицинскимъ учрежденіемъ—врачебною управою,—одинъ изъ ея членовъ произвелъ, подъ наблюденіемъ другого, изслѣдованія желудка и печени, и въ нихъ былъ найденъ мышьякъ. Вслѣдствіе этого врачебная управа признала, что Бѣловъ былъ отравленъ и задушенъ. Здѣсь на судѣ, предъ вами, гг. при-

сяжные засѣдатели, уѣздный врачъ съ чрезвычайною обстоятельностью и тщаніемъ описалъ все, что найдено имъ было на трупѣ Бѣлова и снова съ убѣжденіемъ подтвердилъ, что, по всѣмъ доступнымъ ему даннымъ, смерть Бѣлова произошла отъ задушенія, которое послѣдовало за отравленіемъ. Объ отравленіи свидѣтельствовалъ здѣсь фармацевтъ Ломанъ и его слова о нахожденіи мышьяку подтвердилъ экспертъ Фолькманъ. Затѣмъ мы выслушали объясненія эксперта профессора Гвоздева. Уважаемый представитель судебно-медицинской науки далъ объясненія, во многомъ противоположныя объясненіямъ другихъ трехъ изслѣдователей. Онъ нашелъ, что задушеніе не доказано, такъ какъ болѣзненныя явленія, найденныя у умершаго, могли быть свойственны и другимъ родамъ смерти, наприм., замерзанію, смерти отъ сильнаго опьяненія,—а по отношенію къ отравленію г. экспертъ высказалъ сомнѣнія даже въ правильности произведеннаго изслѣдованія, находя, что при немъ въ печени было найдено черезчуръ большое, невозможное количество мышьяку. Шаткость данныхъ для изслѣдованія не дала возможности эксперту высказаться опредѣленно, а заставила говорить, какъ онъ самъ заявлялъ, такъ, «какъ онъ чувствуетъ»—и результатомъ его экспертизы было обширное сомнѣніе, сомнѣніе въ пріемахъ изслѣдователей, сомнѣніе въ томъ, что Бѣловъ погибъ насильственнымъ образомъ. Я вполнѣ понимаю такой выводъ г-на эксперта. Онъ не имѣлъ возможности прослѣдить болѣзненные припадки покойнаго, онъ не могъ узнать хода его предсмертныхъ страданій, — онъ не видѣлъ трупа его, не осматривалъ и не провѣрялъ самъ всего, что найдено было въ этомъ трупѣ,—и вотъ на судъ онъ приноситъ сомнѣніе,—чувство, во всякомъ случаѣ спасительное потому, что оно заставитъ судъ глубже и внимательнѣй вглядѣться во всѣ остальныя обстоятельства дѣла. Повторяю, такой выводъ г-на эксперта понятенъ,—онъ представитель науки, постоянно развивающейся, гдѣ существуютъ самыя разнорѣчивыя мнѣнія, гдѣ многое еще не выработано съ достаточною ясностью, и онъ дѣйствуетъ осторожно, говоря, что въ данномъ случаѣ могло быть причиною смерти многое, весьма разнообразное, могли быть ошибки, промахи, недоразумѣнія... но что было въ дѣйствительности, что *всего* правдоподобнѣй,—экспертъ не говоритъ. Но можемъ ли мы остановиться на одномъ сомнѣніи, лишь только о немъ заявлено, возможно ли оставаться въ туманѣ недовѣрія ко всѣму видѣнному и слышанному и не стараться хоть сколько нибудь прояснить его? Задача суда была бы очень ограничена, очень скудна и безцвѣтна, если бы при первомъ сомнѣніи, возникающемъ у него, онъ отказывался отъ своей цѣли—добиться въ дѣлѣ возможной истины! Всякое сужденіе о преступленіи слагается не изъ однихъ судебно-медицинскихъ данныхъ; призывая на помощь свѣдущихъ людей, судъ имѣетъ свободный выборъ между ихъ объясненіями, въ случаѣ если эти объясненія разнообразны и противорѣчивы. Если въ дѣлѣ возникаетъ нѣсколько разныхъ мнѣній,—ужели можно только на этомъ основаніи отказываться отъ изысканія въ

немъ правды и умыть предъ нею руки? Нѣтъ! Это невозможно, потому что задача суда состоитъ въ томъ, чтобы, выслушавъ разныя объясненія, провѣрить ихъ другими обстоятельствами дѣла, сопоставить съ указаніями опыта и жизни, со свидѣтельскими показаніями и съ цѣлымъ рядомъ данныхъ, добытыхъ слѣдствіемъ. Руководясь здравымъ смысломъ, отрѣшившись отъ всякихъ предвзятыхъ взглядовъ, судъ не останавливается на однихъ научныхъ предположеніяхъ,—онъ вслушивается во всю совокупность свидѣтельскихъ показаній, всматривается во всю житейскую обстановку дѣла,—посредствомъ нея, посредствомъ указаній опыта провѣряетъ онъ противорѣчивые и многообразные выводы свѣдущихъ людей—и приходитъ наконецъ къ заключенію, по мѣрѣ силъ человѣческаго разумѣнія, вѣрному. Поэтому, приступая къ оцѣнкѣ экспертизы, я полагаю, что слѣдуетъ остановиться на объясненіяхъ г-дъ Ломана, Фолькмана и уѣзднаго врача. Несмотря на то уваженіе, котораго не можетъ не питать судъ къ учености и авторитету эксперта Гвоздева, мнѣнія указанныхъ мною лицъ имѣютъ одно большое преимущество: тамъ, гдѣ послѣдній экспертъ имѣетъ дѣло съ предположеніями и свѣдѣніями, полученными имъ здѣсь объ изслѣдованныхъ предметахъ — и долженъ говорить «какъ чувствуетъ»,—указанныя мною лица говорятъ «какъ видѣли», потому что имѣли дѣло съ самыми предметами изслѣдованія, съ внутренностями, въ которыхъ нашли ядъ, съ трупомъ Бѣлова. Никто, навѣрно, не станетъ отрицать, что трупъ умершаго въ рукахъ опытнаго врача даетъ ему возможность изслѣдовать многое въ дѣлѣ, что ускользнетъ отъ другихъ, не видѣвшихъ трупа,—что врачъ, вскрывающій убитаго, можетъ подмѣтить на трупѣ столько мелочныхъ подробностей, столько мелкихъ признаковъ, что они дадутъ ему возможность составить не отвлеченное, а живое, ясное, предметное представленіе о родѣ и свойствѣ смерти. Вы слышали, г-да присяжные засѣдатели, что уѣздный врачъ положительно нашелъ у Бѣлова всѣ признаки задушенія. Каждому изъ насъ извѣстенъ приблизительно наружный видъ удавленныхъ и задушенныхъ,—розовый или красный цвѣтъ лица, иногда выпученные глаза, высунутый и закушенный языкъ и т. д. Смерть отъ задушенія происходитъ отъ того, что доступъ воздуха въ легкія прекращается: онъ перестаетъ оживлять и, такъ сказать, одухотворять организмъ человѣка. «Воздухъ, свободно входящій и выходящій изъ тѣла — жизнь; воздухъ, запертый въ тѣлѣ—смертельный ядъ, гибель...» говоритъ англійскій физіологъ Льюисъ. И дѣйствительно, стоитъ не дать воздуху выхода изъ тѣла человѣка и его отравляющее дѣйствіе начнется; кислородъ крови быстро уничтожается, она становится темною и жидкою, дыхательные пути наполняются кровянистою пѣною, лѣвый желудочекъ сердца пустѣетъ, кровь скопляется въ правомъ—и наступаетъ смерть. Всѣ эти признаки были найдены и у Бѣлова. Намъ говорятъ, что все-таки задушеніе не доказано, потому что жидкая и темная кровь бываетъ и у пьяницъ, переполненіе сердца у замерзшихъ и т. д. Да—бываетъ,—но что же слѣ-

дуетъ изъ этого по отношенію къ настоящему случаю? Есть множество болѣзненныхъ состояній, которыя имѣютъ нѣкоторые признаки совершенно одинаковые, но имѣютъ и отличительные признаки. Одинаковость одного изъ найденныхъ у человѣка болѣзненныхъ признаковъ съ признаками другого болѣзненнаго состоянія развѣ можетъ служить основаніемъ, чтобы отказываться опредѣлить его дѣйствительное состояніе? Каждая болѣзнь можетъ, конечно, имѣть признаки, присущіе и другимъ болѣзнямъ въ отдѣльности, но важно то, что въ ней, въ этой именно болѣзни, содержится цѣлая совокупность признаковъ, *ей одной свойственныхъ*. Позволяю себѣ привести примѣръ. Мы видимъ человѣка, который смотритъ безсмысленнымъ, остановившимся, безжизненнымъ взоромъ, съ разинутымъ ртомъ и отсутствіемъ движенія въ лицѣ... Это безумный, говоримъ мы... Нѣтъ,—отвѣчаютъ намъ,—хотя безумные и имѣютъ иногда подобный видъ, но одинъ онъ еще ничего не доказываетъ,—это просто, можетъ быть, разсѣянный, задумавшійся до самозабвенія человѣкъ. Мы видимъ человѣка, который вздрагиваетъ безъ всякаго повода, видитъ видѣнія, разговариваетъ съ невѣдомыми лицами, говоритъ, что слышитъ голоса и т. д.—Это человѣкъ съ омраченнымъ разсудкомъ, лишившійся его,—говоримъ мы.—Нѣтъ! отвѣчаютъ намъ,—это просто, можетъ быть, человѣкъ слишкомъ нервно настроенный, съ возбужденными до крайности чувствами, ибо ложныя представленія могутъ быть и у разумнаго, но разстроеннаго, воспріимчиваго, больного человѣка. Мы видимъ человѣка, который говоритъ несбыточныя вещи, живетъ въ цѣломъ мірѣ фантазіи и чудесъ и съ самозабвеніемъ относится къ окружающей жизни. Онъ помѣшанъ, скажемъ мы. Нѣтъ, отвѣтятъ,—это еще не доказательство потери разсудка—это просто, можетъ быть, восторженный поэтъ, увлекающійся импровизаторъ, человѣкъ, забывшій прозаическую обстановку жизни подъ вліяніемъ сильнаго, живого воображенія. Мы увидимъ, наконецъ, человѣка, котораго не слушаютъ ноги и руки и которому отказывается повиноваться сильное нѣкогда тѣло. Это параличъ помѣшанныхъ—скажемъ мы. Почему же помѣшанныхъ? отвѣтятъ намъ. Душевное состояніе человѣка тутъ не при чемъ,—это обыкновенный параличъ органовъ движенія, происходящій отъ разнообразныхъ причинъ... И во всѣхъ этихъ случаяхъ мы будемъ неправы, скоры, поверхностны въ сужденіяхъ. Но когда мы увидимъ человѣка, въ которомъ соединились *всѣ* указанныя мною явленія, который тупо и безсмысленно смотритъ, говоритъ, путаясь языкомъ, дикія и безсвязныя вещи, дѣлаетъ странныя движенія, еле двигаетъ ослабѣвшими ногами, потухающимъ взоромъ видитъ то, чего другіе не видятъ, и витаетъ въ особомъ оригинальномъ мірѣ, созданномъ его больнымъ воображеніемъ, — тогда мы говоримъ, что это не только нервный, больной физически и разсѣянный человѣкъ,—а несчастный, въ которомъ потухла искра разума,—сумасшедшій. И въ этомъ случаѣ, при такой совокупности признаковъ, изъ которыхъ каждый самъ по себѣ ничего не значитъ, но которые всѣ вмѣстѣ отчетливо указы-

ваютъ на душевную болѣзнь—въ этомъ случаѣ, говорю я, мы будемъ правы, такъ же какъ въ каждомъ отдѣльномъ примѣрѣ были правы наши противники. То же самое надо сказать и о задушеніи Бѣлова. Г. экспертъ призналъ самъ, что признаки, найденные въ трупѣ Бѣлова, бываютъ и у задушенныхъ. Не стану спорить, что многіе изъ подобныхъ признаковъ встрѣчаются и у умершихъ другого рода смертью, но когда я припоминаю всю совокупность признаковъ, найденныхъ у Бѣлова: его красный цвѣтъ лица, высунутый и ущемленный зубами языкъ, кровянистую пѣну въ дыхательныхъ путяхъ, наполненныя кровью легкія, опустѣвшій лѣвый желудочекъ сердца и переполненный правый, его темную и жидкую кровь, — когда я мысленно добавляю къ этому его лицо, носящее знаки насилія, его расцарапанный ротъ—я не могу отрѣшиться отъ мысли, что все это указываетъ на задушеніе, и именно на задушеніе. Вотъ почему, когда здѣсь, предъ нами, судебный врачъ говоритъ: «вскрывая много разъ трупы задушенныхъ и удавленныхъ, я вскрывалъ и трупъ Бѣлова, и принимая во вниманіе все найденное мною въ трупѣ, провѣряя это опытомъ и знаніемъ, я по долгу совѣсти свидѣтельствую, что я нашелъ у Бѣлова признаки задушенія»,—нельзя не согласиться съ нимъ вполнѣ. Намъ указываютъ, впрочемъ, на то, что нѣкоторые изъ признаковъ, найденныхъ у Бѣлова, бываютъ у замерзшихъ и у пьяницъ. Но о замерзаніи здѣсь не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ дѣло было лѣтомъ. Поэтому, остается смерть отъ излишняго опьяненія, отъ безобразнаго, безграничнаго пьянства. Но гдѣ же указанія на такое состояніе? Кто изъ простыхъ русскихъ людей не пивалъ и не сиживалъ по кабакамъ, кто изъ нихъ не бывалъ сильно пьянъ? Но отсюда до смерти отъ опьяненія еще очень далеко. Надо, чтобы человѣкъ пьянствовалъ долго и упорно, чтобы смерти отъ опьяненія предшествовало полное безсознательное состояніе, потеря всѣхъ чувствъ и т. д. Но гдѣ эти признаки у Бѣлова? Жена его только за два дня до смерти мужа, впервые заявила, что онъ пьянствуетъ, да и пришелъ онъ въ Теньки недавно; пилъ не на свои, поили его Арсеновъ, Курманаевъ и Каляшинъ,—а на чужой счетъ едва ли можно было ужъ очень чрезмѣрно пить. Наконецъ, и состояніе его предъ смертью не соотвѣтствуетъ предположенію о крайнемъ опьяненіи. Онъ пришелъ, какъ показываетъ жена, домой подъ хмелькомъ, — «*пришелъ*», замѣтьте это,—и затѣмъ вышелъ къ женѣ покурить трубочки, но она его прогнала на огородъ. Такъ показываетъ она сама. Это ли безчувственно пьяный, отравленный алкоголемъ?! И какъ онъ очутился вдали отъ дома, кѣмъ-то туда принесенный?—Нѣтъ, здѣсь не было смерти отъ опьяненія. Было задушеніе.

Обращаюсь къ вопросу объ отравленіи Бѣлова. Мы слышали здѣсь, что уѣздный врачъ нашелъ сильное воспалительное состояніе внутренностей Бѣлова. Это заставило его предположить отравленіе; затѣмъ было произведено изслѣдованіе внутренностей и въ нихъ былъ найденъ мышьякъ, мышьяковистая кислота. Цѣлымъ ря-

домъ сложныхъ опытовъ и изслѣдованіями посредствомъ приспособленнаго къ открытію мышьяку аппарата Марша изслѣдователь Ломанъ пришелъ къ убѣжденію, что во внутренностяхъ Бѣлова есть мышьякъ. Онъ попробовалъ изслѣдовать количество его—и получилось очень большое количество—слишкомъ 18 грановъ; онъ провѣрилъ свой опытъ—опять получилось то же количество. Казалось бы несомнѣннымъ, что мышьякъ былъ принятъ Бѣловымъ и, притомъ, въ огромномъ количествѣ. Но здѣсь опять является экспертиза со своими сомнѣніями. Присутствіе мышьяка въ трупѣ Бѣлова не отрицается, но намъ говорятъ, что мышьякъ этотъ могъ попасть въ трупъ *извнѣ,* что онъ не былъ принятъ Бѣловымъ, что его найдено такое количество, которое не соотвѣтствуетъ цѣли убить одного человѣка. Предъ нами заявлено сомнѣніе въ правильности, въ точности, въ научной стоимости опытовъ изслѣдователя надъ внутренностями Бѣлова и, вмѣсто вопроса о преступномъ лишеніи жизни посредствомъ яда, возбужденъ вопросъ о небрежномъ и пагубно невнимательномъ изслѣдованіи, слѣдствіемъ котораго было неправильное преданіе суду подсудимыхъ. Но какъ бы сильны ни были такія заявленія, какъ бы ни заставили они призадумываться надъ предметомъ обвиненія, я полагаю, что существенной силы они не имѣютъ... И въ самомъ дѣлѣ—посмотримъ, откуда же могъ попасть во внутренности Бѣлова мышьякъ, несомнѣнно найденный въ его тѣлѣ? Внутренности эти были положены въ опечатанный, тщательно вымытый сосудъ и такъ привезены въ губернское правленіе. Въ нихъ найденъ мышьякъ,—подложить его туда никто не могъ,—а между тѣмъ, онъ найденъ, значитъ, онъ находился во внутренностяхъ Бѣлова, былъ имъ воспринятъ. Намъ говорятъ, что въ печени найдено слишкомъ большое количество мышьяку, котораго она не могла всосать. Пусть такъ,—но внутренности были смѣшаны въ сосудахъ, и находившійся въ нихъ мышьякъ могъ скопиться въ одной изъ нихъ, всосаться изъ одной въ другую. Здѣсь на судѣ экспертомъ было заявленно, что такое явленіе не невозможно. Важно то, что мышьякъ, въ количествѣ, достаточномъ для убійства и не одного человѣка, оказался во внутренностяхъ Бѣлова. Экспертъ Гвоздевъ доказывалъ здѣсь, что мышьякъ могъ попасть извнѣ при производствѣ изслѣдованія. Но нельзя предположить, что онъ попалъ изъ окружавшей атмосферы, что на изслѣдуемыхъ внутренностяхъ осадились пары мышьяку, носившіеся въ воздухѣ. Если бы такіе пары существовали въ мѣстѣ, гдѣ производилось изслѣдованіе, они прежде всего убили бы самихъ изслѣдователей, поэтому остается, вмѣстѣ съ г. Гвоздевымъ, предположить, что мышьякъ былъ не во внутренностяхъ Бѣлова, а въ тѣхъ кислотахъ и химическихъ веществахъ, которыя употреблялъ г. Ломанъ при изслѣдованіи внутренностей посредствомъ аппарата Марша. Но такому предположенію не можетъ быть дано мѣста. Ломанъ давалъ здѣсь предъ вами, гг. присяжные засѣдатели, свои объясненія. На мои вопросы о чистотѣ реагентовъ и о мѣстѣ ихъ пріобрѣтенія, онъ настойчиво заявилъ, что реагенты были чисты.

что онъ ихъ, согласно обычаю, предварительно испытывалъ на приборѣ Марша, и того мышьяковистаго налета, который является отъ мышьяку, не появлялось. Онъ объяснилъ намъ здѣсь, что самъ приготовляетъ реагенты и добавилъ, что, получивъ 18 гранъ мышьяку, онъ усомнился въ этомъ количествѣ и повторилъ свои опыты. Наконецъ, экспертъ Фолькманъ объяснилъ, что присутствовалъ при качественномъ анализѣ, сдѣланномъ Ломаномъ, и нашелъ, что онъ производился правильно. Гдѣ же основанія для сомнѣній въ дѣйствіяхъ Ломана и Фолькмана? Гдѣ достаточныя основанія для того, чтобы признать, что человѣкъ, который по званію своему постоянно производитъ судебно-химическія изслѣдованія, допустилъ такую грубую, непростительную ошибку? Отъ васъ будетъ зависѣть отнестись съ недовѣріемъ къ объясненіямъ Ломана и къ результатамъ его изслѣдованій, но обвинительная власть не можетъ отказать въ довѣріи словамъ спеціалиста, лица офиціальнаго, которое присягою обязалось показывать истину въ дѣлѣ, гдѣ идетъ рѣчь о всей судьбѣ, о цѣлой жизни двухъ подсудимыхъ, и которое убѣжденно и твердо свидѣтельствуетъ, что реактивы были чисты и мышьякъ не былъ *внесенъ* во внутренности Бѣлова, а былъ въ нихъ *найденъ*. Притомъ, большое количество мышьяку въ печени Бѣлова еще не служитъ доказательствомъ того, что онъ не былъ отравленъ. Вообще, во внутренностяхъ отравленныхъ могутъ быть находимы огромныя количества мышьяку сравнительно съ тѣмъ, что найдено у Бѣлова. Такъ, Касперъ, извѣстный судебный врачъ, приводитъ въ своихъ «Klinicshe Novellen» случаи, гдѣ во внутренностяхъ отравленныхъ бывало найдено 90 и 100 грановъ мышьяку; въ одномъ случаѣ, имъ приводимомъ, найдено во внутренностяхъ отравленнаго именно 18 грановъ, не взирая на большое количество, извергнутое рвотою. Знаменитый Орфила указываетъ случаи пріема огромныхъ количествъ мышьяку, доходившихъ до 3-хъ драхмъ, т. е. 180 грановъ. Наконецъ, профессоръ Бухнеръ указываетъ, что наименьшій пріемъ мышьяку, причинившій смерть лишь чрезъ 6 дней, равнялся 30-ти гранамъ. Поэтому, какъ бы велико ни было количество мышьяку, найденнаго въ печени,—фактъ отравленія Бѣлова остается въ прежней силѣ; я не берусь объяснить, какъ попало слишкомъ большое количество мышьяку въ печень, но я указываю на то, что, по словамъ многихъ судебно-медицинскихъ писателей, внутренности человѣка могутъ содержать количество мышьяку гораздо большее, чѣмъ то, которое найдено у Бѣлова, а во время судебнаго слѣдствія здѣсь было заявлено, что въ мертвомъ организмѣ возможенъ процессъ впитыванія, «имбибаціи», при чемъ ядовитыя вещества могутъ впитываться и въ печень. Для обвиненія существенны вопросы: былъ ли ядъ въ тѣлѣ Бѣлова и можно ли считать изслѣдованіе внутренностей его произведеннымъ добросовѣстно? И оба эти вопроса разрѣшаются утвердительно.

Но на этомъ остановиться нельзя,—нельзя не взглянуть на житейскую обстановку вопроса. Сюда относится вопросъ о чашкѣ съ

какою-то кашицей, которая содержала въ себѣ мышьякъ. Когда человѣкъ найденъ мертвымъ, когда онъ найденъ мертвымъ въ подозрительной обстановкѣ,—когда у него въ избѣ находятъ за лавкой чашку съ подозрительной смѣсью и въ той смѣси, такъ же какъ и во внутренностяхъ покойнаго, оказывается мышьякъ, то приходится невольно и внимательно присмотрѣться къ этой чашкѣ. Вы слышали объясненія подсудимыхъ и знаете, что они противорѣчивы между собою; «мужъ, придя изъ Казани, приготовилъ отраву отъ мухъ», говоритъ Арина; «кто приготовилъ отраву—не знаю», говоритъ Каляшинъ. Но правдоподобно ли такое объясненіе? Мы знаемъ изъ показаній той же Арины, что мужъ ея курилъ такой табакъ, что даже ея притупленные крестьянскою жизнью нервы не могли выносить его запаху; та же Арина особенно оттѣняла въ своихъ объясненіяхъ, что мужъ ея сидѣлъ два года въ острогѣ, прежде чѣмъ пришелъ въ ея бѣдную сиротскую избу. И этотъ-то человѣкъ, почти не живущій дома, проводящій время въ обществѣ пьяныхъ и гуляющихъ людей, курящій невыносимый «тютюнъ», пожарный солдатъ и острожный сидѣлецъ, придя въ свой, лишенный самаго необходимаго, бѣдный домъ, не заботясь о хозяйствѣ, прежде всего хлопочетъ, чтобы его не *безпокоили мухи!* Кто знаетъ печальное въ смыслѣ чистоты и другихъ гигіеническихъ условій состояніе русскихъ остроговъ, тотъ найдетъ эту заботу о мухахъ болѣе чѣмъ странною. Нѣтъ, не для мухъ была заготовлена чашка, найденная въ домѣ покойнаго Бѣлова. Таковы обстоятельства, касающіяся отравленія Бѣлова. Они рождаютъ убѣжденіе, что онъ былъ отравленъ. Если отбросить слишкомъ смѣлыя сомнѣнія, высказанныя здѣсь, то придется повѣрить г. Ломану, который нашелъ ядъ во внутренностяхъ Бѣлова; если признать это, если допустить, что ядъ принятъ Бѣловымъ, то нельзя думать, что онъ принялъ его сознательно, т. е. самъ отравился, такъ какъ онъ кончилъ жизнь не самоубійствомъ, о чемъ мы уже говорили. Итакъ, онъ отравился безсознательно тѣмъ ядомъ, который ему былъ данъ. Данъ, но кѣмъ? Къ изслѣдованію этого вопроса я и перехожу.

Изъ обстоятельствъ дѣла мы знаемъ, что Бѣловъ убитъ,—отравленъ и задушенъ, при чемъ отравленіе, безъ сомнѣнія, предшествовало задушенію, — задушеннаго отравить нельзя, да притомъ, отравленіе—одинъ изъ спокойнѣйшихъ и безопаснѣйшихъ для отравителя способовъ убійства и его приходится предпочитать, съ точки зрѣнія преступника, всякому другому, насильственному виду убійства... Характеристическія стороны личности Бѣлова уже извѣстны,—это былъ тихій, довольно беззаботный человѣкъ. Кто же могъ убить его и зачѣмъ? Обдуманное убійство человѣка можетъ быть совершено или для его ограбленія, или для завладѣнія послѣ его смерти его имуществомъ или, наконецъ, изъ ненависти. Но Бѣловъ не ограбленъ,—даже роскошнѣйшая часть крестьянской одежды—сапоги—остались на немъ, уцѣлѣли и двое портовъ. Денегъ у него не было, пилъ онъ не на свои, а угощался на чужой счетъ. Иму-

ществомъ его завладѣть тоже никто не могъ разсчитывать. Все оно состояло изъ избы и кое-какого скота, но это и по праву, и по обычаю было принадлежностью жены, такъ какъ она вела хозяйство и заботилась о немъ. Мужъ, отданный давно въ солдаты, былъ отрѣзанный ломоть. Гдѣ слѣды той ненависти, которая заставила бы убить Бѣлова кого-либо изъ чуждыхъ ему людей? Онъ пришелъ недавно, жилъ мирно и нигдѣ въ дѣлѣ нѣтъ ни малѣйшихъ указаній на вражду къ нему кого-либо... Для того, чтобы отравить и удушить чужого человѣка, надо слишкомъ сильно и упорно его ненавидѣть... Намъ скажутъ, можетъ быть, что его убили въ дракѣ,—но гдѣ же малѣйшія указанія на эту драку, гдѣ шумъ, крики, брань—эти неизбѣжные спутники драки? У него найдены два подтека на лицѣ, но они, сами по себѣ, не могли быть причиною смерти;—въ немъ найденъ ядъ, а кого убиваютъ мгновенно, въ запальчивости, того не отравляютъ... Притомъ—гдѣ же былъ убитъ Бѣловъ? Очевидно, что не тамъ, гдѣ онъ найденъ,—слѣды тащенія, связыванія рукъ и т. д.—слишкомъ очевидны. Надо, поэтому, по этимъ слѣдамъ дойти до мѣста, откуда тащили Бѣлова и гдѣ, слѣдовательно, его убили. Старшина, понятые, волостные судьи и становой приставъ произвели подробный и точный осмотръ слѣдовъ тащенія. Вы слышали ихъ объясненія, объясненія въ особенности старшины, не оставляющія желать ничего лучшаго со стороны ясности и полноты. Слѣдъ, по которому шагъ за шагомъ шли эти лица, привелъ ихъ къ дому Бѣлова, къ его двору, къ сарайчику... Итакъ—здѣсь былъ убитъ Бѣловъ. Этому не противорѣчитъ и то показаніе обвиняемой, по которому мужъ, пришедшій со своимъ невыносимымъ табакомъ, былъ ею прогнанъ на огородъ и болѣе не возвращался. Слѣдъ именно начинается съ того мѣста огорода, гдѣ онъ соединяется со дворомъ. Итакъ, Бѣловъ убитъ на огородѣ, около, возлѣ своего двора, почти на дворѣ. Но почему убійцы знали, что онъ, пошедшій домой, придетъ на огородъ, почему они догадались, что онъ непремѣнно явится къ женѣ со своимъ пожарнымъ «тютюномъ», а она его отошлетъ на огородъ? Или они его рѣшились ждать въ засадѣ въ надеждѣ, что онъ, можетъ быть, выйдетъ? И какъ могли рѣшиться напасть на Бѣлова у него, почти въ домѣ, не боясь, что онъ сталъ бы кричать, звать на помощь? Притомъ, онъ отравленъ, но вѣдь ядъ насильно проглотить заставить невозможно или, по крайней мѣрѣ, крайне трудно,—его надо поднести, дать выпить. Гдѣ же это сдѣлано? Да и принявъ отраву, онъ могъ уйти, цѣль не была бы достигнута,—могъ начать кричать,—давшіе ядъ были бы пойманы. Ядъ не сразу лишилъ его жизни,—недаромъ понадобилось еще задушеніе. Возможно ли предположить, что кто либо, давъ Бѣлову отраву, сталъ дожидаться, пока она подѣйствуетъ? Или—припадки уже начались, но убійцы не могли дождаться ихъ конца и задушили Бѣлова. Но гдѣ же были домашніе Бѣлова—жена, дочь, сожитель его, Каляпинъ, который спалъ возлѣ сарайчика въ напогребицѣ? Какъ не слыхали они стоновъ и криковъ Бѣлова?—Потомъ, если

чужіе, посторонніе люди убили Бѣлова,—зачѣмъ они тащили его такъ далеко? Кромѣ опасности попасться, такое тащеніе ничего не представляло. Гораздо удобнѣй оставить его у дома мертвымъ и тѣмъ отвлечь всякое подозрѣніе, которое неминуемо пало бы на домашнихъ покойнаго, по тѣмъ же основаніямъ, по которымъ оно не падаетъ теперь на постороннихъ. Итакъ, Бѣловъ убитъ не чужими, а близкими, своими.

Но эти свои, близкіе, должны имѣть какую нибудь побудительную причину для его убійства. Вглядимся же въ ихъ жизнь, въ ихъ обстановку, можетъ быть, мы и найдемъ эту причину. Извѣстно, что̀ нашелъ у себя дома Бѣловъ, придя изъ Казани. Безъ него жена вступила въ связь съ Каляшинымъ, который оставилъ свою жену. Онъ работалъ на Арину, былъ ея «жильцомъ». Изъ того, что Арина на предварительномъ слѣдствіи, при обвиненіи въ убійствѣ мужа, первая смѣло взглянула въ лицо опасности и сказала Каляшину: «чего крутишься-то», когда тотъ сталъ лгать, — изъ того, что и какъ говоритъ она здѣсь на судѣ,—нельзя не видѣть женщины съ характеромъ. Оставленная одна, она должна была бороться и съ трудомъ, и съ нищетою, пока не нашла наконецъ помощника и друга—Каляшина. Но это не мужъ, не самовластный глава семьи—это «житель», съ которымъ Арина ничѣмъ не связана и которому она, конечно, не очень подчинялась. Между ними были свободныя отношенія, они соединились, какъ вольный съ вольнымъ, равный съ равнымъ. Но не таковы супружескія отношенія въ крестьянскомъ быту, не таковы могли бы быть отношенія Бѣлова къ Аринѣ, если бы они жили вмѣстѣ. Безотвѣтное, забитое, подчиненное «нраву» своего мужа положеніе простой русской женщины слишкомъ извѣстно. Лучшій примѣръ — жена Каляшина, которую мы видѣли на судѣ. Они «не въ любви жили», и онъ ее бросилъ и переселился во дворъ къ другой, а жена безропотно пошла .«Христовымъ именемъ» — безропотно, говорю я потому, что и здѣсь на судѣ она, со всѣмъ доступнымъ ей жаромъ, прежде всякихъ вопросовъ, старается доказать, вопреки очевидностямъ, что мужъ ее очень любилъ и обиды она отъ него не видывала... Когда Каляшинъ сидѣлъ въ холодной, при волостномъ правленіи, она первая принесла ему своего нищенскаго хлѣба и безпрекословно понесла его бѣлье къ Бѣловымъ. И таковы, въ большей части случаевъ, отношенія простыхъ русскихъ людей. Характеръ мужа, его относительная мягкость тутъ не при чемъ—самовластіе, при сознаніи своего главенства, слишкомъ доступно всякому характеру. И вотъ, когда связь Бѣловой и Каляшина окрѣпла, когда у нихъ пошло общее хозяйство—является неожиданно мужъ. Ни нравственной, ни физической связи у Арины съ нимъ давно не существуетъ — и между тѣмъ, онъ въ правѣ требовать и любви, и ласки. Въ хозяйство онъ ничего не приноситъ, кромѣ привычки выпивать, — а, между тѣмъ, онъ и глава дома, и хозяинъ. Правда, онъ смотрѣлъ сквозь пальцы на связь, пока былъ въ Казани,—но въ Тенькахъ онъ вступаетъ

опять въ права мужа; прежнюю семейственную жизнь съ Каляшинымъ надо бросить,—а видѣться тайкомъ и неудобно, да и непривычно, да и не по лѣтамъ, пожалуй. Такимъ образомъ, прежняя совмѣстная жизнь обращается въ любовныя свиданія, подъ постояннымъ страхомъ вмѣшательства пьянаго мужа, который можетъ, который *имѣетъ право* и пригрозить, и побить. И это послѣ 16 лѣтъ свободы и вольнаго житья! Жить съ чужимъ человѣкомъ, будучи почти вдовою, покинутою мужемъ, еще возможно, но продолжать съ нимъ открыто связь, когда пришелъ мужъ—стыдно, зазорно... Поэтому можно вполнѣ вѣрить словамъ Арины Бѣловой, когда она говоритъ, что съ прихода мужа не «знала» болѣе Каляшина, хотя онъ и оставался жить у нихъ на дворѣ. Но чѣмъ старше человѣкъ, тѣмъ больше въ немъ сила привычки,—въ старомъ тѣлѣ упорнѣй и крѣпче держится разъ запавшая въ него страсть и сильнѣй подчиняетъ себѣ разсудокъ. Съ приходомъ Бѣлова, положеніе Арины и Каляшина совершенно измѣнилось,—пришлось сломать все старое, подчиниться, начать новую жизнь съ нелюбимымъ, пьянымъ человѣкомъ, острожникомъ. Все это сдѣлать и трудно, и больно; надо уничтожить то, что наросло годами, и для чего же? Для того, чтобы создать себѣ положеніе, изъ котораго и выхода не предвидится. Поэтому—этого положенія надо избѣжать во что бы то ни стало, надо устранить мужа, надо его удалить изъ дому опять и притомъ навсегда, безвозвратно,—*надо его убить*.

Но недостаточно указать на побудительную причину, нужно прослѣдить и остальныя данныя, указывающія на виновность подсудимыхъ. Каждое преступленіе, какъ бы обдуманно содѣяно оно ни было, всегда оставляетъ извѣстные слѣды. Поищемъ этихъ слѣдовъ въ дѣлѣ. Извѣстно, что при обыскѣ въ домѣ Бѣлова, кромѣ чашки съ мышьякомъ, найдены были еще порты, замаранные кровью и на лѣвомъ колѣнѣ запачканные грязью. Относительно этихъ портовъ произошло у подсудимыхъ и у Варвары Бѣловой разнорѣчіе: Арина утверждала, что порты эти ея мужа, но найденная вмѣстѣ съ ними рубаха—Каляшина; Каляшинъ утверждалъ, что ничто не принадлежитъ ему; Варвара Бѣлова, менѣе другихъ заинтересованная въ сокрытіи истины, прямо заявила, что порты Каляшина, такъ же какъ и рубаха. Затѣмъ, по осмотру найдены въ нѣсколькихъ мѣстахъ на полу избы замытыя и затертыя мѣста; по изслѣдованію оказалось, что это не кровь, но зато кровь оказалась около порога погребицы и на дверяхъ ея. Эту кровь Каляшинъ старался объяснить ссылкою на коновала, который будто бы еще лѣтомъ нынѣшняго года пускалъ кровь изъ ноги его лошади, у дверей погребицы. Но коновалъ былъ здѣсь спрошенъ и сказалъ, что кровь онъ пускалъ въ прошломъ году и всегда это дѣлаетъ въ отдаленіи отъ жилья, чтобы его не запачкать брызгами... Обращаясь затѣмъ къ трупу Бѣлова, мы находимъ, что по вскрытіи его обнаружилось, что около внутренней стороны нижнихъ спинныхъ позвонковъ произошло кровоизліяніе въ клѣтчатку, какъ бы отъ давленія круглымъ, ту-

пымъ тѣломъ. Когда Бѣловъ былъ найденъ, спина его на выпуклыхъ мѣстахъ была запачкана грязью и травою, одежда тоже, а ротъ и усы замараны истекавшею изъ носа кровью. Путь, по которому тащили Бѣлова, можетъ быть, согласно съ показаніями свидѣтелей, прослѣженъ довольно точно. Его стали тащить за ноги (оттого-то и не запачканы сапоги его грязью) отъ сарайчика по двору, затѣмъ, дойдя до того мѣста, гдѣ находится прясло Прохорычева, вынули изъ него нѣсколько жердей и въ образовавшееся отверстіе пронесли трупъ. Жерди были сложены на скошенную траву, и когда онѣ были снова вставлены, прилипшая къ нимъ трава осталась молчаливою свидѣтельницею того, что ихъ вынимали. Затѣмъ трупъ потащили по землѣ Прохорычева, дошли до овинной ямы, но обогнули ее, миновали и такъ, протащивъ трупъ по саду, добрались до другого прясла. Здѣсь трупъ былъ приподнятъ и перекинутъ чрезъ прясло и потащенъ по переулку, гдѣ наконецъ и брошенъ.

Всѣ эти обстоятельства, въ связи съ отсутствіемъ поводовъ и возможности убійства Бѣлова посторонними людьми, въ связи съ его семейною обстановкой, даютъ возможность видѣть въ Каляшинѣ и Бѣловой дѣйствительныхъ убійцъ покойнаго. Попробуемъ вглядѣться въ ту картину, которая рисуется изъ соображенія приведенныхъ уликъ. Бѣловъ пьетъ въ кабакѣ вечеромъ 21-го іюня и «подъ хмелькомъ» уходитъ домой. Приходъ его видятъ сосѣди, ухода не видитъ никто, даже Варвара Бѣлова показываетъ, что не видѣла, чтобы отецъ уходилъ изъ избы. Итакъ, Бѣловъ заходитъ въ избу, наступаетъ вечеръ, хмель клонитъ голову ко сну и въ это время, тѣмъ или другимъ образомъ, ему долженъ былъ быть данъ ядъ, остатки котораго найдены въ чашкѣ. Мы уже знаемъ, что ядъ былъ приготовленъ заранѣе. Затѣмъ, начинается его дѣйствіе,—Бѣлова начинаетъ рвать. Отсюда тѣ вымытыя и затертыя пятна, которыя найдены въ разныхъ мѣстахъ на полу избы. Это не простое подчищеніе, подновленіе внутренности избы,— потому что оно происходитъ безъ всякаго видимаго повода, лишь въ нѣсколькихъ частяхъ избы. Это и не кровяныя пятна, какъ оказалось по изслѣдованію. Это пятна рвоты, слѣды изверженій Бѣловымъ отравы,—слѣды, которые нужно было уничтожить, замыть. Смерть, однако, не наступаетъ такъ скоро, какъ ожидалось, и обезсиленный Бѣловъ, вытащенный, а быть можетъ, и вытолкнутый на дворъ—(шапка его найдена у порога избы)—еще живетъ, еще дышетъ. Но лѣтняя ночь коротка, къ утру, онъ можетъ, пожалуй, оправиться, разсказать, заподозрить,—или даже можетъ умереть на глазахъ у постороннихъ смертью, мало похожею на естественную. И вотъ, является необходимость насилія. Надо потушить сразу медленно угасающую жизнь. Для этого на него наваливаются—наступаютъ на него колѣномъ и зажимаютъ ротъ и носъ. Наступаетъ слабая борьба, тщетное сопротивленіе, пальцы, сжимающіе носъ, сдавливаются крѣпче, рука налегшая на ротъ, сжимаетъ его плотнѣй, царапая его ногтями. Наконецъ—Бѣловъ мертвъ.

Онъ мертвъ возлѣ погребицы Каляшина, потому что она рядомъ съ сарайчикомъ, а отъ него начинаетъ уже идти слѣдъ тащеннаго, слѣдовательно, мертваго уже человѣка. Тамъ должны были произойти царапины около рта Бѣлова, ушибы глазъ, кровоподтекъ на спинѣ. У него пошла кровь изъ носу, съ нею и былъ онъ найденъ. Но эта кровь должна была запачкать душившаго, запачкать мѣсто убійства—на дворѣ было грязно, обоими колѣнами упираться въ Бѣлова было неудобно, нужно было стать другимъ колѣномъ на землю. И вотъ, у порога погребицы кровь, на портахъ Каляшина кровяныя пятна, а на лѣвомъ колѣнѣ прилипшая грязь. Затѣмъ начинается уносъ тѣла. Одному человѣку это сдѣлать трудно: если бы онъ тащилъ за ноги, то голова избилась бы, испачкалась бы о землю;—а она чиста и мало повреждена. Слѣдовательно, несли двое, что было необходимо и для перетаскиванія трупа черезъ прясло сада Прохорычева. Трупъ не былъ брошенъ въ овинную яму, хотя его дотащили до нея. Это было бы слишкомъ близко, слишкомъ подозрительно. То же и относительно тока, и, такимъ образомъ, трупъ вытащенъ въ переулокъ, гдѣ всякій могъ ходить, гдѣ все могло случиться съ покойнымъ Бѣловымъ въ то время, когда его поджидало къ себѣ уже осиротѣлое семейство.

Такимъ образомъ, по моему мнѣнію, было совершено убійство Бѣлова. Его отравила, по предварительному соглашенію съ Каляшинымъ, Арина Бѣлова въ избѣ, когда онъ хмѣльной вернулся домой, заранѣе припасенной, на удобный случай, отравою. Нужно не забывать, что Варвара Бѣлова не спала въ избѣ. Затѣмъ онъ былъ вытащенъ или выкинутъ на дворъ и здѣсь, лежа у погребицы, былъ «для скорости» задушенъ Каляшинымъ, при чемъ ему помогла Арина Бѣлова тѣмъ, что тащила потомъ вмѣстѣ съ нимъ трупъ мужа. Это единственный, на мой взглядъ, правдоподобный и согласный съ обстоятельствами дѣла, насколько они намъ извѣстны, выводъ. Признаете ли и вы, гг. присяжные, его таковымъ, покажетъ вашъ приговоръ.

Вглядываясь въ другія дѣйствія подсудимыхъ, какъ до убійства Бѣлова, такъ и послѣ него,—приходится еще болѣе укрѣпиться въ сдѣланномъ выводѣ. И дѣйствительно, задумавъ преступленіе, о чемъ долженъ естественнымъ образомъ заботиться задумавшій его? О томъ, чтобы не быть открытымъ, не попасться, не навлечь на себя подозрѣнія... Но для этого надо *отвлечь* отъ себя могущее пасть подозрѣніе по мѣсту и обстановкѣ преступленія. Это и было въ настоящемъ дѣлѣ: убитый былъ оттащенъ очень далеко отъ мѣста дѣйствительнаго убійства. Но этого иногда мало, недостаточно отвлечь отъ себя подозрѣніе, иногда его необходимо навлечь на другихъ, указать судебнымъ властямъ мнимыхъ преступниковъ. И это условіе выполнено въ настоящемъ дѣлѣ. Арина Бѣлова съ тонкою предусмотрительностью, за два дня до убійства мужа, заявляетъ старотѣ, что мужъ все съ «ними» пьетъ, и выражаетъ боязнь, какъ бы ему отъ «нихъ» дурно не было. Эти «они» — Курманаевъ и Арсеновъ,

и тотчасъ послѣ нахожденія мужа мертвымъ въ переулкѣ, она заявляетъ на нихъ подозрѣніе, ссылаясь на то, что еще и прежде говорила о нихъ. Вслѣдствіе ея словъ, подозрѣніе дѣйствительно пало первоначально на Курманаева и Арсенова; они были привлечены къ слѣдствію и только впослѣдствіи освобождены отъ суда, потому что противъ нихъ не было обнаружено рѣшительно никакихъ уликъ.

Но мало навлечь подозрѣніе на другихъ,—нужно изгладить, по возможности, слѣды преступленія. Такимъ образомъ, является замываніе и затираніе слѣдовъ рвоты, является эпизодъ съ рубашкою Каляшина. Вы помните разсказъ арестанта Ульянцева о томъ, что Каляшинъ, приведенный въ холодную, отдалъ женѣ рубашку, бывшую на немъ въ ночь убійства, и приказалъ снести ее къ Бѣловымъ. Жена исполнила приказаніе и принесла рубашку Бѣловой, получивъ отъ нея другую, лучшую, которую и отнесла мужу. Онъ не отрицаетъ здѣсь обмѣна рубашекъ, но говоритъ, что это было сдѣлано, чтобы удобнѣе чесаться отъ блохъ, которыхъ было въ арестантской множество. Но онъ былъ арестованъ днемъ, къ нему тотчасъ же пришла жена; когда же успѣлъ онъ ощутить необходимость удобнѣе чесаться, для чего и понадобилось перемѣнить рубаху? И куда дѣлась, какимъ образомъ безслѣдно исчезла эта рубашка? И что, наконецъ, за странные люди и Бѣловъ, по словамъ жены, и самъ Каляшинъ. Одинъ, только что придя изъ острога, пьяный и гульливый человѣкъ,—хлопочетъ объ истребленіи мухъ,—другой, заподозрѣнный въ убійствѣ, посаженный въ арестантскую, прежде всего заботится о томъ, чтобы удобнѣе было почесываться!.. Наконецъ, нельзя не указать на разнорѣчіе подсудимыхъ во многихъ существенныхъ вопросахъ: «были постоянно въ связи до прихода мужа», говоритъ Арина Бѣлова; «давно прервали связь», говоритъ Каляшинъ; «съ прихода мужа не жилъ у Бѣловыхъ, а въ ночь убійства ночевалъ у Матрены Казвѣровой»; «жилъ до смерти мужа у насъ въ домѣ», говоритъ Арина и заставляетъ Каляшина сознаться, что онъ не ночевалъ у Казвѣровой, и т. д.

Гдѣ являются постоянныя и серьезныя противорѣчія въ показаніяхъ объ однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ, тамъ или одна изъ сторонъ умышленно лжетъ, или обѣ не успѣли достаточно условиться въ предстоящей лжи, такъ сказать, не спѣлись. Но виновность Бѣловой и Каляшина обусловливаетъ одна другую,—совершеніе преступленія однимъ изъ нихъ безъ вѣдома другого—немыслимо, а потому я думаю, что здѣсь разнорѣчіе является оттого, что они во всемъ не успѣли сговориться, что Арина выше Каляшина по развитію и сильнѣй его по характеру и говоритъ рѣшительно и опредѣленно, не скрывая того, чего скрыть нельзя, тамъ, гдѣ Каляшинъ путается, очевидно лжетъ и вообще, по ея же выраженію, «крутится».

Подсудимые обвиняются въ томъ, что дѣйствовали по предварительному между собою уговору, такъ какъ въ убійствѣ Бѣлова они оба были заинтересованы, хотя и не въ равной степени. Нѣтъ сом-

нѣнія, что если убійство содѣяно ими, то Арина Бѣлова играла въ задумываніи его первенствующую роль. Ея интересы, конечно, были ближе и больше задѣты приходомъ мужа, въ ея положеніи произошла существенная и рѣшительная перемѣна, невыносимая для сильнаго и энергическаго характера женщины, которая сразу должна прервать свои привычки, разорвать свои привязанности. Каляшинъ самъ, одинъ, безъ вѣдома Бѣловой, не могъ бы рѣшиться на убійство ея мужа. Это, повидимому, личность безъ особой силы воли, довольно безучастно относящаяся ко многому; такой человѣкъ можетъ быть удобнымъ и сильнымъ орудіемъ, но лишь въ настойчивыхъ и властныхъ рукахъ. Да и какой смыслъ могло имѣть убійство Бѣлова безъ вѣдома жены? Она первая же могла заподозрить убійцу, поднять тревогу. Притомъ, и вся обстановка убійства—ядъ, задушеніе, тащеніе, замытыя мѣста въ избѣ—все это указываетъ на невозможность произвести убійство безъ вѣдома хозяйки дома. Съ другой стороны, и подсудимая одна не могла этого сдѣлать; съ ея ли немолодыми уже силами тащить одной трупъ мужа, да и могла ли она душить мужа у погребицы, гдѣ находился Каляшинъ, и притомъ такъ, чтобы послѣдній ничего не зналъ, не слыхалъ? Итакъ, необходимо было совокупное дѣйствіе, взаимная помощь, общая опасность и одинакое довѣріе другъ къ другу. Поэтому, обвиняемые дѣйствовали вмѣстѣ, заранѣе уговорившись. Трудно опредѣлительно сказать, какъ распредѣлялись дѣйствія въ этомъ темномъ дѣлѣ, кто именно и что именно произвелъ надъ убитымъ. Этого, впрочемъ, и не нужно: достаточно убѣдиться, что подсудимые дѣйствовали другъ другу помогая и вмѣстѣ скрывали слѣды своего дѣла.

Я изложилъ передъ вами, гг. присяжные засѣдатели, всѣ данныя и соображенія, которыми располагаетъ въ настоящемъ дѣлѣ обвинительная власть. На основаніи этихъ данныхъ, я обвиняю передъ вами Каляшина и Бѣлову въ обдуманномъ заранѣе убійствѣ Степана Бѣлова, при чемъ онъ былъ отравленъ и, для ускоренія смерти, задушенъ. Обвиненіе это тяжелое. Оно не менѣе трудное, чѣмъ тяжелое. Но вглядитесь во всю обстановку дѣла и произнесите свое рѣшительное слово осужденія или оправданія. Вамъ будутъ говорить,—я въ этомъ увѣренъ,—что обвиненіе основано на шаткихъ данныхъ, на предположеніяхъ, что нѣтъ доказательствъ отравленія, что никто не видѣлъ, какъ подносилась отрава Бѣлову, никто не слышалъ его предсмертныхъ стоновъ, когда его душили на дворѣ. Да! Такихъ доказательствъ нѣтъ и мы тщетно стали бы искать ихъ въ настоящемъ дѣлѣ. Скажу болѣе—мы ихъ не найдемъ почти ни въ одномъ сложномъ дѣлѣ объ убійствѣ, особенно посредствомъ отравленія. Если бы пришлось судить только тѣхъ убійцъ, которыхъ застали съ ножомъ надъ жертвою, только тѣхъ отравителей, у которыхъ въ рукахъ захватили остатки только что данной ими кому либо отравы, то большая часть виновниковъ подобныхъ преступленій осталась бы безъ законнаго возмездія. Наказаніе сдѣлалось бы привилегіей только тѣхъ, кто не умѣлъ совершить пре-

ступленія, въ комъ преступная воля не настолько окрѣпла, чтобы давать возможность заранѣе обдумать и подготовить удобную обстановку для своего дѣла, только тѣхъ, наконецъ, въ комъ проснулась совѣсть и кто подъ вліяніемъ ея, прямо покаялся во всемъ. Тѣ же, кто обдумалъ многое и предусмотрѣлъ, ловко обстановился и озаботился впередъ о своей безопасности,—тѣ должны бы оставаться неприкосновенными потому, что противъ нихъ нѣтъ прямыхъ доказательствъ. Но какихъ прямыхъ доказательствъ можно требовать при отравленіи? Это преступленіе, подготовляемое заблаговременно, совершаемое въ тиши, коварно, съ ласкою и хитростью... Здѣсь никогда не будетъ прямыхъ, очевидныхъ доказательствъ. Ихъ не будетъ, а будутъ мелочныя обстоятельства, будетъ житейская обстановка, будутъ тѣ кусочки, изъ которыхъ, какъ изъ мозаики, придется складывать, осторожно и терпѣливо, обвиненіе. Въ дѣлѣ не будетъ прямыхъ доказательствъ, но найдется рядъ уликъ, которыя должны быть провѣрены между собою; житейскій опытъ, здравый разумъ укажутъ, въ какомъ порядкѣ слѣдуютъ онѣ одна за другою; для пополненія небольшихъ пробѣловъ между уликами явятся соображенія, не произвольныя, не отвлеченныя, а почерпнутыя изъ быта подсудимыхъ, изъ ихъ обстановки, изъ условій окружающей жизни, изъ общихъ свойствъ человѣческой природы, наконецъ. Они какъ цементомъ скрѣпятъ и сплотятъ улики между собою и образуютъ матеріалъ для обвиненія въ преступленіи. Оно, это преступленіе, не будетъ доказано съ точки зрѣнія стараго отжившаго суда, который имѣлъ дѣло съ формами, съ бумагою, но не съ живымъ человѣкомъ,—оно будетъ видимо, оно будетъ чувствуемо съ точки зрѣнія новаго суда, суда по совѣсти и убѣжденію...

Оканчивая обвиненіе, мнѣ слѣдовало бы сказать о важности подлежащаго обсужденію вашему преступленія. Но говорить объ этомъ излишне. Если уже убійство вообще важное преступленіе, то, среди убійствъ всякаго рода, отравленіе есть самое мрачное и преступное. Оно дѣлается втихомолку, и тотъ на чью жизнь оно направлено, не можетъ никакъ защищаться, потому что не вѣдаетъ ни дня, ни часа, когда человѣкъ, пользующійся его довѣріемъ, очень часто близкій и дорогой, призоветъ себѣ на его погибель убійственнаго и незамѣтнаго помощника—ядъ. Самъ отравитель ничѣмъ почти не рискуетъ и можетъ спокойно готовить свое скрытое оружіе и ждать конца отравленнаго. Онъ не нападаетъ прямо, какъ обыкновенный убійца, въ немъ нѣтъ даже того, что можно назвать «смѣлостью преступленія». Все дѣлается тихо, осторожно, коварно... Припоминая всѣ обстоятельства настоящаго дѣла, я думаю, что вы, гг. присяжные засѣдатели, придете къ одному со мною выводу и признаете, что грѣхъ убійства Бѣлова лежитъ на душѣ находящихся предъ нами подсудимыхъ...

XVI.

По дѣлу о коллежскомъ секретарѣ Андреевѣ, обвиняемомъ въ несоблюденіи правилъ осторожности, причинившемъ смерть крестьянину Липовому.

3-го апрѣля 1869 года, на линіи строющейся желѣзной дороги въ Таганрогѣ, около Филиппова села за Харьковомъ, произошелъ обвалъ земли, при чемъ получили поврежденія двое рабочихъ, а третій, Степанъ Липовой, задавленъ обвалившеюся землею до смерти. При производствѣ объ этомъ обстоятельствѣ дознанія и слѣдствія обнаружено, что земляная выемка для насыпки полотна желѣзной дороги около Филиппова села представляетъ раскопанную посрединѣ гору съ совершенно отвѣсными и прямыми, какъ стѣна, боками вышиною въ двѣ сажени. На всемъ протяженіи выемки стѣна идетъ прямо безъ *террасъ* и *уступовъ*, а въ одномъ ея мѣстѣ замѣчается подкопъ. Обвалъ земли былъ шириною въ 2 саж. и 1 арш., а вышиною въ 7 аршинъ; мѣсто, гдѣ онъ произошелъ, еще черезъ два дня послѣ обвала было завалено большими глыбами земли. Сверху выемки, гдѣ произошелъ обвалъ, уже была начата во время осмотра *свѣжая* скопка земли уступами. Трупъ Липоваго лежалъ въ разстояніи около сажени отъ стѣны, изогнутый и какъ бы вдавленный посрединѣ, головою къ стѣнѣ. Подъ трупомъ оказалось разбитое вдребезги колесо колымажки, въ которой возятъ землю. Надъ правой бровью трупа ссадина кожи съ разсѣченіемъ ея въ вершокъ и съ запекшеюся кровью. На правой скулѣ ссадина съ кровянымъ струпомъ въ вершокъ. Языкъ высунутъ и прикушенъ, изъ носа и рта вытекаетъ сукровица. По заключенію врача, смерть Липоваго послѣдовала отъ задушенія его обваломъ земли.

Работы по постройкѣ желѣзной дороги производились, по объясненію десяти свидѣтелей, съ чрезвычайной торопливостью и поспѣшностью, вслѣдствіе постоянныхъ настояній довѣреннаго отъ подрядчика земляныхъ работъ Рубанова, коллежскаго секретаря Андреева. Гора срывалась прямо, безъ всякихъ уступовъ, и подъ образовавшеюся стѣною даже дѣлались подкопы для скорѣйшаго своза земли, при чемъ земля, нависавшая надъ подкопомъ, сверху не сбивалась и не сколачивалась. Подкопъ бывалъ шириною въ двѣ сажени и такъ глубокъ, что въ него можно было входить, и подъ нависшую надъ нимъ землю въѣзжали колымажки. Такъ работа велась обыкновенно, несмотря на опасенія рабочихъ. 3-го апрѣля, послѣ обѣда, на работы явился довѣренный Андреевъ, и по его приказа-

нію, были забиты «довбами» въ землю надъ обваломъ четыре желѣзныхъ лома. Пріѣхавшіе съ колымажками рабочіе боялись вслѣдствіе этого подъѣзжать къ обрыву, но довѣренный торопилъ ихъ и, на заявленіе объ опасности работы, кричалъ и грозилъ штрафами. Одновременно съ этимъ онъ приказалъ продолжать вбиваніе ломовъ, но лишь только рабочіе принялись за это, какъ земля рухнула и обрушилась вмѣстѣ съ ними. Соявшіе внизу рабочіе бросились въ стороны. «Чего не работаете?» спросилъ довѣренный, и на заявленія, что земля, кажется, задавила нѣсколько рабочихъ, приказалъ разрывать землю, изъ которой и были вытащены двое ушибленныхъ рабочихъ, двѣ разбитыя вдребезги колымажки и мертвый уже крестьянинъ Липовой. Ушибленные крестьяне были отправлены въ больницу въ Харьковъ, а остальнымъ рабочимъ было приказано убирать землю отъ обвала. Затѣмъ, со времени обвала, скапыванье горы стало производиться уступами и перестало представлять опасность для рабочихъ. Служащій у подрядчика земляныхъ работъ по участку желѣзной дороги отъ Харькова до Мерефы, Флавіана Рубанова, коллежскій секретарь Николай Андреевъ, завѣдующій земляными сооруженіями около Филиппова села, подъ наблюденіемъ инженера Іосифа Кулаковскаго, объяснилъ, что скапываніе земли террасами никогда не производилось, и онъ въ этомъ отношеніи не получалъ никакихъ указаній отъ инженеровъ. Былъ ли подкопъ предъ обваломъ земли 3-го апрѣля, задавившимъ рабочаго, онъ, Андреевъ, не могъ припомнить, такъ же какъ не могъ объяснить, отчего произошелъ обвалъ. По его мнѣнію, копанье земли террасами представляется неудобнымъ тѣмъ болѣе, что тогда и «работа шла бы очень медленно». Десятникъ при работахъ, унтеръ-офицеръ Архиповъ, объяснилъ въ свою очередь, что скалыванье земли ломами дѣлалось для того, чтобы придать стѣнамъ выемки видъ наклонной плоскости. Во время скалыванья внизу рабочихъ не бывало, а если они были, то онъ, десятникъ, всегда распоряжался, чтобы работа ломами прекращалась. При самомъ обвалѣ онъ не былъ.

Изъ сообщенія участковаго врача по Харьковскому участку желѣзной дороги, сдѣланнаго на общій запросъ судебнаго слѣдователя, какъ по настоящему дѣлу, такъ и по дѣлу объ убійствѣ обваломъ земли крестьянина Николая Гребенки, видно, что съ весны 1868 по 11-е апрѣля 1869 года пострадало въ разное время отъ обваловъ 12 человѣкъ рабочихъ. Изъ нихъ умерло отъ смертельныхъ поврежденій четыре работника. Ребенокъ, Шѣевъ, Аксеновъ и Липовой; выздоровѣло девять, изъ которыхъ каждый понесъ разнообразныя поврежденія отъ глыбъ земли. Аксеновъ умеръ отъ смертельнаго кровоизліянія въ область живота и въ мочевой пузырь, вслѣдствіе ушиба обваломъ земли; у Ребенка смерть послѣдовала отъ перелома берцовой кости и образовавшейся, вслѣдствіе обвала, раны въ лѣвомъ паху, съ прободеніемъ покрововъ живота; у Шѣева обвалъ произвелъ разрывъ мошонки съ выпаденіемъ обоихъ яичекъ, повлекшемъ за собою смерть его. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, по мнѣнію врача, смерть обусловливалась, съ одной стороны, свойствомъ самихъ поврежденій, а съ другой—слабостью и разстройствомъ организма рабочихъ, не могшихъ противостоять вліянію этихъ поврежденій.

На запросъ судебнаго слѣдователя о правилахъ, наблюдаемыхъ при сооруженіи земляного полотна желѣзной дороги, начальникъ 5-го участка работъ Курско-Харьковско-Азовской желѣзной дороги, инженеръ Іосифъ Кулаковскій объяснилъ, что въ мягкихъ грунтахъ земли выемка, при глубинѣ траншеи болѣе $1^1/_2$ саженъ, должна производиться или террасами, или немного откосомъ. При крѣпкомъ же грунтѣ, какъ въ Филипповской выемкѣ, можно допустить отвѣсныя стѣны до 3 саженъ высоты, но такія стѣнки немного *опасны* и даютъ мелкіе обвалы позднею осенью и *раннею весною*, когда въ имѣющіяся щели пробирается вода и промерзаетъ. Такія стѣнки допускаются на работахъ по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ. Обык-

новенно обвалы въ твердой почвѣ происходятъ отъ того, что рабочіе, желающіе показать усердіе своему хозяину и выработать возможно больше (потому что по большей части цѣна рабочему въ лѣто окончательно назначается при окончательномъ разсчетѣ ихъ), надѣясь на свою осторожность, подкапываютъ основаніе земляной стѣнки для того, чтобы верхняя часть ея сама отвалилась и, разбившись при этомъ на куски, тѣмъ ускорила работу. Но такое *ускореніе* имъ, Кулаковскимъ, и его помощникомъ, Кюстерномъ, запрещается, что было извѣстно и Андрееву, который тоже запрещалъ, хотя и заявлялъ при этомъ, что есть такіе рабочіе-смѣльчаки, которые не слушаютъ запрещеній и предостереженій товарищей.

Архитекторъ Строительнаго Отдѣленія Губернскаго Правленія, инженеръ Александръ Раковъ, разсмотрѣвъ дѣло о смерти Липоваго, объяснилъ, что выемка земли въ Филипповомъ селѣ производилась несогласно съ правилами строительнаго искусства. Выемка должна производиться постепенно понижающимися пластами, никакъ не болѣе, въ нашемъ климатѣ, 1½ аршинъ высоты при откосныхъ стѣнахъ, сообразно грунту земли. При отвѣсныхъ глинистыхъ стѣнахъ и при производствѣ работы зимою, допущеніе подкоповъ возможно, но лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы, для предупрежденія обвала, который неминуемо долженъ произойти при оттаиваніи земли весною, висячая масса земли подпиралась деревянными подпорками. При отдѣленіи земли ломами сверху, внизу ни въ какомъ случаѣ не должно быть рабочихъ.

При заключеніи слѣдствія Андреевъ объяснилъ, что будучи обязанъ, «какъ служащій, ускорять работу», онъ, однако, всегда старался предотвращать грозящую опасность. Во время самаго происшествія, его на выемкѣ, гдѣ произошелъ обвалъ, вовсе не было, а находился онъ въ балаганѣ.

Предъ заключеніемъ слѣдствія, крестьянка Богодуховскаго уѣзда Наталья Липовая подала слѣдователю прошеніе, въ которомъ, объясняя, что послѣ смерти мужа своего, Степана Липоваго, она осталась съ четырьмя малолѣтними дѣтьми, изъ которыхъ старшему 5 лѣтъ, а младшей дочери 5 недѣль, просила распоряженія о доставленіи ей средствъ къ пропитанію.

Въ виду изложеннаго, коллежскій секретарь Николай Ивановъ Андреевъ былъ преданъ суду по обвиненію въ томъ, что отъ явно-неосторожныхъ дѣйствій его и распоряженій послѣдовала смерть крестьянина Липоваго, каковое преступное дѣяніе предусмотрѣно 1468-й ст. Улож. о нак.

Судебное засѣданіе по этому дѣлу происходило въ Харьковскомъ Окружномъ Судѣ, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, 30 декабря 1869 г., подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя суда Э. Я. Фукса; защищалъ профессоръ Л. Е. Владиміровъ; гражданскій искъ вдовы умершаго, крестьянки Липовой, поддерживалъ присяжный повѣренный Падеревскій.

Приговоромъ суда Андреевъ признанъ *виновнымъ* по взведенному на него обвиненію.

Господа судьи! Начиная обвиненіе по настоящему дѣлу, я приступаю къ нему съ мыслью, что дѣло это гораздо серьезнѣе, чѣмъ можетъ казаться по тѣмъ карамъ, которыми обставилъ уголовный законъ то преступленіе, въ совершеніи котораго обвиняется подсудимый. Я приступаю къ дѣлу съ мыслью, что оно имѣетъ серьезное общественное значеніе, которымъ обусловливается и тотъ взглядъ, который можетъ имѣть судъ на дѣяніе подсудимаго. Настоящее дѣло есть дѣло о несоблюденіи осторожности при постройкѣ желѣзной до-

роги; такихъ дѣлъ возникло въ здѣшнемъ округѣ нѣсколько, и обвинительная власть не замедлитъ представить ихъ на усмотрѣніе суда. Приговоръ суда покажетъ, насколько возможно и цѣлесообразно строгое преслѣдованіе неосторожныхъ дѣйствій, служащихъ поводомъ для дѣлъ, подобныхъ настоящему. Если постройку и проведеніе желѣзныхъ дорогъ можно, со всею справедливостью, называть дѣломъ общественной пользы и общаго блага, то злоупотребленія при такихъ постройкахъ, влекущія за собою нерѣдко гибель рабочихъ,— нельзя не назвать, съ одинаковымъ правомъ, зломъ общественнымъ. Помимо этого, дѣло имѣетъ еще и отличительныя, особенныя черты, отдѣляющія его отъ другихъ, обыкновенныхъ, такъ сказать, повседневныхъ дѣлъ. Дѣла послѣдняго рода имѣютъ одинъ общій, простѣйшій характеръ: подсудимый обыкновенно не отрицаетъ преступности и наказуемости тѣхъ дѣяній, которыя ему приписываются, онъ не идетъ въ разрѣзъ со взглядами общества и закона и не старается доказать, что извѣстныя дѣянія не тяжки, не преступны, а напротивъ, необходимы, полезны и даже существенно нужны. Признавъ вмѣстѣ съ обществомъ преступность тѣхъ или другихъ дѣйствій, онъ только отрицаетъ свою виновность въ содѣяніи этихъ дѣйствій и требуетъ, чтобы эта виновность была доказана. Такой подсудимый стоитъ по большей части одиноко, не имѣетъ за собою никакой общественной организаціи, не ссылается ни на какую систему, ни на какія либо правила, дозволенныя и одобренныя спеціальнымъ, опредѣленнымъ кругомъ людей. Напротивъ, въ настоящемъ дѣлѣ подсудимый стоитъ въ совершенно иныхъ условіяхъ: онъ членъ обширной организаціи для устройства желѣзной дороги,—онъ одинъ изъ дѣятельныхъ членовъ этой организаціи и, вмѣстѣ съ другими дѣятелями по устройству дороги, стоящими за нимъ, передъ нимъ и надъ нимъ, стремится къ одной общей цѣли. Подсудимый не находитъ своихъ дѣйствій преступными. Онъ полагаетъ, вмѣстѣ со всѣми своими сотоварищами по устройству желѣзной дороги, что дѣйствія его, при той дѣятельности, которой онъ себя посвятилъ, совершенно правильны и законны, и что иначе дороги и строить нельзя. Онъ показалъ, что если бы не ускорять работъ и скапывать отвѣсныя стѣны террасами и уступами, то работа шла бы очень медленно; все, что дѣлалось, необходимо, и дѣлается всегда, а виновными въ увѣчьяхъ и смерти вслѣдствіе обваловъ являются въ сущности сами изувѣченные и убитые крестьяне. Таково положеніе, занятое подсудимымъ въ настоящемъ дѣлѣ. Имъ указывается и тотъ путь, которымъ должно идти обвиненіе. Обвиненію предстоитъ доказать, что подсудимый является отвѣтственнымъ лицомъ за свои дѣйствія и что дѣйствія эти имѣютъ характеръ преступныхъ, не взирая ни на какія ссылки на пріемы для работъ, правила желѣзнодорожной организаціи и т. д. Къ этой задачѣ я и приступаю.

Во-первыхъ, есть ли подсудимый отвѣтственное лицо? Я полагаю, что онъ является таковымъ. Подсудимый—довѣренный подрядчика на участкѣ земляныхъ работъ отъ Харькова до Мерефы. Участокъ

большой, слишкомъ 25 верстъ, на всемъ протяженіи котораго работы производились подъ наблюденіемъ подсудимаго. Главный надзоръ за техническимъ выполненіемъ работъ, за проведеніемъ желѣзной дороги, лежитъ на инженерѣ Кулаковскомъ; выполнителемъ земляныхъ работъ явился подрядчикъ, а завѣдывающимъ самымъ производствомъ работъ на мѣстѣ, занимающимся хозяйственною частью и распредѣленіемъ рабочихъ, явился Андреевъ, довѣренный подрядчика. Онъ непосредственно надзиралъ за работами—онъ и отвѣчаетъ за злоупотребленія при производствѣ ихъ. Андреевъ говоритъ, что онъ завѣдывалъ хозяйственною частью, но это объясненіе опровергается другими обстоятельствами дѣла. Инженеръ Кулаковскій показалъ, что, завѣдуя техническою частью работъ, онъ указалъ Андрееву тѣ мѣры предосторожности, которыя должны быть принимаемы; но, сдѣлавъ надлежащія указанія, онъ не могъ постоянно присутствовать при работахъ, чтобы наблюдать за тѣмъ, осуществляются ли эти указанія—его роль совершенно другая, а участокъ огромный. Естественно, что принятіе мѣръ предосторожности въ каждомъ мѣстѣ лежитъ на уполномоченномъ лицѣ, находящемся на этомъ мѣстѣ для надзора за работами. Кто же находился на мѣстѣ? Это не былъ подрядчикъ, человѣкъ торговый, принявшій на себя *поставку* работъ и никогда при нихъ не присутствующій. Онъ участвуетъ въ постройкѣ только своимъ капиталомъ. Вмѣсто него, представителемъ его на работахъ является довѣренный. Этотъ довѣренный—Андреевъ. Если онъ занимался одною хозяйственною частью, то кто же завѣдывалъ всѣмъ остальнымъ? Неужели каждый рабочій могъ дѣйствовать по-своему? безъ всякихъ указаній и руководства? Неужели желѣзная дорога, столь важное предпріятіе, велась кое-какъ, по собственнымъ предположеніемъ и плану каждаго рабочаго? Этого быть не можетъ. Надъ ними долженъ былъ быть надзоръ, они должны были дѣйствовать подъ чьимъ либо управленіемъ. Инженеръ пріѣзжалъ не каждый день; необходимо лицо, которое руководило бы рабочихъ, надзирало за ними въ промежутки пріѣздовъ инженера. Такое лицо—не десятникъ, такой же рабочій, лишь приставленный къ небольшой группѣ товарищей, человѣкъ, не имѣющій спеціальныхъ свѣдѣній и по большей части самъ не болѣе опытный, чѣмъ остальные рабочіе. Отвѣтственнымъ лицомъ за рабочихъ, ихъ руководителемъ должно явиться лицо, способное понимать и оцѣнивать указанія и совѣты инженера и, въ то же время могущее самостоятельно распоряжаться и командовать рабочими. Такимъ лицомъ является Андреевъ—онъ и отвѣтственъ. Возражая противъ направленнаго на него обвиненія, Андреевъ объяснилъ, что не былъ знакомъ съ производствомъ земляныхъ работъ, такъ какъ служилъ въ Межевомъ Корпусѣ. Но до этого суду не можетъ быть дѣла. Человѣкъ, который принимаетъ на себя завѣдываніе работою, обязанъ знать, какъ ведется эта работа. Притомъ, при веденіи работъ отъ Андреева требовались не техническія свѣдѣнія, а простой здравый смыслъ, та простая естественная осторожность, которая доступна каждому чело-

вѣку. Да и служба въ Межевомъ Корпусѣ ближе всего могла послужить переходомъ къ надзору по земляньмъ работамъ. Эта служба можетъ пріучить обращаться съ простымъ народомъ и, слѣдовательно, дать возможность изучить обычное поведеніе и пріемы простыхъ рабочихъ. Наконецъ, Андреевъ вовсе не недавно находился при работахъ; онъ самъ не отрицаетъ показаній свидѣтелей о томъ, что онъ еще за долго до обвала являлся предпринимателемъ земляныхъ работъ, то лично отъ себя, то отъ лица подрядчиковъ. Поэтому онъ не могъ не знать, *какъ* производились работы и *что* при производствѣ этихъ работъ могло представлять опасность для жизни и здоровья рабочихъ.

Перехожу къ доказыванію виновности подсудимаго. Онъ обвиняется въ томъ, что допустилъ рабочихъ до неосторожныхъ дѣйствій и не принялъ никакихъ мѣръ предосторожности для огражденія жизни рабочихъ, вслѣдствіе чего произошелъ обвалъ земли въ подкопѣ около Филиппова села, каковымъ обваломъ крестьянинъ Липовой лишенъ жизни. Съ тѣхъ поръ, какъ Россія стала покрываться сѣтью желѣзныхъ дорогъ, отовсюду слышатся хвалебные гимны этимъ грандіознымъ предпріятіямъ и ихъ предпринимателямъ. Желѣзныя дороги должны вызвать Россію къ новой экономической жизни, поощрить разработку и усилить сбытъ естественныхъ богатствъ страны, облегчить средства сообщенія и т. д. Нельзя сомнѣваться, что таковъ можетъ быть, при благопріятныхъ условіяхъ, результатъ развитія желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи. Но изъ-за блестящаго будущаго, ожидаемаго отъ желѣзныхъ дорогъ, нельзя совершенно закрывать глаза на темныя стороны настоящаго, представляемаго постройкою нѣкоторыхъ изъ этихъ дорогъ. Настоящее дѣло даетъ возможность составить себѣ общее представленіе о томъ, какъ строилась Азовско-Харьковская дорога, т. е. какъ на ней производились работы. Работы эти, прежде всего, производились *скоро*— это ихъ главное свойство, которому, къ сожалѣнію, приносилось въ жертву многое другое. Работа производится спѣшно, со всѣми свойствами торопливости, надзоръ установленъ неопредѣленный и недостаточный, но за то главное—скорость, достигается вполнѣ. Главный строитель дороги раздаетъ работу болѣе мелкимъ строителямъ, тѣ въ свою очередь дѣлятся съ разными подрядчиками, и вотъ вся дорога покрывается рядомъ участковъ мелкихъ строителей, небольшихъ предпринимателей. У нихъ на первомъ планѣ, конечно, стоитъ выгода. Чѣмъ меньше будетъ длиться работа, тѣмъ имъ лучше, такъ какъ они знаютъ, что важнѣйшая задача ихъ—скорость во что бы то ни стало. Чѣмъ скорѣе они кончатъ работу на своихъ участкахъ, тѣмъ выше будетъ ихъ заслуга передъ главными строителями и тѣмъ болѣе надеждъ получить работу при новомъ, уже мелькающемъ на горизонтѣ, желѣзнодорожномъ предпріятіи. Поэтому работы идутъ со сказочною быстротою «щучьяго велѣнія». Такимъ образомъ, является та главная черта въ дѣятельности строителей, которую такъ знаменательно охарактеризовалъ инженеръ Кулаковскій словами *ускоренія*

работы. На эти работы сходятся крестьяне со всѣхъ концовъ Россіи. Они получаютъ небольшую заработную плату и селятся въ землянкахъ, устроенныхъ по сторонамъ строющейся линіи. Затѣмъ, въ виду достиженія возможной скорости, встрѣчающіяся по линіи горы не скапываются террасами и уступами, а прорываются прямо, составляя двѣ отвѣсныя стѣны по бокамъ дороги. Для того, чтобы уничтожить эти стѣны, подъ нихъ дѣлаютъ подкопы, а землю, нависшую надъ подкопами, сбиваютъ сверху. При этомъ иногда происходятъ несчастія, обвалы земли, гибель и увѣчья рабочихъ. И подобныя несчастія не рѣдки, они не представляютъ единичнаго случая. Это доказывается тѣмъ, что въ теченіе перваго года постройки желѣзной дороги, въ одномъ первомъ станѣ Харьковскаго уѣзда произошло 12 обваловъ, при чемъ четыре изъ нихъ причинили смерть крестьянамъ, а остальные вызвали различныя поврежденія и увѣчья. Обвалы эти, очевидно, не составляютъ необходимой принадлежности постройки желѣзной дороги, а вызываются неосторожностью. Кто допускаетъ эту неосторожность? Кто виноватъ въ ней? Кто ставитъ рабочихъ въ положеніе, въ которомъ имъ угрожаетъ опасность и нерѣдко смерть? «Виноваты сами рабочіе, они сами себя ставятъ въ это положеніе», говорятъ служащія при постройкѣ дороги лица. Они смѣльчаки, ихъ нужно постоянно останавливать, сами лѣзутъ въ опасность, желая отличиться, такъ что приходится даже штрафовать за это». Но едва ли даже русскій рабочій полѣзетъ на вѣрную опасность, если только онъ себѣ ясно ее представляетъ. Нѣкоторая доля вынужденной смѣлости въ рабочихъ вполнѣ понятна. Она есть прямое слѣдствіе *ускоренія работъ*. Изъ объясненія инженера Кулаковскаго извѣстно, какъ получаютъ рабочіе вознагражденіе. Они получаютъ плату по окончаніи всего срока работъ, сообразно съ выказаннымъ ими усердіемъ; слѣдовательно, они получаютъ вознагражденіе по усмотрѣнію подрядчика. Хорошо, т. е. скоро работалъ рабочій, онъ получитъ много, не работалъ сообразно съ желаніями подрядчика, направленными на «ускореніе»—получитъ мало. А между тѣмъ, въ этомъ вознагражденіи рабочаго его годовой заработокъ; этого вознагражденія ждетъ семейство, оставленное далеко, для котораго пришелъ крестьянинъ въ «чужедальнюю сторонушку», живетъ въ сырой землянкѣ, скудно ѣстъ, болѣетъ и подвергается вычетамъ за *прогулы* вслѣдствіе *болѣзни*. Все это онъ терпитъ, чтобы принести домой свой скудный заработокъ. Но заработокъ этотъ опредѣляется волею подрядчика, который сообразуется не съ однимъ трудомъ, а и съ усердіемъ рабочаго. И вотъ является вынужденное усердіе, и вотъ причина, почему рабочіе хотятъ казаться *молодцами*. Едва ли ихъ можно винить за это желаніе. Оно такъ естественно. Таковы нѣкорыя черты постройки желѣзной дороги. Нельзя сказать, чтобы онѣ были привлекательны. Быть можетъ, великость результатовъ устройства желѣзныхъ дорогъ, ихъ благія послѣдствія для внуковъ, заставятъ померкнуть воспоминанія о темныхъ сторонахъ постройки дорогъ, о страданіяхъ рабочихъ, но теперь—съ точки зрѣнія насто-

ящей, осязаемой дѣйствительности, этихъ сторонъ отрицать нельзя, и съ ними наконецъ приходится имѣть дѣло и суду. Поэтому сдѣланное здѣсь заявленіе о томъ, что изъ обвинительнаго акта слышится какой-то общій звукъ, общій тонъ, указывающій на эксплуатацію рабочихъ, представляется нѣсколько страннымъ. Этотъ звукъ слышится преимущественно изъ того мѣста обвинительнаго акта, въ которомъ говорится объ изнуренности и слабости рабочихъ. Но вы, г-да судьи, слушая съ должнымъ вниманіемъ этотъ актъ, конечно замѣтили, что указаніе на изнуренность рабочихъ приведено словами желѣзно-дорожнаго врача Лещенко. Запрошенный судебнымъ слѣдователемъ о причинѣ смерти рабочихъ, врачъ Лещенко изложилъ, по скорбнымъ листамъ лазарета, свѣдѣнія о смерти и увѣчьяхъ 12-ти рабочихъ и добавилъ, что смерть четырехъ изъ нихъ обусловливалась *слабостью и изнуреніемъ ихъ организма*. Нельзя предположить, чтобы подрядчикъ, заинтересованный спѣшностью работы, нанималъ рабочихъ слабосильныхъ, больныхъ и изнуренныхъ. Отсюда выводъ, что они изнурены на работѣ. Обвинительная власть не виновата, что изъ акта, ею составленнаго, слышатся сами собою грустные звуки, сливающіеся въ одну общую пѣсню объ эксплуатаціи рабочихъ. Обвинительный актъ составленъ на основаніи данныхъ, добытыхъ предварительнымъ слѣдствіемъ, и издаетъ тѣ звуки, которые слышатся въ этихъ данныхъ.

Дѣйствія подсудимаго Андреева по настоящему дѣлу представляются крайне неосторожными. Изъ свидѣтельскихъ показаній, данныхъ какъ здѣсь, такъ и на предварительномъ слѣдствіи, видно, въ чемъ состояли дѣйствія Андреева. Правда, не всѣ показанія свидѣтелей, данныя у слѣдователя, согласны съ тѣмъ, что говорилось здѣсь, на судѣ. Но недомоловки въ показаніяхъ, нѣкоторыя несущественныя противорѣчія и неточности, не измѣняютъ существеннаго характера этихъ показаній. Разнорѣчія и большая краткость настоящихъ показаній объясняются тѣмъ, что со времени происшествія прошло много времени, кое-что уже и позабыто; что затѣмъ свидѣтели вообще смущаются обстановкою суда и вслѣдствіи этого становятся неразговорчивы, чему здѣсь было нѣсколько примѣровъ; наконецъ, они всѣ—настоящіе русскіе люди, способные болѣе чѣмъ кто либо относится ко всему благодушно—объективно и махать на то, «чего не воротишь», рукою. Изъ показаній видно, что 1-го Апрѣля Андреевъ вступилъ въ управленіе работами около Филиппова села. Работа производилась около отвѣсныхъ стѣнъ на двѣ саж. вышины. Подъ такую стѣну въ одномъ мѣстѣ былъ сдѣланъ подкопъ шириною въ 7 арш., глубиною въ $1^1/_2$ арш. Время, когда подкопъ этотъ былъ произведенъ, опредѣлить не трудно. Помощникъ инженера Кюстернъ показалъ, что 1-го апрѣля, когда онъ пріѣзжалъ на работы, подкопа еще не было. Слѣдовательно, онъ появился послѣ 1-го апрѣля, т. е. выкопанъ уже при Андреевѣ, который, по собственнымъ словамъ, являлся довольно часто на работу. 3-го апрѣля онъ явился также. Въ это время подкопъ былъ уже на большомъ

пространствѣ. Андреевъ приказалъ подъѣзжать къ подкопу и брать оттуда землю, и въ то же время приказалъ забивать довбами въ землю желѣзные ломы. Когда ломы были вбиты,—земля надъ подкопомъ обвалилась и засыпала трехъ рабочихъ. Двое изъ нихъ отдѣлались ушибами, а третій, Степанъ Липовой, найденъ мертвымъ въ согнутомъ положеніи, на разбитомъ въ дребезги колесѣ колымажки. Онъ кончилъ свою трудовую жизнь, задохнувшись подъ земляными глыбами. Эти факты подтверждаются показаніями 9-ти свидѣтелей. Нѣкоторые изъ нихъ и здѣсь дали вполнѣ достаточныя для обвиненія показанія. Такъ, Гринченко показалъ, что дѣлать подкопъ приказалъ Андреевъ, требуя, въ то же время, чтобы рабочіе подъѣзжали къ нему. Онъ былъ, по словамъ, Гринченко, наверху и видѣлъ всю опасность, угрожавшую рабочимъ. То же подтвердилъ и свидѣтель Мовчанъ. Онъ показалъ также, что, несмотря на видимую опасность отъ обвала, Андреевъ настоятельно требовалъ, чтобы рабочіе подъѣзжали. Рабочіе не противились, ибо держатся правила, высказаннаго имъ же, Мовчаномъ: «нанялися—такъ треба слухати». Эти показанія повторили Дзюба и Твердохлѣбъ. Послѣдній нѣсколько разъ повторилъ, что хозяинъ, т. е. Андреевъ, приказывалъ подъѣзжать и вмѣстѣ съ тѣмъ вбивать ломы. Наконецъ, Кабацкій, совершенно посторонній свидѣтель, видѣлъ Андреева около вбитыхъ довбами ломовъ и даже самъ упалъ вмѣстѣ съ обрушившеюся землею. Говорить ли о свидѣтеляхъ Дорошенкѣ и Басовѣ? Они оба дали показанія у слѣдователя, здѣсь прочтенныя и вполнѣ служащія къ обвиненію Андреева. Здѣсь одинъ изъ нихъ, Дорошенко, прямо себѣ противорѣчилъ, другой—Басовъ, почти ничего не говорилъ, а на указываемыя ему противорѣчія въ показаніяхъ только помалкивалъ. Это объясняется очень просто. Дорошенко, по ошибкѣ, былъ спрошенъ въ числѣ свидѣтелей, вызванныхъ защитою, только подъ другимъ именемъ. Онъ далъ на отрывочные вопросы защитника отвѣты благопріятные для Андреева—«хорошо-де кормилъ, разсчиталъ отлично» и т. д. Затѣмъ его стали спрашивать, уже подъ настоящимъ его именемъ, объ обстоятельствахъ обвала. Дорошенко—человѣкъ смышленый, это видно. Онъ понялъ, что говоря о неосторожныхъ дѣйствіяхъ Андреева, ему придется противорѣчить самому себѣ, и вотъ причина его запамятованій, противорѣчій и сдержанной молчаливости. Басовъ, наоборотъ, типъ, апатичнаго, безучастнаго ко всему свидѣтеля, которому просто не хочется ничего показывать, не хочется также и отрицать дѣйствительности своего перваго показанія. Онъ молчитъ и тяжело дышетъ, думая только о томъ, чтобы поскорѣе выбраться изъ непривычной для него обстановки. Затѣмъ, здѣсь были выслушаны и свидѣтели защиты. Я затрудняюсь, однако, назвать ихъ спросъ спросомъ свидѣтелей. Это скорѣй какой-то повальный обыскъ. Ни одно изъ вызванныхъ подсудимыхъ лицъ (а вызвано ихъ много, и пришли они изъ далека, накопляя, быть можетъ, на себя прогульные дни) не было не только очевидцемъ обвала въ Филипповомъ селѣ, но даже ничего не слыхало о немъ. Поэтому

свидѣтели, вызванные Андреевымъ, могли только показать о его характерѣ, насколько онъ выразился въ кормленіи и разсчитываніи рабочихъ. Но такія показанія о характерѣ и поведеніи даются лишь при повальныхъ обыскахъ. Этотъ повальный обыскъ, произведенный передъ нами защитою, однако существенно разнится отъ настоящаго повальнаго обыска, установленнаго Судебными Уставами. Эта разница состоитъ въ томъ, что обыскъ, здѣсь произведенный, не имѣетъ достоинствъ настоящаго обыска. Эти достоинства состоятъ главнѣйшимъ образомъ въ томъ, что обыскъ производится посредствомъ спроса людей, выбранныхъ по жребію. Здѣсь же, напротивъ, явились обыскные люди, выбранные самимъ подсудимымъ, который, конечно, долженъ былъ вызвать людей, съ которыми разсчитался хорошо и которыхъ кормилъ недурною пищею. Такіе люди среди многихъ рабочихъ вѣроятно были, и они-то явились на судъ, заявляя, что борщъ получали сытный, а разсчетъ съ ними произведенъ «честно и благородно». Что не всѣ рабочіе, однако, могутъ показать одинаково, доказываетъ свидѣтель Марковъ, который вдругъ, въ полную разногласицу съ остальными свидѣтелями защиты, показалъ, что «Николай Ивановичъ кормилъ плохо и при разсчетѣ кой-кого таки обидѣлъ». Да и какое вообще значеніе могутъ имѣть такія показанія о хорошей пищѣ и разсчетѣ? Андреевъ вовсе не обвиняется въ кормленіи рабочихъ гнилью и тухлою пищею и въ обманахъ при разсчетѣ платежа, т. е. въ проступкахъ, предусмотрѣнныхъ въ 115-й и 147-й ст. Уст. о наказ., налагаемыхъ мировыми судьями. Тѣмъ лучше для него, что онъ, хотя въ одномъ отношеніи, правильно исполнялъ свою обязанность относительно рабочихъ. Затѣмъ свидѣтели защиты еще показывали, что при нихъ земля скапывалась террасами и уступами. Но они всѣ работали лѣтомъ, а обвалъ былъ весною. Странно было бы предполагать, чтобы Андреевъ, видя вокругъ себя рядъ обваловъ и подпавъ даже за одинъ изъ нихъ подъ уголовное преслѣдованіе, допускалъ продолженіе подкоповъ, а не позаботился о срываніи земли террасами. Стоитъ припомнить, что изъ акта осмотра мѣстности слѣдователемъ видно, что со времени обвала, задавившаго Липоваго, земля стала скапываться, по приказанію Андреева, террасами, и что то же подтвердили и всѣ свидѣтели, спрошенные на предварительномъ слѣдствіи.

Затѣмъ, здѣсь было выслушано объясненіе самаго подсудимаго Андреева. Какъ видно изъ обвинительнаго акта, онъ при слѣдствіи давалъ довольно разнорѣчивыя объясненія: то говорилъ, что вовсе не былъ на работахъ во время обваловъ, то объяснилъ, что не приказывалъ подъѣзжать къ подкопу. Когда ему были сообщены показанія свидѣтелей, которые говорили, что онъ присутствовалъ при обвалѣ, то онъ, не отрицая уже этого обстоятельства, сталъ говорить о невозможности скапывать землю террасами, прибавляя, что онъ, «какъ служащій, обязанъ ускорять работу». Такимъ образомъ, и тутъ слышится вѣчная пѣсня «объ ускореніи работъ». Здѣсь, на судѣ, онъ снова говоритъ о томъ, что не былъ при обвалѣ. Но это опро-

вергается всѣми свидѣтельскими показаніями, относящимися къ обстоятельствамъ обвала. Даже если бы Андреевъ и не былъ при обвалѣ, достаточно было бы и того, что онъ допускалъ рабочихъ дѣлать подкопы и не предупреждалъ ихъ объ опасности. Всѣ свидѣтели, здѣсь спрошенные, заявили, что Андреевъ до смерти Липоваго никогда не говорилъ имъ объ опасности подкоповъ, а между тѣмъ Кулаковскій не разъ обращалъ его вниманіе на это, чего не отрицаетъ и Андреевъ. Но онъ былъ и при обвалѣ: Дзюба по его приказанію забивалъ ломы, и показанія рабочихъ Гринченка и Мовчана о томъ, что «треба слухати, коли нанялся», ясно указываютъ, что они подъѣзжали къ подкопу вслѣдствіе приказаній, которыхъ имъ никто, кромѣ Андреева, давать не могъ. Наконецъ, самъ же подсудимый не отрицаетъ, что онъ приказалъ отрыть изъ-подъ обвала Липоваго, который оказался мертвымъ. Но въ такомъ случаѣ, гдѣ же онъ былъ самъ, какъ не около мѣста обвала—надъ подкопомъ, какъ и объяснили свидѣтели.

Перехожу къ данной здѣсь на судѣ и имѣющейся въ дѣлѣ экспертизѣ. Здѣсь было выслушано четыре эксперта, изъ которыхъ двое принадлежатъ къ желѣзно-дорожной администраціи. Всѣ они дали показанія довольно разнообразныя и противорѣчивыя. Инженеры Кулаковскій и Кюстернъ показывали, что скапываніе выемки земли на желѣзной дорогѣ можно производить отвѣсными стѣнками весьма значительной высоты, что подкопы ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть допускаемы, такъ какъ они очень опасны, отвѣсныя же стѣнки опасны только весною и осенью, когда въ земляныя расщелины пробирается вода и тамъ замерзаетъ. Кюстернъ даже прибавилъ, что штрафовалъ за подкопы, присутствіе которыхъ только и можно приписать опять той же несчастной слабости рабочихъ отличаться молодечествомъ. Экспертъ Небольсинъ заявилъ, что стѣны отвѣсныя тоже возможны, и подкопы могутъ быть въ нихъ допускаемы безъ всякихъ подпорокъ, особенно на непродолжительное время и при очень твердомъ грунтѣ, каковымъ представляется глинистый. Экспертъ-архитекторъ Раковъ объяснилъ, что отвѣсныя стѣнки лучше всего скапывать террасами, или, такъ сказать, ступенями, но въ крайнихъ случаяхъ можно допустить и подкопы. Подкопы эти однако должны быть устраиваемы со всевозможными мѣрами предосторожности. Такими мѣрами являются, главнымъ образомъ, поперечныя балки, подпертыя деревянными подпорками. Мнѣ предстоитъ выбрать одну изъ этихъ экспертизъ, и я выбираю экспертизу г. Ракова, какъ по той простотѣ и ясности, съ которою она дана, такъ и по тому совершенно логическому выводу, къ которому пришелъ г. Раковъ. Я не совсѣмъ ясно себѣ представляю возможность подкопа безъ подпорокъ, на которую указываетъ Небольсинъ. Ссылка его на тоннель подъ Темзою и на бельгійскіе тоннели не убѣждаетъ меня: я увѣренъ, что при постройкѣ этихъ тоннелей принимались мѣры предосторожности при подкопахъ или, лучше говоря, прокопахъ, и если такими мѣрами можно считать подпорки, то онѣ навѣрно ставились. Я увѣ-

ренъ, что если, въ случаѣ непринятія мѣръ предосторожности, произошелъ бы въ этихъ тоннеляхъ обвалъ и убилъ бы рабочихъ, то мѣстныя судебныя власти вступились бы въ это дѣло. Показаніе Кулаковскаго столь сильно поддерживаетъ обвиненіе, что его излишне даже подробно разбирать. Достаточно указать на то, что Кулаковскій признаетъ, что отвѣсныя стѣнки опасны при подкопахъ и что ихъ, и притомъ безусловно безъ подкоповъ, можно дѣлать только лѣтомъ и зимою. Не надо забывать, что отвѣсная земляная стѣна въ Филипповомъ селѣ существовала въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, который въ нашей мѣстности представляетъ самый разгаръ весны. Такимъ образомъ, я считаю лучшею экспертизою мнѣніе г. Ракова. Онъ самымъ естественнымъ образомъ разрѣшилъ возбужденные въ дѣлѣ вопросы. Онъ признаетъ, что при такихъ громадныхъ постройкахъ и сооруженіяхъ, какова желѣзная дорога, трудно было бы буквально придерживаться правилъ строительнаго искусства: формальныя предписанія закона могутъ иногда стѣснять быстроту и успѣшность работъ. Поэтому, Раковъ признаетъ возможнымъ отступленіе отъ правилъ о скапываніи земли террасами, но допускаетъ эти отступленія лишь съ соблюденіемъ извѣстныхъ правилъ для производства обваловъ, правилъ, необходимыхъ въ качествѣ мѣръ предосторожности, и какъ на такія мѣры указываетъ на подпорки подъ нависшею надъ подкопомъ глыбою земли. Эти подпорки не должны препятствовать выбиранію земли, потому то могутъ быть разставлены довольно широко одна отъ другой. Я считаю объясненія Ракова вполнѣ ясными и удобопримѣнимыми и полагаю, что если бы мѣры, имъ указываемыя, предпринимались, то Липовой не умеръ бы отъ обвала, который произошелъ вслѣдствіи распоряженій Андреева. Въ обвинительномъ актѣ. на основаніи свидѣтельскихъ показаній, сказано, между прочимъ, что подсудимый грозилъ рабочимъ штрафами. На судѣ это не подтвердилось, и я не настаиваю на этомъ обстоятельствѣ, хотя полагаю, что, по своему положенію довѣреннаго отъ подрядчика лица, Андреевъ могъ налагать штрафы на рабочихъ. Андреевъ заявилъ, что штрафы налагались только за прогульные дни; но онъ же представилъ разсчетную книжку, въ которой есть указаніе и на другой поводъ къ штрафамъ. Такъ, въ ней сказано, что подрядчикъ можетъ штрафовать рабочихъ и за работу, несогласную съ силами рабочаго, иными словами—когда ему покажется, что рабочій сдѣлалъ менѣе, чѣмъ по его, подрядчика, мнѣнію могъ бы сдѣлать, т. е. можетъ оштрафовать его за тотъ недостатокъ усердія, о которомъ я говорилъ въ началѣ рѣчи. Я полагаю, что такое правило даетъ самое широкое поле для примѣненія штрафовъ—поле, расширеніе котораго вполнѣ зависитъ отъ произвола подрядчика или его довѣреннаго. Наконецъ, инженеръ Кюстернъ заявилъ здѣсь, что онъ самъ штрафовалъ рабочихъ за дѣланіе подкоповъ, а подрядчикъ штрафовалъ ихъ за пьянство. Такимъ образомъ является цѣлая система широко примѣняемыхъ штрафовъ, и притомъ далеко не за одни прогульные дни. Право налагать штрафы за работу, несообразную съ силами

рабочаго, естественно ведетъ и къ праву штрафовать за неисполненіе предписаній, относящихся къ производству работъ. Это право имѣлъ подрядчикъ, а, слѣдовательно, и его довѣренный. Поэтому, хотя бы въ данномъ случаѣ Андреевъ и не грозилъ рабочимъ штрафами—достаточно имъ было одного сознанія, что онъ можетъ ихъ штрафовать за неисполненіе его предписаній, чтобы, несмотря на очевидную опасность, исполнять его приказанія. Недаромъ Мовчанъ сказалъ: «нанялись, такъ треба слухати!»

Дѣяніе, въ которомъ обвиняется Андреевъ, состоитъ въ грубомъ нарушеніи правилъ осторожности, повлекшемъ за собою смерть человѣка. Оно предусмотрѣно въ 1468-й ст. Улож. о наказ. Эта статья говоритъ о томъ случаѣ, когда отъ дѣянія, закономъ не воспрещеннаго, однако-жъ явно неосторожнаго, произойдетъ чья-либо смерть, и наказываетъ виновныхъ въ непринятіи надлежащихъ мѣръ предосторожности. Такимъ образомъ, здѣсь имѣется въ виду и неосторожность, состоящая въ извѣстномъ опредѣленномъ дѣйствіи и неосторожность, состоящая въ бездѣйствіи, т. е. въ непринятіи мѣръ предосторожности. Въ настоящемъ дѣлѣ существуютъ оба эти вида неосторожности. Положительная неосторожность, прямое дѣяніе со стороны Андреева, состоитъ въ томъ, что онъ, стоя наверху отвѣсной стѣны, приказывалъ рабочимъ подъѣзжать съ колымажками къ подкопу и въ то же время велѣлъ вбивать въ землю надъ подкопомъ ломы. Не нужно никакихъ особыхъ свѣдѣній, нужно только простое, естественное пониманіе того, что зовется опасностью, чтобы понять, что такія дѣйствія явно неосторожны. Неосторожность бездѣйствія состоитъ въ томъ, что Андреевъ, являясь на работы ежедневно съ 1-го апрѣля, допустилъ рабочихъ произвести подкопъ, вслѣдствіе котораго и произошелъ обвалъ. Такимъ образомъ, я полагаю, что къ дѣянію подсудимаго вполнѣ примѣнима 1468-я ст. Она допускаетъ три рода наказаній сообразно съ обстоятельствами, усиливающими вину подсудимаго. Первое наказаніе есть внушеніе въ присутствіи суда. Полагаю, что о немъ не можетъ быть и рѣчи: гдѣ въ жертву скорости приносится жизнь людей—одного внушенія недостаточно. Затѣмъ идутъ арестъ и тюрьма. Въ виду неискренности и запирательста подсудимаго, на основаніи 129-й ст. Улож., къ нему могла бы быть примѣнена тюрьма. Но здѣсь является одно обстоятельство, измѣняющее нѣсколько виновность подсудимаго. Предъ засѣданіемъ онъ вручилъ, чрезъ своего защитника, 600 руб. сер. Липовой, оставшейся вдовою съ четырьмя дѣтьми. Эта сумма составилась, между прочимъ, изъ 500 руб. сер. гонорара, отъ которыхъ отказался мой уважаемый противникъ, и была представлена подсудимымъ «не взирая на то, будетъ ли онъ признанъ виновнымъ или нѣтъ». Но если подсудимый считаетъ себя виновнымъ и ожидаетъ быть признаннымъ за такового со стороны суда, то выдача этихъ денегъ по гражданскому иску неизбѣжна и здѣсь на судѣ нѣсколько преждевременна. Если же подсудимый не считаетъ себя виновнымъ, то пожертвованіе 600 рублей сер. въ пользу вдовы, по-

терпѣвшей просто отъ несчастнаго случая, при ограниченныхъ средствахъ самого подсудимаго, о чемъ здѣсь нѣсколько разъ заявлялось, представляется дѣяніемъ въ высокой степени великодушнымъ, является дѣломъ глубокаго христіанскаго милосердія. Въ послѣднемъ случаѣ желательно бы было, чтобы это благое дѣло было сдѣлано вполнѣ по-христіански, т. е. такъ, чтобы правая рука не вѣдала, что творитъ лѣвая, а не громогласно, въ публичномъ засѣданіи, въ присутствіи суда, которому, какъ органу уголовнаго правосудія, въ сущности нѣтъ и дѣла до того, есть ли на лицо гражданская истица... Во всякомъ случаѣ, я съ радостью готовъ видѣть въ этомъ пожертвованіи Андреева жаланіе хотя отчасти поправить зло, причиненное Липовой обваломъ, въ допущеніи котораго мы признаемъ виновнымъ подсудимаго. Это будетъ вполнѣ подходить подъ указанія 9-го и 134-й ст. Улож. о нак., и поэтому наказаніе Андрееву справедливо назначить въ видѣ ареста.

Оканчивая обвиненіе, я позволю себѣ высказать то впечатлѣніе, которое невольно выношу я, пробѣгая мысленно всѣ данныя, представленныя мною суду. Настоящее дѣло приподнимаетъ покровъ съ картины постройки желѣзной дороги. Виденъ лишь кончикъ картины, но уже и по нему можно догадаться, что картина содержанія невеселаго... Всматриваясь въ нее, мы видимъ, что тамъ, гдѣ теперь идетъ, весело пыхтя и посвистывая, локомотивъ съ поѣздомъ—ложились костьми рабочіе, пришедшіе издалека, принесшіе съ собой свою бѣдность, свой голодъ и свой трудъ. Они погибли вслѣдствіе грубаго нарушенія правилъ осторожности, вслѣдствіе того, что ихъ жизнь вмѣнялась въ ничто предъ «ускореніемъ» работъ. При мысли объ этомъ, сердце, любящее русскій народъ, болѣзненно сжимается и въ головѣ возникаетъ настойчивая мысль, что это не можетъ, не должно быть терпимо, что виновные, если они есть, должны быть наказаны. Намъ быть можетъ скажутъ, что во всемъ этомъ виновна цѣлая система, вся желѣзно-дорожная организація; виновно стремленіе строить дорогу скоро, во что бы то ни стало. Вотъ что виною, вотъ кого надо карать, а не несчастнаго подсудимаго, сидящаго на скамьѣ! Но судъ не судитъ систему, судъ не караетъ отвлеченныхъ понятій, суду нѣтъ дѣла до юридическихъ лицъ, судъ имѣетъ дѣло съ живыми лицами, по отношенію къ которымъ онъ является исполнителемъ, истолкователемъ и примѣнителемъ закона. Законъ требуетъ, чтобы всякій относился къ жизни ближняго съ уваженіемъ и осторожностью. Кто этого не дѣлаетъ, тотъ подлежитъ карѣ закона, судебному осужденію. Ссылки на систему будутъ не болѣе какъ искусственнымъ отводомъ по неподсудности. Если система дурна, то не нужно ей служить, а тотъ кто служитъ—долженъ нести и кару, вызываемую системою. Вотъ почему я оканчиваю рѣчь въ спокойной увѣренности, что предстоящій приговоръ покажетъ, что за охраненіе жизни рабочихъ на желѣзныхъ дорогахъ стоитъ законъ, который не дозволяетъ безнаказанно ругаться надъ ея безопасностью!

XVII.

По дѣлу объ игорномъ домѣ Штабсъ-Ротмистра Колемина.

До свѣдѣнія прокурора С.-Петербургскаго Окружнаго Суда дошло, что въ домѣ Абамелекъ, на Михайловской площади, въ квартирѣ штабсъ-ротмистра Колемина происходитъ азартная игра въ рулетку. Произведеннымъ, по его распоряженію, дознаніемъ обнаружено несомнѣнное существованіе у Колемина игорнаго дома. Вслѣдствіе этого и согласно предложенію прокурора, въ ночь на 15 марта 1874 года, судебный слѣдователь прибылъ съ мѣстнымъ товарищемъ прокурора, полиціею и понятыми въ квартиру Колемина, гдѣ въ одной изъ комнатъ засталъ Колемина и 13 игроковъ, сидѣвшихъ вокругъ большого стола, со вдѣланною посрединѣ рулеткою и суконною покрышкою, на которой отпечатаны обычные при игрѣ въ рулетку номера и надписи. Приходъ слѣдователя послѣдовалъ во время самой игры. Колеминъ держалъ банкъ. Передъ банкометомъ и передъ сидѣвшимъ противъ него подполковникомъ Бендерскимъ были кучки золотыхъ монетъ, всего на сумму 2,896 руб., и кредитными билетами 11,050 руб. Всѣ эти деньги оказались принадлежащими Колемину. Противъ нѣкоторыхъ другихъ игроковъ лежали также золотыя монеты, въ незначительномъ количествѣ. По предложенію слѣдователя, Колеминъ назвалъ своихъ гостей по фамиліямъ, за исключеніемъ Малыгина, фамиліи коего не могъ вспомнить, и Знаменовскаго, котораго назвалъ Жадимировскимъ. Имени и отчества гостей, кромѣ троихъ, Колеминъ назвать не могъ. При осмотрѣ квартиры Колемина найдены между прочимъ 8 рулетокъ, не вдѣланныхъ въ столы и 4 книги приходо-расходныя, счетныя и долговыя, веденныя рукою Колемина и указывающія на то, что игра у Колемина шла постоянно, въ опредѣленные дни, съ ноября 1872 г. Допросами лицъ, найденныхъ слѣдователемъ въ квартирѣ г. Колемина, а равно и прислуги послѣдняго, выяснено, что игра въ рулетку у Колемина происходила первоначально два раза въ недѣлю, а затѣмъ, съ августа 1873 года, три раза въ недѣлю, по понедѣльникамъ, четвергамъ и воскресеньямъ, въ одни и тѣ же опредѣленные часы; что всѣмъ приходящимъ предлагалось даровое угощеніе; что входъ въ квартиру и участіе въ игрѣ были свободны для всякаго, кого рекомендовалъ кто-либо изъ игроковъ; что значительное число лицъ посѣщало Колемина исключительно для игры, не ведя съ нимъ помимо этого знакомства и не принимая его у себя и, наконецъ, что нѣкоторые посѣтители Колемина постоянно помогали ему въ счетѣ, участвуя извѣстною долею въ

выигрышѣ и проигрышѣ банка. По повѣркѣ отобранныхъ отъ Колемина книгъ, между прочимъ оказалось, что въ періодъ времени съ 19 августа 1873 по 11 марта 1874 года онъ только въ августѣ и февралѣ былъ въ незначительномъ проигрышѣ, во всѣ же остальные мѣсяцы оставался въ значительномъ выигрышѣ. Всего барышъ, полученный имъ отъ рулетки за это время, равняется 49,554 руб. 25 коп. Привлеченный къ дѣлу, Колеминъ не призналъ себя виновнымъ, утверждая, что, по его мнѣнію рулетка не запрещена закономъ и что игорнаго дома онъ не держалъ.

Въ виду этихъ обстоятельствъ штабсъ-ротмистръ Колеминъ былъ преданъ суду по обвиненію въ устройствѣ въ своей квартирѣ заведенія для запрещенной игры въ рулетку, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 990 ст. Улож. о нак.

Судебное засѣданіе С.-Петербургскаго Окружнаго Суда, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, происходило по этому дѣлу 30 апрѣля 1874 г., подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя суда *Шамшина*. Защищалъ подсудимаго присяжный повѣренный *Языковъ*.

На судѣ, рядомъ свидѣтельскихъ показаній удостовѣрены вышеизложенныя обстоятельства, а также и то, что постояннымъ сотрудникомъ Колемина былъ отставной офицеръ Тебеньковъ, игравшій, по мнѣнію посѣтителей Колемина, роль croupier.—При этомъ выяснилось, что общество въ квартирѣ Колемина бывало самое разнообразное,—что у него играли нѣкоторыя русскія и иностранныя высокопоставленныя лица,—а также, что нѣкоторые изъ гостей возбуждали, по незнанію обычаевъ дома, вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли заплатить за ужинъ? Кромѣ того оказалось, что сначала играли на золото и серебро, но въ ноябрѣ Колеминъ заявилъ, что банкъ онъ увеличиваетъ съ 15 на 30,000 руб. и потому ставка на серебро не допускается, что maximum ставки будетъ 1,000 рублей и что бумажки допускаются не менѣе какъ 25-рублевыя. Кто хотѣлъ, привозилъ золото съ собой, а другіе мѣняли у Колемина; играли на золотые, при чемъ Колеминъ за 100 руб. давалъ 16 золотыхъ, и это составляло нѣкоторую выгоду противъ курса для мѣнявшихъ бумажки, но когда курсъ упалъ, тогда стали давать 17 золотыхъ Затѣмъ, вслѣдствіе того, что золото все ушло изъ рулетки, такъ какъ обмѣнявшіе или выигравшіе золото, вслѣдствіе выгоды на курсѣ, не возвращали его, Колеминъ сталъ опять выдавать 16 золотыхъ.

Окружный Судъ, разсмотрѣвъ дѣло и признавая подсудимаго Колемина виновнымъ въ томъ, что въ августѣ 1873 года онъ устроилъ у себя въ квартирѣ родъ заведенія для запрещенной игры въ рулетку, на основаніи 990, 42 и 84 ст. Улож. о нак., 1234 ст. Уст. граж. суд., 777 ст. Уст. угол. суд. и 512 ст. Уст. о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій XIV т. Свод. Зак.—постановилъ: подвергнуть Колемина денежному взысканію въ пользу государственныхъ доходовъ въ количествѣ 2,000 руб., а въ случаѣ несостоятельности—заключить въ тюрьму на 6 мѣсяцевъ; обратить на него судебныя по дѣлу издержки; находящіяся на лицо вещественныя доказательства—рулетки—уничтожить; добытыя посредствомъ преступленія Колеминымъ деньги въ количествѣ 35,407 руб. 25 коп. возвратить лицамъ, отъ которыхъ онѣ выиграны; съ деньгами, которыя не будутъ истребованы, поступить въ порядкѣ указанномъ 512 ст. XIV т. Свод. Зак.

Гг. судьи! Подсудимый, отставной штабсъ-ротмистръ Колеминъ, преданъ вашему суду по обвиненію въ томъ, что въ домѣ его была организована игра въ рулетку. Для того, чтобы признать это обвиненіе правильно направленымъ противъ Колемина, предстоитъ разрѣшить два существенныхъ вопроса. Первый изъ нихъ: есть ли игра

въ рулетку—игра запрещенная? Второй: есть ли въ дѣяніи Колемина признаки содержанія имъ игорнаго дома? Оба эти вопроса тѣсно между собою связаны. Разсматривая первый вопросъ—есть ли рулетка игра запрещенная—слѣдуетъ обратиться къ прямому указанію закона. Рулетка—игра, основанная на случаѣ; въ ней разсчетъ, извѣстныя математическія соображенія, ловкость и обдуманность въ игрѣ не могутъ приводить ни къ какому положительному результату. Если и есть нѣкоторыя, какъ говорятъ, болѣе или менѣе вѣрныя примѣты въ игрѣ въ рулетку, если можно замѣчать чаще другихъ повторяющіеся нумера и т. п., то это все-таки не измѣняетъ характера игры и она остается основанной на случаѣ, а не на разсчетѣ. Законъ нашъ, въ 444 ст. XIV т. Уст. о прес. и пред. прест., говоритъ, что запрещается играть въ азартныя игры и открывать свой домъ для нихъ; статья эта основана главнымъ образомъ на Уставѣ благочинія, изданномъ при Императрицѣ Екатеринѣ, въ 1782 году. Уставъ благочинія прямо опредѣляетъ, что игрой запрещенной или азартной считается всякая игра, основанная на случаѣ. Въ виду этого положительнаго опредѣленія, рулетка, по самымъ свойствамъ и пріемамъ игры, не можетъ не считаться игрой запрещенной. Власть, слѣдя за появленіемъ различныхъ новыхъ азартныхъ игръ, постепенно ихъ изъемлетъ изъ употребленія, запрещаетъ ихъ, но она не можетъ уловить всѣ разнообразные виды игры, всѣ новые способы и пріемы ея. Жизнь слишкомъ разнообразна и представляетъ многоразличные способы и развлеченій, и незаконнаго пріобрѣтенія средствъ къ существованію. Законодательство не можетъ никогда идти въ уровень съ этой изобрѣтательностью; оно обыкновенно нѣсколько отстаетъ, но въ немъ всегда содержатся общія указанія на главныя свойства игръ, которыя оно считаетъ запрещенными и противъ которыхъ оно считаетъ нужнымъ бороться. Такъ и въ нашемъ законодательствѣ такія указанія содержатся въ ст. 444 т. XIV и въ силу ихъ послѣдовали распоряженія администраціи. Мы имѣемъ циркуляры министра внутреннихъ дѣлъ отъ 11-го марта 1863 г., за № 31, и отъ 18-го февраля 1866 г., за № 33, которыми запрещены домино-лото, игра въ орлянку и игра въ фортунку. Если вглядѣться въ существо этихъ игръ, то окажется, что всѣ онѣ основаны на случаѣ, на счастіи, на азартѣ и, въ сущности, игра въ фортунку есть ничто иное, какъ видъ простонародной рулетки. Ясно, что преслѣдованіе уже было направлено на игры, очень сходныя съ рулеткой, но чаще, чѣмъ она, проявлявшіяся въ жизни. Наконецъ, и практика иностранныхъ законодательствъ признаетъ рулетку запрещенною игрою. Мы знаемъ, что маленькія, по большей части ничтожныя, государства, гдѣ государственные доходы разсматриваются, какъ личная собственность и какъ хозяйственный прибытокъ владѣтельнаго лица, считали возможнымъ допускать у себя игорные дома съ рулеткою, въ которую, однако, не дозволяли играть собственнымъ подданнымъ; игра въ рулетку въ настоящее время удержалась, какъ кажется, только въ Saxon les bains и въ маленькомъ княже-

ствѣ Монако. Какъ только сильная государственная власть вступала въ обладаніе тѣми землями, гдѣ процвѣтала рулетка, она уничтожила ее. Пруссія, вступивъ во владѣніе Нассаускимъ герцогствомъ, сосчитала дни рулетки въ Висбаденѣ и Гомбургѣ, а вскорѣ и совсѣмъ уничтожала ее. Когда въ истощенной войною Франціи раздались голоса объ учрежденіи открытой игры въ рулетку, чтобъ увеличить наплывъ путешественниковъ и усилить приливъ золота въ странѣ, лучшіе представители общества и литературы съ негодованіемъ возстали противъ этого и правительство отвергло предложеніе о такомъ недостойномъ средствѣ обогащенія. Въ виду всего этого нельзя не признать рулетку игрой азартной, а слѣдовательно, запрещенной. Надо притомъ замѣтить, что для опредѣленія того, что она имѣетъ признаки азартной игры, судъ не нуждается въ прямомъ указаніи на это карательнаго закона. Я уже сказалъ, что законодатель не можетъ услѣдить за всѣми проявленіями быстро текущей общественной жизни. Это, въ иныхъ случаяхъ, задача суда. Кассаціонный Сенатъ, по дѣлу Аксенова, въ рѣшеніи 1870 года, № 1791, призналъ, что отъ суда зависитъ разрѣшеніе вопроса, была ли та или другая игра запрещенной, или нѣтъ. Если судъ признаетъ, что игра основана на случаѣ, то онъ признаетъ, что она азартная и этимъ самымъ включаетъ ее въ разрядъ запрещенныхъ игръ. Такое опредѣленіе суда должно быть основано на существѣ дѣла и не можетъ подлежать провѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ. Сенатъ призналъ, что одинъ изъ мировыхъ съѣздовъ имѣлъ право, вникая въ существо дѣла, признавать игру въ «ремешекъ» азартною и не счелъ возможнымъ отмѣнить это рѣшеніе съѣзда, несмотря на отсутствіе указаній закона на такую игру. Очевидно, что въ этомъ отношеніи суду предоставлена большая власть и,—быть можетъ,—и въ настоящемъ случаѣ судъ не откажется закрѣпить своимъ вѣскимъ словомъ запрещенный характеръ за рулеткой.

Перехожу къ разрѣшенію другого вопроса: устроилъ ли г. Колеминъ домъ для запрещенной игры въ рулетку? Условія игорнаго дома довольно ясно опредѣлены въ приложеніи къ 444 ст. XIV т. Въ источникахъ, на которыхъ она основана, указано прямо, что «запрещается играть въ запрещенныя игры», «открывать свой домъ игрокамъ для запрещенной игры днемъ или ночью», «запрещается имѣть счетчика, продавать своимъ гостямъ или инымъ образомъ давать и передавать золото, серебро или иныя денежныя цѣнности»; наконецъ, запрещается имѣть постоянную прибыль отъ этой игры. Это послѣднее условіе весьма ясно выражено въ указѣ императрицы Екатерины, вошедшемъ въ Полное Собраніе Законовъ за № 13,677. Въ немъ прямо говорится, что въ случаѣ «раскрытія» игорнаго дома, «буде происходитъ прибытокъ запрещенный, то, о томъ изслѣдовавъ, учинить по законамъ». Итакъ, вотъ главныя условія игорнаго дома: онъ долженъ быть открытъ днемъ и ночью, въ опредѣленные часы, для желающихъ играть въ запрещенную игру; въ немъ должна происходить запрещенная игра; въ немъ могутъ

быть лица, которыя занимаются счетомъ въ помощь хозяину; въ немъ можетъ происходить для удобства размѣнъ золота и, наконецъ, все это должно вести къ общей, къ главной цѣли учрежденія подобнаго дома—къ неправильной прибыли, къ запрещенному прибытку. Я прибавлю, что, насколько можно представить себѣ общую картину игорнаго дома, жизнью еще выработано одно условіе въ дополненіе къ этимъ условіямъ закона—именно доступность игорнаго дома, доступность хозяина его лицамъ, которыя пожелаютъ принять участіе въ игрѣ. Законъ, впрочемъ, указываетъ и на отрицательныя данныя для *непризнанія* игорнаго дома. Эту отрицательную сторону законъ обрисовываетъ въ ст. 448 XIV т., гдѣ говорится, что «если игра служила для забавы или отдохновенія, съ друзьями и въ семьѣ, и не была запрещенною, то вины нѣтъ». Поэтому, если будетъ открыто учрежденіе или домъ, гдѣ происходятъ такія запрещенныя игры и происходятъ не въ тѣсномъ кругу лицъ, связанныхъ узами дружбы, и не въ кругу родныхъ и близкихъ, и если, кромѣ того, главная цѣль этой игры не отдохновеніе, а неправильный прибытокъ, то мы имѣемъ дѣло съ игорнымъ домомъ. Примѣняя эти общія начала къ настоящему дѣлу, я полагаю, что мы найдемъ, что всѣ условія, указанныя законодателемъ, существуютъ въ дѣяніи Колемина. Игра была запрещенная, игра происходила днемъ и ночью. Мы знаемъ изъ показаній свидѣтелей, что были опредѣленные, ясно установленные напередъ дни, въ которые можно было являться играть въ опредѣленные часы. Хотя Колеминъ заявилъ здѣсь, что онъ приглашалъ лицъ, игравшихъ у него, особо каждый разъ, хотя г. Тебеньковъ показалъ, что онъ получалъ особыя приглашенія каждый разъ, но надо думать, что эти лица или запамятовали, или ошибаются, такъ какъ большая часть свидѣтелей прямо указываетъ, что дни и часы были всѣмъ извѣстны заранѣе. Одинъ изъ послѣднихъ свидѣтелей весьма характеристично заявилъ даже, что «общая молва» указывала безошибочно на эти именно игорные дни. Наконецъ, нельзя упускать изъ виду, что даже если бы подобные дни не существовали,—а существованіе ихъ подтверждается записными книгами,—то несомнѣнно, что они должны бы быть установлены для того, чтобы каждый, желающій играть, могъ ѣхать не на «огонекъ», какъ объяснилъ подсудимый, а на нѣчто болѣе опредѣленное. Это были не одни дни, это были и ночи. Слѣдовательно, два первыхъ условія, требуемыя закономъ, существуютъ. Затѣмъ того, что были счетчики, отрицать невозможно, въ виду показанія г. Тебенькова и данныхъ, которыя мы имѣемъ относительно участія въ счетѣ г. Бендерскаго. Изъ этихъ данныхъ, среди которыхъ важно показаніе прислуги, видно, что дѣятельность счетчиковъ была довольно опредѣленная и исполнялась преимущественно однимъ лицомъ, привычнымъ къ этой дѣятельности. Она сопровождалась извѣстнымъ гонораромъ, который, несмотря на участіе въ проигрышѣ, имѣлъ своимъ результатомъ, однако, то, что въ 8 мѣсяцевъ, изъ которыхъ 2 было лѣтнихъ, такъ сказать «малоигорныхъ», составлялъ сумму въ 2,000 руб.—жалованье весьма

хорошее за обязанность считать. Счетчикъ приходилъ нѣсколько ранѣе и уходилъ нѣсколько позже остальныхъ гостей. Г. Тебеньковъ объяснилъ, что онъ оставался для сведенія итоговъ послѣ каждаго рулеточнаго дня и ночи. Слѣдовательно, онъ исполнялъ всѣ вспомогательныя обязанности по рулеткѣ и былъ тѣмъ счетчикомъ, котораго разумѣлъ законъ, запрещая имѣть такового. Наконецъ, послѣднее условіе, указанное закономъ—выдача золота—точно также выяснилось свидѣтельскими показаніями. Законъ, конечно, не имѣлъ въ виду соединить съ понятіемъ объ игорномъ домѣ понятіе о мѣняльной лавкѣ. Онъ имѣлъ въ виду другое. Для того, чтобы удобнѣе играть въ запрещенную игру, нужно предоставить посѣтителямъ игорнаго дома нѣкоторыя удобства и нѣкоторыя приспособленія, которыя дали бы имъ возможность приступить къ игрѣ безъ особеннаго стѣсненія, безъ особеннаго приготовленія. Эта легкость приступа къ азартной игрѣ, созданіе этой легкости, есть одна изъ особенностей игорнаго дома. Нельзя стѣснять гостей необходимостью приносить на значительныя суммы мелкія деньги въ карманѣ, мѣнять ихъ, заходить для этого въ лавки, и т. п. Предупредительный хозяинъ можетъ самъ принять эту обязанность на себя и, съ возможно меньшею потерею, предлагать свое золото гостямъ, избавляя ихъ отъ всѣхъ предварительныхъ заботъ объ этомъ. Вотъ что предвидѣлъ законъ, запрещая такую отдачу или передачу золота. Я никакъ не думаю утверждать, чтобъ г. Колеминъ пользовался какими нибудь выгодами отъ этой продажи золота; притомъ, при выгодѣ, которую ему приносила рулетка, потеря нѣсколькихъ копѣекъ на курсѣ не составляла существенной потери. Такимъ образомъ, въ дѣяніи его существуютъ тѣ условія, которыя указаны закономъ: домъ его открытъ днемъ и ночью; въ домѣ его существуетъ счетчикъ, существуетъ размѣнъ золота. Всѣ эти условія, очевидно, направлены къ тому, чтобъ, по возможности, облегчить игру въ рулетку тѣмъ, кто пожелаетъ въ нее играть. Для чего же дѣлается это облегченіе? Для того, чтобъ рулетку охотно посѣщали, чтобъ къ ней могло приступить наибольшее количество лицъ Это наибольшее количество лицъ, должно доставить пятое указанное закономъ условіе: неправильный прибытокъ. На него указываютъ счетныя книги Колемина, его собственныя показанія и, наконецъ, признаніе большинства свидѣтелей, что они остались, въ концѣ концовъ, въ проигрышѣ. Этотъ «неправильный прибытокъ» состоялъ въ томъ, что содержатель банка, несмотря на расходы, которые онъ несъ на угощеніе ужинами, какъ показали нѣкоторые свидѣтели «даромъ», все-таки остался въ большомъ выигрышѣ. Хотя здѣсь заявлялось г. Колеминымъ, что одной книги недостаетъ, что вообще вычисленія слѣдователя произведены неправильно, но такое заявленіе запоздало, такъ какъ слѣдствіе предъявлялось ему; передъ окончаніемъ его подсудимый былъ спрошенъ, что онъ можетъ еще прибавить или сказать въ свое оправданіе, и онъ могъ своевременно обратить вниманіе слѣдователя на ошибки въ вычисленіяхъ, и тогда онѣ были бы еще разъ провѣрены при его

помощи и по его указаніямъ. Я не отрицаю, впрочемъ, что у него могли быть большія траты и должники, и притомъ весьма неисправные. Человѣкъ, державшій рулетку, несшій тяжелыя обязанности банкомета, конечно, могъ отдыхать отъ этой дѣятельности, ведя жизнь широкую и шумную и не жалѣя денегъ, выигранныхъ въ рулетку. Я утверждаю лишь, что изъ книгъ несомнѣнно можно вывести, что имъ выиграно съ 1-го августа 1873 года по 11-е марта 1874 года 49,554 руб. 25 коп. Этотъ выигрышъ выводится изъ ежедневныхъ замѣтокъ, сколько было въ началѣ каждой игры въ банкѣ и сколько въ концѣ ея. Этихъ цифръ нельзя отвергнуть, и если даже исключить 14,000 руб., о которыхъ говоритъ г. Колеминъ, какъ о неуплаченномъ ему долгѣ, то все-таки останется достаточно значительная цифра прибытка. Законъ называетъ этотъ прибытокъ неправильнымъ, и едва ли судъ можетъ посмотрѣть на него иначе. Какъ ни разнообразны средства пріобрѣтенія въ современномъ обществѣ, но все-таки у большинства взглядъ на свойство и происхожденіе прибыли и дохода болѣе или менѣе одинаковъ. Только то, что пріобрѣтается личнымъ трудомъ или трудомъ близкихъ лицъ, есть пріобрѣтеніе почтенное, облагороженное въ самомъ своемъ началѣ работою и усиліями; что же пріобрѣтается безъ труда, безъ усилій, шутя, что пріобрѣтается посредствомъ эксплоатаціи дурныхъ страстей и увлеченій другихъ людей, есть прибытокъ неправильный.

Я говорилъ уже, что для того, чтобъ признать существованіе игорнаго дома, необходимо, чтобы существовало еще одно житейское условіе: легкость и удобство доступа. Я думаю, что и это условіе въ данномъ случаѣ существуетъ. Я не стану повторять показаній всѣхъ свидѣтелей, но думаю, что судъ не можетъ не согласиться, что изъ показаній свидѣтелей видно, что они не состояли съ г. Колеминымъ въ тѣхъ дружественныхъ или семейныхъ отношеніяхъ, о которыхъ говоритъ ст. 448 XIV т. Напротивъ, вглядываясь въ эти отношенія, видимъ, что знакомство съ г. Колеминымъ завязывалось не лично для него, что не его личныя достоинства привлекали большинство къ нему въ домъ, что многіе, будучи ему представлены впервые, уходили, не сказавъ съ нимъ ни слова и прямо принявшись за знакомство съ тѣмъ предметомъ, который привлекалъ ихъ болѣе, чѣмъ хозяинъ—съ рулеткою. Я думаю, что не очень ошибусь, сказавъ, что рулетка знакомила большинство посѣтителей съ г. Колеменымъ, а не ихъ собственное желаніе. Знакомство завязывалось внѣ всякихъ правилъ общежитія. Хотя человѣкъ холостой можетъ держать себя просто и не требовать соблюденія относительно себя всѣхъ формъ и обрядовъ общественной жизни, но я не думаю, чтобъ по отношенію къ человѣку свѣтскому, у котораго бывали люди хорошаго круга, можно было отрицать всѣ обрядности общежитія, чтобы можно было пріѣзжать къ нему въ 11 и 12 часовъ ночи въ первый разъ, не дѣлать ему визита, не разсчитывать на его визитъ и не находить необходимымъ знакомить его со своимъ домомъ. Знакомство это имѣетъ характеръ особенный, оно является чѣмъ-то слу-

чайнымъ, проникнуто отчужденіемъ, носитъ характеръ знакомства болѣе съ учрежденіемъ, чѣмъ съ лицомъ. Намъ скажутъ, можетъ быть, что кругъ знакомыхъ г. Колемина былъ ограниченъ, что у него было всего человѣкъ 35 знакомыхъ. Но, повидимому, г. Колеминъ впадаетъ въ ошибку, опредѣляя такимъ образомъ количество своихъ знакомыхъ. Въ всякомъ случаѣ, большой оборотъ рулетки, на который онъ самъ указываетъ въ своей книгѣ, едва ли могъ происходить при ограниченномъ количествѣ знакомыхъ. Одинъ изъ свидѣтелей заявилъ здѣсь, что составъ гостей при рулеткѣ постоянно мѣнялся, что это были люди, незнакомые другъ другу, которыхъ связывала только рулетка. Притомъ, количество знакомыхъ г. Колемина и не должно быть особенно велико, чтобъ соотвѣтствовать понятію объ одномъ изъ условій игорнаго дома. Понятно, что доступъ къ г. Колемину не могъ быть открытъ всякому, что всякій не могъ войти къ нему съ улицы, какъ въ трактиръ или ресторанъ. Этого требовало удобство играющихъ. Играть въ рулетку пойдутъ только люди со средствами, люди свѣтскіе, съ лоскомъ развитія и образованности; они должны быть обезпечены отъ разныхъ непріятныхъ встрѣчъ, отъ неблаговидныхъ знакомствъ и приключеній. Для того, чтобы обезпечить ихъ спокойствіе, необходимо было, чтобъ вводимыя лица были, по крайней мѣрѣ, кѣмъ-нибудь рекомендованы, кто ихъ хоть немного, хоть съ внѣшней стороны, знаетъ. Такая рекомендація требовалась и у г. Колемина. Она была необходима, потому что еслибъ доступъ былъ открытъ всѣмъ, то въ число гостей попали бы на первыхъ же порахъ вовсе нежелательные чины полиціи, интересующіеся рулеткою совсѣмъ съ другой точки зрѣнія. Наконецъ, надо оградить гостей отъ прихода человѣка неразвитого, нетрезваго, который могъ бы ругаться, негодовать на проигрышъ въ грубой формѣ и, пожалуй, сталъ бы обращаться съ играющими въ *рулетку,* какъ обращаются съ играющими въ *орлянку.* Вотъ для чего были установлены нѣкоторыя гарантіи, которыхъ, однако, оказалось недостаточно, чтобы предотвратить входъ такихъ лицъ, послѣдствіемъ котораго явилось настоящее дѣло.

Подсудимый не призналъ себя виновнымъ; но я думаю, что, отрицая свою виновность, онъ не отрицаетъ фактовъ, наглядныхъ и очевидныхъ, не отрицаетъ 8 рулетокъ, которыя лежатъ передъ судомъ, не отрицаетъ темныхъ занавѣсей своихъ оконъ, существованія счетчиковъ и того, что у него было найдено 13 человѣкъ, игравшихъ въ игру запрещенную, не отрицаетъ, конечно, и того, наконецъ, что изъ нихъ онъ не всѣхъ зналъ по фамиліямъ и только трехъ—по имени и отчеству. Вѣроятно, отрицая свою виновность, онъ смотритъ на дѣло такъ же, какъ смотрѣли довольно многіе послѣ того, какъ оно возбудилось. Начатіе этого дѣла, привлеченіе г. Колемина къ отвѣтственности возбудило самые разнообразные толки въ обществѣ. Оно для многихъ явилось неожиданнымъ и непріятнымъ происшествіемъ, не находящимъ себѣ оправданія ни въ законѣ, ни въ нравственной необходимости, и вызвало горячіе толки и нареканія. Въ

начатіи дѣла многіе видѣли не только нарушеніе существеннѣйшихъ правъ русскихъ гражданъ, но даже нарушеніе чуть ли не святости семейнаго очага... Окончательное слово суда, конечно, покажетъ, согласно ли со своими обязанностями и требованіями закона воспользовалась обвинительная власть по этому дѣлу своими правами и напрасно ли нарушила она спокойствіе г. Колемина и его гостей. Но если г. Колеминъ основываетъ свои соображенія на взглядахъ лицъ, упомянутыхъ нами, то его оправданія едва ли заслуживаютъ уваженія. Нельзя говорить, что рулетка не есть запрещенная игра, и что всякій можетъ играть въ нее сколько хочетъ, по правилу «вольному воля». Этого нельзя говорить, потому что рулетка есть игра азартная, разсчитанная на возбужденіе въ человѣкѣ далеко не лучшихъ его страстей, на раздраженіе корыстныхъ побужденій, страсти къ выигрышу, желанія безъ труда пріобрѣсти какъ можно больше, однимъ словомъ—игра, построенная на такихъ сторонахъ человѣческой природы, которыя во всякомъ случаѣ не составляютъ особаго ея достоинства. Быть можетъ скажутъ, что у г. Колемина собирались люди съ характеромъ, съ твердою волею, которые знали мѣру, не переступали границъ, не увлекались. Но кто поручится, что въ числѣ лицъ, которыхъ могли приводить отовсюду знакомые къ г. Колемину, не было людей средняго сословія, трудовыхъ, живущихъ «въ потѣ лица», особенно, если бы рулеткѣ дано было пустить свои корни въ разныхъ слояхъ общества? Кто поручится, что къ г. Колемину не являлись бы играть люди, живущіе изо дня въ день, съ очень ограниченными средствами, люди семейные, которые искали бы случая забыться предъ игорнымъ столомъ отъ заботъ о семействѣ и о мелочныхъ хозяйственныхъ разсчетахъ, и что, входя въ этотъ гостепріимный, хлѣбосольный домъ для развлеченія, они не выходили бы изъ него, чтобъ внести въ свои семьи отчаяніе нищеты и разоренія? Нельзя требовать отъ всѣхъ одинаковой силы характера и воздержанія. Когда розыгрывается корыстолюбіе, когда выигрышъ мелькаетъ передъ глазами, когда передъ человѣкомъ обязательно и заманчиво разсыпается золото, нельзя требовать, чтобъ всякій думалъ о необходимости давать дѣтямъ воспитаніе, хранить для семьи средства къ жизни. Это не суть соображенія теоретическія. Я основываюсь на соображеніяхъ, которыя имѣло въ виду правительство, запретивъ въ клубахъ домино-лото, надѣлавшее въ свое время не мало несчастій. Нельзя говорить, какъ, къ сожалѣнію, говорятъ многіе, что достаточно, чтобы зло не проявлялось наружу, чтобы оно не бросалось въ глаза, не причиняло публичнаго соблазна, и что общество не страждетъ, если зло происходитъ въ 4-тъ стѣнахъ. Во-первыхъ, это взглядъ не правовой. Въ четырехъ стѣнахъ дома могутъ совершаться самыя мрачныя преступленія, и даже семья, въ виду совершаемыхъ въ ней иногда жестокостей, не совершенно изъята изъ вѣдѣнія судебной власти. Законодатель и судья не могутъ смотрѣть лицемѣрными глазами на то, что происходитъ вокругъ. Они не могутъ закрывать глаза на зло потому только, что оно не попадается

на глаза, не выставляется наружу, а существуетъ гдѣ-то тайно, притаясь и помалкивая. Разъ зло существуетъ, будетъ ли оно на площади, въ подвалѣ или въ раззолоченной гостиной—оно все-таки останется зломъ и его слѣдуетъ преслѣдовать. Г. Колеминъ, отрицая свою виновность, указываетъ, что общество, въ которомъ онъ вращался, которое играло у него, есть общество людей достаточныхъ, для которыхъ проигрышъ не составляетъ сильной потери, а выигрышъ—не имѣетъ значенія пріобрѣтенія. Но онъ обвиняется не въ томъ, что они проигрывали, а не выигрывали, а въ томъ, что ихъ небольшой, быть можетъ, въ отдѣльности, проигрышъ составлялъ для него весьма существенный выигрышъ. Во-вторыхъ—и это главное—законъ не знаетъ сословныхъ преступленій, не знаетъ различій по кругу лицъ, въ средѣ коихъ совершается его нарушеніе. Онъ ко всѣмъ равно строгъ и равно милостивъ. Въ послѣднее время всякій, кто слѣдилъ за общественною жизнью въ Петербургѣ, конечно, слышалъ или знаетъ, что азартныя игры развиваются очень сильно въ низшемъ слоѣ населенія, что во многихъ мѣстахъ Петербурга существуютъ притоны, гдѣ играютъ въ разныя азартныя игры люди, живущіе ежедневнымъ трудомъ—приказчики, мелкіе торговцы, прислуга, извозчики, рабочіе. Имъ не досталось въ удѣлъ развитіе, у нихъ нѣтъ или почти нѣтъ, кромѣ вина, другихъ, болѣе разумныхъ развлеченій. Развлеченіе послѣ скучнаго, трудового дня представляютъ такіе притоны. Здѣсь проигрывается, послѣ хорошаго дарового угощенія, заработокъ многихъ дней, и отсюда, благодаря разнымъ ловкимъ мошенничествамъ, неразвитой бѣднякъ выпускается ограбленный и нерѣдко со скамьею подсудимыхъ въ перспективѣ. Такіе притоны безспорно составляютъ большое зло и допустить существованіе игорныхъ домовъ между простымъ народомъ рѣшительно невозможно по ихъ растлѣвающему значенію. Но если преслѣдовать ихъ устройство у людей низшаго сословія, то на какомъ основаніи оставлять ихъ процвѣтать между людьми высшаго сословія? Развѣ основныя условія игорнаго дома не вездѣ одинаковы? Почему разгонять тѣхъ, кто на послѣднія трудовыя деньги, послѣ усталости отъ работы, не имѣя другихъ развлеченій, прибѣгаетъ къ азартной игрѣ, и оставлять въ покоѣ тѣхъ, которые, ради «незаконнаго прибытка», устраиваютъ игорные дома и строятъ свое благосостояніе на пользованіи увлеченіями своихъ гостей? Въ виду этого я полагаю, что судъ не раздѣлитъ взгляда на неправильность возбужденія этого дѣла и согласится со мною, что въ дѣяніи г. Колемина были всѣ признаки содержанія игорнаго дома.

Что касается наказанія, то его слѣдовало бы назначить въ высшей мѣрѣ. Ст. 990 Улож. о наказ. назначаетъ наказаніе въ видѣ штрафа въ размѣрѣ 3,000 руб. Штрафъ этотъ долженъ, конечно, соразмѣряться со степенью развитія и образованности обвиняемаго. Степень развитія и образованія г. Колемина, кончившаго курсъ въ одномъ изъ высшихъ военныхъ учебныхъ заведеній, можетъ быть признана достаточно высокою, чтобъ примѣнить къ нему наказаніе

въ высшей мѣрѣ, т. е. въ размѣрѣ 3,000 руб. Затѣмъ, изъ книгъ его видно, что онъ выигралъ 49,554 руб. 25 к. Деньги эти пріобрѣтены посредствомъ игры въ рулетку, которая производилась въ игорномъ домѣ; содержаніе игорнаго дома есть дѣяніе преступное, слѣдовательно, деньги эти суть плодъ преступнаго дѣянія; вещи же, пріобрѣтенныя преступленіемъ — плоды преступленія — возвращаются тѣмъ, отъ кого они взяты; въ случаѣ, если не окажется хозяевъ, онѣ поступаютъ на улучшеніе мѣстъ заключенія. Поэтому я полагалъ бы изъ арестованныхъ у г. Колемина денегъ удержать, для соотвѣтствующей выдачи и дальнѣйшаго распоряженія, по 512 ст. т. XIV Св. Зак., ту сумму, которая, по мнѣнію суда, составитъ его незаконный прибытокъ.

XVIII.

По дѣлу объ оскорбленіи въ печати помощника Семирѣченскаго военнаго губернатора Аристова.

Въ литературномъ приложеніи къ газетѣ «Гражданинъ» за апрѣль 1889 г. была напечатана, подписанная буквою «К.», статья, подъ заглавіемъ «Таранчинка», въ которой разсказывалось о переселеніи народа «Таранчи» изъ Кульджи въ нашу Семирѣченскую область, послѣ передачи Кульджи Китаю. Въ статьѣ сообщалось, между прочимъ, о томъ тяжеломъ положеніи, въ которомъ оказались таранчи послѣ переселенія, благодаря гнету и произволу мѣстной администраціи, въ особенности благодаря ближайшему ихъ начальнику, волостному старшинѣ, нынѣ умершему, Бушри Джалилову, назначенному русскими властями, — человѣку въ высшей степени жестокому, самовластному и корыстному, доведшему трудолюбивыхъ и покорныхъ таранчей до полнѣйшаго раззоренія и нищеты и озлобившему ихъ противъ Россіи. Далѣе разсказывается исторія притѣсненій имъ нѣкоего Амира Хамзы, у коего Бушри отнялъ жену; сообщается о томъ, какъ Бушри заставилъ составить общественный приговоръ о высылкѣ Амира Хамзы въ Сибирь, держалъ его въ подземельѣ и т. д.; засимъ указывается, что доносъ, сдѣланный Амиромъ русскимъ властямъ, не имѣлъ никакихъ послѣдствій и что даже слѣдователь, раскрывшій нѣкоторыя злоупотребленія Бушри, подвергся административному взысканію. Все это, какъ сказано въ статьѣ, происходило отъ пристрастія и потворства русскихъ властей вообще, а въ особенности помощника Семирѣченскаго военнаго губернатора Аристова, о коемъ на стр. 224, 230, 231, 235, 238, 239 и 240 разсказа напечатаны оскорбительные отзывы, содержащіе злословіе и брань, съ указаніемъ обстоятельствъ, позорящихъ служебную дѣятельность Аристова, его честь и доброе имя.

По поводу этой статьи, находящійся въ отставкѣ дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Аристовъ, на основаніи 1213[5] ст. Уст. угол. судопр., обратился къ прокурору С.-Петербургской Судебной Палаты, ходатайствуя о привлеченіи къ уголовной отвѣтственности автора статьи отставного есаула Бонифатія Карпова и редактора-издателя газеты «Гражданинъ» князя В. П. Мещерскаго за допущенную по отношенію къ нему клевету и оскорбительную ложь. По производствѣ предварительнаго слѣдствія по сему дѣлу, были преданы суду, какъ отставной есаулъ Карповъ, такъ и князь В. П. Мещерскій, но за послѣдовавшею 20 октября 1892 г.

смертью Карпова дѣло о немъ опредѣленіемъ судебной палаты прекращено. Относительно же князя Мещерскаго С.-Петербургская Судебная Палата, разсмотрѣвъ предъявленное къ нему обвиненіе, въ засѣданіи 16 декабря 1892 года нашла, что авторъ статьи «Таранчинка», обвиняя Аристова въ опредѣленныхъ позорящихъ дѣяніяхъ, заключающихся въ томъ, что онъ, Аристовъ, зная о незаконныхъ поборахъ управителя карагуйской волости Бушри Джалилова съ таранчей и о похищеніи, какъ тѣмъ же Джалиловымъ, такъ и управителемъ карамской волости, Абубахри-Кутлуковымъ денегъ, выданныхъ имъ областнымъ правленіемъ для раздачи неимущимъ переселенцамъ таранчамъ, изъ корыстныхъ видовъ прикрывалъ, какъ эти, такъ и многія другія злоупотребленія и въ числѣ ихъ попытку Бушри сослать таранча Амиръ-Хамзу въ Сибирь по неправильно составленному общественному приговору,—взводитъ на Аристова обвиненіе несправедливое и, какъ выводъ всего приведеннаго, дозволяетъ себѣ рядъ крайне рѣзкихъ и оскорбительныхъ для Аристова выраженій, называя его «чиновникомъ съ неодолимою наклонностью къ наживѣ», «покровителемъ главныхъ грабителей и лихоимцевъ, брошенныхъ въ острогъ», «болѣе крупнымъ воромъ» и т. п.

Оглашеніе въ печати такихъ позорящихъ обстоятельствъ, вредящихъ доброму имени и служебному достоинству лица, безъ подтвержденія справедливости ихъ, заключаетъ въ себѣ всѣ существенные признаки дѣянія, предусмотрѣннаго 1039 ст. Улож. о наказ., отвѣтственнымъ же въ данномъ случаѣ, за напечатаніе статьи «Таранчинка», согласно 1044 ст. Улож. о наказ., оказывается издатель-редакторъ газеты «Гражданинъ» князь Владимиръ Мещерскій, который и подлежитъ одному изъ наказаній, перечисленныхъ въ 1039 ст. Улож. о наказ.

Обращаясь къ опредѣленію этого наказанія и руководствуясь въ этомъ отношеніи указаніями 149 ст. Улож., Судебная Палата нашла, что ссылка князя Мещерскаго на допущенный редакціею недосмотръ при напечатаніи инкриминируемой статьи, свидѣтельствуя объ отсутствіи внимательности, съ которою глава редакціи названной газеты долженъ былъ относиться къ разсмотрѣнію и назначенію для печатанія матеріала, сообщаемаго случайнымъ корреспондентомъ, не можетъ служить къ оправданію подсудимаго и что неосмотрительное и неосторожное пользованіе печатнымъ словомъ, этимъ могущественнымъ орудіемъ гласности, вообще приноситъ весьма существенный и неисчислимый вредъ, въ случаяхъ же, подобныхъ настоящему, приноситъ вредъ и непоправимый, такъ какъ общественный дѣятель, публично оскорбленный и опозоренный, прибѣгая къ защитѣ той же печати, путемъ опроверженія несправедливо взведенныхъ на него обвиненій, не можетъ разсчитывать ни на то, что такое опроверженіе дойдетъ до всѣхъ тѣхъ, кѣмъ прочтена оскорбительная статья, ни на то, что его самозащита окончательно сгладитъ произведенное уже неблагопріятное впечатлѣніе. По симъ соображеніямъ и принимая во вниманіе, что князь Мещерскій самъ не является авторомъ статьи, направленной противъ Аристова и долженъ быть признанъ виновнымъ лишь въ напечатаніи ея, Судебная Палата сочла правильнымъ остановиться въ данномъ случаѣ на одномъ изъ менѣе строгихъ, перечисленныхъ въ 1039 ст., взысканій, и избрать изъ нихъ какъ наиболѣе соотвѣтствующее его виновности, заключеніе въ тюрьмѣ по 3 степени 38 ст. Улож. о наказ. Но имѣя, сверхъ сего, въ виду, что князь Мещерскій тотчасъ, по обнаруженіи своей ошибки, принялъ мѣры къ напечатанію опроверженія Аристова и тѣмъ старался отвратить хотя нѣкоторыя изъ вредныхъ послѣдствій своего дѣянія, Судебная Палата, руководствуясь 9 п. 134 и 135 ст. Улож. о наказ., нашла справедливымъ означенное по 3 степени 38 ст. наказаніе смягчить для князя Мещерскаго на одну степень и переходя къ 1 степени 39 ст. Улож., назначить ему это наказаніе въ средней мѣрѣ, за отсутствіемъ въ дѣлѣ особо увеличивающихъ или особо уменьшающихъ

вину его обстоятельствъ, и такимъ образомъ подвергнуть князя Мещерскаго аресту на одинъ мѣсяцъ на военной гауптвахтѣ, согласно 57 ст. Улож. о наказ. По всѣмъ изложеннымъ основаніямъ Судебная Палата опредѣлила: издателя-редактора газеты «Гражданинъ» князя Владиміра Петровича Мещерскаго подвергнуть аресту на военной гауптвахтѣ на одинъ мѣсяцъ.

На этотъ приговоръ защитникъ подсудимаго, присяжный повѣренный Блокъ, подалъ въ Правительствующій Сенатъ апелляціонный отзывъ, а гражданскій истецъ Аристовъ объясненія противъ отзыва. Въ апелляціонномъ отзывѣ присяжный повѣренный Блокъ ходатайствуетъ объ отмѣнѣ приговора Палаты по слѣдующимъ основаніямъ: 1) во 1-хъ, статья Карпова была напечатана въ приложеніи къ «Гражданину» безъ просмотра ея княземъ Мещерскимъ, который и не подозрѣвалъ ея оскорбительности, а когда узналъ объ этомъ, то тотчасъ послалъ извинительную телеграмму Аристову, предлагая ему напечатать опроверженіе, каковое и было напечатано въ августовской книжкѣ, съ исключеніемъ изъ него только ругательныхъ выраженій и что, такимъ образомъ, князь Мещерскій сдѣлалъ все, что могъ отъ него требовать Аристовъ; во 2-хъ, что князь Мещерскій не можетъ подлежать отвѣтственности за силою 2 части 1039 статьи Уложенія, такъ какъ обстоятельства, относящіяся въ статьѣ къ Аристову, подтверждены представленными, при производствѣ по дѣлу, документами, несмотря на все стараніе Аристова ограничить возможность представленія такихъ доказательствъ, какъ при производствѣ предварительнаго слѣдствія, такъ и въ Судебной Палатѣ. Въ подтвержденіе того, что по дѣлу доказаны обстоятельства, напечатанныя въ статьѣ и относящіяся къ Аристову, апелляторъ указывалъ на имѣющіяся въ дѣлѣ—письмо Гурде къ Карпову и заявленіе Гурде судебному слѣдователю, а равно и на резолюцію губернатора Иванова на рапортъ Аристова, свидѣтельствующія о злоупотребленіяхъ по должности Аристова,—на отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ отъ 4 декабря 1889 г., въ коемъ указывается на злоупотребленія и хищенія, допущенныя при раздачѣ пособій переселившимся таранчамъ,—на отношеніе степного генералъ-губернатора къ Аристову отъ 21 октября 1888 г.,—на отношенія губернатора Иванова и рапортъ военному губернатору за № 22509, изъ коихъ видны злоупотребленія, допущенныя Аристовымъ при распредѣленіи пособій и ссудъ, предназначавшихся жителямъ города Вѣрнаго, пострадавшимъ отъ землетрясенія,—на объясненіе Карпова и подтверждающіе его документы относительно высылки Амиръ-Хамзы и злоупотребленій Бушри;—въ 3-хъ, апелляторъ полагаетъ, что къ князю Мещерскому нельзя примѣнить и 1040 ст. Улож., такъ какъ у него не было явнаго умысла нанести должностному лицу или установленію оскорбленія, каковой умыселъ составляетъ необходимое условіе для примѣненія закона. Въ объясненіи на этотъ отзывъ Аристовъ, со своей стороны, указывалъ: 1) что никакой извинительной телеграммы ему князь Мещерскій не посылалъ, и апелляторъ вѣроятно ошибочно говоритъ о телеграммѣ отъ 1 апрѣля, присланной ему княземъ Мещерскимъ по совершенно другому дѣлу; 2) что изъ опроверженія, напечатаннаго въ августовскомъ приложеніи къ «Гражданину» выпущены не бранныя выраженія, а мѣста, фактически опровергавшія напечатанное въ статьѣ, въ подтвержденіе чего Аристовъ приводитъ самыя исключенныя мѣста; 3) что никакихъ стѣсненій въ представленіи доказательствъ онъ не дѣлалъ, а лишь ходатайствовалъ, и нынѣ повторяетъ это ходатайство, объ изъятіи изъ числа документовъ, письма и заявленія Гурде, какъ неправильно включенныхъ въ число документовъ, находящихся въ производствѣ по обвиненіи редактора Куплетскаго, не пріобщенномъ къ настоящему дѣлу, а равно и тѣхъ документовъ, которые не находились въ рукахъ Карпова во время напечатанія статьи и которые, слѣдовательно, не могутъ служить доказательствомъ по дѣлу; 4) что доку-

менты, на которые ссылается апеллятор, какъ подробно изложено въ объясненіи, не подтверждаютъ обстоятельствъ, приведенныхъ въ статьѣ «Таранчинка», и въ особенности не доказываютъ какого либо пристрастнаго отношенія его, Аристова, къ злоупотребленіямъ мѣстныхъ властей, или преступнаго участія въ оныхъ, такъ какъ всѣ объясненія его степному генералъ-губернатору признаны удовлетворительными, и никакого уголовнаго или дисциплинарнаго производства о немъ не возбуждено. По всѣмъ этимъ основаніямъ Аристовъ ходатайствовалъ о признаніи князя Мещерскаго виновнымъ по 1039 и 1040 ст. Улож. о наказ., а апелляціоннаго отзыва его не заслуживающимъ уваженія.

Дѣло разсматривалось въ засѣданіи Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената *9-го ноября 1893 года.*

Господа Сенаторы! Защищая отъ опозоренія въ печати честь, достоинство и доброе имя гражданина, уголовный законъ дѣлаетъ существенное различіе между личностью оскорбленнаго. Онъ ограждаетъ угрозою уголовныхъ каръ отъ оскорбленій въ печати частнаго человѣка, не допуская вторгнуться въ личную, не подлежащую общественному контролю, жизнь — ни праздному любопытству, ни болѣзненому исканію производящихъ впечатлѣніе извѣстій и житейскихъ положеній, заимствованныхъ изъ области домашнихъ отношеній. Согласно 1 части 1039 ст. Улож. о наказ. и 1213[5] Уст. угол. суд., въ ихъ послѣдовательномъ разъясненіи судебною практикою, въ подобныхъ случаяхъ судъ даже не долженъ и входить въ обсужденіе, дѣйствительно ли существуетъ оглашенное въ печати позорящее обстоятельство и даетъ ли оно, само по себѣ, основаніе для оскорбляющихъ честь обиженнаго выводовъ и соображеній. Иначе смотритъ законъ на опозореніе должностныхъ лицъ. Здѣсь частный характеръ ихъ дѣятельности уступаетъ мѣсто государственному или общественному служенію, выражающемуся въ осуществленіи ими опредѣленныхъ обязанностей и въ пользованіи точно указанными правами. А такъ какъ способъ исполненія этихъ обязанностей можетъ не соотвѣтствовать цѣли, для которой установлена извѣстная должность, а пользованіе правами можетъ перейти далеко за законные предѣлы и выразиться въ проявленіяхъ различнаго рода произвола, то дѣятельность должностного лица не можетъ и не должна быть сокровенной отъ всѣхъ взоровъ. Начало французскаго законодательства о печати: «la vie privée doit être murée», лежащее въ основѣ понятія о диффамаціи частнаго лица, будучи распространено на должностныхъ лицъ, могло бы повлечь за собою огромныя злоупотребленія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда карательное правосудіе еще не успѣло или не умѣло добраться до творящаго неправду, а частному обличенію заранѣе заграждены уста. Поэтому-то, ст. 1039 Улож. и отличаетъ случай, въ которомъ виновный въ опозореніи является нарушителемъ личнаго спокойствія, необходимаго для поддержанія нарушеннаго порядка въ человѣческихъ отношеніяхъ, отъ случая, гдѣ въ лицѣ

обвиняемаго, подъ поверхностнымъ и внѣшнимъ обличіемъ оскорбителя, можетъ скрываться лишь борецъ за правду, иногда, быть можетъ, только слишкомъ запальчивый. Законъ вовсе не думаетъ, путемъ уголовныхъ каръ, создавать вокругъ такого вопіющаго о житейской и служебной неправдѣ голоса—искусственную и неизбѣжную пустыню. Допуская доказывать существованіе позорящихъ обстоятельствъ, послужившихъ точкой опоры для оскорбительнаго отзыва, законъ дѣлаетъ лишь одно ограниченіе—онъ устраняетъ показанія живыхъ свидѣтелей и сводитъ доказательства невиновности къ письменнымъ документамъ. Гласное оскорбленіе, нанесенное кому либо, неизбѣжно пробуждаетъ и волнуетъ страсти, вызываетъ на сцену острую воспріимчивость и впечатлительность сторонниковъ и противниковъ, которые, по уровню своего развитія и положенія, могли бы окрашивать подлежащія обсужденію обстоятельства въ односторонній и ложный свѣтъ, дѣйствуя подъ вліяніемъ непониманія служебныхъ отношеній и должностныхъ задачъ. Поэтому, законъ желаетъ имѣть *безстрастныя* свидѣтельства, усматривая ихъ въ письменныхъ доказательствахъ. Но для разрѣшенія дѣла по всей справедливости, допущенія письменнаго доказыванія было бы, однако, мало; обстоятельства могутъ быть приведены вѣрно и существованіе ихъ можетъ быть несомнѣннымъ, но выводы о ихъ сцѣпленіи между собою, ихъ взаимномъ удѣльномъ вѣсѣ, ихъ значеніи въ дѣятельности опозореннаго, могутъ быть невѣрны, произвольны и поспѣшны; отдѣльныя событія изъ служебной жизни должностного лица могутъ казаться неопытному или близорукому взору дурно характеризующими это лицо, тогда какъ компетентное объясненіе этихъ событій, въ органической связи съ другими, или съ исключительными или временными условіями служебной дѣятельности, можетъ показать, что для выводовъ обвиняемаго нѣтъ разумныхъ и оправдывающихъ ихъ основаній.

Нельзя требовать однако отъ частнаго лица, чтобы оно, стоя предъ одной внѣшней стороной служебной дѣятельности опозореннаго, обладало достаточнымъ матеріаломъ для представленія объясненій и о ея внутренней сторонѣ, ибо, даже являясь косвенно потерпѣвшимъ отъ незаконныхъ дѣйствій должностного лица, обличитель все таки въ значительной степени представляетъ собою зрителя этихъ дѣйствій и, если общая картина ихъ его возмущаетъ, то ему зачастую невѣдомы пружины, двигающія этими дѣйствіями. Лишь самъ опозоренный, стоящій, такъ сказать, за кулисами своей служебной дѣятельности, можетъ удовлетворительно объяснить связь этихъ дѣйствій между собою и ихъ правильность, несмотря на ихъ кажущуюся неприглядность. Въ этомъ его объясненіи и состоитъ обвиненіе имъ подсудимаго, въ этомъ же выражается и его широкое оправданіе себя предъ усомнившимся въ немъ. Должностное лицо, понимающее свою отвѣтственность предъ обществомъ и государствомъ, не можетъ не сознавать, что публичное обличеніе его въ неправильныхъ дѣйствіяхъ ставитъ и его какъ бы въ положеніе

обвиняемаго и что въ задачу суда входитъ и необходимость убѣдиться въ томъ, что оно дѣйствительно не подало повода къ основательнымъ сомнѣніямъ въ законности своихъ дѣйствій и къ опасеніямъ за ихъ чистоту. Разрѣшеніе этой задачи не можетъ связываться никакими предустановленными доказательствами, а должно быть основано на внутреннемъ убѣжденіи совѣсти, матеріаломъ для котораго служитъ совокупность всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Правительствующій Сенатъ, въ приговорѣ по дѣлу Бебутова, въ 1878 году, высказалъ, что вопросъ о доказанности, или недоказанности обвиненія въ опозореніи, долженъ быть разрѣшаемъ по общему началу уголовнаго судопроизводства, т. е. по совокупности всѣхъ разсматриваемыхъ обстоятельствъ и можетъ быть рѣшенъ отрицательно не только по доказательствамъ, представляемымъ самимъ подсудимымъ, но даже и по доказательствамъ обвиняющей стороны. Въ приговорѣ по дѣлу Аксакова, въ 1870 году, Сенатъ призналъ, что письменныя доказательства суть не только формальные акты и официальная переписка должностныхъ лицъ, но и всякія удостовѣренія, лишь бы онѣ не были даны по поводу возникшаго или могущаго возникнуть дѣла объ опозореніи. Наконецъ, въ приговорѣ по тѣлу Надеждина, въ 1888 году, Сенатъ вмѣнилъ суду въ обязанность разсматривать — опровергнуто-ли должностнымъ лицомъ взведенное противъ него обвиненіе для того, чтобы дать возможность—ему оправдать себя и этимъ способомъ получить дѣйствительное удовлетвореніе, а суду уяснить себѣ обстоятельства дѣла настолько, чтобы на нихъ можно было твердо построить внутреннее убѣжденіе. Поэтому, весьма часто, обвиняемому въ опозореніи предстоитъ представить доказательства, дающія фактическую подкладку для его выводовъ, потерпѣвшему—представить данныя, разрушающія эти выводы, даже несмотря на эту фактическую подкладку, а на судѣ лежитъ обязанность рѣшить дѣло по обсужденіи всего представленнаго матеріала и вынести приговоръ, который долженъ давать удовлетвореніе не только жалобщику, не только обществу, которое можетъ быть справедливо встревожено извѣстіемъ о попраніи закона или о его постыдномъ бездѣйствіи, но и живому органу этого общества, печати, которая, раскрывая страницы своихъ повременныхъ изданій, дала возможность донестись до общаго слуха стону далекихъ, обездоленныхъ и слабыхъ, иногда заглушаемому ворохами канцелярскихъ отписокъ о томъ, что—«все обстоитъ благополучно».

Обвиняя редактора-издателя «Литературныхъ приложеній» къ газетѣ «Гражданинъ» кн. Мещерскаго въ опозореніи напечатаніемъ этнографически — обличительной повѣсти есаула Бонифатія Карпова «Таранчинка», отставной помощникъ Семирѣченскаго военнаго губернатора д. с. с. Аристовъ въ сущности утверждаетъ, что въ предѣлахъ той области мѣстныхъ должностныхъ отношеній, во главѣ которыхъ онъ стоялъ и изображеніе которыхъ вплетено въ романическую ткань разсказа Карпова «все обстояло благополучно» и

что, такимъ образомъ, всѣ указанія на бездѣйствіе ввѣренной ему власти и на употребленіе ея не на добро, есть ни что иное, какъ злостная выдумка. Съ этимъ взглядомъ согласилась и Петербургская Судебная Палата.

Обращаясь къ оцѣнкѣ правильности этого взгляда и имѣя въ виду разнообразный матеріалъ, содержащійся въ разсказѣ «Таранчинка», изъ котораго могутъ быть сдѣланы тѣ или другіе выводы, необходимо установить, на какомъ именно матеріалѣ должно строиться обвиненіе, въ данномъ случаѣ, въ опозореніи. Въ силу 889 ст Уст. угол. суд. разрѣшеніе дѣлъ въ апелляціонной инстанціи производится въ предѣлахъ принесеннаго отзыва, который, по существу своему, является опроверженіемъ, какъ первоначально взведеннаго обвиненія, такъ и послѣдовавшихъ выводовъ суда по этому обвиненію. На основаніи 1214[5] ч. 2 ст. 1213[7] и ст. 1213[8] Уст. угол. суд. прокуроръ обязуется начать преслѣдованіе по жалобамъ и сообщеніямъ потерпѣвшихъ оскорбленіе, при чемъ въ нихъ должно быть точно опредѣлено, въ чемъ именно заключается преступленіе или проступокъ. Поэтому, разсмотрѣніе дѣла во второй инстанціи не можетъ выходить изъ предѣловъ обжалованнаго приговора, который, въ свою очередь, долженъ быть построенъ исключительно на матеріалѣ обвиненія, приведенномъ въ обвинительномъ актѣ и почерпнутомъ изъ точныхъ указаній жалобы потерпѣвшаго. Разсматривая съ этой точки зрѣнія ставимыя въ вину обвиняемому мѣста изъ разсказа «Таранчинка», надлежитъ признать, что князь Мещерскій обвиняется въ томъ, что допустилъ напечатать позорящія честь и доброе имя д. с. с. Аристова обстоятельства, сводимыя, въ сущности, къ указанію на покровительство Аристовымъ волостному управителю Бушри, которому все сходило съ рукъ и который безпрепятственно обиралъ насчастныхъ таранчей, на употребленіе Аристовымъ своей власти для этого покровительства и для метанія «Вѣрненскаго Олимпа громовъ и молній въ боговъ второй величины», — къ указанію на Аристова, какъ на человѣка огромнаго честолюбія и неодолимой наклонности къ наживѣ, для котораго важно лишь полученіе жалованья, а тамъ «хоть трава не рости», при чемъ Аристовъ сравнивается съ присылаемыми на далекія окраины выжимками и отбросами изъ бюрократіи внутреннихъ губерній и называется, въ качествѣ покровителя главныхъ лихоимцевъ и грабителей, «болѣе крупнымъ воромъ», который при гоненіи на этихъ лицъ присмирѣлъ, какъ улитка втянулся въ свою скорлупу и подалъ въ отставку, не выдержавъ луча божественнаго свѣта, подобно нечистому—и, наконецъ, къ указанію на то, что несмотря на внезапную и загадочную, приписываемую молвою самоотравленію, смерть Бушри, преступныя дѣла котораго бросали густую тѣнь подозрѣнія на занимавшихъ высокіе посты въ мѣстной областной администраціи, его не анатомировали.

Несомнѣнно, что первое изъ позорящихъ обвиненій, взведенныхъ Карповымъ на Аристова, заключается въ указаніи на дружбу его

съ Бушри, и покровительство послѣднему, дававшее свободу его произволу и вымогательствамъ.

Разсматривая эту часть обвиненія, Судебная Палата употребила терминологію, которая едва-ли можетъ быть признана правильною, какъ съ юридической, такъ и съ бытовой точки зрѣнія. «Хотя,— говоритъ Палата—злоупотребленія по раздачѣ таранчанамъ Высочайшаго пособія на водвореніе и устройство и подтверждаются, но ссылка на *попустительство* или, какъ выражено авторомъ, *покровительство* со стороны Аристова не можетъ считаться справедливой, ибо въ представленныхъ доказательствахъ не содержится указаній, которыя дозволяли бы вывести заключеніе о виновности Аристова *въ прямомъ и завѣдомомъ сообщничествѣ въ растратѣ упомянутыхъ пособій*». Не говоря уже о томъ, что для суда обязательно разсматривать выраженіе автора въ ихъ точной передачѣ, нельзя не замѣтить, что въ этой аргументаціи слово «покровительство» чрезвычайно быстро принимаетъ несвойственныя этому слову размѣры, обращаясь въ попустительство, т. е. въ завѣдомое допущеніе преступленія и, затѣмъ, преображается даже въ прямое участіе въ преступленіи, т. е. изъ слова, характеризующаго благосклонное отношеніе Аристова къ личности человѣка, совершавшаго злоупотребленія, создается представленіе не только о совершеніи Аристовымъ преступленія, указаннаго въ 14 ст. Улож. о нак., но даже и предусмотрѣннаго 13 ст. Улож. Но по терминологіи нашего закона попуститель преступленія существенно и рѣзко отличается отъ сообщника, а покровительство, по своему житейскому характеру, не можетъ быть смѣшиваемо съ попустительствомъ, ибо оно можетъ не заключать въ себѣ никакой завѣдомой преступности, а является лишь слѣдствіемъ излишней довѣрчивости или слишкомъ поспѣшно сложившихся убѣжденій въ порядочности покровительствуемаго лица и въ вѣрѣ въ его честность.

Мы пошли бы слишкомъ далеко, если бы стали обычное, къ сожалѣнію, въ нашей жизни «радѣніе родному человѣчку» или доброму знакомому подводить подъ рубрику попустительства его опредѣленнымъ преступнымъ дѣйствіямъ. Въ этихъ случаяхъ покровительства центръ тяжести лежитъ въ довѣріи къ лицу и въ недовѣріи къ приписываемымъ ему поступкамъ, въ ослѣпленіи его мнимыми нравственными качествами и въ защитѣ, на этомъ основаніи, его отъ кажущихся несправедливыми обвиненій. Наоборотъ, въ попустительствѣ центръ тяжести лежитъ въ сочувствіи преступному дѣлу, совершаемому личностью, ищущей не довѣрія и уваженія, а лишь облегченія въ осуществленіи задуманнаго зла. Поэтому, слѣдуетъ принимать слова Бонифатія Карпова о покровительствѣ Аристовымъ Бушри въ точномъ смыслѣ этого слова. Но это не значитъ еще, чтобы обвиненіе въ такомъ покровительствѣ представлялось безразличнымъ для чести и добраго имени должностного лица. И простое покровительство представляется, само по себѣ, противнымъ обязанностямъ службы, обличая, по меньшей мѣрѣ, пристра-

стіе къ *одному*, на ряду съ равнодушіемъ ко *всѣмъ остальнымъ*. Поэтому, если не будетъ представлено письменныхъ доказательствъ, указывающихъ на несомнѣнность такого покровительства въ томъ или другомъ случаѣ, или же дающихъ матеріалъ къ основательному подозрѣнію, что оно существовало, то въ разсматриваемомъ дѣлѣ имѣются признаки опозоренья должностнаго лица.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Аристовъ, жалующійся на опозоренье, занималъ должность помощника военнаго губернатора Семирѣченской области. Въ эту область, съ 1881 по 1883 годъ, переселился маленькій, трудолюбивый магометанскій народецъ,— «таранчи», въ количествѣ около 50,000 человѣкъ. Его отдаленное прошлое неизвѣстно, но ближайшее было полно страданій подъ управленіемъ алчной и, изощрившейся въ притѣсненіяхъ, мѣстной китайской администраціи. Вздохнувъ свободно въ теченіе десяти лѣтъ, въ которыя Россія владѣла Кульджею и Пріилійскимъ краемъ, таранчи очутились затѣмъ, при возвратѣ Кульджи Китаю, лицомъ къ лицу съ повтореніемъ прежнихъ терзаній, неуклонно ведшихъ ихъ къ вымиранію. Они рѣшились поголовно выселиться въ Россію и, съ дозволенія нашего правительства, осѣли въ Семирѣченской области, ставъ въ прямое подчиненіе областному правленію. Это правленіе, состоящее изъ ряда отдѣленій по разнымъ родамъ дѣлъ, дѣйствуетъ подъ предсѣдательствомъ помощника военнаго губернатора. Оно представляетъ собою, въ своемъ общемъ присутствіи, высшее административно-судебное мѣсто области, совмѣщая въ себѣ гражданскій и уголовный судъ по общимъ законамъ, казенную палату, губернское правленіе и т. д. Сосредоточивая въ своихъ рукахъ отправленіе правосудія, вѣданіе хозяйственными дѣлами и направленіе дѣятельности мѣстной исполнительной власти, оно представляетъ главный органъ управленія въ краѣ. Поэтому, предсѣдатель такого учрежденія, члены котораго суть, притомъ, его непосредственные подчиненные, представляетъ по отношенію ко всему, стоящему ниже его, лицо, облеченное громадною властью и вліяніемъ,—по отношенію же къ стоящимъ выше его—степному генералъ-губернатору и военному губернатору области—посредника между ними и мѣстнымъ населеніемъ, выразителемъ и истолкователемъ нуждъ и упованій котораго онъ является. Нужно ли говорить о значеніи такого должностнаго лица и о тѣхъ отвѣтственныхъ заботахъ, которыя налагаетъ на него это званіе, особливо относительно пришлаго, чуждаго населенія, замѣняющаго *знаніе* закона и своихъ правъ *вѣрою* въ сердце и правду своихъ новыхъ русскихъ правителей? Всегда ли, однако, соблюдена была относительно ихъ эта правда и направлены на нихъ эти заботы? Правительство, входя въ стѣсненное положеніе переселенцевъ, спѣшившихъ уйти изъ оставленнаго нами края до новаго водворенія въ немъ китайской администраціи, ассигновало на расходы по устройству ихъ быта на первое время 50,000 руб., по главному интендантскому управленію и 50,000 руб. по министерству иностранныхъ

дѣлъ, для ссудъ на скотъ и обсѣмененіе полей. Ближайшее распредѣленіе этихъ пособій должно было быть произведено по распоряженіямъ волостныхъ управителей, подъ надзоромъ, какъ и за всѣмъ, кромѣ военнаго дѣла въ краѣ, областного правленія. Оказалось, однако, какъ увѣдомляетъ министерство внутреннихъ дѣлъ отъ 4 декабря 1889 г. за № 229 и какъ признаетъ и Судебная Палата, что изъ этой суммы, назначенной на самыя насущныя надобности переселенцевъ [и распоряженіе которою требовало особой добросовѣстности, растрачено 27,718 руб., т. е. болѣе одной четвертой части. Можно найти разныя наименованія этому явленію, но во всякомъ случаѣ нельзя выраженіе автора «Таранчинки» объ «обирательствѣ несчастныхъ таранчей» признать неимѣющимъ фактическаго основанія и упрекъ, сдѣланный имъ главѣ надзора за волостными управителями, совершенно незаслуженнымъ.

Переходя, затѣмъ, къ разсмотрѣнію дальнѣйшихъ данныхъ, на которыхъ построено спеціально обвиненіе авторомъ статьи Аристова въ покровительствѣ волостному управителю Бушри Джалилову и подвергнувъ подробному разбору постановленія областнаго правленія по судебнымъ дѣламъ о таранчѣ Амиръ Хамзѣ Сатіевѣ и о Бушри Джалиловѣ—нельзя не придти къ заключенію, что дѣйствія хорунжаго Бушри не встрѣтили въ общемъ присутствіи областного правленія, гдѣ предсѣдательствовалъ Аристовъ, ни того тревожнаго вниманія, которое долженъ возбуждать въ начальствѣ рядъ жалобъ на подчиненнаго, ни достаточно внимательнаго выясненія, не оставляющаго сомнѣнія въ томъ, чтобы по отношенію къ Бушри не сложился взглядъ, исполненный предвзятаго доброжелательства. Такъ, когда поручикъ Ливенцовъ, слѣдователь по лживому и раздутому обвиненію противъ Амиръ Хамзы въ покушеніи на убійство и грабежъ, наткнулся, по отношенію къ Бушри, оказывавшему, по признанію самаго областного правленія, незаконное вмѣшательство въ первоначальное изслѣдованіе этого дѣла туземнымъ судомъ,—на обвиненіе самого Бушри въ совершеніи ряда злоупотребленій и поборовъ и изслѣдовалъ ихъ, то вмѣсто постановленія о дальнѣйшемъ производствѣ *слѣдственныхъ* дѣйствій о преступныхъ дѣйствіяхъ Бушри, все производство было препровождено непосредственному начальству Бушри, для истребованія отъ него объясненій и производства, буде окажется нужнымъ, для ихъ провѣрки—*дознанія,* а объ отвѣтственности слѣдователя Ливенцова былъ возбужденъ вопросъ истребованіемъ отъ него объясненій на основаніи 253 ст. II т. ч. 1. При производствѣ дознанія, старшины трехъ селеній и нѣкоторыя частныя лица заявили рядъ обвиненій противъ управителя и брата его—кандидата управителя Джамальэддина въ вымогательствѣ денегъ, подкрѣпляя ихъ письменными документами, расписками и 15 предписаніями этихъ лицъ. Обвиненія эти сводились къ присвоенію Бушри 6,800 руб. изъ 9,000 руб., ассигнованныхъ на пособіе таранчамъ, къ захвату въ свою пользу лучшихъ изъ отведенныхъ имъ земель, къ принужденію къ исполненію раз-

нородныхъ, произвольныхъ, личныхъ, въ его пользу, повинностей,—къ обложенію торговцевъ оброкомъ за право торговли, къ обязанію мѣстныхъ жителей выдѣлать въ ихъ пользу 15,000 кирпичей, и т. п., и, наконецъ, ко взысканію по 10 руб. за выдачу замужъ дочерей и къ полному воспрещенію выдавать ихъ за киргизовъ и сартовъ, т. е. за мужчинъ изъ того населенія, среди котораго осѣли таранчи. Для провѣрки этихъ обвиненій, изъ которыхъ каждое связывалось съ опредѣленными личностями потерпѣвшихъ, допрошенныхъ Ливенцовымъ, былъ употребленъ оригинальный пріемъ: были спрошены 50 выборныхъ домовладѣльцевъ, находящихся въ зависимости отъ Бушри, какъ отъ волостного управителя. Они, конечно, все отрицали также, какъ и Бушри, который призналъ лишь, что, дѣйствительно, воспрещалъ браки таранчинкамъ потому, что «таранчи, какъ недавно переселившіеся, никого не знаютъ, а потому могутъ послѣдовать жалобы и дрязги». Такимъ образомъ, *слѣдствіе* обратилось въ дознаніе, а *дознаніе* въ опросъ какихъ-то *выборныхъ свидѣтелей* вмѣсто потерпѣвшихъ—и все заключилось прекращеніемъ переписки, съ предупрежденіемъ таранчей, что въ будущій разъ за обремененіе начальства ложными, основанными на интригахъ, жалобами они будутъ привлечены къ отвѣтственности—и съ разъясненіемъ Бушри и управляемому имъ обществу, что сборы съ народа безъ утвержденнаго приговора (чего по сборамъ, въ коихъ обвинялся Бушри, сдѣлано не было) суть *сборы незаконные*. О воспрещеніи же браковъ въ опредѣленіи областного правленія не сказано было ничего. Повидимому, этому воспрещенію былъ приданъ характеръ анекдотическаго эпизода, не заслуживающаго вниманія.

Быть можетъ, на далекой окраинѣ трудно было и требовать большаго,—и если у насъ судъ обязанъ творить «правду и милость», то въ данномъ случаѣ оказалось возможнымъ скромно и со смиреніемъ ограничиться лишь половиною задачи—и взять изъ этой формулы лишь *милость*, предоставивъ таранчамъ искать *правду* въ какомъ-нибудь другомъ дѣлѣ или мѣстѣ. Не такъ, однако, посмотрѣлъ на этотъ предметъ непосредственный начальникъ д. с. с. Аристова—военный губернаторъ Семирѣченской области, генералъ-маіоръ Ивановъ, извѣстившій 5-го декабря 1889 года, за № 24183 судебнаго слѣдователя, что на служебномъ докладѣ своего помощника онъ положилъ слѣдующую резолюцію: «я не разъ уже имѣлъ случаи убѣдиться, что помощникъ мой, Аристовъ, докладывалъ мнѣ ходъ дѣла въ неправильномъ видѣ (напримѣръ, о разрѣшеніи содержать при уѣздныхъ управленіяхъ джигитовъ на счетъ туземнаго населенія) и что о злоупотребленіяхъ въ волостяхъ по раздачѣ жителямъ правительственныхъ пособій и ссудъ на первоначальное домообзаводство и устройство необходимаго хозяйства—*злоупотребленіяхъ, получившихъ начало и развившихся на глазахъ у г. Аристова* (какъ, напримѣръ, захватъ самой удобной земли и воды должностными и вліятельными лицами изъ туземцевъ, отъ 200 до 500 де-

сятинъ, въ однѣ руки, захватъ ими же денегъ и хлѣба большими количествами, письменные подлоги по дѣлу раздачи этихъ правительственныхъ ссудъ и многія жалобы на это народа)—*не докладывалъ мнѣ рѣшительно ничего,* пока, наконецъ, довѣренные переселенцевъ не подали мнѣ прошенія и не открылась истина путемъ производства дознанія и слѣдствія лицами, командированными степнымъ генералъ-губернаторомъ». Г. Аристовъ не можетъ укрываться отъ тѣхъ выводовъ, которые сами собою возникаютъ при ознакомленіи и съ опредѣленіемъ общаго присутствія и съ резолюціею генерала Иванова, за *коллегіальностью* устройства общаго присутствія. Коллегіальность, въ большинствѣ случаевъ, только тогда не пустое, лишенное дѣйствительнаго содержанія слово, когда члены коллегіи обладаютъ фактическою или юридическою независимостью отъ предсѣдателя. Но такой независимости не было въ областномъ правленіи Семирѣчья. Когда члены пробовали быть тверды въ своемъ мнѣніи, г. Аристовъ съ ними не соглашался, и его мнѣніе долгое время безусловно уважалось довѣрчивымъ начальствомъ, пока генералъ-маіоръ Ивановъ не взглянулъ на его дѣятельность подъ другимъ угломъ зрѣнія. Да и кромѣ того, онъ аттестовалъ своихъ сослуживцевъ, а аттестація и независимость требуютъ особой, тепличной атмосферы, чтобы процвѣтать одна на ряду съ другою, или исключительныхъ нравственныхъ качествъ съ обѣихъ сторонъ. Въ предписаніи на имя Аристова, отъ 29-го октября 1888 года, за № 3966, степной генералъ-губернаторъ Колпаковскій указываетъ, что Аристовъ былъ у прежняго губернатора единственнымъ докладчикомъ по дѣламъ гражданскаго управленія областью, а въ отсутствіе его дѣйствовалъ вполнѣ самостоятельно, что онъ выступилъ по поводу назначенія слѣдствія надъ Бушри, письменно, горячимъ защитникомъ этого «извѣстнаго всѣмъ семирѣченцамъ своею неблагонадежностью человѣка», и что онъ высказывался противъ мнѣнія своихъ подчиненныхъ о назначеніи изслѣдованія о денежныхъ злоупотребленіяхъ по отношенію къ таранчамъ или тормозилъ ихъ въ этомъ отношеніи предположенія, и что онъ, наконецъ, въ виду многочисленныхъ жалобъ таранчей на злоупотребленія Бушри и его брата и на то, что производившій дознаніе о расхищеніи пособій чиновникъ самъ воспользовался частью этихъ денегъ, докладывалъ бывшему губернатору объ административномъ *выдореніи* жалобщиковъ въ другія волости и отдаленные кишлаки и безъ разрѣшенія генералъ-губернатора приводилъ въ исполненіе эти произвольныя мѣры. Военный же генералъ-губернаторъ Ивановъ заявляетъ, съ своей стороны, въ упомянутой уже резолюціи, что, при самомъ вступленіи его въ должность, Аристовъ аттестовалъ ему лучшихъ чиновниковъ области самыми худшими и, наоборотъ, усиленно поддерживалъ плохихъ своею рекомендаціею, пока, по ходу дѣлъ, губернаторъ не убѣдился «въ совершенно противномъ и не понялъ желанія Аристова выдворить изъ области тѣхъ, кто не потворствовалъ его незаконнымъ распоряженіямъ».

При такомъ отношеніи Аристова къ сослуживцамъ, есть полное основаніе считать его душою главнѣйшихъ постановленій областнаго правленія и съ этой точки зрѣнія пріобрѣтаютъ извѣстное значеніе для дѣла опредѣленія общаго присутствія отъ 4 марта и 11 декабря 1886 года по дѣлу Амиръ-Хамзы-Сатіева. Изъ нихъ видно, что волостной съѣздъ казіевъ приговорилъ Сатіева по *неподсудному себѣ дѣлу* за открытое похищеніе дочери, лошади и халата у Ашуръ-Мамеда и за покушеніе на убійство послѣдняго—къ ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь. По слѣдствію обвиненіе въ грабежѣ и покушеніи на убійство оказались лишенными всякаго основанія и дѣло было передано областнымъ правленіемъ суду казіевъ лишь въ отношеніи увоза дочери Ашуръ-Мамеда. Судъ казіевъ приговорилъ обвиняемаго къ тюрьмѣ на полтора года, на что, по закону, не имѣлъ права, такъ какъ свыше года лишенія свободы назначать не можетъ. Только при вторичномъ разсмотрѣніи этого дѣла, общее присутствіе областнаго правленія замѣтило, что потерпѣвшій *никогда не заявлялъ претензіи на увозъ его дочери* и что дѣло подлежитъ прекращенію. При этомъ правленіе не могло, однако, обойти молчаніемъ незаконнаго, вопреки § 22 положенія о народномъ судѣ у таранчей, вмѣшательства въ разбирательство дѣла Сатіева волостного управителя Бушри. А вѣдь это разбирательство окончилось присужденіемъ *къ ссылкѣ въ Сибирь человѣка,* оказавшагося невиновнымъ и не подлежащимъ преслѣдованію. Приведенныхъ данныхъ, конечно, только отчасти приподымающихъ покровъ надъ отношеніемъ хорунжаго милиціи Бушри къ подвластному ему населенію, вполнѣ достаточно, чтобы задаться вопросомъ, какъ могъ онъ оставаться въ своей должности и какъ можно было на жалобы таранчей отвѣчать лишь платоническими указаніями Бушри на то, что при исполненіи извѣстныхъ формальностей дѣйствія его *были бы законными?!* Этотъ вопросъ возникаетъ тѣмъ настойчивѣе, что самъ г. Аристовъ, въ одномъ изъ своихъ запальчивыхъ и дерзкихъ по формѣ рапортовъ генералъ-губернатору Колпаковскому, ссылается на высказанное имъ въ 1882 году тогдашнему военному губернатору мнѣніе о Бушри, какъ о человѣкѣ «двуличномъ, алчномъ къ наживѣ, не останавливающимся предъ средствами достигнуть своихъ выгодъ и вообще съ низкимъ нравственнымъ уровнемъ», прибавляя при этомъ, впрочемъ, что «таковы *всѣ* таранчи и *всѣ* азіатцы». Не входя въ разсмотрѣніе правильности этого обобщенія и этическо-этнографической оцѣнки, сдѣланной г. Аристовымъ азіатцамъ, нельзя не признать, что Бушри былъ болѣе чѣмъ нежелательнымъ должностнымъ лицомъ, оставлять въ неразборчивыхъ рукахъ котораго власть можно было лишь по крайнему личному расположенію къ нему. Поэтому, указаніе автора «Таранчинки» на то, что Бушри «все сходило съ рукъ», благодаря чему онъ могъ продолжать обирать несчастныхъ таранчей, не лишены основанія, а упрекъ Аристову въ томъ, что метая съ Вѣрненскаго Олимпа громы на боговъ второй величины, какъ, напримѣръ, въ слѣдова-

теля, поручика Ливенцова, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ «покровительствовалъ» Бушри—заслуженъ, а, слѣдовательно, и справедливъ.

Но не въ одномъ «покровительствѣ» Бушри обвинялъ есаулъ Бонифатій Карповъ—Аристова. Онъ усматривалъ въ немъ «неодолимую наклонность къ наживѣ». Обвиненіе это выражено въ слишкомъ категорической формѣ — и наклонность къ наживѣ, конечно, не такой органическій порокъ, который можно бы признавать совершенно неодолимымъ. Къ сожалѣнію, однако, изъ письменныхъ документовъ по дѣлу явствуетъ, что наклонность эта, если и не была неодолима, то во всякомъ случаѣ была настолько сильна, что вызывала въ дѣятельности г. Аристова эпизоды, не согласные съ нравственными условіями поведенія должностного лица,—особливо такъ поставленнаго, какъ помощникъ военнаго губернатора. Во флотѣ существуетъ правило, что, при наступленіи бѣдствія, капитанъ корабля *послѣдній* пользуется средствами спасенія. Дѣйствительный статскій совѣтникъ Аристовъ былъ капитаномъ большого административнаго корабля, а по поводу общественнаго бѣдствія воспользовался помощью однимъ изъ *первыхъ*, да еще ставъ при этомъ въ нѣсколько натянутыя отношенія съ истиною. Когда городъ Вѣрный, столицу Семирѣченской области, постигло землетрясеніе, обратившее часть его въ развалины, — наряду съ разнородными и обильными пожертвованіями изъ Россіи, послѣдовало Высочайше ассигнованіе 15,000 руб. для выдачи ссудъ, на весьма льготныхъ условіяхъ, чинамъ министерства внутреннихъ дѣлъ, для возобновленія ихъ домовъ. По распоряженію мѣстной власти былъ образованъ комитетъ, который распредѣлилъ чиновниковъ этого вѣдомства на двѣ категоріи — «имѣвшихъ дома», и «не имѣвшихъ домовъ, *но желающихъ ихъ построить*», при чемъ, прежде всего, конечно, должна была быть, по возможности, удовлетворена первая категорія. Въ списокъ нуждающихся въ такомъ пособіи, составленный въ областномъ правленіи, гдѣ предсѣдательствовалъ г. Аристовъ—въ *первой* категоріи помѣщенъ онъ самъ, съ опредѣленіемъ ссуды въ 2,250 руб., т. е. въ размѣрѣ на одного человѣка 15% всего, что дано правительствомъ. Хотя въ письмѣ на имя военнаго губернатора г. Аристовъ и призналъ себя имѣющимъ право на ссуду, какъ домовладѣлецъ, но оказалось, что онъ никогда имъ не былъ, *а жилъ въ домѣ своей жены*. Напрасно искать въ объясненіяхъ Аристова на исполненныя справедливаго, хотя и сдержаннаго гнѣва, запросы генерала Колпаковскаго, оправданія такому дѣйствію. Ссылка на то, что списокъ будто бы составленъ командующимъ войсками, опровергается рапортомъ послѣдняго отъ 8 февраля 1889 г. за № 872, который при этомъ заявляетъ, что Аристову было отлично извѣстно, что одному изъ тянущихся къ этой ссудѣ уже было отказано потому именно, что онъ жилъ въ домѣ своей жены; ссылка же на то, что комитетъ, куда былъ препровожденъ списокъ изъ областного правленія, долженъ былъ самъ знать, кто и гдѣ живетъ, нисколько не обѣляетъ того, кто воспользовался

недосмотромъ или заблужденіемъ комитета. Не имѣетъ значенія и утвержденіе Аристова, что не онъ поставилъ собственноручно цифру ссуды. Можно этому охотно повѣрить, тѣмъ болѣе, что это могла сдѣлать услужливая рука подчиненнаго. Важно то, что онъ *получилъ* эту ссуду, какъ *домовладѣлецъ*, важно то, что онъ допустилъ занести въ этотъ списокъ, въ эту компанію фиктивныхъ домовладѣльцевъ какъ себя, такъ и другихъ чиновниковъ, жившихъ въ домахъ женъ или родственниковъ. «Ассигнуя 15,000 руб., правительство желало, пишетъ степной генералъ-губернаторъ, — раздать *ссуды* чиновникамъ-домовладѣльцамъ, а не ихъ женамъ и вообще родственникамъ, которые имѣли право на *пособіе изъ присланныхъ пожертвованій наравнѣ съ другими домовладѣльцами,* а между тѣмъ, большая часть денегъ, благодаря неправильно составленному списку, переданному въ комитетъ, роздана не по назначенію». Изъ массы заявленій Аристова, имѣющихся въ дѣлѣ, видно, что онъ знающій юристъ. Поэтому, имущественное объединеніе себя и супруги своей въ одномъ лицѣ, ему непростительно, какъ противорѣчащее основному правилу нашего семейнаго права. Быть можетъ, слишкомъ прямолинейно называть это оффиціальное объединеніе для полученія ссуды преступленіемъ служебнаго подлога, предусмотрѣннымъ въ 362 ст. Улож. о наказ., какъ это дѣлаетъ непосредственный начальникъ г. Аристова, но можно ли сказать, что онъ, забывая о своемъ высокомъ положеніи въ краѣ, протягивая, безъ всякаго на то права, и скрывая истину, руку къ седьмой части всего, что прислано было на потребу пострадавшимъ подчиненнымъ его и сослуживцамъ, не далъ самъ повода Бонифатію Карпову усмотрѣть въ его дѣйствіяхъ признаки наклонности къ наживѣ? Такимъ образомъ, д. с. с. Аристовъ, являющійся здѣсь, чтобы поддерживать гражданскій искъ, оцѣненный имъ въ рубль, истраченный для покупки книжки, гдѣ помѣщена «Таранчинка», можетъ съ твердымъ основаніемъ жаловаться лишь на употребленіе преувеличеннаго эпитета «неодолимая» по отношенію къ его наклонности къ наживѣ. Но о преувеличенныхъ и злорѣчивыхъ эпитетахъ рѣчь еще впереди; къ нимъ принадлежитъ и бранное слово, употребленное Карповымъ, при описаніи разгрома, постигшаго тѣхъ, кого называетъ Карповъ «главными лихоимцами и грабителями».

Обращаясь къ оскорбительной для Аристова характеристикѣ его, какъ чиновника, равнодушнаго къ дѣлу, для котораго «хоть трава не рости», лишь бы получить каждое 20 число свое большое жалованье, надо замѣтить, что представленные къ дѣлу документы не рисуютъ особой рачительности Аристова въ области его непосредственнаго начальствованія. Такъ, изъ приказа военнаго губернатора отъ 24 августа 1888 года, за № 140, видно, что при ревизіи областного правленія онъ нашелъ по судному отдѣленію 58 и по распорядительному 84 нерѣшенныхъ дѣла, при чемъ оказалось, что съ февраля по май разсмотрѣно всего лишь *два дѣла,* что многія

изъ нихъ тянутся болѣе десяти лѣтъ, а одно длится *девятнадцать лѣтъ!* Обращая вниманіе Аристова на *неподвижность* дѣлъ, военный губернаторъ указываетъ на настоятельную необходимость скорѣйшаго разрѣшенія дѣлъ о преступленіяхъ должности, чтобы оказать вліяніе на мѣстныхъ начальствующихъ лицъ и на развившіяся въ краѣ въ послѣдніе годы въ *высшей степени злоупотребленія.* Изъ резолюціи того же губернатора 12 сентября 1888 года, оказывается, что по областному правленію вообще въ остаткѣ къ 1 января 1888 года 2,279 нерѣшенныхъ дѣлъ. Все это рисуетъ непривлекательную картину дѣятельности учрежденія, состоящаго подъ надзоромъ и руководствомъ д. с. с. Аристова. Машина работаетъ, очевидно, медленно и на немолчные запросы слагающейся кругомъ жизни новаго края отвѣчаетъ лѣнивымъ скрипомъ неповоротливыхъ канцелярскихъ колесъ, приводимыхъ въ движеніе наемною рукою. Но, быть можетъ, за то, болѣе чѣмъ умѣренная работа ея хороша и солидна по существу? Non multa, sed multum! На это отвѣчаетъ степной генералъ-губернаторъ 29 октября 1888 года. «Угнетаемые своими волостными главарями, таранчи, пишетъ онъ, — не находя защиты у областной администраціи, вынуждены были, наконецъ, прибѣгнуть къ моей защитѣ и даже принести свои жалобы о заступничествѣ противъ угнетателей и противъ администраціи къ ступенямъ Монаршаго престола». Указывая, затѣмъ, на рядъ собранныхъ имъ фактовъ, генералъ Колпаковскій находитъ, что «дѣятельность областного начальства представляется не только слабою, но и принявшею, *вопреки существующимъ законоположеніямъ,* неосновательное направленіе». Для всякаго, знакомаго съ условною осторожностью и традиціонной неопредѣлительностью нашего канцелярскаго языка, не любящаго ставить точку надъ «і», ясно, *что значитъ* это «неосновательное направленіе, вопреки существующимъ законоположеніямъ»—и есаулъ Карповъ, характеризуя это направленіе, какъ незаконное и исполненное равнодушія, свойственнаго «отбросамъ и выжимкамъ бюрократіи», только перевелъ сдержанную рѣчь высшаго начальника края на общедоступный языкъ, указавъ притомъ на поговорку, которая, къ сожалѣнію, въ виду удостовѣренія генералъ-губернатора, могла имѣть не переносное, а прямое значеніе. При томъ «неосновательномъ направленіи», которое отдавало таранчей на произволъ «угнетателей», дѣло дѣйствительно могло дойти до того, что у нихъ не изъ чего стало бы и травѣ рости, несмотря на незыблемость благодатнаго 20 числа для чиновъ областного управленія.

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, едва ли слѣдуетъ раздѣлять негодованіе жалобщика на Карпова, написавшаго, что онъ присмирѣлъ, какъ улитка, втянулся въ свою скорлупу и подалъ въ отставку, когда начались болѣе строгіе порядки, съ пріѣздомъ новаго военнаго губернатора Иванова. Что дѣятельность д. с. с. Аристова подверглась, по должности помощника военнаго губернатора, сильному осужденію именно съ осени 1888 года—не подле-

житъ сомнѣнію. Уже 24 августа въ приказѣ губернатора осуждается «неподвижность» дѣлопроизводства областнаго правленія, 12 сентября кладется «краткая, но сильная» резолюція о докладахъ Аристова, 20 октября генералъ-губернаторъ требуетъ объясненій о характерѣ всей служебной его дѣятельности, а 21 октября требуетъ объясненій по поводу ссуды, вызванной землетрясеніемъ, которое, прекратившись для всѣхъ, повидимому, лишь только началось по отношенію къ жалобщику. Послѣдняя бумага по дѣлу подписана Аристовымъ 26 декабря, а 27 апрѣля 1889 года онъ уже уволенъ приказомъ, состоявшимся въ Петербургѣ, отъ должности. Если припомнить, что отъ Вѣрнаго до Петербурга 4,920 верстъ, и что почта шла между этими городами около 17—20 дней, то нельзя не видѣть, что отставка Аристова непосредственно связана съ измѣнившеюся у начальника точкою зрѣнія на его дѣятельность, и что, если она послѣдовала и по прошенію, то рука, подписавшая это прошеніе, вѣроятно, безъ особой охоты и не съ радостью разрушила результатъ долголѣтней службы въ сопряженныхъ съ властью и вліяніемъ должностяхъ. Бывшій помощникъ Семирѣченскаго военнаго губернатора старается въ своихъ объясненіяхъ представить себя жертвою мѣстныхъ интригъ и мелкой мстительности генералъ-маіора Иванова, разсыпая обвиненія на всѣхъ, принимавшихъ участіе въ разъясненіи его служебной дѣятельности. Но когда противъ человѣка, сознающаго себя неповиннымъ и занимающаго притомъ видный и высокій, по мѣстному положенію, постъ, начинается походъ недоброжелателей, направленный къ опороченію его службы,—то такой человѣкъ, если только онъ не слабый и больной волею, не сдастся безъ борьбы, не поспѣшитъ уйти, а поищетъ справедливости выше или потребуетъ суда надъ собою. Трудно допустить, чтобы должностное лицо, безъ протеста во имя своихъ правъ и добраго имени, говорило недовольному начальнику: «вы, находящійся на мѣстѣ безъ году недѣля, считаете меня, стараго и опытнаго дѣятеля, негоднымъ и недобросовѣстнымъ, ну и Богъ съ вами, я уйду и, предоставивъ вамъ свободу клеветать на меня и находить опору для вашихъ отзывовъ въ ссылкѣ на мой уходъ, буду ждать случая оправдаться обвиненіемъ автора какой-нибудь случайной повѣсти по 1030 ст. Улож. о наказ.».

Переходя, наконецъ, къ разбору разсказа о самоотравленіи Бушри, нельзя найти въ немъ чего-либо непосредственно оскорбительнаго для Аристова. Указаніе на то, что самоубійцу не вскрывали, не содержитъ еще въ себѣ обвиненія въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести, ибо могутъ быть столь явные случаи самоубійства, когда вскрытіе и не представляется нужнымъ, а упоминаніе о тѣни, бросаемой преступленіями Бушри на областную администрацію, имѣетъ признакъ злословія, а не опозоренья, предусмотрѣннаго 1039 ст. Улож. наказ.

Такимъ образомъ, документами, пріобщенными къ дѣлу, разру-

шается обвиненіе, взводимое Аристовымъ на Карпова, а за смертью его, на князя Мещерскаго. Жалобщикъ, въ объясненіи на апелляціонную жалобу, ходатайствуетъ объ изъятіи большинства этихъ документовъ изъ разсмотрѣнія. Но что же, въ такомъ случаѣ, разумѣетъ онъ подъ *письменными доказательствами*, установленными закономъ? Приговоры суда? Но приговоры суда, устанавливающіе виновность должностного лица въ какихъ-либо преступленіяхъ, сами по себѣ исключаютъ всякую возможность обвиненія въ опозореніи этого лица опубликованіемъ, въ легкой журнальной формѣ, того, что заковано въ стальныя латы уголовнаго рѣшенія. Обвиненіе въ опозореніи въ печати возбуждается именно въ случаяхъ оглашенія такихъ обстоятельствъ, до которыхъ еще не добрался своею осмотрительною и тяжеловѣсною походкою уголовный законъ. Эти обстоятельства могутъ быть оцѣниваемы въ настоящемъ дѣлѣ по разнороднымъ документамъ, изъ которыхъ надо лишь исключить все то, что имѣетъ свойство личныхъ препирательствъ и злобныхъ выходокъ, могущихъ придать дѣлу комическій характеръ. Таковы обзыванія гг. Аристовымъ и Карповымъ другъ друга именами дѣйствующихъ лицъ изъ «Горя отъ ума» и взаимные упреки въ незнаніи миѳологіи и исторіи, или, напримѣръ, приводимое жалобщикомъ доказательство наглости Карпова, состоящее въ томъ, что, при разбирательствѣ у мирового судьи, Карповъ, «почему-то именовавшій себя писателемъ», на вопросъ противной стороны «какія же его произведенія?», указывая на находившагося тутъ же въ камерѣ судьи своего сына, воскликнулъ: «вотъ мое лучшее произведеніе!» Такія доказательства были бы комичны, если бы они не были трагикомичны въ виду того, что за тремя томами дѣла, гдѣ они разсыпаны въ изобиліи, стоитъ цѣлая хроника страданій бѣднаго, довѣрчиваго народа...

Представляемыя по дѣлу данныя рисуютъ такое отношеніе д. с. с. Аристова къ своимъ обязанностямъ, что для обвиненія Карпова, а слѣдовательно, и кн. Мещерскаго въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1039 ст. Улож. о наказ., нѣтъ основаній. И долговременная служба Аристова, и его образованіе — онъ кандидатъ университета — лишь особо оттѣняютъ тѣ стороны его дѣятельности, которыя вызвали печатный протестъ Карпова. Его служебный опытъ и его ученая степень — должны были служить ручательствомъ, что онъ отнесется надлежащимъ образомъ къ высокой задачѣ, выпавшей на его долю. Не простое чиновничье служеніе, не обычное, по заведенному порядку, хожденіе въ должность—лежало на немъ, какъ на одномъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей далекой восточной окраины. Это было исполненіемъ своего рода исторической миссіи, состоявшей въ томъ, чтобы принять въ объятія Россіи гонимый судьбою народецъ, искавшій—подъ ея мощнымъ покровомъ жизни и въ ея сердцѣ справедливаго къ себѣ отношенія Это надо было сдѣлать умѣло, съ любовью и безкорыстіемъ, не заставляя новыхъ сыновъ Россіи почувствовать себя сразу пасын-

ками своей великой пріемной матери. Генералъ Колпаковскій достаточно ясно обрисовалъ положеніе таранчей въ первыя семь лѣтъ пребыванія ихъ въ нашихъ предѣлахъ. Но тотъ, кто становится между правителемъ цѣлой области и мѣстнымъ населеніемъ, какъ преграда, мѣшающая взглядамъ правителя проникнуть въ дѣйствительность и о кого, какъ бы объ стѣну, разбиваются справедливыя сѣтованія этого населенія — тотъ несетъ на себѣ тяжкую нравственную отвѣтственность и не можетъ вопіять объ оскорбленіи своей чести, когда находится человѣкъ, подымающій голосъ, чтобы обратить вниманіе общества и правительства на такой вредный порядокъ вещей. Обличитель можетъ сдѣлать это запальчиво, съ криками негодованія и бранью, но судъ, отдѣливъ все шумное и нарушающее пристойность, съумѣетъ взглянуть въ ядро сказаннаго и не долженъ покарать за указаніе на неприглядныя и мрачныя явленія общественной или государственной службы. Обвиняемый въ настоящее время Аристовымъ редакторъ-издатель «Гражданина» князь Мещерскій оправдывается тѣмъ, что онъ не читалъ вовсе «Таранчинки», поручивъ это своему секретарю. Но если бы, однако, онъ читалъ, какъ надлежитъ это дѣлать, въ виду 1044 ст. Уложенія о наказаніяхъ, редактору, то и тогда, не говоря, конечно, объ отдѣльныхъ бранныхъ выраженіяхъ этого произведенія, онъ не нарушилъ бы обязанностей редактора, давъ мѣсто произведенію Бонифатія Карпова. Князь Мещерскій могъ бы въ этомъ случаѣ сказать, что печатая существенныя части статьи, въ которыхъ Аристовъ видитъ поруганіе себѣ, онъ исполнилъ лишь нравственный долгъ журналиста, состоящій въ борьбѣ, путемъ печатнаго оглашенія, съ проявленіями грубаго произвола и явнаго неисполненія или искаженія должностными лицами обязанностей, налагаемыхъ на нихъ потерявшимъ ихъ уваженіе закономъ.

Въ виду этихъ соображеній, являясь въ настоящемъ дѣлѣ представителемъ обвинительной власти, я заявляю, что, пользуясь правомъ, предоставленнымъ мнѣ 740 ст. Уст. угол. суд., отказываюсь отъ обвиненія князя Мещерскаго въ опозореніи д. с. с. Аристова и нахожу, что приговоръ Петербургской Судебной Палаты подлежитъ, въ этомъ отношеніи, отмѣнѣ.

Отвергая, однако, отвѣтственность обвиняемаго за *опозореніе* предусмотрѣнное въ ст. 1039 Улож., судъ обязанъ разсмотрѣть— нѣтъ ли въ томъ, что напечатано имъ, признаковъ *поруганія*, т. е. той брани и злословія, о коихъ говорится въ 1040 ст. Улож., и если признаетъ, что въ формѣ напечатаннаго или въ способѣ его распространенія усматривается умыселъ нанести должностному лицу оскорбленіе, то долженъ присудить обвиняемаго по 1040 ст. Наличность брани и злословія въ статьѣ «Таранчинка» несомнѣнна. Обозваніе «крупнымъ воромъ», хотя бы даже въ томъ смыслѣ какъ понимало это слово наше старое право, сравненіе Аристова съ «выжимками и подонками бюрократіи внутреннихъ губерній» и противоположеніе его «умнымъ и честнымъ патріотамъ» и т. п. не,

могутъ не считаться тѣмъ видомъ выраженій, который воспрещенъ закономъ въ цѣляхъ общественнаго порядка и необходимой пристойности житейскихъ отношеній, а оглашеніе этихъ выраженій въ печатномъ періодическомъ сборникѣ, такъ сказать, во всеуслышаніе, при непосредственной и неподлежащей спору ихъ оскорбительности, указываетъ на явное желаніе автора нанести обиду. При томъ умыселъ, требуемый закономъ, для наказуемости брани и злословія, состоитъ въ знаніи того, что оглашаемое, какъ это уже подробно разъяснено Правительствующимъ Сенатомъ въ 1886 г., по дѣлу Лангауза, *объективно* оскорбительно. Законъ, во второй части ст. 1030 Улож. предоставляетъ печати обличать злоупотребленія, а судебная практика, какъ, быть можетъ, докажетъ и приговоръ по этому дѣлу, облегчаетъ авторамъ и редакторамъ возможность представленія доказательствъ того, что они служили не чувству личной мести или случайнаго озлобленія, а одной изъ высокихъ задачъ печати, этого, подчасъ невидимаго, но громко затѣмъ вопіющаго свидѣтеля неправды, творимой въ предполагаемой тьмѣ и безгласности. Но эта задача должна исполняться съ достоинствомъ, съ спокойною увѣренностью, сосредоточивая вниманіе читателя на значеніи совершеннаго, а не на личныхъ, случайныхъ и временныхъ свойствахъ совершителя. На первомъ планѣ должно быть то или другое, печальное или тревожное обстоятельство, а не обидные отзывы, не ядовитые эпитеты. Отъ отсутствія брани и ругательствъ правда ничего не теряетъ, а достоинство печати только выигрываетъ, ибо нельзя, указывая обществу на больныя мѣста въ его жизни, въ то же время понижать его развитіе и обращать вспять его воспитаніе, пріучая его къ заурядному употребленію грубыхъ и поносительныхъ выраженій, которыя, обыкновенно, болѣе рисуютъ лишь раздраженіе говорящаго, чѣмъ свойства бранимаго.

Поэтому, согласно 1044 ст. Улож. о наказ., по которой отвѣтственность за содержаніе статей обращается *во всякомъ случаѣ*, какъ на главнаго виновника, на редактора,—князь Мещерскій долженъ быть признанъ виновнымъ по 1040 ст. Улож., ибо его ссылки на секретаря редакціи, ни съ точки закона, ни съ точки зрѣнія существа редакторскихъ обязанностей, принята въ оправданіе быть не можетъ. При избраніи мѣры наказанія надо, однако, принять во вниманіе, что напечатавши статью, содержащую оскорбительныя для Аристова выраженія, редакторъ «Гражданина», тотчасъ же по полученіи заявленія оскорбленнаго, извинился предъ нимъ и помѣстилъ въ журналѣ существенное содержаніе его опроверженія. Поэтому, представляется справедливымъ, на основаніи 135 ст. Улож., назначить Мещерскому наказаніе по 3 степ. 39 ст. Улож. въ видѣ ареста на военной гауптвахтѣ на срокъ не менѣе 3 дней.

Правительствующій Сенатъ признать редактора-издателя газеты «Гражданинъ» князя Владиміра Мещерскаго виновнымъ въ томъ, что въ апрѣльской книжкѣ приложеній къ газетѣ «Гражданинъ» онъ напечаталъ разсказъ «Таранчинка», содержащій въ себѣ злословіе и брань по отношенію къ помощнику Семирѣченскаго военнаго губернатора, дѣйствительному статскому совѣтнику Аристову, т. е. въ дѣяніи, предусмотрѣнномъ въ ст. 1040 Улож., а обвиненіе его по 1039 ст. Улож., въ виду представленныхъ по дѣлу доказательствъ, лишеннымъ основанія и приговоръ С.-Петербургской Судебной Палаты по этому обвиненію подлежащимъ отмѣнѣ, а потому опредѣлилъ:—подсудимаго князя Владиміра Мещерскаго, на основаніи 1040, 149, 134 и 135, 38, 2 степени 39 и 57 ст., подвергнуть аресту на военной гауптвахтѣ на десять дней.

XXI.

Дѣло о редакторѣ-издателѣ газеты „Гражданинъ“ князѣ В. П. Мещерскомъ, обвиняемомъ въ опозореніи въ печати военныхъ врачей.

Въ № 238 газеты «Гражданинъ» за 1892 годъ, была напечатана въ отдѣлѣ, озаглавленномъ «Наскоро», безъ подписи автора, нижеслѣдующая замѣтка: «Намъ пишутъ: Законодатель, введеніемъ всеобщей воинской повинности, разомъ прекратилъ неправду и возвысилъ обязанность военной службы до того положенія, какое должна она занимать въ государствѣ, обезпечивая развитіе внутреннихъ силъ отечества.—Охрана и защита отечества сдѣлались обязанностью всякаго гражданина. На первыхъ же порахъ мы встрѣтились съ поползновеніемъ богатыхъ людей торговаго міра какъ нибудь избѣжать тяжелой для нихъ повинности. И оно естественно: судьба капиталовъ, нажитыхъ годами, иногда подвергалась риску, такъ какъ въ иномъ сынѣ отецъ лишался самой надежной опоры. Эта забота возвысила цѣнность рекрутскихъ квитанцій, давъ неожиданно большія средства людямъ бѣднымъ, семьи которыхъ неправильно привлечены были къ отбытію повинности въ прежнее время. Нынѣ мы узнаемъ, что цѣны на рекрутскія квитанціи, коихъ осталось уже на перечетъ, упали и почему? Говорятъ, что обходятся 3 тыс. рублей, нужными, при повѣрочномъ освидѣтельствованіи коммисіей военныхъ врачей, для признанія негодности къ службѣ. Это явленіе, печальное до глубокой боли. Если въ дѣло святое вносится корыстное зло и притомъ людьми, посвятившими себя наукѣ и человѣчеству, то какой же свѣтъ получаетъ тогда эта великая реформа? А что это вѣрно,—мы имѣемъ въ доказательство факты. Напримѣръ, въ одномъ воинскомъ присутствіи былъ въ прошлый призывъ принятъ сынъ одного зажиточнаго крестьянина. Онъ обратилъ вниманіе всѣхъ членовъ присутствія своимъ необыкновеннымъ тѣлеснымъ развитіемъ, здоровымъ цвѣтомъ лица, атлетическимъ, можно сказать, сложеніемъ. Довольно того, что объемъ грудной клѣтки превышалъ на 4 вершка норму, тогда какъ при ростѣ выше 5 вершковъ, допускается уменьшеніе противъ нормы до $^2/_3$, при общемъ хорошемъ состояніи организма. Словомъ, это была краса всего призыва. Каково же было удивленіе присутствія, когда повѣрочная коммисія при военномъ госпиталѣ вернула его, найдя слабымъ, и потребовала обыч-

наго объясненія. Не знаемъ, что скажетъ коммисія на новое постановленіе присутствія, которое на вопросъ ея отвѣтило, что крестьянинъ этотъ замѣчательнаго развитія и совершенно здоровъ и что присутствіе при такомъ заключеніи остается и нынѣ. Потомъ сдѣлалось извѣстнымъ, что крестьянинъ, желая, чтобы сынъ былъ забракованъ на мѣстѣ, предлагалъ военному врачу при пріемѣ 500 руб., кушъ для него весьма значительный; но врачъ отвергъ такое предложеніе и первый подалъ голосъ за совершенную способность къ военной службѣ его сына. Мы могли бы указать и не одинъ фактъ изъ нашей собственной практики, но въ этомъ нѣтъ надобности. Надо замѣтить, что здѣсь наносится ущербъ и казнѣ. Если бы такая убыль пополнялась слѣдующими по жребію, могли бы тогда возникать отъ нихъ жалобы на неправильность заключеній коммисіи; но какъ такое правило не узаконено, эти прискорбные факты проходятъ безслѣдно и вносятся въ практику. Мы заявляемъ это въ виду предстоящаго призыва, чтобы лица, отъ коихъ это зависитъ, обратили вниманіе на зло, внѣдрившееся въ самое святое наше дѣло». По поводу этой замѣтки, по распоряженію военнаго министра было потребовано, чрезъ главное управленіе по дѣламъ печати, отъ редактора-издателя газеты «Гражданинъ» князя Мещерскаго, указаніе тѣхъ военныхъ врачей, на которыхъ въ его газетѣ возводится обвиненіе въ лихоимствѣ, и такъ какъ онъ требуемаго указанія не сдѣлалъ, объяснивъ, что эти свѣдѣнія сообщены ему уѣзднымъ предводителемъ дворянства, не подписавшимъ на сообщеніи своего имени и что онъ не можетъ указать, откуда именно прислана была замѣтка, то военное министерство, усматривая въ этой статьѣ бездоказательное обвиненіе въ лихоимствѣ и черезъ то оскорбленіе врачей военнаго вѣдомства, сообщило объ этомъ прокурору С.-Петербургской Судебной Палаты на основаніи 1213[5] ст. Уст. угол. суд., на предметъ возбужденія противъ редактора-издателя газеты «Гражданинъ» обвиненія по 1039 ст. Улож. о наказ. Засимъ, по обвинительному акту товарища прокурора С.-Петербургской Судебной Палаты, князь Мещерскій былъ преданъ суду по обвиненію его по ст. 1039 и 1044 Улож. о наказаніяхъ.

Разрѣшая это дѣло, Судебная Палата нашла, что изъ разсматриваемой статьи съ несомнѣнностью видно, что авторъ ея, говоря о «корыстномъ злѣ, вносимомъ въ святое дѣло», обвиняетъ военныхъ врачей въ лихоимствѣ и считаетъ однимъ изъ послѣдствій такого злоупотребленія паденіе цѣнъ на рекрутскія квитанціи. Подобное огульное опороченіе дѣятельности военныхъ врачей, заключающее въ себѣ признаки злословія, осложняется указаніемъ въ разбираемой статьѣ на то, что одна повѣрочная коммисія возвратила новобранца, отличавшагося необыкновенно здоровымъ и сильнымъ тѣлосложеніемъ, а при сопоставленіи такого распоряженія повѣрочной коммисіи съ тѣмъ, что этотъ новобранецъ сынъ зажиточнаго крестьянина, становится неоспоримымъ намѣреніе автора указать, что военные врачи, входящіе въ составъ этой коммисіи, дозволили себѣ, изъ корыстныхъ цѣлей, злоупотребить своей властью и что такимъ образомъ, авторъ, взводитъ на этихъ врачей опредѣленный поступокъ, противный правиламъ чести. На основаніи изложеннаго и имѣя въ виду, что издатель газеты «Гражданинъ», въ подтвержденіе правдивости приводимаго имъ сообщенія не представилъ никакихъ доказательствъ, Судебная Палата признала, что статья о военныхъ врачахъ заключаетъ въ себѣ всѣ существенные признаки опозоренія въ печати этихъ должностныхъ лицъ. Принимая, затѣмъ, во вниманіе, что хотя въ статьѣ никто изъ военныхъ врачей не названъ по имени и не сказано, въ какой мѣстности происходилъ приведенный случай освобожденія отъ воинской повинности вполнѣ пригоднаго лица, а говорится вообще о военныхъ врачахъ и въ особенности о тѣхъ, которые входятъ въ составъ повѣрочныхъ коммисій, — что врачи, состоящіе на службѣ въ военномъ министерствѣ,

составляютъ, безъ сомнѣнія, установленіе правительственное, подвѣдомственное военному медицинскому управленію,—что, какъ для наличности преступленія, состоящаго въ оскорбительномъ отзывѣ о какомъ-либо отдѣльномъ лицѣ, не требуется непосредственнаго названія оскорбленнаго лица и достаточно, если будетъ ясно, что оскорбленіе относится къ опредѣленной личности, такъ и для наличности преступленія, состоящаго въ оскорбительномъ отзывѣ о правительственномъ или общественномъ установленіи, нѣтъ надобности, чтобы это установленіе было названо съ полною точностью и опредѣленностью, обозначающею, напримѣръ, мѣстность, въ коей дѣйствуетъ это установленіе, — что разбираемая статья, заключая въ себѣ, опозореніе военныхъ врачей, состоящихъ при военныхъ госпиталяхъ и образующихъ повѣрочныя коммисіи новобранцевъ, безспорно относится ко всѣмъ вообще и къ каждому въ особенности изъ врачей этой категоріи и поэтому относится къ цѣлому установленію,—Судебная Палата нашла, что въ статьѣ газеты «Гражданинъ», заключаются указанія на такого рода обстоятельства, относящіяся къ служебной дѣятельности военныхъ врачей, и приводятся такія о нихъ сужденія, которыя представляются оскорбительными для этихъ врачей и могутъ повредить чести, достоинству и доброму имени этого правительственнаго установленія, вслѣдствіе чего редакторъ-издатель этой газеты князь Мещерскій, на точномъ основаніи 1044 ст. Улож. о наказ. и долженъ быть признанъ отвѣтственнымъ за дѣянія, предусмотрѣнныя 1039 ст. Улож. о наказ. Останавливаясь на объясненіяхъ, представленныхъ княземъ Мещерскимъ въ свою защиту, Судебная Палата нашла, что указаніе на отсутствіе у него умысла нанести оскорбленіе установленію военныхъ врачей не можетъ служить основаніемъ къ оправданію его, такъ какъ онъ не могъ не сознавать оскорбительнаго значенія печатаемой имъ статьи и такъ какъ отзывы, подобные настоящему, прежде оглашенія ихъ въ печати должны, по крайней мѣрѣ, подлежать тщательной провѣркѣ; ссылка же князя Мещерскаго на то, что въ той же статьѣ помѣщенъ и одобрительный отзывъ о врачѣ, отклонившемъ подкупъ, за освобожденіе отъ воинской повинности сына зажиточнаго крестьянина, прежде всего, не уничтожаетъ оскорбительности этой статьи по отношенію ко всѣмъ прочимъ военнымъ врачамъ, но кромѣ сего, общее направленіе разбираемой статьи можетъ дать основаніе къ истолкованію и этой части ея въ томъ смыслѣ, что врачъ отклонилъ полученіе съ отца новобранца 500 рублей въ виду сравнительной ничтожности предложеннаго подкупа, вслѣдствіе чего и это объясненіе князя Мещерскаго, какъ крайне шаткое, во вниманіе принято быть не можетъ. По всѣмъ этимъ основаніямъ и, находя въ дѣлѣ данныя для смягченія назначеннаго по ст. 1039 Улож. о наказ., Палата, руководствуясь, 149, 135 ст., 3 степени 38 ст., 1 степени 39 и 57 ст. Улож. о наказ., приговорила подвергнуть князя Владиміра Мещерскаго аресту на военной гауптвахтѣ на шесть недѣль.

На этотъ приговоръ повѣренный князя Мещерскаго, прис. повѣр. Блокъ, принесъ апелляціонный отзывъ, въ которомъ онъ ходатайствуетъ объ отмѣнѣ приговора Палаты по слѣдующимъ основаніямъ: во 1-хъ, на основаніи точнаго смысла 1213[5] ст. Уст. угол. суд., мѣста, занимаемаго въ Уложеніи ст. 1039 и разъясненій Правительствующаго Сената, дѣла о нарушеніи законовъ о печати, а въ томъ числѣ и о диффамаціи, могутъ быть возбуждаемы непосредственно прокурорскою властью лишь въ томъ случаѣ, когда въ нихъ, независимо отъ посягательства на права частныхъ лицъ или учрежденій, заключается нарушеніе благоустройства и благочинія, а по сему настоящее дѣло должно быть отнесено, согласно 1213[5] ст. Уст. угол. суд., къ числу тѣхъ, возбужденіе по коимъ уголовнаго преслѣдованія могло исходить лишь отъ «присутственнаго мѣста, установленія или должностного лица», и прокурорская власть, согласно закону, могла только поддержать предъявленное обвиненіе на судѣ. Во

2-хъ, возбужденіе настоящаго дѣла прокурорскою властью, по сообщенію военнаго министерства, представляется неправильнымъ. По этому дѣлу, можно говорить о двухъ категоріяхъ лицъ, будто бы оскорбленныхъ замѣткою «Гражданина»: о военныхъ врачахъ вообще, или же о врачахъ, входящихъ въ составъ коммисій освидѣтельствованія. Но о врачахъ вообще въ этой замѣткѣ ничего оскорбительнаго не говорится, такъ какъ ихъ дѣло именуется святымъ и они названы людьми, посвятившими себя наукѣ и человѣчеству, если же и упоминается о недобросовѣстности нѣкоторыхъ врачей, то рядомъ съ этимъ указанъ и противоположный примѣръ; кромѣ того военные врачи не составляютъ такого тѣсно опредѣленнаго государственнаго установленія, по отношенію къ коему оскорбленіе одного сочлена являлось бы оскорбленіемъ всего установленія. Военные врачи являются лишь разновидностью корпораціи врачей вообще, т. е. лицами, связанными единствомъ профессіональныхъ знаній и занятій, а не государственнымъ установленіемъ. Тоже нужно сказать и объ учиненномъ будто бы оскорбленіи врачей, входящихъ въ составъ повѣрочныхъ коммисій, такъ какъ въ статьѣ «Гражданина» нѣтъ огульнаго порицанія врачебныхъ членовъ всѣхъ коммисій, а указано только на неблаговидныя дѣйствія нѣкоторыхъ коммисій, и такъ какъ эти коммисіи не имѣютъ значенія должности или установленія, ибо признакомъ должности, по указанію авторитетовъ науки государственнаго права, является характеръ постояннаго учрежденія, для осуществленія извѣстныхъ, возложенныхъ на него государствомъ, обязанностей, или извѣстныхъ государственныхъ цѣлей; испытательныя же коммисіи имѣютъ характеръ временнаго порученія и врачи, въ нихъ входящіе, имѣютъ значеніе экспертовъ, какъ это видно изъ Циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ отъ 28 марта 1876 года и приказа по военному вѣдомству отъ 21 мая 1875 года. Кромѣ того, по ст. 91 Уст. о воин. повин. въ испытательныя коммисіи, кромѣ врачей военныхъ, входятъ гражданскіе, и военные врачи могутъ быть замѣнены гражданскими, а поэтому представительнымъ органомъ этихъ коммисій не можетъ явиться министерство военное, ибо они не исключительно подчинены этому министерству, а также и министерству внутреннихъ дѣлъ. Въ 3-хъ, по содержанію замѣтки въ ней нельзя видѣть признаковъ диффамаціи. Указаніе на то, что среди врачей встрѣчаются лица недобросовѣстныя, ничего преступнаго не заключаетъ, такъ какъ было бы лицемѣріемъ утверждать, что въ обширной корпораціи врачей всѣ преисполнены рвенія къ общему благу; съ другой стороны, изъ статьи «Гражданина» нельзя вывести, чтобы авторъ ея, или князь Мещерскій, считали всѣхъ врачей недобросовѣстными и допустить такое предположеніе логически невозможно. Законъ и практика требуютъ для диффамаціи, чтобы лицо, общество или установленіе, коимъ приписывается позорящее обстоятельство, были или прямо названы, или опредѣлены признаками достаточно характеристическими для установленія тѣхъ, къ кому диффамація относится, чего не существуетъ въ данной статьѣ, такъ какъ указаніе на то, что въ извѣстное дѣло вносится растлѣвающая корысть или вредное направленіе, не заключаетъ въ себѣ признаковъ оскорбленія всѣхъ лицъ этой профессіи,—и признаніе въ такихъ отзывахъ печати наличности диффамаціи, сдѣлавъ невозможнымъ публичное обсужденіе дѣятельности различныхъ общественныхъ профессій—адвокатовъ, писателей и т. п., крайне стѣснило бы права печатнаго слова, тогда какъ законъ нашъ требуетъ только осторожности въ сужденіяхъ о дѣятельности опредѣленныхъ лицъ или учрежденій, но не воспрещаетъ судить о томъ, что хорошо или дурно въ общественномъ смыслѣ. Кромѣ того, самое указаніе на причины удешевленія за послѣднее время рекрутскихъ квитанцій изложено въ этой статьѣ въ видѣ предположеній и слуховъ, а не въ видѣ прямого утвержденія. Что же касается приведеннаго въ статьѣ отдѣльнаго случая недобросовѣстности пріемной коммисіи, то такъ какъ

при этомъ не указано ни мѣсто, ни время его совершенія, то, на основаніи статьи, нѣтъ возможности опредѣлить, какой именно повѣрочной коммисіи приписывается эта недобросовѣстность. По всѣмъ симъ основаніямъ апелляторъ находилъ, что выводы Судебной Палаты о томъ, что статья «Гражданина» позоритъ военныхъ врачей, состоящихъ при военныхъ госпиталяхъ и образующихъ повѣрочныя коммисіи, представляются неправильными, а потому и ходатайствовалъ объ отмѣнѣ приговора Палаты и объ оправданіи его довѣрителя.

Дѣло разсматривалось въ засѣданіи Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента *9-го ноября 1893 года.*

Господа Сенаторы! Основаніемъ для обвинительнаго приговора Судебной Палаты послужила статья газеты «Гражданинъ», въ которой, среди изложенія обстоятельствъ одного случая и разсужденій общаго характера о значеніи общеобязательной воинской повинности, сказано, между прочимъ, что при введеніи этой повинности на первыхъ же порахъ явилось поползновеніе богатыхъ людей торговаго міра какъ-нибудь избѣжать тяжелой для нихъ обязанности; забота объ этомъ возвысила цѣнность рекрутскихъ квитанцій, но нынѣ, по свѣдѣніямъ автора статьи, оказывается, что цѣна на рекрутскія квитанціи, которыхъ осталось уже на перечетъ, упала; говорятъ, что обходятся 3 тыс. руб. сер., нужныхъ при повѣрочномъ освидѣтельствованіи коммисіей военныхъ врачей для признанія негодными къ службѣ.—Это вѣрно, говорится далѣе, въ доказательство есть факты, изъ которыхъ не на одинъ можно бы указать въ случаѣ надобности,— это явленіе, печальное до глубокой боли, такъ какъ какой же свѣтъ получаетъ великая реформа, если въ самое святое наше дѣло внѣдрилось корыстное зло, которое вносится притомъ людьми, посвятившими себя наукѣ и человѣчеству.

Въ апелляціонной жалобѣ на приговоръ Палаты объясняется, что въ статьѣ этой нѣтъ тѣхъ признаковъ оскорбительности, которые давали бы суду право примѣнять 1039 ст. Улож., такъ какъ въ ней высказано, въ видѣ слуха какъ бы *предположеніе*, и не въ смыслѣ огульнаго осужденія дѣятельности испытательныхъ коммисій, а тѣмъ болѣе дѣятельности военныхъ врачей,—а въ смыслѣ *сообщенія*, что иногда происходятъ указанные случаи, хотя и спорадическіе, при чемъ дѣятельность врачей называется «дѣломъ святымъ» и говорится, что они «посвятили себя наукѣ и человѣчеству».

Такое толкованіе смысла и содержанія статьи не можетъ быть признано правильнымъ. Она говоритъ именно не о спорадическихъ случаяхъ, а, напротивъ, обобщаетъ отдѣльные случаи въ *печальное явленіе*, составляющее послѣдствіе зла, *внѣдрившагося* въ святое дѣло. Мимолетно брошенное слово «говорятъ», которое само по

себѣ не лишало бы сообщаемое оскорбительнаго характера, какъ то уже неоднократно разъяснено Правительствующимъ Сенатомъ,— немедлено обращается въ утвержденіе *факта* и притомъ *вѣрнаго* и настолько общеизвѣстнаго, что нѣтъ и надобности подкрѣплять его примѣромъ. Наконецъ то, что апелляціонная жалоба относитъ къ *прославленію* врачей, въ дѣйствительности обращено къ ихъ посрамленію. Не дѣятельность врачей называется «дѣломъ святымъ», а осуществленіе общей воинской повинности, которое искажается корыстнымъ зломъ, вносимымъ этими врачами, вопреки тому, что они посвятили себя служенію наукѣ и человѣчеству.

Статья эта не подкрѣплена никакими фактическими, опредѣленными указаніями на конкретные случаи злоупотребленій,—а въ подтвержденіе справедливости указываемыхъ въ ней обстоятельствъ, дѣйствительно могущихъ вызывать «печаль до глубокой боли», не приведено ни одного доказательства, не смотря на разрѣшеніе, даваемое 2 ч. 1039 ст. Улож. и 1213[5] ст. Уст. угол. суд. Хотя авторъ статьи утверждаетъ, что могъ бы указать не на одинъ фактъ изъ своей собственной практики, однако, обратившись къ посредству «Гражданина» для оглашенія о злѣ, внѣдрившемся въ дѣло, онъ не снабдилъ, затѣмъ, послѣ возникновенія дѣла, редактора «Гражданина» ни однимъ изъ этихъ фактовъ, чтобы дать ему возможность воспользоваться оправданіемъ, предоставляемымъ закономъ обвиняемому въ опозореніи должностныхъ лицъ, установленій или обществъ.

Поэтому, это есть *голословное* утвержденіе, оскорбительность котораго для тѣхъ, кого оно касается, не подлежитъ сомнѣнію. Эти лица прямо обвиняются въ томъ, что, представляя за деньги въ невѣрномъ или извращенномъ видѣ болѣзненное состояніе или физическое недоразвитіе новобранцевъ, освобождаютъ ихъ отъ воинской повинности, т. е. за взятки, въ прямой ущербъ государственной пользѣ и справедливости, снимаютъ тяжесть и опасность военной службы съ людей зажиточныхъ. Но они не названы—эти оскорбляемые. Наименованы лишь званіе ихъ и спеціальное занятіе. Такимъ образомъ возникаетъ вопросъ: можетъ ли быть оскорблена совокупность людей, именуемыхъ военными врачами, входящихъ въ составъ коммисій для повѣрочнаго освидѣтельствованія новобранцевъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ въ апелляціонной жалобѣ дается рѣшительный и притомъ отрицательный. Можно ли однако, признать его вѣрнымъ и неопровержимымъ? Нѣтъ сомнѣнія, что общее понятіе совокупности людей обнимаетъ собою различные случаи. Такая совокупность можетъ быть громадна по своимъ размѣрамъ и неуязвима въ своей необъемлемости и безличіи. Это будетъ—народъ, раса, племя, общество вѣрующихъ, связанное однимъ исповѣданіемъ. Передъ такими колоссами, какъ русскій народъ, или романское племя, или христіане, магометане, буддисты, всякое оскорбленіе безсильно складываетъ крылья, и звукъ его замираетъ, какъ тщетная и смѣшная попытка. Тамъ, гдѣ Провидѣніе и исто-

рическія судьбы сложили массу людей въ единое цѣлое по политической или бытовой организаціи, по крови или по идеалу Божества, носимому въ душѣ, тамъ попытка опозорить такое единеніе заставляетъ лишь сожалѣть о скудоуміи возомнившаго, что онъ *въ силахъ* оскорбить. Есть случаи, когда такая совокупность представляетъ нѣчто неопредѣленное и весьма условное, по свойству отдѣльныхъ единицъ, входящихъ въ ея составъ, по даннымъ для оцѣнки каждой изъ нихъ. Въ этой неопредѣленности и условности, зависящей отъ совершенно произвольнаго установленія признаковъ, дающихъ право причислить того или другого къ общей совокупности—кроется и невозможность оскорбить такое единеніе. Поэтому нельзя, напримѣръ, оскорбить однимъ актомъ такую идеальную совокупность лицъ, какъ, напримѣръ, ученыхъ, художниковъ, артистовъ, сочинителей, педагоговъ, юристовъ и т. п. Ибо гдѣ общіе отличительные признаки, одинаковые у каждаго изъ этихъ лицъ? Гдѣ и въ чемъ искать ихъ? Въ собственномъ сознаніи каждаго, или въ общественномъ признаніи, или въ общественномъ положеніи, или же, наконецъ, въ народномъ взглядѣ? Но эти источники могутъ стоять въ противорѣчіи между собою. Несомнѣнно, что судья верховнаго судилища, что профессоръ права, что юрисконсультъ какого-нибудь вѣдомства—юристы, но вѣдь юристомъ считаетъ себя и ходатай отъ Иверскихъ воротъ, и поставщикъ «достовѣрныхъ лжесвидѣтелей» по извѣстнаго рода дѣламъ. А сколько личныхъ претензій на званіе ученаго, артиста, художника! Въ то же единеніе, гдѣ царственно сіяетъ Пушкинъ, протискивается и полуграмотное ничтожество, произведенія котораго «бухаютъ» въ Лету; самодовольная ограниченность, прочитавшая двѣ популярныя брошюры, считаетъ себя подчасъ принадлежащею къ кругу ученыхъ, вмѣстѣ съ членами академіи наукъ,—а народъ, по своему распредѣляя названія, иронически употребляетъ слова сочинитель, художникъ и артистъ—для обозначенія понятій совсѣмъ иного порядка. Наконецъ, такая совокупность можетъ представлять нѣчто собирательное, гдѣ общее названіе или наименованіе группы людей заключаетъ въ себѣ крайнее разнообразіе ихъ занятій, положенія, образованія и взаимныхъ отношеній, и гдѣ такое названіе вовсе не служитъ и не можетъ служить отличительнымъ признакомъ, который опредѣлялъ бы званіе и занятіе каждаго, входящаго въ общую совокупность. Поэтому вопросъ о возможности оскорбленія цѣлаго сословія, какъ таковаго, возникшій въ нашей судебной практикѣ еще въ 1866 г., но не дошедшій до Сената, вѣроятно, подлежалъ бы разрѣшенію въ отрицательномъ смыслѣ. Трудно себѣ представить, какъ можно оскорбить, напримѣръ, дворянство, мѣщанство или чиновничество. Это все нѣчто слишкомъ неопредѣленное по своему объему, неясное и разнородное по видовымъ признакамъ. Дворянинъ и чиновникъ призываются къ завѣдыванію отдѣльною отраслью управленія,—засѣдаютъ въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ,—но дворянинъ и чиновникъ стоятъ въ то же время

на самыхъ разнообразныхъ ступеняхъ общественной лѣстницы, а первый, можетъ быть, несмотря на носимый имъ громкій титулъ, неграмотенъ и самъ пашетъ свою землю, какъ это оказалось въ уголовномъ дѣлѣ объ истязаніяхъ по одной изъ внутреннихъ губерній,—и оба могутъ быть, независимо отъ своего чина и родового происхожденія, обывателями ночлежнаго пріюта. Нельзя обнять такое пестрое разнообразіе людей въ одномъ, для всѣхъ и за всѣхъ одинаково чувствуемомъ оскорбленіи. Необходима большая точность, болѣе опредѣленныя границы оскорбленнаго, отвлеченнаго и безформеннаго тѣла. Нужны территоріальныя или спеціальныя указанія: дворянство такихъ-то губерній, мѣщанство такого-то города, чиновники такого-то вѣдомства.

Но могутъ быть случаи, когда совокупность оскорбляемыхъ обнимаетъ собою единеніе людей, имѣющихъ не только опредѣленный, отличительный признакъ, не только твердо очерченную профессію, но и представляющихъ одну изъ составныхъ частицъ сложнаго государственнаго механизма. Здѣсь оскорбленіе вполнѣ мыслимо. Оно дѣйствительно и, во многихъ случаяхъ, даже болѣе чувствительно, чѣмъ прямое оскорбленіе отдѣльнаго лица. Таковъ, именно, настоящій случай. Дѣло идетъ о военныхъ врачахъ, т. е. о должностныхъ лицахъ, имѣющихъ опредѣленный и неизбѣжный *образовательный цензъ*, принадлежащихъ къ *одному вѣдомству* даже къ спеціальной самостоятельной *части* этого вѣдомства,—носящихъ *одинаковую форму*, связанныхъ *дисциплинарными отношеніями*, какъ въ порядкѣ подчиненности, такъ и къ порученному имъ дѣлу,—приносящихъ одну и ту же *научную присягу*, т. е. дающихъ такъ называемое факультетское обѣщаніе, наконецъ, имѣющихъ одно и то же *занятіе*, требующее *спеціальныхъ знаній* и запрещенное тѣмъ, кто этихъ знаній не имѣетъ. Тутъ нѣтъ ничего неуловимаго, неопредѣленнаго, отвлеченнаго отъ жизни. Когда мы говоримъ объ ученомъ, о христіанинѣ, о дворянинѣ—то предъ нами, если только не имѣть въ виду знакомое лицо, никакого точнаго представленія не возникнетъ. Но здѣсь является живое представленіе о живомъ, въ его строго очерченной дѣятельности, образѣ.

Такимъ образомъ, оскорбительныя указанія статьи «Гражданина» относятся къ опредѣленнымъ должностнымъ лицамъ, наличное число коихъ, распредѣленіе по учрежденіямъ и мѣстностямъ, имена, фамиліи и возрасты, можно за каждый данный періодъ опредѣлить по служебно-статистическимъ спискамъ. Статья идетъ, однако, дальше и еще яснѣе указываетъ кругъ оскорбляемыхъ. Въ ней говорится не только о званіи и профессіи ихъ вообще, но и о *спеціальномъ видѣ приложенія* ихъ знаній на практикѣ, на службѣ тому, что въ старой Руси называлось «великимъ государевымъ дѣломъ». Говорится о *военныхъ врачахъ*, *производящихъ повѣрочныя освидѣтельствованія лицъ*, *призываемыхъ на военную службу*. И мѣста такого освидѣтельствованія, и кто его производитъ, съ точностью опредѣлены въ законѣ. По силѣ 91 ст. Устава объ общей воинской

повинности, къ освидѣтельствованію и пріему лицъ, подлежащихъ назначенію въ военную службу, въ присутствія уѣздныя, окружныя и городскія, назначаются по два медика отъ гражданскаго и военнаго управленія, а въ присутствія губернскія или областныя, для переосвидѣтельствованія, также по два медика; на томъ же основаніи это переосвидѣтельствованіе производится, между прочимъ, и по жалобѣ подлежавшаго пріему, согласно ст. 149 и 208 тѣхъ же Уставовъ, а также какъ говоритъ ст. 19 Наставленія присутствіямъ по пріему новобранцевъ и ст. 148 Устава—въ случаяхъ, когда такое лицо объявляетъ себя страдающимъ падучею или иною скрытною болѣзнью, или же у врачей встрѣчается затрудненіе или сомнѣніе въ распознаваніи болѣзни. Въ постановленіяхъ министерства внутреннихъ дѣлъ, опредѣляющихъ условія и способы осуществленія правилъ содержащихся въ Уставахъ объ общей воинской повинности, изложены указанія, гдѣ именно надо совершать испытанія, необходимыя для точнаго переосвидѣтельствованія. Лица подлежащія испытанію въ лечебномъ заведеніи, непремѣнно отправляются, говорятъ Циркуляры отъ 31 января 1886 года № 3 и 18 іюня № 19, въ *военные госпитали*, а за неимѣніемъ таковыхъ въ данной мѣстности въ *мѣстные полковые лазареты*. Въ случаяхъ же отступленія отъ *этого общаго правила*, уѣздныя и воинскія присутствія должны каждый разъ доводить до свѣдѣнія губернскаго присутствія, съ объясненіемъ причинъ, о всѣхъ молодыхъ людяхъ, отправленныхъ на испытаніе въ гражданскія больницы, вмѣсто военныхъ лазаретовъ. Такимъ образомъ, роль военныхъ врачей въ освидѣтельствованіяхъ и переосвидѣтельствованіяхъ точно опредѣлена: они участвуютъ наравнѣ съ гражданскими врачами въ освидѣтельствованіи и у нихъ въ рукахъ, въ видѣ общаго правила, почти всецѣло находится переосвидѣтельствованіе. Ихъ-то, именно ихъ, врачей полковыхъ лазаретовъ и военныхъ госпиталей, и имѣлъ въ виду авторъ статьи «Гражданина». Это видно не только изъ прямыхъ выраженій статьи, но и изъ приводимаго въ ней примѣра, безъ указанія на виновныхъ. Когда, говорится въ этомъ примѣрѣ, зажиточный крестьянинъ желалъ, чтобы сынъ его былъ забракованъ *на мѣстѣ*, онъ предложилъ *военному врачу* при *пріемѣ 500 р.*,—но тотъ отвергъ это предложеніе и первый подалъ голосъ за совершенную способность къ военной службѣ его сына;— каково-же было удивленіе всего присутствія, когда *повѣрочная коммисія при военномъ госпиталѣ* вернула его, найдя слабымъ».

Итакъ, оскорбительныя для чести и достоинства должностныхъ лицъ утвержденія автора статьи направлены на совокупность призываемыхъ къ переосвидѣтельствованію новобранцевъ врачей, посвятившихъ себя тяжелому и слабо вознаграждаемому «служенію наукѣ и человѣчеству». Законъ говоритъ объ опозореніи должностныхъ лицъ, установленій и обществъ. Значитъ-ли это, что онъ признаетъ ненаказуемымъ опозореніе цѣлой группы должностныхъ лицъ, объединенныхъ одною дѣятельностью и въ ней-то, именно, и оскорб-

ленныхъ? Жизнь давно уже и настойчиво выдвигаетъ требованіе о защитѣ чести такихъ объединенныхъ лицъ, и наша судебная практика, въ рядѣ рѣшеній признала уже, въ принципѣ, возможность опозоренія полка, а полкъ не есть ни установленіе, ни свободно сложившееся общество, ни должностное лицо. Это группа должностныхъ лицъ, сложившаяся въ іерархическую пирамиду. На ряду съ этимъ и въ наукѣ уголовнаго права развивается понятіе объ оскорбленіи чести лицъ, составляющихъ юридическое или фактическое, постоянное или временное единеніе, въ тѣхъ случаяхъ, когда однимъ актомъ оскорбляются всѣ члены единенія. Наконецъ, и въ новѣйшихъ законодательствахъ является признаніе возможности оскорбленія, направленнаго на цѣлыя группы должностныхъ лицъ. Такъ, ч. 3 § 270 Венгерскаго уголовнаго кодекса говоритъ объ оскорбленіи арміи, флота, ландвера—или же самостоятельной ихъ части. Да и можетъ-ли быть иначе? Утверждать, что отсутствіе личныхъ, съ именемъ и фамиліей, указаній лишаетъ напечатанное позорящее извѣстіе его оскорбительнаго характера, значилобы идти въ разрѣзъ съ требованіями житейской правды. Отсутствіе такихъ указаній обозначаетъ лишь, что *всѣ* подходящіе подъ общее, но точное опредѣленіе, заслуживаютъ презрѣнія за свои дѣянія. Правительствующій Сенатъ, въ рядѣ рѣшеній и приговоровъ, начиная еще съ 1867 года, установилъ, что для отвѣтственности по 1039 и 1040 статьямъ Уложенія вовсе нѣтъ необходимости называть оскорбленныхъ поименно, а достаточно указаній, по которымъ можно-бы, по внутреннему убѣжденію судей, опредѣлить, о комъ идетъ рѣчь.

Поэтому оскорбительность не упраздняется и даже не уменьшается отъ *не названія*. Не уменьшается отъ этого и ѣдкая сила оскорбленія. Эта сила даже увеличивается. При безъимянномъ оскорбленіи оно тяготѣетъ надъ всѣми, кто замкнутъ въ оскорбленной группѣ по своимъ занятіямъ и должности. При наименованіи должностного лица, всѣ товарищи его по профессіи остаются въ сторонѣ, и общественное мнѣніе знаетъ, отъ *кого именно* слѣдуетъ ждать оправданій; знаетъ это и опозоренный и смываетъ этотъ позоръ судебнымъ или инымъ путемъ, или-же сгибается подъ его давящей тяжестью. Но когда названа цѣлая группа, подозрѣніе падаетъ на всѣхъ и каждаго; каждый мысленно зритъ себя подводимымъ къ позорному столбу; безславіе бѣжитъ впереди каждаго изъ группы, возбуждая противъ него предубѣжденіе и заставляя относиться къ нему съ подозрительностью или насмѣшливымъ недовѣріемъ. «А, это ты—изъ тѣхъ, которыхъ такъ отдѣлали и изобличили», вотъ что слышится ему изъ-за условной вѣжливости житейскихъ отношеній. Едва-ли душевныя муки подвергшагося несправедливому групповому оскорбленію, легче мукъ подвергшагося личному оскорбленію. Тамъ онѣ или заслужены или смягчаются возможностью оправданія, а тутъ!? Для личнаго оправданія — нѣтъ почвы, нѣтъ яснаго повода. Да и какъ оправдываться? Affirmanti—non neganti

incumbit probatio. Обвиненіе брошено огульно и бездоказательно, какъ-же опровергнуть эту бездоказательность? Какъ представлять отрицательныя доказательства по вопросу о своей честности? Ужели производить о себѣ старинный повальный обыскъ и о результатахъ его сообщать всякому встрѣчному, въ которомъ подозрѣвается читатель или слушатель оскорбительнаго отзыва? Это невозможно не только фактически, но и нравственно. Въ нашемъ обществѣ, быть можетъ подъ вліяніемъ горькихъ воспоминаній прежняго, подчасъ возникаетъ съ особою силою подозрительность къ цѣлымъ служебнымъ группамъ,—и иногда злорадно распространяется на цѣлыя вѣдомства, безъ пощады, примѣняясь и къ тѣмъ, кто въ нихъ достоинъ безусловнаго и нерѣдко глубокаго уваженія. Мы лѣнивы разбирать людей и потому любимъ клички и ярлычки, которые налѣпляемъ широкими взмахами клейкой кисти. При такихъ условіяхъ оправданія только усиливаютъ подозрительность. «Ты сердишься — ты не правъ», — говорила античная поговорка. «Ты оправдываешься—ты должно быть виноватъ»,—говоритъ современный, житейскій, близорукій опытъ, опирающійся на пословицу «на ворѣ и шапка горитъ». Поэтому-то выступать отдѣльнымъ обвинителемъ при групповомъ опозореніи чрезвычайно трудно. Иногда—и очень часто—это значитъ къ ранамъ, принятымъ отъ опозоренія, приложить раны сосредоточенной на себѣ подозрительности и двусмысленнаго сочувствія. Остается, въ большинствѣ случаевъ, молчаливо, съ притворнымъ равнодушіемъ нести клеймо незаслуженнаго стыда—и испытывать на себѣ то, что такъ образно называлъ нашъ знаменитый писатель «постояннымъ страхомъ, и гнѣвомъ, и болью *неопредѣленныхъ* подозрѣній». Такимъ образомъ, неуказаніе лица—только облегчаетъ нравственную и юридическую отвѣтственность дѣйствительно виновнаго и, въ то-же время, кладетъ тяжелое бремя на душевное спокойствіе невинныхъ.

Но результаты такихъ оскорбленій не въ одномъ причиненіи личныхъ страданій. У нихъ есть и обще-вредный характеръ. При частомъ и безнаказанномъ повтореніи такія оскорбительныя обобщенія, связываясь въ представленіи общества съ извѣстной профессіею, пріучаютъ терять къ ней уваженіе, стыдиться ея, краснѣть за свою къ ней прикосновенность. Званіе, которое не носится съ спокойною гордостью исполняемаго долга, легко обращается въ нѣчто ненавистное самому носителю, а трудъ его представляется первымъ попавшимся подъ руку средствомъ заработка. Безнаказанная бездоказательность презрительнаго отношенія къ дѣятельности должностного лица должна подавлять малодушныхъ, разрушать у нихъ энергію и самоуваженіе, убивая всякое побужденіе къ улучшенію своего дѣла, которое заранѣе опозорено. Она должна отнимать у твердыхъ духомъ согрѣвающее сознаніе общественнаго уваженія, столь часто нужное въ минуты одинокой служебной борьбы за правду и пользу...

Можно привести рядъ практическихъ примѣровъ оскорбленій профессоровъ, контрольныхъ ревизоровъ, судей и т. п. построенныхъ по образцу, даваемому статьею «Гражданина», и доказать оскорбительность такихъ примѣрныхъ опозореній для всѣхъ и каждаго изъ членовъ той или другой группы должностныхъ лицъ, но лучше перейти прямо къ возраженіямъ, которыя представлены и могутъ еще быть представлены противъ обвинительныхъ выводовъ.

Намъ стараются доказать,—что изъ циркуляровъ министерства внутреннихъ дѣлъ видно, что военные врачи, какъ и врачи вообще, приглашаются въ присутствіе по воинской повинности лишь какъ эксперты. Поэтому это вовсе не должностныя лица, тѣмъ болѣе, что, по ученію профессора Градовскаго, въ его «Началахъ государственнаго права», должность есть установленіе постоянное, чѣмъ она и отличается отъ временныхъ порученій, получаемыхъ отъ власти и частными лицами, каковы, напримѣръ, порученія, даваемыя извѣстнымъ медикамъ изслѣдовать санитарныя условія той или другой мѣстности. Что врачи приглашаются какъ эксперты—это явствуетъ вполнѣ точно изъ самаго закона. По ст. 91 Уст. «участіе врачей въ дѣлахъ присутствія ограничивается подачею мнѣній о годности лица, подлежащаго пріему». Но это эксперты, обязанныя быть таковыми, въ силу своей должности, которая есть установленіе постоянное. Они привлечены къ участію въ воинскихъ присутствіяхъ не какъ частныя лица, получающія служебное порученіе, а какъ служащіе, въ кругъ дѣятельности которыхъ входитъ, въ силу самого закона, производство подобной экспертизы. Если стать на точку зрѣнія этого возраженія, то надо отвергнуть служебный характеръ дѣятельности ряда должностныхъ лицъ въ коммисіяхъ, предметъ которыхъ лишь соприкасается съ ихъ прямою службою. Несомнѣнно, что частныя лица, получившія временное порученіе правительства, остаются частными лицами, но должностное лицо, получившее такое порученіе, остается должностнымъ. Теперь привлекаютъ и частныхъ лицъ къ участію, напримѣръ, въ санитарныхъ исполнительныхъ коммисіяхъ, образуемыхъ для борьбы съ холерою, но это не значитъ, что должностныя лица, входящія, съ той или другой ролью, въ составъ этихъ же временныхъ коммисій, теряютъ свой должностной характеръ. А воинскія присутствія, военные госпитали и лазареты притомъ учрежденія постоянныя. Въ примѣрѣ Градовскаго имѣется въ виду извѣстный врачъ, какъ частное лицо,—но, напримѣръ, профессоръ военно-медицинской академіи и членъ медицинскаго совѣта, покойный Эйхвальдъ, посланный изучать ветлянскую чуму, былъ и тамъ, на мѣстѣ, должностнымъ лицомъ и за опозоренье его въ печати пришлось бы отвѣчать по 2 ч. 1039 ст. Улож. Наконецъ, отрицаніе должностного характера за военными врачами, производящими повѣрочное испытаніе, должно влечь и отрицаніе ихъ уголовной отвѣтственности за преступленіе должности въ доказанномъ случаѣ полученія взятки. Но если это такъ, то зачѣмъ же тогда и «обра-

щать вниманіе» военнаго начальства на дѣянія лицъ, не состоящихъ къ нему въ отношеніяхъ служебной подчиненности?

Намъ, вѣроятно, повторятъ затѣмъ старое, избитое возраженіе, которое обыкновенно дѣлается по дѣламъ о проступкахъ, совершаемыхъ путемъ печати. Признаніе виновности редактора «Гражданина» въ данномъ случаѣ, было бы *стѣсненіемъ свободы печати!* Но такое утвержденіе будетъ неправильно. Если оскорбительность напечатаннаго не доказана, если справедливость позорящихъ обстоятельствъ ничѣмъ не подтверждена, то признаніе виновности является не стѣсненіемъ свободы печати, а необходимымъ ограниченіемъ произвола печати, который не имѣетъ никакихъ практическихъ или нравственныхъ основаній претендовать на безнаказанность. Несомнѣнно, что по своей распространенности, по внушаемой къ себѣ вѣрѣ, печатное слово усугубляетъ нанесенное путемъ его оскорбленіе. Почему же, однако, то, что представляется внѣ спора оскорбительнымъ, когда оно дѣлается на словахъ, становится безнаказаннымъ, когда оно звучитъ со столбцовъ газеты? Если-бы авторъ статьи явился въ собраніе военныхъ врачей и сказалъ, обращаясь къ нимъ: «всѣ вы лихоимцы, позорящіе святое дѣло обороны страны;—продажная помощь ваша обходится всего въ три тысячи рублей!», то несомнѣнно, что онъ самъ первый счелъ бы невозможнымъ думать о своей полной безнаказанности. Но почему же, когда это самое оповѣщено на всю Россію, когда онъ мысленно собралъ предъ собою военныхъ врачей и бросилъ имъ этотъ тяжкій и незаслуженный—незаслуженный потому, что недоказанный—упрекъ, онъ оказывается несовершившимъ ничего достойнаго осужденія? Какъ бы велика ни была общественная задача печати, никто не можетъ требовать, чтобы на алтарь ея свободы,—безропотно, безъ надежды на защиту,—отдѣльныя личности и цѣлыя группы ихъ приносили свою честь и доброе имя. Высокая задача печати достигается и безъ такихъ напрасныхъ жертвъ и, притомъ, проще. Такъ и въ данномъ случаѣ—авторъ, заявляющій, что у него есть много примѣровъ лихоимства военныхъ врачей при переосвидѣтельствованіи новобранцевъ, поступилъ-бы и законнѣе, и цѣлесообразнѣе, назвавъ эти примѣры «en toutes lettres». Это соотвѣтствовало бы задачѣ закона, давая полную возможность, при отрицаніи этихъ примѣровъ со стороны обличаемыхъ, выяснить справедливость ихъ путемъ, указаннымъ во 2 ч. 1039 ст. Улож. Это было-бы цѣлесообразнѣе потому, что давало-бы возможность немедленно прижечь больныя мѣста и искоренить недугъ тамъ, гдѣ онъ проявился и доказанъ.

Не давая фактическихъ указаній, авторъ, очевидно, нѣсколько смутнаго мнѣнія о высшемъ начальствѣ военныхъ врачей. Въ каждомъ уѣздѣ Россійской Имперіи есть уѣздное воинское присутствіе, не говоря уже о присутствіяхъ губернскихъ—и въ каждомъ производятся переосвидѣтельствованія. Ужели авторъ полагалъ, что, подъ вліяніемъ его огульно обвинительной замѣтки, высшій началь-

никъ, если только онъ не презираетъ вѣдомство, во главѣ котораго стоитъ, можетъ выразить, путемъ почти неосуществимаго по своей громадности дознанія, оскорбительное недовѣріе къ каждому военному врачу, призываемому къ переосвидѣтельствованію? Въ огульныхъ обобщеніяхъ тамъ, гдѣ потребны факты, кроется главное основаніе къ отвѣтственности лицъ, напечатавшихъ статью въ «Гражданинѣ». Если такое обобщеніе сдѣлано безъ всякихъ фактическихъ данныхъ, то оно является злоупотребленіемъ печатнымъ словомъ, напрасно смущающимъ читателей и волнующимъ общество; если-же при наличности какихъ-либо фактовъ, имѣющихся въ распоряженіи автора или редактора, форма огульнаго обвиненія употреблена съ цѣлью, оскорбивъ всѣхъ, отнять у нѣсколькихъ, которые могли-бы быть названы, возможность защищаться на почвѣ 1039 ст. Улож., то судъ не имѣетъ права ни одобрить, ни оправдать такого пріема. Не можетъ онъ этого сдѣлать, зная, что въ теченіи послѣдняго десятилѣтія до Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента, въ качествѣ апелляціонной инстанціи, доходило 11 большихъ и сложныхъ дѣлъ о злоупотребленіяхъ по воинскимъ присутствіямъ, по которымъ были преданы суду и осуждены: одинъ предсѣдатель присутствія, одинъ начальникъ земской стражи, 4 начальника уѣздовъ, 4 дѣлопроизводителя, 1 бургомистръ, 2 гминныхъ войта, 11 факторовъ, 3 писаря, 1 уѣздный фельдшеръ, 2 *городскихъ врача, 3 уѣздныхъ врача и лишь одинъ военный врачъ.*

Обращаясь къ вопросу о неправильномъ возбужденіи преслѣдованія по этому дѣлу, надо замѣтить, что за военнымъ министромъ такое право отрицается на основаніи 1213[5] ст. Уст. угол. суд., которая говоритъ о возбужденіи прокуроромъ преслѣдованія виновныхъ въ оскорбленіи должностныхъ лицъ не иначе, какъ по жалобамъ, объявленіямъ и сообщеніямъ *потерпѣвшихъ оскорбленіе.* Съ такимъ отрицаніемъ согласиться нельзя. Прежде всего, ст. 1213[5] нигдѣ точно не указываетъ, кто именно можетъ считаться потерпѣвшимъ отъ преступленій, указанныхъ въ 1039 и 1040 ст. Улож. Опредѣленіе этого должно быть предоставлено судебной практикѣ, которая, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ или въ рядѣ однородныхъ, должна выяснить, кто въ дѣйствительности пострадалъ, кто раненъ, а иногда и убитъ нравственно разрывомъ заготовленнаго на типографскомъ станкѣ снаряда. Что законъ имѣетъ въ виду не однихъ прямо и непосредственно пострадавшихъ, видно изъ того, что 1213[5] ст., ссылаясь на ст. 297 Уст. угол. суд., говоритъ о жалобахъ и объявленіяхъ. Но объявленіе о преступленіи не требуетъ даже, чтобы объявитель былъ потерпѣвшимъ отъ преступнаго дѣянія. По ст. 298 Уст. угол. суд., ему достаточно быть очевидцемъ. Поэтому и надъ потерпѣвшимъ оскорбленіе въ печати, который обращается къ прокурору съ объявленіемъ, нельзя разумѣть одного непосредственно оскорбленнаго, о которомъ говорится въ ст. 301 и 302 Уст. угол. суд. Да и самыя объявленія, названныя въ ст. 1213[7] Уст. угол. суд. извѣщеніями, а также и жалобы, по содержанію

своему отличены отъ тѣхъ жалобъ потерпѣвшаго, о которыхъ говорится въ ст. 303 Уст. угол. суд.—При этомъ и сообщенія присутственныхъ мѣстъ о преступленіяхъ печати существенно отличаются отъ сообщеній тѣхъ же мѣстъ объ общихъ преступленіяхъ. Послѣднія по ст. 309 не безусловно обязательны, какъ поводъ къ начатію слѣдствія,—первыя же согласно 1213[3] всегда обязываютъ прокурора начать преслѣдованіе. Все это показываетъ, что по дѣламъ печати понятіе о жалобѣ и объ объявленіи сливаются между собою и что вслѣдствіе этого личность потерпѣвшаго можетъ и должна быть понимаема шире и глубже, чѣмъ въ обыкновенныхъ преступленіяхъ.

Поэтому потерпѣвшимъ, имѣющимъ право на начатіе дѣла объ опозореніи, можетъ быть не одно лицо, на которое непосредственно направлено оскорбленіе. Наше право узаконяетъ, въ ст. 18 Мирового Устава, иски родителей за обиду дѣтямъ, иски мужей за обиду женъ, иски опекуновъ и лицъ, имѣющихъ попеченіе надъ малолѣтними; обида, выразившаяся въ обольщеніи и другихъ посягательствахъ на цѣломудріе взрослыхъ женщинъ или дѣвицъ, даетъ, по примѣчанію къ ст. 1532, право преслѣдованія обидчика не только родственникамъ, но и всякимъ лицамъ, обязаннымъ по званію своему имѣть о нихъ попеченіе. Если же признать, что по дѣламъ печати понятіе о потерпѣвшемъ шире обыкновеннаго, то нѣтъ основанія отрицать и права возбуждать преслѣдованіе за такимъ лицомъ, которое несетъ нравственную и юридическую отвѣтственность за законность и правильность дѣйствій людей, подвергшихся опозоренію. Такое лицо обязано имѣть надзоръ за своими подчиненными—оно ихъ избираетъ, аттестуетъ, утверждаетъ—и оно, въ извѣстной, и даже очень большой, мѣрѣ, отвѣтственно въ томъ, кому вручаетъ оно власть и кого ставитъ въ непосредственное соприкосновеніе съ народомъ, обществомъ и разнообразными явленіями быстро текущей жизни. Ужели для попечителя учебнаго округа могло бы быть безразлично, еслибы учителей его округа назвали поголовно пьяницами или взяточниками,—или для главнаго управленія Краснаго Креста ничего бы не значило, если бы сестеръ милосердія въ отрядахъ, организованныхъ имъ на время военныхъ дѣйствій, опозорили огульнымъ обвиненіемъ въ корыстолюбіи или развратномъ поведеніи? Развѣ такія обвиненія не бросаютъ оскорбительнаго упрека и въ надзирающую власть,—не указываютъ на ея постыдное бездѣйствіе и нравственную неразборчивость? Правительствующій Сенатъ уже встрѣчался съ такими вопросами въ своей практикѣ. Въ приговорахъ по дѣламъ Зарубина въ 1878 г. и Іозефовича въ 1888 г. объяснилъ, что по праву надзора за подчиненными и по обязанности отвѣтствовать за нихъ, начальство не можетъ быть лишено права возбуждать преслѣдованіе за ихъ опозореніе. Такъ, командиръ полка признанъ имѣющимъ право приносить жалобу за оскорбленіе полка, а за управляющимъ бывшимъ IV отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, имѣющимъ аттрибуты

министра, признано право возбудить, предложеніемъ почетному опекуну, уголовное преслѣдованіе за опубликованіе обстоятельствъ, позорящихъ дѣятельность служащихъ родовспомогательнаго заведенія. При этомъ Правительствующій Сенатъ высказалъ, что отъ оскорбленій такого рода страдаютъ не только эти лица, но и всѣ тѣ, отъ кого зависитъ дать дѣятельности учрежденія то или другое направленіе, принять мѣры къ исправленію зла и т. д. Такого же взгляда держатся и многіе западные кодексы. Такъ, при оскорбленіи войска, флота или ихъ части, уголовное преслѣдованіе возбуждается, согласно § 270 Венгерскаго кодекса, по долгу службы, т. е. начальствомъ, помимо жалобы оскорбленныхъ; по § 196 Германскаго Уложенія, при нанесеніи оскорбленія чиновнику или духовному пастырю, или же члену вооруженной силы, право возбужденія уголовнаго преслѣдованія принадлежитъ не только самимъ непосредственно оскорбленнымъ, но и ихъ начальству; по смыслу 447 и 450 ст. Бельгійскаго Уложенія диффамація противу должностныхъ лицъ влечетъ за собою преслѣдованіе въ порядкѣ публичнаго обвиненія, независимо отъ жалобы обиженнаго; на основаніи 267 и и 269 ст. Нидерландскаго Уложенія, оскорбленіе въ печати должностного лица преслѣдуется властью и безъ жалобы потерпѣвшаго. Наконецъ, по французскому «закону о свободѣ печати» 29 іюля 1881 г., согласно п. 3 ст. 47 § 2, въ случаѣ опозоренія должностныхъ лицъ преслѣдованіе возбуждается по ихъ жалобѣ или же въ публичномъ порядкѣ (d'office), *по жалобѣ министра*, въ вѣдомствѣ котораго они состоятъ. Этотъ же взглядъ, затѣмъ, проведенъ и въ проектѣ нашего новаго Уложенія, въ ст. 82, по которой—буде оскорбленія нанесены должностному лицу, уголовное преслѣдованіе возбуждается не только по жалобѣ потерпѣвшаго, но и по заявленію его непосредственнаго начальства.

Поэтому отрицаніе права начальства, связаннаго нравственно и дисциплинарно съ оскорбленными должностными лицами, на возбужденіе преслѣдованія, не находитъ себѣ опоры въ соображеніяхъ апеллятора. Не надо забывать, что есть вѣдомства, гдѣ подчиненные не только тѣсно связаны въ своемъ дѣлѣ требованіями и предписаніями начальства, отъ котораго они получаютъ общій тонъ и указанія пріемовъ дѣятельности, но гдѣ они по особымъ правиламъ дисциплины не могутъ заявлять никакихъ претензій безъ разрѣшенія начальства. Но гдѣ есть разрѣшеніе, тамъ должна быть допущена и замѣна. Гдѣ основаніе для лишенія начальства права умѣло и авторитетно заступиться за честь подчиненнаго, который, быть можетъ, не обладаетъ средствами и умѣньемъ для защиты себя? Если будетъ сдѣлано сообщеніе, оскорбительное для чести унтеръ-офицеровъ желѣзнодорожной полиціи вообще,—ужели ихъ главное начальство лишено права защитить ихъ, несмотря на то, что ихъ дѣйствія находятся подъ іерархическимъ контролемъ, и что они сами, непосредственно, не имѣютъ, по правиламъ воинской дисциплины, и права приносить кому-либо жалобу иначе, какъ «по

командѣ?» Есть, наконецъ, вѣдомства, гдѣ обвиненіе въ нарушеніи своихъ обязанностей средними или низшими служащими—кладетъ тѣнь на все учрежденіе, въ его совокупности, подрывая къ нему довѣріе въ корнѣ. Таковы, напр., телеграфное и почтовое вѣдомства. Ужели главное начальство этихъ вѣдомствъ можетъ оставаться равнодушнымъ, если появится бездоказательное сообщеніе, что за нѣсколько рублей въ каждой почтово-телеграфной конторѣ можно узнать тайну телеграфной или почтовой корреспонденціи?

Скажутъ, что каждый изъ обиженныхъ можетъ *самъ* жаловаться.

Но складъ общественной жизни, но психологія отдѣльнаго оскорбленнаго, при групповомъ опозореньи, но практическій исходъ такой жалобы—говорятъ противъ осуществимости такой защиты отъ поруганія. Я уже говорилъ объ этомъ раньше подробно,—и считаю достаточнымъ указать лишь на то, что по отношенію къ каждому жалобщику обидчикъ будетъ въ состояніи сказать: «я вовсе не имѣлъ въ виду васъ,—съ чего вы взяли, что я говорю о васъ,—развѣ у васъ, или вѣрнѣе *за вами* есть причины думать, что весь этотъ срамъ, этотъ позоръ и поношеніе именно васъ касаются?» И если оскорбленныхъ много, то обидчикъ можетъ долго и безнаказанно торжествовать, съ каждымъ новымъ оправданіемъ принижая и запугивая нравственно тѣхъ, кто еще не имѣлъ смѣлости пожаловаться. Вотъ почему есть полное основаніе допустить одно лицо, которое по праву заслонитъ грудью всѣхъ оскорбленныхъ и, будучи отвѣтственно за ихъ служебную нравственность и добропорядочность, такъ какъ имѣетъ власть и обязанность заботиться о той и о другой, потребуетъ доказательствъ справедливости оглашеннаго, а при ихъ отсутствіи—наказанія оскорбителя. Такимъ лицомъ въ настоящемъ дѣлѣ является военный министръ. Что военные врачи, входя въ составъ особой части военной силы, находящейся въ вѣдѣніи военнаго министерства, дѣйствуютъ подъ высшимъ надзоромъ военнаго министра, который опредѣляетъ, увольняетъ, награждаетъ и предаетъ суду—это несомнѣнно. Согласно общему наказу министрамъ, въ томѣ I ч. 2 св. законовъ, министръ, по ст. 156, долженъ понуждать всѣ подчиненныя ему мѣста и лица къ исполненію законовъ и учрежденій,—имѣя за ними надзоръ, взыскивая съ нихъ, по силѣ 157 ст., въ случаѣ неправильнаго исполненія и предавая суду въ случаѣ важныхъ преступленій. Министръ самъ, на основ. ст. 208,—подвергается отвѣтственности, когда, оставивъ власть, ему данную, безъ дѣйствія, небреженіемъ своимъ попуститъ важное злоупотребленіе или государственный ущербъ. Самъ авторъ статьи, конечно, имѣлъ въ виду высшее начальство военныхъ врачей, когда онъ говорилъ о нанесеніи ущерба казнѣ зломъ, внѣдрившимся въ святое дѣло охраны и защиты отечества и заявлялъ объ этомъ злѣ, въ виду предстоящаго призыва, съ тѣмъ, чтобы лица, отъ которыхъ это зависитъ, обратили на него свое вниманіе. Мѣста, гдѣ проявилось зло—не указаны, безчестные дѣятели, прививающіе

этотъ ядъ къ одному изъ главнѣйшихъ отправленій современнаго государства не названы... никто не рѣшается подать личной жалобы... не прямое ли средство узнать все недосказанное, потребовавъ, на основаніи 2 ч. 1039 ст. Улож., судебнымъ порядкомъ предъявленія доказательствъ?

Какъ глава вѣдомства, заключающаго въ себѣ и военныхъ врачей, военный министръ имѣлъ право возбуждать преслѣдованіе тамъ, гдѣ всѣмъ имъ брошено огульное обвиненіе, которое является опозореніемъ, покуда не будетъ доказано, что оно, къ стыду и несчастію, истинно. Онъ былъ даже, по долгу отвѣтственности своей предъ государствомъ, обязанъ начать преслѣдованіе. Изъ Высочайшаго манифеста о введеніи въ Имперіи общей воинской повинности видно, что осуществленіе великой мысли Монарха сдѣлать защиту отечества общимъ дѣломъ народа, соединивъ на этомъ святомъ дѣлѣ всѣ званія и сословія, было, прежде всего, задачею труда тогдашняго военнаго министра Милютина. Изъ военнаго министерства вышли, такимъ образомъ, первоначальныя основанія реформы, «встрѣтившей, — по словамъ манифеста, — въ русскихъ сердцахъ сочувственный отголосокъ и вызвавшей въ неподлежавшихъ рекрутскому сословію радостное желаніе раздѣлить съ остальнымъ народомъ тягости военной службы, желаніе, принятое Державнымъ законодателемъ съ отраднымъ чувствомъ гордости и благоговѣйной признательности къ Провидѣнію, вручившему ему скипетръ надъ народомъ, въ которомъ любовь къ отечеству и самоотверженіе составляютъ завѣтное, изъ рода въ родъ переходящее достояніе всѣхъ сословій». Можетъ ли, поэтому, военное министерство, въ лицѣ своего главы, замкнуться въ олимпійскомъ спокойствіи, когда на всю Россію оглашено, что его органы даютъ, сознательно и корыстно, возможность проявляться и внѣдряться постыднымъ явленіямъ, чуждымъ всему тому, что наполнило сердце незабвеннаго монарха гордостью и признательностью Провидѣнію за свой народъ? Имѣетъ ли право военный министръ предоставить личной иниціативѣ каждаго изъ этихъ органовъ безрезультатную борьбу противъ заявленія, которое не можетъ не волновать общество, указывая на вопіющую несправедливость и кладя порочащую тѣнь на осуществленіе дѣла, затрогивающаго законные интересы цѣлаго государства, ради которыхъ существуетъ и самое военное министерство? Онъ отвѣтственъ предъ высшею властью, представительницей русскаго народа, отвѣтственъ предъ священной памятью Творца общей воинской повинности, если *правда* все то, что напечатано объ общемъ характерѣ дѣятельности его подчиненныхъ органовъ на мѣстахъ осуществленія этой повинности; онъ и есть законный, естественный преслѣдователь виновныхъ, если это— *неправда*...

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, обвинительный приговоръ Судебной Палаты, въ существѣ своемъ, подлежитъ утвержденію, а апелляціонный отзывъ—оставленію безъ послѣдствій. Обращаясь къ

опредѣленію, на основаніи 1039 и 1044 ст. Улож., наказанія обвиняемому, необходимо принять во вниманіе, во-первыхъ, что въ статьѣ «Гражданина» нельзя усмотрѣть *личныхъ побужденій* нанести оскорбленіе и, во-вторыхъ, что законъ, исходя изъ того начала, что въ дѣлахъ о преступленіяхъ печати существенно важно признаніе *виновности* подсудимаго, какъ доставляющее удовлетвореніе оскорбленному торжественнымъ заявленіемъ суда о неосновательности брошеннаго обвиненія,—предоставляетъ суду, согласно 135 ст. Улож. смягчать наказаніе обвиняемому не только на двѣ, по ст. 774 Уст. угол. суд., но и на нѣсколько степеней, по его усмотрѣнію. Поэтому я полагаю подвергнуть кн. Мещерскаго наказанію по 3 степ. 39 ст. Улож. въ высшей мѣрѣ, т. е. въ размѣрѣ ареста на семь дней, по совокупности съ другимъ, состоявшимся о немъ приговоромъ по дѣлу Аристова.

Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ признать князя Владиміра Мещерскаго виновнымъ въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ ст. 1039 Улож. и подлежащимъ за это нарушеніе законовъ о печати денежному взысканію въ сто пятьдесятъ рублей, подвергнувъ его по совокупности съ учиненнымъ имъ нарушеніемъ законовъ о печати же, по дѣлу дѣйствительнаго статскаго совѣтника Аристова, аресту на военной гауптвахтѣ на десять дней.

XX.

По дѣлу земскаго начальника Харьковскаго уѣзда кандидата правъ Василія Протопопова, обвиняемаго въ преступленіяхъ по должности.

Протопоповъ былъ преданъ суду Харьковской Судебной Палаты по обвиненію въ томъ, что въ сентябрѣ 1890 года, въ Харьковскомъ уѣздѣ, онъ, при исполненіи обязанностей участковаго земскаго начальника: 1) грозилъ полицейскимъ городовымъ «бить морды», если не будутъ дѣлать ему чести; 2) на сельскомъ сходѣ грозилъ, если будетъ продолжаться шумъ, перебить половину собравшихся на сходъ крестьянъ, а крестьянамъ, которые будутъ обращаться съ жалобами, угрожалъ, что «жалобы будутъ на мордѣ, а прошенія — на задней части тѣла»; 3) на сельскомъ сходѣ объявилъ крестьянамъ, что каждаго, совершившаго похищеніе и неуважающаго родителей и старшихъ будетъ до суда жестоко бить; 4) ударилъ крестьянина Ворвуля за то, что тотъ, не замѣтивъ его, Протопопова, идущаго по площади, не снялъ передъ нимъ шапки; 5) арестовалъ крестьянина Слѣпущенко, безъ соблюденія правилъ и нанесъ ему же побои; 6) нанесъ побои крестьянину Сѣрому и арестовалъ его безъ соблюденія установленныхъ правилъ и 7) на сельскомъ сходѣ ударилъ палкою крестьянина Старченко.

На слѣдствіи, между прочимъ, выяснилось, что въ слободѣ Должикѣ, Харьковскаго уѣзда, 27-го сентября 1890 года, между крестьянами возникли безпорядки и сопротивленіе властямъ, продолжавшіеся до 5-го октября того же года. Для возстановленія порядка, помимо полицейскихъ мѣръ, были вызваны на мѣсто происшествія войска. Къ уголовной отвѣтственности за участіе въ этихъ безпорядкахъ были привлечены 18 крестьянъ, изъ которыхъ 14 приговоромъ Харьковской Судебной Палаты, съ участіемъ сословныхъ представителей, были признаны виновными въ преступленіяхъ, предусмотренныхъ 263, 265 и 266 ст. Улож. о наказ. и присуждены къ соотвѣтствующимъ наказаніямъ. При производствѣ слѣдствія по этому дѣлу обнаружились разныя имѣвшія связь съ упомянутымъ дѣломъ, противозаконныя дѣйствія Протопопова по службѣ. Въ то же время золочевскій купецъ Миронъ Сѣрый подалъ Харьковскимъ—губернатору и прокурору Окружного Суда жалобы на Протопопова за нанесеніе имъ побоевъ сыну просителя, Михаилу Сѣрому.

Харьковское губернское присутствіе, которому были сообщены жалобы Сѣраго и извлеченныя изъ слѣдственнаго производства свѣдѣнія о

противозаконныхъ дѣйствіяхъ Протопопова, возбудивъ противъ него уголовное преслѣдованіе, передало дѣло судебному слѣдователю и въ результатѣ явилось преданіе Протопопова суду, по постановленію совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, за вышеупомянутыя преступленія.

На судебномъ слѣдствіи въ Палатѣ, Протопоповъ не призналъ себя виновнымъ ни въ одномъ изъ приписываемыхъ ему дѣяній, добавивъ, что онъ дѣйствительно побилъ Сѣраго и лишилъ его свободы, безъ составленія о томъ протокола, но это не можетъ быть вмѣнено ему въ вину, такъ какъ онъ былъ крайне возмущенъ поступкомъ Сѣраго, сильно избившаго крестьянина Забійворота, почему и не могъ сдержать своего порыва.

Сообразивъ обстоятельства дѣла, которыя разобраны въ помѣщаемой ниже обвинительной рѣчи и сопоставивъ между собою противорѣчія показаній свидѣтелей, ихъ коихъ нѣкоторые подтвердили свои разсказы судебному слѣдователю лишь послѣ того, какъ они были прочитаны, Харьковская Судебная Палата нашла, что судебнымъ слѣдствіемъ подтверждены во всѣхъ частяхъ обвиненія, предъявленныя къ Протопопову, котораго и приговорила къ исключенію изъ службы. Докладъ дѣла въ Палатѣ закончился собщеніемъ формулярняго списка Протопопова, изъ котораго видно, что онъ прослужилъ земскимъ начальникомъ только два съ половиною мѣсяца, и что раньше на службѣ нигдѣ не состоялъ.

На приговоръ Палаты Протопоповъ принесъ Правительствующему Сенату апелляціонную жалобу, которая и разсматривалась въ засѣданіи Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента *22-го февраля 1893 года.*

Господа Сенаторы! Кандидатъ правъ и бывшій земскій начальникъ Харьковскаго уѣзда Протопоповъ жалуется на несправедливость приговора Судебной Палаты и съ фактической, и съ юридической точки зрѣнія. Неправильно истолковавъ понятія о превышеніи власти и о нарушеніи правилъ при лишеніи свободы въ примѣненіи къ *недоказаннымъ* обстоятельствамъ, Палата, по его заявленію, постановила крайне суровый приговоръ, разрушающій его служебную карьеру и не принимающій во вниманіе его молодость и неопытность. Поэтому прежде всего приходится обратиться къ *фактической* сторонѣ дѣла и взвѣсить степень доказанности вмѣненныхъ подсудимому въ вину обстоятельствъ. Протопоповъ, опредѣленный на должность земскаго начальника 1-го сентября 1890 г. и вступившій въ нее 8-го сентября, 23-го ноября былъ уже отъ нея уволенъ. Намъ извѣстна вся его дѣятельность за этотъ кратковременный періодъ, но съ достовѣрностью можно сказать, что въ небольшой начальный промежутокъ ея, съ 8-го по 27-е сентября, въ теченіе всего 19 дней, подсудимый, въ кругу подвѣдомственныхъ ему мѣстностей, ознаменовалъ себя служебными дѣйствіями, энергическій характеръ которыхъ имѣлъ результатомъ преданіе его, по постановленію совѣта министра внутреннихъ дѣлъ,— суду и тѣсно связанъ, какъ усматривается изъ того же постановленія и изъ показанія двухъ компетентныхъ свидѣтелей—управляющаго экономіею князя Голицына Бауера и начальника Харьковскаго жандармскаго управленія Вельбицкаго, съ безпорядками въ слободѣ Дол-

жикѣ, результатомъ коихъ были вызовъ войскъ для возстановленія порядка, судъ надъ 18-ю крестьянами этой слободы и присужденіе 10 изъ нихъ въ арестантскія отдѣленія съ лишеніемъ правъ и 4-хъ къ содержанію въ тюрьмѣ. По личному мнѣнію подсудимаго, всѣ его дѣйствія носили отпечатокъ энергіи человѣка, вступившаго въ новую дѣятельность одушевленнымъ лучшими и самыми горячими желаніями искоренить безпорядки, накопившіеся въ послѣднія десятилѣтія. Иначе смотритъ на эти дѣйствія Харьковская Палата, усматривающая въ нихъ насиліе и злоупотребленіе властью. Средняго пути между этими двумя взглядами нѣтъ—и, по изученіи существа дѣла, я присоединяюсь не ко взгляду Протопопова, а ко взгляду Палаты.

Власть имѣетъ сама въ себѣ много привлекательнаго. Она даетъ облеченному ею сознаніе своей силы,—она выдѣляетъ его изъ среды безвластныхъ людей, — она создаетъ ему положеніе, съ которымъ надо считаться. Для самолюбія заманчива возможность приказывать, рѣшать, приводить въ исполненіе свою волю и, хотя бы въ очень узкой сферѣ, карать и миловать; для суетнаго сомнѣнія отраденъ видъ сдержанной тревоги, плохо скрытаго опасенія, искательныхъ и недоумѣвающихъ взоровъ... Поэтому люди, относящіеся серьезно къ идеѣ о власти, получая эту власть въ свои руки, обращаются съ нею осторожно,—а вызванные на проявленіе ея—въ благородномъ смущеніи призываютъ себѣ на память не только свои права, но также свои обязанности и нравственныя задачи. Но бываютъ и другіе люди. Обольщенные прежде всего созерцаніемъ себя во всеоружіи отмежеванной имъ власти, — они только о ней думаютъ и заботятся—и возбуждаются отъ сознанія своей относительной силы. Для нихъ власть обращается въ сладкій напитокъ, который быстро причиняетъ вредное для службы опьяненіе. Вино власти бросилось въ голову и Протопопову. Мы не знаемъ, что онъ думалъ о своей новой должности, когда возможность полученія ея впервые выросла передъ нимъ, не знаемъ и того, какъ готовился онъ къ ней со времени назначенія до дня вступленія,—но вступилъ онъ очевидно съ твердымъ представленіемъ, что ему надо проявить власть простѣйшимъ и, по его мнѣнію, не возбуждающимъ никакого сомнѣнія средствомъ. «Я всегда билъ и буду бить мужиковъ», заявилъ онъ, по словамъ свидѣтеля Евсея Руденко. «При постоянномъ обращеніи съ народомъ исполненіе обязанности не можетъ не сопровождаться иногда рѣзкимъ словомъ, безъ чего и служба была бы невозможна», заявляетъ онъ самъ. Но прежде разбора отдѣльныхъ случаевъ его дѣятельности по водворенію порядка—или, вѣрнѣе, по производству безпорядка во ввѣренномъ ему участкѣ, нужно замѣтить, что свидѣтели по дѣлу распадаются, какъ и всегда, на двѣ категоріи—свидѣтелей обвиненія и свидѣтелей оправданія. Но разнятся они между собою не только по значенію фактовъ, о которыхъ показываютъ, но и по личнымъ свойствамъ своимъ. Свидѣтели обвиненія—обыкновенные люди, память которыхъ тѣмъ яснѣе,

чѣмъ ближе къ событію,—при чемъ показанія ихъ въ существѣ одинаковы и при слѣдствіи, и на судѣ, хотя между тѣмъ и другимъ прошло довольно много времени. Если нѣкоторые изъ нихъ, а именно городовые зашатнаго города Золочева—Борохъ и Семенъ Гладченко—и забываютъ на судѣ нѣкоторыя подробности, то стоитъ предъ ними прочесть первоначальныя ихъ показанія, какъ они ихъ тотчасъ и вполнѣ подтверждаютъ. Это свидѣтели «здраваго ума и твердой памяти», на которыхъ всегда спокойно можетъ опираться правосудіе. Иными свойствами обладаетъ большинство свидѣтелей, подтверждающихъ оправданія Протопопова. Память или совершенно измѣняетъ имъ на судѣ, такъ что они «ничего не помнятъ», или же, напротивъ, чрезвычайно просвѣтляется, обратно пропорціонально количеству времени, прошедшему отъ событія и отъ слѣдствія.

9-го сентября, Протопоповъ, на другой день вступленія въ должность, является въ Золочевъ и дѣлаетъ выговоръ двумъ городовымъ, не узнавшимъ въ немъ земскаго начальника, а затѣмъ приказываетъ старшему городовому Ивану Гладченко сказать имъ, что если они не будутъ вѣжливѣе, то онъ, «будетъ бить имъ морды». Такъ опредѣляется имъ съ первыхъ же шаговъ внутреннее содержаніе и внѣшнее проявленіе своей власти по отношенію къ подчиненнымъ. Иванъ Гладченко, подтвердившій такое приказаніе у судебнаго слѣдователя, нынѣ отрицаетъ его, но получившіе его отъ него, Борохъ и Семенъ Гладченко при всей своей сдержанности, не забыли, что именно такъ передалъ имъ приказаніе Протопопова старшій городовой. «Я говорю однимъ языкомъ, городовой другимъ, объясняетъ подсудимый, но оба мы имѣли въ виду сказать одно и то же». Но старшій городовой — не случайный и болтливый собесѣдникъ земскаго начальника, а подчиненный, получившій приказаніе сдѣлать внушеніе нижнимъ чинамъ и передающій слова начальства, конечно, безъ произвольныхъ варіантовъ. Поэтому, довѣряя его первому показанію, я вполнѣ соглашаюсь и съ подсудимымъ. Да, они оба «имѣли въ виду сказать одно и то же»—и сказали это. За внушеніемъ городовымъ надлежащаго страха слѣдуетъ приведеніе въ порядокъ, въ томъ же Золочевѣ, Ворвуля, который, «обернувшись» на призывъ подсудимаго «эй! рыжій—поди сюда!» и прервавъ разговоръ съ собесѣдникомъ, получилъ ударъ палкою по плечу, сопровождаемый ругательствомъ за то, что, стоя задомъ къ проходившему по площади Протопопову, не поклонился ему. Это подтвердилъ на судѣ свидѣтель Лебединцевъ. Надзиратель Аксененко при слѣдствіи заявлялъ, что, стоя въ отдаленіи, видѣлъ лишь, какъ подсудимый грозилъ палкою Ворвулю. Свидѣтель Лебединцевъ, тоже стоявшій въ отдаленіи, видѣлъ, что подсудимый ударилъ Ворвуля, какъ ему показалось, три раза. Приходится, однако, повѣрить потерпѣвшему, что онъ получилъ лишь одинъ ударъ, при чемъ заблужденіе Лебединцева о числѣ ударовъ объясняется тѣмъ, что, по собственнымъ словамъ Протопопова, онъ

Ворвуля «не ударилъ, а только жестикулировалъ его», что подтверждаетъ и Аксененко, говорящій, что «угрозы Протопопова скорѣе имѣли видъ жестикуляціи». Эта «жестикуляція» не безъ основанія могла быть принята Лебединцевымъ за удары, одинъ изъ которыхъ дѣйствительно и былъ полученъ Ворвулемъ. Интересное единство въ выраженіяхъ между подсудимымъ и Аксененко по поводу «жестикуляціи» нарушается, однако, когда дѣло идетъ о томъ, чѣмъ именно жестикулировалъ Протопоповъ. «Если бы во время выговора Ворвулю я даже и коснулся его *тоненькою тросточкою*, объясняетъ послѣдній, то нельзя же это считать ударомъ *палкою*». Къ сожалѣнію, тоненькая тросточка — не магическій жезлъ, прикосновеніе котораго не можетъ быть вмѣняемо въ вину, да и Аксе ненко—эта опора оправданій подсудимаго—говоритъ объ угрозахъ палкою...

Съ 24-го сентября неправильный взглядъ Протопопова на свою задачу принимаетъ особенно широкіе размѣры и проявляется съ крайнею рѣзкостью. Явившись на сходъ въ Золочевъ, гдѣ для выбора волостныхъ судей собрано было до тысячи человѣкъ, онъ приступаетъ къ объясненію этой толпѣ «значенія реформы». Приказавъ, согласно показанію свидѣтелей Завадскаго и Семена Гладченко, полицейскому «дать по мордѣ» мальчику, выглядывавшему въ шапкѣ изъ-за забора и сбить шапку, — Протопоповъ указалъ, по его словамъ, что крестьяне должны жить по-братски, избѣгая сутяжничества и столкновеній, оканчивающихся судомъ, — и, по единогласному удостовѣренію ряда допрошенныхъ Палатою свидѣтелей, заявилъ требованіе, чтобы крестьяне не подавали ему жалобъ и прошеній, угрожая, что если они этому не подчинятся, то «всякая жалоба будетъ на мордѣ, а прошеніе на... задней части тѣла подающихъ». Когда при выборахъ судей посредствомъ выкрикиванія фамилій поднялся шумъ, Протопоповъ, выйдя изъ себя и стуча палкою по столу, началъ кричать сходу: «тише, а то я васъ половину перебью», что удостовѣряется свидѣтелями, чего и самъ онъ въ существѣ не отрицаетъ, объясняя, что когда ему удавалось прекратить шумъ не сразу, онъ раздражался и могъ произнести какую нибудь угрозу по адресу крестьянъ. Во время схода крестьянинъ Слѣпущенко, будучи хмѣльнымъ, сочувственно повторялъ народу слова подсудимаго и былъ за это, по приказанію послѣдняго, вполнѣ основательному, «удаленъ», «убранъ» или «арестованъ». Сила не въ томъ, въ какой редакціи было дано это приказаніе:— нельзя же допускать пьяную и неумѣстную болтовню на сходѣ,— а сила въ томъ, что по окончаніи схода, какъ усматривается изъ показанія 7 свидѣтелей, Протопоповъ, проходя мимо арестантской или, какъ выражаются свидѣтели, «каютки» и услышавъ просьбы Слѣпущенко объ освобожденіи, велѣлъ его выпустить и кланявшагося въ ноги съ мольбою о прощеніи избилъ до крови кулаками и ногами, приказавъ снова посадить. Слѣпущенко просидѣлъ пять часовъ и протокола объ его арестѣ составлено не было. Оправды-

ваясь по поводу послѣднихъ событій, подсудимый опирается на показанія надзирателя Аксененко, доктора Арефьева и городового Бороха. Съ характеромъ объясненій перваго мы уже знакомы, да и притомъ заявляя на судѣ, что онъ не слышалъ ничего о мѣстѣ, гдѣ окажутся у прибѣгающихъ къ помощи земскаго начальника прошенія и жалобы, Аксененко ссылается на свое показаніе на предварительномъ слѣдствіи, а тамъ онъ говорилъ, что не всегда былъ на мѣстѣ, гдѣ происходили объясненія подсудимаго со сходомъ.—Борохъ положительно не слышалъ угрозы сходу, а остальныхъ свидѣтелей Протопоповъ не почелъ за нужное объ этомъ распрашивать. Но вѣдь не шопотомъ же говорилъ онъ со сходомъ и, быть можетъ, отрицательныя показанія членовъ схода, стоявшихъ предъ подсудимымъ, сильнѣе убѣдили бы насъ въ томъ, что угрозъ не было, чѣмъ слова подначальнаго человѣка, городового Бороха. Остается врачъ Арефьевъ, гимназическій товарищъ Протопопова и другъ его по университету, находившійся при подсудимомъ во время разъѣздовъ по службѣ. Показаніе его пришло изъ далека, изъ Бреста, Гродненской губ., записано въ довольно неопредѣленныхъ выраженіяхъ («дверь была немного пріотворена, но я не слышалъ ударовъ, а слышалъ, что Протопоповъ будто толкнулъ Скрипку въ двери», говорится въ немъ) и дѣйствительно отрицаетъ произнесеніе подсудимымъ угрозъ и разъясненій о прошеніяхъ, побитіе Слѣпущенко и т. д. Но почтенное чувство дружбы и товарищества можетъ иногда невольно умалять въ нашихъ глазахъ рѣзкость образа дѣйствій друга, особливо когда наше показаніе противъ него могло бы положить большую гирю на чашу обвиненія. Тутъ и сожалѣніе, и боязнь повредить близкому человѣку, и разныя другія хорошія *личныя* чувства могутъ заслонять отъ насъ *общественную* обязанность не закрывать глаза на дѣянія неправаго. Наконецъ, можетъ возникать и боязнь упрека въ нравственной солидарности съ неодобрительными дѣйствіями товарища. Докторъ Арефьевъ ѣздилъ по волостямъ съ Протопоповымъ. Для чего? Конечно, не для подачи медицинскаго пособія, которое могло, пожалуй, оказаться нужнымъ при своеобразномъ взглядѣ подсудимаго на свои задачи. Изъ любопытства? Или для практическаго назиданія, имѣя намѣреніе самому пойти по служебнымъ стопамъ товарища? Но тогда какъ же можно было не вразумить друга, не напомнить ему объ уваженіи къ человѣческому достоинству, не удержать чрезмѣрной энергіи, пожирающей новобранца съ вредомъ для него и для окружающихъ? Какъ быть просто любознательнымъ наблюдателемъ всего, что творилъ Протопоповъ съ 8-го по 27-ое сентября? Отвѣтъ одинъ — этого ничего не творилось. Но рядъ свидѣтелей говоритъ, напротивъ, что творилось. Нуженъ выборъ. Палата, видѣвшая этихъ свидѣтелей во-очію, слышавшая ихъ показанія, данныя подъ присягою и подъ огнемъ перекрестнаго допроса,—вѣритъ имъ. Приходится и намъ имъ повѣрить.

За сходомъ въ Золочевѣ быстро слѣдуютъ остальныя происше-

ствія, принявшія, по отношенію къ подсудимому, уголовную окраску. 25-го сентября къ нему пришелъ крестьянинъ Забійворота съ жалобою на сына крестьянина Мирона Сѣраго, нанесшаго ему побои. Лежащія на земскомъ начальникѣ обязанности прямо указываютъ на образъ дѣйствій, обязательный въ этомъ случаѣ. Его повидимому, и захотѣлъ держаться Протопоповъ. Онъ послалъ Забійворота къ врачу для освидѣтельствованія слѣдовъ побоевъ. Оставалось затѣмъ передать дѣло въ волостной судъ и наблюсти за скорымъ и справедливымъ рѣшеніемъ. Но 26-го сентября, собравшись ѣхать въ этотъ день въ Мироновку, Протопоповъ приказалъ привести въ волостное правленіе сына Сѣраго, чтобы, какъ онъ объясняетъ, «поговорить съ нимъ относительно его вчерашняго поступка». Очевидно, что для этого разговора нужно было дознать, какой именно изъ сыновей Сѣраго виновенъ въ этомъ поступкѣ, такъ какъ Забійворота не могъ назвать его по имени. Сначала хотѣли привести Игната, но посланный за нимъ сторожъ Олейниковъ выяснилъ, что виновнымъ могъ быть не Игнатъ, а Михаилъ Сѣрый. Отъ вторичной посылки уже за Михаиломъ и оттого, что онъ долженъ былъ запереть содержимую имъ гостинницу—произошло неизбѣжное промедленіе. Подсудимый объясняетъ, что Сѣрый, будто бы, выразилъ нежеланіе «идти къ начальнику», но судебнымъ слѣдствіемъ это ничемъ не подтверждено, а удостовѣрено лишь то, что при самомъ входѣ Сѣраго въ волостное правленіе Протопоповъ спросилъ его: «слыхалъ ли ты о новомъ законѣ?» и началъ его бить кулаками по лицу, говоря: «я васъ выучу по своему, чтобы вы знали новые порядки». Обученіе продолжалось четверть часа и при томъ такъ усердно, что не только лицо Сѣраго было разбито въ кровь, которая перепачкала и его одежду, но Протопоповъ не пожалѣлъ и собственныхъ рукъ, разбивъ себѣ на нихъ пальцы. Затѣмъ, безъ всякаго протокола Сѣрый былъ посаженъ въ карцеръ. Побоевъ Сѣрому не отрицаетъ и самъ подсудимый, только въ нихъ и сознаваясь. Это сознаніе было для него, впрочемъ, неизбѣжно, ибо вслѣдъ затѣмъ онъ уѣхалъ на сходъ въ Мироновку, гдѣ, по показанію 8 свидѣтелей, произнесъ рѣчь о томъ, что отнынѣ у крестьянъ не должно быть ни кражъ, ни неуваженія къ родителямъ и старшимъ, а если это будетъ продолжаться, то виновныхъ онъ будетъ *до суда* жестоко бить и исколотитъ такъ, какъ *сейчасъ* поколотилъ одного богача въ Золочевѣ: «до сихъ поръ рука болитъ, перчатки снять невозможно!» Такимъ образомъ, опьяненіе ложнымъ взглядомъ на свою власть совершило свой кругъ. Начавшееся угрозами «побить морды» 9-го сентября—26-го сентября оно выражается уже въ похвальбѣ совершившимся въ этомъ смыслѣ фактомъ. Наконецъ, 27 числа подсудимый въ Должикѣ, на выборѣ волостныхъ судей. Когда предложеніе его идти въ церковь помолиться предъ выборами встрѣчаетъ заявленія, что собравшіеся были наканунѣ въ церкви, а крестьянинъ Старченко громко возражаетъ, что «нонче не праздникъ», то онъ, съ возгласомъ: «что, что?!» бросается на

него, въ толпу, съ поднятою палкою. Это приводитъ толпу въ волненіе, ему кричатъ — «за что сунулись драться! ничего не разъяснили, а стали биться», раздаются крики — «бьютъ насъ, бьютъ! бей его!» — и начинаются безпорядки, которые, быстро разростаясь, продолжаются до 5-го октября, требуя призыва военной силы и вызывая строгій судебный приговоръ.

Подсудимый оправдывается тѣмъ, что народъ былъ вообще возстановленъ противъ власти земскихъ начальниковъ, что ходили слухи о предстоящемъ, будто-бы, возстановленіи крѣпостного права, что Сѣрый пользовался прежде, по своему вліянію, явною безнаказанностью, которой надо было положить предѣлъ. Я готовъ согласиться, что все это именно было такъ, что быть можетъ нужно было установить въ нѣкоторыхъ изъ обществъ, подвѣдомыхъ Протопопову, большее благочиніе и согнуть выю какихъ нибудь міроѣдовъ подъ справедливое ярмо закона. Но этого слѣдовало достигнуть законными мѣрами и пріемами. Положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ 12 іюля 1889 г. даетъ для этого средства. Оно вводитъ земскаго начальника въ близкое соприкосновеніе со всѣми сторонами сельской жизни, вооружаетъ его судебною и административною властью, даетъ ему контроль надъ мѣстными крестьянскими учрежденіями. Онъ можетъ судить виновнаго, онъ можетъ лишать свободы не исполняющаго его законныя требованія, онъ можетъ «бить его рублемъ», т. е. штрафовать. И твердое, но справедливое проявленіе такой власти, спокойное, неотвратимое и неизбѣжное, въ связи съ доброжелательнымъ и вѣрнымъ объясненіемъ новаго закона крестьянамъ, безъ сомнѣнія, сразу разсѣяло бы всѣ народные толки о немъ и произвело доброе дѣйствіе, замѣнивъ тревожные слухи ободрительными фактами. Какъ же поступаетъ Протопоповъ? «Горячія» рѣчи о необходимости мира и согласія онъ сопровождаетъ бранью и побоями, постоянно приходитъ въ такое состояніе, когда, по его же собственнымъ словамъ, «разсудокъ уступаетъ мѣсто раздраженію», грозитъ и хвалится этими дѣйствіями предъ смущенною и безъ того толпою, запрещаетъ прибѣгать къ себѣ за защитою нарушенныхъ правъ, и вызываетъ, наконецъ, вѣрную оцѣнку своей системы въ упрекахъ этой толпы: «ничего не разъяснили, а начали биться». Вся извѣстная намъ по дѣлу дѣятельность его съ 8-го по 27-е сентября представляетъ нѣчто въ родѣ музыкальной фуги, въ которой звуки раздраженія и презрѣнія къ закону все расширяются и крѣпнутъ, постоянно повторяя одинъ и тотъ же начальный и основной мотивъ «побить морду». И этими-то средствами думалъ онъ внушить спокойствіе, уваженіе къ старшимъ и къ порядку, зная, что именно этихъ-то средствъ, о которыхъ ходили смутные и злые толки, и боялся тотъ народъ, съ которымъ ему нужно было стать въ близкія отношенія. Онъ думалъ внушить не опасеніе законной отвѣтственности, а просто житейскій страхъ. Но однимъ страхомъ, и только страхомъ, не поддерживается уваженіе и не создается спокойствіе. Имѣя воз-

можность разсѣять ложные слухи о «новомъ законѣ», Протопоповъ, безразсудно относясь къ своей задачѣ и грубо-самонадѣянно къ области своей дѣятельности, такъ «по своему училъ новымъ порядкамъ», что усиливалъ волненіе, и предшествуемый правдивыми, къ сожалѣнію, слухами о своихъ подвигахъ, далъ въ Должикѣ окончательный толчекъ возродившимся безпорядкамъ. Кстати, я долженъ припомнить, что, по словамъ подсудимаго, свидѣтелямъ его поведенія въ Должикѣ нельзя довѣрять, ибо они всѣ были привлеченными къ суду за участіе въ безпорядкахъ. Это неправда. Изъ 8 свидѣтелей, допрошенныхъ по этому поводу, лишь двое—Чайка и Крапка—были въ числѣ привлеченныхъ. Поэтому надлежитъ признать, что фактическая сторона обвиненія доказана и что съ этой точки зрѣнія приговоръ Палаты долженъ быть утвержденъ.

Перехожу къ *юридической* сторонѣ дѣла. Протопоповъ признаетъ неправильнымъ примѣненіе къ нему 1 части 348 ст. Улож., говорящей о взятіи кого либо подъ стражу, хотя и по законнымъ, достойнымъ уваженія причинамъ, но безъ соблюденія установленныхъ на то правилъ. Палата усмотрѣла несоблюденіе этихъ правилъ въ отсутствіи установленныхъ ст. 61 Полож. о земскихъ участковыхъ начальникахъ протоколовъ объ арестованіи Слѣпущенко и Сѣраго. Подсудимый находитъ, что протоколъ по 61 ст. не есть постановленіе, ограждающее личную свободу, ибо онъ долженъ быть составляемъ и при наложеніи штрафа, а лишь простое письменное изложеніе приказа начальника объ арестованіи, для составленія котораго нѣтъ ни формы, ни срока; протоколъ этотъ не относится къ заключенію подъ стражу, о которомъ говорится въ 348 ст. Улож. и въ 187 ст. Правилъ о производствѣ судебныхъ дѣлъ у земскихъ начальниковъ, а есть лишь результатъ наложенія дисциплинарнаго и притомъ дискреціоннаго взысканія, которое почитается, согласно 64 ст. Положенія, окончательнымъ и тотчасъ же приводится въ исполненіе. Но съ этими возраженіями никакъ нельзя согласиться. Въ ст. 61 совершенно точно сказано, что о каждомъ случаѣ ареста до трехъ дней или денежнаго взысканія до шести рублей долженъ быть составленъ особый протоколъ. Содержаніе подъ стражею по ст. 348 Улож. имѣетъ въ виду всякаго рода мѣста заключенія, не исключая и волостного правленія, какъ это разъяснено Правительствующимъ Сенатомъ еще въ 1871 и 1874 годахъ по дѣламъ Тарабанина и Казинцева, почему всякое арестованіе уполномоченнымъ лицомъ есть лишеніе свободы, соотвѣтствующее взятію подъ стражу. Несоставленіе протокола по 61 статьѣ прежде всего нарушаетъ права арестованнаго. Несомнѣнно, что онъ не можетъ жаловаться въ порядкѣ инстанцій на наложеніе взысканія по 61 ст., опровергая дѣйствительность оказаннаго имъ неисполненія законныхъ требованій земскаго начальника; но если это требованіе вовсе не было предъявлено или было въ явномъ противорѣчіи съ закономъ, не вытекало изъ правъ земскаго начальника и составляло превышеніе имъ власти, т. е. преступное со

стороны его дѣйствіе, то арестованный имѣетъ точно также несомнѣнное право, на точномъ основаніи 66, 121, 132, 135 и 136 ст. Полож. о зем. начальн. и ст. 1085 Уст. угол. суд., обратиться къ начальству земскаго начальника—губернатору или губернскому присутствію съ жалобою или съ просьбою о вознагражденіи за вредъ и убытки. Для выясненія правильности этихъ жалобъ, для провѣрки при ревизіяхъ законности дѣйствій земскихъ начальниковъ и должны быть составляемы протоколы по 61 ст. Особой формы ихъ и не нужно. Она ясно указана содержаніемъ ст. 61. Протоколъ, очевидно, долженъ содержать въ себѣ изложеніе причинъ заарестованія, указаніе на то, какое именно требованіе не исполнено и опредѣленіе срока ареста или размѣра денежнаго взысканія. Онъ долженъ быть составленъ немедленно по наложеніи взысканія, въ первую свободную для того минуту. Безъ такого протокола не останется никакого слѣда распоряженія, не будетъ на лицо основанія для права жалобы на превышеніе власти, права, которое возникаетъ тотчасъ по отбытіи наказанія,—не будетъ и матеріала для надзора начальства и для ревизіи по ст. 66, 101 и 102 Положенія, которая можетъ наступить ежечасно. Предоставить земскому начальнику составлять такой протоколъ когда ему вздумается, не указывая для этого срока,—значитъ подвергать должностное лицо соблазну составлять такіе протоколы лишь при наступленіи ревизіи, по памяти, которая нерѣдко измѣняетъ людямъ, имѣющимъ сложныя обязанности;—значитъ, съ другой стороны, подвергать считающаго себя обиженнымъ соблазну прибѣгать къ лживымъ увѣреніямъ, что онъ безконтрольно и безслѣдно былъ засаженъ на большій срокъ, или уплатилъ большую сумму взысканія, чѣмъ разрѣшаетъ законъ. Ссылка на 187 ст. Правилъ о производствѣ судебныхъ дѣлъ—не представляется убѣдительною для подтвержденія той мысли, что только постановленіе о протоколахъ по той статьѣ служитъ для огражденія нравъ арестуемаго. И эта 187 ст. и ст. 430 Уст. угол. суд. говорятъ объ арестованіи не наказаннаго, а лишь обвиняемаго. Если обвиняемому разрѣшается жаловаться на неосновательность его арестованія по ст. 422 Правилъ о производствѣ судебныхъ дѣлъ и ст. 491 Уст. угол. суд. и, конечно, на незаконность этого арестованія, то не можетъ же послѣднее право быть отнято у наказаннаго. На этой почвѣ могли бы, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, развиться злоупотребленія и со стороны тѣхъ, кто подвергаетъ аресту и со стороны тѣхъ, кто фактически осуществляетъ этотъ арестъ. А чтобы оставить это право жалобы—законъ требуетъ составленія протокола по 61 ст. Не убѣждаетъ меня и ссылка на то, что наказаніе по 61 ст. есть дисциплинарное взысканіе. Во-первыхъ, это взысканіе, только болѣе мягкое и не требующее формальнаго производства, за нарушенія вовсе не дисциплинарнаго характера, а въ сущности предусмотрѣнное 29 ст. Мирового Устава,—а во-вторыхъ, и дисциплинарное наказаніе налагается не безслѣдно. Если бы предсѣдатель суда арестовалъ кого

нибудь изъ публики на сутки, по ст. 155 Учр. суд. уст. или оберъ-прокуроръ подвергъ чиновника канцеляріи аресту на семь дней по 262 и 267 ст. того же Учрежденія такъ, просто, на словахъ, не отдавъ письменнаго приказа, съ указаніемъ причины и срока арестованія, онъ подлежалъ бы, по моему мнѣнію, уголовной отвѣтственности по I ч. 348 ст. Улож.

Поэтому Протопоповъ, не составившій послѣ схода въ Золочевѣ протоколовъ объ арестованіи Слѣпущенко и затѣмъ объ арестованіи Сѣраго — во всякомъ случаѣ нарушилъ 348 ст. Улож. и притомъ безъ всякаго къ тому повода. Я допускаю, что земскій начальникъ, присутствуя во время выборовъ на сходѣ и вынужденный арестовать нарушителя порядка, можетъ не имѣть времени писать протоколъ, подобно тому, какъ предсѣдатель, арестуя, во время судебнаго засѣданія такого нарушителя, не можетъ прерывать, для писанія постановленія, судебнаго слѣдствія или, въ особенности, преній, — но затѣмъ, освободясь отъ присутствованія, требующаго непрерывности, оба они *должны* оформить свое распоряженіе. И подсудимый поступилъ бы болѣе правильно и законно, если бы посвятилъ хоть частицу того времени, въ теченіе котораго онъ утруждалъ себя нанесеніемъ побоевъ Сѣрому и Слѣпущенко, на написаніе приказовъ объ ихъ арестованіи. Ему не слѣдовало бы жаловаться на эту часть приговора. Прокуратура и Палата отнеслись къ нему мягко и онъ подвергнутъ слабѣйшему изъ всѣхъ наказаній по 1 ч. 348 ст. — строгому замѣчанію, тогда какъ онъ могъ быть, по моему мнѣнію, обвиняемъ прокуратурою, отъ которой зависитъ, согласно 1096 ст. Уст. угол. суд. и рѣшенія Сената по дѣлу Алексѣева 1880 г. за № 36,—квалификація преступныхъ дѣяній должностныхъ лицъ, по 2 ч. 348 ст., подвергающей виновнаго въ арестованіи кого-либо, безъ всякихъ достойныхъ уваженія причинъ, наказанію какъ за противозаконное лишеніе свободы, — гораздо болѣе строгому, чѣмъ замѣчаніе. Онъ ничѣмъ не доказалъ, чтобы имъ было предъявлено Сѣрому законное требованіе, которое Сѣрымъ не было исполнено — и, слѣдовательно, не доказалъ, что имѣлъ достойныя уваженія причины для примѣненія къ нему 61 ст. Полож. о земск. начальн. Я не хочу сказать этимъ, что по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, къ подсудимому неправильно примѣнена первая часть ст. 348 Улож., — но думаю указать этимъ, какъ преувеличены жалобы Протопопова на чрезмѣрную суровость приговора.

Обращаюсь къ обвиненію въ *превышеніи власти*. Казалось бы, что о немъ не можетъ быть и спора. Что такое всѣ судимыя дѣянія Протопова, во всей своей совокупности, какъ не одно сплошное превышеніе имъ ввѣренной ему власти?! Законъ не можетъ предусмотрѣть заранѣе всѣхъ разнообразныхъ способовъ и случаевъ злоупотребленія чиновникомъ своими правами. Это злоупотребленіе обусловливается мѣстомъ и временемъ. По существу своему административная дѣятельность объемлетъ такія разнообразныя сто-

роны практической жизни, такъ живо и близко соприкасается со всѣми ея сторонами, что законодатель никогда не могъ бы выполнить удовлетворительно задачу, рѣшивъ заранѣе перечислить всевозможные случаи превышенія власти въ области административныхъ дѣйствій. Потребности и условія жизни быстро растутъ, видоизмѣняясь и развиваясь, а законъ вырабатывается съ осторожною оглядкою и вдумчивостью. Онъ лишенъ возможности заранѣе отмѣтить *все*, что можетъ сдѣлать органъ власти,—но онъ даетъ ему, въ рядѣ своихъ постановленій, общія руководящія начала и основныя правила дѣятельности, онъ вручаетъ ему своего рода компасъ, который всегда и при всѣхъ условіяхъ указываетъ *гдѣ сѣверъ* и какъ надо направлять свой путь. Поэтому и наше Улож. о наказ. въ общей главѣ о превышеніи власти и о противозаконномъ ея бездѣйствіи, перечисляя въ ст. 344—350 отдѣльные, точно обозначенные случаи превышенія власти, вовсе не упоминаетъ о таковыхъ же случаяхъ бездѣйствія, а въ ст. 338 по 343, опредѣливъ общія понятія и условія превышенія и бездѣйствія власти, назначаетъ за то и другое, смотря по обстоятельствамъ и послѣдствіямъ, различныя наказанія. Должностное лицо признается, говоритъ между прочимъ ст. 338 Улож., превысившимъ власть ему ввѣренную, когда, выступивъ изъ предѣловъ и круга дѣйствій, предписанныхъ ему по званію или должности, учинитъ что либо въ отмѣну или *вопреки* существующихъ узаконеній, или предпишетъ или приметъ мѣру, которую могъ бы установить лишь новый законъ и т. д. Дѣйствуй по закону, а не вопреки ему, говоритъ эта статья чиновнику, не присвоивай себѣ права, принадлежащаго лишь власти законодательной, но если ты находишь нужнымъ сдѣлать какое нибудь распоряженіе, на которое у тебя нѣтъ прямого уполномочія отъ твоего высшаго начальства, то испроси таковое, а не дѣйствуй съ самонадѣяннымъ самоволіемъ. Это требованіе съ достаточною полнотою указываетъ на образъ поведенія должностного лица, ставя основаніемъ ему законъ или основанное на законѣ же разрѣшеніе высшаго начальства. Съ достаточною полнотою—потому, что невѣдѣніемъ закона, на основаніи 62 ст. законовъ основныхъ и 99 ст. Улож. о наказ. никто отговариваться не можетъ, что чиновники приносятъ, на основ. 714 ст. Уст. о службѣ гражд., присягу «исправлять свою должность по существующимъ Уставамъ и Учрежденіямъ», и что наконецъ, по ст. 715 того же Устава, «всякій служащій долженъ поставить себѣ въ непремѣнную обязанность вѣдать законы и Уставы государственные», не простирая, какъ говорится въ ст. 717, «своей власти за предѣлы, предназначенные ей закономъ»,—который долженъ быть исполняемъ безъ «обманчиваго непостоянства самопроизвольныхъ толкованій». Вотъ почему совершенно справедливо составители нашего новаго Уложенія признаютъ, что превышеніе власти, предусмотрѣнное 338 и 341 ст. настоящаго Уложенія, соотвѣтствуетъ превышенію полномочій, присвоеніемъ себѣ власти законодателя,—

вотъ почему Уголовный Кассаціонный Департаментъ еще въ 1870 г., въ рѣшеніи по дѣлу Егорова, № 377, высказалъ, что нарушеніе основныхъ формъ и обрядовъ, установленныхъ для дѣятельности должностного лица, есть превышеніе власти, предусмотрѣнное 338 ст. Улож. А что, какъ не рядъ дѣйствій, вопреки закону и съ нарушеніемъ всякихъ допустимыхъ закономъ пріемовъ и формъ, представляютъ всѣ мѣры, которыми знакомилъ съ «новыми порядками» крестьянъ Протопоповъ? Эти мѣры выросли какъ сильные и быстрые побѣги изъ бывшей ихъ зерномъ мысли, что для водворенія того, что подсудимый называлъ *порядкомъ*, никакой законъ не писанъ, никакая власть не имѣетъ предѣловъ въ своемъ усмотрѣніи. Но мысль эта ложная и опровергается цѣлью изданія Положенія объ участковыхъ земскихъ начальникахъ. Этотъ законъ вызванъ, какъ то выражено въ именномъ Высочайшемъ указѣ Сенату, одною изъ главныхъ причинъ, затрудняющихъ правильное развитіе благосостоянія въ сельскомъ населеніи Россіи, состоящею въ отсутствіи близкой къ народу твердой правительственной власти, соединяющей попечительство надъ сельскими обывателями съ обязанностями по охраненію благочинія, общественнаго порядка, безопасности и правъ частныхъ лицъ въ сельскихъ мѣстностяхъ. Положеніе о земскихъ начальникахъ должно, по мысли закона, «устранить этотъ недостатокъ и поставить мѣстную власть въ подобающее ей и согласное съ пользою государства положеніе». Поэтому, самъ нарушая благочиніе, которое онъ былъ призванъ охранять, вызывая въ имѣющихъ съ собою дѣло людяхъ опасеніе за свою безопасность,—нарушая ихъ права побоями, бранью и угрозами,—подсудимый кореннымъ образомъ искажалъ идею и задачу *учрежденія,* которому онъ служилъ и превышалъ, дѣйствуя *вопреки* существующимъ *узаконеніямъ* и *уставамъ,* свою власть, создавая себѣ не подобающее и не согласное съ пользою государства положеніе.

Однимъ изъ выдающихся проявленій наличности превышенія власти въ дѣйствіяхъ подсудимаго является приказаніе его не смѣть подавать ему прошеній и жалобъ, сопровождаемое угрозою принимать ихъ «на мордѣ» и на «на задней части тѣла». Оно сдѣлано на сходѣ, при разъясненіи собравшимся крестьянамъ новаго закона, сдѣлано лицомъ, прибывшимъ какъ представитель ново-установленной власти, права и обязанности котораго темному люду не могутъ быть въ точности извѣстны. Поэтому это не пустая и не простая угроза. Это есть предвареніе, подъ угрозою беззаконной расправы, о томъ, что пользованіе правомъ жаловаться, искать защиты у власти—отнынѣ въ участкѣ подсудимаго осуществленію не подлежитъ. Внушеніе сдѣлано властью опредѣленно и вразумительно—и притомъ человѣкомъ, который доказалъ уже и которому предстояло тотчасъ же опять доказать, что онъ шутить не любитъ и часто выраженіе о мордѣ не одна лишь метафора,—человѣкомъ, который и въ апелляціи своей говоритъ о произнесеніи «довольно рѣзкихъ» рѣчей съ цѣлью показать, что онъ не изъ тѣхъ начальниковъ, распоряженія

которыхъ могутъ быть не исполняемы и который упрекаетъ Сѣраго въ томъ, что тотъ сразу подаетъ жалобы губернатору, прокурору и въ Уѣздный Съѣздъ на побои, имѣетъ намѣреніе жаловаться министру и лишь сознавъ, что въ земскомъ начальникѣ можно нажить «опаснаго врага», начинаетъ дѣйствовать другимъ путемъ. Поэтому Судебная Палата совершенно правильно признала это внушеніе приказаніемъ, составляющимъ преступленіе, предусмотрѣнное 1 ч. 341 ст. Улож. Такое приказаніе было распоряженіемъ, идущимъ въ разрѣзъ съ прямыми обязанностями земскаго начальника.

По ст. 54 Полож. онъ обязанъ принимать словесныя и письменныя просьбы всегда и вездѣ. Не говоря уже о прошеніяхъ и жалобахъ, которыя подаются ему какъ судьѣ, и случаи подачи которыхъ, такъ сказать, разсыпаны по всѣмъ «правиламъ о производствѣ судебныхъ дѣлъ у земскихъ начальниковъ», онъ долженъ, какъ попечитель о нуждахъ сельскихъ обывателей, принимать жалобы—по 26 ст. Полож., неправильно избранныхъ на должности крестьянъ, по 28 статьѣ—на должностныхъ лицъ волостного и сельскаго управленій, по 33 ст.—на отказы въ надѣлахъ малолѣтнимъ и продажу ихъ имущества, по 34 ст.—на приговоры сельскихъ обществъ объ удаленіи порочныхъ членовъ и непринятіи опороченныхъ судомъ въ свою среду и по 38 ст.—на дѣйствія опекуновъ малолѣтнихъ крестьянъ. Нужно ли говорить о значеніи, которое могутъ имѣть эти жалобы и для жалобщика, и для надзирающей инстанціи, въ лицѣ Уѣзднаго Съѣзда, и для общественнаго порядка? Достаточно вспомнить, что постановленія, о которыхъ говорится въ 34 ст. — суть прямыя послѣдствія 48 и 49 ст. Улож. о наказ., и что ими опредѣляется, въ значительной мѣрѣ, дальнѣйшая судьба жалобщика, а обязанность прислушиваться къ жалобамъ на обиду малолѣтнихъ касается одного изъ очень больныхъ мѣстъ нашего сельскаго быта. Наконецъ по праву надзора за дѣятельностью волостного суда, земскій начальникъ обязанъ принимать, по ст. 30, жалобы на рѣшенія этого суда и по 31—представлять Уѣздному Съѣзду жалобы на приговоры о тѣлесномъ наказаніи. Послѣднія жалобы при обсужденіи закона о земскихъ начальникахъ были предметомъ особаго разсужденія и предположеніе предоставить право принесенія ихъ лишь совершеннолѣтнимъ было отвергнуто Государственнымъ Совѣтомъ въ виду исключительнаго характера этого наказанія, требующаго возможной осмотрительности и того, что, благодаря вліянію школы, уровень умственнаго развитія крестьянской молодежи значительно повысился, а съ тѣмъ вмѣстѣ развилось въ ней и чувство собственнаго достоинства. Приказаніе не подавать всѣхъ этихъ жалобъ, ставя преграду между Уѣзднымъ Съѣздомъ и населеніемъ, освобождая подсудимаго отъ значительной части обязательнаго труда, придавая законному праву жаловаться характеръ личнаго противодѣйствія желанію земскаго начальника, было, въ сущности, отказомъ въ правосудіи, а отказъ этотъ, по смыслу 13 ст. Уст. угол. суд., карается по 341—343 ст. Улож. о наказ. Поэтому присужденіе Про-

топопова къ законной отвѣтственности за превышеніе власти является, по моему мнѣнію, справедливымъ.

Остается сказать объ указаніяхъ на суровость приговора, выразившуюся въ исключеніи подсудимаго изъ службы. Палата не приняла во вниманіе объясненій Протопопова о своей *молодости*... И правильно сдѣлала! По закону земскимъ начальникомъ можно быть съ 25 лѣтъ, какъ и мировымъ судьею, судебнымъ слѣдователемъ и присяжнымъ засѣдателемъ. Этотъ возрастъ обезпечиваетъ извѣстный житейскій опытъ, вдумчивость и выдержку, необходимые для того, чтобы пользоваться властью, проявленіе которой отражается на судьбѣ другихъ людей. Протопоповъ на пять лѣтъ—ему было въ 1890 году 30 лѣтъ—ушелъ впередъ отъ этого срока. Когда же признаетъ онъ себя зрѣлымъ человѣкомъ, считая тридцатилѣтній возрастъ еще такимъ, къ которому примѣнимо мѣрило, созданное жизнію для молодости, смотрящей на все неопытными, отуманенными легкомысленною радостью существованія, глазами? Не менѣе неосновательна и ссылка его на новизну дѣла и незнаніе, чѣмъ руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ. Приступая къ новому дѣлу по собственному желанію, онъ долженъ былъ изучить законъ, который считалъ себя призваннымъ исполнять. Законъ этотъ очень не великъ. На подробнѣйшее изученіе по нему своихъ правъ и обязанностей достаточно одной недѣли. Да и содержаніе его въ большей части ничего новаго не представляетъ для того, кто выдержалъ экзаменъ изъ Уголовнаго и Гражданскаго Судопроизводства и долженъ былъ знать, что такое Мировой Уставъ и Уложеніе о наказаніяхъ. Характерныя стороны народнаго быта тоже должны быть извѣстны подсудимому. Онъ мѣстный помѣщикъ,—а, слѣдовательно, знакомъ съ народомъ не изъ книжекъ. Не помѣшала же новизна дѣла мировымъ посредникамъ перваго призыва съ честью и безупречно исполнить свои обязанности.

Протопоповъ ссылается на то, что приговоръ Палаты уничтожаетъ его права на дальнѣйшую службу. Такимъ образомъ пропали годы его университетскаго ученія и преимущества, даваемыя степенью кандидата правъ! Да,—пропали! Это грустно, но заслужено. Напрасно ищетъ онъ въ ссылкѣ на свои университетскіе годы основаніе для особаго снисхожденія. Своею дѣятельностью онъ доказалъ, что они прошли для него безслѣдно. Студентъ обязанъ выносить изъ университета не одинъ багажъ систематизированныхъ свѣдѣній, но и нравственные завѣты, которые почерпаются въ источникѣ добра, правды и серьезнаго знанія, называемомъ наукою; эти завѣты и въ концѣ жизни свѣтятъ студенту и умиляютъ его при мысли объ университетѣ. Наука о правѣ въ своихъ обширныхъ развѣтвленіяхъ вездѣ говоритъ о началахъ справедливости и уваженія къ достоинству человѣка. Поэтому тотъ, кто черезъ годъ съ небольшимъ по окончаніи курса бросилъ эти завѣты и начала, какъ излишнее и непрактичное бремя,—кто, вмѣсто благодарной радости о возможности послужить на добро и нравственное просвѣщеніе народа, со

смиреннымъ сознаніемъ своей отвѣтственности предъ закономъ,—вмѣнилъ спасительныя указанія этого закона въ ничто, напрасно ссылается на свой дипломъ. Званіе кандидата правъ обращается въ пустой звукъ по отношенію къ человѣку, дѣйствія котораго обличаютъ въ немъ *кандидата безправія*. Лишены значенія и указанія апелляціи на третировку имени подсудимаго неразборчивымъ общественнымъ мнѣніемъ, и совѣты суду, не прислушиваться къ этому мнѣнію, а просвѣщать его. Общественное мнѣніе дѣйствительно было бы очень не разборчиво, если бы его не смущалъ образъ дѣйствій Протопопова и если бы оно находило его заурядным и не стоющимъ вниманія явленіемъ. Суду не слѣдуетъ служить органомъ общественнаго мнѣнія, которое бываетъ измѣнчиво и слагается иногда случайно, подъ слишкомъ разнородными и неуловимыми вліяніями. Но судъ, оставаясь живымъ организмомъ, а не мертвымъ механизмомъ, не можетъ не отражать въ своемъ приговорѣ голоса общественной совѣсти, которая выражается и въ твердомъ словѣ закона, и въ проникающемъ этотъ законъ духѣ. И если предъ судомъ есть доказанное обстоятельство, оскорбляющее *такую* совѣсть, — судъ исполняетъ свою обязанность, произнося слово осужденія безъ той ложной чувствительности, за которою столь часто скрывается черствое равнодушіе къ положенію потерпѣвшихъ.

Подсудимый настаиваетъ предъ Правительствующимъ Сенатомъ объ отмѣнѣ приговора Палаты во всѣхъ частяхъ, кромѣ одной, и объ открытіи ему вновь дверей государственной службы. Будучи въ настоящемъ дѣлѣ прокуроромъ апелляціоннаго суда,—т. е. представителемъ обвинительной власти,—я выражаю надежду, что Правительствующій Сенатъ оставитъ приговоръ Палаты въ силѣ, а ходатайство подсудимаго безъ послѣдствій. Уставъ о службѣ гражданской т. III св. зак. опредѣляетъ въ ст. 712 «общія качества должностного лица и общія обязанности, которыя должны быть всегда зерцаломъ всѣхъ его поступковъ». Къ нимъ принадлежатъ: здравый разсудокъ, человѣколюбіе, радѣніе о должности, правый и равный судъ всякому состоянію и т. д. Мы видѣли, какъ часто гнѣвъ потемнялъ здравый разсудокъ подсудимаго,—мы знакомы съ характерными способами выраженія имъ своего *человѣколюбія*,—мы знаемъ, какъ радѣніе о должности обращалось у него въ радѣніе о своей власти,—намъ извѣстно, *какъ* облегчалъ онъ обращеніе къ своему правому и равному суду... Онъ не можетъ, безъ опасенія причиненія дальнѣйшаго вреда поручаемому ему дѣлу, оставаться матросомъ на кораблѣ государственной службы. Его слѣдуетъ высадить за бортъ—и когда онъ, предавшись частной жизни, сольется съ массою людей, не имѣющихъ никакой власти—онъ взглянетъ на послѣднюю снизу вверхъ и, вѣроятно, пойметъ, какъ дурно для другихъ и опасно для себя распоряжался онъ тою властью, которая была ему, съ довѣріемъ, дана...

Правительствующій Сенатъ утвердилъ обвинительный приговоръ Судебной Палаты.

РУКОВОДЯЩІЯ НАПУТСТВІЯ

ПРИСЯЖНЫМЪ.

I.

По дѣлу Коллежскаго Совѣтника Константина Юханцева, обвиняемаго въ растратѣ суммъ Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита.

27-го марта 1878 года прокуроръ С.-Петербургской Судебной Палаты получилъ жалобу отъ членовъ правленія Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита, въ которой они заявляли, что, при пріемѣ кассы Общества отъ кассира Юханцева и одновременной ревизіи оной членами правленія, для передачи новому кассиру Мерцу, оказался недостатокъ въ 203,000 фунт. стерлинговъ консолидированныхъ облигацій 2-го выпуска. На сдѣланный Юханцеву вопросъ, куда онѣ дѣвались, онъ объяснилъ, что означенныя облигаціи имъ разновременно растрачены. Того же 27-го марта судебный слѣдователь и прокуроръ прибыли въ квартиру, занимаемую Юханцевымъ, при чемъ оказалось, что она состоитъ изъ шести комнатъ, въ одной изъ которыхъ проживаетъ коломенская мѣщанка Ольга Шишкина; квартира роскошно меблирована, въ ней множество цѣнныхъ вещей, бронзы и ковровъ, два музыкальныхъ инструмента и большое количество серебряныхъ вещей. Въ туалетѣ Шишкиной найдено большое количество весьма цѣнныхъ бриліантовыхъ и золотыхъ вещей. При обыскѣ было найдено въ письменномъ столѣ Юханцева кредитными билетами 16,000 руб., одинъ билетъ Государственной комиссіи погашенія долговъ 5% займа въ 100 фунт. стерлинговъ и 70 консолидированныхъ 5% облигацій россійскихъ желѣзныхъ дорогъ 2-го выпуска, въ 100 фунт. стерлинговъ каждая. Тамъ же былъ найденъ запечатанный гербовою печатью Юханцева конвертъ съ надписью: «принадлежитъ Ольгѣ Андреевнѣ Шишкиной». По вскрытіи конверта, въ немъ оказалось письмо Юханцева и квитанція банкирской конторы Зингера, въ полученіи отъ Юханцева для продажи на 6,000 фунт. стерлинговъ консолидированныхъ 5% облигацій 2-го выпуска. Конвертъ, письмо, квитанція и гербовая печать, а равно и всѣ вышеупомянутые билеты, облигаціи и кредитные билеты были отобраны. Въ уборной комнатѣ, въ ящикѣ туалетнаго стола, найдено кредитными билетами и разными акціями около 3 тыс. руб. При квартирѣ оказалась конюшня на 5 лошадей и 5 экипажей. Между тѣмъ, продолжая начатую ревизію въ Обществѣ Взаимнаго Поземельнаго Кредита, члены правленія на другой день обнаружили, что кромѣ 203,500 фунт. стерлинговъ консолидированныхъ облигацій 2-го выпуска, Юханцевъ похитилъ еще 75,350 фунт. стерлинговъ 7-го пра-

вительственнаго голландскаго займа 1862 года, такъ что сумма, расхищенная Юханцевымъ, составляетъ 278,890 фунт. стерл., т. е. ***болѣе двухъ милліоновъ рублей.*** Привлеченный въ качествѣ обвиняемаго, Юханцевъ объяснилъ, что состоитъ на службѣ въ Министерствѣ Финансовъ по особымъ порученіямъ, былъ юнкеромъ въ Преображенскомъ полку и, по выдержаніи экзамена, произведенъ въ прапорщики, былъ женатъ первымъ бракомъ и разведенъ съ женою въ 1876 году. Недвижимаго имущества онъ не имѣетъ, движимое же имущество находится въ квартирѣ его. На должности кассира Общества Взаимнаго Кредита состоялъ онъ съ ноября мѣсяца 1866 г., со дня учрежденія правленія, гдѣ получалъ въ послѣднее время содержанія съ наградными до восьми тысячъ рублей въ годъ. Во время вступленія въ бракъ находился въ должности старшаго надзирателя акцизныхъ сборовъ въ Кіевѣ, при чемъ, по его словамъ, имѣлъ мало средствъ и получалъ около 5,000 руб. въ годъ. Вскорѣ потомъ онъ перешелъ изъ Кіева въ Петербургъ, гдѣ жилъ въ домѣ своего тестя, имѣя даровую квартиру; жена его получала отъ своего отца по 200 руб. въ мѣсяцъ. По увѣренію Юханцева, жена его вовлекла въ расходы, вслѣдствіе чего у него начались долги по разнымъ магазинамъ. Согласно ея желанію, онъ купилъ дачу въ Петергофѣ, на которую потратилъ съ отдѣлкою отъ 60 до 70 тысячъ руб. Въ то время, по увѣренію Юханцева, онъ имѣлъ 15,000 руб. сер. собственныхъ денегъ, полученныхъ имъ отъ банкира Блейхредера за комиссію, при подпискѣ на листы Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита. По предмету обвиненія Юханцевъ заявилъ, что желаетъ показать всю правду и ничего не скроетъ, и затѣмъ объяснилъ, что, не имѣя денегъ на уплату долговъ, онъ въ 1872 и 1873 гг. рѣшился взять ввѣренныя ему бумаги. Всѣ цѣнныя бумаги хранились въ Обществѣ въ подвалѣ, въ запечатанныхъ пакетахъ и картонкахъ; каждое первое число производилась ревизія, которая ограничивалась счетомъ кассы, счетомъ бумагъ—въ открытыхъ пакетахъ и провѣркою запечатанныхъ пакетовъ по сдѣланнымъ на нихъ надписямъ. Въ подвалѣ хранились, между прочимъ, въ запечатанномъ пакетѣ билеты 7-го 5% займа, купоны отъ которыхъ лежали въ особомъ шкафу, что не было извѣстно правленію: этотъ конвертъ не распечатывался и не разсматривался уже нѣсколько лѣтъ (купонные листы этихъ билетовъ лежали особо, вслѣдствіе того, что были получены изъ-за границы взамѣнъ талоновъ, срокъ которыхъ истекъ). Находясь въ весьма затруднительномъ матеріальномъ положеніи и разсчитывая на то, что растрата этихъ бумагъ не раскроется, онъ взялъ изъ пакета нѣсколько билетовъ 7-го 5% займа. Пакетъ, въ которомъ находились билеты 7-го займа, былъ завязанъ веревкою, припечатанною печатью, кажется, членовъ правленія; онъ разрѣзалъ веревку, вынулъ бумаги, а затѣмъ запечаталъ пакетъ печатью Общества съ надписью «для пакетовъ» и своею гербовою печатью. Взятые билеты онъ продалъ, а деньги израсходовалъ на дачу; впослѣдствіи онъ взялъ для той же цѣли еще нѣсколько такихъ же билетовъ изъ того же пакета. Первые билеты пошли на дачу, затѣмъ слѣдующіе на уплату по купонамъ первыхъ. Послѣ смерти своего тестя, Юханцевъ, по желанію своей жены, развелся съ нею, при чемъ бракоразводное дѣло стоило ему до 10,000 руб. Послѣ развода, по его словамъ, онъ сдѣлался какъ бы сумасшедшимъ, кутилъ съ кокотками, жилъ распущенно, завелъ себѣ новую обстановку. Чтобы платить по купонамъ взятыхъ имъ изъ кассы бумагъ, онъ былъ принужденъ взять другія. Послѣднія онъ то закладывалъ, то продавалъ, и чтобы не навлекать на себя подозрѣнія, продавалъ взятыя имъ бумаги постоянно въ мелкихъ партіяхъ у Лури, Зингера и по мѣняльнымъ лавочкамъ. Наконецъ, вслѣдствіе значительнаго повышенія цѣны золота, потребовались для уплаты купоновъ болѣе значительныя суммы, и сумма растраченныхъ имъ бумагъ продолжала быстрѣе и быстрѣе увеличиваться. Большая часть взятыхъ имъ билетовъ пошла на уплату % и на выкупъ заложенныхъ бумагъ; въ послѣднее время онъ

доплачивалъ за купоны болѣе 100,000 руб. въ продолженіе полугода. Далѣе Юханцевъ показалъ, что ревизія кассы первые годы производилась каждое первое число; съ 1876 года были отмѣнены ревизіи каждаго перваго числа и производились только внезапныя ревизіи, при чемъ не пересматривали тѣхъ пакетовъ, которые были запечатаны, а просматривали лишь только тѣ бумаги, которыя находились въ незапечатанныхъ конвертахъ. Въ 1877 году управляющій дѣлами Общества Герстфельдъ обратился къ нему, Юханцеву, и сказалъ, что ходятъ слухи, будто онъ очень бойко и шибко живетъ, и просилъ его жить потише. Юханцевъ тогда хотѣлъ ему сознаться во всемъ, но изъ малодушія не рѣшился. Въ 1878 году, передъ общимъ собраніемъ, Герстфельдъ снова обратился къ нему и сказалъ, что въ правленіи говорятъ, что онъ живетъ слишкомъ роскошно. Онъ отвѣтилъ Герстфельду, что въ настоящее время его винить въ этомъ нѣтъ основанія, такъ какъ послѣ послѣдняго разговора съ нимъ, онъ, Юханцевъ, ведетъ самую скромную жизнь и почти никуда не показывается. Въ январѣ была произведена ревизіонною комиссіею самая подробная ревизія. По выведенной изъ баланса вѣдомости бумагамъ, которыя должны были находиться въ кассѣ, были истребованы изъ подвала поочередно всѣ пакеты; ревизія пересматривала всѣ бумаги въ пакетахъ, для чего ихъ распечатывали, а затѣмъ, по пересмотрѣ, пакеты вновь запечатывались. Ревизія продолжалась съ 7 час. вечера до 2 часовъ ночи, наконецъ, ревизующіе устали; въ подвалѣ оставались не просмотрѣнными только пакеты съ консолидированными билетами 7-го займа и съ какими-то акціями. Вслѣдствіе этого ревизующіе рѣшились сойти въ подвалъ, взяли два или три пакета на выдержку, пересмотрѣли бумаги и нашли ихъ въ наличности, судьба какъ будто бы не хотѣла, чтобы произведенная имъ растрата открылась, и какъ будто бы толкала его продолжать растрату. Послѣ общаго собранія, Герстфельдъ снова обратился къ нему и сказалъ, что правленіе желало бы, чтобы онъ, Юханцевъ, взялъ отпускъ на два мѣсяца и тѣмъ прекратилъ бы всѣ слухи относительно роскошной жизни. Онъ отвѣтилъ, что согласенъ, и прибавилъ, что лучше бы ему совсѣмъ уйти, но Герстфельдъ отвѣтилъ, что правленіе не желаетъ, чтобы онъ вышелъ въ отставку; черезъ нѣкоторое время онъ, Юханцевъ, все-таки подалъ прошеніе объ отставкѣ, но правленіе просило его взять это прошеніе назадъ, и онъ согласился на отпускъ. Послѣ того какъ отпускъ былъ разрѣшенъ, ему поручили передать кассу Мерцу. Вслѣдствіе этого онъ началъ сдавать кассу и передалъ Мерцу сначала вклады разныхъ лицъ, но въ среду, 22-го марта, заболѣлъ и сдача кассы была пріостановлена. Тогда же онъ рѣшилъ, что бумаги, находящіяся у Зингера, должны достаться Шишкиной. Въ заключеніе Юханцевъ добавилъ, что противъ заявленной суммы растраты онъ ничего возражать не можетъ. Относительно вопроса о расходахъ жены Юханцева и пріобрѣтеніи имъ дачи, спрошенъ былъ, по указанію обвиняемаго, биржевой нотаріусъ Гольмъ, который, однако, эту ссылку не подтвердилъ, объяснивъ, что онъ не думаетъ, чтобы жена Юханцева была расточительною. Спрошенный по тому же обстоятельству баронъ Фелейзенъ показалъ, что супруга Юханцева любила хорошій туалетъ, но чтобы она была расточительна, ему неизвѣстно. Биржевой маклеръ Фелейзенъ показалъ, что Юханцевъ, до декабря 1875 года, жилъ въ домѣ своего тестя на всемъ готовомъ. Жена его была почти постоянно больна разстройствомъ нервовъ, а потому не могла тратить много на свой туалетъ, при заказѣ котораго помогала ей мать. Отношенія супруговъ разстроились въ 1872 или въ 1873 г., послѣ того какъ женѣ Юханцева сдѣлалось извѣстно, что мужъ ея вступилъ въ связь съ другою женщиною, на которую, по слухамъ, Юханцевъ истратилъ большія деньги; что же касается петергофской дачи, то свидѣтель указалъ, что большая часть мебели была подарена Юханцеву тещею, и что свидѣтель, вмѣстѣ со своимъ отцомъ, отговаривали Юханцева отъ покупки дачи, Юханцевъ же находилъ эту покупку выгод-

ною, говоря, что онъ заложитъ дачу, перестроитъ ее, и что дача обойдется дешевле арендной платы. Жившая въ квартирѣ Юханцева цыганка Ольга Шишкина показала, что познакомилась съ нимъ 1-го февраля 1876 г. и, подтверждая объясненія самого Юханцева, добавила, что въ азартныя игры онъ не игралъ и большихъ подарковъ ей не дѣлалъ. По обозрѣніи находящихся при дѣлѣ счетовъ, для опредѣленія суммы ежегодныхъ расходовъ Юханцева, былъ избранъ 1877 годъ, при чемъ оказалось: на столъ издержано 7,200 руб., на предметы роскоши 16,000 руб., на квартиру, жалованье прислугѣ, лошадей и прочее въ общемъ 7,000, итого около 30,000 руб. Спрошенный въ качествѣ свидѣтеля членъ правленія Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита, сенаторъ, генералъ-лейтенантъ графъ Крейцъ показалъ, что состоитъ членомъ правленія съ 1866 года и что въ 1876 году доходили до правленія слухи о Юханцевѣ; говорили, что онъ живетъ свыше своихъ средствъ и правленіе вслѣдствіе этого поручило управляющему Герстфельду переговорить съ Юханцевымъ, который объяснилъ, что, получая хорошее содержаніе въ Обществѣ, онъ имѣетъ капиталъ около 20,000 руб. и не живетъ роскошно; тѣмъ не менѣе, по объясненію свидѣтеля, для предупрежденія растраты суммъ Общества, правленіе старалось устроить болѣе тщательный, подробный контроль, вслѣдствіе чего введены были внезапныя ревизіи, при производствѣ которыхъ считались наличныя деньги, провѣрялись чековыя книжки, расходы, производимые по ордерамъ и документамъ; что же касается до цѣнныхъ бумагъ, то онѣ, по объясненію графа Крейца, хранились въ конвертахъ, запечатанныхъ печатью одного изъ членовъ правленія. При ревизіи пересчитывались бумаги только тѣхъ пакетовъ, которые оказывались распечатанными, вслѣдствіе отрѣзыванія купоновъ или другихъ причинъ. Содержаніе же запечатанныхъ пакетовъ провѣрялось только по надписямъ, сдѣланнымъ на означенныхъ пакетахъ: послѣдняя ревизія была около 27-го февраля 1878 года и никакихъ безпорядковъ не обнаружила. Вслѣдствіе упорно державшихся слуховъ о роскошной жизни Юханцева рѣшено было его уволить и 16-го марта началась сдача кассы Мерцу, а 23-го марта Юханцевъ по болѣзни просилъ отложить сдачу кассы до 27-го, но въ этотъ день не явился, и тогда была обнаружена недостача 203,000 фунтовъ стерл. Членъ правленія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Познанскій, подтверждая показанія графа Крейца, объяснилъ, что болѣе строгія ревизіи успокоили правленіе и укрѣпили то нравственное убѣжденіе, которое каждый изъ членовъ правленія имѣлъ въ безусловной благонадежности казначея. То же подтвердили члены правленія: сенаторъ Сальковъ и коллежскій ассесоръ Миллеръ. Управляющій Обществомъ Взаимнаго Поземельнаго Кредита Герстфельдъ объяснилъ, что Юханцевъ долженъ былъ проживать, при роскошной обстановкѣ, до 25,000 руб., вслѣдствіе чего правленіемъ, въ виду предупрежденія растраты, приняты были, по выраженію свидѣтеля, «все возможныя мѣры» къ обстановкѣ всѣхъ операцій по приходу и расходу такими формами, при наличности которыхъ утайка какого либо поступленія или увеличеніе какого либо расхода были бы совершенно невозможны; свидѣтель лично при ревизіи не присутствовалъ, но знаетъ, что при производствѣ самой подробной ревизіи все оказывалось исправнымъ. Между прочимъ, свидѣтель имѣлъ разговоръ съ Юханцевымъ о роскошной жизни послѣдняго, при чемъ нашелъ представленныя ему Юханцевымъ объясненія весьма правдоподобными; сомнѣнія въ честности Юханцева онъ не имѣлъ, но, возобновившіеся слухи побудили правленіе замѣнить Юханцева другимъ лицомъ, вслѣдствіе чего Юханцевъ, обидѣвшись, подалъ въ отставку, но, послѣ долгихъ просьбъ свидѣтеля и членовъ правленія, согласился остаться въ Обществѣ на другой должности. Свидѣтель удостовѣрилъ, что въ концѣ 1876 года или въ началѣ 1877 года маклеръ Эстеррейхъ, по порученію управляющаго Учетно-ссуднаго банка, сообщилъ ему, свидѣтелю, что какая-то незначительная банкирская фирма продаетъ въ большомъ количествѣ консолиди-

рованныя облигаціи; что его, Эстеррейха, удивляетъ, откуда онѣ взялись, и что поэтому онъ совѣтуетъ посмотрѣть, вѣрно ли въ кассѣ Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита состояніе консолидированныхъ облигацій. Свидѣтель Герстфельдъ сообщилъ объ этомъ членамъ правленія, которые отвѣтили, что такой продажи не можетъ быть, такъ какъ они сами провѣряли къ 1-му числу эти облигаціи и все оказалось вѣрнымъ, но все-таки слѣдуетъ провѣрить, и поручили Эстеррейху узнать—какого выпуска облигаціи продаются. Эстеррейхъ сказалъ, что 1-го выпуска, а такъ какъ облигаціи Общества были 2, 3 и 4-го, то на это сообщеніе болѣе не было обращено никакого вниманія. По обнаруженіи недостачи 203,000 фунт. стерл., свидѣтель прежде всего обратился къ провѣркѣ послѣдней уплаты по купонамъ отъ облигацій, при чемъ оказалось что 2-го марта 1878 года поступили по онымъ 86,000 руб., т. е. та самая сумма, которая по курсу того дня причиталась, и таковая сумма была занесена въ книжку текущаго счета Общества. Это обстоятельство успокоило свидѣтеля, такъ какъ онъ полагалъ, что недостающія бумаги находятся гдѣ нибудь въ кладовой; однако, на вопросы, предложенные свидѣтелемъ Юханцеву, послѣдній отвѣчалъ, что недостающія бумаги имъ взяты и проданы, что это началъ онъ дѣлать со времени развода съ женою и даже ранѣе, и что при ревизіи члены правленія не замѣтили недостачи потому, что не вскрывали запечатанныхъ пакетовъ и не замѣчали, что печати на тѣхъ пакетахъ были имъ, Юханцевымъ, взломаны. Въ разъясненіе вопроса о печати, которою былъ запечатанъ пакетъ, содержавшій въ себѣ похищенныя Юханцевымъ бумаги, свидѣтель Герстфельдъ показалъ, что въ началѣ марта 1878 года онъ замѣтилъ исчезновеніе изъ своего ящика печати Общества, которая въ то время понадобилась; въ послѣдній же разъ эта печать употреблялась 1-го ноября 1877 года, а затѣмъ онъ объяснить не можетъ, въ какое время она пропала; печать эта всегда хранилась подъ его ключомъ въ комнатѣ правленія. Изъ приложеннаго къ дѣлу счета видно, что съ октября 1876 г. Юханцевъ черезъ контору Зингера, по операціи выкупа и продажи заложенныхъ въ Государственномъ банкѣ бумагъ, получилъ всего 1.582,403 руб. 21 коп. Изъ доклада правленія Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита чрезвычайному собранію 9-го мая 1878 г. видно, что недостатокъ похищенныхъ Юханцевымъ бумагъ простирается на номинальную сумму въ рубляхъ, какъ числились эти бумаги въ правительственномъ вспомогательномъ капиталѣ, 1.784,320 руб., а по биржевой стоимости похищенныя Юханцевымъ бумаги исчислены правленіемъ въ 2.123,295 руб. Противъ означенныхъ данныхъ Юханцевымъ никакихъ возраженій не представлено, относительно же полученія имъ наличными деньгами 414,150 руб. онъ заявилъ, что ничего сказать не можетъ, также не можетъ опредѣлить, сколько изъ этой суммы онъ истратилъ и сколько у него осталось, при чемъ добавилъ: «я рѣшительно объяснить не могу, какъ я пополнялъ кассу, но ревизія кассы производилась перваго числа каждаго мѣсяца и къ этимъ числамъ я пополнялъ свою кассу». При этомъ Юханцевъ объяснилъ, что вся операція по текущимъ счетамъ и чековымъ книжкамъ находилась въ его рукахъ и когда ему бывали нужны деньги, то онъ выписывалъ чеки и давалъ ихъ къ подписанію Герстфельду и Племянникову, по окончаніи же дня сообщалъ бухгалтеру справку о всѣхъ выписанныхъ въ продолженіе дня чекахъ. О суммахъ же, которыя брались для пополненія растраты, онъ бухгалтеріи свѣдѣній не сообщалъ. Ревизію текущихъ чековъ обыкновенно производилъ членъ правленія Миллеръ, при чемъ обозначалось бухгалтеріею по вѣдомости сальдо; у него Юханцева была особая, частная книжка, въ которой имъ записывалось, для собственнаго свѣдѣнія, настоящее сальдо текущихъ счетовъ, т. е. что въ дѣйствительности должно было находиться на текущемъ счету, а для ревизіи Юханцевъ въ расчетную книжку, съ которою сверяли сальдо бухгалтерской вѣдомости, подводилъ сальдо карандашемъ, и никто изъ членовъ, производившихъ

ревизію, не сосчитывалъ всѣ взятыя и внесенныя суммы; только съ 1876 г. члены правленія стали сосчитывать какъ взятыя, такъ и внесенныя суммы. Юханцевъ допускаетъ, что могъ прожить въ теченіе 1874 г. *570,000* руб., такъ какъ въ это время не зналъ, что дѣлалъ, и положительно не зналъ, сколько онъ прожилъ въ этомъ году. Изъ произведеннаго посредствомъ экспертовъ-бухгалтеровъ Суходольскаго и Езерскаго сравненія подлинныхъ чековъ и копій текущаго счета Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита, доставленныхъ Государственнымъ банкомъ, съ книжкою текущихъ счетовъ того же Общества, обнаружено, что Юханцевъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда ему поручалось внести деньги въ текущій счетъ Общества въ Государственный банкъ, часть оныхъ присвоивалъ себѣ, при чемъ сообщалъ въ бухгалтерію завѣдомо ложныя свѣдѣнія о внесенныхъ имъ суммахъ, что обнаружилось при счисленіи книги Государственнаго банка съ книгою Общества. Напримѣръ, 31-го мая 1873 года Юханцевъ сообщилъ бухгалтеріи, что внесъ въ Государственный банкъ 18,000 руб., но въ дѣйствительности оставилъ эти деньги себѣ; 31-го октября сообщилъ, будто бы внесъ 290,000 руб., но въ дѣйствительности внесъ только 240,000 руб., а 50,000 руб. присвоилъ себѣ; 16-го ноября присвоилъ себѣ тѣмъ же способомъ еще 108,000 руб.; въ 1874 году сумма такихъ присвоеній доходитъ до 394,000 руб., а въ 1875 году до 250,000 руб. Такого рода присвоенія Юханцевъ производилъ съ 28-го апрѣля 1873 года по 16-е декабря 1875 года, когда онъ изъ вырученной за похищенныя бумаги суммы покрылъ накопившуюся разницу, дабы избѣгнуть обнаруженія оной при ревизіи 1876 г. Вплоть до обнаруженія преступленія, Юханцевъ ограничивалъ свою дѣятельность сбытомъ похищенныхъ имъ облигацій и билетовъ 7-го займа. Изъ разсмотрѣнія различныхъ видовъ преступныхъ дѣйствій Юханцева по чекамъ, видно, что онъ похитилъ или истребилъ разсчетныя книжки Государственнаго банка за время отъ 1871 года до 1876 года.

Поэтому отставной Коллежскій совѣтникъ, въ званіи камеръ-юнкера, Константинъ Юханцевъ былъ преданъ суду по обвиненію въ томъ, что, состоя на службѣ въ Обществѣ Взаимнаго Поземельнаго Кредита въ должности кассира, въ періодъ времени отъ августа 1873 года по мартъ 1878 г., самовольно присвоилъ ввѣренныя ему по службѣ процентныя бумаги на сумму 278,900 фунтовъ стерлинговъ или 2.123,295 кредитныхъ рублей, для какового злоупотребленія сломалъ на пакетахъ, въ которыхъ хранились означенныя бумаги, печати вышеупомянутаго Общества и членовъ правленія онаго и въ томъ, что завѣдуя, по должности кассира, операціями по текущему счету вышеозначеннаго Общества въ Государственномъ банкѣ, въ періодъ времени отъ апрѣля 1873 года по декабрь 1875 г., самовольно пользовался, для собственныхъ расходовъ, ввѣренными ему по службѣ деньгами, съ каковою цѣлью сообщалъ для помѣщенія въ контокуррентную книгу Общества завѣдомо ложныя свѣдѣнія какъ о суммахъ, которыя онъ вносилъ на текущій счетъ Государственнаго банка, такъ равно и о суммахъ, на которыя выдавались чеки, при чемъ похитилъ, или истребилъ разсчетныя книжки Государственнаго банка отъ 1871 года по 1876 годъ. Преступленія эти предусмотрѣны 1,154, 354, 355 и 362 ст. Улож. о наказ.

Засѣданіе по этому дѣлу происходило 22—25 января 1879 года въ С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Обвинялъ подсудимаго товарищъ прокурора князь *Урусовъ;* защищалъ присяжный повѣренный *Жуковскій.*

По окончаніи преній, судъ постановилъ на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей слѣдующіе вопросы:

1) Виновенъ ли подсудимый, отставной коллежскій совѣтникъ К. Н. Юханцевъ въ томъ, что, состоя на службѣ въ Обществѣ Взаимнаго Поземельнаго Кредита въ должности кассира, изъ ввѣренныхъ ему по этой

должности суммъ, полученныхъ имъ по завѣдыванію операціями по текущему счету Общества въ Государственномъ банкѣ, а также изъ процентныхъ бумагъ, ввѣренныхъ ему по этой должности, въ періодъ времени съ 1873 — 1878 гг., употребилъ въ свою пользу разныя суммы и процентныя бумаги, всего на сумму около двухъ милліоновъ рублей, при чемъ не возвратилъ таковыхъ ни до, ни послѣ открытія его злоупотребленія?

2) Если подсудимый Юханцевъ виновенъ въ употребленіи въ свою пользу процентныхъ бумагъ Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита, ввѣренныхъ ему по должности кассира Общества, то для совершенія сего преступленія были ли имъ сломаны печати членовъ правленія Общества, находившіяся на пакетахъ, въ коихъ хранились тѣ процентныя бумаги?

3) Виновенъ ли Юханцевъ въ томъ, что, состоя кассиромъ Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита и завѣдуя операціями по текущему счету Общества въ Государственномъ банкѣ, въ періодъ времени съ 1873—1876 гг., съ корыстною цѣлью: 1) отъ своего имени сообщалъ для помѣщенія въ контокурентную книгу Общества завѣдомо ложныя письменныя свѣдѣнія, какъ о суммахъ, которыя онъ вносилъ на текущій счетъ Государственнаго банка, такъ равно и о суммахъ, на которыя выдавались чеки, зная, что эти свѣдѣнія заносятся въ контокурентную книгу, служащую основаніемъ для провѣрки правильности операцій банка; 2) похитилъ или истребилъ разсчетныя книжки Государственнаго банка за время отъ 1871—1876 годъ?

Присяжные засѣдатели дали слѣдующіе отвѣты: *на 1-й вопросъ:* да, виновенъ; *на 2-й вопросъ:* да, виновенъ, сломалъ печати; *на 3-й вопросъ:* 1) да, виновенъ; 2) нѣтъ, не похищалъ и не истреблялъ.

Гг. присяжные засѣдатели! Чѣмъ сложнѣе дѣло, подлежащее нашему разрѣшенію, тѣмъ болѣе вниманія должны вы употребить на то, чтобы изъ массы мелкихъ подробностей и частностей выдѣлить тѣ обыкновенно немногія, но коренныя данныя, по которымъ составляется ясное представленіе о существѣ самаго дѣла. Забудьте на время эти подробности. Онѣ не въ силахъ создать зрѣлаго убѣжденія о винѣ или невиновности подсудимаго; онѣ только могутъ болѣе или менѣе ярко окрасить впечатлѣнія, выносимыя вами изъ дѣла. Сосредоточьте всю силу разумѣнія вашего на немногихъ, но неизбѣжныхъ вопросахъ. Позвольте мнѣ помочь вамъ въ этой работѣ. Въ каждомъ уголовномъ дѣлѣ есть три вопроса, тѣсно между собою связанные. Они одинаково достойны серьезнаго обсужденія. Ихъ можно разсматривать отдѣльно, но итогъ надо подводить по всѣмъ вмѣстѣ. Иначе рѣшеніе будетъ неполно, односторонне, не будетъ проникнуто живымъ чувствомъ правды. Прежде всего, *доказано ли преступленіе, въ которомъ обвиняется Юханцевъ?* Подсудимый и прежде, и здѣсь на судѣ не отрицалъ совершенія растраты денегъ, въ огромной суммѣ ввѣренныхъ его храненію. Подсудимый не умаляетъ требованій гражданскаго истца, не смягчаетъ размѣровъ своего дѣянія. Собственное сознаніе всегда признавалось однимъ изъ лучшихъ доказательствъ, если оно дано было безъ принужденія, нравственнаго или физическаго, или если нельзя было заподозрить, что признаю-

щійся, сознательно, въ видѣ какихъ-либо великодушныхъ порывовъ, губитъ себя и приноситъ себя въ жертву, или, наоборотъ—торгуется съ судомъ, и сознаніемъ въ меньшей винѣ старается купить возможность умолчанія о большей винѣ и оставленія ея безъ разсмотрѣнія. Вы посудите, есть ли въ словахъ Юханцева признаки такой жертвы или попытка войти въ сдѣлку съ правосудіемъ. Если вы не найдете ни того, ни другого, то припомните, что сознаніе сдѣлано имъ откровенно и безъ колебаній, впервые даже и не суду или его органамъ, а кассиру Мерцу. Слѣдовательно, оно не было вынуждено, но было добровольное. Но этого мало. Опасно приписывать человѣку преступленіе только потому, что онъ самъ себя обвиняетъ, когда обстоятельства, эти молчаливые свидѣтели и доказчики преступленія, идутъ въ разрѣзъ съ сознаніемъ или не подтверждаютъ его. Они должны сопровождать сознаніе. Они придаютъ ему цѣну и какъ доказательству преступленія, и какъ указанію на отношеніе подсудимаго къ своей винѣ. Отыскивая эти обстоятельства въ дѣлѣ, вы остановитесь на экспертизѣ, весьма рѣдкой по своему содержанію. Бухгалтерская экспертиза требуетъ особаго навыка и особыхъ спеціальныхъ знаній. Если въ представителяхъ ея вы не найдете признаковъ навыка или ручательства въ полномъ обладаніи прочными знаніями счетоводной техники, если заключеніе ихъ нетвердо, шатко, уклончиво—вы хорошо поступите, если отвергнете экспертизу и не будете ее считать доказательствомъ. Но если экспертиза произведена и выражена со спокойствіемъ и достоинствомъ истиннаго знанія, если сами эксперты являются *настоящими* представителями своей спеціальности, то экспертизу надо принять и прислушаться къ ней со вниманіемъ и уваженіемъ. Вы слышали, что говорили эксперты,—вы знаете кто они: одинъ—опытный чиновникъ министерства финансовъ, другой—бухгалтеръ частнаго банка, третій—представитель счетоводнаго учрежденія и изобрѣтатель новой системы, системы тройной бухгалтеріи. Они подтверждаютъ цифрами и строгимъ изслѣдованіемъ то, что, по своимъ воспоминаніямъ, говоритъ Юханцевъ. Поэтому вы, вѣроятно, признаете дѣяніе Юханцева доказаннымъ. Тогда изъ ряда подробностей и отдѣльныхъ объясненій, данныхъ на судѣ, вы возстановите простѣйшую картину того, что дѣлалъ онъ. Вы увидите, что, имѣя въ рукахъ чековыя книжки по текущему счету Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита, открытому Государственнымъ банкомъ, подсудимый бралъ по чекамъ, довѣрчиво подписаннымъ управляющимъ и иногда даже бухгалтеромъ, деньги съ текущаго счета, показывая затѣмъ чеки на меньшую противъ дѣйствительности сумму или вовсе не показывая ихъ въ своихъ вѣдомостяхъ или памятныхъ запискахъ, т. е. совершалъ или переборъ денегъ Общества, или прямое ихъ присвоеніе. Вы припомните затѣмъ, что подобныя дѣйствія повторялись и съ деньгами, на взносъ которыхъ на текущій счетъ подсудимый получалъ ордера. Онъ или не вносилъ ихъ вовсе, присвоивая себѣ, или же вносилъ меньше чѣмъ слѣдуетъ, оставляя

недостающую сумму себѣ. Когда, по нѣкоторымъ признакамъ, начинала на его казначейскомъ горизонтѣ показываться туча, называемая ревизіею, подсудимый пополнялъ пробѣлы и прорѣхи своихъ текущихъ счетовъ и для этого сводилъ концы съ концами взносами наличныхъ денегъ. Изъ его словъ вы знаете, что онъ изглаживалъ такимъ образомъ слѣды одного злоупотребленія посредствомъ другого. Это другое состояло въ томъ, что онъ закладывалъ въ Государственномъ банкѣ облигаціи, которыя хранились въ кассѣ въ пакетахъ. Это были большія и прочныя цѣнности, разсчитанныя на фунты стерлинговъ, т. е. на золото, и составлявшія часть вспомогательнаго капитала, даннаго правительствомъ Обществу, чтобы придать его операціямъ наибольшую солидность. Въ 1875 году въ ревизіи кассы былъ внесенъ нѣсколько бо́льшій, хотя все еще недостаточный порядокъ, и подсудимый, прекративъ свои дѣйствія съ чеками, началъ съ этого времени исключительно пользоваться ввѣренными ему цѣнными бумагами, закладывая ихъ, продавая въ разныя руки и получая разницу между цѣною, по которой онѣ бывали заложены, и биржевою, по которой ихъ продавалъ Зингеръ, при чемъ къ началу 1878 года дошелъ до громадной цифры, превышающей два съ половиною милліона рублей. Эксперты опредѣлили вамъ, сколько приблизительно осталось въ его пользу за вычетомъ расходовъ по оплатѣ купоновъ, платежу куртажныхъ денегъ, процентовъ по ссудамъ изъ банка, и т. д. Остается все-таки большая сумма. Что сдѣлано съ нею? Истратилъ, роздалъ, разбросалъ въ неудержимыхъ тратахъ безъ оглядки назадъ, безъ заглядыванія впередъ—говоритъ подсудимый. Припряталъ, утаилъ, припасъ на черные дни, говорятъ обвинители. *Растратилъ,* выражаясь юридическимъ языкомъ, говоритъ Юханцевъ, *присвоилъ*—утверждаетъ прокуроръ. Я долженъ вамъ сказать, гг. присяжные засѣдатели, что для нравственнаго суда надъ Юханцевымъ безъ сомнѣнія полезно опредѣлить, что̀ именно онъ сдѣлалъ съ деньгами, которыя онъ такъ широко черпалъ въ кассѣ Общества. Между растратою и присвоеніемъ существуетъ серьезная нравственная разница, и о какой бы сильной распущенности ни говорила растрата, разбрасываніе чужихъ денегъ, но она все-таки по отношенію къ обвиняемому лучше, чѣмъ та преступная предусмотрительность и запасливость, которыми характеризуется присвоеніе, въ которомъ мѣсто увлеченія занимаетъ уже разсчетъ. Но, съ точки зрѣнія закона, присвоеніе и растрата суть преступленія равносильныя. Законъ видитъ исходную точку преступленія въ обоихъ случаяхъ одинаково въ обманѣ довѣрія, злоупотребленіи положеніемъ и указываетъ на результатъ преступленія—вредъ или убытокъ, одинаковый и отъ растраты чужихъ денегъ, и отъ ихъ припрятанія.

Вотъ почему я не совѣтую вамъ долго останавливаться надъ разсмотрѣніемъ этого спора, тѣмъ болѣе, что для точнаго и справедливаго его разрѣшенія не представляется достаточныхъ данныхъ, а есть только предположенія, основанныя на сомнѣніи въ возмож-

ности истратить въ пять лѣтъ такія суммы. Но предположенія и сомнѣнія, какъ бы правдоподобны они ни казались, безъ фактической опоры—непрочный матеріалъ для вѣрнаго рѣшенія. Вотъ почему и Судъ спрашиваетъ васъ не о томъ, растратилъ ли или присвоилъ себѣ Юханцевъ деньги, а ждетъ вашего отвѣта на болѣе широкій вопросъ—употребилъ ли Юханцевъ въ свою пользу цѣнности, ввѣренныя ему Обществомъ?

Когда будетъ уяснено—когда и какъ сдѣлалъ Юханцевъ злоупотребленіе своимъ положеніемъ кассира, надо будетъ вглядѣться *въ условія, при которыхъ совершены его дѣянія*. Человѣкъ дѣйствуетъ не въ пустомъ пространствѣ, и чтобы правильно оцѣнить его дѣйствія, необходимо знать условія, въ которыя онъ былъ поставленъ, обстановку, въ средѣ которой совершено было преступленіе. Въ рѣчахъ сторонъ вамъ намекалось, что эта обстановка была слишкомъ заманчива для человѣка со слабою волею и широкими замашками, какимъ считаетъ Юханцева защита,—для смиреннаго хищника, какъ называетъ его представитель обвиненія. Обстановка, по мнѣнію сторонъ, слишкомъ облегчала преступленіе, слишкомъ широко открывала ему доступъ въ нѣдра кассы Общества. При обсужденіи этой стороны дѣла, вы, вѣроятно, остановитесь, гг. присяжные, на этомъ свойствѣ кассовой обстановки Юханцева. Я только совѣтую вамъ не разбрасывать вашихъ силъ и не вдаваться, слѣдуя за сторонами, въ слишкомъ подробную оцѣнку участія членовъ правленія и администраціи Общества въ допущеніи порядковъ или, пожалуй, безпорядковъ, подъ покровомъ которыхъ дѣйствовалъ Юханцевъ. Въ настоящемъ дѣлѣ вы призваны судить Юханцева, а не ихъ. Тѣ ошибки и недосмотры, на которые указываютъ вамъ, не могутъ оправдывать Юханцева и не должны мѣшать вамъ разглядѣть свойство его дѣйствій; притомъ, вопросъ объ имущественной отвѣтственности членовъ правленія и администраціи Общества настоящимъ дѣломъ отнюдь не исчерпывается. Поэтому обсуждайте дѣйствія этихъ лицъ постольку, поскольку они касаются кассирской дѣятельности подсудимаго, и не вступайте на путь, безъ сомнѣнія интересный и богатый выводами, но отвлекающій васъ отъ прямой задачи вашей. «Не клади плохо, не вводи вора во грѣхъ», говоритъ пословица—выраженіе народной мудрости, и въ жизни она часто приводится, какъ объясненіе дѣйствій «введеннаго во грѣхъ». Но мудрость не всегда одно и тоже, что нравственность. Нравственное достоинство этой пословицы весьма сомнительнаго качества, а мудрость въ ней заключается болѣе въ совѣтѣ и предостереженіи кладущему, чѣмъ въ оправданіи берущаго. Дѣйствительно, если вы припомните всѣ раскрытые здѣсь факты объ устройствѣ контроля надъ кассиромъ, то вы, вѣроятно, придете къ заключенію, что контроль этотъ почти отсутствовалъ, былъ какой-то мнимый. Онъ состоялъ, въ общихъ чертахъ, въ повѣркѣ показаній кассира по справкѣ изъ контокурентной книги Общества, веденной согласно съ свѣдѣніями, которыя сообщалъ тотъ же кассиръ. При такомъ контролѣ ревизія кассира

сводилась къ тому, что, въ сущности, кассиръ ревизовалъ бухгалтера въ правильномъ записываніи сообщаемыхъ имъ свѣдѣній. Такая мнимая ревизія сопровождалась пріемами, преисполненными неосторожнаго довѣрія. Вы припомните показаніе подсудимаго о бланковыхъ чекахъ, выдаваемыхъ ему безконтрольно на руки, и о томъ, что если бы, по словамъ Юханцева, при ревизіи хоть разъ была сосчитана въ книжкѣ текущаго счета сумма, то подведенный имъ итогъ оказался бы невѣрнымъ и все бы открылось. Не подлежитъ сомнѣнію, что отношенія правленія и управляющаго къ Юханцеву были проникнуты не спасительною въ финансовыхъ дѣлахъ осторожностью и зоркою наблюдательностью, а безграничнымъ довѣріемъ, которое проявлялось съ самымъ открытымъ простодушіемъ. Нельзя не пожалѣть объ этомъ, нельзя не видѣть вреда въ такомъ нецѣлесообразномъ и неумѣстномъ довѣріи, но для оцѣнки его значенія по отношенію къ Юханцеву надо принять въ соображеніе, при какихъ условіяхъ оно ему оказывалось и въ какія условія оно его ставило. Довѣріе и особенно такое безграничное, оказанное сразу, безъ колебаній и испытаній, человѣку новому, пришлому, мало извѣстному, въ нѣкоторыхъ случаяхъ являлось бы преступною неосторожностью. Человѣкъ взятъ изъ чужой сферы и сразу безконтрольно и безнадзорно допущенъ къ милліонамъ, къ золоту, котораго онъ прежде, быть можетъ, и не видывалъ въ такихъ массахъ. Это его можетъ опьянить, пошатнуть слабую волю, смутить дряблую совѣсть. Вы посудите, однако, былъ ли Юханцевъ *такимъ* человѣкомъ, было ли ему оказано *такое* довѣріе сразу, какъ человѣку новому и пришлому, или начало растратъ относится ко времени, которое слѣдовало за шестилѣтнею безупречною и регулярною дѣятельностью его въ качествѣ испытаннаго кассира. Въ послѣднемъ случаѣ этому довѣрію вы отведете небольшое мѣсто въ числѣ тѣхъ факторовъ, которые привели Юханцева къ тому, въ чемъ онъ сознается. Вы обсудите потомъ, насколько отсутствіе правильнаго контроля облегчало совершеніе растратъ и ихъ размѣръ. Вы вспомните при этомъ, что, по мнѣнію экспертовъ, при правильно построенномъ контролѣ растрата была бы открыта на первыхъ же порахъ, т. е. въ 1873 году, и не превышала бы 9,000 рублей, и возобновите въ вашей памяти эпизодъ о слухахъ, доходившихъ до правленія о жизни Юханцева и о появленіи на биржѣ именно тѣхъ, по удостовѣренію Зака и Эстеррейха, консолидированныхъ облигацій, которыя должны были храниться въ кассѣ Общества. Съ другой стороны, вы обратите вниманіе и на то, что отсутствіе правильнаго контроля, обусловливая легкую возможность пользованія цѣнностями Общества, въ то же время давало и возможность подсудимому не разъ одуматься, остановиться и собраться съ силами, чтобы восполнить, до обнаруженія, тѣ недочеты, которые онъ сдѣлалъ въ кассѣ, ему ввѣренной. Гдѣ контроль строгъ и дѣйствителенъ, тамъ обыковенно нѣтъ времени и возможности оглянуться, какъ уже растрата выяснена и закрѣплена какимъ нибудь актомъ. Въ этихъ случаяхъ оттяжки рокового

часа открытія и возможности исправленія не существуетъ. Вы спросите себя, такъ ли было въ дѣлѣ Юханцева. Если не такъ, то вы найдете, что существовавшій до 1876 г. контроль, дававшій возможность совершать растраты, не отнималъ въ то же время возможности исправить сдѣланное, не махая въ безнадежномъ отчаяніи рукою на будущее.

Третій вопросъ—*внутренняя сторона дѣйствій подсудимаго, его мотивы, побужденія*. Вы слышали исторію происхожденія растраты, разсказанную Юханцевымъ. Страстная любовь къ женѣ, которая, по словамъ его, не хотѣла признавать за мужемъ никакихъ правъ, а допускала съ его стороны лишь обязанность удовлетворять своему избалованному вкусу къ роскоши, вовлекала его въ долги, которые были покрыты изъ текущаго счета Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита, а этотъ счетъ былъ покрытъ изъ кассоваго сундука съ цѣнностями, при чемъ оттуда было захвачено много болѣе, чѣмъ было нужно для погашенія долговъ, ибо въ это время, окончательно лишившись жены, Юханцевъ потерялъ голову и самъ не знаетъ, какъ и куда тратилъ громадныя суммы, отыскивая развлеченія и забвенія... Вы рѣшите насколько правдоподобна эта исторія растраты и насколько необходимы для укрѣпленія этой правдоподобности разоблаченія, сдѣланныя подсудимымъ, изъ такой области своей домашней жизни, которая обыкновенно скрывается отъ чуждыхъ взоровъ и любопытства. Вамъ, главнымъ образомъ, принадлежитъ право оцѣнить, насколько, для справедливаго освѣщенія дѣла, слѣдовало «оживлять» на судѣ ту семейную жизнь, которая, по словамъ письма подсудимаго къ брату, должна была «умереть между ними», и изображать себя игралищемъ судьбы между одинаково непринадлежавшими ему—цѣнностями и женою. Люди житейскаго опыта, вносящіе въ свою дѣятельность знаніе жизни въ ея обыкновенной, трезвой обстановкѣ, вы, быть можетъ, найдете въ объясненіяхъ подсудимаго, отбрасывая въ сторону ихъ подробности, указаніе на то, что онъ, такъ или иначе, не былъ счастливъ въ семейной жизни. Насколько же въ несчастливой или даже несчастной семейной обстановкѣ можно искать объясненія поступкамъ Юханцева? Счастіе семейное—далеко не общее правило, и бываютъ переходныя времена, когда въ извѣстныхъ слояхъ общества, вслѣдствіе разныхъ нравственныхъ колебаній счастливый складъ семейной жизни вмѣсто общаго правила становится исключеніемъ изъ него. Вы видывали, конечно, въ жизни такія положенія, знаете и обыкновенный болѣе или менѣе понятный исходъ изъ нихъ. Человѣкъ развитой, не весь преданный стремленіямъ къ личному счастію и одаренный волею, ищетъ обыкновенно утѣшенія во внѣшней дѣятельности, въ общественныхъ заботахъ, въ такомъ трудѣ, который, хотя бы матеріально, наполнялъ его жизнь, не давая времени задумываться надъ неприглядностью своего домашняго положенія. Быть можетъ, если бы заглянуть въ глубину частной жизни нѣкоторыхъ горячихъ тружениковъ общественнаго или государственнаго дѣла, въ ней была бы открыта именно такая не-

приглядность домашней обстановки. Человѣкъ со слабой волею, не находящій удовлетворенія внѣ своего *я*, будетъ искать утѣшенія и забвенія нерѣдко въ винѣ. Этотъ типъ встрѣчается, какъ вы знаете, чаще. Итакъ,—или честная, поглащающая дѣятельность, или стремленіе заглушить свое сознаніе. Но можно ли, натурально ли искать утѣшенія въ томъ, что къ ощущенію семейной пустоты еще прибавляетъ сознаніе совершаемаго преступленія и совершаемаго притомъ не въ минутномъ увлеченіи или порывѣ? Этотъ вопросъ рѣшите вы, не забывъ притомъ, что обыкновенно у человѣка, теряющаго голову отъ семейнаго несчастія, даже въ чаду хмеля и кутежа сквозитъ скорбь о разбитомъ счастіи и сознаніе невозможности замѣны его чѣмъ либо инымъ, новымъ, ибо—разъ эта замѣна найдена—несчастіе отходитъ въ область прошедшаго и теряетъ ѣдкую силу горькой дѣйствительности. Къ какому изъ двухъ типовъ ближе подходитъ Юханцевъ, помогаетъ рѣшить онъ самъ разсказами о своей жизни за послѣдніе годы. Если вы признаете, что та несчастная обстановка, на которую указываетъ Юханцевъ, могла заставить его, для удовлетворенія прихотей жены, тронуть кассу и, для утѣшенія въ разлукѣ съ нею продолжать черпать изъ этой кассы деньги для грандіозно организованныхъ пировъ, то вы отведете этой обстановкѣ надлежащее мѣсто въ обсужденіи причинъ, приведшихъ Юханцева на скамью подсудимыхъ. Рѣшая эту сторону дѣла, вы, однако, не упустите изъ вида и того, что траты на жену здѣсь на слѣдствіи оказались не могущими идти ни въ какое сравненіе съ тратами послѣ разлуки съ нею, когда въ одинъ годъ было истрачено Юханцевымъ въ свою пользу болѣе 550,000 руб. сер.; что затѣмъ тоска по нѣжно любимой женѣ выражалась, по сознанію самого Юханцева, въ кутежахъ съ кокотками и въ нѣсколькихъ связяхъ, и что наконецъ въ дѣйствіяхъ его по опустошенію кассы, совершенныхъ «самъ не знаетъ какъ», по мнѣнію экспертовъ, проглядываетъ ясная и обдуманная, приноровленная къ обстановкѣ, система...

Когда вы разрѣшите, по совѣсти и убѣжденію, основанному на всемъ здѣсь видѣнномъ и слышанномъ, указанные мною вопросы, у васъ можетъ возникнуть мысль о значеніи того, что̀ сдѣлалъ Юханцевъ. Каждое преступное дѣяніе имѣетъ двоякое значеніе—по отношенію къ личности обвиняемаго и по отношенію къ обществу. Личное значеніе того, въ чемъ обвиняется Юханцевъ, едва ли можетъ возбудить споры. Это огромное нарушеніе довѣрія, это широкое злоупотребленіе своимъ положеніемъ, личнымъ и офиціальнымъ. Сама защита Юханцева признаетъ это свойство дѣянія подсудимаго, какъ безспорное. Но въ оцѣнкѣ общественнаго значенія стороны существенно расходятся. Обвинитель указываетъ намъ на вредъ, который причиненъ Обществу Взаимнаго Поземельнаго Кредита, какъ учрежденію, имѣющему государственный характеръ; защитникъ видитъ лишь ущербъ для обособленной группы весьма достаточныхъ людей, которые соединились для преслѣдованія своихъ личныхъ выгодъ, не всегда соотвѣтствующихъ интересамъ окружающаго населенія, и

имѣющаго никакихъ кредитныхъ учрежденій. Гг. присяжные засѣдатели,—когда было упразднено крѣпостное право, тогда были ограничены въ своей дѣятельности и вскорѣ вовсе упразднены кредитныя государственныя учрежденія, помогавшія своими ссудами помѣщичьему сословію. Но новое хозяйство, возникавшее на облагороженной почвѣ свободныхъ отношеній, нуждалось въ поддержкѣ и помощи. Эту помощь могъ оказать кредитъ, не случайный, приходящій извнѣ, а внутренній, взаимный, основанный на единствѣ цѣлей и потребностей. Ему должно было служить обширное Общество, на помощь которому пришло правительство, гарантируя прочность его операцій своимъ вспомогательнымъ капиталомъ. Россія вовсе не страна крупнаго землевладѣнія; въ ней развито землевладѣніе среднихъ размѣровъ, какъ вы это можете заключить даже изъ той оцѣнки, которая дѣлается, по словамъ защитника, имѣніямъ наибольшаго числа заемщиковъ Общества. Притомъ, это землевладѣніе, съ упраздненіемъ крѣпостного права, утратило свой исключительный сословный характеръ и Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита приходитъ на помощь преимущественно къ землевладѣльцу средней руки. Кредитъ, помощь въ ссудѣ—даетъ возможность поддержать въ тяжелыя экономическія минуты хозяйство, съ которымъ естественнымъ образомъ связано предложеніе труда и заработка окружающему населенію. Печально, что это населеніе не имѣетъ своихъ кредитныхъ учрежденій, или что они, вѣрнѣе говоря, плохо принимаются, но каждый шагъ на пути развитія народа приближаетъ ихъ распространеніе и укрѣпленіе. Слѣдуетъ ли, однако, изъ этого отсутствія или малаго развитія кредитныхъ учрежденій въ народѣ, что надо отрицать значеніе для страны и такого кредитнаго учрежденія, какъ Общество? Можно ли смотрѣть на него какъ на нѣчто не только чуждое, но даже враждебное хозяйственному развитію страны, искусственно противополагая интересы одной части населенія другой и забывая, что экономическое благосостояніе государства зависитъ отъ взаимодѣйствія всѣхъ силъ страны, при чемъ однѣ могутъ быть болѣе организованы, другія, къ сожалѣнію, менѣе? Вы взгляните на этотъ вопросъ съ трезвой, житейской точки зрѣнія, и если вы найдете, что Общество не есть учрежденіе исключительное, и что поддержаніе кредита во всѣхъ его видахъ желательно, то вамъ станетъ ясно, что дѣяніе Юханцева имѣетъ значеніе общественное. Оно подрываетъ, расшатываетъ авторитетъ Общества и ослабляетъ довѣріе къ нему. Но, если въ странѣ начинаютъ колебаться и не внушать довѣріе такія большія учрежденія, какъ Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита, имѣющее правительственную поддержку, то нельзя отъ стѣсненнаго въ своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ землевладѣльца ждать особаго довѣрія и къ другимъ частнымъ кредитнымъ учрежденіямъ, къ такъ называемымъ ипотечнымъ банкамъ. А безъ поддержки поземельнымъ кредитомъ, землевладѣльцу въ тяжелыя экономическія минуты приходится стать лицомъ къ лицу съ дѣйствительнымъ эксплуататоромъ, съ кулакомъ, барышникомъ, скуп-

щикомъ земель и уступить ему свое мѣсто. Но такой человѣкъ, типъ народившійся въ послѣднее время, ничѣмъ не связанъ съ землею. Она для него не «кормилица», съ нею не связано для него привычки труда или дорогихъ личныхъ воспоминаній. Она предметъ, изъ котораго надо вытянуть всю наживу, она тотъ грошъ, на который надо норовить, по русскому выраженію, накупить пятаковъ. И лѣсъ вырубается, и земля безжалостно истощается и начинается хищническое хозяйничанье, при которыхъ эксплуатація окружающаго бѣднаго и темнаго люда, уже, конечно, не меньше той, о которой упомянулъ защитникъ. Вотъ почему вы, быть можетъ, признаете, что всякій ударъ, наносимый большому кредитному учрежденію, имѣетъ общественное значеніе.

Порядокъ совѣщаній вашихъ, господа, вамъ извѣстенъ. Вы кончаете сессію и, конечно, хорошо изучили свои права, обязанности и способъ ихъ выполненія. Скажу вамъ еще нѣсколько словъ о постановленныхъ судомъ на ваше разрѣшеніе вопросахъ. Въ *первомъ вопросѣ* васъ спрашиваетъ судъ, виновенъ ли Юханцевъ въ употребленіи въ свою пользу денегъ, которыя были у него по должности кассира? Здѣсь былъ возбужденъ споръ о томъ, былъ ли должностнымъ лицомъ въ Обществѣ Юханцевъ и не совершилъ ли онъ свои дѣянія какъ частный человѣкъ, не имѣвшій по отношенію къ Обществу никакого офиціальнаго, служебнаго положенія? Параграфъ 25 устава Общества говоритъ, что служащіе, и въ томъ числѣ кассиръ, снабжаются подробною инструкціею. Такой инструкціею, однако, Юханцевъ снабженъ не былъ. Она существовала только въ проектѣ и имѣла, по словамъ Герстфельда, значеніе обычая, но обязательной силы не пріобрѣла. Если вы найдете, что отсутствіе инструкціи ставило Юханцева въ неопредѣленныя отношенія частнаго человѣка къ Обществу, случайно вручившему ему свои цѣнности, то вы отвергнете служебный характеръ и скажете, *«не исполняя должности кассира»*. Но если вы признаете, что отдѣльные недосмотры и пробѣлы не измѣняютъ существа организаціи Общества; что Общество не могло существовать безъ кассира и обращаться для веденія своихъ денежныхъ операцій къ частнымъ, непричастнымъ къ его организаціи, лицамъ; что Юханцевъ былъ опредѣленъ журнальнымъ постановленіемъ правленія отъ 30-го іюля 1865 года на должность кассира, и отъ него или, лучше сказать, за него былъ взятъ установленный залогъ въ 5,000 руб.; что онъ самъ считалъ себя кассиромъ и именовался этимъ званіемъ,—то вы отвѣтите на первый вопросъ утвердительно или отрицательно, но, во всякомъ случаѣ, безъ ограничительныхъ словъ. Во *второмъ вопросѣ* судъ желаетъ слышать ваше рѣшеніе о сломаніи печатей. Вы знаете, что Юханцевъ, при той организаціи, которая существовала въ кассѣ за его время, имѣлъ право распечатывать пакеты съ цѣнными бумагами для отрѣзыванія купоновъ, нумераціи и т. п. Распечатанный пакетъ переходилъ въ категорію тѣхъ, которые подлежали подробной провѣркѣ своего содержимаго при ревизіи. Я долженъ сознаться,

что на мой взглядъ, исторія съ тѣми печатями, которыя оказались на пакетѣ съ остаткомъ консолей второго выпуска, совершенно не выяснилась на судебномъ слѣдствіи. Это что-то неясное и вполнѣ неопредѣленное. Поэтому вы поступите правильно, если оставите совершенно безъ разсмотрѣнія вопросъ о томъ, кѣмъ, какъ и какія именно печати оказались наложенными на этотъ пакетъ. Затѣмъ вамъ останется рѣшить, распечаталъ ли Юханцевъ пакетъ для законныхъ цѣлей, пользуясь своимъ правомъ кассира, или же онъ распечаталъ его безъ законной надобности, съ исключительною цѣлью взять въ свою пользу хранившіяся въ немъ облигаціи. Вы разрѣшите этотъ вопросъ только по внутреннему убѣжденію вашему, не вступая на путь юридическихъ тонкостей, чуждыхъ вашему призванію судей по совѣсти. Въ первомъ случаѣ вы отвѣтите отрицательно, во второмъ положительно и притомъ съ возможною опредѣленностью.

Въ *третьемъ вопросѣ* особенно существенна первая его часть. По *буквѣ* закона, по точному содержанію ст. 362 Улож. о наказ., рапорты, свѣдѣнія и т. п. сообщенія для совершенія подлога должны имѣть официальный характеръ и носить его признаки, т. е. имѣть печать, быть написанными на бланкѣ за № и т. д. По *духу* ст. 362 Улож., свѣдѣнія эти должны, въ цѣляхъ совершителя подлога, вводить въ заблужденіе того, кто ихъ получаетъ. Справки и памятныя записки, которыя Юханцевъ сообщалъ въ бухгалтерію, для занесенія въ контокурентную книгу, никакого официальнаго признака не имѣютъ. Поэтому, по буквѣ закона, онѣ подъ ст. 362 Улож., а, слѣдовательно, подъ понятіе подлога не подходятъ. Поэтому, если вы станете на эту точку зрѣнія, то вы по третьему вопросу можете произнести отрицательное рѣшеніе. Но вы его произнесете, однако, лишь тогда, когда убѣдитесь, что нѣтъ указаній, что по существу своему дѣяніе Юханцева подходитъ подъ тѣ дѣйствія, которыя указаны въ этой статьѣ. Вы будете при этомъ имѣть въ виду, что законъ о подлогахъ по службѣ примѣняется по Улож. о наказ. и къ кассирамъ частныхъ кредитныхъ учрежденій, и эти лица, по свойству своихъ служебныхъ отношеній, никакихъ рапортовъ, донесеній и т. п. не пишутъ. Сношенія служащихъ въ частныхъ учрежденіяхъ не вставлены въ такія строгія официальныя формы. Между тѣмъ, законъ примѣняетъ 362 ст. къ кассирамъ и казначеямъ частныхъ банковъ. Что это значитъ? Это значитъ, что законъ связываетъ понятіе о преступленіяхъ подлога по службѣ не съ *формою,* не съ названіемъ, не съ рангомъ бумаги, а съ назначеніемъ, которое имѣетъ или должно имѣть ея *содержаніе.* Если содержаніе бумаги, какъ бы она ни называлась, было таково, что ею кассиръ вводилъ, съ корыстною цѣлью, въ обманъ тѣхъ, кому сообщалъ онъ свои ложныя свѣдѣнія; если эта бумага, въ какой бы формѣ она ни являлась, удостовѣряла передъ другими органами учрежденія такія вещи, которыхъ въ дѣйствительности не существовало,—такая бумага и такія дѣйствія кассира подходятъ подъ смыслъ и духъ статьи закона, говорящей

о должностныхъ подлогахъ. Если въ двухъ случахъ вредъ одинаковъ, если преступное намѣреніе одно и то же, если служебное положеніе, права и обязанности обвиняемыхъ тождественны, то законъ былъ бы лишенною смысла безжизненною формулою, карая одного за то, что онъ выставилъ нумеръ и написалъ на бланкѣ, и отпуская другого только за то, что у него не было подъ рукою бланка, или онъ забылъ выставить нумеръ. Вы обсудите поэтому, гг. присяжные, на чемъ болѣе слѣдуетъ вамъ остановиться: на буквѣ закона или на его внутреннемъ смыслѣ, и если остановитесь на послѣднемъ, то опредѣлите затѣмъ, соотвѣтствуютъ ли дѣйствія Юханцева указаніямъ закона.

Вамъ говорилось здѣсь о вашей задачѣ и о значеніи вашего приговора. Васъ приглашали признать, что подсудимый достаточно наказанъ десятимѣсячнымъ предварительнымъ заключеніемъ и тѣми нравственными страданіями, которыя долженъ испытывать онъ при сознаніи предъ вами неприглядности своей прошлой дѣятельности. Поэтому отъ васъ ждутъ вмѣненія подсудимому того, что онъ испыталъ, вмѣненія, которое на языкѣ суда присяжныхъ называется *оправданіемъ*. Вамъ говорятъ, что такой вашъ приговоръ, указывая, что вы разсматриваете дѣйствія Юханцева лишь какъ послѣдствіе дурной организаціи Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита, будетъ имѣть вліяніе на законодательныя мѣры къ улучшенію внутренняго устройства кредитныхъ учрежденій. Такимъ образомъ, побуждая законодателя прислушаться къ вашему приговору и именно тѣмъ объяснить себѣ оправданіе растраты въ $2^1/_2$ милліона—вы сами косвеннымъ образомъ примете участіе въ законодательствѣ, содѣйствуя его оживленію и улучшенію. Вамъ указываютъ также и на необходимость *обвинительнаго* приговора въ виду общественнаго мнѣнія Европы, въ виду оцѣнки иностранцами вашей способности къ отправленію правосудія. Я совѣтую вамъ, господа, совершенно отрѣшиться отъ этихъ взглядовъ. Слѣдуя имъ, вы отступите отъ вашей прямой обязанности предъ обществомъ, котораго вы являетесь представителями. Вы войдете въ область, гдѣ ваша ясная и высокая задача сдѣлается неопредѣленною и гадательною. Вы произнесете приговоръ не о томъ, достаточно ли наказанъ подсудимый, а о томъ, виновенъ ли онъ. Вы не имѣете права говорить «ты невиновенъ потому, что, по нашему мнѣнію, ты уже довольно испыталъ неудобствъ и стѣсненій». Это значитъ не оправдывать, а *прощать*. Скамья подсудимыхъ видитъ на себѣ не мало людей преступныхъ, но между ними есть люди, которые, нарушивъ законъ, не упали, однако, нравственно до того, чтобы успокоиться на сознаніи, что ихъ не оправдали, а простили. Притомъ, вы всегда имѣете возможность примирить строгія требованія закона съ голосомъ состраданія къ его нарушителю. Вамъ принадлежитъ широкое, ничѣмъ не стѣсняемое право давать снисхожденіе—и слово снисхожденія, сказанное вами, обязательно для суда. Да и можно ли становиться на почву понесеннаго предварительно, неизбѣжнаго по сложности дѣла, наказанія? Гдѣ ручательство, что даже

въ вашей средѣ не окажется однихъ, которые скажутъ, что десять мѣсяцевъ ареста достаточная кара, и другихъ, которые найдутъ, ослѣпляясь чрезмѣрною строгостью, что за растрату двухъ съ половиною милліоновъ во всѣхъ нашихъ законахъ нѣтъ достаточной кары. Что касается до страданій душевныхъ, испытываемыхъ на судѣ, то какъ бы они тяжелы не были, они не должны ложиться въ основаніе вашего приговора. Здѣсь все неуловимо и все зависитъ отъ нравственной природы, характера, воспріимчивости и взглядовъ человѣка на окружающую жизнь. Эти страданія, отрицать которыя было бы несправедливо, не поддаются никакому мѣрилу. Я говорю вамъ не о Юханцевѣ, и вы, вѣроятно, не усомнитесь, что ему и горько, и тяжело сидѣть предъ вами. Но я хочу сказать вамъ вообще, что могутъ быть случаи, когда предъ вами предстанетъ лукавый лицемѣръ и будетъ вызывать васъ на оправданіе картиною тяжкихъ душевныхъ мукъ и раскаянія; и предстанетъ человѣкъ, хотя и преступный, но въ гордой душѣ котораго, несмотря на дѣйствительныя страданія, никогда не найдетъ мѣста мысль, чтобы выставлять ихъ на показъ и ради ихъ униженно просить у васъ какъ милостыни—прощенія. И что же? Какъ распознаете вы того или другого, и чѣмъ оградите вы себя отъ того, чтобы не помиловать перваго и не осудить сурово второго? Вы также и не *законодатели*—ни прямые, ни косвенные. Если на законы вліяютъ благотворно судебные процессы, то конечно, не приговорами, въ нихъ постановленными, а фактами, въ нихъ раскрытыми. Въ этомъ великое значеніе гласности суда. И каковъ бы ни былъ вашъ приговоръ, поучительная сторона этого процесса вполнѣ и окончательно раскрылась еще вчера, когда закончилось судебное слѣдствіе. Ни измѣнить, ни иначе освѣтить фактовъ, въ немъ раскрытыхъ, приговоръ вашъ не можетъ. Нельзя отрицать, что есть, однако, исключительные случаи, гдѣ и ваши приговоры, повторяясь однородно въ теченіе долгаго времени, могутъ служить для законодателя указаніемъ на то, что представители общественной совѣсти не видятъ вины въ дѣяніи, которое признается съ формальной точки зрѣнія нарушеніемъ закона, такого закона, который устарѣлъ вслѣдствіе того, что экономическія административныя условія его вызвавшія исчезли или измѣнились. Но таковы проступки не противъ правъ извѣстныхъ лицъ или общества, а противъ цѣлой системы правилъ, которыя уже опережены жизнью. Таковы, напримѣръ, нѣтоторые проступки противъ паспортной системы и т. п. Но законодатель никогда не можетъ черпать для себя указаній въ такихъ приговорахъ, которые относятся не къ проступкамъ противъ временной системы, а къ преступленіямъ, нарушающимъ *вѣчныя понятія*, давнымъ-давно выраженныя словами; «не убій», «не укради», и т. д. Исполняя свой долгъ, вамъ также незачѣмъ оглядываться на Европу и задумываться надъ тѣмъ, что́ *тамъ* скажутъ, какъ истолкуютъ вашъ приговоръ и какого мнѣнія будутъ о русскомъ правосудіи. Помните, что одно изъ условій отправленія дѣйствительнаго правосудія—слушать голосъ своей совѣсти и не заботиться о

томъ «что скажутъ». Если слѣдуетъ вамъ помнить о комъ нибудь, такъ это о честныхъ людяхъ на родинѣ вашей, сердца которыхъ жаждутъ справедливости, состоящей въ оправданіи невиновнаго и въ признаніи вины за виновнымъ. Чувства этихъ людей для васъ должны быть дороже выводовъ законодателей и мнѣній иностранцевъ. Г. Старшина, получите вопросный листъ. Передаю его вамъ съ увѣренностью, что присяжные приступятъ къ исполненію своей обязанности спокойно, съ сознаніемъ всей ея важности.

II.

По дѣлу о французской подданной Маргаритѣ Жюжанъ, обвиняемой въ отравленіи.

Въ 1878 г., по Знаменской улицѣ, въ домѣ № 1, занималъ квартиру начальникъ с.-петербургскаго жандармскаго полицейскаго управленія желѣзныхъ дорогъ, полковникъ Познанскій, семейство котораго до 18-го апрѣля 1878 г. состояло изъ жены, сына Николая—16½ лѣтъ, дочери Надежды—11 лѣтъ и сына Михаила—6-ти лѣтъ. 18-го апрѣля старшій сынъ Познанскихъ, ученикъ 6-го класса 1-й классической гимназіи, найденъ въ своей постели мертвымъ.

17-го апрѣля вечеромъ, Николай Познанскій находился въ такомъ состояніи здоровья, которымъ не могла объясниться скоропостижная его смерть, а потому отецъ далъ знать полиціи, прося произвести вскрытіе его трупа, чтобъ сколько нибудь объяснить: что могло быть причиною этой необъяснимой кончины? 19-го апрѣля полицейскимъ врачемъ Горскимъ, въ присутствіи докторовъ Николаева и Бурцева, произведено было вскрытіе трупа. Докторъ Горскій высказалъ мнѣніе, что усмотрѣнныя анатомическія измѣненія суть послѣдствія инфекціоннаго процесса, произведеннаго брюшнымъ и возвратнымъ тифомъ, и что смерть произошла непосредственно отъ приливовъ крови къ головному мозгу, но доктора Николаевъ и Бурцевъ и студентка Ткаченкова заявили Познанскимъ, что необходимъ химическій анализъ внутренностей, такъ какъ анатомическія явленія указываютъ въ трупѣ на слѣды какого-то яда. Подозрѣнія эти еще болѣе усилились, когда ими была усмотрѣна стклянка лѣкарства, которое Николай принималъ еще 17-го апрѣля вечеромъ, при чемъ по виду и по вкусу лѣкарство это, долженствовавшее состоять изъ воды и іодистаго калія, заключало въ себѣ видимо постороннюю примѣсь.

Осматривавшіе и пробовавшіе лѣкарство докторъ Николаевъ и Познанскій нашли, что примѣсь эта всего болѣе напоминаетъ морфій. Вслѣдствіе этого важнѣйшія внутренности трупа, подъ руководствомъ доктора Николаева, были уложены въ двѣ стеклянныя банки. Въ одной банкѣ находились куски сердца, печени и селезенки; въ другой—содержимое желудка и желудокъ. Въ одномъ изъ тоже опечатанныхъ пузырьковъ лѣкарства находился растворъ іодистаго калія; два другіе пузырька были меньшаго размѣра и въ одномъ изъ нихъ была черная жидкость, а въ другомъ—бѣлая. Всѣ эти лѣкарства были отпущены 15-го апрѣля изъ аптеки Руссова, по рецептамъ доктора Николаева.

26-го апрѣля произведенъ былъ химическій анализъ жидкости въ пузырькѣ съ надписью: «растворъ іодистаго калія», и оказалось, что она состоитъ изъ водяного раствора калія и изъ соли морфія. Въ другихъ пузырькахъ оказались капли отъ кашля и настой яблочно-кислой окиси желѣза. Химическое изслѣдованіе внутренностей обнаружило въ нихъ присутствіе морфія.

Изъ показаній отца умершаго и доктора Николаева, лѣчившаго семейство Познанскихъ, оказалось, что въ концѣ страстной недѣли въ семействѣ болѣли дѣти: младшій сынъ кашлялъ, а у дочери была краснуха, и она тоже кашляла. Вслѣдствіе этого, д-ръ Николаевъ бывалъ почти ежедневно. 15-го апрѣля, во время пребыванія Николаева у Познанскихъ, посѣщавшая почти ежедневно Познанскихъ и стоявшая къ нимъ очень близко, уроженка города Бордо, Маргарита Жюжанъ обратила вниманіе родителей Николая Познанскаго на то, что у послѣдняго опухли ушныя гланды и что не мѣшаетъ и его показать доктору. Поэтому Познанскіе просили доктора осмотрѣть и Колю, который не жаловался ни на какія болѣзненныя ощущенія, но указалъ только на небольшую припухлость шеи, и докторъ нашелъ, что она находится въ зависимости отъ увеличенія лимфатическихъ железъ шеи, и прописалъ ему употреблять внутрь іодистое желѣзо, съ прибавленіемъ въ тинктуру яблочно-кислаго желѣза. Въ ночь на Свѣтлое Воскресенье Николай Познанскій былъ въ гимназической церкви у заутрени, участвовалъ въ процессіи—носилъ хоругвь и возвратился домой, послѣ церковной службы, въ 3½ часа пополуночи. 16-го апрѣля онъ былъ веселъ и только на лицѣ его замѣтна была краснота, совершенно такого же вида, какъ предъ тѣмъ была у сестры его. Отецъ тогда же измѣрилъ температуру тѣла сына, и термометръ показалъ 36/¹⁹°. Николаевъ между 6 и 8 часами вечера осматривалъ Колю подробно и нашелъ у него краснуху. Не довѣряя опредѣленію температуры тѣла на ощупь, онъ измѣрилъ термометромъ, который показалъ не болѣе 37°. Коля въ этотъ день не жаловался на болѣзненныя ощущенія и возбуждалъ даже вопросъ о возможности выходить со двора, при чемъ высказалъ желаніе побывать въ балаганахъ. 17-го апрѣля Николаевъ видѣлъ Колю между 4 и 5 часами. Въ этотъ день хотя сыпь была сильнѣе, но температура тѣла попрежнему была нормальная и никакихъ жалобъ на болѣзненныя ощущенія со стороны Коли не было. Общій видъ Николая и настроеніе его духа не внушали ему не только опасеній за его жизнь, но и за то, чтобъ у него готовилась или уже развивалась какая нибудь серьезная форма страданія. Показанія отца и матери Николая Познанскаго, родныхъ и домашней прислуги единогласно свидѣтельствуютъ, что состояніе здоровья Коли было таково, что никому и въ голову не могла придти мысль объ опасности для его жизни. По свидѣтельству служанки Яковлевой, видѣвшей Колю 17-го апрѣля вечеромъ, около полуночи, предъ самымъ отходомъ ко сну, онъ былъ веселъ, какъ обыкновенно. Стоя у дверей своей комнаты съ Маргаритой Жюжанъ, собиравшейся въ это время уходить, онъ сказалъ бодро и веселымъ голосомъ, обращаясь къ Яковлевой, чтобы она его завтра разбудила пораньше и, разговаривая съ Жюжанъ по-французски, между прочимъ, произнесъ по-русски: «прощай, Маргоша»: такимъ именемъ онъ нерѣдко называлъ Жюжанъ, когда былъ въ хорошемъ расположеніи. 18-го апрѣля, около 9-ти часовъ, Яковлева вошла въ его комнату, чтобы разбудить его, и нашла, что онъ лежитъ головою въ сторону, противоположную той, гдѣ обыкновенно лежали подушки и притомъ на всѣ оклики—не пробуждался; былъ посинѣвши и казался въ безчувственномъ состояніи. На зовъ Яковлевой вбѣжали остальные домашніе, а потомъ дали знать отцу его. По объясненію всѣхъ этихъ лицъ, Коля лежалъ на кушеткѣ, на которой онъ всегда спалъ, но только головой въ другую сторону; онъ лежалъ на правомъ боку, на одной подушкѣ, другая же оставалась на прежнемъ мѣстѣ; губы были раздуты, почер-

нѣвшія, ротъ полуоткрытъ, языкъ немного высунутъ и темнаго цвѣта; около щеки на подушкѣ была значительная мокрота, безцвѣтная, окаймленная желто-черноватой полосой. Начали растирать Колю, прибѣгать къ разнымъ домашнимъ средствамъ, чтобы привести его къ жизни до прибытія врачей, за которыми немедленно послали. Первымъ прибылъ д-ръ Гельтманъ, который показалъ, что, при его осмотрѣ, у Коли сердцебіенія уже не было. Предположеніе отца объ отравѣ еще болѣе подтвердилось, когда мать Познанскаго предъявила пузырекъ съ іодистымъ каліемъ, говоря, что когда 18-го апрѣля она вбѣжала въ комнату сына и узнала о его смерти, то ея вниманіе обратилъ на себя этотъ пузырекъ съ лѣкарствомъ, такъ какъ на наружной стѣнкѣ его оказалось много бѣлаго натра; она тотчасъ же спрятала пузырекъ въ химическій шкафъ покойнаго. Въ пузырькѣ оказалось около 4-хъ ложекъ жидкости, мутной отъ плавающихъ въ ней игольчатыхъ кристалловъ; на вкусъ она была черезчуръ горька, что не соотвѣтствуетъ вкусу іодистаго калія. Николаевъ предложилъ попробовать эту жидкость Познанскому и тотъ, какъ знающій хорошо вкусъ морфія, нашелъ, что горечь эта ему кажется схожей съ горечью морфія.

Данныя анатомическаго изслѣдованія трупа Николая Познанскаго, данныя химическаго анализа внутренностей и принимаемаго имъ лѣкарства, въ связи съ обстоятельствами, уясняющими состояніе здоровья умершаго 17-го апрѣля, были представлены на разсмотрѣніе врачамъ-экспертамъ: профессору патологіи и терапіи Манасеину, д-рамъ Бурцеву и Горскому, и всѣ они высказали мнѣніе, что смерть Николая Познанскаго послѣдовала отъ отравленія морфіемъ, чему соотвѣтствуетъ въ особенности гиперемія мозга. Три грана морфія весьма достаточны, чтобы произвести отравленіе человѣка, если только онъ до этого не употреблялъ постоянно излишняго количества спиртныхъ напитковъ или морфія. Примѣсь морфія къ раствору іодистаго калія не можетъ измѣнить ядовитыхъ свойствъ морфія. Отравленіе морфіемъ прекращаетъ жизнь человѣка вслѣдствіе того, что это вещество прекращаетъ дыханіе, чему предшествуетъ глубокая спячка. Іодистый калій, принятый въ прописанныхъ покойному дозахъ, не могъ причинить никакого вреда. Іодистый калій, въ смѣси съ яблочно-кислымъ желѣзомъ, имѣетъ солено-горькій-вяжущій вкусъ и потому присутствіе морфія въ такой смѣси едва ли можетъ быть замѣчено принявшимъ эту смѣсь. Все это привело къ убѣжденію, что смерть Николая Познанскаго послѣдовала отъ отравленія соляно-кислымъ морфіемъ.

Слѣдственныя дѣйствія были направлены на изслѣдованіе, не могъ ли морфій попасть въ лѣкарство случайно, по ошибкѣ аптекаря, или не принялъ ли его покойный съ цѣлью самоотравленія. Собранныя слѣдствіемъ обстоятельства привели къ отрицательнымъ указаніямъ. По свидѣтельству Познанскихъ и Николаева, Коля сталъ принимать лѣкарство съ утра 16-го апрѣля и принялъ въ теченіе 2-хъ дней 6 ложекъ, съ чѣмъ согласуется и оставшееся въ бутылкѣ количество жидкости. Если бы лѣкарство ранѣе вечера 17-го апрѣля было насыщено такимъ количествомъ морфія, какое оказалось по химическому изслѣдованію (3 грана на ложку жидкости), то дѣйствіе его должно было обнаружиться гораздо ранѣе, тотчасъ послѣ пріема первой ложки. 16-го и 17-го апрѣля Николаевъ не находилъ никакихъ явленій, свойственныхъ отравленію морфіемъ, въ состояніи здоровья Коли, и послѣдствія морфія оказались послѣ пріема послѣдней ложки. По показанію отца и матери, Николай Познанскій былъ крайне мнителенъ, тщательно заботился о своемъ здоровьѣ, интересовался узнать всѣ правила гигіены и всегда выполнялъ ихъ. Онъ любилъ жизнь и не высказывалъ какихъ нибудь наклонностей къ мрачному, угнетенному состоянію духа. По показанію одного изъ родственниковъ, Коля, пользуясь хорошимъ здоровьемъ, былъ очень мнителенъ и относился къ своему здоровью чрезвычайно заботливо. Онъ не ужиналъ, выкуривалъ положенное число

папиросъ и вообще слѣдовалъ всѣмъ извѣстнымъ ему правиламъ гигіены. Между нимъ и родителями не было ни малѣйшаго разлада или сколько нибудь серьезныхъ неудовольствій; со стороны родителей не было никакого насилія или принужденія и все ограничивалось совѣтами или увѣщаніями. Изъ показаній всѣхъ домашнихъ выяснилось, что Николай имѣлъ особую комнату, въ которую прислуга не могла входить, пока ее не позовутъ. Въ его комнатѣ находился шкафъ съ химической лабораторіей, въ которой находились сильно дѣйствующіе яды, такъ какъ онъ занимался химіей и хотѣлъ изучать фотографію; у него былъ даже синеродистый калій.

При разслѣдованіи того, какимъ образомъ могъ попасть въ лѣкарство Николая Познанскаго морфій, обнаруженъ былъ цѣлый рядъ обстоятельствъ, которыя заставили заподозрить Маргариту Жюжанъ, которая будучи привлечена къ слѣдствію, отрицала вполнѣ свою виновность. Слѣдствіемъ было обнаружено, что 17-го апрѣля Николай Познанскій долженъ былъ принять лѣкарство въ послѣдній разъ передъ отходомъ ко сну. Послѣ смерти Николая, когда всѣ были заняты приготовленіями къ похоронамъ и разсужденіями о причинѣ смерти, Жюжанъ разсказывала, между прочимъ, что она сама подавала Колѣ принятое имъ въ послѣдній разъ лѣкарство и даже размѣшивала его спичкой. Очевидцевъ подачи лѣкарства не было, но время, когда она произошла, опредѣляется точно. 17-го апрѣля, Жюжанъ, по обыкновенію, пришла къ Познанскимъ къ обѣду (около 3 часовъ), послѣ обѣда Познанская уѣхала съ дочерью въ гости и вернулась около полуночи. Жюжанъ вышла вмѣстѣ съ нею, говоря, что пойдетъ къ Обруцкому пригласить его и кого нибудь изъ товарищей, чтобы Колѣ не было скучно вечеромъ одному; къ чаю она вернулась одна, изъ постороннихъ въ домѣ былъ только давнишній товарищъ Коли, Польшау. Въ этотъ вечеръ Жюжанъ ушла отъ Познанскихъ поздно и предъ самымъ уходомъ заходила въ кухню попросить у служанки огарокъ, чтобъ съ огнемъ спуститься съ лѣстницы. Когда Познанская вернулась домой, Жюжанъ стояла съ Колей въ прихожей у дверей его комнаты и просила Познанскую узнать, можетъ ли Коля пройти къ отцу, чтобы сказать ему покойной ночи. Повидавшись съ отцомъ, Коля ушелъ въ свою комнату, а Познанская, побывъ нѣкоторое время въ спальнѣ, пришла въ кухню, чтобы заказать обѣдъ. Проходя прихожую, Познанская Жюжанъ не видала и думала, что она ушла, но вскорѣ Жюжанъ появилась въ кухнѣ и просила свѣчного огарка. Все это подтвердила и служанка Яковлева. Когда Жюжанъ было предложено разсказать о своемъ пребываніи у Познанскихъ въ вечеръ 17-го апрѣля, то она показала, что, послѣ своего возвращенія отъ Обруцкаго, она не входила въ комнату Коли весь вечеръ, была въ ней только послѣ ужина, когда Польшау ушелъ и Коля, раздѣвшись, легъ въ постель и позвалъ ее къ себѣ, чтобъ она, какъ это не разъ бывало, дала ему свое благословеніе на ночь. Весь вечеръ она была вмѣстѣ со всѣми и только послѣ пошла въ комнату Коли, потому что онъ сказалъ, что ему пора принять лѣкарство и пошелъ въ свою комнату. Пока она дошла до прихожей, Коля стоялъ уже на порогѣ своей комнаты съ пузырьками и ложкой. По просьбѣ Коли, она здѣсь же, у порога, налила въ ложку растворъ іодистаго калія и влила въ него 5 капель желѣза, и Николай выпилъ лѣкарство, послѣ чего пополоскалъ ротъ теплой водой. Затѣмъ, послѣ пріѣзда Познанской, Коля позвалъ ее къ себѣ, когда уже лежалъ въ постели, и она, попрощавшись съ нимъ и взявъ у Яковлевой огарокъ, ушла домой.

Начиная съ того момента, какъ 15-го апрѣля Николаевъ прописалъ Николаю Познанскому лѣкарство, Жюжанъ говорила всѣмъ объ опасномъ состояніи его здоровья и указывала возможность печальнаго исхода болѣзни. Узнавъ, что прописываетъ Николаевъ, Жюжанъ стала говорить, что іодъ слишкомъ сильное средство и что у нихъ, во Франціи, въ такихъ случаяхъ іодъ не даютъ внутрь; потомъ разсказала Колѣ и Надѣ,

какъ одинъ мальчикъ внезапно умеръ отъ припухлости лимфатическихъ железъ. Докторъ Николаевъ, зная мнительность Коли, счелъ своей обязанностью тотчасъ же этотъ разсказъ опровергнуть. 17-го апрѣля, сидя съ Колей и Польшау въ спальнѣ Познанскаго, Жюжанъ разсказывала, что у Обруцкаго видѣли Руадзе, который сказалъ ей, что краснуха болѣзнь опасная и что его знакомый проболѣлъ 6 недѣль и умеръ. Разсказъ этотъ взволновалъ Колю и отецъ упрекнулъ за него Жюжанъ. Руадзе не подтвердилъ сдѣланной на него ссылки и сказалъ, что, напротивъ, говорилъ ей, что болѣзнь эта не представляетъ опасности. Днемъ, 17-го апрѣля, Жюжанъ заходила къ родственницѣ Познанскихъ Кумме и говорила, что Николай очень плохъ, что она боится, чтобы онъ не умеръ и что, вѣроятно, у него вовсе не та болѣзнь, которую находитъ докторъ. Въ ночь на 18-е апрѣля, уходя отъ Познанскихъ, Жюжанъ сказала Яковлевой: «Колѣ худо», чему та не повѣрила, потому что передъ этимъ видѣла Николая бодрымъ и веселымъ.

Въ первыхъ числахъ апрѣля, во время отсутствія Познанскаго изъ города по дѣламъ службы, послѣ обѣда, Жюжанъ попросила у Познанской папироску и, закуривъ, сказала: у васъ папиросы горьки, какъ хина. Познанская на это замѣчаніе не обратила никакого вниманія, но въ тотъ же вечеръ вернувшись домой, была встрѣчена Колей, который заявилъ ей, что его видимо желалъ кто-то отравить, ибо, взявъ одну изъ своихъ папиросъ, отложенныхъ въ ящикъ для куренія на этотъ день и закуривъ ее, онъ почувствовалъ сильную, необычайную горечь во рту, а въ мундштукѣ папиросы оказался бѣлый порошокъ. Коля передалъ матери еще три папироски и въ каждой изъ нихъ тоже оказался подъ ватой бѣлый порошокъ. Коля очень взволновался и прямо сказалъ: «это мнѣ сдѣлалъ только тотъ, кто хорошо знаетъ мои привычки», и потомъ обращаясь къ Жюжанъ, сказалъ: «это сдѣлала ты»; Жюжанъ стала завѣрять въ противномъ и говорила, что это вѣрно хина; но потянувъ изъ папиросы, которую курилъ Коля, стала кричать, что отравлена. Потомъ Жюжанъ толковала это событіе, какъ шутку 1-го апрѣля. Объ этомъ событіи Жюжанъ разсказывала Богдановичу такимъ образомъ, что Николай Познанскій предложилъ ей закурить папироску, отъ которой ей сдѣлалось дурно, такъ какъ ей въ ротъ попало что-то непріятное, и она полагаетъ, что Николай Познанскій потому далъ ей закурить папироску, что думалъ, что не она ли устроила ему эту апрѣльскую шутку. Познанская эти папиросы спрятала до пріѣзда мужа, который, осмотрѣвъ бывшій въ нихъ бѣлый порошокъ, призналъ его за морфій. Познанскій самъ употреблялъ морфій постоянно и банка съ морфіемъ стояла въ спальнѣ въ ящикѣ комода, который не всегда бывалъ запертъ; былъ случай, въ первыхъ числахъ апрѣля, что банка была оставлена въ гостиной на этажеркѣ. Папиросы были уничтожены Познанскимъ. Черезъ нѣсколько дней, Жюжанъ говорила нянѣ Познанскихъ, что она въ одномъ домѣ, гдѣ даетъ уроки, разсказывала о случаѣ съ папиросами и какой-то генералъ объяснилъ ей это событіе такъ: «отецъ Николая Познанскаго служитъ въ жандармахъ; вѣроятно, многихъ, въ теперешнихъ обстоятельствахъ, арестовывалъ,—вотъ ему и мстятъ за это родственники сосланнаго или арестованнаго». Потомъ добавила: «пожалуй, они Колю, когда нибудь, еще разъ отравятъ». На замѣчаніе няни, что въ комнату Коли никто посторонній не входитъ и что зачѣмъ сыну отвѣчать за отца, Жюжанъ ничего не отвѣтила.

Еще до начала слѣдствія, родственники и знакомые высказывали Познанскимъ подозрѣнія въ отравленіи Николая Маргаритою Жюжанъ. Слѣдствіемъ обнаружено, что Жюжанъ состояла съ покойнымъ Познанскимъ въ любовно-половой связи, съ оттѣнкомъ извѣстнаго, особеннаго характера, происходящаго отъ разницы ихъ возрастовъ. Эти отношенія замѣчались всѣми знакомыми, родными, товарищами Коли, подозрѣвались родителями, были извѣстны прислугѣ, но скрывались ею отъ господъ. Отно-

шенія эти возникали постепенно и, развиваясь, принимали различные отт'ѣнки. Жюжанъ лѣтъ пять была знакома съ Познанскими, короткое время жила у нихъ въ домѣ, потомъ стала приходить давать уроки дочери и, съ поступленіемъ ея въ гимназію, отказалась отъ платы и предложила за столъ сопровождать ее въ гимназію и помогать ей въ занятіяхъ по французскому языку. Отношенія Жюжанъ къ Колѣ приняли особенный характеръ послѣ того, какъ ему минуло 14 лѣтъ. Тогда они начали говорить другъ другу «ты», часто цѣловались, искали уединенія. Однажды, въ 1876 г., Познанскій случайно вошелъ въ темную комнату и засталъ, что сынъ его Коля лежитъ на диванѣ и около него сидитъ Жюжанъ. Шумъ, производимый ими, показался отцу подозрительнымъ, похожимъ на то, какъ бы опускалось женское платье или надергивалось одѣяло. На другой день отецъ просилъ сына, по-дружески, разсказать о происходившемъ наканунѣ и сдѣлалъ ему предостереженіе. Коля, не желая лгать, далъ уклончивый отвѣтъ. Познанскій просилъ Николаева, подъ какимъ нибудь предлогомъ освидѣтельствовать Колю, и докторъ не нашелъ никакихъ видимыхъ слѣдовъ преждевременнаго развитія половыхъ органовъ. Отношенія Коли къ Жюжанъ ничуть не измѣнились, она оставалась съ Колей въ его комнатѣ, въ особенности когда онъ ложился спать, и засиживалась у него до 2-хъ и 3-хъ часовъ ночи. На 15 году Коля очень быстро сталъ измѣняться, въ теченіе двухъ лѣтъ онъ превратился изъ мальчика въ рослаго, красиваго юношу. Вмѣстѣ съ тѣмъ произошла и нравственная перемѣна: онъ сталъ прилежно заниматься, полюбилъ чтеніе, музыку, пристрастился къ химіи. Отецъ, подозрѣвая вредное отношеніе Жюжанъ къ его сыну, старался воспользоваться его быстрымъ развитіемъ, полагая, что для того, чтобъ избавить Колю отъ вліянія Жюжанъ, это будетъ лучшимъ средствомъ, чѣмъ изгнаніе ея изъ дома. Вслѣдствіе этого, онъ подарилъ Колѣ химическую лабораторію, фотографическій аппаратъ, позволялъ ему приглашать товарищей и посѣщать ихъ, а также домá, гдѣ были дѣвицы его возраста; послѣ этого стало замѣчаться измѣненіе въ его отношеніяхъ къ Жюжанъ: у нихъ стали возникать ссоры, сначала не часто, а потомъ все чаще и чаще и выражались со стороны Жюжанъ въ истерикахъ, иногда требовавшихъ даже призыва врача. Сестра Коли показала, что однажды она вошла съ младшимъ братомъ въ комнату Коли, который сидѣлъ за столомъ и читалъ книгу. Жюжанъ сидѣла на кушеткѣ. Когда они вошли, Коля сказалъ, чтобъ они заняли Жюжанъ, такъ какъ она ему мѣшаетъ читать. Потомъ онъ просилъ, чтобъ они замолчали, а когда Жюжанъ стала требовать, чтобъ онъ самъ ихъ оставилъ, то Коля сказалъ брату: «поди къ мамѣ и попроси ее убрать изъ моей комнаты Маргариту». Тогда Жюжанъ подошла къ Колѣ, схватила его за ухо и сказала: «подумай, что ты дѣлаешь»; на это Коля схватилъ стулъ и сталъ гнать Жюжанъ изъ комнаты, а та дала Колѣ пощечину. Коля схватилъ лежавшій на столѣ маленькій кинжалъ и закричалъ: «уберите ее отъ грѣха»! Познанская и няня прибѣжали на этотъ шумъ и заперли Колю, уведя Жюжанъ. По ихъ словамъ, Коля былъ внѣ себя и тогда же сказалъ: «Маргаритѣ не мѣсто въ нашемъ домѣ». По свидѣтельству одного изъ родственниковъ, Коля, ему казалось, тяготился своими отношеніями къ Жюжанъ, а раздраженное ея состояніе усилилось въ особенности за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Коли. Въ концѣ 1877 и началѣ 1878 г. Коля бывалъ часто въ семействѣ П—скихъ, гдѣ была 16-ти-лѣтняя дочь, которая ему, видимо, нравилась. Жюжанъ зорко слѣдила за новыми знакомыми Коли и однажды выманила у сестры Коли одну изъ записокъ, которыми обмѣнивались молодые люди, и прочла. Жюжанъ стала добиваться бывать на всѣхъ товарищескихъ пирушкахъ Коли, держала себя съ молодыми людьми свободно, вмѣшивалась въ отношенія Коли къ его товарищамъ, пила съ ними брудершафтъ на «ты» и особеннымъ ихъ уваженіемъ не пользовалась.

Въ первой половинѣ апрѣля с.-петербургскимъ градоначальникомъ пе-

редано на разсмотрѣніе начальника губернскаго жандармскаго управленія анонимное письмо на французскомъ языкѣ, въ которомъ нѣкто Василій (Basil) извѣщаетъ градоначальника, что образовался заговоръ подъ главенствомъ ученика гимназіи, Николая Познанскаго, при участіи трехъ студентовъ, которые въ квартирѣ полковника Познанскаго, въ комнатѣ Николая, имѣютъ химическую лабораторію, въ которой уже три мѣсяца какъ приготовляютъ ядъ для отравленія градоначальника. Далѣе въ письмѣ излагается, что Николай Познанскій, имѣя въ семьѣ своей большую свободу, возвращается домой пьяный и поздно, и что этотъ несчастный, несмотря на свои 17 лѣтъ, имѣетъ уже трехъ любовницъ, изъ которыхъ одна *полька* и притомъ *нигилистка въ высшей степени* (au plus haut degré). Полковникъ Познанскій узналъ о существованіи этого письма 21-го апрѣля и тотчасъ же призналъ, что авторъ этого доноса Жюжанъ. Письмо это было подвергнуто экспертизѣ, какъ для сличенія почерка, такъ и для изслѣдованія нѣкоторыхъ особенностей, относящихся къ слогу и правописанію текста означеннаго письма. Эксперты признали, что несомнѣнно почеркъ Жюжанъ имѣетъ полное сходство съ почеркомъ анонимнаго письма. Учителя французскаго языка высказали, что слогъ письма неправильный, но въ немъ встрѣчаются совершенно французскія выраженія, при чемъ неправильные обороты рѣчи и грамматическія ошибки сдѣланы какъ бы умышленно. Умышленность ошибокъ явствуетъ изъ того, что слова трудныя написаны правильно, а обыкновенныя—съ грубыми ошибками, какихъ не можетъ сдѣлать владѣющій въ такой степени языкомъ, какъ авторъ письма; нѣкоторыя буквы изображены такъ, какъ пишутъ ихъ природные французы.

Няня и служанка Познанскихъ удостовѣрили, что имъ было положительно извѣстно о любовной связи покойнаго Николая съ Жюжанъ, но что вначалѣ онѣ стѣснялись объ этомъ заявить. Жюжанъ, отрицая свою виновность, отрицала и всѣ эти обстоятельства, утверждая, что къ Николаю питала чувство обыкновенной привязанности наставницы къ ученику. Во время предварительнаго слѣдствія, въ цѣломъ рядѣ писемъ на имя слѣдователя и прокурора, она дѣлала намеки на возможность ошибки аптеки, потомъ намекала на то, что во время ея отсутствія Колю кто-то отравилъ, далѣе говорила о возможности самоотравленія и въ концѣ слѣдствія заявила прямое обвиненіе въ отравленіи Николая его близкими родными. На требованія изложить доводы этого послѣдняго обвиненія, Жюжанъ отвѣтила, что представить таковыхъ не можетъ и что въ началѣ слѣдствія она этихъ заявленій не дѣлала потому, что самое это подозрѣніе созрѣло у нея недавно.

На основаніи всего этого, Жюжанъ была предана суду по обвиненію въ отравленіи Николая Познанскаго, что составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное 1453 ст. Улож. о наказ.

Засѣданіе по этому дѣлу происходило въ С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, 6—8 ноября 1878 г. Обвинялъ подсудимую товарищъ прокурора *Шидловскій*, защищалъ—прис. повѣренный *Хартулари*.

Часть засѣданія 7-го ноября была произведена при закрытыхъ дверяхъ.

Подсудимая себя виновною не признала.

Главнѣйшіе свидѣтели подтвердили въ подробности приведенныя выше обстоятельства. Эксперты-врачи и эксперты по части сличенія почерка, а также относительно слога и правописанія доноса на французскомъ языкѣ—тоже подтвердили свои первоначальныя объясненія.

На судѣ были, по просьбѣ защиты, прочитаны обширныя выдержки изъ дневника Николая Познанскаго, а по требованію товарища прокурора, письмо 16-ти лѣтней дѣвицы П—ой, взятое Жюжанъ отъ сестры по-

койнаго, и представленный П—ою отвѣтъ на это письмо. Въ письмѣ своемъ П—ая, между прочимъ, говоритъ: ...«не знаю, шутите вы или нѣтъ, только къ чему это постоянное упрашиваніе полюбить васъ? Вы знаете—«насильно милъ не будешь» и «отечества для сердца нѣтъ»; я вамъ сказала разъ навсегда, что люблю васъ, какъ добраго и хорошаго юношу, но иначе любить не буду никогда; чѣмъ же я виновата, если это васъ не удовлетворяетъ? А если вы будете ко мнѣ приставать съ приторными комплиментами, съ чувствами не существующими или съ просьбою о любви, которой я не могу вамъ дать, я васъ разлюблю. Будьте паинькой и, если хотите мнѣ нравиться, то будьте всегда такимъ, какимъ были какъ-то у насъ, помните? Вы къ намъ пришли разъ въ субботу, у насъ никого не было, и мы съ вами болтали, занимались математикой и геометріей. Будьте такимъ, какъ тогда, и я всегда буду любить васъ».

Въ отвѣтъ на это Познанскій писалъ: «я крайне и крайне удивленъ вашимъ письмомъ. Эти упреки не заслужены. Не пугайтесь, пожалуйста, моего «люблю», моя любовь къ вамъ—самая чистая, любовь дружеская, братская. Отъ васъ мнѣ нечего ждать такой любви, и потому, если бы серьезно искалъ ея, не погладилъ бы себя по головѣ, постоянное же упрашиваніе полюбить меня (да еще упрашиваніе производится при свидѣтеляхъ), конечно, шутка. Вы меня любите, «какъ добраго и прекраснаго юношу», ну и прекрасно. Прибавлю еще: если бы я васъ любилъ «иначе», то мои намеки высказывали бы ревность, а ревновать, да еще открыто, крайне глупо. Если же я васъ не люблю (любовью, которую будто, прошу у васъ), а выпрашиваю взаимности, то какъ назвать подобный поступокъ? Я надѣюсь, что не такъ низко стою въ вашемъ мнѣніи! Любить «иначе» я не могу, да и не хочу никого, а къ вамъ, какъ сказалъ выше, питаю любовь друга и брата. Надѣюсь, что такая любовь еще святѣе, чѣмъ любить «иначе», и думаю, что за такую любовь вы не можете претендовать на меня. Извольте, я буду паинькой, *но безъ всякихъ условій*, и о любви съ моего языка не сорвется ни единое слово. Будьте спокойны. Съ надеждой, что все будетъ забыто, остаюсь вашимъ (если вамъ угодно) Николаемъ Познанскимъ».

Въ дневникѣ своемъ Николай Познанскій, между прочимъ, пишетъ: «Я разочарованъ. Смѣшно, говорятъ, разочарованіе въ мои годы. Чѣмъ больше живешь, тѣмъ больше узнаешь, чѣмъ больше узнаешь, тѣмъ больше видишь, что многія мысли неосуществимы, что нѣтъ никогда, нигдѣ, ни въ чемъ порядка.

«Долженъ ли я упрекать себя въ чемъ либо? Много бы я отвѣчалъ на этотъ вопросъ, если бы не боялся, что тетрадь эта попадется въ руки отца или кого другого и онъ узнаетъ прежде времени тайну моей жизни съ 14 лѣтъ. Много перемѣнъ, много разочарованія, многія дурныя качества появились во мнѣ. Кровь моя съ этого возраста приведена въ движеніе; движеніе крови повело меня ко многимъ такимъ поступкамъ, что, при воспоминаніи о нихъ, холодный потъ выступаетъ у меня на лбу. Я понялъ свою доброту, доведенную до глупости, и сдержу себя; мое сердце, не выдерживавшее прежде малѣйшихъ страданій ближнихъ, повидимому, окаменѣло, и хотя я иногда страдаю очень, очень сильно, но не легко замѣтить это. Изъ природнаго флегматизма развилось искусственное хладнокровіе. Сила воли выработалась изъ упрямства, спасшаго меня. Когда я стоялъ на краю погибели, я сталъ атеистомъ. Дорого бы далъ за обращеніе меня вновь въ христіанство. Много такихъ взглядовъ получалъ я, до которыхъ врагу своему не желаю додуматься; таковъ, напр., взглядъ на отношенія къ родителямъ и женщинамъ. На сколько возможно, стараюсь не имѣть кумира. Но кумиръ нашелся; мой кумиръ—я самъ; себя я люблю, о себѣ пекусь такъ, какъ дай Богъ всякой матери заниматься своими дѣтьми.

«Меня кормятъ, одѣваютъ и пр., но все это мнѣ въ тягость. Мнѣ хо-

чется какъ можно скорѣе проживать мои средства, а не отца. Работы! работы! Конечно, отецъ ни за что не позволитъ, чтобы я вносилъ свою лепту на нашу семейную жизнь. Правда, я буду жить, я буду работать и авось эта работа поможетъ мнѣ отплатить родителямъ добромъ за ихъ заботы въ моей молодости и сдѣлаться полезнымъ гражданиномъ. Но еще долго остается тереть лямку: 2½ года въ гимназіи, а потомъ 5 лѣтъ въ академіи, и смѣшно тогда дѣлаться полезнымъ, когда остается 10 лѣтъ жизни.

«Свѣтло ли мое будущее? Недовольный типами человѣчества, я наврядъ ли найду человѣка, подходящаго подъ мой взглядъ и придется проводить жизнь solo. А тяжела жизнь въ одиночествѣ, тяжело, когда тебя не понимаютъ, не оцѣнятъ! Я ставлю себя на высочайшій пьедесталъ, но многіе о себѣ такого высокаго мнѣнія. Какъ человѣкъ, я не буду оцѣненъ. Вся надежда на медицину и музыку, съ помощью ихъ я могу прославиться. Но на это надо и геніальность, и шарлатанство, и долгая жизнь съ крѣпкимъ здоровьемъ. Не имѣя никакихъ средствъ, кромѣ пары рукъ и головы, мнѣ придется съ трудомъ пробивать дорогу и дѣлать свою карьеру. Авось, однако, мнѣ въ этомъ помогутъ самолюбіе и настойчивость! Во всякомъ случаѣ, не скоро доживу то того времени, когда моя слава будетъ гремѣть».

Рѣшеніемъ присяжныхъ подсудимая *оправдана.*

Господа присяжные засѣдатели! Двухдевное судебное слѣдствіе и оживленныя пренія сторонъ дали вамъ богатый и разнообразный матеріалъ; онъ такъ великъ и имѣетъ такую разнородную доказательную силу, что, быть можетъ, вамъ полезно получить отъ меня нѣсколько указаній на тѣ пріемы, посредствомъ которыхъ надо обсуждать и оцѣнивать этотъ матеріалъ. Законъ обязываетъ меня дать вамъ эти указанія, но отнюдь не считаетъ ихъ обязательными для васъ.

Вамъ говорилось о характерѣ преступленія, подлежащаго вашему разсмотрѣнію. Указанія обвинителя согласны съ сущностью этого преступленія и съ обыкновенною житейскою обстановкою его. Дѣйствительно, это преступленіе коварное и, если можно такъ выразиться, трусливое. Совершитель отравленія не имѣетъ обыкновенно той смѣлости, которая заставляетъ болѣе или менѣе рисковать собою, нападая на другого. Онъ дѣйствуетъ тайно и иногда съ видимымъ спокойствіемъ удаляется прочь, когда его орудіе и невидимый союзникъ—ядъ—только еще начинаетъ свое дѣло. Между орудіемъ преступленія и виновникомъ нѣтъ, обыкновенно, непосредственной, тѣсной связи, ему нечего бояться брызгъ крови отъ удара ножомъ, криковъ жертвы, борьбы съ нею, шума и дыма выстрѣла. Когда ядъ начнетъ дѣйствовать, виновникъ можетъ быть уже въ полной безопасности, скрывая и извращая слѣды своего участія, а иногда даже приходя съ лицемѣрною и позднею помощью. Коварство—главное свойство отравленія. Оно продуктъ слабости, а не силы,—ненависти и корысти, но никогда не гнѣва. Изъ этихъ свойствъ отравленія вы-

текаетъ трудность собранія доказательствъ,—изъ нихъ же вытекаетъ, съ другой стороны, и возможность широкихъ предположеній и догадокъ, не всегда основанныхъ на дѣйствительныхъ обстоятельствахъ или на вѣрной и спокойной ихъ оцѣнкѣ. Когда предлагается вопросъ объ отравленіи, первое, что должно занять вниманіе—это вопросъ о томъ, было ли отравленіе? Не имѣемъ ли мы дѣла съ естественною смертью? Если найдено, что отравленіе было, тогда, естественно, взоры обращаются къ тому, кто заподозрѣнъ. Изучается его личность, для того, чтобы опредѣлить, былъ ли онъ способенъ на такое преступленіе, и затѣмъ разсматриваются его отношенія къ покойному. Онѣ должны содержать отвѣтъ на то, была ли причина ненависти, былъ ли поводъ къ такому ея проявленію. Но это далеко не все. Этого достаточно для того, чтобы *заподозрить* человѣка. Но для того, чтобы *обвинять*, необходимо, чтобы между отравою и личностью заподозрѣнною была связь, было соединеніе, смычка. Для того же, чтобы *обвинить*, чтобы выразить не мимолетное мнѣніе, а обдуманный и взвѣшенный приговоръ о судьбѣ человѣка, всегда необходимо, чтобы это соединеніе было прочно, чтобы оно выдерживало серьезный напоръ возраженій.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ большинствѣ дѣлъ объ отравленіи нельзя искать и странно было бы требовать прямыхъ доказательствъ виновности. Самая природа преступленія противорѣчитъ этому. Могутъ быть только улики, только косвенныя доказательства, изъ которыхъ должно складываться предположеніе о виновности, о томъ, что именно *это* лицо дало *этотъ* ядъ и что иначе объяснить себѣ его присутствіе въ организмѣ—невозможно. Предположеніе это должно быть вѣское, должно покоиться на твердо установленныхъ данныхъ дѣла. Если житейскій опытъ, если обстоятельства дѣла говорятъ, что это предположеніе самое правильное, что оно естественно и неуклонно вытекаетъ изъ свѣдѣній о личности обвиняемаго, объ его отношеніяхъ къ отравленному, объ его дѣйствіяхъ, то смычка между личностью обвиняемаго и найденнымъ ядомъ существуетъ, и обвиненіе тѣмъ болѣе доказано, чѣмъ прочнѣе эта смычка. Но если, на ряду съ предположеніемъ о существованіи связи между личностью обвиняемаго и ядомъ, можно представить нѣсколько противоположныхъ, но равно правдоподобныхъ, равно логичныхъ и практическихъ соображеній и предположеній, основанныхъ тоже на прочно доказанныхъ фактахъ дѣла, то смычка можетъ быть разорвана, и обвиненіе должно оказаться шаткимъ.

Итакъ, умеръ ли Николай Познанскій естественною смертью или отъ яду? Вы слышали экспертизу. Она произведена профессоромъ-спеціалистомъ при участіи прозектора и полицейскаго врача, которые, по своей спеціальности, особенно привыкли обращаться съ трупами и видѣли на своемъ вѣку многихъ людей, умершихъ естественною смертью или насильственною, отъ своей или чужой руки. Двое послѣднихъ сами производили вскрытіе Николая Познанскаго и говорятъ намъ не о томъ, что слышали отъ другихъ или прочли, а о

томъ, что видѣли. Вы знаете, какъ шло ихъ изслѣдованіе. Они двигались ощупью, боясь ошибиться, тщательно изслѣдуя почву подъ ногами. Они долго колебались, прежде чѣмъ произнесли роковое слово—*отравленъ*. Они призывали къ себѣ на помощь другихъ спеціалистовъ и, въ окончательномъ результатѣ, свидѣтельствуютъ здѣсь, что Познанскій лишился жизни отъ пріема морфія въ количествѣ, достаточномъ для причиненія смерти взрослому человѣку. Когда экспертиза произведена знающими людьми и съ тою осторожностью и недовѣрчивостью къ себѣ, которыя вызываются ея важностью для дѣла—ей можно вѣрить. Вы, конечно, можете ее отвергнуть, но такъ какъ, вѣроятно, вы этого не сдѣлаете, то вамъ надо будетъ перейти къ разсмотрѣнію свѣдѣній о личности Жюжанъ, о характерѣ и свойствѣ отношеній ея къ покойному.

Въ этомъ отношеніи данныя дѣла раздѣляются на двѣ группы—*за* и *противъ* Жюжанъ. Къ первой группѣ относятся показанія свидѣтеля Мягкова, квартирныхъ хозяекъ подсудимой и письма, написанныя къ ней и о ней, представленныя вамъ на судѣ. У васъ можетъ явиться мысль, что тѣ, кто въ письмахъ такъ горячо относится къ ней, такъ молитъ Бога поддержать ее въ несчастіи, — лучше бы сдѣлали, если бы явились сюда подкрѣпить живымъ словомъ свое письменное участіе къ Жюжанъ. Но я долженъ вамъ объяснить, что свидѣтели такого рода могли явиться лишь въ случаѣ вызова ихъ подсудимою. Явка въ судъ и продолжительное ожиданіе допроса не всегда признаются пріятною обязанностью, а эти лица принадлежатъ къ тѣмъ, въ средѣ и въ заведеніяхъ которыхъ Жюжанъ давала уроки. Если она увѣрена въ своей невиновности, если она питаетъ надежду выйти изъ суда оправданною, естественно, что она не хочетъ тревожить тѣхъ, къ кому ей, можетъ быть, придется обратиться потомъ за помощью—и она ограничивается ихъ письмами. Вамъ было представлено весьма характеристическое раздѣленіе знакомыхъ Жюжанъ на два слоя. Въ одномъ Жюжанъ была строгою, высоко-нравственною воспитательницею, въ другомъ—сама собою, совсѣми порывами страстной французской натуры, вращающейся въ средѣ русскаго распущеннаго добродушія. Свидѣтельство, идущее изъ перваго слоя, должно поэтому рисовать передъ вами не настоящую, а искусственную Жюжанъ—и не заслуживаетъ довѣрія. Вы оцѣните основательность такого раздѣленія знавшихъ Жюжанъ, но вы примете, однако, во вниманіе живыя національныя особенности подсудимой, при которыхъ, быть можетъ, ей было бы трудно постоянно играть роль и раздвояться, а также и то, что ея квартирныя хозяйки едва ли могутъ быть отнесены къ первому слою.

Вторая группа данныхъ весьма разнообразна. Преже, чѣмъ оцѣнивать ихъ, я совѣтую вамъ припомнить, что обыкновенно, когда преступленіе или какое нибудь тягостное событіе взволновываетъ и иногда даже совершенно разбиваетъ какой нибудь кружокъ или семью, то подозрѣнія и предположенія, спавшія мертвымъ сномъ до событія, вдругъ всплываютъ наружу самымъ неожиданнымъ образомъ.

Тутъ появляется обыкновенно то, что можно назвать предусмотрительностью заднимъ числомъ. Рядомъ съ этимъ, подозрительность нерѣдко внушаетъ такое одностороннее истолкованіе фактовъ, что на дѣлѣ, рядомъ съ серьезными уликами, образуются излишнія наслоенія, лишенные внутренняго содержанія пузыри.

Обязанность суда, гг. присяжные засѣдатели, срѣзать эти наслоенія, снять эти пузыри. Къ такимъ даннымъ, которыя можно безъ ущерба для справедливости выбросить совершенно изъ соображеній по дѣлу, относятся — разсказъ о котлетахъ, поданныхъ наканунѣ смерти Николаю Познанскому и возвращенныхъ въ кухню «въ растерзанномъ видѣ», и разсказъ о подкупѣ подсудимою няни Рудневой. Исторія о котлетахъ явилась на судѣ такъ неожиданно, такъ непровѣренно и неопредѣленно, что ей нельзя придавать значенія, а о подкупѣ Рудневой тоже трудно сказать что нибудь точное. Могло быть недоразумѣніе, весьма понятное между русскою нянею и француженкою, не умѣющей правильно употреблять слово «свой», «себѣ». Но судъ долженъ имѣть дѣло съ фактами, а не съ недоразумѣніями. Здѣсь говорилось много о поведеніи Жюжанъ во время похоронъ Познанскаго и въ первое время по полученіи извѣстія о его смерти. Поведеніе подсудимой, послѣ совершенія приписываемаго ей преступленія, можетъ быть разсматриваемо двояко: какъ рядъ дѣйствій, выражавшихъ стремленіе скрыть слѣды преступленія, отклонить или направить изслѣдованіе на ложный путь,—или какъ рядъ поступковъ, словъ, движеній, выражающихъ душевное ея настроеніе. Дѣйствія для скрытія слѣдовъ преступленія должны подлежать тщательной провѣркѣ; иногда онѣ содержатъ въ себѣ неотразимыя указанія на виновность. Но душевное настроеніе обвиняемаго послѣ приписываемаго ему преступленія—эта скользкая почва, на которой возможны весьма ошибочные выводы, произвольность которыхъ бываетъ связана съ отсутствіемъ какихъ либо для нихъ границъ. Лучше не ступать на эту почву, ибо на ней нѣтъ ничего безспорнаго. Подсудимая цѣловала голову отца Познанскаго, убирала гробъ его сына цвѣтами, ночевала невдалекѣ отъ трупа; встревоженная и ослабѣвшая, по словамъ юнкера Бергера, въ первую минуту, она была потомъ, повидимому, спокойна и только на послѣдней панихидѣ впала въ истерику и звала г-жу Познанскую, отъ которой передъ тѣмъ получила на память запонки отравленнаго. Какая закоренѣлость, какое преступное бездушіе!—воскликнутъ одни... А быть можетъ спокойствіе сознаваемой невиновности—отвѣтятъ другіе. Гдѣ правда? Гдѣ мѣрило для оцѣнки значенія душевнаго настроенія Жюжанъ? Несомнѣнно лишь то, что горе, которое, какъ близкая въ семьѣ Познанскихъ, Жюжанъ должна была чувствовать, если она была невиновна, *могло* выразиться въ рядѣ дѣйствій, о которыхъ я только что сказалъ. И свидѣтели, и подсудимая—въ этомъ согласны. Но законовъ для выраженія горя не существуетъ. Горе и радость, больше чѣмъ всѣ другія душевныя настроенія и порывы, не подходятъ подъ какія либо психологическія правила. Все зависитъ отъ личныхъ

свойствъ, отъ темперамента, отъ нервности, отъ обстановки, отъ впечатлительности. Одного горе поражаетъ сразу и «отпускаетъ» понемножку; другіе его принимаютъ бодро и холодно, но хранятъ его въ душѣ, какъ вино, которое тѣмъ сильнѣе, чѣмъ старше. Отъ одного и того же нравственнаго удара одинъ человѣкъ застываетъ и, уходя въ себя, не въ силахъ даже облегчить себя слезами, тогда какъ другой разливается рѣкою слезъ. Вотъ почему, господа, вы можете оставить поведеніе Жюжанъ, послѣ смерти Познанскаго, безъ разсмотрѣнія. Но если вы пожелаете ему придать значеніе, то въ интересахъ правосудія, совѣтую вамъ смотрѣть на него, какъ на послѣднюю дополнительную черту къ преступленію, которое передъ вами «доказано», а не какъ на улику, «доказывающую» преступленіе, въ которомъ обвиняется подсудимая.

Когда эта группа данныхъ будетъ очищена отъ излишнихъ наслоеній, въ ней останется рядъ показаній объ отношеніяхъ между Жюжанъ и покойнымъ Познанскимъ. Подсудимая говорила здѣсь, что все существенное, что показываютъ эти свидѣтели—ложь или, какъ она выразилась, «вранье». Вы припомните весь рядъ этихъ свидѣтелей, начиная съ шести молодыхъ учащихся людей, въ обществѣ которыхъ Жюжанъ, по ихъ словамъ, допускала слишкомъ вольное съ собою обращеніе,—переходя къ нянѣ Рудневой и горничной Яковлевой, которыя слышали отъ нея сознанія, исполненныя грязныхъ подробностей о ея связи съ невышедшимъ еще изъ отрочества Познанскимъ,—и кончая Татьяною Казанской, которая, не щадя и себя, нарисовала предъ вами послѣдствія ея пированья съ Жюжанъ. Если вы найдете, что всѣ эти свидѣтели, несмотря на разность лѣтъ, положеній и отношеній къ Жюжанъ, несмотря на связующую ихъ всѣхъ присягу, поголовно говорятъ ложь, вы отвергнете ихъ показанія, и въ дѣлѣ останется пробѣлъ, который трудно будетъ чѣмъ либо наполнить; но если вы не отвергнете эти показанія, то вамъ придется припомнить существенныя ихъ черты и дополнить разсказами Николая Познанскаго. Эти существенныя черты содержатъ въ себѣ указанія на первоначальную нѣжность отношеній между Жюжанъ и ея ученикомъ, котораго расположилъ къ ней ея веселый, необидчивый нравъ,—на довольно скорый переходъ отъ нѣжности къ страсти со стороны Жюжанъ и къ пробужденію инстинктовъ въ Познанскомъ, послѣдствіемъ котораго явились ихъ близкія отношенія между собою. Если признавать существованіе этихъ отношеній, то необходимо имѣть въ виду, что по самой разности лѣтъ, отношенія эти не могли долго оставаться одинаковыми. По естественному ходу вещей, каждый мѣсяцъ долженъ былъ приближать подсудимую къ старости, каждый мѣсяцъ долженъ былъ открывать предъ мужавшимъ отрокомъ, который притомъ пользовался полною свободою, новые горизонты и возможность иныхъ, лучшихъ отношеній. Отсюда могли, по мнѣнію обвинителя, вытекать охлажденіе съ одной стороны и стремленіе удержать за собою привязанность юноши съ другой стороны, стре-

мленіе, отъ котораго легокъ переходъ къ ревности. Житейскій опытъ поможетъ вамъ, гг. присяжные, освѣтить эту часть дѣла надлежащимъ образомъ, а память возстановитъ разныя мелочныя подробности, о которыхъ вы слышали преимущественно при закрытыхъ дверяхъ. Для оцѣнки характера этихъ отношеній, во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ забывать неотвергаемой и самою подсудимою сцены ссоры съ Николаемъ Познанскимъ, начавшейся требованіемъ Познанскаго, чтобы Жюжанъ увели изъ его комнаты, за что она взяла его за ухо, и кончившейся тѣмъ, что приведеннаго въ изступленіе юношу пришлось крестить и запирать на ключъ. Не надо упускать изъ виду и того циническаго выраженія покойнаго о Жюжанъ, которое написалъ вчера, по моему предложенію, на бумагѣ гимназистъ Соловьевъ. Если вы повѣрите ему, что такія именно слова были произнесены Познанскимъ въ кругу товарищей, то вы, конечно, найдете, что въ нихъ нѣтъ слѣда любви, нѣжности или просто даже уваженія, съ которымъ обыкновенно относится молодое существо къ предмету своей привязанности, и что онѣ представляютъ собою выраженіе грубаго, чувственнаго молодечества, отъ котораго недалеко до охлажденія и даже до отвращенія. Когда предъ вами, такъ или иначе, выразится Жюжанъ въ отношеніяхъ своихъ къ Николаю Познанскому, вамъ придется вернуться къ причинѣ смерти его—отравленію и удостовѣриться, существуетъ ли между ядомъ въ тѣлѣ Познанскаго и Маргаритой Жюжанъ та связь, та смычка, о которой я вамъ говорилъ.

Данныя, которыя должны смыкать отравителя съ его жертвою, распадаются на два неизбѣжныхъ звена:—желаніе причинить вредъ—и самое причиненіе вреда. Онѣ должны быть тѣсно связаны одно съ другимъ,—онѣ немыслимы, при умышленномъ отравленіи, одно безъ другого.

Разсматривая вопросъ о желаніи Жюжанъ причинить вредъ или погибель Познанскому, вы прежде всего остановитесь на доносѣ. Онъ былъ подвергнутъ двоякой экспертизѣ, по содержанію и по способу письма. Защита доказывала вамъ, что каллиграфическая экспертиза вообще не заслуживаетъ довѣрія. Я долженъ сказать, что хотя такая экспертиза въ послѣднее время, въ особенности во Франціи, и сдѣлала большіе успѣхи, но она еще не достигла полной степени совершенства. Здѣсь, впрочемъ, экспертомъ Буевскимъ былъ употребленъ не только прежній пріемъ сравненія очертанія буквъ, но и новый пріемъ изслѣдованія «привычекъ» письма. Поэтому экспертиза эта представляется произведенною съ достаточною полнотою. Рядомъ съ нею идетъ экспертиза «стиля», т. е. языка доноса. Еслибъ экспертизы расходились или противорѣчили одна другой, ихъ бы слѣдовало исключить изъ числа соображеній, но онѣ сходятся въ выводахъ. Вы столь внимательно вникали въ производство ихъ, сами тщательно разсматривая, читая и сличая доносъ, что, конечно, придете въ оцѣнкѣ экспертизъ этихъ къ правильному выводу. Напомню только, что эксперты второго рода

признали, что доносъ написанъ человѣкомъ, владѣющимъ французскимъ языкомъ, но съ такими грубыми ошибками, которыхъ не нарочно не можетъ сдѣлать знающій языкъ и не дѣлаютъ обыкновенно учащіеся языку. Могъ ли русскій лакей Василій, прислуживавшій на гимназической пирушкѣ, написать такое письмо—разрѣшите вы сами.

Переходя къ обсужденію *значенія* этого доноса, приходится встрѣтиться съ двумя крайними мнѣніями. Защита, не допуская вообще возможности написанія этого доноса, высказываетъ предположеніе, что еслибъ онъ и былъ написанъ подсудимою, то не иначе, какъ въ видѣ шутки, необдуманной и глупой, но все-таки шутки. Обвиненіе видитъ въ доносѣ проявленіе глубокой и долго сдерживаемой ненависти противъ Познанскаго и всей его среды. Это крикъ неразборчиваго и ослѣпленнаго мщенія, желающаго гибели отнимаемому и отнимающимъ. Вы припомните обстановку подсудимой и то, что она всего болѣе была близка съ семействомъ, гдѣ она не могла не слышать неоднократно о томъ, какіе тяжелые результаты могутъ имѣть обвиненія въ родѣ тѣхъ, которыя взводятся въ доносѣ на Познанскаго и товарищей его, гдѣ она не могла не понять, какимъ, въ тревожныя времена, опаснымъ оружіемъ является доносъ съ обвиненіемъ «въ дистиллированіи ядовъ для цѣлей образовавшагося заговора». Вы опредѣлите такимъ образомъ, могла ли здѣсь быть только шутка и для чего было такъ странно шутить. Если окажется, что это мало похоже на шутку, то придется обратиться къ предположенію обвиненія о томъ, что желаніе погубить Николая Познанскаго было довольно несомнѣннымъ. Но, обсуждая обвиненіе съ этой стороны, слѣдуетъ, однако, разрѣшить вопросъ: было ли это исключительное желаніе гибели этого юноши, суда надъ нимъ, строгой кары, которая отразилась бы на всей его жизни?—не былъ ли доносъ вызванъ желаніемъ вернуть къ себѣ охладѣвающаго юношу, котораго отвлекаетъ кружокъ молодыхъ людей и дѣвушекъ — и для этого разогнать, распугать этотъ кружокъ производствомъ о нихъ какого-то «дѣла», которое, безъ сомнѣнія, кончилось бы пустяками, ибо не имѣло бы фактическихъ основаній, но которое заставило бы испуганныхъ родителей принять мѣры, чтобы дѣти побольше сидѣли дома, съ книгами и друзьями, въ родѣ Маргариты Жюжанъ, и поменьше бывали въ навлекающемъ подозрѣніе кружкѣ. Вы оцѣните каждое изъ этихъ трехъ возможныхъ объясненій доноса и остановитесь на томъ, которое ближе другихъ къ жизни и характеру подсудимой.

Второе звено—*причиненіе вреда* должно заставить васъ тщательно обсудить рядъ предположеній, высказанныхъ на слѣдствіи и вытекающихъ изъ дѣла. Но прежде всего, два слова о предположеніи самой подсудимой, помѣщенномъ въ обвинительномъ актѣ, и о которомъ говорилъ здѣсь полковникъ Познанскій. Хотя о немъ въ преніяхъ не упоминалось и самая чудовищность такого обвиненія противъ родителей, повидимому, остановила и Жюжанъ отъ повторенія

его на судѣ, но я все-таки считаю нужнымъ напомнить вамъ отношенія семьи къ покойному, воспоминанія о которыхъ должны изгладить самый слѣдъ такого подозрѣнія. Вы найдете, можетъ быть, что въ семьѣ этой, къ сожалѣнію, невмѣшательство въ поведеніе сына основывалось не на разумной свободѣ дѣйствій, а на смутной неопредѣленности отношеній, и что между распущенностью перезрѣлаго организма съ одной стороны и неокрѣпшимъ духовно и физически организмомъ сына—съ другой, родительская власть не становилась, какъ преграда, не только законная, но, въ данномъ случаѣ, даже обязательная. Но вы найдете также, безъ сомнѣнія, въ показаніяхъ родителей, данныхъ предъ вами, такую горячую любовь къ сыну и такую глубокую скорбь о его безвременной кончинѣ, что вы рѣшительно отвергнете всякую, даже отдаленную, возможность мрачнаго предположенія Маргариты Жюжанъ. Оно не болѣе, какъ змѣйка, которая скользнула по дѣлу, никого не успѣвъ ужалить. Затѣмъ, вы придете къ ряду предположеній, заслуживающихъ вниманія и разбора. При этомъ вы не забудете, конечно, что ядъ, который найденъ въ тѣлѣ покойнаго, найденъ послѣ весьма сложныхъ изслѣдованій со стороны спеціалистовъ и въ лѣкарствѣ, которое принималъ покойный. Іодистый калій, который находится здѣсь предъ вами въ стклянкѣ, содержитъ въ себѣ, вопреки сигнатуркѣ аптеки, морфій въ такомъ количествѣ, что столовая ложка раствора заключаетъ въ себѣ около трехъ грановъ морфія. Это обстоятельство надо имѣть въ виду при всѣхъ соображеніяхъ, и въ какія бы предположенія о причинахъ смерти мы не вдавались—лѣкарство съ морфіемъ должно служить компасомъ, не допускающимъ слишкомъ уклоняться въ сторону произвольныхъ выводовъ. Первое предположеніе — *случай*. Возможно ли отравленіе случайное? Морфій, какъ показали свидѣтели, былъ обыкновеннымъ лѣкарствомъ полковника Познанскаго. Онъ не очень охранялся. Онъ составлялъ домашнее снадобье, находившееся всегда подъ рукою. Въ дѣлѣ нѣтъ непреложныхъ указаній, чтобъ онъ не могъ попасть въ комнату или въ руки Николая Познанскаго. Іодистый калій принимался съ прибавленіемъ яблочнокислаго желѣза. Отъ прибавленія морфія вкусъ, по мнѣнію экспертовъ, значительно измѣниться не могъ. Николай Познанскій былъ боленъ краснухою, которая вызываетъ слабость глазъ, онъ носилъ консервы и могъ смѣшать желѣзо съ морфіемъ. Обсуждая это предположеніе, вы не забудете, однако, что морфій былъ въ порошкѣ, который приходилось бы «всыпать» въ стклянку или въ ложку, а яблочно-кислое желѣзо было прописано въ капляхъ, которыя приходилось бы «вливать»; что покойный вообще не принималъ лѣкарства ночью, и что онъ былъ до крайности, какъ видно изъ нѣсколькихъ эпизодовъ, остороженъ относительно здоровья и употребленія лѣкарствъ.

Второе предположеніе—*ошибка аптеки*, о которой прежде всего стала думать и говорить г-жа Познанская, найдя въ комнатѣ сына стклянку съ бѣлыми потоками, а на губахъ сына смытый ею оса-

докъ бѣлаго порошка. Ошибки аптекъ и неосторожныя, вслѣдствіе этого, отравленія, возможны и, какъ показываетъ судебная практика, хотя не часты, къ счастію, но все же иногда бываютъ. Николай Познанскій принялъ съ 16-го апрѣля не менѣе 4-хъ ложекъ—и слѣдовъ отравленія не было. Вы не забудете, что растворъ kali jodatum, въ моментъ смерти Николая Познанскаго, содержалъ на каждую ложку такое количество морфія, котораго достаточно, чтобъ отравить взрослаго человѣка.

Третье предположеніе—*самоубійство*. Въ послѣдніе годы, гг. присяжные засѣдатели, наше общество страдаетъ тяжелымъ нравственнымъ недугомъ. Развитіе его не можетъ не озабочивать всякаго мыслящаго человѣка. Недугъ этотъ — самоубійство. Извѣстіями о лишившихъ себя жизни полны вседневныя извѣстія газетъ. Быть можетъ, недугъ этотъ врывался и въ среду близкихъ или знакомыхъ намъ людей. Въ этомъ явленіи есть одна особенно тяжелая сторона. Лишаютъ себя жизни не только люди утомленные, пресыщенные или измученные жизнью,—самоубійство простерло свое черное крыло и надъ юностью, и надъ дѣтствомъ, когда ни о пресыщеніи, ни объ утомленіи не можетъ быть и рѣчи. Здѣсь не мѣсто изслѣдовать причины этого явленія, но нельзя не замѣтить, что иногда, при разсмотрѣніи обстоятельствъ жизни нѣкоторыхъ юныхъ самоубійцъ, оказывается, что они вступили въ жизнь, предъявляя къ ней большія и нетерпѣливыя требованія, богатые сырымъ матеріаломъ знаній и бѣдные душевною жизнію, равнодушные къ вѣчнымъ вопросамъ вѣры и преждевременно разочарованные. Жизнь никому не даетъ пощады, и когда она наноситъ свои первые удары такимъ людямъ, предъ ними сразу меркнетъ всякая надежда, смущенная душа ни въ чемъ не находитъ опоры, да и не умѣетъ ее искать, и они въ безсильномъ отчаяніи опускаютъ руки, а затѣмъ—поднимаютъ ихъ на себя.

Вглядитесь въ личность Николая Познанскаго и обдумайте, принадлежитъ ли онъ, по свойствамъ своимъ и воспитанію, къ такимъ людямъ, были ли у него причины тяготиться едва начинавшеюся жизнью и поводы къ разлукѣ съ нею? Вы слышали, что въ дневникѣ своемъ онъ выражаетъ недовольство собою, съ холоднымъ потомъ вспоминаетъ послѣдствія волненія, въ которое была приведена его кровь съ 14-ти-лѣтняго возраста; боится разочарованія и неизбѣжнаго, по его мнѣнію, одиночества въ жизни, и съ горемъ сознаетъ, что потерялъ вѣру въ Бога, которую ему ничто уже возвратить не можетъ. Въ этомъ же дневникѣ онъ огорчается на нравящуюся ему дѣвушку и предвидитъ, что ему или его сопернику рано или поздно придется переселиться въ лучшій міръ... Если эти мѣста дневника возбудятъ въ васъ предположеніе о самоубійствѣ, то вамъ придется тщательно обсудить вопросы, зачѣмъ онъ отравился посредствомъ лѣкарства, а не прямо? Зачѣмъ морфіемъ, а не ядомъ изъ сильнѣйшихъ и быстрѣйшихъ ядовъ — ціанистымъ каліемъ, который былъ у него въ лабораторіи въ большомъ количе-

ствѣ? Почему, по примѣру большинства образованныхъ самоубійцъ, лишающихъ себя жизни не въ припадкѣ безумія, не оставилъ онъ предсмертной записки, нѣсколькихъ словъ о томъ, что въ его смерти никто невиновенъ, чтобы имѣть возможность уничтожить подозрѣніе на невинныхъ? Вы сопоставите также это предположеніе съ указанной многими свидѣтелями любовью его къ жизни и страхомъ смерти, о которой онъ не любилъ даже говорить или слышать, а при оцѣнкѣ степени его огорченія на г-жу Плюцинскую, припомните тѣ два письма, которыя были прочитаны вчера. Эти письма явились, какъ двѣ свѣтлыя точки, какъ два чистыхъ звука среди массы непріятныхъ и нечистыхъ подробностей вчерашняго засѣданія. Они дѣлаютъ честь людямъ, ихъ писавшимъ, и отнюдь не содержатъ въ себѣ указанія на огорченіе, могущее довести до самоубійства. Наконецъ, надлежитъ припомнить дневникъ во всемъ объемѣ, прочитанномъ на судѣ. Рядомъ съ недовольствомъ собою, съ горькими открытіями объ «отношеніяхъ къ женщинамъ и къ родителямъ», Николай Познанскій выражаетъ въ немъ заботу о здоровьѣ, стремленіе воздерживаться отъ пылкости, жажду дѣятельности и славы, желаніе облегчить родителей своимъ трудомъ, надежду на успѣхъ въ музыкѣ и медицинѣ. «Я свой собственный кумиръ, говоритъ онъ, я люблю себя какъ нѣжная мать свое дитя». «Работы! работы!» восклицаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ. Вообще я долженъ сказать вамъ, что дневникъ всегда является доказательствомъ, къ которому надо относиться очень осторожно. Кромѣ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда дневникъ бываетъ результатомъ спокойныхъ наблюденій надъ жизнью со стороны взрослаго и много пережившаго человѣка,—онъ пишется въ юности, которой свойственно увлеченіе и невольное преувеличеніе своихъ ощущеній и впечатлѣній. Предчувствіе житейской борьбы и броженіе новыхъ чувствъ налагаютъ нѣкоторый оттѣнокъ тихой грусти на размышленія, передаваемыя бумагѣ, и человѣкъ, правдивый въ передачѣ фактовъ и событій, обманываетъ самъ себя въ передачѣ своихъ чувствъ и мнѣній. Притомъ—и всякій, кто велъ дневникъ, вѣроятно, не станетъ отрицать этого—юноша обыкновенно, почти безсознательно отдается представленію о какомъ-то отдаленномъ будущемъ читателѣ, къ которому попадетъ когда нибудь въ руки дневникъ и который скажетъ: «какой былъ хорошій человѣкъ тотъ, кто писалъ этотъ дневникъ, какія благородныя мысли и побужденія были у него»—или «какъ бичевалъ онъ себя за свои недостатки, какое честное недовольство на себя умѣлъ онъ питать». Поэтому дневникъ можетъ служить скрѣпою и дополненіемъ между другими уликами, но, какъ къ самостоятельному доказательству, къ нему надо относиться весьма осмотрительно.

Четвертое предположеніе—*отравленіе постороннею рукою*. Здѣсь вы встрѣтитесь неизбѣжно съ обвиненіемъ, взводимымъ на Жюжанъ. Вы обсудите его со всѣмъ вниманіемъ, призвавъ на помощь вашу совѣсть, разумъ и житейскій опытъ. Вы выведете рѣшеніе, которое вамъ подскажетъ первая, и которое не должно противорѣчить ни

второму, ни третьему. Я только напомню вамъ, что Жюжанъ, предъ уходомъ, около часу ночи, давала лѣкарство Познанскому,—что въ 7-мъ часу Лидія Шульцъ слышала у него въ комнатѣ стукъ, похожій на чирканье спичкой и ударъ твердымъ тѣломъ,—что въ 9 часовъ онъ былъ найденъ еще теплымъ, въ необычномъ положеніи на своей постели,—что по мнѣнію экспертовъ, при отравленіи морфіемъ, до наступленія спячки, возможны конвульсивныя движенія, и что срокъ смерти зависитъ отъ особенностей организма и состоянія желудка,—что покойный не ужиналъ и принялъ слабительное, и что, наконецъ, по словамъ свидѣтелей, Жюжанъ выражала особое опасеніе за его здоровье, когда другіе такой опасности не замѣчали. Въ этихъ данныхъ и въ тѣхъ подробностяхъ, которыя вы припомните изъ дѣла, вы будете черпать основы для сужденія о томъ: была ли смерть Познанскаго дѣломъ рукъ Жюжанъ, и есть ли это самое сильное и прочное изъ всѣхъ предположеній, которыя можно сдѣлать въ этомъ дѣлѣ...

Порядокъ совѣщаній вашихъ вамъ извѣстенъ: рѣшеніе постановляется по большинству, при равенствѣ голосовъ рѣшеніе основывается на голосахъ, благопріятныхъ подсудимой. Сомнѣніе, строго продуманное и оставшееся такимъ послѣ тщательнаго разбора, толкуется въ пользу обвиняемаго. При признаніи виновности, во всякомъ случаѣ вы можете дать снисхожденіе. Законъ требуетъ, чтобы оно было основано на «обстоятельствахъ дѣла». Но изъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла, конечно, самое главное—самъ подсудимый. Поэтому, если въ его жизни, въ его личности, даже въ слабостяхъ его характера, вытекающихъ изъ его темперамента и его физической природы, вы найдете основаніе для снисхожденія,—вы можете къ строгому голосу осужденія присоединить слово христіанскаго милосердія. Вашему разрѣшенію подлежитъ трудное дѣло. Желаю вамъ выдти изъ него съ величайшею принадлежностью судьи—спокойною совѣстью предъ обществомъ, которое вы должны ограждать и отъ осужденія невиновныхъ, и отъ безнаказанности виновныхъ.

III.

По дѣлу Гулакъ-Артемовской и Богданова, обвиняемыхъ въ подлогѣ векселей.

1-го декабря 1877 года скончался въ Петербургѣ потомственный почетный гражданинъ, Николай Пастуховъ. 31 декабря къ судебному слѣдователю прибылъ братъ покойнаго, Дмитрій Пастуховъ, и заявилъ, что въ этотъ день къ нему явился присяжный повѣренный князь Кейкуатовъ, который объяснилъ, что имѣетъ три векселя, данныя ему для взысканія г-жею Гулакъ-Артемовскою и выданные покойнымъ Николаемъ Пастуховымъ, всего на сумму приблизительно около 58,000 руб., при чемъ предъявилъ одинъ векселъ въ 18,000 р., по разсмотрѣніи котораго Дмитрій Пастуховъ объявилъ его подложнымъ, хотя ему и неизвѣстно лицо, совершившее подлогъ. Всѣ три векселя, отобранные къ дѣлу судебною властью, оказались писанными отъ имени Николая Пастухова на имя вдовы титулярнаго совѣтника Людмилы Михайловны Гулакъ-Артемовской; первый отъ 14-го августа 1876 года, срокомъ на 12 мѣсяцевъ, на сумму 18,000 руб., второй и третій отъ 7-го августа того же года, срокомъ на 18 мѣсяцевъ, каждый на сумму 20,000 руб. Первый изъ векселей, несмотря на истеченіе срока, оказался не протестованнымъ. Присяжный повѣренный князь Кейкуатовъ показалъ, что онъ состоялъ повѣреннымъ г-жи Гулакъ-Артемовской и имѣлъ отъ нея общую довѣренность на веденіе всѣхъ ея судебныхъ дѣлъ. 29-го декабря 1877 года Артемовская передала ему три векселя на сумму 58,000 руб. и просила его съѣздить къ Дмитрію Пастухову, чтобы предъявить ему эти векселя, получить платежъ по одному изъ нихъ и условиться относительно уплаты и по другимъ двумъ векселямъ. Дмитрій Пастуховъ, обозрѣвъ векселя, нашелъ ихъ сомнительными, потому что братъ его векселями не обязывался, и что самыя подписи на векселяхъ не имѣютъ сходства съ подписями его покойнаго брата. Князь Кейкуатовъ передалъ г-жѣ Гулакъ-Артемовской буквально разговоръ свой съ Пастуховымъ. На это она сказала: «Какіе пустяки! кто же поддѣлывалъ подпись, когда онъ передалъ мнѣ векселя изъ рукъ въ руки», и прибавивъ, что это не болѣе какъ одно желаніе затянуть платежи, выразила увѣренность, что Пастуховы заплатятъ деньги послѣ вторичнаго обозрѣнія векселей. По сличеніи подписи Николая Пастухова на трехъ векселяхъ съ представленными по дѣлу, нотаріальнымъ порядкомъ засвидѣтельствованными, подписями Пастухова на довѣренности и контрактѣ, а равно и на четырехъ векселяхъ, выданныхъ покойнымъ Пастуховымъ петербургскому Обществу Взаимнаго Кредита, производившіе сличеніе эксперты при-

знали: 1) что подписи на векселяхъ отъ имени Пастухова на имя Гулакъ-Артемовской рѣшительно никакого сходства съ другими несомнѣнными подписями Пастухова не имѣютъ, до такой степени, что лицо, подписавшее отъ имени Пастухова векселя на имя г-жи Гулакъ-Артемовской, вѣроятно, и даже навѣрно, не имѣло въ рукахъ своихъ образца подписи Пастухова, такъ какъ незамѣтно ни малѣйшаго старанія поддѣлаться водъ почеркъ Пастухова; 2) что всѣ подписи на векселяхъ отъ имени Пастухова на имя Гулакъ-Артемовской сдѣланы одною и тою же рукою; 3) что текстъ векселей отъ 14-го августа писанъ одною рукою, а текстъ двухъ векселей отъ 7-го августа писанъ другою рукою; 4) что и текстъ всѣхъ трехъ векселей не имѣетъ рѣшительно никакого сходства съ почеркомъ руки Николая Пастухова. Изъ показаній, данныхъ при слѣдствіи братьями умершаго Пастухова, Иваномъ и Дмитріемъ, оказалось, что братъ ихъ познакомился съ Гулакъ-Артемовскою у бывшаго профессора варшавскаго университета Полевого, съ которымъ покойный былъ очень друженъ. Однажды Николай Пастуховъ проводилъ Артемовскую отъ Полевого до ея квартиры, вслѣдствіе чего счелъ себя обязаннымъ сдѣлать ей визитъ, а затѣмъ сталъ бывать у нея. Изъ разговоровъ съ покойнымъ братья могли убѣдиться, что Артемовская ему нравится, и что онъ часто играетъ у нея въ вистъ. Однажды, въ началѣ 1876 года, г-жа Артемовская была вечеромъ у Николая Пастухова, при чемъ находился и Иванъ Пастуховъ. Попросивъ показать ей кассу, въ которой, между прочимъ, лежалъ мѣшечекъ съ золотомъ на сумму около 500 руб., г-жа Артемовская попросила Николая Пастухова дать ей этотъ мѣшечекъ, что тотъ и исполнилъ. Полагая сначала, что г-жа Артемовская взяла деньги для шутки, Иванъ Пастуховъ, узнавъ потомъ отъ брата, что деньги Артемовская оставила себѣ, выразилъ брату свое удивленіе и порицаніе этого поступка. Хотя Николай Пастуховъ вообще былъ очень скрытенъ, недовѣрчивъ и мало разсказывалъ про свои отношенія къ Гулакъ-Артемовской, тѣмъ не менѣе, Иванъ Пастуховъ сталъ замѣчать въ братѣ какую-то особенную задумчивость и даже озабоченность, почему въ маѣ 1876 года, въ Москвѣ, спросилъ его о причинѣ этой перемѣны и Николай Пастуховъ признался ему, что онъ проигралъ г-жѣ Гулакъ-Артемовской въ карты «въ дурачки» около 170,000 руб., изъ которыхъ въ то время, по его словамъ, онъ уже уплатилъ ей 100,000 руб. и высказалъ, что по уплатѣ остальныхъ 70,000 р. онъ порветъ съ Артемовскою знакомство; при этомъ братъ объяснилъ ему, что, несмотря на то, что Артемовская просила дать ей векселя или расписки, онъ ей не только не выдалъ этихъ долговыхъ обязательствъ, но даже чека ей не давалъ, боясь себя компрометировать, а уплачивалъ ей долгъ свой наличными деньгами. Въ октябрѣ или ноябрѣ 1876 года Николай Пастуховъ говорилъ Ивану Пастухову, что онъ окончательно разсчитался съ Гулакъ-Артемовскою, но что она постоянно преслѣдуетъ его просьбами навѣщать ее. По словамъ, какъ Ивана, такъ и Дмитрія Пастуховыхъ, наслѣдниками брата остались они, всѣ дѣла брата оказались въ большомъ порядкѣ, долговъ не было и нигдѣ ни въ какихъ книгахъ о векселяхъ, выданныхъ ихъ братомъ Гулакъ-Артемовской, не значится. Въ числѣ оставшагося послѣ ихъ брата наслѣдства они получили и домъ на углу Невскаго проспекта и Большой Морской улицы, купленный Николаемъ Пастуховымъ отъ братьевъ Котоминыхъ и стоющій около 800,000 руб. Между тѣмъ, изъ оставшейся послѣ брата приходо-расходной книги его, веденной имъ собственноручно, оказывается, что хотя въ ней Николай Пастуховъ постоянно отмѣчалъ, кому имъ выданы извѣстныя суммы, тѣмъ не менѣе, въ цифрѣ расходовъ значатся нѣкоторыя суммы безъ обозначенія, кому таковыя выданы. Такъ, за 1875 годъ записано: 14 апрѣля 2,500 руб.; 21 апрѣля 25,000 руб.; 15 мая 40,000 руб.; за 1876 годъ: 1-го мая «отдано въ счетъ долга 27,100 руб.» и «додано деньгами 2,900 руб.»; 12 августа «поступило въ уплату долга 69,977 р. 82 к.»

(итогъ 167,477 руб. 82 коп.). Кромѣ того, изъ разсчетной книжки по текущему счету, открытому Николаю Пастухову въ Волжско-Камскомъ банкѣ, можно, по мнѣнію Ивана Пастухова, усмотрѣть, что 10 августа 1876 года Николаемъ Пастуховымъ было внесено въ банкъ на текущій счетъ 70,000 руб., и наконецъ, въ то время, къ которому относятся выданные, будто бы, Николаемъ Пастуховымъ на имя Гулакъ-Артемовской векселя, у Николая Александровича, кромѣ денегъ, имѣлись заложенныя и незаложенныя процентныя бумаги, причемъ стоимость находившихся на лицо бумагъ и разница между выданными подъ заложенныя бумаги ссудами и биржевою стоимостью самихъ заложенныхъ бумагъ составляла въ августѣ 1876 года 52,000 руб. Оставшееся послѣ Николая Пастухова состояніе Иванъ Пастуховъ опредѣлилъ всего на сумму свыше милліона рублей. Въ началѣ 1877 года Наколай Пастуховъ заболѣлъ, и во время его болѣзни, длившейся около года, Иванъ Пастуховъ не слышалъ, чтобы братъ его видѣлся съ Артемовскою. Весною 1877 года, во время поѣздки Николая Пастухова на югъ, къ Ивану Пастухову пріѣзжала г-жа Артемовская съ какою-то своею знакомою, разспрашивала о здоровьѣ брата Николая и приглашала Ивана къ себѣ; тогда только присутствіе посторонняго лица лишило Ивана возможности сказать г-жѣ Артемовской о нежеланіи его быть у нея и высказать ей свое мнѣніе о ней. Послѣ того г-жа Артемовская была у жены Ивана Пастухова и также разспрашивала о здоровьѣ Николая Пастухова, а затѣмъ уже Иванъ видѣлъ г-жу Артемовскую на панихидѣ по братѣ Николаѣ и на похоронахъ его. Спустя нѣкоторое время, послѣ похоронъ, Артемовская опять была у Ивана Пастухова и оставила ему записку въ которой просила побывать у нея. Онъ послалъ къ ней своего бухгалтера Кузнецова, съ которымъ она не изъявила желанія говорить, но въ концѣ концовъ все-таки объявила, что имѣетъ какую-то претензію, на что, однакоже, Пастуховъ не обратилъ никакого вниманія. По объясненію же другого брата покойнаго, Дмитрія Пастухова, который въ Петербургѣ бываетъ лишь временно, проживая большею частью по торговымъ дѣламъ на югѣ, г-жа Гулакъ-Артемовская, которую онъ до декабря 1877 года видѣлъ всего два раза, пріѣхала къ нему въ декабрѣ въ гостинницу «Grand-Hôtel» и заявила, что покойный Николай долженъ ей 58,000 руб. по векселямъ, которыхъ она съ собою не привезла и просила его заѣхать къ ней на другой день. Онъ, Дмитрій Пастуховъ, поѣхалъ къ г-жѣ Гулакъ-Артемовской съ Полевымъ, но виду того, что онъ пріѣхалъ не одинъ, Артемовская не показала ему векселей, а увидѣлъ ихъ Дмитрій Пастуховъ лишь 31-го декабря, когда они были предъявлены ему присяжнымъ повѣреннымъ княземъ Кейкуатовымъ. По первому взгляду онъ призналъ векселя подложными, такъ какъ въ подписяхъ не было никакого сходства съ рукою Николая Пастухова. Такое крайнее несходство почерковъ Дмитрій Пастуховъ объясняетъ тѣмъ, что покойный братъ его не велъ никакой переписки съ г-жею Гулакъ-Артемовскою, которая такимъ образомъ, и не имѣла возможности поддѣлать почеркъ Николая Пастухова. Во время производства слѣдствія по этому дѣлу, Иванъ Пастуховъ представилъ еще судебному слѣдователю найденный имъ въ бумагахъ покойнаго брата своего, писанный его рукою, карандашемъ, черновой счетъ расходамъ, съ отмѣтками противъ цифръ нѣкоторыхъ изъ выданныхъ суммъ буквъ: *«пр. к.»* Изложенныя выше обстоятельства подтверждены при слѣдствіи какъ показаніемъ бухгалтера Кузнецова, такъ и представленными къ дѣлу вещественными доказательствами и документами. Такъ, напримѣръ, черновой счетъ прихода и расхода, предъявленный Иваномъ Пастуховымъ, признанъ экспертами веденнымъ также несомнѣнно рукою покойнаго Николая Пастухова. На стр. 3-й этой черновой записи, въ графѣ расходовъ между прочимъ значится: 1) апрѣля 8-го *«пр. к.»*, и въ графѣ цифръ *«800»* 2) апрѣля 14-го *«пр. к.»* и въ графѣ цифръ *«2,500»*; 3) апрѣля 21-го *«тоже»* и въ графѣ цифръ *«25,000»*, и 4) мая 15-го *«пр. к.»* и въ

графѣ цифръ *«40,000»*. При сравненіи этихъ записей съ записями о выдачахъ, значащихся въ приходо-расходной книгѣ Николая Пастухова, цифры выданныхъ суммъ съ отмѣтками *«пр. к.»* и числа, въ которыя онѣ значатся выданными, вполнѣ совпадаютъ какъ съ цифрами суммъ, такъ и съ числами ихъ выдачи, записанными въ приходо-расходной книгѣ, веденной собственноручно Николаемъ Пастуховымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ осмотромъ главной книги братьевъ Пастуховыхъ удостовѣрено, что къ 31-му декабря 1876 года покойный Николай Александровъ Пастуховъ имѣлъ капиталъ въ 762,499 руб. 51 коп., а изъ разсчетной книжки, выданной ему изъ Волжско-Камскаго банка, усматривается, что 10-го августа имъ было внесено въ этотъ банкъ на текущій счетъ *70,000 р.*; изъ показаній же братьевъ Котоминыхъ видно, что въ апрѣлѣ 1875 года они продали Николаю Пастухову свой домъ, находящійся на углу Невскаго проспекта и Большой Морской улицы, за *760,000 руб.*

Магистръ Петръ Полевой показалъ, что его знакомство съ покойнымъ Пастуховомъ началось съ лѣта 1869 года и продолжалось до самой его смерти 1 декабря 1877 года. По словамъ Полевого, Николай Пастуховъ, былъ человѣкомъ добрѣйшей души, чрезвычайно легкаго и податливаго характера, застѣнчивый и скромный до-нельзя. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, лицамъ, знавшимъ его ближе, было извѣстно, что онъ до болѣзненности самолюбивъ и что это самолюбіе часто побуждало его дѣлать самые сумасбродные шаги и поступать, что называется *«въ свою голову»*. Въ подобныхъ случаяхъ Николай Пастуховъ, сознавъ сдѣланную имъ глупость, старался всѣми силами скрыть совершившійся фактъ и этимъ не только самъ себя мучилъ, но часто ставилъ самъ себѣ преграды къ выходу изъ неловкаго положенія. Съ г-жею Гулакъ-Артемовскою Полевой познакомился осенью 1875 года чрезъ присматривавшую за его дѣтьми и жившую у него въ домѣ г-жу Снекскареву, подругу по воспитанію въ Смольномъ монастырѣ г-жи Артемовской. Знакомство его состоялось въ декабрѣ 1875 года и продолжалось до марта или апрѣля 1876 года. На первыхъ же порахъ знакомства и въ особенности послѣ того, какъ 3-го февраля 1876 г. г-жа Артемовская повстрѣчалась у Полевого съ братьями Иваномъ и Николаемъ Пастуховыми, для Полевого стало ясно, что г-жа Артемовская желаетъ непремѣнно познакомиться въ Николаемъ Пастуховымъ. Въ виду того, что первые же его, Полевого, визиты къ г-жѣ Артемовской произвели на него далеко не пріятное впечатлѣніе, такъ какъ она въ своей домашней обстановкѣ являлась чѣмъ-то чрезвычайно загадочнымъ, онъ и рѣшился отклонить всякія способствованія къ сближенію Николая Пастухова съ г-жею Артемовской. Онъ даже прямо ей высказалъ это однажды за ужиномъ. Замѣтивъ такое явное съ его стороны нежеланіе вводить Николая Пастухова въ ея домъ, Артемовская прибѣгла къ другому способу; пріѣхавъ однажды вечеромъ къ Полевому, когда у него сидѣлъ Николай Пастуховъ, и проболтавъ съ нимъ весь вечеръ, Артемовская предложила Пастухову подвезти его къ дому на своихъ лошадяхъ. Придя чрезъ нѣсколько дней къ Артемовской, Полевой очень удивился, встрѣтивъ уже у нея Николая Пастухова, который сообщилъ ему, что Людмила Михайловна просила его бывать у нея. Послѣ этого Полевой продолжалъ бывать у Артемовской, у которой общество бывало исключительно мужское. Это-то общество, крайне неопредѣленнаго характера, навело его, Полевого, на размышленія и заключенія, невыгодныя для г-жи Артемовской. Каждый вечеръ регулярно, по признанію г-жи Артемовской, она занималась игрою въ карты, проигрывала и выигрывала по *600—800 руб.* и говорила, «что чрезвычайно любитъ игру и играетъ счастливо». Полевому чрезвычайно было непріятно видѣть въ этомъ кружкѣ Николая Пастухова, такъ какъ Пастуховъ вообще мало игралъ и то лишь въ самомъ близкомъ кружкѣ. Кромѣ того, Пастуховъ очевидно увлекался своею новою знакомою, сближался съ нею,

къ чему способствовало отличное знаніе Артемовскою музыки, страстно любимой Пастуховымъ, который самъ не дурно игралъ на фортепьяно. Однажды Полевой на вечерѣ у Артемовской былъ привлеченъ къ игрѣ въ карты «въ дурачки», причемъ очень быстро проигралъ *150* руб. и остановился. Когда на другой день онъ привезъ Артемовской недоплаченные наканунѣ деньги, то Артемовская не хотѣла было брать съ него, замѣтивъ: «отыграетесь». Но онъ отвѣтилъ: «нѣтъ, Людмила Михайловна, играй, да не отыгрывайся»,—и съ тѣхъ поръ къ ней ни ногой. Между тѣмъ Николай Пастуховъ продолжалъ ѣздить къ Артемовской, и когда Полевой разспрашивалъ его о ней, то Пастуховъ уклонялся отъ прямого отвѣта, хотя было замѣтно, что сильное увлеченіе его продолжалось. Когда однажды, уже долгое время спустя, Полевой спросилъ Пастухова: «ужъ вы, чего добраго, не играете ли въ дурачки?»—Пастуховъ отвѣтилъ, что ни во что не играетъ, а потомъ сознался таки, что онъ проигралъ будто бы въ дурачки 1,500 руб. О происходившемъ далѣе между Пастуховымъ и Артемовскою—первый говорить видимо избѣгалъ, хотя Полевой очень прямо и круто высказалъ при немъ свое мнѣніе о ней, какъ объ искательницѣ приключеній. Въ серединѣ зимы 1875—1876 года Полевой сталъ замѣчать, что Пастуховъ все болѣе и болѣе избѣгаетъ общества. Онъ жилъ долго въ Москвѣ, гдѣ Полевой съ нимъ видѣлся, и былъ до такой степени пораженъ характеромъ его хандры, что счелъ долгомъ обратить на нее вниманіе старшаго его брата Ивана; но гораздо болѣе еще поразилъ его, Полевого, тотъ фактъ, что во время пребыванія Пастухова въ Москвѣ, Артемовская будто бы съ тревогою справлялась о его здоровьѣ, говорила, что онъ ей долженъ, что она отдала ему въ какое-то дѣло значительную часть своего состоянія и т. д. Услышавъ объ этомъ, Полевой, зная непоколебимо строгую честность Пастухова, зная, что онъ въ деньгахъ нуждаться не могъ, прямо заявилъ и притомъ такъ, чтобы это дошло до Артемовской, что это *ложь и небылица*. Затѣмъ, по пріѣздѣ Пастухова изъ Москвы, Полевой сообщилъ ему о вышеупомянутыхъ слухахъ и спросилъ, что это значитъ? Пастуховъ отвѣчалъ: «никогда и никакихъ денегъ у Людмилы Михайловны не бралъ, да и вообще не занимаю денегъ у частныхъ лицъ, а если бы бралъ, то далъ бы, конечно, расписку, но я этого какъ огня боюсь». По словамъ Полевого, это увѣреніе Пастухова было даже излишне, ибо Полевой хорошо зналъ, что даже подъ чекомъ, даже подъ простою запискою Пастуховъ ставитъ свою подпись десять разъ подумавши, десять разъ отложивши дѣло въ сторону и потомъ тщательно отдѣлываетъ и вырисовываетъ каждую букву. Между тѣмъ, хандра Пастухова продолжалась и мало-по-малу стала переходить въ болѣзнь, которую долго принимали за проявленіе простой мнительности и которая закончилась психическимъ разстройствомъ и смертью. Въ это время Полевой объ Артемовской ничего не слышалъ, а если и видѣлъ ее, то лишь мелькомъ, на минуту. Между тѣмъ, онъ зналъ, что она продолжаетъ бывать у Снексаревой, и хотя ему было непріятно, но воспрепятствовать этому онъ не находилъ возможности. Слышалъ онъ также, что Артемовская покушалась видѣться съ Пастуховымъ во время его болѣзни, но не была допущена. Слышалъ, что во время отсутствія Пастухова на югъ (въ маѣ 1877 г.), она являлась къ Ивану Пастухову переговорить о какихъ-то своихъ дѣлахъ съ его братомъ и просила его пріѣхать къ ней. Недѣли за три до смерти Николая Пастухова, т. е. въ началѣ ноября 1877 г., къ крайнему удивленію Полевого, къ нему пріѣхала Артемовская и обратилась къ нему съ чрезвычайно странною просьбою—принять на себя режиссерство въ домашнемъ спектаклѣ, который она устраиваетъ. Онъ выпучилъ глаза—его поразила наглость этой просьбы, обставленной комплиментами и любезностями, и онъ отвѣчалъ очень круто, посмѣялся надъ предложеніемъ и сказалъ, что не имѣетъ времени заниматься пустяками. Затѣмъ, уже послѣ смерти Николая Пастухова, 28-го декабря, онъ совершенно случайно зашелъ къ Дмитрію Пасту-

хову въ гостинницу «Grand Hôtel» и на лѣстницѣ повстрѣчался съ Артемовскою. Заинтересовавшись этимъ, Полевой, придя къ Дмитрію Пастухову, предупредилъ его, что онъ отъ визита Людмилы Михайловны ничего хорошаго не ожидаетъ, что съ нею надо быть крайне осторожнымъ и что она уже и прежде распускала слухи о какихъ-то долгахъ покойнаго Николая Пастухова. Во время этого разговора явилась Артемовская и ни за что не хотѣла говорить съ хозяиномъ при Полевомъ, тогда какъ Пастуховъ настаивалъ именно, чтобы она объяснила свое дѣло при немъ. Когда, по настоянію Артемовской, Полевой вышелъ, то она заявила, что у нея есть векселя покойнаго Пастухова на сумму 58,000 р. и назначила на слѣдующій день у себя свиданіе для осмотра этихъ документовъ. Услышавъ объ этомъ отъ Дмитрія Пастухова, Полевой сталъ самымъ энергическимъ образомъ отрицать всякую возможность существованія векселей и требовалъ, чтобы, Дмитрій Пастуховъ ни въ какомъ случаѣ не ѣздилъ къ Артемовской *одинъ*, а поѣхалъ бы съ нимъ, Полевымъ. 29-го декабря, по пріѣздѣ Дмитрія Пастухова съ Полевымъ къ Артемовской, она ужасно непріятно была поражена появленіемъ Полевого: «что же это, г. Полевой въ качествѣ свидѣтеля?»—и какъ только Дмитрій Пастуховъ заговорилъ о векселяхъ, она наотрѣзъ отказалась отъ предъявленія векселей при Полевомъ, заявивъ, что никакихъ дѣлъ съ нимъ не имѣетъ и не желаетъ имѣть, и что она удивлена его дерзостью, какъ онъ могъ безъ приглашенія явиться къ ней. Дмитрій Пастуховъ старался ее убѣдить, что они явились не какъ гости, а по дѣлу, и Полевой даже напомнилъ ей недавній ея визитъ къ нему по поводу режиссерства, но Артемовская, послѣ настаиванья на томъ, что она не желаетъ показать векселя при Полевомъ, сказала, что предпочитаетъ передать ихъ адвокату. Съ этой минуты, болѣе чѣмъ когда нибудь, Полевой получилъ твердое убѣжденіе въ томъ. что или никакихъ векселей нѣтъ, или если они и есть, то непремѣнно фальшивые; въ этомъ же смыслѣ посмотрѣли на дѣло Иванъ и Дмитрій Пастуховы, а Полевой высказалъ даже мысль, что увидавъ, что имъ были приняты мѣры предосторожности, Артемовская не посмѣетъ повести дѣло далѣе, и что если у нея есть какіе нибудь подготовленные документы, то она ихъ припрячетъ подальше. Предположенія Полевого, однако, не сбылись. 31-го декабря были предъявлены векселя, которые, по обозрѣніи ихъ, Полевой также призналъ подложными. Кромѣ того, по словамъ Полевого, самый фактъ выдачи векселей Николаемъ Пастуховымъ Артемовской немыслимъ и противорѣчитъ какъ его личному характеру, такъ и всему его образу дѣйствій и его положенію, общественному и семейному. Пастуховъ былъ человѣкомъ безукоризненно честнымъ, онъ дорожилъ своимъ словомъ до такой степени, что не рѣшался даже обѣщать провести гдѣ нибудь вечеръ, не будучи увѣренъ, позволятъ ли ему время и обстоятельства сдержать слово.

Привлеченная въ качествѣ обвиняемой, вдова титулярнаго совѣтника Гулакъ-Артемовская, не признавая себя виновною въ подлогѣ векселей, объяснила, что познакомилась съ Пастуховымъ въ февралѣ 1875 года у Полевого. Вскорѣ Пастуховъ сталъ бывать у нея, но, не любя играть въ карты, изрѣдка только садился играть въ вистъ по копѣйкѣ. Въ «дурачки» она съ нимъ никогда не играла и вообще Пастуховъ никогда не былъ ей должнымъ по игрѣ въ карты. Въ августѣ 1876 года Пастуховъ, послѣ долгаго ухаживанія за нею, предложилъ ей выйти за него замужъ; она не могла дать ему немедленно отвѣта и обѣщала пригласить его къ себѣ по возвращеніи своемъ изъ-за границы; но Пастуховъ былъ крайне взволнованъ, ужасно плакалъ и требовалъ немедленно отвѣта. По возвращеніи въ Петербургъ, Артемовская послала Пастухову телеграмму, на которую получила отвѣтъ, что онъ въ настоящее время у нея быть не можетъ, и несмотря на то, что она еще нѣсколько разъ его приглашала, онъ ни разу у нея не былъ. За нѣсколько времени до сдѣланнаго Пастуховымъ предложенія, онъ взялъ у нея, Артемовской, взаймы 58,000 р., и въ присутствіи

ея знакомой Зыбиной, передавъ ей, Артемовской, деньги, оставшіяся отъ размѣна данныхъ ему 5% билетовъ, вручилъ векселя на 58,000 руб. До этого случая Николай Пастуховъ еще разъ или два занималъ у нея деньги и она одолжала ему, кажется, 70,000 руб., онъ выдавалъ ей расписки, говоря, что векселей никогда не даетъ и возвратилъ деньги ранѣе срока. Когда же онъ взялъ у нея 58,000 руб., то предложилъ выдать векселя, и на ея вопросъ, почему онъ прежде не хотѣлъ выдавать векселя, Пастуховъ отвѣчалъ: «мало ли что прежде было, теперь отношенія перемѣнились». Почему векселя писаны отъ двухъ разныхъ сроковъ—она не знаетъ; не протестовала она векселя въ 18,000 р. по истеченіи его срока потому, что имѣла полное довѣріе къ Пастухову, знала его за человѣка вполнѣ честнаго, неспособнаго совершить безчестный поступокъ. Когда векселю въ 18,000 рублей вышелъ срокъ, то она написала Пастухову, но не получила отъ него отвѣта; услышавъ, что онъ заболѣлъ, она перестала писать и до кончины его не видѣла ни его самого, ни братьевъ его. Она сама предложила Николаю Пастухову дать въ заемъ денегъ, вслѣдствіе откровенныхъ его объясненій, что онъ проигралъ на биржѣ около 330,000 руб., и что ему трудно уплатить Елисѣеву долгъ, возникшій по покупкѣ дома. При этомъ Пастуховъ просилъ ее никому о долгѣ его не говорить. Пастуховъ уже давно страдалъ психическимъ разстройствомъ; такъ, еще весною 1877 года жена Ивана Пастухова говорила ей, что давно считала Николая за потерянnаго человѣка, такъ какъ еще въ 1875 году онъ, придя однажды къ ней, Пастуховой, сталъ пристально смотрѣть на стулъ, находившійся въ числѣ прочей мебели, вертѣлъ его и сталъ негодовать на стулъ за то, что онъ его не слушается; по словамъ г-жи Пастуховой, она сперва этому смѣялась, а затѣмъ стала безпокоиться и по пріѣздѣ мужа своего разсказала ему о состояніи его брата. Николай Пастуховъ ужасно пилъ и преимущественно въ домѣ Полевого. Въ виду этого Артемовская полагаетъ, что, по ея мнѣнію, Николай Пастуховъ, при выдачѣ ей векселей, въ подлогѣ которыхъ ее обвиняютъ, вѣроятно находился въ состояніи психическаго разстройства. На вопросъ, откуда она получила деньги, которыми ссудила Николая Пастухова, Артемовская сначала заявила, что она этого сказать не желаетъ, а затѣмъ показала, что объяснитъ объ этомъ въ судебномъ засѣданіи.

Допрошенная при слѣдствіи Зыбина подтвердила сдѣланную на нее Артемовскою ссылку, объяснивъ, что въ августѣ 1877 года Пастуховъ при ней передалъ Артемовской три векселя, которые потомъ и хранились у нея, Зыбиной, и при этомъ получилъ обратно выданную имъ прежде Артемовской расписку, также у нея, Зыбиной, хранившуюся. По слѣдствію оказалось, что Зыбина находилась въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ къ Артемовской и даже проживала у нея безъ опредѣленныхъ занятій полтора года. Заявивъ при слѣдствіи, что у нея «совершенно нѣтъ памяти на цифры и числа», Зыбина въ томъ же показаніи съ самою точною подробностію разсказала, что въ ея рукахъ находились всѣ деньги Артемовской, объяснивъ, что въ маѣ или іюнѣ 1876 года Артемовская дала ей на сохраненіе 130,000 руб., изъ которыхъ она, по требованію Артемовской, выдала ей въ первыхъ числахъ августа того же года 60,000 руб., 5% билетами Государственнаго банка, и вскорѣ послѣ этого вмѣстѣ съ Артемовскою отвозила на храненіе въ Волжско-Камскій банкъ 55,000 р. Коммерціи совѣтникъ Степанъ Елисѣевъ объяснилъ, что Пастуховъ, при покупкѣ весною 1875 года заложеннаго у него, Елисѣева, въ 120,000 руб., дома братьевъ Котоминыхъ, перевелъ на себя эту закладную и обязанъ былъ ежегодно въ маѣ мѣсяцѣ выплачивать ему по 15,000 руб., которые и выплачивалъ всегда ранѣе срока; въ августѣ же мѣсяцѣ Пастуховъ ему никакихъ платежей не производилъ. Братья Владиміръ и Антонъ Котомины показали, что первому изъ нихъ Пастуховъ выплатилъ при совершеніи купчей крѣпости на домъ, въ апрѣлѣ 1875 года, наличными день-

гама *440,000 руб.*, а второму выдалъ 5 векселей на сумму 150,000 руб., позднѣйшій срокъ уплаты по коимъ былъ 30-го апрѣля 1876 года, и по всѣмъ векселямъ Николай Пастуховъ деньги заплатилъ въ срокъ, а по двумъ изъ нихъ даже ранѣе срока. По показанію Ивана Пастухова, братъ его Николай, когда бывалъ въ компаніи съ товарищами, никогда не отказывался отъ вина и, по его собственному выраженію, «иногда злоупотреблялъ спиртными напитками», но назвать его пьяницей никакъ было нельзя. Къ этому Иванъ Пастуховъ присовокупилъ, что онъ самъ, видя, съ одной стороны, увлеченіе брата Артемовскою, а съ другой, замѣчая какое-то особенное состояніе его духа, его грусть и тоску во время пребыванія ихъ въ Москвѣ въ 1875 году, уговаривалъ брата жениться на Артемовской; но Николай, по скрытности своего характера, ничего не желалъ ему объяснить, и уже только впослѣдствіи онъ узналъ, что въ то время, какъ онъ уговаривалъ брата жениться, тотъ уже проигралъ Артемовской значительную сумму денегъ въ «дурачки». Докторъ медицины Чечоттъ объяснилъ, что Николай Пастуховъ любилъ вино, какъ большинство мужчинъ, и иногда любилъ покутить; что же касается до состоянія его умственныхъ способностей, то, описавъ весь ходъ нервной болѣзни Николая Пастухова, съ самаго ея возникновенія, докторъ Чечоттъ положительно высказалъ, что по его самымъ внимательнымъ и точнымъ наблюденіямъ до 4-го апрѣля 1877 года, психическія способности Николая Пастухова были вполнѣ нормальны. Елизавета Пастухова, не отрицая того, что Артемовская была у нея въ первыхъ числахъ іюня 1877 года и разспрашивала о здоровьѣ Николая Пастухова, положительно отвергла приписываемый ей г-жею Артемовскою разсказъ о странностяхъ Николая Пастухова *со стуломъ*.

На предложенные экспертамъ-психіатрамъ профессорамъ Балинскому и Мержеевскому вопросы, они, по выслушаніи показаній пользовавшихъ Николая Пастухова врачей Каррика и Чечотта, высказали, что не видятъ никакихъ данныхъ для заключенія о томъ, чтобы въ августѣ мѣсяцѣ 1876 года у Николая Пастухова существовало психическое разстройство, а потому и не могутъ опредѣлить мотивовъ, которые могли руководить его дѣйствіями. Изъ показаній цѣлаго ряда лицъ, знавшихъ Николая Пастухова долгое время и близко, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Ярославлѣ, гдѣ онъ прежде проживалъ, оказалось, что онъ былъ человѣкомъ высокихъ нравственныхъ правилъ, безукоризненно честный, дѣлавшій много добра, благодаря своимъ огромнымъ средствамъ, и неспособный на низкій поступокъ. Съ цѣлью отысканія какихъ либо бумагъ, подходящихъ къ почерку лицъ, писавшихъ подложные векселя отъ имени Николая Пастухова, былъ произведенъ тщательный обыскъ въ квартирѣ Гулакъ-Артемовской, при чемъ въ спальнѣ ея были найдены и пріобщены къ дѣлу векселя отъ имени потомственнаго почетнаго гражданина Богданова на имя вдовы доктора Митропольской и письмо Богданова къ Гулакъ-Артемовской отъ 26-го августа 1877 года. По сличеніи почерка, коимъ писаны векселя и письмо, съ текстомъ двухъ подложныхъ векселей, эксперты заявили, что вексель отъ имени Богданова на имя Митропольской и текстъ двухъ подложныхъ векселей писаны рукою одного и того же лица. На основаніи этихъ обстоятельствъ, а равно и заявленія Гулакъ-Артемовской, что Богдановъ старый знакомый, съ которымъ она находится въ хорошихъ отношеніяхъ еще со времени, предшествовавшаго ея замужеству, Богдановъ былъ также привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго и, не признавая себя виновнымъ въ подлогѣ двухъ векселей отъ имени Пастухова, показалъ что имѣетъ въ Новгородѣ, гдѣ проживаетъ, пять домовъ и въ городѣ Романовѣ-Борисоглѣбскѣ два дома и что тексты двухъ векселей отъ имени Николая Пастухова на имя Гулакъ-Артемовской, каждый въ суммѣ 20,000 руб., писаны дѣйствительно имъ, Богдановымъ, въ августѣ 1876 года, по просьбѣ самого покойнаго Пастухова, который зашелъ къ нему въ гостинницу «Европа» у Чернышева моста. По словамъ Богданова,

Пастуховъ, не подписывая векселей, спряталъ ихъ въ карманъ и просилъ никому о векселяхъ не говорить, и между ними никакого разговора о денежныхъ дѣлахъ не было. Произведеннымъ новгородскою полиціей дознаніемъ обнаружено, что хотя Богдановъ и состоитъ дѣйствительно единственнымъ наслѣдникомъ купца Богданова, оставившаго пять каменныхъ домовъ въ Новгородѣ, но какъ эти дома, такъ и все состояніе свое Богдановъ завѣщалъ въ пожизненное владѣніе и распоряженіе женѣ своей, а изъ показанія допрошенныхъ при слѣдствіи свидѣтелей видно, что мать Богданова женщина богатая, но скупая и дѣтямъ ничего не даетъ.

Поэтому Гулакъ-Артемовская и Богдановъ были преданы суду по обвиненію въ тотъ, что въ концѣ 1877 года составили три подложныхъ векселя отъ имени умершаго Николая Пастухова на имя Гулакъ-Артемовской, на сумму 58,000 руб., т. е. совершили преступленіе, предусмотрѣнное ст. 1160 Улож. о наказ.

Засѣданіе по этому дѣлу происходило въ Петербургскомъ Окружномъ Судѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, 20—23 октября 1878 года. Обвинялъ товарищъ прокурора *князь Урусовъ*. Защищали — подсудимую Гулакъ-Артемовскую — присяжный повѣренный *Жуковскій*, подсудимаго Богданова — присяжный повѣренный *Богаевскій*, повѣреннымъ гражданскихъ истцовъ былъ присяжный повѣренный *Гаевскій*.

Подсудимые виновными себя не признали. Гулакъ-Артемовская поддерживала всецѣло вышеприведенныя объясненія свои, заявляя, что не могла рисковать подлогомъ уже потому, что имѣла до 130 т. руб. собственныхъ денегъ, пріобрѣтенныхъ въ видѣ вознагражденія за *«проведеніе дѣла»*, чрезъ посредство своихъ знакомыхъ, въ различныхъ управленіяхъ и высшихъ присутственныхъ мѣстахъ. По требованію присяжныхъ засѣдателей, желавшихъ имѣть фактическія указанія хотя бы на одно такое дѣло,— она представила нѣсколько условій съ обязательствами выдать ей извѣстную сумму въ случаѣ благопріятнаго для контрагента исхода. Свидѣтель *Полевой* съ особою настойчивостью поддерживалъ свои обвиненія противъ подсудимой;—*Зыбина* и *Митропольская* утверждали, что были свидѣтельницами передачи Пастуховымъ векселей подсудимой;—нѣкоторые свидѣтели показали, что она нуждалась въ деньгахъ и вынуждена бывала прибѣгать къ мелкимъ займамъ;—по показанію ряда лицъ, по утрамъ и днемъ она вела жизнь свѣтской дамы, принимая нѣкоторыхъ лицъ, имѣвшихъ весьма видное положеніе въ обществѣ (кои и свидѣтельствовали письменно въ ея пользу, не допуская и мысли о возможности совершенія ею подлога), а по вечерамъ у нея собирались люди неопредѣленныхъ профессій и вели игру въ карты.

Рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей—векселя признаны *подложными*, а подсудимые *виновными*, но *заслуживающими снисхожденія*.

Гг. присяжные засѣдатели! Законъ обязываетъ меня дать вамъ общія указанія о силѣ представленныхъ вамъ доказательствъ. Неуклонное вниманіе, которое вы проявляли во время судебнаго слѣдствія, чрезвычайно облегчаетъ мою задачу. Указанія мои для васъ, впрочемъ, необязательныя, будутъ кратки. Постараемся сквозь массу матеріала и всякія наслоенія, образовавшіяся по этому дѣлу, проникнуть къ нѣкоторымъ немногимъ, но существеннымъ вопросамъ. Но прежде всего нѣсколько словъ о соображеніяхъ, касающихся об-

щихъ вопросовъ права. Вамъ указано различіе, повидимому трудно объяснимое, между производствомъ дѣлъ о подлогѣ въ судѣ гражданскомъ и въ судѣ уголовномъ, при чемъ оказывается, что человѣкъ, пришедшій въ судъ съ подложнымъ векселемъ, призвавшій судъ на помощь въ своемъ темномъ и нечестномъ дѣлѣ, можетъ безбоязненно смотрѣть въ будущее, если только онъ возьметъ, по предложенію суда, этотъ вексель обратно, тогда какъ ему грозитъ скамья подсудимыхъ, если обвинительная власть только узнаетъ, что онъ составилъ какой-то вексель, но по робости или разсчету даже не сдѣлалъ и первыхъ шаговъ къ судебному взысканію по нему. Несоотвѣтствіе этихъ двухъ случаевъ—меньшая виновность и гораздо большая строгость во второмъ—можетъ вызывать сочувствіе къ порядку гражданскаго производства и должно, какъ вамъ было здѣсь сказано, побудить васъ не поддерживать вашимъ рѣшеніемъ отжившій, непослѣдовательный порядокъ уголовнаго преслѣдованія. Я долженъ поэтому указать вамъ на причины и основанія разницы въ этихъ двухъ порядкахъ. Гражданскій судъ возстановляетъ право нарушенное: онъ, главнымъ образомъ, имѣетъ дѣло съ правами на имущество, на вещи, на дѣйствія другихъ людей, съ матеріальною стороною человѣческаго быта; это судъ формальный, судъ иногда даже черствый, очень рѣдко заглядывающій въ область нравственныхъ соображеній, стоящій на почвѣ строгаго права и имѣющій дѣло только съ правомъ, подчасъ не смотря на стоящаго за этимъ правомъ человѣка. Этотъ судъ очень часто вынужденъ изрекать рѣшеніе въ пользу человѣка, нравственная подкладка дѣйствій котораго возмущаетъ чувство, но который *«въ своемъ правѣ»*. Этотъ судъ иногда долженъ придти на помощь денежной силѣ кредитора противъ бѣднаго, загнаннаго судьбою, опутаннаго сѣтью строго-формальныхъ обязательствъ должника, долженъ выдать ростовщику исполнительный листъ противъ вдовы и сироть, долженъ отказать въ своей помощи человѣку неосмотрительному, хотя честному, довѣрчивому, но незнающему. Уголовный судъ караетъ за нарушенное право; онъ имѣетъ дѣло съ драгоцѣннѣйшими благами жизни, со свободою, здоровьемъ, самою жизнью. Онъ защищаетъ своими приговорами предметы не матеріальные—честь, репутацію, доброе имя, общественную нравственность. Въ этомъ судѣ форма не *почти все*, а *почти ничего*, но за то содержаніе, зато нравственный характеръ дѣянія—на главномъ мѣстѣ. Онъ входитъ въ оцѣнку цѣлей, въ обсужденіе намѣреній, онъ судитъ не о дѣйствіяхъ, въ которыхъ выразилось *право*, а о дѣйствіяхъ, въ которыхъ выразилась *воля*, и если эта воля преступна, если она направлена на вредъ, на гибель ближнему, онъ караетъ того, кто проявилъ эту волю. Задачи того и другого суда различны и судъ уголовный осуждаетъ того, кто въ порывѣ злобы наноситъ рану, въ то время, какъ судъ гражданскій, идя послѣдовательно, долженъ въ извѣстномъ большинству изъ васъ трагическомъ разсказѣ, вооружить ножомъ руку безпощаднаго кредитора, который имѣетъ *право* на фунтъ мяса своего должника. И

тотъ, и другой судъ равно необходимы для общества, но и цѣли, и пріемы ихъ различны: Вглядитесь въ пріемы суда гражданскаго, и вы увидите, что судъ самъ ни о чемъ не заботится, ничего не отыскиваетъ и не разслѣдуетъ самъ, а холодно и безстрастно присутствуетъ при состязаніи истца и отвѣтчика. Онъ разрѣшаетъ ариѳметическую задачу; онъ слагаетъ доказательства истца и вычитаетъ доказательства отвѣтчика и говоритъ одному изъ нихъ, доказалъ или не доказалъ онъ свой искъ. Если одна изъ цифръ этой задачи не ясна и сомнительна, если одно изъ доказательствъ внушаетъ подозрѣніе, судъ предлагаетъ сторонѣ стереть эту цифру, выбросить ее изъ счета, взять это доказательство назадъ. Судъ заботится лишь о томъ, при состязаніи сторонъ, чтобы онѣ не запутывали задачи цифрами, изъ которыхъ нельзя сдѣлать опредѣленнаго вывода. Вотъ почему, предлагая по закону истцу взять назадъ документъ, о которомъ заявлено, что онъ подложенъ, судъ въ то же время штрафуетъ отвѣтчика, по ст. 562 Устава гражданскаго судопроизводства, до трехсотъ рублей, если онъ не представитъ доказательствъ подлога или документъ окажется не подложнымъ. Судъ гражданскій заботится лишь о томъ, можно ли считать документъ, объявленный подложнымъ, за доказательство или, послѣ особой повѣрки, его надо исключить изъ дѣла, выбросить за бортъ. Но этому суду нѣтъ дѣла до того, *чья* преступная воля выразилась въ подлогѣ, кто принесъ въ судъ это отравленное оружіе борьбы за предъявляемое право. Цѣль, намѣренія, умыселъ—это дѣло прокурора. Онъ представитель охранительной власти и онъ уже долженъ дать возможность суду уголовному заглянуть въ тѣ дѣйствія, которыя предшествовали появленію документа на судѣ гражданскомъ. Съ точки зрѣнія гражданской, которая указана была вамъ здѣсь какъ единственно вѣрная, подложный документъ не имѣетъ никакого значенія, разъ онъ исключенъ изъ числа доказательствъ; это пустой, ничтожный клочокъ бумаги, который имѣлъ значеніе только при предъявленіи въ судъ, потому что могъ ввести судъ въ заблужденіе. Только *на* судѣ онъ и имѣетъ значеніе,—ни *до*, ни *по*—никакого. Поэтому, съ этой точки зрѣнія, тотъ, кто не предъявилъ суду подложнаго документа, въ сущности еще не сдѣлалъ ничего. Но иначе смотритъ и, прибавлю, долженъ смотрѣть на дѣло судъ уголовный. Его точка зрѣнія другая. Для него преступная воля, направленная на незаконный прибытокъ, выразилась вполнѣ въ составленіи подложнаго документа. Предъявленіе его на судѣ есть лишь одно изъ послѣдствій, есть то, что Кассаціонный Сенатъ называетъ пользованіемъ *плодами преступленія*. Но послѣдствія составленія могутъ состоять не въ одномъ представленіи въ судъ, и въ этомъ причина, почему законъ уголовный караетъ не за одно представленіе, но и за *составленіе*. Подложный вексель, напримѣръ, можно дисконтировать, заставить пройти черезъ рядъ бланкоподписателей, заставить всплыть на поверхность гдѣ-нибудь въ другомъ городѣ, далеко отъ того, отъ чьего имени онъ написанъ. Такой вексель

станетъ оружіемъ съ двумя лезвіями, онъ послужитъ средствомъ для обмана того, кто покупаетъ вексель, и для подрыва кредита и иногда репутаціи того, отъ чьего имени онъ написанъ. Да и дисконтъ не всегда можетъ быть неизбѣженъ. Подложный вексель можетъ быть страшнымъ средствомъ мести и ненависти, не имѣющихъ ничего общаго съ матеріальною выгодою. Представьте себѣ подрядчика, предпринимателя какого-нибудь большого дѣла, какого-нибудь обширнаго общественнаго сооруженія—мстительный врагъ котораго пуститъ на показъ, для *предполагаемаго* дисконта, въ средѣ торговаго, коммерческаго міра массу подложныхъ векселей отъ имени предпринимателя на большую сумму. Векселя погуляютъ и вернутся къ выпустившему ихъ; онъ ихъ уничтожитъ и радостно скажетъ себѣ, что и недруга онъ также уничтожилъ, ибо пойдетъ по городу, пуская ростки и отпрыски, слухъ, что предприниматель весь въ долгу, что векселя его предлагаются за безцѣнокъ, что ему не устоять въ своемъ дѣлѣ, и масса испуганныхъ довѣрителей осадитъ его съ требованіями немедленной уплаты и съ отказомъ въ дальнѣйшей помощи, и онъ дѣйствительно не устоитъ... Еще два слова объ этомъ. Не думайте, что только порядокъ производства о векселяхъ подложныхъ представляетъ такую двойственность. Онъ своеобразенъ, но двойственность между уголовными и гражданскими законами встрѣчается и относительно многихъ другихъ сдѣлокъ. Вотъ напримѣръ: уголовный законъ, по ст. 1709 Уложенія, строго наказываетъ повѣреннаго, который злонамѣренно преступитъ за предѣлы даннаго ему уполномочія, между тѣмъ какъ судъ гражданскій долженъ отвергнуть всякую сдѣлку, сдѣланную повѣреннымъ безъ полномочія довѣрителя. Казалось бы, за что же наказывать? Вѣдь, сдѣлка, вредная для хозяина, заключенная приказчикомъ, не имѣвшимъ на то полномочія, недѣйствительна. Судъ гражданскій не призналъ договоровъ, на ней основанныхъ, за доказательство правъ. Да, но здѣсь нарушено довѣріе, здѣсь стремился человѣкъ, введя въ обманъ, воспользоваться въ свою выгоду чужимъ достояніемъ. Это преступленіе, независимо отъ того,. какъ взглянетъ на дѣло судъ гражданскій. Судъ гражданскій введетъ въ предѣлы черезчуръ размахнувшаго повѣреннаго, судъ уголовный покараетъ безчестнаго приказчика.

Перехожу къ даннымъ дѣла. Во внѣшней оболочкѣ тѣхъ вопросовъ, которые, въ выраженіяхъ, предписанныхъ закономъ, предлагаются на ваше обсужденіе, заключаются вопросы внутренніе, на которые вамъ придется отвѣтить не суду, а самимъ себѣ.

Первый вопросъ — о векселяхъ Пастухова. Подложны они или нѣтъ? Передъ вами была произведена экспертиза. Она заслуживаетъ вниманія, когда произведена знающими людьми и посредствомъ умѣлыхъ пріемовъ. Если одного изъ этихъ условій нѣтъ, ее надо отбросить. Экспертами были граверы, учители чистописанія и секретари гражданскихъ отдѣленій суда. Одни изъ нихъ изображаютъ почерки, другіе исправляютъ и изучаютъ почерки, третьи сличаютъ

ихъ при чтеніи дѣловыхъ бумагъ. Повидимому, первое условіе соблюдено и съ особою разносторонностью. Второе условіе —умѣлость пріемовъ—вы могли оцѣнить здѣсь на судѣ при дачѣ экспертами подобныхъ техническихъ объясненій послѣ четырехчасового труда надъ девятью вопросами суда. Если вы признаете наличность обоихъ условій, то вы можете съ довѣріемъ отнестись къ заявленію экспертовъ, что векселя подписаны *не* Николаемъ Пастуховымъ. Вы не упустите при этомъ изъ виду, что и подсудимая не утверждаетъ, чтобы векселя были *подписаны* Пастуховымъ, а говоритъ только, что они были *переданы* имъ, при чемъ и ей подпись на нихъ не кажется похожею на почеркъ Пастухова. Если же векселя подписаны не тѣмъ лицомъ, отъ имени котораго они выданы, то ихъ слѣдуетъ считать подложными.

Второй вопросъ касается внутренней стороны дѣла. Судебное слѣдствіе раскрыло массу обстоятельствъ о жизни, обстановкѣ и дѣятельности подсудимой. Онѣ образуютъ, по мнѣнію обвиненія, нравственную оболочку дѣла. Мнѣніе это, можетъ быть, раздѣляется и вами. Но на оболочкѣ не слѣдуетъ и даже нельзя особенно останавливаться. Необходимо посмотрѣть на ядро дѣла, на центръ его тяжести. Оно можетъ не имѣть ничего общаго съ оболочкою или лишь очень отдаленную съ нею связь. Обвиненіе призывало васъ къ дѣлу какъ врачей. Не забудьте одного, что, по обязанности вашей, вы не врачи-санитары, устраняющіе возможность страданій въ будущемъ вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій въ настоящемъ. Вы врачи-хирурги, долженствующіе опредѣлить, есть ли болѣзнь, предусмотрѣнная закономъ, и есть ли основанія примѣнить къ ней суровое лѣкарство, указанное тѣмъ же закономъ. Вы судите не нравственную оболочку, а преступленіе, не достойную порицанія бытовую обстановку, а достойное кары дѣйствіе. Нравственная оболочка дѣла была изучена вами въ подробности и не могла не произвести на васъ впечатлѣнія, по всей вѣроятности, печальнаго, но я приглашаю васъ, господа, совершенно отрѣшиться отъ этого впечатлѣнія, совершенно забыть объ этой оболочкѣ, если *преступленіе*, въ которомъ обвиняются подсудимые, не доказано предъ вами и не оставило въ вашей совѣсти слѣда несомнѣнности.

Сущность второго вопроса сводится прежде всего къ вопросу о томъ, *могли ли быть даны Пастухову и взяты имъ деньги Гулакъ-Артемовской?* Имѣла ли она средства, изъ которыхъ могла снабдить Пастухова? Обвиненіе стремится доказать, что она выиграла «въ дурачки» 170,000 рублей, обвиняемая указываетъ на доходы, сопряженные съ ея дѣятельностью по «проведенію дѣлъ», и отрицаетъ игру въ дурачки. Быть можетъ, вы найдете возможнымъ признать, что она, согласно утвержденію обѣихъ сторонъ, имѣла средства. Вы не забудьте, однако, при этомъ того, что вамъ извѣстно о способѣ и мѣстѣ храненія большихъ средствъ, на которыя указываетъ Гулакъ-Артемовская, о томъ, что она нерѣдко нуждалась, ведя жизнь на широкую ногу, и о состояніи ея текущихъ счетовъ въ августѣ

1876 года. Для чего могли быть взяты деньги Пастуховымъ? Перебирая разныя высказанныя здѣсь предположенія, вы, конечно, остановитесь и на томъ заявленіи Артемовской, что будучи крайне друженъ съ нею и любя ея, Пастуховъ хотѣлъ, для ея выгоды, лучше помѣщать ея деньги и для этого взялъ 58,000 рублей. Вы оцѣните правдоподобность такого факта, который далеко не представляется невѣроятнымъ и даже весьма возможенъ при тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ находилась Артемовская съ Пастуховымъ. Но вы остановитесь также и на разборѣ того, былъ ли поводъ у Пастухова брать эти деньги у женщины, которую до ея отказа онъ ежедневно разсчитывалъ увидѣть своею женою и къ дѣламъ и выгодамъ которой онъ, быть можетъ, могъ и не питать особаго интереса послѣ того, какъ его рука и сердце были отринуты ею... Если вы признаете, что деньги могли быть даны, то вы встрѣтитесь съ двумя выводами: или деньги эти могли быть возвращены просто, такъ же какъ и взяты, если только были взяты, или за нихъ могли быть выданы, какъ объясняетъ подсудимая, векселя. Но векселя подписаны, по мнѣнію самой Артемовской, не Пастуховымъ. Зачѣмъ же онъ ихъ далъ ей? При отвѣтѣ на этотъ вопросъ вы вспомните объясненія объ обстоятельствахъ передачи векселей, данныя Артемовскою, и ея мнѣніе о причинахъ передачи ей ихъ. Защитникъ говорилъ вамъ о томъ состояніи психическаго давленія, подъ которымъ находится обвиняемый, избирая себѣ систему оправданія. Онъ совершенно правъ. Это давленіе на испуганную и встревоженную душу всегда существуетъ, и притомъ безъ всякой вины и желанія со стороны производящихъ слѣдствіе. Трудно ожидать спокойнаго и обдуманнаго выбора аргументовъ со стороны человѣка, котораго обвиняютъ и который знаетъ, что ему склонны не довѣрять. Поэтому судить Артемовскую, по ея системѣ оправданія, было бы неправосудно. Но въ настоящемъ случаѣ система эта такъ сливается съ *логикою дѣла*, что какъ изъ той, такъ и изъ другой вытекаютъ одни и тѣ же вопросы. Векселя, подписанные не Пастуховымъ, могли быть вручены Гулакъ-Артемовской или *сумасшедшимъ*, или *мстителемъ*. Третье предположеніе, внѣ этихъ двухъ, сдѣлать едва ли возможно. По крайней мѣрѣ, ни подсудимая, ни ея защита, ни обвинитель не представили никакого намека на возможность третьяго предположенія. *По вопросу о сумасшествіи* Пастухова вы припомните экспертизу профессоровъ-психіатровъ Балинскаго и Мержеевскаго. Къ ней надо примѣнять тѣ же требованія, какъ и къ той экспертизѣ, о которой я вамъ уже говорилъ. Вы слышали также показаніе доктора Чечотта, данное съ спокойствіемъ правдиваго свидѣтеля и съ точностью служителя науки. Если вы представите себѣ, по этому показанію, состояніе Пастухова и сопоставите его съ выводами психіатровъ, то вы, быть можетъ, согласитесь съ ними, что покойный Пастуховъ съ января 1877 года былъ подверженъ физическому страданію, которое, развиваясь мало-по-малу, подавило собою его умственную дѣятельность и наконецъ свело его въ могилу. Если вы найдете, что это страданіе могло быть уже и въ

августѣ 1876 года, въ эпоху выдачи векселей, то вамъ неизбѣжно придется остановиться на мысли, въ чемъ, согласно съ картиною послѣдующихъ страданій, должно было выражаться умственное состояніе Пастухова. Долженъ ли онъ былъ быть въ состояніи возбужденія, заставляющемъ человѣка совершать рѣзкіе, эксцентрическіе поступки, далеко переходить за предѣлы своихъ обычныхъ привычекъ и основныхъ свойствъ своего характера и дѣлать такія вещи, которыя въ нормальномъ состояніи для него не мыслимы? Или, наоборотъ, не былъ ли, не долженъ ли онъ былъ быть въ состояніи подавленности, апатіи, неподвижности мысли и дѣйствія, при которыхъ человѣкъ даже и обычныхъ привычекъ и обыденныхъ, механическихъ поступковъ не соблюдаетъ и не совершаетъ, вѣчно погруженный въ себя, безъ всякаго почина?—Если Пастуховъ былъ *возбужденъ душевно*, то выдача *такихъ* векселей, какъ и всякая безумная выходка, становится возможною; если же онъ былъ *удрученъ* духомъ, то выдача эта становится сомнительною. *По вопросу о мщеніи* вамъ предстоитъ припомнить тѣ черты, которыми былъ нарисованъ предъ вами съ разныхъ сторонъ и изъ разныхъ источниковъ образъ покойнаго Пастухова, припомнить общій отзывъ о немъ, какъ о человѣкѣ честномъ, идеалистѣ въ жизни, какъ о человѣкѣ съ душою робкою, но склонною къ прочной и глубокой привязанности, осторожномъ и стойкомъ въ своемъ словѣ и обѣщаніи. Нужно будетъ рѣшить, способенъ ли на мщеніе такой человѣкъ, можетъ ли онъ, хотя бы и оскорбленный отказомъ, упасть до того, чтобы обманомъ, несмотря на милліонное состояніе, воспользоваться деньгами женщины, которую онъ горячо любитъ, предъ которою онъ плакалъ, кладя къ ея ногамъ все свое состояніе,—способенъ ли онъ коварно подсунуть ей, нарочно, подложно составленные векселя, чтобы впослѣдствіи подвергнуть ее потерѣ состоянія и позору уголовнаго суда... При этомъ надо разсмотрѣть практическій исходъ поступка Пастухова, надо разсмотрѣть, что̀ сталъ бы онъ дѣлать, заявляя впослѣдствіи на судѣ о подлогѣ векселей, которые, по словамъ обвиняемой, онъ передалъ ей при свидѣтельницѣ, получивъ изъ рукъ Зыбиной свою прежнюю росписку. Надо сопоставить характеръ и свойства Пастухова съ этою щекотливою и даже опасною практически и глубоко постыдною нравственно ролью, которую онъ готовилъ себѣ въ будущемъ, какъ мститель, такъ какъ нельзя же предполагать, что онъ зналъ, что умретъ ко времени предъявленія этихъ подложныхъ векселей. Вы можете найти, гг. присяжные, что Пастуховъ дѣйствовалъ какъ сумасшедшій или мститель. Тогда вы должны признать Гулакъ-Артемовскую и Богданова безусловно невиновными. Если же вы не найдете этого то вамъ неизбѣжно представится соображеніе, что векселя *не были даны*. Насколько это соображеніе будетъ согласно съ дѣйствительностью—рѣшитъ ваша совѣсть. Относительно Богданова я напомню вамъ, что въ пользу его приводится прочтенное здѣсь показаніе свидѣтеля Воланта, который неоднократно видѣлъ Богданова у Пастухова; оказавшаяся у него карточка послѣдняго и составленный имъ

на память планъ квартиры Пастухова, вполнѣ вѣрный. Противъ него—указывается на невозможность близости его съ Пастуховымъ, въ виду различія ихъ характеровъ и положеній—и на зависимость его отъ Артемовской, выражающуюся въ исторіи его съ векселемъ Митропольской, которая, по мнѣнію обвиненія, слѣпое орудіе въ рукахъ Артемовской, одинаково пригодное и для участія въ дутыхъ конкурсахъ, и для держанія въ рукахъ Богданова. Вы оцѣните тѣ или другіе доводы. Вамъ говорилось о прошломъ Богданова, о его шаткомъ общественномъ положеніи, о его судимости. Я обязанъ выяснить вамъ, что Богдановъ, какъ видно изъ бывшихъ въ виду суда документовъ, имѣетъ опредѣленное общественное положеніе, служащее притомъ проявленіемъ извѣстнаго довѣрія. Онъ гласный новгородской думы и новгородскаго земства. О судимости его за подлогъ прошу васъ позабыть. Онъ оправданъ. Оправдательный приговоръ долженъ освобождать человѣка отъ укора не только со стороны суда, но даже и со стороны обвинительной власти. Онъ покрываетъ собою прошлое Богданова и разрываетъ между нимъ и настоящимъ дѣломъ всякую связь. Точно также вамъ надлежитъ совершенно забыть эпизодъ о какомъ-то дѣлѣ, которое прежде производилось о подсудимой. Мы этого дѣла не знаемъ и принимать его въ какое либо соображеніе не имѣемъ права. Судите по тому, что въ дѣлѣ ясно, а не потому, что темно и не доказано. Между доводами обвиненія и защиты относительно Богданова стоитъ экспертиза. Она не отрицаетъ того, что отдѣльныя буквы и черты подписей на векселяхъ Пастухова сходны съ почеркомъ Богданова. Она не утверждаетъ однако, чтобы это былъ несомнѣнный почеркъ Богданова. Богдановъ не отрицаетъ, что корпусъ двухъ векселей написанъ имъ. Это сдѣлано имъ по просьбѣ Пастухова. Вамъ нужно поэтому разрѣшить вопросъ, могъ ли Пастуховъ, при тѣхъ свойствахъ скрытности и робости, которыя указаны въ его характерѣ, обращаться къ постороннему человѣку для написанія векселей, зная какимъ образомъ они пишутся по дѣламъ своимъ съ Обществомъ Взаимнаго Кредита, и согласно ли съ цѣлями мщенія впутывать въ дѣло лицо, близко знающее Гулакъ-Артемовскую? При этомъ не надо однако забывать, что обвиняемый не всегда вполнѣ свободенъ въ выборѣ способа оправданія, и не ставить ему въ вину только того, что его оправданіе неудачно или имъ необдуманно.

Затѣмъ объясненъ присяжнымъ порядокъ ихъ совѣщаній, способъ отвѣтовъ цѣликомъ и частью на поставленные судомъ вопросы, сдѣлано напоминаніе о правѣ ихъ, во всякомъ случаѣ, признать за подсудимыми право на снисхожденіе и истолковывать сомнѣніе въ ихъ пользу, и указано въ заключеніе, что присяжные, какъ представители общества, обязаны ограждать его отъ опасности осужденія невинныхъ, но также и защищать его отъ тѣхъ, кто дерзко нарушаетъ свои обязанности въ отношеніи членовъ общества, въ разсчетѣ на безнаказанность.

КАССАЦІОННЫЯ

ЗАКЛЮЧЕНІЯ.

I.

По дѣлу объ отставномъ подполковникѣ Соболевскомъ, обвиняемомъ въ клеветѣ въ печати.

Повѣренный тайнаго совѣтника Ахшарумова принесъ жалобу, которою онъ обвинялъ отставного подполковника Соболевскаго въ оклеветаніи его, Ахшарумова, помѣщеніемъ на стр. 214 и 215 составленной и изданной Соболевскимъ книги «Правосудіе и правовой порядокъ въ войскахъ» слѣдующихъ выраженій: «сколько грустныхъ разсказовъ ходитъ среди судебнаго вѣдомства о томъ, какъ тотъ или другой получилъ должность; говорятъ, что К. и Н. сдѣлались помощниками прокурора, давъ на вѣчныя времена взаймы извѣстную сумму прокурору Ах.» и просилъ о привлеченіи Соболевскаго къ отвѣтственности по 1535 ст. Улож. о нак. То же обвиненіе повѣренный Ахшарумова поддерживалъ на предварительномъ слѣдствіи и въ С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ. Окружной Судъ, признавъ доказаннымъ, что заключающееся въ книгѣ Соболевскаго указаніе на военнаго прокурора «Ах.» представляетъ обвиненіе его въ лихоимствѣ; что это обвиненіе направлено противъ бывшаго военнаго прокурора С.-Петербургскаго Военнаго Окружного Суда тайнаго совѣтника Ахшарумова; что Соболевскій никакихъ доказательствъ справедливости заявленнаго имъ обвиненія не представилъ; что обвиненіе это было умышленно и завѣдомо ложно; что такое дѣяніе Соболевскаго предусмотрѣно 1535 ст. Улож. о нак. и, принявъ во вниманіе, что хотя сообщенное Соболевскимъ ложное свѣдѣніе о предоставленіи Ахшарумовымъ мѣстъ помощниковъ прокурора за взятки, подъ видомъ займа, и опровергнуто судебнымъ слѣдствіемъ, но, однако, удостовѣрено, что Ахшарумовъ занималъ у подчиненныхъ деньги и вошелъ въ неоплатные долги, чѣмъ самъ подавалъ поводъ къ дурнымъ о немъ отзывамъ, нашелъ, что наказаніе Соболевскому должно быть уменьшено, и присудилъ его, по 1 п. 39 ст. Улож., къ мѣсячному аресту на военной гауптвахтѣ. На приговоръ суда обѣ стороны принесли апелляціонныя жалобы. Повѣренный обвинителя, возражая противъ допущенія судомъ уменьшающихъ вину подсудимаго обстоятельствъ и указывая на наличность обстоятельствъ, увеличивающихъ его вину, ходатайствовалъ о присужденіи подсудимаго за оклеветаніе Ахшарумова въ печати къ 4-хъ мѣсячному тюремному заключенію и объ опубликованіи приговора Палаты, а подсудимый просилъ о постановкѣ оправдательнаго о немъ приговора въ виду того, что напечатанные имъ объ Ахшарумовѣ слухи дѣйствительно существовали и не были имъ, подсудимымъ, вымышлены. С.-Петербург-

скою Судебною Палатою были постановлены къ своему разрѣшенію слѣдующіе вопросы, не вызвавшіе замѣчаній сторонъ: 1) подлежитъ ли отмѣнѣ или измѣненію приговоръ суда и 2) если подлежитъ, то въ чемъ именно? Судебная Палата нашла, что данными судебнаго слѣдствія установлены лишь займы Ахшарумовымъ, за время бытности прокуроромъ Военно-Окружнаго Суда, денегъ у разныхъ лицъ, въ томъ числѣ и у подчиненныхъ ему по службѣ, и неоплатные его долги; что приписываемыя Соболевскому и напечатанныя имъ слова, хотя представляются оскорбительными и могущими вредить чести и достоинству Ахшарумова, но не могутъ быть признаны напечатанными завѣдомо ложно, такъ какъ Ахшарумовъ, займами у подчиненныхъ и несостоятельностью къ платежамъ, самъ подавалъ поводъ къ дурнымъ о немъ отзывамъ; что, по сему и по разъясненію Правительствующаго Сената (1875 г. № 571), въ дѣяніи Соболевскаго не заключается признаковъ клеветы, а усматривается преступленіе, преслѣдуемое 1 ч. 1039 ст. Улож. о нак.; что, по обстоятельствамъ настоящаго дѣла, согласно 2 п. 129 и 149 ст. Улож., слѣдовало бы приговорить Соболевскаго къ тюремному заключенію, но такъ какъ приговоромъ суда онъ присужденъ къ наказанію менѣе строгому, къ аресту, и о мѣрѣ наказанія повѣренный обвинителя въ судѣ 1 степени не ходатайствовалъ, то назначенное судомъ наказаніе, за силой ст. 857 Уст. угол. суд., не можетъ быть увеличено; что ходатайство повѣреннаго обвинителя объ опубликованіи приговора Палаты, заявленное впервые въ апелляціонномъ отзывѣ его, не подлежитъ удовлетворенію, за силой 857 ст. Уст. угол. суд. По изложеннымъ соображеніямъ и въ виду Всемилостивѣйшаго манифеста 15-го мая 1883 г., Судебная Палата присудила Соболевскаго къ аресту на военной гауптвахтѣ на 20 дней. На этотъ приговоръ Палаты обѣ стороны принесли кассаціонныя жалобы, а подсудимый, сверхъ того, представилъ объясненіе противъ жалобы повѣреннаго обвинителя, въ каковыхъ жалобахъ повѣренный обвинителя ходатайствуетъ объ отмѣнѣ всего приговора Палаты, а подсудимый—объ оставленіи въ силѣ оправдательнаго приговора Палаты по обвиненію его въ клеветѣ и объ отмѣнѣ обвинительнаго приговора ея по обвиненію его въ опозореніи. Свои ходатайства стороны основываютъ на слѣдующихъ, допущенныхъ Палатою, нарушеніяхъ законовъ. Главнѣйшимъ образомъ обѣ стороны указываютъ на неправильное примѣненіе Палатою ст. 1039 Улож. о наказ. По поводу этого нарушенія повѣренный обвинителя объясняетъ, что жалоба имъ была принесена на клевету, и Палата не имѣла права измѣнять обвиненіе въ клеветѣ на обвиненіе въ диффамаціи; что 1039 ст. не могла быть примѣнена, такъ какъ настоящее дѣло возбуждено въ порядкѣ частнаго обвиненія, которое нигдѣ не заявляло ходатайства о желаніи воспользоваться выгодами, предоставляемыми ему 1039 ст. Улож. о наказ., и что, назначивъ обвиняемому наказаніе по этой статьѣ, Палата не только нарушила прямой ея смыслъ, но и существенно нарушила право Ахшарумова искать возстановленія истины о своей чести по своему усмотрѣнію, или по 1535, или по 1039 ст. Улож. о наказ., право, несомнѣнно ему предоставленное ст. 1213[3] Уст. угол. суд. Съ своей стороны, подсудимый, по поводу этого обстоятельства, высказываетъ, что Палата вышла изъ предѣловъ требованій частнаго обвинителя, который во все время производства дѣла не обвинялъ его въ диффамаціи; что обвиненіе въ диффамаціи впервые заявлено ему, подсудимому, въ резолюціи Палаты, когда и самъ частный обвинитель уже не могъ предъявить такого обвиненія; что по предмету этого новаго обвиненія, Палатою на ея разрѣшеніе не было постановлено вопроса, и что, если бы онъ, подсудимый, и подлежалъ обвиненію въ диффамаціи, то лишь какъ за оскорбленіе должностнаго лица, и въ такомъ случаѣ все производство по уголовному преслѣдованію его, какъ несогласное съ 2 ч. 1039 ст. Улож. о наказ. и ст. 1213[3] и [5] Уст. угол. суд., подлежитъ прекращенію, за силой 1 ст. этого Устава. Далѣе, повѣренный обвинителя указываетъ на непра-

вильное толкованіе Палатою ст. 1535 Улож. о наказ.. Установивъ только, что объ Ахшарумовѣ были дурные отзывы, Палата не имѣла права заключать, что напечатанное о немъ не завѣдомо ложно; если дурные отзывы и были, то нельзя существованіемъ ихъ оправдывать распространеніе ложныхъ обвиненій; не слухи и сплетни, какъ бы они вѣроятными ни казались, могутъ быть основаніемъ къ распространенію позорящихъ чью либо честь обстоятельствъ безнаказанно, а истина; изъ того, что Ахшарумовъ должен нѣкоторымъ изъ своихъ подчиненныхъ, и не можетъ уплатить долговъ, не нарушая законовъ логики нельзя вывести, что Ахшарумовъ взяточникъ и беретъ у подчиненныхъ деньги за назначенія на должности; отсюда видно, что между напечатанными строками, содержащими ложное обвиненіе Ахшарумова во взяткахъ, и тѣмъ фактомъ, который установила Палата о неоплатности долговъ Ахшарумова, въ числѣ кредиторовъ котораго находятся, между прочимъ, и его подчиненные, нѣтъ того соотношенія, по которому заключеніе ея, что напечатаное объ Ахшарумовѣ не завѣдомо ложно, можно бы было признать логическимъ выводомъ. Подсудимый противъ этихъ доводовъ повѣреннаго обвинителя въ объясненіи своемъ возражаетъ, что Палата правильно признала утвержденіе, сообщенное въ печати, не ложнымъ, такъ какъ она пришла къ убѣжденію, что существовалъ извѣстный слухъ, что этотъ слухъ не былъ вымышленъ, что тѣ факты, которые составляли слухъ, имѣли основаніе въ дѣйствительности, въ томъ именно, что Ахшарумовъ былъ должникомъ своихъ подчиненныхъ, не заплатилъ имъ долговъ, бравши деньги зналъ, что не можетъ ихъ отдать, и, слѣдовательно, бралъ на вѣчныя времена. Затѣмъ, повѣренный обвинителя въ кассаціонной жалобѣ указываетъ на нарушеніе Палатою ст. 889 и 892 Уст. угол. суд. оставленіемъ безъ разсмотрѣнія его апелляціонной жалобы, неизложеніемъ въ приговорѣ основаній, по коимъ оставлены безъ уваженія его объясненія, между прочимъ и заявленіе его объ отсутствіи въ дѣлѣ уменьшающихъ и наличности увеличивающихъ вину подсудимаго обстоятельствъ, а также на нарушеніе ст. 891 Уст. угол. суд. тѣмъ, что Палата отказала ему въ просьбѣ объ увеличеніи опредѣленнаго судомъ подсудимому наказанія; дѣйствительность послѣдняго нарушенія повѣренный обвинителя доказываетъ, какъ буквальнымъ смысломъ 891 ст. Уст. угол. суд., ставящей увеличеніе наказанія въ зависимость только отъ жалобы обвинителя, такъ и тѣмъ, что ходатайствуя въ судѣ 1 степени о назначеніи подсудимому наказанія по 1535 ст. Улож., онъ тѣмъ самымъ указывалъ, что подсудимый подлежитъ заключенію въ тюрьмѣ не ниже 2-хъ мѣсяцевъ. Подсудимый противъ этихъ пунктовъ кассаціонной жалобы повѣреннаго обвинителя въ своемъ объясненіи высказываетъ, что Палата, какъ удостовѣряетъ сущность ея приговора, входила въ оцѣнку апелляціонной жалобы обвинителя; что Палата, слѣдуя домогательствамъ обвинителя при опредѣленіи наказанія за диффамацію, совершенно исключила изъ своего приговора уменьшающія вину обстоятельства, признанныя судомъ, а напротивъ, признала наличность обстоятельствъ, увеличивающихъ вину, и примѣнила 2 п. 129 ст. Улож. о наказ., и что частный обвинитель, не обозначивши точно въ судѣ 1 степени своего требованія о наказаніи, уже не можетъ возражать въ апелляціи противъ размѣра наказанія, назначеннаго судомъ.

Бывшій помощникъ военнаго прокурора, отставной подполковникъ Соболевскій, составилъ и издалъ книгу: «Правосудіе и правовый порядокъ въ войскахъ». Въ этой книгѣ, говоря о личномъ составѣ военно-судебнаго вѣдомства, о нравахъ этого вѣдомства и въ особенности о прокуратурѣ, авторъ, указывая на стремленіе воен-

наго начальства руководиться своекорыстными побужденіями, объясняетъ, что чрезвычайно скучное общество военныхъ юристовъ оживляется лишь разговорами о повышеніяхъ, погоняхъ за наживою и о тактѣ, споспѣшествующемъ карьерѣ. Этотъ «тактъ» на бюрократическомъ языкѣ обозначаетъ, по удостовѣренію Соболевскаго, удержаніе за собою должности и полученіе повышеній путемъ всевозможныхъ подлостей, шпіонства, измѣны дружбѣ, пожертвованія чести своей, своихъ женъ и дочерей, и *взятками подъ видомъ займа*. Благодаря этому такту, въ помощникахъ прокурора по военному вѣдомству появились не люди, одушевленные идеею общаго блага и интересами правосудія, а усердные поздравители съ именинами, лакеи и няньки, кумовья и *начальническіе кредиторы*. «Сколько грустныхъ разсказовъ, говоритъ авторъ, ходитъ въ военно-судебномъ вѣдомствѣ о томъ, какъ тотъ или другой получилъ должность. Говорятъ, что К. и Н. сдѣлались помощниками военнаго прокурора, давъ на вѣчныя времена взаймы извѣстную сумму прокурору Ах...». Бывшій прокуроръ Петербургскаго Военно-Окружнаго Суда, тайный совѣтникъ Ахшарумовъ, подъ начальствомъ котораго служили помощники прокурора Кудрявцевъ и Никифоровъ, усмотрѣлъ въ приведенныхъ словахъ клевету и возбудилъ противъ Соболевскаго уголовное преслѣдованіе. Состоявшимся въ порядкѣ инстанцій приговоромъ Судебной Палаты, обвиняемый оправданъ въ *клеветѣ* и признанъ виновнымъ лишь въ *диффамаціи*, при чемъ Ахшарумову отказано въ увеличеніи наказанія обвиняемому, несмотря на его просьбу въ апелляціонномъ отзывѣ. На этотъ приговоръ и потерпѣвшимъ, и осужденнымъ принесены, по различнымъ основаніямъ, кассаціонныя жалобы.

Съ своей стороны, я нахожу этотъ приговоръ неправильнымъ, и притомъ во всѣхъ его частяхъ. Онъ неправиленъ, *во-первыхъ*, по толкованію состава преступленія клеветы въ печати, предусмотрѣннаго 1535 ст. Улож. о наказ., и по опредѣленію свойства доказательствъ, коими въ подобнаго рода дѣлахъ можетъ быть доказываема виновность подсудимаго. Судебною практикою, освященною рядомъ рѣшеній Правительствующаго Сената, давно уже признано, что существенными признаками клеветы является обвиненіе кого либо въ *опредѣленномъ* дѣяніи, противномъ правиламъ чести, и притомъ обвиненіе *несправедливое*. Это понятіе о клеветѣ дополнено Правительствующимъ Сенатомъ въ 1871 году, въ рѣшеніи по дѣлу Крылова, тѣмъ, что для оскорбленія чести частныхъ лицъ признано совершенно безразличнымъ, распространялось ли несправедливое обвиненіе отъ имени автора или же изложено въ видѣ разсказа третьихъ лицъ, и старался ли авторъ придать ему достовѣрность дѣйствительнаго событія. Затѣмъ, въ 1875 году, въ рѣшеніи за № 571, по дѣлу Ватсона и Суворина, Сенатъ установилъ ограниченіе для примѣненія наказанія за клевету въ печати, признавъ, что «не можетъ быть признанъ клеветникомъ и подвергнутъ наказанію, по 1535 ст. Улож. о наказ., тотъ, кто распространялъ о комъ либо ложное извѣстіе, *полагая*, что

онъ распространяетъ свѣдѣніе объ истинномъ происшествіи». На основаніи этихъ толкованій, судъ, признавая въ напечатанномъ произведеніи внѣшніе признаки клеветы, но находя вмѣстѣ съ тѣмъ, что обвиняемый не подлежитъ наказанію, ибо въ дѣяніи его нѣтъ внутренняго признака клеветы—завѣдомой лживости оскорбительнаго сообщенія—обязанъ установить, что обвиненіе, содержащееся въ напечатанныхъ строкахъ, *несправедливо*, что оно касается дѣянія *позорнаго* и наконецъ, что подсудимый *полагалъ*, что разсказанное имъ есть *истинное* происшествіе. Выраженіе «полагалъ», употребленное Правительствующимъ Сенатомъ по дѣлу Ватсона, понималось на практикѣ различно и, по большей части, неправильно. Ему придавался очень часто—и, по моему мнѣнію, въ ущербъ правосудію,—смыслъ гораздо болѣе широкій и растяжимый, чѣмъ это можетъ быть дѣлаемо. Съ выраженіемъ «полагалъ» отождествляли понятіе «думалъ» и даже «предполагалъ». Но нѣтъ сомнѣнія, что употребляя это выраженіе, Правительствующій Сенатъ былъ далекъ отъ мысли освободить человѣка, печатающаго о другомъ позорящія обстоятельства, отъ всякой осторожности, отъ всякой осмотрительности и обдуманности по отношенію къ тому, что онъ дѣлаетъ. Выставляя другого на позоръ, пригвождая его имя къ унизительному или постыдному обстоятельству, недостаточно *думать*, что такое обстоятельство *возможно*, недостаточно предполагать, что обвиненіе справедливо только потому, что оно вѣроятно. Необходима увѣренность въ истинности того, что оглашается. Только такая увѣренность подсудимаго можетъ дать суду право не вмѣнить ему въ вину того зла, которое онъ причинилъ потерпѣвшему, приписавъ ему ложный позорящій фактъ, окруливъ и пустивъ его во всенародное свѣдѣніе путемъ печатнаго станка. Область предположеній, догадокъ и умозаключеній, основанныхъ на одной вѣроятности и возможности—слишкомъ неопредѣленна. Въ этой области мнительная довѣрчивость, способность увлекаться, живое воображеніе и даже личный темпераментъ играютъ большую роль и нельзя отдавать имъ безнаказанно на жертву честь и доброе имя человѣка. Поэтому и жалобщика, который ищетъ у суда защиты отъ поруганія и возстановленія своего достоинства признаніемъ оглашеннаго о немъ клеветою—нельзя обезоруживать заявленіемъ, что обидчикъ предполагалъ, что оглашенное вѣрно, что ему думалось, что онъ правъ, что онъ поспѣшилъ обобщить и сжать воедино разнородные слухи. Не надо забывать, что «алчущіе и жаждущіе правды» нерѣдко жаждутъ лишь личнаго мщенія, что въ основѣ благороднаго негодованія иногда лежатъ чувства, съ благородствомъ ничего общаго не имѣющія. Притомъ, печатное слово вырывается не внезапно, не въ припадкѣ гнѣва, не сгоряча, когда не всякій умѣетъ имъ твердо править: процессъ его появленія на свѣтъ довольно сложный и требующій времени, сопряженный съ перерывами, вызываемыми самою техникою печатнаго дѣла. Въ случаяхъ оскорбленія въ отдѣльно изданномъ сочиненіи проходятъ дни и даже мѣсяцы, прежде чѣмъ рукопись облечется въ форму

печатныхъ листовъ, прежде чѣмъ эти листы выйдутъ въ формѣ книги. Для обдумыванія, для провѣрки справедливости того, что должно нанести иногда незаживающую рану чужой чести—есть и время, и возможность. Поэтому судъ въ правѣ требовать доказательствъ того, что подсудимый провѣрялъ все, что̀ огласилъ, что прежде, чѣмъ сдѣлать разсказъ о чужомъ позорѣ общимъ достояніемъ, онъ сопоставлялъ факты и слухи и, постоянно наталкиваясь на ихъ справедливость, *увѣрился* въ ихъ истинѣ. Такимъ образомъ, говоря о подсудимомъ, который «полагалъ», что сообщенное имъ есть истинное происшествіе, слѣдуетъ тѣмъ самымъ признавать, что онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи данныя и факты, которые *исключали для него возможность сомнѣнія въ истинѣ того, что онъ сообщилъ*. Это *отсутствіе* сомнѣнія есть необходимое условіе для оправданія оглашителя ложнаго обвиненія. Оно должно составлять первое и непремѣнное требованіе въ дѣлахъ о клеветѣ. Законъ не можетъ оставлять безнаказаннымъ опубликованіе ложныхъ свѣдѣній, *въ несомнѣнности* которыхъ *не увѣренъ* и самъ ихъ сообщившій, несмотря на то, что такое опубликованіе можетъ разбить всю жизнь человѣка и поселить скорбь и стыдъ въ его близкихъ, въ носящихъ одно съ нимъ имя. Въ этомъ требованіи было бы ошибочно видѣть стѣсненіе свободы печатнаго слова. Не *свободу* этого слова, а *произволъ* этого слова имѣетъ въ виду такое требованіе. Новѣйшія европейскія законодательства твердо стоятъ на подобной точкѣ зрѣнія. Не дозволяется доказывать истину позорящаго сообщенія ссылкою на то обстоятельство, что утверждаемый фактъ *общеизвѣстенъ*, говоритъ § 265 венгерскаго Уложенія 1878 года. Утверждающій или распространяющій относительно другого фактъ, могущій возбудить къ нему презрѣніе или унизить его въ общественномъ мнѣніи, *въ случаѣ недоказанности правдивости факта*, говоритъ § 186 германскаго Уложенія 1870 года—подвергается... и т. д.

Таковы общія требованія, которыя должны бы быть выполнены С.-Петербургскою Судебною Палатою при оправданіи Соболевскаго въ оклеветаніи Ахшарумова. Но онѣ не выполнены или, лучше сказать, выполнены только отчасти. Въ *третьемъ* пунктѣ соображеній Палаты признано, что обвиненіе Ахшарумова во взятіи взятки за предоставленіе своему подчиненному мѣста—*несправедливо*, такъ какъ оно не подтверждается по дѣлу, ибо данными судебнаго слѣдствія и особымъ своеобразнымъ доказательствомъ, которымъ Палата считаетъ приговоръ Окружного Суда—этого обстоятельства не установлено; въ пунктѣ *четвертомъ* признано, что обвиненіе это позорящее, ибо слова, напечатанныя Соболевскимъ—оскорбительны и могутъ вредить чести и достоинству Ахшарумова. Въ виду этого, казалось бы, оправданіе въ клеветѣ возможно было бы лишь при признаніи Палатою, что Соболевскій, вслѣдствіе неблагопріятнаго для истины и несчастнаго для него сцѣпленія удостовѣреній, былъ лишенъ возможности сомнѣваться, что фактъ полученія Ахшарумовымъ взятки случился, и искренно былъ убѣжденъ, въ дѣйствительности именно

этого самаго факта. Палата, однако, взглянула на внутренній составъ преступленія клеветы иначе. Она нашла, что въ виду займовъ у подчиненныхъ и несостоятельности къ платежамъ—Ахшарумовъ самъ подавалъ поводъ къ дурнымъ о немъ отзывамъ. Поэтому, и не опредѣляя вовсе, въ чемъ именно состояли эти отзывы, какому дѣянію, противному правиламъ чести они соотвѣтствовали и изъ какого источника исходили, Палата пришла въ выводу, что заявленіе Соболевскаго о продажѣ мѣстъ не можетъ быть признано напечатаннымъ завѣдомо ложно и, слѣдовательно, не заключаетъ въ себѣ признаковъ клеветы. Съ такимъ выводомъ отнюдь нельзя согласиться. Не говоря уже о томъ, что Палатою вовсе даже и не установлено, чтобы Соболевскій полагалъ, что дурные отзывы объ Ахшарумовѣ даютъ основаніе считать согласнымъ съ истиною приписываніе ему опредѣленнаго факта—продажи мѣстъ, нельзя не замѣтить, что свѣдѣнія, на которыхъ обвиняемый въ клеветѣ строитъ свои несправедливыя утвержденія, должны представлять собою *основаніе* для такихъ утвержденій, а не *поводъ* къ нимъ, и что, кромѣ того, между приписываемымъ оскорбленному фактомъ и свѣдѣніями, которыми онъ подтверждается,—должна быть прямая, *причинная связь*. Иначе судебный приговоръ можетъ обратиться въ цѣпь совершенно произвольныхъ и гадательныхъ выводовъ, приводящихъ къ результату, не согласному съ цѣлями закона, изображеннаго въ 1535 ст. Улож. Поэтому, признаніе Палатою существованія дурныхъ отзывовъ о томъ, что Ахшарумовъ нуждается въ деньгахъ и, занимая у подчиненныхъ, не въ состояніи учинить расплаты—еще не можетъ служить основаніемъ къ признанію, что этихъ отзывовъ самихъ по себѣ уже было достаточно для Соболевскаго, чтобы bona fide взвести обвиненіе на Ахшарумова въ опредѣленномъ позорномъ и преступномъ дѣяніи, принадлежащемъ совсѣмъ къ другой категоріи, чѣмъ запутанность въ дѣлахъ и неразборчивость въ избраніи кредиторовъ. Если принять взглядъ Палаты, то надо допустить, что достаточно дурныхъ отзывовъ о частномъ человѣкѣ вообще, чтобы имѣть возможность безнаказанно, въ смыслѣ отвѣтственности за клевету, приписывать ему позорное служебное дѣяніе и даже преступленіе. Но такая доктрина представляется мнѣ весьма опасною въ своемъ послѣдовательномъ развитіи и примѣненіи. Если безусловно руководиться ею, то окажется, что слухъ о неумѣренной игрѣ въ карты на крупныя ставки даетъ *поводъ* напечатать, что играющій совершаетъ служебную растрату; что разсказы о леткомысленномъ образѣ жизни молодой женщины, посѣщающей публичныя собранія безъ сопровожденія мужа,—даютъ *поводъ* огласить, что она занимается прелюбодѣяніемъ; что взятіе въ домъ вдовцомъ близкой родственницы и предоставленіе ей правъ хозяйки—представляетъ *поводъ* прозрачно намекнуть на кровосмѣшеніе, и т. д., и т. д. И зачѣмъ тогда останавливаться на дурныхъ отзывахъ о дѣйствіяхъ? Въ дѣйствіяхъ отражается характеръ извѣстной личности. Поэтому, отчего не перешагнуть за эту черту и не считать, что и дурные отзывы о

характерѣ даютъ поводъ утверждать существованіе фактовъ, вполнѣ возможныхъ при тѣхъ или другихъ свойствахъ характера? Почему не оправдывать по обвиненію въ клеветѣ того, кто приписалъ кулачную расправу человѣку, о которомъ всѣ говорятъ, что онъ вспыльчивъ или кто приписалъ позорный бездушный поступокъ вѣдомому эгоисту, и т. д.? Но тогда утратится всякая разница между обыкновенною сплетнею и клеветою; онѣ сольются воедино, и ползущая въ темнотѣ, трусливая и уклончивая, шепчущая на ухо сплетня будетъ питать собою, а впослѣдствіи и оправдывать собою открытую клевету. А между тѣмъ, между ними должна быть грань. Сплетня неуловима, измѣнчива въ своей формѣ, склонна къ варіаціямъ, впадаетъ въ преувеличеніе и потому не внушаетъ къ себѣ особаго довѣрія и знаетъ обыкновенно ограниченный кружокъ людей. Но клевета въ печати—ясна, опредѣленна, точна, она всенародно и вызывающимъ образомъ подымаетъ голову. Въ ней то, что было мимолетною сплетнею, окаменѣваетъ, упрочивается и твердо пріурочивается къ извѣстному событію. Въ печатной клеветѣ, какъ выразился однажды, въ 1874 году, въ рѣшеніи по дѣлу Ставраки, Правительствующій Сенатъ—«сплетнѣ придается значеніе положительнаго факта».

По всѣмъ этимъ соображеніямъ я нахожу, что Судебная Палата, не установивъ ни непосредственной связи между дурными отзывами объ Ахшарумовѣ и взведеннымъ на него несправедливымъ—по признанію самой Палаты—обвиненіямъ, ни того, чтобы у Соболевскаго существовало основанное на объективныхъ данныхъ убѣжденіе въ правдивости сообщаемаго имъ обстоятельства—не имѣла основанія отрицать въ дѣяніи его наличность существеннаго признака клеветы. Поэтому, въ этомъ отношеніи, приговоръ Палаты, постановленный въ нарушеніе 2 п. 797 Уст. угол. суд., подлежитъ отмѣнѣ.

Приговоръ Судебной Палаты неправиленъ, *во-вторыхъ*, относительно признанія Соболевскаго виновнымъ въ *диффамаціи*. Отвергая обвиненіе въ клеветѣ по 1535 ст. Улож., Судебная Палата, по собственному почину, перешла къ обвиненію въ диффамаціи, т. е. къ преступленію, предусмотрѣнному въ 1039 ст. Улож. Оправдывая Соболевскаго въ томъ, что онъ несправедливо обвинялъ Ахшарумова въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести, Палата нашла, однако, что онъ огласилъ о немъ позорящій фактъ. На такое измѣненіе обвиненія, на такой переходъ отъ клеветы къ диффамаціи, судъ, по моему мнѣнію, не уполномоченъ. *Во-первыхъ*, по самому *существу преступленія*—между тѣмъ и другимъ есть большая разница. Статьею 1213 Уст. угол. суд. запрещается приводить доказательства справедливости позорящихъ обстоятельствъ, оглашенныхъ въ печати, и рѣшеніемъ Уголовн. Кассац. Департамента по дѣлу Крылова, въ 1871 году, признано, что ложность обвиненія *не входитъ* въ составъ признаковъ преступленія, предусмотрѣннаго 1039 ст. Уложенія. Такимъ образомъ—клевета, по 1535 ст., составляетъ ложное обвиненіе въ дѣяніи безчестномъ, не подтвердившееся доказательствами, а диффа-

мація, по 1039 ст. Улож., составляетъ оглашеніе въ печати позорящаго факта, хотя и вѣрнаго, быть можетъ, но не подлежащаго огласкѣ. Очевидно, что законъ преслѣдуетъ совершенно разныя цѣли, карая то или другое изъ этихъ преступленій. Преслѣдуя клеветника—онъ защищаетъ священное достояніе нравственно-развитого человѣка—честь; наказывая диффаматора, онъ ограждаетъ отъ посторонняго вторженія область частной жизни. Понятіе о диффамаціи, какъ наказуемомъ проступкѣ, находится въ связи съ тѣмъ взглядомъ, который получилъ особое развитіе въ политико-юридической жизни Франціи и нашелъ себѣ выраженіе въ извѣстномъ афоризмѣ: «la vie privée doit etre murée». Карая диффаматора, судебная власть говоритъ ему: «не вторгайся въ частную жизнь, не дѣлай достояніемъ общественнаго любопытства того, что можетъ быть извѣстно лишь маленькому кругу знакомыхъ, не вноси смуту, раздраженіе и безпокойство въ общество, развертывая передъ нимъ картину обстоятельствъ, которыя до него не касаются, ибо происходятъ въ тѣсныхъ рамкахъ личной жизни частнаго человѣка». При клеветѣ обвиняемому говорится—«ты посягнулъ на чужую честь—докажи, что ты былъ правъ!» При диффамаціи ему говорится: «ты посягнулъ на чужое спокойствіе—и если ты не докажешь, что это сдѣлалъ не ты, то тебѣ нѣтъ оправданія!» Исключеніе дѣлается лишь для должностныхъ лицъ по службѣ государственной или общественной, гдѣ, въ интересѣ государства и въ виду того, что дѣятельность подвергшагося оглашенію не исключительно частная, но и общественная—дозволяется приводить доказательства справедливости позорящаго обстоятельства, но доказательства узкія, одностороннія, добыть которыя по большей части чрезвычайно трудно—доказательства *письменныя*. Итакъ, и по характеру своему, и по мѣсту, занимаемому въ Уложеніи—клеветою въ раздѣлѣ X, отдѣленіи III, главѣ VI о непосредственныхъ личныхъ оскорбленіяхъ, а диффамаціею—въ раздѣлѣ VIII, главѣ V о нарушеніи постановленій о печати—эти преступленія совершенно разнятся между собою и не могутъ быть поставляемы одно вмѣсто другого.

Во-вторыхъ—практическое значеніе обвиненія въ томъ или другомъ изъ этихъ двухъ преступленій не допускаетъ свободнаго перехода отъ одного къ другому, безъ категорическаго заявленія жалобщика, что будучи оклеветанъ, онъ считаетъ, однако, возможнымъ ограничиться взысканіемъ съ обидчика за диффамацію. Результатъ осужденія по 1039 ст. Улож. тотъ, что все-таки многое остается неразъясненнымъ, что все-таки остается основательное предположеніе, что обидчикъ говорилъ не лживо, ибо иначе его преслѣдовали бы за клевету. Позорящія уста заграждены, но изъ того, что на нихъ наложена на будущее время печать молчанія объ извѣстномъ фактѣ, еще не слѣдуетъ, что этого факта не было. Поэтому тамъ, гдѣ вопреки желанію потерпѣвшаго, жалующагося на клевету, къ обидчику примѣняется законъ о диффамаціи, вопросъ о томъ, честный ли онъ человѣкъ—остается открытымъ для всевозможныхъ толкованій, а

осужденный, неся кару по такому приговору, все-таки можетъ утѣшаться, вспоминая знаменитый совѣтъ: «Клевещите! клевещите! всегда что-нибудь да останется»... Такимъ образомъ, интересы обвинителя существенно нарушаются этимъ переходомъ отъ клеветы къ диффамаціи. Законъ предоставляетъ ему самому на выборъ, чего искать у суда, преслѣдуя своего обидчика—очищенія ли отъ обвиненія въ дѣяніи безчестномъ, или того, чтобы его не безпокоили, дѣлая о немъ непріятныя и оскорбительныя оглашенія. Онъ самъ—и исключительно онъ—долженъ взвѣсить, что ему выгоднѣе: услышать ли несомнѣнный обвинительный приговоръ, не снимающій, однако, пятна съ его чести, или же рисковать возможностью оправданія того, кто, по его мнѣнію, взвелъ на него ложное обвиненіе. Въ рядѣ рѣшеній Правительствующій Сенатъ высказалъ, что этотъ выборъ долженъ всецѣло принадлежать частному обвинителю, и этимъ самымъ ограничилъ просторъ дѣятельности суда въ такомъ выборѣ. Судъ не можетъ, судъ не долженъ говорить потерпѣвшему, просящему защитить его честь: «я не буду входить въ разборъ того, правъ ли твой обвинитель, утверждая, что ты укралъ, обманулъ, предалъ, продалъ,—но я буду ограждать твое спокойствіе и накажу того, кто *слишкомъ громко* объ этомъ говоритъ». Рамки усмотрѣнія суда въ этихъ случаяхъ крайне—и совершенно справедливо—съужены. Это усмотрѣніе, какъ указываетъ вторая часть ст. 1039 Улож., можетъ имѣть предметомъ *не содержаніе* дѣянія обвиняемаго въ томъ видѣ, какъ оно опредѣляется частнымъ обвинителемъ, а лишь *форму* или способъ совершенія его. По смыслу ст. 1039, судъ можетъ или оправдать, или осудить обвиняемаго и имѣетъ право перейти къ другой, къ 1040 ст., лишь въ томъ случаѣ, если въ *формѣ* преслѣдуемаго сочиненія или въ способѣ его распространенія усмотритъ оскорбительный умыселъ со стороны обвиняемаго, подлежащаго оправданію по 1039 ст. за диффамацію.

Въ-третьихъ, наконецъ, условія, *которыми обставляетъ оба эти преступленія* Улож. о наказ., ставятъ между ними серьезную грань. *Наказаніе* за нихъ разное и притомъ за диффамацію болѣе строгое; *давность* для нихъ различная и притомъ для диффамаціи—меньшая, ибо для преступленій печати установлена, по примѣчанію къ 158 ст. Улож., годовая давность, а клевета, какъ преступленіе общее, влекущее тюремное заключеніе, покрывается по 4 п. 158 ст. Улож. давностью двухлѣтнею. *Способъ* доказыванія невиновности—тоже совершенно различный. При клеветѣ невиновность обвиняемаго доказывается всѣми способами,—при диффамаціи—никакихъ доказательствъ невиновности въ опозореніи частнаго лица не допускается, а при опозореніи должностного—допустимъ лишь одинъ исключительный способъ—посредствомъ письменныхъ доказательствъ. Наконецъ—и на это нельзя не обратить особаго вниманія—самыя *правила о печатаніи судебныхъ отчетовъ* представляются совершенно различными по отношенію къ этимъ двумъ преступленіямъ. По дѣламъ о клеветѣ—могутъ быть напечатаны, и притомъ безъ всякаго разрѣшенія со

стороны суда—не только приговоръ, но и отчетъ обо всемъ, происходившемъ въ судебномъ засѣданіи. Но по дѣламъ о диффамаціи, на основаніи 1213[15] ст. Уст. угол. судопр.,—пренія не могутъ быть печатаемы, хотя бы они производились въ присутствіи публики, а печатается только приговоръ суда съ особаго притомъ его разрѣшенія. Очевидно, что этотъ, совершенно различный въ обоихъ случаяхъ, порядокъ можетъ быть соблюдаемъ лишь при послѣдовательномъ разсмотрѣніи дѣла, какъ дѣла о клеветѣ или какъ дѣла о диффамаціи. Но возможность перехода отъ одного обвиненія къ другому—и притомъ совершенно неожиданнаго, по усмотрѣнію самого суда—обратитъ этотъ порядокъ въ мертвую букву. Дѣло можетъ длиться нѣсколько дней. Оно начато по обвиненію въ клеветѣ. Слѣдовательно, и частная жалоба, и пренія на судѣ напечатаются невозбранно. И вдругъ, въ окончательномъ приговорѣ судъ объявляетъ, что то, что онъ разсматривалъ—не клевета, а диффамація. Но по дѣламъ о диффамаціи нельзя ничего печатать, кромѣ приговора, да и то если судъ позволитъ. А между тѣмъ, все уже напечатано, оглашено, сдѣлалось предметомъ и серьезнаго вниманія, и праздная любопытства. Положеніе станетъ еще болѣе сложнымъ, если, какъ было и въ настоящемъ случаѣ, апелляціонная инстанція признаетъ диффамацію, а первая инстанція, согласно съ требованіемъ обвинителя, разсматривала дѣло о клеветѣ и отчетъ о немъ былъ напечатанъ безъ всякихъ ограниченій. Нѣтъ ли вопіющаго противорѣчія въ томъ, что судъ, карая вмѣсто клеветника диффаматора за то, что онъ *огласилъ*, самъ, двукратнымъ разбирательствомъ дѣла о клеветѣ, даетъ поводъ къ самому широкому *оглашенію* тѣхъ позорящихъ фактовъ, о которыхъ долженъ былъ молчать осужденный?

По всѣмъ этимъ основаніямъ я нахожу, что Палата не имѣла права переходить отъ обвиненія въ клеветѣ къ обвиненію въ диффамаціи, имѣя передъ собою жалобу частнаго обвинителя съ категорическимъ указаніемъ на 1535 ст. Улож., тѣмъ болѣе, что, какъ разъяснено Правительствующимъ Сенатомъ въ рѣшеніяхъ 1870 г. по дѣлу Бѣшенцова и въ 1871 года по дѣлу Картамышева, даже и самъ частный обвинитель не имѣетъ права измѣнять во второй инстанціи первоначально заявленнаго имъ обвиненія. Согласно 889 ст. Уст. угол. судопр., пренія сторонъ и разсмотрѣніе дѣла въ аппелляціонной инстанціи не должны выходить изъ *предѣловъ отзыва*. Отзывы съ обѣихъ сторонъ были принесены по предмету обвиненія въ клеветѣ, и въ предѣлахъ этого обвиненія и могла лишь Палата постановить утвердительное или отрицательное по отношенію къ приговору Окружного Суда рѣшеніе. Постановленные Палатою на свое разрѣшеніе вопросы—подлежитъ ли отмѣнѣ или измѣненію этотъ приговоръ и въ чемъ именно?—не давали Палатѣ права, въ виду 752 и 753 ст., отмѣняя приговоръ о клеветѣ, ставить негласно на свое разрѣшеніе вопросъ о диффамаціи. Несомнѣнно, что отмѣна или измѣненіе приговора первой инстанціи по дѣламъ въ порядкѣ частнаго обвиненія могутъ быть совершаемы лишь въ предѣлахъ

того обвиненія, которое было ей предъявлено и затѣмъ ею признано или отвергнуто. Обвиняемый во второй инстанціи долженъ твердо знать, въ чемъ именно его обвиняютъ, и какое преступленіе имѣетъ въ виду судъ, ставя вопросы о виновности. Постановка вопросовъ въ общихъ выраженіяхъ, за которыми скрывается невысказанное никѣмъ обвиненіе въ совершенно другомъ преступленіи, чѣмъ то, о которомъ шла рѣчь—должна быть, по моему мнѣнію, признана существеннымъ нарушеніемъ правъ обвиняемаго,—а въ данномъ случаѣ и не только его правъ, но и правъ обвинителя. Поэтому и въ этомъ отношеніи приговоръ Палаты подлежитъ отмѣнѣ.

Этотъ приговоръ неправиленъ, *въ-третьихъ*, еще и по толкованію ст. 891 Уст. угол. суд. Палата отказала въ ходатайствѣ частнаго обвинителя объ увеличеніи наказанія Соболевскому потому, что въ первой инстанціи не было предъявлено ходатайство *о мѣрѣ наказанія*. Но этимъ отказомъ Палата установляетъ требованіе, не основанное на законѣ. Нигдѣ въ Уст. угол. суд. не содержится правила, чтобы частный обвинитель обязанъ былъ въ своей жалобѣ или въ ходатайствѣ предъ судомъ первой степени опредѣлять мѣру наказанія. Указывая законъ, подъ который подходитъ дѣяніе, нарушившее его права, онъ тѣмъ самымъ указываетъ на наказаніе, которому можетъ подлежать виновный въ силу нарушеннаго имъ закона. Если затѣмъ послѣдовавшій приговоръ представляется ему слишкомъ мягкимъ по отношенію къ признанной судомъ винѣ—онъ имѣетъ право просить объ усугубленіи кары, объ увеличеніи наказанія. Но даже и въ отзывѣ своемъ на такой приговоръ потерпѣвшій вовсе не обязанъ указывать мѣру наказанія. Опредѣленіе этой мѣры—есть дѣло судейскаго воззрѣнія, основаннаго на соображеніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла и на знаніи подробностей лѣстницы наказаній. Настойчивыя указанія въ этомъ отношеніи, стремленіе руководить судъ въ подробностяхъ его приговора—представлялись бы неумѣстными. Притомъ, такое требованіе опредѣленія мѣры въ первой инстанціи создало бы на практикѣ по общимъ преступленіямъ многія совершенно излишнія затрудненія. Большая часть потерпѣвшихъ по дѣламъ частнаго обвиненія—люди простые и очень часто неграмотные. Ихъ жалобы, на основаніи 301, 303, 306 и 307 ст. Уст. угол. суд., приносятся весьма часто словесно и записываются слѣдователемъ въ протоколъ. Они знаютъ хорошо фактическія данныя, побуждающія ихъ принести жалобу, нерѣдко знаютъ, какъ именуетъ законъ то дѣяніе, на которое они жалуются, но имъ совершенно чужды опредѣленія уложенія о родѣ, степени и мѣрѣ наказанія и о способахъ ихъ приложенія къ виновному. Тоже самое и на судѣ, куда они обыкновенно являются лично и просятъ осудить обидчика и наказать его «по закону». Возможно ли установлять, что слѣдователь или предсѣдатель суда должны требовать отъ такого простого, неграмотнаго человѣка, чтобы онъ точно опредѣлилъ мѣру наказанія, чтобы онъ сказалъ, по какой степени 31, 33 или 38 ст. Улож. и въ какой именно мѣрѣ домогается онъ на-

казанія обидчика? Для всякаго, кто считаетъ судъ живымъ организмомъ на потребу населенію, а не мертвымъ механизмомъ — отвѣтъ, мнѣ думается, ясенъ. Притомъ не могу не замѣтить, что въ приговорѣ своемъ Палата впадаетъ въ нѣкоторую непослѣдовательность. Считая возможнымъ, безъ какого-либо ходатайства обвинителя, существеннымъ образомъ измѣнить *квалификацію* дѣяній обвиняемаго, она, въ то же время, до такой степени считаетъ свой приговоръ стоящимъ въ зависимости отъ личной воли обвинителя, что не рѣшается повысить наказаніе лишь потому, что онъ не указалъ ей *мѣру наказанія*. Поэтому и въ этомъ отношеніи, за нарушеніемъ статьи 891, приговоръ Петербургской Судебной Палаты по дѣлу Ахшарумова съ Соболевскимъ подлежитъ отмѣнѣ.

Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: приговоръ Петербургской Судебной Палаты по настоящему дѣлу, за неправильнымъ примѣненіемъ 1039 ст. Улож. о наказ., за нарушеніемъ 878, 751, 889 и 891 ст. Уст. угол. суд. и за неправильнымъ толкованіемъ 1535 ст. Улож. о нак., отмѣнить, передавъ это дѣло для новаго разсмотрѣнія въ другой Департаментъ той же Палаты.

II.

По дѣлу о редакторѣ газеты „Новое Время“ Колл. Ассесорѣ Федоровѣ, обвиняемомъ по 1535 ст. Улож.

Въ № 2618, отъ 14-го іюня 1883 года, газеты «Новое Время», издающейся безъ предварительной цензуры, помѣщена статья, озаглавленная «Русскіе проводники въ Вѣнѣ» и названная корреспонденціею изъ Вѣны, въ которой описываются недобросовѣстныя и постыдныя дѣйствія турецкаго подданнаго Берга. Вслѣдствіе такой статьи Бергъ въ жалобѣ своей мировому судьѣ, заявилъ, что, будучи оклеветанъ, онъ рѣшился возбудить противъ редактора газеты Федорова обвиненіе по 1039 ст. Улож. о наказ. Въ засѣданіи С.-Петербургскаго Окружнаго Суда предсѣдатель, въ виду того, что въ жалобѣ Берга подсудимый обвиняется въ клеветѣ, а указывается на 1039 ст. Улож., предложилъ обвинителю точнѣе выяснить предметъ обвиненія и повѣренный Берга предъявилъ противъ Федорова обвиненіе какъ въ оклеветаніи Берга по 1535 ст. Улож., такъ и въ диффамаціи по 1039 ст. Улож.; подсудимый же Федоровъ не призналъ себя виновнымъ, объяснивъ, что помѣщенная въ газетѣ корреспонденція написана лицомъ, постоянно проживающимъ въ Вѣнѣ, которому онъ, Федоровъ, вполнѣ довѣрялъ и, помѣстивъ эту корреспонденцію, какъ вполнѣ достовѣрную, онъ готовъ былъ во всякое время, по требованію Берга, указать на лицо автора ея, но Бергъ самъ этого не требовалъ. Окружной Судъ, разсмотрѣвъ дѣло и поставивъ для своего разрѣшенія вопросы о томъ, виновенъ ли Федоровъ въ томъ, что напечаталъ корреспонденцію изъ Вѣны, въ которой было взведено на Берга ложное обвиненіе въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести, и оглашены обстоятельства, вредящія чести, достоинству и доброму имени Берга, нашелъ, что въ сообщеніяхъ о Бергѣ нельзя усмотрѣть признаковъ клеветы, какъ обвиненія въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести, такъ какъ ему приписывается одно опредѣленное дѣяніе—требованіе съ одного изъ путешественниковъ непомѣрно высокой платы, но очевидно, что если этотъ поступокъ и можетъ быть названъ нехорошимъ въ нравственномъ смыслѣ, то съ точки зрѣнія проводника чрезмѣрный запросъ за свой трудъ нисколько не противенъ правиламъ обычной честности; хотя же, вслѣдъ затѣмъ, намекается и на ложный доносъ, будто бы сдѣланный Бергомъ на того путешественника, какъ на нигилиста, но прямо такое обвиненіе не высказано и можно объ этомъ только догадываться. Да если и признать, что разсказанный случай представляетъ собою полный составъ дѣянія, противнаго правиламъ чести, то въ взведеніи

на Берга обвиненія въ такомъ дѣяніи, и притомъ завѣдомо ложно, можно было бы винить автора статьи, а не редактора, совершенно добросовѣстно вѣрившаго въ правдивость разсказаннаго въ корреспонденціи. Иное представляется по отношенію къ обвиненію въ помѣщеніи редакторомъ статьи, заключающей обстоятельства, вредящія достоинству, чести или доброму имени Берга; редакторъ не могъ не видѣть, что статья содержитъ такія обстоятельства, и потому долженъ отвѣчать за напечатанное, согласно 1044 ст. Улож. Посему, признавая Федорова виновнымъ по 1039 ст. Улож. судъ присудилъ его къ денежному взысканію въ 200 руб., а по обвиненію его въ дѣяніи, предусмотрѣнномъ 1535 ст. Улож., призналъ его оправданнымъ. На этотъ приговоръ частный обвинитель Бергъ принесъ апелляціонный отзывъ, прося, по разсмотрѣніи представленныхъ имъ документовъ и по допросѣ указанныхъ имъ свидѣтелей, признать Федорова виновнымъ какъ по 1039, такъ и по 1535 ст. Улож. По открытіи судебнаго засѣданія С.-Петербургской Судебной Палаты 30-го ноября 1885 г., защитникъ подсудимаго Федорова заявилъ, что, желая доказать справедливость изложенныхъ въ статьѣ фактовъ, онъ просилъ отложить разборъ дѣла и вызвать въ качествѣ свидѣтелей поименованныхъ имъ лицъ, въ томъ числѣ и автора статьи Вахтеля; Судебная Палата уважила это ходатайство, но такъ какъ Вахтель, по заявленію защитника, оказался проживающимъ въ Константинополѣ, то Палата предоставила подсудимому пригласить этого свидѣтеля отъ себя по взаимному съ нимъ соглашенію, но въ слѣдующемъ засѣданіи Палаты, 15-го февраля 1886 г., защитникъ заявилъ, что воспользоваться этимъ правомъ подсудимый возможности не имѣлъ, а повѣренный обвинителя заявилъ, что онъ поддерживаетъ лишь обвиненіе Федорова въ оклеветаніи его довѣрителя въ печати, т. е. въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ 1535 ст. Улож. Выслушавъ показанія свидѣтелей, Судебная Палата нашла, что приведенная выше корреспонденція, приписывая Бергу такія дѣянія, которыя безспорно составляютъ или безнравственный поступокъ, или даже преступленіе, позоритъ его честь и доброе имя, что несправедливое обвиненіе кого либо въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести, признается закономъ (1535 ст. Улож.) клеветою, при чемъ, согласно разъясненія Уголов. Кас. Д-та 1869 г. № 582 и друг., не оклеветанный долженъ доказывать неправильность взведеннаго на него обвиненія, а обвиняемый долженъ доказать, что распространенное имъ обвиненіе въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести, имъ не вымышлено; между тѣмъ, хотя подсудимому Федорову и было предъявлено въ судебномъ засѣданіи Окружного суда 3-го іюля 1885 г. обвиненіе въ оклеветаніи Берга, но онъ, Федоровъ, не указавъ Суду ни на какія доказательства, могущія служить подтвержденіемъ справедливости напечатаннаго о Бергѣ въ упомянутой корреспонденціи, сослался въ свое оправданіе только на то, что эта корреспонденція написана лицомъ, постоянно живущимъ въ Вѣнѣ, и онъ немогъ сомнѣваться въ ея достовѣрности; что посему, а равно и по соображенію представленныхъ Бергомъ доказательствъ, слѣдуетъ признать, что въ распространенной путемъ печати означенной корреспонденціи взведено на Берга несправедливое обвиненіе въ дѣяніяхъ, противныхъ правиламъ чести. А такъ какъ, по силѣ 1044 ст. Улож. о наказ., отвѣтственность за содержаніе помѣщенныхъ въ повременныхъ изданіяхъ статей обращается во всякомъ случаѣ, какъ на главнаго виновника, на редактора изданія, и по дѣлу ничѣмъ не установлено, чтобы подсудимый Федоровъ, помѣщая въ редактируемой имъ газетѣ означенную статью, наполненную весьма тяжкими обвиненіями противъ частнаго лица, имѣлъ какія либо данныя считать всѣ эти обвиненія справедливыми, то онъ, Федоровъ, и долженъ быть признанъ виновнымъ въ распространеніи, путемъ напечатанія, несправедливыхъ обвиненій противъ турецкаго подданнаго Берга т. е. въ дѣяніяхъ, противныхъ правиламъ чести, именно въ клеветѣ въ печати, и подвергнутъ одному изъ наказаній по 2 ч. 1535 ст. Улож., при чемъ, по сопровождав-

шимъ преступленіе обстоятельствамъ, согласно 149 ст. Улож., представляется справедливымъ избрать слабѣйшее изъ тѣхъ наказаній и назначить таковое въ средней мѣрѣ. По симъ соображеніямъ Судебная Палата опредѣлила: приговоръ Окружного Суда отмѣнить и редактора газеты «Новое Время», коллежскаго ассесора Михаила Федорова, подвергнуть тюремному заключенію на три мѣсяца. На этотъ приговоръ подсудимый Федоровъ принесъ кассаціонную жалобу, въ которой объясняетъ, что за признаніемъ Судебною Палатою того, что корреспонденцію, содержащую въ себѣ клевету противъ Берга, написалъ неизвѣстный авторъ, и за неустановленіемъ, затѣмъ, того, чтобы онъ, Федоровъ, печатая оную, зналъ о ея несправедливости, примѣненіе къ нему 1535 ст. Улож. оказывается неправильнымъ, такъ какъ этимъ нарушюется и 15 ст. Уст. угол. суд. перенесеніемъ на него отвѣтственности за другое лицо, съ присужденіемъ его къ наказанію за то, чего онъ лично не совершалъ, и общій законъ о нарушеніяхъ постановленій о повременныхъ изданіяхъ, ибо если отвѣтственность за содержаніе помѣщенныхъ въ этихъ изданіяхъ статей и обращается во всякомъ случаѣ на редактора изданія, какъ на главнаго виновника (1044 ст. Улож.), то эта отвѣтственность опредѣлительна и указана въ рядѣ предшествующихъ статей Уложенія. Примѣненная къ винѣ Федорова 1535 ст. Улож. помѣщена совершенно въ другомъ отдѣлѣ Уложенія и если и можетъ имѣть, въ извѣстныхъ случаяхъ, примѣненіе къ авторамъ печатныхъ произведеній, какъ это разъяснилъ Правительствующій Сенатъ по дѣлу Ахшарумова и Соболевскаго, тѣмъ не менѣе представляется непримѣнимою къ редакторамъ газетъ, такъ какъ они печатаютъ чужія статьи и корреспонденціи; редакторы могутъ отвѣчать лишь за внѣшнее содержаніе подобныхъ статей, за ихъ оскорбительность (1039 и 1040 ст. Улож.), но не за ихъ лживость. Приписывать въ этихъ случаяхъ редактору клеветническій умыселъ автора, значило бы обвинить его въ соучастіи въ преступленіи безъ всякаго знанія о самомъ преступленій, что̀ не соотвѣтствовало бы общимъ началамъ уголовнаго правосудія.

Отвѣтственный редакторъ «Новаго Времени» коллежскій ассесоръ Федоровъ жалуется, въ кассаціонномъ порядкѣ, на приговоръ С.-Петербургской Судбеной Палаты, которая, найдя въ его дѣяніи, состоявшемъ въ напечатаніи корреспонденціи съ обвиненіемъ турецкаго подданнаго Берга въ недобросовѣстныхъ и постыдныхъ продѣлкахъ съ русскими путешественниками въ Вѣнѣ,—признаки клеветы, присудила его къ наказанію по ст. 1535 Улож. о наказ. Жалобщикъ указываетъ на то, что статья 1044 Улож., въ силу которой редакторъ отвѣчаетъ за содержаніе помѣщенныхъ въ повременныхъ изданіяхъ произведеній какъ главный виновникъ, не можетъ имѣть примѣненія къ обвиненіямъ по 1535 ст. Улож., ибо клевета въ печати всегда и неизбѣжно предполагаетъ завѣдомую лживость напечатаннаго извѣстія, редакторъ же, помѣстившій корреспонпенцію, оказавшуюся лживою и содержащую несправедливыя обвиненія, можетъ отвѣчать лишь за опозореніе или диффамацію, или же за брань и злословіе, т. е. за дѣянія, предусмотрѣнныя въ 1039 и 1040 ст. Улож. Объясняя затѣмъ, что Судебная Палата признала его виновнымъ лишь въ помѣщеніи корреспонденціи неизвѣстнаго автора, содержа-

щей въ себѣ клевету на Берга, но не указала, чтобы обвиняемый зналъ что либо о несправедливости взведенныхъ на Берга обвиненій, Федоровъ, ссылаясь на ст. 15 Уст· угол. суд., по которой въ дѣлахъ уголовныхъ всякій несетъ отвѣтственность только самъ за себя, не считаетъ себя отвѣтственнымъ за дѣяніе другого лица и подлежащимъ наказанію за клевету, а не за диффамацію, какъ то было признано Окружнымъ Судомъ. Поэтому, будучи виновенъ во всякомъ случаѣ и исключительно лишь въ диффамаціи, Федоровъ заявляетъ о неправильности требованія отъ него Палатою такихъ доказательствъ своей невиновности, которыхъ онъ, по свойству взведеннаго на него обвиненія и по точному разуму закона, и не долженъ былъ представлять, ибо, согласно 1039 ст. Улож., никакое позднѣйшее представленіе доказательствъ, хотя бы совершенно удостовѣряющихъ справедливость напечатаннаго, не можетъ измѣнить или ослабить отвѣтственность за оглашеніе оскорбительныхъ для чужой чести фактовъ. Вслѣдствіе этого и прилагая нынѣ къ кассаціонной своей жалобѣ рядъ письменныхъ данныхъ, доказывающихъ, по его мнѣнію, справедливость корреспонденціи о Бергѣ, Федоровъ проситъ отмѣнить приговоръ Судебной Палаты.

Такимъ образомъ, по настоящему дѣлу возбуждается общій вопросъ объ отвѣтственности редакторовъ повременныхъ изданій за клевету, содержащуюся въ напечатанныхъ по ихъ распоряженію корреспонденціяхъ третьихъ лицъ, и частный вопросъ о правильности примѣненія къ дѣянію Федорова статьи 1535 Улож,, и объ основательности возложенія на него Судебною Палатою; въ виду предъявленнаго противъ него обвиненія, обязанности представлять въ свое оправданіе доказательства справедливости позорящихъ обстоятельствъ.

Обращаясь къ *первому* и по своему значенію главному вопросу, я нахожу, что для разрѣшенія его, согласно доводамъ жалобщика, въ отрицательномъ смыслѣ—основаній не представляется. Ни разумъ закона, ни правдивый голосъ справедливыхъ требованій жизни не дозволяютъ пріурочивать отвѣтственность редакторовъ повременныхъ изданій только къ понятію о диффамаціи, о злословіи и о брани въ печати. Разсмотрѣніе состава преступленія клеветы въ печати не приводитъ въ выводу, что редакторъ огражденъ отъ обвиненія въ этомъ преступленіи самымъ своимъ званіемъ и тѣмъ, что не онъ является авторомъ статей и корреспонденцій, помѣщенныхъ въ изданіи, которымъ онъ руководитъ. Раздѣленіе труда между авторомъ и редакторомъ, просматривающимъ рукопись автора и дающимъ не только разрѣшеніе напечатать ее, но и дѣлающимъ распоряженіе о томъ, какъ, когда и въ какомъ мѣстѣ изданія напечатать—совсѣмъ не обусловливаетъ собою и раздѣленія ихъ уголовной отвѣтственности въ тѣхъ случахъ, когда окажется, что рукопись содержала въ себѣ клевету, направленную безъ всякой провѣрки, безъ всякаго взвѣшиванія ея основательности, на лучшее достояніе человѣка—его честь и доброе имя. Нѣтъ сомнѣнія, что

могутъ быть случаи, когда редакторъ сдѣлается жертвою стеченія неблагопріятныхъ обстоятельствъ или искусно подстроеннаго обмана и окажется неповиннымъ въ клеветѣ, отвѣтственность за которую всецѣло и должна пасть на сотрудника. Но нельзя признавать правильнымъ утвержденія, что редакторъ, какъ бы тѣсно ни былъ онъ переплетенъ съ своимъ сотрудникомъ въ общемъ дѣлѣ преступнаго обращенія съ чужой честью, тотчасъ по совершеніи посягательства на эту честь расходится съ сотрудникомъ по разнымъ путямъ отвѣтственности предъ закономъ и навсегда освобождается отъ обвиненія въ томъ, что названо въ кассаціонной жалобѣ «позорнымъ дѣяніемъ извѣта на человѣка, ни въ чемъ неповиннаго». По условіямъ, въ которыя поставлена дѣятельность редактора повременнаго изданія, оправданіе его по обвиненію въ клеветѣ, нашедшей себѣ мѣсто въ статьѣ сотрудника, весьма возможно и вполнѣ согласно съ интересами правосудія, но только оно должно быть основано на разсмотрѣніи существа дѣла, на оцѣнкѣ отношеній редактора къ личности сотрудника и къ источникамъ, изъ которыхъ послѣдній почерпнулъ содержаніе своей статьи, а отнюдь не на ложномъ началѣ принципіальной безотвѣтственности редактора за клевету, помѣщенную въ его изданіи. Иными словами, судъ можетъ признать редактора неповиннымъ въ *данной* клеветѣ, но не долженъ освобождать его отъ отвѣтственности только потому, что онъ, какъ *редакторъ*, не можетъ быть обвиняемъ въ клеветѣ, а имѣетъ исключительное право быть лишь диффаматоромъ. Строгаго отмежеванія области отвѣтственности и для редактора, и для автора—не знаетъ законъ. Не знаетъ его поэтому, вопреки взгляду кассатора, и судебная практика, въ которой вопросъ о такомъ отмежеваніи возникаетъ впервые. Рѣшеніе Правительствующаго Сената по дѣлу Ватсона и Суворина, на которое ссылаются, какъ на руководящее, доказываетъ прежде всего, что даже и по столь важному для опредѣленія предѣловъ отвѣтственности редакторовъ дѣлу не было признано возможнымъ возбудить вопросъ о принципіальной неотвѣтственности редактора за клевету. Напротивъ, жалобщики,—изъ коихъ одинъ, Ватсонъ, былъ редакторомъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»,—вовсе не отрицали возможности и справедливости привлеченія и редактора за клевету въ печати, но лишь доказывали, что напечатанное ими, по существу своему и по источнику своего происхожденія, не имѣетъ признаковъ клеветы. Поэтому Правительствующій Сенатъ, опредѣляя законный составъ преступленія клеветы, не касался, въ рѣшеніи по сему дѣлу, вопроса объ исключительномъ характерѣ отвѣтственности редактора. Утвержденіе кассатора о томъ, что Правительствующій Сенатъ отступилъ затѣмъ отъ высказанныхъ имъ взглядовъ на клевету и преподалъ новыя руководящія начала, не подтверждается ближайшимъ разсмотрѣніемъ рѣшенія 1885 года, № 33, по дѣлу Ахшарумова и Соболевскаго. Обсуждая въ первомъ изъ этихъ рѣшеній вопросъ о томъ, *что* долженъ признавать судъ для освобожденія отъ отвѣтственности обвиняемаго по 1535 ст., Правитель-

ствующій Сенатъ высказалъ, что по этой статьѣ не можетъ быть подвергнутъ наказанію тотъ, кто распространялъ о комъ либо ложное извѣстіе, *полагая*, что онъ распространяетъ свѣдѣніе объ истинномъ происшествіи. Въ виду разнообразнаго и произвольнаго толкованія судебною практикою понятій, заключающихся въ словѣ *полагалъ*, Правительствующій Сенатъ во второмъ изъ приведенныхъ рѣшеній подвергнулъ это опредѣленіе основаній для оправданія обвиняемаго въ печатной клеветѣ—подробному анализу. Результатомъ его явилось выясненіе, что недостаточно *думать*, что оглашенное позорящее обстоятельство *возможно*, недостаточно *предполагать*, что обвиненіе справедливо потому, что оно *правдоподобно*. Нужна увѣренность, нужно убѣжденіе въ справедливости распространяемаго. Давая точное опредѣленіе понятію о клеветѣ и указывая, на какихъ юридическихъ соображеніяхъ долженъ основываться судъ для оправданія виновнаго въ клеветѣ въ печати, Правительствующій Сенатъ нашелъ, что *клевету составляетъ не завѣдомо правдивое обвиненіе кого либо въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести, и для оправданія въ клеветѣ необходимо признаніе со стороны суда, что обвиняемый былъ убѣжденъ въ справедливости того, что онъ распространялъ.* Иными словами: необходимо признаніе судомъ того, что оправданный имѣлъ предъ собою данныя, которыя исключали для него возможность сомнѣнія въ истинѣ того, что онъ излагалъ, ибо—и въ житейскихъ, и въ судебныхъ дѣлахъ,—гдѣ есть сомнѣніе, тамъ уже нѣтъ мѣста убѣжденію. Недаромъ же существуетъ завѣщанное судебнымъ опытомъ всѣхъ народовъ правило, по которому убѣжденіе въ виновности не признается сложившимся, доколѣ существуетъ хотя бы малѣйшее сомнѣніе, которое всегда толкуется въ пользу подсудимаго и, слѣдовательно, противъ всѣхъ данныхъ, изъ которыхъ могло бы вытечь убѣжденіе въ его виновности. Согласно съ этимъ смотритъ на клевету въ печати и лучшій изъ новѣйшихъ уголовныхъ кодексовъ—германское Уголовное уложеніе. Оно называетъ клеветою и завѣдомо ложное обвиненіе (§ 187), и обвиненіе, справедливость котораго не будетъ явно истиною (§ 186). «Никто не долженъ ни утверждать, ни распространять фактовъ, пятнающихъ честь человѣка, если не въ состояніи отстоять или подтвердить доказательствами свое утвержденіе, хотя бы и дѣлалъ его bona fide...» говорится въ мотивахъ къ этому опредѣленію.

Такимъ образомъ, согласно окончательно выраженному Сенатомъ взгляду на клевету въ печати,—для признанія кого либо виновнымъ въ этомъ преступленіи, необходимо установить, что содержащееся въ вызвавшихъ преслѣдованіе строкахъ обвиненіе несправедливо, что оно касается дѣянія позорнаго и что подсудимый не былъ убѣжденъ въ справедливости разглашенныхъ имъ свѣдѣній. Поэтому, для заключенія, что редакторъ не можетъ вообще отвѣтствовать за клевету въ томъ видѣ, какъ ея признаки установлены разъясненіемъ Правительствующаго Сената, необходимо признать: *во-первыхъ*, что редакторъ, по своему положенію и отношенію къ повременному

изданію, стоитъ внѣ поводовъ и возможности дѣйствовать, пользуясь имѣющимся у него въ рукахъ могущественнымъ орудіемъ, по такимъ же личнымъ и пристрастнымъ побужденіямъ, по какимъ дѣйствуетъ авторъ, стремящійся путемъ ложныхъ обвиненій потрясти репутацію частнаго человѣка; *во-вторыхъ*, что устраненіе редактора отъ отвѣтственности за клевету въ печати никогда не лишаетъ потерпѣвшаго возможности преслѣдовать виновнаго въ поруганіи его чести и добиться возстановленія ея торжественнымъ признаніемъ въ судебномъ приговорѣ лживости оглашенныхъ свѣдѣній, и наконецъ, *въ-третьихъ*, что редактору, помѣщающему у себя опорочивающее чью либо честь сообщеніе, принадлежитъ лишь второстепенная, пассивная роль наблюдателя за формою и внѣшнимъ составомъ печатаемаго, роль наблюдателя, стѣсненнаго въ своихъ распоряженіяхъ лишь запрещеніемъ браниться и оглашать то, чего нельзя, въ интересахъ спокойствія частной жизни, объявлять во всеобщее свѣдѣніе.

Посмотримъ на каждое изъ этихъ условій. Первое изъ нихъ падаетъ при ближайшемъ прикосновеніи. Редакторъ повременнаго изданія есть, прежде всего, дѣятель печатнаго слова. А слово — это оружіе тонкое, гибкое и обоюдоострое. Поэтому оно можетъ быть употребляемо для достиженія разныхъ цѣлей. Указывая, среди всеобщаго незнанія или робкаго и равнодушнаго молчанія, на беззаконіе,—срывая, съ доказательствами въ рукахъ, маску съ лицемѣра, съ притѣснителя беззащитныхъ, съ грабителя слабыхъ, съ хищника и сѣятеля соблазна,—это слово стремится къ высокой и нравственной цѣли. Служа сведенію личныхъ счетовъ, предлагая свои услуги злобнымъ и непровѣреннымъ подозрѣніямъ, давая исходъ мстительному чувству,—это слово становится недостойнымъ своего назначенія и тѣмъ болѣе вреднымъ, чѣмъ шире и безграничнѣе область его разрушительнаго дѣйствія. Даже и легкомысленно обращаясь съ матеріаломъ, изъ котораго оно черпаетъ свои выводы, не провѣривъ его серьезно и съ тѣмъ «святымъ безпокойствомъ», которое должно называться возможностью впасть въ ошибку и прибить къ позорному столбу неповиннаго человѣка,—печатное слово плохо исполняетъ обязанности своего общественнаго служенія. Редакторъ повременнаго изданія, дающій окончательную санкцію тому, что должно быть напечатано, можетъ быть доступенъ разнообразнымъ побужденіямъ. Между ними могутъ быть высокія и благородныя, но могутъ закрасться и личное пристрастіе, и недоброжелательство, и торопливое стремленіе изобличить, не утруждая себя провѣркою данныхъ, и раздражительное желаніе показать свою силу. При отсутствіи установленнаго закономъ нравственнаго и строгаго образовательнаго ценза для редактора, таковымъ можетъ быть лицо, вносящее въ свою дѣятельность не осуществленіе отвѣтственнаго предъ обществомъ призванія, а лишь суетливое отправленіе ремесла, при которомъ легкая возможность вызвать злорадныя улыбки довѣрчивыхъ читателей затмѣваетъ представленіе о ѣдкой скорби и

негодованіи несправедливо поруганнаго и его близкихъ. Если такимъ образомъ нельзя отрицать возможности отношенія редактора повременнаго изданія къ чести частнаго лица съ преступнымъ легкомысліемъ и небрежностью, то нельзя отрицать и возможности обвиненія его въ клеветѣ, то есть въ распространеніи слуховъ, для него самого не завѣдомо ложныхъ. Кассаторъ отрицаетъ всякую возможность наказанія редактора за клевету, потому что отвѣтственнымъ лицомъ является авторъ. Но, однако, если бы редакторъ изданія, не стоящій на довлѣющей ему нравственной высотѣ и ослѣпленный личнымъ чувствомъ, поручилъ сотруднику написать статью, замѣтку или корреспонденцію съ оглашеніемъ вымышленныхъ, позорящихъ фактовъ, имъ самимъ сообщенныхъ этому сотруднику, то неужели, слѣдуя теоріи кассатора, можно бы было, не нарушая вопіющимъ образомъ требованій справедливости, наказать лишь автора за клевету, а редактора только за диффамацію? А если бы притомъ было доказано, что личность редактора, обстановка, въ которой было сдѣлано порученіе, и источники позорящихъ фактовъ, которые были указаны, привели сотрудника къ убѣжденію, что сообщаемое ему во всемъ согласно съ истиною, то его слѣдовало бы оправдать, а виновнаго въ клеветѣ вовсе не оказалось бы. А вѣдь это неотысканіе виновнаго въ дѣлѣ о клеветѣ равносильно въ практическомъ отношеніи лишенію потерпѣвшаго права сказать: «меня ложно опозорили», ибо обвиненіе редактора въ диффамаціи даетъ потерпѣвшему лишь право сказать: «обо мнѣ разгласили то, чего не слѣдовало».

Доказать второго условія, то есть обезпеченности, для потерпѣвшаго отъ клеветы, личности отвѣтчика при принципіальномъ отрицаніи права преслѣдовать редактора иначе какъ за диффамацію—невозможно. Не говоря уже о случаѣ, когда авторъ, живущій гдѣ нибудь далеко, окажется, неожиданно для самого редактора, лицомъ, принявшимъ вымышленную фамилію или давшимъ ложное указаніе о мѣстѣ своего жительства,—авторъ можетъ проживать за предѣлами государства и въ такомъ отдаленіи, что потерпѣвшему придется покупать возстановленіе своей чести путемъ громадной траты времени и матеріальнаго разоренія на путевые расходы, необходимые для розысканія и преслѣдованія виновнаго. Отказывать этому потерпѣвшему въ правѣ преслѣдовать редактора и отсылать его, быть можетъ, даже за предѣлы Европы, къ автору—было бы, по меньшей мѣрѣ, неправосудно. Оно было бы и несогласно съ достоинствомъ судебной власти, которая призвана охранять права личности, оказывая ей дѣйствительную, осуществимую, а не фиктивную защиту. Несомнѣнно, что, пользуясь своимъ правомъ обратиться съ уголовнымъ искомъ къ редактору, оклеветанный рискуетъ, даже при очевидности факта клеветы, вызвать признаніе судомъ, что редакторъ былъ, по обстоятельствамъ дѣла, убѣжденъ въ истинности того, что напечаталъ. Но такой оправдательный приговоръ, неизбѣжно, однако, связанный съ признаніемъ наличности клеветы,

уловить которую редакторъ, при всемъ стараніи, не могъ, — все-таки снимаетъ пятно лживаго обвиненія съ чести пострадавшаго и даетъ ему нравственное удовлетвореніе. Притомъ, возможность риска при осуществленіи какого либо права не должна вести къ отрицанію самаго права. Поэтому, за потерпѣвшимъ надо признать законное право обратиться съ уголовнымъ искомъ о клеветѣ не только къ автору, но и къ редактору.

Кассаторъ утверждаетъ, что гарантія возстановленія судомъ чести частныхъ лицъ *даже* въ случаѣ сокрытія редакторами, подлежащими отвѣту исключительно за диффамацію, *автора* клеветническихъ статей все-таки существуетъ, ибо обиженный всегда можетъ возбудить вопросъ о несправедливости напечатаннаго, и судъ, въ своемъ приговорѣ составляющемъ *отвѣтъ на жалобу*, всегда можетъ возстановить честь оклеветеннаго. Это мнѣніе кассатора не можетъ быть признано основательнымъ, и притомъ въ двухъ отношеніяхъ. *Во-первыхъ*, кассаторъ предполагаетъ въ видѣ общаго правила, дѣлая лишенное юридической силы исключеніе для «крайнихъ случаевъ», — невозможность преслѣдованія редактора даже и въ томъ случаѣ, когда онъ не выдаетъ автора. Между тѣмъ, въ этомъ случаѣ редакторъ отожествляя себя съ клеветникомъ, дѣлается солидарнымъ со всѣми его дѣйствіями и отвѣтственнымъ за нихъ. Онъ сливается съ виновнымъ и заступаетъ его, въ глазахъ карательнаго закона, всецѣло и безъ всякихъ ограниченій. Не «укрывателемъ» или «недоносителемъ», какъ соглашается допустить для «крайнихъ случаевъ» кассаторъ, а полноотвѣтственнымъ *совершителемъ* преступленія клеветы является онъ. Вѣдь безъ его согласія и распоряженія статья клеветника, котораго онъ *не хочетъ выдать*, никогда бы не увидала свѣта, то есть не достигла бы цѣли. Какое же тутъ *недонесеніе*, состоящее, по ст. 15 Улож. о наказ., въ не исполненіи обязанности довести до свѣдѣнія правительства объ умышляемомъ или уже содѣянномъ преступленіи, при имѣніи къ тому возможности? Еще болѣе—какое тутъ *укрывательство*, всегда предполагающее *отсутствіе какого либо участія* въ содѣяніи преступленія? *Во-вторыхъ*, кассаторъ заблуждается, предполагая, что карательная юстиція можетъ изрекать отвлеченныя рѣшенія *о преступленіи*, не пріурочивая этого преступленія къ извѣстному, обвиняемому въ немъ лицу. Уголовный судъ, разрѣшая уголовный искъ, имѣетъ дѣло съ преступнымъ фактомъ, насколько въ немъ выразилась воля и дѣятельность опредѣленнаго, конкретнаго лица. Уголовный приговоръ, составляющій «отвѣтъ на жалобу», можетъ оправдывать человѣка, обвиняемаго въ преступномъ дѣяніи, но не можетъ квалифицировать или разбирать дѣяніе, съ которымъ никакого *личнаго* обвиненія не было связано. Судъ не можетъ обсуждать вопроса — есть ли *клевета* въ дѣйствіяхъ лица, не привлеченнаго къ отвѣтственности, а для признанія того, кто привлеченъ, виновнымъ въ *диффамаціи*, разсмотрѣніе данныхъ, доказывающихъ, что оглашенныя свѣдѣнія суть клевета, — для состава

преступленія диффамаціи излишне и для разрѣшенія вопроса преждевременно, такъ какъ, быть можетъ, обвиняемый въ клеветѣ явился бы съ неопровержимыми доказательствами правдивости того, что ему ставится въ вину.

Перехожу къ *третьему условію* ненаказуемости редактора за клевету—къ его роли при печатаніи въ редактируемомъ имъ изданіи какого либо произведенія. Едва ли нужно доказывать, что его дѣятельность вовсе не имѣетъ того, чисто внѣшняго, формальнаго характера, который устранялъ бы отъ него самую возможность клеветы. Напротивъ, онъ главная пружина всего дѣла,—онъ властительный посредникъ между публикою и авторами,—ему принадлежитъ общее направленіе, тонъ, нравственная и политическая окраска изданія. При правильномъ исполненіи имъ своихъ обязанностей, ни одна статья не можетъ появиться въ изданіи безъ его разрѣшенія и, слѣдовательно, одобренія. У него, какъ въ своего рода карантинѣ, сосредоточиваются статьи разнообразныя по содержанію, стилю, цѣлямъ,—отъ него зависитъ отвергнуть однѣ, поправить другія, выяснить себѣ содержаніе третьихъ. Только очистивъ ихъ отъ всего чуждаго цѣлямъ литературы, только удостовѣрясь, что подъ яркимъ флагомъ общественной пользы и вопіющей правды въ нихъ не провозится нездоровый грузъ личныхъ счетовъ, легкомысленныхъ обобщеній и поспѣшныхъ обвиненій,—долженъ онъ дозволять ихъ помѣщеніе на печатномъ листѣ, за содержаніе котораго онъ отвѣчаетъ своею подписью. Въ своей отвѣтственной предъ обществомъ и вліятельной дѣятельности, редакторъ обязанъ служить правдѣ—правдою и принимать всѣ мѣры къ тому, чтобъ въ обществѣ держалась вѣра, что завѣтъ великаго писателя «со словомъ надо обращаться честно»—выполняется на дѣлѣ. Поэтому редакторъ не можетъ умывать руки по отношенію къ сотруднику, который напечатаетъ лживыя обвиненія, и говорить въ свое оправданіе: «клеветникъ—это онъ, ему и да будетъ стыдно! А я простой огласитель, хотѣвшій послужить обществу, даже рискуя собственною отвѣтственностью». Нѣтъ! если редакторъ не былъ *убѣжденъ*, что то, что сообщилъ ему сотрудникъ—правда, если у него, по общей здравой человѣческой логикѣ, должны были возникнуть сомнѣнія въ дѣйствительности оглашенныхъ фактовъ—и несмотря на то, онъ пустилъ статью въ свѣтъ,—онъ виновенъ юридически не менѣе сотрудника, а нравственно—болѣе. *Не менѣе* потому, онъ онъ *раздѣлилъ* съ своимъ сотрудникомъ работу по опозоренію неповиннаго, *болѣе*—потому, что безжизненной рукописи исключительно онъ придалъ жизнь давленіемъ типографскаго станка и, располагая возможностью распространить лживое обвиненіе въ тысячахъ оттисковъ,—у входа въ необозримый міръ «читателей», не вдумался въ свои дѣйствія и ихъ послѣдствія и не остановилъ трезвымъ сомнѣніемъ личные порывы безсильнаго, безъ его помощи, автора. Законъ считаетъ, въ ст. 1044 Улож. о наказ., редактора главнымъ виновнымъ при вопросѣ объ отвѣтственности за содержаніе статей, по-

мѣщенныхъ въ повременномъ изданіи, и дѣлаетъ это потому, что безъ содѣйствія редактора брань, злословіе и оглашеніе позорящихъ обстоятельствъ, предпринятое авторомъ, не можетъ проникнуть въ публику. Такое же отношеніе редактора и автора какъ между собою, такъ и къ публикѣ существуетъ и при печатной клеветѣ, и если редактора въ послѣднемъ случаѣ нельзя считать *главнымъ виновнымъ* въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ этотъ терминъ ст. 12 Улож. о наказ., тѣмъ не менѣе онъ является *одинаково виновнымъ*, какъ и авторъ. Новый французскій законъ о свободѣ печати (29-го іюля 1881 года) относится къ редактору во всѣхъ случаяхъ преступленій, учиняемыхъ путемъ печати — съ особою строгостью и всегда считаетъ его *главнымъ* виновнымъ, наказывая сочинителя какъ соучастника (гл. V, § 1 ст. 42 и 43). Такимъ образомъ я прихожу къ неизбѣжному, по моему мнѣнію, выводу, что для редактора существуетъ возможность отвѣтственности за клевету въ печати. Эта возможность отвѣтственности обусловливаетъ собою возбужденіе преслѣдованія за клевету, и такое обвиненіе не можетъ и не должно быть отклонено судомъ потому, что редактора, будто бы, вообще нельзя привлекать за клевету.

Для признанія виновности въ клеветѣ—Правительствующимъ Сенатомъ, въ рѣшеніи по дѣлу Ахшарумова и Соболевскаго, указаны неоходимыя условія. Только при наличности ихъ можетъ послѣдовать обвинительный приговоръ. Судъ обязанъ въ каждомъ случаѣ обвиненія редактора въ клеветѣ не упускать изъ виду трудностей его спеціальнаго положенія, создаваемыхъ задачами и способами публицистической дѣятельности. Эти трудности должны указывать *справедливому чувству* суда тѣ границы, далѣе которыхъ не должно идти требованіе основаній для убѣжденія редактора въ правдивости сотрудника. Поставленный въ центрѣ обширной окружности, въ которомъ сходятся извѣстія и сообщенія изъ разныхъ концовъ страны, редакторъ обязанъ серьезно относиться къ содержанію и происхожденію этихъ извѣстій, но отъ него невозможно требовать производства по каждому изъ нихъ цѣлаго изслѣдованія или дознанія на мѣстѣ. При осуществленіи такого требованія, извѣстіе, выигрывая, быть можетъ, въ точности, теряло бы въ своей своевременности и выцвѣтало бы до полной негодности для помѣщенія въ повременномъ изданіи, которое должно отражать въ себѣ постоянную смѣну явленій общественной жизни. Ставя непремѣннымъ условіемъ оправданія въ клеветѣ *убѣжденіе* редактора въ справедливости оглашаемыхъ свѣдѣній, судъ долженъ войти въ положеніе редактора и оцѣнить, достаточны ли были для *него* основанія, чтобы прійти къ такому убѣжденію. Полная немотивированность довѣрія или указаніе, что убѣжденіе было вызвано довѣріемъ, а довѣріе — неуловимымъ чувствомъ, въ которомъ самъ довѣрявшій не можетъ дать себѣ яснаго отчета,—конечно, не могутъ имѣть значенія въ глазахъ суда. Но, съ другой стороны, если довѣріе къ сообщенію сотрудника основано на его общественномъ положеніи, или общепризнанныхъ

нравственныхъ достоинствахъ или на старинныхъ, испытанныхъ сношеніяхъ съ редакціею, то судъ можетъ найти, что сообщеніе, исходившее отъ *такого* лица, не нуждалось въ провѣркѣ и могло вызвать въ редакторѣ убѣжденіе въ своей правдивости, снимающее съ него обвиненіе въ клеветѣ. Клевета, нашедшая себѣ мѣсто въ сообщеніи такого лица, не могла быть предполагаема редакторомъ, онъ введенъ въ заблужденіе и сдѣлался жертвою довѣрія, для котораго, однако, въ личности, обстановкѣ и дѣятельности автора были полныя основанія. И опять иначе можетъ отнестись судъ къ убѣжденію въ правдивости сообщенія лица, неизвѣстнаго редактору ни лично, ни по фамиліи и прислвшаго откуда нибудь съ края свѣта корреспонденцію съ позорящими для кого либо изъ своихъ сограждан обвиненіями. Судъ въ правѣ въ этомъ случаѣ потребовать отъ обвиняемаго объясненій, почему онъ повѣрилъ сообщенію, присланному издалека лицомъ, о которомъ даже неизвѣстно, именуетъ ли оно себя настоящею фамиліей. И если редакторъ основаній къ такому довѣрію, вызвавшему въ немъ убѣжденіе въ правдивости корреспонденціи, не представитъ, — судъ имѣетъ право признать, что онъ *не могъ* быть убѣжденъ въ истинности того, что напечатано— и обвинить его въ клеветѣ. Однимъ словомъ, дѣло суда по существу—взвѣсить въ каждомъ данномъ случаѣ всю совокупность обстоятельствъ, при которыхъ могло сложиться у редактора убѣжденіе въ справедливости именно даннаго, оглашеннаго имъ свѣдѣнія. Положеніе редактора дѣлаетъ для него во многихъ случаяхъ невозможною провѣрку справедливости *обстоятельствъ*, изложенныхъ въ сообщеніи, но отъ него можно и должно требовать строгаго и разборчиваго отношенія *къ источнику*, изъ котораго исходитъ это сообщеніе. Провѣрка этого *источника* для убѣжденія въ его чистотѣ необходима. Не предпринявъ ея или не имѣя твердыхъ основаній считать ее излишнею,—редакторъ долженъ нести отвѣтственность. Намъ говорятъ, что при допущеніи отвѣтственности за клевету, дѣятельность его сдѣлается крайне трудною, почти невозможною, такъ что интересы печатнаго слова требуютъ ограниченія отвѣтственности редактора предѣлами исключительно диффамаціи. Едва ли, однако, эти опасенія основательны и построенныя на нихъ требованія разумны. Правильная дѣятельность редактора связана съ оцѣнкою и разборомъ источниковъ, откуда почерпаются печатаемыя свѣдѣнія, а если и при такой нравственно обязательной для редактора дѣятельности будутъ возбуждаемы противъ него обвиненія, то я не вижу, почему для него обвиненіе въ клеветѣ тягостнѣе, чѣмъ обвиненіе въ диффамаціи. Наказаніе за послѣднюю, по своему высшему размѣру, строже, способы же оправданія съужены до послѣдней степени. Въ то время, какъ редакторъ, обвиняемый въ оклеветаніи, имѣетъ право выступить во всеоружіи всевозможныхъ доказательствъ дѣйствительной негодности, якобы, оклеветаннаго,—онъ же, обвиняемый въ диффамаціи потому же самому поводу, можетъ защищаться лишь отрицаніемъ своего участія въ редактированіи

вызвавшаго обвиненіе нумера газеты или журнала. Нѣсколько большая осмотрительность и осторожность въ обращеніи съ чужимъ добрымъ именемъ быть можетъ, и составляетъ нѣкоторую помѣху въ быстротѣ дѣятельности публициста, но она соотвѣтствуетъ требованіямъ общественнаго спокойствія и необходимости справедливаго огражденія правъ частныхъ лицъ. Это было признано и дѣятелемъ, глубокая опытность котораго въ вопросахъ свободы печатнаго слова и высокая нравственная чистота—признаны всѣми, и признаны безусловно. «Мы не вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе нѣкоторыхъ нашихъ собратовъ, относительно недавняго толкованія о клеветѣ въ печати»—писалъ по поводу дѣла Ахшарумова въ послѣднемъ «*предсмертномъ* нумерѣ «Руси» И. А. Аксаковъ. «Признаемъ вполнѣ, вмѣстѣ съ ними, все вытекающее изъ этого толкованія затрудненіе для публицистики, но изъ двухъ золъ клевета есть, безъ сомнѣнія, худшее. Новое толкованіе стремится хоть сколько нибудь помочь бѣдѣ, происходящей отъ злоупотребленія властью, которою надѣленъ каждый редакторъ—и требованіе, чтобъ редакторъ доказалъ, по крайней мѣрѣ, *искренность* своего убѣжденія въ томъ, что извѣстіе, чернящее честь частнаго лица, дѣйствительно правдиво, — требованіе это мы признаемъ нравственнымъ. Что-жъ! будемъ осторожнѣе».

На основаніи всего сказаннаго мною, я полагаю, что первый, *принципіальный* вопросъ, поставленный кассаціонною жалобою, долженъ быть рѣшенъ утвердительно—признаніемъ, что редакторъ можетъ быть привлекаемъ къ отвѣтственности за клевету въ печати.

Поэтому, въ этомъ отношеніи, кассаціонная жалоба подлежитъ оставленію безъ послѣдствій.

Обращаюсь ко *второму* вопросу, возбуждаемому настоящимъ дѣломъ. Клевета въ печати и диффамація, предусмотрѣнныя 1039 и 1535 ст. Уложенія,—два дѣянія совершенно различнаго свойства. Они существенно разнятся между собою и по своей юридической окраскѣ, и по своимъ практическимъ послѣдствіямъ. Различіе это выражается, во-первыхъ, по *мѣсту*, которое занимаютъ эти дѣянія въ Уложеніи: клевета есть общее преступленіе, совершаемое путемъ печати (раздѣлъ X, глава VI о непосредственныхъ личныхъ оскорбленіяхъ), диффамація есть спеціальное нарушеніе постановленій о печати (раздѣлъ VIII, глава V); во-вторыхъ—по своему *существу:* клевета есть незавѣдомо правдивое обвиненіе кого либо въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести,— диффамація есть оглашеніе во всеобщее свѣдѣніе позорящихъ фактовъ, безотносительно къ тому, справедливы они или нѣтъ; въ-третьихъ—по *цѣлямъ карательнаго закона:* въ первомъ случаѣ цѣль эта—огражденіе, защита, возстановленіе чести обиженнаго,—во-второмъ—охраненіе частной жизни отъ постояннаго вторженія, для устраненія раздраженія и безпокойства въ обществѣ; въ-четвертыхъ—по *наказаніямъ*: огласителю грозитъ наказаніе бо̀льшее по размѣрамъ (денежное взысканіе до 500 руб. и тюрьма до года и 4 мѣсяцевъ или же одно изъ этихъ наказаній, по усмотрѣнію суда), но представляющее большій просторъ для судьи

въ выборѣ,—клеветникъ подлежитъ меньшему наказанію (тюрьма до восьми мѣсяцевъ), но исключительно личному, не допускающему выбора; въ-пятыхъ—по *давности*, срокъ которой для клеветы вдвое длиннѣе, чѣмъ для диффамаціи; въ шестыхъ—по *условіямъ оглашенія судебной процедуры*: по дѣламъ о клеветѣ и приговоръ, и отчетъ о засѣданіи печатаются невозбранно, составляя такимъ образомъ весьма важный документъ и для обиженнаго, требованіе котораго уважено судомъ, и для обвиняемаго, который оправданъ; по дѣламъ же о диффамаціи, на основаніи 1213[15] ст. Уст. угол. судопроизводства, пренія не могутъ быть печатаемы вовсе, хотя бы они и происходили при публикѣ, а можетъ быть напечатанъ приговоръ суда, и то лишь съ особаго разрѣшенія; въ седьмыхъ, наконецъ, по *средствамъ оправданія* въ обоихъ преступленіяхъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи разница клеветы и диффамаціи выступаетъ съ особою яркостью и практическою силою. Законъ дозволяетъ обвиняемому въ клеветѣ защищаться *всѣми* доступными разсмотрѣнію суда средствами: письменныя доказательства, документы, произведенія печати, свидѣтели и даже экспертиза могутъ явиться на защиту обвиняемаго. Законъ не допускаетъ при диффамаціи *частнаго* лица — *никакихъ* доказательствъ, кромѣ одного, состоящаго въ указаніи того, что привлеченіе состоялось по ошибкѣ, ибо не обвиняемый писалъ, не онъ редактировалъ произведеніе печати. Изъ всего этого вытекаетъ двоякое положеніе обвиняемаго по отношенію къ праву по представленію оправданій и къ обязанности отыскивать эти оправданія. Законъ предоставляетъ обвиняемому самому избрать тотъ или другой родъ преслѣдованія, и въ рядѣ рѣшеній Правительствующаго Сената проведена мысль, что этотъ выборъ всецѣло принадлежитъ ему одному, при чемъ за судомъ оставляется лишь крайне ограниченное право, не касаясь *содержанія* дѣянія обвиняемаго въ томъ видѣ, какъ оно опредѣляется частнымъ обвинителемъ, усмотрѣть въ нѣкоторыхъ случаяхъ, согласно 1010 ст. Улож., въ *формѣ* преслѣдуемаго сочиненія или способѣ его распространенія оскорбительный умыселъ со стороны обвиняемаго, влекущій наказаніе и при оправданіи, по ст. 1039. Такимъ образомъ, потерпѣвшій, предъявляя то или другое обвиненіе противъ оскорбителя, тѣмъ самымъ опредѣляетъ предѣлы и способы его защиты. Если обвиненіе поставлено по 1039 ст., т. е. въ диффамаціи, и если обвиняемый самъ сознаетъ, что напечатанное имъ или по его распоряженію дѣйствительно направлено противъ достоинства и добраго имени частнаго лица, то отысканіе какихъ бы то ни было доказательствъ справедливости оглашенныхъ обстоятельствъ—совершенно излишне и составляетъ лишь безполезную трату времени, такъ какъ судебная власть обязана не допускать ихъ. Даже и пользованіе гарантіями, которыя представляетъ, для всесторонняго выясненія сущности дѣла, вторая инстанція суда, сводится въ этомъ случаѣ къ совершенно ничтожнымъ размѣрамъ ходатайства лишь о смягченіи наказанія, назначеннаго первою инстанціею, или о неусугубленіи его, если того требуетъ обиженный.

Отсюда неизбѣжный выводъ: *при указаніи на одни и тѣ же фактическія данныя*, отъ обвиненія въ клеветѣ нельзя переходить къ обвиненію въ диффамаціи, и наоборотъ. Правительствующій Сенатъ подтвердилъ это положеніе совершенно опредѣленно въ рѣшеніи своемъ по дѣлу Ахшарумова и Соболевскаго (1885 г., № 33). «Различіе между означенными преступленіями,—говорится въ этомъ рѣшеніи,—дѣлаетъ невозможнымъ переходъ отъ одного обвиненія къ другому. Отъ опозоренія нельзя перейти къ клеветѣ, такъ какъ признаніе виновности или оправданіе въ послѣдней немыслимы безъ разсмотрѣнія доказательствъ, которыя, при предъявленіи обвиненія въ опозореніи, не могли быть представлены и разсмотрѣны судомъ; невозможенъ и переходъ отъ клеветы къ опозоренію, такъ какъ судъ, не признавшій, по разсмотрѣніи представленныхъ обвиняемымъ доказательствъ, въ дѣяніи его клеветы, признавшій, слѣдовательно, что въ оглашенномъ событіи нѣтъ лжи, или обвиняемый огласилъ оное добросовѣстно, вѣруя въ его справедливость, былъ бы поставленъ въ несовмѣстную съ его судейскимъ достоинствомъ необходимость признавать преступнымъ дѣяніе, которое, по закону, дозволено и могло быть признано противозаконнымъ только подъ условіемъ обсужденія одной его фактической стороны, а не внутренняго его значенія. Такой переходъ отъ одного обвиненія къ другому не можетъ быть допущенъ и потому, что имъ нарушаются законные интересы сторонъ, участвующихъ въ дѣлѣ: обвинитель или лишается принадлежащаго ему по закону права добиваться не только наказанія обвиняемаго, но и возстановленія истины, т. е. опроверженія распространенной о немъ лжи, или ставится въ необходимость, не налагаемую на него закономъ и нерѣдко крайне для него тягостную, выслушивать и допускать до разсмотрѣнія обстоятельства, сущность которыхъ онъ имѣлъ основаніе желать сохранить въ безгласности; со своей стороны, обвиняемый или подвергался бы опасности быть обвиненнымъ въ клеветѣ безъ обсужденія доказательствъ, которыя бы онъ могъ представить въ свое оправданіе или, принявъ всѣ доступныя ему мѣры къ защитѣ себя отъ обвиненія въ клеветѣ, могъ бы оказаться беззащитнымъ или слабо защищеннымъ противъ обвиненія въ опозореніи».

Изъ этого взгляда Сената вытекаетъ послѣдовательно невозможность соединенія, по отношенію къ однимъ и тѣмъ же фактамъ, обѣихъ обвиненій въ одно, или предъявленіе ихъ совмѣстно и, такъ сказать, параллельно. Нельзя требовать отъ суда признанія за одно и то же дѣяніе, безъ всякаго въ немъ внутренняго разграниченія, обвиняемаго и клеветникомъ, и огласителемъ. Это значило бы допускать нелѣпое преслѣдованіе противъ обидчика за то, что онъ взвелъ ложное обвиненіе въ несуществовавшемъ дѣяніи, противномъ правиламъ чести, которое не подлежало оглашенію, хотя обвиняемый можетъ удостовѣрить, что оно въ дѣйствительности было содѣяно. Съ правильною постановкою обвиненія въ оскорбленіяхъ, наносимыхъ путемъ печати, совершенно несовмѣстимо установленіе такого по-

рядка, при которомъ обиженный можетъ говорить суду: «я не сдѣлалъ того, что мнѣ приписано, — это злая и пагубная для меня *ложь*,—покарайте клеветника,—ну, а если это *правда*, то накажите его за то, что онъ выставилъ меня на позоръ, не имѣя на это права...» Такая объективность обвинителя, при которой онъ, *до разсмотрѣнія доказательствъ*, самъ не увѣренъ въ томъ, совершилъ ли онъ то, что ему приписано,—такая попытка добиться обвиненія въ клеветѣ, оставляя себѣ, во всякомъ случаѣ, отступленіе въ непроницаемую для доказательствъ невиновности диффамацію, — не согласна съ задачею уголовнаго суда. Кромѣ того, какъ это отчасти и предусмотрѣно Правительствующимъ Сенатомъ въ рѣшеніи по дѣлу Ахшарумова съ Соболевскимъ, такое обвиненіе должно вызывать смѣшеніе порядковъ производства, въ противность точному указанію закона. Обвиняемый является двуликимъ Янусомъ: какъ клеветникъ, онъ можетъ представлять доказательства правдивости напечатаннаго, какъ диффаматоръ—не можетъ: отчетъ о засѣданіи, изобличающемъ его, какъ клеветника, можетъ быть напечатанъ, отчетъ о судѣ надъ нимъ, какъ надъ огласителемъ — не долженъ быть печатаемъ, и т. д. Поэтому, въ этого рода дѣлахъ надлежитъ требовать отъ обвинителя, при возбужденіи преслѣдованія, *опредѣленнаго* заявленія—въ чемъ именно онъ обвиняетъ своего оскорбителя. Эта опредѣленность должна выражаться въ *точной* квалификаціи дѣянія, подлежащаго преслѣдованію. Можетъ быть сдѣлано возраженіе, что требованіе отъ обвинителя такой точности и опредѣленности представляется чрезмѣрнымъ, и что отсутствіе подобной квалификаціи не должно затруднять судебную власть, подобно тому, какъ эта власть не должна быть, въ своихъ дѣйствіяхъ, затрудняема отсутствіемъ указанія въ жалобѣ обвинителя на *мѣру наказанія*, на что я и указывалъ въ заключеніи по дѣлу Ахшарумова. Но надо отличать частныя обвиненія по общимъ преступленіямъ, свойства и признаки которыхъ опредѣляются самою жизнію, отъ обвиненій по преступленіямъ спеціальнымъ, исключительнаго характера. Въ обыкновенныхъ преступленіяхъ указаніе на фактъ преступленія и на его результаты для пострадавшаго замѣняетъ собою, въ большинствѣ случаевъ, законное опредѣленіе преступленія или даже сливается съ нимъ. Хотя и здѣсь желательно опредѣленіе со стороны потерпѣвшаго — въ чемъ именно обвиняетъ онъ нарушителя своихъ правъ, но отсутствіе такового, при ясномъ описаніи того, что было противъ жалобщика содѣяно, не можетъ имѣть существеннаго значенія. Оно не можетъ вліять на ходъ дѣла въ судѣ и на объемъ правъ обвиняемаго въ защитѣ себя и оправданіи своихъ дѣйствій. Иначе, однако, ставится этотъ вопросъ при обвиненіяхъ въ оскорбленіи въ печати. Отъ того, въ чемъ обвиняется человѣкъ— въ клеветѣ или диффамаціи — зависитъ не только исчисленіе давности, ограниченіе размѣровъ гласности по отношенію къ происходившему на судѣ, но и разрѣшеніе представлять доказательства справедливости напечатаннаго. Поэтому необходимо, чтобы обижен-

ный точно формулировалъ свою жалобу и указалъ, за что именно возбуждаетъ онъ преслѣдованіе и обвиняетъ ли онъ обидчика, какъ опозорившаго его, или какъ клеветника. Обиженный печатнымъ сочиненіемъ, по самому свойству и происхожденію такой обиды, не можетъ быть тѣмъ темнымъ человѣкомъ, который способенъ только въ общихъ чертахъ указать на причиненное ему зло и просить «судить по закону». Возбужденію преслѣдованія за оскорбленіе въ печати всегда предшествуютъ со стороны обиженнаго внимательный разборъ и оцѣнка напечатаннаго, очень часто сопровождаемая предварительными объясненіями съ редакціею, посылкою опроверженій, и т. д. Обиженный не можетъ не отдавать себѣ отчета въ причинѣ чувствуемой имъ нравственной боли, не можетъ не сознавать—происходитъ ли эта боль оттого, что ему предписали нѣчто постыдное, чего, однако, онъ никогда не дѣлалъ,—или оттого, что въ его личную жизнь вторгнулись съ грубымъ и невоздержнымъ на языкъ любопытствомъ. Иными словами, потерпѣвшему должно быть яснѣе, чѣмъ кому либо, потрясенъ ли онъ *несправедливостью*, или возмущенъ и встревоженъ *оглашеніемъ*. Сообразно съ этимъ, ему должно быть ясно, за *что* преслѣдовать оскорбителя. *Мѣсто* и *время* такого опредѣленія преслѣдованія указываются самимъ закономъ. По дѣламъ, производимымъ въ порядкѣ частнаго обвиненія, обвинительный актъ прокурора замѣняется частною жалобою, которая и служитъ, по 526 ст. Уст. угол. суд., основаніемъ и поводомъ для дальнѣйшаго направленія и движенія дѣла. Въ обвинительномъ актѣ, согласно 520 ст. Уст. угол. суд., должны быть означены, между прочимъ, *событіе*, заключающее въ себѣ признаки преступнаго дѣянія, и *опредѣленіе по закону*—какому именно преступленію соотвѣтствуютъ признаки этого дѣянія. То же должно быть сдѣлано и въ частной жалобѣ по оскорбленію въ печати, и притомъ при подачѣ ея, съ чего начинается и самое дѣло. Такое означеніе имѣетъ важное значеніе и для слѣдователя въ тѣхъ случаяхъ, когда признается необходимымъ произвести предварительное изслѣдованіе обстоятельствъ дѣла,—и для суда. Этимъ означеніемъ и для слѣдователя, и для суда указывается, въ виду 1213[12] и 1213[15] ст. Уст. угол. суд., какія доказательства можно дозволить предъявлять обвиняемому, и устанавливаются предѣлы изслѣдованія; для слѣдователя, кромѣ того, этимъ опредѣленіемъ обвиненія выясняется и то, *какъ* долженъ онъ формулировать основанія для привлеченія обвиняемаго и, въ особенности, предлагаемый послѣднему вопросъ о его виновности. Затѣмъ, и для подсудимаго въ высшей степени важно, чтобы въ частной жалобѣ было точно указано, въ чемъ онъ обвиняется, ибо, согласно 556 ст. Уст. угол. суд., копія съ обвинительнаго акта отожествляется съ копіею жалобы частнаго обвинителя и со времени ея врученія начинается для подсудимаго теченіе сроковъ для вызова свидѣтелей. Какимъ же образомъ подсудимый будетъ ходатайствовать о вызовѣ свидѣтелей, когда онъ не знаетъ, въ чемъ именно его обвиняютъ и, слѣдовательно, не знаетъ, имѣетъ ли онъ право

приводить какія либо доказательства справедливости напечатаннаго? Какимъ образомъ судъ можетъ разрѣшать вызовъ свидѣтелей, не имѣя передъ собою ясно формулированнаго обвиненія и не будучи увѣренъ, что обвинитель не заявитъ въ засѣданіи, что онъ и не думалъ обвинять въ клеветѣ, вслѣдствіе чего придется заявить свидѣтелямъ, что ихъ напрасно потревожили и необдуманно отняли у нихъ время на явку въ судъ? Какое значеніе придается частной жалобѣ, какъ выраженію желанія обвинителя въ его домогательствѣ передъ судомъ, видно и изъ того, что Правительствующимъ Сенатомъ, въ рѣшеніи Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента за 1874 годъ, № 143, признано, что даже подсудимому, преданному суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, въ случаѣ преслѣдованія его въ порядкѣ частнаго обвиненія, должны быть сообщаемы не только копія съ опредѣленія Судебной Палаты о преданіи его суду, но и копія съ жалобы частнаго обвинителя, служащая (рѣш. общ. собр. 1880 г., № 10) *главнымъ основаніемъ судебнаго разбирательства*. Наконецъ, самая возможность разсмотрѣнія дѣла обусловливается точнымъ означеніемъ преслѣдуемаго дѣянія въ жалобѣ частнаго обвинителя. Правительствующій Сенатъ, по общему собранію Кассаціонныхъ Департаментовъ, въ рѣшеніи 1880 года, № 10, разъяснилъ, что, при производствѣ по частному обвиненію, Окружной Судъ разсматриваетъ дѣло въ порядкѣ, указанномъ 547 ст. Уст. угол. суд., и можетъ найти его подлежащимъ прекращенію по причинамъ, исчисленнымъ въ 16 и 27 ст. Уст. угол. суд. Но 16 статья указываетъ, какъ на одну изъ причинъ прекращенія на—*давность*. Какимъ же образомъ можетъ судъ, дѣйствуя по 547 ст. Уст. угол. суд., опредѣлить, не подлежитъ ли дѣло прекращенію за давностью, если въ жалобѣ не будетъ точно указано, за что привлекается обвиняемый—за клевету или диффамацію, т. е. за дѣяніе ли, погашаемое годичною, или же за погашаемое двухгодичною давностью? На основаніи всего высказаннаго мною, я прихожу къ выводу, что при безусловной невозможности возбуждать *по одному и тому же фактическому обвиненію* совмѣстныя преслѣдованія и по 1535, и по 1039 ст. Улож., о наказ.—необходимо и точное означеніе въ жалобахъ, подаваемыхъ на редакторовъ и авторовъ оскорбительныхъ произведеній, того преступленія, которое усматриваетъ въ ихъ дѣяніи жалобщикъ, при чемъ этимъ означеніемъ обусловливается и все дальнѣйшее производство дѣла.

Обращаясь отъ этихъ общихъ соображеній къ даннымъ настоящаго дѣла, я нахожу, что оно начато подачею турецкимъ подданнымъ Николаемъ Бергомъ жалобы, въ качествѣ частнаго обвинителя. Въ жалобѣ этой, объясняя, что авторъ корреспонденціи о русскихъ проводникахъ въ Вѣнѣ «коснулся его личности и чести, съ цѣлью подорвать то довѣріе, которымъ онъ пользуется въ Вѣнѣ въ теченіе двадцати лѣтъ, какъ комиссіонеръ», Бергъ заявляетъ, что «рѣшился возбудить противъ г. Федорова уголовное преслѣдованіе по 1039 ст. Улож. о наказ.» и проситъ мирового судью вызвать стороны, въ силу

35 ст. Уст. угол. суд., для примиренія и направить затѣмъ дѣло, согласно 117 ст. того же Устава, по подсудности. Хотя въ началѣ жалобы онъ и упоминаетъ о томъ, что его оклеветали позорнымъ образомъ, но въ виду точнаго опредѣленія нанесеннаго ему вреда и цѣли оскорбителя, а также закона, по которому онъ желаетъ преслѣдовать, этому выраженію, для постановки обвиненія, значенія придаваемо быть не можетъ. Въ нашемъ разговорномъ языкѣ слошь и рядомъ употребляются выраженія въ смыслѣ, совершенно не соотвѣтствующемъ ихъ юридическому значенію. Стоитъ припомнить, что слово «святотатство», означающее *кражу* церковныхъ вещей и денегъ, употребляется, и притомъ людьми весьма образованными,—въ смыслѣ оскорбленія высокаго и прекраснаго,—и что, разсказывая о такомъ мошенничествѣ, которому мы подверглись, объ обмѣрѣ, обвѣсѣ или обманѣ въ качествѣ товара, мы, въ обыденномъ разговорѣ, совершенно искренно утверждаемъ, что «насъ ограбили». Турецкій подданный Бергъ категорически и безошибочно цитируетъ подлежащія статьи Уст. угол. суд. и Улож. о наказ. и прямо указываетъ, что авторъ корреспонденціи коснулся его личности и чести съ цѣлью подорвать пріобрѣтенное имъ довѣріе, т. е., что авторъ напечаталъ о немъ то, что можетъ, по словамъ закона, изображеннаго въ ст. 1039 Улож., «повредить его чести, достоинству и доброму имени». Онъ нигдѣ не говоритъ, что авторъ взвелъ на него несправедливое обвиненіе,—что онъ ложно обличалъ его въ дѣяніяхъ, противныхъ правиламъ чести. Онъ утверждаетъ лишь, что авторъ «коснулся его чести и личности», имѣя цѣлью повредить ему въ дѣятельности комиссіонера для русскихъ, пріѣзжающихъ въ столицу австрійской имперіи. Поэтому его жалоба—есть жалоба на *диффамацію*, согласно означенной въ ней 1039 ст., а не жалоба на клевету, по 1535 ст. Улож. При дальнѣйшемъ производствѣ дѣла у слѣдователя, эта оцѣнка дѣянія Федорова остается неизмѣнною, несмотря на то, что обвинитель Бергъ принимаетъ самое живое участіе въ выясненіи обстоятельствъ виновности преслѣдуемаго и обращается и въ судъ, и къ слѣдователю съ рядомъ подробныхъ и разнообразныхъ прошеній. Судебный слѣдователь привлекаетъ, на основаніи 1044 ст. Улож., Федорова, по постановленію 9-го марта 1885 года, согласно ходатайству Берга, по обвиненію въ дѣяніи, предусмотрѣнномъ 1039 ст. улож. о наказ.,—предлагаетъ ему вопросъ о томъ, признаетъ ли онъ себя виновнымъ въ *опозореніи* Берга, т. е. въ преступленіи, *предусмотрѣнномъ 1039 ст. Улож.*, и обязываетъ его, наконецъ, подпискою о невыѣздѣ изъ столицы, въ качествѣ мѣры пресѣченія, руководясь при этомъ 416 ст. Уст. угол. суд. и 1044 и 1039 ст. Улож. о наказ. Противъ такой оцѣнки дѣянія Федорова Бергъ не возражаетъ, и лишь въ засѣданіи суда, черезъ три мѣсяца, повѣренный частнаго обвинителя, на вопросъ предсѣдателя, предъявляетъ двоякое обвиненіе противъ подсудимаго—и по 1535 и по 1039 ст. Улож. Въ виду приведенныхъ мною соображеній о невозможности одновременнаго преслѣдованія *за одни и тѣ же выра-*

женія и по 1535, и по 1039 ст., я полагаю, что на обязанности суда лежало указать частному обвинителю на такую несовмѣстимость обвиненій, и если бы онъ избралъ изъ нихъ обвиненіе въ клеветѣ,— то, или отложить засѣданіе для предоставленія обвиняемому воспользоваться принадлежащимъ ему правомъ собрать и представить доказательства справедливости напечатаннаго, или же, такъ какъ по этому дѣлу уже признано было однажды необходимымъ предварительное слѣдствіе, возвратить дѣло слѣдователю, согласно 545 и 546 ст. Уст. угол. суд., ибо съ момента предъявленія обвиненія по 1535 ст. дѣло должно было стать въ положеніе, въ которомъ оно находилось при обсужденіи вопроса о дачѣ ему дальнѣйшаго хода по 547 ст. Уст. угол. суд. На приговоръ суда, признавшаго Федорова виновнымъ только въ диффамаціи, обвинителемъ была принесена апелляціонная жалоба, въ которой онъ просилъ объ усугубленіи наказанія за опозореніе, о признаніи вмѣстѣ съ тѣмъ Федорова виновнымъ въ клеветѣ и о постановленіи приговора по совокупности. Въ засѣданіи Палаты жалобщикъ отказался отъ обвиненія въ первомъ изъ этихъ дѣяній и настаивалъ на клеветѣ, въ которой и признанъ виновнымъ подсудимый, присужденный къ тремъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія. Исходя изъ тѣхъ же, приведенныхъ мною раньше, соображеній, я нахожу, что въ виду первоначальной постановки обвиненія по 1039 ст. и рѣшенія Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента по дѣлу Ахшарумова и Соболевскаго, Судебная Палата не могла и разсматривать обвиненіе въ клеветѣ, а должна была ограничиться постановленіемъ приговора въ предѣлахъ жалобы на малое наказаніе, къ которому присужденъ подсудимый за диффамацію. Строго обвинительный характеръ процесса по дѣламъ частнаго обвиненія, установленный закономъ, является въ настоящемъ случаѣ, по моему мнѣнію, нарушеннымъ и указанія кассатора, что отъ него неправильно требовать доказательства его невиновности въ клеветѣ, когда онъ былъ поставленъ предъ Судомъ по обвиненію въ диффамаціи— заслуживаетъ уваженія. Предъявляя обвиненіе въ опозореніи, жалобщикъ, если онъ частное лицо, тѣмъ самымъ снимаетъ съ обвиняемаго заботу о пріисканіи доказательствъ своей невиновности, ибо въ силу самого закона лишаетъ его *права оправдываться*. Обвиняемому остается, явившись въ судъ, съ обязательнымъ отсутствіемъ доказательствъ справедливости напечатаннаго, — склонить голову предъ неизбѣжнымъ приговоромъ, или же лишь просить о снисхожденіи. Въ этой неизбѣжности, вызываемой свойствомъ преступленія, есть и своя утѣшительная для подсудимаго сторона, ибо нравственная тяжесть приговора въ этомъ случаѣ несравненно меньшая, чѣмъ въ приговорѣ, карающемъ, хотя бы и слабѣе, но за клевету. Можно ли допускать, чтобы жалобшикъ, удостовѣривъ обвиняемаго самою своею жалобою, что дѣло идетъ о диффамаціи, и что, слѣдовательно, объ оправданіяхъ не можетъ быть и рѣчи, и заставивъ его въ бездѣйствіи дожидаться суднаго дня,—внезапно и неожиданно, въ судебномъ засѣданіи, мѣнялъ фронтъ и нападалъ съ обвиненіемъ въ кле-

ветѣ? Этимъ существенно нарушалось бы равенство борющихся сторонъ въ выборѣ и подготовленіи орудій нападенія и защиты. Обвиняемый можетъ совершенно добросовѣстно пропустить время и возможность для собранія доказательствъ, документы могутъ быть уничтожены, свидѣтели удалиться или переселиться въ отдаленныя мѣста—и вдругъ, когда все это совершится, отъ него нежданно-негаданно потребуютъ и документовъ, и свидѣтелей, поставивъ ему въ вину ихъ отсутствіе. Но, однако, обвиненіе въ клеветѣ—по широтѣ средствъ оправданія и по наказанію—выгоднѣе для обвиняемаго,—чего же ему роптать? Да! и выгоднѣе для обвиняемаго, и достойнѣе для обвинителя—это несомнѣнно. Но *когда?* Тогда, когда оно проводится неизмѣнно, послѣдовательно и съ самаго начала,—когда забрало поднято и вызовъ брошенъ. Вооружайся и готовься къ битвѣ! Но не тогда, когда это обвиненіе не высказывается до дня засѣданія—и, предъявленное впервые, оставляетъ обвиняемому всѣ неудобства положенія безоружнаго, а обвинителю всѣ удобства нападенія врасплохъ. Въ этомъ случаѣ невозможно говорить объ удобствахъ для преслѣдуемаго. Противъ *подсудимаго* въ дѣлахъ частнаго порядка нельзя обращать обвиненія, которое *не было* предъявлено къ нему, какъ къ *обвиняемому*. Это должно быть руководящимъ правиломъ въ процессахъ о печати. Такимъ образомъ, нарушеніе въ порядкѣ производства дѣла по первоначальному обвиненію Федорова вызвало и неправильное постановленіе ему въ вину непредставленія имъ доказательствъ своей невиновности въ клеветѣ. Эта неправильность не можетъ, по моему мнѣнію, считаться не имѣющею значенія потому, что Палата допустила Федорова до представленія нѣкоторыхъ доказательствъ, и что фактомъ предъявленія этихъ доказательствъ онъ какъ бы отказался отъ возраженій противъ неправильной постановки обвиненія.

Обвиняемый въ клеветѣ имѣетъ право съ самаго начала дѣла, въ данномъ случаѣ—съ передачи дѣла судебному слѣдователю, розыскивать и приводить доказательства своей невиновности. Поэтому позднее допущеніе осуществленія этого права уже при разбирательствѣ во второй инстанціи—есть такое ограниченіе этого права, которое равносильно его нарушенію. Предоставивъ представлять доказательства справедливости напечатаннаго по обвиненію, предъявленному о диффамаціи, судъ второй степени не можетъ, какъ правильно выражается Федоровъ, «ставить подсудимому въ упрекъ, что онъ имѣлъ время подготовиться къ опроверженію доводовъ обвинителя»—и дѣлать выводъ, что если онъ не сдѣлалъ этого, то лишь потому, что не въ состояніи опровергнуть этихъ доводовъ. Не слѣдуетъ видѣть и готовности отвѣчать по клеветѣ въ томъ, что обвиняемый въ опозореніи хватается въ послѣдней инстанціи за возможность хоть что нибудь привести въ свое оправданіе. Установленіе правильнаго порядка производства дѣла, какъ и опредѣленіе подсудности—есть дѣло уголовнаго суда, независимо отъ указаній сторонъ. Жалоба, въ которой потерпѣвшій просилъ бы подвергнуть кого либо

по совокупности и въ высшей мѣрѣ наказанію по статьямъ 1482 Улож., 142 и 133 Уст. о наказ., нал. мир. судьями, потому, что нанесеніе *легкой раны* есть вмѣстѣ съ тѣмъ *насиліе*, а насиліе заключаетъ въ себѣ *оскорбленіе дѣйствіемъ*, конечно, не могло бы быть удовлетворено судомъ—и онъ долженъ бы былъ потребовать точнаго опредѣленія *съ самаго начала*, въ чемъ именно обвиняетъ жалобщикъ своего обидчика. Тѣмъ болѣе такое опредѣленіе нужно по дѣламъ объ оскорбленіи въ печати, въ виду многократно указанной разницы въ способѣ оправданія. Поэтому, и находя, вмѣстѣ съ тѣмъ, что Судебная Палата въ приговорѣ своемъ не изложила, по какимъ именно соображеніямъ она находитъ, что указанный Федоровымъ, въ свое оправданіе, авторъ корреспонденціи о русскихъ проводникахъ въ Вѣнѣ не могъ внушать ему довѣрія, послужившаго основаніемъ къ убѣжденію въ правдивости сообщенныхъ имъ извѣстій, я считаю, что второй вопросъ, возбужденный кассаціонною жалобою, подлежитъ разрѣшенію въ смыслѣ отмѣты приговора Палаты и передачи дѣла въ другой ея Департаментъ для постановленія приговора, согласно предъявленному Бергомъ обвиненію по 1039 ст. въ предѣлахъ ходатайства его объ усиленіи наказанія обвиняемому.

На основаніи всего сказаннаго, я полагалъ бы—во-первыхъ, признать, что редакторы повременныхъ изданій могутъ отвѣчать за клевету въ печати при установленіи судомъ наличности условій, о которыхъ я говорилъ въ первой части настоящаго заключенія, а во-вторыхъ—признать, что въ виду предъявленнаго къ отвѣтственному редактору «Новаго Времени» Федорову обвиненія по 1039 ст., приговоръ С-Петербургской Судебной Палаты, присуждающій его къ наказанію по 1535 ст. Улож., не можетъ остаться въ силѣ за нарушеніемъ 1039 ст. Уложенія, 1213^{12} и 1218^{15} ст. Уст. угол. судопроизводства.

Выслушавъ заключеніе оберъ-прокурора, Правительствующій Сенатъ нашелъ, что жалобою Федорова возбуждается вопросъ о томъ, можетъ ли, на основаніи 1044 ст. Улож., подлежать преслѣдованію и отвѣтственности по 1535 ст. Улож,. редакторъ повременнаго изданія за клевету, содержащуюся въ напечатанной въ томъ изданіи корреспонденціи или иной статьѣ другого лица, и не слѣдуетъ ли признать, что отвѣтственность въ подобномъ случаѣ редактора за оглашеніе обстоятельствъ, могущихъ повредить чести и доброму имени третьяго лица, опредѣляется 1039 и 1040 ст. Улож. По этому поводу, прежде всего, нельзя не замѣтить, что статья 1044 Улож., какъ это уже было указано въ рѣш. Угол. Касс. Д-та 1881 г., № 31, составляетъ дословное потвореніе правила цензурнаго устава (§ 84 прил. къ ст. 4 по прод. 1876 г.), въ силу котораго отвѣтственность за содержаніе помѣщенныхъ въ повременномъ изданіи статей обращается во всякомъ случаѣ на редактора изданія. Законы наши предусматриваютъ три вида оскорбленія чести путемъ печати, указанные въ 1039, 1040 и 1535 ст. Улож., и ни въ цензурномъ уставѣ, ни въ Уложеніи о наказ., ни въ Уставѣ уголовн. судопр. не сдѣлано никакого исключенія относительно отвѣтственности редактора за напечатаніе въ его изданіи статей, содержащихъ въ себѣ кле-

вету, преслѣдуемую по 1535 ст. Улож.; напротивъ того, въ § 81 упомянутаго прилож. къ ст. 4 ценз. устава, повторенномъ въ 1041 ст. Улож., указано, что мѣра отвѣтственности поименованныхъ въ параграфѣ лицъ, въ томъ числѣ и редактора, за содержаніе напечатанныхъ сочиненій и т. п. опредѣляется судомъ, смотря по участію въ преступленіи, на точномъ основаніи 11—15 ст. Улож. Поэтому, пріурочивать отвѣтственность редактора повременнаго изданія, помѣстившаго клеветническую статью, только къ отвѣтственности за диффамацію или за злословіе и брань, законнаго основанія не представляется. Это положеніе находитъ себѣ подтвержденіе и въ томъ отношеніи, въ которомъ редакторъ повременнаго изданія стоитъ къ своему сотруднику или корреспонденту; не говоря уже о томъ, что онъ можетъ дѣйствовать по такимъ же личнымъ и пристрастнымъ побужденіямъ, по какимъ дѣйствуютъ и послѣднія, стремясь путемъ ложныхъ обвиненій очернить чью либо репутацію, редакторъ, по своей обязанности, не только просматриваетъ рукописи корреспондентовъ, но и допускаетъ оныя къ печати, дѣлая распоряженія о томъ, гдѣ, когда и какъ ихъ напечатать, а потому, если доставленная въ редакцію для напечатанія статья или корреспонденція заключаетъ въ себѣ обвиненіе кого либо въ позорномъ дѣяніи, то редакторъ долженъ съ бо́льшею осторожностью относиться къ сообщеніямъ такого рода и принять всѣ имѣющіяся въ его распоряженіи средства для убѣжденія въ справедливости сообщеннаго, неся въ противномъ случаѣ опредѣленную закономъ отвѣтственность за распространеніе клеветы, которое, по его неосмотрительности или легкомысленному отношенію къ своимъ обязанностямъ, имѣло мѣсто. Конечно, нельзя отрицать, что могутъ быть случаи, когда редакторъ повременнаго изданія, получающаго сообщенія отовсюду, своевременная передача которыхъ требуется самымъ характеромъ изданія, поставленъ въ невозможность провѣрить справедливость сообщаемыхъ извѣстій и, полагаясь на добросовѣстность извѣстныхъ редакціи корреспондентовъ, можетъ быть, по стеченію неблагопріятныхъ обстоятельствъ, введенъ въ заблужденіе и, такимъ образомъ, оказаться непричастнымъ въ клеветѣ, отвѣтственность за которую должна тогда всецѣло пасть на сотрудника или корреспондента; оправданіе судомъ въ таковыхъ случаяхъ редактора, основанное на разсмотрѣніи существа его объясненія и на оцѣнкѣ его отношеній къ личности сотрудника или корреспондента, общественнаго положенія сего послѣдняго и источниковъ, изъ которыхъ послѣдній почерпнулъ содержаніе своихъ статей, будетъ вполнѣ согласно съ интересами правосудія. По настоящему дѣлу приговоромъ Судебной Палаты, вошедшей въ подробную оцѣнку объясненій Федорова, и представленныхъ къ дѣлу сторонами доказательствъ, а въ томъ числѣ и показаній свидѣтелей, указанныхъ защитникомъ Федорова, признано, что ничѣмъ не установлено, чтобы Федоровъ, помѣщая въ редактируемой имъ газетѣ корреспонденцію о Бергѣ, имѣлъ какія либо данныя считать содержащіяся въ ней обвиненія Берга справедливыми. Въ виду такого заключенія Палаты, правильность котораго, равно какъ и представленные Федоровымъ при его кассаціонной жалобѣ документы, не могутъ подлежать обсужденію въ кассаціонномъ порядкѣ, за силою 5 ст. Учр. суд. уст., опредѣленіе въ приговорѣ Палаты вины подсудимаго Федорова и примѣненіе къ нему 1535 ст. Улож. представляется правильнымъ и согласнымъ съ указаніями Правительствующаго Сената относительно толкованія этого закона, изложенными въ рѣшеніи 1885 г. по дѣлу Ахшарумова съ Соболевскимъ. Обращаясь, засимъ, къ разсмотрѣнію указанной въ заключеніи оберъ-прокурора неправильности, допущенной при производствѣ этого дѣла въ Окружномъ Судѣ, Правительствующій Сенатъ нашелъ *неправильнымъ* разсмотрѣніе Окружнымъ Судомъ настоящаго дѣла по заявленному Бергомъ обвиненію Федорова по 1535 и 1039 ст. Улож., такъ какъ ни въ какомъ случаѣ не могло имѣть мѣста совмѣстное обвиненіе въ клеветѣ и диффамаціи по поводу не только

одной и той же статьи, но и при томъ однѣхъ и тѣхъ же частей ея, тѣмъ болѣе, что законъ, установляя для дѣлъ о диффамаціи частныхъ лицъ особый порядокъ производства (1215[13] ст. Уст. угол. суд.), исключаетъ возможность представленія обвиняемымъ доказательствъ для оправданія себя въ клеветѣ. Но въ виду того, что, за отказомъ въ засѣданіи Палаты повѣреннаго обвинителя отъ обвиненіи по 1039 ст. Улож., Судебная Палата разсматривала дѣло лишь по обвиненію подсудимаго по 1535 ст. Улож., что, при этомъ, подсудимому Федорову была предоставлена возможность представить всѣ тѣ доказательства, которыя онъ признавалъ необходимыми для своего оправданія, и дѣло было по просьбѣ его защитника отложено, а затѣмъ выставленные имъ свидѣтели допрошены Палатою,—Правительствующій Сенатъ призналъ, что допущенное Окружнымъ Судомъ упущеніе, исправленное при разсмотрѣніи этого дѣла въ Палатѣ, не имѣетъ уже значенія. Посему Правительствующій Сенатъ *опредѣлилъ:* жалобу Федорова оставить безъ послѣдствій, за силою 912 ст. Уст. угол. суд.

III.

По дѣлу купца Адольфа Лангтауза, обвиняемаго въ клеветѣ.

Аткарскій купецъ Василій Барановъ жалобою, поданною мировому судьѣ 3 участка Пермскаго округа, предъявилъ противъ московскаго купца Адольфа Францева Лангтауза обвиненіе въ оклеветаніи его, Баранова, на словахъ и, требуя подвергнуть Лангтауза отвѣтственности по 136 ст. Уст. о нак., изложилъ въ своей жалобѣ, что вышесказанное преступное дѣяніе Лангтауза выразилось въ томъ, что послѣдній, находясь 22 марта 1886 г. въ управленіи Уральской горнозаводской желѣзной дороги, при каковомъ управленіи онъ, Барановъ, состоитъ начальникомъ отдѣла магазина и топлива, позволилъ себѣ, въ присутствіи многихъ служащихъ въ отдѣлѣ бухгалтеріи того же управленія, сказать, «что онъ, Лангтаузъ, видѣлъ, читалъ и предлагалъ продать ему, Лангтаузу, за 250 руб. телеграмму Баранова къ довѣренному торговаго дома братьевъ Нобель, коею Барановъ будто бы, требовалъ, собственно для себя, уступки пяти тысячъ пудовъ керосина по 75 коп. за пудъ съ поставкою въ городъ Пермь, угрожая въ противномъ случаѣ забраковкою всей партіи керосина, купленнаго вышеупомянутымъ управленіемъ для нуждъ желѣзной дороги по 1 руб. 50 коп. за пудъ». Пермскій Мировой Съѣздъ, на разсмотрѣніе котораго настоящее дѣло поступило по апелляціонному отзыву подсудимаго Лангтауза, на обвинительный, по вышеприведенной 136 ст. Уст. о наказ. приговоръ мирового судьи, установивъ въ своемъ приговорѣ, что самый фактъ обвиненія Лангтаузомъ Баранова въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести, является по дѣлу доказаннымъ, и что это обвиненіе Лангтаузомъ Баранова слѣдуетъ считать ложнымъ, ибо Лангтаузъ многимъ свидѣтелямъ говорилъ о видѣнной имъ вышесказанной компрометирующей Баранова телеграммѣ и даже предлагалъ за пріобрѣтеніе оной деньги, тогда какъ существованіе такой телеграммы не только ничѣмъ не доказано, но даже представляется сомнительнымъ, нашелъ, что по всѣмъ этимъ даннымъ нельзя не видѣть въ дѣйствіяхъ Лангтауза по отношенію къ Баранову клеветы, предусматриваемой въ 136 ст. Уст. о нак. Тѣмъ не менѣе, въ томъ же своемъ приговорѣ Пермскій Мировой Съѣздъ относительно самаго умысла Лангтауза распространить неблагопріятные для Баранова слухи, служащіе предметомъ клеветы, и относительно способа, въ коемъ выразилось ихъ распространеніе Лангтаузомъ, привелъ: «что, съ другой стороны, по дѣлу ничѣмъ не доказано, чтобы Лангтаузъ распространялъ вышеупомя-

нутую клевету о Барановѣ съ намѣреніемъ повредить доброму имени или чести послѣдняго, но что, напротивъ, изъ показанія свидѣтеля Гвоздева видно, что тѣ неблагопріятные для Баранова слухи Ланггаузъ распространилъ не совсѣмъ безъ всякаго основанія», и что «изъ показаній свидѣтелей видно, что о слухахъ тѣхъ Ланггаузъ сообщилъ свидѣтелямъ, какъ хорошимъ своимъ знакомымъ, въ обыкновенномъ частномъ разговорѣ». Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ Съѣздъ, признавая, что Ланггаузъ распространялъ клевету о Барановѣ безъ намѣренія повредить доброму имени или чести послѣдняго и полагая въ настоящемъ случаѣ умѣстнымъ примѣнить къ Ланггаузу 9 ст. Уст. о наказ., опредѣлилъ: признавъ московскаго купца Адольфа Ланггауза виновнымъ въ клеветѣ противъ купца Василія Баранова, но безъ намѣренія его, Ланггауза, омрачить честь Баранова, сдѣлать ему, Ланггаузу, на основаніи 136 и 9 статей Уст. о нак., выговоръ. Въ принесенной кассаціонной жалобѣ Правительствующему Сенату купецъ Барановъ, указывая на то, что признаніе Пермскимъ Съѣздомъ виновности Ланггауза въ клеветѣ противъ него, Баранова, но безъ намѣренія Ланггауза омрачить его, Баранова, честь, составляетъ противорѣчіе, лишающее этотъ приговоръ силы судебнаго рѣшенія, и что Съѣздъ, найдя Ланггауза виновнымъ въ клеветѣ по 136 ст. Уст. о наказ., не могъ въ то же время примѣнять къ нему 9 ст. того же Уст. о неосторожности преступнаго дѣянія Ланггауза, просилъ объ отмѣнѣ означеннаго приговора Съѣзда.

По существу кассаціонной жалобы купца Баранова разрѣшенію Правительствующаго Сената подлежитъ вопросъ о томъ, можетъ ли быть примѣняема 9 ст. Уст. о наказ., налагаемыхъ мировыми судьями—къ проступку, предусмотрѣнному 136 ст. того же Устава? то-есть согласно ли съ закономъ и съ истиннымъ характеромъ этого проступка признаніе клеветы, содѣянной безъ намѣренія? По опредѣленію нашего уголовнаго закона, клевета есть несправедливое обвиненіе кого-либо въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести. Иными словами—это есть несогласное съ истиною приписаніе кому-либо дѣйствій, помрачающихъ, въ виду постановленій закона или вслѣдствіе установившихся въ обществѣ взглядовъ, честь и доброе имя потерпѣвшаго. Практикою Правительствующаго Сената, въ рядѣ подробно разработанныхъ рѣшеній, въ разъясненіе и развитіе этого понятія о клеветѣ указано, что необходимымъ условіемъ этого поступка является завѣдомая лживость обвиненія въ дѣяніи безчестномъ или—незавѣдомая истинность такого обвиненія. Отсюда вытекаетъ и два существенныхъ признака клеветы: *субъективный* и *объективный*. Первый состоитъ въ знаніи обвиняемымъ, что разсказываемое имъ несогласно съ истиною и идетъ въ разрѣзъ съ правдою—или въ отсутствіи у него разумно и основательно сложившагося убѣжденія въ томъ, что содержаніе его разсказа соотвѣтствуетъ фактической дѣйствительности. Второй признакъ выражается въ *безусловной* оскорбительности разсказываемаго, въ *несомнѣнной* вредности для добраго имени того, кто сдѣлался жертвою клеветы. Отсутствіе одного изъ этихъ признаковъ въ дѣяніи обвиняемаго разрушаетъ составъ преступленія клеветы. Этого состава нѣтъ въ наличности, если припи-

саніе кому либо дѣйствій, противныхъ правиламъ чести, было вполнѣ добросовѣстное, т. е. основанное на положительномъ знаніи о дѣйствительномъ существованіи этихъ дѣйствій, на вполнѣ убѣдительныхъ данныхъ и свѣдѣніяхъ или сообщеніяхъ, исключающихъ, по характеру своему или источнику своего происхожденія, не только необходимость, но даже и возможность сомнѣнія. Поэтому, нѣтъ, напримѣръ, клеветы въ обезчещивающемъ кого-либо разсказѣ человѣка, который былъ введенъ въ добросовѣстное заблужденіе подложными документами, извращенными свѣдѣніями офиціальнаго характера или сообщеніями такихъ людей, которымъ, въ силу ихъ личныхъ свойствъ или ихъ общественнаго положенія, онъ не могъ не повѣрить. Нѣтъ состава клеветы и въ томъ случаѣ, когда самая оскорбительность разглашаемаго находится въ прямой зависимости отъ отсутствія извѣстныхъ условій, обезвреживающихъ злостный характеръ и вредные для чужой чести результаты разглашаемаго. Въ виду разнообразія условій общественной жизни, отношенія людей и пріемы общежитія представляютъ столько оттѣнковъ, что одинъ и тотъ же разсказъ, одно и то же выраженіе могутъ получить совершенно различную окраску и значеніе, смотря по той обстановкѣ, въ которой онѣ имѣли мѣсто. Разсматривать ихъ абстрактно, внѣ пространства и времени—невозможно. Все зависитъ отъ условій личныхъ отношеній, среды и даже настроенія. Одно и то же—сказанное серьезно—посѣтъ недовѣріе и презрѣніе, и—сказанное въ шутку—вызоветъ смѣхъ, не задѣвающій ничьей чести своими примирительными звуками. Обширная область несомнѣнной шутки или мистификаціи упраздняетъ характеръ клеветы въ разсказахъ, которые, взятые отвлеченно, конечно, могутъ быть истолкованы, какъ поражающіе чужую честь. Не можетъ быть этого оскорбительнаго характера и въ такъ называемомъ товарищескомъ или пріятельскомъ обращеніи, въ которое подчасъ вносится не малая доля ласковой грубости, подъ вліяніемъ того страннаго взгляда, въ силу котораго вѣжливость, будто бы, трудно примирима съ проявленіемъ истинно дружескаго расположенія. Едва ли нужно затѣмъ упоминать о неравенствѣ развитія и воспитанія, при чемъ разсказъ, имѣющій въ устахъ образованнаго человѣка явно ядовитый характеръ, въ устахъ простого и неразвитого, не умѣющаго твердо править словомъ и понимать всѣ его оттѣнки—является не клеветою, а лишь невольнымъ послѣдствіемъ неумѣнья выражаться. Поэтому, составъ клеветы существуетъ лишь тогда, когда нѣтъ въ наличности ни одного изъ этихъ и имъ подобныхъ условій, которыя въ сознаніи слушающихъ уничтожили бы безслѣдно вредный для чужой чести элементъ разсказа. Отсутствіе этихъ условій, при несомнѣнно позорящемъ смыслѣ разглашаемаго, создаетъ въ большинствѣ случаевъ полное представленіе о клеветѣ, независимо отъ побужденій обвиняемаго и, такъ сказать, внѣ ихъ. Поэтому опредѣляющимъ моментомъ вмѣненія въ вину дѣянія, имѣющаго признаки клеветы, служитъ второй, объективный признакъ клеветы. Если онъ налицо, то есть если разсказъ

обвиняемаго объективно помрачаетъ чужую честь и если притомъ, по своему развитію и общенію съ людьми, этотъ обвиняемый не могъ, находясь въ здравомъ умѣ, не понимать, что оглашаемые имъ факты порочатъ честь и доброе имя другого лица, то нельзя говорить о томъ, что его дѣяніе не намѣренно. Отрицать намѣреніе въ дѣйствіяхъ лица, серьезно утверждающаго существованіе фактовъ, рисующихъ, по понятіямъ его и всей окружающей его общественной среды, другого, какъ безчестнаго или даже преступнаго человѣка,—возможно лишь доказавъ, что онъ не сознавалъ, что говорилъ, дѣйствуя подъ вліяніемъ временнаго или постояннаго помраченія разсудка. Но покуда это не доказано—поступокъ долженъ быть признаваемъ намѣреннымъ. Цѣль въ этомъ случаѣ можетъ быть разная—и высокая—огражденіе общества или близкихъ людей отъ дурного и даже вреднаго человѣка, который не по праву пользуется уваженіемъ, имъ не заслуженнымъ,—и низменная—удовлетвореніе личнаго мстительнаго или мелочно-завистливаго чувства. Но эта цѣль не можетъ и не должна имѣть вліянія на отвѣтственность за клевету, если только доказано, что клевета есть, то есть, что позорнаго дѣянія не было, что разглашать о немъ обвиняемый не имѣлъ серьезныхъ основаній, и что, наконецъ, онъ понималъ, какое, въ глазахъ окружающихъ, значеніе имѣетъ то, что онъ приписывалъ другому. Нельзя не согласиться вполнѣ со взглядомъ Неклюдова, который находитъ, что требованіе animus injuriandi, то есть желанія оскорбить, необходимо для наличности обиды (какъ оскорбленія чести), ибо «по обще-принятому взгляду на умыселъ, сущность послѣдняго заключается въ знаніи того, что дѣлаешь, а потому и умыселъ въ обидѣ долженъ состоять въ знаніи, что предпринимаешь оскорбительное дѣйствіе, хотя бы и безъ желанія нанести оскорбленіе». Такъ какъ клевета есть одинъ изъ видовъ оскорбленія чести, то если окажется по суду, что обвиняемый ничѣмъ не доказалъ правдивости своего разсказа, а объективный признакъ клеветы—несомнѣнная для обвиняемаго позорность приписаннаго имъ потерпѣвшему дѣянія—налицо, то не можетъ быть и рѣчи о признаніи его дѣйствовавшимъ *безъ намѣренія*. Суду остается или обвинить въ клеветѣ, или оправдать, если онъ найдетъ, что субъективный признакъ клеветы—злостное или преступно небрежное обращеніе съ чужою честью—отсутствуетъ. Судъ можетъ сказать подсудимому: «ты разгласилъ обвиненіе, вполнѣ сознавая, что сообщаемыя тобою обстоятельства несомнѣнно подрываютъ чужое доброе имя, но ты имѣлъ основаніе быть убѣжденнымъ, что все это правда и посягнулъ на чужую честь не потому, что вмѣнялъ ее въ ничто, а потому, что самъ сталъ жертвою добросовѣстнаго заблужденія, для устраненія котораго сдѣлалъ все, что было въ твоей возможности:—ты свободенъ, твоей вины нѣтъ—и то, что потерпѣвшій считаетъ съ твоей стороны клеветою, есть несчастіе и для тебя, и для него, за которое должны отвѣтствовать, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, другіе». Но судъ не имѣетъ, по моему мнѣнію, права говорить потерпѣвшему, который желаетъ возстано-

вленія своей поруганной чести: «твой обидчикъ дѣйствительно разсказалъ о тебѣ неправду съ легкомысленною, поспѣшною, близорукою и злорадною довѣрчивостью—и эта неправда впилась въ твою честь, какъ отравленная стрѣла, заставляя тебя страдать отъ боли незаслуженнаго стыда и справедливаго негодованія, но онъ это сдѣлалъ безъ намѣренія, не думая тебѣ причинить вредъ—идите оба съ миромъ!» Такое рѣшеніе не соотвѣтствовало бы ни правильному взгляду на понятіе о клеветѣ, ни нравственному началу отвѣтственности за дѣйствія, касающіяся чужой личности, и притомъ въ одномъ изъ ея лучшихъ достояній,—началу, которое судъ призванъ проводить и охранять въ сферѣ своей дѣятельности.

Приходя такимъ образомъ къ выводу, что клевета, если только она признана за таковую, не можетъ быть совершена безъ намѣренія, я полагаю, что этотъ выводъ подтверждается какъ общими свойствами преступленій, къ которымъ примыкаетъ ближе всего клевета, такъ и взглядомъ современныхъ законодательствъ и кассаціонною практикою.

Всматриваясь въ существо преступленій, находящихъ свое опредѣленіе въ современныхъ кодексахъ, надо замѣтить, что независимо отъ раздѣленія ихъ на отдѣлы по той или другой системѣ, онъ распадаются сами собою, по отношенію къ намѣренности, на три большія группы. Есть рядъ нарушеній закона, въ которыхъ *присутствіе или отсутствіе намѣренія безразлично.* Законъ караетъ нарушителя извѣстныхъ общеобязательныхъ или спеціальныхъ правилъ, вовсе не входя въ разсмотрѣніе вопроса, дѣйствовалъ ли нарушитель съ намѣреніемъ или безъ него. Общественное спокойствіе и правильное устройство внѣшнихъ сторонъ общественнаго быта вызываютъ существованіе постановленій, нарушеніе которыхъ, сознательное, хотя бы и безъ всякаго дурного намѣренія, не можетъ быть терпимо. Государство, для осуществленія своихъ цѣлей, нуждается въ матеріальныхъ средствахъ. Источники дохода должны быть оберегаемы отъ злоупотребленій тѣхъ, кто долженъ содѣйствовать ихъ пополненію, съ какимъ бы намѣреніемъ эти злоупотребленія ни дѣлались. Отсюда отсутствіе рѣчи о намѣреніи въ преступленіяхъ противъ благоустройства и благочинія,—во многихъ фискальныхъ нарушеніяхъ,—въ преступленіяхъ противъ уставовъ казенныхъ управленій и т. п. Законъ караетъ за фактъ, безъ всякаго разбора намѣреній, и караетъ иногда чрезвычайно строго. Цѣлый рядъ пунктовъ 832 ст. Улож. о наказ. о нарушеніи уставовъ карантинныхъ, умалчивая совершенно о намѣреніи — иногда лишь только легкомысленномъ—грозитъ, однако, нарушителямъ смертною казнью, при чемъ для законодателя совершенно безразлично, ушелъ ли, напримѣръ, обвиняемый за предѣлы карантиннной черты съ намѣреніемъ прогуляться или съ цѣлью распространить заразу. Вотъ почему составители Устава о наказ., налагаем. мировыми судьями, установивъ за проступки, совершенные безъ намѣренія, особое, мягкое и, такъ сказать, педагогическаго характера взысканіе, признали,

что въ большинствѣ проступковъ берется въ разсчетъ совершеніе только одного факта и что, поэтому, чисто полицейскія нарушенія должны, безъ сомнѣнія, влечь за собою отвѣтственность даже и въ томъ случаѣ, когда они были послѣдствіемъ одной небрежности. Этимъ соображеніемъ и вызвана статья 9 Уст. о нак., нал. мир. суд., устанавливающая болѣе строгія наказанія въ тѣхъ случаяхъ, когда даже и ненамѣренные проступки состоятъ въ неисполненіи какой либо особой обязанности, наложенной закономъ.

Другую группу нарушеній закона составляютъ преступленія, въ которыхъ *намѣреніе всегда играетъ роль*—и главную, ибо свидѣтельствуетъ о степени развитія злой воли виновнаго. Въ этихъ сложныхъ по своему характеру преступленіяхъ, намѣреніе движется, какъ маятникъ внутри одного и того же дѣянія, раскачиваясь отъ полнаго отсутствія преступности до самой ея глубины, выражающейся въ предварительномъ обдумываніи и въ особыхъ приготовленіяхъ. Здѣсь все зависитъ отъ опредѣленія намѣренія и умысла обвиняемаго, и одно и то же дѣяніе, напр., убійство, смотря по степени участія въ немъ этихъ элементовъ, можетъ влечь или церковное покаяніе, или безсрочную каторгу со всѣми ея атрибутами.

Наконецъ, третья группа обнимаетъ собою многія весьма важныя преступленія, въ которыхъ, по самому свойству ихъ, *намѣреніе всегда предполагается*. Это тѣ дѣянія, которыхъ безъ намѣренія совершить нельзя. Немыслимы—кража или разбой безъ намѣренія похитить, — государственная измѣна безъ умысла повредить своему отечеству или неисполнить своихъ къ нему обязанностей,—изнасилованіе женщины безъ намѣренія, поджогъ—безъ намѣренія сообщить огонь подожженному зданію и т. п. Несомнѣнно могутъ быть случаи, по *внѣшнимъ* своимъ признакамъ близко подходящіе подъ понятіе объ этихъ преступленіяхъ и вызванные, напр., ошибкою въ принадлежности вещи, самовольными распоряженіями, довѣрчивою болтливостью, неосторожнымъ обращеніемъ съ огнемъ, проявленіемъ грубой силы надъ женщиною и т. п.; но если въ каждомъ изъ этихъ случаевъ не признается намѣреніе совершить именно то, что входитъ какъ существенный, внутренній признакъ въ кражу, грабежъ, измѣну и т. д., то здѣсь нѣтъ и этихъ преступленій. Судъ можетъ признать наличность самоуправства, разглашенія тайнъ, оскорбленія дѣйствіемъ и т. д. и наказать за это, но онъ не можетъ, не нарушая существенныхъ началъ карательнаго права, признавать здѣсь кражу, измѣну или изнасилованіе, совершенныя *безъ намѣренія*. Намѣреніе — душа этихъ преступленій. Если взять изъ преступленія эту душу—оно уничтожится, и его фактическихъ признаковъ надо искать совсѣмъ въ другихъ указаніяхъ закона. Убійство остается убійствомъ, какую бы малую роль не играло въ немъ намѣреніе. Даже когда намѣренія вовсе нѣтъ, все-таки есть убійство, но только неосторожное или даже случайное. Но кража—безъ намѣренія похитить, поджогъ—безъ намѣренія сообщить огонь подлежащему го-

рѣнію зданію, уже не кража и не поджогъ. Клевета принадлежитъ именно къ такимъ, существенно связаннымъ съ намѣреніемъ, преступленіямъ. Гдѣ нѣтъ намѣренія приписать потерпѣвшему дѣйствія, противныя правиламъ чести,—тамъ нѣтъ клеветы. Если эти дѣянія не приписаны, а произведены на самомъ дѣлѣ или, будучи приписаны, сами по себѣ ничего позорнаго для жалобщика собою не представятъ, оправдательный приговоръ суда, отрицающій клевету по самому существу дѣла, неизбѣженъ. Но тамъ, гдѣ *по этимъ основаніямъ* нельзя произнести оправдательнаго приговора, неизбѣженъ приговоръ обвинительный, безъ всякихъ оговорокъ, что честь потерпѣвшаго поругана *безъ намѣренія* обвиняемымъ, который, однако, понимаетъ и смыслъ того, что онъ говорилъ, и различіе между поступками честными и безчестными.

Обращаясь къ дѣйствующему Уложенію о нак., надо замѣтить, что оно даже вовсе и не знаетъ термина *«безъ намѣренія»*, введеннаго Уставомъ о наказаніяхъ. Оно—въ ст. 4 и 5 указываетъ лишь на преступленія неосторожныя и на случайныя, т. е. невмѣняемыя въ вину. Между тѣмъ, до изданія Устава о нак., оно карало всѣ виды клеветы—и въ настоящее время въ 1535 ст. еще предусматриваетъ клевету въ печати. Очевидно, что ни къ тѣмъ видамъ клеветы, которые были перечислены въ Уложеніи 1857 года, ни къ клеветѣ въ печати, нельзя примѣнять понятія о ненамѣренности въ томъ смыслѣ, какъ оно устанавливается ст. 9. Клевета словесная, письменная и печатная по существу ничѣмъ не отличаются одна отъ другой и разнствуютъ лишь въ способѣ своего совершенія. Возможно ли поэтому допустить, что виновный въ клеветѣ въ печати не подлежитъ ни въ какомъ случаѣ признанію дѣйствовавшимъ *безъ намѣренія*, а виновный въ словесной или письменной клеветѣ можетъ оказаться поступавшимъ безъ намѣренія? Мѣрило умысла должно быть одно и то же. Уложеніе говоритъ, впрочемъ, въ ст. 110, о неосторожности дѣянія, бывшаго причиною зла, оправдываемаго обстоятельствами, по коимъ никакъ нельзя было ожидать и предполагать вредныхъ онаго послѣдствій, и грозитъ виновнику лишь приличнымъ внушеніемъ. Но очевидно, что въ виду всего, что я говорилъ уже о составѣ преступленія клеветы, необходимый ея *объективный* признакъ исключаетъ всякую возможность оправдываться тѣмъ, что отъ позорящаго честь разсказа не ожидалось и не предполагалось вредныхъ послѣдствій.

Въ заключеніяхъ по дѣламъ Ахшарумова и Федорова я уже представлялъ Правительствующему Сенату свѣдѣнія о взглядѣ на составъ клеветы западно-европейскихъ законодательствъ и преимущественно германскаго Уложенія. Напомню только, что § 186 этого Уложенія подвергаетъ наказанію всякаго распространяющаго или утверждающаго относительно другого фактъ, могущій возбудить къ нему презрѣніе или унизить его въ общественномъ мнѣніи, въ случаѣ недоказанности правдивости факта. Такимъ образомъ, одинъ изъ лучшихъ

современныхъ кодексовъ исключаетъ указаніе на намѣреніе въ опредѣленіи клеветы, устанавливая лишь отчетливымъ образомъ объективный признакъ (способность унизить или возбудить презрѣніе), заключающій въ себѣ eo ipso и намѣреніе.

Переходя, наконецъ, къ практикѣ Правительствующаго Сената по вопросу о примѣненіи ст. 9 Уст. о наказ., я нахожу, что въ ряду разнообразныхъ рѣшеній, послѣдовавшихъ по жалобамъ на неправильное признаніе обвиняемыхъ въ оскорбленіяхъ чести дѣйствовавшими *безъ намѣренія*—наиболѣе разъясняютъ вопросъ рѣшенія по дѣламъ Воронова и Дудкина 1869 г., № 82, Стишова 1869 г., № 856, и Кацъ и Черкеса 1876 г., № 215. Первымъ изъ нихъ признано, что въ тѣхъ случаяхъ, когда клевета, послужившая поводомъ къ обвиненію, оказывается, при ближайшемъ судебномъ изслѣдованіи, простымъ произнесеніемъ *неприличныхъ словъ*, не содержащихъ въ себѣ оскорбленія чьей либо чести,—примѣненіе 9 ст. не представляется неправильнымъ; вторымъ установлено, что преступленія противъ чести, къ коимъ относится и клевета, только тогда наказуются, когда нанесены съ намѣреніемъ, почему признаніе судомъ клеветою словъ, сказанныхъ въ шутку, безъ намѣренія оскорбить, лишаетъ обвиненіе въ клеветѣ существенныхъ его признаковъ и основаній; наконецъ, третьимъ рѣшеніемъ, весьма важнымъ и въ процессуальномъ отношеніи, разъяснено, что въ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстное выраженіе или дѣйствіе представляется безусловно оскорбительнымъ, когда намѣреніе оскорбить лежитъ, такъ сказать, въ самомъ произнесеніи этого выраженія или допущеніи виновнымъ дѣйствія, судъ по существу, для возможности повѣрки правильности его вывода въ кассаціонномъ порядкѣ, необходимо долженъ указать *тѣ особенныя причины или основанія*, по которымъ онъ заключилъ, что, несмотря на безусловную оскорбительность употребленнаго выраженія или дѣйствія, въ данномъ случаѣ у подсудимаго не было намѣренія оскорбить потерпѣвшаго; въ противномъ случаѣ суду былъ бы предоставленъ полный произволъ освобождать подсудимыхъ отъ наказанія, опредѣленнаго за преступленіе или проступокъ, указавъ лишь въ своемъ приговорѣ на отсутствіе намѣренія совершить это преступленіе или проступокъ. Такимъ образомъ, Правительствующій Сенатъ установилъ, что клевета, отграниченная и отъ произнесенія неприличныхъ словъ, и отъ непосредственныхъ личныхъ оскорбленій, и отъ шутки—не можетъ быть осуществляема безъ намѣренія и что объективный признакъ клеветы—безусловная оскорбительность разглашаемаго—имѣетъ настолько рѣшающее значеніе для признанія наличности наказуемаго проступка, что лишь точное и опредѣленное со стороны суда указаніе данныхъ, доказывающихъ, несмотря на этотъ признакъ, отсутствіе намѣренія у обвиняемаго, освобождаетъ судъ отъ обязанности постановлять обвинительный приговоръ. Очевидно, въ этомъ признакѣ лежитъ центръ тяжести обвиненія въ клеветѣ. Я разсказалъ про кого либо, что онъ

укралъ, преступно обманулъ довѣріе, взялъ взятку, оказался «нечистымъ на руку» въ картахъ, и т. п. и не только никакихъ доказательствъ этого не могу указать, но даже не могу сослаться на заслуживавшій съ моей стороны довѣрія источникъ такого слуха. Я нахожусь въ здравомъ разсудкѣ, я настолько знакомъ съ условіями и требованіями общественной жизни, что понимаю, что вора боятся, обманувшему довѣріе—его болѣе не оказываютъ, взяточника клеймятъ, шулера выбрасываютъ изъ порядочнаго общества, и т. д., и между тѣмъ, я говорилъ все это не въ шутку, не предупреждая слушателей самымъ характеромъ и построеніемъ своего разсказа, что я не говорю серьезно. Я виновенъ въ клеветѣ и меня долженъ постигнуть единственно возможный, справедливый карательный приговоръ, въ которомъ не можетъ, безъ ущерба правосудію и общественному строю, найти мѣста разсужденіе о томъ, что все это сказано безъ намѣренія.

Обращаясь отъ этихъ общихъ соображеній къ обжалованному кассаторомъ приговору пермскаго мирового съѣзда, я нахожу, что съѣздомъ признана лживость ничѣмъ недоказаннаго обвиненія въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести, взведеннаго Лангауэзомъ на купца Баранова, почему въ дѣйствіяхъ Лангауза усмотрѣна *клевета*, указанная въ 136 ст. Уст. о наказ., налаг. мир. суд. Но признавая въ разсказахъ Лангауза о существованіи телеграммы Баранова, удостовѣряющей его мошенническія продѣлки со своими довѣрителями и вымогательство отъ ихъ контрагентовъ—клевету, Съѣздъ въ то же время нашелъ, что «слухи, служащіе предметомъ этой клеветы, Лангауэзъ распространялъ *не совсѣмъ безъ всякаго основанія* и, притомъ, между своими знакомыми въ обыкновенномъ *частномъ разговорѣ*». Поэтому Съѣздъ призналъ «умѣстнымъ примѣнить къ Лангауэзу 9 ст. Уст. о наказ., ограничивъ наказаніе однимъ лишь выговоромъ», такъ какъ Лангауэзъ «распространялъ *клевету* о Барановѣ *безъ намѣренія* повредить его доброму имени и чести». Этотъ приговоръ не можетъ быть признанъ правильнымъ. Онъ содержитъ въ себѣ прежде всего внутреннее противорѣчіе. Уклончивое и неопредѣленное выраженіе Съѣзда о распространеніи слуховъ «не совсѣмъ безъ всякаго основанія» не мирится съ признаніемъ въ дѣйствіяхъ Лангауза клеветы. Судъ не долженъ выражаться языкомъ, дающимъ поводъ спросить—да что же, наконецъ, онъ признаетъ? Въ чемъ же онъ самъ-то убѣдился? Есть ли основаніе видѣть ложь въ словахъ подсудимаго или нѣтъ? Нельзя въ уголовномъ приговорѣ говорить: «это ложь, хотя и не совсѣмъ неправда». Такое колебаніе, такая шаткость убѣжденія въ самихъ судьяхъ лишаетъ ихъ приговоръ силы судебнаго рѣшенія. По признанному всеобщею судебною практикою правилу—сомнѣніе всегда толкуется въ пользу подсудимаго. Гдѣ есть основательное, не устраняемое и при заключительномъ выводѣ, сомнѣніе, тамъ неизбѣженъ оправдательный приговоръ. Поэтому судья, говорящій, по обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ дѣла,—«признаю

виновнымъ, хотя и сомнѣваюсь», не отдаетъ себѣ яснаго отчета о существѣ своихъ обязанностей.

Кромѣ этой шаткости убѣжденія въ виновности Ланггауза, Пермскій Съѣздъ кладетъ въ основаніе своего приговора и соображеніе о распространеніи Ланггаузомъ позорящихъ Баранова слуховъ въ средѣ знакомыхъ, въ обыкновенномъ частномъ разговорѣ. И въ этомъ отношеніи приговоръ неправиленъ. Для бытія клеветы вовсе не нужно, чтобы позорящія сообщенія оглашались при «всенародномъ множествѣ» или въ присутствіи не знакомыхъ. Съѣздъ говоритъ объ обыкновенномъ частномъ разговорѣ со знакомыми. Но именно такіе-то разговоры и составляютъ главнѣйшій способъ для распространенія клеветы или, лучше сказать, почву для ея посѣва. Разговоръ о третьемъ лицѣ съ незнакомымъ—есть сравнительно исключительный фактъ, и трудно представить себѣ такой случай, чтобы кто нибудь, находясь въ незнакомомъ обществѣ, въ вагонѣ, публичномъ собраніи и т. п., сказалъ, ни съ того, ни съ сего, сосѣду или всѣмъ, громогласно: «а знаете ли, господа, вѣдь NN совершилъ такой-то безчестный поступокъ». Клевета въ публичной рѣчи, въ проповѣди—или въ офиціальныхъ служебныхъ объясненіяхъ—опять случай исключительный; клевета же въ печати особо предусмотрѣна закономъ. Напротивъ, именно обыкновенно частный разговоръ и есть средство для распространенія клеветы. Ни обстановка, ни количество слушателей не имѣютъ здѣсь никакого значенія. Я отнесъ клевету къ существенно намѣреннымъ дѣяніямъ, подобно кражѣ, поджогу и т. п. Позволю себѣ сравнить клевету, по ея результатамъ, именно съ поджогомъ. Засовывая зажженную паклю въ соломенную крышу зданія, подкладывая огонь подъ полѣнницу дровъ, стоящую въ сѣняхъ, зажигая сѣно, сложенное въ сараѣ поджигатель не знаетъ заранѣе и не можетъ, поэтому, опредѣлить,—какъ широко раскинетъ свои крылья сдѣланное имъ злое дѣло. Дождь можетъ погасить пожаръ въ самомъ началѣ,—вѣтеръ, раздувающій разгорѣвшееся пламя, можетъ потушить тотъ слабый, начинающійся огонекъ, изъ котораго потомъ разовьется это пламя,—можетъ сгорѣть хозяйственная постройка,—можетъ сгорѣть домъ, но пламя можетъ перекинуться—и въ трескѣ и въ хаосѣ пожара погибнетъ цѣлое село, городъ... Въ этой неограниченности зла, въ этой невозможности положить заранѣе предѣлъ разрушительному дѣйствію силы природы, въ этой способности *единичнаго преступленія* обращаться въ *общественное бѣдствіе*—и заключается особая опасность поджога. И законъ вполнѣ правъ, строго карая нарушителя, который беретъ себѣ въ помощь для осуществленія своего злого дѣла стихію, которую онъ смѣетъ лишь вызвать, но управлять которою не можетъ. Но въ сферѣ иныхъ, нематеріальныхъ благъ, тоже охраняемыхъ закономъ, развѣ клевета не похожа на поджогъ? Развѣ разсказчикъ несправедливо позорящихъ чужую честь повѣствованій не поступаетъ такъ же, какъ поджигатель? И онъ, подобно поджигателю, можетъ содѣять зло,—которое въ моментъ на-

чала его совершенія по виду незначительно,—и разсказать только *одному*. Но и онъ не властенъ затѣмъ въ дальнѣйшихъ результатахъ своего разсказа, не властенъ положить предѣлъ его распространенію и сдержать праздное любопытство и злорадное чувство, которыя начнутъ, независимо отъ него, расширять кругъ слушателей его разсказа. И онъ не можетъ заранѣе, даже и приблизительно, опредѣлить результаты своего измышленія, не можетъ предвидѣть—гдѣ, въ какомъ моментѣ жизни оклеветаннаго, на какомъ разстояніи отъ первоначальнаго разсказа *вынырнетъ* клевета и ко злу моральному присоединитъ еще, быть можетъ, вредъ матеріальный,—и онъ, въ большинствѣ случаевъ, пустивъ клевету, уже не въ силахъ, даже почувствовавъ всю низость своего дѣла, прекратить забрасываніе грязью добраго имени неповиннаго, имъ самимъ содѣянное... Вотъ почему клевета—этотъ *поджогъ чужой чести*—вовсе не обусловливается ни *количествомъ* слушателей, ни *публичностью* обстановки разговора. Взглядъ на ненамѣренность клеветы, если она высказана въ обыкновенномъ частномъ разговорѣ, основанъ на смѣшеніи *сплетни* съ *клеветою*. Несомнѣнно, что есть случаи, когда сплетня, эта нездоровая, но почти неизбѣжная пища для житейскихъ разговоровъ, довольно близко подходитъ къ клеветѣ, но все-таки между ними есть существенное различіе и по формѣ, и по содержанію. По формѣ—клевета, какъ признано Правительствующимъ Сенатомъ еще въ 1874 году, въ рѣшеніи по дѣлу Ставраки и Неметти, № 661, отличается отъ сплетни тѣмъ, что въ ней сплетнѣ придается значеніе положительнаго и притомъ позорящаго чужую честь факта. По содержанію сплетня состоитъ, въ сущности, или въ передачѣ обстоятельствъ, дѣйствительно существующихъ, но такихъ, которыя, въ интересахъ общаго мира и согласія, порядочный человѣкъ, не желающій вторгаться въ чужую жизнь съ самонадѣяннымъ осужденіемъ или бездѣльнымъ любопытствомъ, нарушая при этомъ нерѣдко и оказанное ему довѣріе, не станетъ оглашать,—или же въ передачѣ вымышленныхъ или преувеличенныхъ обстоятельствъ, которыя, по господствующимъ въ обществѣ взглядамъ, иногда черезчуръ снисходительнымъ,—не вмѣняются въ вину, не влекутъ за собою нравственнаго отчужденія отъ того, кому они приписываются, а только лишь обрисовываютъ его личность красками, несогласными съ дѣйствительностью. Сплетня перваго рода есть своего рода *словесная диффамація*, отличающаяся отъ того же дѣянія, совершаемаго путемъ печати—своею ненаказуемостью съ точки зрѣнія закона, что, однако, не исключаетъ извѣстной брезгливой осторожности въ обращеніи со «сплетникомъ». Между сплетнею второго рода и клеветою, какъ разграничительный признакъ, лежитъ позорность для чьей-либо чести, согласно установившимся понятіямъ, вымышленнаго обстоятельства. Наличіе этой позорности даетъ клевету, отсутствіе—характеризуетъ собою сплетню.

На основаніи всѣхъ приведенныхъ соображеній, я нахожу приговоръ Пермскаго Мирового Съѣзда по дѣлу Ланггауза и Баранова постановленнымъ вопреки истинному смыслу 136 ст. Уст. о наказ., налаг. мир. суд., и потому полагалъ бы приговоръ этотъ, за нарушеніемъ приведенной статьи и вслѣдствіе неправильнаго истолкованія и примѣненія 9 ст. того же Устава—отмѣнить съ послѣдствіями по 928 ст. Уст. угол. судопр.

Правительствующій Сенатъ *опредѣлилъ*: приговоръ Пермскаго Мирового Съѣзда, за неправильнымъ примѣненіемъ 9 ст. Уст. о наказ., налаг. мир. суд., и за нарушеніемъ точнаго смысла 136 ст. того же Устава—отмѣнить, передавъ это дѣло, для новаго разсмотрѣнія, въ Оханскій Мировой Съѣздъ.

IV.

По дѣлу бывшаго нотаріуса Назарова, обвиняемаго по 1525 ст. улож.

Приговоромъ Московскаго Окружнаго Суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, бывшій нотаріусъ города Москвы Назаровъ былъ присужденъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири на поселеніе за изнасилованіе.

Въ кассаціонной жалобѣ на этотъ приговоръ указывалось, главнѣйшимъ образомъ, что предварительное слѣдствіе по дѣлу Назарова во всѣхъ своихъ частяхъ было предметомъ своевременныхъ жалобъ обвиняемаго въ Окружный Судъ и Судебную Палату, а потому всѣ неуваженныя ходатайства Назарова подлежатъ разсмотрѣнію Правительствующаго Сената. Слѣдствіе это должно подлежать уничтоженію, какъ произведенное судебнымъ слѣдователемъ, не имѣвшимъ по отношенію къ Назарову, того спокойствія и безпристрастія, безъ которыхъ, за силою 265 ст. у. у. с., немыслимо производство слѣдствія. Постановленіе слѣдователя Сахарова о привлеченіи Назарова въ качествѣ обвиняемаго, занимающее 287 страницъ и озаглавленное «Привлеченіе Назарова», полно оскорбительныхъ выраженій по отношенію къ обвиняемому. Слѣдствіе велось и окончилось совершенно безъ вѣдома обвиняемаго, допрошено 136 свидѣтелей, которыхъ Назаровъ не видѣлъ, а послѣ предъявленія ему уже совершенно оконченнаго слѣдствія, оно заканчивается на его допросѣ. По такому слѣдствію невозможно ни составить, ни утвердить обвинительнаго акта согласно 534 ст. у. у. с., почему преданіе Назарова суду должно быть отмѣнено и это предварительное слѣдствіе уничтожено. На судѣ читался рядъ свидѣтельскихъ показаній, въ которыхъ допрошенныя лица отвѣчали на вопросы: могла ли потерпѣвшая торговать собою и могла ли она, изъ корысти, взвести на кого либо ложное обвиненіе? Такіе вопросы обратили свидѣтелей въ судей, что и составляетъ существенное нарушеніе 271 ст. у. у. с. Въ допросѣ Оленина, въ нарушеніе той же статьи, слѣдователь записалъ его предполагаемую рѣчь отъ имени умершей потерпѣвшей къ Назарову. Допрашивались на судѣ, разысканные въ цѣляхъ обвиненія, свидѣтели о прошлой жизни Назарова, о его неблаговидныхъ поступкахъ въ молодости, читались показанія о прелюбодѣйныхъ его связяхъ. Одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей даже обнаружилъ свое мнѣніе, предложивъ Назарову, чрезъ предсѣдателя, во-

просъ: «кается ли Назаровъ въ плутовской игрѣ въ карты?» Этотъ вопросъ доказываетъ незаконность допроса свидѣтелей для характеристики обвиняемаго, дѣлаемыхъ слѣдователями и допускаемыхъ обвинительными камерами въ нарушеніе 454 ст., которая дозволяетъ единственный способъ изслѣдовать жизнь обвиняемаго—повальный обыскъ. Вопреки закону, слѣдователь записывалъ всѣ бранныя и оскорбительныя слова свидѣтелей противъ Назарова. Читался осмотръ гостинницы «Эрмитажъ», въ которомъ слѣдователь, вступая въ роль свидѣтеля, передаетъ свои впечатлѣнія, находя «Эрмитажъ» со стороны двора «какой-то унылой, мрачной и неопрятной тюрьмой» и, наконецъ, тутъ же выписываетъ свидѣтельскія показанія Внукова и Цемирова о разныхъ бывшихъ въ «Эрмитажѣ» приключеніяхъ. Оглашенъ былъ осмотръ дѣла о найденныхъ въ «Эрмитажѣ» тѣлахъ Огонь-Догановскаго и Никитиной, въ которомъ встрѣчается разсказъ слѣдователя о содержаніи читаннаго имъ дѣла, причемъ относительно важнѣйшаго факта—кричала или не кричала найденная мертвою Никитина, имѣется ничѣмъ не удостовѣренное и неизвѣстно откуда взятое слѣдователемъ утвержденіе, что осмотръ трупа обнаружилъ признаки борьбы, сопровождавшейся несомнѣнно крикомъ. Затѣмъ, къ участію въ дѣлѣ допущенъ былъ, въ качествѣ гражданскаго истца, повѣренный отца покойной Черемновой, который вовсе не заявилъ цифры гражданскаго иска и объяснилъ только, что Черемновъ «понесъ убытки вслѣдствіе оскорбленія цѣломудрія и преждевременной смерти его дочери». Но въ причиненіи смерти его дочери Назаровъ не обвинялся, отъ оскорбленія же цѣломудрія дочери, въ особенности когда ея нѣтъ въ живыхъ, трудно себѣ представить, какіе убытки могъ понести Черемновъ. И повѣренный его на судѣ, и предсѣдатель въ своемъ резюме присяжнымъ прямо заявляли, что Черемновъ не ищетъ матеріальнаго вознагражденія, а только возстановленія чести своей дочери, но такой искъ не соотвѣтствуетъ требованіямъ закона. Наконецъ, экспертъ профессоръ Нейдингъ былъ допущенъ къ произнесенію полной обвинительной рѣчи. Заключеніе его длилось 1 ч. 20 мин., изъ которыхъ не болѣе 10 мин. были посвящены судебно-медицинской экспертизѣ. Въ остальной же части рѣчи, не упоминая ни одного научнаго термина, проф. Нейдингъ, по соображеніямъ общечеловѣческимъ, разбиралъ улики и доказывалъ присяжнымъ, почему, по его мнѣнію, именно Назаровъ совершилъ преступленіе надъ Черемновой. Заключеніе Нейдинга, въ полномъ текстѣ, по просьбѣ защиты съ согласія Нейдинга и суда, присоединенное къ протоколу судебнаго засѣданія, существенно нарушаетъ 325 и 736 ст. уст. угол. судопр.

Правительствующему Сенату предстоитъ произнести рѣшеніе по дѣлу, существо котораго возбудило и при его возникновеніи, и при дальнѣйшемъ судебномъ движеніи горячій интересъ и самыя противорѣчивыя толкованія. Но на спокойной высотѣ *кассаціонную* разбирательства, не простирающагося на чуждую ему область *существа* дѣла, задача сводится лишь къ разрѣшенію одного вопроса: были ли въ дѣлѣ употреблены всѣ указанныя закономъ способы для выясненія истины? И если при этомъ выясненіи были шаги поспѣшные, односторонніе или излишніе, то не было ли затруднено ихъ разъясненіе и исправленіе? Вопросъ этотъ, совершенно независимо отъ обстоятельствъ дѣла, разрѣшается на основаніи законовъ и общихъ началъ, выводимыхъ изъ многолѣтней кассаціонной практики. Такими началами, по отношенію къ настоящему дѣлу, могутъ быть

признаны слѣдующія: все, что̀ можетъ быть на судебномъ слѣдствіи провѣряемо, а также разъясняемо и опровергаемо объясненіями сторонъ, относится къ нарушеніямъ *не существеннымъ;* всякій вредъ отъ преступленія, какъ матеріальный, такъ и личный, дѣлаетъ человѣка, коему онъ причиненъ, *потерпѣвшимъ* отъ преступленія; судебное состязаніе имѣетъ цѣлью выяснить истину совокупною работой и состязаніемъ равноправныхъ *сторонъ*, а не личное единоборство равныхъ по количеству силъ и, наконецъ, предварительное слѣдствіе, въ тѣхъ его частяхъ, которыя могли быть обжалованы и были обжалованы установленнымъ порядкомъ, не подлежитъ оцѣнкѣ кассаціоннаго суда.

Руководясь этими началами, надлежитъ разсмотрѣть и тѣ три отдѣла кассаціонныхъ поводовъ, которые указаны въ жалобѣ. Первый изъ нихъ—*нарушенія при предварительномъ слѣдствіи.* Едва ли нужно подробно останавливаться на объясненіяхъ кассатора объ обязанности судебнаго слѣдователя Сахарова устранить себя отъ производства слѣдствія на основаніи 274 ст. Уст. угол. суд., и на неисполненіи судомъ требованія 273 ст. Уст. угол. суд. объ отводѣ его, такъ какъ подъ причины для отвода судей и слѣдователей, указываемыя 600 ст. Уст. угол. суд., настоящій случай не подходитъ ни прямо, ни косвенно. Кромѣ того, Правительствующимъ Сенатомъ еще въ 1869 году, №№ 808 и 899, по дѣламъ Вуколова и Ибрагимъ-Бекъ-Аллахверды, разъяснено, что въ кассаціонномъ порядкѣ никакія жалобы на пристрастное производство слѣдствій не допускаются, а подлежатъ разрѣшенію Суда и Палаты по 491—509 ст. Уст. угол. суд. При этомъ Правительствующій Сенатъ въ 1875 году, по общему собранію, призналъ, по дѣлу Мясоѣдова и Сабурова, что 507 ст. Уст. угол. суд., говорящая о передачѣ слѣдствія отъ одного слѣдователя другому, примѣняется не только въ случаѣ признанія дѣйствій его неправильными, но и при простомъ обнаруженіи пристрастія съ его стороны, то есть весьма расширилъ власть суда по осуществленію правъ, установленныхъ этою статьей. Поэтому судъ, усмотрѣвъ пристрастіе слѣдователя, всегда могъ взять отъ него производство. Жалобы Назарова на дѣйствія слѣдователя и ходатайства его объ изъятіи отъ него слѣдствія были въ разсмотрѣніи Суда и Судебной Палаты и оставлены ими безъ послѣдствій. Затѣмъ нынѣ вопросъ этотъ обсужденію кассаціоннаго суда подлежать не можетъ.

Обращаясь къ указаніямъ на другія нарушенія, прежде всего надо замѣтить, что Правительствующимъ Сенатомъ издавна (1868 года, по дѣлу Лаландъ, 1870 г., по дѣлу Пасѣчникова, 1875 г., по дѣлу игумены Митрофаніи и 1876 г., по дѣлу Овсянникова) твердо установлено, что слѣдственныя дѣйствія не подлежатъ обжалованію въ кассаціонномъ порядкѣ, такъ какъ слѣдствіе доставляетъ лишь матеріалъ для разрѣшенія вопроса о преданіи суду—матеріалъ, подлежащій переработкѣ и провѣркѣ на судѣ. Изъ этого общаго правила должно быть, однако, сдѣлано одно исключеніе, а именно тотъ случай, когда жалобщикъ былъ *лишенъ возможности* обжаловать слѣд-

ственныя дѣйствія, нарушающія его права, и если, какъ сказано въ рѣшеніи № 695, за 1868 годъ, по дѣлу Никитина и Максимова, нарушенія эти не могли быть исправлены на судѣ и притомъ доказано, что они могли имѣть и имѣли положительное вліяніе на рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей. Доказано ли, что Назаровъ былъ лишенъ права и возможности обжалованія дѣйствій судебнаго слѣдователя? Нѣтъ. Онъ воспользовался своимъ правомъ вполнѣ. Будучи привлеченъ 23—24-го декабря 1884 года и допрошенъ 29, онъ подалъ рядъ жалобъ, послѣдняя изъ которыхъ разсмотрѣна судомъ 12-го сентября 1885 года. Постановленія Суда по большей части изъ этихъ жалобъ были имъ обжалованы Судебной Палатѣ. Въ докладѣ, только что выслушанномъ, онѣ перечислены въ подробности. Слѣдовательно, право свое доказывать неправильность слѣдственныхъ дѣйствій Назаровъ осуществилъ невозбранно. Онъ не былъ стѣсненъ и въ пользованіи матеріаломъ для жалобъ. Слѣдствіе было, какъ указано въ томъ же докладѣ, открыто для его обозрѣнія послѣ его привлеченія, окончательно предъявлено ему, какъ заключенное, 28-го августа 1885 года и затѣмъ еще разъ, по полученіи дополнительныхъ свѣдѣній, 2-го октября. Но и послѣ этого онъ имѣлъ право обжаловать неправильности слѣдствія, ибо рѣшеніями по дѣламъ Лаланда 1868 года, № 34, и Овсянникова 1876 года, № 97, признано, что и послѣ поступленія дѣла въ судъ съ обвинительнымъ актомъ, всѣ вновь усмотрѣнныя обвиняемымъ слѣдственныя нарушенія могутъ быть обжалованы во время предварительныхъ къ суду распоряженій, въ порядкѣ, установленномъ 547—549 ст. Уст. угол. суд. Эти распоряженія продолжались въ настоящемъ случаѣ до мая 1886 года. Такимъ образомъ, о существенномъ нарушеніи правъ обвиняемаго непредъявленіемъ ему слѣдствія—не можетъ быть и рѣчи, *существо* же опредѣленій Палаты и Суда кассаціонному разсмотрѣнію подлежать не можетъ. Разнообразныя указанія Назарова на неправильности слѣдствія обсуждались въ двухъ инстанціяхъ и неоднократно, вызывая отмѣну нѣкоторыхъ неосновательныхъ распоряженій слѣдователя. Такъ, было отмѣнено его постановленіе объ обязаніи Назарова представить требованіе о дополненіи слѣдствія въ семидневный срокъ и признана недѣйствительною по пріемамъ и нецѣлесообразною экспертиза душевнаго настроенія Черемновой — чрезъ артистокъ драматической труппы. Поэтому, на *первый вопросъ* о существованіи условій, при которыхъ кассаціонный судъ можетъ разсматривать предварительное слѣдствіе—отвѣтъ долженъ быть отрицательный.

Но еслибъ онъ и не былъ таковъ, то *второй вопросъ* все-таки разрѣшается не въ томъ смыслѣ, какъ рѣшаетъ его кассаторъ. Хотя Судебная Палата, предавая Назарова суду, удостовѣрила, согласно требованію 534 ст. Уст. угол. суд., что слѣдствіе произведено безъ нарушенія существенныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства, но кассаторъ доказываетъ, что такимъ существеннымъ нарушеніемъ слѣдуетъ считать допросъ свидѣтелей объ образѣ жизни, связяхъ и за-

нятіяхъ Назарова, тогда какъ объ этомъ могло быть исключительно произведено лишь дознаніе чрезъ окольныхъ людей, установленное 454 ст. Уст. угол. суд. По мысли кассатора, обстоятельства, удостовѣряемыя *повальнымъ обыскомъ*, никоимъ образомъ не могутъ быть предметомъ *свидѣтельскихъ* показаній. Иными словами—все, что не относится непосредственно къ факту преступленія, что не входитъ въ матеріалъ для установленія состава преступленія—все это, если оно касается обвиняемаго, можетъ быть добыто лишь путемъ повальнаго обыска. Такой взглядъ представляется крайне одностороннимъ. Дознаніе чрезъ окольныхъ людей имѣетъ двоякую цѣль: собрать необходимыя *для разъясненія дѣла* или же для провѣрки ссылки подсудимаго свѣдѣнія о его личности и поведеніи, то есть объ образѣ жизни, связяхъ и занятіяхъ, и не отвлекать отъ обычныхъ условій жизни многихъ лицъ, могущихъ дать такія свѣдѣнія. При выработкѣ и начертаніи ст. 454—466 Уст. угол. суд., эта *двоякая* цѣль была прямо указываема. Свѣдѣнія о поведеніи обвиняемаго, состоящія въ подробныхъ и ясныхъ данныхъ о занятіяхъ, связяхъ и образѣ жизни его необходимы,—говорилось въ комиссіи по составленію судебныхъ уставовъ,—въ дѣлахъ, гдѣ существуютъ однѣ лишь улики. «Безъ нихъ такія дѣла были бы не ясны и для судей, и для присяжныхъ засѣдателей, причемъ предъявленіе такихъ свѣдѣній не можетъ ввести послѣднихъ въ заблужденіе, ибо предсѣдатель суда обязанъ предостеречь ихъ отъ неосторожныхъ заключеній по этому предмету. При сужденіи о степени виновности невозможно обойтись безъ соображенія поступка подсудимаго съ прошедшею его жизнью»!—При этомъ было высказано, что «судомъ всегда судится не отдѣльный поступокъ подсудимаго,—но его личность, насколько она проявилась въ извѣстномъ противозаконномъ поступкѣ; преступленіе, составляющее въ жизни подсудимаго изолированный фактъ, не можетъ имѣть предъ судомъ одинаковаго значенія съ тѣмъ, которое проистекаетъ изъ глубоко укоренившейся наклонности ко злу, а эта большая испорченность можетъ явствовать не только изъ справки о судимости, но доказывается и другими предосудительными поступками обвиняемаго, не подлежавшими судебному разбирательству, по отзывамъ людей, коротко его знающихъ и заслуживающихъ довѣрія». Разсуждая такимъ образомъ, составители статей о дознаніи чрезъ окольныхъ людей признавали, что «свѣдѣнія о личности подсудимаго можно почерпать и изъ свидѣтельскихъ показаній, для чего не представляется безусловной невозможности», но усматривали вмѣстѣ съ тѣмъ въ тягостной повсюду, и, въ особенности, въ Россіи, обязанности личной явки свидѣтелей въ судъ, важное, почти равносильное невозможности, неудобство, такъ какъ вызовъ значительнаго числа свидѣтелей сначала къ судебному слѣдователю, а потомъ въ судъ, при нашихъ огромныхъ разстояніяхъ, былъ бы сопряженъ съ большими затрудненіями и увеличилъ бы чрезмѣрно судебныя издержки.

Разсматривая подробно статьи Устава, говорящія о дознаніи чрезъ окольныхъ людей, мы найдемъ, что процедура дознанія, установлен-

ная ими, возможна лишь въ селеніяхъ и маленькихъ мѣстечкахъ и городкахъ. Въ большихъ городахъ, и особливо въ столицахъ, этотъ способъ собиранія свѣдѣній совершенно непримѣнимъ. Ни домохозяева одного околотка съ обвиняемымъ, ни старшія въ ихъ семействахъ лица, о которыхъ говоритъ 457 ст. Уст. угол. суд., не могутъ въ дѣйствительности дать никакихъ указаній не только объ образѣ жизни, но даже и о наружности обвиняемаго, живущаго обособленною столичною жизнью въ населенномъ кварталѣ, среди каменныхъ громадъ, жители которыхъ обыкновенно вовсе незнакомы между собою. Разспросъ отдѣльныхъ, опредѣленныхъ группъ людей, примѣняясь къ 457 ст.,былъ бы не цѣлесообразенъ, ибо допросъ сослуживцевъ, сотрудниковъ и начальства можетъ выяснить личность лишь съ одной офиціальной или профессіональной стороны, да и по условіямъ служебнаго быта будетъ, по большей части, довольно безплоденъ по своимъ результатамъ; допросъ прислуги и домовой администраціи давалъ бы крайне односторонній и во многихъ случаяхъ даже опасный, въ виду степени развитія допрашиваемыхъ, матеріалъ. Слѣдуетъ ли изъ этого, что за отсутствіемъ разумной возможности произвести дознаніе чрезъ окольныхъ людей, надо совершенно отказаться отъ собранія тѣхъ свѣдѣній, необходимость которыхъ признается, однако, ст. 457. Уст. угол. суд.? Но въ такомъ случаѣ не обратится ли спросъ окольныхъ людей въ привилегію жителей маленькихъ мѣстечекъ, а у городского и столичнаго жителя не будетъ ли отнята возможность сослаться и въ свою очередь на людей, разсыпанныхъ спорадически въ разныхъ уголкахъ этого города, и требовать, чтобы было выслушано ихъ мнѣніе, основанное на давнемъ знакомствѣ, о томъ, способенъ ли такой обвиняемый на совершеніе того, что ему приписываютъ и въ чемъ онъ не признаетъ себя виновнымъ? А между тѣмъ, такой допросъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ существенно необходимъ. Знаменитая надпись въ судилищѣ Венеціанской республики, гласившая судьямъ «ricordatevi del povero fornajo—вспоминайте о бѣдномъ (то есть невинно казненномъ) хлѣбникѣ»—одинаково примѣнима и къ случаямъ осужденія *только* на основаніи свѣдѣній о дурномъ характерѣ, и къ случаямъ осужденія *только* на основаніи преступнаго факта, который можетъ быть слѣдствіемъ несчастнаго и рокового стеченія внѣшнихъ обстоятельствъ и противъ котораго, вмѣстѣ съ заподозрѣннымъ, громко вопіетъ вся безупречная и чуждая злу прошлая жизнь подсудимаго. Поэтому въ тѣхъ случаяхъ, когда свѣдѣнія о личности обвиняемаго необходимы, какъ освѣщающія темныя стороны преступнаго дѣла, и если, по условіямъ мѣста, дознаніе чрезъ окольныхъ людей было бы не цѣлесообразно и даже вовсе неосуществимо—возможенъ допросъ свидѣтелей, указанія на которыхъ почерпнуты путемъ дознанія или ссылки самого обвиняемаго. Приведенные мотивы къ ст. 454 не отрицаютъ такого допроса, если вызовомъ этихъ свидѣтелей они не ставятся въ необходимость бросать надолго свои занятія и мѣсто своего жительства и удаляться отъ нихъ на большія пространства.

Есть даже случаи, гдѣ и при возможности произвести дознаніе на мѣстѣ, его приходится замѣнить допросомъ свидѣтелей. Таковы, напримѣръ, случаи, предусмотрѣнные 5 п. 707 ст. Уст. угол. суд., когда явится необходимость допросить окольныхъ людей въ мѣстечкахъ, населенныхъ евреями или раскольниками, по дѣлу о ихъ бывшемъ единовѣрцѣ, обратившемся въ христіанство или православіе. Здѣсь поневолѣ придется допрашивать свидѣтелей, стоящихъ внѣ предполагаемой религіозной нетерпимости, дающей обвиняемому право на отводъ, по 462—464 ст. Уст. угол. суд., всѣхъ своихъ бывшихъ единовѣрцевъ. Затѣмъ, практикой Правительствующаго Сената по дѣламъ Рыбаковской, 1868 года, № 829, и по дѣлу Умецкихъ, 1869 года, № 160, допросъ свидѣтелей, характеризующихъ личность подсудимаго, хотя бы произведенный и не въ порядкѣ дознанія чрезъ окольныхъ людей, признанъ не нарушающимъ его правъ и не подлежащимъ обжалованію, если только показанія этихъ свидѣтелей были своевременно ему предъявлены и онъ не былъ лишенъ возможности, согласно 449 ст. Уст. угол. суд., представить какія либо обстоятельства въ ихъ опроверженіе, а рѣшеніями по дѣламъ Насавина, 1869 года, № 564, и Паскаля, 1876 года, № 185, установлено, что и независимо отъ дознанія чрезъ окольныхъ людей, вопросы о занятіяхъ, образѣ жизни и связяхъ обвиняемаго, какъ такіе, которые не могутъ быть признаваемы не относящимися къ дѣлу, могутъ быть предлагаемы въ судебномъ засѣданіи, а слѣдовательно и при слѣдствіи, *каждому свидѣтелю*. Наконецъ, на возможность и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже необходимость допроса такихъ свидѣтелей указываютъ и права, принадлежащія сторонамъ, ходатайствовать о вызовѣ новыхъ свидѣтелей. Прокурору, въ силу 573 ст. Уст. угол. суд., не можетъ быть отказано въ вызовѣ лицъ, указываемыхъ имъ въ особомъ требованіи, предъявленномъ до открытія судебнаго засѣданія, хотя бы они и не были допрошены на предварительномъ слѣдствіи или, будучи допрошены, были вычеркнуты обвинительною камерой изъ списка, какъ это объяснено въ рѣшеніи по дѣлу Маляревскаго, № 118, за 1874 годъ. Очевидно, что между такими лицами могутъ быть и свидѣтели о *поведеніи подсудимаго*. Но если они могутъ появиться прямо на судебномъ слѣдствіи, то въ интересахъ самого обвиняемаго желательно, чтобы они были вызываемы на предварительное слѣдствіе, втеченіе котораго съ ихъ показаніями можно ознакомиться заранѣе, до поступленія дѣла въ судъ—какъ было, напр., въ настоящемъ случаѣ, гдѣ ознакомленіе подсудимаго съ дѣломъ произошло почти за годъ до засѣданія—и подготовиться къ опроверженію и оборонѣ. Судебная практика обыкновенно предоставляетъ подсудимому широкій просторъ въ вызовѣ свидѣтелей, могущихъ сказать что либо о его личности и въ его пользу. Отъ этого пріема правосудіе ничего не теряетъ, но живая правда дѣла иногда много выигрываетъ. Такъ было и въ настоящемъ дѣлѣ, и Назаровъ широко воспользовался правомъ вызова благомыслящихъ о немъ свидѣтелей.

Отрицая безусловно допросъ свидѣтелей о поведеніи при слѣдствіи и ограничиваясь однимъ дознаніемъ чрезъ окольныхъ людей, необходимо отрицать и вызовъ свидѣтелей со стороны подсудимаго на судъ, когда они могутъ показать о немъ, а не о дѣлѣ. Но это значило бы въ массѣ случаевъ лишать обвиняемаго возможности призвать въ свидѣтельство свою прошлую хорошую жизнь, и цѣною ея испытаній, свѣтлыхъ сторонъ и добрыхъ поступковъ пріобрѣсти то право на снисхожденіе, о которомъ говорилось при начертаніи 454 ст. Уст. угол. суд. Поэтому вызовъ и допросъ свидѣтелей объ образѣ жизни и занятіяхъ обвиняемаго, и при слѣдствіи и на судѣ, не представляетъ собою никакого нарушенія. Свидѣтельствуя о ближайшемъ прошломъ подсудимаго, такого рода свидѣтели, по самой своей роли, не будучи по отношенію къ нему совершенно случайными людьми, подобно большинству свидѣтелей факта преступленія, могутъ не быть вполнѣ свободны отъ пристрастія, могутъ показывать односторонне, но ихъ показанія подлежатъ провѣркѣ на перекрестномъ допросѣ, оцѣнкѣ въ рѣчахъ сторонъ, разъясненію въ предсѣдательскомъ заключительномъ словѣ. Эти показанія даются, наконецъ, подъ присягой, въ торжественной обстановкѣ суда. Почти всѣ эти гарантіи отсутствуютъ при дознаніи чрезъ окольныхъ людей, которые не предстоятъ на судѣ лично. Съ этой точки зрѣнія, показанія такихъ свидѣтелей представляютъ лучшія ручательства правдивости. Необходимо только, чтобы свидѣтельскія показанія такого рода дѣйствительно относились къ дѣлу, то есть, *чтобы ими разъяснялись такія стороны жизни обвиняемаго, въ коихъ выразились именно тѣ его свойства, которыми вызваны движущія побужденія его судимаго дѣянія или, наоборотъ, съ которыми это дѣяніе стоитъ въ прямомъ противорѣчіи.* Поэтому нельзя отрицать, что тамъ, гдѣ, какъ въ данномъ дѣлѣ, рѣчь идетъ о насильственномъ поруганіи цѣломудрія дѣвушки въ обстановкѣ, не допускающей посторонихъ свидѣтелей, и гдѣ оно усложнено еще послѣдующимъ ея самоубійствомъ, допросъ свидѣтелей о той роли, которую играли въ жизни обвиняемаго чувственныя стремленія, и о томъ, какъ выражалъ онъ въ жизни своей взглядъ на характеръ отношеній своихъ къ женщинамъ вообще, не можетъ быть признанъ совершенно не относящимся къ дѣлу. Несомнѣнно, что необходима связь между внутренними свойствами преступленія и свѣдѣніями о личности. Тамъ, гдѣ ея никогда не можетъ быть, свѣдѣнія эти совершенно излишни. Расточительность обвиняемаго, весьма важная, напримѣръ, въ дѣлахъ о банковыхъ хищеніяхъ,—не имѣетъ никакого значенія при богохуленіи, а вспыльчивость, имѣющая серьезный смыслъ при обсужденіи убійства въ раздраженіи, совершенно утрачиваетъ его при обвиненіи въ государственной измѣнѣ. Повидимому, судебный слѣдователь переступилъ въ вызовѣ свидѣтелей для характеристики Назарова за предѣлы необходимости и занесъ въ свои протоколы обстоятельства, не имѣвшія отношенія къ движущимъ мотивамъ преступленія, въ которомъ обвинялся Назаровъ. Можно сожалѣть, если такіе свидѣтели были

внесены Судебною Палатой въ свое опредѣленіе о преданіи суду, какъ подлежащіе вызову къ судебному слѣдствію, но Правительствующій Сенатъ лишенъ возможности судить о томъ, насколько показанія ихъ относились къ дѣлу или наоборотъ. Это не входитъ въ его задачу. Это лежитъ на обязанности обвинительной камеры. Состоя, по словамъ составителей уставовъ, изъ «опытныхъ юристовъ», обвинительная камера Судебной Палаты, разсмаривая сырой матеріалъ предварительнаго слѣдствія и выводя изъ него окончательный выводъ въ видѣ утвержденія обвинительнаго акта или составленія опредѣленія о преданіи суду, должна устранять все, не идущее къ дѣлу и могущее лишь служить къ напрасному опозоренію личности обвиняемаго, безо всякой пользы правосудію. Судебная Палата должна стоять на стражѣ частной жизни обвиняемаго, ограждая ее отъ безцѣльныхъ вторженій болѣзненнаго любопытства, чуждаго истинному стремленію розыскать истину. Но если Судебная Палата признаетъ, по обстоятельствамъ дѣла, необходимымъ вызвать на судъ присяжныхъ лицъ, допрошенныхъ уже на предварительномъ слѣдствіи, то это ея признаніе есть *окончательное* и никакой провѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ не подлежитъ. Правительствующій Сенатъ неоднократно признавалъ полную невозможность входить въ оцѣнку правильности опредѣленій Палаты въ этомъ отношеніи. Онъ допускалъ лишь отмѣну преданія суду при нарушеніи, при разсмотрѣніи дѣла, въ самой Палатѣ установленныхъ для того формъ и обрядовъ судопроизводства, при нарушеніи предѣловъ вѣдомства, при формальной преждевременности этого преданія и, наконецъ, при отсутствіи въ дѣяніи преданнаго суду признаковъ преступленія. «Вопросы о томъ, достаточно ли изслѣдовано дѣло,—говорится въ рѣшеніи по дѣлу Рыбаковской, 1868 г., № 829,—и если достаточно, то не наполнено ли оно излишними подробностями, могутъ подлежать сужденію *только* Судебной Палаты, опредѣляющей результаты предварительнаго слѣдствія (ст. 534) и Окружнаго Суда, повѣряющаго это слѣдствіе на судѣ; но кассаціонный департаментъ Сената, не разсматривающій дѣла въ существѣ (учр. суд. Уст. ст. 5), *не можетъ входить ни въ какое сужденіе по этому предмету*».

Такимъ образомъ, соблюдая постановленные закономъ и необходимые для *устраненія смѣшенія судебныхъ функцій* предѣлы кассаціоннаго разбирательства, надлежитъ признать, что правильность помѣщенія въ опредѣленіи Московской Судебной Палаты ссылки на свидѣтелей, указываемыхъ кассаторомъ, не подлежитъ провѣркѣ Правительствующаго Сената. Не можетъ, затѣмъ, быть признанъ нарушеніемъ и допросъ свидѣтелей этихъ на судѣ. Еслибы даже онъ и представлялъ собою нарушеніе, то, для признанія его существеннымъ, слѣдовало бы признать, согласно тому, что уже указано выше, что оно *непоправимо* и имѣло притомъ *положительное вліяніе* на рѣшеніе присяжныхъ. Но въ чемъ можетъ состоять непоправимость нарушенія? Очевидно, въ томъ, что устранена возможность провѣрки того, что составляетъ предметъ нарушенія. Такимъ образомъ, всѣ

нарушенія при осмотрахъ, обыскахъ, освидѣтельствованіяхъ и при составленіи актовъ о нихъ—суть нарушенія непоправимыя, ибо повтореніе этихъ слѣдственныхъ дѣйствій по большей части уже не представляется возможнымъ. Сюда относятся вообще упущенія, коихъ, по условіямъ мѣста и времени, нельзя уже исправить, по крайней мѣрѣ, нельзя исправить въ данномъ засѣданіи. Сюда относится, напримѣръ, отсутствіе вещественныхъ доказательствъ, пріобщеніемъ коихъ слѣдователь своевремено не озаботился, и т. д. Наоборотъ, поправимо все, что производится путемъ допроса;—устранимо все, что можетъ быть противополагаемо фактамъ и фактически опровергаемо. Если только подсудимый имѣлъ возможность взвѣшивать, провѣрять, опровергать и разбирать представляемыя противъ него доказательства и получилъ возможность выставлять противъ нихъ свои,—его права не нарушены столь существенно, чтобы можно было говорить объ отмѣнѣ приговора. Судъ вообще, а судъ присяжныхъ въ особенности—не мертвый механизмъ, а живой организмъ. Его самодѣятельность должна быть направлена на оцѣнку всего, что предъ нимъ происходитъ—и не *излишнія* показанія противъ подсудимаго предъ нимъ опасны, а показанія, противъ которыхъ не предоставлено подсудимому возможности *защищаться*. Этотъ взглядъ проведенъ съ полною опредѣленностью въ рѣшеніи 1874 г., № 360, въ которомъ Сенатъ призналъ, что допущеніе допроса свидѣтелей объ обстоятельствахъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ дѣлу и даже явно клонящихся къ бездоказательному опороченію подсудимаго, не подлежитъ провѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ, если только у подсудимаго не была отнята возможность возражать и, слѣдовательно, опровергать все, что онъ считалъ для себя невыгоднымъ и бездоказательнымъ. Былъ ли лишенъ Назаровъ возможности бороться противъ показаній свидѣтелей о личности? Нѣтъ. Во-первыхъ, онъ зналъ объ этихъ свидѣтеляхъ и о сущности ихъ показаній за *полтора года* до судебнаго засѣданія; во-вторыхъ, онъ имѣлъ двухъ защитниковъ, изъ которыхъ одинъ, принесшій настоящую жалобу, стоялъ, какъ видно изъ протокола, бодро и зорко на защитѣ правъ своего кліента и, въ-третьихъ, Назаровъ выставилъ рядъ свидѣтелей въ свою защиту и разъясненіе дѣла. Прошеніемъ отъ 4-го февраля 1884 г. онъ просилъ судъ о вызовѣ 44 свидѣтелей и экспертовъ, изъ которыхъ 29 вызывались въ опроверженіе непріятныхъ отзывовъ о его образѣ жизни; затѣмъ, защитникъ его Швенцеровъ просилъ еще о вызовѣ двухъ свидѣтелей и одного эксперта. Опредѣленіемъ отъ 20-го февраля 1886 г. Окружный Судъ уважилъ это ходатайство всецѣло, за исключеніемъ вызова двухъ свидѣлей, показанія коихъ замѣнялись актомъ осмотра и повѣреннаго гражданскаго истца Плевако, на котораго обвиняемый ссылался, какъ на свидѣтеля о мѣстѣ и времени предполагаемаго преступленія, тогда какъ было несомнѣнно доказано, что Плевако въ это время былъ за предѣлами Россіи. Затѣмъ, имѣло ли то нарушеніе, на которое указываетъ кассаторъ, положительное вліяніе на приговоръ присяж-

ныхъ? Протоколомъ удостовѣрено, что при допросѣ каждаго свидѣтеля предсѣдателемъ были выполняемы ст. 716—718 Уст. уг. суд., т. е. сдѣланы также и напоминанія объ отвѣтственности за ложныя показанія. На заключительное слово не было сдѣлано никакихъ возраженій или замѣчаній и, слѣдовательно, утвержденіе протокола, что оно было изложено съ соблюденіемъ требованій 801—812 ст. Уст. уг. суд., должно быть понимаемо въ томъ смыслѣ, что значеніе показаній объ образѣ жизни Назарова и ихъ отношеніе къ предмету обвиненія—были разъяснены предсѣдателемъ. Вопросъ присяжнаго о томъ, раскаивается ли Назаровъ въ карточной игрѣ, не можетъ служить доказательствомъ обнаруженія мнѣнія о винѣ подсудимаго въ преступленіи изнасилованія. Съ гораздо большимъ основаніемъ онъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ желаніе знать,—признаетъ ли обвиняемый приписываемый ему фактъ.

Обращаясь, наконецъ, къ указанію на *неправильное расположеніе матеріала предварительнаго слѣдствія*, выразившееся въ томъ, что обвиняемый былъ привлеченъ лишь послѣ допроса ряда свидѣтелей, я нахожу, что это указаніе не подлежитъ разсмотрѣнію въ кассаціонномъ порядкѣ, и что, вообще говоря, законъ вовсе не требуетъ немедленнаго привлеченія лица, на котораго пало подозрѣніе, въ качествѣ обвиняемаго, къ слѣдствію. Привлеченіе безъ вполнѣ выясненныхъ основаній крайне нежелательно и должно пагубно отзываться на личности и общественномъ положеніи человѣка, который потомъ можетъ оказаться привлеченнымъ поспѣшно и неосмотрительно. Поэтому въ дѣлахъ, гдѣ нѣтъ прямыхъ доказательствъ, а лишь улики, одна лишь совокупность которыхъ способна вызвать опредѣленное убѣжденіе въ слѣдователѣ,—привлеченіе самою силою вещей отодвигается на конецъ слѣдствія. Обвиняемый при этомъ лишается возможности присутствовать при допросѣ свидѣтелей, вызванныхъ до его привлеченія; но если ему эти показанія предъявлены, если онъ имѣлъ возможность возражать противъ нихъ и противополагать имъ новыхъ свидѣтелей—и если, притомъ, онъ не былъ стѣсненъ въ правѣ жаловаться, то нѣтъ основаній возбуждать вопросъ объ отмѣнѣ состоявшагося впослѣдствіи рѣшенія присяжныхъ. Поправить результаты отсутствія обвиняемаго при допросѣ свидѣтелей—отсутствія, предвидѣннаго и разрѣшеннаго закономъ, всегда возможно законными способами; но гдѣ найти способы загладить безслѣдно позоръ привлеченія должностного лица по обвиненію въ изнасилованіи, привлеченнаго слишкомъ поспѣшно и непровѣренно? Въ виду этихъ соображеній и того обстоятельства, что жалобы Назарова на допущеніе при слѣдствіи свидѣтелей о его образѣ жизни были въ разсмотрѣніи Судебной Палаты, возбуждались въ ней, какъ видно изъ производства, подробныя пренія и разномыслія и, наконецъ, были разрѣшены въ отрицательномъ смыслѣ, а также и того, что этотъ вопросъ возникалъ и при преданіи Назарова суду и снова былъ разрѣшенъ въ смыслѣ признанія этихъ свидѣтелей

относящимися къ дѣлу, надлежитъ признать жалобу Назарова на слѣдственныя дѣйствія не подлежащею удовлетворенію.

Переходя затѣмъ къ отдѣлу нарушеній *во время приготовительныхъ къ суду распоряженій*, я не нахожу возможности согласиться съ доводами жалобщика относительно *гражданскаго иска* и вполнѣ раздѣляю соображенія моего предмѣстника Н. А. Неклюдова, высказанныя въ заключеніи по дѣлу Мироновича по вопросу о томъ, составляетъ ли даже неправильное допущеніе гражданскаго иска существенное нарушеніе. Установляя судебное состязаніе, законъ имѣетъ въ виду двѣ стороны—обвиняющую и защищающую, и задачей ихъ законной борьбы ставитъ изслѣдованіе истины въ уголовномъ дѣлѣ, насколько она доступна силамъ человѣческаго пониманія. Представитель гражданскаго иска въ ближайшихъ цѣляхъ, къ которымъ онъ стремится, въ способахъ ихъ достиженія и въ правахъ, которыми онъ пользуется на судебномъ слѣдствіи (исключая права отвода присяжныхъ засѣдателей), примыкаетъ къ сторонѣ обвиняющей, и во всемъ, что касается доказательствъ виновности подсудимаго, сливается съ обвинителемъ. Поэтому онъ—не третья сторона; онъ, когда допущенъ къ осуществленію своихъ правъ, есть нераздѣльная часть одной изъ двухъ дѣйствующихъ на судѣ сторонъ. Количественное неравенство силъ не имѣетъ въ этомъ отношеніи значенія. Оно лишь случайный признакъ. Противъ одного подсудимаго могутъ выступать по два прокурора,—противъ одного прокурора—нѣсколько защитниковъ. Гораздо важнѣе количества представителей сторонъ—ихъ качества. Разсматриваемые, съ точки зрѣнія таланта и знанія, нѣсколько заурядныхъ защитниковъ не могутъ составить надлежащаго противовѣса одному талантливому обвинителю, и три-четыре рядовые прокурора не идутъ въ сравненіе съ однимъ богато-одареннымъ защитникомъ, горячимъ словомъ котораго движетъ глубокое внутреннее убѣжденіе. Становиться на почву учета силъ въ этомъ отношеніи—было бы и опасно, и произвольно. Но если нельзя говорить о *качествѣ* представителей сторонъ, то еще менѣе можно говорить объ ихъ *количествѣ*. Поэтому даже и неправильное допущеніе гражданскаго истца въ уголовномъ дѣлѣ не есть поводъ для кассаціи приговора. Недаромъ, при составленіи судебныхъ уставовъ, когда была сдѣлана, при обсужденіи статьи 911 Уст. угол. суд., попытка исчислить коренные поводы кассаціи, о неправильномъ допущеніи гражданскаго иска не было и помину. Но и кромѣ того, допущеніе отца Черемновой къ предъявленію гражданскаго иска не представляется неправильнымъ и по существу своему. По смыслу ст. 6 Уст. угол. суд., всякій потерпѣвшій отъ преступленія, въ случаѣ заявленія иска о вознагражденіи, признается участвующимъ въ дѣлѣ гражданскимъ истцомъ; потерпѣвшее же лицо есть всякое понесшее вредъ или убытки отъ этого преступленія (ст. 302, п. 3). Уже изъ того, что понятію *убытка* противополагается понятіе *вреда*, видно, что вредъ не всегда можетъ быть выраженъ въ видѣ мате-

ріальнаго, непосредственнаго ущерба. Этотъ вредъ можетъ имѣть и личный характеръ. Въ рѣшеніи Правительствующаго Сената по дѣлу Сосунова, 1869 года, № 843, выражено, что такъ какъ причиняемый преступленіемъ вредъ можетъ состоять въ нарушеніи и личныхъ правъ, а къ числу нарушеній послѣдняго рода несомнѣнно принадлежитъ нарушеніе спокойствія домашняго очага, то, напримѣръ, хозяинъ дома, въ которомъ произведено буйство, не можетъ не быть признанъ *лицомъ потерпѣвшимъ*. Очевидно затѣмъ, что такое потерпѣвшее лицо можетъ предъявить искъ и явиться гражданскимъ истцомъ въ уголовномъ дѣлѣ. Едва ли затѣмъ нужно доказывать, что отецъ дочери, надъ которою совершено изнасилованіе, является не менѣе потерпѣвшимъ лицомъ, чѣмъ такой хозяинъ, и что вредъ, ему нанесенный, и глубже, и острѣе, и непоправимѣе.

Обращаясь къ вопросу о неопредѣленіи Черемновымъ цифры отыскиваемаго имъ вознагражденія, я нахожу, что, въ виду зависимости производства о размѣрахъ присуждаемаго вознагражденія отъ обстоятельствъ, признанныхъ присяжными, незаявленіе такой цифры въ первоначальномъ прошеніи о предъявленіи иска не даетъ основанія къ устраненію гражданскаго истца. По существу отношенія Черемнова къ дѣлу нельзя отрицать его права на искъ съ Назарова, во-первыхъ, потому, что потерпѣвшая со времени совершенія надъ нею дѣянія, указаннаго 1525 ст. Улож., до своего самоубійства находилась въ болѣзненномъ состояніи и могла требовать помощи отъ отца, у котораго по закону (174 ст. X т. ч. I) она находилась на попеченіи и который поэтому и въ силу примѣчанія къ ст. 1532 Улож. имѣлъ равное съ нею право на принесеніе жалобы—и, во-вторыхъ, потому, что изнасилованіе Черемновой, связанное съ ея послѣдующимъ самоубійствомъ, давало отцу, лишившемуся будущей опоры, право иска, въ виду 194 ст. I ч. X т. и 143 ст. Уст. о наказ. Но независимо отъ этого, нельзя не признать, что отказъ отцу, въ случаѣ, подобномъ настоящему, въ правѣ доказывать фактъ преступленія, хотя бы и въ виду самаго малаго вознагражденія едва ли соотвѣтствовалъ бы требованіямъ справедливости. Возможно ли устранить отъ участія въ процессѣ человѣка, относительно дочери котораго ставится альтернатива: или продажная женщина и шантажистка, или несчастная жертва грубаго насилія?.. Честь и доброе имя безвременно сошедшей въ могилу дочери, которая не можетъ сама встать на свою защиту—есть достояніе ея отца и матери, и они должны быть допущены къ охраненію этого достоянія отъ ущерба путемъ живого участія въ дѣлѣ, которое возможно лишь въ роли гражданскаго истца. Я вовсе не желалъ бы чрезмѣрнаго расширенія гражданскаго иска на судѣ уголовномъ, но полагаю, что есть случаи, рѣдкіе и исключительные, въ которыхъ узко-формальныя требованія по отношенію къ гражданскому иску не должны быть примѣняемы. Если на ряду съ прокуроромъ по каждому дѣлу о пустой кражѣ пускаютъ гражданскаго истца, имѣющаго право доказывать фактъ

преступленія даже и при отказѣ прокурора отъ обвиненія, то ужели можно безусловно устранить отъ этого-потерпѣвшаго, дѣтище котораго, грубо опозоренное, покинуло жизнь въ горькомъ сознаніи невозможности добиться правды и защиты? Правительствующій Сенатъ признавалъ правильнымъ допущеніе гражданскими истцами женъ по дѣламъ о лжесвидѣтеляхъ, выставленныхъ ихъ мужьями по бракоразводному дѣлу. Такъ было по дѣлу Тупицына, 1876 г., № 14, и по дѣлу Залѣвскаго, Хороманскаго и Грохольскаго въ 1874 г. Очевидно, что не о матеріальномъ убыткѣ шло здѣсь дѣло. Онъ слишкомъ отдаленъ, условенъ и неопредѣленъ. Дѣло касалось чести жены, обвиняемой въ прелюбодѣяніи, для которой признаніе факта лжесвидѣтельства было равносильно признанію ея чистоты и вѣрности супружескому долгу. Аналогичное положеніе представляетъ собою дѣло Назарова, и, по мнѣнію моему, судъ исполнилъ свою задачу, признавъ отца Черемновой потерпѣвшимъ и допустивъ его въ качествѣ гражданскаго истца.

Приступая, наконецъ, къ отдѣлу нарушеній, допущенныхъ при *судебномъ разбирательствѣ*, я нахожу, что, въ виду содержанія протокола судебнаго засѣданія, экспертиза профессора Нейдинга могла бы не подлежать вовсе разсмотрѣнію, но такъ какъ никто не отвергаетъ, что письменное изложеніе, представленное Нейдингомъ и приложенное судомъ къ протоколу, соотвѣтствуетъ тому, что онъ говорилъ, то эту экспертизу я готовъ подвергнуть разбору. Экспертъ-судебный врачъ можетъ быть призываемъ для опредѣленія: а) вида и свойства поврежденія и б) значенія и происхожденія поврежденія. Первый вопросъ, сравнительно легкій, можетъ быть разрѣшенъ лицомъ, имѣющимъ лишь профессіональныя познанія, но второй требуетъ глубокихъ научныхъ знаній и многолѣтняго опыта. Въ вопросъ о происхожденіи поврежденій входитъ изслѣдованіе, путемъ провѣрки и сопоставленія, обстоятельствъ, указывающихъ на преступный, или случайный, или добровольный источникъ этого происхожденія. Одна и та же рана—по виду—продолговатая, по свойству—рѣзаная, по значенію—безусловно смертельная, можетъ произойти и отъ собственной неосторожности, и отъ самоубійства, и отъ чужой преступной руки. Экспертиза, которая отвѣтитъ на вопросы о направленіи, глубинѣ и безусловной смертельности раны и оставитъ безъ объясненія вопросъ объ ея происхожденіи, будетъ безплодна. Она не можетъ происходить въ пустомъ пространствѣ, констатируя лишь анатомическія измѣненія въ трупѣ и не освѣщая «здравымъ сужденіемъ, почерпнутымъ изъ опыта и наблюденія», какъ говоритъ 1753 ст. устава суд. медицины, фактовъ, съ которыми находятся въ причинной связи эти измѣненія. По условіямъ, въ которыхъ эксперт-судебный врачъ даетъ свое показаніе, по принимаемой присягѣ, по праву сторонъ на отводы и, наконецъ, по отсутствію какой-либо обязательности своихъ выводовъ для суда,—экспертъ есть *свидѣтель;* но внутри своего свидѣтельства, въ рамкахъ своего удостовѣренія,

онъ есть *научный судья,* передающій суду непосредственныя впечатлѣнія внѣшнихъ чувствъ и выводы изъ фактовъ, имъ сопоставленныхъ и научно провѣренныхъ. Поэтому нельзя требовать отъ эксперта, чтобы онъ безусловно не касался обстоятельствъ дѣла, имѣющихъ соотношеніе съ судебно-медицинскими вопросами. Къ такимъ обстоятельствамъ, подлежащимъ научной провѣркѣ на основаніи «здравыхъ разсужденій, почерпнутыхъ изъ наблюденій и опыта», относятся и объясненія участниковъ факта, предполагаемаго преступнымъ, о происхожденіи поврежденій, подлежащихъ судебно-медицинскому изслѣдованію. Иначе, если экспертиза должна была бы ограничиваться лишь анатомическими измѣненіями, зачѣмъ дозволять, какъ это дѣлаетъ судебная практика, съ разрѣшенія Правительствующаго Сената, экспертамъ оставаться въ залѣ засѣданія во все время судебнаго слѣдствія? Противъ увлеченій и односторонней экспертизы есть гарантія и въ показаніяхъ другихъ экспертовъ, обыкновенно вызываемыхъ въ судъ, и въ обязанностяхъ предсѣдателя, который долженъ регулировать показаніе эксперта и разъяснить присяжнымъ его значеніе и необязательность. Изъ разсмотрѣнія экспертизы профессора Нейдинга видно, что по разрѣшеніи *трехъ вопросовъ,* касающихся судебно-медицинскихъ выводовъ изъ свѣдѣній о состояніи физическаго организма потерпѣвшей Черемновой и опредѣленія времени измѣненій въ этомъ организмѣ, экспертъ Нейдингъ переходитъ къ *четвертому вопросу* о томъ, были ли эти измѣненія вызваны *насиліемъ.* Заявляя, что подъ изнасилованіемъ надлежитъ понимать не одно *насиліе,* но и пользованіе *безпомощностью* и вообще всякое дѣйствіе этой категоріи, совершаемое *противъ воли* потерпѣвшей, экспертъ Нейдингъ доказываетъ, что слѣды сопротивленія насилію встрѣчаются поэтому рѣдко и обыкновенно скоро исчезаютъ, такъ что при осмотрѣ, произведенномъ по настоящему дѣлу черезъ *три мѣсяца,* такихъ слѣдовъ быть не могло ни на тѣлѣ, ни въ помѣщеніи, гдѣ произошло происшествіе, ни на одеждѣ участвующихъ, если не считать указанія на разорванную фалду фрака обвиняемаго. Приступая, затѣмъ, къ разрѣшенію вопроса о бытіи въ настоящемъ случаѣ насилія, какъ оно понимается судебною медициной, экспертъ Нейдингъ прибѣгаетъ къ *психологической діагностикѣ,* рекомендуемой, по его удостовѣренію, въ трудныхъ для распознанія случаяхъ преступленія всѣми авторитетами судебной медицины, начиная съ Каспера. Онъ установляетъ данныя событія 28 декабря, относительно коихъ *согласны показанія Назарова и Черемновой.* Переходя къ оцѣнкѣ показаній каждаго изъ нихъ въ томъ, въ чемъ они *расходятся* между собою, Нейдингъ находитъ показаніе Назарова неудовлетворительнымъ, а напротивъ, разсказъ Черемновой правдоподобнымъ и, по мнѣнію его, искреннимъ въ своей непослѣдовательности. Останавливаясь на ея объясненіи, что она «сама не знаетъ, было ли надъ нею совершено насиліе», Нейдингъ объясняетъ это тѣмъ сначала возбужденнымъ, а затѣмъ разслабленнымъ состоя-

ніемъ, переходящимъ въ обморокъ, въ которомъ должна была находиться дѣвушка, поставленная въ положеніи Черемновой, страдавшая и прежде обмороками. Отмѣтивъ, затѣмъ, то обстоятельство, что при выходѣ Черемновой изъ Эрмитажа ее нужно было поддерживать и что она, по отзыву всѣхъ знавшихъ ее, не была дѣвушкой свободнаго обращенія, и не производила впечатлѣнія таковой, Нейдингъ относится съ довѣріемъ къ ея разсказу и, установивъ, что по своей обстановкѣ Эрмитажъ являлся удобнымъ для насилія мѣстомъ, онъ разбираетъ судебно-медицинскій вопросъ о *соотношеніи силъ* участниковъ событія 28 декабря и признаетъ, что каждый случай подлежитъ разсмотрѣнію «in concreto». Наконецъ, признавъ, что надъ Черемновою было содѣяно дѣйствіе, предусмотрѣнное 1525 ст. Улож., Нейдингъ указываетъ, какія вообще послѣдствія для жизни, здравія и душевнаго состоянія потерпѣвшей можетъ имѣть изнасилованіе и находитъ, что оно въ данномъ случаѣ вызвало нравственное разстройство съ меланхолическимъ оттѣнкомъ, непосредственнымъ слѣдствіемъ котораго было самоубійство Черемновой чрезъ четыре мѣсяца. Такимъ образомъ, профессоръ Нейдингъ въ сущности поставилъ на свое разрѣшеніе главный вопросъ о томъ, овладѣлъ ли Назаровъ Черемновою противъ ея воли, но безъ насилія? Къ постановкѣ такого вопроса онъ былъ управомоченъ, какъ существомъ обвиненія, выраженнаго въ обвинительномъ актѣ и вопросахъ присяжныхъ, такъ и жалобою, которую Черемнова подала прокурору, гдѣ она говоритъ, что вслѣдствіе обморочнаго состоянія не можетъ судить, путемъ ли прямого насилія или пользованія ослабленіемъ ея силъ— оскорбилъ ее Назаровъ. Очевидно, что для разрѣшенія этого вопроса анатомическіе выводы не даютъ никакого матеріала, ибо анатомическія измѣненія *одинаковы* при насиліи и при добромъ согласіи. Поэтому я нахожу, что профессоръ Нейдингъ не вышелъ изъ предѣловъ своей задачи, разрѣшая вопросъ о наличности ослабленія, въ виду коего дѣлается исключеніе изъ общаго правила, которому соотвѣтствуютъ даже разныя народныя пословицы, что преступленіе предусмотрѣнное 1525 ст., не можетъ быть совершено взрослымъ надъ взрослою, находящеюся въ нормальномъ состояніи. Этотъ упадокъ силъ, это ослабленіе можетъ произойти подъ вліяніемъ психическихъ моментовъ — испуга, гнѣва, отчаянія и т. п. Для опредѣленія такого состоянія Нейдингъ и оцѣниваетъ мѣсто и время событія, предрасположеніе Черемновой къ обморокамъ, объективныя послѣдствія предполагаемаго дѣянія и переходитъ къ оцѣнкѣ общихъ свойствъ личности потерпѣвшей, поскольку ими обусловливается ослабленіе и упадокъ силъ. Несомнѣнно, что эти свойства не могутъ не имѣть значенія для разрѣшенія вопроса объ упадкѣ силъ. Гдѣ дѣло идетъ о дѣвушкѣ порядочной, воспитанной и цѣломудренной— тамъ такой упадокъ силъ отъ испуга, стыда, негодованія и т. п. понятенъ, гдѣ дѣло идетъ объ обычной посѣтительницѣ «отдѣльныхъ кабинетовъ», гдѣ не можетъ быть рѣчи о непорочности—тамъ

такой упадокъ силъ едва ли вѣроятенъ и предшествующая ему борьба только увеличиваетъ цѣну послѣдующей безславной побѣды. Поэтому, производя свою «психологическую діагностику», профессоръ Нейдингъ не нарушилъ обязанностей экспертизы. Онъ высказалъ свой выводъ безусловно и категорически. Такая категоричность едва ли желательна въ интересахъ нравственной отвѣтственности эксперта предъ самимъ собою. Житейскимъ и судебнымъ опытомъ рекомендуется большая условность выводовъ, но, съ другой стороны, это дѣло убѣжденія и темперамента свидѣтеля, а обязанность предсѣдателя—указать на необязательность мнѣнія эксперта, надлежащимъ образомъ парализуетъ эту категоричность.

Переходя къ *нарушеніямъ на судѣ*, я полагаю, что вопросъ свидѣтелей о томъ, способна ли была Черемнова, по своимъ взглядамъ и образу жизни, торговать собою—не представляется неправильнымъ въ такомъ дѣлѣ, гдѣ, по существу обвиненія, вопросъ ставился о томъ, *кому* вѣрить—обвиняемому или потерпѣвшей,—что разнорѣчіе въ показаніяхъ свидѣтельницы Чиненовой на слѣдствіи и на судѣ не можетъ считаться кассаціоннымъ поводомъ, ибо присяжные слышали и видѣли Чиненову и могли, слѣдовательно, отвергнуть все, что записано въ ея первомъ показаніи; что нарушеніе 471 ст. Уст. угол. суд. непрочтеніемъ свидѣтельницѣ ея показанія на предварительномъ слѣдствіи не является кассаціоннымъ нарушеніемъ, ибо свидѣтельница эта была допрошена на судебномъ слѣдствіи; что прочитанное показаніе Оленина не можетъ считаться измышленнымъ или продиктованнымъ слѣдователемъ, ибо оно собственноручно подписано директоромъ Строгановскаго училища живописи и ваянія, бывшимъ 15 лѣтъ предсѣдателемъ мирового съѣзда и не могущимъ, поэтому, быть слѣпымъ и полуграмотнымъ орудіемъ въ рукахъ слѣдователя; что чтеніе протокола осмотра Эрмитажа съ заключающимися въ немъ показаніями Цемирова и Внукова, допрошеннаго въ судѣ, не составляетъ нарушенія, въ виду рѣш. уголов. касс. деп. 1867 г., № 178, и 1869 г., № 849, и того, что объясненія ихъ относились не къ предмету дѣла, а къ особенностямъ мѣста осмотра,—и что, наконецъ, произвольное удостовѣреніе слѣдователя о томъ, что признанная судебно-медицинскимъ осмотромъ борьба самоубійцы Огонь-Догановскаго со своею жертвою—задушенною имъ проституткою — сопровождалась несомнѣнно крикомъ, всегда могло быть отвергнуто предсѣдателемъ въ случаѣ *просьбы защиты*, съ разъясненіемъ, что это мѣсто протокола, какъ видно изъ подлинныхъ производствъ, составляетъ собственный выводъ слѣдователя, не имѣющій значенія какого либо доказательства.

Обращаясь, наконецъ, къ оскорбительнымъ для Назарова выраженіямъ, помѣщеннымъ въ прочитанныхъ показаніяхъ, я признаю, что требованія 453, 408 и 409 статей о записываніи показаній свидѣтелей ихъ собственными словами, вовсе не вынуждаютъ слѣдователя вносить въ протоколъ приводимыя ими бранныя выраженія,

кромѣ случаевъ, когда эти выраженія относятся къ составу изслѣдуемаго преступленія. Во всякомъ случаѣ, на судѣ такія выраженія не должны быть повторяемы. Имѣя право, даже обязанность остановить всякаго свидѣтеля, оскорбительно относящагося къ личности подсудимаго, предсѣдатель тѣмъ самымъ *управомоченъ исключить такія же выраженія и изъ читаемаго показанія,* или предложить суду сдѣлать это особымъ постановленіемъ, тѣмъ болѣе, что, въ виду рѣшеній № 1320, 1871 г., по дѣлу Гофмана и № 137, 1869 г., суду предоставлено право допускать прочтеніе показаній свидѣтелей и сообвиняемыхъ, умершихъ до преданія ихъ суду, *въ отдѣльныхъ частяхъ,* т. е. слѣдовательно съ опредѣленіемъ того, что не подлежитъ прочтенію. Но такъ какъ употребленіе какимъ либо свидѣтелемъ на судѣ грубыхъ выраженій по отношенію къ обвиняемому, не остановленное своевременно предсѣдателемъ, является лишь поводомъ къ возбужденію вопроса объ отвѣтственности предсѣдателя, но никогда не было признаваемо за поводъ къ отмѣнѣ рѣшенія, то и прочтеніе показаній съ такими выраженіями не можетъ влечь за собою кассацію приговора. Правительствующій Сенатъ отмѣнялъ приговоры присяжныхъ вслѣдствіе оскорбительныхъ выходокъ и извращающихъ смыслъ закона толкованій, допускаемыхъ сторонами, но не свидѣтелями, и притомъ выходокъ, оставшихся неисправленными со стороны предсѣдателя, но и это дѣлалось только въ крайнихъ случаяхъ и лишь при несомнѣнности воздѣйствія такихъ выходокъ и толкованій на присяжныхъ. Поэтому допущенное въ данномъ случаѣ нарушеніе не можетъ служить поводомъ къ отмѣнѣ приговора.

Заключая выводомъ объ оставленіи кассаціонной жалобы Назарова безъ послѣдствій, я считак необходимымъ обратиться къ указаніямъ кассатора на оскорбительныя о Назаровѣ выраженія, помѣщенныя въ постановленіи судебнаго слѣдователя Сахарова, о его привлеченіи. По праву надзора, въ силу 1 п. 249 ст. Учр. суд. уст., Правительствующій Сенатъ не можетъ оставить безъ послѣдствій тѣхъ грубыхъ и поносительныхъ выраженій, которыя позволилъ себѣ употребить слѣдователь Сахаровъ по отношенію къ обвиняемому. Подобный образъ дѣйствій слѣдователя, несмотря на вложенный имъ въ дѣло большой личный трудъ, подрываетъ въ обвиняемомъ довѣріе къ его безпристрастію и вынуждаетъ его прибѣгать въ свою защиту къ средствамъ не достойнымъ. Слѣдователь—судья, и личное раздраженіе противъ обвиняемаго не должно имѣть мѣсто въ его дѣятельности; оно только роняетъ его званіе, нисколько не содѣйствуя цѣлямъ правосудія и даже идя въ разрѣзъ съ ними. Правительствующій Сенатъ въ рѣшеніи общаго собранія по дѣлу Чистякова 1869 г., № 23, призналъ, что употребленіе должностнымъ лицомъ выраженій, хотя бы не содержащихъ прямого оскорбленія, но нарушающихъ правила пристойности въ бумагѣ, подлежащей разсмотрѣнію присутствія, составляетъ дѣяніе, предусмотрѣнное 2 п. 347 ст. Улож. Въ настоящемъ случаѣ постановленіе слѣдователя

заключаетъ въ себѣ не только непристойныя, но прямо оскорбительныя выраженія, помѣщенныя въ бумагѣ, подлежавшей разсмотрѣнію присутствія Суда и Судебной Палаты. Поэтому дѣйствія судебнаго слѣдователя Сахарова, какъ предусмотрѣнныя 347 ст. Улож. и могущія влечь за собою, на основаніи 3 п. 362 ст. Учр. суд. уст. и 2 п. 1080 ст. У. у. с. преданіе его суду, подлежатъ передачѣ на уваженіе соединеннаго присутствія перваго и обоихъ кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената.

Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: кассаціонную жалобу Назарова, за силою 912 ст. Уст. угол. суд., оставить безъ послѣдствій.

V.

По дѣлу о злоупотребленіяхъ въ Саратовско-Симбирскомъ земельномъ банкѣ.

Въ г. Саратовѣ, въ октябрѣ 1873 г., открылъ свои дѣйствія, въ силу Устава, опредѣлившаго складочный капиталъ въ 1.500,000 руб., Саратовско-Симбирскій земельный банкъ, ежегодно показывая значительныя прибыли и продолжая свои операціи повидимому вполнѣ благополучно. По отчету, утвержденному общимъ собраніемъ 1882 г., прибыль была опредѣлена въ суммѣ 147,500 руб. Но акціонеръ Немировскій письменно заявилъ прокурору Палаты о существованіи въ банкѣ разныхъ злоупотребленій, прося произвести предварительное слѣдствіе, на которомъ, между прочимъ, показалъ, что бывшій бухгалтеръ Трухачевъ, оставляя занимаемую должность еще въ 1880 г., сообщилъ ему о крупныхъ безпорядкахъ въ банкѣ, виновникомъ которыхъ считалъ, главнымъ образомъ, члена правленія Борисова. Предварительное слѣдствіе дало обширный матеріалъ къ обнаруженію разнообразныхъ злоупотребленій по управленію банкомъ, бухгалтеріи, кассѣ, счетоводству и дѣлопроизводству; по образованію складочнаго капитала; по пріобрѣтенію различныхъ акцій на средства банка; по выпуску въ обращеніе закладныхъ листовъ, не обезпеченныхъ никакимъ залогомъ; по дѣятельности ревизіонныхъ комиссій и общихъ собраній акціонеровъ; по составленію подложныхъ отчетовъ и балансовъ, присвоенію суммъ банка и по неправильнымъ выдачамъ дивиденда и проч. На основаніи данныхъ, добытыхъ слѣдствіемъ, опредѣленіемъ Саратовской Судебной Палаты преданы были суду, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей: предсѣдатель правленія отставной полковникъ Алфимовъ и члены правленія надворный совѣтникъ Сергѣй Борисовъ и титулярный совѣтникъ Якунинъ по 362, 354, 1198, 1154 и 1155 ст. Улож., а Алфимовъ и Борисовъ по 1666 ст. Улож., бывшій бухгалтеръ, отставной артиллеріи поручикъ Трухачевъ по 354, 362 и 1154 ст. Улож.; членъ правленія коллежскій секретарь Коваленковъ по 354, 1154 и 1155 ст. Улож., бывшій кассиръ банка коллежскій ассесоръ Иловайскій, бывшій бухгалтеръ дворянинъ Марциновскій и завѣдывавшій облигаціоннымъ отдѣломъ коллежскій регистраторъ Исаковъ по 362 и 1154, а Иловайскій по 362 и по 354 ст. Улож., и, наконецъ, члены оцѣночной комиссіи: коллежскій ассесоръ Бокъ и губернскій секретарь Иванъ Борисовъ по 354 и 1155 ст. Улож. Тамбовскій Окружный Судъ разсматривалъ это дѣло съ 4-го іюня 1887 г. по 3-е іюля включительно. Судомъ было постановлено 72 вопроса на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей. Вручая

вопросный листъ присяжнымъ, предсѣдатель суда произнесъ заключительную рѣчь, часть которой, вслѣдствіе требованія сторонъ, по распоряженію предсѣдателя была занесена въ протоколъ, въ видѣ составленнаго имъ конспекта. При возвращеніи присяжныхъ засѣдателей изъ совѣщательной комнаты, по обозрѣніи отвѣтовъ, судъ предоставилъ предсѣдателю дать надлежащія объясненія присяжнымъ и они возвращены къ новому совѣщанію, а затѣмъ былъ вынесенъ вердиктъ, которымъ обвинены двое изъ десяти подсудимыхъ, Алфимовъ и Трухачевъ, по четыремъ изъ предложенныхъ вопросовъ. Всѣ остальные подсудимые признаны невиновными. На основаніи такого рѣшенія, Тамбовскій Окружный Судъ приговорилъ Трухачева къ ссылкѣ на житье въ Томскую губернію по 5 п. 31 ст. Улож., а Алфимова въ губернію Архангельскую по 1 п. 33 ст. Улож., постановивъ при этомъ, въ виду особыхъ обстоятельствъ по отношенію къ Алфимову, ходатайствовать о замѣнѣ Алфимову наказанія четырехмѣсячнымъ арестомъ на гауптвахтѣ, безъ ограниченія правъ, возложивъ вмѣстѣ съ тѣмъ на двухъ осужденныхъ судебныя по дѣлу издержки въ равныхъ частяхъ и съ круговою отвѣтственностью. На этотъ приговоръ товарищъ прокурора Судебной Палаты Москалевъ принесъ кассаціонный протестъ, а гражданскій истецъ Лопуцкій и повѣренный гражданскаго истца, въ суммѣ до 2.000,000 руб., по уполномочію Государственнаго Дворянскаго банка, присяжный повѣренный Плевако, а также и защитники подсудимыхъ Трухачева и Алфимова—принесли кассаціонныя жалобы. Товарищъ прокурора Москалевъ, присяжный повѣренный Плевако и гражданскій истецъ Лопуцкій, каждый въ отдѣльности, объяснили, что въ нарушеніи 808—816 ст. Уст. уг. суд., неправильнымъ разъясненіемъ точнаго смысла 362 ст. Улож. и возвращеніемъ присяжныхъ засѣдателей ко второму совѣщанію, допущено существенное нарушеніе 362, 1154 и 1155 ст. Улож., повлекшее оправдательный приговоръ. Протестъ и жалоба Лопуцкаго далѣе указывали на нарушенія 801—804, 811, 812, 709 и 735 ст. Уст. уг. суд. несоотвѣтствіемъ заключительной рѣчи предсѣдателя требованіямъ закона и дозволеніемъ присяжному повѣренному Плевако явиться къ своей рѣчи на судѣ въ роли свидѣтеля. Наконецъ, въ протестѣ и жалобахъ указывалось на нарушенія статей Уст. уг. суд.: 1) 647 и 1 ч. 650 освобожденіемъ двухъ лицъ отъ обязанности присяжныхъ; 2) 664 и 666 ст. неодновременнымъ приведеніемъ къ присягѣ комплектныхъ и запасныхъ присяжныхъ; 3) 615, 616 и 675 ст. отсутствіемъ надзора за присяжными; 4) ст. 629 Уст. уг. суд. прочтеніемъ показанія не явившагося, безъ законной причины свидѣтеля Гладышева; 5) 611, 630 и 745 ст. допущеніемъ неумѣстныхъ объясненій между предсѣдателемъ и защитникомъ подсудимаго С. Борисова присяжнымъ повѣреннымъ Пржевальскимъ, послѣ сдѣланнаго послѣднему замѣчанія; 6) ст. 629 передачею экспертамъ счета С. Борисова, 7) ст. 802 обнаруженіемъ присяжными своего мнѣнія по дѣлу; 8) ст. 625 и 687 прочтеніемъ частной записки Крубера; 9) ст. 754 неправильною постановкою нѣкоторыхъ вопросовъ; 10) 746, 747 и 761 ст. Уст. уг. суд. допущеніемъ заявленія Борисова присяжнымъ о грозящемъ ему наказаніи; 11) 544 ст. Уст. уг. суд. неправильнымъ преданіемъ суду Трухачева и 12) 900—993 ст. Уст. уг. суд. возложеніемъ на него, совмѣстно съ Алфимовымъ, всѣхъ судебныхъ издержекъ по дѣлу.

Рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей есть выраженное въ особо установленной формѣ убѣжденіе ихъ въ наличности преступнаго факта и въ виновности или невиновности подсудимаго. Это убѣжденіе должно слагаться изъ оцѣнки данныхъ судебнаго слѣдствія, выясненныхъ точно указаннымъ, опредѣленнымъ путемъ, и разработан-

ныхъ взаимнымъ трудомъ сторонъ. Для правильности этой оцѣнки законъ признаетъ необходимымъ преподать присяжнымъ засѣдателямъ чрезъ предсѣдателя общія руководящія начала для сужденія о силѣ доказательствъ, представленныхъ по дѣлу, и о свойствахъ разсматриваемаго преступленія. Тамъ, гдѣ эти начала изложены сообразно съ природою самыхъ доказательствъ,—гдѣ составъ преступленія опредѣленъ согласно съ его свойствами и общественнымъ значеніемъ, и гдѣ данныя, съ которыми присяжные были ознакомлены на судѣ, добыты съ соблюденіемъ требуемыхъ закономъ пріемовъ,—тамъ есть основаніе признать, что убѣжденіе присяжныхъ выработалось правильно, и что рѣшеніе, въ которомъ оно выразилось, есть *судебное рѣшеніе*. Наоборотъ—тамъ, гдѣ для оцѣнки силы доказательствъ приведены произвольныя соображенія, не имѣющія подъ собою ни юридической, ни житейской почвы, или свойства преступленій истолкованы несогласно съ указаніями положительнаго закона, или же, наконецъ, гдѣ матеріалъ для сужденія присяжныхъ предъявленъ способомъ, идущимъ въ разрѣзъ съ установленными правилами,—тамъ есть *взглядъ* присяжныхъ, *мнѣніе* присяжныхъ, но нѣтъ *рѣшенія* присяжныхъ.

Этими общими началами долженъ, по моему мнѣнію, опредѣляться и порядокъ разсмотрѣнія кассаціонныхъ доводовъ, приводимыхъ по настоящему сложному дѣлу въ прокурорскомъ протестѣ и въ жалобахъ гражданскихъ истцовъ и подсудимаго Трухачева.

Первое основаніе къ отмѣнѣ оправдательнаго приговора о Борисовѣ и Алфимовѣ, одинаково указываемое товарищемъ прокурора, повѣреннымъ Государственнаго Дворянскаго банка и поручикомъ Лопуцкимъ, состоитъ въ томъ, что отвѣтъ присяжныхъ на вопросы 11, 55 и 56 о виновности Алфимова и Борисова въ *служебныхъ подлогахъ* былъ признанъ судомъ, безъ уважительныхъ основаній, содержащимъ неразрѣшимое противорѣчіе, выразившееся будто бы въ томъ, что ими были поочередно отвергнуты—умыселъ, завѣдомость и цѣль въ дѣйствіяхъ подсудимыхъ. Отвѣтъ о полной невиновности, вынесенный послѣ разъясненій, данныхъ предсѣдателемъ по поводу усмотрѣннаго противорѣчія, представляетъ собою, по мнѣнію жалобщиковъ, вынужденное судомъ уклоненіе присяжныхъ отъ первоначально выраженнаго ими убѣжденія, изложеннаго притомъ въ формѣ, которая давала суду полное право наложить на подсудимыхъ закономъ установленную кару. Вопросъ о возвращеніи присяжныхъ къ новому совѣщанію, вслѣдствіе обнаруженія въ ихъ приговорѣ неясности, неполноты или противорѣчій, разработанъ практикою Правительствующаго Сената съ большою подробностью и точностью въ рядѣ послѣдовательныхъ рѣшеній. Правительствующій Сенатъ, охраняя всемѣрно прочность и возможную устойчивость отвѣтовъ присяжныхъ засѣдателей, по отношенію къ противорѣчію, могущему содержаться какъ въ отдѣльномъ отвѣтѣ присяжныхъ, такъ и въ отвѣтахъ между собою,—призналъ, что противорѣчіе это должно быть неразрѣшимымъ и очевиднымъ до такой степени,

что согласованіе отвѣтовъ невозможно безъ допущенія совершенно произвольнаго толкованія рѣшенія—и что противорѣчіе это отнюдь не можетъ быть предполагаемо (1872 г., 112, Артемьева, 1869 г., 364, Чернилкина). Поэтому возвращеніе присяжныхъ къ новому совѣщанію признавалось существеннымъ колебаніемъ одного изъ важнѣйшихъ началъ уголовнаго процесса во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда являлась возможность опредѣленно уяснить себѣ выводъ, къ которому пришли присяжные, хотя бы этотъ выводъ и былъ выраженъ съ нѣкоторыми формальными неточностями или въ описательномъ родѣ или, наконецъ, съ прибавкою излишнихъ, не требуемыхъ содержаніемъ вопроса словъ (1874 г., 669, Карышева; 1877 г., 31, Горбунова; 1874 г., 192, Матвѣева, и др.). Отъ суда въ такихъ случаяхъ требуется разрѣшить—понята ли присяжными засѣдателями сущность предложеннаго имъ вопроса и отвѣчаетъ ли ей мысль, положенная въ основаніе отвѣта присяжныхъ? Но, ограждая одновременно рѣшеніе присяжныхъ и отъ произвольныхъ толкованій суда, и отъ невызваннаго безусловной необходимостью пересмотра его въ новомъ совѣщаніи присяжныхъ,—Правительствующій Сенатъ преподалъ указанія и на тотъ случай, когда таковая безусловная необходимость существуетъ. Такъ, рядомъ кассаціонныхъ рѣшеній, начиная съ 1869 года, установлено, что признаніе подсудимаго виновнымъ и одновременное отвергнутіе всѣхъ признаковъ, придающихъ его дѣйствіямъ преступный смыслъ,—должно быть разсматриваемо какъ неразрѣшимое противорѣчіе. Поэтому, такое противорѣчіе является несомнѣннымъ при утвердительномъ отвѣтѣ на вопросъ о виновности въ преступленіи, содѣянномъ не по неосторожности, и отрицаніи при этомъ умысла, въ дѣйствіяхъ подсудимаго (1869 года—576, 1874 года—724, 1875 года—171). Правительствующій Сенатъ категорически выразилъ въ рѣшеніи по дѣлу Ефимова и Сазоновой (1874 года, № 89), что присяжные засѣдатели, въ силу даннаго имъ 812 ст. Уст. уг. суд. права, могутъ оговаривать и, слѣдовательно, отрицать въ даваемыхъ ими отвѣтахъ лишь такія обстоятельства, которыя не колеблютъ самыхъ основаній обвиненія; къ такимъ несомнѣнно должна быть отнесена умышленность тамъ, гдѣ предъявлено обвиненіе въ умышленномъ дѣяніи.

Поэтому необходимо разсмотрѣть, было ли въ отвѣтахъ присяжныхъ на 11, 55 и 56 вопросы такое противорѣчіе, которое давало бы право суду возвратить присяжныхъ для новаго совѣщанія и обязывало предсѣдателя преподать имъ новое наставленіе, вытекающее изъ существа возникшаго противорѣчія. Подсудимый *Алфимовъ* былъ преданъ суду, согласно 1154 и 362 ст. улож., за служебный подлогъ по должности предсѣдателя правленія Саратовско-Симбирскаго банка. На вопросъ о виновности его въ самовольномъ уничтоженіи, по соглашеніи съ другимъ лицомъ, документовъ банка по образованію складочнаго капитала, для сокрытія допущенныхъ при этомъ образованіи злоупотребленій правленія,—присяжные отвѣтили, послѣ

перваго совѣщанія, утвердительно, съ прибавкою словъ: «*но безъ злого умысла*». Выраженіе это, согласно указанію Правительствующаго Сената по дѣлу Пчелина, № 152, 1871 года, и въ виду терминологіи дѣйствующаго уложенія надлежитъ понимать въ смыслѣ отрицанія умышленности въ дѣяніи Алфимова. Неосторожность дѣянія не можетъ быть предполагаема, а потому, отрицая умышленность въ поступкахъ Алфимова, описанныхъ въ 11 вопросѣ, присяжные засѣдатели тѣмъ самымъ отвергли въ его объективно вредномъ дѣяніи то живое движущее начало, которое придаетъ этому дѣянію преступный характеръ, т. е. отвергли участіе сознательной воли. Но отсутствіе этой воли въ дѣйствіяхъ подсудимаго и одновременное признаніе его *виновнымъ* въ этихъ дѣйствіяхъ—является не только правовымъ, но и просто логическимъ противорѣчіемъ. Поэтому, и принимая во вниманіе, что Правительствующимъ Сенатомъ, въ рѣшеніи 1868 года, № 430, по дѣлу Руднева, было признано неразрѣшимымъ противорѣчіемъ признаніе подсудимаго виновнымъ въ совершеніи преступленія по предварительному подговору его другимъ лицомъ, при отрицаніи въ то же время умысла,—Тамбовскій окружный судъ не только имѣлъ право, но и былъ обязанъ обратить присяжныхъ, согласно 816 ст. Уст. угол. суд., въ ея новой редакціи, къ новому совѣщанію по второму вопросу, такъ какъ присяжные, отвергая злой умыселъ у Алфимова, признали его, однако, виновнымъ въ уничтоженіи документовъ по взаимному соглашенію съ другимъ лицомъ.

Отвѣчая затѣмъ на вопросъ о виновности того же Алфимова въ помѣщеніи завѣдомо ложныхъ свѣдѣній объ операціяхъ банка въ счетахъ и годовыхъ отчетахъ и въ достиженіи утвержденія этихъ отчетовъ общими собраніями подставныхъ акціонеровъ, послѣдствіемъ чего была неправильная выдача дивиденда по акціямъ не изъ прибылей, а изъ складочнаго капитала,—присяжные засѣдатели признали его виновнымъ, съ прибавленіемъ словъ «*но не завѣдомо*». Этотъ отвѣтъ, по мнѣнію повѣреннаго Дворянскаго банка, содержа въ себѣ отрицаніе виновности Алфимова въ составленіи завѣдомо ложной отчетности, въ то же время признаетъ его виновность въ составленіи ложнаго общаго собранія акціонеровъ, завѣдомость чего предполагается сама собою. Это совершенно вѣрно, но не вѣрно, по моему мнѣнію, то заключеніе, что, съ уголовной точки зрѣнія, этотъ отвѣтъ присяжныхъ давалъ матеріалъ для карательнаго вывода. Для признанія, что судъ могъ придти къ такому выводу и, слѣдовательно, удовлетвориться отвѣтомъ, необходимо найти уголовный законъ, въ который можетъ, такъ сказать, упереться этотъ карательный выводъ. А такого закона нѣтъ. Явленія общественной жизни, дающія матеріалъ, подлежащій занесенію на страницы уголовнаго кодекса, развиваются обыкновенно быстрѣе, чѣмъ видоизмѣняются эти страницы, съ которыми законодатель долженъ обращаться обдуманно, не торопливо и осторожно. Наше Уложеніе пополняется или, лучше сказать, пополнялось въ этомъ отношеніи тоже довольно медленно, вызывая

нерѣдко упреки въ томъ, что вполнѣ обрисовавшіяся и получившія несомнѣнно вредную окраску новыя явленія нашей экономической или общественной жизни слишкомъ долго ждутъ очереди найти свое карательное опредѣленіе на негостепріимныхъ страницахъ нашего уголовнаго кодекса, и что въ немъ нельзя найти подчасъ указаній на возможность покарать злоупотребленіе, свойства котораго для большинства очевидны, а результаты для многихъ чувствительны. Къ такимъ злоупотребленіямъ относятся и фиктивныя общія собранія акціонерныхъ обществъ, постановляющія рѣшенія подавляющимъ большинствомъ голосовъ подставныхъ владѣльцевъ акцій, набираемыхъ изъ артельщиковъ, прислуги, мелкихъ служащихъ въ томъ же обществѣ, родственниковъ и знакомыхъ членовъ правленія или заинтересованныхъ лицъ и, наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ—изъ спеціально нанятыхъ добровольцевъ. Благодаря такимъ акціонерамъ, прикрываясь флагомъ постановленія общихъ собраній, спокойно и безтрепетно дѣйствуютъ нѣкоторые банковые и желѣзнодорожные дѣльцы, разоряя, по всѣмъ правиламъ двойной и тройной бухгалтеріи, довѣрчивыхъ, или задавленныхъ послушнымъ и чуждымъ дѣлу большинствомъ, акціонеровъ. Несомнѣнно, однако, что время, когда это злоупотребленіе будетъ предметомъ уголовнаго взысканія—недалеко, ибо лишь необходимость связать такія карательныя постановленія со всею системою подлежащихъ преобразованію законовъ объ акціонерныхъ предпріятіяхъ является причиною того, что они отсутствуютъ въ настоящее время въ Уложеніи. Первый опытъ въ этомъ отношеніи уже сдѣланъ въ проектѣ общаго устава россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, составленномъ комиссіею графа Баранова, въ 89 ст. котораго было предположено подвергать виновныхъ въ фиктивной передачѣ акцій для предоставленія права участія въ общемъ собраніи акціонеровъ, а также подставныхъ акціонеровъ—штрафу отъ 500 до 1000 руб. и аресту до 3 мѣсяцевъ, а въ случаяхъ фиктивной передачи для рѣшенія, явно убыточнаго для общества или казны—штрафу до 3 тысячъ руб. и тюрьмѣ до года, съ лишеніемъ права участія въ общихъ собраніяхъ и занятія должностей въ обществѣ. Во всякомъ случаѣ, нынѣ ни въ ст. 1154 до 1157 о нарушеніи постановленій о кредитѣ, ни даже въ ст. 1198 и 1199 Улож. о нак., говорящихъ о нарушеніи постановленій о торговыхъ обществахъ, товариществахъ и компаніяхъ—нельзя найти указаній на уголовное наказаніе за составленіе ложныхъ общихъ собраній изъ подставныхъ акціонеровъ. Поэтому, на основаніи правила nullum crimen sine poena, nulla poena sine lege—приходится, съ великимъ сожалѣніемъ, признать, что такое составленіе нашимъ уголовнымъ закономъ не предусмотрѣно. Такимъ образомъ, для карательнаго вывода, о которомъ говоритъ повѣренный Дворянскаго банка, въ отвѣтѣ присяжныхъ нѣтъ матеріала. Нельзя видѣть такой матеріалъ и въ признаніи выдачи дивиденда не изъ дохода, а изъ складочнаго капитала. Такая выдача, крайне пагубная для всякаго кредитнаго установленія, противна указаніямъ § 95 устава земельныхъ

банковъ и составляетъ прямое нарушеніе устава, но сама по себѣ особаго уголовнаго наказанія влечь не можетъ, ибо не предусмотрѣна въ указанныхъ выше статьяхъ, говорящихъ о злоупотребленіяхъ по ссудамъ и вкладамъ. Точно такъ же къ ней нельзя примѣнять и понятія о превышеніи власти, даже еслибы, расширяя рамки ст. 1154 Улож., говорящей лишь объ опредѣленныхъ случаяхъ, распространять на должностныхъ лицъ частныхъ банковъ ст. 1153, предусматривающую всѣ виды преступленій по должности, указанные въ V раздѣлѣ Уложенія, подобно тому, какъ это установлено ст. 2108 т. II Св. Зак. для чиновъ городскихъ общественныхъ банковъ. Поэтому, уголовно наказуемымъ въ дѣяніяхъ Алфимова, описанныхъ въ 55-мъ вопросѣ, является лишь помѣщеніе ложныхъ свѣдѣній въ отчетахъ. Ложное общее собраніе есть одинъ изъ способовъ пользованія этими ложными отчетами, а выдача дивиденда изъ ложно показанной прибыли есть результатъ этого пользованія. Но если въ составленіи ложнаго отчета не участвовала злая воля,— если тотъ, кто его составлялъ, дѣйствовалъ *не завѣдомо*, т. е., не вѣдая, что творитъ, то и результаты и способы пользованія этимъ отчетомъ, не завѣдомо ложнымъ—будучи, быть можетъ, сами по себѣ нарушеніемъ sui generis, не могутъ сливаться въ понятіе объ одномъ общемъ преступленіи. А присяжные именно признали такое отсутствіе завѣдомости въ дѣйствіяхъ Алфимова. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, они признали и виновность его въ этихъ дѣйствіяхъ, слившъ въ этомъ вопросѣ *вину съ незнаніемъ*, подобно тому, какъ слили въ вопросѣ 11 *вину съ нежеланіемъ*. Такимъ образомъ, отвѣтъ присяжныхъ на вопросъ 55 заключалъ въ себѣ явное внутреннее противорѣчіе, ибо, согласно ему, по редакціи вопроса выходило, что Алфимовъ, съ цѣлью сокрытія *истиннаго* положенія дѣлъ банка,—помѣщалъ въ отчетахъ банка *истинныя*, по его мнѣнію *цифры*, вслѣдствіе чего судъ былъ обязанъ по 55 вопросу обратить присяжныхъ къ новому совѣщанію, такъ какъ онъ не имѣлъ никакого права при категорическомъ и ясномъ выраженіи: «*да виновенъ...*» постановлять, какъ это рекомендуетъ повѣренный Дворянскаго банка,— оправдательный приговоръ, а для приговора обинительнаго не было почвы ни въ вопросѣ, изъ котораго была изъята завѣдомость, ни, какъ я уже доказывалъ, въ постановленіяхъ матеріальнаго права.

Обращаясь къ вопросу 56 о виновности Борисова въ томъ, что «состоя въ теченіе семи лѣтъ членомъ правленія Саратовско-Симбирскаго банка, онъ, съ цѣлью сокрытія истиннаго положенія дѣлъ этого банка и допущенныхъ имъ злоупотребленій, совершилъ то же преступленіе, какъ и Алфимовъ» — присяжные засѣдатели признали его виновнымъ, присовокупивъ къ этому отвѣту слова: «но безъ цѣли». Судъ нашелъ, что такимъ отвѣтомъ возбуждается неразрѣшимое противорѣчіе въ вопросѣ, ибо, какъ выразился предсѣдатель, существеннѣйшимъ признакомъ всякаго преступленія, а слѣдовательно и подлога, описаннаго въ 25 и 56 вопросахъ является «наличность присутствія злого умысла, направленнаго для дости-

женія преступной цѣли и преслѣдующаго ради тѣхъ или другихъ личныхъ видовъ эту преступную цѣль, а слѣдовательно, завѣдомость, умышленность совершеннаго дѣянія».

По смыслу вопроса, Борисовъ былъ признанъ виновнымъ въ томъ, что въ счетахъ прибыли и убытка и въ годовыхъ отчетахъ, имъ подписанныхъ, помѣщалъ завѣдомо ложныя свѣдѣнія объ операціяхъ банка, показывая неправильно суммы складочнаго и запаснаго капиталовъ, наличныя средства банка и расходы на его управленіе и скрывая понесенные убытки, затѣмъ достигалъ утвержденія означенныхъ отчетовъ общими собраніями изъ подставныхъ акціонеровъ, послѣдствіемъ чего была неправильная выдача дивиденда. По мнѣнію суда, всѣ эти дѣйствія утрачиваютъ признаки преступленія потому, что присяжные отвергли *цѣль* въ дѣйствіяхъ подсудимаго. Хотя по редакціи вопроса, отрицаніе присяжными въ дѣйствіяхъ Борисова «цѣли сокрытія истиннаго положенія дѣлъ банка и его собственныхъ злоупотребленій», и не обозначаетъ еще признанія этихъ дѣйствій совершенно безцѣльными,—но даже, если и обобщать прибавку, сдѣланную присяжными, и распространять ее, по примѣру суда, на весь вопросъ, то и тогда такое мнѣніе суда не имѣетъ прочности. Ни установленныя Уложеніемъ общія начала, въ которыхъ выражается внутренняя сторона преступленія, ни содержаніе ст. 362 Улож. не даютъ основанія признавать, что уголовный характеръ служебнаго подлога обусловленъ исключительно личною преступною цѣлью. Нашъ законъ считаетъ существенными свойствами преступленій, совершаемыхъ не по неосторожности—умыселъ и намѣреніе. Уложеніе о наказаніяхъ, какъ явствуетъ изъ сопоставленія и анализа его статей и какъ установлено и Правительствующимъ Сенатомъ въ рѣшеніяхъ 1870 года, № 303, 1874 года, № 548, и 1875 года, № 273, разумѣетъ подъ *умысломъ знаніе виновнымъ послѣдствій содѣяннаго.* Это знаніе есть характеристическій, отличительный признакъ наличности *умысла. Намѣреніе*, по терминологіи и смыслу Уложенія, выражаетъ собою желаніе достичь этихъ послѣдствій путемъ соотвѣтствующаго дѣянія. Намѣреніе осуществляется выборомъ средствъ, которыми можно достигнуть этихъ послѣдствій, и распоряженіемъ дѣйствій въ томъ послѣдовательномъ порядкѣ, который необходимъ для того, чтобы они привели къ этимъ результатамъ. Поэтому нашъ уголовный законъ (Улож. ст. 7--10) считаетъ *признакомъ умысла* изъявленіе какимъ либо дѣйствіемъ *намѣренія* учинить преступленіе; *приготовленіемъ*—пріисканіе и пріобрѣтеніе средствъ для осуществленія *намѣренія; покушеніемъ*—всякое дѣйствіе, которымъ приводится въ исполненіе злое *намѣреніе*, и *совершеніемъ*—тотъ случай, когда послѣдовало *преднамѣренное* зло. Тамъ, гдѣ выборъ средствъ обдуманъ заранѣе, гдѣ планъ постепеннаго предпринятія тѣхъ или другихъ дѣйствій, приводящихъ къ преступному результату, установленъ въ общихъ чертахъ, впередъ, мы имѣемъ дѣло съ предумышленіемъ, которое заключаетъ въ себѣ не только этотъ планъ и этотъ выборъ, но и знаніе, къ чему ихъ осуществле-

ніе приведетъ, то-есть умыселъ. Но намѣреніе не отсутствуетъ, однако, и въ преступленіяхъ непредумышленныхъ; оно только является въ связи съ умысломъ безъ предварительнаго назрѣванія. Поэтому, во всѣхъ преступленіяхъ не неосторожныхъ, намѣреніе и умыселъ немыслимы другъ безъ друга и идутъ, въ тѣсной психологической связи, рука объ руку. Въ виду этого, Уложеніе признаетъ умыселъ и намѣреніе существенными элементами внутренней стороны преступленій, внѣшняя сторона коихъ состоитъ въ объективномъ вредѣ, связанномъ съ нарушеніемъ предписаній карательнаго закона. При такомъ взглядѣ, примѣнимомъ къ огромному большинству преступныхъ дѣяній, личная цѣль, которую имѣлъ виновный, дѣлается безразличною и не можетъ быть предметомъ обсужденія суда. Важно то, зналъ ли виновный, что дѣйствія, которыя онъ намѣренъ совершить, должны вызвать во внѣшнемъ мірѣ явленія, которыми характеризуется правонарушеніе, называемое преступленіемъ. Если зналъ, то для чего ему лично были нужны чужая жизнь, чужое имущество, чужая свобода—для суда не имѣетъ значенія. Какъ обстоятельство, опредѣляющее виновность,—цѣль, кромѣ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаевъ,—не играетъ никакой роли и можетъ лишь иногда вліять только на мѣру наказанія. Дѣлая *цѣль*, къ которой стремится преступникъ, опредѣляющимъ виновность началомъ, законъ уголовный вступилъ бы въ туманную и безграничную область, исполненную нравственныхъ противорѣчій, обязывая судъ вѣдаться съ такими соображеніями, которыя прямого отношенія къ отправленію правосудія имѣть не могутъ. Личная—иногда затаенная, цѣль виновнаго часто неуловима, не укладывается въ точно намѣченныя рамки и бываетъ подчасъ очень сложна. Нѣсколько преступленій, самыхъ разнородныхъ въ своей совокупности и въ своей послѣдовательности, могутъ имѣть одну цѣль. Иногда цѣль одного преступленія состоитъ лишь въ сокрытіи другого преступленія, имѣющаго свою спеціальную цѣль. Такова, напримѣръ, ближайшая цѣль подлога, предусмотреннаго въ 359 ст. Улож. и совершаемаго для сокрытія служебной растраты. Есть, наконецъ, случаи, когда нѣтъ никакой возможности выяснить личную цѣль преступника, а преступленіе его, между тѣмъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію по своей, рѣжущей глаза, очевидности. Поэтому не цѣль, которая иногда слишкомъ индивидуальна и зачастую сливается съ мотивомъ, коренящимся въ такихъ тайникахъ души, гдѣ, по мѣткому народному выраженію, царствуютъ потемки, а намѣреніе, отражающее въ себѣ умыселъ, служитъ для опредѣленія виновности. Вотъ отчего законъ упоминаетъ о цѣли, характеризуя ее словами «для» и «изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ» только въ немногихъ, точно опредѣленныхъ случаяхъ, не допускающихъ распространительнаго толкованія. Такъ говорится о корыстныхъ или иныхъ личныхъ видахъ въ статьяхъ Уложенія о неприведеніи въ исполненіе указовъ и предписаній (332 ст.), о неправосудіи (366—369), о смягченіи наказанія вопреки судебному приговору

при его исполненіи (ст. 457) и объ усиленіи наказанія сверхъ мѣры (ст. 458, причемъ къ личнымъ видамъ прибавляется и другая цѣль—«изъ мщенія»), о злоупотребленіяхъ при совершеніи актовъ чиновниками крѣпостныхъ дѣлъ (ст. 461) и маклерами (ст. 1301), о выдачѣ себя (токмо изъ видовъ корысти) за одного изъ Членовъ Царствующаго Дома (ст. 1415), о допущеніи къ городскимъ выборамъ не имѣющихъ на то права (ст. 1434), о вовлеченіи ложными увѣреніями въ убыточную сдѣлку (ст. 1688), о продажѣ повѣренными интересовъ довѣрителя противной сторонѣ (ст. 1710) и т. п.

Обращаясь отъ этихъ общихъ соображеній къ статьѣ 362 Улож. о нак., говорящей о служебномъ подлогѣ, надо признать, что она гораздо лучше той репутаціи, которая создана ей, благодаря ея сложному и разнообразному содержанію. Ближайшій взглядъ на эту статью приводитъ къ убѣжденію, что законъ уголовный выраженъ въ ней съ надлежащею ясностью. Служебный подлогъ, какъ искаженіе истины, исходящее отъ должностнаго лица и при томъ въ опредѣленной, обусловленной его званіемъ, хотя и весьма разнообразной письменной формѣ, можетъ проявиться *двояко*. Должностное лицо можетъ *создать* въ исходящихъ отъ него, совершенныхъ при его участіи или хранящихся у него актахъ и документахъ—*искаженіе истины*, введя въ нихъ ложь посредствомъ тѣхъ или другихъ соотвѣтствующихъ дѣйствій. Оно можетъ *скрыть въ нихъ истину*, утаивъ правду или сознательно не соблюдая тѣхъ гарантій и условій, при которыхъ эти акты или документы считаются согласными съ дѣйствительностію. Въ первомъ случаѣ должностное лицо предпринимаетъ активныя дѣйствія, чтобы учинить что либо въ ущербъ правдѣ, во второмъ случаѣ оно дѣйствуетъ пассивно — не учиняя того, что бы слѣдовало сдѣлать въ интересѣ правды. Въ грамматическомъ отношеніи ст. 362 можетъ быть раздѣлена на нѣсколько частей, но по содержанію своему распадается на двѣ опредѣленныя группы дѣяній. Каждая изъ нихъ имѣетъ въ виду *акты* въ тѣсномъ смыслѣ слова—и *письменные*, имѣющіе служебный характеръ, *документы* въ обширномъ смыслѣ слова. Обѣ группы статьи 362 обнимаютъ собою и тѣ, и другіе. *Первая* изъ нихъ говоритъ о такихъ дѣйствіяхъ по отношенію къ актамъ и документамъ, которыми въ нихъ сознательно вносится *измышленная ложь; вторая* говоритъ о дѣйствіяхъ, которыми въ этихъ актахъ и документахъ *утаивается правда* по отношенію къ ихъ *происхожденію* или *содержанію*. Но внести въ актъ, установляющій извѣстныя юридическія отношенія или удостовѣряющій тѣ или другія служебныя дѣйствія—*вѣдомую* неправду, требующую при томъ иногда цѣлаго ряда приготовленій (напримѣръ, подготовка подставного свидѣтеля), или помѣстить въ документѣ *сознательный* вымыселъ (напримѣръ, при выдачѣ копіи съ несуществующаго акта), очевидно, невозможно *безъ намѣренія*. По самому свойству этихъ дѣйствій—намѣреніе лежитъ въ ихъ природѣ. Поэтому, первая часть ст. 362, въ редакціонномъ отношеніи разбитая между началомъ и концомъ статьи,—и не упоминаетъ о

намѣреніи или умыслѣ, какъ о существенномъ признакѣ предусмотрѣннаго ею подлога. Намѣреніе здѣсь всегда предполагается, какъ неразрывная, внутренняя принадлежность дѣянія. Оно ясно само по себѣ и не нуждается ни въ какомъ признаніи. Дѣйствительно, этотъ отдѣлъ ст. 362 или, вѣрнѣе говоря, тотъ родъ подлога, описываемаго имъ, который направленъ на внесеніе лжи и вымысла въ акты и документы—имѣетъ въ виду тѣ случаи, когда должностное лицо сознательно учинитъ *фальшивую подпись,* приведетъ *вымышленное* свидѣтельское показаніе, допуститъ *подставныхъ* свидѣтелей, составитъ *заочно* или *заднимъ числомъ* актъ, включитъ въ доклады, протоколы, журналы, гражданскія или торговыя обязательства *вымышленныя* обстоятельства или *завѣдомо ложныя* свѣдѣнія, выдастъ *мнимую* или *невѣрную* копію съ акта, *поддѣлаетъ* актъ или злонамѣренно его *переправитъ* или *подчиститъ*. Такъ какъ дѣйствія эти, всѣ требующія активной заботы объ искаженіи истины, совершаются «при отправленіи службы», исключающемъ въ нихъ характеръ шутки и безвредности, то ихъ, очевидно, нельзя совершать безъ умысла, и, слѣдовательно, дѣйствовать ненамѣренно. Во всѣхъ этихъ случаяхъ должностное лицо не можетъ не сознавать, не понимать послѣдствій своего дѣянія, т. е. дѣйствовать неумышленно, дѣлая то или другое, составляющее одно изъ проявленій этого подлога, ненамѣренно. Нельзя допустить, чтобы служащій, не находясь въ состояніи невмѣненія, могъ, отправляя свои обязанности, учинять фальшивую подпись, составлять вымышленное свидѣтельское показаніе или поддѣлывать актъ—не зная, что послѣдствіемъ этого будетъ введеніе въ обманъ тѣхъ, кто приметъ подпись или весь актъ за настоящіе или послушаетъ «свидѣтельство ложно». Правительствующій Сенатъ призналъ въ неоднократныхъ рѣшеніяхъ (напримѣръ, 1868 г., № 430; 1870 г. № 826 и 1871 г., № 1716), что есть преступленія, въ которыхъ умыселъ и намѣреніе предполагаются сами собою. Таковы, напримѣръ побои.—О личной цѣли, выходящей за предѣлы желанія совершить то, естественнымъ результатомъ чего является искаженіе правды,—въ такого рода подлогахъ не можетъ быть и рѣчи. Никакой порядокъ внутренняго управленія, органами котораго являются должностныя лица, не былъ бы мыслимъ, еслибы они, руководясь своими личными цѣлями и подчасъ невѣрно и произвольно оцѣнивая нравственное достоинство этихъ цѣлей, вносили безнаказанно и невозбранно завѣдомую ложь въ тѣ дѣйствія, которыми они, по уполномочію закона и власти, удостовѣряютъ или закрѣпляютъ существованіе извѣстныхъ обстоятельствъ. Употребленныя въ этой части ст. 362 выраженія «завѣдомо ложныя свѣдѣнія» и «злонамѣренная переправка или подчистка», составляя исключеніе изъ указанныхъ въ этой части подлоговъ, при которыхъ вовсе нѣтъ слова «намѣреніе»,—лишь подтверждаютъ, какъ всякое исключеніе, общее положеніе о томъ, что подлоги эти сами въ себѣ уже носятъ несомнѣнное присутствіе намѣренія. Законъ имѣетъ въ виду, что подчистка или переправка могутъ произойти и безъ дурного намѣренія

изъ извѣстнаго каллиграфическаго усердія, и предупреждаетъ отъ смѣшенія такихъ дѣйствій съ подлогомъ, употребляя слово «злонамѣренно». Точно также законъ признаетъ, что могутъ быть случаи, когда свѣдѣнія, будучи ложными по своему содержанію, не кажутся таковыми тому, кто, будучи самъ введенъ въ обманъ, ихъ помѣщаетъ въ актъ или докладъ. Поэтому для того, чтобы опредѣлить то свойство этихъ свѣдѣній, которое придаетъ ихъ помѣщенію характеръ подлога, онъ и говоритъ о завѣдомости. Такого взгляда на подлоги, упоминаемые въ этой части ст. 362 Улож., держался въ своей практикѣ Правительствующій Сенатъ, что выражено съ особою опредѣленностью въ рѣшеніи за 1877 г., № 84, по дѣлу Дмитріева, коимъ признано, что наказуемость этихъ подлоговъ не обусловливается признаніемъ противозаконности намѣренія, а лишь *сознательнымъ* совершеніемъ такихъ подлоговъ, т. е., иными словами, *завѣдомостью* совершаемаго.

Второй родъ подлоговъ по службѣ, предусмотрѣнный второю группою ст. 362 Улож., обнимаетъ собою случаи сознательной утайки правды въ актахъ или документахъ, посредствомъ *сокрытія истины* въ докладахъ, отчетахъ, свидѣтельствахъ и т. п., или посредствомъ совершенія и засвидѣтельствованія актовъ, съ нарушеніемъ тѣхъ *правилъ,* соблюденіе которыхъ, составляя гарантію ихъ дѣйствительности, придаетъ имъ установленную закономъ силу. Самый фактъ сокрытія истины въ документахъ и актахъ, однако, недостаточенъ для сужденія о виновности. Если нельзя безъ намѣренія и умысла сознательно поддѣлать актъ или допустить подставного свидѣтеля, то весьма возможно, безъ всякаго желанія, не помѣстить истинныя свѣдѣнія въ докладъ или отчетъ, упустивъ ихъ изъ виду, не освѣдомясь о нихъ, довѣрчиво отнесясь къ сообщенію третьихъ лицъ. Сокрытіе правды въ документахъ официальнаго происхожденія можетъ быть учинено и *незавѣдомо:* фактически виновный въ подлогѣ такого рода можетъ самъ быть жертвою обмана. Здѣсь, по самому свойству служебныхъ обязанностей, предполагающихъ по большей части раздѣленіе труда между нѣсколькими лицами, открывается обширное поле для неосмотрительности, для неосторожной довѣрчивости, для отсутствія достодолжнаго вниманія. Результатомъ этихъ упущеній можетъ быть иногда весьма важное, по своимъ послѣдствіямъ, искаженіе истины сокрытіемъ свѣдѣній, рисующихъ положеніе дѣлъ въ ихъ настоящемъ видѣ. Законъ не можетъ относиться безразлично къ такимъ упущеніямъ должностныхъ лицъ, но было бы несправедливо наказывать за эти упущенія, какъ за служебный подлогъ. Поэтому, требуя въ 362 ст. Улож. для *сокрытія истины* въ документахъ наличности составляющаго *подлогъ намѣренія* утаить правду,—законъ въ такомъ же сокрытіи въ рапортѣ или донесеніи должностного лица истинныхъ данныхъ и существа дѣла, сдѣланномъ безъ *противозаконнаго намѣренія,* видитъ лишь одну *неосмотрительность,* подлежащую сравнительно легкой карѣ и извиняемую рядомъ обстоятельствъ (ст. 417 Улож.). Таковъ первый видъ

подлоговъ, предусмотрѣнныхъ этою частью ст. 362. Второй видъ состоитъ въ нарушеніи правилъ для совершенія и засвидѣтельствованія актовъ. Эти подлоги требуютъ для своего бытія наличности не только намѣренія, но и личныхъ видовъ, т. е. личной цѣли у виновнаго. Нарушеніе правилъ, о которомъ говорится въ этой части ст. 362, само по себѣ возможно не только по упущенію, но можетъ являться и послѣдствіемъ простого незнанія и непониманія должностнымъ лицомъ своихъ обязанностей, и, поэтому, подлежитъ преслѣдованію лишь по 410 и 411 ст. Улож. о наказ. Но даже и тогда, когда это нарушеніе является результатомъ сознательнаго желанія обойти извѣстную формальность или не потребовать исполненія того или другого, указаннаго правилами условія, законъ не видитъ еще въ дѣйствіяхъ нарушителя—подлога, предоставляя суду, въ каждомъ данномъ случаѣ, усмотрѣть, по обстоятельствамъ дѣла, въ нарушеніяхъ этихъ—превышеніе власти, учиненное въ отмѣну узаконеній и данныхъ должностному лицу наставленій, или служебное нерадѣніе, или, наконецъ, особо предусмотрѣнное нарушеніе спеціальныхъ обязанностей. Нарушенія эти принимаютъ свойства подлога лишь тогда, когда въ нихъ выражается уже не только небреженіе въ исполненіи точныхъ предписаній закона, не только самовольная оцѣнка необходимости этихъ предписаній, но и желаніе достичь, посредствомъ ихъ неисполненія, *личныхъ цѣлей*, которыя, какъ признаетъ это законъ, могутъ и не всегда быть корыстными. Поэтому въ этого вида служебныхъ подлогахъ второго рода, на ряду съ намѣреніемъ, какъ выраженіемъ умысла,—требуется и наличность «*корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ*». И здѣсь законъ противопоставляетъ служебную неосмотрительность, влекущую, смотря по обстоятельствамъ, примѣненіе 410, 411 или 417 ст. Улож., отъ подлога, совершаемаго съ личными цѣлями. Такъ, въ ст. 461, 468 и 1301 Уложеніе о наказ., говоря о нотаріусахъ и чиновникахъ крѣпостныхъ дѣлъ, совершившихъ или засвидѣтельствовавшихъ актъ отъ имени лицъ, неимѣющихъ на то права, и о маклерахъ, принявшихъ такой актъ къ явкѣ безъ надлежащаго удостовѣренія въ его подлинности или въ тожествѣ лицъ, его представляющихъ—угрожаетъ имъ, если это сдѣлано по *неосмотрительности*,—удаленіемъ отъ должности, а если будетъ доказано, что ими это учинено съ умысломъ, изъ какихъ либо *противозаконныхъ видовъ*—отвѣтственностью за подлогъ по службѣ, по ст. 362. Рядомъ рѣшеній, относящихся до случаевъ нарушенія правилъ, установленныхъ для совершенія и засвидѣтельствованія актовъ, Правительствующій Сенатъ разъяснилъ, что это нарушеніе, для наказуемости по ст. 362, должно быть совершено не по ошибкѣ или недоразумѣнію (1883 года, № 32, по дѣлу Стешенко и Кофудаки), а умышленно, и притомъ изъ корыстныхъ (1877 года, № 84, по дѣлу Дмитріева, и № 95, по дѣлу Коммерческаго банка) или иныхъ личныхъ (1870 года, № 487, по дѣлу Преображенскаго и Коссова) видовъ.

Преступное дѣяніе, въ которомъ присяжные засѣдатели признали

виновнымъ Сергѣя Борисова, состоящее въ помѣщеніи въ счеты и отчеты банка *завѣдомо ложныхъ* свѣдѣній, въ неправильномъ показываніи состоянія счетовъ, наличныхъ средствъ и расходовъ Саратовско-Симбирскаго банка и въ сокрытіи понесенныхъ имъ убытковъ—относится къ первому роду подлоговъ, описанныхъ въ ст. 362 Улож., который не требуетъ признанія наличности личной цѣли въ дѣйствіяхъ виновнаго, противозаконное намѣреніе котораго неразрывно связано съ его дѣяніемъ. Эта особая личная цѣль, не входящая въ составъ преступленія подлога, состоящаго въ *завѣдомомъ, активномъ искаженіи истины,* могла быть невполнѣ ясна и для самого подсудимаго. Она могла имѣть и твердыя очертанія корыстнаго свойства, и неопредѣленные контуры отсрочки, хотя бы на время, разоблаченія прискорбной для акціонеровъ и чувствительной для членовъ правленія истины. Съ точки зрѣнія закона, изображеннаго въ ст. 362, важно лишь признаніе присяжными, что Сергѣй Борисовъ помѣщалъ ложныя свѣдѣнія *завѣдомо,* т. е. при наличности того условія, которое придаетъ такому помѣщенію характеръ подлога. Поэтому я не могу признать, чтобы судъ имѣлъ основаніе, а слѣдовательно и право усмотрѣть въ отвѣтѣ присяжныхъ на вопросъ 56-й неразрѣшимое противорѣчіе—и обратить ихъ къ новому совѣщанію. Предъ судомъ былъ ясный и категорическій отвѣтъ о виновности Борисова въ подлогѣ, съ прибавкою слова «безъ цѣли», не входящаго, въ данномъ случаѣ, въ составъ преступленія. Слѣдовало, согласно неоднократнымъ разъясненіямъ Сената, откинуть эту прибавку—и приложить уголовный законъ къ высказанному присяжными убѣжденію въ виновности подсудимаго. Судъ не имѣлъ, какъ утверждаетъ подсудимый, основанія предполагать, что присяжные отождествляютъ цѣль, о которой они упомянули, съ умысломъ, ибо тѣ же самые присяжные въ отвѣтахъ на вопросы 11, 55 и 56 — сами разграничили цѣль отъ умысла и отъ завѣдомости, отвѣтивъ на одинъ—«виновенъ, но безъ злого умысла», на другой—«виновенъ, но незавѣдомо» и на третій—«виновенъ, но безъ цѣли», очевидно, не сливая понятій объ умыслѣ и цѣли въ одно, а различая ихъ. Да и самое разъясненіе предсѣдателя, предшествовавшее возвращенію присяжныхъ къ новому совѣщанію, въ которомъ имъ было сказано, что «существеннѣйшимъ признакомъ всякаго преступленія надо признать наличность присутствія злого умысла для совершенія преступнаго дѣянія, направленнаго для достиженія преступной цѣли и преслѣдующаго, ради тѣхъ или другихъ личныхъ видовъ эту цѣль, а слѣдовательно *завѣдомость, умышленность* совершаемаго»,—самое это разъясненіе ставитъ, несмотря на нѣкоторую неопредѣленность выраженій, существеннымъ признакомъ подлога—завѣдомость и умышленность, т. е. тѣ признаки, которые содержатся въ отвѣтѣ присяжныхъ засѣдателей, ибо помѣщеніе завѣдомо ложныхъ свѣдѣній и скрѣпленіе ихъ своею подписью, по смыслу 362 ст. Улож., не можетъ не быть умышленнымъ.

На основаніи изложенныхъ мною соображеній, я нахожу, что въ

отношеніи къ *первому* отвѣту присяжныхъ засѣдателей на вопросъ 56-й, ст. 816 Уст. угол. суд. примѣнена судомъ неправильно и сопровождалась несогласнымъ съ содержаніемъ ст. 362 Улож. толкованіемъ. Усматривая въ этомъ *существенное кассаціонное нарушеніе* по настоящему дѣлу, я полагалъ бы оправдательный приговоръ о Борисовѣ, по обвиненію въ подлогѣ, описанномъ въ 56-мъ вопросѣ, и рѣшеніе присяжныхъ—отмѣнить.

Перехожу къ указаніямъ кассаціоннаго протеста на неправильности въ заключительномъ словѣ предсѣдателя. Еслибы врачъ, не имѣющій большой практики и многолѣтняго опыта, заявилъ, что больной умеръ, но безъ прекращенія дыханія, или пересталъ жить, но безъ остановки біенія сердца, то было бы полное основаніе признать, что такому врачу неизвѣстны существенныя условія жизненнаго процесса человѣческаго организма, и слѣдовало бы поискать причину этого незнанія въ неудовлетворительныхъ и неясныхъ урокахъ профессора. Такимъ профессоромъ — по отношенію къ пониманію свойствъ и значенія преступленія присяжными — является предсѣдатель. Если отвѣты присяжныхъ на вопросы суда представляютъ внутреннее, неразрѣшимое противорѣчіе, признаваемое судомъ и выразившееся въ непониманіи ими состава обсуждаемаго преступленія, то настоитъ необходимость обратиться къ провѣркѣ правильности указаній, которыя были даны присяжнымъ для уразумѣнія ими какъ состава преступленія, такъ и своихъ задачъ по отношенію къ отправленію правосудія по данному дѣлу. Эти указанія должны, согласно 801—804 ст. Уст. угол. суд., найти себѣ мѣсто въ заключительномъ объясненіи предсѣдателя, которое, по выраженію составителей судебныхъ уставовъ, является *напутствіемъ* присяжныхъ,— напутствіемъ, по своему назначенію, руководительнымъ. Назначеніе этого *руководящаго напутствія*—троякое. Оно должно, во-первыхъ, выяснить присяжнымъ коренные признаки и свойства разсматриваемаго преступленія; во-вторыхъ, напомнить имъ существенныя обстоятельства дѣла, подходящія подъ эти признаки или идущія съ ними въ разрѣзъ, освободивъ при этомъ эти обстоятельства и эти признаки отъ невѣрной окраски и односторонняго освѣщенія, допущенныхъ сторонами, и, въ-третьихъ, указать на тѣ общія начала, которыхъ слѣдуетъ держаться присяжнымъ при оцѣнкѣ силы доказательствъ, приведенныхъ къ обвиненію и въ защиту подсудимыхъ. У насъ по практическимъ условіямъ отправленія уголовнаго правосудія,—это напутствіе имѣетъ важное значеніе. Изложенное обдуманно и цѣлесообразно, оно — выясняя дѣло въ элементарной его простотѣ и удобопонятности—указываетъ присяжнымъ путь сужденія, предостерегая ихъ отъ закоулковъ и переулковъ, уклоняющихъ ихъ отъ истинной цѣли; оно снимаетъ написанныя болѣе или менѣе невѣрно декораціи, загораживающія трезвую правду дѣла; оно приходитъ на помощь лишенному защитника, неумѣлому, подавленному непривычною обстановкою подсудимому и за него указываетъ тѣ обстоятельства, выясненныя судебнымъ слѣдствіемъ, которыя должны

быть положены въ чашу оправданія. Я говорю «судебнымъ слѣдствіемъ», ибо подъ судебнымъ состязаніемъ, о которомъ упоминается въ ст. 802, разумѣются не только пренія, но и судебное слѣдствіе, согласно разъясненіямъ Правительствующаго Сената по дѣламъ Григорьевой и Филипповой, 1869 года, по дѣламъ Алексѣева и Серафимова, 1870 года, и по дѣлу Панаева, 1874 года. Наконецъ, это руководительное напутствіе, въ дѣлахъ особенно сложныхъ, гдѣ потерпѣвшимъ представляется цѣлое учрежденіе, а виновность подсудимыхъ слагается изъ нарушенія ряда взаимно обусловленныхъ обязанностей, имѣетъ въ высшей степени важную задачу устранить то, что я называю *извращеніемъ уголовной перспективы*, благодаря которому, путемъ искусственныхъ построеній, дѣйствительно виновные отодвигаются постепенно съ перваго плана на такое отдаленіе, что преступныя черты ихъ дѣятельности становятся трудно распознаваемыми. Вотъ почему, при неоднократномъ обсужденіи вопроса о руководительномъ напутствіи предсѣдателя, въ нашей наукѣ и литературѣ ни разу не высказывалось мнѣнія о безусловной отмѣнѣ его, подобно тому, какъ это сдѣлано во Франціи, а выражалась, не находившая себѣ, однако, сочувствія, мысль лишь объ ограниченіи случаевъ произнесенія заключительнаго слова желаніемъ самого предсѣдателя или просьбою присяжныхъ. Значенію руководящаго напутствія соотвѣтствуютъ и налагаемыя имъ на предсѣдателя обязанности. Судебные уставы, не преподавъ предсѣдателю никакихъ предустановленныхъ правилъ для оцѣнки силы и значенія доказательствъ, тѣмъ самымъ указали, что эта оцѣнка предоставляется его опыту, знанію и благоусмотрѣнію. Они не создали въ лицѣ говорящаго свое напутствіе предсѣдателя, какъ совершенно ошибочно полагаютъ нѣкоторые,—судью, играющаго обязательную безцвѣтную роль, состоящую въ перефразированіи вопросовъ и въ такомъ изложеніи доводовъ защиты и обвиненія, чтобы, погруженные въ своего рода «судебный щелокъ», они потеряли свой блескъ и свои краски, причемъ главною заботою этого судьи должно быть избѣжаніе обнаруженія *какого либо* мнѣнія по дѣлу. Напротивъ, судебные уставы, поставивъ слово предсѣдателя предъ самымъ совѣщаніемъ присяжныхъ, придали ему особую нравственную силу. Правильно понимающій свои обязанности предсѣдатель не только можетъ, но, въ извѣстныхъ случаяхъ, обусловленныхъ составомъ присяжныхъ, неравенствомъ силъ сторонъ, или способомъ установки на судѣ того или другого доказательства, *обязанъ* высказать присяжнымъ свое мнѣніе объ относительной силѣ каждаго изъ главнѣйшихъ доказательствъ. Если это личное мнѣніе предсѣдателя основано на его житейской и юридической опытности, на вдумчивости въ удѣльный вѣсъ каждаго рода и вида доказательствъ, то оно не только умѣстно въ напутствіи, но и желательно. Правительствующій Сенатъ всегда признавалъ за предсѣдателемъ право входить, въ предѣлахъ данныхъ, представленныхъ судебнымъ слѣдствіемъ, въ оцѣнку мнѣній экспертовъ, а также сущности и значенія свидѣтельскихъ показаній, указывая условія досто-

вѣрности этихъ показаній, (1867 г., № 492 и 1872 г., № 350). Несомнѣнно, что такое же право имѣетъ предсѣдатель и относительно такъ называемыхъ мертвыхъ доказательствъ—документовъ, писемъ, дневниковъ и т. п. Напутствуя присяжныхъ, предсѣдатель вышелъ бы изъ своей роли, говоря имъ: «этотъ человѣкъ виновенъ или невиновенъ»,—но онъ имѣетъ право и основаніе сказать имъ: «для сравненія чаши вѣсовъ защиты и обвиненія, вамъ даны гири—доказательства, на которыхъ стороны обозначали, съ своей точки зрѣнія, ихъ тяжесть; разсмотримъ каждую гирю и, руководясь опытомъ, знаніемъ и безпристрастіемъ, повѣримъ ея дѣйствительный вѣсъ». Точно также желательно и даже необходимо, чтобы по отношенію къ новымъ, выработаннымъ экономическою и общественною жизнью, явленіямъ,—предсѣдатель указывалъ присяжнымъ не только на свойства и признаки преступнаго дѣянія, но и независимо, конечно, отъ вины или невиновности подсудимаго,—и на общественное значеніе этого дѣянія. Присяжнымъ, живымъ судьямъ, взятымъ изъ различныхъ слоевъ общества, полезно знать—есть ли обсуждаемое ими нарушеніе закона обычное и стародавнее проявленіе преступной воли, издавна нарушающей права *отдѣльной* личности, охраняемыя государствомъ,—или же это нарушеніе слагается изъ дѣйствій, результаты коихъ, напримѣръ, при банковыхъ или избирательныхъ преступленіяхъ, при разновидныхъ преступленіяхъ противъ общественнаго кредита и т. п., отражаются прямо и рикошетами на обширныхъ группахъ согражданъ, на учрежденіяхъ, на цѣлыхъ отрасляхъ общественнаго труда. И здѣсь спокойное, продуманное, нравственно отвѣтственное слово предсѣдателя должно поставить задачу присяжныхъ на надлежащую высоту и показать имъ, на борьбу съ *какимъ злomъ* выступаетъ, въ ихъ лицѣ, правосудіе.

Таковы требованія, которыя, по моему мнѣнію, можно предъявлять къ руководящему напутствію предсѣдателя. Съ внѣшней стороны, эти требованія были по настоящему дѣлу исполнены. Изъ «общихъ соображеній» предсѣдателя Тамбовскаго окружнаго суда, подготовленныхъ имъ въ видѣ «конспекта» и записанныхъ по его порученію въ протоколъ,—усматривается, что онъ задался стремленіемъ упростить дѣло, очистивъ его «отъ загромождавшихъ его осложненій и наслоеній» и устранивъ изъ него то, что, «благодаря тенденціи и формѣ рѣчей защиты и гражданскихъ истцовъ, способно было отвлечь вниманіе присяжныхъ отъ самой сути дѣла». Признавая всю трудность для присяжныхъ «разобраться безошибочно въ хаосѣ цифръ и словъ, распознавъ правду отъ лжи и фразу отъ правдиваго слова», предсѣдатель нашелъ необходимымъ въ общей части своего напутствія разъяснить присяжнымъ ихъ задачу, указавъ и на общественное значеніе взводимаго на подсудимыхъ обвиненія, и на тѣ общія начала, которыми должны они руководствоваться, опредѣляя, въ полной независимости отъ постороннихъ соображеній и давленія общественнаго мнѣнія, вину или невиновность подсудимыхъ. Но, отдавая заслуженную дань уваженія громадному труду, вложенному

предсѣдателемъ Тамбовскаго Окружнаго Суда въ это дѣло, приходится, однако, сознаться, что, къ сожалѣнію, правильному и цѣлесообразному внѣшнему составу предсѣдательской рѣчи по дѣлу Саратовско-Симбирскаго банка не соотвѣтствуетъ ея внутреннее содержаніе. Мы находимъ въ ней рядъ выраженій и соображеній, которыя идутъ въ разрѣзъ съ указанными мною задачами руководящаго напутствія присяжнымъ. На ряду съ желаніемъ упростить дѣло, освободивъ его отъ всего лишняго, эта рѣчь расширяетъ задачу присяжныхъ до крайнихъ предѣловъ и, указавъ имъ, что для того, чтобы судить человѣка, надо его *познать*, оцѣнить его *жизнь*, его *поступки*, разъяснить, *кто онъ*, съ *кѣмъ водится*, что *дѣлаетъ*, рекомендуетъ имъ опираться, между прочимъ, на свою житейскую опытность, которая должна «обогатиться» на судѣ наблюденіемъ за тѣмъ—какъ себя «выказываютъ и проявляютъ» своимъ поведеніемъ во время засѣданія подсудимые, то есть рекомендуетъ самый неправильный, случайный и неустойчивый способъ сужденія о человѣкѣ, поставленномъ въ условія для него необычайныя, тягостныя и роковыя. Можно смѣло сказать, что законодатель, начертывая 801 ст. Уст. уг. суд., *никогда* не предполагалъ возможности *такихъ* общихъ основаній для сужденія о силѣ доказательствъ—и никогда не имѣлъ въ виду, что матеріаломъ для рѣшенія вопроса о виновности можетъ являться, между прочимъ—молчаніе подсудимаго на судѣ или «лихорадочное на все возраженіе», какъ выражается предсѣдатель по настоящему дѣлу. Постройка уголовнаго приговора на образѣ дѣйствій подсудимаго въ засѣданіи должна быть предметомъ настойчивыхъ *отрицательныхъ*, а отнюдь не *положительныхъ* указаній предсѣдателя, ибо такая постройка, благопріятствуя ловкому лицемѣру, угрожаетъ жестокою несправедливостью тому, чье волненіе, горячность, отчаяніе или подавленность свидѣтельствуютъ, въ большинствѣ случаевъ, лишь о томъ, что для него небезразличенъ позоръ осужденія.

Еще большія неправильности допущены и въ оцѣнкѣ *свойства дѣйствія* подсудимыхъ. Согласно обвинительному акту, подсудимые по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ Саратовско-Симбирскомъ банкѣ были преданы суду по обвиненіямъ, которыя по отношенію ко всѣмъ или къ нѣкоторымъ изъ нихъ сводились къ грубымъ нарушеніямъ ими своихъ служебныхъ обязанностей и данныхъ имъ полномочій, вызвавшихъ убытки для банка,—къ присвоенію себѣ средствъ, принадлежавшихъ банку на сумму свыше 300 рублей,—и къ разнаго рода служебнымъ подлогамъ, т. е. къ преступленіямъ, предусмотрѣннымъ 1154—1155 и 354, 362, 1198 и 1666 ст. Улож. По свойствамъ своимъ и въ виду несомнѣннаго и точнаго различія, существующаго, напр., въ составѣ и признакахъ присвоенія и подлога, эти преступленія отнюдь не могутъ быть подводимы подъ одно общее понятіе. Между тѣмъ, предсѣдатель Тамбовскаго Окружнаго Суда не только слилъ всѣ дѣянія, въ коихъ обвинялись подсудимые, во-едино, обозначивъ однимъ общимъ названіемъ *хищеній*, но и противопоставилъ имъ всѣмъ дѣянія, охарактеризованныя имъ «увлеченіями, самона-

дѣянностью и неумѣлостью». Но такъ какъ законъ уголовный не караетъ увлеченій, не исправляетъ неумѣлости и не занимается ослабленіемъ самонадѣянности, то, по смыслу объясненій предсѣдателя, оказывается, что подлоги всѣхъ видовъ, явныя и сознательныя неправильности въ выдачахъ необезпеченныхъ ссудъ, назначеніе несуществующаго дивиденда, утвержденіе завѣдомо чрезмѣрныхъ оцѣнокъ и присвоеніе себѣ банковаго капитала для своихъ личныхъ операцій—суть дѣянія, ненаказуемыя вовсе, если только въ нихъ не усматривается не установленный никакимъ закономъ признакъ *хищенія*. Такой взглядъ, однако, произволенъ и опровергается уже тѣмъ, что я ранѣе говорилъ объ исключительности случаевъ, въ которыхъ наше Уложеніе считаетъ нужнымъ упоминать о «корыстныхъ или иныхъ личныхъ видахъ».—Противоположивъ хищеніе дѣяніямъ наказуемымъ, предсѣдатель, предупредивъ присяжныхъ, что они могутъ въ разрѣшаемомъ ими дѣлѣ «столкнуться съ весьма рѣзкими проявленіями биржевыхъ и банковыхъ операцій, неестественное развитіе и лихорадочная дѣятельность которыхъ вызвали столько произвола, злоупотребленій и краховъ банковъ»—нашелъ, затѣмъ, нужнымъ напомнить имъ, что возложеніе уголовной кары на людей, которые «увлеклись теченіемъ, направленіемъ времени» и, «не пожелавъ оставаться на скромныхъ ступеняхъ житейской лѣстницы»,—пустились въ аферы, въ спекуляціи, въ биржевую игру—было бы равносильно неисполненію возложенной на нихъ обязанности. Но и по содержанію обвиненія, выведеннаго въ обвинительномъ актѣ и подведеннаго, между прочимъ, подъ 354 ст. Улож., и по смыслу самаго заключительнаго слова — подсудимые были преданы суду за аферы, спекуляціи и биржевую игру не на свои, трудомъ пріобрѣтаемыя и, въ стремленіи къ стяжанію, теряемыя деньги, а на деньги банка, т. е. на чужія, присвоенныя себѣ для этой цѣли, деньги. Такое присвоеніе носитъ на себѣ всѣ признаки уголовнаго преступленія, хотя бы оно совершалось и въ надеждѣ возвратить современемъ назадъ присвоенныя деньги, когда онѣ сослужатъ свою службу для легкаго прибытка. Подводить его подъ увлеченіе и самонадѣянность—значитъ воскрешать справедливо осужденную въ свое время теорію «самовспомоществованія» изъ дворянской кассы. Поэтому внушеніе предсѣдателя присяжнымъ, что они не исполнятъ своей присяги — «не оправдывать виновнаго и не осуждать невиннаго» — если покарaютъ легкомысленныхъ, распущенныхъ и непонимающихъ своихъ гражданскихъ обязанностей людей, увлекшихся спекуляціею и биржевою игрою»,—въ данномъ случаѣ, гдѣ дѣло шло о средствахъ банка,—есть внушеніе, представляющее присяжнымъ ихъ истинную задачу въ невѣрномъ свѣтѣ.—Такая же неправильность въ толкованіи признаковъ преступленія усматривается въ томъ мѣстѣ напутствія предсѣдателя, въ которомъ онъ говоритъ, что люди, занимающіеся ловитвою «въ мутной водѣ», подлежатъ карѣ лишь тогда, когда окажется, что они *хищники*, т. е. когда окажется, что они дѣйствовали, прикрываясь искусно составленными балансами, подложными

отчетами и подтасованными общими собраніями,—и что *всѣ эти* счеты, рапортички и ордера служили для нихъ *только* орудіемъ для достиженія хищническихъ цѣлей». Иными словами—если все то, что составлено искусно, что подложно и подтасовано, однимъ словомъ—если всѣ эти, *завѣдомо* несогласные съ дѣйствительностью документы, являлись дѣломъ рукъ подсудимыхъ лишь для прикрытія аферъ и спекулятивной биржевой игры на средства банка,—то подсудимые ни въ чемъ не виновны съ точки зрѣнія уголовной, а виновны лишь въ дѣяніяхъ несимпатичныхъ и неправственныхъ. Но преступнаго подлога, предусмотрѣннаго Уложеніемъ, никогда не опредѣляютъ обстоятельствами, для прикрытія коихъ онъ сдѣланъ. Ставъ на эту точку зрѣнія, уголовный законъ потерялся бы въ массѣ непредвидѣнныхъ случаевъ. Оказалось бы, что поддѣлать или истребить отданное на храненіе завѣщаніе—преступно для хищенія, но не преступно для аферы. Но если поддѣлать подпись непреступно для спекуляціи, то почему же оно преступно для удовлетворенія малодушнаго тщеславія (1412—1418 ст. Улож.)? Строить наказуемость на личной цѣли, а не на объективно-преступномъ фактѣ невозможно безъ внесенія въ отправленіе уголовнаго правосудія величайшей неопредѣленности и произвола. Я уже подробно доказывалъ это при разборѣ ст. 362 Улож., и потому не стану вновь къ этому возвращаться. И въ этомъ приглашеніи присяжныхъ признать составленіе подложныхъ документовъ, счетовъ и отчетовъ—не подлежащимъ взысканію только потому, что они составлены людьми, которые, не будучи хищниками, лишь «вслѣдствіе сложившихся, быть можетъ, въ ихъ жизни, обстоятельствъ, не захотѣли ограничиться скромною ролью труженика и мирнаго гражданина, но, вслѣдствіе ли среды, въ которой вращались, или особеннаго умственнаго развитія и направленія—пожелали плавать шире и глубже»—я вижу неправильное осуществленіе обязанностей предсѣдателя при его руководительствѣ присяжными въ пониманіи ими законныхъ признаковъ преступленія. Наконецъ, въ этихъ толкованіяхъ относительно ненаказуемости подлога, сдѣланнаго аферистами для прикрытія присвоенія, сдѣланнаго спекуляторами—упущенъ цѣлый рядъ нарушеній обязанностей по счетоводству, дѣлопроизводству и выполненію полномочій, и въ этомъ отношеніи присяжные оставлены безъ всякаго разъясненія, тѣмъ болѣе необходимаго, что въ эти нарушенія, какъ видно изъ квалификаціи обвинительнаго акта, спасительный ингредіентъ биржевой игры уже не входилъ.

Придавая особое значеніе руководящему напутствію, я не могу не придавать значенія существеннаго нарушенія ст. 801—804 Уст. угол. суд. и тѣмъ толкованіямъ, которыя нашли себѣ мѣсто въ подлежащемъ нашей оцѣнкѣ заключительномъ словѣ предсѣдателя. Вскорѣ за тѣмъ временемъ, когда у насъ въ большомъ числѣ образовались всѣхъ наименованій частные коммерческіе и земельные, а также городскіе банки, начались и такъ называемые «крахи» нѣкоторыхъ изъ нихъ. Въ уголовныхъ процессахъ по этому поводу, идущихъ непрерывно съ 1875 года, стали раздаваться по временамъ

соображенія о томъ, что на виновныхъ членовъ правленій и прочихъ должностныхъ лицъ банковъ, повинныхъ въ грубомъ неисполненіи своихъ обязанностей и въ явныхъ злоупотребленіяхъ, не слѣдуетъ смотрѣть ни строго, ни даже серьезно. Указывалось и, быть можетъ, еще будетъ указываться, что люди, получавшіе значительное вознагражденіе и допущенные довѣріемъ акціонеровъ къ распоряженію капиталами общества,—не могли побороть своей лѣни, не могли побѣдить своего незнакомства съ дѣломъ, не могли противустать искушенію и—*увлеклись* или просмотрѣли, въ сладкой и довѣрчивой апатіи, «увлеченія» другихъ. Въ сущности виновными оказывались акціонеры, которые выбирали несвѣдущихъ и слабыхъ людей на сопряженныя съ соблазномъ должности, забывая пословицу: «не клади плохо—не вводи во грѣхъ», и имъ, да еще вкладчикамъ—по заслугамъ предлагалось принять на себя и званіе потерпѣвшихъ, и званіе дѣйствительно виновныхъ. Но такіе взгляды—которыхъ невозможно оправдать, но которые можно объяснить свойственными *сторонѣ* въ процессѣ односторонностью и увлеченіемъ въ исполненіи взятой на себя задачи—встрѣтили, какъ видно изъ большинства приговоровъ присяжныхъ по банковымъ дѣламъ, отпоръ въ ихъ совѣсти и здравомъ смыслѣ. Присяжныхъ необходимо поддерживать на этомъ пути житейской правды, и съ этой точки зрѣнія толкованія объ отсутствіи преступности въ самовольномъ и своекорыстномъ расточеніи капитала, ввѣреннаго банковымъ дѣятелямъ, не должны встрѣчать себѣ мѣста въ руководящемъ напутствіи предсѣдателя. Ужъ если имѣть въ виду «направленіе и теченіе времени», то именно вслѣдствіе нѣкоторыхъ сторонъ этого направленія предсѣдатель имѣлъ бы, по моему мнѣнію, право сказать присяжнымъ: «законъ даетъ чувству состраданія исходъ въ правѣ признанія подсудимыхъ заслуживающими снисхожденія. Законъ говоритъ вамъ: какъ судьи, какъ граждане, назовите зло—зломъ, ложь—ложью и преступленіе—преступленіемъ! Но сказавъ это по совѣсти и предъ лицомъ родины, которая ввѣряетъ вамъ священное дѣло правосудія, поищите по человѣчеству,—нѣтъ ли обстоятельствъ въ дѣлѣ, въ личности, въ положеніи человѣка, по которымъ къ нему надо отнестись со снисхожденіемъ, и если найдете, то пусть рядомъ съ голосомъ строгой *правды* прозвучатъ и кроткіе звуки *милости!* Вотъ что говоритъ законъ, поддерживать и укрѣплять который вы призваны. Онъ ждетъ отъ васъ суда, а *не благотворительности*. Возлагая на васъ ваши высокія нравственно-отвѣтственныя предъ государствомъ и обществомъ обязанности, законъ не можетъ желать, чтобы, признавъ извѣстное дѣяніе дѣломъ подсудимаго, дѣйствовавшаго сознательно, вы говорили, что онъ, все-таки, не виноватъ тамъ, гдѣ онъ лишь заслуживаетъ, быть можетъ, снисхожденія. Вашъ приговоръ долженъ быть правдивъ, какъ бы тяжело ни было въ иныя минуты сказать слово правды. Въ немъ не должна находить себѣ мѣста та *жестокая чувствительность*, которая, къ сожалѣнію, часто служитъ лишь проявленіемъ разслабленія души. Благодаря ей, этой жестокой чувствительности,

у насъ нерѣдко совершенно исчезаютъ изъ виду обвиняемый и дурное дѣло, имъ совершенное, а на скамьѣ подсудимыхъ сидятъ отвлеченные подсудимые, не подлежащіе карѣ закона, называемые обыкновенно средою, порядкомъ вещей, темпераментомъ, страстью, увлеченіемъ... Не надо забывать, что страсть многое объясняетъ—и ничего не оправдываетъ, что излишнее довѣріе, отсутствіе или слабость надзора не извиняютъ того, кто этимъ пользуется. Увлекаясь чувствительностью въ отношеніи къ виновному, не надо становиться жестокими къ потерпѣвшему, къ пострадавшему и къ нравственному и матеріальному ущербу, причиненному преступленіемъ, присоединять еще и обидное сознаніе, что это ничего не значитъ, что за это ни кары, ни порицанія не слѣдуетъ, и что законъ, который грозитъ спасительнымъ страхомъ слабому и колеблющемуся, есть мертвая буква, лишенная практическаго значенія». Думаю, что такія указанія болѣе соотвѣтствовали бы задачѣ руководящаго напутствія, чѣмъ противоположеніе «хищенію»—цѣлой гаммы ненаказуемости, состоящей изъ словъ: увлеченіе, легкомысліе, самонадѣянность, среда, сложившіяся обстоятельства, особенное направленіе ума, теченіе времени—и оканчивающейся оправдательнымъ аккордомъ.

Но не одни неправильныя толкованія въ рѣчи предсѣдателя могутъ вызвать неясные и противорѣчивые отвѣты присяжныхъ. На нихъ не могутъ не оказывать вліянія и пренія, и если въ таковыхъ допущены заявленія, затемняющія и безъ нужды усложняющія и путающія дѣло, то эти потемки и эта путаница могутъ отразиться и на обсужденіи присяжными предложенныхъ имъ вопросовъ. И съ этой точки зрѣнія, по дѣлу Саратовско-Симбирскаго банка, имѣли мѣсто очевидныя неправильности. На нихъ указывается въ кассаціонной жалобѣ гражданскаго истца Лопуцкаго и въ протестѣ прокурора, который, между прочимъ, жалуется на допущеніе повѣреннаго государственнаго Дворянскаго банка свидѣтельствовать въ своей рѣчи предъ присяжными, на основаніи личнаго знакомства съ подсудимымъ Борисовымъ,—о его нравственныхъ достоинствахъ, дѣлающихъ его неспособнымъ на хищеніе, но способнымъ играть на банковскія деньги на биржѣ, быть можетъ, однако, и безъ корыстной цѣли. Судъ обходитъ молчаніемъ замѣчаніе объ этомъ на протоколѣ судебнаго засѣданія, и такъ какъ своевременно товарищемъ прокурора о занесеніи въ протоколъ этого заявленія сдѣлано не было, то въ настоящее время Правительствующій Сенатъ не можетъ входить,—согласно рѣшенію 1885 года, по дѣлу Мироновича,—въ обсужденіе этого нарушенія. Но самое заключительное слово предсѣдателя содержитъ въ себѣ неопровержимое, по источнику своему, доказательство того, что имъ во время преній была дозволена именно та «слишкомъ развязная, самоувѣренная передача и истолкованіе данныхъ дѣла», о которой онъ говорилъ въ своей рѣчи, какъ о могущей «по своей формѣ и тенденціямъ подѣйствовать на воображеніе и чувство присяжныхъ» для отвлеченія ихъ вниманія отъ самой сути дѣла. Нѣкоторые гражданскіе истцы, по удостовѣренію пред-

сѣдателя, явились по дѣлу въ роли защитниковъ и «какихъ-то милователей». Но развѣ не отъ него, въ силу 611, 620, 631 и 742 ст. Уст. угол. суд., зависѣло, указавъ такимъ гражданскимъ истцамъ на то, что они не уполномочены ни закономъ, ни судомъ, ни своими довѣрителями являться защитниками подсудимыхъ и опровергать доводы обвинительной власти—обратить ихъ къ исполненію ихъ прямыхъ обязанностей, на точномъ основаніи ст. 742 Уст. угол. суд. Развѣ предсѣдатель можетъ быть пассивнымъ зрителемъ такого несогласнаго съ мыслью закона распредѣленія боевыхъ силъ въ процессѣ?—Развѣ онъ можетъ ограничиваться упоминаніемъ объ этомъ вскользь въ своемъ объясненіи, послѣ того какъ *защитительная* рѣчь гражданскаго *истца* уже произвела свое, своевременно не предотвращенное, дѣйствіе? Вамъ толковали, сказалъ предсѣдатель, обращаясь къ присяжнымъ,—о подлежащемъ и сказуемомъ, о Владимірѣ Мономахѣ, о вѣсахъ съ правительственными клеймами; говорили, почему-то, о муравьиныхъ и воробьиныхъ гнѣздахъ, тенденціозно сопоставляли совѣсть и правдивость человѣка съ небольшими денежными средствами съ совѣстью и правдивостью богатаго человѣка, приводили изреченія неизвѣстнаго вамъ какого-то западнаго экономиста и, наконецъ, дошли до того, что увѣряли васъ, что причиною краха банка, главнымъ виновникомъ бѣдствія—не неумѣлость и легкомысліе его заправителей и не ихъ хищничество, но та слѣдственная власть, которая такъ не во-время, неумѣлою рукою, прикоснулась къ этому учрежденію, и что обвинительный актъ, утвержденный Саратовскою Судебною Палатою, представляетъ собою юридическій безпорядокъ, какъ бы служившій продолженіемъ бывшихъ безпорядковъ Саратовско-Симбирскаго банка». Но зачѣмъ же это все было дозволено?—Предсѣдатель, вооруженный, согласно 617, 737 и 745 ст. Уст. угол. суд., вполнѣ достаточно для устраненія всякаго празднословія и всего не идущаго къ дѣлу,—не долженъ ограничиваться ролью лѣтописца, который лишь заноситъ на страницы своего заключительнаго слова все лишнее, сказанное на судѣ, а когда оно говорится, то «спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ» въ нарушеніе своихъ обязанностей при судоговореніи. Иначе, дѣйствительно въ преніяхъ могутъ, «наконецъ, дойти до того», что ставя, какъ это было въ настоящемъ дѣлѣ, судебной власти въ вину исполненіе ею ея долга, станутъ обвинять ее въ гибели банка и называть актъ преданія суду банковыхъ дѣятелей юридическимъ безпорядкомъ, служащимъ продолженіемъ банковыхъ безпорядковъ, состоявшихъ, согласно этому самому акту, въ подлогахъ, присвоеніяхъ и вопіющей служебной недобросовѣстности. Правительствующій Сенатъ въ рядѣ рѣшеній призналъ, что предсѣдатель обязанъ не допускать въ рѣчахъ выраженій, оскорбительныхъ для отдѣльныхъ лицъ, учрежденій и установленій, какъ могущихъ поселить въ присяжныхъ засѣдателяхъ предубѣжденіе и нарушающихъ то спокойное равновѣсіе духа, которое необходимо для правильнаго отправленія правосудія. Въ послѣдніе годы Правительствующій Сенатъ, исходя изъ этого, настой-

чиво и въ рядѣ рѣшеній имъ проводимаго взгляда, призналъ (въ 1885 году, по дѣлу Лоцовыхъ) предсѣдателя обязаннымъ остановить, подъ угрозою кассаціи, прокурора и защитника, когда они, вопреки 739 и 745 Уст. угол. суд., даютъ неправильныя объясненія значенію дѣйствій судебной власти или поселяютъ въ присяжныхъ предубѣжденіе. Наконецъ, въ 1883 г., въ рѣшеніи по дѣлу Кронштадтскаго банка, выраженія защитника о доводахъ обвиненія и обвинительномъ актѣ, не превосходящіе, по своей рѣзкости, то, что̀ удостовѣрено въ заключительномъ словѣ предсѣдателя Тамбовскаго Окружнаго Суда—были признаны неприличными и неумѣстными и долженствовавшими вызвать остановку и замѣчаніе со стороны предсѣдателя—и повлекли за собою, между прочимъ, кассацію приговора. Между тѣмъ, предсѣдателемъ по дѣлу Саратовско-Симбирскаго банка никакихъ мѣръ, указываемыхъ 611 ст. Уст. угол. суд., по отношенію къ приведеннымъ мѣстамъ, предпринято не было, а заявленіе его, сдѣланное защитнику Борисова о тенденціозной оцѣнкѣ имъ дѣйствій судебнаго слѣдователя—относится не къ приведеннымъ мѣстамъ. Допущеніе всѣхъ этихъ выраженій, безъ своевременнаго введенія говорившихъ въ законныя границы и безъ принятія мѣръ къ изглаженію у присяжныхъ впечатлѣній, располагающихъ къ предубѣжденію — представляется несомнѣннымъ нарушеніемъ 611 ст. Уст. угол. суд. Обращеніе предсѣдателя къ присяжнымъ съ вопросомъ: «неужели мы, господа присяжные засѣдатели, высидѣли здѣсь около мѣсяца, неустанно работая надъ судебнымъ слѣдствіемъ, для того, чтобы выслушать все это излишнее и ненужное?» — нисколько не устраняетъ этихъ неправильностей и не ослабляетъ ихъ силы. Отъ руководителя судебныхъ преній зависѣло своевременными указаніями устранить все излишнее и ненужное и тѣмъ избавить себя отъ такого вопроса присяжнымъ, который съ неменьшимъ основаніемъ могъ быть ему сдѣланъ ими самими.

На основаніи всего изложеннаго и усматривая въ способѣ, которымъ велось судебное по дѣлу состязаніе, существенное кассаціонное нарушеніе,—нахожу оправдательный приговоръ суда и рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей о всѣхъ подсудимыхъ подлежащими отмѣнѣ.

Перехожу къ указаніямъ протеста и жалобы на *судопроизводственныя нарушенія* во время судебнаго слѣдствія и при постановкѣ вопросовъ.

Во-первыхъ, товарищъ прокурора Судебной Палаты указываетъ на нарушеніе 1 п. 650 ст. освобожденіемъ отъ исполненія обязанностей присяжнаго засѣдателя, вопреки его заключенію, учителя семинаріи Быстрова, которому надлежало присутствовать при экзаменахъ, и эконома оной Смирнова, на котораго возложены, по должности, обязанности смотрителя зданія, наблюдающаго за производящимся въ семинаріи ремонтомъ. По отношенію къ Смирнову этого нарушенія не существуетъ, ибо хотя судъ и освободилъ Смирнова, по соображеніямъ, вытекающимъ не изъ закона 28-го апрѣля 1887 г., но, во

всякомъ случаѣ, по этому закону, уже воспріявшему дѣйствіе при разсмотрѣніи дѣла Саратовско-Симбирскаго банка, внесенію въ списки присяжныхъ засѣдателей не подлежатъ экзекуторы и смотрители зданій правительственныхъ установленій, слѣдовательно Смирновъ, по званію своему, долженъ былъ быть освобожденъ отъ судейскихъ обязанностей. Наоборотъ, освобожденіе Быстрова представляется существеннымъ нарушеніемъ 1 п. 650 ст. Уст. угол. суд. Данное здѣсь объясненіе, что Правительствующій Сенатъ всегда признавалъ подобное устраненіе не подлежащимъ обсужденію въ кассаціонномъ порядкѣ—не точно. Рѣшеніе 1874 г., № 438, по дѣлу Полозова, указываетъ, что Сенатъ не входитъ въ разсмотрѣніе правильности основаній къ освобожденію присяжнаго засѣдателя по 82 ст. Учр. суд. уст., т. е. въ такихъ случаяхъ, гдѣ освобожденіе основано на физическихъ или формальныхъ условіяхъ, которыя дѣлаютъ нравственно или практически невозможнымъ исполненіе обязанностей засѣдателя. Что же касается неправильнаго освобожденія по другимъ основаніямъ (ст. 650 Уст. угол. суд.), то Правительствующій Сенатъ въ рѣшеніи 1870 г., за № 967, по дѣлу Васильева, призналъ за сторонами право жалобы на неправильное освобожденіе. Указомъ 1-го департамента Правительствующаго Сената 1873 г., напечатаннымъ въ Собраніи узаконеній за № 51, и общаго собранія 1-го и кассаціонныхъ департаментовъ 1884 г. 16-го апрѣля, а также рѣшеніемъ общаго собранія кассаціонныхъ департаментовъ 1880 г., за № 33, установлены коренныя положенія относительно примѣненія 1 п. 650 ст. Уст. угол. суд. Въ силу этихъ положеній, служебныя порученія, которыя освобождаютъ присяжнаго засѣдателя отъ исполненія его обязанностей въ судѣ, во-первыхъ, должны не быть присвоены должности и не входить въ кругъ постоянныхъ обязанностей должностного лица, которыя, даже будучи спѣшными и временными, все-таки не подходятъ подъ указанія ст. 650; во-вторыхъ,—порученія эти должны быть сопряжены съ требованіемъ отлучекъ изъ постояннаго мѣста жительства должностного лица и, наконецъ, въ-третьихъ, быть такого рода, чтобы, по свойству своему, лишать начальство служащаго, въ виду своевременнаго увѣдомленія о внесеніи присяжнаго засѣдателя въ очередный списокъ, возможности просить о переводѣ его изъ одной очереди въ другую. Въ данномъ случаѣ ни перваго, ни второго, ни третьяго условія не было, а потому увольненіе Смирнова не было основано на законѣ, чѣмъ совершено нарушеніе 1 п. 650 ст., устранившее, безъ достаточнаго основанія, изъ состава присяжныхъ, подлежащихъ выбору по жребію, призванное къ тому лицо.

Къ жалобамъ на составъ присяжныхъ засѣдателей по дѣлу относится и указаніе гражданскаго истца Лопуцкаго на то, что присяжный засѣдатель Евстифѣевъ, бывшій старшиною, оказался страдающимъ значительною степенью глухоты, но оно не заслуживаетъ уваженія, такъ какъ изъ протокола судебнаго засѣданія видно, что при предложеніи вопроса по 82 ст. Учр. суд. уст. Евстифѣевъ о

своемъ физическомъ недостаткѣ не заявлялъ и принималъ безпрекословное участіе въ разбирательствѣ, и объ этомъ обстоятельствѣ не было сдѣлано своевременно заявленія суду, ибо засѣданіе по настоящему дѣлу было окончено 5-го іюля, а заявленіе о томъ, что Евстифѣевъ страдаетъ глухотою, подано лишь 7-го іюля.

Во-вторыхъ, указывается на неодновременный приводъ къ присягѣ запасныхъ и комплектныхъ присяжныхъ засѣдателей. Въ этомъ—какъ прокуроромъ, такъ и подсудимымъ Трухачевымъ усматривается нарушеніе 664 и 666 ст. Уст. уг. суд. Хотя я и раздѣляю вполнѣ соображенія жалобщиковъ, по которымъ они находятъ желательною одновременную присягу очередныхъ и запасныхъ присяжныхъ засѣдателей, но полагаю, что данный случай не можетъ служить основаніемъ къ отмѣнѣ рѣшенія. Правительствующій Сенатъ въ рѣшеніи 1873 г., за № 598, по дѣлу Хисамутдинова, призналъ, что обязанности присяжныхъ засѣдателей регулируются, главнымъ образомъ, приносимою ими присягою, въ формулѣ которой не упоминается о запасныхъ присяжныхъ. Поэтому, этимъ рѣшеніемъ установлено, что принятіе присяги до вступленія засѣдателя въ комплектъ не можетъ быть допускаемо. Но затѣмъ, при обсужденіи въ 1877 году кассаціонныхъ поводовъ по дѣлу Московскаго коммерческаго и ссуднаго банка, Правительствующій Сенатъ призналъ, что одновременное приведеніе къ присягѣ запасныхъ и очередныхъ засѣдателей не составляетъ нарушенія. Такимъ образомъ, Правительствующій Сенатъ предоставилъ суду опредѣлять въ каждомъ данномъ случаѣ, слѣдуетъ ли по обстоятельствамъ дѣла, въ виду предстоящей продолжительности засѣданія, по условіямъ наличности духовныхъ лицъ, приводить очередныхъ и запасныхъ присяжныхъ засѣдателей къ присягѣ одновременно, или послѣдовательно—по мѣрѣ вступленія запасныхъ въ комплектъ. Тамъ, гдѣ засѣданіе можетъ продлится долго, гдѣ можетъ встрѣтиться затрудненіе въ призывѣ духовнаго лица, желательно, чтобъ приводъ къ присягѣ былъ совершаемъ одновременно; тамъ же, гдѣ по дѣлу предстоитъ непродолжительное или краткое засѣданіе, очевидно, приводъ запасныхъ присяжныхъ засѣдателей будетъ совершенно излишнимъ и вызоветъ, безъ нужды, исполненіе ими священнаго обряда, который не долженъ быть употребляемъ всуе. Поэтому, примѣненіе или непримѣненіе одновременнаго привода къ присягѣ есть дѣло практическихъ соображеній суда и, за состоявшимися рѣшеніями Сената, въ качествѣ повода къ отмѣнѣ рѣшенія обсужденію Правительствующаго Сената подлежать не должно, тѣмъ болѣе, что и самъ Сенатъ, въ своей практикѣ по сложнымъ дѣламъ, требующимъ продолжительныхъ засѣданій, допускаетъ отступленіе отъ рѣшенія по дѣлу Хисамутдинова. Такъ, напримѣръ, по разбиравшемуся въ теченіе 8 дней въ 1886 г. дѣлу о князѣ Щербатовѣ и др., приводъ запасныхъ и комплектныхъ засѣдателей къ присягѣ былъ произведенъ одновременно. Вслѣдствіе сего о нарушеніи 664 и 666 Уст. угол. суд. въ данномъ случаѣ не можетъ быть рѣчи.

Въ-третьихъ, указывается на нарушеніе правилъ надзора за присяжными засѣдателями, выразившееся въ отдѣльныхъ, не обстановленныхъ надлежащимъ надзоромъ, прогулкахъ присяжныхъ, катаньѣ ихъ на лодкахъ, купаньѣ въ общественныхъ купальняхъ, и наконецъ, въ дозволеніи имъ играть въ карты во время отдыха, въ большіе перерывы судебнаго засѣданія. Указанія эти опираются, главнымъ образомъ, на протоколъ судебнаго засѣданія, изъ котораго не видно, какія мѣры были приняты—и своевременно оглашены—относительно огражденія засѣдателей отъ постороннихъ вліяній при этихъ прогулкахъ, купаньѣ и т. п. Нельзя не пожалѣть, что объ этомъ не записано въ протоколъ, подобно тому, какъ это было сдѣлано въ образцовомъ засѣданіи по неменѣе продолжительному дѣлу о злоупотребленіяхъ въ Таганрогской таможнѣ, гдѣ бывшій старшій предсѣдатель Харьковской Судебной Палаты не только объявлялъ о всѣхъ принимаемыхъ къ огражденію присяжныхъ засѣдателей мѣрахъ, но изложилъ при началѣ засѣданія подробно о всемъ томъ распорядкѣ жизни присяжныхъ въ судѣ, который имъ установленъ, съ мотивами, *почему* и *какъ* должна быть осуществлена та или другая мѣра. Эта неполнота протокола, однако, не можетъ дать основанія къ усмотрѣнію въ допущеніи прогулокъ и купаній нарушеніе надзора, ибо съ одной стороны и кассаторы говорятъ лишь о возможности постороннихъ вліяній, не указывая на существованіе таковыхъ въ дѣйствительности, а съ другой—четыре судебныхъ пристава и одинъ помощникъ секретаря, безъ сомнѣнія, знакомые съ 362 и 417 ст. Улож., о которыхъ столь часто упоминалось въ этомъ процессѣ, категорически удостовѣряютъ въ рапортѣ на имя предсѣдателя, что, за принятыми ими мѣрами, никакое постороннее вліяніе на присяжныхъ не имѣло мѣста. Правительствующій Сенатъ, въ рѣшеніи 1874 года, по дѣлу Энгельгардта, высказалъ, что неисполненіе циркулярнаго указа, послѣдовавшаго въ 1873 г., которымъ рекомендуется не допускать отдаленныхъ прогулокъ присяжныхъ засѣдателей внѣ ограды суда, безъ опредѣленнаго указанія кассаторовъ на то, что такая прогулка повлекла за собою какое либо фактическое нарушеніе присяжными засѣдателями обязанности своей не входить ни съ кѣмъ въ сношенія, не можетъ служить основаніемъ къ отмѣнѣ приговора.

Что касается до игры въ карты, производившейся, по удостовѣренію приставовъ, лишь въ теченіе короткаго времени, по окончаніи дневного засѣданія, не на деньги, а въ видѣ «самаго невиннаго развлеченія», воспретить которое они, судебные пристава, присяжнымъ, лишеннымъ газетъ и книгъ, не считали себя въ правѣ,—то въ такомъ попустительствѣ съ ихъ стороны занятію, по самому характеру своему идущему въ разрѣзъ съ важностью обязанностей присяжнаго засѣдателя, я усматриваю доказательство недостаточнаго со стороны предсѣдателя разъясненія судебнымъ приставамъ ихъ обязанностей по отношенію къ надзору за присяжными, но существеннаго кассаціоннаго повода въ этомъ, въ высшей степени

нежелательномъ явленіи, видѣть, однако, не нахожу фактическихъ основаній.

Въ-четвертыхъ, Трухачевъ указываетъ на неправильное, вопреки 629 ст. Уст. угол. суд., прочтеніе показанія свидѣтеля Гладышева, признаннаго существеннымъ и неявившагося безъ законнаго основанія, въ виду замѣщенія имъ должности предсѣдателя земской управы. Согласно ряду кассаціонныхъ рѣшеній, прочтеніе показанія существеннаго свидѣтеля, не явившагося безъ указанной въ ст. 626 причины — есть несомнѣнное нарушеніе. Примѣненіе къ неявкѣ Гладышева судомъ 2 п. 388 ст. Уст. угол. суд. т. е. отождествленіе дѣятельности предсѣдателя земской управы съ наводненіемъ, моровою язвою и нашествіемъ непріятеля—является, вѣроятно, опискою, хотя и 4 п. 650 ст. тоже, хотя и примѣнительно, не могъ бы быть приложимъ къ настоящему случаю, ибо относится до присяжныхъ, а не до свидѣтелей — и имѣетъ въ виду такую неявку, которая сопряжена со срочнымъ пользованіемъ своими избирательными правами, а не съ исправленіемъ должности предсѣдателя коллегіальнаго учрежденія. Поэтому допросъ Гладышева представляетъ нарушеніе 626 ст., но, однако, отнюдь не можетъ служить къ отмѣнѣ рѣшенія о Трухачевѣ, ибо свидѣтель этотъ вызывался не прокуроромъ и не по просьбѣ этого подсудимаго, который, слѣдовательно, на его неправильный допросъ не имѣетъ права приносить жалобу.

Въ-пятыхъ, товарищъ прокурора видитъ нарушеніе 611 и 630 ст. Уст. угол. суд. въ тѣхъ объясненіяхъ, которыя произошли между предсѣдателемъ суда и защитникомъ Сергѣя Борисова, присяжнымъ повѣреннымъ Пржевальскимъ, въ засѣданіи 10-го іюня, по поводу замѣчанія, сдѣланнаго первымъ послѣднему въ засѣданіи 8-го іюня, послѣдствіемъ чего былъ отказъ Пржевальскаго продолжать защиту. Признавая все несоотвѣтствіе съ правильными взаимными отношеніями участвующихъ въ процессѣ лицъ—эпизодовъ, подобныхъ вызвавшему настоящія объясненія, я не могу, однако, усмотрѣть въ нихъ указываемыхъ нарушеній и не считаю ихъ, поэтому, кассаціоннымъ поводомъ. Объясненія, происходившія между названными лицами, представляются крайне нежелательными и по своему происхожденію, и по своему способу, и по возможнымъ ихъ результатамъ. Достоинство званія предсѣдателя суда, его значеніе и права по отношенію къ ходу засѣданія и къ сторонамъ — требуютъ отъ него большой обдуманности, спокойной твердости и сдержанности выраженій. Ему надлежитъ болѣе, чѣмъ кому либо въ засѣданіи, помнить, что «блаженъ, кто словомъ твердо правитъ и держитъ мысль на привязи' свою». Въ засѣданіи 10-го іюня, предсѣдатель по настоящему дѣлу, вызвавъ присяжнаго повѣреннаго Пржевальскаго изъ публики и выслушавъ его объясненія о томъ, что онъ «никогда и не думалъ оскорблять слѣдственную власть»—сказалъ Пржевальскому, что въ такомъ случаѣ сожалѣетъ, что сдѣлалъ ему въ засѣданіи 8-го іюня замѣчаніе возвышеннымъ тономъ—и затѣмъ просилъ его, въ интересахъ дѣла, снова занять мѣсто защиты. Такимъ

образомъ, предсѣдатель призналъ, что поторопился воспользоваться своею дисциплинарною властью безъ достаточнаго и, во всякомъ случаѣ, безъ вполнѣ выясненнаго къ тому повода. Отдавая полную справедливость прямодушію и чувству истинной судебной порядочности, вызвавшимъ публичное сознаніе въ своей ошибкѣ, безъ соображеній мелочнаго самолюбія, не могу, однако, не указать, что событіе, подавшее поводъ къ такому признанію, не свидѣтельствуетъ о необходимой въ веденіи процесса спокойной сдержанности распорядителя засѣданія. По способу своему—обращеніе предсѣдателя, по поводу эпизода, случившагося въ судебномъ засѣданіи, съ вопросами къ лицу, находящемуся, въ качествѣ частнаго человѣка, въ публикѣ, безъ знаковъ своего званія—не соотвѣтствуетъ тому положенію, въ которое поставленъ предсѣдатель по отношенію къ публикѣ, и можетъ подавать поводъ къ произвольнымъ и превратнымъ толкованіямъ о какихъ либо предварительныхъ переговорахъ, имѣвшихъ мѣсто не на судѣ. Кромѣ того, обращеніе къ лицу, находящемуся въ публикѣ, со словами: «ваше появленіе среди публики, въ залѣ засѣданія, послѣ того какъ вы устранили себя отъ защиты, даетъ мнѣ поводъ предполагать, что вы, въ интересахъ обвиняемаго, оставшагося безъ защиты, желаете дать мнѣ случай и возможность разъяснить тѣ недоразумѣнія, которыя имѣли мѣсто по поводу вашего заявленія о дѣйствіяхъ слѣдственной власти»—представляется едва ли умѣстнымъ въ такой формѣ, ибо предполагаетъ неизбѣжно *утвердительный* отвѣтъ, такъ какъ при отрицательномъ отвѣтѣ положеніе предсѣдателя было бы не согласно съ достоинствомъ носимаго имъ званія, а желаніе защитника не покидать подсудимаго и представить разъяснительныя объясненія не можетъ быть предполагаемо, но должно быть выражено прямо, путемъ надлежащаго заявленія предсѣдателю лично или чрезъ судебнаго пристава.

Во всякомъ случаѣ, нѣтъ никакихъ основаній видѣть въ поспѣшномъ пользованіи предсѣдателемъ своею дисциплинарною властью—обстоятельство, могущее вредно повліять на присяжныхъ, на чемъ, въ сущности, и построенъ, по этому поводу, протестъ.

Въ-шестыхъ, товарищъ прокурора признаетъ нарушеніемъ ст. 629 Уст. угол. суд. передачу экспертамъ разсчета Борисова съ банкомъ, въ качествѣ матеріала для обсужденія вопросовъ сторонъ, вопреки послѣдовавшему за день предъ тѣмъ отказу суда предъявить экспертамъ тотъ же разсчетъ, но только въ другой формѣ, чѣмъ вызваны были вредныя для разъясненія дѣла заявленія защиты и разногласія экспертовъ. Усматривая, однако, изъ занесеннаго въ протоколъ заключенія товарища прокурора и изъ сдѣланныхъ имъ замѣчаній, что возраженіе его противъ принятія *второго* разсчета Борисова сдѣлано *условно,* съ признаніемъ «излишнимъ» предъявлять его экспертамъ, «такъ какъ таковой разсчетъ уже имѣется при дѣлѣ», а «провѣрка вновь представленнаго разсчета едва ли возможна и, во всякомъ случаѣ, займетъ много времени безъ существенной пользы для дѣла»,—я нахожу, что при такомъ характерѣ возра-

женія, предоставляющемъ окончательное рѣшеніе практической стороны вопроса суду—товарищъ прокурора уже не имѣлъ права жаловаться на нарушеніе 629 ст. Уст. угол. суд.

Въ седьмыхъ, товарищъ прокурора видитъ нарушеніе своихъ правъ и изображенныхъ въ ст. 802 Уст. угол. суд. правилъ въ заявленіи предсѣдателя присяжнымъ, въ засѣданіи 25-го іюня, что счетъ Сергѣя Борисова представляется «краеугольнымъ камнемъ» дѣла. Я не могу съ этимъ согласиться. Счетъ этотъ былъ однимъ изъ доказательствъ, а оцѣнка значенія доказательствъ есть вопросъ существа, не подлежащій кассаціонной провѣркѣ. Кромѣ того, не только дозволительно, но и крайне желательно, чтобы по дѣламъ сложнымъ предсѣдатель обращалъ вниманіе присяжныхъ на необходимость приложить особое раченіе при ознакомленіи съ тѣмъ или другимъ доказательствомъ или съ рядомъ доказательствъ, которыми должна быть выяснена какая либо существенная сторона дѣла. Если, на основаніи 3 п. 630 ст. Уст. угол. суд., стороны имѣютъ право дѣлать замѣчанія и давать объясненія по каждому дѣйствію, происходящему на судѣ,—то тѣмъ болѣе, согласно 613 ст. Уст. угол. суд., предсѣдатель, направляющій ходъ дѣла къ тому порядку, который наиболѣе соотвѣтствуетъ раскрытію истины, долженъ имѣть право указать присяжнымъ на важность или значеніе какого либо происходящаго предъ ними дѣйствія для уразумѣнія истины въ дѣлѣ. Предсѣдатель, по моему мнѣнію, въ дѣлахъ сложныхъ и продолжительныхъ, даже обязанъ закрѣплять вниманіе присяжныхъ на томъ, что нужно, по ст. 614 Уст. угол. суд., «для обстоятельнаго разсмотрѣнія дѣла»,—и имѣть въ виду то, что́ у нихъ должно быть предметомъ особо тщательнаго обсужденія въ совѣщательной комнатѣ. Поэтому онъ можетъ и характеризовать доказательства словами, указывающими на ихъ значеніе въ томъ грузѣ данныхъ, которыми снабжаютъ присяжныхъ стороны. Такая живая самодѣятельность предсѣдателя во время слѣдствія подлежитъ не обжалованію, а подражанію, и никакого нарушенія ст. 802 Уст. угол. суд. не представляетъ. Указавъ, что въ дѣлѣ, гдѣ идетъ вопросъ объ убійствѣ или самоубійствѣ,—актъ медицинскаго осмотра трупа составляетъ важное доказательство, къ изложенію котораго надо особо прислушиваться,—или что въ дѣлѣ о растлѣніи актъ осмотра бѣлья потерпѣвшей представляется въ высокой степени значущимъ,—или что въ дѣлѣ о банковой растратѣ экспертиза и подлежащіе ея провѣркѣ документы суть «краеугольные камни дѣла»,—предсѣдатель вовсе не высказываетъ своего мнѣнія о винѣ или невиновности подсудимыхъ, а лишь, проходя предварительно тотъ путь, по которому снова и окончательно пойдутъ присяжные при совѣщаніи, останавливаетъ ихъ на распутіяхъ и совѣтуетъ запомнить примѣты, чтобы потомъ не сбиться. Онъ этимъ не только не нарушаетъ закона, но и исполняетъ его въ смыслѣ его внутренняго содержанія. Притомъ, по настоящему дѣлу изъ заключенія суда на замѣчанія товарища прокурора видно, что слова предсѣдателя были обращены даже и не къ присяжнымъ,

а къ тѣмъ подсудимымъ и защитникамъ, которые, съ разрѣшенія суда, наканунѣ, отсутствовали при заявленіяхъ защитника Борисова о необходимости провѣрки счета, названнаго предсѣдателемъ «краеугольнымъ камнемъ *объясненій* Борисова о его расчетахъ съ банкомъ».

Въ-восьмыхъ, товарищъ прокурора признаетъ нарушеніемъ ст. 625 и 687 Уст. уг. суд. прочтеніе записки Крубера съ описаніемъ Кано-Никольской дачи, въ чрезмѣрной, превышающей во много разъ дѣйствительную стоимость, оцѣнкѣ которой обвинялся, между прочимъ, Сергѣй Борисовъ. Изъ дѣла видно, что по вопросу объ истребованіи этого описанія изъ Дворянскаго земельнаго банка состоялось нѣсколько постановленій суда, изъ которыхъ для насъ важно постановленіе отъ 4-го іюня, коимъ ходатайство защиты объ этомъ истребованіи было по своей *несвоевременности* оставлено безъ послѣдствій. Въ засѣданіи 16-го іюня, на новое ходатайство о томъ же присяжнаго повѣреннаго Винтергальтера, предсѣдатель заявилъ, что, въ видахъ предоставленія подсудимымъ всѣхъ средствъ къ защитѣ, онъ, по собственной иниціативѣ, вошелъ въ переписку съ управляющимъ банкомъ о присылкѣ записки Крубера, каковая и доставлена. Затѣмъ, записка эта была прочитана на судѣ. Такъ какъ ни протестъ товарища прокурора, ни протоколъ, ни заключеніе суда не позволяютъ заключить, чтобы это прочтеніе послѣдовало *безъ постановленія* суда, то въ этомъ отношеніи не можетъ быть и рѣчи о прочтеніи *вопреки* постановленію 4-го іюня, которое судъ, какъ всякое частное по дѣлу постановленіе, всегда имѣлъ право отмѣнить по измѣнившимся обстоятельствамъ. Поэтому можно говорить лишь о нарушеніи правъ обвиненія прочтеніемъ документа, не подходящаго подъ ст. 687 и замѣняющаго собою, вопреки 625 ст. Уст. угол. суд., устное показаніе свидѣтеля. Но въ виду того, что товарищемъ прокурора, какъ усматривается изъ протокола и изъ заключенія суда 4-го и 18-го іюня, было даваемо заключеніе, содержавшее въ существѣ согласіе на оглашеніе записки Крубера, которое не уничтожалось заявленіемъ о несвоевременности ходатайства объ ея истребованіи и о ея несущественности для дѣла,—нынѣ протестъ противъ оглашенія этой записки уваженъ быть не можетъ. Притомъ, приводимыя въ подкрѣпленіе этого пункта протеста рѣшенія 1878 года, № 47, и 1880 г., № 13, непосредственнаго отношенія къ вопросу не имѣютъ, а характеръ зачлюченія товарища прокурора дѣлаетъ для него, какъ для стороны, безразличнымъ, по чьему распоряженію состоялось оглашеніе записки Крубера—суда или предсѣдателя. Поэтому я не усматриваю въ данномъ случаѣ нарушенія 625 и 687 ст. Уст. угол. суд., хотя не могу не замѣтить, что, по судебнымъ уставамъ, роль собирателя доказательствъ по уголовному дѣлу, т. е. слѣдователя, и роль предсѣдателя суда, разсматривающаго ихъ, строго раздѣлены, и предсѣдателю суда не предоставлено, по собственной иниціативѣ, безъ постановленія или уполномочія отъ суда, требовать къ дѣлу какія-либо доказательства.

Въ-девятыхъ, товарищъ прокурора, подсудимый Трухачевъ и гражданскій истецъ Лопуцкій указываютъ на нарушеніе ряда статей Уст. угол. суд. производствомъ дѣла въ неправильной и безпорядочной обстановкѣ, отпускомъ свидѣтелей и подсудимыхъ домой и отсутствіемъ, во время одного изъ засѣданій, въ теченіе нѣкотораго времени, секретаря и дежурнаго судебнаго пристава. Первое указаніе, однако, опровергается судомъ въ своемъ заключеніи и не было ни разу дѣлаемо во время засѣданія, такъ что надлежитъ признать, что, насколько позволяли условія помѣщенія провинціальнаго суда и наличныя его силы, производство столь сложнаго дѣла, при участіи многихъ лицъ, было ведено съ соблюденіемъ нужнаго порядка и послѣдовательности и съ отсутствіемъ какого-либо существеннаго замѣшательства. Второе и третье указанія, будучи заявлены впервые передъ Правительствующимъ Сенатомъ, не могутъ служить къ отмѣнѣ приговора уже потому, что стороны по предмету отпуска обвиняемыхъ и свидѣтелей домой—не возражали, а кратковременное отсутствіе секретаря и судебнаго пристава, ничѣмъ не отразившееся на ходѣ дѣла и на составленіи протокола засѣданія, составляетъ не кассаціонный, а лишь дисциплинарный по отношенію къ этимъ лицамъ вопросъ, не выходящій за предѣлы предоставленной предсѣдателю, по ст. 262 и 267 Уст. суд. учр., власти.

Въ-десятыхъ, какъ поводъ кассаціи приводится въ протестѣ неправильная постановка вопросовъ 1, 2, 14, 15, 16 и 17. Раздѣляя въ этомъ отношеніи вполнѣ доводы защитника С. Борисова, присяжнаго повѣреннаго Пржевальскаго, о томъ, что никакой неправильности въ постановкѣ этихъ вопросовъ не усматривается, замѣчу только, что выдѣленіе вопросовъ факта, т. е. о событіи преступленія, изъ вопросовъ о виновности, сдѣланное судомъ по требованію гражданскаго истца, согласно рѣшенію Сената по дѣлу Мельницкихъ, 1884 года, для суда было обязательно, и что *предположенія о возможности* противорѣчія въ отвѣтахъ присяжныхъ ни въ какомъ случаѣ поводомъ кассаціи по нарушенію 754 ст. Уст. угол. суд. служить не могутъ.

Въ-одиннадцатыхъ, товарищъ прокурора, ссылаясь на то, что С. Борисовъ, вопреки ст. 746, 747 и 761 Уст. угол. суд., сказалъ присяжнымъ, что въ случаѣ обвиненія ему «грозитъ Сибирь»—указываетъ на непринятіе предсѣдателемъ мѣръ къ устраненію вреднаго вліянія на присяжныхъ такого заявленія. Согласно приведеннымъ статьямъ, указаніе Борисова на грозящее ему наказаніе составляетъ явное ихъ нарушеніе. Но я позволю себѣ высказать, что такое нарушеніе никогда не можетъ считаться существеннымъ, ибо нѣтъ возможности предусмотрѣть и, слѣдовательно, предупредить этотъ крикъ отчаянія подсудимаго предъ наступленіемъ роковаго для него совѣщанія присяжныхъ; всякая же полемика съ подсудимымъ по поводу его заявленія только подчеркиваетъ это заявленіе, равно какъ и обращенный къ присяжнымъ совѣтъ забыть сказанное подсудимымъ. Поводомъ къ предположенію, что такого рода заявленіе вредно

повліяло на рѣшеніе присяжныхъ, можно бы считать лишь тотъ случай, еслибъ подсудимый ложно заявилъ о грозящемъ ему наказаніи, явно преувеличивая его законные размѣры, напр., сказалъ бы, что ему за преступленіе, влекущее лишь тюремное заключеніе, предстоитъ каторга и т. п., и при томъ такое преувеличеніе осталось бы безъ всякаго опроверженія со стороны предсѣдателя. Въ интересахъ правильнаго отправленія правосудія и избѣжанія многихъ недоразумѣній желательно, чтобы запрещеніе говорить *правду* о наказаніи, грозящемъ подсудимому, не скрывая ея въ недомолвкахъ и метафорахъ, скорѣе отжило свой вѣкъ. Правосудіе отъ этого ничего не потеряетъ, а сознательное отношеніе присяжныхъ къ порученному имъ дѣлу только выиграетъ. Поэтому и кассація приговора по такому поводу можетъ быть допускаема лишь при несомнѣнной доказанности зависимости оправдательнаго приговора отъ заявленія о наказаніи. Въ настоящемъ случаѣ такой доказанности нѣтъ и слѣда, а потому и приведенный поводъ падаетъ.

Обращаясь, наконецъ, къ жалобамъ на *преданіе суду* и на *послѣдствія приговора суда*, я нахожу, что подсудимый Трухачевъ неосновательно жалуется на неправильное, будто бы, преданіе его суду, въ нарушеніе 544 ст. Уст. угол. судопр., и вполнѣ основательно считаетъ нарушенными 990—993 ст. Уст. угол. судопр., возложеніемъ на него, совмѣстно съ Алфимовымъ, всѣхъ судебныхъ издержекъ цо дѣлу. Внимательное разсмотрѣніе фактическаго содержанія взведеннаго на него по обвинительному акту и признаннаго приговоромъ обвиненія и сопоставленіе его съ постановленіемъ судебнаго слѣдователя о привлеченіи Трухачева, отъ 22-го октября 1882 г., и съ предъявленнымъ къ нему, въ допросныхъ пунктахъ 29-го ноября 1882 г., обвиненіемъ, приводитъ къ выводу, что никакого *новаго* обвиненія противъ Трухачева въ обвинительномъ актѣ выставлено не было и что указанные постановленіе и допросные пункты содержатъ въ себѣ главныя фактическія стороны вмѣненнаго ему въ вину дѣянія. И при предварительномъ слѣдствіи, и на судѣ ему предъявлялось, въ существѣ одно и то же, хотя изложенное въ разной редакціи, обвиненіе въ ложныхъ записяхъ о полученіи слѣдовавшихъ съ него и съ другихъ лицъ банку суммъ и въ ложныхъ отмѣткахъ въ ордерахъ объ удержанныхъ при выдачѣ ссудъ суммахъ. Поэтому 544 ст. Уст. угол. суд. здѣсь не нарушена. Что касается до возложенія на Трухачева судебныхъ издержекъ, то Правительствующимъ Сенатомъ, въ рѣшеніяхъ 1872 г., № 305, по дѣлу Вдовенко, 1875 г., №№ 209 и 330, по дѣламъ Щедрина и въ особенности Гордона, и 1877 г., № 95, по дѣлу Московскаго коммерческаго банка, установлено, что уплата судебныхъ издержекъ можетъ быть возложена на обвиненнаго лишь для вознагражденія свидѣтелей и экспертовъ, къ нему относившихся, и при томъ по тѣмъ только преступленіямъ, виновность въ коихъ подсудимаго признана,—каковое возложеніе судебныхъ издержекъ, съ вычисленіемъ ихъ долевого размѣра по отношенію къ каждому подсудимому, должно находить себѣ мѣсто въ приговорѣ,

а не въ распорядительномъ постановленіи суда. Поэтому, такъ какъ Трухачевъ не признанъ виновнымъ въ преступленіяхъ, въ которыхъ обвинялись оправданные подсудимые, и далеко не всѣ свидѣтели и эксперты могутъ быть считаемы вызванными для свидѣтельства по его признаннымъ преступленіямъ, то судомъ, возложившимъ на него съ Алфимовымъ всѣ обширныя по настоящему дѣлу издержки, несомнѣнно нарушены ст. 990—993 Уст. угол. суд., и приговоръ въ этомъ отношеніи подлежитъ отмѣнѣ.

На основаніи всего изложеннаго мною и въ виду существенныхъ нарушеній, допущенныхъ по дѣлу Саратовско-Симбирскаго банка при разсмотрѣніи его въ Тамбовскомъ Окружномъ Судѣ, я полагалъ бы:

1. За нарушеніемъ 611, 1 п. 650, 801—804 и 816 ст. Уст. угол. суд. и 362, 354 ст. Улож. о наказ., *отмѣнить* оправдательный приговоръ суда и рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей о подсудимыхъ Алфимовѣ, Сергѣѣ Борисовѣ, Бокѣ, Якушевѣ, Иванѣ Борисовѣ, Коваленковѣ, Трухачевѣ, Иловайскомъ, Марциновскомъ и Исаковѣ.

2. Въ виду отсутствія протеста и за отказомъ подсудимаго Алфимова отъ кассаціонной жалобы—въ разсмотрѣніе правильности обвинительнаго объ Алфимовѣ приговора, по 1155 и 354 ст. Улож. о наказ., не входить.

3. Отмѣнить, за нарушеніемъ 990—993 ст. того же Устава, обвинительный приговоръ о Трухачевѣ въ той его части, которая касается судебныхъ издержекъ, обративъ дѣло къ новому судебному въ этомъ отношеніи разсмотрѣнію,—и

4. Передать все дѣло для новаго разсмотрѣнія въ одинъ изъ судовъ Имперіи, сообразно условіямъ наиболѣе удобнаго вызова свидѣтелей и экспертовъ.

Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ:

1) По протесту товарища прокурора и жалобамъ Лопуцкаго и Плевако оправдательный приговоръ Тамбовскаго Окружнаго Суда по настоящему дѣлу о всѣхъ подсудимыхъ, въ томъ числѣ и объ Алфимовѣ и Трухачевѣ, а также и рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей, на которомъ этотъ приговоръ основанъ—отмѣнить, за нарушеніемъ ст. Уст. угол. суд. 801—804, 808 и 816, по прод. 1886 г.; 2) по жалобѣ защитника Трухачева, присяжнаго повѣреннаго Шатова—отмѣнить приговоръ Окружнаго Суда относительно возложенія на Трухачева судебныхъ издержекъ, за силою 976 ст. Уст. угол. суд., а по остальнымъ частямъ жалобу Шатова оставить безъ послѣдствій, на основаніи 912 ст. того же Устава; 3) дѣло это, для новаго разсмотрѣнія — передать въ Московскій Окружный Судъ, и 4) жалобу защитника Алфимова, Блюммера, согласно съ ходатайствомъ Алфимова—оставить безъ разсмотрѣнія.

VI.

По дѣлу о Кетхудовѣ, Махровскомъ и Пановѣ, обвиняемыхъ въ похищеніи постъ-пакета на сумму 120.000 рублей.

Сортировщики Московскаго почтамта—сынъ прапорщика Кетхудовъ, губернскій секретарь Махровскій и домашній учитель Пановъ были преданы суду Московскаго Окружнаго Суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, по обвиненію: первые двое въ томъ, что, состоя сортировщиками почтамта, они а) по предварительному между собою уговору, сданное въ почтамтъ, 15-го марта 1886 года, купцомъ Андреемъ Кнопомъ, подъ квитанцію № 2428, рекомендованное письмо съ цѣнностями на 120,000 руб. утаили и заключавшимися въ немъ цѣнностями воспользовались, и б) что, съ цѣлью сокрытія похищенія, составили, подписали и представили своему начальству протоколъ, въ коемъ помѣстили завѣдомо ложное свѣдѣніе о нахожденіи письма Кнопа въ постъ-пакетѣ, адресованномъ въ Берлинъ, т. е. въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 13, 1098, 3 ч. 354 и 359 ст. Улож. о наказ., а послѣдній — въ томъ, что, послѣ совершенія Кетхудовымъ и Махровскимъ помянутыхъ преступленій, онъ принялъ отъ одного изъ нихъ и скрылъ часть утаенныхъ ими цѣнностей на сумму свыше 300 руб., зная, гдѣ и при какихъ условіяхъ таковыя утаены, т. е. въ дѣяніи, предусмотрѣнномъ 14 и 1681 ст. Улож. о наказ.

По окончаніи судебнаго слѣдствія, производившагося въ теченіе 29-го, 30-го и 31-го января 1888 года, на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей было поставлено шесть вопросовъ: *первый*—о томъ «было ли сданное, 15-го марта 1886 года, въ Московскомъ почтамтѣ потомственнымъ дворяниномъ Кнопомъ заказное письмо со вложеніемъ въ него ста восьмидесяти облигацій 3-го выпуска восточнаго займа на сумму въ сто двадцать тысячъ рублей, адресованное въ Берлинъ, на имя Роберта Варшауэра, скрыто и по назначенію не отправлено, причемъ вложенныя въ него цѣнности, съ цѣлью ихъ похищенія, изъ письма вынуты?» *Второй* и *третій* — о томъ «если описанное въ первомъ вопросѣ дѣяніе совершилось, то виновны ли Махровскій м Кетхудовъ, въ томъ, что принявъ, по должности сортировщиковъ Московскаго почтамта, отъ чиновника Глухова сданное Кнопомъ подъ квитанцію, рекомендованное для отправленія въ Берлинъ, на имя Варшауэра, письмо со вложеніемъ въ него облигацій восточнаго займа на сто двадцать тысячъ рублей, они, дѣйствуя по предварительному согла-

шенію, означеннаго письма въ Берлинъ не отправили, а оставили его у себя и скрыли, причемъ вложенными въ него цѣнностями воспользовались»? *Четвертый* и *пятый*—о томъ «если Махровскій или Кетхудовъ виновны въ дѣяніи, означенномъ во второмъ вопросѣ, то, съ цѣлью сокрытія и удержанія ими пакета Кнопа, составили ли они, 15-го марта 1886 года, по предварительному уговору, протоколъ-карту, включивъ въ этотъ протоколъ завѣдомо ложныя свѣдѣнія о нахожденіи письма Кнопа въ постъ-пакетѣ, адресованномъ въ Берлинъ, каковой протоколъ, удостовѣривъ своею подписью, представили затѣмъ своему начальству»? *Шестой*—о томъ: «виновенъ ли Пановъ въ томъ, что, не принимая никакого участія въ дѣяніи, означенномъ во второмъ вопросѣ, принялъ и скрылъ часть заключавшихся въ письмѣ Кнопа цѣнностей, всего на сумму болѣе 300 руб., зная, что эти цѣнности находились въ письмѣ, адресованномъ въ Берлинъ на имя Варшауэра, а также и то, кѣмъ именно, съ цѣлью воспользоваться цѣнностями, письмо было похищено и скрыто»? Присяжные засѣдатели на *первый* вопросъ отвѣчали: «Да, было скрыто и по назначенію не отправлено». На *второй*, на *третій* и *шестой*—«нѣтъ, не виновенъ». *Четвертый* и *пятый* вопросы оставлены ими безъ отвѣтовъ. Въ силу этого рѣшенія присяжныхъ засѣдателей Окружный Судъ, признавъ подсудимыхъ, на основаніи 1 п. 771 ст. Уст. угол. суд., оправданными и обращаясь къ разрѣшенію предъявленнаго повѣреннымъ торговаго дома Кнопъ гражданскаго съ подсудимыхъ иска, нашелъ, что присяжными засѣдателями признанъ только фактъ преступленія, но подсудимые въ совершеніи его не признаны виновными, а потому, въ виду 1 ст. Уст. гражд. судопр., не имѣя основанія разрѣшать гражданскій искъ торговаго дома Кнопъ въ порядкѣ уголовнаго производства, положилъ признать этотъ искъ неподлежащимъ своему разрѣшенію. Въ принесенномъ на этотъ приговоръ протестѣ прокуроръ Московскаго Окружнаго Суда указываетъ четыре повода для отмѣны рѣшенія присяжныхъ засѣдателей. *Во-первыхъ*, въ протоколѣ судебнаго засѣданія значится, что повѣренный гражданскаго истца, въ разъясненіе показанія свидѣтеля Де-Шамборанъ, представилъ два судебныхъ приговора, требуя оглашенія ихъ передъ присяжными засѣдателями въ видахъ установленія фактовъ похищенія цѣнныхъ пакетовъ, происходившихъ ранѣе настоящаго случая. Къ требованію этому, въ силу 629 ст., присоединился и товарищъ прокурора. Тѣмъ не менѣе, судъ отказалъ въ прочтеніи этихъ документовъ, какъ не имѣющихъ никакого отношенія ни къ разсматриваемому дѣлу, ни къ предметамъ показаній какъ обвиняемыхъ, такъ и свидѣтелей. Между тѣмъ, изъ протокола видно, что свидѣтелю графу Де-Шамборанъ были предлагаемы вопросы о томъ, бывали ли ранѣе случаи пропажи изъ почтамта цѣнныхъ пакетовъ, на что онъ отвѣтилъ, что ему такіе случаи неизвѣстны. Очевидно, что такой отвѣтъ свидѣтеля, состоящаго долгое время на службѣ въ почтамтѣ, въ глазахъ присяжныхъ засѣдателей являлся прямымъ отрицаніемъ подобныхъ случаевъ. Представленные же документы должны были удостовѣрить, что случаи пропажи цѣнныхъ пакетовъ происходили и ранѣе и, такимъ образомъ, документы эти, всецѣло относясь къ предмету показанія свидѣтеля Де-Шамборанъ, подлежали оглашенію на судѣ. Отказавъ въ прочтеніи офиціальныхъ документовъ, представленныхъ въ опроверженіе показаній свидѣтелей, судъ тѣмъ самымъ нарушилъ какъ 687, такъ и 629 ст. Уст. угол. суд. *Во-вторыхъ*, въ замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ товарищемъ прокурора Саблинымъ на протоколъ судебнаго засѣданія, значится, что защитникъ подсудимаго въ своихъ рѣчахъ, вопреки 745 ст. Уст. угол. суд., не только допустилъ выраженія прямо оскорбительныя для прокурорскаго надзора, но и приводилъ такія обстоятельства, которыя не были предметомъ судебнаго слѣдствія и не имѣли никакого отношенія къ настоящему дѣлу. Такъ, защитникъ указывалъ на пошлины, налагаемыя германскимъ правительствомъ на ввозъ хлѣба изъ Россіи и на умышленное колебаніе курса русскихъ процентныхъ бумагъ на

берлинской биржѣ, приглашая присяжныхъ засѣдателей отдать долю серьезнѣйшаго вниманія государственнымъ интересамъ. Въ этомъ случаѣ защитникъ не былъ даже остановленъ предсѣдателемъ, несмотря на прямое требованіе закона, изложенное въ 611 ст. Уст. угол. суд. Нарушеніе этой статьи имѣло мѣсто въ теченіе всего судебнаго слѣдствія и всей рѣчи защитника. *Въ-третьихъ*, по редакціи перваго вопроса цѣль похищенія судомъ отнесена лишь къ вынутію цѣнностей изъ письма, а сокрытіе и неотправленіе письма по назначенію не были связаны съ цѣлью похищенія, тогда какъ сокрытіе письма является дѣяніемъ, предусмотрѣннымъ 1098 ст. Улож. о наказ., лишь въ томъ случаѣ, когда оно было сдѣлано съ цѣлью похищенія. Посему для суда было обязательно, въ силу 754 и 760 ст. Уст. угол. суд., цѣль похищенія отнести не только къ вынутію цѣнностей изъ пакета, но и къ сокрытію его и неотправленію письма по назначенію. *Въ-четвертыхъ*, предлагая на обсужденіе присяжныхъ засѣдателей вопросы о виновности подсудимыхъ Махровскаго и Кетхудова по обвиненію ихъ въ подлогѣ, судъ изложилъ ихъ въ редакціи, не содержащей, вопреки ст. 754 и 755 Уст. угол. суд., вовсе вопроса *о виновности*, а лишь *о совершеніи* подсудимыми извѣстнаго преступленія и, такимъ образомъ, даже въ случаѣ утвердительнаго по нимъ отвѣта, вопросъ о вмѣненіи подсудимымъ совершоннаго ими особаго служебнаго преступленія—подлога, остался бы неразрѣшеннымъ и открытымъ.

Въ свою очередь, повѣренный Кнопа, поддерживая указаніе протеста, объяснилъ, что судъ принялъ отъ присяжныхъ *неполный* отвѣтъ на вопросъ о событіи преступленія, Они отвѣтили только на вопросъ о сокрытіи пакета, но не дали никакого отвѣта на вопросъ о похищеніи изъ него облигацій, тогда какъ на эту самую существенную часть они должны были отвѣтить положительно или отрицательно. При отсутствіи отвѣта на вопросъ о похищеніи изъ пакета облигацій становится неяснымъ, признали ли они только фактъ сокрытія пакета или и то, что изъ него взяты были облигаціи съ цѣлью похищенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ судъ не вошелъ въ разсмотрѣніе гражданскаго иска торговаго дома Кнопа о возвращеніи ему похищеннаго и въ обсужденіе доказательствъ того, что отобранное у обвиняемыхъ имущество является добытымъ чрезъ продажу похищенныхъ облигацій. Въ виду того, что присяжные признали доказаннымъ самый фактъ утайки въ почтамтѣ пакета съ облигаціями Кнопа, Окружный Судъ, на основаніи 776 и 777 ст. Уст. угол. суд., обязанъ былъ разрѣшить гражданскій искъ Кнопа даже и при оправданіи обвиняемыхъ. Кромѣ того, во время заключительныхъ преній защитникъ главнаго обвиняемаго, присяжный повѣренный Шубинскій, прося объ оправданіи Кетхудова, высказалъ, что главнымъ участникомъ преступленія и соблазнителемъ является потерпѣвшій Кнопъ, который, отправляя пакетъ заказнымъ письмомъ, застрахованнымъ въ обществѣ «Викторія», *обсчитывалъ русскую казну;* что настоящее дѣло имѣетъ государственное значеніе, такъ какъ обвиняемые, совершивъ преступленіе, несомнѣнно *оказали услугу русскимъ финансамъ* въ смыслѣ увеличенія страховаго сбора, и что каждый заказной пакетъ съ цѣннымъ вложеніемъ безнаказанно можетъ быть утаенъ въ почтамтѣ, причемъ для своего оправданія чиновники могутъ ограничиться подачей рапорта по начальству съ представленіемъ денегъ, причитающихся отправителю за потерю письма. Какъ на протестъ, такъ и на жалобу повѣреннаго гражданскаго истца, подсудимый Кетхудовъ представилъ въ Правительствующій Сенатъ пространныя объясненія, въ которыхъ между прочимъ указывалъ на неправильное допущеніе Кнопа къ участію въ дѣлѣ, въ качествѣ гражданскаго истца, ибо посланныя Кнопомъ 15-го марта 1886 г. облигаціи восточнаго займа въ Берлинъ на имя банкира «Варшауэра и К°» составляли собственность этого послѣдняго и были пріобрѣтены Кнопомъ въ Москвѣ на деньги «Варшауэра и К°», у него, Кнопа, на рукахъ находившіяся; почему гражданскій искъ предъявленъ Кнопомъ не въ своемъ

интересѣ, а въ интересѣ «Варшауэра и К°» (отъ котораго тѣмъ не менѣе Кнопомъ никакихъ законныхъ полномочій не было представлено); посланныя облигаціи были застрахованы «Варшауэромъ и К°» отъ своего имени, какъ собственникомъ, въ берлинскомъ страховомъ обществѣ «Викторія»; значительная часть страховой преміи уже получена «Варшауэромъ и К°» отъ общества «Викторія» и недополученная «Варшауэромъ и К°» сумма съ «Викторіи» Кнопу неизвѣстна, а потому Кетхудовъ не знаетъ, въ какомъ размѣрѣ можетъ быть предъявленъ гражданскій искъ.

Въ замѣчаніяхъ на протоколъ судебнаго засѣданія товарищъ прокурора Саблинъ просилъ занести въ протоколъ слѣдующія выраженія присяжнаго повѣреннаго Шубинскаго, допущенныя имъ въ защитительныхъ рѣчахъ о подсудимомъ Кетхудовѣ: «Дѣянія подсудимыхъ являются прямымъ послѣдствіемъ поступковъ потерпѣвшихъ, неряшливо отнесшихся къ своимъ собственнымъ дѣйствіямъ. Горе міру отъ соблазна, говорятъ слова писанія, но двойное горе тому, кто внесетъ соблазнъ въ міръ». «Такимъ соблазномъ я считаю порядки, установившіеся въ конторѣ Кнопа». «Я приведу пословицу: держи надъ собою честь и берегись, чтобы другого въ бѣду не ввесть. Ея мудрый смыслъ былъ забытъ отправителемъ письма». «Передъ тѣмъ ущербомъ, какой несла русская казна отъ посылокъ въ заказныхъ письмахъ денежныхъ цѣнностей, меркнетъ денежный интересъ этого дѣла. Прямымъ послѣдствіемъ дѣянія подсудимыхъ было уменьшеніе числа отправленій цѣнностей заказною корреспонденціей и возвышеніе страховыхъ доходовъ, а прямымъ послѣдствіемъ дѣяній потерпѣвшихъ былъ ущербъ доходамъ русской казны. Задумайтесь серьезно надъ этой стороной дѣла, помните, что если иногда нужны обвинительные приговоры, чтобы сдержать корыстолюбивые порывы бѣдняковъ, то иногда также необходимы оправдательные приговоры, чтобы сдержать своекорыстныя стремленія богачей, чтобы напомнить имъ, что не весь міръ существуетъ для нихъ и для ихъ хищническихъ вожделѣній». «Подсудимые въ сущности простаки: теперь, при установившейся практикѣ отправки цѣнностей, при оцѣнкѣ ниже стоимости, почтамтскіе чиновники могутъ, изъявъ 100-тысячный пакетъ, заявить о нечаянной утратѣ его и при рапортѣ представить оцѣнку утраченнаго—500 руб. Такое дѣяніе останется ненаказуемымъ, а экономистамъ по части страховой преміи придется удовольствоваться той суммою, въ которую они оцѣнили пакетъ». «Эту часть рѣчи прокурора я могу сравнить лишь съ тѣмъ, что ежедневно выметается изъ каждой, мало-мальски опрятной комнаты». «Г. прокуроръ меня не понялъ. Не знаю отчего это произошло: я ли говорилъ непонятно, или ужъ такъ устроенъ понимательный аппаратъ г. прокурора». «Г. прокуроръ возстаетъ противъ мыслей, изложенныхъ мною въ первой рѣчи. Врядъ ли эти мысли таковы, какими кажутся они прокурору. Вы помните, что онѣ нашли себѣ одобреніе, выразившееся въ аплодисментахъ, раздавшихся вчера послѣ моей рѣчи». «Не пора ли возвыситься намъ до болѣе серьезной оцѣнки явленій, имѣющихъ государственный смыслъ. Въ то время, какъ ввозъ нашего хлѣба въ Германію обставленъ огромными на него пошлинами, дѣльцы берлинской биржи не хотятъ ничтожнымъ страховымъ сборомъ оплачивать вывозъ тѣхъ русскихъ процентныхъ бумагъ, которыя они выписываютъ въ Берлинъ для колебанія ихъ курса». «Не защищать лишь частные интересы вы собрались въ залѣ этого Суда, но отдать долю серьезнаго вниманія и государственнымъ интересамъ, если таковые окажутся выдвинутыми передъ вами данными дѣла».

Въ постановленіи Суда по замѣчаніямъ на протоколъ товарища прокурора Саблина и повѣреннаго гражданскаго истца, относительно словъ и выраженій, высказанныхъ въ защитительныхъ рѣчахъ защитникомъ Кетхудова, присяжнымъ повѣреннымъ Шубинскимъ, Судъ прежде всего отмѣтилъ, что товарищъ прокурора и повѣренный гражданскаго истца слышали одни и тѣ же, сравнительно немногія, мѣста однѣхъ и тѣхъ же

рѣчей одного и того же защитника, сказанныя защитникомъ разными словами и въ различныхъ выраженіяхъ. Принимая затѣмъ во вниманіе, что стороны обязаны своевременно, въ самомъ судебномъ засѣданіи, просить о внесеніи въ протоколъ мѣсть рѣчи, а не тогда уже, когда произнесенъ приговоръ и когда упущенія, если они и были, не могутъ быть исправлены,—Окружный Судъ, тѣмъ не менѣе, «по памяти» нашелъ возможнымъ удостовѣрить, что значительное большинство словъ и выраженій представляютъ болѣе или менѣе близкій выводъ изъ приводившагося на судѣ стороною того или другого положенія, и если отмѣчаемыя слова и выраженія точно были сказаны, чего съ достовѣрностью Судъ утверждать не можетъ, то сказаны были вскользь и во всякомъ случаѣ въ неразрывной связи съ другими положеніями и данными, прямо заимствованными изъ судебнаго слѣдствія.

Въ протестѣ и въ жалобѣ гражданскаго истца на оправдательный приговоръ по дѣлу Кетхудова, Махровскаго и Панова, обвиняемыхъ въ утайкѣ и похищеніи сданнаго на почту пакета Кнопа, со вложеніемъ облигацій восточнаго займа на 120,000 рублей—указывается на двоякій родъ главныхъ кассаціонныхъ нарушеній—по *толкованію закона*, выразившемуся въ неправильной квалификаціи дѣянія подсудимыхъ, и по производству *судебнаго состязанія*. Обвиняемый Кетхудовъ, въ двухъ подробныхъ объясненіяхъ, представленныхъ въ Правительствующій Сенатъ, опровергая доводы и указанія кассаторовъ, домогается оставленія жалобы гражданскаго истца *безъ разсмотрѣнія*, такъ какъ купецъ Кнопъ былъ допущенъ въ качествѣ истца неправильно, не будучи лично потерпѣвшимъ отъ дѣянія подсудимыхъ, не имѣя даже возможности въ точности опредѣлить размѣръ своего иска, въ виду разсчетовъ настоящаго собственника похищенныхъ облигацій Варшауэра съ берлинскимъ страховымъ обществомъ «Викторія».

Такимъ образомъ, прежде всего возникаетъ вопросъ объ объемѣ кассаціоннаго разсмотрѣнія настоящаго дѣла. Онъ не можетъ быть, однако, разрѣшенъ въ указываемомъ Кетхудовымъ смыслѣ. *Во-первыхъ*, Кнопъ допущенъ въ качествѣ гражданскаго истца не только судебнымъ слѣдователемъ, постановленіе котораго по этому предмету осталось неотмѣненнымъ, но и судомъ, по особому опредѣленію отъ 27-го октября 1887 года, которое послѣдній не нашелъ возможнымъ измѣнить и въ судебномъ засѣданіи, вслѣдствіе неуказанія защитникомъ Кетхудова какихъ либо новыхъ для этого основаній, еще не бывшихъ въ виду суда. *Во-вторыхъ*, Кнопъ, а не кто либо другой, сдалъ въ Московскій почтамтъ рекомендованный пакетъ со вложеніемъ похищенныхъ затѣмъ облигацій,—слѣдовательно онъ, въ моментъ сдачи пакета, былъ *хозяиномъ* цѣнностей. Уголовный судъ не входитъ въ разрѣшеніе вопроса объ объемѣ правъ на похищенную вещь у того, у кого совершена кража,—для него безразлично, на правѣ ли полной собственности она принадлежала этому лицу, или же его права по отношенію къ ней ограничивались правомъ

владѣнія или распоряженія. Поэтому, всякій хозяинъ вещи, которая, вопреки данному имъ назначенію, перешла незаконнымъ и преступнымъ путемъ въ чужія руки—есть потерпѣвшій отъ преступленія. Недаромъ именно въ отношеніи отправленія грузовъ одинъ изъ послѣднихъ систематическихъ законодательныхъ трудовъ—*общій уставъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ*—говоритъ не о *собственникѣ* груза, а о *хозяинѣ*, т. е. о *распорядителѣ* груза, получившемъ накладную. Отношенія между Кнопомъ, Варшауэромъ и обществомъ «Викторія» вовсе не подлежатъ разсмотрѣнію уголовнаго суда, который не уполномоченъ разрѣшать вопросъ о допущеніи гражданскаго иска на основаніи непровѣренныхъ обязательствъ, существующихъ между третьими, не причастными къ дѣлу, лицами. *Въ-третьихъ*, еслибы и стать на точку зрѣнія Кетхудова и принять его удостовѣреніе, что Варшауэръ получилъ отъ «Викторіи» вознагражденіе, соотвѣтствующее лишь части недоставленныхъ цѣнностей, похищенныхъ имъ, Кетхудовымъ, вмѣстѣ съ другими подсудимыми, то и тогда Кнопъ можетъ явиться предъ Варшауэромъ гражданско-отвѣтственнымъ лицомъ въ недостающей части, не говоря уже о томъ, что съ момента заарестованія похищенныхъ цѣнностей у подсудимыхъ—нельзя отрицать и права «Викторіи» на обратное требованіе выданнаго ею Варшауэру вознагражденія за *утраченныя* цѣнности. Если не допустить гражданскаго иска со стороны Кнопа, то, идя послѣдовательно, необходимо признать, что арестованныя цѣнности должны быть отданы казнѣ или подсудимымъ. Но такого вида *конфискаціи* въ пользу казны похищенныхъ у третьяго лица цѣнностей законъ не знаетъ,—а оставленіе ихъ въ рукахъ подсудимыхъ было бы весьма выгодною *премією* за совершеніе преступленія, облегчающею и услаждающею перенесеніе законнаго за него взысканія. *Въ-четвертыхъ*, и съ точки зрѣнія формальной—Кнопъ имѣлъ полное основаніе предъявить свой искъ, ибо, согласно рѣшенію 1875 года, № 347, по дѣлу Капустина, статья 777 Уст. угол. суд. о возвращеніи хозяину вещей, добытыхъ преступнымъ дѣяніемъ, безъ всякаго иска со стороны его, имѣетъ въ виду лишь самыя вещи, но не распространяется на деньги и другія цѣнности, полученныя виновнымъ за означенныя вещи. Указаніе Кетхудова на необходимость отказа въ допущеніи гражданскаго иска Кнопа вслѣдствіе необозначенія имъ въ точности размѣра иска—не заслуживаетъ уваженія, ибо, въ виду зависимости производства о размѣрахъ присужденнаго вознагражденія отъ обстоятельствъ, признаваемыхъ присяжными, такое неопредѣленіе точнаго размѣра иска можетъ лишь влечь за собою, при признаніи по суду, на основаніи 366 ст. Уст. гр. суд., права на вознагражденіе, примѣненіе статьи 785 Уст. угол. суд. объ особомъ разсчетѣ этого вознагражденія.

На основаніи всего сказаннаго, я нахожу, что ходатайство Кетхудова могло бы подлежать серьезному обсужденію лишь въ томъ единственномъ случаѣ, если бы Кнопъ лишился отыскиваемыхъ имъ цѣнностей при совершеніи имъ самимъ преступнаго или противо-

законнаго дѣянія. Но отправка имъ облигацій на 120,000 въ рекомендованномъ письмѣ вполнѣ согласна съ предоставленнымъ ему самимъ закономъ правомъ. На основаніи 236 ст. «Сборника постановленій и распоряженій по почтово-телеграфному вѣдомству», 59 и 64 ст. временныхъ постановленій по почтовой части и циркуляра начальника Главнаго Управленія почтъ, отъ 1870 года, «въ заказныхъ письмахъ могутъ пересылаться документы, *разныя цѣнныя бумаги*, штемпельные почтовые конверты, гербовыя и почтовыя марки, но за неявку вложеній почтово-телеграфное вѣдомство не отвѣтствуетъ». Въ противоположность этому на основаніи 238 ст., «въ заказныхъ письмахъ, пересылаемыхъ внутри Россіи, воспрещается отправлять *деньги*, имѣющія обращеніе въ Имперіи, которыя въ случаѣ обнаруженія, конфискуются въ пользу казны, за исключеніемъ четвертой части, отдаваемой по закону открывателю». При этомъ, какъ усматривается изъ имѣющихся въ дѣлѣ документовъ, почтовый департаментъ категорически разъяснилъ, что «воспрещается, подъ условіемъ конфискаціи, пересылка въ заказныхъ письмахъ *только денегъ*, имѣющихъ обращеніе въ Имперіи, но не *цѣнныхъ бумагъ*, которыя, при нежеланіи отправителя переслать ихъ страховымъ порядкомъ, могутъ быть пересланы и въ *простой корреспонденціи*, но, конечно, на страхъ самого отправителя, безъ всякой отвѣтственности почтоваго вѣдомства за цѣлость этихъ цѣнностей, которое вознаграждаетъ только за утрату самаго заказнаго письма, въ размѣрѣ 10 руб., безъ всякаго различія, что̀ именно пересылалось въ этомъ письмѣ». Такимъ образомъ, купецъ Кнопъ дѣйствовалъ сообразуясь съ закономъ, который установляя два вида отправленія цѣнностей, лишь опредѣляетъ матеріальную отвѣтственность казны за утрату цѣнностей при пересылкѣ ихъ страховымъ или простымъ порядкомъ, но, конечно, вовсе не имѣетъ въ виду установлять безотвѣтственность виновныхъ въ томъ случаѣ, когда утрата произошла отъ совершеннаго ими преступленія.

Обращаюсь, поэтому, къ разсмотрѣнію жалобы и протеста по существу. Прежде всего—*неправильная квалификація дѣянія подсудимыхъ при преданіи суду*. По мнѣнію гражданскаго истца, дѣяніе ихъ предусмотрѣно 1100 и 1659 ст. Улож. о наказ., такъ какъ оно составляетъ утайку простого заказного письма и похищеніе на сумму свыше 300 рублей, а не статьею 1098 того же Уложенія, говорящею объ утайкѣ и похищеніи пакетовъ съ деньгами. Мнѣніе это неправильно. Оно основывается на различіяхъ, установленныхъ спеціальными правилами между разными родами почтовыхъ отправленій, и сообразно съ этимъ рѣзко отличаетъ денежное письмо отъ заказного письма со вложеніемъ цѣнностей. Но карательный законъ, о примѣненіи котораго здѣсь идетъ рѣчь, долженъ быть устойчивъ и не можетъ опираться на зыблемость временныхъ правилъ. Онъ имѣетъ въ виду наказуемыя дѣйствія, въ которыхъ выразилось преступное намѣреніе,—почтовыя же правила имѣютъ въ виду установленіе техническихъ подраздѣленій въ отправленіяхъ, видоизмѣняю-

щихся притомъ подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ случайныхъ обстоятельствъ. Такъ, напр., временныя правила устанавливаютъ въ § 13 два вида корреспонденціи—*письменную* и *посылочную,* причемъ къ послѣдней относятся, между прочимъ, денежные и цѣнные пакеты, но въ то же время, по отношенію къ странамъ, приступившимъ къ условію объ обмѣнѣ пакетовъ съ объявленною цѣнностью, эти же самыя денежныя и цѣнныя письма составляютъ уже не *посылочную,* а *пакетную* корреспонденцію. Поэтому для опредѣленія законныхъ признаковъ дѣянія подсудимыхъ необходимо обратиться къ постановленіямъ Уложенія о наказаніяхъ, а не къ почтовымъ правиламъ. Двѣ первыя статьи о нарушеніяхъ устава почтоваго (1098—1099) существенно отличаются отъ третьей (1100) тѣмъ, что говорятъ о дѣйствіяхъ, равносильныхъ *присвоенію чужого имущества,* тогда какъ третья говоритъ о *служебномъ нарушеніи довѣрія,* оказываемаго почтовому учрежденію. Въ ст. 1098—1099 имѣется въ виду утайка или похищеніе предмета, имѣющаго имущественную цѣнность—денегъ, посылокъ, векселей и документовъ; по ст. 1100, цѣнность похищеннаго или утаеннаго—идеальная, ибо когда письмо имѣетъ значеніе автографа, а бумага—значеніе авторской рукописи, то ихъ и отправляютъ въ видѣ посылки. Статьи 401, 402, 416 и 418 X т., ч. 1 св. зак. гражд., перечисляя роды и виды наличныхъ и долговыхъ движимыхъ имуществъ съ особою подробностью, относятъ къ нимъ лишь предметы, перечисленные въ ст. 1098 — 1099. Поэтому-то и наказаніе по этимъ статьямъ назначается то же самое, какъ и за растрату имущества —по 354 ст. Улож. о наказ., тогда какъ ст. 1100 грозитъ своимъ собственнымъ, спеціальнымъ, съ нею связаннымъ, наказаніемъ. Наконецъ, поэтому же въ ст. 1098 и 1099 говорится о прямомъ вознагражденіи потерпѣвшаго возвращеніемъ ему утаеннаго или похищеннаго имущества, а въ ст. 1100 о такомъ вознагражденіи не упоминается, почему оно подлежитъ отыскиванію въ качествѣ убытковъ, по 59 ст. Улож. о наказ. и согласно 684 ст. X т., ч. 1. Отсюда несомнѣнно, что утайка или похищеніе письма съ облигаціями восточнаго займа предусмотрѣна не 1100, а 1098 или 1099 статьями Уложенія. Какою же изъ этихъ статей? Есть ли облигаціи государственнаго займа—векселя или документы, упоминаемые въ 1099 статьѣ? Нѣтъ, — ибо они не устанавливаютъ договорныхъ и срочныхъ отношеній между опредѣленными, отдѣльными лицами,— не представляютъ собою и укрѣпленія правъ на какое либо недвижимое имущество, и т. под., не являются также и тѣми оправдательными документами, о которыхъ, подъ именемъ документовъ согласно алфавитному указателю къ своду законовъ, исключительно говоритъ только Уставъ счетный, — ибо, наконецъ, поддѣлка ихъ предусматривается не среди подлоговъ въ актахъ и обязательствахъ, а въ ст. 571 и 577 Уложенія, говорящихъ именно о поддѣлкѣ билетовъ русскихъ и иностранныхъ кредитныхъ установленій. Облигаціи эти, по своимъ свойствамъ и по способу обращенія своего на денежномъ рынкѣ, ближе всего подходятъ къ деньгамъ, о которыхъ упо-

минаетъ 1098 ст., примѣненная, по моему мнѣнію, къ дѣянію подсудимыхъ вполнѣ правильно. Въ заключеніе нельзя не указать и на то, что высшее почтовое начальство всегда считаетъ необходимымъ примѣнять 1098 ст. Улож. во всѣхъ аналогичныхъ настоящему случаяхъ. Такъ, постановленіемъ главнаго начальника почтъ и телеграфовъ по дѣлу Полозова, сужденнаго въ Петербургскомъ Окружномъ Судѣ 21-го октября 1883 года, похищеніе цѣннаго пакета со вложеніемъ билетовъ 2-го внутренняго займа признано равносильнымъ похищенію пакета съ *деньгами;* такимъ же постановленіемъ въ декабрѣ 1886 года по дѣлу Захарова признано подходящимъ подъ 1098 ст. Улож. о наказ. похищеніе *рекомендованнаго письма*, въ которомъ пересылались фирмѣ «Мирамъ и Смоліанъ» купоны на сумму 1053 фунта стерлинговъ. Такимъ образомъ, относительно квалификаціи дѣяній подсудимыхъ, изъ которой вытекала и постановка вопросовъ, жалоба гражданскаго истца не можетъ быть уважена.

Перехожу къ *постановкѣ вопросовъ и къ отвѣту на первый изъ нихъ*. Правительствующій Сенатъ всегда придавалъ постановкѣ вопросовъ особое значеніе и видѣлъ въ ней центральный моментъ процесса, ибо къ вопросамъ сводится все производство и отъ нихъ же отправляется предсѣдатель въ своихъ разъясненіяхъ, а присяжные въ своихъ разсужденіяхъ. Поэтому рамки кассаціоннаго разсмотрѣнія правильности постановки вопросовъ поставлены широко. Не только жалоба на неправильность постановки вопросовъ, хотя бы и неуказанную при ихъ постановкѣ (рѣшенія уголовнаго кассаціоннаго департамента за 1871 годъ по дѣлу Арсеньева, за 1873 годъ по дѣлу Кехрибарджи, за 1882 годъ по дѣлу Сулятицкаго, за 1884 г. по дѣлу Свиридова), служитъ поводомъ къ ихъ провѣркѣ, но даже и отсутствіе жалобы на редакцію вопросовъ не лишаетъ кассаціонный судъ права, въ интересахъ общаго охраненія порядка судопроизводства, войти въ ея обсужденіе (1869 года, № 771, рѣшеніе по дѣлу Горсоева). Приступая по этимъ основаніямъ къ разсмотрѣнію редакціи обжалованныхъ нынѣ вопросовъ,—хотя лишь одинъ повѣренный гражданскаго истца дѣлалъ замѣчанія по вопросу о событіи преступленія, а представитель прокурорскаго надзора противъ вопросовъ не предъявилъ на судѣ никакихъ возраженій,— надлежитъ признать, что въ редакціи перваго вопроса не представляется такой «неполноты, неясности или неопредѣленности», которыя должны вызывать обладающій такими же свойствами отвѣтъ присяжныхъ. На вопросъ суда: «было ли сданное Кнопомъ 15-го марта 1886 года въ Московскомъ почтамтѣ заказное письмо со вложеніемъ 180 облигацій *скрыто и по назначенію не отправлено* причемъ вложенныя въ него цѣнности, *съ цѣлью ихъ похищенія*, изъ письма вынуты?» — присяжные отвѣтили, «*да, было скрыто и по назначенію не отправлено*». Статья 1098 Улож., по которой подсудимые преданы суду, говоритъ объ утайкѣ *или* похищеніи посылаемыхъ съ почтою пакетовъ, соединяя какъ похищеніе, такъ и утайку въ одномъ преступномъ фактѣ, не раздѣляя между собою

дѣйствій, изъ которыхъ онъ слагается. Поэтому раздѣленіе дѣйствій, введенное въ вопросъ, представляется излишнимъ и не вполнѣ правильнымъ, ибо второй и третій вопросы—о виновности Кетхудова и Махровскаго—указываютъ на совершеніе одними и тѣми же лицами однихъ и тѣхъ же поступковъ, тогда какъ, по редакціи вопроса о событіи — каждый изъ этихъ поступковъ могъ быть совершонъ разными лицами, независимо одинъ отъ другого, причемъ скрытіе и неотправленіе пакета по назначенію само по себѣ еще преступнаго характера не имѣетъ, если сдѣлано безъ злого умысла, о которомъ говорится въ ст. 1100 Уложенія. Почтовый чиновникъ, который, вслѣдствіе какихъ либо личныхъ исключительныхъ обстоятельствъ или чрезмѣрнаго накопленія работы, не успѣвъ записать и отправить пакетъ своевременно, удержитъ его до слѣдующаго дня, безъ сомнѣнія подлежитъ за нарушеніе общихъ обязанностей службы строгой отвѣтственности въ дисциплинарномъ порядкѣ, но въ дѣйствіяхъ его еще нѣтъ преступнаго нарушенія почтоваго устава. Кассаторы указываютъ на то, что такая постановка вопроса о событіи вызвала неполный отвѣтъ присяжныхъ, которымъ, однако, судъ удовлетворился. Правительствующимъ Сенатомъ выработаны опредѣленныя правила относительно значенія и характера отвѣтовъ присяжныхъ засѣдателей. Согласно этимъ правиламъ, *во-первыхъ*, главный вопросъ, т. е. вопросъ о событіи преступленія—не можетъ быть вовсе оставленъ безъ отвѣта (1872 года, № 673, по дѣлу Страхова), *во-вторыхъ*, лишнія части отвѣта, не вытекающія изъ содержанія вопроса или повторяющія лишь то, что вопросомъ уже предусмотрѣно, не составляютъ неправильности, могущей быть кассаціоннымъ поводомъ (1872 года, № 350, 1874 года, № 192 и 1875 года, № 20); *въ-третьихъ*, отвѣтъ, по формѣ своей неполный, т. е. несостоящій въ одномъ лишь утвердительномъ или отрицательномъ выраженіи, а представляющій повтореніе при словѣ «да» нѣкоторыхъ признаковъ преступленія—не служитъ поводомъ въ отмѣнѣ рѣшенія, если имъ не возбуждалось основательнаго сомнѣнія (1877 года, № 31, по дѣлу Горбунова). Такое сомнѣніе возникаетъ при *противорѣчіи въ отвѣтахъ* между собою, которое должно быть явнымъ, а не только предполагаемымъ,—и при внутреннемъ противорѣчіи въ содержаніи отдѣльнаго *отвѣта*, причемъ неточность, вызывающая такое противорѣчіе должна быть не *формальная* только, а *существенная*. Съ какою же неточностью имѣлъ дѣло судъ по вопросу о событіи преступленія Кетхудова и Махровскаго? Правительствующій Сенатъ твердо установилъ, что признаки преступленія, *неотвергнутые* присяжными, признаются *утвержденными*—и что если присяжные присоединили къ своему отвѣту одинъ изъ признаковъ преступленія, указаннаго въ вопросѣ, *не отвергнувъ положительно* остальныхъ, они признали тѣмъ самымъ наличность всего преступленія въ составѣ всѣхъ его признаковъ. Практика Сената представляетъ въ этомъ отношеніи послѣдовательное и всестороннее проведеніе этого взгляда. Такъ, относительно отвѣта *о событіи преступленія*, въ 1869 году,

№ 473, по дѣлу Меркулова и Коровина, признано, что отвѣтъ: «да, было нападеніе»—соотвѣтствуетъ всѣмъ признакамъ преступленія, обозначеннаго въ вопросѣ: «было сдѣлано нападеніе на потерпѣвшихъ, причемъ открытою силою отнята у нихъ лошадь и нападеніе сопровождалось явною опасностью?» По отношенію къ *особо уменьшающимъ вину обстоятельствамъ,* въ 1870 году, № 413, по дѣлу Мократъ, указано, что, отвѣтивъ «да, по крайности»,—присяжные засѣдатели признали и другой необходимый для примѣненія ст. 1663 признакъ—неимѣніе никакихъ средствъ къ пропитанію,—о которомъ было упомянуто въ вопросѣ. По вопросу *о виновности,* рѣшеніе 1871 года, № 1754, разъясняетъ, что судъ правильно, согласно съ постановленнымъ вопросомъ, присудилъ Комарова по 1-й части 576 ст. Улож., за выпускъ фальшиваго кредитнаго билета, съ знаніемъ переводителей и поддѣлывателей, несмотря на то, что присяжные отвѣтили лишь «да, виновенъ въ сбытѣ фальшиваго билета», что, само по себѣ соотвѣтствовало бы лишь мошенничеству. Рѣшеніемъ 1878 года, № 21, слово: «да, купили завѣдомо краденое»—признаны отвѣчающими вполнѣ на вопросъ: «виновенъ ли Петровъ въ покупкѣ завѣдомо краденыхъ бочекъ съ масломъ съ затонувшаго судна Темераріо?» Наконецъ, относительно причинъ, по коимъ содѣянное *не вмѣняется* въ вину, Сенатъ въ 1875 году по дѣлу Ильина, № 21, нашелъ, что отвѣтомъ: «былъ вынужденъ, защищая себя», на вопросъ: «если виновенъ въ нанесеніи смертельной раны, то не былъ ли вынужденъ къ тому, защищая отъ нападенія свою жизнь и здоровье, не имѣя притомъ возможности прибѣгнуть къ защитѣ мѣстнаго начальства?»—присяжные признали всѣ требуемые закономъ признаки необходимой обороны. Въ виду всего сказаннаго, Московскій Окружный Судъ имѣлъ дѣло по вопросу о событіи преступленія съ неточностью отвѣта формальною, а не существенною, и никакого нарушенія, принявъ отвѣтъ присяжныхъ безусловно, не допустилъ. Поэтому жалобы по первому вопросу слѣдуетъ оставить безъ послѣдствій.

Кончая съ вопросомъ о событіи преступленія, я позволю себѣ теперь же сказать нѣсколько словъ по поводу жалобы гражданскаго истца на отказъ въ разрѣшеніи его иска уголовнымъ судомъ. Этотъ отказъ вполнѣ правиленъ. Судъ нашелъ, что по точному смыслу 6, 7, 17, 776 ст. Уст. угол. суд., 7 ст. Уст. гражд. суд., 689 ст. X т., ч. 1, Св. зак. гражд. и рѣшенія уголовнаго кассаціоннаго департамента по дѣлу о злоупотребленіяхъ Московскаго ссуднаго коммерческаго банка, уголовный судъ обязанъ разрѣшать гражданскіе иски только въ тѣхъ случаяхъ, когда будетъ признано присяжными засѣдателями преступленіе совершеннымъ тѣми подсудимыми, которые въ немъ обвинялись, хотя бы оно и не было вмѣнено имъ въ вину. По настоящему дѣлу признанъ присяжными засѣдателями только фактъ преступленія, но подсудимые въ совершеніи его не признаны виновными, а потому Московскій судъ, не имѣя основанія разрѣшать гражданскій искъ торговаго дома Л. Кнопъ въ порядкѣ уголовнаго

производства, нашелъ этотъ искъ неподлежащимъ своему разрѣшенію. Уголовному суду, разсматривающему гражданскій искъ, надлежитъ, подобно суду гражданскому, имѣть предъ собою не только исковыя требованія, но и опредѣленнаго отвѣтчика. Разъ указанный истцомъ отвѣтчикъ по существу рѣшенія присяжныхъ таковымъ не признается—уголовному суду не съ кого присуждать иска, и онъ не можетъ поступить иначе, какъ поступилъ Московскій судъ. Отвѣтъ присяжныхъ на вопросъ о событіи преступленія можетъ служить въ данномъ случаѣ лишь основаніемъ для предъявленія новаго иска, въ судѣ гражданскомъ, съ новымъ указаніемъ и отвѣтчиковъ.

Перехожу къ вопросу о виновности подсудимыхъ Кетхудова и Махровскаго *въ служебномъ подлогѣ*, съ цѣлью сокрытія произведеннаго ими присвоенія пакета, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣномъ 359 ст. Уст. улож. о наказ. Вопросы 4 и 5 поставлены въ слѣдующей редакціи: «если подсудимый виновенъ въ дѣяніи, описанномъ выше (то есть въ сокрытіи письма Кнопа и взятіи изъ него цѣнностей), то составилъ ли онъ протоколъ-карту, включивъ въ него завѣдомо ложныя свѣдѣнія о нахожденіи письма Кнопа въ постъ-пакетѣ, адресованномъ въ Берлинъ, каковой протоколъ, удостовѣривъ своею подписью, представилъ затѣмъ своему начальству?» Такая редакція представляется вполнѣ и безусловно неправильною. Она неправильна, *во-первыхъ*, съ точки зрѣнія *матеріальнаго права*. Еще въ 1879 году Правительствующій Сенатъ, утверждая приговоръ Варшавской судебной палаты по дѣлу Каменскаго и Соколовскаго, призналъ правильнымъ взглядъ Палаты на статью 359 Улож., какъ на состоящую изъ статей 354 и 362, т. е. слагающуюся изъ отдѣльныхъ понятій служебной растраты и должностнаго подлога. Въ рѣшеніи по дѣлу Тушинскаго, 1882 года, № 50, Сенатъ категорически разъяснилъ, что лицо, обвиняемое по 359 ст. Улож., обвиняется въ двухъ отдѣльныхъ, самостоятельныхъ преступныхъ дѣяніяхъ—въ растратѣ и подлогѣ для ея сокрытія, и что соединеніе въ одинъ вопросъ обоихъ этихъ обвиненій не должно имѣть, въ нарушеніе 756 ст. Уст. угол. суд., мѣста, ибо одно изъ этихъ обвиненій можетъ быть разрѣшено утвердительно, а другое отрицательно. Присяжные могутъ признать присвоеніе и отвергнуть подлогъ, или наоборотъ; если же они признаютъ и то и другое во взаимной ихъ связи, то Суду слѣдуетъ примѣнить, смотря по роду подложныхъ документовъ, или наказаніе по совокупности 354 и 362 ст. Улож., если документы эти не суть «оправдательные», или же наказаніе по 359 ст., если составленные документы суть именно оправдательные, т. е. квитанціи, росписки, и т. п. Но если нельзя соединить этихъ двухъ обвиненій въ одномъ вопросѣ, то, по тѣмъ же основаніямъ, нельзя и обусловливать одно другимъ въ одномъ вопросѣ, спрашивая присяжныхъ о виновности въ подлогѣ лишь *подъ условіемъ* виновности въ утайкѣ или присвоеніи («если виновенъ... то...»). Вопросы, поставленные Московскимъ судомъ, вполнѣ уполномочивали, по своей редакціи, присяжныхъ вовсе не отвѣчать о подлогѣ послѣ того, какъ они отвергли ви-

новность подсудимыхъ въ утайкѣ пакета,—что присяжные и сдѣлали. Правильная постановка вопросовъ по настоящему дѣлу требовала бы отдѣльныхъ вопросовъ объ утайкѣ, о подлогѣ и о томъ, былъ ли учиненъ подлогъ для сокрытія утайки, такъ какъ, согласно рѣшенію 1869 года, № 1094, по дѣлу Ванина, въ виду ст. 755 Уст. угол. суд., вопросы объ обстоятельствахъ, особо увеличивающихъ виновность, къ которымъ относится и сокрытіе, упомянутое въ ст. 359 Улож., должны быть предметомъ особаго вопроса. Объясненіе Кетхудова, что обвиненіе въ подлогѣ противъ него никогда не возводилось, ибо его нѣтъ въ обвинительномъ актѣ, не заслуживаетъ уваженія и по существу преступленія, предусмотрѣннаго 359 ст. Улож., и потому, что въ служащемъ, по 1095 ст. Уст. угол. суд., основаніемъ для обвинительнаго акта опредѣленіи губернскаго правленія, предавшаго сортировщиковъ суду, прямо упомянута и 362 ст. Улож. Точно также и заявленіе его, что независимая постановка вопросовъ объ утайкѣ и о подлогѣ есть *абсурдъ*, есть лишь выраженное въ совершенно неумѣстной формѣ самонадѣянное предрѣшеніе вопроса. Неменьшую неправильность представляютъ вопросы о подлогѣ *съ точки зрѣнія судопроизводственной.* Рѣшеніями по дѣламъ Мельницкихъ и Свиридова съ подробностью разъяснено существенное содержаніе и соотношеніе вопросовъ о событіи, о виновности и о вмѣненіи. Преподавъ рядъ примѣровъ постановки вопросовъ, Правительствующій Сенатъ установилъ, что, согласно 754 ст. Уст. угол. суд., вопросъ о *совершеніи* дѣянія выдѣляется изъ общаго вопроса о *виновности* исключительно при необходимости поставить отдѣльный вопросъ о законной *причинѣ невмѣняемости*,—во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ изъ вопроса о виновности можетъ быть выдѣляемъ лишь вопросъ о *событіи* преступленія. Эти рѣшенія Правительствующаго Сената представляютъ собою не простое толкованіе закона въ примѣненіи къ тому или другому частному случаю,—толкованіе, подъ которое новый частный случай можетъ и не подходить. Это *императивное указаніе,* вмѣняющее судамъ въ обязанность извѣстный, опредѣленно установленный порядокъ дѣйствій. Отъ исполненія такого указанія судебныя учрежденія не должны себѣ позволять уклоняться ни подъ какимъ предлогомъ. Иначе *упорядочивающая* дѣятельность Правительствующаго Сената потеряетъ всякій смыслъ и значеніе. Между тѣмъ, Московскій Окружный Судъ въ дѣлѣ Кетхудова прямо нарушилъ преподанныя Сенатомъ правила, редактировавъ 4-й и 5-й вопросы такъ, что утвердительный отвѣтъ на нихъ—съ признаніемъ или безъ признанія утайки—долженъ содержать въ себѣ лишь удостовѣреніе, что подсудимые *составили* подложный протоколъ-карту. Но такое удостовѣреніе не есть отвѣтъ о виновности подсудимыхъ въ подлогѣ. *Сдѣлалъ*—еще не значитъ *виновенъ*, и примѣненіе карательной мѣры по такому отвѣту возможно лишь при полномъ смѣшеніи понятій о фактической сторонѣ дѣянія съ понятіемъ о вмѣненіи этого дѣянія въ вину. Эти нарушенія, допущенныя при постановкѣ 4-го и 5-го вопросовъ, настолько, по моему

мнѣнію, существенны и явны, что едва ли нужны дальнѣйшія доказательства невозможности оставить въ силѣ приговоръ суда и рѣшеніе присяжныхъ по обвиненію подсудимыхъ въ служебномъ подлогѣ.

Таковы нарушенія *первой категоріи*. Обращаюсь ко второй категоріи,—къ нарушеніямъ при судебномъ состязаніи, разумѣя подъ ними, согласно съ Правительствующимъ Сенатомъ, судебное слѣдствіе и пренія. *Первое* изъ нихъ, по мнѣнію кассаторовъ, относится къ ст. 629 и 687 Уст. угол. суд. и выразилось, во-первыхъ, въ отказѣ въ прочтеніи копій приговоровъ, представленныхъ повѣреннымъ гражданскаго истца, для опроверженія показанія графа де-Шамборана, что ему неизвѣстно о случаяхъ похищенія цѣнныхъ пакетовъ изъ почтовыхъ учрежденій, и, во-вторыхъ, въ непрочтеніи находящагося въ дѣлѣ прошенія Кетхудова, отъ 17-го декабря 1887 года, коимъ онъ домогался получить деньги по заарестованнымъ у него векселямъ. Рѣшеніями по дѣламъ Чеботаревскаго, 1874 года, и Митрофанова, 1872 года—признано, что участвующему въ дѣлѣ лицу не можетъ быть возбранено прочтеніе находящихся у него документовъ, относящихся къ предмету показаній свидѣтелей, когда этими документами можетъ быть доказана неточность или несправедливость этихъ показаній относительно того или другого обстоятельства, подлежащаго изслѣдованію. Допустивъ, какъ *относящійся къ дѣлу*, вопросъ о существованіи того или другого обстоятельства, судъ уже не имѣетъ основанія воспрещать доказательство этого существованія посредствомъ представленія находящихся у участвующихъ въ дѣлѣ документовъ. Если бы на вопросъ, предложенный графу де-Шамборану, онъ отвѣчалъ утвердительно,—этотъ отвѣтъ не могъ бы быть признанъ, въ виду разрѣшенія задать вопросъ, не относящимся къ дѣлу; нельзя признать, поэтому, правильнымъ и отказъ въ принятіи, на основаніи 629 и 687 статей, документальнаго дополненія къ этому отвѣту. Такой неправильности вовсе не усматривается въ отказѣ прочесть прошеніе Кетхудова. Изъ дѣла видно, что похищеніе денегъ Кнопа совершено 15-го марта 1886 года,—что 24-го марта о пропажѣ пакета заявлено почтамту, и что затѣмъ начато административное разслѣдованіе. 21-го іюля того же года сортировщикъ почтамта Кетхудовъ, получавшій 410 руб. въ годъ жалованья, заключилъ съ присяжнымъ повѣреннымъ Нѣмчиновымъ договоръ, по коему за ежегодную плату въ 1500 р., вносимую впередъ по третямъ, послѣдній обязался, между прочимъ, вести гражданскія дѣла Кетхудова, къ коимъ относятся и взысканія Кетхудова по учтеннымъ имъ векселямъ, на сумму около 60,000 руб. Во время слѣдствія Нѣмчиновъ представилъ 13 такихъ векселей, на 56,900 руб., учтенныхъ или полученныхъ, какъ оказалось, *послѣ 15-го марта 1886 года*, почему таковые и были пріобщены къ слѣдственному производству. Когда же до свѣдѣнія Кетхудова дошло, что векселедатель Княжевскій собирается продать свое имѣніе, то онъ, особымъ прошеніемъ отъ 19-го декабря, просилъ выдать векселя Княжевскаго

на сумму 11,200 руб. для предъявленія ко взысканію и наложенія запрещенія повѣренному его, присяжному повѣренному Шубинскому, еще 9-го ноября назначенному ему защитникомъ отъ суда, съ тѣмъ, чтобы взысканная сумма была представлена въ кассу суда, за вычетомъ издержекъ взысканія и гонорара, условленнаго за взысканіе между истцомъ Кетхудовымъ и присяжнымъ повѣреннымъ Шубинскимъ. Въ прочтеніи этого прошенія судъ отказалъ, и совершенно основательно, ибо статья 629 относится лишь до документовъ, находящихся на рукахъ свидѣтелей и участвующихъ въ дѣлѣ, а не въ производствѣ; для прочтенія же послѣднихъ необходимо, чтобы они подходили подъ указанія 687 ст. Уст. угол. суд. и относились къ дѣлу, чего ни изъ формы, ни изъ содержанія изложеннаго мною прошенія не усматривается.

Второй поводъ къ отмѣнѣ рѣшенія присяжныхъ усматривается кассаторами въ допущеніи объясненій защитника въ такой формѣ и такого содержанія, что ими присяжные засѣдатели вводились въ заблужденіе относительно истинныхъ свойствъ дѣяній какъ подсудимыхъ, такъ и потерпѣвшаго отъ преступленія. Обращаясь къ обсужденію степени уважительности этого повода, необходимо замѣтить, что изъ рѣшеній Правительствующаго Сената по дѣламъ игуменьи Митрофаніи, Мельницкихъ и Мироновича вытекаетъ общее правило, что жалоба сторонъ въ дѣлѣ на допущеніе противника къ высказыванію чего-либо, явно несогласнаго съ требованіями 745 ст. Уст. угол. суд., можетъ подлежать кассаціонной оцѣнкѣ лишь тогда, когда для сужденія о ея *фактической* основательности имѣется въ производствѣ суда *письменное доказательство*. Такимъ доказательствомъ—прежде и главнѣе всего—является протоколъ судебнаго засѣданія, долженствующій, согласно 835—837 ст. Уст. угол. суд., представлять точную и полную картину того, что происходило на судѣ. Протоколъ этотъ, на основаніи 842—844 ст., можетъ быть дополняемъ *замѣчаніями* сторонъ о неточности его изложенія, которыя подлежатъ затѣмъ разсмотрѣнію суда, обязаннаго постановить по нимъ свое *заключеніе*. Поэтому, въ случаѣ сдѣланія такихъ замѣчаній на протоколъ,—полная картина происходившаго на судѣ слагается изъ протокола и изъ заключенія суда по замѣчаніямъ; иными словами—протоколъ является окончательнымъ удостовѣреніемъ хода судебнаго засѣданія, лишь будучи дополненъ постановленіемъ суда, содержащимъ отвѣтъ на замѣчанія сторонъ. Правительствующій Сенатъ, въ рѣшеніяхъ 1876 г., № 69, по дѣлу Константинова, 1873 г., № 593, по дѣлу Хисамутдинова, и 1870 г., № 1506, по дѣлу Гайдукова—высказалъ, что безъ признанія судомъ справедливости замѣчаній на протоколъ—или, наоборотъ, отвергнутія ихъ—самый протоколъ не представляется *неоспоримымъ* доказательствомъ происходившаго на судѣ. Слѣдовательно, въ случаѣ сдѣланія сторонами замѣчаній на протоколъ, матеріаломъ для оцѣнки бывшаго на судѣ служитъ *протоколъ, дополненный постановленіемъ суда*. Насколько важное значеніе для такой оцѣнки имѣетъ эта совокупность протокола и

заключеній суда,—съ очевидностью явствуетъ даже изъ настоящаго дѣла. Обсуждая замѣчанія сторонъ на протоколъ, Московскій Окружный Судъ удостовѣряетъ, въ постановленіи своемъ отъ 23-го февраля сего года (1888), что защитникъ Кетхудова былъ остановленъ предсѣдательствующимъ четыре раза—по поводу заявленій его о пріемахъ обвинителя, о порядкахъ почтамта, о «понимательномъ аппаратѣ» товарища прокурора и о рукоплесканіяхъ публики, какъ отвѣтѣ на обвиненіе защитника товарищемъ прокурора въ проповѣди «непотребныхъ мыслей», вмѣсто сѣянія добра. Такого рода остановки, составляя осуществленіе предоставленнаго предсѣдателю статьею 611 Уст. угол. суд., права по управленію ходомъ дѣла, на основаніи п. 7 ст. 836, должны быть заносимы въ протоколъ обязательно, не обусловливая этого ходатайствомъ о томъ участвующихъ лицъ. Между тѣмъ, ни одна изъ этихъ остановокъ не внесена въ протоколъ, который, слѣдовательно, вопреки указаніямъ ст. 837 Уст. угол. суд., составленъ не такъ, «чтобы изъ него можно было видѣть весь ходъ дѣла на судѣ и удостовѣриться въ соблюденіи правилъ, нарушеніе коихъ можетъ быть поводомъ къ отмѣнѣ приговора». Такимъ образомъ, заключеніе суда, содержащееся въ постановленіи 23-го февраля, дополняетъ существеннымъ образомъ протоколъ, и лишь въ совокупности съ нимъ даетъ дѣйствительную картину того, что произошло въ судебномъ засѣданіи по настоящему дѣлу.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что сторона, не озаботившаяся своевременнымъ внесеніемъ въ протоколъ тѣхъ заявленій, на допущеніе которыхъ она жалуется,—не запасшись этимъ неоспоримымъ и такъ сказать историческимъ по дѣлу удостовѣреніемъ факта, которымъ нарушены ея права—можетъ лишь указывать на заключеніе суда по замѣчаніямъ на протоколъ и въ этомъ заключеніи искать опоры своимъ доводамъ. Въ этомъ случаѣ возстановленіе того, что было—построенное исключительно въ предѣлахъ постановленія, на основаніи удостовѣренія суда, можетъ послѣдовать лишь послѣ объявленія приговора въ окончательной формѣ. Правительствующій Сенатъ, разсматривая вопросъ о внесеніи въ протоколъ отдѣльныхъ мѣстъ изъ руководящаго напутствія присяжнымъ, призналъ, по дѣлу Мироновича, что судьи, по истеченіи значительнаго времени, могутъ не сохранить въ памяти, со всею точностью, словъ предсѣдателя, для безошибочнаго удостовѣренія или опроверженія замѣчаній. То же самое, въ извѣстной степени, относится и къ судебнымъ преніямъ. И по отношенію къ нимъ судьямъ можетъ представляться затруднительнымъ вспомнить въ точности выраженія, которыя, не будучи указаны своевременно, не могли застыть на страницахъ протокола въ точной и непререкаемой формѣ. Я говорю, впрочемъ, объ *извѣстной степени* потому, что память судей должна невольно воспринимать и удерживать въ себѣ пренія сторонъ съ бо́льшею силою, чѣмъ слова предсѣдателя въ его руководящемъ напутствіи. Сторона, обращаясь и къ присяжныхъ, и къ судьямъ, говоритъ обыкновенно

односторонне, выдвигаетъ и освѣщаетъ свои положенія рѣзко, употребляя острый рѣзецъ и кисть съ густыми и яркими красками. Напутственное слово предсѣдателя, обращенное исключительно къ однимъ присяжнымъ,—спокойное и сдержанное, на практикѣ иногда довольно безцвѣтное, не способно приковать къ полутонамъ своихъ уравновѣшенныхъ разсужденій вниманіе судей, которыхъ оно можетъ лишь въ единичныхъ случаяхъ интересовать своею техникою. Гораздо легче запомнить, *что* клалось на противоположныя чашки вѣсовъ, чѣмъ отмѣтить въ памяти, *какъ* удерживалъ взвѣшивающій коромысло отъ колебаній. Поэтому презумпція о «забывчивости» судей по отношенію къ преніямъ сторонъ гораздо слабѣе, чѣмъ по отношенію къ словамъ предсѣдателя.

Составляя заключеніе свое по замѣчаніямъ сторонъ о нарушеніяхъ во время преній, не опирающимся на содержаніе протокола, судъ можетъ пойти троякимъ путемъ. Онъ можетъ, примѣняясь къ разъясненію по дѣлу Мироновича, совершенно уклониться отъ удостовѣренія содержанія отдѣльныхъ мѣстъ въ судебныхъ рѣчахъ; можетъ, наоборотъ, подтвердить замѣчанія во всемъ, въ чемъ они касаются и *формы* и *содержанія* сказаннаго; можетъ, наконецъ, не довѣряя своей памяти относительно *формы,* возстановить въ своемъ заключеніи *смыслъ* сказаннаго. Выборъ каждаго пути вполнѣ зависитъ, конечно, и отъ свойства и серьезности замѣчаній, и отъ взгляда суда на то, какое именно содержаніе его заключенія на замѣчанія наиболѣе соотвѣтствуетъ достоинству учрежденія, призваннаго отправлять значительную часть своей многосложной дѣятельности гласно и публично, т. е. въ условіяхъ, вызывающихъ иногда необходимость, признаніемъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, сказать «mea culpa!» При избраніи судомъ перваго пути кассатору остается лишь сѣтовать на собственную непредусмотрительность во время судебнаго состязанія; при готовности суда вступить на послѣдній путь, кассатору предстоитъ напомнить суду, хотя бы въ приблизительной формѣ, такія выраженія, которыя могутъ представить возможность возстановить смыслъ сказаннаго, такъ сказать, палеонтологически, воссоздавая постройку существенныхъ мѣстъ рѣчи по уцѣлѣвшимъ отъ нихъ частицамъ.

По настоящему дѣлу, повѣренный гражданскаго истца проявилъ во время судебнаго слѣдствія нѣкоторую бдительность, потребовавъ занесенія въ протоколъ словъ защитника Кетхудова: «Кнопъ обсчитывалъ русскую казну», но представитель обвинительной власти не можетъ упрекнуть себя въ чрезмѣрномъ вниманіи къ огражденію ввѣренныхъ ему интересовъ, не заботясь о закрѣпленіи протоколомъ тѣхъ выраженій защитника, которыя потомъ, въ изобиліи и съ подробностью, приведены имъ же самимъ въ замѣчаніяхъ на протоколъ. Здѣсь произошло то явленіе, съ которымъ Правительствующему Сенату приходится, къ сожалѣнію, встрѣчаться при разсмотрѣніи дѣлъ чаще, чѣмъ бы слѣдовало, и которое состоитъ въ довольно беззаботномъ отношеніи къ возможности будущаго удосто-

вѣренія нарушеній во время судебнаго слѣдствія,—повидимому, вслѣдствіе преждевременной увѣренности въ силѣ и убѣдительности предстоящей обвинительной рѣчи. Такимъ образомъ единственнымъ матеріаломъ для разрѣшенія вопроса о нарушеніи 745 ст. Уст. угол. судопр. служитъ заключеніе Московскаго суда на замѣчанія. Въ этомъ заключеніи судъ избралъ средній путь, вполнѣ согласный съ задачею суда, которому и обвинитель, и гражданскій истецъ настойчиво напоминаютъ объ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ въ процессѣ, получившемъ громкую печатную огласку, не ускользнувшую и отъ вниманія суда, какъ видно изъ ссылки въ его постановленіи на газеты «Русскій Курьеръ» и «Московскій Листокъ»—и выходящемъ, по своему предмету и результату, изъ ряда обыкновенныхъ. Удостовѣривъ четырехкратную остановку защитника и тѣмъ признавъ, въ существѣ, правильность замѣчаній обвинителя, судъ находитъ, что, по отношенію къ другимъ отмѣченнымъ въ замѣчаніяхъ словамъ и выраженіямъ сторонъ, онъ «можетъ, по памяти, удостовѣрить, что *значительное ихъ большинство представляютъ болѣе или менѣе близкій выводъ* изъ приводившагося на судѣ стороною того или другого *положенія*, и если отмѣчаемыя слова и выраженія точно были сказаны, чего съ достовѣрностью судъ утверждать не можетъ, то сказаны были вскользь, и во всякомъ случаѣ въ неразрывной связи съ другими положеніями и данными, прямо заимствованными изъ судебнаго слѣдствія». Такимъ образомъ удостовѣреніе суда касается формы и содержанія обжалованныхъ заявленій защитника. Относительно *формы* ихъ судъ не можетъ утверждать съ достовѣрностью, чтобы заявленія эти были сдѣланы именно въ тѣхъ выраженіяхъ и словахъ, которыя приведены въ замѣчаніяхъ. Относительно *содержанія* и *смысла* этихъ заявленій судъ признаетъ, что отмѣчаемыя слова и выраженія представляютъ *выводъ*, и притомъ болѣе или менѣе близкій, изъ приводившагося защитникомъ *положенія*. Иными словами, судъ объясняетъ, что смыслъ указываемыхъ въ рѣчахъ защитника мѣстъ характеризуется приводимыми въ замѣчаніяхъ выраженіями и соотвѣтствуетъ имъ, хотя могъ быть высказанъ и не этими именно выраженіями. Этимъ судъ даетъ возможность судить о приводившихся на судѣ положеніяхъ. При такомъ сужденіи, конечно, не можетъ имѣть значенія ни то, что отдѣльныя слова и выраженія были сказаны *вскользь*, ни то, что они находились въ *неразрывной связи* съ другими положеніями, заимствованными изъ судебнаго слѣдствія. Нельзя прежде всего не замѣтить, что выраженіе, составляющее *выводъ* изъ *положенія* и находящееся притомъ въ неразрывной связи съ другимъ положеніемъ—едва ли можетъ быть сказано *вскользь;* притомъ же здѣсь дѣло идетъ, согласно заключенію суда, не о точности каждаго выраженія въ отдѣльности, а о понятіяхъ, связанныхъ съ общимъ смысломъ совокупности этихъ или однородныхъ съ ними выраженій. Если сторонѣ будетъ ставимо въ упрекъ рѣзкое обвиненіе противника, напримѣръ, во лжи, при приведеніи какого-нибудь закона, то для сужденія о томъ,

что было сказано—безразлично, была ли мысль о лжи выражена словами «ложь», «неправда», «обманъ», «искаженіе истины», и т. п. Точно также и связь вывода изъ неправильнаго положенія съ положеніемъ вполнѣ правильнымъ не измѣняетъ характера перваго положенія. Неправильный и безнравственный выводъ о ненаказуемости обольстителя торжественнымъ обѣщаніемъ жениться, можетъ находиться въ связи съ основаннымъ на данныхъ судебнаго слѣдствія выводомъ о томъ, что обвиняемый и потерпѣвшая оказались столь несходными характеромъ, что ихъ семейная жизнь не обѣщала быть счастливою; положеніе о полезности клеветы можетъ быть связано съ обнаруженною на слѣдствіи заботою потерпѣвшаго объ особой осторожности въ словахъ и поступкахъ, чтобы избѣгать на будущее время ложнаго обвиненія, и т. д.—Какія же положенія приводились, между прочимъ, въ рѣчи защитника Кетхудова сверхъ тѣхъ выраженій, которыя были признаны самимъ предсѣдательствующимъ вызывающими необходимость остановить защитника? Мы имѣемъ указаніе на «болѣе или менѣе близкіе выводы» изъ нихъ въ замѣчаніяхъ сторонъ на протоколъ, и если выраженія, записанныя товарищемъ прокурора и гражданскимъ истцомъ, быть можетъ, не вполнѣ согласны и тождественны съ произнесенными на судѣ, то положенія, изъ которыхъ они составляютъ, по удостовѣренію суда, *выводъ*—обрисовываются съ достаточною ясностью и опредѣленностью. Предъ нами слагается рядъ положеній, изъ которыхъ каждаго достаточно, чтобы признать, что въ рѣчь защитника Кетхудова былъ внесенъ элементъ, идущій въ разрѣзъ съ тѣми понятіями, на которыхъ зиждется нравственный и правовой строй благоустроеннаго общества. Преступныя дѣянія подсудимыхъ, сознавшихся въ похищеніи чужихъ цѣнныхъ бумагъ и сокрытіи этого похищенія путемъ подлога, а слѣдовъ его посредствомъ зарытія бумагъ въ землю въ окрестностяхъ Москвы, выставляются какъ прямое послѣдствіе дѣйствій потерпѣвшаго, состоявшихъ въ осуществленіи права, предоставленнаго ему закономъ, основаннымъ на международномъ почтовомъ соглашеніи. Потерпѣвшій есть настоящій виновникъ всего, ибо, поступая согласно съ почтовыми правилами, онъ долженъ былъ, однако, заботиться и о томъ, чтобы не вводить въ соблазнъ чиновниковъ, памятуя не только пословицы, но и святое Евангеліе, изъ котораго, согласно тождественному замѣчанію кассаторовъ на протоколъ, приводится, совершенно неумѣстно, текстъ, возвышенный и глубокій смыслъ котораго толкуется въ самомъ извращенномъ смыслѣ. Денежный интересъ дѣла,—проводится во второмъ положеніи,—меркнетъ предъ тѣмъ ущербомъ, который несла русская казна отъ посылокъ денежныхъ цѣнностей въ заказныхъ письмахъ. Надъ этою стороною дѣла рекомендуется присяжнымъ серьезно задуматься, памятуя, что если иногда нужны обвинительные приговоры, чтобы сдержать корыстолюбивые порывы бѣдняковъ, то иногда также необходимы оправдательные приговоры, чтобы сдержать своекорыстныя стремленія богачей, и напомнить имъ, что не весь міръ

существуетъ для нихъ и для ихъ хищническихъ вожделѣній. Кассаторы утверждаютъ, что, развивая эти положенія, защита указывала и на то, что подсудимые своимъ преступнымъ дѣломъ оказали услугу русскимъ финансамъ, такъ какъ послѣ похищенія пакета съ 120,000 руб. число страховыхъ отправленій увеличилось на счетъ числа заказныхъ. Судъ, въ своемъ второмъ опредѣленіи отъ 23-го февраля, по поводу содержанія кассаціонной жалобы и протеста—объясняетъ, что не помнитъ, чтобы защитникъ говорилъ объ услугахъ русскимъ финансамъ, а удостовѣряетъ лишь ссылку защитника на показаніе почтоваго пріемщика Нурко о значительномъ увеличеніи числа и суммы денежныхъ поступленій послѣ 15-го марта, т. е. послѣ похищенія пакета Кнопа. Поэтому положенія объ услугахъ финансамъ можно и не касаться, хотя нельзя не замѣтить, что положеніе о меркнущемъ денежномъ интересѣ, въ виду ущерба русской казну, въ связи съ указаніемъ на увеличеніе денежныхъ поступленій послѣ того дня, когда Кнопъ «соблазнилъ» подсудимыхъ,—и съ занесенными въ протоколъ словами «Кнопъ обсчитывалъ казну», даютъ нѣкоторое основаніе думать, что и въ этомъ отношеніи замѣчанія кассаторовъ не особенно расходятся съ дѣйствительностью. Но и безъ указанія на услуги финансамъ приведенныя положенія идутъ въ прямой разрѣзъ съ понятіемъ о правильномъ и закономѣрномъ отправленіи уголовнаго правосудія. Съ этой точки зрѣнія необходимо обратиться и къ дальнѣйшему положенію, въ которомъ указывается на то, что настала пора «возвыситься до болѣе серьезной оцѣнки явленій, имѣющихъ государственный смыслъ», и послѣ сопоставленія высокихъ хлѣбныхъ пошлинъ въ Германіи съ колебаніемъ курса русскихъ бумагъ на берлинской биржѣ—объясняется присяжнымъ, что они «собрались въ залъ суда не защищать лишь частные интересы, но и отдать долю серьезнаго вниманія и государственнымъ интересамъ, если таковые окажутся выдвинутыми предъ ними данными дѣла». Придавая такимъ толкованіемъ обвиненію подсудимыхъ совершенно ложное значеніе защиты денежныхъ интересовъ частнаго лица, а не защиты нарушеннаго преступленіемъ общественнаго порядка, присяжный повѣренный Шубинскій, выходя изъ принадлежашей ему, по смыслу судебныхъ уставовъ, роли, вторгается въ область предсѣдателя, которому одному принадлежитъ, на основаніи 671 и 804 ст. Уст. угол. суд., право разъяснять и истолковывать присяжнымъ засѣдателямъ ихъ задачи и обязанности, согласно принятой ими, по 666 ст. Уст. угол. суд., присягѣ. Приглашеніе стать на высоту государственной точки зрѣнія, будто бы уполномочивающей присяжныхъ, въ виду ущерба, несомаго казною отъ установленныхъ самимъ же государствомъ правилъ, признать *необходимость* произнесенія оправдательнаго приговора, который, противорѣча даже собственному сознанію подсудимыхъ, сдержалъ бы своекорыстныя стремленія богачей—есть приглашеніе присяжныхъ къ явному забвенію ихъ долга, какъ судей, призванныхъ различать виновныхъ отъ невиновныхъ,

а не богатыхъ отъ бѣдныхъ, и обязанныхъ заботиться не о томъ, какой приговоръ въ данномъ случаѣ, по ихъ личнымъ вкусамъ, нуженъ или полезенъ, а о томъ, какой приговоръ наиболѣе соотвѣтствуетъ правдѣ, раскрытой судомъ. Внесеніе въ матеріалъ, подлежащій обсужденію присяжныхъ, изображенія казны, какъ заслоняющей и даже оправдывающей своими ущербами преступныя дѣянія подсудимыхъ, и указаніе присяжнымъ, что отвѣтомъ на натянутыя экономическія отношенія двухъ странъ можетъ быть постановленный *въ государственномъ интересѣ* оправдательный приговоръ—представляютъ собою полное извращеніе элементарныхъ понятій о настоящемъ государственномъ интересѣ и о государственномъ достоинствѣ, которое обязанъ, въ сферѣ своихъ дѣйствій, охранять и всемѣрно поддерживать и судъ. Международное право допускаетъ разные виды реторсій и репрессалій въ отношеніяхъ государствъ между собою, но несомнѣнно, что покуда не разрушилась современная умственная и нравственная культура, такія своеобразныя репрессаліи,—состоящія въ отвѣтѣ на непріязненное экономическое настроеніе сосѣда оправданіемъ сознавшихся и вмѣняемыхъ собственныхъ похитителей, — никогда не найдутъ себѣ примѣненія.

Русская казна бывала въ трудномъ положеніи, — она переживала годины тяжкаго оскудѣнія и крайняго напряженія. Она испытала послѣдствія 1812 года; въ самый разгаръ шведской войны, въ роковой борьбѣ съ «надменнымъ сосѣдомъ» за будущее величіе Россіи — Великому Основателю Сената пришлось переливать церковные колокола въ пушки и деньги,—но никогда, ни разусамые горячіе «радѣтели» казеннаго интереса не высказывали мысли, что ущербы казны и трудное экономическое положеніе страны могутъ имѣть какое либо, хотя бы самое отдаленное, вліяніе на освобожденіе отъ наказанія «лихихъ людей» и что безнаказанность виновныхъ въ назиданіе потерпѣвшихъ можетъ служить подспорьемъ къ уменьшенію убытковъ казны. Наконецъ, послѣднее положеніе защитника, тождественно устанавливаемое кассаторами и косвенно подтверждаемое замѣчаніями самого защитника о рѣзкихъ выраженіяхъ товарища прокурора по поводу его рѣчи, — представляетъ собою указаніе на лучшій и безопаснѣйшій способъ совершенія злоупотребленія при отправкѣ цѣнностей по оцѣнкѣ ниже ихъ стоимости, чѣмъ тотъ простѣйшій, къ которому прибѣгли подсудимые. Изъ общаго и неопредѣленнаго выраженія постановленія суда отъ 23-го февраля объ остановкѣ предсѣдателемъ защитника, когда онъ сталъ говорить о порядкахъ московскаго почтамта, нельзя вывести — къ удобству ли подачи рапорта о пропажѣ пакета въ 500 р. при утайкѣ остальныхъ 95.500 руб. относилась эта остановка? Поэтому нельзя не пожалѣть, что въ заключеніи суда нѣтъ ясныхъ и безспорныхъ указаній на то, что такой предосудительный и совершенно не цѣлесообразный пріемъ защиты — въ дѣйствительности не былъ употребленъ или, будучи употреб-

ленъ, былъ немедленно обезсиленъ авторитетнымъ словомъ предсѣдателя.

Въ постановленіяхъ своихъ отъ 23-го февраля окружный судъ, между прочимъ, указываетъ, что кассаторы не просили о внесеніи въ протоколъ выраженій, сказанныхъ защитникомъ, и что ссылаясь на нарушеніе 611 ст. Уст. угол. суд., они не отмѣчаютъ нарушенія 801—815 ст. того же устава, изъ чего можно заключить, что, довольствуясь рѣчью предсѣдательствовавшаго, они не считали рѣчь защитника неправильною. Такимъ образомъ возникаетъ вопросъ—не только о случаяхъ, въ которыхъ, по содержанію рѣчей сторонъ, на предсѣдателѣ лежитъ обязанность остановить говорящаго и обратить его къ надлежащему исполненію его обязанностей,—но и о томъ, можетъ ли такая остановка быть замѣнена безъ ущерба для правильнаго отправленія правосудія опроверженіемъ неправильныхъ толкованій въ руководящемъ напутствіи присяжнымъ? Нѣтъ сомнѣнія, что второй изъ этихъ вопросовъ долженъ быть разрѣшенъ отрицательно. Въ случаяхъ нарушенія 745 ст. Уст. угол. суд. не только произнесеніемъ оскорбительныхъ для противника словъ, но и проведеніемъ взглядовъ и положеній, противорѣчащихъ уваженію къ закону, сторона, дозволившая себѣ такое отступленіе, должна быть призвана на основаніи 611 ст., къ порядку *немедленно*. Присяжные засѣдатели представляютъ собою воспріимчивый организмъ—и превратныя толкованія имъ общихъ вопросовъ права или извращеніе передъ ними истиннаго смысла и цѣлей закона, оставленное безъ опроверженія, можетъ быть принято ими съ тѣмъ довѣріемъ, которое всегда невольно внушаетъ къ себѣ энергичное слово,—можетъ пустить въ ихъ представленіи о дѣлѣ корни и ростки. Руководящее наставленіе, иногда даваемое послѣ преній, длящихся цѣлые дни,—стоитъ припомнить большіе банковые и фискальные процессы,—уже не въ силахъ и по времени, и, нерѣдко, по содержанію—вырвать эти корни и насадить вмѣсто нихъ здравый взглядъ на дѣло, сужденіе о которомъ слагается шагъ за шагомъ. Поэтому, если умственные шаги присяжныхъ направляются усиліями стороны на неправильный путь, предсѣдатель долженъ тотчасъ остановить такого руководителя указаніемъ на недопустимость его пріемовъ, а не совѣтовать присяжнымъ обратиться назадъ впослѣдствіи, предоставивъ имъ пройти по такому неправильному пути болѣе или менѣе длинное пространство. Кромѣ того, отсутствіе въ такихъ случаяхъ немедленной остановки и отсрочки указанія на неправильность и незаконность теорій, проводимыхъ передъ присяжными—до руководящаго напутствія, можетъ вынудить сторону, противъ которой все это направлено, прибѣгать къ полемикѣ, вмѣсто разбора уликъ и доказательствъ.

Мы видимъ примѣръ этому и въ настоящемъ дѣлѣ. Присяжный повѣренный Шубинскій въ своихъ замѣчаніяхъ на протоколъ заявляетъ, что товарищъ прокурора Саблинъ во второй своей рѣчи неоднократно называлъ всю его рѣчь «рядомъ непотребныхъ мыслей»

и упрекалъ его въ проповѣди «противу—божескихъ теорій» и въ «открытіи Америки». Судъ удостовѣряетъ прямо выраженіе «непотребныя мысли» и косвенно—два другихъ выраженія, какъ выводъ изъ положеній, приводившихся товарищемъ прокурора. Нельзя ни при какихъ условіяхъ признать умѣстнымъ употребленіе представителемъ обвинительной власти по дѣлу Кетхудова такихъ рѣзкихъ и вносящихъ личное раздраженіе въ пренія выраженій, долженствовавшихъ, при правильномъ веденіи засѣданія, вызвать приглашеніе предсѣдателемъ къ большей сдержанности, но нельзя не видѣть, что они явились въ данномъ случаѣ результатомъ необходимости возражать на разсмотрѣнныя уже нами *положенія* защитника, оставшіяся безъ своевременныхъ замѣчаній со стороны предсѣдателя. Наконецъ, положеніе и значеніе суда въ общемъ строѣ государственныхъ учрежденій не дозволяетъ, чтобы въ стѣнахъ его раздавались выраженія и приводились теоріи, противорѣчащія порядку, охраняемому этимъ строемъ, и оставались бы, въ теченіе извѣстнаго времени, внѣ осужденія и опроверженія со стороны главы суда. Не надо забывать, что судъ есть установленіе публичное, что онъ призванъ воздѣйствовать на общество не только справедливостью своихъ рѣшеній, но и серьезнымъ благочиніемъ своей внѣшней дѣятельности, впечатлѣніе котораго должно быть выносимо изъ залы суда въ каждый моментъ и каждымъ, хотя бы случайнымъ и кратковременнымъ ея посѣтителемъ. Поэтому я полагаю, что разъяснять нарушенія ст. 745 Уст. угол. суд., необходимо немедленно, а не въ руководящемъ напутствіи, ибо нецѣлесообразно объявлять въ этомъ случаѣ «тебѣ не слѣдовало говорить того или другого», когда можно и должно сказать «не говори этого»! Правительствующій Сенатъ призналъ уже, 1-го декабря прошлаго года, по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ Саратовско-Симбирскомъ банкѣ, что запоздалое указаніе въ руководящемъ напутствіи на нарушеніе сторонами во время преній 745 ст. Уст. угол. суд.—не снимаетъ съ предсѣдателя упрека въ неисполненіи имъ обязанности, возложенной на него 611 ст. Уст, угол. суд., и указываетъ на существенный кассаціонный поводъ въ дѣлѣ. Вслѣдствіе этого ссылку Московскаго окружнаго суда на то, что кассаторы, удовольствовавшись руководящимъ разъясненіемъ товарища предсѣдателя, тѣмъ самымъ не признали нарушенія имъ 611 ст. Уст. угол. суд. — надлежитъ признать незаслуживающею уваженія. Въ связи съ вопросомъ о времени пресѣченія нарушеній 745 ст. находится и вопросъ о томъ, можно ли считать нарушеніемъ 611 ст. Уст. угол. суд. со стороны предсѣдателя отсутствіе такого пресѣченія, если стороны не занесли въ протоколъ поводъ къ нему? Думаю, что просьбы сторонъ о занесеніи въ протоколъ тѣхъ или другихъ эпизодовъ изъ судебныхъ преній никакого значенія для выполненія предсѣдателемъ обязанности, налагаемой на него ст. 611 и даже ст. 801—804 Уст. угол. суд.—не имѣютъ. Починъ остановки стороны и разъясненія ей неправильности ея положеній—долженъ всецѣло принадлежать предсѣдателю—главному распорядителю дѣла и руководи-

телю присяжныхъ. Отъ него, внѣ указаній сторонъ и независимо отъ нихъ,—зависитъ усмотрѣть необходимость примѣненія 611 ст., причемъ всякая сдѣланная имъ остановка должна быть занесена въ протоколъ. Предсѣдатель такъ поставленъ въ нашемъ уголовномъ процессѣ и вооруженъ такими правами во время судебнаго засѣданія, что участвующіе въ дѣлѣ могутъ, не безъ основанія, считать неумѣстнымъ напоминать ему своими заявленіями о нарушеніяхъ порядка въ преніяхъ, которыя слѣдуетъ или слѣдовало пресѣчь. Наконецъ, въ дѣлахъ, производимыхъ въ порядкѣ частнаго обвиненія, стороны могутъ стоять на такой степени воспитанія, что имъ самимъ употребляемыя ими грубыя или несоотвѣтственныя достоинству мѣста выраженія не будутъ казаться подлежащими прекращенію, по пословицѣ—«брань на вороту не виснетъ».

Остается разсмотрѣть послѣдній весьма важный вопросъ, возбужденный настоящимъ дѣломъ. Это вопросъ о томъ, *что именно* въ защитительной рѣчи, помимо употребленія лично оскорбительныхъ выраженій и приведенія обстоятельствъ, не бывшихъ предметомъ судебнаго слѣдствія—можетъ вызывать немедленное пользованіе предсѣдателемъ предоставленнымъ ему правомъ остановить защитника. Судебные уставы начертали стройное зданіе судебныхъ преній. Въ отвлеченную постройку его составители уставовъ внесли глубокое пониманіе истинной цѣли состязанія сторонъ, допускаемыхъ къ высказыванію своихъ положеній для того, чтобы помочь огражденію общества отъ двоякой опасности—осужденія невиннаго и безнаказанности виновнаго. Они указали въ общихъ, но твердыхъ и рельефныхъ чертахъ, содержаніе рѣчей сторонъ,—и отъ точнаго примѣненія этихъ указаній на практикѣ правосудіе ничего и никогда не теряетъ, а достоинство его отправленія многое выигрываетъ. Судебное слѣдствіе завершается, говоритъ 735 ст. Уст. угол. суд., преніями по существу разсмотрѣнныхъ и повѣренныхъ доказательствъ. Таковъ объемъ и содержаніе преній, такова ихъ основа: — *существо доказательствъ*. Эти доказательства—прямыя и косвенныя, т. е. улики—разрабатываются, группируются и поясняются двумя равноправными сторонами. Законъ указываетъ въ ст. 739 и 740 прокурору его задачу быть безпристрастнымъ и спокойнымъ изслѣдователемъ виновности. Предостерегая его отъ односторонности, онъ предписываетъ ему не извлекать изъ дѣла только обстоятельства, уличающія подсудимаго, и не преувеличивать значенія доказательствъ. Не требуя осужденія во чтобы то ни стало, законъ обязываетъ прокурора заявлять суду, по совѣсти, объ отказѣ отъ обвиненія въ случаѣ уважительности оправданій подсудимаго. Однимъ словомъ—не ослѣпленнаго односторонностью своего положенія обвинителя, а *«говорящаго судью»* создаетъ законъ изъ прокурора. Защитникъ подсудимаго, на основаніи 744 ст. Уст. угол. суд., объясняетъ всѣ тѣ обстоятельства и доводы, которыми *опровергается* или *ослабляется* выведенное противъ подсудимаго обвиненіе. Вотъ его задача: опровергать и ослаблять обвиненіе, построенное прокуроромъ на оцѣнкѣ

всѣхъ, а не исключительно только направленныхъ противъ подсудимаго доказательствъ. Когда эта задача выполнена, когда поставлены вытекающіе изъ дѣла вопросы—предсѣдатель говоритъ свое руководящее напутствіе, въ которомъ преподаетъ присяжнымъ, согласно 801 ст. Уст. угол. суд., общія юридическія основанія къ сужденію о *силѣ доказательствъ*, приведенныхъ въ пользу и противъ подсудимыхъ. Этимъ напутствіемъ завершаются судебныя пренія,—оно уравниваетъ ихъ невольную односторонность и какъ въ готическомъ сводѣ совокупляетъ въ одномъ clef de voûte развѣтвленія параллельно поднявшихся столбовъ обвиненія и защиты. Полагая разработку *доказательствъ* въ основу преній и возлагая на предсѣдателя въ концѣ процесса опредѣленіе ихъ относительной силы—законъ тѣмъ самымъ устраняетъ его отъ вмѣшательства въ толкованіе и оцѣнку этихъ доказательствъ сторонами во время преній. Этимъ опредѣляется и отношеніе предсѣдателя къ содержанію рѣчи защитника, опровергающаго или ослабляющаго доводы обвинителя. *Опровергая*,—т. е. указывая слабость и непрочность доказательствъ, приведенныхъ прокуроромъ, разбивая ихъ связь между собою или выставляя свои доказательства, свидѣтельствующія о невиновности подсудимаго или даже объ отсутствіи самаго событія преступленія,—защитникъ можетъ быть слишкомъ одностороненъ, можетъ невѣрно обозначать удѣльный вѣсъ доказательствъ, освѣщать ихъ ненадлежащимъ свѣтомъ, разбирать пристрастно и неравномѣрно: предсѣдатель въ руководящемъ напутствіи можетъ, съ безпристрастіемъ и опытностью, освѣтить доказательства съ настоящей стороны, возстановить ихъ дѣйствительную связь и указать на слабость связи искусственной... *Ослабляя* доводы, защитникъ можетъ или возбуждать *сомнѣніе* въ виновности—или говорить о *снисхожденіи* къ подсудимому. Сомнѣніе можетъ быть построено на произвольныхъ и шаткихъ предположеніяхъ, на оставленіи нѣкоторыхъ сторонъ дѣла въ тѣни, или вовсе безъ обсужденія: въ руководящемъ напутствіи будутъ указаны условія для законнаго сомнѣнія, какъ результата безплодныхъ, хотя и настойчивыхъ усилій ума и совѣсти къ совершенному уясненію намѣреній подсудимаго или приписываемаго ему дѣянія,—будетъ объяснено, что лишь такое, не мимолетное, а добросовѣстное сомнѣніе должно быть истолковано въ пользу обвиняемаго... Говоря о снисхожденіи «по обстоятельствамъ дѣла», изъ коихъ, конечно, одно изъ главнѣйшихъ—самъ подсудимый,—защитникъ, ссылаясь на личныя его свойства, на его житейскую обстановку и прошлое—можетъ рисовать ихъ сгущенными красками, преувеличивать страданія и достоинства подсудимаго и говорить о безвыходности положенія тамъ, гдѣ была лишь простая затруднительность. Въ его словахъ о снисхожденіи можетъ слышаться призывъ къ полному прощенію... Вмѣшательство въ эти соображенія защиты не будетъ умѣстно. Говоря о снисхожденіи, защитникъ исполняетъ свою обязанность,—свою завидную обязанность—вызывать на ряду со строгимъ голосомъ правосудія, карающаго преступленія, кроткіе звуки милости

къ человѣку, иногда глубоко несчастному. Въ руководящемъ напутствіи предсѣдатель всегда можетъ указать на преувеличенія въ оцѣнкѣ неблагопріятно сложившихся для подсудимаго обстоятельствъ, всегда долженъ указать присяжнымъ границу, до которой идетъ снисхожденіе и за которою начинается помилованіе, право на которое принадлежитъ одной Верховной власти. Однимъ словомъ—понятная, почти неизбѣжная односторонность и законное волненіе защиты—должны находить себѣ смягченіе и уравненіе исключительно въ законномъ спокойствіи и безпристрастіи руководящаго напутствія. Всякое вторженіе въ рѣчь защитника, иначе какъ въ случаяхъ, точно опредѣленныхъ въ ст. 745 Уст. угол. суд., не имѣющихъ, въ сущности, прямого отношенія къ оцѣнкѣ доказательствъ—не желательно. Оно вноситъ напрасное смущеніе, развлекаетъ вниманіе присяжныхъ, дѣлая ихъ безъ особой нужды молчаливыми судьями между предсѣдателемъ и стороною и, наконецъ, съуживаетъ область дѣйствій прокурора, который въ дѣлѣ оцѣнки доказательствъ долженъ самъ умѣть и защищаться, и возражать.

Иначе, однако, становится вопросъ о дѣйствіяхъ предсѣдателя, когда защитникъ вмѣсто того, чтобы, согласно съ приносимой имъ, по ст. 381 Учр. суд. уст., присягой «охранять интересы лица, дѣло котораго на него возложено»—допускаетъ въ своей рѣчи разсужденія, противорѣчащія торжественному обѣщанію «не говорить на судѣ ничего, что бы могло клониться къ ослабленію церкви, государства, общества, семейства и доброй нравственности». Въ подобныхъ случаяхъ предъ судомъ излагаетъ свои доводы уже не лицо, призванное самимъ закономъ къ опроверженію и ослабленію доводовъ обвиненія, а лицо, которое, пользуясь званіемъ защитника, направляетъ свое слово—въ суетныхъ цѣляхъ временнаго успѣха—не только на колебаніе высказаннаго предъ судомъ мнѣнія обвинителя о виновности подсудимаго, а на колебаніе тѣхъ началъ, которыя, связывая и поддерживая общество, мѣшаютъ развиться между людьми тому, что вѣрно названо «bellum omnium contra omnes». Нельзя допускать замѣны доводовъ о фактической невинности или невмѣняемости обвиняемаго доводами о томъ, что дѣяніе, признаваемое со стороны закона—преступленіемъ, со стороны заповѣдей—грѣхомъ, а со стороны общественнаго сознанія—безнравственнымъ или вреднымъ, не только не заслуживаетъ порицанія, но даже можетъ вызвать оправданіе съ той «государственной точки зрѣнія», до которой не умѣло, однако, возвыситься само государство, издающее карательныя постановленія. Приведеніе такихъ доводовъ должно быть остановлено—рѣшительно и безусловно. Предсѣдателю слѣдуетъ въ этомъ случаѣ пригласить говорящаго къ правильному пониманію и исполненію обязанностей защитника, какъ того требуетъ уваженіе къ истинной задачѣ суда, скажу болѣе—какъ того требуетъ любовь къ судебнымъ учрежденіямъ по судебнымъ уставамъ, не на словахъ только, а на дѣлѣ! Эти чувства были сильны и проявлялись благотворно въ

незабвенные первые годы судебной реформы. Имъ нѣтъ основанія изсякнуть и теперь...

На защитникѣ, на предсѣдателѣ и на каждомъ судебномъ дѣятелѣ, въ кругѣ его дѣйствій, лежитъ нравственная обязанность охранять судебныя учрежденія отъ извращенія ихъ исключительной—и достаточно высокой, чтобы быть исключительною—цѣли служить отправленію уголовнаго правосудія въ странѣ. Исполненіе этой обязанности особенно важно на судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, для которыхъ судебныя рѣчи не представляютъ, какъ для судей коронныхъ, обычнаго и привычнаго, въ теченіе многихъ лѣтъ, явленія, и предъ которыми иногда, при неблагопріятномъ стеченіи обстоятельствъ и бездѣйствіи предсѣдателя, блестящая и энергическая оболочка сказаннаго можетъ, на время, заслонить нездоровое существо сказаннаго. Вотъ почему предсѣдателю на судѣ съ присяжными вручена статьями отъ 611 до 616 Уст. угол. суд. большая власть по охраненію присяжныхъ отъ всего, что можетъ ихъ смутить или повліять на спокойное и безпристрастное отношеніе ихъ къ дѣлу. Въ лицѣ присяжныхъ къ отправленію правосудія призванъ живой, чуждый рутины и предвзятыхъ мнѣній разнообразный общественный элементъ,—и чтобы регулировать его дѣйствія сообразно съ цѣлью этого призыва—поставленъ предсѣдатель, которому рекомендуется закономъ спокойная бдительность. Примѣняя къ нему древнее правило римскаго государственнаго строя—можно сказать, что онъ поставленъ, ut caveat ne quid detrimentum *justitiae* capiat, ибо всегда и повсюду—justitia est fundamentum regnorum.

Такой бдительности по отношенію къ неправильнымъ дѣйствіямъ защитника по дѣлу Кетхудова, Махровскаго и Панова я не усматриваю, а потому нахожу, что рѣшеніе, постановленное при подобныхъ условіяхъ—не можетъ остаться въ своей силѣ.

На основаніи всего сказаннаго мною я полагалъ бы рѣшеніе присяжныхъ и приговоръ Московскаго окружного суда по настоящему дѣлу отмѣнить, за нарушеніемъ 611, 629, 745, 754 и 755 ст. Уст. угол. суд. и 362 и 359 ст. Улож. о нак.—и, въ случаѣ признанія Правительствующимъ Сенатомъ умѣстною передачу дѣла въ другой судъ—перенести таковое на разсмотрѣніе Тверского окружнаго суда, какъ ближайшаго къ Москвѣ.

Правительствующій Сенатъ *опредѣлилъ:* 1) Рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей и приговоръ окружнаго суда по настоящему дѣлу, за нарушеніемъ 611, 629, 687, 745, 751, 755 и 760 ст. Уст. угол. суд.—отмѣнить, передавъ это дѣло для новаго разсмотрѣнія въ другое отдѣленіе того же суда, и 2) Московскому окружному суду, въ составѣ присутствія, разсматривавшаго настоящее дѣло, согласно 265 ст. Учр. суд. уст.—сдѣлать замѣчаніе, о дѣйствіяхъ товарища прокурора довести до свѣдѣнія Министра Юстиціи, а о дѣйствіяхъ присяжнаго повѣреннаго Шубинскаго, бывшаго защитникомъ подсудимаго Кетхудова—предписать окружному суду сообщить на постановленіе совѣта присяжныхъ повѣренныхъ при Московской судебной палатѣ.

VII.

По дѣлу Парфенова, обвиняемаго по 1554 ст. Уложенія. (Раскольничій бракъ и многобрачіе).

27-го сентября 1893 года Московская Судебная Палата, съ участіемъ сословныхъ представителей, разсмотрѣла дѣло мѣщанина Парфенова по обвиненію въ томъ, что состоя съ 13-го мая 1883 года въ бракѣ съ Суконщиковой, заключенномъ по раскольничьему, безпоповщинскому обряду и записанномъ въ надлежащую метрическую книгу, 20-го іюля 1892 года, по принятіи имъ православія, вступилъ въ новый бракъ съ крестьянкой Кутилиной, обвѣнчавшись съ нею въ Москвѣ, въ церкви исправительной тюрьмы, при чемъ скрылъ свой первый бракъ—и признавъ Парфенова виновнымъ, на основаніи 2 отд. 1551 ст., а также 2 степ. 20 ст. Улож. о наказ. приговорила его къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ на поселеніе въ не столь отдаленныя мѣста Сибири, съ преданіемъ церковному покаянію по распоряженію духовнаго начальства.

На этотъ приговоръ подана была присяжнымъ повѣреннымъ Розенблюмомъ кассаціонная жалоба, въ которой указывается, что ст. 1554 Улож. о наказ. предусматриваетъ вступленіе во второй бракъ при существованіи перваго брака, совершеннаго по обрядамъ православной церкви, и строгость наказанія въ этомъ случаѣ обусловливается нарушеніемъ брака, освященнаго церковью и признаваемаго, по ученію церкви, таинствомъ. Важное значеніе религіознаго элемента брака въ глазахъ закона видно изъ сопоставленія 1554 ст. со ст. 1558 Улож. о наказ., карающихъ совершенно различно двоеженство у христіанъ и у не-христіанъ. Несправедливо, поэтому, и несогласно съ духомъ закона подвергать одинаковому наказанію за нарушеніе брака, освященнаго церковью, и брака раскольничьяго, совершаемаго посредствомъ записи въ полицейскія книги. До изданія закона 19-го апрѣля 1874 года о бракахъ раскольниковъ, браки эти совершенно не признавались закономъ. Но этотъ законъ, урегулировавшій гражданскія семейныя отношенія раскольниковъ, не имѣлъ конечно въ виду уравнять религіозное значеніе раскольничьяго брака съ бракомъ, освященнымъ церковью. Въ силу ст. 8 Правилъ 19-го апрѣля 1874 года, при записи браковъ раскольниковъ въ полицейскія книги никакихъ удостовѣреній о предварительномъ совершеніи какихъ-либо раскольничьихъ брачныхъ обрядовъ не требуется; очевидно законъ придаетъ раскольничьему браку лишь значеніе исключительно *гражданскаго брака*, а отсюда ясно, что примѣненіе къ нарушенію раскольн-

ничьяго брака строгой кары, назначенной по 1554 ст., противно истинному смыслу закона. Развивая подробно это положеніе, прис. пов. Розенблюмъ находитъ, что въ виду неопредѣленности закона, къ данному случаю, по аналогіи, могла быть примѣнена лишь ст. 1558 Улож., а никакъ не 1554 того же Уложенія. Еще болѣе неправильно примѣненіе къ Парфенову 2 части 1554 ст., въ силу которой необходимо, чтобы было доказано, что лицо, обязанное прежнимъ супружествомъ, скрыло это для вступленія въ новый противозаконный бракъ и объявило себя свободнымъ, слѣдовательно, одного умолчанія недостаточно, а необходимо положительное дѣйствіе.

По общему правилу, преступленіе наказуемо при наличности злаго, преступнаго умысла и это особенно важно въ настоящемъ дѣлѣ, въ виду заявленія подсудимаго, что онъ не объявилъ о первомъ бракѣ потому, что, по присоединеніи къ православію, онъ считалъ этотъ бракъ ничтожнымъ, изъ приговора же Палаты не видно, признала ли она это объясненіе обвиняемаго не существеннымъ или отвергла его, какъ несогласное съ обстоятельствами дѣла. Изъ приговора даже не видно, въ чемъ именно усмотрѣно *скрытіе* перваго брака, не установлено даже того, чтобы подсудимаго спрашивали о существованіи другого брака.

Дѣло разсматривалось въ засѣданіи Угол. Касс. Департамента Правительствующаго Сената *11-го октября 1894 года*.

Подлежащее разрѣшенію Правительствующаго Сената дѣло представляется весьма серьезнымъ по существу и значенію возникающаго въ немъ бытоваго и правоваго вопроса, впервые въ судебной практикѣ постановленнаго прямо и категорически. Первое и существенное указаніе кассаціонной жалобы возбуждаетъ вопросъ о томъ, что такое *бракъ раскольниковъ* и каково его юридическое и нравственное значеніе? Знаменуетъ ли такой бракъ *семейный союзъ*, направленный къ охраненію общественнаго порядка и нравственности, или же онъ—простое *блудное сожитіе*, послѣдствія котораго предусмотрѣны въ 994 ст. Улож. о наказ.? Опредѣленіями и указами подлежащихъ властей и учрежденій, составлявшимися въ 1808, 1826—1834, 1840 и 1852 годахъ браки раскольниковъ между собою были изъяты изъ разбирательствъ духовныхъ и гражданскихъ начальствъ, при чемъ такіе браки, вѣнчанные внѣ церкви, въ домахъ и часовняхъ, не признавались за законные, а за сопряженія любодѣйныя, почему къ дѣтямъ отъ нихъ не прилагались гражданскіе законы о наслѣдствѣ и самыя дѣти считались законными лишь послѣ своего присоединенія къ православію или единовѣрію при жизни родителей, вмѣстѣ съ однимъ изъ нихъ или послѣ смерти одного изъ нихъ. Такое непризнаніе супружескихъ союзовъ между раскольниками, выводя ихъ семейный бытъ изъ-подъ дѣйствія общихъ законовъ, открывало, какъ то было признано временнымъ комитетомъ, Высочайше учрежденнымъ въ 1864 г. подъ предсѣдательствомъ графа Панина,—обширное поле своеволію и ничѣмъ не сдержанному разгулу страстей, губительно дѣйствующему на нравы. Поэтому возникло предположеніе привести раскольни-

ковъ къ болѣе нормальнымъ и болѣе согласнымъ съ началами государственнаго благоустройства условіямъ семейной жизни путемъ заведенія особыхъ книгъ, въ которыя вписывались бы случаи рожденія и смерти раскольниковъ и супружества между ними, съ тѣмъ, чтобы супружескіе союзы, записанные опредѣленнымъ порядкомъ въ эти книги, считались не подлежащими оспариванію. Послѣдствіями всесторонняго обсужденія этихъ предположеній въ Государственномъ Совѣтѣ явился законъ 19-го апрѣля 1874 г., въ силу котораго, на основаніи 78 ст. X т. ч. 1, браки раскольниковъ, записанные въ метрическія книги, установленныя приложеніемъ къ 1093 ст. законовъ о состояніяхъ, пріобрѣтаютъ въ гражданскомъ отношеніи силу и послѣдствія законнаго брака, т.-е. тѣ послѣдствія относительно законности рожденія дѣтей и права ихъ на наслѣдованіе по закону, которыя указаны въ 119, 120, 1121 и 1127 ст. X т. ч. 1 Зак. Граж. И такъ—это есть бракъ и бракъ законный.

Но если бракъ раскольниковъ, записанный въ метрическія книги, есть бракъ законный, то, въ виду способа закрѣпленія его передъ лицомъ гражданскаго начальства, не есть ли онъ такъ-называемый *гражданскій бракъ*, какъ то утверждаетъ повѣренный жалобщика? Этотъ бракъ, говоритъ онъ, совершается посредствомъ записи въ полицейскія книги и законъ, конечно, не имѣя въ виду уравнивать религіозное значеніе его съ бракомъ, освященнымъ церковью, очевидно, придаетъ ему особое значеніе, значеніе гражданскаго брака. Съ несомнѣнностью и очевидностью такого вывода дозволительно, однакоже, не согласиться. Прежде всего бракъ раскольниковъ совершается вовсе не записью въ метрическія книги. Онъ ею лишь узаконяется. Законъ въ ст. 78 X т. ч. 1 прямо говоритъ, что бракъ раскольниковъ чрезъ записаніе въ метрическія книги пріобрѣтаетъ силу и послѣдствія законнаго брака, при чемъ запись эта доказываетъ самое существованіе брака,—а ст. 11 и 13 правилъ о метрической записи браковъ въ т. IX говорятъ о «раскольникѣ, желающемъ, чтобы бракъ его былъ записанъ въ метрическую книгу», и о лицахъ, «имѣющихъ свѣдѣнія о препятствіяхъ къ записи брака въ метрическую книгу». При обсужденіи проекта закона 19-го апрѣля 1874 г. было высказано, что установленіе брака исключительно гражданскаго не соотвѣтствовало бы духу нашего законодательства, которое всегда признавало брачный союзъ союзомъ по преимуществу духовнымъ, распространяя силу этого основнаго правила на всѣхъ вообще подданныхъ имперіи. Поэтому, если обрядамъ раскольниковъ и не можетъ быть присвоено одинаковое значеніе съ обрядами не только православной церкви, но и другихъ признанныхъ въ государствѣ вѣроисповѣданій, а потому необходимо требовать для узаконенія раскольничьихъ браковъ соблюденія особой формальности *имѣющей видъ* гражданскаго акта, то по весьма важнымъ нравственнымъ уваженіямъ нельзя считать желательнымъ, чтобы раскольники ограничивались, при вступленіи въ бракъ, исполненіемъ лишь означенной формаль-

ности безъ какого-либо духовнаго обряда и низводили такимъ образомъ брачный союзъ свой до значенія простого контракта, требующаго лишь явки въ полицейское управленіе. Вслѣдствіе этихъ соображеній Государственный Совѣтъ полагалъ, устраняя вполнѣ вмѣшательство власти въ богослуженіе и обряды раскольниковъ, выразить въ новомъ законѣ ту общую мысль, что гражданскій актъ усвоиваетъ юридическую силу лишь такому союзу мужа съ женою, которому они положили нравственную основу молитвою и испрошеніемъ у Бога благословенія по правиламъ своего вѣрованія.— Вотъ какое значеніе и смыслъ имѣетъ выраженіе закона «браки раскольниковъ *пріобрѣтаютъ* силу и послѣдствія законнаго брака». Поэтому, возраженія повѣреннаго обвиняемаго, сводящіяся въ сущности, къ противоположенію брака у православныхъ и гражданскаго договора у раскольниковъ, не могутъ быть признаны уважительными, и Алексѣевъ-Парфеновъ, вступившій въ бракъ при существованіи не расторгнутаго раскольничьяго брака, записаннаго въ метрику,—правильно привлеченъ къ отвѣтственности за двоебрачіе.

Это привлеченіе и самое примѣненіе къ его дѣянію 1554 ст. Улож. вовсе не выражаетъ собою уравненія религіознаго значенія обоихъ браковъ, какъ говорится въ кассаціонной жалобѣ. Такое уравненіе выходитъ изъ области вѣдѣнія уголовнаго суда и путемъ примѣненія карательнаго закона достигнуто быть не можетъ. Наказывая за двоебрачіе, законъ вовсе не касается вопроса о предпочтительности одного брака предъ другимъ, о бо̀льшемъ или меньшемъ религіозномъ вѣсѣ того или другаго,—онъ не ограждаетъ ту или другую вѣру и обязательства, налагаемыя ея таинствами, не наказываетъ въ этомъ случаѣ и за супружескую невѣрность впавшаго въ многобрачіе супруга. Онъ ограждаетъ *начало единобрачія,* необходимое для устойчивости общественнаго порядка въ культурномъ государствѣ, нужное для подержанія и для обезпеченія правильнаго развитія наростающихъ поколѣній и потребное для приданія нравственнаго элемента союзу, заключаемому обыкновенно подъ вліяніемъ физическаго влеченія, но долженствующаго быть не только maris et foeminae conjunctio, но и consortium omnis vitae. Вотъ почему преслѣдованіе за многобрачіе возбуждается не по частной жалобѣ, какъ за прелюбодѣяніе,—вотъ, почему Правител. Сенатъ въ рѣшеніи 1885 г. по дѣлу Гринфельда призналъ, что для наказуемости двоебрачія достаточно, чтобы второй бракъ былъ съ внѣшней стороны правильнымъ, хотя бы и былъ совершенъ даже по обрядамъ не того вѣроисповѣданія, къ которому принадлежитъ подсудимый; а въ рѣшеніи 1889 г. по дѣлу Хмѣльника высказалъ, что заключеніе даже чисто гражданскаго брака безъ церковнаго благословенія тамъ, гдѣ такой бракъ установленъ, не устраняетъ отвѣтственности по 1554 ст. Улож. въ случаѣ вступленія затѣмъ того же лица въ другой бракъ по обрядамъ церкви въ странѣ, гдѣ не допускается гражданскій бракъ.

Еще менѣе основательно утвержденіе повѣреннаго Алексѣева-Парфенова, что примѣненіе къ нарушенію раскольничьяго брака наказанія, опредѣленнаго 1554 ст. Улож. противно истинному смыслу закона, ибо въ ст. 40 правилъ 19 апрѣля 1874 г., говорящей о примѣненіи къ преступленіямъ раскольниковъ противъ союза брачнаго Уложенія о наказаніяхъ, упоминается лишь о раскольникахъ, а не о тѣхъ, кто, подобно обвиняемому въ настоящемъ дѣлѣ, обратился въ православіе,—самый же бракъ раскольника, совершенный полицейскимъ порядкомъ, не есть бракъ христіанскій, и съ точки зрѣнія закона долженъ считаться даже ниже брака не христіанъ. *Во-первыхъ*, Алексѣевъ-Парфеновъ обвиняется не въ нарушеніи постановленій о бракахъ раскольниковъ (Улож. Раздѣлъ XI, гл. I отд. 4 ст. 1585[1] — 1585[3]), а въ противозаконномъ вступленіи въ бракъ (гл. I отд. 1 ст. 1554), т.-е. въ нарушеніи святости семейнаго союза вступленіемъ во второй бракъ при существованіи перваго; *а во-вторыхъ*, законъ, установляющій силу и послѣдствія брака раскольниковъ, изложенъ въ главѣ II разд. I, т. X ч. 1, которая озаглавлена: «О бракахъ лицъ *христіанскаго* не-православнаго исповѣданія между собою и съ лицами исповѣданія православнаго и *о метрической записи браковъ раскольниковъ*» и предшествуютъ главѣ III, говорящей о бракахъ не-христіанъ между собою и съ христіанами. Только при непониманіи значенія, которое имѣетъ въ русскомъ языкѣ слово «расколъ» и при забвеніи причинъ и условій происхожденія того важнаго историческаго и бытового явленія русской жизни, которое характеризуется этимъ словомъ, можно утверждать, что узаконенный властью бракъ раскольниковъ долженъ стоять въ глазахъ закона и въ народномъ воззрѣніи, коего законъ является разумнымъ выразителемъ, даже ниже брака у не-христіанъ и въ томъ числѣ, слѣдовательно, у кочевыхъ языческихъ племенъ крайняго сѣвера, гдѣ заключеніе брачнаго союза выражается, согласно примѣчанію къ ст. 331 Свода степныхъ законовъ инородцевъ Восточной Сибири, полною уплатою калыма и увозомъ невѣсты.

Вообще то обстоятельство, что предъ вступленіемъ во второй бракъ, при существованіи перваго, Алексѣевъ-Парфеновъ перешелъ изъ раскола въ православіе, не можетъ имѣть для оцѣнки его дѣйствій никакого значенія. Переходъ въ православіе не долженъ служить средствомъ для расторженія надоѣвшихъ или нежелательныхъ супружескихъ узъ, или способомъ осуществленія низменныхъ и эгоистическихъ вожделѣній. Переходя въ лоно православія, человѣкъ долженъ быть движимъ свободнымъ, глубокимъ и искреннимъ побужденіемъ души, чуждымъ разсчету удобства и выгоды, или голосу страсти. Эта мысль неоднократно находила себѣ подтвержденіе въ отмѣнѣ постановленій, связывавшихъ съ принятіемъ православія или вообще христіанства какія либо льготы или смягченія. Но разрѣшеніе бывшему раскольнику по переходѣ въ православіе вмѣнять свой первый бракъ въ ничто или въ

очень немногое—было бы именно такою льготою, несправедливость которой еще усугублялась бы тѣмъ просторомъ для разгула страстей, устраненіе котораго входило въ цѣль законодательства при установленіи условій узаконенія раскольничьихъ браковъ. Семья, находящаяся постоянно подъ угрозою фактическаго разрушенія и нравственнаго разложенія, вслѣдствіе возможности каждому изъ супруговъ безнаказанно вступить въ новый бракъ лишь перейдя въ православіе,—была бы лишь пародіею на семейный союзъ, проникнутой притомъ взаимнымъ недовѣріемъ и подозрительностью. Вмѣстѣ съ тѣмъ, идя логически, надо признать, что при разрѣшеніи раскольнику, вслѣдствіе принятія имъ православія, вступленія въ новый бракъ, его старый бракъ долженъ признаваться уже не бракомъ, а простымъ сожитіемъ. Поэтому, даже не вступая въ новый бракъ, а оставаясь въ старомъ союзѣ, онъ, по принятіи православія, въ сущности остается въ небрачномъ сожитіи, т.-е. въ блудѣ. Но возможно ли, чтобы вступленіе раскольника въ число чадъ православной церкви было сопряжено съ приниженіемъ его до степени блуднаго сожитія?! Не такъ смотритъ церковь и ея Учители. Въ первомъ посланіи къ коринѳянамъ (глава VII, 12, 13 и 14) апостолъ Павелъ говоритъ: «аще который братъ жену имать невѣрну и та благоволитъ жити съ нимъ, да не оставляетъ ея: и жена да не оставляетъ мужа, святится бо мужъ не вѣренъ о женѣ вѣрнѣ и жена не вѣрна о мужѣ вѣрнѣ, иначе бо чада ваша не чиста были бы». Утверждаясь на этихъ словахъ апостола, св. Іоаннъ Златоустъ въ 19 бесѣдѣ своей говоритъ: «жену имѣя невѣрну, званъ былъ еси, — вѣры ради не изгоняй жену». Наконецъ, шестой Вселенскій Соборъ торжественно призналъ силу и правильность брака, заключеннаго до вступленія въ церковь одного изъ супруговъ, постановивъ въ правилѣ 72: «аще нѣціи, невѣрніи суще, законнымъ бракомъ совокупишися и потомъ мужъ убо невѣрный приступитъ къ вѣрѣ, жена же еще лестію одержима есть и аще волитъ жити съ вѣрнымъ мужемъ—да не разлучаются». Именно на этомъ широкомъ, терпимомъ и проникнутомъ надеждою на духовное просвѣтленіе невѣрующаго взглядѣ церкви и основаны, очевидно, соображенія, легшія въ основаніе законовъ о бракахъ лицъ новокрещенныхъ, изображенные въ ст. 79 до 84 т. X. ч. 1 Зак. Гражд., при чемъ по силѣ первой изъ нихъ, лицо не-христіанскаго вѣроисповѣданія, по воспріятіи св. крещенія, можетъ пребывать въ *единобрачномъ* сожитіи съ некрещеною женою и бракъ ихъ остается въ силѣ и безъ утвержденія онаго вѣнчаніемъ по правиламъ православной церкви. По силѣ 81 ст. переходъ въ православіе еврея не расторгаетъ его брака, если оставшаяся въ іудействѣ супруга пожелаетъ жить съ обратившимся, а на основаніи ст. 84 бракъ не-христіанъ остается въ своей силѣ и тогда, когда оба супруга перейдутъ въ христіанство, хотя бы онъ былъ совершенъ въ степеняхъ родства, церковью возбраненныхъ. Но если такія постановленія существуютъ относительно не-христіанъ, то

тѣмъ болѣе примѣнимы они къ раскольникамъ. Не даромъ же, по свидѣтельству знатока взаимныхъ отношеній православія и раскола, архимандрита Никольскаго Единовѣрческаго монастыря Павла (въ расколѣ извѣстнаго Павла Прусскаго), для освященія брачнаго сожитія супруговъ, изъ коихъ одинъ изъ раскола перешелъ въ православіе, церковь вовсе не требуетъ церковнаго вѣнчанія, а признаетъ достаточнымъ одно согласіе супруговъ и благословеніе священника. По всѣмъ этимъ основаніямъ, Алексѣевъ-Парфеновъ правильно и вполнѣ согласно со смысломъ закона признанъ состоявшимъ въ первомъ законномъ бракѣ съ Капитолиною Суконщиковой во время вступленія имъ во второй бракъ съ Еленою Кутилиною.

Второй вопросъ, могущій возникнуть по дѣлу и возбуждаемый отзывомъ Консисторіи — о дѣйствительности перваго брака Алексѣева-Парфенова, въ виду того, что, «какъ видно изъ слѣдственнаго дѣла», послѣдній не достигъ еще въ 1883 году, когда заключенъ этотъ бракъ, брачнаго возраста, требуемаго 3 и 78 ст. X. т. ч. I. Не говоря уже о томъ, что самъ повѣренный жалобщика признаетъ въ своей кассаціонной жалобѣ этотъ вопросъ относящимся къ существу дѣла и, слѣдовательно, не подлежащимъ разрѣшенію въ кассаціонномъ порядкѣ, надо замѣтить, что изъ слѣдственнаго дѣла вовсе не вытекаетъ съ убѣдительностію, чтобы Василію Алексѣеву-Парфенову было въ 1883 году лишь 17 лѣтъ отъ роду, а не 20 лѣтъ, какъ показалъ онъ тогда, для внесенія въ метрическую книгу, приставу 4-го участка Мѣщанской части гор. Москвы, ибо предположеніе о томъ, что ему было 17 лѣтъ, основано на справкѣ изъ слободской книги Напрудной слободы, въ которой значится, что у Алексѣя Парфенова былъ сынъ Василій, 7 лѣтъ къ 6 декабря 1873 года, зачисленный въ ополченіе въ 1887 году. Но точность и достовѣрность такой записи въ слободской книгѣ вовсе не стоитъ внѣ сомнѣнія и во всякомъ случаѣ стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ внесеннымъ въ метрическую книгу заявленіемъ четырехъ свидѣтелей поручителей, предупрежденныхъ объ отвѣтственности за ложное показаніе, согласно ст. 15 прилож. къ ст. 1093 Закон. о состояніяхъ. Но и независимо отъ этого, вопросъ о недѣйствительности перваго брака не можетъ быть нынѣ возбужденъ, по точному указанію закона, ни по существу, ни въ порядкѣ кассаціонномъ. Дѣла о признаніи браковъ между раскольниками подлежатъ, согласно ст. 1356 Уст. гражд. судопр., суду гражданскому; въ этомъ же судѣ дѣло о признаніи недѣйствительнымъ брака, заключеннаго прежде достиженія однимъ изъ супруговъ брачнаго совершеннолѣтія (Зак. гражд. ст. 3), можетъ быть, на основ. ст. 1356^{7} Уст. гражд. суд., начато только тѣмъ изъ супруговъ, который вступилъ въ бракъ во время такого несовершеннолѣтія, причемъ это допускается лишь до времени достиженія имъ установленнаго для совершенія браковъ возраста, и лишь въ такомъ случаѣ, когда бракъ не имѣлъ послѣдствіемъ

беременности жены. Эти соображенія настолько жизненны и понятны, что нѣтъ надобности развивать ихъ. Обвиняемый никакого дѣла о недѣйствительности своего перваго брака не начиналъ, до вступленія во второй бракъ признавалъ себя мужемъ своей первой жены восемь слишкомъ лѣтъ и имѣлъ отъ брака съ нею троихъ дѣтей. Очевидно, что ст. 1356[7] никакого примѣненія здѣсь имѣть не можетъ, а самъ судъ, непосредственно при обсужденіи уголовнаго дѣла, возбуждать вопросъ о недѣйствительности перваго брака, по несовершеннолѣтію одного изъ супруговъ, не имѣетъ права, какъ не имѣла на это права и Московская Духовная Консисторія, вышедшая въ своихъ разсужденіяхъ по настоящему дѣлу изъ предѣловъ возложенной на нее ст. 1013 Уст. угол. суд. обязанности. Иначе, признавъ такое право за судомъ, пришлось бы въ случаяхъ, напр., женоубійства, допустить возбужденіе судомъ вопроса о примѣненіи карательнаго закона о простомъ убійствѣ, а не о квалифицированномъ на томъ лишь основаніи, что судъ усматриваетъ недостиженіе брачнаго совершеннолѣтія однимъ изъ супруговъ при совершеніи брака за много лѣтъ до судимаго дѣянія.

Признавая поэтому вполнѣ правильнымъ примѣненіе къ винѣ Алексѣева-Парфенова ст. 1554 Улож., нельзя, однако, согласиться съ Судебною Палатою въ выборѣ части этой статьи. Несомнѣнно, что безъ *умолчанія* о первомъ бракѣ нельзя впасть сознательно въ двоебрачіе. Нельзя же прійти къ священнику съ просьбою о совершеніи брака и съ заявленіемъ, что уже состоишь въ бракѣ. О такомъ именно умолчаніи и говоритъ 1 ч. 1554 ст. Улож. Поэтому вторая часть этой статьи, говорящая о *сокрытіи* перваго брака и *объявленіи себя свободнымъ*, имѣетъ въ виду положительныя дѣйствія, вводящія въ заблужденіе,—имѣетъ въ виду совершеніе обмана, направленнаго на сомнѣвающихся или могущихъ усомниться, на причтъ, на семью невѣсты и т. д. Когда, однако, простого обмана мало, а приходится подтверждать его письменными актами, и акты эти, конечно, ложные, то примѣняется 3-я часть 1554 ст. Ул. По настоящему дѣлу Палата въ вопросѣ о виновности указываетъ, что подсудимый вступилъ въ новый бракъ, обвѣнчавшись въ церкви исправительной тюрьмы, *при чемъ скрылъ* свой первый бракъ, а въ приговорѣ говоритъ, что онъ, получивъ свидѣтельство управы на вступленіе въ бракъ, скрылъ, что состоитъ уже въ бракѣ и вступилъ во второй бракъ. Изъ сопоставленія вопроса и приговора не только не ясно, отъ кого же именно и когда именно скрылъ свой первый бракъ подсудимый, но и въ чемъ выразилось это сокрытіе? Если сокрытіемъ считать умолчаніе, то здѣсь примѣнима лишь первая часть 1554 ст., если же сокрытіе состояло изъ опредѣленныхъ активныхъ дѣйствій, направленныхъ на опредѣленныхъ лицъ, то это должно было быть опредѣленно и выражено. Поэтому, находя, что къ установленной Палатою виновности Алексѣева-Парфенова неправильно примѣнена 2 ч. 1554 ст. вмѣсто первой, полагаю—оставивъ приговоръ Палаты

о виновности подсудимаго въ силѣ, отмѣнить приговоръ о наказаніи его, передавъ дѣло для новаго разсмотрѣнія въ другой Департаментъ той же Палаты.

Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: рѣшеніе Палаты относительно опредѣленія подсудимому Алексѣеву-Парфенову наказанія, за неправильнымъ примѣненіемъ 2-й ч. 1554 ст. Улож., отмѣнить, передавъ это дѣло для постановленія новаго приговора по сему предмету въ ту же Палату въ другомъ составѣ присутствія, а въ прочихъ частяхъ жалобу оставить безъ послѣдствій.

VIII.

По дѣлу объ убійствѣ псаломщика Кедрова. (Нарушеніе тайны исповѣди).

1-го апрѣля 1893 года, въ Петербургскомъ Окружномъ Судѣ состоялся приговоръ по дѣлу объ убійствѣ псаломщика Ропшинской церкви Кедрова, при чемъ оба обвиненные, А. Ивановъ и А. Поповъ, были приговорены къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжныя работы: Поповъ—на 15 лѣтъ, а Ивановъ—на 6 лѣтъ. На этотъ приговоръ были принесены двѣ кассаціонныя жалобы, при чемъ каждый изъ обвиненныхъ присоединился къ жалобѣ другого.

Въ жалобѣ защитника Иванова указывалось, что примѣненіе къ признанному утвердительнымъ отвѣтомъ присяжныхъ засѣдателей дѣянію Иванова ст. 14, 121, 124 и 1454 Улож. о наказ. противно законному понятію объ укрывательствѣ. Защита весьма подробно развивала свои мотивы, при чемъ ссылалась на кассаціонныя рѣшенія Сената и на сочиненія такихъ авторитетовъ, какъ Жиряевъ (его магистерская диссертація «О стеченіи нѣсколькихъ преступниковъ въ одномъ и томъ же преступленіи» Дерптъ, 1850 г.); Лохвицкій («Курсъ русскаго уголовнаго права», 1871 г.); профессоръ Кистяковскій («Элементарный учебникъ общаго уголовнаго права», 1882 г.) и Таганцевъ («Курсъ русскаго уголовнаго права», 1880 г.). Мнѣнія, высказанныя этими учеными, указываютъ, что дѣятельность укрывателя преступника должна имѣть не косвенный, а прямой, физическій, матеріальный характеръ, соотвѣтствующій буквальному понятію сокрытія. Къ установленному рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей дѣянію Иванова не можетъ быть примѣнено никакого карательнаго закона, а посему приговоръ суда, за неправильнымъ примѣненіемъ 14, 121, 124 и 1454 ст. Улож. о наказ. и за нарушеніемъ 1 ст. Улож. о наказ., подлежитъ отмѣнѣ.

Кромѣ того, въ жалобахъ указывалось на другія нарушенія, допущенныя судомъ по настоящему дѣлу, а именно на невызовъ эксперта доктора-медицины Данилло для совмѣстнаго съ психіатромъ Чечоттомъ разъясненія вопроса о вліяніи поврежденій черепа на сознаніе у Кедрова и пр.; на то, что до выбора присяжныхъ засѣдателей они не были спрошены о томъ, не желаетъ ли кто отвести себя отъ участія въ разсмотрѣніи дѣла по тѣмъ или другимъ причинамъ; главнымъ же нарушеніемъ выставлялось то, что въ прямое нарушеніе 2 п. 704 ст. Уст. угол

суд., воспрещающаго священнику свидѣтельствовать о признаніи, сдѣланномъ ему на исповѣди,—священникъ Ѳаворскій и на предварительномъ слѣдствіи, и на судѣ, былъ допрошенъ о сознаніи, сдѣланномъ ему на предсмертной исповѣди обвиняемымъ Осипомъ Яковлевымъ, оговорившимъ А. Попова въ убійствѣ Кедрова. Свидѣтель священникъ Ѳаворскій былъ приглашенъ къ умиравшему Осипу Яковлеву въ качествѣ духовника и, по содержанію сдѣланнаго ему признанія, не могъ быть вовсе допущенъ къ свидѣтельству. Между тѣмъ, изъ показанія, даннаго на предварительномъ слѣдствіи Ѳаворскимъ, повтореннаго и даже прочтеннаго вновь на судѣ, совершенно очевидно, что онъ только въ качествѣ духовника покойнаго Осипа Яковлева имѣлъ къ нему доступъ въ тюрьму и, напутствуя его въ загробную жизнь, исполнялъ лишь обязанности его исповѣдника. Указывалось, наконецъ, что, обсуждая значеніе показанія свидѣтеля священника Д. Попова, товарищъ прокурора Саблинъ въ рѣчи своей заявилъ, что считаетъ необходимымъ откровенно высказать свой взглядъ на роль этого свидѣтеля, являющагося несомнѣннымъ укрывателемъ совершеннаго убійства. Далѣе, по поводу поведенія церковныхъ сторожей, не явившихся въ домъ Кедрова на зовъ о помощи и по поводу объясненій священника Попова, что сторожа не могли оставить церковь, къ охраненію которой они приставлены, товарищъ прокурора, приписывая такое ихъ поведеніе спеціальному приказанію священника Попова, воскликнулъ: «это не храмъ Божій, а вертепъ разбойниковъ, и во главѣ этого разбойничьяго вертепа поставилъ себя священникъ Д. Поповъ». При такой запальчивости рѣчи, у присяжныхъ засѣдателей не могло сложиться правильнаго убѣжденія въ виновности подсудимыхъ. Далѣе, указывается на погрѣшности въ руководящемъ напутствіи предсѣдательствовавшаго, на умолчаніе о толкованіи сомнѣнія и на другія нарушенія.

Дѣло разсматривалось въ засѣданіи Угол. Касс. Департ. Правительствующаго Сената *25-го января 1894 года.*

Прис. повѣр. *Н. І. Холева,* поддерживавшій жалобу Иванова, съ особою подробностью остановился на доказываніи отсутствія укрывательства въ признанныхъ судомъ дѣйствіяхъ Иванова и на нарушеніяхъ судопроизводственныхъ, изъ которыхъ, по его мнѣнію, наиболѣе существенно-важнымъ представляется допросъ священника Ѳаворскаго, какъ свидѣтеля, о признаніи сдѣланномъ ему на исповѣди обвинявшимся по этому же дѣлу Осипомъ Яковлевымъ. Недопущеніе къ свидѣтельству священниковъ, присяжныхъ повѣренныхъ и защитниковъ, установленное 704 ст. Уст. угол. судопр., въ мотивахъ къ этой статьѣ государственной канцеляріи объясняется тѣмъ, что «показанія этихъ лицъ были бы нарушеніемъ тайны, ввѣренной свидѣтелю такого званія, въ которомъ онъ можетъ приносить пользу обществу лишь при надлежащемъ довѣріи къ его скромности». Законодатель былъ озабоченъ тѣмъ, чтобы лица, обращеніе къ помощи которыхъ немыслимо безъ полнаго довѣрія и откровенности, не дѣлались бы, злоупотребляя своимъ положеніемъ, вѣроломными предателями. А съ другой стороны, чистое и высокое дѣло правосудія требуетъ и чистыхъ средствъ: ст. 405 Уст. угол. судопр. воспрещаетъ домогаться сознанія обѣщаніями, или ухищреніями; законъ чуждается такихъ способовъ раскрытія истины, которые, нося предосудительный характеръ ухищреній, обмана или нарушенія довѣрія, возмущаютъ собою нравственное чувство. Наконецъ, исповѣдь, особенно предсмертная, съ напутствіемъ въ загробную жизнь, есть величайшее таинство, которое нельзя профанировать утилитарными цѣлями уголовнаго сыска.

Изъ показанія священника Ѳаворскаго видно, что, приглашенный начальникомъ тюрьмы исповѣдать и пріобщить больного старика Осипа Яковлева, онъ послѣ причастія сталъ увѣщевать его, въ виду того, что

онъ готовится отойти въ вѣчность, сказать, правду ли показалъ онъ, что убилъ Кедрова А. Поповъ, а не Курочкинъ; на это Яковлевъ отвѣтилъ: «онъ», на дальнѣйшіе вопросы не отвѣчалъ и на утро скончался. Показаніе это необходимо вызываетъ вопросъ: не есть ли увѣщаніе и напутствіе духовника послѣ причастія такой видъ духовной помощи, на который не распространяется запрещеніе свидѣтельства? Нѣтъ сомнѣнія, что какое либо дробленіе единаго акта исповѣди и причастія на отдѣльные моменты, его составляющіе, не можетъ быть допущено безъ нарушенія глубокаго, сокровеннѣйшаго смысла этого великаго таинства. Всѣ отдѣльные моменты эти объединены общимъ, непрерывающимся молитвеннымъ настроеніемъ исповѣдываемаго и высоко-религіознымъ подъемомъ души его, жаждущей исцѣленія и прощенія. Все пребываніе о. Ѳаворскаго у изголовья умирающаго было цѣльнымъ, единымъ, длившимся актомъ: напутствуя Яковлева въ загробную жизнь и увѣщевая его не уносить въ могилу роковой тайны, о. Ѳаворскій еще совершалъ таинство исповѣди—духовное, высоко-религіозное общеніе еще продолжалось. Поэтому, здѣсь важенъ не порядокъ ритуала, а субъективное настроеніе исповѣдуемаго, который въ лицѣ своего исповѣдника видѣлъ не суетнаго слугу земныхъ властей, а посредника между собою, кающимся грѣшникомъ, и Всемилостивѣйшимъ Творцомъ. Здѣсь важны полное довѣріе и откровенность исповѣдываемаго къ духовному отцу своему; а это довѣріе, разумѣется, не прекращается и не умаляется послѣ причастія.

Въ общихъ чертахъ, указываемыя жалобщиками нарушенія могутъ быть распредѣлены на три группы:—по *оцѣнкѣ* доказательствъ, по веденію судебнаго засѣданія и по *добыванію* доказательствъ. Обращаясь къ первой изъ нихъ, надо замѣтить, что Правительствующій Сенатъ въ рядѣ рѣшеній съ 1885 г. по выдающимся дѣламъ Мироновича, Кетхудова, Пятаковскаго и Симбирско-Саратовскаго банка установилъ коренныя правила для закрѣпленія, въ виду кассаціоннаго производства, нарушеній, могущихъ случиться во время преній сторонъ или при объясненіяхъ ихъ по отдѣльнымъ дѣйствіямъ на судѣ, согласно 3 п. 630 ст. Уст. угол. суд., а также допущенныхъ въ руководящемъ напутствіи предсѣдателя присяжнымъ засѣдателямъ. Въ силу этихъ правилъ—нарушенія при преніяхъ и объясненіяхъ должны закрѣпляться *немедленно* по окончаніи ихъ ходатайствомъ сторонъ о внесеніи въ протоколъ; неправильности напутствія должны быть установлены надлежащими заявленіями *по удаленіи* присяжныхъ въ совѣщательную комнату. При неисполненіи этого — замѣчанія на протоколъ о допущенныхъ нарушеніяхъ, протоколомъ не подтверждаемыхъ, лишены всякой силы, доколѣ не будутъ подтверждены заключеніемъ суда, отъ памяти членовъ котораго, обремененныхъ массою дѣлъ, нельзя въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ требовать сохраненія отрывочныхъ обстоятельствъ. Отъ безусловности этого порядка можно, однако, въ интересахъ сторонъ и въ цѣляхъ правосудія, допустить два отступленія. Слѣдуетъ предоставить сторонамъ дѣлать замѣчанія на руководящее напутствіе не только по удаленіи присяжныхъ

на совѣщаніе, но и по провозглашеніи ихъ рѣшенія. Этимъ, въ случаѣ объявленія рѣшенія, согласно съ интересами стороны, устранились бы безплодныя замѣчанія ея на напутствіе—и въ то же время судъ всегда былъ бы еще въ состояніи провѣрить и удостовѣрить ихъ правильность. Слѣдуетъ также признать—и это тѣсно связано съ достоинствомъ суда и въ особенности его предсѣдателя,—что ссылки на запамятованіе, на невозможность, за краткимъ временемъ, удостовѣрить тѣ или другія толкованія, допущенныя въ напутствіи, не могутъ всегда и безусловно устранить отъ кассаціоннаго обсужденія указанія на неправильность такихъ толкованій, хотя бы о нихъ и не было своевременно заявлено.

Несомнѣнно, что по прошествіи десяти или пятнадцати дней, предсѣдатель можетъ отказаться припомнить, а судъ удостовѣрить,—были ли имъ даны или сдѣланы тѣ или другія толкованія и сопоставленія мелочныхъ данныхъ дѣла и были ли имъ употреблены именно тѣ самыя выраженія, которыя ему приписываются. Но иначе ставится вопросъ, когда жалоба стороны указываетъ на толкованія, идущія въ разрѣзъ съ коренными правилами судопроизводства или съ основными началами оцѣнки и пониманія доказательствъ. Въ этихъ случаяхъ, несмотря на запоздалое заявленіе стороны, предсѣдатель не можетъ и не долженъ говорить «не помню», ибо это «не помню» не исключаетъ возможности произнесенія того, что, однако, немыслимо въ устахъ понимающаго свои обязанности судьи. Если сторона, хотя бы и запоздало, утверждаетъ, что предсѣдатель объяснилъ присяжнымъ, напр., что справки о *старой* судимости сами по себѣ составляютъ доказательство *новой* виновности, или что собственное сознаніе, даже не согласное съ другими обстоятельствами дѣла, устанавливаетъ виновность подсудимаго, или что отсутствіе цѣли и побужденія при предумышленномъ убійствѣ не имѣетъ никакого значенія и т. п.,—то въ заключеніи по замѣчаніямъ на протоколъ предсѣдателемъ должно быть или опредѣлительно заявлено—«этого не было», или же, въ сознаніи поспѣшности и необдуманности своего заключенія, сказано—mea culpa! Поэтому слѣдуетъ признать, что право отзывать запамятованіемъ есть право не безусловное, а зависитъ отъ существа указаній на свойство и значеніе того или другого мѣста въ разъясненіи предсѣдателя.

Гдѣ, однако, нѣтъ такихъ серьезныхъ указаній, а есть лишь заявленія о фактическихъ упущеніяхъ или неправильностяхъ напутствія, сдѣланныя притомъ лишь послѣ объявленія приговора, тамъ вина въ невозможности провѣрить и обсудить эти заявленія лежитъ всецѣло на жалобщикѣ, который и несетъ ея послѣдствія. По этимъ основаніямъ, *въ настоящемъ* дѣлѣ нѣтъ матеріала для признанія нарушенія 630, 735—739, 801—812 ст. Уст. угол. суд. въ указаніяхъ защиты на неуважительное и даже прямо оскорбительное отношеніе въ рѣчи обвинителя къ священнику Дмитрію Попову, не находящихъ себѣ подтвержденія въ протоколѣ и опро-

вергаемыхъ заключеніемъ суда по запоздалымъ и ничѣмъ не удостовѣреннымъ указаніямъ на фактическія неправильности руководящаго напутствія, предметомъ коего были обстоятельства, не затронутыя въ судебныхъ преніяхъ. Если бы, впрочемъ, послѣднее и было подтверждено судомъ, то и тогда оно не представляло бы никакого нарушенія. Предсѣдатель, хозяинъ и руководитель судебнаго разсмотрѣнія, вовсе не механическій, лишенный всякаго почина, пересказыватель доводовъ сторонъ и приведенныхъ ими обстоятельствъ. Онъ обязанъ держаться въ предѣлахъ судебнаго слѣдствія, но имѣетъ право группировать добытый на этомъ слѣдствіи матеріалъ, не стѣсняясь упущеніями и умышленною или невольною забывчивостью сторонъ, и имѣя въ виду тѣ вопросы по существу дѣла, которые должны возникнуть у присяжныхъ при окончательномъ его обсужденіи. Руководящее напутствіе имѣетъ цѣлью облегчить и уяснить присяжнымъ разрѣшеніе поставленныхъ имъ вопросовъ;—основаніемъ же вопросовъ, согласно 751 ст. Уст. угол. суд., служатъ не только выводы обвинительнаго акта и заключительныя пренія, но и судебное слѣдствіе, а потому предсѣдатель имѣетъ полное право ссылаться на данныя этого слѣдствія, совершенно независимо отъ сторонъ. Наконецъ, нѣтъ въ дѣлѣ признаковъ нарушенія 801—804 ст. Уст. угол. суд. неразъясненіемъ со стороны предсѣдателя присяжнымъ ст. 405 Уст. угол. суд., воспрещающей домогаться сознанія обвиняемаго обѣщаніями, ухищреніями, угрозами, и другого рода домогательствами. Показанія смотрителя тюремнаго замка Гросса, на которое слѣдовало, по мнѣнію жалобщиковъ, направить это разъясненіе—не было занесено въ протоколъ также, какъ не было занесено и ходатайство о разъясненіи присяжнымъ значенія такого показанія, а о сомнительномъ достоинствѣ его, какъ основаннаго на мемуарахъ подсаженнаго къ обвиняемому арестанта, присяжнымъ засѣдателямъ и безъ того сдѣлалось извѣстнымъ изъ пререканія между сторонами по поводу требованія прокурора о прочтеніи замѣтокъ этого арестанта, пререканія, при которомъ судъ сталъ, въ своемъ опредѣленіи объ отказѣ, на сторону защиты.

Признавая, поэтому, первую группу указанныхъ нарушеній не заслуживающею уваженія, я долженъ высказать такое же мнѣніе и о второй группѣ, не находя никакихъ нарушеній ни въ воспрещеніи защитѣ касаться личности свидѣтеля Бологовскаго, говорившаго о дрожаніи рукъ у подсудимаго Попова во время похоронъ убитаго псоломщика, такъ какъ такое воспрещеніе вытекало изъ дисциплинарной власти предсѣдателя, основанной на 611 ст. Уст. угол. суд.,—ни въ отказѣ въ вызовѣ эксперта-психіатра Данилло, при наличности другого эксперта по той же спеціальности—Чечотта, на что судъ, по 692 ст. Уст. угол. суд., имѣлъ право, — и не усматривая существеннаго нарушенія въ упущеніи исполненія требованія ст. 647 Уст. угол. суд., въ виду того, что стороны своевременно не заявляли о незаконности состава присутствія при-

сяжныхъ и жалобу свою въ Сенатъ тоже никакими фактическими указаніями въ этомъ отношеніи не подкрѣпляютъ.

Переходя къ указаніямъ на нарушенія относительно *добыванія* доказательствъ, необходимо остановиться на характеристикѣ требованій и правилъ судебной этики, нашедшихъ себѣ обширное и глубоко продуманное примѣненіе на страницахъ судебныхъ Уставовъ. Коренясь въ самой формулѣ присяги судей, присяжныхъ и свидѣтелей и проходя красною нитью по статьямъ Устава уголовнаго судопроизводства,—эти правила или прямо рекомендуются закономъ къ руководству—каковы, напримѣръ, предписаніе предсѣдателю предостерегать присяжныхъ отъ одностороннихъ увлеченій (ст. 803), прокурору—не преувеличивать значенія доказательствъ, не извлекать изъ дѣла только уличающія подсудимаго обстоятельства, заявлять суду по совѣсти объ уважительности оправданій подсудимаго (ст. 739, 740) и т. д.—или же вытекаютъ изъ смысла статей процесса, построеннаго на началѣ свободнаго внутренняго убѣжденія, вырабатываемаго путемъ судебнаго состязанія. Въ этихъ правилахъ видное мѣсто занимаетъ установленіе пріемовъ добыванія доказательствъ. Нашъ современный процессъ не опредѣляетъ вѣса доказательствъ по ихъ родамъ и видамъ, не опредѣляетъ ихъ числомъ, какъ это дѣлалось во второй части стараго XV тома. Преступность извѣстнаго факта, виновность въ немъ извѣстнаго лица, могутъ быть доказываемы разнообразнѣйшими данными, выхваченными прямо изъ жизни и взятыми изъ архивной пыли, словесными и письменными. Но законъ, опирающійся на требованія судебной этики, требуетъ, однако, чтобы источникъ, откуда почерпаются эти данныя, не возбуждалъ сомнѣній ни съ какой стороны и былъ доступенъ строгой провѣркѣ. Законъ страшится допущенія доказательствъ, полученныхъ въ обстановкѣ, связанной съ тайною, или отъ лицъ, находящихся въ ненормальномъ состояніи душевныхъ силъ. Поэтому онъ воспрещаетъ въ ст. 405 вліять на обвиняемаго, волнуя его то угрозами, то обольщеніями,—не дозволяетъ присяжнымъ въ ст. 695 собирать свѣдѣнія по дѣлу внѣ судебнаго засѣданія, т.-е. изъ невѣдомыхъ суду и, быть можетъ, не чистыхъ источниковъ,—обязываетъ въ ст. 717 предсѣдателя стараться, путемъ увѣщанія, очистить показанія свидѣтелей отъ вліянія дружбы и вражды и отъ давленія страха. Поэтому, наконецъ, обставляя допросъ подъ присягою разными условіями, онъ совершенно устраняетъ отъ свидѣтельства, согласно ст. 93 и 704 Уст. угол. суд., безумныхъ и сумасшедшихъ,—защитниковъ по отношенію къ сдѣланному ихъ довѣрителями признанію и священниковъ—по отношенію къ признанію, сдѣланному имъ на исповѣди.

Правило, изложенное во 2 п. 704 ст. имѣетъ за собою длинную исторію въ нашемъ уголовномъ правѣ—и въ каноническихъ постановленіяхъ. Отдавая преимущество свидѣтельскому показанію духовнаго лица передъ свѣтскимъ, нашъ старый процессъ, еще съ конца XVII столѣтія, запрещалъ священникамъ объявлять въ сви-

дѣтельство то, что духовныя ихъ дѣти скажутъ имъ на исповѣди. Номоканонъ при требникѣ 1662 года, воспрещая открывать тайну исповѣди, грозитъ за это тяжкою карою, указывая, что «сицевому» слѣдуетъ «ископати языкъ созади». Повидимому, тайна исповѣди до начала XVIII вѣка считалась безусловною. Но когда «начало славныхъ дней Петра»—омрачили мятежи и великому преобразователю пришлось войти въ судъ даже съ роднымъ сыномъ—отъ храненія тайны исповѣди, прикрывающей враждебные и разрушительные замыслы противъ Государя и государства—духовныя лица были разрѣшены. Духовный регламентъ, въ пунктахъ 9, 10 и 13 «Прибавленій о правилахъ причта церковнаго»—облагая «жестокимъ наказаніемъ» открытіе тайны исповѣди, дѣлаетъ въ пунктѣ 11-мъ и 12-мъ исключеніе по отношенію къ умыслившимъ государственное преступленіе, «кои объявляя намѣряемое зло, покажутъ себѣ, что не раскаиваются, но ставятъ себѣ въ истину и намѣренія своего не отлагая, не яко грѣхъ исповѣдуютъ» и къ тѣмъ, «кто, вымысливъ или притворно учинивъ, разгласитъ ложное чудо». Согласно съ этими постановленіями, въ «наставленіи о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ», изданномъ впервые между 1765—1775 годахъ, содержится слѣдующее правило относительно исповѣди: «да блюдетъ пресвитеръ исповѣданнаго грѣха никому да не откроетъ, ниже да не намѣтитъ въ генеральныхъ словахъ или другихъ какихъ примѣтахъ, но точію, какъ *вещь запечатлѣнную* держитъ у себѣ, вѣчному предавъ молчанію. Выключаются отъ сего оныя дѣла, о коихъ въ Духовномъ Регламентѣ подъ числами 11 и 12 изображено». Это же начало проведено и въ Уставѣ евангелически-лютеранской церкви, на основаніи ст. 718 котораго проповѣдникъ обязанъ хранить въ ненарушимой тайнѣ все, на исповѣди ему ввѣренное и не можетъ открывать сего даже и по требованію судебныхъ мѣстъ, безъ согласія самого сознавшагося. «Если, говорится въ ст. 720 Устава, для предупрежденія преступленія или же для прекращенія вредныхъ послѣдствій совершеннаго уже злодѣянія необходимо обнаружить оное передъ начальствомъ, а исповѣдывающійся не соглашается самъ сознаться предъ судомъ въ своемъ проступкѣ или отвратить инымъ образомъ имѣющій отъ сего произойти вредъ, то ему отказывается въ разрѣшеніи отъ грѣховъ и въ допущеніи къ святому причастію, *но сказанное на исповѣди сохраняется въ тайнѣ*». Изъ этого строгаго и категорическаго правила изъемлются лишь, на основаніи ст. 719, случаи, когда обнаруженіе открытаго на исповѣди необходимо для отвращенія опасности, грозящей Монарху, Императорскому дому или государству.

Имѣя въ виду эти правила и исходя изъ религіозно-нравственнаго значенія исповѣди, судебные уставы подтверждаютъ въ ст. 93 и 704 Уст. угол. суд. и въ 84 и п. 5 ст. 371 Уст. гражд. судопр., соблюденіе тайны, высказанной на исповѣди, воспрещая допускать духовныхъ лицъ къ свидѣтельству по этому предмету. При этомъ

имѣется въ виду исключительно исповѣдь, ибо, какъ сказано въ мотивахъ къ ст. 704 Уст. угол. суд., случаи и способы поданія духовной помощи, если они выходятъ изъ предѣловъ исповѣди, могутъ быть весьма разнообразны и неопредѣленны и недопущеніе въ сихъ случаяхъ къ свидѣтельству священниковъ могло бы послужить препятствіемъ къ раскрытію истины. Несомнѣнно, что здѣсь имѣлись въ виду различные случаи, въ коихъ обращаются къ священнику, не какъ къ разрѣшителю грѣховъ властью, данною ему Господомъ, не какъ къ духовнику, а какъ къ служителю церкви, поставленному для совершенія ея обрядовъ и для совокупныхъ моленій съ прибѣгающими къ молитвѣ о здравіи живыхъ, объ упокоеніи усопшихъ. При обычной житейской обстановкѣ въ такихъ случаяхъ священникъ можетъ сдѣлаться очевидцемъ преступнаго дѣянія, или узнать и услышать о немъ, не требуя, во имя великаго таинства покаянія и въ обстановкѣ благоговѣйнаго страха, сознанія въ немъ и не побуждая къ нему. Судебная практика знаетъ случаи, когда, наприм., призванному для служенія панихиды священнику приходилось быть свидѣтелемъ домашнихъ пререканій, поднимавшихъ уголъ завѣсы надъ преступною обстановкою, окружавшею умиравшаго въ послѣднія его минуты—или когда совершающему отпѣваніе доводилось усмотрѣть слѣды содѣяннаго преступленія, а приступающему къ вѣнчанію—открывать плохо скрытые признаки готовящагося преступленія. Устраненіе свидѣтельскаго показанія священника въ такихъ случаяхъ было бы отказомъ отъ достовѣрнаго, яркаго и весьма важнаго доказательства, ведущаго за собою или замыкающаго цѣлую цѣпь уликъ. Поэтому-то и считается не подлежащимъ принятію къ дѣлу, въ качествѣ доказательства, лишь показаніе объ открытомъ *на исповѣди*. Кѣмъ открытомъ? Считать, что это относится лишь до обвиняемаго или подсудимаго, не представляется возможнымъ. Во-первыхъ, это противорѣчило бы каноническому взгляду на тайну исповѣди, безразличную по отношенію къ положенію исповѣдующагося; во-вторыхъ, нѣтъ законныхъ основаній съуживать нравственныя требованія уголовнаго процесса противъ такихъ же въ процессѣ гражданскомъ, по смыслу котораго не допускается свидѣтельства о томъ (ст. 371 Уст. гр. суд.), что повѣрено на исповѣди однимъ изъ тяжущихся, или третьимъ въ дѣлѣ лицомъ или, наконецъ, совершенно постороннимъ тяжбѣ лицомъ. Притомъ покаяніе можетъ быть приносимо въ такихъ грѣхахъ, которые связаны съ преступленіемъ другого лица. Исповѣдующійся можетъ чинить признаніе въ такомъ дѣяніи, въ которомъ виновенъ не онъ одинъ. Таковы всѣ двустороннія преступленія—блудъ, кровосмѣшеніе, прелюбодѣяніе и т. п. Онъ можетъ, затѣмъ, каяться въ поступкѣ, за который онъ лично никакому наказанію не подлежитъ, но который, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно указываетъ на наказуемое преступленіе другого и при томъ опредѣленнаго лица. Таковы случаи недонесенія и укрывательства, предусмотрѣнные въ 128 ст. Улож. о наказ. Возможны случаи при-

знанія въ равнодушіи или постыдной слабости, благодаря которымъ не разрушилась обстановка, благопріятная для совершенія преступленія надъ беззащитнымъ или слабымъ, надъ «однимъ изъ слабыхъ сихъ»; возможны случаи признанія въ отсутствіи чувства любви и уваженія къ близкимъ, къ роднымъ, за которыми вѣдомы возмущающія душу беззаконія. Наконецъ, нельзя отрицать и такого печальнаго случая, когда на исповѣди будетъ учинено признаніе въ ложномъ доносѣ или показаніи на невиновнаго, но и тутъ, не смотря на понятность побужденій, оглашеніе такого признанія только потому, что оно сдѣлано не подсудимымъ или обвиняемымъ, было бы нарушеніемъ тайны исповѣди. Оглашать это—значило бы признать полное безсиліе правосудія выяснить истину въ дѣлѣ какими-либо иными путями, кромѣ раскрытія предъ людьми того, что дотолѣ было сокровенно для всѣхъ, исключая Бога. Притомъ разрѣшеніе такого оглашенія было бы отрицаніемъ значенія покаянія для душевнаго подъема человѣка, на устраненіе вреда отъ грѣховнаго дѣйствія котораго не можетъ не воздѣйствовать и самое чувство, заставившее его учинить признаніе, и горячее слово увѣщанія духовнаго отца и, наконецъ, отказъ въ св. причастіи. Поэтому всякое признаніе на исповѣди, кѣмъ бы оно ни было сдѣлано и чего бы ни касалось, не можетъ быть, на основаніи 704 ст. Уст. угол. суд., предметомъ свидѣтельства.

Другой существенный вопросъ, вытекающій изъ 704 ст., касается предѣловъ отношеній исповѣдующагося къ своему духовнику. Можно ли признать, что тотчасъ по окончаніи исповѣди и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, немедленно сопровождающаго ее причащенія, разспросъ исповѣдывавшагося, сопровождаемый увѣщаніями и угрозами отвѣта за грѣхи, составляетъ простую, случайную бесѣду, содержаніе которой ничего общаго съ внутреннимъ значеніемъ исповѣди не имѣетъ и подлежитъ, поэтому, пересказу? Иными словами, установляется ли исповѣдью живая духовная связь *безбоязненнаго довѣрія* между человѣкомъ, очистившимъ совѣсть покаяніемъ, и служителемъ алтаря, разрѣшившимъ его грѣхи, связь, продолжающаяся за внѣшніе предѣлы исповѣди? Или же священникъ, только-что вѣщавшій исповѣдующемуся въ стѣнахъ храма или въ таинственномъ и невозмутимомъ уединеніи частнаго жилища, «се Христосъ невидимо стоитъ пріемля исповѣданіе твое, не устрашися, ниже убойся и да не скроеши что отъ мене, но не обинуяся рцы вся, да пріимеши оставленіе отъ Господа... Азъ же точію свидѣтель есмь, да свидѣтельствую передъ Нимъ вся, елика рѣчеши ми»—и отпустившій ему потомъ грѣхи, непосредственно вслѣдъ затѣмъ становится частнымъ человѣкомъ, могущимъ воспользоваться отвѣтами на свои вопросы, чтобы стать свидѣтелемъ уже не передъ Богомъ, а предъ людскимъ судомъ,—дѣлается случайнымъ собесѣдникомъ, съ которымъ трудно говорить «не обинуясь», безъ страха за послѣдствія разговора для себя и для другихъ? Думается, что утвердительный отвѣтъ на послѣдній вопросъ

не удовлетворилъ бы нравственнаго чувства, не соотвѣтствовалъ бы и правильному пониманію высокаго значенія духовнаго отца, раскрытая передъ которымъ душа покаявшагося можетъ тотчасъ же боязливо и недовѣрчиво замыкаться, какъ только онъ сотворилъ крестное знаменіе на главѣ его. Это значило бы сразу уничтожить просвѣтленное и облегченное настроеніе грѣховною заботою о лукавой осторожности и смѣнять восхищенное и умиленное состояніе души, увѣровавшей въ то, что она прощена, малодушнымъ страхомъ и стремленіемъ ко лжи. Поэтому надлежитъ, во всякомъ случаѣ, признать, что покуда не прервалось вызванное исповѣдью непосредственное общеніе между духовнымъ отцомъ и исповѣдывавшимся, до тѣхъ поръ признаніе, полученное первымъ при посредствѣ напоминанія о сдѣланномъ покаяніи, объ отвѣтственности предъ Богомъ, о смертномъ часѣ,— полученное, такъ сказать, на почвѣ исповѣди—должно быть разсматриваемо, какъ предусмотрѣнное 704 ст. Уст. угол. суд.

У насъ статья эта еще не подвергалась оцѣнкѣ и разбору, но германскій процессъ именно такъ и смотритъ на показанія подобнаго рода. Имперскій Уставъ угол. суд. въ § 52 постановляетъ объ отказѣ отъ свидѣтельства духовныхъ въ отношеніи того, что имъ довѣрено при исполненіи обязанностей духовнаго отца, хотя бы они и были уже освобождены отъ обязанности молчанія, понимая дѣятельность духовнаго отца весьма широко и говоря о томъ, «was ihnen bei Ausuebung der Seelsorge anvertraut ist». То же самое повторено и въ § 348 Имперскаго Уст. гражд. судопр., который, предоставляя священнику давать показанія, воспрещаетъ касаться въ нихъ того, что связано съ нарушеніемъ обязанностей молчанія. Широкій взглядъ этихъ статей на храненіе духовнымъ отцомъ ввѣренныхъ ему тайнъ подтверждается и толкованіями ихъ извѣстнымъ профессоромъ каноническаго права въ пражскомъ университетѣ Феринговъ, въ его учебникѣ церковнаго права. «Онъ не долженъ показывать, говоритъ ученый авторъ о священникѣ, nicht ein Mal ueber dasjenige was ihm ausser der Beichte—внѣ исповѣди—aber in seiner Eigenschaft als Seelsorger anvertraut ist». Этого требуетъ, говоритъ онъ далѣе — sigillum confessionis. Но эта «печать исповѣди» и есть именно та «вещь запечатлѣнная», предаваемая вѣчному молчанію, о коей говорится въ книгѣ «о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ»—и нашъ уголовно-процессуальный законъ не можетъ ставить служителя православной церкви въ смыслѣ предъявленія нравственныхъ требованій къ его показанію—ниже служителей церквей иновѣрныхъ.

Приложеніе высказанныхъ общихъ соображеній къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла приводитъ къ выводу, что при производствѣ его допущено существенное нарушеніе 444 ст. Уст. угол. суд., повлекшее за собою и нарушеніе ст. 704 того же Устава. Въ ночь на 18-е ноября 1891 года псаломщику церкви Благовѣщенія, близъ Рощи, въ Петергофскомъ уѣздѣ, Кедрову, были нанесены смер-

тельныя поврежденія, отъ которыхъ онъ умеръ на третій день. Придя въ сознаніе, псаломщикъ, на распросы урядника, письменно оговорилъ Грибачева, но, послѣ привода послѣдняго, оговоръ этотъ снялъ. Заподозрѣнный въ преступленіи вслѣдствіе явно лживыхъ объясненій, 70-ти-лѣтній работникъ умершаго, Яковлевъ, жившій вмѣстѣ съ нимъ, далъ рядъ разнорѣчивыхъ показаній, въ которыхъ приписывалъ нанесеніе поврежденій Кедрову сначала неизвѣстному лицу, потомъ мѣщанину Курочкину и, наконецъ, брату мѣстнаго священника Попову. Содержась подъ стражею, Яковлевъ впалъ въ болѣзненное состояніе и умеръ 3-го августа 1892 года, а 17-го августа на допросѣ у слѣдователя смотритель петергофской тюрьмы заявилъ, что приглашенный 2-го августа для исповѣди Яковлева отецъ Іосифъ Ѳаворскій на вопросъ: «сказалъ ли Яковлевъ, кто убилъ Кедрова?» отвѣтилъ, что на строгое послѣ исповѣди внушеніе открыть передъ смертью истиннаго виновника, Яковлевъ назвалъ Попова. 2-го октября Ѳаворскій, вызванный къ слѣдователю, подтвердилъ показаніе смотрителя, объяснивъ, что послѣ исповѣди и причастія, Яковлевъ, на увѣщаніе сказать, готовясь отойти въ вѣчность, правду о томъ, кто убилъ Кедрова, отвѣтилъ: «*Онъ*», несомнѣнно, по содержанію вопроса, относя это къ Попову, и затѣмъ, на дальнѣйшіе вопросы, будучи очень слабъ, молчалъ. Показаніе это, какъ подтверждающее одинъ изъ оговоровъ, сдѣланныхъ Яковлевымъ, занесено въ обвинительный актъ на ряду съ косвенными противъ Попова уликами—и было повторено въ судебномъ засѣданіи по дѣлу. Но, по смыслу ст. 444 и 704 Уст. угол. суд., этому показанію не должно быть мѣста ни на предварительномъ слѣдствіи, ни на судѣ. Оно представляетъ собою свидѣтельство духовнаго лица о томъ, что ему сказано не какъ простому посѣтителю или собесѣднику, а какъ духовному отцу въ обстановкѣ, неразрывно связанной съ исповѣдью. Взаимныя при этомъ отношенія Яковлева и отца Ѳаворскаго содержатъ въ себѣ всѣ условія, при которыхъ свидѣтельство не допускается. Ѳаворскій былъ приглашенъ въ тюремный замокъ для исповѣди, какъ священникъ, а не какъ частное или иное должностное лицо. Цѣль его прихода—единственная и исключительная—отпущеніе грѣховъ человѣку, близящемуся къ кончинѣ, совершенное наединѣ. Расспросъ имъ этого человѣка—не солгалъ ли онъ, правду ли говоритъ онъ—есть прежде всего распросъ о грѣхѣ, входящій въ содержаніе исповѣди и вытекающій изъ нея столь органически, что, не только слабому и больному, съ готовымъ потухнуть сознаніемъ, но и здоровому человѣку—едва ли легко отдѣлить, гдѣ, при этомъ распросѣ, кончается *духовный отецъ*, предъ которымъ душа раскрывается, какъ книга, и гдѣ начинается будущій *свидѣтель по уголовному дѣлу*. Свидѣтельство объ этомъ, не могущее быть признано допускаемымъ доказательствомъ по самому своему происхожденію,—не можетъ быть имъ признано и по существу своему. Въ сущности свидѣтельство отца Ѳаворскаго есть показаніе Яковлева,

данное въ условіяхъ не установленныхъ закономъ и вызывающихъ сомнѣніе по отношенію къ дѣйствительному содержанію его. Оно дано Яковлевымъ in articulo mortis, подъ хладнымъ дыханіемъ смерти, въ изнеможеніи, въ невозможности что либо добавить къ односложному слову, которое нуждается въ комментаріяхъ допрашивающаго. Гдѣ ручательство, что стоя на порогѣ другой жизни, Яковлевъ ясно сознавалъ, о *чемъ* его спрашиваютъ и *что* онъ отвѣчаетъ? Гдѣ ручательство, что разсудокъ хилаго старика, потрясенный и близостью смерти, и дѣйствующею на душу обстановкою исповѣди въ тюрьмѣ, сохранилъ до конца свою ясность? Для допущенія свидѣтельства вообще, законъ въ 1 п. 704 ст. Уст. угол. суд. требуетъ обладанія здоровыми умственными силами. Но гдѣ разрушается тѣло, гдѣ такая сильная слабость, что кромѣ односложнаго слова ничего болѣе нельзя добиться,—тамъ нѣтъ ручательства, что и духовныя силы не помрачились. Думается, что правосудію можетъ быть иногда оказана плохая услуга выставленіемъ въ видѣ доказательства словъ, сказанныхъ, на настоянія духовника, коснѣющимъ языкомъ въ предсмертной, прерывающейся бесѣдѣ. Судебная власть достаточно вооружена средствами розыска и изслѣдованія, чтобы не нуждаться въ *такихъ* доказательствахъ для обличенія дѣйствительно виновныхъ.

Допущенное судебнымъ слѣдователемъ, не исправленное обвинительною камерою, а затѣмъ повторенное на судѣ нарушеніе 444 и 704 ст. Уст. угол. суд., само по себѣ существенное, не было умалено и необходимымъ предостереженіемъ по отношенію къ оцѣнкѣ и сопоставленію косвенныхъ уликъ присяжными засѣдателями. Имъ не было сказано о толкованіи сомнѣнія въ пользу подсудимаго. Это подтверждается заключеніемъ суда по замѣчаніямъ на протоколъ. Вопросъ о значеніи указанія присяжнымъ на толкованіе сомнѣнія возникалъ въ судебной практикѣ не разъ. Заявлялось, что законъ обязываетъ внушать присяжнымъ, что *всякое* сомнѣніе непремѣнно должно быть истолковано въ интересахъ подсудимаго; съ другой стороны указывалось на то, что въ судебныхъ уставахъ нѣтъ правила, которое предписывало бы это дѣлать. Дѣйствительно такого правила, какъ опредѣленнаго закона, нѣтъ! Есть однако судебный обычай, явившійся результатомъ многолѣтняго опыта въ тѣхъ странахъ, гдѣ раньше, чѣмъ у насъ, была отмѣнена система предустановленныхъ, формальныхъ доказательствъ. Въ силу этого обычая, философская формулировка основаній котораго встрѣчается еще у Декарта, а юридическая разработка сдѣлана Бентамомъ, Уильзомъ, Жиряевымъ и др., убѣжденіе въ виновности не признается сложившимся, доколѣ существуетъ хотя бы малѣйшее сомнѣніе, которое, тѣмъ самымъ, склоняетъ вѣсы въ пользу обвиняемаго. Конечно, это не всякое, мимолетное и не провѣренное сомнѣніе, являющееся плодомъ вялой работы лѣниваго ума и сонной совѣсти,—нѣтъ! это сомнѣніе, остающееся послѣ долгой, внимательной и всесторонней оцѣнки каждаго изъ доказательствъ въ

отдѣльности и всѣхъ ихъ вмѣстѣ, въ связи съ личностью обвиняемаго. Руководящій присяжныхъ судья долженъ призвать ихъ къ особому усилію ума и совѣсти, и въ дѣлахъ, гдѣ обвиненіе строится на уликахъ, сказать имъ: «взвѣсьте каждую улику самое по себѣ и, отвергнувъ изъ нихъ всѣ, возбуждающія въ васъ серьезное сомнѣніе по своему происхожденію, характеру или свойству,— оставьте только несомнѣнныя—и затѣмъ совокупите ихъ воедино, свяжите логической и послѣдовательной работой мысли, ступая осторожно и утверждаясь на каждомъ шагу—и если эта совокупность не возбудитъ въ васъ сомнѣнія, остающагося, несмотря ни на что, скажите, что человѣкъ, задавшій своими дѣйствіями вамъ всю эту работу—*виновенъ*—скажите это смѣло и безъ колебаній». Къ такому толкованію обязываетъ не прямое указаніе закона, но его духъ, но основные пріемы точнаго мышленія, составляющіе въ своемъ родѣ non scripta sed nata lex. Этотъ духъ сквозитъ въ предписанныхъ 769 и 813 ст. Уст. угол. суд., о раздѣленіи голосовъ судей и присяжныхъ поровну; имъ проникнутъ и 2 п. 801, а также ст. 803 и 804 Уст. угол. суд., ибо общія основанія къ сужденію о силѣ доказательствъ, о которыхъ обязанъ говорить предсѣдатель, должны, безъ сомнѣнія, состоять и въ преподаваніи присяжнымъ общихъ указаній, какъ производить оцѣнку уликъ и доказательствъ и дѣлать изъ нея твердые выводы. Не надо забывать, что 2 часть XV тома еще задолго до судебной реформы указывала, что нѣсколько несовершенныхъ доказательствъ (къ каковымъ, между прочимъ, относился оговоръ чрезъ подсудимыхъ), совокупно взятыхъ, могутъ составить совершенное доказательство — лишь когда они *исключаютъ возможность недоумѣвать о винѣ подсудимаго,*—и что составители судебныхъ уставовъ, проектируя главу о судебныхъ доказательствахъ, находили нужнымъ включить въ нее слѣдующее обязательное правило: «подсудимый признается невиновнымъ, доколѣ противное не будетъ доказано; всякое сомнѣніе о винѣ или о степени вины подсудимаго объясняется въ его пользу». Вотъ почему категорическое указаніе на значеніе разумнаго сомнѣнія должно входить въ руководящее напутствіе въ дѣлѣ, гдѣ обвиненіе было основано на косвенныхъ уликахъ и на оговорѣ заподозрѣннаго, подкрѣпляемомъ свидѣтельствомъ, которое законъ отвергаетъ рѣшительно и безусловно.

Обращаюсь, наконецъ, къ жалобѣ фельдшера Иванова. Нельзя не видѣть, что признаніе его виновнымъ въ томъ, что—«не принимая никакого участія въ нанесеніи смертельныхъ поврежденій Кедрову, но зная, кѣмъ таковыя нанесены, и желая скрыть дѣйствительнаго виновника, навлекши подозрѣніе на мѣщанина Василія Курочкина, онъ представилъ полицейскому уряднику листокъ бумаги, съ написаннымъ на немъ словомъ «Курочкинъ», заявивъ, завѣдомо для себя ложно, что будто бы самъ Кедровъ написалъ это слово добровольно и сознательно въ отвѣтъ на предложенный имъ вопросъ о томъ, кѣмъ именно были нанесены Кедрову по-

врежденія черепа, вслѣдствіе каковыхъ дѣйствій его Курочкинъ и былъ привлеченъ къ дѣлу въ качествѣ обвиняемаго»,—исключаетъ всякую возможность видѣть въ дѣяніяхъ его безприсяжное ложное показаніе при дознаніи. Ссылаясь на тщательную и вполнѣ правильную разработку вопроса объ укрывательствѣ по взглядамъ теоріи уголовнаго права и по кассаціоннымъ рѣшеніямъ, представленную защитникомъ Иванова, присяжнымъ повѣреннымъ Холева, вполнѣ присоединяюсь къ выводу его о томъ, что въ дѣяніи Иванова нѣтъ признаковъ *укрывательства* преступленія, за каковое онъ осужденъ судомъ. Но, отрицая возможность выводить изъ отвѣта присяжныхъ обвиненіе въ укрывательствѣ, нельзя не признать, что въ дѣяніи Иванова есть полная наличность *ложнаго доноса*, предусмотрѣннаго 943 ст. Улож. о наказан. и разъясненнаго рѣшеніями Правительствующаго Сената 1875 года по дѣлу Сизова, и 1887 года по дѣламъ Вильде, Макаренко и Гутовича, при чемъ указаніе на то, что заявленіе сдѣлано было лишь уряднику, который не предупредилъ, согласно 307 ст. Уст. угол. суд. заявителя объ отвѣтственности за ложные доносы—не имѣетъ значенія въ виду рѣшенія Сената 1888 года по дѣлу Ряжкина и Попова и того обстоятельства, что урядникъ являлся хотя и низшимъ, но непосредственнымъ органомъ власти, на обязанности которой лежало возбужденіе преслѣдованія противъ Курочкина. По всѣмъ приведеннымъ основаніямъ я считаю необходимымъ—отмѣнить рѣшеніе присяжныхъ и приговоръ суда, предписавъ Судебной Палатѣ, въ качествѣ обвинительной камеры, составить новое опредѣленіе, исключивъ изъ матеріаловъ для обсужденія на основаніи 444 и 704 ст. Уст. угол. суд. показаніе священника Ѳаворскаго,—и, во всякомъ случаѣ, за нарушеніемъ 14 и 943 ст. Улож. о наказ. отмѣнить приговоръ суда о наказаніи Иванова, передавъ дѣло въ другое отдѣленіе суда для постановленія новаго приговора по рѣшенію присяжныхъ.

Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: за неправильнымъ примѣненіемъ 14 ст. Улож. о наказ. и за нарушеніемъ 444, 521 и 2 п. 704 ст. Уст. угол. суд., приговоръ Петербургскаго окружного суда отмѣнить, предписавъ Судебной Палатѣ составить новое опредѣленіе по дѣлу и дать оному дальнѣйшій ходъ въ установленномъ закономъ порядкѣ.

IX.

По дѣлу Ольги Палемъ, обвиняемой въ убійствѣ студента Довнара.

16-го мая 1894 г. вечеромъ въ гостинницѣ «Европа» заняли номеръ молодой человѣкъ въ формѣ студента Института инженеровъ путей сообщенія и дама. На другой день, около часа пополудни, изъ этого номера послышались, одинъ за другимъ, два выстрѣла и затѣмъ въ коридоръ вышла женщина со словами: «я совершила преступленіе и ранила себя; скорѣе доктора и полицію».

По произведенному прибывшими полиціей и докторомъ осмотру и по выясненіи личности находившихся въ этомъ номерѣ, оказалось, что у окна номера лежитъ трупъ студента Института инженеровъ путей сообщенія, Александра Степановича Довнара. Смерть его произошла отъ нанесенной ему безусловно смертельной огнестрѣльной раны, выстрѣломъ изъ револьвера, произведеннымъ сзади, снизу вверхъ, въ весьма близкомъ разстояніи, не болѣе 2, 3-хъ вершковъ, при чемъ пуля вошла въ верхнюю часть шеи, на ½ вершка ниже затылочнаго бугра. Стрѣлявшая въ Довнара и ранившая себя женщина оказалась мѣщанкою Ольгою Васильевною Палемъ; нанесенная ею себѣ рана въ грудь, по заключенію врача, должна быть признана, хотя и не смертельною, но принадлежащею къ разряду тяжкихъ.

По произведенному за симъ предварительному слѣдствію, обвинительнымъ актомъ, утвержденнымъ С.-Петербургскою судебною палатою 22-го декабря 1894 г., Ольга Палемъ, на основаніи 201 ст. Уст. угол. суд., предана суду С.-Петербургскаго окружного суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей по обвиненію въ убійствѣ студента Александра Довнара съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 1454 Улож. о наказ.

Дѣло объ убійствѣ Довнара разсматривалось въ судѣ 14—18 февраля сего года, при чемъ, по окончаніи судебнаго слѣдствія, присяжнымъ засѣдателямъ были поставлены слѣдующіе вопросы:

1) Виновна ли подсудимая симферопольская мѣщанка Ольга Васильева Палемъ въ томъ, что, задумавъ заранѣе лишить жизни студента Александра, Довнара, она купила револьверъ съ патронами, снаряженными пулями, пригласила Довнара на свиданіе въ гостинницу «Европа», по набережной рѣки Фонтанки въ С.-Петербургѣ, взяла съ собою туда револьверъ съ

патронами и въ номерѣ этой гостинницы 17-го мая 1894 года выстрѣлила въ него, Довнара, изъ револьвера въ голову, сзади, на разстояніи нѣсколькихъ вершковъ, въ то время, когда Довнаръ повернулся къ ней спиною и этимъ выстрѣломъ тогда же, на мѣстѣ, лишила его жизни, причинивъ ему смертельное поврежденіе головы?

2) Если подсудимая Ольга Васильева Палемъ не виновна по первому вопросу, то не виновна ли она въ томъ, что 17-го мая 1894 г. въ номерѣ гостинницы «Европа» по набережной рѣки Фонтанки, въ С.-Петербургѣ, безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія, но однако и не случайно, а въ состояніи раздраженія отъ нанесеннаго ей студентомъ Александромъ Довнаромъ оскорбленія, она, съ цѣлью лишенія жизни Александра Довнара, выстрѣлила въ него изъ револьвера въ голову и этимъ выстрѣломъ тогда же, на мѣстѣ, лишила его жизни, причинивъ ему смертельное поврежденіе головы?

На оба вопроса присяжные отвѣтили «нѣтъ не виновна», а посему судъ, на основаніи 1 п. 771 ст. Уст. угол. суд., призналъ Ольгу Палемъ по суду оправданною.

На этотъ приговоръ принесены кассаціонный протестъ товарища прокурора Окружного Суда и кассаціонная жалоба повѣреннаго гражданской истицы, матери Довнара, по второму мужу Шмитъ, въ коихъ они ходатайствовали объ отмѣнѣ рѣшенія присяжныхъ засѣдателей и приговора суда, а повѣренный гражданской истицы — и опредѣленія Судебной Палаты о преданіи Ольги Палемъ суду.

Основаніемъ своего ходатайства и прокуроръ, и повѣренный гражданской истицы указывали прежде всего на нарушенія, допущенныя судомъ при постановкѣ вопросовъ присяжнымъ засѣдателямъ.

Въ семъ отношеніи изъ протокола судебнаго засѣданія видно:

«По выходѣ суда въ зало засѣданія и по занятіи присяжными засѣдателями и участвующими въ дѣлѣ лицами своихъ мѣстъ, предсѣдатель прочелъ проектъ вопросовъ, предоставивъ сторонамъ сдѣлать на вопросы свои замѣчанія. Со стороны товарища прокурора и повѣреннаго гражданской истицы замѣчаній не послѣдовало. Защитникъ подсудимой просилъ поставить дополнительный вопросъ по 96 ст. Улож. о наказ. о томъ, не совершила ли подсудимая преступленія въ припадкѣ умоизступленія. По удаленіи присяжныхъ засѣдателей въ особую комнату, охраняемую стражею, судъ удалился для совѣщанія. По выходѣ суда въ зало засѣданія и занятіи присяжными засѣдателями и участвующими въ дѣлѣ лицами своихъ мѣстъ, предсѣдатель предложилъ товарищу прокурора дать свое заключеніе по содержанію ходатайства защиты. Товарищъ прокурора заявилъ, что ходатайство защиты о постановкѣ вопроса по признакамъ 96 ст. Улож. о наказ. онъ полагалъ бы оставить безъ удовлетворенія, такъ какъ для постановки такого вопроса необходимо освидѣтельствованіе подсудимой въ порядкѣ 353—355 ст. Уст. угол. суд. и для постановки его судебнымъ слѣдствіемъ не обнаружено данныхъ. Предсѣдатель обратился къ присяжнымъ засѣдателямъ съ вопросомъ: не имѣютъ ли они сдѣлать какихъ либо замѣчаній на вопросы. Одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей заявилъ: «мы присоединяемся къ ходатайству защиты». На вопросъ предсѣдателя, кто именно изъ присяжныхъ засѣдателей заявляетъ о постановкѣ дополнительнаго вопроса, двое присяжныхъ засѣдателей отвѣчали, что изъ состава присяжныхъ засѣдателей четверо высказываются въ пользу вопроса, предположеннаго защитою. Судъ удалился для совѣщанія по уходѣ присяжныхъ засѣдателей въ особую комнату, охраняемую стражею. По выходѣ суда въ зало засѣданія и занятіи присяжными засѣдателями и участвующими въ дѣлѣ лицами своихъ мѣстъ, товарищъ прокурора просилъ предоставить ему, до постановленія судомъ опредѣленія по существу сдѣланныхъ присяжными засѣдателями замѣчаній на вопросы, высказать заключеніе по содержанію означенныхъ замѣчаній.

Предсѣдатель заявилъ, что признаетъ предъявленіе товарищемъ прокурора заключенія несвоевременнымъ, такъ какъ постановленіе суда уже состоялось и подлежитъ провозглашенію, послѣ чего предсѣдатель объявилъ, что Окружной Судъ, принимая во вниманіе, что нѣкоторые присяжные засѣдатели присоединились къ ходатайству защиты о постановкѣ вопроса по 96 ст. Улож. о наказ., что означенный вопросъ, какъ онъ формулированъ защитой, не могъ быть вполнѣ усвоенъ присяжными засѣдателями, поручилъ предсѣдателю разъяснить присяжнымъ засѣдателямъ значеніе этого вопроса и условія его постановки и пригласить присяжныхъ засѣдателей къ новому обсужденію проектированныхъ судомъ вопросовъ по соображеніи ихъ съ разъясненіемъ предсѣдателя. Затѣмъ предсѣдатель разъяснилъ присяжнымъ засѣдателямъ содержаніе 96 ст. Улож. о наказ. и установленный ст. 353—355 Уст. угол. суд. порядокъ освидѣтельствованія обвиняемаго въ случаѣ возникшаго сомнѣнія въ ненормальномъ состояніи его умственныхъ способностей и указалъ при томъ, что изслѣдованія въ этомъ порядкѣ произведено не было, такъ какъ на предварительномъ слѣдствіи не обнаружено обстоятельствъ, вызывающихъ предположеніе о такомъ болѣзненномъ состояніи подсудимой, которое подходило бы подъ дѣйствіе 96 ст. Улож. о наказ. Затѣмъ предсѣдатель, на основаніи 762 ст. Уст. угол. суд., вручивъ старшинѣ присяжныхъ засѣдателей вопросный листъ, пригласилъ ихъ обдумать свои замѣчанія и для сего удалиться въ особую комнату. Присяжные засѣдатели удалились въ особую комнату, охраняемую стражею. По выходѣ ихъ въ зало засѣданія старшина присяжныхъ засѣдателей заявилъ, что присяжные засѣдатели съ своей стороны не имѣютъ сдѣлать какихъ либо возраженій на предположенные судомъ вопросы и отъ постановки дополнительнаго вопроса о совершеніи подсудимой преступленія въ припадкѣ умоизступленія отказываются. Окружной Судъ, обсудивъ ходатайство защиты о постановкѣ вопроса по признакамъ 96 ст. Улож. о наказ. и, принимая во вниманіе, что на судебномъ слѣдствіи не обнаружено такихъ обстоятельствъ, которыя указывали бы на совершеніе подсудимой преступленія въ припадкѣ болѣзни, доходящей до умоизступленія, что постановка такого вопроса могла быть допущена только при условіи предварительнаго соблюденія порядка, описаннаго въ ст. 353—355 Уст. угол. суд., постановилъ ходатайство защиты оставить безъ послѣдствій. Судъ утвердилъ вопросы въ прочитанной формѣ. Засимъ окончательно поставленные вопросы были подписаны предсѣдателемъ и членами».

Въ этомъ жалующіеся усматривали:

1) Нарушеніе 762 ст. Уст. угол. суд., на основаніи коей «вопросы, постановленные судомъ излагаются письменно, прочитываются вслухъ и исправляются или дополняются по тѣмъ замѣчаніямъ сторонъ или кого либо изъ присяжныхъ засѣдателей, которыя судъ признаетъ уважительными. Въ случаѣ требованія сторонъ или присяжныхъ засѣдателей, судъ даетъ имъ время обдумать свои возраженія и вручаетъ списокъ вопросовъ». Въ виду этого судъ долженъ былъ самъ разрѣшить, въ томъ или другомъ смыслѣ, предъявленное ходатайство, но не имѣлъ основанія удалять всѣхъ присяжныхъ для совѣщанія, причемъ очевидно заявившее ходатайство меньшинство, составлявшее $^1/_3$, должно было быть поглощено большинствомъ, что и вызвало отвѣтъ отъ имени всѣхъ присяжныхъ, что они не настаиваютъ на постановкѣ дополнительнаго вопроса. Эти нарушенія 762 ст. приводили къ тому, что а) разрѣшеніе возможности постановки дополнительнаго вопроса по ст. 96 Улож. было перенесено, вопреки закону, на присяжныхъ засѣдателей и б) что присяжные, заявившіе о ходатайствѣ, хотя и отказались, въ виду большинства, отъ постановки вопроса, но этимъ очевидно не устранилось ихъ сомнѣнія о психическомъ состояніи Палемъ во время убійства, какое сомнѣніе представлялось при разрѣшеніи окончательнаго вопроса о виновности особенно

важнымъ потому, что предсѣдательствовавшій въ заключительномъ словѣ не указалъ присяжнымъ, какъ они должны поступать въ случаѣ возбужденія между ними при рѣшеніи дѣла вопроса о невмѣняемости Палемъ. Относительно этого мѣста протеста и жалобы въ протоколѣ судебнаго засѣданія не содержится никакого указанія, но въ замѣчаніяхъ на протоколъ товарища прокурора значится: предсѣдатель «не объяснилъ присяжнымъ засѣдателямъ, что если они, обсуждая предложенные имъ вопросы, придутъ къ сомнѣнію въ нормальности умственныхъ способностей Ольги Палемъ въ моментъ совершенія ею преступленія, то должны, оставивъ вопросы о виновности безъ отвѣта, вернуться въ залъ засѣданія и заявить суду о встрѣченномъ ими сомнѣніи»,—а судъ въ своемъ заключеніи по этимъ замѣчаніямъ удостовѣряетъ, что «предсѣдатель, упомянувъ о правѣ присяжныхъ засѣдателей потребовать дополнительнаго объясненія, согласно 808 ст. Уст. угол. суд., не указалъ имъ на необходимость воспользоваться этимъ правомъ и въ томъ случаѣ, если при рѣшеніи вопроса о виновности подсудимой, у нихъ возникнетъ сомнѣніе въ томъ, что преступленіе совершено ею въ припадкѣ болѣзни, доводящей до безпамятства».

Вмѣстѣ съ симъ, въ приведенныхъ дѣйствіяхъ суда товарищъ прокурора усматривалъ и нарушеніе 619 ст. Уст. угол. суд., по силѣ коей «всѣ постановленія по спорамъ и пререканіямъ сторонъ могутъ исходить только отъ суда, который въ вопросахъ, относящихся къ порядку производства дѣла, выслушиваетъ предварительно заключеніе прокурора». Между тѣмъ въ настоящемъ случаѣ предсѣдательствующій не только не предложилъ ему дать заключеніе по поводу ходатайства присяжныхъ, но даже отказалъ ему высказать свое мнѣніе по сему предмету, въ виду уже состоявшагося опредѣленія суда. Между тѣмъ такое частное опредѣленіе могло подлежать и измѣненію, въ виду тѣхъ соображеній, которыя онъ могъ бы представить суду. Въ этихъ дѣйствіяхъ суда усматривалось существенное нарушеніе 549 ст. Уст. угол. суд. Такъ какъ судъ, въ виду невозбужденія на предварительномъ слѣдствіи вопроса о психическомъ состояніи Ольги Палемъ и непроизводства освидѣтельствованія ея въ порядкѣ 353—356 ст. Уст. угол. суд. не могъ поставить дополнительнаго вопроса по 96 ст. Улож., то онъ, какъ полагаютъ жалобщики, долженъ былъ, возобновивъ судебное слѣдствіе, обсудить возбудившееся сомнѣніе по существу, и засимъ, если бы нашелъ это сомнѣніе основательнымъ, представить на основаніи 549 ст. Уст. угол. суд., Судебной Палатѣ для производства, въ установленномъ порядкѣ, освидѣтельствованія обвиняемой. Для такой передачи дѣла въ Палату, по мнѣнію жалобщиковъ, независимо отъ ходатайства присяжныхъ засѣдателей и защиты о постановкѣ вопроса по ст. 96 достаточныя основанія вытекали изъ данныхъ судебнаго слѣдствія, изъ показаній эксперта Руковича, д-ра Зельгейма и врача дома предварительнаго заключенія, изъ показаній другихъ лицъ, тамъ служащихъ, и изъ прочитанныхъ на судѣ писемъ и другихъ актовъ.

По этому пункту кассаціонной жалобы изъ протокола суда видно: «По просьбѣ защитника, ему было разрѣшено предсѣдателемъ предложить дополнительные вопросы эксперту Руковичу. Защитникъ предложилъ эксперту вопросъ о психическомъ состояніи подсудимой. Товарищъ прокурора просилъ о занесеніи этого вопроса въ протоколъ. На этотъ вопросъ и на дальнѣйшіе вопросы защитника экспертъ далъ свое заключеніе о состояніи здоровья подсудимой; сущность заключенія эксперта по ходатайству защиты заносится въ протоколъ; экспертъ объяснилъ, что подсудимая страдаетъ крайней возбудимостью, нервной системы, нервностью и рѣзко выраженной неврастеніей; психически подсудимая совершенно здорова и нѣтъ никакихъ данныхъ сомнѣваться въ нормальности ея. По окончаніи допроса эксперта защитникомъ, товарищъ прокурора

предложилъ эксперту вопросъ: можно ли изъ отвѣтовъ эксперта на вопросы защиты вывести заключеніе, что подсудимая дѣйствовала сознательно, на что экспертъ далъ утвердительный отвѣтъ. Вопросъ товарища прокурора и отвѣтъ на него эксперта по требованію защитника заносятся въ протоколъ».

Кромѣ того въ замѣчаніи на протоколъ товарища прокурора указано, «что, по допросѣ свидѣтеля доктора Зельгейма сторонами, экспертъ Руковичъ предложилъ вопросъ о томъ, въ какомъ психическомъ состояніи онъ засталъ подсудимую въ моментъ, непосредственно слѣдовавшій за убійствомъ и покушеніемъ на самоубійство. Предсѣдатель остановилъ эксперта, напомнивъ ему, что онъ вызванъ для дачи заключенія по вопросу о тѣлесныхъ поврежденіяхъ, нанесенныхъ Ольгою Палемъ Довнару и себѣ, — и предложилъ Руковичу не выходить изъ предѣловъ этой экспертизы. Возражая на ограниченіе экспертизы въ означенныхъ рамкахъ, защитникъ заявилъ, что предполагаетъ допрашивать эксперта Руковича и о психическомъ состояніи подсудимой во время совершенія ею преступленія, что имъ и было исполнено. По предложенію предсѣдателя экспертъ Руковичъ продолжалъ допросъ свидѣтеля Зельгейма, причемъ спросилъ названнаго свидѣтеля, въ какомъ состояніи онъ засталъ подсудимую вслѣдъ за совершеніемъ ею преступленія, прося свидѣтеля выражаться научно и объяснить—было ли то «неврозъ» или «психозъ». Докторъ Зельгеймъ отвѣчалъ: «всякое убійство есть психозъ». Правильность этого замѣчанія удостовѣрена судомъ. Сверхъ сего, какъ видно изъ производства во время предварительныхъ къ суду распоряженій, защитникъ подсудимой входилъ 21-го января 1895 г. въ судъ съ такого рода ходатайствомъ: «что въ виду того, что мнѣ отказано въ допросѣ частнаго врача Спасской части г. Руковича, какъ свидѣтеля, и что онъ остается такимъ образомъ въ процессѣ въ качествѣ свѣдущаго лица, удостовѣряющаго между прочимъ, что страданіе Палемъ крайнею возбужденностью нервной системы и рѣзко выраженною неврастеніею, хотя и констатированныя имъ какъ болѣзненныя, не имѣютъ однакоже ничего общаго съ болѣзнями психическими, я имѣю честь просить о вызовѣ: нижепоименованныхъ (профессора Бехтерева, врачей Лебедева и Блуменау) экспертовъ для опроверженія столь категорическаго и едва ли вѣрнаго заключенія г. эксперта Руковича. Во всякомъ случаѣ защита Палемъ считаетъ своею обязанностью заботиться о болѣе всестороннемъ и дѣйствительно научномъ изслѣдованіи этого затронутаго предварительнымъ слѣдствіемъ вопроса». Въ этомъ его ходатайствѣ судъ опредѣленіемъ 21-го января 1895 г. отказалъ по тѣмъ между прочимъ соображеніямъ, «что названные эксперты, согласно указанію защиты, подлежатъ вызову въ судъ для выясненія болѣзненнаго состоянія подсудимой въ области психическаго разстройства, между тѣмъ ни на предварительномъ слѣдствіи, ни при разсмотрѣніи дѣла въ обвинительной камерѣ Судебной Палаты вопросъ о ненормальномъ состояніи умственныхъ способностей подсудимой Палемъ возбуждаемъ не былъ, а Окружной Судъ съ своей стороны не находитъ въ обстоятельствахъ дѣла основанія къ возбужденію означеннаго вопроса. По изложеннымъ основаніямъ Окружной Судъ находитъ, что вышесказанная экспертиза, какъ относящаяся къ вопросу, не вытекающему изъ обстоятельствъ дѣла и подлежащему разрѣшенію въ особомъ порядкѣ, указанномъ въ 353—356 ст. Уст. угол. суд., не можетъ быть допущена на судебномъ слѣдствіи».

Слѣдующее основаніе для отмѣны приговора протестъ и жалоба видѣли въ нарушеніи предсѣдательствующимъ ст. 801 и 812 Уст. угол. суд. неразъясненіемъ присяжнымъ засѣдателямъ, что разрѣшая вопросы, имъ предложенные, они могутъ дать на нихъ ограничительные отвѣты, между прочимъ признавъ Палемъ дѣйствовавшей безъ намѣренія убить Довнара, а лишь съ намѣреніемъ нанесенія ему раны, неожиданно для нея окон-

чившейся его смертью, что-бы соотвѣтствовало преступленію, предусмотрѣнному 1484 ст. Улож. Между тѣмъ, по мнѣнію жалобщиковъ, основаніемъ для такого разъясненія могло служить какъ сознаніе Палемъ на судѣ,—что для нея случайной была лишь смерть Довнара, а не направленный въ него выстрѣлъ, такъ и оглашенное на судѣ письмо Палемъ къ Кандинскомъ отъ 28-го мая 1894 г., въ каковомъ письмѣ Палемъ, между прочимъ, пишетъ: «Саша убитъ совершенно случайно, такъ какъ я хотѣла только себя и то не убить, а только поранить, чтобы у него явилось раскаяніе и угрызеніе совѣсти, для того, чтобы онъ на мнѣ женился... Къ несчастью, въ это утро онъ слишкомъ сильно вызывалъ во мнѣ ревность и, не щадя меня, оскорблялъ, какъ только могъ. Я, не помня себя отъ самаго сильнаго оскорбленія, выхватила револьверъ, была ли цѣль убить или напугать его—не помню, помню только, что я выстрѣлила, онъ упалъ».

По поводу этого пункта жалобы въ протоколѣ не содержится никакихъ указаній, но въ замѣчаніи на протоколъ указано: «что, во-первыхъ, по вопросу о своей виновности Ольга Палемъ, какъ въ объясненіяхъ своихъ по поводу показаній свидѣтелей, такъ и въ послѣднемъ словѣ заявляла, что убить Довнара намѣренія не имѣла и, во-вторыхъ, что въ своемъ руководящемъ напутственномъ словѣ предсѣдатель не объяснилъ присяжнымъ засѣдателямъ право ихъ дать ограничительные отвѣты на каждый изъ предложенныхъ имъ вопросовъ черезъ добавленіе къ утвердительному отвѣту словъ, отрицающихъ у Палемъ намѣреніе лишить Довнара жизни». И это замѣчаніе удостовѣрено судомъ, такъ какъ въ его заключеніи подтверждается, «что подсудимая, отвѣтивъ отрицательно на предложенный ей въ порядкѣ 679 ст. Уст. угол. суд. вопросъ о виновности въ предумышленномъ убійствѣ, въ послѣдующихъ своихъ объясненіяхъ по поводу отдѣльныхъ судебныхъ дѣйствій неоднократно говорила, что убить Довнара не хотѣла, и что въ объясненіяхъ предсѣдателя, данныхъ присяжнымъ засѣдателямъ, согласно 801 — 815 ст. Уст. угол. суд., было упомянуто о правѣ ихъ при утвердительномъ разрѣшеніи вопроса о виновности подсудимой въ предумышленномъ убійствѣ дать ограничительный отвѣтъ, отвергнувъ заранѣе обдуманное намѣреніе, но ни въ отношеніи этого вопроса, ни при объясненіи второго вопроса о виновности ея въ убійствѣ въ раздраженіи, не было указано, что присяжные засѣдатели, признавая подсудимую виновною по первому или второму изъ предложенныхъ имъ вопросовъ, могутъ въ то же время отвергнуть намѣреніе подсудимой лишить Довнара жизни».

Кромѣ того повѣренный гражданской истицы указывалъ, что изложенныя выше нарушенія, допущенныя на судебномъ слѣдствіи, съ неизбѣжностью вытекали изъ нарушеній, допущенныхъ при самой обстановкѣ обвиненія на судъ, при утвержденіи Палатою обвинительнаго акта съ нарушеніемъ 531 и 534 ст. Уст. угол. суд., и при томъ въ двоякомъ отношеніи: съ одной стороны, непополненіемъ существеннаго пробѣла по дѣлу, оставленнаго предварительнымъ слѣдствіемъ, а съ другой стороны, внесеніемъ въ предварительное слѣдствіе много лишняго, долженствовавшаго только затемнить разсмотрѣніе дѣла на судѣ, и въ особенности съ присяжными.

Въ первомъ отношеніи жалобщикъ указывалъ на непроизводство при предварительномъ слѣдствіи освидѣтельствованія Палемъ въ порядкѣ 353—356 ст. Какъ объяснилъ присяжнымъ засѣдателямъ на судѣ предсѣдательствовавшій, это произошло потому, что на предварительномъ слѣдствіи не обнаружено обстоятельствъ, вызывающихъ предположеніе о такомъ болѣзненномъ состояніи подсудимой, которое бы подходило подъ ст. 96 Улож.; но это указаніе, по мнѣнію жалобщика, не точно. Для такого рода предположеній предварительнымъ слѣдствіемъ установлены были нижеслѣдующія данныя. А) Допрошенные, въ качествѣ свидѣтелей, нижепоименованныя лица показали: 1) Стефанъ Матеранскій, товарищъ

и другъ покойнаго Довнара, «если она (Палемъ) начинала какую нибудь сцену, ссору, то возбужденіе ея росло, росло, доходило до предѣловъ, которые трудно себѣ представить, не будучи очевидцемъ; она постепенно взвинчивала свои нервы до крайняго напряженія, при чемъ летали по комнатѣ и головамъ присутствующихъ тарелки, чернильницы, бездѣлушки, затѣмъ начинали у нея стучать зубы, она начинала вся дрожать, глаза принимали страшное выраженіе и кончалось обыкновенно тѣмъ, что она схватывала столовый ножъ, чтобы зарѣзаться, или выскакивала на балконъ, чтобы броситься внизъ». Передавая далѣе одну изъ вспышекъ гнѣва или ревности Палемъ, тотъ же свидѣтель говоритъ: «она (Палемъ) со страшно вращающимися бѣлками глазъ, съ безсмысленнымъ взглядомъ, машетъ столовымъ ножемъ, дѣлая видъ, что желаетъ заколоться или зарѣзаться. Я велѣлъ позвать доктора и ушелъ». 2) Василій Кандинскій: «прожилъ я съ Палемъ года два... и убѣдился, что это очень нервная раздражительная женщина, страдавшая по временамъ галлюцинаціями, иногда ей чудились видѣнія...» 3) Полковникъ Александръ Калеминъ: «Ольга Палемъ очень нервна и впечатлительна и нервы доводили ее даже до галлюцинацій». 4) Александръ Палтовъ, секретарь министра путей сообщенія: «при разговорахъ со мной Ольга Палемъ производила на меня впечатлѣніе женщины больной психически, съ совершенно разстроенными нервами». 5) Геня Палемъ, мать подсудимой: «Меня (Ольга Палемъ) была скромная и добрая дѣвушка, только была очень ужъ нервна, обмороки съ нею случались часто». 6) Дарья Степанова, горничная Ольги Палемъ: «Палемъ страдала разстройствомъ нервовъ, часто находилась въ истерикѣ, послѣ чего лежала въ кровати нѣсколько дней». 7) Екатерина Журавлева, фельдшерица дома предварительнаго заключенія: «о характерѣ Ольги Палемъ могу сказать только, что она взбалмашная и необузданная, она человѣкъ невозможный, непереваримый». 8) Александра Крылова, помощница начальника дома предварительнаго заключенія: «въ одну камеру съ Палемъ помѣщена была арестантка Гордина для присмотра за нею, оттого, что Палемъ иногда приходила въ неистовство и въ это время рвала на себѣ волосы и билась головою о стѣну». 9) Игнатій Садовскій, швейцаръ дома, въ которомъ проживали Довнаръ и Палемъ въ концѣ 1893 г.: «я былъ позванъ братомъ Довнара и, когда вошелъ въ квартиру, засталъ слѣдующее: Палемъ стоитъ въ передней, трясется отъ волненія и кричитъ что-то. Изъ другой комнаты выходитъ Довнаръ и кричитъ: позовите околоточнаго надзирателя, ее, Палемъ, нужно отправить въ сумасшедшій домъ. На это я замѣтилъ, что тутъ нуженъ докторъ, а не полиція». 10) Докторъ Митропольскій, временно исправлявшій должность врача при домѣ предварительнаго заключенія: «на галлюцинаціи не помню, чтобы она (Палемъ) мнѣ жаловалась. Вообще она производила на меня впечатлѣніе особы нервной, съ повышенною нервною возбужденностью». 11) Докторъ Исаакъ Чацкинъ: «мнительность ея (Палемъ) переходила за предѣлы обычной мнительности такихъ больныхъ, у меня иногда мелькало подозрѣніе на не совсѣмъ нормальное психическое состояніе Поповой (Палемъ)». 12) Докторъ Морицъ, описывая отношенія Палемъ къ Довнару, говоритъ: «выписка Довнара (изъ больницы) освободила меня отъ большой заботы, до этого момента я боялся какой нибудь неожиданной насильственной развязки, каковая и послѣдовала». Б) Въ письмѣ отъ 25-го сентября 1893 г. къ В. С. Кандинскому мать покойнаго Довнара, А. М. Шмитъ, писала: «она (Палемъ) больна вслѣдствіе той ужасной жизни, которую она ведетъ съ моимъ сыномъ... сама требуетъ попеченія, какъ больная женщина. Поэтому вы не оставите Ольги Васильевны, такъ какъ она, при ея разстроенныхъ нервахъ, можетъ худо окончить». Приведенныя выше показанія свидѣтелей о болѣзненномъ состояніи Ольги Палемъ, подтверждаются цѣлымъ рядомъ писемъ и записокъ ея за мартъ—май мѣсяцы 1894 г. Въ этихъ письмахъ Палемъ постоянно жалуется на бо-

лѣзненое состояніе своего здоровья: «я должна совсѣмъ погибнуть отъ моей тоски», «тоска совсѣмъ мнѣ сдавила грудь и горло, я даже не въ состояніи ѣсть», «да неужели же мнѣ пропасть отъ такой сильной тоски, совсѣмъ нечѣмъ дышать, я задыхаюсь», «больно свободно духъ перевести, какъ будто вся грудь обварена кипяткомъ...» В) Болѣзненное состояніе Ольги Палемъ, дающее поводъ предположить, что преступленіе могло быть учинено ею въ припадкѣ умоизступленія, подтверждается и особымъ протоколомъ, составленнымъ судебнымъ слѣдователемъ 7-го сентября 1894 г., о поведеніи Палемъ въ камерѣ слѣдователя и о бывшемъ съ нею тогда болѣзненномъ припадкѣ. При наличности указанныхъ выше данныхъ, на основаніи 355[1] ст. Уст. угол. суд., какъ полагаетъ повѣренный гражданской истицы, надлежало произвести освидѣтельствованіе Ольги Палемъ въ состояніи умственныхъ способностей для удостовѣренія въ томъ, не учинила ли она убійства Довнара въ припадкѣ болѣзненнаго умоизступленія. Только такое освидѣтельствованіе, результаты наблюденія надъ Палемъ психіатровъ и заключеніе врачей спеціалистовъ по душевнымъ и нервнымъ болѣзнямъ давали бы возможность и право оспаривать возбужденное защитою и возникшее у нѣкоторыхъ присяжныхъ засѣдателей сомнѣніе о невмѣняемости Палемъ. Строить же свои возраженія на основаніи своего личнаго убѣжденія и весьма категорическаго, но мало мотивированнаго заключенія полицейскаго врача-хирурга представлялось противнымъ закону (355 ст. Уст. угол. суд.). Равнымъ образомъ, какъ полагалъ жалобщикъ, Палата, по силѣ 534 ст. Уст. угол. суд., должна была устранить изъ предварительнаго слѣдствія рядъ данныхъ, внесенныхъ въ него въ нарушеніе 367 и 449 ст. Уст. угол. суд. Такое нарушеніе выразилось: 1) въ осмотрѣ при понятыхъ и пріобщеніи къ дѣлу многихъ писемъ и другихъ документовъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ дѣлу. Къ числу таковыхъ относятся, напр.: письмо къ Г. А. Тройницкому, письмо А. М. Шмитъ о поведеніи ея меньшаго сына, конвертъ съ письмами на имя Палемъ отъ одного офицера и записка Палемъ о неблаговидномъ поступкѣ другого офицера, нѣсколько писемъ Александра Довнара, въ которыхъ ничего не говорится о Палемъ и напротивъ того упоминается о лицахъ и обстоятельствахъ, никакого отношенія къ дѣлу объ убійствѣ не имѣющихъ; 2) въ осмотрѣ книгъ банкирской конторы Ханса; 3) въ истребованіи отъ Одесской и С.-Петербургской контрольныхъ палатъ свѣдѣній о деньгахъ, полученныхъ Довнаромъ, для извлеченія каковыхъ свѣдѣній только въ Одессѣ осмотрѣно было 537 книгъ Одесской почтовой конторы и несомнѣнно гораздо большее число книгъ С.-Петербургскаго почтамта; 4) въ осмотрѣ дѣла сыскного отдѣленія канцеляріи С.-Петербургскаго градоначальника, путемъ какового осмотра оглашены были на судѣ полицейскія справки и протоколы дознанія, т. е. документы, оглашенію не подлежащіе и притомъ касавшіеся лицъ, къ дѣлу объ убійствѣ не имѣвшихъ никакого отношенія. Какъ полагалъ жалобщикъ, Судебная Палата при разсмотрѣніи дѣла обязана исключить изъ слѣдственнаго производства всѣ документы, оглашеніе которыхъ на судѣ, по формальнымъ условіямъ, можетъ быть обязательно (ст. 574, 626, 687 Уст. угол. суд.), но которые не имѣютъ существеннаго для дѣла значенія, усложняютъ дѣло и только вслѣдствіе ошибки, допущенной судебнымъ слѣдователемъ, даютъ законное право оглашать на судѣ такія данныя и такія обстоятельства, которыя, при точномъ соблюденіи законовъ о производствѣ предварительнаго слѣдствія, на основаніи закона же не могутъ подлежать оглашенію. По этимъ основаніямъ жалобщикъ ходатайствовалъ объ отмѣнѣ и самаго опредѣленія о преданіи Палемъ суду.

Дѣло слушалось въ Уголовномъ Кассаціонномъ Департаментѣ 21-го октября 1895 г.

Рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей по дѣлу, подлежащему разсмотрѣнію Правительствующаго Сената, вызвало крайнія и противорѣчивыя мнѣнія, страстная поспѣшность которыхъ во всякомъ случаѣ превосходитъ ихъ основательность и обдуманность. Съ одной стороны это рѣшеніе выставляется образцомъ правосуднаго урока изъ области личной нравственности, направленнаго на защиту тягостнаго положенія покинутой женщины,—съ другой стороны въ немъ усматривается яркое доказательство непригодности суда присяжнымъ, не дающаго, своими оправдательными приговорами, удовлетворенія чувству справедливости и безопасности. Но не въ такихъ односторонникъ мнѣніяхъ и не въ неумѣстныхъ рукоплесканіяхъ, встрѣтившихъ провозглашеніе этого рѣшенія, содержится истинная оцѣнка его правильности. Она должна исходить изъ вопроса о томъ, состоялся ли приговоръ присяжныхъ въ такихъ условіяхъ, которыя, по закону, даютъ ему силу судебнаго рѣшенія. Если эти условія не соблюдены,—если присяжнымъ не была дана возможность свободно выразить всѣ оттѣнки своего внутренняго убѣжденія по дѣлу, или они не были ознакомлены съ полнотою своихъ правъ по отвѣту на вопросы о виновности, или если они были призваны высказаться въ области имъ не подлежащей или же, наконецъ, обсуждали дѣло, сущность котораго затемнена усиленнымъ нагроможденіемъ излишнихъ и чуждыхъ разсматриваемому преступленію подробностей,—то о значеніи ихъ приговора и о степени его правильности говорить *преждевременно*, ибо при такой обстановкѣ — есть *отвѣтъ* присяжныхъ, но *приговора* — нѣтъ.

Обращаясь къ дѣлу объ убійствѣ Ольгою Палемъ студента Довнара,—надлежитъ признать, что такія условія соблюдены не были и что состоявшійся о ней приговоръ не можетъ имѣть силы судебнаго рѣшенія. На судѣ правильно устроенномъ, каждое обвиненіе въ убійствѣ подлежитъ обсужденію не только съ точки зрѣнія совершившагося преступнаго событія, но и по тому, *что* хотѣлъ совершить виновный въ этомъ событіи, *какъ* и *когда* возникла въ немъ и окрѣпла преступная воля и была ли она проявленіемъ свободнаго самоопредѣленія, а не результатомъ болѣзненно-помраченнаго сознанія. Поэтому, призывая присяжныхъ для отвѣта на вопросъ о виновности, законъ заботится о томъ, чтобы, въ случаѣ возникновенія при разсмотрѣніи и разрѣшеніи дѣла одного или нѣкоторыхъ изъ этихъ коренныхъ вопросовъ, имъ была предоставлена возможность подвергнуть ихъ своему обсужденію. Этой возможности присяжнымъ засѣдателямъ въ дѣлѣ Палемъ предоставлено не было и имъ не было указано на полноту ихъ правъ въ этомъ отношеніи.

Подсудимая была предана суду по обвиненію въ убійствѣ студента Доврана по заранѣе обдуманному намѣренію, для чего она пригласила его на свиданіе, т. е. по обвиненію въ *предумышленномъ* убійствѣ, по признакамъ 1454 ст. Улож. Судъ постановилъ

дополнительный вопросъ объ убійствѣ въ *запальчивости и раздраженіи*, предусмотрѣнномъ 2 ч. 1455 ст. Улож. Оба вопроса, различаясь видомъ умысла, сходны, однако, въ одномъ — въ *цѣли лишить жизни* жертву преступленія. Но подсудимая, какъ видно изъ протокола суда, заключенія его на замѣчанія сторонъ и изъ обвинительнаго акта, виновною себя въ производствѣ выстрѣла въ Довнара, съ цѣлью лишить его жизни, не признавала, а заявляла, что стрѣляла по направленію къ Довнару съ цѣлью его напугать и что такимъ образомъ смерть его произошла случайно. Поэтому и на основаніи 801 и 812 ст. Уст. угол. суд. присяжнымъ должно было быть разъяснено, что они имѣютъ право дать на каждый изъ поставленныхъ вопросовъ *ограничительный* отвѣтъ именно по отношенію къ умыслу Палемъ лишить Довнара жизни. Этимъ имъ давалась бы возможность, въ случаѣ признанія ими объясненій подсудимой справедливыми вполнѣ или отчасти, признать ее виновною въ нанесеніи, безъ умысла на убійство, смертельнаго поврежденія Довнару. Безъ указанія же на право дать такой ограничительный отвѣтъ, присяжные были замкнуты въ предѣлахъ вопросовъ, центромъ тяжести которыхъ была цѣль лишить жизни и, если они почему либо отрицали эту цѣль, то были поставлены въ безвыходное положеніе — или признать Палемъ виновною *свыше содѣяннаго*, или *оправдать* ее, не имѣя возможности осудить за то, въ чемъ она, по убѣжденію ихъ, виновна. Между тѣмъ, объясненіе подсудимымъ своей вины, провѣряемое личнымъ впечатлѣніемъ присяжныхъ и развертывающеюся передъ ними картиною обстоятельствъ дѣла, имѣетъ на судѣ по внутреннему убѣжденію, не стѣсняемому формальными доказательствами, весьма важное значеніе. Не даромъ Судебные Уставы, въ противоположность отжившимъ судебнымъ порядкамъ, поставили однимъ изъ главныхъ условій уголовнаго разбирательства право, а по всѣмъ серьезнымъ дѣламъ даже обязанность, подсудимаго присутствовать на судѣ,—не даромъ и не безплодно ему присвоено всегда и во всемъ касающемся предъявленнаго къ нему обвиненія — послѣднее слово. Въ виду этого и кассаціонная практика всегда придавала особое значеніе разъясненію присяжнымъ права ихъ давать ограничительные отвѣты и изъ рѣшеній 1876 года № 48 и въ особенности 1880 г. № 41 по дѣлу Игумновой вытекаетъ, что умолчаніе объ этомъ правѣ только тогда не составляетъ нарушенія, когда по содержанію вопроса *не существуетъ возможности* ограничительнаго отвѣта. Но преступленій, гдѣ такой возможности нѣтъ, не много и убійство ни въ какомъ случаѣ къ нимъ не принадлежитъ. Поэтому мы имѣемъ здѣсь дѣло съ нарушеніемъ и притомъ въ виду особой важности въ процессѣ постановки вопросовъ и разъясненія способовъ отвѣта на нихъ—съ нарушеніемъ существеннымъ.

Этому нарушенію по отношенію къ *содержанію отвѣта* присяжныхъ на вопросы — соотвѣтствуетъ и другое, столь же, если даже не болѣе важное, нарушеніе по отношенію къ *содержанію*

вопросовъ или, точнѣе, къ *объему* того, что предоставлено было обсужденію присяжныхъ. Возможность осужденія невиннаго всегда волнуетъ посторонняго наблюдателя. Она всегда должна тревожить совѣсть судьи, вызывая въ немъ сознательную и иногда очень трудную борьбу между возникающими сомнѣніями и слагающеюся увѣренностью. Но сомнѣніе въ виновности при наличности преступнаго событія можетъ быть различное. Оно можетъ направляться на *виновность* обвиняемаго въ совершеніи приписываемыхъ дѣйствій или на его *вмѣняемость*. Бездоказательное, лишенное всякаго основанія осужденіе должно такъ же болѣзненно отражаться на душѣ всякаго, въ комъ не замерло чувство справедливости и человѣколюбія, какъ и осужденіе человѣка съ померкшимъ или изступленнымъ разсудкомъ, переставшимъ освѣщать ему его пути и дѣянія. И то и другое осужденіе суть своего рода общественныя несчастія. Поэтому, если у судей или присяжныхъ возникаетъ сомнѣніе въ томъ, не находились ли душевныя силы подсудимаго при содѣяніи имъ преступнаго дѣла въ болѣзненномъ состояніи, исключающемъ возможность вмѣненія, — и если это сомнѣніе не мимолетно и неуловимо, а выражено точно и опредѣленно, оно должно найти себѣ возможный способъ разрѣшенія въ постановляемыхъ судомъ вопросахъ, а не висѣть на воздухѣ между словами «да, виновенъ», и «нѣтъ, не виновенъ».

По дѣлу Палемъ такое сомнѣніе у присяжныхъ возникло, когда защита ходатайствовала, какъ записано въ протоколѣ, о постановкѣ дополнительнаго вопроса по 96 ст. Улож. о наказ., о томъ, не совершила ли подсудимая преступленіе въ припадкѣ умоизступленія, ибо къ этому ходатайству присоединились четыре присяжныхъ засѣдателя, несмотря на выслушанное ими заключеніе лица прокурорскаго надзора объ оставленіи домогательства защиты о постановкѣ вопроса безъ удовлетворенія. Это было, по существу своему, заявленіе одной трети присяжныхъ о томъ, что имъ представляется сомнительнымъ, чтобы подсудимая стрѣляла въ Довнара, сознавая смыслъ своихъ дѣйствій и имѣя возможность управлять ими. Разрѣшеніе этого сомнѣнія въ ту или другую сторону представляется чрезвычайно важнымъ въ интересахъ истиннаго правосудія. Оставлять это сомнѣніе не только безъ надлежащаго разъясненія, но и безъ предоставленія ему законнаго способа выразиться при обсужденіи виновности подсудимой,—значило и по вопросу о вмѣняемости ставить присяжныхъ въ такое же безвыходное положеніе, какъ и по вопросу о составѣ преступленія. Когда присяжному засѣдателю, сомнѣвающемуся въ здравомъ разсудкѣ подсудимаго при совершеніи его дѣянія, предоставляется на выборъ лишь обвиненіе или оправданіе, едва ли возможно сомнѣваться въ его выборѣ. Относясь совѣстливо къ своимъ обязанностямъ и памятуя, что отъ его слова очень часто зависитъ вся судьба человѣка, имъ судимаго,—присяжный засѣдатель, конечно, скажетъ это слово за оправданіе—и скажетъ его не только въ силу глубокаго правила in

dubio mitius, но и изъ чувства *нравственнаго самосохраненія*. Судъ не принялъ, однако, мѣръ къ разъясненію и дальнѣйшему разрѣшенію сомнѣнія, на которое такъ ясно указывала внушительная для всякаго голосованія треть присяжныхъ. Судъ *устранилъ* это сомнѣніе, признавъ достаточнымъ преподать присяжнымъ засѣдателямъ описаніе порядка освидѣтельствованія сумасшедшихъ и умоизступленныхъ по 353—355 ст. Уст. угол. суд. и указать имъ, что при *предварительномъ слѣдствіи* не обнаружено обстоятельствъ, вызывающихъ предположеніе о болѣзненномъ состояніи подсудимой, предусмотрѣнномъ 96 ст. Улож. о наказ. Такое устраненіе надлежитъ признать вполнѣ неправильнымъ и стѣсняющимъ свободу сужденій присяжныхъ засѣдателей.

Оно, во-первыхъ, *нецѣлесообразно по своему пріему*. Приглашеніемъ присяжныхъ обдумать свое ходатайство въ совѣщательной комнатѣ, послѣдствіемъ чего былъ отказъ ихъ отъ этого ходатайства, судъ ставилъ себя въ возможность услышать подтвержденіе этого ходатайства. Но онъ *зналъ*, однако, что и на это подтвержденіе, хотя бы даже оно исходило отъ всѣхъ присяжныхъ, безусловно необходимо отвѣтить *отказомъ*, ибо твердыя и не подлежащія никакому колебанію указанія Сената, идущія еще съ 1867 по 1892 годъ, начиная съ дѣла Протопопова и кончая дѣломъ Сергѣева, воспретили постановку вопросовъ о невмѣненіи безъ предварительнаго соблюденія порядка освидѣтельствованія по 353—355 ст. Уст. угол. суд. Къ чему же было это безплодное совѣщаніе присяжныхъ? Въ судебномъ дѣлѣ все излишнее и напрасное является вреднымъ тормазомъ для правильнаго исхода.

Во-вторыхъ, это устраненіе является *нарушеніемъ правильнаго теченія дѣла на судѣ*. Совѣщаніе большинства присяжныхъ о томъ, слѣдуетъ ли ставить не могущій быть поставленнымъ вопросъ о причинахъ невмѣненія, вытекающихъ изъ сомнѣнія, возникшаго у меньшинства,—есть совѣщаніе по существу дѣла, есть предрѣшеніе отвѣта на вопросъ объ отвѣтственности подсудимаго, при которомъ необходимо обсудить всѣ обстоятельства дѣла въ ихъ совокупности. Отказъ присяжныхъ отъ своего ходатайства въ данномъ случаѣ есть выраженіе подчиненія меньшинства мнѣнію большинства, которое можетъ быть результатомъ нежелательнаго для правосудія компромисса въ узкихъ предѣлахъ уже поставленныхъ вопросовъ. Но законъ требуетъ, чтобы рѣшительное совѣщаніе прясяжныхъ по существу предъявленнаго предъ ними обвиненія происходило не только послѣ утвержденія судомъ вопросовъ, но и послѣ руководящаго напутствія предсѣдателя, разъясняющаго смыслъ, значеніе и способы разрѣшенія этихъ вопросовъ и преподающаго основанія для сужденія о силѣ доказательствъ, имѣющихся въ дѣлѣ. Принимая во вниманіе, что окончательное совѣщаніе присяжныхъ продолжалось, какъ видно изъ протокола, 35 минутъ, а процедура обсужденія ходатайства о постановкѣ вопроса по 96 ст. Улож. судомъ и присяжными заняла 2 часа и 10 минутъ, нельзя не признать

что совѣщаніе присяжныхъ, занявшее, нѣкоторую часть этого времени, было именно тѣмъ преждевременнымъ обсужденіемъ имѣющихъ послѣдовать отвѣтовъ, которое существенно нарушаетъ законную хронологію судебнаго разсмотрѣнія дѣла.

Въ-третьихъ—это устраненіе представляетъ собою *смѣшеніе области суда и присяжныхъ*. По силѣ 762 ст. Уст. угол. суд., каждый изъ присяжныхъ имѣетъ право дѣлать замѣчанія относительно дополненія или исправленія поставленныхъ судомъ вопросовъ, но отъ суда зависитъ признавать ихъ уважительными или нѣтъ. Это дискреціонное право суда, за исключеніемъ лишь случаевъ отказа въ постановкѣ вопросовъ о причинахъ, исключающихъ вмѣняемость, когда основательность такого отказа подлежитъ, согласно рѣшеніяхъ 1869 г. № 536 и 1871 г. № 1401, провѣркѣ Правительствующаго Сената. Отказъ суда, несомнѣнно, долженъ основываться на соображеніи обстоятельствъ, выясненныхъ на судебномъ слѣдствіи, и если удовлетвореніе ходатайства присяжныхъ стоитъ въ зависимости отъ разрѣшенія вопросовъ судопроизводственныхъ, то вопросы эти долженъ разрѣшить судъ, одинъ судъ, который исключительно призванъ къ этому. Возлагать на присяжныхъ разрѣшеніе процессуальныхъ вопросовъ—значитъ выводить ихъ изъ принадлежащей имъ области вѣдѣнія. Между тѣмъ, судъ по настоящему дѣлу, предпославъ совѣщанію присяжныхъ о постановкѣ вопроса по 96 ст. Улож. изложеніе порядка свидѣтельствованія душевно-больныхъ, установленнаго 353—355 ст. Уст. угол. суд., предоставилъ имъ рѣшить, слѣдуетъ ли имъ настаивать на своемъ ходатайствѣ въ виду невыполненія этого порядка при предварительномъ слѣдствіи, т.-е. рѣшить вопросъ процессуальный, сводящійся къ тому, возможно ли судить о душевномъ состояніи Палемъ безъ исполненія цѣлаго сложнаго судопроизводственнаго обряда. Съ другой стороны, не предпринявъ никакихъ дѣйствій къ разъясненію присяжнымъ возникшаго по дѣлу въ средѣ ихъ сомнѣнія и поставивъ ихъ въ такое положеніе, что они пришли къ необходимости отказаться отъ ходатайства по поводу этого сомнѣнія, судъ, тѣмъ самымъ, принялъ на себя окончательное разрѣшеніе одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ по существу дѣла, постановка котораго на основаніи 763 ст. безусловно обязательна, если только на судебномъ слѣдствіи онъ *возникалъ* и притомъ существуетъ *законный способъ* для собранія надлежащихъ и всесторонне провѣренныхъ для разрѣшенія его матеріаловъ.

Оба эти послѣднія условія по дѣлу Палемъ существовали. Вопросъ о *болѣзненномъ душевномъ состояніи* на судебномъ слѣдствіи возникалъ. Судъ въ своемъ постановленіи по поводу постановки вопросовъ утверждаетъ, что на судебномъ слѣдствіи не обнаружено обстоятельствъ, указывающихъ на совершеніе подсудимою преступленія въ припадкѣ болѣзни, доходящей до умоизступленія,—но это утвержденіе не можетъ быть признано правильнымъ. Судебные Уставы вовсе не требуютъ для возбужденія вопроса объ умоизсту-

пленіи подсудимаго «обстоятельствъ, указывающихъ» на таковое, т. е. доказательствъ,—напротивъ, ст. 355[1], примѣнимая, согласно ст. 356 и примѣч. къ ст. 353 Уст. угол. суд. и рѣшенія Сената за 1892 г. № 20 по дѣлу Сергѣева, къ возникновенію вопроса объ умоизступленіи не только при предварительномъ, но и на судебномъ слѣдствіи, указываетъ лишь на «открытіе обстоятельствъ, *дающихъ поводъ предполагать*, что преступное дѣяніе учинено въ припадкѣ болѣзни, приводящемъ въ умоизступленіе или совершенное безпамятство». Поэтому нужны лишь своего рода *косвенныя улики* нарушеннаго равновѣсія душевныхъ силъ, а не *доказательства* такого болѣзненнаго состоянія. Такія доказательства нужны лишь для примѣненія 96 ст. Улож. по судебному *приговору*. И такіе «поводы предполагать» во время судебнаго слѣдствія по дѣлу возникали въ извѣстномъ изобиліи. Прежде всего въ числѣ данныхъ, предложенныхъ на обсужденіе суда обвинительнымъ актомъ, на выводахъ котораго строится, согласно 751 ст. Уст. угол. суд., главный вопросъ о виновности, указано на возбужденное состояніе Палемъ, не только послѣ совершенія убійства, но и осенью 1893 года, выразившемся въ нанесеніи, съ крикомъ, ударовъ подсвѣчникомъ одновременно Довнару и *себѣ* и въ производствѣ въ больницѣ, гдѣ лежалъ въ тифѣ Довнаръ, сценъ, въ которыхъ подсудимая проявляла «страстный, отчаянный характеръ». Затѣмъ подобныя же данныя были изложены на судебномъ слѣдствіи. Было допрошено восемь лицъ и оглашены показанія трехъ лицъ, совокупность которыхъ рисуетъ отчетливую картину, дающую основательный «поводъ предполагать», о которомъ говоритъ 355 ст. Уст. угол. суд. Показанія свидѣтелей не занесены, согласно закону, въ протоколъ судебнаго засѣданія, но содержаніе того, что слышалъ отъ нихъ судъ и присяжные, опредѣляется 718 ст. Уст. угол. суд., а отсутствіе указаній на противорѣчіе въ показаніяхъ и на примѣненіе 722 ст. того же Устава прочтеніемъ прежняго показанія указываетъ на то, что на судѣ свидѣтелями повторены всецѣло показанія, данныя на предварительномъ слѣдствіи. Итакъ вотъ эта картина: въ дѣтскомъ и отроческомъ возрастѣ, до 14 лѣтъ, Палемъ является нервною, крайне раздражительною дѣвочкою, при чемъ приступы раздраженія сопровождаются обмороками; въ періодъ зрѣлости эта нервность продолжается и усиливается, ее сопровождаютъ иногда пугающія близкихъ галлюцинаціи, истерика, крайній упадокъ силъ, приводящій ее на нѣсколько дней въ безпомощное состояніе; на секретаря министра путей сообщенія она производитъ впечатлѣніе женщины больной психически; когда чѣмъ-либо вызывается въ ней припадокъ гнѣва или раздраженія, она быстро приходитъ въ изступленное состояніе, бросаетъ и швыряетъ все, что попадетъ подъ руку, хватается за ножъ, угрожая себѣ и другимъ, вся трясется и глядитъ безсмысленнымъ взглядомъ, со страшно вращающимися бѣлками; «смотришь», говоритъ Кураева, «она уже лежитъ гдѣ попало, ее трясетъ, она стонетъ, зубами *клокочетъ*, лицо блѣдное»...

Такова она *до* убійства Довнара. Но и *послѣ* убійства она отдается своимъ порывамъ, не взирая ни на что. По свидѣтельству помощницы начальника дома предварительнаго заключенія, она приходитъ иногда въ неистовство, рветъ на себѣ волосы, бьется головою объ стѣну, швыряетъ разными предметами и т. д. На судѣ читалась, наконецъ, ея переписка. Уже за два слишкомъ мѣсяца до убійства она жалуется на смертную тоску, давящую до боли горло и грудь, какъ будто обваренную кипяткомъ. Все это слышали присяжные засѣдатели и на все это должны были обратить, согласно принятой присягѣ, «всю силу своего разумѣнія».

Но не одни только приведенныя обстоятельства дѣла развертывались передъ судомъ, такъ сказать, въ сыромъ видѣ, безъ выводовъ и обобщеній. Они подвергались анализу, который, по смыслу своему, соотвѣтствовалъ возбужденію вопроса о свойствѣ вмѣняемости обвиняемой. Не только защитникъ былъ допущенъ допрашивать врача Руковича, вызваннаго въ качествѣ эксперта, *о психическомъ состояніи* подсудимой во время совершенія ею преступленія, при чемъ послѣднимъ высказано, что Палемъ страдаетъ крайнею возбужденностью нервной системы и рѣзко выраженною неврастеніей, но и Руковичъ, въ свою очередь, получилъ разрѣшеніе допрашивать доктора Зельгейма о душевномъ состояніи подсудимой вслѣдъ за убійствомъ Довнара. Изъ удостовѣренныхъ судомъ замѣчаній на протоколъ видно, что на требованіе научныхъ выраженій и на желаніе знать, было ли психическое состояніе Палемъ, описываемое Зельгеймомъ, «психозомъ» или «неврозомъ», Зельгеймъ «ничто же сумняшеся» отрѣзалъ Руковичу, что «всякое убійство есть психозъ».

Въ виду этихъ данныхъ нельзя утверждать, чтобы вопросъ о душевной нормальности вовсе не возникалъ и не былъ затронутъ на судебномъ слѣдствіи. Онъ возникалъ ясно и вразумительно,— и притомъ по поводу состоянія, указаннаго именно 96 ст. Улож. и IV къ нему приложеніемъ, а также ст. 355[1] Уст. угол. суд. Законъ говоритъ именно о припадкахъ *болѣзни*, доводящихъ до умоизступленія и безпамятства. Если на обязанности суда не могло и не должно было лежать точное и окончательное опредѣленіе, суть ли несомнѣнные и удостовѣренные на судѣ свидѣтелями истерическіе припадки Палемъ, названные Руковичемъ рѣзко выраженною неврастеніей, результаты той именно болѣзни, о которой говоритъ 96 ст. Улож., то еще менѣе судъ имѣлъ основаніе принимать на себя окончательное разрѣшеніе такого спеціальнаго невропатологическаго вопроса и рѣшать, что рѣзкая неврастенія не можетъ быть болѣзнью, приводящею въ изступленіе.

Судъ безусловно долженъ обладать полнотою юридическихъ свѣдѣній, но *желательно*, чтобы въ дѣйствіяхъ его сказывалось и знакомство съ сопредѣльными съ юриспруденціею знаніями, съ широкою областью судебной медицины, хотя бы настолько, чтобы установлять границу, до которой идетъ усмотрѣніе судьи и за которою

начинается разъясненіе спеціалиста, свѣдущаго человѣка. Съ этой точки зрѣнія надо замѣтить, что съ тѣхъ поръ, какъ истерію перестали считать капризомъ и принадлежностью сварливыхъ женщинъ, а увидѣли въ ней серьезную болѣзнь, бывающую и у мужчинъ, и съ тѣхъ поръ, какъ извѣстный Бирдъ начертилъ мастерскою рукою картину неврастеніи, стоящей часто на самой опушкѣ сумасшествія, — достаточно развернуть серьезное руководство по судебной психопатологіи, чтобы найти цѣнныя и подробныя указанія на «быстротечное помѣшательство на почвѣ неврастеніи», такъ-называемое furore morboso,—на «истерическій невропсихозъ» и на скоропреходящее душевное разстройство у истерическихъ больныхъ, между прочимъ, выражающееся въ меланхолическомъ порывѣ— raptus melancholicus hystericus. Разъясненій спеціалиста не должны чуждаться или опасаться ни судъ, ни обвинительная власть. Не имѣющее юридической обязательной силы, провѣряемое на судѣ указаніями здраваго смысла, житейскаго опыта и логикою фактовъ, сопоставляемое съ другими, мнѣніе это, почерпнутое притомъ изъ спеціальнаго наблюденія, никакой опасности для правосудія не представляетъ и, если нѣсколько усложняетъ процессъ, то за то уменьшаетъ вѣроятность роковой ошибки въ тѣхъ случаяхъ, когда за устраненіемъ надлежащей экспертизы каждому присяжному приходилось бы дѣлаться психіатромъ «на свой счетъ и страхъ», или прислушиваться къ случайнымъ мнѣніямъ какого-нибудь самозваннаго знатока. Если судъ не соглашается съ объясненіями эксперта, если обвинитель споритъ противъ нихъ—у всѣхъ, слѣдящихъ за отправленіемъ правосудія, остается сознаніе, что все-таки свѣдущій человѣкъ имѣлъ возможность предстать предъ судомъ, что онъ сказалъ ему и сторонамъ классическое «бей! но выслушай» и что житейская правда дѣла, къ которой всемѣрно долженъ стремиться судъ, освѣщена со всѣхъ сторонъ. Эта правда учитъ насъ, что въ каждомъ человѣкѣ, не смотря на духовное развитіе его, сидитъ звѣрь, стремящійся, при раздраженіи или возбужденіи, растерзать, истребить, удовлетворить свою похоть и т. д. Когда человѣкъ владѣетъ этимъ, сидящимъ въ немъ звѣремъ—онъ нормаленъ въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ и обществу; когда онъ *сознательно* даетъ звѣрю возобладать въ себѣ и не *хочетъ* съ нимъ бороться—онъ впадаетъ въ грѣхъ, онъ совершаетъ преступленіе; но когда онъ *безсиленъ* бороться сознательно — тогда онъ больной. Призовите перваго въ судьи, покарайте второго, но не наказывайте, а лечите третьяго, и если есть поводъ къ сомнѣнію, кто стоитъ предъ вами— второй или третій—призовите на помощь науку и не стѣсняйтесь потерею времени и труда. Изслѣдованіе истины стоитъ этой потери!

Поводы къ возбужденію сомнѣнія возникли притомъ не внезапно, ибо еще во время приготовительныхъ къ суду распоряженій защита ходатайствовала о вызовѣ экспертовъ психіатровъ, и еще въ первый день пятидневнаго засѣданія экспертъ Руковичъ,

допрошенный по предмету поврежденій, причиненныхъ выстрѣломъ, былъ по ходатайству защиты и старшины присяжныхъ, оставленъ въ залѣ засѣданій, изъ чего видно, что уже тогда признавалось необходимымъ выслушать мнѣніе свѣдущаго по врачебной части лица и притомъ не только о тѣлесныхъ поврежденіяхъ Довнара. Это сомнѣніе ясно выразилось въ ходатайствѣ присяжныхъ. Его нельзя было оставить неразрѣшеннымъ, надлежащимъ, указаннымъ въ законѣ, порядкомъ, или считать, что оно разъяснено кореннымъ образомъ и безповоротно двумя выслушанными присяжными діаметрально противоположными мнѣніями — доктора Руковича о томъ, что припадки рѣзко выраженной неврастеніи не имѣютъ ничего общаго съ психическими болѣзнями—и доктора Зельгейма, о томъ, что всякое убійство—психозъ.

Вотъ почему суду надлежало отнестись съ глубокимъ вниманіемъ къ ходатайству присяжныхъ и, вмѣсто безплодной процедуры совѣщанія о постановкѣ не могущаго быть поставленнымъ вопроса, обратиться къ законному исходу, указанному 549 ст. Уст. угол. суд. и рѣшеніемъ Сената по дѣлу Сергѣева 1892 года № 20, которымъ признаны правильными дѣйствія суда, усмотрѣвшаго *въ заявленіи защитника и объясненіяхъ подсудимаго* поводъ къ предположенію о страданіи послѣдняго болѣзнью, приводящею въ умоизступленіе, и представившаго о томъ Судебной Палатѣ для разрѣшенія ею, не представляется ли необходимымъ освидѣтельствованіе подсудимаго по 353—355 ст. Уст. угол. суд. Сомнѣніе *присяжныхъ*, выраженное согласно 762 ст. Уст. угол. суд., конечно имѣетъ еще большій вѣсъ и значеніе, чѣмъ заявленіе стороны или слова подсудимаго и составляетъ доказательство возникновенія въ дѣлѣ новаго обстоятельства, не бывшаго въ виду, или упущеннаго изъ виду обвинительною камерою, на разрѣшеніе которой и должно быть о томъ представлено на основаніи 549 ст. Уст. угол. суд. Это былъ единственный правильный исходъ изъ дѣла. Многодневный трудъ суда и присяжныхъ не могъ бы при этомъ считаться потерянным, ибо результатомъ его явилась необходимость освѣтить одну изъ важнѣйшихъ сторонъ дѣла, да и, наконецъ, что значитъ потеря труда предъ такимъ шагомъ, который обезпечиваетъ полученіе, въ предѣлахъ человѣческой возможности, правосуднаго рѣшенія? Вслѣдствіе этихъ соображеній, приговоръ суда и рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей надъ Палемъ не могутъ быть оставляемы въ силѣ за нарушеніемъ 762, 812 и 549 ст. Уст. угол. суд.

Всестороннее разсмотрѣніе дѣла не было бы, однако, исчерпано, если бы ограничиться только что приведеннымъ выводомъ. Онъ не объемлетъ *всѣхъ* нарушеній, допущенныхъ по дѣлу. Рѣшеніе присяжныхъ не можетъ считаться состоявшимся въ нормальныхъ условіяхъ и тогда, когда сущность дѣла затемнена и усложнена нагроможденіемъ излишняго, не относящагося къ изслѣдуемому преступленію матеріала, и когда судебное разслѣдованіе далеко переходитъ

за границы, опредѣляемыя сущностью отношеній обвиняемаго къ преступному событію, и вторгается въ безпредѣльную область житейскихъ обстоятельствъ, разворачиваемыхъ не для выясненія судимаго преступленія, *а по поводу* этого преступленія. Чрезмѣрное расширеніе области судебнаго изслѣдованія, внося въ дѣло массу свѣдѣній, быть можетъ иногда и очень занимательныхъ въ бытовомъ отношеніи, создаетъ однако предъ присяжными пеструю и нестройную картину, въ которой существенное перемѣшано со случайнымъ, нужное съ только интереснымъ, серьезное со щекочущимъ праздное или болѣзненное любопытство. Этимъ путемъ невольно и неизбѣжно создается *извращеніе уголовной перспективы,* благодаря которому на первый планъ вмѣсто печальнаго *общественнаго* явленія, называемаго преступленіемъ, выступаютъ сокровенныя подробности *частной жизни* людей, къ этому преступленію не прикосновенныхъ. Приэтомъ самый виновникъ всего дѣла постепенно окутывается туманомъ, отходитъ на задній планъ и стушевывается, уступая, незамѣтнымъ образомъ, свое мѣсто на скамьѣ подсудимыхъ одному изъ тѣхъ *отвлеченныхъ обвиняемыхъ*, которые, подъ именемъ слабаго характера, страсти, темперамента, увлеченія, общественной среды, бытовыхъ неустройствъ и т. п., даютъ удобный поводъ высказаться свойственной у насъ многихъ *жестокой чувствительности,*—жестокой къ пострадавшему или обиженному и чувствительной къ виновнику мрачнаго или злобнаго дѣянія.

Жалоба гражданскаго истца съ подробностью перечисляетъ не относящіяся, по его мнѣнію, къ дѣлу обстоятельства, изслѣдованіе которыхъ было допущено при производствѣ слѣдствія о Палемъ. Допущеніе судомъ ихъ разсмотрѣнія давало бы основаніе къ усмотрѣнію неправильности въ дѣйствіяхъ суда *по охраненію задачи изслѣдованія* при признаніи, что судъ имѣлъ право и законные способы для полнаго устраненія такого разсмотрѣнія. Право это, однако, какъ то разъяснено рѣшеніемъ 1878 года № 34, судъ имѣетъ во всей полнотѣ лишь по отношенію къ письменнымъ доказательствамъ и свидѣтельскимъ показаніямъ, *впервые* предъявляемымъ или даваемымъ на судебномъ слѣдствіи. Но право это существенно ограничено касательно тѣхъ доказательствъ, которыя добыты предварительнымъ слѣдствіемъ, были въ виду обвинительной камеры и подлежатъ на судѣ лишь *провѣркѣ*—по отношенію къ свидѣтелямъ, на основ. 521, 538, 574, 718, 722 и 726 ст., а по отношенію къ вещественнымъ доказательствамъ и къ письменнымъ актамъ предварительняго слѣдствія—на основ. 687 и 697 ст. Уст. угол. суд., въ силу коихъ протоколы осмотровъ, освидѣтельствованій, обысковъ и выемокъ по требованію сторонъ безусловно подлежатъ прочтенію, а вещественныя доказательства подлежатъ осмотру и оглашенію. Точно также прочно установлена въ законѣ и въ кассаціонной практикѣ безусловная, подъ угрозою отмѣны рѣшенія, обязанность суда *вызывать,* по требованію сторонъ, допрошенныхъ при предварительномъ слѣдствіи свидѣтелей. Несомнѣнно, что, въ силу 611 ст.

Уст. угол. суд., и на основаніи рѣшенія Сената 1887 года, № 11, по дѣлу Маслова, предсѣдатель имѣетъ право устранить изъ показанія свидѣтеля, допрашиваемаго на судѣ, разсказъ объ обстоятельствахъ, не идущихъ къ дѣлу, но примѣненіе это можетъ быть связано съ такими практическими затрудненіями, которыя весьма смягчаютъ значеніе допущеннаго въ этомъ отношеніи бездѣйствія. Свидѣтель былъ вызванъ къ слѣдователю иногда издалека, провелъ томительные часы въ ожиданіи допроса; по разспросѣ его, слѣдователь призналъ, что то, о чемъ онъ можетъ свидѣтельствовать, *относится къ дѣлу;* занесъ все это въ протоколъ, имъ подписанный, заявилъ ему, что все сказанное и записанное онъ долженъ подтвердить присягою . . . но наступилъ день засѣданія по дѣлу и этому же свидѣтелю, явившемуся по повѣсткѣ чрезъ полицію, сдѣлавшему, быть можетъ, большой путь, оставившему свои занятія или уволенному отъ нихъ начальствомъ, снова проведшему тревожные часы и даже дни въ ожиданіи допроса, принявшему затѣмъ торжественно присягу, выслушавшему увѣщанія предсѣдателя и угрозы карою за лжесвидѣтельство, приходится сказать; «идите, вы не нужны, извѣстное намъ, *но же присяжнымъ*, показаніе ваше къ дѣлу не относится». Но свидѣтель можетъ съ изумленіемъ, даже со справедливымъ негодованіемъ спросить себя: «зачѣмъ же меня тревожили?» и принять затѣмъ все происшедшее къ свѣдѣнію уже и на тотъ случай, когда онъ со своимъ показаніемъ дѣйствительно будетъ относиться къ дѣлу. Да и на одномъ ли свидѣтелѣ можетъ отразиться такое примѣненіе 611 ст.? Рѣшители дѣла—присяжные засѣдатели—и у нихъ можетъ родиться всегда вредное для правосуднаго исхода дѣла подозрѣніе, что отъ нихъ что-то скрываютъ, о чемъ-то предъ ними стараются умолчать, и притомъ о такомъ, что, однако, уже было изслѣдовано самою же судебною властью. Это «что-то», записанное тамъ, въ дѣлѣ, лежащемъ на судебномъ столѣ, о чемъ не позволяютъ говорить свидѣтелю, несмотря на отобранную присягу показать правду, должно смущать совѣсть присяжныхъ и вести ихъ къ произвольнымъ догадкамъ, порождающимъ и произвольное рѣшеніе. Наконецъ, какъ это нерѣдко, къ сожалѣнію, случается, не относящіяся въ сущности къ дѣлу показанія внесены въ обвинительный актъ, и уже выслушаны присяжными. Идя послѣдовательно, надо признать и обвинительный актъ въ надлежащихъ частяхъ неотносящимся къ дѣлу, но на это ни предсѣдатель, на основаніи 611 ст., ни весь судъ права не имѣютъ, ибо обвинительный актъ утвержденъ Судебною Палатою, которая признала его соотвѣтствующимъ закону и одобрила списокъ вызываемыхъ по нему свидѣтелей. Поэтому центръ тяжести нарушенія, приводящаго къ извращенію уголовной перспективы, лежитъ не въ судебномъ, а въ предварительномъ слѣдствіи и въ дѣятельности лицъ и учрежденія, наблюдающихъ за правильностью и законностью его производства. Отсюда вытекаетъ необходимость и по дѣлу Палемъ обратиться къ періоду, предшествовавшему преданію

ея суду. Этимъ опредѣлится и то звено дѣла, на которомъ можетъ сосредоточиться отмѣна приговора.

По закону, изображенному въ 531 и 534 ст. Уст. угол. суд., Судебная Палата, въ качествѣ обвинительной камеры, выслушавъ словесный докладъ о поводѣ, по которому возникло дѣло и о всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ, при чемъ обращается ея вниманіе на соблюденіе установленныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства и прочитываются въ подлинникѣ существенные протоколы, постановляетъ опредѣленіе о преданіи суду, лишь признавъ слѣдствіе достаточно полнымъ и произведеннымъ безъ нарушенія существенныхъ формъ и обрядовъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ она должна обратить слѣдствіе къ дополненію или законному направленію. Такимъ образомъ, на Палатѣ лежатъ двѣ обязанности: оцѣнка слѣдствія по существу и надзоръ за законностью его производства. Оцѣнка *полноты* слѣдствія, по свойству всякаго преступленія вообще, должна быть направлена на разрѣшеніе вопросовъ о томъ, есть ли основаніе считать *событіе* преступленія совершившимся? есть ли основаніе къ обращенію заподозрѣннаго или привлеченнаго къ дѣлу *обвиняемаго* въ *подсудимаго?* и выяснены ли всѣ данныя его *личности* въ отношеніи общественномъ (права состоянія), судебномъ (судимость), физическомъ (возрастъ) и психическомъ (вмѣняемость)? Изъ послѣднихъ данныхъ—самыя важныя, самыя чреватыя послѣдствіями для правосудія, безъ сомнѣнія, тѣ, которыя касаются психическаго состоянія обвиняемаго, ибо только *сознательная воля* обращаетъ противузаконное нарушеніе общественныхъ и личныхъ правъ въ преступленіе, а не въ несчастіе.

Обращаясь къ разсмотрѣнію того, исполнена ли Судебною Палатою ст. 534 Уст. угол. суд. въ надлежащемъ ея объемѣ, необходимо замѣтить, что хотя по общему, практически установившемуся, правилу Сенатъ въ кассаціонномъ порядкѣ не входитъ въ существо и способы производства предварительнаго слѣдствія, но изъ этого имъ же самимъ, въ интересахъ поддержанія судебнаго порядка, установленъ рядъ исключеній. Сенатъ въ рядѣ рѣшеній призналъ, что и нарушенія при предварительномъ слѣдствіи подлежатъ его обсужденію, а именно въ тѣхъ случаяхъ, когда они, *во-первыхъ,* такого рода, что не могли быть исправлены на судѣ, *во-вторыхъ*—когда они могли имѣть вліяніе на рѣшеніе присяжныхъ, и *въ-третьихъ*—когда они не могли быть своевременно обжалованы. Къ этому послѣднему виду нарушеній необходимо съ полнымъ основаніемъ и послѣдовательностью отнести и тѣ случаи, когда эти нарушенія *не могли вообще* быть фактически обжалованы, потому что *обжалованію не подлежали,* или когда несмотря на очевидность ихъ, *не было жалобщика*, т. е. лица, которое заступалось бы за нарушенныя свои права. Такіе случаи касаются преимущественно свидѣтелей, право и спокойствіе которыхъ могутъ быть грубо нарушаемы напраснымъ призывомъ и требованіемъ ненужныхъ, а иногда

и очень тягостныхъ разоблаченій. Свидѣтели, по смыслу 492 ст. Уст. угол. суд., могутъ жаловаться лишь на притѣсненія и взысканія, которымъ они подверглись при слѣдствіи. Рѣчь идетъ, очевидно, не о привлеченіи ихъ къ допросу, да притомъ слѣдственное производство не открыто свидѣтелю, какъ обвиняемому, онъ не можетъ поэтому жаловаться уже въ силу того, что *не знаетъ*, почему его допрашиваютъ. Сюда же относится и случай, когда потерпѣвшаго нѣтъ, какъ, наприм., въ настоящемъ дѣлѣ, въ живыхъ, или когда обвиняемый находится въ такомъ состояніи, что въ его померкшемъ сознаніи нѣтъ пониманія значенія ни производимыхъ дѣйствій, ни своихъ интересовъ, и гдѣ обвинительная власть дѣйствуетъ односторонне. Во всѣхъ этихъ случаяхъ прежде всего страдаетъ начало правосудія, которому можетъ прійтись, вслѣдствіе предвзятаго взгляда слѣдователя на дѣло, пережить оскорбительныя минуты, если въ его положеніе не войдетъ Судебная Палата или, при ея бездѣйствіи, Сенатъ. Рѣшеніе 1869 года, за № 724, окончательно устанавливающее начало кассаціоннаго обжалованія опредѣленій Судебныхъ Палатъ о преданіи суду, доказываетъ, что Сенатъ не считаетъ возможнымъ умывать руки относительно дѣятельности Судебной Палаты, да это было бы и не возможно, ибо, на основаніи рѣшенія 1867 года, № 204, судъ не вправѣ входить въ обсужденіе правильности и полноты слѣдствія, по которому состоялось опредѣленіе Палаты, а между тѣмъ судебное слѣдствіе по матеріалу своему есть повтореніе слѣдствія предварительнаго. Тамъ, гдѣ Палата не исполнила своихъ обязанностей по 534 ст. Уст. угол. суд. и гдѣ судъ обязанъ ей безусловно подчиняться, Сенатъ *долженъ* войти въ оцѣнку ея дѣйствій и, слѣдовательно, въ разсмотрѣніе тѣхъ нарушеній и пробѣловъ слѣдствія, по коему она не предписала дослѣдованія или не дала дѣлу законнаго направленія. Не сдѣлать этого при указаніяхъ кассаціонныхъ жалобъ, значило бы поставить во всѣхъ случаяхъ бездѣйствія Палаты по 534 ст. Уст. угол. суд. уголовное дѣло въ такое положеніе, что Сенатъ можетъ *исправлять* его, въ смыслѣ устраненія нарушеній, ограниченно и только сверху внизъ—до Палаты, а слѣдователь и прокуратура зато могутъ почти безнаказанно *портить* его снизу вверхъ, тоже до Палаты. Не было ли бы это похоже на заявленіе авторитетнаго техническаго учрежденія, что оно можетъ ремонтировать и укрѣпить грозящее паденіемъ зданіе только отъ крыши до бельэтажа, а колеблющееся основаніе зданія должно оставить безъ прикосновенія?! Строго держась кассаціонной роли, Сенатъ, по возможности, чтобы не сказать слишкомъ, воздерживался отъ разсмотрѣнія дѣйствій палатъ по 534 ст. Уст. угол. суд.; но практика его въ этомъ отношеніи должна быть расширена. Этого требуютъ интересы правосудія, это вызывается и практическими требованіями судебнаго дѣла. Въ нашей слѣдственной части проявляются болѣзненные припадки, грозящіе обратиться въ хроническій недугъ. Эти припадки надо лѣчить мѣстными судебными средствами, а при

бездѣйствіи мѣстной судебно-врачебной инстанціи нужно прибѣгнуть къ средствамъ кассаціи и надзора. Въ слѣдствіи, производимомъ односторонне, безъ яснаго и твердо очерченнаго, основаннаго на смыслѣ и духѣ уголовнаго закона, плана, утрачиваются строгіе дѣловые контуры его анатомическаго строенія, преподанные судебными уставами, оно извращается, однѣ его части атрофируются, другія вздуваются и опухаютъ. Неполное съ одной стороны, и чрезмѣрно-обремененное съ другой, оно всегда грозитъ недоумѣніями и осложненіями на судѣ, а слѣдователь, между тѣмъ, безъ руководящей идеи о производимомъ имъ дѣлѣ, стоитъ безпомощно предъ моремъ житейскихъ фактовъ и подбираетъ безъ разбора все, что оно приноситъ съ пескомъ, иломъ и грязью къ ногамъ...

Переходя отъ этихъ общихъ соображеній къ дѣйствіямъ Петербургской Судебной Палаты по дѣлу Палемъ и останавливаясь прежде всего на достаточной *полнотѣ* слѣдствія, нельзя не видѣть, что этой полноты въ дѣйствительности не существуетъ. На многочисленныя основанія, дававшія поводъ предполагать ненормальное психическое состояніе Палемъ, и требовавшія именно въ интересахъ полноты слѣдствія, возбужденія на основаніи 355[1] ст. Уст. угол. суд. вопроса объ исполненіи слѣдователемъ обряда освидѣтельствованія, указаннаго въ ст. 353—355 того же Устава—уже было мною указано. Но въ виду Палаты были и еще другія данныя, не подлежавшія провѣркѣ на судебномъ слѣдствіи — и данныя въ своемъ родѣ краснорѣчивыя. Не говоря уже о показаніи доктора Чацкина, у котораго, въ виду переходившей обычные предѣлы у нервно-больныхъ мнительности Палемъ, мелькало подозрѣніе о ненормальномъ ея психическомъ состояніи, достаточно указать на самое первое показаніе Палемъ о томъ, что она не желаетъ ничего отвѣчать, ибо *слишкомъ высоко себя ставитъ* въ связи съ безразсуднымъ заявленіемъ о лицѣ, которому она, пожалуй, «кое-что» разскажетъ—и на составленный слѣдователемъ 7-го сентября 1894 года протоколъ о томъ, что вслѣдствіе отказа освободить Палемъ на поруки, она грозила убить себя, зашагала въ волненіи по камерѣ, зашаталась, упала въ судорогахъ и слезахъ, произнося безсвязныя слова: «Саша...» «на могилу...» и т. д.—и затѣмъ, жалуясь на ознобъ и жаръ, стала рыдать. Этого мало. Слѣдователь предпринялъ даже нѣкоторые шаги, предписываемые 353 ст. Уст. угол. суд. Онъ собиралъ свѣдѣнія о томъ, не страдала ли чѣмъ либо обвиняемая, и допрашивалъ ея родителей; онъ призвалъ и судебнаго врача, доктора Руковича, смѣшавъ при его допросѣ въ одно—экспертизу психическаго состоянія Палемъ съ экспертизою разстоянія, на которомъ былъ произведенъ выстрѣлъ. Но все это дѣлалось какъ-то нерѣшительно, ощупью и не додѣлывалось. Такъ, напр., 353 ст. предписываетъ разспросить обвиняемую и освидѣтельствовать ее чрезъ судебнаго врача, но этого исполнено не было, а Руковичъ, какъ видно изъ точнаго содержанія протокола отъ 12-го сентября 1894 года, не свидѣтельство-

валъ надлежащимъ порядкомъ Палемъ, а былъ приглашенъ дать свое заключеніе на основаніи прочитанныхъ ему протоколовъ и свидѣтельскихъ показаній, какъ будто наука и практика допускаютъ возможность постановленія такого «заочнаго психіатрическаго приговора». На обязанности обвинительной камеры лежало принять мѣры къ разрѣшенію слѣдователемъ вопроса о вмѣненіи прямо и согласно съ указаніями закона, не оставляя эту важную область изслѣдованія незатронутою со всѣхъ сторонъ и въ то же время не разъясненною указаннымъ въ Уставѣ уголовнаго судопроизводства порядкомъ. Возвращеніе слѣдствія къ дослѣдованію и освидѣтельствованіе Палемъ по 353—355 ст. этого Устава,—въ случаѣ признанія ея подлежащею вмѣненію, дало бы возможность суду и присяжнымъ выслушать *настоящихъ* экспертовъ-психіатровъ и устранило бы, путемъ постановки вопроса по 96 Улож., неразрѣшимое столкновеніе сомнѣнія присяжныхъ съ формальнымъ требованіемъ судопроизводства. Излишне говорить, насколько выигрывало бы отъ этого спокойное отправленіе правосудія.

Но если исполненіе первой части 534 ст. Уст. угол. суд. Палатою не можетъ быть признано правильнымъ, то не менѣе неправильно и обсужденіе ею слѣдствія съ точки зрѣнія его соотвѣтствія требованіямъ Устава уголовнаго судопроизводства. Судебной Палатѣ на основаніи 2 ч. 249 ст. Уст. угол. суд. принадлежитъ надзоръ за состоящими въ округѣ ея опредѣленными лицами, къ числу которыхъ относятся и судебные слѣдователи. Надзоръ этотъ, согласно рѣшеніямъ общаго собранія 1875 года за № 63 и 1880 года за № 25, касается всѣхъ нарушеній законнаго порядка, которыя Палата усмотрѣла и обнаружила или о коихъ инымъ образомъ освѣдомилась;—онъ производится въ силу 249[1] ст. Учр. суд. уст. и по дѣламъ доходящимъ въ установленномъ порядкѣ до ея разрѣшенія. Поэтому, усмотрѣвъ, при обсужденіи вопроса о преданіи суду, нарушеніе законнаго порядка при производствѣ предварительнаго слѣдствія, обвинительная камера имѣетъ право возстановить этотъ порядокъ, отмѣнивъ тѣ дѣйствія и распоряженія слѣдователя, которыя идутъ въ разрѣзъ съ лежащею на немъ задачею и съ его обязанностями. Ст. 250 Учр. суд. уст. прямо указываетъ на то, что высшее судебное мѣсто, обнаружившее неправильное дѣйствіе подвѣдомственнаго ему лица, *разъясняетъ* ему, въ чемъ именно состоитъ неправильность или упущеніе въ каждомъ данномъ случаѣ, *отмѣняетъ* постановленія и распоряженія, противныя законному порядку, и принимаетъ мѣры къ *возстановленію нарушеннаго порядка.* Именно согласно съ этими своими правами должна дѣйствовать обвинительная камера, когда, усмотрѣвъ нарушеніе существенныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства, она, согласно 534 ст. Уст. угол. суд., *обращаетъ дѣло къ законному направленію.* Практически говоря—это значитъ, что Палата, найдя, что какое либо слѣдственное дѣйствіе произведено безъ указанныхъ въ законѣ основаній или безъ соблюденія гарантій,

или посредствомъ способовъ, не указанныхъ и даже прямо воспрещенныхъ закономъ, отмѣняетъ это дѣйствіе и признаетъ его ничтожнымъ, вслѣдствіе чего и протоколъ, въ который занесено это дѣйствіе, долженъ быть признанъ какъ бы несуществующимъ, при чемъ къ нему, конечно, не можетъ примѣняться и ст. 687 Уст. угол. суд. Пользованіе этимъ правомъ надзора, ставя обвинительную камеру на довлѣющую ей высоту, должно служить могущественнымъ средствомъ для внутренняго улучшенія слѣдственной части и для огражденія законныхъ правъ тѣхъ изъ частныхъ лицъ, которыя не могутъ, какъ уже было мною указано, обжаловать слѣдственныя дѣйствія. Предоставлять Палатѣ разсматривать и отмѣнять только тѣ дѣйствія слѣдователя, которыя признаны правильными обжалованнымъ опредѣленіемъ Окружного Суда—значитъ умалять роль Палаты, какъ первой по времени и притомъ единственной инстанціи, которая разсматриваетъ оконченное слѣдствіе во всей его совокупности. Обвинительная камера является фильтромъ, пройдя сквозь который слѣдствіе должно представляться и полнымъ, и законнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Только въ такомъ видѣ оно не подѣйствуетъ на судебное слѣдствіе подчасъ искажающимъ и разлагающимъ образомъ. Поэтому обвинительной камерѣ, соблюдающей 534 ст. Уст. угол. суд., надлежитъ обращать вниманіе не только на полноту слѣдствія, но и на его содержаніе въ смыслѣ законности и отсутствія вредныхъ для дѣла излишествъ, не стѣсняясь узкими формальными взглядами въ примѣненіи своего живого и жизненнаго права надзора. Практика указываетъ случаи, гдѣ Палата даже по неправильно и по ошибкѣ попавшему къ ней дѣлу въ порядкѣ частнаго обвиненія, измѣняла, *въ порядкѣ надзора*, квалификацію и обращала дѣло къ публичному обвиненію. Такъ поступила Московская Судебная Палата по дѣлу Крутицкаго, обративъ обвиненіе въ обольщеніи несчастной гимназистки въ дѣло объ изнасилованіи—и Сенатъ одобрилъ такое ея распоряженіе. Та же Палата уничтожила, какъ незаконную, экспертизу двухъ извѣстныхъ артистокъ по вопросу о душевномъ возбужденіи молодой дебютантки, вслѣдъ за дебютомъ изнасилованной въ элегантно устроенной западнѣ. Но если бы Палата обратила вниманіе на протоколъ этой экспертизы, разсматривая при отсутствіи жалобы это дѣло по 534 ст. Уст. угол. суд.—уже ли она должна бы дать этому акту существовать и даже разрабатываться на судѣ, отказавшись отъ своего права надзора. Это былъ бы взглядъ мертвенный и чуждый интересамъ *настоящаго* правосудія.

Вопросъ о предѣлахъ изслѣдованія—вопросъ важный и трудный. Но эти предѣлы имѣютъ такое серьезное значеніе, что установленіе ихъ необходимо. Большинство юристовъ не сомнѣвается, что отправною точкою изслѣдованія должно быть *событіе* преступленія. Оно подлежитъ обслѣдованію вполнѣ и со всевозможною подробностью, ибо въ ней, въ этой подробности, очень часто содержится и указаніе на внутреннюю сторону преступленія. Точно

также подробно долженъ быть изслѣдованъ и законный составъ преступленія. Здѣсь точность и даже мелочность изслѣдованія имѣютъ прямое отношеніе къ дѣлу. Но затѣмъ должны быть, сообразно свойству каждаго преступленія и по каждому дѣлу, установлены предѣлы, до которыхъ должно идти изслѣдованіе. Такъ, не всѣ предшествовавшіе преступленію событія, а лишь ближайшія къ нему и съ нимъ связанныя могутъ имѣть значеніе для дѣла. Обстановка, въ которой совершено преступленіе, или въ которой находились обвиняемый и жертва преступленія, а также движущій и притомъ даже объективный мотивъ дѣйствій обвиняемаго, конечно, подлежатъ изслѣдованію, равно какъ и личность обвиняемаго, уже потому, что они содержатъ въ себѣ часто задатки снисхожденія. Но предѣлы этого изслѣдованія, особливо по отношенію къ личности, зависятъ отъ рода преступленія и отъ доказанности событія. Личность должна быть, по мѣткому выраженію одного изъ нашихъ выдающихся юристовъ, изслѣдована «постольку, поскольку она вложилась въ фактъ преступленія». Тамъ, гдѣ самое событіе на лицо, дѣло требуетъ и допускаетъ меньшій объемъ изслѣдованія, но гдѣ дѣло идетъ объ отрицаемомъ обвиняемымъ событіи, какъ напр., изнасилованіи, поджогѣ застрахованнаго имущества, подлогѣ завѣщанія и т. п., тамъ обвиненіе, какъ это уже было мною заявлено Сенату въ заключеніи по дѣлу Назарова, можетъ быть доказано или опровергнуто доказательствами, разъясняющими такія стороны личности и жизни обвиняемаго, въ которыхъ выразились свойства, вызвавшія движущія побужденія его судимаго дѣянія или, наоборотъ, съ которыми это дѣяніе стоитъ въ прямомъ противорѣчіи. Но идти далѣе этого—значитъ вторгаться въ такую область, которая суду не подлежитъ, да ему и не нужна для правильнаго исполненія его задачи. Онъ разсматриваетъ *не жизнь обвиняемаго* вообще, а преступное дѣяніе, онъ осуждаетъ подсудимаго за тѣ стороны его личности, которыя выразились въ этомъ дѣяніи, а не за жизнь его. Иначе судебному изслѣдованію и, да позволено будетъ сказать, любопытству отдѣльныхъ судебныхъ дѣятелей не будетъ предѣла. Такой порядокъ вещей не можетъ быть признанъ нормальнымъ ни въ отношеніи обвиняемаго, ни тогда, когда подобные пріемы изслѣдованія направляются на потерпѣвшаго, когда о немъ производится своего рода дознаніе чрезъ окольныхъ людей, при чемъ жизнь и личность раскапываются съ самою мелочною подробностью, точно дѣло идетъ исключительно о рѣшеніи вопроса—достоинъ ли онъ былъ постигшей его участи?—какъ будто житейское поведеніе потерпѣвшаго можетъ изъять его изъ покровительства закона, и по отношенію къ нему сдѣлать дозволеннымъ, по личному взгляду подсудимаго, то, что не дозволено и преступно по отношенію къ другимъ людямъ. Такого взгляда, конечно, у судебной власти существовать не можетъ и не существуетъ; но поэтому и дѣйствія ея по собиранію доказательствъ не должны никому давать повода думать,

что собранный ею матеріалъ можетъ послужить для проведенія въ жизнь такого превратнаго и противорѣчащаго условіямъ общежитія взгляда.

Обращаясь къ исполненію Судебною Палатою второго требованія 534 ст. Уст. угол. суд., надо признать, что оно ею не исполнено, также какъ не исполнена и 537 ст. Уст. угол. суд., безъ сомнѣнія обязывающая обвинительную камеру оцѣнивать обвинительный актъ не только по квалификаціи дѣянія, но и по его содержанію и способу изложенія. Изслѣдованіе, не относящихся къ дѣлу подробностей, нашло себѣ выраженіе прежде всего въ обвинительномъ актѣ по дѣлу Палемъ: въ немъ, послѣ изложенія событія преступленія, указано, что, *по выраженію* Ольги Палемъ, Довнаръ, былъ человѣкъ безхарактерный, гаденькій и нахальный; онъ закладывалъ ея вещи, пользовался ея деньгами и присвоилъ себѣ часть мебели, купленной ею на деньги, полученныя отъ Кандинскаго, а затѣмъ подробно изложена провѣрка такого взгляда обвиняемой на убитаго ею Довнара, предпринятая на предварительномъ слѣдствіи, при чемъ ея собственное прошлое рисуется на пространствѣ двадцати девяти слишкомъ лѣтъ, начиная съ того дня, когда «у симферопольскаго еврея Мордки и жены его Гени Палемъ родилась дочь Меня». На обязанности обвинительной камеры лежало опредѣлить, какія части обвинительнаго акта представляются излишними, вредящими ясности и цѣльности дѣла, и поэтому несоотвѣтствующими цѣлямъ правосудія, и придать этому важному документу, формулирующему собою обвиненіе и предшествующему судебному разсмотрѣнію дѣла,—серьезный и дѣловой характеръ. Это требованіе Палатою не было исполнено. Не видно въ опредѣленіи Палаты и слѣдовъ разсмотрѣнія пріемовъ и дѣйствій судебнаго слѣдователя съ точки зрѣнія ихъ законности и правильности.

Правительствующій Сенатъ не можетъ оцѣнивать дѣйствія обвинительной камеры по разсмотрѣнію существа и результатовъ тѣхъ или другихъ слѣдственныхъ дѣйствій, но его долгъ, не нарушая своего кассаціоннаго характера и, не входя въ существо дѣла, оцѣнить *характеръ дѣйствій* слѣдователя въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ созданы нарушенія, не могущія быть исправленными на судѣ или обжалованными. Такъ ст. 265 Уст. угол. суд. обязываетъ слѣдователя приводить въ извѣстность обстоятельства, оправдывающія обвиняемаго.—Въ чемъ оправдывающія?—Конечно, въ дѣяніи, а не въ поведеніи и образѣ жизни до совершенія преступленія.—Но какое отношеніе къ этой статьѣ можетъ имѣть оглашеніе переписки и рядъ допросовъ о принятіи обвиняемою православія за 15 лѣтъ до преступленія, объ отношеніяхъ ея къ родителямъ за то же время, о ихъ средствахъ, объ обстоятельствахъ ея крещенія и объ отношеніяхъ ея къ крестному отцу? Какое отношеніе къ обвиненію ея въ убійствѣ покинувшаго ее сожителя имѣетъ допросъ ряда свидѣтелей о томъ, состояла ли она въ разное время и иногда задолго до совершенія преступленія съ нимъ или съ кѣмъ

либо другимъ въ интимныхъ половыхъ отношеніяхъ? при чемъ одному свидѣтелю приходится отвѣчать на вопросъ о томъ, думалъ ли онъ на ней жениться.—Такъ, ст. 266 Уст. угол. суд. обязываетъ слѣдователя собирать доказательства.—Это, конечно, доказательства не безразличныхъ, съ точки зрѣнія уголовной, обстоятельствъ, а доказательства преступленія, согласно его законному составу. Но какое отношеніе можетъ имѣть къ этимъ доказательствамъ по дѣлу объ убійствѣ обширное изслѣдованіе о матеріальныхъ средствахъ потерпѣвшаго и обвиняемой, переписка о заложенныхъ въ частномъ ломбардѣ и въ обществѣ для храненія движимостей вещахъ, о хранящихся въ Государственномъ банкѣ на текущемъ счету деньгахъ и о запискахъ пересылки денегъ въ болѣе чѣмъ 537 почтовыхъ книгахъ, задавшее, вѣроятно, не мало работы контрольнымъ палатамъ? Могутъ ли быть основательнымъ образомъ причислены къ нимъ письма лицъ, нуждавшихся въ денежной помощи или покровительствѣ Палемъ, на которыхъ она клала рѣзкія резолюціи? На основаніи ст. 371 Уст. угол. суд., вещественныя доказательства, могущія служить *къ обнаруженію преступленія*, пріобщаются къ дѣлу съ подробнымъ описаніемъ ихъ въ протоколѣ, при чемъ эти протоколы и самыя доказательства оглашаются и представляются на судѣ. Законъ и кассаціонная практика воспрещаютъ, однако, прочтеніе на судѣ актовъ полицейскаго дознанія, не подходящихъ подъ требованіе 687 ст. Уст. угол. суд. Но пріобщеніе цѣлыхъ полицейскихъ производствъ, содержащихъ въ себѣ при этомъ обстоятельства, касающіяся частной жизни совершенно постороннихъ лицъ, составляетъ несомнѣнный обходъ этого закона, не говоря уже о вторженіи въ жизнь людей, къ дѣлу никакого касательства не имѣющихъ. Вслѣдствіе этого, признавая нужнымъ пріобщить какое либо дѣло къ слѣдственному производству, судебный слѣдователь обязанъ съ точностью указать и описать въ протоколѣ лишь то, что прямо относится къ изслѣдуемому преступленію, не припутывая къ нему обстоятельствъ постороннихъ, отъ чего законъ удерживаетъ, на основаніи 718 ст. Уст. угол. суд., даже и простыхъ свидѣтелей. Поэтому дѣло сыскного отдѣленія, оглашенное на судѣ, могло подлежать пріобщенію и описанію въ протоколѣ только въ опредѣленныхъ, прямо относящихся до преступленія Палемъ, частяхъ.

Такъ, наконецъ, ст. 357 Уст. угол. суд., относящаяся до изслѣдованія *событія* преступленія, дозволяетъ производить обыски и выемки лишь въ случахъ *основательнаго* подозрѣнія о *сокрытіи* обвиняемаго или предмета преступленія, или вещественнаго доказательства,—причемъ, конечно, выемки по отношенію къ письменнымъ доказательствамъ можно производить лишь тогда, когда хранитель отказывается ихъ выдать добровольно. Эти слѣдственныя дѣйствія до такой степени вносятъ смуту въ жизнь частнаго человѣка и въ отношенія къ нему окружающихъ, что должны быть предпринимаемы съ особенною осторожностью. Но можно ли счи-

тать требованіе 357 ст. *объ основательномъ подозрѣніи сокрытія* соблюденнымъ въ виду постановленія судебнаго слѣдователя о производствѣ въ Одессѣ у купца Кандинскаго обыска и выемки его переписки и торговыхъ книгъ, когда онъ еще не былъ допрошенъ, а слѣдовательно и не думалъ отрицать тѣхъ своихъ отношеній къ обвиняемой, подтвержденіемъ которыхъ могли бы служить эти книги и переписка, и не заявлялъ никакого отказа въ ихъ представленіи. При этомъ отобраніи торговыхъ книгъ, несмотря на просьбу Кандинскаго объ оставленіи ихъ у него для веденія торговыхъ дѣлъ и отчетности, происшедшее 11-го іюня и заключившееся 31-го октября производствомъ *бухгалтерской экспертизы* этихъ книгъ для опредѣленія того, какія суммы высылались на имя Палемъ и Довнара, представляетъ собою явное нарушеніе ст. 529 и 530 Уст. тор., въ силу которыхъ такія книги составляютъ ненарушимую коммерческую тайну и только въ случаѣ признанія несостоятельности по опредѣленію суда отбираются у несостоятельнаго и разсматриваются кѣмъ слѣдуетъ. Излишне говорить, что подобная безцѣльная любознательность слѣдователя, сопровождаемая предъявленіемъ книгъ постороннимъ лицамъ, понятымъ и экспертамъ, нарушающая существенные интересы торговаго лица и могущая подорвать его кредито-способность, составляетъ своего рода опасность для спокойнаго существованія лицъ непричастныхъ къ преступленію. Такая незаконная любознательность, граничащая съ произволомъ, можетъ заставить общество обратиться къ справедливому извращенію старой русской поговорки: «Не бойся суда—говорила она—а бойся судьи». Судебная реформа отучила бояться судей, а пріучила ихъ уважать. Но тамъ, гдѣ вполнѣ добросовѣстный судья не будетъ отдавать себѣ яснаго отчета въ цѣли и значеніи своихъ дѣйствій, тамъ само учрежденіе суда заставитъ общество взирать на него со страхомъ и говорить: «не бойся судьи, а бойся суда».

Не касаясь разбора дальнѣйшихъ указанныхъ гражданскимъ истцомъ осложненій и неправильныхъ приростовъ слѣдствія по дѣлу Палемъ, тянувшагося, благодаря имъ, по ясному и неопровержимому событію, пять мѣсяцевъ,—нельзя отрѣшиться отъ мысли, что эти наслоенія могли значительно затемнить истинную сущность дѣла и что такую свою роль они могутъ выполнить и вновь, если обвинительною камерою не будутъ приняты мѣры къ устраненію ихъ при самомъ разсмотрѣніи слѣдствія. Поэтому одной отмѣны приговора было бы недостаточно для возстановленія законнаго порядка въ этомъ дѣлѣ; отмѣна дожна идти дальше и глубже и коснуться самаго опредѣленія Судебной Палаты о преданіи суду, обязавъ ее въ точности примѣнить къ дѣлу 537, а по отношенію къ обвинительному акту—и 538 ст. Уст. угол. суд. Такое рѣшеніе Правительствующаго Сената вызывается не только существенными нарушеніями, допущенными по настоящему дѣлу, но и требуется интересами правильнаго отправленія правосудія вообще. Это рѣ-

шеніе должно настойчиво указать обвинительнымъ камерамъ ихъ обязанность быть на стражѣ правильнаго производства предварительнаго слѣдствія и разрѣшить окончательно роковой судебный вопросъ: «et quis custodit custodes ipsos?»

По всѣмъ этимъ соображеніямъ я полагаю отмѣнить и опредѣленія Палаты о преданіи Палемъ суду за нарушеніемъ 534 ст. Уст. угол. суд. и передать дѣло для новаго разсмотрѣнія въ порядкѣ преданія суду въ другой составъ той же Судебной Палаты.

Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей, приговоръ Спб. Окружнаго Суда и опредѣленіе Спб. Судебной Палаты о преданіи суду за нарушеніемъ 549 и 534 ст. Уст. угол. суд. отмѣнить, передавъ дѣло въ Спб. Судебную Палату для новаго разсмотрѣнія въ другомъ составѣ присутствія и дальнѣйшаго производства въ установленномъ закономъ порядкѣ.

X.

По дѣлу доктора Іегера съ профессоромъ Манасеинымъ (Опозоренье въ печати иностранца).

---

24 марта 1892 г. прокурору Петербургскаго Окружнаго Суда была предъявлена жалоба отъ имени профессора Іегера, живущаго въ Штутгартѣ,—на издателя-редактора газеты «Врачъ», профессора В. А. Манасеина, по обвиненію его въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1040 ст. Улож. о наказ. Эта жалоба, на основаніи 303[1] ст. Уст. угол. суд., была передана судебному слѣдователю 14-го участка гор. С.-Петербурга для примирительнаго разбирательства и производства предварительнаго слѣдствія и по ней состоялось постановленіе слѣдователя, который нашелъ, «что изъ текста 306—308 ст. Уст, угол. суд. видно, что жалоба, если она возводитъ на кого-либо обвиненіе, должна быть принесена жалобщикомъ лично, что и указъ Правительствующаго Сената 21-го февраля 1884 г. безусловно не допускаетъ у судебныхъ слѣдователей представительства потерпѣвшаго чрезъ повѣреннаго и что, поэтому, въ данномъ случаѣ нѣтъ законнаго повода къ начатію слѣдствія; независимо отъ сего представляется необходимость принять еще и слѣдующія обстоятельства; г. Іегеръ, считающій себя оскорбленнымъ въ газетѣ «Врачъ», постоянно живетъ въ Штутгартѣ; законы создаются для удовлетворенія потребностей страны; преступленіемъ называется нарушеніе закона, установленнаго для огражденія безопасности и благосостоянія гражданъ въ предѣлахъ даннаго государства, почему г. Іегеръ, какъ живущій внѣ Россіи, не можетъ пользоваться охраною россійскихъ законовъ въ той мѣрѣ, какъ живущіе въ Россіи, но лишь въ той мѣрѣ, въ какой являются отвѣтственными иностранцы по 172 ст. Улож. о наказ. за преступленія и проступки, совершенные ими заграницею противъ россійскихъ подданныхъ; но такъ какъ условій, означенныхъ въ сей статьѣ по отношенію къ Манасеину, нѣтъ, то онъ и не подлежитъ никакой отвѣтственности по россійскимъ законамъ». По всѣмъ этимъ основаніямъ судебный слѣдователь постановилъ: за отсутствіемъ законнаго повода и достаточныхъ основаній къ начатію дѣйствія (262 ст. Уст. угол. суд.), жалобу прис. повѣр. Берлина, съ приложеніями, возвратить ему.

На это постановленіе слѣдователя прис. пов. Берлинъ подалъ въ Окружной Судъ частную жалобу, въ коей, опровергая тѣ основанія, по которымъ слѣдователь возвратилъ ему жалобу, указываетъ, во-первыхъ,

что законъ нашъ не предусматриваетъ случая возвращенія жалобы судебнымъ слѣдователемъ, напротивъ того, циркулярнымъ указомъ общаго собранія Кассаціонныхъ департаментовъ 30-го ноября 1889 года, предписывается въ тѣхъ случаяхъ, когда слѣдователь находитъ, что предварительное слѣдствіе не можетъ быть начато, примѣняясь къ 227 ст. Уст. угол. суд., представлять дѣло въ Окружной Судъ, отъ котораго и зависитъ рѣшеніе вопроса о дальнѣйшемъ направленіи его. Во-вторыхъ, относительно вопроса объ участіи повѣренныхъ при примирительномъ разбирательствѣ прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что указъ 1889 года, на который ссылается слѣдователь, говоритъ только о гражданскихъ истцахъ, но не о частныхъ обвинителяхъ; что въ данномъ случаѣ на слѣдователей возложена функція мировыхъ судей, предшествующая предварительному слѣдствію, что и выражено въ 301[1] ст. Уст. угол. суд., а потому слѣдователь обязанъ руководствоваться 35 и 43 ст. Уст. угол. суд., разъясненныхъ рѣшеніями Правительствующаго Сената, которыми сторонамъ разрѣшена подача жалобъ и чрезъ повѣреннаго. Лишь по окончаніи примирительнаго разбирательства, и только въ это время,—можетъ возникнуть вопросъ о допущеніи повѣреннаго къ участію въ предварительномъ слѣдствіи. Обязывать же потерпѣвшаго, безразлично — иностранца или русскаго подданнаго, при огромныхъ разстояніяхъ въ Россіи, пріѣзжать за тысячи верстъ для личнаго присутствія при примирительномъ разбирательствѣ было бы въ большинствѣ случаевъ равносильно полному преграждению всѣхъ путей получить удовлетвореніе за понесенную обиду; въ большинствѣ случаевъ это было бы равносильно обезпеченію полной безнаказанности оскорбителю. По этимъ соображеніямъ жалобщикъ просилъ отмѣнить постановленіе слѣдователя, предложивъ ему дать дѣлу законный ходъ.

Окружной судъ нашелъ, что циркулярный указъ Сената имѣлъ цѣлью уравновѣсить положеніе сторонъ во время предварительнаго слѣдствія, разъяснивъ, что законъ, не допуская въ этой стадіи уголовнаго процесса защиту для обвиняемыхъ, не предоставляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и прочимъ, участвующимъ въ дѣлѣ, лицамъ права пользоваться представительствомъ повѣренныхъ. Поэтому, очевидно, послѣдніе не могутъ являться на предварительномъ слѣдствіи ни отъ лица гражданскихъ истцовъ, ни отъ лица частныхъ обвинителей, или вообще, какъ выражается указъ Сената— отъ лица потерпѣвшихъ отъ преступленія или проступка. Если сравнить 303[1] ст. Уст. угол. суд., съ текстомъ 135 и 593 ст. Уст. угол, суд., то окажется, что по силѣ послѣднихъ двухъ статей имѣющихъ примѣненіе во время судебнаго производства, дѣло прекращается за неявкою частнаго обвинителя, или его повѣреннаго, между тѣмъ, какъ въ 303[1] ст. прямо сказано, что дѣло прекращается за неявкою обвинителя, безъ всякаго упоминанія о возможности замѣны его повѣреннымъ при склоненіи къ миру судебнымъ слѣдователемъ. Принявъ рекомендуемую прис. пов. Берлиномъ мѣру устраненія неудобства личной явки частнаго обвинителя, пришлось бы установить такой порядокъ, при которомъ только состоятельный человѣкъ пользовался бы при данныхъ условіяхъ возможностью оградить свои интересы. Между тѣмъ, при примѣненіи къ разсматриваемому случаю 292 ст. Уст. угол. суд., по силѣ которой слѣдователь предлагаетъ проживающему въ отдаленной мѣстности частному обвинителю окончить дѣло миромъ посредствомъ сношенія съ представителемъ мѣстной слѣдственной власти, гдѣ проживаетъ обвинитель, устраняется необходимость явки его къ примирительному разбирательству по мѣсту производства слѣдствія. Находя поэтому, что слѣдователь не вправѣ былъ по силѣ 262 ст. Уст. угол. суд. начать дѣло и приступить къ примирительному разбирательству безъ законнаго повода, т. е. безъ жалобы Іегера, Окружный Судъ постановилъ жалобу прис. пов. Берлина оставить безъ послѣдствій, признавъ, что по силѣ дѣйствующаго закона предста-

вительство частныхъ обвинителей чрезъ повѣренныхъ не допускается во время производства судебными слѣдователями примирительнаго разбирательства и слѣдствія.

Судебная Палата, «раздѣляя всецѣло соображенія, изложенныя въ постановленіи судебнаго слѣдователя и въ опредѣленіи Окружного Суда» и не усматривая никакихъ данныхъ, могущихъ дать законный поводъ къ преслѣдованію Манасеина по 1040 ст. Улож. о наказ., оставила эту жалобу безъ послѣдствій. Тогда прис. пов. Берлинъ подалъ на означенное опредѣленіе Палаты частную жалобу въ Правительствующій Сенатъ, но Палата, выслушавъ заключеніе товарища прокурора, опредѣлила: жалобу прис. пов. Берлина возвратить ему какъ не подлежащую представленію въ Сенатъ. Предметомъ разсмотрѣнія Уголовнымъ Кассаціоннымъ Департаментомъ Правительствующаго Сената *1-го декабря 1892 г.* была жалоба повѣреннаго Іегера на это послѣднее опредѣленіе Петербургской Судебной Палаты.

Обращаясь прежде всего къ вопросу о порядкѣ разрѣшенія Сенатомъ жалобы повѣреннаго доктора Іегера, я нахожу, что по отношенію къ жалобамъ на частныя опредѣленія второй инстанціи, общее теченіе кассаціонной практики представляетъ значительныя уклоненія. Потребности жизни, отражаясь на отправленіи правосудія, выдвигаютъ на пути этого теченія такіе мели и пороги, что съ ними приходится считаться и отступать ради нихъ отъ общаго правила. Поэтому начало недопущенія кассаціоннаго обжалованія частныхъ опредѣленій второй инстанціи, выраженное въ 893 и 894 ст. Уст. угол. суд. и подтвержденное рядомъ кассаціонныхъ рѣшеній съ 1867 по 1876 г., допускаетъ, однако, рядъ исключеній. Такъ, признаны возможными кассаціонныя жалобы на опредѣленія второй инстанціи объ оставленіи безъ движенія просьбы о прекращеніи дѣла миромъ (1874 г., № 467) и на допущеніе нарушеній формъ и обрядовъ судопроизводства при разсмотрѣніи судомъ второй степени частной жалобы (1884 г., № 14). Вмѣстѣ съ тѣмъ Сенатомъ было (рѣшенія 1868 года, № 441, и 1872 года, № 1017) высказано, что подача кассаціонной жалобы на частное опредѣленіе второй инстанціи, хотя бы и не подлежащее, въ силу 893 и 894 ст. Уст. угол. суд., обсужденію въ кассаціонномъ порядкѣ, не освобождаетъ эту инстанцію отъ обязанности представить жалобу въ Сенатъ. Въ рѣшеніи 1872 г. по дѣлу Васильева Правительствующій Сенатъ категорически выразилъ, что законъ не дѣлаетъ различія въ томъ отношеніи, подана ли кассаціонная жалоба на такое постановленіе Палаты, которое можетъ быть обжаловано въ кассаціонномъ порядкѣ, или на такое, которое обжалованію не подлежитъ — и не предоставляетъ опредѣленіе подобнаго значенія частной жалобы тому судебному мѣсту, на дѣйствія котораго она приносится. Поэтому Петербургская Судебная Палата обязана была представить кассаціонную жалобу Іегера въ Сенатъ, не входя въ обсужденіе вопроса, подлежитъ ли она разсмотрѣнію Сената.

Но жалоба эта въ дѣлѣ. Существо ея извѣстно, и ограничиться формальнымъ указаніемъ, что она по силѣ 893 и 894 ст. Уст. угол. суд., дѣйствительно представляется не подлежащею разрѣшенію въ кассаціонномъ порядкѣ, было бы неправильно. Несомнѣнно, что жалобы на частныя опредѣленія судебныхъ мѣстъ могутъ имѣть двоякій характеръ. Надо отличать опредѣленія по жалобамъ на нарушенія, допущенныя *при* производствѣ дѣла, отъ опредѣленій по жалобамъ на нарушенія *въ* производствѣ дѣла. Первыя опредѣленія всегда и исключительно относятся къ данному частному случаю по дѣлу и касаются, напр., мѣры пресѣченія, принятой противъ того или другого лица, обезпеченія гражданскаго иска, наложенія штрафа за неявку и т. п. Ими ничего не устанавливается на будущее время, ничего не предрѣшается. Иного рода вторыя опредѣленія. Ими по поводу нарушеній *въ* самомъ производствѣ дѣла устанавливается *практика*, дается толкованіе на будущее время, указывается дальнѣйшій путь направленія всѣхъ однородныхъ и подобныхъ разрѣшаемому дѣлъ и вопросовъ. Кассаціонный судъ не исполнялъ бы своей важной задачи, если бы уклонялся отъ разсмотрѣнія кассаціонныхъ жалобъ на опредѣленія послѣдняго рода, которыми не только примѣняется, но *истолковывается* законъ и созидается особый порядокъ по существеннымъ вопросамъ судопроизводства, связывающій на будущее время практику всѣхъ судовъ того или другого судебнаго округа. Вотъ почему, въ рядѣ рѣшеній, Правительствующій Сенатъ отмѣнялъ въ кассаціонномъ порядкѣ неправильныя опредѣленія о подсудности, хотя бы и дошедшія до него по жалобамъ на частныя опредѣленія, также какъ и по такимъ же поводамъ возстановлялъ порядокъ, нарушенный неправильнымъ допущеніемъ частнаго обвиненія вмѣсто публичнаго и наоборотъ. Опредѣленіе С.-Петербургской Судебной Палаты по жалобѣ Іегера представляетъ собою именно опредѣленіе о производствѣ дѣла, а не о нарушеніяхъ при производствѣ дѣла. Оно установляетъ особыя условія для примирительнаго разбирательства у слѣдователей, по закону 1891 г.—и для принесенія жалобъ по дѣламъ частнаго обвиненія. По мнѣнію Палаты, оно укрѣпляетъ соотвѣтствующій мысли закона порядокъ производства,—по мнѣнію жалобщика, оно являетъ собою отказъ въ правосудіи. Можетъ ли Сенатъ предоставить окончательное разрѣшеніе такого вопроса второй инстанціи и умыть себѣ руки въ дѣлѣ столь существенно затрогивающемъ нравственные интересы частныхъ лицъ, зная притомъ, что вопросъ этотъ, при существованіи опредѣленія Судебной Палаты, не можетъ и дойти до него въ общемъ кассаціонномъ порядкѣ? Конечно нѣтъ!

Есть и другое основаніе къ разсмотрѣнію нынѣ же опредѣленія Палаты. Статья 250 Учр. суд. уст. о порядкѣ *надзора* возлагаетъ на Сенатъ, какъ высшее надзирающее за дѣятельностью судовъ мѣсто, обязанность охранять правильность дѣятельности подчиненныхъ учрежденій, простирая свой надзоръ на такія судопроизвод-

ственныя дѣйствія ихъ, которыя не восходятъ на его разсмотрѣніе въ общемъ порядкѣ судопроизводства, при чемъ этотъ надзоръ касается всѣхъ нарушеній закона, какимъ бы изъ законныхъ путей свѣдѣнія о нихъ ни дошли до Сената—будутъ ли они обнаружены при разсмотрѣніи дѣла или дойдутъ по жалобѣ частныхъ лицъ или, наконецъ, по сообщенію должностныхъ лицъ.

Въ 1888 г. по дѣлу Безродновой, Правительствующій Сенатъ, примѣняя 250 ст. Учр. суд. уст., указалъ широкіе предѣлы этого примѣненія и практическіе его результаты, состоящіе не только въ разъясненіи допущенной неправильности, но и въ немедленной отмѣнѣ распоряженія судебныхъ мѣстъ, представляющихся неправильными.

Обращаясь, поэтому, къ оцѣнкѣ существа обжалованнаго опредѣленія Палаты, надо замѣтить что Палата «всецѣло раздѣлила соображенія, изложенныя въ постановленіи судебнаго слѣдователя 14-го участка гор. С.-Петербурга, отъ 3-го апрѣля 1892 г., и въ опредѣленіи Окружного Суда отъ 22-го апрѣля». Съ этими соображеніями, однако, затруднительно согласиться не только всецѣло, но даже и въ какой либо ихъ части. Прежде всего представляется неправильнымъ требованіе, чтобы признающій себя потерпѣвшимъ отъ статьи газеты «Врачъ», и потому имѣющій права частнаго, согласно 1040 ст. Улож. о нак., обвинителя, докторъ Іегеръ предъявлялъ жалобу непремѣнно лично, а не чрезъ повѣреннаго. Рѣшеніе Сената 1884 г., № 11, на которое ссылается и судъ и судебный слѣдователь, говоритъ исключительно о гражданскихъ истцахъ, не имѣющихъ права представительства при слѣдствіи, нисколько не предрѣшая вопроса о частныхъ обвинителяхъ. Сенатъ вовсе не высказывался въ этомъ рѣшеніи, какъ полагаетъ судъ, о всѣхъ «прочихъ участвующихъ въ дѣлѣ» лицахъ. Напротивъ, онъ опредѣлительно и точно указалъ лишь на «потерпѣвшихъ отъ преступленія, заявившихъ искъ о вознагражденіи», т. е. на гражданскихъ истцовъ, противопоставивъ имъ обвиняемыхъ, тоже лишенныхъ представительства при слѣдствіи. По отношенію же къ частному обвинителю еще въ 1869 г., по дѣлу Овчинникова № 922, Правительствующій Сенатъ призналъ, что изъ 135, 118 и 585 ст. Уст. угол. суд. вытекаетъ право такого обвинителя имѣть повѣреннаго, при чемъ послѣдній можетъ быть уполномоченъ имъ только лишь на подачу жалобы или и на веденіе всего дѣла. Такой взглядъ Сената вполнѣ вытекаетъ изъ смысла основныхъ правилъ о различіи въ порядкѣ преслѣдованія. Согласно ст. 5 и 6 Уст. угол. суд. по дѣламъ, начинаемымъ не иначе, какъ по жалобѣ и прекращаемымъ примиреніемъ, обличеніе обвиняемыхъ предъ судомъ предоставляется исключительно *частнымъ обвинителямъ*, если же дѣло не принадлежитъ къ прекращаемымъ примиреніемъ, то судебное преслѣдованіе лежитъ на прокурорскомъ надзорѣ, а принесшій жалобу признается лишь *гражданскимъ истцомъ*. Такимъ образомъ *потерпѣвшій отъ преступленія*, жалующійся на причиненную ему

обиду, вредъ или убытокъ, и возбуждающій своею жалобою уголовное дѣло, является въ глазахъ закона, смотря по роду учиненнаго надъ нимъ преступнаго дѣянія—или обвинителемъ или лишь истцомъ. Государственная власть, охраняя общій порядокъ и предоставляя свою судебную защиту обиженному, вслушивается въ его жалобу, и оцѣнивъ ее, поступаетъ двояко. Она говоритъ жалобщику: «здѣсь не одинъ ты обиженъ, вмѣстѣ съ твоими правами нарушены и мои; это дѣло мое, мнѣ нужно, въ цѣляхъ поддержанія общественнаго строя и порядка, удовлетвореніе; дѣло поведетъ *мой* повѣренный—прокуроръ, а ты можешь просить объ обезпеченіи твоего вознагражденія за убытки и доказывать ихъ затѣмъ на судѣ, присоединясь къ моему повѣренному въ выясненіи вины нашего *общаго* обидчика». Или же эта власть объявляетъ жалобщику: «*мои* интересы въ твоемъ дѣлѣ не затронуты, это дѣло касается твоихъ личныхъ счетовъ съ обидчикомъ,—веди его самъ, доказывая и выясняя вину его,—а я помогу только тѣмъ, что во *избѣжаніе самосуда*, предоставлю въ твое распоряженіе подлежащіе судебные и исполнительные органы; первые разберутъ справедливость твоей жалобы и обидчика, если онъ дѣйствительно виновенъ, присудятъ, а вторые—его, если ты того пожелаешь, накажутъ...»

Такая двойственная роль представителей обвиненія строго проведена въ судебныхъ уставахъ. Если въ силу ея, государственная власть, какъ обвинительница, имѣетъ тоже своего повѣреннаго—прокурора, нѣтъ никакого логическаго основанія отрицать за частнымъ обвинителемъ право имѣть тоже своего повѣреннаго, который можетъ и долженъ воспользоваться всѣми правами принадлежащими прокурору и вытекающими изъ его положенія, *какъ стороны*, а не какъ блюстителя закона, поставленнаго въ особыя *служебныя* отношенія къ представителямъ судебной власти. Лишить частнаго обвинителя этого права—значило бы создать для него *privillegium odiosum*. Дѣла частнаго обвиненія обыкновенно глубоко затрогиваютъ честь, доброе имя и спокойствіе потерпѣвшаго. Обвиняемыми являются зачастую люди умные, развитые, понимающіе сущность и способы своей защиты, находящіеся всегда на свободѣ и могущіе посовѣтоваться съ опытными юристами. Такими обвиняемыми, напр., по ст. 1535 Улож. могутъ являться адвокаты, ибо, какъ разъяснилъ Сенатъ по дѣлу Дорна, оклеветаніе кого либо въ рѣчи на судѣ подходитъ подъ 1 ч. 1535 ст. Ими могутъ явиться, по 2 ч. той же статьи и по ст. 1039 и 1040, корреспонденты и редакторы газетъ, авторы книгъ. Потерпѣвшій можетъ жить очень далеко отъ мѣста совершенія преступленія,—его матеріальное, его служебное положеніе могутъ лишать его возможности прибыть въ мѣсто производства слѣдствія,—наконецъ, чуткій къ вопросамъ о своей чести и добромъ имени, онъ можетъ не имѣть никакихъ спеціальныхъ знаній, необходимыхъ для успѣшнаго «обличенія» обвиняемаго, какъ частный обвинитель. Не надо забывать притомъ, что,

напримѣръ, дѣла о клеветѣ принадлежатъ къ самымъ труднымъ въ смыслѣ состязанія обвинителя и обвиняемаго, въ представленіи и опроверженіи доказательствъ. Требованіе личной явки и присутствія при слѣдствіи и судѣ и воспрещеніе имѣть защитника своихъ интересовъ создастъ во всякомъ случаѣ не только неравенство положенія сторонъ, но явится, въ большинствѣ случаевъ, затрудненіемъ добиться правосудія, почти равносильнымъ отказу въ немъ. Стоитъ представить себѣ, напримѣръ, потерпѣвшаго отъ напечатанной въ столичной газетѣ корреспонденціи, содержащей въ себѣ клевету, живущаго во Владивостокѣ или въ Самаркандѣ, которому необходимо явиться лично къ слѣдствію или махнуть рукою на все, подъ опасеніемъ обусловить своею неявкою оправданіе обвиняемаго, т. е. въ сущности признаніе правдивости его вымысла. Нельзя не сознаться, что при такомъ положеніи вещей, когда возможность защиты своей чести дѣлается обратно пропорціональною разстоянію между обидчикомъ и обиженнымъ, право послѣдняго на судебную защиту обращается въ горькую иронію, въ своего рода nudum jus. Поэтому не только жалоба можетъ быть подаваема частнымъ обвинителемъ чрезъ законно уполномоченнаго повѣреннаго, но ему слѣдуетъ разрѣшить участіе чрезъ своего повѣреннаго и въ производствѣ предварительнаго слѣдствія, въ предѣлахъ, указанныхъ 304 ст. Уст. угол. суд. Этому нисколько не противорѣчитъ рѣшеніе Сената о гражданскомъ истцѣ, не пользующимся, вмѣстѣ съ тѣмъ, и правами частнаго обвинителя. Допущеніе его повѣреннаго было бы дѣйствительнымъ нарушеніемъ равноправности, ибо, такимъ образомъ, къ повѣренному государства—прокурору, вооруженному при слѣдствіи правами, указанными въ 278—281 ст. Уст. угол. суд., присоединялся бы, въ явное отягощеніе положенія обвиняемаго, еще и повѣренный истца, домогающагося вознагражденія. Правительствующій Сенатъ даже и вопросъ о повѣренномъ послѣдняго рода разрѣшаетъ не безусловно, а именно въ рѣшеніи 1888 г. по дѣлу фирмы «Ванъ Дюзеръ» онъ призналъ, что воспрещеніе гражданскому истцу имѣть повѣреннаго при слѣдствіи не распространяется на повѣренныхъ юридическихъ лицъ по 26 и 27 ст. Уст. гражд. суд. Но если такимъ образомъ возможно участіе въ слѣдствіи даже повѣреннаго истца, когда этотъ истецъ юридическое лицо, то тѣмъ болѣе возможно участіе повѣреннаго частнаго обвинителя.

Переходя къ другимъ соображеніямъ, высказаннымъ судебнымъ слѣдователемъ и судомъ, я нахожу, что если бы даже и признавать, совершенно, впрочемъ, неправильно и вопреки установившейся у многихъ мировыхъ судей практикѣ,—что къ примирительному разбирательству долженъ являться жалобщикъ лично, а не его повѣренный, то и тогда судебный слѣдователь XIV участка не имѣлъ законнаго основанія возвращать жалобу повѣренному Іегера, а долженъ былъ направить слѣдствіе, согласно 301[1] ст. Уст. уголо суд., за неявкою обвинителя, къ прекращенію по 277 ст., на что

прямо указывается какъ въ текстѣ 303[1] ст., такъ и въ представленіи министра юстиціи Государственному Совѣту о введеніи новаго порядка примирительнаго разбирательства по дѣламъ частнаго обвиненія. Возвращать жалобы, считающіяся, согласно 303 ст. Уст. угол. суд., достаточнымъ поводомъ къ начатію слѣдствія, слѣдователямъ не предоставлено, какъ не предоставлено имъ по 309 ст. Уст. угол. суд., собственною властью оставлять безъ послѣдствій сообщенія полицейскихъ или другихъ присутственныхъ мѣстъ или лицъ о преступленіяхъ. Точно также и указаніе слѣдователя на текстъ 306—308 ст. Уст. угол. суд., будто бы безусловно требующій принесенія жалобы лично—не является правильнымъ, ибо, во-первыхъ—возможна присылка жалобы по почтѣ и притомъ даже не слѣдователю, а представителю мѣстной полицейской власти или даже предсѣдателю суда въ томъ случаѣ, когда иногороднему неизвѣстно, въ какомъ слѣдственномъ участкѣ города должно производиться слѣдствіе по его жалобѣ и—во-вторыхъ—лишь 307 ст. Уст. угол. суд. указываетъ на немедленный разспросъ *жалобщика*, но разспросъ этотъ съ указаніемъ отвѣтственности за ложный доносъ вовсе не является существеннымъ условіемъ для начатія слѣдствія, какъ то разъяснено уже Сенатомъ въ рѣшеніи 1888 г. за № 22 по дѣлу Ряжкина, да и въ дѣлахъ объ оскорбленіи чести путемъ печати онъ не имѣетъ смысла, ибо фактъ напечатанія на лицо, а за неправильную квалификацію этого факта, какъ за ложный доносъ, жалобщикъ отвѣчать не можетъ. Но если можно жалобу прислать, конечно, съ удостовѣреніемъ личности писавшаго,—то можно поручить и повѣренному таковую представить. Опровергая такое право, Окружной Судъ становится на почву экономическихъ соображеній и находитъ, что установленіе его оказалось бы несправедливымъ исключеніемъ въ отношеніи громаднаго большинства неимущихъ лицъ, не могущихъ замѣнить себя повѣренными, такъ что устраненіе неудобства личной явки коснулось бы только состоятельныхъ лицъ. Не говоря уже о томъ, что въ вопросѣ о разъясненіи судопроизводственныхъ правъ нельзя становиться на экономическую точку зрѣнія, надо замѣтить, что идя послѣдовательно, можно возражать и противъ права на защиту въ уголовномъ дѣлѣ чрезъ повѣреннаго, ибо и тамъ состоятельный человѣкъ фактически поставленъ въ лучшее положеніе возможностью обратиться къ болѣе надежной и опытной, а потому и дороже себя цѣнящей силѣ. Для облегченія неудобства неимущихъ въ пріисканіи повѣренныхъ существуетъ совѣтъ и консультація присяжныхъ повѣренныхъ; дѣло идетъ не объ установленіи *обязанности* имѣть повѣреннаго, а о предоставленіи такого *права*—и каждому долженъ быть свободенъ выборъ между личною явкою и присылкою повѣреннаго. Требовать съ отдаленныхъ концовъ Россіи частныхъ обвинителей въ Петербургъ, отрицая за ними право имѣть повѣренныхъ только потому, что между ними могутъ оказаться такіе, которымъ не только пригласить повѣреннаго, но быть

можетъ и лично пріѣхать не на что—не значило ли бы замѣнить имущественное неравенство между нѣкоторыми изъ частныхъ обвинителей—установленіемъ общаго для всѣхъ затрудненія въ отысканіи правосудія, тѣмъ болѣе, что для бѣднаго вѣроятно не менѣе отяготительно явиться лично издалека, бросивъ свой заработокъ, какъ и обратиться къ повѣренному.

Затѣмъ Окружной Судъ, поддерживая постановленіе слѣдователя, нашелъ, что въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, должна быть примѣняема 292 ст. Уст. угол. суд., по силѣ которой слѣдователь предлагаетъ проживающему въ отдаленной мѣстности частному обвинителю окончить дѣло миромъ посредствомъ сношенія съ представителемъ мѣстной слѣдственной власти. Но такое толкованіе 292 ст. Уст. угол. суд., не вытекаетъ ни изъ ея текста, ни изъ идеи примирительнаго разбирательства. Статья эта имѣетъ въ виду такія слѣдственныя дѣйствія, которыя касаются участвующихъ въ дѣлѣ такъ сказать единолично и ничего не предоставляютъ ихъ волѣ по отношенію къ дальнѣйшему продолженію дѣла. Поэтому она и говоритъ о допросѣ, по присланнымъ допроснымъ пунктамъ, обвиняемыхъ или свидѣтелей. Но совсѣмъ иное дѣло примиреніе. Спрашивать иногда за 1,000 верстъ жалобщика, только предъ тѣмъ отправившаго, вѣроятно по зрѣломъ обсужденіи предпринимаемаго шага, свою жалобу, не желаетъ ли онъ примириться съ обидчикомъ, значитъ—спрашивать его, не желаетъ ли онъ признать, что поступилъ необдуманно, не провѣривъ себя. Это была бы лишенная всякаго внутренняго смысла формальность, сводящаяся къ канцелярской волокитѣ. Въ основѣ примирительнаго разбирательства лежитъ мысль о разъясненіи недоразумѣнія, объ объясненіи, о возможности ослабленія оскорбленнаго чувства подъ вліяніемъ встрѣчи съ признающимъ свою ошибку или неосторожность обидчикомъ. Недаромъ 303 ст. Уст. угол. суд. требуется непремѣнно явка двухъ сторонъ къ разбирательству, иначе дѣло или прекращается, или получаетъ судебный ходъ. Жалобщикъ можетъ издалека довѣрить своему повѣренному стать «съ очей на очи» съ обвиняемымъ и, при извѣстныхъ условіяхъ, примириться съ нимъ, но совершать обрядъ примиренія чрезъ судебныхъ слѣдователей на двухъ концахъ Имперіи, въ обстановкѣ канцелярскаго и заочнаго, а не устнаго дѣлопроизводства, нѣтъ никакихъ законныхъ основаній. Кромѣ того, разсуждая о примѣненіи 292 ст. Уст. угол. суд., Окружной Судъ, очевидно, упускаетъ изъ виду, что по настоящему дѣлу обвинитель живетъ не только въ другомъ судебномъ округѣ, но и въ другой странѣ, въ столицѣ Вюртемберга, Штутгартѣ, гдѣ отдѣльныя порученія судебнаго слѣдователя, XIV участка города С.-Петербурга едва ли имѣютъ силу, тѣмъ болѣе, что § 420 устава уголовнаго судопроизводства Германской имперіи, установляя обрядъ примирительнаго разбирательства по дѣламъ частнаго обвиненія (по коимъ, согласно §§ 414 и 418, всегда до-

пускается повѣренный обвинителя) ограничиваетъ его примѣненіемъ лишъ къ лицамъ, живущимъ въ *одномъ общинномъ округѣ*.

Въ постановленіи судебнаго слѣдователя есть и вторая часть, касающаяся международныхъ правовыхъ отношеній. «Законы создаются для удовлетворенія потребностей страны,—говорится въ этомъ постановленіи,—преступленіемъ называется нарушеніе закона, установленнаго для огражденія безопасности и благосостоянія гражданъ въ предѣлахъ даннаго государства, почему Іегеръ, какъ живущій внѣ Россіи, не можетъ пользоваться охраною россійскихъ законовъ въ той мѣрѣ, какъ живущіе въ Россіи, но лишь въ той мѣрѣ, въ какой являются отвѣтственными иностранцы по 172 ст. Улож. о наказ. за преступленія и проступки, совершенные ими за границею противъ россійскихъ подданныхъ, а такъ какъ условій, означенныхъ въ сей статьѣ, по отношенію къ редактору «Врача» нѣтъ, то онъ не подлежитъ никакой отвѣтственности по россійскимъ законамъ». Съ этимъ постановленіемъ «всецѣло» согласилась Судебная Палата. Такимъ образомъ, въ Петербургскомъ судебномъ округѣ создается особая и весьма опредѣлительная практика, основанная на толкованіи основныхъ началъ государственнаго и международнаго права. Но ни съ такою практиктою, ни съ такимъ толкованіемъ я со своей стороны не могу согласиться. Во-*первыхъ*—приводимая въ постановленіи 172 ст. Улож. о наказ. не примѣнима къ возбуждаему въ немъ вопросу. Если основываться на ней, то надо признать, что виновный въ преступленіи, преслѣдуемомъ въ порядкѣ частнаго обвиненія и совершенномъ въ Россіи относительно иностранца, подлежитъ исключительно иностранному суду и лишь въ случаѣ, если его задержатъ за границею, или онъ будетъ выданъ россійскимъ правительствомъ. Покуда же онъ не совершилъ такой неосторожности, или Россія не поступилась своими державными правами и не отдала своего подданнаго, совершившаго преступленіе на родной территоріи, на расправу чужому суду,—онъ безнаказанъ и можетъ свободно и безпрепятственно нарушать иногда самыя существенныя общечеловѣческія права иностранцевъ. Такое положеніе вещей не допустимо. Оно нарушало бы основныя начала международнаго общенія цивилизованныхъ государствъ и шло бы въ разрѣзъ съ исторіею международнаго права, цѣлымъ рядомъ примѣровъ подтверждающею, что еще съ конца прошлаго столѣтія преступленія, совершенныя въ одномъ государствѣ противъ лицъ, живущихъ въ другомъ государствѣ, считались наказуемыми и подсудными мѣстнымъ судамъ.

Во-вторыхъ—не о 172 ст. Улож. о наказ. должна идти рѣчь, а о 174 статьѣ. Она говоритъ, что если по возвращеніи въ отечество русскаго подданнаго, совершившаго преступленіе противъ правъ одного изъ подданныхъ иностранной державы, на него поступятъ жалобы или обвиненія, то онъ подлежитъ суду мѣстныхъ русскихъ судовъ. Но если вернувшійся русскій подданный за преступленіе,

учиненное противъ иностранца, судится русскимъ судомъ, то почему же постоянно проживающій въ Россіи, за такое же дѣяніе, не только не будетъ подсуденъ русскому суду, но и вовсе не будетъ судимъ? Развѣ, напримѣръ, честь и доброе имя имѣютъ территоріальный характеръ и за пограничною заставою утрачиваютъ для человѣка свой смыслъ и значеніе? Развѣ иностранецъ можетъ быть уязвляемъ клеветою и имѣть право на защиту и на наказаніе обидчика только отъ Петербурга до Вержболова или Волочиска, а въ Эйдкуненѣ или Подволочискѣ становится уже беззащитнымъ, а русскій защищенъ французскимъ судомъ отъ печатныхъ посягательствъ на его честь только отъ Парижа до Аврикура, а въ Дейтшъ-Аврикурѣ теряетъ уже возможность смыть съ себя, путемъ приговора французскаго суда, пачкающее его пятно?

Законы пишутся не только «для удовлетворенія потребностей страны», какъ говорится въ постановленіи судебнаго слѣдователя. Многіе изъ нихъ имѣютъ цѣлью не одну финансовую, военную и внутреннюю политику страны, а общія потребности человѣка, вытекающія изъ присущихъ его духу свойствъ и изъ тѣхъ предписаній, которыя, среди грома и молній, даны на Синаѣ и безъ которыхъ не мыслимо человѣческое общежитіе. Эти законы, нарушеніе которыхъ повсюду въ цивилизованномъ мірѣ вызываютъ кару, представляютъ гарантію личной безопасности всякаго живущаго въ предѣлахъ международнаго союза и жалоба на нарушеніе ихъ не должна и не можетъ останавливаться предъ пограничною таможнею. Такъ и смотрѣла до сихъ поръ, судя по доходившимъ до Правительствующаго Сената дѣламъ, наша практика. Достаточно припомнить дѣло *турецкаго* подданнаго Берга, проживавшаго въ *Вѣнѣ*, присланная которымъ жалоба на редактора «Новаго Времени», была не только принята Окружнымъ Судомъ, но и разсмотрѣна въ апелляціонномъ порядкѣ Судебною Палатою. Эта практика стояла на правильномъ пути и по тому же пути, навѣрное, пошелъ бы и французскій судъ, если бы къ нему могъ обратиться, вставъ изъ гроба, съ жалобою извѣстный русскій публицистъ, именемъ котораго безцеремонно распорядились недавно парижскія газеты. Разбиравшееся еще въ 1861 году въ парижскомъ судѣ первой инстанціи дѣло объ оскорбленіи фельдмаршала Воронцова—эмигрантомъ княземъ Долгоруковымъ и газетою «Courrier du Dimanche» указываетъ, какъ смотритъ на вопросъ о подсудности оскорбленія иностранцевъ Франція.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній я полагалъ бы опредѣленіе Палаты отмѣнить, предписавъ ей дать дѣлу Іегера установленный ходъ.

Правительствующій Сенатъ постановилъ резолюцію, согласную съ заключеніемъ.

XI.

По дѣлу Дѣйствит. Статскаго Совѣтника Алабина, обвиняемаго въ бездѣйствіи власти.

Бывшій предсѣдатель Самарской губернской земской управы дѣйств. стат. сов. Алабинъ былъ преданъ суду Московской Судебной Палаты съ участіемъ сословныхъ представителей за бездѣйствіе власти, выразившееся въ томъ, что осенью 1891 г. вступилъ въ сдѣлки съ купцомъ Шихобаловымъ на поставку для населенія, пострадавшаго отъ неурожая, муки 5 сорта, и съ фирмою Дрейфусъ и К° на поставку разнаго зернового хлѣба на сумму около 700,000 руб. и, имѣя возможность обезпечить добросовѣстное исполненіе обязательствъ, принятыхъ на себя ими, не предпринялъ ничего съ этою цѣлью, а, напротивъ, заключивъ условіе съ Дрейфусомъ чрезъ лицо совершенно ему незнакомое,—въ видѣ муки 5-го сорта пріобрѣлъ безъ всякой надобности и вопреки постановленію земскаго собранія, продуктъ совершенно негодный для населенія, не озаботился о наблюденіи за качествомъ купленнаго имъ хлѣба ни на мѣстѣ отправки, ни на мѣстѣ его полученія, а когда недоброкачественность была обнаружена, не принялъ никакихъ мѣръ къ устраненію дальнѣйшихъ злоупотребленій,—послѣдствіемъ чего была доставка фирмою Дрейфуса для населенія Самарской губерніи хлѣба съ умышленною примѣсью куколя и другихъ сорныхъ травъ, а Шихобаловымъ—гнилой муки, употребленіе которой вызвало заболѣваніе болѣе тысячи человѣкъ крестьянъ и явилось одной изъ причинъ, обусловившихъ смерть крестьянки Анастасіи Стальновой. Это дѣяніе признано было 1 департ. Сената соотвѣтствующимъ по признакамъ своимъ бездѣйствію власти, имѣющему важныя послѣдствія, т. е. преступленію, предусмотрѣнному 339 и 2 ч. 341 ст. Улож. о нак.

Дѣло слушалось лѣтомъ 1895 года въ городѣ Нижнемъ-Новгородѣ въ особомъ отдѣленіи Московской судебной палаты, съ участіемъ сословныхъ представителей, приговоромъ которой Алабинъ былъ оправданъ. На этотъ приговоръ принесенъ былъ товарищемъ прокурора Судебной Палаты кассаціонный протестъ, въ которомъ онъ ходатайствовалъ объ отмѣнѣ приговора, какъ потому, что его права были стѣснены отказомъ въ прочтеніи протоколовъ осмотровъ, вопреки ст. 687 Уст. угол. суд.,

такъ и потому, что въ разсужденіяхъ Судебной Палаты, приведшихъ ее къ выводу, что Алабинъ виновенъ лишь въ неумѣлости, допущено явное нарушеніе ст. 797 того-же Устава.

Этотъ протестъ разсматривался въ Сенатѣ *21 ноября 1895 года.*

Лѣтомъ 1891 г. многія губерніи средней и восточной Россіи постигло великое бѣдствіе. Неурожай достигъ такихъ размѣровъ, что сталъ грозить голодомъ сельскому населенію, не собравшему со своихъ сожженныхъ солнцемъ и обвѣянныхъ изсушающимъ вѣтромъ нивъ ни средствъ для прокормленія себя въ ближайшемъ будущемъ, ни зеренъ для обсѣмененія полей. Бѣдствіе это съ особенною силою коснулось и Самарской губерніи. На тревожныя ходатайства экстреннаго губернскаго собранія, правительство отвѣтило 22-го іюля открытіемъ кредита въ 150,000 р., который затѣмъ постепенно до конца 1891 г. былъ увеличенъ еще на 4,700,000 руб. Но бѣда не ходитъ одна. Къ безплодію кормилицы — земли присоединились безпорядки въ организаціи, распредѣленіи и способахъ помощи, благодаря которымъ большія жертвы правительства иногда оказывались совершенно не достигавшими своей цѣли и пропадали даромъ. Эти безпорядки приписывались дѣятельности нѣкоторыхъ должностныхъ и частныхъ лицъ, которыя взяли на себя, въ той или другой формѣ, дѣло продовольствія голодающаго населенія. Возникло большое дѣло о злоупотребленіяхъ по поставкѣ хлѣба въ страждущія мѣстности агентами торговой фирмы Дрейфусъ и К° въ Одессѣ. Оконченное въ 1894 г. обвинительнымъ приговоромъ присяжныхъ, оно восходило на разрѣшеніе Правительствующаго Сената по жалобѣ осужденныхъ Айнгорна, Бернштейна, Вайнштейна, Кульберга и Шехтера. Сенатъ оставилъ этотъ приговоръ въ силѣ— и нынѣ ему снова предстоитъ высказаться по другому, связанному не только съ тою-же тяжелою годиною, но и съ процессомъ Дрейфуса, дѣлу.

Предсѣдатель самарской губернской земской управы д. с. с. Алабинъ, преданный, по постановленію I департамента Сената суду, по обвиненію въ бездѣйствіи власти при исполненіи своихъ обязанностей по продовольствію страдавшаго отъ неурожая мѣстнаго населенія,—бездѣйствіи, имѣвшему важныя послѣдствія и предусмотрѣнному 339 и 2 ч. 341 ст. Улож. о наказ., приговоромъ Московской Судебной Палаты съ участіемъ сословныхъ представителей, состоявшимся въ Нижнемъ-Новгородѣ 12—15-го іюня 1895 года, оправданъ. Въ протестѣ тов. прокурора Громницкаго указывается на нарушеніе 687 и 797 ст. Уст. угол. суд. какъ на основаніе къ отмѣнѣ этого приговора.

Обращаясь къ разсмотрѣнію *перваго* изъ этихъ основаній и оставаясь въ предѣлахъ изложенія неоговореннаго тов. прокурора про-

токола судебнаго засѣданія, надлежитъ замѣтить, что предъявленная имъ Палатѣ просьба о прочтеніи всѣхъ протоколовъ и документовъ, указанныхъ въ обвинительномъ актѣ, заявленная предъ началомъ преній и послѣ прочтенія, согласно ст. 626 Уст. угол. суд., показаній неявившихся по законнымъ причинамъ свидѣтелей, заключала въ себѣ, по самому существу своему, двѣ части. Первая относилась къ протоколамъ осмотровъ, обысковъ, выемокъ и освидѣтельствованій, указанныхъ въ ст. 687 Уст. угол. суд., и *обязательнымъ* къ прочтенію по требованію одной изъ сторонъ, что вытекаетъ изъ содержанія этой статьи, категорически разъясненной еще въ 1872 г. рѣшеніемъ за № 396; вторая часть касалась документовъ, чтеніе которыхъ обязательно лишь, если эти документы пріобщены къ дѣлу, какъ вещественныя доказательства—и не обязательно для суда во всѣхъ прочихъ случаяхъ, если имъ будетъ признано, какъ это подробно указано въ рѣшеніяхъ по дѣламъ саратовско-симбирскаго банка и почтоваго чиновника Кетхудова, что документы эти—или не относятся къ дѣлу, или-же содержаніе ихъ можетъ быть возстановлено другимъ, болѣе живымъ и непосредственнымъ путемъ, наприм., допросомъ свидѣтелей. Поэтому Палата, выслушавъ просьбу тов. прокурора о разрѣшеніи ему ссылаться въ рѣчи своей на протоколы и документы, поименованные въ обвинительномъ актѣ, и возраженіе подсудимаго противъ такого способа оглашенія судебнаго матеріала, имѣла право потребовать отъ обвинителя поименованія, на какіе, именно, документы желалъ онъ ссылаться, не будь несогласія на то Алабина, и затѣмъ обсудить, подлежатъ-ли они прочтенію, или нѣтъ. Но Палата не имѣла никакого основанія требовать поименованія каждаго протокола и освидѣтельствованія, уже указаннаго въ обвинительномъ актѣ, такъ какъ по 687 ст. Уст. угол. суд. она не имѣла права отказать въ прочтеніи *ни одного изъ этихъ документовъ*. Лишенный возможности избавить судъ отъ выслушиванія притупляющаго память, бѣглаго и однообразнаго чтенія многочисленныхъ протоколовъ осмотровъ, при чемъ немногое существенное тонетъ обыкновенно въ массѣ несущественнаго, товарищъ прокурора, какъ онъ совершенно правильно указываетъ въ своемъ протестѣ, вынужденъ былъ потребовать прочтенія *всѣхъ* протоколовъ.

Судебныя пренія—самая живая, подвижная, измѣнчивая въ содержаніи и объемѣ часть судебнаго состязанія. И обвинитель, и защитникъ, если только они не исполняютъ своихъ обязанностей механически, но говорятъ свои рѣчи подъ впечатлѣніемъ выводовъ изъ всей совокупности судебнаго слѣдствія, а не произносятъ того, что французы ѣдко называютъ «une improvisation soigneusement preparée»—не могутъ заранѣе опредѣлить, какой фактъ, цифра, показаніе изъ судебнаго слѣдствія имъ понадобятся. Поэтому, когда имъ не позволяютъ на все законно подлежащее упоминанію ссылаться, они, ограждая свою свободу въ будущей аргументаціи, имѣютъ право—и даже обязаны — настаивать на прочтеніи всего,

что подлежитъ по закону прочтенію и можетъ содержать въ себѣ данныя для ~~этой~~ аргументаціи. Палата не уважила законнаго въ этомъ отношеніи домогательства товарища прокурора и стѣснивъ тѣмъ его право и свободу въ преніяхъ, пошла еще дальше, сама установивъ, какіе изъ протоколовъ она приметъ въ соображеніе при разрѣшеніи дѣла. Такое постановленіе Палаты не только составляетъ своего рода предустановленіе и предуказаніе доказательствъ, чуждое нашему процессу и Судебнымъ Уставамъ, но представляетъ прямое нарушеніе правилъ о разсмотрѣніи и изслѣдованіи доказательствъ. Законъ требуетъ, чтобы въ вопросъ о виновности входили не только выводы обвинительнаго акта, но также и тѣ измѣненія, развитія и дополненія, которымъ они подвергались на судѣ и въ препреніяхъ; смыслъ закона и практика Сената настойчиво указываютъ, что въ преніяхъ не должно быть ничего, не провѣреннаго на судебномъ слѣдствіи, а между тѣмъ Палата, не выслушавъ еще преній, заранѣе объявляетъ, какія письменныя доказательства, не прочитанныя на судѣ, она приметъ во вниманіе. Такимъ образомъ, отправляясь отъ невозможности замѣнить прочтеніе протоколовъ ссылкою на нихъ, Палата довольно неожиданно приходитъ къ возможности разсмотрѣть и оцѣнить протоколы даже и безъ ихъ прочтенія. Такое дѣйствіе всегда являлось-бы серьезнымъ кассаціоннымъ нарушеніемъ, а въ виду того, что въ основаніе всего дѣла Алабина положены, именно, осмотры и освидѣтельствованія, это нарушеніе имѣетъ характеръ не только серьезнаго, но и существеннаго.

Переходя ко *второму* нарушенію, надо замѣтить, что, устанавливая, въ отличіе отъ немотивированнаго рѣшенія присяжныхъ засѣдателей, мотивированный приговоръ суда безприсяжнаго, Уставъ уголовнаго судопроизводства въ ст. 797 опредѣляетъ условія, которымъ по формѣ и содержанію своему долженъ соотвѣтствовать послѣдній приговоръ. Въ немъ неминуемо должны находить себѣ мѣсто предметы обвиненія, выведенные въ обвинительномъ актѣ или въ жалобѣ частнаго обвинителя и въ заключительныхъ преніяхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, соображеніе обвиненія какъ съ представленными по дѣлу обстоятельствами и уликами, такъ и съ законами. Иными словами, приговоръ, постановленный съ соблюденіемъ 797 ст., долженъ содержать въ себѣ всѣ существенныя части предъявленнаго къ подсудимому обвиненія и оцѣнку каждой изъ нихъ, съ точки зрѣнія ея значенія и доказанности, съ подведеніемъ затѣмъ образовавшагося отъ этой оцѣнки результата подъ точное опредѣленіе карательнаго закона. Упоминаніе въ ст. 797 не только о заключительныхъ преніяхъ имѣетъ цѣлью указать, что и выводы обвинительнаго акта подлежатъ въ виду 751 ст. Уст. угол. суд. обсужденію суда, хотя-бы въ преніяхъ обвиненіе и было измѣнено, ограничено или всецѣло оставлено, ибо даже и отказъ прокурора отъ обвиненія по 740 ст. Уст. угол. суд. не снимаетъ съ суда обязанности постановить самостоятельное рѣшеніе по перво-

начально предъявленному обвиненію. Выводы обвинительнаго акта, согласно 520 ст. Уст. угол. суд. и рѣшенію Сената 1870 г. № 505, должны вытекать изъ данныхъ, соотвѣтствующихъ признакамъ преступленія, и слѣдовательно стоять въ непосредственной связи съ законнымъ составомъ преступленія. Поэтому этотъ актъ, чтобы удовлетворять требованіямъ закона, долженъ содержать въ себѣ основанное на обстоятельствахъ дѣла изложеніе всѣхъ необходимыхъ элементовъ *состава преступленія*, взводимаго на подсудимаго. Обвинительный актъ не удовлетворяетъ своему назначенію, если хотябы одинъ изъ этихъ элементовъ состава преступленія въ немъ опущенъ,—и основанное на немъ обвиненіе должно быть отвергнуто. Но и судебный приговоръ, въ которомъ хотя-бы одинъ изъ такихъ элементовъ былъ оставленъ безъ обсужденія, обойденъ молчаніемъ или не подвергнутъ обсужденію въ томъ видѣ или объемѣ, какой имъ приданъ обвинительнымъ актомъ, не соотвѣтствуетъ требованію закона. Въ немъ вопреки 797 ст. Уст. угол. суд. «нѣтъ соображенія всѣхъ предметовъ обвиненія». Предоставляя суду постановить приговоры по внутреннему убѣжденію, почерпнутому изъ обстоятельства дѣла—законъ требуетъ, однако, чтобы выводу судей о виновности или невиновности подсудимаго предшествовала опредѣленная, полная и всесторонняя работа судейскаго анализа. Съ этой точки зрѣнія судъ можетъ отвергнуть существованіе въ дѣлѣ одного или нѣсколькихъ элементовъ состава преступленія, но онъ обязанъ прежде тщательно разсмотрѣть каждый изъ нихъ и сообразить относящійся къ нему предметъ обвиненія съ имѣющимися по дѣлу обстоятельствами. Гдѣ этого не сдѣлано—тамъ несомнѣнное нарушеніе 797 ст. Уст. угол. суд.

Такое нарушеніе усматривается и въ приговорѣ Палаты по дѣлу Алабина.

Обвиненіе, взведенное на Алабина, предусмотрѣно въ ст. 339 Улож. о нак., говорящей о неупотребленіи виновнымъ въ надлежащее время всѣхъ указанныхъ или дозволенныхъ средствъ для предупрежденія или остановки злоупотребленій или безпорядка, чтобы чрезъ то предохранить ввѣренную ему часть общества или государства отъ ущерба или вреда. Приступая къ обсужденію этого обвиненія, Московская Судебная Палата признала необходимымъ держаться указаній, сдѣланныхъ Сенатомъ въ 1888 году по дѣлу врача Дрейпельхера, который обвинялся въ бездѣйствіи власти. Сущность этихъ указаній сводится къ тому, что должностное лицо, какъ это было разъяснено и въ рѣшеніи 1882 г. по дѣлу Мравинскаго, можетъ быть обвиняемо въ бездѣйствіи власти не только, когда имъ не исполнены прямыя предписанія закона, но даже и тогда, когда оно не приметъ всѣхъ тѣхъ, не идущихъ въ разрѣзъ съ закономъ и возможныхъ мѣръ, необходимость принятія которыхъ вытекала изъ свойства служебныхъ обязанностей этого лица или изъ возложеннаго на него порученія по службѣ, буде, конечно, бездѣйствіе обвиняемаго не объясняется исключительно проявлен-

ною имъ небрежностью, нераспорядительностью или ненаходчивостью, отвѣтственность за которую опредѣляется для должностныхъ лицъ другими постановленіями Уложенія (ст. 410). Такимъ образомъ, суду преподанъ способъ обсужденія обвиненій въ бездѣйствіи власти.

Онъ долженъ изслѣдовать сначала, есть-ли въ данныхъ дѣла достаточныя указанія на признаки такого бездѣйствія, и не найдя ихъ или усомнившись въ ихъ значеніи, *обязанъ* затѣмъ разсмотрѣть, нѣтъ-ли въ этихъ данныхъ признаковъ преступленія, предусмотрѣннаго 410 ст. Улож. т. е. нерадѣнія въ отправленіи должности. Иными словами, судъ, не усмотрѣвъ по отношенію къ обвиняемому того *отсутствія исполненія* имъ своего служебнаго долга, которое въ 342 ст. Улож. называется «пребываніемъ въ противозаконномъ бездѣйствіи» и вызываетъ вредъ для государственнаго или общественнаго организма,—обязанъ рѣшить, не проявлялъ-ли обвиняемый *плохого исполненія* своего долга, при чемъ обыкновенное теченіе службы, совершаемое небрежно, ненаходчиво и нераспорядительно, могло вызвать запущеніе или видимый безпорядокъ въ дѣлахъ. Поэтому Московской Палатѣ предстояли двѣ задачи: оцѣнка обстоятельствъ дѣла съ точки зрѣнія *бездѣйствія* власти — и съ точки зрѣнія *нерадѣнія*.

Первую изъ нихъ она выполнила неудовлетворительно—второй не выполнила вовсе. Составъ преступленія бездѣйствія власти въ томъ видѣ, какъ онъ опредѣляется уголовнымъ закономъ, представляетъ слѣдующіе элементы: вредъ или ущербъ, нанесенные государству, обществу или отдѣльной части,—злоупотребленіе или безпорядокъ, вызвавшіе этотъ вредъ,—существованіе мѣръ, своевременное принятіе которыхъ могло-бы предупредить эти злоупотребленія или безпорядокъ—и, наконецъ, непринятіе этихъ мѣръ обвиняемымъ или несвоевременное ихъ принятіе безъ уважительныхъ причинъ. На наличности этихъ элементовъ должно строиться обвиненіе—изъ всесторонняго обсужденія ихъ долженъ состоять судебный приговоръ. Онъ долженъ содержать въ себѣ, независимо отъ обстоятельствъ дѣла, соображенія, приведшія судей къ тому или другому отвѣту, при чемъ между соображеніями этими, отвѣтомъ и выводомъ изъ отвѣта должна быть тѣсная связь и полное соотвѣтствіе. Только при этихъ условіяхъ, говоритъ Сенатъ, въ рѣшеніи по дѣлу Скублинской въ 1892 г. отвѣтъ судей можетъ считаться выраженіемъ ихъ прочнаго и твердаго убѣжденія, почерпнутаго, притомъ, не изъ отдѣльно взятыхъ обстоятельствъ дѣла, а изъ всей ихъ совокупности, и изложеннаго въ выводѣ, составляющемъ завершеніе послѣдовательнаго и отчетливаго обсужденія вопроса о виновности подсудимаго. По отношенію къ отдѣльнымъ элементамъ преступленія, въ которомъ обвинялся Алабинъ,—изложенныя требованія не могутъ считаться выполненными.

Во-первыхъ—вредъ. Въ опредѣленіи 1-го департамента, вошедшемъ затѣмъ въ обвинительный актъ, указано на него подробно,

но въ соображеніяхъ приговора нѣтъ точнаго и яснаго опредѣленія ни его матеріальной, ни его нравственной стороны. Между тѣмъ, данныхъ, подлежащихъ обсужденію въ этомъ отношеніи, въ актѣ приведено достаточно. По части вреда *матеріальнаго* — указано на 1,272 случая тяжелыхъ желудочно-кишечныхъ заболѣваній, вызванныхъ употребленіемъ муки 5-го сорта, да еще и гнилой, исчезавшихъ съ прекращеніемъ употребленія этой муки, — приведенъ даже случай смерти, обусловленный, въ числѣ другихъ причинъ, общимъ ослабленіемъ организма умершей, питавшейся такою мукою. Рядомъ съ этимъ указаніе на покупку негодной для продовольствія и даже вредной муки подлежало обсужденію и въ отношеніи установленія наличности *ущерба* въ смыслѣ безплодной утраты всей израсходованной на эту муку суммы, взятой изъ полученной земствомъ продовольственной ссуды.

По части вреда *нравственнаго* — необходимымъ представлялось обсудить значеніе отобранія правительствомъ 18-го ноября 1891 года, вслѣдствіе безпорядковъ въ организаціи продовольствія въ Самарской губерніи, этого дѣла изъ рукъ земства и порученія его мѣстной администраціи, послѣ такъ еще недавно, въ іюлѣ и августѣ, оказанной, въ этомъ отношеніи, этому земству широкой поддержки и оцѣнить причину такого рѣзкаго перехода отъ полнаго довѣрія къ полному недовѣрію мѣстнымъ земскимъ органамъ. Къ области этого-же вреда, подлежавшаго установленію, несомнѣнно относилось, наконецъ, и нравственное состояніе потерпѣвшихъ отъ неурожая и переносящихъ всѣ бѣдствія наступившей голодовки, которымъ отвѣчаютъ, что имъ разрѣшена помощь и, затѣмъ, осуществляютъ ее мукою, составляющею смѣсь отрубей, — которыхъ по показанію свидѣтелей, даже лошади не ѣдятъ — съ амбарной пылью. Надлежало обсудить—какое значеніе для поддержанія въ народѣ необходимой во время бѣдствія бодрости могла имѣть такая помощь и не поселяла-ли она отчаянія въ сердцѣ бѣдствующаго населенія, испытывавшаго на себѣ примѣненіе знаменательныхъ словъ: ««Если братъ твой спроситъ у тебя хлѣба—и дашь ему камень...» Палата ограничилась ссылкою на то, что изъ 28 тысячъ пудовъ муки 5-го сорта только 5,102 пуда попали въ тѣ мѣстности, гдѣ проявились признаки отравленія ею, но не вошла вовсе въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, былъ-ли хлѣбъ, выпеченный изъ муки, купленной у Шихобалова, *вообще годенъ* для употребленія и каково было положеніе тѣхъ нуждающихся, которые хотя и не заболѣли отъ такой муки, но получили изъ нея хлѣбъ, по показанію свидѣтелей, и по экспертизѣ, совершенно негодный, имѣвшій видъ лепешки, съ толстой, твердой, похожей на кирпичъ корою, облекавше густую, полужидкую массу, имѣвшую видъ замазки. Между тѣмъ разсмотрѣніе этой стороны предъявленнаго обвиненія представлялось весьма существеннымъ, ибо въ Самарской губерніи населеніе нуждалось не въ увеличеніи пищевыхъ средствъ, не въ улучшеніи пищи, а прямо въ пищѣ, такъ какъ ея не было вовсе...

Во-вторыхъ, нѣтъ отвѣта Палаты и относительно точнаго опредѣленія *свойства злоупотребленія*, указываемаго обвинительнымъ актомъ, какъ причина вреда. Злоупотребленіе, по выводамъ обвиненія, состояло въ предоставленіи голодающему населенію не только муки 5-го сорта, негодной самой по себѣ къ употребленію въ пищу, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, затхлой и гнилой. Надлежало установить — обѣ-ли эти причины вызвали вредъ, или одна изъ нихъ и какая, именно, такъ какъ отъ этого зависѣло и опредѣленіе того, на чьей непосредственной винѣ лежитъ причиненный вредъ и какія, именно, мѣры должны были быть приняты для предупрежденія этого злоупотребленія. Иными словами, нужно было выяснить, вслѣдствіе-ли полной негодности муки, купленной у Шихобалова,—населеніе получило вмѣсто дѣйствительной фиктивную помощь, которая, согласно мнѣнію экспертовъ, лишь обманывала голодъ, не утоляя его, или же съѣдобная, сама по себѣ, мука оказалось негодною, вредною вслѣдствіе своей испорченности? Въ первомъ случаѣ, центръ тяжести злоупотребленій, вызвавшихъ вредъ, лежалъ бы въ покупкѣ муки у Шихобалова, во второмъ—*въ поставкѣ* муки *Шихобаловымъ*.

Въ третьихъ—мѣры. Даже замыкаясь въ узкіе предѣлы временнаго признанія правильности закупки у Шихобалова муки 5-го сорта, обвиненіе указывало на то, что въ первыхъ трехъ договорахъ съ Шихобаловымъ отъ 4-го, 14-го и 21-го октября 1891 года о покупкѣ у него 36,000 пудовъ этой муки нѣтъ условій ни о надлежащемъ качествѣ муки, ни о послѣдствіяхъ неисполненія договора; что пробы купленной муки не были разосланы въ волостныя правленія, которымъ приходилось получать ее, и что, наконецъ, губернская земская управа, въ лицѣ своего предсѣдателя Алабина, не распорядилась поставить пріемщиковъ для муки, чѣмъ вполнѣ развязала руки купцу Шихобалову на отпускъ затхлой и гнилой трухи. Судебная Палата лишь упомянула объ оправдательныхъ объясненіяхъ Алабина, что въ виду особыхъ условій спроса и предложенія на хлѣбномъ рынкѣ, вслѣдствіе неурожая, не было возможности быть слишкомъ требовательнымъ при заключеніи условій и обставлять договоры всѣми гарантіями строгаго и точнаго исполненія ихъ, особенно въ виду довѣрія, внушаемаго такими солидными продавцами, какъ Шихобаловъ и Дрейфусъ и К°. Но она не вошла въ обсужденіе того, допустимо ли, вообще, подобное исполненіе довѣренности повѣреннымъ и, въ особенности тамъ, гдѣ повѣреннымъ является предсѣдатель губернской управы и гдѣ, въ виду надвинувшагося общественнаго бѣдствія, никакое позднѣйшее вознагражденіе,—быть можетъ, да и то еще весьма гадательно, могущее быть присужденнымъ судомъ гражданскимъ,—не возмѣститъ грозящаго немедленно, непоправимаго ничѣмъ впослѣдствіи, вреда. Не вошла она также и въ оцѣнку значенія такихъ договоровъ, въ которыхъ обязанности безпрекословно платить—съ одной стороны, соотвѣтствуетъ полный произволъ поставщика—съ дру-

гой, благодаря чему цѣлое голодающее населеніе отдается «auf Gnade und Ungnade» *солиднаго* Шихобалова и не менѣе солидныхъ факторовъ Дрейфуса... *и не заключеніе* которыхъ, быть можетъ, по обсужденіи Палатою всѣхъ обстоятельствъ дѣла въ ихъ совокупности, оказалось-бы, все-таки, меньшимъ зломъ, чѣмъ ихъ заключеніе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Палата оставила вовсе безъ обсужденія указаніе на неразсылку пробъ муки, которая, однако, могла-бы составить хотя какую-нибудь гарантію для точнаго исполненія договора съ Шихобаловымъ, а по отношенію къ пріемщикамъ привела,—какъ правильно заключаетъ товарищъ прокурора,—соображенія, не вытекающія изъ ею-же установленныхъ обстоятельствъ дѣла. Паровая вальцовая мукомольная мельница Шихобалова, находится въ г. Самарѣ и Палата, въ виду этого, не имѣла никакого основанія, вопреки 119 и 766 ст. Уст. угол. суд., говорить о невозможности Алабину имѣть нѣсколькихъ пріемщиковъ въ разныхъ мѣстахъ, когда достаточно было одного пріемщика въ одномъ мѣстѣ.

Наконецъ, *въ-четвертыхъ*,—*непринятіе или несвоевременное принятіе мѣръ*. Для разрѣшенія этого вопроса по дѣламъ о бездѣйствіи власти суду всегда необходимо войти въ разсмотрѣніе размѣровъ власти, которою располагалъ обвиняемый, способа его дѣятельности и заботы его объ исправленіи допущенныхъ упущеній.

По отношенію къ *размѣрамъ власти* Алабина, обвиненіе указывало, что губернское земское собраніе вооружило его, какъ предсѣдателя управы, широкими полномочіями и снабдило, благодаря правительственной ссудѣ, большими средствами, такъ что въ половинѣ октября 1891 г. у него въ распоряженіи было свободныхъ денегъ на продовольствіе 531,000 руб. Поэтому, признавая или отвергая обвиненіе въ бездѣйствіи власти, Палатѣ надлежало обсудить: а) не былъ-ли Алабинъ въ дѣйствительности лишенъ возможности распоряжаться этими средствами, и б) не были-ли ему поставлены какія-либо ограниченія или препоны въ дѣятельности по борьбѣ съ послѣдствіями неурожая? По *первому* изъ этихъ вопросовъ обвиненіе признавало, что хотя размѣръ платы за пудъ муки въ 1 р. 20 к. и былъ въ августѣ указанъ земскимъ собраніемъ, но что это было лишь смѣтнымъ предположеніемъ, которое безусловно обязательнаго характера для будущаго не имѣло и имѣть не могло; что въ этомъ отношеніи никакихъ ограниченій управѣ преподано не было и что, наконецъ, самъ Алабинъ покупалъ муку у Шихобалова по 1 р. 22 к. и 1 р. 31 к. за пудъ. Оцѣнивая эти указанія обвинительной власти, надлежало войти въ обсужденіе значенія обязательности смѣтныхъ предположеній и сообразить это съ тѣмъ, не было-ли возможнымъ, по даннымъ дѣла, указываемымъ въ обвинительномъ пунктѣ, купить годный для пищи хлѣбъ по цѣнѣ между 1 р. 20 к.—1 р. 30 к., а муку 5 сорта еще дешевле. Для этого слѣдовало подвергнуть разбору *четыре* фактическихъ ссылки обвинительнаго акта на существованіе такой возможности

и *восемь* такихъ-же ссылокъ на нахожденіе во время заключенія договора съ Шихобаловымъ большого количества продажнаго хлѣба въ Самарѣ по цѣнѣ, опредѣленной купцами Строгановымъ, Минаковымъ и Половинкинымъ въ 1 руб. 30 к. за пудъ, что дѣлало совершенно излишнимъ покупку негодныхъ суррогатовъ по равной и даже высшей цѣнѣ. Въ связи съ этимъ подлежало разсмотрѣнію и повѣрочному анализу приводимое въ обвинительномъ актѣ показаніе члена управы Бострома о томъ, что, бывши въ Балаковѣ, онъ торговалъ тамъ около 1,500 пудовъ ржи по 1 руб. 20 к., о чемъ 22-го сентября лично сообщилъ Алабину, прибавляя, что въ Балаковѣ много хлѣба у другихъ торговцевъ и что въ Самарѣ на пристани находится 50,000 пудовъ продажной пшеницы, каковое его сообщеніе оставлено было подсудимымъ безъ всякаго вниманія. Но Палата этого не сдѣлала. При этомъ надо замѣтить, что бездѣйствіе и превышеніе власти суть разныя стороны одной и той-же медали. Есть случаи, гдѣ они соприкасаются между собою, есть и такіе, гдѣ бездѣйствіе можетъ устраняться, переходя въ превышеніе власти. Законъ во 2 ч. 340 ст. Улож. говоритъ о тѣхъ ненаказуемыхъ и дозволительныхъ проявленіяхъ превышенія власти, когда должностное лицо, въ какихъ-либо чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, возьметъ на свою отвѣтственность принятіе рѣшительной мѣры, отложить которую до высшаго разрѣшенія было нельзя безъ видимаго вреда по настоятельности самаго дѣла. Поэтому, для оцѣнки правильности оправданій обвиняемаго въ бездѣйствіи власти въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ ссылался на формальныя ограниченія этой власти, не соотвѣтствовавшія наступившимъ чрезвычайнымъ обстоятельствамъ, не только вполнѣ цѣлесообразно, но и необходимо войти въ разсмотрѣніе—не представлялось-ли ему возможнымъ противопоставить чрезвычайнымъ обстоятельствамъ и чрезвычайныя мѣры, состоящія въ дозволенномъ самимъ закономъ превышеніи формальныхъ ограниченій. Живое отношеніе къ дѣлу и принятіе его къ сердцу въ нѣкоторыхъ случаяхъ должны побуждать должностное лицо къ этому. Пусть не говорятъ, что этимъ рекомендуется превышеніе власти,—нѣтъ! Но есть случаи въ жизни общественной, когда общее несчастіе ставитъ предъ власть имущимъ такую дилемму: или бездѣйствіе власти, или ненаказуемое, принимаемое самимъ уголовнымъ закономъ ея превышеніе. Поэтому, быть можетъ, Палата не только не уклонилась-бы отъ своей задачи, но исполнила-бы ее съ особою жизненностью, если-бы она вошла въ обсужденіе вопроса, не представлялось-ли бы превышеніе Алабинымъ смѣтныхъ предположеній земства тѣмъ спасительнымъ превышеніемъ власти, которое указывалось ему самою силою вещей и осудить его за которое едва-ли у кого-либо повернется языкъ.

Второй вопросъ—объ ограниченіяхъ въ дѣятельности. По выводамъ обвиненія, единственнымъ ограниченіемъ было—постановленіе чрезвычайнаго земскаго собранія отъ 16-го сентября 1891 г.—

о покупкѣ хлѣба исключительно *въ зернѣ* во избѣжаніе фальсификаціи. По мнѣнію Палаты—ограниченіемъ было учрежденіе для усиленія состава губернской управы,—два изъ трехъ членовъ которой были командированы для закупки хлѣба, а одинъ велъ текущія дѣла,—особой комиссіи по вопросамъ продовольствія, при чемъ Алабинъ долженъ былъ дѣйствовать и дѣйствовалъ съ ея вѣдома и согласія. Изъ протокола судебнаго засѣданія видно, что категорическія при слѣдствіи и прочитанныя въ засѣданіи показанія членовъ этой комиссіи о томъ, что Алабинъ дѣйствовалъ самостоятельно, прибѣгая лишь изрѣдка къ совершенно частнымъ съ ними объясненіямъ, были нѣсколько видоизмѣнены въ Палатѣ, при чемъ членъ комиссіи графъ Толстой даже заявилъ, что показалъ у слѣдователя иначе потому, что «торопился». Основывая свой выводъ о роли комиссіи на послѣднихъ показаніяхъ, Палата должна была войти въ оцѣнку этихъ разнорѣчій, указавъ, почему она отдаетъ имъ предпочтеніе и, во всякомъ случаѣ, сопоставить ихъ съ приведеннымъ въ актѣ осмотра постановленій чрезвычайнаго земскаго собранія отъ 25-го октября письменнымъ заявленіемъ членовъ комиссіи о сложеніи ими съ себя полномочій, такъ какъ «случайность участія комиссіи въ дѣлахъ губернской управы лишаетъ ея членовъ возможности принимать активное участіе въ направленіи дѣлъ и ставитъ ихъ, по большей части, лишь свидѣтелями совершившихся фактовъ и ихъ неизбѣжныхъ послѣдствій, измѣнить которые не представляется возможности. Такое положеніе заставляетъ ихъ признать, что комиссія не можетъ съ успѣхомъ выполнить той громадной и отвѣтственной задачи, которая возложена на нее собраніемъ, почему члены комиссіи считаютъ своимъ долгомъ сложить съ себя данныя имъ полномочія».

По отношенію къ *способу дѣятельности Алабина* обвиненіемъ было указано, что, заключивъ договоръ съ Шихобаловымъ, губернская управа послала 4-го октября увѣдомленіе объ этомъ Самарской уѣздной управѣ, которая извѣстила подлежащія волостныя правленія 7-го, 8-го, 9-го и 10-го октября, сообщившія въ свою очередь, нуждающимся сельскимъ обществамъ, которые выбрали уполномоченныхъ и отправили ихъ въ Самару получать отъ приказчиковъ Шихобалова муку 5-го сорта. Это полученіе произошло въ промежутокъ времени отъ 8-го до 10-го октября;—11-го октября въ уѣздной управѣ получено разъясненіе губернской управы о томъ, какъ приготовлять хлѣбъ изъ муки 5-го сорта, уже розданной подлежащимъ крестьянамъ. Въ разъясненіи этомъ, подкрѣпленномъ впослѣдствіи отпечатанными 22-го октября наставленіями, говорилось, что мука 5-го сорта, будучи смѣшана *на половину* съ ржаною, даетъ превосходный хлѣбъ и что также хорошій хлѣбъ получается, если смѣшать $^2/_3$ пшеничной муки съ $^1/_3$ ржаной, о чемъ и сообщается для вразумленія берущихъ ссуду для соображеній при выдачѣ муки. Въ виду этихъ указаній обвиненія, на обязанности Палаты лежало обсудить, *своевременно-ли* явилось это

«вразумленіе» и какое значеніе могло оно имѣть *по существу своему*, если принять во вниманіе крайнюю нужду населенія въ хлѣбѣ и то, что, какъ писалъ управѣ 19-го октября губернаторъ Свербеевъ, большинство населенія ни ржаной муки, ни средствъ къ ея пріобрѣтенію не имѣетъ, такъ что выдача въ ссуду негодной муки равносильна неполученію никакого пособія. Этимъ путемъ возможно было выяснить: можетъ-ли, должно-ли это вразумленіе быть разсматриваемо какъ серьезная мѣра, направленная на помощь нуждающимся, въ которой лишь предубѣжденная односторонность можетъ видѣть жестокую иронію надъ голодающими, уже въ половинѣ октября, по показанію допрошеннаго Палатою свидѣтеля Шишкова, питавшимися размолотою соломою, «перекати-полемъ» и «отвратительнымъ» киселемъ изъ старыхъ арбузныхъ корокъ— или-же оно можетъ считаться, по выраженію протеста, лишь «бумажнымъ успокоеніемъ совѣсти», чтобы не сказать—«бумажною замѣною совѣсти»...

Наконецъ, относительно *заботъ объ исправленіи упущеній*—надо замѣтить, что пребывающій въ бездѣйствіи можетъ одуматься, спохватиться и приложить всю силу своего разумѣнія, чтобы по мѣрѣ силъ поправить упущенное или допущенное. Обвиненіе указывало на постановленія сельскихъ обществъ Дубоваго Умета и Колывани отъ 10-го и 13-го октября о ходатайствѣ предъ земскою управою о замѣнѣ «размолотой затхлой отруби», изъ которой «нельзя уладить хлѣба въ данномъ видѣ», на заявленія управѣ священника сельца Подосеновки, и на сообщенія управѣ земскаго начальника Самойлова, который, получивъ послѣ того, 11-го октября, отъ Алабина отвѣтъ на необходимость примѣшивать къ мукѣ 5-го сорта до 50 проц. ржаной, пожаловался, наконецъ, губернатору, увѣдомленному въ свою очередь 21-го октября, губернскою управою, что жалобы на негодность муки не имѣютъ никакихъ основаній. Палатѣ надлежало обудить: не обязывали-ли Алабина всѣ эти сообщенія и ходатайства принять хоть какіе-либо мѣры къ улучшенію снабженія хлѣбомъ и къ устраненію вкравшагося въ это дѣло, по меньшей мѣрѣ, безпорядка; надлежало разрѣшить и то, насколько съ такою обязанностью Алабина, вытекавшею уже изъ одного сообщенія земскаго начальника Самойлова, отъ 11-го октября, согласовались заключенія *14-го и 21-го октября* новыхъ условій съ Шихобало на поставку муки 5-го сорта, покупка которой, наконецъ, была запрещена управѣ, постановленіемъ экстреннаго губернскаго собранія, созваннаго 27-го октября.

Въ виду всего сказаннаго надо признать, что п. 1 и 2 ст. 797 Уст. угол. суд. нарушены въ приговорѣ по дѣлу Алабина. Не всѣ предметы обвиненія соображены съ доказательствами и уликами— и не на всѣ существенныя части состава преступленія, взведеннаго на подсудимаго, имѣется полный, точный и проникнутый внутреннею связью отвѣтъ. *Кассаціонный судъ* не имѣетъ права говорить *суду по существу*—какой приговоръ слѣдуетъ постановить.

Это выходитъ изъ его задачи и не соотвѣтствуетъ имѣющимся въ его распоряженіи средствамъ. Но, не касаясь вывода изъ обстоятельствъ дѣла, онъ можетъ, охраняя смыслъ ст. 797 Уст. угол. суд., требовать, чтобы выводъ этотъ былъ основанъ на обсужденіи всѣхъ данныхъ дѣла. Онъ обязанъ сказать суду по существу—«признавай или отвергай что хочешь,—это твое право, но обсуди все,—это твоя обязанность». Именно это долженъ, сказать Правительствующій Сенатъ Московской Судебной Палатѣ по дѣлу Алабина.

Но не одно указанное нарушеніе 797 ст. усматривается въ настоящемъ дѣлѣ. Она требуетъ *соображенія обвиненія съ законами*, т. е. правильнаго примѣненія къ сдѣланнымъ судомъ изъ обвиненія выводамъ взгляда и указаній закона. Это требованіе нарушено также.

Палата, въ заключительномъ своемъ выводѣ, оправдывая Алабина, нашла, что неудовлетворительное веденіе дѣла продовольствія пострадавшаго отъ неурожая населенія Самарской губерніи объясняется только *неумѣлостью* Алабина распорядиться среди тѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ ему приходилось дѣйствовать имѣвшимися у него средствами, а не бездѣйствіемъ, съ его стороны, власти. Не говоря уже о томъ, что простого утвержденія о неумѣлости человѣка, находившагося въ службѣ 48 лѣтъ, бывшаго управляющимъ удѣльною конторою и палатою государственныхъ имуществъ, губернаторомъ въ Болгаріи и Самарскимъ городскимъ головою—недостаточно, самое понятіе о *неумѣлости*, какъ свойствѣ, оправдывающемъ служебныя преступленія, неизвѣстно нашему закону. Въ Уставѣ о службѣ гражданской перечислены въ 712 и 714 статьяхъ необходимыя качества должностныхъ лицъ, но нигдѣ не говорится объ *умѣніи*, такъ какъ оно само собою предполагается въ лицѣ, принявшемъ то или другое званіе, а указывается, напротивъ, на радѣніе о должности. Оно—это радѣніе—требуетъ отъ служащаго, между прочимъ, *человѣколюбія*, *усердія къ общему добру и покровительства скорбящему*, вмѣняя должностнымъ лицамъ въ *главнѣйшее поношеніе*—упущеніе должности и нерадѣніе по части блага общаго, имъ ввѣреннаго. Поэтому, при обвиненіи въ упущеніяхъ послѣдняго рода—можетъ быть или осужденіе или оправданіе по *невиновности*, но не *по неумѣлости*. Осужденный можетъ быть признанъ, по обстоятельствамъ дѣла, виновнымъ въ бездѣйствіи власти по 339 или въ нерадѣніи по 410 ст. Улож.; онъ можетъ быть оправданъ по 771 ст. Уст. угол. суд., когда факты, въ которыхъ должны выражаться бездѣйствіе или нерадѣніе, *не доказаны*, не говоря уже о законныхъ причинахъ невмѣняемости. Но внѣ этихъ трехъ исходовъ—четвертаго нѣтъ. Это ясно и вполнѣ опредѣленно выражено именно въ рѣшеніи Сената по дѣлу Дрейпельхера, которое Палата положила «во главу угла» своего приговора. Начало неумѣлости, какъ основанія къ оправданію, не допустимо потому, что, получивъ право гражданства, оно явилось-бы

разлагающимъ по отношенію къ началу долга, на которомъ зиждется всякое служеніе. Это начало было-бы *опаснымъ*, такъ какъ въ силу его представлялась-бы возможность, относясь легкомысленно, невнимательно, высокомѣрно или бездушно къ общественному бѣдствію и даже усугубивъ его своимъ отношеніемъ къ дѣлу, уходить изъ изъ-подъ карающей длани закона и драпироваться въ удобную и безопасную мантію неумѣлости. Это начало было-бы *несогласнымъ съ требованіями нравственности*, такъ какъ при допущеніи его призываемый, по долгу службы, на помощь противъ общаго несчастія и рѣшаясь взяться за дѣло, сталъ-бы руководствоваться, вмѣсто смиренія предъ важностью задачи и строгой провѣрки себя и своихъ силъ, — одними лишь аппетитами къ власти, вліянію и разнаго рода наградамъ.

По всѣмъ приведеннымъ основаніямъ и принимая во вниманіе, что нарушеніе 687 ст. Уст. угол. суд., одинаково касается бездѣйствія власти относительно Шихобалова и Дрейфуса и К°, надлежитъ отмѣнить приговоръ Московской Судебной Палаты по этому дѣлу и передать его для новаго разсмотрѣнія въ другую, ближайшую къ Самарѣ Судебную Палату.

Сенатъ опредѣлилъ: приговоръ Московской Судебной Палаты съ участіемъ сословныхъ представителей за нарушеніемъ 687, 766 и 797 ст. Уст. угол. суд. отмѣнить и дѣло для новаго разсмотрѣнія передать въ Казанскую Судебную Палату.

XII.

По дѣлу отставного поручика Вельяшева, обвиняемаго въ укрывательствѣ подлога векселей.

1889 года октября 26—29-го, Московскій Окружной Судъ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, разсмотрѣлъ дѣло о потомственной дворянкѣ Екатеринѣ Олениной, бельгійскомъ подданномъ Северинѣ Кооненъ и отставномъ поручикѣ гвардіи Николаѣ Вельяшевѣ, обвиняемыхъ: 1-я—по 1160 ст., 2-й—по 13 и 1160 и 3-й—по 14 и 1160 ст. Улож. о наказ. На разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей были предложены судомъ слѣдующіе пять вопросовъ: 1) Доказано-ли, что векселя на сумму 108,200 р. с., подписанные именемъи фамиліею Екатерины Олениной, какъ повѣренной мужа своего Ржевскаго помѣщика Григорія Оленина, на имя Бѣльскаго помѣщика отставнаго подпоручика Михаила Свистунова, на взысканіе денегъ по которымъ съ опеки умершаго Григорія Оленина выданъ исполнительный листъ Московскаго коммерческаго суда, составлены вымышленно въ 1884 г., по смерти его, Григорія Оленина, послѣдовавшей 22-го апрѣля 1875 г.; 2) Если изложенное въ первомъ вопросѣ доказано, то виновна-ли подсудимая, потомственная дворянка Екатерина Оленина въ томъ, что въ 1884 г. написала тексты указанныхъ векселей и подписала ихъ какъ бы по довѣренности отъ мужа своего Григорія Оленина, завѣдомо для нея умершаго еще въ 1875 году? 3) Если изложенное въ первомъ вопросѣ доказано, то виновенъ ли подсудимый, Бельгійскій подданый Северинъ Кооненъ въ томъ, что, съ цѣлью дать возможность другому лицу составить указанные въ первомъ вопросѣ, завѣдомо для него, Коонена, вымышленные векселя, пріобрѣлъ для сего вексельные бланки прежнихъ годовъ и передалъ ихъ означенному выше другому лицу, которымъ векселя тѣ и были въ дѣйствительности на означенныхъ бланкахъ написаны? 4) Если Кооненъ виновенъ, то содѣйствіе, оказанное имъ другому лицу къ написанію векселей, указанныхъ въ первомъ вопросѣ, было-ли необходимо для совершенія сего преступленія? и 5) Если изложенное въ первомъ вопросѣ доказано, то виновенъ-ли подсудимый, отставной гвардіи поручикъ Николай Вельяшевъ въ томъ, что, зная, что указанные въ первомъ вопросѣ векселя составлены вымышленно, по смерти Григорія Оленина, съ корыстною цѣлью, принялъ на себя ходатайство по исполнительному листу коммерческаго суда на взысканіе денегъ по означеннымъ выше векселямъ, имѣвшее послѣдствіемъ своимъ

продажу съ публичнаго торга сельца Талицы Ржевскаго уѣзда и другихъ имѣній, принадлежавшихъ покойному Григорію Оленину?—На эти вопросы присяжные засѣдатели отвѣтили: на 1-й—утвердительно, признавъ подложность каждаго изъ векселей доказанною, на 2-й и 3-й—отрицательно, 4-й, какъ условный, оставленъ, безъ отвѣта и на 5-й—«да, виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія». Сообразивъ изложенное рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей съ законами, Окружной Судъ, относительно обвиненія подсудимаго Вельяшева, нашелъ: 1) что преступное дѣяніе, въ совершеніи котораго признанъ виновнымъ подсудимый Вельяшевъ, оказывается, по признакамъ своимъ, укрывательствомъ завѣдомо подложно-составленныхъ векселей, предусмотрѣннымъ 14 и 1160 ст. Улож. о наказ.; 2) что виновные въ составленіи подложныхъ векселей подвергаются, на основаніи 1160 ст. Улож., наказанію по 2 степ. 20 ст., виновные же въ укрывательствѣ, на основаніи 124 и 121 ст. Улож., приговариваются къ наказанію, опредѣленному пособнику въ преступленіи, содѣйствіе котораго не было необходимо для совершенія онаго, но лишь одною степенью ниже; 3) что, во вниманіе къ признанію Вельяшева присяжными засѣдателями заслуживающимъ снисхожденія къ прежней его незапятнанной жизни, представляется справедливымъ понизить ему означенное выше наказаніе, на основаніи 828 ст. Уст. угол. суд., на двѣ степени, вслѣдствіе чего Вельяшевъ подлежитъ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ ему, правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье, въ виду состоянія, званія и степени образованія его, въ Томскую губернію.

На этотъ приговоръ Окружного Суда обвиняемымъ Вельяшевымъ была подана кассаціонная жалоба, въ коей онъ указывалъ на допущенныя, по мнѣнію его, судомъ существенныя нарушенія закона: 1) *Нарушеніе 265, 449, 575 и 576 ст. Уст. угол. суд.*, заключающееся въ нижеслѣдующемъ: поводами къ привлеченію его, Вельяшева, къ отвѣтственности были какъ заявленіе, поданное Олениной 1-го февраля 1888 года прокурору Ржевскаго Окружнаго Суда, такъ и доставленныя симъ послѣднимъ прокурору Московской Судебной Палаты свѣдѣнія о томъ, что онъ Вельяшевъ, человѣкъ «съ грязнымъ прошлымъ, вполнѣ безнравственнымъ». Въ цѣляхъ опровергнуть взводимое на него, Вельяшева, обвиненіе, основывавшееся исключительно на степени довѣрія къ нравственнымъ качествамъ того или другого лица, онъ просилъ судебнаго слѣдователя допросить предсѣдателя Департамента С.-Петербургской Судебной Палаты Мальчевскаго, присяжнаго повѣрнаго Унковскаго, предсѣдателя С.-Петербургской Казенной Палаты Корсакова и другихъ лицъ, хорошо знавшихъ его личность, его прошлое и отношеніе его къ настоящему дѣлу, но судебный слѣдователь, постановленіемъ отъ 24-го декабря 1889 г., отказалъ въ допросѣ этихъ лицъ подъ предлогомъ, что слѣдствіе не имѣетъ въ виду разсмотрѣть вообще его, Вельяшева, адвокатскую дѣятельность. Затѣмъ, по поступленіи дѣла въ судъ онъ, Вельяшевъ, въ установленный 557 ст. Уст. угол. суд. срокъ, просилъ о вызовѣ тѣхъ-же лицъ и, кромѣ того, прокурора Ржевскаго Окружнаго Суда—для выясненія даннаго имъ отзыва; но судъ постановленіемъ отъ 5 сентября 1889 г. отказалъ въ его просьбѣ, находя, что показанія свидѣтелей этихъ «никакого значенія для дѣла не представляютъ». Въ новой просьбѣ его, Вельяшева, вызвать сказанныхъ свидѣтелей на его счетъ, судъ вновь отказалъ, предоставя ему право вызвать ихъ по добровольному соглашенію. Въ виду оффиціальнаго положенія нѣкоторыхъ свидѣтелей такое постановленіе суда являлось равносильнымъ полному отказу, такъ какъ свидѣтели эти безъ вызова ихъ повѣстками отъ суда не могли оставить службу по приглашенію частнаго человѣка, а потому онъ просилъ судъ, по крайней мѣрѣ, предсѣдателя Департамента С.-Петербургской Судебной Палаты Мальчевскаго допросить на мѣстѣ жительства, но и

въ этомъ ему было отказано опредѣленіемъ суда отъ 14 октября 1889 г. 2) *Нарушеніе 626 ст. Уст. угол. суд.*—отказомъ суда въ прочтеніи показанія свидѣтеля Корчица, вызваннаго судомъ и неявившагося, но имѣвшаго право не явится въ силу 2 п. 642 ст. Уст. угол. суд. почему показаніе его подлежало въ силу 626 ст. Уст. угол. суд. и разъясненія рѣш. Угол. Кассац. Д-та 1875 г. № 410, прочтенію. 3) *Нарушеніе 760 ст. Уст. угол. суд.*—употребленіемъ въ вопросахъ 1 и 5-мъ, предложенныхъ на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей, неточнаго и неопредѣленнаго выраженія «вымышленно» и кромѣ того, въ вопросѣ 5-мъ выраженія «ходатайство», представляющаго юридическое понятіе, которое не можетъ быть употреблено въ вопросахъ присяжнымъ засѣдателямъ. 4) *Нарушеніе 801 и 802 ст. Уст. угол. суд.*—неправильнымъ разъясненіемъ предсѣдателемъ присяжнымъ засѣдателямъ относительно того, въ какомъ смыслѣ присяжные засѣдатели должны понимать указанный въ 5-мъ вопросѣ срокъ знанія имъ, Вельяшевымъ, о происхожденіи исполнительнаго листа; и 5) *нарушеніе 1160 ст. Улож. о наказ.*—неправильнымъ примѣненіемъ статьи этой къ даннымъ, установленнымъ отвѣтами присяжныхъ засѣдателей, такъ какъ она предусматриваетъ спеціально преступленіе противъ вексельнаго права, онъ же, Вельяшевъ, производилъ взысканіе не по векселямъ, а по выданному уже коммерческимъ судомъ исполнительному листу.

Дѣло это слушалось въ засѣданіи Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента *17-го апрѣля 1890 г.*

Не усматривая нарушенія 626 ст. Уст. угол. суд. и неправильности въ постановкѣ вопроса относительно прекращенія силы довѣренности, такъ какъ въ первомъ вопросѣ точно указано время смерти довѣрителя Олениной, съ котораго довѣренность, въ силу самаго закона, неизбѣжно прекращается, считаю возможнымъ прямо обратиться къ двумъ важнѣйшимъ въ дѣлѣ вопросамъ: о преступности дѣянія Вельяшева, признаннаго присяжными, и о нарушеніи правъ подсудимаго способомъ вызова указанныхъ имъ свидѣтелей.

По *первому вопросу* не представляется возможнымъ согласиться со взглядомъ на чисто гражданскій характеръ дѣятельности подсудимаго въ томъ видѣ, какъ она установлена присяжными. Нельзя, конечно, требовать отъ повѣреннаго, чтобы онъ производилъ дознаніе объ источникѣ происхожденія судебнаго рѣшенія, которое онъ приводитъ въ исполненіе; сдѣлать такое дознаніе объ отсутствіи въ дѣлѣ лживыхъ свидѣтелей или подложныхъ доказательствъ повѣренный можетъ не имѣть никакой физической и нравственной возможности, и исполнительный листъ, выданный судомъ, является для него непререкаемымъ документомъ, свидѣтельствующимъ о томъ, что рѣшеніе, явившееся плодомъ переработки всѣхъ доказательствъ, не подлежитъ опорочиванію. Иначе, однако, слѣдуетъ смотрѣть на дѣйствія повѣреннаго, когда ему сдѣлалось извѣстнымъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что рѣшеніе, по которому выданъ исполнительный листъ, явилось результатомъ подлога. Если и можно бы

говорить о нѣкоторомъ снисхожденіи къ повѣренному, который берется приводить въ исполненіе рѣшеніе суда о взысканіи по завѣдомо для него, повѣреннаго, подложнымъ документамъ, въ виду заявленія о такомъ подлогѣ отвѣтчикомъ спора въ судѣ, отвергнутіи этого спора судомъ и разрѣшеніи дѣла въ апелляціонной и кассаціонной инстанціяхъ при дѣятельномъ участіи отвѣтчика, то объ этомъ не можетъ быть и рѣчи въ дѣяніи, въ коемъ обвинялся и обвиненъ Вельяшевъ. Тутъ не было ни взаимной борьбы сторонъ, ни постановки вопроса о подлогѣ предъ судомъ, ни авторитетнаго, въ предѣлахъ человѣческаго разумѣнія, постановленія суда о годности или негодности предъявленнаго ко взысканію документа, не было, однимъ словомъ, двухъ борющихся за право лицъ, спору которыхъ кладетъ конецъ судебное рѣшеніе. Наоборотъ, тутъ являлась стачка истца и отвѣтчика въ ущербъ третьяго лица и г-жа Оленина, выдавъ подложные векселя Свистунову, тѣмъ самымъ приняла на себя неизбѣжную обязанность не возражать противъ предъявленнаго Свистуновымъ къ ея обездоленнымъ дѣтямъ иска и тѣмъ лишила судъ законной возможности осуждать правильность основаній иска. Такое дѣяніе есть несомнѣнное преступленіе, и если дѣятельность Вельяшева, принявшаго ходатайство по исполнительному листу, выданному Свистунову, не можетъ быть подведена подъ несуществующее въ этомъ отношеніи спеціальное постановленіе Уложенія о наказаніяхъ, то, во всякомъ случаѣ, дѣятельность эта тѣсно примыкаетъ къ преступному дѣлу, совершенному Олениной и Свистуновымъ.

Чѣмъ же, однако, представляется дѣяніе Вельяшева? Какъ примыкающее къ дѣяніямъ Олениной и Свистунова, а не самостоятельное преступленіе, оно не есть участіе въ преступленіи по 12 и 13 ст. Улож., въ виду того, что подлогъ совершенъ до обращенія къ Вельяшеву. Слѣдовательно, его надо искать въ предѣлахъ прикосновенности къ преступленію при чемъ о попустительствѣ, согласно 14 ст. Улож. угол., не можетъ быть и рѣчи. Нельзя видѣть въ Вельяшевѣ и недоносителя по ст. 15 Улож., имѣющаго, такъ сказать, голое отношеніе къ преступленію, безъ всякаго съ нимъ или его послѣдствіями личнаго соприкосновенія, безъ всякаго фактическаго касательства къ тому, что совершено. Притомъ, подводя дѣяніе Вельяшева подъ недонесеніе, пришлось бы столкнуться съ непримиримымъ противорѣчіемъ, представляемымъ профессіональнымъ положеніемъ повѣреннаго, такъ какъ недонесеніе могло бы примѣняться лишь къ лицу, не принадлежащему къ сословію присяжныхъ повѣренныхъ, для которыхъ обязательна ст. 403 Учр. суд. уст., обязывающая ихъ хранить въ тайнѣ сообщенія своихъ довѣрителей. Поэтому дѣяніе Вельяшева, какъ это совершенно правильно призналъ и Московскій Окружной Судъ, ближе всего подходитъ подъ *укрывательство* подлога векселей, состоящаго, согласно рѣшеніямъ Правительствующаго Сената 1872 г. № 990 по дѣлу Горелина и 1874 г. № 245 по дѣлу Еремѣева, въ выдачѣ

векселей по истеченіи срока довѣренности на это. Въ дѣйствительности, что такое исполнительный листъ Московскаго Коммерческаго Суда, выданный Свистунову, какъ не документъ, придающій практическую силу рѣшенію суда, составляющему плодъ преступной стачки Олениной и Свистунова въ ущербъ малолѣтнимъ? По закону же, укрывательство состоитъ въ способствованіи къ сокрытію преступленія, въ сокрытіи слѣдовъ и въ пользованіи плодами преступленія. Содѣйствіе въ послѣднемъ смыслѣ можетъ выражаться, въ виду рѣшеній Сената 1869 г. по дѣлу Авидонова, 1871 г. по дѣлу Спевакова, 1876 г. по дѣлу Дронка и 1885 г., по дѣлу Мироновича, не только въ сбытѣ и продажѣ пріобрѣтенныхъ преступленіемъ вещей, но и вообще во всякихъ дѣйствіяхъ, которыми преступнику облегчается возможность безнаказанно обратить въ свою матеріальную выгоду то, что имъ пріобрѣтено преступленіемъ. Чтобы подвергнуться отвѣтственности за укрывательство, виновный, безъ сомнѣнія, долженъ получить въ свои руки предметъ, представляющій плодъ преступленія, или вѣрнѣе, средство для пользованія плодами преступленія;—дѣятельность его должна имѣть активный характеръ, а отношеніе къ преступнику можетъ выражаться не только въ словесныхъ соглашеніяхъ, но и въ какой-либо юридической сдѣлкѣ, въ силу которой средства для пользованія плодами преступленія поступаютъ въ его руки. Поэтому, дѣяніе Вельяшева,—въ виду рѣшенія присяжныхъ, что онъ съ корыстною цѣлью принялъ на себя ходатайство по исполнительному листу на взысканіе по векселямъ, зная отъ довѣрителя о подлогѣ послѣднихъ,—правильно признано содѣйствіемъ къ пользованію плодами преступленія, т. е. укрывательствомъ.

Разъясненіе предсѣдателя, не занесенное въ протоколъ по требованію сторонъ, но устанавливаемое объясненіями суда и состоящее въ томъ, что моментъ знанія подсудимымъ о подложности векселей одинаково относится и къ пріему исполнительнаго листа, и ко всему дальнѣйшему по немъ ходатайству, вполнѣ правильно, тѣмъ болѣе, что въ вопросѣ о подложности векселей, предложенномъ присяжнымъ засѣдателемъ, введенъ и признакъ, опредѣляющій окончаніе того времени, въ теченіи котораго знаніе о подлогѣ придавало дѣйствіямъ Вельяшева преступный характеръ. Этотъ признакъ есть совершеніе публично продажи имѣнія покойнаго Оленина.

Переходя ко *второму* вопросу, надлежитъ прежде всего замѣтить, что свидѣтельскія показанія являются однимъ изъ лучшихъ и наиболѣе вѣскихъ доказательствъ въ нашемъ новомъ уголовномъ процессѣ. Въ противоположность старому порядку судопроизводства, въ новомъ свидѣтели ставятся на первый планъ, отодвигая назадъ собственное сознаніе, считавшееся «лучшимъ въ свѣтѣ доказательствомъ». Они не подлежатъ болѣе ограниченіямъ и условіямъ качества и количества, устанавливаемымъ 2 ч. XV т. Поэтому, представленіе свидѣтелей на судъ и ихъ перекрестный до-

просъ составляютъ ближайшую задачу при изслѣдованіи и оцѣнкѣ доказательствъ. Законъ знаетъ свидѣтелей, *относящихся къ дѣлу* и *неотносящихся* къ нему. Первые раздѣляются на *существенныхъ и несущественныхъ*. Существенными слѣдуетъ признавать тѣхъ, показанія которыхъ относятся къ составу преступленія, т. е. которыми удостовѣряются признаки преступнаго факта и связь съ этимъ фактомъ личности подсудимаго. Несущественными, но, однако же, всегда имѣющими значеніе для вполнѣ правильнаго разрѣшенія вопроса о судьбѣ подсудимаго, могутъ быть признаны тѣ, которые, не показывая ничего о составѣ преступленія, свидѣтельствуютъ объ обстоятельствахъ, могущихъ послужить къ уменьшенію мѣры наказанія, о житейской обстановкѣ виновнаго и потерпѣвшаго и объ условіяхъ, въ которыхъ содѣяно преступленіе. Составители судебныхъ уставовъ, стремясь обезпечить правильное отправленіе правосудія, признавали, что свидѣтели о поведеніи обвиняемаго, о его связяхъ и образѣ жизни представляются необходимыми въ дѣлахъ, гдѣ существуютъ однѣ лишь улики, такъ какъ «разсуждая о степени виновности, невозможно обойтись безъ соображеній поступка подсудимаго съ его прошедшей жизнью, такъ какъ судомъ всегда судится не отдѣльный поступокъ подсудимаго, но его личность, насколько она проявилась въ противозаконномъ дѣйствіи,—и преступленіе, составляющее въ жизни подсудимаго изолированный фактъ, не можетъ имѣть предъ судомъ одинаковаго значенія съ тѣмъ, которое проистекаетъ изъ глубоко укоренившейся наклонности ко злу». Согласно этому и кассаціонная практика, въ рѣшеніяхъ по дѣлу Рыбаковской 1868 г., по дѣлу Умецкихъ и Насавина 1869 г. и по дѣлу Паскаля 1876 г., признавала свидѣтелей о поведеніи, личности и прошломъ подсудимаго—относящимися къ дѣлу. Отказъ подсудимому въ вызовѣ такихъ свидѣтелей явился бы, кромѣ того, нарушающимъ равноправность сторонъ, такъ какъ по ст. 573 Уст. угол. суд., прокурору не можетъ быть отказано въ вызовѣ такихъ свидѣтелей, если онъ предъявитъ объ этомъ требованіе до дня судебнаго засѣданія, хотя бы эти свидѣтели и были вычеркнуты обвинительною камерою изъ списка. Но прокуроръ можетъ имѣть преимущество предъ обвиняемымъ въ случаяхъ ходатайства о вызовѣ свидѣтелей лишь *во времени* вызова, но не въ *существѣ* представляемыхъ имъ на судъ живыхъ доказательствъ. Всѣ свидѣтели, не подходящіе подъ только что указанную категорію, суть *не относящіеся къ дѣлу*, но законъ не знаетъ свидѣтелей, *«не представляющихъ никакого значенія для дѣла»*, какъ выразился Московскій Окружной Судъ, такъ какъ *значеніе* свидѣтельскихъ показаній можетъ быть опредѣлено лишь послѣ ихъ выслушиванія, при чемъ каждое *дѣло* одинаково обнимаетъ какъ интересы общественные, такъ и задачи и интересы обѣихъ сторонъ въ уголовномъ процессѣ.

Въ прошеніяхъ поданныхъ въ судъ 28-го и 30-го іюля, Вельяшевъ просилъ о вызовѣ свидѣтелей четырехъ категорій. Къ *первой*

категоріи относились 12 свидѣтелей, которые могли удостовѣрить, по словамъ обвиняемаго, что онъ не могъ знать и не зналъ о подложности векселей до начатія предварительнаго слѣдствія; ко *второй*—8 свидѣтелей о томъ, что подсудимый дѣйствовалъ не корыстолюбиво, а съ цѣлью огражденія интересовъ дѣтей Олениной; къ *третьей и четвертой* относились 9 свидѣтелей, имѣвшихъ показать, что Оленина «объявила ему войну» за отказъ укрѣпить имѣніе за Свистуновымъ, но говорила, что «ей его жаль». При обсужденіи этихъ ходатайствъ Вельяшева судомъ допущена неправильность, лишающая подсудимаго законныхъ способовъ защиты и нарушающая установленный судебными уставами и толкованіями Сената порядокъ.

Опредѣленіе суда объ отказѣ въ вызовѣ новыхъ свидѣтелей по ст. 575 Уст. угол. суд. на основаніи рѣшенія 1873 г., № 292, по дѣлу Шпанскаго, должно заключать въ себѣ разсмотрѣніе вопроса объ основательности причинъ неуказанія свидѣтелей раньше и о важности обстоятельствъ, къ которымъ относятся ихъ показанія. Если такого рода соображенія въ опредѣленіи не приведены, это служитъ, согласно рѣшенію Сената 1888 г., № 21 по дѣлу Лысакъ и Минцесъ, поводомъ къ кассаціи. Такое опредѣленіе, какъ установлено Сенатомъ въ рѣшеніяхъ 1873 г. по дѣлу Нѣмаго и 1875 г. по дѣлу Абдула-Г'ашишъ-Забарова, должно быть выражено не надписью на прошеніи, а особеннымъ мотивированнымъ постановленіемъ суда. Хотя Сенатъ, вообще, и не входитъ въ обсужденіе фактической основательности отказа, какъ относящагося къ существу дѣла, но однако же, рѣшеніями по дѣлу Петрова 1874 г. № 733 и по дѣлу Засуличъ 1878 г. № 34 признано, что устраніе отказомъ суда ряда свидѣтелей, могущихъ показать объ уменьшающихъ вину обстоятельствахъ, служитъ основаніемъ къ разсмотрѣнію этого вопроса въ кассаціонномъ порядкѣ. Возможность кассаціоннаго разсмотрѣнія несомнѣнно существуетъ и относительно отказа въ вызовѣ тѣхъ свидѣтелей, показанія которыхъ, по удостовѣренію обвиняемаго, могутъ касаться существенныхъ признаковъ преступленія, напримѣръ, запальчивости и раздраженія при умышленномъ убійствѣ, участія подсудимаго въ тушеніи пожара при поджогѣ, отсутствія насилія при изнасилованіи и т. п. Отказывая въ вызовѣ такихъ свидѣтелей, судъ, подъ угрозою отмѣны приговора, лишаетъ себя права вводить такіе признаки въ вопросы присяжнымъ.

Изъ производства по дѣлу Вельяшева усматривается, что слѣдствіе начато предложеніемъ прокурора Судебной Палаты съ препровожденіемъ заявленія съ сознаніемъ Олениной и рапорта прокурора Ржевскаго Окружного Суда Рагозина, въ которомъ прокуроръ, между прочимъ, удостовѣряетъ, что Вельяшевъ—человѣкъ «съ грязнымъ прошлымъ, вполнѣ безнравственнымъ». Послѣдствіемъ этого предложенія было постановленіе судебнаго слѣдователя о необходимости выяснить — что за личность Вельяшевъ, чѣмъ онъ

ранѣе занимался, гдѣ служилъ и каково его прошлое,—постановленіе, оставшееся, однако, въ этой своей части, безъ исполненія. Хотя свѣдѣнія эти и не были оглашены предъ присяжными, но они находились въ разсмотрѣніи суда и могли послужить матеріаломъ при обсужденіи подлежащаго разрѣшенію суда вопроса о мѣрѣ наказанія, причемъ не надо забывать, что суду по отношенію къ подсудимому предоставлено огромное право — признавать его осужденіе неправильнымъ, по силѣ 818 ст. Уст. угол. суд. Кромѣ того, и въ обвинительномъ актѣ содержится указаніе на то, что послѣ отказа частнаго повѣреннаго Фаворскаго отъ ходатайства по исполнительному листу, какъ отъ дѣла нечестнаго, Оленина и Свистуновъ нашли себѣ «искомаго» человѣка въ лицѣ Вельяшева. Очевидно, что свидѣтели, которыхъ при слѣдствіи Вельяшевъ выставилъ, какъ имѣющихъ опровергнуть мнѣніе о немъ прокурора Ржевскаго Окружного Суда, и въ прошеніяхъ суду признавалъ могущими свидѣтельствовать о томъ, что онъ не зналъ и не могъ знать о преступности происхожденія исполнительнаго листа, не могутъ быть признаны *не имѣющими никакого значенія* для дѣла, если только подъ дѣломъ разумѣть не № обложки, а живую совокупность данныхъ для сужденія о судьбѣ человѣка. Правительствующимъ Сенатомъ въ рѣшеніи 1888 г. № 6 по дѣлу Кравцова выражено, что не могутъ быть признаны не имѣющими отношенія къ дѣлу показанія свидѣтелей, выставленныхъ въ опроверженіе указанія на предосудительныя занятія обвиняемаго и что признаніе таковыхъ свидѣтелей не имѣющими существеннаго для дѣла значенія не уполномочиваетъ еще признавать ихъ вовсе не относящимися къ дѣлу.

Между тѣмъ, обсуждая ходатайство Вельяшева о вызовѣ свидѣтелей, судъ отказалъ въ вызовѣ свидѣтелей первой и второй категоріи и допустилъ лишь свидѣтелей третьей и четвертой, а затѣмъ постановилъ на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей вопросъ, въ который, какъ существенный признакъ, входило именно то, въ опроверженіе чего назывались свидѣтели первой и второй категоріи, т. е. «зналъ ли?» и «съ корыстной ли цѣлью?». Такимъ образомъ, отнимая у подсудимаго возможность доказать представляемыми данными отсутствіе знанія подлога и корыстолюбія въ дѣйствіяхъ его по исполнительному листу, Окружной Судъ потребовалъ отъ присяжныхъ рѣшенія, которымъ и корысть, и знаніе были признаны. Такое нарушеніе правъ подсудимаго должно быть признано существеннымъ,—тѣмъ болѣе, что оно выражено въ постановленіи, лишенномъ соображеній о мотивахъ къ отказу, и устранившемъ изъ дѣла даже и такихъ цѣнныхъ свидѣтелей о прошломъ подсудимаго, какъ прокуроръ Ржевскаго Окружного Суда Разгозинъ, указываемый, несмотря на сдѣланную имъ характеристику подсудимаго, имъ самимъ.

Не меньшее нарушеніе усматривается и въ опредѣленіи суда, состоявшемся по 576 статьѣ Уст. угол. суд., коимъ судъ, выводя на

справку о рѣшенномъ отказѣ въ вызовѣ свидѣтелей, нашелъ болѣе соотвѣтствующимъ предоставить Вельяшеву привлечь этихъ свидѣтелей на судъ отъ себя по добровольному соглашенію. Такимъ образомъ, судъ отмѣнилъ свое первое постановленіе о признаніи свидѣтелей не имѣющими никакого значенія для дѣла, не объяснивъ, почему, однако, онъ считаетъ возможнымъ выслушать ихъ въ судебномъ засѣданіи, если они явятся по приглашенію обвиняемаго. Въ рѣшеніи по дѣлу Мытарева 1877 года была уже высказана мысль о томъ, что приведенный подсудимымъ свидѣтель не подлежитъ допросу, если по 575 ст. Уст. угол. суд. было отказано въ его вызовѣ, а въ рѣшеніи по дѣлу Засуличъ—Сенатъ разрѣшилъ суду вызывать свидѣтелей на счетъ подсудимаго по 576 ст. Уст. угол. суд. въ тѣхъ лишь случаяхъ, если судъ найдетъ уважительныя основанія къ отмѣнѣ своего опредѣленія объ отказѣ въ ихъ вызовѣ на счетъ казны по 575 ст. Уст. угол. суд. Иными словами Сенатъ призналъ, что ходатайство подсудимаго о вызовѣ свидѣтелей на его счетъ подлежитъ каждый разъ подробному и мотивированному обсужденію со стороны суда. Отсутствіе такого обсужденія есть поводъ къ кассаціи. Между тѣмъ, по дѣлу Вельяшева судъ, безъ всякаго основанія, выведя на справку о состоявшемся отказѣ въ вызовѣ просимыхъ имъ свидѣтелей, призналъ наиболѣе соотвѣтствующимъ допустить ихъ приглашеніе Вельяшевымъ, при чемъ осталось неизвѣстнымъ, какими соображеніями руководился судъ, фактически отмѣнивъ свое первое опредѣленіе.

Такое распоряженіе суда представляетъ еще и другую существенную неправильность, устраненіе которой составляетъ одну изъ задачъ руководящей дѣятельности Правительствующаго Сената. Сенатская практика за послѣдніе годы стремится постоянно поставить дѣятельность суда въ условія житейской цѣлесообразности. Поэтому, оцѣнивъ содержаніе различныхъ постановленій и опредѣленій суда по вопросамъ производства дѣла, кассаціонная практика старается устранить изъ нихъ элементы произвольнаго усмотрѣнія, замѣнивъ ихъ закономѣрной дѣятельностью, влекущею за собою подробную мотивировку основаній рѣшенія, принятаго судомъ. Въ этомъ направленіи нашему кассаціонному суду предстоитъ сдѣлать еще одинъ весьма важный шагъ, необходимость котораго вызывается требованіемъ правосуднаго разсмотрѣнія дѣлъ. 576 ст. Уст. угол. суд. указываетъ на вызовъ свидѣтелей по просьбѣ подсудимаго или повѣстками отъ суда на его счетъ, или же предоставленіемъ ему права представить свидѣтелей по личному съ ними соглашенію. Сенатъ по дѣлу Жбана и Захарова въ 1868 г. призналъ, что избраніе того или другого способа зависитъ отъ суда, но обязалъ, однако, принимать въ соображеніе наибольшее удобство каждаго способа въ данномъ дѣлѣ. Принятіе въ соображеніе этого удобства и должно выражаться въ мотивированномъ опредѣленіи, въ которомъ долженъ быть разрѣшенъ вопросъ о *доступности* способа, объ *удобствѣ* пользованія имъ и объ его *при-*

мѣнимости вообще къ взаимнымъ отношеніямъ подсудимаго и свидѣтелей и къ отношенію послѣднихъ къ дѣлу.

Подъ *доступностью* способа надо разумѣть, прежде всего, матеріальныя средства подсудимаго, такъ какъ вызовъ по соглашенію, въ большинствѣ случаевъ, неизбѣжно влечетъ гораздо большіе расходы, чѣмъ вызовъ отъ суда, при чемъ обвиняемый представляетъ лишь установленные закономъ прогоны и суточныя для свидѣтелей. Поэтому для обвиняемаго, не обладающаго достаточными средствами не безразлично, какимъ изъ двухъ способовъ судъ признаетъ возможнымъ удовлетворить его ходатайство. При отдаленности разстоянія и извѣстномъ общественномъ положеніи свидѣтеля, для человѣка недостаточнаго приглашеніе по соглашенію можетъ оказаться вовсе неисполнимымъ.

Подъ *удобствомъ* пользованія однимъ изъ указанныхъ въ 576 ст. Уст. угол. суд. способовъ необходимо разумѣть возможность и удобство личныхъ сношеній подсудимаго съ приглашаемыми свидѣтелями, при чемъ, напр., содержаніе подъ стражей лишаетъ подсудимаго возможности пользованія вторымъ изъ этихъ способовъ и эта возможность не устраняется и наличностью защитника, назначаемаго отъ суда, ибо въ обязанности послѣдняго не входитъ сношеніе съ свидѣтелями, имѣющими явиться на судъ, да и такое сношеніе можетъ подать поводъ къ заподозрѣнію со стороны присяжныхъ предварительныхъ переговоръ между защитникомъ и свидѣтелями, какъ это, напр., и было заявлено присяжными засѣдателями при разсмотрѣніи въ Москвѣ извѣстнаго Мясниковскаго дѣла въ видѣ вопроса о томъ—не находились ли свидѣтели «на иждивеніи» повѣреннаго одной изъ сторонъ?

Примѣнимость одного изъ указанныхъ въ 576 ст. Уст. угол. суд. способовъ зависитъ не только отъ общественнаго положенія свидѣтелей, но и отъ нравственнаго характера самого способа. Существуетъ большая разница между авторитетнымъ призывомъ суда, не входящаго въ личныя отношенія со свидѣтелями и между личнымъ съ ними соглашеніемъ, сопровождаемымъ просьбами, уговорами и различными хлопотами;—существуетъ большая разница между вызовомъ суда, всегда одинаковымъ по формѣ и, при извѣстныхъ условіяхъ, обязательнымъ для исполненія—и неясной и негласной для суда просьбою, предшествующей явкѣ свидѣтеля по соглашенію въ судъ. Наконецъ, для щекотливости свидѣтеля, приходящаго сказать доброе слово о подсудимомъ небезразлично, получилъ ли онъ равные со всѣми другими свидѣтелями прогоны, установленные закономъ, или же неопредѣленную, зависящую отъ щедрости обвиняемаго, сумму, могущую для слишкомъ подозрительныхъ глазъ заключать въ себѣ и награду за будущее показаніе. Достаточно представить себѣ неловкость положенія подобнаго свидѣтеля въ дѣлѣ, гдѣ подсудимый обвиняется въ подкупѣ лжесвидѣтелей. Поэтому есть случаи, гдѣ свидѣтель, съ извѣстнымъ общественнымъ положеніемъ и живущій въ большомъ отдаленіи отъ суда, можетъ быть крайне затрудненъ въ удовлетвореніи же-

ланія подсудимаго привлечь его къ дачѣ показаній. Это затрудненіе усложняется еще служебнымъ положеніемъ, а иногда и семейными отношеніями вызываемаго. Должностное лицо можетъ быть крайне затруднено оставить свой постъ для продолжительной отлучки, не обусловленной требованіемъ судебной власти и могущей имѣть въ глазахъ начальства характеръ не предусмотрѣннаго закономъ отпуска. Поэтому, судъ обязанъ вдуматься въ осуществимость того разрѣшенія, которое онъ даетъ обвиняемому, и выяснить основанія, по которымъ онъ останавливается на второмъ изъ способовъ, не рискуя этимъ самымъ обратить свое разрѣшеніе въ фактическое воспрепятствованіе выслушанію свидѣтеля, въ ничто...

Примѣняя эти соображенія къ настоящему дѣлу и имѣя въ виду, что Вельяшеву было предоставлено пригласить, по соглашенію, 20 человѣкъ свидѣтелей, между которыми находились проживающіе въ Петербургѣ—предсѣдатель Департамента Судебной Палаты и управляющій придворною конюшней, въ Ржевѣ—прокуроръ Окружного Суда, въ Твери—нотаріусъ и т. д., нельзя не признать основательной жалобу подсудимаго на избраніе этого способа, тѣмъ болѣе, что для провѣрки соображеній суда въ опредѣленіи его нѣтъ никакого матеріала. Поэтому я полагаю, что Сенату необходимо настойчиво высказаться въ смыслѣ устраненія указываемаго пробѣла въ постановленіяхъ судовъ о вызовѣ свидѣтелей по 576 ст. Уст. угол. суд. Судебная дѣятельность по отношенію къ собиранію доказательствъ должна представлять какъ можно менѣе случаевъ примѣненія латинскаго изрѣченія: «sic volo, sic jubeo: stat pro ratione voluntas!» Старый порядокъ суда не содержалъ указаній на предѣлы изслѣдованія преступнаго дѣянія,—онъ, повидимому, дозволялъ доказывать въ дѣлѣ *все, но не всѣми способами*, ограничивая послѣдніе разными условіями. Новый порядокъ, установивъ точную формулировку обвиненія на судѣ, дозволилъ доказывать *не все, а лишь то, что входитъ въ область изслѣдуемаго дѣянія обвиняемаго, но допускаетъ доказывать это всѣми способами.* Поэтому, всякое преграждение доступности доказательствъ, могущихъ имѣть значеніе для оправданія обвиняемаго, представляется неправильнымъ и заставляетъ относиться съ особеннымъ вниманіемъ къ указаніямъ подсудимаго на судопроизводственныя нарушенія, допущенныя противъ него по дѣлу объ укрывательствѣ имъ преступленія, сознавшіеся въ коемъ виновные оправданы. Въ виду всего этого, по мнѣнію моему, слѣдуетъ, за нарушеніемъ 575 и 576 ст. Уст. угол. суд., рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей и приговоръ Московскаго Окружного Суда относительно Вельяшева отмѣнить въ установленномъ порядкѣ.

Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей и приговоръ Московскаго Окружнаго суда, за нарушеніемъ 575 и 576 ст. Уст. угол. суд., отмѣнить и дѣло для новаго разсмотрѣнія передать въ тотъ же Судъ при новомъ составѣ.

XIII.

По дѣлу персидскаго принца Кейкубата-Мирзы.

10-го марта 1887 г. слѣдователь г. Шуши Шафрановскій, совмѣстно съ полицейскимъ приставомъ Меликовымъ, низшими полицейскими агентами и понятыми, явился въ 9 ч. в. въ домъ Гасанъ-Али-Мамедъ-Оглы и по обыску нашелъ у него фальшивыя монеты: одну двадцатикопѣечную, 26 пятнадцатикопѣчнаго достоинства, три мелкія персидскія монеты и машинку для выдѣлки этихъ монетъ; монеты эти оказались грубо сдѣланными изъ олова. Кромѣ хозяина дома, тамъ застали еще Мовсумъ-Машади-Микаилъ-Оглы и молодого персидскаго принца Кейкубатъ-Мирзу, который на вопросъ слѣдователя заявилъ, что пришелъ къ Гасанъ-Али за заказанной ему папахой. Гасанъ-Али и Мовсумъ были заключены подъ стражу, а относительно Кейкубата-Мирзы никакого матеріала для обвиненія не было обнаружено. Затѣмъ въ іюлѣ мѣсяцѣ одинъ изъ свидѣтелей заявилъ, что жена Гасана-Али говорила ему, что монета чеканится въ ихъ домѣ, что это дѣлается, обыкновенно, въ холодную и темную ночь, когда слѣдователь и полицейскій обходъ бездѣйствуютъ, что участіе въ этомъ дѣлѣ принимаютъ Мовсумъ и принцъ Кейкубатъ-Мирза, который доставляетъ настоящія персидскія монеты для образца при отливкѣ персидскихъ монетъ и чистое серебро для дачи звонкости монетамъ. Но такъ какъ никакихъ настоящихъ монетъ ни русскихъ, ни персидскихъ у Гасана-Али не было найдено и монеты отлиты были изъ чистаго олова безъ примѣси серебра, то слѣдователь не нашелъ основанія для привлеченія принца Кейкубата-Мирзы не только въ качествѣ обвиняемаго, но и свидѣтеля. Въ такомъ положеніи было дѣло до 19-го октября, когда состоялось постановленіе слѣдователя о привлеченіи Кейкубата-Мирзы въ качествѣ обвиняемаго и онъ въ тотъ-же день былъ взятъ изъ реальнаго училища и заключенъ въ тюрьму. Настоящее дѣло было разсмотрѣно 16-го іюня 1888 г. въ Елизаветпольскомъ Окружномъ Судѣ и судъ, переходя къ обсужденію вопроса о виновности принца Кейкубатъ-Мирзы нашелъ, что 1) въ обвинительномъ актѣ къ обвиненію его приведены слѣдующія основанія: объясненія свидѣтелей Саадаты—на предварительномъ слѣдствіи,—Алифа, и др., а также объясненіе подсудимаго Гасанъ-Али, которые говорили, будто принцъ ходилъ къ Гасанъ-Али не за папахою, а для фабрикаціи денегъ; 2) прокурорская власть, по логическимъ соображеніямъ, находитъ, что хотя Гасанъ-Али шапочникъ по ремеслу, но далеко не изъ лучшихъ и далеко не единственный въ городѣ и къ

тому же давно бросившій это занятіе; принцу же, какъ члену семьи, весьма достаточной въ матеріальномъ отношеніи, и ученику реальнаго училища, не зачѣмъ было носить папаху и таковую заказывать какому-то бродячему шапочнику Гасанъ-Али, когда въ городѣ масса другихъ болѣе искусныхъ въ этомъ дѣлѣ мастеровъ. Затѣмъ прокурорская власть находитъ, что если даже допустить, что принцемъ была заказана папаха, то все же въ такую скверную погоду, поздно вечеромъ, незачѣмъ было ему лично приходить за папахою, когда у него, принца, въ домѣ нѣсколько кучеровъ и незачѣмъ было ему, принцу, приходить за папахою послѣ праздника Новрузъ байрама (9-го марта). Въ заключеніе же къ обвиненію принца приводится то обстоятельство, что при обыскѣ въ домѣ Гасанъ-Али были обнаружены свѣже-отлитыя монеты, что ясно доказываетъ, по мнѣнію обвинительной власти, что Кейкубатъ-Мирза присутствовалъ при самой фабрикаціи монетъ. Разбирая приведенныя въ обвинительномъ актѣ данныя къ обвиненію Кейкубатъ-Мирзы и выслушавъ судебное слѣдствіе, судъ нашелъ, что виновность его въ этомъ дѣлѣ является ничѣмъ недоказанною.

На приговоръ Окружнаго Суда товарищъ прокурора подалъ апелляціонный протестъ, а подсудимые Гасанъ-Али-Мамедъ-Оглы и Мовсумъ Машади—апелляціонные отзывы и дѣло слушалось въ Тифлисской Судебной Палатѣ 27-го апрѣля 1889 года. Судебная Палата опредѣлила: приговоръ Елисаветпольскаго Окружнаго Суда по отношенію къ Гасанъ-Али-Мамедъ-Оглы и Мовсумъ-Машиди-Микаилъ-Оглы утвердить, апелляціонные отзывы ихъ оставить безъ послѣдствій, персидскаго принца Кейкубатъ-Мирзу признать виновнымъ въ выдѣлкѣ совмѣстно съ другими лицами фальшивыхъ монетъ русскаго и персидскаго чекановъ и подвергнуть Кейкубатъ-Мирзу, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, ссылкѣ въ каторжныя работы на 5 лѣтъ и 4 мѣсяца.

На приговоръ Палаты принесены были кассаціонныя жалобы подсудимымъ Гасанъ-Али-Мамедъ-Оглы и защитникомъ принца Кейкубатъ-Мирзы присяжнымъ повѣреннымъ Карабеговымъ.

Дѣло слушалось въ Уголовномъ Кассаціонномъ Департаментѣ *20 ноября 1889 года.*

Судебные уставы установили новый порядокъ разсмотрѣнія вопроса о виновности: на мѣсто формальныхъ доказательствъ они поставили внутреннее убѣжденіе, источникомъ котораго должны быть данныя дѣла—улики и доказательства,—а вмѣсто господствовавшей въ старомъ судѣ безжизненной бумаги, вездѣ, гдѣ можно, выставили живого человѣка съ его объясненіями. Судебные уставы требовали, чтобъ весь матеріалъ дѣла прошелъ предъ глазами судей и былъ предметомъ провѣрки сторонъ; они не стѣсняли судей въ выборѣ доказательствъ старой формальной теоріей, но требовали, однако, оцѣнки каждаго изъ приведенныхъ доказательствъ и провѣрки ихъ строго установленнымъ въ законѣ способомъ.

Чтобы опредѣлить, исполнены ли эти требованія закона въ дѣлѣ Кейкубатъ-Мирзы, слѣдуетъ обратиться къ *содержанію* приговора и *основаніямъ* его. По отношенію къ *содержанію* приговора судебные уставы заключаютъ два правила: общее для всѣхъ инстанцій и спеціальное для апелляціонной инстанціи. Всякій уголовный судъ,

согласно пун. 2 ст. 797 Уст. угол. суд., обязанъ сообразить въ своемъ приговорѣ обвиненіе съ представленными по дѣлу доказательствами и уликами, т. е. оцѣнить каждый изъ доводовъ обвиненія, сопоставляя его съ доказательствами за и противъ. Эту задачу исполнилъ вполнѣ Елисаветпольскій Окружной Судъ, пройдя за обвиненіемъ шагъ за шагомъ и оцѣнивъ не только улики и доказательства, но и логическія предположенія обвинителя, но этого не сдѣлала Судебная Палата, оставивъ цѣлый рядъ оправдательныхъ доказательствъ безъ обсужденія. Кромѣ того, апелляціонная инстанція, на основаніи спеціальнаго правила, постановленнаго въ ст. 892 Уст. угол. суд., обязана точно и положительно указать по какимъ основаніямъ она отмѣняетъ или утверждаетъ приговоръ первой инстанціи. Эти основанія, принимаемыя апелляціонной инстанціей, могутъ сливаться съ основаніями первой инстанціи,—какъ то бываетъ при утвержденіи приговора Окружного Суда — и тогда повтореніе ихъ излишне, подъ условіемъ, однако, приведенія приговора Окружного Суда, съ которымъ соглашается Судебная Палата. Такъ разъяснилъ Сенатъ въ рѣшеніяхъ 1871 года № 715 по дѣлу Шайтанъ-бекъ-Оглы и № 559 за 1871 г. по дѣлу Жуковскаго. Но апелляціонная инстанція можетъ расходиться съ первой инстанціей, и въ послѣднемъ случаѣ, какъ общее, незыблемое правило, должно быть выставлено требованіе обязательнаго разбора второй инстанціею всѣхъ доводовъ первой инстанціи, съ которыми она не соглашается. Этого требуетъ справедливость по отношенію и къ обвиняемому, и къ обвинителю, изъ которыхъ тотъ или другой не можетъ представить второй инстанціи своихъ доводовъ въ защиту рѣшенія Окружного Суда, состоявшагося въ его пользу или согласно съ его требованіями. Этого требуетъ судебная осторожность, такъ какъ такимъ образомъ предъ окончательнымъ рѣшеніемъ судьбы человѣка вспоминаются и провѣряются вновь всѣ данныя дѣла. Этого требуетъ и нравственная сторона дѣла, такъ какъ судъ имѣетъ право ждать отъ высшей инстанціи равнаго вниманія ко всѣмъ частямъ своего труда, а подсудимый долженъ знать, что приговоръ, отмѣняющій его оправданіе, основанъ на всестороннемъ разсмотрѣніи дѣла. Онъ можетъ находить, что вторая инстанція невѣрно обсудила то или другое доказательство его невиновности, но ему не слѣдуетъ давать права утверждать, что Судебная Палата нѣкоторыхъ изъ этихъ доказательствъ не обсудила вовсе. Поэтому кассаціонная практика признала, что даже при отмѣнѣ обвинительнаго приговора Окружного Суда, Судебная Палата можетъ не обсуждать всѣхъ доводовъ Окружного Суда, лишь подъ условіемъ подробнаго обсужденія всѣхъ доводовъ обвиняемаго (Рѣш. 1872 г. № 1272 по дѣлу Машади-Искандеръ-Гусейнъ-Оглы). Тѣмъ болѣе обязанность обсудить всѣ доводы Окружного Суда лежитъ на Палатѣ, когда отмѣняется оправдательный приговоръ и на мѣстѣ его строится тяжкое обвиненіе. Допущеніе высшей инстанціи обсуждать не всѣ доводы низшей инстанціи исказило бы архитектонику

судебнаго производства по уставамъ. Въ смыслѣ объема и ширины разсмотрѣнія доказательствъ и низшая, и высшая инстанціи должны представлять изъ себя *цилиндръ*, каждое поперечное сѣченіе котораго одинаково по объему, а не *пирамиду*, причемъ, чѣмъ выше восходитъ дѣло, тѣмъ уже становится основаніе для его разрѣшенія, такъ какъ такимъ образомъ можно бы дойти до того, что на вершинѣ судебныхъ учрежденій, т. е. въ кассаціонномъ судѣ, дѣло уже рѣшалось бы въ двухъ словахъ, съ примѣненіемъ латинскаго изреченія: «stat pro ratione voluntas».

Обращаясь съ этой стороны къ приговорамъ Окружного Суда и Палаты по дѣлу Кейкубатъ-Мирзы, нельзя не видѣть, что Окружной Судъ основалъ свой приговоръ на слѣдующихъ общихъ данныхъ при обсужденіи всякаго преступленія:—на отсутствіи мотива, на отсутствіи указанія на связь между личностью обвиняемаго и преступнымъ фактомъ, и на житейскую основательность и правдоподобность объясненій обвиняемаго, въ связи съ противорѣчіями въ показаніяхъ свидѣтелей обвиненія. Палата же ни по одному изъ этихъ трехъ основаній не высказала ничего, оставивъ ихъ совершенно безъ обсужденія, хотя, безспорно, имѣла полное право ихъ отвергнуть, но лишь по подробномъ ихъ разсмотрѣніи. Судъ, какъ видно, изъ его приговора, анализировалъ внутреннюю сторону показаній, имѣющихся въ дѣлѣ,—Судебная же Палата касалась одной ихъ внѣшней оболочки.

Переходя къ основаніямъ приговора Судебной Палаты, я нахожу, что протестъ товарища прокурора Окружного Суда, признанный заслуживающимъ уваженія, самъ по себѣ не соотвѣтствуетъ задачамъ обвиненія по судебнымъ уставамъ, такъ какъ прокуроръ, этотъ «говорящій судья», имѣющій право даже отказаться отъ обвиненія, если оно опровергнуто на судѣ, не долженъ ссылаться на такія обстоятельства придварительнаго слѣдствія, которыя не подтверждены, или опровергнуты на судебномъ слѣдствіи такъ какъ иначе живой, перекрестный разборъ дѣла замѣнился бы канцелярскимъ производствомъ по протоколамъ предварительнаго слѣдствія. Между тѣмъ, изъ протоколовъ судебныхъ засѣданій видно, что оговоръ Кейкубатъ-Мирзы Гасаномъ-Али, явившійся лишь въ концѣ слѣдствія, не былъ повторенъ и подтвержденъ на судѣ, а показанія жены Гассана-Али, Садаты, на которое опирается апелляціонный протестъ, на судѣ даваемо вовсе не было, по предоставленному ей 705 ст. Уст. угол. праву и вслѣдствіе возраженія товарища прокурора, а при предварительномъ слѣдствіи дано дважды, при чемъ второе изъ нихъ существенно опровергаетъ первое. Правительствующій Сенатъ призналъ въ рѣшеніи своемъ за 1870 г. № 634 по дѣлу Флорова неправильнымъ принятіе во вниманіе показанія, не даннаго на судебномъ слѣдствіи, а по дѣлу Арабелидзе 1874 года № 369 высказался, что показаніе, данное при предварительномъ слѣдствіи и отмѣненное на судѣ, никоимъ образомъ основаніемъ къ обвиненію служить не можетъ, въ рѣшеніяхъ же по дѣлу Мясни-

кова 1872 г. и Айзенберга и Маріи Лысакъ 1888 г. категорически установилъ положительную невозможность ссылокъ на показанія родственниковъ, данныхъ на предварительномъ слѣдствіи, когда эти родственники на судѣ воспользовались правомъ, предоставленнымъ имъ 705 ст., поставивъ, такимъ образомъ, въ этомъ исключительномъ случаѣ интересы родственнаго чувства и голосъ сердца выше интересовъ полноты изслѣдованія.

Поэтому приговоръ Судебной Палаты по дѣлу Кейкубатъ-Мирзы представляется неполнымъ и неудовлетворяющимъ требованіямъ Уст. угол. суд. по отношенію къ юридической правдѣ судебнаго рѣшенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя признать правильнымъ и приложенія къ дѣлу письменнаго оговора противъ Кейкубатъ-Мирзы, поданнаго осужденнымъ Мовсумомъ-Машади-Микаилъ-Оглы съ отмѣткою «пріобщить къ дѣлу, для имѣнія въ виду при его разсмотрѣніи», и не бывшаго оглашеннымъ при производствѣ въ Палатѣ, какъ можно судить по протоколу засѣданія. Такой оговоръ, являясь новымъ доказательствомъ въ пользу обвиненія, требовалъ безусловно оглашенія для того, чтобы, на основаніи ст. 624 и 734 Уст. угол., суд., дать противной сторонѣ возможность приготовиться къ опроверженію или потребовать отсрочки засѣданія. Еще правильнѣе было бы возвратить такой документъ на распоряженіе — прокурорскаго надзора, отъ коего и зависѣло воспользоваться этимъ новымъ доказательствомъ, послѣ его предварительной провѣрки, въ условіяхъ гласнаго состязанія.

Правительствующій Сенатъ постановилъ: приговоръ Тифлисской Судебной Палаты относительно принца Кейкубатъ-Мирзы за нарушеніемъ 766, 797 и 892 отмѣнить и дѣло передать для новаго разсмотрѣнія въ другой Департаментъ Палаты, жалобы остальныхъ подсудимыхъ, оставить, на основаніи 92 ст. Уст. угол. суд., безъ послѣдствій; копію съ жалобы Карабегова, какъ заключающей выраженія прямо оскорбительныя для Судебной Палаты и прокурорскаго надзора, передать г. оберъ-прокурору для зависящаго распоряженія; сообщить о немедленномъ освобожденіи Кейкубатъ-Мирзы изъ-подъ стражи.

XIV.

По дѣлу о Мултанскомъ жертвоприношеніи.

Суду Сарапульскаго Окружного Суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей были преданы по обвиненію въ предумышленномъ убійствѣ, предусмотренномъ 1454 ст. Улож. о наказ. крестьяне села Старый Мултанъ—Андреевъ, Степановъ, Александровъ, Самсоновъ, Кондратьевъ, Ивановъ, Кузнецовъ, Григорьевъ, Ефимовъ, Тимофей и Максимъ Гавриловы. По обвинительному акту убійство было совершено ими по предварительному между собою соглашенію съ цѣлью приношенія въ жертву языческимъ богамъ крестьянина-нищаго Конона Матюнина, у котораго они, по совершеніи убійства, отрѣзали голову вмѣстѣ съ шеею и вынули грудныя внутренности и сердце.

При разсмотрѣніи этого дѣла Александровъ, Тимофей и Максимъ Гавриловы оправданы, а остальные, за исключеніемъ умершаго Ефимова, приговорены къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжныя работы на различные сроки. На приговоръ этотъ была принесена защитникомъ подсудимыхъ кассаціонная жалоба, по которой Правительствующій Сенатъ нашелъ, что по разсмотрѣніи протокола засѣданія суда по дѣлу, замѣчаній, сдѣланныхъ на этотъ протоколъ защитою, и постановленія суда на означенныя замѣчанія видно, что 630 ст. Уст. угол. суд. была нарушена, во 1-хъ, тѣмъ, что защита была стѣснена при допросѣ свидѣтеля (Пивоварова), такъ какъ защитѣ было предложено допрашивать этого свидѣтеля не по всѣмъ обстоятельствамъ дѣла, а только по тѣмъ, для удостовѣренія которыхъ свидѣтель былъ вызванъ; во 2-хъ, тѣмъ, что защитникъ былъ лишенъ права предъявить присяжнымъ засѣдателямъ, во время судебнаго слѣдствія, тѣ указанія и разъясненія, какія онъ считалъ нужнымъ сдѣлать по поводу вещественныхъ доказательствъ, ибо защитнику было предложено сдѣлать это во время преній сторонъ и, въ 3-хъ, тѣмъ, что просьба защитника о разъясненіи присяжнымъ вопроса, откуда взяты были пріобщенные къ дѣлу сѣдые волосы, осталась безъ удовлетворенія. Между тѣмъ, разъясненіе сего вопроса о значеніи волосъ было особенно важно въ виду того, что волосы были находимы при обыскахъ въ разное время и притомъ весьма отдаленное отъ дня смерти Матюнина. Нарушено требованіе 718 ст. Уст. угол. суд., и это не опровергается ни протоколомъ засѣданія суда, ни постановленіемъ его на замѣчанія защиты. Нарушеніе сего закона заключалось въ томъ, что многіе свидѣтели давали на судѣ показанія свои по слу-

хамъ. Допущеніе этого нарушенія, признаваемаго Правительствующимъ Сенатомъ существеннымъ (рѣш. Правит. Сен, 1870 г. № 147; 1872 г. № 926 и мн. др.), подтверждается также и сущностью показаній нѣкоторыхъ свидѣтелей, записанныхъ въ обвинительный актъ. Независимо отъ этого не опровергается указаніе защитника на то, что не всегда предсѣдавшій въ судѣ руководилъ засѣданіемъ по дѣлу и, что неоднократно товарищъ прокурора прерывалъ защитника при допросѣ свидѣтелей и при представленіи объясненій присяжнымъ засѣдателямъ. Между тѣмъ, настоящее дѣло требовало, чтобы со стороны предсѣдателя были приняты всѣ мѣры для возможнаго разъясненія дѣла и для правильнаго и спокойнаго разрѣшенія онаго, такъ какъ нельзя не признать, что и въ обвинительномъ актѣ не было ясно и точно установлено самое существованіе между вотяками человѣческихъ жертвоприношеній и не были указаны съ достаточною полнотою фактическія основанія для обвиненія каждаго изъ 11 подсудимыхъ въ тяжкомъ, влекущемъ за собою уголовное наказаніе, преступленіи. Въ виду вышеизложеннаго, не усматривая другихъ указанныхъ въ жалобѣ нарушеній, Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей и приговоръ Окружного Суда, по сему дѣлу въ отношеніи обвиненныхъ лицъ отмѣнить, предписавъ суду указомъ разсмотрѣть дѣло вновь, въ другомъ составѣ присутствія, въ другомъ ближайшемъ отъ мѣста нахожденія подсудимыхъ и свидѣтелей въ городѣ, наприм., Елабугѣ.

При вторичномъ слушаніи дѣла въ Елабугѣ, вновь поставленъ былъ обвинительный приговоръ, на который частный повѣренный Дрягинъ принесъ жалобу, въ которой указалъ на различныя нарушенія правъ подсудимыхъ, выразившіяся между прочимъ, въ томъ, что по вступленіи дѣла изъ Правительствующаго Сената въ Сарапульскій Окружной Судъ во время приготовительныхъ въ судѣ по сему дѣлу распоряженій, онъ, Дрягинъ, обратился въ этотъ Судъ съ ходатайствомъ о вызовѣ. а) новыхъ экспертовъ, при содѣйствіи которыхъ защита надѣялась выяснить на судѣ, что среди вотяковъ нѣтъ обычая приносить языческимъ богамъ въ жертву людей; б) экспертовъ-врачей для опредѣленія недостаточно, по мнѣнію защиты, выясненныхъ на слѣдствіи и судѣ, данныхъ о прижизненности поврежденій, оказавшихся при осмотрѣ и вскрытіи трупа Матюнина; в) свидѣтелей, долженствовавшихъ представить Суду новыя свѣдѣнія объ обстоятельствахъ не бывшихъ въ разсмотрѣніи Суда и исключающихъ, по мнѣнію защиты, возможность признанія обвиняемыхъ нынѣ лицъ виновными въ убійствѣ крестьянина Матюнина и г) двухъ сподсудимыхъ, оправданныхъ приговоромъ Окружнаго Суда 10/11-го декабря 1894 года. Это прошеніе разсмотрѣно въ распорядительномъ засѣданіи 19-го августа 1895 г., при чемъ судъ опредѣлилъ: отказать въ вызовѣ всѣхъ просимыхъ свидѣтелей, такъ какъ обстоятельства, о которыхъ они должны были свидѣтельствовать, не представляются вновь открывшимися, по поводу же вызова двухъ сподсудимыхъ, оправданныхъ судомъ, въ опредѣленіи суда не содержится никакого постановленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ судъ, признавъ, что выясненіе причины смерти Матюнина, прижизненности или посмертности поврежденій, обнаруженныхъ на трупѣ, и послѣдовательности ихъ причиненія, представляется для дѣла существеннымъ, нашелъ возможнымъ вызвать изъ числа просимыхъ экспертовъ и врачей—эксперта Верещагина и врача Крылова. Это постановленіе Окружного Суда, основанное на разсмотрѣніи существа дѣла, состоялось въ распорядительномъ засѣданіи 19-го августа 1895 г. по докладу члена суда Горицкаго. Между тѣмъ, изъ дѣла видно, что тотъ же членъ суда Горицкій предсѣдательствовалъ 10/11-го декабря 1894 года по тому же дѣлу, отмѣненному Правительствующимъ Сенатомъ; каковое участіе члена суда Горицкаго въ засѣданіи 19-го августа составляетъ прямое нарушеніе 929 ст. Уст. угол. суд., разъясненной въ рѣшеніяхъ

Правительствующаго Сената, на основаніи которыхъ требованіе 929 ст, Уст. угол. суд., относительно постановленія судомъ рѣшеній по дѣламъ, по которымъ приговоръ отмѣненъ, въ другомъ составѣ суда, должно быть соблюдаемо судомъ не только при разсмотрѣніи дѣла по существу его, при обсужденіи тѣхъ прошеній и заявленій, которыя могутъ подлежать разсмотрѣнію его, послѣ отмѣны приговора. Тоже нарушеніе 929 ст. Уст. угол. суд. допущено судомъ по настоящему дѣлу, вторично, при разсмотрѣніи въ распорядительномъ засѣданіи 19-го сентября 1895 г. просьбы защитника Дрягина о вызовѣ экспертовъ и врачей на счетъ подсудимыхъ, за отказомъ въ вызовѣ таковыхъ, послѣдовавшимъ въ распорядительномъ засѣданіи 19-го августа, такъ какъ и въ этомъ засѣданіи участвовалъ членъ суда Горицкій. Затѣмъ указывалось Дрягинымъ на отказъ суда въ ходатайствѣ защитника въ отсрочкѣ засѣданія, въ виду вызова, на основаніи 573 ст. Уст. угол. суд. товарищемъ прокурора двухъ новыхъ свидѣтелей, которые должны были свидѣтельствовать объ обстоятельствахъ новыхъ не бывшихъ въ виду суда, о чемъ, какъ видно изъ протокола засѣданія, впервые заявлено обвинителемъ въ засѣданіи суда по сему дѣлу, чѣмъ нарушены ст. 573 и 734 ст. Уст. угол. суд., и на то, что предсѣдательствовавшій въ судѣ воспретилъ защитѣ предлагать свидѣтелю становому приставу Шмелеву вопросы о томъ, какъ этотъ свидѣтель при дознаніи приводилъ обвиняемыхъ къ присягѣ, предъ чучеломъ медвѣдя, вымогая у нихъ, путемъ этого суевѣрнаго обряда, ихъ сознаніе въ содѣяніи ими убійства крестьянина Матюнина. Наконецъ, защитникъ просилъ отмѣны приговора по нарушеніямъ: 1) 578 ст. Уст. угол. суд. неудовлетвореніемъ судомъ ходатайства его о вызовѣ всѣхъ, поименованныхъ имъ въ просьбѣ, экспертовъ, а лишь одного Верещагина; 2) 557 и 576 ст. Уст. угол. суд. отказомъ въ вызовѣ экспертовъ и свидѣтелей на счетъ подсудимыхъ и 3) 573 ст. Уст. угол. суд. неизвѣщеніемъ подсудимыхъ, а лишь защитника ихъ, о вызовѣ товарищемъ прокурора новыхъ свидѣтелей.

Дѣло слушалось въ Уголовномъ Кассаціонномъ Департаментѣ *22-го декабря 1895 года.*

Признавая, что жалоба на нарушеніе 578 ст. Уст. угол. суд. невызовомъ *всѣхъ* экспертовъ, указанныхъ защитою и сообщеніемъ о вновь вызванныхъ прокуроромъ свидѣтеляхъ не неграмотнымъ и темнымъ людямъ, какими представляются подсудимые по этому дѣлу, а ихъ защитнику, по установленной Сенатомъ практикѣ и по существу своему не заслуживаетъ уваженія, — перехожу къ тѣмъ поводамъ кассаціи, которые признаю уважительными.

Составители судебныхъ уставовъ отказались отъ мысли заранѣе указать точно и опредѣленно тѣ нарушенія судопроизводственныхъ правилъ, которыя должны быть считаемы существенными. Они совершенно основательно признавали, что существенность нарушенія опредѣляется, за исключеніемъ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаевъ, родомъ и свойствомъ дѣла, характеромъ представляемыхъ доказательствъ и тѣмъ значеніемъ, которое имѣетъ предъявляемое обвиненіе въ судебно-бытовомъ отношеніи. Поэтому *существенныя* кассаціонныя нарушенія могутъ быть раздѣлены на нарушенія безусловныя, такъ сказать принципіальнаго характера, и

на нарушенія пріобрѣтающія значеніе существенныхъ по свойству самаго дѣла. При нарушеніяхъ перваго рода, къ которымъ относятся, напримѣръ,—нарушеніе подсудности, — незаконный составъ присутствія, — не согласное съ требованіемъ судебныхъ уставовъ устраненіе гласности,—приговоръ не можетъ быть оставленъ въ силѣ потому, что дѣло разрѣшено не надлежащимъ судомъ и не въ надлежащихъ коренныхъ условіяхъ производства. При нарушеніяхъ второго рода дѣло разрѣшается хотя и узаконеннымъ судомъ, но при такихъ условіяхъ, что судъ не имѣетъ предъ собою матеріала для правильнаго сужденія и потому можетъ оказаться недостаточно освѣдомленнымъ о дѣлѣ. Въ виду этого область *существенныхъ нарушеній* относительно изслѣдованія судебнаго матеріала бываетъ довольно узка въ дѣлахъ, гдѣ имѣется наличность не только событія преступленія, но и виновныхъ, не отрицающихъ свои преступныя отношенія къ этому событію, и гдѣ судебное изслѣдованіе направлено исключительно на провѣрку обстоятельствъ, подтверждающихъ сознаніе, сдѣланное предъ судомъ. Эта область *расширяется* тамъ, гдѣ предстоитъ установить виновность по косвеннымъ уликамъ и доказательствамъ и гдѣ сознаніе замѣняется отрицаніемъ обвиняемымъ не только своей вины, но иногда и самаго событія преступленія. Эта область становится особенно широкою въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ суду приходится имѣть дѣло съ исключительными бытовыми или общественными явленіями и гдѣ, вмѣстѣ съ признаніемъ виновности подсудимыхъ, судебнымъ приговоромъ устанавливается и закрѣпляется, какъ *руководящее указаніе для будущаго*, существованіе какого-либо ненормальнаго явленія въ народной или общественной жизни, въ которомъ преступленіе получило свой источникъ или основаніе. Таковы дѣла о новыхъ раскольничьихъ сектахъ, опирающихся на вредныя въ общественномъ или религіозномъ отношеніи догматы или ученія; дѣла о мѣстныхъ обычаяхъ, пріобрѣтающихъ съ точки зрѣнія уголовнаго закона, значеніе преступленій, какъ, напримѣръ, увозъ дѣвицъ для брака, родовое кровомщеніе и т. п., таковы также дѣла объ организованныхъ сообществахъ для систематическаго истребленія дѣтей, принимаемыхъ на воспитаніе и т. п. Въ этого рода дѣлахъ судъ обязанъ съ особою точностью и строгостью выполнить всѣ предписанія закона, направленныя на полученіе правосуднаго рѣшенія. Онъ долженъ памятовать, что приговоръ его является не только разрѣшеніемъ судьбы подсудимаго, но и точкою опоры *для будущихъ судебныхъ преслѣдованій* и, вмѣстѣ съ тѣмъ, доказательствомъ существованія такого печальнаго явленія, самое признаніе котораго судомъ устраняетъ на будущее время сомнѣніе въ наличности источника для извѣстныхъ преступленій бытового или религіознаго характера въ той или другой части населенія.

Къ такимъ именно дѣламъ относится дѣло объ убійствѣ Матюнина, совершенномъ вотяками для жертвоприношенія ихъ языческимъ богамъ. Признаніе по этому дѣлу подсудимыхъ виновными

должно быть совершено съ соблюденіемъ въ полной точности всѣхъ формъ и обрядовъ судопроизводства, ибо этимъ рѣшеніемъ утверждается авторитетнымъ словомъ суда не только существованіе ужаснаго и кроваваго обычая, но и невольно выдвигается вопросъ о томъ, приняты ли были достаточныя и цѣлесообразныя мѣры для выполненія Россіею, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій владѣющею вотскимъ краемъ, своей христіански—культурной и просвѣтительной миссіи. Установленіе путемъ судебнаго приговора несомнѣнности существованія такого обычая—до сихъ поръ спорнаго между этнографами и учеными—должно быть совершено путемъ *безупречнаго исполненія закона,* чтобы разъ навсегда прекратить сомнѣнія по этому поводу. Въ этомъ отношеніи, уже при первой отмѣнѣ приговора по дѣлу, были даны надлежащія указанія Правительствующимъ Сенатомъ, который, въ указѣ своемъ отъ 5-го мая 1895 года, высказалъ, что настоящее дѣло требуетъ, чтобы со стороны суда были приняты всѣ мѣры для возможнаго разъясненія дѣла и для правильнаго и спокойнаго разрѣшенія онаго, такъ какъ нельзя не признать, что и въ обвинительномъ актѣ не было ясно и точно установлено самое существованіе между вотяками человѣческихъ жертвоприношеній, не были указаны съ достаточною полнотою фактическія основанія для обвиненія каждаго изъ 11 подсудимыхъ въ тяжеломъ, влекущемъ уголовное наказаніе, преступленіи. Такимъ образомъ, Правительствующимъ Сенатомъ уже преподана суду необходимость особой осмотрительности въ разрѣшеніи настоящаго дѣла, выражающейся въ соблюденіи всѣхъ тѣхъ предписаній, которыми гарантирована эта осмотрительность. Между тѣмъ, надлежитъ признать, что Сарапульскій Окружной Судъ и при вторичномъ разсмотрѣніи сего дѣла допустилъ рядъ существенныхъ нарушеній.

Первое изъ нихъ есть нарушеніе *абсолютнаго* характера, а именно нарушеніе 929 ст. Уст. угол. суд., выразившееся въ томъ, что членъ суда Горицкій, предсѣдательствовавшій при первомъ разсмотрѣніи этого дѣла, принималъ участіе, въ качествѣ докладчика, въ распорядительномъ засѣданіи послѣ кассаціи приговора для разсмотрѣнія ходатайства подсудимыхъ о вызовѣ свидѣтелей и экспертовъ, при чемъ это ходатайство въ значительной своей части не было уважено. Законъ, изображенный въ 929 ст. Уст. угол. суд., совершенно опредѣленно воспрещаетъ разсмотрѣніе дѣла, послѣ отмѣны приговора, тѣми же самыми судьями, которые входили въ составъ присутствія, постановившаго первый приговоръ. Еще въ 1875 году, въ рѣшеніи по дѣлу Собакарева, Правительствующій Сенатъ указалъ, что правило 929 ст. обязательно и для приготовительныхъ къ суду распоряженій, а въ 1876 году даже распространилъ это правило на осужденіе дѣлъ, переданныхъ другому составу присяжныхъ, по 818 ст. Уст. угол. суд. вслѣдствіе единогласнаго признанія судей, что осужденъ невинный. Въ объясненіяхъ своихъ по этому поводу членъ суда Горицкій ссылается

на то, что въ 1878 году состоялось рѣшеніе по дѣлу Ахназарова, коимъ признано, что правило 929 ст. Уст. угол. суд. распространяется лишь на составъ присутствія, постановляющій приговоръ по существу, а не частное по дѣлу опредѣленіе, но это объясненіе не заслуживаетъ уваженія, во-первыхъ потому, что въ 1893 году состоялось рѣшеніе по дѣлу казака Жилы, которое вполнѣ опредѣленно и категорически подтвердило взглядъ, высказанный по дѣлу Собакарева, при чемъ дѣйствіе лица, нарушившаго 929 ст. своимъ участіемъ въ приготовительныхъ къ суду распоряженіяхъ, было признано подлежащимъ дисциплинарному взысканію и передано на разсмотрѣніе соединеннаго присутствія Перваго и обоихъ Кассаціонныхъ Департаментовъ; а во 2-хъ, потому, что изложенное въ объясненіи содержаніе рѣшенія по дѣлу Ахназарова почерпнуто не изъ подлиннаго рѣшенія, а изъ краткаго тезиса сборника Щегловитова, который по самому своему назначенію не можетъ передавать обстоятельствъ дѣла. Если дать себѣ трудъ прочесть подлинное рѣшеніе по дѣлу Ахназарова въ офиціальномъ кассаціонномъ сборникѣ, то окажется, что въ дѣлѣ Ахназарова вопросъ шелъ лишь объ участіи состава, рѣшавшаго въ первый разъ дѣло, въ разсужденіяхъ о томъ, какому изъ Департаментовъ Палаты— уголовному или гражданскому — надлежитъ въ другомъ составѣ разсмотрѣть вновь кассированное производство. Поэтому рѣшеніе по дѣлу Ахназарова нисколько не идетъ въ разрѣзъ съ рѣшеніями по дѣламъ Собакарева и Жилы и остается лишь пожалѣть о томъ, что эти рѣшенія не были примѣнены во всей ихъ полнотѣ по настоящему дѣлу. Статья 929 Уст. угол. суд. имѣетъ коренную связь со всѣмъ кассаціонымъ производствомъ и толковалась Правительствующимъ Сенатомъ всегда съ особымъ вниманіемъ. На такое же вниманіе къ такимъ своимъ рѣшеніямъ, имѣющимъ нетолько разъяснительный по данному дѣлу, но и общій по всѣмъ дѣламъ *императивный* характеръ, со стороны подчиненныхъ ему судебныхъ учрежденій имѣетъ право разсчитывать Правительствующій Сенатъ, ибо иначе пришлось бы повторить слова великаго его Основателя—«всуе законы писать, если ихъ не исполнять» и допустить замѣну точнаго смысла закона, разъясненнаго высшимъ, призваннымъ къ тому судилищемъ, личнымъ усмотрѣніемъ суда, по правилу: Sic volo, sic jubeo! stat pro ratione voluntas!

Уже одного нарушенія 929 ст. Уст. угол. суд. было бы достаточно для того, чтобы отмѣнить приговоръ по настоящему дѣлу. Но независимо отъ этого существуетъ рядъ другихъ нарушеній по свойству самого дѣла. *Первое* изъ нихъ выразилось въ постановленіи суда отъ 19-го августа 1895 года объ отказѣ жалобщикамъ въ вызовѣ оправданныхъ при первомъ разсмотрѣніи дѣла подсудимыхъ Александрова и Гаврилова. Рѣшеніями Правительствующаго Сената за 1871 г. № 450, за 1873 г. № 359, за 1877 годъ № 29, за 1878 г. № 39 и другими, вызовъ такихъ оправданныхъ подсудимыхъ въ качествѣ свидѣтелей признанъ для суда обяза-

тельнымъ въ порядкѣ установленномъ 557 ст., и распространенъ не только на *оправданныхъ* подсудимыхъ, но даже и на *осужденныхъ*. Поэтому отказъ въ вызовѣ оправданныхъ подсудимыхъ по требованію обвиняемыхъ, подлежащихъ суду второй разъ, есть явное стѣсненіе правъ послѣднихъ, которое ни въ какомъ случаѣ и никогда не можетъ быть объяснено даже тѣмъ, что показанія этихъ свидѣтелей не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ дѣлу, ибо противъ этого свидѣтельствуетъ самая скамья подсудимыхъ, которая при первомъ разбирательствѣ дѣла одинаково пріютила на себѣ и оправданныхъ, и осужденныхъ. Идя послѣдовательно, пришлось бы признать, что и объясненія этихъ лицъ, данныя въ первомъ засѣданіи, къ дѣлу не относятся. Несомнѣнно, что обвиняемый по одному и тому же преступленію есть и одинъ изъ важнѣйшихъ свидѣтелей, если только судъ, по внутренней оцѣнкѣ, не найдетъ необходимымъ отнестись къ нему съ недовѣріемъ. Объясненія, сдѣланныя по этому предмету судомъ, не представляются основательными. Въ нихъ говорится объ отсутствіи *основного закона*, который дѣлалъ бы такой вызовъ обязательнымъ. Но Уставъ уголовнаго судопроизводства дѣлаетъ обязательнымъ вызовъ всякаго лица, могущаго быть свидѣтелемъ по дѣлу, и въ статьяхъ 713, 714 и 721 опредѣлено, въ чемъ состоитъ то отношеніе человѣка къ дѣлу, которое придаетъ ему характеръ свидѣтеля. Поэтому и за невозможностью признать показанія оправданныхъ не относящимися къ дѣлу—они несомнѣнно имѣютъ право занять въ дѣлѣ положеніе свидѣтелей, при чемъ это ихъ право подтверждено и закрѣплено приведенными рѣшеніями. Объ отсутствіи какого-же основного закона говоритъ объясненіе суда? Едва ли можно предположить, чтобы оно имѣло въ виду законы основные, помѣщенные въ первой части перваго тома Свода Законовъ, ибо они по важности своей, конечно, не могутъ касаться такихъ вопросовъ, какъ вызовъ свидѣтелей. Поэтому говорить о примѣненіи ихъ къ настоящему дѣлу невозможно, да и ничего относящагося къ отправленію уголовнаго правосудія въ нихъ нѣтъ, если не считать ст. 65, обязывающей всѣ безъ изъятія мѣста, а слѣдовательно и судебныя, утверждать свои опредѣленія на точныхъ словахъ закона—«не допуская обманчиваго непостоянства самопроизвольныхъ толкованій».

Во второй части объясненія судомъ указывается, какъ на основаніе къ отказу, на то, что послѣ отказа ходатайство о вызовѣ одного изъ оправданныхъ подсудимыхъ не было повторено и что защитникъ, по открытіи засѣданія, не просилъ объ его отсрочкѣ, за отсутствіемъ этихъ свидѣтелей, для вызова ихъ. Но обсужденію Сената подлежитъ отказъ суда въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ онъ былъ сдѣланъ и внѣ зависимости отъ тѣхъ дѣйствій, которыми онъ сопровождался, при чемъ надлежитъ замѣтить, что отсутствіе требованія о вызовѣ свидѣтелей на счетъ подсудимыхъ, людей бѣдныхъ, темныхъ и давно уже содержащихся подъ стра-

жею, ни въ какомъ случаѣ *имъ* въ вину поставлено быть не можетъ, суду же должно быть извѣстно, что требованіе защитника объ отсрочкѣ засѣданія для вызова свидѣтелей, въ которомъ судомъ уже было отказано, было бы требованіемъ тщетнымъ, не законнымъ и невыполнимымъ. Поэтому упрекъ въ томъ, что такое требованіе не было предъявлено по открытіи судебнаго засѣданія, несправедливъ и, въ виду обязанности суда оставить такое требованіе безъ послѣдствій, представляется болѣе чѣмъ страннымъ.

Второе нарушеніе выразилось *въ способѣ обсужденія* ходатайства защиты о вызовѣ неявившихся свидѣтелей. Законъ даетъ суду дискреціонное право отказывать въ вызовѣ новыхъ свидѣтелей, признавая ихъ не относящимися къ дѣлу, но законъ требуетъ, чтобы самое ходатайство о вызовѣ было обсуждено во всѣхъ подробностяхъ. Судъ можетъ отказать, но у просителя должно остаться убѣжденіе, что, отказывая, судъ вошелъ въ оцѣнку всѣхъ его доводовъ. Къ суду въ подобныхъ случаяхъ вполнѣ приложимо античное изреченіе «бей, но выслушай». Поэтому въ рядѣ кассаціонныхъ рѣшеній, между прочимъ, по извѣстнымъ дѣламъ Вольяшева 1890 г. и Минцесъ 1889 г. указано, что судъ обязанъ каждый разъ входить въ оцѣнку, какъ важности показаній указываемыхъ свидѣтелей, такъ и того, дѣйствительно ли ихъ показанія составляютъ новое въ дѣлѣ обстоятельство. При этомъ вся практика Правительствующаго Сената по 879[1] ст. Уст. угол. суд. основана именно на обязанности суда мотивировать подробно свои постановленія въ этомъ отношеніи. Между тѣмъ постановленіе суда 19-го августа 1895 г. отказываетъ въ вызовѣ свидѣтелей, долженствующихъ показать о новыхъ обстоятельствахъ на томъ основаніи, что обстоятельства эти не представляются новыми, «такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ были извѣстны при производствѣ полицейскаго дознанія, другія при производствѣ слѣдствія, на что указываютъ не только протоколы того и другого, но частью и находящіяся въ производствѣ суда прошенія подсудимыхъ».

Но, прежде всего, прошенія участвующихъ въ дѣлѣ лицъ ни въ какомъ случаѣ не могутъ устанавливать собою такихъ обстоятельствъ, которыя затѣмъ уже не признаются новыми, потому что прошенія эти разсмотрѣнію присяжныхъ засѣдателей не подлежатъ. Съ другой стороны обстоятельствомъ *не новымъ* не можетъ считаться такое, которое почему-либо сдѣлалось извѣстнымъ полиціи, но не было ни ею, ни слѣдственною властью провѣрено надлежащимъ образомъ. Вопросъ не въ томъ, зналъ ли тотъ или другой агентъ полицейской власти объ извѣстномъ обстоятельствѣ и даже не въ томъ, придавалъ ли онъ ему значеніе или нѣтъ, а въ томъ было ли это обстоятельство обслѣдовано тѣми способами и пріемами, которые указаны въ Уставѣ уголовнаго судопроизводства. Иначе пришлось бы допустить устраненіе изъ дѣла многихъ новыхъ обстоятельствъ, только потому, что было бы доказано, что слухи о нихъ доходили до свѣдѣнія полицейской власти, которая вслѣд-

ствіе неопытности, поспѣшности, предвзятаго взгляда или односторонняго отношенія къ дѣлу, не придала имъ значенія. Инстанція, предающая суду—Судебная Палата—обязана разрѣшать вопросъ о преданіи суду на основаніи актовъ предварительнаго слѣдствія, а потому обстоятельства, имѣющія существенное отношеніе къ дѣлу, не помѣщенныя въ актахъ предварительнаго слѣдствія, должны считаться новыми. Правительствующій Сенатъ не призналъ нарушеніемъ, въ рѣшеніи по дѣлу Мѣшкова 1871 г., отказъ въ вызовѣ свидѣтелей по обстоятельству, которое именовалось новымъ, но уже было предметомъ предварительнаго слѣдствія, и тѣмъ самымъ указалъ, что обстоятельства, *не бывшія* предметомъ предварительнаго слѣдствія, подлежатъ обслѣдованію путемъ свидѣтельскихъ показаній и иными законными способами, какъ новыя. Поэтому отказъ суда въ вызовѣ свидѣтелей о новомъ обстоятельствѣ безъ обсужденія его существенности, а потому лишь, что о немъ было *извѣстно* полицейской власти, представляется не законнымъ. При этомъ надо замѣтить, что и самое обсужденіе поводовъ къ отказу не представляется сдѣланнымъ съ надлежащей точностью и полнотою, ибо, напримѣръ, ни въ обвинительномъ актѣ, ни въ актахъ предварительнаго слѣдствія нельзя найти указаній на то, чтобы становой приставъ, производя розыски, нашелъ за рѣкою Люгою не въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ найденъ трупъ Матюнина, слѣды крови; поэтому если подсудимымъ объ этомъ сдѣлалось извѣстнымъ только послѣ разсмотрѣнія дѣла 11-го декабря 1894 г., то обстоятельство это, могущее по ихъ словамъ быть провѣреннымъ, должно быть признано судомъ вновь открывшимся.

Третье нарушеніе выразилось въ отказѣ защитнику въ отсрочкѣ засѣданія по 734 ст. Уст. угол. суд., дабы имѣть время приготовиться къ возраженіямъ противъ новыхъ доказательствъ, выставляемыхъ прокуроромъ въ лицѣ новыхъ свидѣтелей, вызванныхъ имъ по 573 ст. Ссылка суда на то, что прокуроръ имѣетъ право не указывать на обстоятельства, по которымъ вызываются свидѣтели, представляется несогласнымъ съ неоднократно высказаннымъ Сенатомъ взглядомъ, нашедшимъ свое окончательное закрѣпленіе въ рѣшеніи № 717 за 1886 г. Правительствующій Сенатъ призналъ, что требованіе прокурора о вызовѣ новыхъ свидѣтелей не подчиняется *никакимъ срокамъ* и можетъ быть предъявлено суду до открытія судебнаго засѣданія; онъ призналъ также, что судъ не имѣетъ права входить въ обсужденіе *степени важности* подлежащаго разъясненію новыми свидѣтелями обстоятельства и обязанъ ихъ вызвать безусловно. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ рѣшеніи по дѣлу Скачкова № 77 за 1878 г. Сенатомъ высказано, что прокуроръ обязанъ выяснить суду тѣ основанія, по которымъ онъ призналъ показанія извѣстныхъ лицъ *относящимися къ дѣлу* и ихъ самихъ подлежащими вызову, несмотря на то, что онѣ не были допрошены на предварительномъ слѣдствіи. Помимо этихъ указаній Правительствующаго Сената нельзя не признать, что ни достоинство проку-

рорскаго званія, ни польза дѣла не могутъ ничего утратить отъ открытаго заявленія прокурора противной сторонѣ о томъ оружіи, которымъ онъ намѣренъ противъ нея дѣйствовать. Подобный открытый образъ дѣйствія вызывается необходимостью судебнаго прямодушія, которое должно руководить дѣйствіями всѣхъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ. Прокурору не слѣдуетъ скрывать въ открытомъ бою для выясненія истины, который идетъ на судебномъ слѣдствіи,—зачѣмъ ему нуженъ тотъ или другой изъ вызываемыхъ свидѣтелей. Достоинство судебнаго засѣданія требуетъ всемѣрно избѣгать неожиданностей и сюрпризовъ, ожидающихъ противную сторону, какъ чуждыхъ цѣлямъ правосудія. Кромѣ того, съ практической точки зрѣнія незачѣмъ рисковать тѣмъ, что защита можетъ усмотрѣть въ показаніяхъ вызванныхъ прокуроромъ свидѣтелей новое доказательство и согласно 634 и 734 ст. Уст. угол. суд. потребовать отсрочки засѣданія для разъясненія и подготовленія къ возраженіямъ. По этимъ соображеніямъ судъ не имѣлъ права отказывать защитнику въ отсрочкѣ судебнаго засѣданія по 734 ст. Уст. угол. суд. и объяснять правильность своихъ дѣйствій тѣмъ, что защитникъ, выслушавъ отказъ въ отсрочкѣ, не просилъ вновь о таковой послѣ допроса свидѣтелей прокурора. Просьба объ отсрочкѣ засѣданія послѣ допроса свидѣтелей въ большинствѣ случаевъ была бы нецѣлесообразной. Она влекла бы за собою напрасную трату времени судомъ въ случаѣ ея уваженія и лишила бы подсудимаго возможности представить надлежащій отводъ противъ допроса свидѣтелей. Сенатъ въ рядѣ рѣшеній 1888 г. № 199, 1871 г. № 939 и 1888 г. по дѣлу Умецкихъ и др. требуетъ, чтобы, при представленіи новыхъ доказательствъ, сторона, желающая отсрочки засѣданія, заявила объ этомъ суду *своевременно*.

Четвертое нарушеніе выразилось въ томъ, что предсѣдатель не разрѣшилъ защитнику предлагать становому приставу Шмелеву вопросы о приводѣ имъ обвиняемыхъ къ присягѣ предъ чучелою медвѣдя, для полученія у нихъ сознанія въ убійствѣ Матюнина. Товарищъ предсѣдателя Сарапульскаго Окружного Суда объяснилъ, что запрещеніе это онъ счелъ нужнымъ сдѣлать не столько потому, что подобный допросъ клонился къ опороченію дѣйствій свидѣтеля Шмелева, какъ станового пристава, сколько въ виду того, что объ обстоятельствахъ этихъ *уже было дозволено* разсказывать и подсудимымъ и свидѣтелямъ, при чемъ недозволеніе спрашивать о томъ же Шмелева основывалось, согласно тому же объясненію, на томъ, что «обстоятельства эти *не имѣли прямого отношенія къ дѣлу*». Ни воспрещеніе, сдѣланное товарищемъ предсѣдателя, ни объясненія его не могутъ однако быть признаны правильными. Ст. 722 Уст. угол. суд. разрѣшаетъ свидѣтелю не отвѣчать на вопросы, клонящіеся къ изобличенію его въ какомъ-либо преступленіи;—по ст. 611 Уст. угол. суд. предсѣдатель устраняетъ въ преніяхъ все, что не имѣетъ прямого отношенія къ дѣлу, и не допускаетъ ни оскорбительныхъ для чьей-либо личности отзывовъ, ни

нарушенія уваженія къ религіи, закону и установленнымъ властямъ. Но ст. 722 не безусловна. Она воспрещаетъ любопытствовать объ обстоятельствахъ, хотя бы и преступныхъ, но такихъ, которыя не имѣютъ отношенія къ изслѣдуемому дѣлу или могутъ подорвать довѣріе къ свидѣтелю выставленіемъ его порочныхъ наклонностей или преступныхъ свойствъ. Но тамъ, гдѣ то или другое обстоятельство, выясненное, раскрытое или установленное дѣйствіями свидѣтеля, послужило къ изобличенію подсудимаго или къ преданію его суду, тамъ свидѣтель не можетъ укрываться за ст. 722 Уст. угол. суд. Это въ особенности относится до дѣйствій должностныхъ лицъ. На судѣ изслѣдуется не только то, *что* добыто при предварительномъ изслѣдованіи, но и *какъ* оно добыто. Поэтому, *дозволеніе* лицу, участвовавшему въ такомъ изслѣдованіи, разсказывать, что оно услышало отъ обвиняемаго и какое именно сознаніе оно получило, и *воспрещеніе* въ то же время спрашивать это лицо о томъ, въ какой *обстановкѣ* и при какихъ *условіяхъ* оно добыло сознаніе,— есть нарушеніе основаній уголовнаго процесса.

Правительствующій Сенатъ въ рѣшеніи по дѣлу Кронштадтскаго банка высказалъ, что Уставъ уголовнаго судопроизводства не воспрещаетъ предлагать свидѣтелю вопросы, касающіеся дѣйствій его по службѣ, коль скоро эти дѣйствія имѣютъ отношеніе къ обстоятельствамъ дѣла. Стремленіе къ огражденію свидѣтеля отъ такихъ вопросовъ не только не соотвѣтствуетъ цѣлямъ правосудія, но и не цѣлесообразно, ибо если о неправильныхъ дѣйствіяхъ чиновника при производствѣ дознанія и слѣдствія его самого не позволяютъ спрашивать, а въ то же время—какъ это было въ настоящемъ дѣлѣ—дозволяютъ говорить о томъ же другимъ свидѣтелямъ и подсудимымъ, то этимъ самымъ чиновника лишаютъ возможности не только оправдаться, но и разъяснить ложь или преувеличеніе въ томъ, что о немъ разсказывалось. При томъ судьею того— были ли преступны, неправильны или извинительны дѣйствія должностного лица—является не оно само, а согласно съ Уставомъ о службѣ гражданской и съ третьей книгою Уст. угол. суд.—его начальство.

Поэтому должностное лицо, допрашиваемое на судѣ, несомнѣнно имѣетъ право не отвѣчать на вопросъ о томъ, совершило ли оно общее, предусмотрѣнное не только уголовнымъ закономъ, но и заповѣдями, преступленіе, но не имѣетъ права на вопросъ о томъ, какимъ способомъ добыло оно то или другое доказательство по дѣлу,—доказательство, на достовѣрности и нравственной пригодности котораго строится уголовный приговоръ, — отвѣчать: «это мой секрётъ» или ждать, что предсѣдатель скажетъ: «оставьте его, это его тайна», тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ умолчаніе должностного лица есть въ сущности косвенное признаніе неправильности и, по смыслу 722 ст., даже преступности своихъ дѣйствій. Наконецъ, гдѣ же предѣлъ въ разсмотрѣніи—на что отвѣчать должностному лицу по 722 ст. и на что не отвѣчать? Законъ признаетъ

служебными преступленіями и медленность, и нерадѣніе, предусматривая ихъ въ 410 и 411 ст. Улож. о нак. По отношенію къ нимъ тоже слѣдуетъ допустить молчаніе? Но вѣдь фактами, за которыми можно предположить медленность или нерадѣніе, опредѣляется достоинство, сила и, что иногда весьма важно,—*хронологія* доказательствъ. Настоящее дѣло, напримѣръ, началось въ маѣ 1892 г., а вскрытіе трупа произведено лишь 4-го іюня, и въ этотъ промежутокъ не было произведено ни осмотра тѣла, ни осмотра мѣстности, гдѣ оно найдено; первый осмотръ въ шалашѣ Дмитріева, гдѣ предполагается совершеннымъ убійство Матюнина, произведенъ 17-го мая 1892 г., а второй, при которомъ найдены вещественныя доказательства, считаемыя по дѣлу весьма существенными, лишь 16-го августа 1892 г. Если должностныя лица, производившія эти дѣйствія, будучи вызваны на судъ, были бы допрошены о времени производства этихъ дѣйствій, то ужели они могли бы быть освобождены отъ отвѣтовъ только потому, что можетъ *показаться,* что ихъ спрашиваютъ о фактахъ, имѣющихъ отношеніе къ медленности или нерадѣнію? Но тогда отчего же не пойти далѣе и не воспретить вообще всякія указанія на неправильность слѣдственныхъ дѣйствій или неточность въ изложеніи добытыхъ доказательствъ? О непримѣнимости къ настоящему случаю 611 ст. Уст. угол. суд. говорить излишне, ибо, допустивъ допросъ подсудимыхъ и свидѣтелей о способѣ полученія сознанія первыхъ изъ нихъ приставомъ Шмелевымъ, предсѣдательствующій тѣмъ самымъ призналъ обстоятельство это относящимся къ дѣлу и его запоздалое объясненіе, не нашедшее себѣ притомъ мѣста въ мотивахъ отказа, записанныхъ въ протоколѣ судебнаго засѣданія,—о томъ, что вопросы объ этомъ сознаніи «не имѣютъ прямого отношенія къ дѣлу»,—не можетъ заслуживать уваженія, тѣмъ болѣе, что та же 611 ст. вооружаетъ его достаточною властью для устраненія въ *формѣ* вопросовъ всякаго оскорбительнаго оттѣнка.

Хотя по закону и по кассаціонной практикѣ, объясненія суда и отдѣльныхъ его членовъ не имѣютъ значенія заключеній суда по замѣчаніямъ на протоколъ, установленныхъ 844 ст. Уст. угол. суд., но за объясненіями этими нельзя не признавать цѣны, когда таковыя болѣе подробно и разносторонне излагаютъ соображенія, руководившія при принятіи той или другой мѣры, подлежащей разсмотрѣнію въ *кассаціонномъ порядкѣ.* Къ сожалѣнію, это кассаціонное условіе соблюдено далеко не во всѣхъ частяхъ объясненія товарища предсѣдателя Сарапульскаго Суда. Такъ, въ заключеніи этого объясненія удостовѣряется предъ Правительствующимъ Сенатомъ, что «крайне печально, что судомъ присяжныхъ дважды установлена виновность семи вотяковъ въ убійствѣ русскаго человѣка съ цѣлью принесенія его въ жертву ихъ языческимъ богамъ, но что же дѣлать!—обстановка убійства Матюнина и экспертиза, какъ врачебная, такъ и этнографическая, положительно установили, что Матюнинъ былъ зарѣзанъ съ означенной именно цѣлью и этому

не желаютъ вѣрить лишь только бывшіе на судѣ — представитель прессы, корреспонденты, да г. защитникъ, домогающійся во что бы то ни стало полнаго оправданія всѣхъ подсудимыхъ, котораго онъ *быть можетъ когда нибудь и добьется*». Автору объясненія должно быть изъ 5 ст. Учр. суд. уст. извѣстно, что Сенатъ въ кассаціонномъ порядкѣ не входитъ въ существо дѣла и что удостовѣренія въ виновности подсудимыхъ, съ какой бы компетентной стороны онѣ ни шли, не могутъ въ глазахъ его ослабить или устранить кассаціонныя нарушенія формъ и обрядовъ судопроизводства, которыя одни только онъ и призванъ разсматривать. Поэтому излишне и вовлекать Сенатъ въ оцѣнку существа дѣла. Для него, въ предѣлахъ его вѣдомства, *печальнымъ* можетъ быть лишь то, что по судебному дѣлу огромной важности, имѣющему не только юридическій, но и бытовой интересъ, судомъ *дважды* допущены такія существенныя нарушенія, что совокупной работѣ суда и присяжныхъ должно, во имя нелицемѣрнаго соблюденія законовъ, вмѣненнаго Сенату въ обязанность, обратиться въ ничто. Печальными могутъ показаться и заключительныя слова объясненія, столь странно звучащія при существованіи въ судебныхъ уставахъ коренныхъ началъ гласности разбирательства и судебной защиты, и едва ли соотвѣтствующія спокойному достоинству того, кто писалъ объясненіе, и высотѣ того мѣста, куда оно предназначалось. По всѣмъ этимъ основаніямъ надлежитъ признать, что рѣшеніе присяжныхъ и приговоръ Сарапульскаго Окружнаго Суда по настоящему дѣлу подлежатъ отмѣнѣ за нарушеніемъ 577, 722, 734 и 929 ст. Уст. угол. суд. и дѣло должно быть передано, для новаго разсмотрѣнія, въ Казанскій или Вятскій Окружной Судъ.

Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: приговоръ Сарапульскаго Окружнаго Суда и рѣшенія присяжныхъ засѣдателей, за нарушеніемъ 577, 612, 722, 734 и 929 ст. Уст. угол. суд. и рѣшеній Правительствующаго Сената 1877 г. № 29, 1878 г. № 39 и др. отмѣнить и дѣло передать для новаго разсмотрѣнія въ Казанскій Окружной Судъ и 2) на основ. 265 ст. Уст. угол. суд. суду, въ составѣ присутствія, участвовавшаго въ распорядительныхъ засѣданіяхъ по сему дѣлу 19-го августа и 19-го сентября 1895 г., за нарушеніе 929 ст. Уст. угол. суд. сдѣлать замѣчаніе.

XV.

Объ отмѣнѣ оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ засѣдателей по 818 ст. Уст. угол. суд.

(Въ распорядительномъ засѣданіи).

Въ 1893 году Министръ Юстиціи представилъ на Высочайшее воззрѣніе записку о рядѣ измѣненій въ Судебныхъ Уставахъ. Записку эту поручено было разсмотрѣть особому совѣщанію при Государственномъ Совѣтѣ, подъ предсѣдательствомъ Н. И. Стояновскаго. По нѣкоторымъ изъ возбужденныхъ д. т. с. Манасеинымъ вопросовъ, особое совѣщаніе просило, чрезъ первоприсутствующаго уголовнаго кассаціоннаго департамента, заключенія этого департамента. Между этими вопросами былъ и вопросъ о предоставленіи высшему кассаціонному суду правъ разрѣшать передачу уголовныхъ дѣлъ на разсмотрѣніе новаго состава присяжныхъ засѣдателей въ случаѣ единогласнаго признанія судомъ, что присяжными *оправдано* лицо, несомнѣнно виновное въ приписываемомъ ему преступленіи.

Предположеніе о предоставленіи высшему кассаціонному суду права разрѣшать передачу уголовныхъ дѣлъ на разсмотрѣніе новаго состава присяжныхъ засѣдателей въ случаѣ единогласнаго признанія судомъ, что присяжными оправдано лицо, несомнѣнно виновное въ приписываемомъ ему преступленіи столь важно и затрогиваетъ такіе интересы правосудія, что я прежде всего считаю необходимымъ остановиться на цѣлесообразности и соотвѣтствіи съ основными началами нашего уголовнаго процесса возложенія на высшій кассаціонный судъ новой обязанности обсуждать основательность представленія мѣстнаго суда о передачѣ новому составу присяж-

ныхъ дѣла, неправильно, по мнѣнію послѣдняго, разрѣшеннаго оправдательнымъ приговоромъ. Законъ, изображенный въ 5 ст. учр. суд. уст. и 912 ст. у. у. с., строго разграничиваетъ разсмотрѣніе дѣла по существу, при коемъ судьи руководятся лишь внутреннимъ убѣжденіемъ, выводимымъ изъ совокупности обстоятельствъ дѣла, установляемыхъ путемъ судебнаго состязанія, обнимающаго собою судебное слѣдствіе и пренія,—отъ разсмотрѣнія дѣла въ кассаціонномъ порядкѣ, при коемъ мѣсто внутренняго убѣжденія о виновности занимаетъ выводъ, дѣлаемый изъ сопоставленія установленныхъ судомъ или удостовѣренныхъ протоколомъ судебнаго засѣданія данныхъ съ точными и незыблемыми предписаніями закона. Поэтому, озабочиваясь поддержаніемъ правильности хода судебнаго состязанія при разсмотрѣніи дѣла по существу, кассаціонный судъ не входитъ въ разсмотрѣніе самаго содержанія этого состязанія, т. е. не провѣряетъ матеріала, послужившаго основаніемъ къ окончательному выводу суда, имѣя дѣло лишь съ симъ послѣднимъ. При разсмотрѣніи дѣлъ, разрѣшенныхъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, кассаціонный судъ даже лишенъ и фактической возможности входить въ оцѣнку существа, ибо показанія свидѣтелей и содержаніе дѣлаемыхъ на судѣ по 687 и 629 ст. у. у. с. оглашеній, относящихся къ существу дѣла, не вносятся въ протоколъ судебнаго засѣданія (838 ст. у. у. с.), не оставляя, такимъ образомъ, по себѣ никакого письменнаго слѣда. Между тѣмъ, предполагаемое возложеніе на высшій кассаціонный судъ оцѣнки правильности представленія мѣстнаго суда о передачѣ дѣла другому составу присяжныхъ засѣдателей, обязываетъ его, въ противорѣчіе съ основнымъ характеромъ его дѣятельности, входить въ оцѣнку основательности убѣжденія суда въ *несомнѣнной* виновности подсудимаго, каковая оцѣнка возможна лишь при разсмотрѣніи обстоятельствъ дѣла по существу и при сопоставленіи ихъ съ выводомъ суда, т. е. при разсмотрѣніи письменнаго матеріала, никогда не могущаго передать въ настоящей силѣ и значеніи того впечатлѣнія, которое, бывъ получено изъ живаго, доступнаго многоразличной повѣркѣ, источника путемъ постепенной работы ума и совѣсти присяжныхъ, сложилось въ ихъ внутреннее убѣжденіе. Да и этотъ письменный матеріалъ, по дѣламъ, рѣшаемымъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, представляется въ крайне неполномъ и одностороннемъ видѣ, ограничиваясь обвинительнымъ актомъ, частною жалобою или опредѣленіемъ о преданіи суду и предварительнымъ слѣдствіемъ, къ провѣркѣ коего именно и направлено судебное состязаніе, и данныя коего ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить, *сами по себѣ,* даже основаніемъ къ постановкѣ, по 751 ст. уст. угол. суд., вопроса о виновности.

Такимъ образомъ высшему кассаціонному суду пришлось бы или основывать свое заключеніе на этомъ недостаточномъ и непригодномъ для *окончательнаго* вывода матеріалѣ, приступая съ пріемами канцелярскаго изслѣдованія къ оцѣнкѣ жизненной правды

дѣла,—или же, не входя въ провѣрку внутренней основательности представленія суда, соглашаться съ нимъ во всѣхъ случаяхъ, когда оно по изложенію своему не будетъ представлять явной логической несообразности. Но первое было бы въ высшей степени нежелательнымъ шагомъ назадъ къ способамъ, уже осужденнымъ и опытомъ прежнихъ лѣтъ и законодательствомъ, а второе несоотвѣтствовало бы достоинству и назначенію высшаго кассаціоннаго суда, усложняя, при внутренней безплодности, до крайности его работу разсмотрѣніемъ, какъ я скажу ниже, весьма большаго количества представленій мѣстныхъ судовъ о передачѣ дѣлъ другому составу присяжныхъ. Не усматривая, поэтому, никакихъ основаній къ возложенію на высшій кассаціонный судъ вышеупомянутой обязанности, я не могу признать правильнымъ и предоставленіе суду права передачи новому составу присяжныхъ завершеннаго оправдательнымъ приговоромъ дѣла порядкомъ, аналогичнымъ съ установленнымъ 818 ст. уст. угол. суд. При начертаніи послѣдней статьи имѣлось въ виду, что хотя состоявшееся, при отсутствіи существенныхъ кассаціонныхъ нарушеній, рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей должно считаться окончательнымъ и не подлежать пересмотру по апелляціоннымъ отзывамъ и протестамъ, но для отвращенія случаевъ,—вѣроятно весьма рѣдкихъ,—явной ошибки присяжныхъ при оцѣнкѣ представленныхъ противъ подсудимаго уликъ, когда такая ошибка единогласно признана присутствіемъ суда, необходимо допустить вторичное разсмотрѣніе дѣла другимъ составомъ присяжныхъ. Это исключеніе изъ общаго правила о твердости и непоколебимости рѣшенія присяжныхъ засѣдателей было признано возможнымъ допустить только *въ пользу,* а не *во вредъ подсудимыхъ.* Послѣднее условіе, вытекая изъ установленныхъ обще-европейскою практикою пріемовъ и способовъ для оцѣнки силы доказательствъ, находится въ связи съ тѣмъ началомъ, въ силу коего невиновность обвиняемаго всегда предполагается, доколѣ противное не будетъ доказано и всякое сомнѣніе въ ней подлежитъ истолкованію въ пользу подсудимаго. Оберегая, по возможности, отправленіе правосудія отъ ошибокъ и поспѣшныхъ выводовъ, начало это призываетъ судей къ особому напряженію вниманія при оцѣнкѣ совокупности доказательствъ и не имѣетъ соотвѣтствующаго себѣ въ обратномъ смыслѣ, ибо если вполнѣ мыслимо оправданіе подсудимаго, когда послѣ такой оцѣнки все таки остается сомнѣніе въ его виновности и нѣтъ увѣренности, что кромѣ него никто не могъ совершить преступнаго дѣянія, то было бы неправосуднымъ осужденіе подсудимаго при *отсутствіи* увѣренности въ его виновности вслѣдствіе наличности остающагося сомнѣнія въ томъ: дѣйствительно-ли онъ совершилъ приписываемое ему преступное дѣяніе? Поэтому судъ, въ составѣ присутствія по дѣлу, противуполагая увѣренности присяжныхъ въ виновности подсудимаго свое основательное сомнѣніе въ ней, лишь указываетъ, въ интересахъ обвиняемаго, на необходимость новаго, быть можетъ, болѣе внимательнаго

наго и всестороннаго разсмотрѣнія обстоятельствъ дѣла,—тогда какъ, противуполагая свою увѣренность въ виновности сомнѣнію въ ней, возникшему у присяжныхъ, онъ принимаетъ на себя, въ ущербъ подсудимому, отрицаніе такого элемента въ сужденіяхъ судей существа дѣла, который составляетъ одну изъ важнѣйшихъ гарантій обвиняемаго противъ неправильнаго осужденія, гарантію, лежащую въ самомъ процессѣ мышленія тѣхъ, кто призванъ закономъ окончательно высказаться о его винѣ или невиновности.

Установляя судъ присяжныхъ наряду съ коллегіею коронныхъ судей и возлагая на первыхъ разрѣшеніе не только вопроса о совершіи преступленія обвиняемымъ, но и вопроса о его виновности, законъ строго разграничилъ дѣятельность тѣхъ и другихъ, допустивъ лишь одно, обставленное исключительными условіями, отступленіе въ ст. 818 уст. угол. суд. Примѣненіе этой статьи въ обратномъ смыслѣ, замѣняя внутренное убѣжденіе присяжныхъ убѣжденіемъ судей, которое нуждается во внѣшней мотивировкѣ, было бы въ сущности, въ весьма большомъ количествѣ дѣлъ, замѣною суда представителей общественной совѣсти — судомъ профессіональныхъ юристовъ, задача коихъ только понапрасну усложнялась бы прибавкою этихъ представителей. Для коллегіи профессіональныхъ судей въ большинствѣ дѣлъ найдутся данныя, предустановляющія виновность подсудимаго. Таково, напр. и главнымъ образомъ, собственное сознаніе подсудимаго, не опровергаемое обстоятельствами дѣла. Во всѣхъ случаяхъ подобнаго сознанія увѣренность судей въ виновности подсудимаго должна неминуемо побудить ихъ къ признанію оправдательнаго приговора присяжныхъ явно неправильнымъ и къ передачѣ дѣла другому ихъ составу. Но среднее число сознавшихся въ своей винѣ подсудимыхъ на все число обвиняемыхъ составляетъ за послѣдніе годы около 35, 36%. Такъ, напр. въ 1887 г. на 39,000 подсудимыхъ было 14,000 сознавшихся, при 19,000 оправдательныхъ приговорахъ. Послѣдніе, какъ указываетъ практика, далеко не обнимаютъ собою только не сознавшихся подсудимыхъ, а можно почти съ достовѣрностью утверждать, что не менѣе половины были оправданы по тѣмъ соображеніямъ, относящимся до ихъ личности, свойствъ и послѣдствій дѣянія, условій его совершенія и т. д., вслѣдствіе коихъ на судѣ, по внутреннему убѣжденію совѣсти, слова «совершилъ» и «виновенъ», вовсе не являются синонимами. Но если бы даже къ числу оправданныхъ отнести не половину вышеупомянутаго числа сознавшихся обвиняемыхъ, т. е. 7,000, а лишь одну четверть, то и тогда коронный судъ въ трехъ съ половиною тысячахъ случаевъ оказался бы лицомъ къ лицу съ такимъ обстоятельствомъ, которое обязывало бы его постановлять о передачѣ дѣла другому составу присяжныхъ. Съ внѣшней, формальной стороны въ огромномъ большинствѣ случаевъ оправданія сознавшагося подсудимаго, особливо при утвердительномъ отвѣтѣ присяжныхъ на вопросъ о событіи преступленія, выдѣленный по требованію гражданскаго истца, *не передача*

судомъ дѣла другому составу присяжныхъ означала бы признаніе со стороны суда того, что преданіе суду, основанное на собственномъ сознаніи обвиняемаго, и самое это сознаніе, подтвержденное затѣмъ при судебномъ разбирательствѣ,—не имѣютъ никакого значенія. Но такое признаніе со стороны суда профессіональныхъ юристовъ, обязанныхъ мотивировать свое мнѣніе, едва-ли мыслимо. Вмѣстѣ съ тѣмъ передача каждаго такого дѣла новому составу присяжныхъ представится весьма удобною для судей. Поддерживая солидарность между ними и судебною палатою по обвинительной камерѣ и основываясь на простомъ внѣшнемъ пріемѣ, состоящемъ въ сопоставленіи преданія суду и собственнаго сознанія съ послѣдовавшимъ затѣмъ рѣшеніемъ, передача такого рода освободитъ судей отъ опасенія нареканій на то, что, въ интересахъ порядка, они не воспользовались своимъ правомъ передачи.—Указаніе именно на эти интересы и на нравственную отвѣтственность, несомую судьями, не желающими противодѣйствовать «неправосудію», послужитъ могущественнымъ средствомъ для образованія въ средѣ судей единогласія, а вышеупомянутый внѣшній пріемъ сопоставленія вызоветъ весьма простую, неотяготительную и однообразную формулу мотивировки передачи дѣла другому составу, безъ всякаго,—всегда впрочемъ гадательнаго,—анализа соображеній присяжныхъ, положенныхъ ими въ основаніе оправданія. При этомъ нельзя упускать изъ виду, что составъ присяжныхъ засѣдателей при вторичномъ разсмотрѣніи дѣла будетъ всегда находиться подъ болѣе или менѣе сильнымъ давленіемъ состоявшагося постановленія о передачѣ, о коемъ они могутъ быть освѣдомлены разнообразными и неотвратимыми способами. Имѣя предъ собою опредѣленіе того же суда о томъ, что подсудимый «несомнѣнно виновенъ»,—опредѣленіе, правильность котораго подкрѣплена, согласно разсматриваемому предположенію Министра Юстиціи, высокимъ авторитетомъ Сената, присяжные засѣдатели приступятъ къ разсмотрѣнію дѣла безъ надлежащей свободы мышленія, при чемъ столь важное для правосудія требованіе закона, какъ вмѣненіе Предсѣдателю въ обязанность не обнаруживать своего мнѣнія о винѣ и невиновности подсудимаго (уст. угол. суд. ст. 804), обратится въ лишенную всякаго значенія и даже лицемѣрную формальность.

Такимъ образомъ, и особливо въ виду отсутствія указаній въ обсуждаемыхъ предположеніяхъ, въ отличіе отъ нынѣ дѣйствующей 818 ст. уст. угол. суд., что вторичный приговоръ присяжныхъ засѣдателей есть во всякомъ случаѣ окончательный,—преданіе суду по значительному числу дѣлъ станетъ равносильнымъ осужденію подсудимаго—и судъ присяжныхъ обратится въ этихъ случаяхъ въ простое орудіе суда короннаго, *неудобное* по своей сложности, *излишнее* по своей задачѣ и *безплодно отяготительное* для мѣстнаго населенія, призываемаго къ участію въ немъ. Такое умаленіе значенія и дѣятельности суда присяжныхъ было бы, въ сущности, первымъ шагомъ къ совершенному его упраздненію, что однако,

едва-ли входитъ въ намѣренія законодателя и что нанесло бы гораздо большій ударъ правильному отправленію правосудія, чѣмъ нѣкоторое, годъ отъ году уменьшающееся, количество оправдательныхъ приговоровъ, къ отмѣнѣ коихъ Правительствующій Сенатъ несомнѣнно имѣетъ достаточные средства и поводы въ порядкѣ кассаціонномъ. Съ осуществленіемъ же указаннаго предположенія онъ будетъ поставленъ въ тяжелое и несоотвѣтствующее его учрежденію положеніе, такъ какъ обязанъ будетъ разбирать не одну тысячу неправильно будто бы рѣшенныхъ присяжными засѣдателями дѣлъ, притомъ по самому существу оныхъ и не имѣя надлежащихъ для того матеріаловъ. По всѣмъ симъ соображеніямъ, имѣю честь предложить Правительствующему Сенату высказаться противъ проектированнаго предположенія о передачѣ новому составу присяжныхъ дѣлъ, по коимъ судъ находитъ оправданіе подсудимаго неправильнымъ, въ виду несомнѣнной виновности послѣдняго.

Правительствующій Сенатъ въ засѣданіи 17 января 1894 года съ этимъ заключеніемъ согласился.

КАССАЦІОННЫЕ

ДОКЛАДЫ.

I.

По дѣлу крестьянина Сорокина, обвиняемаго въ устройствѣ старообрядческой молельни.

По обвинительному акту, утвержденному Московскою судебною палатою, крестьянинъ Николай Сорокинъ, 70 лѣтъ, былъ преданъ суду по обвиненію въ устройствѣ, безъ надлежащаго разрѣшенія начальства, въ своемъ домѣ, въ деревнѣ Дурневѣ, раскольничьяго храма, въ коемъ по его просьбѣ совершалась, до 17 іюня 1896 г. литургія и иныя общественныя богослуженія по раскольничьему обряду, на которыя, кромѣ его домашнихъ, допускались и другія лица, принадлежащія къ расколу. Признавъ обвиняемаго виновнымъ въ томъ, что онъ безъ надлежащаго разрѣшенія обратилъ принадлежащій ему и находящійся между жилыми его избами отдѣленный отъ нихъ сѣнями амбаръ въ раскольничье молитвенное зданіе, устроивъ въ немъ престолъ, жертвенникъ и другія принадлежности храма, въ каковомъ помѣщеніи и отправлялось общественное раскольничье богослуженіе до 17 іюня 1896 года, судебная палата нашла, что, въ виду 3 п. закона 3 мая 1883 г. и ст. 48 уст. о пред. и пресѣч. прест. XIV т. св. зак., изд. 1890 г., Сорокинъ подлежитъ отвѣтственности по 3 ч. 206 ст. улож. о нак. и утвердила приговоръ Смоленскаго окружнаго суда, коимъ онъ присужденъ къ аресту при полиціи на 3 недѣли, причемъ признаны всѣ церковныя приспособленія, устроенныя въ его молельнѣ, подлежащими сломкѣ, а отобранныя принадлежности богослуженія, примѣнительно къ 205 ст. улож. о наказ. и на основаніи циркуляра Министра Юстиціи отъ 22 февраля 1867 г. № 3136, препровожденію на распоряженіе Смоленской духовной консисторіи. Въ принесенной на этотъ приговоръ кассаціонной жалобѣ повѣренный осужденнаго, присяжный повѣренный Керзинъ, указываетъ на неприведеніе палатою

основаній, по коимъ часть жилаго помѣщенія Сорокина, приспособленная для богослуженія, дозволеннаго 48 ст. уст. о пред. прес. прест., должна быть признана устройствомъ зданія, особо для молитвъ предназначеннаго; на неправильный отказъ въ примѣненіи 158 ст. улож. о нак. къ дѣянію, преступность коего исчерпывается однократнымъ дѣйствіемъ, состоящимъ въ неиспрошеніи надлежащаго разрѣшенія начальства; на непримѣненіе къ дѣлу Всемилостивѣйшаго Манифеста 14 мая 1896 г., въ виду того, что по обстоятельствамъ дѣла, литургія въ домѣ Сорокина была совершена въ послѣдній разъ 13 мая 1896 г., и наконецъ—на невозвращеніе осужденному отобранныхъ у него иконъ стараго письма и принадлежностей богослуженія, какъ составляющихъ его личную собственность и не подлежащихъ отобранію за силою закона 3 мая 1883 г., разрѣшившаго раскольникамъ отправлять богослуженіе и требы по ихъ обрядамъ и тѣмъ самымъ упразднившаго силу вышеприведеннаго циркуляра Министра Юстиціи.

Обращаясь, прежде всего, къ вопросу о примѣненіи ст. 158 улож. о нак. къ дѣянію Сорокина, надлежитъ признать, что по точному смыслу ст. 162 улож. сила поставленій о давности не распространяется на преступленія длящіяся или, какъ сказано въ законѣ, безпрерывно продолжающіяся. Къ таковымъ, какъ разъяснено въ рѣшеніяхъ угол. кассац. д-та 1881 г. № 12, 1888 г. № 26 и 1870 г. № 44, относятся не только преступленія, приведенныя въ ст. 162 улож. въ видѣ примѣровъ, но и всѣ вообще дѣянія, въ коихъ запрещенное подъ угрозою наказанія прямое нарушеніе или неисполненіе предписаній закона осуществляется въ рядѣ послѣдовательныхъ и однородныхъ дѣйствій, истекающихъ изъ одного общаго источника и связанныхъ между собою преемственно. Къ такого рода преступленіямъ, безъ сомнѣнія, должно быть отнесено и обращеніе, безъ установленнаго разрѣшенія подлежащаго начальства, существующаго строенія въ часовню или молитвенное зданіе для общественнаго богомоленія по раскольничьему обряду, ибо доколѣ подобное строеніе продолжаетъ соотвѣтствовать цѣлямъ и условіямъ общественнаго богослуженія, дотолѣ длится и нарушеніе закона, воспрещающаго устройство раскольничьей часовни или молитвеннаго зданія безъ уполномочія на то со стороны власти, на которую возложенъ надзоръ за упорядоченіемъ богослуженія и требоотправленія въ области раскольничьихъ вѣроученій. Указаніе повѣреннаго Сорокина на то, что послѣднее богослуженіе въ его молельнѣ совершено до воспослѣдованія Всемилостивѣйшаго Манифеста 14 мая 1896 г., не можетъ быть признано заслуживающимъ уваженія, какъ потому, что молельня обнаруженная полиціею 17 мая того же года, найдена была въ приспособленномъ для богослуженія и снабженномъ всѣми необходимыми для того принадлежностями состояніи, такъ и потому, что палатою установлено, что въ ней совершались богослуженія послѣ Духова дня, 13 мая 1896 г., пріѣзжавшимъ для сего отцемъ Павломъ, заменившимъ служившаго въ Духовъ день

требоотправителя Сѣрова, уволеннаго, «за винопитіе», каковой выводъ палаты не подлежитъ, за силою 5 ст. учр. суд. уст., обсужденію въ кассаціонномъ порядкѣ. Переходя, затѣмъ къ утвержденному въ апеляціонномъ порядкѣ постановленію суда о передачѣ принадлежностей богомоленія, найденныхъ въ домѣ Сорокина, въ распоряженіе Смоленской духовной консисторіи, не представляется возможнымъ признать за таковымъ законнаго основанія, указанная окружнымъ судомъ въ оправданіе своего, въ этомъ отношеніи, приговора «примѣнительно»—воспрещала, въ редакціи 1866 г., изданіе старопечатныхъ книгъ не въ Московской синодальной или единовѣрческой типографіи, а равно продажу, распространеніе и пріобрѣтеніе таковыхъ для употребленія въ божественной службѣ, угрожая между прочимъ, отобраніемъ сихъ книгъ и отсылкою ихъ въ епархіальному начальству; по редакціи же 1885 г. пріобрѣтеніе старопечатныхъ книгъ, исходящихъ не изъ вышеупомянутыхъ типографій, не подлежитъ уголовному наказанію, почему на означенныя книги, какъ не составляющія слѣдовъ или плодовъ преступленія лица, у коего онѣ находятся для пользованія ими, не распространяется нынѣ и правило о ихъ отобраніи. Поэтому, даже и при примѣненіи 205 ст. улож. о нак. къ дѣянію Сорокина и при распространеніи ея, вопреки ея прямому смыслу, на многочисленныя и разнородныя богослужебныя принадлежности, иконы, крестъ, утварь, ризы и т. п., отобранныя у Сорокина, постановленіе суда о семъ является несогласнымъ съ существующими узаконеніями, ибо-*во первыхъ*, такое распространительное толкованіе закона, изображеннаго въ 205 ст. улож. о нак,, противорѣчитъ ст. 65 св. зак. осн. т. I ч. I, въ силу коей законы должны быть исполняемы по точному и буквальному ихъ смыслу, безъ всякаго измѣненія или распространенія, и, *во вторыхъ*, идетъ въ разрѣзъ съ цѣлями и содержаніемъ Выс. утв. 3 мая 1883 г. мнѣнія Госуд. Сов., коимъ имѣлось въ виду даровать раскольникамъ права по отправленію ими духовныхъ требъ въ предѣлахъ и условіяхъ, не воспрещаемыхъ существующими законами; узаконенія же, на коихъ основанъ приводимый судомъ циркуляръ Министра Юстиціи отъ 22 февраля 1867 г., должны быть признаны, съ изданіемъ ст. 48 уст. о пред. и прес. прест. т. XIV ч. I, нынѣ потерявшими свою силу. Изъ разсмотрѣнія принятыхъ въ законахъ нашихъ мѣръ по отношенію къ книгамъ и принадлежностямъ раскольническаго богослуженія, усматривается, что таковыя находятся въ связи съ объемомъ и содержаніемъ правъ, предоставленныхъ раскольникамъ въ отношеніи богомоленій. До воспослѣдованія Высочайше утвержденнаго въ 3 день мая 1883 г. мнѣнія Госуд. Совѣта о дарованіи раскольникамъ нѣкоторыхъ льготъ въ отправленіи ими обрядовъ своего ученія, обращеніе крестьянскихъ избъ въ публичныя раскольническія молельни, какъ безусловно воспрещенное Высочайше утвержденнымъ 28 апрѣля 1836 г. положеніемъ Комитета Министровъ и предусмотренное въ 64 ст. уст. о пред. и прес. прест. т. XIV,

изд. 1857 г., и въ 52 ст. того же устава, изд. 1876 г., подвергало виновныхъ наказанію по 206 ст. улож. о нак., изд. 1866 г., причемъ, на основаніи Высоч. повелѣній отъ 18 іюня 1837 г., 11 апрѣля 1840 г., 3 мая 1851 г.и 3 іюня 1858 г., всѣ найденныя въ подлежащей уничтоженію раскольнической молельнѣ иконы, рукописи, книги и другія богослужебныя принадлежности отбирались и представлялись въ мѣстную консисторію, которая, разсмотрѣвъ ихъ во всей подробности, обязана была постановить затѣмъ свое опредѣленіе о передачѣ ихъ въ единовѣрческія церкви или о ихъ уничтоженіи, приводимое въ исполненіе въ порядкѣ, указанномъ циркулярами Министра Внутр. Дѣлъ отъ 15 окт. 1858 г. за № 184 и Министра Юстиціи отъ 22 февраля 1867 г. № 3136. Эти мѣропріятія закона, находившіяся въ полномъ соотвѣтствіи со статьями 50-52 уст. о пред. и прес. прест. т. XIV и съ карательнымъ закономъ (ст. 206 улож. о нак., изд. 1866 г.), воспрещавшимъ безусловно построеніе новыхъ и починку старыхъ для службы и моленія по раскольническимъ обрядамъ зданій, подъ наименованіемъ церквей, часовенъ или молитвенныхъ домовъ и обращеніе крестьянскихъ избъ въ публичныя молельни, должны однако почитаться, въ виду ст. 48 уст о пред. и прес. прест. т. XIV и 206 улож о нак. изд. 1885 г., отмѣненными, такъ какъ, въ силу Высоч. утв. мн. Госуд. Совѣта 3 мая 1883 г., раскольникамъ нынѣ дозволяется творить общественную молитву, исполнять духовныя требы и совершать богослуженіе по ихъ обрядамъ въ частныхъ домахъ и въ особо предназначенныхъ для сего зданіяхъ, причемъ дозволяется исправленіе и возобновленіе часовенъ и другихъ молитвенныхъ зданій, безъ измѣненія общаго ихъ наружнаго вида, а равно и обращеніе для общественнаго богомоленія существующихъ строеній каждый разъ съ испрошеніемъ разрѣшенія въ первомъ случаѣ—губернатора или начальника области, а во второмъ—Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Поэтому взысканію, установленному ст. 206 улож., виновные подвергаются не за исправленіе и возобновленіе часовенъ и молитвенныхъ зданій и не за устройство въ существующихъ строеніяхъ необходимой для общественныхъ богомоленій обстановки, а за совершеніе сего безъ разрѣшенія надлежащей власти, которая, согласно 3 примѣчанію къ ст. 48 уст. о пред. и прес. прест. изд. 1890 г., принимаетъ при обсужденіи ходатайства о таковомъ разрѣшеніи въ соображеніе какъ мѣстныя условія и обстоятельства, такъ и нравственный характеръ ученія и другія свойства каждой секты и, слѣдовательно, при предъявленіи этого ходатайства со стороны лицъ, подвергнутыхъ отвѣтственности по 206 ст. улож. о нак., можетъ разрѣшить имъ произвести то, что они дозволили себѣ предпринять самовольно, безъ разрѣшенія. Уже по одному этому соображенію не могутъ подлежать отобранію, а тѣмъ паче уничтоженію принадлежности богомоленія, находившіяся въ такомъ исправленномъ или устроенномъ, безъ надлежащаго разрѣшенія, молитвенномъ зданіи, а должны оставаться въ распо-

ряженіи тѣхъ, кто, по законамъ гражданскимъ, имѣетъ на нихъ право собственности или въ чьемъ фактическомъ владѣніи онѣ находятся. Соображеніе это подтверждается и ст. 206 улож. изд. 1885 г., въ коей говорится, при указаніи послѣдствій преступнаго дѣянія, въ ней предусмотрѣннаго, лишь о сломкѣ и исправленіи всего построеннаго или устроеннаго безъ надлежащаго разрѣшенія, или несогласно съ нимъ, что, очевидно, относится лишь до построекъ, а не до принадлежностей богомоленія, дозволеннаго ст. 48 уст. о пред. и прес. прест. Обращаясь, наконецъ, къ указаніямъ кассаціонной жалобы на неправильное признаніе Сорокина виновнымъ въ устройствѣ зданія, особо для богослуженія предназначеннаго, безъ испрошенія надлежащаго разрѣшенія, нельзя не замѣтить, что на основаніи 48 ст. уст. о пред. и прес. прест. совершеніе богослуженія, исполненіе духовныхъ требъ и общественной молитвы по раскольничьему обряду могутъ быть осуществляемы и въ частныхъ домахъ, и въ особо предназначенныхъ для сего зданіяхъ подъ условіемъ ненарушенія, при этомъ, общихъ правилъ благочинія и общественнаго порядка. Къ этимъ особо предназначеннымъ зданіямъ относятся, согласно п. п. 1-3 означенной статьи, часовни и молитвенныя зданія, какъ спеціально съ этою цѣлью построенныя, такъ и обращенныя для той же цѣли изъ существующихъ уже строеній, при чемъ изъ общаго правила, что зданія эти не должны имѣть ни внѣшняго вида православныхъ храмовъ, ни наружныхъ колоколовъ, сдѣлано согласно Высоч. утв. мнѣнію Госуд. Совѣта, исключеніе лишь для надверныхъ крестовъ и иконъ надъ входомъ. Для исправленія, открытія и приспособленія этихъ зданій требуется, подъ угрозою взысканія по 206 ст. улож., разрѣшеніе надлежащаго начальства. Но разрѣшенія сего не требуется на устройство общественнаго богомоленія въ частномъ домѣ, почему и имѣніе въ таковомъ домѣ принадлежностей и приспособленій для богослуженія, не составляетъ признака преступленія, предусмотрѣннаго въ 206 ст. улож., и судъ для правильнаго примѣненія сей статьи долженъ установить не то, что въ частномъ жилищѣ имѣлись предметы, относящіеся къ необходимымъ принадлежностямъ богослуженія, и что при послѣднемъ присутствовали не одни хозяева, но и постороннія лица, одного съ ними расколоученія, а то, что такое богослуженіе совершалось въ особомъ молитвенномъ зданіи, обращенномъ для сего изъ существующаго строенія безъ надлежащаго на то разрѣшенія, какъ это и признано уже согласно моимъ заключеніямъ, по д. Рябинина (1888 г. 12 апрѣля) и по д. Тулупова (1892 г. 13 ноября), въ коихъ разъяснено, что, по точному смыслу 48 ст. ус. о прес. прест. т. XIV, раскольники не подлежатъ уголовному преслѣдованію за отправленіе общественнаго богослуженія по ихъ обрядамъ въ частныхъ домахъ, а слѣдовательно и за устройство въ этихъ домахъ необходимой для моленія обстановки. Обвинительнымъ актомъ, по коему подсудимый Сорокинъ былъ преданъ суду по 206 ст. улож., и приговоромъ Москов-

ской судебной палаты установлено, что домъ Сорокина состоитъ изъ двухъ жилыхъ избъ, раздѣленныхъ между собою сѣнями и восьми-аршинной комнатою, представляющею съ наружной стороны видъ крестьянскаго амбара, и что это послѣднее помѣщеніе, по своему внутреннему устройству и по найденнымъ въ немъ принадлежностямъ богослуженія, было вполнѣ приспособлено для богомоленія мѣстныхъ раскольниковъ и притомъ богомоленія общественнаго, почему палата нашла, что подсудимый вполнѣ изобличается въ обращеніи, безъ надлежащаго разрѣшенія, принадлежащаго ему амбара въ раскольничье молитвенное зданіе. Такой выводъ палаты не представляется, однако, согласнымъ съ приведеннымъ смысломъ статьи 206, ибо помѣщеніе, находящееся въ общей связи съ жилыми комнатами и отдѣленное отъ нихъ лишь сѣнями не заключаетъ въ себѣ признаковъ раскольничьяго храма и вообще особо предназначеннаго для богослуженія зданія, въ которое обращено существующее строеніе, могущее имѣть надверные кресты и иконы надъ входомъ и лишь по внѣшнему виду и отсутствію наружныхъ колоколовъ не похожее на православный храмъ. Не обстановка, необходимая для богослуженія, и не общественный характеръ богомоленія обязываютъ хозяина частной постройки испрашивать разрѣшеніе, указанное въ 3 п. 48 ст. уст. о пред. и прес. прест., а то, что постройка эта, по характеру своему, не входя въ непосредственную связь съ жилымъ помѣщеніемъ въ частномъ домѣ, представляетъ, какъ то и выражено въ рѣшеніяхъ уголовн. касс. д-та по дѣламъ Рябинина и Тулупова, особо назначенное и отведенное для общественнаго богомоленія зданіе, подъ понятіе о коемъ, согласно установленнымъ судебною палатою признакамъ, помѣщеніе для общественнаго богомоленія въ домѣ Сорокина не подходитъ.

Признавая, что приговоромъ судебной палаты, утвердившей приговоръ Смоленскаго окружнаго суда, не установленъ существенный признакъ преступленія, предусмотрѣннаго 3 п. 2 части 206 ст. улож. о нак. и руководясь вышеизложенными соображеніями, Правительствующій Сенатъ 16 декабря 1897 г. о п р е д ѣ л и л ъ, приговоръ Московской судебной палаты и Смоленскаго окружнаго суда, за неправильнымъ примѣненіемъ 206 ст. и за силою 1 ст. улож., отмѣнить со всѣми послѣдствіями.

II.

По дѣлу сектантовъ Шухова и Борцева.

На предложенные Самарскимъ окружнымъ судомъ присяжнымъ засѣдателямъ вопросы о томъ: виновны ли крестьяне Самарской губерніи и уѣзда, села Колывань, Григорій Мокровъ, Федоръ Борцовъ и Семенъ Яковлевъ Шуховъ въ томъ, что каждый изъ нихъ, въ промежутокъ времени съ 1880 г. по 1889 г. вмѣстѣ съ другими лицами, въ своемъ селѣ, основалъ новую, повреждающую православную вѣру, раскольническую секту «Бѣльцовъ» или «мормоновъ» каковую секту, соединенную съ отрицаніемъ истины православной вѣры, отверженіемъ второго пришествія Господа Іисуса Христа и святости угодниковъ Божіихъ, и съ признаніемъ за учителями секты пророческой силы и власти разрѣшать грѣхъ, распространялъ среди православныхъ, совративъ въ свое лжеученіе односельца своего Василія Уварова и многихъ другихъ крестьянъ, послѣдовало признаніе присяжными засѣдателями Мокрова виновнымъ въ распространеніи секты, но не въ ея основаніи, а Шухова и Борцова виновными въ томъ же преступленіи и заслуживающими, по обстоятельствамъ дѣла, снисхожденія,—вслѣдствіе чего означенные подсудимые и приговорены судомъ, на основаніи 1 ч. 196 ст. ул. о наказ., къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ Закавказскій край. Въ поданной на этотъ приговоръ жалобѣ Борцовъ и Шуховъ, приводя неподлежащія обсужденію въ кассаціонномъ порядкѣ, за силою 5 ст. учр. суд. уст., объясненія по существу обнаруженныхъ судебнымъ слѣдствіемъ данныхъ для признанія ихъ принадлежности къ новой раскольнической сектѣ, указываютъ на нарушеніе 804 ст. у. у. с. не смягченіемъ имъ наказанія, не смотря на признаніе ихъ, согласно преподанному при-

сяжнымъ засѣдателямъ предсѣдателемъ суда наставленію, заслуживающими снисхожденія, и на нарушенія 760 ст. у. у. с. во первыхъ, помѣщеніемъ въ вопросѣ о виновности не общеупотребительнаго выраженія «повреждающая вѣру секта» и во вторыхъ, отсутствіемъ какъ въ вопросѣ, такъ вслѣдствіе сего и въ приговорѣ точнаго опредѣленія ихъ дѣятельности какъ совратителей.

Изъ общаго правила о смягченіи наказанія не менѣе, какъ на одну степень, при наличности условій, указанныхъ въ 828 ст. у. у. с., изъемляются случаи, когда за судимое дѣяніе назначается спеціальное наказаніе, не допускающее пониженія по степенямъ и стоящее особо отъ общей послѣдовательности наказаній уголовныхъ и исправительныхъ (рѣш. у. к. 1871 г. №№ 391 и 1259), къ каковымъ наказаніямъ относится и назначаемая по 1 и 2 ч. 196 ст. ул. ссылка на поселеніе въ Закавказскій край съ лишеніемъ, всѣхъ правъ состоянія. Въ сихъ случаяхъ за судомъ, лишеннымъ въ силу самаго закона, возможности понизить собственною властью назначаемое подсудимому наказаніе, остается лишь право ходатайствовать, согласно 828 ст. у. у. с., предъ Императорскимъ Величествомъ о смягченіи наказанія, въ порядкѣ, указанномъ 775 ст. того же устава, причемъ непользованіе судомъ этимъ своимъ правомъ не можетъ быть, въ виду 5 ст. учр. суд. уст., предметомъ обжалованія, ибо подобное ходатайство, не составляя обязанности суда, зависитъ отъ признанія имъ особыхъ уваженій къ облегченію участи подсудимаго, почерпаемыхъ изъ существа дѣла, или изъ личныхъ свойствъ подсудимаго (рѣш. у. к. д. 1868 г. № 182 и 1871 г. № 1366). Обращаясь затѣмъ къ *первому* изъ указываемыхъ нарушеній, именно 760 ст. у. у. с. нельзя не усмотрѣть, что выраженіе «повреждающая», относимое къ отвлеченному и сложному понятію о вѣрѣ и не могущее быть признаваемымъ общеупотребительнымъ и удобопонятнымъ для каждаго, входящаго въ число присяжныхъ засѣдателей, въ вопросѣ о виновности подсудимыхъ по настоящему дѣлу сопровождается фактическими данными, разъясняющими сущность того, въ чемъ именно состоитъ поврежденіе православной вѣры, причиняемое новою сектою, и изложенными въ общедоступныхъ выраженіяхъ. Поэтому, употребленіе вышеупомянутаго спеціальнаго юридическаго термина въ вопросѣ не можетъ служить основаніемъ для признанія, въ этомъ отношеніи, ст. 760 у. у. с. нарушенною (р. у. к. д. 1871 г. № 534). По *второму* изъ указываемыхъ нарушеній 760 ст. у. у. с., надлежитъ признать, что существеннымъ признакомъ распространенія ересей и расколовъ, предусмотрѣннаго 1 ч. 196 ст. улож., является дѣйствительное совращеніе обвиняемымъ кого либо въ свой толкъ или секту, ибо на основаніи 3 ч. той же статьи, раскольники, дозволившіе себѣ склонять или привлекать православныхъ въ свою ересь, когда сіи дѣйствія не имѣли послѣдствіемъ отпаденія кого либо изъ православія въ расколъ, подвергаются наказаніямъ, опредѣленнымъ не въ ст. 196, а въ ст. 189 ул. о нак. Поэтому для обвиненія по 1 ч.

196 ст. ул., въ распространеніи ереси или раскола, т. е. въ дѣйствительномъ совращеніи въ таковые кого либо, необходимо установить, что со стороны виновнаго учинены опредѣленныя дѣйствія, направленныя къ отвращенію этого лица отъ православія и что послѣдствіемъ оныхъ было отпаденіе послѣдняго отъ православія и вступленіе въ секту. Вслѣдствіе сего и въ вопросѣ о виновности подсудимаго, обвиняемаго въ распространеніи ереси или раскола по 1 ч. 196 ст. ул., должны содержаться не только указанія на принадлежность его къ ереси или раскольнической сектѣ, но и на учиненныя имъ дѣйствія, имѣвшія цѣлью привлеченіе другаго, опредѣленнаго лица къ ереси и достигшія этой цѣли. Будучи неоднородны по важности послѣдствій и по угрожающему за нихъ наказанію, дѣйствія совратителя, по существу своему, одинаковы и въ случаяхъ отвлеченія отъ православія въ ересь или раскольническую секту,—и въ случаѣ отторженія отъ христіанства въ нехристіанскую вѣру. Выдѣляя во 2 ч. 184 ст. и 200 ст. ул. случаи насилія для принужденія къ отпаденію отъ христіанства и отъ православія, законъ въ 1 ч. ст. 184 ул. указываетъ на то, что дѣйствія совратителя изъ христіанства должны выражаться въ употребленіи подговоровъ, обольщеній или иныхъ средствъ. Въ томъ же должны выражаться и дѣйствія совратителя въ ересь или расколъ. Поэтому для признанія вопроса о виновности по 1 ч. 196 ст. улож. поставленнымъ согласно съ требованіями 760 ст. у. у. с., т. е. содержащимъ въ себѣ существенные и отличительные признаки сего преступленія, необходимо, чтобы было точно и опредѣлительно указано, въ чемъ состояли дѣйствія совратителя, послѣдствіемъ коихъ было отпаденіе отъ православной церкви и вѣры извѣстнаго лица, содѣлавшагося членомъ секты (рѣш. угол. кассац. д-та 1872 г. № 1673; 1891 г. № 9 и 1891 г. по д. Меркурьевой, 1871 г. № 1425, 1872 г. № 642). Эти необходимыя условія, для дальнѣйшаго примѣненія 1 ч. 196 ст. улож. къ признанной по вопросу виновности подсудимыхъ, представляются невыполненными по настоящему дѣлу. Употребленныя въ вопросѣ выраженія «распространялъ секту, совративъ въ свое лжеученіе Василія Уварова и многихъ другихъ крестьянъ», представляя собою спеціальные термины, не сопровождаемые разъясняющими ихъ фактическими данными, не содержатъ въ себѣ никакихъ указаній на способъ и характеръ воздѣйствія обвиняемыхъ на совращенныхъ и не даютъ вмѣстѣ съ тѣмъ точныхъ основаній для сужденія: произошло ли вслѣдствіе сего воздѣйствія дѣйствительное отпаденіе отъ православія Василія Уварова и многихъ другихъ крестьянъ; при этомъ послѣдняя часть вопроса изложена не согласно указаніямъ 760 ст. у. у. с. По заключительному выводу обвинительнаго акта, подсудимые преданы суду за совращеніе въ свое лжеученіе крестьянъ Василія Уваровскаго (Уварова), Андрея Курочкина, Игнатія Ярцалкина, Николая Борцова и другихъ, каковое обвиненіе и поддерживалось на судѣ, какъ усматривается изъ протокола судебнаго засѣ-

данія, безъ всякихъ ограниченій или видоизмѣненій представителемъ обвинительной власти. Поэтому, въ вопросъ о виновности должно было войти упоминаніе о всѣхъ тѣхъ, въ чьемъ совращеніи обвинялись подсудимые. Назвавъ въ вопросѣ одного лишь Уварова, судъ оставилъ неразрѣшеннымъ обвиненіе подсудимыхъ въ совращеніи Курочкина, Ярцалкина и Борцова и вмѣстѣ съ тѣмъ, спрашивая о виновности подсудимыхъ въ совращеніи «многихъ другихъ крестьянъ», выставилъ противъ нихъ обвиненіе, не допустимое, въ виду 760 ст. у. у. с., по своей неопредѣленности и необстоятельности. Признавая по вышеизложеннымъ основаніямъ, что при разрѣшеніи настоящаго дѣла судомъ допущено существенное нарушеніе 760 ст. у. у. с., необходимо обратить вниманіе и на отказъ суда въ раздѣленіи, по просьбѣ присяжныхъ засѣдателей, вопроса о виновности подсудимыхъ на два: о заведеніи новой секты и объ ея распространеніи, послѣдствіемъ чего явился отвѣтъ присяжныхъ на первый вопросъ о Мокровѣ «виновенъ, но не въ основаніи секты, а въ ея распространеніи» и отвѣты на вопросы о виновности принесшихъ нынѣ жалобу подсудимыхъ въ преступленіи, означенномъ въ первомъ вопросѣ: «виновны въ томъ же преступленіи», каковые отвѣты суду пришлось истолковать, согласно внутреннему смыслу рѣшенія присяжныхъ, но несогласно однако съ редакціею вопросовъ и съ общими правилами ихъ постановки и разрѣшенія, по коимъ смыслъ отвѣта присяжныхъ долженъ быть опредѣляемъ вопросомъ, на который онъ данъ, а не отвѣтами на предшествующіе вопросы о другихъ подсудимыхъ. Ст. 756 у. у. с. воспрещаетъ соединять воедино такіе вопросы, изъ коихъ одинъ можетъ быть разрѣшенъ утвердительно, а другой отрицательно. Согласно этому предписанію закона, Правительствующимъ Сенатомъ, въ рядѣ рѣшеній (1869 г. № 1094, 1877 г. № 47, 1871 г. № 619, 1872 г. № 3), разъяснено, что два, слѣдовавшія одно за другимъ дѣянія подсудимаго могутъ быть указываемы въ одномъ вопросѣ, безъ нарушенія 756 ст. у. у. с. лишь въ такомъ случаѣ, когда они относятся къ одному предмету обвиненія и составляютъ проявленіе одного и того же преступнаго дѣйствія; въ тѣхъ же случаяхъ, когда суду предстоитъ разсмотрѣть обвиненіе подсудимаго хотя и въ однородныхъ, но разновременно совершенныхъ преступленіяхъ, которыя, входя въ составъ одной и той же статьи уложенія, по существу своему являются отдѣльными и независимыми одно отъ другого дѣяніями, отсутствіе раздѣленія обвиненія на нѣсколько вопросовъ является нарушеніемъ 756 ст. у. у. с. Заведеніе новой секты и распространеніе таковой посредствомъ совращенія въ нее представляютъ два различныхъ преступныхъ дѣянія какъ по существу своему, такъ и по времени совершенія, хотя и указаны въ одной и той же части ст. 196 улож. Совратитель въ раскольническую секту можетъ не принимать никакого участія въ ея заведеніи, и, наоборотъ, основатель ереси, положившій начало лежащему въ ея основаніи лжеученію, можетъ не участвовать въ рас-

пространеніи этого лжеученія своими единомышленниками. Поэтому, ходатайство присяжныхъ засѣдателей по ст. 808 у. у. с., о раздѣленіи вопроса о виновности подсудимыхъ на два, вытекая изъ существа предъявленныхъ противъ послѣднихъ обвиненій, было вполнѣ основательно и законно. Отказъ суда, основанный на возможности примѣненія ими принадлежащаго имъ, по ст. 812 у. у. с., права не представляется правильнымъ. Ст. 812 предусматриваетъ тотъ случай, когда присяжные засѣдатели признаютъ, что однимъ *утвержденіемъ* или *отрицаніемъ* невозможно съ *точностью* выразить ихъ мнѣніе, и предоставляетъ имъ право прибавить къ *установленнымъ выраженіямъ* нѣкоторыя слова. Прибавленіе такихъ, точнѣе опредѣляющихъ мысль присяжныхъ, словъ къ установленнымъ ст. 811 у. у. с. выраженіямъ «да» и «нѣтъ», съ присовокупленіемъ «виновенъ», «не виновенъ», «доказано», «не доказано» и т. п., можетъ имѣть предметомъ не все преступное, описанное въ вопросѣ, дѣяніе, а лишь нѣкоторые признаки, входящіе въ его составъ (рѣш. у. к. д. 1871 г. №№ 1260, 1723 и друг.). Отвергнутіе цѣлаго преступнаго дѣянія, описаннаго въ вопросѣ и предусмотрѣннаго, опредѣленною статьею уложенія о наказ., должно совершаться не прибавленіемъ къ отвѣту поясняющихъ его словъ, а прямымъ отрицаніемъ или утвержденіемъ сущности вопроса, способомъ, указаннымъ въ ст. 811 у. у. с. Но такой единственно правильный, по формѣ, отвѣтъ становится невозможенъ, когда въ вопросѣ слиты воедино два преступленія, а присяжные засѣдатели признаютъ подсудимаго виновнымъ лишь въ одномъ изъ нихъ. Поэтому, отказомъ своимъ и указаніемъ на 812 ст. у. у. с., судъ, поставивъ присяжныхъ засѣдателей въ затрудненіе при разрѣшеніи вопроса о виновности подсудимыхъ, вызвалъ съ ихъ стороны отвѣтъ, по содержанію своему, прямо нарушающій смыслъ 811 и 812 ст. у. у. с. (рѣш. у. к. д. 1874 г. № 32) и притомъ изложенный въ выраженіяхъ, ставящихъ его въ зависимость не отъ вопроса о виновности подсудимыхъ, а отъ отвѣта на вопросъ о виновности третьяго лица Мокрова, чего не было бы при удовлетвореніи вполнѣ правильнаго ходатайства присяжныхъ о раздѣленіи вопросовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по поводу указаній кассаціонной жалобы на нарушеніе 804 ст. у. у. с. необходимымъ является разъяснить, что отсутствіе объясненія предсѣдателемъ, въ его руководящемъ напутствіи присяжнымъ засѣдателямъ, права ихъ, въ случаѣ достаточныхъ къ тому основаній, признавать осуждаемаго ими подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія, только тогда можетъ считаться нарушеніемъ этой статьи, когда къ такому признанію можетъ быть приложено предписаніе 828 ст. у. у. с. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда, въ виду особаго рода наказаній, установленныхъ за нѣкоторыя преступленія улож. о наказ., примѣненіе этого закона представляется невозможнымъ и когда исключительно суду принадлежитъ, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, право ходатайства о смягченіи наказанія въ порядкѣ, указанномъ ст. 775 у. у. с., объясненіе предсѣдателемъ

присяжнымъ о правѣ ихъ признавать подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія, будучи нецѣлесообразнымъ, можетъ вводить ихъ въ заблужденіе относительно послѣдствій такого признанія и внушать подсудимому неправильное убѣжденіе, что судъ, въ явное нарушеніе закона, не внялъ словамъ снисхожденія, коими присяжные сопроводили свое рѣшеніе.

По изложеннымъ основаніямъ Правительствующій Сенатъ 22 сентября 1892 г. *опредѣлилъ:* рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей и приговоръ Самарскаго окружнаго суда о Шуховѣ и Борцовѣ, за нарушеніемъ 760 ст. у. у. с. отмѣнить, передавъ это дѣло для новаго разсмотрѣнія, въ другое отдѣленіе того же суда и указать суду допущенную имъ неправильность при постановкѣ вопросовъ по настоящему дѣлу и относительно примѣненія 804 ст. у. у. с.

III.

По дѣлу сектантовъ Шарипова, Наумова, Новикова и Вебера.

Обращаясь прежде всего къ обсужденію указаній кассаціонныхъ жалобъ на нарушенія 611 и 695 ст. уст. угол. суд., надлежитъ замѣтить, что защитникъ подсудимыхъ, помощникъ присяжнаго повѣреннаго Жемчуговъ, усматриваетъ таковыя въ томъ, что эксперту, чиновнику особыхъ порученій при Оберъ Прокурорѣ Святѣйшаго Сѵнода Скворцову, было предоставлено на судебномъ по дѣлу слѣдствіи предлагать вопросы свидѣтелямъ непосредственно и произнести, обращаясь къ присяжнымъ засѣдателямъ, стоя на возвышеніи у судейскаго стола, вмѣсто установленнаго закономъ научнаго заключенія, обвинительную рѣчь, въ которой, указывая на подсудимыхъ, онъ сказалъ, между прочимъ: «эти люди, подрывая религію, подрываютъ, гг. присяжные засѣдатели, и государство; вы призваны оградить православную церковь; правительство увѣрено, что вы встанете на стражѣ закона, на стражѣ правосудія, памятуя, что вашего приговора съ нетерпѣніемъ ждетъ вся Россія». Изъ разсмотрѣнія подлиннаго производства оказывается, что въ протоколѣ судебнаго засѣданія по дѣлу занесена просьба защитника о записаніи, что экспертъ предлагалъ вопросы свидѣтелямъ непосредственно, при чемъ судъ удостовѣрилъ, что о предложеніи необходимыхъ для экспертизы вопросовъ экспертъ обращался чрезъ предсѣдательствующаго, напримѣръ «о пріемахъ перекрещиванія свидѣтеля»; въ заключеніи суда по замѣчаніямъ защитника на протоколъ, въ коихъ онъ возражалъ противъ согласія съ дѣйствительностью приведеннаго удостовѣренія суда, значится, что когда экспертъ Скворцовъ предложилъ вопросъ свидѣтелю непосредственно, то предсѣ-

дательствующій изъяснилъ ему, что если послѣ дачи свидѣтелемъ показанія потребуется для экспертизы что либо разъяснить, то онъ можетъ предложить вопросъ чрезъ предсѣдательствующаго, послѣ чего порядокъ этотъ и соблюдался, причемъ экспертъ испрашивалъ разрѣшеніе предсѣдательствующаго. Такимъ образомъ, въ противорѣчіе съ категорическимъ удостовѣреніемъ суда, записаннымъ въ протоколъ, судомъ признано, что непосредственное обращеніе эксперта къ свидѣтелю имѣло мѣсто. Въ виду сего надлежитъ признать, что заявленіе защитника относительно допроса свидѣтелей экспертомъ непосредственно, занесенное въ протоколъ засѣданія, соотвѣтствуетъ происходившему на судѣ. Такой выводъ находитъ себѣ подтвержденіе и въ представленіи помощника секретаря Нижегородскаго окружнаго суда Калинина отъ 8 октября 1898 г., приложенномъ къ дѣлу послѣ *двукратныхъ ходатайствъ* защитника отъ 9 октября и 9 ноября, съ указаніемъ на то, что таковаго, не смотря на записаніе его въ книгу дежурства членовъ суда за № 2379, при производствѣ суда не имѣется. Въ представленіи этомъ, возвращенномъ Калининымъ въ судъ по постановленію послѣдняго отъ 13 ноября 1898 г. состоявшемуся, вслѣдствіе настояній защитника подсудимыхъ, помощникъ секретаря, скрѣпившій протоколъ судебнаго засѣданія, руководясь 840 ст. уст. угол. суд. и рѣш. угол. касс. д.-та 1867 г. № 522 и заявляя, что составленный имъ протоколъ возвращенъ былъ ему для подписанія товарищемъ предсѣдателя Гудимъ-Левковичемъ въ новой редакціи, объясняетъ, что въ редакцію эту вкрались различныя неточности, имѣющія существенное значеніе, и указываетъ, что одною изъ такихъ неточностей является удостовѣреніе о предложеніи экспертомъ вопросовъ свидѣтелямъ чрезъ предсѣдательствующаго, тогда какъ въ дѣйствительности Скворцовъ предлагалъ вопросы Балакиреву непосредственно, что и вызвало заявленіе защитника. Обсуждая значеніе представленія помощника секретаря Калинина для установленія происходившаго на судѣ и принявъ во вниманіе, что рѣшеніемъ 1867 г. № 522 опредѣлены, въ виду 595 и 598 ст. уст. угол. суд., значеніе и важность веденія секретаремъ протокола судебнаго засѣданія, удостовѣряющаго своею скрѣпою надлежащую его достовѣрность, и указано, что въ случаяхъ затрудненія секретаря въ скрѣпѣ протокола, исправленнаго судьями, безъ оговорокъ, судъ обязанъ предоставить ему изложить свое по этому предмету представленіе,—нельзя не придти къ выводу, что, по общему смыслу постановленій о протоколахъ судебныхъ засѣданій (ст. 835—845 уст. угол. суд.), такое представленіе можетъ быть устранено изъ дѣла исключительно лишь въ случаѣ согласія съ нимъ суда и соотвѣтствующаго сему окончательнаго измѣненія протокола, въ противномъ же случаѣ представленіе безусловно подлежитъ пріобщенію къ протоколу, и судъ, въ особомъ постановленіи, долженъ составить свое по нему заключеніе. Это необходимо какъ для устраненія выраженной въ рѣшеніи

1867 г. № 522 возможности предположенія, что судьи, сдѣлавшіе упущеніе и допустившіе безпорядки, могутъ безслѣдно измѣнять протоколъ, составленный секретаремъ, такъ и потому, что если, по силѣ 843 и 840 ст. уст. угол. суд., замѣчанія сторонъ на протоколъ засѣданія влекутъ за собою заключеніе по нимъ суда, то тѣмъ болѣе такое заключеніе суда представляется необходимымъ при замѣчаніяхъ на протоколъ, представленныхъ лицомъ, входящимъ въ составъ присутствія и по званію своему и роли въ процессѣ удостовѣряющимъ точность и вѣрность изложенія въ веденномъ имъ протоколѣ всего происходящаго на судѣ (рѣш. 1870 г. № 1506, 1883 г. № 27 и др.). Только наличность такого заключенія не лишаетъ Правительствующій Сенатъ, при разсмотрѣніи дѣла въ кассаціонномъ порядкѣ, возможности признать неопровержимо установленными обстоятельства, правильность занесенія коихъ въ протоколъ оспоривается секретаремъ. Примѣняя эти соображенія къ производству въ Нижегородскомъ окружномъ судѣ настоящаго дѣла, надлежитъ замѣтить, что, получивъ 8 октября представленіе помощника секретаря Калинина, записанное въ книгу за № 2297 съ отмѣткою на немъ «во 2-ое уголовное отдѣленіе 9-го октября», окружный судъ не имѣлъ законнаго основанія допускать возвращеніе сего представленія назадъ и слѣдовательно изъятіе его изъ дѣла, а обязанъ былъ обсудить таковое, къ чему представлялась полная возможность, такъ какъ по настоящему арестантскому дѣлу, рѣшенному 24 сентября и представленному въ Сенатъ лишь 16-го ноября, заключеніе суда по замѣчаніямъ защитника, поданнымъ 13 октября, дано лишь 19 и 29 октября, тогда какъ уже 9 октября въ судѣ находилось заявленіе защитника о пріобщеніи къ дѣлу представленія помощника секретаря Калинина, уваженное судомъ лишь 13 ноября. Находя вслѣдствіе сего, что неподвергнутое надлежащему обсужденію суда представленіе Калинина и съ своей стороны подтверждаетъ указываемый въ кассаціонной жалобѣ способъ допроса экспертомъ свидѣтелей, безусловно нельзя признать такой способъ правильнымъ. Правительствующимъ Сенатомъ въ рѣшеніяхъ 1868 г. № 944, 1871 г. № 1399 и 1876 г. № 160 разъяснено, что допросъ свидѣтелей свѣдующими людьми, непредусмотрѣнный ни въ 694—695 ст. уст. угол. суд., ни въ 720—725 ст. того же устава, но вызываемый иногда необходимостью, которую встрѣчаютъ свѣдущіе люди въ выясненіи того или другого обстоятельства для представленія правильнаго заключенія долженъ, по заявленію ихъ о томъ, производиться, въ видѣ общаго правила, чрезъ предсѣдателя суда, который можетъ отступить отъ сего правила лишь въ томъ случаѣ, когда обстоятельство, подлежащее выясненію, имѣетъ спеціальный характеръ, причемъ формулированіе вопросовъ самимъ экспертомъ представляется болѣе удобнымъ; между тѣмъ по настоящему дѣлу производствомъ суда не удостовѣрено, чтобы экспертъ Скворцовъ заявлялъ суду о необходимости выяснить какое либо обстоятельство допросомъ свидѣтелей и чтобы

предсѣдатель предоставилъ ему самому формулировать свои, имѣющіе спеціальный характеръ, вопросы. По отношенію ко второму изъ приведенныхъ выше указаній кассаціонной жалобы, въ протоколѣ засѣданія значится просьба защитника о занесеніи въ него заявленія защиты о томъ, что экспертъ далъ не заключеніе, а произнесъ обвинительную рѣчь, а въ замѣчаніяхъ защиты на протоколъ отмѣчено, что экспертъ Скворцовъ, давая свое заключеніе, длившееся 4 часа, обращалъ свою рѣчь не къ суду, а къ присяжнымъ засѣдателямъ въ формѣ обвинительной рѣчи, закончивъ ее словами, приведенными въ кассаціонной жалобѣ. Въ заключеніи своемъ по замѣчаніямъ на протоколъ судъ удостовѣряетъ, что защитникъ вовсе не просилъ судъ о внесеніи въ протоколъ какихъ-либо словъ или выраженій изъ заключенія экспертовъ, но въ представленіи помощника секретаря Калинина, значеніе коего по настоящему дѣлу, въ виду рѣш. 1867 г. № 522, объяснено выше, подтверждается какъ то, что заключеніе эксперта Скворцова было дано въ формѣ обвинительной рѣчи, направленной противъ подсудимыхъ, такъ и то, что экспертъ, заканчивая свою рѣчь и обращаясь къ присяжнымъ засѣдателямъ, сказалъ: «эти люди, подрывая православную религію, вмѣстѣ съ тѣмъ подрываютъ государственное устройство, вашего справедливаго приговора ждетъ вся Россія.» Оставленная безъ обсужденія судомъ, эта часть, представленія въ связи съ тѣмъ, что занесено судомъ, по просьбѣ защитника, въ протоколъ, даетъ достаточное основаніе для признанія, что эксперту Скворцову, въ прямое нарушеніе предлежавшей ему по закону задачи разъяснить возникающіе въ дѣлѣ вопросы научнаго свойства и, вопреки лежащимъ на предсѣдателѣ по 611 ст. уст. угол. суд. обязанностямъ, было дозволено выйдти изъ роли свѣдущаго лица и заявить свою дѣятельность на судѣ въ области, ему не принадлежащей. Правительствующимъ Сенатомъ было неоднократно разъяснено, что обязанность экспертовъ заключается въ объясненіи, на основаніи данныхъ науки, явленій и фактовъ, подлежащихъ разрѣшенію суда, причемъ объясненіе это должно ограничиваться исключительно предѣлами научнаго разсмотрѣнія даннаго случая, почему эксперты не могутъ быть спрашиваемы по такимъ предметамъ, кои подлежатъ непосредственному вѣдѣнію суда или высказывать мнѣніе о доказанности совершенія подсудимымъ преступнаго дѣянія (рѣш. 1872 г. № 528, 1876 г. № 237, 1877 г. № 73, 1896 г. № 20 и др.). Наблюденіе за тѣмъ, чтобы объясненія свѣдущаго лица и самый допросъ его не выходили за предѣлы лежащей на немъ задачи, всецѣло лежитъ на предсѣдателѣ, которому, въ силу 611 ст. уст. угол. суд., принадлежитъ право и власть опредѣлять предѣлы всякихъ объясненій, представляемыхъ на судѣ (рѣш. 1870 г. № 64, 1878 г. № 9, 1884 г. № 14, 1887 г. № 11 и др.). Поэтому допущеніе свѣдущаго лица къ произнесенію заключенія, по формѣ и содержанію своему несоотвѣтствующаго лежащимъ на немъ обязанностямъ, составляетъ

несомнѣнное нарушеніе 611 ст. уст. угол. суд. Сопоставляя два указанныхъ нарушенія 695 и 611 ст. уст. угол. суд., указывающія въ ихъ взаимной связи и послѣдовательности на то, что по настоящему дѣлу въ Нижегородскомъ окружномъ судѣ эксперту Скворцову были предоставлены несоотвѣтствующія его положенію права, пользованіе коими имѣло своимъ послѣдствіемъ извращеніе тѣхъ обязанностей, для выполненія коихъ вызываются въ судъ свѣдущіе люди, невозможно не признать сихъ нарушеній существенными и состоявшійся при ихъ наличности приговоръ неимѣющимъ силы судебнаго рѣшенія.

Правительствующій Сенатъ 9 февраля 1899 г. *опредѣлилъ:* рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей и приговоръ суда по настоящему дѣлу, по нарушенію 611 и 695 ст. у. у. с., отмѣнить и дѣло передать въ тотъ же судъ, для новаго разсмотрѣнія въ другомъ составѣ присутствія.

IV.

По дѣлу считаемыхъ штундистами Головко, Демченко и другихъ.

Товарищъ прокурора Владикавказскаго окружнаго суда проситъ объ отмѣнѣ оправдательнаго приговора съѣзда мировыхъ судей Владикавказскаго мироваго округа по обвиненію проживающихъ въ станицѣ Прохладной, Терской области—Матвѣя Головко, Павла Демченко и др. въ проступкѣ, предусмотрѣнномъ ст. 29 уст. о нак., нал. мир. суд., на томъ основаніи, что съѣздомъ, вопреки дѣйствительнаго смысла закона, 27 марта 1879 г., подсудимые, именующіе себя баптистами, не были признаны, согласно заключенію Владикавказской духовной консисторіи, штундистами, на коихъ, по мнѣнію съѣзда, исключительно распространяется дѣйствіе Высоч. утв. 4 іюня 1894 г. полож. ком. министровъ, воспрещающее устройство молитвенныхъ собраній, разрѣшенныхъ раскольникамъ закономъ 3 мая 1883 г.

За отсутствіемъ какихъ либо указаній въ дѣлѣ на отнесеніе мировымъ съѣздомъ подсудимыхъ къ тѣмъ баптистамъ, права коихъ въ силу закона 27 марта 1879 г. опредѣлены ст. 1106 и 1107 уст. дух. дѣлъ иностр. исповѣд. (т. XI ч. 1), разрѣшенію Сената его подлежитъ лишь вопросъ о правильности толкованія мировымъ съѣздомъ вышеупомянутаго положенія комитета министровъ. Высоч. утвержд. 3 мая 1883 г. мн. госуд. сов. о дарованіи раскольникамъ нѣкоторыхъ правъ гражданскихъ и по отправленію духовныхъ требъ, имъ дозволено творить общественную молитву, исполнять духовныя требы и совершать богослуженія по ихъ обрядамъ, какъ въ частныхъ домахъ, такъ равно и въ особо предназначенныхъ для сего зданіяхъ, съ тѣмъ лишь непремѣннымъ условіемъ, чтобы при этомъ не были нарушаемы общія правила благо-

чинія и общественнаго порядка. Приэтомъ хотя и не было установлено раздѣленія въ законѣ сектъ на болѣе и менѣе вредныя, какъ то было предположено Высоч. учрежд. въ 1864 г. по дѣламъ о раскольникахъ комитетомъ, но льгота, даваемая раскольникамъ по отправленію богомоленій, не признана подлежащею распространенію на особо выдѣленныхъ изъ раскола скопцовъ и на тѣхъ изъ раскольниковъ, кои, согласно 203 ст. улож., подлежатъ преслѣдованію уже за самую принадлежность къ ересямъ, соединеннымъ со свирѣпымъ изувѣрствомъ и фанатическимъ посягательствомъ на жизнь свою или другихъ, либо съ противонравственными и гнусными дѣйствіями. Предоставленіе правъ, предначертанныхъ симъ мнѣніемъ госуд. сов. и изложенныхъ въ ст. 48 уст. о пред. и пресѣч. прест. т. XIV св. зак., всѣмъ раскольникамъ, не принадлежащимъ къ скопчеству или къ ересямъ, указаннымъ въ ст. 203 улож. о нак., вполнѣ соотвѣтствуетъ взгляду на отпавшихъ отъ православія нашего законодательства, не дѣлающаго въ ст. 57 и 59 уст. о пред. и пресѣч. прест. (отдѣленіе третье, о предупрежд. и пресѣч. распространенія расколовъ и ересей между православными), въ ст. 196, 200, 203, 204 улож. о нак. (отд. 2, разд. II, о ересяхъ и расколахъ) и въ статьяхъ 884 бывшаго устава рекрутскаго (т. IV св. зак. изд. 1857 г.) и прилож. къ ст. 24 уст. о благоустр. въ казенныхъ селеніяхъ (т. XII изд. 1857 г.), а равно и въ Высоч. повел., послѣдовавшихъ по министерству внутреннихъ дѣлъ—21 ноября 1840 г.,—24 декабря 1843 г. и 24 декабря 1856 г. и по военному вѣдомству—9 декабря 1852 г., 17 сентября 1859 г., никакого существеннаго различія между ересью и расколомъ. Исходя изъ сего и Правительствующій Сенатъ, въ устраненіе смѣшенія между евангелическо-лютеранскимъ ученіемъ баптизма, узаконеннаго ст. 1106 и 1107 1 ч. XI т. св. зак. и русскаго сектантства, присвоивающаго себѣ названіе баптизма, въ рѣшеніи по д. Пурена, Варгуля и др. (1896 г. № 38) разъяснилъ, что наше законодательство, не дѣлая существеннаго различія между ересью и расколомъ и отождествляя, нѣкоторымъ образомъ, оба понятія, относитъ, какъ къ расколу, такъ и къ ереси, всякое лжеученіе, которое, или возникнувъ на почвѣ православія, составляетъ отступленіе отъ послѣдняго, или хотя и заимствовано отъ послѣдователей какой либо иностранной секты, но проповѣдуется и распространяется среди православнаго населенія, въ качествѣ повреждающей православную вѣру русской секты. При разсмотрѣніи въ комитетѣ министровъ въ 1894 г. вопроса о вредномъ характерѣ штундизма, какъ секты, отрицающей церковные обряды и таинства и соединенной съ соціалистическими принципами, вслѣдствіе чего она является опасною въ политическомъ отношеніи, точно также было признано, что въ законѣ 3 мая 1883 г. не содержится разграниченія сектъ на болѣе и менѣе вредныя, вслѣдствіе чего послѣдователи штунды, признаваемой особо вредной какъ Святѣйшимъ Сѵнодомъ, такъ и гражданскою администраціею, могутъ однако

разсчитывать на тѣ льготы и права, которыя предоставлены обыкновеннымъ раскольникамъ. Находя вмѣстѣ съ тѣмъ, что особо вредное значеніе штунды представляется вполнѣ выясненнымъ и что главнымъ источникомъ распространенія ея являются молитвенныя собранія, комитетъ министровъ положилъ предоставить министру внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Сѵнода, *объявить* секту штундистовъ болѣе вредною, съ воспрещеніемъ штундистамъ общественныхъ молитвенныхъ собраній. Вслѣдствіе сего постановленія, Высочайше утвержденнаго 4 іюня 1894 г., и имѣя въ виду, что по имѣющимся въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и въ духовномъ вѣдомствѣ свѣдѣніямъ послѣдователи секты штундъ, отвергая всѣ церковные обряды и таинства, не только не признаютъ никакихъ властей и возстаютъ противъ присяги и военной службы, уподобляя вѣрныхъ защитниковъ престола и отечества разбойникамъ, но и проповѣдуютъ соціалистическіе принципы, какъ напр.: общее равенство, раздѣлъ имуществъ и т. п. и что ученіе ихъ подрываетъ въ корнѣ основныя начала православной вѣры и русской народности, министръ внутреннихъ дѣлъ, циркуляромъ отъ 3 сентября 1894 г., за № 24, далъ знать губернаторамъ, что признаетъ секту штундъ одною изъ наиболѣе опасныхъ и вредныхъ въ церковномъ и государственномъ отношеніяхъ, почему права и льготы, дарованныя закономъ 3 мая 1883 г. раскольникамъ менѣе вредныхъ сектъ, не могутъ быть примѣняемы къ штундистамъ и всякія общественныя молитвенныя ихъ собранія отнюдь не должны быть допускаемы на будущее время. Такимъ образомъ приведенное положеніе комитета министровъ и послѣдовавшее на основаніи его распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ, твердо установляя существенныя черты вѣроученія секты штундистовъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что лицамъ, исповѣдующимъ эту ересь, общественныя молитвенныя собранія считаются безусловно воспрещенными, причемъ нарушеніе сего запрещенія, при установленіи необходимыхъ признаковъ общественнаго характера богомоленія, влечетъ за собою для виновныхъ отвѣтственность по 29 ст. уст. о нак., налаг. мир. суд. Вмѣстѣ съ симъ надлежитъ признать, что вслѣдствіе подробнаго выясненія, какъ въ Высочайше утвержд. положеніи комитета министровъ, такъ и въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ, *сущность* ученія послѣдователей раскольнической секты, именуемой штунда и ея повреждающихъ вѣру и существующій порядокъ свойствъ, различныя наименованія, которыя придаютъ себѣ послѣдователи описанной ереси, не имѣютъ значенія для установленія, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, путемъ изслѣдованія *указанными въ законѣ способами* принадлежности ихъ именно къ штундизму, точно такъ же какъ названіе себя *штундистами* со стороны послѣдователей ученій, не заключающихъ въ себѣ совокупности указанныхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ *несомнѣнныхъ* и *коренныхъ признаковъ* штундизма, само по себѣ вовсе не даетъ основанія къ привлеченію ихъ къ от-

вѣтственности за дѣянія, *воспрещенныя закономъ исключительно штундистамъ.* Поэтому, въ каждомъ случаѣ привлеченія тѣхъ или другихъ сектантовъ къ отвѣтственности за нарушеніе существующаго относительно штундистовъ воспрещенія сходиться для общественныхъ богомоленій, на *судѣ прежде всего лежитъ обязанность* выяснить и установить, на основаніи точно провѣренныхъ обстоятельствъ дѣла, принадлежатъ ли обвиняемые, *по существу основныхъ положеній исповѣдуемой ими ереси или раскольученія,* именно къ штундизму и соотвѣтствуютъ ли сіи основныя положенія приведеннымъ выше указаніямъ министра внутреннихъ дѣлъ, въ силу коихъ штундизмъ выражается въ отрицаніи всѣхъ таинствъ и обрядовъ, въ непризнаваніи никакихъ властей и отрицаніи присяги и военной службы и направляется на подрывъ основныхъ началъ православной вѣры и государственнаго строя. Обращаясь отъ сихъ общихъ соображеній къ обстоятельствамъ дѣла и принимая во вниманіе, что съѣздомъ не установлено, чтобы подсудимые принадлежали къ сектѣ, вѣроученіе коей является, по существу и по главнымъ своимъ признакамъ, штундизмомъ, и что отзывъ Владикавказской духовной консисторіи, отъ 10 февраля 1898 г., за № 841, на основаніи 119 ст. у. у. с., не можетъ быть относимъ къ числу предустановленныхъ и обязательныхъ для суда доказательствъ, правильность коихъ не подлежитъ провѣркѣ суда, не усматривается никакихъ поводовъ къ отмѣнѣ оправдательнаго приговора Владикавказскаго съѣзда мировыхъ судей по основаніямъ, приведеннымъ въ протестѣ товарища прокурора.

Правительствующій Сенатъ 18 января 1900 г. *опредѣлилъ:* протестъ Товарища Прокурора оставить безъ послѣдствій.

V.

По дѣлу сектанта Аникина обвиняемаго по 211 ст. улож. о нак.

Изъ обвинительнаго акта, утвержденнаго Казанскою судебною Палатою, усматривается, что принадлежащій къ расколу крестьянинъ деревни Мельниченской Михаилъ Аникинъ преданъ суду и осужденъ по 2 ч. 211 ст. Улож. о Нак. за то, что не желая, вмѣстѣ съ состоящею въ сводномъ бракѣ съ его сыномъ крестьянкою Феодосіею Иглиною, допустить находившагося въ упомянутой деревнѣ для сбора пожертвованій на церковь и прибывшаго къ нему въ домъ по собственному почину, въ сопровожденіи полицейскаго сотскаго и четырехъ понятыхъ, священника села Святогорска о. Іоанна Авраамова—къ окрещенію внука своего, рожденнаго Феодосіею Иглиною, по обряду православной церкви, всячески препятствовалъ совершенію таковаго, удерживая Авраамова за рясу, прерывая молитву и толкая его, при налитіи воды въ кадку, замѣнявшую купель, чѣмъ прервалъ начатое богослуженіе. Статья 211 Улож. о Нак., на неправильное примѣненіе коей къ дѣянію обвиняемаго указывается кассаціонною жалобою, имѣетъ въ виду насильственныя дѣйствія, прерывающія совершаемое въ церкви, или внѣ оной богослуженіе, при чемъ, вопреки взгляду, изложенному въ жалобѣ, законъ вовсе не разумѣетъ подъ послѣднимъ исключительно богослуженіе публичное. Исполненіе духовныхъ обрядовъ, представляющихъ, въ своей послѣдовательной совокупности, рядъ установленныхъ Церковью дѣйствій, именуемыхъ богослуженіемъ, одинаково можетъ происходить, при соблюденіи необходимыхъ внѣшнихъ и внутреннихъ условій и требованій мѣста и времени—и въ храмѣ, и въ общедоступномъ мѣстѣ внѣ храма, и, наконецъ, въ частномъ жилищѣ. Поэтому—прерваніе богослуженія, связан-

наго съ совершеніемъ Таинства св. Крещенія, совершенное въ частномъ домѣ, путемъ насильственныхъ дѣйствій — должно быть признаваемо предусмотрѣннымъ ст. 211 Улож., если только вышеупомянутыя условія и требованія были со стороны подвергшихся насилію соблюдены. Къ такимъ условіямъ, при совершеніи богослуженія въ частномъ домѣ, безъ сомнѣнія, относятся — совершеніе богослуженія по Церковному уставу (Уст. Дух. Консисторій, ст. 35. П. С. З. 1883 г. № 1495), въ установленное время, — съ благоговѣніемъ и тишиною (тамъ же), — въ пристойномъ мѣстѣ и, притомъ, по просьбѣ или ясно выраженному желанію непосредственныхъ хозяевъ частнаго помѣщенія или его фактическихъ обитателей. Въ частности, по отношенію къ богослуженію, сопровождающему обрядъ крещенія ст. 9-я. части второй Духовнаго Регламента, § 15 Инструкціи благочиннымъ, §§ 80 и 83 Книги о должности пресвитеровъ приходскихъ и ст. 28 и 29 Уст. Дух. Консисторій — доказываютъ, что въ отступленіи отъ общаго правила о крещеніи младенцевъ согласно 59 правилу VI вселенскаго собора во храмѣ, разрѣшается крестить ихъ и на дому «по нуждѣ» напримѣръ въ случаѣ сильной болѣзни младенца, большой стужи, дальняго разстоянія отъ церкви, но не иначе, какъ по желанію родителей, причемъ общее правило о наблюденіи священникомъ за тѣмъ, чтобы необходимые при крещеніи воспріемники были правовѣрными, — могущими наставить крещаемаго, по вступленіи его въ надлежащій возрастъ, въ правилахъ истинной вѣры, — не теряетъ своей силы и при совершеніи крещенія на дому. Согласно взгляду на необходимость выраженнаго родителями младенца желанія его окрестить, Свят. Правит. Сѵнодомъ указами отъ 25 января 1857 г. и 25 февраля 1870 г. православнымъ священникамъ разрѣшено, въ случаѣ желанія и просьбы лицъ Греко-Уніатскаго исповѣданія — крестить у нихъ дѣтей и совершать другія требы, — а Уставомъ Духовныхъ Консисторій узаконено крещеніе дѣтей у иновѣрцевъ и раскольниковъ, по ихъ желанію, но со взятіемъ отъ родителей подписки о воспитаніи крещенныхъ въ православной вѣрѣ. Обращаясь отъ этихъ общихъ соображеній къ даннымъ настоящаго дѣла, надлежитъ признать, что ни обвинительнымъ актомъ, ни поставленнымъ согласно 751 ст. Уст. угол. судопр. вопросомъ о виновности Аникина не установлено, чтобы священникъ Авраамовъ прибылъ въ его домъ для совершенія крещенія надъ его внукомъ и приступилъ къ богослуженію по приглашенію и согласно желанію самого Аникина или родителей новорожденнаго, при отсутствіи какового условія совершенныя имъ обрядовыя дѣйствія, предпринятыя вопреки волѣ послѣдняго, не могутъ почитаться заключающими въ себѣ необходимые признаки богослуженія, указанные въ вышеприведенныхъ статьяхъ духовныхъ узаконеній. Приходя, вслѣдствіе этого, къ заключенію, что по находившимся въ виду ея даннымъ, Суд. Палата не имѣла законнаго основанія къ преданію Аникина суду по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣннымъ

2 ч. ст. 211 Улож. надлежитъ признать, что необходимо отмѣнить какъ состоявшійся объ Аникинѣ приговоръ, такъ и опредѣленіе о преданіи его суду, для направленія дѣла прокурорскимъ надзоромъ, согласно надлежащей его подсудности къ мировому судьѣ для разсмотрѣнія дѣла о простой личной обидѣ.

Правительствующій Сенатъ постановилъ согласно съ симъ рѣшеніе.

VI.

По дѣлу сына дьячка Петра Осьминскаго, обвиняемаго по 210 ст. улож. о нак.

Курскій окружный судъ, выслушавъ дѣло о сынѣ дьячка, младшемъ запасномъ сигналистѣ Петрѣ Осьминскомъ, признанномъ рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей виновнымъ въ томъ, что, явясь 21-го сентября 1889 г. въ Коренную пустынь въ священнической рясѣ и выдавая себя за священника синодальной церкви Николая Троицкаго, не будучи рукоположенъ въ установленномъ святою православною церковью порядкѣ во священники и не имѣя власти совершать богослуженія, забывъ страхъ Божій и должное благоговѣніе къ таинству священства, дозволилъ себѣ ругаться надъ симъ таинствомъ, облачась въ церкви, въ присутствіи братіи монастыря, въ священническія одежды, ризу и эпитрахиль и отслуживъ молебенъ у святаго колодца монастыря,—нашелъ, что описанное дѣяніе, по признакамъ своимъ, соотвѣтствуетъ оскорбленію святыни дѣйствіемъ, предусмотрѣннымъ 210 ст. ул. о нак., и приговорилъ Осьминскаго къ установленному за сіе наказанію.

Входя въ обсужденіе указаній кассаціонной жалобы Осьминскаго на неправильное примѣненіе къ нему ст. 210 ул. о нак., надлежитъ признать, что дѣяніе Осьминскаго въ томъ видѣ, какъ оно признано присяжными засѣдателями, не можетъ считаться подходящимъ подъ опредѣленіе ст. 210 ул. о нак.—Требуя, чтобы всѣ въ церкви Божіей были почтительными и, входя въ храмъ Божій съ благоговѣніемъ, безъ усилія стояли передъ иконами такъ, какъ благопристойность и святость мѣста требуютъ, и не отвращали вниманія православныхъ отъ службы ни словомъ, ни дѣяніемъ или движеніемъ, пребывая со страхомъ, въ молчаніи, тишинѣ и всякомъ почтеніи (уст. пред. и пресѣч., т. XIV ст. 3, 6 и 7), законъ ограж-

даетъ мѣсто моленія и молитвенное настроеніе молящихся отъ безчинствъ и неблаговидныхъ поступковъ (уст. о нак., нал. мир. суд., ст. 35 и 36,—ул. о нак., изд. 1857 г., ст. 243, 245 и 248,—уст. о пред. и прес. ст. 4 и 12).—Но преступающіе правила благоговѣнія и благочинія въ церкви могутъ не ограничиться нарушеніемъ необходимаго порядка и спокойствія въ настроеніи вѣрующихъ. Ихъ непристойныя слова или поступки, выражающіе неуваженіе къ святынѣ Господней и доходящіе до поруганія словомъ и дѣйствіемъ, могутъ быть направлены не на одинъ лишь внѣшній порядокъ, а на предметы священные и освященные употребленіемъ въ богослуженіи или же и на самыя таинства.—Признавая нужнымъ, какъ то видно изъ мотивовъ къ улож. о нак. 1845 г., отличить таковое явное, съ умысломъ, оскорбленіе святыни при богослуженіи въ церквахъ отъ простаго, можетъ быть по легкомыслію или невнимательности, нарушенія надлежащаго при ономъ благоговѣнія, законъ выдѣлилъ это оскорбленіе святыни въ ст. 222 ул. о нак. Статья эта (нынѣ 210 ул.), согласно вышеизложенному, имѣетъ въ виду такое забвеніе страха Божія и должнаго благоговѣнія къ таинствамъ и обрядамъ вѣры, при которомъ виновный, придя или насильно ворвавшись во время богослуженія въ церковь, будетъ ругаться надъ св. таинствомъ или другими священными предметами словами или дѣйствіемъ. Поэтому, для примѣненія ст. 210 улож. о нак. къ дѣйствіямъ Осьминскаго, необходимо признать, что дѣйствія эти составляютъ ругательство дѣйствіемъ надъ таинствомъ священства и надъ священными предметами. Для такого признанія по существу разрѣшеннаго присяжными засѣдателями вопроса, однако, основаній не представляется. Не говоря уже о томъ, что въ немъ не упомянуто—были ли священническія одежды, въ которыя облачился Осьминскій, освящены употребленіемъ въ богослуженіи (уложеніе, изд. 1885 г., ст. 222), или же подобно священнической рясѣ, о которой упоминается въ вопросѣ, принадлежали самому обвиняемому и вслѣдствіе сего не имѣли освященнаго характера;—самое облаченіе въ такія одежды, само по себѣ, не можетъ составлять поруганія, предусмотрѣннаго ст. 210 ул. и влекущаго за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія и безсрочныя каторжныя работы, тѣмъ болѣе, что появленіе публично и безъ права на то въ монашескомъ или иномъ духовномъ одѣяніи влечетъ за собою лишь денежное взысканіе не свыше ста руб. сер. (ул. о нак., изд. 1857 г., ст. 1289,—уст. о нак., нал. мир. суд., ст. 43). Не составляетъ поруганія дѣйствіемъ таинства священства и служеніе молебна у святаго колодца монастыря въ связи съ облаченіемъ, какъ по свойству сихъ дѣйствій, такъ и по существу таинства священства. Изъ соображенія ст. 210 и 213 улож. усматривается, что упоминаемое въ первой изъ нихъ поруганіе словами или дѣйствіемъ не есть простое оказаніе неуваженія къ святынѣ Господней, а прямое проявленіе забвенія страха Божія и благоговѣнія къ таинствамъ и обрядамъ вѣры. Такое проявленіе должно выражаться въ словахъ или дѣйствіяхъ, явно изобличаю-

щихъ преступное дерзновеніе виновнаго. Ругаться словами или тѣмъ паче надругаться дѣйствіемъ, по самому смыслу слова, нельзя иначе, какъ въ рѣзкой и несомнѣнной формѣ, выражая свое посягательство на предметы общаго уваженія общепонятнымъ и очевиднымъ способомъ. Поэтому, по свойству своему,—облаченіе въ присутствіи братіи и служеніе молебствія, не только не вызвавшее, какъ видно изъ редакціи вопроса, препонъ, но и не возбудившее у присутствующихъ сомнѣній и недоумѣній, не можетъ почитаться ругательствомъ надъ какими-либо обрядами или таинствами. По существу же таинства священства оно состоитъ въ священномъ дѣйствіи, черезъ которое тайнымъ образомъ спасительная сила Божія даетъ человѣку благодать духовно возрождать и воспитывать другихъ посредствомъ ученія и таинствъ, причемъ правильно избранный черезъ рукоположеніе святительское получаетъ благодать совершать таинства и пасти стадо Христово. Поэтому, надругательство надъ симъ таинствомъ должно выражаться въ томъ, что не имѣющій святительскаго званія и, слѣдовательно, права рукополагать и поставлять въ пастыри церкви, позволяетъ себѣ, вмѣняя въ ничто таинственное дѣйствіе Св. Духа, самовольно и самозванно посвящать кого-либо въ сіе званіе. Не составляя такого поступка, облаченіе въ священныя одежды и служеніе молебна не могутъ быть признаваемы ругательствомъ надъ таинствомъ священства. Содѣланіе выполненія одного изъ обрядовъ церкви православной средствомъ для введенія молящихся въ заблужденіе относительно истиннаго званія предстоятеля, при самомъ строгомъ толкованіи можетъ лишь заключать въ себѣ насмѣшку надъ обрядомъ церкви и стремленіе сдѣлать таковой орудіемъ для достиженія личныхъ цѣлей. Такое отношеніе къ обряду, доказывающее явное неуваженіе къ правиламъ церкви православной, не подходитъ къ признакамъ преступленія, предусмотрѣннаго 210 ст. ул. о нак., а заключаемъ въ себѣ нѣкоторые признаки кощунства, предусмотрѣннаго ст. 182 ул. Вслѣдствіе сего надо признать, что Курскимъ окружнымъ судомъ къ признанной присяжными засѣдателями винѣ Осьминскаго ст. 210 примѣнена совершенно неправильно.

Правительствующій Сенатъ 3 марта 1892 года *опредѣлилъ*: приговоръ Курскаго окружнаго суда, за неправильнымъ примѣненіемъ 210 ст. улож. о нак., отмѣнить, передавъ это дѣло въ другое отдѣленіе того же суда, для постановленія новаго приговора о наказаніи подсудимаго Осьминскаго на основаніи послѣдовавшаго о немъ рѣшенія присяжныхъ засѣдателей.

VII.

По дѣлу редакторовъ газеты „Düna Zeitung“ Пипирса и „Рижскій Вѣстникъ“ Витвицкаго, обвиняемыхъ въ клеветѣ въ печати.

Существенный вопросъ, подлежащій разрѣшенію въ настоящемъ дѣлѣ, состоитъ въ томъ: заключаются-ли признаки клеветы, предусмотрѣнной 1535 ст. улож., въ помѣщенныхъ въ «Düna Zeitung» отъ $^{7}/_{21}$ іюля 1889 г. въ статьѣ «Наши балты»,—незавѣдомо истинныхъ для редактора свѣдѣніяхъ о томъ, что, завтракая въ ресторанѣ Маргери, въ Парижѣ, въ обществѣ четырехъ кокотокъ, обвинители были пьяны, какъ стельки, хорошо обругали русскихъ и послѣ провозглашенія «Hoch» за князя Бисмарка получили изрядное число пощечинъ и затѣмъ, сопровождаемые смѣющимися кокотками, безъ церемоніи выброшены изъ ресторана. С.-Петербургская судебная палата, оправдывая подсудимаго Пипирса, редактора «Düna Zeitung» по обвиненію въ клеветѣ, нашли, что въ этихъ свѣдѣніяхъ нѣтъ признаковъ обвиненія въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести, ибо полученіе пощечинъ и выталкиваніе изъ ресторана не составляетъ *дѣянія* обвинителей, а пребываніе въ обществѣ съ кокотками и состояніе опьяненія, выходящее изъ предѣловъ приличія, не даютъ основанія къ примѣненію къ этимъ поступкамъ понятія о безчестномъ и позорномъ. Что-же касается до сообщенія, что обвинители хорошо обругали русскихъ, то палата усмотрѣла въ немъ лишь приписываніе жалобщикамъ оскорбительнаго отзыва о русскихъ, каковой не можетъ быть предметомъ клеветы, тѣмъ болѣе, что никто не лишенъ права имѣть свои взгляды и сужденія о другихъ лицахъ и въ этомъ, хотя-бы сужденія эти и были выражены въ рѣзкой и оскорбительной формѣ, конечно,

не заключается ничего позорнаго и безчестнаго. Наказуемость такихъ сужденій, въ случаѣ принесенія обвиняемыми жалобы, не дѣлаетъ ихъ тѣмъ самымъ позорными и безчестными, ибо таковымъ не можетъ считаться все воспрещенное закономъ; въ настоящемъ же дѣлѣ дѣяніе подсудимаго не могло бы подлежать преслѣдованію и даже не было бы наказуемою заочною обидою, такъ какъ послѣдняя относилась не къ опредѣленнымъ лицамъ, а ко всѣмъ русскимъ. Признавая поэтому въ приведенномъ сообщеніи простую ненаказуемую ложь, судебная палата нашла, что такой характеръ сообщенія не измѣняется и отъ того, что обвинители—русскіе подданные, ибо принадлежность къ одному подданству не налагаетъ обязанности отзываться о своихъ соотечественникахъ лишь въ благопріятномъ для послѣднихъ смыслѣ.

Такія соображенія судебной палаты не могутъ быть признаны правильными и согласными съ закономъ и съ неоднократными разъясненіями Правительствующаго Сената. Клевета, въ общепринятомъ значеніи этого слова, есть ложь, помрачающая честь и доброе имя человѣка (рѣш. 1869 г. № 771) и выражающаяся въ несправедливомъ приписываніи потерпѣвшему такихъ поступковъ, рода дѣятельности или образа жизни, которые возбуждаютъ презрѣніе къ нему въ окружающей средѣ, въ силу господствующихъ въ ней понятій о нравственности и чести, а также о поведеніи, соотвѣтствующемъ извѣстному званію и положенію (рѣш. 1870 г. №8 12 и 1872 г. № 1236). Поэтому, содержаніемъ клеветы могутъ быть не одни лишь указанія на непосредственныя, фактически описанныя личныя дѣйствія потерпѣвшаго, но и сообщенія о происшествіяхъ, коими несомнѣнно указывается на такой образъ дѣйствій или такое поведеніе потерпѣвшаго, которые не могутъ не класть, согласно существующему общественному воззрѣнію, пятна на его честь и доброе имя. Уваженіе къ человѣку и признаніе за ними чести, нравственнаго достоинства и порядочности—можетъ быть въ равной мѣрѣ несправедливо потрясено какъ ложнымъ сообщеніемъ о положительныхъ и опредѣленныхъ фактахъ его безчестной или безнравственной дѣятельности, такъ и разсказомъ о такихъ событіяхъ съ нимъ или въ окружающей его средѣ и обстановкѣ, самое существованіе коихъ обусловлено его, помрачающими честь и доброе имя, поступками. Иными словами, клеветникъ, не называя прямо дѣянія потерпѣвшаго, можетъ такъ изобразить обстоятельства, имѣющія прямое или даже косвенное отношеніе къ послѣднему, — что естественный логическій выводъ о вызывающихъ позоръ дѣйствіяхъ потерпѣвшаго становится неминуемымъ. Одни неопредѣленные намеки на такія дѣйствія или высказываніе предположенія о ихъ возможности, а также злостныя сужденія о свойствахъ кого-либо, конечно, не могутъ быть разсматриваемы какъ клевета (рѣш. 1867 г. № 77, 1870 г. № 1223, 1873 г. № 351, 1874 г. № 230), ибо ими вызываются лишь гадательные и произвольные выводы; но ложное удостовѣреніе фактовъ, изъ коихъ можетъ быть сдѣ-

ланъ лишь *исключительный* выводъ, повреждающій честь другого лица, имѣетъ всѣ необходимые признаки клеветы. Законъ, ограждающій доброе имя гражданъ отъ клеветническихъ посягательствъ, не достигалъ-бы своей цѣли, если-бы, карая за простѣйшій видъ клеветы, оставлялъ безнаказаннымъ виновнаго въ клеветѣ болѣе утонченной, при которой огражденіемъ отъ справедливой кары закона служило-бы сообщеніе о дѣяніяхъ не самаго оклеветаннаго. Поэтому Правительствующимъ Сенатомъ и было признаваемо клеветою распространеніе ложныхъ слуховъ о дѣйствіяхъ не самаго потерпѣвшаго, когда ими омрачалась честь послѣдняго. Такъ, ложные разсказы о солдатѣ, обнявшемъ дѣвушку публично, и о другомъ, схватившемъ ее за волосы, и о томъ, что обвиняемый лѣчилъ женщину отъ любострастной болѣзни, признаны клеветою протихъ сихъ женщинъ (рѣш. 1870 г. № 1658 и 1871 г. № 168), а въ именованіи трактирнаго заведенія мѣстнымъ названіемъ, соотвѣтствующимъ дому терпимости, усмотрѣна Правительствующимъ Сенатомъ клевета противъ его хозяина (1873 г. № 824). Вслѣдствіе сего и въ виду рѣшеній Правительствующаго Сената 1870 г. № 822 и 1873 г. № 553 надлежитъ признать, что оказавшееся ложнымъ сообщеніе «Düna Zeitung» о томъ, что обвинители получили изрядное число пощечинъ и были выброшены безъ церемоніи изъ ресторана, — содержитъ въ себѣ объективные признаки клеветы, тѣмъ болѣе, что по понятіямъ, господствующимъ въ общественномъ кругу, къ которому обвинители—дворянинъ, докторъ медицины и кандидатъ правъ—принадлежатъ, полученіе въ публичномъ мѣстѣ ряда пощечинъ и выбрасываніе оттуда, безъ церемоній, на улицу въ «сопровожденіи смѣющихся кокотокъ»,—составляетъ такое обстоятельство, которое ложится тяжкимъ пятномъ на личное достоинство подвергшихся такому обращенію, приводя къ неизбѣжному выводу, что такое поруганіе ихъ чести вызвано поступками ихъ, при коихъ они сами этой честью не стѣснялись и ею не дорожили. Равнымъ образомъ, обличеніе потерпѣвшихъ въ томъ, что они были въ публичномъ мѣстѣ съ кокотками, которыя послѣдовали за ними и по изгнаніи ихъ оттуда, и въ томъ, что они были пьяны «какъ стельки» (или по точному переводу «какъ ежи»), причемъ указывается, что во Франціи нельзя такъ напиваться, какъ въ Ригѣ,—заключаетъ въ себѣ признаки клеветы. Правительствующій Сенатъ, въ рѣшеніи 1868, № 488, нашелъ, что названіе женщины пьяницею и распространеніе такого оскорбительнаго для ея чести слуха вполнѣ подходитъ подъ понятіе клеветы, а рѣшеніями 1872 г. № 58 и 1873 г. № 152 установилъ, что распространеніе о семейномъ человѣкѣ ложнаго слуха, что онъ ходитъ по улицѣ съ непотребными женщинами или посѣщаетъ дома терпимости, составляетъ клевету. Нельзя не признать, что вообще распространеніе такихъ слуховъ о лицахъ, общественное положеніе, развитіе или профессія которыхъ обязываетъ ихъ съ особымъ уваженіемъ относиться къ требованіямъ общественной

нравственности и благопристойности,—служитъ къ подрыву ихъ чести и добраго о нихъ мнѣнія и можетъ имѣть для нихъ пагубныя послѣдствія въ практической жизни, слагая о нихъ ложное представленіе.—Правительствующимъ Сенатомъ уже высказано, что напр., ложное обвиненіе священника въ жестокомъ истязаніи лошади можетъ быть признаваемо клеветою (рѣш. 1872 г. № 1236), ибо такія дѣйствія служителя алтаря, по своему полному несогласію съ его призваніемъ, могутъ считаться безнравственными и несоотвѣтствующими господствующему понятію о чести. Поэтому, обвиненіе потерпѣвшихъ, получившихъ высшее образованіе и принадлежащихъ къ одному изъ высшихъ сословій въ Имперіи, въ вышеупомянутомъ безстыдномъ поведеніи и публичномъ приведеніи себя въ безобразное состояніе опьяненія, будучи ложнымъ, отнюдь не можетъ считаться, какъ полагаетъ судебная палата, несоотвѣтствующимъ понятію о клеветѣ. Наконецъ, ложное указаніе на то, что въ чужой странѣ, среди иностранцевъ, въ публичномъ мѣстѣ, всѣмъ доступномъ, русскіе подданные «хорошо обругали» русскихъ,—есть несомнѣнное обвиненіе въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести. Принадлежность къ подданству извѣстной страны, какъ справедливо заключила судебная палата, не налагаетъ *обязанности* отзываться о своихъ соотечественникахъ лишь въ благопріятномъ смыслѣ, но несомнѣнно, что она налагаетъ нравственную обязанность не позорить публично, на чужбинѣ, среди людей, немогущихъ лично провѣрить и оцѣнить основательность бранныхъ отзывовъ, коренное населеніе государства, подъ охраною законовъ котораго живутъ ругающіе. Неисполненіе этой послѣдней обязанности есть дѣяніе постыдное и ложное обвиненіе въ таковомъ — есть клевета. Соображеніе судебной палаты о невозможности преслѣдованія виновныхъ въ такомъ ругательствѣ, ибо оно относилось не къ опредѣленному лицу, а ко всѣмъ русскимъ, лишь подтверждаетъ безчестный характеръ сего поступка, ибо однимъ изъ основныхъ правилъ чести является требованіе о ненападеніи на беззащитнаго.

Правительствующій Сенатъ 3 марта 1892 года *опредѣлилъ:* приговоръ С.-Петербургской судебной палаты, за неправильнымъ толкованіемъ 1535 ст. улож., отмѣнить, передавъ это дѣло, для новаго разсмотрѣнія, въ другой департаментъ той-же палаты.

VIII.

По дѣлу присяжнаго повѣреннаго Казецкаго, обвиняемаго въ клеветѣ.

Отставной штабсъ-капитанъ Скоровъ возбудилъ у мирового судьи Кузнецкаго участка противъ присяжнаго повѣреннаго Казецкаго обвиненіе въ клеветѣ, выразившейся въ томъ, что тремъ офицерамъ 12-го Гренадерскаго Астраханскаго имени Александра III полка— капитану Линдгольму и штабсъ-капитанамъ Романову и Мартынову, явившимся по распоряженію предсѣдателя суда общества офицеровъ въ редакцію газеты «Русскій листокъ», Казецкій сообщилъ относительно его личности и дѣятельности умышленно ложныя и позорящія его доброе имя свѣдѣнія, положенныя затѣмъ судомъ общества офицеровъ въ основаніе неблагопріятнаго для Скорова приговора. Вызванные въ качествѣ свидѣтелей, по просьбѣ Скорова, къ мировому судьѣ, а затѣмъ и въ мировой съѣздъ вышеупомянутые офицеры отъ дачи показаній отказались, ссылаясь на то, что они допрашивали Казецкаго въ качествѣ членовъ суда общества офицеровъ и поэтому, на основаніи ст. 149 дисциплинарнаго устава 28 мая 1888 г., не имѣютъ права разглашать то, что происходило при производствѣ этого суда. О томъ же увѣдомилъ подлежащія мировыя установленія 13 января и 12 марта 1897 г. и командиръ 12 Гренадерскаго Астраханскаго имени Александра III полка. Въ виду отсутствія,—за отказомъ свидѣтелей, на которыхъ сослался обвинитель, отъ дачи показаній,—данныхъ, подтверждающихъ обвиненіе, мировой судья нашелъ виновность Казецкаго недоказанною и постановилъ оправдательный о немъ приговоръ, утвержденный, по тѣмъ же основаніямъ, и Московскимъ мировымъ съѣздомъ.

Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла и заключеніе управляющаго Военнымъ Министерствомъ по вопросу объ обя-

зательности дачи членами суда общества офицеровъ, виду 149 ст. дисципл. уст., судебной власти показаній о такихъ обстоятельствахъ, которыя сдѣлались имъ извѣстны по званію членовъ этого суда, надлежитъ признать, что въ уставѣ уголовнаго судопроизводства, а также и въ соотвѣтствующихъ статьяхъ военно-морскаго судебнаго и военно-судебнаго уставовъ съ точностью обозначены случаи, въ коихъ лицо, вызванное въ качествѣ свидѣтеля, не можетъ быть допущено къ дачѣ показаній по состоянію своего *душевнаго здоровья* (ст. 93 п. 1 и 704 п. 1), по своему *сану* (ст. 93 п. 2 и п. 2 ст. 704) и по носимому имъ *званію* или принятымъ на себя обязанностямъ (п. 2 ст. 93 и 704), или можетъ отказаться отъ дачи показаній по своимъ родственнымъ связямъ съ подсудимымъ (ст. 94 и 705) и потому, что предлагаемые ему вопросы касаются къ уличенію его самого въ преступленіи (ст. 722). Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ свидѣтель не подлежитъ освобожденію отъ показанія, хотя бы, какъ то уже разъяснено въ рѣш. Правит. Сената 1883 г. № 27 по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ Кронштадтскомъ коммерческомъ банкѣ, вопросы, предлагаемые ему и касались служебныхъ его дѣйствій, если только послѣднія имѣютъ отношеніе къ обстоятельствамъ дѣла. Этому взгляду не противорѣчитъ воспрещеніе допрашивать судебнаго слѣдователя о содержаніи показаній свидѣтелей, записанныхъ въ протоколы предварительнаго слѣдствія (рѣш. 1874 г. № 668), ибо показанія эти могутъ и въ случаѣ необходимости должны быть оглашены предъ судомъ *устно* лицами, давшими ихъ, или *письменно,* въ условіяхъ точно предусмотрѣнныхъ закономъ (уст. угол. суд. ст. 626 и 627), причемъ допущеніе разсказа слѣдователя о такихъ обстоятельствахъ, которыя записаны въ протоколъ произведеннаго имъ слѣдствія, могло бы, какъ признано Правит. Сенатомъ въ рѣшеніи 1870 г. № 295, повести только къ сбивчивости и затемненію дѣла. Этого ограниченія не существуетъ однако по отношенію къ дознанію, подлежащему дальнѣйшей провѣркѣ путемъ судебнаго изслѣдованія съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ въ законѣ формальностей, почему согласно неоднократнымъ разъясненіямъ уголовн. касс. д-та (1870 г. №№ 953 и 1484, 1871 г. № 535, 1874 г. №№ 326 и 400) лица, производившія *дознаніе,* могутъ быть допрошены по всѣмъ обстоятельствамъ, обнаруженнымъ при ономъ. Поэтому и въ виду того, что дознаніе, упоминаемое въ ст. 140—144 уст. дисципл. и служащее основаніемъ для словеснаго доклада членовъ офицерскаго суда полковому командиру на предметъ рѣшенія имъ вопроса о томъ, слѣдуетъ ли приступить къ сужденію обвиняемаго офицера (ст. 145 дисципл. уст.), существенно отличается отъ *предварительнаго слѣдствія* по военно-судебному и военно-морскому судебному уставамъ, по характеру своему соотвѣтствуя болѣе всего установленному въ 1086 ст. уст. угол. суд. предварительному изслѣдованію обстоятельствъ дѣла при обвиненіяхъ по преступленіямъ должности, надо признать, что къ осво-

божденію лицъ, производившихъ такое дознаніе отъ допроса по обстоятельствамъ, имъ по дѣлу извѣстнымъ, не представляется законныхъ основаній. Воспрещеніе разглашать происходившее на судѣ общества офицеровъ, содержащееся въ ст. 149 уст. дисципл., безъ сомнѣнія относится къ разсказамъ участниковъ суда, не вызываемымъ требованіями судебной власти, обусловленными неизбѣжною необходимостью разъяснить тѣ или другія обстоятельства дѣла въ цѣляхъ правосуднаго по немъ рѣшенія, а направленнымъ на удовлетвореніе празднаго любопытства людей, къ дѣлу и къ отправленію судейскихъ по немъ обязанностей не причастныхъ. Въ этомъ же смыслѣ говорится въ 419—420 ст. улож. о нак. о разглашеніи дѣлъ, производимыхъ въ судебныхъ и правительственныхъ мѣстахъ, и о сообщеніи бумагъ изъ нихъ лицамъ постороннимъ. Распространеніе понятія о лицахъ посторонннихъ и на законнодѣйствующіе органы уголовнаго правосудія, идя въ разрѣзъ съ общимъ понятіемъ о правахъ и дѣятельности судебной власти въ государствѣ, дѣлало бы, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда должностное лицо является единственнымъ свидѣтелемъ обстоятельствъ, сдѣлавшихся ему извѣстными вслѣдствіе отправленія обязанностей службы, невозможнымъ постановленіе правильнаго по существу и согласнаго со справедливостью рѣшенія, и поставило бы потерпѣвшаго отъ преступленія въ безпомощное и безвыходное положеніе. Если законъ усугубляетъ наказаніе, назначенное въ 1 ч. ст. 419 улож. о нак., когда отъ разглашенія дѣла распространится молва для чьей либо чести оскорбительная, и тѣмъ становится на стражѣ чести и личнаго достоинства потерпѣвшаго, то эта его цѣль представлялась бы совершенно извращенною, если бы должностное лицо, опираясь на обязанность словеснаго воздержанія предъ посторонними, отказывалось предъ судебною властью отъ свидѣтельства объ обстоятельствахъ, неразъясненіе коихъ должно оставить на потерпѣвшемъ на всегда клеймо позора, зачастую не заслуженнаго и основаннаго на ложномъ обвиненіи. Толкованіе ст. 149 уст. дисциплин., положенное въ основаніе отказа судей чести по д. Скорова отъ дачи показаній по дѣлу Казецкаго, представляется неправильнымъ и по соображеніямъ, изложеннымъ въ рапортѣ генералъ-лейтенанта Куропаткина, по мнѣнію котораго законъ, воспрещая въ нѣкоторыхъ случаяхъ разглашеніе тайнъ, извѣстныхъ лицу или по служебному его положенію, или въ силу носимаго имъ званія, а также по другимъ основаніямъ, имѣетъ безъ сомнѣнія въ виду объявленіе секретныхъ обстоятельствъ во всеобщее извѣстіе, или же сообщеніе ихъ отдѣльнымъ лицамъ, коимъ они не должны быть извѣстны, такъ что не можетъ быть почитаемо нарушеніемъ сообщеніе въ требуемыхъ обстоятельствами дѣла предѣлахъ органамъ судебной власти, въ видахъ гоударственной или общественной пользы вообще и въ интересахъ правосудія въ частности. Управляющій Военнымъ Министерствомъ находя, что изъ постановленій какъ общихъ, такъ и военныхъ судопроизводствен-

ныхъ законовъ (ст. 368, 369, 713, 722 и др. уст. уголов. суд. и ст. 436—438, 854, 863 и др. военно-судебнаго устава) съ несомнѣнностью слѣдуетъ, что для судебной власти, въ цѣляхъ правильнаго осуществленія правосудія и раскрытія истины, нѣтъ и не должно быть чего либо сокровеннаго тайнаго, всякое же отступленіе отъ этого основного положенія должно быть, какъ изъятіе, точно и ясно выражено въ законѣ, полагаетъ, что противное изложенному толкованіе закона лишило бы судебныя учрежденія возможности постановлять правосудные приговоры по дѣламъ, въ коихъ необходимо раскрытіе обстоятельствъ, подлежащихъ сохраненію въ тайнѣ. Имѣя въ виду, что ни уставъ уголовнаго судопроизводства, ни уставъ военно-судебный, кромѣ постановленій о безусловномъ устраненіи отъ свидѣтельства, заключающихся въ статьяхъ 704 перваго и 845 втораго, не содержатъ, подобно нѣкоторымъ иностраннымъ законодательствамъ, никакихъ другихъ въ этомъ отношеніи ограниченій, надо признать, что правило, выраженное въ ст. 149 дисципл. уст. 1888 г., не можетъ служить основаніемъ для офицеровъ къ уклоненію отъ отвѣтовъ на предложенные со стороны надлежащихъ органовъ судебной власти вопросы по обстоятельствамъ дѣла, бывшаго предметомъ разсмотрѣнія суда общества офицеровъ. Считая вслѣдствіе вышеизложеннаго приговоръ Московскаго столичнаго мироваго съѣзда неимѣющимъ силы судебнаго рѣшенія, какъ состоявшійся безъ соблюденія указаній ст. 92 и 159 уст. угол. суд., нельзя не раздѣлить высказаннаго управляющимъ Военнымъ Министерствомъ мнѣнія, что требованія о дачѣ показаній, по существу обнаруженныхъ при дознаніи по порученію предсѣдателя офицерскаго суда обстоятельствъ, должны быть предъявляемы офицерамъ-членамъ сего суда лишь въ крайне необходимыхъ случаяхъ и подъ условіемъ открытія суду и сторонамъ обстоятельствъ, подлежащихъ сохраненію въ тайнѣ, при закрытыхъ дверяхъ присутствія. Судъ общества офицеровъ учреждается, согласно ст. 130 дисципл. уст. 1888 г., для охраненія достоинства военной службы, и ему подвергаются офицеры, замѣченные въ неодобрительномъ поведеніи или поступкахъ, хотя не подлежащихъ дѣйствію уголовныхъ законовъ, но несовмѣстныхъ съ понятіями о военной чести и доблести офицерскаго званія или изобличающихъ въ офицерѣ отсутствіе правилъ нравственности и благородства. Въ виду этой статьи надлежитъ признать, что какъ цѣль, съ которою установленъ въ законѣ офицерскій судъ чести, такъ и предметы его вѣдомства, дѣлаютъ крайне неудобнымъ раскрытіе для всеобщаго свѣдѣнія обстоятельствъ, обнаруженныхъ въ немъ при разбирательствѣ и вовсе, по свойству своему и значенію для военнаго быта и для спокойствія частныхъ лицъ, не подлежащихъ оглашенію, безъ крайней въ томъ надобности. Поэтому необходимо, чтобы со стороны судебныхъ установленій требованія о дачѣ показаній членами суда общества офицеровъ объ обстоятельствахъ, открытыхъ ими при дознаніи по дѣлу, сему суду

подсудному, предъявлялись лишь въ случаѣ дѣйствительной и неизбѣжной въ томъ надобности, по особому постановленію суда или его органовъ, а самое выслушаніе сихъ показаній происходило, по соображеніямъ, положеннымъ въ основу ст. 620[3] уст. угол. суд., при закрытыхъ дверяхъ присутствія, съ соблюденіемъ условій, указанныхъ въ 622—624 ст. уст. угол. суд.

---

[3] По этимъ соображеніямъ Правительствующій Сенатъ 10 февраля 1898 г. *опредѣлилъ:* приговоръ Московскаго столичнаго мироваго съѣзда, за неправильнымъ примѣненіемъ 149 ст. военно-дисциплинарнаго и 91 и 159 ст. уст. угол. суд., отмѣнить и дѣло передать въ тотъ же съѣздъ, для новаго разсмотрѣнія, въ другомъ составѣ присутствія.

IX.

По дѣлу бывшаго купца Гликина, обвиняемаго въ злостномъ банкротствѣ.

Публичность судебныхъ засѣданій со времени начертанія судебныхъ уставовъ 1864 г. признавалась нашимъ законодательствомъ однимъ изъ существенныхъ условій производства уголовныхъ дѣлъ на судѣ, наравнѣ съ непрерывностью, устностью и судебнымъ состязаніемъ сторонъ. При обсужденіи проекта устава уголовнаго судопроизводства въ 1864 г. Государственнымъ Совѣтомъ было признано, что *публичность судебныхъ засѣданій есть одна изъ лучшихъ гарантій правильности судебныхъ дѣйствій и одно изъ главныхъ условій довѣрія общества къ суду*. Неизмѣнность такого взгляда съ особою опредѣлительностью проявилась при обсужденіи въ Государственномъ Совѣтѣ представленія Министра Юстиціи, Сенатора Манасеина, отъ 3 мая 1886 г. по вопросу о пересмотрѣ ст. 620—622 и 624 уст. угол. суд., когда Государственнымъ Совѣтомъ, въ журналѣ общаго его собранія, было высказано, что публичность уголовнаго суда не есть простая обрядность, а является вмѣстѣ со словеснымъ производствомъ основною и существенною формою суда, ибо присутствіе постороннихъ лицъ при разбирательствѣ, и соединенная съ этимъ возможность широкаго оглашенія всѣхъ его подробностей, изустно и въ печати, побуждаютъ свидѣтелей и участвующихъ въ дѣлѣ лицъ воздерживаться отъ лжи и не скрывать истины, а судей живѣе чувствовать святость своего призванія, быть внимательными и строго соблюдать всѣ предписанныя закономъ правила. Находя, что, поэтому, публичность безспорно вліяетъ на правильность приговора по каждому данному судебному дѣлу, Государственный Совѣтъ призналъ неподлежащимъ сомнѣнію, что

всякій невинно привлеченный къ отвѣтственности можетъ разсчитывать на публичность суда, какъ на средство къ оправданію, такъ какъ только при ней вполнѣ смывается пятно незаслуженнаго обвиненія, и она же составляетъ главное оружіе въ рукахъ справедливаго обвинителя; изъ тайнаго суда оправданный выходитъ менѣе оправданнымъ, а обвиненный менѣе изобличеннымъ, чѣмъ изъ суда публичнаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ соображеніяхъ Государственнаго Совѣта обращено особое вниманіе и на то, что негласность нашего прежняго судопроизводства была одною изъ существеннѣйшихъ причинъ того печальнаго положенія, въ которомъ находилось отправленіе правосудія до уставовъ 1864 г., и что именно въ виду сего признано было необходимымъ ввести публичность даже въ засѣданіяхъ, дѣйствующихъ по правиламъ 11 октября 1865 г. судебныхъ мѣстъ прежняго устройства, причемъ, не смотря на сохраненіе въ нихъ при этомъ прежняго личнаго состава и на незначительность прочихъ процессуальныхъ исправленій по закону 1865 г., законъ этотъ однимъ открытіемъ дверей судебныхъ мѣстъ улучшилъ направленіе ихъ дѣятельности и разсѣялъ недовѣріе къ нимъ, сдѣлавъ невозможными многія изъ прежнихъ злоупотребленій. Въ виду изложеннаго надлежитъ признать, что и въ настоящее время законъ, установивъ въ 620^{2} и 621^{1} ст. уст. угол. суд. нѣкоторое расширеніе поводовъ для закрытія дверей судебнаго засѣданія, сохраняетъ публичность засѣданій, какъ общее и существенное начало производства дѣлъ. Сообразно сему статьею 621 уст. угол. суд. установляется, что закрытіе для публики дверей судебнаго засѣданія, какъ *мѣра чрезвычайная*, должно быть допускаемо только при необходимости, съ точнымъ означеніемъ въ опредѣленіи суда, какія именно дѣйствія должны происходить при закрытыхъ дверяхъ и по какимъ причинамъ. Поэтому необходимо, во первыхъ, чтобы судъ прибѣгъ къ этой чрезвычайной мѣрѣ не только при точно установленной наличности обстоятельствъ, допускающихъ отступленіе отъ начала публичности, но и при дѣйствительной необходимости въ томъ, и во вторыхъ, чтобы это распоряженіе суда выражено было въ опредѣленіи, гдѣ изложены основанія его, т. е. необходимость его и тѣ данныя, изъ коихъ слагается убѣжденіе суда, что публичность разбирательства грозитъ правильному ходу судебныхъ дѣйствій, охраненію общественнаго порядка, достоинству государственной власти, оскорбляетъ религіозное чувство или нарушаетъ требованія нравственности. Безусловная обязательность такого мотивированнаго постановленія, помимо того, что всякая чрезвычайная судопроизводственная мѣра должна опираться на ясныя, недопускающія недоумѣній или разнорѣчивыхъ толкованій основанія, вызывается еще и необходимостью провѣрки соотвѣтствія такого постановленія истинному смыслу 620^{2} и 621 ст. уст. угол. суд. во избѣжаніе излишней торопливости въ устраненіи публичности или принесенія обезпечиваемыхъ ею интересовъ правосудія въ жертву интересамъ случай-

нымъ, временнымъ и маловажнымъ и вообще, какъ высказалъ Государственный Совѣтъ при обсужденіи 621 ст. уст. угол. суд., въ видахъ предотвращенія судебнаго произвола при закрытіи для публики дверей. Обращаясь отъ сихъ общихъ положеній къ обсужденію постановленія Московскаго окружнаго суда о закрытіи дверей судебнаго засѣданія по д. Гликина на основаніи 620[3] ст. уст. угол. суд., надлежитъ признать, что соображенія суда, изложенныя въ постановленіи отъ 28 октября 1897 г., не представляютъ никакого законнаго повода къ отмѣнѣ обряда публичности по настоящему дѣлу. Изъ протокола судебнаго засѣданія усматривается, что вслѣдствіе объясненія подсудимымъ одной изъ причинъ послѣдовавшей его съ отцомъ несостоятельности по торговлѣ, предсѣдатель, послѣ ряда дѣйствій, относившихся къ судебному слѣдствію, сдѣлалъ распоряженіе объ удаленіи публики изъ залы засѣданія и объявилъ затѣмъ слѣдующее постановленіе: принимая во вниманіе, что предметомъ настоящаго дѣла является изслѣдованіе условій, при которыхъ послѣдовала несостоятельность Гликина; что при первыхъ же объясненіяхъ суду Гликинъ заявилъ, что онъ сдѣлался несостоятельнымъ, между прочимъ, благодаря послѣдовавшему въ 1891 г. Высочайшему повелѣнію о выселеніи евреевъ изъ Москвы; что такое заявленіе не можетъ быть исключено изъ обстоятельствъ, подлежащихъ обслѣдованію на судѣ, какъ въ виду сдѣланной подсудимымъ ссылки на него, такъ и въ виду того, что по этому поводу были допрошены свидѣтели во время производства предварительнаго слѣдствія, которымъ слѣдовательно и въ судебномъ засѣданіи могутъ быть предлагаемы вопросы по сему предмету; что при вышеизъясненныхъ данныхъ неминуемы вопросы и сужденія, касающіеся мѣропріятій правительственной власти, направленныхъ къ выселенію евреевъ изъ Москвы; что такого рода вопросы и сужденія, а впослѣдствіи и разсужденія, могутъ быть неправильно поняты и ложно истолкованы публикою, въ числѣ которой находятся люди и малоразвитые, и молодые, окружный судъ съ цѣлью всесторонняго изслѣдованія дѣла и предупрежденія возможности ложнаго истолкованія мѣропріятій государственной власти, руководствуясь ст. 620[3] уст. угол. суд., постановилъ закрыть двери засѣданія съ допроса свидѣтелей до резюме предсѣдательствующаго включительно. Такимъ образомъ поводомъ къ закрытію дверей засѣданія по настоящему дѣлу послужило убѣжденіе суда въ неминуемости вопросовъ и сужденій, касающихся заявленія подсудимаго о вліяніи на постигшую его несостоятельность закона о выселеніи евреевъ изъ Москвы, причемъ предположеніе суда о возможности неправильнаго пониманія и истолкованія малоразвитыми и молодыми людьми въ публикѣ сихъ вопросовъ, сужденій и разсужденій побудило его принять чрезвычайную мѣру, для обезпеченія всесторонняго изслѣдованія дѣла и предупрежденія возможности ложнаго истолкованія мѣропріятій государственной власти. Но ст. 620[3] уст. угол. суд. имѣетъ въ виду принятіе такой мѣры не для

всесторонняго изслѣдованія дѣла, которое вполнѣ достигается правильнымъ примѣненіемъ 611—614 и 630 ст. уст. угол. суд., а для обезпеченія правильнаго хода судебныхъ дѣйствій, когда это обезпеченіе, какъ указано въ представленіи Министра Юстиціи 3 мая 1886 г., и признано соединенными Департаментами Государственнаго Совѣта, вызывается необходимостью охранить судъ отъ воздѣйствія публики, для спокойнаго разсмотрѣнія дѣла и постановленія безпристрастнаго приговора. Равнымъ образомъ законодательные мотивы къ ст. 620[3] съ несомнѣнностью указываютъ, что подъ огражденіемъ достоинства государственной власти отнюдь не разумѣется принятіе мѣръ, могущихъ устранить возможность обсужденія лицами, находящимися среди публики, присутствующей при разбирательствѣ дѣла, того или другаго закона, надлежащимъ образомъ обнародованнаго, и указанныхъ въ немъ или основанныхъ на немъ способовъ приведенія его въ исполненіе. Не говоря уже о томъ, что по силѣ примѣчанія къ ст. 1035 улож. не вмѣняется въ преступленіе и не подвергается наказаніямъ, установленнымъ за дѣйствія, клонящіяся къ возбужденію неуваженія къ законамъ, обсужденіе какъ отдѣльныхъ законовъ и цѣлаго законодательства, такъ и распубликованныхъ правительственныхъ распоряженій, если оно происходитъ при отсутствіи условій, указанныхъ въ сей статьѣ, и не содержитъ оскорбительныхъ для установленныхъ властей выраженій,—необходимость входить въ оцѣнку законности требованій, распоряженій или дѣйствій правительственныхъ мѣстъ и лицъ въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ 29 ст. уст. о нак., налаг. мир. суд., 270, 272, 273 и др. ст. улож. о нак., вызываетъ въ приговорѣ суда, объявляемомъ публично, и можетъ вызывать въ средѣ присутствующей публики обсужденіе и оцѣнку закона и основанныхъ на немъ распоряженій. Въ вышеупомянутомъ представленіи Министра Юстиціи при расширеніи случаевъ примѣненія закрытія дверей засѣданія указывалось, что, помимо случаевъ, гдѣ надо оградить судъ отъ возможнаго воздѣйствія на него публики, могутъ быть и такіе, гдѣ устраненіе публичности вызывается тѣсною связью предметовъ разбирательства съ обстоятельствами, оглашеніе коихъ воспрещено закономъ или противно общественнымъ интересамъ, а иногда несогласно и съ достоинствомъ государственной власти. Таковы тѣ случаи, когда преступленія общеуголовнаго характера находятся въ близкой связи съ дѣлами о государственныхъ преступленіяхъ, подлежащими въ силу 1056 ст. уст. угол. суд. разсмотрѣнію при закрытыхъ дверяхъ присутствія, дѣла о преступныхъ дѣяніяхъ должностныхъ лицъ и о преступныхъ посягательствахъ, направленныхъ противъ высшихъ чиновъ государственной службы, въ коихъ могутъ встрѣтиться обстоятельства, непосредственно относящіяся къ дѣлу и касающіяся, вмѣстѣ съ тѣмъ, такихъ распоряженій или предметовъ дѣятельности высшихъ мѣстъ и лицъ въ государствѣ, публичное разсмотрѣніе которыхъ можетъ быть несогласно съ видами правительства и достоинствомъ государственной

власти. Очевидно, что законъ, говоря объ *огражденіи достоинства государственной власти,* разумѣетъ фактическія обстоятельства, связанныя съ тѣмъ или другимъ дѣломъ, преимущественно изъ категоріи преступленій противъ порядка управленія и по должности, для нежелательнаго оглашенія коихъ публичное разбирательство являлось бы наиболѣе дѣйствительнымъ, а иногда и единственнымъ способомъ. Къ такимъ обстоятельствамъ однако отнюдь не могутъ быть относимы законы и вытекающія изъ нихъ правила о мѣропріятіяхъ подлежащей власти, установленнымъ порядкомъ опубликованные во всеобщее свѣдѣніе, уже потому, что законъ долженъ быть извѣстенъ всѣмъ и отговариваться его незнаніемъ никто не имѣетъ права. Всеподданнѣйшій докладъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Высочайше утвержденный 28 марта 1891 г., о воспрещеніи евреямъ механикамъ, винокурамъ, пивоварамъ и вообще мастерамъ и ремесленникамъ переселяться на жительство въ Москву и Московскую губернію, былъ своевременно опубликованъ и помѣщенъ во второмъ полномъ собраніи законовъ за № 7581. Поэтому судъ не имѣлъ законнаго основанія къ закрытію дверей засѣданія для огражденія достоинства государственной власти отъ разсужденій, касающихся оглашеннаго установленнымъ порядкомъ закона, и правильно не возбуждалъ о семъ вопроса при предварительномъ, по 547 ст. уст. угол. суд., обсужденіи дѣла (рѣш. 1873 г. № 651), хотя прямое указаніе на то, что въ засѣданіи можетъ идти рѣчь о семъ законѣ, содержалось не только, какъ видно изъ постановленія суда, въ показаніяхъ допрошенныхъ на предварительномъ слѣдствіи и подлежавшихъ вызову въ судъ свидѣтелей, но и въ самомъ обвинительномъ актѣ, въ которомъ говорится какъ о послѣдовавшемъ въ 1891 г. распоряженіи о высылкѣ изъ Москвы евреевъ ремесленниковъ, такъ и о срокѣ, предоставленномъ имъ для окончанія ихъ дѣлъ. Не представляются согласными съ обязанностями предсѣдателя на судѣ уголовномъ и соображенія суда относительно послѣдствій вопросовъ и сужденій, касающихся мѣропріятій, вытекавшихъ изъ закона 28 марта 1891 г., и ихъ вліянія на нѣкоторую часть публики. Въ силу ст. 620[1] уст. угол. суд. отъ предсѣдателя зависитъ преградить доступъ въ засѣданіе несовершеннолѣтнимъ и женщинамъ, когда, по мнѣнію его, этого требуетъ свойство дѣла, и распоряженія его въ этомъ отношеніи провѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ не подлежатъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, признавая предсѣдателя главнымъ и полномочнымъ въ установленныхъ предѣлахъ лицомъ по управленію ходомъ дѣла въ судебномъ засѣданіи, законъ обязываетъ его въ ст. 611, 617 и 618 уст. угол. суд., устранять изъ судебнаго состязанія все, что не имѣетъ прямаго отношенія къ дѣлу, и не допускать нарушенія должнаго уваженія къ закону и установленнымъ властямъ или какого бы то ни было нарушенія порядка по отношенію къ показаніямъ, объясненіямъ и другимъ, происходящимъ на судѣ, дѣйствіямъ, причемъ, какъ то неоднократно разъяснено Правительствующимъ Сенатомъ,

эта обязанность предсѣдателя распространяется на все судебное слѣдствіе, заключая въ себѣ, между прочимъ, право предсѣдателя приглашать стороны ограничиваться въ своихъ объясненіяхъ какъ во время слѣдствія, такъ и во время преній извѣстными предѣлами, и признавать тѣ или другіе вопросы не относящимися къ предмету разбирательства. Не подлежитъ сомнѣнію, что твердое исполненіе предсѣдателемъ этой своей обязанности и бдительное пользованіе предоставленными ему вышеозначенными статьями правами является вполнѣ достаточнымъ для устраненія изъ судебнаго состязанія, обнимающаго собою судебное слѣдствіе и пренія, всякихъ заявленій и сужденій, коими нарушалось бы необходимое уваженіе къ закону или къ установленной власти. Закрытіе дверей засѣданія, безъ крайней въ томъ необходимости и точно установленнаго въ ст. 620 и 620^{3} уст. угол. суд. повода, не можетъ быть оправдываемо и цѣлями всесторонняго изслѣдованія дѣла, ибо если таковое касается обстоятельствъ, имѣющихъ отношеніе къ дѣлу, то не представляется никакого основанія къ освобожденію предсѣдателя отъ безусловно лежащихъ на немъ обязанностей, указанныхъ въ ст. 611 уст. угол. суд., и къ допущенію замѣны бдительнаго осуществленія ихъ закрытіемъ дверей; если же эта всесторонность разсмотрѣнія имѣетъ въ виду выясненіе обстоятельствъ, неимѣющихъ прямаго отношенія къ дѣлу, то закрытіе дверей можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ представленіе присяжнымъ засѣдателямъ дѣла въ невѣрномъ и одностороннемъ освѣщеніи. Наконецъ къ устраненію публичности при разсмотрѣніи дѣла не можетъ служить и ссылка на законъ или законное распоряженіе власти, какъ на одно изъ условій, повліявшихъ на содѣяніе преступленія, ибо въ случаяхъ такой ссылки обвиняемаго и указанія имъ на послѣдовавшую имущественную несостоятельность, какъ результатъ вызваннаго закономъ уменьшенія доходности принадлежавшихъ подсудимому цѣнностей, или стоимости его недвижимаго имущества, или его кредитоспособности и т. п., отъ прокурора въ обвинительной рѣчи или предсѣдателя въ руководящемъ напутствіи присяжнымъ всегда зависитъ возстановить истинный смыслъ закона, его общегосударственное значеніе и цѣль и истинное отношеніе его къ преступнымъ побужденіямъ обвиняемаго и къ законному составу его преступленія. Находя, въ виду вышеизложенныхъ соображеній, постановленіе суда о производствѣ настоящаго дѣла при закрытыхъ дверяхъ присутствія лишеннымъ, согласно 620 и 621 ст. уст. угол. суд., законнаго основанія и представляющимъ поэтому существенное нарушеніе ст. 620^{3} уст. угол. суд., нельзя признать состоявшійся по обвиненію Гликина приговоръ имѣющимъ силу судебнаго рѣшенія.

Правительствующій Сенатъ 5 мая 1898 г. *опредѣлилъ:* рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей и приговоръ суда по настоящему дѣлу, за нарушеніемъ ст. 620^{3} уст. угол. суд., отмѣнить и дѣло передать въ тотъ же судъ, для новаго разсмотрѣнія, въ другомъ составѣ присутствія.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ

ВЪ МИРОВОМЪ СЪѢЗДѢ.

Заключеніе Товарища Прокурора въ Харьковскомъ Съѣздѣ Мировыхъ Судей по дѣлу о дворянкѣ Полешко, обвиняемой въ нарушеніи правилъ о пресѣченіи непотребства и въ сводничествѣ.

Настоящее дѣло разбиралось 16 Марта 1869 года, подъ предсѣдательствомъ Почетнаго Мироваго Судьи профессора Д. М. Деларю. Апелляціонную жалобу поддерживалъ кандидатъ правъ Б—ій. Рѣшеніемъ Съѣзда приговоръ Мироваго Судьи утвержденъ.

Разрѣшенію Мироваго Съѣзда подлежитъ дѣло о дочери полковника Аннѣ Ефимовой Полешко, которая приговорена Мировымъ Судьею къ аресту на мѣсяцъ за допущеніе въ домѣ своемъ разврата и за сводничество молодыхъ дѣвушекъ. Недовольная этимъ приговоромъ, обвиняемая проситъ освободить ее вовсе отъ наказанія или, по крайней мѣрѣ, смягчить его строгость. Сообразно съ этимъ и предстоитъ обозрѣть существо настоящаго дѣла и разрѣшить вопросы—дѣйствительно ли виновна Полешко вообще и, если виновна, то справедливо-ли примѣнять къ ней законъ во всей строгости, при отрицаніи въ обстоятельствахъ ея дѣла всякихъ основаній для снисходительнаго отношенія къ ея винѣ.

Обращаясь къ первому вопросу, надо прежде всего замѣтить, что обвиненіе взведенное противъ г-жи Полешко возбуждено первоначально полиціею. Харьковскій полиціймейстеръ получилъ отъ неизвѣстнаго лица письмо, въ которомъ писавшій сообщалъ, что сынъ его, молодой человѣкъ, получавшій образованіе въ университетѣ, имѣлъ несчастіе быть введенъ въ квартиру Полешко, гдѣ принималъ участіе, вмѣстѣ съ другою молодежью, въ сближеніи съ дѣвушками, содержимыми хозяйкою и промышлявшими

развратомъ. Слѣдствіемъ этихъ знакомствъ было преждевременное истощеніе юныхъ силъ и заразительная болѣзнь, принудившая молодого человѣка оставить университетъ и употреблять время, необходимое для развитія и образованія, на тягостное и не безвредное по своимъ послѣдствіямъ леченіе. Извѣщая обо всемъ этомъ и добавляя, что въ притонѣ Полешко совершается торговля невинностью дѣвушекъ въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, неизвѣстный просилъ полиціймейстера, какъ должностное лицо и отца семейства, принять мѣры къ пресѣченію указаннаго зла. Слѣдствіемъ этого письма было дознаніе, повлекшее за собою обвиненіе Полешко предъ Мировымъ Судьею. Такимъ образомъ здѣсь возникаютъ два отдѣльныхъ вопроса:—правильно-ли начато и произведено дознаніе полиціи? и дало-ли оно такого рода результаты, которые могли-бы служить основаніемъ къ обвиненію Полешко? Поводомъ къ дознанію послужило анонимное или такъ называемое «подметное» письмо. По ст. 300 У. У. С. подметныя письма и пасквили не могутъ служить поводомъ для производства слѣдствія, но они могутъ послужить основаніемъ для производства дознанія, если содержатъ въ себѣ указанія на дѣяніе, грозящее общественному порядку. Иными словами, они должны содержать указанія на зло, которое грозитъ не только какой-нибудь отдѣльной личности, но главнымъ образомъ на явленіе, вредное для цѣлаго общества. Подметное письмо, полученное полиціймейстеромъ говорило о тайномъ промыслѣ развратомъ, въ который вовлекаются молодые люди обоихъ половъ. Нѣтъ сомнѣнія, что тайный развратъ есть зло. Онъ подкапываетъ основы общественной нравственности и тѣмъ самымъ грозитъ всему обществу, поражая и растлѣвая многихъ молодыхъ его членовъ, разрушая ихъ здоровье и потворствуя развитію животныхъ страстей въ ущербъ правильному складу разумной жизни.—Поэтому письмо неизвѣстнаго содержало въ себѣ всѣ указанія, необходимыя для производства дознанія и давало полиціи полное право приступить къ этому дознанію, которое и было начато участковымъ приставомъ, въ 12-мъ часу ночи, въ присутствіи понятыхъ, съ объясненіемъ дворянкѣ Полешко причинъ предпринятаго при этомъ дознаніи осмотра ея помѣщенія и съ утвержденіемъ акта осмотра подписями присутствовавшихъ лицъ. Осмотръ этотъ былъ произведенъ правильно и согласно съ законами. Полешко обвинялась въ несоблюденіи правилъ для пресѣченія вредныхъ послѣдствій отъ непотребства. Этотъ проступокъ предусмотрѣнъ въ 44 ст. Устава о нак. нал. Мир. Судьями и относится къ нарушенію правилъ благоустройства и благочинія, за выполненіемъ коихъ слѣдитъ полиція. На основаніи 49 ст. Устава Уголовнаго Судопроизводства полицейскія власти сообщаютъ Мировому Судьѣ о всѣхъ обнаруженныхъ въ кругѣ ихъ дѣйствія проступкахъ, преслѣдуемыхъ помимо жалобъ частныхъ лицъ,—по 2 п. 42 ст. того же Устава Мировые Судьи обязаны приступать къ разбирательству дѣлъ по подобнымъ сообщеніямъ полиціи, которая произво-

дитъ въ случаѣ надобности и все предварительное изслѣдованіе, собираетъ матеріалъ для обвиненія, а по дѣламъ о нарушеніи благоустройства и благочинія поддерживаетъ предъ Судьею и самое обвиненіе. Въ подобнаго рода дѣлахъ полиція исполняетъ предъ Мировымъ Судьею обязанности прокурора и слѣдователя и, слѣдовательно, имѣетъ право, примѣняясь къ 258 ст. У. У. С. и руководствуясь общими распоряженіями Министерства Внутреннихъ Дѣлъ о пресѣченіи разврата, производить осмотръ, подобный сдѣланному у Полешко.

Что-же открыто дознаніемъ и осмотромъ? Дознаніемъ открыто, что, какъ показалъ ночной сторожъ Ткаченко, допрошенный и здѣсь на судѣ, по ночамъ въ квартирѣ Полешко всегда виднѣлся огонь и къ дому Пруса, гдѣ она живетъ, постоянно пріѣзжали разные господа, въѣзжали въ ворота, которыя за ними затворялись и оставались у Полешко иногда очень по долгу. При входѣ полиціи въ квартиру обвиняемой, въ ней найдены три франтовски разодѣтыя дѣвушки, изъ которыхъ одна назвалась швеею, другая горничною, а третья совсѣмъ не умѣла объяснить рода своихъ занятій. Четвертая дѣвушка забилась на чердакъ и ея не могли оттуда вызвать. При появленіи полиціи у обвиняемой былъ гость—купецъ К., при уходѣ явился отставной корнетъ В., одинъ рѣшившійся войдти изъ числа многихъ людей, подъѣзжавшихъ на извощикахъ и уѣзжавшихъ, узнавъ отъ ночного сторожа о присутствіи полиціи въ обиталищѣ ихъ общей знакомой. Въ трехъ комнатахъ Полешко найдены, сверхъ другой мебели, четыре кровати съ постланными на нихъ постелями. На вопросы полиціи дворянка Полешко объяснила, что кровати остались отъ гимназистовъ, которыхъ она (быть можетъ на ихъ несчастіе) держала у себя въ качествѣ жильцовъ, а мужчины ѣздятъ къ ней по вечерамъ потому, что она отдаетъ деньги въ ростъ подъ проценты. И такъ, какіе же результаты дознанія и осмотра? Полешко собираетъ у себя мужчинъ, которые пріѣзжаютъ къ ней ночью и не на короткій срокъ, а очевидно съ цѣлью остаться болѣе или менѣе продолжительное время, потому, что въѣзжаютъ во дворъ и запираютъ за собою ворота,—ихъ застаютъ у ней и въ полночь, они являются и въ третьемъ часу ночи. У Полешко живутъ четыре дѣвушки, одѣтыя несвойственно принимаемымъ на себя званіямъ,—одна ихъ нихъ прячется отъ полиціи на чердакъ, а другая не хочетъ (какъ оказалось впослѣдствіи,—не можетъ отъ стыда) сказать, чѣмъ она занимается. Каждая комната квартиры обвиняемой обращена въ спальню, а объясненія ея неудовлетворительны и неправдоподобны. Не довольно ли всего этого, чтобы считать подозрѣніе, высказанное въ анонимномъ письмѣ, достаточно основательнымъ? Конечно довольно. Остается передать дѣло Мировому Судьѣ. И вотъ оно передано съ обвиненіемъ Полешко въ допущеніи у себя дома непотребства. Мировой Судья приступаетъ къ разбирательству, вызываетъ обитательницъ квартиры г-жи Полешко и

вдругъ дѣло принимаетъ другой, болѣе серьезный характеръ. Оказывается, что тутъ не одно допущеніе непотребства, тутъ нѣчто гораздо худшее, гораздо позорнѣйшее, а именно сводничество и постепенное развращеніе молодыхъ дѣвушекъ, дѣвочекъ, почти дѣтей. Эта часть дѣла такъ выяснилась здѣсь на судѣ, что излишне повторять обстоятельства ее составляющія. Довольно вспомнить, что *пятнадцатилѣтняя* дѣвочка Ковалевская заявила, что занимаясь бѣлошвейнымъ мастерствомъ, она зашла на Рождествѣ къ своей подругѣ тоже пятнадцатилѣтней Ваганової, жившей у Полешко. Здѣсь обвиняемая стала уговаривать дѣвочку пожертвовать тѣмъ, что въ народномъ представленіи неразрывно связано съ понятіемъ о дѣвической чистотѣ и цѣломудріи. Обѣщанія, уговоры и обнадеживанія подѣйствовали на слабую волю и дѣтскую голову. Ковалевская согласилась. Тотчасъ же нашелся одинъ изъ знакомыхъ Полешко, имени котораго Ковалевская, къ сожалѣнію, не умѣла намъ сказать. Онъ вступилъ въ сдѣлку съ Полешко и у него хватило совѣсти купить вынужденныя ласки бѣднаго ребенка, невѣдавшаго, что творитъ. Ковалевская провела у Полешко три дня и изъ ея великодушныхъ рукъ получила 20 руб. Но въ магазинъ ее назадъ не приняли и она должна была по неволѣ вернуться назадъ къ своей новой руководительницѣ и наставницѣ, которая и пріучила ее къ занятію, о которомъ, по словамъ самой Ковалевской, «стыдно говорить...» Ваганова здѣсь подтвердила разсказъ Ковалевской и сообщила, что и она почти подобнымъ же образомъ подпала подъ покровительство г-жи Полешко, которая, нанявъ ее въ качествѣ швеи, вскорѣ уговорила ее заняться промысломъ болѣе выгоднымъ и болѣе веселымъ, отбирая однако отъ нея половину выручки. Вотъ фактическая сторона дѣла. Остается еще прибавить, что когда Ковалевская думала оставить свое занятіе или сообщить о немъ кому нибудь изъ «старшихъ», то Полешко грозила ей каторгою и монастыремъ, за неповиновеніе и дурное поведеніе. Совокупность приведенныхъ обстоятельствъ и ихъ достовѣрность едва ли подлежитъ сомнѣнію. Съѣздъ слышалъ свидѣтельскія показанія Ваганової и Ковалевской и ихъ трудно заподозрѣть въ неискренности, такъ эти показанія просты, ясны, опредѣленны и въ тоже время нѣсколько наивны. Ковалевская, повидимому еще неиспорчена вполнѣ тою обстановкою, въ которой она жила по милости обвиняемой— въ ней еще много дѣтской простоты и неумѣнія владѣть собою. Серьезная обстановка съѣзда смутила ее, а потомъ, особенно во время приведенія къ присягѣ, эта серьезность, лишенная для нея внутренняго смысла, стала возбуждать въ ней смѣшливость, такъ что ее пришлось остановить внушеніемъ о святости присяги и необходимости вести себя чинно. Она тотчасъ же снова смутилась и стала просить прощенія, говоря, что она «больше не будетъ». Полагаю, что только предвзятый взглядъ можетъ видѣть въ этомъ, какъ это дѣлаетъ повѣренный обвиняемой, безнадежную испорченность, а не проявленіе увлеченія мимолетными впечатлѣніями, свой-

ственнаго возрасту, который такъ близокъ еще къ ребячеству. По этому и показаніе Ковалевской, со всѣми его оригинальными особенностями, пріобрѣтаетъ полную нравственную достовѣрность. Затѣмъ предъ Съѣздомъ имѣются еще четыре свидѣтельскихъ показанія, изъ которыхъ показанія Вагановой и Гастробородько особенно сильно дополняютъ и подкрѣпляютъ объясненія Ковалевской. При такихъ данныхъ объ отрицательномъ рѣшеніи вопроса о виновности Полешко вообще не можетъ быть и рѣчи и съ приговоромъ Мироваго Съѣзда въ этомъ отношеніи необходимо согласиться. Признаніе Полешко виновною въ допущеніи у себя непотребства и въ сводничествѣ является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ разбора всѣхъ обстоятельствъ дѣла, которыя вызываютъ, во имя истины и живыхъ осязательныхъ фактовъ,—приговоръ обвинительный.

Перехожу къ второму изъ выставленныхъ мною въ началѣ вопросовъ: правильно ли примѣнено наказаніе къ Полешко и возможно ли признать справедливымъ назначеніе его въ высшей мѣрѣ? Разрѣшеніе этого вопроса представляется существенно важнымъ въ видѣ особыхъ свойствъ настоящаго дѣла, касающагося одной изъ самыхъ больныхъ сторонъ современной общественной жизни. Обвиняемая, устами своего повѣреннаго утверждаетъ, что приговоръ Мироваго Судьи, даже еслибы и признать его основательнымъ, слишкомъ строго покаралъ ее, тогда какъ въ дѣяніи ея не заключается ничего особенно безнравственнаго и притомъ законъ самъ не видитъ въ дѣйствіяхъ Полешко тѣхъ обстоятельствъ увеличивающихъ ея вину, которыя найдены Мировымъ Судьею. И такъ здѣсь для обсужденія вопроса предлагаются два пути—путь нравственныхъ соображеній и путь юридическихъ соображеній. Я со своей стороны признаю такой способъ разрѣшенія вопроса какъ нельзя болѣе удобнымъ и умѣстнымъ въ настоящемъ дѣлѣ, а потому и считаю возможнымъ воспользоваться имъ.

Каково *нравственное* значеніе дѣяній обвиняемой Полешко? Она обвинена Мировымъ Судьею въ сводничествѣ и допущеніи у себя разврата. Я говорилъ уже о значеніи тайнаго разврата, остается другой, важнѣйшій безспорно, поступокъ—сводничество. Что такое сводничество, понятно всякому, не чуждому житейскихъ явленій. Дѣяніе это считается по закону преступнымъ и едва ли взглядъ общества расходится въ этомъ отношеніи съ закономъ. Масса публики, присутствующей въ засѣданіи и явившейся въ него послѣ открытія дверей по постановленію съѣзда, доказываетъ, по мнѣнію повѣреннаго г. Полешко, какъ легко и болѣе чѣмъ снисходительно относится общество къ промыслу особъ, въ родѣ обвиняемой. «Публика наполнила залу, въ ней присутствуютъ дамы,—говоритъ повѣренный—все это доказываетъ, что дѣло возбуждаетъ не отвращеніе и негодованіе, а самый живой и особенный интересъ; это должно быть принято во вниманіе Съѣздомъ, который долженъ примѣнять законъ сообразно съ взглядами публики,—строгое отношеніе къ

дѣянію, на которое общество смотритъ легко, можетъ быть вызвано только стремленіемъ суда относиться къ дѣлу съ отвлеченной и утопической точки зрѣнія, которая не выдерживаетъ критики. Дѣйствія обвиняемой представляютъ обычное явленіе въ обществѣ, вызываются его ненормальнымъ устройствомъ, особымъ складомъ его жизни и потому не должны строго преслѣдоваться. Бросать камень можетъ тотъ, кто самъ чистъ отъ грѣха! Надо помнить эти слова Христа и имѣть также въ виду, что кромѣ Полешко въ Харьковѣ есть еще женщины, занимающіяся ея ремесломъ, а преслѣдованію подверглась одна Полешко. За что же она будетъ страдать, когда есть еще другія женщины, виновныя не менѣе ея!?» Вотъ общій выводъ, къ которому приходитъ повѣренный г-жи Полешко. Присутствуя въ Мировомъ Съѣздѣ не въ качествѣ стороны, а въ качествѣ блюстителя и истолкователя закона, я не могу входить въ полемику съ повѣреннымъ обвиняемой и потому оставляю безъ опроверженія многіе изъ его доводовъ. Но съ другой стороны, въ виду того, что подсудимая поручила свою судьбу въ настоящемъ дѣлѣ способностямъ и знаніямъ своего повѣреннаго и его языкомъ рѣшилась говорить въ свою защиту,—нельзя не видѣть въ объясненіяхъ только что приведенныхъ—доводовъ, которыми себя оправдываетъ сама Полешко. А оправданія подсудимой могутъ и должны подлежать разбору и поэтому могутъ вызвать нѣкоторыя соображенія.

Подсудимая ссылается на взглядъ публики на ея дѣяніе;—намъ говорятъ здѣсь о ненормальномъ устройствѣ общества, объ отвлеченной и утопической точкѣ зрѣнія, объ исключительномъ положеніи обвиняемой и т. д. и вслѣдствіе этого взываютъ къ Съѣзду не только о смягченіи, но даже о помилованіи. Но я полагаю, что Съѣздъ не приметъ этихъ доводовъ въ уваженіе. Судебное учрежденіе должно стоять выше низменныхъ страстей и апатически-снисходительныхъ взглядовъ, которые, въ то или другое время, могутъ господствовать въ обществѣ. Указанія закона, требованія общественнаго блага и голосъ совѣсти—вотъ единственные руководители судей при разрѣшеніи всякаго дѣла. Исполнивъ свою обязанность предъ *этими* руководителями, судъ не нуждается въ руководствѣ и одобреніи того общественнаго мнѣнія, представителемъ котораго хотятъ считать любопытствующую публику, присутствующую въ залѣ засѣданія. Не руководить и учить судъ является публика въ засѣданія, а сама выносить изъ суда уроки. Не даромъ судъ считается нравственною школою народа. И если бы вся публика дѣйствительно собиралась сюда только съ легкомысленною цѣлью послушать скандаловъ, какъ предполагаетъ г-жа Полешко и ея защитникъ, и въ чемъ дозволительно сомнѣваться, то и это бы ничего не значило и еще менѣе что бы то ни было доказывало. Важно не то, съ чѣмъ приходятъ люди слушать дѣло, важно то, съ чѣмъ они уходятъ изъ суда. И если легкомысленные взгляды и снисходительное чувство или лучше сказать безчувствіе

замѣнятся у слушателей дѣла негодованіемъ и горечью при видѣ поруганія беззащитныхъ въ нравственномъ отношеніи существъ и сознаніемъ, что законъ смотритъ суровыми очами на подобныя безнравственныя дѣйствія, то высокая цѣль суда будетъ достигнута. Называть строгое отношеніе суда къ сводничеству взглядомъ утопическимъ и отвлеченнымъ значитъ хотѣть низвести законъ до уровня мелкихъ и не всегда чистыхъ побужденій, до оправданія всевозможной людской пошлости и эгоистическихъ, своекорыстныхъ дѣйствій. Законъ всегда долженъ стоять нѣсколько выше обыденнаго житейскаго уровня. Этотъ уровень подверженъ разнообразнымъ колебаніямъ, а законъ долженъ быть твердъ и устойчивъ. Законодатель всегда имѣетъ обязанность указывать обществу извѣстные нравственные идеалы и требовать, чтобы люди стремились къ нимъ. Эти идеалы сливаются съ цѣлями правосудія и уничтоженіе этихъ цѣлей повело бы за собою и уничтоженіе правосудія. Поэтому то соображеніе, что дѣяніе Полешко не возбуждаетъ противъ себя общественнаго недовольства, даже если бы таковое соображеніе и было, къ сожалѣнію, вѣрно, не заслуживаетъ уваженія: дѣяніе Полешко считается по закому вреднымъ для нравственности и цѣль правосудія состоитъ въ проведеніи этого взгляда въ жизнь. Не впервые приходится слышать и высказанные здѣсь взгляды о томъ, что проступки, подобные разбираемому, вызваны ненормальнымъ состояніемъ общества, что само общество виновато во всемъ и что, поэтому сама Полешко является жертвою общественной безнравственности. Повторяю—взгляды эти не новы и по всей справедливости могутъ быть названы вполнѣ отвлеченными. Съ такими взглядами дѣло разрѣшается просто: достаточно сказать, что сводничество вызывается экономическимъ закономъ спроса и предложенія, что ввергнутыя въ развратъ дѣвочки должны получить красивый титулъ «жертвъ общественнаго темперамента» и что затѣмъ остается оправдать подсудимую, предоставивъ ей ждать счастливаго времени, когда каждый преступникъ будетъ не подсудимымъ, а судьею погубившаго его общества и произнесетъ надъ нимъ свой строгій и безпристрастный приговоръ. До тѣхъ-же поръ пусть увеличивается число красивыхъ и веселыхъ жертвъ общественнаго темперамента и пусть, свободныя отъ всякаго контроля и преслѣдованія, г-жи Полешко продолжаютъ безпрепятственно и любезно содѣйствовать развитію молодежи на пути пріятнаго препровожденія времени, которое строгіе моралисты, не хотящіе и нежелающіе знать требованій жизни, называютъ грубымъ именемъ тайнаго разврата... Излишне доказывать, что подсудимая стала при посредствѣ своего повѣреннаго на почву чрезъ чуръ отвлеченную и не практическую. Послѣдній изъ оправдательныхъ доводовъ тоже не заслуживаетъ вниманія. Что же изъ того, что г-жа Полешко должна пострадать, а ея сотрудницы по ремеслу сводничества въ данномъ случаѣ не пострадаютъ. Правосудіе караетъ тѣхъ виновныхъ, которыхъ ему удается изобличить. Какъ всякое человѣче-

ское учрежденіе—судъ имѣетъ и свои несовершенства, онъ не всегда имѣетъ возможность направить преслѣдованіе на всѣхъ виновныхъ, потому что безпристрастнымъ и законнымъ дѣйствіямъ суда противополагается не рѣдко много хитрости и уловокъ со стороны лицъ, чувствующихъ себя виновными. Но развѣ это можетъ служить основаніемъ къ освобожденію тѣхъ виновныхъ, которые, несмотря на все, попали въ руки правосудія? И что же значитъ въ смыслѣ своихъ оправданій доводъ обвиняемой о другихъ особахъ, занимающихся сводничествомъ? Каждый отвѣчаетъ самъ за себя и г-жѣ Полешко принадлежитъ быть можетъ только честь быть первою въ ряду подсудимыхъ одного съ нею рода качества.

Обращаясь къ дѣянію обвиняемой, я нахожу что она подлежитъ строжайшему наказанію, какое только назначается за это дѣяніе закономъ. Съѣздъ видѣлъ здѣсь Ковалевскую и Ваганову—этихъ дѣвочекъ, которыя недавно вышли изъ дѣтскаго возраста и не вступили еще въ сознательныя лѣта. Съѣздъ слышалъ разсказы ихъ, знаетъ какимъ путемъ и чрезъ кого проникъ соблазнъ въ ихъ сердца. Эти молодыя существа безъ воли, безъ опытности, безъ участія и руководства—попали въ руки женщинѣ, которая пустила ихъ въ развратъ, убѣдила забыть «прелесть нѣжную стыда», уговорила уступить первыя, почти еще дѣтскія ласки за деньги и отучивъ ихъ отъ честнаго труда, направила по той дорогѣ, которая неуклонно ведетъ къ гибели тѣлесныхъ силъ и къ растлѣнію добрыхъ душевныхъ началъ. Нужно ли перечислять послѣдствія дѣйствій Полешко по отношенію къ тѣмъ молодымъ существамъ, двухъ изъ которыхъ мы видѣли здѣсь? Неразвитое тѣло, преданное поруганію и оскверненію, молодое сердце, въ которомъ водворяются нечистые помыслы и искусственно возбужденныя страсти, полное невѣжество наряду со страстью къ роскоши—неужели все это не указываетъ осязательно на вредъ дѣйствій обвиняемой, которая существовала на счетъ несчастныхъ, попадавшихъ въ ея сѣти. И ужели это не глубоко безнравственныя дѣйствія? и ужели въ виду этихъ дѣяній можно говорить о строгости наказанія и вопіять о жестокости Мироваго Судьи, приговорившаго г-жу Полешко подъ арестъ на мѣсяцъ? Всякій судья, какъ бы мягокъ онъ ни былъ, не можетъ не относиться строго къ настоящему дѣлу. Я позволю себѣ привести съѣзду слова почтеннаго предсѣдателя Петербургскаго Мироваго Съѣзда, Неклюдова, который въ свою очередь ссылается на извѣстнаго ученаго Бернера. «Сводничество есть ничто иное, какъ спекуляція чужимъ тѣломъ, часто еще неразвитымъ, съ употребленіемъ лжи и обольщеній»,—говоритъ онъ. «Кто избралъ торговлю человѣческою невинностью и счастіемъ, тотъ становится виновымъ въ такомъ промыслѣ, который заклейменъ безчестьемъ, по нравственному воззрѣнію, которое судья долженъ уважать», пишетъ Бернеръ. Къ этимъ словамъ прибавлять нечего. Напрасно повѣренный г-жи Полешко указываетъ на слова Спасителя о блудницѣ и о правѣ бросать въ нея камнями лишь тѣхъ, кто самъ безгрѣшенъ. Слова эти

относятся къ *блудницѣ* но не къ *сводницѣ*. Напротивъ мы знаемъ, что самъ божественный основатель христіанства, столь милосердно взглянувшій на несчастную блудницу, сказалъ про людей, развращающихъ дѣтей: «аще кто изъ васъ совратитъ единаго отъ малыхъ сихъ, да обвѣсится жерновъ осельній на выѣ его и да потонетъ въ пучинѣ морстѣй!»...

Перехожу на путь *юридическихъ* соображеній. Подсудимая жалуется на то, что къ ней примѣнены 1, 2 и 10 пункты 129 ст. Уложенія о Наказ. Въ этомъ отношеніи доводы ея заслуживаютъ уваженія: Мировые Судьи имѣютъ свой собственный Уставъ о наказаніяхъ и не уполномочены примѣнять къ проступкамъ узаконеній, содержащихся въ Уложеніи о Наказ. кромѣ особыхъ, закономъ указанныхъ случаевъ. Но этимъ неправильнымъ примѣненіемъ къ поступку подсудимой постановленій Уложенія о Наказаніяхъ, нисколько не исключается возможность и справедливость примѣненія обстоятельствъ увеличивающихъ виновность по 14 ст. Уст. о Нак. налаг. Мировыми Судьями. Подсудимая должна быть признана виновною въ допущеніи въ своей квартирѣ, изъ корыстныхъ цѣлей, непотребства и въ сводничествѣ. Къ поступку ея примѣняется 44 ст. Уст. о Нак. нал. Мировыми Судьями. Но статья эта составилась исторически изъ ряда статей (а именно шести), содержавшихся въ прежнемъ Уложеніи о Наказ., дѣйствовавшемъ до 1866 года и изданномъ въ 1857 году. Статьи эти говорили о разныхъ видахъ непотребства, о сводничествѣ и соблазнительномъ посѣщеніи непотребныхъ домовъ. Изъ нихъ къ поступку подсудимой прямо примѣнимы 3 статьи, а именно 1337 — «кто откроетъ свой собственный или нанимаемый имъ домъ для непотребства, или инымъ какимъ либо образомъ изъ непотребства другихъ сдѣлаетъ себѣ ремесло»,—1355, говорящая о лицахъ, занимающихся сводничествомъ, какъ ремесломъ—и 1354, упоминающая о лицахъ, изобличенныхъ въ сводничествѣ вообще. Но если статья 44 состоитъ изъ ряда другихъ статей, то очевидно, что чѣмъ болѣе этихъ другихъ статей, предусматривающихъ различные виды непотребства, подходитъ къ дѣянію обвиняемаго, тѣмъ сильнѣе его виновность. Она усиливается такъ сказать многосторонностью преступленія, внутреннею совокупностью проступковъ, подходящихъ подъ одно общее опредѣленіе. Поэтому наказаніе Полешко можетъ быть назначено совершенно основательно въ высшей мѣрѣ. Есть однако и другія основанія для избранія высшей мѣры. Это во первыхъ пунктъ 1-ый 14 статьи Мироваго Устава, говорящій объ обдуманности въ дѣйствіяхъ виновнаго. Полагаю, что отрицать обдуманность въ дѣйствіяхъ Палешко невозможно. Во вторыхъ сюда относится 2-ой пунктъ ст. 14-ой, который предусматриваетъ болѣе или менѣе высокое положеніе въ обществѣ обвиняемаго. Высокое положеніе есть понятіе относительное, но тѣмъ не менѣе примѣнимое къ подсудимой. Она принадлежитъ къ дворянскому сословію и именуетъ себя дочерью полковника. Хотя презрѣнный промыселъ,

въ которомъ обвиняется г-жа Полешко и уничтожаетъ въ ея лицѣ не только сословное, но и личное достоинство, однако всетаки, по отношенію къ окружавшимъ ея лицамъ она пользовалась достаточно высокимъ положеніемъ по своимъ сословнымъ правамъ и не можетъ не понимать истиннаго характера своихъ дѣйствій. Таковы обстоятельства, которыя въ свою очередь вызываютъ увеличеніе ей наказанія. Въ выборѣ наказанія Мировые Судьи обязаны руководиться примѣненіемъ къ подсудимому того наказанія, которое въ каждомъ данномъ случаѣ признается судомъ наиболѣе соотвѣтствующимъ винѣ подсудимаго. На основаніи приведенныхъ соображеній Полешко подлежитъ высшей мѣрѣ наказанія, назначеннаго 44 ст. Мироваго Устава. Это наказаніе состоитъ или въ арестѣ на мѣсяцъ или въ штрафѣ не свыше 100 р. с. Подсудимая проситъ чрезъ своего повѣреннаго, во всякомъ случаѣ примѣнить къ ней исключительно штрафъ. Но обсуждая практически значеніе по отношенію подсудимой каждаго изъ этихъ наказаній, я нахожу, что штрафъ представляется, даже въ самой высшей мѣрѣ, наказаніемъ слишкомъ слабымъ, въ виду условій, въ которыхъ находится г-жа Полешко. Изъ тѣхъ свѣдѣній, которыя мы имѣемъ о ней и о свойствѣ ея доходовъ, а также изъ ея собственныхъ указаній на занятіе ростовщичествомъ видно, что штрафъ въ 100 р. с. есть наказаніе слишкомъ для нея маловажное, удобное и легко переносимое. Поэтому приходится обратиться къ другому наказанію, къ аресту, которое представляетъ еще то удобство, что заключеніе г-жи Полешко въ земскомъ арестномъ домѣ дастъ хотя на время возможность прекратить ея вредный промыселъ.

На основаніи всего мною высказаннаго и руководствуясь 166 и 168 ст. У. у. с., я полагаю, что приговоръ Мироваго Судьи 1 участка г. Харькова, коимъ дворянка Анна Ефимова Полешко приговорена къ аресту на 1 мѣсяцъ, какъ правильный, подлежитъ утвержденію, а апелляціонный отзывъ повѣреннаго Полешко, кандидата правъ Б. долженъ быть оставленъ безъ послѣдствій.

ПО ПЕРЕСМОТРУ

СУДЕБНЫХЪ УСТАВОВЪ.

I.

О судѣ присяжныхъ и о судѣ съ сословными представителями.

(Вступительное и заключительное сообщенія при руководствѣ совѣщаніемъ старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ Судебныхъ Палатъ 29-го—31-го декабря 1894 года).

I.

Милостивые государи! Принявъ—какъ особую честь—возложенное на меня руководство совѣщаніями вашими по вопросамъ о дѣятельности суда присяжныхъ и о судѣ съ сословными представителями, считаю необходимымъ намѣтить, въ общихъ чертахъ, ходъ нашихъ занятій и пріемы, которыми намъ слѣдовало бы при нихъ руководиться. Мнѣ не зачѣмъ напоминать вамъ порядокъ возникновенія у насъ суда присяжныхъ и указывать въ нашей правовой исторіи слѣды подобныхъ этому суду учрежденій. Порядокъ этотъ вамъ извѣстенъ,—а слѣды теряются въ туманѣ слишкомъ отдаленнаго времени и притомъ еще подлежатъ сильному оспариванію. Несомнѣнно одно: введеніе суда присяжныхъ въ странѣ, только-что освобожденной отъ крѣпостного права,—было весьма смѣлымъ шагомъ. Крѣпостныя отношенія во всякомъ случаѣ, по существу своему, не могли быть школою для чувства законности ни для крестьянъ, ни для ихъ собственниковъ. А между тѣмъ и тѣ, и другіе,—особливо первые, вчерашніе безправные люди,—призывались въ большомъ количествѣ, чтобы творить судъ по внутреннему убѣжденію совѣсти. Можно было отступить въ смущеніи предъ возможностью полнаго непониманія ими своей задачи и ограничиться какими-либо полумѣрами, въ видѣ частичныхъ улучшеній стараго суда. Но составители судебныхъ уставовъ съ довѣріемъ отнеслись къ духовнымъ силамъ и къ здравому смыслу своего народа. Они рѣшились къ только-что даннымъ людямъ сельскаго сословія гражданскимъ правамъ присоединить и высокую обязанность

быть судьею. Это довѣріе нашло себѣ откликъ въ великодушномъ сердцѣ Законодателя, и смѣлый шагъ былъ сдѣланъ.

Съ тѣхъ поръ прошло тридцать лѣтъ и судъ присяжныхъ столь глубоко вошелъ въ русскую жизнь, что, несмотря на единичные и временные случаи, вызывавшіе противъ него нареканія, едва ли можетъ,—серьезно и безпристрастно,—быть возбуждаемъ вопросъ объ его отмѣнѣ. Вамъ извѣстно, что въ разнообразныя схемы предполагаемаго видоизмѣненія судоустройства,—подлежавшія уже вашему обсужденію—судъ присяжныхъ входитъ какъ неизбѣжный элементъ и нынѣ вашему разрѣшенію предлагается общій вопросъ не о возможности отмѣны этой формы отправленія уголовнаго правосудія, а лишь о *дѣятельности присяжныхъ* и о томъ, *нужны ли* и *какія именно измѣненія въ этомъ учрежденіи*. Поэтому я буду просить васъ, мм. гг., прежде всего высказать общій взглядъ вашъ на степень *удовлетворительности* дѣятельности присяжныхъ по исполненію лежащей на нихъ задачи. Если эта дѣятельность окажется удовлетворительною вообще, но имѣющею однако недостатки въ нѣкоторыхъ сторонахъ своихъ или въ отдѣльныхъ своихъ проявленіяхъ, то несомнѣнно, что недостатки эти могутъ корениться или въ *условіяхъ дѣятельности суда присяжныхъ*—или же въ *неправильной его организаціи*. Отсюда вытекаютъ и два слѣдующихъ главныхъ вопроса.

Обращаясь къ первому изъ нихъ—*объ условіяхъ дѣятельности суда присяжныхъ*—мы, прежде всего, встрѣчаемся съ *составомъ присяжныхъ засѣдателей*. Онъ зависитъ отъ ценза, личнаго и имущественнаго, лицъ, призываемыхъ въ качествѣ присяжныхъ и отъ организаціи и дѣятельности комиссій, составляющихъ списки этихъ лицъ. Первоначальный цензъ присяжныхъ представлялъ большую неуравнительность. Между цензомъ по движимому и недвижимому имуществу было значительное житейское неравенство. Достаточно было получать 200 руб. валового дохода или жалованья въ большомъ губернскомъ городѣ, чтобы быть вносимымъ въ списки присяжныхъ засѣдателей. Но 16 р. 66 к. заработка въ мѣсяцъ—для жителя большого города—есть признакъ крайней бѣдности, а на службѣ такой размѣръ вознагражденія указываетъ на самыя низшія канцелярскія должности, занимающія которыя лица должны находиться почти въ нуждѣ. Между тѣмъ всякій судъ, не исключая и суда присяжныхъ, долженъ состоять изъ людей независимыхъ отъ нужды и отъ страстей, ею порождаемыхъ. Закономъ 1887 г. цензъ поднятъ и въ значительной степени уравненъ; вмѣстѣ съ тѣмъ изъ состава присяжныхъ исключены люди, впавшіе въ крайнюю бѣдность и домашняя прислуга. Но все ли необходимое въ этомъ отношеніи сдѣлано? Нѣтъ ли въ составѣ присяжныхъ, въ ущербъ его правильной дѣятельности, такихъ представителей служебныхъ профессій, которые, будучи надломлены въ своей жизни и искажены въ трезвости своихъ взглядовъ непрерывнымъ механическимъ трудомъ за кусокъ хлѣба, приносятъ затѣмъ на скамью

присяжныхъ болѣзненную односторонность? Затѣмъ, всѣ ли полезные и здоровые элементы населенія введены закономъ въ составъ присяжныхъ?

Главный контингентъ присяжныхъ составляютъ крестьяне. Противники суда присяжныхъ иногда съ черезчуръ поспѣшнымъ торжествомъ указываютъ на «подкупъ» и «лихоимство» между присяжными изъ крестьянъ. Вы, конечно, дадите, господа, вѣскія свѣдѣнія изъ вашего богатаго и многолѣтняго опыта для правильной оцѣнки размѣровъ и значенія этого явленія, но уже и теперь необходимо вывести на справку—*во-первыхъ*, что съ 1879 года по 1892 годъ суду Судебныхъ Палатъ было предано Правительствующимъ Сенатомъ, по обвиненію въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ въ 372, 373, 377 и 378 ст. Улож. о Наказ.—80 лицъ, по 20 дѣламъ, изъ коихъ Палатами признаны виновными и осуждены 29, причемъ 28 изъ нихъ были крестьяне и одинъ дворянинъ, и *во-вторыхъ*, что въ теченіе этого времени въ Россіи съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей разрѣшено около 208,000 дѣлъ (принимая минимальное количество дѣлъ въ годъ—въ 16,000, хотя, наприм., въ 1889 г. было разрѣшено—19,380 дѣлъ, а въ 1891 г.—20,100), т. е. дѣйствовало 208,000 составовъ присутствія комплектныхъ присяжныхъ. При обсужденіи значенія приведеннаго мною отступленія 28 присяжныхъ засѣдателей изъ крестьянъ отъ своего судейскаго долга, слѣдуетъ обратить вниманіе и на тѣ условія, въ которыя довольно часто бываютъ поставлены присяжные изъ крестьянъ. Я разумѣю крайнюю нужду, въ которой находятся подчасъ такіе присяжные, будучи отвлечены отъ своего хозяйства и осѣдлости въ уѣздный или губернскій городъ, гдѣ приходится проживать по долгу и за все расплачиваться наличными деньгами. Извѣстны случаи, когда присяжные изъ крестьянъ вынуждены бывали, проѣвъ въ городѣ свои послѣднія крохи, наниматься колоть и пилить дрова или просить милостыню. На эту необезпеченность оторваннаго отъ своего гнѣзда крестьянина еще въ концѣ шестидесятыхъ годовъ обратили вниманіе многія земства и стали выдавать крестьянамъ-присяжнымъ небольшое денежное пособіе на время пребыванія ихъ въ городѣ. Но, къ сожалѣнію, въ 1872 году состоялось опредѣленіе I Департамента Правительствующаго Сената о воспрещеніи земствамъ такихъ выдачъ, ибо земства могутъ заботиться исключительно о «хозяйственныхъ нуждахъ и пользахъ». Это формалистическое толкованіе, неправильное и по существу, ибо на земствѣ лежатъ расходы и на народное образованіе, и на народное здравіе, и выдача содержанія мировымъ судьямъ,—оставило присяжныхъ изъ крестьянъ на произволъ ихъ бѣдности и сопряженныхъ съ нею лишеній и искушеній. Поэтому вамъ нужно будетъ вглядѣться въ значеніе тяжелыхъ матеріальныхъ условій, въ которыхъ подчасъ находятся крестьяне присяжные и обсудить вопросъ о томъ,—не слѣдуетъ ли разрѣшить выдачу имъ небольшихъ пособій, отрѣшившись отъ теоретическаго взгляда, по которому, вопреки изреченію

«буква умерщвляетъ—духъ животворитъ», на основаніи чуждыхъ русской жизни соображеній и побужденій, тяжелая *повинность* присяжныхъ признается ихъ *безвозмезднымъ правомъ*.

Переходя къ дѣятельности комиссій по составленію списковъ присяжныхъ засѣдателей, надо замѣтить, что первоначальная организація этихъ комиссій была однимъ изъ самыхъ больныхъ мѣстъ учрежденія суда присяжныхъ въ нашемъ отечествѣ. Теоретическіе взгляды законодателя на неизбѣжную гармонію во взаимномъ отношеніи разныхъ группъ нашего общества въ дѣлѣ обезпеченія правильнаго состава судей по большинству серьезныхъ уголовныхъ дѣлъ—столкнулись, на практикѣ, съ апатіею и равнодушіемъ этихъ самыхъ группъ ко всему, что не касается непосредственно ихъ матеріальныхъ интересовъ. Отсюда, къ сожалѣнію, столь частое стремленіе уклониться отъ обязанностей присяжнаго со стороны лицъ привиллегированныхъ сословій и въ особенности со стороны чиновниковъ. Отсюда обиліе на судѣ фиктивныхъ свидѣтельствъ о болѣзни и не менѣе фиктивныхъ заявленій начальства о командировкахъ,—и крайняя небрежность и умышленная неполнота, сопутствовавшія составленію списковъ присяжныхъ—до суда. Благодаря этому явленію, вмѣсто *единенія* представителей общества въ дѣлѣ фактическаго образованія суда присяжныхъ, пришлось встрѣтиться съ полнымъ *разбродомъ* этихъ представителей, такъ что судъ этотъ, по отношенію къ своему личному составу, одно время обратился вмѣсто тщательно оберегаемаго общественнаго *дѣтища*, въ какого-то *подкидыша*, отъ котораго отворачиваются его случайные воспитатели. Послѣдствіемъ такого положенія было образованіе въ 1880 г., при общемъ собраніи I и Кассаціонныхъ Департаментовъ, подъ предсѣдательствомъ покойнаго М. Н. Любощинскаго, особой комиссіи по вопросу о неисполненіи правилъ избранія присяжныхъ засѣдателей и внесенія ихъ въ списки. Она собрала обширный и чрезвычайно интересный матеріалъ, изъ котораго оказалось, что въ весьма многихъ мѣстностяхъ Имперіи комиссіи по составленію списковъ вовсе не повѣряютъ и не дополняютъ общихъ списковъ присяжныхъ засѣдателей, или же исполняютъ возложенную на нихъ обязанность столь небрежно, что въ списки оказываются внесенными лица, кои уже потеряли право быть присяжными засѣдателями или давно уже—иногда задолго до введенія суда присяжныхъ—умерли. Равнымъ образомъ комиссіи въ усиленномъ составѣ, о которыхъ говорится въ ст. 99 Учр. суд. уст., относились къ своимъ обязанностямъ столь невнимательно и недобросовѣстно, что сдѣлались возможными такія явленія,—какъ призывъ въ присяжные засѣдатели, по нѣскольку лѣтъ сряду, однѣхъ и тѣхъ же лицъ изъ числа весьма недостаточныхъ крестьянъ, тогда какъ въ тѣхъ же мѣстностяхъ много лицъ дворянскаго и купеческаго сословій, удовлетворяющихъ всѣмъ условіямъ для избранія ихъ въ присяжные засѣдатели, оставались, вслѣдствіе хлопотъ предъ членами комиссій, свободными отъ исполненія этихъ обязанностей; какъ—появленіе

въ числѣ присяжныхъ засѣдателей лицъ, лишенныхъ правъ состоянія или одержимыхъ тяжкими недугами и даже признанныхъ установленнымъ порядкомъ сумасшедшими, или же внесеніе въ списки лицъ, далеко перешедшихъ за опредѣленный законами семидесятилѣтній возрастъ и, наконецъ, неимѣніе въ комплектѣ присяжныхъ засѣдателей ни одного грамотнаго лица. Предложенныя Сенатскою Комиссіею временныя мѣры имѣли не достаточно успѣшный характеръ. Пришлось приступить къ пересмотру самого закона объ организаціи комиссій и въ тѣ изъ нихъ, которыя составляютъ *очередные списки*, ввести представителей судебнаго вѣдомства. Благія послѣдствія болѣе внимательнаго отношенія къ своей задачѣ этихъ комиссій, кажется, стоятъ внѣ сомнѣній, но законъ 1887 года не коснулся составленія *общихъ списковъ*, совершаемаго, повидимому, и донынѣ безъ надлежащей всесторонности и вниманія къ равномѣрному призыву всѣхъ, обязанныхъ быть присяжными засѣдателями.

Такимъ образомъ *первый вопросъ*, подлежащій обсужденію совѣщанія, сводится къ тому, необходимы ли дальнѣйшія улучшенія въ составленіи общихъ и очередныхъ списковъ и возможно ли дальнѣйшее поднятіе уровня состава присяжныхъ засѣдателей привлеченіемъ въ него новыхъ лицъ, ограниченіемъ случаевъ уклоненія отъ участія въ засѣданіяхъ чиновниковъ, подъ предлогомъ служебныхъ командировокъ или болѣзни, и устраненіемъ матеріальныхъ затрудненій, испытываемыхъ нѣкоторыми присяжными засѣдателями при исполненіи ими ихъ обязанностей внѣ постояннаго ихъ мѣста жительства?

Второй вопросъ изъ области условій дѣятельности присяжныхъ касается *подсудности*. Первые годы существованія этого суда—онъ былъ заваленъ дѣлами о кражахъ, изъятыхъ затѣмъ изъ его вѣдѣнія закономъ 1882 года. Эти дѣла обременяли и судебныхъ слѣдователей. Отсюда медленность въ ихъ производствѣ и, какъ результатъ его, долгое содержаніе подъ стражею обвиняемыхъ. Поставленное на судъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ совершенія преступленія, дѣло выцвѣтало въ своей живой обстановкѣ,—присяжные находили, что въ сущности слѣдователь уже достаточно «наказалъ» подсудимаго и часто оправдывали послѣдняго. Необходимо было серьезно и трезво взглянуть на диллемму: или строгая кара, которою угрожаетъ не всегда прилагаемый законъ, или дѣйствительная репрессія, хотя и съ меньшею карою. Изъятіе у присяжныхъ дѣлъ о нѣкоторыхъ кражахъ, совершенное закономъ 1882 г., принесло несомнѣнно полезные результаты и значительно сократило число оправдательныхъ приговоровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, долгій опытъ обнаружилъ, что присяжнымъ чуждо понятіе о преступленіяхъ противъ *системы*, въ которыхъ, съ одной стороны, совершенно отсутствуетъ лично, прямо или косвенно, потерпѣвшій, а съ другой—бытовыя условія, вызвавшія очень часто нарушенія установленныхъ правилъ – возбуждаютъ живое состраданіе къ обвиняе-

мому. Поэтому, по преступленіямъ противъ паспортной системы, сознаніе устарѣлости и напрасной тягости которой выразилось въ образованіи ряда комиссій, завершившемся новымъ закономъ о паспортахъ, присяжные почти всегда выносили оправдательные приговоры. «Коррекціонализація» этихъ преступленій, совершенная въ 1885 году, освободила присяжныхъ отъ дѣлъ, смущавшихъ ихъ совѣсть. Нынѣ возникаетъ вопросъ,—не слѣдуетъ ли путемъ коррекціонализаціи изъять изъ вѣдѣнія присяжныхъ еще какія-либо дѣла, характеръ коихъ не соотвѣтствуетъ сложному аппарату этого суда и его отношенію къ понятію о преступленіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ, не представляется ли желательнымъ вернуть на разсмотрѣніе этого суда нѣкоторыя изъ дѣяній, изъятыхъ изъ него въ 1889 году при окончательномъ начертаніи ст. 201[1] Уст. угол. суд. съ ея широкою и пестрою по своимъ основаніямъ безприсяжною подсудностью?

Затѣмъ, видное мѣсто среди условій дѣятельности присяжныхъ, играетъ самое *производство дѣла на судѣ*. Въ немъ встрѣчаются процессуальныя, бытовыя и практическія неудобства, давно уже обращавшія на себя вниманіе юристовъ, относившихся къ этой формѣ суда прямодушно и безъ предвзятой односторонности. Сюда относится прежде всего сокрытіе отъ присяжныхъ того, что не только можетъ но, казалось бы, должно быть имъ извѣстно для облегченія всесторонняго и сознательнаго исполненія ими своей задачи. На первомъ мѣстѣ стоитъ здѣсь воспрещеніе сторонамъ и даже предсѣдателю упоминать о нормальномъ наказаніи, слѣдующемъ подсудимому по закону. Выводимое изъ смысла 746 ст. Уст. угол. суд., запрещеніе это считалось долгое время столь существеннымъ, что нарушеніе его всегда влекло за собою безусловную отмѣну приговора, если только, какъ выразился Сенатъ въ рѣшеніи 1876 года, по дѣлу Меринова, протоколомъ суда не было удостовѣрено, что предсѣдатель принялъ дѣйствительныя мѣры для устраненія вреднаго вліянія на присяжныхъ сдѣланнаго предъ ними заявленія о наказаніи. Въ послѣдніе годы Сенатъ такія заявленія пересталъ считать существеннымъ поводомъ для отмѣны рѣшенія, но тѣмъ не менѣе все таки долженъ считать ихъ нарушеніемъ. Французская кассаціонная практика относительно 335, 342 и 363 ст. Code d'instruction criminelle признаетъ, по рѣшеніямъ 1840 и 1846 годовъ, что обвинитель «peut faire connaître aux jurés les conséquences légales de leur décision» и что невоспрепятствованіе предсѣдателемъ защитнику говорить о наказаніи не влечетъ кассаціи приговора. По мнѣнію виднѣйшихъ французскихъ процессуалистовъ, въ дѣлѣ французскаго судоговоренія ссылка на наказаніе дозволительна, а подлежитъ пресѣченію лишь критика каратель-ныхъ опредѣленій закона. Германскій Уставъ угол. суд. хранитъ въ этомъ отношеніи молчаніе.

Практическія послѣдствія умолчанія о могущей ожидать подсудимаго карѣ однако болѣе, чѣмъ не желательны. По обычнымъ дѣ-

ламъ, подлежащимъ вѣдѣнію присяжныхъ,—они узнаютъ о наказаніи въ самомъ началѣ сессіи, выслушавъ одну или двѣ резолюціи суда,—а по дѣламъ сравнительно рѣдкимъ они вводятся въ заблужденіе или неожиданными и неопредѣленными намеками сторонъ «на тундры сѣвера», «ледяную сибирскую ночь», «многолѣтнюю тяжкую работу» и т. п., приберегаемыми къ концу рѣчи, при чемъ на остановку со стороны предсѣдателя отвѣчаютъ обыкновенно «я кончилъ!»—или же неправильными объясненіями самозванныхъ законовѣдовъ, попавшихъ въ составъ комплекта присяжныхъ. Практика указываетъ на дѣла, гдѣ подсудимый обвинялся въ преступленіи не совсѣмъ обычномъ, хотя и влекущемъ далеко не суровое наказаніе (напр. шантажъ, подводимый при настоящемъ безпомощномъ состояніи уложенія подъ покушеніе на мошенничество) и, несмотря на явныя доказательства виновности и даже собственное сознаніе, выслушивалъ, не безъ удивленія, оправдательный приговоръ, явившійся слѣдствіемъ ошибочнаго убѣжденія присяжныхъ, что ему, вмѣсто умѣреннаго исправительнаго—грозитъ тяжкое уголовное наказаніе, убѣжденія, предусмотрѣть и устранить которое предсѣдатель—и самъ не имѣющій права говорить о наказаніи—былъ лишенъ возможности. Такое положеніе не можетъ быть признано удовлетворяющимъ требованіямъ правосудія и едва ли можно найти серьезныя основанія для удержанія въ законѣ запрещенія упоминать о наказаніи особливо безъ критики налагающаго его закона.

Излишне перечислять *всѣ* другія неудобства, вызываемыя напрасною условностью производства дѣла. Часть ихъ уже устранена. Сокращенъ чрезмѣрный отводъ присяжныхъ, дававшій поводъ къ искусственному подбору состава—то преимущественно интеллигентнаго, то простого и непосредственнаго, смотря по интересамъ и цѣлямъ отводящаго; поставлена въ настоящіе, свойственные ея святому значенію размѣры присяга засѣдателей. Наконецъ, всего мѣсяцъ назадъ состоялось руководящее рѣшеніе Угол. Касс. Деп. по дѣлу Никитина, коимъ Сенатъ окончательно и уже безъ всякихъ колебаній высказался за право сторонъ ссылаться на объясненія подсудимаго, данныя на предварительномъ слѣдствіи и занесенныя затѣмъ въ обвинительный актъ. Желательно было бы знать мнѣніе участниковъ настоящаго совѣщанія: слѣдуетъ ли ограничиться этимъ или возможно идти далѣе и противопоставить праву подсудимаго не давать объясненій на судѣ—право читать его показанія, данныя добровольно и непринужденно при предварительномъ слѣдствіи, при допросѣ его въ качествѣ обвиняемаго? Нельзя не указать также на то, что при точномъ выполненіи указаній 626, 627 и 687 ст. Уст. угол. суд. широкое начало устности, выраженное въ 625 ст. того же Устава, въ сильной степени умаляется необходимостью читать, въ каждомъ сложномъ по обстановкѣ или по преступленію дѣлу, массу документовъ, сущность содержанія коихъ тонетъ для присяжныхъ въ монотонномъ и не всегда достаточно

оттѣненномъ чтеніи. Практика допускаетъ иногда—и то не вездѣ—изложеніе сторонами того, что подлежало бы прочтенію, при условіи взаимнаго согласія и взаимныхъ поправокъ возможныхъ погрѣшностей. Но это лишь терпимо, а не узаконено—и достаточно незнанія одною изъ сторонъ дѣла во всей подробности, чтобы она потребовала болѣе для нея удобнаго и менѣе отвѣтственнаго чтенія протоколовъ. То же самое относится и до ссылокъ на обширныя письменныя и вещественныя доказательства. Не было ли бы болѣе цѣлесообразнымъ и согласнымъ съ началомъ устности, чтобы всѣ эти протоколы читались лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда сторона, требующая прочтенія, не признаетъ себя готовой и умѣлой для словеснаго изложенія сущности приводимаго ею оформленнаго доказательства или когда судъ или присяжные потребуютъ прочтенія?

Скрывая отъ присяжныхъ такія данныя, которыя могутъ однако тревожить ихъ мысль, направленную на знаніе всей правды о дѣлѣ и по дѣлу, и утомляя ихъ безплоднымъ напряженіемъ вниманія для уловленія смысла читаемаго, мы не даемъ имъ въ руки никакихъ документовъ изъ производства и требуемъ, чтобы внѣшнее очертаніе нѣкоторыхъ предметовъ запечатлѣлось съ особою силою въ ихъ памяти. На основаніи 805 ст. Уст, угол. суд. имъ не даются, при уходѣ ихъ въ совѣщательную комнату, ни планы мѣстности, ни вещественныя доказательства, ни признаваемые подложными документы и т. д., хотя ихъ и предупреждаютъ о правѣ вернуться въ залу въ случаѣ необходимости выясненія какого-либо обстоятельства въ дѣлѣ. Но это возвращеніе встрѣчаетъ много затрудненій и на практикѣ рѣдко осуществляется. Поэтому возникаетъ самъ собою вопросъ о томъ, не было ли бы полезнѣе и проще давать присяжнымъ съ собою всѣ акты изъ дѣла, упоминаемые въ 687 ст., и тѣ вещественныя доказательства, которыя они пожелаютъ имѣть при своихъ совѣщаніяхъ и относительно которыхъ они уже выслушали надлежащія разъясненія сторонъ, свѣдущихъ людей и суда.

Статья 675 Уст. угол. суд. получила чрезвычайное развитіе на практикѣ, вслѣдствіе чего засѣдатели, призываемые къ разрѣшенію, по свободному внутреннему убѣжденію, вопроса о винѣ и невиновности подсудимаго, опутаны массою тягостныхъ и подчасъ ненужныхъ житейскихъ стѣсненій, проникнутыхъ извѣстною долею недовѣрія къ нимъ и даже къ судебному персоналу, входящему съ ними въ соприкосновеніе, и не имѣющей прочной основы въ практикѣ. Сенатъ, пробовавшій урегулировать пребываніе присяжныхъ засѣдателей въ судѣ, самъ не былъ достаточно устойчивъ въ своихъ взглядахъ. Сначала для безусловнаго пребыванія присяжныхъ въ судѣ, безъ всякаго увольненія домой, было провозглашено начало *важности обстоятельства дѣла,*—потомъ принятъ былъ внѣшній признакъ—*уголовное наказаніе,* грозящее подсудимому,—затѣмъ была признана, безотносительно къ роду наказанія, допустимость отпуска присяжныхъ домой при полной для нихъ невозможности

оставаться въ зданіи суда и, наконецъ, въ циркулярномъ указѣ 1878 г. «ни подъ какимъ видомъ» не дозволено отпускать присяжныхъ по дѣламъ о преступленіяхъ, влекущихъ лишеніе всѣхъ правъ состоянія. Одно время нарушеніемъ 675 ст. Уст. угол. суд. считались даже прогулки присяжныхъ вокругъ зданія суда, при чемъ имъ представлялось *для отдыха* зала засѣданій, тогда какъ они послѣ долгаго сидѣнья въ плохо вентилируемыхъ и наполненныхъ народомъ помѣщеніяхъ нуждались, конечно, не въ физическомъ отдыхѣ, а въ движеніи. Въ виду всего этого получился рядъ условій, конечно дурно отражающихся на присяжныхъ, особливо въ большихъ и продолжительныхъ процессахъ, гдѣ душевное спокойствіе ихъ нарушается тревожною заботою о томъ, что дѣлается «дома», или на заводѣ, въ лавкѣ, въ мастерской... и гдѣ плохія гигіеническія и дорогія кулинарныя условія соединяются съ неудобствами ночлега въ насильственномъ сообществѣ чуждыхъ лицъ и съ отсутствіемъ освѣжающихъ впечатлѣній,—при чемъ всякій разговоръ предсѣдателя съ присяжнымъ, хотя бы только относительно ихъ обѣда, можетъ, согласно рѣшенію 1876 г. по дѣлу Фридмана, влечь за собою ломку всего ихъ напряженнаго и многодневнаго труда. Поэтому представляется необходимымъ обсудить, допустима ли и нужна ли въ этомъ отношеніи какая либо регламентація со стороны закона и его толкователя, Сената,—или же разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ пребываніемъ присяжныхъ въ зданіи суда, должно быть предоставлено исключительно усмотрѣнію, опыту и такту пользующагося полнымъ довѣріемъ закона предсѣдателя?

Къ той же области условій дѣятельности присяжныхъ на судѣ относятся указанія на нѣкоторыя отступленія въ преніяхъ сторонъ отъ правилъ и границъ, установленныхъ 611, 739 и 745 ст. Уст. угол. суд. и на неправильность предъявляемыхъ предъ ними, обвиненій. Въ первомъ отношеніи кассаціонная практика послѣдняго десятилѣтія дала столько внушительныхъ и всесторонникъ разъясненій обязанностей предсѣдателя по пресѣченію злоупотребленій формою и содержаніемъ судоговоренія, что едва ли нужно идти далѣе по этому пути, тѣмъ болѣе что выходъ за предѣлы, намѣченные приведенными статьями, встрѣчается все рѣже и рѣже. Во второмъ отношеніи нельзя не отмѣтить *постановку однихъ обвиненій вмѣсто другихъ* и придачу даннымъ, долженствующимъ служить предметомъ *отдѣльныхъ самостоятельныхъ обвиненій*,—значенія простыхъ уликъ или доказательствъ по другому обвиненію. Неудовлетворительность опредѣленій нашего Уложенія, отставшаго отъ новыхъ проявленій преступности, не предусматривающаго прямо цѣлаго ряда ставшихъ обычными преступныхъ дѣяній (шантажъ, многія преступленія противъ нравственности, разные виды фальсификаціи и т. п.) и дающаго разнородныя опредѣленія одному и тому же по существу дѣянію (напр. по подлогу частному и служебному),—слишкомъ общеизвѣстна. Но Уложеніе о наказаніяхъ

доживаетъ свои дни и грядущее на его смѣну Уголовное Уложеніе безъ сомнѣнія уврачуетъ въ этомъ отношеніи дѣятельность присяжныхъ, которымъ нынѣ не всегда понятна причина, почему имъ приходится имѣть дѣло повидимому не съ тѣмъ преступленіемъ, въ которомъ виновенъ подсудимый. Правильная и вдумчивая дѣятельность прокурорскаго надзора можетъ и должна безъ сомнѣнія устранить употребленіе обвиненій какъ доказательствъ, по большей части вредныхъ по своимъ результатамъ для правосудія, какъ тому не мало представляетъ примѣровъ наша практика. Достаточно указать, напр., на извѣстное дѣло Маргариты Жюжанъ, обвинявшейся въ отравленіи своего воспитанника, 15-лѣтняго гимназиста. Несомнѣнное и систематическое половое развращеніе ею этого отрока было выставлено не какъ самостоятельное преступленіе, а лишь какъ мотивъ къ совершенно недоказанному предумышленному отравленію и, несмотря на талантливыя усилія обвинителя, присяжные вынесли оправдательный приговоръ, не имѣя возможности сказать неизбѣжное слово осужденія по вполнѣ доказанному преступленію, предусмотрѣнному въ 993 ст. Уложенія.

Рядомъ со всѣми вопросами, вытекающими изъ изложенныхъ мною бѣглыхъ замѣчаній, возникаютъ два существенныхъ вопроса объ условіяхъ *постановленія присяжными своего рѣшенія.* Къ этимъ условіямъ относятся; постановка вопросовъ и участіе въ ней присяжныхъ,—содержаніе и мѣсто руководящаго напутствія предсѣдателя присяжнымъ, — способъ подачи и счета голосовъ при постановленіи присяжными своего рѣшенія и, наконецъ, образъ дѣйствій суда при единогласномъ несогласіи его присутствія съ состоявшимся рѣшеніемъ присяжныхъ.

Постановка вопросовъ является одною изъ труднѣйшихъ задачъ суда, усложненною не всегда послѣдовательною и удачною кассаціонною практикою относительно разграниченія «юридическихъ опредѣленій» отъ «общепринятыхъ выраженій» и требованіемъ фактическаго описанія состава преступленія, вслѣдствіе чего нерѣдко суды, *не имѣя времени* ставить вопросы кратко, излагаютъ ихъ съ чрезвычайною подробностью, въ которой присяжнымъ становится трудно отдѣлить существенное отъ несущественнаго. Не разъ уже заявлялось о желательности упрощенія постановки вопросовъ—о допущеніи большей широты и свободы въ ихъ редакціи. Не разъ указывалось и на англійскій порядокъ, въ силу котораго присяжные лишь отвѣчаютъ утвердительно или отрицательно на заключительный пунктъ обвинительнаго акта, безъ всякой постановки вопросовъ, созданной и развитой французскимъ процессомъ. Совѣщаніе ваше конечно обратитъ вниманіе на эту важную сторону процесса и выскажется также о практическихъ результатахъ недавно установленнаго права присяжныхъ участвовать въ постановкѣ вопросовъ и о томъ, вездѣ ли они пользуются этимъ правомъ и, главное, поставляются ли объ немъ въ извѣстность.

Вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ вопросъ о томъ, не должно ли ру-

ководящее напутствіе предсѣдателя предшествовать, по старому французскому образцу, постановкѣ вопросовъ для того, чтобы они являлись его логическимъ и прямымъ послѣдствіемъ. Въ этомъ отношеніи представляетъ значительную особенность новый, еще далекій впрочемъ отъ осуществленія проектъ реформы итальянскаго судопроизводства, по которому вопросы должны ставиться даже до преній сторонъ, создавая этимъ самымъ твердыя границы и строго очерченную тему для этихъ преній. И содержаніе напутствія подаетъ поводъ къ разнымъ мнѣніямъ. Хотя въ рѣшеніяхъ по дѣламъ—Саратовско-Симбирскаго банка и почтоваго чиновника Кетхудова Правительствующій Сенатъ и далъ уже весьма подробныя указанія на содержаніе и значеніе напутствія, но тѣмъ не менѣе не излишне напомнить, что Германія знаетъ напутствіе лишь какъ объясненіе правовой стороны дѣла (Rechtsbelehrung), Италія исключительно какъ сжатое изложеніе и оцѣнку фактической стороны его, а Франція допускала и то и другое,—и что при единогласіи въ томъ отношеніи, что предсѣдатель не долженъ обнаруживать своего мнѣнія о винѣ или невиновности подсудимаго, юристы-практики существенно расходятся во взглядахъ на признаніе за предсѣдателями права и даже обязанности оцѣнивать отдѣльныя доказательства и цѣлыя группы ихъ и, слѣдовательно, высказывать свое о нихъ мнѣніе.

И западно-европейская, и наша жизнь не разъ выдвигали вопросъ о *числѣ присяжныхъ*, нужномъ для рѣшенія уголовнаго дѣла. Являлось предположеніе сократить ихъ до 9 и даже до семи, но старое, привычное и традиціонное число 12 осталось до сихъ поръ непоколебимымъ. Быть можетъ и въ нашемъ совѣщаніи возникнетъ такой вопросъ, особливо если вы остановитесь на возможности учрежденія спеціальныхъ присяжныхъ съ повышеннымъ цензомъ. Съ числомъ присяжныхъ связано и исчисленіе ихъ голосовъ для признанія рѣшенія состоявшимся въ томъ или другомъ смыслѣ. Для признанія виновности въ Англіи требуется единогласіе, въ Германіи $^2/_3$ голосовъ, у насъ абсолютное большинство, противъ котораго въ пользу $^2/_3$ раздавались иногда замѣчанія въ печати. Совѣщаніе укажетъ, представляется ли практическая необходимость въ чемъ либо измѣнять нашу систему. Въ послѣднее время и въ практикѣ, и въ литературѣ нашей (напр., въ статьѣ г. А. Думкасова «Судъ и Жизнь») былъ затронутъ весьма важный вопросъ о введеніи при совѣщаніи присяжныхъ засѣдателей открытой подачи голосовъ въ видѣ отмѣтки каждымъ присяжнымъ или старшиною ихъ поданныхъ ими голосовъ на пріобщаемомъ къ дѣлу спискѣ засѣдателей. Открытая подача голосовъ, въ силу необходимости единогласія, существуетъ въ Англіи;—во Франціи она существовала до 1835 года, когда была отмѣнена изъ опасенія нравственнаго давленія на присяжныхъ и мщенія имъ по политическимъ дѣламъ. Противникомъ тайны совѣщанія присяжныхъ выступилъ, между прочимъ, знаменитый Миттермайеръ, находившій, что созна-

ніе присяжными того, что мнѣніе каждаго изъ нихъ будетъ извѣстно, должно служить школою нравственной ихъ отвѣтственности предъ собою и предъ обществомъ—и придавать особую глубину и жизненность ихъ совѣщаніямъ. Возможность безслѣдной подачи голоса въ связи съ абсолютнымъ большинствомъ обращаетъ приговоры присяжныхъ, по ироническому замѣчанію одного изъ нашихъ криминалистовъ, въ результатъ не обсужденія дѣла, а баллотировки.

Вамъ придется вглядѣться въ этотъ серьезный вопросъ поближе, въ связи съ весьма важными по отношенію къ нему бытовыми и общественными условіями нашими, въ которыхъ надо почерпнуть указанія на то, утратили ли нынѣ свои основанія соображенія составителей судебныхъ уставовъ, побудившія ихъ начертать 677 ст. Уст. угол. суд. и ввести взысканіе за оглашеніе присяжными тайны ихъ совѣщаній.

Наконецъ, въ прошломъ году былъ выдвинутъ оффиціальнымъ путемъ вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли, въ качествѣ корректива для представляющихся неправильными оправдательныхъ приговоровъ, установить по отношенію къ нимъ за судьями то же право, которое они имѣютъ по 818 ст. Уст. угол. суд. относительно приговоровъ обвинительныхъ. Вопросъ этотъ обсуждался въ особыхъ совѣщаніяхъ при Государственномъ Совѣтѣ и въ Угол. Касс. Деп. Сената, но окончательнаго разрѣшенія не получилъ. По существу своему порядокъ этотъ, вводящій совершенно новое начало въ нашъ уголовный процессъ, заслуживаетъ особо внимательнаго разсмотрѣнія. Сторонники его утверждаютъ, что если судьи могутъ по единогласному убѣжденію совѣсти вмѣнить въ ничто обвинительное рѣшеніе присяжныхъ, представляющееся имъ неправосуднымъ, то нѣтъ никакихъ логическихъ основаній отрицать за ними такое же право и по отношенію къ оправдательному приговору. Противники этого порядка, признавая, что во всѣ времена осужденіе невиновнаго представлялось явленіемъ, допускающимъ для своего исправленія исключительныя мѣры, находятъ, что предоставленіе суду права, указаннаго въ 818 ст. Уст. угол. суд. по отношенію къ приговорамъ обоего рода, — въ сущности вынудитъ, по соображеніямъ многообразнаго свойства, судъ коронный постоянно становиться на мѣсто суда присяжныхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда вопреки формальнымъ даннымъ для обвиненія послѣдними будетъ произнесенъ оправдательный приговоръ. По ихъ мнѣнію отъ такого, всегда замедляющаго производство вторженія одного суда въ область другого—устойчивость суда вообще потеряетъ, а истинное правосудіе едва ли многое выиграетъ. Давнее знакомство гг. членовъ настоящаго совѣщанія съ дѣятельностью суда присяжныхъ дастъ, безъ сомнѣнія, прочный матеріалъ для сужденія о цѣлесообразности и практическихъ послѣдствіяхъ такого примѣненія ст. 818 *наоборотъ*.

Наконецъ, быть можетъ, совѣщаніе найдетъ необходимымъ высказаться — *во-первыхъ*, относительно продолжительности сессій съ

присяжными засѣдателями и *во-вторыхъ*, относительно желательности и удобства примѣненія у насъ порядка, изображеннаго въ § 286 Устава угол. судопр. Германской имперіи, въ силу коего, если въ одинъ и тотъ же день подлежатъ производству нѣсколько дѣлъ, то избранный для одного изъ нихъ составъ присяжныхъ остается и для слѣдующихъ дѣлъ, если подсудимые и прокуратура, до приведенія засѣдателей къ присягѣ, заявятъ свое на это согласіе.

Переходя ко второму основному вопросу — *о недостаткахъ въ организаціи суда присяжныхъ* — надлежитъ замѣтить, что имъ обыкновенно приписывается та слабая уголовная репрессія, которая проявляется въ очень частыхъ, будто бы, оправдательныхъ приговорахъ. Быть можетъ внимательное разсмотрѣніе условій дѣятельности этого суда укажетъ, что въ нихъ, а не въ организаціи кроются хотя и слабыя, но поправимыя стороны этого учрежденія,— но, во всякомъ случаѣ, необходимо имѣть въ виду, что заявленія о слабой репрессіи суда присяжныхъ представляются въ значительной мѣрѣ преувеличенными. Съ 1883 года начинается постепенное, но неуклонное *увеличеніе* количества обвинительныхъ приговоровъ, постановляемыхъ *присяжными*. Въ 1883 году для всей Россіи приговоры эти представляли 56% всего числа,—въ 1889 г. они уже составляли 63%, въ 1890 г.—66% и въ 1891 году (послѣднемъ, за который обнародованъ сводъ статистическихъ свѣдѣній) тоже 66%. Обвинительные приговоры *Окружныхъ Судовъ* безъ участія присяжныхъ засѣдателей обнаруживаютъ, напротивъ, наклонность къ уменьшенію въ своемъ количествѣ на счетъ приговоровъ оправдательныхъ. Эта наклонность начала проявляться съ 1886 года, когда число обвинительныхъ приговоровъ выразилось цифрою 76%,—въ 1889 году ихъ было уже 74½%, въ 1890 году—тоже 74½%, а въ 1891 году лишь 73%. Дѣятельность *Судебныхъ Палатъ съ участіемъ сословныхъ представителей* являетъ большія колебанія. Такъ въ 1889 году общее число обвинительныхъ приговоровъ въ этой области суда выразилось цифрою 66%, въ 1890 году—70%, а въ 1891 году 68%. Такимъ образомъ среднему числу такихъ приговоровъ въ Палатахъ, опредѣляемому 68% въ годъ, соотвѣтствуетъ 65% въ судѣ присяжныхъ. Разница не особенно велика, особливо если принять во вниманіе спеціальный характеръ и важность подсудныхъ Палатѣ дѣлъ. Окружные Суды безъ присяжныхъ отличаются несомнѣнно большею репрессіею, имѣющею однако наклонность къ уменьшенію, при чемъ не надо упускать изъ виду, что преступленія, подсудныя этимъ судамъ, по большей части формальнаго свойства, т. е. такія, гдѣ ни о событіи преступленія, ни о внутренней его сторонѣ почти не возникаетъ ни спора ни сомнѣнія.

Въ связи съ этими двумя главными вопросами — *объ условіяхъ* и объ *организаціи* — находится и вопросъ о правильности и цѣлесообразности устройства нынѣ существующихъ *присутствій Судеб-*

ныхъ Палатъ съ участіемъ сословныхъ представителей. Учрежденіе сословныхъ представителей, введенное судебными уставами 20-го ноября 1864 года лишь для государственныхъ преступленій, подлежащихъ суду Палаты (ст. 1032, 1051 и 1052 Уст. угол. суд.), при чемъ эти представители наименованы закономъ *временными членами,* было затѣмъ, въ 1878 году, *временно* распространено на рядъ дѣлъ по преступленіямъ противъ порядка управленія и окончательно упрочено по отношенію какъ къ этимъ преступленіямъ, такъ и къ нѣкоторымъ другимъ, перечисленнымъ въ 201[1] ст. Уст. угол. суд., законами 1889 и 1890 годовъ, коими суду Палатъ съ участіемъ сословныхъ представителей подчинены также и дѣла о преступленіяхъ должности, влекущихъ за собою лишеніе правъ состоянія (ст. 1105 Уст. угол. суд.).

Такимъ образомъ судъ съ сословными представителями имѣетъ за собою, съ 1878 года, богатую опытомъ исторію. Совѣщаніе ваше конечно укажетъ на существенныя стороны этой исторіи. Оно выяснитъ также, по личнымъ наблюденіямъ высшихъ представителей судебнаго вѣдомства въ округахъ, имѣющихъ непосредственное соприкосновеніе съ этою формою суда, соотвѣтствуютъ ли наглядные результаты дѣятельности этого суда тѣмъ цѣлямъ, съ которыми онъ установленъ, и искупаютъ ли онѣ тѣ большія издержки для Государства и ту особую трату рабочихъ силъ и времени для суда и свидѣтелей, съ которыми сопряжены выѣзды Судебныхъ Палатъ и вообще установленная подсудимость имъ всѣхъ особыхъ дѣлъ, предусмотрѣнныхъ въ ст. 201[1] и 1105 Уст. угол. суд.

Соображеніе всѣхъ приведенныхъ мною вопросовъ, въ связи съ указаніями практической жизни, должно повлечь, по моему мнѣнію, разрѣшеніе слѣдующихъ коренныхъ вопросовъ:

I) Слѣдуетъ ли удержать и на будущее время по какимъ либо дѣламъ, кромѣ дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ (по соображеніямъ, принятымъ составителями судебныхъ уставовъ) учрежденіе «временныхъ судей» въ лицѣ сословныхъ представителей, присоединяемыхъ къ составу судовъ—и какихъ именно судовъ—Окружныхъ или Судебныхъ Палатъ?

II) Представляется ли цѣлесообразнымъ и правильнымъ ввести въ нынѣ существующее учрежденіе суда присяжныхъ начало совмѣстнаго участія коронnаго суда и присяжныхъ засѣдателей въ разрѣшеніи вопросовъ о винѣ и невиновности и вопроса о наказаніи, создавъ нѣчто сходное съ Германскимъ судомъ шёффеновъ, но съ увеличеніемъ объема и расширенною подсудностью?

III) Если это видоизмѣненіе суда присяжныхъ представляется нежелательнымъ, то не представляется ли полезнымъ примѣненіе и къ нашему суду этого рода—указаній и правилъ Женевскаго закона 1-го октября 1890 года, въ силу коихъ предсѣдатель принимаетъ на себя руководительное участіе въ совѣщаніяхъ присяжныхъ о виновности и подаетъ, вмѣстѣ съ ними, голосъ по вопросу о наказаніи?

IV) Если представляется желательнымъ удержать организацію суда присяжныхъ въ нынѣ существующемъ видѣ, то слѣдуетъ ли: а) установить для засѣдателей новый, повышенный цензъ, и б) предоставить сознающемуся въ своей винѣ подсудимому заявлять суду: желаетъ ли онъ, чтобы его дѣло разбиралось съ участіемъ присяжныхъ или же предпочитаетъ, чтобы вопросъ объ его отвѣтственности былъ разобранъ судомъ коронным, которому, въ этихъ случаяхъ, должно бы быть предоставлено постановлять приговоры, выходящіе, по размѣру наказанія, изъ предѣловъ его обыкновенной компетенціи?

II.

Наши трехдневныя совѣщанія о судѣ присяжныхъ и о судѣ съ участіемъ сословныхъ представителей окончены. Позвольте подвести имъ краткій итогъ.

По вопросу объ *удовлетворительности дѣятельности присяжныхъ засѣдателей* большинство членовъ совѣщанія (18) пришло къ выводу, что по дѣятельности своей этотъ судъ не только является вполнѣ удовлетворяющимъ своей цѣли, но и вообще представляетъ собою лучшую форму суда, какую только можно себѣ представить для разрѣшенія большей части серьезныхъ дѣлъ, особливо въ тѣхъ случаяхъ, когда тяжкое обвиненіе связано съ тонкими уликами, требующими житейской вдумчивости. Въ этомъ отношеніи замѣчательны заявленія двухъ изъ гг. прокуроровъ Судебныхъ Палатъ о томъ, что такое дѣло, какъ знаменитое дѣло Мельницкихъ (и, прибавляю я отъ себя—такое, какъ дѣло Овсянникова) могло быть рѣшено въ обвинительномъ смыслѣ только присяжными и что по послѣднему дѣлу Мценскаго банка судьи, сомнѣваясь въ томъ, совладаютъ ли присяжные со своею задачею, сами во время ихъ долгаго совѣщанія, проектировали отвѣты на многочисленные вопросы и таковые вполнѣ совпали затѣмъ съ провозглашенными присяжными.

Обвиненіе присяжныхъ въ *малой репрессіи* неосновательно. Оно не только не подтверждается цифровыми данными, но въ дѣйствительности оказывается, что судъ присяжныхъ, при сравненіи съ судомъ коронным, *болѣе репрессивенъ и устойчивъ*. Въ одномъ изъ судебныхъ округовъ, гдѣ дѣла вѣдаются безъ участія присяжныхъ, даже сложилось хоть и шутливое по формѣ, но однако правдивое по существу указаніе, что Судебная Палата состоитъ изъ двухъ камеръ—*обвинительной и оправдательной*, а процентъ оправдательныхъ приговоровъ въ Палатахъ вообще колеблется между 20% и 50%, каковыхъ рѣзкихъ колебаній вовсе не усматривается въ такихъ же приговорахъ присяжныхъ. Оцѣнивая взаимную силу репрессіи въ судѣ присяжномъ и безприсяжномъ, надо имѣть въ виду, что присяжные судятъ наиболѣе тяжкія преступленія, гдѣ зача-

стую не только для доказательства виновности, но даже для установленія состава преступленія нужны особыя и не всегда успѣшныя усилія со стороны слѣдственной власти, и вовсе не разсматриваютъ дѣлъ о формальныхъ преступленіяхъ, гдѣ и событіе, и виновность никакого вопроса возбуждать не могутъ. Не слѣдуетъ забывать, что на разсмотрѣніе присяжныхъ восходятъ по 511 ст. Уст. угол. суд. дѣла частнаго обвиненія, въ коихъ обвиненіе это вообще слабо и неумѣло поддержанное, очень часто является на судебномъ слѣдствіи вполнѣ неосновательнымъ, при чемъ предполагаемый преступникъ, сидящій на скамьѣ подсудимыхъ, часто оказывается самъ жертвою семейнаго самодурства или домашней имущественной распри.

Наконецъ *обвинительные* приговоры безприсяжнаго суда, особенно тѣ, которые постановлены въ апелляціонной инстанціи, увеличивая собою цифру, выражающую внѣшнюю силу уголовной репрессіи, въ сущности очень часто этой репрессіи вовсе не содѣйствуютъ, ибо, при затруднительности мотивированнаго оправданія, влекутъ за собою такія минимальныя, мало ощутимыя наказанія, которыя почти граничатъ съ полною безнаказанностью. *Оправдательные* приговоры присяжныхъ, въ которыхъ всегда почти можно отыскать житейскую правду, расходящуюся съ правдою формальною, стремящеюся втиснуть жизнь въ узкія и устарѣлыя рамки вмѣненія по Уложенію о наказаніяхъ, объясняются нерѣдко неумѣніемъ лицъ, ведущихъ дѣло и его разрабатывающихъ на судѣ, и присутствіемъ въ составѣ присяжныхъ ненадежнаго элемента, въ лицѣ мелкихъ чиновниковъ, или значительнаго числа мелочныхъ торгашей. Устраненіе этихъ элементовъ тамъ, гдѣ оно такъ или иначе произошло, всегда влекло за собою уменьшеніе поспѣшныхъ оправданій. По удостовѣренію бывшаго прокурора Виленской Судебной Палаты—дѣятельность присяжныхъ въ сѣверо-западномъ краѣ нынѣ вполнѣ удовлетворительна, и онъ не могъ бы указать ни одного явно неправильнаго оправданія приговоромъ присяжныхъ.

Несомнѣнно, что судъ присяжныхъ, какъ и всякій судъ, отражаетъ на себѣ недостатки общества, среди котораго онъ дѣйствуетъ и изъ нѣдръ котораго онъ исходитъ, но внимательное разсмотрѣніе оправдательныхъ приговоровъ не съ одной лишь внѣшней стороны, а съ знаніемъ обстоятельствъ и обстановки дѣла приводитъ къ признанію того, что, какъ выразился одинъ изъ членовъ совѣщанія, «слово—одно, а совѣсть другое», почему оправдательные приговоры тамъ, гдѣ въ дѣлѣ нѣтъ слѣдовъ ни нравственнаго, ни матеріальнаго вреда, не должны быть провозглашаемы, какъ это иногда у насъ дѣлается, «возмутительными». Простой русскій человѣкъ, поставляющій главный контингентъ присяжныхъ, вноситъ въ свою дѣятельность глубокое религіозное чувство. Оно нерѣдко проявляетя и въ оправдательныхъ приговорахъ. Такъ, было указано два случая изъ практики, гдѣ присяжные оправдали подсудимыхъ, послѣднее слово которыхъ и мольбы о прощеніи сов-

пали съ благовѣстомъ ко всенощной подъ Благовѣщеніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ указано было и на то, что простые присяжные, разрѣшивъ въ Миргородѣ безусловно обвинительнымъ приговоромъ громадное дѣло о разбойничьей шайкѣ изъ 56 человѣкъ, отправились изъ суда въ церковь служить благодарственный молебенъ по поводу благополучнаго окончанія ими своего тяжелаго, многодневнаго труда, направленнаго къ охраненію безопасности цѣлой мѣстности. Проявленіе глубокаго христіанскаго чувства въ присяжныхъ при отправленіи ими своихъ обязанностей есть такое нравственное благо, которое вполнѣ искупаетъ, во всякомъ случаѣ небольшое число оправдательныхъ приговоровъ, подсказанныхъ этимъ чувствомъ, хотя и идущихъ въ разрѣзъ съ формальными требованіями закона.

Наконецъ, замѣчено, что даже по преступленіямъ противъ *системы*, гдѣ нѣтъ прямо потерпѣвшихъ, какъ напримѣръ по дѣламъ о паспортныхъ преступленіяхъ, въ которыхъ оправданія бывали особенно часто, присяжные никогда не оправдывали тѣхъ, кто своею преступною дѣятельностью подводилъ другихъ подъ уголовную отвѣтственность, т. е. поддѣлывателей паспортовъ по 975 и въ особенности по 976 ст. Улож. наказ. При этомъ было указано, что многими изъ своихъ оправдательныхъ, систематически повторявшихся, приговоровъ присяжные сослужили службу законодательству, указавъ ему на противорѣчіе жизни съ требованіями закона. Такъ было съ паспортами, такъ было съ нѣкоторыми видами кражъ. Такъ дѣлается и теперь по наболѣвшему вопросу о несовершеннолѣтнихъ преступникахъ. По отношенію къ случаямъ *подкупа присяжныхъ* было высказано, что число ихъ, представляя каплю въ морѣ вполнѣ безупречной дѣятельности этого суда, скорѣе служитъ подтвержденіемъ такого ея характера, тѣмъ болѣе цѣннаго, что большинство сельскихъ присяжныхъ, стоя въ тяжкихъ матеріальныхъ условіяхъ, должны проявлять особую стойкость, чтобы не принять дарового угощенія и не поддаться его вліянію.

Меньшинство совѣщанія (два лица) не раздѣлили такого взгляда на дѣятельность присяжныхъ. Смотря съ практической точки зрѣнія, одинъ изъ членовъ совѣщанія указывалъ на неумѣлое обращеніе присяжныхъ со слѣдственнымъ матеріаломъ, на стремленіе ихъ вторгаться въ область примѣненія закона, на неоднообразіе рѣшеній ихъ по однимъ и тѣмъ же преступленіямъ, совершеннымъ почти въ одинаковыхъ по существу обстоятельствахъ, на зависимость этого явленія отъ мѣстности, гдѣ разсматривается дѣло, и отъ разности взглядовъ присяжныхъ того или другого состава на важность и преступность дѣянія, подходящаго подъ опредѣленія Улож. о наказ. Исходя изъ теоретическихъ соображеній, другой членъ совѣщанія, не имѣвшій лично никогда дѣла съ судомъ присяжныхъ, указывалъ на то, что нельзя признать удовлетворительнымъ тотъ судъ, который нуждается въ постоянныхъ разъясненіяхъ, напоминаніяхъ и руководствѣ со стороны предсѣдателя,

такъ что его постоянно нужно «водить на помочахъ», при чемъ его дѣятельность обставляется многими формальностями процессуальныхъ усложненій, въ видѣ напр., постановки вопросовъ, пріобрѣтающихъ въ немъ гораздо большее значеніе, чѣмъ въ судѣ безприсяжномъ.

По поводу указаній на неоднородность приговоровъ присяжныхъ, нѣкоторыми изъ членовъ большинства замѣчено, что безусловно одинаковыхъ дѣлъ не бываетъ и что равность взглядовъ бываетъ и у суда коронnаго, но она менѣе замѣтна, ибо выражается обыкновенно въ опредѣленіяхъ обвинительныхъ камеръ, у которыхъ въ разное время и при разномъ личномъ составѣ создаются разные взгляды на нѣкоторыя, преимущественно бытовыя преступленія—и это не недостатокъ, а достоинство суда, который не есть слѣпой механизмъ.

Въ общемъ, однако, общій выводъ безусловно на пользу присяжныхъ. Судъ жизненный, имѣющій облагораживающее вліяніе на народную нравственность, служащій проводникомъ народнаго правосознанія, долженъ не отойти въ область преданій, а укрѣпиться въ нашей жизни. Русскій присяжный засѣдатель, особливо изъ крестьянъ, относящійся къ своему дѣлу, какъ къ дѣлу служенія совѣсти, кладущій, по замѣчанію В. А. Аристова, призывную повѣстку, сулящую ему тяжелый трудъ и матеріальныя лишенія, *за образа*,—честно и стойко вынесъ и выноситъ тотъ опытъ, которому подвергъ его законодатель. Выходя на минуту изъ роли руководителя совѣщанія, я позволю себѣ, на основаніи долголѣтняго моего судебнаго служенія на разныхъ ступеняхъ судебной лѣстницы, вполнѣ и всецѣло присоединиться къ мнѣнію большинства и считаю необходимымъ при этомъ припомнить заявленія двухъ прокуроровъ Палатъ, изъ которыхъ у одного разсѣялись всѣ сомнѣнія въ высокой пригодности суда присяжныхъ послѣ долголѣтняго знакомства со свойствомъ работы безприсяжнаго суда, а другому вспомнилось здѣсь то чувство нравственнаго удовлетворенія, которое, въ своей практической дѣятельности, онъ выносилъ изъ приговоровъ присяжныхъ, въ которыхъ онъ видѣлъ продуктъ совѣстливаго и внимательнаго отношенія къ дѣлу съ точки зрѣнія жизненной правды, даже и тогда, когда приговоры эти бывали несогласны съ предъявленнымъ обвиненіемъ.

Къ этому надо еще добавить, что къ практической дѣятельности присяжныхъ можно, не становясь на почву мимолетныхъ и часто дурно освѣдомленныхъ печатныхъ отзывовъ, относиться трояко: снизу, сверху и сбоку. *Снизу*—это отношеніе подсудимаго, который въ глубинѣ души лучше всѣхъ сознаетъ конечно, *гдѣ* и въ *чемъ* правда состоявшагося о немъ рѣшенія; *сверху*—это отношеніе судебныхъ чиновъ, дѣйствующихъ совмѣстно съ этимъ судомъ; *сбоку*—это отношеніе тѣхъ, кто примыкалъ къ присяжнымъ какъ участникъ, какъ сотрудникъ въ одной общей работѣ ума и совѣсти. Мы знакомы съ отношеніемъ къ суду присяжныхъ подавля-

ющаго большинства высшихъ представителей судебныхъ округовъ. Но мы выслушали и заявленія лица, неоднократно отбывавшаго обязанности засѣдателя и бывавшаго много разъ старшиною. На мою просьбу высказать свой взглядъ на присяжныхъ, предсѣдатель III отдѣла Комиссіи, Сенаторъ Н. С. Таганцевъ, заявилъ, что время, проведенное имъ въ средѣ присяжныхъ засѣдателей, составляетъ одно изъ лучшихъ воспоминаній его судебной жизни.

По вопросу *о составѣ присяжныхъ засѣдателей* совѣщаніе единогласно высказалось за установленіе участія лицъ судебнаго вѣдомства въ составленіи и провѣркѣ *общихъ списковъ* засѣдателей по 89 и 91 ст. Учр. суд. уст.,—за привлеченіе къ участію въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей изъ поименованныхъ во 2 п. 85 ст. того же Учрежденія тѣхъ, кои занимаютъ должности IV и III классовъ;—за принятіе мѣръ къ воспрепятствованію должностнымъ лицамъ уклоняться отъ исполненія обязанностей присяжныхъ засѣдателей путемъ предварительнаго и заблаговременнаго извѣщенія начальства о внесенныхъ на основаніи 98 и 99 ст. Уст. сл. въ очередные списки чиновникахъ и требованія точнаго обозначенія предмета и срока указанныхъ въ 1 п. 650 ст. Уст. угол. суд., командировокъ и особыхъ порученій по службѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ указано на необходимость усиленія штрафовъ за неявку, съ предоставленіемъ суду слагать таковые по силѣ 653 ст. Уст. угол. суд., но съ уничтоженіемъ права обжалованія постановленій суда о наложеніи штрафа, при чемъ долженъ быть въ ст. 651 установленъ срокъ, въ теченіе коего примѣняется эта статья, ибо если считать неявкой по вызову — неявку на сессію, то примѣненіе третьей части этой статьи—объ отвѣтственности по уложенію—никогда не можетъ имѣть мѣста. Вмѣстѣ съ тѣмъ представляется необходимымъ, чтобы прокурорскій надзоръ серьезно вступилъ въ борьбу съ лживыми и фиктивными медицинскими свидѣтельствами о болѣзни, возбуждая во всѣхъ подобныхъ случаяхъ обвиненіе по 364 ст. Улож. наказ.

При условіи фактическаго осуществленія всѣхъ этихъ указаній, *повышеніе ценза* для присяжныхъ представляется излишнимъ, при чемъ нѣкоторыми было даже высказано, что требованіе 3 п. 81 ст. Учр. суд. уст. объ обязанности для каждаго присяжнаго умѣть читать по-русски является ненужнымъ, такъ какъ между присяжными, чему и были представлены примѣры, часто встрѣчаются почти неграмотныя лица, умѣющія, и то съ трудомъ, читать лишь «по печатному», но здравый смыслъ ихъ, способность пониманія и врожденное чувство справедливости дѣлаютъ ихъ присутствіе въ составѣ присяжныхъ чрезвычайно цѣннымъ для правильнаго отправленія правосудія. Улучшеніе состава присяжныхъ было бы существеннымъ образомъ достигнуто исключеніемъ изъ ихъ числа мелкихъ канцелярскихъ чиновниковъ, получающихъ, согласно закону, содержаніе «по трудамъ и заслугамъ» и представляющихъ ненадежный нравственно, неразвитый и въ тоже время тенденціоз-

ный элементъ въ составѣ присяжныхъ. Это признано единогласно, но голоса очень раздѣлились по отношенію къ мелкимъ торговцамъ, при чемъ всѣми признано однако необходимымъ недопущеніе въ составъ присяжныхъ засѣдателей содержателей и арендаторовъ питейныхъ заведеній.

Относительно *матеріальнаго обезпеченія* присяжныхъ, принадлежащихъ къ крестьянскому сословію, были приведены указанія, что и нынѣ нѣкоторыя земства, побуждаемыя насущною необходимостью, оказываютъ пособіе присяжнымъ подъ видомъ расходовъ на благотворительность и что рѣшеніе Сената, лишившее въ 1872 г. земство права и возможности нелицемѣрно облегчать нужду присяжныхъ, идетъ въ разрѣзъ съ намѣреніями составителей судебныхъ уставовъ, которые, какъ напомнилъ предсѣдатель II отдѣла Комиссіи, Сенаторъ Н. Н. Шрейберъ, признавая, что засѣдатели должны получать вознагражденіе изъ земскихъ сборовъ, лишь потому не ввели правила о порядкѣ опредѣленія сего вознагражденія въ Учрежденіе судебныхъ установленій, что приведеніе этихъ опредѣленій въ дѣйствіе относится къ предмету вѣдомства губернскихъ земскихъ собраній. Поэтому совѣщаніе единогласно признало настоятельную необходимость въ осуществленіи этой благой для достоинства отправленія правосудія первоначальной мысли законодателя.

Вмѣстѣ съ тѣмъ многими были высказаны желанія—*во первыхъ*, чтобы пребываніе присяжныхъ въ зданіи суда,—условія котораго по мнѣнію всѣхъ членовъ совѣщанія должны быть безусловно предоставлены усмотрѣнію предсѣдателя, не стѣсняемому никакою предварительною регламентаціею,—было по возможности обставлено лучше, чѣмъ теперь;—*во вторыхъ*, чтобы продолжительность сессій была сокращена,—и *въ третьихъ*, чтобы лица, избранныя въ теченіе опредѣленнаго числа лѣтъ для исполненія обязанностей присяжнаго засѣдателя, пріобрѣтали тѣмъ самымъ право на освобожденіе отъ унизительнаго и несовмѣстнаго съ достоинствомъ лица, призваннаго къ судейской дѣятельности, тѣлеснаго наказанія.

По вопросу *о подсудности* дѣлъ суду присяжныхъ засѣдателей *большинство* совѣщанія (14 лицъ) высказалось противъ всякаго дальнѣйшаго ея ограниченія, при чемъ часть этого большинства (5 лицъ) находила, что подсудность эту слѣдовало бы, противъ существующей, значительно расширить. *Меньшинство* (6 лицъ) высказалось за уменьшеніе подсудности въ разныхъ видахъ. Такъ одно лицо находило, что у присяжныхъ должны быть изъяты всѣ дѣла о подсудимыхъ непривилегированныхъ сословій, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, влекущихъ по 31 ст. Улож. о наказ. лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, несмотря даже на послѣдствія по 48 ст. Уложенія—и о всѣхъ обвиняемыхъ въ третьей кражѣ; два лица — за изъятіе дѣлъ о несовершеннолѣтнихъ, на коихъ, вопреки мнѣнію большинства, оправданіе ихъ присяжными имѣетъ пагубное нравственное вліяніе; одно лицо за изъятіе дѣлъ

о лишенныхъ уже особыхъ правъ обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, влекущихъ такое же пораженіе правъ, — и два лица за предоставленіе подсудимому, сознавшемуся при предварительномъ слѣдствіи, судиться безъ участія присяжныхъ, если онъ самъ заявитъ суду о такомъ своемъ желаніи.

Установленіе права сторонъ и предсѣдателя оглашать предъ присяжными свѣдѣнія о *грозящемъ подсудимому по закону наказаніи* было признано огромнымъ большинствомъ (19 голосами противъ 1) въ высокой степени желательнымъ, такъ какъ по выраженію одного изъ членовъ совѣщанія это устранило бы вредную для судебнаго прямодушія «игру въ прятки». Точно также и по отношенію къ *различнымъ формальностямъ* при производствѣ судебнаго слѣдствія—совѣщаніемъ было найдено полезнымъ, при будущемъ начертаніи правилъ уголовнаго процесса, «снять покровъ тайны» со всего того, что, будучи оглашено предъ присяжными, можетъ быть затѣмъ провѣрено на судѣ установленными закономъ способами. Поэтому желательно предоставить сторонамъ дѣлать ссылки на протоколы, упоминаемые въ 687 ст. Уст. угол. суд. при соблюденіи притомъ условій, о которыхъ я упоминалъ во вступительномъ моемъ сообщеніи. Но по вопросу о передачѣ присяжнымъ въ совѣщательную комнату плановъ и документовъ изъ дѣла, четыре лица высказались отрицательно, признавая таковую опасною, въ виду возможности лжетолкованія значенія плановъ и другихъ вещественныхъ доказательствъ, не могущаго тотчасъ же быть опровергнутымъ. Затѣмъ совѣщаніе пошло дальше рѣшенія Правительствующаго Сената по дѣлу Никитина, рѣшивъ большинствомъ 14 голосовъ противъ 6, что слѣдуетъ допустить и прочтеніе показаній подсудимаго, данныхъ на предварительномъ слѣдствіи, въ случаѣ несогласія ихъ съ даваемыми имъ на судѣ объясненіями,— что, по мнѣнію шести лицъ, шло бы въ разрѣзъ съ принятымъ въ нашемъ уголовномъ процессѣ началомъ о правѣ подсудимаго не давать никакихъ объясненій (ст. 685 Уст. угол. суд.).

По вопросу о примѣненіи германскаго порядка объ *одномъ составѣ присяжныхъ для нѣсколькихъ дѣлъ*, подлежащихъ слушанію въ одинъ и тотъ же день, мнѣнія раздѣлились поровну, при чемъ половина членовъ совѣщанія признавала этотъ порядокъ нецѣлесообразнымъ, по сопряженнымъ съ нимъ неудобствамъ и въ виду возможности недоразумѣній относительно пользованія сторонами правомъ отвода.

Постановка вопросовъ, установленная нынѣ ст. 750 — 764 Уст. угол. суд. представляется совѣщанію не требующею какихъ-либо измѣненій по существу, но нуждающеюся лишь въ нѣкоторомъ упрощеніи. Желательно вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы о правѣ присяжныхъ участвовать въ постановкѣ вопросовъ согласно ст. 762 Уст. угол. суд. было напоминаемо имъ при самомъ чтеніи вопросовъ вслухъ, а не только при объясненіи имъ, на осн. 671 ст. Уст. угол. суд., ихъ правъ и обязанностей,—и чтобы старшинѣ присяжныхъ, тот-

часъ по его избраніи, вручалась выписка изъ заключительнаго пункта обвинительнаго акта, дабы онъ, и черезъ него остальные присяжные, постоянно имѣли предъ глазами указаніе на сущность обвиненія, взводимаго на подсудимаго. Руководящее напутствіе предсѣдателя должно остаться на своемъ мѣстѣ. За открытую подачу голосовъ присяжными высказались три лица.

Наконецъ вопросъ *о примѣненіи 818 ст. Уст. угол. суд. наоборотъ,* т. е. о распространеніи порядка, начертаннаго въ ней, и на оправдательные приговоры присяжныхъ разрѣшенъ значительнымъ большинствомъ (18 голосовъ противъ двухъ) *отрицательно.* Я долженъ къ этому, въ видѣ справки и для выясненія мотивовъ этого большинства, присовокупить, что точно также рѣшенъ этотъ вопросъ и Уголовнымъ Кассаціоннымъ Департаментомъ, при обсужденіи предположеній о предоставленіи судамъ права ходатайствовать предъ Сенатомъ о передачѣ другому составу присяжныхъ дѣлъ, по которымъ оправданы виновные, по единогласному мнѣнію суда, подсудимые. При разсмотрѣніи этого вопроса въ Правительствующемъ Сенатѣ я имѣлъ честь, въ качествѣ Оберъ-Прокурора, высказать, что, установляя судъ присяжныхъ на ряду съ коллегіею коронныхъ судей и возлагая на первыхъ разрѣшеніе не только вопроса о совершеніи преступленія обвиняемыхъ, но и вопроса о его виновности, законъ строго разграничалъ дѣятельность тѣхъ и другихъ, допустивъ лишь одно, обставленное исключительными условіями и притомъ только въ пользу, а не во вредъ подсудимому, отступленіе въ ст. 818 Уст. угол. суд. Примѣненіе этой статьи въ обратномъ смыслѣ, замѣняя внутреннее убѣжденіе присяжныхъ убѣжденіемъ судей, которое нуждается во внѣшней мотивировкѣ, было бы въ сущности, въ весьма большомъ количествѣ дѣлъ замѣною суда представителей общественной совѣсти судомъ профессіональныхъ юристовъ, задача коихъ только понапрасну усложняется прибавкою этихъ представителей. Для коллегіи порфессіональныхъ судей въ большинствѣ дѣлъ найдутся данныя, предустанавляющія виновность подсудимаго. Таково, напримѣръ и главнымъ образомъ, собственное сознаніе подсудимаго, не опровергаемое обстоятельствами дѣла.

Съ внѣшней, формальной стороны, въ огромномъ большинствѣ случаевъ оправданія *сознавшагося* подсудимаго особенно при утвердительномъ отвѣтѣ присяжныхъ на вопросъ о событіи преступленія, выдѣленный по требованію гражданскаго истца, *не передача* судомъ дѣла другому составу присяжныхъ, означала бы признаніе со стороны суда того, что преданіе суду, основанное на собственномъ сознаніи обвиняемаго, и самое это сознаніе, подтвержденное затѣмъ при судебномъ разбирательствѣ — не имѣютъ никакого значенія. Но такое признаніе со стороны суда профессіональныхъ юристовъ, обязанныхъ мотивировать свое мнѣніе, едва ли мыслимо. Вмѣстѣ съ тѣмъ *передача* каждаго такого дѣла новому составу присяжныхъ представится весьма удобною для судей. Поддерживая солидарность между ними и Судебною Пала-

тою по обвинительной камерѣ и основываясь на простомъ внѣшнемъ пріемѣ, состоящемъ въ сопоставленіи преданія суду и собственнаго сознанія съ послѣдовавшимъ затѣмъ приговора, передача такого рода освободитъ судей отъ опасенія нареканій за то, что, въ интересахъ порядка, они не воспользовались своимъ правомъ передачи. Указаніе именно на эти интересы и на нравственную отвѣтственность, несомую судьями, не желающими противодѣйствовать «неправосудію», послужитъ могущественнымъ средствомъ для образованія въ средѣ судей единогласія, а вышеупомянутый внѣшній пріемъ сопоставленія вызоветъ весьма простую, неотяготительную и однообразную формулу мотивировки передачи дѣла другому составу, безъ всякаго, — всегда, впрочемъ, гадательнаго — анализа соображеній присяжныхъ, положенныхъ ими въ основаніе оправданія. При этомъ нельзя упускать изъ виду, что составъ присяжныхъ засѣдателей при вторичномъ разсмотрѣніи дѣла будетъ всегда находиться подъ болѣе или менѣе сильнымъ давленіемъ состоявшагося постановленія о передачѣ, о коемъ они могутъ быть освѣдомлены разнообразными и неотвратимыми способами. Имѣя предъ собою опредѣленіе того же суда о томъ, что подсудимый «несомнѣнно виновенъ», — присяжные засѣдатели приступятъ къ разсмотрѣнію дѣла безъ надлежащей свободы мышленія, при чемъ столь важное для правосудія требованіе закона, какъ вмѣненіе предсѣдателю въ обязанность не обнаруживать своего мнѣнія о винѣ и невиновности подсудимаго (Уст. угол. суд. ст. 804), обратится въ лишенную всякаго значенія и даже лицемѣрную формальность. Такимъ образомъ преданіе суду по значительному числу дѣлъ станетъ равносильнымъ осужденію подсудимаго—и судъ присяжныхъ обратится въ этихъ случаяхъ въ простое орудіе суда кореннаго, неудобное по своей сложности, излишнее по своей задачѣ и безплодно отяготительное для мѣстнаго населенія, призываемаго къ участію въ немъ.

Эти соображенія мои были всецѣло раздѣлены Уголовнымъ Кассаціоннымъ Департаментомъ.

Обращаясь къ *суду съ участіемъ сословныхъ представителей,* совѣщаніе высказалось объ общихъ свойствахъ этого суда въ настоящее время. Свойства эти не могутъ быть признаны отрадными и во многихъ отношеніяхъ идутъ въ разрѣзъ съ тѣми требованіями, которымъ долженъ удовлетворять правильно устроенный судъ. Такъ, прежде всего, пріобщаемые къ составу Палатъ «временные члены» почти никогда не вносятъ въ дѣло самостоятельныхъ взглядовъ и сужденій. Въ многолѣтней практикѣ бывшаго Старшаго Предсѣдателя Кіевской, а нынѣ Московской Судебной палаты—на массу дѣлъ съ участіемъ сословныхъ представителей пришлось лишь одно дѣло, въ которомъ эти представители образовали, стойкою защитою и единствомъ своихъ мнѣній, большинство. По заявленію Старшаго Предсѣдателя одной изъ другихъ Палатъ «временные члены» относятся весьма пассивно къ своимъ обязанностямъ и во всякомъ слу-

чаѣ не вносятъ въ обсужденіе дѣла той строгости, въ разсчетѣ на которую была создана подсудность по 201[1] и 1105 ст. угол. суд. Напримѣръ, по дѣламъ о служебныхъ преступленіяхъ, обыкновенно, по входѣ въ совѣщательную комнату для рѣшенія дѣла,—представители дворянства справляются о томъ, какое самое малое наказаніе за судимое преступленіе и съ размѣромъ его сообразуютъ и выводъ свой о виновности, — представители города спрашиваютъ у предсѣдателя — нельзя ли оправдать подсудимаго? Волостные же старшины, на вопросъ о ихъ мнѣніи, обращаются въ свою очередь къ предсѣдателю съ вопросомъ: «какъ прикажете?» Поэтому, въ сущности, дѣло рѣшаютъ коронные судьи, присутствіе которыхъ вызываетъ во временныхъ членахъ равнодушное отношеніе къ подаваемому мнѣнію, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, гдѣ оно упорно тенденціозное и, слѣдовательно, неправосудное. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ показываетъ практика Палатъ (подтверждаемая и кассіонными рѣшеніями) *надлежащіе* сословные представители отъ дворянства и городовъ всемѣрно уклоняются отъ исполненія своихъ судебныхъ обязанностей, замѣняя себя, въ порядкѣ обратной постепенности, совершенно не подходящими лицами, въ родѣ секретарей дворянскихъ депутатскихъ собраній и членовъ городскихъ управленій по надзору за торговлею и т. п.—Между тѣмъ участіе сословныхъ представителей дѣлаетъ этотъ судъ чрезвычайно громоздкимъ, неудобнымъ для сторонъ и свидѣтелей и очень дорого стоющимъ. Въ послѣднемъ отношеніи были указаны примѣры, гдѣ по одному изъ дѣлъ, подсудныхъ этому суду, въ Казанскомъ округѣ, судебныя издержки дошли до 1,600 руб. сер., а по другому, въ Московскомъ округѣ, даже до 6,000 руб. серб.—Хотя и были, вмѣстѣ съ тѣмъ, высказаны мнѣнія, что сословные представители, при болѣе самостоятельномъ отношеніи къ дѣлу, могли бы принести свою долю пользы, сообщая цѣнныя для судей мѣстныя и бытовыя свѣдѣнія,—но большинство признало, что этою гадательною пользою не искупаются приведенные выше недостатки, вызываемые ст. 201[1] и 1105 Уст. угол. суд.

Переходя къ вытекающему изъ такого вывода вопросу о томъ, чѣмъ же возможно было бы замѣнить такой судъ, члены совѣщанія раздѣлились во взглядахъ. *Шесть лицъ* нашли, что сословные представители могли бы, съ пользою для правильнаго отправленія правосудія по особымъ дѣламъ, предусмотрѣннымъ только-что упомянутыми статьями Уст. угол. суд., быть замѣщены *спеціальными присяжными засѣдателями,* исполняющими всѣ обязанности обыкновенныхъ засѣдателей, но засѣдающими въ уменьшенномъ количествѣ—до 9-ти и даже до 6-ти и съ повышеннымъ имущественнымъ, образовательнымъ и профессіональнымъ цензомъ. — *Восемь лицъ*, находя затруднительнымъ найти достаточное число такихъ спеціальныхъ присяжныхъ и опасаясь, что возможность такого состава лишь въ губернскихъ городахъ приведетъ къ сосредоточенію въ нихъ всѣхъ особыхъ дѣлъ въ ущербъ населенію, полагали бо-

лѣе цѣлесообразнымъ прямо передать всѣ эти дѣла Окружнымъ Судамъ безъ участія присяжныхъ въ нѣсколько усиленномъ, быть можетъ, составѣ,—на случай, если бы апелляціонная инстанція была упразднена. *Два лица*, со своей стороны, находили возможнымъ вновь передать всѣ эти дѣла обыкновеннымъ присяжнымъ, возрастающая за послѣднее время репрессія приговоровъ коихъ служитъ, повидимому, ручательствомъ, что и по этимъ дѣламъ рѣшенія присяжныхъ будутъ отличаться надлежащею и справедливою строгостью. Затѣмъ, *два лица* высказались за учрежденіе по особымъ дѣламъ (201[1] и 1105 ст. Уст. угол. суд.) новой формы суда—въ видѣ засѣдателей отъ сословій, избираемыхъ изъ лицъ, обладающихъ высокимъ цензомъ, самими сословіями и входящихъ, по мнѣнію одного лица, въ составъ Судебной Палаты въ числѣ трехъ,—а по мнѣнію другаго, въ составъ Окружного Суда въ числѣ отъ 4 до 6-ти.

Наконецъ, *два лица* высказали по отношенію къ организаціи суда присяжныхъ такія предположенія, которыя, по существу своему, устраняютъ и самый вопросъ о выдѣленіи какихъ-либо дѣлъ изъ общей подсудности присяжныхъ засѣдателей. Однимъ изъ нихъ предложено соединеніе суда общественныхъ представителей (присяжныхъ засѣдателей) съ судомъ коронным безъ раздѣленій ихъ главнѣйшихъ функцій, а напротивъ со сліяніемъ ихъ въ одной общей работѣ, подобно тому, какъ это изложено въ проектѣ Гальперта для Женевскаго кантона. При такомъ соединеніи предполагается, что присяжные внесутъ независимость сужденія, непосредственность живого воспріятія впечатлѣній и пониманіе житейской стороны дѣла, а судьи, находящіеся въ меньшинствѣ, не подавляя ихъ своими голосами, внесутъ чувство законности и юридическій опытъ. Такой судъ долженъ бы состоять изъ трехъ коронныхъ судей и девяти присяжныхъ засѣдателей, составляющихъ одну коллегію и рѣшающихъ сообща вопросы о винѣ и о наказаніи, причемъ вопросы процессуальнаго свойства разрѣшаются однимъ лишь коронным судомъ. Эта смѣшанная коллегія, по условіямъ своей дѣятельности, устранила бы необходимость руководящаго напутствія и примѣненія 818 ст. Уст. угол. суд. и, конечно, была бы компетентна для разрѣшенія всякаго рода дѣлъ, нынѣ изъятыхъ изъ вѣдѣнія присяжныхъ засѣдателей, сверхъ дѣлъ о преступленіяхъ государственныхъ. Другое изъ лицъ, примыкающихъ къ такому взгляду на организацію суда присяжныхъ и находящее, что судъ этотъ долженъ состоять изъ одного судьи и шести присяжныхъ, предложило обязать предсѣдателя суда участвовать въ разрѣшеніи присяжными вопроса о виновности и о размѣрѣ наказанія съ правомъ рѣшительнаго голоса, съ тѣмъ, чтобы процессуальные вопросы, возникающіе по дѣлу, разрѣшались исключительно судомъ коронным единолично или коллегіально.

Примѣненіе *Женевскаго закона 1890 года*, о совѣщательномъ участіи предсѣдателя при обсужденіи присяжными вопроса о ви-

новности подсудимаго и объ участіи присяжныхъ въ назначеніи наказанія, отвергнуто совѣщаніемъ большинствомъ 19 голосовъ противъ одного, при чемъ, однако, нѣкоторыми высказана мысль о необходимости предоставить присяжнымъ право, въ случаѣ встрѣченныхъ ими затрудненій при разрѣшеніи дѣла, приглашать къ себѣ въ совѣщательную комнату для помощи и разъясненій предсѣдателя суда.

Наконецъ, прокуроры безприсяжныхъ округовъ высказали— Варшавскій, что лавники гминныхъ судовъ, подобные шёффенамъ германскаго права, оказываются довольно несостоятельными для судейской дѣятельности и что введеніе суда присяжныхъ и въ Царствѣ Польскомъ представляется желательнымъ,—и Тифлисскій, что на Сѣверномъ Кавказѣ возможно было бы, съ пользою для дѣла правосудія, допустить участіе въ судѣ общественнаго элемента во всякомъ видѣ, съ нѣкоторыми лишь условіями въ виду примѣси къ русскому населенію инородческаго элемента.

Таковы выводы, къ коимъ пришло совѣщаніе по главнѣйшимъ изъ подлежащихъ его обсужденію вопросовъ. Мнѣ остается просить снисхожденія за невольныя, быть можетъ, упущенія въ моемъ сжатомъ изложеніи этихъ выводовъ. Мнѣ не приходится его просить за сложность и разнообразіе вопросовъ, вызвавшихъ напряженный трехдневный трудъ вашъ, милостивые государи, ибо глубокая важность предмета, занимавшаго насъ эти дни, для дѣла правосудія въ отечествѣ нашемъ — служитъ мнѣ достаточнымъ оправданіемъ.

II.

Предѣльный возрастъ для судей.

(Сообщеніе въ общемъ совѣщаніи старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ Судебныхъ Палатъ 4 января 1895 года).

Вопросъ объ установленіи предѣльнаго возраста для судей, т. е. такого, по достиженіи котораго не допускалась бы дальнѣйшая служба въ должностяхъ, сопряженныхъ съ исполненіемъ судейскихъ обязанностей, — возникъ у насъ впервые еще при составленіи судебныхъ уставовъ. Комиссія для начертанія проекта преобразованія судебной части, обсуждая правила объ увольненіи должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства отъ службы, считала нужнымъ, въ статьяхъ 195 и 196 Учрежденія судебныхъ установленій, указать, что лица эти, по достиженіи 75 лѣтъ, обязаны оставить службу по судебной части,—равно какъ обязаны сдѣлать это и тѣ, хотя бы и не достигшіе 75 лѣтъ судьи, которые по слабости здоровья или инымъ причинамъ, въ теченіе двухъ лѣтъ сряду являлись къ должности не болѣе половины всего, въ каждомъ изъ этихъ двухъ лѣтъ, числа присутственныхъ дней.

Постановляя, что должностныя лица судебнаго вѣдомства, достигшія этого возраста, обязаны оставлять службу по судебному вѣдомству, комиссія имѣла въ виду, что хотя бываютъ случаи, въ коихъ люди и старѣе 75-ти лѣтъ сохраняютъ и физическія и умственныя силы, но эти случаи относительно весьма рѣдки,—вообще же человѣкъ въ такомъ возрастѣ подверженъ разнымъ недугамъ, препятствующимъ трудиться съ тою энергіею и непрерывною дѣятельностью, какія необходимы для исполненія трудныхъ на судебномъ поприщѣ обязанностей. Достигшіе на службѣ столь глубокой старости имѣютъ полное право на отдохновеніе, а притомъ желательно, чтобы, для поддержанія самого суда, ослабѣвающіе дѣятели его были замѣняемы свѣжими силами.

Въ развитіе этихъ правилъ предполагалось постановить, что въ случаѣ котораго либо изъ указанныхъ въ ст. 195 и 196 препятствій къ продолженію службы, должностное лицо обязано само просить объ увольненіи, а буде сего не исполнитъ, то надлежитъ письменно напомнить ему объ этой обязанности. Если же и затѣмъ, въ продолженіе опредѣленнаго двухъ-недѣльнаго срока, просьба объ увольненіи отъ службы не будетъ подана, то судебное мѣсто, къ которому принадлежитъ это должностное лицо, въ общемъ собраніи своихъ отдѣленій или департаментовъ, постановляетъ объ увольненіи его отъ службы, не иначе однакожъ, какъ по истребованіи отъ него объясненій и по выслушаніи заключенія лица прокурорскаго надзора. Такое постановленіе суда можетъ быть обжаловано и подлежитъ разсмотрѣнію высшаго суда, также въ общемъ собраніи и, въ случаѣ утвержденія, поступаетъ на усмотрѣніе власти, опредѣлившей увольняемое лицо къ должности (ст. 197, 198).

При разсмотрѣніи проекта Учрежденія судебныхъ установленій въ Сенатѣ, куда онъ былъ посланъ на заключеніе, *семнадцать сенаторовъ,* въ числѣ которыхъ были Корніолинъ-Пинскій, Матюнинъ, Любощинскій и др., высказались безусловно противъ предѣльнаго возраста и порядка увольненія судей по 196 ст. Они нашли, что помѣщать въ законѣ въ числѣ условій, препятствующихъ продолжать службу, 75-лѣтній возрастъ не представляется удобнымъ. Правительство, награждая заслуги должностныхъ лицъ и назначая ихъ на мѣста, имѣющія высшее значеніе, всегда принимало, въ числѣ уваженій, долговременную службу и многолѣтнюю опытность; если же оно и убѣждалось, что нѣкоторые изъ судей, достигнувъ на службѣ преклонныхъ лѣтъ, не могли уже быть точными исполнителями лежащихъ на нихъ обязанностей, то для отклоненія ихъ отъ дальнѣйшаго служенія, употребляло обыкновенно мѣры, которыя въ общепринятыхъ понятіяхъ не носили въ себѣ никакого оттѣнка оскорбленія. При такомъ взглядѣ еще менѣе было бы удобно постановлять въ законѣ обязательное требованіе подачи просьбы объ отставкѣ, ибо просьба есть всегда выраженіе собственнаго желанія и не можетъ быть вынуждаема, такъ какъ это составляло бы нравственное насиліе, несовмѣстимое съ достоинствомъ закона, особенно въ сопровожденіи угрозы, какъ предположено статьею 197 проекта. Эта угроза не оправдывается даже необходимостью: въ ст. 195 уже постановлено, что при данныхъ условіяхъ служащій *обязанъ* удалиться отъ службы, а потому нѣтъ надобности въ особыхъ о томъ предупрежденіяхъ, такъ какъ послѣдствія неисполненной обязанности сами собою разумѣются. Справедливѣе было бы постановить, что достиженіе на службѣ 75-лѣтняго возраста даетъ право на званіе присутствующаго члена судебнаго мѣста, съ сохраненіемъ полнаго штатнаго оклада. Такимъ образомъ, безъ оскорбленія, справедливымъ путемъ, была бы достигнута предположенная комиссіею цѣль. Расходъ же Государственнаго Казначейства на производство содержанія лицамъ

столь глубокой старости былъ бы однимъ изъ наименѣе обременительныхъ, продолжаясь немногіе годы.

Это мнѣніе было раздѣлено соединенными Департаментами Государственнаго Совѣта, которые нашли, что подлежащее исключенію изъ проекта правило, установляемое 195 статьею Учр. суд. уст.—въ нѣкоторомъ отношеніи имѣетъ видъ какъ бы наказанія за то, что должностное лицо достигло извѣстныхъ лѣтъ на службѣ. Равнымъ образомъ соединенные Департаменты сочли неудобными и постановленія ст. 196 и 197 проекта объ увольненіи отъ службы безъ прошенія лицъ, которыя въ теченіе двухъ лѣтъ являлись въ должности не болѣе половины всего, въ каждомъ изъ этихъ двухъ лѣтъ, числа присутственныхъ дней, — между прочимъ и потому, что при этомъ счетѣ дней легко возможны ошибки, тогда какъ отъ одного лишняго дня зависитъ оставленіе или увольненіе должностнаго лица...

Черезъ двадцать четыре года вопросъ этотъ былъ возбужденъ вновь. Представленіемъ въ Государственный Совѣтъ по Министерству Юстиціи, отъ 26 октября 1888 года, предположено, въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній, постановить слѣдующія правила:

1) Должностныя лица судебнаго вѣдомства, на коихъ распространяется дѣйствіе ст. 243 Учр. суд. уст., обязаны оставить службу по сему вѣдомству по достиженіи ими слѣдующихъ возрастовъ: предсѣдатели судебныхъ мѣстъ—*шестидесяти пяти лѣтъ*, члены Судебныхъ Палатъ, товарищи предсѣдателей и члены Окружныхъ Судовъ, а также старшіе нотаріусы—*шестидесяти лѣтъ*, и судебные слѣдователи—*пятидесяти пяти лѣтъ*.

2) Министръ Юстиціи имѣетъ право испрашивать Высочайшее Его Императорскаго Величества разрѣшеніе на продолженіе службы тѣмъ изъ достигшихъ предѣльнаго возраста должностнымъ лицамъ, относительно которыхъ онъ признаетъ это для пользы службы необходимымъ. Такое разрѣшеніе можетъ быть испрошено каждый разъ только на *три года*.

3) Если въ теченіе двухъ недѣль по наступленіи указанныхъ въ ст. 1 предѣльныхъ сроковъ службы должностное лицо не подастъ просьбы объ увольненіи, то оно увольняется отъ службы безъ прошенія, порядкомъ въ ст. 230 Учр. суд. уст. указаннымъ, и съ соблюденіемъ правила слѣдующей 231 статьи.

Приведеніе въ дѣйствіе этихъ правилъ относительно лицъ, подлежащихъ увольненію по случаю достиженія ими предѣльнаго возраста и еще не выслужившихъ права на установленную пенсію, предполагалось связать съ испрошеніемъ имъ усиленныхъ пенсій изъ Государственнаго Казначейства, противъ чего, однако, представлялъ спеціальныя и весьма настойчивыя возраженія Министръ Финансовъ.

Представленіе это не получило еще окончательнаго разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ, и на обсужденіе общаго совѣщанія

старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ Судебныхъ Палатъ поставленъ между прочимъ и вопросъ о томъ, представляется ли необходимымъ или по крайней мѣрѣ полезнымъ установленіе для службы лицъ судебнаго вѣдомства предѣльнаго возраста между 65 и 55 годами съ увольненіемъ въ силу закона лицъ, достигшихъ этого возраста, на пенсію или съ оставленіемъ ихъ на службѣ по особому каждый разъ Высочайшему соизволенію?

Такимъ образомъ этотъ важный для судебнаго вѣдомства, въ бытовомъ, матеріальномъ и нравственномъ отношеніяхъ, вопросъ является открытымъ и вызывающимъ всякаго, сроднившагося съ судебнымъ вѣдомствомъ, на новыя и разнообразныя размышленія.

Не входя пока въ обсужденіе существенныхъ соображеній, приводимыхъ въ пользу введенія предѣльнаго возраста, нельзя не остановиться на внѣшнихъ условіяхъ, коими должно, по приведеннымъ выше предположеніямъ, опредѣляться и видоизмѣняться приложеніе самаго начала о предѣльномъ возрастѣ.

Для предсѣдателей судебныхъ мѣстъ—этотъ возрастъ на 5 лѣтъ выше чѣмъ для членовъ Судовъ и Палатъ. Почему? Развѣ дѣятельность предсѣдателя судебнаго мѣста, завершающая для многихъ долгіе годы непрерывныхъ тревогъ на должности прокурора, усиленной и отвѣтственной службы товарищемъ предсѣдателя, или усидчиваго и кропотливаго труда члена Палаты, связана съ успокоивающей нравственныя и физическія силы безмятежностью? Въ окружныхъ судахъ II, III и IV разряда предсѣдатель несетъ въ сущности всѣ обязанности товарища предсѣдателя, дополненныя необходимостью руководить общимъ собраніемъ, надзирать за судебными приставами и вѣчно безпокоиться о нахожденіи въ должномъ порядкѣ денежной отчетности и наличности, поручаемыхъ обыкновенно и по необходимости помощнику секретаря. Кромѣ того онъ вынужденъ имѣть дѣло съ одною изъ наиболѣе тягостныхъ на службѣ вещей—съ мелочными самолюбіями и преувеличенными самомнѣніями. О дѣятельности старшаго предсѣдателя Палаты и говорить нечего. У него столько разнообразныхъ обязанностей по періодическому засѣданію въ избранномъ имъ департаментѣ Палаты, по надзору за округомъ, по общимъ собраніямъ Палаты, по распредѣленію права предсѣдательствованія съ присяжными между членами судовъ, по веденію дѣлъ по 201[1] и 1105 ст. Уст. угол. суд. съ сословными представителями, что должность его, въ томъ видѣ, какъ она поставлена у насъ въ послѣднее время, одна изъ труднѣйшихъ и требующихъ чрезвычайнаго и непрерывнаго напряженія силъ. Поэтому предсѣдатель Суда и старшій предсѣдатель Палаты, правильно понимающіе свои обязанности, должны сильнѣе «сгорать» въ своей разнообразной работѣ и во всякомъ случаѣ «изнашиваться» физически и нрав-

ственно отнюдь не позже регулярно трудящихся членовъ цивилистовъ и тоскующихъ въ засѣданіяхъ съ присяжными криминалистовъ. Однако, назначить имъ 60 лѣтній возрастный предѣлъ судебной дѣятельности, установивъ 65 лѣтній для членовъ судебныхъ мѣстъ, было бы несправедливо и походило бы на своего рода privillegium odiosum за успѣшное прохожденіе службы. Во всякомъ случаѣ и тѣхъ, и другихъ слѣдовало бы сравнять въ этомъ отношеніи.

Затѣмъ, почему взяты такія цифры для разныхъ видовъ предѣльнаго возраста? Почему 65 лѣтъ, а не 70 и 75 лѣтъ французскаго и бельгійскаго закона или не 75 лѣтъ, намѣченные составителями судебныхъ уставовъ? Для человѣка, ведшаго трудовую и скромную жизнь, 55—60 лѣтъ далеко не всегда соединены съ умственнымъ угасаніемъ или физическими немощами. Все зависитъ отъ индивидуальности, отъ образа жизни, отъ житейски-пережитаго, отъ способности жить отзывчиво на общіе интересы, не замыкаясь въ узкіе, профессіональные и лично—эгоистическіе взгляды, подготовляющіе почву для преждевременной ипохондрической дряхлости. Наконецъ—оставленіе судьи еще на три года службы по достиженіи предѣльнаго срока каждый разъ по Высочайшему разрѣшенію, испрошенному Министромъ Юстиціи, не подорветъ ли оно, въ самомъ принципѣ, идею установленія предѣльнаго возраста и не создастъ ли цѣлый рядъ нежелательныхъ явленій въ судебномъ вѣдомствѣ? Судья, близящійся къ роковому для него предѣлу, вмѣсто спокойнаго взиранія на свое личное и служебное будущее, не будетъ ли вынужденъ задумываться о необходимости искательства у своихъ предпоставленныхъ, отъ которыхъ будетъ зависѣть отзывъ о немъ въ центральное управленіе Министерства Юстиціи? Развѣ мысль объ этомъ и тревога предъ возможностью быть, на склонѣ дней, высаженнымъ за бортъ судебнаго корабля, а также дурно понятые или избранные способы *показаться энергичнымъ, полезнымъ* и даже *нужнымъ* для службы не отразятся на достоинствѣ дѣятельности стараго судьи и на результатѣ ея—на его приговорахъ и рѣшеніяхъ? Развѣ не придется бояться, какъ бы необходимая самостоятельность судьи и его свободная отъ личной зависимости спокойная объективность не стали прямо пропорціональны постоянно уменьшающемуся разстоянію, отдѣляющему его отъ грознаго предѣльнаго срока? Наконецъ, почему именно *три года*, а не пять лѣтъ, какъ въ Университетахъ и Военно-Медицинской Академіи? Эти три года напоминаютъ самую слабую сторону выборнаго мирового института... И тамъ только первый годъ проходитъ въ полномъ спокойствіи и отсутствіи заботы о своемъ положеніи,—на второй годъ чаще и чаще рисуется образъ недовольнаго избирателя или его вліятельнаго вдохновителя,—а на третій—служебное «memento mori» должно отравлять уравновѣшенность духа и вызывать стремленіе возстановить ее, иногда путемъ печальныхъ и даже унизительныхъ за-

искиваній предъ избирателями. Всѣ мы знаемъ, что это такъ или почти такъ. Къ чему же это начало тревоги и неувѣренности вноситъ и въ область общихъ судовъ, заставляя стариковъ, прослужившихъ многіе годы на судебной работѣ, въ понятномъ безпокойствѣ, при приближеніи предѣльнаго возраста, стремиться въ Петербургъ, чтобы держать въ просительной осадѣ пріемную Министра и департаментъ личнаго состава, напуская на себя внѣшнее спокойствіе и выдавая себя пытливымъ, встревоженнымъ и подернутымъ затаенною грустью и обидою взоромъ?

Установленіе предѣльнаго возраста по судебному вѣдомству есть отрицаніе за старостью вообще пригодности для исполненія работы, требующей неослабной энергіи и напряженія душевныхъ силъ и способностей. Но такъ ли это? Дѣйствительно ли старость уже такъ безпомощна сама по себѣ и безполезна для окружающихъ? Развѣ «охлажденны лѣта» безусловно обрекаютъ человѣка на жизнь въ прошломъ, въ области воспоминаній, дѣлая его въ дѣятельной и быстро бѣгущей жизни настоящаго лишь докучнымъ гостемъ, запоздавшимъ уйти? Ужели старику только и остается, что перебирать безполезными руками засохшіе цвѣты съ забытыхъ могилъ и взирать мертвенными и безучастными взорами на то, какъ вокругъ него, окруженнаго нетерпѣливымъ внѣшнимъ почтеніемъ, кипитъ молодая кровь и прилагается къ живому дѣлу избытокъ бодрыхъ силъ!

Жизнь говоритъ намъ другое. Западъ, гдѣ дѣятельность болѣе яркая и напряженная, гдѣ борьба за личное и матеріальное существованіе гораздо острѣе, чѣмъ у насъ,—этотъ Западъ блеститъ въ послѣднюю четверть вѣка именами старцевъ, которымъ могли бы позавидовать многіе молодые. Стоитъ вспомнить Тьера и его сподвижниковъ, стоитъ подумать, что лишь недавно сложили трудовыя руки—да еще и сложили ли окончательно—Бисмаркъ и Гладстонъ и что почти всѣ свѣтила умственной и научной дѣятельности Запада, въ ея разнообразныхъ отрасляхъ, сошли съ житейской сцены, давно перешагнувъ чрезъ то, что мы думаемъ обозначить словомъ «предѣльный возрастъ». Но и у насъ, даже въ туманномъ Петербургѣ, при всей неравномѣрности распредѣленія умственнаго труда, при тяжелыхъ условіяхъ физической жизни, вызываемыхъ дурнымъ климатомъ, отсутствіемъ свѣта и тепла, при скудости яркихъ, оживляющихъ впечатлѣній, живутъ и дѣйствуютъ старцы, у которыхъ молодежь можетъ научиться энергіи и «дѣятельной любви» къ своему труду. Первыми шагами вновь образованнаго въ 1866 году Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента руководилъ глубокій старикъ Корніолинъ-Пинскій. Его знанія, умъ и способность необыкновенно быстро усвоить себѣ основные пріемы новаго уголовнаго процесса—оставили свои слѣды на первыхъ кас-

саціонныхъ рѣшеніяхъ и блестяще проявились на первомъ, образцово имъ веденномъ въ Сенатѣ, дѣлѣ съ участіемъ присяжныхъ. А физически онъ былъ такъ слабъ, что его приходилось приносить въ засѣданія въ креслѣ. Два года назадъ скончался сенаторъ Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ. Ему было 75 лѣтъ, но всякій, кто встрѣчалъ его въ жизни или на службѣ, знаетъ, какая масса духовныхъ силъ таилось въ его свѣжей, впечатлительной и богатой душѣ и неудержимо рвалась изъ нея, выражаясь въ стойкой работѣ, въ словѣ, въ дѣлѣ, въ величавомъ и энергическомъ жестѣ. И не только въ званіи Сенаторовъ, но и въ должностяхъ старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ Палатъ въ первое двадцатипятилѣтіе судебныхъ уставовъ прошелъ предъ нами рядъ бодрыхъ духомъ и неустанныхъ въ безупречно выполняемой работѣ людей, которые или перешли за 60 лѣтній возрастъ или стояли на его порогѣ. И въ возрастѣ гораздо большемъ, чѣмъ самый предѣльный изъ предѣльныхъ, въ возрастѣ 80 лѣтъ, мы съ гордостью могли бы указать дѣятелей, приносимая которыми польза оцѣнена всѣми и признана съ высоты Престола. Достаточно указать на двухъ братьевъ Гротъ. Одинъ—Яковъ Карловичъ, умершій въ 1893 году, на 81 году жизни, до конца своихъ дней несъ, неутомимо и плодотворно, разностороннія обязанности вице-президента Академіи наукъ,—отзывчивый на все живое въ области умственнаго труда и предъ смертью еще, бодро взирая впередъ, собиравшій матеріалы для біографіи Пушкина и затѣявшій изданіе академическаго словаря русскаго языка; другой—Константинъ Карловичъ, тоже достигшій 80 лѣтъ, вложилъ, въ эти послѣдніе годы, въ организацію по всей Россіи учрежденій для призрѣнія и лѣченія слѣпыхъ неутомимую энергію дѣятельности, названной въ Высочайшемъ рескриптѣ на его имя «любвеобильною». Но будь носители этихъ глубоко почтенныхъ именъ на службѣ въ судебномъ вѣдомствѣ при дѣйствіи закона о предѣльномъ возрастѣ, имъ пришлось бы уже 15 лѣтъ назадъ быть обреченными на вынужденное бездѣйствіе. Они должны бы были быть признаны неспособными быть предсѣдательствующими судьями. А между тѣмъ одновременно съ К. К. Гротомъ воздано Высочайшее признаніе заслугъ Н. Х. Бунге, тоже перешедшему уже нѣсколько лѣтъ за нашъ предполагаемый предѣльный возрастъ, — при чемъ въ рескриптѣ на его имя именно указано на исполненное высокой полезности и умѣнья предсѣдательствованіе его въ одномъ изъ высшихъ государственныхъ учрежденій, стоящихъ неизмѣримо выше всякаго Окружного Суда или Палаты по своимъ задачамъ и по объему своей дѣятельности.

Поэтому лишь въ индивидуальныхъ свойствахъ судьи, въ его случайныхъ физическихъ немощахъ, въ его непредвидѣнномъ моральномъ ослабленіи, можетъ лежать нѣкоторая непригодность его для званія судьи,—а не въ возрастѣ, для всѣхъ равномъ, независимо отъ личныхъ свойствъ. Это доказывается, между прочимъ, и тѣмъ, что, напримѣръ, изъ Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената,

гдѣ требуется усиленная и постоянная дѣятельность, переводятся въ Судебные Департаменты Сената прежняго устройства и въ общія ихъ собранія преимущественно не старшіе изъ кассаціонныхъ Сенаторовъ по лѣтамъ и назначенію, а гораздо болѣе молодые, которымъ, въ силу разныхъ личныхъ, или исключительныхъ причинъ, становится тяжела трудная кассаціонная служба.

Напрасно указывается нѣкоторыми на то, что предѣльный возрастъ существуетъ въ военномъ и морскомъ вѣдомствѣ, что онъ желателенъ для врачей и техниковъ разнаго рода и что поэтому нѣтъ основаній не распространить его и на чиновъ судебнаго вѣдомства. Въ этомъ отождествленіи кроется большая ошибка. Лицамъ, упомянутымъ мною, должны всегда вѣрно и неизмѣнно служить ихъ внѣшнія чувства и ихъ физическая выносливость. Военная служба, въ главныхъ своихъ отправленіяхъ, немыслима при неспособности сѣсть на лошадь, при ослабленіи зрѣнія, препятствующемъ правильному прицѣлу, при болѣзненной старческой чувствительности къ перемѣнамъ температуры и т. п. То же примѣнимо и къ моряку, судьбою отданному на борьбу со стихіями. Машинистъ, телеграфистъ, начальникъ желѣзнодорожной станціи— должны находиться въ полномъ обладаніи всѣхъ внѣшнихъ способностей, должны быть постоянно на сторожѣ, на чеку. Отъ ошибочнаго впечатлѣнія воспринятаго ихъ внѣшними чувствами въ ихъ поспѣшной, непрерывной работѣ могутъ произойти большія несчастія. То же можно сказать и о врачѣ: — его правильный діагнозъ требуетъ употребленія способовъ и пріемовъ, обусловленныхъ тонкимъ развитіемъ воспріимчивости внѣшнихъ чувствъ.

Но у судьи развитіе этихъ чувствъ не представляется еще существенно важнымъ. Онъ не долженъ быть, конечно, глухъ и слѣпъ, но его дѣятельность состоитъ, главнымъ образомъ, въ нравственной и юридической комбинаціи полученныхъ имъ и провѣренныхъ его сотоварищами данныхъ. Въ доказательствахъ «чувственный опытъ судьи» играетъ, какъ извѣстно, далеко не первую роль, да и непосредственность этого опыта почти никогда не выпадаетъ на долю исключительно одного лица. Центръ тяжести — и въ прямомъ и въ переносномъ смыслѣ—лежитъ у судьи въ работѣ *шестого чувства,* — чувства совѣсти, — въ работѣ, гдѣ участвуетъ *внутренній взоръ,* устремленный въ глубь сознанія, и *внутренній слухъ,* чуткій, къ голосу этой совѣсти, которая, вмѣстѣ со звѣзднымъ небомъ, убѣждала Канта въ существованіи Бога... Поэтому объ отождествленіи профессій здѣсь не можетъ быть и рѣчи.

Нельзя сравнивать предѣльный возрастъ судьи *съ предѣльными годами службы* профессоровъ, установленными въ ученомъ и учебномъ вѣдомствахъ. Профессоръ подлежитъ увольненію послѣ выслуги опредѣленнаго числа лѣтъ—25-ти въ стѣнахъ и на кафедрѣ Университета или Военно-Медицинской Академіи; его предоставляется оставлять еще на льготный, дополнительный срокъ, пяти-

лѣтній,—итого онъ остается на службѣ обыкновенно тридцать лѣтъ. Можно очень сомнѣваться въ основательности такого правила. Съ одной стороны примѣръ ученыхъ, какъ Гнейстъ, Моммзенъ, Миттермайеръ или какъ нашъ Рѣдкинъ, достигшихъ на кафедрѣ глубокой и плодотворной, окруженной любовью и уваженіемъ благодарныхъ слушателей, старости, а съ другой постоянныя нарушенія этого правила приглашеніемъ выслужившихъ срокъ профессоровъ въ качествѣ частныхъ преподавателей — даютъ полное право на такое сомнѣніе. Но, во всякомъ случаѣ, характеръ дѣятельности профессора и судьи разный. Первый долженъ вѣчно слѣдить за движеніемъ своей науки, идти за нею или, вѣрнѣе, съ нею шагъ за шагомъ. Одинаковое напряженіе въ этомъ отношеніи въ теченіе тридцати лѣтъ почти невозможно и, во всякомъ случаѣ, должно составлять исключительное явленіе. Не надо забывать, что область научныхъ наблюденій и выводовъ все растетъ и въ ширину, и въ глубину. Она требуетъ молодыхъ силъ, новыхъ точекъ зрѣнія новыхъ горизонтовъ и неизвѣданныхъ путей. Поэтому смѣна поколѣній здѣсь можетъ играть немаловажную роль. Традиціи, преданія, незыблемость пріемовъ въ ученыхъ изслѣдованіяхъ иногда могутъ быть вредны, тормозя свободу научнаго мышленія. Но то, что не полезно для работы ученаго, необходимо и неизбѣжно въ дѣятельности судьи. Въ ней особенно цѣнны профессіональныя традиціи, создающія обязательный образъ поведенія и отношенія къ своему дѣлу въ рядѣ практическихъ случаевъ; въ ней должны соблюдаться преданія, установляющія преемственность взглядовъ на нравственныя обязанности судьи. Въ ней пріемы и способы изслѣдованія должны видоизмѣняться медленно и осторожно, лишь подъ давленіемъ насущныхъ потребностей жизни—и быстрая ихъ смѣна зачастую была бы признакомъ внутренней несправедливости тѣхъ или другихъ изъ нихъ. По существу своему наука прогрессивна, судебная дѣятельность—консервативна; взоръ ученаго устремленъ впередъ, къ новому, къ отысканію законовъ того или другого явленія; взоръ судьи обращенъ назадъ, къ отправнымъ точкамъ правосудія, къ освященнымъ вѣками началамъ общежитія, къ народному правосознанію, выраженному въ твердомъ словѣ закона, къ урокамъ собственнаго житейскаго опыта. Чѣмъ больше этого опыта, чѣмъ больше знанія жизни и чѣмъ дольше приходилось имѣть дѣло съ толкованіемъ и приложеніемъ закона, тѣмъ глубже и, слѣдовательно, полезнѣе дѣятельность судьи. А многое изъ этого достигается годами этой дѣятельности, и накопляясь въ зрѣломъ возрастѣ, образуетъ опредѣленное цѣлое къ годамъ такъ называемой старости, той старости, которая, по выраженію великаго поэта, «ходитъ осторожно и подозрительно глядитъ». Но эта осторожность и осмотрительность въ работѣ, касающейся судьбы человѣка, его чести — суть главныя, необходимыя свойства судьи, внутренняя гарантія правильности его рѣшеній. Поэтому старость, если только она не сопровождается маразмомъ, не только не недостатокъ въ

судьѣ, а скорѣе достоинство. Недаромъ вездѣ и во всѣ времена народъ избиралъ своими вожаками и въ особенности судьями «стариковъ» и «старшихъ», полагаясь на ихъ житейскую мудрость и самообладаніе.

Дѣятельность судьи гораздо ближе подходитъ къ дѣятельности пастыря церкви, чѣмъ къ педагогическому труду и изысканіямъ ученаго. И судья, и священникъ являются служителями отвлеченныхъ началъ, проникновеніе которыхъ въ общество поднимаетъ его, облагораживаетъ и даетъ нравственные устои собранію людей, обреченныхъ по физической своей природѣ на «bellum omnium contra omnes». Служеніе правосудію и религіи—есть прежде всего служеніе общественной нравственности. Область той и другой различна, пріемы служенія не сходны; судья сводитъ доступное человѣку въ условіяхъ мѣста и времени великое начало справедливости въ земныя людскія отношенія, — пастырь церкви, понимающій свою высокую задачу, поднимаетъ человѣка отъ мелочныхъ житейскихъ тревогъ и несчастій въ сферы вѣчныхъ началъ нравственности, надежды и любви къ ближнему, — но и тотъ, и другой служатъ, каждый по своему, сокровенной и непреходящей духовной жаждѣ вѣры и справедливости. Однако старость никогда не служитъ преградою для духовнаго лица въ его служеніи. Она украшаетъ это лицо, она придаетъ ему особый авторитетъ. Знаменитые церковные проповѣдники были стариками—и представленіе о лицѣ, подающемъ духовное утѣшеніе и изрекающемъ ободряющее слово прощенія, всегда невольно связывается съ почтенными сѣдинами старца, давно перешедшаго за грань животныхъ страстей. По отношенію къ духовнымъ лицамъ «предѣльный возрастъ» звучалъ бы болѣе чѣмъ странно, а между тѣмъ и они нуждаются въ полнотѣ умственныхъ и въ бодрости физическихъ силъ,—въ выносливости и въ способности къ серьезному выполненію всѣхъ своихъ обязанностей не менѣе, чѣмъ судьи. Между тѣмъ нельзя себѣ даже и представить возможности увольненія на покой, безъ ихъ собственной просьбы, такихъ пастырей, какъ напр. Иннокентій Харьковскій, Филаретъ Московскій, Платонъ Кіевскій, Макарій и др. — только потому, что они достигли «предѣльнаго возраста».

Увольненіе судей по «предѣльному возрасту» обрекаетъ ихъ на скудныя средства къ существованію, указанныя въ уставѣ о пенсіяхъ. Ничто не даетъ основанія разсчитывать на скорый пересмотръ этого устава въ законодательномъ порядкѣ и на устраненіе изъ него механическаго дѣленія пенсіонеровъ на прослужившихъ до 25 лѣтъ и прослужившихъ до 35 лѣтъ, благодаря которому не годы дѣйствительнаго труда, а совершенно случайный и произвольный признакъ является мѣриломъ размѣра пенсіи, при чемъ девять съ половиною лѣтъ службы (отъ 25 до $34^1/_2$ лѣтъ) вмѣняется ни во что. Трудно ожидать и широкаго примѣненія начала усиленныхъ пенсій, о которыхъ говорится въ представленіи Государ-

ственному Совѣту о предѣльномъ возрастѣ. Притомъ эти усиленныя пенсіи, противъ которыхъ, даже какъ противъ временной мѣры, настойчиво и категорически возражало финансовое вѣдомство, предположено выдавать въ теченіе 25 лѣтъ послѣ изданія закона о возрастномъ цензѣ лишь тѣмъ судьямъ, которые вступили въ судебное вѣдомство до изданія этого закона и не имѣли еще возможности выслужить какія либо права на пенсію или же выслужили недостаточный пенсіонный окладъ. А затѣмъ для будущихъ судей, да вѣроятно и для настоящихъ, остается заманчивая перспектива увольненія по предѣльному возрасту съ пенсіею въ установленномъ законами размѣрѣ. Размѣръ этихъ пенсій извѣстенъ. На немъ, вѣроятно, не разъ останавливалась тревожная мысль каждаго судьи, не обладающаго личными доходами, независимыми отъ службы. Это для члена Палаты или Окружного Суда — за 35 лѣтъ службы — 572 руб. и за 25 лѣтъ—256 руб. сер., а для судебнаго слѣдователя—429 руб. — за 35 лѣтъ и 214½ руб. — за 25 лѣтъ, при чемъ надо замѣтить, что при предѣльномъ возрастѣ въ 55 лѣтъ—судебные слѣдователи *никогда* не будутъ выслуживать *полнаго* оклада, т. е. 429 руб. сер., ибо для этого слѣдовало бы поступить на службу 20½ лѣтъ, что, при необходимыхъ для существующаго *образовательнаго ценза* годахъ ученія,—представляется невозможнымъ.

Могутъ возразить, что есть и *эмеритальная пенсія*. Да, есть! Но, не говоря уже о томъ, что она въ извѣстной степени составляетъ возвращеніе судьѣ многолѣтнихъ вычетовъ изъ имъ же заработаннаго содержанія, размѣры ея вовсе не представляютъ такого обезпеченія, на которое судья могъ бы взирать безъ всякой тревоги за свое матеріальное положеніе .Члены Палаты и суда за 35 лѣтъ службы—получаютъ 900 руб. эмеритальной пенсіи, за 34 года уже только 660, а за 25 лѣтъ лишь 450 руб. Итакъ всей пенсіи — эмеритальной и казенной — они получаютъ за 35-лѣтнюю службу—1,472 руб., за 34-лѣтнюю службу — 1,282 руб. и за 25-лѣтнюю—736 руб. Этотъ размѣръ впрочемъ иногда подлежитъ увеличенію, но для этого надо, чтобы судьба такого судьи, озабочиваясь лучшимъ устройствомъ его матеріальнаго положенія, сдѣлала надлежащія распоряженія, предусмотрѣнныя статьями устава о пенсіяхъ и устава эмеритальной кассы, въ коихъ говорится о совершенно разстроенномъ здоровьѣ, о приключившейся тяжкой неизлечимой болѣзни, о разбитіи параличемъ, потерѣ разсудка, тяжкомъ увѣчьѣ и совершенной потерѣ зрѣнія или слуха.

И такъ вотъ при какихъ условіяхъ долженъ наступать предѣльный возрастъ для судей...

Таково довольно безотрадное положеніе судьи, достигшаго предѣльнаго возраста. Послѣ многихъ лѣтъ усиленнаго труда, добросовѣстное исполненіе котораго почти уничтожаетъ всякую возможность личной жизни и посторонняго заработка въ области науки, искусства и литературы, — онъ долженъ до крайности ограничить свои и безъ того скромныя потребности и въ безвѣстной бѣдности

встрѣтитъ старость, которая имѣетъ законное право на нѣкоторый уходъ и скромныя житейскія удобства, вытекающія изъ склада всей предшествующей жизни. Но еще съ этимъ можно, скрѣпя сердце, помириться. Сначала, конечно, будетъ трудно втиснуть себя въ новыя, сжатыя и ограниченныя рамки жизни, но потомъ, подъ вліяніемъ привычки и свойственной человѣку приспособляемости къ внѣшнимъ условіямъ, все мало-по-малу устроится и, быть можетъ, скудная удобствами и новыми впечатлѣніями, жизнь сложится хотя безцвѣтно, но сносно. Это возможно однако лишь для одинокаго человѣка. Но много ли такихъ? Благо судьѣ, если у него есть престарѣлая мать, братья, сестры, въ заботѣ о которыхъ смягчается сердце, но по общему правилу судьѣ надо быть женатымъ. Ему надлежитъ не только видѣть и наблюдать, но и испытать на себѣ эту сторону жизни. Въ тихихъ радостяхъ семьи—для него главный источникъ поддержки и ободренія на трудовомъ пути; въ семейныхъ скорбяхъ, тревогахъ и даже разногласіяхъ—школа самообладанія и терпимости, столь необходимыхъ для внутренней стороны его судейской дѣятельности. Семейная жизнь ограждаетъ судью отъ несовмѣстимыхъ съ его званіемъ легкомысленныхъ увлеченій и вызываемаго ими ложнаго положенія, она избавляетъ его отъ щемящей тоски одиночества, заставляющей бѣжать изъ дому и «убивать время», пригрѣваясь около чужой семьи или проводя длинные вечера за картами. Семья, чрезъ дѣтей, связываетъ его съ послѣдующими поколѣніями и придаетъ взглядамъ, проводимымъ имъ въ его дѣятельности, мудрую и предусмотрительную заботу о нравственномъ будущемъ того общества, въ которомъ будутъ жить его дѣти. Его дѣти... но при этомъ словѣ—представленіе о предѣльномъ возрастѣ пріобрѣтаетъ особенно печальный колоритъ. Повидимому при составленіи проекта о предѣльномъ возрастѣ упущенъ изъ виду весьма важный элементъ для сужденія о справедливости и цѣлесообразности этого нововведенія. Этотъ элементъ—*брачный возрастъ*.

При существующей у насъ системѣ средняго образованія и при дѣйствіи устава о воинской повинности, получающая высшее образованіе молодежь имѣетъ возможность вступать въ бракъ довольно поздно. За норму окончанія курса въ университетѣ можно принять, при благопріятныхъ притомъ условіяхъ, возрастъ отъ 22 до 23 лѣтъ, хотя не рѣдки случаи окончанія курса въ 24 и даже 25 л. Потомъ слѣдуетъ годъ отбыванія воинской повинности и лишь затѣмъ уже наступаетъ для посвящающаго себя судебной дѣятельности служба. Но какая это служба? Кандидатство на судебныя должности и занятіе мѣстъ помощниковъ секретаря или, въ лучшемъ случаѣ, секретаря въ судебныхъ мѣстахъ. При строго и совершенно справедливо примѣняемомъ Министерствомъ Юстиціи четырехлѣтнемъ срокѣ для занятія должностей, сопряженныхъ съ самостоятельною дѣятельностью, указанномъ 205 и 210 ст. Учр. суд. уст., и при сравнительно медленномъ открытіи вакансій, кан-

дидатъ на судебныя должности лишь подъ тридцать лѣтъ можетъ занять мѣсто товарища прокурора Окружного Суда или судебнаго слѣдователя, т. е. получить возможность обезпеченнаго, хотя и крайне скромнаго, въ смыслѣ матеріальныхъ средствъ, существованія. Съ новымъ назначеніемъ обыкновенно сопряжено переселеніе въ совершенно новую мѣстность. Надо въ ней оглядѣться, устроиться, войти въ мѣстное общество, укрѣпиться въ своемъ служебномъ положеніи. Поэтому вопросъ о бракѣ въ большинствѣ случаевъ возникаетъ у лицъ судебнаго вѣдомства уже перешедшихъ 30 лѣтній возрастъ, и если только этотъ бракъ совершается не въ ослѣпленіи страсти, а съ сознаніемъ обязанностей, налагаемыхъ вновь учреждаемою семьею, и съ мыслью о дѣтяхъ, то можно сказать, не боясь погрѣшить противъ истины, что онъ заключается послѣ 35 лѣтъ, когда судебный дѣятель болѣе или менѣе приблизился къ скромному въ смыслѣ обезпеченія, но прочному положенію члена Окружного Суда. Итакъ, время отъ 35 до 40 лѣтъ—есть нормальное, хотя и довольно позднее время для вступленія въ бракъ чиновъ судебнаго вѣдомства. Но при такомъ *брачномъ возрастѣ* судья, достигшій *предѣльнаго возраста,* будетъ имѣть старшихъ дѣтей въ возрастѣ отъ 19 до 24 лѣтъ, т. е. — если это сыновья — окажется уволеннымъ отъ службы именно въ то время, когда имъ надо оканчивать курсъ и когда они, именно для этого, нуждаются въ напряженной матеріальной поддержкѣ со стороны родителей, которую придется болѣе или менѣе затѣмъ продолжать еще года три послѣ окончанія курса. И вотъ, въ это важное для судьбы дѣтей время, когда нельзя отказать сыну въ необходимыхъ расходахъ для успѣшнаго окончанія курса и первыхъ шаговъ жизни, когда «заневѣстившуюся», по живописному народному выраженію, дочь нельзя держать въ отчужденіи отъ умственной и общественной жизни ея сверстницъ,—въ это то именно время бюджетъ судьи сокращается почти на половину и тѣ скромные расходы, которые еще вчера казались возможными, становятся непозволительною и неосуществимою роскошью. Тутъ уже не одно личное положеніе, но и самыя святыя чувства отца подвигнутъ его на паломничество въ Петербургъ, на «осаду» Министерства, на проведеніе въ его стѣнахъ докучливыхъ для другихъ и тягостныхъ для себя минутъ «просительской тоски» и на исканіе чьего либо безплоднаго и деморализирующаго покровительства. Конечно, *вина* такого судьи большая: онъ достигъ предѣльнаго возраста! Но не будетъ ли уже слишкомъ строгимъ наказаніемъ ставить его въ такое положеніе, что онъ окажется вынужденнымъ сказать каждому изъ учащихся сыновей своихъ: твой дѣдъ былъ скромный труженикъ, ничего не оставившій мнѣ въ наслѣдство, — я женился на твоей матери по чувству, а не по разсчету, и не имѣлъ случая, вкуса и возможности заняться какимъ-нибудь выгоднымъ предпріятіемъ, но вотъ нынѣ наступилъ «предѣльный возрастъ» — и тебѣ надо оставить спокойное занятіе наукою и чтеніемъ по предметамъ твоей спеціаль-

ности. Иди просить пособія у своего учебнаго начальства, иди—или нѣтъ! пойдемъ вмѣстѣ — искать уроковъ, занятій корректора и т. п..... Прости ты меня, старика, не могущаго поставить тебя на ноги своимъ трудомъ.....

Но, быть можетъ, скажутъ намъ—судья, уволенный по предѣльному возрасту, не лишенъ возможности заниматься на другихъ поприщахъ службы или частной дѣятельности и возмѣстить такимъ образомъ постигшую его матеріальную утрату. Дозволительно однако спросить—какія же это поприща и какія это частныя занятія? Добросовѣстная судебная дѣятельность требуетъ усидчивыхъ занятій въ предѣлахъ одной и той же профессіи; она поглощаетъ человѣка, одареннаго обыкновенными, средними способностями, всецѣло, и оставляемый ею досугъ неизбѣжно и по праву долженъ принадлежать отдыху въ той или другой формѣ. Поэтому — предѣльный возрастъ будетъ заставать судью совершенно не приготовленнымъ не только къ какой либо службѣ, требующей техническихъ знаній и опыта (каковы напримѣръ акцизная, податная, желѣзнодорожная и т. п. службы), но и къ частной профессіи ремесленнаго или промышленнаго характера. Трудно, чтобы не сказать невозможно, представить себѣ отставного судью во главѣ типографіи, фотографическаго заведенія, переплетной или столярной мастерской и т. п. Да и тѣ вѣдомства, гдѣ нужны или полезны юридическое образованіе и навыкъ, едва ли возьмутъ къ себѣ такого судью. Шестидесяти или шестидесятипятилѣтнему, пришлому изъ другого вѣдомства, человѣку нельзя поручить прямо отвѣтственной и требующей спеціальнаго опыта должности вице - директора или даже старшаго дѣлопроизводителя, на которую притомъ масса «своихъ» заслуженныхъ кандидатовъ.

О частной службѣ и говорить нечего. Въ провинціи ея нѣтъ или почти нѣтъ. Въ большихъ городахъ и въ столицахъ, при современной «борьбѣ за существованіе» у старика всегда окажется масса болѣе молодыхъ, предпріимчивыхъ и, быть можетъ, болѣе покладистыхъ конкурентовъ, за плечами которыхъ не стоятъ годы окруженнаго уваженіемъ самостоятельнаго труда и которымъ, поэтому, легче приноровляться къ личнымъ взглядамъ и капризамъ хозяина или къ высокомѣрному снисхожденію собственника какого нибудь «интеллигентнаго» предпріятія. Банки, заводскія и фабричныя конторы, правленія акціонерныхъ обществъ, редакціи газетъ и т. п. завалены предложеніями труда и едва ли нуждаются для своихъ обыденныхъ функцій въ старикахъ съ юридическимъ образованіемъ и неудобною привычкою къ самостоятельности... Остается служба частному человѣку въ его частныхъ, личныхъ дѣлахъ. Но — изъ уваженія къ судейскому званію лучше не заглядывать въ эту область... То, что возможно для большинства отставныхъ чиновниковъ—нравственно невозможно для судьи. Они идутъ, напримѣръ, часто, иногда и во время состоянія на службѣ, въ управляющіе домами богатыхъ людей—и даже весьма цѣнятся въ этомъ званіи,

оплачиваемомъ обыкновенно квартирою въ натурѣ. Но развѣ возможно, чтобы бывшій судья, который еще вчера, при молчаніи почтительно вставшей публики, провозглашалъ рѣшенія и приговоры отъ имени Императорскаго Величества—являлся сегодня у мирового судьи съ ходатайствомъ о выселеніи неисправнаго въ платежѣ жильца, или вмѣстѣ съ судебнымъ приставомъ описывалъ его имущество, или же выступалъ повѣреннымъ домовладѣльца по предъявленному полиціею обвиненію въ несвоевременной очисткѣ выгребныхъ ямъ?! Нѣтъ, лучше крайняя бѣдность, чѣмъ такая несовмѣстимая со всѣмъ прошлымъ роль...

Было бы, однако, несправедливо смотрѣть на «предѣльный возрастъ» лишь съ точки зрѣнія матеріальнаго обезпеченія судьи. Если положеніе дѣлъ таково, что отсутствіе смѣняемости по достиженіи опредѣленнаго возраста, отражается пагубно на судебной работѣ, то затрудненія, вызываемыя тягостною матеріальною обстановкою увольняемыхъ судей, не должны останавливать законодателя. Интересы населенія требуютъ правильнаго и успѣшнаго отправленія правосудія — и имъ можно принести въ жертву интересы отдѣльныхъ лицъ. Salus populi suprema lex!—Но таково ли дѣйствительное положеніе дѣла?—При возникновеніи послѣднихъ предположеній о введеніи предѣльнаго возраста выяснено, что число лицъ, имѣющихъ достигнуть этого возраста въ періодъ съ 1889 г. по 1900 г. включительно равняется, считая въ томъ числѣ и предсѣдателей, 342 (т. е. въ среднемъ около 29 человѣкъ въ годъ), изъ коихъ только 30 выслуживаютъ государственную и эмеритальную пенсію въ полномъ размѣрѣ. Между тѣмъ по свѣдѣніямъ сборника статистическихъ свѣдѣній Министерства Юстиціи за 1891 г. — въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ членовъ Палатъ было 167, членовъ Окружныхъ Судовъ—926 и судебныхъ слѣдователей—1,334, а всего—2,427 человѣкъ. Съ тѣхъ поръ еще открыты—одинъ новый департаментъ Палаты и четыре Окружныхъ Суда. Принимая во вниманіе добровольный выходъ въ отставку усталыхъ судей и слѣдователей,—повышеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ по службѣ и наконецъ смертность, столь сильную, по природѣ вещей, между людьми, перешедшихъ грань 55-ти лѣтъ, можно смѣло взять половину вышеприведенной цифры, такъ что въ нѣдрахъ судебнаго сословія окажется около 160 стариковъ, достигшихъ предѣльнаго возраста, т. е. менѣе чѣмъ $^1/_{15}$ часть или около 6% всего числа судей и слѣдователей. Но и между ними далеко не всѣ, конечно, должны находиться въ томъ состояніи физическаго ослабленія, противъ котораго направлено установленіе предѣльнаго возраста. Ихъ можетъ оказаться никакъ не болѣе половины, т. е. около 3% всего числа. Ужели такое количество «усталыхъ» судебныхъ чиновъ можетъ существенно повліять на отправленіе правосудія? Ужели ради нихъ

надо повѣсить надъ головою всего судебнаго вѣдомства Дамокловъ мечъ предѣльнаго возраста и внѣдрить въ него начало тревоги, растущее съ каждымъ годомъ отбытаго труда, съ каждымъ годомъ труда предстоящаго? Если возрастъ слѣдователя и сопряженные съ нимъ немощи пойдутъ въ разрѣзъ съ его разъѣздами и вообще хлопотливою дѣятельностью, онъ самъ не въ силахъ будетъ продолжать свою работу или недостатки ея и вызываемыя ими взысканія укажутъ ему краснорѣчиво его дальнѣйшую негодность. Но можно ли, по совершенно внѣшнему и въ высшей степени индивидуально-измѣнчивому признаку пресѣкать полезную дѣятельность человѣка, уменьшенная стремительность работы котораго съ избыткомъ искупается житейскимъ опытомъ и наростающимъ съ годами знаніемъ преступной стороны человѣческой природы? И развѣ судебная служба по существу своему такова, что для нея имѣютъ одинаковую цѣну и неофиты, и ветераны школы жизни и наблюденія? Зачѣмъ же мы, въ такомъ случаѣ, вздыхаемъ по судебномъ слѣдователѣ западно-европейскаго образца, этомъ слѣдственномъ судьѣ, который есть *старшій членъ суда.* Недолго пришлось бы намъ пользоваться услугами такихъ старшихъ членовъ при предѣльномъ возрастѣ! Еще менѣе основаній видѣть серьезное препятствіе для хода правосудія отъ пребыванія стариковъ въ составѣ судебныхъ коллегій.

Да будетъ мнѣ дозволено обратиться къ личнымъ воспоминаніямъ. Во время службы моей въ судебномъ вѣдомствѣ, съ самаго введенія въ 1866 году судебной реформы, я видѣлъ стариковъ въ должностяхъ членовъ Суда и Палаты,—видѣлъ ихъ въ званіи выборныхъ мировыхъ судей, къ числу коихъ и самъ имѣлъ честь долгое время принадлежать въ качествѣ столичнаго и уѣзднаго почетнаго мирового судьи. Тщетно ищу я въ памяти моей случаевъ, когда ихъ участіе вредно отражалось бы на дѣлѣ или когда они составляли бы безполезный и отяготительный привѣсокъ къ судебной коллегіи. Здѣсь неумѣстно называть имена, но я съ глубокимъ уваженіемъ вспоминаю моихъ товарищей, перешедшихъ за предѣльный возрастъ. Ихъ стариковское упорство во взглядахъ лишь заставляло глубже вдумываться въ дѣло и вызывало пренія, всегда желательныя;—ихъ житейская опытность и многолѣтняя служба дѣлали ихъ живыми хранилищами полезныхъ свѣдѣній и указаній;—ихъ умудреный годами взглядъ помогалъ нерѣдко проникать въ сердцевину вопроса, не останавливаясь надъ раскопками подробностей. Могутъ сказать, что присутствіе стариковъ въ коллегіи затягиваетъ обсужденіе дѣла, что они плохіе докладчики и что имъ трудно бываетъ писать рѣшенія по слабости усталаго зрѣнія. Да! все это такъ,—но продленіе совѣщанія о судьбѣ или имуществѣ человѣка никогда не можетъ считаться *недостаткомъ* судебной работы;—для замѣны докладчика всегда, къ чести судебной корпораціи, найдутся и постоянно находятся болѣе молодые товарищи, а письменная, хотя и трудно дающаяся, работа стариковъ до сихъ

поръ выдѣляется лучшею редакціею, сохраняющею сжатый стиль и точный языкъ былыхъ судебныхъ опредѣленій. Поэтому, если старикъ и задерживаетъ иногда быстроту работы коллегіи, если онъ въ своемъ трудѣ и нуждается подчасъ въ помощи и содѣйствіи болѣе молодыхъ товарищей, то зато онъ вноситъ обыкновенно въ коллегію полезный нравственный элементъ. Старикъ менѣе отзывчивъ на «злобу дня», болѣе объективенъ и очень часто болѣе принципіаленъ. Смѣняющіяся краски мимолетныхъ явленій жизни уже не развлекаютъ и не волнуютъ его; для его много пережившей души не существуетъ *неизвѣданныхъ* впечатлѣній, а внутренній взоръ его таинственно обращенъ за предѣлъ его уже короткой жизни. Поэтому и въ настоящемъ онъ дорожитъ не тѣмъ, что временно и преходяще, а тѣмъ, что въ предѣлахъ человѣческаго разумѣнія, вѣчно и прочно, т. е. основными и коренными началами, на которыхъ строится правосудіе. Сверхъ того онъ вноситъ въ коллегію своимъ присутствіемъ элементъ достоинства отношеній. Подобно тому, какъ пребываніе женщины въ томъ или другомъ обществѣ незамѣтно налагаетъ на всѣхъ присутствующихъ извѣстную сдержанность, присутствіе въ составѣ коллегіи стараго лѣтами судьи устраняетъ запальчивые споры и рѣзкіе по формѣ доводы. Старикъ, независимо отъ своей воли, создаетъ обыкновенно вокругъ себя необходимое для правосудія, чуждое личныхъ пререканій, спокойствіе. Старческій возрастъ внушаетъ къ себѣ невольное уваженіе и въ разгарѣ несогласій и споровъ напоминаетъ о словахъ Апостола: «предъ лицомъ сѣдаго возстани и почти лицо старче». Наконецъ, какъ уже было мною сказанно, старики—хранители преданій, они же и главные страдальцы за нихъ. «Пока живо преданіе, говоритъ Кантъ, подъ знаменемъ его могутъ работать разныя поколѣнія, но разъ оно умерло—первыми бѣгутъ молодые, потомъ средніе, а на стариковъ сыплются насмѣшки». За эти свойства старика можно извинить и медлительность его работы, и его физическія немощи. Помощь или поддержка со стороны товарищей облагораживаетъ ихъ самихъ. Она указываетъ на сознаніе ими того, что судьба соединила ихъ на службѣ общему дѣлу, на стремленіи къ одной нравственной цѣли, по дорогѣ къ которой постыдно тяготиться своими ранеными и покидать усталыхъ. Товарищеская поддержка и снисхожденіе къ утомленному дѣятелю есть лучшее проявленіе существованія *судебной семьи,* солидарной въ трудѣ, въ нравственной отвѣтственности и въ перенесеніи житейскихъ испытаній.

Трудна судебная служба. Быть можетъ ни одна служба не даетъ такъ мало неотравленныхъ чѣмъ нибудь радостей и не сопровождается такими внутренними скорбями и испытаніями, лежащими притомъ не *внѣ ея,* а въ *ней самой.* На низшихъ и среднихъ ступеняхъ она не даетъ матеріальнаго достатка взамѣнъ упорнаго, невиднаго толпѣ труда, требующаго нерѣдко напряженія всѣхъ силъ, а иногда и самоотверженія во имя *отвлеченнаго идеала* справедливости. Ни въ одной дѣятельности не приходится такъ часто тре-

вожить свою совѣсть, то призывая ее въ судьи, то требуя отъ нея указаній, то отыскивая въ ней и въ ней одной, поддержки и утѣшенія. Притомъ общіе результаты дѣятельности судьи не осязаемы. Они несомнѣнно существуютъ, они важны—но уловить ихъ отдѣльному человѣку не удается и счастія сказать: «я сдѣлалъ то-то», «я содѣйствовалъ тому-то» — судьѣ по большей части не дано, за исключеніемъ развѣ отдѣльныхъ случаевъ правосуднаго участія въ судьбѣ какого либо изъ «алчущихъ и жаждущихъ правды». Есть однако въ упорномъ, но незамѣтномъ извнѣ, служеніи вѣчному началу справедливости свое глубокое нравственное наслажденіе. Только покупается оно дорогою цѣною нравственнаго и физическаго утомленія и требуетъ, прежде всего, большаго равнодушія къ земнымъ благамъ, извѣстнаго «sursum corda» и глубокой, непоколебимой любви къ своему народу, несмотря на то, что приходится встрѣчаться въ своемъ дѣлѣ почти исключительно съ отрицательными и темными сторонами этого народа. Немудрено, что эта дѣятельность утомляетъ человѣка,—что, по отзыву компетентныхъ психіатровъ и врачей нервныхъ болѣзней, значительную долю обращающихся къ нимъ за совѣтомъ, вслѣдствіе крайняго переутомленія или сильнаго нервнаго разстройства, составляютъ чины судебнаго вѣдомства. Въ этомъ напряженіи всѣхъ силъ ея тягость, но въ этомъ же и ея нравственная привлекательность. Судебная служба есть *служеніе* въ настоящемъ и глубокомъ смыслѣ слова. Вступая въ судебную семью, приходится отрѣшиться отъ многихъ житейскихъ вожделѣній и обречь себя на упорный трудъ въ самой скромной обстановкѣ. Чтобы сдѣлать это легко и безъ малодушнаго раскаянія въ будущемъ надо сознавать, что этому труду можетъ быть посвящена *вся жизнь,* что подъ кровомъ этой семьи пройдутъ и тихо догорятъ всѣ «судьбой отсчитанные дни». Безъ поддержанія этого сознанія легко получить вмѣсто судей—чиновниковъ, избравшихъ судебную службу случайно, потому лишь, что въ данный моментъ имъ не представилось другого мѣста, болѣе выгоднаго въ смыслѣ карьеры или обезпеченія. «Предѣльный возрастъ» можетъ убить это сознаніе и создать для судей, вмѣсто спокойнаго и самостоятельнаго *служенія правосудію,* обыкновенную заурядную службу, имѣющую характеръ *личнаго найма на срокъ* для писанія рѣшеній и приговоровъ, за установленную по штатамъ плату.

III.

Особыя мнѣнія по проектамъ Уст. Угол. Суд. и Учрежд. Суд. Установленій, составленнымъ Высочайше учрежденною въ 1894 году Коммиссіею.

I.

Объ устройствѣ слѣдственной части.

(Проектъ Учр. Суд. Уст. ст. 5).

Возложеніе на участковаго судью производства предварительныхъ слѣдствій и отдѣльныхъ слѣдственныхъ дѣйствій возможно лишь въ двухъ случаяхъ: или при освобожденіи его отъ всѣхъ остальныхъ его обязанностей, ибо только при этомъ условіи въ дѣлахъ и дѣятельности такого судьи удастся избѣжать замедленія, небрежности, запутанности и вреднаго для правосудія смѣшенія и взаимнаго перекрещиванія функцій уголовнаго и гражданскаго судьи, слѣдователя, нотаріуса и охранителя по дѣламъ гражданскимъ,—или же при значительномъ и существенномъ сокращеніи числа дѣлъ, по коимъ должно производиться предварительное слѣдствіе. Въ *первомъ* случаѣ не представляется основаній называть судью, спеціально предназначеннаго для производства слѣдствій, *участковымъ* и вызывать въ населеніи недоумѣніе о томъ, какой же изъ участковыхъ судей есть судья въ собственномъ смыслѣ слова и какой судебный слѣдователь;—цѣлесообразнѣе оставить старое, привычное названіе судебнаго слѣдователя или же назвать лицо, обязанное производить слѣдствія, *слѣдственнымъ судьею*. Во *второмъ* случаѣ сокращеніе числа дѣлъ, по коимъ производится предварительное слѣдствіе, неразрывно связано съ расширеніемъ предѣловъ,

объема, формъ и пріемовъ полицейскаго дознанія, которое должно, подъ руководствомъ прокурорскаго надзора, получить процессуальныя свойства и силу нынѣшняго предварительнаго слѣдствія. Такое расширеніе значенія дознанія, идущее въ разрѣзъ со взглядами и началами, проведенными составителями судебныхъ уставовъ въ нынѣ дѣйствующій уставъ уголовнаго судопроизводства, представляется крайне нежелательнымъ и съ точки зрѣнія процессуальной, и съ точки зрѣнія практической. Съ первой изъ нихъ—всякій случай, когда признается необходимымъ предварительное изслѣдованіе не только событія преступленія, но и вины въ немъ того или другаго лица, подвергаемаго, въ качествѣ обвиняемаго, разнаго рода стѣсненіямъ, долженъ пройти черезъ руки лица, облеченнаго судебною властью и подготовленнаго къ ней. Одного усердія, исполнительности, энергіи и даже техническаго умѣнья для правильнаго и правосуднаго изслѣдованія мало; нужны необходимая независимость и спокойствіе сужденія, юридическое развитіе, умѣнье распознавать между гражданскими и уголовными элементами подлежащаго изслѣдованію дѣянія и правильно квалифицировать послѣднее и, наконецъ, свобода отъ постороннихъ указаній, а слѣдовательно и вліяній. Послѣднія свойства—*и то далеко не въ полной мѣрѣ*—еще могли бы быть принадлежностью чиновъ *судебной полиціи*, если бы таковую можно было организовать такъ, чтобы она была поставлена въ полную зависимость отъ органовъ судебнаго вѣдомства, комплектовалась по выбору представителей этого вѣдомства изъ лицъ, спеціально подготовленныхъ своимъ образованіемъ, и очищалась отъ непригодныхъ дѣятелей по распоряженію судебной власти. Но для организаціи *такой* судебной полиціи нѣтъ ни матеріальныхъ средствъ, ни другихъ необходимыхъ условій и потому, согласно предположеніямъ проекта устава уголовнаго судопроизводства, производство дознаній, замѣняющихъ предварительныя слѣдствія по всѣмъ дѣламъ о преступленіяхъ, влекущихъ, по нынѣ дѣйствующему уложенію о наказаніяхъ, лишеніе и ограниченіе всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ, должно быть предоставлено чинамъ уѣздной и городской полиціи, до урядниковъ, полицейскихъ и околодочныхъ надзирателей и помощниковъ полицейскихъ надзирателей включительно, подъ условіемъ выдержанія ими установленнаго для сего, въ порядкѣ инструкціонномъ, испытанія. Съ точки зрѣнія практической возложеніе такихъ дознаній въ сущности на общую полицію и при томъ въ большинствѣ случаевъ на низшихъ ея органовъ при ея настоящемъ развитіи, нравственномъ уровнѣ и зависимости—было бы сопряжено съ отсутствіемъ серьезнаго ручательства въ томъ, что предварительное изслѣдованіе по обширному кругу уголовныхъ дѣлъ не отойдетъ на практикѣ къ пріемамъ и цѣлямъ до-реформеннаго времени и что, не смотря на наблюденіе прокурорскаго надзора, во множествѣ случаевъ почти неосуществимаго въ надлежащихъ размѣрахъ безъ обремененія Государственнаго казначейства учрежденіемъ многочисленныхъ должностей товарищей

прокурора, дознанія такого рода не будутъ представлять именно тѣхъ свойствъ, которыя побудили законодателя отчасти еще въ 1860 году и затѣмъ въ 1864 году изъять слѣдственную часть изъ рукъ полиціи. Въ этомъ убѣждаютъ: почти единогласное мнѣніе Совѣщанія старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ палатъ, бывшаго въ 1894/5 гг., рядъ дѣлъ о злоупотребленіяхъ чиновъ полиціи, предусмотрѣнныхъ 338, 341, 342, 345, 346, 348 и др. ст. улож. о нак., возникающихъ въ большомъ количествѣ и представляющихъ яркіе примѣры неуваженія къ закону и къ правамъ частныхъ лицъ и отсутствіе *дѣйствительной отвѣтственности* полиціи за нарушенія по судебной части предъ своимъ непосредственнымъ начальствомъ, часто оправдывающимъ эти нарушенія. Передача общей полиціи значительной части теперешнихъ слѣдствій было бы шагомъ назадъ, далеко за предѣлы 1864 года.

Вслѣдствіе сего я полагаю *оставить существующій порядокъ*, изображенный въ ст. 6 дѣйствующаго учр. суд. уст., назвавъ лишь слѣдователей, буде это признается нужнымъ, слѣдственными судьями.

II.

О предварительномъ слѣдствіи.

По существующему нынѣ порядку, изслѣдованіе преступленій и выясненіе виновности заподозрѣннаго лица производится путемъ предварительнаго слѣдствія, возлагаемаго закономъ на особо уполномоченное лицо—судебнаго слѣдователя, получившаго, по общему правилу, высшее юридическое образованіе, состоящаго на службѣ по вѣдомству юстиціи, дѣйствующаго подъ наблюденіемъ прокурорскаго надзора и подчиненнаго надзору окружнаго суда. За исключеніемъ случаевъ маловажныхъ, по свойству своему, преступленій, не влекущихъ за собою какого-либо пораженія правъ виновнаго, ни одно дѣло,—кромѣ дѣлъ о преступленіяхъ государственныхъ и нѣкоторыхъ дѣлъ о преступленіяхъ по должности,—не можетъ подлежать разсмотрѣнію суда уголовнаго безъ производства по нему предварительнаго слѣдствія, при чемъ и по упомянутымъ выше дѣламъ судъ не лишенъ права потребовать производства слѣдствія. Производимое по дѣйствующему уставу уголовнаго судопроизводства полиціею *дознаніе* имѣетъ значеніе *розыска* и формальной силы не имѣетъ, подлежа безусловной провѣркѣ при предварительномъ слѣдствіи.

Проектъ уст. угол. суд., въ статьяхъ 107, 109, 136, 137, 145 и 146, предполагаетъ установить иной порядокъ. Для огромнаго большинства дѣлъ, подлежащихъ обсужденію общихъ судовъ, нынѣшнее предварительное *слѣдствіе* замѣняется *дознаніемъ*, производимымъ чинами общей и жандармской полиціи, причемъ лицамъ прокурор-

скаго надзора предоставляется не только непосредственное руководство дѣйствіями чиновъ, производящихъ дознаніе, но и право прекращенія сихъ дознаній въ цѣломъ рядѣ случаевъ. Въ немногихъ, сравнительно, случаяхъ, гдѣ, по особой важности преступленія, будетъ требоваться предварительное слѣдствіе, производство его возлагается проектомъ на участковыхъ судей, въ качествѣ одной изъ разнообразныхъ, лежащихъ на нихъ, обязанностей.

Съ этимъ порядкомъ, какъ въ его цѣломъ, такъ и въ частностяхъ, составляющихъ его подробное развитіе, я, съ своей стороны, никакъ не могу согласиться.

Законодательство наше давно уже сознало, путемъ долгаго и тягостнаго опыта, оставившаго по себѣ непрерскаемыя свидѣтельства, что передача слѣдственныхъ обязанностей полиціи, къ нимъ неподготовленной и имѣющей свои прямыя занятія, вредно отражается на правосудіи и на взглядѣ на него народа. По этому, еще за шесть лѣтъ до введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, было создано учрежденіе судебныхъ слѣдователей при судахъ старой формаціи, и изданъ наказъ, опредѣлявшій способъ и пріемы ихъ дѣйствій. Лишь въ столицахъ остались приставы слѣдственныхъ дѣлъ, поставленные однако въ особое положеніе, ограниченные исключительно слѣдственною дѣятельностью и избираемые изъ лицъ съ высшимъ юридическимъ образованіемъ. Судебные уставы императора Александра II ввели повсемѣстно судебныхъ слѣдователей, замѣняя ими, при дальнѣйшемъ своемъ распространеніи по территоріи Россіи, полицейскихъ чиновъ, облеченныхъ слѣдственною властію. Огромные участки и связанные съ этимъ разъѣзды и накопленіе дѣлъ вызываютъ, по временамъ, жалобы на медленность и неудовлетворительность слѣдствій, но можно смѣло утверждать, что за все время существованія учрежденія судебныхъ слѣдователей не было случаевъ привлеченія кого-либо изъ нихъ къ отвѣтственности за злоупотребленія властію и жестокости, употребленныя какъ средства для достиженія того или другого слѣдственнаго результата, тогда какъ не только до-реформенная, но и современная хроника преступленій по должности богаты обвиненіями полицейскихъ чиновъ въ истязаніяхъ при исполненіи обязанностей службы, причемъ обвиняемыми являются далеко не низшіе чины полиціи, а именно такіе, которымъ, согласно ст. 103 и 105 проекта, будетъ поручаемо производство слѣдственныхъ дознаній. Изслѣдованіе преступленія, направленное къ практическому результату, имѣетъ въ себѣ заманчивыя и вмѣстѣ опасныя стороны, отъ увлеченія которыми можетъ удержать не выдержаніе испытанія, установленнаго ст. 104 проекта, не знаніе техники и ловкая распорядительность, а лишь правовое и высшее нравственное развитіе, даваемыя высшимъ спеціальнымъ образованіемъ. Гарантію такого развитія и представляютъ судебные слѣдователи въ ихъ *настоящемъ* положеніи, очерченномъ судебными уставами. Поэтому переходъ отъ *розыскнаго дознанія* по уставамъ 1864 года къ проектируемому *слѣдственному*

дознанію составлялъ бы ощутительный и рѣзкій *шагъ назадъ*, идущій въ разрѣзъ со всѣмъ ходомъ нашего законодательства по этой части.

Нѣтъ основанія къ принятію проектированнаго порядка и въ имѣвшихся въ виду Коммисіи заявленіяхъ объ отдѣльныхъ случаяхъ успѣшно и правильно произведенныхъ полицейскими чинами дознаній, ибо производившіе ихъ всегда знали, что ихъ дѣйствія будутъ провѣрены при предварительномъ слѣдствіи и, кромѣ того, вовсе не обладали значительной долею тѣхъ правъ относительно личности заподозрѣннаго, его свободы и общественнаго положенія, которыя имъ предполагается предоставить при *слѣдственномъ дознаніи*. Возможная провѣрка этихъ дѣйствій судомъ гораздо затруднительнѣе какъ по времени слушанія дѣла, такъ и по условіямъ сего слушанія, причемъ провѣрка эта будетъ затрудняема и тѣмъ, что въ сущности она будетъ касаться дѣяній прокуратуры, имѣющей особыя полномочія по отношенію къ дознанію; оправдательнымъ же приговоромъ по неправильно произведенному дознанію уже, въ большинствѣ случаевъ, не можетъ быть возмѣщенъ тотъ нравственный ущербъ, который нанесенъ обвиняемому односторонними и неправомѣрно усердными дѣйствіями производившаго дознаніе полицейскаго чина.

Не представляетъ *дѣйствительныхъ* гарантій правильнаго производства слѣдственныхъ дознаній и проектированное наблюденіе или, вѣрнѣе, надзоръ прокуратуры, ибо, *во-первыхъ*, едва ли можно разсчитывать на такое численное увеличеніе товарищей прокурора, чтобы они могли на самомъ дѣлѣ и на мѣстѣ руководить чинами полиціи въ производствѣ дознаній; тѣ же финансовыя причины, которыя нынѣ, къ величайшему сожалѣнію, препятствуютъ увеличенію числа судебныхъ слѣдователей, не дадутъ возможности увеличить число товарищей прокурора, и наблюденіе послѣднихъ на практикѣ сведется къ бумажному ознакомленію съ большинствомъ дознаній, причемъ существенныя нарушенія могутъ быть искусно скрыты или вовсе неуловимы; и, *во-вторыхъ*, проектированный надзоръ долженъ явиться извращеніемъ начала объ отдѣленіи судебной власти отъ обвинительной, составляющаго одну изъ коренныхъ основъ судебныхъ уставовъ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.—Притомъ же, значеніе прокуратуры при слѣдственномъ дознаніи не представляется въ проектѣ выдержаннымъ послѣдовательно, такъ какъ, съ одной стороны, чины прокуратуры облекаются властью непосредственно производить дознанія и получаютъ право принимать лично мѣры пресѣченія, а съ другой стороны, опредѣленіе случаевъ, въ коихъ нужно непосредственное производство дознаній, не предоставлено даже опытности прокурора окружнаго суда.

Въ виду этого, крайне нежелательно предоставленіе чинамъ полиціи права производства существенныхъ слѣдственныхъ дѣйствій и принятія мѣръ пресѣченія, кромѣ исключительныхъ случаевъ *неотложности*, предоставляющихъ ей это право и нынѣ. Равно-

мѣрно нежелательно разрѣшеніе прокурору или его товарищу прекращать слѣдственныя дознанія по неразысканію или необнаруженію виновнаго (ст. 137 и 146 проекта), чѣмъ уничтожается всякая гарантія противъ неосновательныхъ дознаній, возбуждаемыхъ лицами прокурорскаго надзора подъ вліяніемъ односторонняго увлеченія и ими же, затѣмъ, безконтрольно со стороны судебной власти, прекращаемыхъ. Сюда же надо отнести лишеніе суда права потребовать, согласно существующему порядку, производства слѣдствія по дознанію, представленному суду при обвинительномъ актѣ (ст. 545 уст. угол. суд. и ст. 480 проекта), чѣмъ уничтожается существенная гарантія противъ поспѣшныхъ и неосмотрительныхъ *единоличныхъ* преданій суду со всѣми ихъ неудобными и для суда, и для обвиняемаго послѣдствіями.

Всякая служебная дѣятельность, и въ томъ числѣ судебная и спеціально слѣдственная, достигаетъ въ своихъ результатахъ тѣмъ большаго успѣха, чѣмъ болѣе *однородны* по своему составу, способу назначенія, преданіямъ и условіямъ службы тѣ органы, на которыхъ эта дѣятельность возлагается. Это и имѣли въ виду судебные уставы 1864 года, создавая, *въ вѣдомствѣ Министерства Юстиціи*, для производства слѣдствій, судебныхъ слѣдователей, тѣсно связанныхъ со всею судебною организаціею, въ различные члены которой имъ приходится переходить въ теченіе своей службы, и подлежавшихъ наградамъ и взысканіямъ въ порядкѣ, опредѣленномъ этими уставами. Ничего подобнаго не представятъ собою чины, въ руки которыхъ предполагается *передать слѣдствіе подъ видомъ дознанія*. Принадлежа къ другому вѣдомству, чуждые руководящимъ началамъ судейской дѣятельности, не имѣющіе основанія сливаться въ оцѣнкѣ мотивовъ своихъ дѣйствій съ установившимися въ судебномъ вѣдомствѣ, путемъ долгой практики и компетентныхъ разъясненій, взглядами и зависящіе, въ концѣ концовъ, по отношенію къ *дѣйствительнымъ* поощреніямъ и взысканіямъ лишь отъ своего начальства, они, тѣмъ не менѣе, будутъ полагать основаніе огромному большинству уголовныхъ дѣлъ. Законодатель призналъ, въ 1889 году, необходимымъ подвергнуть судебное вѣдомство значительному сокращенію объема его дѣятельности, но для дальнѣйшаго, *по собственному почину*, сокращенія этого объема не представляется, въ виду изложенныхъ соображеній, никакой надобности.

Въ заключеніе надлежитъ замѣтить, что съ установленіемъ слѣдственныхъ дознаній должность судебнаго слѣдователя упраздняется, и слѣдствія по наиболѣе важнымъ дѣламъ будутъ производиться участковыми судьями, у которыхъ на рукахъ будутъ, сверхъ того, разбирательство уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ съ обширною подсудностью, охранительныя дѣла и, вѣроятно, нотаріальныя функціи. При такихъ условіяхъ и при практической невозможности возложенія столькихъ разнообразныхъ обязанностей на одно лицо, предварительныя слѣдствія, производимыя участковыми судьями,

должны будутъ неминуемо пострадать какъ въ своей тщательности, такъ и въ своевременности своего производства. Поэтому необходимо оставить порядокъ и организацію производства предварительныхъ слѣдствій въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они начертаны въ дѣйствующемъ нынѣ законѣ.

III.

По вопросу о городскихъ и уѣздныхъ отдѣленіяхъ окружнаго суда.

Согласно примѣчанію 2 къ ст. 2 проекта Учр. суд. устан. въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введено положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ, вѣдѣнію послѣднихъ предоставляются судебныя дѣла, въ семъ положеніи указанныя. Поэтому, въ виду признанія большинствомъ Коммисіи невозможности полнаго изъятія, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ дѣйствуютъ ссудебно-административныя учрежденія по закону 12-го іюля 1889 года, изъ вѣдѣнія участковыхъ земскихъ начальниковъ всѣхъ дѣлъ судебныхъ—и признанія несвоевременнымъ даже и *ограниченія* ихъ судебной компетенціи лишь дѣлами маловажными и притомъ исключительно судебно-распорядительнаго характера,—*въ вышеозначенныхъ мѣстностяхъ необходимо оставить существующую нынѣ организацію общихъ судебныхъ учрежденій, безъ всякихъ въ ней измѣненій.* Приспособленіе организаціи окружнаго суда и его отдѣленій къ существующимъ уже учрежденіямъ путемъ устройства, наряду со съѣздомъ земскихъ начальниковъ, особаго апелляціоннаго суда для мѣстныхъ дѣлъ, неподсудныхъ земскимъ начальникамъ, должно вызвать массу затрудненій личнаго и финансоваго свойства и оказаться нецѣлесообразнымъ. Число дѣлъ, разсматриваемыхъ въ уѣздѣ въ качествѣ подсудныхъ первой инстанціи суда и въ то же время неподсудныхъ земскимъ начальникамъ, будетъ весьма незначительно. Поэтому задача *приближенія суда* къ народу не будетъ достигнута, ибо все-таки самыя близкія къ народу учрежденія будутъ не судебныя, а судебно-административныя и притомъ вѣдающія дѣла, непосредственнымъ образомъ касающіяся самыхъ насущныхъ и ежедневныхъ интересовъ народнаго быта. Въ виду этого измѣнять существующую организацію окружнаго суда и учреждать особый апелляціонный судъ на мѣстѣ не представляется основаній. Не достигнуто будетъ и *объединеніе.* Существованіе рядомъ двухъ апелляціонныхъ инстанцій, одной—съ чрезвычайно обширной компетенціею, а другой—съ весьма ограниченной, представитъ, во всякомъ случаѣ, лишь *полуобъединеніе,* чтобы не сказать *раздвоеніе,* причемъ такая двойственная организація мѣстнаго суда можетъ затѣмъ обратиться въ типическую и быть признана господствующею на всей территоріи. Въ существо предположеній о слитіи нынѣ дѣйствующихъ мировыхъ судебныхъ

учрежденій съ общими въ одну единую іерархическую организацію положена мысль объ установленіи участковыхъ судей, которые, въ своей совокупности, должны составить широкое и прочное основаніе всему судебному зданію и придать ему надлежащую устойчивость и опору. Эти судьи и стоящія надъ ними уѣздныя и городскія отдѣленія окружнаго суда должны, по предположеніямъ Коммисіи, приблизить къ народонаселенію разбирательство дѣлъ. Даже и находя въ этой организаціи недостатки, нельзя не признать за нею значительной стройности. Но ни о стройности, ни объ устойчивости не можетъ быть и рѣчи, когда въ мѣстностяхъ, гдѣ дѣйствуютъ участковые земскіе начальники, изъ основанія этой постройки будутъ вынуты почти всѣ составныя его части. Если нельзя достигнуть ни *объединенія*, ни *приближенія юстиціи* къ народу, то для чего же и перестраивать окрѣпшее отъ свыше тридцатилѣтняго опыта зданіе, созданное учрежденіемъ судебныхъ установленій 20-го ноября 1864 г.?

IV.

Объ апелляціонномъ производствѣ.

Не отрицая нѣкоторыхъ недостатковъ, присущихъ апелляціонному порядку судопроизводства, я, тѣмъ не менѣе, не могу присоединиться къ предполагаемому уничтоженію апелляціоннаго обжалованія приговоровъ коллегіальнаго суда первой степени, особливо при той обширной подсудности, которая устанавливается проектомъ по отношенію къ суду безъ участія присяжныхъ засѣдателей, и при нормальномъ составѣ сего суда изъ трехъ членовъ, причемъ, въ уѣздныхъ отдѣленіяхъ окружнаго суда, организованныхъ на съѣздовомъ началѣ, двое изъ этихъ судей не будутъ имѣть *надлежащей судейской независимости*, о чемъ мною изложено въ соотвѣтствующемъ особомъ мнѣніи къ статьямъ учр. суд. уст. о порядкѣ опредѣленія и увольненія участковыхъ судей.—Хотя первая инстанція и имѣетъ дѣло съ живымъ матеріаломъ, недоступнымъ, по большей части, инстанціи апелляціонной, но есть однако рядъ дѣлъ, въ коихъ рѣшеніе о винѣ или невиновности основывается на оцѣнкѣ неизмѣннаго письменнаго матеріала (дѣла по преступленіямъ печати, о преступленіяхъ противъ казны и т. п.) и гдѣ правда лишь выигрываетъ отъ всесторонняго разсмотрѣнія матеріала, къ каковому разсмотрѣнію привлекаются болѣе опытные и стоящіе внѣ мѣстныхъ вліяній юристы. Да и въ дѣлахъ рѣшаемыхъ на основаніи свидѣтельскихъ показаній, огромное значеніе имѣетъ тотъ или другой выводъ, дѣлаемый изъ совокупности или различныхъ сопоставленій сихъ показаній, ибо онъ кладется въ основаніе юридической квалификаціи судимаго дѣянія. Эти выводы и основанная на нихъ квалификація могутъ быть, съ *кассаціонной*

точки зрѣнія, безупречны, будучи однако построены на ошибочномъ, невѣрномъ, одностороннемъ или предвзятомъ толкованіи фактовъ, установленныхъ свидѣтельскими показаніями. Кассаціонное обжалованіе тутъ помочь не можетъ, и самый неправильный *по существу* приговоръ можетъ, въ части примѣненія закона къ установленнымъ признакамъ, быть изложенъ такъ искусно съ формальной точки зрѣнія, что окажется непоколебимымъ. Въ этомъ отношеніи высшая инстанція—Судебная Палата или Правительствующій Сенатъ — могутъ и должны служить существеннымъ средствомъ для возстановленія дѣйствительнаго правосудія, а въ случаѣ утвержденія ею приговора — ручательствомъ, въ глазахъ общества и заинтересованныхъ лицъ, въ томъ, что первый приговоръ постановленъ правильно. Наконецъ апелляціонный пересмотръ, грозящій отмѣною приговора, всегда нежелательною для судей первой инстанціи, побуждаетъ ихъ болѣе внимательно и критически дѣйствовать въ оцѣнкѣ и соображеніи доказательствъ. Въ этомъ отношеніи апелляціонная инстанція является хорошею школою для судей первой инстанціи. Поэтому я полагалъ бы необходимымъ сохранить существующій нынѣ порядокъ апелляціоннаго обжалованія приговоровъ коллегіальнаго суда безъ участія присяжныхъ засѣдателей.

V.

По вопросу объ увольненіи Судей.

Въ пунктѣ 1-мъ статьи 321 предполагается, сверхъ содержащагося и нынѣ, ст. 295[2] у. с. у., указанія на совершеніе судьею такихъ служебныхъ упущеній, которыя, хотя и не влекутъ удаленія его отъ должности по суду, но по своему значенію или многократности, свидѣтельствуютъ о несоотвѣтствіи виновнаго въ нихъ судьи занимаемому имъ положенію или о явномъ съ его стороны пренебреженіи къ своимъ обязанностямъ—добавить еще указаніе и на полную его *неспособность* къ исполненію сихъ обязанностей, какъ на поводъ къ *увольненію его отъ должности*. Я, съ своей стороны, нахожу, что эта добавка представляется излишней и крайне нежелательной.

Излишнею въ томъ случаѣ, если доказательствами неспособности будутъ признаваться многократныя или имѣющія особое значеніе дисциплинарныя упущенія по службѣ, ибо въ понятіи о несоотвѣтствіи судьи занимаемому имъ положенію содержится и понятіе о неспособности его къ исполненію судейскихъ обязанностей, проявившейся въ опредѣленныхъ дѣйствіяхъ или упущеніяхъ. *Нежелательною* въ томъ случаѣ, если поводомъ къ увольненію по этой статьѣ будутъ признаваться, какъ предполагаютъ всѣ остальные члены соединеннаго засѣданія комиссіи, частое и продолжи-

тельное нездоровье судьи, плохое качество его работы, затрудненіе въ систематическомъ и своевременномъ изготовленіи таковой, одряхлѣніе и т. п., однимъ словомъ разнообразныя проявленія ослабленія у судьи силъ умственныхъ и физическихъ. Увольненіе судьи на небольшую и, по условіямъ жизни, крайне скудную пенсію, послѣ того, какъ силы его въ теченіе многихъ лѣтъ были отданы судейской службѣ—причемъ пріисканіе другихъ занятій является и невозможнымъ, и, подчасъ, унизительнымъ—представляется несправедливымъ. Нравственный долгъ товарищей поддерживать въ трудѣ ослабѣвшаго и, по возможности, помогать ему, что до сихъ поръ обыкновенно и дѣлалось; для предотвращенія вступленія больного судьи на самый краткій срокъ въ должность, съ цѣлью перерыва, установленнаго ст. 252 проекта (ст. 229 дѣйствующаго учрежд. Суд. Уст.), годового срока, можетъ быть указанъ дѣйствительный коррективъ; всѣ же остальные недостатки судьи должны находить себѣ выраженіе въ поступкахъ или упущеніяхъ, указанныхъ выше. Иначе не будетъ никакого объективнаго и прочнаго признака неспособности судьи, а все будетъ сводиться къ субъективной оцѣнкѣ, при которой предложеніе объ увольненіи судьи, о которомъ говорится въ ст. 321, будетъ неминуемо черпать для себя основанія въ представленіяхъ предпоставленныхъ надъ судьею лицъ. Но гдѣ ручательство въ спокойномъ безпристрастіи такихъ представленій, въ отсутствіи въ нихъ личныхъ взглядовъ на свойство и необходимыя условія судейскаго труда, въ отсутствіи субъективныхъ вкусовъ, симпатій и антипатій представляющаго? Кто, затѣмъ, будетъ опредѣлять *неспособность судьи* вслѣдствіе его одряхлѣнія и т. п.? Товарищи? Но это значитъ обрекать ихъ на тяжелую нравственно и едва ли цѣлесообразную роль... Или какое-нибудь присутствіе съ участіемъ врачебнаго элемента? И какимъ образомъ требовать отъ судьи, согласно той же статьи, *объясненія* по предмету его *неспособности* или *дряхлости?* Все это создаетъ для судьи шаткое, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и недостойное его, по отношенію къ сослуживцамъ и ближайшему начальству, положеніе, существенно поколеблетъ его судейскую самостоятельность и, въ концѣ концовъ, все таки вынудитъ требовать дѣйствій и упущеній, закрѣпленныхъ дисциплинарнымъ путемъ. Поэтому я полагалъ бы остаться при существующей редакціи ст. 295[2] у. с. у.

VI.

О порядкѣ увольненія судей.

(По ст. 299—305 проэкта учр. суд. установленій).

Признавая особую важность не только за содержаніемъ, но и за способомъ изложенія статей, опредѣляющихъ необходимую для судьи обезпеченность независимости и самостоятельности его убѣ-

женія, я полагаю сохранить *положительную форму* опредѣленія условій несмѣняемости, содержащуюся въ ст. 72 и 243 у. с. у. Допустивъ по соображеніямъ, коихъ я совершенно не раздѣляю, переносъ этихъ статей изъ отдѣла *«о правахъ и обязанностяхъ лицъ судебнаго вѣдомства»* въ отдѣлъ *«объ опредѣленіи и увольненіи отъ должностей»*, едва ли есть основаніе излагать новую ст. 296 такъ, что центръ тяжести ея лежитъ не въ *общемъ правилѣ* (несмѣняемость), а въ *исключеніи изъ нея* (увольненіе безъ прошенія, т. е. по 3 пункту). Въ ст. 297—302 проекта предположено предоставить временное устраненіе и увольненіе отъ должности, а также перемѣщеніе на равную должность участковыхъ, добавочныхъ и почетныхъ судей въ случаяхъ, указанныхъ 297—301 ст. проекта, Консультаціи, при Минист. Юстиціи учрежденной.

Положеніе будущаго участковаго судьи нынѣ вполнѣ выяснилось и, хотя по классу должности (VI вмѣсто V) и по предполагаемому нѣкоторыми размѣру содержанія (1800 р. въ годъ), онъ и будетъ стоять ниже нынѣшняго Мироваго Судьи, но его однако не представляется возможнымъ сравнивать, по объему правъ и существу лежащихъ на немъ обязанностей, ни съ Мировымъ Судьей по назначенію отъ правительства, ни съ городскимъ Судьею, по отношенію къ которымъ вышеупомянутыя устраненіе, увольненіе и перемѣщеніе примѣняются распоряженіями Министра Юстиціи и постановленіями Консультаціи. Обширная уголовная подсудность, обязанности по производству слѣдствій и отдѣльныхъ слѣдственныхъ дѣйствій по охранительному производству и по нотаріальной части, и широкій кругъ гражданскихъ дѣлъ, даже и о недвижимомъ имуществѣ, подвѣдомыхъ единоличному суду, ставятъ участковаго судью въ непосредственное соприкосновеніе съ самыми живыми и насущными интересами населенія и могутъ сдѣлать исполненіе ими своихъ обязанностей предметомъ гораздо большаго и обостреннаго неудовольствія, чѣмъ это можетъ вызывать простая подача голоса со стороны члена Окружнаго Суда, входящаго въ составъ судебной коллегіи и увольняемаго, и то лишь въ особыхъ случаяхъ, Сенатомъ.

Поэтому такой судья нуждается и лично для себя, и въ глазахъ населенія въ неменьшемъ обезпеченіи устойчивости своего положенія, чѣмъ членъ Окружнаго Суда. Эта устойчивость придается судьѣ непререкаемымъ и исторически сложившимся авторитетомъ Сената, который одинъ можетъ имѣть право увольнять Судей разныхъ наименованій въ случаяхъ исключеній изъ нынѣ дѣйствующихъ ст. 72 и 243 у. с. у., какъ-то и было признано Госуд. Совѣтомъ при начертаніи Судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. Какъ бы ни былъ высокъ, по своему служебному достоинству, составъ Консультаціи, она такого авторитета имѣть не можетъ уже потому, что входя въ составъ центральнаго управленія вѣдомствомъ и представляя собою по существу лишь совѣщательное установленіе, она не является тѣмъ высшимъ учрежденіемъ, коимъ, по

2 ч., I т. Свода законовъ, признается Правительствующій Сена
Кромѣ того составъ Консультаціи представляется въ каждомъ за
даніи въ нѣкоторой мѣрѣ случайнымъ и перемѣнчивымъ, выдѣленіе
изъ ея состава опредѣленныхъ лицъ для совѣщанія о судьѣ
подлежащихъ увольненію, устраненію или перемѣщенію на ос
ваніи 297 и слѣд. статей проекта, какъ всякое образованіе ка
тельнаго учрежденія «ad hoc», могло бы вызывать, быть мож
не имѣющія фактическаго основанія, но тѣмъ не менѣе, вреди
для правильной постановки судейскаго званія, сомнѣнія въ са
стоятельности взглядовъ членовъ такого совѣщанія. При томъ—пе
несеніе центра тяжести окончательнаго рѣшенія объ увольне
единоличнаго судьи съ высшаго коллегіальнаго установленія,
ковъ Сенатъ, на Министра Юстиціи усугубило бы чрезвычай
труды, и безъ того на немъ лежащіе, настойчивыми домогате
ствами тѣхъ, кто лично или по чувству солидарности взгляд
или интересовъ недоволенъ дѣятельностью мѣстнаго судьи и, п
мыми или косвенными выраженіями ихъ неудовольствія, въ слу
признанія этихъ изъ домогательствъ лишенными основанія. Ин
ресы населенія и правосудія требуютъ, безъ сомнѣнія, возможно
скорѣйшаго удаленія судьи, оказавшагося недостойнымъ сво
званія, но,—особливо въ виду необходимости истребованія отъ об
няемаго объясненія по 299 ст. проекта,—эта возможность своди
лишь къ лучшей и болѣе воспріимчивой, въ смыслѣ незамед
тельности дѣйствій, организаціи Соединеннаго Присутствія Сена
что конечно легко достижимо путемъ наказа или особыхъ прави
содержащихся въ законѣ.

Поэтому, слѣдовало бы исключить изъ ст. 297, 300 и
проекта указанія на Консультацію, сосредоточивъ примѣненіе сі
статей исключительно въ Соединенномъ Присутствіи Сената и п
томъ не вносить въ послѣднюю (302 ст.) правила о представле
постановленій Соединеннаго Присутствія на благовоззрѣніе
Императорскаго Величества, ибо таковое вовсе не входило въ
конъ о высшемъ дисциплинарномъ судѣ, всесторонне обсужд
ный Государственнымъ Совѣтомъ въ 1885 г. и противорѣчило
началу, по коему опредѣленія Правительствующаго Сената, въ
конномъ порядкѣ постановленные, на Высочайшее утвержде
вовсе не восходятъ.

VII.

По вопросу о явкѣ судьи къ должности.

Право судьи, вновь назначеннаго въ должность, пользовать
согласно 224 ст. учр. суд. уст., мѣсячнымъ срокомъ, (независи
отъ поверстнаго), для вступленія въ должность, предназначен
къ упраздненію, связано съ особенностями судейскаго званія и
важностью лежащихъ на судьѣ обязанностей. Оно не должно бы

поставлено въ зависимость отъ того обстоятельства, получилъ ли вновь назначенный должность въ мѣстѣ своего жительства или внѣ онаго. Начало «roulement» обусловливаетъ назначеніе цивилистовъ, на мѣста, требующія знанія уголовной техники, и наоборотъ,—почему необходимо дать судьѣ время хотя бы отчасти подготовиться къ новому, необычному дѣлу и усвоить себѣ его спеціальные пріемы. Мѣсяца для этого едва достаточно. Даже и при полученіи новаго назначенія въ предѣлахъ одной и той же спеціальности необходимо предварительное ознакомленіе съ положеніемъ и ходомъ дѣлъ, кои возлагаются на вновь назначеннаго, съ его спеціальными, новыми обязанностями. Ни членъ суда, ни лицо прокурорскаго надзора не имѣютъ, напр., повода знакомиться, до назначенія въ должность предсѣдателя, съ его правами и обязанностями по надзору за судебными приставами, по счетоводству и т. п. Вступивъ въ должность уже поздно учиться, и вновь вступившій *теоретически* долженъ быть также хорошо вооруженъ, какъ и его товарищи. Поэтому полагаю, что мѣсячный срокъ долженъ быть сохраненъ безусловно, даже изъ *простого уваженія къ важности судебныхъ обязанностей и рокового значенія ошибокъ при исполненіи таковыхъ*.

VIII.

О мировыхъ судьяхъ.

Принимая во вниманіе, что не смотря на упраздненіе выборныхъ мировыхъ судей по закону 12 Іюля 1889 года и замѣну ихъ участковыми земскими начальниками, такіе судьи были сохранены въ столицахъ, Харьковѣ, Нижнемъ-Новгородѣ и Одессѣ на основаніи соображеній, изложенныхъ при обсужденіи вышеупомянутаго закона въ Государственномъ Совѣтѣ, и находя, что такое исключеніе должно быть *во всякомъ случаѣ сохранено* и при учрежденіи участковыхъ единоличныхъ судей, я не вижу основаній, почему бы не сохранить и впредь званіе и должность выборнаго мироваго судьи въ вышеупомянутыхъ городахъ, тѣмъ болѣе, что въ нихъ дѣятельность судей и ихъ переизбраніе не могутъ находиться подъ вліяніемъ мелкихъ партійныхъ воздѣйствій, возможность коихъ въ небольшихъ городахъ была однимъ изъ основаній къ уваженнымъ Государственнымъ Совѣтомъ возраженіямъ противъ выборнаго начала въ судѣ.

ДОПОЛНЕНІЯ КЪ КАССАЦІОННЫМЪ ДОКЛАДАМЪ.

X.

По дѣлу фонъ-Бракеля, обвиняемаго по 29 ст. Устава о Наказаніяхъ.

Алфредъ фонъ-Бракель признанъ Юрьево-Верроскимъ Мировымъ Съѣздомъ виновнымъ въ простушкѣ, предусмотрѣнномъ 29 ст. уст. о нак., по предъявленному къ нему обвиненію *во-первыхъ*—въ украшеніи, во время празднованія юбилея разрѣшенной между студентами Юрьевскаго Университета корпораціи «Ливонія», наружнаго фасада своего дома цвѣтными бантами корпоративныхъ цвѣтовъ, фонариками, зеленью и лифляндскимъ губернскимъ гербомъ,—цвѣта котораго употребляются «Ливоніею»,—на что имъ не было испрошено надлежащаго разрѣшенія и *во-вторыхъ*—въ неустраненіи этихъ украшеній по послѣдовавшему требованію полицейской власти. Съѣздомъ признано, что празднованіе юбилея Ливоніи не только не представляло собою того торжественнаго случая, когда признается, по силѣ 129 ст. уст. предупр. и пресѣч. преступленій т. XIV Св. Зак., возможнымъ дозволить украшеніе зданій флагами, но и самое это празднество было дозволено студентамъ ихъ университетскимъ начальствомъ, какъ видно изъ приводимаго Съѣздомъ отношенія ректора университета, лишь въ видѣ празднованія «Ливоніею» такъ называемаго Коммерса. Поэтому Съѣздомъ найдено, что въ настоящемъ случаѣ никакого торжества, въ смыслѣ установленнаго закономъ, не было, вслѣдствіе чего требованіе полиціи о снятіи нѣкоторыхъ украшеній, какъ имѣвшее цѣлью возстановленіе общественнаго порядка и вытекавшее изъ предписаній 5 п. 681, 688 и 711 ст. т. II Св. зак. и 1 п. 129 и 135 ст. уст. о предупр. и пресѣч. прест., было законно и подлежало исполненію подъ угрозою взысканіемъ по 29 ст. уст. о нак.—По неоднократнымъ рѣшеніямъ Правит. Сената 1881 г. № 2, 1887 г. № 29, 1891 г. № 21 и 1892 г № 6, а также 1871 г. № 1595 и 1873 г. № 450 и др. для призна

или требований полицейской власти законными и для применения по этому 29 *ст. уст. о нак. необходимо, чтобы* таковыя были основаны на *законѣ или законномъ постановленіи* надлежащей власти и входили въ кругъ вѣдомства и дѣятельности полиціи. Ст. 12 уст. о предупр. и пресѣч. прест.,—*возлагающая* на полицію наблюденіе за тѣмъ, чтобы въ тѣхъ торжественныхъ случаяхъ, когда признается *возможнымъ* дозволить украшеніе зданій флагами, употребляемъ былъ исключительно русскій національный флагъ, кромѣ случаевъ, когда для чествованія пріѣзжающихъ въ Имперію членовъ царствующихъ династій и почетныхъ представителей иностранныхъ государствъ будетъ признано необходимымъ украсить дома флагами ихъ національности,—относится, по смыслу своему, къ публичнымъ празднованіямъ и торжественнымъ собраніямъ, имѣющимъ характеръ національный и общегосударственный, причемъ и внѣшнее выраженіе праздничнаго настроенія *допускается* лишь посредствомъ одинаковаго символа, общаго для всего государства или же *предписывается* въ видѣ привѣтствія флагомъ, свойственнымъ національности, а слѣдовательно и государству, къ коему принадлежитъ высокій иностранный гость не той или другой мѣстности, а всей Имперіи Россійской. Но ни въ уставѣ о предуп. и пресѣч. прест. т. XIV Св. Зак., ни въ отдѣлѣ второмъ главы III о преступленіяхъ *противъ* благочинія, порядка и спокойствія Устава о нак. н. м. с., ни въ уставѣ строительномъ (т. XII ч. 1 Св. Зак.) не содержится однако запрещенія украшать свои дома во время торжествъ, имѣющихъ мѣстный или частный характеръ, не воспрещенныхъ полиціею на основ. 116, 118 и 121 ст. уст. о предупр. и пресѣч. прест., причемъ употребляемыя при этомъ украшенія недопустимы подъ угрозою взысканія, указаннаго въ ст. 45 уст. о нак., лишь въ случаѣ *явнаго нарушенія благопристойности* по своему соблазнительному виду. Между тѣмъ ни полиціею, возбудившею дѣло, ни Мировымъ Съѣздомъ въ данномъ случаѣ не указано и не установлено, чтобы банты цвѣтовъ, свойственныхъ корпораціи Лифонія, губернскій гербъ и фонарики, коими былъ украшенъ фасадъ дома фонъ-Бракеля во время невоспрещеннаго полиціею на основаніи 116 и 118 ст. уст. пред. и пресѣч. прест. празднованія юбилея «Лифонія», въ чемъ либо нарушали благопристойность или благочиніе, тѣмъ болѣе, что украшеніе по тому же поводу дома фонъ-Бракеля зеленью, какъ видно изъ дѣла, было допущено полиціею безпрепятственно и о снятіи таковаго ею требованія предъявлено не было. Вмѣстѣ съ тѣмъ надлежитъ имѣть въ виду, что ст. 135 уст. предупр. и пресѣч. прест., воспрещающая безъ дозволенія полиціи чинить въ городѣ общенародныя игры, забавы, театральныя представленія, къ предмету возбуждаемаго по этому дѣлу обвиненія никакого отношенія имѣть не можетъ; что ни полиціею, ни Мировымъ Съѣздомъ не приведено никакихъ соображеній, по коимъ украшеніе фасада дома фонъ-Бракеля противорѣчило бы общественному спокойствію, благочинію, добрымъ нравамъ или

вѣрноподданническому долгу, охранять которые призвана полиція согласно упомянутому Съѣздомъ 5 п. 681 ст. 1 ч. т. II Общ. Губ. Учрежд.,—или угрожало бы общественной безопасности, согласно упоминаемой Съѣздомъ ст. 711 Общ. Губ. Учрежд.;—что вмѣстѣ съ тѣмъ не установлено, чтобы украшеніемъ своего дома фонъ-Бракель какимъ либо образомъ препятствовалъ свободному проходу по мосткамъ и тротуарамъ или проѣзду по улицѣ (уст. о нак. ст. 73), или чтобы требованіе полиціи о снятіи имъ украшеній было вызвано соображеніями о представляющейся опасности въ пожарномъ отношеніи и самыя дѣйствія его представляли бы нарушенія, предусмотрѣнныя въ 90 и 91 ст. уст. о нак. и что наконецъ въ приговорѣ Съѣзда не указывается и на нарушеніе обвинямымъ какихъ либо обязательныхъ постановленій, могущихъ быть издаваемыми городскими общественными управленіями въ особо предусмотрѣнныхъ случаяхъ. Поэтому является несомнѣннымъ, что, въ виду приведенныхъ соображеній, Съѣздъ не имѣлъ достаточныхъ основаній къ примѣненію къ установленному имъ дѣянію фонъ-Бракеля ст. 29 уст. о нак., и что приговоръ Юрьево-Верроскаго Мироваго Съѣзда и все производство по дѣлу подлежатъ отмѣнѣ, за силою 1 ст. уст. уг. суд. и 1 ст. улож. о нак.

Правительствующій Сенатъ, 24 января 1898 года, *опредѣлилъ:* приговоръ Съѣзда и все производство по дѣлу фонъ-Бракеля отмѣнить на основаніи 1 ст. Уложенія и 1 ст. Уст. Угол. Суд.

XI.

По дѣлу Эдуарда Пихлау, обвиняемаго по 29 ст. Устава о Наказаніяхъ.

Основаніемъ къ обвиненію Псковскаго уѣзднаго врача доктора медицины Эдуарда Пихлау послужило задержаніе его на улицѣ и доставленіе въ полицію за то, что онъ проѣхалъ по Широкой улицѣ города Юрьева въ цвѣтной студенческой корпоративной шапкѣ, въ каковомъ его дѣяніи Юрьево-Верроскій Съѣздъ усмотрѣлъ преступное ношеніе запрещеннаго правительствомъ знака корпораціи, предусмотрѣнное 29 ст. Устава о нак.—По 29 ст. сего Устава подлежатъ отвѣтственности лица, не исполняющія законныхъ требованій, распоряженій или постановленій полиціи, земскихъ, правительственныхъ или общественныхъ учрежденій, установленнымъ порядкомъ опубликованныхъ или сообщенныхъ для надлежащаго свѣдѣнія. Но заключеніе Мироваго Съѣзда о томъ, что циркулярное предписаніе Лифляндскаго Губернатора отъ 29 Іюля 1894 года, за № 5755, по буквальному смыслу своему распространяется не на однихъ студентовъ, но и на всѣхъ вообще лицъ,—представляется лишеннымъ достаточнаго основанія. *Во первыхъ* потому, что, поставляя подчиненныхъ ему лицъ въ извѣстность о послѣдовавшемъ въ 10 день Марта 1894 года Высочайшемъ повелѣніи о введеніи для студентовъ Юрьевскаго Университета форменной одежды, общаго съ другими Университетами образца, Губернаторъ сообщаетъ объ установленіи Министромъ Народнаго Просвѣщенія порядка введенія форменной одежды, въ силу коего студенты раздѣляются на двѣ категоріи—уже находившихся 10 Марта въ Университетѣ и поступившихъ въ него послѣ сего числа, изъ коихъ первымъ дозволяется донашивать до наступленія $189^5/_6$ учебнаго года партикулярное платье, *при чемъ* ношеніе цвѣтныхъ фуражекъ *студентовъ корпорантовъ,* лентъ черезъ плечо и всѣхъ прочихъ зна-

ковъ корпораціи безусловно воспрещается съ начала $189^{6}/_{6}$ учебнаго года.—Вслѣдствіе этого Губернаторомъ было предписано оказывать *учебному вѣдомству* содѣйствіе въ наблюденіи за точнымъ исполненіемъ Высочайшаго повелѣнія.—Изъ этого слѣдуетъ, что распоряженіе Губернатора касается лишь соблюденія *студентами* установленной формы въ одеждѣ, съ которою ношеніе трехцвѣтныхъ шапокъ и перевязей чрезъ плечо несовмѣстимо.—*Во вторыхъ* потому, что Съѣздомъ не установлено, чтобы означенное распоряженіе Министра Народнаго Просвѣщенія, выраженное въ отношеніи Попечителя учебнаго округа на имя Губернатора, и самое циркулярное предписаніе послѣдняго были опубликованы во всеобщее свѣдѣніе, и могли, поэтому, быть извѣстны лицамъ, не принадлежащимъ къ учебному вѣдомству Юрьевскаго учебнаго округа, къ студентамъ Университета и къ составу мѣстной полиціи. По этому, въ виду отсутствія закона или законнаго постановленія надлежащей власти, воспрещающаго лицамъ, не принадлежащимъ къ студентамъ,—обязаннымъ носить установленную для нихъ форму,—ношеніе цвѣтныхъ фуражекъ, требованіе полиціи о преслѣдованіи за таковое могло бы быть признано законнымъ, буде ношеніе это нарушаетъ правила благопристойности или производитъ соблазнъ (5 п. ст. 681 1 ч. II т. общ. Губ. Учрежд).; въ виду же существованія и нынѣ въ Юрьевскомъ Университетѣ признанныхъ правилами 27 Апрѣля 1855 года корпорацій, имѣющихъ свои цвѣта и названія, полиція, при обстоятельствахъ даннаго дѣла, имѣла бы законное основаніе возбуждать вопросъ о ношеніи фуражекъ цвѣта корпорацій лицами, окончившими курсъ въ Университетѣ, исключительно въ случаѣ требованія о томъ, на основаніи ст. 117 Уст. о предупр. и пресѣч. прест., т. XIV, властью, заинтересованною въ охраненіи правилъ и положенія подлежащихъ корпорацій и въ устраненіи причиняемаго *имъ* вреда. Но такого требованія въ данномъ дѣлѣ не было, почему ст. 29 Уст. о наказ. примѣненія къ нему имѣть не можетъ, а приговоръ Съѣзда и все производство по дѣлу слѣдуетъ отмѣнить,, за силою 1 ст. Уст. Уг. Судопр. и 1 ст. Улож. о нак.

Правительствующій Сенатъ, 24 Января 1898 г., постановилъ согласное съ этимъ докладомъ рѣшеніе.

XII.

По дѣлу казаковъ Кореневыхъ, обвиняемыхъ въ совращеніи въ расколъ.

Неоднократными рѣшеніями Правительствующаго Сената разъяснено, что для сужденія о правильности примѣненія ст. 196 Ул. о нак. необходимо, чтобы въ вопросѣ о виновности подсудимыхъ было съ точностію выражено, *во первыхъ*, въ какую именно секту или вѣроученіе было содѣяно ими совращеніе, съ указаніемъ существенныхъ положеній и отличительныхъ признаковъ, входящихъ въ основаніе исповѣдуемаго или ученія, буде таковые не опредѣлены въ самомъ законѣ (т. XI уст. Иностр. Исповѣд.) или въ карательныхъ постановленіяхъ, какъ напр. въ 197, 201, 202 статьяхъ Уложенія; *во вторыхъ*—въ какихъ именно способахъ нравственнаго или матеріальнаго давленія, или принужденія, упоминаемыхъ въ ст. 184 улож. и входящихъ, какъ существенная часть, въ составъ преступленія совращенія въ расколъ, предусмотрѣннаго въ 1 и 3 ч. 196 ст. улож. (р. 1885 г. по д. Гребеннека; 1891 г. № 9 по д. Гримма; 1891 г. по д. Меркурьевой и др.) состояли дѣйствія совратителей, вызвавшія отпаденіе православныхъ въ расколъ или ересь, и *въ третьихъ*—сопровождались ли эти дѣйствія *дѣйствительнымъ* отпаденіемъ отъ православія и имѣли ли онѣ своимъ непосредственнымъ результатомъ вступленіе кого либо въ секту или принятіе расколоученія, къ коимъ принадлежитъ обвиняемый.—Вопреки однако этимъ разъясненіямъ и указаніямъ, въ вопросѣ о виновности обвиняемыхъ содержится лишь простая ссылка на принадлежность ихъ къ *штундобаптистской* ереси, безъ объясненія, въ чемъ она состоитъ, тѣмъ болѣе необходимаго, что *штундизмъ* и *баптизмъ* представляютъ собою два разныхъ ученія, какъ по своему содержанію, такъ и по отношенію къ нимъ законодательства (рѣш. 1896 г. по д. Ворвуля и др.) и что самое дѣло возбуждено отношеніями Донской Консисторіи къ Прокурору въ 1895 и

1896 гг., съ ходатайствомъ о преслѣдованіи обвиняемыхъ за совращеніе въ *молоканство*, по каковому обвиненію и начато предварительное слѣдствіе. Равномѣрно въ вопросахъ судъ не указалъ, чтобы лица, коихъ совращали подсудимые, дѣйствительно отпали отъ православія и присоединились къ ереси, при чемъ въ вопросѣ нѣтъ и указанія на то, въ чемъ именно выразился преступный характеръ учиняемыхъ подсудимыми «собесѣдованій», такъ какъ указываемое въ вопросахъ превратное толкованіе Св. Евангелія при чтеніи его, вытекающее изъ заблужденій, составляющихъ сущность ученія, исповѣдуемаго сектантомъ и совершаемое *безъ цѣли совратить*, каковая цѣль въ вопросѣ вовсе не установлена, не составляетъ само по себѣ, какъ то уже признано Правит. Сенатомъ въ рѣшеніи 1897 г. по доложенному мною дѣлу Петровыхъ, преступленія, предусмотрѣннаго ст. 196 улож. о наказ.—По этимъ основаніямъ приговоръ по этому дѣлу не можетъ имѣть силы судебнаго рѣшенія и вмѣстѣ съ рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей подлежитъ отмѣнѣ, за нарушеніемъ Новочеркасскимъ Окружнымъ Судомъ 751 и 750 ст. ст. у. у. с. и. 195 ст. улож. о нак.

Правительствующій Сенатъ, 31 января 1898 г. *опредѣлилъ*: отмѣнивъ рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей и приговоръ Окружного Суда, дѣло передать для новаго разсмотрѣнія въ Таганрогскій Окружной Судъ.

XIII.

По дѣлу о пот. почетн. гражд. Филипповѣ, обвиняемомъ въ ложномъ доносѣ.

Дмитрій Филипповъ былъ преданъ суду по обвиненію въ томъ, что завѣдомо ложно, съ цѣлью навлечь уголовное преслѣдованіе, взвелъ на австрійскую подданную Мицкевичъ обвиненіе въ кражѣ у него серебрянаго портсигара. Изъ дѣла видно, что Предсѣдательствующій сдѣлалъ потерпѣвшей Вандѣ Мицкевичъ, уклонявшейся отъ исполненія требованія 718 ст, у. у. с. о разсказѣ о всемъ ей извѣстномъ по дѣлу, напоминаніе объ объясненіяхъ *ея съ нимъ* во время приготовительныхъ къ суду распоряженій, когда она не затруднялась ясно излагать нѣкоторыя подробности дѣла. Такое напоминаніе представляется несогласнымъ ни съ разъясненіями Правит. Сената по Угол. Кассац. Д—ту 1872 г. № 763 по д. Стрѣлкова и Сударева и 1874 г. № 524 по д. Петрова и друг., являясь удостовѣреніемъ Предсѣдателя объ обстоятельствахъ, не бывшихъ предметомъ предварительнаго или судебнаго слѣдствія,—ни съ тѣмъ различіемъ, которое существуетъ между личнымъ объясненіемъ съ должностнымъ лицомъ и публичнымъ показаніемъ въ торжественной обстановкѣ судебнаго засѣданія. Поэтому изложенныя судомъ соображенія о томъ, что свидѣтельница «изображала изъ себя сконфуженную особу» и «продолжала притворяться смущенною», имѣя характеръ субъективнаго впечатлѣнія, ни въ какомъ отношеніи не могутъ оправдывать отступленій отъ правильнаго осуществленія Предсѣдателемъ требованій 718 ст. уст. уг. суд. Вмѣстѣ съ тѣмъ допущенное защитникомъ, въ нарушеніе ст. 745 у. у. с., явно неблагопристойное и оскорбительное для потерпѣвшей выраженіе: «*она говоритъ, что пріѣхала учиться музыкѣ, но всѣмъ ясно, на какомъ она инструментѣ играла*», обязывало Предсѣдательствующаго, въ силу 611 ст. у. у. с., 154 и 157 ст. учр. суд. устан., сдѣлать

защитнику надлежащее внушеніе, не дожидаясь оцѣнки этого выраженія въ отвѣтной рѣчи Товарища Прокурора, которой могло и не послѣдовать,—и тѣмъ устранить дозволеніе себѣ защитникомъ неумѣстно шутливаго тона, выразившагося и въ заявленіи о томъ, что подсудимый, вмѣсто портсигара, могъ подарить потерпѣвшей «*оглоблю*». Поэтому надлежитъ признать, что Предсѣдательствующимъ по настоящему дѣлу нарушены 611 ст. у. у. с. и 154 и 157 ст. учр. суд. устан. Это нарушеніе не можетъ не быть признано существеннымъ въ связи съ указаніемъ въ руководящемъ напутствіи присяжнымъ, что «они, быть можетъ, скажутъ себѣ, что наука которую хотѣла себѣ усвоить потерпѣвшая, была наука не въ сферѣ искусства, а *наука страсти нѣжной, только на денежной подкладкѣ*». Подобныя выраженія, намекая на предосудительное поведеніе потерпѣвшей, вовсе не входящее въ составъ преступленія ложнаго противъ нея доноса, не представляются ни въ какомъ смыслѣ необходимыми для внушенія присяжнымъ засѣдателямъ надлежащей осторожности въ оцѣнкѣ ея показаній и являются сами по себѣ нарушеніемъ судьею необходимаго спокойствія и приличія въ содержаніи его заключенія. Поэтому, въ виду ст. 802 и 804 у. у. с.. разъясненныхъ въ этомъ смыслѣ неоднократными рѣшеніями Уголовн. Кас. Д—та, приговоръ Суда и рѣшеніе присяжныхъ по дѣлу не могутъ имѣть силы судебнаго рѣшенія и подлежатъ отмѣнѣ, за нарушеніемъ 718, 745, 801 и 802 ст. уст. угол. суд., 154 и 157 ст. учр. суд. устан., съ передачею о дѣйствіяхъ Товарища Предсѣдателя Окружнаго Суда въ Соединенное Присутствіе I-го и Кассаціонныхъ Д—товъ Прав. Сената, а о дѣйствіяхъ защитника въ Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ Московскаго судебнаго округа.

Правительствующій Сенатъ, 17 января 1898 года, *опредѣлилъ*: рѣшеніе присяжныхъ и приговоръ Московскаго Окружнаго Суда отмѣнить и дѣло передать въ другое отдѣленіе того-же Суда.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ОБЪЯСНЕНІЙ И ССЫЛОКЪ.

Страницы предисловія обозначены римскими цыфрами; страницы рѣчей — крупными цыфрами;—страницы введенія курсивомъ.

Бездѣйствіе власти.—Способъ установленія наличности признаковъ бездѣйствія власти. **756.** Составъ преступленія бездѣйствія власти. **756.** *Вредъ* — матерьяльный и нравственный. **757.** *Свойство* злоупотребленія, допущеннаго бездѣйствіемъ власти. **758.** Недостаточность или отсутствіе *мѣръ* къ устраненію злоупотребленія. **758. 759.** Необходимость опредѣленія: размѣровъ власти, предоставленной должностному лицу, обвиняемому въ бездѣйствіи **759;** свойства встрѣченныхъ имъ въ осуществленіи власти затрудненій. **760.** Способъ его дѣйствій и степень заботъ его объ исправленіи упущеній. **760.**

Бракъ.—Цѣль закона о наказуемости двоебрачія. **691.** Необходимыя условія сокрытія перваго брака и объявленія себя свободнымъ (ст. 1554 Улож.) **695.**

Вмѣняемость.—Сомнѣніе въ ней. **721. 722.** Нравственное самосохраненіе судей, рѣшающихъ вопросъ о винѣ. **723.** Безусловная обязательность постановки вопроса о вмѣненіи по ст. 763 Уст. угол. суд., если таковой возникалъ на судебномъ слѣдствіи **723. 724.** Достаточность для возникновенія такого вопроса косвенныхъ указаній на болѣзненно-нарушенное душевное равновѣсіе у подсудимаго, безъ необходимости прямыхъ доказательствъ такового, нужныхъ лишь при примѣненіи ст. 96 Уложенія. **724. 725.**

Вниманіе.—*Роды его:* сосредоточенное. *54.* разсѣянное. *57. Виды вниманія:* центростремительное *55. 56.* центробѣжное *56. 57.* про-

цессуальное. *59.* конечное. *59.* подавленное. *61. 62.* прерванное. *62. Особыя свойства* вниманія—связанность. *63. 65.* гиперэстезія и анэстезія вниманія. *66. 67* Пробѣлы вниманія и памяти. *67. 68.*

Вопросы.—Противорѣчіе въ отвѣтахъ на вопросы присяжнымъ. **630. 631. 634.** Оно не можетъ быть предполагаемо. **658.** Постановка вопросовъ въ общихъ выраженіяхъ, могущихъ скрывать въ себѣ обвиненіе не въ томъ преступленіи, о которомъ шла рѣчь на судѣ—есть безусловное нарушеніе правъ обвиняемаго, а по дѣламъ объ оскорбленіи въ печати и обвинителя. **569. 570.** Воспрещеніе соединять воедино вопросы, могущіе повлечь различные отвѣты. **812.** Условія постановки вопросовъ о совращеніи въ расколъ. **810. 811. 924.**

Врачи.—Факультетское обѣщаніе врачей. XXXI. Роль военныхъ врачей въ присутствіяхъ по воинской повинности. **473. 474.** Ихъ должностной характеръ. **477.**

Вѣротерпимость.—Значеніе Особаго Журнала Комитета Министровъ 17 апрѣля 1905 года. XVI. XVII.

Гражданскій истецъ (искъ).—Гражданскій истецъ, какъ потерпѣвшій *матеріальный* ущербъ или *личный* вредъ. **619. 620.** Представитель гражданскаго иска не особая сторона въ дѣлѣ, а нераздѣльная часть обвиняющей стороны. **619.** Обязанности гражданскаго исца при судебныхъ преніяхъ. **649. 650.** Неправильное допущеніе гражданскаго иска. **618. 619.** Отсутствіе опредѣленія цѣны иска при его предъявленіи въ порядкѣ уголовнаго суда. **620. 666.** Право родителей изнасилованной являться гражданскими исцами. **619.** Объемъ правъ гражданскаго истца на похищенное у него. **665. 666.** Отказъ въ гражданскомъ искѣ при признаніи судомъ событія и непризнаніи вины. **671. 672.**

Давность (Уголовная)—по дѣламъ объ оскорбленіи въ печати. **568. 569. 585.**

Диффамація. См. опозореніе.

Дневникъ—какъ судебное *доказательство.* Обычныя свойства дневниковъ и ихъ характеръ. *25.* **344. 538.** Необходимость въ различіи оцѣнки личной (субъективной) и фактической (объективной) стороны дневника. **321.** Доказательная сила дневника. **538.**

Доказательства.—Судебныя доказательства и косвенныя улики. **47. 213. 418.** Исторія роли внутренняго убѣжденія. Античная его свобода. *6.* Ненадобность его. *6.* Предвзятость его. *7.* Связанность его. *7. 8.* Современная свобода его, ея значеніе, условія, предѣлы.

8. 9. Этическія требованія закона по отношенію къ источнику доказательствъ. **702.** Воспрещеніе открывать по уголовному дѣлу тайну исповѣди. **703. 704. 705.** Оцѣнка доказательствъ во второй инстанціи. **778. 779.** Нарушенія — при оцѣнкѣ доказательствъ вообще. **700. 701. 702.** По добыванію доказательствъ. **702. 703. 774.** По предустановленію доказательствъ. **754.** Оцѣнка доказательствъ, дѣлаемая предсѣдателемъ суда кассаціонной провѣркѣ не подлежитъ. **642. 643. 644.** Право предсѣдателя оцѣнивать значеніе доказательствъ во время судебнаго слѣдствія. **643. 644.** Представленіе оправдательныхъ доказательствъ. XXVIII.

Должностныя лица.—Общія качества, требуемыя закономъ отъ должностныхъ лицъ. **763. 764.** Недопустимость начала *неумѣлости*, какъ основанія къ оправданію. Опасность и безнравственность этого начала. **764.** Значеніе попустительства должностныхъ преступленій. **452. 453.** Должностной характеръ служащихъ лицъ, получившихъ временное порученіе отъ правительства. **477.**

Душевныя болѣзни.—Быстротечное помѣшательство на почвѣ неврастеніи. **726.** Навязчивыя состоянія и идеи. *53. 76.* Вліяніе болѣзненнаго *душевнаго удрученія* и *возбужденія* на дѣйствія, подлежащія оцѣнкѣ суда. **554. 555.** Общіе и особые признаки душевной болѣзни. **407.** Значеніе спеціальной совокупности признаковъ. **407. 408.**

Дуэль. (Поединокъ). — Общественное значеніе дуэли. **318.** Послѣдствія отказа отъ дуэли. **323. 324.**

Завѣдомость.—Значеніе отрицанія завѣдомости въ преступномъ дѣяніи. **631. 634.** Завѣдомость, какъ опредѣляющее преступность начало при служебныхъ подлогахъ, состоящихъ въ искаженіи истины. **639. 640.**

Заключеніе суда по замѣчаніямъ на протоколъ судебнаго засѣданія. **700. 673. 694.**

Заключительное слово предсѣдателя.—См. *руководящее напутствіе* присяжнымъ.

Законодательство. Отношеніе движенія законодательства къ практической жизни. **436. 631. 632.** Связь законодательства съ судебными приговорами. **520.** *13.*

Закрытіе дверей засѣданія.—См. *публичность.*

Запальчивость. (Раздраженіе). — *60. 61.* Характеристическія свойства. **126. 327. 328.**

Защитникъ. — Назначеніе уголовной защиты. *30. 31.* Задача защитника въ уголовномъ процессѣ. **684.** Способы опроверженія и ослабленія доводовъ обвинителя. **685.** Извращеніе задачь защиты. *32.* **687.**

Игра запрещенная.—Условія признанія игры запрещенною. **436. 437.** Необходимыя условія обвиненія въ открытіи игорнаго дома. **437. 438.** Признаки игорнаго дома. **438. 439.** Основанія для уголовнаго преслѣдованія **442. 443.**

Изнасилованіе.—Судебно-медицинское значеніе этого термина. **622.** Значеніе отсутствія слѣдовъ насилія. **622.** Оцѣнка условій невозможности сопротивляться нападенію. **623.**

Кассаціонное производство.—Задача кассаціоннаго производства по отношенію къ судопроизводственнымъ нарушеніямъ. **609.** Взглядъ составителей Судебныхъ Уставовъ на значеніе и *существенность* кассаціонныхъ нарушеній. **783. 784.** Область существенныхъ нарушеній по разнымъ родамъ дѣлъ. **784.** Условія *несущественности* кассаціонныхъ нарушеній. **610.** Нарушенія при *предварительномъ* слѣдствіи. **730. 731.** Нарушенія по изслѣдованію преступленія на *судебномъ* слѣдствіи. **699. 701. 703. 754. 775.** Матерьялы, добытые предварительнымъ слѣдствіемъ ни въ какомъ случаѣ оцѣнкѣ въ кассаціонномъ порядкѣ не подлежатъ. **616.** То-же самое относительно опредѣленій обвинительной камеры о вызовѣ свидѣтелей. **616.** Условія кассаціоннаго разсмотрѣнія нарушеній при предварительномъ слѣдствіи. **610. 611.** Условія отмѣны опредѣленія о преданіи суду. **616.** Оцѣнка предсѣдателемъ значенія доказательствъ не можетъ быть предметомъ кассаціоннаго разсмотрѣнія. **674.**

Клевета. — *Общее опредѣленіе.* **577. 597.** Опредѣленія клеветы:—въ Германскомъ уложеніи **564. 577.** и въ Венгерскомъ уложеніи. **564.** Субъективные и объективные признаки клеветы. **597. 832. 833.** Условія отсутствія *субъективныхъ* признаковъ. **597. 598.** *Объективный* признакъ, опредѣляющій вмѣненіе. **598 599. 602.** Безразличіе *цѣли* при отвѣтственности за клевету. **599.** Клеветы безъ *намѣренія* быть не можетъ. **599. 600—602.** Отличіе сплетни отъ клеветы. **606.** Отграниченіе клеветы отъ шутки, отъ непосредственныхъ личныхъ оскорбленій и неприличныхъ словъ. **602. 603.** Характеристика клеветы. **606.**—Условія распространенія клеветы. **605. 606.**—*Клевета въ печати.*—Отличіе клеветы отъ опозоренія (диффамаціи)—матерьяльное и процессуальное. **566. 584. 585.** Цѣль законодателя въ установленіи этого различія. **567.** Иностранныя законодательства. **564.** Практическое значеніе обвиненія въ клеветѣ и въ диффамаціи. **567.** Условія признанія виновности при обвиненіи къ клеветѣ. **577. 578.** Существенное требованіе для оправданія—отсутствіе сомнѣнія въ справедливости печатаемаго **564.** Объемъ оправдательныхъ доказа-

тельствъ. **585.** Невозможность для суда и для обвинителя: а) перехода въ обвиненіи отъ клеветы къ диффамаціи и наоборотъ и б) одновременнаго предъявленія или разсмотрѣнія обвиненія въ клеветѣ и въ диффамаціи по однѣмъ и тѣмъ-же даннымъ. **564. 586. 590—592.** Условія появленія клеветы въ печати. **564.** Привлеченіе редактора повременнаго изданія за клевету въ печати. **574. 575.**

Ложный доносъ.—Условія его наличности. **709.** Отличіе отъ укрывательства преступленія и отъ ложнаго показанія. **710.** Существо ложнаго показанія **926.**

Наказаніе.—Условія признанія кассаціоннымъ нарушеніемъ упоминанія передъ присяжными засѣдателями объ угрожающемъ подсудимому наказаніи. **658. 659.** Избраніе мѣры наказанія *15. 16.*

Намѣреніе.—Опредѣленіе. **634.** Отличіе отъ умысла, связь съ умысломъ. Осуществленіе намѣренія. **634. 635.** Значеніе намѣренія для опредѣленія виновности. **635.** Различіе нарушеній закона по ихъ намѣренности. **600.** Нарушенія, въ коихъ намѣреніе—не играетъ роли **600. 601;** опредѣляетъ существо преступленія. **601.** и всегда предполагается. **601. 602.** Различіе Уложенія и Устава о наказаніяхъ по вопросу объ отсутствіи намѣренія **602.** Безусловная наличность намѣренія въ служебныхъ подлогахъ, состоящихъ въ *искаженіи* истины. **636. 640.** Необходимость намѣренія при служебномъ подлогѣ, состоящемъ въ *сокрытіи* истины. **638.** Значеніе намѣренности при подлогахъ, выражающихся посредствомъ нарушенія правилъ для совершенія и засвидѣтельствованія актовъ. **639.** Опредѣленіе намѣренія при убійствѣ—см. *убійство.*

Настроеніе душевное.—Отсутствіе правильнаго мѣрила для оцѣнки душевнаго настроенія обвиняемаго послѣ совершенія преступленія. **477. 478.** Отсутствіе доказательной силы въ проявленіяхъ душевнаго настроенія. **478.** *22* и *62.*

Нарушенія.—Значеніе *непоправимости* нарушеній при слѣдственныхъ дѣйствіяхъ. **616. 617.**

Нервозность.—Ея свойства и ея значеніе, какъ оправданіе дѣйствій обвиняемаго. **120.**

Несмѣняемость—судьи. *10. 11.* **913. 914.** См. также *судья.*

Обвинительная камера.—Обязанности Судебной Палаты по 531 и 534 статьямъ Уст. Угол. Суд. въ отношеніи оцѣнки полноты слѣдствія и по надзору за законностью его производства. **730.** Дѣйствія Палаты въ порядкѣ надзора по ст. 250 Учрежденія Суд. Уст. **733.**

Способъ осуществленія надзора за правильностью слѣдственныхъ дѣйствій. **734. 735.** Возстановленіе нарушеннаго порядка. **736.** Обязанности Палаты при утвержденіи или составленіи списка свидѣтелей. **616.** Случаи отмѣны опредѣленія обвинительной камеры о преданіи суду. **616.**—См. также *преданіе суду.*

Обвинитель.—*См. прокуроръ и частный* обвинитель.

Обвиняемый. (Подсудимый).—Время привлеченія къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго. Условія привлеченія въ дѣлахъ съ косвенными уликами. **618.** Необходимость свѣдѣній о личности и образѣ жизни обвиняемаго въ дѣлахъ, гдѣ обвиненіе строится на косвенныхъ уликахъ. **84. 612.** Право предлагать вопросы о личности и образѣ жизни обвиняемаго свидѣтелямъ, независимо отъ дознанія чрезъ окольныхъ людей. **614.** Право подсудимаго и прокурора вызывать такихъ свидѣтелей. **614.** Условіе, при которомъ показанія такихъ свидѣтелей могутъ быть признаны относящимися къ дѣлу. **615.** Поступки обвиняемаго послѣ совершенія преступленія, какъ доказательства—а) сокрытія слѣдовъ преступленія и б) душевнаго состоянія. **477.** Необходимость различія въ отношеніи суда къ оцѣнкѣ того и другаго. **477. 478.** Вліяніе развитія и образованія обвиняемаго на способъ провѣрки его доводовъ. **372.** Поведеніе обвиняемаго на судѣ, какъ доказательство. **645.** Негодность такого доказательства.. **10. 463. 464. 644.** Отношеніе суда къ способамъ оправданія и защиты обвиняемаго. **557—560.**

Обстановка житейская (бытовая сторона дѣла). Значеніе ея для разрѣшенія вопроса—могло-ли быть совершено преступленіе **43. 44.** Значеніе ея при оцѣнкѣ судебно-медицинскихъ выводовъ. **386. 406.**

Оговоръ—однимъ обвиняемымъ другого. Необходимость крайней осторожности въ довѣріи оговору; условія такого довѣрія. **257.**

Опозореніе (диффамація).—Опозореніе должностныхъ лицъ *въ печати.* Значеніе письменныхъ доказательствъ. **448.** Onus probandi въ этихъ дѣлахъ. **449.** Опозореніе совокупности лицъ. **470. 471.** Условія его допустимости. **472.** Условія его недопустимости. **471. 472.** Значеніе умолчанія о лицѣ оскорбляемаго. **474. 475.** Опредѣленіе опозоренія. **566. 567.** Отличіе отъ клеветы въ печати. **567. 568. 584. 585.** Невозможность перехода отъ обвиненія въ клеветѣ къ диффамаціи и наоборотъ. **569. 587. 590.** Содержаніе обвиненія въ опозореніи. **590.** Объемъ оправдательныхъ доказательствъ при обвиненіи въ опозореніи. **582. 583. 591.** Обстоятельства, имѣющія значеніе опозоренія. **461. 462.** Смыслъ закона объ опозореніи въ печати. **470.**

Оправданіе.—Значеніе оправдательнаго приговора для судебной власти. **556.** Способы оправданія въ защитительной рѣчи. **685.** Необходимость ихъ гармоніи съ задачами уголовной защиты. *32.*

Отравленіе.—Свойства этого преступленія по отношенію къ потерпѣвшему и къ виновному. **474. 475.** Трудность собранія доказательствъ и обширная область предположеній. **474. 475.** Необходимыя данныя для обвиненія въ отравленіи. **474. 475. 479.**

Отчеты судебные.—Различіе въ правилахъ о печатаніи отчетовъ по дѣламъ о диффамаціи и о клеветѣ въ печати. **568. 585.** Зависимость этого различія отъ первоначально предъявленнаго обвиненія. **587.** Нарушеніе правилъ о печатаніи судебныхъ отчетовъ примѣненіемъ 140 ст. уст. цензурнаго. XLII. Неразрывная связь гласности и публичности, какъ коренного начала новѣйшаго процесса. XLIII.

Печать.—Значеніе печатнаго слова. **578. 579.** Задача печати при оглашеніи свѣдѣній о дѣятельности должностныхъ лицъ. **450. 463. 464.** Значеніе *свободы печати.* **478. 477.** Жалобы и объявленія по преступленіямъ печати. **479.** Право начальства на возбужденіе преслѣдованія объ опозореніи подчиненныхъ. **479. 480.** Права Министровъ въ этомъ отношеніи. **481.**

Повальный обыскъ (дознаніе черезъ окольныхъ людей)—**429. 612.** Двоякая цѣль установленія дознанія черезъ окольныхъ людей. **612.** Случаи практической трудности замѣны этого дознанія свидѣтельскими показаніями. **613.** Непримѣнимость дознанія чрезъ окольныхъ людей къ большимъ городамъ. **613.** Замѣна дознанія спросомъ свидѣтелей;—случаи *возможности* этой замѣны; случаи ея *необходимости.* **614.** Различіе показаній свидѣтелей и окольныхъ людей. **615.**

Подданные.—Учиненіе преступленій за границею русскими подданными противъ Россіи или русскихъ. **748. 749.** Учиненіе ими преступленій противъ иностранныхъ государствъ или подданныхъ за границею. **751.** Наказуемость преступленій, совершаемыхъ въ Россіи противъ иностранцевъ, живущихъ за границею. **749. 750.**

Поддѣлка а) *поддѣлка акцій.* Сложность преступленія. **253.** Необходимыя условія для обвиненія **253.** б) *поддѣлка кредитныхъ билетовъ.* Свойства этого преступленія. **85. 101.** Отсутствіе наличныхъ потерпѣвшихъ. **85. 86. 105.** Способъ распространенія и его условія. **97. 98.**

Подлогъ.—Характеристика. **43.** Способъ обсужденія дѣйствительности документа—а) возможность по отношеніямъ обвиняемаго и

потерпѣвшаго, **49**. б) соотвѣтствующая форма документа. **49. 50.** и в) способъ составленія документа. **50.** Распредѣленіе ролей между участниками подлога. **59.** Виды подлога: *Подлогъ векселей*; заявленіе спора о подлогѣ въ судѣ гражданскомъ и преслѣдованіе за подлогъ въ судѣ уголовномъ. **493—495.** Основанія наказуемости *составленія* подложнаго векселя. **495.** *Подлогъ завѣщаній.*—Вопросы, возникающіе при обвиненіи въ подлогѣ завѣщанія: а) *подложно ли самое завѣщаніе* (личность завѣщателя, содержаніе завѣщанія, условія его открытія, способъ его храненія, свидѣтели, подпись завѣщателя). **193. 201. 203. 208. 209. 211. 214. 215.** б) *какимъ путемъ оно составлено.* **215.** и в) *кто можетъ быть виновенъ въ подлогѣ* (лица, которымъ выгоденъ подлогъ—прямо или косвенно; сокрытіе слѣдовъ подлога, отношенія сообщниковъ). **223. 224. 228. 229. 230.** При подлогѣ завѣщанія—главный вопросъ—о соотвѣтствіи сущности завѣщанія желаніямъ умершаго и о томъ, вытекаетъ ли оно изъ отношеній умершаго къ наслѣднику. **343.** *Подлогъ по службѣ* (362 ст. улож. о нак.). Виды служебныхъ подлоговъ, предусмотрѣнныхъ 362 ст. улож. *Искаженіе* истины въ офиціальныхъ документахъ и *сокрытіе* въ нихъ истины. **636.** Виды искаженія истины. Безусловная наличность намѣренія. **637.** Необходимость признанія намѣренія при сокрытіи истины. **638. 639.** Условія примѣненія 362 ст. улож. къ нарушеніямъ правилъ для совершенія и засвидѣтельствованія актовъ. **639.** отличіе отъ нерадѣнія и неосмотрительности при письменныхъ служебныхъ сношеніяхъ. **639.** Различіе статей 362 и 417 улож. о нак. **638—639.** Основанія наказуемости служебнаго подлога. **637.** Отношеніе преступности служебнаго подлога къ обстоятельствамъ, его вызвавшимъ. **645.** Для примѣненія 362 ст. улож. имѣетъ значеніе не форма документа, а его содержаніе и значеніе. **462. 463.**

Попустительство. Основанія наказуемости. **232.**

Потерпѣвшій отъ преступленія. Отсутствіе наличныхъ потерпѣвшихъ по дѣламъ о распространеніи фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ. **85.** Особенности показаній потерпѣвшаго. *73. 74.* **115. 116.** Значеніе способа и формы изложенія показанія потерпѣвшаго. **116. 374. 376. 377. 378.** Способъ возстановленія показанія умершаго потерпѣвшаго. **24.**

Превышеніе власти.—Виды превышенія власти. **495. 496.**

Предварительное соглашеніе. — Предварительное соглашеніе всегда придаетъ преступленію свойство умышленности. **631.** Особенности преступленій, совершенныхъ по предварительному соглашенію нѣсколькихъ лицъ, **350. 353.**

Предположенія—въ дѣлахъ по косвеннымъ уликамъ. Значеніе предположеній въ дѣлахъ объ отравленіи. **475.** Предположенія заднимъ числомъ **477.**

Предсѣдатель. Нравственныя обязанности предсѣдателя *22. 23.* Условія пользованія дисциплинарною властью по отношенію къ участвующимъ въ дѣлѣ. **654. 655. 686.** Принятіе мѣръ къ огражденію присяжныхъ засѣдателей отъ посторонняго вліянія **652. 653. 654.** Возстановленіе порядка при нарушеніяхъ 745 ст. У. У. С. **683.** Право исключать изъ подлежащихъ прочтенію свидѣтельскихъ показаній бранныя или оскорбительныя для подсудимаго выраженія. **624. 625.** Обязанность предостерегать присяжныхъ засѣдателей отъ неосторожныхъ заключеній о *личности* подсудимаго. **612.** Обязанность сообщать возвращенному въ залу засѣданія подсудимому о дѣйствіяхъ, происходившихъ въ его отсутствіе и о *существѣ* данныхъ въ его отсутствіе показаній; необязательность изложенія содержанія рѣчей сторонъ. **631.** *49.* Право предсѣдателя останавливать во время судебнаго слѣдствія вниманіе присяжныхъ засѣдателей на томъ или другомъ доказательствѣ. **656.** Права и обязанности по отношенію къ судебнымъ преніямъ. **649. 650. 684—686. 688. 927.** Отсутствіе права требовать отъ своего лица доставленія на судъ новыхъ доказательствъ. **657.** Исключительное право разъяснять и истолковать присяжнымъ засѣдателямъ ихъ обязанности. **682. 683.** См. также *руководящее напутствіе присяжнымъ и судебныя пренія.*

Предумышленіе (обдуманное заранѣе намѣреніе и умыселъ).—Содержаніе понятія о предумышленіи **634.**

Преступленіе.—Статика и динамика преступленія *46.*—Оцѣнка его значенія общественнаго и лично для подсудимаго. **459.** Общественный характеръ преступленій противъ учрежденій поземельнаго кредита. **460.**

Приговоръ.—Значеніе правильнаго обвинительнаго приговора. **127. 128.** Значеніе оправдательнаго приговора **556.** Существенныя части приговора суда безъ участія присяжныхъ засѣдателей. **754. 755. 757.** Отношеніе такого приговора къ обвинительному акту. **755.** Содержаніе приговора апелляціонной инстанціи **777—778.** Задача этого приговора по отношенію къ объему доказательствъ **778,779.** Необходимыя условія приговора присяжныхъ засѣдателей **719,720.**

Приготовленіе—къ убійству. Основанія наказуемости. **278.**

Присвоеніе (и растрата).—Нравственное различіе присвоенія и растраты. **455.** Юридическое равнозначеніе этихъ преступленій. **455.**

Существенные признаки присвоенія. **457.** Значеніе степени оказаннаго довѣрія и отсутствія надлежащаго контроля—при обсужденіи виновности въ растратѣ или присвоеніи. **458.**

Присяжные засѣдатели.—а) Служебное порученіе, какъ законная причина неявки присяжнаго засѣдателя. **652. 653.** Приводъ къ присягѣ. **654.** Неведеніе присяжныхъ во время исполненія ими своихъ обязанностей. **656.**—б) Задача суда присяжныхъ при разрѣшеніи участи подсудимаго. **232. 233. 647. 648.** Условія для признанія приговора присяжныхъ судебнымъ рѣшеніемъ **629.** Задача присяжныхъ по отношенію къ нравственной оболочкѣ и бытовой обстановкѣ дѣянія. **553.** Признаніе подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія, въ виду права суда ходатайствовать о помилованіи. **365.** Значеніе для присяжныхъ предварительныхъ мѣръ, стѣснительныхъ для подсудимаго. **519. 520.** Различіе оправданія и прощенія. **519.** Отношеніе присяжныхъ засѣдателей:—къ задачамъ законодательства. **520;** къ общественному мнѣнію **232;** къ мнѣнію иностранцевъ **519—521.**—в) Вопросы факта, не подлежащіе разрѣшенію присяжныхъ. Противорѣчія въ отвѣтахъ присяжныхъ **633. 658. 676.** Внутреннее противорѣчіе въ признаніи присяжными *вины и незнанія*, или—*вины* и *нежеланія* въ преступленіяхъ неосторожныхъ. **633.**—г) Педагогическое значеніе суда присяжныхъ. **32. 33.**—д) *Предшественники присяжныхъ засѣдателей въ Россіи.* Цѣловальники по старому русскому праву XLIII. Сословные засѣдатели XLIII.—XLV. е) Возраженія противъ суда присяжныхъ во Франціи XLVIII. XLIX; въ Германіи XLIX. L; въ Россіи XLVII. LIII—LVIII. Судъ шеффеновъ L. LI. Общая характеристика русскихъ присяжныхъ **876.** Современное положеніе суда присяжныхъ въ Россіи. Составъ **860;** подсудность **864;** условія производства дѣлъ **865. 867;** условія постановки приговора **868;** условія его твердости **719;** число присяжныхъ **869;** недостатки въ организаціи **862. 871.** Примѣненіе 818 ст. уст. уг. суд. **870.** Матеріальное обезпеченіе присяжныхъ засѣдателей **861.** Общественное *мнѣніе* и общественная *совѣсть* **232. 499. 500.**

Прокуроръ (обвинитель).—Губернскій прокуроръ. **27.** Основныя черты прокурора—обвинителя по Судебнымъ Уставамъ. **28—30.** Обязанности обвинителя **52. 378. 702.** Роль и задача обвинителя **401.** Вызовъ свидѣтелей по 573 ст. уст. уг. суд. **614.**

Протоколъ.—Протоколъ судебнаго засѣданія. Заключеніе суда по замѣчаніямъ сторонъ на протоколъ судебнаго засѣданія **675. 676.** Условія измѣненія и исправленія протокола **816. 817.** Содержаніе заключенія суда **677.** Протоколы земскихъ начальниковъ по 61 ст. Положенія о зем. нач. **494.**

Профессіональная тайна.—а) *тайна исповѣди* XXIX. XXX. *21.* Исторія тайны исповѣди въ Россіи **702.** Ограниченіе тайны испо-

вѣди **703.** Исключительность тайны открытаго на исповѣди **704.** Предѣлы исповѣди **705. 706. 708.** Иностранное законодательство о тайнѣ исповѣди **706.** б) *тайна ввѣреннаго защитнику* (Уст. Угол. Суд. ст. 704). **21.** в) *тайна врачебная* XXX. Недостатки новаго уголовнаго уложенія XXXII—XXXIII. Объемъ и предѣлы врачебной тайны XXXIV—XXXIX. г) тайна по отношенію къ суду общества офицеровъ—XXXVIII. **835. 836.**

Публичность судебныхъ засѣданій.—Общія начала **XL.** Соображенія составителей Судебныхъ Уставовъ **839. 840.** Смыслъ огражденія достоинства государственной власти, о которомъ говорится въ 620^{3} ст. уст. угол. суд. **842.** Ограниченіе *публичности* пресѣченіемъ *гласности* судебныхъ засѣданій. Ст. 140 цензурнаго (XIV т. С. З.) XLII. Публичность и гласность—какъ *основныя начала* современнаго уголовнаго процесса, а не его *условія* только. XLIII.

Редакторъ.—Редакторъ повременнаго изданія отвѣтственъ не только за диффамацію, но и за клевету въ печати. **576. 579. 580. 582.** Основанія для оправданія редактора по обвиненію въ клеветѣ. **576. 582. 583.** Условія уголовной отвѣтственности. **583.** Значеніе и условія дѣятельности редактора **581.** Взаимныя отношенія автора и редактора при клеветѣ въ печати **581.**

Расколъ.—Раскольничій бракъ. **689. 690.** Запись въ метрическую книгу и отличіе отъ гражданскаго брака. **690.** Значеніе этого брака сравнительно съ бракомъ нехристіанъ между собою. **692.** Раскольничьи молельни. **803. 807.**

Руководящее напутствіе присяжнымъ. (Заключительное слово предсѣдателя).—Роль предсѣдателя по отношенію къ руководящему напутствію. **641. 642.** Назначеніе руководящаго напутствія **642.** Обязанность предсѣдателя оцѣнивать представленныя по дѣлу доказательства и разъяснять свойство и значеніе подлежащаго обсужденію преступленія. **642. 643. 645. 646.**; возстановлять извращенную уголовную перспективу **642**; предостерегать присяжныхъ отъ неосторожныхъ заключеній о личности подсудимаго **612**; указывать на *степень обязательности заключенія экспертовъ* **622. 624** и соблюдать необходимое спокойствіе и безпристрастіе въ изложеніи напутствія. **927.** Выясненіе основаній и границъ оправданія. **648. 649.** Опроверженіе несогласныхъ съ закономъ заявленій о грозящемъ подсудимому наказаніи. **658.** Разъясненіе присяжнымъ права ихъ давать ограничительные отвѣты по отношенію къ умыслу при альтернативной постановкѣ вопросовъ о предумышленіи и о запальчивости и раздраженіи. **719. 720.**

Самоубійство.—Оцѣнка возможности самоубійства. Поводъ, способъ и время выполненія. **13—16. 403. 404.** Особенности само-

убійства у женщинъ. **16.** Нѣкоторыя стороны современнаго развитія самоубійства. **538. 539.**

Свидѣтели.—Значеніе свидѣтельскихъ показаній по Уст. Угол. Суд. **769.** Случаи кассаціоннаго разсмотрѣнія постановленій объ отказѣ вызова свидѣтелей. **770.** Свидѣтели «не относящіеся къ дѣлу» и «непредставляющіе значенія для дѣла». **769. 770.** Свидѣтели, вызываемые по 576 Статьѣ Уст. Угол. Суд. **772.** Необходимость мотивированнаго постановленія объ отказѣ въ вызовѣ или объ избраніи одного изъ способовъ привлеченія свидѣтелей къ явкѣ въ судъ. **772. 788.** Необходимость обсужденія *доступности* способа избраннаго судомъ, *удобства* пользованія имъ и *примѣнимости* его. **773. 774.** Вызовъ *оправданныхъ* подсудимыхъ въ качествѣ свидѣтелей. **787.** Вызовъ свидѣтелей прокуроромъ **790.** Размѣры установленнаго статьею 722 Уст. Угол. Суд. права не отвѣчать на вопросы. Прочтеніе показанія существеннаго свидѣтеля, не явившагося безъ законной причины. **554.** *Показанія свидѣтелей.* Значеніе личности свидѣтелей и оцѣнка способа дачи имъ показаній **7.** Оцѣнка содержанія и происхожденія показанія **8.** Провѣрка правдивости показанія **65. 68. 69—71.** Опасность лжесвидѣтельства **75.** Показаніе заподозрѣнныхъ людей. **92.** Допросъ свидѣтелей о занятіяхъ, образѣ жизни и связяхъ обвиняемаго. **613. 614.** Свойства показанія такихъ свидѣтелей. Необходимое условіе ихъ допущенія. **615. 616.** Оцѣнка показаній свидѣтелей по источнику, содержанію и по психологическимъ свойствамъ свидѣтеля. *24—26.* Внѣшнія гарантіи правильности показанія. *41. 42.* Опыты экспериментальной психологіи. *45—48.* Темпераментъ свидѣтеля. *52.* Полъ. *52.* Возрастъ. *53.* Поведеніе на судѣ. *53.* Физическія недостатки. *54.* Стиль и языкъ показаній. *70. 71. 72. Ложь въ свидѣтельскихъ показаніяхъ.* Безсознательная. *73. 74.* Патологическая *75. 76.* Гипнозъ и самовнушеніе *75*; сознательная самостоятельная (безпочвенная и обстоятельственная) *77.* и навязанная. *78.* Изложеніе свидѣтельскихъ показаній въ протоколахъ. **624.** Право суда исключать по особому постановленію изъ подлежащихъ прочтенію показаній свидѣтеля бранныя и оскорбительныя выраженія. **624. 625.** Значеніе невызова подсудимымъ въ судъ нѣкоторыхъ свидѣтелей въ свою пользу. **532.** Значеніе отказа въ вызовѣ свидѣтелей о нравственныхъ свойствахъ подсудимаго XXVIII.

Секты. а) *Штунда.*—Штундисты.—Объявленіе секты опасною и вредною XXII. Положеніе Комитета Министровъ 1894 г. XXIII. **820. 822.** Необходимость установленія существенныхъ признаковъ штундизма **823.** б) *Изувѣрныя секты.* XXVI. Необходимость установленія противунравственныхъ и гнусныхъ дѣйствій для примѣненія 203 ст. Улож. о Нак. и 84—85 ст. Угол. Улож. XXVII. в) *Скопчество.*—Общая характеристика дѣлъ о скопчествѣ. **132.** Происхожденіе скопчества. **133. 134.** Виды оскопленія и обряды

скопчества **24. 134. 135.** Физическія и моральныя послѣдствія оскопленія. **135. 136. 140.** Склонность скопцовъ къ прозелитизму и способы распространенія скопчества. **136. 137.** Духовные скопцы. **137. 138.** Основанія наказуемости. **138. 139.** Пріемы оправданія у скопцовъ. **141. 142.** Скопческая обстановка **144. 145. 146.**

Снисхожденіе.—Область *обстоятельствъ* дѣла, на которыхъ можетъ быть основано признаніе подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія. *16.* **540. 685.**

Слѣдствіе—предварительное. Значеніе его въ ходѣ процесса. **610.** Границы и условія его разсмотрѣнія въ кассаціонномъ порядкѣ. **610. 611. 616.** Жалобы на пристрастное производство **610.** Обжалованіе слѣдственныхъ дѣйствій *до* и *послѣ* поступленія дѣла въ судъ **611.** *Непоправимость* нарушеній **616.** Изложеніе свидѣтельскихъ показаній **624. 625.** Случаи и условія кассаціоннаго разсмотрѣнія нарушеній, допущенныхъ при предварительномъ слѣдствіи **730. 731.** Предѣлы изслѣдованія **735.** Значеніе доказательствъ, собираемыхъ по 266 ст. Уст. Угол. Суд. **737.** Необходимыя условія производства обысковъ. **738.** Непримѣнимость 292 ст. Уст. Уг. Суд. къ дѣламъ, оканчиваемымъ миромъ. **748.** Проектъ комиссіи 1894 г. объ устройствѣ слѣдственной части и о введеніи слѣдственнаго дознанія. **903. 908.**

Совращеніе. а) *Совращеніе въ расколъ.* XV. Существенные признаки. **922.** б) Совращеніе въ *инославіе.* XV.

Сознаніе. (Признаніе).—Собственное признаніе, какъ доказательство. *7.* Значеніе его и виды,—полное, неполное, добровольное, вынужденное обстоятельствами **153. 284. 510.** Способъ провѣрки правильности признанія **153. 154.** Опасность обвиненія на основаніи одного лишь собственнаго сознанія. **511.** Обычный путь собственнаго признанія при обвиненіяхъ по косвеннымъ уликамъ. **159.** Признаніе подозрѣваемаго, обвиняемаго и подсудимаго. **159.** Критическое отношеніе къ объясненію намѣренія при сознаніи, вынужденномъ обстоятельствами. **286.**

Сомнѣніе.—Значенія сомнѣнія въ виновности *10.* **101. 577. 685.** Выраженіе сомнѣнія въ приговорѣ **604.** Сомнѣніе въ смыслѣ отвѣта присяжныхъ засѣдателей **670.** Объясненіе присяжнымъ истиннаго значенія сомнѣнія, какъ необходимая часть руководящаго напутствія. **648.**

Сословные представители. См. судъ.

Судебная медицина.—Настоящее ея положеніе и задачи. Значеніе судебно-медицинскихъ предположеній **385.** Обязанности судебнаго врача при изслѣдованіи дѣла. **374. 345.**

Судебное состязаніе.—Судебное состязаніе обнимаетъ собою не только пренія, но и все судебное слѣдствіе **642.** Цѣль судебнаго состязанія **610. 619.** Количественное соотношеніе сторонъ. **619.**

Судебное засѣданіе—а) *Составъ присутствія.* Значеніе 929 ст. Уст. Уг. Суд. **786.** Распространеніе ея на присутствіе суда въ распорядительномъ засѣданіи для разсмотрѣнія ходатайствъ подсудимаго **785. 786.** б) *отсрочка засѣданія.* Время предъявленія ходатайства объ отсрочкѣ по 734 ст. Уст. Уг. Суд. **790.** Своевременность ходатайства при представленіи прокуроромъ новыхъ доказательствъ **790.**

Судебные Уставы. Ихъ значеніе LXIII. LXIV. Ихъ недостатки LX. LXI. Условія и задача ихъ пересмотра LXIV. Коммиссія 1894 года для *пересмотра* Судебныхъ Уставовъ LXII. LXIII.

Судебныя пренія. — Содержаніе судебныхъ преній **753.** Право предсѣдателя обращать стороны къ исполненію ихъ прямыхъ обязанностей и устранять въ преніяхъ всё излишнее **649.** Время и мѣсто исправленія нарушеній, допущенныхъ сторонами **683. 684.** Обязанность предсѣдателя своевременно остановить объясненіе стороны, направленное къ неправильному истолкованію дѣйствій судебной власти или къ возбужденію въ присяжныхъ предубѣжденія **650.** Обязанности обвинителя **684. 685.** *28. 30.* Задача защитника. Извращеніе ея **687.** *32.* Дисциплинарная власть предсѣдателя. **685. 686.** Возстановленіе нарушеннаго при преніяхъ порядка. **684.** Исключительное право предсѣдателя объяснять присяжнымъ ихъ обязанности. **680. 681.** Границы нравственной дозволительности въ преніяхъ *32. 33.* **924. 925.**

Судъ.—Судъ живой организмъ на потребу населенію, а не мертвый механизмъ **571.** Призваніе уголовнаго суда **579. 683. 684.** Задачи суда при обсужденіи виновности **433. 580. 612.** Самодѣятельность суда въ разборѣ доказательствъ **617.** Обязанность суда выражаться точнымъ и опредѣленнымъ языкомъ **604.** Различіе назначенія и пріемовъ суда гражданскаго и уголовнаго **550. 551.** Проэктъ городскихъ и уѣздныхъ отдѣленій Окружного Суда Комиссіи 1894 г. **909.** Существо и значеніе апелляціи **910. 911.** Судъ сословныхъ представителей **871. 872. 881. 882.**

Судья.—Условія дѣятельности судьи. *10.—12.* Свойства дѣятельности *12.—14.* Поведеніе судьи *17.* Нравственныя обязанности судьи *18. 19. 22.* Характеръ дѣятельности судьи **893. 894.** Синтезъ дѣятельности судьи **901. 902.** Увольненіе судей и порядокъ его по проэкту Комиссіи 1894 г., **911. 912. 913.** Явка къ должности **914. 915.** Участковый судья по проэкту комиссіи 1894 г. **913.** Земскіе

начальники, какъ судьи LXIV. **495.** Предѣльный возрастъ судей. **885—902.**

Тайна исповѣди см. *профессіональная тайна.*

Убійство—а) *Убійство по внезапному умыслу.* Характеръ дѣйствій виновнаго **288. 289.** б) *убійство предумышленное.* Понятіе о предумышленіи **634. 635.** Обстановка дѣйствій виновнаго **288. 289.** в) *убійство въ запальчивости и раздраженіи.* Существенныя свойства этого преступленія. **308.** Конструкція обвиненія въ этомъ дѣяніи. **309. 328. 329.** Характеристическія свойства запальчивости. **126.** *Убійство въ дракѣ.* Отличіе отъ убійства въ запальчивости и раздраженіи **328. 329.** д) Лишеніе жизни вслѣдствіе нанесенія *побоевъ съ намѣреніемъ* (ст. 1464 улож. о нак.). Основаніе наказуемости. **380. 381.** Причинная связь побоевъ и смерти, **392. 393.** Условія наличности этой причинной связи. **394.** Значенія стеченія особыхъ обстоятельствъ, обусловившихъ смерть. **388. 395.** е) *Лишеніе жизни по неосторожности* (ст. 1468 улож. о нак.). Неосторожность дѣятельная и неосторожность бездѣйствія. **432.** Отношеніе свойствъ *орудія* убійства, времени и способа дѣйствія имъ и мѣста поврежденія—къ намѣренію обвиняемаго. **325—329.**

Увеличивающія вину обстоятельства.—**432. 443. 444.**

Уголовно-антропологическая школа.—*38. 39.*

Укрывательство.—Основанія для преслѣдованія за укрывательство. **769.** Дѣяніе повѣреннаго, ходатайствующаго по исполнительному листу на взысканіе по векселямъ, зная о подложности послѣднихъ—есть укрывательство. **769. 770.**

Улики (косвенныя доказательства)—*47.* Способъ провѣрки и сопоставленія ихъ между собою. **419.** Условія связи уликъ между собою. **213.** Предположенія и улики **475. 476.**

Уменьшающія вину обстоятельства. — Необходимость отличія уменьшающихъ вину обстоятельствъ отъ основаній къ оправданію. **647.** Зависимость отъ болѣе сильныхъ умственно и матерьяльно лицъ. **232.** Тяжкое физическое страданіе. **232.** Сильныя нравственныя страданія. **329.** Раскаяніе **121.** Стремленіе исправить, по возможности, причиненное зло. **433.** Родственныя чувства. **165. 166.** Семейная нужда **364.** *Отсутствіе* обстоятельствъ, уменьшающихъ вину **165. 232. 279. 280. 330.**

Умыселъ.—Опредѣленіе. Отличіе отъ намѣренія и связь съ нимъ **634. 635.** Отрицаніе умысла въ дѣяніи подсудимаго равносильно отрицанію *сознательности* его дѣйствій. **631.** Умыселъ, какъ су-

щественный признакъ преступленій, совершенныхъ не по неосторожности. **634.**

Унія. — *Уніатскія дѣла.* Возникновеніе XVI. Краковскіе браки XIX, «Упорствующіе» и «колеблющіеся»—XX. XXI.

Уранизмъ. — Современное положеніе вопроса объ уранизмѣ. *39. 40.*

Цѣль преступленія.—Различные виды преступной цѣли и случаи, когда она должна быть принимаема во вниманіе. **635. 636.** Различное значеніе цѣли при подлогахъ по службѣ (ст. 362 улож. о нак.). **637. 638. 639. 640.** Значеніе цѣли, какъ опредѣляющаго виновность начала. **634. 635. 646.**

Частное обвиненіе.—Отмѣна или измѣненіе приговора первой инстанціи по дѣламъ въ порядкѣ частнаго обвиненія—могутъ быть совершаемы исключительно въ предѣлахъ предъявленнаго этой инстанціи обвиненія. **565. 566.**

Частный обвинитель.—Роль его въ уголовномъ процессѣ. **744. 745.** Право имѣть представителя **745. 746.** Необязательность личной явки съ жалобою **747. 748.** Значеніе жалобы частнаго обвинителя. **588. 589.** Частный обвинитель не обязанъ указывать суду первой инстанціи наказаніе, слѣдующее обвиняемому и, въ особенности, мѣру этого наказанія. **565.** По дѣламъ объ *оскорбленіяхъ въ печати* частный обвинитель обязанъ квалифицировать дѣяніе своего обидчика. **587. 589.** Въ дѣлахъ объ оскорбленіяхъ въ печати, частный обвинитель не можетъ обращать къ *подсудимому* обвиненія, которое *не было* послѣднему предъявлено, какъ *обвиняемому.* **591. 592.**

Частное опредѣленіе. Частныя опредѣленія второй инстанціи. **742.** Характеръ частныхъ опредѣленій второй инстанціи, подлежащихъ разсмотрѣнію въ кассаціонномъ порядкѣ—**743;**—въ порядкѣ надзора. **744.**

Экспертиза.—Важность экспертизы по дѣламъ, гдѣ возникаютъ вопросы, требующіе спеціальнаго знанія **726.** Двоякое значеніе *эксперта*: по формѣ и обстановкѣ показанія — какъ *свидѣтеля*, по содержанію показанія—какъ *научнаго или техническаго судьи.* **619. 620.** Экспертиза *бухгалтерская.* Условія ея достовѣрности. **454. 496. 497.** Экспертиза *каллиграфическая* **214. 215. 479.** Экспертиза *психіатрическая.* **221.** Экспертиза *судебно-медицинская.* Обязанности судебнаго врача. **374. 375.** Отношеніе суда къ выводамъ и сомнѣніямъ судебнаго врача. **405.** Необходимость провѣрки этихъ выводовъ житейскою обстановкою и другими данными дѣла. **411.** Право эк-

сперта—судебнаго врача подвергать научной провѣркѣ объясненія участниковъ преступнаго событія о происхожденіи поврежденія, подлежащаго судебно-медицинскому изслѣдованію. **619.** *Психологическая діагностика* и ея значеніе **620—622.** Форма выводовъ эксперта. **621. 622.** Судебно-медицинскіе вопросы при обсужденіи дѣлъ о побояхъ и поврежденіяхъ, повлекшихъ за собою смерть. Скоротечная бугорчатка легкихъ, какъ результатъ малокровія, вызваннаго обильнымъ кровотеченіемъ или сильнаго душевнаго потрясенія—при тѣлесныхъ поврежденіяхъ и побояхъ. **388. 389.** Сотрясеніе мозга. **387.** Его признаки и отличіе отъ тифозныхъ явленій. **387. 388.** *Экспертиза по преступленіямъ противъ вѣры и церкви.* XXIV. XXVI. **815. 818.**

Экспериментальная психологія. *43. 44. 45.* Практическое затрудненіе опытовъ надъ памятью свидѣтелей *46*; ихъ неудовлетворительность въ правовомъ и процессуальномъ отношеніи *47—50.*

Этика судебная. Общія основы нравственныхъ требованій *18—20.* Нравственныя задачи судьи—*17—18.* Этическія требованія по отношенію:—къ допросу свидѣтелей—*21.* къ доказательствамъ *24—25.* Преподаваніе судебной этики—*35.*

ОПЕЧАТКА:

На страницѣ *76* вмѣсто *исперэстезіи* надлежитъ читать *гиперэстезіи* (17-я строка сверху).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стран.

Посвященіе VII
Вмѣсто предисловія XV

Введеніе:

Нравственныя начала въ уголовномъ процессѣ 3
Свидѣтели на судѣ 45

ОБВИНИТЕЛЬНЫЯ РѢЧИ.

I. По дѣлу объ утопленіи крестьянки Емельяновой ея мужемъ . . 3
II. По дѣлу о расхищеніи имущества умершаго Николая Солодовникова 19
III. По дѣлу о подлогѣ росписки въ 35,000 руб. сер. отъ имени княгини Щербатовой 36
IV. По дѣлу о лжеприсягѣ въ бракоразводномъ дѣлѣ супруговъ З—ныхъ 61
V. По дѣлу о Станиславѣ и Эмилѣ Янсенахъ, обвиняемыхъ во ввозѣ въ Россію фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, и о Германіи Акаръ, обвиняемой въ выпускѣ въ обращеніе такихъ билетовъ 77
VI. По дѣлу объ убійствѣ статскаго совѣтника Рыжова 106
VII. По дѣлу объ оскопленіи купеческаго сына Горшкова 129
VIII. По дѣлу объ убійствѣ Филиппа Штрамъ 150
IX. По дѣлу о подлогѣ завѣщанія отъ имени купца Козьмы Бѣляева . 167
X. По дѣлу объ акушерѣ Колосовѣ и дворянинѣ Ярошевичѣ, обвиняемыхъ въ участіи въ поддѣлкѣ акцій Табмовско-Козловской желѣзной дороги и въ приготовленіи къ отравленію 234

СТРАН.

XI. По дѣлу объ убійствѣ Іеромонаха Илларіона 281
XII. По дѣлу объ убійствѣ коллежскаго ассесора Чихачева 292
XIII. По дѣлу о подлогѣ завѣщанія гвардіи капитана Сѣдкова 331
XIV. По дѣлу о нанесеніи губернскимъ секретаремъ Дорошенко мѣщанину Северину побоевъ, вызвавшихъ смерть послѣдняго . . . 366
XV. По дѣлу объ убійствѣ отставного рядового Бѣлова 397
XVI. По дѣлу о коллежскомъ секретарѣ Андреевѣ, обзиняемомъ въ несоблюденіи правилъ осторожности, причинившемъ смерть крестьянину Липовому 420
XVII. По дѣлу объ игорномъ домѣ штабъ-ротмистра Колемина 434
XVIII. По дѣлу объ оскорбленіи въ печати помощника Семирѣченскаго военнаго губернатора Аристова (1893 г.) 445
XIX. По дѣлу о редакторѣ-издателѣ газеты «Гражданинъ», обвиняемомъ въ опозореніи въ печати военныхъ врачей (1893 г.) . . 664
XX. По дѣлу земскаго начальника Харьковскаго уѣзда, кандидата правъ Василія Протопопова, обвиняемаго въ преступленіяхъ по должности (1893 г.). 485

РУКОВОДЯЩІЯ НАПУТСТВІЯ ПРИСЯЖНЫМЪ.

I. По дѣлу коллежскаго совѣтника Константина Юханцева, обвиняемаго въ растратѣ суммъ Общества взаимнаго поземельнаго кредита 503
II. По дѣлу о французской подданной Маргаритѣ Жюжанъ, обвиняемой въ отравленіи 522
III. По дѣлу Гулакъ-Артемовской и Богданова, обвиняемыхъ въ подлогѣ векселей 541

КАССАЦІОННЫЯ ЗАКЛЮЧЕНІЯ.

I. По дѣлу объ отставномъ подполковникѣ Соболевскомъ, обвиняемомъ въ клеветѣ въ печати 559
II. По дѣлу о редакторѣ газеты «Новое Время», коллежскомъ ассесорѣ Федоровѣ, обвиняемомъ по 1535 ст. Улож. 572
III. По дѣлу Адольфа Лангауза, обвиняемаго въ клеветѣ 596
IV. По дѣлу бывшаго нотаріуса Назарова, обвиняемаго по 1525 ст. Улож. 608
V. По дѣлу о злоупотребленіяхъ въ Саратовско-Симбирскомъ земельномъ банкѣ 627

стран.

VI. По дѣлу Кетхудова, Махровскаго и Панова, обвиняемыхъ въ похищеніи пост-пакета на 120,000 р. 661
VII. По дѣлу Парфенова, обвиняемаго по 1554 ст. Улож. *(Раскольничій бракъ и многобрачіе)* 688
VIII. По дѣлу объ убійствѣ псаломщика Кедрова *(Нарушеніе тайны исповѣди)* 697
IX. По дѣлу Ольги Палемъ, обвиняемой въ убійствѣ студента Довнара. 711
X. По дѣлу доктора Іегера съ профессоромъ Манасеинымъ *(Опозореніе въ печати иностранца)* 740
XI. По дѣлу Дѣйств. Стат. Совѣтника Алабина, обвиняемаго въ бездѣйствіи власти по раздачѣ пособій голодающимъ 751
XII. По дѣлу отставного поручика Вельяшева, обвиняемаго въ укрывательствѣ подлога векселей 765
XIII. По дѣлу персидскаго принца Кейкубатъ-Мирзы 776
XIV. По дѣлу о Мултанскомъ жертвоприношеніи 781
XV. По вопросу объ отмѣнѣ *оправдательныхъ* приговоровъ присяжныхъ засѣдателей по 818 ст. устава уголовнаго судопроизводства 794

КАССАЦІОННЫЕ ДОКЛАДЫ.

I. По дѣлу Сорокина, обвиняемаго въ устройствѣ старообрядческой молельни 803
II. По дѣлу сектантовъ Шухова и Борцова 809
III. По дѣлу сектантовъ Шарипова, Вебера и др. 815
IV. По дѣлу Головко и Демченко, обвиняемыхъ въ принадлежности къ штундизму 820
V. По дѣлу Аникина, обвиняемаго по 211 ст. Улож. о нак. 824
VI. По дѣлу Осьминскаго, обвиняемаго по 210 ст. Улож. о нак. . . 827
VII. По дѣлу Пиперса и Вѣтвицкаго, обвиняемыхъ въ клеветѣ въ печати 830
VIII. По дѣлу присяжнаго повѣреннаго Казецкаго, обвиняемаго въ клеветѣ *(профессіональная тайна)* 834
IX. По дѣлу бывшаго купца Гликина, обвиняемаго въ злостномъ банкротствѣ *(закрытіе дверей засѣданія)* 839
X. По дѣлу фонъ-Бракеля, обвиняемаго по 29 ст. Устава о нак. . . 917
XI. По дѣлу Пихлау, обвиняемаго въ томъ же 920
XII. По дѣлу Кореневыхъ, обвиняемыхъ въ совращеніи въ расколъ . 922
XIII. По дѣлу Филиппова, обвиняемаго въ ложномъ доносѣ 924